ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. ЖУРАВЛЕВА,
Д. И. КОВАЛЬЧЕНКО,
Д. С. ЛИХАЧЕВА,
Ю. В. ПРОХОРОВА,
М. Н. ХИТРОВА,
С. О. ШМИДТА.

ДЕЯТЕЛИ СССР И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГРАНАТ

МОСКВА
·СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ·
1989

9 (092)
Д 39

РЕДАКЦИЯ ИСТОРИИ СССР И КПСС:

Старший научный редактор (ведущий редактор тома) Ю. Ю. ФИГАТНЕР, художественный редактор (подбор иллюстраций) О. М. МЕРЖАНОВА, младший редактор К. А. ЗАЛЕССКИЙ.

Литературно-контрольная редакция: Г. И. ЗАМАНИ, Е. Н. ЗИЗИКОВА.

Художник – Л. Ф. ШКАНОВ.

Редакция иллюстраций – А. В. АКИМОВ, З. А. СУХОВА.

Корректорская – Ж. А. ЕРМОЛАЕВА, И. Г. МАЛЫШЕВА, Л. А. СЕЛЕЗНЕВА.

Производственный отдел – Н. С. АРТЕМОВ, Л. М. КАЧАЛОВА, В. Н. МАРКИНА.

Операторы копировально-множительной лаборатории – В. И. КЛИМОВА, Л. И. МАЛЯРЧУК.

Техническая редакция – А. В. РАДИШЕВСКАЯ, Р. Т. НИКИШИНА.

В научно-вспомогательной работе по подготовке тома участвовали также: И. А. АЛУФ, С. В. БЕЛОВ, А. В. МАШТАФАРОВ, Н. А. ТРОИЦКИЙ, Э. Л. ПРИЗМЕНТ, Л. И. ФУРСЕНКО.

Д $\frac{0503020000 - 012}{007(01)-89}$ КБ-13-7-1989

ISBN 5-85270-028-2

© "Советская энциклопедия", 1989.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наше время переосмысления истории советского общества читатель с повышенным интересом относится к биографиям политических и общественных деятелей, в недавнем прошлом стоявших в авангарде исторического процесса. Идя навстречу этому интересу, историки стремятся раскрыть так называемые белые пятна, изучают недоступные ранее документы, книги, журналы. Овладение новым материалом побуждает отказываться от многих общепринятых вчера оценок, учитывать не только позитивный опыт исторических деятелей, но также их ошибки, просчеты. Вся эта работа пронизана стремлением предотвратить возможность повторения таких ошибок, прямых отступлений от ленинской концепции социализма, которые привели наше общество к серьезным деформациям. Однако процесс познания идет медленнее, чем хотелось бы. И так же медленно создаются научные, т. е. соответствующие реальным фактам, а не вымыслам, биографии политических деятелей: всестороннее изучение сохранившихся источников, документов еще впереди.

Факсимильное воспроизведение Приложений к 40-му и 41-му томам Энциклопедического словаря Гранат[1] призвано в какой-то степени ответить сегодняшней острой читательской потребности в биографических словарях и справочниках, посвященных советским политическим деятелям. В этой книге читатель найдет биографии 289 исторических лиц, связавших себя с революционным движением в нашей стране, с Великой Октябрьской социалистической революцией и строительством Советского государства[2]. Все статьи написаны в 1925–26 годах и опубликованы в Словаре Гранат, редакция которого накануне 10-й годовщины Октября проявила оправданный интерес к личностям тех, кто оставил заметный след в российском революционном движении. Подавляющее большинство статей составляют автобиографии и авторизованные биографии, что придает им ценность исторического документа. В Предисловии к Приложениям к 41-му тому говорится: ". . история деятелей облекает плотью и кровью выводы массовых наблюдений и отражает изгибы жизни, не поддающиеся статистическому учету. Но для этого такая история деятеля должна быть историей только субъективной, должна быть написана самим деятелем; лишь тогда она приобретает объективно высокую ценность, отражая жизнь слоев, которые питали революцию, и влияния, которые дали ей ее передовые ряды" (стр. 347)[3].

В этой книге представлены не традиционные для энциклопедий статьи-персоналии, написанные исследователями, а живые свидетельства живых участников событий "о времени и о себе". Эти ценные документы истории, конечно, отражают уровень представлений своего времени и требуют критического анализа. С позиций сегодняшнего дня, в них, конечно, можно было сместить отдельные акценты, уточнить некоторые положения, кое-что существенное добавить или изменить. При подготовке настоящего издания не ставилась задача фиксировать допущенные авторами неточности, ошибки памяти, "поправлять" свойственные им взгляды, а порой и предрассудки, заблуждения. Все это возможно лишь на основе специальных исследований. Готовившие данную книгу сочли, однако, возможным дать на полях факсимильного текста сведения о дальнейшей судьбе ее героев: статьи Словаря Гранат дополнены краткими биографическими справками, а также портретами, которые удалось разыскать.

Деятели революционного движения 70–80-х годов 19 столетия к 1927 году были людьми преклонного возраста и, как правило, уже отошли от активной работы. С ликвидацией в 1935 году Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое их объединяло, следы большинства теряются (пока не удалось установить даже год смерти некоторых из них). Деятели же СССР и Октябрьской революции были к тому времени почти все в самом творческом возрасте. Позднее многие из них подверглись необоснованным репрессиям. Сведения об их гибели скудны и, быть может, не всегда точны: полностью выверенные историками биографии – дело будущих энциклопедий.

Читатель должен иметь в виду, что в издании Словаря Гранат встречаются не только опечатки, но и затрудняющие чтение полиграфические огрехи: факсимильное воспроизведение, естественно, сохраняет изъяны оригинала.

---

[1] Подробнее см. статью "О братьях Гранат и их Энциклопедическом словаре", помещенную в конце этой книги.

[2] Для облегчения поиска нужной персоналии их список дается в едином алфавите с указанием страниц сплошной нумерации.

[3] Указываются страницы по сплошной чумерации.

Редакторы и составители этой книги приносят благодарность Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Историко-дипломатическому управлению МИД СССР, Центральному государственному архиву Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР, Центральному государственному архиву ВМФ СССР, Центральному музею Революции СССР, предоставившим из своих фондов иконографические материалы. Работавшие над книгой будут признательны всем, кто пришлет отсутствующие портреты, как и документально подтвержденные уточнения и дополнения.

* *
*

История и личность. В какой взаимосвязи они находятся между собой? На этот вопрос давался и еще дается разный ответ. Одни видят в истории лишь неотвратимое действие общественных закономерностей, а личности отводят пассивную роль щепки в бурном океане исторических событий. Другие, напротив, все сводят к действиям личности, которая, не считаясь ни с какими закономерностями, по своему усмотрению и произволу может изменять маршруты истории.

Творческий марксизм преодолевает эти крайности. Закономерный характер общественного развития, с которым нельзя не считаться, отнюдь не нивелирует роли личности. Человек не только объект, но и субъект общественных отношений, оказывающий на них обратное воздействие. Его воля, страсть, борьба вливаются в общий поток событий как могучая сила. Люди не марионетки, а творцы исторического процесса, преобразователи общественных отношений. Вне деятельности человечества, а тем более его выдающихся представителей, нет и истории. "*История*, – писали классики марксизма, – не делает *ничего*, . . . она "не сражается *ни в каких* битвах"! Не "история", а именно *человек*, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. "История" не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История – *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 102).

Среди участников этой деятельности особое место занимает революционер – борец против реакции, угнетения, эксплуатации, мракобесия во имя лучшего будущего человечества, во имя создания общества социальной справедливости.

Кто такой революционер? В. И. Ленин дал такой ответ на этот вопрос. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в бессловесности, это просто раб. Но "раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер" (ПСС, т. 16, с. 40). Именно революционер наиболее активная сила истории, тот социальный фермент, который ускоряет ее ход, реализацию ее прогрессивных тенденций. Революционер не мирится с отжившими порядками, с застоем и гниением общества, с угнетением народных масс, он будит эти массы, проясняет их сознание, организует и поднимает на борьбу. Именно о таких революционерах преимущественно и идет речь в данной книге.

Нет истории без людей. Между тем у нас долгое время история обезличивалась. Особенно негативную роль в утверждении мертвого схематизма сыграл вышедший в 1938 году "Краткий курс истории ВКП(б)", который стал своего рода директивным документом, обосновывающим культ личности И. В. Сталина. В угоду этому культу из исторической науки было изъято все, что шло вразрез со сталинскими догмами и соответствующими им стереотипами. Одни деятели были ошельмованы, втоптаны в грязь, другие преданы забвению, а имевшаяся литература о них заключена в спецхранилища. Была подведена и "теоретическая" база под такое насилие над историей. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года "О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП(б)" ", содержалось обвинение авторам существовавших учебников в том, что они в основу истории партии закладывали лишь деятельность исторических лиц, тогда как "Краткий курс. . ." ". . . излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма. . ." (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, 1953, ч. II, с. 860).

Но допустимо ли противопоставлять идеи политическим деятелям? Идеи не существуют сами по себе. Они возникают, развиваются, сталкиваются, побеждают в борении умов, характеров, поступков реальных участников исторического процесса. Идеи наиболее активных личностей, их идеалы проникают в народ и, если поняты им и приняты как свои, превращаются в энергию, двигающую массы на революционные свершения. Пример выдающихся личностей, их жизнь и борьба обладают огромной воспитательной силой. Отсутствие действующих лиц в изложении истории наносит непоправимый ущерб историческому сознанию народа.

В предлагаемой читателям книге представлены деятели двух различных этапов освободительного движения – революционные народники 70-х – начала 80-х годов 19 века и деятели пролетарского этапа, когда был совершен переход от народничества к марксизму и пролетариат стал гегемоном нараставшей революции. Но это не изолированные, а тесно связанные между собой звенья освободительной борьбы. В биографиях прослеживается не только историческая, но и идейная преемственность, которая выражалась прежде всего в защите " . . . демократии путем обращения к массам" (Ленин В. И., ПСС, т. 19, с. 172).

Желание слиться с народом и работать для народа, непримиримая вражда к крепостничеству, самодержавию определяют историческое место революционных народников. Они стремились выразить интересы и надежды крестьян. Но идеи революционных народников не были поняты и восприняты массами, не пробудили их к революционной деятельности.

Все, что делали народники — от хождения в народ до террористических актов против царя, сановников и полицейских чинов, — преследовало одну цель: посеять семена революции, поднять народные массы на уничтожение царского и помещичьего гнета и установление в стране демократических порядков. Это были люди героического подвига и высоких нравственных идеалов. Делу борьбы с самодержавием и полицейским режимом они отдавали все — жизнь, как С. Л. Перовская, состояние, как Д. А. Лизогуб, карьеру ученого, как Н. А. Морозов.

В книге содержится 44 автобиографии представителей этого поколения революционеров, которые, пройдя через тюрьмы, каторги и ссылки, дожили до советского времени. Бывший член Исполнительного комитета "Народной воли" В. Н. Фигнер подробно рассказывает о деятельности этой организации, ставившей ". . . своей первой неотложной задачей свержение самодержавия, и жестокую борьбу с правительством. . ." (стр. 248). За революционную деятельность она была на 20 лет заточена в Шлиссельбургскую крепость. "Изоляция была полная не только от всего живого и всех живущих, но и друг от друга. Сумасшествие и самоубийство стояли перед каждым. 13 лет мы не имели переписки с родными, и во все, более чем 20-летнее, пребывание в крепости ни один из нас не имел свиданья" (стр. 251). В. Н. Фигнер все выдержала. Сознание высокой нравственности цели, которой она служила, укрепляло ее силы. Свой рассказ она завершает словами: "И разве Шлиссельбург, несмотря на все испытания, был слишком дорогой ценой за участие в такой организации, какой был "Исполнительный Комитет", и в такой борьбе, какую, при тогдашних условиях, вела против самовластия "Народная воля"?!" (стр. 255).

С этим гордым признанием перекликается рассказ и другого шлиссельбуржца, просидевшего в крепости 25 лет, — Н. А. Морозова. Когда он познакомился с участниками революционного кружка "чайковцев", его покорили их моральные устои, готовность жертвовать личным благополучием и интересами во имя освобождения народа от оков самодержавия. "Во мне началась страшная борьба между стремлением продолжать свою подготовку к будущей научной деятельности и стремлением идти с ними на жизнь и смерть и разделить их участь, которая представлялась мне трагической, так как я не верил в их победу. После недели мучительных колебаний я почувствовал, наконец, что потеряю к себе всякое уважение и не буду достоин служить науке, если оставлю их погибать, и решил присоединиться к ним" (стр. 168). Н. А. Морозов до конца выполнил свой долг революционера.

Огромные жертвы принесли народники на алтарь революционной борьбы, и эти жертвы не были напрасны. ". . . Они способствовали — прямо или косвенно, — писал В. И. Ленин, — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть" (ПСС, т. 30, с. 315). Произошло это главным образом потому, что в стране еще не сложился тот класс, на который можно было прочно опереться в революционной борьбе.

Положение круто изменилось с середины 90-х годов, когда наступил пролетарский этап освободительного движения, когда на политическую арену выступил и возглавил движение народных масс рабочий класс. В его лице российская революция обрела прочную базу, опираясь на которую она смела самодержавный режим, а затем и господство буржуазии, открыв путь к народовластию, к социализму. Важнейшим фактором становления российского пролетариата как гегемона революционного движения явилось формирование большевизма — пролетарской партии нового типа во главе с В. И. Лениным.

В книге имеется одна из ранних биографий Владимира Ильича. Написанная его сестрой, статья содержит ценные сведения о становлении В. И. Ленина как марксиста и революционера. А. И. Ульянова-Елизарова пишет: ". . . семейные условия воспитания были очень благоприятны для Владимира Ильича. Он рос в дружной, идейной семье, в трудовой обстановке. Кроме влияния отца и матери, большое — и очень благотворное — влияние имел на него его старший брат, Александр Ильич", который "привозил с собой книги по экономике, истории и социологии, — между прочим "Капитал" Карла Маркса" (стр. 499). В биографии прослеживаются основные этапы жизни и деятельности Владимира Ильича. По мнению биографа, к зиме 1888 года "относится начало его выработки социал-демократических убеждений. Он начал изучать "Капитал" Карла Маркса, которым очень увлекался" (стр. 501). В следующем году Ленин из Казани переезжает в Самару. "Этот самарский период его жизни продолжался четыре с лишним года. Он был посвящен изучению марксизма, — Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре" (там же).

Далее в биографии выделяются такие рубежи, как осень 1893 года, когда В. И. Ленин приезжает в Петербург и возглавляет процесс собирания, сплочения на базе революционного марксизма сил столичных социал-демократов, и 1900—03 годы, период ленинской "Искры", которая сыграла решающую роль в подготовке большевизма, в разработке ею идейных, политических и организационных принципов. Эта работа "Искры" была успешно завершена на 2-м съезде РСДРП, положившем начало существованию большевизма как политического течения и политической партии. После победы Октябрьской революции В. И. Ленин возглавил Советское правительство в качестве председателя Совета Народных Комиссаров (СНК). Это "возложило громадную работу и ответственность на Владимира Ильича. . . Ему пришлось самому направлять работу во всех отраслях, — начиная с военной и кончая продовольческой и просвещенской" (стр. 508). Биограф отмечает, что В. И. Ленин отличался "нелюбовью ко всяким фразам, к ликованию и к овациям", ему были

присущи такие черты характера, как "ежеминутная забота о том, как все обстоит в государстве. . .", твердая вера в массы, в их способность управлять государством. В. И. Ленин учил скромности, честному служению народу. Некоторые другие статьи в книге также содержат ценные сведения о чертах характера В. И. Ленина и стиле его работы.

В борьбе за создание большевистской партии в годы подполья, в ходе трех российских революций, в огне Гражданской войны и на различных участках социалистического созидания сложилась героическая ленинская гвардия – ближайшие соратники В. И. Ленина. В этой книге читатель найдет автобиографии и биографии многих из них. Все они росли под идейным воздействием Ильича, в тесном общении с революционным пролетариатом. Эти материалы – история в лицах, таких разных по национальности, социальному происхождению, образованию, воспитанию, характерам и таких сходных по нравственным качествам и целям.

Вот группа, которая вместе с В. И. Лениным закладывала фундамент нашей партии: Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, М. М. Литвинов, М. Н. Лядов, И. А. Саммер, Е. Д. Стасова и др.

Г. М. Кржижановский рассказывает, например, что решающую роль в его становлении как революционера имела поездка в Питер, поступление в Петербургский технологический институт, знакомство с работами К. Маркса, встречи с В. И. Лениным и с питерскими рабочими. "В революцию, – пишет он, – вошел в 1893 г., ведя сначала пропагандистскую работу в соц. демократических рабочих кружках, а затем организуя вместе с Ильичем "Союз борьбы за освобождение рабочего класса"„ (стр. 464). После 2-го съезда РСДРП Г. М. Кржижановский – в составе ЦК партии.

Вместе с Г. М. Кржижановским деятельное участие в петербургском "Союзе борьбы за освобождение рабочего класса" принимал и другой представитель ленинской гвардии Ф. В. Ленгник. За участие в "Союзе" просидел около двух лет в тюрьме, а затем на 3 года был сослан в Восточную Сибирь. Вернувшись из ссылки, вновь окунулся в революционную работу. Был членом русской организации "Искры" и Организационного комитета по созыву 2-го съезда РСДРП. На съезде примкнул к большевикам, был избран в состав ЦК и направлен в Женеву в качестве его заграничного представителя. "В 1904 г., по возвращении в Россию, – говорится в его авторизованной биографии, – после общей амнистии 1905 года, жил в разных городах России – Ревеле, Екатеринославе, Александровске, Новочеркасске, Москве, Ленинграде под настоящей своей фамилией, преследуемый царской жандармерией и будучи вынужден переезжать из города в город, переходить от одного занятия к другому, чтобы избавляться этим путем от внимания жандармов, контролировавших каждый шаг, каждое движение" (стр. 498).

М. М. Литвинов, агент ленинской "Искры", уходя от преследований царских ищеек, колесил по всей стране, был представителем уполномоченного ЦК по Северо-Западному краю. Входил в Бюро комитетов большинства – организационного центра большевизма, подготовившего 3-й съезд РСДРП, в котором он принимал участие.

М. Н. Лядов еще в 1895 году организовал празднование 1 Мая под Москвой, в Вишняках. За это был арестован, просидел в тюрьме до 1897 г. и был выслан в Якутскую область на пять лет. "В Женеве сблизился с Владимиром Ильичем, сразу встав на его сторону в спорах с остальными членами редакции "Искры". При расколе на 2-м съезде без колебаний стал на сторону большевиков" (стр. 520).

Л. Б. Красин, находясь в Таганской тюрьме, ". . . изучил немецкий язык и прочел в оригинале почти все сочинения Шиллера и Гете, познакомился с Шопенгауером и Кантом, проштудировал логику Милля, психологию Вундта, одолел значительное число томов исторических книг Соловьева и Чернышевского и вообще сильно пополнил довольно тощий теоретический багаж гонимого судьбой из города в город российского студента" (стр. 460).

Аресты, тюрьмы, ссылки следовали по пятам каждого профессионального революционера. Они мужественно выносили невзгоды своей революционной судьбы. На воле – борьба, в тюрьме – самообразование, пополнение знаний во имя той же борьбы. "Нас недаром прозвали твердокаменными", – с гордостью писал В. И. Ленин (ПСС, т. 16, с. 420). Преследования не могли сломить волю большевиков, подорвать их революционную энергию, веру в конечную победу. Неустанно работая в массах, они готовили их к революции. И 9 января 1905 года она разразилась. Первая российская революция стала первым серьезным испытанием большевистской партии, боевой проверкой ее организационной крепости и политической мудрости, мужества и стойкости ее кадров. И они доблестно выдержали это испытание. Лозунги партии, выработанные на 3-м съезде РСДРП и нацеленные на подготовку вооруженного восстания, стали лозунгами масс. В огне революции партия большевиков из союза подпольных кружков стала партией миллионов пролетариев, партией, способной, говоря словами В. И. Ленина, "руководить *классами*" (ПСС, т. 17, с. 145).

Книга знакомит с портретами многих активных участников Революции 1905–07 годов. Настойчиво и последовательно действовали большевики, ведя пролетариат через массовые политические стачки и демонстрации к вооруженному восстанию, мужественно сражались на баррикадах, вносили сознательность и организованность в революционную стихию.

В биографиях М. М. Литвинова и Камо (С. А. Тер-Петросяна) рассказывается, как они заготавливали по поручению партии оружие для боевых дружин, а З. Я. Седой (Литвин) вспоминает о героических днях Пресни, главном очаге Московского вооруженного восстания. "Я выступаю, – говорится в его автобиографии, – как агитатор на митингах, рефератах, всюду провожу призыв к оружию и лозунг "крепите союз с моряками и солдатами". . . По формальному постановлению

МК я отправился на Пресню, на Трехгорку. . . взял функцию нач. штаба пресненск. боевых дружин, что и выполнял при помощи рабочих и кой-кого из товарищей по организации. Но на Пресне пришлось все делать: и устанавливать связи, и собирать оружие, и обыскивать, и помогать судить и т. д., и т. п., все как должно быть в осажденной и все более замыкаемой кольцом крепости. . . Товарищи говорят, что моя голова оценена "в 3000 рублей", а Медведя, моего помощника, "в 1000 руб.". Мы спрашивали, "А сколько за наши фугасы Дубасов дает?" (стр. 659). Слова, лишенные какой-либо напыщенности, а за ними — девять дней упорных боев плохо вооруженных дружинников с царскими войсками.

Первая российская революция окончилась поражением. Но она потрясла вековые устои самодержавия, пробудила к политической жизни, к историческому творчеству народные массы, вооружила их опытом революционной борьбы и заложила прочный фундамент будущей победы. Пролетариат, писал В. И. Ленин, ". . . потерпел поражение. . . , но не был разбит. Его восстание подавили, но он достиг того, что сплотил в бою все революционные силы народа, не дал деморализовать себя отступлением, показал массам, — впервые в новейшей истории России показал массам, — возможность и необходимость борьбы до конца" (ПСС, т. 19, с. 214).

Революция 1905—07 годов стала генеральной репетицией Великого Октября. Октябрь 1917 года — "звездный час" народной революции, когда российскому пролетариату удалось прорвать цепь империализма, изменить течение мировой истории.

Биографии деятелей Октябрьской революции представляют особый интерес. Это документы большой эмоциональной силы и познавательного значения. Они сообщают много деталей, которые позволяют глубже и предметнее постичь драматизм тех дней, сложное переплетение противоборствовавших сил, полнее представить ленинскую прозорливость и тактическое искусство, с помощью которого партия смогла на крутом повороте истории выработать правильную политическую линию, завоевать массы и повести их на "последний и решительный бой".

Прелюдией Великого Октября была Февральская революция 1917 года, завершившаяся свержением самодержавия. Одним из тех, кто направлял борьбу масс в февральские дни, был А. Г. Шляпников, возглавлявший тогда Русское бюро ЦК РСДРП. "Работа наших партийных организаций зимой 1916/17 гг., — вспоминает он, — приближала массы к революционной развязке в борьбе с царизмом. В период перед Февральской революцией наша Российская социал-демократическая рабочая партия была единственной революционной партией, призывавшей рабочие массы к вооруженному восстанию, к вооруженной борьбе против царизма и против войны. В революционных событиях конца февраля — начала марта принимал активное участие. Был членом инициативной группы по созданию Петрогр. совета рабочих депутатов и выбран 27 февраля в Исполнит. комитет Совета рабоч. депутатов.

Исполнит. комитет возложил на меня заботу по вооружению рабочих, и первые кадры рабочих-красногвардейцев были мною снабжены оружием. . . , выработал устав Красной Гвардии, план ее организации и порядок снабжения вооружением. Принимал участие в организации. . . встречи Ленина и других 3 апреля 1917 г." (стр. 769).

После возвращения В. И. Ленина в Петроград и одобрения его Апрельских тезисов партия взяла курс на переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Этот переход потребовал от большевиков настойчивой работы в массах: надо было преодолеть влияние меньшевиков и эсеров на рабочих и солдат, помочь им изжить мелкобуржуазные иллюзии, сплотить на борьбу с буржуазным Временным правительством, а затем, после июльских дней, на подготовку вооруженного восстания с целью перехода всей власти к Советам.

Биографический материал книги раскрывает широчайшую панораму деятельности партии в эти исторические дни. Завоевав Петроградский совет, большевики создали при нем Военно-революционный комитет, ставший практическим центром организации восстания. Один из его членов, В. А. Антонов-Овсеенко, окончил юнкерское училище и, будучи офицером, вел революционную работу среди солдат. Его военные знания были использованы партией, когда началась вооруженная борьба против Временного правительства. 25 октября он руководил штурмом Зимнего дворца и арестом Временного правительства. А затем был назначен главнокомандующим Петроградским военным округом и "6 декабря отбыл на Украину главкомом по борьбе с Калединым и "его пособниками",, (стр. 351).

Первая мировая война 1914—18 годов превратила Ф. Ф. Раскольникова, по его словам, в "военного человека". Во время Октябрьской революции, рассказывает он, ". . . принимал непосредственное участие в боях под Пулковом. После разгрома банд Керенского и Краснова был отправлен во главе отряда моряков на помощь красной Москве. Вскоре был вызван из Москвы и назначен комиссаром Морского генер. штаба, затем членом морского комиссариата и в 1918 г. заместит. наркома по морским делам. В июне 1918 г. ездил с секретным поручением Совнаркома в Новороссийск для потопления Черноморского флота, чтобы не допустить его стать добычей империалистич. держав" (стр. 619—620).

Партия большевиков стала воюющей партией, и ее сыны мужественно сражались на всех фронтах Гражданской войны и как рядовые бойцы, и как командиры крупных соединений. В ее рядах в огне войны выросли такие талантливые полководцы, как старый большевик М. В. Фрунзе и вступивший в партию в апреле 1918 года М. Н. Тухачевский. "Его работа по строительству Рабоче-Крестьянской Красной Армии, — говорится в биографии последнего, — начинается с первых дней ее формирования. Вместе с работой по созданию вооруженной силы Т. выступает и как стратег. Его оперативному руководству принадлежат крупные операции Красной Армии и его революционная

биография самым тесным образом слита с героической борьбой на красных фронтах" (стр. 725).

Собственных военных кадров революции не хватало. Война остро поставила вопрос о военных специалистах, и партия смело пошла на привлечение в Красную Армию тех из них, кто понял историческое значение Октябрьской революции и готов был честно сотрудничать с Советской властью. Таким был С. С. Каменев, выходец из военной семьи и сам профессиональный военный. Еще в годы первой мировой войны он знакомится с большевистской литературой, которая, как сказано в его авторизованной биографии, произвела на него "ошеломляющее впечатление" и открыла перед ним "совершенно новые горизонты". Будучи начальником штаба 3-й армии, он сразу же отозвался на призыв Советской власти ". . . отдать себя, свои знания и свои силы целиком и полностью на строительство новой армии, на создание вооруженных сил революции в самой начальной, в самой тяжелой стадии этого создания" (стр. 432). Он завоевывает полное доверие к себе: становится командующим Восточным фронтом, а затем назначается главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики. После окончания Гражданской войны С. С. Каменев – начальник штаба РККА и главный инспектор Красной Армии.

Примерно такой же путь прошел и И. И. Вацетис, представитель славной когорты латышских стрелков. Выходец из батрацкой семьи, он успешно закончил военное училище, а затем и академию Генерального штаба. И. И. Вацетис сразу же принял Советскую власть и стал первым главнокомандующим Вооруженными Силами РСФСР и одновременно командующим армией Латвии. Латышские стрелки, замечает И. И. Вацетис, сыграли огромную роль в защите Советской власти, "они боролись и умирали за правое дело бедняка против исторического засилья капиталистов и помещиков" (стр. 382).

В историю Октябрьской революции и Красной Армии вошло имя Л. Д. Троцкого. В известном "Письме к съезду" В. И. Ленин указывал: ". . . он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела" (ПСС, т. 45, ст. 345). Отсюда – его серьезные срывы, ошибки. Это факт. Но долгие годы, под воздействием стереотипов времен культа личности И. В. Сталина, деятельность Л. Д. Троцкого изображалась с принявшей карикатурные формы предвзятостью. Биография Л. Д. Троцкого для Энциклопедического словаря Гранат была написана уже после его исключения из партии, что, конечно, отразилось на ее содержании. Тем не менее, отмечая и ошибки Л. Д. Троцкого, и его "небольшевизм", автор биографии считает необходимым указать, что Л. Д. Троцкий принимал ". . . деятельное участие в подготовке Октябрьского переворота. . . 23 сентября 1917 г. он избирается председателем Петроградского совета, а в октябре играет руководящую роль в Петроградском революционном комитете, организующем вооруженное восстание. . . В дальнейшем занимает посты наркома путей сообщения, наркома по военным и морским делам, и наконец, назначается председателем Революционного Военного Совета" (стр. 724), который он возглавлял с сентября 1918 года по январь 1925 года. Скрупулезное следование принципам историзма и объективности в оценке таких сложных, неоднозначных фигур, как Л. Д. Троцкий, необходимое условие правдивого освещения нашей истории.

После окончания Гражданской войны партия получила возможность приступить к мирному созиданию, к осуществлению ленинского плана социалистического строительства. Книга дает портреты тех деятелей, которые были рядом с В. И. Лениным на неизведанном пути: Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова, Я. Н. Рудзутака, А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольникова и других. Это портреты без фальшивой позолоты, но и без распространившихся позже грубых искажений, наветов и фальсификаций.

Г. Е. Зиновьев характеризуется в статье как "один из ближайших сотрудников Ленина". После 2-го съезда РСДРП примкнул к большевикам и вел большую работу в Петербургском комитете партии. Когда победила Октябрьская революция, ". . . Зиновьев под руководством Ленина собирает остатки левой Циммервальда по всей Европе. И когда в 1919 г. удается созвать 1-й Конгресс Коммунистического Интернационала, избирается председателем Исполнительного комитета Коминтерна" (стр. 421). На 12-м и 13-м съездах партии Г. Е. Зиновьев выступал с Политическими отчетами ЦК.

Г. Л. Пятаков был в дни Октябрьской революции председателем Киевского ревкома. "Затем, – сказано в его автобиографии, – вызван Лениным в Питер для овладения Госуд. банком, что и сделал вместе с Осинским. До Бреста был сначала помощником гл. комиссара Госуд. банка, а затем гл. комиссаром" (стр. 592).

Огромную работу по налаживанию советских финансов провел Г. Я. Сокольников. Еще в 1918 году он разработал проект декрета о национализации частных банков и руководил революционной реорганизацией как частных, так и Государственного банка. После возвращения с фронтов Гражданской войны вновь на финансовой работе, осенью 1922 года – нарком финансов, был одним из творцов валютной реформы. "Главными задачами этого периода финансовой деятельности, – рассказывает он в автобиографии, – были: организация комиссариата финансов, учреждения которого подверглись почти полной ликвидации в эпоху военного коммунизма, создание твердого бездефицитного бюджета и выработка норм советского бюджетного права, ликвидация натурального обложения и организация системы денежных налогов и доходов. . . прекращение бумажно-денежной эмиссии на бюджетные надобности, борьба против нереальных хозяйственных планов, угрожавших новой инфляцией" (стр. 687 – 688). Г. Я. Сокольникову под руководством В. И. Ленина удалось успешно справиться с этими сложными задачами: советские финансы, преодолев инфляцию,

обрели реальную силу и прочное здоровье, обесценившиеся бумажные деньги были заменены полноценным советским червонцем, что имело огромное значение для успешного восстановления народного хозяйства.

Заметный след в развитии советской экономики оставил А. И. Рыков, с юношеских лет включившийся в революционную деятельность. 19-летним студентом Казанского университета он входил в состав местного социал-демократического комитета, руководил рабочими кружками. В 1901 году последовал арест и высылка на родину, в Саратов, под гласный надзор полиции и переход на нелегальное положение, в котором он находился до 1917 года. Сам он позднее так описывал этот период своей жизни: "Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, но из них я около 5 $^{1}/_{2}$ лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни. В краткие просветы своей "свободы" передо мной, как в кинематографе, мелькали села, города, люди и события, и я все время куда-то устремляюсь на извозчиках, лошадях, пароходах. Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев" (стр. 636 – 637). А. И. Рыков стал выдающимся партийным организатором и после 3-го съезда РСДРП входил, с небольшими перерывами, в состав ЦК партии большевиков. В Октябрьские дни А. И. Рыков был одним из организаторов и руководителей вооруженного восстания, а затем партия направляет его на хозяйственный фронт. Еще в 1918 году ему поручается руководство Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), вместе с тем он является Чрезвычайным уполномоченным Совета Труда и Обороны (СТО) по снабжению Красной Армии и Флота. Под его руководством вновь заработали заводы военной промышленности, а затем началось восстановление мирного производства. В 1921 году А. И. Рыков был назначен заместителем председателя Совнаркома, а в феврале 1924 года, после смерти В. И. Ленина, председателем Совнаркомов СССР и РСФСР.

Книга содержит и биографию И. В. Сталина, написанную его помощником И. П. Товстухой. Культ личности был еще впереди, и здесь пока нет, ставших вскоре обязательными, пышных эпитетов о мудрости и величии "вождя народов". Но элементы культа уже начали складываться и они отчетливо отразились в биографии И. В. Сталина. Биограф преувеличивает его роль как якобы главы закавказских большевиков. В свете тех фактов, которые известны теперь, трудно согласиться и с утверждением биографа, будто И. В. Сталин ". . . неизменно оставался ближайшим помощником и единомышленником Ленина" (стр. 700). И. П. Товстуха утверждает, что после 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) И. В. Сталин с мая 1917 года стал членом Политбюро ЦК партии, но Политбюро было впервые образовано на время проведения вооруженного восстания в октябре 1917 года, а как постоянно действующий орган существует с марта 1919 года. В словаре даны и биографии таких деятелей из ближайшего окружения И. В. Сталина, как В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и ряд др., которые позже будут активно способствовать утверждению сталинской командно-административной системы и разделяют с ним ответственность за массовые репрессии 30-х – 40-х и начала 50-х годов.

Однако большинство статей книги представляет сегодняшнему читателю подлинное богатство и разносторонность талантов, заботливо выпестованных В. И. Лениным, который умел убедить, вдохновить и сплотить людей, определить участок работы, оптимально соответствующий их способностям. Эти качества В. И. Ленина вызывали даже у оппонентов искреннее уважение к нему. В автобиографии Н. И. Бухарина есть такие строки: "Из важнейших этапов моей политической жизни считаю необходимым указать на брестский период, когда я, будучи во главе "левых коммунистов", сделал крупнейшую политическую ошибку. Весь последующий период есть период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан, как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания и с которым я имел счастье не только быть в тех же рядах, но и стоять близко к нему вообще, как товарищу и человеку" (стр. 374).

С этим признанием перекликается и авторизованная биография Л. Б. Каменева. Еще в 1920 году Л. Б. Каменев приступил к изданию 1-го Собрания сочинений В. И. Ленина. Во время болезни Владимир Ильич передал ему свой личный архив, ставший впоследствии исходной источниковой базой Института В. И. Ленина, первым директором которого был Л. Б. Каменев.

Во многих биографиях отражается атмосфера творческих поисков и споров, которая существовала при В. И. Ленине. Характерно в этом отношении признание И. А. Теодоровича: "За почти 30-летнюю совместную работу с Лениным, – пишет он, – я помню только три случая, когда я не соглашался с ним. Разумеется, я упоминаю об этом не в целях своей личной характеристики, а исключительно для того, чтобы напомнить, как, преодолевая возникавшие разногласия, Ленин вел нашу партию к ее всем известной монолитности" (стр. 717). В. И. Ленин всегда учитывал весь спектр мнений и разномыслий по любому вопросу, собственную точку зрения он утверждал не авторитетом своего положения, а силой убеждения и аргументов. И когда, например, И. А. Теодорович выступил против политики "военного коммунизма", то ". . . очень скоро убедился в том, что прав был Ленин, который, отнюдь не идеализируя методов военного коммунизма, ясно видел его неизбежность в условиях ужасающей разрухи, вызванной империалистич. войной, в условиях отчаянного сопротивления эксплуататорских классов" (там же).

Откровенно пишет о своих разногласиях с главой Советского правительства по некоторым вопросам новой экономической политики Ю. Ларин. Он свободно излагал их в ряде статей, докладов, исследовательских работ. Постепенно под влиянием

фактов самой жизни разногласия изживались и Ю. Ларин принимал активное участие в разработке практических вопросов экономической политики партии. В. И. Ленин умел привлекать и использовать в интересах дела и тех людей, которые в чем-то расходились с ним. Он ценил самостоятельность суждений и никого не преследовал за инакомыслие.

Вместе с Ю. Лариным в книге представлена группа бывших меньшевиков (В. Володарский, М. И. Скобелев, М. С. Урицкий, Л. М. Хинчук и др.), порвавших с меньшевизмом и ставших на позиции большевизма. Как правило, это бывшие меньшевики-интернационалисты. Первая мировая война, когда меньшевизм перерос в социал-шовинизм, стала переломным рубежом в их биографиях. Оборончество и, как результат, откровенный союз меньшевистской партии с буржуазией открыли им глаза на оппортунистическую сущность меньшевизма, и они связали свою дальнейшую судьбу с партией большевиков, с ее политикой последовательного интернационализма и социалистического переустройства страны. Ю. Ларин пишет, что с началом мировой войны он – интернационалист и для него ясна стала необходимость социалистической революции как неизбежного выхода из создавшегося положения.

Процесс переоценки ценностей хорошо показан и в биографии Г. В. Чичерина. Война вызвала у него острый духовный кризис. Он вскоре понял недопустимость оборончества в империалистической войне. Ответы на возникшие у него вопросы Г. В. Чичерин нашел в большевистской литературе. "Ему стала окончательно ясной и несомненной необходимость беспощаднейшей борьбы против всякого буржуазного правительства, участвующего в ведении войны" (стр.758). И он сделал вывод, что "оборончество для данного времени – главный враг" (там же). Особенно Г. В. Чичерин возмутился, когда по инициативе меньшевиков в Центральном военно-промышленном комитете возникла во главе с К. А. Гвоздевым "рабочая группа", призванная помогать царскому правительству продолжать войну. "Гвоздевскую эпопею он считал чудовищной и поведение меньшевиков в этом деле позорным. Его с ними ничего больше не связывало" (стр. 758). За свою антивоенную деятельность в Лондоне Г. В. Чичерин был арестован и содержался в тюрьме, пока Советское правительство не обменяло его на английского посла Д. Ч. Бьюкенена. В марте 1918 года Г. В. Чичерин декретом Совнаркома, подписанным В. И. Лениным, был поставлен во главе Наркомата иностранных дел и с большим умением руководил дипломатической службой Советского государства.

Интернационалистом был и левый эсер П. П. Прошьян. Биография П. П. Прошьяна напоминает о том времени, когда партия большевиков, став правительственной, заключила союз с левыми эсерами. П. П. Прошьян, как член ЦК левых эсеров, вошел в состав Советского правительства в качестве наркома почт и телеграфа. Этот союз был разорван левыми эсерами, которые в ответ на заключение Брестского мира организовали в июле 1918 года мятеж против Советской власти и провокационное убийство немецкого посла В. Мирбаха. "А все же таки, – писал В. И. Ленин, – Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва. И в международной обстановке, создавшейся после немецкой революции, новое – более прочное, чем прежде – сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть" (ПСС, т. 37, с. 385).

Биографии, опубликованные в Энциклопедическом словаре Гранат, наглядно свидетельствуют о замечательной российской революционной традиции, берущей свое начало от А. Н. Радищева, П. И. Пестеля, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и их последователей, развитой и обогащенной В. И. Лениным и его единомышленниками на новом витке истории. Воспроизведение этих биографий снимает часть искажений, которым подверглась история в сталинские времена и которые сохранялись в годы застоя.

В Словаре много имен тех, кто попал под страшный каток сталинских репрессий и был надолго вычеркнут из истории нашей революции и Советского государства. Перестройка и гласность вновь возвращают эти имена истории. И поэтому она станет полнее, богаче, правдивее и, следовательно, поучительнее.

АВТОБИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 70–80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

АВТОБИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 70-х И ПЕРВ. ПОЛОВ. 80-х гг.

С примечаниями В. Н. Ф и г н е р.

О. В. Аптекман 1
М. Ю. Ашенбреннер 12
А. Н. Бах 19
С. П. Богданов 25
О. К. Буланова-Трубникова 28
Н. К. Бух 42
А. В. Гедеоновский 58
Н. А. Головина 71
В. К. Дебогорий-Мокриевич 86
Л. Г. Дейч 105
Г. Н. Добрускина 119
М. И. Дрей 126
С. И. Иванова-Борейшо 142
П. С. Ивановская 151
С. Ф. Ковалик 163
Е. Н. Ковальская 189
А. И. Корнилова-Мороз 199
А. К. Кузнецов 223
И. И. Майнов 238
А. Ф. Михайлов 251
М. А. Морейнис 279
Ф. А. Морейнис-Муратова 290
Н. А. Морозов 305
Е. Н. Оловенникова 317
И. И. Попов 335
А. В. Прибылев 343
А. П. Прибылева-Корба 362
М. П. Сажин 387
Н. М. Салова 393
Е. М. Сидоренко 414
В. И. Сухомлин 422
В. Г. Тан-Богораз 436
С. И. Феохари 449
В. Н. Фигнер 458
А. А. Филиппов 481
М. Ф. Фроленко 498
Н. Ф. Цвиленев 514
Н. А. Чарушин 540
М. М. Чернавский 563
Г. Ф. Чернявская-Бохановская . . 577
В. И. Чуйко 603
М. П. Шебалин 613
А. В. Якимова 620
С. В. Ястремский 644

Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов.

С примечаниями В. Н. Фигнер.

Аптекман О. В. (1849–1926).

Аптекман, Осип Васильевич *).

Родился я 18 марта 1849 г. в зажиточной еврейской семье, в затерянном среди необозримых степей захолустном городке Павлограде (Екатериносл. губ.). Отец пользовался уважением как среди своих единоверцев, так и широких кругов православного общества. Первые чтили его за его глубокие знания еврейского закона. Вторые—за решительную отрешенность его от еврейской исключительности и нетерпимости, за горячую приверженность его к русскому просвещению. Отец мой был в нашем городе одним из первых пионеров русского просвещения среди евреев, он первый внес русскую речь в нашу семью, он принес с собою русскую книжку. Когда мне минуло 6 лет, меня—помню хорошо — отнес на руках наш кучер Осип в хедер—первоначальную еврейскую школу. Учитель мой оказался простым, сердечным человеком и принял меня ласково. Помню хорошо эту большую, уставленную столами и скамейками комнату; помню шум, поднявшийся на столах, где отдельно разместились девочки и мальчики. Окинув быстрым взглядом классную, учитель поместил меня за столом девочек. Какое ликование! Десяток маленьких ручек протянулся ко мне, черные, голубые, серые глазенки впились в меня, поднялось подлинное птичье щебетанье.

Смутно помню, как прошли первые две-три недели. Помню только, что они очень быстро протекли, что я скоро научился читать по древне-еврейски, и что учитель счел нужным перевести меня к мальчикам. Девочки чуть не принялись реветь. Учение началось с библии (Пятикнижия). Курс первоначального учения занял около 4 лет. Учитель, хотя и считался среди евреев неученым, не талмудистом, но, как педагог, был несомненно на своем месте. Он любил своих воспитанников, а это самое главное. То немногое, что он знал, он умело и с любовью передавал своим питомцам. В третий год учения я уж не просто механически читал библию—главный предмет первоначального курса,—но и понимал ее,—конечно, по-детски,полюбил ее от всего сердца. Сказание о Иосифе Прекрасном произвело на меня сильное впечатление. Впервые я стал мечтать: буду таким же милосердным и добрым, как Иосиф. Я Иосифа всем детским сердцем своим полюбил, но мало по малу, по мере того, как продвигалось вперед изучение библии, иной образ, колоссальный, очаровавший и покоривший меня, вытеснил образ Иосифа. То был Моисей, воин, законодатель. В детском моем воображении он рисовался большим, чуть ли не до самого неба, всемогущим, страшным. Я боялся его и преклонялся перед ним.

Мой первоначальный курс ученья пришел к концу. Предстоял более тяжелый курс — талмудический. И тут-то начались мои испытания. Это самые неприятные мои воспоминания раннего моего детства. Мальчику с живым воображением, впечатлительному и любознательному преподносят самую тяжеловесную и скучную схоластику. Глубокими чертами врезался в моей памяти первый урок. Большая школьная комната. Учитель-талмудист, буквально высохшая мумия, верзила с глубоко запавшими лихорадочными глазами, скрипучий желтый голос, пахнет от него нюхательным табаком, сидит за столом, перед ним большой талмудический фолиант, такой же фолиант передо мной. „Читай!"— приказал учитель. Я четко прочел: „Яйцо, которое родилось в субботу — можно ли его есть или нет?" Я запнулся, язык прилип к небу—ничего не понял. Я ушел с урока совершенно обалделый; дома, встретив первою мать, спросил ее:— Мама, разве яйцо тоже родится? Мать тревожно на меня поглядела, спросила со страхом:— Что ты! О каком яйце ты говоришь?— Я рассказал в чем дело. Мать направила меня к отцу. Отец-де все объяснит. С отцом имел разговор, но все-таки ничего не понял.

Учитель - талмудист сумел внушить мне такую антипатию, которую я невольно переносил и на талмуд, что ученье становилось для меня мученьем. С каждым днем я все больше и больше деревенел, моя природная живость и любознательность словно окаменели. К счастью, меня спасла богатая библиотека на древне-еврейском языке. Я набросился на чтение и нашел там для себя много привлекательного.

Я совершенно ожил. Особенно мощное впечатление на меня произвела „История иудейских войн" Иосифа Флавия. Это была первая книга, которая разбудила мое сердце и ум. Эта геройская борьба за освобождение Макавеев, этот гигант-борец Бар-Кохба, эти предсмертные судороги истекающей кровью Иудеи, этот свирепый Тит, — все это меня всего захватило. Я проливал горькие слезы

*) Автобиография написана в ноябре 1925 г. в Москве.

над разрушением храма иерусалимского... Пала Иудея, умер бог иудейский... Я был безутешен, не мог расстаться с книгой Иосифа Флавия... Одно было утешение: я мечтал, страстно мечтал, когда стану „большим", я пойду по стопам Бар-Кохбы (Бар-Кохба означает „Сын звезды"), соберу рассеянного по земле Израиля и восстановлю Иудею... Я отдавался этим грезам страстно, можно сказать, запоем, забывая окружающее. Я находил в них утешение и крепость.

Но вот уроки жизни, реальной, суровой, уже надвинулись на меня. На нашу уважаемую и чтимую семью вдруг обрушилось глубокое горе, унижение и позор. Случилось вот что. В нашем доме квартировал офицер стоявшего в Павлограде полка. Это был грубый, необузданный, жестокий человек. Но с нами он жил на первых порах ладно. Как то раз встречается с отцом, круто останавливается и грубо приказывает ему снять фуражку. Отец ответил с достоинством, спокойно ему, что он, во-первых, не солдат (тогда солдаты, проходя мимо дома, где квартировал офицер, должны были снимать фуражки), а, во-вторых, хозяин дома, в котором офицер квартирует, что, в 3-х, простая вежливость требует, чтобы он первый поздоровался с ним. Так передавали потом свидетели—солдаты, бывшие случайно при этом. Прошло несколько дней, и эта неприятность была забыта. Но вдруг в одно прекрасное утро, когда отец сидел в своем кабинете и работал, а я примостился около него, врывается офицер в сопровождении десятка солдат.

— Возьмите его,—раздался приказ.

На отца набросились солдаты и стали его тащить. Мой раздирающий душу крик вызвал из других комнат мать, старшую сестру и братьев. Мать вцепилась в солдат, я путаюсь в ногах. Сестра и братья выбежали с криком; „Ратуйте, добрые люди!"... Нашими соседями были русские, с давних времен дружные с нами; мгновенно на заборах появились соседи, соседки с их домочадцами. Негодующий крик: „Что вы делаете с нашим хозяином?"...

Офицер приказал оторвать мать, и она в полуобморочном состоянии повисла на дюжих руках солдат. А отца тащат, тащат по двору в направлении конюшни, дети отчаянно кричат, я путаюсь в ногах солдат и не отстаю от отца, а конюшня уж близко и зияет своей черною пастью; наш цепной пес —„Туман" грызет цепь и дико лает. Соседи, испуганные, только галдят. Вдруг вбегает во двор майор (он раньше долго жил у нас и подружился с нашей семьей). Раздался гневный приказ:— „Отпустить хозяина и хозяйку... смирно"...

Мать снесли соседи в обмороке в комнату, а отец свалился на диван, как подкошенный. Мать скоро оправилась, но с отцом долго возились. На другой день, рано утром, я побежал к нему: он был белый, как лунь. Я разревелся. Отец потянул меня к себе и прижал к груди. Глубокими, неизгладимыми чертами, до мельчайших подробностей, врезалась эта наша драма в моей душе. Я был тогда еще малыш, и когда опасность миновала, я вскоре об этом совершенно позабыл. Но когда стал расти и развиваться, когда оказался уже в гимназии, приобщился к нашей литературной сокровищнице, тогда только я осознал весь драматизм пережитого. Случалось, читаю что-нибудь о крепостном праве, как совершенно неожиданно всплывает передо мною вся картина насилия над моим отцом—ярко, живо, захватывающе... И тогда снова переживаю старую боль, и сердце обливается кровью... Но я уже не мальчик, а юноша, и меня всецело охватывает одно ощущение: непримиримая ненависть к насилию и горячее сочувствие к униженным и оскорбленным, борьба с угнетателями и насильниками и оборона угнетаемых и насилуемых. Отныне люди делятся для меня не на людей белой и черной кости, не на людей той или другой национальности и веры, а на угнетателей, поработителей, и угнетаемых и порабощенных. Первым — непримиримая моя ненависть и война, вторым — мои горячие симпатии и поддержка. Это мое жизнеощущение я ненарушимо пронес через всю жизнь.

Когда, кончая гимназию (в 1869 г.), я писал сочинение на тему: „Значение царствования Екатерины II", сочинение мое вышло лучшее в литерат. отношении (удостоилось медали), а в сочинении я писал буквально: „Пугачевщина была справедливым протестом масс против крепостного права". Это произвело сенсацию и среди учителей и среди товарищей.

Университет завершил дальнейшую работу моей мысли: работать для народа, во имя освобождения его стало символом моей веры, которому я остался верен всю мою жизнь. Об этом подробно рассказано в моих воспоминаниях о „Земле и Воле" (Петр., 1924 г.) и „Записках семидесятника" („Соврем. Мир", 1913 и 1914 гг.), здесь же я об этом скажу кратко.

В 1870 г. я поступил в Харьковский университет на медицинский факультет. В Харькове я познакомился с главными кружками и их деятелями. В центре движения харьковской молодежи тогда стояла Е. Н. Солнцева (потом по мужу Ковальская),—молодая, красивая, развитая, чуткая ко всяким общественно-полезным начинаниям, рьяная сторонница женской эмансипации. Вокруг нее группировались самые живые элементы студенчества — Я. И. Ковальский (тогда ассистент проф. Шимкова), Коновалов, Шабельский, самый юный из них тогда Максим Ковалевский, Лазарь Гольденберг и др. Основной тон движению давал Ковальский: мирная культурно-просветительная работа была бли-

жайшим заданием их, открытая пропаганда идей мирного постепенного прогресса. Ковальскому я обязан, м. пр., и тем, что познакомился с философией естествознания того времени. Кружок приказчиков, в котором я принял участие, впервые в конкретно-осязаемой форме выявил предо мной общественно-полезное начинание: такая работа — лучшая школа для выработки из молодежи будущих общественных деятелей. Систематические беседы на все текущие вопросы общественной жизни русской и западно-европейской, которые мы вели в этом кружке, дали первый толчок моему *политическому* развитию, ибо до этого я совсем не читал газет и не интересовался ничуть политическими вопросами. В это время как раз вспыхнула франко-германская война. Я набросился на газеты. Война вызвала взрыв горячего сочувствия в широких кругах общества к Франции. В приказчичьем кружке беседы сильно оживились. Все, без исключения, были на стороне французов и всячески поносили немцев и Бисмарка. И вдруг, как эпилог войны, грянула Парижская Коммуна. В студенческой „ожидальне", в аудиториях, в читальне, театре, кофейных и т. п.—везде только и разговоры, что о Коммуне. Но основной тон харьковского „хора" звучал непримиримой враждебностью к Коммуне. Наш приказчичий кружок также был захвачен этим потоком огульного обвинения и беспощадного осуждения Коммуны: Франция, де, разгромлена, еле дышет, и вот в такой именно момент парижские рабочие вздумали поднять мятеж против своего правительства... Несмотря на все горячие возражения руководителей кружка, приказчиков нельзя было никак переубедить... Это очень характерно для уровня сознания трудящихся масс того времени. Все, что я пережил в 1870—71 г. в Харькове, глубоко запечатлелось в моей душе, было решительным сдвигом в моем развитии. Я впервые почувствовал и осознал почти непреодолимое тяготение к трудовым массам. Я сказал себе: окончу курс медицинских наук и буду лечить народ, „мужика". Я читал, перечитывал многократно маленькую книжечку, которую можно было засунуть в боковой карман, поближе к сердцу: „Исторические письма" Миртова (Лаврова). Книга овладела мной, как, скажу, св. писание или Коран верующим.

Я бросил полулекарский экзамен и в 1871 г. перевелся в Петербург в Медико-Хирургич. Академию. В Петербурге—лучшая полоса моей жизни. Я застал в Петербурге конец „нечаевского дела". Я бывал на суде, подсудимые произвели сильное впечатление на студенческую молодежь, хотя отношение к „нечаевщине" было принципиально отрицательным. Я лично тогда стоял на перепутьи, пока что знакомился по книжкам с „рабочим вопросом" на Западе, с его теорией и практикой. Но к практической работе я еще не думал приступать, ибо не чувствовал себя для этого достаточно подготовленным. И тем более я был решительным противником Нечаева и „нечаевщины".

Общество в Медико-Хирург. Академии было отборное—здоровых, сильных, бодрых разночинцев; здесь демократизм был не наносный, а подлинный. В центре Петербургских кружков стоял „кружок чайковцев"— авангард революционной молодежи 70-х годов.

В центральный Петербургский кружок вошли М. Натансон, И. Чайковский, А. Сердюков, Ольга Шлейснер (позже Натансон), С. Перовская, А. и В. Корниловы, Ободовская, Д. Клеменц, Чарушин и др.; позднее к ним присоединились Л. Шишко, С. Синегуб, С. Кравчинский, П. Кропоткин, из москвичей—Л. Тихомиров, Иванчин-Писарев, Н. Морозов, М. Фроленко, Н. Армфельд, Н. А. Саблин, из одесситов—А. Желябов, Ф. Волховский, из киевлян — Н. Лопатин, П. Аксельрод, Н. Колоткевич. Можно без преувеличения сказать, что это был цвет молодежи: ум, талант, довольно высокое умственное развитие, в сочетании с несокрушимой энергией и волей, нравственная красота, ригоризм в личных и общественных отношениях. Одновременно с кружком Чайковцев возник и работал другой типичный интеллиг. бунтарский кружок — Долгушинцев. В него входили: Долгушин, Дмоховский, Папин, Плотников, примыкал очень близко Флеровский. Лето 1873 г. долгушинцы уже были на работе — в „народе": были они молоды, 22—23 лет, бодры, жизнерадостны, а отправлялись точно на смерть. Третий кружок революционного авангарда— „Лавристы". Они в противоположность Бакунистам стояли исключительно на точке зрения систематической и длительной пропаганды социалистич. идей в массе, отрицали всякого рода бунты и „вспышки".

Весною 1873 г. раздался лозунг: „В народ". Электрическим ударом пробежал этот лозунг по массе молодежи и всколыхнул ее. Итти в народ это означало не только отдать народу свои силы, свои знания во имя и ради народной революции, но это означало еще—жить его радостями и страданиями, погрузиться в самую гущу многострадальной народной жизни. Цельное это настроение молодежи вылилось в неудержимо-самоотверженный порыв воли. Я такого движения среди молодежи не припомню в другое время. Весной 1874 г. волна достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Все вопросы решены. Время уже итти в народ. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипела. Одни отправляются на заводы, фабрики, где работают с помощью спропагандированных рабо-

чих. Другие изучают ремесла—сапожное, столярное, слесарное и пр. Во многих частях Петербурга открываются такие мастерские, в которых выучка идет под руководством рабоч.-революционера. Эти мастерские были одновременно и „коммунами". И молодежь потянулась в путь—все корабли сожжены,—потянулась в жертвенном энтузиазме. Помню эпизод 1874 г., когда я проезжал домой через Харьков. Вместе с знакомой пошли в университетский сад в чудную летнюю ночь. В глубине сада несколько солдат пели украинские песни. Мы незаметно завязали разговор, потом я стал пропагандировать—горячо, молодо. Солдаты слушали нас с интересом. Потом, т. к. солдаты хотели выпить, мы пошли в кабак: мне не хотелось оборвать пропаганду. Водка была отвратительная, но я глотал эту гадость, не желая отстать от компании. Это был первый мой опыт пропаганды, и мне казалось, что если я буду пить с ними, это меня с ними сблизит.

В то время, как события 1873—74 г. все более развертывались, я был студентом 5 курса Медико-Хирургической Академии и готовился уже к окончательному экзамену. Я был студентом занимающимся, работящим. Некоторые профессора считали меня одним из возможных кандидатов для оставления при Академии. Я и сам об этом мечтал. Моими любимыми занятиями были патология, анатомия и терапия. Мои первые учителя в этих областях—Руднев и Манассеин—бесповоротно определили мой выбор. Я много работал по своей специальности, но это не заглушало во мне потребности к общему развитию; тогда Писарев владел мною всецело, и я тщательно работал над собою, чтобы выработать из себя „критически-мыслящую личность". Какое глубокое, помню, впечатление произвела на меня „Целлюлярная Патология" Вирхова; но совершенно тождественное впечатление произвели и „Происхождение человека" Дарвина, „Капитал" Маркса, „Очерки политич. экономии" Чернышевского. Народа я не знал, так как я родился в городе, деревни почти что не видел, да, кроме того, я был чужим этому народу по крови. Русскую историю я тоже плохо знал. Я взялся за нее. Костомаров, Беляев и Хлебников на меня произвели сильное впечатление. Кроме того, я проштудировал исследования по общине, обычному праву, расколу и сектантству. Остальное доделали товарищи, кружки и сходки. К весне 1874 г. я был совершенно готов. Я решил оставить Академию и пойти в народ. Но передо мною встали некоторые, совершенно специальные для меня затруднения.

Я—еврей. Меня сильно смущало это обстоятельство. Как отнесется народ к моей пропаганде—даст ли он ей веру или нет. Товарищи меня успокоили тем, что русский народ терпим, внешность у меня не типично-еврейская, и речь совсем хорошая, а потому стоит-де мне лишь переодеться в рабочий костюм, и я сойду за русского человека. Я решил научиться какому-нибудь ремеслу. Я уехал на родину, где удалось устроиться с приятелем в деревне у столяра-хохла,—за небольшую плату он учил меня столярному ремеслу. Однако, хотя мускулы мои окрепли, на ладонях показались мозоли, и работал я прилежно, работа у меня, увы, не спорилась. Я едва-едва овладел элементарными приемами—струганием, пилкой и сшиванием досок. Я был в отчаянии. Что делать? И я решил, по совету одного из распропагандированных мною крестьян, пойти в народ не в качестве рабочего, а фельдшера (смотри более подробно в кн. „Земля и Воля"). Пока что я вернулся в Петербург, застал молодежь растерянной (после арестов), но не подавленной. В это время произошли студенческие беспорядки в М.-Х. Академии по поводу назначения д-ра Циона на кафедру физиологии помимо конференции. Человек 30 (в том числе и я) были допрошены и отправлены в Литовский Замок. В конце концов, арестованным дали полную амнистию. Я решил окончательно распроститься с Академией, отказаться от диплома и от получения мною звания врача. Меня тянуло всеми силами в народ. Я решил поселиться в деревне в качестве фельдшера. Помню хорошо последний день пребывания в Петербурге. Я с другом детства (Ал. Хотинским, будущим землевольцем) сидел в Летнем саду. Я был в каком-то мечтательном настроении.

— Ну, а что, Осип, если через год или два тебе опять захочется сюда, назад, в культурную среду, подышать культурным воздухом, а?—спросил меня лукаво друг. Я совершенно спокойно ответил:—Никогда. Этого не должно быть.

— Значит, сжег все корабли?

Я молча кивнул головой. На другой день я уехал в Псковскую губ.—в больницу при общине сестер св. Магдалины, основанной на средства княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой. Я лечил мужиков, изучал их жизнь, работал в больнице. Одновременно читал сестрам общины лекции по медицине. Для меня, как еврея и интеллигента, община представляла совершенно новый мир. Я невольно заинтересовался им, посещал обедни, был даже на акафистах, начал читать евангелие, которого раньше совсем не знал. Между сестрами резко выделялась Параша Бухарицына—чудный образ крестьянской девушки. Я—социалист, а Параша—христианка, но *эмоциональная* основа у нас была общая; и я готов был на всевозможные жертвы, и она была вся—самопожертвование. Мы стали друзьями. Мне оставалось вооружиться ее оружием и направить его против нее же. Я стал не только читать, а изучать евангелие: я читал и перечитывал его. Я полюбил это

ученье, но незаметно для себя стал вносить в него то, что мне было дорого, то, чем я тогда был жив -социализм. И первая моя ученица—Параша, отдавшись моему пониманию евангелия, сама стала социалисткой. Я был тогда экзальтирован, притом еще и в религиозном отношении: это было сложное и довольно таки путанное душевное состояние, в котором рядом уживалось реально-социалистическое миросозерцание с евангелически-христианским.

Весной 1875 г. я получил желанное место фельдшера в Пензенской губ., но заехал по пути в Петербург. В Петербурге я решил прежде, чем поехать в деревню, принять православие. Никто из близких и товарищей не знал этого, хотя ужасно удивились, когда раз застали меня погруженным в молитвенник и катехизис. Крещение мое состоялось. И должен сказать: я почувствовал себя тогда словно обновленным. „Я иду в народ,—думал я,—не евреем уж, а христианином, я приобщился к народу". Настроение мое тогда было очень приподнятое. Я высказывался за желательность вести пропаганду в народе, опираясь на евангелие—на опыте в Псковск. г. В таком настроении я уехал в Пензенск. губ., работая здесь в земской больнице фактически врачем, официально фельдшером, на жаловании 15 руб. в месяц. Я устраивал при больнице что-то в роде клуба—в большой палате для выздоравливающих, читал им „Хитрую механику", „Сказку о четырех братьях" и пр. Через год такой работы в народе, я спрашивал себя, что же я успел в смысле распространения социалистических идей в народе... Стало ясно, что пропаганда социализма при теперешнем развитии народа не может иметь успеха. Надо перейти к действию. Злобою дня был тогда в Петербурге радикальный пересмотр программы и тактики. Первой публичной демонстрацией молодежи против правительства была демонстрация на похоронах Чернышева 3 марта 1876 г. Затем последовала Казанская демонстрация, организованная „Северно-народнической группой" (бунтарями) 6 декабря 1876 г. Я выехал в Петербург в 1877 г., как один из делегатов от ростовско-харьковск. кружка для окончательных переговоров с „Северно-народнической революционной группой бунтарей", которая в 1878 г. стала известна под назв. об-ва „Земля и Воля". *) В результате переговоров и по выработке общей программы, эти кружки слились в одно общество. В центре этой программы была организация деревенских поселений. Эти поселения и были организованы на Волге, на Кубани и на Дону. В виду организации деревенских поселений в Саратовской г. переехал туда, чтобы вступить, согласно решению центра, в саратовск. колонию (там я застал уже из членов петерб. кружка Плеханова, Александра Михайлова и др.). Весной 1879 г. центр вызвал меня в Петербург на подмогу Плеханову для занятий с рабочими, и тут же стали намечаться первые симптомы будущего раскола, так как наш „центр" ударился исключительно в террор. После выстрела Соловьева начались аресты, казни, террористическая деятельность становится верховным принципом революционной тактики. В оппозиции с этой группой и стала т. наз. „деревенщина" во главе с Плехановым, М. Р. Поповым, Игнатовым, мною и др. Эти разногласия все больше обострялись, и у нас зародилась идея съехаться и прийти к окончательному соглашению. На Воронежском съезде (в конце июня 1879 г.) все разногласия были улажены, удалось крепко сплотиться, присоединить новых членов; единственный, кто был против решений съезда, Плеханов тогда и вышел из организации „Земля и Воля". По окончании съезда я уехал из Воронежа в Петербург и потом в Кубанскую область для сношений с местной революц. народнической группой. Вернувшись в Петербург, я застал о-во „Земля и Воля" уже расколовшимся на две самостоятельные фракции: „Народная Воля" и „Черный Передел". Я долго не мог мириться с этим. Попытка моя сохранить, по крайней мере, „Землю и Волю", как центральный орган обоих фракций, окончилась неудачей. Организация „Черный Передел" была обязана своим возникновением энергии старых землевольцев—М. Р. Попова и Г. В. Плеханова, Преображенского и новых членов—Н. П. Щедрина и Е. Н. Ковальской, Пьянкова и др.

В состав редакции органа „Черный Передел" вошли: Плеханов и я, позже П. Б. Аксельрод. Мне же было поручено составление „Письма к бывшим товарищам". В начале 1880 г. начался уже выезд за границу главных членов „Черн. Передела", которым оставаться дольше в России нельзя было. Выехали Дейч, Стефанович, Засулич и Плеханов. Нашу гибель ускорило предательство нашего же чернопередельца Жаркова. Пошли аресты, и 31 января 1880 г. был арестован и выслан и я.

В начале ноября 1881 г., после почти двухлетнего мытарства по русским и сибирским тюрьмам, острогам и этапам-клоповникам, я прибыл, наконец, в место моей ссылки —в с. Усть-Майское (Якутск. обл.), где жил каракозовец П. Ф. Николаев, потом был переведен в слободу Амга, где была уже небольшая колония „государственных": долгушинец И. И. Папин, В. Г. Короленко, ад-

*) Марк Натансон еще осенью 1876 г. говорил мне, что О-во будет носить название О-ва „Земля и Воля" в *память* одноименного О *на* 60-х г.г., но фактически Аптекман прав, что это название окончательно закрепилось с выходом центр. орг. этого об-ва „Земля и Воля." *В. Фигнер.*

АШЕНБРЕННЕР М. Ю. (1842–1926).

министративно сосланный за непринятие присяги Александру III; М. А. Ромась, тоже администр. сосланный за то же, за что и Короленко; М. А. Натансон, мой старый товарищ и друг по „Земле и Воле“, и его жена (урожд. В. Александрова).

В конце 1886 г. я вернулся в Россию. Полный идейный разброд. Революционные развалины. Хочется работать. Хотел было в университет — кончать курс медицины: не разрешили. В 1887 г. я уехал за границу. В Баварии сошелся с группой мюнхенских рабочих социал-демократов. Но сам социал-демократом не стал: не изжил еще утопического народнического социализма. Летом 1888 г. поехал в Швейцарию повидаться со старыми товарищами: П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Г. В. Плехановым, организовавшими группу „Освобождение труда“. Потом вернулся на родину, меня потянуло с неудержимой силой опять в „народ“, в деревню. Я уехал в Саратовскую губ. земским врачом. В 1892—93 г. боролся с голодом и холерой и чуть сам не погиб, тяжело заболев сыпным тифом. Весною 1894 г. была сделана попытка Натансоном, Тютчевым и мною построить общество „Народное Право“, выдвигая на первый план политическую борьбу. Это общество было вскоре разгромлено. В 1894—95 гг. я работал психиатром в Колмовской психиатрической больнице (Новгородск. губ.). Здесь, между прочим, в числе моих пациентов был Гл. Ив. Успенский (воспоминания о Гл. Ив. и его пребывании в больнице я опубликовал позже в „Русск. Бог.“ и отд. брош.).

В 1895—96 гг. я сошелся впервые с нашими социал-демократами в Смоленске. В Уфе пристал к местной социал-демократической молодежи. Но общественное положение было такое, что мог работать только среди интеллигенции. В 1905 г. вспыхнула первая русская революция. Я тогда жил в Вильне. Быстро сорганизовалась в нашей лечебнице рабочая боевая группа из 50 — 60 человек, хорошо сплоченная и достаточно вооруженная. Мы вели пропаганду и агитацию в Виленском и Вилейском уездах. Вели энергично бойкот первой Думы и призывали к вооруженному восстанию. Прокатилась черносотенная полоса. Начался погром в Вилейке, но мы энергично положили ему конец. Ждали сигнала к восстанию из Вильны, но не дождались. Нас всех арестовали и привлекли к суду. После шестимесячного сидения меня отпустили на поруки и под залог на волю, потом разрешили выехать за границу.

За границей я пробыл с 1906 г. по май 1917 г. Когда грянула война, я решительно враждебно стал к ней, как к войне империалистической, а потому контрреволюционной и контр-пролетарской. Я попал в разряд „пораженцев“, по крылатопошлому выражению Алексинского. История оправдала мою позицию, и никто меня с этой позиции не собьет.

Ашенбреннер, Михаил Юльевич *).

Родился я в Москве в 1842 г. Дед мой, Юлий Юльевич Ашенбреннер, эмигрировавший из Германии при Александре I, был розенкрейцером. Сначала он преподавал математику и фортификацию в кадетском корпусе, а потом был назначен командиром Омской артиллерийской бригады. В Казани он встретился с красивой и образованной немочкой Марией Христофоровной и женился на ней. Весьма понятно, что будущий первоучитель славянофильства, юный Сергей Тимофеевич Аксаков, весьма неравнодушный к Марье Христофоровне, дал такую убийственную характеристику Юлию Юльевичу в своей „Семейной Хронике“. (См. старое изд., стр. 370 или 380, глава „Университетские годы“.) Отец родился в Омске, учился в инженерном училище и совершенно обрусел. Отец женился на дочери Смоленского коменданта, генерала Наумова — одного из генералов отечественной войны. Мне не было еще трех месяцев, когда вся наша семья выехала на Кавказ, сначала в дилижансе, а потом на почтовых. Бабушка М. Х. учила меня и старшего брата читать, писать и арифметике; мы ее очень любили, и когда матушка нам рассказывала с негодованием, как М. Х. в дороге выбросила в окно дилижанса иконы, которыми мать обложила себя в дороге, мы смеялись и были на стороне бабушки. Отец разъезжал на Кавказе по укреплениям, иногда брал меня с собой, и тогда я увидел вблизи горы, которые восхитили меня, как волшебная сказка. Захваченный глубоко красотой и величием кавказской природы, я, по указанию отца, стал увлекаться поэзией Лермонтова и до сих пор могу продекламировать, напр., его „Спор“, „Валерик“, целые строфы из „Демона“. В 50 году мы жили в Петербурге, а в 51 г. отец уже служил в Москве. В 53 г. я поступил в I Московский кадетский корпус, который тогда, подобно школе кантонистов — был „палочной академией“. Ротный командир Сумернов мне сделал такое напутствие: „Помни, у меня всякая вина виновата. За ослушание, дурное поведение и единички высекут: будь у тебя семь пядей во лбу, а виноват — значит марш в „чикауз“; у меня правило: помни день субботний“. По субботам водили в „чикауз“ человек 20—30. Одних пороли, другие наздались. Малышам давали до 25 ударов, подросткам до 50, а взрослым до 100. Совершая пу-

*) Автобиография написана в ноябре 1925 г. в Москве.

блично порку, наши воспитатели расчитывали на поучение и устрашение; а вышло нечто другое: по примеру воспитанников старшего возраста, малыши в виде протеста старались переносить наказание не только без крика, а молча, что приводило присутствовавших товарищей не в ужас, а в некоторый экстаз и создавало подражателей. Так, мало по малу дикая и жестокая казарменная ферула создавала суровое спартанское товарищество, связанное общей ненавистью к начальству, и по правилу о взаимной выручке учила стоять всех за одного. Вскоре новый военный министр Д. А. Милютин реформировал корпуса, превратив их в реальные училища со специальными классами. У нас явились прекрасные преподаватели и образованные воспитатели. Во 2 и 3 специальных классах преподавали некоторые профессора Московского университета. С. М. Соловьев преподавал историю. Словесность преподавал Н. С. Тихонравов, который указал нам на Белинского и Добролюбова. Даже такой солидный, как Капустин, читал и толковал нам Токвиля „Старый порядок и революция". Но больше всех мы обязаны преподавателям статистики и законоведения — С. С. Муравьеву и Лялину (переводчику Шиллера). Они читали у нас в классах, а иногда у себя на дому — произведения Герцена, новые номера „Колокола", „Полярную звезду", познакомили нас с нелегальной литературой и указали нам на публицистику и экономические статьи Чернышевского.

Из корпуса за хорошие успехи я выпущен в 60 г. поручиком в стрелковый батальон, квартировавший в Москве. В это время я очень увлекался учениями Чернышевского и Герцена. Под этим влиянием я познакомился с ученьем Фурье и Р. Оуэна, с философией Гегеля, по превосходной книге Гайма „Гегель и его время", и с ученьем Фейербаха (литографированное издание московских студентов). В 63 г. начальство предназначило меня к переводу в один гвардейский полк на укомплектование офицерского состава, пострадавшего в одном неудачном деле с Лангевичем. Я от этой чести отказался, и ближайшее начальство этот отказ оговорило довольно благовидной отговоркой, но тем не менее я попал в разряд весьма неблагонадежных, вследствие чего меня стали перегонять из одного полка в другой, так что в течение 64 г. я переменил три раза свое место служения и, наконец, был выслан в Туркестан. Там я пробыл около 5 лет и вернулся в Россию уже в жирных эполетах. В половине 70 гг. я познакомился в Одессе и Николаеве с несколькими будущими народовольцами—с Фроленко, Желябовым и другими. Тогда повсюду возникали офицерские кружки самообразования, где, главным образом, изучали социалистов. В это время между офицерами на юге ходил по рукам литографированный московскими студентами „Коммунистический манифест". Офицеры знакомились с Марксом не по I тому „Капитала", а по более доступным статьям профессора Зибера, которые печатались в журнале „Знание" под заглавием „Экономическая теория К. Маркса". В конце 70 гг. южные кружки: в Николаеве — армейский из 8 человек и морской из 25—30 человек и Одесский из 8 чел., стали политическими. Программа южных кружков определялась следующими соображениями: истинное назначение армии защищать страну от внешних врагов. Внутренний порядок охраняется многочисленной и разнообразной полицией. Наша армия есть самое могучее орудие в руках государственной власти; а власть принадлежит господствующему классу, т.-е. полицейской бюрократии и капиталистам. Эта власть, при всякой попытке крестьян и рабочих защищать свои справедливые интересы, привлекает войска к сотрудничеству с полицией, шпионами и палачами, принуждая войска, под страхом расстрела, к беспощадным и позорным усмирительным и карательным операциям, чем окончательно развращает войска, превращая их в банду разбойников,— посему мы обязуемся сохранять дружественный нейтралитет по отношению к защитникам интересов трудового народа, а в важных случаях оказывать вооруженное содействие восставшим крестьянам и рабочим. Литературу мы получали от нелегальных товарищей и распространяли ее между офицерами соседних городов. Она попадала и к солдатам. Завязывались связи с артиллеристами и пехотинцами в Херсоне, Вознесенске, Евпатории; но последнее дело не получило дальнейшего развития. Летом 81 г. я познакомился у Ивана Ивановича Сведенцева (Ивановича) с Верой Николаевной Фигнер, а в конце 81 года у нас в Николаеве и Одессе побывал член Военного Центра лейтенант А. В. Буцевич. Он нашел нашу программу слишком умеренной и достаточно неопределенной и склонил нас: во 1-х, присоединиться к партии Народной Воли и принять программу Исполнит. Комитета этой партии; во 2-х, связал нас с Военным Центром, программу которого мы тоже приняли (программу Исполнительного Комитета см. „Запечатленный труд" В. Н. Фигнер, т. I, Прилож.). Программа кружков, объединенных Военн. Центром, в главных чертах может быть выражена так: 1) кружки принимают программу Исполнительн. Комитета и Военн. Центра; 2) задача военно-революционной организации — вооруженное восстание с согласия и по указанию Исполнит. Комитета. Цель — ниспровержение существующего политического и экономического строя; 3) обязательство явиться с оружием, по требованию Военн. Центра, в данное место к назначенному сроку; а в некоторых случаях и увлечь

с собою воинские части, на которые можно рассчитывать; 4) для сохранения военной организации в подготовительном периоде ее деятельности, член ее, призванный в боевую организацию партии Народной Воли, должен выйти из военной организации. После этого, на общем собрании южных кружков в Николаеве порешили приступить к пропаганде среди солдат, но на юге это дело было поставлено иначе, чем в Кронштадте: там Завалишин и Серебряков руководили пропагандой в учебных командах двух флотских экипажей (экипаж равен армейскому полку по военному составу), а Папин — в кронштадской артиллерии. Захватить в свое ведение учебные команды на юге не удалось, но там пришли к счастливой мысли о благотворности непосредственного сближения солдат с рабочими. Мы постановили просить Исполнительный Комитет о присылке для этой цели рабочих. Исполн. Комит. уважил наше ходатайство и откомандировал в Николаев Александра Григорьева, а в Одессу—Петра Валуева—двух очень энергичных, ловких и опытных пропагандистов. Пропаганда этих даровитых рабочих была очень успешна, особенно в Николаеве, среди моряков. Оркестр I флотского экипажа, который ежегодно осенью услаждает царскую семью музыкой в Ливадии, был сильно затронут.

С Верой Николаевной, как я уже сказал, я познакомился в Одессе у Ивана Ивановича Сведенцева, затем встречался с ней у Софьи Григорьевны Рубинштейн, сестры Антона Григорьевича (композитора); затем виделся еще раз с Буцевичем, а весной 82 года в Николаевском армейском кружке побывала Вера Николаевна; своей личностью, своими речами она воспламенила моих отзывчивых товарищей до энтузиазма. Такие моменты оставляют глубокий след в душе человеческой. В июне 82 г. мы узнали об аресте Буцевича; летом же несколько человек разъехалось в разные стороны для того, чтобы связаться с другими кружками, о которых мы слышали. Талапиндев поехал в Харьков, насколько помню, в Кронштадт поехали моряки Бубнов и Главацкий, а Кудрицкий в Петербург в Морскую Академию. Я — в Орел, Петербург, Кронштадт. На обратном пути я побывал в Киеве, где сблизился и столковался с кружком народовольца-офицера Тихановича, совершенно зрелым и имевшим такую же программу, как наша, и с офицером другого полка — Трояновским, около которого начинал группироваться другой кружок. Здесь мы договорились, в виду постоянной оторванности от центра, устроить свой южный областной центр, который, по условиям военной службы, мог быть только подвижным и должен был служить для обмена визитами между нами и киевлянами. Осенью я был призван в распоряжение Военн. Центра, но успел повидаться с Дегаевым (до основания им Одесской типографии). Он привез мне записку Веры Николаевны с просьбой перед моим отъездом познакомить его с выдающимися офицерами в Одессе и Николаеве, что я и сделал. Так он познакомился с моряком Ювачевым и армейцами Николаевской группы Мицкевичем и Талапиндовым, а из одесских — с Крайским и Стратоновичем. Затем я взял годовой отпуск; два раза побывал в Кобеляках у Похитонова (бывший член В. Ц.), виделся с Верой Николаевной в Харькове и отправился в Кронштадт. В Центре мне предложили взять на себя объезды провинциальных кружков для связи этих кружков с центром, но предварительно, до приезда Степурина, познакомиться с положением дела в Петербурге. В Петербурге тогда уже существовали кружки в Морской и Артиллерийской Академиях, в Морском корпусе, Константиновском Военном училище, в Артиллерийск. учил. (отдельные лица), один офицер в Новочеркасском полку и один офицер Московского гвардейского полка. Артиллеристы бывали у меня на квартире, а с моряками я встречался у Ювачева, который тогда поступил в Морскую Академию, а выехал из Петербурга по приезде Степурина. Я должен был: 1) свести все программы кружков к единой программе Военн. Центра. 2) В виду постоянной оторванности от центра, предложить в кружках устраивать областные центры в форме или съездов, или обмена визитами, или в какой-либо иной форме, смотря по местным условиям. 3) Оповестить о предстоящем съезде делегатов военной организации; выбрать удобное место и определить время этого съезда. 4) Сообщить о скором выпуске военно-революционного журнала и наметить корреспондентов. 5) Предложить желающим дать обещание явиться по требованию Военн. Центра в назначенное место к известному сроку. 6) Получить в Москве от одного доброжелателя значительную сумму денег, обещанных им своим друзьям — Суханову, Буцевичу и Серебрякову—на солидное военное революционное предприятие. 7) Встретиться в Харькове с Серебряковым, сдать ему деньги и отчет о своей поездке и отправиться по Волге и южной России и затем через Киев, Ригу, Минск вернуться в Кронштадт. В Пскове оказался небольшой кружок из трех лиц — дело тут только что начиналось. В Минске находился большой, но вполне зрелый кружок с очень серьезным представителем этой группы, капитаном Ч. В Риге было два больших кружка, также вполне готовых; в Усть-Двинске—небольшой артиллерийский. В Вильне (брат Серебрякова), Ревеле и Двинске я не успел побывать и, заехав для свидания с Н. Рогачевым (бывш. член Военн. Центра) в Вилькомир, направился в Москву через Смоленск, где я расчитывал отдохнуть у брата два,

три пасхальных дня, но до Москвы я не доехал, и, к счастию, обещанных денег не получил, иначе они бы пропали вместе со мной. Оказалось, что вследствие предательства Дегаева, департамент полиции сделал распоряжение по всем губернским жандармским управлениям арестовать меня, как только я где нибудь окажусь, и телеграфировать об исполнении в департамент. 25 или 26 марта, часов в 11 веч., жандармский полковник Есипов стал расставлять вокруг углового дома, где жил брат, цепь жандармов и городовых. Эту операцию жандармы проделывали с такой патриархальной простотой, с такой медлительностью, что я не только успел заметить эти проделки, но успел затопить печку и сжечь книжечку с 200 адресами, вверительные письма для получения денег в Москве и свой отчет о поездке, а жандармы все таки не входили. Потом оказалось, что полковник Есипов ожидал воинского начальника, необходимого, как депутата с военной стороны, при обыске и аресте офицера. Меня отправили прямо в департамент в отдельном купэ с жандармским офицером и двумя унтерами, оттуда сейчас же в Петропавловскую крепость.

Когда южные кружки составляли под руководством Буцевича свою новую программу, он нам объяснил, что, кроме нашей обязанности оказать вооруженную поддержку восставшим в нашей местности рабочим и крестьянам, мы должны готовиться к самостоятельному военно-революционному выступлению, не дожидаясь революционного почина со стороны рабочих или крестьян, так как военное выступление развяжет энергию народных масс, скованную прежними усмирительными и карательными воинскими экспедициями. А в последнее наше свидание он мне изложил план такого выступления, взяв с меня обещание не говорить товарищам об этом до окончания подготовки. Для этих предприятий нужны деньги, которые обещаны, но еще не получены; нужно крепче привязать провинциальные кружки к центру и свести разнообразные кружковые программы к единой — центральной. Для выступления В. Ц. рассчитывает на два флотских экипажа (около 8 тыс.), где уже не первый год ведется очень успешно пропаганда в учебных командах Серебряковым и Завалишиным; на всю Кронштадтскую артиллерийскую команду, где пропаганду вел Папин с товарищами; на два миноносца; кроме того, были связи в других экипажах и с матросами на некоторых больших броненосцах; на революционных офицеров — кронштадских петербургских и провинциальных. В день майского парада на Марсовом поле приезжают из провинции офицеры, вооруженные револьверами, а некоторые и бомбами, вмешиваются в царскую свиту, состоящую из великих князей и военного начальства, и когда начнется церемониальное прохождение гвардии с музыкой мимо царя, по данному сигналу, офицеры истребляют всю эту августейшую компанию. Оставшиеся в живых офицеры отступают к миноносцам, которые к этому времени располагаются на позиции между крепостью и Марсовым полем. Миноносцы с офицерами блокируют крепость и делают попытку ворваться в нее, освободить арестованный Исполнительный Комитет. Одновременно с этими событиями офицеры вместе с кронштадтской крепостной артиллерией захватывают 9 крепостных бронированных фортов, вооруженных дальнобойными орудиями большого калибра, а матросы двух экипажей со своими офицерами арестовывают морское начальство, захватывают арсеналы, телеграфы и пр., пытаются привлечь к восстанию остальной гарнизон и обезоруживают верноподданные отряды. Затем значительный отряд матросов немедленно и с возможной быстротой выступает в Петербург, захватывает Петропавловскую крепость, вокзалы, телеграфы, арсеналы и важнейшие стратегические и опорные пункты. Офицеры Петербургских кружков передают восставшим рабочим оружие и патроны из неприкосновенных запасов на случай мобилизации, которые слабо охраняются и находятся на окраинах города. *)

План этот, несмотря на свою необыкновенную дерзость, был исполним: силы для его исполнения были достаточны. Из 50—80 офицеров, прибывших из провинции, можно было отобрать человек 25 более решительных, остальные могли находиться в резерве... Но главнокомандующий Буцевич в июне 82 г. был уже арестован; правда, имелся в виду другой офицер, которого я должен был пригласить во время моего объезда — но я до него не доехал. Наилучшими руководителями на Марсовом поле могли бы быть Желябов, Александр Михайлов, Фроленко, Баранников, но одни из них погибли, другие были заточены в крепость. Исп. Ком. был в полном составе арестован, а военная организация к маю 83 года была еще не готова, да и царь спрятался и в 83 г. ни на какие парады не выезжал, и в то время, когда разрабатывали детально этот план, мы все чуть не поголовно были преданы Дегаевым. Хотя Дегаев не имел никакого понятия об этом плане, благодаря конспирации Буцевича, но военная организация в первой половине 83 г. рухнула почти в полном составе. Уцелели только кружки на северо-западе России, о которых Дегаев, вероятно, не имел сведений.

Петербургский военный суд по делу „14“ в конце сентября 84 г. приговорил В. Н. Фиг-

*) Военные были склонны к такого рода планам. Так, в 81 году они рисовали возможность, собрав 300 чел. рабочих, отбить вооруженной силой Желябова и Перовскую, когда из Дома предварительного заключения их на колесницах повезут на казнь

В. Фигнер.

БАХ А. Н. (1857–1946).

С 1929 академик АН СССР.

нер, Л. А. Волкенштейн и 6 офицеров (меня в том числе) к смертной казни. Офицеры Штромберг и Рогачев были казнены, остальным смертная казнь была заменена бессрочной каторгой с заключением в Шлиссельбурге. В конце сентября 904 г. я был освобожден из крепости с переводом в разряд ссыльно-поселенцев, а так как, по случаю возвращения войск после Японской войны, этапные пути в Сибири были закрыты, то меня отправили отбывать ссыльное состояние на родину в Смоленск. По манифесту 17 октября срок моего пребывания в разряде ссыльно-поселенцев был сокращен, и в 1912 г. я был переведен в разряд лишенных всех особых прав, с оставлением под надзором. Революция 1917 г. возвратила мне гражданские и политические права. Первые годы в Смоленске я занимался переводным трудом и печатал в журнале „Былое" и „Минувшие годы" свои воспоминания. С 914 г. состоял лектором в Починковском союзе кооперативов, читал на счетоводных курсах, а потом в Высшей крестьянской школе в с. Кузеневе (Елнинского уезда) „Историю развития русской общественной мысли" и „Историю революционного движения в России", а на подготовительном курсе историю Египта, Греции и Рима. Затем в Смоленском Политехническом институте я читал на 1 курсе „Историю русской общественной мысли" и „Историю революционного движения в России" до закрытия этого института, после чего я переехал в Москву и поселился в доме ветеранов имени „Ильича".

В январе 1924 г. товарищи политкаторжане почтили юбилейным праздником 82-ю годовщину моей жизни, а Советское правительство за мои скромные революционные заслуги и многолетнее гонение царской властью удостоило меня высоким званием „Старейшего Красноармейца" и шефа 2 Московской пехотной школы.

Бах, Алексей Николаевич. *)

Я родился в г. Золотоноше Полтавской губ. 5/17 марта 1857 г. Отец мой был техник с средним образованием, по специальности винокур. Большой поклонник науки, он рано познакомил меня с вопросами, связанными с брожением, и пробудил во мне живой интерес к биологической химии, которой я впоследствии посвятил всю свою научную деятельность. Семья у нас была большая, жили мы весьма скромно, временами терпели настоящую нужду. Это дало нам определенный трудовой закал.

Учился я в Киевской 2-й классической гимназии, курс которой окончил в 1875 г. Еще в бытность мою в 6 классе гимназии до меня стали доходить подпольные издания того времени. Я жадно знакомился с ними, позже основательно изучил литературу научного социализма, в особенности „Капитал" Маркса, и стал убежденным социалистом, каковым остался в течение своей долгой жизни. По окончании гимназии я поступил в Киевский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. Любовь к науке и увлечение лабораторной работой несколько отвлекли меня от активного участия в тогдашних революционных кружках, с которыми, однако, я был в постоянных сношениях. Но когда после ряда вопиющих насилий со стороны жандармских властей весною 1878 г. возникли знаменитые „киевские университетские беспорядки", я оказался в самой гуще их и вместе с 15 другими товарищами был выслан в административном порядке в не столь отдаленные места. На мою долю выпал Белозерск. В ссылке я пробыл до декабря 1881 г. По возвращении в Киев я одновременно был принят в университет и в киевскую организацию партии „Народной Воли". Тут моя деятельность раздвоилась, так как чисто научная работа чередовалась с революционной, в частности с пропагандой среди рабочих, которой я посвятил особенное внимание. Я выработал и применил на практике план занятий, который впоследствии лег в основу моей книжки „Царь-Голод".

Наша центральная группа, членами которой были, кроме меня, Спандони, Захарьин, Никитина, Росси, Кжеминский и супруги Каменецкие, успела развить довольно широкую деятельность. Работы было много и, естественно, мои научные занятия отошли на второй план. У нас поставлена была своя тайная типография, в ней мы печатали, главным образом, прокламации, часть которых была написана мною. Для обслуживания типографии у нас была „техническая подгруппа", которую вел Захарьин. К пропаганде среди рабочих приставили Кжеминского и меня с двумя подгруппами. Кроме того, я вел деятельные сношения с революционными кружками народных учителей в Гадячском и Переяславском уездах Полтавской г. Я также часто виделся с революционным кружком, который был создан в Киевской Духовной академии П. Г. Дашкевичем. Словом, не до лабораторных занятий было. Весною 1883 г., в связи с провалом одного из конспиративных адресов, я был арестован, но жандармский капитан Малицкий, который допрашивал меня, не разобрал сразу, в чем дело, и отпустил меня; а может быть, он надеялся путем слежки за мною захватить других членов нашей организации. Как бы то ни было, после тщательного обсуждения всех обстоятельств дела, группа предложила мне перейти на нелегальное положение и уехать в другой город. Я, ко-

*) Автобиография написана 1/III 1926 г. в Москве.

нечно, подчинился. Повидавшись с представителями центральной организации в Харькове, где я уже не застал В. Н. Фигнер, я в апреле 1883 г. поехал в Ярославль, где в то время имелся среди студентов Юридического лицея очень хороший революционный кружок, во главе которого стоял А. В. Гедеоновский. Поработав с этой милой молодежью несколько месяцев, я в августе того же года перебрался в Казань для того, чтобы по возможности наладить в этом сравнительно крупном центре народовольческую организацию. Кое-какие связи у меня были, их удалось значительно расширить и организовать несколько кружков. В числе их был один, который имел сношения с рабочими казанских фабрик, но члены его, по молодости лет, не знали, как вести пропаганду. По их просьбе я сообщил им схему занятий, которые я вел с киевскими рабочими. Схема им понравилась, но они потребовали от меня, чтобы я подробно изложил, что и как я говорил рабочим. Состоялся ряд бесед, которые почти дословно были воспроизведены в моей книжке „Царь-Голод". Сначала беседы эти циркулировали в гектографированном виде, затем были напечатаны в тайной народовольческой типографии. В 1903 г. „Царь-Голод" был переиздан нелегально партией с.-р. В 1905—1907 и 1917 г.г. книжка под заглавием „Экономические очерки" выдержала более десятка изданий и разошлась в сотнях тысяч экземпляров.

В декабре 1883 г. я получил из Петербурга шифрованное письмо, в котором мне от имени „центра" предлагалось поехать в Харьков, обосноваться там и по возможности поставить типографию для напечатания 10 № „Народной Воли". *) О том, кто сидит в центре, я понятия не имел, но, конечно, без малейшего колебания повиновался. Подъезжая к Москве, я из купленной газеты узнал об убийстве Судейкина и об участии в этом деле Дегаева. Относительно последнего я знал, что он бежал в Одессе от сопровождавших его жандармов, бросив им в лицо пригоршню нюхательного табаку, но о его предательстве мне и мысль не приходила в голову.

Приехав в Харьков, я узнал, что там шли большие аресты, и что при тогдашних условиях было очень мало надежды на успешную постановку типографии. Но мне посоветовали посмотреть, не окажется ли положение более благоприятным для моих целей в Ростове на Дону. Совет оказался хорошим. В Ростове я нашел довольно много революционной молодежи, была там народовольческая группа, организованная Сергеем Пешкеровым, которого я не застал на свободе.

*) Этот № 10 „Нар. Воли" печатался в 2-х типографиях: в Дерпте и в Ростове.

В конце января в Ростов приехал видный революционер Сергей Иванов, будущий шлиссельбуржец, и, обсудив вместе с ним положение, мы решили поставить типографию в Ростове. От С. Иванова я узнал подробно о дегаевском предательстве и о том, что из-за границы должна вскоре прибыть новая центральная организация с Германом Лопатиным во главе. Чтобы войти в контакт с нею и выяснить положение, мы с С. Ивановым в начале февраля 1884 г. поехали в Петербург. После долгих и не совсем приятных переговоров с новым центром мы пришли к соглашению и образовали одну общую всероссийскую организацию „Народной Воли". С. Иванов и я взяли на себя ведение революционной работы на юге и в числе прочего постановку тайной типографии. В апреле мы вернулись в Ростов и, пригласив в качестве хозяев конспиративной квартиры Захарова *) и Руню Кранцфельд, **) мы привели наш план в исполнение. В типографской работе участвовали также рабочий Антонов (будущий шлиссельбуржец) и Елько, который после ареста в 1885 г. стал злостным предателем.

К началу августа большая часть № 10 „Народной Воли" была напечатана, и по соглашению с Лопатиным, который приехал к нам в Ростов, я повез еще сырые листы в Саратов, Казань и Нижний для того, чтобы поднять настроение тамошних групп. По возвращении в Ростов в октябре я застал там полный разгром всей нашей организации, вызванный арестом Лопатина и найденными при нем записями. Типография уцелела. Мы держали военный совет и решили типографию снять, типографщикам предоставить заслуженный отдых, а С. Иванов и я должны были объехать организации, выяснить размеры разгрома и встретиться в Москве для выработки дальнейшего плана действий. В ноябре мы встретились, как было условлено, но оказалось, что ничего утешительного мы не выяснили. Не только лучшие революционные силы в большом количестве были вырваны из рядов, но, повидимому, доверие к народовольческой организации было подорвано.

С. Иванов решил поехать за границу для совещания с эмигрантами-народовольцами. Я же предпочел сделать еще одну попытку восстановления организации, войдя в сношения с революционерами, рассеянными в провинции и по той или иной причине не принимавшими в последние годы активного участия в организованной революционной работе. Такие „резервы" имелись на юге и на

*) Фамилия хозяина Ростовской типографии—Захарий Васильев. Он, как и Раиса Кранцфельд, не были розысканы и не судились. *В. Фигнер.*

**) Из Харькова (акушерка из школы на Сабуровой даче).

В. Фигнер.

Кавказе. Побывал я там, повидался с резервами и потерпел полное крушение. Для меня стало ясно, что „Народная Воля" отжила свой век. Выбитый из колеи, не видя своего дальнейшего пути, я в марте 1885 г. выехал за границу. О своем участии в народовольческом движении я рассказал подробно в своих „Воспоминаниях народовольца 1882—1885 гг.", напечатанных в журнале „Былое", №№ 1, 2, 3, за 1907 г.

В Париже я застал эмигрантские кружки в состоянии острой взаимной вражды и, не чувствуя никакого призвания к этого рода занятиям, я пытался вернуться к научной работе. Несколько месяцев после приезда в Париж я нашел занятие в редакции журнала „Moniteur Scientifique", посвященном прикладной химии, и состоял сотрудником его вплоть до моего возвращения в Россию в 1917 г. Первый год пребывания в Париже был для меня едва ли не самой тяжелой порой моей жизни. Революционная работа, которой я посвятил свои лучшие силы, ушла от меня, а от научной я сам оторвался. Я утерял интерес к жизни и несколько раз был весьма близок к тому, чтобы навсегда покончить счеты с нею.

Изменилось мое тяжелое душевное состояние только в 1886 г., когда я познакомился с Л. В. Орловой и Ч. А. Дю-Буше, с которыми теперь связывают меня 40 лет близкой дружбы. Оба они были тогда молодыми студентами Парижского медицинского факультета, оба отнеслись ко мне, больному и сильно побитому жизнью, с большой симпатией и заботливостью, и для меня нет ни малейшего сомнения, что без их теплого участия моя жизнь сошла бы на-нет. Весною 1890 г. они поженились, и вскоре после них и я женился на Ал. Ал. Червен-Водали, с которой мы теперь доживаем 36-ой год нашей совместной счастливой жизни. Благодаря Дю-Буше мой интерес к науке мало-по-малу возродился, но долгое время мне не удавалось приступить к лабораторной работе. В 1890 г. я, в редакции, познакомился с членом Парижской Академии Наук проф. Schutzenberger'ом, который заинтересовался моими планами и предоставил мне место в своей лаборатории в Collège de France. Там я работал до 1894 г., с перерывом в течение 1891 года, когда я ездил в Северо-Американские Штаты вместе с химиком Эфроном для введения на тамошних винокуренных заводах усовершенствованного способа брожения. По возвращении из Америки я сделал в лаборатории Collège de France несколько экспериментальных работ, которые в свое время были доложены проф. Schutzenberger'ом Академии Наук.

Тяжелые условия парижской жизни губительно повлияли на мое здоровье, и по настоянию друзей я переехал летом 1894 г. в Швейцарию, где в окрестностях Женевы завел себе маленькую, более чем скромную, лабораторию. В этой лаборатории, которая пополнялась мало-по-малу, я, благодаря моральной и материальной поддержке моего друга Дю-Буше, который считается одним из лучших парижских хирургов, мог спокойно работать в течение 23 лет. Из нее вышло около 70 выполненных мною экспериментальных работ по общей и биологической химии и ряд научно-литературных статей и монографий. За совокупность этих работ Лозаннский университет почтил меня степенью доктора honoris causa.

До 1905 г. я активного участия в эмигрантской политической деятельности не принимал, хотя чутко прислушивался к тому, что происходило как в эмигрантских кружках, так и в России, и сохранял добрые товарищеские отношения с членами разных социалистических партий.

Когда в 1900—901 г.г. создавалась партия социалистов-революционеров, я тоже участвовал в предварительных переговорах, но в партию не вошел, так как считал индивидуальный террор безусловно несовместимым с задачами массовой социалистической партии и гибельным для нее. Тот факт, что с самого основания партии до 1908 г. террористической деятельностью ее руководил злейший в мире провокатор Азеф, показывает, что моя оценка не была лишена основания. Но, не входя в организацию, я оказывал услуги партии: в частности я подготовил для нее пересмотренное и дополненное издание „Царь-Голод".

После январьских событий 1905 г., когда массовая работа партии далеко оттеснила ее террористическую деятельность, я счел себя не в праве дольше уклоняться от активного участия в революционной работе и по настоянию Л. Шишко и Е. Брешковской принял на себя функции секретаря заграничного комитета партии в апреле 1905 г. С этого времени до революции 1905 г. все конспиративные сношения с партийными организациями в России (кроме боевой организации) были сосредоточены в моих руках. Революция 1905 г. положила конец моим секретарским обязанностям. С тех пор мои отношения к партии приняли формальный характер; в партийной организации я близкого участия не принимал, и деятельность моя сводилась к литературной работе. К политической деятельности партии после Февральской революции 1917 г. я отнесся отрицательно и по возвращении в Россию в июне 1917 г. отстранился от какой бы то ни было организационной работы. Но я принял участие в издательстве „Земля и Воля", которое было партийным в идейном отношении, но не в организационном. По моему настоянию издательство не делало никаких отчислений в пользу партийной организации и отклонило предложение ЦК партии ввести

в редакцию его представителя. Участие партии социалистов-революционеров в вооруженной борьбе против Советской власти, неоспоримо социалистической, совместно с реакционными элементами, побудило меня окончательно порвать связь с организацией этой партии, хотя заявлять публично об этом я считал неподходящим. Я считаю себя теперь независимым социалистом-революционером. Политикой я совершенно не занимаюсь. Но если бы теперешнему советскому строю грозила опасность, я все свои силы без остатка отдал бы на защиту его.

Тяготясь перерывом в лабораторной работе, которой я предавался столько лет, я в феврале 1918 г. обратился к д-ру Блюменталю, тогдашнему владельцу Химико-Бактериологического института (ныне Государственного Бактериологического института), с просьбой дать мне возможность выполнить давно задуманную мною работу над определением продуктов распада белка в сыворотке иммунизируемых животных. Получив согласие д-ра Блюменталя, я в сотрудничестве с моим учеником Б. И. Збарским поставил необходимые опыты и привел их к желаемому концу. В октябре 1918 г. я принял предложение заведующего химотделом ВСНХ, инженера Льва Яковлевича Карпова, организовать химическую лабораторию для научно-технического обслуживания химической промышленности. Вместе с Б. И. Збарским мы поставили лабораторию, которая превратилась в большое учреждение, носящее теперь название Химического института им. Л. Я. Карпова. По сей день я состою директором этого института, а Б. И. Збарский—моим помощником и заместителем. В сотрудничестве с ним же мною был организован в 1920 г. Биохимический институт НКЗ, открытие которого состоялось 26 января 1921 г. Оба института расположены в смежных зданиях (№№ 8 и 10 по Воронцову полю), и работа в них идет теперь полным ходом.

О своих научных работах распространяться не буду. Скажу только, что важнейшие из них касаются химизма процессов дыхания. Работы в этой области производятся мною и в настоящее время, и я считаю себя особенно счастливым в том отношении, что на 70 году своей жизни я сохранил еще, как мне кажется, значительную работоспособность.

Богданов, Степан Петрович *).

Родился в 1851 г. 1 августа в с. Бельском Устье Порховского уез. Псковской губ. от крепостных родителей, бывших дворовых. Отец умер, когда мне было лет 8. После освобождения крестьян в 1861 г. мы, я и трое моих братьев, с матерью жили в маленькой деревушке Петровском на полудесятинном наделе на всю семью. 3 года учился в г. Порхове в приходской школе и в уездном училище, где курса не кончил, т. к. у матери не было средств содержать нас в городе. Лет 12-ти меня взяли в экономическую контору, где я и служил до 1871 г. Жалованье получал один руб. в месяц и паек. В имении пользовался помещичьей библиотекой, много читал,но читал без разбору. Руководить чтением было некому. Читал больше беллетристику, да, пожалуй, больше и читать было нечего. Большая часть книг была на французском языке. Читал журнал „Пантеон", издававшийся в 50-х г. г. Мне думается, что он дал мне хорошее направление. Читал Пушкина, Лермонтова, Жуковского, рассказы Марлинского из кавказской жизни, путешествия и, конечно, Гуака. Я мало вынес знаний, но умственная гимнастика все-таки была. По вечерам уходил к рабочим, читал им что-нибудь занимательное. Они всегда слушали с удовольствием. Рассказывал им о земле, о разных климатах на земле, о животных и пр. Но что всего важнее было для меня—это постоянное общение с крестьянами. Благодаря этому я хорошо знал крестьянскую жизнь. Знал их горести и радости. Они часто беседовали со мной о земле, спрашивали, отойдет ли земля от помещиков им, крестьянам. Я, конечно, всегда говорил, что об этом и думать нечего, помещики свои земли не отдадут. Осветить этот вопрос я, конечно, не мог, я и сам-то ничего не знал. Газет и журналов я не читал. Беседы были об удобрении и др. хозяйственных заботах. Я давал, что мог, что вычитал из книг: в библиотеке было кое-что и о сельском хозяйстве, хотя и старое. Но ценно было не то, что я давал, а то, что я получал от крестьян. Они дали мне больше, чем я мог им дать.

В такой обстановке я жил до 1871 г. Осенью 1871 г. я уехал в Петербург, нашел конторскую службу в столярной и паркетной мастерской Николаева. В конце 1872 г. я должен был поехать на родину к призыву. В январе 1873 г. был взят в солдаты. Служил в Пскове в резервном батальоне, там учился строю, а к осени того же 1873 г. был переведен в Петербург в Главный штаб писарем. Вскоре же я сблизился там с вольноопределяющимся Мих. Павл. Овчинниковым, который служил тоже писарем. Он в это время уже был радикалом. Он познакомил меня со своими взглядами. Как-то так вышло, что против социализма я ничего не находил возразить, но мы часто спорили. Я считал неосуществимыми идеи социализма в ближай-

БОГДАНОВ С. П. (1851–1928).

*) Автобиография написана 2/IV — 1926 г. в г. Сызрани.

БУЛАНОВА-ТРУБНИКОВА О. К. (1858–1942).

шее время. Я слишком хорошо знал мужика, знал его глубокую веру в царя, знал его косность, некультурность. В этом я видел непреодолимое препятствие для революции. Тем не менее меня манило уже дальше, мне хотелось познакомиться с интеллигентскими кружками. При посредстве Овчинникова я познакомился со студентами из Медико-Хирург. академии и др. учебных заведений. Надо правду сказать, эти знакомства дали мне немного, но я узнал, что надо читать. Читал, между прочим, политич. экономию Дж. Ст. Милля с примечаниями Чернышевского, Лассаля, романы Шпильгагена и др. Читал революционные брошюры и „Вперед" П. Л. Лаврова. При всем этом мои учителя не дали мне ясного представления о ходе революции и будущем социалистическом строе. Это сильно парализовало мою энергию, были сомнения, колебания, притом же я не умел подходить к людям. Моя пропаганда среди военных писарей шла слабо. Я высказал в радикальном кружке, что хорошо бы устроить что-нибудь в роде школы пропагандистов. Эта мысль была принята, и учителем для нас выбрали кандидата прав Евгения Степанов. Семяновского. Я привел к Семяновскому военного писаря Савченко, который оказался предателем, и наша школа была провалена в самом же начале. Это мною описано в статье, помещенной в „Былом" за ноябрь 1906 г.

Предателя Савченко писаря глав. штаба заставили уйти из глав. штаба, и он перевелся в жандармское управление. Это любопытный эпизод, о котором Савченко рассказал сам при очной ставке у следователя в судебной палате.

Арестован я 27 августа 1875 г., а Семяновский 28 августа. Первый месяц я сидел в 3-м отделении т. н. собств. е. и. в. канцелярии, в одиночной камере. В конце сентября 1875 г. перевели в Дом предв. заключ. в Петербурге, помещен в одиночной камере. Судили нас в особом присутствии прав. сената с сословными представителями 20 и 21 октября 1876 г. Семяновский и я осуждены в каторжные работы в крепостях на 11 лет за пропаганду, а затем на вечное поселение. Из Д. П. З., после суда, переведен в Литовский замок в феврале 1877 г. Семяновский переведен туда же раньше. Сидели в общих камерах с уголовными. В конце апреля 1877 г. меня заковали в ножные кандалы, обрили половину головы, одели в арестантскую одежду, халат с двумя желтыми тузами на спине, и отправили в Пересыльную тюрьму 1-го мая 1877 г. Отправили с двумя конвойными на Николаевский вокзал. Ехали мы в вагоне 3-го класса вместе с публикой до Москвы. Из Москвы с новыми конвойными—до Владимира и затем до Нижнего. От Нижнего до Кары (место каторги) везли каждого из нас отдельно с 2-мя жандармами на почтовых от губ. города до другого губ. города. В каждом губ. городе жандармы переменялись. Отправляли нас в разные дни по одному. На Кару я прибыл 27 сентября 1877 г. Сидел на гауптвахте вместе с Терентьевым, Тефтулом и Захаром Богдановым в карцерах, а в камере за кордегардией сидели Семяновский и Успенский (печаевец). В феврале 1878 г. меня перевели на самый Верхний промысел, называвшийся „Амур", сидел на гауптвахте же в карцере, пищу получал из уголовной тюрьмы. Оттуда ходил на работу в разрез вместе с уголовными, вскрывали торфы на золотоносной площади. Весной 1878 г. меня перевели на Верхний промысел, где сидел на гауптвахте же вместе с А. Н. Бибергаль. Ходили вместе с уголовными в разрез для вскрытия торфов. Весной 1879 г. освобожден в вольную команду. Днем раньше были освобождены на Нижнем промысле Семяновский Евг. Степ., Успенский Петр Гаврил., Шишко Леонид Эмман., Чарушин Никол. Аполлон., Синегуб Серг. Силыч, Союзов Ив. Осипов., Терентьев Мих. Демент., Тефтул Ив. Ильич, Захар Богданов и Квятковский Тимофей Александр. 1-го января 1881 г. по распоряжению Лорис-Меликова вольная команда для политических была уничтожена, и нас вновь отправили в тюрьму на Средний промысел, где уже были помещены вновь прибывшие большие партии политических в двух больших камерах, разделявшихся сенями. Не пошел с нами только Семяновский, который застрелился утром 1 января 1881 г. Осенью того же 1881 г. нас перевели на Нижний промысел в тюрьму, специально построенную для политических. В конце октября 1883 г. я был освобожден за окончанием срока каторги, и вместе с Ив. Вас. Туровичем отправлен на поселение. Нас оставили в Чите Забайкальской обл., где уже были Союзов, Шишко, Синегуб и Франжоли Никол. Афанас.

После коронации Александра III нам было дано право приписаться к крестьянским и мещанским обществам в Сибири. В 1905 г. я вернулся в Европейскую Россию.

Буланова-Трубникова, Ольга Константиновна *).

Я родилась в Петербурге в 1858 г., так что детство мое совпало с эпохой „великих реформ", эпохой общественного пробуждения и подъема, сменивших мертвый сон Николаевского царствования.

*) Автобиография написана 15.I — 1926 г. в Ленинграде.

Мать моя — Мария Васильевна Трубникова, старшая дочь декабриста Василия Петровича Ивашева, женщина выдающегося ума и способностей, для своего времени очень начитанная и образованная, с большой общественной жилкой и горячим интересом к общественной работе, выйдя замуж за моего отца К. В. Трубникова, основателя и издателя целого ряда газет, начиная с „Финансового Обозрения" и кончая „Биржевыми Ведомостями" и „Новым Временем", которое он продал Суворину, поселилась в Петербурге и быстро сблизилась с наиболее интеллигентными и прогрессивными представителями тогдашнего столичного общества. К числу ближайших друзей ее принадлежали братья Серно-Соловьевичи, через которых у нее создалась связь с более радикальным кружком Чернышевского; профессора: Ал. Ник. Энгельгардт и Анд. Н. Бекетов, будущие ее соратницы по женскому движению: А. П. Философова, М. А. Менжинская, Н. А. Белозерская, Н. В. Стасова и ее братья— известный художественный критик Вл. Вас. и не менее известный присяжный поверенный Дм. Вас. Стасовы, будущие сановники: А. А. Сабуров, И. И. Шамшин и др.

В доме у нас то происходили разговоры о правах женщин, то звучали оживленные споры о преимуществах русской музыки перед итальянщиной, то шла кипучая работа по организации различных женских обществ— первых ячеек женской самодеятельности, женских трудовых артелей, и борьба за высшее образование для женщин.

Через все мое детство красной нитью проходит столкновение двух течений: с одной стороны, гуманные и демократические, подчас даже нигилистические, воззрения моей матери, внушавшей нам уважение к труду и своим примером искоренявшей всякие барские замашки, и рядом постоянное вмешательство отца, человека крайне деспотичного и совершенно не разделявшего передовых идей своей жены.

В семье нашей существовал культ декабристов, о них всегда говорили с благоговением, чему не мало способствовало присутствие нашей старушки-няни, живой свидетельницы жизни их на каторге и поселении. Крепостная родителей моего деда-декабриста, она вызвалась ехать в далекую Сибирь с его невестой, моей бабушкой К. П. Ле-Дантю, прожила с ними все время их пребывания в Петровском заводе и на поселении, выняньчила всех их детей и была им верным и преданным другом. Пользуясь полным доверием Ивашевской семьи, она неоднократно ездила из Сибири в Симбирск и обратно, перевозя деньги и исполняя разные секретные поручения. О декабристах она всегда говорила со слезами на глазах и проклинала их мучителя — царя Николая, которого мы, дети, привыкли ненавидеть чуть ли не с пеленок.

Имена тогдашних передовых борцов, как Чернышевский и Михайлов, Герцен и Гарибальди, были знакомы нам с детства. За границей, где я и вторая сестра моя Мария жили в 68 и 69 году, общество моей матери составляли политические эмигранты и члены Интернационала, а учителем нашим был П. Ив. Якоби—польский изгнанник.

По возвращении из-за границы меня отдали в только что открытую первую частную женскую гимназию М. П. Спешневой с очень обширным курсом и новыми методами преподавания, где задачей ставилось развить уменье самостоятельно работать. Со мной вместе учились там сестра О. Э. Веймара, сестра А. П. Корба, родственницы Иванчина-Писарева, дочери профессора Бекетова. Я жадно училась и много читала, главным образом беллетристику русскую и иностранную, политические же вопросы совершенно отсутствовали в моей жизни в школьные годы, и лишь окончив гимназию, когда я готовилась к поступлению на женские врачебные курсы при Николаевском Военном госпитале, куда не дозволялось поступать раньше 20 лет, мы с сестрой познакомились с первой революционеркой. Это была Е. Д. Дубенская, привлекавшаяся по делу 193, затем поступившая воспитательницею к детям дяди моего, прис. пов. А. А. Черкесова, владельца известного книжного магазина и библиотеки, сыгравших в свое время крупную культурную роль.

Рассказы Е. Дубенской о героической борьбе русской интеллигенции с царизмом, о личностях выдающихся революционеров— ее товарищей и друзей, книги, которые она давала читать, явились настоящим откровением для нас. Мы познакомились с нередко приезжавшими к ней в гостеприимную Поповку, подгородное имение Черкесовых, О. Э. Веймаром, Д. Ал. Клеменцем и С. М. Кравчинским, фигуры которых были лучшей иллюстрацией к ее рассказам.

Осенью, когда мы вернулись в город, Е. Дубенская свела нас со своими друзьями-чайковцами, сестрами Корниловыми, и мы обе с головой бросились в работу с Любовь Ив. Сердюковой-Корниловой и молоденькой слушательницей фельдшерских курсов Марией Клав. Решко, обслуживая ссыльных и заключенных. Этот кружок был той ячейкой, из коей потом вырос политический Красный Крест. Собирались деньги, устанавливались связи с ссыльными и заводились нелегальные отношения с тюрьмами. Так, я вела сношения с Домом Пр. Зак. через одну надзирательницу, доставлявшую мне письма сидевших женщин.

Мало-по-малу мы перезнакомились со многими жившими в Петербурге революционе-

рами. Чаще других по разным конспиративным делам приходилось видаться обыкновенно в библиотеке на углу Невского и Литейной с Д. А. Клеменцом и А. И. Иванчиным-Писаревым, с которыми впоследствии я вновь встретилась в Минусинске, где они отбывали ссылку. Мы с сестрой пользовались большим доверием революционеров за свою осторожность и острую память, позволявшую нам помнить на зубок все адреса и клички, не прибегая к записной книжке. Сам строгий „дворник" Ал. Михайлов говорил, что всегда спокойно идет на свидание с нами, в уверенности, что „Долгорукие", как окрестила нас Геся Гельфман, не приведут ни одного шпика. Квартира наша постоянно служила для свидания революционеров. Бывали у нас В. Н. Фигнер, ее сестра Евгения, Морозов, О. Любатович, С. Л. Перовская, Богданович, Колоткевич, М. Н. Оловенникова, Геся Гельфман, а позже Стефанович и Дейч. Все они, особенно Перовская, относились с большим уважением к моей матери и всегда старались урвать минутку, чтобы побеседовать с нею. Мать горячо сочувствовала их целям, но решительно отвергала террор, и это было вечным предметом споров. Нечего говорить, как под влиянием такого общества рос наш энтузиазм и беззаветная готовность служить делу революции.

В 79 году, когда после Липецкого съезда произошло разделение партий, мы примкнули к партии Черного Передела, а с народовольцами у нас сохранились лишь личные отношения, и мы продолжали оказывать им разные услуги по старой памяти.

К этому времени относится наше знакомство с флотской молодежью черно-передельческого направления, в число которой входили гардемарины Анатолий Буланов, Сергей Вырубов, Ник. Лавров, Вл. Дружинин, Налимов, И. Петров, Муравьев, Вл. Философов и кузен его, студент Дм. Философов — будущий министр торговли и промышленности. Все это были славные, дружные между собой юноши; большинство не отличалось начитанностью, но было настроено очень революционно и, кроме пропаганды среди своих матросов, они доставали через минеров динамит и готовы были на всякое опасное предприятие. Некоторые из них, как Философовы, Муравьев, Дружинин, скоро отстали от движения.

После провала типографии с № 1 Черного Передела и ареста Антекмана, Крыловой и др. дальнейшая работа перешла к кружку М. Решко, „активной части нашей периферии, которой самой пришлось стать центром", как ее называет Аксельрод. П. Б. Аксельрод, ознакомившись с личным составом группы, как бы санкционировал ее преемственность с погибшим первым ядром; при его участии вырабатывалась программа и объяснительная к ней записка, отправленная затем к заграничникам; он же руководил и практической постановкой дела. В состав петербургской группы Ч. П., так сказать второго призыва, входили: М. Решко с братом Константином, А. Буланов с упомянутыми выше моряками, Евг. Козлов, Е. Козлова, учитель А. Ульянов, Н. П. Ульянова, А. Бонч-Осмоловский, мы с сестрой, студенты Шефтель, К. Я Загорский, А. Л. Блок, П. Семенов, Е. Дубровин, В. Чепыкаев, Н. Лаврентьев, М. Симзен, М. Уваров, Переляев, медички Кланг, Золотарева, Бычкова и др. В Москве тоже сформировался кружок, куда входили петровцы, техники и студенты ун-та, в числе их были: Ефрон, Ромм и Елизавета Дурново.

Заграничная группа Ч. П., в лице Плеханова, Стефановича, Дейча и Засулич, находилась в непрерывном общении с своими петербургскими молодыми товарищами, которым они в № 2 и передали дальнейшее ведение органа. Сношения с за-границей лежали на моей обязанности, и за дешифровкой одного объемистого письма Л. Г. Дейча меня чуть не застал приход полиции, явившейся арестовать нас с сестрой. Но полицейские нравы тогда еще были довольно патриархальны, и нам удалось при обыске скрыть полученную корреспонденцию. Арест был непродолжителен, за ним последовали и другие обыски, домашние аресты и т. д., но все они пока кончались для нас благополучно за отсутствием улик, и, вероятно, родственные связи с сановным миром Петербурга тоже сыграли свою роль.

Редакционная работа лежала на А. П. Буланове и студентах-юристах Загорском и Шефтеле; последние, даровитые и образованные юноши, составляли главную литературную силу, и их особенно оберегали и старались возможно меньше допускать к занятиям с рабочими. К. Я. Загорского, ныне здравствующего, несмотря на старания Судейкина, чуявшего в нем врага и одно время подославшего к нему некоего студента Гребенчу, несколько психически расстроенного и откровенно посвятившего Загорского в судейкинские замыслы, так и не удалось привлечь к ответственности, и он благополучно окончил университет и стал профессором, составив себе имя научными трудами в области железнодорожных тарифных вопросов.

Ему, между прочим, принадлежит статья по поводу 1-го марта в № 4 „Черн. Пер.", где довольно громко звучат народовольческие нотки. Передовица в этом номере написана Булановым. Писал он и в „Зерне", рабочей газете, созданной А. П., который вел ее с неутомимой энергией и выпустил целых 6 номеров. Все выходившие номера подпольных газет и прокламаций я имела обыкновение относить в двух экземплярах В. В. Стасову, другу моей матери, перенесшему свою дружбу на меня, тогда хранителю Публичной Библиотеки, где он их и прятал.

Типография была устроена в Минске и просуществовала сравнительно долго, до января 1882 г., успев отпечатать 3, 4 и 5 номера „Ч. П.“, 3, 4, 5 и 6 номера „Зерна“ и прокламацию по поводу 1-го марта. Место ее нахождения было известно лишь двоим-троим членам группы; чаще всего ездил за готовыми номерами Буланов, привозил их и работавший там Матвей Гецов.

Выдающуюся роль в организации Чер. Пер. бесспорно играл Буланов, на личности которого я остановлюсь подробнее.

Анатолий Петрович родился 5 августа 1858 г. в небогатой чиновничьей семье. Отец его, служивший секретарем Римско-Католической Коллегии в СПБ., отличался от обычного типа своих сослуживцев лишь неподкупной честностью, решительно отказываясь от взяток и не позволяя принимать „подарки“ и жене своей, малограмотной немке—типичной мещанке. Вследствие этого семья жила очень бедно, и он не мог дать детям желательного образования. Сыновья его, Леонид и Анатолий, своим образованием обязаны себе самим; с 4-го класса Анатолий принужден был выйти из гимназии, так как родители не могли более платить за него, и самостоятельно приготовиться к трудным экзаменам в Морской Корпус. Старший брат его, Леонид, окончив гимназию и поступив в 75 году в Мед.-Хирургическую Академию, сблизился с передовым студенчеством и принял активное участие в революционном движении. Через него Анатолий получал подпольную литературу и снабжал ею интересовавшихся товарищей. Начальство скоро заметило неодобрительный образ мыслей А. П., и когда он кончил курс первым с премией адм. Нахимова, его выпустили вторым, так как весь курс он числился простым рядовым. А. П. был еще в корпусе, когда был арестован его брат. Осенью 78 г. в СПБ. усиленно разыскивались убийцы Мезенцова, и Леонид Буланов был схвачен 12-го октября на улице вместе с Адр. Михайловым, судился по процессу Веймара и был осужден на поселение. Отношение начальства к А. Б. после этого значительно ухудшилось, и вскоре его из Кронштадта перевели в Ревельский полуэкипаж, что считалось большой немилостью. В Кронштадте он вел пропаганду среди офицеров и нижних чинов и работал в Черном Переделе, для чего беспрестанно приезжал в город. Он был на редакционном собрании у М. Решко, когда туда нагрянула полиция. Все члены семьи Решко и их квартиранты, Уваров и Бычкова, были арестованы. Двое же находившихся при обыске офицеров—Буланов и Петров, назвавшиеся случайными гостями, после установления личности были освобождены.

Перевод в Ревель отрывал А. П. от налаженного дела и главное от занятий с рабочими, пропаганде среди которых он придавал первостепенное значение. В виду этого Буланов был очень обрадован, когда его начальник, адмирал, командовавший таможенною флотилией, однажды позвал его к себе и сказал, что получил предписание следить за молодым мичманом, но так как он „слава богу, не жандарм, то делать этого не намерен“, а советует Буланову подать в отставку по домашним обстоятельствам, а он поддержит его просьбу. А. П. так и сделал и через короткое время вернулся в Питер, сбросив мундир, и мог, наконец, всецело отдаться революционной работе. А работы было много. А. П. являлся одновременно и организатором, и литератором, и пропагандистом, выступал среди учащейся молодежи на диспутах с народовольцами по программным вопросам, поддерживал сношения с сочувствующими либералами, вел орган, ездил в Минск.

Между тем, дела организации шли не блестяще. Молодежь относилась с симпатией к проповеди народнических идей, но в Черный Передел не шла; ее захватывали ближайшие задачи, борьба за политическую свободу, выставленные Народной Волей лозунги, которые казались более жизненными и отвечающими требованиям минуты. После арестов, вызванных предательством шпионов Жаркова и Прейма, убитого двумя рабочими летом 81 года на Смоленском кладбище, ряды чернопередельцев редели и редели, не пополняясь новыми работниками. Наличные члены организации разрывались на части, стараясь поспеть всюду. Некоторые надежды возлагались еще на московскую группу, но поездка А. П. туда разбила эти иллюзии: в Москве также все наиболее деятельные и преданные люди были изъяты из обращения, а уцелевшие по тем или иным причинам не могли всецело посвятить себя революционной работе. Перед организацией встал грозный вопрос, как быть дальше, так как было ясно, что с такими силами вести дело невозможно. Надо было сложить оружие или слиться с другой организацией.

Вопрос о переходе в Народную Волю подымался уже давно: об этом много говорил с нами еще Желябов, но тогда положение не представлялось столь критическим; с другой стороны, по сравнению с первой группой Ч. П., молодые чернопередельцы придавали больше значения завоеванию политической свободы и в своих взглядах значительно сблизились с народовольцами, как это особенно видно по № 4 „Ч. П.“ Приехавший к тому времени Стефанович, видимо, стоял за это, и А. П., под давлением обстоятельств, усматривал в этом решении единственный выход. В октябре 81 г. наиболее деятельные из уцелевших чернопередельцев перешли в Нар. В., обставив свое присоединение некоторыми условиями. По словам А. П., он и Стафанович должны были войти в Исп. Ко-

митет, но статьи их, во избежание недоразумений, подлежали цензуре Тихомирова. А. П. выговорил себе пропаганду среди рабочих, что было легко осуществимо, так как при занятиях с последними вообще старались избегать указаний на партийные разногласия и, по свидетельству покойного В. С. Панкратова (кстати, ученика А. П.), рабочие обыкновенно не знали о фракционной принадлежности являвшихся к ним пропагандистов; при арестах и внезапных отъездах сплошь и рядом народовольцы передавали своих рабочих чернопередельцам и обратно.

Оставшиеся чернопередельцы выпустили еще один номер, а затем в конце года провалилась минская типография, организация распалась и перестала существовать.

Была, правда, попытка завести типографию в Дерпте, куда были высланы члены петербургской группы, студенты-ветеринары К. Решко и Переляев, именно на квартире последнего, но она не осуществилась благодаря скоропостижной смерти его от разрыва сердца. Внезапная смерть одинокого студента вызвала приход полиции, которая при описи имущества натолкнулась на шрифт и типографские принадлежности, но так как слухи о находке быстро распространились по городу, то никто из посвященных в дело на квартиру Переляева не показывался, и дело с типографией так и заглохло. *)

Осенью Судейкин с особым рвением принялся за рабочих: масса их арестовывалась, всячески запугивалась и принуждалась к даче показаний или высылалась из столицы в случае запирательства. Был арестован и любимец А. П., способный и одаренный молодой рабочий Степан Белов, на которого А. П. возлагал большие надежды, так как он пользовался большим влиянием на товарищей. Просидел он, впрочем, недолго, и, когда его выпустили, на первом же свидании рассказал, что Судейкин склонял его поступить на службу в департамент полиции, и что, пожалуй, следует принять для вида его предложение и, не сообщая ничего жандармам, передавать разные сведения партии. А. П. возразил ему, что он ничего узнать не сможет, что Судейкин не позволит себя надувать, и вообще это скользкий путь, и что лучше всего Степану взять с завода расчет и уехать в деревню, для чего обещал Белову принести на следующий день деньги. Но на условное свидание на безлюдном в те времена Преображенском плацу Белов явился пьяным, говорил несвязные речи о том, что Петровича (так звали А. П. рабочие) скоро возьмут, проливал слезы над его судьбой, а между тем за ними увязались две подозрительные фигуры. Видя, что дело плохо, А. П., обладавший большой силой, столкнул пьяного Степана в сугроб снега, отправил туда же первого из подбежавших филеров и пустился бежать через плац, а там, сворачивая из переулка в переулок, вскочил на извозчика и благополучно исчез от своего преследователя. На беду с ним не было денег, и пришлось доехать до самого дома, чтобы расчитаться с возницей. Последнее обстоятельство в связи с предательством Белова, к счастью не знавшего ни имени, ни адреса А. П., поставило на очередь немедленный наш отъезд из Петербурга. Передав дела товарищам, мы с мужем (в ту осень я вышла замуж за А. П.) дня через два уехали в Москву, где и поселились под нелегальным паспортом на одной из отдаленных улиц, предварительно заметя следы.

А. П. горячо взялся за свое излюбленное дело и заводил все новые и новые связи. Так дело шло до февраля 82 г., когда он днем встретил на улице того же Степана. Последний не подал виду, что узнал мужа, но на другой же день А. П. заметил за собою слежку и не пошел ни на одно из назначенных свиданий, а к вечеру, отделавшись, как ему казалось, от шпиков, прибежал домой, и мы решили скрыться. Сожгли и уничтожили все, что требовалось, сняли условные знаки и, выйдя в сумерках из квартиры, стали пробираться к Брестскому вокзалу. Единственно, что мы взяли с собой, была объемистая рукопись со сведениями, доставленными в разное время Клеточниковым, которую я переписывала для отсылки за границу, и уничтожить которую не подымалась рука, тем более, что мы надеялись избежать ареста. Но в одном переулке из-за угла на нас набросилась целая свора городовых и шпиков и буквально схватила нас за горло, повидимому опасаясь вооруженного сопротивления. Нас скрутили, повалили в сани и увезли в полицейскую часть.

Несмотря на то, что А. П. накануне не явился ни на одно из назначенных свиданий, и на отсутствие условных знаков в квартире, в последующие дни туда пришел Стефанович, а потом Д. Э. Новицкий. Затем последовали многочисленные аресты среди московских народовольцев, группа которых была вся разгромлена. Среди задержанных были Юр. Богданович, Лебедев, Мартынов, Елпатьевский, Михалевич, Макаренко и др. Продержав нас месяца два в Москве, куда для допроса арестованных прибыли из Питера жандармский генерал Федоров и прокурор Желиховский, нас перевели в Петербург, где А. П. посадили в Петропавловку, а меня в Дом Пр. Закл., откуда, после

*) Устройство этой типографии относится к позднейшему времени—к осени 1884 г. Хотя Решко и Переляев были чернопередельцами, но инициатором организации ее был П. Ф. Якубович, видный тогда член „Народной Воли". В типографии был напечатан № 10 „Народной Воли" и должен был печататься № 11. Смерть Переляева последовала в январе 1885 г. (см. „За сто лет" Бурцева, свидетельства Баха и др.) *В. Фигнер.*

усиленных хлопот, отцу удалось взять меня на поруки по случаю тяжелой болезни. Власти сперва намеревались создать процесс московской группы, но когда летом Судейкину удалось напасть на след динамитной мастерской Прибылевых, то громкое дело Корба, Прибылевых, Грачевского отодвинуло на второй план москвичей, с которыми решено было расправиться административным порядком. Только Стефанович оказался выделенным, судился вместе с петербургскими народовольцами и был приговорен к 8 годам каторжных работ. В феврале 83 г. нас всех отправили в Москву, где мы просидели очень долго в Бутырской тюрьме в ожидании весны, в тот год порядочно запоздавшей. Порядки в Бутырках тогда царили патриархальные. Сам смотритель почти не показывался, а его помощник, добродушный старичок, делал для политических все возможное, за что при отбытии партии его отдаривали в складчину. Одиночки не запирались, внутри стражи не было и, например, мы, женщины, сидевшие в Пугачевской башне, свободно ходили в ней и могли сообщаться между собой. Помощник смотрителя доставлял нам все газеты и журналы, вплоть до нелегальных; утром, заходя к нам, он забирал письма на мужское отделение и приносил записки оттуда.

В конце апреля мы, наконец, тронулись в дальнейший путь, при чем к нашей группе административных присоединились каторжане по одесскому процессу: Дзвонкевич, Майер, хорошенькая, цветущая Фанни Морейнис, красавец Валуев, Батогов, Голиков, Моисей Попов с женой и маленьким сынишкой Колей, ставшим общим любимцем, полусумасшедший студент Матвеевич, Иванайи и др., а в Тюмени—Митро Новицкий, совершенно неузнаваемый после перенесенного избиения во время неудавшегося побега из Саратовской тюрьмы, и солдаты Алексеевского равелина, осужденные за сношения, которые вел через них с народовольцами Нечаев. Они с удивительной любовью отзывались о нем, ни один не горевал о своей участи и готов был, хоть сейчас, итти за ним в огонь и воду. Проделав бесконечное путешествие по грязным, кишевшим насекомыми, этапам, мы, наконец, в середине лета добрались до Красноярска, где узнали, что назначены в Минусинск.

Столь счастливым назначением мы были обязаны хлопотам дяди моего Е. К. Ле-Дантю, двоюродная сестра которого была замужем за енисейским губернатором И. И. Педашенко. Губернатор же разрешил и нам и Лебедевым, тоже назначенным в Минусинск, не следовать далее с обратным этапом, на что понадобилось бы опять не менее 1—1½ месяцев, а ехать на свой счет с конвоирами на пароходе, так что через пять дней мы уже были на месте.

В Минусинске мы застали старых петербургских знакомых: Клеменца, Ивапчина-Писарева, Тыркова, а с прибытием новых ссыльных колония наша оказалась весьма многочисленною. Женатых оставляли в самом городе, а холостых расселили по селам. В числе ссыльных жили при нас: Бурриот, Ив. П. Белоконский, Синягин и Мицкевич по военной организации Нар. Воли, А. А. Паков, Лебедев, Мартынов, Андржейкович, Зейдлиц, Ольга Рубанчик, В. Любатович, студенты: Перов, Даманский, Компанец, Миролюбов, Урусов, Леонид Жебунев; впоследствии приехали бывшие офицеры: Игельстром, Бубнов, Сокольский и переведен из Тунки Ив. Н. Присецкий с женой, знакомой мне по врачебным курсам.

Скучная и однообразная, лишенная внешних впечатлений, жизнь скрашивалась наличием в Минусинске неожиданного сокровища—прекрасной библиотеки, созданной трудами местного аптекаря Н. М. Мартьянова при содействии известного сибирского мецената Иннокентия Сибирякова. Библиотека была настолько богата и постоянно пополнялась вновь появлявшимися изданиями и периодическими журналами, что можно было заниматься почти по любому предмету. Ан. Петр. использовал время ссылки для пополнения своего образования, при чем он оказался совершенным невеждой в изящной литературе, так что в этой области я руководила его чтением, как он моим в области общественных наук. В Минусинске А. П. написал две журнальные статьи: „Государственная защита приисковых рабочих" и „Народное образование в Сибири", которые за подписью „П. Соловой" были помещены в „Юридическом Вестнике" (1885—1887 гг.). Тот же неутомимый коллекционер—Мартьянов создал в Минусинске этнографический музей. К делу собирания коллекций Мартьянов привлек Клеменца, в котором нашел себе идеального помощника.

Вернувшись из ссылки в 1888 г., мы поселились в Нижнем-Новгороде, где А. П. получил место капитана парохода в о-ве „Самолет", а по зимам занимался составлением и чтением лекций по судостроению и пароходной механике в только что открытом там Речном училище, что было нелегким делом в виду неподготовленности аудитории. Служба А. П. в „Самолете" окончилась следующим эпизодом. В 1892 г., когда на Волге среди лета вспыхнула эпидемия холеры, и испуганное пришлое население низовьев бросилось в панике к родным местам, переполняя пароходы и увеличивая число заболевающих, на Волге стоял невообразимый хаос. В Астрахани и Царицыне уже разыгрывались холерные беспорядки, толпа громила больницы и убивала докторов, а выше наскоро выстроен-

ные по берегам бараки не имели ни персонала, ни оборудования, и больных приходилось свозить на берег почти на верную смерть. Команда, среди которой тоже начались заболевания, потребовала расчета, и А. П. едва уговорил ее дойти до Нижнего, чтобы это не явилось самовольным уходом, а сам телеграфировал, чтобы ему приготовили новый состав. Самолетское начальство, недовольное письмами А. П., и начальник речной полиции, кстати однокашник Буланова по корпусу, начали распускать слухи, что он, наверное, сам взбунтовал команду, что он, де, „красный" и т. д. Басня была принята на веру, и А. П., подходя со своим пароходом к пристани, к удивлению увидал, что его ожидают губернатор, полицеймейстер и масса полиции, точно надо арестовать взбунтовавшихся матросов. Взбешенный Анатолий Петрович заявил, что немедленно уходит с самолетской службы и тут же принял предложение губ. Баранова, очень ценившего деятельность А. П. по Речному училищу, занять место коменданта холерного госпиталя, устроенного им на острове ниже города. Там А. П. встретил старого своего товарища по Ч. Пер.—Осипа Вас. Аптекмана, назначенного туда врачом. В 1893 г. мы переехали со своими тремя детьми в Саратов, где А. П. предложили очень интересную работу по устройству переправы через Волгу для строившейся Ряз.-Ур. ж. дороги. В Саратове он встретил старых товарищей по Чер. Пер.—Лаврова и А. Л. Блока (его позже стали звать Блек), служивших на той же постройке.

В 95 году к нам приехал, отбыв поселение, и Леонид Петрович Буланов с семьей.

Будучи приговорен военным судом к ссылке на житье без лишения прав и преимуществ в Тобольскую губернию, Л. Б. в действительности 20/I 81 г. был отправлен из Иркутска административным порядком в Верхоленск, откуда в декабре того-же года бежал вместе с Ник. Лопатиным. Но сделавши уже более 4000 верст, они случайно в одном селе были опознаны становым приставом, и Л. Б. препроводили в Иркутскую тюрьму, где и продержали два года, и где он сидел в одной камере с Козловским и Неустроевым, и, таким образом, на его глазах разыгрался трагический эпизод с пощечиной, которую последний, вспылив, дал ген.-губернатору Анучину, за что и поплатился жизнью. Затем Л. Б. отправили в Тунку, где жило тогда человек двадцать ссыльных, между ними: Серпинский, Майнов, Н. Н. Богородский—сын смотрителя Трубецкого бастиона, Присецкие, Алексеева и др.

В Саратове он устроился на службу на ту же Ряз.-Уральскую ж. д., а за окончанием постройки, когда мы снова уехали в Н.-Новгород, перешел в земскую управу. Здесь он был арестован по делу саратовской группы соц.-рев., и 10 декабря 1902 г. Леонид Петрович был отправлен в Петербург, куда затем постепенно перевезли и остальных арестованных по тому же делу, и еще до окончания дела был предварительно сослан в Тасеевскую волость Канского у. Иркутской губ., а по окончании дела препровожден в Якутскую область, где он и прожил со второй женой своей, В. Г. Хотемкиной, привлекавшейся и сосланной по тому же делу, до амнистии 1905 г. Вернувшись, Л. Б. устроился в Уфе заведующим книжным складом Прокофьева (отца невесты Е. Сазонова), а когда склад был закрыт, перебрался в Петербург, куда в 1906 г. переселились мы, и прожил там до конца 1917 г., поддерживая непрерывные сношения с руководящими деятелями с.-р. партии. В период революции он много писал в „Воле Народа". Ему же принадлежит брошюра „Две программы". В 1917 г. он переселился в Саратов по вызову старого товарища своего А. В. Милашевского, бывшего там директором банка; там он и умер в феврале 1922 г. после долгой болезни.

Мы с Ан. Петр., вернувшись из ссылки, не вошли ни в одну из существовавших тогда партий, частью не удовлетворяясь их программами, а главное из нежелания работать с незнакомыми людьми. Слётов в своей брошюре „К истории возникновения партии с.-р." справедливо указывает, что „страшным тормазом в деле объединения революционных сил того времени была боязнь провокаторства и предательства, укоренившаяся в радикальной среде под влиянием разгромов конца 80-х годов. Кружки замыкались в тесной среде близких знакомых". Тем не менее А. П. до конца жизни горячо интересовался политической борьбой, не прерывая сношений с рев. работниками и ревностно помогая Красному Кресту. В 1908 г., когда группа старых народовольцев и шлиссельбуржцев, по инициативе Вано Джабадари, предприняла издание легальной народнической двухнедельной газеты „Голос Народной Правды", мы с А. П. вошли в группу, и А. П. наметил ряд статей по земельному вопросу, для чего ему удалось достать крайне интересные секретные статистические материалы из министерства земледелия. Но попытка наша кончилась неудачею, так как власти, разрешив издание таким подозрительным лицам, сейчас же насторожились, и уже второй номер был конфискован, и газета приостановлена.

С восторгом приветствовал А. П. Февральскую революцию. Он как-будто помолодел на двадцать лет, вступил в партию с.-р., наиболее близкую его взглядам, а затем в группу „Воля Народа", где он наравне с Леонидом был в числе учредителей. По приглашению Лутугинского института он вел систематические беседы с солдатами в казармах пу-

леметного и Павловского полков. Позднейшие события переживались им очень тяжело. Сердце у него было слабое, ухудшившиеся условия жизни и тяжелые моральные переживания резко отразились на его когда-то богатырском организме и, поехав в служебную командировку в Саратов, он внезапно скончался там 1 октября 1918 г. от разрыва сердца.

Мне остается сказать еще несколько слов о себе.

Переселившись в Петербург, я вошла в кружок учредителей просветительного о-ва имени Некрасова—рабочий клуб народнического направления, который, несмотря на все полицейские строгости, просуществовал целых четыре года, и где я была председательницей. Работала я также в кружке М. Л. Лихтенштадт, обслуживавшем второй Шлиссельбург, а после Октябрьской революции была секретарем „Помощи сиротам и нетрудоспособным политическим", где и работала вплоть до прекращения деятельности этого кружка, за иссякновением его средств.

Бух, Николай Константинович *).

Мать моя была русская, дочь дворянина Полтева, владельца сельца Варакснно Калужской губернии. Во всем этом селе, насколько помню, было не больше двадцати крестьянских изб. Отец был норвежец. Дед его, состоя посланником при дворе Екатерины II от Дании, Швеции и Норвегии, принял русское подданство и променял свой посольский мундир на красный мундир русского сенатора. Отец, подчиняясь духу времени, гордился своим дедом: большие портреты этого сенатора, в мундире и орденах, и его жены, в каком-то причудливом платье и седых локонах,—в золоченых рамах украшали наши парадные комнаты. Со стороны матери никаких фамильных портретов не было. Отец в числе своих многочисленных родственников имел и французов и немцев. Мы, таким образом, уже по рождению своему были интернационалистами. Но в семействе нашем, за исключением отца, хорошо владевшего французским и отчасти немецким языками,— все говорили только по-русски и считали себя кровными россиянами.

Я родился в Калуге, трех месяцев меня перевезли в Москву. В Москве умерла одна из моих сестер. Нас осталось семь братьев и одна сестра, самая старшая из нас. Половину ребят своих отец сдал на воспитание казне: трех братьев, а в том числе и Льва—в петербургскую гимназию и одного, как более шаловливого,—в кадетский корпус.

В 1856 г. отца назначили управляющим Уфимской Палатой Государственных Имуществ. Это был крупный переворот в его жизни. Губернатором в Уфе, куда мы приехали, был Григорий Аксаков, сын известного писателя.

Сестра, когда ей минуло 14 лет, была еще из Москвы отправлена отцом в Петербург, к его родным, для привития ей светского лоска. Года через три она переехала в нашу глушь. Уфимские кавалеры ей, конечно, не понравились. Но почти одновременно с ней приехал в Уфу отпрыск московских аристократов, старого дворянского рода Смирновых. Этому Смирнову по наследству досталось небольшое имение около Уфы. Усадьбы не было. Он все лето, осень и весну жил в избе своего старосты, пьянствовал и развратничал. Ранней же зимой; ликвидировав добрую часть хлеба, собранного его крепостными, брал с собою двух парней, наряжал их в черные костюмы, делая их на это время лакеями, и, сняв квартиру, вел в Уфе разгульную жизнь. Был он красивый, здоровый, сыпал французскими фразами, прекрасно танцовал, обладал хорошими манерами. В этом светском лоске они сходились с моей сестрой и хотя были круглыми невеждами, но на окружающих провинциальных увальней смотрели свысока. Молодые люди сошлись и решили венчаться. Родители протестовали. Холостая жизнь Смирнова была всем известна. Но дочь настаивала, грозила самовольным уходом. Время было либеральное, сопротивление родительское было сломлено. Свадьба состоялась, молодые поселились у нас. По приказу своего помещика, вся деревня—от стариков до молодых ребят, в лютый мороз приехала на поклон к своей новой хозяйке. Дрожа от холода, эти холопы, худые, истощенные, одетые в какую-то грязную рвань, сквозь которую местами проглядывало голое тело, гуськом входили в наши комнаты, земным поклоном приветствовали своих разодетых и надушенных владельцев, прикладывались к их рукам и, получивши, смотря по возрасту и полу—стакан водки и бутерброд, или красный головной платок, или два пряника,—в таком же порядке выходили снова на морозный двор. Эта сцена неизгладимо врезалась в моей памяти. Мать часто читала нам о страданиях христианских мучеников. И вот я увидел таких же мучеников в живых образах окружавшей меня жизни.

Мать наша была очень добра и религиозна. Каждое утро она опускалась с нами на колени перед киотом с большим числом образов и читала бесконечный ряд молитв и акафистов. Мы были очень привязаны к своей матери, сидевшей над нами, как курица над цыплятами, но как только подрастали, так выходили из-под ее влияния. Она не удовлетворяла нашим умственным запросам, была

БУХ Н. К. (1853–?).

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Харькове.

почти без всякого образования, слабохарактерна и очень боялась отца. Отец не вмешивался в наше религиозное воспитание. При заключении брака от него, как лютеранина, взята была соответствующая расписка, и он строго соблюдал данное им в этой бумажке обещание. Но все же мы на каждом шагу видели, что отец, поклонник великих писателей Франции конца XVIII века, будучи значительно умнее и развитее своей жены, ни в бога, ни в чорта не верит, образам не молится, в церковь не ходит, постов не соблюдает. Все это будило нашу мысль, заставляло критически отнестись к наивным верованиям, столь дорогим для нашей матери, жившей сердцем, но не умом. Мать очень огорчалась постепенным уменьшением своего цыплячьего табунка, но для борьбы с этим не имела сил.

Отец был в большой дружбе с губернатором Григорием Аксаковым. Были они прогрессисты-администраторы и с восторгом ожидали назревавших в то время реформ Александра II. В конце 50-х годов, в эпоху расцвета воскресных школ, открылся такой просветительный пункт и в Уфе. Отец принимал деятельное участие в устройстве этой школы и был в ней одним из преподавателей. Отец со слезами на глазах читал нам манифест об освобождении крестьян.

В служебной карьере отца совершился переворот. Приятелю, бывшему сослуживцу отца, Гроту, поручили организовать акцизное ведомство. Место управляющего акцизными сборами в Уфе предложили отцу. Содержание его увеличилось почти в три раза. У отца была широкая натура, был он хлебосол, жил всегда несколько выше своих средств и терпеть не мог скопидомства. Переехали в большую квартиру, завели карету, устраивали обеды, вечера, дом был открыт для гостей. Но среди этой шумной жизни я чувствовал себя одиноко. Ближайший ко мне по возрасту брат умер. Следующий брат был старше на три года и не обращал на меня внимания. Мать не могла руководить моим воспитанием, я был предоставлен самому себе. Я надел ученический мундир, но ученье мое шло так плохо, что при всем значении в то время протекции не было никакой возможности продолжать мое пребывание в гимназии. Приглашенный ко мне в репетиторы весьма образованный ссыльный поляк посоветовал взять меня из учебного заведения, ручаясь, что через год он подготовит меня во второй класс. Так и сделали. Этот учитель сумел возбудить во мне любовь к математике и интерес к естественным наукам, но как сам математик, он не придавал большого значения развитию памяти и на это мое больное место не обратил внимания. Приготовляя уроки, я не пытался видеть прочитанное, пережить его, а стремился лишь запомнить печатный текст, что было, конечно, очень трудно. Особенно тяжело давались мне иностранные языки.

Среди детей крупных чиновников, помещиков я имел приятелей. Заражаясь настроением окружающих, мы преклонялись перед царем-освободителем. И вдруг выстрел. Кто стрелял в царя? Помещик. За что, за освобождение крестьян? Так думали у нас на кухне, но в передних комнатах отрицали эту версию. Каракозова повесили. За что? За то, что он стрелял в царя. Но за что, за что же он стрелял в царя? Мы смотрели друг на друга с недоумением и тщетно искали ответа.

Во второй класс я был принят, хотя оказался хорошо подготовленным только по математике. Здесь со своим приятелем я увлекся чтением французских романов, путешествий—это было так увлекательно,— а потому и на прохождение курса второго класса я затратил два года и еле-еле перескочил в третий.

Аксакова назначили губернатором в Самару. И отец просился в этот город, но был переведен в Пензу. Отец уехал на место своей новой службы осенью 1866 г., а нас с матерью, в виду обещанного ему перевода в Самару, решил оставить в Уфе до окончания занятий в гимназии. Перевод отца в Самару состоялся в декабре, мы присоединились к нему летом 1867 г.

В самарской гимназии я удачно перескочил в четвертый класс. Но гимназическая премудрость была мне противна. Через два года я с большим трудом перебрался в пятый класс.

Весной 1871 г. в нашей гимназии разыгралась трагикомедия, незначительная сама по себе, но сыгравшая в моей, как и в судьбе многих из моих товарищей, весьма знаменательную роль. В одну из больших перемен нам объявили, что после уроков все ученики старших классов должны собраться для объяснений с директором. Собрались в физическом кабинете. Директор, медленно опустив правую руку в левый боковой карман своего вицмундира, вынул из него солидный белый пакет за пятью красными сургучными печатями и, после торжественного спича о важности и конфиденциальности бумаги, извлекши из пакета циркулярное предписание, приступил к чтению. Директору предлагалось предупредить учеников старших классов, что на Руси за последнее время появилось много крамольников, стремящихся уничтожить религию, власть и семью; что крамольники эти пополняют свои ряды, главным образом, адептами из среды воспитанников высших и средних учебных заведений, нередко завлекая их в сообщество обманным путем. Ученики морского училища, например, задумали учредить общество для ловли китов и моржей, а крамольники, восполь-

зовавшись этим, вовлекли их в сообщество, стремящееся к ниспровержению существующего порядка. Морякам, как военным, грозило очень серьезное наказание. Но государь, узнав об обманном вовлечении моряков в крамольное общество, решил: дело о воспитанниках морского училища оставить без последствий, учеников же всех средних учебных заведений предупредить о расставленных крамолой сетях и о грозящей им опасности. Закончив чтение бумаги, директор сказал нам краткую речь и, нервно тыкая своим жирным пальцем по направлению к полу кабинета, прибавил: „Перед вами пропасть. Попечительное правительство вам указывает на нее. Воспользуйтесь предупреждением, берегитесь. Сорвавшись в пропасть, вы в ней погибнете безвозвратно".

Мы жили в удушливой атмосфере. В газетах печатались известия о Парижской Коммуне. Гимназисты 7-го класса организовали „обжорную коммуну", в нашем пятом классе организовалась „коммуна взаимного увеселения". Теперь из речи директора и прочитанной им бумаги мы поняли, что в России существуют две борющиеся между собою силы. мертвящая сила правительства, с которой, в лице наших педагогов, мы уже несколько навыкли бороться, и сила молодой России, приглашающая нас посвятить свою жизнь благу и счастью нашей родины, благу и счастью всего человечества. Мы знали это и раньше, но наша жизнерадостная молодая мысль серьезно не останавливалась на этом; а теперь наше начальство, наше „высшее начальство" предлагало нам определенно стать в ряды той или другой из борющихся сторон. Существовавшие кружки молодежи распались, на их место организовались новые. Лица, не имевшие влечения к „пропасти", отошли в сторону; лица же, которых манила к себе „пропасть", сознавшие необходимость спуститься в нее для возрождения к новой жизни, сблизились, связали себя крепкими узами. Это началось с осени.

Летом мы с жадностью читали печатавшийся в газетах процесс нечаевцев. Это приблизило нас к „пропасти", но не дало ясного представления о предстоящей нам деятельности. Более определенную программу мы почерпнули из „Исторических писем" Миртова-Лаврова. Осенью в Самаре организовалось несколько революционных кружков. Наш кружок состоял всего из трех лиц—я, Осташкин и Чернышев. Занимались почти исключительно самообразованием. Весной 1872 г. в Самару прибыли из Петербурга несколько агитаторов и соединили все революционные кружки в одно целое. Приехали чайковец Сердюков со своим последователем Ливановым, студент-технолог Соколовский и, выпущенный из Петропавловской крепости и водворенный в Самаре под надзор полиции, нечаевец Кошкин. Наибольшим успехом среди самарской молодежи пользовался в это лето Соколовский, еще в гимназии внушавший к себе уважение своей склонностью к серьезным занятиям. Пробыв один год в Петербургском Технологическом институте и встретившись там с чайковцами, он вернулся к нам ярым революционером. Соколовский собрал в своей маленькой, свободной от мебели, квартирке всю самарскую революционную молодежь и прочитал ей лекцию. На одной из стен, выбеленной известью, был начерчен углем ряд концентрических, все расширяющихся кругов. Стоя около этого чертежа в своих рыжих ботфортах, в невозможно грязной рубашке и костюме, сшитых из грубого крестьянского холста, он, обводя нас пылающим взором и тыкая пальцем то в тот, то в другой из кругов—кричал: „Здесь помещается центральное правительство, здесь дворянство, духовенство, купечество и фабриканты, а здесь, в этом большом круге, ютятся все трудящиеся, крестьяне и рабочие, из которых центральные круги, сплоченные общим интересом, высасывают кровь. Это их стадо, оно должно быть покорным, а потому общими усилиями они держат его в невежестве. Они опасаются, что стадо их, вкусив плоды от древа познания добра и зла, не пожелает носить возложенного на него ярма, стряхнет с себя всех своих эксплоататоров. И вот древо это, древо познания добра и зла, они поставили на высоту недоступную для народа. Таково положение вещей, из него выясняются наши задачи. Они заключаются в том, чтобы уничтожить основательно воздвигнутую преграду между народом и наукой. Нам плоды древа познания доступны, мы можем сорвать их и передать в лагерь трудящихся. Но доверится ли нам народ, примет ли он от нас эти плоды? Пока мы стоим в этих центральных кругах, народ, видя в нас своих угнетателей, не может отнестись к нам с доверием. Нужно сбросить с себя привилегированную оболочку, обратиться в простых рабочих, перейти из центральных кругов в этот большой круг трудящихся людей. Здесь примут нас с распростертыми объятиями, здесь отнесутся к нам с полным доверием, здесь не отвернутся от принесенных нами плодов знания. И когда плоды эти будут усвоены трудящимися массами, тогда ярмо будет сброшено, стадо восстанет на своих пастырей, и центральные круги эти будут рассыпаны в прах".

Но эти проповеди оказывали пока лишь теоретическое влияние, не настало время для претворения их в жизнь. Мы еще не вылупились из своих футляров, каждый думал о своем. Я вышел из гимназии. Брата Льва перевели на службу в Петербург, я поехал к нему. Учебный 1872—73 год я

посвятил подготовке к экзамену по курсу военных гимназий. Благополучно сдав их, я три дня пробыл в Павловском Военном училище, затем перешел в Медико-Хирургическую Академию. В Петербурге собралось четыре члена нашего самарского кружка: Городецкий, Фанин-Андреев, Чернышев и я. К нам присоединилось много других, мы поселились коммуной. Таких коммун в городе образовалось много. Мы читали „Анархию" Бакунина, журнал „Вперед". Велись споры, мы готовились к предстоящей деятельности в народе. Собирались общие сходки петербургских кружков. Первая сходка, на которую я попал, собралась на квартире студента-технолога Ипполита Головина. Человек сорок скучилось в довольно большой зале с тремя окнами, плотно завешанными гардинами. Комната освещалась небольшой лампой, прикрытой темным абажуром. Полумрак. У лампы сидит хозяин квартиры, взявший на себя роль председателя. „Вот, говорит он, при какой таинственной обстановке мы, почти не видя друг друга, вынуждены собраться, рискуя к тому же, что, не взирая на все наши предосторожности, нас каждую минуту могут накрыть жандармы и подвергнуть за это сборище весьма серьезным наказаниям. На этом собрании нам предстоит высказаться по вопросу: надлежит ли нам немедленно итти в деревни и, игнорируя опасность, подстерегающую нас на каждом шагу, стремиться организовать народ и поднять его против правительства, помещиков и буржуазии; или, временно отложив работы по подготовке социально-экономического переворота, кинуть все свои силы на политический фронт: к разрушению гнета, собравшего нас в этой полутемной комнате; гнета, разрушение которого даст нам возможность проповедывать свои убеждения в больших, ярко освещенных залах, в театрах, на площадях и в короткое время, без тяжелых жертв, подготовить народ к социальной революции". Высказывались разно. Большинство стояло за немедленную подготовку крестьян и рабочих к восстанию. Помню яркую фигуру брата Софьи Перовской. Выше среднего роста, в ботфортах, в красной косоворотке, подпоясанной ремнем, с румяным, пышущим здоровьем лицом, обрамленным золотистыми кудрями, он, сидя на стуле, конфузясь, неуверенно говорил: „Я думаю, что вся сила в знании. Нам нужно стремиться к возможно большему расширению своего умственного кругозора, а также и окружающих нас людей, помогая в этом друг другу. Это стремление перейдет—и уже переходит—от интеллигенции к рабочим, от рабочих же оно перекинется и к крестьянам. Вот. Этого потока никакая запруда не удержит. А затем, когда эта коалиция сознательных революционеров разрастется, видно будет, жизнь сама укажет, что нам делать дальше".

Весна властной рукой стучалась в окна наших жилищ, призывая нас к переходу от слов к делу. Народ мы знали только по его истории. Этот народ, управлявшийся, как мы рисовали себе, своим вечем, менявший наемных князей-военачальников, как перчатки, дал наложить на себя цепи лишь под игом татар. Освободившись от владычества последних, народ неуклонно рвал свои путы и за последние столетия неоднократно пытался стряхнуть насевших на него эксплоататоров. Этот народ внушал нам к себе доверие, любовь, перед этим народом мы готовы были преклониться. Сто лет отделяло Разина от Пугачева, такой же период времени отделял нас от последнего грозного народного восстания. Это казалось нам знаменательным. Освобождение крестьян всколыхнуло народ; свое неудовольствие грабительскими условиями дарованной воли, доведшими его до нищеты, до голода, он выразил в ряде бунтов. И нам казалось, мы имели право сказать: настал час, нужно организовать народ, помочь ему сбросить свои оковы—царей, помещиков, буржуазию.

В Петербург приехал Ковалик и созвал представителей революционных кружков. На собрании вопрос был поставлен так: все мы стремимся итти в народ, но программы предстоящей нам деятельности у нас разные. Не будем спорить, споров было достаточно. Организуемся в том виде, в каком мы существуем. Осенью, когда вновь соберемся в Петербурге, попытаемся сблизиться теснее и выработать общую программу, которую продиктует нам жизнь. А пока, на предстоящее лето, для взаимной помощи и направления деятельности кружков к единой цели, пусть каждый из них изберет своего представителя в центральный кружок. Это было принято. Члены кружков двинулись в народ, а представители их, а в том числе и я, как избранный от самарского кружка, остались в Петербурге. Но функции центрального кружка были лишены жизненности, кружки не считались с мнением своих представителей, не присылали и не могли присылать им отчетов о своей деятельности. Мы чувствовали себя не у дел и рвались к непосредственной работе в народе.

В конце мая мы передали все дела кружка представителю чайковцев и разъехались. Я рассчитывал присоединиться к своему кружку в Самаре, но чайковцы уговорили меня поехать в Пошехонский уезд, в имение Эндаурова. Там я встретил еще трех товарищей, все мы жили на положении рабочих и вели посильную пропаганду. Через месяц мы получили предупреждение о предстоящем аресте и разбежались. Я уехал в Самару. Здесь я встретил Войнаральского,

Осташкина, Петропавловского-Коронина и др. Началась волна арестов, она колебала почву и в Самаре. Бежал, прожил около месяца в деревне, в семействе крестьянина, товарища по гимназии, Егора Лазарева. Узнав здесь об аресте Осташкина и др., уехал в Казань. В конце августа вернулся в Петербург. Из всего нашего кружка встретил только Попова, продолжавшего учение в Мед.-Хир. Ак., Никитина, Комова и Осипова. Последние два скоро были арестованы, Никитин куда-то скрылся, меня чайковцы направили в Одессу. Но местные чайковцы во главе с Желтоновским, только-что пережившие погром, страдали шпиономанией и приняли меня весьма сурово. К счастью, я скоро натолкнулся на кружок южных бунтарей: Дебогорий-Мокриевича, Стефановича, Коленкину и др. и поселился с ними на Молдаванке. Месяца через два Желтоновский вызвал меня, извинился за свою подозрительность и спросил, думаю ли я с ними работать, но я уже был увлечен новой программой. Мы решили стать на почву народных идеалов. Летом 1875 года мы вернулись в деревню. Около года мы прожили в селах Киевской губернии, но результат оказался весьма жалким. Народ отнесся к нам сочувственно, но было ясно, что за нами он пойдет лишь тогда, когда мы представим из себя достаточно сильную инициативную группу. Такой силой явился организованный фабрично-заводской пролетариат, нашедший опору в крестьянстве в 1905 и 1917 гг. Мы же опирались, главным образом, на учащуюся молодежь, отдававшую нам ничтожный процент из своей среды. За отсутствием реальной силы Стефанович со своими соратниками прибегли к фиктивной и, действуя от имени царя, создали Чигиринское дело. Я в этом не участвовал, жил в Харькове, добывал средства к жизни уроками и пытался ориентироваться, наметить план дальнейших действий. Из этого пассивного состояния я был извлечен Осинским, отыскавшим меня по указаниям Дейча.

Осенью 1877 г. я был уже в Петербурге, где в то время проживали мои сочлены по кружку южных бунтарей—Мария Коленкина и Вера Засулич. Толкаясь среди народников-троглодитов, я в успехе их дела сомневался. Брат мой, Лев, предложил мне участвовать в устройстве типографии для печатания затеянной им нелегальной газеты. Это дело увлекло меня. Добыли шрифт из типографии Вольфа. Печатный станок, типографские принадлежности и недостающую часть шрифта Зунделевич купил в Берлине, перевез через границу, отправил в Петербург и передал нам накладную.

В Петербурге жизнь кипела ключом. Кончился процесс 193-х, большинство подсудимых очутилось на воле. Собрания, вечеринки. Приехали южане, подготовляли покушение на жизнь Трепова. Забегая почти каждый день к Коленкиной и Засулич, я видел, что они что-то скрывают от меня и срочно собираются ликвидировать свою квартиру. И вдруг известие: Засулич стреляла в Трепова. Разыскал Коленкину. Волнуясь, она сообщила мне, что они бросили жребий, жребий пал на Веру. Когда Засулич пошла к Трепову, она, Коленкина, направилась на квартиру Желиховского, обвинителя по процессу 193-х, чтобы застрелить его. Прокурора дома не было, в переднюю вышла жена, дети и с большой тревогой смотрели на нее. Она повернулась и ушла. Через некоторое время пришел к брату Жуковский, отказавшийся от обвинения Засулич, и передал, как слух, что полиция напала на след соучастницы Засулич, проживающей где-то на Литейной, около Окружного суда. Брат немедленно сообщил мне. Адрес был весьма точный. Я поехал к Коленкиной, с которой в это время жил и Чубаров. Было 10 час. вечера. Коленкина не соглашалась покинуть квартиру. Чубаров с задумчивым видом расхаживал по комнате. Коленкина убеждала меня, чтобы и я остался с ними, что мы вместе окажем вооруженное сопротивление, что это теперь лучший способ пропаганды. Было поздно, вот-вот могли нагрянуть жандармы, я простился и ушел. Как это ни странно, но слух оказался вздорным.

Типография была устроена, приступили к печатанию беспартийной социалистической газеты „Начало". Предполагалось, что социалисты разных оттенков примут в ней участие и общими усилиями выяснят программу совместного революционного действия. Но дело не клеилось. Кроме этой газеты, печатали „Летучий Листок", брошюру „Заживо погребенные" и проч.

Осенью 1878 г. я вновь сошелся с народниками, содействовал передаче им нашей типографии, участвовал в печатании газеты „Земля и Воля", „Листок Земли и Воли" и многих прокламаций.

В августе 1879 г. меня потянуло за границу. Я видел, что только Клеточников спасает нас от провокаторов, собравшихся большой группой у пределов нашего заколдованного круга. Это было ненормально, это ясно указывало на ошибочность нашего пути. Хотелось разобраться в этом, поискать более верной дороги к намеченной нами цели. Брат Александр, от лица всех родных, настойчиво убеждал меня ехать за границу, дал мне паспорт умершего родственника и обещал дать деньги перед отъездом. Но бросить товарищей в такое тяжелое время было стыдно, и выявлялось сознание: момент, когда—хотя бы благодаря случайности—силы III Отд. значительно ослаблены, должен быть использован для нанесения на-

ризму возможно тяжкого удара. Я колебался. А время не ждало, нужно было немедленно приступить к устройству типографии. Я объявил товарищам, что возьму на себя это дело, но лишь при условии участия моего в обсуждении программных статей газеты. Морозов, с которым я вел переговоры, сказал: „Если хотите участвовать в обсуждении программных статей, то к этому один путь—поступайте в партию". Я согласился, и перед самым развалом „Земли и Воли" был скоропалительно принят в члены ее. Когда наша партия распалась на Народную Волю и Черный Передел, члены последней организации—Плеханов, Аптекман и др., спрашивали меня, пристаю ли я к ним или отхожу к народовольцам. Кто-то из них дружески предупреждал, что некоторые народовольцы настроены против моего приема и собираются оставить меня за штатом, но я, заваленный работой, не придавал этому особого значения и не верил в возможность такого коварства, что, по всей вероятности, и не имело места. Я присутствовал на трех собраниях членов Исполнительного Комитета. На первом из них обсуждались текущие дела, на втором—программа Народной Воли, в обсуждении которой я почти не участвовал, так как своей программы у меня не было; и, наконец, третье было созвано для избрания распорядительной комиссии. В своей избирательной записке я поместил: Михайлова, Тихомирова и Морозова. Ко мне подошел Тихомиров и сказал: „Зачем вы пишете Морозова, с ним нам будет трудно работать, он внесет разлад".—„Но будет служить вам хорошим дополнением", ответил я. Особенно старательно к делу избрания отнесся Грачевский, только что бежавший из ссылки и избранный в члены И. К. Он расхаживал по комнате, держа в одной руке листок, а в другой—карандаш, которым постукивал свой нахмуренный лоб. Время от времени он останавливался, прикладывал листок к стене и твердой рукой вносил фамилию. В записке его оказались: Тихомиров, Михайлов и... я. Это возбудило смех. Грачевский оправдывался: „Я руководился теми отзывами, которые слышал здесь же. Я не знал, что Бух работает в типографии". Незадолго до ареста я поинтересовался и спросил у Михайлова о подробностях приготовлений к предстоявшему взрыву в Зимнем дворце. Он покраснел и, как бы оправдываясь, сказал: „Ведь у нас только три секрета, в которые посвящены лишь члены, принимающие в этих делах непосредственное участие: подробности взрыва, Клеточников и адрес вашей типографии. К чему праздное любопытство?".

В январе 1880 г. я вместе с „Петербургской Вольной Типографией", переданной народовольцам ликвидационным собранием „Земли и Воли" и печатавшей в то время № 3 „Народной Воли", был арестован. При аресте мы оказали вооруженное сопротивление*) и были основательно избиты. Просидев в Петропавловской крепости 9 мес. до суда и 7 мес. на каторжном положении после суда, я вместе со своими товарищами по процессу был отправлен в Карийскую каторжную тюрьму. Сидя в этой тюрьме, мы имели сведения о ходе политической борьбы в России и с печалью в сердце наблюдали постепенное ее ослабление. Когда получено было известие об аресте Клеточникова, я окончательно разочаровался в успехе борьбы народовольцев и впал в политический маразм. Я оставался, конечно, социалистом, но вернулся к марксизму, как его тогда понимали, вернулся, надо признаться, с тем же чувством разочарования, с каким жена рыбака у Пушкина вновь очутилась перед своим разбитым корытом. Мы рассчитывали на быстрый ход событий, теперь же революция в моем сознании отодвинулась в неопределенную, астрономическую даль. Если, думал я, в промышленных странах—Англии, Америке и даже в Германии—социализм развивается так медленно, то когда же мы будем в состоянии свергнуть иго царей, помещиков, буржуазии. В то время профессора Чупров и Исаев в своих лекциях и печатных произведениях становились на точку зрения К. Маркса, признавая лишь, что осуществление идеалов социализма возможно только в отдаленном будущем. Я читал их сочинения, соглашался с ними и недоумевал, почему Чупров и Исаев занимают кафедры, свободно пропоповедуют столь близкие нам идеи, а мы, закованные в кандалы, с полубритыми головами, что делало нас похожими на петухов, сидим в каторжной тюрьме. Но над этой мыслью я не останавливался, я только улыбался ей и бодрости духа не терял. Если по законам истории нам суждено жить и умереть под царской пятой, то что же мы можем поделать? Будем довольствоваться тем, что дала нам судьба. Я занялся астрономией и психологией, создал в этих областях свои гипотезы, занимался разработкой их. Потом я перешел к экономическим наукам. Еще при первом чтении „Капитала" К. Маркса в 1874 г., когда я вернулся из первого нашего похода в деревню, у меня возник вопрос: почему труд-движение измеряется временем? Конечно, время здесь играет лишь передаточную роль. Измеряя труд-движение временем, мы измеряем его движением же, движением нашей планеты вокруг солнца или своей оси. Но почему применен такой грубый измеритель? Труд человека обычно заключается

*) С. А. Иванова, Цукерман, Грязнова, Любкин (застрелился)—хозяйка и наборщики в типографии в Саперном переулке.

В. Фигнер.

в передвижении массы. Масса тел расположена в природе не вполне так, как это требуется для удовлетворения человеческих потребностей. Чтобы приспособить окружающие тела к своим нуждам, человек сообщает движение массе и останавливает ее в нужной ему точке. Законы движения масс изложены в механике и там, конечно, не измеряют их движение временем, движением небесных тел, а для этой цели имеют весьма точный измеритель. Напав вновь на этот след, теряющийся в дебрях научной тайги, и приложив законы механики к исследованию условий интенсивности труда, я пришел к поразившим меня выводам, бросившим яркий свет на многие явления экономической и политической жизни. Все эти научные работы так захватили меня, что я и не заметил, как пролетели над моей головой еще 8 лет каторжной жизни. Но тут пришла „карийская трагедия", и я был вышиблен из своей колеи.

Комендантом у нас в то время был Масюков—слабый, бесхарактерный старик. Будучи офицером, он прокутил и проиграл в карты значительное состояние, доставшееся ему по наследству от родных. Желая выйти в отставку с хорошей пенсией, он, по совету своих собутыльников, поступил в жандармы. Мужская тюрьма хорошо поняла его и умела с ним ладить. Когда, напр., он как-то проиграл в карты весьма солидную сумму из денег, получавшихся на имя заключенных, и покаялся в этом перед нашим старостой, тюрьма простила ему этот грех, потребовав лишь некоторых льгот для своих товарищей. Но в женской политической тюрьме не любили Масюкова и там возникали с ним постоянные весьма крупного характера недоразумения. Заключенная там Сигида дала ему пощечину. Возникло дело, Сигида была подвергнута телесному наказанию. Не выдержав позора, она умерла. Не могли перенести позора и несколько товарищей ее по заключению. Приняли яд и умерли. В мужской тюрьме довольно большая группа решила последовать примеру последних. Раздобыли опий. Первый опыт отравления был неудачен, яд не подействовал. Через несколько дней опыт был повторен, яд был принят в большей дозе, но и на этот раз он не оказал ожидаемого действия. Тогда Иван Калюжный розыскал коробку с опием и принял его в большом количестве. Примеру его последовал Сергей Бобыхов. Оба они умерли. Это были два неразлучных друга. Об их нравственных качествах не приходится говорить, но это были люди с хорошим аналитическим умом, обладавшие феноменальной памятью. Накануне рокового вечера Калюжный приходил проститься со мной. Слезы сверкали в его глазах. Я, как умел, настойчиво отговаривал его от этого самоуничтожения, но он был тверд. Эти события произвели ошеломляющее впечатление на тюрьму. Все были сильно огорчены утратой дорогих товарищей. Но те, кто сохранил еще в себе веру в скорое наступление революции, находили утешение в мысли, что эта смерть товарищей приблизит дело их к победе. Я не имел и этого утешения. Морального значения геройской смерти погибших товарищей я, конечно, не отрицал, но положительный результат их гибели видел почти исключительно в том, что они избавили нас от тяжелой жизни под угрозой позорного телесного наказания. Этого они достигли. И я спрашивал себя, имели ли мы право принять такую тяжелую жертву от своих самых лучших и м. б. самых способных товарищей. Я чувствовал себя виновным в смерти этих близких мне людей, мы не приняли энергичных мер к их спасению.

Находясь в таком подавленном состоянии, я получил письмо от брата Льва. С братом мы были в самых дружеских отношениях с юности и до самой его смерти. Он был арестован почти на год раньше меня, но никаких улик у жандармов против него не было. Его освободили, когда я сидел уже в Петропавловской крепости. Он приходил ко мне на свидания, присутствовал на нашем суде. После моего осуждения он по болезни уехал за границу. Там он получил известие от отца, что если он вернется в Россию, то будет отправлен на 5 лет в административную ссылку. Брат предпочел жить в Париже, где в то время сосредоточилось много русских эмигрантов. Через пять лет, когда истек срок его ссылки и заграничного паспорта, и отец, очень скучавший о брате, написал ему, что он может вернуться в Петербург, так как дело его аннулировано, брат вернулся, поступил на частную службу и усиленно занялся разработкой экономических вопросов, давно уже интересовавших его. Об этих своих работах брат, не знавший еще о пережитой нами трагедии, и писал мне в самых радужных красках. И представьте себе мое удивление и радость, когда я увидел, что он, исходя из совершенно других данных, приходит почти к тем же выводам, к которым пришел и я. Конечно, все это рисовалось еще в тумане, но именно во мгле-то предстоящая работа и казалась грандиозной. Меня с такой силой охватило желание быть вместе с братом, работать с ним, и предстоящий труд казался такой большой научной и даже революционной ценностью, что я... подал прошение о помиловании. Это совершилось как-то очень быстро. Дверь нашей тюрьмы в этом направлении была приоткрыта, многие товарищи только что прошмыгнули в нее, выскочил и я. Этим я нанес себе глубокую рану, причи-

нившую мне много страданий. Месяцев через десять, в январе 1891 г., я был отправлен „на жительство" в Западную Сибирь. Затем через три года, под давлением отца, ко мне был применен манифест, данный по случаю проезда наследника через Сибирь, и я был водворен на жительство в Уфимскую губернию, в имение своей сестры. Еще через три года, по применению свадебного манифеста, мне возвратили все права, запретив лишь жительство в столицах и столичных губерниях. Это последнее ограничение в правах было снято с меня только по манифесту, изданному в связи с революцией 1905 г.

В конце 1895 г. умер мой отец, оставив мне небольшое наследство. Я купил себе за 240 р. крохотную усадьбу на Кавказе, куда каждое лето приезжал ко мне брат с своей семьей. С братом мы вели оживленную переписку зимой и горячие споры летом, но договориться не могли. Брат не допускал мысли, что данные механики, столь точной науки, могут быть приложены к выяснению общественно-экономических вопросов. Желая убедить меня в этом, он дал мою работу на просмотр известному в то время профессору механики Кирпичеву. К его удивлению, последний согласился с правильностью основных положений моего труда. Но и это не показалось брату убедительным. В свою очередь и я не мог согласиться с некоторыми положениями теории брата *). Особенно возмущала меня его настойчивость в утверждении, что дневная интенсивность труда за пределом нормального 8-ч. раб. дня всегда обратно пропорциональна длине этого дня. Выходило, что если бы, напр., кустарь наш, при всех других равных условиях, работал не 16, а только 8 ч., то продуктивность его труда увеличилась бы в 2 раза **). Так совместная наша работа, о которой я мечтал, и не состоялась. Только во время последнего нашего свидания, в январе 1917 г., за 3—4 м. до его смерти, брат обещал мне приступить к соединению наших работ в одно целое.

Живя на Кавказе в 1900 г., я после долгого затишья впервые уловил отдаленные громовые раскаты приближающейся революции и с такой же жадностью прислушивался к ним, с какой улавливает этот звук крестьянин после долгой засухи, когда дождь так требуется для орошения его полей. Политический маразм, так долго владевший мной, падал по мере того, как громовые удары становились сильнее. Скоро прилетели и первые вестники приближающейся грозы, ссыльные из Петербурга и Харькова. Я подружился с ними. При содействии одного из них, горячо преданного революционному делу, я ликвидировал свою дачу и в феврале 1902 г. был уже в Харькове. Старый приятель, сочлен по кружку южных бунтарей и партии народовольцев, В. П. Лепешинский, помог мне поступить на жел.-дор. службу. Живя в Харькове, я имел сношения с с.-р. и с.-д., но в партию не вступал. По своей идеологии я мог поступить в партию с.-р., но основываясь на своем народовольческом опыте, когда мы были одновременно осведомлены и в революционных делах и через Клеточникова в делах жандармерии, я не мог себе представить, что в среде революционеров нет провокаторов.

Но, оставаясь в стороне, я не терял связи с близкими мне людьми, в которых был вполне уверен, и в общих чертах, без проникновения в детали, наблюдал движение на коротком расстоянии, радовался его успехам и по мере сил содействовал ему. Не впал я в политический маразм и при повальном распространении его, после подавления нашей в высшей степени оригинальной и красивой революции 1905 г. В своей брошюре „Закономерность развития и будущность человечества", изданной мной в 1907 г., я, исходя из своих основных положений, писал: „...капиталист, ежедневно учитывающий свои барыши и убытки, стремится к увеличению рабочего дня, к уменьшению заработной платы и является, таким образом, злейшим врагом крупной промышленности; не сознавая того или придерживаясь правила: „пока солнце взойдет, роса очи выест", он подтачивает корни дерева, плодами которого питается и за которым во всех других отношениях ухаживает самым тщательным образом. Рабочий же, питающийся плодами, падающими с того же дерева, и часто относящийся к этому дереву враждебно, содействует развитию крупной промышленности, т. к. естественно стремится к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, к расширению своего умственного горизонта— этим главным и основным факторам развития производств с крупным постоянным капиталом. Классовый интерес рабочих связан с разлитием благоденствия и света знания на все человечество; узкий интерес капиталистов, которым они, за весьма редкими исключениями, и руководствуются,— с сохранением благоденствия и света лишь в своих дворцах... Мы присутствуем при титанической борьбе рабочих с буржуазией. Победа буржуазии в этой борьбе, это— смерть промышленности, которую в конце концов не спасут и таможенные пошлины, это вырождение и гибель народа; победа

*) Leo von Buch, „Intensität der Arbeit, Werth und Preis der Waaren" (Duncker u. Humblot), 1896; русск. изд. Лев Бух, „Основные элементы полит. экономии. Интенсивность труда, стоимость, ценность и цена товаров", 1902, 2-ое русск. изд. с предисл. Эд. Бернштейна, 1906 г.

**) Л. Бух, „Осн. элем. пол. экон.", стр. 102—103.

рабочих, это—расцвет промышленности, расцвет народных сил, приближение народа к грядущему социальному перевороту. В этой борьбе могут погибнуть отдельные народы и государства, но ясно, что победить в ней могут только представители „труда" *).

В партию с.-р., по предложению Харьковского комитета, я вступил лишь после Февральской революции и пробыл в ней до конца 1917 г., когда после непродолжительного страха перед „бронированным кулаком" Вильгельма, грозившим опуститься на нашу голову, я понял, что функции этой партии закончены, и что в момент торжества социализма все революционные силы должны быть сосредоточены в одном центре.

Русская революция 1917 г., ярко осветившая наши блуждания в прошлом и прямой путь к великому будущему, заставила меня голодать, две зимы прожить в нетопленной комнате, работать в холодном помещении и, разрушив транспорт, принудила меня, проживавшего в 9 вер. от Харькова, ходить на службу пешком, делая около 20 верст в день в мороз, бураны и дожди; но все эти личные переживания тонули горькими каплями в великой радости, доставляемой мне каждым шагом на пути к грядущей мировой революции. Эта радость влила в мой одряхлевший организм новую силу и жажду жизни.

Гедеоновский, Александр Васильевич **).

Я родился 27 авг. 1859 г. в селе Шаблыкино Карачевского у. Орлов. губ. Родители мои были из духовного звания; отец по тому времени был довольно просвещенный человек. Состоя в должности благочинного, он имел библиотеку для своего округа, выписывал много газет и журналов, не придерживаясь какого-либо определенного направления: тут были журналы и резко консервативного направления („Домашняя беседа" Аскоченского) и радикальные („Современник" времен Чернышевского, „Русск. Слово"). С 10 лет я уже пристрастился к чтению газет, и отец поощрял мое рвение.

На 8 году меня отдали в школу, где обучалось до 100 мальчиков и ни одной девочки, учились исключительно дети крестьян, со многими из них у меня долго сохранялись дружеские отношения. На 10 году меня отвезли в Орел и определили в 1 класс (низшее отделение) духовного училища, где полагалось пробыть 6 лет. Обстановка во многом напоминала „бурсу" Помяловского, но порки уже не было, довольно сильно страдали только волосы и уши. Через 3 года по моем поступлении школа была реформирована во многом к лучшему, но нас душили изучением древних языков—9 уроков в неделю было по греческ. яз. и 7 уроков по латинскому, и ни одного часа не давалось на изучение естествознания и народоведения. На 16 году перешел в Духовную семинарию, где был также 6-летний курс, при чем в 5 и 6 классе проходили исключительно богословские науки. Каникулярное время я всегда проводил на родине. Отец мой, не ради нужды, а в целях более правильного воспитания, не только поощрял, но иногда и принуждал всех своих детей к участию во всех домашних и сельскохозяйственных работах, что давало нам возможность входить в тесное соприкосновение с крестьянами и знать их вопиющую нужду. Достаточно указать на тот факт, что местный магнат, помещик Киреевский (мой крестный отец), имел свыше 30 тысяч десятин и очень рад был тому, что крестьяне вышли на волю с даровым нищенским наделом—$^3/_4$ дес. на душу. Барщина-кабала долго царила во всех видах. Это сильно запечатлевалось в моей душе и создавало резко враждебное отношение ко всем угнетателям закабаленных крестьян и особенно к моему крестному отцу.

В годы пребывания моего в Духовной семинарии у меня началось знакомство с нелегальной литературой того времени—с разными мелкими брошюрками-сказками. Среди моих знакомых было два офицера—Красовский и Анучин, которые откуда-то получали эту литературу и давали мне почитать. Я думаю, что они брали ее у своего товарища, офицера Кузьмина, о котором Ашенбреннер упоминает в своих воспоминаниях, как о члене военной организации. С ним я очень редко встречался. Получив брошюрки, я поспешил познакомить с ними моих ближайших товарищей, и у нас организовался маленький кружок читателей этой литературы. Но офицеры скоро уехали в Турцию на войну, и наш источник иссяк. Попытки отыскать еще у кого-либо подобную литературу были тщетны. Раньше жившие в Орле известные революционеры — сестры Оловенниковы, Сергеева (жена Тихомирова), П. Г. Зайчневский, Н. С. Русанов, богоносец Маликов—все они покинули Орел. Тогда я с двумя товарищами, поселившись на отдельной квартире, с целью свободного чтения и бесед, написал в Харьков одному студенту письмо, конечно без всякого шифра, но, как нам казалось, с достаточной конспирацией, с просьбой о присылке нам нелегальной литературы. Студент этот был уже арестован, и наше письмо попало в лапы жандармов. Результат: 22 октября 1877 г в нашу маленькую квартиру ввалилась целая эскадра: жанд. полковник, тов. проку-

ГЕДЕОНОВСКИЙ А. В. (1859–1928).

*) Н. Бух-Полтев, „Закономерность развития и будущность человечества", 1907 г., стр. 35, 36 и 71.

**) Автобиография написана 28/XII—1925 г. в Москве.

рора с обычными остальными спутниками. Произвели довольно тщательный обыск, роясь в наших книгах и тетрадях, но сочли излишним осмотреть мой чемодан, стоявший глубоко под кроватью с бельем и пачкой прочитанной нами нелегальщины. Это осталось нетронутым, и все обошлось благополучно. Это была моя первая встреча с жандармами. На другой день вечером приехало семинарское начальство—ректор и инспектор, тоже произвели обыск и, к великому моему огорчению, забрали у меня 9 и 10 т. соч. Писарева и собр. сочинений Добролюбова—это были мои любимые писатели. Нас трех немедленно разогнали по разным квартирам и подчинили строгому контролю. Все же потом в наши руки, хотя и случайно, попало номера два „Земли и Воли" и кое-что из брошюр.

Семинаристы, стремившиеся в высш. уч. заведения, обычно оставляли семинарию по окончании 4 классов. На нашем курсе желавших поступить в высш. уч. заведения было около 30 чел. Все они усиленно готовились к проверочным экзаменам, но нежданно-негаданно 20 апреля 1879 г. грянул злополучный циркуляр недоброй памяти мин. нар. просв. гр. Толстого, закрывший для семинаристов двери почти всех высш. уч. заведений. Предложено было принимать в них только по сдаче в гимназиях экзамена на аттестат зрелости, а по секретному предписанию рекомендовалось не допускать семинаристов в высш. уч. заведения, сделав исключение только для двух провинциальных — Демидовского лицея в Ярославле и филологического института в Нежине, куда раньше принимали семинаристов совсем без экзамена, а теперь с проверочным экзаменом по 4 предметам.

И получилось то, что мы volens-nolens перешли пока в 5 класс семинарии, усиленно подготовляясь к экзаменам.

В 1880 г. удалось поступить из 5 класса семинарии в лицей только 4-м ученикам, в том числе и мне. Я сильно мечтал о Петербурге, где был самый центр умственной жизни, предполагал поступить в Медико-Хирургическую академию, а вместо этого попал в глухой провинциальный городишко — Ярославль, где в то время было около 30 тысяч жителей, одна маленькая библиотека при магазине канцелярских принадлежностей, до 50 церквей и только одна фабрика. Не взирая на то, что это была родина основателя театра Волкова, там не было даже постоянной труппы, играли изредка любители.

Что представлял до этого времени Демидовский лицей? Убогое учебное заведение, куда обычно поступали в незначительном количестве, с малым багажом знания стремившиеся пробраться без аттестата зрелости и без всяких поверочных экзаменов. На всех 4 курсах было не более 80 чел. Никаких общественных учреждений, вроде студ. читальни, библиотеки, столовой, не было. С наплывом туда семинаристов физиономия лицея резко изменилась. Туда поступала самая „головка" семинарии со всей Европ. и Азиатск. России. В лицее стало шумно, но признаков политической жизни еще не было. Мною вместе с тов. Пеленкиным возбужден был вопрос о создании в стенах лицея студ. читальни. Удалось его провести. Затем довольно быстро организовался кружок в 20 чел. Он был уже конспиративный, хотя цель создания его была довольно скромная—организация кассы взаимопомощи и чтение рефератов, гл. обр. по политич. экономии. К весне 1881 г. из этого кружка выделилось 5 чел.: Пеленкин, Соловьев, Крапухин, Богословский и я. Это был уже чисто революционный кружок, желавший вступить организованно в члены партии „Нар. Воли". Весною того же года в Ярославль приехала М. Д. Носкова, сестра жены Л. Тихомирова. Познакомившись с нашим кружком, она предложила мне поехать в Москву, чтобы связаться с центром „Нар. Воли". Она устроила мне в Москве свидание с нелегальным, который, как я узнал позднее, был Л. А. Тихомиров. Наше свидание длилось не более 20 мин. Расспросив меня о революц. работе в Ярославле, он установил со мною шифр, уговорились о явках и мы расстались. На меня это свидание по своей сухой деловитости произвело очень тяжелое впечатление. Я ожидал от него интересных сообщений о работе партии вообще и в частности о московской организации, о том, что творится за границей, каково настроение и т. д., а вместо всего этого получился только краткий протокольный сухо-официальный разговор.

В период 1882—85 гг. я не раз ездил в Москву по поручению нашего кружка, познакомился со студентами Петровской академии Нерсесовым и Палладиным, которые некоторое время снабжали меня нелегальной литературой для Ярославля, со студентами Московского университета братьями Александром и Василием Ижевскими, позднее—со студентом университета Семеном Рудневым и студентом Петровской академии Г. П. Клинг. Все они оказывали нам всякие услуги по снабжению литературой и по сношению с центром партии.

Осенью 1882 г. в Ярославском лицее были крупные студенческие беспорядки, которые явились отзвуком на беспорядки в Казанск. и Петерб. унив. Они длились несколько дней. Совет исключил 11 студентов, которые в ту же ночь были арестованы. Исключены были: А. И. Пеленкин, Крапухин, Чумаевский, Остроумов и др. Позднее все поименованные неоднократно привлекались по поли-

тическим делам, а Пеленкин пробыл 8 лет (с 1908 по 1916 г., в Шлиссельбургской крепости и только в 1917 г. по амнистии возвратился из Сибири. Кроме того, тогда же, по доносу студента Миловидова, были высланы еще несколько человек, в том числе я, Богословский, Соловьев. Таким образом, от нашего центрального кружка в то время ничего не осталось. По прошествии нескольких месяцев мне, Богословскому и Соловьеву разрешено было вновь поступить в лицей. Соловьев по каким-то своим семейным обстоятельствам совершенно устранился от революционной работы. Тогда к отсталкам прежнего кружка присоединились новые члены—Муханов, Петровский, Соколов, Чумаевский, гораздо позднее Булгаков и Бессонов,— все привлеченные затем по делу о ярославском революц. кружке.

В 1883 г. приехал нелегальный, как потом мы узнали, Алексей Никол. Бах. Он прожил у нас несколько месяцев (свои воспоминания о пребывании в Ярославле напечатал в „Былом" за 1907 г.). Весной 84 г. я был вызван по телеграфу Бахом в Петербург для участия на конференции молодых и старых народовольцев. Предметом обсуждения и споров был вопрос, поднятый Якубовичем и его товарищами, о допустимости аграрного и фабричного террора. Старики отрицательно относились к этому методу революц. борьбы, и их мнение одержало верх. На этом совещании, насколько мне помнится, были Якубович, Флеров Н. М., Иванов С. А., Овчинников, Мануилов, Стародворский, Степурин, остальные остались для меня неизвестными. Всего было, кажется, человек 15.

В 1884/85 г. я без перерыва жил и работал в Ярославле. Характер этой работы, как и в прежние годы,—пропаганда среди студентов, семинаристов, гимназистов и гимназисток, среди учительниц народных школ и гимназий. Были связи среди военных—офицеров Нежинского полка. Затем много занимались изданием, гл. обр. на гектографе, и немного было издано литографским способом. Почти все это были перепечатки из разных революционных изданий. В Ярославль нередко приезжали нелегальные из центра. Несколько раз приезжал С. А. Иванов, осужденный по лопатинскому процессу, Захар Васильев и Роня Кранцфельд, приехавшие к нам после работы в ростовской типографии и прожившие в Ярославле несколько месяцев. Позднее приехал из Москвы тоже нелегальный, бывший студент Харьковского ветеринарного института, И. Т. Циценко, привлеченный впоследствии по делу ярославского кружка. Приезжал несколько раз Ф. Крылов, будучи нелегальным, и жил в Ярославле по несколько месяцев. В 81 году был в Ярославле проездом бежавший из Сибири Клименко, покончивший с собой в Шлиссельбургской крепости. Помимо перечисленных, приезжали и другие нелегальные, имена которых нам остались неизвестны. Все эти лица были для нас желанными гостями, привозившими нам нелегальную литературу, знакомившими нас с положением дела в партии „Нар. Воли". Мы же всегда заботились о снабжении их деньгами, документами, паспортами, устраивали их на квартирах и т. д.

В мае 85 года я вместе с Чумаевским выехал в Москву, где жил друг детства Чумаевского, некий И. В. Беневольский. Чумаевский познакомил меня с Беневольским, и последний за чашкой чая развивал нам план конфискации казенных денег. Беневольский служил разъездным почтовым чиновником по Ряз.-Ур. ж. д. Он доказывал, что такую конфискацию легко сделать, забрав во время его дежурства из вагона все казенные деньги, не трогая частной корреспонденции и не употребляя никакого насилия над людьми, вернее—над одним сторожем. План этот был очень заманчив в виду острой нужды партии в деньгах, и мы оба его одобрили, но дальнейших переговоров с Беневольским мне не пришлось вести, и я никогда больше с ним не встречался. Впоследствии стало известно, что Беневольский со многими вел переговоры по поводу этого проекта, но не осуществил его и выдал всех тех, с кем вел переговоры по поводу конфискации почты. Закончил Беневольский свою карьеру, поступив к Зубатову (начальник московск. охранн. отдел.) в помощники.

В 85 г. из Москвы я поехал на юг в Ростов и Таганрог. В Таганроге познакомился с представителями южной организации „Нар. Воли"—Оржихом и Богоразом. В то время они были заняты подготовкой к выпуску № 11 „Нар. Воли". Между тем, перед отъездом из Ярославля я видел одного нелегального—члена партии, который также принимал меры к выходу тоже № 11 „Н. В.", имел уже несколько статей, часть которых читал нам, ярославцам. Таким образом, являлась возможность выхода из печати одновременно одного и того же номера „Н. В." с совершенно различным содержанием. Такое положение ясно говорило о том, что связь северной организации „Н. В." с южной была совершенно порвана. Путем переписки с С. А. Ивановым, бывшим в то время в Париже, удалось устранить возможность одновременного выхода того же самого номера с разным содержанием.

Живя на юге, я встречал многих товарищей из народовольцев в Ростове и Таганроге, при чем особо сильное впечатление произвела на меня по своему духовному облику и по преданности революционному

делу Надя Малаксианова, впоследствии жена Ак. Сигиды, осужденная на каторгу по делу Таганрогской типографии.

С конца 85 г. и до июня 86 г. я работал в качестве статистика по экономическому обследованию Елецкого у. Орл. губ., где был вместе с тов. Булгаковым арестован 15 июня 86 г. по делу яросл. револ. кружка. Почти одновременно в 12 губерниях произведены были аресты по ярославскому делу. Арестовано было 20 студентов, 3 окончивших курс лицея, 2 офицера, 2 народных учительницы, 1 шляпница, 2 семинариста, 3 гимназиста, 6 чел. служащих в разных учреждениях, 2 нелегальных—всего более 50 чел. По предписанию директора Деп. полк. Дурново дознание по этому делу сосредоточено было в московск. жанд. упр. Мне пришлось во время следствия сидеть в Елецкой тюрьме, Орловской, Московской и Петербургской. Дело тянулось почти 2 года и разрешено было в административном порядке. Наиболее суровый приговор был по отношению к Минору, Циценко и Муханову, которые высланы были в отдаленнейшие места Якутской области (в Среднеколымск)—первые два на 10 лет, а Муханов на 6 лет, но ему не пришлось ехать в Среднеколымск—он был убит в 89 г. в известной якутской трагедии, а Минор пошел на каторгу по тому же делу. П. К. Скворцов был приговорен на 5 лет в Вост. Сиб., но во время этапного пути умер. М. И. Петровский, А. С. Чумаевский, И. Е. Булгаков, С. М. Смирнов, Е. А. Кестельман и я—на 3 года в Зап. Сиб., офицеры И. И. Попов на 5 л. и Ф. И. Бек на 3 года в Зап. Сиб. Затем многие приговорены на разные сроки в ссылку в Волог., Арханг. губернии или прямо к тюремному заключению и гл. надзору без высылки. Во время следствия три студента сошли с ума. В мае 88 г. наша партия в количестве 43 человек была отправлена этапным порядком в Сибирь. В Тюмени у нас произошло столкновение с властями, за что через 5 месяцев этапного пути нас вновь арестовали и судили в тобольском губ. суде за сопротивление властям. Не взирая на наши просьбы о вызове нас на суд и о разрешении иметь своих защитников, суд и в том и в другом отказал, назначив защитником 22 подсудимых столоначальника Добросмыслова. Судили злочно. Приговорили Тесёлкина, как старосту, на 8 лет каторжных работ, Чумаевского и Смирнова—в ссылку на житье, всех остальных, в том числе и меня, на 6 месяцев тюремного заключения.

В июне 89 г., т.-е. ровно через три года после ареста, я прибыл на место ссылки в г. Усть-каменогорск Семипалатинской обл. Здесь жили отбывшие срок ссылки Гинтовт, Костюрин, Федоров и др. Вместе со мной прибыл Емельянцев и позднее Ласхишвили. Я занимался уроками, корреспондировал в сибирские газеты. Кроме того, последний год занимался исследованием положения рабочих-киргизов на золотых промыслах в Усть-каменогорском уезде. По случаю проезда наследника Николая из Японии через Омск всех нас, уже окончивших срок ссылки, по распоряжению М. В. Дел задержали на месте ссылки почти на 3 месяца. В начале 1892 г. я вернулся на родину, где прожил около 3 месяцев у брата своего, а затем отправился на место службы в г. Уфу. Путь свой в этот город из Орла я держал через Саратов, где впервые встретился с М. А. Натансоном. Последний убеждал меня остаться в Саратове, имея в виду мое участие в предстоящей революционной работе, но я был связан обязательством пробыть в Уфе хотя бы несколько месяцев. Здесь я занимал место помощника управляющего конторой К° „Надежда", где в то время получали работу многие ссыльные. Заведывал конторой А. П. Козлов, человек просвещенный, самоучка из крестьян, в 1906 г. он прошел по списку с.-р. в члены I Государ. Думы. Кроме Козлова, здесь был еще ряд лиц, уже побывавших в тюрьме и сохранивших душу живу, но в то время отставших от революционной работы. Я почувствовал быстро тоскливость жизни в Уфе. Меня тянуло туда, где было уже заметно биение пульса революционной жизни. Спустя 5 месяцев я уехал в Орел. Здесь М. А. Натансон быстро ввел меня в круг своих ближайших друзей—Тютчева, Комарницкого, Антекмана и др., и сразу началась наша подпольная работа. В то время в Орле жило много бывших ссыльных и поднадзорных, и шли оживленные прения. Все лица народнического толка вращались, главн. обр., вокруг Натансона и Тютчева, хотя и тут был некоторый уклон—А. В. Пешехонов, а с ним и некоторые другие расходились по некоторым пунктам со взглядами этой группы. А. В. Пешехонов был тогда принципиальным противником террора. Лидером нарождавшегося тогда марксизма был в Орле П. П. Румянцев.

В течение всего 93 г. мне приходилось раз'езжать по разным городам для переговоров и закрепления связей с нарождавшейся партией „Народного Права". В сентябре 93 г. был в Саратове с'езд народоправцев, на котором присутствовало до 20 человек. Тогда был выработан манифест партии „Нар. Права", принятый единогласно всеми членами с'езда. В начале 94 г. была вполне оборудована тайная типография в Смоленске, в которой успели напечатать брошюру „Насущный вопрос", составленную А. И. Богдановичем, и манифест партии. Почти все напечатанное было конфисковано в апреле месяце.

Общий первый разгром партии был произведен 21 апреля 94 г., когда почти в один день арестовано было в Петербурге, Москве, Орле, Смоленске, Твери, Новгороде свыше 50 чел., при чем тогда же была взята и тайная типография в Смоленске. Большинство арестованных по „Нар. Праву" были заключены в Петропавловскую крепость, откуда постепенно переводились в Дом Предв. Закл. Дело тянулось почти 2 года. Где причина первоначальной усиленной слежки, а затем провала—до сих пор не выяснено. Многие из привлеченных—бывшие ссыльные, гл. обр. народовольцы. Дело разрешено было в административном порядке, при чем 5 чел. приговорены были к ссылке в отдаленнейшие места Сибири—Тютчев и Манцевич на 8 лет, Натансон, я и Ромась М. А.—на 5 л., Фонякова, Александровл, Лежава, Жирякова и Яковлев—на 5 л. в Вост. Сибирь, большинство остальных привлеченных по делу было направлено в Архангельск. и Вологодск. губ. В виду моей серьезной болезни мне Якутию заменили ссылкой в г. Верхоленск Иркут. губ. В августе 96 г. я с женой приехал в этот город-деревню, где уже давно не было „государственных". Затем начали постепенно под'езжать товарищи. Временами колония доходила до 20 чел., из них почти все 100% были интеллигенты и, гл. обр., соц.-демократы. Тут, кроме нас, были супруги Александровы (Ольминский), Ляховский, Антокольский О. С., Лежава А. М., Александрова Л. С., Федосеев Н. Е. и др.

Закончив этот срок ссылки, я в 1901 г. прибыл в Полтаву, где жительство мне не было воспрещено. Судьба удачно толкнула меня в такой пункт, где в то время находилось не менее 100 ч. б. ссыльных и поднадзорных. Конечно, это влекло за собой усиленную слежку. В Полтаву были присланы по распоряжению Д. полиции филеры летучего отряда, которые в течение 15 мес. ежедневно заносили в свои дневники—кто куда пошел, с кем виделся и т. д. Особым вниманием филеров при этой слежке пользовались Флеров, Фролов, Мартов-Цедербаум и я с женой. С деятельностью тайной полиции в Полтаве в этот период я познакомился в настоящее время, просматривая дела в истор.-революц. архиве в Москве. Не взирая на такую усердную слежку,мы все же частенько собирались большой компанией. Шли оживленные споры у с.-д. искровцев с членами вновь народившейся партии с.-р. Чаще эти собрания бывали у нас на квартире, у Фролова, Горбачевской.

Период наблюдений закончился массовыми обысками и арестами. В одну ночь произведено было до 70 обысков и арестовано свыше 40 ч. У нас произвели самый тщательный обыск и арестовали жену. Но недели через 2—3 все были освобождены без всяких последствий,—обыски не дали жандармам хорошей жатвы. В это время мы с женой близко познакомились с В. Г. Короленко и его семьей. Интересно отметить тот нелепый факт, что в деле о наблюдении филеров приложен „список лиц, принадлежащих к преступной организации соц.-дем. партии". В этот список вошло до 125 чел., при чем туда включены все народники, с.-р. и даже В. Г. Короленко. Такова была осведомленность жанд. управлений.

В то время в Полтаву не один раз заглядывала к нам бабушка Брешковская, здесь жили будущие члены боевой организации—известные Дора Брильянт и А. Д. Покотилов, с которыми у нас были очень близкие отношения. Наше участие в делах партии с.-р. тогда не было оформлено, но мы оба считали программу ее для нас приемлемой и всячески старались содействовать ее росту.

В виду неутверждения меня губернатором на земской службе, я в 1902 г. выехал из Полтавы в Тифлис, где прожил около года. Местное национальное революц. движение, грузинское и армянское, не могло захватить меня, нравы, обычаи, язык—все это было мне чуждо. В Тифлисе я познакомился со стариком А. М. Калюжным, с народовольцами А. М. Аргутинским-Долгоруким и с А. К. Александровским. Временно жили в Тифлисе М. А. Натансон, с.-д. Постоловский. Но, повторяю, этот период жизни в Тифлисе—около года—прошел у меня почти при полной оторванности от революционной работы. В 1903 г. я получил место инспектора Трансп. и Страх. О-ва, К° „Надежда". В моем ведении были конторы О-ва в 9 южных губерниях. Постоянным местом жительства была Одесса. Такая раз'ездная служба давала мне возможность выполнять самые разнообразные партийные поручения.

В Одессе в то время жил член Ц. К. доктор А. И. Потапов и другие видные члены партии с.-р.—Геккер, Прибылев, Фрейфельд, Тютчев, Вознесенский, Сухомлин. Партия с.-р. в те годы проявляла большой рост и крепла.

В июне 1904 г. я в первый раз встретился с Азефом. Он пришел к нам на квартиру вместе с А. И. Потаповым. Беседа наша носила чисто деловой характер. Он убеждал меня бросить службу и перейти на нелегальное положение. Я доказывал ему выгодность и удобства моего служебного положения и все неудобства работы в качестве нелегального. Мы не сошлись, каждый остался при своем мнении. Впечатление от этого визита осталось у меня самое неблагоприятное. Таких политиков я никогда раньше не встречал. Необычайна была вся его фигура, и поражало своей непривлекательностью его лицо. Все же

относился я тогда к нему, несмотря на неблагоприятное впечатление, с абсолютным доверием. Результат своего свидания со мною он не замедлил сообщить в деп. полиц. Это видно из его донесения от 19/VI 1904 г. (см. „Былое", № 1, 1917 г.), в котором он, между пр., сообщает о моей принадлежности к Ц. К. партии с.-р.

Летом 1905 г. я отправился на ревизию крымских контор К⁰ и вместе с тем знакомился с положением дела в партийных комитетах. В Ялте мы познакомились с Е. П. Пешковой и Лазаркевичем, которые в то время принимали живое участие в делах ялтинского комитета партии с.-р. Приходилось совместно обсуждать в заседаниях комитета все текущие, в то время очень серьезные, вопросы. Там же в это время жил Татаров, известный провокатор, впоследствии убитый по распоряжению Ц. К. партии. С ним мне пришлось вести самые конспиративные разговоры по поручению Н. С. Тютчева о составе Ц. К. партии, куда должен был войти и Татаров. Впечатление от этого свидания осталось у меня очень тяжелое—не внушал он доверия. Кроме того, он так запутался в конспирации и сохранении своей особы от всяких подозрений со стороны полиции, что некоторые его выходки были просто смешны.

Мое ознакомление с делами во всех южных комитетах партии дало мне большое удовлетворение. Работа везде хорошо налаживалась, много вкладывалось живости, энергии и предприимчивости.

Во время потемкинских дней в Одессе в 1905 г. я не принимал ближайшего участия в переговорах с матросами восставшего броненосца, но участвовал в партийных совещаниях и был на том собрании представителей всех революционных партий, включая сюда и освобожденцев, на котором обсуждался вопрос, как общими силами реагировать на потемкинское восстание. Но во время обсуждения этого вопроса с броненосца последовали один за другим грозные выстрелы из пушек, что означало начало бомбардировки Одессы. Собрание было прервано и потом не возобновлялось, потому что „Потемкин" вскоре покинул Одессу. В Одессе при конторе К⁰ „Надежда" было специально инспекторское отделение, куда мы, инспектора—я и Н. Ф. Попов, приходили заниматься только во время пребывания своего в Одессе. Там у нас был небольшой штат постоянных служащих в составе 3-х иногда 4-х человек, исключительно бывших ссыльных. Там работали В. И. Сухомлин, А. А. Спандони, Розенблюм, все признававшие с.-р. программу и участвовавшие в работе партии. Наше помещение для этой цели представляло не малое удобство.

„Потемкин" уехал в Румынию, забастовки в Одессе прекратились, жизнь как будто вошла в обычную для того времени норму. Я по делам службы вместе с женою уехал в Бессарабию. Но тут начался разгул реакционных сил,—бывший в то время ген.-губ. Карангозов начал пачками высылать „неблагонадежных" из Одессы на север России. Через короткое время друзья известили нас, что мы оба также предназначены к высылке в Вологодскую губ., и что нас уже всюду ищут. Жена поехала в Одессу, ликвидировала квартиру и направилась по проходному свидетельству в Волог. губ., но от Москвы повернула на Нижний и решила там самовольно остаться, а я бродил по разным городам. Это было в сентябре, когда революционная волна поднималась все выше и выше, и в Петербурге я уже присутствовал на митингах, где совершенно открыто выступали революционеры всех направлений. В Технологическом институте на стенах внутри здания были уже тогда развешены плакаты с указанием в какой аудитории заседают фракции с.-р., с.-д. и анархистов. В начале октября я был на конференции с.-р. в Москве, на которой были: Прибылев, Фейт, Леонович, Зензинов, Слетов и др. товарищи. С последним поездом выехал в Воронеж. Всеобщая ж.-д. забастовка началась на другой день. По приезде в Воронеж я принял непосредственное участие в делах местного комитета партии с.-р., в который входили Прозоровский, Виткович и др. На митингах в Воронеже в то время выступали представители революц. организаций, а также А. И. Шингарев и присяжный поверенный Корякин, пользовавшиеся большим успехом. Здесь я прочел октябрьский манифест, а на следующий день был свидетелем черносотенных манифестаций и страшного еврейского погрома. Из Воронежа я должен был выехать прямо в Харьков, куда уже приехала из Нижнего моя жена, но прямого ж.-д. сообщения еще не было, пришлось долго ехать обходным путем со всякими приключениями через Киев, Полтаву и только в ноябре приехать в Харьков. Здесь я сейчас же принял участие в работе харьковского комитета, в состав которого входили тогда 2 брата Коршуны, Н. Я. Быховский, Пустовойтова и др. В декабре месяце получил извещение от Ц. К. партии с.-р. о вызове меня на партийный с'езд в Финляндию. 24 дек. мы с женой взяли билеты до Петербурга, но после 2 звонка в наш вагон вошел некто в штатском вместе с жандармом и, указывая последнему на нас, предложил арестовать нас обоих. Через час я был уже в арестантских ротах на Холодной Горе, а жена—в городской тюрьме. Мне пришлось пробыть почти 6 месяцев в общении более, чем с 300 товарищей и одно время выполнять роль старосты. Жандармы пред'-

явили мне и жене моей обвинение в принадлежности к партии с.-р., присоединив мне еще обвинение в участии в центр. комит. партии. Оба мы отказались от всяких показаний. В конце апреля нам был об'явлен приговор—я и жена подлежали высылке на 3 года в Нарымский край. Отношение товарищей к ссылке в далекие места Сибири было вполне благодушное, все были уверены, что никто туда не попадет, что с открытием Думы последует амнистия. Ехали налегке — ни теплой одежды, ни книг не брали. Ехали бодро, весело, на каждой станции занимались пропагандой из-за решетчатых окон. Начальство не преследовало за это, старалось как бы не замечать. Не раз нам в пути говорили: „Сегодня мы, а завтра вы, теперь всего можно ожидать". В таком настроении мы ехали до Томска. Здесь узнали из газет об открытии Думы, и надежда на амнистию потускнела. Ждали почему-то 15 мая, но и в этот день ничего не последовало. И вот 16-го мая вся наша партия была погружена на пароход, который увозил нас в Нарымский край. Дорогой в течение 2 дней валил хлопьями снег. Было сумрачно, мокро и очень прохладно. На 4 день мы были в Нарыме. В этом заштатном городке было не более 100 небольших почти сплошь крестьянских домиков, а ссыльных постепенно набралось более 100 чел. Образовался жилищный кризис. Жили кое-как, артелями, нередко по 5—6 чел. в комнате. В сентябре месяце в виду моей болезни, по ходатайству родственников, нам разрешено было М. В. Д. выехать на время ссылки за границу. С последним пароходом в конце сентября 1906 г. мы выехали из Нарыма прямо в Париж.

Отправляясь за границу, мы строили планы прежде всего поправить мое в конец расшатанное здоровье, а затем заняться изучением местной жизни. За границу мы попали в первый раз, все для нас было ново, все привлекало наше внимание. Но приехав в Париж, мы встретили много старых товарищей и быстро вошли в общую колею эмигрантской жизни. Через неделю мы уже были членами местной с.-р. группы. В декабре я был избран от этой группы делегатом на конференцию с.-р. заграничных организаций, попал в качестве тов. председателя в президиум, а при окончании конференции был избран делегатом на партийный с'езд в Финляндию, куда должен был ехать с И. А. Рубанович, уполномоченным Ц. К. партии за границей. Но в это время состояние моего здоровья было настолько неудовлетворительно, что мне скоро пришлось покинуть Париж и лечь на несколько месяцев в санаторию в Берне. По выходе из санатория жил в Лозанне, где вошел в местную группу с.-р. Был в Женеве, где вновь встретился с А. Н. Бахом и познакомился с Шишко. В 1908 г. мы снова вернулись в Париж. Я вошел в состав заграничной делегации партии с.-р., которая в сущности в то время представляла из себя Ц. К. партии. Туда входили Чернов, Натансон, В. Фигнер, Авксентьев, Ракитников и др. Изредка на заседаниях бывал Азеф. В конце 1908 г. принимал участие в совещании членов Ц. К. и всех видных работников партии по поводу вопроса об Азефе. Это совещание было накануне бегства Азефа из Парижа. В марте 1909 г. окончился срок нашей ссылки, и мы выехали на время в Брюссель, затем около недели прожили в Берлине и в 20 числах апреля через Александрово вернулись в Россию. С этого момента, как теперь видно из материалов, хранящихся в Ист.-рев. архиве, по предписанию деп. полиции за нами было учреждено „неотступное наблюдение". Мы успели побывать за $1^1/_2$ месяца в Москве, Нижнем, Петербурге, и везде нас все время откровенно сопровождали филеры. В половине июня я приехал в Орел к брату повидаться, и здесь меня арестовали. Продержав $2^1/_2$ месяца в крайне тяжелых условиях режима Орловской тюрьмы, ни разу не допросив, меня освободили без всяких последствий, но фактически продолжали то же „неотступное наблюдение". В это время я получил место инспектора в Р. Тр. и Стр. о-ве. В моем ведении были все конторы, начиная с Московской и южнее в 10 губерниях. Раз'езжая по делам службы по разным городам в сопровождении двух филеров, я в каждом городе был передаваем новым филерам под росписку, как это теперь видно из архивных материалов. Это совместное путешествие продолжалось около года. Позднее, включительно до Февральской революции, о моем приезде и выезде из города в город давались только телеграммы каждой местной охранкой или полицией, при чем в 17 году было предложено моск. охр. отд. усилить за мной надзор. Февральская революция прервала это почти 40-летнее наблюдение за мной в тюрьме, ссылке и на воле. Такое преследование меня со стороны полиции, особенно в первое время по возвращении из-за границы, не давало мне возможности вплотную подойти в этот период, т.-е. с 1910 г., к партийной работе соц.-рев., но связь моя с членами Ц. К. не прерывалась, и я, пользуясь своей раз'ездной службой, выполнял всякого рода поручения и принимал участие в разных видах партийной работы.

С момента Февральской революции я всецело отдался общественной работе. Я принял самое близкое и активное участие в организации в Москве районных дум. С образованием центр. Совета районных дум я был избран сначала тов. председа-

ГОЛОВИНА Н. А. (1855–1943).

теля, а затем председателем Совета, в каковом звании состоял до Октябрьского переворота. Во время выборов в городскую думу в 17 г. прошел в гласные думы по списку с.-р. и затем был избран членом моск. гор. управы. После октябрьского переворота служил исключительно в кооперативных организациях. При существовании в Москве крупнейшего кооператива о-ва потребителей „Кооперация" был членом правления этого о-ва. Позднее служил в Губсоюзе, в Центросоюзе и Всеколесе. В июне 1925 г. оставил службу по болезни. С ноября 1925 г. занимаюсь в Историко-революц. архиве в Москве, имея в виду, если позволит здоровье, приступить к своей мемуарной работе. С 1922 г. состою членом Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Головина (урожд. Юргенсон), Надежда Александровна. *)

Я родилась в 1855 г., в ту эпоху, когда крепостнический век изжил себя, когда российское самодержавие, считавшее себя непобедимым, потерпело жестокое поражение под Севастополем. Наступала эпоха так наз. „великих реформ" и вместе с тем переход от крепостнического натурального хозяйства к наемному труду и к развитию, несколько запоздалому, капитализма в России. Громадный умственный сдвиг был результатом этих процессов; спящая Россия всколыхнулась; общественные слои, отодвинутые ранее от всякой умственной и общественной жизни, зашевелились и стали выделять из себя талантливых писателей, критиков, экономистов и ученых. На общественную арену вышел разночинец.

Все эти волны взбудораженной жизни не доходили до своеобразного городка, где я родилась. Этот городок был Царское Село, всего в 25 верстах от Петербурга; это тихое, поэтическое местечко с громадным парком и старинными дворцами целиком питалось гнилыми соками придворной жизни; целая улица, так наз. Магазейная, была заселена придворными лакеями, истопниками и т. п., остальное население составляли чиновники, врачи, купечество, но все это было так или иначе связано с дворцовой жизнью. Все это было проникнуто бесконечным раболепством и преклонением пред двором и знатью; самые вопиющие факты не могли разрушить обаяния царской власти.

Так бы и погибнуть в этом стоячем болоте, если б моим отцом был заурядный человек.

А. П. Юргенсон принадлежал к породе т. н. „лишних людей", хорошо освещенных нашей литературой. Людям с умом и развитием не было места в дореформенной России; они или шли за границу умирать на чужих баррикадах, как Рудин, или спивались с кругу в своем родном отечестве. Так было и с моим отцом. Неокончивший курса по недостатку средств студент, воспитанный на Белинском и на литературе сороковых годов, друг Асенковой и поклонник ее таланта, он сам мечтает о сцене. Но почему-то делается учителем уездного училища г. Порхова Петербургской губ.; оттуда его увольняют за „слишком товарищеское" отношение к ученикам старшего класса, и вот из-за куска хлеба приходится заделаться мелким чиновником дворцового правления. Слишком не по плечу ему была эта жизнь—он стал пить и умер от туберкулеза на 42 году жизни.

Тем не менее, он успел двинуть мое развитие; пяти лет незаметно выучил меня читать по большим заглавным буквам газет; будучи ярым врагом крепостного права, он дал мне читать повести и рассказы Марко-Вовчок, проникнутые ненавистью к этому строю; это была первая прочтенная мною книга. За этой книгой я стала читать все, что находила на столе у своего отца; это были разрозненные номера „Отечественных Записок", „Бедные люди" Достоевского, его же „Белые ночи", „Три портрета" Тургенева и т. д. Когда было 8 лет, мне подарили вышедший тогда в свет I том соч. Некрасова, который я знала почти весь наизусть. С этого времени страсть к чтению овладела мною уже навсегда; менялся только характер поглощаемых книг.

Если б не ранняя смерть отца, мое развитие пошло бы более нормально; а тут после его смерти в мои руки попала религиозная литература — жития святых; явилось сожаление, что уже прекратились гонения на христиан, и что нельзя уже пострадать за „правду"; и в голову не приходило, что через десять лет придется пострадать за „правду" иного свойства.

Увлечение религией продолжалось недолго; когда я была 13 лет, в руки мне попалось сочинение Циммермана „Мир до сотворения человека". От всего религиозного настроения не осталось камня на камне, и навсегда; только уже позже, в 17 лет, — когда пришлось ознакомиться с книгой Льюис и Милль „Основания позитивной философии Огюста Конта",—удалось подвести философский фундамент под свое антирелигиозное отношение к жизни; около этого же времени в руки попали: Эркман-Шатриан, „История одного крестьянина", соч. Писарева, статья которого „Наша университетская наука" произвела потрясающее впечатление: „Если „университетская" наука

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Москве.

такова, то какова же „гимназическая". И действительно гимназия, которую я кончила 15 лет, ничего не дала мне, кроме самых элементарных знаний.

Кончила я гимназию в 1871 г. За это время прозвучал выстрел Каракозова, прошел процесс нечаевцев, но до нашей гимназии не доходили никакие отзвуки. Немудрено, что, когда в 1872 г. мне попалась „Полит. экономия" Д. С. Милля, то я ничего в ней не поняла; такова была степень развития, несмотря на полученную золотую медаль.

В это же время мне пришлось столкнуться и с нелегальной литературой в таком месте, где этого всего менее можно было ожидать: осенью 1872 г. я поступила репетиторшей в богатую буржуазную семью; в ней были студенты Петербург. унив., которые и привозили нелегальную литературу. В это время как раз вышла программа журнала „Вперед", издаваемого П. Лавровым. В этой же семье мне впервые пришлось ознакомиться с жизнью богатой буржуазии и получить к ней полное отвращение. Выдержала я эту жизнь три-четыре месяца — не более.

Все это, взятое вместе, так толкнуло мысль, что с начала 1873 г. я бросаю консерваторию, где хорошо шли дела, и начинаю готовиться к экзамену в медико-хирургическую академию, которая была открыта для женщин с 1872 г., и откуда выпускались женщины-врачи под именем „ученых акушерок"; сразу дать звание врача женщине правительство не решалось. С этого времени сознательно работаю над собой, над выработкой миросозерцания; в сентябре 1873 г. держу экзамен и поступаю в медико-хирургическую академию. В академию принимают не моложе 21 года; мне нет полных 18, но делают исключение, и вот я — студентка. Начинается студенческая жизнь в 6-рублевой комнате за перегородкой от кухни, с обедами у „Еленки" (благотворительная столовая, устроенная для студентов великой кн. Еленой Павловной) и т. д.

В эту памятную зиму 1873—74 г. учащаяся молодежь Петербурга жила самой интенсивной умственной жизнью: Парижская Коммуна 1871 г., процесс Нечаева, социалистические идеи, заносимые с Запада,— все это волновало и заставляло задумываться русскую молодежь. Стали образовываться многочисленные кружки самообразования, быстро принимавшие политическую окраску. Кружки эти организовывались не только в столицах, но и в провинциальных городах, не имевших высших учебных заведений. Появившиеся вначале только в Петербурге толстые книжки журнала „Вперед" и „Государственность и анархия" М. Бакунина прибавили еще более огня и без того накаленную атмосферу. Сходка следовала за сходкой. Полиция как-то еще совсем не умела следить за этим или „выжидала действий". Молодежь резко разделилась на два лагеря: лавристов и бакунистов. Как те, так и другие стояли за революционную пропаганду в народе, но лавровцы считали необходимой научную подготовку и желали кончать учебные заведения, бакунисты же говорили, что достаточно и тех знаний, которые уже имеем за счет народа, и что надо, немедля, изучать какое-нибудь ремесло и итти в народ.

Поступив в академию уже с революционным настроением, я старалась сгруппировать около себя единомыслящих студенток и стала агитировать за устройство студенческой кассы. Образовался кружок женщин, в который вошли, главн. обр., орловские землячки, подготовленные пропагандой известного Зайчневского; кроме того, вошли две сестры Личкус—Роза и Фанни, впоследствии жена Кравчинского. Кружок этот вскоре я потеряла из виду, так как оставила академию и вошла в кружок бакунистов-анархистов. В этот кружок входили преимущественно студенты-медики: Городецкий, Курдюмов, Никитин, Бух, крестьянин-самоучка Комов, три или четыре женщины. Жили коммуной на Выборгской стороне в каком-то деревянном флигельке, упростив свою жизнь до последней степени. Ранней весной 1874 г., бросив академию, я ушла работать на фабрику: сначала поступила в „Товарищество тюлевой мануфактуры" на Охте, а потом на прядильную. Как на той, так и на другой фабрике попадала исключительно в женское общество. Как по условиям работы, так и по составу товарок по работе никакой политической работы вести не представлялось возможности, и потому я воспользовалась первой возможностью уехать для пропаганды в деревню. В это время Войнаральский в селе Степановке Городищенского у. Пензен. губ. открыл лавку со всяким крестьянским товаром и посадил там торговать Евгению Константиновну Судзиловскую, сестру известного эмигранта д-ра Росселя. Туда-то меня и направили в последних числах апреля.

В Москве, имея рекомендации к студенту Блинову, я остановилась на квартире каких-то портних в Колосовом пер., где и совершилось мое превращение в крестьянское обличье. В Пензе на кварт. Цибишевой, знакомой Войнаральского, я встретилась и познакомилась с Клеопатрой Блавдзевич и Дмитрием Рогачевым. В Пензу привезла большой ящик литературы для местной молодежи. В состав ее входили ценные по тому времени книги, как-то: соч. Лассаля, Флеровского и друг. Все это вскоре было сожжено Жилинскими из боязни обыска. Степановка отстояла от Пензы в 20 верстах; немедленно же я отправилась туда пешком Условия для пропаганды там были лучше

но я разошлась с Судзиловской во взглядах на методы; я стояла за более решительный и быстрый подход, Судзиловская же была старше, осторожнее и благоразумнее.

В это время в Саратове провалилась сапожная мастерская Пельконена; нужно было поехать в Самару, предупредить Войнаральского; мне и предложили это сделать. Я с радостью взялась за это, так как в Самаре был почти весь мой кружок, и я рассчитывала быстро устроиться на работу. Так и случилось: Войнаральского я не застала в Самаре, а через крестьянина Бодяжина быстро устроилась на работу в село Малые Толкаи среди молокан. Здесь в кружке самарцев оказались новые лица: Чернышев Павел, умерший в тюрьме в 1876 г., похороны которого были первой демонстрацией в Петербурге, и по поводу смерти которого было написано стихотворение, положенное на музыку и так любимое В. И. Лениным: „Замучен тяжелой неволей", и Егор Лазарев, впоследствии известный эмигрант и правый с.-р.

Дело пропаганды среди молокан шло так успешно, что чрез месяц, будь солидная организация и оружие, они готовы были „хоть сейчас" выступить, но, увы, ни того, ни другого не было, и мне оставалось только уехать в Самару. Здесь я застала Войнаральского.

Мне нужен был паспорт, и Войнаральский предложил мне поехать за ним в г. Ставрополь к его знакомой учительнице Ольге Сахаровой, а также заняться пропагандой в Ставропольск. у. Сахарова охотно дала свой паспорт (за что и поплатилась впоследствии арестом) и повезла меня и Войнаральского к своему знакомому учителю Канаеву. Канаев не очень-то охотно шел на пропаганду, и когда Войнаральский собрал крестьян в школу и стал говорить о тяжести их жизни и средствах изменить эту жизнь, Канаев уехал с Сахаровой кататься на лодке. Я же направилась в соседнюю деревню Куликовку и там повела те же речи, что и Войнаральский. В результате, когда я вернулась в школу, то и меня и Войнаральского арестовали; но умышленно или случайно под утро стражи около школы не оказалось, и мы благополучно ушли и прибыли в Самару. Но тут нас ждал новый сюрприз: на квартире портних, куда мы явились, был арестован член кружка самарцев Филадельфов, и была установлена слежка; Войнаральского, очевидно, поджидали, и как только мы появились на квартире, он был арестован, а вслед за ним и я. У меня к этому времени уже сложился довольно скептический взгляд на такой способ революционной деятельности, и поэтому арест не особенно меня огорчил. Что и как делать дальше, у меня еще не оформилось, и поэтому арест казался самым лучшим выходом из данного положения.

Т. обр., я очутилась в Самарском остроге, пока в общей женской камере с уголовными; очевидно, администрация не подготовилась к таким многочисленным арестам, да еще женщин. Меня провезли через Саратов, Тамбов в Москву, где продержали $^1/_2$ года, а затем в Петербург, где продержали три года.

Стоит остановиться на эпизоде моего знакомства с знаменитым впоследствии Судейкиным. Когда два жандарма привезли меня в Саратов, то вместо того, чтобы ввергнуть в узилище, меня посадили в гостиной жандармского полковника Гусева, подали кофе, и дочь полк. Гусева, молодая женщина, вышла в гостиную занимать разговором, как будто бы я приехала к ней с визитом; как ни молода я была и как ни мало знала жизнь, все же это вызвало во мне большое недоумение; когда же вслед за дочерью Гусева вошел муж ее, молодой блестящий офицер Судейкин, и в разговор стал вставлять неожиданно вопросы, то я поняла, что значит вся эта жандармская любезность и, конечно, насторожилась. В Москве, против Охотного ряда, во дворе старого дома помещалась гостиница „Лондон"; в ней было снято помещение для следственной комиссии, возглавляемой прокурором Жихаревым и жандармским полковником Слезкиным. Принимая во внимание, что все движение 1873—74 гг. было стихийно, не организованно, не было выработано никаких правил поведения на случай возможности ареста, всякий держал себя на допросах, как умел и как мог, и не мудрено, что 16-летние юноши, как, напр., Рабинович, под ловким давлением жандармов не выдерживали и начинали давать откровенные показания, а потом испытывали жестокие мучения совести. Я вначале совсем отказалась давать какие-либо показания и, кажется, с полгода держалась этой тактики; затем, когда меня вновь вызвали на допрос, и когда я увидела, что многое известно из показаний товарищей, я попыталась дать показания путем подтверждения вполне установленных фактов; но когда комиссия стала ловить меня, я вновь отказалась на этот раз уже в резкой форме; комиссия обозлилась и оставила меня в покое до суда. На поруки, конечно, не выпустили.

Тюремное заключение дало бы свой плюс, если б продолжалось не так долго и не подорвало на некоторое время здоровый от природы организм. Оно дало возможность пересмотреть на досуге свой умственный багаж и значительно пополнить свои знания. Нашлась возможность прочесть I том „Капитала" Маркса, „Всемирную историю" Шлоссера, „Историю философии" Куно Фишера и т. д. На воле, конечно, не нашлось бы времени читать такие капитальные вещи. В Москве первое время пришлось совсем

сидеть без книг; это было очень тяжело, но потом у меня нашелся двоюродный брат—либерал, сам пострадавший в студенческих беспорядках 1861 г.; он снабдил меня небольшой библиотечкой в 15 книг, которая и спасла меня от раз'едающей душу скуки тюремного заключения; библиотечка эта так и осталась у жандармов; брату ее не возвратили.

Время шло, и, наконец, к концу (1877 г.) заключения вручили обвинительные акты. Это были толстые объемистые тетради в пол-листа. Я сидела в это время в Петропавловской крепости в Трубецком бастионе; надо мною сначала сидел Сидорацкий, а потом Брешковская, сбоку сидела Бланзевич. В один прекрасный день меня пригласили знакомиться с делом, ввели в тот зал со сводами, где обыкновенно давали свиданья. К великой радости я увидела здесь Супинскую, Мышкина, Ковалика, Войнаральского. Они сидели за большим общим столом и казались погруженными в огромные папки с делами. На этих сеансах присутствовал молодой сенатский секретарь, но он, конечно, не мог сдержать общей радости свиданья. Шутки и остроты так и сыпались во время этих чтений; все как бы ожили душой. Это продолжалось недолго. Меня увезли в Дом предвар. закл., так как приближалось время суда. Здесь я впервые познакомилась с Анной Васильевной Якимовой, так наз. „Баской", впоследствии примкнувшей к народовольцам. Это была тогда совсем еще юная нетронутая жизнью, веселая, жизнерадостная девушка; она выбежала навстречу мне, а вслед за ней и Брешковская.

Оказалось, что по окончании следствия заключенных стали запирать только на ночь, так что они могли вместе читать, работать и т. п.

Вскоре я заболела острым малокровием, и меня перевели в большую больничную камеру, где уже сидела Ермолаева, наборщица типографии Мышкина. Здесь я просидела вплоть до своего освобождения в конце января 1878 г.

Суд состоялся 18 октября 1877 г. Заключенных свели в подземный ход, соединявший Дом пр. закл. на Шпалерной ул. с зданием окружного суда на Литейной, выстроили гуськом вперемежку с солдатами с ружьями, скомандовали зарядить ружья и стрелять при попытке бежать, и шествие тронулось на суд. Судило особое присутствие правит. сената под председательством Петерса.

По правую руку от суда помещались женщины, по левую—те товарищи, против которых прокурором Желиховским были выдвинуты наиболее тяжелые обвинения. Там были: Муравский, Мышкин, Ковалик, Войнаральский и другие. Место это прозвали „Голгофой"; перед ними сидели защитники; остальная масса подсудимых заполняла зал. Скоро все это перемешалось; после долгой разлуки встретились друзья и товарищи; хотелось обменяться мыслями; поднялся невообразимый гул; чтения обвинительного акта никто не слушал; суд, испугавшись этой массы людей, не чувствующих к нему ни малейшего уважения, совершил подлог: составил задним числом постановление о разделении подсудимых на группы и о слушании дела по группам. Доказательством подлога было то, что подсудимый Аркадий Головин был на воле и явился в суд позже того числа, которым помечено было постановление суда, а между тем его имя вошло в это постановление.

Подсудимые запротестовали; запротестовали и защитники; не для того люди сидели по 3—4 года и, по словам обвинения, были членами единой организации, чтоб судиться по группам, без выявления связи между этими группами. Началась обструкция, и подсудимых стали выводить между двумя рядами солдат с обнаженными шашками. Тогда подсудимые решили отказаться от всякого участия в суде. Дело происходило так: когда в камеру за подсудимым являлись вооруженные солдаты, то подсудимый заявлял, что он идет в суд, только подчиняясь насилию; затем в суде, поднявшись на „Голгофу", он заявлял о своем отказе от участия в суде с той или иной мотивировкой. Мотивировка была двоякого рода: одни из подсудимых отказывались принципиально, не признавая правительственного суда; другие указывали на нарушение судом соответствующей статьи закона, не допускающей составления документа задним числом. Так или иначе, но в результате на суде 193-х сидело от 13 до 22 подсудимых—точно установить цифру мне не удалось. Это был скандал, неслыханный в истории суда; суд происходил без обвиняемых; гласность же этого суда олицетворялась несколькими женами околоточных надзирателей и родственниками лиц, не пожелавших участвовать в протесте.

Мышкин буквально проделал картину сопротивления насилию, ухватившись за железные борта кровати. Солдаты его оторвали и втащили на руках в зал суда. Перед судом он предстал в совершенно растерзанном виде и тут-то он и произнес свою знаменитую, конечно известную читателям, речь; в конце речи ему бросились зажимать рот; чтобы дать ему возможность окончить, Рабинович и еще кто-то стали бороться со стражей. Председатель Петерс так растерялся, что забыл закрыть заседание суда. За все происшедшее он был смещен и заменен Реннекампфом, который и довел суд до конца.

В обвинительной речи прокурор Желиховский заявил, что главных виновников не

более десяти, а остальные подсудимые составляют только „фон" для их преступной деятельности.

„Фон" этот, однако, продержали до 4 лет одиночного заключения, многие из „фона" умерли, многие сошли с ума, многие на всю жизнь приобрели неврастению...

После всех протестов и скандалов на суде, приговор неожиданно поразил всех своею мягкостью: 13 *) человек были приговорены к каторжным работам от 4 до 10 лет, при чем особое присутствие ходатайствовало перед царем о замене им каторги ссылкой на поселение (Мышкин, Войнаральский, С. Ковалик, Муравский, Рогачев, Квятковский, Л. Шишко, Чарушин, Синегуб, Бренковская, Союзов, Добровольский и Сажин) остальные были приговорены к ссылке на поселение и к другим, более легким наказаниям, при чем предварит. заключение вменялось им в наказание; многие были оправданы.

Я участвовала в протесте и, несмотря на свое несовершеннолетие, была приговорена к ссылке на поселение в места „не столь отдаленные", при чем и мне предварительное заключение было вменено в наказание. Выпускать заключенных начали еще до окончания суда; выпускали небольшими партиями; сажали в карету, везли зачем-то в III отделение, а затем развозили по домам.

24 января 1878 г. грянул выстрел Засулич в Трепова, и стало ясно, что ходатайство суда не будет уважено, и 10 товарищей уйдут на каторгу; так и случилось. Главными советчиками царя в этом направлении были министр юстиции Пален и шеф жандармов Мезенцов; последний и поплатился за это.

Выйдя из тюрьмы, я поселилась сначала у своей матери. Стало приходить много товарищей по процессу и знакомых; приходили Кибальчич, Хохлов, Фишер, Головин, Петропавловский (Каронин) и другие. Квартирка была небольшая, из одной светлой комнаты и другой темной; мать беспокоили частые посещения, и, кроме того, она боялась, что дочь ее снова втянется в революционную борьбу. Между тем, в это время Кибальчич составил совершенно фантастический план похищения Войнаральского, Ковалика и, кажется, Мышкина из Петропавловской крепости, куда их увезли после суда. Предполагалось подъехать на лодке к стенам крепости, чтобы увезти их. Я должна была передать пилки в крепость, заделав их в переплет книг, что мною благополучно и было исполнено. Пилки, конечно, были возвращены, так как кто же мог решиться на такую безумную попытку; не было еще случая побега из Петропавловки.

Чтобы получить свободу действий, я переехала в одну комнату с Софьей Александровной Лешерн-фон-Герцфельд. На этой квартире бывали: Кравчинский, Ольга Натансон, Коленкина, юнкер Богородский, сын смотрителя Трубецкого бастиона, и другие. Это уже были новые лица. Ориентироваться во вновь создавшейся политической конъюнктуре в это время я совершенно не могла, как по своей оторванности от жизни, так и по необычайной конспиративности, возникшей к этому времени в революционных кругах. Тем не менее, когда мне было предложено Ольгой Натансон отправиться под Харьков для устройства побега Ковалику, Войнаральскому и другим, то я выразила согласие; потом эта поездка была отменена без всякой мотивировки, и я осталась не у дел. Я поехала в Лигово поправить здоровье; там жили Луцкие, Головины; приезжали бежавшие из ссылки Павел Орлов, Гольденберг. Приезжал Каблиц и др. Никакого оформления новых путей революционной работы не намечалось *).

Стали набирать служащих на вновь выстроенную Уральскую горнозаводскую железную дорогу, и я уехала в Пермь.

Через несколько дней в Лигово наехали жандармы, и я должна была быть выслана административным порядком в г. Никольск Вологодской губ. Впрочем, это узналось впоследствии от Фишера, который тоже был выслан в Никольск и в списках назначенных туда ссыльных видел Юргенсон.

Приехав в Пермь, я поступила на службу в управление горнозаводской уральской дороги. Управляющим дорогой был инженер Островский, а правителем его канцелярии был Александр Капитонович Маликов, так прекрасно описанный Короленко в его „Записках современника". Это был тот Маликов, который, вместе с Н. В. Чайковским, стал во главе отколовшихся от революционного движения так назыв. „богочеловеков". Учение это было прообразом будущего толстовства, да, вероятно, и мыслям Л. Н. Толстого был дан толчок этим движением, так как „богочеловеки" после неудачного опыта в Америке с своей „коммуной" вернулись в Россию и жили некоторое время в имении Толстого, где был учителем их единомышленник—Алексеев. Женат был Маликов на моей однокурснице Клавдии Пругавиной, сестре известного исследователя русского раскола. Немудрено, что чуть не вся канцелярия

*) Из 13 Добровольский скрылся за границу, когда приговор был утвержден. Он был на поруках за 15 тыс., которые дал Бардовский, и скрылся с его согласия.

В. Фигнер.

*) Программа первых годов была в то время (с 1876 г.) изменена в программу „Земли и Воли", и уже намечалось политическое направление.

В. Фигнер.

состояла из ссыльных и из сопроцессников по процессу 193. Там служили: Дмитрий Соколов, Юлия Панютина, административно-ссыльная Ларисa Зарудневa, одна из наборщиц типографии Мышкина; туда поступила и я. Прослужив некоторое время в Перми, я перешла на линию на глухую станцию Бисер на перевале через Уральские горы. Здесь у меня довольно долго скрывался Юрий Николаевич Богданович, впоследствии народоволец, умерший в Шлиссельбургской крепости. Весною 1879 г. он явился на Урал, с целью организации побега Бардиной, но устроить этот побег ему так и не удалось. Довольно часто появлялся на Бисерской станции уголовный Цыплов, поддерживавший сношения каторги и ссылки с центром.

Летом 1879 г. я вернулась в Москву и поселилась в деревне. Связи с товарищами по процессу на время порвались и возобновились только осенью 1880 г. О Липецком и Воронежском съездах я узнала, когда они уже совершились. Те товарищи, с которыми пришлось столкнуться, уже отошли от активной революционной работы. Приехал Саблин и пришел ко мне, вероятно с целью привлечь к „Народной Воле", но я лежала больная, и он ничего не стал говорить. Больше с ним уже не пришлось встретиться.

Два года яркой деятельности „народовольцев", и для России наступило тяжелое время: тяжелейшая, опирающаяся на бесконечные виселицы, реакция сверху, чеховщина среди интеллигенции, глубокая тишина в народе, изредка прерываемая экономическими стачками среди рабочего класса. Ясно было, что „народничество" отжило свой век; марксизм же только начинал пробиваться еле заметными струйками. Это было самое тяжелое время для людей, не могущих помириться с простой обывательской жизнью. В конце 19 и особенно в начале 20 века запахло в воздухе грозой: убит Боголепов, убит Сипягин, начались студенческие волнения, участились и вышли за рамки узко-экономических требований рабочие забастовки. Я почувствовала, что крышка гроба, захлопнутая над русским народом, приподнимается...

В эпоху безвременья необычайно быстро вырос в России капитализм, а с ним и естественный враг его—пролетариат. Этим объясняется то, что люди, бившиеся с самодержавием небольшими группами в течение 30 лет и не получавшие поддержки и отклика в массах, в начале двадцатого столетия очутились лицом к лицу с этими массами.

Начавшаяся в 1904 г. японская война, сопровождавшаяся неудачами, еще более возбуждала негодование в массах, и оно заставляло ждать крупных событий. Весною 1904 г. полетели первые ласточки: стали появляться эмигранты. К осени у меня на Тверской, над пассажем Постникова, организуется явочная квартира социал-демократов; сама в это время я стою за единый социалистический фронт и готова помогать всем революционным партиям.

Наступает 9 января 1905 г., день гибели последних остатков веры народа в царя. Наступает поворотный пункт в истории русской революции—чувствуется близость расчета с ненавистным строем.

Ранней весной 1905 г. я перебираюсь на Никитскую, где рядом с консерваторией и недалеко от университета открываю мастерскую и небольшой магазин дамских шляп. В начале июня у меня делают обыск и находят 40 штук револьверов сист. Браунинга и Маузера и соответствующее количество патронов.

Оружие это принадлежало партии с.-р. и погибло благодаря неосторожности товарища, приведшего за собой шпика. Меня сажают в Пречистенскую часть. При мне оттуда бежал содержавшийся в соседней камере член боевой организации через несколько дней после побега убивший Шувалова, только что переведенного из Одессы в Москву на пост генерал-губернатора. Впоследствии узнала, что сосед мой был с.-р. Куликовский, учитель из Сибири. Шувалова он убил по постановлению одесской организации за издевательство над политическими. Настроение у всех заключенных было бодрое; особенно оно поднялось, когда до нас дошла весть о потемкинском восстании.

Судя по прежнему опыту и по количеству вещественных доказательств, я приготовилась к очень длительному тюремному заключению, но все вышло иначе. В пречистенской части я заболела очень тяжелой формой нефрита, и меня перевезли в бутырскую больницу. Здесь первое время я могла еще ходить и разговаривать, так что, когда в соседнюю камеру привезли Зиновия Литвина (Седого), я смогла наладить с ним сношения (печная железная труба шла из моей камеры к нему и давала возможность без перестукивания говорить своим голосом). Литвин был болен каким-то нервным заболеванием. Тут же, в больнице, находилась с.-р. Овечкина, тоже, кажется, за оружие, но она сидела далеко, и можно было только перекрикиваться через окно. Вскоре я совсем слегла, врачи приговорили меня к смерти, и жандармы, убоясь скандала, выпустили меня умирать на волю. Позже, когда революция пошла на убыль, они уже ничего не боялись; достаточно вспомнить смерть Шмидта в той же бутырской больнице.

Я не умерла, и к октябрю, когда последовала амнистия, оправилась настолько, что могла принимать участие в ежедневных митингах, демонстрациях, похоронах Н. Э. Баумана и проч.

В половине октября я снимаю квартиру на М. Бронной в доме Гирша, и у меня поселяются товарищи из оппозиции партии с.-р.: А. Прохоров, тов. „Александр" из Смоленска, Николай Иванович Ильин (Григорий Ривкин) и другие, которые составляли текучий элемент; последние дни перед восстанием поселился М. Соколов, так. наз. „Медведь". Квартира эта называлась на Прохоровке эсеровским главным штабом. Тут же были явки военной организации, и тут же происходили собрания юнкеров Александровского училища; в это время в Александровском училище было 30 человек юнкеров-социалистов, считая с.-р. и с.-д.

В шесть часов утра с 9 на 10 декабря товарищи ушли и более уже не возвращались... 10 декабря часов в 11 утра раздался первый пушечный залп по Тверскому бульвару, и на 10 дней Москва обратилась в поле военных действий. Все главные улицы Москвы быстро покрылись баррикадами; выросла баррикада и под окнами нашей квартиры; квартира была открыта для дружинников, туда они заходили погреться и закусить. Сама же я перекочевала в 1 реальное училище, где учащимися старших классов этого училища и 4 женской гимназии были организованы перевязочный и питательный пункты; там с молодежью я и пробыла все время вооруженного восстания; двор реального училища буквально засыпался пулями с пресненской каланчи, и молодежь с риском для жизни выходила небольшими отрядами подбирать раненых.

Когда восстание было подавлено, и семеновцы хозяйничали в городе и расстреливали за ничтожный клочок бумаги, я пошла вновь на Бронную, сожгла литературу, забросила оставшееся оружие и ушла из квартиры. Накануне Рождества я уехала в Финляндию. Тяжелое зрелище представляла усмиренная и расстрелянная Москва.

Через месяц я вернулась и поселилась в другой части города, на Арбате, близ Смоленского рынка, где теперь высится восьмиэтажный дом, и где в 1906 г. была одноэтажная наскоро сколоченная постройка, в которой помещались 10 кустарных мастерских. В это время в Москве стали быстро расти профессиональные союзы и столь же быстро они закрывались правительством, как только наступила эпоха реакции.

Я стала работать в профессиональном союзе портных, в секции шляпников. Помещения у нас не было, и целая серия профсоюзов помещалась во втором этаже небольшого двухэтажного дома на Арбате близ Арбатской площади.

Весь аппарат по приему новых членов в секцию шляпников помещался на подоконнике. Вскоре мы приобрели себе помещение в Милютинском переулке в номерах „Родина". Так как никто еще не думал, что революционное движение раздавлено на долгий срок, то наш профсоюз выпустил воззвание, содержания которого я не помню сейчас, но за это воззвание наш союз прихлопнули.

Пока не было своего помещения, товарищи, работавшие в профсоюзе, собирались у меня для совещаний.

Товарищи с.-р., оппозиция, перенесли свою деятельность в Петербург; произошел взрыв на Аптекарском острове, экспроприация в Фонарном переулке. Изредка приезжавшие из Петербурга товарищи останавливались у меня; изредка происходили небольшие совещания. С казнью „Медведя" 2 декабря 1906 г., с казнью Володи Мазурина организация распалась. Пришлось встретиться только с Ильиным, да и тот вскоре эмигрировал в Италию.

Начинается новая эра моей жизни: сидеть по тюрьмам и судиться начинают мои сыновья—один с.-д. большевик, другой с.-р. В течение четырех лет—три процесса: один в Петербурге—склад литературы, один в Москве, один в Тамбове—принадлежность к партии и изготовление оболочек бомб.

Вся моя деятельность этого времени сводится к хождению по тюрьмам к сыновьям и товарищам.

Время шло—реакция усиливалась и становилась все наглее и наглее. Я меняю квартиру по два раза в год; естественным порядком образуется ночлежка для бегущих из ссылки и уходящих в подполье товарищей; это был текучий элемент, но некоторые жили по месяцу. Квартира имела два выхода: в Калашный переулок и на Никитский бульвар и ни разу не была накрыта полицией; это было в зиму 1907—8 г. Помню веселую и еще полную надежд встречу нового года; было человек 15 товарищей с.-д. и с.-р.; к следующему году все уже растерялись, один был повешен якобы за вооруженное сопротивление; кто сел по тюрьмам, кто пропал без вести. Зима 1908—1909 г. была уже полна обысками. Тюремный режим резко изменился в сторону жестокого обращения с заключенными. Реакция в стране разошлась во-всю.

1917 г. застает меня на службе в земско-городском союзе в редакции „Известий Земгора"; поступила я туда техническим работником из-за куска хлеба; редакция состоит из самых разнородных элементов: наверху—кадеты, в низах много социалистов разных оттенков.

Меня выбирают делегатом в организацию служащих; организация эта сформировалась якобы по делам столовой, на самом деле состояла вся из людей, так или иначе работавших в революции; большинство были меньшевики, большевиков было только два; как-то выходило так, что я голосовала всегда вместе с ними, хотя в организации были и с.-р.

Во вторник утром 28 февр. ст. ст., после начавшейся в Петрограде революции, у нас состоялось делегатское собрание, которое сейчас же выделило исполнительное бюро, в которое и я вошла, заседавшее непрерывно до знаменитого молебна на Красной площади с архиереем и молитвами за „российскую державу" и представителями крупной буржуазии, лихо гарцующими на конях; буржуазная стадия революции резко бросалась в глаза.

Не помню дня, когда наше исполнительное бюро вынесло резолюцию: „Мир без аннексий и контрибуций", но только после этой резолюции на общем собрании разразился форменный патриотический бунт против членов исполнительного бюро, и всех нас из делегатов выставили. Вскоре я ушла и из редакции, чувствуя, что делать там нечего.

Тут я сделала крупную ошибку, вступив летом 1917 г., по старой памяти, в партию с.-р., и сразу почувствовала себя не на месте; с крупными большевиками не пришлось столкнуться; с их изменившимся отношением к аграрному вопросу я не была знакома, а между тем, как-то инстинктивно почувствовала, что партия с.-р. на дороге вырождения, несмотря на огромный успех на выборах в городскую думу. И все же, уезжая в половине августа лечиться на Кавказ, я думала, что социальная революция начнется в стенах учредительного собрания и что социалистические партии составят единый фронт против буржуазии.

Когда до того глухого угла, где я была, долетели слухи о военно-революционных комитетах, я радовалась, что наконец-то начинаются решительные шаги, и все же думала о сплоченных действиях социалистических партий. В Москву я вернулась 25 окт. и сначала ничего не могла понять; 27 окт. стрельба шла уже во-всю. Октябрьская революция и последующие события открыли мне вполне глаза и показали, за кем пошли массы.

Зиму я сидела без работы, а с весны получила сразу три предложения, и это было очень характерно: мне почти одновременно предложили быть выпускающим трех газет: „Земли и Воли", партии с.-р., „Вперед"—меньшевиков и „Земли"—соединенный орган большевиков и левых с.-р. Без всяких колебаний я выбрала последний. Орган этот издавался московским областным комиссариатом земледелия, и когда он к осени 1918 г. был ликвидирован, то ликвидировалась и наша газета.

С ноября я работала в „Известиях Нар. Ком. Здравоохранения" и, выйдя из союза печатников, вошла в союз советских журналистов. В феврале 1919 г. тяжелая болезнь надолго выбивает меня из рабочей колеи. В конце 1921 г. вступаю в общество „политкаторжан и ссыльно-поселенцев", где, по мере сил, и работаю по сие время в литературно-издательской комиссии.

Дебогорий-Мокриевич, Владимир Карпович *).

Родился я 12 мая 1848 г.—недоноском, семимесячником, так что мать, по ее рассказам, долгое время держала меня в вате. Развивался я необыкновенно медленно, благодаря чему от раннего периода в памяти моей сохранились лишь какие-то мутные обрывки. Отчетливо стал я себя сознавать, когда мне было уже около 6 лет. В то время семья наша жила в г. Чернигове, где отец, отставной подполковник и местный дворянин, был судьею, а в Севастопольскую войну ему поручено было формировать Казачий полк. Ясно припоминаю, как в большой комнате, переполненной офицерами, на огромном столе разостлано было полковое знамя, и присутствовавшие поочередно подходили к столу и прибивали гвоздями знамя к длинному древку. Подвели и меня к знамени, и я вбил молотком блестящий небольшой гвоздик.

Затем отъезд отца с полком, уходившим в парад, и наше длинное путешествие на лошадях из г. Чернигова в Подольскую губ., где жил дед, отец матери, мелкопоместный помещик селения Луки-Барской Литинского уезда,—все это сохранилось в памяти опять-таки в виде обрывков. Только когда мне стукнуло девять лет, и стали меня подготовлять в гимназию,—мое сознание вполне окрепло. В этот период жизни я сблизился с старшим братом Иваном, и с той поры дружба наша росла с годами и прервана была лишь его смертью. Иван был не только моим компаньоном, но в то же время и учителем. Окруженный его любовью, я вступил потом в жизнь, и мои первые шаги совершались под его руководством.

Когда мне было 12 — 14 лет, произошло два крупных исторических события: освобождение крестьян и польское восстание. В с. Луке-Барской, где у нас было небольшое именьице, крестьянская реформа протекала мирно. В селении было несколько помещиков, но то были люди смирные, и никаких острых выступлений против них со стороны крестьян не воспоследовало. Однако, их враждебное отношение ко всем „панам" было так сильно и до того недвусмысленно проявлялось, что чувствовали его даже мы—дети. Крестьяне собирались обыкновенно по праздничным дням в сельской корчме, откуда во все стороны неслся их гомон; там, очевидно, разрешались ими волновавшие их вопросы. Мне доводилось видеть как собрания местных помещиков, происходившие не раз в нашем доме, так

ДЕБОГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. К. (1848–1926).

*) Автобиография написана в марте 1926 г. в Болгарии.

равным образом и крестьян, сходившихся в наш двор для объяснений с отцом, и у меня от того времени уцелело живое впечатление необыкновенного единодушия, царившего у крестьян; сказанное одним — поддерживалось всеми; вся масса действовала как один человек. Весь вопрос заключался, как мы это теперь знаем, в земле,— и всякий мужик — от умного до самого глупого—твердо знал свою задачу, сводившуюся к тому, чтобы земля, по возможности вся земля, перешла от помещиков к ним. Это именно общее сознание и создало ту мужичью солидарность, наблюдаемую у крестьян всех трех русских племен—украинцев, великороссов и белоруссов,—солидарность, которая накладывала свою мужичью печать на нашу историю.

Я уже упоминал о том, что в нашем мелкопоместном селении реформа протекала мирно, но далеко не так это было по другим местам. Не дальше как в 7—8 верстах от Луки—в огромном селении Багриновцы, принадлежавшем графу Кушелеву-Безбородко, произошли волнения, принявшие такой характер, что власти сочли нужным послать туда солдат. Над злополучными Багриновцами разразилась экзекуция со всеми ее прелестями—розгами и солдатским грабежом. Особенно трагически окончилось это для одной молодой крестьянки, которую публично на площади перед церковью высекли, и она, не перенеся позора, повесилась. Подробности этого гнусного, злодейского преступления мне рассказывали очевидцы лет пять спустя, и они были так возмутительны, что до сих пор не могут быть забыты и глубоко волнуют.

Я должен сказать, что в самый момент освобождения крестьян событием этим я интересовался меньше, чем происходившим несколько позже польским восстанием,— может быть именно потому, что происходило оно года на два позже, и к тому времени я уже был старше и умнее. Поляки-гимназисты, а их было большинство в Немировской гимназии, были настроены крайне шовинистически и ругали не только русское правительство, но вообще всех и все русское; язык русский называли почему-то „бараньим". Всех православных они называли „кацапами", хотя многие из нас были украинцы, а не великороссы. Несмотря на все это,—мы—„кацапы"—все-таки сочувствовали „повстанцам", слишком уж противна была сторона, воевавшая с ними — полиция и господа военные, которых мы видели у себя в Немирове. О том, что против „повстанцев" выступали крайне враждебно и крестьяне-украинцы, мы хотя и знали, но лишь спустя известное время сделали правильную оценку этому явлению. В юго-западном крае „поляк" и „пан" почти синонимы (помещики Подольской, Киевской и Волынской губ. почти все поляки), так что польское восстание в нашем крае являлось по существу „помещичьим восстанием", немудрено поэтому, что крестьяне отнеслись к нему враждебно.

В гимназический период моей жизни случилось еще одно событие, оказавшее на меня большое влияние. Я был уже в 6 классе Каменец-Подольской гимназии (из Немировской гимназии я с братьями перевелся в Каменец-Подольскую в 1864 г.), когда у Ивана, шедшего одним классом впереди меня, во время экзаменов на аттестат произошло крупное столкновение с инспектором гимназии. В это дело вмешался губернатор; столкновению придан был политический характер, и Ивана посадили в почтовую кибитку, дали в провожатые жандарма и отправили на место жительства в Луку-Барскую, взявши с него подписку о невыезде. Ивана я любил, и этот случай возмутил меня страшно; я возненавидел гимназическое начальство, — инспектора и директора (учителя были конечно, непричем) и кончал гимназию с самыми злыми чувствами. В 1866 г., получив аттестат, я уехал в Луку, а после каникул отправился в Киев для поступления в университет. Не помню, чтобы выстрел Каракозова особенно как-нибудь подействовал на меня.

Я любил читать,—но не мог бы указать теперь на книгу или автора, оказавшего на меня особое влияние. Взгляды, или, вернее сказать, ощущения мои, являлись у меня скорее продуктом самой жизни и окружавшей обстановки, нежели чтения. Прежде всего семья наша была небогата; отец был плохой хозяин, и от нужды спасал нас пенсион, который он получал, выйдя в отставку после окончания войны. Кажется, на второй год моей студенческой жизни я был исключен из университета за невзнос платы за ученье и целый год провел в Луке, не имея средств вернуться в Киев. Но этот год жизни с Иваном в селе научил меня многому. В средней комнате, за длинным дубовым столом после вечернего чая шли наши литературные вечера. Иван читал (он же доставал книги). Неизменными слушателями были отец и я. Дни мы с Иваном проводили в работах по хозяйству: молотили, пахали, корчевали деревья и кусты, расчищая левады под сенокос или посевы. Я мечтал о развитии физической силы и мне чрезвычайно нравилось косить; засучив рукава рубахи выше локтей, чтобы видны были мускулы руки, я косил, — идя в ряду с косарями. Демократическое настроение все более и более овладевало мною. Я научился уважать мужичий труд, потому что на себе испытал тяжесть этого труда. Видя перед собой бедных и богатых, таких, которым нехватало насущнейших предметов, и других, у которых были из-

лишки, простое чувство справедливости, а вовсе не какие-то теории и учения, протестовало во мне против такого положения вещей. Мой социализм, если можно назвать социализмом одно желание имущественного равенства у людей, весь покоился на соображениях исключительно этического характера, а вовсе не на экономических доводах и построениях. Это, конечно, доказывало только, что я был утопист и очень мало имел общего с научным социализмом. Такое же соображение нравственного порядка приводило меня еще и к следующим выводам: я думал, что всякий человек, чтобы не эксплоатировать других людей, должен жить непременно физическим трудом. По моим понятиям, безнравственно было пользоваться какими бы то ни было привилегиями—имущественными, связями, дипломами и пр.

В 1871 г. разбирался процесс нечаевцев в Москве. Мы с Иваном следили за ходом дела по газетным отчетам, и дело это привело нас к решениям некоторых важных вопросов. Поведение Нечаева, как оно выяснялось из показаний на суде, обманывавшего своих товарищей, осуждалось нами, и все дело представлялось нам необычайно раздутым. Но к участи нечаевцев мы отнеслись сочувственно. А показания обвиняемого Успенского, оправдывавшего свое участие в убийстве студента Иванова тем соображением, что для спасения жизни двадцати человек всегда дозволительно убить одного (Иванова подозревали в шпионстве и за это убили), показались нам чрезвычайно логичными и доказательными. Рассуждая на эту тему, мы додумались до признания принципа „цель оправдывает средства". Так, мало по малу, мы приближались к революционному мировоззрению и, нужно сказать, что в этом вопросе, в вопросе специально о революции, большую роль сыграла наша литература. Благодаря цензуре прямой проповеди революции, конечно, не было, но было другое: сочувствие к революционным методам борьбы сквозило между строк у многих русских писателей. По истории французской революции переводились и популяризировались преимущественно книги авторов-дифирамбистов. Мы зачитывались ими. Наперечет знали мы имена всех героев франц. революции, начиная от главарей и оканчивая второстепенными и даже третьестепенными личностями. Одним нравился Дантон, другие восторгались Камилл Демуленом, третьи бредили Сен-Жюстом. Такова была атмосфера, в которой мы вращались в семидесятых годах, разжигая друг в друге революционный пыл.

Первый кружок (не считая студенческого кружка саморазвития), в котором я принял участие, был так называемый „американский", инициатором которого был Иван. Это была организация полуреволюционного характера. Стремясь к тому, чтобы жить физическим и именно „мужичьим" трудом, Иван остановился на мысли организовать земледельческую коммуну. Но так как при русских полицейских порядках это было невозможно в России, то проектировалось переселение в Америку. Задачу свою мы, члены кружка, далеко не ограничивали, однако, созданием только одной коммуны в Америке; мы предполагали вести широкую агитацию заведения подобных коммун всюду. А мне рисовалась возможность подобной работы даже в самой России, заручившись американским гражданством, которое как-то должно было меня защитить от русской полиции.

Таким образом, к своим народническим симпатиям, носившим по существу национальный характер, мы прицепляли космополитический хвост в виде американизма. Одно с другим плохо вязалось и, само собою разумеется, не могло долго продержаться. Во всяком случае трое из кружка отправились в Америку в качестве разведчиков, но там с ними произошел страшный случай: нечаянно один застрелил другого. Застрелившего судили законом Линча (происходило это где-то в дальнем западном штате), но он был оправдан. Этот случай потряс нашу организацию, и она стала разваливаться.

В 1873 г. весной я уехал в Швейцарию, где находилось несколько человек из нашего кружка. В Цюрихе я застал огромное число русских, точно на какой-то съезд съехавшихся с разных концов России. Подобно нам, „американцам", вся эта масса молодежи, видимо, искала там разрешения своих вопросов. Там, в Цюрихе, и получили тогда свое начало некоторые кружки, принимавшие потом участие в революционном движении. В Швейцарии я прожил лето 1873 года. Как наследие американизма в ту минуту жила у меня мечта о „слиянии" с западно-европейским рабочим движением и вступлении в организацию Интернационала. Донецкий и я, оба проникнутые одной мыслью, принялись искать работы, и нам удалось в Женеве поступить землекопами к одному подрядчику. Но арест Донецкого женевской полицией, случившийся очень скоро, и изгнание его из кантона окончательно отрезало нас от нашего космополитизма. По вызову Сажина (Росса) я вернулся в Цюрих, где принял участие в печатании книг: „Государственность и Анархия" Бакунина и „Историческое развитие Интернационала". Окончив печатание, мы с Сажиным поехали в Локарно к Бакунину, с которым мне очень хотелось познакомиться перед своим отъездом в Россию.

Учение Бакунина об анархии оказало на меня огромное влияние. Герои французской

революции отошли на задний план, потеряв прелесть в моих глазах. К якобинству установилось у меня вполне отрицательное отношение. После многих лет жизни, увлечений, неудач и разочарований мировоззрение мое претерпело немало изменений, но сущность свободы, как она была вдохнута в меня бакунинским учением, осталась навсегда моим идеалом.

Прожив дней десять в Локарно и все время проводя у Бакунина, я выбрался, наконец, в дорогу. Из Локарно пароходом по озеру Лаго Маджьоре я доехал до северной Италии и оттуда, севши в поезд, направился в Россию.

Месяца полтора спустя Донецкий с чужим паспортом перебрался через русскую границу в Волочиске и, слезши с поезда на станции Сербиновцы, пошел в Луку для встречи со мною. От Сербиновцев до Луки около 8 верст, и он шел пешком по железнодорожному полотну, возбудив подозрение у железнодорожного мастера, работавшего по линии. Он был задержан и отведен к становому приставу. Сделали обыск и при нем нашли прокламацию. А так как в его чемоданчике, оставленном на сохранение в Сербиновецком вокзале, найдена была целая пачка тех же прокламаций и между другими предметами книга „Статистика" Кольба, принадлежавшая мне—с моей надписью, то становой, покончив с Донецким, явился в Луку и сделал обыск у меня. По счастью, ничего противозаконного у меня не нашлось, и становой ограничился только составлением акта, Донецкого же он повез в уездный город для сдачи исправнику.

Мое знакомство с Донецким бесспорно устанавливалось, и так как у него найдены были прокламации и, следовательно, меня, наверное, привлекли бы к этому делу с прокламациями, которых, замечу, я даже не видел раньше (они появились на свет уже после моего отъезда из Швейцарии), то для избежания ареста я решил скрыться. На вторые или третьи сутки я выехал из дома ночью к ночному поезду, само собой разумеется, не на станцию Сербиновцы, где меня знал станционный жандарм, а на другую станцию. В своем предположении я не ошибся. Очень скоро в Луку нагрянули жандармы с намерением арестовать меня, но там уже и след мой простыл. Я бежал в Киев.

Т. обр., с первого же шага своей революционной карьеры я становился на нелегальное положение. С осени 1873 г. я начал укрываться и в звании „нелегального" оставался до самого своего ареста, т.-е. до февраля 1879 г.

В Киеве я остановился на квартире, занимаемой „коммуною", как в то время назывались подобные сожительства студентов; в числе сожителей был товарищ мой по американскому кружку, студент медик Судзиловский. В коммуне, однако, прожил я недолго, мне удалось поступить в плотницкую артель и я сделался рабочим. Артель плотничала на Подоле (так называется часть г. Киева возле Днепра). Жил я с артелью, но праздничные дни проводил в коммуне, помещавшейся на противоположном конце города—по Мало-Васильковской улице, куда являлся я обыкновенно еще накануне праздника. В коммуне происходили наши небольшие собрания; постоянными посетителями были Аксельрод, Лурье и др. Там я видел Сергея Кравчинского, проезжавшего из Петербурга в Одессу и останавливавшегося на день или два в Киеве; в коммуне же проживали некоторое время Сергей Ковалик, раньше близко знакомый мне по американскому кружку, — Екатерина Брешковская, Мария Коленкина и много других лиц, сидевших потом по тюрьмам.

Из этой же коммуны весною 1874 года отправлялась первая группа „в народ". Вышло нас тогда из Киева пять человек, но уже в Жмеринке один отстал от компании и вернулся в Киев, так что дальнейшее путешествие совершало нас четверо: Василий Фишер, Яков Стефанович, я и Сергей Шпейер. Проведши некоторое время в Жмеринке, где мы работали по нагрузке вагонов шпалами, и заручившись кое-какими деньгами, мы отправились в путь-дорогу в качестве красильщиков. Свой маршрут мы составили раньше, наметив пройти часть Подольской губ. и всю Киевскую до Днепра.

И вот, испачкав себя красками, чтобы походить на настоящих красильщиков (это мы проделали в лесу, забравшись в укромное место), мы закинули мешки за плечи и двинулись по дороге, ведшей из Жмеринки в местечко Браилов. Проходили мы верст по двадцати в день; останавливались по селам на ночлеги, делали дневки, всюду предлагая красить платки или пояса, и, обыкновенно не получив заказов (крестьяне, как мы узнали, красили пояса по соседним местечкам—у своих знакомых красильщиков), продолжали передвигаться дальше на восток. Но одновременно с тем, как предлагали свою работу, мы всюду расспрашивали о том, происходили ли в этой местности крестьянские бунты, когда именно и что дало повод к ним.

И всюду мы слышали, что восстания, имевшие место вследствие недоразумений крестьян с помещиками из-за земли, случались, главным образом, в период до и во время самого освобождения,—и что после того жизнь вошла в мирную колею. Но будучи сами настроены революционно,—мы не сумели в то время достаточно оценить последнее обстоятельство. Вместе с тем мы узнали, что всюду свои земельные чаяния крестьяне возлагали на царя; царь

в их представлении являлся защитником крестьянских интересов.

Так мы брели все дальше к востоку и добрались, наконец, с израненными ногами до местечка Корсуни, Киевской губ., имения графа Лопухина. В Корсуни мы остановились. По собранным сведениям в этой местности происходили большие крестьянские беспорядки в 50-х годах, и это дало нам основание предполагать, что там более, чем в других местах, должны были сохраниться революционные традиции, и поэтому мы решили устроить в Корсуни поселенье. Фишер отправился в Киев хлопотать о средствах для этого; однако, встретив затрудненья, уехал на север и больше не возвращался к нам; там он был арестован и засажен в тюрьму. Шпейер тоже ушел куда-то в Полтавскую губ., и от нашей компании осталось нас только двое: Стефанович и я. Пришлось и нам вернуться в Киев. Группа наша разбилась. Стефанович некоторое время спустя опять „пошел в народ" в компании с Катериной Брешковской и Марьей Коленкиной. Я в это время бродил по окрестным селам г. Киева в качестве плотника, не желая удаляться от Киева, так как поджидал сведений с австрийской границы касательно транспорта книг, посланных из Швейцарии для контрабандной переброски их через границу. Получив уведомление и съездив за границу, где чуть было не попался, так как транспорт оказался заарестованным, я в Киев не возвратился, а остановился в Жмеринке, где поступил на работы к подрядчику по железнодорожной линии. Работа наша сводилась к нагрузке платформ песком, перевозке песка по линии и разгрузке этих платформ. В нашей партии было человек восемьдесят крестьян из окрестных деревень. Расчеты подрядчик производил по субботам. У меня родилась мысль провести стачку. Вначале дело было наладилось, но довести его до благоприятного конца не удалось; подрядчик меня расчитал, и я должен был убираться по добру - по здорову из Жмеринки. Я уехал в Киев.

Между тем, летом 1874 г. были произведены первые обыски и аресты в одном из приволжских городов, и жандармские поиски перебросились оттуда к нам, в Киев. На Волге у кого-то найден был киевский адрес Лурье. Лурье был арестован. У него найдены были указания на деревню, где с целью пропаганды находились Брешковская, Коленкина и Стефанович. За ними началась погоня. Аресты и обыски перебрасывались из одного города в другой, из одной местности в другую, и вскоре замутилось положение во многих местностях России. Начался общий погром. К началу осени 1874 г. поиски и аресты были уже всюду.

Ходько, мой товарищ по американскому кружку, занимавший место сельского учителя в Черниговской губ., вынужден был скрыться, но по пути в Киев он был арестован на железной дороге и только благодаря особой случайности и его находчивости ему удалось в Киеве на вокзале (поезд прошел ночью), выскочив из вагона, бежать от жандармов. За ним по городу поднялись страшные поиски. Так как он был киевским старожилом, и многие полицейские знали его в лицо, то укрываться ему было очень трудно; точно по следам гнались за ним; деваться было некуда. Нужно было бежать куда-то подальше, чтобы переждать в безопасности горячее время поисков. Мое положение было тоже незавидное— и мы с ним надумали бежать за границу.

И вот, живо вспоминается мне та ночь, когда мы, выйдя из квартиры одного приятеля, с мешками на спине, направились к вокзалу, как бы к ночному поезду. Поворотную улицу к вокзалу, Безаковскую, мы пересекли, спустились вниз по Бульварной до Триумфальных ворот; там в то время было еще совершенно пустынное место; забравшись с левой стороны в ров, переоделись, вытащив из своих мешков приготовленную для этого одежду, и преобразившись, таким образом, в рабочих, зашагали по белевшемуся перед нашими глазами житомирскому шоссе. Вокзал и пристань на Днепре кишели шпионами; останавливали даже еврейских „балагул", выезжавших из города, и осматривали пассажиров, и потому мы решили бежать пешком. И как памятно мне теперь это чудное путешествие. Выбравшись из города, мы почувствовали себя сразу на воле. Старые, еще не тронутые леса тянулись на десятки верст по бокам дороги. Около полуночи мы остановились на отдых. Забравшись вглубь леса, мы улеглись у ствола сосны и спокойно, беззаботно заснули, не испытывая уже того мучительного страха появления жандармов, который никогда не покидал нас во время ночлегов по чужим квартирам в Киеве. Увы, эти леса почти вырублены в настоящее время. И так мы отдыхали и спали по лесам, питались хлебом с салом, запас которого несли с собой, и дошли, т. обр., до местечка Карастышева; там наняли „балагулу" и добрались до Бердичева, где и сели, наконец, в поезд.

Но вот мы доехали благополучно уже до Радзивилова и пробираемся гуськом через поле к австрийской границе. Ведет нас контрабандист, местный крестьянин. С левой стороны, я вижу, как спешит какая то военная фигура с явным намерением пересечь нам дорогу. Но впереди нас лес. Контрабандист пускается бежать, и мы бежим за ним. В лесу он нас покидает, указывает нам направление, а сам сворачивает налево, как бы навстречу погоне. Мы бежим даль-

ше уже сами; но скоро замелькал свет, лес кончился. Патрульная дорога идет вдоль леса. Осторожно из-за дерев я оглянул ее, дорога совершенно пуста. Справа стоит пограничный столб. С левой стороны несутся лесным эхом громкие голоса. Мы пересекаем патрульную дорогу и идем по направлению к австрийскому городку Броды, направление к которому нам указал крестьянин, пахавший поле.

Приехав в Швейцарию, прежде всего, само собою разумеется, я разыскал Сажина. Почти одиовременно с нами в Женеве появился бежавший из России Мышкин. Мы договорились с ним относительно совместной работы на будущее время и почти с первого же дня стали готовиться к обратному отъезду в Россию. Сажин очень помог нам в этом.—Казалось, правительство нанесло нам полное поражение, а между тем мы оставались вполне бодры духом и не приходили в уныние. Веры в дело было еще много. Вскоре Мышкин уехал в Россию, а за ним последовали и мы. Сажин остался за границей. Той же осенью я уже был опять в Киеве. Начались мои скитания по чужим квартирам, тягостные, как хроническая болезнь, продолжавшиеся до той поры, пока не удалось заручиться хорошим паспортом, давшим возможность устроиться самостоятельно. Скоро разыскался Стефанович, и мы вдвоем бодро принялись за собирание нового кружка. Ходько тяжело заболел и, т. сказать, „выбыл из строя".

Весь 1875 г. прошел у нас в организации кружка и привлечении к нему новых членов. В кружок, кроме Стефановича и меня, вошли: Дробязгин, Малинка и Чубаров, все три повешенные в 1878 г. в Одессе известным Панютиным; Михаил Фроленко—впоследствии шлиссельбуржец, Лев Дейч, Виктор Костюрин, Николай Бух—впоследствии каторжане, и четыре женщины: Мария Коленкина и Мария Ковалевская—обе потом каторжанки, Вера Засулич и Анна Макаревич, позже принимавшая живое участие в итальянских социалистических организациях (была замужем за итальян. соц. Костой).

Кружок наш стоял на почве заговора, задачей своей мы поставили организацию вооруженного крестьянского восстания, избрав для этого юго-восточную часть Киевской губ., где, по нашему мнению, сохранились революционные традиции более, чем в других местностях. Работа наша распадалась на несколько отделов, сообразно которым и наш кружок делился на группы. Всякий член избирал для себя ту отрасль дела, которая была ему более по душе. Работы в главных чертах намечены были следующие: 1) заведение связей среди крестьян, 2) устройство убежищ и складов оружия, 3) добыча средств, нужных для осуществления мятежа.

План был простой. В определенный срок группа наша заодно с привлеченными к нашему заговору крестьянами,—все вооруженные, конечно,—должны были начать мятеж. Наш отряд, переходя из одного селения в другое, из одной местности в другую, имел в виду всюду объявлять об конфискации помещичьих земель и производить немедленную раздачу земли крестьянам. Но для успеха дела, для того, чтобы крестьяне присоединились к нашему отряду и чтобы ширилось восстание, мы решили пустить в дело манифесты, якобы изданные царем, призывающие крестьян к восстанию против помещиков. Заготовке оружия мы придавали большое значение, полагая, что чем больше будет его заготовлено, тем восстание с первого же дня получит более серьезный характер.

Почему мы остановились на мысли действовать среди крестьян именем царя? Прежде всего потому, что почти все крестьянские бунты на Украине, происходившие в последнее время (в годы освобождения), носили подобный характер, и особенно наглядно сказалось это в Корсуньском восстании, охватившем обширную местность в пятидесятых годах. Наша же совесть вполне мирилась с этой ложью. К Пугачевскому восстанию, построенному на самозванстве, мы относились хорошо. В журн. „Вперед",—не помню только, кто был автором статьи,—проводилась параллель между северо-американской революцией (борьбою за освобождение от Англии) и происходившей одновременно нашей Пугачевщиной, и последней давалось предпочтение: она носила, по мнению автора,—более социалистический характер, нежели борьба американцев за освобождение. Стенька Разин и Пугачев были, т. ск., канонизированы нами в социалисты-революционеры. Само собой разумеется, что для нас, украинцев, Гонта и Железняк имели такое же значение. Когда, однако, мы сообщили Бакунину о своем плане, то он отнесся к нему неодобрительно, ответив нам фразой: „Ложь всегда шита белыми нитками".

Если вдуматься внимательно в наш план подложных манифестов, то в нем недвусмысленно проглядывало невысказанное только наше убежденье, что крестьянская масса в 70-х годах далеко не была настроена революционно—и для того, чтобы подвинуть ее на решительные действия, нужно было прибегать к авторитету царя. Логически правильный вывод из этого был тот, что в крестьянской среде не было почвы для революционной деятельности. Но вывода этого мы не сделали. Наше поколение, охваченное великими настроениями и целями, пути и средства к достижению этих целей избрало—увы—часто неудачные, и это привело его к ряду ошибок.

К 1876 г. кружок наш—по два—по три человека, расселился уже весь по селам и, можно сказать, с первых же шагов поставил себя в ложное положение по отношению к крестьянам. Стоя на почве заговора и строгой конспирации, мы принуждены были беречься. Вооруженные револьверами и кинжалами, с целыми ворохами патронов, подложных паспортов, печатей и других заговорщических предметов, мы должны были остерегаться чужого глаза. Наши двери всегда были на крючке, чтобы не мог захватить нас врасплох сосед крестьянин и застать на столе разложенные „бунтовские" принадлежности. Готовясь к мятежному выступлению, конечно, нам надо было учиться владеть оружием, и мы учились этому. В результате получилось весьма печальное явление: мы, „народники", научились прекрасно стрелять, но боялись и избегали посещений крестьянина и вместо того, чтобы радоваться, хмурились и ежились, когда он входил в нашу избу. Состоять в роли какого-то актера, тщательно скрывающего свою жизнь и говорящего совсем не то, что было на душе, изо дня в день притворяться и лгать—все это было тягостно до последней степени. А между тем—таково было в общем положение „бунтаря", конспиратора—в народе. Несравнимо нормальнее и лучше были условия пропагандиста, не ставившего себе ближайшей задачей революционного выступления. Но психология нашего (а может быть и всякого) революционного движения была такова, что оно росло, обострялось и безостановочно шло к своей кульминационной точке. Начавшись с чистой пропаганды, оно перешло к бунтарству и окончилось терроpом...

Между тем около того времени, как мы расселились по селам Киевской губ., уже происходили волнения — без нашего участия—в нескольких волостях Чигиринского уезда, среди бывших государственных крестьян. Поводом к волнениям послужило требование большинства крестьян душевого передела земли, чему воспротивились более зажиточные из них, — „актовики", как их называли. Борьба, поднятая „актовиками" против настаивавших на переделе „душевиков", была поддержана властями. Среди „душевиков" нашелся энергичный, грамотный крестьянин Фома Прядко, отправившийся по этому делу ходоком в Петербург. Там, конечно, он был арестован и препровожден этапным порядком на место жительства. С этого времени стала ходить легенда среди крестьян, будто Прядко видел царя, и царь обещал свою помощь „душевикам". Волнения усилились. Прядко был пойман и посажен в Киевский тюремный замок; арестованы были еще несколько других второстепенных главарей, которых привезли тоже в Киев, но держали их при киевских полицейских участках. С этими-то, т. ск., полуарестованными чигиринцами (они только ночевали в участке, но днем ходили свободно по городу и работали) удалось нам с Стефановичем познакомиться, и, таким образом, завязались сношения с бунтовавшими селами. Впрочем, я скоро устранился, и дальнейшие сношения велись Стефановичем без меня. Я же с Дробязгиным направился в другую местность. Нам переданы были связи с крестьянами одного украинофила-народника, служившего учителем в селении возле местечка Богуслава, Каневского уезда.

Покидая место, учитель дал рекомендации и адреса своих приятелей крестьян, и мы с Дробязгиным весною 1876 г. отправились в Богуславскую местность. Встречены мы были там, как говорится, с распростертыми объятиями. Видимо, учителя мужики любили. Отношения с рекомендованными крестьянами у нас установились самые дружеские. Селение принадлежало уделам, и царь являлся в этой местности помещиком. Уже это одно обстоятельство создавало благоприятные условия для пропагандиста, и влияние украинца-народника оставило здесь глубокие следы. Мы провели несколько дней, ведя вполне откровенные собеседования с нашими новыми приятелями. Уезжая, мы обещали приехать через месяц, а за это время поручили им переговорить с единомышленниками из соседних сел, чтобы собраться потом всем и потолковать об общем деле. При этом, конечно, советовали быть крайне осторожными в выборе лиц и ограничиться небольшим числом, чтобы наше собрание не обратило внимания тех, кому не следовало этого знать. Прошел месяц, и мы опять приехали и опять провели несколько дней в переговорах и проектах на будущее время. Устроена была, наконец, и тайная сходка—человек около двадцати крестьян, в которой приняло участие несколько человек из окрестных сел. Мы поставили вопрос ребром, настаивая на том, что надо готовиться к восстанию, т. к., по нашему мнению, только путем восстания крестьяне могут завладеть землею, иначе „паны" ее не отдадут. Присутствовавшие соглашались. Однако, помню, между другими—один спокойно заметил:—„Прийдут москали и побьют". Мы на это возразили, что с голыми руками, само собой разумеется, мы не пойдем воевать, что сначала похлопочем добыть как можно больше оружия и пр. в таком духе. Трудно сказать, успели ли мы тогда убедить всех присутствовавших в необходимости восстания; но нам с Дробязгиным тогда казалось, что настроение крестьян было крайне возбужденное, и мы уехали оттуда с самыми радужными надеждами.

Между тем нашим народническим планам как раз в это время готовился удар. В г. Елисаветграде, где у нас было поселение, и куда мы часто съезжались, чтобы повидаться друг с другом, появился некий Горинович, субъект, который, будучи арестован во время погрома 1874 г., дал много компрометирующих показаний. Выпущенный из тюрьмы, он принялся усиленно разыскивать Стефановича и меня (он знаком был с нами раньше) под тем предлогом, будто хочет с нами работать. Пронюхав как-то, что мы были на юге Киевской губ., он появился в Елисаветграде. Малинка и Дейч, жившие в Елисаветградском пункте, встретились с ним у одного общего знакомого. Все поведенье Гориновича вместе с его прошлым приводило к заключению, что розыски свои он вел по поручению жандармских властей, и потому решено было его убить. Заманив его в Одессу, они сделали на него нападение, но убить его не удалось; они только оглушили его. После этого в Елисаветграде было арестовано лицо, у кого Горинович встречался с Малинкой и Дейчем; открыто было и наше убежище. Жандармы шли по нашим следам. Остальные члены кружка, жившие по селам и наезжавшие в Елисаветград, могли быть прослежены. Пришлось нам ликвидировать наши поселения и всем бежать из этой местности. Назначив сборным пунктом Харьков, все мы бросились врассыпную.

Когда мы собрались в Харькове и приступили к выработке дальнейшего плана действий, среди нас проявилась необыкновенная рознь. Ясно становилось, что кружку нашему—с нашими общими планами—пришел конец. Наблюдалось какое-то совсем другое, не народническое настроение, которым заражено было большинство кружка. Впрочем, я еще верил в возможность „бунтарской" работы, хотя вопрос о заготовке оружия, на мой взгляд, представлял огромные трудности: кружок наш в этом отношении ровно ничего не успел сделать; для этого нужны были большие средства, которых негде было взять. Вызывать же волнения среди крестьян, не заготовив оружия, пустив в ход подложный царский манифест, как это предлагали некоторые, мне представлялось очевидной нелепостью. Как бы там ни было, одного—по одной причине,—другого—по другой, но никого из нас уже не тянуло селиться среди крестьян. Мы разъехались по городам — в Одессу, Киев, Харьков; трое уехали в Петербург.

В городах сразу нашлась для нас работа: прежде всего выступил на очередь вопрос о помощи товарищам, сидевшим по тюрьмам. Но скоро началось и другое. В Одессе арестован был Костюрин, член нашего кружка; Фроленке удалось его вырвать чуть не из рук жандармов и увезти на лошади. Арестовали Стефановича, Дейча и Боховского по делу чигиринских беспорядков и засадили в киевскую тюрьму. Из Петербурга приехал в Киев Осинский для организации побега; Фроленко поступил ключником в киевскую тюрьму (конечно с подложным паспортом) и успел вывести всех троих из тюрьмы; они бежали за границу. Между тем Осинский в это же время организовал покушение на прокурора Котляревского. Попко, член Одесского кружка, убил в Киеве жандармского офицера Гейкинга. В Петербурге В. Засулич стреляла в Трепова. Очищение конспиративных квартир, убийства шпионов, вооруженные сопротивления и, наконец, убийства правительственных лиц,— словом, ряд террористических дел следовали одно за другим и совершенно изменили характер нашего движения. 11 февраля 1879 г. произошло вооруженное сопротивление на Жилянской улице в Киеве, при котором со стороны революционеров было убито два человека, двое ранено и был убит жандарм.

Так народничество умерло; народился террор. 1877 и 78 годы были переходным временем. Я принимал участие в очищении конспиративной квартиры Стефановича (после его ареста), где сохранялась наша кружковая тайная типография и много других компрометирующих предметов, участвовал в организации побега из тюрьмы Стефановича с товарищами, в расклейке прокламаций по Киеву, составленных по поводу покушения на Котляревского, убийства Гейкинга и бегства Стефановича; под прокламациями прилагалась нами печать с подписью: „Исполнительный Комитет русской социально-революционной партии". Так получил начало „Исполнительный Комитет".

Но в этих делах я участвовал по долгу товарищества; по убеждениям я оставался прежним народником. В частности к убийствам во мне стало расти прямо отрицательное отношение. 11 февраля 1879 г. был положен предел моей революционной деятельности. По счастью, и в момент ареста при мне не было оружия, и это меня спасло.

Итак, я оказался в тюрьме. Состоя „в бегах" в течение нескольких лет (от 1873 г. по 79 г.), я прекрасно освоился с таким положением и пользовался репутацией хорошего „бегуна". Само собою разумеется, что, попавши в тюрьму, с первого же дня я принялся думать о побеге. Покушение Соловьева, как известно, вызвало военное положение. Следствию по нашему делу дан был скорый ход, и в мае того же 1879 г. нас судили в киевском военно-окружном суде. По трем процессам, следовавшим один за другим, троих—Осинского, Брантнера и Антонова (Свириденко)—приговорили к смертной казни и одиннадцать человек к каторжным работам на разные

сроки. Я был присужден к 14 годам и 10 месяцам.

Сибирь и каторжные работы меня нисколько не пугали, но я боялся Харьковской централки, и когда стало известно, что партию наших отправляют в сибирские каторжные тюрьмы, я был страшно рад; громадные реки и непроходимые леса Сибири так заманчиво рисовались моему воображению, что о боязни не могло быть и речи.

Из киевского тюремного замка нас вывезли вскоре после суда. По дороге, в мценской тюрьме (Орловской губ.) продержали около месяца и повезли дальше. Останавливали еще недели на две в Центральной пермской тюрьме и доставили, наконец, в Екатеринбург. Всю эту дорогу по Европейской России мы совершили под самым строгим жандармским конвоем. Из Екатеринбурга до Тюмени Тобольской губ. везли нас на тройках — уже при менее сильном конвое: то была уже Сибирь. Нашу небольшую партию останавливали последовательно в Тюмени, Томске и Красноярске. Дорогу эту проделали мы от Тюмени до Томска на буксирной барже и от Томска до Красноярска на лошадях. Из Красноярска двигались мы дальше уже этапным порядком, присоединенные к уголовной этапной партии.

Этапный порядок передвижений партий, при котором конвойные менялись через каждые два дня, арестантам велся только счет, а в лицо их не знали конвойные, дал мне возможность сделать „сменку" с уголовными и таким путем освободиться. Между уголовными „сменки" часто практиковались. Мой товарищ, Павлов, ссылавшийся на поселение за грабеж, потребовал, чтобы я ему дал в виде вознаграждения свои высокие сапоги, фланелевую рубаху и деньгами восемь рублей. За это он принимал на себя мое имя, а вместе с тем, конечно, и приговор, тяготевший на мне. Я же с этого дня становился Павловым и должен был выйти на поселение по Иркутской губ. „Сменку" мы произвели во время дневки, когда менялся и конвой. И так как ни старые, ни новые конвойные солдаты не знали ни меня, ни Павлова в лицо, то и не обратили никакого внимания на то обстоятельство, что в камеру, где были политические, из отхожего места вернулся Павлов,—я же из отхожего места пошел в общую камеру уголовных, где тотчас же низко подстриг свои волосы на голове, чтобы походить на уголовного. Конечно, все это совершилось на виду всей партии и с ведома арестантского старосты и заправил партии. Этого мало: более 3-х недель я провел среди уголовных в качестве „сменщика", и мой секрет оставался неизвестен властям. Такова была сила арестантской организации.

Из нашей же 8-й партии сменялся несколько раньше меня Избицкий, а из следующей, 9-й этапной партии — Орлов (этапные партии, следовавшие одна за другой, носили всякая свой номер). Донос последовал на всех троих одновременно. Но Избицкого уже не нашли на месте поселения и не могли арестовать, хотя впоследствии он все же погиб: по рассказам одних он был убит бродягой, по сведениям других его задрал медведь где-то в тайге возле Байкала. Орлов, сменявшись, не ушел, с места, где был выпущен из партии, и конечно, там был арестован. Мне одному удалось свой побег довести до благополучного конца.

Павлова, т.-е. меня, выпустили на волю в селе Тельминском, находящемся верстах в 40—50 от Иркутска по так наз. „Московскому тракту". Решивши итти на север в г. Балаганск, где, по сведениям, находился в административной ссылке Габель, мой старый приятель по американскому кружку, я распустил ложный слух среди поселенцев, вместе с которыми освобожден был из партии, что ухожу в Иркутск. Сделал это я с намерением ввести некоторую путаницу, когда поднимутся за мной поиски, которых ожидал всякую минуту. Хотелось хоть немного выиграть времени. Из Тельминской я постарался уйти незаметно на другой день утром. Было начало ноября; снегу уже порядочно навалило, и стояли холода. В казенном желтом полушубке я имел вид, конечно, арестанта, но это не особенно беспокоило меня, так как бродяги свободно передвигались по Сибири, и только когда поднимались за-кем либо поиски, их забирали сотнями и сажали по тюрьмам. Шел я по так наз. „Ангарскому тракту" (вдоль реки Ангары), и мне предстояло пройти более десятка селений. Я понимал, что за собою оставляю след, и потому все мои мысли устремлены были на то, чтобы как нибудь затереть эти следы. Оставалось сделать три-четыре перехода до Балаганска, когда в одном селении меня зазвал к себе поселенец. Он тоже собирался „итти по бродяжеству" и знал хорошо эти места, так как бывал тут уже раньше, в первую ссылку. Угощая меня горячим чаем, из участия ко мне он дал несколько полезных указаний; между другими сведениями, по его словам, в селении Малышовке, расположенном у р. Ангары как раз против Балаганска, у него имелась близкая приятельница, к которой я могу обратиться от его имени за помощью. Жила она в третьей избе, считая с противоположного края селения. По реке в это время шла „шуга" (лед), переправа была опасна, и приятельница должна была найти нужных людей для моей переправы. Я подогнал так свое путешествие, что в Малышовку вошел ранним

утром, когда люди сидели еще по избам и через замороженные стекла окон не могли хорошо видеть улицы. Быстро прошел я селение. Отсчитав с края третью избу, я постучался в дверь. Это оказался хорошо построенный домик, и уже это одно обстоятельство родило у меня сомненье; когда же, войдя в переднюю комнату, я увидел перед собою старуху, то это окончательно меня смутило. „Приятельница" моего поселенца должна была быть иной. Заикнулся было я об моем поселенце, но старуха выразила такое удивление, что мне пришлось замолчать. „Да что тебе, парень, надо?",—допытывалась она. Я принялся рассказывать ей, что разыскиваю ссыльного дворянина, с которым шел в партии, и он остался мне должен. „Какого дворянина? Мало ли дворян ссыльных. Вот и у меня живут ссыльные". В это время с левой стороны отворилась дверь и на пороге показалась молодая женщина, которую я сразу определил.—„Что вам надо?"—спросила она. Если я и мог сомневаться в своей догадке, то слово „вам" окончательно меня убедило.—„Да, вот у меня дело есть",—говорил я ей; не желая, чтобы хозяйка была свидетельницей нашего разговора, я стал настойчиво протискиваться к ней в комнату. Она загораживала мне ход, я слегка отстранял ее рукою и тискался вперед.—„Что вам надо",—спрашивала она с удивлением, отступая. Но я уже вошел в комнату и притворил за собою дверь. Тут шопотом, чтобы хозяйка не услышала за дверью, я ей сказал: „Я—Дебогорий-Мокриевич. Бежал с дороги из партии. Слышали ли вы о нашем процессе в Киеве?" Это была Новаковская. Я попал совершенно случайно в квартиру политических ссыльных. Новаковский в эту минуту лежал еще в кровати.

В Малышовке жили две семьи политических ссыльных: Новаковского и Цвиленева. У последнего были приятельские отношения с некоторыми поляками ссыльными по 1863 г., и я укрылся среди поляков. Знание польского языка оказалось весьма кстати, так как дало мне возможность фигурировать в качестве поляка. Между тем жандармы шли уже по моим пятам. Они проследили весь мой путь, но в Малышовке след мой был ими утерян.

Прожив в Сибири год, я выехал оттуда на почтовых в начале зимы 1880 г. и после остановок более или менее продолжительных в Красноярске, Екатеринбурге, Перми и Казани прибыл в Москву в 1881 г. незадолго до убийства царя.

В спорах, которые в это время мне пришлось вести с некоторыми народовольцами, я отстаивал, конечно, народнические принципы, но скоро должен был сознаться, что того живого начала, которое двигало мною раньше, я уже не ощущал в себе; его уже не было; червь сомнения уже копошился где-то в глубине души, и когда, наконец, я вполне ясно сознал это, то решил эмигрировать.

В мае 1881 г. я бежал из России в Швейцарию. За границей я занялся переоценкой ценностей и, так сказать, подведением итогов.

Что, по существу, являлось для меня главным пунктом расхождения с Народной Волей? Народовольцы в первую очередь ставили борьбу с правительством, т.-е. задачу политического характера. Одно это не представляло собою еще чего-то неприемлемого для меня. Моя народническая аполитичность состояла вовсе не в отрицании свободы, а в отрицании политики, не приводящей к свободе. Бакунинский анархизм до известной степени укладывался в прудоновский федерализм. И если бы Народная Воля удержала федеративный принцип, лежавший в основе народничества, то борьба, которую она вела с целью завоевания политической свободы, носила бы, с одной стороны, несомненно иной характер, с другой—думаю—она оказалась бы приемлемее для народников. Между тем, народовольческое течение все более и более принимало характер централистический, якобинский, от которого и не пахло прудоновской формулой, гласившей: „Qui dit liberté—dit fédération, ou le dit rien", и народнику, чтобы сделаться сторонником Народной Воли, надо было совершить в своем мировоззрении настоящее salto mortale, либо же удовлетвориться только одним участием в живой революционной борьбе, не придавая особенного значения принципиальным разногласиям.

В период народничества в области экономических вопросов мы думали добиться осуществления народных требований, сводившихся к отнятию земли от помещиков и передаче ее народу. В политическом отношении мы стояли за анархию, другими словами, за последовательное проведение федеративного принципа до его крайних пределов,—свободного договора личностей при составлении общины. В экономической части своей программы я продолжал держаться старого народнического решения—стоять на почве народных требований, полагая, что социализация может быть осуществлена в жизни только постепенно, по мере роста народного сознания. В таком духе издана была мною брошюра в 1890 г. под заглавием: „По двум вопросам". В политическом вопросе я остановился на той точке зрения, что достижение полной свободы может быть осуществимо точно так же лишь путем постепенных завоеваний, для чего надо только, чтобы всякий наш политический шаг оказывался в то же время и шагом к большей свободе личности. Ближайшей своей задачей я ставил завоевание такого политического строя в России, при

котором государственная централизация сменилась бы возможно большей децентрализацией. Земства должны были явиться основой этого строя. В таком именно направлении было выпущено в 1889 г. в Женеве три небольших сборника, носивших название „Свободная Россия", в которых я принимал участие.

Думаю, что на этом я могу покончить свою автобиографию, так как рассказывать о том, как мне пришлось за границей вести борьбу за существование, не может представить интереса, а в общественных делах с того времени я уже не участвовал.

Дейч, Лев Григорьевич *).

В настоящей краткой биографии я ставлю своей задачей дать, гл. обр., беглый набросок моей революционной деятельности, да и то лишь поскольку она, оставаясь индивидуально моей, являлась в то же время следствием общего в России движения передовой интеллигенции,—движения, начавшегося 50—60 лет тому назад смутными, сбивчивыми исканиями правильного пути к освобождению угнетенных масс и закончившегося в наши дни колоссальным политико-социальным переворотом.

* * *

Появился я на свет 26 сентября (7 октября) 1855 г. в местечке Тульчине Каменец-Подольской губ. в довольно большой и зажиточной семье, которая переселилась в Киев, когда мне было года четыре. С ранних лет крупные политические события,—восстание декабристов (по рассказам матери о Пестеле, подвизавшемся в местечке Тульчине), освобождение крестьян (в передаче старушкиняни) и польское восстание 63 года (в освещении гувернантки и соседей), затем покушение Каракозова на „царя-освободителя",— все это оставило в моей душе и памяти ряд незабываемых впечатлений и вопросов **).

Жизнь в старинном помещичьем доме бывшего владельца крепостных душ, своеобразная часть города (Печерск), близкое знакомство с крайне бедным населением обширного дома и прилегавших улиц также имели на меня благотворное влияние. К этому присоединилось разорение и бегство отца от кредиторов, когда мне было 12 лет. Наступившая затем нужда заставила меня заняться репетиторством еще в низших классах гимназии. Мои сестры, задетые идейным освободительным движением того времени („нигилизмом"), собирали вокруг себя более или менее радикальную студенческую молодежь. Их беседы также не остались без влияния на мое развитие, и, будучи еще мальчуганом, я называл себя „демократом" и удивлял не только сверстников, но и более старших гимназистов знанием про такие сочинения, как „Что делать?" Чернышевского.

Раннее знакомство с нашими классиками как художественной, так и критическо-публицистической литературы еще на школьной скамье вызвало у меня сильное стремление к общественной деятельности. Под влиянием Некрасова, Тургенева, Писарева, Чернышевского я, считая себя русским, уже 13—14 лет задумывался о положении трудящегося народа. Но разразившийся в Одессе первый антиеврейский погром в 1871 г., когда мне шел 16-ый год, заставил меня впервые почувствовать исключительно угнетенное положение моих единоплеменников. Все же я допускал, что они отчасти сами виноваты во враждебном к ним отношении, благодаря своему стремлению к легкой наживе и избеганию тяжелого физического труда. Тогда я был по убеждениям демократом, либералом, нисколько не сочувствовавшим революциям. Происходивший летом 1871 г. процесс нечаевцев, раскрывший приемы обмана и мистификаций, к которым прибегал организатор этого кружка, в особенности возмутительное убийство невинного товарища, студента Иванова, и затем бегство за границу самого Нечаева,— все это в сильной степени оттолкнуло меня от насильственных приемов изменения господствовавшего строя. Я был „нигилистом", „реалистом", верившим в мирный прогресс. Но вскоре первые же столкновения с действительностью раскрыли мне глаза.

* * *

Сделанная мною вместе с несколькими товарищами попытка превратить обучавшихся в талмуд-торе еврейских сирот в полезных тружеников-ремесленников потерпела неудачу из-за запрещения инспектором народных училищ „недозволенной школы". Почти столь же печально окончилось существование устроенной мною кассы взаимопомощи частным репетиторам. Но последним толчком, заставившим меня свернуть с легального пути на революционный, было пребывание летом 1874 г. в деревне в качестве репетитора у арендатора богатого имения в Киевской губернии. Бедность крестьян, каторжный труд их, полное бесправие и беззащитность даже перед волостным писарем в связи с возмутительнейшим фактом ссылки ни в чем неповинных крестьян на житье в Сибирь, будто бы по постановлению мирского схода, в действительности же исключительно под давлением взяточника-писаря, произвели на меня удручающее впечатление. Тогда мне впервые стал очевидным весь ужас жизни трудя-

ДЕЙЧ Л. Г. (1855–1941).

После Октябрьской революции работал над изданием литературного наследия Г. В. Плеханова.

*) Автобиография написана в дек. 1925 г. Москве.

**) См. подробно об этом в „За полвека", М., ГИЗ, 1926 г., т. I.

щегося населения, находящегося в кабале у тунеядцев, мздоимцев и насильников.

В это же время я внимательно следил за происходившим процессом долгушинцев, который по своему характеру представлял прямую противоположность нечаевскому. Их самоотверженное стремление итти „в народ", чтобы отдать делу его освобождения все свои силы и знания, отказавшись от культурных благ и рискуя попасть на каторгу, склонило и меня пойти тем же путем. К этому решению подготовило меня отчасти и чтение сочинений Лассаля, а также „Положения рабочего класса" Флеровского и др. произведений, сосредоточивших все мое внимание на вопросах политических и социальных.

Вернувшись осенью в Киев, я решил „сжечь за собою корабли", т.-е. отказаться от намерения стать со временем земским врачом, чтобы лечить, главным образом, бедных трудящихся крестьян. Это был тогда обычный путь чуткой к страданиям ближних передовой учащейся молодежи. Всем этим борцам за улучшение бедственного положения народа на обширном протяжении России приходилось неизменно наталкиваться на одно и то же: на невозможность легальной общественной деятельности. Однако, вступление на революционный путь было для меня не так просто, как мне сперва казалось. В то время мне случайно удалось прочесть только несколько подпольных брошюр, в роде знаменитой „Хитрой механики", „Сказки о четырех братьях" и т. п., но из них я совершенно не мог ничего узнать ни о существовавших в революционной среде течениях, ни о том, в чем должна состоять деятельность противников существовавшего строя для его изменения. Я рассчитывал найти в Киеве старших моих товарищей—П. Б. Аксельрода, С. Лурье и др., уже давно, как я знал, ставших революционерами. Но я нашел там полный разгром: С. Лурье и другие члены существовавшего в Киеве революционного кружка были арестованы, а Аксельрод с несколькими товарищами эмигрировал за границу. Других революционных связей у меня не было, и я тяжело почувствовал свою беспомощность, совершенное одиночество.

* * *

Встреча со школьным товарищем Иосифом Щепанским несколько смягчила охватившее меня угнетенное состояние, так как в течение каникул он также самостоятельно пришел к тем же выводам, что и я. Решив образовать кружок из своих старых школьных товарищей, чтобы и их склонить на революционную деятельность, мы занялись среди них пропагандой, но не имели большого успеха. Случайное знакомство с поднадзорным д-ром Вл. Эмме, а также со студентом Колодкевичем и с „нелегальной" Анной Макаревич дало мне возможность несколько разобраться в существовавшем тогда революционном движении. Через Эмме я стал получать запрещенные издания; из них и непосредственно из его рассказов я узнал о „лавристах", „бакунистах", „бунтарях", „чайковцах" и т. п. Но мое отношение к этим различным течениям все же не определилось, и никакой организационной связи не создалось для меня. Эмме был лавристом, крайне отрицательно относившимся к Бакунину. Я же, хотя также считал себя сторонником взглядов Лаврова, но меня отвращал от него „скучный стиль" его писаний, которые я с огромными усилиями усваивал. Наоборот, живые, яркие, увлекательные статьи „истинного революционера" Бакунина мне очень нравились, несмотря на критическое к ним отношение Эмме.

Гл. обр. под влиянием Бакунина, его горячих призывов к „честной, искренней молодежи", я давал себе „ганнибалову клятву"—посвятить свою жизнь делу освобождения обездоленных. Оставаясь организационно одиноким, я стал готовиться к деятельности „в народе". Бросив гимназию в последнем классе, я принялся за „теоретическую" подготовку по обширнейшей лавристской программе и, в то же время впервые расставшись со своей семьей, я поселился у столяра, чтобы изучить у него это ремесло.

Вблизи от меня оказалась экипажная мастерская, устроенная образованным человеком с тенденциозным намерением поставить своих рабочих в лучшее положение, чем в других мастерских. С его разрешения я занялся также обучением по вечерам и в праздничные дни его рабочих грамоте с намерением затем распропагандировать их. Но эта первая моя попытка пропаганды рабочих окончилась полной неудачей: слушатели проявили совершенное равнодушие к этим занятиям, и вскоре они один за другим отказались от их посещения. Мои собственные усиленные занятия при новых неблагоприятных условиях жизни быстро отразились на состоянии моего здоровья. Я вообще был слабосильным юношей со впалой грудью. Профессор, к которому я обратился, приняв меня по костюму за рабочего, посоветовал поскорее уехать в деревню, чтобы серьезно не заболеть. Я надумал оставить Киев, где чувствовал бесплодность моих одиноких, неорганизованных попыток.

* * *

Решив отправиться в какой-нибудь губернский город, в роде Воронежа, Полтавы или Чернигова, где молодежь была меньше напугана арестами, и потому была возможна более организованная революционная деятельность, я обратился за связями к д-ру

Эмме. Для этого он познакомил меня с И. Ф. Фесенко, имевшим большое и благотворное на меня влияние. Он был лет на десять старше меня, с университетским образованием, разносторонне начитанный, и уже в то время он основательно изучил „Капитал" Маркса. Ему, поэтому, без особенного труда удалось убедить меня в том, что и в Киеве можно найти достаточно дела, если умело за это взяться. Он сам был готов своими знаниями и опытом притти молодежи на помощь; он уже побывал за границей и лично знал видных эмигрантов.

Злые сарказмы Фесенко очень скоро опрокинули у меня авторитет Бакунина и особенно Лаврова, и без того едва державшийся. Неосуществимость подготовительной научной программы, предложенной Лавровым, перед началом революционной пропаганды, была уже для меня очевидна. С таким оружием в руках, как „Капитал" Маркса, Фесенко не трудно было поколебать во мне веру в полную готовность русских крестьян к революции и к социализму.

И. Ф. Фесенко, в качестве сына сельского дьякона, хорошо знал все отрицательные стороны наших крестьян, а потому зло высменвал их идеализирование Бакуниным. Но и он, марксист, не избежал влияния на него времени и среды: он также создал фантастический план вызова в России революции, а именно вместо православных крестьян он надумал поднять против существовавшего строя путем пропаганды приверженцев рационалистических сект,— „бегунов", молокан, штундистов, как уже оппозиционно настроенных людей, более других поэтому способных к восприятию социализма, а также и к упорному противодействию правительству. Фесенко упустил лишь из виду, что стойкие, воздержанные, трудолюбивые сектанты, ставшие в большинстве своем относительно зажиточными хозяевами, еще меньше были готовы к принятию социализма и к вооруженной за него борьбе, чем обездоленные, несчастные православные крестьяне.

Но в этом заблуждении Фесенко не был одинок: в те времена совершенно независимо друг от друга во многих местах революционная молодежь направилась в среду сектантов, чтобы посредством пропаганды поднять их против существовавшего строя. Образовавшийся при моем содействии вокруг Фесенко кружок, располагавший материальной поддержкой уже ранее распропагандированного Фесенко бывшего помещика Д. А. Лизогуба, направился в разные губернии на поиски приверженцев рационалистических сект.

* * *

Весной 1875 г. я со Щепанским отправился в Мелитопольский уезд, в нескольких деревнях которого находились избранные нами молокане. Но предварительно мы со Щепанским поступили в мастерские ближайшего железнодорожного депо, чтобы приучить себя к тяжелому физическому труду. По прошествии нескольких дней Щепанский, выбивавшийся от усталости из сил, заявил, что он не в состоянии продолжать работу, и, отказавшись от службы, вернулся обратно. Хотя и мне работа в мастерских была крайне тяжела, я все же продолжал ее и по прошествии месяца, приняв достаточно опрощенный вид, направился к молоканам в с. Астраханку.

Мне посчастливилось сразу попасть в хорошую семью, в которой я остался вплоть до осени. Но моя пропаганда наисовершеннейшего строя оказалась безрезультатной: мои доводы разбивались о неприступную стену вековых предрассудков и суеверий. Для меня стало ясно, что, главным образом, не во мне, а в самих молоканах, в условиях их жизни, как экономических, так и религиозных,— в их относительно высоком благосостоянии и довольстве своей религией лежали причины их невосприимчивости к социализму. Передо мной встал вопрос: „да осуществима ли, вообще, поставленная нами себе задача?" И я ответил на него отрицательно.

Несмотря на безрезультатность пропаганды и тяжесть крестьянского труда, я вернулся в Киев очень окрепшим физически и, в конечном счете, все же довольным произведенным опытом. Немногим из моих товарищей удалось достигнуть и этих результатов: некоторые из них вскоре вернулись, не найдя даже избранных ими сектантов, другие глубоко разочаровались в своей миссии и в крестьянах. А марксист Фесенко был, повидимому, принят шелопутами за давно ожидаемого ими пророка, и они устроили вокруг него исступленную религиозную пляску, закончившуюся дракой с православными крестьянами и арестом Фесенко.

По возвращении осенью 1875 г. в Киев я вновь нашел полную разрозненность и дезорганизованность среди революционеров: кружок Фесенко разбрелся в разные стороны, и я опять оказался одиноким. В неведении, что предпринять, я уже готовился отправиться в качестве волонтера к восставшим герцеговинцам, как это сделали некоторые революционеры, в том числе такие крупные, как Клеменц, Кравчинский, Сажин и др. Меня особенно побуждал к этому слух о том, что и Я. В. Стефанович, которого все, и я в том числе, считали серьезным юношей еще в гимназии (он на два класса был старше меня), тоже собирается в Герцеговину. Но стремление туда среди революционеров скоро прекратилось, т. к. русские добровольцы, невыносливые

и неприспособленные к тяжелым переходам в гористой местности, оказались только бременем для повстанцев. Отказался от своего плана и Стефанович, а вслед за ним и я.

* * *

Отчасти под влиянием этих сборов в волонтеры, я решил поступить вольноопределяющимся, мотивируя это себе тем, что военная тренировка пригодится мне для предстоящей у нас революции. Вскоре после поступления на военную службу мне, наконец, удалось связаться с существовавшим в Киеве кружком „южных бунтарей". В нем я нашел тесную дружескую семью, к которой примкнул и я; с тех пор моя связь с революционерами-бунтарями уже не прекращалась.

В число членов этого кружка, состоявшего из последователей Бакунина, входил также Стефанович, являвшийся единственным лицом, которого я раньше знал немного. Кроме него туда входили: М. Ф. Фроленко, Виктор Костюрин, Сергей Чубаров, Иван Бохановский, В. И. Засулич, Мария Ковалевская, Мария Коленкина, Анна Макаревич и др., всего около 20-ти человек. Последние четыре, а также Стефанович, вскоре стали моими друзьями в течение моей революционной жизни. Кружок существовал под прикрытием легальной квартиры родителей Дебогория-Мокриевича, деятельного и инициативного его сочлена, являвшегося вожаком. Бунтарями они назывались потому, что согласно учению Бакунина проповедывали необходимость вызова бунтов и содействия им, так как революция должна была совершиться, как результат организованных революционерами народных восстаний.

Тяготея всей душой к этому кружку я целиком воспринял его воззрения, вполне отвечавшие моему собственному настроению, но меня, еще не обстрелянного юношу, первоначально никто из членов не посвящал в планы кружка и не предлагал в него вступить. Между тем, в первые же месяцы моего пребывания на военной службе мне пришлось принять некоторое участие в побеге от жандармов арестованного товарища, вследствие чего я и сам очутился на военной гауптвахте. Там к тому же у меня произошло небольшое столкновение с дежурным по караулу офицером; я поэтому предан был военному суду, и мне грозило большое наказание. Но при содействии Стефановича мне удалось бежать, после чего я стал „нелегальным" *).

* * *

То было 19 февраля 1876 г. За мною, таким образом, оказался некоторый „стаж": участие в освобождении, сидение под арестом, удачный и ловкий побег, переход в разряд разыскиваемых полицией. Я, конечно, целиком вошел в интересы кружка „бунтарей" и вскоре затем был принят в число его членов. Оказалось, что задачей этого кружка был вызов среди крестьян Чигиринского уезда вооруженного восстания путем применения подложного от имени царя манифеста, в котором он советовал своему любимому народу перестать на него надеяться, а самому восстать с оружием в руках против всех своих врагов и притеснителей.

Это, будто бы царское, признание вполне совпадало со сложившимся представлением среди населения волновавшихся местностей, в том числе и, благодаря происходившим незадолго перед тем недоразумениям из-за порядка пользования землей, в некоторых волостях Чигиринского уезда. Там возникли целые легенды о зловредных планах и намерениях министров, направленных против крестьян и, наоборот, о доброжелательном к ним отношении царя. В виду этого чигиринцы отправили к царю ходоков, которых полиция, перехватив в пути, арестовала. Всеми этими обстоятельствами наш кружок решил воспользоваться для вызова вооруженного восстания.

План наш состоял в том, чтобы в устроенной в Киеве подпольной типографии отпечатать указанного выше содержания царский манифест, который, разъезжая верхом, а то и в телегах, открыто читать собираемым в селах и деревнях крестьянам. Затем, раздав им привозимое с собою для них огнестрельное оружие, вместе с ними приступить к отобранию от помещиков земли и предоставлению ее крестьянам в общинное пользование, а встречая сопротивление со стороны разного рода заинтересованных лиц и начальства, давать им решительный отпор. Так как по утверждению Бакунина, разделявшемуся бунтарями, все русские крестьяне готовы были в любой момент восстать, то нам казалось, что раз поднимутся крестьяне особенно возмущенного Чигиринского уезда, за ними, вероятно, немедленно последуют соседние уезды и губернии, а там пламя восстания, быть может, охватит значительный район: ведь в прошлые времена удавалось совершенно невежественным лицам поднимать народ против царствовавших деспотов,— почему же это не осуществимо для нас, революционеров, вооруженных знаниями, могущих запастись необходимыми для начала атрибутами — манифестами, оружием, лошадьми и т. д. Мы упускали из виду лишь одно: Россия XIX столетия, при тогдашней организации войск и полиции, при наличности телеграфа и железных дорог, совершенно не походила на прежнюю—времен Разина и Пугачева.

*) Подробно об этом см. „Четыре побега", 1926 г.

Как бы то ни было, бунтари хотели верить своему кумиру, будто в России в любой момент легко вызвать восстание, и принялись за осуществление этой задачи. Вскоре после моего побега с гауптвахты состоялся съезд всех членов нашего кружка для выработки дальнейшего плана действий. Решено было отправить за границу Анну Михайловну Макаревич-Розенштейн для приобретения там типографского станка, шрифта и всех принадлежностей. Затем все остальные члены должны были расселиться в качестве крестьян под разными предлогами в местечках, селах и деревнях, соседних с Чигиринским уездом, как для ознакомления с топографией местности и с его населением, так и для устройства притонов для складов оружия и содержания лошадей. Средства на подготовку всего необходимого получались, главным образом, от некоторых более состоятельных членов нашего кружка; их было далеко недостаточно, но мы утешали себя надеждами, что нам удастся получить нужное количество, когда окажется настоятельная в них надобность.

С наступлением весны, самое позднее— в начале лета, все, казалось, будет подготовлено, и наша компания, распределив роли, торжественно появится в селах и деревнях, отчасти приготовленных к приему нас, посланных самим обожаемым батюшкой-царем. На словах все у нас было довольно гладко, даже детально, расписано,—словно в детской сказке, в действительность которой, однако, верили не только несовершеннолетние юноши, но и люди средних лет, к тому же не только умные, но некоторые даже выдающиеся: всюду в известные исторические моменты находил на наиболее отзывчивых и решительных современников своего рода гипноз, без которого, повидимому, история человечества не может двигаться вперед. Неизвестно, чем закончился бы подготовлявшийся нами призыв к вооруженному восстанию,— вероятно, очень печально, но, вследствие стечения непредвиденных обстоятельств, нам не пришлось парадировать в качестве направленных царем специально к чигиринцам посланцев.

В нашу штаб-квартиру в Елисаветград приехал из Киева некто Горинович, который, будучи арестованным в 1874 году, повыдавал всех, кого знал, в том числе Дебогория-Мокриевича, Стефановича, Марию Коленкину, за что его и освободили из тюрьмы, а названные им лица частью были арестованы, частью скрывались в качестве „нелегальных". Предположив, что в Елисаветград он приехал с намерением указать полиции разыскиваемых ею нелегальных, некоторые из членов нашего кружка, и я вместе с ними, решили устранить его. Но сделанное на него покушение оказалось неудачным: изуродованный Горинович вновь все открыл полиции, и наш кружок должен был, наскоро снявшись, удрать из всех поселений и притонов, переселившись далеко от Чигиринского уезда в большой университетский город Харьков. К этому обстоятельству присоединилась чрезвычайная задержка с получением из-за границы станка с типографскими принадлежностями, а также денежных средств. Словом, „прекрасно разработанный план" не осуществился, и, год спустя, кружок бунтарей ликвидировался (подробно об этом см. „За полвека", 1926 г.).

Только один его член не отказался от намерения вызвать восстание все в том же Чигиринском уезде. То был Яков Васильевич Стефанович. Он надумал, пользуясь взглядом крестьян на царя, создать тайное общество среди населения указанного уезда, для чего предъявил некоторым из крестьян заранее заготовленный царский манифест, уполномочивавший его действовать в качестве „комиссара". К этому плану из бывших членов бунтарского кружка Стефанович привлек меня, Бохановского и Чубарова. Это было в феврале 1877 г.

В короткое время в созданную нами среди чигиринцев тайную организацию вступило около 2.000 крестьян. Дело шло очень успешно; крестьяне, по нашему совету, заготовляли пики, мы собирались снабдить их огнестрельным оружием и осенью предполагали начать восстание, но, вследствие неосторожности одного члена „Тайной Дружины", как Стефанович назвал эту крестьянскую организацию, заговор был открыт властями, почти все члены были арестованы, в том числе и мы трое: Стефанович, Бохановский и я.

Очутившись в сентябре 1877 г. в Киевской тюрьме, при чем нам угрожала бессрочная каторга, мы стали думать о побеге. Единственным способом для его осуществления являлось проведение в число ключников своего товарища. После продолжительных хлопот и стараний осуществить это удалось нелегальному Михаилу Федоровичу Фроленко, поступившему в тюрьму в качестве надзирателя, конечно, с фальшивым паспортом, и в ночь с 26-го на 27-е мая 1878 года под видом коридорных часовых он вывел нас из тюрьмы. Затем на лодке мы, трое бежавших, спустились по Днепру в Кременчуг, а оттуда в качестве крестьян благополучно выехали в Петербург, избежав, таким образом, опасности быть пойманными, несмотря на предпринятые администрацией самые тщательные розыски. Пробыв несколько недель в столице, где мы близко сошлись с самой обширной тогда северной организацией народников, мы в конце июля, чтобы замести следы, отправились в Швейцарию.

Пребывание, хотя и непродолжительное, за границей принесло мне значительную пользу: оно укрепило во мне уже раньше начавшееся сомнение в правильности бунтарских взглядов и целесообразности прибегания к „авторитарному принципу", как тогда называли пользование царским именем. Но, главное, я вернулся (летом 1879 г.) ярым противником систематического террора, который начал практиковаться в России после совершенного Верой Ивановной Засулич 24-го января 1878 года покушения на петербургского градоначальника ген. Трепова. Тех же взглядов придерживались и мои друзья—Я. В. Стефанович и сама инициаторша террора В. И. Засулич.

После неудачного покушения А. К. Соловьева на царя (2-го апреля 1879 г.) среди членов Северной организации, принявшей перед этим название общества „Земля и Воля", начались горячие споры по поводу цареубийства: часть членов, во главе с Плехановым, считала гибельным для нашего движения продолжение таких попыток, другие, наоборот, находили, что только этим путем можно добиться политических свобод, без которых невозможна социалистическая деятельность.

Мы трое—Стефанович, Засулич и я—примкнули к Плеханову и его единомышленникам. В виду оказавшихся неудачными попыток на состоявшемся в Воронеже съезде создать прочный мир между указанными выше двумя фракциями, осенью того же года в Петербурге решено было разделиться на две совершенно независимые организации: на „Народную Волю" и „Черный Передел". В последний, кроме Плеханова, М. Попова, нас троих и еще других членов общества „Земля и Воля", вошел также приехавший из-за границы в Россию старый наш товарищ П. Б. Аксельрод.

* * *

„Черный Передел" задавался теми же самыми целями, что и общество „Земля и Воля", т.-е. деятельностью среди крестьян на почве созревших у них стремлений, взглядов, путем прочно основанных в селах и деревнях поселений для постепенной подготовки народного взрыва, не прибегая к „авторитарному принципу". Но вскоре оказалось, что основанные раньше землевольцами в некоторых приволжских губерниях поселения, главным образом вследствие происходившего в крупных городах террора, одно за другим исчезли. Заново же создавать их стало почти невозможным, отчасти в виду предпринятых правительством мер, в особенности же вследствие изменившегося настроения у революционной молодежи, начавшей тяготеть к террору. Поэтому от чисто народнической деятельности, волей-неволей, пришлось хотя бы на время отказаться. Оставалось приняться энергично за пропаганду среди рабочих. Это и стало, главным образом, задачей Плеханова и некоторых других чернопередельцев. Вскоре, однако, обнаружилось, что и среди лучшей части рабочих возникло увлечение террором: наиболее распропагандированные из них—Пресняков, Тихонов, Окладский — примкнули к народовольцам, а самый выдающийся из них, Степан Халтурин, предложил себя для совершения взрыва в Зимнем дворце, куда ему удалось поступить в качестве искусного столяра для исполнения необходимого там ремонта.

* * *

Между тем, полиция энергично разыскивала некоторых из нас,—Плеханова, Засулич, Стефановича и меня, которых по недоразумению III-е Отделение считало главными руководителями террора. Мы поэтому, будучи арестованными, могли за чужие грехи угодить на виселицу, чего не хотели допустить наши сочлены, настаивавшие, чтобы мы, перечисленные четверо чернопередельцев, хотя бы на время, вновь отправились за границу.

* * *

С большой неохотой мы согласились на это, так как отъезд в ту пору в безопасное пристанище нам казался почти подобным бегству с поля сражения. Но одно важное соображение примиряло нас с этой поездкой: все мы, в особенности же Плеханов, чувствовали, что произошла какая-то брешь в наших народнических взглядах. Продолжая оставаться анархистами, не признававшими политической борьбы, мы не могли не допускать, что в конституционных странах куда благоприятнее условия для социалистической деятельности, чем в самодержавной России. Начавшееся у нас, таким образом, сомнение в правильности нашего отношения к политической борьбе нашло подкрепление в произведениях Маркса и Энгельса, за изучение которых все мы принялись вскоре по приезде за границу. В результате проверки вынесенных нами из России социально-политических представлений, мы, бывшие члены „Черного Передела"—одни немного раньше, другие позже,—отказавшись от народнических взглядов, стали последователями основателей научного социализма. Осенью 1883 г. по моему, главным образом, предложению Плеханов, Аксельрод, Засулич, Игнатов и я основали марксистскую группу „Освобождение Труда", целью которой стало распространение учения Маркса и Энгельса в России, главным образом среди рабочих, для развития классового их сознания.

В основанной мною для этого в Женеве осенью того же года типографии были на-

печатаны первые марксистские брошюры: Плеханова — „Социализм и политическая борьба", а также Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке" и др. Нужно ли напоминать о том, что, за редкими исключениями, русские эмигранты всех направлений крайне враждебно отнеслись к нашему объявлению себя марксистами. Отчасти поэтому наше положение было во всех отношениях неимоверно тяжелым. Однако, наша небольшая группа не теряла уверенности в том, что, в конце-концов, разделяемое ею учение одержит в России верх над всеми видами утопического социализма. Но пока наступило это время, нам пришлось перенести много лишений, огорчений и страданий.

Начать с того, что всего полгода спустя после объявления о возникновении группы „Освобождение Труда", меня, отправившегося в Германию для переправы в Россию контрабандным путем транспорта с первыми нашими марксистскими изданиями, арестовали во Фрейбурге, а затем выдали русскому правительству. Вскоре после этого очень ценный член нашей небольшой семьи, Василий Николаевич Игнатов, скончался. Потеря двух членов из пяти была, конечно, во всех отношениях чрезвычайно ощутительна для оставшихся в Швейцарии товарищей.

* * *

Не буду останавливаться на пребывании в тюрьмах, на суде, медленном передвижении по этапам и т. д., так как обо всем этом я давно уже подробно рассказал в книге „16 лет в Сибири". Коснусь здесь только времени, последовавшего после моего побега из Сибири (весной 1901 г.).

Уже по пути в Западную Европу, начиная с Нью-Йорка, в Лондоне и в Париже мне приходилось кое-что слышать о положении социал-демократического движения в России. Я узнал также, что мои друзья, члены группы „Освобождение Труда" — Плеханов, Засулич, Аксельрод — соединились с прибывшими из России крупными молодыми их последователями — Лениным, Мартовым, Потресовым — и сообща издают превосходную газету „Искру", а также непериодический журнал „Зарю", быстро приобревшие большую популярность. Вскоре затем, в конце октября, я и сам получил возможность убедиться в правильности этих известий.

Побыв по приезде в Швейцарию некоторое время у моего старого друга, П. Б. Аксельрода, я отправился в Мюнхен, где поселились из молодых приезжих — Ленин, Крупская и Мартов, а из группы „Освобождение Труда" В. И. Засулич и Блюменфельд, — Плеханов оставался в Женеве, а Аксельрод в Цюрихе, но в важных случаях они также приезжали на общие заседания. Мюнхен был выбран для редактирования, печатания и экспедиции названных органов печати по конспиративным соображениям, чтобы быть вдали от обширных русских колоний, а следовательно, вне наблюдений русской заграничной полиции.

В первые же дни моего приезда в Мюнхен я довольно близко сошелся с Лениным и его товарищами. Поэтому, когда Н. К. Крупская предложила мне вступить в незадолго пред тем организованную „заграничную Лигу русской соц.-демократии", стремившуюся объединить всех живших за границей единомышленников группы „Искры" и „Зари", я охотно принял это предложение. Вскоре затем я также согласился вступить путем кооптации в администрацию Лиги, в состав которой входили Блюменфельд, Вечеслов и Лейтейзен.

* * *

Я поселился в Мюнхене. Туда же спустя короткое время приехали Плеханов и Аксельрод, чтобы сообща с остальными членами заняться рассмотрением проектов программы Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. На всех происходивших по этому поводу многочисленных заседаниях я также присутствовал. Когда же, как известно, собравшиеся не пришли к соглашению по поводу проекта программы, то была выбрана примирительная комиссия из В. И. Засулич, Ю. О. Мартова и меня *). После долгих убеждений мне, отправившемуся весной 1902 года в Швейцарию, удалось склонить Плеханова пойти на уступки и примириться с обиженным им Лениным **).

* * *

Несмотря на все предпринятые нами предосторожности, русской полиции все же удалось разнюхать, что „Искра" и „Заря" печатаются в Германии в немецких социал-демократических типографиях, и что редакция помещается в Мюнхене, почему она стала хлопотать об ее аресте. Узнав об этом своевременно, мы наскоро снялись и в том же почти составе перекочевали в Лондон. Там, кроме прежних занятий по редактированию, печатанию и проч., много времени и внимания поглощала у всех подготовка второго съезда нашей партии. Для этого был избран так называемый Организацион-

*) О моем участии умалчивают все, писавшие по этому поводу, а комментатор переписки Плеханова и Аксельрода, Б. Николаевский, вместо меня произвел в члены этой комиссии Ф. Дана, в то время уже арестованного в России. Так пишется история!
Л. Д.

**) Об этом подробно сообщается в письмах В. И. Засулич, напечатанных в редактируемых мною сборниках „Группа Освобождение Труда".
Л. Д.

ДОБРУСКИНА Г. Н. (1862–1945).

ный Комитет, в задачи которого входили содействие избранию и переправка за границу соответствующих делегатов. Для устройства последних по приезде их в Зап. Европу избрано было „Заграничное Бюро" организационного комитета, в которое по настоятельной просьбе Ленина я, скрепя сердце, согласился войти, на ряду с представителями от „Рабочего Дела" и „Бунда".

* * *

Не буду здесь останавливаться на этом съезде, приведшем, как известно, к распадению нашей партии на „большевиков" и „меньшевиков", так как имеются напечатанные протоколы его. Я примкнул к последним, но по разным причинам, о которых сообщу современем, фактически очень мало участвовал в их предприятиях.

* * *

О положении, возникшем после 9-го января 1905 г.—о всеобщей стачке и дарованных Николаем II „свободах", о моем затем возвращении в Петербург, об аресте меня (в январе 1906 г.), о ссылке меня в Туруханский край и моем побеге из Енисейска,—я подробно рассказал во 2-й части „Четырех побегов".

Здесь мне немногое остается сообщить о дальнейшей моей жизни.

После Лондонского съезда 1907 г. я вновь оказался на многие годы оторванным от России эмигрантом. Прожив три с чем-то года в Париже, я, в виду полученного от товарищей из Нью-Йорка предложения, отправился туда, чтобы редактировать затеянную ими рабочую газету на русском языке. Приняв это предложение, я зимой 1911 г. отправился в Америку, где прожил до осени 1916 г., когда вернулся в Лондон.

Известие о мартовской революции дошло до меня лишь спустя несколько дней, а отправиться на военном судне в Петербург удалось только в конце того месяца.

Дальнейшие события столь близки нам и так ярко запечатлелись в памяти каждого, что едва ли есть основание излагать их теперь.

Добрускина, Генриета Николаевна *).

Родилась я в 1862 г. 5 января в г. Рогачеве Могилевской губ. Семья наша жила в нужде: отец пробивался уроками. Он был романтик и мечтатель, далекий от жизни, свободолюбивый и патриот, мечтавший о старом Иерусалиме и грезивший им. Писал стихи на древнееврейском языке, жил одно время в Париже, где бывал у Виктора Гюго, которого боготворил, и умер в Палестине. Мать, более практичная, чем отец, несла всю тяжесть повседневной жизни. Она любила читать, и дом наш был наиболее интеллигентный в городишке. Вечерами устраивались чтения. Читали Гете, Гейне, Берне. Нас было 5 человек детей. Учились мы сначала дома. Одно время жил у нас и занимался с нами Млодецкий, впоследствии покушавш. на Лор.-Меликова и казненный. Была еще мала и определенных воспоминаний о нем не сохранила, кроме того, что он был выдающимся педагогом. Учились мы в пансионе „для благородных девиц". Как-то раз вечером пришла к нам знакомая акушерка, Кайранская, и привела своего брата, приехавшего к ней погостить. Весь вечер (это было в 1875 г.) он рассказывал о великом порыве хождения в народ, охватившем лучшую часть нашей интеллигенции. Притаившись в углу, мы, дети, слушали эти рассказы. Со мною вместе училась моя подруга, Дебора Познер, привлеченная впоследствии по Лопатинскому делу, высланная административно в Архангельскую губ., где она умерла. И вместе с нею мы стали мечтать о том, чтобы учиться, итти в народ и своими знаниями служить ему.

В 1876 г. поступила в Могилевскую Мариинскую гимназию. Гимназическая наука глубоко поразила меня. Наш маленький пансион был идеалом по сравнению с мертвенной гимназией. Мы зубрили теорию словесности, без смысла, в 5-м кл. решали задачи по арифметике. Эта школа могла отбить охоту к учению даже у святого. В 6-ом классе появился у нас новый учитель словесности, который упразднил „ъ" и начал разбирать литературные произведения, как отражения духовных стремлений русского об-ва. Все учение приобрело новый смысл. Учитель истории останавливался долго на истории французской революции и ее влиянии на жизнь других европейских народов. Оба эти учителя толкали нас на размышления, и к бессознательному стремлению, к порыву присоединялось сознательное отношение.

В Могилеве жил старый революционер, Езерский. Говорили, что он сидел в Петропавловской крепости, такой таинственной и страшной, и мне очень хотелось познакомиться с ним. В 79 г. перед окончанием гимназии отправилась к нему. Ближайшее знакомство меня несколько разочаровало: ни о каких революциях не было и речи. Дальнейшему сближению помешало благодетельное начальство: Езерский был сослан в Архангельскую губ. Выслано было довольно много народу. По окончании гимназии уехала домой. Наши материальные дела были в самом хаотическом и безнадежном состоянии, и ни о какой поездке учиться дальше думать не могла. Уже с 6-го класса давала уроки и училась сама. По окончании гимназии мне предложили место гувернантки в Пропойске, местечке Могилевской губ. Приняла это предложение.

*) Автобиография написана в апреле 1926 г. в Ростове-на-Дону.

Все местечко было населено предпринимателями и рабочими, занимавшимися сплавом леса в Екатеринослав. Время прохождения плотов через пороги было страшное для предпринимателей: оно сулило богатство или разорение. В спокойное время шла беспрерывная карточная игра, выпивка и пошлые, двусмысленные разговоры. Нужно было большое усилие воли, чтобы не опуститься. Пришла болезнь—воспаление легких. Она была моей избавительницей. С возвращением здоровья отправилась в Могилев. Учитель словесности дал мне 30 руб., и на эти деньги я уехала в Петербург. Приехала с 12 руб., с громадным запасом энергии, жажды знания и деятельности.

Попала сразу в студенческую среду, поступила на Бестужевские курсы на естественное отделение. Начала искать работы, чтобы жить, и подходящей компании, чтобы учиться. Чем только не занималась я. Брала вышивание, переписку всяких бумаг, давала уроки французского языка и все-таки очень часто голодала.

Гораздо более повезло мне в поисках кружка саморазвития. Попала в кружок, изучавший сектанство. Занятиями руководил Яков Абрамов, писавший много по этим вопросам. Тогда сектанты рассматривались, как оппозиционная среда, наиболее доступная пропаганде. Несколько месяцев посвятили мы этой работе. Читали, писали рефераты. После сектанства занимались политической экономией. Начали с Чупрова, Янсона, постоянно спотыкаясь, ища объяснения, но постепенно, уча и учась, перешли на Адама Смита, Рикардо, Милля. Студенческая среда, в которую я попала, в общем была проникнута хорошими стремлениями, но сознательных революционеров, активных работников, принимавших участие в революционном движении, было мало; так же мало было в ней и реакционных элементов. С настоящими революционерами еще не встречалась.

В 1881 г. пошла 8 февраля в университет на акт. Профессор Бекетов в мундире, ленте и орденах читал отчет нудно, томительно. Наконец, он кончил. Начались доклады, и вдруг смятение, шум: студент Подбельский подошел к министру народного просвещения Сабурову и пытался дать ему пощечину. В это время с хор другой студент, приятель Подбельского, Коган-Бернштейн, *) произносил речь, требуя возвращения Устава 1864 г. и в то же время разбрасывая прокламации. Произошло замешательство, шум, ловля и подхватывание прокламаций. Когда все успокоилось, мы разошлись, взволнованные, получив революционный заряд. В феврале же умер Достоевский. Студенчество приняло горячее участие в похоронах, но чтило в нем петрашевца и бывшего каторжанина больше, чем знаменитого писателя. События следовали с неимоверной быстротой. Разразилось 1 марта 1881 г., глубоко потрясшее русское общество. Сидеть долго над саморазвитием уже не хотелось. Хотелось работы активной.

В это время у меня завязались знакомства в революционной среде.

Познакомилась с Ал. Блеком и стала работать: распространяла прокламации, хранила литературу, познакомилась ближе с программами существовавших партий. Все мои симпатии были на стороне Народной Воли и в Н. В. я и начала работать. Я много работала среди молодежи, устраивала кружки, да нередко вызывали меня для изложения программ революционной партий. 1 марта революционизировало не только меня, но и много таких, как я.

Наиболее отзывчивыми оказались курсистки естественницы и студенты естественники. На курсах чаще стали сборы в пользу заключенных, ходили в качестве невест и родственниц на свидание к заключенным. Еще в 1880 г. познакомилась и подружилась с кружком поляков: Станкевичем, Плосским, Дембским, Рехневским, графом Зубовым—русским из Шавлей, но работавшим вместе с поляками. Он сделался пролетариатцем впоследствии и участвовал в переговорах о соглашении с Н. В. Мои отношения с ними позднее из простой дружбы обратились в революционную связь.

На курсах близко сошлись с однокурсницей Софьей Сладковой, поселились вместе на Петербургской стороне, на Б. Дворянской, и устроили у себя конспиративную квартиру.

Здесь встречались народовольцы; у нас же позже происходили переговоры между народовольцами и пролетариатцами. К нам же после своего мнимого побега явился и Дегаев. Он произвел на меня отталкивающее впечатление своими бегающими глазами. Инстинктом почувствовала в нем предателя. Я высказала Куницкому свои сомнения. О провокации его еще тогда не знали.

Ушла с головой в революционную работу. Сладкова ушла от меня хозяйкой типографии, и я поселилась одна. Начала подумывать об исполнении моего самого заветного желания—работать среди рабочих. П. Ф. Якубович познакомил меня с учителем городской школы Ив. Иван. Поповым, который познакомил меня со студентом Мойсеевым, и мы все 3 работали среди рабочих Петербурга. Выдающихся рабочих не встречала тогда, и мои знакомцы делали первые революционные шаги. Весной 83 г.

*) Казнен в 1889 г. по Якутскому делу.

нужно было вести литературу в Белосток; с этой литературой поехала я. Литература предназначалась для рабочих. Там встретила рабочих, уже более распропагандированных, а один из них, ткач, еврей, сам руководил революционными кружками и организовал их. Там же нашла я и интеллигентский кружок. Из Белостока поехала в Варшаву. Там ставилась типография. Хозяйкой квартиры, где находились шрифт и все принадлежности, была Софья Онуфрович, моя старая приятельница, потом жена Эдмунда Плосского. В Варшаве в это время были Людвиг Варынский, Дулемба, Плосский, Янина Ентыс, классная дама института, которую называли польской Перовской. Поразила меня их неконспиративность. Ходили мы все вместе обедать. Давали нам всегда отдельный кабинет. Подавал лакей, который, мне казалось тогда, отлично понимал, что мы за люди. На свадьбе Плосских были мы все, и все сходило. Думаю, что такое отношение объяснялось ненавистью поляков к официальной России. Рабочие поразили меня своим внешним видом,—их трудно было отличить от интеллигентов. Они были тогда и развитее и революционнее наших рабочих. Пролетариатцы поручили мне связать рабочую организацию Белостока с Варшавой; в „Пролетариат",—орган поляков, — должны они были посылать отчеты. Осенью 83 г. вернулась в Петербург. Мне дали паспортный стол, который вскоре пришлось передать в другие руки, а сама я переселилась на Пушкинскую улицу, где жили мы вместе с курсисткой Константиновой. В это время возникает новое течение в Н. В., известное под названием „Молодой Н. В." Представителем его является П. Ф. Якубович. Многие из нас сознавали тщетность усилий интеллигенции, не опирающейся на массы, и в поисках выхода набрели на аграрный и фабричный террор. К Якубовичу присоединилось много петербургской и киевской молодежи. В то время мое отношение к „Мол. Н. В." еще не вполне определилось, хотя многие из их положений были близки мне. Вместе с Якубовичем и его невестой, Розой Франк, моими большими друзьями, ко мне часто являлся Овчинников, бежавший из Сибири. По возрасту и стажу старше всех нас, он в некоторых кругах пользовался большим уважением, другие же подозревали его в провокации. Я также относилась к нему с недоверием; Петр Филиппович, наоборот, сильно доверял ему, несмотря на то, что многие совпадения при арестах с его посещениями наводили на нехорошие мысли. 16 декабря был убит Судейкин. В конце декабря пришел ко мне Степурин-артиллерист—член военной организации Н. В., *) с которым часто встречалась. Томился он ужасно. Он был подавлен раскрывшимся перед ним предательством Дегаева, которого он уважал и который привлек его к участию в революции. Он точно чувствовал, что скоро будет арестован. И действительно, когда он вернулся домой, его уже ждали, и он был арестован. Из Петербурга уехал В. И. Сухомлин, член Распорядительной К-сии. В январе 84 г. была арестована Киевская типография, где был взят адрес прис. повер. Тура. Арестованный Тур сказал, что письма передавал мне. За мной началась слежка.

Петр Филиппович Якубович дал мне связи с Ростовом н/Д., рассчитывая на то, что там найду кружок „Молодой Народной Воли". Перешла на нелегальное положение и уехала в Ростов. Через местного деятеля Мелькона Каялова нашла старого народовольца А. Баха и местную группу. Тут жил и предатель на нашем процессе, Елько. Местная группа прекрасно работала. Во главе ее стоял Петр Пешекеров. Здесь взялась за работу среди рабочих. Среди них еще веял дух Панкратова и Борисовича. Из фамилий у меня осталась только одна—это Августа Райха. Его показания читались на суде. Кружков было несколько. Ходили мы заниматься на каменоломни, при чем приходила туда я одна, а рабочие собирались позже. Обратно мы возвращались вместе, так как был поздний час. Читала им в популярном изложении главы из „Капитала" Маркса о прибавочной стоимости, о трудовой ценности, „Коммунистический Манифест", знакомый мне давно в русском переводе. Занятия с рабочими давали большое нравственное удовлетворение. Между нами установились дружеские отношения. Они знакомили меня с положением рабочих в Ростове. У нас было взаимное понимание и тяготение. В Ростов тем временем съезжалось много нелегальных. Ставилась типография, хозяевами которой были Раиса Кранцфельд и Васильев, которого мы звали „Михаилом". Работали Сергей Иванов, Петр Антонов. Изредка работала я. Потом приехал офицер из Екатеринослава, фамилию которого не помню. Достаточного количества шрифта не было и нужно было его раздобыть. Для этого поехала в Новочеркасск, свела знакомство с печатниками, раздобыла целый чемоданчик шрифта, и наша типография заработала. Пришлось мне свести знакомство и с предателем Геером, кот. хранил у меня на квартире 4 бомбы, привезенные из Луганска. Они хранились у меня. В августе ездила в Ейск к Луке Колегаеву за деньгами для Н. В.

За ними, так же как и за снарядами, приезжал в Ростов Герман Александрович Лопатин. Как известно, приезд Лопатина объединил в России враждующие направления. Он занялся собиранием Н. В.

*) Должен был судиться с нами. Зарезался в Доме Предварительного Заключения.

В сентябре уже начал выходить № 10. Все вышедшие №№ „Н. В." лежали у меня в ларе, который стоял на веранде. 6-го октября в Петербурге были арестованы Лопатин и Салова. 16 октября я была арестована на улице. Кроме меня арестована была вся местная группа. Меня привели домой, когда обыск был уже окончен. Когда меня вели через веранду, жандармский полковник спросил хозяйку — нет ли где еще моих вещей. С трепетом смотрела на нее, но она ответила, — „нет". И меня увезли. 10 № был спасен и передан по принадлежности. После 2-х недельного сидения в Ростове, где я не назвала своей фамилии, после очных ставок была увезена в Петербург, где до суда просидела в Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения около 3-х лет. Судилась по процессу Г. А. Лопатина. Суд—это экзамен для каждого революционера. Одеваешь праздничное платье и сам какой-то праздничный. Здесь проявляется стойкость, убежденность человека и революционера. С глубоким волнением ждала обвинительного акта и суда. Еще раньше управляющий Домом предварит. заключения, полковник Ерофеев, говорил мне, что Елько выдает злостно, но я ему верить не хотела. И вот нам вручили обвинит. акт. Сколько горьких разочарований: Елько, человек, преданный революции, оказался злостным предателем; другим предателем обнаружился Геер,—но от этого ничего я и не ждала. Сколько слабости! Зато с каким восторгом смотришь на смелых и стойких. Процесс наш начался 4-го июня 1887 г. 15 человек были приговорены к смертной казни, в т. ч. и мы с Саловой. Казнь заменена каторгой и поселением. На мою долю выпало 8 лет каторги. 18 июля мы с Саловой были наряжены в арестантские костюмы и выведены в контору, где собрались уже П. Ф. Якубович, В. И. Сухомлин и др. Мы были направлены на Нерчинскую каторгу; на Карийские золотые промыслы. В пути мы были около года и на Кару приехали в октябре 88 г. Еще в пути мы узнали об увозе Ковальской и о Карийских волнениях. С тяжелым чувством вошли мы в тюрьму. Все время сиденья было сплошной трагедией. Участвовали в двух голодовках: в 8 и в 16 суток. Год просидели в одной камере с душевнобольной Тринидатской. О смерти наших товарок узнали только в январе 1890 г. Осенью в 1890 г. вышла в вольную команду; вскоре вышла замуж за Адриана Федоровича Михайлова, в 1895 г. мы вышли на поселение. Жили мы на приисках на Витиме, а затем Рос. Золотопром. о-ва недалеко от Читы. Там устраивали бесплатную школу для детей рабочих, в кот. одна занималась. Имела 18 учащихся. В 1900 г. уехала в Читу, куда мужа не пустили, как особо опасный элемент. Через год и он переехал в Читу. Когда возникло с-р.-ское движение, оно вызвало мое сочувствие, как почти всех стариков. В Чите занималась уроками, имела массу учеников и занималась краснокрестовской работой, а в 1905 г. образовался местный Комитет, в кот. вошла вместе со многими из наших стариков и из молодежи, выросшей на наших глазах. Нами был увезен с дороги в Баргузин Карпович, увезена из Читинской тюрьмы Мария Маслякова, погибшая в 1907 г. во Владивостоке при восстании на миноносце „Скорый", убит тюремный инспектор Метус и т. д. После освобождения из тюрьмы А. Ф. (он сидел за 905 г.) мы 11 июня 1907 г. вернулись в Россию, в Одессу, где в течение 10 лет работала среди женщин-работниц и вела краснокрестовскую работу, часто в одиночестве. После переворота была избрана представителями партий и Сов. Раб. Деп. председательницей комитета помощи политическим амнистированным. В настоящее время живу в Ростове-на-Дону.

ДРЕЙ М. И. (1860–1940).

Дрей, Михаил Иванович *).

Я родился 14/27 сентября 1860 г. в Одессе. Здесь я прожил детство и юность и был арестован в 1881 г. Меня приговорили на каторгу и сослали в Сибирь. Через 19 лет, по окончании каторги и ссылки, я вернулся в Одессу. Наш старый дом на Успенской улице был еще цел и, повидимому, никаким перестройкам не подвергался. Побывать внутри дома и посмотреть старое пепелище, с которым так тесно было связано мое детство и юность, мне не удалось. Дом уже давно был продан, в нем жили чужие люди, да и времени не было: меня полиция усиленно выпроваживала из Одессы, где мне жить не полагалось. Я успел только повидаться с сестрами и несколькими товарищами, вернувшимися из Сибири и жившими в Одессе, и уехал.

Отец мой был врач, родом из Германии, и хотя еврей по происхождению, был насквозь пропитан немецким духом и немецкими симпатиями. Дома мы говорили по-немецки, первые слова, которым я научился, были немецкие, и первые книжки, которые я стал читать, были тоже немецкие.

Когда я вспоминаю ранние годы моего детства, мне всегда представляется длинный-длинный летний день, и я брожу с своей собакой Вапсом по двору, по небольшому саду за двором и по пустырю, поросшему сорной травой и бурьяном, среди которого стояла голубятня. Это был целый большой и интересный мир, который мне никогда не надоедал. Цветы в саду,

*) Автобиография написана в марте 1926 г. в Москве.

жуки и бабочки, которые в нем водились, голуби в голубятне—все это представляло столько поводов для наблюдения и развлечения, что я никогда не испытывал скуки.

Товарищей у меня в детстве почти совсем не было. Изредка только приходил ко мне мой двоюродный брат — сверстник. Постоянным же товарищем моих детских игр был Вапс. Мы с ним очень хорошо друг друга понимали, и симпатии и вкусы у нас были одинаковые. Оба мы не любили кошек и преследовали их всеми доступными нам способами.

В доме я был самым младшим. Три сестры и брат были все старше меня, ходили в школу и большую часть дня проводили вне дома. Отец был занят своими больными и возвращался поздно. Дома оставалась только мать и я. Часов в шесть приезжал отец, и вся наша семья собиралась к обеду. Обед проходил обыкновенно очень оживленно. Помню, раз сестры очень много рассказывали про свою школьную подругу Ольгу Вагнер. Я сидел и слушал, а потом мне тоже захотелось принять участие в общем разговоре, и я спросил: „а как имя Ольги Вагнер?" Раздался общий дружный взрыв смеха. Я сконфузился, собрался заплакать и сполз со стула под стол, где очутился в обществе Вапса и скоро успокоился.

Когда мне минуло шесть лет, меня начали учить грамоте. И опять немецкая азбука была первая, которой я научился. Учили меня сестры и учили очень плохо и никакой охоты к учению во мне не возбудили. Я во время уроков скучал и поленивался, да и Вапс не любил, когда меня учили. Он демонстративно зевал, клал мне голову на колени и иногда повизгивал.

Лет 7 меня отдали в пансион, который содержал француз Буфье. Учительницами были две его дочери. Чему я здесь учился и как, я совершенно не помню. Помню только, что был у нас учебник в серо-голубой обложке, который назывался „Елка". В этой школе я оставался, повидимому, недолго и вскоре опять очутился дома на попечении сестер. Но, как я уже говорил, сестры были плохие педагоги, и я учился неохотно.

Помню, как около этого времени (мне было лет 7—8) мать мне делала внушение за то, что я плохо учусь. Она говорила, что, если я ничему не научусь, я ни к чему не буду пригоден, никакой пользы людям приносить не буду, и меня никто любить не будет, напротив меня все будут высмеивать и пренебрегать мною. Этот разговор произвел на меня тогда сильное впечатление. Я и до сих пор помню всю обстановку комнаты, кресло, в котором сидела мать, и выражение ее лица. Мне до тех пор никогда не приходило в голову, что человек должен быть полезен другим людям. Мать моя вообще часто читала мне поучения. Но она никогда в них не упоминала бога. Она всегда только говорила о людях. Одного нельзя делать, потому что люди осудят или высмеют; другое нужно делать, потому что это полезно людям. Но тем не менее ни она, ни отец не были безбожниками. Напротив, они в бога верили, и существование бога никогда сомнению не подвергалось. Но бог, в которого верили у нас в доме, был бог далекий, которому никогда не молились, с которым никогда не советовались, но которого тем не менее признавали и относились к нему с почтением.

Когда мне было 10 лет, меня отдали в гимназию. Но родители мои не решились меня отдать в казенную гимназию, а отдали в частную гимназию Ставилло, где, по их мнению, подбор учеников был лучше, и я не так легко мог подвергнуться каким-нибудь дурным влияниям.

В год моего поступления в гимназию умерла моя мать. Я совершенно не подозревал, что она опасно больна, а в семье скрывали от меня ее положение. Притом же она, хотя и лежала в постели, была довольно бодра, всем в доме распоряжалась и, когда я приходил из гимназии, всегда расспрашивала, как у меня прошел день. Правда, в последние дни ей стало хуже, и меня к ней не пускали. Из Москвы приехала старшая сестра, чтобы повидаться с матерью, и в доме замечалось несколько подавленное настроение и тревога. Но я был так наивен и недогадлив, что ничего не понял, и в день смерти матери лег так же спокойно спать, как и всегда. Утром меня разбудил громкий плач сестер. Я в испуге приподнялся с постели и спросил случайно зашедшую в комнату горничную, кто это плачет. Она ответила, что плачут Соня и Наташа. „А что мама?" спросил я. „Мама уже умерла", ответила она совершенно спокойно. Я выскочил из постели и с плачем бросился в комнату матери, но туда меня не пустили. Меня привели обратно в мою комнату, умыли, одели и стали успокаивать.

Это было первое мое тяжелое переживание. И много дней под ряд я не мог отделаться от страха и тупого ужаса, которые овладели мною в первую минуту. Только очень постепенно время сделало свое дело, и я опять вошел в нормальную колею и стал интересоваться окружающей жизнью и своими детскими делами.

Приблизительно через год после смерти матери мы отправились с отцом путешествовать. Он повез нас сначала в Москву, где жила наша старшая сестра с мужем, а оттуда в Вену на выставку и в Германию. В южной Германии мы объездили много городов: Мюнхен, Гейдельберг, Нюр-

ренберг и др. Но от всех этих городов и их достопримечательностей у меня осталось мало в памяти. Гораздо большее впечатление произвели на меня маленькие сельские города, которые мы посещали, с их зелеными Anlagen и садами. Это детское впечатление оказалось таким прочным, что, когда, около 30 лет спустя, уже после возвращения из Сибири, я вместе с женой ехал в южную Германию, я ей характеризовал ее, как один цветущий зеленый сад.

Очень яркое впечатление осталось у меня от маленького городка Heidingsfeld'a возле Вюрцбурга, родины моего отца. Мы целый день пробродили по городку, и отец все время делился с нами воспоминаниями о своем детстве и юности. Посетили дом, где он родился и вырос.

Осенью мы вернулись в Россию, и я опять стал ходить в гимназию Ставилло.

Когда мне минуло 14 лет, отец решил перевести меня в казенную гимназию, но у Ставилло я успел приобрести не очень много знаний, особенно по древним языкам, и мне для подготовки взяли учителя. Я с ним прозанимался целый год и только в 15 лет попал в четвертый класс казенной гимназии. Здесь я почувствовал себя в совершенно другой атмосфере и под ее влиянием стал сам быстро меняться. В казенной гимназии не было и следа того снисходительного и доброжелательного отношения, к которому я привык в гимназии Ставилло. У Ставилло на нас смотрели как на детей: о нас заботились, к нам присматривались, нас щадили. Здесь все было иначе. Здесь господствовал сухой, казенный формализм; здесь на нас смотрели, как на существа, глубоко испорченные, которые можно исправить только сильно-действующими средствами. Такими средствами признавались: единица, карцер и исключение из гимназии. Я очень скоро ощетинился и стал относиться враждебно и к гимназическим порядкам и к учителям. Та голубая дымка, которой раньше были окутаны для меня учителя, стала быстро рассеиваться, и я разглядел сквозь нее, что учителя далеко не совершенство. Я стал замечать, что они часто несправедливы и мелочно-мстительны. Из скромного, воспитанного по-немецки мальчика, которому постоянно внушали, что он должен быть „artig", я превратился в буйного, дерзкого гимназиста. Отцу постоянно приходилось выслушивать жалобы гимназического начальства на мое буйное поведение в гимназии. Отец совершенно терялся и не понимал, что со мною делается. Он бранил меня, читал нравоучения, но ничто не помогало.

Раз, по жалобе учителя греческого языка, посадили в карцер маленького, очень любимого нами ученика третьего класса. Даже с точки зрения гимназического кодекса мальчик не совершил никакого преступления. Но злобное ничтожество, которое преподавало греческий язык, не могло выносить существа, смотревшего радостно и без злобы на мир божий. Мальчик страшно плакал. Его не столько пугала тяжесть наказания (его посадили на 12 часов), как грубая несправедливость, которую над ним совершили. Наш класс—четвертый—заволновался, и по адресу учителя греческого языка и гимназического начальства стали раздаваться в коридоре умышленно громкие, не особенно лестные восклицания. Разошлись мы из гимназии возмущенные происшедшим и взволнованные. Мы знали, что завтра начнется расправа над нами, что мы будем посажены в карцер, а некоторые, может быть, будут и исключены. Каково же было наше удивление, когда мы пришли на другой день в гимназию, и никакой расправы над нами учинено не было. В гимназии все было тихо и спокойно, уроки шли обычным порядком, только учителя были несколько более сдержаны, снисходительны и, пожалуй, даже ласковы. На третий день все объяснилось. После нашего ухода из гимназии с учеником, посаженным в карцер, сделался тяжелый нервный припадок. Пришлось позвать врача. Тот признал положение ученика очень серьезным, и ученика на извозчике увезли домой. Получился скандал, в городе заговорили о происшествии в гимназии. Начальство струсило, поджало хвост и стало явно подделываться к нам, чтобы утишить бурю. Наше уважение к начальству от этого не возросло, и авторитет его в наших глазах не укрепился.

Такова была атмосфера в гимназии, и под влиянием ее то дремотно-мечтательное состояние, в которое я был погружен в детстве, проходило, и голубой туман, окутывавший жизнь, рассеивался. Кончалось детство, я становился юношей.

До поступления в казенную гимназию и первое время в ней я ничего, кроме детских книг, не читал, и они меня вполне удовлетворяли. Теперь я потерял к ним вкус. Все свободное от гимназических занятий время я проводил с товарищами. Мы гурьбой ходили по городу, по бульвару, спускались в гавань, катались на лодке. Я совсем одичал и исхулиганился. От прежнего благовоспитанного мальчика не осталось и следа. Но в это время, когда мое хулигански-отрицательное настроение достигло уже своего апогея, мой двоюродный брат—сверстник, принес мне том Писарева и очень рекомендовал прочитать.

О Писареве и его влиянии на меня в моих старых тетрадях сохранилось несколько довольно обширных заметок. Вот некоторые выписки из них: ...„кажется, это был шестой том со статьей „Наша универ-

ситетская наука". Впрочем, я не уверен, что это именно она была. Одно я помню хорошо: наша гимназическая система подвергалась злой и едкой критике. Я читал сначала с удивлением, а по мере того, как подвигался вперед,— с все возрастающим интересом. Никогда я ничего подобного не читал. Никогда я не читал книги, которая была бы мне так близка, которая сообщала бы мне громко и ясно мои же собственные, у меня же подслушанные мысли. Но эти мысли, бывшие раньше неясными и походившие больше на предчувствия, чем на мысли, превратились теперь в отчетливую, твердую уверенность. Статью я читал с жадностью, останавливался на некоторых местах и перечитывал их. Поздно ночью я лег спать, утомленный от умственного напряжения, но спокойный и счастливый. Я чувствовал, что я не один на свете со своими мыслями, что большой и умный человек думает совершенно так, как и я. Теперь я уже наверное знал, что латынь и греческий—ненужный вздор, придуманный для того, чтобы притупить умственные способности и заглушить живые интересы учеников. Знал я это и раньше, но теперешней твердой уверенности у меня не было...

С этого дня моя жизнь радикально изменилась. Вместо бесцветного, полусонного существования — энергичная и оживленная умственная жизнь. Я один за другим перечитал все томы Писарева: его статьи по естествознанию, „Реалистов" и т. д. Статьи по естествознанию и особенно „Прогресс в мире животных и растений"—произвели на меня, можно сказать, потрясающее впечатление. Все старые, традиционные взгляды, усвоенные мною с детства без критики, разлетелись, как дым. Мир лежал передо мной простой и ясный, и я сам стоял среди этого мира спокойный и уверенный. Ничего таинственного, пугающего, непонятного в мире для меня не осталось, и я думал, как гетевский Вагнер, что я многое уже знаю и со временем узнаю все...

В одно светлое зимнее утро я проснулся с особенно ясной головой. Было воскресенье, и я вставать не торопился. Я оперся на локоть и стал думать. Мысли в это утро особенно плавно и стройно текли в голове. Я чувствовал себя уравновешенным и спокойным, и мне казалось, что никаких прорех в моем миросозерцании нет, что никакие колебания и сомнения более невозможны, и что я навсегда приобрел твердую почву под ногами...

Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что это было лучшее время моей жизни. Никогда больше я не испытывал так интенсивно того восторга, который дается первым пробуждением мысли и впервые раскрывающейся перед тобой истиной.

Наблюдательность моя,благодаря умственному толчку, очень обострилась за это время. Мотивы поведения людей, особенно взрослых, которые были для меня раньше окутаны каким-то таинственным туманом, теперь становились ясными. Я замечал и колебания, и растерянность, и слабости взрослых. Да и другие явления, которые раньше вызывали страх или, по крайней мере, жуткое чувство, теперь действовали на меня совершенно иначе"...

Это бодрое и приподнятое состояние продолжалось несколько месяцев. Потом оно стало постепенно ослабевать и, наконец, совсем исчезло. Об этом времени у меня тоже есть заметки в моих старых тетрадях. Делаю из них несколько выписок:

...„А дальнейшее очень отличалось от только что рассказанного.

С некоторого времени я с удивлением и досадой стал замечать, что умственная бодрость и обостренность всех способностей начали ослабевать. Состояние душевной ясности, спокойствия и внутренней цельности стало заменяться какой-то тревогой и неуверенностью. Да и самое мое миросозерцание уж не казалось мне таким цельным. Где-то в нем образовалась трещинка, но где—я еще не знал...

...Я пробовал проверить свое миросозерцание заново, с начала до конца. Я думал: в основе мира лежит механический принцип и только механический. Никакие таинственные силы не управляют миром. Это для меня несомненно. Значит, нет и тех обязанностей, которые возложены на нас будто бы этими таинственными силами. Обязательно только то, что разумно. Итак, разумный эгоизм по отношению к себе; по отношению к другим—такое поведение, которое давало бы возможность жить самому, не мешая также жить и другим. Если все общество будет состоять из разумных эгоистов, то и жизнь общества будет разумна.

Все это рассуждение было, по моему тогдашнему мнению, совершенно правильно и логично, а между тем, что-то в нем меня не удовлетворяло, и оно моей душевной смуты не успокаивало. Я спрашивал себя: что же дальше? Положим, я кончу гимназию и университет, изучу какую-нибудь специальность и буду жить самостоятельно. Неужели только и всего? Неужели такая жизнь может удовлетворить? Мне становилось тоскливо от этих мыслей. Эта перспектива умеренности и аккуратности меня душила. Я по целым дням ходил, как в тумане, а легче не становилось.

В это время уже шла Сербо-Турецкая война, отправлялись добровольцы в Сербию, готовилась Русско-Турецкая война.

Я под влиянием внутреннего разлада стал нелюдимым и раздражительным. Отчаявшись найти в книгах ответ на свои сомнения, я по целым дням шатался по

городу. Охотнее всего я проводил время в гавани и здесь часто присутствовал при отправках добровольцев в Сербию. Теперь я стал думать о Сербии, сербской войне и добровольцах, которыми до тех пор очень мало интересовался. Я стал себя ловить на том, что мечтаю сам стать добровольцем. Так шло время. Сколько его прошло, я не помню, мне оно казалось бесконечным...

Под влиянием отрицательного отношения к гимназии я, раздражительный и неуравновешенный в последнее время, стал крайне груб с учителями, в особенности с нелюбимыми. Долго гимназическое начальство терпело мои грубости и боролось с ними домашними средствами. Наконец, терпение его истощилось, и в один прекрасный день меня исключили из гимназии за очень непочтительный отзыв о нашем классном наставнике (паршивый классный наставник). Когда утром на другой день я пришел в гимназию, наш инспектор, несколько конфузясь, сообщил мне, что я исключен по решению педагогического совета. Я собрал свои книги и ушел. Но пошел я не домой, а в лавочку Менделя, где мы обыкновенно завтракали. Домой итти я не торопился. Я знал, что там меня ждут только упреки".

Во время большой перемены лавочка наполнилась людьми: пришли ученики старших классов. Все они были очень возбуждены, ругали нового учителя, который начал свою деятельность с доноса *), выражали мне свое сочувствие и т. д. А один из учеников восьмого класса пригласил меня к себе, прибавив, что теперь у меня будет много свободного времени, а у него есть интересные книги, которые он мне охотно даст для прочтения.

Я чуть ли не в тот же вечер отправился к нему и принес домой целую пачку книг и брошюр. Это были несколько книг журнала „Вперед" и др. революционные издания, между прочим „Хитрая механика". С этой последней я и начал свое чтение.

Эта элементарно, чуть не по-детски, написанная книжка разрешила многие мои сомнения, которые мне долго не давали покоя. Я узнал из нее, что общество состоит из враждебных групп: из угнетающих и угнетенных. Что между этими группами идет борьба, и что водворить порядок, правду и справедливость в обществе можно только, приняв участие в этой борьбе на стороне угнетенных. Теперь мне ясно было, что, сколько не веди разумной жизни, это не внесет никакого изменения в общественные отношения, и что Писарев со своим отрицанием общественной деятельности, действительно, приводил в область умеренности и аккуратности. Я прочитал и остальные все книги и брошюры и еще более укрепился в своих новых мнениях.

Ученик 8-го класса, давший мне эти революционные издания, потом участия в революционном движении не принимал. Он благополучно кончил университет и устроился недурно на жизненном пиру. Но я ему искренно благодарен за его поступок, о котором он, может быть, потом пожалел. Он помог мне выйти из тяжелого душевного кризиса, разобраться в явлениях общественной жизни, относительно которых у меня в голове, благодаря Писареву, была большая путаница.

Когда меня исключили из пятого класса, я был уже юноша довольно великовозрастный: мне шел 17-й год. Очутившись вне гимназии, я решил сам готовиться к окончательному экзамену. Отец мой, хотя и не особенно доволен был моим решением, в конце-концов, согласился со мной, тем более, что ничего другого не оставалось делать. Итак, я стал готовиться. Но в то же время я, уже войдя во вкус революционной литературы, стал ее усердно разыскивать и читать. Странно, что за все это время — два слишком года, которые прошли после моего исключения до окончания гимназии, я не встретил ни одного выдающегося революционера. Я встречал только юнцов—учащуюся молодежь, которая делилась со мною своими запасами нелегальной литературы. В это же время я прочитал Добролюбова, кое-что из Чернышевского и вообще далеко ушел от Писарева.

Ранней весной 1879 г. я уехал в Бердянск, про который ходили слухи, что там легко держать экзамен. Но, тем не менее, мне пришлось там прожить и готовиться целый год, прежде чем я мог с уверенностью в успехе приступить к окончательному экзамену.

В Бердянск я приехал вместе с товарищем, который тоже собирался держать экзамен. Первым нашим действием по прибытии в город было — наклеить ночью на здании гимназии прокламацию. Прокламация провисела довольно долго, и многие гимназисты ее прочли. Наконец, об ней узнали власти и сорвали ее. По произведенному расследованию оказалось (так показали очевидцы), что ночью с парохода, прибывшего в Бердянск, сошли два человека, подошли к зданию гимназии и через некоторое время опять вернулись на пароход, который ушел по направлению к Таганрогу.

В Бердянске я застал целую группу революционно-настроенных гимназистов. Они читали и толковали много об общественных вопросах. Интерес к этим вопросам у них был живой и серьезный. Во главе группы стоял Н. Л. Геккер. Он был наибо-

*) О моем непочтительном отзыве донес педагогическому совету учитель, который на-днях поступил в нашу гимназию.

лее начитанный из всех, обладал наибольшей инициативой и был душой всей группы.

К этой группе я примкнул и в тесном общении с нею провел целый год. Эта группа была для меня настоящей находкой. Это было именно то, что мне нужно было в это время. Я вместе с новыми товарищами читал, обсуждал прочитанное, спорил... Так прошел год, настала весна 1880 г. Нужно было, наконец, как-нибудь покончить с гимназическими экзаменами, перебраться в университетский город и заняться по-настоящему, серьезно революционной работой. Ни один из нас не думал кончать гимназию и поступать в университет ради университетской науки. Университет был для нас только удобным положением для революционной работы. Один из наших товарищей, член группы, но не гимназист, этой осенью должен был призываться на военную службу. Так как он никакого учебного заведения не кончил и никаких льгот по образованию не имел, ему пришлось бы прослужить шесть лет.

Мы считали товарища очень ценным для революции человеком и опасались, что он, уйдя на шесть лет на военную службу, будет потерян для революции. Поэтому мы решили, что кто-нибудь должен выдержать за него экзамен и, таким образом, добыть ему льготу по воинской повинности.

Самым подходящим для этого человеком был я. Товарищ был мещанин, и у него в паспорте были указаны его приметы. Я довольно хорошо подходил под эти приметы. Фотографических карточек от тех, кто держал экзамен, тогда еще не требовали. Итак, было решено, что за товарища буду держать экзамен я. За меня же взялся держать экзамен другой товарищ. Это было даже выгодно для меня, так как товарищ, взявшийся держать экзамен за меня, был гораздо лучше меня подготовлен к нему.

Так как в Бердянске нас все знали, и там держать экзамен друг за друга нам нельзя было, мы перехали в Полтаву и там подали в гимназию наши бумаги. Наша проделка вполне удалась, и ранним летом 1880 г. я вернулся в Одессу со свидетельством об окончании гимназии.

Теперь я был студентом. Это положение, которое мне и полагалось занимать по моему возрасту и общественному положению отца. Теперь я ничем не выделялся среди своих сверстников и мог делать, что хотел. На меня никто не обращал внимания. Отец тоже совершенно оставил меня в покое.

Я принялся искать народовольцев в Одессе. С литературой их я был знаком. Мне хотелось видеть самих народовольцев и столковаться с ними. Поиски мои скоро увенчались успехом. В Одессе в это время М. Н. Тригони, по поручению Исполнительного Комитета, занят был организацией местного отделения Народной Воли. Я вскоре познакомился с ним и предложил свои услуги для занятий с рабочими. Тригони ввел меня в местную центральную группу *) (то, что по теперешнему назвали бы: одесский комитет Народной Воли), которая пока, кроме Тригони, состояла из трех человек: И. И. Сведенцева, О. С. Пурин и меня. Несколько позже присоединились еще С. А. Жебунев и П. А. Мартино. В то же время Тригони организовал рабочую подгруппу для пропаганды среди рабочих. Эта подгруппа состояла из интеллигентных рабочих-революционеров, уцелевших от прежних революционных организаций. В нее входили: Моисей Попов, Петр Клименко, Петр Валуев, Галактион Батогов, Орест Костюрин, Карл Иванайн. В эту подгруппу Тригони ввел меня, как представителя центральной группы. Я должен был служить соединительным звеном между центральной группой и рабочей. Должен был снабжать рабочую группу литературой и вместе с нею вести пропаганду среди рабочих.

Вся наша организация, вместе со своими подгруппами (кроме рабочей была еще военная подгруппа), просуществовала почти полтора года. Больших арестов за это время не было. Правда, перед 1 марта 1881 г. был арестован Тригони **), и это, конечно, неблагоприятно отразилось на работе одесской организации. Позже в Одессу приехала В. Н. Фигнер и вошла в нашу группу в качестве представителя Исполнительного Комитета.

Еженедельно центральная группа собиралась для обсуждения общих дел. Тут же каждый из нас сообщал о ходе дела в его специальной области. Террористических актов и динамитных дел за это время в Одессе не было. Было у нас, правда, довольно много динамита, оставшегося после подкопа на Итальянской улице, где предполагалось покушение на царя. Покушение не состоялось, и динамит находился у нас на хранении. Но он пролежал слишком долго, начал портиться, и в 1881 г. мы получили распоряжение из Петербурга уничтожить его. Одну жестяную банку с бурым динамитом я унес к себе домой и по частям спустил в канализацию. Остальной динамит, который не представлял из себя сыпучего тела, а был в плотно спрессованных плитках, мы вывезли на лодке далеко в море и там выбросили. Это мы сделали в воскресенье; наняли лодку как-будто для

*) См. „Стрельниковский процесс в Одессе в 1883 г." „Каторга и Ссылка", 1924 г., № 2 (9).

**) В Петербурге, куда был вызван Исполн. Комитетом на совещание.

В. Фигнер.

прогулки, захватили с собой провизии и вполне удачно выполнили свое предприятие.

Рабочая подгруппа тоже периодически собиралась для обсуждения общих дел. Тут каждый сообщал о ходе дела у него, на месте его работы, где он вел пропаганду. Сообщалось, какая нужна литература и т. д.

В Одессе, кроме постоянных рабочих, работавших в мастерских, было очень много пришлых, главным образом строительных, рабочих, приходивших в Одессу из разных губерний и проводивших здесь несколько месяцев строительного периода. Постоянных рабочих в те времена в Одессе было мало, а пришлых очень много, и нам пренебрегать ими не приходилось. Поэтому мы старались проникать в среду пришлых, заводить среди них знакомство и вести пропаганду.

В течение нескольких осенних и зимних месяцев я занимался с группой таких пришлых рабочих-плотников *). Я старался преподать им в популярной форме все то, что я сам знал, и что сделало из меня революционера. Темы моих лекций - бесед были самые различные. И вращение земли вокруг солнца, и происхождение видов, и французская революция, и община, и артель, и ассоциация, и Оуэн и многое другое обсуждалось нами во время наших вечерних собраний.

К концу зимы эти занятия в тесном кружке меня уже не удовлетворяли, и мне захотелось познакомиться с предместьями и окраинами, населенными рабочими, и повести там в более широких размерах пропаганду. Это „хождение в народ" не трудно было осуществить при тех патриархальных условиях, которые господствовали на окраинах. Начал я свое хождение ранней весной. Обыкновенно в воскресенье, заменивши шляпу фуражкой и надевши старый пиджак, я отправлялся с кем-нибудь из своих друзей-рабочих в предместье на заранее приготовленную квартиру, которую хозяин ее согласился предоставить нам для собрания. Никакой полиции, интересовавшейся политикой, в те времена в предместьях не было. Хозяин квартиры приглашал своих знакомых, мы усаживались с ними, где кто мог, и не торопясь и совершенно непринужденно вели беседу. Темы для разговоров находились легко. Сами присутствующие наперерыв рассказывали о разных случаях притеснений, несправедливости и т. д., и мы незаметно приходили к выводу, что неправды на свете очень много, что с нею нужно бороться, а для этого нужно всем терпящим притеснения объединиться, потому что один в поле не воин. На этом обыкновенно наша беседа заканчивалась, но во время самой беседы, в которой участвовали все присутствующие, выяснялось для нас, кто из них пригоден для наших целей, с кем стоит продолжать знакомство.

Но не всегда мои „хождения в народ" шли удачно и приводили к тем результатам, которых я ожидал. Случалось, что на собрание приходила публика просто из любопытства, как на праздничное развлечение, и после ознакомления с нею мы убеждались, что нам совершенно не по пути.

Бывали у меня неудачи, но бывали и удачи... В общем, рабочая группа партии росла, хотя и далеко не так быстро, как я желал.

Так шло дело до конца лета (1881 г.), когда все резко изменилось. Василий Меркулов, одесский рабочий, арестованный в Петербурге, спасая свою голову, которой грозила опасность, стал давать откровенные показания, и одними из первых жертв его оговоров были члены рабочей группы: П. Клименко, М. Попов, П. Валуев и О. Костюрин. Потом последовали другие аресты, и в Одессе разразился настоящий погром, который заставил нас совершенно прекратить нашу работу. Теперь приходилось думать только о том, чтобы спасти, что еще можно было. Батогова и Иванайна мы еще успели перевести на нелегальное положение и выпроводить из Одессы. Позже оба они были арестованы в Харькове.

Я пока считал себя в безопасности и продолжал жить в Одессе на легальном положении. Меркулов меня не знал, а что кто-нибудь из арестованных членов нашей рабочей группы может меня указать следственным властям,—мне и в голову не приходило. Правда, Н. Л. Геккер, который уже сидел в тюрьме, предупредил меня через своих родственников, ходивших к нему на свидания, что Стрельников обо мне кое-что знает и собирает сведения, но я не придал этому большого значения. Я думал, что Стрельников знает обо мне, как о студенте, несколько радикально настроенном, а это не имело большого значения. Что же касается моих народовольческих и рабочих дел, я был уверен, что Стрельников ничего о них узнать не может.

Кое-какую слежку я все же за собой замечал, и так как предупреждения Геккера повторялись, то я взял в университете отпуск и уехал в Крым месяца на полтора, рассчитывая, что за это время погром уляжется, и обо мне забудут. Вернулся я из Крыма, вероятно, в начале сентября. Во время моего отсутствия полиция обо мне не справлялась, и обыска у меня не было. Повидимому, меня оставили в покое.

В один из первых дней после возвращения в Одессу я отправился к Е. Л. Крич-

*) См. „Заметка о рабочем движении в Одессе в 1880—1881 гг."—„Каторга и Ссылка", 1924 г., № 5 (12).

кой. Она очень близко стояла к нашей организации, и у нее всегда можно было узнать о положении дел в Одессе, где и когда кого можно увидеть. Но у Крицкой я чуть не попал в руки полиции. У нее производился обыск, и мне удалось уйти оттуда только благодаря ротозейству полицейского, поставленного у наружной двери, наверху лестницы. Увидевши полицию, я разыграл роль доброго соседа, пришедшего позаботиться о детях: взял на руки маленькую дочку Крицкой, игравшую внизу лестницы, сказал: „пойдем, тебе здесь не место", и понес ее на улицу (квартира помещалась во дворе). Выйдя за ворота, я спустил ее на землю и постарался поскорее убраться. Сделав несколько петель по городу, я убедился, что за мною слежки нет, и благополучно добрался домой.

Случай у Крицкой заставил меня сильно призадуматься. Обыск у Крицкой означал также и обыск у Сведенцова. Между их квартирами было постоянное общение: Сведенцов обедал у Крицкой, ужинал и т. д. Очевидно, в Одессе успокоение еще не настало; погром продолжался или, после некоторого перерыва, начинался снова. За собой я тоже начал замечать слежку. Я перестал ночевать дома. Приходил домой, только предварительно убедившись, что по близости нет шпиков.

30 сентября я вернулся домой довольно поздно. Улица была пустынна и мертва. Ни одной человеческой фигуры, ни одного притаившегося шпика не видно было. Я вошел в ворота, поднялся к себе наверх и лег спать. Но едва я задул свечу, по лестнице послышались шаги, и ко мне в дверь постучали. Я подошел к двери в одном белье: „Кто там?"—„Откройте, это до вас". Голос был знакомый. Это говорил Евграф, служивший у нас в доме. Я открыл. На меня сейчас же бросилось несколько жандармов, ощупали меня с ног до головы, и только убедившись, что у меня под бельем нет оружия, дали мне одеться. Обыск продолжался бесконечно долго. В моих двух комнатах все перерыли и ничего, кроме банки из-под динамита, не нашли. Если бы жандармы были внимательнее, они, вероятно, могли бы заметить на банке следы динамита: я банки не вымыл после того, как высыпал из нее динамит. Но они банкой не заинтересовались. Покончивши со мною, они направились было к отцу и хотели порыться у него. Отец запротестовал, и жандармский офицер довольно легко сдался и увел своих шпиков и жандармов. Наконец, все было кончено. Составили протокол, меня посадили на извозчика и с двумя жандармами отправили в „казарму № 5".

„Казарма № 5" была довольно большим трехэтажным зданием. В первом этаже помещались солдаты, в третьем — тоже солдаты, а средний этаж был отведен для подследственных политических. Он весь состоял из одного длинного коридора, по обе стороны которого помещались камеры. Первая камера, ближайшая ко входной двери, была переделана в кабинет следователя, который здесь же допрашивал заключенных.

Следователем незадолго до моего ареста был назначен знаменитый генерал Стрельников. Известность свою он приобрел в Киеве, где, в качестве военного прокурора, прославился на всю Россию своими свирепыми, кровожадными речами на политических процессах. Теперь его назначили следователем по политическим делам для всего юга России, так как на юге крамола очень усилилась, и нужно было ее основательно искоренить.

На первом же допросе, на утро после моего ареста, Стрельников устроил мне очную ставку с Петром Клименко (член рабочей группы) и еще с тремя рабочими. Клименко первый заявил, что он признает во мне человека, известного ему под именем Степана. Остальные подтвердили. Это было для меня совершенно неожиданно. Клименко был старый революционер видавший на своем веку виды, и никто никогда не допустил бы мысли, что он может стать предателем. Между тем это было так. В течение ближайших недель для меня вполне выяснилось положение дел отчасти из допросов Стрельникова, отчасти из сношений с моими соседями, товарищами по тюрьме.

Главным осведомителем Стрельникова был П. Клименко. Стрельников сумел так запугать его, что он стал выдавать всех и все. От него Стрельников узнал, что рабочую группу организовал Тригони, что он ввел меня в нее под именем Степана и т. д., и т. д. Когда это все для меня уяснилось, я не стал отрицать, что я Степан, признал, что вел пропаганду. На этом собственно и можно бы прекратить следствие о моем участии в рабочей группе, так как все было вполне выяснено и установлено. Но Стрельников все топтался на месте, устраивал мне бесконечные очные ставки с разными людьми, которых я или совсем не знал, или с трудом узнавал. Это были все рабочие, набранные по разным предместьям, которые где-то, когда-то меня видели во время моего „хождения в народ". Никто из них ничего существенного обо мне сказать не мог, но все они подтверждали, что я Степан. Это было единственное, что они могли сказать, и, хотя это никакого значения для следствия не имело, после того как я сам признал, что вел пропаганду, Стрельников все продолжал вести следствие в том же направлении.

Если бы Стрельников не был так невежествен по части революционной литературы, если бы он был знаком с программой, тактикой и организацией народовольцев, он легко догадался бы, что если в Одессе была организованная рабочая группа народовольцев, то естественно предположить, что есть и центральная группа (комитет партии Народной Воли). И если бы Стрельников был хорошим следователем, ему не трудно было бы и разыскать эту центральную группу, так как я, Сведенцев и Мартино—три члена центральной группы—сидели в тюрьме, и он же, Стрельников, вел следствие по нашим делам. Но Стрельников был плохим следователем, он умел действовать только нажимом, а там, где нажим не помогал, он был совершенно бессилен что-нибудь сделать. Таким образом, благодаря невежеству и неумелости следователя, результаты для нас получились очень хорошие. Сведенцев и Мартино были высланы административно в Западную Сибирь, и только рабочая группа и я были преданы суду.

Но Стрельникову, таким образом, грозила опасность очутиться в положении щедринского генерала Топтыгина, который, как известно, был прислан на воеводство с тем, чтобы произвести кровопролитие. Но он вместо того съел чижика, да на том и успокоился. Рабочая группа в 7 человек—это, конечно, для Стрельникова был жалкий чижик. Ведь он был прислан в Одессу с чрезвычайными полномочиями и должен был во что бы то ни стало создать большой процесс. И вот, чтобы выйти из этого положения, он присоединил к нашему процессу целый ряд лиц, из которых одни с нашим делом, а другие с революцией вообще, ничего общего не имели. Судилось нас 23 человека, людей большею частью между собой совершенно незнакомых.

Я просидел в предварительном заключении до суда полтора года. Первые 5—6 месяцев меня держали в „Казарме № 5", а потом, когда Стрельников решил, что допрос по моему делу закончен, меня отправили в тюрьму, где я просидел еще целый год. Этот год прошел сравнительно мирно, и только два события на время взволновали всю тюрьму. 18 марта 1882 г. был убит Стрельников, а в октябре 1882 г. нами объявлена была голодовка. Голодовка продолжалась, впрочем, недолго. Начальство пошло на уступки, и через пять дней голодовка прекратилась.

26 марта 1883 года начался суд по нашему делу. Председательствовал совершенно дряхлый и выживший из ума генерал Кирилин. Когда я заявил, что вел пропаганду среди рабочих, он меня спросил, для чего я это делал. На такой неожиданный вопрос я не нашел сразу надлежащего ответа и сказал: „для того, чтобы посодействовать водворению социализма". „А для чего вам нужен был социализм?"—спросил опять председатель. Я начал объяснять, что считаю социалистический строй единственной справедливой формой общежития. Но едва я начал, председатель в каком-то испуге замахал на меня руками: „Садитесь, подсудимый, садитесь". Тянулся суд томительно долго и томительно скучно. Сначала чтение обвинительного акта, потом чтение показаний не явившихся свидетелей. Их было гораздо больше, чем явившихся. Во всех показаниях чувствовалась ретушовка Стрельникова, его подсказывания. Они все были писаны его рукой.

Почти весь день 1 апреля был занят речью прокурора Прохорова. Этот был из молодых, да ранний. Он тоже делал карьеру. Он тоже не хотел, чтобы наш процесс превратился для него в щедринского „чижика". А потому он, не без пафоса, требовал для всех применения статьи, карающей смертной казнью, хотя прекрасно знал, что многие из подсудимых ни к какой революционной организации не принадлежали и попали на суд только для счета.

Третьего апреля нам объявили приговор, я был приговорен к 15 годам каторги.

17 апреля, в первый день пасхи, нас всех переодели в арестантское платье и отправили с жандармами по железной дороге по направлению к Н.-Новгороду. Вся дорога до Кары (место каторги), с сиденьем в разных тюрьмах по пути и с этапным хождением, продолжалась очень долго. Только через 8 месяцев, во второй половине декабря 1883 г., я добрался до места.

Мой срок (15 лет каторги) по разным манифестам сократился до 6 лет, из которых я около года провел в дороге, а 5 лет на Каре.

В январе 1889 г. меня перевели на поселение в глухую деревню, в 150 верстах от Читы. Там я прожил 4 года. Следующие 6 лет я жил отчасти в Чите, отчасти на линии строившейся тогда Забайкальской железной дороги, где я служил техником.

Последний год своей ссылки я прожил с женой в Иркутске, а весной 1900 г. уехал в Европейскую Россию. Осенью того же 1900 года мы уехали за границу, откуда вернулись только в 1911 г.

ИВАНОВА-БОРЕЙШО С. А. (1856–1927).

Иванова Борейшо, Софья Андреевна *).

Родилась я на Кавказе (октябрь 1856 г.), в маленьком, глухом местечке Хан-Кенды, где и прожила до 16 лет. Отец мой был старый кавказский служака, почти всю жизнь проводивший в походах и команди-

*) Автобиография написана 8/I—1926 г. в Москве.

ровках. Дома он жил мало, и воспитанием нашим занималась мать. Эта задача для нее облегчалась помощью даровой прислуги,— деньщиков, которые исполняли роли няньки, повара, прачки и т. д., что в те времена считалось самым обычным делом. Для этой цели в кухне у нас всегда помещалось несколько чел. солдат. Детей было десять чел., справляться с ними было трудно и, может быть поэтому, все вопросы воспитания сводились просто к вопросу о питании: в определенные часы нас кормили и поили в столовой, потом мы разбегались в разные стороны, проводя почти весь день на дворе или в саду. Зимой толпились в детской комнате и сами придумывали себе игры и занятия. Часто к играм нашим присоединялись и соседские ребятишки, тогда бывало очень шумно и весело. Когда наступало время подумать об ученьи детей, мальчиков усаживали за букварь и вообще за подготовку к военным училищам, куда неизменно определяли моих братьев. В учителя приглашали кого-нибудь из молодых офицеров, так как школ и учебных заведений в нашем местечке не было. К учению мальчиков мои родители относились серьезно, так как они должны были „выйти в люди", т. е. со временем сделаться такими же офицерами, каким был их отец.

Что же касается девочек, то их, хотя и обучали грамоте, но большого значения этому не придавали: предполагалось, что каждая из нас в свое время выйдет замуж за офицера, и лучшего для нас никто не желал. Лет до семи-восьми девочкам позволялось играть и даже принимать участие в военных действиях, которые устраивались мальчиками, лишь бы это было в пределах своего двора, чтобы не сделаться „уличными девченками". Не помню как я выучилась грамоте, вероятно, это случилось еще тогда, когда учились мои братья, которые потом рассылались в разные города для поступления в военно-учебные заведения, где и жили вдали от родных до окончания курса учёбы. Несмотря на то, что я была гораздо моложе своих братьев, мне больше нравилось проводить время с ними, чем с сестрой, которая была склонна к сидячей жизни и к рукоделиям. Когда братьев всех увезли из дому, нам, девочкам, тоже был взят учитель из офицеров, который учил нас „чему-нибудь и как-нибудь". Я не питала ни малейшей симпатии ни к Иловайскому, ни вообще к учебникам и готовила уроки, как бы отбывая повинность. Меня гораздо больше привлекала этажерка в кабинете отца, где я находила много интересных книг и поглощала их в большом количестве, при чем мать моя возмущалась тем, что я читаю по ночам, и часто гасила свечку перед моим носом. Подбор книг был случайный и самый разнообразный. Попадались разрозненные номера „Современника", „Библиотеки для чтения" и других журналов. Очень увлекалась Диккенсом и то, что мне особенно нравилось, я перечитывала по нескольку раз. Вероятно, в этом возрасте я с удовольствием читала бы и детские книги, но их тогда было вообще мало, и к нам попадали только слащавые переводы с немецких книжек, где рассказывалось о послушных и добрых Луизах и Клементинах и о добродетельных Карлушах. Они не внушали мне никакой симпатии. — Когда все содержимое отцовской библиотечки было поглощено мной, я начала брать книги из библиотеки офицерского клуба, которая выписывала много русских журналов и газет. Последние для меня не существовали, а журналы мне очень нравились. Из них я узнала, что существует на свете какая-то иная жизнь, совсем не похожая на наше прозябание, есть где-то новые люди, живущие высшими интересами, и у них многому можно научиться. Явилось желание учиться, искать новой жизни и уйти от той среды, где жили мы все. В это время мой старший брат, избегнувший по болезни военной карьеры и учившийся в в Московском университете, говорил в письмах о том, что я успела бы еще и в гимназию поступить, если бы сумела подготовиться к одному из старших классов. Он знал, что я очень хочу учиться и что гимназия представляется мне каким-то храмом науки. Он обещал и материальную поддержку нам, сестрам, если мы решимся ехать учиться и вообще иначе устраивать свою жизнь. Мать, отец к этому времени уже умерли, и мы, три сестры, жили под покровительством одного из братьев-офицеров, который и сам мечтал уехать в Петербург для поступления в Военно-Юридическую академию. Мы жили в своем доме, получая небольшую пенсию после отца. Других средств не было, и все планы о переустройстве жизни оставались только неопределенными мечтами. Больше других об этом думала я, и к 16 годам во мне окрепло решение, во что бы то ни стало, уехать из дому и устроить свою жизнь иначе. Очень хотелось учиться, хотелось самостоятельности и независимости от родных. Противна была окружающая жизнь с ее мещанской моралью и постоянным стремлением „жить как все" и жить „не хуже людей". Я писала брату в Москву, что хочу ехать учиться теперь же, не откладывая, и он выразил согласие помочь мне, если я приеду. После многих препятствий, неудач и мытарств мне удалось выбраться из дому и приехать в Тифлис, где в то время был тот брат, который готовился в Академию. Он согласился завезти меня в Москву. Представление о Москве у меня было самое фантастическое: она мне пред-

ставлялась населенной какими-то особенными, идеальными людьми. В этом скоро пришлось разубедиться: я скоро увидела вокруг себя тех же самых обывателей, только что не военных. Старшего брата в Москве не оказалось: он временно взял место врача где-то под Москвой и приехал только повидаться с нами. Я осталась на его квартире и начала жить на свой страх. Для того, чтобы поскорее стать на свои ноги, я сделала попытку поступить на акушерские курсы, но потерпела неудачу: меня не приняли по молодости лет.

После того я, по совету брата, стала готовиться к экзамену на домашнюю учительницу, но это продолжалось недолго.

Брат мой серьезно захворал и его отправили в Ялту, а я осталась без всяких средств и без заработка. Пришлось хлебнуть нужды. Не зная никакого ремесла и не имея дипломов, трудно было найти работу в незнакомом городе. Пробовала шить у портнихи, просиживая с 8 часов утра до 8 ч. вечера и получая за это 8 руб. в месяц. Бросила, главным образом, потому, что очень противна была немка портниха, особа сомнительного свойства. Мой квартирный хозяин предложил мне поступить ученицей в типографию. По его рекомендации я отправилась к Вильде, который арендовал типографию Мышкина на Тверском бульваре. Одна из комнат с типографскими кассами оставалась за Мышкиным, и в ней работали женщины, набирая те книги, которые хотелось издавать Мышкину. Я была совершенно незнакома с этой работой, и мне в первый раз пришлось увидеть, как печатаются те книжки, которые я так любила читать. Вскоре явились наборщицы, которые стали меня обучать новому делу. Это были две сестры Прушакевич и Супинская. Они в эту зиму только что приехали из Архангельска целой компанией. Некоторые из них поступили учиться, но, за неимением средств, должны были взяться за работу, которая была им знакома еще на родине. Терпели нужду и жили все в одном номере Кокаревской гостиницы. Впоследствии вся эта компания называлась „архангельской колонией". Это были типичные нигилистки того времени, небрежно одетые, с подстриженными волосами и суровые на вид. Не знаю, как они познакомились с Мышкиным, но когда последний начал печатать нелегальные книги и брошюры, при чем расширил свой угол настолько, что его пришлось перевести на другую квартиру, — архангельская колония заняла там первое место. Наборщицы сначала отнеслись ко мне сурово, потому что я имела вид барышни, но так как по существу они были очень добрыми созданиями, то мы скоро сделались хорошими товарищами. С переходом Мышкинской типографии в новое помещение на Арбате, там началось печатание запрещенных книг. Я скоро поняла, в чем дело, и мне было очень лестно сознавать, что я тоже участвую в такой серьезной работе. Однажды Мышкин завел со мной беседу о том, знаю ли я об ответственности, которой могу подвергнуться за эту работу, но я ответила, что понимаю и не боюсь. По правде сказать, мне казалось просто смешным и невероятным, чтоб меня арестовали. Ведь я считала себя такой незначительной особой. „Кому нужно забирать меня, думала я, совсем другое дело они, мои новые товарищи", на которых я смотрела снизу вверх, считая их очень умными и деловыми людьми. В том особняке, который заняла новая типография, оказалось несколько лишних комнат. Поэтому нам, наборщицам, было предложено поселиться тут же, после чего мы зажили артелью, имея общее хозяйство. В столовой нашей собиралось много народу из тех, что являлись по делам типографии. Войнаральский, например, приезжая в Москву, жил у нас вместе со своей женой. Такая необычная обстановка, вероятно, скоро обратила бы на нас внимание полиции, но разгром всего учреждения произошел еще раньше. Отпечатанные у нас листы отправлялись в Саратов, где Войнаральский устроил сапожную мастерскую, в которой листы эти брошюровались и развозились пропагандистами в разные стороны. Местная полиция обратила внимание на мастерскую: они работали по ночам, и их приняли за фальшивомонетчиков. Всех живших в мастерской арестовали и установили связь с Москвой. Очень скоро жандармы нагрянули к нам с обыском. Мышкин остался цел только благодаря тому, что его не было в Москве. Взялись за наборщиц: арестовали, допросили и посадили нас под замок. Самая старшая среди нас и самая опытная, Супинская, перед арестом учила нас: „Не забывайте, что попадете в руки в р а г о в. Будьте готовы ко всему и держите язык за зубами". Было жутко и радостно. Обдумавши свое положение, я решила молчать, чтобы не повредить кому-нибудь нечаянно. Жандармы соблазняли меня возможностью сейчас же освободиться, если я укажу, кто бывал, кто печатал и т. д. Они, конечно, не придавали мне серьезного значения и видели, что я в деле новичек, но все же мои указания и улики могли быть им полезны. У меня же сразу явилась к ним настоящая ненависть, как к врагам, которых надо остерегаться. Меня продержали семь месяцев только за то, что я молчу. А когда стали сортировать всех и некоторых отправили в Питер,—меня освободили на поруки. Вместе со мной освободили еще одну из наборщиц,—Ермолаеву. На воле я не нашла никого из тех знакомых, с кото-

рыми сошлась за последнее время, и жить мне было тяжело. Снова пришлось искать работы. Перебивалась перепиской, но эта работа была непостоянная. Потом нашла место в типографии; я у Мышкина настолько ознакомилась с ремеслом, что могла добывать себе этим хлеб. В это время был арестован мой брат, Лев Андреевич Иванов, который потом судился по процессу 50-ти. Из Московской тюрьмы его перевели в Петербург. Я переехала туда же, чтобы иметь с ним свидания, и нашла себе там работу в одной из легальных типографий. Ни к какому революционному делу мне за это время пристроиться не удалось. Тюрьмы были переполнены заключенными, которые должны были через некоторое время выступить в процессах 193-х и 50-ти (Московский процесс). Время было глухое и тяжелое.

В декабре 1876 года произошла демонстрация молодежи у Казанского собора. Там я была вновь арестована и судима. Хотя на суде никто из свидетелей на меня не указывал, но достаточно было того, что я уже привлекалась по политическому делу, чтоб меня осудили в Сибирь на поселение. Вскоре после приговора всех „казанцев" отправили по назначению, а меня оставили, чтобы судить еще раз по процессу 193-х. В Доме предварительного заключения к этому времени уже была завоевана свобода настолько, что все заключенные имели между собой сношения и во время большого процесса даже пользовались общими прогулками по группам. Здесь я завела большие знакомства и встретила многих старых друзей. Я была в числе „протестантов", отказавшихся от суда, и меня приговорили заочно снова на поселение, но тут вышел какой-то курьез: в приговоре было сказано, что „по совокупности преступлений" меня должно отправить в одну из северных губерний с лишением некоторых прав. Большинство подсудимых после приговора было освобождено. В женской тюрьме нас осталось только шесть человек, из которых Софью Лешерн вскоре неожиданно освободили „по высочайшему повелению" по хлопотам ее знатных родных. За Е. К. Брешковскую сам суд ходатайствовал, чтобы заменить ей каторгу поселением, но царь не согласился. После того было решено устроить ей побег до отправки в Сибирь из Дома предварит. заключения. Мы, сидя в общей камере, надумали перепилить решетку в окне, выходящем прямо на Шпалерную улицу. С воли обещали помощь: в условленную ночь и час ее должен был ждать человек в экипаже и принять, когда она спустится с четвертого этажа. В общей камере нас сидело трое, и мы пилили по очереди. Когда большая половина работы была уже сделана, нас неожиданно перевели в Литовский замок. Такой порядок существовал для всех, кому предстояла отправка в Сибирь. Продержавши нас здесь недели две, отправили с жандармами в разные стороны. Елена Прушакевич попала в Сургут, Брешковскую присоединили к каторжанам, шедшим на Кару, а нас с Супинской—в Архангельскую губернию, при чем губернатор назначил нам самые отдаленные города. Ей—Колу, где она вскоре умерла, а мне—Кемь. Мы были первыми ссыльными женщинами в этой губернии, и на нас смотрели, по крайней мере сначала, как на какие-то чудища. Надзор был строгий: ежедневно к моим хозяевам являлся полицейский, чтобы узнать, цела ли я. Хозяева были обязаны подпиской тотчас же сообщить исправнику, если я не явлюсь ночевать. Несмотря на это, именно хозяева же и помогли мне бежать через несколько месяцев. Я приехала в ссылку с определенным намерением долго здесь не заживаться и с товарищами условилась так, что скоро встретимся на воле. Перед отъездом нас с воли снабдили деньгами и паспортами. Боясь истратить эти деньги, я с первого же дня стала искать себе работы и все время перебивалась то шитьем, то перепиской и таким образом сохранила свой капитал. Чтобы не возбуждать никаких подозрений, решила с начальством не ссориться, но исправник-самодур все-таки несколько раз выводил меня из терпения, задерживая мою переписку и требуя к себе особого почтения, обижался, что я не кланяюсь ему при встрече первая и т. д. Я ему оказала это почтение накануне своего побега, когда все уже было готово: встретив его с супругой на улице, подчеркнуто любезно раскланялась с ними, и больше они меня не видали. Мои хозяйки, две староверки - начетчицы, нашли мне знакомого мужика, который согласился довести меня до Олонецкой губернии, откуда я уже самостоятельно нанимала лошадей почти до самого Петербурга. За это я ему купила хорошего коня, на котором он и вез меня. Хозяйки же скрывали мое отсутствие, зажигали в моей комнате по вечерам лампу и только на шестой день заявили в полицию, как раз в тот день, когда я въезжала в Питер. Это совпало со временем покушения на жизнь шефа жандармов Дрентельна в конце марта 1879 года. Настроение в городе было тревожное, обыски и аресты производились среди бела дня. Было рисковано ходить по тем адресам, которые я получила перед высылкой. Даже ночлег я находила с трудом и с приключениями. Через несколько дней удалось повидаться с двумя нелегальными. Сначала с Тихомировым, потом он устроил мне свидание с Н. А. Морозовым. И тот и другой были участниками процесса 193-х, но там была такая масса на-

рода, что я их совсем не помнила. Это не помешало нам встретиться, как старым товарищам. Оба говорили, что работа для меня найдется, но настаивали, чтобы я на время уехала из Петербурга, где в такое тревожное время могла бы быть арестована зря. Обещали вернуть меня при первой же возможности. Пока я собиралась (очень не хотелось уезжать в провинцию), грянуло покушение Соловьева на Александра II. В столице начался переполох. Поговаривали о предстоящих повальных обысках. В тот же день я уехала в Орел, где повидалась с М. Н. Ошаниной, которая направила меня в Воронеж; там я должна была ожидать, пока меня вызовут в Питер. Прожила там недели три, но в один прекрасный день была арестована в квартире Тулисова, куда жандармы неожиданно нагрянули днем. Это было особенно досадно потому, что в это самое утро приехал Морозов и привез мне приказ как можно скорее отправляться в Питер, где я уже числилась хозяйкой конспиративной квартиры. Морозов тоже должен был придти к Тулисовым, но увидав жандармов скрылся. Немножко позднее подъехал на извощике М. Р. Попов. Войдя в квартиру и увидев жандармов, он строго, по-барски, спросил, дома ли хозяин, и, бросив „зайду в другой раз", моментально вскочил на извощика и быстро удалился. Жандармы оторопели и начали обвинять друг друга в том, что не задержали этого неизвестного человека. Сначала я пришла в уныние от мысли, что теперь мне придется ехать не в Питер, а в Якутскую область (в 1879 г. был издан циркуляр, по которому всех бежавших из ссылки должны были направлять в Якутскую область). Потом, когда меня повезли на допрос и, извиняясь за беспокойство, которое причинили мне, молоденькой барышне, жандармский офицер и прокурор просили меня откровенно рассказать о себе и объяснить, как я попала на квартиру к революционерам, я сказала, что знакома только с сестрой Тулисова, и вообще прикинулась наивной барышней, которая даже не понимает, почему это делают обыски. Кончилось тем, что меня через час отпустили на все четыре стороны, и я в тот же вечер отправилась в Петербург. Там меня уже ждали, и я сразу поселилась в Лесном вместе с А. Квятковским и должна была изображать из себя молодую даму, живущую в свое удовольствие на даче. Здесь бывало много народу, совершались прогулки в лес, куда подходили еще люди из города, и устраивались собрания. Тут же был организован кружок „Свобода или смерть", который потом почти целиком вошел в „Народную Волю". В последнюю организацию я вошла после Воронежского и Липецкого съездов.—Старая типография „Земли и Воли" была поделена между двумя вновь образовавшимися группами,—Народной Волей и Черным Переделом. Приходилось налаживать новую квартиру для типографии той группы, которая получила название партии Народной Воли. Я дала согласие быть хозяйкой новой типографии, и вскоре после того мы оставили квартиру в Лесном. Наша типография просуществовала лишь с сентября 1879 г. по январь 1880 г., и за это время мы отпечатали три первых номера газеты „Народная Воля" и несколько листовок. Устройство станка было самое примитивное, работало нас пять человек, из которых один был занят хозяйством: закупками и приготовлением пищи для всей братии. В этом деле чередовались мы с кухаркой. Официально в квартире числился только Бух, как хозяин, потом я и прислуга, тоже свой человек. Двое других работников жили у нас без прописки и не показывались ни дворнику, ни швейцару. Соблюдалась строгая конспирация, работали не позднее 10—11 часов вечера и ходили в мягких туфлях, чтоб не производить шума. Адрес типографии был известен только тем двум-трем товарищам, которым было необходимо заходить к нам и забирать отпечатанное. Подробно о жизни и работе в типографии я писала в журнале „Былое" за 1906 г. (сентябрь). При аресте типографии было оказано вооруженное сопротивление, после которого всех нас, за исключением застрелившегося тут же Любкина, увезли со связанными руками в Петропавловскую крепость. Судили нас в конце того же 1880 года военным судом, соединивши с другими террористическими группами (процесс 16-ти). Я получила четыре года каторги. По болезни оставалась некоторое время в Питере, а потом перевезли в Москву, в Бутырскую тюрьму, откуда через несколько месяцев отправили в Сибирь этапным порядком. На Кару прибыла только в апреле 1883 года. Там нашла своих старых друзей: Брешковскую, Лешерн, Коленкину и др. Сидели в отвратительной старой тюрьме, но в камерах нас не запирали. Летом почти весь день проводили во дворе. Обязательных работ не было. На поселение вышла весной 1885 года и оказалась в г. Киренске Иркутской губернии, где в это время была довольно большая колония ссыльных. В общем в Сибири пробыла 18 лет. При возвращении в Россию мне был запрещен въезд в столичные и университетские города и, кроме того, указывалось еще 25 городов, где я не имела права жить. Побывала в Чернигове, в Курске и поселилась в Нижнем Новгороде, где прожила более 10 лет. Общественной деятельности не было, если не считать за таковую работу в Красном Кресте для помощи заключенным и заня-

ИВАНОВСКАЯ П. С. (1853–1935).

тий в „Обществе начального образования", которое вело культурную работу в Нижегородской губернии. В Москве, куда я переехала потом и где живу и до сих пор, была только работа в нелегальном Красном Кресте для помощи политическим каторжанам, сидевшим в разных городах. Это продолжалось с 1914 по 17 год. В 1906 г. в журнале „Былое" поместила две статьи: „Воспоминания о С. Л. Перовской" и „Первая типография Народной Воли". Приблизительно в то же время написала для „Женского Календаря", издававшегося в Петрограде, биографии Геси Гельфман, Т. Лебедевой, С. Лешерн и Н. Армфельд.

Ивановская, Прасковья Семеновна

(по мужу Волошенко) *).

Я родилась в 1853 г. в семье сельского священника села Соковнина, Жадома тож, Чернского у. Тульской губ. Детские годы прошли в суровых условиях бедности и заброшенности. Мать рано умерла, отец был человек отвлеченных интересов, мирское его весьма мало заботило, свое гнездо не вызывало в нем особенного внимания. Философские мысли—плохие пособники в хозяйственности. Дети росли травкой в поле, без малейшего присмотра, а смерть матери еще больше отдалила отца от нас, мы както не являлись ни предметом его дум, ни его забот, и в этом была, пожалуй, некоторая положительная сторона нашего воспитания. Порой мы были изрядно голодны, обнагощены, но всегда вольными, никакие пути и дороги нас не страшили. Ранняя самостоятельная жизнь научила крепко любить свободу, а на крутых подъемах полагаться только на свои силы, свое уменье. И наша экономическая необеспеченность не выделяла резко нас среди окружающей жизни и всего духовенства того далекого прошлого. Огромное большинство этого класса мало чем разнилось от среднего достатка крестьянина, оно само поднимало землю, само убирало хлеба. С косичкой за спиной, в холщевой самодельной рубахе, попы сами вывозили навоз на худородную землю, а одинаковость жизни с окружающей массой делала взаимные с приходом отношения проще и естественнее. Взрослые сыновья их на летних каникулах помогали отцам в полевых работах, в молотьбе хлеба первобытным способом на току цепами. Сыны обучались по создавшимся правилам в бурсе (семинарии), дочери оставались еле-еле грамотными у родителей, в томлении поджидая случая стать матушкой или дьяконицей. Нас ожидала та же засасывающая житейская пошлость, если бы не произошло случайное, меньше всего предвиденное обстоятельство, в значительной мере перевернувшее наше положение.

Вероятно в начале 50 г. г. в наше село, в приобретенное в нем имение, приехал на жительство возвращенный по амнистии из Сибири декабрист Михаил Андреевич Бодиско *), мичман. С самого своего появления в имении М. А. Бодиско завязал с отцом близкие дружеские отношения, а впоследствии, при его материальной поддержке, две меньшие дочери смогли поступить в тульское духовное училище. Сколько большой, истинной радости мы испытали тогда, покидая свой бедный родной дом. Наш восторг, наши маленькие детские грезы скоро значительно померкли: школа оказалась закрытым заведением и носила монастырский характер, с удушливым лампадным смрадом, с весьма куцым курсом наук, с очень скудным, полуголодным для детей питанием. Затворнические условия нашей школы не смогли помешать вторжению нового тогдашнего веяния, доплескивавшегося светлой волной к нам через каменные стены нашего монастыря. Первые струйки ее появились у нас в Туле неясными отзвуками арестов в Москве по делу Нечаева. Немного позже кружки и группы формировались при участии приезжавшего к нам Василия Семеновича Ивановского, студента Медико-Хирургической академии, купно с Евтихием Павловичем Карповым, впоследствии известным драматургом. Им помогали студенты-туляки Дубенский и Раевский. На ряду с организационной работой ими же была устроена библиотека-читальня из книг нелегальных и полулегальных. Все изъятые из обращения книги имелись в этой неофициальной библиотечке, а именно: Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Лассаль, Лавров, „Исторические письма" которого появились много раньше, в 68 г., и приобрели тогда же огромную популярность. „Вперед" провинция читала в 73 г. Книги эти хранились в особых шкафах, и выдавали их с большой осмотрительностью, с ручательством лица известного заведующей, помнится, Шредер. Радикально-демократический кружок нашей школы старшего класса, носивший между ученицами прозвище „Ганзейского союза", широко пользовался книгами этой читальни, порой прихватывал их с собой на летние вакации. Чаще всего книги брались по

*) Автобиография написана 25/XI 1925 г. в Полтаве.

*) „Мичман Бодиско по пятому разряду к временной ссылке в каторжную работу на 10 лет, а потом на поселение. Мичман Бодиско 2-й. Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов. По восьмому разряду. Лейтенант Бодиско первый лично действовал в мятеже бытностью на площади".
Бодиско 1-й—Гвардейского экипажа лейтенант, Бодиско 2-й—того же экипажа мичман. Выписки из сентенции приговора.

записках с подписями моей фамилии, всегда лаконичной — „пришлите то-то и то-то". Совсем почти накануне выпускного экзамена нашего класса, в часы общей вечерней молитвы в большой зале, послышалось в передней державное дерганье звонка: дзинь-дзинь! задребезжал неприятно, резко звонок. И вслед за тем по рядам чинно молившихся девочек пробежал, как легкое движение ручейка, придавленный шопот: „Жандармы, жандармы пришли". Присутствовавшая на молитве начальница, побагровев до синевы, опрометью бросилась за дверь. Через три-пять минут в опустелой передней и духом не пахло жандармским. Прибывших арестовать ученицу Ивановскую, „ведьма", как звали мы промежду собой начальницу, не допустила до позорящего школу обстоятельства.

Она сама спешно отправилась объясняться с начальством на предмет необычайного события, ломавшего все уставы, весь обиход нашего несложного бытия. Наутро, конвоируемая классной наставницей, я прибыла в жандармское управление. Допрос без замедления производился в присутствии наставницы полковником по поводу найденных у библиотекарши моих записочек. По окончании его жандармский полковник разбахвалился, сообщив, что арестована библиотекарша, несколько гимназисток и кто-то еще постарше—мой брат в Москве по нечаевскому делу.

Наши ребячьи аресты не имели серьезных последствий—никого не задержали. Брат тоже был освобожден. Вернувшись в школу, я была изумлена тем, что наша начальница ни одним звуком не выразила своего возмущения против неслыханного нашего вольнодумства. Зато ректор нашей школы долго томил и грозно внушал, что брат мой „отчаянной жизни революционер". Путь его неизбежно лежит по Владимирке, и то же постигнет меня, если не порву связи с „нигилистами". А рвать было поздно и не с кем. Побороть воздействие хороших книг, дававших нам вкус и чутье к светлому, к большому, предостерегавшему от засасывающей прозы жизни,—это равнялось самоубийству. Оно, это лучшее, вошло постепенно в наши души не из одной литературы и чтения—воспринято было из близости нашей жизни со всей окружающей нас неправдой, забитостью масс, заколоченностью до отупения. Душа тосковала по правде и справедливости.

В старшем классе, в последнем году обучения, начался дух радикального протеста у весьма кротких и смиренных учениц. Выразилось это настроение в протестах против грубого обращения, запрещения читать „вольные" книжки, против недостаточного, к тому же обкрадываемого, детского питания. Из наивно-верующих мы перешли к неверию и протесту против уставов, отдававших кадильным ароматом. Выработанных твердых убеждений у нас, конечно, еще не было. Мы были слишком юны и глупы, проснулось лишь сознание прав личности. И протест и отрицание—это было для нас только выражением этого настроения. В то время нашим стремлением было—отстоять нашу личность, за которую приходилось вступать в борьбу открыто и смело. В этот же период, уже в последнем классе, нас сильно захватила Парижская Коммуна, ее борьба и крушение. До сего дня не стерся из памяти день, когда наша начальница, чрезмерно взволнованная, вошла в наш старший класс с огромной в руках французской газетой в траурной кайме и стала вычитывать всему притаившемуся классу строку за строкой о трагическом конце великой борьбы. Вместе с физическим ростом и сделанным приобретением небольших знаний росли и крепли мечты о будущей поездке на медицинские курсы, только что открытые тогда для женщин в Петербурге. В 71—73 г. г. из нашей клерикальной школы—по пословице—„лиха беда начать"—целой группой учениц было положено начало движению к женскому образованию, женской независимости и раскрепощению. Большинство ехавших не имело ни обеспечения, ни протекции. Я с сестрой Александрой Семеновной поступила на Аларчинские курсы, во главе кот. стояли видные профессора: Стрелолюбский, Лесгафт, фон-Флит, Стасова. Эти курсы со строго демократическими принципами пропускали—как воду песок—через свою лабораторию все живое, свежее, там же на курсах сближавшееся в кружки, в организационные группы, чтобы впоследствии или тотчас же итти „в народ".

Ранней весной 76 года, сдав экзамен при гимназии в Царском Селе, я поехала в Москву навестить брата, а главное принять окончательное решение, занять ли место учительницы в Весьегонском, либеральном в ту пору земстве. Брат настойчиво советовал обождать, не торопиться пока. Он имел тогда широкие организационные планы—заместить все барановские школы-дворцы *) своим, радикальным учительским персоналом по всему уезду. К реализации этого плана у брата были большие возможности. Но вакансии открывались всего только с осени. Целое лето оставалось в моем распоряжении, и я решила им воспользоваться—поехать в Одессу, где могла по-

*) Богатый фабрикант Владимирской губ. Барашов на свои средства настроил по всему уезду образцовые школы. Они высились дворцами, светлые, просторные, со всеми удобствами. Учительский персонал, приглашавшийся самим Барановым, состоял из лиц с высшим образованием. По требованию учителя все необходимое для школы высылалось немедленно.

работать на любой фабрике без „интеллигентного паспорта". Среди многочисленной публики, посещавшей московскую квартиру брата, бывала там очень часто необыкновенная девушка, только недавно вернувшаяся „из народа", — Мария Субботина, судившаяся потом в Москве по процессу 50-ти, большинство участников которого раньше были народниками - лавристами. Субботина дала мне адрес двух сестер, живших в Одессе,—Хоржевских (их третья сестра уже находилась в тюрьме).

Нагрузившись изрядно в квартире брата полулегальной и нелегальной литературой, я покинула Москву. По инструкции, преподанной москвичами, часть взятого груза необходимо было оставить в Туле семинарам и гимназистам, а остальное захватить с собой.

Дорога не так уж далеко проходила от прихода моего отца, и я решила завернуть туда на несколько дней. У него я застала младшего братишку Ивана, окончившего пока только духовное училище и готовившегося перейти в семинарию. Без моего ведома и согласия он забрался в чемодан и, порывшись хорошенько в книгах, отобрал для себя кое-что из брошюр, между прочим „Сила солому ломит" Н. И. Наумова, „Ежа", — гонимых правительством. Мне была невдомек его проделка, имевшая скоро самые печальные последствия для всего дома. По моем отъезде из Москвы Василий Семенович был предан одним рабочим, ежедневно бывавшим у него на квартире. Естественно, что он видел сборы, упаковку книг и слышал разговоры о направлении пути. Жандармы, давно скалившие зубы на брата, теперь, как голодные шакалы, арестовав В. С., бросились по следам, надеясь настигнуть меня с поличным у отца, но они явились немножко поздно, когда я была уже далеко от них. Перерыв весь дом, двор, они, наконец, выкопали-таки на чердаке спрятанные брошюры. Брата Ивана арестовали, увезли в Тулу, упрятав там его в тюрьме, в общую камеру с уголовными. Там бедный малец „отведал мергеля" (глубокая яма для собак) полностью, просидев в этаком-то смраде больше года, там он пережил режим, оставивший в нем на всю жизнь ненависть к угнетателям.

При внимательном отношении сестер Хоржевских и Михаила Богдановича Эйтнера, часто навещавшего сестер, мое желание познакомиться с радикальными организациями юга осуществилось довольно просто и скоро. Эйтнер был давнишний работник из набора Заславского, от организации котораго он унаследовал хорошо устроенную переплетную мастерскую с уцелевшими от ареста, распропагандированными рабочими. М. Б. раньше всего повел меня к „башенцам" *), будучи связан с ними долгой и тесной дружбой с давних времен и общностью работы. Знакомство с „башенцами" помогло мне много в ориентировке среди множества кружков, коммун, отдельных „самистов", не входивших в группы с определившимися уже направлениями. Среди этой пестрой множественности тогда в Одессе слишком заметно выявлялись три самостоятельные направления, три крупные социалистические группировки: народническо-пропагандистское, народническо-бунтарское и „Громада". Первая из трех возглавлялась Григорием Анфимовичем Попко, И. Волошенко и Ф. Щербина. Вторая — Дебогорием-Мокриевичем и третья — Л. А. Смоленским, упорнейшим украинофилом, и Малеваным. С первыми, „башенцами", у меня навсегда сохранилась близость, и сношения поддерживались до полного исчезновения ее членов, сметенных тотлебеновской бандой в 1878—79 г.г.

Вскоре полученные печальные известия о московских арестах заставили меня немедленно перейти на нелегальное положение, что не вело ни к каким неприятным последствиям: Одесса была чрезвычайно демократична,—и относительная вольность в ней позволяла жить в ней без прописки, и на любую фабрику можно было поступить без документа. В самые ближайшие дни мною была осуществлена эта возможность: зашла и, даже никем неопрашиваемая, стала на работу на канатной фабрике по Большой Арнаутской улице. Немудрая работа этого учреждения выполнялась сравнительно небольшой группой женщин безработных, с прибавкой к ним десятка-двух парней. Женский пол отличался непостоянством, цыганскими наклонностями, то и дело менял свою профессию. Правда, работа на этой фабрике была грязная, воздух тяжелый, „невкусный", дневная упряжка весьма продолжительна. Мы уходили домой, когда от погружавшегося в море солнца оставался едва заметный серпок над водой. Сблизить всех работниц в одну ячейку, хотя бы для слабейшей защиты себя, — никак не удавалось, непривычное туго входит в головы, да и времени на противодействие хозяйчикам не хватало: все бегали с канатом или раздергивали в окутывающей пыли гнилую погань. За два с половиной месяца осталась очень ничтожная связь с более пытливыми девушками, бравшими почитать „что-нибудь". Однажды, выйдя из пылью насыщенного фабричного здания на вольный свет, я была охвачена чистым, легким воздухом настоящей южной весны, властно звавшей уйти от канатного смрада. Через неделю я уже шла на полевые работы в

*) „Башенцами" называлась группа лиц, жившая в башне на верху дома Новикова.

Таврическую губернию, в большое имение богатого помещика Неустроева. В эту экономию, весной, как в ростепель ручьи, стекалось великое множество работников со всей украинской земли: полтавчан, киевлян, киевцев и даже „кацапов" курян. Артелями, персонально они смело втискивались в наш огромный табор на степи. Приходили, работали и опять поднимались в поход, неведомо почему и куда держали свой путь. Было любопытно наблюдать эту живую силу, метавшуюся туда-сюда по степи в поисках труда. Поздней осенью, когда побурели поля, и дождь моросил мелкой пылью, я возвратилась в Одессу.

Весь почти что радикальный народ к тому времени разметался по разным краям. Многие ушли биться за освобождение „братушек", другие разбрелись с котомками за плечами по селам и городам. У многих народников юга в то время уже начала тухнуть вера в пропаганду социализма среди крестьян, нарастало искание новых путей— отвоевывать право на свободную жизнь. В этой общей неопределенности явилось у меня желание научиться чеботарству, нашла хорошего учителя сапожника в Николаеве, а квартировала в прекрасной семье Левандовских, младшие две девочки которых учились у Самуила Виттенберга. Внешняя простота и скромность этого человека не соответствовали его огромным математическим способностям и высокой моральной гуманности, скрытым в нем вследствие его большой замкнутости. Впоследствии, в 79 году, 11 августа, в Николаеве он был повешен вместе с матросом черноморского флота Логовенко. В Николаеве мной было получено экстренное уведомление о вторичном аресте брата, двух сестер и всех знакомых. Неизбежно было ехать в Москву для устройства совсем желторотого братишки, оставшегося беспризорным после разорения гнезда брата. В этот же, если не ошибаюсь, приезд в Москве я принимала участие в неудачном освобождении Ольги Любатович, инициаторами котораго были Енкулатов, Иванчин-Писарев, М. П. Лешерн и жена Калетаева (видного участника коммуны в Кринице). Зато 1 января 77 года был оборудован артистически побег брата-доктора, Василия Семеновича, из Басманной части. Главным руководителем этого дела был Ю. Богданович с участием Т. Арефьевой и — немного меня. Преисполненные радостью освобождения брата, по настойчивому совету Ю. Богдановича, все участники покинули Москву. Разумеется, я вернулась в Одессу. Летом в том же году к нам в Одессу, помнится, приезжал М. А. Натансон и Д. Лизогуб. Последний рассказывал, что в Чернигове и по всем уездам были прибиты на столбах карточки брата с листками, крупно и четко покрытыми строками с приметами брата и обещанием награды за его поимку. Димитрий Андреевич Лизогуб радостно заливался смехом, вычитывая в числе примет: „одет в овчинный полушубок, на ногах большие теплые валенки, в меховой шапке".

30 января 78 года в Одессе было произведено вооруженное сопротивление при аресте И. М. Ковальского и других с ним лиц. Мы с сестрой, недавно освобожденной на поруки, читали это ошеломляющее известие в Петровско-Разумовском среди своих друзей. Оно всех сильно взбудоражило; читали раз, два, у многих вырывалось восклицание: „Вот оно настоящее!" Через 5—6 дней после этого вечера пришла оттуда телеграмма:—„Просим не замедлить выездом к родным". Совсем неожиданный вызов на месте объяснился тем, что кое-кто из „башенцев", а главным образом Г. А. Попко, задумали и решили всеми мерами освободить И. Ковальского. Сношения с ним быстро установились, вскоре даже стало точно известно расположение его камеры. Оно позволяло надеяться на успех, на возможность освободить узника, следовало только подвести подкоп к тюремной стене, тесно соприкасавшейся с камерой Ивана. С этой целью уже была присмотрена квартира против тюрьмы, из которой в самый кратчайший срок быстрым темпом должен был вестись подкоп. Иван дал свое согласие на этот план. Ковальского перевели в другую камеру, во втором этаже. Надежды на его освобождение рухнули безвозвратно, других путей не было. Сношения с заключенными теперь передали мне, они велись при посредстве надзирателя, очень доверчивого существа, не искушенного в деле сыска. Если память не изменяет, в этом же году, приблизительно незадолго до суда, Малинка и Студзинский, сидевшие вдвоем в одной камере, решили бежать. С воли для них оказывалась необходимая помощь: через того же надзирателя передавались пилки, лобзики, шпагат, в замаскированном виде. Они без особого труда подпилили решетку и вышли во двор. Причина их дальнейшей неудачи так и осталась для нас тогда неясной*).

Шли месяцы, недели, приближался суд над И. Ковальским. Начальство готовилось к нему, революционеры, в свою очередь, стали заранее приготавливаться к ответу на приговор, если суд вынесет смертную казнь. Прокурору, судьям с печатью исполнительного комитета были разосланы предупреждения, прокламации рассылались всюду по почте, в городе интерес к суду поднимался с каждым днем. Видная роль в технической подготовке принадлежала

*) По словам здравствующего Студзинского, когда они стали подниматься, перелезая стену—лестница под ними подломилась.

В. Фигнер.

Давиденко — талантливейшему созидателю остроумных и ловких западней для врагов. Из Петербурга приехали два защитника — Бордовский и Стасов. Во всех революционных кружках среди молодежи замечалось сильно повышенное, нервное настроение. 24 июля военный суд вынес смертный приговор Ковальскому. Это был первый кровавый акт, первая смертная казнь за последний период революционной борьбы. Людское море, заполнившее все улицы, прилегавшие к зданию военного суда, услыхав приговор, волной колыхнулось в направлении суда, как бы намереваясь прорваться в здание и вырвать осужденного. Казаки с пиками наперевес, жандармы с обнаженными шашками врезались в густую человеческую толпу. Все смешалось и утонуло в вечернем тумане. На другой день подготовленный удар разразился.

Едва начинало брезжиться, как, опоясав Одессу цепью сборной военной силы,—началось опустошение. Оно было всестороннее, полное и беспощадное. Все дома заключения наполнились до чрезвычайной перегруженности, и куда только не перебрасывали пленников.

Наша квартира с добрейшей души хозяином М. Б. Эйтнером была вычищена до полнейшего безлюдия. Мое заключение продолжалось месяца три, а затем этапным порядком по всему дальнему пути меня отправили на родину к отцу до распоряжения московской жандармерии. Перспектива новых мытарств и этапных хождений ощутилась до того живо и осязаемо, что мне показалось более подходящим предупредить все это—самой уехать из деревни в Москву, а оттуда на время к брату в Румынию. В этой нищенски убогой стране тогда жила эмигрантская колония, среди которой еще не совсем угасли к тому времени планы овладеть „легально" островом Папиным на Дунае, защитным оружием охватить его кольцом и вести из этой небольшой, но неприступной крепости наступление на царское правительство всеми доступными средствами. Спасительные мечты, конечно, потом растаяли, оставив у многих светлое воспоминание среди „пошлости и скуки". В среде этих строителей пышных замков был и мой брат.

В начале 80 г.г., возвратясь из Румынии на север России, в феврале или марте, я заняла положение „хозяйки квартиры" народовольческой организации в Петербурге. Хозяином „стал" Н. И. Кибальчич и „бедная родственница" Л. А. Терентьева. Все трое мы составили фиктивную семью под фамилией Агаческуловых и Трифоновой, заняв квартиру на Подольской улице, д. № 11 *). Эта квартира не имела специального назначения, сюда приходили разные люди, центральные работники на ряду с приезжавшими провинциалами. В ней, между прочим, находилась небольшая типография, регулярно выпускавшая „Листок Народной Воли", прокламации партии. Прожив совместно срок, указанный Александром Михайловым, семья распалась по соображениям организационного характера. С октября 80 года до 2-го мая 81 по той же Подольской, но в № 41, проживала семья под фамилией Пришибиных — мужа с женой с родственницей Трифоновой. Эту в действительности фиктивную семью составляли М. Грачевский, П. Ивановская и Л. Терентьева. Помещение было предназначено исключительно для типографии со строго конспиративным характером. Работали по изданию партийного органа „Народная Воля". Расширенная типография, хорошо оборудованная, выпускала кроме народовольческой газеты прокламации Исполнительного Комитета, листки и прочее. Письмо Исполнительного Комитета к Александру III печаталось в этой квартире и было выпущено 12 марта 1881 года в количестве более 10.000 в раз. Вызванные 1-м марта колоссальные, ранее невиданные аресты произвели в рядах партийных работников и в самом центре партии глубокое опустошение. Кто оставался уцелевшим—уезжал вон из столицы. Наша квартира чудесным образом оставалась нетронутой, работа по печатанию продолжалась ровно до 1-го мая, когда в этот день Людмилу Александровну Терентьеву-Трифонову, случайно принятую за Кобозеву, арестовали на улице. Сделалось на другой день, т.-е. 2-го мая, неизбежным покинуть типографию со всеми в ней находившимися богатствами и перекочевать в Москву. Нанесенный в Питере удар партии „Народной Воли" все же не истребил всех составлявших ее членов, всего до основания центра. Избежавшие провала собрались в Москве. Явилась новая тайная типография вместо погибшей в Питере. Комитет начал выпускать очередные №№ „Народной Воли". Степан Халтурин завел широкую связь с кружками и группами рабочих, направляя их всею мощью своей души по пути объединения. Я присоединилась к работникам печати, посещала ежедневно устроенную на Солянке в доме Шильбаха типографию. Расширявшаяся деятельность в Москве потребовала устройства специальной квартиры,

*) На эту квартиру ходил рабочий Окладский. Когда он стал предателем, то рассказал о ней все, что знал. Между тем, паспортное бюро Нар. Воли считало документы Агаческулова и Трифоновой чистыми, и по ним жили Фриденсон (под им. Агаческулова) и Терентьева (под им. Трифоновой). По этим паспортным нитям Фриденсон был арестован в янв. 81 г., а выслеживание, вероятно, было причиной и др. наших несчастий.

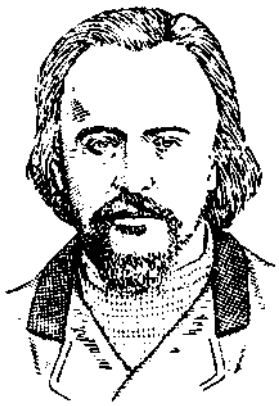
В. Фигнер.

предназначаемой для строго деловых свиданий. Она скоро была налажена с бездетными хозяевами мелкой мещанской семьи Харлампием Поддубенским и П. Ивановской; под какой фамилией мы жили, — не помню. Квартиру эту часто навещали Тихомиров и Ю. Богданович. Однако, такая работа,—работа нового расцвета, имела короткий день. Внимание охранки скоро повернулось лицом к Москве. Весною 82 г. начались в ней или, вернее сказать, продолжались петербургские обыски и аресты. Первым был арестован Буланов; 6 февр. Стефанович, пришедший на квартиру Буланова, 10-го марта 82 г. был арестован Богданович; Оловенникова — Ошанина (Баранникова) скрылась с квартиры, а затем арест за арестом пошли повсюду. 23-го марта т. г. взята была квартира И. В. Калюжного и Смирницкой с большим количеством паспортов, печатей и др. бумаг. На углах улиц близ дома расположения типографии сновали мрачные тени, омерзяя наш уединенно тихий уголок, но это еще не было их полной победой, — они являлись только указателями катастрофического положения для печати. Необходимо было быстрее свертывать работу, ликвидировать все дело, но на самый короткий срок, чтобы перенести в другое, более спокойное место.

Комитет решил возобновить издательство в другом городе, и выбор его пал на Ригу. Вдвоем с Чекондзе мы повинны были, согласно желанию партии, ехать туда для постановки тайной типографии и скорейшего возобновления изданий. Чекондзе по дороге свернул в Вильну, чтобы оттуда забрать весь необходимый материал, умелых наборщиков и весь этот груз привезти в Ригу, в заранее приготовленную квартиру. Работники действительно собрались на место, ждали шрифт и прочие нужные для работы вещи, когда вдруг дошли тревожные вести о новом погроме, погребшем июльскими арестами в Петербурге все слабые остатки когда-то могучей организации Народной Воли. Тогда-то поехавший в Питер Чекондзе за деньгами, не хватавшими на выкуп шрифта, попал в западню, а с ним погибли адреса у кого хранились типографские принадлежности. Требовалось решение, как дальше поступить: прикончить ли весь проект с устройством типографии. Сообща с двумя партийными друзьями было решено, пока что, прикончить начинание, взятых на работу — распустить. В Витебске, где ждали засевшие в номерах работники и хозяева рижской квартиры, произошло решение иного рода. Едва я переступила порог помещения поджидавших работников, как в дверь шумно ввалилась полиция. Вся наша компания была арестована.

В Витебском остроге чуть не пропала от голода, только вниманием уголовных продержалась до желанной отправки в Петербург. Здесь меня встретил Судейкин, повел продолжительный разговор, кончившийся приказанием отвести меня в одиночную камеру. Судилась в 83 году с 25-го марта по 3 апреля Судебной Палатой с сословными представителями по процессу „17-ти народовольцев", связанному с событием 1-го марта 81-го года. Приговоренная к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, непризрачно прикоснулась ненадолго к мрачному жестокому режиму Петропавловской крепости. Через $3^1/_2$ месяца была отправлена на Кару Забайкальской области отбывать каторгу, а кончала ее в Акатуе. В 98 г. в конце октября вышла на поселение в Баргузинский округ, где оставалась 4 года. В 1902 г. была переведена в Читу, из которой через год бежала с понятным чувством и мыслями—если не работать „во всю", то хотя бы ближе подойти к жизни, присмотреться к новому течению. Очутившись в столице, я вошла в боевую организацию партии социалистов-революционеров, участвовала в достижении подготовлявшегося тогда убийства Плеве. Конец этого дела дал мне некоторое удовлетворение тем, что он, взявши столько жертв, наконец был приведен к неизбежному, всеми желаемому концу.

Возвратилась в 1905 г. после небольшого отдыха за границей с выработанным, обдуманным во всех деталях планом и твердым желанием взять на свои старые плечи ношу менее тяжелую. Но жизнь шире и глубже всякого теоретически умного и ясного построения,—все норовит по-своему загнуть в сторону, своротить с намеченного пути. Временный отъезд Савинкова за границу, последовавший затем взрыв в гостинице „Бристоль" с гибелью Леопольда Швейцера— главного руководителя северной организации после Савинкова, поставил в неизбежность кончить во что бы, то ни стало последний акт — покушение на дядю царя, Владимира, министра Булыгина, Трепова и Дурново. Чуть не в самый канун покушения вся боевая организация была выдана Татаровым. Каким-то самым неожиданным образом он появился в Питере, прибыв из Иркутска и получив здесь полное доверие. 11-го февраля в Сестрорецке арестовали Маркова, а в ночь с 28-го на 1 марта произошел взрыв при заряжении бомб, погубивший Швейцера. 16-го марта была снесена Б. О. вся без остатка. В числе многих и многих арестованных очутилась в тюрьме и Мария Григорьевна Нежданова. На утро газета „Новое Время" услужливо сообщила незначительные подробности арестов и уже мою родовую и по мужу фамилию. Она была воспроизведена без ошибки. Держанию меня в крепости препятствовала почти отнявшаяся рука и твердое отстаивание доктора против перемещения в крепость. Так я и



КОВАЛИК С. Ф. (1845-1926).

осталась в Доме предварительного заключения—„курортом Д. П. З." называли он между заключенными—до 28—29 октября. Амнистия меня не коснулась, я без малого две недели оставалась одна в Д. П. З., и только настойчивый напор „Всесоюза" (Союз Союзов) раскрыл мне двери тюрьмы.

Я вышла тогда, когда самый высокий вал революции 1905 г. пошел на слишком заметную убыль. Впрочем, Совет Рабочих Депутатов, возглавляемый Носарем-Хрусталевым, еще существовал, но и в нем уже была заметна щерба. В президиуме ярко выделялась Вера Засулич, всегда восторженно встречаемая рабочими. Появление упадка революционного настроения резче всего сказывалось в окончательном провале третьей забастовки и, наконец, в неприостановке поездов по Николаевкой дороге, когда шла отчаянная битва на Пресне. Волна пошла на низ, — это ясно было, ее понижение отражалось на каждом. С нерадостным настроением я с сестрой уехала из Петербурга в деревню. Из Москвы шел первый выпущенный после восстания поезд, при самой тяжелой обстановке. Всюду щетиной блестели штыки, сновали, громыхая саблями, офицеры. Личные обыски на вокзалах и в поездах тогда прекратились уже. Полное усмирение Пресни вызывало у общества глубочайшее презрение к „героям внутренней победы". В вагонах стояла жуткая тишина, перепуганный пассажир угрюмо молчал. На станциях носильщики, весь низший персонал скоплялись в тесные кружки, шопотом обмениваясь о чем-то важном и значительном, при этом печально качали головами. На станции Голутвино по Рязанской ж. д. не смолкли еще звуки залпов: там кончались расстрелы, без разбора, каждого, на кого указывал перст негодяя.

В Саратовской губернии, куда мы приехали, я принимала пассивное участие в выборах в 1-ю Думу 1906-го года.

В 1907 году начальство вспомнило обо мне, намеревалось предать суду за побег из Сибири. Полиция явилась к Влад. Галакт. Короленко, в семье которого я тогда жила, чтобы подвергнуть меня аресту, но, заметив сделанный мне знак, я ушла черным ходом,— несомненно было, что за побег назначат трехгодичную каторгу.

На этом пока остановлюсь. О жизни и работе уже при новом общественном строе вряд ли есть надобность сейчас говорить.

Ковалик, Сергей Филиппович *).

Я родился 13/25 октября 1846 г. Отец мой, сын казака Полтавской губ. Зеньковского уезда, кончил военную школу в Петербурге, был патриотом и „верноподданным", тем не менее обскурантом он никогда не был и ко всем реформам, включая и освобождение крестьян, относился сочувственно.

При выходе в отставку он купил небольшое имение в Могилевской губернии Чериковского уезда, в котором числилось около 100 — 150-ти душ крепостных крестьян. Крестьяне, вообще, относились к нему довольно хорошо.

Мать моя умерла от родов, когда мне было всего два года, так что до своего поступления в корпус в 1856 г. я был исключительно на руках отца—ни матери, ни бабушки я не знал. Отец мой тоже относился ко мне мягко и любовно, никогда не бил меня, и по времени, когда я рос, я представляю собой редкий экземпляр человека, которого ни разу в жизни не коснулась чужая рука. Даже в корпусе как-то случилось так, что меня ни разу не высекли и не побили ни начальство, ни товарищи.

Мне пришлось провести в кадетском корпусе, до преобразования, семь лет и один год, после преобразования, в военном училище. Корпус, в который я поступил, все время странствовал — его переводили из одного города в другой. Он назывался сперва Брестским, по месту своего нахождения, затем Александровским-Брестским и, наконец, просто Александровским. Я приехал в корпус, когда он находился в Москве, затем нас перевели в Вильно и в 1863 г. в Петербург. В это время происходило преобразование корпусов в военные гимназии с выделением двух специальных классов во вновь открываемых военных училищах, куда я и попал. При моем поступлении в корпус, там держалась еще нарушимо старая „николаевская" дисциплина. Воспитатели были большей частью мало образованные офицеры. По субботам назначались сечения розгами за неуспехи в науках и разные проступки. Особенно свирепым мы считали командира младшей (нерангированной) роты, шведа Гренквиста. Года три он допекал нас, как мог, но потом с ним произошла какая-то радикальная перемена—он стал самым гуманным из нашего начальства. Повидимому, и его коснулись веяния будущих шестидесятых годов. В детских годах я не был шаловлив. Ротный командир почему-то не издевался надо мною, а товарищи относились ко мне хорошо и не требовали моего непременного участия в их проделках. В корпусе, во время нахождения его в Бресте, было много кадет поляков. С переездом в Вильно опять стало поступать несколько больше поляков, чем в Москве, так что в общем число их равнялось числу русских кадетов. Обе национальности хорошо сжились между собою, так что между ними никаких

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Минске. 26/IV—1926 г. С. Ф. скоропостижно скончался от артерио-склероза, которым давно страдал.

недоразумений не происходило. Во время нашего пребывания в Вильно сменили директора корпуса на более мягкого, хотя и не любимого нами. Среди остального начальства и учителей стали появляться отдельные личности, слегка затронутые веяниями шестидесятых годов. К нам, неизвестно откуда, эти веяния тоже частью проникали. В 1861 или в 1862 г. у нас образовался небольшой кружок самообразования. По вечерам мы, члены кружка, и все, кто пожелает, собирались для чтения книг и журналов. Во главе кружка стоял уже взрослый кадет Литвинов, назначенный в мою роту унтер-офицером или чуть ли не фельдфебелем. Он уже был тронут настроениями того времени и старался вести наши чтения и беседы в духе настоящего самообразования. Потом мне в 1864 г. пришлось встретиться с ним в Петербурге. Он, хотя и был еще в Артиллерийском училище, ходил в красной рубахе и вел самые революционные речи. Во время затишья самого начала 70-х г. я разыскал его в Петербурге. Он был воспитателем в Пажеском корпусе и уже не интересовался никакими общественными вопросами. Ко времени польского восстания в 1863 г. нам удалось один или два раза прочесть выходившие тогда в Петербурге прокламации, и мы все более и более проникались, если не революционными, то оппозиционными идеями. Начальство, повидимому, стало подозревать о нашей неблагонамеренности и, как будто, хотело что-то предпринять. Мы тогда образовали небольшой кружок, с целью сопротивления и борьбы с начальством. Это был своего рода „террористический" кружок, но ничего не пришлось ему предпринять. Польское восстание не вызвало у нас никаких сколько-нибудь крупных откликов. Только один кадет, Станкевич, из отпуска не вернулся в корпус, а примкнул к восстанию. Однажды, во время проезда мимо наших окон генерала Ганецкого, одного из усмирителей восстания, мы стали кричать в окно „дурак". Эта история для нас кончилась ничем, так как начальство не могло разыскать, кто кричал.

В 1863 г., опасаясь польского восстания, нас таинственно, ночью, вывезли из Антоколя—так называлось место около Вильно, где мы помещались—под большим конвоем солдат, посадили в вагоны и увезли в Петербург, где осенью меня определили во 2-й специальный класс Павловского военного училища.

Находясь в училище, я встретился с бывшими кадетами разных корпусов. Познакомившись с ними, я вывел заключение, что более выдающиеся личности попадались из тех корпусов, преимущественно провинциальных, где дело воспитания было поставлено хуже всего. Очевидно, в то время, под влиянием доходивших до нас идей, мы сумели путем самообразования достигнуть того, что оказалось невозможным для петербургских товарищей.

В училище нам разрешалось несколько раз в неделю уходить в город к родным и знакомым. Несколько человек из моих старых товарищей наняли в Петербурге небольшую комнату, накупили разных дешевых приборов и химических веществ и занимались там химией. Опыта у нас было мало и однажды, при взрыве стеклянного сосуда, я чуть не потерял глаза. Кроме занятий в нашей лаборатории, мы посещали также знакомых в городе и понемногу входили в курс движения 60-х годов. Пробыв год в училище, я должен был выйти в армию офицером, но мне хотелось поступить в университет; директор училища, известный Ванновский, в виду особой просьбы сестер, указывавших на то, что я нужен в доме для ведения хозяйства, согласился освободить меня от военной службы и выпустить из корпуса с чином губернского секретаря.

В том же 1864 г. поступил вольнослушателем в Петербургский университет, а в следующем году должен был держать экзамен по всем гимназическим предметам, чтобы иметь право перечислиться в студенты. Гимназический экзамен я сдал в Могилеве. С гимназическим аттестатом я перевелся из вольнослушателей в студенты, но мне трудно было платить за слушание лекций, и потому я скоро опять записался вольнослушателем по двум или трем предметам, что выходило гораздо дешевле. В университете я избрал математический факультет. К математике я был всегда способен и еще в корпусе ознакомился с высшей математикой, которая там не преподавалась. Поэтому учиться в университете мне было легко и я редко посещал лекции. Свободное время я использовал для занятий в Публичной библиотеке, где я читал книги по физике и химии, главным образом. Между прочим, я узнал, что в то время еще не было известно, в каких случаях в гальванической батарее может получиться разная сила тока при трате одной частицы химической материи. Я долго думал об этом вопросе и составил собственную теорию, дававшую возможность по химическому составу тел определить силу тока. Теория моя, конечно, не была вполне научно обоснована и не была бы принята, если бы я ее опубликовал, но я упомянул о ней более для характеристики профессуры того времени. Я познакомил с ней одного профессора в Киеве, где я сдавал кандидатский экзамен, и он нашел, что я плохой математик, и несмотря на то, что я хорошо выдержал экзамен по физике, общей и математической, которую я особенно основа-

тельно знал, поставил мне по первой — 5, а по второй — 4. Как ни была плоха моя теория, но я все же и теперь думаю, что она представляла небольшой шаг вперед в науке тогдашнего времени.

Впрочем половину или больше времени, свободного от посещения лекций, я тратил на ознакомление с тогдашней жизнью молодого поколения и с новыми идеями того времени. Уже тогда образовались особые радикальские кружки в разных городах, но они очень мало занимались практическою работою в революционном духе, и я в то время ими мало интересовался. После польского восстания в 1863 г. движение 60-ых годов, как мне казалось, начало утрачивать свою яркость. Одну из главнейших причин этого я видел в том, что молодежи пришлось окончательно решить вопрос, на чью сторону она должна встать,—на сторону ли поляков, желающих завоевать свою свободу, или вместе с русскими, настроенными патриотически против поляков, не давать повстанцам возможности убивать своих сограждан, служащих в действовавших русских войсках. Молодое офицерство уже заколебалось и, несмотря на свои часто ультра-радикальные взгляды, не решилось изменить присяге, т.-е., им казалось, своему отечеству. Я не скажу, что этот конфликт мнений проявлялся вполне ясно, но дело походило на то, как во время войны с Японией, когда социалистические партии решали, что это война не наша, а русского царя, некоторые же из радикалов и даже социалистов, быть может после более или менее долгих колебаний, решили не уклоняться от войны и тем не дать возможности японцам громить Россию. Разумеется, кроме указанной, были и другие причины ослабления радикально-революционного духа среди интеллигенции. Во всяком случае к началу семидесятых годов уже замечается упадок в настроении русской интеллигенции.

В 1868 г. я, желая главным образом переменить место, отправился в Киев и там записался вольнослушателем в Киевский университет, а в 1869 г. выдержал экзамен на степень кандидата математических наук. Не успев получить диплома, я и некоторые другие бывшие студенты Киев. унив. получили предложение управляющего акцизными сборами Волынской губ. поступить к нему на службу, как нам было известно, для искоренения, главным образом, взяточничества среди чиновников. Я принял предложение и занял должность помощника надзирателя в Старо-Константинове. Но так как мысли мои были заняты общественными вопросами, то я по истечении годичного срока службы вышел в отставку.

Упадок активности среди интеллигентной молодежи для меня тогда представлялся вполне ясным, и я очень обрадовался, встретив Ивана Дебогория-Мокриевича, брата известного революционера Владимира, который собирал молодых людей для переселения в Северо-Американские Штаты и насаждения там коммунистической жизни. У нас было несколько собраний, на которых обсуждался вопрос об образовании нашей коммуны, и выделены были три делегата: Мачтет, будущий писатель, Речицкий, бывший революционер 60-ых г., и учитель гимназии Романовский, которые должны были немедленно ехать в Америку и искать место для коммуны. Они отправились сразу в малонаселенные западные штаты, но там с ними произошло несчастие. Пробуя свои ружья, кто-то, Мачтет или Речицкий, кажется последний, как-то тяжело ранил Романовского. Американская община, куда они явились после выстрела, судила их, но оправдала и даже несколько дней под-ряд приглашала их в свои дома. Романовский же вскоре после ранения умер.

Описанное событие, может быть, было последним ударом, по кружок наш, заметив некоторое оживление в интеллигенции, стал сомневаться в пользе переселения в Америку и, мало-по-малу, всем своим составом перешел на революционную работу в России. В последнее время существования кружка, еще до распада его, я был избран Мглинским земством Черниговской губернии мировым судьей, а затем судьями — председателем съезда мировых судей и месяцев восемь исполнял эти новые обязанности до получения бумаги о неутверждении меня Сенатом в должности мирового судьи. Предоставило мне эту должность только что вновь избранное, по инициативе Байдаковского, крестьянское земство, сменившее прежнее крепостнического направления. Уже самый выбор меня вызвал подозрения крепостников, а затем характер моего „судейства" вызвал еще большее раздражение с их стороны. Однажды ко мне пришли несколько крестьян жаловаться на одного ростовщика-еврея, что он вторично взыскивает с них долг, уже не на основании их первоначальных расписок, а по мировой записи, заключенной у крепостника-судьи, моего предместника, по которой они соглашались уплатить ему в общем порядочную сумму. Я сначала недоумевал, что могу сделать против мировой сделки, заключенной у мирового судьи и потому не допускавшей по закону свидетельских показаний для ее опровержения. Но, рассмотрев дело, я увидел, что не было никакого искового прошения со стороны истца, а просто он и ответчики заключили, вместо крепостного акта, сделку в суде. Поэтому я вынес решение, что в законе не указаны, как неопровержимые документы, равные нотариальным актам, сделки за подписью мирового судьи, и потому должны быть

допрошены свидетели, как это было бы сделано в случае простой, никем не засвидетельствованной расписки. Свидетели показали, что долг крестьяне уже заплатили и потому я отказал в иске ростовщику. После этого у крепостников поднялся шум против меня, как человека, отменяющего решения мирового судьи, якобы законно составленные. Мировой съезд, в который была подана апелляция ростовщика, согласился с моим решением, но это не примирило со мной крепостников.

Кроме исполнения своих судейских обязанностей, я, живя во Мглинском уезде, пробовал устроить несколько пунктов для пропаганды среди крестьян. Предварительно я отправился в Петербург, где по случаю такого редкого явления, как судья — революционер, собралась сходка тамошних радикалов, среди которых находился и Долгушин. Он рассказал мне, что у него есть кружок, который имеет в виду поселиться среди крестьян для пропаганды революционных идей. Уже в то время Долгушин был таким же революционером-народником, как два—три года спустя тысячи молодых интеллигентов, вошедших в так наз. большой процесс, или процесс 193-х. Я обещал Долгушину подготовить для него в Мглинском уезде подходящие места и успел найти вскоре одно, но у Долгушина было мало людей, и потому никто не приехал.

Оставив судейскую должность, я, кажется, в 1871 г. переехал в Петербург. Вскоре там был объявлен конкурс на должность профессора математики в Институте Путей Сообщения. Я подал соответствующее заявление. Мне сказали, что я должен буду прочесть две пробных лекции — одну на заданную тему, другую на свою. Я подготовился, но узнал, что кроме меня и Поссе, кандидатов математического факультета, заявили желание занять должность несколько профессоров, от которых не требовалось прочтения пробных лекций. Я уже начал сомневаться, стоит ли итти на испытание, но все-таки пошел. У стола сидело несколько профессоров и директор института, все, мне показалось, глубокие старики. Один только кивал мне головой, когда я прочел первую лекцию на заданную тему, остальные же как будто относились безучастно. Я решил, что у них уже есть намеченный кандидат из бывших профессоров, и отказался читать лекцию на свою тему. Оказалось, что я ошибся—назначен был профессором Поссе, который, вполне возможно, был способнее меня, но соревнования которого я не боялся. Владимир Дебогорий-Мокриевич в своих воспоминаниях посвятил мне несколько строк или даже страниц и, рассказав о том, что я готовился занять кафедру, добавил, что теперь, увлекшись революционной деятельностью, я бросил всякую мысль о профессуре. Но и он ошибся. Я, действительно, никогда не думал после этого о профессорской деятельности, но, уже после революции в 1917 г., мне предложили читать лекции по высшей математике в г. Минске в Политехническом институте, ныне закрытом, и я согласился, после чего ректор Ярошевич отметил ошибку Мокриевича.

Я еще потому так легкомысленно отнесся к своей пробной лекции, что я в то время интересовался политическою деятельностью и искал соответствующих людей. М. пр., еще будучи председателем мировых судей, я выписал из Киева на должность секретаря съезда тамошнего радикала Каблица, который после моего неутверждения Сенатом также оставил службу во Мглине и тоже попал в Петербург. Здесь я с ним встречался, и мы обдумывали проект организации, которая занялась бы цареубийством и имела бы достаточно сил, чтобы после удачного или неудачного покушения могла бы повторить его. Но тут вскоре началось стихийное движение революционного народничества, и я решил, что прежде всего надо дать этому движению оформиться, и всякая попытка цареубийства могла бы только повредить нарождающейся революционной организации.

С тех пор—с конца 72 или вернее с осени 1873 г.—я весь ушел в революционное движение. Сначала мы еще не имели сочинений Бакунина, трактующих об анархии, но я независимо от него пришел к мысли, что государство должно в конце-концов уступить место анархическому строению общества. В это время я встретился с Лермонтовым, ранее участником кружка Чайковского. Он хотел мне проповедывать анархию, но увидев, что в этом нет надобности, сразу предложил мне отправиться за границу к Бакунину и Сажину, которые заняты вопросом об организации русского движения и о проповеди в России анархии. Я и без того уже начал заниматься этим, поэтому согласился на предложение Лермонтова и в конце 1873 г. поехал к Бакунину. Я должен был ехать на виллу Бакунина через Цюрих, где познакомился с Сажиным и Ткачевым, последний также собирался к Бакунину, и мы поехали вместе. Я в Цюрихе встречался с Ткачевым у Петра Лавровича Лаврова и из некоторых фраз Ткачева заключил, что он хочет извлечь некоторую пользу для своего дела из знакомства с тогдашними лидерами народнической молодежи—Бакуниным и Лавровым. Бакунин очень хорошо принял Ткачева и, не встречая с его стороны возражений на высказываемые им мысли, расстался с ним, как с членом будущей анархической организации, и не мог предполагать, что Ткачев в своем „Набате" будет скоро отри-

цать анархическое учение. Бакунин говорил нам об организации анархической партии и предлагал нам, не обнаруживая этого в революционных кружках, фактически стать во главе движения. Об этом несколько ранее была речь у Бакунина с Дебогорием-Мокриевичем. Я, конечно, не возражал против мысли Бакунина, так как и независимо от нее задачей нашей в движении могло быть не что иное, как организация участников его, и я был доволен, что к этому привлечено уже несколько выдающихся людей. К этому времени образовалось уже несколько революционных кружков, кроме старых, как напр. Чайковского и Волховского.

Человеку, не участвовавшему в этом движении, трудно представить тот энтузиазм, с которым относилась к делу тогдашняя революционная молодежь. Движение носило вполне стихийный характер. Масса интеллигентной молодежи, после даже непродолжительного обсуждения задач времени, заявляли, что все они бросают университеты и пойдут в народ. Я помню случай, когда один студент, будущий член моего кружка, разговорясь со мною, просил дать ему совет, продолжать ли учение, или бросить университет и итти в народ. Я не хотел в таком важном вопросе навязывать ему свою идею и ответил несколько уклончиво: если вы еще не обдумали этого вопроса, то оставайтесь в высшем учебном заведении. Он, должно быть, всю ночь думал и на завтра с радостью объявил, что он решил итти в народ и бросить университет. К некоторым тогдашним кружкам уже присоединились по одному или по несколько рабочих и даже крестьян, с которыми ранее занимались старые радикалы и кружки в роде чайковцев, но в общем было заметно, что они не могут угнаться за быстрым течением движения и в нем играть сколько-нибудь видную роль, по крайней мере в первый период движения. Это и понятно. У рабочих тогда не было особого движения и тем более стихийного—оно наступило у них много позже (около 1905 г.)—поэтому часть рабочих даже отошла от движения.

Я не буду описывать народническое движение. Скажу только, что оно вспыхнуло с особенной силой осенью 1873 г., когда молодежь после летних каникул собралась в города, и что центром его был Петербург, Москва же, как и другие города провинции, получала толчек из Питера. В начале движения, среди его участников было много „лавристов", но вскоре анархисты взяли верх. Наиболее сильным кружком был кружок чайковцев, но в среде его были разногласия по вопросу об анархии и лавризме, так что он не стал во главе движения, хотя и сделал много для развития народничества; у него было больше, чем у какого-либо другого кружка распропагандированных рабочих, занятия с которыми чайковцы начали еще ранее движения. В 1873 г. движение сразу приобрело массовый характер и питалось местными силами, пользовавшимися, конечно, заграничными революционными изданиями, как „Государственность и анархия" Бакунина, „Исторические письма" Миртова (Лаврова) и пр.; имели значительное влияние и статьи Чернышевского, сосланного еще в 60-х годах, но современная журналистика не давала почти никакой пищи для движения. Участники его относились вообще отрицательно к методам Нечаева, осужденного в самом начале 70-ых г., и более всего боялись генеральства вождей кружков. Поэтому создать какую-нибудь крепкую организацию было невозможно. Правда, революционные кружки пробовали организовать орган, направляющий движение, в лице собрания представителей своих и в виде устройства кассы. Средства для нее давали чуть ли не гл. обр. фиктивные браки, благодаря которым женщины, получая приданое от своих родителей, передавали деньги в кружки. Перед отправкою в народ в 1874 г. решено было оставить представителей в Петербурге и по возвращении из народа, к зиме, созвать общее собрание для обсуждения достигнутых результатов и дальнейшего направления движения. Но это не удалось, потому что почти все пропагандисты в 36-ти губерниях были переарестованы, и собрания могли бы состояться только в тюрьмах.

Свою революционную работу я проводил, по возможности, в полном соответствии с духом времени и теми задачами, которые тогда выдвигались на первый план. Между прочим, тогда проводился лозунг—довольно вести пропаганду в среде интеллигенции, надо итти к рабочим и крестьянам. Я, как и большинство тогдашних революционеров, понимал этот лозунг в смысле главной задачи и продолжал пропагандистскую работу и среди интеллигенции там, где это было нужно для выполнения нашей главной задачи—движения масс интеллигенции в народ. Мне приходилось заниматься с отдельными рабочими и ходить к крестьянам в деревню.

Я организовал в Петербурге свой кружок из десятка лиц и попутно при поездке в Харьков другой кружок из харьковской молодежи, главным образом из семинаристов. История этого последнего кружка интересна тем, что дает яркое понятие о настроении тогдашней молодежи. В Харькове я разыскал студента, занимавшегося прежде распространением лучших книг, изданных в 60-х г., но уже несколько лет совершенно отставшего от всяких дел.

Я дал ему прочитать „Государственность и анархия", и на другой день он считал себя уже убежденным революционером. Я поручил ему собрать более выдающихся семинаристов, с которыми у него были связи. Он привел более десятка их и при мне, с небольшой поддержкой с моей стороны, стал проповедывать им революционные идеи. Одного такого собрания было достаточно, чтобы явившаяся к нам молодежь организовалась в революционный кружок и согласилась вносить в него небольшой членский взнос. Потом весь кружок был арестован.

Когда мы в 1874 г. двинулись в народ, я остановился на несколько дней в Саратове, где собирались члены моего кружка перед отправкой по деревням. Полиция уже начала зорко следить за революционным движением, и в мое отсутствие из квартиры, в которой остановились мои сочлены, там произведен был обыск, и арестованы все жильцы, так что на ночь я должен был устроиться у одного знакомого и сочувствовавшего нам учителя. Полиция и туда явилась, но я успел удрать через окно. Являлась необходимость скорее бежать из Саратова. Я направился в г. Николаевск Самарской губ., где, как мне было известно, предполагали заняться пропагандою в народе упомянутый выше Речицкий и Судзиловский, впоследствии гавайский сенатор. Они были рады моему приезду уже потому, что, проживая в глухом уездном городишке, они утратили связь с другими революционерами. Уже совместно со мною они стали обсуждать план будущей своей работы в народе, но и они уже были на учете полиции. Я успел сходить на несколько дней в ближайшие деревни, верст на 50, и когда вернулся к ним, узнал, что на днях мы должны быть арестованы. Вследствие этого я и Судзиловский отправились пешком до ближайшей почтовой станции на другом берегу Волги. При переправе на пароме нас нагнала полиция, ехавшая, чтобы нас арестовать, но нам удалось так хорошо изменить свой наружный вид, что полиция нас не узнала. Потом мы узнали, что Речицкий накануне нашей встречи с полицией был арестован и покончил самоубийством. После этих происшествий я отправился в Самару, где остановился на постоялом дворе, хозяин которого, по соглашению с Войнаральским, давал приют революционерам. В первую же ночь явилась полиция, нашла меня спящим на сеновале и арестовала. Она впрочем искала не меня, а кого-то другого. Вскоре после ареста я был отправлен в Самарскую тюрьму, а затем в Москву.

Нам долго приходилось ждать суда, до которого большинство подсудимых просидело около четырех лет в тюрьмах. Сначала прокурором, поставленным во главе дознания, Жихаревым, решено было производить самое дознание на месте совершения преступления, и меня начали возить по волжским городам, в которых я вел пропаганду, начиная с Ярославля. Я был доволен этим обстоятельством, так как приходилось путешествовать, хотя и под конвоем жандармов, и в местных тюрьмах разговаривать посредством перестукивания с товарищами. Но мне удалось только побывать в городах до Нижнего Новгорода включительно, так как потом начальство сознало безрассудность своего первого решения. Нас тогда пробовали сосредоточить в Москве, в тюрьме и при частях, но скоро перевели в Петербург и посадили многих, в том числе и меня, в Петропавловскую крепость. Там, несмотря на запрет со стороны начальства, мы перестукивались и переписывались в книгах, отмечая точками соответствующие буквы. Между прочим, я однажды прочел в книге запись Нечаева о том, что, он, чуть ли не с научными целями, пробовал в Алексеевском равелине, где он был единственным арестантом, голодать. В крепости нам давали с виду хорошую пищу, стоившую казне рубль в день на человека, но на меня эта пища оказывала вредное влияние. Запах грязной оловянной посуды был для меня до того отвратителен, что я ел пищу как можно скорее и чуть ли не затыкал нос. В результате у меня появилось какое-то болезненное состояние желудка, которое вскоре потом исчезло, когда меня перевели перед судом в Дом предварительного заключения на пищу общего арестантского характера. Там сидело большинство подсудимых, а ко времени судебного следствия и нас из крепости под большим конвоем перевели туда. Еще в крепости мы начали обсуждать наши будущие речи на суде. Еще при отправлении в народ на пропаганду некоторые из товарищей считали, что они идут не столько на пропаганду, сколько для ознакомления своего с народом, но тогда, при большом подъеме энтузиазма, это течение не было обширным. При выслушивании же проектов речей на суде во время нашего содержания в крепости, меня поразил умеренный характер большинства проектов. Поскольку можно было, я вел борьбу путем перестукивания с этим течением. Я находил, что главная наша задача была произвести государственный и общественный переворот, а пока он совершится, образовать крепкую партию социально-революционного характера. Но в крепости трудно было путем перестукивания достигнуть какого бы то ни было соглашения. Независимо от указанной главной мысли товарищей, думавших произносить речи на суде, между ними не могло даже установиться согласия в частностях, так

что я начинал прямо бояться речей участников процесса, если они будут произнесены на суде. В результате вышло бы, что гора родила мышь. Возможно, что я преувеличивал казавшийся разброд.

В Доме предварительного заключения, я с Войнаральским задумали побег, который с первого взгляда был совершенно невозможен в виду того, что на улицу нужно было выходить через несколько постоянно запираемых на ключ дверей, но мы скоро усмотрели слабое место. Наши окна выходили внутрь двора, а наружные окна здания без решеток выходили на улицу, так что тюрьма могла показаться прохожим обыкновенным домом в шесть этажей. Внутри первые четыре этажа имели со стороны улицы один сплошной коридор снизу до верху, а вдоль камер шли небольшие галлереи, по которым нас приводили и выводили из камер; но эти галлереи не доходили до наружной стены на улицу и были снабжены перилами, чтобы нельзя было упасть вниз. На третьем этаже в углу описанного коридора сделана была площадка для того, чтобы можно было подойти к наружному окну, выходящему на улицу. Окно было всегда заперто на ключ, хранившийся у старшего надзирателя. Этим окном мы с Войнаральским и думали воспользоваться для побега с помощью подкупленного надзирателя, но на первый раз мы хотели бежать через окно нижнего этажа, так как, кроме нас двоих, сначала предполагалось выпустить еще 5 товарищей, в том числе Кропоткина и Тихомирова. У меня и Войнаральского форточки в дверях были все время открыты, так как доктор признал, что нам мало воздуха, и у нас был ключ, украденный надзирателем, нашим сообщником; этим ключом можно было изнутри камер через форточку отворить дверь. Достаточно было одному Войнаральскому выйти из камеры и он мог своим ключем открыть камеры предполагаемых беглецов. На наше несчастье, усыпленный ранее старший надзиратель проснулся и увидел семь арестантов, готовившихся уйти через одно из предварительно открытых окон в нижнем этаже. Моментально, пока он не поднял тревогу, мы предложили ему получить 500 рублей, уплату гарантировал его товарищ, младший надзиратель, и он запер нас всех по камерам и о побеге не донес. По смерти моего отца, из опасения секвестра было продано его имение Сватковичи. Полученные деньги были употреблены на расходы по побегу и другие революционные дела.

Второй побег мы задумали совершить через вышеупомянутое окно в третьей галлерее и уже только вдоем—я и Войнаральский. Дело было в начале апреля 1876 г. Мы хотели уйти ранее, в марте, когда ночи в Петербуге были еще темные, но никак не могли дождаться, пока надзиратель, сидящий на другой площадке третьей же галлереи, заснет. Наконец, мы дождались этого, когда уже ночи начали светлеть; мы с Войнаральским отперли свои двери — одну настоящим, украденным ключем, а другую, кажется, поддельным и на сшитых полосах простынь спустились прямо на улицу, где не было никакого конвоя. Но на нашу беду проезжал во время нашего спускания из окна инженер Чечулин, последний поднял тревогу, и нас городовые сняли с извозчика, собиравшегося уже везти нас. С воли каждый день подъезжала лошадь, но не дождавшись нас, пока было темно, уехала домой. Чечулина с нами повели в часть, и он дорогой стал просить у нас прощенья, говоря, что он считал нас уголовными, если же бы знал, что мы политические, то, напротив, помог бы нам. Веря ему на половину, я хотел убедиться, что он действительно готов помочь нам и дал ему настоящий ключ от камер, чтобы он выбросил в уборную. Проследив за ним, я убедился что он исполнил это; тогда я ему дал адрес людей, помогавших нам с воли, и просил предупредить товарищей, что мы пойманы и пока не будем делать попыток к побегу. Он добросовестно выполнил поручение. Побег наш дал мне идею для шалости с прокурором, вызвавшим после нашей поимки меня на допрос. На вопрос, как и почему я бежал, я ответил: „по вашему совету" и напомнил ему, как однажды, тоже на допросе, он говорил о моем положении, как будущего каторжника, и заметил, что на моем месте он все бы думал о побеге. После моих слов он, видимо, перепугался, боясь, что я запишу их в протокол, но я успокоил его, что это шутка.

Вскоре после попытки к побегу меня и Войнаральского увели в крепость, а ко времени суда опять привели в Д. П. З., откуда мы ходили в суд по прямому коридору, не выходя за стены тюрьмы. Суд начался, кажется, в ноябре 1877 г. Еще до суда мы открыли общие собрания всей мужской половины тюрьмы. Несмотря на холод, мы выставляли окна, если хотели побеседовать с товарищами, а во время собраний все до одного стояли у открытых окон. Чтобы устроить какой-нибудь порядок на собраниях, избран был председатель. Честь эта досталась мне, если не по заслугам, то по удобству моего положения. Я сидел в небольшом отделении тюрьмы, и потому мой голос слышен был в остальных двух больших стенах тюрьмы. Перед судом продолжалось обсуждение нашего поведения в залах суда, но особенно энергично мы принялись за эти обсуждения, когда началось судебное следствие, и Сенат, судивший нас, вынес постановление, что

следствие будет происходить по группам, общим числом до 20. Я попал в несколько групп, но были и такие подсудимые, которые принимали участие только в одной группе. Так как всех нас судили, якобы вследствие того, что все мы были участниками одного тайного общества, организованного четырьмя лицами *), то указанное распоряжение суда делало для нас невозможным участвовать во всех перипетиях судебного следствия. Защитник Спасович первый указал суду на этот юридический абсурд и внес свой протест, но суд остался при своем мнении. Когда мы пришли в камеры, то в тот же день началось обсуждение этого вопроса в общем собрании. Решено было заявить публично, что мы не признаем такого суда и отказываемся давать какие-либо показания и вообще участвовать в суде. Такую формулу должен был произнести каждый участник протеста в ответ на вопрос, признает ли он себя виновным. Желающим предоставлено было право участвовать в суде, но таких оказалось не много. Между прочим, даже протестанты одобрили желание одного киевлянина участвовать в суде, с целью показать нелепость утверждения обвинительного акта о безнравственном поведении членов киевской коммуны, которые, по словам обвинителя, спали в повалку, при чем чередовались мужчины и женщины. Лично я был очень доволен полученным результатом, так как масса защитительных речей внесла бы большую путаницу в выяснение общего характера дела. Я и некоторые мои друзья только задумывались о том, кто и как должен выяснить публично на суде характер нашего дела при создавшемся положении. Но исход, к счастью, очень скоро нашелся. Подсудимый Мышкин, решив в ответ на вопрос о виновности сказать целую речь, обратился ко мне и некоторым другим товарищам с просьбою сообщить ему конспект его будущей речи. Я написал ему свое мнение о том, что наша деятельность создала в России социально-революционную партию, которая, что бы ни делало правительство, поведет с ним героическую борьбу за народ. Мышкин согласился с моей мыслью и на вопрос о виновности произнес сильную речь, произведшую громадное впечатление в тогдашнем обществе. Несмотря на частые перерывы со стороны председателя, он сумел высказать все, что было нужно. За эту речь он был признан судом одним из четырех руководителей нашего процесса. После произнесения речи мы заставили Мышкина повторить ее на нашем собрании и рукоплесканиям и восторгам не было конца. После каждого заседания суда мы собирались у своих окон и выслушивали все, что происходило на суде. Тех, кто заявил протест против суда и отказ давать показания, уже больше не вызывали в суд, и некоторых, в том числе и меня, перевели в крепость. Суд окончился в январе 1878 г.

После тех протестов, которые вначале процесса предъявляли подсудимые и защитники, все ожидали сурового приговора, но ко времени его вынесения несколько усилилось либеральное течение по случаю своего рода патриотической войны с Турцией, тогда только что окончившейся. Течению этому, повидимому, не был чужд и сенатский суд, который вынес неожиданно мягкий приговор. По обвинительному акту можно было ожидать, что половина подсудимых будет лишена всех прав состояния, а оказалось, что половина судившихся совершенно оправдана, и к каторге присуждено 13 человек, 12 мужчин, в том числе и я, и одна женщина — Брешко-Брешковская. Кроме того, суд ходатайствовал перед царем о замене каторги поселением в виду долговременного предварительного ареста. У меня считался защитником Евгений Утин; он в виду моего протеста с отказом от суда не выступил в защиту меня, но приходил ко мне на свидания в камеру на правах защитника без посторонних соглядатаев. Однажды он пришел ко мне и сразу бросился на шею. Будучи в большом волнении, он сообщил мне радостную весть об оправдании Веры Засулич, стрелявшей в Трепова. Он относился ко мне очень хорошо, как по званию либерала, так, может быть, еще и потому, что я составил ему своего рода протекцию для выступления на суде после наших протестов. Я рекомендовал его в защитники одного из киевлян, и он блестяще опроверг инсинуацию прокурора на счет киевской коммуны.

Ходатайство суда перед царем об облегчении приговора касалось многих подсудимых, и до разрешения вопроса царем мы оставались в неопределенном положении и продолжали сидеть в крепости и Д. П. З. Царь, вероятно, колебался, но потом, после выстрела Веры Засулич, отказал в замене каторги поселением и только велел зачислить нам в срок каторги и время, проведенное в предварительном заключении. Только один Мышкин, которого Сенат исключил из своего ходатайства за выстрел в казака в момент ареста, был сейчас же отправлен в Новобелгородскую Централку, а мы продолжали сидеть в крепости, где добились разных льгот, главное — совместных прогулок и свиданий с родными и знакомыми. После решения царя по поводу ходатайства суда о смягчении наказаний, нас скоро стали отправлять—одних в Сибирскую каторжную тюрьму на Кару, а четы-

*) Войнаральский, Мышкин, Рогачев и я.

рех человек—меня, Войнаральского, Рогачева и Муравского—в Ново-Борисоглебскую Центральную каторжную тюрьму, находившуюся около села Андреевки Змиевского уезда. Во время судебного процесса ожили даже такие участники его, которые под влиянием длительного тюремного заключения начинали падать духом. Процесс и особенно речь Мышкина были горячо восприняты революционною и даже радикальною молодежью. На одной из студенческих сходок принято было решение вступить в социально-революционную партию, о которой говорил Мышкин. Этот термин был употреблен в предвидении, что партия может менять свои названия и, частью, даже задачи. Конечно, мы не верили, чтобы студенчество могло поголовно вступить в партию, но во всяком случае такая решимость доказывала, что революционное движение идет вверх. Мы, сидевшие в крепости, во время процесса имевшие частые сношения с волей, конечно, тоже оживились и ехали в каторжные тюрьмы в приподнятом настроении. По дороге из Харькова в централку была сделана попытка освободить одного из нас, кого повезут в день покушения. Случилось так, что ехал самый слабый физически—Войнаральский, которого во время покушения прижали жандармы, и он не мог выскочить, чтобы броситься к повозке, которая была у покушавшихся. Дело кончилось тем, что была ранена одна из лошадей, везших Войнаральского. Этот случай не мог уничтожить нашего приподнятого настроения. Вскоре к нам привезли Сажина. Нас посадили по одиночкам, так что первое время сношения были затруднительны. Отношение к нам начальства было более или менее корректное и совсем не походило на то, что пришлось перетерпеть товарищам в другой централке, среди которых находился и Мышкин. В общем тюрьма, в которой нам предстояло прожить многие годы, производила впечатление могилы. Стояло единственное здание в поле, окруженное высокою каменною стеною. На прогулках каждый из нас видел только уголовных, с которыми мы не могли разговаривать. Всякие возможные даже в тюрьмах развлечения отсутствовали, книг почти никаких не было, кроме одного или двух духовных журналов и евангелия или даже, может быть, библии.

Сидя в разных тюрьмах, я наблюдал случаи, когда заключенный пытался проверить, не было-ли ошибок в прежней деятельности, не только лично его, но и партии. Иногда,—конечно, редко — дело кончалось созиданием для будущего какой-нибудь новой программы, не находящей большей частью ни одного последователя. Я был всегда противником таких новых пророков. У нас в централке начался несколько подобный процесс с самым старшим из нас—Муравским, или, как мы называли его, отцем Митрофаном. Он почувствовал потребность веры и создал целую религию с богом во главе. Он нашел некоторый отклик у двоих товарищей, Войнаральского и Рогачева, особенно у последнего, мы же с Сажиным были противниками. Наш тюремный священник благоговел перед Муравским и, когда он умер, на похоронах сказал перед уголовными арестантами, что умерший — святой, которому нужно помолиться, чтобы он и нам приуготовил царствие небесное. Жизнь наша в централках уже не раз описывалась, и потому я не буду о ней распространяться. *)

Осенью 1880 г. начальство признало, что централки оказывают вредное влияние на наше здоровье, и потому решили перевести нас в Сибирь на Кару, но предварительно препроводили нас в Мценскую пересыльную тюрьму, где мы отпраздновали 1-е марта 1881 г. и с открытием навигации поехали в Сибирь. Путешествовали мы долго, потому что по этапным правилам мы должны были проходить 25 верст в день и через двое суток в третьи дневать на этапе. В Иркутске мы остались до санной дороги и приехали на Кару зимою. В Иркутске на моих руках умер мой товарищ (судился по делу Долгушина) и друг Лев Дмоховский. На похоронах его Мышкин сказал речь, за которую был осужден, кажется на 20 лет сверх 10, назначенных первым приговором по большому процессу **). Здесь посещение церкви стоило ему 20 лет тюрьмы, а ранее в Централке он в церкви ударил смотрителя тюрьмы по лицу и вместо наказания получил выгоду: его признали невменяемым и перевели в сильно нервном состоянии к нам, где он довольно быстро оправился.

Карийская тюрьма до Шлиссельбурга играла значительную роль. В известном смысле это было высшее учреждение, к голосу которого, если он доходил до других тюрем и городов, прислушивались революционеры. До нашего прихода она была более всего населена одесситами, которых без всякой церемонии предавал суду Панютин под прикрытием ген. Тотлебена, пользовавшегося недурной репутацией за свою военную службу. Мы же явились представителями процессов Долгушина, 50-ти и большого 193-х. Нас поразил первый вид заключенных, когда мы вошли в тюрьму. Можно было подумать, что они поте-

*) См., м. пр., мою статью в № 4 (11) журн. „Каторга и ссылка", 1924 г., а также статьи в „Былом", 1906 г., октябрь, ноябрь и декабрь, под псевд. „Старик".

**) На 15 лет.

В. Фигнер.

ряли веру в свою дело и поэтому страдают. Но оказалось, что ничего подобного не было. Они разделились на две группы: одна стремилась к побегу через подкопы, а другая доживала свои сроки. Но это вызывало обостренные отношения. На Каре до нашего приезда был повешен тремя лицами из готовившихся к побегу нечаевец Успенский. Его заподозрили в освещении перед начальством, во время свидания с женою, подробностей побега и, главным образом, рытья подкопа из двух камер. Сами карийцы заметили большую разницу между нами, только что пришедшими в тюрьму и отъевшимися и отдохнувшими в „Мценской гостинице", как назвал Мценскую тюрьму Виташевский, и старыми карийцами. Один из них, показывая на нас пальцем, громко сказал: вот каковы заживо погребенные.*) Возглас этот вызвал общий смех— впереди нашей партии, случайно, оказались самые полнощекие. Изможденность части карийцев не соответствовала той относительно свободной жизни, которую они вели. Они видели стражу только во время утренней и вечерней поверки и внутри тюрьмы были свободны. Все работы карийцы исполняли сами, ходили в мастерскую, находившуюся за тюремной оградой, но уже под конвоем, и даже выработали особый штат поваров, варивших пищу и пекших пироги по праздникам. Но трудно было умиротворить тюрьму, разбившуюся резко на два лагеря—одни сторонники **) массового побега, включавшие в свою среду и убийц Успенского, другие — население трех камер, т. е. большинство — более или менее обобщали побег с убийством и чуждались сторонников побега — жителей двух камер. Дело доходило до отдельных случаев неговорения между сторонниками обоих групп. Мы, пришедшие из централок, познакомившись с причинами враждебности между собою двух половин тюрьмы, задались целью умиротворить тюрьму, тем более, что в обоих группах мы встречали вполне достойных и даже выдающихся людей. Мы созвали ряд сходок, которые, особенно первое время, посещались довольно охотно. На сходках мы предлагали, во-первых, расследовать дело об убийстве Успенского, и, во-вторых, до полного объединения обоих групп избрать особое судилище, которое разбирало бы все возникающие инциденты. В общем наша программа была принята, и в так называемое „судилище" избраны трое—я, Зунделевич и еще один, не помню кто. Мы разобрали дело Успенского и решили, что он не разоблачал готовящегося побега во время свидания с женою, но убийцы были введены в заблуждение смотрителем тюрьмы, который подозревал что-то неладное, болтал, что он на свиданиях узнал многое и намекал на готовящийся побег. После нашего вмешательства в жизнь карийцев недоразумения в значительной степени улеглись, но оставалось что-то в роде „классовой" якобы вражды между сторонниками и противниками побега. Окончательно сгладила все противоречия и остатки вражды политика начальства после побега Мышкина и Хрущева через мастерскую, минуя подкопы. Начальство уничтожило нашу республику, но вместе с тем сплотило нас. Так, мы довольно солидарно провели 12-ти дневную голодовку, с целью протеста против предполагаемого сечения товарищей и для получения разных льгот. Хотя голодовка на 13-ый день и сорвалась, но начальство не решилось прибегнуть к розгам и начало давать нам понемножку и в маленьких размерах льготы. Так, разрешено было ходить в чужие камеры для занятий по литературе и наукам. После более или менее длительного периода угнетений особенно ярко проявилось желание заняться абстрактными науками. Меня просили прочесть высшую математику, и получалась иногда такая странность, что у меня было больше слушателей, чем на уроках по самообразованию. По делу о побеге долго тянулось следствие, которое не давало никаких результатов, кроме задержки на несколько месяцев лиц, окончивших свои сроки каторги в тюрьме. Но, наконец, нас стали выпускать, и я был направлен в Якутск, а оттуда в Верхоянск, лежащий у самого полярного круга и являющийся полюсом холода на всем земном шаре. Там я застал только двух бывших ссыльных—Арцебушева и его сожительницу, но затем скоро привезли Войнаральского и многих других. У нас образовалась колония человек в 20. В Верхоянске я женился 39-ти лет от роду на приезжей акушерке Ольге Васильевой. Я скоро по приезде занялся изучением якутского языка и жизни якутов. Еще находясь в Верхоянске я написал брошюрку „Верхоянские якуты", которая могла быть напечатана только с разрешения Иркутского генерал-губернатора. В Верхоянске я приобрел маленький домик, расширил его, и мне понадобилось устроить печку. Ранее я никогда не видел внутреннего устройства печей, а местные не стоило осматривать, так как во время хорошей топки огонь выходил из труб. Пришлось „изобретать", потому что печника в то время в Верхоянске не было. Я и изобрел, как потом оказалось, самую обыкновенную голландку.

*) Карийцы уже читали известную брошюру Долгушина под этим заглавием, в которой описывались страдания заключенных в Централке.

**) Сторонники побега были расположены в двух камерах и у них тоже не было полного согласия во всем и тем более в оправдании убийства. См. об этом указанные выше мои статьи.

В Верхоянске создать славу легче, чем где бы то ни было, и я сейчас же приобрел славу печника. Мне стали заказывать печи местные обыватели и даже полиция для больницы. Печи мои скоро были признаны всеми обывателями, несмотря на некоторые казусы в зависимости от климата. Кроме печного ремесла, я занимался столярным и плотничным. В плотничном мне помогал тов. Соломонов, живший со мною в моем доме. Когда мне было разрешено выехать из Верхоянска, то мы с Соломоновым выстроили новый дом, где бы он мог после меня жить, а старый продали доктору и заплатили, таким образом, мои долги.

Из Верхоянска мне разрешено было, на правах „крестьянина из ссыльных", приехать в Балаганск Иркутской губернии, где мы с женой пробыли около года. Там у меня родилась дочь, которой первые месяцы пришлось расти в дороге. Я полулегально перебрался в Иркутск, жена же с ребенком осталась в Балаганске. Затем вскоре мне разрешено было принять участие в сибирской экспедиции по исследованию влияния золотопромышленности на быт якутов, и я с семьей поехал на Лену. По приезде в 1893 г. на Сибиряковские прииски, в то время самые крупные, главноуправляющий приисками Кокоулин устроил меня с семьею в небольшом домике и отпускал все необходимое для содержания. У меня была бумага от генерал-губернатора об оказании мне властями всевозможного содействия, а рядом со мною направлялась по почте другая, предписывающая иметь за мною строгое наблюдение. Второй бумаги Кокоулин, конечно, не получил. До путешествия на прииски я состоял в Иркутске сотрудником газеты „Восточное Обозрение" и потому и с приисков писал туда корреспонденции.

Пробыв некоторое время на приисках и собрав необходимые сведения, я направился в Олекму, где провел всю зиму. Там я, особенно первое время, ездил по якутам и нередко собирал там сходы для проверки переписи. Останавливаться приходилось иногда у богатых якутов. После ночевки у одного из таких якутов он предложил мне при выезде одну или две собольих шкурки „на память". Я ему мягко сказал, что предпочитаю по характеру своей работы получить на память две беличьих шкурки (на месте они стоили 20 коп.). Он растерялся, но вынес мне просимое. Этот случай показывает, как легко можно было обирать якутов, имея какое-нибудь официальное звание. В Верхоянске, например, власти и даже всякий русский, могли легко обирать якутов посредством так наз. „гощения". Перед якутом русский ставит бутылку водки и говорит: „гощу", при чем, кроме самых высших властей в уезде, должен прибавить сколько-нибудь денег—от 3-х до 10-ти руб. После распития водки якут дает тут же, или чаще обещает привести, коня, корову или каких-нибудь продуктов. Я однажды тоже выполнил целиком обряд „гощения". Дело было верстах в 150-ти от Верхоянска на почтовой станции, где я встретил двух товарищей, едущих в Колымск. Они жаловались мне, что якут не хочет продать им мяса. Я взял у них бутылку водки и поставил перед якутом, последний отличался скупостью и был смущен вследствие необходимости уплатить за „гощение". Я тогда пояснил ему, что я „гощу" не на коня или корову, а на то, чтобы он продал за деньги мяса проезжающим. У якута сразу появилась довольная улыбка, и он тотчас принес мяса.

В Олекминске я более всего изучал отношения якутов к золотопромышленности, но затрагивал и другие стороны их жизни. В конце-концов я представил в Иркутское Географическое Общество целый том, написанный об якутах, но он не был напечатан по недостатку средств и сохранился ли до сих пор,—не знаю. Одновременно в Олекминске меня заинтересовал вопрос о земледелии на такой высокой широте, на которой ни на Енисее, ни тем более на Оби ничего не растет. Статистика дала мне главное основание для решения этого вопроса. Оказалось, что в Сибири, чем восточнее главная из рек, впадающих в Ледовитый океан, тем вегетационный период в северных широтах продолжительнее. Я сделал одно интересное наблюдение в осенний вечер, когда температура быстро падала и уже приблизилась к 0°. Вода в это время сохранила еще тепло не ниже 10° Реомюра, и вот над горой с западной стороны появилось крошечное облачко, очевидно, от паров, подымающихся с реки Лены, которое стало быстро разрастаться и покрыло всю долину Лены между горами с каждой ее стороны. В то же время температура стала быстро подыматься, и явилась полная гарантия, что не будет мороза. Более подробное исследование показало мне, что долина реки, закрытая с запада и востока горами, а с севера крутым поворотом реки на север около Якутска, представляла собою как бы большой ящик, прикрытый сверху одеялом из паров, подымающихся с реки. Тепло не могло быстро расходоваться из такого ящика, и там продолжали расти травы и хлеб, когда на соседних горах были уже порядочные морозы. Объяснение мое подтвердилось осмотром места у одного из прорывов в горах. Там якуты начали было пахать землю под посев хлеба, но вследствие постоянных заморозков запустили ее. Об этих моих исследованиях напечатано было в каком-то лесного характера журна-

ле — названия не помню — издававшемся в Петербурге. В Якутске я в это время встретил просвещенного администратора-губернатора, порядочного человека, любимого и местными ссыльными. Лично против него я ничего не имею сказать, но он заставил меня оглянуться на других „просвещенных администраторов", которые, по моему мнению, ломая жизнь по своим начальственным соображениям, причиняли даже более вреда, чем добродушные взяточники.

Из Олекминска я вернулся с семьей в Иркутск, где продолжал обрабатывать свой труд о якутах. Дело в Географическом Обществе по вопросу о Сибиряковской экспедиции подвигалось туго по недостатку средств и, между прочим, я в свободное время занялся этнографией сибирских инородцев. Я успел даже прочесть в Географическом Обществе один доклад, где доказывал, что тюркские народности (турецко-татарского происхождения) достигают в культуре бо́льших успехов, чем монгольские народы, и дольше последних сохраняют свою живучесть. Монгольские племена чаще сливаются с тюркскими и усваивают их язык, чем тюркские с монгольскими.

В 1898 г. начальство отпустило меня в Европейскую Россию, но воспретило мне проживать в столичных и университетских городах. Я избрал г. Минск, и на первое время поселился в Блони Игуменского уезда у Бонч-Осмоловских, куда пригласила меня старая моя знакомая и сопроцессница, Варвара Ивановна Ваховская, по мужу Бонч-Осмоловская. Я несколько месяцев прожил у нее, заканчивая свой труд по сибирской экспедиции, а потом стал искать службы. Брат моей давнишней приятельницы Брешко-Брешковской — так. наз. „бабушки революции", представил меня управляющему акцизными сборами, который принял меня очень любезно и, повидимому, главным образом из-за моей революционной деятельности. Он предложил мне должность главного счетовода при открывшейся недавно водочной монополии. Должность эта соответствовала бухгалтерской, но не считалась государственной службой. Оклад первоначально был, кажется, 2000 р. в год. До тех пор я не знал двойной бухгалтерии и поэтому месяц или два усердно занялся ею, так что мог быть руководителем всех уездных отделений монополии и даже составил особую инструкцию по счетоводству. Первым делом я повел борьбу против чрезмерной длительности счетоводных занятий, растянувшихся почти на 12 часов каждый день. Я ввел у себя 6-часовой рабочий день, согласившись с подчиненными мне счетоводами, что они в случае неуспеха будут, когда нужно, приходить заниматься и вечером, но этого почти не понадобилось. Производительность нашего труда по меньшей мере удвоилась.

В Минске я встретил 1905 год. Революционное движение здесь было наиболее сильно в железнодорожном мире. Мы часто собирались и обсуждали положение дел после манифеста 17-го октября. В день манифестации, около Виленского вокзала, я, запоздав несколько на службе, направился было туда, но на главной улице встретил массу бежавших и до того перепуганных людей, что мне едва удалось узнать, что причиной бегства был так наз. курловский расстрел.

В те времена, т.-е. в девятисотых годах, в Минске было два публичных места, которые посещала передовая молодежь. Одно— это частная квартира полковника Черепанова, который сам сочувствовал революционному течению, другое—Общество изящных искусств, которое скоро подпало под подозрение жандармов. Они, впрочем, интересовались и квартирой Черепанова. В 1910 г. я с семьей побывал на всемирной выставке и в Париже, где жила сестра моя, эмигрантка, Мария Ковалик. Там я встречался с эмигрантами, бывал на их собраниях. Приехав в Минск, я задумал устроиться в деревне; после сибирского простора мне показался город душным, и я купил, конечно в долг, небольшой хутор в 5-ти верстах от Минска и ездил ежедневно на службу, при чем возил с собою и дочь мою, учившуюся в гимназии. Должно быть в 1910 г. упразднена была должность главного счетовода и взамен ее установлена должность бухгалтера с правами коронной службы. Так как я этих прав не мог иметь, то мне предстояло увольнение, но начальство сумело найти выход. Из Петербурга ему разъяснили, что оно по закону имеет исключительное право принимать на государственную службу лиц, не имеющих вообще доступа к ней, т.-е., очевидно, иностранцев и лиц податного состояния, и оно оставило меня бухгалтером без права получать чины и пенсию. Таким образом оказалось, что лишенный всех прав состояния имеет чуть ли не преимущества перед лицами податного состояния. Через несколько лет, кажется во время войны, мне взамен бухгалтерской дали должность помощника надзирателя акцизных сборов, которая мне не нравилась, но к моему удовольствию довольно скоро разрешили мне прикомандироваться к Земскому Союзу, имевшему тогда большое значение, с сохранением прав акцизной службы. В Земский Союз шли тогда либералы, радикалы и даже революционеры. Таким образом, я там встретился с Михайловым-Фрунзе,—и мы вместе заседали в разных комиссиях. Фрунзе до конца своего пребывания в Минске не открывал своей настоящей фамилии и уже во время или вскоре после Февраль-

ской революции был назначен начальником милиции. Одно время мне пришлось конкурировать с ним на выборах председателя земельного губернского комитета, имевшего своим назначением подготовку к разделу помещичьих земель между крестьянами. Выборщики высказались за меня, но это нисколько не испортило моих отношений с Фрунзе; последний сыграл довольно крупную роль в образовании Крестьянского Союза и был избран его председателем. Но он вскоре уехал в Иваново-Вознесенск.

После революции, свергшей самодержавие, Минск нуждался в работниках по разным отраслям деятельности, поэтому я переменил до десятка должностей. При первом появлении советской власти я был и оставался при ней председателем земельного комитета, при немцах был членом губернской земской управы, мировым судьею, городским головою. Из акцизной службы я, конечно, ушел в самом начале революции. Я еще не упомянул, что при первом собрании новой революционной городской думы я был избран заместителем председателя думы. Все перечисленные должности я занимал постепенно только с малым совместительством, но кроме них приходилось почти каждый день участвовать в собраниях. Их бывало так много, что иногда приходилось бежать из одного собрания раньше его окончания в другое. Поэтому, кажется, никогда так не опаздывали на собрания, как в то время.

Первая советская власть в Минской губ. существовала недолго и не успела проявить себя в полной мере. При ней я продолжал оставаться председателем губернского земельного комитета. Так как появились не столько противники, сколько желавшие посвоему распоряжаться работой земельного комитета, то я счел нужным отправить тогда телеграмму народному комиссару земледелия, левому эсеру Калегаеву, в которой описывал положение дел, в надежде получить от него одобрение работе комитета. Калегаев не замедлил ответить в желательном для меня смысле, так что дело у нас продолжалось в прежнем порядке до занятия Белоруссии немцами, согласно Брестскому миру. Оккупация немцев была сравнительно мягкой. Они даже не закрывали нашего земельного комитета, но для нас скоро стала невозможной дальнейшая работа, так как помещики, земли которых мы начинали брать в свое распоряжение, уже не слушались нас, а немцы как будто не вмешивались, но и не признавали новых законов и правительственных распоряжений по земельному вопросу. Земское управление продолжало существовать во все время немецкого владычества, и при нем же собралась новая революционная городская дума, в которой большинство принадлежало эсерам и эсдекам. В конце своего пребывания в крае немцы наложили на земли порядочный налог хлебом, но не успели его собрать, так как в Германии произошла революция, и они собирались уходить на родину. Перед уходом, месяца за два, за три до него, немцы решили назначить по указаниям наших общественных учреждений правительство из местных людей, числом, кажется, 6 или более человек. Меня тоже внесли в список членов правительства, и я об этом получил соответствующую бумагу на немецком языке. Мы согласились бы фактически стать правительством, если бы нам была предоставлена власть за некоторое время до ухода немцев, но немцы отвергли наше предложение об этом и предоставляли нам власть в день своего ухода. За ними тотчас же должны были вступить в Белоруссию войска и власти, и поэтому мы отказались разыгрывать комедию на час.

При советской власти я занял должность заведующего пенсионным отделом социального обеспечения. Пришлось организовать работу, не имея почти никаких указаний из центра. Тем не менее нам удалось сравнительно в короткое время поставить на ноги новое учреждение. События сменялись тогда быстро. Белоруссия попала под власть Польши. Почти с первого дня владычества поляков я получил полный отдых от дел, так как все места, где мне пришлось служить, были закрыты. После войны с Польшей поляки ушли из Белоруссии, и опять восстановилась советская власть. Я снова вошел в комиссариат социального обеспечения, но вскоре перешел в Политехнический институт, где занял должность преподавателя высшей математики. В это время никаких руководств по математике в Минске нельзя было найти, поэтому я после каждой лекции выдавал студентам написанную мною самим эту лекцию. Некоторые из студентов списывали потом эту лекцию, так что могли иметь у себя целый курс. Впрочем, с раздачей лекций число слушателей, как будто, уменьшалось: время тогда было голодное, студенты искали работы, и потому, имея писанную лекцию, они могли переписать ее в свободное время, а пока искать себе оплачиваемого труда. Институт был закрыт, кажется, в 1922 г., и я уже с этого времени не занимаю никакого постоянного места. Еще ранее я был признан нетрудоспособным по летам. Теперь же я, изредка, даю статьи в журнал „Каторга и Ссылка". Состою членом Минского отделения общества политкаторжан и ссыльных поселенцев и избран им старостою. Мне нет надобности добавлять, что я все время своей сознательной жизни сохранял революционные взгляды, выработанные мною в молодости.

Ковальская, Елизавета Николаевна *).

Родилась я в Харьковском у., в имении моего незаконного отца, помещика Солнцева. Моя мать—крестьянка, была крепостной моего отца. По каким-то семейным соображениям, отец, благодаря обширным связям с высшей администрацией, перевел меня с матерью в мещане г. Харькова задним числом, спустя приблизительно 7 лет после моего рождения.

Вследствие этого я по официальным бумагам значилась „незаконная дочь мещанки г. Харькова и полковника Солнцева". Год моего рождения в разных бумагах значится разный: в одном документе—49, в другом—50, а в третьем—52 г. Какой действительный—не знаю.

Первые впечатления бытия были для меня жестоки и непонятны. Мне не было еще 6 лет, вероятно, когда мне стало известно, что существуют помещики и крестьяне-крепостные; что помещики могут продавать людей, что мой отец может продать мою мать соседнему помещику, а меня другому, разлучив нас. Но моя мать не может продать моего отца. Не менее жестоким было для меня другое открытие: дети делятся на законных и незаконных, при чем последние, независимо от их личных качеств, всегда заслуживают презрения, служат предметом издевательств, оскорблений. Дворовые ребятишки дразнили меня скверным словом, каким в те времена народ называл незаконных детей.

Долгими зимними вечерами в деревне, пробравшись тихонько в „девичью", притаившись в уголку, я слушала, как дворовые девушки, сидя с прялками, освещенные пылающей печью, рассказывали друг другу свои печальные истории. Заметив меня, одна из них обратилась ко мне: „Слушай, слушай, вот вырастешь,—на твою беду ты красивая,—продадут тебя". По ночам меня мучили кошмарные сны, мне снилось, как меня продают.

Я не помню, чтобы отец продавал кого-нибудь из своих крестьян. Но он купил, еще до моего появления на свет, молодого интеллигентного музыканта-скрипача, побочного сына какого-то графа от крестьянки. Купив, он дал ему „вольную", но человек был уже загублен, пил запоем и добровольно остался жить у нас в качестве управляющего одного из имений отца. Общность положения сблизила нас. Подвыпивши, он делился своими переживаниями с ребенком. Его судьба для меня была „memento mori".

У него я научилась грамоте. Первыми прочтенными мною книгами были поэты из его маленькой библиотечки: Пушкин, Лермонтов, Полежаев; особенно полюбилась мне „Песнь пленного ирокезца" Полежаева:

. . . . . .
Но, как дуб вековой.
Неподвижен от стрел,
Неподвижен и смел
Встречу миг роковой
. . . . . .
Я умру, но умру
На погибель врагам...

распевала я на придуманный мною мотив, бродя одиноко по старому запущенному саду.

Смутными, туманными тенями промелькнули в моем детстве образы декабристов. Среди родственников отца был очень юный офицер, князь Волконский, был ли он в каком родстве с декабристом—не знаю. Он научил меня песне о декабристах в такой редакции:

Не слышно шуму городского,
На невской башне тишина,
Лишь на штыке у часового
Горит полночная луна.
Несчастный юноша, ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам.
Не жди, отец, меня, с невестой,
Сломи венчальное кольцо,
Здесь за решеткою железной
Не быть мне мужем и отцом.

На мои расспросы, кто этот юноша за решеткой, он рассказал, что были хорошие люди, которые хотели устроить так, чтобы никто не мог продавать людей; за это царь посадил их в тюрьму за решетку.

Другое яркое воспоминание осталось в моей памяти,—родственник отца, тоже князь или граф (не помню), Багратион, которого у нас считали сумасшедшим; возможно, что он таким и был. Его визиты были таинственны. Помню его первое появление. Мы жили в деревне. Зима. Ночь. Метель. Собаки подняли неистовый лай, лакеи выбежали с зажженными фонарями во двор. В свете фонарей двигалась высокая мужская фигура. Прислуга встревоженно бежала к моей матери: „снимайте, скорее снимайте!" Мать спешила убрать со стен гостиной портреты царей. В гостиной появлялся высокий, сгорбленный, седой, молодой старик. Не здороваясь ни с кем, он обводил глазами стены. Затем обращался к отцу: „у тебя хорошо, Николай, чисто, нет этой дряни по стенам". Ко мне он относился как-то особенно любовно, сажал к себе на колени, много рассказывал мне непонятного, из чего в моей голове оставалось только представление опять же о каких-то хороших

КОВАЛЬСКАЯ Е. Н. [1851 (по уточненным данным) – 1943].

*) Автобиография написана в ноябре 1925 г. в Москве.

людях, не хотевших, чтобы людей продавали, как скот, о царе, загнавшем этих людей живыми под землю. Царь рисовался мне в образе сказочного чудовища, пожиравшего людей. По уходе таинственного гостя, отец приказывал мне никому не говорить о том, что рассказывал мне этот дядя. Я строго соблюдала приказ, гордясь, что мне доверяют какую-то тайну.

Освобождение крестьян произвело на меня потрясающее впечатление. Я была долго точно пьяная от радости.

Мы переехали в Харьков. Отец занялся моим воспитанием, готовя из меня „барышню". Были приглашены: француженка, учителя музыки, танцев и для занятий другими предметами студент—поляк, высланный в Харьков за прикосновенность к польскому мятежу. Он увлекательно рассказывал мне о борьбе поляков за свою свободу. Я плакала от того, что я не полька и не смогу бороться за свободу.

Одиннадцати лет меня поместили в частный пансион Щербачевой. Основательница пансиона, женщина-шестидесятница передовых взглядов, поставила пансион прекрасно: молодые учителя не только давали уроки, но много уделяли времени, занимаясь нашим развитием. Но пансион скоро закрылся, не встретив сочувствия в обществе: родители особенно были возмущены введением в женском пансионе гимнастики, для которой нас переодевали в свободные мужские костюмы.

По закрытии пансиона, не без борьбы с отцом, я поступила в гимназию. Там я встретилась с бывшей ученицей учителя Полтавской гимназии—Строева, сосланного на север. Она познакомила меня с литературой шестидесятых годов: журналы „Русское слово", „Современник", стихотворения Некрасова и др. книги определенного направления поглощались мною запоем.

Я устроила кружок самообразования из гимназисток, который вскоре слился с кружком молодых студентов. Занимались мы преимущественно общественными вопросами, но рядом с этим бывали рефераты по естественным наукам: по астрономии, по физике и другим отраслям знаний. В этом кружке, между прочим, участвовал молодым студентом Лазарь Гольденберг, известный впоследствии эмигрант. Особенно увлекались Чернышевским, его романом „Что делать" и женским вопросом.

В этот период времени в Харькове вводились новые судебные учреждения—гласный суд. Члены нашего кружка, по окончании гимназических уроков, бежали на заседания суда, где иногда просиживали за полночь. Перед нами развертывались общественные вопросы в картинах реальной жизни.

Помню блестящую речь только что выступившего на судебное поприще молодого товарища прокурора—А. Ф. Кони, обвинявшего подрядчика, непостроившего подпор при земляных работах, следствием чего было несколько трупов рабочих, засыпанных землей. Перед нами проходили крестьяне, обделенные землею при освобождении, судившиеся за бунты; женщины—убийцы своих мужей, не стерпевшие своего рабства, санкционированного законом.

Освобождение крестьян вызвало женское движение. Стремление к эмансипации женщин широкой волной разлилось по всем центрам России, захватило и меня.

Во время окончания гимназии умер мой отец, оставив мне большое наследство. Вместе с Я. И. Ковальским (впоследствии моим мужем), оставленным при Харьковском унив. на кафедру физики, я организовала в одном из доставшихся мне домов бесплатные курсы для женщин, стремившихся к высшему образованию. Ковальский читал физику, химию, космографию. Приват-доцент Е. М. Деларю—естествоведение. Студенты: Фесенко — политическую экономию, Гончаров—историю, Рунге и Дэвинский—высшую математику. Слушательниц был такой наплыв, что с трудом вмещало помещение.

Одновременно с этим я вступила в Харьковское общество грамотности. Занимаясь по воскресным школам, я выбирала наиболее способных работниц, приглашала их к себе на дом по праздникам; постепенно образовалась школа для работниц. Я им читала отрывки русской беллетристики, рассказывала эпизоды из русской истории, знакомила с французской революцией, а главное вела пропаганду по женскому вопросу *). В тот же год у меня организовался мужской кружок, занимавшийся общественными вопросами. Он не был еще революционным, но был „радикального направления". В этот кружок, между прочим, входил молодым студентом М. М. Ковалевский.

Рядом с этим кружком я организовала исключительно женский, интересовавшийся социализмом. М. М. Ковалевский, владевший хорошо французским языком, имевший доступ в университетскую библиотеку, помогал мне извлечением из французских источников составлять рефераты о Фурье, Сен-Симоне, Оуэне и др. утопистах, хотя сам не сочувствовал социализму, считая его неосуществимым.

Ковальский завел знакомство с сельскими учителями Харьковского уезда, они по праздникам приезжали к нам, мы снабжали их книгами и устраивали небольшие педагогические собрания, на которых, между прочим, затрагивались и политические темы.

*) См. Аптекман. „Земля и воля", Харьковские кружки.

Во время одного из таких собраний в нашем доме появился жандармский полковник Ковалинский со своею свитою, увидев разложенные на столах географические карты, таблицы для наглядного обучения, удивленно заявил нам: „Все это очень хорошо, вы делаете полезное дело, и ничего противозаконного я не вижу, но, по предписанию свыше, должен все ваши собрания прекратить, а в случае возобновления их, вынужден буду вас арестовать". Пришлось все приостановить.

К этому времени в Харьков ожидался приезд министра просвещения Д. Толстого; мы повели агитацию о подаче петиции министру, в которой думали просить права женщинам вступать в университеты. Многочисленные собрания шли одно за другим, была выбрана комиссия для составления петиции; в нее вошли профессора: Н. Н. Бекетов (химик), юристы—Стоянов, Владимиров, художница Иванова-Раевская и я. Делегатками для подачи петиции были выбраны: я, Анна Аптекман и Иванова-Раевская. Толстой принял нас очень враждебно, ответил, что никогда он этого не допустит.

Потерпев поражение, я уехала в Петербург, где стала посещать высшие женские курсы—Аларчинские и Чернышевские. В Петербурге я познакомилась с кружком передовых женщин, группировавшихся вокруг сестер Корниловых. Там я впервые увидела С. Л. Перовскую, совсем юной девушкой. Организовался небольшой кружок для изучения политической экономии, в него вошли: С. Перовская, А. Корнилова, Ольга Шлейснер, впоследствии первая жена Натансона, Вильберг и я. Одновременно образовался другой женский кружок, который решительно не хотел соединяться с мужскими кружками, боясь, что мужчины, более развитые, будут оказывать давление на самостоятельное развитие женщин. В этот кружок вошли также я, С. Перовская и А. Корнилова. В это же время кружок, который впоследствии получил название „чайковцев", занимался распространением по удешевленным ценам легальных книг определенного направления: Флеровского „Положение рабочего класса" („Азбука социальных наук" тогда еще не вышла), Лассаль, Верморель — „48 год", Луи-Блан— 1-й том „Истории французской революции" и др. такого же характера.

Чтение таких книг, французская коммуна (это был 1871 г.), печатавшийся отчет о процессе „нечаевцев"—все это вместе ввело меня в определенно революционное русло.

По болезни мне пришлось уехать на юг—в Харьков, где я снова начала возобновлять кружки, но врачи послали меня в Швейцарию. В Цюрихе я встретилась с разными революционными течениями. Главными течениями были бакунизм и лавризм. Я увлеклась бакунизмом. Поправив несколько свое здоровье, я вернулась в Россию, чтобы „идти в народ".

Физически слабая, я решительно не годилась для роли простой работницы, поэтому взяла место народной учительницы в Царскосельском уезде, вблизи завода „Колпино", на котором работало все молодое население деревни Царской Славянки, где я сделалась учительницей. Принявшись за пропаганду и раздачу революционных, нелегальных брошюрок среди рабочих завода, я вскоре попала под надзор. Инспектор школ от земства—Семеко приехал предупредить меня, что готовится мой арест. Я скрылась в Петербург. Там, ведя знакомство с несколькими рабочими, я снабжала их нелегальной литературой. Пребывая то в Петербурге, то в Харькове в полулегальном положении, я избегала ареста. Во время демонстрации после суда над Засулич я была сильно избита жандармами, уехала в Харьков, где около года пролежала в постели. Поправившись, организовала два кружка рабочих-металлистов: один на заводе Весберга, другой на заводе Рыжова. В первый из них входил молодой рабочий Петр Антонов, впоследствии народоволец и шлиссельбуржец. Третий кружок был мною организован из учащейся молодежи. Из него впоследствии вошли в Ю. Р. Р. С. А. Преображенский и И. Кашинцев.

Работала я в кружках согласно с программой „Земли и Воли", но в партию не входила, желая сохранить за собою свободу действий.

Весною 1879 года, после убийства губернатора Крапоткина, в Харькове начались обыски и аресты. Мне пришлось бежать и перейти окончательно на нелегальное положение. Побывав в разных городах, я приехала в Петербург осенью 1879 г., когда „Земля и Воля" раскололась на „Народную Волю" и „Черный Передел". Чернопередельцы остались на старой землевольческой платформе. Твердо убежденная в том, что социалистическая революция может быть совершена только самим народом, что центральный террор в лучшем случае приведет только к плохенькой конституции, которая поможет окрепнуть русской буржуазии, я вступила в „Черный Передел" *). В первом составе „Черного Передела" были: Г. Плеханов, В. Засулич, М. Попов, Я. Стефанович, Л. Дейч, П. Аксельрод, О. Аптекман, Н. Щедрин, М. Крылова, Приходько, Козлов и Козлова, Николаев, Г. Преображенский и др. бывшие „землевольцы".

После ареста первой чернопередельческой типографии и разгрома первого состава

*) См. Дейч, „Черный Передел" в сб. Невского.

чернопередельцев, я с чернопередельцем Н. Щедриным, разойдясь с новой программой, написанной П. Аксельродом для молодых чернопередельческих кружков, уклонявшейся в социал-демократизм—уехала в Киев, где мы организовали Южно-Русский Рабочий Союз на старой чернопередельческой программе, выдвинув на первый план программы тактику—экономический террор *).

22 октября 1880 г. мы с Щедриным были арестованы в Киеве и вместе с другими членами (С. Богомолец, А. Преображенским, И. Кашинцевым, М. Присецкой, П. Ивановым, А. Доллером, В. Кизером и С. Кузнецовой) Южно-Русского Рабочего союза, арестованными позже, в 1881 г., преданы военно-окружному суду. Обвинялись по ст., по которой следует смертная казнь. В мае 1881 г. состоялся суд. На суде я заявила, что суда правительства не признаю и принимать в нем участия не желаю, отказалась от защитника и от последнего слова на суде. Была приговорена к бессрочной каторге.

Отправленная в каторжные работы на Кару в 1882 г., по дороге бежала из Иркутской пересыльной тюрьмы, переодевшись надзирательницей (вместе со мною бежала С. Богомолец под видом моей гостьи).

Пробыв на воле около 3-х недель, была арестована и закована в наручни. После окончания следствия о побеге была отправлена на Кару; наручни были сняты. На Каре у меня начались столкновения с тюремным начальством, которые тюремное ведомство называло „бунтами" и просило в Петербурге разрешения отправить меня вместе с другими бунтовавшими: С. Богомолец, Е. Россиковой, М. Ковалевской в строгое одиночное заключение в Иркутский тюремный замок. Раннею весною 1884 г. мы были перевезены в Иркутск.

Осенью того же года я бежала из Иркутского тюремного замка, переодевшись надзирателем. Пробыв на этот раз на воле около полутора месяцев, была арестована и приговорена к 90 плетям. Присланных ко мне врачей для освидетельствования моей способности вынести плети, я не приняла, заявив, что такой приговор они могут привести в исполнение только над моим трупом. В это время в тюрьме по другим поводам началась голодовка, (в которой я приняла участие), продолжавшаяся 16 суток. Рассчитывая, что смерть может вызвать окончание безнадежно затянувшейся голодовки, я сделала неудачную попытку самоубийства. Надзиратели скоро заметили и сняли меня с петли. Слухи об этом разнеслись по городу; иркутские дамы поехали к губернатору Носовичу, настойчиво убеждали его сделать уступки. Наши требования были удовлетворены. Голодовка окончилась.

Весною 1885 г. я была отправлена снова на Кару; мне прибавили срок испытуемой, но телесное наказание не привели в исполнение.

В 1888 году на Кару приехал генерал-губернатор Восточной Сибири—барон Корф. Я никогда в тюрьме не вставала при входе начальства, не встала и перед ним. На его приказание: „встать!" ответила: „Я пришла сюда за то, что не признаю вашего правительства, и перед его представителями не встаю". Взбешенный Корф крикнул сопровождавшим его казакам: „поднять ее штыками!" Казаки топтались на месте, не решаясь действовать. Корф, разъяренный, выбежал из тюрьмы.

Через несколько дней я была почью взята из тюрьмы и отправлена, при возмутительном обращении со мною, в Верхнеудинский тюремный замок в строгое одиночное заключение *). Карийские товарищи начали голодовку, требуя смены коменданта за историю со мною. Коменданта не сменили. Тогда Н. Сигида дала пощечину коменданту Масюкову, думая, что после этого ему нельзя будет продолжать службу. К Сигиде применили телесное наказание. Идя на экзекуцию, Сигида заявила, что для нас телесное наказание равняется смертной казни. После наказания она приняла яд и вскоре умерла. М. Ковалевская, М. Калюжная и Н. Смирницкая, решив своею смертью сделать невозможным дальнейшее применение телесного наказания, покончили с собой. В мужской тюрьме по тому же мотиву покончили самоубийством И. Калюжный и Бобохов. Находившийся в вольной команде Геккер выстрелил в себя, но остался жив.

Результатом самоубийств был циркуляр, присланный на Кару из Петербурга, в котором предписывалось начальнику каторги впредь не применять телесного наказания ни к политическим, ни к уголовным женщинам.

В Верхнеудинске я сделала новую попытку побега, на этот раз неудавшуюся, после чего меня отправили в каторжную тюрьму Нерчинской каторги, в Горный Зерентуй. Дорогой я узнала, что в Горном Зерентуе меня будет принимать помощник начальника каторги Бобровский, который привел в исполнение наказание над Сигидою. При приеме я бросилась на Бобровского с маленьким кинжалом, который всегда носила при себе, думая убить Бобровского. Тюремные надзиратели, окружавшие меня в этот момент, схватили за руки и обезоружили. Бобровский в это время был уже

*) См. мою статью „Южно-Русский Рабочий Союз" в сборн. Центрархива „Южные Рабочие Союзы", под ред. Максакова и Невского. 1925 г.

*) См. „Карийская трагедия, Гос. Изд., Петроград"

человеком умирающим от туберкулеза; он настоял, чтобы о моем покушении не составляли протокола. Месяца через полтора Бобровский умер. Это покушение прошло для меня безнаказанно.

Поместили меня в Горном Зерентуе в камере, бывшей мертвецкой, потому что эта камера была вполне изолирована от других арестантов.

По законам того времени приговоренным судом в каторжные работы на заводах, в случае, если они посылались в рудники, считалось семь месяцев за год. Женщины по закону могли быть приговариваемы только на заводы. Так как я была послана в рудники (хотя в рудниках мы не работали), то мне тоже считали семь месяцев за год. На протяжении моей каторги было четыре манифеста, которые сбавляли сроки всем уголовным и политическим каторжанам.

Первый манифест ко мне не был применен, по второму меня перевели из бессрочной в двадцатилетнюю. Но, так как за побег мне был надбавлен срок испытуемой, который составляет часть всего срока и который вместе с прежним сроком превысил срок настоящий, то тюремное ведомство совершенно запуталось, как считать мой срок. Заведывавший в это время Нерчинской каторгой Томилин, относившийся очень хорошо к политическим, решил, что я имею уже право на вольную команду. Я была выпущена из тюрьмы и отправлена в Кадаю (одно из мест Нерчинской каторги) в вольную команду. Позже снова переведена в Горный Зерентуй, тоже в вольную команду. Живя вне стен тюрьмы, по ходатайству заведывавшего ремесленными классами горного училища Нерчинского завода, С. В. Девеля, который случайно познакомился со мною, я получила разрешение ездить в Нерчинский завод обучать учеников переплетному ремеслу. Там быстро у меня завязались знакомства, и я, в сотрудничестве с Девелем, организовала бесплатную публичную библиотеку и при ней склад дешевых народных книг Московского и Петербургского Обществ грамотности, с которыми мы завели сношения. Библиотека стала культурным центром Нерчинского завода.

Военный врач Бек, объезжая казачьи станицы, развозил книги нашего склада по Аргуни *).

Постепенно я перешла к пропаганде и распространению весьма немногочисленных нелегальных книг, которые мне удавалось получать. Во время восстания „кулаков" в Китае русские войска были двинуты по направлению Китая. В Нерчинском заводе оказался казачий батальон, среди которого я начала вести пропаганду; фельдшера завода были прикомандированы к войскам, не хватало медицинского персонала для местного населения, я предложила бесплатно работать в амбулатории в качестве фельдшерицы. Это дало мне возможность расширить круг моих знакомств. Окружной начальник, старик Савинский, мальчиком обучался разным предметам у сосланных в Нерчинский завод петрашевцев и сохранил к политическим большое уважение. На запрос читинского губернатора, не опасно ли оставлять меня в Нерчинском заводе при амбулатории, ответил: „Хотя Ковальская своих убеждений не изменила, но в Нерчинском заводе она не найдет для них почвы" *).

В 1903 году окончился срок моей каторги. Пробыв 23 года в тюрьме и каторге, я была назначена в Якутскую область на поселение. Существовал закон или соглашение с другими государствами, по которому иностранных подданных, окончивших каторгу, высылали в их государство. За несколько лет до окончания моей каторги я вышла замуж за поляка, австрийского подданного, М. Маньковского, осужденного на каторгу по процессу польской партии „Пролетариат".

Он обратился в департамент полиции с заявлением, что я, как австрийская подданная (по мужу), должна иметь право выехать вместе с ним в Австрию. После долгой переписки нас обоих выслали в Австрию без права въезда в Россию. За границей, в Женеве, я вступила в партию с.-р., но через месяц на конференции партии, бывшей подле Женевы на вилле Германс, вышла из партии, разойдясь с партией по вопросу программ minimum и maximum. Я признавала одну только программу maximum. Одновременно со мною там же выделилось несколько человек из партии по тому же вопросу. Мы образовали группу, которая стала издавать сначала „Дискуссионный листок", имевший целью пропагандировать программу maximum. Затем выпустили номер газеты: „Коммуна". Эта группа была одной из первых максималистских организаций. Я связалась с образовавшейся в России почти в то же время максималистской организацией.

В 1907 г. приехавшая из России максималистка Татьяна Леонтьева, поселившаяся в одном богатом отеле в Интерлакене, убила выстрелом из револьвера французского гражданина Мюллера, указанного ей кем-то, как русского министра Дурново. Кем было сделано это ложное указание, мне осталось неизвестным. По доносам рус-

*) Доктор Бек, открывший особую болезнь на Аргуни, которая названа была в медицине Бековской болезнью.

*) Этот документ находится в Ленинградском Историко-Революц. Архиве в деле „о Ковальской".

КОРНИЛОВА-МОРОЗ А. И. (1853–?).

ских агентов швейцарское правительство, считая меня организаторшей этого террористического акта (в действительности я сама узнала о нем post factum), дало распоряжение о моем аресте. Меня предупредили; я бежала в Париж. Спустя два месяца после суда над Леонтьевой я была арестована в Париже международной полицией. Парижская полиция дала знать швейцарскому правительству о моем аресте, прося выслать конвой на границу для принятия меня от французской полиции. Швейцария ответила, что во время процесса Леонтьевой выяснилась непричастность Ковальской к этому делу, а потому Ковальская может быть освобождена.

После моего освобождения мы несколько максималистов, организовали новую группу в Париже, которая стала издавать газету: „Трудовая Республика".

1914 г. застал меня во Франции. Война была объявлена неожиданно. Французское правительство стало арестовывать всех германских и австрийских подданных и препровождать их в концентрационный лагерь. Так как я была арестована в Париже с австрийским паспортом, то мне пришлось перейти на нелегальное положение. Первое время мне пришлось скрываться, переезжая с одного места на другое; затем при содействии французских социалистов, знавших мое русское происхождение, удалось устроиться в полулегальном положении на юге Франции. После Февральской революции я с большим трудом, при помощи тоже французских социалистов, изменила свою фамилию Маньковской (по второму мужу) на прежнюю фамилию Ковальской и, таким образом, получила легальное положение. В 1917 г. через Англию и Норвегию вернулась в Россию незадолго перед Октябрьской революцией. Заболела. Оправившись после болезни, в 1918 г. поступила на службу в Историко-Революционную секцию Государственного Архива. Прослужив пять лет научным сотрудником, в 1923 г. переехала в Москву в дом ветеранов революции имени Ильича. В настоящее время состою членом редакц. коллегии журн. „Каторга и ссылка".

Корнилова-Мороз, Александра Ивановна *).

Прадед мой, Вас. Сав. Корнилов, был крестьянином Яросл. губ. Данил. уезда и долго жил в деревне, где сыновья его провели все свое детство. В котором году переселился дедушка с отцом и братом в Петерб., и когда начали они торговать заграничным фарфором и др. изделиями из стекла и хрусталя, сказать не могу. Фирма „Братьев Корниловых" была основана в 1791 г. Савином Вас. и его братом, Вас. Вас. С. В. был человек мягкий и добрый, но страдал запоем. Он был старообрядцем, и память об этом долго сохранялась в нашем доме. В комнатах было много старинных икон с темными ликами в богатых серебр. ризах. Дедушка умер рано, оставив дела довольно запутанными. Бабушка, Марья Васильевна, осталась вдовой, имея 5 сыновей и 4 дочерей, при чем старшему было 19 л., а младшая дочь, кот. была 13-м ребенком, родилась после смерти отца. По русскому обычаю М. В. стала во главе торгового дела. Отличаясь природным умом и твердым характером, она, очевидно, принадлежала к тому типу русских женщин, которые поражают своим уменьем самостоятельно вести торговые и промышленные дела. Жила бабушка по старым устоям, строго соблюдала все посты, но в церковь детей часто не гоняла; в театры и по гостям не ходила и детей отпускать не любила; на удовольствия и наряды денег давала мало,—вообще, на все в личной жизни была скуповата. Но торговое дело вела М. В. с таким успехом, что собственный дом построила и на основание завода средств не пожалела. Дочерей своих она выдавала замуж по-старинному—через свах. Браки эти были не особенно счастливы: все 3 тетушки (4-ая умерла девицей), рано овдовевшие, остались без денег, полученных в приданое. С помощью братьев жили они очень скромно и считались у нас бедными. Давать детям образование бабушка не считала нужным, знали бы только читать, писать да считать насколько необходимо торговому человеку. Только младший сын кончил курс в училище, и младшая дочь обучалась в пансионе. Но вместо образования бабушка сама съумела дать детям строгое воспитание и приучить 4-х сыновей к делу, так что они не имели ничего общего с купеческими сынками, прославившимися своим невежеством и безобразным разгулом. После смерти бабушки в 1850 г. сыновья ее продолжали вести дело сообща. Разделились они только в 1869 г. без всякого шума и вражды. Только младший брат, Яков С., не принимал участия в торговле. Отличаясь любовью к рисованию, после смерти матери Я. С. упросил старших братьев разрешить ему поступить в Акад. Художеств. Окончив курс, Я. С. долго жил в Италии, ездил в Париж и др. города Европы, вел знакомство с художниками и артистами и за свои картины получил звание классного художника.

Мать моя, Татьяна Васильевна, ур. Самсонова—красивая брюнетка с карими глазами—была добрая, но вспыльчи-

*) Автобиография написана 8 III—1926 г. в г. Боровичах (Новгор. г.).

вая женщина. Рассердившись из-за пустяков, она не на шутку принималась шлепать детей своих. Особенно доставалось единственному ее сыну, Саше, который стал бояться матери. На младших детей мамаша мало обращала внимания,—для новорожденных нанимались кормилицы, затем их отдавали на попечение нянюшки, к которой после старшей постепенно переходили и следующие. Младшие дети с нянюшкой, подынькой и кормилицей помещались в двух теплых, но низеньких, в одно окно комнатах „на верхушке", рядом с огромным чердаком. Комнаты эти, носившие название „детской", были самыми худшими в доме, но оттуда плач малых детей не беспокоил старших, да и вообще в те времена о кубатуре содержания воздуха никто не беспокоился. Старшие дети переходили в ведение гувернантки и жили в одном этаже с родителями. После 10 лет супружеской жизни, произведя на свет 6 дочерей и сына, мать моя заразилась холерой и скончалась 15 мая 1853 г. Тогда весь дом остался без хозяйки, и отцу предстояла задача воспитать семерых детей, из которых старшей не было еще 10 л., а мне всего 6 недель от рожд. (3 апр. 53 г.). Родственники обоего пола приставали к отцу с советами, что ему необходимо жениться, но он отвечал, что не хочет сделать несчастными семерых своих детей. Т. обр., и остались жить два вдовца—старший брат, П. С., и мой отец, Ив. С.—с детьми, приказчиками и прислугой. Жили они в своем доме на углу Николаевской ул. и Кузнечного пер. Весь двух-этажный дом, с конюшнями, сараями и помещением над ними из 3 комнат для кухни и прислуги, занимали сами хозяева,—отдавались в наем только полуподвальн. торгов. помещения. Всеми закупками для хозяйства и стола хозяев, приказчиков и прислуги заведывал старший приказчик; заказывать кушанья, выдавать провизию и разливать чай поручили гувернантке. И она и нянюшка жили в доме уже давно, и все шло по прежнему установленному порядку.

Купечество того времени подразделялось на „образованное" и „простое", или „серое". В Гостинном дворе преобладали „образованные", а вторые имели лавки в др. рынках или вообще вели такого рода торговлю, где меньше приходилось сталкиваться с так наз. „чистой публикой". Фарфор „Бр. Корниловых" имел обширный круг покупателей среди богатых классов; кроме того, фирма была поставщицей двора и получала заказы для телеграфа и др. учреждений. И образом жизни и внешним своим видом „образованное" купечество резко отличалось от тех типов, кот. так ярко и правдиво изображены в произведениях Островского. Не получив школьнаго образования, сыновья бабушки самостоятельно нарушили устои старины и сделались людьми культурными. Особенно важно было то, что они признали необходимость образования для всех детей без различия пола. Спустя 2 г. после смерти матери отец отдал в Елисав. институт двух старших дочерей. В детском возрасте нам приходилось видеть отца только по праздникам: рано утром уходил он в лавку и оставался там целый день, а вечер проводил в Купеч. клубе, где до поздней ночи играл в преферанс или бостон. Отец отличался замечат. деликатностью и отзывчивостью. Помогал он нуждающимся щедро и охотно, тихо и незаметно. Я росла под надзором няни. Это была добрая пожилая женщина, степенная и спокойная. Пока сестры мои—Вера, Надя и Любушка—были малы, мы помещались и проводили почти все время в „детской". В парадных же комнатах—в зале и гостиной, где стояла чинно расставленная по стенам старинная мебель—бегать и шуметь не позволялось. Были у нас куклы и др. игрушки, но вовсе не дорогие. Одевали нас очень просто и совсем не приучали заниматься собою и своими нарядами. Благодаря отсутствию хозяйки, званых вечеров и гостей совсем не было; по праздникам бывали только сестры отца с детьми, дядюшка Я. С., да 1—2 из обычных партнеров для игры в карты. Вообще жизнь в богатом купеческом доме отца отличалась большой умеренностью.

Образованием нашим с 7-летн. возраста занималась гувернантка; характера она была кроткого, безусловного послушания не требовала, наказаниями не злоупотребляла и не угнетала нас постоянн. надзором; при всей скудости своего образования она развивала наши способности, заставляя, напр., читать и рассказывать „Слуги желудка" Массе и популярные статьи по естественной истории. В общем подготовка наша и развитие при поступлении в учебные заведения были вполне удовлетворительны. Религиозное воспитание ограничивалось исполнением обрядов и соблюдением постов. С выходом старшей сестры из института нашим любимым удовольствием скоро сделалось посещение театров, по 2, а иногда и 3 раза в неделю. В Александринском театре мы пересмотрели весь репертуар Островского. Пьесы его вызывали в нас сознательное отрицание того строя, где царит самодурство Тит Титычей и Кабаних. Драмы Шиллера и Шекспира, подвиги В. Телля и Сусанина развивали поклонение героизму и смутное стремление к самопожертвованию, ради идеи долга и любви к родине.

Особенно тесной дружбой я была связана с сестрой Любушкой. Много горьких слез было пролито нами осенью 1863 г., когда

ее тоже отдали в институт. Летом 1864 г. я с грустью думала, что настает мой черед подчиняться инст. муштровке. Но, к счастью, отец решил отдать меня в Мариинск. женск. гимн. Директором был тогда основатель жен. гимназий — Николай Алексеевич Вышнеградский. Горячо преданный своему делу, чуждый чиновничества и формализма, отличаясь широким умом и любовью к детям, он обладал всеми качествами истинного педагога. Дух свободного воспитания был заметен с первых же шагов и поразил мою гуверн., привыкшую иметь дело с инст. порядками. Благодаря моей подготовке, я поступила в 5-й класс. В скором времени я сделалась первой ученицей и приобрела расположение Вышн-го. В отсутствие преподавателей Н. А. сам занимался с классом, изучая способности учениц по разл. предметам и неуклонно преследуя всякую зубрежку. Мои успехи в гимназии вызывали у меня стремление к самостоятельности, желание освободиться от опеки гувернантки. В гимназии я долго не имела близкой подруги. Только в конце года подружилась с Ольгой Дылевой. У нее тоже не было матери, но она потеряла ее недавно; с восторгом и горечью рассказывала она мне, каким светлым лучом была мать в темном царстве их семейной жизни, как стойко боролась она с самодуром дедушкой, при полном равнодушии отца—ее мужа—за необходимость дать девочкам образование и самой поступить на педагогические курсы.

Развитию моему много содействовал брат Саша, студент естеств. фак. Учился он в Peter-Schule на полном пансионе и жил дома только во время каникул. За 3—4 месяца до окончания курса в училище вышла история: директор вздумал уволить Ив. Дм. Белова, имевшего сильное влияние на учеников. Несколько юношей, и брат в их числе, решили выйти из училища. Саша сказал об этом отцу и заявил, что будет сам готовиться к унив. экзамену. Отец пытался его отговорить, но не стал долго настаивать, находя, что Саша лучше может об этом судить, т. к. ему придется нести все последствия такого решения. Все лето брат усердно занимался, но осенью латинист срезал его на экзамене. Неудача эта, однако, не охладила энергии брата: весною брат успешно сдал все экзамены и сделался студентом, что было тогда дов. редким явлением среди купечества. Для сына-студента отец распорядился отвести 2 комнаты в первом этаже, которые были обставлены по-студенчески. Товарищи часто собирались у брата по вечерам, но на верх к нам не ходили—старшей сестре и кузинам студенческие интересы были чужды. Однако, брат имел сильное влияние на всех нас как своей беспощадной критикой всяких суеверий и предрассудков, так и личным своим примером,—так, вслед за ним, постепенно вся молодежь перестала поститься. Затем Саша первый начал выписывать журналы, покупал соч. Писарева, Добролюбова и др. На второй год своего студенчества по внешнему виду Саша сделался настоящим нигилистом,—летом ходил он в красной рубашке, с толстой дубиной в руках, а очки носил и раньше вследствие своей близорукости.

В конце 60-х и начале 70-х г.г. костюм нигилиста имел особое значение. В движении того времени первенствующее значение имело стремление к полному освобождению личности от ига семьи, невежества, традиций и религиозных предрассудков. Нигилизм, как беспощадная борьба с нравами и понятиями крепостного строя, у людей искренних вызывал желание вести эту борьбу открыто и резко заявлять о своем разрыве со старыми формами жизни. Нигилист с своими длинными волосами, в широкополой шляпе и красной рубахе или в пледе не сливался с толпой, но ярко из нее выделялся. Так же смело выделялись и женщины своими стриженными волосами, синими очками и курением папирос. Внешность эта до такой степени раздражала общество, что на первых порах требовалось искренн. увлечение и немалая доля смелости, чтобы открыто заявить свое отречение от старого строя. Под влиянием брата-нигилиста Вера через год по выходе из института перестала интересоваться своим костюмом, обстригла волосы и не походила больше на девушку из богатой семьи. А я росла и развивалась под влиянием этих нравственных требований, и они оставили во мне следы на всю дальнейшую жизнь.

К сожалению, в гимназии я слишком мало уделяла труда и времени для занятий, учителя спрашивали только заданный урок, не требуя общего знания предмета, а посещение театров отнимало много времени. Поэтому существенным недостатком моего образования было то, что я не приобрела способности к систематическому и самостоятельному умственному труду и основательных знаний или начитанности не имела. Весною 1866 г. кончила курс сестра Вера, бывшая на 4 года старше меня, и осенью поступила на педагогические курсы, помещавшиеся в нашей гимназии. В то время во многих семьях это считалось не только лишним, но даже и „неприличным". Скоро у Веры составился тесный кружок знакомых, которые затем познакомились и со всей нашейсемьей. Простота и отсутствие всякого церемониала в нашей жизни так хорошо действовали, что все чувствовали себя совсем запросто, точно у своих близких родных. Присутствие больного отца, с его добродушным лицом и улыбкой, никого не смущало, а ему оживленные разговоры

молодежи доставляли не мало развлечения. Чаще всех заходили к нам: Евг. Макарова и Надд. Скворцова—первые женщины, принятые на государственную службу в контроль—и Ольга Шлейснер, прославившаяся впоследствии своей революционной деятельностью.

Зимой в гимназии был получен первый толчек для отрицательного отношения к распоряжениям власть имущих. От нашей француженки, m-me Буланже, мы узнали печальную новость, что Н. А. Вышнеградский ждет отставки. Ходили слухи, что начальство недовольно вольным духом гимназий и педагогических курсов, намерено изгнать преподавание естественных наук и подогнать гимназисток под инст. мерку. После Рождества Н. А., действительно, нас покинул. Гимназистки горячо прощались с ним и заранее были враждебно настроены против его преемника. Ив. Тер. Осинин имел вид, хотя добродушнаго, но франтоватого и недалекого чиновника. Вскоре своими напыщенными речами и мелкой мстительностью он вызвал общее презрение и ненависть. Мое отрицательное отношение к Осинину нисколько не смягчалось тем, что я лично пользовалась его благоволением. Мне удалось заслужить его удачным ответом на уроке педагогики, кот. он взялся преподавать в I классе. Под влиянием семьи и гимназии, от прежнего равнодушия к религии я постепенно переходила к атеизму, к православию же в частности, в лице его священнослужителей, стала чувствовать даже антипатию. Развитию этого чувства много способствовал наш законоучитель, о. Михайловский, явный фарисей (как его и прозвали гимназистки). Однако, когда брат схватил тяжелую форму тифа, и было трудно надеяться на благоприятный исход, я, стоя на коленях перед древней иконой, горячо молила бога спасти брата, умоляя простить меня за мое неверие и давая обещание сделаться верующей, если бог исполнит мою просьбу. Мольба моя осталась тщетной, и смерть брата окончательно удалила меня от религии и ее служителей.

По окончании выпускных экзаменов, на совете преподавателей, о. Михайловский настаивал, что меня следует лишить золотой медали, так как я неминуемо опозорю гимназию. Осинин за меня заступился, и медалью меня наградили. Одновременно со мною, в июне 1869 г. кончила курс и 17-летняя сестра Любушка.

Стремление женщин к образованию было в полном разгаре. По примеру Сусловой и Боковой многие уезжали за границу. Об открытии Высших Женских Курсов шли еще ходатайства. Весною 1869 г. были организованы первые женские курсы, получившие название Аларчинских, так как помещались в 5-й мужской гимназии у Аларчина моста. От 6 до 9 ч. вечера там читали известные педагоги: А. Н. Страннолюбский, А. Я. Герд, Д. В. Краевич, Рашевский, Фан-дер-Флит, Паульсон. Курсы эти ставили задачей дать женщинам более основательные знания в объеме курса мужских гимназий. Потребность этих знаний была так велика, что в числе слушательниц были учительницы и замужние женщины, было много кончивших в женской гимназии, институте и на педагогических курсах. Осенью 1869 г. три сестры мои и я поступили на эти курсы.

На лекциях Страннолюбского по алгебре выдавалась своими способностями небольшого роста, с мелкими чертами лица и большим лбом, гладко причесанная слушательница, которая в своем скромном коричневом платье с белым воротником казалась совсем девочкой-гимназисткой. Сидела она на первой скамейке всегда рядом с подругой, значительно ее старшей; при обсуждении курсовых дел она так редко выступала, что очень немногие ее знали. Эта скромная и молчаливая девочка была 16-летняя Софья Львовна Перовская. До 1866 г. отец ее был гражданским губернатором Петербургской губернии, но после выстрела Каракозова был уволен. Тогда мать с двумя дочерьми уехала в имение Кильбурун, в 10 в. от Симферополя, принадлежавшее раньше деду—родному брату графов Перовских. Между тем средства к жизни были так ограничены, что от 13 до 16-летнего возраста Соне пришлось учиться самостоятельно и вести самый простой и замкнутый образ жизни. Летом уединенная жизнь их оживлялась на время каникул, когда приезжали учившиеся в Петербурге два старших брата, и устраивались больше всего любимые Соней поездки верхом по горам. В 1869 г. Кильбурун был продан, и явилась необходимость всей семье жить в Петербурге. Одаренная хорошими способностями и навыком к самостоятельному умственному труду, Соня горячо стремилась приняться за систематическое учение и потому с радостью покинула Крым. На пароходе до Одессы она разговорилась с молодой девушкой, которая тоже ехала учиться. Отличавшаяся своей сердечностью и способностью горячо увлекаться идеалами добра и правды, Анна Карловна Вильберг сразу полюбилась Соне и сделалась первым ее другом в Петербурге. Вместе поступили они и начали усердно заниматься на Аларчинских курсах.

В конце учебного года А. Я. Герд, читавший лекции неорганической химии, сообщил, что профессор лесного института А. Н. Энгельгардт предлагает четырем слушательницам поселиться в Лесном и заниматься качественным анализом в его лаборатории. Предложением этим воспользовались С. Л. Перовская, две сестры Перетц и я. Родители Сони

уехали лечиться за границу, оставив ее на городской квартире вместе с братьями, благодаря чему, не спрашивая разрешения, она могла поселиться с курсистками. Вильберг тоже решила жить с нами, а кроме того присоединилась еще одна курсистка—С. А. Лешерн-фон-Герцфельд, осужденная впоследствии на каторгу по делу Осинского. В Лесном, по Муринской дороге, удалось найти дачу, разделенную на 4 отдельные квартиры; мы наняли одну из верхних в 3 комнаты с кухней и балконом, а другую наверху заняли сестры Перетц с матерью. Совместная жизнь и занятия в лаборатории, одинаковый возраст, общие взгляды и стремления скоро помогли мне сделаться близким другом Перовской. Конечно, Соня обладала более выдающимися способностями, подчиняла меня своему влиянию, но у меня было много с ней общего как в характере, так и в условиях нашего развития. Прежде всего, мы обе росли в замкнутой и простой семейной обстановке, нарядами никогда не увлекались, на вечера и по гостям не ездили, танцев и в детстве не любили. Варвара Степановна, мать Сони, светской жизни не любила и, живя еще в Петербурге, уезжала на лето к знакомым помещикам в деревню, где предоставляла девочкам свободно играть и бегать с братьями, не муштруя их во имя правил приличия, не развивая в них любви к нарядам и светским развлечениям. В Кизильбуруне, живя в полном уединении и пользуясь библиотекой деда, Соня много читала, усердно занималась сама по учебникам и благодаря этому выработала способность к самостоятельному труду. Большое влияние на ее развитие тоже имел брат, Василий Львович, учившийся в Технологическом институте. Когда Соне исполнилось лет 15, он стал привозить сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Бюхнера и др. Книги эти читали обыкновенно вместе, в присутствии матери, которая постепенно тоже проникалась новыми идеями и отрешалась от старого миросозерцания. Страстная проповедь Писарева, сочинения Сеченова, Бюхнера быстро разрушали религиозные традиции, не унижая нравственной высоты учения Христа, а обаятельность его личности, как мученика за идею любви к человечеству подготовляла к страданию „за великое дело любви". Стихотворения Некрасова, беллетристические произведения Тургенева, Успенского, Златовратского развивали любовь к народу, вызывали желание облегчать его страдания, притти на помощь его невежеству. Роман Чернышевского заставлял искать разрешения вопроса — „что делать?" Вера Павловна, как личность, в юном возрасте интереса не представляла, но деятельность ее находила много последовательниц. Сильное впечатление производил ригоризм Рахметова и влияние его было очень заметно в лучших представителях нашего поколения. Наконец, Бокль, с его основательной научной аргументацией о влиянии просвещения на историю цивилизации, идеи Милля о женском вопросе — будили мысль, увлекали на путь умственного развития для выработки „критически мыслящей личности", для работы на пользу „страдающих и угнетенных".

Хотя брат мой, к сожалению, умер, когда мне не было еще 15 лет, но успел уже оказать сильное влияние на меня и сестер. Он был всецело охвачен движением 60-х г.г., был для нас первым представителем материялизма и нигилизма. Две сестры мои — Вера и Надежда (впосл. Жохова) — по выходе из института под влиянием брата поступили на педагогические курсы, потом завели знакомства среди студентов, ходили на сходки или на собрания в литературно-демократическом кругу с нигилистическим „уклоном",—как теперь говорят,—у Аненских, Водовозовых, Лесевичей, где до поздней ночи в переполненных молодежью комнатах, в облаках табачного дыма велись жаркие дебаты по всевозможным общественным и научным вопросам. Еще до окончания курса в гимназии я познакомилась с подругами сестер по педагогическим курсам и стала ходить на публичные лекции Сеченова и Герда. Поступив на курсы, я еще теснее сблизилась с кругом учащихся женщин, ходила с сестрами на сходки в частных квартирах и на собрания Педагогического общества, охотно посещавшиеся молодежью, чтобы послушать рефераты и прения таких педагогов, как Евтушевский, Страннолюбский, Водовозов и др.

Занятия в лаборатории не увлекли нас; сестры Перетц превзошли обеих своим прилежанием и успехами. Перовская предпочитала заниматься математикой; она предложила самим пройти алгебру по французскому учебнику и легко усваивала этот курс, тогда как мне приходилось часто прибегать к ее помощи. Соня в то время еще интересовалась женским вопросом и равноправием в области образования. Но в это же лето мысли и чувства наши были возбуждены другими вопросами: мы читали вслух „Положение рабочего класса в России" Флеровского, „Пролетариат" и „Ассоциации" Михайлова. По поводу франко-прусской войны встретилось у нас разногласие: я стояла за французов, а Соня была на стороне немцев, считая французов народом легкомысленным и слишком склонным к амурам (П. А. Кропоткин и др. занесли в свои воспоминания, с каким презрением позже она относилась к „бабникам"). После провозглашения республики Соня изменила свое отношение. Тогда же А. Н. Энгельгардт

отправил телеграмму Гамбетте и открыто праздновал это событие.

В конце августа 70-го г. мы переехали в город. Соня стала заходить ко мне и быстро познакомилась с моими сестрами и их товарками. Кроме лекций на Аларчинских курсах, Перовская, В. и я вошли в кружок приблизительно из 20 женщин, чтобы пройти курс геометрии. А. Н. Страннолюбский преподавал в столовой весьма комфортабельной квартиры на Галерной ул., где жила отличавшаяся своей красотой, недавно, повидимому, вышедшая замуж, А. П. Корба. Среди этой компании Перовская опять проявила свои математические способности, одна из всех решив данную на уроке задачу. В это время я была несколько раз в квартире Перовских, так как мы занимались с Соней черчением под руководством ее брата. По словам Василия Львовича, директор Технологического института хочет допустить женщин в число студентов, и у Сони явилось желание поступить на механическое отделение. На курсах Соня попрежнему мало обращала на себя внимание. Как мало ее знали, видно из того, что ее не выбрали депутаткой, когда кружок женщин, хлопотавших о разрешении высших женских курсов обратился к аларчинкам с этим предложением. В результате весьма шумных и оживленных выборов, получившими большинство голосов оказались Вильберг и я. Не хотелось бы думать, что нас удостоили такой чести, главным образом благодаря нашей нигилистической внешности (В. носила синие очки, а я ходила в мужских сапогах), резко выделявшей нас среди солидных и почтенных женщин, как Стасова, Мордвинова, Философова, Цебрикова и др. Впрочем мы недолго оставались в этом кружке, т. к. не замедлили примкнуть к какому-то принципиальному протесту левых, с А. Д. Ткачевой во главе. В конце октября, если не изменяет память, Волкова, руководившая нашими занятиями в лаборатории, сообщила, что проф. Энгельгардт предлагает прочитать в частной квартире (публичные лекции были ему запрещены) курс органической химии. Наша квартира оказалась для этого подходящей. Лекция А. Н. была такая блестящая, точно рассеивала какой-то туман и раскрывала такие широкие горизонты, что слушательницы были в полном восторге. Собрались все опять в следующее воскресенье, но, прождав профессора несколько часов, разошлись с недоумением и тревогой. Через несколько дней стало известно, что А. Н. выслан в свое имение — Батищево Смоленской губ.— откуда он писал потом свои знаменитые „Письма из деревни".

Между тем, в одном журнале появился перевод первой главы „Капитала" Маркса. Известный среди молодежи студент-медик Вас. Александров познакомился с Вильберг и предложил прочитать вместе с нею и ее подругами эту главу Маркса, одолеть и понять которую могли только немногие. Но я и Перовская отказались, потому что не хотели с чужих слов принимать на веру философию, которую не могли изучать самостоятельно, и считали целесообразнее изучить основы политической экономии в более доступном изложении, — мы штудировали Милля с примечаниями Чернышевского и с восторгом зачитывались первым томом соч. Лассаля. Страстное красноречие последнего, его популярное изложение, блестящие успехи его речей и влияние их на организацию рабочих производили на нас чарующее впечатление.

Александров, Натансон и др. студенты заходили иногда к сестрам, но я еще дичилась в их обществе. Как-то раз по поручению сестры или Шлейснер, часто бывавшей у Веры и старавшейся ближе сойтись со мною и моими подругами, пошла я вместе с П-ой на Петербург. сторону в так наз. Вульфовскую коммуну. В 70-х гг. коммунами назывались общие квартиры, где жили студенты или курсистки. Матерьяльное положение живущих было не одинаково, но все получаемые средства поступали в общее пользование. Главным принципом такой жизни была взаимопомощь, как того требовала этика нашего поколения. Вообще коммуны эти, значительно удешевляя жизнь, помогали сближению молодежи между собою, увеличивали влияние выдающихся умом и знаниями. Кроме того, они давали возможность применять идеи социализма на практике в своей личной жизни, не различая в кругу товарищей между моим и твоим и живя в обстановке не лучшей, и даже худшей, чем у заводских рабочих. Особенно важное значение имели коммуны для женщин, приезжавших из провинции. Нередко ехали они учиться без всяких средств к жизни, порвав семейные связи со своими, подчас богатыми или знатными родственниками. Все, конечно, рассчитывали найти работу, но без знакомств и связей это редко кому удавалось. Многие могли бы тогда погибнуть, если бы не спасала взаимопомощь в коммунах и поддержка молодежи вообще. В коммуне на Вульфовой ул. жили медики: Натансон, В. С. Ивановский, Вас. Александров, Рождественский (в 77 г. суд. по проц. 50), Сердюков... фамилии других и сколько их было — не помню. Впервые пришлось мне и П-ой идти в такую студенческую коммуну. Посещение это оказалось продолжительнее, чем мы предполагали — там оказалась так наз. „засада": в кухне сидели 2 солдата, кот. всех впускали, но никого не выпускали. Ночью заметили, что у ворот появилась полиция; как люди опытные, студенты сообразили, что у них будет обыск, вероятно с целью

арестовать Александрова, который не ночевал дома. Чтобы предупредить его, успели высадить Сердюкова через форточку на задний двор. В надежде арестовать Александрова, когда он вернется, и была устроена „засада". Постепенно число попавших в западню все увеличивалось, но их даже не переписывали. Пленники были в приподнятом настроении; хозяева гостеприимно угощали всех чаем и обедом из конины; время коротали за пением и оживленными, столь обычными в то время, теоретическими спорами. Все было для нас ново и интересно. Около 10 ч. вечера „засада" была снята.

Как оратор на сходках, Александров был сильно скомпрометирован, и ему грозила ссылка. Он был деятельным членом кружка, который и называли кружком Натансона и Александрова. При участи В. С. Ивановского была организована студенческая библиотека в Мед.-Хирург. акад., и велась широкая пропаганда среди молодежи. У них возникла мысль устроить типографию за границей, чтобы печатать соч. Чернышевского и др. книги, на расхват читавшиеся молодежью. Вместо ссылки Александрову предложили ехать за границу и привести этот план в исполнение на средства, которые будут ему высылать. Охотно дав на это согласие, Александров оставался несколько времени нелегально и предлагал мне ехать вместе с ним в качестве его невесты, весьма убедительно доказывая необходимость особой умственной и нравственной подготовки для заключения разумного брака. Но в 17 л. возрасте, да и позже, к ухаживанию я относилась с насмешкой, кокетливых женщин и „бабников" презирала не меньше Перовской, к учащимся матерям, связанным заботами о хозяйстве и детях, чувствовала сожаление. Понятно, что я ответила Алву решительным отказом, который заслужил полное одобрение со стороны Шлейснер и П-ой.

В начале зимы, придя на урок геометрии, Соня с волнением рассказала мне и В., что отец велит ей прекратить знакомство с нами и грозит запереть дома, чтобы она не ходила больше на курсы. Соня решила уйти от родителей, чтобы не подчиняться такому насилию, и просила устроить для нее убежище. Этой же осенью сестра Вера, не желая вести буржуазный образ жизни в доме отца, вышла фиктивным браком за Н. А. Грибоедова — друга Веймара, Г. Лопатина, Кравчинского, П. А. Кропоткина, а позже и всех чайковцев. Поселилась она вместе с товарками по Педагог. курсам, тоже фиктивно вышедшими замуж — Зинаидой (позже женой Г. А. Лопатина) и Надеждой Степ. Каралли. Я предложила П-ой идти к ним, нисколько не сомневаясь, что ее там охотно примут. Отец Сони так рассердился, что мать и В. Л. напрасно старались его успокоить. Дня через 2-3 после побега Сони, ночью меня вдруг разбудила Варвара Степановна и горячо просила убедить Соню вернуться домой или сказать, где она скрывается, надеясь сама подействовать на дочь. В. С. говорила мне о долге детей подчиняться родителям. Я старалась по возможности ее успокоить и уверить, что опасности Соня не подвергается, доказывала, что она имеет право не подчиняться отцу, раз он хочет прибегнуть к насилию. Спустя несколько дней, сижу я с книжкой в гостиной, как вдруг в зале, которая соединялась с гостиной двумя арками вместо дверей, появляется полицейский офицер, а навстречу ему из своей комнаты выходит отец. „Не известно-ли вам, где находится Софья П-ая, которую мы разыскиваем по заявлению ее отца?" спрашивает офицер.— „Право, не могу вам сказать"— отвечал отец, но заметив меня, прибавил — „вот моя дочь, м. б., это знает". Я подошла к ним и сказала наивным тоном: „Уже несколько дней я не видала П-ую — на курсах она не была. Я собиралась к ней сходить и узнать, не больна ли она." Вежливо поклонившись, офицер удалился, и я вынесла впечатление, что визит этот был лишь ради исполнения формальности. Между тем, розыски сильно волновали Соню, не позволяли выходить на улицу из боязни встретить родных или знакомых отца, и она решила куда-нибудь уехать. Через Шлейснер ее направили в Киев, где она прожила месяца 2 — 3, пока не получила паспорта. Тем временем отец П-ой постоянно хворал, а лечил его д-р Оккель, бывший в то время врачом в крепости. Лев Николаевич рассказал Оккелю о побеге дочери, а тот и подал совет — немедленно вернуть ее через полицию. По заявлению Л. Н. явился офицер от градоначальника, которому в пылу гнева он жаловался, что дочь находится под влиянием младшего его сына, и тот наверно знает, где и у кого скрывается сестра; кроме того, Л. Н. указал на меня и В., как на подруг дочери. Затем был вызван Василий Львович, чтобы он открыл местопребывание сестры. В ответ на это В. Л. заявил, что не знает, где находится сестра, а еслибы и знал, то не стал бы помогать полиции насильно возвращать ее домой. После такого резкого ответа, офицер потребовал, чтобы В. Л. на след. день утром явился к градоначальнику. Варвара Степановна слышала весь этот разговор и страшно испугалась за сына,— она боялась, что его арестуют, а за резкое поведение могут даже подвергнуть тел. наказанию (тогда еще верили, что в 3-м Отд. есть люк, через который спускают в нижний этаж и секут). В. Ст. сказала мужу, что сама отправится к град-ку и потребует, в случае ареста сына, чтобы и ее взяли вместе с ним. На другой

день Л. Н. сам поехал с сыном и, первым войдя в кабинет град-ка, вел с ним довольно продолжительную беседу. После того допрос В. Л. обошелся без всяких инцидентов. Волнение и беспокойство ухудшали болезнь отца, и д-р Оккель, наконец, догадался подать более разумный совет: „Никакое лечение вам не поможет, пока вы не успокоитесь; махните на это дело рукой и выдайте дочери паспорт". Тогда Л. Н. поручил старшему сыну, Николаю, выправить Соне отдельный вид на жительство. Она немедленно была об этом извещена и в начале 71 г. вернулась из Киева в Петербург.

Существовавший с 1869 г. кружок Натансона и Александрова, в состав которого входил и Чайковский, начал приобретать книги по удешевл. ценам для пропаганды среди молодежи как в столицах, так и в провинции. Весною 71 г. Н-сон и Ч-ский задумали расширить деятельность кружка и с этой целью организовать на лето кружок самообразования, наметив, кого следует привлечь из женщин и студентов разных учеб. зав. Вверх по Неве, в дачном поселке Кушелевке, были наняты 2 соседние дачки. В состав вновь организованного кружка вошли: М. А. Н-сон, А. И. Сердюков, Н. К. Лопатин (медики), Н. В. Чайковский, А. К. Левашов (ст. ун.), Ип. Вернер, Басов, Кокушкин (технологи), 18-летний, не кончивший гимназии, М. В. Купреянов, О. А. Шлейснер, А. Я. Ободовская, С. Л. Перовская, Любовь и Ал. Корниловы и Н. К. Скворцова; Сердюков, Об-ская и Л. К-ва остались жить в городе, принимая участие в общих занятиях. Для систематического чтения и рефератов заранее, по всей вероятности Натансоном, была выработана программа, по кот. следовало начать с физиологии, психол. и полит. экономии. Руководителем общ. чтений и бесед являлся Марк Андр. Натансон; он обращал внимание на детали, заставлял искать выводов из прочитанного. Не сразу заметили мы, что выводы вытекают не из наших горячих прений, что они были готовы у него раньше, что он наводил нас по намеченному им пути. Однако, иной раз бывало, что юный Михрюта — Купреянов рассматривает вопрос глубже и приходит к другим выводам. На мою долю выпало составить реферат по одной из первых глав Милля с примечаниями Чернышевского. Чувствовала я себя, как гимназистка на экзамене, не уверенная в своих знаниях, хотя выдержала испытание довольно благополучно.

Мирное течение нашей жизни скоро было нарушено: ночью явилась полиция с обыском, и Чайковский был арестован. Все остальные были переписаны и с них взяли подписку, что они явятся в назначенный день на допрос в 3-е отд. У меня при этом вышел инцидент особого рода. Не желая тревожить больного отца, я сказала ему, что поеду с Вильберг в Крым. Для большей достоверности, я снабдила В. конвертами, надписанными моей рукой, а она вкладывала в них письма, кот. я сочиняла с П-ой о красотах Крыма, и кот. получались с надлежащими почтовыми штемпелями. Но беда была в том, что я не могла прописаться на Кушелевке, т. к. в этой пригородной местности при прописке паспорта отправляли справку в городской участок, и мой обман был бы обнаружен. На совете с П-ой и Шл. было решено, что я назовусь Ободовской, кот. не будет скомпрометирована, п. ч. ничего у нас не нашли, а она случайно не попала на обыск. Под протоколом я и подписалась Об-ской и под ее фамилией отправилась на допрос в 3-е Отд. Допрос вел полк. Кононов, производивший впечатл. человека, добродушно относящегося к молодежи. Между тем, незадолго до этого происшествия, был обыск у сестры на нашей город. квартире. У нее несколько раз ночевал Гончаров, скрывавшийся после выпущенных им прокламаций. На вопрос Кононова, знаю ли я Л. И. Корнилову, мне трудно было удержаться от смеха, когда говорила, что познакомилась с нею на курсах. Между тем по фамильному сходству люди мало знакомые нередко нас смешивали. Остальные наши сожители подверглись такому же легкому допросу и были отпущены продолжать свои занятия. Чайковского выпустили через месяц.

Летом 71 г. в окружном суде разбирался процесс нечаевцев; суд был гласный, и подробные отчеты печатались в газетах. С большим интересом мы следили за делом, и некоторым удавалось попасть на заседания суда. Программа Нечаева, иезуитская система его организации, слепое подчинение членов какому-то неведомому центру, никакой деятельностью себя не проявившему,—все это вызывало отрицательное отношение к „нечаевщине". Вместе с тем возбуждалось стремление создать организацию на основе близкого знакомства, взаимного доверия, симпатии и равенства всех членов, а гл. обр. на основе высокого нравственного развития. Тем не менее, подсудимые этого процесса являлись борцами за освобождение народа от гнета правительства и жертвами его произвола. Молодежь поддавалась обаянию борьбы за идеи правды и справедливости и стремилась найти лучшие пути для проведения их в жизнь. С половины августа 71 г. уезжавшие на лето в провинцию стали возвращаться в П-бург; они с оживлением рассказывали, какое влияние имеют книги на юношество с его горячей жаждой знания. Тогда в кружке был поднят вопрос—„будем ли мы заниматься дальше одним самообразованием?" Большинством голосов постановили: продолжая по возможности свое самообразование, 1) приобретать книги по удешевленным це-

нам, 2) снабжать ими молодежь в П-бурге и в провинции и 3) содействовать устройству новых библиотек и кружков. Из 15 членов кушелевск. кружка самообразования пятеро отказались от общественной работы—Скворцова, Басов, Вернер, Кокушкин и Левашов. В этом же заседании было решено привлечь в кружок из вятского земляч. Н. А. Чарушина и Леонида Попова, затем Лермонтова, Клеменца и В. Грибоедову, кот. жила летом на Украине, кроме того кооптировали проживавшего в Швейцарии Вас. Александрова. Кравчинский, Синегуб, Кувшинская, Тихомиров вошли в состав членов в конце 71 г., а Л. Э. Шишко и П. А. Кропоткин весною 73 г. Н. В. Чайковский, высокий и стройный, производил обаятельное впечатление своей красивой, симпатичной наружностью, своей искренностью, общительностью, способностью горячо увлекаться и увлекать других; он не имел вида сурового нигилиста, чувствовал себя свободно в любом обществе, сразу возбуждал к себе доверие, почему и сделался представителем кружка при сношениях с издателями, книгопродавцами, с либеральной и демократической публикой. Он больше всех обладал способностью завязать новые связи или добыть денег на издания и др. дела. Натансон, философ. складом ума и начитанностью стоявший выше Чайковского и обладавший большим организаторским талантом, предпочитал руководить делом, не приобретая широкой популярности. На Кабинетской ул. была нанята квартира из 4 комнат с кухней, Вера Грибоедова формально считалась хозяйкой, жильцами ее были: Натансон, Чайковский, Н. К. Лопатин, Купреянов и Шлейснер. Это была первая штаб-квартира вновь организованного кружка, скоро ставшего известным под именем кружка чайковцев. В течение зимы 71—72 г. Александров устроил типографию в Цюрихе, а в Петербурге чайковцы, энергично развивая свою деятельность по широкой постановке „книжного дела", предприняли издание „Азбуки социальных наук" Флеровского и организовали перевозку книг через границу. От издателей и книгопродавцев — Полякова, Солдатенкова, Черкесова и др.—получали книги с уступкою от 30 до 50%, а ценные издания, не имевшие сбыта, даже по себестоимости. Книги эти рассылались провинциальным кружкам в кредит и оплачивались далеко не полностью по их удешевленной цене. Всюду посылались также программы систематического чтения для занятий по самообразованию. В конце зимы Натансон был арестован и выслан в Арх. губ.; Шлейснер последовала за ним, и там они повенчались. „Книжное дело" получило свое развитие в 37 губ., вызвало издание особого циркуляра о сожжении книг по постановлению комитета министров (с 1865 по 72 г. книги подвергались уничтожению или по высоч. повелению, или по решению суда). Все это произошло уже в то время, когда Натансон, находясь в ссылке, не мог принимать участия в делах кружка. Совершенно независимо от его влияния шло и дальнейшее развитие деятельности кружка, когда от пропаганды среди молодежи чайковцы переходили к занятиям с рабочими и к попыткам вести массовую пропаганду среди крестьян, фабричных рабочих и артелей. Деятельность чайковцев и высокий этический уровень его членов с блестящим талантом описаны в „Записках революционера" Кропоткина, в очерке Шишко „Кравчинский и кружок чайковцев" и в „Подпольной России" Кравчинского; они сами принадлежали к наиболее выдающимся деятелям этого кружка. Мое же участие в делах было непродолжительно и очень скромно. Осенью 71 г. я поступила на акушерские курсы, чтобы приобрести знания и положение, дающее возможность быть ближе к жизни народа; кроме того, я не могла представить, как можно с недостаточно выработанными знаниями в 18-летнем возрасте учить народ, не имея понятия об условиях его жизни.

После громкого скандала с проф. Горвицем, которого одна из учениц за грубое обращение привлекла к мировому, я бросила эти курсы, а на другие таких дерзких не приняли. Н. П. Суслова, имевшая большую практику, посоветовала ехать учиться в Вену. Я последовала ее совету и в феврале 72 г. уехала за границу вместе с Вильберг. В Вене курс учения продолжался всего 6 мес., но практика была отличная, а проф. Шпет так хорошо вел преподавание, что я приобрела достаточно знаний и уменья для помощи при нормальных родах. Кроме того, я научилась немецкому языку настолько, что свободно сдала экзамены; а самое главное, я получила понятие о влиянии политической свободы на умственное развитие рабочих. Подготовленные чтением Лассаля, мы приехали в Вену уже заинтересованные с.-д. движением. Приобретая местную рабочую газету—Volkswille (Народная Воля), мы узнавали о месте народных собраний и стали усердно их посещать. В скором времени Вильберг познакомилась с Andreas Scheu, стоявшим во главе партии. Он был поражен ее развитием и горячим интересом, с которым она относилась к рабочему вопросу, и после моего отъезда она была принята в члены партии.

Вернулась я в Петербург в последних числах августа 72 г. За время моего отсутствия „книжное дело" и связи с провинц. кружками значительно увеличились, вместе с тем некоторые члены кружка уже не довольствовались пропагандой среди моло-

дежи, но стали знакомиться и вести занятия с заводскими рабочими. Инициатором этого был А. И. Сердюков. Он уговорил меня рассказать о с.-д. движении в Вене приходившим к нему заводским рабочим, что я и сделала. Но затем я поступила на Калинкинские курсы, чтобы пополнить мои знания изучением женских и накожных болезней, и у меня не было времени для других занятий. В начале зимы 73 г. умерла сестра моя, Вера Грибоедова. Только в сентябре месяце, вернувшись с дачи, все свое время я могла отдавать кружку. В разных частях города, ближе к фабрикам, поселились члены кружка и на своих квартирах вели по вечерам и по праздникам школьные занятия и пропаганду среди фабричных рабочих. Кравчинский, Клеменц, Кропоткин и др. читали лекции заводским рабочим. Перовская поселилась за Невской заставой и занималась с рабочими из группы Синегуба. Последний умел вести пропаганду с таким одушевлением и талантом, что в артели каменьщиков привел в восторг даже Кравчинского. Под влиянием Сергея Силыча выработались такие убежденные борцы, как Петр Алексеев, Крылов и др. Считая себя совершенно неспособной к школьному преподаванию, я решалась только читать рабочим книжки.

В конце ноября произошел первый провал: Синегуб и его сотрудники — Тихомиров, лишь осенью перебравшийся из Москвы и совсем незаметный на собраниях кружка, Стаховский, Борисевич и несколько рабочих были арестованы. В ночь с 4-го на 5-е января 74 г. и к нам нагрянули жандармы. Это было накануне свадьбы сестры Любы с А. И. Сердюковым. Вечером мы шифровали с Перовской письмо Купреянову, который уехал в Вену покупать типографский станок, и она осталась у нас ночевать. Письмо лежало у меня под подушкой; внезапно разбуженная, я вскрыла конверт, чтобы засунуть шифров. листок в чулки, но не заметила, как его обронила, и оно попало в руки жандармов, хотя без всякого адреса. Во время обыска я издевалась над ротмистр. Ремером, когда тот, горя усердием сыщика, стучал в стены или находил в сундуках на чердаке старинные занавеси вместо склада запрещенных книг. После обыска Перовскую, меня и сестру арестовали и увезли в 3-е отд. Поводом для обыска послужила записка Л. Попова, которую он дал жандарму по дороге в Петерб. для передачи сестрам Корниловым. На допросе я говорила, что инициалы разных фамилий разъяснить не могу, что это может сделать сам автор, а письмо мое расшифровать не желаю. После резкого отказа давать показания о знакомых, сестру освободили, а меня перевели в Коломенскую часть и долго не давали свиданий. Перовскую месяца через три отпустили на поруки отцу, и она уехала до суда к матери в Крым. В Коломенской части мне жилось очень свободно; через полгода рядом со мной посадили Кувшинскую и Ободовскую, и мы вели постоянную переписку, а ночью даже устраивали свидания. Переписка с сестрой была тоже в полном ходу и осведомляла нас как об арестах Купреянова, Кропоткина и др., так и о том непостижимом для нас факте, что Маликов совратил Чайковского теорией богочеловечества и уговорил его ехать в Америку. Через полтора года, на дополнении к дознанию, мне предъявили, наконец, обвинение в чтении лекций и, не добившись откровенности, отправили в крепость, где я просидела 8½ месяцев. Это было самое тяжелое, но и самое полезное время заключения,— здоровье мое пострадало, но зато внимательное, ничем не отвлекаемое чтение помогло мне выработать самостоятельное миросозерцание. Наконец, через 2 слишком года после ареста мы дождались конца следствия, и меня перевели в Дом предв. заключения. После абсолютной тишины и безмолвия, царивших в крепости, в „предварилке", на первых порах, перестукивание, разговоры в клубах через ват.-клоз. трубы и шум крайне меня утомляли. Я познакомилась с Бардиной и другими подсудимыми как по проц. 50, так и по нашему делу; кроме того, велись сношения с волей и с мужским отделением,— все это давало такой наплыв впечатлений, что трудно было с ними освоиться. В марте 76 г. под залог в 5000 руб. меня выпустили на поруки отца, по протекции ген. Мальцевой (она знала отца, как оптового покупателя изделий стеклянных заводов). За 2 г. 2 мес. моего ареста, когда Люба вышла замуж за Сердюкова, а Надя за Н. Ф. Жохова, отец не захотел жить в большой опустевшей квартире и переехал на Гончарную ул. в новый дом Меншуткиных, на одном дворе со старым их домом на Невском пр., где жила старшая сестра. В 75 году Анат. Ив. Сердюков был арестован, а Надя умерла, и на Гончарной с отцом поселились Люба с мал. сыном и Жохов.

Между тем Люба, вместе с Лариссой Вас. Синегуб, сделалась основательницей „Красного Креста" для сидящих в крепости, в „предварилке" и других тюрьмах. Благодаря ее необыкновенно мягкому характеру, даже жандармы (Кононов) проникались к ней симпатией, а Лесник регулярно сообщал сестре о прибытии новых заключенных, нуждающихся в пособии; от нее сразу принимали деньги для всех, по 5 руб. в месяц на каждого. В дни свиданий в „предварилке" Люба с Лариссой Вас. приносили передачу человек на 20, снабжая их бельем и продуктами домашней стряпни. Передача книг

была организована через особый стол в окружн. суде, куда мы носили такие тяжелые связки, что по дороге несколько раз отдыхали на тротуарных тумбах. Немало заключенных сохранили бодрость духа и получили основательные знания, благодаря этой организации; некоторые из них после освобождения, в том числе Кибальчич и Грачевский, приходили познакомиться с нами и выразить свою благодарность. Кроме того, Люба еще в 74 г. вела переписку с сидящими в 3-м отд. Выйдя из тюрьмы, я приняла деятельное участие в работе сестры, которая уже была знакома с В. Н. Фигнер, принявшей на себя заботы о помощи подсудимым по проц. 50.

Тем временем наиболее деятельные члены нашего кружка сидели в крепости, Кравчинский и Клеменц были за границей; общее настроение молодежи после неудачного похода „в народ" летом 75 г. было подавленное, т. к. определенной программы для деятельности не имелось, а население тюрем заметно увеличилось. Впрочем, как оставшиеся на свободе, так и освобожденные одновременно со мной не пали духом и летом 76 г. проявили себя, устроив побег П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя. Главным организатором его был Ор. Эд. Веймар; он купил рысака, Варвара, и подобрал необходимых помощников. Наша квартира на Гончарной ул., проходным двором соединявшаяся с Невским пр., представляла большое удобство для бежавшего, и мне предложили ожидать в ней Веймара с освобожденным Кропоткиным. В квартире на лето оставался один лакей; я отправила его с запиской на Вас. остров по несуществующему адресу, а сама с Лавровой, родственницей Кропоткина, осталась их ожидать. Томительно длилось время... Надежда на счастливый исход сменялась сомнением... Наконец, в воротах с Невского пр. показались два изящно одетых господина в цилиндрах. Мерным шагом шли они по двору, оживленно разговаривая и жестикулируя; наконец, они вступили в проход и по черной лестнице поднялись в нашу квартиру. Не берусь описать восторг, с которым мы их встретили. Ор. Эд., тщательно обдумавший все детали, захватил с собою ножницы и в несколько минут чудная борода Кроп. была срезана. Для расспросов не было времени—через полчаса П. А. и Ор. Эд. по парадной лестнице вышли на Гончарную, где за углом ждала их карета. Я возвращалась на дачу в Новую Деревню в таком восторженном настроении, какого больше не испытывала в моей жизни. Мне не сиделось на месте—своими порывистыми движениями и сияющим лицом я обращала на себя внимание других пассажиров невыносимо медленно ехавшей конки. С трудом досидев до остановки я бегом пустилась на дачу сообщить сестре и Лар. Вас. об удачном побеге.

Осенью 76 г. большое влияние на рабочих и молодежь получил вновь организовавшийся Натансоном кружок, в шутку прозванный Клеменцом „троглодитами", п. ч. квартиры его членов так же трудно было найти, как пещеры дикарей. В состав кружка входили будущие народовольцы и террористы, как Александр Дмитриевич Михайлов и Адриан Михайлов, Баранников, Осинский, а также Плеханов, Лизогуб, Оболешев и др. видные революционеры. Натансон и его жена Ольга предлагали мне вступить в их кружок, но мне слишком дороги были прежние друзья,—я не могла как бы изменить им для новых. Кроме того, серьезное изучение истории, а также Дарвина, Тэна и др. познакомило меня с теорией эволюции, и я утратила веру в возможность путем революции моментально изменить социальный строй жизни народа. Я не могла также разделять увлечения Ал-ра Михайлова раскольниками или надежду найти революционное настроение в местах пугачевского бунта и вольного казачества и т. п. Я оценила важное значение политической свободы для умственной и нравственной эволюции народа и сочувствовала борьбе с деспотизмом во имя свободы, равенства и братства. Между тем, кружок Натансона, давшего ему название о-ва „Земля и Воля", вызвал большое оживление среди молодежи и рабочих и организовал несколько уличных демонстраций, из которых особенно известна демонстрация 6-го декабря у Казанского собора. Освобожденные от следствия члены кружка чайковцев — Н. И. Драго, Ю. Н. Богданович, примкнувшие к ним—Веймар, Грибоедов, приехавшие из Швейцарии — Клеменц и Кравчинский стремились продолжить существование кружка и начали разрабатывать программу революционной деятельности в народе, известной впоследствии под именем „народнической". К этой группе примкнула и В. Н. Фигнер, с которой у меня и у сестры установились вполне дружеские отношения. *)

*) В выработке программы „народников" и в организации, сложившейся в 1876 г. и выкинувшей на площади Казанск. собора девиз „Земля и Воля", ни Клеменц, ни Кравчинский участия не принимали. Вернувшись из за границы, Кравчинский летом 1876 г. был в таком подавленном и ненормальном состоянии, что те, кто с ним встречался, считали его душевно больным. А Клеменц весь 76 г. держался в стороне и никогда не бывал на общих квартирах товарищей по названной организации и даже не знал их адресов (оттого и прозвал их троглодитами). Авторами программы были Иванчин-Писарев, Ю. Богданович и Н. И. Драго. В 1878 г., когда по процессу 193-х многие были освобождены, первые двое на собрании освобожденных, близких к чайковцам, прочли программу, кот. и была ими принята. Так как предстоял общий разъезд, то, для поддержания связи между присутствующими, выбрали Клеменца и еще кого-то (не помню), п. ч. предполага-

В 77 г. начался целый ряд процессов: по делу Казанской демонстрации, процесс 50, процесс Семяновского и др. Строгие приговоры, иногда при полном отсутствии улик, возмущали всех. На процесее Семяновского, после блестящей речи Герарда, не оставившей камня на камне в обвинении, когда суд вынес приговор на каторгу, я тут же решила, что не стоит защищаться перед такими судьями. Летом начали выдавать обвинительный акт по проц. 193; в июле мне вручил его сенатор Петерс в сенате, откуда меня препроводили в Дом предв. заключения. Перед арестом я сказала отцу, что защищаться не буду, а потому адвоката приглашать не надо. Кроме того, я обратилась к Гр. Вас. Бардовскому, чтобы до процесса он числился моим адвокатом, но дела моего не изучал, т. к. на суде я откажусь от защиты. Для подсудимых процесса 193-х заключение в „предварилке" обратилось в своего рода праздник: многие были переведены из крепости и провинциальных тюрем, где сидеть было гораздо хуже. К сожалению, праздничное настроение было нарушено возмутительным распоряжением Трепова о телесном наказании Боголюбова, которое вызвало настоящий бунт и жестокое избиение заключенных. Вообще жизнь в „предварилке" стала гораздо оживленнее, когда число сидящих увеличилось. Кроме того, адвокаты устраивали свидания своих клиентов из мужского и женского отделений, что давало возможность повидать своих лучших друзей и свести новые знакомства. Наконец, 18 октября начался наш процесс. Пять дней продолжался для нас сплошной праздник, когда все подсудимые являлись на заседание суда. Необыкновенно сильное впечатление произвело на меня знакомство с Желябовым — в нем чувствовалась такая могучая сила, такая непоколебимая уверенность в успехе своей работы, что он действовал на всех самым ободряющим образом. Не буду останавливаться на ходе процесса: он много раз описывался. Как известно, многие подсудимые (в том числе и я) были освобождены за 2 месяца до окончания процесса (23 янв. 78 г.) Неожиданное освобождение подсудимых, выпущенных после нескольких лет заключения, вызвало необычайное оживление молодежи. В. Н. Фигнер, вернувшаяся из Самарской губ., пишет: „Мы встретили необычайное оживление: молодежь ликовала, старые и новые друзья приветствовали освобожденных, как выходцев с того света, а они, измученные и разбитые физически, забыв только что перенесенные страдания, с жаром, свойственным молодости и долго-сдерживаемым порывам, уже мечтали о новой деятельности, создавали новые планы для осуществления своих идей..." („Запечатл. тр.", I, стр. 103 — 104).

Тем временем чайковцы потеряли двух членов, работавших с основания кружка— А. И. Сердюкова и М. В. Купреянова. Анатолию Ив. принадлежала инициатива социалист. пропаганды среди рабочих. Кроме того, до самого ареста он заведывал заграничн. сношениями кружка. Во время заключения в крепости он заболел психически, а потому не был предан суду и выслан в Тверь, где под влиянием меланхолии лишил себя жизни, а Михаил Вас. Купреянов умер скоропостижно в крепости. Он увлекался занятиями с рабочими, освободил из ссылки П. Н. Ткачева, в надежде иметь в нем полезного сотрудника для журнала, о кот. вел переговоры с П. Л. Лавровым, и, вместе с Анат. Ив., заведывал сношениями с контрабандистами. М. В. скончался в крепости, куда были переведены многие подсудимые после отказа присутствовать на суде. Скоропостижная смерть М. В. поразила всех и породила слухи, будто бы он отравился, но близко его знавшие не верили этому, т. к. в предварилке он был вполне бодр, до перевода в крепость читал „в клубе" лекции рабочим, а на суде, возмужавший, с свежим цветом лица, даже значительно утратил сходство с медвежонком.

В марте 78 г. происходил суд по делу В. И. Засулич, и ее оправдание присяжными вызвало ликование не только среди молодежи и в обширных кругах либер. общества, но даже смелые статьи в газетах. Засулич первая подала сигнал вооруженного отпора палачам. Приехавший из Женевы Кравчинский в августе того же года ударом кинжала поразил шефа жанд. Мезенцева.

Ходатайство суда, по настоянию Мезенцева, не было утверждено, да кроме того до 80 человек оправданных были отправлены в ссылку. Ходатайство обо мне тоже не было уважено, и административным порядком определили выслать меня в Пермскую губ. За 2 месяца до отправки, в Литовском замке я впервые близко столкнулась с Брешковской и оценила ее выдающуюся энергию.

С последней партией из 15 человек, 2 августа 78 г. надолгие годы я рассталась с Петерб. Двое суток везли нас до Нижнего, а там мы были порадованы вестью об убийстве Мезенцева. В Перми я простилась с моими спутниками, т. к. их повезли дальше в Сибирь. Я очутилась в полном одиночестве: другие ссыльные—Короленко, Маликов, Головина—жили в Перми, а я пробыла год в Верхотурье, 2 мес. в Красноуфимске,

лось, что все мы составим одну организацию (т. е. группа „сепаратистов", в кот. была я, и освобожденные, принявшие программу.). Но из этого ничего не вышло. См. „Запеч. Труд", т. I. гл. 5.

В. Фигнер.

КУЗНЕЦОВ А. К. (1845–1928).

а потом в Кунгуре, куда в конце 80 г. была выслана и сестра Люба. В Кунгуре я получила разрешение заниматься в больнице и, после ухода фельдшерицы, 2 года бесплатно исполняла ее обязанности. В 82 г. по так. назыв. конституции Лорис-Меликова, сестре моей был назначен 5-летний срок ссылки и ее направили в г. Ишим. По моему прошению я получила разрешение жить с ней в Ишиме, где очутилась, наконец, в колонии ссыльных, среди которых были писатели—Мачтет и Сведенцов. Через год мы переехали в Томск. Там было много ссыльных: Ал. Ал. Кропоткин, Феликс Волховской, Соломон Чудновский, Мокиевский-Зубок, Влад. Александров по проц. 50, его жена, Лидия Николаевская, осужденная за участие в Казанской демонстрации, Ульяновы, мой будущий муж, Максим Мороз, и др. В Томске я служила в амбулатории для бедных. Весною 85 г. я была привлечена к делу Лопатина, но меня продержали только месяца 2 под домашним арестом. Осенью уехала в Россию, когда кончился срок моей ссылки и поселилась в Казани; получив право жительства в столицах, осенью 1894 г. перебралась в Москву, где вращалась в кругу демократической интеллигенции. В 1905 г. я имела возможность разделить уединение В. Н. Фигнер, сосланной в Архангельскую губ. Свидетельницей революционных событий я не была, т. к. лечилась в то время в Германии, а позже, с весны 1917 по 1921 г., проживала на южном берегу Крыма. Последние годы доживаю свой век в глухой провинции, веду домашнее хозяйство сына.

Кузнецов, Алексей Кириллович *).

Родился в Херсоне в 1845 г. в богатой купеческой семье; первоначальное образование получил в уездном училище, по окончании его был отвезен в Московское коммерческое училище, которое кончил в 1864 г. со званием личного почетного гражданина. Затем, в начале 1865 г. поступил в Петровскую Сельско-Хозяйственную и Лесную академию, на с.-хозяйственное отделение, специализируясь у профессоров: Стебута по с.-хозяйству, у Кауфмана и Железнова по ботанике, у Шрейбера по практическим культурам.

По окончании коммерческого училища и в бытность мою студентом Петровской академии, в каникулярное время, я ходил в народ по Московской губернии, Дону и Волге, а по Московской губ. и гербаризировал. В академии отдавался общественной работе среди студенчества; организовал студенческую столовую, приносившую громадную пользу, и совместно с несколькими товарищами мы основали нелегальную студенческую библиотеку и устраивали в Петровском парке нелегальные сходки.

В декабре 1869 г. я работал над диссертацией по низшим вредителям в сельском хозяйстве. Во время моей исследовательской работы с микроскопом появился в моей квартире неизвестный мне молодой человек, фамилию которого я узнал только на суде: это был Сергей Геннадиевич Нечаев. Развернув передо мной картину революционного движения, охватившего в то время Россию, и осмеяв меня, предававшегося научным исследованиям,—он силой своего революционного убеждения покорил меня.

В то время ему было 21 год. Он был небольшого роста, с темными, почти черными волосами и едва пробивающимися усиками, с горящими глазами, взгляд которых мог выносить далеко не всякий; с резкими движениями, крайне нервный, возбуждаясь, он кусал себе ногти пальцев чуть не до крови. Для того, чтоб, не выдавая себя, успешнее наблюдать за собеседником, Сергей Геннадиевич носил большие выпуклые синие очки. С. Г. Нечаев был известен за границей под псевдонимом „Лидер"; в Москве он называл себя „Павловым, Иваном Петровичем." Кроме этого, он имел и еще несколько псевдонимов. До суда ни один из 84 участников процесса, кроме Успенского, не знал его настоящей фамилии. Приехав в Москву, он поселился в квартире Успенского, служившего приказчиком в книжном магазине Черкесова. Между Нечаевым и Успенским существовала полная солидарность, и предписания, исходившие от Исполнительного Комитета, фактически выпускались Нечаевым и Успенским. На всех предписаниях ставилась печать с изображением топора и надписью: *„Комитет Народной Расправы, 19 февраля 1870 года"*.*) Это подтвердилось найденными при обыске в квартире Успенского бланками с указанным текстом печати, зашитыми в подушках мягкого дивана и кресла.

По приезде из-за границы С. Г. Нечаев побывал в Петровской академии. Вскоре после этого, ночью, в академии в квартире Иванова, с которым он познакомился через Успенского раньше, состоялось первое собрание, где присутствовали: Нечаев, Иванов, Рипман и Долгов. Успенский и Прыжев никогда на собраниях не бывали, а сносились с кружком: Успенский через Долгова, Прыжев через Николаева. На первом собрании Нечаев объявил себя уполномоченным Международного Общества рабочих (интернационала, основанного в Лондоне

*) Автобиография написана в феврале 1926 года в г. Чите.

* Время, назначенное для начала восстания.

28 сентября 1864 года), статуты, которого приняты бакунинской организацией, в свою очередь уполномочившей его на революционную работу в России. Дальше, он заявил, что вся Россия и Петербург охвачены сетью организаций, Москва же остается позади и что он является представителем О-ва, которое должно развернуть свою работу в Москве. Затем, он стал знакомить нас с правилами, составленными им специально для организации кружков. Кроме этих правил, некоторым из нас впоследствии стали известны общие правила нечаевской организации, так наз. „Катехизис революционера". Потом Нечаев перешел к структуре нашего головного кружка, обязав нас создать около себя кружки второго разряда при непременном условии, чтобы образуемые нами кружки второй, третьей, четвертой и т. д. степеней не знали о кружках по восходящей линии, а могли лишь знать о кружках ниже стоящих.

На таких же началах, по словам Нечаева, в Москве создается другая ветвь всемирной организации, которая имеет своего отдельного представителя Интернационала.

Кроме того, Нечаев познакомил нас с литературой, которую мы должны были распространять при пропаганде. К ней относились следующие издания и журналы: „Народное Дело", „Народная Расправа", Будущность" „Колокол", Летучий Листок", „Общее Вече", издания Огарева, стихотворение „Студент", прокламация Нечаева „Потомки Рюрика", прокламация „От сплотившихся к разрозненным", воззвание „Братья—товарищи" и многие другие.

После организационного собрания началась работа первого головного кружка, состоявшая в том, что каждый представитель должен был привлекать в кружок лиц, полезных делу революции. При вербовке членов подходили не ко всем одинаково; так, людям политически неразвитым говорили: „Государственный переворот—это дело будущего, а теперь мы находимся в периоде собирания сил"; этим людям никогда не говорили ничего о конечных целях общества (разрушение существующего строя).

Лица, проявившие себя в революционной деятельности, выделялись Нечаевым на специальные работы, как, напр., Прыжев с его кружком был выделен на работу среди подонков общества, я со своим кружком должен был работать среди купечества; Николаев был во главе лиц, работавших среди крестьян, Успенский был выделен в особый кружок, но это было простой фикцией, так как Успенский и его жена, Александра Ивановна, урожденная Засулич (сестра Веры Ивановны), занимали в организации, благодаря близкому знакомству с Нечаевым, особое положение, о чем было сказано выше. При чем всякий проявивший себя положительно в революционной работе в кружках низших степеней продвигался в выше стоящий кружок, а лиц безнадежных, т.-е. таких, из которых нельзя было выковать революционеров, беспощадно выбрасывали.

В кружках была введена железная дисциплина и требование беспрекословного исполнения всех распоряжений и велений центрального комитета Народной Расправы. Но далеко не всеми членами исполнялось это требование, так, напр., Иванов неоднократно требовал, чтоб ему сообщили состав комитета Народной Расправы, весьма часто протестовал против беспрекословного исполнения того или иного требования центрального комитета, чем вызывал нескрываемое раздражение Нечаева.

Моя работа в организации началась с того, что я образовал возле себя кружок второй степени из близких мне с детских лет лиц, с которыми я учился восемь лет в Московском Коммерческом училище, а затем позднее мы были студентами Петровской Сельско-Хоз. академии. К этим лицам относятся: мой младший брат, Семен Кириллович Кузнецов, Климин (жив и в настоящее время, живет в Козьмодемьянске), два брата И. и В. Рязанцевы и Гавришев. Они в свою очередь, каждый около себя, основали кружки третьей степени и, таким образом, постепенно по нисходящей линии в течение двух месяцев в кружки было завербовано до 400 человек, арестовано 310, а судилось 84 человека. Мы, участники головного кружка, всячески выгораживали арестованных, имевших хоть какую-нибудь причастность к нашим кружкам, беря всю вину на себя.

Работа в кружках велась весьма секретно, но бдительность и контроль Нечаева были изумительны. Внезапно появляясь на заседаниях кружка, он поражал участников знанием не только всей проводившейся кружком работы, но и временем и местом заседаний. Иногда на заседания он приносил в запечатанных конвертах распоряжения центрального комитета Народной Расправы и, искушая нас, спрашивал: „Что же вам пишет центральный комитет?" Разглашать распоряжения комитета уставом воспрещалось и требовалось обязательно по прочтении приказания или распоряжения таковое сжигать, что строго исполнялось. При посещении кружков Нечаев говорил кое-что и о себе. Так, однажды в нашем кружке он рассказывал о своем побеге из Сибири, куда он будто-бы был сослан на каторгу в рудники за революционную работу и откуда, преодолевая всевозможно невероятные препятствия—бежал.

Кроме самого Нечаева, кружок посещали лица никому не известные. Так, однажды появился в кружке в военной форме Иван Лихутин (как впоследствии выяснилось,

привезенный Нечаевым из Петербурга с целью мистификации). Он представил в кружке бланк с женевской печатью и сообщил, что в Петербурге имеются организованные кружки среди военных и в Москве, в некоторых частях войск, имеются такие же кружки, с которыми он вошел в связь. Появлялся в нашем кружке, с той же целью, в качестве ревизора некий Александр Васильевич (Н. Н. Николаев, старый близкий знакомый Нечаева). Николаев имел наружность крестьянина: широкое лицо, рыжеватые волосы и крестьянскую клинообразную бороду, ходил в развалку тяжелой поступью, всегда был одет в большие сапоги и в крестьянский нагольный тулуп. Как уже упоминалось, он представительствовал в кружках, как организатор среди крестьянства. Из его сообщений мы знали о недовольстве крестьян реформой 1861 года и о готовности крестьян присоединиться к восстанию.

Вскоре после организации мной кружка второй степени я был отозван на специальную работу. В головном кружке меня заменил Климин. Мне пришлось заняться изобретением и составлением шифра для сношений кружков и представительствовать по организационным вопросам в кружках.

19 ноября Нечаевым было созвано чрезвычайное собрание из следующих лиц: меня, Прыжева, Николаева, Долгова, на котором Нечаев прочитал сообщение центрального комитета Народной Расправы, указывавшее на то, что комитету стало известно не только недовольство Иванова деятельностью организации, но и его намерение донести жандармскому управлению о существовании организации. Нечаев заявил нам, что в комитете имеются веские доказательства, но в виду строгой конспирации он не имеет права их огласить. На заседании горячо и долго дебатировался вопрос: что же делать? Погубить ли так быстро и успешно развивающееся общество, или же ради сохранения общества пожертвовать жизнью Иванова. Единогласно постановили последнее, что и приведено было в исполнение ночью 21 ноября в гроте Петровско-Разумовской академии.

Через день после ужасного акта мы с Нечаевым отправились в Петербург. Я вез кучу писем к различным общественным деятелям: Некрасову, Михайловскому, Демерту (заведывавшему внутренним отделом „Отечественных Записок"), Лихутину, Негрескул, Старцеву и многим др.

В Петербурге, где Нечаев вел совершенно отдельную от меня работу, он во время одной из встреч посвятил меня в план цареубийства, который он обдумывал в те дни. По его словам осуществить этот план не представляло больших трудностей. Нужно было иметь 40—50 преданных организации лиц, ворвавшись с которыми во дворец и обезоружив стражу возможно было покончить с царем и его семьей. Дворцовая стража в этот период была крайне распущена, часть царских лакеев и прислуги неглижировала своими обязанностями, и при таких условиях, по уверениям Нечаева, возможно было совершить переворот, и тогда можно было думать, что такой план осуществим.

Получив известие, что в Москве, в ночь с 25 на 26 ноября, арестован Успенский, Нечаев уехал в Москву, а оттуда быстро, при помощи Черкесова пробрался за границу. Я же оставался в Петербурге для организации кружков, на таких же началах, как и московские. Вскоре я заметил, что за мной следят, и вынужден был начать уничтожать оставшиеся нерозданными письма, но надеясь, что все может обойтись благополучно, не успел уничтожить все. При обыске у меня было взято 14 писем, записная книжка и телеграмма от Нечаева из Москвы.

В ночь на 3 января 1870 г. я был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, затем 1 июля 1871 г. был судим Петербургской судебной палатой совместно с Успенским, Прыжевым, Николаевым и др. лицами, составлявшими первый головной кружок нечаевской организации; по статьям 249 и 250 Ул. о наказ. приговорен к заключению в крепости на 10 лет.

* * *

Невольно перед нами встает вопрос: чем, какими способами Нечаев порабощал, приковывал к себе людей, как молодых, так и пожилых (Прыжеву было 42 г.), и притом часто людей, более чем он всесторонне образованных? Ответ может быть один— своей колоссальной энергией, своей прямолинейностью, силой своей воли, своей бескорыстной преданностью принципу. Его постоянными словами были: „Нужно работать только для блага обездоленного народа; нужно организовывать восстание."

Привычно он, ночуя у нас, спал на голых досках, довольствовался куском хлеба и стаканом молока, отдавая работе все свое время. Такие мелочи на нас, живших в хороших условиях, производили неотразимое впечатление и вызывали удивление. Но главный секрет его огромного влияния на нас, студентов академии, заключался в том, что почва для его проповедей была подготовлена.

Академия имела при своем основании устав, отличавшийся такими свободами, каких не имело ни одно высшее учебное заведение. Мы имели, кроме официальной библиотеки, свою нелегальную (заведывал И. Рязанцев), кроме дозволенной кассы— свою нелегальную; мы получали почти все подпольные и заграничные издания. Каждое лето, во время каникул, по уставу акаде-

мии, мы разъезжались на практику в образцовые имения разных губерний, принадлежащие богатым землевладельцам, которые еще недавно были крепостниками. Здесь мы знакомились с рабочими, с их положением; знакомились и с крестьянами соседних деревень. Осенью по приезде в академию мы собирались, и каждый делал сообщение о своих наблюдениях. Всегда положение рабочих и крестьян рисовалось в самых мрачных красках, и выявлялось недовольство крестьян реформой 1861 года. Часто шли беседы, как помочь выйти народу из ужасного положения, и никогда мы не додумывались дальше фаланстеров Фурье и полумер Сен-Симона. Наш дружеский кружок даже наметил около академии участок земли, на котором мы мечтали работать на коммунистических началах, думая, что он будет служить примером для других студентов академии. Наконец, надо помнить, что до нас был произведен каракозовский выстрел, который сделал большую брешь в нашей психологии. Он был тем же толчком, способствовавшим косвенным путем созданию нечаевского общества, как затем нечаевский публичный процесс создал у многих молодых людей новое миросозерцание в области политических вопросов. Почва была подготовлена. Мы, восторженные молодые люди, искавшие выхода из окружающих Россию ужасных условий, охотно склонялись на предложения Нечаева, умело высмеивавшего наши мечты, наши научные работы, при чем он указывал на революцию, как на единственный путь для достижения народного блага. Если мы поддавались влиянию Нечаева, благодаря тому, что были мало опытны или мало развиты политически, то как надо расценивать такие факты, как его влияние на Герцена и возможность получения от него капитала на революцию, или на Огарева, от которого он получил вторую часть капитала, оставленного Бахметьевым на революционные нужды в России. Известна также и его близость к Бакунину, с которым он, после бегства из России в 1870 году, участвовал в издании „Колокола". Бакунин и порвал с Нечаевым лишь тогда, когда убедился, что последний ведет свою линию, совершенно не считаясь с мнением других заинтересованных в издании „Колокола" лиц.

Я разделяю определение Нечаева, сделанное Бакуниным после их идейного расхождения, писавшего Н. П. Огареву: „Нечаев один из деятельнейших и энергичнейших людей, каких я когда-либо встречал; когда надо служить тому, что он называет делом, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и бывает также беспощаден к себе, как и ко всем другим. Вот главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать сообщества с ним. Есть люди, утверждающие, что это—просто авантюрист; это—неправда, он фанатик, преданный одному и только одному делу,—делу революции. Он не эгоист в банальном смысле слова, потому что он страшно рискует и ведет мученическую жизнь лишений и неслыханного труда... Нечаев—сила, потому что это огромная энергия. Я с большим сожалением разошелся с ним, так как служение нашему делу требует много энергии, и редко встречаешь ее так развитою, как у него".

После выдачи Нечаева швейцарским правительством России Бакунин писал Огареву: „Итак, старый друг, неслыханное совершилось... Впрочем, какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который погиб для России безвозвратно, на этот раз вызовет из глубины своего запутавшегося существа всю свою доблесть. Он погибнет героем и на этот раз никому и ничему не изменит. Такова моя вера. Никто не сделал мне, и сделал намеренно, столько зла, как он, а все-таки мне его бесконечно жаль... Он был человеком редкой энергии и, когда мы с тобой встретили его, в нем горело яркое пламя любви к нашему бедному, забитому народу, в нем была настоящая боль по нашей исторической народной беде".

Внутренний голос не обманул Бакунина, и предсказание его относительно Нечаева сбылось. Известно, как Нечаев держал себя на суде. И даже заточенный в Алексеевский равелин, он проявил силу своей необычайной воли своей борьбой с тюремщиками вплоть до самой последней минуты своей жизни.

Итак, влияние Нечаева было огромно. Лишь на суде я понял, что управление обществом создано было Нечаевым на лжи. Идя в партии в Сибирь на каторгу с Прыжевым, Николаевым, я из интимных разговоров о Нечаеве пришел к твердому убеждению, что для совершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, что этот акт нужен был Нечаеву для того, чтоб крепче спаять нас кровью.

Решая вопрос о личности Нечаева в полном объеме, нужно принять во внимание, что мы, вступившие в нечаевскую организацию, были шестидесятники с большим уклоном в область социалистических мечтаний, альтруистических побуждений и с беззаветной верой в честность учащейся молодежи. И несмотря на то, что Нечаевым было поругано и затоптано то, чему я поклонялся, несмотря на то, что он своей тактикой причинял огромные нравственные страдания—я все же искренно преклоняюсь перед Нечаевым, как революционером.

После суда я просидел несколько месяцев в Виленской крепости при самых тяжких условиях. Затем, в конце 1871 г. со-

вместно с товарищами по процессу, Николаевым и Прыжевым, отправлен (при уголовной партии) как гражданский преступник в Кару. Правительство, сославшее нечаевцев, как гражданских преступников, надеялось добиться при такой постановке вопроса выдачи Нечаева, бежавшего из России и проживавшего в Швейцарии.

На Кару хотя я и следовал с уголовной партией, но был на положении гражданского преступника, что давало мне возможность ботанизировать по пути следования, а прибыв в Нерчинск и живя в нем некоторое время, я мог ботанизировать и в окрестностях его. Результатом этой работы, вместе с собранными растениями вблизи Кары, был гербарий, вложенный в созданный мною Нерчинский музей. Живя в Нерчинске, я познакомился со всеми ссыльными поляками и местными учителями, что дало мне возможность впоследствии использовать эти знакомства для политических целей. По прибытии в Кару, в виду того что относительно меня не было никаких предписаний, я считался „малосрочным", а таковых (в патриархальные времена) освобождали в так называемую „вольную команду". Как гражданский преступник я стал „урочником", вносил плату за дрова в кассу смотрителя средне-карийского промысла (золотые промыслы Кабинета), где я проживал.

Будучи на положении гражданского преступника, пользовался относительной свободой, и при начальниках каторги—Винникове, Скоробогаче и Кононовиче в устроенном мною приюте для детей ссыльных-каторжан организовал мастерские, в которых квалифицированные мастера из каторжан обучали детей мастерствам. Результаты достижений поражали всех осматривающих мастерские и выставки, на которых были представлены работы учеников; мастерские давали большой доход. Кроме этого, при приюте мною созданы: сад с оранжереей и цветниками, огород с парниками и теплицами и опытное поле. Все это оживлялось проведенным мною водопроводом из ближайшего ключа. Дети, воспитываясь в приюте, обучались в мастерских, а лично под моим руководством работали и в саду, и в цветниках, и в огороде, и в поле. В то же время мною была открыта школа для обучения детей частных лиц. Совместно с доктором В. Я. Кокосовым нами впервые на каторге устраивались спектакли в лазарете для всех взрослых каторжан и в приюте для детей.

После выдачи швейцарским правительством Нечаева и суда над ним 8 января 1873 г., приговорившего его к 20-летней каторге (он был заключен в Петропавловскую крепость, где нашел свою голгофу и смерть), из Петербурга, из 3-го Отделения, в Нерчинскую каторгу было дано предписание считать нас, нечаевцев, государственными преступниками и ежемесячно доносить о нашем поведении.

Отбыв шестилетнюю ссылку на Каре в 1878 г., по приглашению гражданина Бутина я переехал в г. Нерчинск, где мне было предложено устроить сельскохозяйственную ферму в предместье Зыряниха. В то же время мною из ключа Зыряниха был проведен в город, через городской сад в сад бр. Бутиных водопровод на протяжении полуверсты (в настоящее время водопровод разрушен). В 1881 г. в г. Нерчинске на ферме была устроена сельскохозяйственная выставка, имевшая большой успех. В Нерчинске мною основано Общество попечения о начальном образовании. Председателем его я состоял несколько лет, а 29 янв. 1914 г. мне был поднесен диплом со званием почетного члена. 14 апр. 1891 г. мною внесено в вышеназванное Общество письменное мотивированное предложение, а в Нерчинскую городскую думу доклад об открытии близ Нерчинска сельско-хозяйственной школы с ремесленными классами. В течение 25 лет производились денежные сборы и, наконец, в 1916 г. школа была открыта, и я избран ее почетным членом. Из распавшейся музыкальной школы бр. Бутиных мною был организован кружок любителей музыки и литературы, затем первый на Дальнем Востоке музей, библиотека, частная школа для детей горожан, любительская фотография. Все эти учреждения поддерживались на средства, добываемые кружком музыки и литературы от доходов со спектаклей, концертов, устройства праздников и увеселений. После восстановления в правах, что было сделано без всякого с моей стороны ходатайства, я состоял гласным Нерчинской городской думы.

В 1889 г. переехал в Читу, чтоб дать образование в гимназиях своим детям. В Чите мной была открыта фотография-передвижка, с которой я ездил по Забайкалью, снимая все достойное внимания. За несколько лет мной было выпущено одиннадцать фотографических альбомов (среди них драгоценнейший альбом снимков всего, что связано с пребыванием декабристов в Забайкалье). На средства, доставляемые мне фотографией, ежегодно предпринимал экскурсии в разные места для исследования Забайкальской области и собирания коллекций для музея. Участвовал с геологом А. П. Герасимовым в экспедиции в низовья Ингоды и Онона, из которых вывез ценные геологические и археологические коллекции. К тому же времени относится мое участие в работах Статистического и Кустарного комитетов, в последнем я был председателем.

16 июля 1894 года по инициативе моей и доктора Н. В. Кириллова организовано Отделение Приамурского Географического Общества, а 16 апр. 1895 г. открыт организованный мною музей, первым директором которого был избран я. В 1895 г. при Отделе начало функционировать Общество народных чтений, положено основание книжному складу и открыта книжная лавка. В 1895 г. была основана библиотека, которая числилась при Обществе до 1908 г.

В 1896 г. по поручению Общества мною была составлена записка с указанием на местность по среднему течению Витима, как пригодную для заселения; на основании доклада Обществу и вышеупомянутой записки Обществом было вынесено постановление о снаряжении экспедиции на Витим, но экспедиция эта не состоялась.

В 1896 г. Нерчинский музей принимает участие в выставке по этнографии в Нижнем-Новгороде, в 1897 г.—на выставке центрального Общества Правильной Охоты в Москве и в 1900 г.—на всемирной выставке в Париже, где Обществу присуждена серебряная медаль и выдан диплом. 10 марта 1899 г. на общем собрании членов Забайкальского Отдела Р. Г. Общества состоялось единогласное постановление: избрать меня в почетные члены Отдела „за продолжительную полезную деятельность в Забайкальском Отделе и Нерчинском музее." В 1898 г. среди членов Заб. Отд. Р. Г. Общества возникла мысль об устройстве областной выставки в Чите, что и было осуществлено в 1899 г. Устроителем и распорядителем выставки был избран я. По окончании выставки мною, как распорядителем ее, были переданы в музей ценнейшие экспонаты, благодаря которым музей значительно обогатился. За выставку, как устроитель ее, я получил три медали: золотую—„за деятельность по рациональному пчеловодству, огородничеству, садоводству и ботаническому отделению сада"; большую серебряную — „за художественно исполненные фотографические работы"; бронзовую—от Охотничьего Общества „за исследование по изюбреводству в Забайкалье". В 1894 г. за пять лет до открытия сельскохозяйственной выставки на заброшенной площади, отведенной Геогр. Обществу, мерой около 6 десятин, служившей местом свалки нечистот, был при больших материальных затратах мною устроен сад, который служит лучшим уголком отдыха и до настоящего времени. Насаждение сада поддерживалось проведенным мною водопроводом из Кайдаловки.

В 1900 г. был устроен при Отделе склад сельскохозяйственных орудий, в котором я был распорядителем. В 1902 г. советом министров было предложено Географическому Обществу высказаться по вопросу государственного благоустройства Забайкальской области. На этот предмет мной по поручению Общества была составлена записка, вошедшая в доклад совету министров. В этом же 1902 г. мне присуждена центральным Географическим Обществом малая золотая медаль за труды по Читинскому Отделу Р. Г. Общества.

В 1902 г. я вынужден был в виду неприязненного отношения ко мне вновь назначенного губернатора Надарова по политическим мотивам оставить обязанности директора музея и до 1904 г. стоял в стороне от деятельности Географ. Общества. В этот период времени губернатором Надаровым при участии члена Географического Общества А. Ф. Гелера был произведен разгром музея и всех учреждений Общества. Коллекции музея были выброшены из занимаемого им помещения и свалены в сарай (без потолка и пола). Ценнейшие коллекции музея погибали. Геогр. Общество почти прекратило свою деятельность. Так продолжалось до 8 февр. 1904 г., когда мною губ. Надарову был представлен доклад о положении дел Отдела и его музея с просьбой назначить комиссию для приведения в известность имущества Отдела и разбора еще не окончательно погибших коллекций. Комиссия установила порчу предметов музейных коллекций в размере $^2/_3$.

С отъездом губ. Надарова на фронт я был вновь избран директором музея и начал работать по восстановлению его. Летом 1904 г. мне было поручено приспособить сарай-барак под музей, что и было исполнено к осени, и 31 окт. 1904 г. состоялось открытие в новом помещении Геогр. Общества и отмечено 10-летие существования его.

С началом общественно-политического движения в России в 1904—05 гг. около меня образовалась группа из членов Геогр. Об-ва и лиц революционно-настроенных. Первоначально работа кружков совместно с рабочими и военными происходила в помещении музея Геогр. О-ва. Собрания велись подпольным порядком, здесь же скрывались лица, бежавшие из Акатуя, как тов. Браиловский, и прибывшие с приисков административные, как тов. Костюшко-Валюжанич. Вести революционную работу в Географическом О-ве было возможно потому, что покровителем его являлся генерал-губернатор и, таким образом, О-во не было объектом бдительного наблюдения жандармов и полиции.

18 окт. 1905 г. мне первому в Чите была прислана из центра телеграмма с манифестом 17 октября. Немедленно я поехал в театр, где шел спектакль. Предложил прекратить спектакль, а устроить митинг. Предложение было встречено восторженно. О решении граждан я по телефону сооб-

щил рабочим на Читу 1-ю. Вскоре с знаменами в театр явились и рабочие. Начался митинг. Был зачитан манифест. Мною было отмечено, что свободы не даются, а берутся... благодаря чему было установлено правильное отношение к манифесту. После этого была произнесена горячая, блестящая речь Браиловским.

23 ноября состоялся организованный мной народный митинг, на котором было более 5 тысяч человек. Митинг этот послужил толчком для группировок по партиям. Среди наметившихся группировок по всем кардинальным вопросам вначале была согласованность и полное единодушие. По организации партии социалистов-революционеров я вошел в нее; был избран председателем митингов, а в ноябре на Забайкальском областном съезде социалистов-революционеров был избран почетным членом Заб. обл. комитета партии. 14-го декабря военной организацией был устроен юбилей, посвященный 80-летию восстания декабристов, на котором я был избран председателем собрания. Юбилей этот прошел с большим подъемом.

Нашу деятельность по работе среди рабочих, крестьян и армии ликвидировали с двух концов: с запада—ген. Меллер-Закомельский, с востока—ген. Ренненкампф. По пути следования оба генерала-усмирителя расстреливали, секли и наводили ужас на население. Все, кто имел возможность, бежали или скрывались в лесах.

В начале февраля 1906 г. меня, болевшего тифом, арестовали, завернули в одеяла и перевезли в тюремную больницу. В конце февраля я был судим временным военным судом при карательной экспедиции Ренненкампфа и по приговору 1 марта по 3 части ст. 101 Уг. Улож. был лишен всех прав состояния и приговорен к смертной казни через повешение. По ходатайству Академии Наук и центр. Географического Общества смертная казнь мне была заменена 10-летней каторгой.

Каторгу отбывал в Акатуе. Принимал участие во всех партийных работах; был в организации побегов для политссыльных, нес обязанности казначея, заведывал лавкой и проч. 14 июня 1908 г. я был отправлен на поселение в Якутскую область. По распоряжению иркутского генерал-губернатора Селиванова я был сослан в Намский улус, в 110 верстах на север от Якутска, и должен был быть поселен в богадельне для ссыльных каторжных, но благодаря брату Д. А. Клеменца, заведывавшего богадельней, это было устранено. Я был поселен в Намском улусе и пользовался полной свободой.

Живя в Намском улусе, я устроил парники, развел огород и открыл для обучения детей якутов бесплатную школу. Об этом стало известно якутской полиции, оштрафовавшей меня на 7 руб. 50 коп. за открытие школы без разрешения начальства.

С отъездом из Иркутска ген.-губ. Селиванова мне было предложено переехать в Якутск и заняться достройкой здания под музей и библиотеку, что я и сделал, а затем устроил музей и библиотеку, положив в основание разрушенные коллекции, собранные когда-то народовольцами.

10 декабря 1911 г. сгорело здание, в котором помещался Читинский музей; часть коллекций погибла и большая часть была уничтожена. Деятельность музея и Геогр. О-ва совершенно прекратилась. В это время уже кончилась моя ссылка, и я добровольно оставался в Якутске, работая в музее. После пожара музея Читинское Геогр. Общество было бессильно само заняться устройством музея и, употребив все свое влияние, добилось разрешения у ген.-губ. Князева на мое возвращение в Читу, куда я и прибыл в конце августа 1913 г.

В сентябре я был восстановлен в звании директора музея и принялся за работу по восстановлению музея, который приходилось создавать вновь. 1914 г. прошел в усиленной работе по созданию в 3-ий раз коллекций музея. В то же время под моим наблюдением шла работа по достройке собственного каменного здания для музея. 9 ноября 1914 г. музей был открыт. Все присутствовавшие констатировали, что никогда прежде музей не был так полно представлен и прекрасно оборудован, как в данное время. Вечером того же дня состоялось торжественное заседание Географического Общества, посвященное 20-летней деятельности. На нем вынесено постановление о возбуждении ходатайства перед центральным Географическим Обществом о награждении меня большой золотой медалью за научные труды, за создание Нерчинского, Читинского и Якутского музеев и за новое воссоздание Читинского музея. Кроме того, постановлено вывесить в зале заседаний Общества мой портрет. В новом помещении шла кипучая деятельность как по Геогр. Обществу, так и по музею.

Период 10-летия с 1914 по 1924 год можно выявить так. Первый период (по ноябрь 1920 г.) постепенного упадка и полного прекращения работ Отдела вследствие империалистической, а затем и гражданской войны, не дававших возможности заниматься научными работами. Все силы были направлены на то, чтоб хоть как-нибудь сохранить музей и Отдел. Мне пришлось в этот период быть и председателем Геогр. О-ва, и директором музея, и правителем дел и исполнять обязанности прочих должностных лиц, и только такая напряженная работа дала возможность спасти музей и Отдел.

Вскоре после утверждения власти Д.-Восточной Республики министром просвещения М. П. Малышевым было предложено музею организоваться для новой деятельности, составить устав Геогр. О-ва, представить на утверждение министерства штаты музея и смету расходов, что и было сделано. 27 декабря 1920 г. состоялось постановление совета министров Д. В. Р. об объявлении всех музеев на Дальнем Востоке государственным достоянием с передачей их в ведение м-ства народн. просвещения и с наименованием здешнего музея „Читинским Краевым Музеем". 6 марта 1921 г. я был избран директором Читинского Краевого Музея. С весны 1922 г. в течение 3 лет при музее функционировали организованные мной инструкторские курсы для учителей. 24 августа 1921 г. в номере 6 „Д.-Восточного Телеграфа" было опубликовано постановление правительства Д.-В. Республики о наименовании музея Читинского Отделения Р. Г. О. музеем А. К. Кузнецова и назначении мне пожизненной пенсии в размере 600 руб. в год.

В течение 2-х последних лет я принимал близкое участие в работе Д.-Восточного выставочного комитета по устройству в Москве осенью 1923 г. Всероссийской сельско-хозяйственной выставки, наградившей меня 20 октября 1923 г. дипломом признательности за научное руководство и собранные этнографические коллекции (характеризующие быт народностей Восточной Сибири). В марте 1923 г. принимал участие в Историко-Революционной выставке, устроенной Истпартом Дальбюро ЦК РКП.

8 февраля торжественно праздновались 30-летие Геогр. О-ва и 80-летие моего рождения. Академия Наук вместе с приветствиями извещала о своем намерении поставить на пленуме Академии Наук вопрос о награждении меня большой золотой медалью. Центральное Русское Географическое Общество присудило мне большую золотую медаль за труды по этнографии. Забайкальский отдел Р. Г. О. избрал меня почетным председателем Общества. Высший местный орган советской власти—губисполком отметил мои труды в постановлении своего чрезвычайного заседания.

К осени 1925 г. музей обогатился разного рода коллекциями (до 6 тысяч номеров). Художественная галлерея пополнена картинами (свыше 40), керамикой и дорогими итальянскими мраморами, вывезенными мною из бывшего Бутинского дворца в г. Нерчинске. В связи с юбилеем революции 1905 г. исключительно мною, как бывшим политкаторжанином и почетным старостой Забайкальского Отдела, создан Музей Революции, торжественно открытый 20 дек. 1925 г. В настоящее время в Музее Революции имеется: портр., картин, плакатов, разного рода графических материалов, архивных документов, писем и объяснительных текстов ко всем этапам революции до 6000 номеров.

Научные работы: „Археологич. изыскания в Ю.-В. части Забайкалья летом 1892 г.", „Известия" Вост. Сиб. О. Р. Геогр. О-ва, т. XXIV, 1893 г.; „Речь, произнес. 21 янв. 1896 г. в торжеств. собр. Географ. О-ва", „Записки" Читинск. Отд. Р. Г. О., в. II, 1895 г.; „Программа для собирания сведений о реках Забайкалья", „Записки" Читинск. О. Р. Г. О., вып. II, 1897 г.; „Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайк. Обл.", „Записки" Читин. О. Р. Г. О., вып. III, 1899 г.; „Историч. очерк пчеловодства в связи с судьбой его в Сибири и Забайкалье", 1899 г.; „Выставка в Забайк. Области сельских и др. произведений в г. Чите, бывшая в 1899 г." (1899 г.); „Обзор сельскохозяйств. и промышл. выставки в г. Чите, бывшей в 1899 г."; „Доклад о долине р. Витима". Доклад в Совете Читинского Р. Г. О., „Журнал" вып. IV, 1901 г.; „Развалины Кондуевского городка и его окрестности", с атласом.

Майнов, Иван Иванович *).

Родился в феврале 1861 г. в Каширском уезде Тульской губ. Отец его—местный помещик Михаил Михайлович Павлов, математик по образованию, окончив Московский университет во время севастопольской войны, тотчас же поступил в артиллерию, чтобы участвовать в отражении неприятеля, а после заключения мира вышел в отставку и принял на себя, как старший из братьев, заведывание хозяйством в имении своей матери, вдовы профессора Московского университета, шеллингианца Михаила Григорьевича Павлова. При освобождении крестьян М. М. Павлов служил в своем уезде мировым посредником, а впоследствии занял должность директора народных училищ Тульской губернии. Матерью М-ва была местная крестьянка, бывшая крепостная Павловых, не имевшая никакого образования, но отличавшаяся в молодости замечательной красотой.

В трехлетнем возрасте мальчик был усыновлен женатым на родной сестре М. М. Павлова, Марии Михайловне, помещиком Калужской губ. Иваном Васильевичем Майновым. Первоначальное воспитание ребенок получил под руководством И. В. Майнова, бывшего гейдельбергского студента, филолога и ярого классика, в родовом имении Майновых селе Бордукове, под Медынью. И. В. Майнов с пятилетнего возраста начал учить своего приемного сына грамоте по

*) Автобиография написана 24/III 1926 г. в Ленинграде.

МАЙНОВ И. И. (1861–1936).

сказкам Пушкина и по „Жизни Животных" Брэма, а с шести лет стал обучать его латинскому и греческому языкам, читая с ним в подлиннике Гомера и Виргилия и заставляя скандировать гекзаметры. Вскоре вслед за этим последовало чтение русских былин, сербских героических песен, Нибелунгов и песни о Роланде. Изучение этого рода произведений, декламация и отчасти музыка составляли в этом воспитании главное. Арифметика и все прочее, кроме русской и греческой истории, оставались почти в пренебрежении.

В 1870 г. мальчик был помещен в Катковский лицей, а в 1873 г., с переездом семьи Майиовых в Саратовскую губернию, где у них было другое имение, он был переведен в саратовскую гимназию.

В 1875 г. М. сблизился с гимназистами старших классов: С. Ширяевым, Бобоховым, Поливановым и другими, находившимися под влиянием революционной литературы и в особенности под влиянием П. Л. Лаврова и журнала „Вперед".

В конце 1876 г. через тех же лиц он примкнул к кружку молодежи, сгруппировавшейся около бывшего студента Петровской академии Гераклитова, который привлек своих друзей к пропаганде среди рабочих. (Об этом периоде М. впоследствии сообщил некоторые факты в статье „Из жизни саратовских кружков",—заграничное „Былое", и в составленной им биографии П. С. Поливанова). В феврале 1877 г. в Саратове последовали многочисленные аресты и обыски, разрушившие возникавшую рабочую организацию. Гераклитов и С. Ширяев успели скрыться за границу. Бобохов, Благовещенский и некоторые другие лица (всего семь человек) были арестованы и в 1878 г. высланы административно в Архангельскую губ.; у М. по этому делу был произведен обыск, и он был отдан „под негласный надзор полиции впредь до окончания дела", имея в то время всего 16 лет от роду. В связи с этим ему пришлось оставить гимназию; формально—„по собственному прошению".

Летом 1878 г. М. отправился в Тульскую губернию с намерением поселиться среди крестьян и вести жизнь крестьянина,—конечно, с целью занятия пропагандой. Однако, не позже как осенью того же года у него был произведен обыск, и местная жандармерия возбудила против него дело „о преступной пропаганде среди крестьян Тульской губ.". Дело это окончилось отдачей М-ва „под особо строгий гласный надзор полиции". Дальнейшее пребывание в деревне под строгим полицейским надзором теряло всякий смысл и становилось почти невозможным, а потому М. решил вернуться в Саратов и заняться подготовкой к поступлению в университет, облюбовав для себя юридический факультет с тем, чтобы впоследствии стать адвокатом по крестьянским делам.

В Саратове, занимаясь подготовкой к экзамену, М. продолжал заниматься и революционной пропагандой как среди интеллигентной молодежи, так и среди рабочих. Этот период до некоторой степени охарактеризован в статье М-ва „Саратовский семидесятник" („Минувшие годы", 1908 г.) и в беллетристическом разсказе В. Дмитриевой „Доброволец" („Вестник Европы"), где обрисован саратовский революционный кружок того времени и выведены живые лица (Майнов, Поливанов, Поморцев и нек. др.).

В конце 1879 г. в Саратов проникли первые народовольческие веяния, а летом 1880 г. несколько лиц, принадлежавших ранее к различным кружкам и не связанных один с другим, решили объединиться и основать „Центральный Кружок", который мог бы руководить революционной деятельностью во всей губернии. Этот кружок вступил в сношения с Исполнительным Комитетом Народной Воли, а в октябре 1880 г., при посредстве В. А. Жебунева, формально вступил в состав партии (М. П. Троицкий, Е. Х. Томилова, штабс-капитан А. Н. Дудинский, Майнов, Поливанов, А. П. Ювенальев и др.).

В январе 1881 г. М. переехал в Москву, имея в виду в августе вступить в университет, а в то же время выполняя поручение товарищей по саратовскому кружку: вступить в сношения с членами Исполнительного Комитета и побудить их к образованию в составе партии Народной Воли особой организации, имеющей своей задачей освобождение революционеров из тюрем и из мест ссылки, чем хотели бы специально заняться: Майнов, Поливанов, Ювенальев и нек. другие молодые саратовцы. Однако, П. А. Теллалов, стоявший тогда во главе московской народовольческой организации, убедил М-ва вступить в только-что учреждавшуюся им в Москве „Рабочую Группу", т.-е. кружок пропагандистов, действующих среди рабочих. Так как в Москву незадолго перед тем переселились из Саратова двое рабочих: один наборщик (Александр Масленников) и один переплетчик (Сидор Лагунов), принадлежавшие к саратовским кружкам и лично близкие с М-ым, то он при их посредстве занялся в Москве пропагандой, преимущественно среди наборщиков и переплетчиков, но частью и среди слесарей, и привлек к участию в этом деле еще нескольких студентов-саратовцев. О деятельности московской Рабочей Группы М-вым сообщены некоторые данные в статье „Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г." („Былое", 1906 г.).

В августе 1881 г. М. должен был выехать

на некоторое время в Вологодскую губернию для получения от одного ссыльного обещанной тем Теллалову для партии крупной денежной суммы и для устройства этому ссыльному побега, а в конце года, по приглашению Халтурина, должен был выехать вместе с Халтуриным на юг для выполнения убийства ген. Стрельникова. Однако, 9 августа он был почти случайно арестован без всяких улик. Принимая во внимание обстоятельства дела и некоторые факты, выяснившиеся уже несколькими годами позже, можно догадываться, что на М-ва указал властям, как на агитатора, шпион Помер, вольный слушатель университета, не состоявший членом партии, но тершийся в кружках народовольческой молодежи.

При отсутствии осложняющих обстоятельств власти могли бы, в самом худшем случае, сослать указанного им шпионом пропагандиста административным порядком куда-нибудь не особенно далеко, но на квартире М-ва была оставлена засада; хотя М. успел при своем аресте убрать с окна условный знак безопасности входа, тем не менее через день туда явился его товарищ по Рабочей Группе, студент-техник А. В. Кирхнер, саратовец, привлекавшийся по одному делу с М-вым еще в 1877 г. При Кирхнере оказалось 300 экземпляров только-что отпечатанного нового номера „Листка Народной Воли" и много других компрометирующих материалов. Предполагая, что ему предстоит явиться участником серьезного процесса, Кирхнер, не признавая себя членом партии, заявил, однако, о себе на допросе, что он вполне сочувствует Народной Воле и готов был бы принять участие в любом террористическом акте и от всяких дальнейших показаний отказался. Помимо всего прочего, у Кирхнера на его квартире был найден шифрованный список, который жандармы расшифровали. В список оказались занесенными 13 или 15 лиц с обозначением их фамилий, псевдонимов, примет костюма, образа жизни и адресов. Все эти лица были тотчас же арестованы и оказались шпионами, служившими в „Секретном Отделении Канцелярии Обер-Полициймейстера",—так называлось учреждение, соответствовавшее по задачам позднейшим охранным отделениям, но подчинявшееся в то время не жандармерии, а полиции, почему жандармы таких шпиков и не знали. Каким образом их адреса и приметы оказались в записях студента Кирхнера, никто из шпиков объяснить не мог, и все они были выгнаны со службы. Они и не догадывались, что список Кирхнера возник путем слежки за ними, начатой московскими народовольцами по почину Теллалова, предполагавшего создать „Революционную Полицию", секретарем которой был Кирхнер, а членами состояли: Майнов, Станислав Михалевич, студент Орест Аппельберг и еще несколько молодых людей, по указаниям Теллалова тщательно следивших за помещением Секретного Отделения (Страстной бульвар, д. кн. Ливен; впоследствии на этом месте был выстроен огромный дом кн. Горчакова) и за теми лицами, которые это учреждение регулярно посещали.

В виду серьезности улик против Кирхнера и определенности шпионских указаний на Майнова, как на революционера, оба они были преданы военному суду по обвинению в принадлежности к Народной Воле. Совершенно случайно к ним пристегнули и третьего саратовца,—студента Виноградова, который отделался пустяками,—был приговорен к двухнедельному аресту за хранение у себя найденного у него при обыске нелегального листка.

В начале зимы 1881 г. был издан новый закон, в силу которого впредь политические процессы должны были рассматриваться военными судами при закрытых дверях. Процесс М. и Кирхнера был первым, подпавшим под действие этого нового закона, и это обстоятельство сыграло большую роль в исходе процесса; при открытых дверях немыслимо было бы ссылаться на „негласные сведения полиции" и на их основании требовать применения к обоим подсудимым статьи 249 Ул. Нак., т.-е. смертной казни, на чем настаивал прокурор, майор Кессель.

17-го декабря, после разбирательства продолжавшегося целый день, военный суд вынес свой приговор: М. и Кирхнера—в рудники на 15 лет. Для апелляции осужденным предоставлялся суточный срок М., через посредство имевшаго с ним сношения студента Лаврова, снесся с Халтуриным и с некоторыми другими товарищами на воле, предложив им уведомить его: считают ли они допустимым для него, как для лица не выступавшего на процессе как член партии, обратиться с прошением о смягчении приговора к генерал-губернатору кн. Долгорукову, которому принадлежало право утвердить приговор суда или изменить его? Майнову было известно, что председатель суда полк. Бартенев, докладывая князю о процессе, заявил, что суд, хотя и признал М-ва членом партии, но полной уверенности в этом не имеет. Получив от Халтурина через того же Лаврова разрешение поступить по своему усмотрению, М. на следующий день, через свою тетку, Марию Михайловну Майнову, передал кн. Долгорукову прошение о „смягчении приговора, насколько князь найдет это возможным", в силу того, что принадлежность его, Майнова, к тайному обществу на суде осталась совершенно недоказанной. Правитель канцелярии ген.-губернатора, Мостовский, через подававшую

прошение М. М. Майнову уведомил И. И. Майнова, что прошение его не может быть принято, так как в нем не выражается никакого раскаяния. М. ответил на это, что он никакой вины за собой не признает, а потому раскаиваться ему не в чем, и никакого другого прошения он подать не может. Несмотря на этот отказ, недели через полторы, как-раз к новому году, последовала конфирмация ген.-губернатора на приговор суда с заменою каторги „по молодости, легкомыслию и искреннему раскаянию" подсудимых „лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкою на житье в Иркутскую губернию, с заключением на месте жительства на два года и без права выезда в другие сибирские губернии в течение восьми лет".

В ближайшем номере „Народной Воли" о процессе появился коротенький и весьма неточный отчет. Между прочим, там было сказано, что у М. при обыске были обнаружены „выписки из разных революционных изданий", на самом же деле ничего такого у М. не имелось, а были найдены только тетради с конспектами чисто научных и вполне легальных трудов по социологии и антропологии.

В конце января 1882 г. М. был переведен в московскую пересыльную тюрьму, а в июле того же года проследовал в Сибирь во второй политической партии этого года (42 человека).

Осенью того же года начальником Кутулинской конвойной команды против М. было возбуждено обвинение в сопротивлении его распоряжениям и в проломлении тюремной двери. В старых судебных учреждениях Сибири дело тянулось путем канцелярской переписки года два и закончилось приговором к тюремному заключению на 4 месяца; однако, в силу коронационного манифеста 1883 г., от фактического отбывания этой кары М. был освобожден.

В Сибири М. и Кирхнер были первоначально водворены в селе Тунка, у верховий реки Иркут, куда прибыли в октябре 1882 г. Немедленно по прибытии на место ссылки М. занялся подготовкой побега, но все создававшиеся им для этого планы по разным причинам приходилось изменять или после неудачных подготовок в одном направлении приниматься за другие подготовки, считаясь при этом с отсутствием порядочного паспорта и денег. Лишь в апреле 1885 г. оказалось возможным сделать активную попытку побега вместе с екатеринбуржцем Михаилом Антоновичем Колосовым. В ста верстах от Тунки, в селе Култук на берегу Байкала, местные крестьяне узнали Колосова в лицо, и оба беглеца были задержаны и препровождены в иркутскую тюрьму. Там они просидели полтора месяца, а затем постановлением Иркутского Окружного Суда за „самовольную отлучку" были приговорены еще на полтора месяца тюрьмы.

Через некоторое время, по доносу тункинского почтового смотрителя, М., вместе с административно сосланным Владимиром Серпинским, был по распоряжению губернатора выслан в Верхоленск.

Верхоленск лежит в 286 верстах от Иркутска по линии Якутского тракта; через этот город провозили ссыльных в Якутскую область, и местные ссыльные постоянно делали попытки видеться с проезжими и снабжать их теплым платьем и деньгами. Власти всячески этому препятствовали. На этой почве у ссыльных тут нередко возникали резкие столкновения с полицией. Помимо того, верхоленские ссыльные отказались принимать у себя на квартирах приставленного к ним для надзора полицейского, и в результате всего этого местная колония получила в глазах иркутских властей репутацию особенно буйной, а Майнов прослыл „неисправимым" и в декабре 1887 г., по представлению иркутского жандармского полковника фон-Плотто, распоряжением ген.-губ. Игнатьева, М. был внезапно арестован и выслан в Якутскую область с наказом поселить его „не ближе ста верст от города Якутска".

В Якутске М. встретился со своим старым знакомым по Саратову, слесарем Федоровым, который в продолжение нескольких лет подготовляя побег и в конце января 88 г. окончательно решил бежать вместе с И. Кашинцевым. Федоров соглашался прихватить с собою и М. если тот успеет вернуться из улуса в Якутск не позже 26-го января. Назначенный первоначально в очень отдаленную часть Восточно-Кангаласского улуса, М. тотчас же по прибытии на место самовольно предпринял путешествие в город, но в силу множества разного рода препятствий мог прибыть в Якутск лишь числа 28—29-го, через день или два после отъезда Федорова и Кашинцева.

Перебравшись после этого в Мегинский улус, М. стал подготовлять самостоятельный побег, остановился на плане ухода рекою Леной вместе с лоцманами, возвращающимися из Якутска после летнего сплава судов. Когда все было готово и даже был назначен день отбытия, в Якутск прибыл в новой партии ссыльных старый знакомый М-ва по Москве, Станислав Михалевич и убедил М-ва отложить свой побег, чтобы не повредить сборам его, Михалевича, и его товарищей: Терешенкова и Паули, которые также хотят бежать. Михалевич предлагал М-ву соединиться с ними и отправиться всем на верховых лошадях глухим скотопрогонным трактом, через тайгу, на ленские золотые промыслы, где беглецы могли бы замешаться в толпу рабочих и

впоследствии уйти в Россию в артели возвращающихся по домам приискателей, — как сделали раньше Чиковдзе и Клименко, бежавшие из Киренска. Когда соглашение состоялось и сборы к таежному пути начались, Майнову неожиданно представилась очень легкая возможность бежать с самым слабым риском: препровождавший последнюю политическую партию из Иркутска в Якутск поручик Иркутского губернского батальона Федоров познакомился в пути с хорошей знакомой М-ва С. Н. Хлобощиной, ехавшей в Якутск добровольно к своему жениху, и оказался человеком, сочувствующим в душе народовольцам. Хлобощина познакомила Федорова с Майновым, и Федоров согласился на обратный путь взять с собою М-ва своим попутчиком. (От попутчиков тех лиц, которые следовали по казенным подорожным, предъявления документов на почтовых станциях не требовалось). Когда М. сообщил об открывшейся перед ним возможности товарищам, Михалевич убедил его уступить этот способ побега, как наиболее легкий, Паули, человеку более слабого здоровья, так как тому продолжительные верховые скитания по тайге могли бы оказаться не под силу. М. согласился, и Паули, в качестве спутника офицера Федорова, благополучно выбрался из Якутской области *). Трое остальных беглецов с наемным татарином-проводником вышли из Якутска 9-го августа и целую неделю блуждали по заленской тайге, не находя скотопрогонного тракта, т. к. татарин, как оказалось, этого пути не знал. Вынужденные изменить свой предполагаемый маршрут, беглецы решили перебраться на западный берег Лены, для чего им пришлось круто повернуть на запад и, выбравшись из тайги к берегу Лены, нанимать у якутов лодки для переправы. Якуты, лишь незадолго перед тем извещенные полицией о побеге политических ссыльных Федорова и Кашинцева, сначала приняли вышедших к ним из глухой тайги верховых путников за шайку разбойников-черкесов, а потом заподозрили в них именно беглых политиков и дали знать об их появлении властям. На десятый день путешествия эти загадочные всадники были задержаны и отправлены под конвоем в Якутск.

Департамент полиции распорядился выслать всех троих в один из отдаленнейших округов края, и в феврале 89 г. М. с товарищами был выслан в город Вилюйск. Вилюйские ссыльные, как и ссыльные других местностей Якутской области, по случаю наступавшего столетия французской револ. предполагали отправить президенту франц. республ. приветственный адрес, и действительно составили такой адрес и отправили его в Якутск для дальнейшей пересылки, но адрес был властями перехвачен и препровожден в департамент полиции. По высочайшему повелению, состоявшемуся уже в 91 г., все подписавшие этот адрес лица были подвергнуты тюремному заключению, кажется, на один месяц, каковое и отбывалось ими в Якутском остроге. Независимо от департамента полиции, местный Окружный Суд, на основании уст. о ссыльных, подверг троих участников побега тюремному заключению на полтора месяца, фактически отбывавшемуся ими уже в 1892 г.

В августе 89 г., в виду восстановления в Вилюйске каторжной тюрьмы, тамошние ссыльные были переведены на жительство в Якутский округ и поселены на восточном берегу Лены, по Охотскому тракту, в 160 верстах от Якутска, в местности Чурапча и в окрестных наслегах Ботурусского улуса. В этой местности М. оставался до конца 1893 г., когда ему удалось перебраться в город Якутск, где он занял бесплатную должность консерватора местного музея.

В декабре 89 г. истекал восьмилетний срок, установленный судебным приговором для безвыездного заключения Майнова и Кирхнера в Иркутской губернии; по истечении этого срока им обоим по уставу о ссыльных следовало предоставить право свободного выбора себе местожительства и разъездов по всей Сибири с припиской в крестьяне какой-либо сибирской волости. Но сибирские власти и департамент в продолжение нескольких лет произвольно удерживали М. безвыездно в Ботурусском улусе Якутской области, мотивируя это „неисправимостью" М-ва и неоднократными проявлениями с его стороны „продолжающейся политической неблагонадежности". На том же основании он был за эти годы дважды исключен от применения к нему манифестов, издававшихся правительством по поводу посещения Сибири наследником престола и еще по какому-то поводу. Только в начале 1894 г., после жалобы, направленной М-вым в 1-й департамент сената, М. получил разрешение выехать в Балаганский округ Иркутской губернии, но этим разрешением не воспользовался, т. к. в конце 1893 г. Восточно-Сибирский Отдел Географического Общества приступил к организации в Якутской области на средства, пожертвованные И. М. Сибиряковым, этнографической экспедиции с участием политических ссыльных, между прочим, и с участием Майнова, приглашенного к сотрудничеству в этом деле Д. А. Клеменцем. Работая, как член этой экспедиции, а на-ряду с этим и как сотрудник местного Статистического Комитета, М. доб-

*) Паули, после первого побега, был пойман и возвращен в Сибирь; бежал вторично и после поездки в Париж сделался провокатором.

В. Фигнер.

ровольно оставался в Якутской области еще два с половиною года и выехал в Иркутск лишь в июле 1896 г.

В Иркутске М. прожил до конца 1899 г., когда выехал на короткое время сначала в Томск, а оттуда в Москву, т. к. по коронационному манифесту 1883 г. для лиц, сосланных по судебным приговорам „на житье в сибирские губернии", устанавливался 15-летний срок их пребывания в Сибири, а для М-ва, по толкованию властей, этот срок истекал в декабре 1897 г., и он тогда же, приписавшись в мещане какого-либо сибирского города, мог бы вернуться в Россию, однако, без восстановления в правах. (Именно эта неполноправность препятствовала ему впоследствии выступить кандидатом в Государственную Думу). В Иркутске М. служил по городскому управлению и последовательно занимал должности делопроизводителя, секретаря Городской Управы и секретаря Думы. В то же время он состоял членом Распорядительного Комит. Вост. Сиб. Отд. Геогр. О-ва, в жизни которого принимал деятельное участие, а иногда выступал с публичными докладами, а также состоял членом редакции издававшейся И. И. Поповым газ. „Восточное Обозрение". В Москву М. выехал по приглашению Северного Страхового Общества, предложившего ему должность помощника инспектора в городе Томске.

Вернувшись в Томск в начале 1900 г., М. два года провел преимущественно в разъездах по Сибири по делам Северного Общества, а в свободное время здесь, как и в Иркутске, занимался обработкой собранных им в Якутской области антропологических и статистических материалов, частью опубликованных им за это время в изданиях Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Об-ва и в изданиях московского Об-ва Люб. Естествозн., Антр. и Этногр. За эти труды М. получил от О-ва Л. Е. А. и Э. расцветовскую премию и золотую медаль.

Летом 1902 г. М. получил назначение на должность инспектора Северного О-ва в Иркутске и вторично переехал в этот город, где и оставался до марта 1904 г., часто совершая поездки по разным местностям Восточной Сибири.

К этому времени замиравшее в конце восьмидесятых годов народничество успело ожить и начало слагаться в России в партию социалистов-революционеров, к которой примкнули многие из старых товарищей М-ва, прежних землевольцев и народовольцев. В Иркутске также образовалась группа лиц этого направления (Тютчев, Сухомлин, Эпов, Щеголев, Майнов, геолог В. А. Вознесенский, Фриденсон, геолог В. А. Львов, А. А. Криль и др.), и здесь возникла мысль об основании „Сибирского Союза с.-р.", в учреждении которого М. принял деятельное участие, т.-к. служебные разъезды по делам Северного О-ва очень облегчали для него возможность пропаганды и установления связей в других городах. В продолжение 1902 и 1903 г. входившие в состав Союза группы успели возникнуть во многих городах и пунктах скопления ссыльных в Сибири, а затем в состав Союза стало вливаться и значительное число местных жителей. К началу 1904 г. Союз располагал тремя хорошо оборудованными тайными типографиями, издавал в Томске нелегальную газету „Отголоски Борьбы" (редакция: С. П. Швецов, М. Е. Овсянкин, А. Н. Шипицын, М. А. Тимофеев и др.). В Иркутске Союзом печатались прокламации и довольно объемистые книжки, распространявшиеся как по Сибири, так и по Европейской России („История одного преступления",—автор Н. Ю. Татаров. „Кровавые дни",—автор А. А. Криль; и др). За Байкалом выпускались прокламации и листовки (А. Ю. Фейт, И. Ю. Старынкевич и др.).

В марте 1904 г. М. получил перевод по службе в Москву, инспектором при правлении Северного О-ва. Проводя время постоянных служебных разъездах, он пользовался этим для революционных целей.

В конце 1904 г. М. вступил в состав центрального комит. партии с.-р. (из лиц, вернувшихся из Сибири, в комитет в этот период вошли: Тютчев, Прибылев, Фрейфельд, М. и Якимова). М. принял на себя в Комитете организационную работу в Центральной России, для чего образовал Областной Комитет, в который первоначально вошли: А. А. Ховрин, А. Д. Высоцкий (как представитель московского городского комитета), В. П. Попова и друг. лица. Летом 1905 г., ознакомившись с письмом, заключавшим в себе разоблачение Азефа и Татарова (письмом. Меньщикова), М. в совещании с Прибылевым, А. И. Потаповым и Н. И. Ракитниковым высказался за передачу этого дела для расследования заграничным членам Ц. К. и за временное устранение от всех партийных дел обоих обвиняемых, но остальные члены Ц. К., постановив передать дело для расследования за границу с устранением Татарова, на устранение Азефа не соглашались, вполне уверенные в ложности оговора, так как Азеф, организатор убийства Плеве и вел. кн. Сергея, зная всех членов Центр. Ком. и имел полную возможность предать их всех зараз или поодиночке и, однако, все они остаются на свободе,—а это казалось тогда совершенно невероятным, если бы предположить, что правительство имеет в самом Ц. К. своего агента. В происходившей в октябре 1905 г. в Москве тайной партийной конференции Азеф участвовал,

как безусловно оправданный в результате заграничного расследования, тогда как Татаров к этому времени уже был признан виновным. *) В последних числах декабря 1905 г. и в первых числах января 1906 г. М. принимал участие в первом партийном съезде в Финлянд. (под именем Волкова, в проток. съезда--Медведева), но в ближайшие месяцы 1906 г. решил, не выходя из партии и оставаясь ее членом, отдалиться от деловых сношений с центр. ком. и впредь никаких партийных должностей на себя не принимать.

В последующую пору вплоть до начала 1917 г. М. участвовал во многих партийных действиях частным образом, не вступая членом ни в какое из партийных учреждений, а в продолжение 1912—1916 годов принимал живое участие в деятельности существовавшего тогда в Петербурге и в некоторых других городах тайного союза, присвоившего себе наименование „Объединение Общественных Организаций", или короче „О-куб", куда входили членами многие политические деятели всех противоправительственных направлений и различных партий, начиная от левых кадетов и кончая тогдашними большевиками.

В момент падения самодержавия М. находился в Воронеже, откуда вернулся в Петроград в начале апреля 1917 г. К этому времени центр. ком. с.-р., сложившийся за границей, всемерно поддерживал идеи интернационализма в согласии с резолюциями Циммервальда. Многие из старых с.-р. считали необходим. бороться с этим направлением; оппозиция объединилась в особую организацию, приняла название „Петроградская группа с.-р. оборонцев". Для пропаганды своих взглядов группа решила издавать газету „Воля Народа" (редакция: Аргунов, Миролюбов, П. Сорокин, Сталинский, А. Гуковский и В. И. Лебедев), а позже стала издавать и вечернюю газету „Народ" (редакция: А. С. Сигов, Э. А. Серебряков и др.). Предполагался и переход в распоряжение группы ежемесячного журнала „Северные Записки", издатель которого, Саккер, состоял членом группы. Наряду с этим группа основала книгоиздательство „Воля Народа", успевшее в ближайшие месяцы выпустить более десятка брошюр, авторами которых были: Брешковская, Панкратов, Л. Буланов и Сигов. Члены группы посещали общегражданские и солдатские митинги. Для объединения своих приверженцев группа решила образовать в составе 15 человек „Организационный Комитет", почетной председательницей которого состояла Е. К. Брешковская, председателем И. И. Майнов и товарищами председателя Н. С. Тютчев и другое лицо. При выборах в Учредительное Собрание Ц. К. партии наметил партийными кандидатами в числе прочих и таких лиц, которые были для группы безусловно неприемлемы. В виду этого группа опубликовала свой собственный список кандидатов от города Петрограда, и первыми в этом списке были поставлены имена шлиссельбуржца И. Д. Лукашевича (члена группы) и И. И. Майнова. На выборах список группы получил около 5000 голосов. Ц. К. партии на ближайшем же партийном съезде предложил съезду потребовать от Организационного Комитета группы роспуска группы и самоликвидации, в противном же случае предложил считать всех членов Организационного Комитета исключенными из партии. Съезд утвердил это предложение, а так как роспуска группы после этого не последовало, то с этого времени Майнова следует считать исключенным из партии.

Группа, совершенно игнорируя состоявшееся постановление съезда, продолжала некоторое время свою деятельность, но к лету 1918 г. прекратила свое существование.

С 1911 г., переехав на жительство из Москвы в Петроград, М. сблизился с Сибирской группой депутатов Госуд. Думы, состоявшей из представителей всех левых партий, и принимал участие в совещаниях группы, на которых, совместно с приглашаемыми для этого статистиками и этнографами, группой обсуждались вносившиеся в Государ. Думу и касающиеся Сибири законопроекты.

Сблизился он также в Петрограде и с депутатами Трудовой группы, по приглашению которых в янв. 1914 г. принимал участие в обсуждении народниками различных оттенков аграрного вопроса.

После переезда в Петроград М. работал при мин. путей сообщения как статистик по обследованию экономических районов проектируемых железнодорожных линий и совершил ряд поездок, преимущественно по разным местностям Сибири и Киргизского края. Результатами исследований такого рода являлись специальные труды, печатавшиеся в изданиях Министерства. За эти труды М. была присуждена малая золотая медаль от Русского Географического О-ва. В 1912 г. Географич. О-вом была издана книга М. о русских крестьянах в Якутской области, удостоенная от Томского университета сибиряковской премии. В начале 1918 г. М. сотрудничал в органе петроградских сибиряков, газете „Вольная Сибирь", где он вел сибирское обозрение.

После прекращения этой газеты весною 1918 г. М. работал некоторое время в качестве заведующего страховым отделом в Северном Союзе Кооперативов (Опгсоюзе), но с реорганизацией его устранился от всякой общественной деятельности и за-

*) и затем убит.

В. Фигнер.

МИХАЙЛОВ А. Ф. (1853–1929).

нялся всецело обработкой антропологических, этнографических и статистических материалов, собранных ранее в Якутской области им самим и некоторыми из его товарищей по ссылке.

Михайлов, Адриан Федорович *).

Родился я 5 августа (ст. ст.) 1853 г. в ст. Полтавской Куб. обл. Тогда, насколько помнится, эта часть области, заселенная потомками переселенных сюда Екатериной II-й запорожцев, называлась „земля Черноморского войска". Мать умерла, когда мне было 4 года. Я помню только картину ее смерти. Следов ее влияния на меня память мне не сохранила. Не то—отец. Его потерял тоже рано. Мне было 10 лет. Но эти пять—шесть лет, между смертью матери и смертью отца, свежи в моей памяти. Когда впоследствии, довольно рано, я прочел некрасовского „Филантропа", я подумал: „А ведь это он, мой отец; и „в провиантской комиссии" он служил и, служа у этого источника всяких благ, покупал свою провизию". Была и эта полоса в жизни отца. „Правдолюб" былых времен, „обличитель", он везде был не ко двору, и эти пять—шесть лет жизни с отцом являлись кочеванием с места на место. Первой остановкой после стан. Полтавской был Ставрополь-Кавказский. В мою память эта остановка врезала такую картину: я—восьмилетний мальчуган—на площади в толпе. По площади проходит какая-то воинская часть, но не с музыкой и залихватскими песнями, на что так любили смотреть обыватели, нет: солдаты шли молчаливые, сосредоточенные, хмурые. „Куда идут солдаты, отчего они такие?", обратился я к стоящему около „дяде" в чуйке. „В Масловом Куте крестьяне бунтуют. Солдаты идут усмирять. Сам губернатор поехал", недовольно буркнул дядя. Придя домой, я обратился с расспросами к отцу. Он сидел и читал. Оторвавшись от чтения, он долго, внимательно и хмуро рассматривал меня. „Тебе еще рано: вырастешь—узнаешь", наконец, сказал он. „Вырастешь, Саша, узнаешь", впоследствии прочел я и вспомнил отца. Загадка так и осталась для меня загадкой, но разгадка пришла сравнительно скоро.

В Ставрополе отец продержался недолго. Из-за раскрытия какой-то „неправды" он—„беспокойный человек", был переведен для „пользы службы" в Георгиевск—гиблое захолустное место, где свирепствовала малярия. Часть местного кладбища называлась—кладбище коллежских ассесоров: в Георгиевск переводили неугодных чиновников с производством в коллежские ассесоры Здесь они и погибали, недолго пробыв в этом, дававшем тогда дворянство, чине. В Георгиевске умер отец.

Я в это время заканчивал Георгиевское уездное училище. Через несколько дней после смерти отца училище посетил директор Ставропольской гимназии, объезжавший подведомственные ему учреждения (директора гимназий в то время исполняли обязанности и директоров народных училищ). Смотритель училища вызывал для начальства учеников, конечно, на показ. Был вызван и я. Директор, тип благожелательного самодура тогдашних времен, остановил почему-то на мне внимание и по окончании урока подошел. „Ты кончаешь училище, хочешь в гимназию?"—спросил он. Я, конечно, „хотел".—„Он только что потерял отца, средств никаких", вставил смотритель. „Ну, это мы устроим", сказал директор, и, обращаясь уже ко мне, добавил: „Поезжай в Ставрополь и обратись прямо ко мне".

И вот я, сопутствуемый старшей сестрой, единственным оставшимся около меня близким человеком, опять в Ставрополе. Являемся прямо на квартиру директора гимназии. Он дает сестре какую-то бумажку. И я водворяюсь в пансион при гимназии.

Пансион при Ставропольской гимназии оказался очень своеобразным учреждением. Гимназия эта была в то время единственной на всем северном Кавказе. Сюда свозили жаждущих ученья со всего огромного края. И вот для них-то и был организован пансион при гимназии. В мое время в нем было свыше 300 пансионеров. Из них больше половины были горцы. Помню, во втором классе я застал оставшегося на второй год женатого горца. При таком составе пансиона начальству не приходилось уже думать о дисциплине. Каникулы перехода из первого во второй класс я провел на Черноморском побережьи Кавказа. Шестидесятилетняя война—„покорения Кавказа"—только что закончилась. „Непокорные" горцы, т.-е. не желавшие принять „подданство", были выселены в Турцию именно через это Черноморское побережье. Часть их пыталась вернуться на свои пепелища. Происходили стычки с ними. И побережье оставалось на военном положении. В крепостцах, укреплениях, станицах стояли воинские части. Командный состав вел ужасную жизнь: беспробудно пили, играли в карты. Немногие, не желавшие опускаться, спасались в чтении. К моему времени у них составлялись и накоплялись библиотечки. Именно у одного из обладателей такой библиотечки я и провел первые гимназические каникулы. Войдя в комнату, как одержимый страстью читательства, прежде всего ощупал глазами комнату по части книг. В моей памяти не

*) Автобиография написана в мае 1926 г. в г. Ростове-на-Дону.

сохранилось указания времени, когда я научился читать. В ней хранятся мелочи моей жизни с 4-летнего возраста, но я помню себя уже читающим, очевидно, я научился читать раньше. Думаю, что этим я обязан отцу. Его я помню всегда за книгой. И вот я с удовлетворением заметил довольно большую этажерку с книгами и сразу же прирос. Обладатель этажерки попытался „руководить" моим чтением и отобрал детские книги. Эта литература была очень скудная, главным образом издания гремевшего в то время М. О. Вольфа. Меня это не удовлетворило, и я уже сам перебрал остальные книги. Мой „руководитель", наконец, не выдержал и сказал мне: „Ты не читаешь, а роешься. Чего ты ищешь?" Как мог, я рассказал ему, что ищу разгадки той загадки, которую задал мне Ставрополь в мое первое пребывание в нем. „Руководитель" долго и внимательно рассматривал меня и сказал: „Ну, хорошо, пойдем, поищем". Пришли в чулан, где у стены оказались полки тоже с книгами. „Поройся,—может найдешь что интересное", сказал он и ушел. Я стал „рыться". Мое внимание остановила книга, на обложке которой в барельефе пять портретов. Название книги „Полярная звезда". Внизу „Русская вольная типография". К этой книге я и присосался. Читал с увлечением, но спотыкался. Нужен был, если не руководитель, то путеводитель. На мое счастье нашелся и он. К сыну в гости приехал на лето старик-отец, лет восьмидесяти. Давно в отставке, он молодые годы службы проходил здесь в разных местах побережья. Встречался с высланными „на Кавказ" декабристами, как с теми, которые были сосланы „с разжалованием в рядовые", так и с подлинными рядовыми. Много и охотно рассказывал он о своих встречах и переживаниях. Он же дал мне и разгадку Маслового Кута. Оказалось, это был один из эпизодов, когда крестьянам вместо долгожданной и страстножеланной „воли" было объявлено „положение об улучшении быта". После долгих и многодневных бесед, мой путеводитель дал мне на „прочтение" пожелтевшую, старательно каллиграфически написанную тетрадку. Это было переписанное самим обладателем ее письмо Белинского к Гоголю. Боясь за ее сохранность старик всегда хранил ее при себе.

Быстро промелькнули каникулы, и я вернулся в читательскую пустыню пансиона. Но и тут счастье не покидало меня. Я сдружился с таким же страстным „читателем". Это был... сын начальника жандармского управления, Сергей Голоушев, впоследствии судившийся по процессу „193-х". Отец его, по рассказам, не был жандармом по призванию, а отбывал службу. Повидимому, в жизни сына он не играл никакой роли. Мальчик рос исключительно под влиянием матери. Это была, как она себя называла, „социалистка от евангелия". Вот этот-то Сережа Голоушев знал, где можно „почитать". В одно из воскресений он повел меня в общественную библиотеку, где у него была знакомая библиотекарша. После каких-то таинственных для меня перешептываний, мы с Сережей забрались на чердак, заваленный книгами. Это были книги, „изъятые из общего пользования". И здесь на чердаке, у слухового окна, мы глотали книги по его выбору,— он был уже свой человек в этом уголке и в груде сваленных книг легко находил, что было нужно.

Начал я с „Что делать?". Все праздники этого учебного года просидел над „Современником" и к концу года уже перечитал Чернышевского и Добролюбова. К сожалению, в моем распоряжении были только праздники,—как пансионер, я не мог отлучаться в учебные дни; Сережа же был приходящим и мог свободно располагать и учебными днями.

Следующие каникулы я провел опять на Черноморском побережьи. Мои знакомства расширились. В мои руки попадали все новые для меня рукописи: „Ода временщику" Пушкина; заботливо переплетенная и старательно переписанная тетрадь с заголовком „Горе от ума". К этому заголовку я сначала отнесся пренебрежительно, заявив: „Это я уже читал печатным в нашей гимназической библиотеке". „Это совсем не то, что ты читал, сказал обладатель тетрадки, там у вас подстриженная цензурой, а здесь полная". Прочел; оказалось, действительно, „не то". Лето закончилось литографированной тетрадью „Историческое развитие революционных идей в России. А. И. Герцен."

Вернувшись в гимназию я уже не нашел Сережи Голоушева; его отец был переведен на ту же должность в Оренбург. Отсюда и был извлечен Сергей Голоушев и после четырехлетнего сиденья предстал перед особым присутствием сената, как глава Оренбургского кружка революционеров.

Впоследствии, по выходе с каторги на поселение, я часто встречался со следами глубокого духовного влияния декабристов. Невольно вспомнил Черноморское побережье и поразился, какую большую работу проделало русское самодержавие в деле революционизирования окраин, ссылая туда своих врагов. Коснулась эта работа и Ставрополя. Появились высланные. Первым из них на моей памяти был Герман Лопатин. Он вел большие знакомства, имел большое влияние. По распоряжению из Питера был здесь арестован. Содержался изолированно на военной гауптвахте и отсюда совершил нашумевший побег. Затем в Ставрополе по-

явилась сразу целая группа высланных: среди них брат Германа Лопатина, Всеволод, судившийся потом по процессу „193-х".

Для гимназистов это был богатый источник революционного просвещения. Помогало этой работе, само того не желая, и гимназическое начальство, помогало разными путями. В один из учебных дней во всех классах гимназии, начиная с пятого, очередной третий урок был заменен лекциями соответствующих учителей о „пагубной работе революционеров". Оказалось, что своеобразные уроки-лекции были проделаны по распоряжению из Питера. Как раз после этого произошла в гимназии смена начальства. Старик директор, тот самый, благодаря которому я попал в гимназию, был уволен, как „распустивший гимназию". Его место занял присланный из центра молодой человек (35 лет), Марков, брат в свое время известного Евгения Маркова, автора „Черноземных полей". Новый директор избрал и новый путь „отвращения учащихся от пагубного влияния революционеров". Он прежде всего организовал при гимназии библиотеку-читальню. Стены ее украсил портретами общественных деятелей. Здесь были, между прочим, и Белинский и Добролюбов. Произведения последнего в библиотеку допущены не были. Их нам пришлось добывать на стороне. И, наконец, на одном из столов появился розовый „Вестник Европы". В февральской книжке (это был 1872-й год) я прочел статью И. К-на (Кауфмана) о первом томе „Капитала" К. Маркса. Стал искать самый „Капитал", но безуспешно,— повидимому, его еще не было. Но первый и единственный на русском языке том Лассаля мы нашли и зачитывались им. На-ряду с библиотекой и в связи с ней директор организовал „научные беседы". К нему на квартиру приглашались ученики 7 и 6 класса (последние по выбору), и здесь кто-нибудь из учителей делал доклад (на заданную директором тему), и затем доклад этот обсуждался. Первый доклад был о Ломоносове, затем шел ряд докладов по истории словесности русской и всеобщей. Последним был доклад о великой французской революции с восхвалением жирондистов.

Заканчивался учебный год. Подходили экзамены. Для нас, семиклассников,—это последние экзамены. За ними вырисовывались, манили столицы, высшие учебные заведения, студенчество, широкие горизонты. Но из центра нас окатили холодной водой. Был получен знаменитый устав 1872 г. (творцы его Катков и Леонтьев). Устав было предписано ввести немедленно. Уставом вводился 8-й класс. На последнем уроке 7-го класса появился директор, огласил основные положения устава и заявил: „Инструкция к уставу не возбраняет желающим держать экзамены, но, знайте, мы не пропустим ни одного". Желающих попытать счастья не оказалось, и мы разошлись с гнетущей мыслью, что „в стенах неволи" проведем еще год. Странным оказался с учебной стороны этот год. На вопрос: „Что же мы будем делать в 8-м классе", нам ответили: это будет год „повторения пройденого". По существу, это был год „неделания". И мы постарались использовать его для чтения внегимназической литературы и усиленных сношений с внешним миром.

Наконец, наступили и выпускные экзамены, экзамены на аттестат зрелости с их знаменитыми письменными работами, обысками учащихся перед впуском в экзаменационный зал, запечатанными в конверт темами,заранее купленными выпускниками.

Во время экзаменов учебный округ объезжал попечитель Кавказск. учебн. окр.,— ведь это был первый выпуск „зрелых". Попечителем был один из немногих оставшихся в живых „людей сороковых годов", член кружка Станкевича, Януарий Михайлович Неверов. Имя его было уже нам известно из литературы о деятелях 40-х годов. Нас собрали в актовом зале, и Неверов сказал нам напутственную речь, закончив ее так: „Вы оканчиваете гимназию; поедете в университет. После него выйдете на широкую работу жизни. И вот тут, на этой работе, вы должны, вы обязаны помнить, что всем вашим образованием, всеми вашими знаниями вы обязаны никому иному, как русскому крестьянину: он своим тяжелым неустанным трудом дал вам возможность получить ваше образование и ваши знания. И ему вы обязаны посвятить ваши силы, ваши знания и тем заплатить ваш долг ему". Эта заключительная часть речи так врезалась в память, что почти дословно воспроизвожу ее. Мы „запомнили".

А через два дня нам была сказана и другая речь. Проездом через Ставрополь в Питер заехал в гимназию наместник Кавказа, брат Александра II—Михаил. Опять тот же актовый зал, то же полное собрание педагогического персонала и опять напутственная речь: „Вот вы оканчиваете гимназию. Поедете в университет. Там вас будут соблазнять служением мужику, т.-е., попросту говоря, бунтовать его. Так запомните твердо: если соблазнитесь, пощады не будет". „Запомнили" и это.

Закончены экзамены; получены аттестаты зрелости, и мы укатили в столицы,—я с группой товарищей в Московский университет.

Новый мир. Новые знакомства. Новые товарищи со всех концов России. Шумные аудитории. Перед лекциями, куда забира-

лись возможно раньше, и между ними шумные разговоры и споры. И страстная жажда знания. В погоне за ним кочевали по аудиториям вне избранных специальностей и оставались неудовлетворенными. Все это не то, что нужно для постижения жизни. Источников, чтобы постигнуть ее, нужно искать где-то в другом месте. Стали возникать кружки самообразования. Группировались земляки. Сгруппировались и мы, бывш. ставропольские гимназисты. Начали с Милля с комментариями Чернышевского. Продолжили „Капиталом" Маркса. Изучение увлекало. Но в двери стала стучаться жизнь. В шумное, но мирное течение учебных занятий врывались иные звуки. Помню один вечер работ в анатомическом театре, куда на втором семестре были допущены к практическим занятиям и мы, первокурсники. Бывало и раньше, что та или иная пара работающих на одном препарате напевала что-нибудь. Но это не останавливало внимания остальных. На этот раз было не то. Все остановились и стали прислушиваться. Пелась „Барка". Этой „Баркой" заявил о своем появлении „Сборник революционных песен". За сборником, первой для нас подпольной ласточкой, появилась первая книжка „Вперед". За ней „Государственность и анархия", „Историческое развитие интернационала". Подпольная литература, заграничная и выходившая в самой России, нарастала. Чтения было в изобилии. Но рядом с литературой приходили вести, которые толкали от чтения и слов к делу. Пришли сообщения об арестах в Питере (долгушинцев, чайковцев). По кружкам, но только по кружкам—больших сходок еще не было, стали обсуждать вопрос, что делать, именно „делать". Настроение нарастало. Но академический год закончился для нас без определенных решений. И летом я успел побывать на родине.

Следующий учебный год начался и весь прошел в бурных сходках студенчества,—университантов, петровцев, техников. Властно звучал призыв „в народ". И сходки страстно обсуждали только вопрос: готовы мы или не готовы, продолжать ли подготовку или итти сейчас. На сходках появились и питерцы, Натансон, Драго, Таксис. Одним из постоянных участников сходок был В. Г. Короленко, с которым я здесь и познакомился. Бурные сходки заполнили весь этот академический год: днем учились, вечером сходки.

Лето я провел уже в деревне. Оно для меня выяснило, что я для „народа" чужой, „скубент". Надо стать „своим". И, съехавшись после лета, наш кружок решил основать ферму, которая вырабатывала бы пропагандистов-земледельцев,—эти земледельцы были бы „в народе" своими людьми. Ферма и была основана на моей родине, вблизи Анапы. По числу желающих было арендовано 100 десятин. Для подготовительных работ отправилось трое: из кружка студент-медик, ныне покойный, Пожидаев, мой одноклассник по ставропольской гимназии и я, из не членов кружка, тоже покойный, Харизоменов. Пожидаев должен был изображать из себя арендатора, Харизоменов—его управляющего и я—батрака. Приехали. Участок земли оказался без жилья. Но не беда: поставили „курень"—пирамидка из жердей, покрытая сеном. Купили телегу, лошадь, две пары волов и плуг. И приступили к работе. Но оказалось: земля—крепкая черноземная целина; нужны не две, а четыре пары волов, а средства, взятые нами из кассы кружка, были уже на исходе. Хоть бросай. Нас выручил только что переселившийся из Полтавской губернии крестьянин. Были у него две пары волов и пустой карман, а за аренду нужно было платить вперед. Пригласили его в компанию и уже четырьмя парами волов стали поднимать целину. С конспиративной стороны дело сложилось совсем плохо: в Москве начало лекций, и никто из желавших работать к нам не приехал. С внешней стороны получилась странная картина: арендатор—по паспорту дворянин, его управляющий и один единственный работник—по паспорту крестьянин Тверской губ. Но в полицейском отношении времена на Кубани были еще патриархальные; жандармского управления не было; стражники, урядники еще не существовали, а казачье начальство не замечало нас. Мы все же решили придерживаться наказа, данного нам в Москве: „беречь ферму и пропагандой не заниматься". Моим двум товарищам легко было выполнить этот наказ: для разбросанного маленькими хуторками окрестного населения, тоже арендаторов—один из них был „барин", другой—управляющий, тоже „большой цобе" (вол); к ним шли только с делом. Я же был „свой человек", работник, со мной можно было вести всякие разговоры. Мне было 22 года, и я не устоял от соблазна—пропагандировал при всяких встречах. Постоянным собеседником моим был наш соарендатор; с ним были неразлучны, от зари до зари пахали, ночью караулили волов, чтобы они не подобрались к чужому стогу сена: была глубокая осень, трава становилась все скуднее, свое сено было далеко, у нашего куреня, а чужое под боком, и волов тянуло к нему. Моему соработнику так естественно было в обеденный перерыв, тут же на пашне, и ночью, когда мы лежали около волов на осенней траве, ежась от холода под свитками, обращаться ко мне со всякими вопросами. В его глазах я был хоть и молодой, но бывалый хлопец. И мы бесконечно разго-

варивали. В оценке окружающего сошлись скоро: собственник земли—казачий офицер, живет в Екатеринодаре, получает жалование, сыт, одет, обут, и ему же правительство подарило землю (земля горцев, после их большею частью принудительного выселения в Турцию, была роздана офицерам, служившим в местных войсках во время „покорения Кавказа"). И за эту землю офицер получает аренду с тех, кто на ней работает. Дошли мы и до правительства, которое роздало ее чужим этой земле людям. Сошлись и тут легко. Но ведь во главе правительства стоит царь, его рука—владыка. На этом вопросе мы изрядно задержались. И, наконец, помню этот обеденный перерыв, после того, как я рассказал о царских землях и их размерах, мой собеседник приподнялся, мы лежали на земле, опасливо оглянулся по сторонам и сумрачно сказал: „Мабуть и вин такий же". Но ведь он—помазанник божий, сам бог велел повиноваться царю, а бог—сама правда. Вот тут я наткнулся на непреодолимое препятствие. Стали обсуждать вопрос о бытии бога. „Да откуда же все это?"—широко обвел рукой мой собеседник. „А вот ученые говорят", начал я и стал излагать ему, как можно проще Канта-Лапласовскую гипотезу. Собеседник напряженно слушал, но отрицательно покачивал головой. Вопрос занял ряд дней, пока я не понял безнадежность моих усилий. Для меня стало ясно положение дела. Собеседник мой отчетливо, реально рисует себе картину: громадный старик с длинной белой бородой обитает там, „в горних высях", и оттуда правит миром. Это вполне оформленная фигура. Но бесформенная космическая материя не укладывалась в голове моего собеседника. Вспомнился мне один из новогодних приемов Наполеона I. С поздравлением явилась французская академия наук. Наполеон отвечает, говорит о заслугах академии и, обращаясь лично к Лапласу, заявляет: „С большим интересом прочел я ваше произведение („Об образовании миров") и нахожу в нем один громадный недостаток,—в нем ни разу не упомянут бог".—„Ваше величество, я не нуждался в этой гипотезе".—Мой собеседник нуждался в ней, и мне стало ясно, что пока он этой нужды не изживет, все мои усилия будут бесплодны.

Наконец, мы отпахались, с озимыми отсеялись. „До Евдокии" (1 марта) делать нечего, и мы уехали в Москву. Чтобы не терять времени, стал я искать других путей технического снаряжения, чтобы итти в народ. Организовывалась в Москве слесарная мастерская. Пристал я к ней. Но дело затягивалось. Бросился я на новые поиски. Выручила меня встреча и знакомство с Юрием Николаевичем Богдановичем, который в это время был в Москве. Узнав о моих поисках, он рассказал мне о кузнице своего брата Николая, где кузнечеству уже обучаются такие же, как и я. Снабдил меня письмом к брату, и я немедленно отправился, решив сделать небольшой крюк—заехать в Питер, куда приглашал меня Марк Натансон. Здесь через Натансона же я познакомился с Кравчинским и Клеменцом. Из бесед с ними выяснилось, что оба они стояли на перепутьи между налетным хождением в народ, потерпевшим крушение, и оседлыми поселениями среди него. Мысль об этих последних настойчиво проводил Натансон. Кравчинский и Клеменц одобрили цель моей поездки, а Клеменц дал мне ряд практических указаний,—он уже был в имении Николая Богдановича и хорошо знал местную обстановку.

Новые знакомства были увлекательны. Но я нетерпеливо рвался к работе и через несколько дней, захватив с собой новинки подпольной литературы, выехал к цели моего путешествия. Небольшое имение Николая Богдановича, усадьба „Воронино", была расположена в 26 вер. от Торопца (Псков. губ.). Приехав в Торопец, стал расспрашивать хозяйку постоялого двора, где я остановился, как проехать в Воронино. Она ответила: „Да Николай Николаевич здесь же, он останавливается у меня; должно быть скоро придет".

Скоро пришел и он. Перечитав привезенные мною письма брата Юрия и Клеменца, сказал: „Ну, мы сейчас едем". В Воронине Н. Н. немедленно повел меня в кузницу,—он любил ее и гордился ею. Ее специальностью были топоры, серпы и косы. Но попутно, удовлетворяя спрос ближайшего населения, производили и все кузнечные работы, необходимые крестьянину. Это как раз, то, что мне нужно, подумал я. Здесь же в кузнице Н. Н. познакомил меня с Соловьевым. Александр Константинович, оставив учительствование в Торопецком городском училище, работал в воронинской кузнице молотобойцем. На следующий же день стал и я на работу, тоже молотобойцем. Рабочий день в кузнице был от 6 ч. утра до 6 вечера с 2-часовым перерывом на обед. Обеденные перерывы и вечера мы с Соловьевым посвящали беседам. Сошлись мы с ним довольно скоро, несмотря на то, что А. К. был человек замкнутый. За время нашей совместной работы и наших бесед для меня вырисовался духовный образ Соловьева. В это время он был вполне сложившийся человек: беззаветно и безраздельно преданный идее служения народу, готовый в любой момент принести себя в жертву, но скромный и неуверенный в себе и своих силах. Ему все казалось, что для большого дела, которому он решил посвятить себя, его соб-

ственные силы слишком малы. Нередко можно было видеть, как он, держа на коленях книгу, старался пронизать пространство мучительно-вопрошающим взглядом. Я понимал этот взгляд. Старался притти к нему на помощь. Разубеждал. Но безуспешно.

Было решено, что А. К. достаточно подготовлен, как кузнец, и может итти на революционную работу в народе. И он особенно сосредоточенно мучил себя расценкой своих сил. Недалеко от воронинской кузницы сорганизовалась земледельческая колония в небольшом имении Казиной. Казина была сотрудницей „Отечественных Записок". Ее „Картинки домашнего воспитания" в свое время произвели впечатление. С нею были знакомы участники революционного движения. И ее именьице было использовано для земледельческой колонии.

В одно из весенних воскресений Н. Н. (Богданович) предложил пойти посмотреть колонию и познакомиться с ее обитателями. Пошли он, Соловьев и я. Членов колонии оказалось 10. Это были: Александр и Виктор Шлейснеры—родные братья Ольги Натансон, отставной полковник Фалецкий, отст. артиллерийские поручики Вульферт и Мельников, рабочий Шевырев, Алексей Оболешев, Е. П. Карпов, курсистка Каминер и питерская швея, фамилию которой я не помню. С Шлейснерами я познакомился проездом через Питер у Натансонов; с Оболешевым сблизился еще на первом курсе в университете. С остальными я познакомился только здесь. Из разговоров с Оболешевым выяснилось, что члены колонии не были объединены одной и той же целью. Большинство обучалось земледелию, чтобы затем итти в народ. Из остальных часть желала „опроститься", другая—в земледельческом труде найти отдых от городской жизни. Но все работали добросовестно, от зари до зари. Из конспиративных соображений кузница и колония старались не выявлять своей близости, и взаимные посещения ее были сравнительно не часты.

Наступал конец лета, и члены кузницы и колонии стали разъезжаться. Первым уехал Соловьев. Кузнецом он считал себя плохим, но рвался на работу в народе. За ним уехали Оболешев и Карпов. Свидания кузнецов и земледельцев стали совсем редки. Я в это время стоял у горна, т.-е. был не молотобойцем, а мастером. Был сносным топорником, серповиком, ковал лошадей, стянул к себе крестьянскую работу по починке всякой мелочи, приносимой и привозимой крестьянами, и к концу года был сносным деревенским кузнецом.

В январе 1877 г. я был уже в Москве. Остановился у одного из своих одноклассников по гимназии и однокурсников по университету, Сергея Васильевича Мартынова. От него узнал о питерской организации народников, во главе которой стоял Натансон. Решил раньше, чем поселиться в деревне, войти в связь с этой организацией. В беседах с Мартыновым, отвечая на его расспросы, между прочим, упомянул, что все свободное от кузнечной работы время я посвятил изучению экономического материализма К. Маркса. Мартынов заинтересовался. Заставил изложить и, выслушав, заявил: „С этим необходимо познакомить здешнюю публику". Предложил прочесть реферат. Сам же устроил собрание. Помню, это было в квартире С. Я. Елпатьевского, тогда студента-медика 4 курса. Собрание было немноголюдно. Выслушали внимательно. Реферат был на тему: „Экономический материализм, как историко-философская и социологическая теория". Начались прения. Самой горячей оппоненткой была жена Елпатьевского, урожденная Сокологорская, женщина умная и значительно начитанная. Она же сформулировала отношение слушателей к реферату: „теория односторонняя". Но интерес был возбужден, и, как мне потом рассказывал Мартынов, ряд дней был посвящен участниками собрания горячему обсуждению новой для них теории.

Но вот я опять в Питере. В квартире Натансонов было устроено собрание наличных членов „Основного кружка" для принятия меня, как нового члена. Из знакомых мне здесь были Марк и Ольга Натансон, Алексей Оболешев и Сергей Харизоменов. Последний изложил мне программу организации. Программа эта изложена О. В. Аптекманом в его „Земле и Воле". Программа была чисто практическая, — теоретическое обоснование в ней отсутствовало. Но в это время для членов организации, и для меня в частности, это не было важно,—время не терпело. Сговорились мы в один вечер в течение пары часов, и я был принят в члены „Основного кружка", — руководящий центр организации, впоследствии называвшейся „Земля и Воля", а тогда не носившей никакого названия. В другое время и при других обстоятельствах я надолго задержался бы здесь, чтобы лично сблизиться с этой семьей, именно семьей, выдающихся работников революции и обаятельных людей, ярких индивидуальностей. Но меня слишком тянуло туда, „в народ",— могучим порывом этого народа, мы верили, скоро будет свергнут ненавистный строй. Центром революционных поселений уже было намечено Поволжье, с его революционным прошлым и отрицательным отношением к тогдашнему строю его населения—раскольники крайних толков—в настоящем. Часть членов организации была уже там. Через несколько дней туда же уехал и я.

С котомкой за плечами, в кот. был са-

мый необходимый кузнечный инструмент, обошел я правый и левый берег Волги, в поисках ударного места, где население наиболее готово к выступлению. Выбор остановился на окрестностях Хвалынска. Довольно значительная деревня Елшанка предоставила мне бесплатно пустующую кузницу,—кузнеца давно уже в деревне не было, а нужда в нем была большая. В ближайший базарный день группа елшанцев, ехавшая в город за покупками, свезла меня на лодке в город. Закупил я там уголь и железо и с той же группой привез все это в Елшанку. На следующий же день начал работу. Работы оказалось много: до моего появления за всякими деревенскими кузнечными поделками ходили или ездили лодкой в город,—теперь пошли ко мне. И у каждого самое неотложное дело. Каждому нужно сделать „сегодня же". А мое положение „обязывало": население сплошь „федосеевцы" (раскольничий толк, близкий к „странникам"), я—„никонианец". Обидеть кого-нибудь отказом или отложить на „завтра"—было нельзя. И я долгий летний день (май, июнь, июль пробыл я здесь) работал от зари до зари. Результаты сказались,—я слег. „Надорвался, парень", сказал навестивший меня старик-начетчик, с которым я успел подружиться.

Отлеживаться здесь не имело смысла: терялось время. И я уехал в Москву. Но отлежаться и здесь не пришлось. Еще в Елшанске я получил сообщение об аресте Марка Натансона. А приехавшая из Питера одновременно со мной Ольга Натансон познакомила меня с положением наших дел: о боголюбовской истории, об арестах. В Москве был арестован рабочий „Петро", один из крупных работников нашей организации, кот. мы очень любили и ценили. Рассказала мне Ольга, что на надругательство над Боголюбовым решено в нашем центре ответить убийством Трепова, что за ним ведется наблюдение, что Марк сидит в Петропавловке, а потому об освобождении его и думать нечего, но к освобождению Петро необходимо приступить немедленно. Через пару дней в Москве оказался „Жорж" (Плеханов), с кот. я встретился впервые. Втроем мы набросали план освобождения, и я поехал в Питер за „Варваром", кот. год тому назад увез из-под стражи Кропоткина. „Варвар" в это время находился у О. Э. Веймара. Свели меня к Веймару,—с ним я еще не встречался. Забегая несколько вперед, скажу: Орест Эдуардович Веймар никогда не был профессиональным работником революции, ни к какой революционной организации никогда не принадлежал—да по своему характеру не укладывался он ни в какую организацию. Но в революционном мире имел большие знакомства. И к отдельным предприятиям привлекался, как незаменимый участник: храбрый, решительный и хладнокровный, он не терялся в самых опасных положениях. Эти качества он в высокой степени проявил при освобождении Кропоткина.

Взял я „Варвара" и отправился с ним на вокзал. Погрузкой меня с „Варваром" в товарный поезд руководил Лизогуб („Дмитро" по „Основному кружку"). В Москве меня принимал с поезда „Филипп Михайлович", тот самый „радикальный мужичок" московских рев. кружков, о кот. рассказывала в своих воспоминаниях Викторова-Вальтер („Кат. и ссылка", № 4 (11) и С. И. Мартыновский („Канд. звон", № 1). Фил. Мих. устроил меня с „Варваром" у одного из своих приятелей в подмосковной деревне Зыково. Здесь мы с „Варваром" пробыли свыше недели, пока в Москве нашли подходящее помещение. В одной из гостиниц был снят для имеющего приехать помещика хорошо обставленный номер с конюшней для „барского рысака". „Помещик" скоро прибыл. Его изображал наш „Семен" (Баранников). Сношения с Петро (арестован и сидел по паспорту, как „Крестовоздвиженский") были уже заведены Викторовой-Вальтер, переписывавшейся с Дуней Ивановской (впоследствии Короленко), кот. сидела в той же городской части, где и Петро. А через Викторову-Вальтер и Дуню мы кружным путем переписывались с Петро. Но я искал для верности вспомогательного пути сношений и скоро нашел его. Не помню, каким образом познакомился я с одним городовым той же городской части, где сидел Петро. Сам этот городовой не имел никакого отношения к тюрьме гор. части, но среди тюремной стражи у него был приятель. Через эти два звена был установлен и второй путь сношений с Петро.

Водворившись в гостинице, мы в один из ближайших дней поехали осмотреть место действия—путь от гор. части до бани, куда раз в две недели водили „политиков" заключенных. Путь оказался чрезвычайно неблагоприятным. Набережная Москвы-реки, по кот. пролегал этот путь, утрами, когда водили в баню, бывала запружена дровозами. Именно из-за этого пришлось привлечь много участников,—они должны были в любом месте устроить перерыв в движении дровозов, чтобы пропустить Варвара. Участвовали: кружок межевиков с Мартыновским во главе, 2 брата Малышевых („петровец" и „техник"), тот же Филипп Михайлович, группа петровцев, из нашей организации В. Н. Игнатов, всего свыше 20 человек. Переписка с Петро точно установила день и час бани. И мы на месте. Та же досадная непрерывная вереница дровозов. Но многочисленность наших участников дает уверенность, что

с Варваром проскочить удастся. Прошел „Василий" (Игнатов), подав знак: „идет". Варвар шел шагом. Петр под охраной трех городовых, поравнялся с нами. Вид его был непривычный для меня: землисто-бледное лицо и тусклый взгляд. Этот взгляд, так несвойственный Петро, поразил меня. Взглянул, слабо улыбнулся и, низко опустив голову, продолжал итти. Пропустив их шагов на 50, перевел я Варвара на легкую рысь. Нагнал. Опять тот же взгляд, та же слабая улыбка, так же низко опускается голова, и ни тени попытки броситься к нам. Идут дальше. Я повторяю маневр: вновь нагоняю и подъезжаю уже вплотную к тротуару. Опять то же. Но городовые тревожно смотрят на нас, и ближайший нерешительно извлекает свисток. Еще тревожный взгляд на нас. И свист. Петро вздрогнул, точно очнулся. Но, даже не взглянув на нас, продолжал свой путь. Свисток городового был для нас сигналом к отступлению. Вечером я был у своего друга — городового. Он не был посвящен в организацию побега, не знал о ней. Но на вопрос: „Что нового?" подробно рассказал, что было этим утром. Рассказал ему об этом один из конвоировавших Петро городовых. В городской части был большой переполох. Был отдан приказ в баню „политиков" не водить. Идут поиски „злоумышленников". Через день мой друг сообщает мне: „Увезли (Петро) в Бутырки в тюремную больницу". Охотно принимает предложение сходить туда, хотя это было на другом конце. Через день передает мне: „Сильно болен—тиф". А ровно через неделю сообщает печальную весть: „Умер". Эта смерть объяснила нам внешний вид и поведение Петра в день попытки освобождения; бесстрашный, активный, решительный товарищ был уже скован тяжкой болезнью.

Из Питера от нашего центра мы с Семеном получили указание переждать в Москве, пока уляжется полицейская тревога, и возвращаться в Питер. Рядом—личное ко мне письмо „Лешки" с просьбой использовать дни бездействия и написать теоретическое обоснование нашей программы. С тех пор, как Алексей узнал от Мартынова о моем докладе в квартире Елпатьевского, он не давал мне покоя, требуя, чтобы я написал это обоснование. Я не был уверен в себе и всячески уклонялся, но в этот раз вынужден был уступить. Изо дня в день я отправлял в Питер исписанные листки почтовой бумаги. К нашему возвращению в Питер из этих листков составилась порядочная тетрадка. Это и была та „программа", которая, по словам О. В. Аптекмана („З. и В."), „всем очень понравилась". Это была попытка обосновать практическую программу нашей организации на историко-философской теории К. Маркса. Было решено напечатать ее. Но наша типография была еще не в силах справиться с такой большой работою. Дело затянулось, и я потерял из виду свою рукопись. Последний раз я видел ее в руках „Жоржа" (Плеханова). Вероятно, где-нибудь во время обыска она попала в руки жандармов, и, как не представлявшая для них практического интереса—уничтожена или погребена в ненужном архивном хламе.

Но вернусь назад, к Москве. В дни нашего с Семеном бездействия, проездом в Питер, в Москве остановились южане: Попко (умер в Карийской тюрьме), Чубаров (казнен в 1879 г. в Одессе), Волошенко (умер в Полтаве по возвращении из Сибири после каторги и ссылки) и М. Ф. Фроленко. Целью их поездки было: общая—войти в связь с нашей организацией, и частная—принять участие в убийстве Трепова. Немного дней предварительных переговоров с нами, и южане уехали в Питер. Еще немного дней, и мы с Семеном решили, что можем последовать за ними.

Приехав в Питер, я поставил вопрос, чтобы меня отпустили на работу в деревню. Для меня было незыблемо, что без могучего движения масс наша борьба с правительством будет бесплодна. В первый же день приезда я заговорил об этом. Товарищи резко запротестовали: события идут бурно, работы так много, а работников так мало—отсюда, из центра, нельзя снять ни одного человека. А жизнь действительно кипела и бурлила. Шел большой процесс 193. Наша типография изо дня в день выпускала отчеты о заседаниях „Особого Присутствия сената", судившего 193. Уже выпущена была речь Мышкина. В высших учебных заведениях шли бурные сходки. Из провинции одна за другой приезжали студенческие делегации для выработки единого плана действий. В то же время далеко продвинулись у нас наблюдения за Треповым. Было решено перебросить в Питер Варвара. Мы с Семеном поселились в отдельной квартире. Прописались: он — помещик одной из черноземных губерний, Тюриков, я—его кучер, мещанин Поплавский. Варвар был помещен в ближайшей татерсаль некоего Крафта, бывш. конюха графа Адлерберга, министра двора. Может быть, именно поэтому татерсаль был хорошо обставлен, и мы были спокойны за Варвара. Здесь наш рысак и квартировал вплоть до своего ареста в октябре этого 1878 года.

Мы с Семеном, как участники уже спланированного покушения на Трепова, обязаны были вести себя сугубо конспиративно. Но удержаться от вылазок в бурный внешний мир было свыше наших сил. „Большой процесс" накалял атмосферу.

В высших учебных заведениях совместно с все прибывавшими из провинции студенческими делегациями шли непрерывные сходки. Горячо дебатировался вопрос о форме протеста. Большинство остановилось на „адресе министру юстиции". Им в это время был граф Пален, отпетый реакционер, ярый противник новых судебных уставов. Но для протестантов это не важно: „Куда бы ни направить протест—все равно, важно только, чтобы это был протест",—высказывалось на сходках. Проект „адреса" был отпечатан в нашей типографии. Его составил „Жорж". Адрес имел большой успех. Собирались подписи. К этому времени и „Особое Присутствие Сената", судившее большепроцессников, поняло, наконец, что усилия Желиховского (прокурор-обвинитель по большому процессу) создать из стихийного движения единую рев. организацию потерпели крушение. „Особое Присутствие" остановилось на решении: приговор вынести суровый, но „ходатайствовать" перед царем о значительном смягчении,—каторгу оставить только для Мышкина, других главных обвиняемых сослать на поселение, массе обвиняемых зачесть предварительное заключение. По взгляду самого „Особого Присутствия", „ходатайство" было только формой, оно обязательно будет удовлетворено. И большепроцессников стали выпускать из тюрьмы, — под подписку о невыезде, поручительство, залог. Под залог в 10000 рублей был выпущен даже приговоренный к каторге Добровольский. Настолько велика была уверенность „Особого Присутствия" в удовлетворении „ходатайства". Было ясно, что имелось согласие и III Отделения, — иначе „Особое Присутствие" не дерзнуло бы.

24 января 1878 г. грянул выстрел Веры Засулич, и положение резко изменилось.

Вера Засулич не принадлежала к нашей организации, но имела знакомства в ней. Несколько раз нащупывала, предпринимается ли что против Трепова, но ответы получала неопределенные, дать иные участники дела и не имели права, несмотря на личные дружеские отношения к Вере Засулич. И она, поняв ответы, как отрицательные,—„в организации ничего конкретного по адресу Трепова нет",—выступила единолично. Впечатление выстрел произвел громовое: у интеллигентной части населения—вздох облегчения, что надругательство над Боголюбовым не осталось безнаказанным, а у массы—тот же вздох облегчения,— для всех тяжела была самодурно-всевластная рука Трепова. Наша организация поспешно выпустила прокламацию, разъясняющую смысл события. Говорю поспешно потому, что прокламация была неудачна в литературном отношении,—автору ее, Клеменцу (О. В. Аптекман ошибочно приписывает ее Плеханову), опытному литератору, перо на этот раз изменило. Особенно критически отнеслись к ней Зунделевич, Плеханов и Оболешев. Последний настаивал на выпуске второй. Но это нашли неудобным. Однако, поведение части легальной печати вынудило выпустить и вторую. В „Петербургских Ведомостях" редакции Комарова появилась отвратительная статья о выстреле. С свеженьким номером „Пет. Вед." я зашел к Оболешеву. Он лежал— ему недомогалось. Дал ему прочесть. Прочел, вскочил и, сверкая глазами, сказал: „Садись и пиши". Я возражал, ссылаясь на неудобство дублирования, он настаивал: „У нас газеты нет, а молчать нельзя". Я уступил и тут же написал „13 июля 1877 года — 24 января 1878 года" (даты треповского надругательства над Боголюбовым и выстрела Веры Засулич), ту вторую прокламацию, о которой упоминает Аптекман.

Февраль и март прошли в ожидании. Противники—правительство и наша организация—точно измеряли взглядом друг друга: мы ждали исхода ходатайства „Особого Присутствия" о смягчении приговора осужденным и не желали ухудшить их положение; правительство ждало приговора суда над Верой Засулич. День 31 марта положил конец этому томительному положению. Суд присяжных, тщательно подобранный из сливок общества, даже этот подобранный суд оправдал Веру Засулич. Председатель суда (А. Ф. Кони) тут же в зале суда отдал приказ об освобождении оправданной. Управляющий Домом предварит. заключ. (Федоров) торопил ее: „Скорей, скорей, Вера Ивановна, иначе жандармы не выпустят вас" (передаю со слов В. И. Засулич из ее рассказа в этот же день). У ворот ее уже действительно ждала карета с жандармами, но написком молодежи, плотной стеной окружавшей здание суда и Дом пред. зак., жандармы были смяты, и В. И. Засулич вышла из „пределов досягаемости русского правительства". Во время схватки жандармов раздалось несколько револьверных выстрелов. И когда карета с Верой Засулич отъехала, на мостовой оказался труп студента-медика Сидорацкого с револьверной раной на правом виске. В правительственном сообщении, вышедшем на следующий же день, смерть эта объяснялась, как самоубийство. Участники освобождения Веры Засулич утверждали, что Сидорацкий был убит одним из выстрелов со стороны жандармов. Еще день, и в одной из больших аудиторий Медико-Хирургической академии состоялась громадная сходка студентов разных учебных заведений. Поставленный на обсуждение вопрос о демонстрации-панихиде по уби-

том был сразу решен утвердительно. Но вопрос о форме демонстрации—вооруженной, по предложению одних, не вооруженной, как предлагали другие—вызвал страстные дебаты. Среди выступавших я увидел и Сережу Голоушева. Он отстаивал мирную демонстрацию, но „наружные наблюдатели", очевидно, перепутали его с кем-нибудь. Через несколько дней он был арестован,—ему предъявили обвинение в призыве к вооруженному восстанию. На 4 апреля, если память не изменяет мне, была назначена демонстрация у Владимирского собора. Ранним утром этого дня мы с Александром Квятковским (казнен вместе с Пресняковым осенью 1880 г.) осмотрели площадь у собора. Странное движение происходило здесь: воинские отряды, отряды городовых, пешие и конные жандармы проходили через площадь и исчезали в воротах прилегающих дворов. Ворота за ними запирались. Тротуары заполнялись группами дворников, очевидно стянутых с других мест Питера.

Было ясно, что ожидался бой, и для него были стянуты такие силы. Панихида-демонстрация прошла мирно. Не был арестован даже выступавший с речью.

Еще немного дней, и нам стало известно, что по докладу Мезенцева Александр II отклонил ходатайство „Особого Присутствия Сената" „о смягчении участи приговоренных по делу 193-х." „Злоумышленники,—говорилось в докладе,—желают запугать правительство; правительство должно проявить твердость". Для обсуждения положения был созван „совет" нашей организации. „Совет" не составлял отдельной группы в организации: в него входили, кроме членов „центра", все наличные в Питере члены организации. На собрании были оглашены только-что полученные сообщения о смерти в Петропавловской крепости Купреянова (большепроцессник-чайковец) и проект воззвания к обществу. Написанный одной из осужденных, проект обращался к „лучшим чувствам общества" и призывал его возвысить свой голос против жестокостей правительства. Проект не удовлетворил собрания. После ряда возражений и замечаний поднялся Сергей (Кравчинский) и заявил: „Это обращение и не по адресу направлено, и тон не тот, который нужен. Позвольте мне завтра представить свой проект".—На следующий день собранию был представлен проект Сергея. Это был обвинительный акт против правительства, предъявляемый ему самому. Заканчивался проект словами: „Все эти жестокости требуют ответа. Он будет дан. Ждите нас!" Два последних слова и по сейчас живы в моей памяти, по отношению к предыдущим передаю их смысл. За ночь обращение было отпечатано и на утро 15 мая 1878 г. выпущено.

Этим „ждите нас" горсть революционеров объявляла войну правительству, опирающемуся на миллионы штыков, тогда еще преданных ему, на тысячи агентов явной и тайной полиции, могущественный государственный аппарат и, объявив, вела эту войну и порой заставляла правительство трепетать.

Ближайшая практическая задача была для нас ясна. Имя шефа жандармов генер. Мезенцева, как главного виновника жестокостей правительства, их вдохновителя и верховного распорядителя, было у всех на устах. На него и должен быть направлен первый удар. Но тут же рядом встала и другая задача, требующая немедленного разрешения. Осужденные на каторгу большепроцессники были разделены на две группы: женатые должны были отбывать каторгу на Каре (в Забайкалье), неженатые—в „централках" близ Харькова. Нам стала известна инструкция для содержания „государственных преступников" в централках. Ею устанавливался режим „заживо погребенных" (так озаглавлена была напечатанная подпольной типографией брошюра). Именно эту группу нужно было освободить. Нашей организацией было послано двое (кто именно, не помню), чтобы обследовать путь и наметить место действия. Не успели они закончить обследования, как Мышкина уже увезли в одну из централок. Увезли его ночью, нам стало известно утром. Было ясно, что для него мы уже ничего не можем сделать. Но было решено ускорить приготовления для освобождения остальных. Однако, сильно волновавшаяся Соня Перовская решила на свой собственный риск и страх (она еще не вступила в нашу организацию) нагнать Мышкина и сделать попытку освободить его. В течение дня она успела найти вне нашей организации желающих принять участие в освобождении. Но, как и следовало ожидать, Мышкин был доставлен на место раньше, чем можно было что-либо предпринять.

Обследование пути показало, что единственное возможное для успешной попытки место — это дорога от Харькова до централки. И в начале июня все участники попытки были уже в Харькове. Сюда были стянуты значительные силы: из Питера Александр (Квятковский), Семен (Баранников), „Дворник" (Александр Михайлов), Соня Перовская, Морозов, Ошанина, члены местной организации: Мощенко, Быховцев, Новицкий; приехавшие именно для этого предприятия М. Ф. Фроленко и Медведев. Квятковский, Медведев и я поселились на постоялом дворе у Ярмарочной площади. Квятковский,—как управляющий крупной экономии Екатеринославской губернии, приехавший на ярмарку сделать закупки, Медведев—как приказчик экономии и я —

кучер управляющего. Александр Михайлов, в форме землемера, и Марья Николаевна Ошанина, под видом его жены, сняли хорошую квартиру. С ними Соня Перовская в виде их горничной. Эта квартира предназначалась для первого приюта и переодеванья освобожденных. Ударную группу, которая и должна была произвести освобождение, составляли М. Ф. Фроленко, Баранников, Квятковский, Медведев и я. „Управляющий" при посредстве кучера купил на ярмарке 4-х лошадей (2 упряжных и 2 верховых) и экипаж. Обследовали путь от Харькова до централов. Их было два: Новобелгородский (по местному „Печенеги") у Чугуева и Новоборисоглебский (по местному „Андреевка", по названию селения, у которого он находился). Первый путь был исследован нами особенно тщательно: в этой централке уже был заточен Мышкин; туда же по доставленным нам сведениям должны были водворить и остальных. Второй путь мы проехали всего один раз— „так, на всякий случай".

Наконец, приехал наш Митроша (Новицкий). Он в точности выполнил намеченный план: ехал в одном поезде с узниками из Питера до Москвы и, удостоверившись, что их вагон прицеплен к харьковскому поезду, прошел мимо вагона, подав узникам условленный в переписке знак и в курьерском поезде приехал в Харьков с известием: „везут". На утро Квятковский и Медведев верхами были в одном из переулков около тюрьмы. Сюда сигнальщики у тюрьмы должны были сигнализировать им о моменте вывоза заключенных. Я выехал с экипажем один. На выезде из Харькова в экипаж сели Михайло (Фроленко) и Семен. Едем легкой рысью. Уверенные, ждем. Вот обогнали нас, один за другим, наши верховые. Подали знак: „везут" и промчались вперед. Подтянулись, осмотрели оружие, поминутно оглядываемся назад. Дорога пустынна. Проходит полчаса, час, еще час. Никого нет. Квятковский поехал в город узнавать, возвращается с известием: „Увезли... в Андреевку. Завтра туда же Войнаральского".

На утро Квятковский и Медведев верхами вновь в переулках у тюрьмы. Я выезжаю на Змиевский тракт (Змиев — город, в уезде которого Андреевка). На окраине ко мне садятся Михайло и Семен. Семен в мундире жандармского офицера. Мундир пока прикрыт резиновым дождевиком. Высматриваем подходящее для остановки и ожидания место. В густых хлебах по сторонам дороги работали жнецы и жницы. Пришлось проехать 12 верст, чтобы выбрать немного менее людное место. Остановились. Вдали послышались быстро движущиеся почтовые колокольцы. Промчался мимо Квятковский, подав знак: „едут". Михайло и Семен вышли из экипажа. Из-за ближайшего холма показалась тройка гнедых лошадей. Лошади-красавцы. Очевидно, тройка была отборная. Она шла полным ходом. Семен сбросил дождевик и в синем мундире с серебряными аксельбантами стал на дороге. Около него Михайло. Тройка поровнялась с нами. На облучке ямщик. Сзади два жандарма. Между ними Войнаральский. Семен спрашивает ближайшего жандарма: „Кого и куда везете?" Тот что-то, наклонясь в сторону спрашивающего, отвечает; что — я не слышу; вижу только движение губ. Но тройка не замедляет хода. Семен стреляет. Жандарм слева от Войнаральского, высоко взмахнув руками, падает на дно почтовой брички. Стреляет Михайло в другого жандарма. Промах. С первым же выстрелом вся тройка переходит на карьер. Скачущий параллельно тройке Квятковский стреляет в лошадей. Выпускает все заряды. Но тройка с каждым выстрелом только ускоряет свой бешеный бег. Стараюсь нагнать. Но сразу же ясно, что мои усилия напрасны. Бегущий, задыхающийся Михайло первый понял безнадежность погони и крикнул: „Назад!" Остановились. Удрученные повернули в город. Быстро решили разъехаться из города, пока не поднялась тревога. Через час мы были уже в поезде. Медведев, попытавшийся ехать вечерним поездом, был арестован на вокзале.

Вернувшись в Питер, мы с Семеном застали в нашем центре только что закончившиеся споры между Сергеем Кравчинским и остальными по вопросу о Мезенцеве. Кравчинский, оказалось, долго и упорно отстаивал свой план, — он вызовет Мезенцева на дуэль, предоставив ему выбор оружия. Выдвинул он этот план совершенно серьезно. Отстаивал горячо и настойчиво, встреча должна быть грудь с грудью.

Тут же, но уже в частной беседе, разговорились мы с ним о положении револ. дела в данный момент. Я все еще лелеял мысль вернуться на работу в народе, на нашу основную работу. Сергей охотно соглашался, что самодержавие может быть свергнуто только революционным натиском масс, что сюда должны быть направлены все наши усилия, сюда должны быть брошены наши главные силы, но „что-же делать, сказал он, нас так мало; недавно стали мы подсчитывать, сколько нас, действительных членов организации, — не досчитали даже до двухсот. Что-же? Недостаток людей возместим быстротой их обращения. Вопрос о Мезенцеве—вопрос чести. Покончив с ним, вернемся к нашей основной работе и нас будет много". Пришлось согласиться, — положение обязывало. Решили немедленно приступить к действию.

Ко второй половине июля наблюдение

установило, что Мезенцев ежедневно по утрам совершает прогулки ровно в 8 часов. В этих прогулках его неизменно сопровождал человек в штатском. Он шел рядом с Мезенцевым, всегда с левой его стороны, и всегда всю дорогу они вели разговоры, как будто на равной ноге. Это был, как выяснилось, полковник Макаров. Обстановка ясная. Регулярность прогулок дала возможность свести до минимума количество участников: три непосредственно участвующих — Кравчинский, Баранников и я, и три сигнальщика—покойный Зунделевич, ныне еще живой Л. Ф. Бердников и, тоже член нашей организации, Болгарин (дальнейшая судьба его мне неизвестна, и я не знаю, желает ли он, если жив еще, чтобы называлась его фамилия). Нападение могло быть произведено в любое утро. И однако, это утро откладывалось со дня на день. 3-го августа получено было известие о казни Ковальского в Одессе. И в этот же вечер было решено завтра же казнить Мезенцева. „Смерть за смерть", как была озаглавлена брошюра Кравчинского по поводу убийства Мезенцева, соответствовала действительности: убийство подготовлялось давно, но непосредственным толчком к нему была казнь Ковальского.

Местом действия избрана Михайловская площадь: на углу площади и Итальянской улицы можно было стоять пролетке,—здесь помещалась кондитерская Кочкурова. Открывалась она рано, и пролетка не обращала на себя внимания.

4 августа 1878 г. в 7½ часов я в татерсале. Запрягаю Варвара. Одеваюсь в кучерское. Выезжаю. Ровно в 8 час. я на Михайловской площади. Проезжаю мимо Михайловского сквера, вижу там Сергея и Семена. Сидят на разных скамейках. Сергей читает газету. Газета сложена вдвое. В ее складке, знаю, итальянский стилет, сделанный по специальному заказу — „для охоты на медведей", было объяснено мастеру. Становлюсь у кондитерской Кочкурова вдоль Итальянской лицом к углу Садовой, но так, что у меня на виду панель Михайловской площади. Через четверть часа сквером, затем мимо меня начинают проходить один за другим наши сигнальщики, наконец, идет Бердников. Знак,— Мезенцев повернул с Невского на Михайловскую улицу. Сергей выходит из сквера и, продолжая читать газету, медленно переходит на панель у кондитерской. Останавливается у ее стены. За ним еще медленнее идет Семен. Мезенцев, беседуя с Макаровым, поравнялся с Сергеем. Вижу быстрое движение руки Сергея. Слышу вскрик Мезенцева. Сергей быстро направляется ко мне. Макаров против ожидания бросился не на помощь Мезенцеву, а за Сергеем. Близко нагоняет его, ударяет концом зонта по шляпе. В этот момент Семен стреляет в Макарова. Макаров на мгновенье останавливается и поворачивает к Мезенцеву. Сергей садится в пролетку. Перепуганный выстрелом, Варвар бросается каким-то нелепым галопом прыжками.

Семену не сразу удается вскочить в пролетку. И мне приходится одновременно и укрощать Варвара и следить за движениями Семена. Наконец, Семен вскочил. И я могу сосредоточиться на Варваре. Взглянув вперед, вижу: пустынная несколько секунд назад, улица заполнена группами людей. Точно прикованные к месту, они остолбенело-вопрошающими глазами смотрят на нас,—они не знают еще, что произошло за углом, и не понимают, в чем дело. Быстро справляюсь с Варваром. Он своей обычной прекрасной рысью мчит нас к углу Садовой. За нами уже раздаются крики: „Держи! Лови!". За пролеткой уже бегут люди. Поворачиваю на Садовую. Обе стороны этого ее отрезка между Итальянской и Невским заполнены возами с дровами. На полной рыси Варвара маневрирую между ними. На углу Садовой и Невского стоит городовой и мирно беседует с кем-то,—грохот дровяных возов не доносит до него криков позади нас. Быстро пересекаем Невский. Выезжаем к памятнику Екатерины. Проезжаем между ним и Публичной библиотекой. Огибаем справа Александринский театр и направляем Варвара к Апраксину двору с этой его стороны. Здесь в обычной апраксинской толчее Сергей и Семен сходят с пролетки. Я, как это обычно делают кучера, спустив „господ", пересаживаюсь на заднее сидение и выезжаю на Садовую. Варвар идет небольшой свободной рысью.

Приехав в татерсаль, я застал продолжение утренней суеты: так же убирали лошадей, так же мыли экипажи. Я распрег Варвара, поставил его на место, закатил пролетку, переоделся и ушел. До Варвара очередь уборки еще не дошла. И когда полчаса спустя в татерсаль явилась полиция, обходившая все дворы и в первую голову татерсали, с вопросом: „Не выезжала ли отсюда сегодня пролетка на лежачих рессорах, запряженная вороным рысаком", то прислуга татерсаля с чистой совестью отвечала: „Нет". Все произошло так быстро, что за суетой они не заметили моего выезда. На этом „нет" все они стояли на следствии и на суде.

С завершением дела Мезенцева непосредственные участники должны были покинуть Питер, как только уляжется тревога первых дней. Сам собой решался вопрос и о возвращении моем в народ. И нашим центром было решено удалить нас трех из Питера.

Но... нас было так мало, а дела так много.

Как раз в это время подходил к концу вопрос о постановке газеты „Земля и Воля", как периодического нашего органа. Было решено: первый номер проредактировать сообща на собрании всех наличных в Питере членов организации, а в дальнейшем— такое собрание должно было редактировать только руководящие статьи, в остальном поручить ведение дела редакционной коллегии. Состав коллегии был тут же намечен. В мемуарной литературе я встретил несколько версий о составе ее. В моей памяти сохранился тот состав, кот. приводит О. В. Аптекман в своей „Земле и Воле": Кравчинский, Клеменц, Плеханов и я.

Редактирование первого номера „Земли и Воли" заняло много времени, особенно первая передовая, написанная Сергеем Кравчинским. В ней излагались задачи нашей организации (с постановкой органа „Земля и Воля" это название стала носить и сама организация) в данный исторический момент: наши цели могут быть достигнуты только революционным движением трудящихся масс; работа в этих массах — наша основная работа; террор — только мера охраны этой основной работы. С большим подъемом, на который так способен был Сергей, статья призывала не увлекаться этой стороной работы, — увлечение может исчерпать силы организации, не дав, без движения масс, желанных результатов. Террор, как политическую систему, статья решительно отвергала. Эта часть статьи заняла два собрания. Извне в организацию доходили сведения о наличии взгляда на террор, как исключительное средство борьбы.

Номер целиком проредактирован. Сдан в типографию, и 10 октября (ст. ст.), помню, типография доставила корректуру всего номера. 11-го мы еще правили корректуру. Но 12-го утром я узнал, что ночью, после вооруженного сопротивления, арестованы Александра Малиновская и Коленкина. Немедленно отправился предупредить других. Ближайшим по месту жительства был Леонид Буланов. К нему я и направился. Распределили мы с ним, кто из нас куда должен итти. Среди других, он должен был известить Оболешева. Адрес и фамилия, под которой жил последний („Сабуров"), Леониду, члену организации, известен не был. Адрес и фамилию я сказал ему. Он не сразу запомнил, и то и другое было записано на бумажку. Не помню, кто из нас записал, — боюсь, что я (на суде я настаивал на своем авторстве). Эта бумажка сыграла роковую роль в дальнейших арестах.—Из квартиры Леонида мы, по плану, должны были разойтись в противоположные стороны: у меня первым был Бердников, у Леонида — Сабуров - Оболешев. Но... при моем приходе к Леониду, я застал его читающим статью Н. К. Михайловского: „Дюринг и Ренан" в только что вышедшей книжке „Отечественных Записок". Я успел уже прочесть эту статью. И, спускаясь по лестнице, мы стали обмениваться мнениями. Да так увлеклись этим, что Леонид оказался идущим вместе со мной. Машинально, не прекращая разговора, дошли до квартиры Бердникова. Не взглянули на окно, где уже отсутствовал знак безопасности,— направились прямо к двери квартиры Бердникова. Прекратили спор только тогда, когда у двери перед нами вырос дворник с вопросом: „Вам кого?". Нахлынула орава „штатских", дворников, и нас повели в „часть". При входе в нее Леонид пытался уничтожить бумажку с адресом, но его крепко держали за руки. В одном из темных проходов части он успел выбросить бумажку в расчете, что в темноте ее затопчут, но зоркие „штатские" заметили ее, и в ту же ночь был арестован Сабуров, на утро — пришедшая к нему „наша Ольга" (Натансон). Бердников, оказалось, был арестован в ту же ночь, что и Малиновская с Коленкиной, — „наблюдение" за последними установило связь их квартиры только с квартирой Бердникова. Бердников во время обыска успел незаметно убрать с окна сигнал безопасности. И не будь „Дюринга и Ренана" и бумажки с адресом, дело на этот раз ограничилось бы только арестом Малиновской, Коленкиной и Бердникова.

Арестом заканчивается мое профессиональное участие в русском революционном движении. В дальнейшем это участие значительным не было. И дальше, насколько успею, отмечу только отдельные эпизоды, сколько-нибудь заслуживающие внимания.

Моя связь с делом Мезенцева была установлена только месяц спустя после ареста, совершенно случайно и неясно. Письмоводитель одной из полицейских частей был арестован по подозрению в передаче „революционерам" секретных распоряжений. Арестованный сознался. По его указанию, был арестован член нашей организации Трощанский, который вел сношения с ним. В своих показаниях этот письмоводитель упомянул, что в одной из бесед Трощанский сказал ему о местонахождении Варвара. Татерсали были вновь осмотрены. Произведена проверка всех хозяев лошадей, стоящих в татерсалях. Было установлено, что хозяин Варвара проживал по фальшивому паспорту. Варвар был взят. Хозяйке квартиры, где в свое время жил поставивший в татерсаль Варвара Тюриков (Семен), были показаны все арестованные. Она во мне узнала „Поплавского", проживавшего у нее с Тюриковым. Но прислуга татерсаля, которой я также был предъявлен, показала: „Похож на того, который брал Варвара, но твердо сказать не можем", и все таки упорно продолжала настаивать,

что 4-го августа Варвара никто не брал. Для судебного следователя, который вел следствие по делу об убийстве Мезенцева, этих данных было недостаточно для моего обвинения и у него, в моем присутствии, при допросе, произошли резкие объяснения с прокурором. Но для III Отделения дело было ясно.

В Трубецком бастионе к этому времени назрел конфликт с начальством. Конфликт закончился нашим „бунтом" и жестоким избиением. На следующий день мы потребовали бумаги для заявлений по этому поводу. Нам отказали: была объявлена голодовка. На четвертый день ее бумага была дана, и заявления поданы. Еще день и в тюрьму явился Дрентельн. Обошел камеры. Ко мне обратился с вопросом: „Читал ваше заявление. Жалуетесь на беззаконные действия начальства вы, отрицающие всякие законы?" — „За отрицание законов мы вот здесь, в тюрьме, но вы-то, признающие ваши законы, должны-же соблюдать их или нет?" — спросил я. После нескольких минут препирательств Дрентельн махнул рукой и, сказав: „Нам с вами, конечно, не сговориться", вышел.

В один из ближайших дней свиданий с родственниками ко мне зашли тюремщики и, предложив одеться (на свидание водили в собственном платье), сказали „на свидание". Я был удивлен. Войдя в помещение свиданий, был поражен, — передо мной была моя сестра Надя. Обстановка не позволяла мне выяснить, как Надя узнала о моей судьбе и оказалась в Питере. И только два слишком года спустя, на общих свиданиях в Красноярской тюрьме, когда надзор не имел возможности следить за отдельными разговорами, для меня раскрылась история отношений сестры ко мне. Отец, умирая, просил ее быть для меня не только сестрой, но и матерью. Выполняя это завещание, она старалась держаться всегда вблизи меня. С моим переходом в Московский университет переехала в Москву и она. И вдруг я исчез. После долгих и безуспешных поисков, сестра вернулась на Кавказ. Здесь, три слишком года спустя, когда устраивалась ее личная судьба — замужество, — она получила известие о моем аресте. Немедленно поехала в Питер, сказав жениху: „Теперь я не принадлежу себе". Выяснив в Питере мое положение, решила не оставлять меня. После суда подала „диктатору сердца" (Лорис-Меликову) заявление о желании следовать на каторгу. Получила ответ: „Ваш брат умрет здесь, в крепости". Общая атмосфера ожиданий перемен поддерживала у Нади надежду, что жестокий ответ не осуществится. Свидания после суда не разрешались,—из осужденных по нашему процессу Веймар, Оболешев, Трощанский и я были „на каторжном положении". Но сестра терпеливо ждала. В августе 1881 г. узнала, что нас отправляют в „Карийскую государственную тюрьму". Подала заявление Игнатьеву (тогдашний министр внутренних дел) о желании следовать за братом. Игра ли на „примирение", которую вел Игнатьев, необычность ли явления — сестра, желающая следовать за братом на каторгу,—но разрешение было дано. И вот начинается мучительное для сестры долгое путешествие следом за партией „государственных". Итти с партией, как это делалось женами, ей не разрешили, — в игнатьевской резолюции было сказано: „разрешается ехать на собственный счет". Но „собственного счета" ни наследственного, ни благоприобретенного у сестры не было, и ей приходилось останавливаться в попутных городах для заработка (за время ожидания в Питере сестра-институтка прошла акушерские курсы). Медленное движение партии этапами (железной дороги еще не было) позволяло это. 14 лет спустя, с переводом на поселение, я был назначен в Якутскую область. Сестра подает Забайкальскому военному губернатору заявление о желании следовать за мной, но по состоянию своего здоровья просит поселить меня в Забайкалье. Вероятно, необычайность случая сыграла свою роль, и Якутка была заменена мне Баргузином, куда за мной последовала и сестра. Недостаток времени и места не позволяют мне остановиться подробнее на этом исключительном явлении. История русской политкаторги знает жен, следующих за мужьями, начиная с „жен декабристов", знает матерей, навещавших своих детей-каторжан, но сестра, последовавшая за братом на каторгу, — случай, насколько мне известно, единственный. Умерла Надя в 1918 г. в России.

Возвращаясь к своей автобиографии, ограничусь простым перечнем дальнейшего. В мае 1880 г. военный суд по так называемому „делу Веймара" вынес Сабурову (Оболешеву) и мне смертный приговор. „Диктатура сердца" заменила обоим казнь каторгой. Оболешев, Веймар и я были оставлены в Петропавловке и переведены на так называемое „каторжное положение". Оно описано С. И. Мартыновским в „Каторге и Ссылке". В августе 1881 г. нас и судившихся после нас участников процесса 16 (Квятковский, Пресняков, Зунделевич, Мартыновский и др.), содержавшихся на том же „положении", эвакуировали на Кару. Я был отправлен в последней партии. Доставили меня туда в феврале 1882 г. Через две недели по водворении в „Карийскую государственную тюрьму" произошел побег восьми (Мышкин, Минаков и др.). Тюремные репрессии вызвали нашу голодовку. Продолжалась она 12 дней. По

МОРЕЙНИС М. А. (1861–1937).

окончании ее начальство выделило „вредно влияющих на других" и часть их отправило в Питер, часть перевело в одиночки тут же. В числе последних был и я.

В 1889 г., после наказания Сигиды, заключенные, как известно, протестовали попыткой массового самоубийства. В этом протесте участвовал и я. Из участников в нем погибли в мужской тюрьме Бобохов и И. Калюжный. В сентябре 1890 г. Карийская тюрьма была ликвидирована: не окончивших так называемого „срока испытания" перевели в Акатуй; окончивших перевели в „вольную команду" (официально „каторжные внетюремного разряда"). Здесь я женился на Г. Н. Добрускиной.

В 1895 г. мы были переведены на поселение. В 1901 г. нам было разрешено жить в Чите.

В 1905 г. я был негласным редактором газеты „Забайкалье". В январе 1906 г. по телеграмме Акимова (тогдашний министр юстиции) я был арестован. Прибывший с карательным поездом ген. Ренненкампф в свою очередь отдал приказ о моем аресте. Возникли телеграфные пререкания между министром и генералом, в чьем обладании я должен находиться. „Судьба русского обывателя нередко зависит от междуведомственных пререканий" (Щедрин)—одержало верх самолюбие министра,—я был спасен от ренненкампфовского расстрела, и в мае 1906 г., во время первой Думы, меня судила выездная сессия Иркутской судебной палаты. Она дала мне год крепости, норму тогдашнего времени для редакторов. Выйдя из тюрьмы, в 1907 г. редактировал только-что основанную крестьянскую газету „Земля". Газета имела большой успех среди крестьян и забайкальских казаков, но на 10 № была закрыта распоряжением генерал-губернатора.

К этому времени дошла и до нас очередь применения так называемой „Виттевской амнистии", и мы немедленно выехали в Россию.

Морейнис, Михаил Абрамович *).

Я родился в 1861 г. в г. Николаеве в зажиточной еврейской купеческой семье. Мои родители принадлежали к правому течению ортодоксального еврейства и стремились дать мне, единственному сыну, соответствующее воспитание. Чуть ли не с 10-летнего возраста моей заветной мечтой было поступить в гимназию, но в то время у евреев считалось большим грехом и преступлением отдавать своих детей в русские учебные заведения. И всякий, дерзавший на такой шаг, подвергался бойкоту и преследованию со стороны своих родственников и всего еврейского общества. Я вскоре понял, что мой отец никогда, ни при каких условиях, не согласится отдать меня в гимназию, и решил проходить гимназический курс с таким расчетом, чтобы к определенному возрасту быть готовым к поступлению в университет. Я посвятил в эту тайну и своих учителей.

С 15-летнего возраста я был знаком с существовавшими тогда в Николаеве революционными кружками. Некоторые из знакомых членов кружков сочувствовали мне и помогали осуществить мою заветную мечту. В 1875 г. из Вены в Николаев возвратился студент венского технолог. института Соломон Яковлевич Виттенберг, с которым меня познакомили, насколько я помню, братья Златопольские. Вскоре Виттенберг стал заниматься со мной. Со свойственной ему энергией и умением он принялся готовить меня к поступлению в университет. Виттенберг произвел на меня чарующее впечатление. Его выдающиеся педагогические способности мне казались необыкновенными. С восторгом и восхищением я слушал его уроки по математике и теперь, спустя пол века, я помню их до мельчайших подробностей. С каждым днем я все больше и больше привязывался к этому замечательно благородному и выдающемуся человеку, память о котором я до сих пор свято храню.

Моя жизнь в юные годы проходила под таким громадным влиянием Виттенберга, что, говоря о себе, я не могу не рассказать и о нем.

Соломон Яковлевич Виттенберг род. в 1852 г. в бедной ортодоксальной еврейской семье. Отец его занимался починкой и продажей старых зеркал, а мать, очень умная и очень религиозная женщина, занималась хозяйством, а в свободное время читала еврейскую литературу, которую она недурно знала и очень любила. Уже в раннем детстве необычайная память и исключительные способности маленького Виттенберга обратили на себя внимание его родителей и их знакомых: еще ребенком он научился свободно переводить библию с древнееврейского языка на разговорный, и все ожидали, что из него выйдет замечательный талмудист. Лет девяти Виттенберг научился и русской грамоте, а затем у него явилось желание поступить в русскую гимназию. После долгой и упорной борьбы с родителями мальчик, благодаря поддержке своей старшей сестры, добился своей цели. В гимназии уже с третьего класса он стал давать уроки и скоро приобрел большую популярность в городе, как замечательный преподаватель, при чем и гимназическое начальство очень высоко ценило его способности. Но перед самым окончанием

*) Автобиография написана в марте 1926 г. в г. Одессе.

гимназии у него вышел незначительный инцидент с одним из учителей и, по постановлению педагогического совета, Виттенберг должен был отсидеть два часа в карцере. Считая это постановление несправедливым, он отказался ему подчиниться и оставил гимназию, в которую попал с таким трудом.

Кажется, в 1872 г. Виттенберг уехал в Вену, поступил там в Технологический институт вольнослушателем, выдвинулся своими способностями, но, в конце концов, вследствие тяжелого материального положения еще до окончания института решил поехать в Николаев с тем, чтобы, заработав там уроками деньги, возвратиться в Вену и продолжать учение.

В 1875 г., когда Виттенберг временно вернулся в Николаев, там уже около двух лет существовала народническая организация и были революционные кружки молодежи, куда входили многие из тех, кого знал Виттенберг еще по гимназии. В 1876 г., когда я стал учиться у Виттенберга, я часто встречал его в семье Левандовских и у Златопольских. В том же году он был в первый раз арестован и заключен в Николаевский морской тюремный замок, где познакомился с боцманом Логовенко и другими матросами. Арест Виттенберга прервал мое учение ненадолго; через пять недель он был освобожден и сразу же приступил к педагогической работе.

В это время народническое движение было на переломе: в конце 1876 и в начале 1877 г. многие начинают покидать деревни, и в Николаеве все чаще и чаще стали появляться работники из деревень. Настроение у многих было тяжелое и подавленное. Одни из них уехали из Николаева в Одессу, другие—в Петербург. Кажется, в середине 1877 г. Виттенберг уехал из Николаева в Одессу, летом 1878 г. он принял участие в демонстрации у здания военного суда после приговора над Ковальским, оказал вооруженное сопротивление полиции и бежал в Николаев. Здесь он вынужден был скрываться.

Я виделся с ним постоянно, и однажды он рассказал мне, что Николаевский военный суд приговорил к каторжным работам солдата Опришко за распространение нелегальной литературы среди чинов гарнизона. Было решено, что я постараюсь установить связь с Опришко. Мне удалось получить с ним свидание, и я начал делать ему передачу. Опришко обратился к нам с просьбой помочь ему бежать, и мы дали согласие.

Утром 6-го марта я отправился к Виттенбергу, жившему тогда на квартире Пулевич вместе с нашими товарищами Зайднером и Лури. У двери меня встретил родственник Пулевича и сообщил, что у Зайднера и Лури идет обыск. Мне удалось предупредить об этом Виттенберга, которого не было дома, а затем Виттенберг и я расположились в сквере недалеко от квартиры Пулевич и смогли предупредить направлявшихся к Виттенбергу матросов Логовенко и Тишенко (впоследствии приговоренного Харьковским военным судом к бессрочной каторге под фамилией Березнюк). Лури и Зайднер были арестованы, но жандармы ограничились обыском только в их комнате и не обнаружили спрятанные в соседней комнате два ящика с пироксилином. Этот пироксилин я отвез к себе и спрятал в одной из мин в обширном погребе дома моих родителей, где мы хранили нелегальную литературу.

В тот же день мой товарищ, студент горного института, А. Л. Рашков, и я нашли на Инженерной улице подходящее помещение. Рашков снял его на свое имя, и там поселились Виттенберг и Логовенко. Оказавшийся у нас пироксилин Виттенберг задумал употребить на устройство взрыва во время приезда в конце августа в Николаев государя. Мысль об убийстве Александра II вполне соответствовала нашему настроению. Мы с радостью изъявили согласие принять самое активное участие в работе и приведении в исполнение намеченного плана. Организацию и техническое оборудование этого дела принял на себя В. Логовенко, который взялся достать через матросов из морского минного парка все, что понадобится для приготовления мины. Виттенберг со свойственной ему энергией немедленно приступил к работе. Виттенбергу и Логовенко нельзя было появляться на улице, и они сидели в своей квартире, а все сношения с внешним миром велись через меня, аккуратно посещавшего два раза в день квартиру на Инженерной улице. Посещение квартиры другими Виттенберг считал нежелательным. Вскоре выяснилось, что необходимо приготовить еще одну квартиру, а так как имевшихся у нас средств и людей было недостаточно, то Виттенберг решил обратиться за помощью в Одессу. Мичман Александр Андреевич Калюжный, отправляясь в Петербург в Морскую академию, согласился поехать через Одессу и передать поручение Виттенберга. Прибывший через несколько дней на пароходе из Одессы Щепанский был задержан на пристани жандармским офицером, командированным в Николаев по случаю ожидавшегося приезда государя. Жандармский офицер знал Щепанского по Киеву, где последний состоял одно время под надзором. При обыске у Щепанского был захвачен адрес „Инженерная 10, спросить студента Рашкова". Явившись по этому адресу, жандармы арестовали Виттенберга и Логовенко. При обыске у Виттен-

берга оказалась гальваническая батарея с запалами и нелегальная литература. Арестованный Виттенберг отказался дать показания и был заключен в Николаевский морской замок. Логовенко был отправлен в Одессу и заключен в Одесскую городскую тюрьму, где содержались скрывшиеся еще в июне с помощью Свириденко из черноморского экипажа матросы: Скорняков и Никитин и арестованный по указанию последних Андрей Баламез. Скорняков и Никитин стали выдавать всех, а Андрей Баламез предал жандармам Лури и Зайднера, которые и были арестованы в Николаеве по предписанию Одесского жандармского управления.

В конце августа я был задержан на гауптвахте во время свидания с Опришко. Я был предъявлен хозяйке дома на Инженерной улице, и она узнала во мне лицо, приходившее вместе с Рашковым нанимать квартиру и ежедневно посещавшее Виттенберга. Жандармы вместе со мной поехали ко мне домой и в моем присутствии произвели обыск, ограничившись лишь занимаемой мною комнатой, где ничего не нашли. Меня оставили на свободе. Страстное желание освободить Виттенберга не покидало меня чуть ли не с первого дня его ареста. Я познакомился и сблизился с одним из солдат, бывавшим у Виттенберга на карауле в тюрьме, и завязал сношение с Виттенбергом. Таким образом, я получил от Виттенберга письмо, с изложением плана освобождения его из тюрьмы. Этот план я считал неудачным, но написал в Одессу, что установил сношения с Виттенбергом, и что есть возможность устроить побег. Из Одессы для устройства побега приехали Юрковский, получивший впоследствии известность по делу о конфискации денег в Херсонском казначействе, и Ел. Ив. Россикова. Юрковский был необычайно ловкий, находчивый и смелый человек, очень подходящий для того, чтобы организовать побег. Но он должен был очень скоро уехать, а присланные вместо него товарищи не вполне были пригодны для такого предприятия.

В первых числах ноября 1878 г. я получил из Одессы от Е. И. Россиковой письмо с предложением перевезти туда хранившийся у меня пироксилин и сообща обсудить план побега Виттенберга. Я выехал из Николаева совместно с лепщиком М. Тетеркой, который впоследствии стал одним из самых активных работников Народной Воли, участвовал в подготовке покушения на Александра II и умер в Петропавловской крепости. Через несколько дней, возвращаясь в Николаев вместе с Тетеркой, я получил от Сав. Златопольского чемодан с нелегальной литературой. Как только пароход причалил к пристани, на него пробрались мои сестры и предупредили меня, что в мое отсутствие ко мне приходили жандармы, которые ждут теперь меня на пристани. Я передал чемодан Тетерке, сошел на пристань и был арестован.

Недостаток места не позволяет мне подробно рассказать о том, как протекало мое тюремное заключение. Скажу только, что первоначально я был посажен в тюрьму, куда скоро были доставлены: Ф. Н. Левандовская, арестованная в Одессе, и А. Л. Рашков, арестованный в Петербурге, с которыми я, благодаря доброжелательному отношению караульных солдат, установил переписку. Через три недели меня перевели в одиночную камеру при полицейском участке, где приходилось жить в антисанитарных условиях, но была возможность получать передачу и сноситься с волей при помощи городовых, за небольшое вознаграждение оказывавших разные услуги.

Весной 1879 г. я потребовал, чтобы меня перевели в морской замок, где санитарные условия были значительно лучше, и добился этого при помощи голодовки. В морском замке я был посажен в одну камеру с П. Ковалевым, которого я хорошо знал еще на воле по тем кружкам революционной молодежи, членом которых он являлся.

В мае 1879 г. находящийся в Николаеве военный гарнизон был переведен в другую губернию, а на смену пришли другие два полка. Части пришедшего в Николаев гарнизона, несшие караульную службу в морском замке, вели себя по отношению к нам всегда корректно, и никаких столкновений ни у кого из наших товарищей с ними не было. Многие офицеры нового гарнизона воспитывались в Константиновском военном училище, были образованнее и культурнее офицеров ушедшего гарнизона. Никто из вновь пришедших к нам в караул офицеров не разрешал солдатам обыскивать при приемке и передаче караула нашей камеры. Явившись в первый раз в морской замок, караульный офицер распорядился выпустить нас, т. е. меня и Ковалева на прогулку; не прошло и пяти минут, как к нам привели Калюжного, а затем и Виттенберга. Мы были до того удивлены и поражены происшедшим, что не знали, как быть. Мы решили, что караульный начальник не знал инструкции, запрещающей нам сообщаться друг с другом, и, чтобы не подвести офицера, мы, по предложению Виттенберга, решили разойтись. Отношение и поведение некоторых офицеров очень заинтересовало нас, и мы стали присматриваться к ним. Мы заметили, что между нижними чинами и офицерами были очень хорошие отношения. Мы решили поближе познакомиться с офицерами и пользовались всяким удобным случаем, чтобы завязать с ними разговор. В дальнейшем мы убедились, что многие

из офицеров симпатизируют и сочувствуют нам, что, конечно, в высшей степени радовало всех нас. У меня опять возродилась надежда на освобождение Виттенберга, судьба которого все время не переставала волновать меня. Познакомившись поближе с одним из офицеров, который чаще других попадал к нам в караул, я создал себе план освобождения Виттенберга из морского замка с помощью этого офицера. Я рассказал и подробно развил свой план Ковалеву, которому эта идея очень понравилась, и он сказал, что даст для этой цели деньги. При первом нашем свидании с Виттенбергом, я познакомил его с созревшим у меня планом освобождения его из тюрьмы, который с увлечением и горячностью ему изложил. Виттенберг внимательно выслушал меня и сказал: „Хорошо, допустим, что офицер согласится принять участие, план прекрасно выполнен, побег удался, и я уже нахожусь по ту сторону границы вне всякой опасности. Допустим, что весьма возможно, что жандармам удалось установить, хотя бы даже только причастность офицера к этому делу, и он попадает в тюрьму. Нет, такой путь к свободе для меня не приемлем". Больше мы к этому разговору уже не возвращались.

Двадцатого июня 1879 г. я был переведен в Одесскую тюрьму.

В самом конце июня меня в числе 28-ми привлекавшихся по нашему делу перевезли из Одесской городской тюрьмы в известные казармы № 5. В половине июля нам вручили обвинительный акт, из которого мы впервые узнали, что Виттенберга и Логовенко обвиняют в подготовке, посредством взрыва, покушения на государя во время его пребывания в Николаеве. Основанием для этого обвинения были показания провокатора Веледницкого, который из тюрьмы сообщил жандармскому полковнику, что Логовенко рассказал ему, что в Николаеве подготовлялось покушение на государя посредством взрыва. Сам Веледницкий на суд, конечно, не явился. На суде Виттенбергу удалось добиться оглашения протокола экспертной комиссии. Из протокола выяснилось, что прокуратура и жандармы, производившие дознание и следствие, отрицали возможность закладки мины и устройства взрыва и показаниям Веледницкого не придавали значения. Экспертная комиссия в составе командующего черноморским флотом адмирала Аркаса, начальника порта, начальника Херсонского жандармского управления и других, исследовав местность, также дала заключение, что закладка мины не могла быть произведена. Но военный прокурор, выполняя данное ему помощником генерал-губернатора Панютиным задание, поддерживал обвинение против Виттенберга и Логовенко всеми средствами. Назначенные нам судом военные защитники говорили, что приговор заранее предрешен, и пятеро подсудимых будут казнены. В 1921 г. я нашел в архиве переписку одесского генерал-губернатора с министром внутренних дел Маковым, из которой видно, что предусмотрительный генерал-губернатор еще за 23 дня до начала слушания дела хлопотал о присылке палача.

Двадцать пятого июля началось слушание дела. Никто из родных и родственников в суд допущен не был. В зале суда были лишь некоторые судейские, занимавшие большие посты. Настроение у подсудимых было бодрое. Во время перерыва нас выводили в большой зал. Подсудимые разбивались на группы, разговаривали, шутили, смеялись и делились впечатлениями. и пр. Присутствовавшие постоянно в суде одесский градоначальник, молодой генерал Гейнц, и полицмейстер, морской офицер Перелешин, во время перерыва подходили к нам и вступали в беседу. Беседы велись на различные темы всегда мирно и корректно. Капитан Перелешин с увлечением рассказывал об Амурском крае и совершенно искренне советовал всем, кто будет сослан в Сибирь, стараться попасть на Амур. Почти с первого дня судебного следствия всем стало ясно, что приговор заранее предрешен, и поэтому подсудимые пассивно относились к ходу судебного следствия. Все подсудимые, казалось, больше интересовались перерывами, во время которых каждый спешил, быть может в последний раз, поделиться своими мыслями и думами со своими друзьями.

Обвинительная речь прокурора была сплошь построена не на серьезных уликах, а больше на предположениях и догадках. После пространной и очень гнусной речи прокурора последовал короткий ответ со стороны Лизогуба и очень немногих других подсудимых. Лишь Виттенберг, не обладавший ораторским талантом, в простой и логической речи, длившейся несколько часов, произвел подробный тщательный анализ следственного материала и обвинительной речи прокурора. Доказывая необоснованность и беспочвенность выдвинутого против него и многих других подсудимых обвинения, Виттенберг метко критиковал и ядовито высмеивал шулерские приемы и дешевые эффекты, к которым в своей обвинительной речи прибегал красноречивый и бравый подполковник. 6-го августа к 12-ти часам дня закончилась обычная судебная процедура, и суд удалился на совещание, а подсудимых увели в камеры.

Часам к семи нас всех тщательно обыскали и под усиленным конвоем ввели в зал суда, находившийся в помещении казармы № 5. Подсудимые, заняв свои места за решеткой, были окружены двойной

цепью вооруженной стражи. В зале воцарилась гробовая тишина. Вскоре двери совещательной комнаты растворились, и судебный пристав произнес: „Суд идет". Сильно волнуясь, председатель дрожащим голосом прочитал приговор, коим военный суд, признавая всех виновными в предъявленных им обвинениях, постановил подвергнуть всех двадцать восемь обвиняемых смертной казни через повешение, но, принимая во внимание ряд смягчающих вину обстоятельств, возбудил ходатайство перед генерал-губернатором о замене смертной казни для одних каторгой, а для других, в том числе и для меня, лишением всех прав и ссылкой в отдаленные места Восточной Сибири. В отношении Лизогуба, Чубарова, Виттенберга, Логовенко и Давиденко ходатайства о снижении меры наказания суд не возбуждал, и по отношению к ним приговор должен был остаться в силе. Находившийся в зале суда градоначальник Гейнц разрешил мне поместиться в одной камере с Виттенбергом и тут же отдал распоряжение перевести меня к нему в камеру и выполнить аналогичные просьбы некоторых других подсудимых.

Уже было совсем темно, когда я вошел в камеру Виттенберга. Он ходил взад и вперед по камере. Я уселся молча на кровать. У меня не хватало духа заговорить, но чуткий, добрый и благородный Виттенберг поспешил вывести меня из этого состояния и первый вступил в разговор. Говорил он обо многом, вспоминал первые дни своего пребывания в Вене. С большим юмором рассказывал эпизоды из своей жизни в Вене. Он с восторгом вспоминал о своих посещениях театра и особенно оперы, которую он очень любил. Виттенберг познакомил меня с содержанием оперы „Вильгельм Телль" и с большим чувством и громадным увлечением передавал особенно сильные места этой оперы. В эти минуты, казалось мне, Виттенберг забыл про все и перенесся в мир переживаний Вильгельма Телля.

На второй день после приговора, т.-е. 7-го августа, Виттенберг был удручен и озабочен. Его волновало предстоящее свидание с родителями: „Что я могу ответить, когда старики будут умолять подать прошение о помиловании? Как страшно поразит их мой отказ, и как они будут реагировать на мой отказ. Поймут ли они меня?" Мысли эти неотступно преследовали Виттенберга, волновали и терзали его душу. Утром 8-го августа Виттенберга позвали на свидание с родителями. В тяжелом и подавленном настроении он оставил камеру, уходя на последнее свидание с любимыми родителями и со своим маленьким сыном. Стойкость, которую его несчастная мать проявила на этом свидании, успокоила и ободрила ее сына. Когда Виттенберг вошел после свидания в камеру, он был неузнаваем. Выражение лица было совершенно спокойное и мягкое, он находился под впечатлением поведения своей матери. Чуткая и благородная женщина проявила необычайную сдержанность и спокойствие: ни малейшего даже намека на подачу прошения с ее стороны не было, а когда на обращение отца: „Может, ты подашь прошение генерал-губернатору", Виттенберг ответил: „Если осужденный переходит в православие, то наказание, говорят, смягчают на одну степень",—мать сказала: „Умри таким, какой есть, сын твой вырастет и отомстит за тебя". На этом разговор о прошении оборвался. Весь день Виттенберг находился под впечатлением поступка матери. Утром 9-го августа, когда надзиратель принес кипяток для чая, он с обычной ловкостью всунул в руки Виттенберга записку от моей сестры Ф. А. Морейнис, которая была его ученицей и очень высоко его ценила. В своей записке она писала, что хотела бы отомстить за его смерть. Виттенберг показал мне эту записку и свой ответ, который я целиком привожу:

„Мои друзья, мне, конечно, не хочется умереть, и сказать, что я умираю охотно, было бы с моей стороны ложью. Но это последнее обстоятельство пусть не бросает тени на мою веру и на стойкость моих убеждений; вспомните, что самым высшим примером человеколюбия и самопожертвования был, без сомнения, Спаситель: однако, и он молился: „Да минует меня чаша сия". Следовательно, как я могу не молиться о том же? Тем не менее и я, подобно ему, говорю себе: „Если иначе нельзя, если для того, чтобы восторжествовал социализм, необходимо, чтобы пролилась кровь моя, если переход из настоящего строя в лучший невозможен иначе, как только перешагнувши через наши трупы, то пусть наша кровь проливается; пусть она падает искуплением на пользу человечества; а что наша кровь послужит удобрением для той почвы, на которой взойдет семя социализма, что социализм восторжествует и восторжествует скоро—это моя вера. Тут опять вспоминаешь слова Спасителя: „Истинно говорю вам, что многие из находящихся здесь не вкусят смерти, как настанет царство небесное", я в этом убежден, как убежден в том, что земля движется. И когда я взойду на эшафот, и веревка коснется моей шеи, то последняя моя мысль будет: „И все-таки она движется, никому в мире не остановить ее движения".

В особой приписке, предназначавшейся для моей сестры, Виттенберг писал: „Если ты придаешь какое-либо значение моей воле, если считаешь священным мое последнее желание, то оставь всякую мысль

о мести. „Прости им, не знают бо, что творят". Это также знамение времени: ум их помутился, они видят, что скоро настанет другое время, и не знают, как отвратить его. Еще раз прошу тебя, оставь всякую мысль о мести. Виттенберг".

9-го августа после 9-ти часов вечера мы услыхали движение и гул шагов в коридоре. Стали напряженно прислушиваться. Слышим, как открывают дверь какой-то камеры, и все затихает, потом дверь опять захлопнулась, и опять гул шагов и движение, опять лязг затворов и стук открывающихся дверей. Мы тревожно и напряженно прислушиваемся. Слышим, шаги приближаются к нашей камере. Надзиратель открывает дверь, и в камеру входят Лизогуб, Чубаров и Давиденко, а позади смотритель Потапенко и какой-то субъект в светлом летнем пиджаке. Это, как мы потом узнали, был палач. Лизогуб спокойно говорит Виттенбергу по-немецки, что их сейчас переводят в тюрьму, что их казнь назначена на 10 часов утра, и что приговор над Виттенбергом и Логовенко будет приведен в исполнение в Николаеве, и завтра их отправят туда пароходом. Чубаров и Давиденко стояли молча и молча распрощались. Их повели прощаться в следующую камеру. Десятого августа, утром, Виттенберг надел свой парадный черный сюртучный костюм, и около часу дня его повели прощаться с нашими осужденными товарищами.

Трудно передать то, что я пережил после того, как увели Виттенберга. Целый день я одиноко бродил по камере. Я не волновался и внешне, казалось, был совершенно спокоен. Я не мог отдать себе отчет в происшедшем: за эти мучительные кошмарные дни нервы мои притупились и не могли уже реагировать так интенсивно, как раньше. Я бросился на кровать, крепко заснул и во сне с необычайной яркостью воскресил картинки самого раннего детства. Проснувшись, я весь находился под впечатлением сна, вспоминал детство, думал о слепом отце, которого мы очень любили и уважали, вспоминал о том, как я и моя сестра ушли из дома, куда я потом по просьбе отца вернулся, и многое другое. Я напрягал все силы, чтобы отделаться от мучительных воспоминаний, но мне долго не удавалось это сделать.

Кажется, на третий день после казни Лизогуба, меня вместе с Рашковым, Горяиновым, Ф. Н. Левандовской и другими оправили в Москву, а оттуда в середине сентября с большой партией ссыльных мы двинулись в Сибирь.

Недостаток места не позволяет мне рассказать подробно о нашем пути. Скажу только, что в марте 1880 г. я вместе с Рашковым, Горяиновым, Гаврилом Баламезом и четырьмя административными ссыльными прибыли в гор. Баргузин Забайкальской области, где мы застали Тютчева, Любовца и некоторых других ссыльных, живших там уже больше года.

Сначала местное население, благодаря строгостям и преследованиям, боялось сближения и знакомства с нами. Сперва лишь некоторые более разумные и независимые местные жители начали осторожно знакомиться с нами. Но со временем наше влияние на население не только в самом городе, но и в окрестностях, стало громадным. Я и Рашков занимались уроками. Мы и многие из наших товарищей всюду бывали, и с нашим мнением считались все и даже само наше начальство. В 1886 г. я по манифесту получил право приписки к крестьянскому обществу; осенью того же года я поехал в Читу, а оттуда в Сретенск. В Чите в то время была довольно большая колония: Шишко, Сишегуб, Чернявский, моя сестра и др. Здесь, как и в Баргузине, влияние ссыльных было громадное. Некоторые из них принимали участие и в общественной жизни.

Из Читы я переехал в Сретенск, затем в Томск, но вскоре должен был вернуться в Читу, потому что томский губернатор начал „разгружать" Томск от ссыльных, пребывание которых в городе ему казалось нежелательным, а затем мне удалось перебраться в Иркутск, который был крупным культурным центром. Издававшаяся там газета „Восточное Обозрение", вскоре перешедшая от Н. М. Ядринцева к И. И. Попову, широко привлекала ссыльных в число своих сотрудников. В Иркутске я застал М. А. и В. И. Натансон, С. А. Ляпды и ставшую его женой Ф. Н. Левандовскую, Любовца, Чудновских и некоторых других ссыльных. Жизнь в Иркутске была интересна, и здесь так же, как и в других местах, ссыльные пользовались большим влиянием. В Иркутске я прожил десять лет, занимаясь педагогической деятельностью, затем получил возможность вернуться в Николаев, а оттуда, после того, как с меня был снят полицейский надзор, я переехал в Одессу, где и остался жить.

Морейнис-Муратова, Фанни Абрамовна*).

Родилась я в 1859 г. в Николаеве Херс. губ. в ортодоксальной, патриархальной еврейской семье. И отец и мать происходили из семейств богатых, религиозных и пользовавшихся в течение нескольких поколений большим уважением в еврейской среде.

МОРЕЙНИС-МУРАТОВА Ф. А. (1859–1937).

*) Автобиография написана в марте 1926 г. в Москве.

Из детских лет сохранились в моей памяти рассказы об отце моей матери, крупнейшем подрядчике, строителе кораблей в Николаеве при Николае I, который в то время, когда не допускалось проживание евреев в этом городе, имел право приписывать к себе служащих и рабочих евреев и приписал таким образом несколько сот человек. Нам часто приводили в пример религиозную стойкость деда, рассказывая, как в то время, когда евреи носили особый национальный костюм и никогда не обнажали головы, он, присутствуя в качестве строителя кораблей вместе с Николаем I при торжественном спуске корабля, не снял перед государем своей конусообразной бархатной шапочки—ермолки. Дед имел очень много детей, и мы вращались в среде своих многочисленных родных, составлявших своего рода еврейскую аристократию и почти не водивших знакомства с остальным еврейским населением города. Быт был настолько патриархален, что выдавали замуж и женили своих детей так, что жених и невеста видали друг друга только перед венцом. Таким образом вышла замуж и моя мать, при чем дед взял зятя—моего отца—к себе в дом с тем, чтобы он, ранее изучавший только талмуд, постепенно привык к коммерческим делам.

С русскими не допускались в семье никакие сношения. Вся прислуга была еврейская, за исключением только одной русской девушки, которую держали для выполнения мелких работ в субботу. С евреями также было очень мало сношений, потому что семья смотрела на них сверху вниз—одни из них были бывшие служащие деда, другие, вновь прибывшие, часто представлялись недостаточно религиозными. Я распространяюсь так много о своем деде, так как память о нем наложила печать на все наше воспитание: нам постоянно твердили, что мы внуки Рафаловича, что на Рафаловичей смотрит весь город и т. д.

Моя мать была женщина неяркая,—она была не глупая, добросовестно несла семейные обязанности, была религиозна, но не отличалась фанатизмом, и если бы не влияние отца, которого она обычно во всем слушалась, не была бы особенно стойкой в соблюдении правил старого быта. Но отец был человек незаурядный — он выдавался своим умом, своей волей, своей религиозностью, доходившей до фанатизма, и своей честностью, доходившей до самоотвержения. Он занимался экспортом хлеба, заключая соглашения с представителями заграничных фирм.

Наше воспитание было очень просто: нас учили только читать и писать по-русски, по-еврейски и по-немецки и первым четырем правилам арифметики. Родители находили, что этим должно ограничиваться обучение не только девочек, но и мальчиков: брату давали такое же воспитание, как и нам, с той лишь разницей, что его заставляли, сверх того, изучать талмуд. Нас не приучали ни к какому делу; моя мать была так воспитана, что сама не делала никаких работ—все делала прислуга, и даже детей выкармливали кормилицы. И единственное занятие, которым мы могли заполнять свое время, было вышиванье и деланье цветов. В доме не было ни одной русской книжки, кроме азбуки и какой-то хрестоматии. И я даже не знала, что существует какая-нибудь русская литература.

После болезни отца, когда он ослеп, мы переехали в дом бабушки во флигель—во дворе было несколько флигелей, в которых жили ее взрослые дети в первые годы после свадьбы до тех пор, пока не отделялись от семьи. В одном из флигелей, находившихся на нашем дворе, поселился флотский офицер, капитан-лейтенант, очень своеобразный человек. Мне было тогда лет 12. Капитан-лейтенант заинтересовался нами—мы, вероятно, казались ему своего рода зверьками, всего чуждавшимися. Но нам было запрещено даже разговаривать с русскими, и он это скоро узнал. Тогда он постарался расположить к себе наших родителей, стал как бы невзначай при них заговаривать с нами, и они мало по малу к этому привыкли.

От него я получила первые русские книги, которые мне пришлось прочитать: „Тайны Мадридского двора" и „Граф Монте-Кристо". Эти книги, при всей их пустоте, произвели на меня громадное впечатление: я испытала то чувство, которое должен был бы пережить человек, живший в подземелье и вдруг увидевший сноп яркого света. Мое воображение заиграло с необычайной силой.

Но на этом чтение пока и окончилось; капитан-лейтенант уехал в дальнее плаванье на целый год. По возвращении из плавания он опять у нас поселился. И однажды, каким-то чудом, ему удалось уговорить нашу мать, никогда в жизни не бывавшую в театре, решиться на необычайно смелый по нашим понятиям шаг: тайком от отца и бабушки она поехала с нами в театр; капитан-лейтенант заказал для нас ложу, при чем сам, разумеется, не должен был в ней показываться. Мы попали на пьесу Островского, которая произвела на меня такое впечатление, что на несколько месяцев наполнила мою жизнь. Отец об этом ничего не узнал, но все же капитан-лейтенанту вскоре после этого бабушка и мои родители отказали от квартиры: им показалось, что он начал обращать внимание на мою старшую шестнадцатилетнюю сестру, которая была очень красива.

Мне очень хотелось учиться. Но сколько мы ни просили у отца на это разрешения, он

не соглашался, говоря, что нам это совсем не нужно.

В Херсоне у бабушки был брат, который после долгого сопротивления сделал уступку новому быту и разрешил своей дочери учиться. В конце концов, она уехала в Петербург и стала там изучать медицину. В 1875 г., возвращаясь в Херсон, она заехала в Николаев и остановилась у бабушки, хотя та и встретила ее очень холодно, смотря на нее, как на отщепенку. В течение нескольких дней, которые она прожила у нас, я почти не отходила от нее, расспрашивая ее и твердя ей о своем желании учиться. Она решила мне помочь: тайно от моих родителей она отвела меня и мою двоюродную сестру Хр. Гринберг к своим знакомым—сестрам Левандовским, жившим тогда в Николаеве и дававшим уроки. Фел. Ник. Левандовская (впоследствии Лянды) и ее сестра Вал. Ник. (впоследствии Белоконская) приняли нас ласково и выразили желание с нами заниматься. Было решено, что вместе со студентом Чудновским тайно от наших родителей они станут заниматься, чтобы подготовить нас к экзаменам за курс гимназии. В дальнейшем я мечтала поехать в Петербург и поступить на медицинские курсы.

Недостаток места не позволяет мне рассказать, к каким ухищрениям нам приходилось прибегать, чтобы скрывать дома свои занятия, и с какими предосторожностями посещали мы дом Левандовских: если бы наши родители узнали, что мы бываем у „гоев", они не позволили бы нам выходить на улицу. Скажу только, что в течение 1875 и 1876 гг. мы упорно продолжали занятия, при чем делали чрезвычайно быстрые успехи: нам очень хотелось учиться, и способности у нас были не плохие. При этом мы не ограничивались учебниками, а много читали. Тургенев, Толстой, Достоевский, которых я раньше совсем не знала, открыли для меня новый неведомый мир, и я чувствовала себя в ту пору бесконечно счастливой.

Летом 1876 г. мы через Левандовских познакомились со студентом Савелием Златопольским (впоследствии умершим в Шлиссельбурге), с Виттенбергом, через три года после того казненным в Николаеве, и с некоторыми другими революционерами. Виттенберг начал давать нам и моему младшему брату Мих. Абр. уроки математики. Мы очень подружились с ним, хотя и смотрели на него всегда снизу вверх, как на человека, стоявшего на недосягаемой для нас высоте. В конце 1876 г. мы были уже готовы к экзаменам. Но для того, чтобы их держать, нужно было достать метрики и другие документы, которые нельзя было получить без согласия родителей. К тому же в это время у меня явилось сомнение, имею ли я право итти на медицинские курсы. Вначале я просто хотела учиться, участвовать в жизни, вырваться из того подземелья, в котором я жила. Теперь же под влиянием идей, с которыми я познакомилась через Сав. Златопольского и его друзей, у меня сложилось убеждение, что нельзя не только жить на чужой счет, но и вообще занимать привилегированное положение, и явилось желание вести ту жизнь, какую ведут люди физического труда.

В начале 1877 г. один из наших дядей получил сведения о наших занятиях у Левандовских и рассказал обо всем отцу. Родители, у которых и раньше являлись смутные подозрения на наш счет, запретили нам выходить из дома, и мы лишь изредка находили способ видаться с Сав. Златопольским, Виттенбергом и другими нашими друзьями. Но дело было уже сделано, и мы внутренно жили совсем в ином мире, чем тот, который нас окружал.

На дворе дома моих родителей жил сапожник, немолодой, богобоязненный еврей. Я стала его просить обучать меня сапожному ремеслу за небольшую плату, на которую я решила употребить свои карманные деньги. Он был очень изумлен, но, в конце концов, на это согласился. Родители же, узнав об этой затее, посмотрели на нее, как на какое-то сумасбродство; но когда я стала настаивать, говоря, что хочу научиться сама шить себе ботинки, они махнули на меня рукой—в их глазах это была нелепая, но безобидная причуда. Я же в душе решила, что, научившись шить сапоги и зарабатывать таким образом свой хлеб, уйду из дома. Через несколько месяцев после того умерла моя мать, и вслед затем отец, чувствуя, что мы остаемся без надзора, окончательно запретил мне заниматься сапожным ремеслом. Эта мера лишь ускорила уход из дома.

Оставлять слепого отца, незадолго до того потерявшего нашу мать, было бесконечно тяжело, тем более, что я очень любила и уважала его. Я знала, что мой уход будет для него тяжелее, чем моя смерть, так как он сочтет это позором для семьи. Но я считала, что обязана уйти из дома и зажить своим трудом.

Мой брат тоже решил уйти из дома, и отец пережил двойной удар: вечером 5 января 1878 г. ушел из дома брат, а на следующий день утром ушла я. Сознание, что все незаработанное мною не принадлежит мне, было у меня настолько сильно, что, уходя из дома, я не взяла, конечно, не только ни одного из тех золотых украшений, которые дарили мне бабушка и родители, но даже ничего из белья.

Левандовские, к которым я пришла, сперва отвели меня на окраину города к своим родственникам, а затем к знакомому извоз-

чику-штундисту, где меня приняли очень хорошо, и где я провела несколько дней. Тем временем Хр. Гринберг заявила своему отцу, что тоже уйдет из дома, если он не отпустит ее добровольно, и тот согласился на ее отъезд в Одессу, дав ей небольшую сумму денег.

Мы вместе приехали в Одессу. Сав. Златопольский направил нас на квартиру Ковальского, впоследствии казненного за вооруженное сопротивление полиции. Ковальский жил в своего рода коммуне (Виташевский, Свитыч, Кленов, Афанасьева и др.), где мы были приняты по-товарищески и очень радушно. Они предложили нам поселиться с ними, но мы боялись их стеснить и поспешили нанять себе на деньги, которые были у Хр. Гринберг, комнату и стали учиться сапожному ремеслу в мастерской, на которую нам указал Ковальский. А через несколько дней после того, как мы ушли от Ковальского, туда пришли с обыском. Было оказано вооруженное сопротивление, и если бы мы были там, то, освободившись от одного заточения, попали бы в другое.

Мы должны были жить очень экономно: покупали только хлеб, кажется на 12 коп. в день, делили его на три части, две из которых съедали дома за утренним и вечерним чаем, а одну—когда пили чай в мастерской. Обедать же мы совсем не обедали. В мастерской мы проводили весь рабочий день и довольно скоро усвоили процесс изготовления ботинка, но руки долго еще нам плохо повиновались—мы знали, как делать ботинки, но нам не удавалось делать хорошо и скоро.

Когда средства наши стали подходить к концу, хозяин нашей мастерской направил нас в другую мастерскую, собственник которой принимал учеников, давая им за работу стол и квартиру, а хорошо работавшим кое-что приплачивал. Это был настоящий эксплоататор, жестоко обращавшийся с учениками. С нами он был, однако, относительно вежлив. Он отвел нам темную каморку, в которой мы спали, а за работу давал горячий обед, от которого мы давно уже отвыкли.

Поработав некоторое время в этой мастерской, мы решили, что сможем уже зарабатывать деньги сами, наняли комнату и стали брать заказы. Но работали мы очень еще медленно, заказов было немного, и мы зарабатывали так мало, что у нас хватало денег лишь на оплату квартиры, хлеб и чай, а обедали мы лишь раз в неделю. Брали мы по одной порции борща за 12 копеек.

Во время процесса Ковальского у здания суда ежедневно собиралась довольно большая толпа из людей, сочувствовавших подсудимым и интересовавшихся делом, среди которых были, конечно, и мы. Когда вынесли приговор, среди ожидавших начались крики, возгласы возмущения, и получилась в своем роде демонстрация. Полиция разгоняла и арестовывала собравшихся, но мы ушли благополучно. Однако, через несколько дней к нам пришли с обыском. У нас ничего не нашли, кроме сапожных инструментов, и оставили нас на свободе.

В конце 1878 г. мне поручили вести сношения с жандармом, который был распропагандирован. Он приносил нам записки от заключенных, сидевших при жандармском управлении. Со всякими предосторожностями он еженедельно являлся к нам на квартиру в течение нескольких месяцев, пока не кончился срок его службы. В начале 1879 г. у нас заказов на сапожную работу было особенно мало, и я поступила работницей на канатный завод, где мне пришлось вить веревки. Я получала сорок копеек в день. На заводе я много узнала о жизни такого, чего не знала раньше—некоторые работницы приходили часто с синяками на лице и рассказывали о том, как гуляли по ночам. Больше всего меня тяготило то обстоятельство, что перед уходом с работы нас ежедневно обыскивали, чтобы выяснить, не крадем ли мы мыла, которое выдавалось для намыливания канатов.

В это время мне предложили вести сношения с тюрьмой. Был надзиратель, который за 2—3 рубля в неделю передавал письма заключенным. Я встречалась с ним в условленные дни по вечерам в трактирах, и за чаем он передавал мне записки из тюрьмы, а я ему записки в тюрьму. Среди сидевших в тюрьме были Лизогуб, Давиденко, Чубаров и другие. В конце лета 1879 г. их судили в Одессе, при чем пять человек—Лизогуб, Виттенберг, Логовенко, Чубаров и Давиденко—были приговорены к повешению. Приговор этот произвел на меня потрясающее впечатление, тем более, что среди приговоренных был Виттенберг, к которому мы были очень привязаны.

Казнь должна была совершиться публично, и я почувствовала, что не могу оставаться в этот день дома, а должна проводить Виттенберга на смерть. То же самое испытывали и многие друзья. Мои друзья были против моего присутствия на казни и отказались взять меня с собой: они боялись, что женские нервы не выдержат такого зрелища. Я пошла одна, и мои нервы подчинились моей воле. На месте казни я застала громадную толпу. Вместо пяти виселиц я увидела лишь три: оказалось, что Виттенберг и Логовенко отправлены для казни в Николаев. Но домой я не ушла. Помню, как вдруг близ меня раздались голоса: „везут, везут". На платформе, запряженной парой лошадей, стояла скамейка: на скамейке сидело три человека спиной к лошадям. На груди у каждого была дос-

ка с какой-то надписью. Вокруг меня все замерло. Я не видела, как надевали саваны, но увидела, как одна за другой поднимались над эшафотом три белые фигуры. Один, самый маленький по росту, повидимому Давиденко, замер немедленно, другой, повидимому Чубаров, сделал несколько движений и повис неподвижно, но самый высокий—Лизогуб долго вертелся и вздрагивал. Должно быть, я почти не дышала все это время, потому что когда, наконец, обрезали веревки, и тела упали вниз, я очень громко со стоном вздохнула, и какая-то баба, стоявшая рядом со мной, схватила меня за плечо со словами: „Что ты, что ты, милая". Я повернулась и побрела домой.

Ежедневные обыски на канатном заводе так меня тяготили, что я решила бросить эту работу. У меня ожила старая мечта о медицинской работе. Временно я опять занялась сапожным делом, а вместе с тем получила разрешение в городской больнице 2 или 3 часа в день помогать бесплатно при перевязках. Немного спустя мне удалось устроиться помощницей фельдшерицы в еврейской больнице. Эта работа давала мне громадное удовлетворение. Она так мне нравилась, я настолько успешно работала, что через несколько месяцев смогла заменить ушедшую в месячный отпуск фельдшерицу. Вместе с тем, живя в больнице, куда приходило много народу, я могла свободно принимать у себя нелегальных знакомых, прятать литературу и т. д.

В то время возник проект устройства покушения на Александра II под Одессой, и М. Ф. Фроленко устроился на железной дороге в качестве стрелочника. Я получила предложение поселиться с ним под видом его жены. Но оказалось, что один из моих знакомых служит на железной дороге, и я могла быть узнана. Поэтому меня заменила Татьяна Лебедева.

Летом 1880 г. в Одессу приезжал Александр Михайлов. Он пришел ко мне, исподволь расспрашивал о том, что я делаю, и пытался уяснить себе, как я отношусь к разным общим знакомым из революционной среды, повидимому, желая по моим суждениям составить себе определенное представление обо мне самой. Между прочим, в разговоре я сказала ему, что больше храню литературу, чем распространяю ее, так как она мне не вся нравится, и что если понадобится человек для участия в покушении на жизнь царя, то могут на меня рассчитывать. Помнится, я сделала оговорку: если только мое участие будет необходимо.

В сентябре 1880 г. у меня был сделан обыск. Найдена была лишь одна запрещенная книга, не то Лассаль, не то Берви-Флеровский, но я все же была задержана и доставлена в Одесское жандармское управление. Старенький добродушный жандармский майор, допрашивая меня, сказал, что в Одесском жандармском управлении против меня нет материалов, но из Николаева пришло распоряжение сделать у меня обыск, так как против меня дает показание какой-то матрос Фоменко. В заключение он сказал, что может выпустить меня под подписку о невыезде, а сам снесется с Николаевым.

Я была выпущена и с разными предосторожностями пришла к М. Н. Тригони. Я рассказала ему, что когда были арестованы Виттенберг и Логовенко, по этому делу был скомпрометирован матрос Фоменко, который бежал в Одессу, по указаниям из Николаева явился ко мне и получил через меня паспорт и деньги. Обсудивши совместно создавшееся положение, я решила перейти на нелегальное положение и спустя 2 дня уехала с Н. Колодкевичем в Петербург.

В Петербурге мне было предложено поселиться на конспиративной квартире вместе с Н. И. Кибальчичем и А. В. Якимовой. На этой квартире должен был вырабатываться нитроглицерин и прочие материалы, которые предназначались для покушения на Александра II. А. В. Якимова должна была числиться по паспорту женой Н. И. Кибальчича, а я—их бедной родственницей-прислугой. А. В. Якимова фактически на этой квартире не жила, но время от времени появлялась там с таким расчетом, чтобы дворник, приносивший дрова по утрам, мог ее видеть и думать, что она там живет.

Квартира была расположена на Забалканском проспекте в большом доме, но состояла из четырех невзрачных комнат и была бедно обставлена: по паспорту мы числились, если не ошибаюсь, мещанами. Мы поселились на Забалканском проспекте осенью 1880 г. С первого же дня началась работа. Основными работниками мастерской были Кибальчич и Баранников. Потом им стал помогать Саблин. Я выполняла хозяйственные обязанности, но так как готовить мне раньше не приходилось, то я каждый день варила одно и то же блюдо: щи из свежей капусты.

Однажды вечером, когда я была одна в квартире и сидела в кухне, раздался сперва треск, потом шипенье, и кухня наполнилась отвратительным запахом. Я бросилась в коридор и увидела через щель под запертой дверью, что мастерская у нас освещена *). Для меня стало ясным, что одна из бутылей со смесью кислот для приготовления

*) В действительности света не было, а так казалось, потому что мастерская была наполнена желтыми парами.

В. Фигнер.

нитроглицерина взорвалась *). В один миг я очутилась на площадке лестницы и остановилась, обдумывая, что делать. Если останусь—подвергнусь очень большой опасности, так как каждую минуту мог произойти второй взрыв. Мне было ясно, что взорвалось не все, потому что иначе последствия были бы очень серьезные. Оставить квартиру я не решалась, т. к. пришлось бы надолго отложить покушение. Не зная, как поступить, я то и дело возвращалась с площадки в квартиру, пока не увидала, что свет в мастерской потух. Тогда я вернулась в кухню, где керос. лампа тоже потухла, и, оставшись в темноте, сидела, ожидая все же с волнением второго взрыва и время от времени высовывая голову в форточку, так как в квартире стоял невыносимый смрад. В голове металась мысль: „А что, если при вторичном взрыве я останусь без рук, без ног“ и т. п. И вдруг условный звонок. Пришла Якимова, которая обыкновенно по вечерам не являлась. Она сразу же бросилась в мастерскую, где оказалось, что шторка над окном истлела, подоконник обуглился—взорвалась одна из 5 четвертных бутылей, стоявших у окна на полу. В остальных бутылях со смесью кислот азотной и серной, происходил химич. процесс; она моментально вынула притертые пробки, которыми они были заткнуты. Не приди она, последовал бы второй взрыв, т. к. Кибальчич пришел позже.

На следующий день ко мне пришел дворник и заявил, что должен пройти во внутренние комнаты и посмотреть, что там делается, так как в нижний этаж из нашей квартиры пролилась какая-то жидкость, от которой позеленел бронзовый карниз для шторки. С дворником я была в большой дружбе, постоянно поила его чаем, жаловалась ему, что хозяева меня обижают, и он не раз предлагал мне перейти на другое место. Когда он пришел с намерением осмотреть квартиру, я стала его упрашивать не итти в задние комнаты, говоря, что хозяйка больна, я делала ей ванну, приготовила бутыль с какой-то жидкостью, которую доктор велел вылить в ванну, и пролила. За это меня очень ругали, и если он войдет в комнату, меня будут опять ругать. Дворник согласился и не стал осматривать комнату.

Мы начали понемногу, но спешно вытаскивать из квартиры все материалы. Но когда прошло несколько дней и все было тихо, материалы были перевезены обратно, и работа продолжалась. Когда весь материал был готов, и квартира была очищена, то решили отпраздновать благополучное окончание работ. Под новый год у нас была устроена вечеринка. На ней были Желябов, Перовская, А. Якимова, Л. Тихомиров, Саблин, Геся Гельфман, П. Ивановская, Ланганс, Терентьева, Грачевский, кажется Баранников и другие, всего человек 15—16. Веселились во-всю. Помню, что Саблин, нарядившись в какой-то костюм, делавший его похожим на архиерея, рассказывал анекдоты из жизни духовенства так весело, что все смеялись. Под конец настолько развеселились, что принялись плясать, при чем сняли ботинки, чтобы не производить шума, а Геся Гельфман наигрывала на гребенке. Помню, я не плясала и не могла отделаться от вопроса: кто из пляшущих доживет до следующего нового года. Перед моими глазами стояла казнь Лизогуба, и воображение накидывало саван то на одного, то на другого из плясавших мужчин: женщин-революционерок в те времена еще не подвергали смертной казни.

На следующий день после окончания работ Желябов предложил мне перейти на новую конспиративную квартиру и поселиться с Саблиным под видом его жены. Были некоторые личные причины, по которым я не желала поселиться с Саблиным, и я ответила, что соглашусь лишь в том случае, если хозяином квартиры будет кто нибудь другой. Желябов назвал мои мотивы „детскими“, и теперь мне они самой кажутся детски-наивными, но тогда я настаивала на своем. Через несколько дней Желябов прислал ко мне Ю. Богдановича, чтобы уговорить меня принять это предложение, но я ответила ему то же, что и Желябову. Тогда предложили поселиться с Саблиным Гесе Гельфман, и она на это согласилась.

Помню, первое марта было для меня бесконечно томительным днем: я с утра уже ничего не могла делать, сидела одна, но не решалась выйти из дома. Часа в четыре ко мне вбежала хозяйка квартиры с криком: „государя убили“. Я всплеснула руками и вскрикнула; она приняла это за крик отчаяния. Вечером я с квартирной хозяйкой пошла к Зимнему дворцу. Мы застали там громадную безмолвную толпу, которая стояла и молча смотрела на развевавшийся над дворцом черный флаг.

Вскоре после первого марта ко мне пришел неожиданно Кибальчич. Он в буквальном смысле слова снял: у него было такое счастливое выражение лица, которое трудно передать словами. Он поднес мне пару апельсинов со словами: „Вот вам, хозяюшка, за ваше сотрудничество“. Обыкновенно флегматичный и медлительный, он был возбужден и как-то тороплив в своих движениях. Больше я его уже не видала—через три дня он был арестован.

*) Бутыль была закрыта притертой пробкой, тогда как ее надо было держать открытой. В смеси этих кислот развивается теплота, t° поднимается, и выделяющиеся газы, не находя выхода,—разорвали бутыль.

В. Фигнер.

В конце марта я выехала в Одессу с объемистым чемоданом, наполненным письмом Исполнительного Комитета к Александру III и другой нелегальной литературой, а оттуда поехала в Киев, куда мне были даны явки. В апреле в Киев приехали А. В. Якимова и Ланганс. С вокзала они прямо отправились ко мне на квартиру. Мы только что расположились пить чай, когда явился Судейкин с нарядом жандармов, и мы были арестованы. У меня ничего не нашли, кроме зашитого в платье письма, которое прислал мне Виттенберг перед казнью. На первом допросе я отказалась назвать свою настоящую фамилию. Затем я сообразила, что, если не назову фамилии, то меня отправят вместе с Якимовой в Петербург, будут предъявлять дворникам и могут, таким образом, установить факты, которые необходимо было попытаться скрыть от следователей. Поэтому я назвала свою фамилию, сказала, что я из Николаева, и меня отправили в Николаевскую тюрьму. Здесь я просидела несколько месяцев, при чем предполагалось устроить мой побег, но меня неожиданно увезли на допрос в Одессу в казарму № 5-й к славившемуся своей беспощадностью генералу Стрельникову. Высокий, худой, очень прямой (точно аршин проглотил) с пергаментным лицом, широкий рот с очень тонкими губами, серенькие бачки около ушей, серые, торчащие бобриком волосы, черные, пронизывающие, колючие глаза—вот портрет генерала Стрельникова. Он встретил меня словами: „Я тот, которого ваши собираются убить,—генерал Стрельников".

Он произвел на меня жуткое впечатление.

Один из этажей казармы № 5 был приспособлен для подследственных. По обеим сторонам коридора тянулись камеры для заключенных. В одной из этих камер жил жандарм, наблюдавший за часовыми, чтобы они не завязывали сношений с заключенными. В другой камере жил смотритель, а в третьей—Стрельников на своих допросах выматывал души из заключенных. Камера, в которой я содержалась, была грязная, с матовыми стеклами в окне, так что в камере свет был всегда сероватый. Вечером камера освещалась маленькой керосиновой лампочкой, которая привешивалась к двери снаружи, против маленького окошечка в двери. Таким образом, в камере царила тьма. На получасовую прогулку водили на верхний этаж в пустующую казарму. Книг для чтения не давали. Стрельников продержал меня в казарме № 5 несколько месяцев, при чем на допрос вызывал меня очень часто и всегда поздно вечером. Как умный и ловкий следозатель, он сразу заподозрил, что я имела какое-то отношение к делу 1-го марта, но фактических данных у него не было, а имелись лишь косвенные указания (в камере Суханова после того, как его увели, нашли надпись: „Фанни арестована"; предатель Меркулов говорил, что я была в Петербурге зимой 1880 года), и это вызывало у него бессильную злобу. Он прибегал к разным ухищрениям: дал мне прочесть приговор по процессу двадцати, где было 10 смертных приговоров, думая меня этим запугать. Другой раз вызвал меня и сообщил, что скоро привезут Гесю Гельфман, с которой он мне даст очную ставку, для того чтобы она меня уличила. Он лгал, провоцировал, но все было тщетно.

Я все время не имела свиданий. Один из моих многочисленных родственников, брат моей матери, простил мне мои прегрешения против фамильной чести и приехал к Стрельникову просить свидания. Стрельников дал нам свидание в своем присутствии, но предупредил дядю, что если он меня не убедит во всем признаться, то меня повесят. Дядя плакал, умолял сказать всю правду, а Стрельников колол меня своим пронизывающим взглядом. Это было мучительное свидание. Испробовавши все свои дьявольские приемы, он в последний раз вызвал меня в 12 ч. ночи и начал ласковым вкрадчивым голосом убеждать меня сказать всю правду: „Среди женщин - революционерок я знаю две категории—большой процент искательниц приключений и небольшой процент фанатичек. Вы не принадлежите ни к одной из них. Скажите, что и кто толкнул вас в революционную среду? Как жаль, что я вас не знал 3 года тому назад, я бы вас убедил поступить на сцену. Из вас вышла бы талантливая актриса".—Я неудержимо расхохоталась. Он вдруг взвизгнул. „Никого еще я так не ненавидел, как вас". „И я, генерал, не могу похвастаться любовью к вам", ответила я ему. „Завтра я вас отправлю к Зубачевскому"—сказал он и велел меня увести. Зубачевский был смотрителем тюремного замка и славился своей жестокостью.

В тюремном замке меня поместили в башню. Башня круглая, небольшая, очень высокая, с маленьким окошечком почти под самым потолком, соединялась с общим коридором при помощи узкого, длинного, изолированного коридорчика. Таким образом, перестукиваться было невозможно. Здесь я просидела до начала 1883 г.

Самым ярким событием в моей жизни за это время было случайно полученное известие о том, что Стрельников убит. Халтурин и Желваков, его убившие, были казнены на маленьком уединенном дворике, куда выходило окошечко моей башни. Виселицы были поставлены в стороне от моего окошечка, но вечером накануне казни я услышала, как пилят дерево и стучат

топорами. Я спросила у часового, что это рубят и пилят. „Сегодня задавят преступников"—ответил часовой. Всю ночь я кружилась по камере. Изнемогая от усталости и ужаса, я прилегла и заснула, но вскоре проснулась от звука барабанного боя. Я знала, что барабанный бой означал приготовление к казни. На дворе рассветало. Какой ужасный рассвет! На мое счастье виселиц не видно было.

В начале 1883 г. я заявила смотрителю, что сижу уже почти два года в одиночном заключении, при чем в последнее время меня не допрашивают, из чего следует, что следствие закончено, и поэтому я требую перевода в общую камеру. После пятидневной голодовки мне удалось этого добиться—я была переведена опять в казарму № 5 и на этот раз была посажена не одна, а с Ел. Свитыч и Степановой. В апреле 1883 г. нас судили военным судом. Следствие дало против меня очень мало улик: было установлено только, что я жила по фальшивому паспорту, снабдила фальшивым паспортом матроса Фоменко и была знакома с рядом видных работников Народной Воли. И прокурору пришлось пользоваться такими аргументами, как указанием на то, что мой цветущий вид доказывает мою нераскаянность. Тем не менее, я в конечном счете получила четыре года каторжных работ.

Я была отправлена на Кару этапом, при чем по Сибири, где в то время не было железной дороги, значительную часть пути пришлось сделать пешком, но женщины могли сидеть на телегах, где лежали вещи. В результате путешествие до Кары длилось восемь месяцев. В Иркутске я должна была ждать, пока не установится санный путь. В Иркутской тюрьме я попала в одну камеру со своей приятельницей Марией Кутитонской, судившейся в 1879 г. в Одессе и сосланной на поселение в Забайкальскую область, а затем, за покушение на забайкальского губернатора, приговоренной к каторжным работам. В одном коридоре с нами сидел молодой, недавно окончивший университет учитель иркутской гимназии Неустроев. Однажды в тюрьму явился иркутский генерал-губернатор Анучин. Он зашел сперва в нашу камеру, потом прошел в камеру Неустроева, и через несколько минут мы увидели в глазок, что он быстро возвращается обратно со своей свитой.

Немного погодя к нашей двери в сопровождении солдата подошел Неустроев, и взволнованно сказал, что он дал пощечину генерал-губернатору, который держал себя с ним очень грубо, и попрощался с нами.

Неустроева через несколько дней судили военно-полевым судом и приговорили к смертной казни. Вечером накануне казни Неустроев через солдата прислал М. Кутитонской, с которой он был очень дружен, том Лермонтова, в котором какое-то стихотворение было отмечено специально для нее. Всю ночь Кутитонская лежала, уткнувшись лицом в подушку, стараясь заглушить рыдания, а я молча сидела у ее постели.

В декабре меня отправили из Иркутска на Кару. Недостаток места не позволяет мне рассказывать о жизни на Каре и затем на поселении. Скажу только, что по выходе с Кары я попала на поселение в Читу, где была в то время очень дружная и тесно сплоченная группа ссыльных.

Я прожила в Чите без выезда до 1890 г. В этом году мне было разрешено поехать в Тобольск, куда сестра должна была привести слепого отца для свиданья со мною.

Вскоре после возвращения в Читу я вышла замуж за читинского окружного врача В. М. Муратова. Губернатор, которому по тогдашним законам мой муж, как состоящий на государственной службе, должен был заявить о предстоящем браке, положил на его заявлении отрицательную резолюцию, и когда он настоял на своем, то в наказание был переведен на службу в маленькое село Горячинское, расположенное на берегу Байкала в таком захолустье, что почта доставлялась туда раз в неделю. Здесь была небольшая больница и горячие источники, но пропускная способность курорта была всего пятьдесят—шестьдесят человек в лето, так как он был совершенно необорудован. После двадцати пяти лет настойчивых усилий мужу удалось превратить Горячинское в один из самых благоустроенных и больших сибирских курортов и повысить его пропускную способность до тысячи человек в лето. В течение этих двадцати пяти лет я лишь около десяти лет жила безвыездно в Горячинском, а затем стала уезжать на зиму, чтобы учить детей. В одну из таких поездок в Иркутск в 1903 году, я узнала, что по дороге из Александровского централа в Якутскую область бежал молодой ссыльный, который явился в Иркутск, но не может найти безопасного приюта, где можно было бы оставаться некоторое время в безопасности. Это был Сазонов, впоследствии убивший Плеве. Я предложила ему поехать в Горячинское под видом больного. Муж помог ему там устроиться, и он смог переждать то время, когда его усиленно искали, и благополучно выбраться из Сибири.

Осенью 1905 г. я приехала с детьми в Иркутск, чтобы поместить их в гимназию. Когда началась всеобщая забастовка, я, разумеется, присутствовала на всех демонстрациях и митингах. Когда же революционная волна схлынула, я прятала у себя всякую нелегальщину и укрывала тех, которые скрывались от ареста. Муж тоже укрывал в Горячинском от свирепствовавшего гене-

рала Ренненкампфа прибегавших к нему служащих-железнодорожников, которые знали мужа, как врача, к которому они приезжали на излечение.

В 1907 г. я уехала с детьми в Москву, чтобы дать им здесь образование. В 1916 г. уехала временно в Иркутск к сыну и вернулась в Москву в конце 1924 г.

Морозов, Николай Александрович *).

Я родился 25 июня (8 июля н. ст) 1854 г. в имении моих предков Борке Мологского уезда Ярославской губернии. Отец мой был помещик, а мать—его крепостная крестьянка, которую он впервые увидал проездом через свое другое имение в Череповецком уезде Новгородской губернии. Он был почти юнопа, едва достигший совершеннолетия и лишь недавно окончивший кадетский корпус. Но несмотря на свою молодость, он был уже вполне самостоятельным человеком, потому что его отец и мать были взорваны своим собственным камердинером, подкатившим под их спальную комнату боченок пороха по романтическим причинам.

Моей матери было лет шестнадцать, когда она впервые встретилась с моим отцом и поразила его своей красотой и интеллигентным видом. Она была действительно исключительной по тем временам крестьянской девушкой, так как умела и читать, и писать, и прочла до встречи с ним уже много повестей и романов, имевшихся у ее отца-кузнеца, большого любителя чтения, и проводила свое время большею частью с дочерьми местного священника. Отец сейчас же выписал ее из крепостного состояния, приписал к мещанкам города Мологи и в первые месяцы много занимался ее дальнейшим обучением, и она вскоре перечитала всю библиотеку отца, заключавшую томов триста.

Когда я достиг двенадцатилетнего возраста, у меня уже было пять сестер, все моложе меня, а затем родился брат.

Я выучился читать под руководством матери, а потом бонны, гувернантки и гувернера и тоже перечитал большинство книг отцовской библиотеки, среди которых меня особенно растрогали „Инки" Мармонтеля и „Бедная Лиза" Карамзина, и очаровал „Лесной бродяга" Габриеля Ферри в духе Фенимора Купера, а из поэтов пленил особенно Лермонтов. Но кроме литературы, я с юности увлекался так же сильно и науками. Найдя в библиотеке отца два курса астрономии, я очень заинтересовался этим предметом и прочел обе книги, хотя и не понял их математической части. Найдя „Курс кораблестроительного искусства", я заучил всю морскую терминологию и начал строить модельки кораблей, которые пускал плавать по лужам и в медных тазах, наблюдая действие парусов при их различных положениях.

Поступив затем во 2-й класс Московской классической гимназии, я и там продолжал внеклассные занятия естественными науками, накупил на толкучке много научных книг и основал „Тайное общество естествоиспытателей - гимназистов", так как явные занятия этим предметом тогда преследовались в гимназиях. Это был период непомерного классицизма в министерство графа Дмитрия Толстого, и естественные науки с их дарвинизмом и „происхождением человека от обезьяны" считались возбуждающими вольнодумство и потому враждебными церковному учению, а с ним и самодержавной власти русских монархов, якобы поставленных самим богом.

Само собой понятно, что мое увлечение такими науками и постоянно слышимые от „законоучителя" утверждения, что это науки еретические, которыми занимаются только „нигилисты", не признающие ни бога, ни царя, сразу же насторожили меня как против церковных, так и против монархических доктрин. Я начал, кроме естественно-научных книг, читать также и имевшиеся в то время истории революционных движений, которые доставал, где только мог. Но все же я не оставлял при этом и своих постоянных естественно-научных занятий, для которых я уже с пятого класса начал бегать в Московский университет заниматься по праздникам в зоологическом и геологическом музеях, а также бегал на лекции, заменяя свою гимназическую форму обыкновенной одеждой тогдашних студентов. Я мечтал все время сделаться или доктором, или ученым исследователем, открывающим новые горизонты в науке, или великим путешественником, исследующим с опасностью для своей жизни неведомые тогда еще страны центральной Африки, внутренней Австралии, Тибета и полярные страны, и серьезно готовился к последнему намерению, перечитывая все путешествия, какие только мог достать.

Когда зимой 1874 г. началось известное движение студенчества „в народ", на меня более всего повлияла романтическая обстановка, полная таинственного, при которой все это совершалось. Я познакомился с тогдашним радикальным студенчеством совершенно случайно, благодаря тому, что один из нумеров рукописного журнала, издаваемого мною и наполненного на три четверти естественно-научными статьями (а на одну четверть стихотворениями радикального характера), попал в руки московского кружка „чайковцев", как называло

МОРОЗОВ Н. А. (1854–1946).

С 1932 почетный член АН СССР. До конца жизни директор Естественнонаучного института им. Лесгафта.

*) Автобиография написана 13/II—1926 г. в Ленинграде.

себя тайное общество, основанное этим деятелем, хотя он к тому времени уже уехал за границу. Особенно выдающимися представителями его были тогда Кравчинский, Шишко и Клеменц, произведшие на меня чрезвычайно сильное впечатление, а душой кружка была „Липа Алексеевна", поистине чарующая молодая женщина, каждый взгляд которой сверкал энтузиазмом.

Во мне началась страшная борьба между стремлением продолжать свою подготовку к будущей научной деятельности и стремлением итти с ними на жизнь и смерть и разделить их участь, которая представлялась мне трагической, так как я не верил в их победу. После недели мучительных колебаний я почувствовал, наконец, что потеряю к себе всякое уважение и не буду достоин служить науке, если оставлю их погибать, и решил присоединиться к ним.

Моим первым революционным делом было путешествие вместе с Н. А. Саблиным и Д. А. Клеменцем в имение жены Иванчина-Писарева в Даниловском уезде Ярославской губернии, где меня под видом сына московского дворника определили учеником в кузницу в селе Коптеве. Однако, через месяц нам всем пришлось бежать из этой местности, так как наша деятельность среди крестьян стала известна правительству благодаря предательству одного из них.

После ряда романтических приключений, уже описанных мною в первом томе „Повестей моей жизни", мне удалось бежать благополучно в Москву, откуда я отправился распространять среди крестьян заграничные революционные издания в Курскую и Воронежскую губернии, под видом московского рабочего, возвращающегося на родину. Я приехал обратно в Москву и потом отправился вместе с рабочим Союзовым для деятельности среди крестьян на его родину около Троицкой Лавры; но и там произошло предательство, и мы оба ушли под видом пильщиков в Даниловский уезд, чтобы восстановить сношения с оставшимися там нашими сторонниками. Нам удалось это сделать, несмотря на то, что меня там усиленно разыскивала полиция. Я и Союзов по неделям, несмотря на рано наступившую зиму, ночевали в овинах, на сеновалах, под стогами сена в снегу, так что, наконец, Союзов заболел, и мы с ним отправились в Костромскую губернию под видом пильщиков леса и ночевали уже в обыкновенных избах. Однако, здоровье Союзова так попортилось, что мы должны были возвратиться в Москву, куда мы перевезли из Даниловского уезда Ярославской губернии и типографский станок, на котором первоначально предполагали печатать противоправительственные книги в имении Иванчина-Писарева. Он был зарыт до того времени в лесу и потом был отвезен для тайной типографии на Кавказе.

Снова возвратившись в Москву, я участвовал там в попытке отбить на улице у жандармов вместе с Кравчинским и В. Лопатиным нашего товарища Волховского, но она не увенчалась успехом, и я вместе с Кравчинским уехал в Петербург, откуда меня отправили в Женеву участвовать в редактировании и издании революционного журнала „Работник" вместе с эмигрантами Эльсницем, Ралли, Жуковским и Гольденбергом. В то же время я начал сотрудничать и в журнале „Вперед", издававшемся в Лондоне П. Л. Лавровым. Я вновь возобновил свои научные занятия, уходя с книгами на островок Руссо посреди Роны при ее выходе из Женевского озера, но после полугодичного увлечения эмигрантской деятельностью почувствовал ее оторванность от почвы и в январе 1875 г. возвратился в Россию, при чем был арестован при переходе границы под именем немецкого подданного Энгеля. Несмотря на мое пятидневное утверждение, что я и есть Энгель, меня, наконец, принудили назвать свою фамилию, арестовав переводившего меня через границу человека и заявив, что не отпустят его, пока я не скажу, кто я.

Меня привезли в Петербург, посадили сначала в особо-изолированную камеру в темнице при „III Отделении собственной его императорского величества канцелярии" на Пантелеймонской улице, но, продержав некоторое время, перевезли в особое помещение из 10 одиночных камер, арендованное III Отделением в Коломенской части по причине огромного количества арестованных за „хождение в народ" в 1874—75 г.г.

Там проморили меня поистине жгучим голодом около месяца и отправили в Москву в тамошнее „III Отделение его императорского величества канцелярии". Там на допросе я, по примеру апостола Петра, решительно отрекся от знакомства со всеми своими друзьями и заявил, что не знаю никого из них и даже никогда и не слыхал о таких людях и о том, что необходимо низвергнуть царскую власть, а на вопрос, что я делал в усадьбе Иванчина-Писарева, ответил, что просто гостил и не заметил там решительно ничего противозаконного. Записав в протокол эти мои показания и убедившись, что все приставания и угрозы не могут меня сбить с этой позиции, меня не только не похвалили за отреченье от своих друзей и товарищей, но отправили в особый флигель, бывший против генерал-губернаторского дома во дворе Тверской части, тоже арендованный Третьим Отделением, в изолированную камеру, объявив, что пока я не буду давать искренние показания и не сознаюсь в знакомстве с по-

дозреваемыми людьми, мне не будут давать никаких книг для чтения.

Вскоре о моем пребывании тут узнали мои товарищи, оставшиеся на свободе, и организовали несколько попыток для моего освобождения, но все они не могли осуществиться в решительные моменты, и меня через полгода перевезли в Петербург в только что построенный Дом предварительного заключения. В нем я, совершенно измученный неудовлетворяемой более полугода потребностью умственной жизни, получил, наконец, возможность заниматься. Я читал в буквальном смысле по целому тому в сутки, так что обменивавшие мне книги сторожа решили, что я совсем ничего не читаю, а только даром их беру. На мое счастье в Дом предварительного заключения сразу же была перевезена какая-то значительная библиотека, довольно разнообразного содержания и даже на нескольких языках, и, кроме того, была организована дамами-патронессами, сочувствовавшими нам, доставка научных книг из большой тогдашней библиотеки Черкесова и других таких же. Надо было только дать заказ через правление Дома предварительного заключения. Я тотчас же принялся за изучение английского, потом итальянского и, наконец, испанского языков, которые мне дались очень легко благодаря тому, что со времени гимназии и жизни за границей я знал довольно хорошо французский, немецкий и латинский. Потом я закончил то, чего мне не доставало по среднему образованию и, думая, что более мне уже не придется быть, как я мечтал, естествоиспытателем, принялся за изучение политической экономии, социологии, этнографии и первобытной культуры. Они возбудили во мне ряд мыслей, и я написал десятка полтора статей, которые, однако, потом все пропали. По истечении года отец, узнавши, что я арестован, взял меня на поруки, и я поселился с ним в существующем и до настоящего времени бывшем нашем доме № 25 по 12 линии Васильевского острова, купленном после смерти отца фон-Дервизом.

Однако, моя жизнь в отцовском доме продолжалась не более двух недель, так как следователь по особым делам получил от III Отделения „высочайшее повеление" вновь меня арестовать и держать в заточении до суда. Я вновь попал в ту же самую камеру и просидел в непрестанных занятиях математикой, физикой, механикой и другими науками еще два года, когда меня вместе со 193 товарищами по заточению предали суду Особого Присутствия сената с участием сословных представителей. Я отказался на суде давать какие бы то ни было показания и был присужден на год с четвертью заточения, но выпущен благодаря тому, что в этот срок мне зачислили три года предварительного заключения.

Я тотчас же скрылся от властей и, присоединившись к остаткам прежних товарищей, поехал сначала вместе с Верой Фигнер, Соловьевым, Богдановичем и Иванчиным-Писаревым в Саратовскую губернию подготовлять тамошних крестьян к революции. Но перспектива деятельности в деревне уже мало привлекала меня, и после того как прошел целый месяц в безуспешных попытках устроиться, я возвратился в Петербург, откуда поехал вместе с Перовской, Александром Михайловым, Фроленко, Квятковским и несколькими другими в Харьков освобождать с оружием в руках Войнаральского, которого должны были перевести через этот город в центральную тюрьму. Попытка эта произошла в нескольких верстах от города, но раненая тройка лошадей ускакала от освободителей с такой бешеной скоростью, что догнать ее не оказалось никакой возможности.

Мы спешно возвратились в Петербург, где мой друг Кравчинский подготовлял покушение на жизнь шефа жандармов Мезенцева, которому приписывалась инициатива тогдашних гонений. Мне не пришлось участвовать в этом предприятии, так как меня послали в Нижний Новгород организовать вооруженное освобождение Брешко-Брешковской, отправляемой в Сибирь на каторгу. Я там действительно все устроил, ожидая из Петербурга условленной телеграммы о ее выезде, но вместо того получил письмо, что ее отправили в Сибирь еще ранее моего приезда в Нижний Новгород, и в то же почти время я узнал из газет о казни в Одессе Ковальского с шестью товарищами, а через день—об убийстве в Петербурге на улице шефа жандармов Мезенцева, сразу поняв, что это сделал Кравчинский в ответ на казни.

Я тотчас возвратился в Петербург, пригласив туда и найденных мною в Нижнем Новгороде Якимову и Халтурина, и вместе с Кравчинским и Клеменцем начал редактировать тайный революционный журнал, названный по инициативе Клеменца „Земля и Воля", в память кружка того же имени, бывшего в 60-х годах.

После выхода первого же номера журнала нам пришлось отправить Кравчинского, как сильно разыскиваемого по делу Мезенцева, за границу, и взамен его был выписан из Закавказья Тихомиров, а до его приезда временно кооптирован в редакцию Плеханов. По выходе третьего номера был арестован Клеменц, произошло организованное нашей группой покушение Мирского на жизнь нового шефа жандармов Дрентельна, и приехал из Саратова оставшийся там после моего отъезда оттуда Соловьев, заявив, что тайная деятельность среди кре-

стьян стала совершенно невозможной, благодаря пробудившейся бдительности политического сыска, и он решил пожертвовать своей жизнью за жизнь верховного виновника всех совершающихся политических гонений—императора Александра Второго. Это заявление встретило горячее сочувствие в Александре Михайлове, Квятковском, во мне и некоторых других, а среди остальных товарищей, во главе которых встали Плеханов и Михаил Попов, намерение Соловьева вызвало энергичное противодействие, как могущее погубить всю пропагандистскую деятельность среди крестьян и рабочих. Они оказались в большинстве и запретили нам воспользоваться для помощи Соловьеву содержавшимся в татерсале нашим рысаком „Варвар", на котором был освобожден Кропоткин и спасся Кравчинский после убийства Мезенцева.

Так началось то разногласие в двух группах „Земли и Воли", которое потом привело к ее распадению на „Народную Волю" и „Черный Передел".

Возмущенные невозможностью использовать средства нашего тайного общества для спасения Соловьева после его покушения на жизнь императора, и видя, что он твердо решился на это, мы только доставили ему хороший револьвер. Я нежно простился с ним у Михайлова и отказался итти смотреть, как он будет погибать вместе с императором. Я остался в квартире присяжного поверенного Корша, куда обещал притти Михайлов, чтобы сообщить мне подробности, и, действительно, он прибежал часа через два и рассказал мне, что Соловьев пять раз выстрелил в императора, но промахнулся и был тут же схвачен.

В Петербурге начались многочисленные аресты, вследствие которых мои товарищи послали меня в Финляндию в школу-пансион Быковой, где я прожил первые две недели после покушения Соловьева и познакомился с Анной Павловной Корба, которая вслед затем приняла деятельное участие в революционной деятельности, а через нее сошелся и с писателем Михайловским, который обещал писать для нашего журнала.

В это же время Плеханов и Попов, уехавшие в Саратов, организовали съезд в Воронеже, чтоб решить, какого из двух представившихся нам путей следует держаться. Уверенные, что нас исключат из „Земли и Воли", мы (которых называли „политиками", в противоположность остальным, „экономистам") решили за неделю до начала Воронежского съезда сделать свой тайный съезд в Липецке, пригласив на него и отдельно державшиеся группы киевлян и одесситов того же направления, как и наша, чтобы после исключения сразу действовать, как уже готовая группа. Собравшись в Липецке, мы наметили дальнейшую программу своих действий в духе Соловьева. Но, приехав после этого в Воронеж, мы с удивлением увидели, что большинство провинциальных деятелей не только не думает нас исключать, но относится к нам вполне сочувственно. Только Плеханов и Попов держали себя непримиримо и остались в меньшинстве, а Плеханов даже ушел со съезда, заявив, что не может итти с нами.

В первый момент мы оказались в нелепом положении: мы были тайное общество в тайном обществе, но по возвращении в Петербург увидели, что образовавшаяся в „Земле и Воле" щель была только замазана штукатуркой, но не срослась. „Народники" с Плехановым стали часто собираться особо, не приглашая нас, и мы тоже не приглашали их на свои собрания. К осени 1879 г. была организована, наконец, ликвидационная комиссия из немногих представителей той и другой группы, которая оформила раздел. Плеханов, бывший тогда еще народником, а не марксистом, организовал „Черный Передел", а мы—„Народную Волю", в которой редакторами журнала были выбраны я и Тихомиров.

В ту же осень были организованы нашей группой три покушения на жизнь Александра II: одно под руководством Фроленко в Одессе, другое под руководством Желябова на пути между Крымом и Москвой и третье в Москве под руководством Александра Михайлова, куда был временно командирован и я. Как известно, все три попытки кончились неудачей, и, чтобы закончить начатое дело, Ширяев и Кибальчич организовали динамитную мастерскую в Петербурге на Троицкой улице, приготовляя взрыв в Зимнем Дворце, куда поступил слесарем приехавший из Нижнего вместе с Якимовой Халтурин. Я мало принимал в этом участия, так как находился тогда в сильно удрученном состоянии, отчасти благодаря двойственности своей натуры, одна половина которой влекла меня по-прежнему в область чистой науки, а другая требовала как гражданского долга пойти вместе с товарищами до конца. Кроме того, у меня очень обострились теоретические, а отчасти и моральные разногласия с Тихомировым, который, казалось мне, недостаточно искренне ведет дело с товарищами и хочет захватить над ними диктаторскую власть, низведя их путем сосредоточения всех сведений о их деятельности только в распорядительной комиссии из трех человек на роль простых исполнителей поручений, цель которых им неизвестна *). Да и в

*) Деятельность и значение распорядит. комиссии, насколько я видела, были незначительны и не имели ничего общего с диктатурой. *В. Фигнер.*

статьях своих, казалось мне, он часто пишет не то, что думает и говорит иногда в интимном кругу.

В это же самое время была арестована наша типография, и моя обычная литературно-издательская деятельность прекратилась. Видя мое грустное состояние, товарищи решили отправить меня и Ольгу Любатович временно за границу с паспортами одних из наших знакомых, и Михайлов нарочно добыл мне вместе с Ольгой билет таким образом, чтобы ко дню, назначенному для взрыва в Зимнем дворце, мы были уже по ту сторону границы.

Так как при особенно критических событиях такие отъезды из центра уже практиковались нами, и я особенно боялся за Ольгу Любатович, не хотевшую уезжать без меня, то сейчас же поехал и узнал о взрыве в Зимнем дворце из немецких телеграмм на пути в Вену.

Оттуда я отправился прямо в Женеву и поселился сначала вместе с Кравчинским и Любатович, а потом мы переехали в Кларан, где впервые близко сошлись с Кропоткиным. Написав там брошюру „Террористическая борьба", где я пытался дать теоретическое обоснование наших действий, я поехал в Лондон, где познакомился через Гартмана с Марксом, и на возвратном пути в Россию был вторично арестован на прусской границе 28 января 1881 г. под именем студента Женевского университета Локьера. Я был отправлен в Варшавскую цитадель, где товарищ по заключению стуком сообщил мне о гибели императора Александра II, и я был уверен, что теперь меня непременно казнят. Я тотчас же был привезен в Петербург, где в охранном отделении узнал из циничного рассказа одного из сыщиков в соседней комнате о казни Перовской и ее товарищей и был переведен в Дом предварительного заключения, где кто-то обнаружил жандармам мое настоящее имя, вероятно, узнав по карточке. Меня вызвали на допрос, прямо назвали по имени, а я отказался давать какие-либо показания, чтобы, говоря о себе, не повредить косвенно и товарищам. Меня пробовали сначала запугать, намекая на какие-то способы, которыми могут заставить меня все рассказать, а когда и это не помогло, отправили в Петропавловскую крепость в изолированную камеру в первом изгибе нижнего коридора и более не допрашивали ни разу.

На суде Особого Присутствия правительствующего сената я не признал себя виновным ни в чем и до конца держался своего метода, как можно меньше говорить со своими врагами, благодаря чему меня и осудили только на пожизненное заточение в крепости, а тех, кто более или менее подробно описал им свою деятельность—к смертной казни*).

Через несколько дней после суда, часа в два ночи, ко мне в камеру Петропавловской крепости с грохотом отворилась дверь, и ворвалась бегом толпа жандармов. Мне приказали скорей надеть куртку и туфли и, схватив под руки, потащили бегом по коридорам куда-то под землю. Потом выбежали снова вверх и, отворив дверь, выставили через какой-то узкий проход на двор. Там с обеих сторон выскочили ко мне из тьмы новые жандармы, схватили меня под мышки и побежали бегом по каким-то узким застенкам, так что мои ноги едва касались земли. Преграждавшие проход ворота отворялись при нашем приближении как-бы сами собою, тащившие меня выскочили на узенький мостик, вода мелькнула направо и налево, а потом мы вбежали в новые ворота, в новый узкий коридор и, наконец, очутились в камере, где стоял стол, табурет и кровать.

Тут я впервые увидел при свете лампы сопровождавшего меня жандармского капитана зверского вида (известного Соколова), который объявил, что это место моего пожизненного заточения, что за всякий шум и попытки сношений я буду строго наказан, и что мне будут говорить „ты". Я ничего не отвечал, и когда дверь заперлась за ними, тотчас же лег на кровать и закутался в одеяло, потому что страшно озяб при пробеге в холодную мартовскую ночь почти без одежды в это новое помещение—Алексеевский равелин Петропавловской крепости, бывшее жилище декабристов.

Началась трехлетняя пытка посредством недостаточной пищи и отсутствия воздуха, так как нас совсем не выпускали из камер, вследствие чего у меня и у одиннадцати товарищей, посаженных со мною, началась цынга, проявившаяся страшной опухолью ног; три раза нас вылечивали от нее, прибавив к недостаточной пище кружку молока и в продолжение трех лет три раза снова вгоняли в нее, отняв эту кружку. На третий раз большинство заточенных по моему процессу умерло, а из четырех выздоровевших Арончик уже сошел с ума, и остались только Тригони, Фроленко и я, которых вместе с несколькими другими, привезенными позднее в равелин и потому менее пострадавшими, перевезли во вновь отстроенную для нас Шлиссельбургскую крепость.

В первое полугодие заточения в равелине нам не давали абсолютно никаких книг для чтения, а потом, вероятно благодаря предложению священника, которого к нам прислали для исповеди и увещания, стали да-

*) которая была смягчена всем, кроме Суханова. *В. Фигнер.*

вать религиозные. Я с жадностью набросился на них и через несколько месяцев прошел весь богословский факультет. Это была область еще совершенно неведомая для меня, и я сразу увидел, какой богатый материал дает древняя церковная литература для рациональной разработки человеку, уже достаточно знакомому с астрономией, геофизикой, психологией и другими естественными науками, и потому не сопротивлялся и дальнейшим посещениям священника, пока не перечитал все богословие, а потом (уже в Шлиссельбурге) перестал принимать его, как не представляющего по малой интеллигентности уже никакого интереса, и тяготясь необходимостью говорить, что только сомневаюсь в том, что для меня уже было несомненно (я говорил ему до тех пор, что недостаточно знаком с православной теологией, чтобы иметь о ней свое мнение, и желал бы познакомиться подробнее).

Тогда же сложились у меня сюжеты и моих будущих книг: „Откровение в грозе и буре", „Пророки" и многие из глав, вошедших в I и II томы моей большой работы „Христос". Но я был тогда еще бессилен для серьезной научной разработки библии, так как не знал древне-еврейского языка, и потому по приезде в Шлиссельбург воспользовался привезенными туда откуда-то университетскими учебниками и курсами, чтобы прежде всего закончить свое высшее образование, особенно по физико-математическому факультету, но в расширенном виде, и начал писать свои, вышедшие потом, книги: „Функция, наглядное изложение высшего математического анализа" и „Периодические системы строения вещества", где я теоретически вывел существование еще неизвестных тогда гелия и его аналогов, а также и изотропов и установил периодическую систему углеводородных радикалов, как основу органической жизни. Там же были написаны и некоторые другие мои книги: „Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам", „Основы качественного физико-математического анализа", „Векториальная алгебра" и т. д., напечатанные в первые же годы после моего освобождения, или не напечатанные до сих пор благодаря отсутствию у нас издателей для специальных книг, не служащих учебниками в высших учебных заведениях и потому бездоходных.

Революционная вспышка 1905 г., бывшая результатом японской войны, выбросила меня и моих товарищей из Шлиссельбургской крепости после 25-летнего заточения, и я почувствовал, что должен прежде всего опубликовать свои только что перечисленные научные работы, которые и начали выходить одна за другой. Почти тотчас же я встретил и полюбил одну молодую девушку, Ксению Борисляпскую, которая ответила мне взаимностью и стала с тех пор самой нежной и заботливой спутницей моей новой жизни, освободив меня от всех житейских мелочных забот, чтоб я безраздельно мог отдаться исполнению своих научных замыслов.

Естественный факультет „Вольной Высшей Школы" избрал меня приват-доцентом по кафедре химии тотчас же после выхода моих „Периодических систем строения вещества", а потом меня выбрали профессором аналитической химии, которую я и преподавал в Высшей Вольной Школе вплоть до ее закрытия правительством. Вместе с тем меня стали приглашать и для чтения публичных лекций почти все крупные города России, и я объездил ее, таким образом, почти всю.

В 1911 г. меня привлекли на суд Московской судебной палаты с сословными представителями за напечатание книги стихотворений „Звездные песни" и посадили на год в Двинскую крепость. Я воспользовался этим случаем, чтоб подучиться древне-еврейскому языку для целесообразной разработки старозаветной библии, и написал там четыре тома „Повестей моей жизни", которые я довел до основания Народной Воли, так как на этом месте окончился срок моего заточения. Еще ранее этого я увлекся научным воздухоплаванием и авиацией и, поступив в аэроклуб, стал читать в его авиационной школе лекции о культурном и научном значении воздухоплавания и летанья и совершил ряд научных полетов, описанных в моей книге „Среди облаков".

В то же время я был избран членом совета биологической лаборатории Лесгафта и профессором астрономии на открытых при ней Высших Курсах Лесгафта, стал членом многих ученых обществ, а потом был приглашен прочесть курс „Мировой Химии" в Психо-Неврологическом институте, который и продолжал вплоть до революции 1917 г. А перед этим, когда началась война, я был еще командирован „Русскими Ведомостями" на передовые позиции западного фронта со званием „делегата всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам", но в сущности для ознакомления публики с условиями жизни на войне, и из статеек, которые я посылал в эту газету, составилась потом моя книжка „На войне". Но мое пребывание „под огнем" продолжалось не особенно долго: от жизни в землянках и окопах у меня началось воспаление легких, и я был спешно отправлен домой, в Петербург.

В 1917 г., в первые месяцы революции, у меня опять началась борьба между стремлением продолжать свои научные работы

и ощущением долга пожертвовать всем дорогим для закрепления достижений революции. Оставив на время научные работы, я участвовал на Московском государственном совещании, созванном в 1917 г., потом был членом Совета республики и участвовал в выборах в Учредительное Собрание. Все это время я был тревожно настроен. Я предвидел уже неизбежность гражданской войны, бедствий голода и разрухи, как ее результатов, и потому сознательно занял примиряющую позицию среди враждующих между собою партий, но вскоре убедился, что это совершенно бесполезно, и что удержать от эксцессов стихийный натиск взволновавшихся народных масс будет так же трудно нашим политическим партиям, как остановить ураган простым маханьем рук. Необходимо было дать урагану пронестись, и я решил использовать это время для завершения тех исследований библии, которые начал еще в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Я мог теперь употребить все силы для уничтожения суеверий и усиленно принялся за подготовление материалов к осуществлению своей книги „Христос", задуманной еще в Шлиссельбургском заточении, но осуществить которую при старом режиме не было никакой возможности.

Я с радостью принял предложение совета Петербургской биологической лаборатории Лесгафта стать ее директором, преобразовал ее с помощью своих сотрудников в существующий теперь Государственный Научный институт имени Лесгафта, провел его через самые тяжелые годы народных бедствий и борьбы и теперь буду считать цель своей жизни достигнутой, если удастся укрепить его дальнейшее существование и завершить и опубликовать вместе с тем научные работы, намеченные мною еще в Шлиссельбургском заточении.

Оловенникова, Елизавета Николаевна *).

Мне сейчас 68 лет. Я счастлива тем, что мне удалось дожить до осуществления тех идей, которым я отдала свою раннюю молодость, зрелые годы и вообще мою жизнь. Говорю так потому, что уверена, несмотря ни на какие теоретические доказательства от противного, что между русской Октябрьской революцией и ее современной идеологией, как массового социально-политического переворота, и старым народничеством все-таки есть известная генетическая связь. Народническое движение—один из подпочвенных слоев, в глубине которых на протяжении десятилетий скоплялись гремучие газы Октябрьского переворота.

Я не говорю уже о том, что после декабристов мы были первыми опытниками-методистами революционных выступлений. Пусть Парижская Коммуна и наш террор оказались демонстрацией того, как не нужно делать революционных выступлений, все же Парижская Коммуна и террор „Народной Воли"—значительные опытные уроки для организации и проведения нашей Октябрьской революции.

Под 70 лет трудно вспомнить в более или менее отчетливой перспективе хотя бы самые выпуклые факты своей жизни, чтобы из их цепи построить то, что называется автобиографией. Уже 45 лет прошло с того времени, как русское самодержавие изолировало нас (народовольцев-активистов) от всего населения России—кого повесило, кого послало на каторгу, кого в административную ссылку. А за эти годы, естественно, время соткало изрядно плотную завесу, сквозь которую не так-то отчетливо созерцаешь милые, дорогие образы прошлого. В фактах моей жизни, как революционерки, точно так же значительно стерлась хронологическая перспектива. Очень сожалею,что за прошлые годы не вела никаких записей и дневников о временах, теперь уже делающихся достоянием истории. Что вспоминаю, то заношу на странички настоящей краткой автобиографии.

Родилась я в 1858 г. в с. Покровском той же волости Малоархангельского у. Орловской губ. Отец мой—помещик средней руки, представлял из себя тип дворянина-интеллигента, в мировоззрении которого 40-е годы, как эпоха, провели свои глубокие борозды. В нем были подрезаны очень многие корешки связи с сословной и классовой почвой. Я должна сказать, что отец мой был более, чем либерал, доказательством чего служили его гуманные отношения с крестьянами, как они мне вспоминаются. Свои умственные и этические интересы он питал литературным содержанием „Современника", который в нашей семье выписывался с самого начала его издания (а потом сменившие его „Отечественные Записки"). С крестьянами, повторяю, он был гуманен. Они рассказывали, как он, бывало, в неурожайные и трудные для них годы еще крепостного права, когда к нему обращались за помощью, говорил: „Вот ключи от амбаров—берите, сколько нужно". Помню также: когда в 1861 году вышел манифест об отпуске крестьян „на волю", к крыльцу нашего дома собралась большая толпа для выяснения нового положения. Я тогда спросила отца, уж не сказки ли слушать собрались крестьяне? Он на это отвечал: „Ты сейчас этого еще не поймешь—совершается хорошее большое дело—крестьяне выходят на волю". Вообще об отце у меня сохранились хорошие воспоминания. Умер он, когда мне было 12 лет.

ОЛОВЕННИКОВА Е. Н. (1857–1932).

*) Автобиография написана в апреле 1926 г. в г. Орле.

Мать моя также была довольно интеллигентная и гуманная женщина. У нее была большая начитанность; особенно она любила историческую литературу. Историю французской революции она знала довольно подробно по первоисточникам, так как вполне владела французским языком.

Не считая братьев, нас было три сестры—старшая Мария (она была на 8 лет старше меня), затем Наталья (на $1^1/_2$ года старше меня) и я. Сестры меня очень любили и баловали. Наши прочные симпатии друг к другу мы пронесли через всю жизнь, через все ее невзгоды. Друзьями детства были у меня также крестьянские девочки, с которыми родители не препятствовали мне водить самую тесную компанию. С особенно теплым чувством я вспоминаю сейчас теперь уже умершую свою сверстницу Ольгу Эрастовну Шашкову. Из соседей, навещавших наш дом, довольно живо я вспоминаю друга моего отца Павла Ивановича Якушкина (известного собирателя народных песен, о котором в своих стихах говорит Некрасов). Он часто у нас бывал, так как именье его в деревне Сабуровой находилось от нашего в семи верстах. Как живая встает у меня в памяти его фигура с черной бородой, в красной кумачевой рубахе и синих штанах. Иногда он приезжал со своею матерью; она была крестьянка и имела очень доброе сердце. Это обстоятельство, полагаю, сыграло главную роль, почему у нее вырос такой славный сын. Соседей—помещиков крепостного закала отец очень недолюбливал и был с ними на холодной ноге.

Когда мне сравнялось 12 лет (отец мой в этот год умер), меня определили в Орловскую, б. Николаевскую гимназию. Сестра Наталья в это время была в 7-м классе, так как она уже 8-ми лет поступила в гимназию. Старшая же Мария выбыла по болезни из гимназии и занималась с домашним учителем. Я не могу в своей биографии не упоминать о своих сестрах, так как моя революционная подготовка, точно так же, как и дальнейшая работа, тесно связана с их революционной деятельностью. Мое участие в кружках, когда я была гимназисткой, началось приблизительно в 6-м или 7-м классе. В кружки меня постепенно втянули мои сестры, выехавшие потом в Петербург на фельдшерские курсы, когда я уже перешла в 8-й класс гимназии.

Организатором кружков учащейся молодежи в Орле в те годы явился Петр Григорьевич Зайчневский, старый народник, вернувшийся из ссылки. Он был личностью, производившей на нас обаятельное впечатление. Как хорошему и увлекательному оратору ему удавалось концентрировать вокруг себя наиболее чуткую молодежь, сообщать ей элементарные социально-политические и экономические знания и в конечном результате убеждать ее в необходимости итти на революционную работу. Зайчневский был централист, признававший возможным и целесообразным только лишь организованное и хорошо подготовленное революционное выступление. В этом основном пункте он выступал с отповедью против лавристов и бакунистов, имевшихся тогда среди молодежи в Орле.

Организация кружков была несложная. Это были просто небольшие собрания в более укромных квартирах (у самого Зайчневского, у моей сестры Марии и в квартире моей матери, с которой я тогда жила) – самое большее человек 7—8. Они носили более или менее регулярный характер—один-два раза в неделю. На собраниях мы читали Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, Лассаля, Маркса, Лаврова, подробно изучали французскую революцию, Парижскую Коммуну. Зайчневский являлся у нас комментатором. Некоторые писали, а затем зачитывали рефераты по вопросам политической экономии. Приходится, конечно, сделать естественную оговорку, что Маркс нам давался очень туго. Рядом с Зайчневским, хотя и на втором месте по оказываемому влиянию, я вспоминаю проживавшего в то время в Орле литератора Оболенского.

Когда я была в 8-м классе гимназии, обычная жизнь наша была нарушена одним событием, которое сильно подзарядило наше настроение. Я говорю о похоронах Махаева, участника „процесса 193“. Осужденный Махаев, больной туберкулезом в последней степени, сидел в Петропавловской крепости. Благодаря хлопотам его сестры, находившейся в дружеских отношениях с моею сестрой Марией, удалось получить разрешение повезти его на юг полечиться. Но было уже поздно—Махаев настолько ослабел, что в Орле выяснилось, что дальше его везти нет смысла. Он помещен был на квартире моего зятя Ошанина (муж Марии), где дня через 2—3 умер. Похороны его состоялись на Троицком кладбище, куда гроб несли гимназистки — члены нашего кружка. Над свежей могилой Арцыбушев сказал речь, насыщенную довольно ярким революционным содержанием. Тут же об этой „истории“ стало известно полиции и губернатору, который предложил директору гимназии уволить двух учениц, участвовавших на похоронах. Не знаю почему, но я тогда, хотя и подлежала увольнению, не была исключена (остальные дня через 3 были приняты в гимназию обратно), дело ограничилось строгим внушением, при чем наша классная дама предъявила мне требование, чтобы я положительно ни с кем из подруг не разговаривала. Я ответила на это отказом. „История“ мало по малу улеглась,

и жизнь потекла, что называется, обыкновенной колеей.

Весною я уже окончила гимназию. Это было в 1876 г. В Орле после этого я прожила еще 2 года, так как на медицинские курсы в Петербурге мне сразу поступить не удалось. Тесный кружок, в котором я и мои подруги продолжали свое политическое самообразование, попрежнему существовал. Мне думается, не без влияния Чернышевского мы организовали с ними небольшую переплетную мастерскую, помещение для которой отвел нам один учитель кадетского корпуса. Не помню точно, но, вероятно, мы вырабатывали в этой мастерской рублей 20—25 в месяц, которые тратили на оказание помощи трем гимназисткам (вносили за них плату за право учения, покупали одежду, обувь). Зайчневский был в это время арестован, просидел сколько-то времени в тюрьме, а затем выслан в г. Повенец Олонецкой губ. Это случилось после известной в истории революционного движения „казанской демонстрации" в Петербурге, в которой он участвовал. Причиной ареста являлось его влияние на молодежь, что не было секретом для полиции. Я также в это время ездила в Петербург к сестрам. На этот раз на одном собрании мне пришлось слушать выступавшего Плеханова. В Питере я пробыла дней 5—6, живя в номерах, так как у сестер, имевших свои отдельные квартиры, на которых происходили явки подпольщиков, я осантовиться не могла. После Казанской демонстрации я возвратилась в Орел и оставалась здесь до 1878 г. В эти годы я, конечно, не находилась в каких-нибудь определенных отношениях к подполью, так как была молода, и сестры мои меня оберегали. Маша бывало скажет: „Лизочка, ты должна себя поберечь, про нас уже говорить не приходится". Однако, встречи с лицами, которые их посещали, когда они приезжали из Петербурга в Орел, все более и более увлекали меня в революционную атмосферу. Наша квартира в Орле была местом остановки видных революционеров, которые для связи заезжали в Орел (Вера Фигнер, Геся Гельфман, Иванова, Бардина, Субботины).

Уместно будет упомянуть здесь о моей тетке Бучневской, сестре матери, которая (не без влияния опять-таки Чернышевского) открыла в Орле модную мастерскую. Эта мастерская также являлась пунктом связи для приезжавших в Орел подпольных работников. Впоследствии при аресте Германа Лопатина у него был найден адрес моей тетки, и она в связи с этим была арестована, а мастерская закрыта. Из местных народников, посещавших нашу квартиру и бывавших у тетки, я вспоминаю, как уже упомянула, сестер Субботиных, как известно, отдавших свое большое имение в Орловской губ. на дело революции. Они бывали у сестер, при чем в последний раз я видела их в своеобразных костюмах, когда они направлялись в „народ".

В 1878 году я поступила на медицинские курсы и поселилась в Петербурге оседло. В первое время мы жили тесной компанией (коммуной), которая состояла из 5 человек, подруг-землячек. Очень скоро у меня начали завязываться и крепнуть самые близкие и дружеские связи с представителями революционного подполья. Нужно сказать, что я до самого последнего ареста в марте 1881 г. жила в Петербурге на легальном положении. До самого конца 1880 г. мне не представилось случая выявить себя в каком-нибудь крупном активном выступлении. На это были свои причины, главной из которых являлось то, что мои друзья, полагаясь на меня во всем, почему то жалели и оберегали меня, как самую молодую из них. С самого начала занятий на курсах я подружилась с однокурсницей — Юлией Квятковской, сестрой Александра Квятковского, тогда уже нелегального. Через некоторое время мне пришлось познакомиться и с самим Александром, который пришел однажды ко мне с письмом от сестры Марии. Излишне говорить, что с самого начала он произвел на меня очень приятное и мягкое впечатление. От времени до времени он навещал меня вплоть до самого его ареста и казни. В воспоминаниях о нем у меня сохранилось от него впечатление почти постоянной грусти и некоторого беспокойства, что объяснялось тем, что ему приходилось тратить много нервов, чтобы маневрировать и скрываться от преследовавших его шпиков. Один раз он был у меня со Степаном Халтуриным. Пили чай, оживленно беседовали. Халтурин запечатлелся у меня в памяти, как человек необыкновенно положительный и обладающий большой силой воли. Тогда уже он заряжал взрыв в Зимнем дворце. Операция чрезвычайно сложная и опасная, а между тем в обыкновенной беседе с ним нельзя было ни на ноту предположить, к какому серьезному террористическому акту человек готовился. Необыкновенная простота, ясность суждений и равновесие настроения. Как известно, Квятковский был взят и казнен по делу взрыва в Зимнем Дворце. В это время я жила вместе с его сестрой. Когда он сидел в предварилке, мы поддерживали с ним самые тесные сношения „с воли". Мы достаточно снабжали его едой и лакомствами. Перед казнью он прислал мне записку, в которой называл меня своим „самым лучшим и дорогим другом". Его казнили. Сестра совершенно лишилась нервного равновесия. Когда она прочла о казни в газете, то не поверила этому и полетела за разъяснением к Плеве.

Тот лично ее не принял, выслал к ней лакея, который подтвердил правильность сообщения о казни. После этого я, порядочно расстроив свои нервы, поселилась на новой квартире, ближе к фельдшерской школе.

Другим лицом, питавшим ко мне теплые чувства, была Соня Перовская. Не помню, сколько раз она у меня бывала, но только не редко. О ней у меня сохранились самые светлые воспоминания. Она представляла собой редкое сочетание женской мягкости и стальной закалки до мозга костей убежденного борца-революционера. Когда, бывало, на нее смотришь или с нею разговариваешь, веет от нее каким-то радостно-легким простым восприятием жизни и в то же время пышет жаром идеи борьбы, которая не сегодня-завтра должна кончиться победой. Перовская фанатически была убеждена, что революция в России назрела. „Вот увидишь, говорила она мне,— еще год, два — и революция у нас начнется". Я не была в курсе планов и организационно-подготовительной работы Исполнительного Комитета, а потому к ее заверениям относилась немного скептически.

Я не считаю нужным распространяться о личности Перовской, ее образе жизни и революционной работе, так как это с достаточной подробностью уже освещено другими. Желябов был у меня за все время два раза. Личность этого премьер-героя „Народной Воли" также уже вполне обрисована в воспоминаниях современников и вообще в исторической литературе. В его облике мне врезались в память его синие глаза. Это был человек необыкновенно ясной мысли и железной воли. В своих убеждениях он был непоколебим. Когда пропагандировал в кружках, всегда предлагал в заключение разбить его положения. Но они настолько захватывали слушателей, что оппозиции не оказывалось.

В воспоминаниях встает образ другого героя, часто бывавшего у меня, кончившего свои дни в Петропавловке *) (умер от чахотки и цынги) Баранникова. Он был мужем моей сестры Марии. Баранников был натура свернутая, как стальная пружина, в самом себе. Он мало выявлял себя в речах и разговорах, но бесстрашно и почти всегда успешно выполнял самые рискованные поручения (напр., доставлял динамит для подготовлявшегося взрыва царского поезда на железной дороге **). Все считали его красавцем за его богатырское сложение и выражение лица. Эти внешние привлекательные черты соединялись в нем с необыкновенной смелостью и способностью быстро ориентироваться. Однажды не успели мы опомниться, как он ухватил и помчал нас с Гесей Гельфман и еще одной подругой на публичный бал в Художественном клубе. У нас, как говорится, поджилки тряслись, когда наш нелегальный кавалер, разодетый франтом, в черном сюртуке, как светский лев, поднимался с нами в зал по лестнице, уставленной цветами. Его, как родного сына, крепко любил Колодкевич, старше его многими годами. Сидят они, бывало, у меня, Колодкевич положит свою голову ему на колени и любовно смотрит в глаза. Старший друг узнал об аресте Баранникова у меня на квартире. При этом известии он потерял всякое равновесие и осторожность, схватил пальто и помчался к нему на квартиру. Конечно, там уже ожидала полицейская засада, и он тут же был арестован.

Из других друзей вспоминаю Гесю Гельфман, довольно часто бывавшую у меня. У меня осталось о ней впечатление умной, энергичной и замечательно выдержанной женщины-революционерки. Потом нам пришлось вместе с нею обитать в предварилке. Бывала у меня на квартире раза два ныне здравствующая Якимова (носившая тогда кличку „Баска"). Один раз она явилась после разгрома типографии, была этим расстроена, но все же сохранила полное равновесие революционерки, уже проделавшей длительный и опасный стаж подполья.

Моя жизнь в Петербурге не так насыщена действием в смысле активного участия в революционном подполье, как это некоторые склонны были бы предполагать. Я уже оговаривалась, что я была среди других моложе всех—из этого обстоятельства вытекали следующие последствия: 1) мои друзья землевольцы, а затем народовольцы, естественно, не могли ставить меня на один уровень с другими активистами, так как еще не достаточен был у меня практический революционный стаж, 2) все они относились ко мне как-то по-отечески и щадили мою молодость и непосредственность. При всем желании я не могла изменить такого с их стороны ко мне отношения. Внутри самой себя я чувствовала, что вполне созрела для любой революционной работы и ответственных поручений партии. Ведь что-нибудь да значила атмосфера тех влияний, под которые я попала с 14—15 лет, обучаясь еще в гимназии. Мои сестры и навещавшие их народники, встречи с последними еще в ранней юности сформировали во мне революционерку. И все же обстоятельства наполнили мою жизнь так, что вплоть до ареста 13 марта 1881 г. я могла жить в Петербурге на легальном положении.

Сестры мои, уже имевшие определенные амплуа в революционной организации, от текущей ее жизни и деятельности держали меня в стороне. Я, напр., знала, что сестра

*) в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. *В. Фигнер.*

**) Работал в подкопце под ж.-дор. полотном. *В. Фигнер.*

Наталья держала конспиративной свою квартиру, на которую к ней ходил служивший в III Отделении от революционеров Клеточников. Он информировал ее о всех текущих шагах и планах охранки, а она сообщала об этом Исполнительному Комитету партии. Но до ноября 1880 г. мое участие в революционной жизни того времени, главным образом, заключалось в том, что я вела посильную революционную пропаганду среди медичек, а потом слушательниц фельдшерских курсов, иногда устраивала среди них денежные сборы на партию и т. п. Со стороны организации я до ноября 80 г. не получала каких-нибудь длительных или срочных поручений. Квартира моя от времени до времени являлась пунктом, в котором члены организации иногда устраивали очень рискованные деловые свидания. А так как она все-таки находилась под наблюдением шпиков, то мне приходилось принимать большие меры предосторожности. Условным знаком, служившим сигналом для приходящих, была у меня лампа, которая в случае благоприятного положения ставилась мною на окно, в случае же неуверенности моей, что все обстоит благополучно, снималась с окна. После ареста Баранникова шпики устроили в коридоре меблированных комнат, где я жила, засаду в комнате горничной. На этот раз в поле их слежки попала моя сестра Наталья, прибывшая ко мне из Орла и отправлявшаяся обратно. По делу Баранникова я была вызвана на допрос в жандармское управление, после чего переменила свою квартиру.

Первый мой арест произошел весной 1878 г. и вот по какому поводу. Осенью этого года я из Петербурга ездила в Повенец навестить находившегося там в ссылке П. Г. Зайчневского. Случилось так, что один студент, живший там же в ссылке, как раз в это время решил изъявить согласие отбывать вместо ссылки воинскую повинность в Финляндии. Из Повенца вместе с конвойным солдатом я ехала с ним до Петербурга. По остановке в Петербурге я отправила ему по указанному адресу кое-какие вещи, оставленные им, которые он не в состоянии был захватить с собой. Во время обыска в марте месяце у меня был обнаружен этот адрес, в результате чего я была арестована и препровождена в полицейскую часть. Здесь мне пришлось просидеть месяца два, пока дознанием не было выяснено, что моя вина не угрожающих размеров. На допросах я держалась твердо и ничего компрометирующего не дала в руки полиции. Со мною сидела в части одновременно арестованная Толмачева.

У меня не сохранилось в памяти сколько-нибудь интересных моментов из этих двух месяцев моего первого сиденья. Меня навещали в части, приносили литературу (книги). Интересный эпизодик: уголовные, помещавшиеся в камере рядом, пробуравили каким-то образом ко мне стену и в отверстие передавали мне газету. Слышишь, бывало, как по распоряжению дежурных полицейских они утром и вечером тянут молитву „Отче наш, иже еси на небеси"... Иногда мне доставляли газеты и письма, скрытые под яичницей, которую приносили „с воли", чтобы меня „подкормить". Через два месяца я была отпущена. Проучившись год на медицинских курсах, я не выдержала экзамена по гистологии, выбыла с курсов и уже через год поступила на фельдшерские курсы.

События тем временем текли своим чередом. Когда я в 1878 г. летом гостила дома в деревне, туда же приехала сестра Маша с Баранниковым. Здесь они инсценировали довольно комический эпизод, а именно перевенчались в местной церкви. Была устроена свадебная пирушка, на которой в числе гостей присутствовал сам становой пристав. Вслед за тем оба они уехали на Липецкий съезд. Из женщин Маша присутствовала там в единственном числе. Вскоре после этого, когда становому из Петербурга стало известно, у кого он был в гостях на свадьбе, он рвал на себе волосы с досады, что упустил случай продвинуть вперед свою карьеру. Попа, венчавшего их, также не мало таскали то в консисторию, то к архиерею.

После Липецкого съезда в революционной тактике народовольцев, отмежевавшихся от „Черного Передела", начинает завоевывать свое место террор. Решено было казнить Александра II-. После нескольких неудачных попыток в этом направлении Исполнительный Комитет„ Народной Воли" решил убить царя при помощи бомбы. Приготовления к этому начались с осени 1880 г. В качестве предварительного мероприятия нужно было основательно изучить амплитуду движения царской кареты по улицам Петербурга во времени.

И вот в ноябре месяце я вместе с Тырковым, Рысаковым, Сидоренко, Тычининым получаю от партии первое серьезное поручение—наблюдение за выездами и проездами царя по Петербургу из дворца и обратно. Наблюдение было организовано таким порядком: на квартиру ко мне или к Тычинину являлась Софья Перовская или Тихомирова и давали нам расписание дежурств в тех или других пунктах по тому маршруту, которым мог ездить царь. Лично мне приходилось, как вспоминается сейчас, наблюдать в следующих местах: район Зимнего дворца, около Летнего сада и по Екатерининскому каналу. Мои дежурства чередовались с другими дня через 3—4. За время с ноября по март мне удалось встретить царя около 8—10 раз, из которых отчетливо вспоминаю его выход из Летнего сада—он

появился в офицерской форме и сел в карету, обитую черным крепом (тогда умерла императрица). Это место наблюдения было очень опасно, в виду того, что оно очень тщательно охранялось шпионами. В другой раз его карета быстро выехала из-за угла улицы около Екатерининского канала. Наблюдения за царем требовали большого напряжения и внимания, с одной стороны, за ним самим, а с другой — в смысле маневрирования перед шпиками. Иногда при проезде царя публика кричала „ура", а большей частью молчала. Результат наблюдений каждый из нашей группы сдавал при очередном сборе Перовской или Тихомировой (чаще последней), и тут же получали новые наряды.

1-го марта царь был убит бомбой, брошенной Гриневицким. Часть организаторов этого акта была арестована в течение ближайших дней. Я еще оставалась на свободе. Помню, приблизительно через неделю после 1-го марта часть оставшихся народовольцев собралась на квартире одного студента (из сочувствующих), где было вынесено постановление — принять меры к сохранению остатков организации и поддержанию связей.

Арестована я была 13-го марта при следующих обстоятельствах. Днем я из фельдшерской школы зашла к сестре Махаева, с которой у меня были очень хорошие отношения. Там в это время находилась домашняя учительница Тырковых, которая передала мне о том, что Тырков арестован и отправлен в тюрьму, и что мать его просила меня явиться к ней, чтобы вместе с нею отправиться к нему в качестве невесты на свиданье. Я тут же поспешила к себе на квартиру переодеться и явиться в Тырковой. Дома прислуга сообщила, что ко мне являлся и спрашивал меня околоточный, который пока отправился в лавку. Скоро он возвратился и заявил, что меня требует в полицейскую часть частный пристав для дачи каких-то объяснений. Переодевшись я с околоточным отправилась в часть, откуда частным приставом была доставлена в жандармское управление.

В жандармском управлении меня допрашивал полковник Никольский, который, кажется, снимал допрос с меня и раньше, когда я была вызвана после ареста Баранникова для дачи о нем сведений, как его свояченица. Никольский прямо же заявил мне, что я привлекаюсь по делу 1-го марта, и что показания о моем участии даны Рысаковым. Я возразила ему, что Рысакова не знаю. Тогда тут же мне была устроена с ним личная ставка. Очевидно, он уже был привезен для этого „свиданья". Меня вызвали в другую комнату, где в это время находился Рысаков. Он сидел в черном сюртуке, лицо было возбуждено (может быть, он даже был выпивши). Мне предложили стать в профиль. Я задала вопрос Рысакову: „Если вы меня знаете, то скажите, при каких обстоятельствах и где мы с вами познакомились". От него последовал резкий ответ: „Я вас не знаю". После чего его увезли из жандармского управления в крепость.

Меня ввели обратно в первую комнату. Я отлично поняла и взвесила смысл всего происходящего и решила держаться твердо. В шутливой форме обращаюсь к полковнику: „Ну что же, теперь можно и домой?" — на что последовал его ответ: „Нет, теперь мы вас задержим". Тут же вечером я была отправлена в предварилку.

Когда я ориентировалась на своем новом местожительстве, то сделала определенное заключение, что жизнь в предварилке куда скучнее и мертвее, чем в полицейской части — одиночное заключение представляет из себя обстановку, далеко не веселую. Считаю нужным здесь оговориться, что на отношение ко мне низшей администрации и прислуги предварилки я не могу пожаловаться. Надзирательницы иногда передавали записки „с воли". Из сидевших со мной в предварилке могу указать на сестру Суханова, Тыркова, польку Вериго, Берличевскую, Гельфман (с последней я была знакома, а с Вериго даже однажды жила). Дело Гельфман было выделено из дела первомартовцев в виду того, что она была беременна и ожидала ребенка. Я помню, когда, бывало, идешь на прогулку, видишь, как из ее камеры выходят и обратно входят жандармы — она находилась под строгим наблюдением.

Однажды меня перевели с 4-го этажа в нижний, где я пробыла дней 5, при чем показалось подозрительным, что в камере на ночь не гасился огонь. Дело объяснилось потом тем, что в предварилку в это время из Петропавловки привозили для суда первомартовцев. Когда я была переведена обратно в верхний этаж, я спросила у надзирательницы, что же случилось с Перовской, Желябовым и др.? Она мне ответила: „Их повесили". Я впала в обморок. Надзирательница вскочила в камеру с водой и в страшном испуге повторяла: Молчите, молчите, ради бога!" Из предварилки, насколько помнится, мне приходилось выезжать на допрос — один раз в Петропавловскую крепость. Допросы, на которые я выезжала, длились, кажется, не подолгу — 1—1½ часа. Когда допрашивали в Петропавловке, мне представили сына коменданта крепости Богородского, сидевшего там в это время (ему вменялась в вину агентура связи „воли" с крепостью путем передачи записок). Последовал вопрос, знаю ли я его, на что я ответила отрицанием. В Доме предварительного заключения я пробыла, насколько помню, до половины августа 81 года, когда была переведена в Петропавловскую крепость.

Последний допрос в жандармском управлении был снят с меня приблизительно в июле месяце, после чего я оставалась и дальше сидеть в предварилке. Я обращала на это внимание прокурора (Добржинского, того самого, который, благодаря своим незаурядным следовательским способностям, сумел склонить Гольденберга, участника Липецкого съезда, к раскаянию и выяснению планов организации). Как раз в августе меня посетила в предварилке моя мать. Только я попрощалась с нею, как мне было объявлено управляющим о том, что я перевожусь в крепость.

По приезде туда я была сдана жандармами на попечение моего нового начальства. Офицер, водворявший меня в крепости, повел меня, помню, сначала в одну камеру в нижнем этаже. Эта камера представляла из себя далеко не важное помещение, и мрачное и сырое. Мой провожатый почему-то проявил милость и повел меня во второй этаж, где мне удалось основаться в более приличной камере. Едва я почувствовала себя хозяйкой на новом месте, как ко мне явилась девица с предложением снять с себя положительно все (остаться на некоторое время Евой, накрытой жестким арестантским халатом). Все мое платье было отнесено офицеру для осмотра.

Если между режимом предварилки и полицейской части я уже отмечала довольно существенное различие, то между новым режимом и предшествовавшим я должна была также провести разницу. В крепости уже нельзя было проявить себя в какой-нибудь физической работе, напр., шитье, рукоделье, как это имело место в предварилке. Единственное занятие, которым можно было отвлечь свои мысли от положения, являлось чтение книг, выдававшихся из крепостной библиотеки. Я помню, что я порядочно читала старый „Вестник Европы" приблизительно 74—75 годов. Был у меня томик стихов Гейне, который подарила мне мать при свидании со мной. За отсутствием каких-либо впечатлений и событий жизнь текла необычайно монотонно. В коридоре царило в полном смысле молчание тишины. Дежурные жандармы и унтера на все вопросы, сколько их ни приходилось задавать в форточку, всегда деревянно отвечали: „да-с, нет-с"— и больше ничего. Я сказала бы, что те прогулки, которыми приходилось пользоваться в крепости по четверти часа ежедневно, не доставляли почти никакого развлечения, разве только служили для некоторой вентиляции организма. Гуляешь, конечно, в сопровождении „кавалера", который молчит, и ты молчишь— получается молчащая пара. Одновременно со мной в Петропавловке сидели другие участники нашего процесса, но знать об этом я, конечно, ничего не знала.

В октябре я в крепости сильно заболела. Помню утро, когда я проснулась с сильной головной болью. Когда в камеру явился унтер и предложил мне отправиться на прогулку, я сначала отказалась, но потом пошла. Мы спускались с ним вниз по лестнице; я, кажется, в ослабевшем состоянии упала и покатилась вниз по порожкам. Что со мной случилось, я не помню. Когда я через некоторое время очнулась в другой камере, спросила у сиделки, что со мной? Последняя ответила, что я все время молчу. Конечно, это означало то, что крепостной режим даже в короткое время произвел в моем нервном и психическом состоянии изрядный надлом. Особенно угнетающе на настроение действовала гробовая тишина, прерываемая через получасовые промежутки игрою курантов, исполнявших по очереди то „боже, царя храни", то „коль славен".

Что касается сношений с волей, то у меня их не было, да и невозможно их было устроить. Один раз ко мне на свиданье приехала сестра Наталья вместе с теткой Бучневской. Вполне естественно, что это посещение явилось для меня фактом, значительно разрядившим тусклое однообразие тянувшихся будней. Каких-либо других событий, которые оставили бы по своей значительности след в памяти, не было.

Однажды в ноябре совершенно неожиданно вдруг меня перевели в другую камеру, гораздо худшую, чем ранее. Это меня в высшей степени огорчило, но пробыть в новой клетке мне пришлось всего несколько минут. Очень скоро мне было объявлено, что я снова должна вернуться в предварилку. В этот же день я вновь перекочевала в Дом предвар. заключения. В предварилке опять потекли однообразные серые будни. Я была помещена в небольшую одиночную камеру и продолжала болеть. Нервы мои дали большую трещину, одиночество для меня становилось все тяжелей. Через два месяца, по моим настояниям, мне была предоставлена камера более просторная, в которой со мной стала находиться сиделка — девица Катя, осужденная за уголовное преступление. Она, будучи прислугой, стянула у хозяев несколько серебряных ложек. Катя была симпатичное простое существо, которое ко мне сильно привязалось. Иной раз, близко подсев ко мне, она начинала плакать. Спросишь ее, что с нею, а она в ответ: „Барышня, да мне кажется, что вы скоро помрете". Я вспоминаю о ней сейчас с теплым чувством. Приблизительно в феврале в жандармском управлении я подвергалась медицинскому осмотру, целью которого являлось установить мое состояние для присутствия на суде в качестве обвиняемой. Председатель комиссии, врач Чечотт, нашел мое здоровье не совсем плохим, по крайней

мере он выразился: „Тырков куда хуже вас!“.

Чего-либо интересного, из ряда выходящего за это время моего пребывания в предварилке, не осталось в памяти. На положении больной я пользовалась достаточным вниманием со стороны и управляющего и жандармов. Один жандарм однажды, передавая мне записку, на мой вопрос, как же он не опасается за последствия, ответил: „Я бы за вас и душу свою не пожалел“. На основании тех случаев, когда мне приходилось иметь дело с жандармами, которые меня конвоировали или охраняли, о некоторых я должна сказать, что это были обыкновенные русские крестьяне - солдаты, зарабатывавшие своей службой кусок хлеба.

Суд над „двадцатью“ состоялся, когда я находилась еще в предварилке. В силу болезни я была выключена из состава подсудимых. О результатах суда и его приговоре мне до самого отъезда в Казань ничего не было известно. После этого в Окружном суде состоялась новая комиссия, которая производила экспертизу нервно-психического состояния моего и Тыркова. Комиссия эта, в составе человек 30 под председательством Чечотта, нашла нас больными, подлежащими специальному лечению, для чего решено было отправить нас в Казанскую окружную психиатрическую лечебницу. Помню сценку перед последней комиссией. Вхожу в сопровождении жандармов в помещение суда, туда же вводят Тыркова. Он не утерпел, чтобы не броситься от своих жандармов ко мне навстречу. Тут же сообщил мне, что есть предположение отправить нас в Казань, и высказал уверенность, что мы там поправим свое здоровье.

В один апрельский вечер ко мне в камеру явилась начальница женского отделения Дома и объявила, что я могу собраться, чтобы отправиться на вокзал, а оттуда в Казань. Проводили меня дружелюбно. Заведующий усадил меня в приготовленную карету, даже положил за спину подушку; два жандарма уселись со мною, и скоро мы очутились на Николаевском вокзале, хотя вокзал-то, собственно говоря, мне не удалось посмотреть, несмотря на мою полушутливую просьбу к жандармам мне это разрешить. В пути, на одной станции, случился небольшой комический инцидент. Из вагона мои „жандармики“ (они были по своим фигурам мелкорослы) отправились на вокзал выпить, а я в их отсутствии взяла да и перебралась в соседний вагон. Возвратившись, жандармы не застали меня на том месте, где оставили. Через несколько минут недоразумение выяснилось, и мои охранители говорили: „Наша барышня нас не подведет, она от нас не уйдет“. В Москве к нашей компании присоединилась сестра Наталья, и в конце концов мы прибыли в Казань, где мне пришлось провести целых 9 лет, т. е. прожить до 1891 г.

Сиденье в психиатрической больнице по объему и характеру впечатлений, которыми обыкновенно наполняется жизнь, мало чем отличалось от тюремного заключения—однообразие и скука. Мы, как политические, я, Тырков и Малиновская (участница процесса по убийству шефа жандармов Мезенцева) находились в больнице под сугубым наблюдением и надзором не только, конечно, медицинским, но и полицейским. Само собой понятно, что посылки, которые мы получали, всегда тщательно просматривались, книги и письма строго контролировались, газеты давались только иногда. Выходить или выезжать из больницы за девять лет почти не приходилось, таким образом сношения с внешним миром происходили только в форме редких свиданий с родственниками. Один раз, помню, мы с надзирательницей ездили в подгороднее татарское село, совершили некоторого рода этнографическую экскурсию. И только. В течение 9 лет пришлось переменить комнату только лишь три раза.

Из заведующих больницей вспоминаю первого—генерала Фрэзе, сухого и довольно отсталого немца, затем доктора Рогозина и Боткина. Рогозин находился в хороших отношениях с профессорствовавшим тогда в Казани, будущей знаменитостью, Бехтеревым. В нашей больнице профессор Бехтерев устраивал лекции для своих студентов, демонстрируя их на обитателях нашего общежития. Течение дней приходилось наполнять разнообразной мелкой работой. Иной раз что-либо вышиваешь или шьешь, читаешь книги. Большое удовольствие получалось от оказывания какой-либо повседневной помощи больным соседям. Вспоминаю, как мне своим ухаживаньем удалось вернуть психическое равновесие жене одного доктора, обитавшей по соседству. Была одна женщина, мать выпавшей со второго этажа девочки, которую мне также удалось поставить на ноги. Вспоминается вдова проф. Добротворского, с которой у нас завязались довольно приятельские отношения. Когда она выехала в Москву, я сильно скучала и настояла, чтобы меня поместили по соседству с Малиновской. Приходилось принимать маленькое участие в хозяйственной жизни больницы — записывать получаемое от коров молоко, результаты взвешивания больных и т. п. Обучала надзирательниц.

Время шло, а между тем здоровье мое слабело. В это время мать моя хлопотала о том, чтобы из больницы я была отпущена домой под надзор местной полиции. Тырков еще раньше меня выбыл из Казани в Сибирь на поселение. Он пробыл в больнице года $1^1/_2$. Приблизительно за год до моего отъезда из Казани он прислал

письмо с предложением перебраться в Сибирь. Но я, жалея свою больную мать, склонялась к тому, чтобы поскорее с нею увидеться. Поэтому в Сибирь я не поехала.

В 1891 г., наконец, последовало согласие правительства отпустить меня на родину.

Таким образом, казанское сиденье закончилось, и я вернулась в Покровское, в Малоархангельский уезд Орловской губернии. Возвращение в „отчий дом", конечно, сопровождалось некоторым рядом полицейских мытарств, претерпев которые я, наконец, получила домашний уход матери и родных, с одной стороны, и полицейский надзор в лице местного станового — с другой. Последний выражался, что я числюсь у него как „вечно подсудная", которую нужно строго беречь и никуда не пускать.

Период моей жизни по возвращении из Казани и до последних дней можно, хотя и не резко, разделить на три части двумя крупными историческими датами: 1) революцией 1905 г. и 2) революцией Октябрьской.

90-е годы и начало 900-х г. г. являлись у меня как бы продолжением казанского „сиденья". Конечно, была и разница, именно в том, что я жила в деревне, окруженная вначале заботливым уходом родных. Здоровье мое было основательно расстроено, к тому же я постоянно болела душой за сестру Наталью, которая еще с 80-х г. г. заболела перемежающимися припадками нервно-психического расстройства. Когда умерла моя мать, мне вплоть до 1924 года пришлось постоянно ухаживать за сестрой.

90-е годы в истории нашего революционного движения вообще являются периодом затишья, более точного определения путей, по которым должна была пойти будущая революция. Авангард рабочих собирал свои силы для грядущих выступлений. В деревне же в эти годы было довольно глухо. В частности и в нашей округе. Связи мои с прежними народовольцами порвались, да и невозможно было о них думать. Переписываться с кем-либо не приходилось, так как из прежних соратников почти все были рассеяны по каторжным тюрьмам и ссылкам. Надзор местной полиции всегда висел надо мною, как отвратительный кнут. Выезжать куда либо я, конечно, не могла. Только в начале 900-годов я от времени до времени приезжала в Орел. Здесь я встречалась с Афонской (урожденной Шатиловой—приемной дочерью Субботиных). Муж ее был нотариусом в Орле, пользовался большой популярностью. Афонская была очень интересным и живым человеком, с которой я встречалась с удовольствием. Иногда она приезжала нас навестить в Покровское.

1905 год на время принес мне некоторое облегчение положения. Полицейский карантин был ослаблен, и я даже добилась у орловского губернатора разрешения въезда в Москву и Петербург. Я этим воспользовалась и посетила Москву. Но встретить здесь кого-либо из прежних друзей подполья мне не пришлось. В этот раз я привезла от своей подруги Серчевской некоторое количество революционной литературы, которою снабжала в деревне кое-кого из знакомой деревенской молодежи. С этого времени вообще я не имела недостатка в литературе, которую у меня всегда на расхват разбирали. Меня навещали знакомые учителя из округи, семинаристы, гимназисты, а иногда приезжавшие с заводов и шахт рабочие. Скучать эти годы мне уже не приходилось. Так как свободного времени было порядочно, то я использовала его в занятиях по обучению грамоте деревенских ребятишек. Несколько десятков моих учеников окончили при моем содействии начальное училище, городское, гимназию, а некоторые в последнее время, после Октября, даже поступили в университет. Девочек мы с сестрой, кроме грамоты, обучали рукоделью.

Около 1910 г. я возобновила переписку с Тырковым, который вернулся на родину из сибирской ссылки. Он принял участие в издававшемся тогда журнале „Былое", впервые в подробности осветившем деятельность „Народной Воли". Перу Тыркова принадлежит большая статья, в которой он делится своими воспоминаниями о наших общих друзьях-народовольцах. Переписку мы поддерживали с ним до самого последнего времени. Другими лицами, с которыми я за это время переписывалась, были: сестра Квятковского Юлия, которая жила и работала в качестве врача в Кишиневе, затем вышеупомянутая Серчевская—моя подруга по гимназии.

С неприятным чувством вспоминаются годы войны —последние годы самодержавия. Много было пролито тогда слез в деревне. Трудно было утирать эти слезы, и вспоминать об этом не хочется.

Наступил 17 год, а с ним Февральская, а затем и Октябрьская революция. К сожалению, последняя пришла уже тогда, когда наши силы, обреченные на вынужденное безделье, почти совсем износились. В настоящее время я, вместе с другими оставшимися в живых народовольцами, числюсь в республиканском Собесе инвалидом особых заслуг. Правительство рабочих и крестьян, Ленин и другие вожди пролетариата должным образом оценили значение нашего исторического выступления.

Эти годы—с 1917 по 1925—я безвыездно жила в деревне с больной сестрой Натальей, умершей осенью 1924 г.

В период гражданской войны приходилось переносить материальные лишения — недоедать, мерзнуть, но с кем это не бывало. Кончилась гражданская война — началось внутреннее гражданское и хозяйственное

ПОПОВ И. И. (1862–1942).

устройство нашей страны. Старики революции, в том числе и я, были правительством перерегистрированы и взяты на государственное обеспечение. Очень высоко ценю моральную и материальную поддержку, кот. оказывает, как и другим своим членам, О-во Политкаторжан. Недавно, 14 марта 1926 г., мы, первомартовцы, отпраздновали свой 45-летний юбилей. Правительство и партия в должной мере отметили эту дату. Большое горе мне пришлось пережить со смертью сестры Натальи, которую я очень любила. С этим я не могу помириться и сейчас.

Попов, Иван Иванович *).

Родился я в Петербурге в 1862 г. в Павловском военном училище, где мой отец служил фельдфебелем. После смерти отца на руках матери нас детей осталось 7 человек. Она всем дала образование. Жили в Галерной гавани, на привольи, но бедно. С детства был знаком с В. М. Гаршиным и Н. С. Дрентельном (физиком), которые были товарищами брата по гимназии и часто бывали у нас. Учился в уездном и городском училищах вместе с Ф. К. Тетерниковым (Ф. Сологубом); вместе с ним поступил и в Учительский институт. Читать стал рано и читал без разбора, а потом братья стали руководить моим чтением. На всю жизнь остались в памяти „проповеди отца Гаваци" Добролюбова и Берне. У нас собирались студенты и курсистки—товарищи брата Ильи—студенты-технологи и подруги сестер. Заходил к нам и Пресняков, товарищ брата Павла по Учительскому институту. Помню, он убеждал Илью не отговаривать Гаршина итти добровольцем в русско-турецкую войну. У нас шли постоянные споры, обсуждали революционные и военные события, студенческие волнения, читали нелегальные произведения. Все это производило впечатление. Я уже в городском училище был затронут „вредными идеями". Участвовал в похоронах ст. Подлевского и Н. А. Некрасова. После окончания городского училища я целый год готовился для поступления в Учительский институт, много читал, прореферировал I т. К. Маркса. С этого года я ждал каждый месяц 20-х чисел—выхода книжки „Отеч. записок", пока меня не арестовали, а журнал не закрыли. „Отечеств. зап."—Михайловский, Салтыков, Успенский, „внутренние обозрения" и др.—имели наибольшее влияние в выработке моего общественного миросозерцания. Учительский институт, куда я поступил в 1879 г., также имел значение для меня. Воспитанники почти все были значительно старше меня и Тетерникова. Многие из них уже побывали народными учителями. По своим убеждениям большинство являлось народниками-семидесятниками и отрицало террор. Директор К. К. Сент-Илер, преподаватель-математик В. А. Латышев, историк Я. Г. Гуревич, даже священник И. Заркевич свободно обсуждали с нами события и участвовали в наших политических спорах. На втором курсе в 1880 г. я познакомился с врачом С. В. Мартыновым и у него с П. А. Телаловым. По их просьбе устроил в институте конспиративный склад и организовал кружок из воспитанников. Нам доверялись важные пакеты и вещи. В этом же году познакомился с студентом медиком—П. Ф. Архангельским, вскоре после ареста и освобождения умершим. Он сдерживал меня и постоянно говорил: „Не торопитесь в революцию... Успеете. Работайте над собой, больше и с толком читайте". С 1881 г. я сошелся с П. Ф. Якубовичем и всю жизнь дружил с ним. Через него связался с центральным кружком университета, архив которого мы хранили в институтском складе. Вместе с Якубовичем мечтал о создании студенческих легального журнала и нелегальной газеты. Якубович к намеченной цели приспособил журнал С. Н. Бажиной „Русское Богатство". Газету же „Студенчество" мы осуществили в 1882 г. и выпустили на гектографе 5 №№. В 1881 г. сообща с нашим воспитанником С. И. Чекулаевым и студентом А. В. Пихтиным организовали гектографическую и фотографическую мастерские и паспортное бюро, которые просуществовали до марта 1884 г., создали ряд всевозможных изданий и откликались на события. Весной 1882 г. я кончил курс в институте, стал преподавать историю в училище Тименкова-Фролова и пансионе Филиппова. Перед окончанием института я сблизился с ст. Н. М. Флеровым и В. А. Бадаевым. Они, особенно Флеров, были значительно старше меня. У них была большая группа, состоявшая из кружков рабочих и студенческих кружков. Группа работала независимо от „Народной Воли" и даже сторонилась народовольцев, считая пропаганду среди рабочих за самодовлеющее дело, которое не следует компрометировать связью с террористами. Террор, по их мнению, нецелесообразно губит силы и вводит в систему борьбы момент случайности. Флеров и Бадаев мечтали передать революционное дело и дело освобождения рабочих в руки самих рабочих и крестьян. Я вошел в центральный кружок группы, состоявший сначала из Флерова, Бадаева и меня, а значительно позднее в него вошли технолог Ф. Олесенев и студ. П. Мануйлов. В нашей группе было свыше 30 кружков рабочих, несколько студенческих, где вырабатывались пропагандисты.

*) Автобиография написана в марте 1926 года в Москве.

Были в группе и несколько солдатских кружков. При пропаганде мы стремились сделать из рабочих сознательных, критически мыслящих людей. Наиболее успевающих рабочих мы выделяли в особый кружок, занимались с ними отдельно и предоставляли для пропаганды небольшие кружки рабочих. Мы избегали демагогических и догматических подходов. Занимались с рабочими и общеобразовательными предметами. При изложении положений политической экономии мы исходили из положений научного социализма и старались выявить классовую обособленность рабочих. Мы работали в тесном контакте с первыми социал-демократами в России—группой Д. Б. Благоева и П. А. Латышева, менялись с ними и кружками и пропагандистами. Июньские аресты 82 г. (Прибылев, А. П. Корба, М. Ф. Грачевский и др.) не затронули нас, но нанесли удар петербургской организации „Народной Воли". Бр. Н. А. и В. А. Карауловы, С. Е. Усова и П. Ф. Якубович задались целью восстановить петербургскую организацию и затерявшиеся связи с заграницей и провинцией, а потом собрать съезд. Со всеми ними я был хорошо знаком, а с В. Карауловым и С. Усовой участвовал в „Синем Кресте" (общество помощи политическим ссыльным и заключенным). Совещания Карауловых, Якубовича и Усовой происходили на квартире В. А. Караулова. Я не раз бывал на них. Посещал это совещание и С. А. Иванов („Заика"), когда приезжал в Петербург. Бывали на них П. В. Личкус и англичанка Лили Буль, будущая Войнич, автор „Овода". Кто-то, едва ли не Лопатин, прозвал потом эти совещания „Соломенным комитетом". Но этот „Соломенный комитет" к зиме 82 г. восстановил петербургскую группу, вошел в сношения с Москвой, провинцией и за границей, а главное мы связались с В. Н. Фигнер, находившейся в Харькове. От Фигнер в Петербург зимой приезжала С. В. Никитина. Этот комитет добился того, что наша флеровская группа слилась с „Народной Волей", и начал переговоры о соглашении с „Пролетариатом". Я был близок с петербургскими пролетариатцами—Ф. Ю. Рехневским, А. И. Дембским и С. Ч. Куницким. С последним был на ты. Флеров также сошелся с ними. Программа польского „Пролетариата" была близка нашей группе: у них в программе намечался экономический террор, а мы втроем—Флеров, Бадаев и я, не раз обсуждали вопрос об аграрном и фабр. терроре, кот. следовало бы практиковать в исключит. случаях, в целях агитации и пропаганды революционных идей среди широких масс населения. Были у нас связи и с „милитаристами", мечтавшими при помощи военной силы произвести переворот и захватить власть. Но в близкое отношение мы не вступали с ними.

К августу 1882 г. в нашей группе, кроме гектографской и фотографической мастерских, имелась и летучая типография, помещавшаяся вся в чемодане. Рама-ящик была сделана по особому рисунку, так что набор в каждый момент мог быть закреплен и уложен, не разбирая, в чемодан. На этом станке работал С. А. Анжикович, внук Бенигсена, одного из убийц Павла I. Анжикович делал набор в частных квартирах. Ему помогали Паули и наборщик Никвист. Имелись у нас сношения и с почтамтом, откуда получали списки лиц, письма которых перлюстрировались. Эти сношения удалось устроить мне через чиновника С. Антонова. Осенью 82 г. Флеров, согласился войти в переговоры с Якубовичем и Карауловым. У нас было несколько совещаний, мы договорились и на автономных началах влились в партию „Народной Воли", образовав ее рабочую группу. Наш центральный кружок стал Центральным Комитетом „Рабочей Группы Партии Народной Воли". Сношения с „Народной Волей" вел я, а Флеров и Бадаев занимались рабочими и делами нашей группы. В свой комитет мы ввели и Ф. Олесенева. Это было в конце 82 или в начале 83 г. Работа в Петербурге, да и не в одном Петербурге, шла прекрасно. Мы знали о существовании мощной военной организации. В конце января в Петербург от Фигнер приехал Комарницкий, и в беседах с ним мы установили факт, что „Народная Воля" еще никогда не была так сильна, как на рубеже 82—83 гг. В Петербурге мы надеялись скоро иметь большую типографию. Организацией ее был занят М. П. Шебалин, а пока что работала наша компактная, переносная типография. Правительство вело через Николадзе переговоры с революционерами о прекращении террора (см. „Былое"). Мы были бодры и чувствовали силу. И вдруг арест Фигнер, а за ним аресты военной организации и др. Арест Фигнер приписали случайной встрече с предателем Меркуловым. В Петербурге провалов не было, если не считать Кронштадта. В марте на нашем станке отпечатали „Воззвание к русскому обществу", а в апреле пытались напечатать в типографии Академии Наук прокламацию по поводу коронации. Сорвалось. Приехал С. А. Иванов и в разговоре со мной настаивал, чтобы прокламация была. Выручил Анжикович, который с Паули и Никвистом в нанятой комнате у „глупой чухонки" отпечатали прокламацию и потом скрылись. Вскоре они поставили свою типографию, но были арестованы. Тогда уже была оборудована типография Шебалиных, с которой сносились С. П. Дегаев и Якубович. В мае Дегаев (Петр Алексеевич)

приехал в Петербург после побега, устроенного ему жандармами. У него были большие полномочия, и он занял центральное положение. На меня своими бегающими глазами он произвел неблагоприятное впечатление. Аресты продолжались и смущали нас. Поляки пролетарйатцы говорили нам, что явки из России проваливаются, а из других мест проходят благополучно. Это наводило на грустные мысли и предположения. Летом выпустили „Листок Народной Воли", отпечатанный в типографии Шебалиных. Там же отпечатали прокламацию по поводу кончины И. С. Тургенева и стихотворение в прозе „Порог". Прокламацию составил Якубович. К этому же времени закончились переговоры о соглашении с „Пролетариатом", в которых принимал участие и Дегаев. Куницкий уехал в Париж, чтобы окончательно договориться с Тихомировым, Ошаниной и пролетариатцем Мендельсоном. Дегаев реже стал показываться. В Петербург приехали К. А. Степурин, не знавший о провокации Дегаева, и Г. А. Лопатин. Последнему Дегаев сам сознался, и Лопатин наблюдал, чтобы Дегаев выполнил обещание. В конце октября вернулся Куницкий, которого в Париже ознакомили с ролью Дегаева. Он молчал и информировал только Рехневского, а потом Якубовича. В октябре состоялся съезд. Провинциалы почти не приехали, а одесситы даже уклонились от сношений с Петербургом: они уже сомневались в Дегаеве. Създ значения не имел. Наша группа уклонилась от участия. На одном совещании на квартире С. А. Венгерова Якубович спросил меня, не могу ли я, если понадобится, съездить на две недели до границы. Я сказал, что это возможно сделать только на рождестве, на что Куницкий заметил: „Не будем вмешиватьИ. И. Поедет Рехневский". Из разговоров с Куницким, Якубовичем и особенно с Рехневским мне стало ясно, что Дегаев предавал, и что теперь готовится покушение на Судейкина. Я, конечно, должен был молчать. В декабре меня просили быть наготове со станком и помочь напечатать маленькую спешную прокламацию. Типография Шебалиных была ликвидирована, и они уехали в Киев. 16 декабря вечером я, Росси и Кулябко печатали прокламацию об убийстве Судейкина, а на другой день Якубович рассказывал мне, как к нему явился совершенно растерявшийся Дегаев, и Куницкий увез его на вокзал, где их ждал Рехневский, который и переотправил Дегаева через Либаву за границу. В Петербурге и после убийства Судейкина не подозревали о провокаторстве Дегаева. Только Флеров говорил, что тут все странно, я и Якубович молчали. Лопатин и Караулов уехали за границу. Провокаторство Дегаева раскрылось в начале января. Арестованным Усовой и С. Н. Кривенко жандармы сообщили, что их предал Дегаев, а они передали об этом на волю. Буря негодования охватила революционный мир. Поднялись голоса против централизма, диктатуры заграничников, которые, якобы, поощряли провокацию Дегаева ради убийства Судейкина. Встал вопрос о пересмотре программы Исполнительного Комитета. Ждали разъяснений Исполнительного Комитета, но их не было. Мы снова поставили типографию на Лиговке у Сладковой. В типографии были отпечатаны прокламации: „От Центр. Кружка союза молодежи", по поводу правительствен. сообщения о награде тому, кто укажет место, куда скрылся Дегаев, и только в феврале—объяснение Исполнительн. Комитета по делу Дегаева-Судейкина. В половине января начались совещания нашей группы с М. П. Овчинниковым, П. Ф. Якубовичем и др. о пересмотре программы. Согласились, чтобы центр был в России и составился из представителей групп, а за границей будут находиться запасные члены. В программу ввели параграф о фабричном и аграрном терроре „в исключительных случаях". Чтобы сохранить преемственную связь с „Народной Волей", приняли название „Молодая Партия Народной Воли", а орган проектировали назвать „Народная Борьба". Якубович поехал в Киев, Добрускина в Ростов, кто-то в Москву. Отовсюду получили одобрительные отзывы. Пролетариатцы также одобряли новую программу. После одобрения мы решили вступить в переговоры с народовольцами. Вернувшийся из Киева Якубович предложил Степурину созвать совещание. Степурин отнесся к нашей программе отрицательно, но все-таки вызвал из провинции старых народовольцев, в том числе А. Н. Баха и А. В. Гедеоновского. Мы решили до окончания переговоров не выявлять новую партию. Переговоры начались в феврале. Вскоре провалилась наша типография. Вслед за провалом типографии были арестованы Степурин, Антоновский, Подбельский и др. 16 марта 1884 г. в Петербурге разразился погром; в числе арестованных были я, Бадаев, Пихтин, Чекулаев и др. Флеров, Якубович, Мануйлов перешли на нелегальное положение. Переговоры продолжались уже без меня. Из-за границы приехал Г. А. Лопатин, назвавший „молодых народовольцев"—„красными петухами". Он привез план новой организации партии, во главе которой будет стоять центральная группа из 17 человек, а вместо Исполнительного Комитета выделяется из группы Распорядительная Комиссия из трех—Г. А. Лопатина, Н. М. Саловой и В. И. Сухомлина; это была уже уступка нам в отношении ослабления централизма. В то же время мартовский разгром подорвал силы

обоих партий. Переговоры между молодыми и старыми народовольцами закончились соглашением, которое от лица „Молодой Народной Воли" и было напечатано в № 10 „Народной Воли" вместе с договорными письмами „Пролетариата" и Исполнительного Комитета. Но программа „Молодой Народной Воли" не была изжита: многие кружки и в Петербурге и в Москве и в провинции продолжали проводить ее в жизнь. Еще в ноябре 84 г. мне пришлось воздействовать на эти кружки и отдельных лиц, о чем говорит письмо Якубовича, до меня не дошедшее и захваченное у ст. Ермолаева. Часть его напечатана у Туна. Мой первый арест был непродолжителен. Я оказался скомпрометированным со стороны Подбельского. Дегаев не предал меня. В мае я был освобожден под залог, остался в училище, а в августе 84 г. пришлось снова серьезно заняться революционными делами. Из центра нашей флеровской группы в Петербурге я был один, и у меня в руках остались связи. В августе Якубович уехал в Дерпт печатать № 10 „Народной Воли" и передал мне сношения с Н. К. Михайловским, Н. В. Шелгуновым и др. литераторами. Лопатин и Салова не нашли удобным взять эти сношения на себя. Вернувшийся в сентябре Якубович держал меня „на случай" в курсе дел. В это время Лопатин настаивал на необходимости для поднятия престижа партии совершить террористический акт. Намечен был министр Д. А. Толстой, которого ненавидело все общество. Михайловский торопил выпуском № 11. Осенью выдвинулась М. Н. Емельянова (вышедшая потом в Сибири замуж за Костюрина). Она также помогала центральной группе даже больше меня: после ареста я был осторожен. В октябре в один день арестовали Лопатина и Салову. У Лопатина захватили шифрованные адреса. Пошли аресты по всей России. В это время я женился на курсистке В. А. Лушниковой из Кяхты. В ноябре я уже работал вплотную. Я в последний раз встретил на улице Якубовича, который шел на свидание со мной и подал мне знак, чтобы я не подходил к нему. Он был арестован. В Петербурге остались в главе организации Емельянова и я. Нам помогала Подсосова. Роль наша была та же, что и „соломенного комитета" в 82 году: мы собирали остатки организации, восстанавливали сношения с провинцией и заграницей. В январе связались с заграницей. Я готовил № 11—12 „Народной Воли", в который Михайловский дал статью. В январе провалилась благодаря случайности (с квартирохозяином*) сделалась падучая, и он задохся) дерптская типография. Мысль о выпуске журнала пришлось оставить, точнее передать на юг Оржиху и Богоразу, которые в августе 85 г. выпустили последний № 11—12 „Народной Воли". 12 февраля 1885 г. я, Емельянова, Подсосова и др. были арестованы. Меня и Емельянову арестовали на улице—ждали вооруженного сопротивления. Система конспирации Флерова, отсутствие клички, кличка Флерова в Москве — „Ив. Ив.", письмо Якубовича ко мне с датой, когда я был уже арестован первый раз, а главное показание Грекова, который всех выдавал и выдал Ив. Ив. (но вместо меня у него был А. И. Дембский, назвавшийся Ив. Ив.)—все это избавило меня от суда и каторги, и я был административно сослан на 4 года в Забайкалье, в Кяхту, где попал в просвещенную семью моего тестя, ученика декабристов, А. М. Лушникова. Здесь, в Кяхте, я и жена вместе с чайковцами Н. А. и А. Д. Чарушиными, городскими учителями, поставили общественную библиотеку, местный музей, организовали отделение Географического Общества. Я собирал материалы о декабристах, работал в архиве и писал в газеты. Я начал писать еще в Петербурге в 1883 г.; в „Голосе" была напечатана, если не считать нелегальные журналы, моя первая статья „Студенческий пролетариат". В Кяхте я сблизился с Потаниными, Ядринцевым, Клеменцами, возвращавшимися или отправлявшимися в научные экспедиции по окончании срока ссылки. В июне 89 г. я уехал в Париж и провел там зиму, близко сошелся с П. Л. Лавровым и эмиграцией, между которой встретил старых знакомых—Бурцева, Дембского и др. В Париж я привез порученные мне М. А. Натансоном и др. материалы по Якутской истории в 89 г. Я их заучил наизусть. На основании материалов Лавров написал статью, а французские социалисты составили протест. Благодаря знакомству с эмиграцией я имел разговор с П. Н. Дурново, после которого предпочел уехать в Сибирь и Ср. Азию. В 1894 г. еще при жизни Н. М. Ядринцева я взял в свои руки газету „Восточное Обозрение" и журнал „Сибирский Сборник", поселился в Иркутске, был одно время консерватором музея Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества. В 1895 г. я был официально утвержден редактором и потом издателем газеты. В „Восточном Обозрении" работали преимущественно старые сибиряки-областники и политические ссыльные, начиная с известного П. Г. Зайчневского („иностранное обозрение"), каракозовца Б. П. Шостаковича, нечаевца А. К. Кузнецова, чайковцев, семидесятников, народовольцев, социал-демократов включительно до ссыльных последних формаций. В газете писали Стефанович, Ковалик (сибирское обозрение) Свитыч-Ильич (фельетоны), В. Серошев-

*) Переляевым. *В. Фигнер.*

ПРИБЫЛЕВ А. В. (1857–1936).

ский, Шиманский, Тан-Богораз, М. Фундаминский, Майнов, Войнаральский, М. Р. Гоц, П. Ф. Якубович (псевдоним „Аквилон"), Е. К. Брешковская, Л. Д. Бронштейн-Троцкий (Антид-Отто), Ф. Я. Кон (К. О. Н.), Л. Б. Красин и мн. др. Газета была радикально-демократическая. Ссыльные считали ее своей и охотно писали. Население ценило газету, и тираж ее к 1905 г. был свыше 20 т. В Иркутске я жил в тесном общении с политической ссылкой и не раз помогал побегам. В январе 1906 г. Меллер-Закомельский закрыл газету, а я вынужден был уехать за границу, откуда вернулся во время первой Государственной Думы и работал в ее комиссиях. За 1905 г. я, как инициатор организации милиции, вместе с другими иркутскими гласными был предан суду и до 1909 г. был лишен избирательных прав, пока сенат не приговорил нас к штрафу. С 1906 г. живу в Москве, где работал в разных газетах и журналах, преимущественно в „Русских Ведомостях". Состоял председателем „Общества деятелей периодической печати и литературы", директором Литературно - художественного кружка, председателем которого я был после В. Я. Брюсова, членом „Литературной Среды", политич. „Красного Креста" и др. и всегда поддерживал связь с Сибирью и ссылкой. После Октябрьского переворота работал в о-ве потребителей „Кооперация", кооперативном клубе, издательствах, бюро краеведения и в московском областном музее. Состою членом группы народовольцев, при обществе „Политкаторжан". Кроме многочисленных статей в газетах и журналах по различным вопросам особенно по Сибири, Д. Востоку, Срединной Азии и азиатским государствам, а также переводов сделанных совместно с сыном, А. И. Поповым, имею отдельные работы: „Орхонские открытия и дешифрирование рунических надписей" (Ирк., 1895), „Земство и Сибирь" (1905), „Дума народных надежд" (история первой Думы, 1907), „Великая могила прошлого" (очерки по Италии, 1910), „От Небесной империи к Серединной республике" (история Китая, 1911), „Д. А. Клеменц" (Ирк., 1915), „Минувшее и пережитое" (воспоминания за 50 лет), I и II т. Издан. „Колос" (1924); III том охватывает события включительно до первой Думы. Печатается IV том, доведен до 1912 г.— в нем больше литература и искусство; V т. пишу.

Прибылев, Александр Васильевич *).

Один из небольших городов Зауралья,— г. Камышлов—был местом моего рождения. Я родился в ночь с 30 на 31 августа 1857 г. Городок этот в то время был настоящей деревней, меньше чем с 2000 жителей, из которых по крайней мере четверть были цыгане, жившие в особой части города, почему-то носившей название—„Пауты". *) В городе была одна-единственная церковь, именуемая собором, но церковь очень благоустроенная, стоящая на возвышенном въезде в город из смежного с ним села—Закамышловки. Главным священником этой церкви был мой отец, протоиерей и благочинный, служивший здесь в общей сложности больше 35 лет.

О происхождении отца нам ничего не было известно, и речи об этом у нас никогда не поднималось: так мало интересным казался нам этот вопрос. Мы знали, что с нами жил старик дед, отец отца, старый заштатный священник, очень гордившийся сыном протоиереем и очень уважительно, даже боязливо относившийся к нему, вот и все. Другое дело мать; о ней мы осведомлены были больше. Мы знали, что ее отец был чистый польский шляхтич, плохо говоривший по-русски и носив. громкую фамилию Жолкевского. Предание говорило, что за него была выдана девица зажиточной мещанской семьи—мать нашей матери — исключительно в расчете через родство с дворянином получить право владения крестьянскими душами. Из этой-то новой семьи, никогда не удосужившейся сделаться помещичьей, и происходили моя мать и ее сестра, решительно ничем не отличавшиеся от своих подруг-обывательниц и ни в чем не проявивших своего полупольского происхождения. Да и дед Жолкевский умер так рано, что самые старшие члены нашей семьи его едва помнили. И нам осталось неизвестным, был ли он добровольный выселенец с родины, или был переселен на Урал насильственно за участие в каком-нибудь патриотическом заговоре. Последнее, пожалуй, более вероятно.

К моему глубокому сожалению, я не знал материнской заботы, не испытал ласки матери, не видал ее любви. Моя мать умерла, когда мне не было двух лет, и ее образа не сохранилось в моей памяти.

Но на отце останавливаются мои самые ранние детские воспоминания с нежной и искренней любовью. Он изливал на меня всю свою доброту и нежность, сохраненную им в обилии, не растраченную за отсутствием горячо любимой, потерянной им жены. Но замкнутый в своей служебной деятельности и обремененный семейными обязанностями, он не мог быть сколько нибудь серьезным воспитателем еще и потому, что не обладал для того необходимыми знаниями. Вечная служба и много-

*) Автобиография написана в декабре 1925 года в Ленинграде.

*) Местное название оводов, часто тучами налетавших на беззащитных животных.

образные заботы не дали ему возможности пополнить свое образование; он оставался тем, чем сделала его семинария, и в конце концов, создав собственный очаг, удовольствовался обиходом духовной семьи среднего достатка. Но в свое время и у него проявлялась жажда к знанию, к науке. По окончании семинарии он был год студентом Казанской Духовной академии, покинуть которую ему пришлось из-за крайнего недостатка в средствах. После этого, в течение нескольких лет, он был учителем той самой семинарии, где воспитался сам. Испытав влияние бурсы на самом себе, он был очень снисходительным педагогом, отличался отсутствием педантизма и потому был любимым учителем, к которому бурса относилась с уважением, не производя никаких беспорядков в его классах. Это ставило отца в особое положение перед начальством среди других аспирантов, на лучшее положение в духовном мире, и когда он женился, ему было предоставлено место, кажется, на Юговском заводе, не очень далеко от губернского города Перми, а затем и в самой Перми, где он некоторое время исполнял обязанности „ключаря", или что-то вроде этого, при архиерее. В конце концов, утомленный постоянным пребыванием на глазах требовательного начальства, он, уже будучи протоиереем, испросил себе назначение в наш городок, где и остался навсегда.

Итак, не получив сам высшего образования, отец, однако же, сохранил глубокое уважение к науке, и почтение к носителям ее знамени у него сохранилось навсегда.

Человек религиозный, искренно верующий сам, он никогда не навязывал своих убеждений кому бы то ни было, умел уважать мнения других и не сторонился от инакомыслящих *). Эта терпимость главы семьи отразилась и на всех нас окружающих; никто и никогда не угнетал нас религиозностью, обрядностью, наше воспитание шло без воздействия мистицизма и схоластики, и за все мое детство я не припоминаю сколько-нибудь серьезных разговоров на религиозные темы. В торжественные праздники мы ездили в церковь, но и это делалось скорее по собственному побуждению, чем по чьему-либо принуждению. Быть может, этой терпимости в семье я обязан тем, что ни в детстве, ни много позднее мне не приходилось переживать никакой душевной ломки, никакого религиозного кризиса. Будучи в детстве умеренно религиозным, заимствовав эту черту от отца, я таковым оставался до старших классов гимназии, где уже появился определенный критицизм как под влиянием разнообразного чтения, так и собственных размышлений.

Состав нашей семьи в период моего детства не был особенно многочисленным. Наши старшие братья и сестры вели уже давно самостоятельную жизнь, имели собственные семьи. Старший брат окончил курс Медико-хирургической академии и как стипендиат уехал на службу в Сибирь. Одна замужняя сестра жила далеко от нас в центральной России, а другая с детьми жила в нашем городе, и об ней речь будет впереди. Наконец, еще один старший брат был гимназистом старших классов, к нашей жизни и воспитанию не имел никакого отношения и в раннем моем детстве поражал меня только своим гимназическим мундиром с красным шитым золотом воротником.

Нас же, детей, было трое: сестра, старше меня на 4—5 лет, я и брат, моложе меня на $1^1/_2$—2 года. Все мы трое воспитывались дома приблизительно до 9-ти летнего возраста. Сестра была девочкой кроткого спокойного права, привязчивая и очень любившая нас, младших мальчуганов, заботилась и ухаживала за нами, как старшая в доме, стараясь заменить отсутствующую мать. В моей жизни она сыграла большую и важную роль искренно любящего человека, ласковой няньки, при случае мягкого, благотворно влиявшего воспитателя, учившего добру и справедливости, поскольку сама познала их в своей юной жизни. Это влияние самого раннего детства так близко связало меня с этой сестрой, немногим старше меня, что наша взаимная тесная связь и горячая искренняя любовь остались на всю жизнь, несмотря на огромную разницу дальнейшего воспитания, образования и, особенно, сложившегося впоследствии мировоззрения.

Наш младший брат, в силу семейных традиций и настойчивых требований старика деда, был предназначен для духовного звания. В силу этого он подпал под воспитательное влияние деда, и можно себе представить, каково было это влияние на детскую душу отжившего, необразованного с необыкновенно отсталыми понятиями 90-летнего старца. Противопоставить этим влияниям какой-либо противовес было некому, и даже усилия нашей доброй сестры в этом отношении были тщетны. В результате судьба этого от природы неглупого и физически крепкого мальчика была искорежена; впоследствии он, не окончив семинарии, обзавелся семьей и весь век свой

*) Даже впоследствии, когда я уже достаточно самоопределился и не скрывал от него своих крайних воззрений, он лишь с сожалением покачивал головой и говорил близкому человеку, что я не сношу своей головы, что я погибну. В то же время, когда в силу официальных циркуляров он был вынужден читать проповеди против крамолы (бывали такие циркуляры), он, предвидя мою критику, обходил вопрос молчанием и скрывал от меня свои записки.

провел в звании дьякона и псаломщика, много пил, был расстрижен и исключен из духовного звания. Период революции, разметавший людей по неведомым местам, забросил его и его семью в какие-то дебри Урала, где они и были вынуждены влачить, вероятно, нерадостное существование. С этого времени мы утратили о нем и его семье всякие следы.

Приблизительно к моему семи или 8-летнему возрасту одна из моих старших сестер овдовела и осталась с тремя детьми на руках без всяких средств. Отец предложил ей перебраться в наш дом и взять в свои руки бразды правления над всем нашим домашним хозяйством и воспитанием всех детей. Это была хозяйка и воспитательница строгая, женщина непреклонного сурового характера, умеющая заставить себя слушаться и необыкновенно последовательная в выполнении предначертанных ею самой правил воспитания, отчего хорошего также выходило немного. Налагаемые ею наказания на провинившихся в чем-либо ребят нередко доходили до жестокости. Младший сын ее умер от скарлатины или дифтерита, и моим товарищем детских развлечений и игр, не считая младшего брата, был старший сын сестры и ее дочь, с которыми мы и были всегда в самых дружеских отношениях не только в детстве, но и на пространстве всей дальнейшей жизни, пока разница избранных нами жизненных путей не разъединила нас надолго.

Но и эти товарищи моих игр и моего воспитания не долго прожили со мной: их мать решила приобрести специальность и, получив земскую стипендию, уехала с детьми в Петербург для поступления на акушерские курсы. А я остался вновь с моим младшим братом и особенно со своими уличными многочисленными приятелями.

Наше детство, проходившее открыто на лоне природы, не стесняемое никакими условностями и педантизмом, оставило в нас впечатление нежного, красивого и мечтательного периода. Помнить себя я начинаю с очень ранних лет. Первоначальные воспоминания мои всегда соединены с моим отцом. Он брал меня с собой повсюду, где это было возможно, и избегал оставлять меня на попечении наемных женщин, заведующих нашим хозяйством, к тому же нередко сменявшихся. Его чрезвычайная доброта и отзывчивость на все хорошее и честное не могли не повлиять на меня в самом благотворном смысле, а я в то же время, очевидно, был очень податливым и впечатлительным ребенком и легко, бессознательно воспринимал лучшее, что могла дать мне привязанность отца. При этом я не помню какого-нибудь излишнего баловства, какого-нибудь предпочтения меня перед другими, и, наоборот, всякая шалость и необузданность, выходящая за пределы терпимого, вызывала обычно строгий отпор, особенно впоследствии, когда мы немного подросли.

Вторым этапом моих самых ранних воспоминаний были деревенские поездки с отцом, а иногда и всей семьей. Особенно памятна мне деревня Митькина, где у нас, очевидно, были прочные знакомства с крестьянами, знакомства чисто семейные. Припоминаю, как однажды в обратный путь из этой деревни я задремал и в первый и единственный раз видел во сне свою мать. Конечно, это было вскоре после ее смерти, и мне шел, вероятно, тогда 3-й или 4-й год. Так можно было думать потому, что узнав об этом, отец не мог сдержаться и был очень взволнован—до того горька и так свежа еще была для него утрата любимого человека.

Необходимо заметить, что несмотря на главенствующую духовную роль, занимаемую отцом в городе, общий уклад жизни нашей семьи мало отличался от жизни какого-нибудь деревенского попа: то же близкое общение с прихожанами всех классов и рангов и преимущественно из деревенского люда, та же простота нравов и доступность решительно для всех нуждающихся в отце, как в священнике, тот же приток богомольных людей — бродячей Руси, — являющихся за „благословением" к „батюшке", та же дружба со всеми связанными с отцом в силу его служебного положения и пр. И те же простые, безыскусственные отношения сложились у нас и с некоторыми крестьянскими семьями в деревнях и особенно в Митькиной, и мы очень охотно посещали эту и др. деревни и всегда с радостью встречали их обитателей, приезжавших к нам, особенно женщин и детей.

Все это с самого раннего детства знакомило меня с бытом народа, с его нуждами и злобами, воспитывало во мне симпатии к нему и всегда вызывало во мне глубокое сочувствие к хлеборобам. И в городе я предпочитал выбирать себе товарищей для игр из нашего городского пролетариата, тех же крестьян, собирал их гурьбой на нашем обширном дворе и саду, чему не препятствовал ни отец, никто другой.

Каким-то образом, не припомню как, я рано постиг грамоту и скоро мог читать книги, сперва под руководством отца, а потом и самостоятельно.

Чтение я полюбил очень рано и ради книги часто отказывался от шумных заманчивых игр на дворе. К счастию, нас не душили духовно-нравственным чтением, как это часто бывает в патриархальных семьях, и нам была доступна светская литература. Таким образом, лучшая русская художественная литература, хотя в небольшом объеме, стала знакома мне довольно

рано. Память надолго удержала в себе художественные образы и идеи, и хотя смысл и значение их не всегда были понятны для детского ума, они осмыслились позднее и укладывались в душе, как основа будущего миропонимания. Процесс этот шел безпрепятственно, спокойно, без тормозов и задержек.

С природой, ее красотами и богатством мы познакомились рано. Больше всего нас привлекали ближайшие к городу и деревням поля и леса. Тут была получена мною любовь к природе во всех ее проявлениях, и отсюда впоследствии я приобрел особое стремление к естествознанию, в частности к медицине. Собирание травок и корешков сперва без определенной цели перешло затем в составление гербариев, а еще позднее я стал составлять целую аптеку и записывал в свою книгу все народные средства, которыми в обилии снабжала меня тетка, сестра матери, к тому времени жившая с нами и управлявшая нашим хозяйством, — настоящая лекарка-знахарка.

Среди многих приятных, радостных впечатлений мое детство не было лишено и впечатлений противоположного, тяжелого характера. Уже то, что я рос сравнительно болезненным ребенком не могло отозваться на мне благотворно. Я частенько болел какими-то стойкими лихорадками. И всегда в периоды моей болезни, днем и глубокой ночью я видел у своей постели встревоженного отца, пытающегося меня успокоить и накладывающего холодный компресс на мою разгоряченную голову.

Но и помимо этого бывали случаи, не остававшиеся для моей последующей жизни безразличными. Так, два сильных ранних детских впечатления наложили на мою детскую душу неизгладимый отпечаток. Раза два в жизни я видел проходившую мимо нашего дома толпу оживленных людей, сопровождавших конвоируемую солдатами телегу, на которой колебалась какая-то фигура. Весь кортеж сопровождался барабанным боем, а качающаяся фигура в одном случае была плохо одетая женщина, а в другом я не был в силах разобрать кто. Это везли на площадь арестантов, приговоренных судом к публичному наказанию розгами. В те далекие времена такие зрелища были не редкость, но на меня, как и на моих уличных товарищей, повеяло ужасом, когда мы узнали об участи осужденных, и каждый раз после такого случая я не мог равнодушно слышать барабанного боя и не мог спать спокойно.

Наш маленький городок стоит на великом сибирском пути, который в те времена, при отсутствии железных путей сообщения, назывался „Владимиркой". По ней ежедневно около 12 часов дня провозили мимо нашего дома по направлению к тюрьме—острогу—большие партии ссылаемых в Сибирь арестантов. Как по заведенным часам, можно было видеть около этого времени быстро мчавшихся по дороге от 10 до 20 троек, запряженных в особые, открытые, с двухсторонним сиденьем экипажи, на которых густо усаживались по обеим сторонам люди в необычном арестантском костюме, в большинстве с бритыми головами, часто закованные в цепи. Эти поезда почему-то назывались тогда „фарфозными". К интересу, возбуждаемому в нас этим поездом, всегда, сколько помню, примешивалось немое сочувствие к этим „несчастненьким", как именовали их мои уличные и деревенские друзья.

Но еще большее впечатление воспринимал я от партий поляков, ссылаемых в глубину Сибири за участие в восстании 63-го г. Их нередко останавливали в нашем городе до следующего дня и помещали в старом деревянном „замке", служившем когда-то гауптвахтой и расположенном прямо на площади против церкви. Здесь во время отдыха они выходили на наружную платформу, беседовали между собой и нередко пели хором стройные, заунывные польские песни, производившие неотразимое впечатление на мою душу. Их молодые, часто прекрасные интеллигентные лица не были похожи на обычные арестантские, и их полная гордости и достоинства манера держаться поражала всю нашу городскую знать. И во время их прогулок по платформе „замка" и особенно при звуке распеваемых ими мелодий, город собирался перед гауптвахтой, как на гулянье, и глазел на этих невиданных доселе политических ссыльных. Кое-кто из них оставался и в самом городе на поселении, знакомил обывателей с польским движением и жизнью Западного края и тем еще больше возбуждал интерес к проезжавшим мимо партиям. На меня же, 7—8-ми летняго мальчика, очень сочувствовавшего и простым „фарфозным", можно себе представить, какое сильное впечатление производили эти необыкновенные и такие удивительные люди, не побоявшиеся пожертвовать собой ради какой-то, еще мало понятной мне, свободы родины. Люди интеллигентные, часто высокообразованные, как я слыхал от взрослых, нередко богатые, „магнаты", и пр. не побоялись поднять оружие ради идеи, ради освобождения от угнетателей.

Как эти, только что указанные впечатления, так и знакомые мне живые примеры из жизни народа с его бедностью, забитостью и незаслуженными обидами заставляют меня сравнительно рано вступать в конфликты со взрослыми, высказывая подчас слишком резкие суждения. Впрочем, чаще всего мне приходилось молча не соглашаться с мнениями взрослых, затаив

в себе протест против несправедливых, по моему мнению, утверждений. Так, хорошо помню, что в год покушения Каракозова, когда мне было всего 9 лет, и когда кругом меня шли толки об этом покушении, то приписывающие его польской интриге, то дворянскому заговору, мстящему за отмену крепостного права, я один из всех меня окружающих выражал сочувствие Каракозову и почти одобрял покушение. Такое поведение 9-летнего мальчика не мало шокировало взрослых, начиная с моего отца. Чем могло быть вызвано такое сочувствие, и как объяснить себе отсутствие должного почтения к ореолу царя в этом детском возрасте? Мне кажется теперь, что такого рода мысли были продуктом предшествовавших впечатлений, и немалую роль в них играло, вероятно, мое знакомство с партиями ссылаемых поляков.

Так постепенно на мою детскую, а потом и отроческую душу наслаивались впечатления жизни, а ее противоречия, пока не сознаваемые ясно, уже начинали давать себя чувствовать. Не равноценна ли человеческая жизнь перед лицом природы и бога? Несомненно, при появлении человека не было предусмотрено разницы между белой и черной костью. Почему же так часто и так резко эта разница сказывается в жизни? Пока эти и подобные им вопросы, являясь бессознательно, не становились передо мной очень резко, не мучили воображения и не заставляли искать выхода, но они появлялись, и этого было довольно, это ставило некоторую грань между полной бессознательностью детского возраста и кое-какой осмысленностью отрочества.

Начиная с 14—15 лет, когда получился уже некоторый просвет в голове, благодаря разнообразному чтению и знакомству с условиями исторической жизни России, начинают появляться уже не только определенные симпатии, но начинают вырабатываться и более или менее стойкие воззрения, имеющие перейти затем в убеждения.

Перед моими глазами проходила жизнь всех общественных слоев, и мне было понятно несоответствие их взаимных интересов, их антагонизм. Высшие сословия наших городов—чиновничество, купечество, духовенство и пр., жили исключительно своими интересами, не думая о тех, кто стоял на низших ступенях социальной лестницы. Их занимали исключительно вопросы их личной жизни, их личного благополучия; они не задумывались об источниках этого благополучия, о том, чьими руками зарабатывались их средства, чьим трудом обеспечивалось их существование. Народ в их глазах был тем безответным рабом, тем вьючным животным, которое можно было и надо было эксплоатировать в свою пользу. Потому условия жизни народа, его умственные и моральные интересы были чужды этим благополучным слоям общества. Даже только что народившееся земство не могло развернуть своих сил настолько, чтобы народное образование подвинулось вперед сколько нибудь серьезно, и народ оставался бесправным, забитым, невежественным и бедным даже и в нашем краю, где не существовало крепостного права, не было сословия помещиков. Так рисовалось в моем представлении соотношение обществ. элементов, когда в 70-е годы я вступал уже в колею сознательной жизни и должен был всецело подчиниться всем общим влияниям русской действительности, направлявшей жизнь страны на ту стезю, по которой она дошла до настоящего момента.

Я был всецело продуктом своего времени, воспитанный свободно, без насильственных внушений в детстве и отрочестве, с готовым темпераментом для восприятия господствовавших к тому времени идей. Русская классическая художественная литература, в лице ее корифеев—Гоголя, Тургенева, Толстого и др.—знакома была мне уже давно и близко. Она указывала мне начала понимания наилучших принципов жизни, создавала мой моральный habitus и, в параллель самой жизни, еще больше подготовляла к восприятию идей социализма. Тенденциозная поэзия волновала мою душу, воспитывала определенные устремления, заставляя оставлять в забвении чистое искусство. Даже за Пушкиным я признавал лишь заслугу в упорядочении и очистке русского языка, и только (быть может, то было и влияние Писарева). Зато Некрасов, с его захватывающими в описании народной скорби поэмами и стихами, среди всей поэзии играл для меня первенствующую роль. А позднее тургеневская „Девушка у порога", не отвечала ли она самым сокровенным потребностям нашего существа, не заставляет ли поставить на высочайший пьедестал отзывчивость и способность к самопожертвованию современной нам женщины?! Переход к тенденциозной беллетристике еще в ранней юности совершился незаметно и вполне соответствовал моему юношескому миропониманию. С захватывающим интересом я поглощал все, что попадалось мне под руку. Помимо „Что делать" Чернышевского, я быстро поглотил Шпильгагена, Мордовцева, Швейцера, Омулевского etc. Даже политические памфлеты, как „Некуда" и „Бесы", читались, но понимались обратно желаниям авторов. На основании всего прочитанного у меня создавался идеальный образ стойкого борца за новые идеи, полного новейших знаний, не отступающего ни перед какими препятствиями, не связанного предрассудками, умного и сильного „нового" человека.

Но стало проходить и юношество и с ним

вместе отхлынула простая и тенденциозная беллетристика, появились более серьезные запросы, которых не удовлетворяло уже легкое чтение, и на смену ему появились на сцену более серьезные книги — Шлоссер, Шерр, Дрепер, Флеровский, Шефле, Миртов-Лавров, Янсон, Иванюков и др., а также научные трактаты — Милль, Спенсер и пр., и так вплоть до К. Маркса.

Но еще задолго до чистой науки, до Маркса и его экономического обоснования социализма, я, как и многие мои сверстники, был уже социалистом. Но мы воспринимали социализм тогда не как науку, а как этическую систему, как нечто от веры, от религии. И в частности я первоначально становился социалистом в силу властно преобладавшего во мне этического требования социальной справедливости, и только уже много позднее к этому присоединилось и научное экономическое обоснование этой системы.

Направление, уже заложенное глубоко в сознании, оставалось там прочно, и в серьезном чтении мною подхватывалось все то, что укрепляло создающиеся воззрения, скоро ставшие твердыми убеждениями. Но среди всех этих влияний первенствующее значение при выработке миросозерцания и определенного смысла и целей жизни для меня бесспорно имели политические процессы и, как последний штрих,—примеры действенной, хотя и часто гибнущей молодежи. Каждый процесс поднимал в душе целую бурю негодования на царящий произвол и его вдохновителя—реакцию, но и вызывал горячее сочувствие не к книжным уже, а к живым стойким борцам за дело, которое уже считалось мною своим. Каждое слово подсудимых на процессах огнем жгло сердце и кровавыми буквами писало призывы на подвиг, на борьбу.

К концу 70 г., после трагически окончившегося похода социалистической молодежи „в народ", стало нарождаться новое направление — боевое, революционное. До сих пор мирная пропаганда, за которую люди изнывали по 4—5 лет в тюрьмах, гибли от болезней в ссылках, должна уступить место более сильному, активному протесту против произвола и угнетения.

„Лавризм" уступал место „бакунизму", „Земля и Воля"—„Народной Воле"; после выстрела Веры Засулич и удара Кравчинского прогремел выстрел Соловьева; произошли съезды в Липецке и Воронеже, раздался клич: „к оружию!" Все это не могло не отразиться на впечатлительных натурах. Именно к этому времени я чувствовал себя готовым принять на себя некоторые обязательства, подвергнуться испытанию и, как готовый солдат революции, кинуться в бой. Оставалось связать себя с народившейся партией, что и было сделано.

Но я забежал много вперед и возвращаюсь ко времени своего воспитания.

Гимназическая жизнь, начавшаяся у меня с 70 года, шла своим чередом. Класс за классом душили нас эксперименты Толстого и возбуждали ненависть не только к официальной науке, но и к ее представителям—чиновникам от просвещения. Мы кое-как, как неизбежное зло, тянули эту лямку среднего образования, пока хватало терпенья. Всем хотелось как-нибудь получить аттестат, чтобы иметь доступ к высшему образованию. Считал его и я необходимым, тем более, что, во-первых, заложенное с детства стремление к медицине не проходило, а пробиться без него было невозможно, и, во-вторых, нас прельщала перспектива студенческой жизни, обещавшей так много, сообразно с характером каждого. Однако же, засасывающая типа гимназии была так отвратительна, при том требовала такой непроизводительной затраты времени и труда, что я предпочел потратить их лучше во время студенчества и, махнув рукой на гимназию, уехал в Казань и поступил в Ветеринарный институт *).

Еще в последних классах гимназии мне удалось свести знакомство с некоторыми семинаристами, как и я настроенными радикально-социалистически. Надо отдать им справедливость, наука ли семинарии более, чем гимназическая способствовала их развитию, или были для того другие, более существенные причины, только семинаристы того времени по развитию стояли выше гимназистов, были более передовыми людьми и скорее улавливали современное настроение умов. Как бы то ни было, среди моих новых знакомых я нашел единомышленников и с этого момента не чувствовал себя одиноким. Теперь я мог обмениваться мыслями по волнующим меня вопросам, было с кем разобраться в этом дремучем лесу новых, невполне еще переваренных идей. Были это люди разных типов и характеров, часто диаметрально противоположных, но всегда терпимых друг к другу, часто друг друга дополняющих. Вот Александр Федоров, первый, с кем я свел знакомство, скоро перешедшее в дружбу. Это деятельный развитой юноша, очень мягкого, почти женственного характера, но с сильным темпераментом и волей, несмотря на свое несколько хилое здоровье. Вот наш „Гомо"**), Адриановский, свиду мрачный, замкнутый и неразговорчивый человек, значительно старше нас всех.

*) Необходимо сказать, что период моего гимназического образования совпал с ломкой гимназии старого уваровского типа реформами Толстого. Я и попал как раз на рубеже перехода гимназии с одного типа на другой и проходил курс без греческого языка, почему отчасти и должен был оставить гимназию преждевременно, чтоб избежать вводимого классицизма.

**) Homo—человек (латинск.).

Он вынес на себе весь тяжелый режим бурсы, так как был совершенно без средств. За то он воспитал в себе дух протеста. Он был очень начитан, очень знающ и умел свои знания передавать друзьям, незаметно заинтересовывая их. Ему я больше всего обязан и своим дальнейшим развитием. Найдя свою дорогу в науке, он страстно предался своему делу и был бы несомненно заметной научной силой, если-б жизнь его не пресеклась слишком рано. За этими двумя, в начале самыми близкими ко мне, шел целый ряд других товарищей, одинаково дорогих мне по воспоминаниям. Это были Курбатов, Золотовин, а позднее Карпинский, Боголепов, С. Удинцев и др.

Адриановский, Курбатов и еще кое-кто поехали со мной в Казань, и все мы были приняты студентами в институт. Но год этой жизни в Казани не оправдал моих надежд. В то время, как в Петербурге явно нарастало движение,—как раз в этот год произошла много нашумевшая демонстрация у Казанского собора,—в Казани студенчество мало отдавалось научным работам и саморазвитию, предпочитая тратить время на развлечения и служение Бахусу. Мы же с Гомо и Курбатовым жили тесным кружком, читали, занимались и спорили, пока оба они не уехали в Москву, сменив институт на Сельско-Хозяйств. Петровскую академию.

Перейдя на 2 курс, я решил покинуть Казань и присоединиться к своим друзьям в Москве. Признавая всю необходимость сельско-хозяйственных знаний для русского общественного деятеля, я был склонен прежде медицины, тянувшей меня к себе, изучить и сельское хозяйство. В молодости кажется, что впереди так много времени, что его хватит на все. Разочаровываться в этом приходится гораздо позднее. Итак, я в Петровско-Разумовской академии. Здесь я сошелся со своими старыми товарищами; из них Курбатов по какому то незначительному делу был уже арестован, если не ошибаюсь вместе со старыми петровцами-радикалами—Люцерновым, Малышевым и др. Он уже приобщился к землевольческому движению и являлся для меня первой жертвой деспотизма из близких мне людей. Адриановский в это время уже стал уходить в науку и хотя не менял своего отношения к старым друзьям, и особенно ко мне, и не менял своих заветных взглядов, но так сильно увлекся специальностью, что имел мало свободного времени. Я же поселился на Выселках с Карпинским, Шишкиным и др., где мы основали мастерскую и усидчиво совершенствовались в сапожном ремесле. Очевидно, в этом сказалось еще сохранившееся стремление первых пропагандистов вступить в народную среду с полезными для нее знаниями. Однако, это обстоятельство отнюдь не отрывало нас от общественной жизни академии.

Здесь впервые я видел подлинную студенческую среду, свободную, работающую, пытливую, тесно спаянную общими интересами и крепко стоявшую за свои права и прерогативы. Надо помнить, что Петровская академия в это время была одним из самых свободных учебных заведений, наиболее автономным. Среди ее студенчества еще был жив дух и свежо воспоминание не только о деле Короленко, но и о нечаевцах. Сходки, вечеринки, споры, конспирации—все это было так ново и увлекательно, что с головой захватило меня, человека нового и едва определившегося.

Другая же сторона этой жизни не вполне вязалась с моими устремлениями. Из всего сказанного ранее ясно, что мое самоопределение шло по пути народничества. Лавризм сказывался сильно в моих настроениях, но под влиянием развертывающихся событий в Петербурге уже начинал утрачивать свою силу; академия являлась цитаделью чистого народничества с небольшой примесью лавризма, и я в своем внутреннем существе оказался левее царившего здесь направления. Дело в том, что в этот год происходил „большой процесс 193", и отчеты о нем, воспроизведенные тайным станком, распространяли крайнее недовольство, доходившее до ненависти к правительству, и вызывали все большее поступление адептов движения. Кружок „чайковцев", пользовавшийся господствующим влиянием, уже распался, суд над участниками „казанской" демонстрации закончился катастрофой с Боголюбовым, вслед за чем раздался выстрел Засулич. Как указано мною выше, это было время перехода от мирной пропаганды к боевому революционному периоду, время распадения „Земли и Воли" на две неравные половины: сторонников боевого политического выступления — будущих террористов „Народной Воли", и более мирного, сохранявшего традиции „Земли и Воли" направления — „Черного Передела". Уже намечались пути этого расхождения, уже бродили в головах ближе стоящих к партии людей зачатки будущих партийных лозунгов и программ, дело стояло лишь за предстоящими съездами. Студенчество академии почти целиком было на стороне того направления, которое потом вылилось в „Черный Передел". Меня же привлекала более живая, боевая и в то же время, политически, на мой взгляд, более государственая точка зрения.

И в конце концов я перебрался в Петербург, где сейчас же вместе с моими земляками и при их помощи окунулся с головой во все интересы радикального студенчества. Тут я сразу почувствовал себя, как рыба в воде, и на первых порах порах моей задачей было укрепиться в Петербурге во что

бы то ни стало, чтобы воспользоваться отсрочкой по воинской повинности. К счастью, годичный срок выхода из Казанского института еще не истек, и я был зачислен студентом Медико-хирургической академии по ветеринарному отделению *).

С этих пор ни одно выступление молодежи, по какому бы поводу оно ни происходило, не обходилось без моего участия. Я бывал на всех демонстрациях, на всех сходках, собраниях и рефератах, нередко на вечерах студенческих и радикальных, устраивал последние сам, с целью сбора денег для движения, читал и распространял революционные издания и более или менее систематически продолжал учиться сам.

Настроение молодежи того периода, когда я поселился в Петербурге, следует назвать по преимуществу оппозиционно-революционным. Кружковый характер жизни обусловливал частые серьезные беседы на социально-политические темы, где сталкивались разнообразные характеры, темпераменты и понятия, и где выковывались и оттачивались основные взгляды.

Наиболее горячие дебаты вызывали, конечно, легко проникающие в среду молодежи те разногласия революционного народничества, которые в ближайшее время положили основание образованию партии „Народная Воля". Молодежь резко делилась на два лагеря, и хотя между ними не замечалось никакой вражды, однако, представители чистого народничества всегда круто отмежевывались от противников — сторонников боевых политических выступлений. Необходимо заметить, что поскольку в оставленной мною Москве преобладало настроение чистого народничества, близкое к будущему „Черному Переделу", постольку же здесь в Петербурге в громадном большинстве молодежь склонялась или сочувствовала идеям будущей „Народной Воли". Вот почему и я, со своими народовольческими устремлениями, нашел здесь для себя более родственную среду. К тому же начавшаяся вскоре деятельность (19 ноября 79 г. взрыв под Москвой) и литература (№ 1, окт. 79 г.) „Народной Воли" могли только укрепить, укоренить во мне в полной мере и сочувствие к ней и стремление по мере сил ей содействовать. Отсюда само собой выходило мое стремление ближе познакомиться и сойтись с народовольцами. Студенческая демонстрация академии, закончившаяся арестом и заключением студентов в московских казармах, свела меня с людьми, стоявшими близко к членам будущей „Народной Воли". Арест народовольческой вечеринки, устроенной в квартире будущего шлиссельбуржца Сергея Иванова, связал меня с южными революционерами, правда тяготевшими тогда к „Черному Переделу", но имевшими связи и с народовольцами. Через этих последних я скоро познакомился с М. Решко, уже вполне определившейся народницей направления „Черного Передела", а у нее—с Анат. Булановым, тогда морским офицером, и многими другими лицами, игравшими впоследствии заметную роль. Обаятельная личность Марии Решко, так рано и несвоевременно погибшей, невольно привлекала к себе всякого, кто сколько-нибудь близко подходил к ней, и потому у нее не редкость было встретить не только сторонников „Черного Передела", но и представителей уже организовавшейся партии „Народной Воли".

С другой стороны, мой близкий товарищ Дмитрий Никольский, к тому времени уже оканчивавший курс в академии, как старожил в Петербурге, был для меня проводником к сближению с некоторыми членами Исполнительного Комитета через посредство легальных и нелегальных лиц, близко к нему стоявших. Наконец, частые агитационные студенческие собрания, нередко собиравшие значительное количество слушателей, давали мне возможность сталкиваться с партийными ораторами и присутствовать на дискуссиях представителей обоих революционных фракций. Несколько раз я встречался с Желябовым, иногда слушал его увлекательные речи на небольших студенческих собраниях, куда он являлся под именем Бориса или Тараса. Нечего и говорить о силе того впечатления, которое производил Желябов на слушателей. Это отмечено многими не один раз. Я же, как неофит, чувствовал на себе всю силу его привлекательности и в то же время, особенно поначалу, испытывал некоторое чувство робости.

И со многими другими еще видными народовольцами приходилось мне сталкиваться в этот период 79 и 80 гг., что все вместе взятое ставило меня уже в определенные, даже обязательные отношения к партии.

В 80 г. мои связи с партией укрепились

*) Чтобы не возвращаться к вопросу о моей научно-учебной работе, я здесь скажу о ней несколько слов. 2 курс наш шел совместно со 2 же курсом медиков, и полулекарские экзамены мы сдавали вместе, кроме анатомии. Но часть этого курса была мною посвящена изучению медицинской анатомии (проф. Лесгафт), а с 3 курса я принялся за нее уже вплотную у Грубера и практически. В то же время, совершенно забросив ветеринарное отделение, с 3 курса я слушал лекции по медицине, справедливо предположив, что от такой диверсии я ничего не потерию, а скорее выиграю, ибо здесь узнаю то же самое, но быть может, в большем объеме. 4 курс прошел так же, и я по возможности чаще посещал и лекции и клинику, поскольку позволяли это мои сторонние науке дела. С окончанием курса я продолжал начатые занятия по медицине и таким образом, правда, с большим и ясно сознаваемым недостатком в клинических работах, я дошел до 5 курса: на следующий год мною было решено уже официально поступить вновь на 3 или на 4 курс, как это оказалось бы возможным, но этот следующий год, был годом 82.

уже настолько, что я брал на себя всевозможные побочные поручения, так или иначе способствующие ее деятельности. Хранение и распространение литературы партии, предоставление моей квартиры для укрывательства нелегальных лиц, для свиданий с представителями партии и пр. было для меня первым делом. Попытка чистой пропаганды среди рабочих одной из ближайших к городу фабрик показала мне мою непригодность к этого рода деятельности, зато организационная работа среди молодежи и первее всего среди моего землячества дала некоторый результат. Вместе с Никольским и другим моим близким товарищем, С. Удинцовым, мне удалось из нашего землячества организовать небольшой революционный кружок, занимавшийся также распространением идей и литературы „Народной Воли"; из этого кружка впоследствии вышло несколько серьезных практических деятелей. Являясь уже официально представителем партии в среде академического студенчества, я способствовал приобретению новых адептов партии, очень часто не оставшихся деятельными только на словах, а бравшихся и за активную работу и часто вынужденных переходить на нелегальное положение.

Из моих бесед с известными мне членами Исполн. Ком-та, как Колодкевич, С. Златопольский и др., я выводил заключение, что партия, рассчитывая и на мои силы, не торопилась поручать мне какую-либо серьезную роль, во 1-х, потому, что смотрела на меня, как на пригодного человека для технической работы, а во 2-х—считала меня еще состоящим на испытании. Я терпеливо ожидал, когда революция призовет и меня в свои непосредственные ряды.

Тем временем деятельность „Народной Воли" развивалась гигантскими шагами, и рядом с этим партия теряла одного за другим из своих героических борцов. За процессом 16-ти последовал процесс первомартовцев, а за ним и процесс 20-ти лиц. Все эти процессы вырвали из среды народовольцев настолько значительные силы, что партия была вынуждена заново пополнять свои ряды. Я чувствовал, что не за горами время, когда должен быть призван и я к какой-либо активной роли. В начале 82 г. Исполнительный Комитет выслал в Петербург двух своих членов для организации новой мастерской взрывчатых веществ и снарядов и для ликвидации наиболее энергичного деятеля охраны — полковника Судейкина. К первой части этой задачи и был привлечен я вместе с моей будущей женой Р. Л. Гросман. Финалом этого предприятия был четвертый процесс террористов „Народной Воли" в 1883 г., процесс 17-ти лиц, приведший меня к 15 годам каторжных работ в рудниках.

Отбывать каторгу мне пришлось на Каре, где я пробыл до января 1892 г., после чего был поселен в Забайкальской области. Все время пребывания в Карийской политической каторжной тюрьме и первые годы на поселении, приблизительно до 1898 г., я был поглощен медицинской работой. На это, при отсутствии у меня врачебного диплома, как общественной санкции, давало мне право, во 1-х, то, что я прослушал почти пять курсов медицины в академии, и во 2-х—мои усидчивые теоретические занятия почти исключительно той же дисциплиной за все годы тюрьмы. Захудалое состояние официальной медицины в глухих углах отдаленной Сибири обуславливало успешность моей практики. Но в конце концов, я вынужден был временно покинуть эту сферу деятельности и все остальное время поселенческих годов, вплоть до 1904 г., работал в области совершенно ей противоположной.

Конец 1904 г., момент предоставления мне права вернуться в Европейскую Россию — застал меня на частной службе в „Товариществе Амурского пароходства", где я в течение уже 4-х лет был агентом в ст. Сретенской.

Следует заметить, что манифест 83 г., примененный к нашему процессу, давал право приписаться в крестьяне не через 10 лет по окончании срока каторжных работ, как обыкновенно, а через 4 года, и не только к сословию крестьян, но и в мещане. Таким образом, на 6 лет сокращалось для меня обязательное пребывание в Сибири. Итак, 13 лет в звании поселенца и мещанина из ссыльно-каторжных я прожил в г. Чите, в г. Благовещенске и в ст. Сретенской, если не считать первого года поселения, который я провел в пограничном с Монголией карауле Мангут Акшинского окр. Забайкальской области.

Нужно ли говорить о том, что 13 лет жизни на поселении, несмотря на отсутствие активной революционной работы, все же не прошли бесследно в смысле воздействия на умы сибирского обывателя, в смысле внедрения в эти умы если не социально-революционных идей, то во всяком случае укрепления в них искреннего уважения к носителям этих идей и к самой революционной идеологии. Население этих отдаленных от центров мест отличается своеобразными качествами. Оно чувствует себя независимее, самостоятельнее, сравнительно с обывателями Европейской России, оно сознательнее и богаче их и морально устойчивее в своих политических воззрениях, выработанных отчасти под влиянием той же многочисленной политической ссылки еще со времени декабристов. Поэтому неудивительно, что современная мне ссылка самой своей жизнью, своим поведением в боль-

ничестве импонировала обывателю, как бы пропагандировала, и часто не без успеха, свои основные социально-революционные идеи.

В конце 1901 г. я выехал в Россию. 23-х летнее пребывание за пределами Европ. России и столь продолжительная оторванность от центров, однако же, не исключали для нас возможности не только быть в курсе современных политических движений, но не исключали с нашей стороны и некоторой посильной деятельности на местах в интересах существующих партий. Благодаря этому каждый из нас, возвращавшихся из продолжительной ссылки, являлся в Россию уже с готовым политическим настроением. Наиболее симпатичным направлением в революц. среде того времени для меня было социально-революционное. По своей идеологии оно являлось как бы продолжением народовольчества, имело в своей философской основе то же трудовое начало, а в тактике—политическую борьбу. Я немедленно примкнул к партии. Моя новая революционная деятельность, начавшаяся в Одессе, скоро была перенесена в Москву, где я, при моих постоянных служебных разъездах, мог совмещать службу с революционно-организационной работой по всей центральной области.

Так продолжалось до 1909 г., когда вновь арестованный я выслан был административно в Енисейскую губ. на 5 лет.

Поселившись в г. Минусинске, при полном отсутствии заработка и потому при избытке свободного времени, я вернулся к своей старой медицинской профессии, но не в сфере лечебной практики, как раньше, а в области теоретической и практической бактериологии, которую с тех пор и не оставлял вплоть до настоящего времени. Чтобы усовершенствоваться в этой новой для меня области медицины, через два года, т. е. летом в 1911 г., я эмигрировал и прожил за границей три года, изучил за это время бактериологию и приобрел звание врача-бактериолога. В 1914 г. я вернулся снова в Енисейскую губ. для окончания срока моей ссылки и только в 1916 г. мог снова появиться в Европейской России.

Февральская революция застала меня в Петрограде на службе в частном бактериологическом институте, куда я поступил после нескольких месяцев службы бактериологом в Земском Союзе на западном фронте. Оживившаяся партия соц.-рев. после продолжительного подпольного существования снова привлекла меня в свои ряды. В период деятельности Временного Правительства на меня были возложены обязанности управляющего канцелярией министерства земледелия, но вскоре же общая обстановка партийной деятельности и несогласия, царившие в недрах самой партии, вынудили меня уклониться к той фракции ее, которая объединилась под названием „Воля Народа". Выступление последней с отдельным списком при выборах в Учредительное Собрание окончательно порвало все мои отношения с центром партии. Это совпало с Октябрьским переворотом, а в июле 1918 г. я вынужден был уехать на родину. Поселившись в г. Екатеринбурге, я снова вернулся к своей основной деятельности и был назначен заведующим санитарной бактериологической городской лабораторией. Эта работа продолжалась вплоть до августа 1919 г., когда я был вынужден выехать в Сибирь. Но в заведывании мною указанной лабораторией был значительный, на несколько месяцев, перерыв. При вступлении в Екатеринбург войск Сибири и чехо-словаков общественные элементы края, в интересах сохранения целостности горнозаводского округа Урала против вожделений на него со стороны правительств Сибири и Самары, решили организовать собственное временное областное правительство Урала на коалиционных началах. Местный комитет социалистов-революционеров, считавший необходимым участвовать в коалиции, настаивал на том, чтобы обязанности управляющего земледелием и государственными имуществами я взял на себя. Так как с его мнением были согласны и все остальные общественные элементы края и также настаивали на этом, я не счел для себя возможным уклониться от этой обязанности, оговорив за собой право действовать независимо от комитета. Насильственный переворот Колчака в Омске вскоре же положил конец существованию временного правительства Урала, и я вернулся к своим бактериологическим лабораторным обязанностям, от которых с тех пор уже не отрывался.

ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А. П. (1849–1939).

Прибылева-Корба, Анна Павловна *).

Начну описание моей жизни с двух моих дедов. Со стороны отца мой дед, Адольф Мейнгард, был уроженцем острова Рюгена. Он эмигрировал в тогдашний Санкт-Петербург на парусном судне, имея при себе в качестве имущества виолончель в футляре и сундучок с бельем и платьем. Это было в самом начале прошлого столетия. Ему было 18 лет. Тем не менее его музыкальная карьера очень быстро сложилась на новой его родине. Его приняли в оркестр оперного театра, и, кроме того, он давал уроки музыки в богатых семьях Петербурга. На Каре, где мы рады были всякой книге, потому что газет и новых журналов нам не давали, я прочитала в „Русской Старине", что в 20 и 30 г.г. прошлого столетия Адольф Мейнгард считался лучшим виолончелистом

*) Автобиография написана 20 декабря 1925 г. в Ленинграде.

в Петербурге. Я видела деда в первый раз, когда мне было лет 10. Это был высокий седой старик с большими руками и широкой костной системой. Он дожил до 93 лет. Прожив свою долгую жизнь в Петербурге, он не знал ни одного слова по-русски. Зато отлично говорил по-французски.

Отец моей матери, Осип Иванович Корицкий, был инженер по образованию, а по национальности поляк. Образование он получил за границей, ему дали чин полковника и назначили на постройку водной системы, которая должна была соединить Волгу с Невой. Дедушка поселился в Тверской губ., в Вышнем Волочке, и современем купил в уезде маленькое именьице, которое кормило бабушку и ее детей после смерти О. Ив. Бабушка также была немецкого происхождения, но по-немецки не говорила, так как совсем обрусела, и после смерти мужа, когда дети подросли, и она осталась одна в своем именьице, приняла православие и ревностно посещала православную церковь.

Моя мать была первенцем в семействе Корицких. Когда умер дед, бабушка не имела средств воспитывать старшую дочь и хлопотала о принятии ее в Смольный институт. Просьба ее была исполнена. Мою мать поместили в институт, где она пробыла 11 лет безвыходно, так как в то время институток не отпускали к родным на каникулы. Но моя мать не роптала на свою судьбу. Это было такое кроткое создание, терпение которого ничем нельзя было истощить. По окончании курса учения бабушка увезла мою мать в деревню и поручила ей готовить брата и двух младших сестер в учебные заведения. Когда моей матери исполнилось 23 года, бабушка сшила ей нарядное платье и повезла на дворянский бал в г. Тверь, а может быть в уездный городок. На этом балу также присутствовал инженер путей сообщения Павел Адольфович Мейнгард. Молодые люди понравились друг другу, и на другой день мой отец поехал к бабушке сватать ее дочь, Екатерину Осиповну. Разумеется, бабушка обрадовалась предложению; дочь дала свое согласие на брак, и скоро состоялась свадьба.

Мой отец также был старшим в довольно многочисленной семье, но он ничем не напоминал крепкого и несокрушимого своего родителя. Он был меньше его ростом, худощавый и тонкий. После 40 лет он начал хворать. Два раза ездил за границу на воды, но это мало помогло ему. Он умер 62 лет в Ярославле в 1873 г.

После свадьбы молодые уехали на жительство в Петербург, где мой отец служил в качестве одного из строителей Николаевского моста, и здесь мои родители прожили несколько лет. Союз их был счастлив и длился до конца жизни; никогда ни ссоры, ни крупные размолвки не разлучали их. Не только мой отец любил свою жену, ее обожала вся его семья за доброту и ласку. Так как она не знала немецкого языка, то свекор говорил с ней по-французски.

Казалось, все слагалось к благополучию моих родителей, но огромное горе ожидало их. Дети рождались один за другим, но почему-то не жили. Умерло их четверо. Позднее мать уверилась в том, что в смерти детей виновато было тогдашнее состояние медицины и плохой петербургский климат. Мать была не только добра, но и очень энергична. Ее решения были стойки; она редко проявляла свою волю, но ничто не могло заставить ее отказаться от нее, раз эта воля сложилась на основании окружающих условий. Ища выход из своего несчастья, она сказала отцу, что в Петербурге невозможно растить детей, и если оба они желают иметь их, то надо поселиться в провинции, где дети вырастут среди природы, а не будут окружены каменными домами.

Не знаю—тогда же, или несколькими годами позднее, моя мать совершенно изменила свои религиозные воззрения. Она отвергла все внешние проявления веры, сохранив для себя только молитву. Таким образом, она стала деисткой и порвала всякую связь с православием, которое ее окружало, и с католической верой, в которой была крещена.

Когда кончилась постройка Николаевского моста, мои родители перекочевали в Тверь, так как отец получил место на постройке Николаевской железной дороги. В Твери родились те дети, которым суждено было остаться в живых: мой брат Николай, сестры Мария, Елена и я (9 ноября 1849 г.). Таким образом, я появилась на свет восьмым ребенком, или, если считать оставшихся в живых, то четвертым. После меня родилось еще четверо дочерей, из которых одна умерла в детстве. Таким образом, мои родители взрастили сына и шестерых дочерей.

Отец мой от начала своей службы до самой смерти был известен как инженер, не бравший взяток. С подчиненными ему инженерами он держался всегда по-товарищески, вообще со всеми служащими был обходителен и не проявлял ни заносчивости, ни начальнического высокомерия.

Мне было два года, когда кончилась постройка участка Николаевской ж. д., на котором служил мой отец. Мы всей семьей перекочевали в Варшаву, куда отец мой был назначен начальником участка на строившейся тогда Варшавской ж. д.

Разумеется, начала нашей жизни на новом месте я не помню. Из более позднего времени в памяти встают отдельные эпизоды. Затем я уже отчетливо помню гувернантку немку, которую нам дали, и кото-

рая была неотлучно с нами. Когда я говорю „мы", это значит трое старших сестер.

Имя гувернантки было Луиза. Она родилась в вольном городе Любеке. Она прожила с нами более 20 лет. Научное образование было весьма слабое, но тем не менее она имела на нас большое влияние. Я быстро стала к ней привязываться и потом полюбила ее больше матери, которую очень редко видела. Причин моей страстной привязанности к гувернантке было две: я видела, что она одинока, и я инстинктивно чувствовала, что она превосходна. Никто из нас не слыхал слова неправды из ее уст, никогда она не сердилась и не раздражалась, хотя целый день была с нами и часто должна была терпеть наши капризы.

Когда на 7-м году постройки Варшавской ж. д. работа на участке отца приходила к концу, надо было думать о новом месте служения. Отец основался во Владимире на Клязьме. Когда наша семья окончательно устроилась во Владимире, надо было подумать, как нас воспитывать дальше. Этот вопрос решился неожиданно. Старшая сестра Луизы, которую звали Генриеттой, написала ей, что девочка, которую она воспитывала в Бордо, подросла, и когда ей минуло 16 лет, ее гувернантке отказали; она вернулась на родину и теперь ищет, где бы ей найти новую службу. Луиза знала, что ее сестра, долго жившая во Франции и одно время в Париже, хорошо говорит по-французски и может преподавать обычные учебные предметы, сказала об этом моим родителям, которые решились вызвать Генриетту к нам.

Наша новая гувернантка была строгая особа. Она думала, что воспитывать можно только при помощи громких выговоров и нелепых наказаний, из которых ее любимым было следующее. Рассердившись, Генриетта кричала: „Sortez de la chambre!", и наказанная должна была выйти из класса и стоять за дверью. Чаще всех это случалось со мной. Деспотизм Генриетты продолжался, однако, только пока мы были малолетки. Как только мы подросли, и мне было лет 13, власть ее над нами кончилась. Я не знаю хорошенько, как это случилось, но вредить нашему умственному развитию она уже не могла. Уроки мы еще продолжали брать у нее. Но, кажется, она и сама сознавала, что передала нам все, что знала, и больше дать нам ничего не могла.

Во Владимире отец не ужился. То ли состав управления ему не нравился, то ли работы не было на Оке. Он решил попытать счастья в другом месте и завел переговоры с управлением IV округа путей сообщения, которое находилось в Ярославле. В его ведении был фарватер Волги от Рыбинска до Астрахани. Место помощника начальника округа было свободно. Отец получил его, и мы перебрались в Ярославль. Здесь наша семья прожила около 10 лет, до самой смерти моего отца. Здесь мы выросли, и старшие из нас покинули родительский дом.

В Ярославле у нас почти совсем не было подруг среди наших однолеток. Иногда к нам приводили детей знакомого семейства, но мы не знали, что с ними делать. Несколько часов проходило в скуке и томлении, и мы радовались, когда дети уходили домой. Веселыми и разговорчивыми мы бывали только в своей компании втроем.

В Ярославле началась популярность моей матери среди беднейшего населения города. Основанием этой популярности послужило врачевание моей матери. Она абсолютно отрицала врачей. Они также не имели доступа к нам, как православные и католические священники. Мать сама по лечебнику стала лечить детей и взрослых гомеопатией. Она была твердо уверена, что эти средства приносят необычайную пользу больным и помогают от всех болезней. В нашей семье такое лечение шло удачно, вероятно от того, что при заболевании кого-либо из нас, больную укладывали в постель и держали на строгой диэте, пока заболевшая не выздоравливала. Было несколько случаев тяжелых заболеваний, но в виду плохого состояния медицины того времени в провинциальной России, пожалуй, все же было лучше не призывать местных врачей, которые большею частью были военные, а обходиться уходом за больными, как это делалось у нас.

Лет с 11 я стала проявлять свою волю. Я заявила, что больше музыке учиться не буду, так как у меня нет никакой охоты играть на рояли. Никто не возражал мне, так как все знали, что это было бы напрасно.

Огромное значение в нашем развитии имел для нас приезд брата в 1863 г. летом по окончании им курса института путей сообщения. Он привез с собою целый чемодан книг, — и каких книг! Ведь тогда было начало 60-х г., время Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Писарева, Шелгунова и других лучших писателей России. Среди его книг было много томов „Современника" и „Русского Слова". Для нас все это составляло огромное сокровище, и мы стали читать. Я принялась прежде всего за Некрасова и Добролюбова, так как многие книги были мне еще не под силу. В описываемое мною время мой брат по убеждению и симпатиям был народник. Но он не удержался на этой высоте, не сумел на ней удержаться. А в то отдаленное время, в дни нашего отрочества он внес так много света, радости и знания в нашу начинавшуюся жизнь. Он сам часто указывал нам, какие статьи или книги могут быть нами усвоены. Он прожил в Ярославле около двух лет, потом бывал на изысканиях не-

скольких южных жел. дорог, строил участки тоже на нескольких дорогах, был одно время управляющим Либаво-Роменской ж. дороги и жил в Минске, потом переехал на жительство в Петербург.

Мы пользовались библиотекой отца, и я помню охватившую меня радость, когда я добралась до полного собрания сочинений Пушкина. С тех пор он остался моим любимым поэтом. После него читался Лермонтов и все, что было в библиотеке из классической русской литературы.

Очень многим в деле нашего умственного развития мы были обязаны одной знакомой моей матери. Дама эта была женой инженера Янковского. По годам моя мать была значительно старше ее. У Янковской было человек 5 детей, и она сама обучала девочек, а мальчики учились в гимназии. Муж дамы был большой домашний деспот. Она часто в слезах жаловалась на него матери. Но помочь ей не было возможности, и сама она бессильна была против тиранства мужа. Но это обстоятельство не подавляло ее от природы веселый и шумливый характер.

У нее была большая библиотека, и она с удовольствием снабжала нас книгами. Это было для меня очень важно.

В то время, о котором я говорю, моя мать начала отчасти смотреть сквозь пальцы на наше чтение, не контролировала книги, которые мы добывали; но так как наше увлечение чтением причиняло ей чувствительное огорчение, то мы приносили книги от Янковских контрабандой и хранили их не иначе, как под матрацом. Летом, когда мне шел 15-й год, отец с двумя старшими моими сестрами ездил на морское купанье в Либаву. Я осталась одна в нашей общей комнате. Уроки прекратились на время каникул, и я была свободна. Я принесла себе от Янковских несколько томов Гете на немецком языке и стала его штудировать. Не знаю ни одного писателя, который произвел бы на меня более глубокое впечатление. Я была как зачарованная могучим гением; глубина мысли у Гете поражала меня не менее, чем его художественное и поэтическое дарование. Неизгладимое впечатление получилось от I части Фауста, но ближе и роднее всех произведений Гете стал мне его „Вильгельм Мейстер". Когда я, наконец, оторвалась от Гете, то очередь дошла до Шиллера, и у него меня больше всего привлек „Дон Карлос" с его нежной поэзией.

Привыкнув с ранней юности читать только книги выдающихся писателей, я осталась при этом выборе. Во всю свою долгую жизнь я не прочла ни одной посредственной книги, не говоря уже о макулатуре. Учителя человечества были моими учителями, добровольно мною избранными.

В это лето произошло заметное сближение между моею матерью и мною. Она чувствовала себя одинокой в отсутствии отца и двух старших моих сестер и знала, что я, в сущности, послушная и ласковая дочь. Она стала очень ласкова и доверчива со мною, и я платила ей тем же.

Прошло еще два года, мы стали взрослыми. В конце зимы приезжал на несколько дней брат Николай и упросил родителей отпустить с ним мою сестру Марию. Он строил тогда участок на Рязанско-Воронежской ж. д. Его лучшим другом и товарищем был строитель смежного участка той же дороги — Александр Александрович Лешерн, который жил в Моршанске. Товарищи часто виделись, и таким образом моя сестра познакомилась с Лешерном. Она прожила у брата целый год, а когда родители стали ее звать домой, А. А. Лешерн сказал ей о своей любви и предложил пожениться. Свадьба была отложена до весны. На той же Рязанско-Воронежской ж. д. при правлении служил Виктор Францович Корба. Он заведывал счетоводством и материальной частью при постройке, а так как он был чрезвычайно точен в финансовых делах, то он сам хотел видеть приобретаемые материалы и проверять их стоимость. В Моршанске он познакомился и сдружился с Лешерном. Сошлись два противоположных характера: нежный и кроткий А. А. и Корба с стальным характером, который можно было сломить, но нельзя было согнуть. Его отец, швейцарский гражданин, был выписан русским сановником для воспитания детей и умер, когда собственные его дети были еще малолетние. Он был женат на уроженке одной из балтийских провинций, на женщине с большой энергией и с не меньшим умом. Она в Петербурге стояла во главе промышленного предприятия, которое дало ей возможность воспитать детей. Виктор Францевич учился в коммерческом училище, по окончании которого он был послан своею матерью в Лондон на практику в крупное торговое предприятие. Но торговля не привлекала его. Он специализировался на банковском деле, превосходно изучив бухгалтерию и счетоводство. По политическим своим убеждениям он был крайним либералом, почитателем Чернышевского; по вопросам политической экономии разделял взгляды относительно решающей роли крестьянства в России, то-есть считал необходимой такую экономическую политику, которая делала бы интересы земледельческого класса в России исходным пунктом своей деятельности.

Перед отъездом моей сестры из Моршанска было условлено, что В. Ф. приедет в Ярославль на свадьбу в качестве ее шафера. После свадьбы моя сестра с мужем уеха-

ли в Моршанск. В июле приехала к нам сестра и увезла с собой мою сестру Елену и меня в Моршанск, куда очень скоро явился В. Ф. Его служба на железной дороге кончилась, и он приехал из Петербурга, где жил в последнее время. Вскоре я стала его невестой. Свадьба наша состоялась на рождестве. В Петербурге уже была приготовлена В. Ф. для нас маленькая квартирка на Надеждинской улице. Для меня начался новый, петербургский период моей жизни.

Лешерны жили поблизости от нас, и это меня радовало. У них я познакомилась с Софьей Александровной Лешерн, родной сестрой А. А. Она была тогда тихой провинциальной девушкой, которая захотела жить самостоятельной жизнью в Петербурге, и потому ей приходилось много шить на машинке по заказу магазинов. Шила она очень искусно изящное белье, но все же заработок был очень мал и не мог ее обеспечить.

Сама я попала в Петербург неопытным существом. В самом начале моего пребывания на Надеждинской улице я однажды отправилась куда-то за покупками для хозяйства и увидела странное зрелище. Посреди мостовой городовой шел во главе отряда молодых женщин. Все они были очень веселы, смеялись, показывая белые зубы. Он оборачивался к ним и пытался унять их, говоря наставительным тоном. Вся эта сцена крайне удивила меня; смысл ее был мне непонятен. Я остановилась на тротуаре в недоумении и решилась спросить у прохожей, куда городовой ведет женщин, и кто они. Она с удивлением посмотрела на меня и сказала: „Это публичные женщины, их ведут на медицинский осмотр". Я точно получила удар по голове. Ничего более ужасного я до тех пор не слыхала и мысленно не допускала такого надругательства над женщинами. Мне казалось, я чувствовала, что оскорбление наносится всем нам, женщинам, наносится также и мне. Мне особенно, потому что я ощущала всю тяжесть этого унижения и была бессильна отвратить его от других. Я ушла домой, точно спасаясь от потрясения, испытанного на улице. Дома я была одна, и это меня радовало, я не хотела видеть людей. Я бросилась на пол и долго лежала, рыдая и плача, пока мысль, что слезами делу не поможешь, не подняла меня на ноги.

С тех пор я заболела; я стала худеть и бледнеть; меня мучила головная боль и общая слабость. В. Ф. всполошился и отправился к моей сестре узнать адрес доктора Бокова, с которым она успела познакомиться. Доктор Боков был другом Чернышевского и опекуном его детей, следовательно, человек в высшей степени интересный и, как врач, очень желательный. Он приехал ко мне по вызову В. Ф. Когда он вошел, я лежала на диване, не имея ни сил, ни желания пошевелиться. Он пощупал мне пульс, смерил температуру и сказал: „Вы совершенно здоровы, и лежать вам не надо. Вы только что приехали в Петербург. Не думайте, что жизнь здесь течет так же вяло и лениво, как в провинции. Для женской молодежи, в особенности теперь, настает очень интересная пора. Я могу сказать вам наверное, что с осени начинаются подготовительные курсы для женщин, а с будущего года откроются для них высшие курсы, где будут преподавать естественные науки и математику по университетской программе. Займитесь этим делом и вы наполните свою жизнь и будете чувствовать себя бодрой и здоровой". Лучшего совета доктор Боков не мог мне дать. Он разбудил меня к новой жизни.

Из газет я узнала, что в состав комитета по устройству подготовительных курсов входит между прочими лицами Н. В. Стасова; я обратилась к ней, и она сказала мне, что в нескольких местах Петербурга происходят собрания будущих курсисток для обсуждения желательных программ и других условий курсов. Все это будет рассмотрено комитетом совместно с преподавателями. Она дала мне адрес одного такого собрания, и я на нем встретила, кроме кучки женской молодежи, одного мне уже ранее знакомого товарища и друга моего брата, инженера П. В. Михайлова *). Он в то время еще интересовался общественными течениями и принимал участие в жизни молодежи, которой он помогал советами. Он отрекомендовал меня собравшимся, и я сразу почувствовала себя в товарищеской среде. На таких собраниях и потом на курсах завязывались близкие знакомства, которые в более поздние годы перешли в товарищество революционеров. На таких собраниях С. А. Лешерн познакомилась и подружилась с С. Л. Перовской, сестрами Корниловыми, Ольгой Шлейснер и другими будущими членами кружка чайковцев.

Весной этого же 1870 г. мы перебрались на жительство в Лесной, где уже жила на даче моя сестра Мария с мужем и новорожденным сыном.

Социальное положение В. Ф. Корба за истекшую зиму сильно изменилось. Когда он сообщил своей матери, что намерен жениться, она выделила ему долю семейного капитала, которая ему причиталась, и он получил на руки 10.000 руб. Эта сумма давала ему возможность прожить некото-

*) Это тот самый П. В. Михайлов, который незадолго до этого привлекался по делу Нечаева, сидел в Петропавловской крепости и освобожден от следствия за неимением улик.

рое время, не хватаясь за первую попавшуюся должность. Среди финансового мира Петербурга у него было большое знакомство. Банковские и биржевые дельцы ценили человека, превосходившего их знаниями, умением работать, стоявшего в своей личной честности и в своем бескорыстии на недосягаемой для них высоте. Потом они стали его приглашать на собрания финансовой биржи. Они ему обещали свою поддержку и хороший заработок за исполнение их поручений. Я и мои близкие отговаривали его от подобной деятельности и рисовали ему перспективу будущего разорения. Но он твердо был убежден, что зарваться в биржевой игре он не может. В то время происходила безумная игра на петербургской бирже. Разумеется, что В. Ф. всегда давал добросовестные советы. К нему охотно обращались, и он получал большой, так называемый, куртаж и сделался тем, что на биржевом жаргоне называется „зайцем". Доходы его росли. Случалось также, что он за свой счет покупал в небольшом количестве акции и облигации.

Когда мы жили еще в городе на Надеждинской, я выразила как-то сожаление о том, что мои сестры не могут пользоваться теми образовательными средствами, которые имеются в Петербурге, и этого было достаточно, чтобы В. Ф. предложил мне выписать двух сестер, которые могли бы занять свободную у нас комнату и обучаться, чему пожелают. Я известила мою сестру Елену о будущих женских курсах и советовала ей и следущей по годам за мной сестре Ольге приехать и жить у нас. Обе тотчас приехали и решили готовиться на звание сельских учительниц. Впоследствии обеим удалось достигнуть этой цели.

Сестры вместе с нами устроились на даче. Мы наняли нижний этаж того дома, где жили Лешерны. В это же лето наняли себе дачу в Лесном С. А. Лешерн, С. Л. Перовская, А. И. Корнилова и Вильберг.

Пока мы жили на даче, В. Ф. устраивал в городе новую квартиру для нас в доме Утина на Галерной улице. Он купил новую мебель и отделал квартиру как нельзя лучше. Не могу сказать, чтобы старания В. Ф. устроить нашу квартиру комфортабельно и изящно радовали меня хоть сколько нибудь. Я привыкла в доме родителей к простоте и весьма скромной обстановке, поэтому попытки поставить жизнь на широкую ногу были мне тягостны и не привлекали меня. Моя жизнь текла в значительной степени сама по себе. Но нельзя сказать, чтобы В. Ф. не принимал в ней участия, напротив, мои интересы всегда были ему близки. Он помогал мне и моим сестрам советами и практическими указаниями. Наши успехи его радовали и его заботили препятствия и неудачи, которые встречались на нашем пути.

Осенью открылись женские Аларчинские курсы в здании V мужской гимназии. Они по необходимости были вечерние, так как днем все часы у преподавателей были заняты. Слушательниц набралось множество, но все ли они извлекали для себя большую пользу от курсов, это осталось вопросом. Меня больше всех наук привлекала математика, и я легко воспринимала ее понятия, метод изложения и приемы рассуждений. Решать геометрические задачи для меня составляло удовольствие. Но надо признать, что у нас был такой преподаватель математики, подобного которому трудно найти. Это был известный педагог и преподаватель математики в морском корпусе, Александр Николаевич Страннолюбский.

Страннолюбский для поднятия уровня знаний у женщин сделал очень много, потому что, обучая математике, он вместе с тем умел развивать логическое мышление в своих ученицах. Он ценил женский ум, но указывал на то, что с детских лет этот ум искажается, ему дают ложное направление. Одно из средств направить женский ум на путь развития состоит в том, чтобы с младшего возраста преподавать девочкам начальную математику, т.-е арифметику и геометрию. Он выработал прекрасный метод обучения с самых младших классов, и метод этот давал блестящие результаты. Если которая-нибудь из петербургских женских гимназий предлагала Страннолюбскому давать уроки математики, он всегда ставил условием, что начнет обучение детей с 1 класса.

Так как Аларчинским курсам Страннолюбский мог посвятить только 2—3 часа в неделю, и этого было слишком мало для слушательниц, желавших получить основательные знания, а в нашей квартире на Галерной улице комнаты были просторные, я решилась предложить Страннолюбскому давать уроки математики 2 раза в неделю у меня, причем слушательницами его будут некоторые из курсисток. На курсах я опросила наиболее выдававшихся способностями, желают ли они участвовать в вечерних занятиях математикой у меня на квартире, которыми руководить будет Страннолюбский. Отозвалось человек 15, и число это колебалось в течение зимы 1870—1871 г. между 10—15-ю. В плате участвовали все поровну. В состав слушательниц входили: Перовская, три сестры Корниловы (Александра, Любовь и Надежда), Софья А. Лешерн, моя сестра М. П. Лешерн, Серова (вдова композитора и мать художника), Вадсон (из семьи редактора „Петерб. Ведом.") и я. Фамилий остальных не помню. Страннолюбский был очень взыскателен, он требовал от всех слушательниц исполнения за-

данных работ и бывал недоволен, если это не было сделано. За две зимы мы прошли с А. Ник. арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию и действительно усвоили себе эти предметы основательно.

После урока А. Н. обыкновенно оставался у нас чай пить. И в эти часы беседы я узнала Страннолюбского ближе и поняла всю ценность его обширного ума. Это был один из образованнейших людей своего времени. Историю Европы, русскую историю и историю философии он знал, как специалист. Из новейших философов наиболее любимым для него был Огюст Конт. Вообще, французских ученых, французских математиков и философов он ставил очень высоко. Тогда шел 1870 год, только что совершился разгром Франции, и русская интеллигенция, в том числе и А. Н., оплакивали судьбу Франции, как духовной родины своей. К политике А. Н. относился с большой страстностью. Он ненавидел монархический строй и русского царствовавшего тогда деспота в особенности. А. Н. был первый человек, который влиял на меня своими обширными знаниями непосредственно, помимо книг. Но он оставил во мне также светлое и неизгладимое впечатление своими резкими и непоколебимыми политическими убеждениями.

Один знакомый студент, Пушков, который занимался с нами летом, в Лесном, ботаникой и некот. друг. предметами, продолжая бывать у нас, приносил новые нелегальные книги или говорил, где и как их можно достать. Однажды он просил собрать деньги и носильные вещи для ссылаемых по нечаевскому делу. Он был в тот вечер взволнован, говорил с дрожью в голосе о жертвах деспотизма, из чего я заключила, что он стоял довольно близко к нечаевцам. В эту же зиму Пушков пришел к нам и сказал, что один из его знакомых думает собрать кружок молодежи, чтобы действовать совместно в радикальном направлении. На наши расспросы он отказывался отвечать более подробно, а сказал, что его знакомый сам разъяснит нам, в чем состоит та цель, которую он имеет в виду; что с своей стороны он вполне искренно рекомендует нам этого молодого человека, имя которого Николай Васильевич Чайковский. Мы согласились на знакомство с Чайковским и просили передать ему, что будем ждать его в ближайшее воскресенье в 6 часов вечера. Незадолго до того времени вернулся мой брат из провинции. Брат и Лешерн присутствовали при нашей встрече с Чайковским. Чайковский был тогда юношей 19—20 лет с приятным лицом. После первых приветствий, мы попросили Чайковского разъяснить нам цели, которые его привели к нам. Он ответил, что невозможно спокойно переносить насилия и притеснения правительства. Недовольство и брожение, несомненно, существуют, но надо дать им возможность проявиться; для этого необходимо сплочение недовольных элементов; необходимо основать организацию, которая приступила бы к действиям. А действия, главным образом, будут состоять в издании и распространении таких книг, которые обычным путем не могут появиться в печати. Книги эти должны раскрывать глаза широкой публике, чтобы положить конец тайне, в которой совершаются все насилия правительства. Так, или приблизительно так, говорил Чайковский. На обсуждении вопросов, затронутых им в этот первый его приход, прошел весь вечер, к концу которого он предложил собраться вторично и, если мы все согласны, пригласить на это следующее собрание большее количество людей. Мой брат предложил, чтобы 2-е собрание состоялось на его квартире.

В назначенный день сошлось довольно большое общество. Я очень смутно помню, о чем шла речь, даже мало помню присутствующих. Но вспоминается, когда в перерыве большая часть приглашенных ушла в столовую для чаепития, Перовская, С. А. Лешерн и я, мы остались сидеть, как раньше у окна. Перовская сидела на подоконнике, обхватив одно колено руками. Мы говорили о будущности каждого из нас. Софья Львовна сказала задумчиво: „Мне хочется изучить психиатрию и быть психиатром, и надеюсь, что это удастся мне". У всех трех нас настроение было самое спокойное, время бурь еще не настало для нас. Я думаю, что Чайковский убедился в тот вечер, что попал в среду, для его целей не подходящую. По крайней мере мы его больше не видели.

Около этого времени вышло несколько новых книг. Это были: „Положение рабочего класса в России" Флеровского, I том соч. Лассаля и „Исторические письма" Лаврова. Чтение этих книг произвело на меня потрясающее впечатление и заставило проявиться всем социалистическим стремлениям, дремавшим во мне. С тех пор я стала убежденной социалисткой.

В конце этой зимы я и моя сестра Елена сдали в университете экзамены на домашнюю учительницу. Но сестра еще продолжала занятия на учительских курсах, после чего учительствовала в сельской школе Ярославского уезда.

В это время на петербургской бирже разыгрался последний акт биржевой спекуляции. Началось то, что называется крахом. Лопнуло несколько банкирских фирм, и вслед за ними оказались пострадавшими мелкие участники в биржевой игре. В их числе был и В. Ф. Он потерял все, что имел в обороте, и у него остались долги. Он был потрясен и огорчен, но больше всего его

тревожила мысль, как я отнесусь к катастрофе. Я успокоила его, сказав, что всегда рассчитывала на подобный конец биржевой спекуляции, что я не люблю богатства и предпочитаю скромную жизнь. На другой же день я отправилась искать другую квартиру взамен дорогой квартиры в доме Утина. Я нашла очень скромную, хотя просторную квартиру на Крюковом канале, окнами как раз против Литовского замка. Без заработка В. Ф. не остался. Только что основалось Северное Страховое Общество, и правление предложило ему быть агентом в Петербурге.

Лето прошло для меня в изучении Милля и Спенсера. Осенью вернулись мои сестры. Приехала также самая младшая сестра Варя. Вернулась в Петербург также и М. П. Лешерн, которая с тех пор разошлась с мужем, что составило несчастье для обоих на всю остальную их жизнь.

С началом зимы возобновились уроки Страннолюбского у нас на квартире и мои беседы с ним. Когда я говорила ему о впечатлении, вынесенном мною от чтения сочинений Милля и, в частности, от его „Логики", Страннолюбский выразил свое удовольствие и сказал мне: „Будьте всегда логичны, и вы будете непобедимы". И я могу сказать, что его совет не пропал для меня даром. Как в ранней молодости я усиленно стремилась говорить всегда правду, так, начиная с зрелых лет, я стала обращать особое внимание, кроме правды, еще на логичность в речи и письме.

Северному Страховому Обществу понадобился в Москве служащий, которому правление могло бы доверить отдел страхования товаров, и оно предложило это место В. Ф. Он дал свое согласие, и летом 1872 г. мы переехали в Москву. Нам отвели при доме, арендованном страховым обществом, небольшой флигель с мезонином, где мы прожили два года. Вскоре после нашего переселения в Москву вернулся мой отец из заграничной поездки с сестрой Ольгой, которая его сопровождала, и М. П. Лешерн с сыном и сестрой Еленой. Лечение за границей не принесло отцу ни малейшей пользы. Он приехал с меньшими, чем раньше, силами, и ясно было, что он не может больше поправиться. Он почти не вставал и один не мог ходить по комнате. Он очень беспокоился, что нам причиняет заботы и хлопоты, и, видно, предчувствовал свою близкую смерть. Он прожил еще год после поездки за границу и умер в Ярославле.

В Москве у меня не было ни души знакомых, и я умерла бы от тоски, если бы чтение не поглотило все мое внимание и все мысли. В библиотеке В. Ф. был I том Маркса на немецком языке; я изучила его с величайшим интересом. Больше всего поражала меня теория прибавочной стоимости и приложение исторического метода к описанию жизни английских рабочих. I том Маркса и книга Флеровского „Положение рабочего класса в России" сделали меня навсегда другом трудового народа. В 1873 г. мой брат был назначен управл. Либаво-Роменской ж. д. и предложил В. Ф. переехать в Минск, где находилось управление, и заведывать счетоводством всей линии. В. Ф. принял эту должность и вместе с тем оставался агентом по страхованию Сев. Страх. Общ., что давало ему надежду закончить выплату своих биржевых долгов.

Мы перекочевали в Минск ранней весной 1874 г. Здесь по моей инициативе было образовано Общество попечения об учащихся. Пока я жила в Минске, я занималась делами Общества, но это не могло удовлетворить меня. По-прежнему я много читала. Теперь на очереди были романы французской реалистической школы: Флобера, Гонкуров, Додэ. Золя я вскоре исключила из числа моих любимых писателей, потому что считала его односторонним, а следовательно, не вполне правдивым. Примирилась я с ним вполне, как с общественным деятелем, во время процесса Дрейфуса, т.-е. 25 лет спустя. Я перечитывала также с наслаждением Тургенева и Толстого. Все эти писатели помогли мне выработать слог и манеру писать.

К лету съехалась почти вся наша семья. Приехала моя мать и сестра Елена на свидание с нею и с братом. В это лето она стала невестой выдающегося инженера Н. В. Бернацкого. Сестра предупредила своего жениха о том, что обещала своим ученикам сельской школы и их родителям вернуться к ним осенью и считала долгом сдержать слово, иначе дети остались бы без учителя. Муж согласился с ее решением; она зиму пробыла в деревне и только весной вернулась к мужу в Минск, где они провели первое время своей совместной жизни; позднее они перебрались в Москву, где Бернацкий служил на Московско-Курской ж. д. Бедная моя мать приехала уже больная смертельной болезнью. Брат не отпустил ее от себя, и она прожила у него до своей смерти в октябре 1874 г.

Приближалось то время, когда слово „свобода", одно из лучших слов, какие знает человечество, прозвучало в России. Хотя оно относилось пока только к борьбе славян с турками, все же это чарующее слово заставляло усиленно биться русские сердца уже в 1876 г. при начале восстания в Герцеговине. Позднее, когда к войне с турками присоединились остальные славянские земли, стало очевидно, что вмешательство России в балканскую войну неизбежно. Это и случилось весной 1877 г.

Воздух в России был наэлектризован. Людям захотелось освободиться от всяких

уз и цепей. Я не могла остаться спокойной с самого начала войны славянских народов с турками. Мне хотелось оказать хоть малейшую помощь борцам за свою свободу. Но что я могла сделать? Единственное маленькое дело состояло в сборе денег. Я привлекла к нему нескольких знакомых; кроме денег, мы собирали белье и другие пожертвования; а когда приблизилась зима, мы отправили несколько тюков с полушубками в московский комитет, заведывавший отправкой посылок в славянские земли.

Но когда началась русско-турецкая война, я решила отправиться на театр военных действий в качестве сестры милосердия. Я уехала в Петербург с тем, чтобы прослушать подготовительные курсы, необходимые для звания сестры. Но в Петербурге я ничего не добилась: курсы были переполнены; некоторые уже заканчивали свою работу. В это время я получила известие из Минска о том, что там открылось отделение Красного Креста с лазаретом для раненых, которых привезут с войны. В первом же заседании комитет Красного Креста избрал меня членом. Я вернулась в Минск, записалась на курсы и стала учиться всему, что можно было извлечь при таких плохих условиях, в каких находился военный госпиталь в Минске. Но при военном госпитале был знающий и хороший хирург, который допускал нас присутствовать при операциях. С грехом пополам, мы окончили курс и получили дипломы сестер милосердия.

Время шло, раненых не привозили, хотя лазарет для них был готов. Я спрашивала себя с тоской и тревогой: что же дальше? Дело в том, что в нашей семейной жизни с давних пор назревал кризис. Я даже сама не понимала, почему между нами такое резкое различие, и в чем оно состоит. Только позднее я поняла, что весь вопрос состоял в том, что наши характеры не сходились. Когда В. Ф. бывал доволен условиями жизни, то ему ничего, решительно ничего больше не надо было. Со мной дело обстояло совсем иначе. Когда я усилиями достигала сегодня одного, то на следующий день я старалась достигнуть в несколько раз более. Я была недовольна создавшимися условиями и страдала от них, но В. Ф. был счастлив попрежнему и никогда не думал о том, что в его жизни могут наступить перемены. В случае, если я расторгну наши брачные узы, то я убью его,—это было для меня ясно. А такое деяние было мне так же свойственно, как овце съесть человека. С другой стороны, мне было 27 лет. До каких же пор я буду учиться, буду приобретать новые знания, не имея никакой возможности применять их к какому бы то ни было делу! При этой мысли меня охватывал ужас, и я содрогалась.

Неожиданное обстоятельство помогло мне выйти из удручавшего меня положения. В. Ф. и мой брат внезапно разошлись очень решительно. Вопрос, разъединивший их, состоял в том, что В. Ф. предложил радикально изменить не только систему счетоводства, но также многое, касавшееся общих приемов управления жел. дор. Николай Павлович не согласился на эти преобразования, и В. Ф. тотчас попросил себе отставку. Это, конечно, было хорошо, но возникал вопрос, как мы будем существовать. Очень скоро В. Ф. сказал мне, что решил поселиться в деревушке Черниг. губ. и заняться экспортом хлеба за границу. Такое решение было до того неожиданно, что я могла только воскликнуть: „А теория поддержки крестьянского хозяйства? А вред от вывоза русского хлеба за границу?“ На что он ответил: „Я не буду обыкновенным скупщиком хлеба, не буду наживать бессовестных процентов, а, наоборот, надеюсь урегулировать хлебную торговлю и поднять доход крестьян от продажи зерна или муки“.

Но слова эти не успокоили меня нисколько. Самое положение скупщика хлеба в глухой деревушке пугало меня. Я решила ни в каком случае туда не ехать. Но В. Ф. все-таки отправился в деревню на разведки и, вернувшись, сказал, что она ему понравилась, и крестьяне рады были его появлению.

Между тем, в его отсутствие у меня произошел разговор с одним из двух врачей, выписанных минским отделением Красного Креста. Оба они только что кончили курс медицинского факультета Киевского университета и оба состояли ассистентами киевского профессора Караваева, чем очень гордились. Один из них, врач Х., узнав от кого-то, что я собираюсь на войну, спросил меня, не пожелаю ли я ехать в его сопровождении, так как он тоже намерен отправиться осенью на Балканский полуостров. Я очень обрадовалась попутчику, потому что ехать одной в неизвестную страну мне не улыбалось, и это отчасти задерживало мой отъезд.

Когда В. Ф. вернулся из черниговской поездки, я сказала ему, что решила ехать, и что у меня будет попутчиком врач Х. Смягчить этот удар мне не удалось. Для В. Ф. известие о моем отъезде было роковым. Не могу описать его страдания. Может быть, мне не следовало уезжать, но это равнялось бы для меня самоубийству. Жизнь, посвященная одному человеку, была для меня невозможна в то время, как я хотела служить целому народу. В этом состояла наша драма.

Отъезд мой много раз откладывался, и выехала я только поздней осенью. На Киевском вокзале, как было условлено, должен был меня встретить врач Х. Он подошел ко мне на перроне, и первый мой

вопрос был: „Едете ли вы на войну?" Х. пустился в длинное объяснение относительно профессора Караваева, который сделал обоим врачам строгий выговор за то, что они задержались в Минске и опоздали к началу лекций, грозил вычеркнуть их обоих из числа своих ассистентов и проч. Так как я молчала, он в свою очередь спросил: „А вы, захотите ли продолжать свое путешествие одна, совершенно одна, без попутчика?" — „Да, ответила я без колебаний. У меня на неделе только одна пятница. И, что я решила, то я исполняю".

Времени нельзя было терять, и на другой день я уехала в Кишинев. Здесь мне пришлось переночевать в гостинице. Утром я отправилась на вокзал и разыскала начальника станции, чтобы справиться о санитарных поездах, с одним из которых я рассчитывала уехать в Румынию. Он сообщил, что через час отправляется санитарный поезд в Рени *). Вещи мои остались в гостинице. Я съездила за ними и привезла их как раз во-время, за несколько минут до отхода поезда. Я увидала коменданта поезда и отрекомендовалась ему; он принял меня и посадил около пожилой сестры милосердия, которая тоже случайно, как я, ехала в Рени. Он посоветовал обратиться в Благовещенскую общину, так как она считается самой лучшей и работает усиленно, наверное, меня примут, раз я приеду. На следующее утро мы были в Рени. Две молодые сестры не вошли, а влетели в вагон и спросили скороговоркой и улыбаясь: „Вы едете в Бухарест? Вы ищете место сестры милосердия?" „Да я, а кто вам это сказал?" „Это сказал комендант вашего поезда, и он же еще добавил, что вы хотите поступить в Благовещенскую общину. Это наша община!" выкрикивали с радостными улыбками сестры. „Поступайте к нам, вас примут, непременно примут".

Одна из сестер была польского происхождения, Валентина Велембовская, очень красивая, а другая—русская—Мария Степанова, очень некрасивая, но бесконечная доброта читалась на ее лице. Она-то и была наиболее экспансивной из двух молодых девушек. Обе они были ученицы Одесской фельдшерской школы и хорошо подготовлены к обязанностям сестер милосердия. Они повели меня в свой вагон. По приезде в Бухарест я представилась двум солидным лет дамам: Сабининой и баронессе Фредерикс, стоявшим во главе Благовещенской общины. Ответственной начальницей собственно была Варвара Степановна Сабинина **). Она отнеслась ко мне благосклонно, однако, сказала, что комплект сестер у нее полный, но для меня она делает исключение в виду того, что я приехала издалека.

Благовещенская община специально занималась эвакуацией раненых и больных в санитарных поездах. На каждом поезде была своя старшая сестра, которая отвечала за исправность ухода за ранеными и больными, за порядок, за достаточное и хорошее питание пациентов и персонала. На каждом поезде был свой комендант и доктор; сестер приходилось по одной на вагон, иногда по одной на два вагона. Несколько солдат состояли при поезде для тяжелой работы. Вагоны были проходные и между собой соединялись обыкновенными открытыми платформами. В начале моей службы меня назначили на поезд, где старшей сестрой была Сабинина, для того чтобы я усвоила себе во всей строгости обиход путешествия поезда из Бухареста в Рени и обратно. Затем, по просьбе моих приятельниц, меня перевели на поезд, где старшей сестрой была Велембовская, и затем до конца я оставалась сама старшей сестрой. Мне нравилась работа на поездах. Она поглощала внимание, не оставляла времени для размышлений. Отношения между всеми работниками были дружеские. Лучших условий для успешной совместной работы нельзя желать. На обратном пути из Рени в Бухарест поезд чистился, грязное белье с больных и раненых записывалось для сдачи в прачечное заведение, чистое белье просматривалось и чинилось. Свободное время употреблялось на чтение вслух или проходило в разговорах и работе для себя. У сестер был свой вагон, где стояли койки по числу сестер. Зимой вагон отапливался железной печкой и было тепло.

Мое спокойное настроение прерывалось иногда письмами от В. Ф. Он действительно поселился в деревне, о которой говорил мне, и кое-как на скупке и продаже зерна зарабатывал гроши, на которые жил. Содержание его писем было мрачно и часто пропитано отчаянием; несколько раз он покушался на самоубийство. Снова поднимался вопрос, не бросить ли все и ехать спасать В. Ф., но тогда повторялись прежние мучительные переживания. От тяжких дум я находила теперь себе спасение в работе. Я отдавалась хозяйственным заботам или в кладовой зарывалась в починку белья для раненых и больных.

В апреле эвакуация происходила водным путем по Дунаю. Пароход буксировал две большие баржи, в которых в два яруса под крышей были устроены койки. Тут мы увидали такие картины, каких даже пылкое воображение не могло себе представить. Пароход останавливался у крепостей Силистрия, Рущук и Галац. Услышав свистки

*) Небольшой городок на русской территории на румынской границе.

**) Печальная судьба постигла обеих этих почтенных дам. Я уже была на Каре, когда в женской тюрьме мы прочли в газетах известие об убийстве Сабининой и бар. Фредерикс с целью грабежа. Произошло это событие в Крыму на даче Фредерикс.

парохода, лазареты крепостей высылали своих больных на пристань. Небольшое число больных еще держалось на ногах, большинство же доставлялось на носилках. Очень часто были случаи, что крепостные лазареты посылали на баржи умирающих. Сначала таких несчастных больных принимали, но когда сообразили гнусную махинацию крепостной администрации, то комендант наотрез отказывались принимать их на баржи. Расчет крепостного начальства состоял в следующем: загоняв в гроб солдат тем, что не кормили их, для начальства было очень важно в своих отчетах скрывать огромное количество солдат, умерших от цынги. В виду этого оно старалось отделаться от умиравших. Большинство всех больных, попадавших на баржи, были цынготные, при чем солдаты в крепостях болели самой тяжелой формой этой болезни. Мускулы ног омертвевали, икры были черны, как запекшаяся кровь, а когда врач стучал по ним, то получался звук, как будто стучали по дереву. Разум отказывался верить, что эти великие страдания и многочисленные смерти были результатом низкопробного воровства.

В один майский день кто-то из сестер сказал мне, что на пароходе меня спрашивает молодой человек и желает меня видеть. Это было на стоянке; наша баржа приходилась рядом с пароходом, с которого к нам были перекинуты сходни. Я отправилась на пароход и увидала незнакомого мне человека. Это оказался Александр Александрович Волкенштейн, молодой врач, привлекавшийся к процессу 193-х и оправданный судом. После тюремн. заключения ему захотелось подышать теплым воздухом юга, и он отправился за границу в качестве врача при эвакуации. Он привез мне привет ст Софии Александровны Лешерн и много рассказывал о суде над пропагандистами. Он привез петербургские газеты, содержавшие судебный отчет о деле Веры Ивановны Засулич. У нас эти статьи о суде и оправдании В. Ив. читались и слушались с восторгом; по крайней мере я могу это сказать о себе.

Война была окончена в феврале, и если мы оставались еще на Балканском полуострове, то потому, что продолжалась эвакуация больных. Но в мае и она приходила к концу, и сестры начали поговаривать о возвращении домой. Одни собирались воспользоваться новыми знакомствами для дальнейшего устройства своей судьбы, другие списывались с родными по поводу близкого возвращения. Одна я не принимала участия в этих приготовлениях к отъезду. Когда однажды я сидела на ступеньках, которые вели к борту нашей баржи, сидела погруженная в раздумье, мне ясно представилось, что кто-то взял меня за руку и сказал: „Тебе здесь не место, другой путь тебе предназначен". Разумеется, я не верю в духов и их внушения, но я думаю, что мой ум, помимо сознания, решил, что надо делать. На другой день я попросила Сабинину отпустить меня в Россию. Сборы были недолгие. Через день я уже в поезде ехала обратно.

В Рени долго пришлось ждать поезда. Вокзал находился на обширной площади. Я держалась по близости большого каменного дома, при котором был широкий подъезд со ступеньками, где можно было сидеть. Рядом с крыльцом виднелась дверь, очевидно ведшая в подвал. Дверь была раскрыта, и через нее выходили, а потом опять входили солдаты. Увидя меня сидящей на ступенях подъезда в костюме сестры, они явно заинтересовались мною, и один из них решился подойти. „Сестрица, сказал он, пожалейте хоть вы нас, мы гибнем в подвале". „Что такое? удивилась я, почему вас держат в подвале?" воскликнула я. „Да мы что!—сказали солдаты, которых собралось уже несколько—мы пока, слава богу, здоровы и на ногах, а вы бы посмотрели, что внутри делается, там лежат тифозные на полу: никто не дает им ни пить, ни есть, доктор не приходит, все нас забыли и бросили. Нам не дают даже кипятку, и больным нечего пить". Я хотела лично убедиться в том, что говорили солдаты, и спустилась в подвал. Действительно, зрелище представилось ужасающее. На земляном полу лежали больные в жару, некоторые без сознания. По виду судя, это были тифозные. И тут же сидели, стояли и ходили здоровые. Словом, творилось нечто непозволительное. Я поторопилась покинуть страшный подвал и, выйдя из него, спросила солдат, есть ли в Рени отделение Красного Креста и где помещается? Оно оказалось очень близко. Я поспешила туда, рассказала о виденном мною и выразила удивление по поводу того, что в немногих шагах от почтенного учреждения происходят такие ужасные вещи. В ответ на объяснения представителя отделения, я сказала, что с первым отходящим поездом еду в Петербург и, если он пожелает, могу тотчас по приезде зайти в главное управление Красного Креста и заявить о том, что в Рени местных сил недостаточно для обслуживания больных. Разумеется, председатель отклонил мое любезное предложение и обещал, что немедленно больных поместят в лазарет, а здоровых переведут в другое помещение, будет произведена дезинфекция подвала, если только врач признает больных тифозными. Я еще не успела дойти до площади, как мимо меня прошел очень быстро человек, неся в обеих руках по большому медному чайнику с кипятком, и направился в указанный мною подвал. Моя угроза посетить

главное управление начинала приносить плоды.

Когда, наконец, поезд тронулся, в отделение, где я сидела, вошел офицер и лег на свободную скамейку. У него не было подушки, и на толчках вагона его голова болталась из стороны в сторону. Он лежал с закрытыми глазами, изредка стонал и имел вид тяжело больного человека. Я подошла к нему и предложила свою подушку, но он не ответил и, вероятно, не слышал моих слов. Тогда я подняла его голову и подложила ему подушку. Не помню, на какой станции он собирался выйти, но когда он встал, он оглядел пассажиров, спрашивая, кому обязан отдать подушку. Принимая ее от него, я сказала, что, видимо, он заболел, может быть даже тифом, и советовала обратиться к доктору.

Поезд стучал и шумел, напоминая, что мы приближаемся к цели путешествия. Я направлялась в Петербург. Единственный мне тогда известный адрес был адрес моего брата. Я знала, что его нет в Петербурге, и что семья, которой он обзавелся несколько лет тому назад, на даче. В квартире временно находилась Виктория Павловна, которая сдавала экзамены с четвертого курса на пятый. К ней я и ехала.

Погода была прекрасная. Я часто стояла у спущенного окна и думала свою думу. Неужели возвращаться в лоно семьи? Никогда этого не будет. Кто научился служить своей родине, не может снова отдавать свое время, свой ум, свой труд одному человеку. Но какому делу посвящу я себя? Вот вопрос, который стоял открытым предо мной, и дальше я рассуждала так: во всякий данный момент истории у каждого народа есть своя жизненная задача. В последний год такой задачей для России была война. Вся страна была заинтересована в удачном исходе ее. Теперь наступает новая пора, с иными потребностями, с иными целями и стремлениями. Живя далеко от центра русской жизни, я сейчас не знаю этих новых условий и потребностей. Надо нащупать пульс народной жизни и по нему судить о требованиях времени.

Так строились одна за другой ступеньки, которые вели меня к светлой и чистой дороге, по которой шли революционеры конца 70-х годов, подвигаясь вперед все дальше и выше. Дойдя до края этой дороги, я остановилась и, увидя революционеров, идущих по ней, я сказала им: „Разрешите мне итти с вами, я могу не только работать, но и сражаться вместе с вами".

Но это было позднее, в первых числах августа 1878 года, когда впечатление, полученное мною от убийства Мезенцева, явилось для меня последней ступенью, приведшей меня к революционному пути.

А пока я вернулась в Петербург и застала сестру, погруженную в приготовление к экзаменам. В тот же день я почувствовала недомогание. Оказалось 39. Значит тиф. Вечером, ложась спать, я просила сестру, если действительно я заболею тифом, отправить меня в больницу. Там у меня обозначился сыпной тиф.

Я перенесла его легко и потом быстро стала поправляться. Тем временем было получено письмо от сестры, Елены Павловны Бернадской, которая на лето звала меня к себе поправляться. Как только я почувствовала себя крепкой на ногах, я уехала в Орловскую губернию, где жила моя сестра Елена с своим семейством. С описания моего пребывания в деревне начинаются мои воспоминания о „Народной Воле" *). Заканчивая период моей жизни до вступления в ряды „Народной Воли", я хочу несколько строк посвятить дальнейшей судьбе В. Ф. Корба.

Была сделана нами попытка ужиться вместе; он приехал из Черниговской губернии; была нанята квартирка из трех комнат и кое-как обставлена. Но я всей душой уже принадлежала другому миру. Это было в мае 1879 года. Я была уже знакома с Морозовым, С. А. Ивановой, Гесей Гельфман, с Квятковским и Тихомировым. При таких условиях попытка ужиться по-старому должна была потерпеть полное фиаско, что и случилось. Мы разошлись навсегда.

Пока я была легальна, В. Ф. разыскивал меня два раза по адресному столу, и думая, что я нуждаюсь, приносил мне денег. Но я тогда служила в правлении одной железной дороги, куда отрекомендовал меня А. А. Лешерн. Я могла жить на получаемое жалованье, и деньги, которые приносил В. Ф., и которые он не хотел брать обратно, уходили на дела „Народной Воли". Потом, когда я стала нелегальной, он не мог найти меня, но оставался в Петербурге. Его вызвали в департамент полиции для признания меня после ареста. Мы встретились вполне дружески. После моего осуждения и отправки на Кару, он уехал на бывшую родину своего отца в кантон Валлис и прожил там несколько лет, потом женился на местной жительнице, от которой у него родилась дочь. В свою дочь он вложил все силы и всю любовь своего прекрасного сердца. На 18-м году она заболела общим заражением крови от случайного поранения ноги и умерла через несколько дней. Со смертью дочери жизнь В. Ф., в сущности, была окончена. Он еще раз съездил в Россию. В Москве отыскал мою сестру Е. П. Бернацкую, спрашивал обо мне и о других моих сестрах. Затем в газетах появилась публикация о его смерти за границей. При-

*) „Гол. Минувш.", 1921 г., № 9.

близительно это было в первых годах нового столетия.

Мое сближение с революционерами, которые позднее составили ядро партии „Народной Воли", относится к весне 1879 г. В августе этого же года я была принята в агенты Исполнительного Комитета, а в январе следующего года я была избрана в члены Исполнит. Комитета.

Состоя агентом, я получила первое серьезное поручение в связи с взрывом царского поезда под Москвой 19 ноября. В январе 1880 г. я состояла в числе лиц, приносивших из склада „Штоль и Шмидт" четвертные бутыли с серной или азотной кислотой в динамитную мастерскую, где были хозяевами Исаев и А. В. Якимова на Подъяческой улице, и даже в то время когда на чердаке там скрывался Халтурин. Вообще работа и поручения бывали самые разнообразные. В феврале 1880 г. я работала во временной динамитной мастерской Геси Гельфман, где хозяином, кажется, был Грачевский. Это была мастерская не специально назначенная для приготовления динамита,—здесь же Исаев работал над усовершенствованием разрывных снарядов, тут же после истории с министром Сабуровым скрывались Коган-Бернштейн и Подбельский. Я с ними познакомилась на этой же квартире. Оба произвели на меня впечатление выдающихся юношей. Я так же, как другие лица, в том числе Татьяна Ивановна Лебедева, работала над производством динамита. Обыкновенно все работавшие очень быстро начинали страдать головными болями, но я не помню, чтоб я хоть раз чувствовала себя плохо от динамита. Может быть оттого, что моя работа продолжалась недолго. Несколько месяцев я переписывала на папиросную бумагу сведения Клеточникова, которые сохранились в архиве „Народной Воли".

Всю зиму 1880 г., до появления в Петербурге Савелия Златопольского, я работала для паспортного бюро.

Моей главной работой было сотрудничество в редакции газеты „Народная Воля". Началось с того, что я собирала материал и подготовляла его для редакции, писала „хронику" и т. д. По сведениям газет и журналов легальной прессы весною 1880 г. я в хронике выяснила значение голода в Самарской губернии. Эта маленькая статья была потом напечатана в виде „внутреннего обозрения", в „Листке Народной Воли", в №2. Она сильно запоздала из-за провала типографии в Саперном переулке. Мне пришлось перевести на французский язык обращение Исполнительного Комитета к французскому народу по поводу ареста Гартмана в Париже. Незадолго до 1 марта 1881 г. я вошла в число редакторов „Народной Воли". Первое собрание редакции после 1 марта происходило на квартире Н. К. Михайловского. Нас присутствовало тогда трое редакторов: Н. К. Михайловский, Тихомиров и я. Мое знакомство с Н. К. не прекращалось за все время моего участия в „Народной Воле". Но не могу сказать, чтобы он очень активно содействовал партии. Он был скорее любитель, чем действительный работник в „Народной Воле".

Мною, совместно с С. Златопольским, написана прокламация по поводу убийства Стрельникова тотчас после телеграммы, появившейся в петербургских газетах.

Исполнительный Комитет всегда имел особую квартиру для своих заседаний. Я трижды была хозяйкой таких квартир. Первый раз летом 1880 г., во время работ под Каменным мостом, но это было так мимолетно, что я даже не помню, кто был хозяином этой квартиры, кажется, С. Златопольский. Вторая квартира сыграла большую роль в истории Исполнительного Комитета; она существовала с июня 1880 г. до половины января 1881 г. Хозяином все время состоял М. Ланганс. Здесь произошли некоторые исторические заседания Комитета. Здесь часто читались письма Нечаева и делались по ним постановления. Сюда ко мне пришел Баранников в июле 1880 г. с известием, что нашел весьма подходящий подвал на М. Садовой ул. для будущего подкопа. И здесь же, позднее, после возвращения А. Михайлова из поездки на юг, состоялось заседание, где окончательно был выработан план подкопа на Малой Садовой улице. Здесь, однажды, тоже в августе 1880 г., Тихомиров просил Комитет дать ему полную отставку, ссылаясь на расстроенное здоровье. Ему, в пылу негодования, отвечал А. Михайлов, напоминая Тихомирову параграф устава Исполнительного Комитета, в котором запрещался выход из членов его. Успокоительно и миролюбиво отвечал Желябов, предлагая дать Тихомирову отпуск до поправления здоровья, на что Комитет дал свое согласие. Здесь, на этой квартире, Комитет пережил горестную весть об аресте А. Михайлова. Третья квартира, где я была хозяйкой, а С. Златопольский был хозяином, открылась в самый разгар арестов после 1 марта 1881 г., т.-е. через 2—3 дня после первого марта. Роль этой квартиры была очень печальна. На ее долю выпало видеть начало агонии „Народной Воли". На второй день ее существования читалась здесь прокламация Исполнительного Комитета к крестьянам. На этом заседании еще присутствовали С. Л. Перовская, Фроленко, Суханов и Тихомиров. В один из первых дней пришлось снаряжать Татьяну Ивановну Лебедеву на отъезд из Петербурга. В первых числах мая я снаряжала П. С. Ивановскую, которая отсюда начала свое трудное путе-

САЖИН М. П. (1845–1934).

шествие в Москву. К нам же в последний свой день на воле зашел Суханов, непосредственно после свидания со своим начальником, который сообщил ему, что следствием уже установлено, что запал для мины на Малой Садовой ул. доставлен именно им, Сухановым, из артиллерийского склада, которым он заведовал. Мы настаивали, чтобы он прямо от нас отправился за границу, но он гордо отверг наше предложение и был ночью арестован.

Квартира эта была ликвидирована по требованию Комитета, находившегося уже тогда в Москве. Мы получили приказ немедленно явиться в Москву и выехали в конце мая.

Вернулась я в Петербург 3-го января 1882 г. под фамилией Розановой. До моего приезда С. Златопольский был единственным представителем Исполнительного Комитета в Петербурге; теперь нас было двое. Златопольский ездил в Москву один раз и вернулся благополучно. Второй раз в апреле он был арестован, и некоторое время я оставалась одна, представляя Комитет в Петербурге. Вскоре, однако, был прислан Грачевский.

В ночь на 5-е июня мы были арестованы. Получился огромный провал большинства лиц, находившихся с нами в деловых сношениях. Причина этих арестов документально до сих пор не установлена. Судили нас, 17 человек, в апреле 1883 г. и в июле отправили на Кару. Из тюрьмы некоторых из нас, по процессу 17, освободили в сентябре 1890 г. вследствие того, что манифест 1883 г. был применен к нам через 7 лет, что весьма удивило нас. В вольной команде я пробыла до середины сентября 1892 г. Путешествие с Кары в Читу этапами продолжалось полтора месяца. Поселение мое длилось до февраля 1905 г., когда для меня кончился срок обязательного пребывания в Сибири. Я покидала Сибирь, когда над Россией уже пылало зарево революции.

Сажин, Михаил Петрович *).

Родился я 17 октября 1845 г. в Ижевском заводе Вятской губ. Мать моя умерла, когда я был настолько мал, что в моей памяти о ней не осталось решительно никаких следов. После ее смерти осталось нас детей трое: две сестры и я. С нами жила бабушка (мать отца) и две тетки, его сестры, при чем старшая сестра в возрасте 20—21 г. была главой дома. Отец не всегда с нами жил и по роду своих занятий очень часто отлучался и иногда на целые месяцы. Все хозяйство и все заботы о нас лежали на старшей тетке, заменявшей нашу мать. Отец ради нас отказался от второго брака, а тетушка от первого. Бабушка была совершенно неграмотна, а тетки умели читать и писать „с грехом пополам", отец кончил уездное училище, но благодаря своим частым разъездам и столкновениям с разными лицами из чиновников и помещичьего слоя, не уступал им в своем развитии.

Жили мы в это время бедновато, конечно без прислуги, обычно ютились в двух-трех комнатах какого-либо провинциального городишки в роде Буя, Солигалича Костромской губ. и др.—города, в которых мы жили по два—три года. Отец служил по „откупам" и в последние годы их существования занимал даже пост управляющего. Питались тоже плоховато: мясо не всегда употребляли, строго исполняли посты, иногда даже по средам и пятницам ограничивались овощами. Вся семья настроена была очень религиозно, и в особенности бабушка, ходившая постоянно в церковь, а также по монастырям верст за двести — триста и обыкновенно бравшая меня с собою, когда я был в возрасте 8—12 лет. Если же с нами жил отец, тогда мы жили гораздо лучше. Кто меня научил читать, не помню, осталось только в памяти, как я вместе со старшей сестрой учился писать и заучивал басню Крылова „Лисица и виноград" у чиновницы-учительницы вместе с ее детьми; молитвы бабушка заставляла заучивать. Отношение к религии было больше формальное: ходили в церковь, исполняли посты и праздники, постились и говели, всегда принимали духовенство — и это все, и я не помню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь пытался объяснять нам сущность религии, учение Христа и т. д. Так было дома, так потом было и в институте.

Время Крымской войны, т.-е. 1853—1856 гг. мы вместе с отцом прожили в Грязовце Вологодской губ., где отец был управляющим „откупом", и мы жили сравнительно хорошо. Здесь я начал учиться у учителя уездного училища (арифметика, закон божий, грамматика). Война производила на меня сильное впечатление, я грезил героями: Нахимов, Бебутов и пр. не сходили у меня с языка. В то время офени-коробейники разносили разную дешевую лубочную патриотическую литературу и лубочные картинки. Отец все это покупал, а я упивался всем этим добром и еще до сих пор помню некоторые стихотворения; в компании со знакомыми он выписывал „Московские Ведомости". Почта приходила в город два раза в неделю, и в эти дни у отца собирались знакомые и обсуждали военные новости; я всегда присутствовал и узнавал все новости. Отец скупал ветошь и новый крестьянский холст: из первого приготовляли корпию всей семьей, а из холста я

*) Автобиография написана в декабре 1925 года в Москве.

стриг биты. Всего заготовили больше двух пудов и послали на театр военных действий. Спустя года два отец узнал, что все это где-то пропало, а втихомолку он говорил, что интенданты продали французам, а наши солдаты вместо корпии и бинтов употребляли сено и мочало. В начале 1856 г. мы переехали в Буй Костромской губ., где с осени я поступил во второй класс уездного училища, а затем года через полтора переселились в Солигалич, откуда весною 1858 г. отец повез меня в Питер для поступления в Технологический институт, куда и был принят осенью после экзамена из арифметики (первые 4 правила простых чисел и обыкновенных дробей), грамматики (общ. понятия) и закона божьего (краткая история и молитвы). Мне шел тринадцатый год, и за все это время я не читал никакой книжки, кроме учебников. Летом и зимою проводил время на улице, во дворе, на огороде. Игра в мяч, в городки, в карты, бабки, запускание змейков и пр. с соседями-ребятами. Знакомства с детьми помещиков или чиновников у меня не было. Технолог. институт был тогда закрытым учебным заведением с шестью классами: первые три приготовительные, общеобразовательные, а последние специальные, где изучали высшую математику, механику, химию и пр.—готовили механиков и химиков. В низших классах господствовала „зубрёжка", хорошо проходили низшую математику, а остальное очень поверхностно. Состав учеников — в роде уездного училища: дети мещан, ремесленников, среднего купечества. Учебной частью заведывал инспектор, а воспитательной полицмейстер с надзирателями. Последних считалось около двадцати человек, и все они были из заслуженных унтер-офицеров. Во главе стоял директор, генерал из горных инженеров. Первые два года пребывания в институте мало чем отличались от уездного училища: та же грубость, некультурность, похабщина, воспитатели частенько прибегали к порке. Вообще между институтом и кадетскими корпусами или бурсой существовало большое сходство. Но вот в 1860 году у нас появился учитель русского языка—А. Н. Моригеровский, который очень скоро начал антирелигиозную пропаганду среди учеников 3-го класса. Это тотчас же стало известно всем, и потому его вечерние занятия стали посещать ученики других классов. Со временем он начал задевать и политику. Начальство узнало, всполошилось, и скоро его убрали, но тем не менее он разбудил нас. С этих пор начались столкновения с нашим начальством, в которых я всегда принимал самое горячее участие, а иногда бывал и зачинщиком их. Один из молодых учителей, математик М. А. Красновский говорил мне: „Вам не миновать каторги", но говорил это любовно, мы симпатизировали друг другу. 1861 и 1862 гг. были знаменательными годами: освобождение крестьян, их волнения и бунты, студенческие волнения Петербургского университета, арест Чернышевского и приостановка „Современника" и „Русского Слова", прокламация „Молодая Россия", петербургские пожары. Все эти события волновали и меня с товарищами. Мы впервые услыхали имя Николая Гавриловича Чернышевского, и с этого времени я начал учиться на нем, стал покупать старые книжки „Современника" со статьями его и постепенно в течение нескольких лет приобрел этот журнал за все годы его деятельности. В 1863 году институт реформировали, сделали высшим учебным заведением, нас выпустили на квартиры, мы стали студентами. Поступление в институт было свободное, без экзаменов, и потому комплект учащихся поднялся сразу с 270 человек до 700. Поступило очень много поляков, которые через год ушли в восстание отчизны. Вскоре организовалась студенческая касса; я был выбран кассиром и депутатом курса. Тогда же я организовал литографирование лекций и продажу их по себестоимости. В институте была небольшая типо-литография для своих нужд, часть которой директор отдал в мое распоряжение для литографирования лекций. Около меня сформировался небольшой кружок, и было решено печатать запрещенное соч. Бюхнера „Сила и материя". Однако, это скоро провалилось, благодаря доносу в III Отдел. У одного товарища при обыске нашли склад листов книги, его арестовали. У меня ничего не нашли, и я отделался легко. Судил нас старый сенат.

Случайно я познакомился и вошел в кружок офицеров-артиллеристов и генерального штаба. Кружок занимался самообразованием и распространением запрещенных сочинений. Некоторые из них, и я в том числе, днем занимались в школе с подростками, а по вечерам иногда приходили рабочие с какого-то завода, с которыми велись беседы — легальные на житейские темы. Все они были горячие последователи Чернышевского, как и я. Тогда же я пытался устроить кооперативную лавочку, что было совершенной новостью. Незадолго до выстрела Каракозова я познакомился с Худяковым и вместе с своим товарищем Левенталем вошел в его группу. Вскоре после 4-го апреля (покушение Каракозова на Александра II) арестовали Худякова и Левенталя (умер в крепости), а я спасся тем, что за неделю уехал за город на урок, и полиция тщетно меня разыскивала. Мне пришлось скрываться больше года, и только в 1867 г. осенью я снова поступил в институт. После каракозовского выстрела

свирепствовала самая черная реакция: вся общественная, литературная и политическая жизнь замерла, все культурные начинания были уничтожены, нигде никаких проявлений жизни не было, и вдруг в декабре 1867 года заволновались студенты Технол. института вследствие исключения своего товарища. Начались огромные сходки, начальство институт. растерялось, пока не вмешалось знаменитое III Отд. Меня, как зачинщика и руководителя, немедленно исключили и выслали в Вологодскую губ. В ссылке познакомился с Н. В. Шелгуновым (сотрудник „Русского Слова“ и „Дела“), В. В. Берви (Флеровский), а значительно позже с П. Л. Лавровым. Все они были тоже ссыльные. В ссылке я прожил года полтора, а затем бежал в Америку, где работал на заводах до весны 1870 г., а в мае этого года был вызван в Женеву известным революционером С. Г. Нечаевым.

В Женеве ознакомился с русскими революционными делами и главнейше с Интернационалом, о котором до этого времени имел очень смутное представление. В нем тогда было два течения: анархическое, безгосударственное, с М. А. Бакуниным во главе, и социал-демократическое, государственное, с Карлом Марксом во главе. Первое стремилось к уничтожению государства, как источника насилия и всякого зла, а второе—к удержанию, укреплению его и овладению им. Для достижения этих целей первые признавали только революционный путь, восстание, а вторые—парламентскую борьбу, захват власти путем выборов депутатов в парламент (рейхстаг). Я присоединился к первым, а когда вскоре после этого познакомился лично с М. А. Бакуниным, то близко сошелся с ним, а потом интимно связался с ним. С осени 1870 г. я поселился в Цюрихе, где среди студенток и студентов университета и политехникума вел революционную пропаганду и основал кружок и библиотеку. В сентябре Бакунин со своими друзьями, французскими рабочими Интернационала, организовал в Лионе восстание и провозгласил Коммуну; в этом движении я принял небольшое и косвенное участие. Через семь месяцев, 18 марта 1871 г., Париж восстал и образовал знаменитую Коммуну. Как только это стало известно, я в компании двух французов-рабочих и одного поляка уехал в Париж и пробыл там до конца, принимая активное участие в борьбе с врагами ее. Летом 1871 года вступил в Юрскую федерацию Интернационала. В это же время я опасно заболел, устранился от всех дел и только через девять месяцев вполне оправился. 13 июля 1872 г. в Цюрихе был арестован С. Г. Нечаев, известный революционер, а затем и выдан русскому правительству. Он передал мне свой архив, за которым пришлось ехать в Париж и разыскать его там. Участвовал: 1) в приготовлениях к Гаагскому Конгрессу Интернационала и 2) в анархическом конгрессе в St. Imier и в последующих конгрессах. С ноября 1872 г. до весны 1873 г. мною с товарищами велась усиленная борьба с П. Л. Лавровым, окончившаяся полным разрывом. Устраивал типографию и печатал вместе с товарищами отдельные книжки („Госуд. и анархия“, „Истор. развитие Интернационала“). Окончив их печатание, отправился на русскую границу, где вполне удачно организовал переправу большей части издания в Петербург. После этого уехал в Лондон вместе с типографией, отпечатал там 3-ю книжку: „Анархия по Прудону“, и половину издания тоже благополучно переправил в Россию. С границы проехал к Бакунину в Локарно, где подготовлялось восстание в Болонье и устройство дела с виллой „Бароната“. И в том и в другом я принимал большое участие. К этому времени в Париже начали появляться из России эмигранты-революционеры; я поехал туда, встретился с Кравчинским, Клеменцом, Иванчиным-Писаревым и др. Особенно сошелся с первым, с которым летом 1875 г. участвовал в Герцеговинском восстании на Балканском полуострове. По возвращении из Герцеговины в Женеву собралось несколько русских революционеров (Клеменц, Натансон, Кравчинский, я, Мокриевич Иван, Габель, Енкуватов, Лопатин), было несколько собраний, на которых решили возвратиться всем в Россию и попытаться, сообразно имевшимся сведениям, почерпнутым из „хождения в народ“, организовать восстание трудовых масс. Все уехали на родину, кроме Лопатина. По моем приезде я скоро увидел, что вчерашние защитники идеи восстания сегодня стали ее противниками. В апреле при моем переходе границы меня арестовали, привезли в III Отделение. Дальше, Петропавловская крепость, Дом предварительного заключения, привлечение к процессу 193, суд, приговор, неутвержденный царем, каторга в Новоборисоглебской центральной каторжной тюрьме Харьковской губ. В 1882 году вышел на поселение в Култук Киренского округа, затем перевод в г. Киренск, где женился на Евгении Николаевне Фигнер, ссыльнопоселенке. Условия жизни были очень суровые; я немного зарабатывал столярным ремеслом, а жена от своей матери получала небольшое пособие. Скоро родился у нас сын. В 1886 г. перевели в Балаганск, такое же гиблое место, как Киренск. Здесь я переменил профессию, стал переплетчиком, переплел несколько сот книг-учебников для двух школ. Одно время имел даже урок, хотя уроки и частная служба строго воспрещались нам. В 1888 г. приписали к

крестьянству и разрешили частную службу в коммерческих предприятиях. Переехал в с. Листвичное на озере Байкал и поступил механиком в пароходство. Через год предложили ехать на золотые прииски Витимской системы, а отсюда опять через год перевели на Ниманские прииски Амурской области, где я прожил с семьей пять лет управляющим приисками. В силу какого-то манифеста перевелся в Западную Сибирь, именно в Тюмень. Здесь поступил в пароходство Богословского горного округа механиком, а потом управляющим. В 1900 г. разрешили жить в некоторых городах Европейской России; выбрал Ригу. Революцию 1905 г. встретил в Нижнем-Новгороде, принимал в ней небольшое участие. С 1906 г. по 1916 г. жил в Петербурге и заведывал хозяйств. частью издания журн. „Русское Богатство", выходившего под ред. В. Г. Короленко. В декабре 1916 г. по болезни отказался и уехал на Северный Кавказ к сыну и прожил там до 1920 г. В этом году вместе с женою перебрался в Москву и первые полтора года занимался в Центральном Архиве. В мае 1917 г. я на время приезжал в Питер, откуда, по поручению „Общ-ва помощи политич. ссыльным", ездил в Иркутск с целью организации вывоза их из Якутской обл. в Россию. [См. „Воспоминания М. П. Сажина (Арман Росс)", М., 1925.]

Салова, Неонила Михайловна *).

Родилась я в октябре 60 г. в небольшом имении моей матери Черниговской губ. Мглинского уезда. Раннее детство провела в той же деревне. Родина моя—глухое захолустье, удаленное от культурных центров, население бедное, сплошь неграмотное: не было тогда ни школ, ни медицины. Росла я одиноко и почти на полной воле, в тесном общении с природой. Мать—вдова, всецело поглощенная заботами по хозяйству, чтобы извлечь средства для образования детей, за недостатком времени не могла уделить мне много внимания. Старшие дети, брат и сестра, обучались уже в учебных заведениях. Наша единственная прислуга в доме—Семеновна, совмещавшая обязанности кухарки и горничной, была занята какой-либо работой.

Все теплое время года я проводила в запущенном красивом саду с примыкавшими к нему березовыми рощами, где бывало много грибов, собирать которые очень любила. Убегала в поле на ближний покос, где бывали работы. Зимой—целодневное катание с горы на салазках. Игры мои—точная копия всего происходившего в усадьбе. Под высоким крыльцом старого дома помещалось мое хозяйство, при чем разные шишки изображали скот, тряпичные куклы—прислугу, были и господа, сидевшие во флигеле на особо отведенном им столике. Много времени провожу на скотном дворе, играя там с молодыми животными. Захожу в конюшню, где стоят выездные лошади. Радости моей нет границ, если бородатый кучер Иван, посадив меня на спину умного смирного коренника—Серого, покатает по двору. Отношение ко мне всех работающих в усадьбе доброе куда ни захожу, везде встречаю радушный прием, привет и ласку, быть может потому, что я была единственным ребенком в усадьбе, стоявшей в стороне от деревни. Я пользовалась полной свободой передвижения, только мне строго запрещалось ходить одной к реке, чтобы не утонула, и в деревню, где тогда появилась „французская болезнь", занесенная в нашу глушь, вероятно, отбывшими военную службу. Об этой болезни у нас говорили со страхом, таинственным шопотом. Сказок в детстве мне не рассказывали, но я наслушалась много про старину. В долгие осенние и зимние вечера мать, закончив свои счеты и записи, поужинавши, садится к столу с работой—шитьем, вязаньем. Убравшись на кухне, приходит к нам ночевать Семеновна, она тоже присаживается к столу с своим бесконечным чулком. Семеновна—строгая пожилая женщина, бывшая дворовая каких-то важных господ, в свободное время всегда вяжет чулок. И вот две женщины, обе пожилые, вспоминают далекое прошлое, свое детство, молодость, что они сами пережили или слышали от прежних старых людей. Я, сидя на диване, внимательно слушаю. Былая помещичья роскошь, пиры, охота, домашние театры, оркестры из крепостных музыкантов, балы, кавалеры, красавицы в пышных нарядах,—все это уже прошло и походило на сказку. Страшные картины крепостничества; прожигатели жизни, кутилы, деспоты, истязающие не только рабов, но и своих жен-страдалиц, кротких и прекрасных. Мамаша возмущается: она ярая сторонница женской независимости, для чего, по ее мнению, нужно женщине как можно больше образования. Слушая интересные рассказы про старину, я веду упорную борьбу с одолевающим меня сном, но сон сильнее моей детской воли, и он побеждает. Облокотясь на стол, я вдруг засыпаю, меня уносят на руках или же полусонную ведут в спальню, укладывают в постель. В те же длинные вечера, когда я подросла, мать обучает меня грамоте по складам, как сама она училась в детстве.

Так тихо и мирно протекает моя жизнь, но время бежит быстро: я уже грамотная, читаю, пишу, знаю счисление и 4 правила арифметики, мне уже 10-й год. Мамаша все чаще и чаще говорит, что без образования

САЛОВА Н. М. (1860–?).

*) Автобиография написана 26/III–26 г. в г. Чите.

теперь, особенно женщине, прожить нельзя, что мне пора уже поступать в гимназию, для чего нужно ехать в Чернигов. Слушая рассеянно эти рассуждения на счет необходимости серьезного учения, которое мне совсем не по душе, веду прежнюю жизнь. Чтобы облегчить для меня резкий переход от старого к новому, сократив учебное время до каникул, мамаша решает увезти меня не с осени, а только после рождественских праздников. Наступает, наконец, и этот крайне тяжелый для меня день отъезда, глубоко врезавшийся в мою память. Встаем очень рано, при огне; лицо у мамаши какое-то особенное: она очень бледна, серьезна, сдержанна. Такое же лицо, помню я, было у ней при отъезде моей старшей сестры в институт, когда она подвела девочку к тяжело больному, умирающему от чахотки отцу и подала ему образ для благословения. В то время я была еще мала, но эта жутко-торжественная сценка запомнилась. В то утро я туго воспринимаю впечатления. Душа моя как будто застыла. Набирается порядочная толпа провожающих; тройка, запряженная в просторные сани, уже у крыльца; мамаша, одетая по дорожному, усердно молится перед образами, кладет земные поклоны, затем, обернувшись ко мне, благословляет, целует меня, сдерживая слезы. Провожающие тоже крестятся, целуются со мной. Скоренько укладывают вещи, мамаша садится в сани, усаживают и меня. Застоявшиеся лошади с места берут крупной рысью, и мы мчимся. В городе мамаша устраивает меня в частный пансион для подготовки в гимназию. Она живет две недели в гостинице, пока свыкнусь с новой обстановкой. Последнюю ночь накануне ее отъезда провожу уже в пансионе. Утром мамаша подъезжает проститься. Опять тяжелая сцена! С мамашей простилась довольно спокойно, но когда зашел Иван, я, повиснув у него на шее, так вцепилась, что с трудом от него оторвали. Все кончено, они уехали. Со мной все ласковы, успокаивают меня, а я все плачу, плачу без конца. Я так много потеряла. Резкая перемена в жизни дурно повлияла на мой характер: из доверчивой и общительной, какой была в деревне, я становлюсь замкнутой, робкой, застенчивой, чему много способствует мой физический недостаток—близорукость. В это время я, вероятно, походила на зверька, запертого в тесную клетку. Маленькие подруги, уже пережившие тяжесть разлуки с родными, несколько привыкшие к новой обстановке, стараются развлекать меня,—я чуждаюсь их: детская компания мне не привычна. Не принимаю участия в играх, одиноко страдаю. Я как бы завяла в это время, как молодое растение, оторванное от родной почвы и пересаженное в другую. Проходят томительно-мрачно 3 месяца, наступают каникулы, я опять дома. Радость и веселье. Простор и свобода! Старый сад в роскошном весеннем убранстве прекрасен. Собаки, заслышавши дорожный колокольчик, шумно встретили меня еще у гумна, далеко за усадьбой. Радуясь свободе, бегая по саду, осматривая там чуть не каждое дерево и кустик—такие милые, дорогие - я не забываю, что счастье мое непродолжительно, что скоро должна вернуться т у д а. Это неизбежно.

Переживши жестокую душевную бурю, я уже не прежняя. Изменились и мои отношения с окружающими, нет уже прежней простоты. Мне почему-то неловко пойти к работающим в поле, на покос, куда раньше так охотно хаживала. Кучер Иван, знаток и любитель лошадей, при наших встречах уже не ведет прежних разговоров со мной по своей специальности: как узнавать при покупке достоинство лошади, определять ее возраст; как ухаживать за лошадьми, кормить их, ездить, чтобы не испортить, (приводятся многочисленные примеры порчи дорогих лошадей неопытными и пьяными кучерами. Все теперешние кучера, по мнению Ивана, пьяницы). Я уже стесняюсь просить его, чтобы покатал меня на Сером, и он стесняется предложить мне это. Как тяжело бы мне не было, я не повисну у него на шее, обливая его слезами, как было при прощании с ним в пансионе. Я уже не прежняя деревенская девочка, похожая на крестьянских ребят, только почище одетая, я уже городская. Чувствуется уже некоторая отчужденность, сдержанность, не то, что было раньше; эта отчужденность с каждым приездом домой на каникулы чувствуется все сильнее и ярче. В доме я гостья, будущая „образованная женщина". В то памятное утро при отъезде в город, рыдая на крыльце нашего скромного флигиля, я навсегда простилась с моим ранним детством и вступила в новую полосу жизни. К сожалению, этот переход случился очень рано. Подготовившись, я поступила в средине учебного года в гимназию в 1 или 2 класс—не помню, потому что вслед за поступлением захворала корью, а затем тяжелым возвратным тифом с несколькими приступами, сопровождавшимися полным истощением организма и нервным расстройством, последствием чего была оставшаяся у меня на всю жизнь легкая дрожь в пальцах рук, усиливающаяся при волнении. С наступлением тепла меня берут в деревню; быстро оправившись от перенесенной болезни, принимаюсь за учебу под руководством брата, студента-медика, приехавшего на лето домой. Опять в середине учебного года поступаю в гимназию в 3 класс.

В младших классах преподают учительницы, молодые девушки, стремящиеся продолжить свое образование. Отношение к

учащимся хорошее, но знания их ограничены, что они и сами сознают. В старших классах учителя с высшим образованием, преподающие сухо, строго придерживаясь программы и учебников. Скучно... Со стороны надзирающих за нашим поведением нет больших притеснений, придирчивости. Начальница — пожилая добродушная дама, классные дамы, больше молодые, тоже не дурные. Но все нам чужие: встречаясь вне школы, мы только церемонно раскланиваемся, быстро минуя друг друга, нам нечего сказать. Учимся для отметок, чтобы, благополучно переходя из класса в класс, скорее окончить гимназию. Гимназия нас не удовлетворяла. В своем рассказе о моем прошлом, незаметно для себя, я перешла к местоимению „мы" вместо прежнего „я": войдя с возрастом в товарищескую среду, живу не только личной, но и общей с подругами жизнью. В последующем рассказе эти местоимения будут чередоваться.

Будучи еще подростком, в младших классах я слышала от старших гимназисток, живших в пансионе, где жила и я, о первых русских женщинах-докторах, получивших образование за границей—Сусловой и Кашеваровой. Слышала также, что в Петербурге уже открыты медицинские женские курсы. Я хочу быть доктором.

Предоставленные в своем развитии самим себе, не удовлетворяясь школьной учебой, мы жадно набрасываемся на чтение, поглощая все, что попадается под руку. Читаем без руководительства, без системы; многого из прочитанного не понимаем. Любим Тургенева с его прекрасными героинями; Лиза из „Дворянского гнезда"—моя любимица. Некрасов—наш кумир, наш учитель; его стихотворения мы заучиваем наизусть, с чувством декламируем, поем. По стихотворениям Некрасова („Русские женщины", „Дедушка") интересуемся декабристами, о которых в учебнике кратко говорится, как о безумцах, стремившихся путем восстания ниспровергнуть существующий государственный строй, потерпевших неудачу и жестоко наказанных. За такое же преступление, слышали мы, отбывал каторгу Достоевский, написавший интересные „Записки из мертвого дома". Гимназисты, старшие братья моих подруг, развитее нас, от них можно бы получить разъяснение, но они избегают разговоров с „девчонками", держатся серьезно, недоступно, „важничают", по выражению сестер. Пансионское начальство, косо посматривающее на наше увлечение чтением в ущерб приготовлению уроков, принимает кое-какие меры к ограничению этого увлечения. Мы со своей стороны приучаемся быть осторожными: читаем в разных укромных уголках, ночью при свечном огарке; прячем книги, чтобы не отняли. В году учусь пестро, с перебоями, в зависимости от настроения и степени интересности читаемой мною книги; почуяв приближение экзаменов, подтягиваюсь: забравши себя в руки, усиленно занимаюсь школьными предметами и, хорошо подготовившись, перехожу в следующий класс в числе лучших учениц. Заслуженная мною репутация „лентяйки" остается за мной до окончания гимназии.

В старших классах из „тайной" библиотеки гимназистов попадает к нам кое-что запрещенное: „Что делать?" Чернышевского, некоторые сочинения Герцена, „Исторические письма" Лаврова. В это время гимназические компании—мужская и женская—понемножку сливаются. Предпринимаются совместные загородные прогулки, катанье в лодке, составляется общий хороший хор; много беседуем. Узнаем, что Чернышевский — очень талантливый человек, отбывший каторжный срок, находится где-то далеко в якутской глуши, лишенный возможности продолжать свою литературную деятельность. Герцен и Лавров—эмигранты, не могущие жить на родине. Политический гнет, давящий все талантливое и живое, обрисовывается для нас с полной ясностью. Только темнотой и невежеством народа, по нашему мнению, поддерживается этот колосс на глиняных ногах. Социализм, хоть и желателен, рисуется нам в далеком будущем светлым пятном в тумане. Только бы свергнуть самодержавие, а там дальше народ „широкую, ясную грудью проложит дорогу себе".

Процесс 50. Краткий отчет этого процесса, речи подсудимых, их карточки. На скамье подсудимых рядом с рабочими студенты, молодые девушки, отказавшиеся от привилегий своей среды и ушедшие на фабрики с искрой света в темное царство.

Впечатление сильное, глубокое, имевшее для некоторых из нас серьезные последствия. Мы задумываемся над нашим будущим: близко окончание гимназии, — куда итти, что делать? Некоторые юноши, бросив гимназию, учатся ремеслам. Хоть они молчат, но для всей нашей компании ясно, с какой целью это делается. Я решаю итти вслед за девушками из процесса 50, той же дорогой. Буду работать в деревне, для чего нужно изучить какую-либо специальность, чтобы занять положение, близкое к населению. В то время только два поприща были открыты для женщины—педагогия и медицина. Я останавливаю свой выбор на последней, не чувствуя к ней, однако, ни малейшей склонности; учить грамоте, если понадобится, могу и без педагогии.

Окончив гимназию весной 77 г., спешу в Петербург, от которого жду многого. Поступаю на фельдшерские курсы при „Общине сестер милосердия св. Георгия". Будучи еще крайне юной, не имея полных 17 лет, лишенная самой малой дозы прак-

тичности, устраиваюсь очень плохо; вследствие плохого питания быстро наживаю острое малокровие. Такие события, как процесс 193, выстрел В. И. Засулич, суд над ней, оправдание — проходят для меня, по причине болезненного состояния, как в тумане. Страдаю тоской по родине. Много разочарований. Тяжелое время, не хочется вспоминать.

Пропуская рассказ о переживаниях следующих лет, перехожу к „революционному" периоду моей жизни.

Еще в 1-й год моего пребывания в Петербурге знакомлюсь с М. Н. Ошаниной и ее сестрой Н. Н. Оловенниковой. Изредка посещая их, встречаю, в числе многих других, известных Алек. Квятковского, В. А. Осинского, Мих. Родион. Попова. Слушая горячие споры между этими людьми, твердо уже ставшими на революционный путь, туго разбираюсь в тогдашних направлениях. Мария Николаевна с сестрой, гораздо старше меня, относятся ко мне, как к девочке-подростку, какой я и была в действительности. Бывая иногда с товаркой по курсам у А. Н. Малиновской, знакомлюсь с офицером Дубровиным. Дубровин, человек атлетического сложения, думает, бросив службу, уйти, с целью пропаганды, на Волгу чернорабочим. Вместо того скоро попадает на виселицу. Публичная казнь Дубровина происходила на крепостной стене. Мы, тогдашняя молодежь, считавшие себя обреченными, находили нужным, с целью испытать себя, присутствовать при этой казни. Позднее, бывая у семейного студента-медика Саввы Долгополова, встречаю Гр. Исаева и П. Поливанова, живого, жизнерадостного юношу. Все эти знакомства и встречи не проходят, конечно, для меня бесследно.

Летом 80 г., уже значительно подросшая, познакомившись с Верой Николаевной Фигнер, примыкаю к „Народной Воле", единственной тогда партии действия. Стремлюсь работать среди рабочих. В. Н. знакомит меня с студентом Коковским, известным под кличкой Валентина, целиком ушедшим в рабочую среду. Валентин не советует мне итти к рабочим; говорит о трудности работать там. Молодая девушка студенческого типа сразу обратит на себя внимание, возбудит любопытство. Заметив мою близорукость, говорит: „Еще, пожалуй, приведете с собой шпиков". Это страшно. Все-таки, ради опыта, он знакомит меня с двумя братьями-рабочими, живущими со старушкой-матерью и подростком-сестрой, которую нужно немножко подготовить для поступления в ремесленную школу. Побывавши в рабочем квартале, где на улицах людно и потому трудно заметить слежку, принуждена согласиться с доводами Валентина. Подготовив и определив девочку в школу, прекращаю посещения. Валентин, имеющий вид мастерового, вполне подходит к рабочей среде. Этот юноша, скоро умерший от скоротечной чахотки, слышала и имел громадный успех у рабочих, как пропагандист.

Вера Николаевна привлекает меня, имеющую много знакомств среди учащихся, в группу для сношений с молодежью. В эту группу, кроме меня и двух университетских студентов, входит В. Н., как представитель Исполнительного Комитета, и С. Дегаев, студент-путеец. Наши собрания, происходящие часто, чуть ли не еженедельно, посещают иногда Франжоли с женой Евг. Завадской и С. Л. Перовская. Благодаря моим прекрасным отношениям с хозяйкой, простой женщиной, со стороны которой не может быть никаких враждебных выпадов, моя квартира считается надежной и служит для свиданий революционеров с кем либо из молодежи, или между собой. Иногда, проходя мимо, заходят отдохнуть. Вера Николаевна, не имевшая, вероятно, квартиры, некоторое время ночует у меня. Отказавшись категорически от моего единственного ложа, она, подостлавши под себя кое-что, мирно почивает на полу в уголке под образом, перед которым иногда теплится лампадка, зажженная религиозной хозяйкой.

О приготовлениях к цареубийству я ничего не знала. Известие о совершившемся событии застает меня в мертвецкой на вскрытии. Было, помнится, воскресенье. Думая, что в городе волнение, быть может восстание, бегу по улицам, но все спокойно, как-будто ничего особенного не произошло. К месту взрыва мне не захотелось итти. Аресты, последовавшие за событием 1 марта, быстро опустошают ряды революционной молодежи, шумно прожившей ту зиму. В нашу группу, вместо уехавшей после цареубийства Веры Ник., вошла представительницей от Исполнит. Ком. А. П. Корба. Дегаева тогда уже не было с нами. Затем уехала А. П., и группа прекратила свое существование.

Сдавши последний экзамен, покончив с курсами, уезжаю и я попидаться с родными, живущими в скверном уездном городишке, где сестра служит акушеркой-фельдшерицей в земской больнице. Именьице, в котором прошло мое детство, давно сдано в аренду, там из семьи никто не живет. У меня уже нет желания побывать там.

Возвращаюсь в Петербург только в январе 82 г. Часто вижусь с А. П. Корба и Грачевским. Уцелевшая от погрома молодежь притихла—нет прежних кружков саморазвития и шумных сходок. Мне хочется в провинцию, которая может быть не так опустошена; в Петербурге нужна передышка.

Скоро уезжаю в Харьков на свидание с

Верой Никол. Нахожу ее совершенно больной. В. Н. направляет меня в Одессу. Там нахожу тишь да гладь, как и в Петербурге. Все ценное выловлено, тюрьмы переполнены, готовится большой процесс (М. И. Дрей, Ф. А. Морейнис и др.). На воле юная молодежь. Я немногим старше их и по возрасту и по революционной работе. Сбиваемся все-таки в кучку, мечтаем о человеке постарше нас. Вернувшийся из административной ссылки А. А. Спандони, уставший и больной, не удовлетворяет нас. Офицерство, еще не тронутое арестами, держится довольно крепко. Есть кое-какие связи с рабочими, уцелевшими от разгрома. Прибывает после летних каникул учащаяся молодежь. В конце октября (82 год) и начале ноября В. Н., вызвав меня в Харьков, посылает за границу с письмом к Тихомирову и Ошаниной. Я отбиваюсь от этого поручения, прошу пощадить меня, — не хочу я за границу. В. Н. непреклонна, настаивает и, наконец, последний ее аргумент, что там меня хорошо знают и потому отнесутся с полным доверием, заставляет меня согласиться. Чтобы успокоить меня, крайне огорченную, В. Н. вручает мне порядочную сумму денег, обеспечивающую скорое возвращение на родину. О моей поездке за границу рассказано в „Запечатленном труде" В. Н. Будучи рядовым членом партии, зная, что дела партии, после перенесенных ею ударов, плохи, я все-таки верила в существование „Испол. Комитета", часть которого временно находится за границей. При моем безграничном доверии к В. Н. я совершенно не интересовалась содержанием письма.

Выхлопотав, по возвращении в Одессу, заграничный паспорт, что заняло порядочно времени, спешу в Женеву, где жил тогда Тихомиров. Вернуться тотчас никак нельзя,—нужно ждать ответа на письмо. Поселившись в семье Тихомирова, знакомлюсь со многими эмигрантами, в числе которых, к великой моей радости, встречаю давно известных мне В. И. Засулич и С. Ил. Бардину. Память об этих удивительных женщинах и сейчас, на закате дней моих, храню, как святыню. Софья Илларионовна, порядочно помятая жизнью, больная, временами бывала очень интересна, очаровательна. Когда, бывало, В. И. и С. Ил., оживившись, вспоминают свое прошлое, забывая, быть может, о моем присутствии, я—вся слух и внимание, жадно слушаю, боясь пропустить единое слово.

Мои дела совсем плохи. Из газет узнаю о провале одесской типографии с хозяевами-супругами Дегаевыми. Загадочный побег Дегаева. Случилось это, кажется, в декабре. Получаю письма от одесских товарищей с предупреждением не возвращаться легально, советуют посидеть за границей. В феврале еду повидаться с Мар. Ник. Ошаниной в Париж, куда через некоторое время переезжает и Тихомиров с семьей. В феврале же узнаем об аресте Веры Николаевны.

Из России появляются новые эмигранты— В. А. Караулов, А. Н. Кашинцев, Э. А. Серебряков. Приезжает Гал. Фед. Чернявская, жившая в Харькове в одной квартире с Дегаевым после его побега и выехавшая после ареста В. Н., по его настоянию. Творится что-то непонятное, страшное: кто-то, хорошо осведомленный, предательствует; —кто он? Дегаев, приехавший в Париж по вызову, вне подозрений: он по возрасту не мальчик, он побывал уже в разных переделках, его хорошо знают. Он отводит глаза, указывая, как на предателя, на одного, другого, — из сидящих в тюрьмах. Но те, давно изъятые из обращения, не могут знать текущих дел. В статье Кубалова („Каторга и ссылка", № 5/12, стр. 101) со слов М. П. Овчинникова говорится: „О роли Дегаева смутно догадывался друг и единомышленник М. П. П. Ф. Якубович. По словам М. П., Якубович отправился в Париж и там сообщил о подозрительном поведении Дегаева". Якубович в Париже тогда не бывал. По приезде моем в Париж я, хоть и жила отдельно от Ошаниной, проводила у нее большую часть времени, знала всех приезжих, которыми особенно интересовалась. Затем, когда наняла отдельную квартиру из трех комнат, я поселилась в ней с Ошаниной и Чернявской. Все приезжие проходили через эту квартиру, прозванную в шутку „штабом". Впервые встретилась с Якубовичем по приезде в Петербург на одном собрании, о чем скажу дальше.

Дегаев, по моему мнению, не был только простым предателем-шкурником, он еще и психопат, страдавший манией величия; запутавшись в судейкинских сетях, тяготясь, в конце-концов, жалкой и опасной ролью простого предателя, он искал выхода. Единственным выходом из создавшегося для него положения было признание, что он и сделал. Случилось это летом 83 года (месяца не помню; быть может, в конце августа или даже в сентябре, не позднее). Некоторое время спустя после дегаевского признания, с целью наблюдения за выполнением смертного приговора над Судейкиным отправился из-за границы Г. А. Лопатин, выехавший из Петербурга обратно тотчас же после убийства. Должна сказать, что грязную дегаевскую историю я узнала только после убийства Судейкина. До того, жалея меня, усиленно скрывали, да и рассказывать мне раньше не было никакой надобности. Мне и теперь, много десятков лет спустя, противно вспомнить о тогдашних моих переживаниях. Открывая мне тайну, ставшую уже явной, М. Н. Ошанина, удивляясь ловкости Дегаева, сказала, что даже работавшие с ним революционеры не

заподозрили его в предательстве, из России ничего не сообщалось о подозрении на его счет. Через несколько дней после убийства Судейкина Дегаев прибыл в Париж, где проживала его жена, отправленная им из Петербурга месяца за 1½—2 до убийства. Состоявшийся над Дегаевым суд приговорил его к изгнанию из отечества. Судьями были—Лопатин, Тихомиров и Караулов. В присутствии Тихомирова, сопровождавшего супругов Дегаевых в Лондон, они сели на пароход, отходивший, кажется, в Южную Америку. Мне случалось слышать недовольство, что Дегаева оставили живым, не убили. Убивать такого, каким он был тогда,—лежачего, поверженного во прах,—не имело никакого смысла.

Собираюсь в Россию; хлопочу о паспортах—для переезда границы и для проживания на родине; последний доставляет мне В. И. Сухомлин, мой близкий знакомый, приехавший из Одессы. Скажу несколько слов о наших „стариках", давно умерших.

М. Н. Ошанина—женщина богато одаренная, очень живая, умная, с сильным характером тогда в Париже она была уже совершенно больная, страдала, между прочим, сильнейшими мучительными мигренями. Л. А. Тихомиров—мягкий до бесхарактерности человек, уже в то время казался нервнобольным, несмотря на все усилия скрывать это. Он, например, мог работать (писать) только ночью при абсолютной тишине, напившись предварительно крепчайшего кофе, изрядный запас которого он брал к себе на ночь. Он был до смешного детски-непрактичен и равнодушен ко всяким житейским удобствам; блага земные не имели для него ни малейшего значения. Такой человек не мог стать „ренегатом", как его обыкновенно называют; только болезнь, глубокое психическое расстройство, могла привести его в лагерь врагов. В то время они, оба инвалиды, свято хранили заветы прошлого.

Кроме меня, едут Лопатин, Караулов и Кашинцев. Все мы были добровольцами, никто нас не посылал. Меня уговаривали остаться года на 2—3, чтобы поучиться. Никакие уговоры не могли меня остановить. — Царизм еще не умер, — живы, значит, и революционеры. После перенесенных потрясений, силы их слабы, но они окрепнут. После затишья будет буря, сильнее прежней. Не могу я, сидя в Париже, „погружаться в науки, предаваться мечтам", когда на родине борются и гибнут.

На происходивших тогда совещаниях решают назвать петербургскую группу из трех лиц—Лопатин, Сухомлин и я—„Делегацией Исполнит. Комитета Народной Воли", определяя этим названием наше отношение к прошлому и тесную связь с ним. Самой значительной и видной фигурой между всеми нами был, конечно, Г. А. Лопатин. Я вхожу в эту группу только потому, что, обладая хорошей памятью, не нуждаюсь в записках, я—аккуратна, осторожна, имею уже кое-какой опыт в конспирации. Мы с В. И. Сухомлиным ни в руководители, ни в организаторы не годимся, что хорошо сознаем, и вообще на всех нас, не исключая и Лопатина, при тогдашнем положении дел, смотрели только как на разведчиков и собирателей разрозненных сил. Никаких выступлений не предполагалось и быть их не могло. Самое большое, что мы могли тогда сделать, это—выпустить № 10 „Народной Воли". Наши задания на первое время скромные.

В марте мы с Г. А. уезжаем позже всех. Благополучно перебравшись через границу, на ст. Вилейка расстаемся: Г. А. направляется в Петербург, я—в Киев для свидания с Карауловым, уехавшим из Парижа раньше нас. На явочной квартире узнаю об аресте Караулова в числе многих других. Один из нашей компании, значит, выбыл в самом начале. В Петербурге нахожу Лопатина и Сухомлина. Лопатин говорит о своем знакомстве с Якубовичем и о начавшихся переговорах с „Молодой Народной Волей", о которой мы уже знали в Париже.

Назначается собрание, на которое должны явиться представители от нас и молодых. Это собрание, по некоторым причинам, помню с полной ясностью,—состоялось в квартире знакомого Якубовича, кажется, ветеринар. врача. Мы присутствуем все трое, от молодых—Якубович и Овчинников, пожилой человек.*) Того и другого вижу впервые. Лопатин с Якубовичем горячо спорят по тогдашним злободневным вопросам. Мы с Сухомлиным изредка вмешиваемся, чтобы смягчить резкости Лопатина, могущие повредить успешности переговоров. М. Н. Овчинников угрюмо молчит. Вдруг Лопатин, вскочив с места, протянув руку через стол и указывая на Овчинникова пальцем, гневно кричит: „Молодежь я понимаю... Но как можете вы, пожилой уже человек, поддерживать раскол... Стыдно вам!.. Стыдно!.." Овчинников, что-то пробурчав, быстро ушел из комнаты, громко хлопнув дверью. На этом моменте останавливаюсь так долго потому только, что с рассказом об этом собрании в статье В. Кубалова не могу согласиться („Каторга и ссылка", № 5/12, стр. 102). В статье Кубалова рассказано так: „Лопатин рассчитывал, что в силу своего авторитета он заставит М. Н. быть уступчивым, но, встретив с его стороны упорное сопротивление, он разгорячился настолько, что спорившие стали один против другого в угрожающие позы с приподнятыми

*) Из процесса 50-ти. *В. Фигнер*

кулаками... Все присутствовавшие растерялись, кроме Якубовича, который стал между Лопатиным и Овчинниковым". Так не было. М. П. Овчинников не только не спорил с Лопатиным, но мы даже голоса его не слыхали, он все время молчал. Все были спокойны, никто не „растерялся", потому что ничего особенного не произошло. По уходе Овчинникова, Якубович, выразив в нескольких словах порицание Лопатину за его резкую выходку, продолжал переговоры. В. И. Сухомлин, еще живущий, наверно помнит это собрание. Дальше в статье Кубалова („Каторга и ссылка", № 5/12, стр. 103) говорится: „С этих пор, несмотря на приглашения, посылаемые Лопатиным, М. П. перестал ходить на заседания Центральн. Исполнит. Комиссии, которая должна была заменить в России Исп. Комитет". Ничего не понимаю!.. Если это про наши собрания говорится, то М. П. никогда и раньше на них не бывавший, не мог переставать ходить.

Соглашение с „Молодой Народной Волей" состоялось скоро. „Прокламация, извещавшая о разделении партии „Нар. Воли" на две самостоятельных организации и излагавшая программу „Молодой Воли" (ст. Кубалова, „Каторга и ссылка", № 5/12, стр. 104) не была выпущена из типографии. Вместо этой прокламации Якубович, уехавший в Дерпт, взялся печатать № 10 „Народной Воли", куда вошли следующие статьи: передовая „В мире мерзости и запустения"—Тихомирова, ст. Лопатина—„Ошибки революционера и преступления предателя", статья Н. К. Михайловского по поводу закрытия „Отеч. Записок". Приезжавшие в то время с юга Бах и С. Ан. Иванов, после переговоров, прошедших не без трений, согласились соединиться с нами. № 10 „Народной Воли" печатался не только в Дерпте, но и в Ростове под наблюдением Баха и С. Иванова.

Скоро все разъехались, кроме меня, оставшейся на лето в Петербурге. Сухомлин, уехавший в Одессу, должен был побывать кое-где. Лопатин, с целью узнать настроение и привести в известность остатки народовольчества, отправился в объезд по провинции. Устроилась я хорошо. Глухое место близ Песков—угол Преображенской и Бассейной ул.—проходной двор, комната с отдельным х[о]дом, добродушная старушка хозяйка, с которой у меня завязывается дружба; живем с ней „как рыба с водой", по ее выражению. Каждое утро А. Пав. Саввина, идя на службу, забегает узнать о моем здоровье. Ей сказано, что если я не ночевала дома, значит арестована. Нахожу старых друзей, завожу новые знакомства, поддерживаю связь с отсутствующими товарищами. Лето проходит благополучно.

В начале октября, на 3 день по приезде Лопатина, мы с треском проваливаемся. А. П. Саввина, зайдя утром ко мне и узнав, что я не ночевала дома, бежит к Лопатину, попадает в засаду. Моя квартира, как потом узнала, была открыта только на 3-й день после ареста по заявлению хозяйки о моем исчезновении. При обыске в моей квартире был найден только небольшой сверток, заключавший в себе зашифрованную адресную книжку и несколько писем, полученных в отсутствии Лопатина; по его просьбе я сохраняла их до его возвращения. Этот сверточек, хранившийся обыкновенно в надежном месте и взятый к себе по приезде Лопатина, не давал мне покоя в тюрьме: не могла я простить себе этой оплошности.

Письма эти были по содержанию вполне невинны, но почерки могли служить уликой авторам. Ведь, переписав эти письма, я могла подлинники уничтожить. О тюремных переживаниях мною уже писалось. Мои тяжелые переживания были исключительно связаны с нашим скандальным провалом. На воле, думая о тюрьме, которой мне рано или поздно не миновать, я твердо решила отказаться от показаний. Мне пришлось изменить свое решение: я давала показания, чтобы сколько-нибудь выгородить многочисленных арестованных по нашему делу, часто совсем невинных.

Тревожное состояние во все время заключения в крепости не покидало меня,—я всегда находилась в ожидании допросов, на которых чувствовала себя, как живая рыба на раскаленной сковороде. Первое время заключения, погруженная в свои думы, я совсем не замечала сурового режима крепости. Меня не истязали, не били, не оскорбляли словами, как было с заключенными позже, после 905 года. Сидела я изолированно (камера № 55), соседняя камера всегда пустовала, с другой стороны—кладовая. На допросы вызывали редко. Понемножку втянулась в чтение, хотя читалось не так, как хотелось бы. Позднее тюремный режим давал себя чувствовать, но, вступая сознательно на революционный путь, я и не предполагала, что путь этот будет усеян розами.

После $1^1/_2$ годов заключения в крепости, когда закончилось следствие по нашему делу, меня перевели в Дом предварительного заключения, где я оставалась до суда. Как только, по уходе надзирательницы, я осталась в камере одна, ко мне застучали с обеих сторон. Как потом оказалось, соседками моими были А. П. Саввина и М. Н. Емельянова, близкие знакомые. Перестукивания я не знала, да и самые звуки для меня были невыносимы. Улегшись на койку, я закрыла голову подушкой и впредь так делала, когда они ко мне приставали. От прогулок я отказалась. Некоторые надзирательницы, долго там служившие, привыкшие к политическим за-

ключенным и даже полюбившие их, бескорыстно поддерживали между нами сношения. Видя мое странное поведение, приняв меня за душевно-больную, несколько дней они побаивались меня. Уступая, наконец, настойчивым просьбам моих приятельниц, накануне ихней высылки, одна из надзирательниц согласилась передать мне от них записки, бесконечно меня обрадовавшие. Мы могли только письменно проститься.

Жизнь моя в предвариловке, скоро наладившаяся, не походила на крепостную. Много значило то, что кроме книги, я имела у себя швейные и письменные принадлежности. Выходя на прогулку, могла играть мячиком, могла перекинуться словом с надзирательницей. Убирала камеру, ежедневно мыла пол в ней. Завязалась переписка с Г. Н. Добрускиной, с которой не была раньше знакома. Позднее переписывалась еще с А. Н. Шехтер, моей товаркой по курсам.

Весной 87 г. узнали мы о готовившемся покушении на Александра III. Быстрое следствие, суд. С ними скоро покончили.

Судили нас военно-окружным судом. Суд, начавшийся, помнится, 1 июня, тянулся 10 дней. Председательствовал генерал Цимиров, обвинял петербургскую группу прокурор Маслов. Так как 2 или 3 дела были соединены в одно, то было еще 2 прокурора. Лопатина защищал Евг. Утин. У меня был защитник по назначению — Люстиг; о нем вспоминаю с глубокой благодарностью за его доброе и внимательное отношение ко мне. Суд, по слабости председателя, проходил довольно оживленно: подсудимые переговаривались, смеялись. Спокойнее, красивее всех, несмотря на грозившее ему наказание, держался Н. Стародворский, отказавшийся от защитника. Своим спокойствием, своей простой и искренней речью он, по словам моего защитника, завоевал симпатии всех присутствующих, не исключая судей. Предатель Елько ругался так, что председатель несколько раз останавливал его, наконец, строго закричал: „Подсудимый Елько, если вы не перестанете оскорблять подсудимых, я прикажу удалить вас из залы суда... Ведите себя прилично!" Ив. Ив. Гейер, дававший откровенные показания, не ругался.

Приговор был объявлен в 3 часа ночи. Смертная казнь следующим лицам: Лопатину, Антонову, Стародворскому, Конашевичу, С. Иванову и мне. Якубовичу и Сухомлину тоже смертная казнь, но с ходатайством суда о замене казни каторгой— первому на 18 л., второму на 15 л. До истечения срока апелляции, нас увезли в крепость. Апелляция защитников была отклонена, о чем объявили в крепости. Будучи уверена, что меня не казнят, о близкой смерти я совсем не думала. Недели $1^1/_2$ спустя, было объявлено о замене казни 20-тилетней каторгой. Зашедший ко мне вместе с прокурором Масловым адъютант Костанды (командовавшего петербургским военным округом) заявил мне: „Генерал Костанда поручил мне передать вам, что никто из ваших товарищей не будет казнен". Какая любезность!

Мне очень хотелось попасть в Шлиссельбург, но поздним вечером того же дня меня увезли в Дом предварительного заключения для отправки в Сибирь.

Служащие предвариловки, как старую знакомую, встретили меня радостно. В ту ночь я не могла спать. На рассвете дежурная старушка - надзирательница в дверную форточку молча подала мне букет свежих благоухающих жасминов. Спасибо ей.

Закончив первую часть моей автобиографии, скажу еще несколько слов. Мне приходилось много раз слышать, что после дегаево-судейкинской работы нашу попытку восстановить прежнюю „Народную Волю" нужно признать ошибочной, даже преступной. Но уже после нас, три года спустя, Ал. Ил. Ульянов с компанией, подготовляя убийство Александра III, все еще на что-то надеялись.

Блажен, кто не ошибается.

Отправка в Сибирь состоялась 22 июля 87 г. Накануне выдали казенное обмундирование, очень неудобное: жесткое парусинное белье очень короткое, мужской серый халат с бубновым тузом на спине— длинный и широкий. Назначение на Кару получили—Сухомлин, Якубович, Добрускина и я. С нами же отправлялись сопроцессники — Левадин (поселенец) в Якутскую обл. и Л. Ешин—в Томскую губ. на житье. В вагоне мы застали несколько административных: Н. Л. Зотов, Каптер, Фролов, Бородзич. За Сухомлиным следовала жена с ребенком.

В Н.-Новгороде на барже к нам присоединились административные из Харькова (Л. П. Лойко, К. И. Трипольская, С. П. Балабуха, М. В. Рклицкий, Ин. Концевич, Ар. Хлебников и Ус). Бывшие у нас деньги поделили поровну (пришлось, кажется, по 30 руб. на душу), чтобы каждый, кроме общего котла, мог купить что нибудь по своему вкусу. На барже мы с Г. Н. Добрускиной устроили наше ложе на нарах под окном, которое не закрывалось и в дурную погоду. На барже можно было пользоваться душем. В Томск все прибыли значительно окрепшими. Дальше мы с Г. Н. Добрускиной отправились с административными при большой семейной партии уголовных. У нас, политических, был особый конвой, сменявшийся только в городах. В пути обнаружилась эпидемия брюшного

тифа среди уголовных. По прибытии в Красноярск несколько человек политических, в том числе и я, заболели тифом. Больничные условия, благодаря д-ру Мажарову, были вполне удовлетворительны. Выйдя из Красноярска в феврале, в Иркутск мы прибыли уже ранней весной, дня за два до вскрытия Ангары. Благодаря нездоровью Г. Н., нам удалось провести все лето в Читинской тюрьме. Нас посетил проезжавший через Читу бар. Корф. По пути из Читы в Нерчинск нам встретилась почтовая тройка; в телеге сидела женщина под охраной конвойных; женщина, вставши и обращаясь к нам, что-то кричала, но мы ничего не расслышали. Как потом мы узнали, это была Е. Н. Ковальская. По прибытии в Нерчинск из записки М. М. Черниавского, жившего в городе на поселении, мы узнали, что при посещении Корфом Карийской женской тюрьмы что-то случилось.

Страшно нам стало: что ждет нас там, куда нам так не хочется итти. О тюремных историях мы много наслышались в пути. Мы сильно запоздали, пароходство по Шилке уже прекратилось, из Сретенска нас отправили на лодке с 3-мя конвоирами. В Усть-Кару, где находилась женская политическая тюрьма, мы прибыли в начале или в середине октября 88 г. Заключенные женщины встретили нас, конечно, радушно. Их было только трое—М. П. Ковалевская, М. В. Калюжная и Н. С. Смирницкая.

С. А. Лешерн, А. П. Корба, П. С. Ивановская, А. В. Якимова и М. А. Анзыбина помещались в небольшой избушке-„хибарке" за палями. За вечерним чаем наши новые товарки рассказали подробно об увозе Ковальской и о своем протесте. Во всем, по их словам, был виноват комендант Масюков—глупый и трусливый. Если бы он предупредил Ковальскую, что должен был сделать, та уехала бы без сопротивления. Не рассчитывая на успех своего протеста, они, особенно М. В. Калюжная, горячо убеждали нас не вмешиваться в это дело; наше вмешательство, говорили они, только стеснит их, свяжет им руки. Мы со своей стороны, предоставляя им полную свободу действия, просили их не обращать на нас внимания, как бы мы ни поступили. Мы с Г. Н. отказались принимать коменданта.

Недели через три всех полит. женщин перевели с Усть-Кары в так называемую „новую тюрьму" (или „отряд"), отстоявшую только в 4 верстах от Нижней Кары, где была мужская тюрьма и вольная команда. Разместились мы в 2 камерах, разделенных прихожей, где обыкновенно помещался дежурный жандарм. В небольшом дворике вдоль забора расхаживал часовой. Была и наружная стража. Вскоре после нашего перехода в отряд к нам поступила надзирательницей незабвенная Руф. Валент. Конева, добродушная старушка, сделавшая нам много добра. В декабре (кажется) прибыли к нам Н. К. Сигида и Ек. Мих. Тринидатская, 1-я из них поместилась в северной камере (окна были обращены на север), 2-я к нам—в южную. Вскоре по прибытии Н. К. Сигида получила известие о смерти ее мужа. Все оставалось по-старому, коменданта не сменяли. В июне началась голодовка, тянувшаяся 7 суток и прекращенная только потому, что была предъявлена голодающим телеграмма, извещающая о назначении на Кару Яковлева, служившего там раньше и оставившего по себе добрую память. Телеграмма эта, как узнали позже, была подложной. Не помню, когда мы отказались, с целью взбудоражить родственников, получать письма, деньги, посылки.

Наступило время невыносимо тяжелое. Нужен был какой-либо выход из создавшегося положения, но какой, что делать?.. Этот выход нашла Н. К. Сигида. Как-то утром дверь в нашу камеру распахнулась, появившаяся на мгновение Н. К. крикнула нам: „прощайте!"—и также быстро, как появилась, исчезла. Мы с Добрускиной бросились за ней на крыльцо, но уже было поздно: Н. К., быстро пробежав двор, выскочила за калитку, открытую жандармом, замок щелкнул. Дня за два до этого утра я видела, что Сигида и Ковалевская, сидя на крыльце, долго беседовали. Накануне Сигида с Калюжной и Смирницкой, гуляя по двору, оживленно разговаривали, чего раньше не было. Чуя что-то недоброе, мы с Добрускиной просили у товарок разъяснения случившегося—куда ушла Сигида, зачем?—но разъяснений от них не получили. Склонна думать, что М. П. Ковалевская, как и мы с Добрускиной, ничего не знала о намерении Сигиды. Относительно Калюжной и Смирницкой ничего не могу сказать—не знаю.

Н. К. Сигиду я совсем не знала. По внешности она была очень симпатична: молодая (только 24 года) миловидная брюнетка, скромная, с глубокой грустью в прекрасных карих глазах. У нас всех связь с родными была слаба, у некоторых совсем порвана, у Н. К. связь с родной семьей вполне сохранилась. Внезапно узнавши о смерти мужа, она переживала острую боль. Мы иногда слышали ее громкие рыдания. Временами Н. К., гуляя во дворе, смеялась, даже шалила, но это веселье казалось болезненным. В северной камере, где она жила, все ей симпатизировали; наиболее она сблизились с П. С. Ивановской.

Н. К. Сигида ушла от нас, кажется, 1 сентября. Мы с Г. Н. Добрускиной, несходные по характерам, в тюремных условиях часто бывали в неговорень и, но в трудные минуты жизни всегда сближались. Так было и в этот раз. Мы вместе

целый день бродили по двору. Все в тюрьме мрачны, неразговорчивы. К вечеру, потеряв надежду на возвращение Сигиды, мы с Добрускиной идем к сокамерницам совещаться. Сигида не даром бросила свое „прощайте", она на что-то решилась, что-то уже сделала, ее ждет наказание. Оставлять ее одну нельзя. Сообща решаем объявить голодовку, выдвинув требование о переводе в другую тюрьму (в другое ведомство) Ковалевской, Калюжной и Смирницкой,—давнишнее их требование. Из другой камеры к нам присоединяются А. В. Якимова и П. С. Ивановская. Кто-то еще предложил, кроме голодовки, не заходить в камеры, ночевать во дворе—согласились. Свое решение сообщили жандарму для передачи начальству. В сумерки товарки вытаскивают свои постели, устраивают подмостки; жандармы не препятствуют. Для себя я решаю спать только днем, ночью совсем не ложиться,— ни на дворе, ни в камере. Голодаем. На 10-е сутки слегла Добрускина, что очень взволновало Калюжную. Она вне себя, мечется. Вызвав меня, говорит: „Г. Н. умрет. Мы не можем этого допустить. Зачем голодаете, зачем мучаете нас?.." Плачет. Вечером Добрускина собирается на ночевку во двор; я не пускаю. Обещаю ей, что в случае каких-либо враждебных действий—если, например, станут затаскивать в камеры— я выведу или даже вынесу ее на руках, чтобы она приняла свою порцию побоев. Соглашается.

Увезли от нас в Усть-Кару М. П. Ковалевскую. Было это, вероятно, незадолго до окончания голодовки, точно не помню. 16 сентября к вечеру объявили Калюжной и Смирницкой о переводе их в уголовное ведомство, но их не взяли сразу—они оставались с нами некоторое время после голодовки. Голодовка прекратилась.

Калюжная и Смирницкая ушли от нас уже отдохнувшими, окрепшими. Расставаясь с ними, мы не думали, что провожаем их на смерть, хотя о Сигиде мы ничего не знали, но никому в голову не приходила возможность того, что случилось.

Не помню, когда узнали о том, что Сигида дала—или пыталась дать—пощечину коменданту и каковы были для нее последствия этого; о трагической смерти наших товарок и двух товарищей в мужской тюрьме. Не помню, когда мы с Добрускиной вышли из артели; кому и что писала я тогда в мужскую тюрьму по этому поводу. Возможно, что в то время, незаметно для самой себя, я была больна,—в мозгу у меня мутилось. У Ек. Мих. Тринидатской, раньше несколько эксцентричной, скоро обнаружились признаки душевного расстройства. Думая, что с нами ей все-таки лучше, мы не помещали ее в лазарет. Мы прожили с ней несколько мучительных месяцев и переместились в северную камеру, а к больной на наше место перешли Якимова с Ивановской.

Осенью (должно быть, в 90 году) нам объявили об упразднении на Каре жандармов и о переводе всех политкаторжан в уголовное ведомство. Мужчины, не кончившие еще тюремный срок, направлялись в Акатуй. Вольная команда оставалась на Нижней Каре. У нас, за окончанием тюремного срока, выходили в вольную команду—Лешерн, Корба, Ивановская и Добрускина. Остальные четверо — Якимова, Ананьина, Тринидатская и я—переводились в Усть-Кару в уголовную тюрьму. В Усть-Каре нам предложили разделиться по двое. Я с М. А. Ананьиной поместились в камере пожилых женщин. Якимову и Тринидатскую увели в другой двор, далеко от нас. Так как с нами была наша прежняя надзирательница— Р. В. Конева, перешедшая на службу в уголовное ведомство, то это разделение не имело значения—мы переписывались.

Начальником карийского каторжного района был в то время Петров, страдавший ожирением, для которого малейшее волнение могло быть смертельным. Накануне нашего перевода Петров говорил женщинам, с которыми нам предстояло жить, о нашем высоком происхождении (графини, княгини, генеральские дочери), строго приказывал вести себя прилично, не оскорблять наш благородный слух сквернословием и прочее. Хорошо зная наше недавнее прошлое, он боялся каких-либо осложнений. Мы заняли с М. А. Ананьиной темный угол на нарах, который был хорош тем, что, спустив занавеску, мы могли вечером изолироваться. Отношения с сожительницами установились хорошие. Я в паре с доброй женщиной татаркой участвовала в камерной работе—носка дров на носилках, носка воды в ушатах. Жилось нам гораздо лучше, чем при жандармах. Болезнь Тринидатской в новой обстановке быстро прогрессировала, и потому Якимова решилась поместить ее в лазарет. Несколько месяцев спустя нас троих соединили в здании прежней полит. тюрьмы, куда мы пришли когда-то с Добрускиной. Здесь мы могли изолироваться в отдельной комнате. Жизнь мы вели здоровую. Попрежнему участвовали в носке дров и воды и, кроме того, заменяя более слабых уголовных женщин, работали ночью на мельнице. Проработав две смены, что с отдыхом между сменами занимало 6 часов, мы возвращались уставшие и голодные. Хорошо вымывшись, поевши тюри, ложились и мгновенно засыпали крепким сном.

Осенью 92 г., за упразднением уголовной каторги на Каре, нас, до окончания тюремного срока, неожиданно выпустили в вольную команду. В 98 г. вольная команда на Ка-

СИДОРЕНКО Е. М. (1862–?).

ре по причине ее малочисленности упраздняется. Неокончивших срок отправляют в Акатуй; я, за применением каких-то манифестов, ухожу на поселение. Назначена я в Татауровскую волость Читинского уезда, с правом проживать в г. Чите. Я с моим мужем, Н. В. Яцевичем, поселяемся в городе. Большинство наших товарищей служат на железной дороге, некоторые, в том числе и мы, занимаются частными уроками.

Русско-японская война. Поражения. 9 января в Петербурге. Восстание на судах Черноморского флота. Вспышки молний, предвестники близкой грозы.

Яцевич, уехавший в начале октября по вызову родных на родину, по причине железнодорожной забастовки, застрял в дороге.

Манифест 17 октября. В Чите свобода, ликование. Население, среди которого многолетняя политическая ссылка оставила глубокий след, настроено сочувственно, радостно. Черной сотни не слышно. Губернатор Холщевников держится даже благожелательно, заявив, как передают, что по его вине не прольется ни единая капля крови. 6 декабря (царский день) ждали погрома, о чем доложили губернатору, и город охранялся пешей и конной полицией. Вооруженная демонстрация 9 января прошла довольно вяло, без прежнего подъема. Доносились слухи о карательных экспедициях.

На завоевание мятежной Читы с запада подвигался Меллер-Закомельский; с востока ждали Ренненкампфа. Закомельский со своими опричниками, производя по пути избиения, порки, расстрелы, прибыл на станцию Чита I. Там тоже хватали каждого, кто попадался на глаза,—били, секли; нагрузив вагоны пойманными людьми, увозили на запад далеко от станции; затем, повернув обратно, везли в город, сбрасывали в тюрьму. Закомельский, не заходя в город, по приказанию Ренненкампфа, как говорили тогда, повернул обратно. В ожидании Ренненкампфа, железнодорожные рабочие, по примеру Красноярска, желая оказать вооруженное сопротивление, решили запереться в мастерских. Жившие у меня товарищи (их было 3, все акатуевцы) ушли туда же. Ренненкампф почему-то запоздал, кажется на 3-е суток. Боевое настроение запершихся, вследствие долгого ожидания, упало; по словам забежавшего ко мне товарища, многие уже ушли, разойдутся, вероятно, все. Ночью длительный гудок,—из мастерских, значит, расходятся. Было это, кажется, с 27 на 28 января старого стиля.

Нелегальные, бегущие от наступившей реакции с востока и запада, находят в Чите радушный прием. Я становлюсь паспортисткой.

Мы, старики, заботились о скрывающихся и не были одиноки,—население нам помогало. Благодаря нашим связям, нам удавалось устраивать нелегальных не только в городе, но и в других местах: на ж. д. станциях, на лесопилках, на приисках.

В то время (906 — 7 г.г.) я была членом местного комитета партии с.-р.

После 2½ лет тревожной жизни, нуждаясь в отдыхе, решила на год покинуть Читу. Мы с А. В. Якимовой, вышедшей 7-го июня 1907 г. из тюрьмы, в мае 908 г. уехали на ст. Шилка к тов. Диковскому. Зиму провела у тов. Бердникова. Подготовляя его младшего сына для поступления в гимназию, занимаюсь еще с 2 мальчиками. После самоубийства Егора Созонова в Зерентуе, мы с Якимовой пережили полосу многочисленных обысков. В связи с побегом Брешковской из Киренска повторилось то-же самое.

Опять война! Революция. Самодержавие свергнуто и не воскреснет.

Гражданская война. Семеновщина с японской интервенцией.

После всего пережитого, достигнув уже преклонного возраста, почувствовала безграничную усталость, от которой уже не отдохнуть.

Довольно. Я не могу уже быть деятельной участницей жизни, я только внимательная зрительница.

Сидоренко, Евгений Матвеевич*).

Родился я 11 февраля 1862 г. в м. Армянский Базар Перекопского у. Таврической губ. в семье священника. Духовное происхождение мое едва ли было древним. Помню посещение родительского дома моим дядей из Полтавы, занимавшимся еще чумацким промыслом. Ребенком я был впечатлительным до болезненности. Матери лишился на 14 году. От нее получил я зародыши тех идей, которые впоследствии открыли мою душу для революционных настроений. Мысли о значении „общего блага", о необходимости жертв в пользу ближнего были для меня привычными с отрочества. В 1873 г., после двухлетнего пребывания в местном уездном училище, меня отдали во 2-й класс Симферопольской гимназии, поместив на первое время в казенный пансион при гимназии. В гимназии я сразу сошелся со сверстником, увлекавшимся „Кобзарем" и некоторыми запрещенными произведениями Шевченки. В младших классах мы с ним мечтали об освобождении Украины и о вольном козачестве Когда в 1877 или 1878 г. в Симферополь прибыло несколько человек киевских студентов, исключенных из университета за участие в беспорядках, то революционная

*) Автобиография написана 14/IV — 1926 г. в Одессе.

пропаганда их нашла во мне, 15—16-летнем юноше, уже вполне готовую почву для восприятия социально-революционных идей. Двое из означенных студентов, И. К. Панкеев и Н. Скулов, вскоре организовали из воспитанников гимназии и семинарии кружок наиболее революционно настроенных юношей. Члены кружка получали нелегальную литературу, вели с нами беседы на социалистическо-революционные темы, вербовали новых прозелитов и занимались самообразованием. В это время в гимназии царствовал полный разгул классицизма в связи с реакционным направлением. В нашу гимназию, как и в другие, внедрились выписанные гр. Толстым чехи, на долгие годы завладевшие средней школой и создавшие целую армию угодливых чиновников, задушивших свободную мысль и сковавших волю молодежи. С целью поднять дух протеста против гнета и развращающих методов новых педагогов, членами кружка был избит палкой директор гимназии, а в семинарии были нанесены побои доносчику-товарищу. Боевики организовались в „Союз учащейся молодежи", завели себе печать с изображением кулака, но в дальнейшем террористических выступлений не возобновили. Кажется, в 1879 г. мои внешкольные связи обратили на себя внимание жандармского управления, и взволнованное гимназическое начальство получило предложение доставить меня к допросу, из которого я, однако, сразу убедился, что переусердствовавшие шпики направили жандармерию на ложный след, что мне и удалось счастливо использовать и тем ликвидировать инцидент. Покидая гимназию, члены кружка сейчас же отдавались революционному делу. Так, напр., К. В. Поликарпов, поступив в Киевский университет, покушался неудачно на убийство шпиона Забрамского, который спасся бегством, после чего Поликарпов покончил с собою выстрелом из револьвера. Позднее (1882) другой член кружка, М. Д. Райко, вместе со шлиссельбуржцем П. С. Поливановым принимал участие в попытке освободить в Саратове из тюрьмы осужденного на каторгу М. Новицкого, при чем умер, избитый толпою. Было и еще несколько человек из кружка, принимавших впоследствии активное участие в революционной деятельности.

Находясь в последних классах гимназии, я перезнакомился со всеми проживавшими в районе Симферополя и Севастополя лицами, причастными к „Земле и Воле", а потом к „Народной Воле", а также со многими, временно посещавшими эти места. Особенно был близок с Н. Н. Дзвонкевичем и его семьей и с В. Т. Голиковым, осужденными в 1882 г. по одесскому процессу 23-х на каторгу, у которых часто бывал. Был знаком с семьею С. Л. Перовской, проживавшей тогда на хуторе близь Севастополя. В Симферополе же встречался с В. Свириденко, казненным в Киеве в 1879 г. по делу о вооруженном сопротивлении под фамилиею „Антонов", Е. К. Дическуло (Андреевой), С. Н. Шехтер (Доллер), С. и М. Диковскими, П. Лозяновым, М. Н. Тригони, Н. Н. Колодкевичем, П. А. Телаловым, в большинстве осужденными потом по разным процессам, и другими, фамилии которых остались мне неизвестными. Общение со всеми этими лицами воспитало и поддерживало во мне революционное настроение, которое ко времени окончания курса гимназии в 1880 г. побудило меня стремиться в активные ряды партии „Народная Воля". В это время от И. К. Панкеева мне уже было известно о Липецком съезде революционеров, и что мирное пропагандистское направление в смысле прежнего „хождения в народ" считалось многими „радикалами" *) совершенно невозможным даже в форме безобидной культурно-просветительной деятельности по причине усиливавшегося полицейского сыска, задачи которого облегчались самою простотою деревенского бытового уклада, где все делалось на виду, и каждое слово доходило немедленно до ушей, для которых оно не предназначалось. Живые рассказы Н. Н. Дзвонкевича, лично ходившего в народ в качестве сапожника, ярко иллюстрировали и подтверждали это. Выходом из положения считалось перенесение деятельности в города и террористическая борьба с самодержавием. Однако, оттенки в революционной деятельности и даже разногласия, определившиеся уже тогда, при личных моих сношениях почти не ощущались: я с одинаковым уважением относился тогда ко всему революционному и с чувством равной преданности расценивал отдельных революционных деятелей, особенно нелегальных. Стремление быть в центре борьбы влекло меня в Петербург, где я и основался, поступив в университет.

Студенчество того времени было вообще неспокойно, а лучшая часть его делила свои симпатии между партиями „Черный Передел" и „Народная Воля". В университете были частые и подчас крупные волнения, в которых принимал участие и я. Из них помню два крупных протеста. Один с очень большим количеством участников, из коих 400 (в том числе и я) были преданы дисциплинарному суду и приговорены к 3—7 дням ареста. Повода не помню. Другой протест-заговор, к которому я был приглашен центральным студенческим кружком, имел место на акте 8 февраля 1881 г. с выступлением Л. М. Коган-Бернштейна

*) Ходячее в то время обозначение революционеров. *В. Фигнер.*

и П. Подбельского, когда министру Сабурову была дана пощечина. Тогда уже различие между „Черным Переделом" и „Народной Волей" резко встало предо мной и, признаться, я к чернопередельцам стал относиться нетерпимо. С интересом посещая их конспиративные рефераты на тему о борьбе капитала с трудом, я не мог простить им пренебрежения к „политике", не удовлетворялся малой публичностью их выступлений и недоумевал пред непонятным для меня пребыванием их наиболее видных вождей за границей в такое время, когда в России, казалось, все кипело в революционном котле. Покушение под Александровском, под Москвой, взрыв в Зимнем дворце—поднимали настроение самым фактом своего возникновения и даже давали удовлетворение, несмотря на неудачи.

Скоро по приезде в Петербург я благодаря моим симферопольским связям вошел в сношения с членами партии „Народной Воли" и, отдаваясь в это время, главным образом, агитационной деятельности среди студенчества, исполнял разные мелкие поручения. Не помню, по чьему распоряжению осенью 1880 г. я переехал на особую квартиру в Измайловском полку, специально населенную подобранными лицами из народовольческой студенческой молодежи, предназначенную для разных деловых свиданий. На этой квартире я впервые познакомился с С. Л. Перовскою и А. И. Желябовым, с которыми мне не приходилось раньше встречаться в Симферополе во время их пребывания там. Здесь же я встречался с знакомым уже Н. Н. Колоткевичем, а также с Л. Терентьевой, Хр. Гринберг, Л. Чемодановой и др., впоследствии осужденными по разным процессам. В ноябре 1880 г. по предложению С. Л. Перовской я принял участие в действиях наблюдательного отряда, следившего за выездами Александра II. Выслеживание велось под непосредственным руководством С. Л. Перовской шестью лицами: И. Гриневицким, Е. Н. Оловенниковою, Н. Рысаковым, А. В. Тырковым, студ. Тычининым и мною, при чем наблюдатели обслуживали ежедневно в определенные часы каждую линию предполагаемых маршрутов царя парами с разных концов и обыкновенно раз в неделю собирались на квартире Оловенниковой или Тычинина для доклада Перовской о результатах наблюдений и сводки их. Помнится, из членов Исполнительного Комитета этих собраний никто не посещал, кроме Льва Тихомирова (один раз). Я наблюдал за Тихомировым, которого раньше не встречал, и при виде его задумчивых умных глаз и гладко выбритого тогда подбородка, обрамленного чиновничьими рыжеватого цвета баками, у меня промелькнуло, что он, вероятно, соображает, где удобнее устроить подкоп для заложения мины. Мысль о возможности бомбометания тогда мне не приходила в голову, а о ведущемся подкопе на М. Садовой я еще не знал. Посещение Тихомирова я связал с предположением, что в наших наблюдениях наступает момент, когда можно уже сделать определенный практический вывод. Потом из его брошюры „Почему я перестал быть революционером" я узнал, что в это именно время он, повидимому, собирался сделать свой практический вывод, но в сторону, совершенно противоположную от всяких покушений на царя.

Когда в феврале наши наблюдения были прекращены, я подумал уже более конкретно о приблизившемся моменте для окончательного выбора места. Однако, прошло больше недели и ничего не было слышно, так что, когда Перовская назначила мне 1-го марта, кажется около трех часов пополудни, свидание (как потом оказалось, — непосредственно за покушением на царя), то я оживился и с нетерпением, задолго до срока, вышел на Невский проспект и стал прогуливаться невдалеке от той кофейни в которой предполагалась наша встреча, и был занят мыслью, что после свидания с С. Л. определится, в той или другой форме, дальнейшее мое участие в задуманном покушении. День был ясный, и на Невском была масса гуляющих. Вдруг раздался сильный взрыв, принятый многими гуляющими за обычный 12-часовой пушечный выстрел с Петропавловской крепости. Недоразумение скоро разъяснилось, так как послышался второй взрыв, причинивший полное смятение среди публики. Я остановился, прислушиваясь к тревожным разговорам, и когда по Невскому в направлении от Зимнего дворца к Аничкину промчался верхом донской казак, что-то выкрикивавший, а через некоторое время в том же направлении проскакал в сопровождении двух донских казаков наследник Александр Александрович, все поняли, что случилась катастрофа. Я также догадался, что было покушение на царя, и взволнованный поспешил в условленную кофейню, где стал поджидать С. Л., с трудом сдерживая свое волнение, усугубившееся от неизвестности насчет результатов взрыва. Через непродолжительное время вошла Перовская и подсела к уединенному столику, занятому ранее мною. Лицо С. Л. было непроницаемо и могло быть названо спокойным, и только через несколько секунд, когда она, улучив минуту, нагнулась в мою сторону, я услыхал сдавленный шопот ее прерывающегося и как бы захлебывающегося голоса: „схватили!... убили!..." Хотя я сейчас и не могу припомнить, в каких выражениях С. Л. сообщала, что схвачен Рысаков, а убил царя Гриневицкий,

но не подлежит сомнению, что это я узнал тогда же именно от нее. Оправившись немного, С. Л. стала собираться и, прощаясь со мною, дала мне какое-то незначит. поручение (какое именно, не припомню) к „Елизавете Александровне", о личности которой я теперь могу только догадываться. Описанное свидание с С. Л. осталось для меня загадкой, так как цель его в такой момент представляется совершенно непонятной и могла бы быть уяснена теперь лишь произвольными догадками.

Участие мое в деле 1-го марта осталось для правительства необнаруженным. Почему Рысаков, указавший всех других участников наблюдательного отряда, не упомянул обо мне, я не знаю. Предполагаю, что он не знал ни имени моего (кроме клички „Макар"), ни адреса и вообще не мог иметь обо мне никаких сведений, так как по странной случайности мне с ним никогда не приходилось обслуживать одновременно одну и ту же линию царского маршрута, т.-е. быть с ним в паре, и, следовательно, встречи мои с ним ограничивались теми информационными свиданиями, которые происходили не более одного раза в неделю и притом в обстановке, значительно съуживавшей и даже исключавшей возможность личного общения.

После 1-го марта, оставаясь некоторое время без занятий из-за начавшихся усиленных арестов, я посвящал свое время, главным образом, университетским делам, поддерживая сношения с Гр. Исаевым, а после его ареста в апреле 1881 г.—с Сав. Златопольским и, наконец, с П. А. Теллаловым, арестованным лишь в половине декабря 1881 г.

В это время я вращался почти исключительно в обществе студентов-народовольцев. В числе их были, между прочим, Н. А. Желваков, казненный в Одессе по делу об убийстве прокурора Стрельникова, и А. Борейшо, осужденный потом по процесу 17 в Петербурге в 1883 г. В это именно время я закончил чтение 1 т. „Капитала" К. Маркса и переживал чувство чрезвычайного удовлетворения пред глубоким и мощным анализом, которому Маркс подверг процесс образования прибавочной стоимости. Должен сознаться, что часть учения его, посвященная доктрине экономического материализма, произвела на меня сравнительно слабое впечатление. Лишь значительно позднее, после ссылки, я стал отдавать должное внимание и этой стороне его учения, а в то время легче воспринимались народнические идеи об особенностях русской народной жизни с ее общинным землевладением, совершенно ничтожными кадрами пролетариата по сравнению с многомиллионным крестьянством и особыми, казалось, судьбами капитализма. В связи с этим я с исключительным интересом набросился вскоре на возможность приложить свои силы к делу революционной пропаганды среди рабочих.

В это же время, в виду необходимости уделять значительное внимание занятиям по физико-математическому факультету, на котором я состоял, а также занятиям политическою экономиею в публичной библиотеке, я, выдержав экзамены по физике, химии и еще каким-то наукам, решил их прервать и перейти на юридический факультет, не требовавший посещения университета и дававший более досуга.

Около осени под руководством П. А. Теллалова группа студентов-народовольцев, А. Борейшо, В. Перов, Н. Судаков и я, разделили между собою рабочие районы города и стали заниматься революционной пропагандой среди рабочих на фабриках и заводах, связавшись первоначально с отдельными немногими лицами из них. О результатах наших наблюдений и деятельности раз в неделю мы докладывали Теллалову, намечая обычно план дальнейшей работы. На мою долю пришелся район за Невской заставой. Мне указаны были два человека (один на заводе, другой на фабрике), через которых я впоследствии завел связи на большинстве фабрик и заводов района. К концу года у меня набралось около двух десятков таких знакомств. Собеседования мои с рабочими велись на тему о необходимости борьбы с экономической эксплоатацией, при чем выяснялась роль царского режима в этом деле и значение борьбы, предпринятой против него со стороны „Народ. Воли". Попутно я старался знакомиться с бытом фабричных и заводских рабочих, посещая их квартиры и казармы. Резко крестьянский состав фабричных рабочих, не порывавших своих связей с деревней, обособлял их от заводских рабочих, заставляя прибегать поэтому и к различным методам воздействия в пропаганде на тех и других и осложняя тем работу. О каких-либо выступлениях нельзя было и думать, как вследствие малочисленности и неподготовленности подходящего контингента, так и по причине обострившихся после 1-го марта полицейских строгостей. В смысле практической деятельности самих рабочих пришлось ограничиться скромным планом образования кассы взаимопомощи, которому не суждено было, впрочем, осуществиться. К концу года начинавшая было налаживаться работа была неожиданно прервана предательством одного рабочего с фабрики Паля—Ивана Иванова, по прозванию „Длинного". В виду угрозы общего провала нужно было устранить его, но власти тоже не медлили. 4 января 1882 г. я в обществе товарища-студента В. Перова, рабочего с фабрики Паля—Афанасия Иванова и означенного Ивана Длин-

ного был арестован в одном из рабочих трактиров за Невской заставой.

После ареста я был заключен сперва в Дом предварительного заключения, а через месяц переведен в Петропавловскую крепость, где пробыл один год. На первом же допросе выяснилось, что о моей революционной деятельности среди рабочих жандармскому управлению и товарищу прокурора Добржинскому, ведшему мое дело, было достаточно известно. Поэтому после несколько комических попыток с моей стороны придать моим экскурсиям за Невскую заставу невинный характер желания ознакомиться с бытом рабочих, которым противоречили некоторые подробности обстановки, в которой я был арестован (у меня, кроме нелегальной рабочей литературы при себе, обнаружены были кинжал и кистень), мне пришлось чуть ли не со второго допроса замкнуться в формуле: „На предложенный мне вопрос не желаю отвечать", каковой я в большинстве случаев и придерживался в дальнейшем, варьируя ее лишь категорическим „не знаю" по поводу вопросов о знакомстве с тем или другим лицом или участия в каком либо событии. Мне показалось, что такой способ моего поведения несколько озлобил против меня моих следователей. В обзоре департамента государственной полиции впоследствии мне пришлось прочесть о себе все, относительно чего следственная власть добивалась от меня признания, и мне думается теперь, что годичное сидение в крепости было возмездием за нежелание разговаривать, так как обвинительный материал, добытый обо мне, в сущности не давал повода к такой мере, если принять во внимание, что другие мои товарищи по аналогичным делам сидели в Доме предварит. заключения, а не в крепости. Режим в крепости (я сидел в Трубецком бастионе) был строгий, но давали книги для чтения, и я прочел свыше 100 томов журналов „Отечеств. Записки" и „Вестник Европы" за старые годы.

Кажется, в феврале 1883 г. меня перевели из крепости обратно в Д. П. З., при чем меня посетил Плеве или Муравьев, объявивший, что по высочайшему повелению я ссылаюсь административно в Сибирь на 5 лет. Около 15 мая того-же года я был отправлен со многими другими из Петербурга через Москву и Нижний по Волге и Каме, потом Оби, с присоединением в пути административных, поселенцев и каторжан-народовольцев из других мест до Томска, партией свыше 100 человек, а оттуда по этапу к месту моего назначения в г. Минусинск Енисейской губ., куда прибыл в августе 1883 г. Из Минусинска я был переведен в с. Шушу Минусинского округа, в которой пробыл последние $1^1/_2$ года моей ссылки. Освобожден по отбытии срока ссылки, кажется с зачетом части заключения, в конце 1887 г. и возвратился в Россию в начале 1888 г.

В 1891 г. женился на сестре вышеупомянутой Е. К. Дическуло (Андреевой), Михалине Казимировне Медецкой, поселившись с тех пор в Одессе. После многократных ходатайств о разрешении подвергнуться окончательным испытаниям по юридическому факультету мне удалось добиться просимого разрешения у мин. нар. просв. Делянова через одного посредника, предложившего свои услуги за 400 р., благодаря каковым исключительно я и был допущен к испытаниям в качестве экстерна при Новороссийском университете и по выдержании их в 1897 г. получил юридический диплом. За все это время я перебивался службою в качестве писца и конторщика в разных учреждениях. По получении диплома занялся адвокатурой, а в 1900 г. был избран в мировые судьи гор. Одессы, на каковую должность переизбирался 6 раз, из коих в последний раз—23 марта 1918 г. на шесть лет. По свержении самодержавия и образовании революционного общественного комитета из разных организаций, союзов и учреждений я состоял в нем в качестве представителя от Съезда Мировых Судей. В том же году, вследствие нервного переутомления, отказался от должности судьи по собственному желанию. В 1919 г. вступил в О-во Взаимного Кредита по выборам в качестве члена правления, а затем в том же году—секретарем в центральный общегражданский кооператив, по ликвидации коего в 1920 г. перешел на службу в Губстатбюро, в котором состоял до последнего времени в качестве инструктора. В феврале 1925 г. овдовел.

О революционной деятельности моей я поместил статьи: в „Каторге и ссылке" (№ 5, 1923 г.) — „Из воспоминаний о 1-м марте 1881 г."; в сборн. „Кандальный звон. (№ 4, Одесса 1926 г.), — „Гимназич. и студенч. годы 1873—1881. (Из воспоминаний народовольца)".

СУХОМЛИН В. И. (1860–1938).

Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Сухомлин, Василий Иванович*).

Родился я 30/XII 1860 года в г. Одессе. Отец мой, мелкий чиновник государственного банка, застрелился, повидимому, по неосторожности, на охоте, когда мне не было и 3-х лет. Мать моя года через два вышла замуж за писателя, сотрудника „Современника", Елисея Яковлевича Колбасина, хорошо знавшего Некрасова, Чернышевского и Добролюбова и бывшего особенно близким к Тургеневу, что видно из опубликованных писем последнего к Колбасину.

*) Автобиография написана 14/I-26 г. в Ленинграде.

Несмотря на глубокое уважение и преклонение перед упомянутыми представителями кружка „Современника", Е. Я. Колбасин не разделял их народнических и эстетических воззрений и по своим политическим убеждениям был либералом и западником в духе Тургенева. Это был в высшей степени гуманный и справедливый человек со спокойным, мужественным характером. Он совсем ослеп, когда ему еще не было 40-лет, и переносил это несчастье с удивительным стоицизмом. Под его влиянием мать моя, получившая поверхностное образование во французском пансионе, но свободная от всяких религиозных предрассудков, так как родители ее воспитали в духе чистого атеизма, пополнила свое образование серьезным чтением и к тому времени, когда я стал разбираться в идейных направлениях, была по своим воззрениям несравненно левее моего отчима. Отчим мой под влиянием передовиц „Голоса", которого он был постоянным подписчиком, любил за обедом в поучение мне, гимназисту 2-го—3-го класса, разносить современную молодежь за ее самонадеянность, отрицание авторитетов, нежелание отдаваться серьезной научной работе, непонимание, что политика—дело солидных государственных мужей, а не мальчишек и недоучек и т. д. и т. д. Любопытно, что эти диатрибы производили на меня совершенно обратное действие. Я видел в них намеки на мои слабые успехи в латинском и греческом языках и, солидаризируя себя с этими поносимыми недоучками, давал себе в душе слово сделаться непременно в будущем нигилистом, а пока что старался нарушать всякие правила светского обхождения, ел с ножа, не стриг волос и старался хоть по внешности и манерам походить на нигилистов. В первое время моя мать разделяла господствовавшие среди либералов предубеждения относительно молодежи. Я хорошо помню какой скандал произвело появление в Ялте, где мы жили летом на собственной даче, группы т. наз. нигилистов. Хотя мне было тогда не больше 13—14 лет, но я помню не только негодование, с которым делились своими впечатлениями разряженные дамы в гостинной моей матери, но навсегда сохранил в памяти фамилии главных действующих лиц, о которых тогда судачили эти дамы. Две из этих фамилий, Барышевой и Ковалевской, дали мне возможность много лет спустя выяснить, что это были сестры известного писателя В. Воронцова (В. В.), из коих М. П. Ковалевская, выдающаяся революционерка, погибла геройской смертью на Карийской каторге, протестуя против применения телесного наказания к Н. К. Сигиде.

В Ялте на Барышеву и Ковалевскую и их друзей возводнялись всякие нелепые небылицы из-за того, что они небрежно одевались, стригли волосы, курили на улице папиросы и жили совместно на одной даче—коммуной. Впоследствии мать, вспоминая этот эпизод, сама удивлялась, как она могла верить грязным сплетням, не делая никаких попыток проверить их справедливость. Впрочем, увы, история повторяется. Разве не то же мы видим теперь, разве не приходится и теперь наблюдать подобные же предрассудки и поверхностные обобщения единичных фактов относительно нынешней молодой комсомолии?

К чести моей матери надо сказать, что она, а под ее влиянием и вотчим, не закостенели в своем предубеждении к молодежи. Решительный поворот в их настроении произошел после появления в „Вестнике Европы" романа Тургенева „Новь". Мать была в восторге от этого романа и с тех пор стала горячо защищать молодежь против обычных обвинений в отсутствии у нее идеализма и в других грехах. Затем, после таких событий, как казанская демонстрация и особенно выстрел В. И. Засулич и ее оправдание судом присяжных, не только мать, но и более консервативный вотчим совершенно переменили фронт. Любимым журналом вместо „Вестника Европы" стали „Отечественные Записки", при получении которых первыми разрезывались и прочитывались статьи Елисеева, Михайловского и Щедрина. Вотчим стал терять зрение и читать ему приходилось матери и мне. Я охотно исполнял эту обязанность, так как каждая прочитанная статья служила поводом Колбасину, прекрасному рассказчику, делиться своими воспоминаниями о Тургеневе, Некрасове, Панаеве и других литераторах. Естественно, что, имея таких воспитателей, как мать и вотчим, мне не трудно было с юных лет поставить целью своей жизни борьбу за политическую свободу и социализм.

Первая встреча моя с представителем революционного движения произошла в Мелитополе, где я был учеником 5-го класса местного реального училища. Высланный из Петербурга под надзор полиции после беспорядков в Технологическом институте студент Энгель организовал из учеников нашего, в то время последнего, класса кружок самообразования и стал руководить нашим совместным чтением. Первая проштудированная нами книга была „Рефлексы головного мозга" Сеченова. Затем он добыл первый том Лассаля (бывший большой редкостью, т. к. был конфискован и сожжен цензурой). Помню, что на всех нас произвела неизгладимое впечатление особенно статья „Идея рабочего сословия". Наши вечерние собрания вскоре всполошили учебное начальство. У товарища

Зайднера помощник классного наставника произвел обыск и конфисковал сочинения Добролюбова. Это нас возмутило. Я пригрозил усердному педагогу расправой, если он будет продолжать свой сыск, за что был предан суду педагогического совета и исключен с так назыв. волчьим аттестатом. Одновременно были удалены из училища Зайднер и еще один товарищ. Зайднер переехал в Николаев, где был арестован по делу казненного Виттенберга и осужден в 1879 г. одесским военно-окружным судом на поселение в Сибирь, где и умер. Дальнейшая судьба нашего пропагандиста Энгеля, к которому я навсегда сохранил благодарную память, мне неизвестна. Много позже мне привелось встретиться в Иркутской тюрьме мельком с его младшим братом, проходившим этапным порядком в Якутскую область. От него я узнал, что мой первый наставник в социализме продолжал состоять где-то под надзором. Благодаря волчьему аттестату, путь к дальнейшему образованию был бы для меня закрыт, если бы не нашелся среди знакомых моего вотчима один из немногих гуманных педагогов, уцелевших от произведенной министром нар. просвещ. Толстым чистки. Это был директор Севастопольского реального училища Федорченко, рискнувший принять меня в ученики, несмотря на аттестат. Впоследствии он имел из-за этого неприятности в округе, но все же отстоял меня. Пока директором в Севастополе был Федорченко, никому из педагогов и в голову не приходило заниматься сыском и следить за благонадежностью учеников. Большинство учеников 6-го класса считало себя радикалами, многие носили красные рубахи на выпуск под растегнутым мундиром и открыто в классе передавали друг другу нелегальщину. Учитель коммерческого отделения (забыл фамилию) преподавал политическую экономию „по Марксу". Другой учитель, Козловский, был несомненным революционером и не боялся снабжать нас запрещенными книжками. К сожалению, это продолжалось недолго. Федорченко перевели в Херсон, а затем вскоре уволили в отставку. В Севастополь прислали подтянуть учеников тупого педанта и формалиста Попова. Началось гонение на красные рубахи, длинные волосы и проч. Козловский счел за благо перевестись куда-то на север, где, впрочем, вскоре был арестован и административно сослан. Все это кончилось грандиозным скандалом. В одну прекрасную ночь ученики выбили камнями буквально все окна в квартире директора. Началось расследование. Улик не было ни на кого, но подозрение пало на многих и между прочим на меня, хотя я случайно в этом деле не участвовал. Мне и еще двум товарищам дали понять, что нам лучше убраться по добру, по-здорову. В марте 78 г. мы перевелись в Херсон под крылышко нашего дорогого и незабвенного старика Федорченко. Впрочем, в Херсоне я фактически перестал учиться, так как, побывав во время пасхальных каникул в Одессе, я познакомился с кружком рабочих, группировавшихся вокруг сапожника Ивана Горянинова, и под влиянием последнего решил летом итти с ним в народ поднимать восстание. Я еще раньше, в Севастополе, готовился к этому, проработав все лето в кузне молотобойцем, но от сильного переутомления заболел, не научившись, как следует, ковать. Мастер просто эксплоатировал меня в качестве дарового молотобойца, не заботясь о моем обучении ремеслу. Горянинов меня очаровал. Он глубоко верил, что народ готов восстать и что не начинает восстания из-за отсутствия руководителей. Когда я выразил ему свое сомнение в том, гожусь ли я на последнюю роль, в виду отсутствия у меня знаний, он возразил, что до лета я успею подготовиться, что он снабдит меня книжками: „Сытые и голодные", „Хитрая механика" и другими народными брошюрами, а также комплектами журнала „Вперед" и газеты „Работник".— „Выучи наизусть лучшие статьи из „Работника" и ты будешь превосходным пропагандистом".—„Но ведь мне надо готовиться к экзаменам, я и так запустил учение благодаря переводу в другое училище".—„Ну, это вздор. Время ли теперь зубрить вокабулы! Бросай к чорту экзамены и готовься к борьбе за народное дело. Сколько у тебя с собою денег?"—Я сказал, что около 25 руб.—„Ну, пойдем, купим самое необходимое для нашей будущей работы".—И он повел меня в оружейный магазин и выбрал для меня револьвер и сотню патронов. —„Поезжай в Херсон, стреляй ежедневно в цель, чтобы бить без промаху врагов народа, и читай то, что необходимо для революционера". Мы условились шифрами, адресами. „Жди моего письма. Месяца через два я тебя вызову, как только дела здесь наладятся, и соберется достаточное число бунтарей". И вот я вернулся в Херсон и объявил своим друзьям, с которыми приехал из Севастополя, что больше ходить на уроки не буду, так как вступил в революционную организацию и жду со дня на день вызова в Одессу, но что подробности сообщить им не имею права. Таким образом, в то время, как товарищи лихорадочно готовились к экзаменам, я с неменьшим усердием корпел над тяжеловесными статьями Лаврова во „Вперед" и буквально наизусть зубрил народнические бунтарские прокламации. Но вот экзамены кончились; я „по болезни" (вернее, по доброте Федорченко) оставлен на другой

год в том же классе, а призывного письма от Горяинова все нет и нет. Томительная неизвестность. Вдруг получается сведение из Одессы, что артель сапожников в Красном переулке разгромлена, и что глава ее Горяинов арестован. Что делать?! А тем временем мать бомбардирует меня письмами с вопросами об экзаменах. На счастье я заболел малярией, припадки которой в Севастополе убедили мать, что не леность была причиной моего оставления на второй год. Я, разумеется, скрыл от матери наши с Горяиновым фантастические планы. В виду того, что Федорченко летом ушел в отставку, я в Херсон не вернулся и окончил реальное училище в Одессе. В Одессе я разыскал жену Горяинова и по мере сил старался облегчить ее положение. Ее муж был осужден с лишением прав на поселение, и жена с детьми последовала за ним. Впоследствии, будучи уже в Сибири, я узнал, что он в Кяхте сделался маленьким фабрикантом, кажется, мыловаром, и семья его жила в довольстве. Дети получили среднее образование, но ни один из них не сделался социалистом.

Приехал я в Одессу в конце июля 1878 г., вскоре после суда над Ив. Март. Ковальским с товарищами, когда весь город находился под впечатлением демонстрации на Гулевой улице у здания суда, во время которой было несколько человек ранено и убито. Ковальский ждал тогда исполнения смертного приговора. Ходили слухи, что революционеры собираются его освободить вооруженною рукой, и начальство принимало энергичные меры для поддержания порядка. Когда я сошел с парохода, мне бросился в глаза отряд конных калмыков с длинными пиками и нагайками в руках. Такие отряды калмыков и башкир разъезжали по улицам Одессы день и ночь вплоть до 2 августа – дня расстрела Ковальского. Выехал я из Севастополя внезапно, поссорившись с матерью. Дело в том, что собираясь с Горяиновым итти в народ, я заготовил матери, как другу, прощальное письмо с изложением мотивов, побудивших меня сложить свою голову за народное дело. Письмо было длинное, наивное и восторженно-высокопарное, но тогда я находил его удачным и втайне гордился его красноречием. После ареста Горяинова я забыл его уничтожить. Случайно мать набрела на это письмо и, прочитав его, пришла в ужас. Взволнованная вбежала она в мою комнату и стала осыпать меня упреками и всякими заслуженными и незаслуженными обвинениями. Я как раз в это утро узнал от матросов прибывшего из Одессы парохода, что там началась революция. Так молва преувеличила и раздула факт демонстрации на Гулевой ул. и патрулирование по городу казаков. Понятно, разумеется, мое желание принять участие в одесских событиях. После ссоры с матерью, наговорив ей дерзостей и не попрощавшись, я побежал на пристань и без всяких вещей сел на пароход и уехал в Одессу. Легко представить себе испуг матери, до которой тоже дошли слухи о неблагополучии в Одессе. Со следующим рейсом она поехала за мною вдогонку. В Одессе на ее счастье никаких баррикад не оказалось, и у нас с ней произошло трогательное и ненарушимое с тех пор перемирие. За 4 месяца, протекших со времени моего первого знакомства с одесскими революционными кругами, произошло много перемен. Ряд крупных арестов повредил не только тем, что изъял от работы таких ценных деятелей, как Фомичев, Валуев, Горяинов с товарищами и др., но и тем, что сильно напугал широкую рабочую массу и сделал невозможной всякую более или менее массовую работу. Весною 1878 г. в окрестностях Одессы, на Ланжероне, 18 марта безнаказанно собралось около 150 челов. рабочих и выслушало обстоятельный доклад о Парижской Коммуне. Я сам был на массовке рабочих в Ботаническом саду, где Фомичев вел с большим искусством беседу с полукрестьянами плотниками и каменщиками. При мне в апреле собралось не менее 200 человек в помещении артели сапожников в Красном пер., где Лион (известный под кличкой „Касьян") прочел большой реферат о работе среди крестьян, и был произнесен ряд речей на разные темы. Публика разошлась часов в 12 ночи, не обратив внимания полиции, хотя Красный переулок находится в центре Одессы. Я с Иваном Горяиновым часто вечером приходили в трактир „Париж", где радикалы (так тогда именовались социалисты) пили чай в особой комнате. Когда мы входили, с десятка столиков товарищи приветствовали Ивана, не боясь шпиков. Помню, как за одним из столов собралось вокруг Ивана человек десять рабочих, серьезно обсуждая вопрос, сколько человек рабочих и с каких фабрик выступят на баррикады, если начнется восстание. В результате подсчета большинство решило, что можно рассчитывать на 3000 человек. Тогда же обсуждался вопрос, где можно добыть оружие, подсчитывали количество магазинов с охотничьими принадлежностями и ружейных военных складов. Хотя, несомненно, во всех этих расчетах и подсчетах было много наивного увлечения, вроде горяиновских расчетов на крестьянскую готовность восстать, но все же надо признать, что в то время, до массовых арестов, рабочее движение стало принимать до известной степени массовой характер. Не то было осенью того же года. О больших сходках и загородных массов-

ках перестали и думать. Работа велась конспиративно в кружках, максимум в 10—15 человек. Из известных революционеров я в то время (осень и зима 78—79 г.) встречался с Лилой Терентьевой, Позеном, Минаковым, Савелием Златопольским, Софьей Шехтер и др. Мне поручали они, главным образом, заниматься с рабочими и работницами (швеями и модистками) по общеобразовательным предметам: географии, истории, арифметике и пр. В 1879 г. я помогал, чем мог, больше всего своей удобной квартирой в собственном доме с садом на окраине города, кружку, участвовавшему в экспроприации херсонского казначейства (Юрковский, Терентьева, Алексеева и др.).

Летом 1879 г. я познакомился с Кибальчичем, который сдал мне на хранение пуда полтора пироксилина, доставленного, кажется, из Николаева. Несколько ранее я сошелся с П. Б. Аксельродом, который прожил у меня на квартире более недели и много беседовал со мною на разные темы. Тогда он еще не был соц.-демократом. Он давал мне читать свои заметки в „Общине" (женевское издание) о немецком соц.-демократическом движении, в коих он жестоко критиковал тактику соц.-демократии с анархической точки зрения. Я сам тогда находился под влиянием сочинений Бакунина, и потому взгляды Аксельрода мне были по душе. Он мне очень понравился, как человек. Видно было, что этот слабогрудый, истощенный и совершенно неприспособленный к практической деятельности человек обладает громадной умственной энергией, что голова его постоянно занята разрешением теоретических проблем. Он мне горячо советовал для окончания своего социалистического образования ехать в Женеву и приготовил мне рекомендательное письмо к Кравчинскому, которого он мне характеризовал, я хорошо это помню, как лучшего в Европе знатока экономического учения Маркса. Мне, конечно, как всякому юнцу, хотелось повидать свет, поэтому я охотно решил последовать его совету и стойко выдержал атаку Кибальчича. Последний, узнав о моем намерении, решительно восстал против него, говоря, что эмигранты ничему путному меня не научат, что атмосфера эмиграции действует растлевающе, что мне лучше ехать в Питер, где жизнь бьет ключом, где надо ожидать грандиозных событий, и где столь необходимы люди, на которых можно положиться. Я видел, что нравлюсь Кибальчичу и что он введет меня в лучшую революционную среду столицы, но все же остался непоколебимым и решил последовать совету Аксельрода „изучить в Женеве по первоисточникам историю Интернационала". Теперь я жалею об этом, ибо самое лучшее время деятельности „Народной Воли"—с 1879 по 1881 г.—провел за границей.

За границей—в Женеве и Париже—я из анархиста превратился в государственника в духе программы партии „Народной Воли." В Париже я собирался поступить в агрономический институт (в Grignon'e), когда произошло событие 1-го марта. Меня потянуло на родину. В Париже партийных народовольцев, которые бы меня могли завербовать в партию, я почему-то не встретил. Подружился я там с пожилым уже человеком, народником, другом Глеба Успенского—Битмитом (его, как идеально доброго и хорошего человека изобразил в одном из своих очерков Глеб Успенский). С ним мы решили устроить самостоятельно с несколькими другими лицами поселение на юге России для пропаганды и организации крестьян, так как считали, что параллельно с политической борьбой в городах необходимо продолжать работу в деревнях, популяризируя аграрную программу „Нар. Воли" среди крестьян. Я должен был наметить пункты, раздобыть средства и после этого выписать Битмита. Вернувшись летом 1881 г. в Россию, я поехал в Подольскую губ. и побывал в разных местах ее, но ничего путного из этой затеи не вышло, а тем временем переписка с Битмитом и другими товарищами по разным причинам оборвалась, и тем дело кончилось.

С половины 1882 г. я поселился в Одессе, но вначале работал вне организации, разыскав старых знакомых рабочих и ведя пропаганду, главным образом, среди артели плотников, с которою меня познакомил рабочий Некрасов. Работа меня удовлетворяла, так как парни были очень симпатичные и, как сезонные рабочие, не были оторваны от деревни, где, с своей стороны, вели пропаганду и распространяли революционную литературу. С прибытием в Одессу в конце лета 1882 г. агента Исп. Ком. Н. М. Саловой, человека энергичного и прекрасного организатора, работа моя среди рабочих из, так сказать, кустарнической стала планомерной и организованной. Она свела меня с прибывшим из Харькова специально для организации рабочих Яковом Бердичевским. Я сделался членом партии „Нар. Воли", вступив в организованную Саловой одесскую местную группу, в которую, кроме меня и Бердичевского, были приняты Анна Гальперин, Яков Френкель, Павел Аптенков, Яков Барский и др. Мне с Аптенковым была поручена работа среди студенчества, для чего я поступил в Новороссийский университет. Вскоре в университете образовался центральный народовольческий кружок, который приобрел большое влияние на студенческую массу.

К сожалению, Анненков, который стоял во главе этого кружка, увлекся с товарищами чисто академическими делами. Произошел конфликт с ректором или проректором, начались бурные сходки, т.-е. так назыв. университетские беспорядки. Последовали аресты. Анненков и некоторые другие члены центрального кружка попали в тюрьму. Как всегда бывает, среди арестованных оказались люди малодушные, стали выдавать, и вскоре организация была разгромлена. Осенью 1882 г. Бердичевский вынужден был скрыться из Одессы в виду замеченной слежки за собой, за ним вынуждена была во избежание ареста уехать за границу и Салова *). В декабре произошел арест супругов Дегаевых, хозяев налаженной в Одессе центральной народовольческой типографии. Дегаеву был устроен в январе 1883 г. фиктивный побег, и началась в партии мрачная эпоха так назыв. дегаевщины. Весною 83 г. одесситам первым удалось узнать от одного военного, приятеля жандармского полковника Катанского, истинную роль Дегаева. Я немедленно сообщил об этом за границу Саловой, а равно и Харьковской местной группе, но последняя отказалась этому поверить, и пришлось связь с нею порвать. Салова и жившие тогда за границей члены Исполнительного Комитета Тихомиров и и М. Н. Ошанина нам поверили и в виду создавшегося положения посоветовали одесситам прекратить всякие сношения с Питером и другими организациями, находившимися через Дегаева в руках Судейкина. Летом 83 г. я был вызван в Париж и Женеву, где Ошанина и Тихомиров рассказали мне, что Дегаев явился с покаянной и согласился помочь партии убить Судейкина. После расправы с ним, организованной Г. А. Лопатиным, я в феврале 1884 года вторично был вызван в Париж, где состоялся съезд активных работников партии для решения вопроса о переорганизации партии с тем, чтобы отделить людей безусловно надежных от сомнительных элементов, так как не было уверенности, что в период дегаевщины Судейкин не провел через Дегаева, даже без ведома последнего, других своих ставленников. В съезде приняли участие Тихомиров, Ошанина, Галина Черняевская, Салова, Лопатин, В. А. Караулов, Ст. Куницкий, Н. Русанов, А. Кашинцев и я. Присутствовал также П. Л. Лавров в качестве главного редактора „Вестника Народн. Воли". На съезде было решено, что Исполн. Комитет должен находиться в пределах России. За границей до окончательного восстановления партии должна находиться т. назыв. делегация Исполн. Комитета в составе бывших членов старого Исполн. Ком. Ошаниной и Тихомирова. На их обязанности, кроме издания „Вест. Нар. Воли" и другой литературы, лежит хранение всех адресов, шифров, явок и вообще сведений о всех партийных связях и организационных ячейках, дабы даже после ареста всего наличия центр. работников возможно было восстановление этих связей новыми деятелями.

На съезде была избрана распорядительная комиссия Исполнительного Комитета, которая должна была явиться как бы центром кристаллизации будущего Исп. Комитета. Она должна была сосредоточить в своих руках все связи и сведения о всех оставшихся членах партии и лицах, к ней примыкающих, выделить из них тот слой, который на нынешнем языке называется активом партии, заботясь, главным образом, чтобы в него не попали лица не безусловно надежные. После установления прочных кадров на местах, комиссия должна была наладить тайную типографию для напечатания 10-го и следующих номеров „Народной Воли", а затем организовать покушение на мин. вн. дел Толстого. В комиссию были избраны Г. А. Лопатин, Н. М. Салова и я. На съезде, совместно с Куницким, были выработаны главные положения, которые должны были лечь в основу соглашения с польской партией „Пролетариат", которое предстояло заключить в Петербурге с представителями этой партии для совместной борьбы с царским самодержавием. Куницкий уехал в Варшаву, Караулов в Киев, Кашинцев в Одессу. Мы же, члены расп. комиссии, в течение марта месяца съехались в Петербург. Там в качестве временного представителя старого Исп. Комитета находился К. А. Степурин. Он сейчас же передал нам все связи и рассказал нам об анархии, воцарившейся в революционных кругах Питера после убийства Судейкина. Узнав, что Дегаев, которого все считали членом Исп. Ком., провокатор, многие восстали вообще против Исп. Ком. и за то, что он допустил в свою среду такого человека, и за то, что сейчас же после признания Дегаева и до убийства Судейкина все лица, имевшие сношения с Дегаевым, не были осведомлены о его роли, почему и продолжали ему доверять. Некоторые начали травлю против Степурина, испортившую ему не мало крови, когда он был на свободе, и доведшую его до самоубийства в тюрьме: жандармы показали ему перехваченные письма П. Ф. Якубовича, в которых последний передавал слухи чуть ли не о провокаторской роли Степурина. Впоследствии Якубович глубоко раскаивался в своей опрометчивости, но оправданием ему служит та нездоровая атмосфера, которую создала дегаевщина и

*) Салова уехала за границу по моему поручению. Чтобы замаскировать это, она, вероятно, сказала товарищам в Одессе, что за ней следят.

В. Фигнер.

которая так благоприятна была для всякого рода подозрений и взаимных обвинений. Якубович, пользуясь большим влиянием среди молодежи, решил основать независимо от Исп. Комитета новую партию Молодой Народной Воли с введением в программу аграрного и фабричного террора. Много пришлось потратить красноречия и энергии Лопатину с товарищами, прежде чем удалось убедить Якубовича оставить эту затею. Много помогли нам в этом деле приехавшие из провинции Сергей Иванов и А. Н. Бах. Благодаря им лидеры Молодой Народной Воли убедились, что провинция за ними не пойдет, и что, не имея в своих рядах опытных и испытанных деятелей, им трудно будет создать прочную и влиятельную организацию. Первым сдался, под влиянием, главным образом, Баха и Лопатина, Якубович, и со свойственным ему благородством и революционным пылом, сознав свою ошибку, он всю свою кипучую энергию направил на исправление ее путем агитации среди своих прежних единомышленников в пользу партийного единства и продолжения славных традиций Нар. Воли. Пробыв в Питере до конца мая, я поехал на юг по делам партии, побывал в Одессе, Харькове и Ростове-на-Дону, затем поехал в Полтавскую губ. в деревню, чтобы продать в пользу партии полученную по наследству от отца землю, но, не успев этого сделать, был арестован в деревне в конце августа по распоряжению из Петербурга, благодаря захваченному у Кашинцева письму. Таким образом, в качестве члена расп. комиссии мне очень мало пришлось поработать для партии, а к главному, к чему я себя предназначал, а именно к организации покушения на мин. вн. дел Толстого, я не успел даже и приступить. Бомбы, предназначенные для Толстого, были взяты при аресте Лопатина в октябре 1884 г. Неосторожность Лопатина, самонадеянно хранившего у себя сотни незашифрованных адресов, буквально провалила все связи нашей партии и послужила причиной массовых арестов и к полному изобличению, между прочим, и моей роли в партии. Меня продержали три года в Петропавловской крепости, и в мае 1887 года я, одновременно с Лопатиным, Саловой и другими товарищами, был присужден военно-окружным судом к смертной казни, которую командующий войсками Петербургского Военного Округа при конфирмации приговора заменил 15-летней каторгой. Каторгу я отбыл на Каре. Через 16 лет, благодаря двум манифестам, изданным при проезде наследника через Сибирь и при коронации Николая II, сроки пребывания в Сибири были сокращены, и в 1903 году я получил право вернуться в Европейскую Россию. Я возвратился с женою, товарищем по партии Анною Гальперин, и с тремя детьми и снова поселился в Одессе. Здесь я вступил в партию соц.-рев. и по мере сил принимал участие в ее работе. Вскоре в Одессу явился Азеф и передал мне поклон от шлиссельбуржца Поливанова со словами: „Вы, конечно, по примеру Поливанова, тоже вступите к нам в боевую организацию". Я ответил, что должен сначала ориентироваться в новой для меня обстановке, а пока займусь более скромной деятельностью совместно с товарищем своим по Каре—Н. Л. Геккером, жившим тогда тоже в Одессе. Тем не менее, как выяснилось из опубликованного в № 1 „Былого" за 1917 год донесения Азефа в департамент полиции, он тогда же облыжно указывал на меня, Геккера и Гедеоновского, как на главарей боевой организации, снабдивших якобы Покотилова динамитом, взорвавшимся в Северной гостинице. Как это ни странно, но департамент полиции почему-то не сообщил об этом доносе одесскому жандармскому управлению, почему за мною не было никакой слежки до 1904 г. Весною этого года я был случайно переписан в числе других гостей на собрании у литератора А. М. Федорова, после чего за мною начали следить по пятам шпики, а затем, после убийства Плеве, я был арестован и просидел месяца 3 в тюрьме. Затем меня без всяких последствий освободили, и я принял довольно живое участие в тогдашней массовой работе, выступал в 1905 году на митингах в Одессе, Екатеринославе, Харькове, Севастополе и др. местах. В 1906 году, после разгона Думы, я вступил в петербургскую военную организацию с.-р., заместив арестованного руководителя ее Топорова, но по доносу Азефа был арестован в Петербурге ночью, как раз накануне того утра, когда я должен был поехать на пароходе в Кронштадт для участия в восстании. Выпущен я был через два месяца, при чем жандармский полковник сказал мне, что меня не допрашивали и не предъявляли обвинения, потому что я арестован вследствие сообщения петербургского охранного отделения о том, что я, по агентурным сведениям, должен был играть руководящую роль в Кронштадтском восстании. „Мы строгие законники—сказал он.—В ожидании улик мы держали вас ровно столько, сколько имели право на основании таких-то и таких-то статей закона; дольше 2 месяцев мы вас держать не в праве на основании лишь голословных обвинений без предъявления улик, а потому вы свободны."

В ноябре того же 1906 г. я был арестован в Таганроге по доносу провокатора Русецкого после окончания областного съезда, на котором Русецкий был представителем от мариупольских рабочих орга-

ТАН-БОГОРАЗ В. Г. (1865–1936).

В 1924 инициатор создания и затем один из руководителей Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК.

низаций. После 4-месячной отсидки в Таганрогской и Ростовской тюрьмах, где я, несмотря на каторжанский стаж, в первый раз в жизни был избит надзирателями, меня выслали на 3 года за границу. Во время пребывания за границей военная организация партии с.-р. поручила мне совместно с В. И. Лебедевым и А. С. Новиковым ведение пропаганды среди матросов эскадры броненосцев, находившихся в учебном плавании в Средиземном море. С этою целью мы заезжали в места стоянок эскадры и там встречали матросов, устраивая с ними собеседованья и массовки. Последние происходили иногда при очень экзотической обстановке. Так, в Бизерте (в северной Африке) мы собирались в лесу, в тени огромных кактусов, и раз чуть не были накрыты компанией морских офицеров, отправившихся на охоту в этот лес. Но они нас или не заметили или, вернее, сделали вид, что не заметили. Больше всего времени в этих поездках я провел с Новиковым, который, тянув сам долгое время лямку матроса, прекрасно знал, как подойти к матросам, быстро завязывал с ними связи и приобретал их доверие. А. С. Новиков во время Цусимского боя чуть не погиб при взрыве броненосца „Орел", но был подобран в волнах океана японским миноносцем. Этот даровитый человек в настоящее время пользуется большой известностью в качестве беллетриста под псевдонимом „Прибой".

Отбыв трехгодичную ссылку, я вернулся в Россию в 1910 г. и поселился в Киеве. Там я почти не принимал участия в партийной работе вплоть до Февральской революции, после которой был принят в число членов Киевского комитета партии с.-р. Однако, в митинговой работе я в этот период почти не принимал участия, ограничиваясь литературной работой; писал прокламации к военным и солдатам в оборонческом духе и составил популярную брошюру „Как и почему трудовой народ сбросил царское иго". Будучи убежденным оборонцем и призывая солдат защищать от внешних врагов освобожденную родину, я счел для себя нравственно обязательным разделить с ними военные опасности и поступил добровольцем в 7-ю армию. Участвовал в сражении при Гнилой Липе, где был легко ранен в ногу, но вследствии нагноения раны был эвакуирован в Киев. Свои впечатления от фронта я изложил в трех фельетонах газеты „Воля Народа". В сентябре 1917 г. я был назначен приказом министерства земледелия представителем министра на Северный Кавказ при Ставропольском земельном комитете. В Ставрополе делал доклад на губернском крестьянском съезде и был избран крестьянами на Всероссийский съезд, состоявшийся в Петербурге в ноябре 1917 г. Вернувшись после съезда в Киев, я пережил все смены властей до 1920 года, при чем при гетмане вступил в военную организацию для борьбы с немецкими оккупантами и в 1918 г. был арестован немцами по подозрению в большевизме и присужден ими в концентрационный лагерь в Бяле, но, благодаря заступничеству кадетских министров гетмана, эта мера ко мне не была применена, и меня освободили без всяких последствий.

Убедившись, что пролетариат, в лице своей рабочей интеллигенции, не только признал советскую власть, но запечатлел свою преданность коммунистической партии кровью, пролитой на многочисленных фронтах в борьбе с белогвардейщиной, я счел своим долгом признать эту власть и относиться к ней с полной лояльностью. В настоящее время я совершенно не участвую в политической жизни страны.

Тан-Богораз, Владимир Германович *)

Я родился в апреле 1865 г., точного дня не знаю, возможно, что 15-го, в маленьком гор. Овруче, в глуши Волынского полесья. По бумагам же моим значилось, однако, что я рожден в Мариуполе в 1862 г. Вышло это потому, что, будучи 7 лет, я стал надоедать своему отцу, чтобы меня отдали в гимназию, т. к. читать я, кажется, научился тогда же, когда начал ходить. Потом подучился и арифметике. Мы жили в Таганроге, отец съездил в Мариуполь и привез метрическое свидетельство подходящего характера. Мать моя была купеческой семьи из города Бара Подольской губ. А отец был из семьи раввинской. Он и сам в колебаниях своей неверной фортуны был в городе Тифлисе „даяном",—ученым экспертом, разумеется, ученым по части еврейских обрядов. Впрочем, по внешнему виду он не был похож на ученого. Был он мужчина огромного роста и силы, фигурой весьма походил на великого Петра, как его рисуют на портретах, в отличие от большинства евреев выпить мог бесконечно много, но никогда не пьянел. И когда разойдется и захочет показать удаль, подойдет к лошади и поднимет ее за передние ноги. А мать моя была маленькая, шустрая, вертлявая. И из такого смешения крайностей мы, дети, все вышли как-то ни два, ни полтора. Было нас 8 человек, теперь в живых остается пятеро. Способности у отца были прекрасные, чудесная память. Библию и свои талмудические книги он знал наизусть—„на острие шила",—это означает вот что: надо взять острое шило и проткнуть им открытую

*) Автобиография написана 20 мая 1926 г. в Ленинграде.

книгу страниц на полсотни в глубину, а потом указать наизусть—какие именно места и фразы проколоты. Был он также весьма музыкален, пел приятным тенором и в трудные минуты своей последующей карьеры неоднократно служил в синагогах хазаном,—певцом. Кроме того, у него была определенная склонность к литературе, и он довольно много писал по-древнееврейски и по-новоеврейски и даже кое-что напечатал.

Эти таланты мы, его дети, унаследовали частями, в разбивку. Младшие сестры учились в консерватории и старались выйти в певицы. Впрочем, по окончании курса, как смеялся отец, бросили курсы и открыли домашнюю фабрику для изготовления детей, т.-е. просто вышли замуж. А я унаследовал вкус к литературе. Что же касается памяти, то ею отец наделил нас всех поровну. Отец с матерью женились рано. Нас, детей, было трое, а отцу только что исполнилось 20 лет. Жили они в этом глухом городишке и бедно, и скучно. Недолго думая, отец взял и махнул в Новороссию, где в то время было легко устроиться. Часть дороги проехал с обозами, а часть просто прошел пешком. И так очутился в Таганроге, за две тысячи верст от своего родного Овруча. Года через полтора переехала и семья. В то время Таганрог был город жирный. С одной стороны, вывоз прекрасной пшеницы, а с другой стороны—ввоз контрабанды огромных размеров, организованный Вальяно, греческим купцом, прямо через таможню, при участии таможенных властей. Отец перепробовал множество карьер,—торговал пшеницей и углем, участвовал также в контрабандном предприятии Вальяно и К°. Но деньги у него не держались,—был он азартный картежный игрок,—что заработает—спустит. А не то купит большие зеркала, золоченую мебель, а еще через пол года, глядишь, и полтинника нет, чтобы сходить на базар. Впрочем, в то время в Таганроге жилось и дешево, и сытно. Так что голодать мы никогда не голодали. К тому же мы, дети, рано начали давать уроки. Я стал давать уроки с 3-го класса, т.-е. с 10-ти лет. Ученики мои были верзилы „грекосы-пендосы". Еще казаки-куркули, армяне, караимы. Иной разозлится верзила, схватит учителишку за шиворот и поднимет на воздух. Я, впрочем, свирепо отбивался,—лягался и кусался. Нравы в Таганроге были степные,—суровые. Мы, гимназисты, дрались жестоко с уездниками, бились на кулачки, ходили стена на стену. Они нас называли „дришпаки": ужасное слово, что оно, собственно, значит, было неизвестно, но это тем хуже. Учился я легко. Во-первых, выручала память, а во-вторых, гимназия была либеральная,—требовали мало, а знали и того меньше. Правда, потом нам назначили директором толстого немца Эдмунда Адольфовича Рейтлингера. Мы называли его уменьшительно: Мудя. Был он российский патриот, такой завзятый, какими в то время бывали лишь русские немцы. Но особой обиды мы от него не видали. Положим, инспектором был Николай Федорович Дьяконов,—тот самый чорт собачий, которого потом Чехов описал в виде „человека в футляре". А другому учителю, чеху Урбану, мы взорвали квартиру, подложили ему бомбу под крыльцо. Было это уже в восьмидесятых годах. Бомбу мы сделали из лампового шара, медного с нарезкой, начинку—из солдатского пороха. Ничего, разворотили полдома. Ранить никого не ранили. Только Урбана напугали чуть не до смерти. Если кто спросит, зачем же мы взорвали чеха, могу пояснить, что латинские и греческие учительные чехи въедались в гимназическую печень хуже, чем орел Прометею. Эту породу когда-то описал Боборыкин в своей повести „Пан Цыбулька". Вот когда началось в России чехо-словацкое засилье.

Откуда и как забрались семена революции в эту степную гимназию? Были молодые учителя из не весьма благонадежных, например: Караман, высланные студенты—Иогансон, Гутерман, Караваев. Моя старшая сестра Паша, по-русски Парасковья, а по-еврейски, собственно, Перль—жемчужина, в то время кончила гимназию. Отец хотел ее выдать замуж, но еще не успел приискать жениха, а Паша уехала на курсы. Был у ней характер решительный: возьму и уеду. Так и уехала, и никто не удержал. Через год воротилась из Питера добела раскаленная землевольческим огнем. Было это в 1878 году,—феерическое время. Сановников уже убивали, а царя Александра II пока собирались взорвать. На эдакую страшную силу, как русская полиция, нашелся отпор,—молодежь отдавалась революции—душой и телом. Не все, разумеется, — избранные. Ни одно поколение потом не горело столь жертвенно, как эти юнцы и юницы 1878—80 гг.

У нас в то время уже был гимназический кружок. Он читал литературу легальную и нелегальную. Легальные книжки мы попросту украли из фундаментальной библиотеки гимназии, в том числе и все запрещенные книжки — Писарева, Чернышевского „Что делать". Гимназические власти хоть и косились на нас, но ничего не могли сделать.

В 1880 г. мы вместе с сестрой укатили в Петербург, в университет. Был я в сущности щенок, и весьма не облизанный. Что делать? — учиться, читать или бегать на тайные сходки? Денег к тому же нам из дому совсем не посылали. Я, все-таки,

много читал, научился по-французски, по-немецки. Для того, чтобы пополнить наш бюджет, писатель Кривенко доставал мне переводы из „Отечественных Записок",— все больше беллетристику с французского. Первые мои переводы были из новенькой книжки Зола и К°,—„Меданские вечера". Я перевел, между прочим, „Пышку" Мопассана. Платили по-тогдашнему отлично,— четвертной за рассказ. Жить вообще было можно. С двугривенным в кармане заглянешь, бывало, в колбасную:—„Дайте на гривенник обрезков". Молоденький приказчик посмотрит тебе весело в глаза и скажет полуутвердительно:—„Студенту пожирнее". Отвесит фунт с четвертью и прикинет бесплатно здоровую крепкую лытку. На гривенник купишь гороху и всю эту благодать сунешь в чугун и поставишь к хозяйке в русскую печь. Тогда еще у петербургских хозяек бывали и русские печи. Через сутки упреет, потом 3 дня едим и всего съесть не можем.

Писатель Кривенко был в одном кружке с моей сестрой. Туда же принадлежала Софья Ермолаевна Усова, вышедшая потом в ссылке замуж за Кривенко, Аркадий Тырков, после арестованный по делу 1 марта, два брата Карауловы. Старший Караулов умер в Петропавловской крепости, а младший, бывший офицер, стал нелегальным и после попал в Шлиссельбург на каторгу и в ссылку в Сибирь, а из ссылки был избран кадетским депутатом в Государственную Думу.

Первый год в Петербурге я провел как то уединенно, даже на лекции мало ходил. Кстати сказать поступил я на естественное отделение физ.-мата. А тянуло меня, разумеется, к гуманитарным наукам. Впрочем, „химию" Менделеева я изучил довольно плотно. А на следующий год я перешел на экономическое отделение юридического факультета, бывшее „камеральное". Нас было студентов человек 40. Кроме юридических наук, мы слушали политэкономию у Вредена, а римского права не слушали. Из 40 экономических студентов по крайней мере половина были социалисты.

Тут я все же перешел на II курс. Экзамены мне дались легко. Но к этому времени я успел увязнуть в политике. Участвовал в студенческом кружке по изучению Маркса. Мы взяли I том „Капитала" и стали сочинять рефераты глава за главой. Сначала поужинаем, а потом читаем до полуночи. Были мы, правда, народники, но Маркса изучили на зубок, до сих пор не забывается, почти через полвека. Бывал я и в других кружках, более решительного свойства. Встречался с Коганом-Бернштейном, видел и слышал Желябова, по кличке „Тараса". Был он человек энергии неутомимой. С одной стороны, держал в руках все нити подготовлявшегося цареубийства, с другой стороны, находил время возиться со студентами. Был он прекрасный оратор, темпераментный и твердый.

8-го февраля, в праздник университетской годовщины, разыгралось вступление в трагедию 1 марта. Его разыграли студенты под влиянием Желябова. Мы—радикальные студенты — столпились на хорах плотной группой, приготовившись к бою. Когда бесконечный доклад ректора Бекетова стал подходить к концу, Коган-Бернштейн стал говорить с балюстрады энергичную речь на тему о том, что „мы вам совсем не верим". Сверху тотчас же полетели прокламации, как белые птицы. Но внизу никто не пошевелился. Уж очень они все растерялись. Особенно министр просвещения Сабуров на кресле в переднем ряду сидел, как припаянный. Тогда выступил Паппий Подбельский, направился к Сабурову и дал ему с размаха пощечину. После того сразу начались шум и свалка. Но мы оттеснили „педелей", и оба — Подбельский и Коган-Бернштейн — ушли благополучно. Оба они были арестованы через несколько дней. Попали в различную ссылку. Но лет через 8, в 1889 г., встретились в Якутске в день вооруженного сопротивления политических ссыльных, не желавших отправиться в Колымск. Паппий Подбельский был убит первым солдатским залпом, а Коган-Бернштейн был тяжело ранен и потерял употребление ног. Вместе с другими он был приговорен к повешению. В назначенный час его вынесли на кровати и вздернули вверх. Так они оба с Подбельским соединились в посмертном успокоении.

В свое время случилось и 1 марта, — убийство Александра II и публичная казнь пятерых на Семеновском плацу. Сестра встретила ужасную процессию случайно и последовала за ней на Семеновский плац, увлекаемая непреодолимым и роковым любопытством, смешанным с ужасом. Вешали высоко на помосте, и она видела каждую малейшую подробность, даже и то, как оборвался Михайлов. Она прибежала домой вне себя, кричала, проклинала. Удивляюсь, как ее не арестовали на улице. После этой казни правительство решило прекратить назидательное зрелище публичных виселиц, и только во время недавней гражданской войны общественные вешалки снова были расставлены по разным городам. Скорее в виде призраков—воскресли, явились и сгибли.

С 1 марта, как известно, начинается падение „Народной Воли". Волна немного постояла и пошла на убыль. У старших слоев радикальной молодежи началось разочарование, а потом даже разложение. Расцвела провокация, и все покатилось с горы.

А в младших слоях, напротив того, было восхищение и полная готовность отдать себя во власть таинственного и неуловимого Исполнительного Комитета. В то время мы все, уязвленные революцией, обрекли себя на смену. На ученье, на университет мы смотрели, как на подготовку. Не к тому подготовку, чтобы жить и работать, а к тому, чтобы уйти и погибнуть. Многие из нас занимались, читали, сдавали экзамены, но было сознание, что все это так себе, не настоящее, временное, настоящее будет потом.

Я лично продержался в университете 2 года,—уж очень я был мал и молод. И только осенью 1882 г. был арестован по студенческим делам и выслан из Петербурга на год в родной Таганрог. Была незаконная сходка. Мы выпили вон педелей. Одному субинспектору намылили бока. Сходку оцепили и всю арестовали. Большая часть арестованных отделалась карцером. Выслали в общем человек 50. Можно упомянуть одесситов Штернберга и Кроля, кубанцев Бражникова и Невзорова.

Бражников, Штернберг, Кроль и я были потом основателями и членами последнего союза „Народной Воли".

В Таганроге на высылке я занимался уже пропагандой. В этом захолустном и диком степном городе был собственный кружок революционеров, правда молодых и наивных, но настроенных активно. Самым заметным был А. А. Кулаков, мещанин, самоучка, отставной солдат. Сейчас ему 72 г., в то время, стало быть, было под 30. Была это фигура самобытная. На новом базаре была у него „холодная лавка", т.-е. собственно рундук, и торговал он по мелочи подошвенной кожей. И сам он был тоже такой подошвенный, крепкий, носится до сих пор. Всего товару было у него рублей на 300, а выручки рубля на полтора. И когда заиграли у нас в Таганроге партийные дела, мы брали у него из выручки деньги и тратили на типографию. Если бы начальство не подоспело с разгромом типографии, мы всю его подошвенную лавку перевели по агитпропу.

В том же кружке были Аким Сигида, писец окружного суда, и Надежда Малаксианова, родом гречанка, городская учительница. Мы их потом обвенчали для целей типографских, и после разгрома Сигида умер в „централе",—в каторжной тюрьме, насколько помню, в Курске, а Надежда попала на Карийскую каторгу, и здесь, как известно, трагически погибла.

Во то время в Таганроге открылся металлический завод, потом он назывался франко-русский. Мне удалось познакомиться с рабочей молодежью завода. Дело пошло достаточно успешно. Были они такие же молодые, как мы, и денег зарабатывали больше, чем мы. Мы, гимназисты и студенты, были в общем шантрапа разнесчастная, и даже по-житейски не было причин смотреть на рабочих сверху вниз. Поставят, например, самоварчик, нарежут колбасы, хлеб мягкий, маслины, тарань, — нас же угостят, не хуже буржуазного. Набралось их сразу в кружок около десятка, я им читал курс по политэкономии, и слушали они чрезвычайно внимательно. Еще одна подробность,—в то время никто из них не пил. Совместно с политэкономией мы стали понемногу планировать на заводе хорошенькую забастовочку. Но раньше этой забастовки меня арестовали.

В Таганрогском остроге я просидел 11 месяцев. Именно там для меня началось одновременно общение с народом, человеческое „дно" и Кузькина родительница. Там же, очевидно, родился мой вкус к этнографии,— в человеческой гуще, и чем гуще, тем приятнее. Ибо Таганрогский острог был место злачное, и злаки там произрастали воистину странные. Этой тройственной цепью злоключений,—арестом, высылкой и новым арестом, — началась моя, можно сказать, государственная служба, на которой я с тех пор и состою уж 40 лет слишком.

В это же время мне случилось принять православие — для целей революционных. Мое погружение в православную купель произошло осенью 1885 г. Был я Натан Менделевич Богораз, стал Владимир Германович Богораз, — Германович по крестному отцу, как тогда полагалось. В то время принять православие значило перестать быть евреем. Я, однако, евреем быть не перестал, о чем засвидетельствовал многими поступками. Кстати, мое литературное имя „Тан" есть расчлененная подпись Н. А. Тан, т.-е. имя „Натан". Уж после того подпись сама собой связалась с родиной моей—Таганрогом, выговаривается „Танагрог" (в древности Дон был Танаис, и близ устья стояла греческая колония Тана).

Говорить о моем православии или христианстве, разумеется, смешно. Но с ранней юности я себя считал не только евреем, но также и русским. Не только россиянином, российским гражданином, но именно русским. Считаю себя русским и чувствую русским. Человек может прекрасно иметь два национальных сознания: итальянец из Тессина и швейцарец, валлиец и вместе англичанин. Ведь, кроме того, я чувствую себя беллетристом и этнографом, русским революционером и русским интеллигентом, европейцем, участником западно-восточной культуры. Все эти сознания гармонически сливаются вместе. И прежде всего я чувствую себя человеком. Ч е л о в е к—это имя большое, всеобъемлющее, ясное.

Описывать жизнь мою придется по главным этапам.

1885 год. Последний союз Народной Воли. Бытие нелегального с фальшивкой в кармане вместо паспорта, с приютом на временной ночевке, а бывало и под мостом.

Три тайных типографии. Должно быть, еще у Гуттенберга и доктора Фауста, изобретателей печати, были все-таки станки приличнее нашего. Мраморный столик, доска для растирания краски, валик, железная рама, свинцовый набор. Днем, бывало, бегаешь по городу, занимаешься „делами", конспирацией, а ночью тотчас же за машину. Я, впрочем, так приловчился, что мог дремать себе, стоя, с валиком в руках, над батырною черною работой. Только вымажешься к утру, как чорт. Уж подлинно черная работа.

Революция временно гасла, пульс ее бился чуть слышно, с перебоями, и самое сердце ее было замуровано в каменной банке, в Шлиссельбурге. И мы, несколько юношей,—последнего призыва,—тоже попытались, по примеру старших, столкнуть своими молодыми плечами каменную бабу, российскую Федору с ее векового кургана. И, конечно, надорвались. Последовал провал. В Екатеринославе, в Таганроге, в Ростове-на-Дону и в Одессе вычистили всех. А я умудрился выбраться из западни. Проехал в Москву и в Петербург, там работал с другими кружками. В Москве это была та основная группа, откуда выросла потом волна нового террористического наступления. В центре ее стояли Михаил Гоц и Исидор Фундаминский,—с т а р ш и й Гоц и с т а р ш и й Фундаминский. Оба они уже умерли. То были живые переходные звенья от старой Народной Воли к новой социально-революционной партии. Первое выступление этой группы было лишь в ссылке в Якутске. Группа отказалась из Якутска отправиться в Колымск и забаррикадировалась в доме с револьверами в руках. Шестеро были убиты на месте, трое повешены. „Менее виновных" сослали на каторгу. Но потом после каторги Гоц старший попал за границу. Он-то и был основоположником нового террора. В тогдашних условиях террор имел в себе нечто поистине бессмертное.

В Петербурге же была другая группа,—молодые социал-демократы с Шевыревым и Ульяновым в центре, тоже Ульяновым с т а р ш и м, братом Ленина. Этой группе принадлежит последняя вспышка настоящего народовольческого террора, второе 1 марта 1887 г.

Т. обр., „Народная Воля" построилась в истории, как будто калильная дуга. Две яркие вспышки—1881 и 1887 г.—а между ними бесчисленные жертвы и горение сердец.

Но прежде чем я успел сблизиться с группой Ульянова, меня арестовали 9 декабря 1886 г. На этот раз плотно и надолго. При аресте, как водится, избили,—мне вообще на этот счет везло,—при арестах и в тюремных бунтах били меня неоднократно. После того меня посадили в Петропавловскую крепость и только в 1889 г. послали в места отдаленнейшие,—в арктический Колымск, за 12.000 верст и на 10 лет сроку.

Ехал я до Колымска около года, по Каме и Оби плыл на арестантских баржах, замурованный в трюме. От Томска до Иркутска шагал по Владимирке пешком вместе с кандальной шпаной. В Красноярске, в пустой пересыльной тюрьме, оголодавшие клопы чуть нас не съели живьем. Мы устроили так называемый „клоповый бунт", который мне случилось описывать в печати. Из Иркутска в Якутск покатили зимою с жандармами на тройках почти полураздетые. С непривычки страшно мерзли,—дыхание замерзает в груди. А в Якутске застали послесловие якутского расстрела и казни арестованных. Тень только что повешенного Когана-Бернштейна как будто жила еще в тюрьме. Это была наша последняя встреча с Коганом-Бернштейном после превратностей нелегальщины и революции.

Жуткое было тогда настроение. Товарищей расстреляли, перевешали из-за этого Колымска, а мы все-таки едем.

Поехали в Колымск по двое с казаками, сперва на санях с лошадьми, потом на оленях, а там и верхом на мелких якутских конька. И так прибыли в нашу далекую колымскую вотчину, которую мы сделали колымской республикой, первой российской республикой, задолго до 1905 года.

Колымск лежал так далеко на востоке, что касался запада. Из этой Азии было недалеко до Америки. Нас было 50 человек отчаянных голов, а казаков в единственном городе Средне-Колымске было человек 15, и вместе с полицией они нас боялись, как огня. На праздник коронации полиция зажжет иллюминацию и устроит себе выпивку. Выпивка крутая. Пьют спирт гольем. А мы иллюминацию погасим и устроим контр-выпивку в три раза покруче. Полиция запрется, забаррикадируется в исправницком доме и сидит до утра. Впрочем, с населением мы ладили отлично, особенно с девицами. И даже с исправником ссорились редко. По праздникам с ним же разыгрывали винт, „с прикупкой", „с присыпкой", „с гвоздем", „с эфиопом", „с треугольником", „классический" простой. А в тяжелые зимние ночи читали напролет увесистые книги на разных языках,—даже исправника Карзина до того навинтили, что он у нас целую зиму старался одолеть „Капитал",—да, да, настоящего Маркса, том 1-й „Капитала". Но не вышло у него никакого капиталу. Он запил жестоко и казенные вещи продал наехавшим купцам.

Незабвенные годы в Колымске,—натуральное хозяйство, каменный век вживе. „Не половишь—не поешь". Ловишь рыбу, ездишь на собаках и вместе с собаками кормишься этой рыбой. В амбаре живет горностай, хватает мышей и таскает мясные куски. На площади гнездятся куропатки. Ночью к порогу приходит лисица и лижет помои. Было нас полсотни человек. Собак у нас было за 200. Десяток неводов. Рыбы ловили на каждого в год пудов 60, дров выставляли в общем до сотни кубов. Все своими собственными белыми ручками,—кого же заставишь? А морозы какие,—плюнешь,—замерзший плевок вонзается в снег сосулькой. Лед на реке толщиною в печатную сажень. Хонешь напиться, изволь пробуравить этот лед. Также и для рыболовных сетей. Ничего, справлялись. Боролись с природой, как северные Робинзоны, и побеждали ее. Дунет ветер „шалоник" с запада, „с гнилого угла", и зароет совсем с головой,—сиди, отсиживайся.

Аппетит, очевидно, приходит с едой. От оседлых народов я забрался к кочевым, странствовал с чукчами и с ламутами верхом на оленях, питался летнею падалью, как полагается по чукотскому укладу, и „кислою" гнилою рыбой, как полагается по укладу якутскому. Научился говорить по-чукотски, по-ламутски и даже по-эскимосски. Вызнал и усвоил всякие шаманские хитрости. Порою бывало и так, что приедет шаман и просит:—„А ну-ка, погляди в твою колдовскую книгу,—выскажи, какое заклинание против весенней слепоты". „Колдовская книга" была записная тетрадь. В ней было записано, действительно, всякое шаманство. Пишешь на морозе карандашом, руку отморозишь, написавши об жесткую бумагу, а потом ничего, отойдет. Потом на ночлеге в тепле пишешь вместо чернил оленьей кровью. Записи эти у меня целы до сих пор, не выцвела кровь.

Проехал я по тундре далеко, мог бы без труда перебраться и в Америку, но уже не было смысла бежать. Ссылка приходила к концу. Можно было ехать не дальше на восток, а обратно на запад.

В 1898 г. из Колымска проехал обратно, прямо в Петербург. Помогла Академия Наук. Был я с разным письменным грузом—с чукотскими текстами и русскими былинами и собственными колымскими стихами, с рассказами, с романами и с такой неугасшей жаждой: „дайте додраться",—разумеется, додраться с начальством. Приняла меня публика довольно благосклонно. Братья литераторы прозвали меня „дикая чукча".

Из Колымска в Петербург. Такую перемену выдержит не всякий. У „чукчи" закружилась голова. В то время расцветало движение марксистов. Я, хотя бывший народник, примкнул к марксистам. Вместе с Вересаевым и Туган-Барановским был в редакции „Начала" и „Жизни". А вернее говоря, был я прямой еретик и таким и остался по сей день. Через несколько лет напечатал ряд статей—„Почему я не эс-эр", „Почему я не эс-дек" и „Почему я не кадет". И за эту мою беспартийность влетело мне трижды,—от сих и от тех и от оных.

В Петербурге заодно мы справили конец XIX века (собственно рождение Пушкина). На празднике в яхт-клубе народники соединились с марксистами и выпили братски. А „Новое Время" не пустили, не приняли. И мне пришлось прочитать вслух стихи: „Разбойникам пера" по адресу черных. Стихи были злые, колючие:

Оставьте праздник наш. Уродливого торга,
Не нужно нам даров. Возьмите их назад.
Вам чести не купить гримасою восторга,
С кадильниц дорогих у вас струится смрад.

Читаю я скверно, и за это скверночтение полиция постановила выслать меня из Петербурга.

Я, впрочем, умудрился уехать раньше высылки. Подвернулась экспедиция Джезупа,—приглашение из Америки. Американцы дали денег, а русские—ученых,—комбинация совершенно необычная. Экспедиция имени Джезупа была организована Американским Музеем Естественных Наук для установления круготихоокеанской связи между Азией и Америкой. Она продолжалась три года. Изданные ею печатные труды измеряются пудами. „Дикая чукча" покатила за границу,—в Берлин, в Париж, в Лондон и оттуда в Нью-Йорк. В Лондоне я заговорил впервые на своем собственном мудреном английском диалекте. Его я усвоил самоучкой на досуге, в тюрьме и в Колымске. Я заговорил, и меня, к удивлению, поняли и даже отвечали, но сам я не понял ни звука в птичьем щебете и клекотании лондонского уличного говора. В Нью-Йорке пришлось не только говорить, но и писать по-английски. Сперва было скверно, а после получше.

Вторая экспедиция-ссылка, на этот раз добровольная,—Камчатка, Анадырь, Чукотская Земля. Я сделал за зиму, должно быть, 10.000 верст, собрал сотни пудов этнографических коллекций и переправил в Америку, а сам через Японию проехал во Владивосток и через Манчжурию в Питер. Тут я снова напоролся на департаментскую высылку и должен был убраться обратно, откуда приехал, к счастью, не к чукчам, а в Нью-Йорк. В Нью-Йорке прожил два года, обрабатывал „Материалы", издал по-английски два тома in folio в 7-ми частях,—лингвистика, фольклор, материальная культура, религия, социальная организация. Работа эта не окончена еще и теперь. Писал

злободневные статьи в российские газеты и палеолитические романы: „Восемь Племен", „Жертвы Дракона".

В разгаре Японской войны воротился в Европу, а оттуда в Россию. Было это как раз к первому земскому съезду. Зашумела Россия, задралась. То били старые новых, как искони велось,—теперь били новые старых. Я бегал за теми и другими с записною книжкой. Ездил на Волгу и в степь и в Сибирь. Был страстным газетчиком, фельетонистом. Почувствовал себя даже всероссийским художественным репортером. Но и науки своей, чукотско-английской, отнюдь не оставлял. И так я стал человеком двуличным, двойственным. С правой стороны Богораз, а с левой, незаконной—Тан.

Есть люди, которые Тана не выносят, а к Богоразу довольно благосклонны. Есть и такие, напротив, что чувствуют к Тану особую склонность, напр., прокурор и полиция. С 1905 по 1917 г. я привлекался к суду по делам политическим и литературным раз двадцать. А раньше того расправы были административные. Не знаю, которые лучше, которые хуже,—судебные или административные. Все хуже.

В 1905 г. заиграла революция. В январе я столкнулся с Гапоном, перезнакомился с гапоновскими рабочими, особенно с Кузиным, учителем и слесарем, гапоновским секретарем. Был он человек кристальной чистоты, взял на воспитание единственного сына председателя Васильева, убитого у Нарвских ворот, когда они лежали втроем, распластавшись на снегу,—посредине Гапон, слева Васильев, справа Кузин.

Потом был московский октябрь. Октябрь № 1. Я близко стоял к центр. забастов. комитету. Еще ближе к первому Крестьянскому Союзу. Старался все увидеть, разузнать. Такая была ненасытная жадность, словно в душе, в глубине провальная дыра, — хватаешь кипящую жизнь горстями, рвешь клочьями и пихаешь в глубину. Наполняешь внутреннюю пустоту и не можешь наполнить. Тут и обдумывать некогда, — писать и отдавать людям. Скомкаешь, выбросишь несколько клочков, — нате! И дальше на лов, к новому, к новому. Это должно быть оттого, что пришлось пережить одну за другой целых три революции. Горькая пена революции, соленая, теплая кровь. И ею никак не напьешься, только захлебнешься, как пеною морской. И сохнут уста, и жажда сильней и настойчивей.

14 ноября 1905 г. нас арестовали пятерых по крестьянскому союзу, первых после конституции. Пристав даже руками развел и просил извинения: „Ведь вот же гарантия личности еще не утверждена".

Потом нас выпустили, потом опять посадили и т. д.

За это время я много писал, стихи и прозу. Стихи мои многие ругали, даже пародии на них сочиняли. Мне трудно судить, сколько в этом правды. Но иные из моих стихов остались и вошли в обиход. Их поют на улицах мальчишки: „Кронштадские матросы", „Прощание". Все это стихи нелегальные, политические. А „Красное Знамя" вошло в революционный канон. Но это не мое сочинение, а только перевод.

Из рассказов отмечу: „Колымские рассказы" (о ссылке). Два тома „Американских рассказов". Три тома „Чукотских рассказов". Несколько романов, все больше этнографические, множество очерков жизни, иностранной и русской. Тучи газетных статей.

Многое выдержало по нескольку изданий. Собирал я свои сочинения не особенно настойчиво. Все-таки в 1910 г. выпустил собрание в десяти томах, в изд. „Просвещение". В то время я отсиживал в тюрьме и корректуру читал нелегально. Такова уж судьба российского старого писателя.

Два раза объехал землю по широте, был на голоде, был на последней войне с санитарным отрядом, ходил пешком через Карпаты, забрался в Венгрию, на польском фронте был, потом отступил довольно стремительно. Был на коне и под конем. Всякого жита таскал по лопате. Всякого зелья хлебнул, угарного и пьяного. Тяжелое раздумье между двух революций досталось нам дорого. Начальство расставило вешалки по всем городам. А снизу выдвигались анархисты, боевики, всевозможные эксы, дружины боевые и разбойничьи. В то время было хорошо тем, кто был связан с партией, но мы, беспартийные, метались.

Началась война, а с ней патриотический угар. Мы, интеллигенты, писатели, художники и прочая шушера обрадовались, запели, увидели воочию сокровище наше, Федору. Нам, изгоям, духовным изгнанникам, словно подарили отечество, новое с иголочки, только что отчеканенное по военному заказу. А Федора обозлилась всерьез, заскрипела зубами, полезла, как медведица, приняла австрийца и попала на немецкую рогатину. Тогда повернулась назад и в собственном лесу стала разметать и расчищать мусор и валежник перебитыми лапами. Стон поднялся, гам, топот. Попадали вековые деревья, щепки полетели за тысячу верст. Так расцвела, разгорелась после стосильной войны тысячесильная, стихийная, безгранная революция России.

Вместе с другими я тоже мелодекламировал о верности союзу с „державами", злопыхательствовал и ненавидел, затем проделал всю обывательскую голгофу голодного времени: семью потерял, остался один, как бобыль, и соответственно злобствовал.

А теперь, к первому десятилетию рево-

люционной годовщины, пожалуй, готов благословлять. Не за людей, за других, сам за себя готов благословить, за собственную чистку. Сколько налипло на душе всяческой дряни за полвека, как раковин на днище корабля. В банке накопилось зачем-то состояние, в ящиках писаной бумаги десятки пудов, в душе какие-то рабские привычки. Был революционер, потом беллетрист, ненасытный художник, всемирный гражданин и стал патриот, малодушный обыватель. Революция счистила все, соскребла до кровавого мяса, и старое судно снова поднялось и надуло паруса. Пока не потонет, плывет, и новые бури не страшны.

Старую литературу история заперла на ключик, и то, что было во мне Таном, поблекло, съежилось, и стал я профессором частной этнографии, оброс учениками, ассистентами, студентами с рабфака, студентами из геофака и студентами просто так—с ветру, непризнанными вольнослушателями. Так из художника-писателя, из художественного репортера-публициста стал я ученым профессором геофака ЛГУ, ученым хранителем отдела МАЭ АН СССР. Как много учености... Но то, что было во мне Таном, тоже не умерло, живет. Художественный репортер,—это огромный граммофон. Душа его вся из чувствительных пластинок, и прежде чем запеть для других, он сам воспринимает для себя.

И мой граммофон записал: „Строить, довольно ломали, надо строить". После великого пожара разбрасываем старые бревна, порою довольно бесцеремонно, и тащим новые. Прилаживаем старые доски, склеиваем битые стекла. В новом хозяйстве и старое пригодится. Но больше надо нового.

И мы, интеллигенты, российские ученые, спецы от науки прикладной и отвлеченной, из собственной души своей создаем это новое. К великому счастью, революция обновила, наши собственные души. И мы их куем и чеканим, как металл, острое оружие мы вытискиваем из собственных мыслей. Их заострили минувшие бури и былые страдания.

Перевалив на седьмой десяток, на 62 году я счастлив и доволен не тем, что я пережил целых три российских революции, их пережили и старые заборы, которые хотя покосились, но еще не упали,—я счастлив тем, что после этих революций я чувствую вместе со всеми, и теперь, когда строят, я строю с другими.

Феохари, Степан Ильич *).

Родился я в 1858 году в д. Крыжановке в 12 верстах от г. Одессы, на берегу Черного моря, в небогатой трудовой (хлебопашеской) семье. Мой дед по отцу был выходец из Греции (с острова Санторина). По рассказам, он был опытный мореход и даже имел собственное суденышко, на котором и плавал, перевозя грузы. В одно из этих плаваний пираты ограбили его и пытались задержать у себя на отнятом у него же судне в качестве знающего море капитана. Однако, ему недолго пришлось быть у них в плену. Где-то у берегов Черного моря, вблизи Одессы, ночью ему удалось бежать. В Одессе у него были знакомые греки, к которым он и направился. Так как он своего судна лишился, а на родине у него никого и ничего не осталось, то ему пришлось обосноваться в Одессе. Земляки помогли ему выхлопотать нужные документы и пр., и он занялся на Большом Фонтане огородничеством. Здесь впоследствии он женился на одной из своих сапальщиц—украинке. Отец мой, уже полугрек, тоже женился на украинке (в Крыжановке), а мы все, дети, нося греческую фамилию и считаясь иностранными подданными, были уже русскими, точнее—украинцами, так как мать была сознательной украинкой и старалась привить нам украинский язык. Лет до 14—15 я жил в деревне, помогая отцу в хозяйстве: начав свою земледельческую карьеру с пастьбы гусей, я дошел до пахания и молотьбы. В деревне училища не было, а отец хотел, чтобы мы непременно учились. Отдать нас учиться в город он не имел возможности (нас было у отца 8 сыновей), поэтому мы учились дома. Для этого отец на зиму привозил из города какого-нибудь „бывшего человека" из ночлежного дома, который и учил нас грамоте. Летом мы не могли учиться, так как в это время у каждого из нас было свое особое дело. Благодаря такому способу учения, я в 15 лет научился кое-как читать и еще хуже писать, имел маленькое представление о 4-х правилах арифметики, а о грамматике и представления не имел. 15-летним я, как и старшие братья, был отдан в ученье ремеслу. Первые два брата уже работали на заводе, третий в типографии, четвертый оставался дома по хозяйству, а я был отдан в скульптурную мастерскую. Работали в мастерской от 6-ти до 6-ти, но я, как ученик, должен был еще убрать помещение, прибрать, подмести и т. д., и поэтому мне приходилось работать с 5 ч. утра до 7-ми вечера. После этого я, доставши какую-либо книжку, забирался под верстак, где первое время и спал, и читал, вернее, учился читать. Время было такое, что, живя в городе, я уже слыхал, что кого-то за что-то арестовывают, но не за грабеж или разбой. За что же? Меня этот вопрос очень интересовал. Говорили, что судят за какие-то книжки. Один приятель даже объяснял, что

ФЕОХАРИ С. И. (1858–1931).

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Одессе.

такая книжка зовется „пропаганда", и что он ее читал. Хотя я и сомневался, чтобы он что-либо подобное мог читать, тем не менее меня это еще больше взвинтило и не давало покоя. Я брал каждую попавшуюся книжку и прочитывал ее в надежде, авось, нападу на эту самую „пропаганду" и тогда узнаю, в чем дело. Читал, что попадалось. Поэтому, бывало, читаешь и ничего не понимаешь; но думалось, что дальше, может быть, будет понятнее. Заберешься, бывало, под верстак в укромный уголок, чтобы хозяин не увидел света в окне. Попадались книжки, которые я с удовольствием прочитывал; но попадались и такие, что я ее читаю, а веки закрывают мне глаза. Первая книжка, которую я с величайшим удовольствием прочел, была: Эркмана-Шатриана „История одного крестьянина",—но это было уже много позже.

При моем сильнейшем желании добиться, „кто они и за что их судят",—очень заинтересовал меня разговор моего хозяина с его знакомым о парижских коммунарах (мой хозяин во время Парижской Коммуны жил в Париже). Из этого разговора я только понял, что и там тоже есть какие-то люди, которых преследуют за что-то.

В школе рисования Одесского О-ва Изящных Искусств, по четвергам и вторникам, вечером, а в воскресенье — днем, можно было учиться бесплатно. В один из таких дней я увидел между учениками совершенно взрослого и, повидимому, рабочего человека. Молчаливый, серьезный, даже казавшийся суровым, он очень хорошо рисовал и лепил из глины, и всем этим на меня произвел сильное впечатление: „простой рабочий, а как хорошо рисует и лепит". Очень уж он пришелся мне по душе. Как-то раз мой урок рисования не выходил у меня. Я набрался храбрости и обратился к нему за пояснением. Оказалось, что это добрейшей души человек: он толково, внятно, тихо и как-то особенно мягко объяснил мне все мои затруднения. Я был так очарован и в таком восторге, что не хотелось даже отходить от него. При дальнейшем знакомстве я узнал, что он рабочий, резчик по дереву, и зовут его Макар Тетерка; но в данное время он без работы. Впоследствии ему представилась возможность поступить к нам лепщиком по гипсу. Работая в одной мастерской с М. Тетеркой, я заметил, что он подружился с одним из мастеров, с которым я в это время жил в одной комнатке при мастерской; разделяла нас занавесочка из какой-то тряпки. Раньше, когда мой соквартирант доставал какую-либо книжонку, то давал и мне прочитывать, а тут почему-то начал прятать под подушку. Меня заинтересовало: почему это он прячется, и почему они всегда шопотом разговаривают. А вдруг эти книжки и есть та самая „пропаганда", за которую, как мне говорили, арестовывают и судят. Долго меня мучило любопытство; но всякому терпению бывает конец: я убедил себя, что здесь нет никакого преступления:, если я возьму эту книжку: что бы там ни писалось, я давал себе клятву, что никому-никому, ни единой душе об этом не скажу. И раз, когда мой соквартирант ушел из дому, я взял из-под подушки маленькую брошюрку, насколько мог скорее прочел ее, и... ничего не понял,—вероятно потому, что я волновался, спешил и прыгал со строки на строку. Но я на этом не успокоился и стал при каждом удобном случае заглядывать под подушку. Таким образом, я прочел „Копейку", „Сказку о четырех братьях" и т. д. Понемногу я начал разбираться: в них говорится о рабочих и хозяевах, о бедных и богатых, почему одни бедные, а другие богатые, и так далее. Постепенно я начал заговаривать с Тетеркой на эту тему. Первое время он больше слушал, чем говорил, и лишь кое-что объяснял. Видно было, что он все еще смотрит на меня, как на малыша. Когда же он увидел, что я не на шутку интересуюсь этим, то начал испытывать меня: „А знаешь, что за это арестовывают и ссылают в Сибирь и даже в каторгу" и т. д.; но когда увидел, что все эти ужасы меня не пугают, мой Макар Васильевич заговорил иначе и начал давать кое-что читать. Только после долгих испытаний в конце 1876 г. он ввел меня в гор. рабочий кружок. В это время были еще кружки: „вокзальский", „интеллигентский" и кружок „ивановцев" во главе с Иваном Горяиновым („сапожная коммуна"). — Революционная деятельность моя, если можно так ее назвать, была кратка и незначительна: я не успел появиться на свет, как был изъят. До половины 1878 г. в Одессе не предпринималось никакого крупного дела. Вся наша деятельность того времени заключалась в пропаганде среди рабочих, крестьян и солдат, организовывались в кружки, развивались, учились и т. д. У себя, в мастерской, я не решался заниматься пропагандой: во-1-х, я еще ученик-мальчик, а значит, „млад еще учить уму-разуму мастеров"; во-2-х, для нашей мастерской достаточно было и одного Тетерки, тем более, что рабочих было всего 5—6 человек. Поэтому я после „шабаша" работы, в субботу вечером или в воскресенье утром, отправлялся к себе в деревню для пропаганды среди крестьян; но и тут я оказался не авторитетен, по той же причине, хотя я не унывал и доказывал правильность своих рассуждений.

Впоследствии дом моих родных был складом нелегальной литературы, в особенности перед процессом Ковальского и др., когда предполагались демонстрации, значит, и аресты. Во второй половине 1878 года

перед процессом И. Ковальского и др. товарищей, и Одесса зашевелилась немного иначе. Устраивались громадные собрания на Ланжероне, человек по 300, на которых решался вопрос о демонстрации: быть или не быть таковой. После долгих споров и выяснений решили: в виду того, что в Одессу к процессу Ковальского прибыло много разных войск, между прочими и две роты башкир, — демонстрации не делать, и даже советовалось не брать с собою оружия, так как могут быть произведены на улице у здания случайные аресты, и попавшийся с оружием может сильно пострадать. Я, как, вероятно, и другие товарищи, не пожелал расстаться с револьвером, и он мне пригодился. Когда был объявлен приговор суда, кто-то крикнул: „Ковальскому смертная казнь". На улице поднялся шум, выкрикивания: „Палачи, мерзавцы" и т. д. В это время из двора суда высыпали башкиры и начали разгонять публику прикладами. Когда я почувствовал прикосновение приклада к моей голове, то, чтобы остановить такой способ увещевания, я выхватил револьвер и начал стрелять. Выпустив шесть пуль, я пошел домой за патронами; жил я здесь же, второй дом от места стрельбы. Солдаты возвратились к себе во двор, а мы двинулись на Соборную площадь, а оттуда на бульвар. Несмотря на то, что все это время произносились речи и т. д., арестован в этот вечер никто не был; была лишь одна попытка одного офицера арестовать говорившую Гуковскую, но публика отняла ее у него. В последующие дни начались аресты, и я счел нужным скрыться на время. Прожив в м-ке Николаевке месяцев 5, я возвратился в Одессу, но товарищи сообщили мне, что меня ищут, и посоветовали уехать из Одессы. В начале января 1879 г. я уехал в Киев. Поселились мы с Игнатом Ивичевичем у одних старичков, где-то на окраине города, за полтора рубля в месяц. Оба мы—беженцы из Одессы, беспаспортные и безденежные. Старуха купила нам два снопа соломы для постели, которые она на ночь расстилала нам в кухоньке на полу; одним пальто мы застилали солому, чтобы она не колола, другим укрывались. Очень жалею, что не помню фамилии этих двух прелестнейших старичков. Прожили мы около месяца. Вечером 11 февраля того же 79-го года мы с Игнатом отправились к его брату, Ивану Ивичевичу, где застали довольно большую компанию. Несколько человек из них только что приехали из других городов. Не прошло и $^1/_2$ часа, как в щель двери хозяйка квартиры шепнула: „Жандармы идут". Еще через минуту появились жандармы; не входя в комнату, в приоткрытую дверь спрашивают: „Здесь живет Дебогорий-Мокриевич?" (Дебогорий-Мокриевич жил в той же квартире, только в следующей комнате). „Нет", отвечает Иван Ивичевич, стоя у самых дверей с револьвером в руке, заложенной за спину. „А ваш паспорт? фамилия?" На этот вопрос Ив. Ивичевич сказал: „Вот"— и выстрелил. Как с той, так и с другой стороны началась стрельба. В результате у нас было четыре ранено (оба брата Ивичевичи, Брантнер и „неизвестный"—Иванченко), а у жандармов один убит. На суде выяснилось, что все жандармы были в кольчугах. В этот вечер было арестовано 14 человек: 10 на квартире Ивичевича и 4 чел. в другом месте. Все 14 человек отказались назвать свои фамилии, а впоследствии отказались и от участия в судебной процедуре.

Через 2 месяца нас судили военно-окружным судом. Оба Ивичевича умерли от ран; двух из нас повесили—Брантнера и Свириденко, а из других сопроцессников—Осинского; остальные были приговорены на 14 л. 10 м. к каторге каждый. По конфирмации некоторым сроки уменьшили. Мне, как несовершеннолетнему и „совершенно неграмотному", срок уменьшен почти на $^2/_3$, т.-е. было дано только 5 лет 4 мес. Получилось это вот почему: сначала я, как и другие, отказался назвать себя; в обвинительном акте я назван „неизвестный малого роста", а так как я был очень молод, то была назначена комиссия из врачей, которая должна была определить мне лета по зубам мудрости. Первая комиссия определила, что мне лет 18, так как зубов мудрости нет и признака. Вторая комиссия прибавила мне еще один год, т.-е. 19. Должен сказать, что зубы мудрости у меня и по настоящее время не выросли. „Совершенно неграмотным" я оказался благодаря смотрителю тюрьмы. Во время суда смотритель давал характеристику каждому из нас, так как других „благородных свидетелей" не было, да и никаких данных в их руки не попало, потому что во время перестрелки все было сожжено, кроме печатей всяких учреждений. Для того, чтобы привести хоть какие-нибудь данные нашей „преступной" деятельности, прокурор Стрельников не стеснялся никакой ложью и подтасовкой фактов; против нас он приводил все то, что было когда-либо кем-либо сделано, и что, м. б., предполагалось в будущем. Этот желчно-шипящий, пресмыкающийся человек старался всю желчь излить на нас и, как только мог, забросать нас грязью, зная, конечно, что никто ему возражать не будет, так как все мы отказались участвовать в этом так называемом суде. Как для Судейкина, получившего за наш арест чин капитана, так и для полковника, ставшего вскоре генералом, Стрельникова, на поприще политических процессов наш про-

цесс был первым дебютом. Когда очередь дошла до меня, то смотритель заявил: „Неизвестный малого роста держал себя вызывающе, грубый, невоспитанный и совершенно неграмотный; я заставал его раза два с книгой в руках, но он ее держал вверх ногами". Над этим курьезом товарищи по процессу смеялись: „Вот, де, малой и выгадал: оказался несовершеннолетним и совершенно неграмотным" (см. журнал „Объединение", 5 кн. за 1920 г., стр. 198). Чтобы узнать наши фамилии, жандармы устраивали нам „свидания" с дворниками, швейцарами, лакеями и тому подобными господами, которые могли бы узнать кого-либо из нас,—сначала только с киевскими, а затем явились и из Харькова. Этот прием дал свои результаты: из всех нас 14 человек остались не узнанными только трое: я, „Антонов" (Свириденко) и „неизвестный, раненый в голову" (Иванченко).

Посоветовавшись с товарищами, я решил открыться, тем более, что фамилии моей одесские жандармы не знали, а киевские и того меньше. На третий день суда я заявил, что я такой-то, и это может удостоверить мой отец и дядя, которые живут там-то. Сейчас же телеграфировали, и на 4 или 5 день суда мои родные приехали и подтвердили, что я такой-то, и что мне около 20 лет. С этого момента я стал Феохари официально, а для товарищей я так и остался „малой".

После прочтения окончательного приговора и после казни Брантнера, Свириденко и Осинского, меня и „неизвестного", как не привилегированных, заковали в кандалы, обрили полголовы, а ночью всех нас увезли, окруженных казаками и жандармами. Привезли и высадили нас где-то в лесу. На рассвете пришел поезд, остановился: посадили нас в вагон и повезли в Мценскую тюрьму. В Мценске сидеть пришлось недолго. Из Мценска поехали дальше на Н.-Новгород, где нас посадили на баржу. Из Перми — почтовыми до Красноярска. В Красноярске нас разделили; 5 человек: меня, неизвестного, Дебогория-Мокриевича, Волошенко и Избицкого отправили по этапу при уголовной партии в 400 чел. Всю дорогу нас неоставляла мысль о побеге. Один из спутников, бродяга,—фамилии его не помню, согласился безвозмездно смениться с кем-либо из нас: он должен был выйти на одном из этапов на поселение. Мы выбрали Владислава Избицкого, как более энергичного и здорового, с тем, чтобы он с воли помог нам всем бежать. Из этого плана ничего не вышло, так как В. Избицкий где-то погиб; были слухи, что его убили и ограбили. После этой неудачи мы решили сами бежать. На одном из этапов ночью пробили потолок, вылезли на крышу, и оттуда надо было прыгать на землю. С нами был один уголовный, тоже бродяга, знающий местность. В первой паре были этот самый уголовный и Волошенко. Уголовный, не ожидая нас, пока мы выстроимся на конце крыши, чтобы вместе спрыгнуть, прыгнул один; часовой поднял тревогу в то время, когда мы еще не успели добраться до конца крыши. Нам остался один путь: возвратиться назад. Моментально поднялись шум, беготня, стрельба. Тем временем мы возвратились назад в камеру и расселись на нарах, как ни в чем не бывало. Через некоторое время является конвой с офицером к нам в камеру. Офицер увидел, что мы все налицо, и обрадовался; но, тем не менее, не преминул прочесть нам нотацию: „Как вам не стыдно, а еще дворяне, благородные люди, а как те крысы полезли в норы". Несмотря на то, что мы были ужасно огорчены и угнетены такой неудачей, мы не могли не расхохотаться.

В дальнейшем пути мне и „неизвестному" два уголовных пария предложили смениться с ними —мне за 2 руб., а „неизвестному" за 4 р., но ни у меня, ни у него не было ни копейки; мы отдали все свои деньги Избицкому. Таким образом, из-за 2 руб. пришлось итти на каторгу. В Иркутске „подзимовали", пока установился зимний путь. Из-за голодухи многие из нас переболели тифом (10 коп. кормовых, а фунт хлеба стоил 7 коп.). Когда пришло время отправки на Кару, то не оказалось восьми человек,—бежали. Побег был замечательный по своему плану и выполнению. Пока нас было мало, мы сидели в одиночках, но постепенно народ прибывал, и тогда нас перевели в две сравнительно большие камеры: одну из них мы отвели для больных, а другую для здоровых. Из больничной камеры был сделан подкоп: через капитальную стену к смотрителю тюрьмы в подполье; из подполья был ход наверх в кладовую, а из нее в переднюю, затем к смотрителю во двор и на улицу. После каждого выпуска (через все эти ходы) я, как провожатый, должен был все их позакрывать и дыру заделать. Говорят, первый блин комом, а у меня он вышел последним. Проводив последнюю группу, при пролезании через дыру в капитальной стене я застрял: ни вперед, ни назад не могу; помочь вытянуть некому было. На меня нашел ужас: а вдруг я не смогу сам вылезти, и из-за этой чепухи может открыться побег. Я напряг все свои силы, начал извиваться и, в конце концов, мокрый, как мышь, вылез. Так бежали товарищи из тюрьмы, а затем попадали опять в тюрьму, так как в Сибири легче выбраться из самой крепкой тюрьмы, чем без посторонней помощи укрыться на воле. Это обстоятельство погубило много побегов, а значит, и людей. Второй, тоже боль-

ной побег, был на Каре (место каторги). Здесь тоже бежало восемь человек, но в конце концов переловили всех. И. Мышкин и Н. Хрущов успели добраться до Владивостока, и только там их задержали. В самом побеге из Иркутской тюрьмы и Кары я не участвовал, но в устройстве и работах я принимал большое участие, в особенности в Иркутске, где, кроме самой работы в подкопе, я был и провожатым: закрывал и заделывал все отверстия, через которые бежавшие выходили. В конце концов пришлось даже стать чуть не тюремщиком, так как пожелала еще одна пара выйти на волю, но эта пара была из ненадежных и могла „засыпать" побег, а в особенности один из них, некий А. Баламез, который держал себя на суде предательски. Поэтому я эту пару отказался проводить, а другого, знающего все ходы и выходы, не было. На Каре я был столяром в мастерской, через которую бежало 8 товарищей.

По окончании своего срока каторги, 5 лет, я был поселен в Якутской области, в Мегенском улусе. Водворен я был в якутской юрте, в которой помещалось 9 душ якутов и около 20 штук коров под одной крышей. Между коровами и людьми была лишь решетчатая перегородка с отверстием для прохода. О качестве воздуха нечего и говорить. Поселившись в Якутии, я сначала занялся хлебопашеством, потом и огородничеством. Дружно, мирно и любовно я прожил с якутами семь лет и теперь с удовольствием вспоминаю якутов, забитых и запуганных чиновниками. В половине 1890 г. я уже имел право приписаться в крестьяне, но так как я „иностранно-подданый", то меня решили выслать на „родину"—не в Россию, как я в первый момент предположил, а куда-то, на какую-то иную родину, о которой я и представления не имел.

На обратном пути пришлось опять посетить все тюрьмы, через которые я 12 лет тому назад проходил. После всех мытарств „свободного человека" меня посадили на пароход и отправили „на родину". Дальше Константинополя я не поехал, так как учиться мне говорить по-турецки или „по-родному", т.-е. по-гречески, не хотелось: я одинаково ни того, ни другого не знал, и, кроме того, Константинополь все-таки ближе к России, а в особенности к настоящей родине—Одессе.

Из Константинополя я, одолжив у одного грека, турецко-поддапного, его паспорт, двинулся через Севастополь в Одессу. С родными я за 5—6 месяцев нагляделся и наговорился, но из товарищей я никого не нашел, а тут начальство разнюхало, что я где-то тут обитаю. Родные, в испуге, что меня опять заберут, начали просить меня уехать на „родину". Прожив еще месяцев 5 зайцем и не нашедши никого, я кое-как бежал „во-свояси". Приехав опять в Константинополь, я с большим трудом получил работу—столяром в Афонском подворье. Когда кончилась моя столярная работа, там же устраивалось центральное отопление, и я, подучившись, постепенно стал настоящим печником. После монастыря я попал на работу в турецкое морское министерство, но уже старшим печным мастером; подрядчиком был наш русский печник, у которого я, в качестве мастера-печника, до самого возвращения в Россию работал. Благодаря печам, я возвратился в Россию. Дело было так: понадобилось в русском посольстве переделать одну или две печи. Подрядчик отправил меня. Из этих двух, до безобразия громадных и неуклюжих печей, я сделал маленькие и изящные. Послу они так понравились, что он заказал переделать еще одну и еще, и в конце концов я переделал 8 печей.

Посол Нелидов, узнав от подрядчика, что я скульптор, стал меня расспрашивать, как я из скульпторов стал печником; я ему рассказал, кто я, и он обещал исходатайствовать мне разрешение вернуться в Россию. Однако, приблизительно через полгода или больше мне в консульстве объявили, что „отказано". Это было при Александре III, но при Николае II Нелидов возобновил ходатайство, и в конце 1895 года я был возвращен в Россию без права въезда в Москву и Петербург и на 2 года под гласный надзор полиции. После того я прослужил около 10 лет смотрителем на городских скотобойнях, а в 1908 г. Толмачевым был удален за неблагонадежность. Как и почему это случилось, и что было потом, это уже относится ко времени новой русской истории.

ФИГНЕР В. Н. (1852–1942).

Фигнер, Вера Николаевна*).

Я родилась в 1852 году в Казанской губернии. Предположение о родстве моего отца, Николая Александровича Фигнер, с известным партизаном 1812-го года, Александром Самойловичем Фигнер, лишено основания. Документы, сохранившиеся в нашей семье, свидетельствуют, что моим дедом с отцовской стороны был Александр Александрович Фигнер, дворянин—выходец из Лифляндии, в чине подполковника приписанный в 1828 г. к дворянству Казанской губернии.

Мой дед с материнской стороны, Христофор Петрович Куприянов, служил уездным судьей в г. Тетюшах и был крупным помещиком. Кроме 400 десятин в Тетюшском уезде, он владел 6.000 десятин в Уфимской губернии. Но дедушка любил жизнь, был

*) Автобиография написана в 1926 г. в Москве.

расточителен и так бесхозяйствен, что после его смерти наследники отказались от своих прав; сохранились только 400 десятин при д. Христофоровке, записанные на имя моей матери, Екатерины Христофоровны, еще при жизни деда; она разделила их впоследствии с двумя сестрами и братом—Петром Христофоровичем.

Мой отец служил сначала лесничим в Мамадышском уезде, и первые шесть лет жизни я провела в доме, который стоял на опушке большой лесной дачи, где кругом не было ни другого жилья, ни селенья. Так как отец часто бывал в разъездах, то страх перед опасным соседом—„дремучим" лесом, с рассказами о разбойниках, беглых и медведях наполнял все мои детские годы.

Отец и мать, совершенно различные по темпераменту, были оба люди энергичные, с твердой волей, очень деятельные и работоспособные. В той или иной мере они передали эти качества всем нам—4 сестрам и 2 братьям, из которых ни один не прошел бесследно в жизни. Брат Петр был крупным горным инженером; Николай сделал блестящую карьеру, как певец русской оперы, а сестры: я, Лидия и Евгения участвовали в революционном движении,—я провела 20 лет в Шлиссельбургской крепости, а они по суду были отправлены в Сибирь. Что касается младшей сестры Ольги, то она была энергичной работницей в области культурно-просветительной деятельности в Омске и в Ярославле.

Воспитание, полученное нами, было суровое. В моей книге „Запечатленный труд" (ч. 1-я) мое детство описано подробно. В нем не было признания личности ребенка, не было ласки и близости с родителями; но царила дисциплина, прививались спартанские привычки, а к братьям применялись нелепые кары и телесные наказания. Отраду и утешение, а порой и защиту, мы находили только у старой няни—Натальи Макарьевны. Она была крепостной, недаром давно отпущенной на волю: за полвека своей жизни она вынянчила три поколения барчат. Строгий, взыскательный отец был вспыльчив, а мать, по натуре мягкая и гуманная, первое десятилетие замужней жизни не имела ни того развития, ни того влияния, которые приобрела с годами. Да и отец, бывший на 15 лет старше ее, сильно изменился, когда с падением крепостного права стал служить мировым посредником, и реформы начала царствования Александра II потрясли старые нравы и устаревший быт.

В 1858 году мы переехали в Тетюшский уезд, в Христофоровку, и вся внешняя обстановка нашей жизни совершенно изменилась. Мрачная тень „дремучего" леса исчезла. Большой дедушкин дом стоял в саду из фруктовых деревьев, а за ним шел парк с солнечными полянами, белыми березками, с прудами и оврагами, на дне которых бились роднички. В густой чаще орешника, черемухи и клена рос папортник, „цветущий раз в сто лет", краснели волчьи ягоды и костеника, а на опушке было множество земляники. В этой привольной обстановке, где было все, что дает радость детям, и где мы прожили 5 лет, я полюбила природу. Общение с нею в ранние годы, в связи с позднейшими впечатлениями, сделало богатый вклад в мой духовный мир: оно дало мне полноту жизни, то мироощущение, которого лишены постоянные жители городов.

Если суровость отца и отсутствие нежных отношений с родителями не оставили светлых воспоминаний, то в домашней обстановке надо признать и хорошее: между отцом и матерью никогда не было ссор, в доме не было слышно бранных слов и не было лжи, т. к. строго соблюдалось правило ничего не скрывать от отца; жизнь в деревне и отсутствие знакомств избавляли от нелепых городских условностей, и мы не знали ни лицемерия, ни пересудов и злословия.

Вторая полоса моей жизни наступила в 1863 г., когда меня отдали в Казанский Родионовский институт. Я оставалась в этом закрытом учебном заведении шесть лет и в течение их только четыре раза ездила домой, в деревню, на шестинедельные каникулы.

Наша жизнь в деревне была очень уединенная, не только без соседей, но и без всякого соприкосновения нас, детей, с крестьянским населением. Это обстоятельство, на ряду с замкнутым пребыванием до 17 лет в институте, было условием крайне неблагоприятным для моего знакомства с жизнью и людьми.

Что касается образования, то дома я училась охотно, а читать книги начала с 9 лет и с таким увлечением, что вечером приходилось их отнимать. К институту я была хорошо подготовлена гувернантками и сразу заняла место первой ученицы. Кончила я с шифром. Но знаний институт давал чрезвычайно мало; книг для чтения не полагалось, существовала библиотека, но всегда оставалась под замком; случайно попадавшие к нам романы приходилось читать тайком. Если мое умственное развитие в эти шесть лет только задерживалось, а не остановилось—этим я обязана моей матери, которая летом давала мне и сестре Лидии лучшие произведения русской и иностранной литературы, и на вакациях мы с сестрой все дни проводили за книгой.

Когда мне было 13 лет, дядя Куприянов позволил мне взять в институт журнал „Русское Слово" за целый год. В нем я прочла романы Шпильгагена: „Один в поле не воин", „Между молотом и наковальней"

и остальную беллетристику. Чтение, которое давала мне мать, состояло исключительно из повестей и романов; они действовали, конечно, главным образом на чувство. Критических и публицистических статей в журналах я совсем не читала, и серьезные книги ко мне в руки не попадали. В институте всего лишь раз моя классная дама, Черноусова, дала мне один том Белинского — он не произвел на меня никакого впечатления, то же самое случилось и с несколькими статьями Добролюбова, случайно прочитанными мною, а мне тогда было уже 15 лет. Реальная жизнь, вплоть до выхода из института, шла мимо меня, а так как встреч с людьми у меня не было, то вся действительность доходила до моего сознания лишь пропущенной через художественную призму. Воспитательных влияний в институте совершенно не было. О духовном развитии нашем не заботился никто. В скудной духовной атмосфере тем большее значение имели некоторые произведения литературы. Так, роман „Один в поле не воин" с образами Сильвии и Лео произвел на меня глубокое впечатление и остался памятен на всю жизнь. Другой книгой, которой в 13 лет я увлеклась вместе со всем классом, было евангелие, некоторые принципы которого—как отдача себя всецело раз избранной великой цели,—до сих пор сохранили в моих глазах свою великую ценность. Да и все другие высшие моральные ценности я получила из этой книги. Два года спустя поэма Некрасова „Саша", которая учила согласовать слово с делом и была дана преподавателем Порфирьевым нам для разбора, была третьим произведением, имевшим решающее влияние на мое духовное развитие.

Хорошей стороной жизни в институте было чувство товарищества, которое обыкновенно развивается в общежитиях молодежи. Это чувство было хорошей подготовкой для моего будущего, как на свободе, так и в тюрьме.

В 1869 г. я вышла из института и вернулась домой в село Никифорово, куда мы переехали за год до моего поступления в институт, так как Христофоровка (в 7 в. от Никифорова) перешла во владение дяди и тёток. В Никифорове единственным частым посетителем нашим был дядя, П. Х. Куприянов, артиллерийский офицер в отставке, приехавший хозяйничать и выбранный потом в мировые судьи. Дядя и его жена были людьми передовыми; он был из тех, кого в то время называли „мыслящими реалистами"; прекрасно знал произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Д. С. Милля, и в общественном смысле я несомненно многим была обязана его влиянию. Он познакомил меня с учением утилитаризма, и я сразу усвоила теорию, что целью человека должно быть наибольшее счастье наибольшего числа людей. Дядя подсмеивался над золотыми безделушками и красивыми платьями, которые я носила, вычислял, сколько пудов ржи или овса навешано на меня в виде золота и тканей и старался привить мне любовь к естествознанию. Но если его ироническое отношение к нарядам незадевало меня, так как воспитание в институте при умной и доброй начальнице С. А. Мертваго было почти монашеское, то относительно естественных наук пробудить во мне любознательность ему не удалось. Любовь к изучению природы пробудилась во мне лишь много лет спустя, когда я находилась в Шлиссельбурге, и кругом не стало людей.

Вся обстановка предшествующих лет совсем не содействовала тому, чтобы из меня вышла светская барышня, и меня, живую и энергичную, скоро стала тяготить бездейственная жизнь в деревне. Окружающая крестьянская бедность, хотя я видела ее, можно сказать, издалека, не могла остаться незамеченной. Контраст с моим собственным положением, в связи с приподнятым настроением после выхода из закрытого учебного заведения и частыми разговорами с дядей о земстве, всеобщем народном образовании, медицине и тому подобных вопросах, в особенности же теория утилитаризма, наводили меня на мысль о служении обществу, возбуждали желание быть полезной. И когда в одной журнальной статье я прочла, что Суслова в 1868 году кончила медицинский факультет в Цюрихе, я сразу решила сделаться врачом и ехать для этого в Швейцарию.

Однако, осуществить этот план мне удалось только через два года, уж после того, как в 1870 г. я вышла замуж за молодого образованного судебного следователя—А. В. Филиппова.

Случилось однажды, что, сидя в соседней комнате, я слышала допрос человека, повидимому солдата, выдававшего себя за непомнящего родства, и А. В. всячески ловил его. Это произвело на меня такое впечатление, показалось таким гнусным, что с этого дня я стала настаивать, чтобы А. В. оставил должность и отправился вместе со мной в Цюрих для поступления на медицинский факультет. Продав все, что было возможно, мы исполнили это, и оба поступили в Цюрихский университет; то же самое сделала и сестра Лидия, поехавшая с нами.

С приездом в Швейцарию началось то преобразование моих взглядов, которое определило дальнейшее направление моей жизни. До этого демократический республиканский строй Швейцарии и Америки казался мне политическим идеалом; так читала я у Диксона, так говорил и дядя: он

не был социалистом, и до отъезда за границу о социализме я не слыхала ни слова. Роман „Что делать?" и отчеты по процессу нечаевцев не произвели на меня никакого впечатления. К тому же дядя по поводу процесса сказал: „Всякий народ заслуживает то правительство, кот. он имеет",—а я не могла тогда возразить ему. О личности Лассаля, о западно-европейском рабочем движении, Интернационале и Коммуне я не имела ни малейшего понятия. Теперь новые идеи раскрывали передо мной широкие горизонты.

В Цюрихе в то время училось уже более 100 русских женщин, и существовала большая колония мужской учащейся молодежи, почему-либо не попавшей в учебные заведения России. Существовала уже года два русская библиотека, очень хорошо составленная. Кроме заграничной нелегальной литературы времен Герцена и Огарева, в ней были собраны лучшие произведения иностранных писателей-социалистов, все главные сочинения по истории революций и народных движений была представлена вся текущая пресса по рабочему движению. Часть студентов, приехавших раньше нас, уже окунулась в область новых идей и была захвачена ими: они ходили на собрания рабочих, собирали деньги на стачки, ездили на конгрессы Интернационала. Для меня, знакомой до тех пор лишь с идеями либерализма, многое было непонятно и даже чуждо. Постепенно и не без колебаний мои симпатии определились. Тогда я приняла участие в одном из цюрихских кружков—кружке „фричей": это была группа студенток, получивших название от фамилии хозяйки, у которой некоторые из них жили. Первоначальной задачей кружка было изучение политической экономии (по Миллю, с примеч. Чернышевского), французских социалистов: Кабэ, С. Симона, Фурье, Луи Блана; Прудона; сочинений Лассаля; затем истории революций, начиная с французской революции 1789 г. и до Парижской Коммуны. В программу входило и изучение народных движений в Германии и России.

Должна сказать, что стать на сторону революции и социализма меня подвинуло не только чувство социальной справедливости, но, быть может, в особенности жестокость подавления революционных движений правящим классом.

Кружок, сплотившийся на изучении социального вопроса, не ограничился теориями и через год преобразовался в революционную организацию, целью которой была пропаганда социалистических идей в России. Членами организации были: Бардина, Каминская, две сестры Любатович, три сестры Субботины, Аптекман, В. Александрова, моя сестра Лидия и затем я.

Устав кружка был почти дословной копией с устава секций Интернационала Юрской Федерации. Последняя, как известно, была анархической и шла за Бакуниным. Странным образом солидарность „фричей" с анархическим Интернационалом мирно уживалась с тем, что когда в Цюрих приехал Лавров, и была основана тайная типография для печатанья „Вперед", члены кружка очень конспиративно ходили набирать этот журнал государственника Лаврова.

К 1873 году Цюрих стал оживленным центром русской заграничной молодежи; благодаря пребыванию Лаврова и частым посещениям Бакунина в этот город из России начали приезжать люди революционного и оппозиционного направления. Обратило на Цюрих свои взоры и русское правительство. В июне 1873 г. оно издало распоряжение, что учащиеся, которые останутся в Цюрихе, не будут допущены к экзаменам в России, так как студентки вместо науки занимаются революцией. Это был конец Цюриху: часть учащихся, увлеченная социалистическим учением, вернулась на родину для пропаганды, другие для продолжения занятий поехали в Париж, Женеву и Берн; в последний отправилась и я.

В конце того же года и в первой половине 1874-го года члены кружка „фричей" вернулись в Россию, чтобы поступить для пропаганды на фабрики в качестве простых работниц. Я не решилась тогда на это: мне было трудно отказаться от профессии медика, к которой я стремилась с 70-го года. Тут было и честолюбие, так как звание доктора медицины и хирургии для женщины было еще редкостью; говорило и самолюбие—мне было стыдно отступить, хотя бы и по высокому мотиву, и не достигнуть раз поставленной цели. Однако, когда вся организация „фричей", объединившаяся с кружком „кавказцев", в 1875 г. после кратковременной деятельности была арестована, и Марк Натансон (старый чайковец), приехавший за границу, передал мне призыв товарищей вернуться в Россию для поддержания революционных связей, которые были ими заведены в Москве и других городах—я сочла себя нравственно обязанной исполнить эту просьбу, хотя это и стоило мне большой внутренней борьбы. В декабре 1875 года я оставила университет и выехала из Швейцарии.

По приезде в Москву я нашла мало утешительного. Социалистическое „движение" „в народ" было разгромлено по всей России; люди самые энергичные находились в тюрьме или эмигрировали; дружных, сплоченных организаций не существовало.— К лету 1876-го года я сдала экзамен на звание фельдшерицы и, получив развод с мужем, переехала в Петербург. К осени

там началось оживление и новая группировка революционных сил. Марк Натансон был в то время в Петербурге бесспорно деятелем самым выдающимся по опытности, энергии и организаторской способности и по праву стал в центре обновляющегося революционного дела. На очереди стояла переработка прежней программы деятельности. Я не буду говорить о ней подробно: она изложена в моей книге „Запечатленный Труд" (ч. I-ая). По тогдашним условиям русской жизни, когда городские рабочие были теми же крестьянами и не являлись классом промышленного пролетариата в западно-европейском смысле, областью революционной деятельности попрежнему оставалось крестьянство. Но в основу ее были положены не теоретические идеалы будущего, но нужды и требования, уже в данное время сознанные народом. В программе было важное нововведение: намечалась борьба с правительством, о которой в первую половину 70-х годов не было и речи. Жестокие репрессии против революционного движения изменили настроение и, сообразно с этим, программа требовала вооруженного сопротивления при арестах, обуздания произвола агентов власти, насильственного устранения лиц жандармского и судебного ведомства, отличавшихся особой свирепостью, агентов тайной полиции и д. т. Кроме того, для поддержания и успеха народного восстания — этой конечной цели революционной деятельности— программа указывала на необходимость „удара в центре", при чем уже говорили о применении динамита.

В обсуждении этой программы, которую мы называли „народнической",*) участвовала и я вместе с Ю. Богдановичем, Драго и Писаревым; но когда дело дошло до организации тайного общества для осуществления ее, я, увлеченная личными привязанностями и чувством уважения к чайковцам (Ю. Богданович, Драго, сестры Л. и А. Корниловы, Веймар и др.), осталась в их группе, а не примкнула, как это следовало бы, к Натансону, около которого „на деловом принципе" объединились люди, которых я тогда еще не знала. Из них образовалось тайное общество, которое, как мне говорил Марк, будет называться „Земля и Воля", в память одноименного общества 60-х годов. Эти заветные слова—девиз общества, нашитые на красное знамя, были подняты 6-го декабря 76-го года на Казанской площади молодым рабочим, Я. Потаповым, на демонстрации в ознаменование основания о-ва. На этой демонстрации присутствовала и я с сестрой Евгенией.

Группа, членом которой я состояла, временно, после процесса 193-х, увеличилась до 40 человек, но по разным причинам растаяла, распылилась, и в 77—79 г. г. в деревне работали лишь немногие. Богданович, Писарев, Александр Соловьев, рабочий Грязнов, Мария Лешерн, моя сестра Евгения и я выбрали для поселения Самарскую губернию. Я устроилась в качестве фельдшерицы в с. Студенцы, Самарского уезда. Но мы оставались там недолго: арест нашей знакомой—Чепуриновой, ехавшей из Петербурга с письмами к нам, заставил, во избежание ареста, сняться с места и перебраться в Саратовскую губернию, в которой расселились члены „Земли и Воли" вскоре после образования общества. Александр Константинович Соловьев и товарищи основались волостными писарями в Вольском уезде, а я получила место фельдшерицы в селе Вязьмине Петровского у., где вместе с сестрой прожила 10 месяцев. Весной 1879 г. с нашего ведома Соловьев, убедившись в бесплодности работы в деревне при тогдашних полицейских условиях, уехал в Петербург с решением совершить покушение на жизнь Александра II. 2-го апреля он исполнил это, но потерпел неудачу. Следствие по его делу скомпрометировало всех нас, и нам во второй раз пришлось оставить свои места. Но и помимо этого, условия деятельности в деревне заставляли меня покинуть Вязьмино. Как только мы основались, и определилось наше отношение к населению, волостной писарь, князь Чегодаев, живший бок-о-бок с нами, провозгласил: „приехали н о в ы е л ю д и". Появление женщины на медицинском поприще было тогда неслыханной новостью для крестьян, и народ, жаждущий исцеления, ринулся ко мне—я работала с 5 часов утра и до заката. В трех волостях, которыми я заведывала, не существовало ни одной школы,— моя сестра Евгения объявила, что дети, желающие учиться, могут приходить к ней— так образовалась импровизированная школа. Мы совершенно отмежевались от конторы помещика — графа Нессельроде, который имел тысячи десятин, а крестьян отпустил на нищенский надел; отмежевались от взяточника писаря и от священника, вымогавшего крестьянские гроши за требы. Деревня сразу признала нас за своих друзей. По вечерам, захватив книгу, мы шли в избу того или другого крестьянина, к которому сбегались соседи. Но мы не вели революционной пропаганды и читали только легальные издания. Если в Самарской губ. я впервые

*) Тогда *впервые* мы стали называть себя „народниками" вплоть до появления органа „Земля и Воля" (в 78 г.), когда название „землевольцы" сделалось общепринятым. В противоположность нам—северянам, южане, имевшие своим средоточием Киев и Одессу, назывались „бунтарями".

Насмешливыми названиями для П-бских землевольцев было „троглодиты", а для южан—„вспышкопускатели".

Первые политики—землевольцы пустили в ход назв. „деревенщина", в насмешку над теми, кто держался за поселение в деревнях.

лицом к лицу столкнулась с ужасающей нищетой народа и была буквально подавлена ею, то здесь, в Вязьмине, я увидела и оценила все расстояние между нашей, выработанной в городе, революционной программой и культурным уровнем населения, забитого и неспособного ни на какой отпор и защиту своих интересов — о революции здесь не могло быть и речи. Так было— и тем не менее на нас посыпались доносы, клеветы в земство и к губернатору. Распускались нелепые слухи, было учреждено шпионство. Однажды, в наше отсутствие, приехал исправник, допрашивал крестьян, не говорили ли мы против царя и бога, и закрыл школу на том основании, что, как выразился старик врач моего участка,— „в России нельзя и азбуке учить без разрешения полиции". Создались условия, при которых крестьяне стали бояться открытого общения с нами, и дальнейшее пребывание в деревне стало бесцельно.

Из Вязьмина я поехала в Тамбов, где оказалось довольно много членов „Земли и Воли". От них я получила приглашение на Воронежский съезд, назначенный на 24 июня. Его целью было определить дальнейшую деятельность общества. В то время среди членов ясно обозначились два течения, которые вызывали разногласие. Политическая часть программы „Земли и Воли", едва намеченная в 1876 году, в течение первых двух лет существования общества оставалась мертвой буквой. Но выстрел Веры Засулич (в январе 1878 года) в петербургского градоначальника Трепова,—это возмездие за телесное наказание, которому он приказал подвергнуть политического каторжанина Боголюбова-Емельянова за то, что при встрече тот не снял шапки—послужил искрой, разряднвшей всю накопившуюся за эти годы энергию.

Целый ряд политических актов последовал в больших городах России: под Харьковым, по дороге в централ, совершена вооруженная попытка освободить Войнаральского, а в самом Харькове за репрессии убит губернатор Кропоткин; в Киеве убит жандармский офицер барон Гейкинг и ранен прокурор Котляревский, а при аресте бр. Избицких вооруженное сопротивление; в Одессе вооруженное сопротивление оказано при аресте Ковальского. Произнесение ему смертного приговора ознаменовалось демонстрацией, кончившейся перестрелкой, через 4 дня в Петербурге был убит шеф жандармов—грубый Мезенцев, а позднее сделано покушение на его преемника — Дрентельна.

Покорная и до тех пор безмолвная Россия просыпалась: каждый политический акт волновал молодежь и находил отклик в интеллигентном обществе.

Пламенные революционеры-землевольцы: А. Квятковский, В. Осинский, Н. Морозов, а затем Баранников, Александр Михайлов и Ошанина скоро с увлечением отдались политическому течению. Но в петербургской группе „Земли и Воли" им противостояли Плеханов и М. Попов. Пререкания и горячие споры, мешавшие деятельности, послужили, наконец, поводом к созыву съезда: он должен был решить, в какой степени допустимо отвлечение революционных сил организации в сторону борьбы с правительством, борьбы, которая после покушения А. Соловьева логически подводила к нападению на главу государства.

Я не говорю о Липецком съезде, который предшествовал Воронежу: я не присутствовала и даже не знала о нем. Туда съехались исключительно сторонники политического направления, чтобы сделать подсчет своим силам и сплотиться в то организованное ядро, которое сыграло затем громадную роль в истории революционного движения.

Воронежский съезд не решил спора и вынес компромиссное постановление: оно признало необходимость прежней деятельности в деревне, но на ряду с этим допускало и активную борьбу с правительством. Все осталось по-старому. Как и следовало ожидать, компромисс не привел ни к чему, и вскоре после возвращения в Петербург о-во „Земля и Воля" разделилось. Сторонники первоначальной программы образовали группу „Черный Передел", а те, кто находил необходимым активную борьбу с правительством, организовались в „Исполнительный Комитет" и положили начало партии „Народной Воли".

В Воронеже я в первый раз встретилась с Фроленко, Желябовым, Колодкевичем и Ошаниной; с другими, как Перовская, А. Михайлов, А. Квятковский и Баранников, я уже несколько лет была в близких отношениях, а Морозова знала со времен моего студенчества. Такова была группа избранных людей, этих основоположников „Народной Воли", с которыми, с основания „Исполнительного Комитета", в качестве члена его, неразрывно связана вся моя дальнейшая революционная деятельность.

„Народная Воля" ставила своей первой неотложной задачей свержение самодержавия, и жестокую борьбу с правительством решила вести н а л и ч н ы м и силами партии. Это было неслыханное новшество: вся рутина прошлого революционного движения говорила против нас. Заявлять о необходимости завоевания политической свободы считалось до тех пор ересью, опасной для осуществления социальной революции с ее экономическим переворотом. Еще большим отступлением от прежних традиций было— не ждать восстания народа, а самим начать битву.

После раздела „Исполнительный Комитет"

действовал с величайшей энергией. В квартире в Лештуковом переулке, где поселились я и А. Квятковский, без серьезных разногласий была обсуждена и принята программа партии. Заблаговременно приготовленный инициаторами нового направления запас шрифта, вместе с частью старого из типографии „Земли и Воли", позволил тотчас же организовать типографию. Динамит, приготовленный Кибальчичем, Якимовой, Исаевым и Ширяевым, дал возможность немедленно поставить задачу организации покушений на жизнь Александра II под Москвой, под Александровском и под Одессой — на трех путях, по одному из которых царь должен был проехать, при возвращении осенью из Крыма. В персонале для выполнения недостатка не было. К моему огорчению, товарищи хотели оставить меня в столице для пропаганды. Между тем, я непременно хотела разделить опасности, которые грозили участникам: мне нестерпима была мысль, что я не буду нести ответственность, которая падет на них, и судебная кара поразит их в большей мере, чем меня. Мои слезы смягчили товарищей, и они постановили, что в Одессе дело будет организовано Кибальчичем, мною, Фроленко и Лебедевой.

Вместе с Кибальчичем я наняла в Одессе небольшую квартиру, в которой этот изобретатель бомб „Исп. К-та" продолжал свои опыты с запалами. Я привезла из Петербурга запас динамита, необходимый для закладки мины для взрыва. Он хранился у нас на квартире, куда участники собирались для совещаний. Подставляя на ночь чемодан с динамитом к коротенькой кушетке, на которой я спала, я невольно вспоминала, что Марья Павловна Лешерн в Петербурге отказалась хранить взрывчатое вещество в своей комнате, говоря, что скорее бросила бы бомбу, чем стала бы держать у себя динамит. Для устройства взрыва под полотном железной дороги нужно было иметь постоянный близкий доступ к нему, и мы тщетно придумывали способы для этого. Однако, мне удалось устроить это, достав для М. Фроленко место сторожа на 11-й версте от Одессы, близ Гнилякова. В железнодорожной будке он поселился вместе с Т. Лебедевой, которая при проезде поездов с флагом заменяла его. Случаю было угодно, что для получения этого места я обратилась ни более, ни менее, как к зятю одесского генерал-губернатора, страшного Тотлебена—Унгерн-фон-Штернбергу. Под видом домовладелицы г. Одессы я явилась к нему на гауптвахту, где он отбывал наказание за серьезную железнодорожную катастрофу. Я сказала, что жена моего дворника страдает туберкулезом и, чтоб дать ей возможность жить вне города, я прошу устроить ее мужа где-нибудь на станции железной дороги; Штернберг дал мне записку к начальнику станции в Одессе. Тот, прочитав записку, без всяких расспросов сказал: пришлите „вашего человека". Так просто и легко устроилось это дело, очень затруднявшее нас.

Мину Фроленко заложил, но употребить ее не пришлось—на Одессу царь не поехал. Под Александровском, где мина была заложена Желябовым и Окладским, при соединении проводов взрыва не произошло. Царский поезд был взорван только под Москвой, недалеко от Курского вокзала, миной, заложенной под железнодорожное полотно из домика, купленного Исп. К-ом на имя Сухорукова, которым был Гартман. Под видом жены с ним поселилась Перовская. Впечатление от этого революционного акта было громадное, хотя во взорванном поезде оказалась лишь дворцовая прислуга, а царь, в другом небольшом поезде, успел проскользнуть за несколько минут пред тем.

Взрыв 5-го февраля 80 года в Зимнем дворце произошел в мое отсутствие, и я не была свидетельницей того потрясающего впечатления, которое он произвел. Я оставалась в Одессе до лета, увлеченная многочисленным знакомством среди молодежи. Я подбирала персонал для будущей народовольческой группы и вела сношения с офицерами Люблинского и Пражского полков, которые позднее вошли в состав военной организации. В марте или апреле в Одессу приехали Перовская и Саблин, а затем Якимова и Исаев для приготовления нового покушения на царя на Итальянской ул., где первые двое наняли лавочку, из кот. и был начат подкоп под улицу. Я достала деньги на все расходы и оказывала им всевозможную помощь. — По возвращении в Петербург на меня были возложены сношения с интеллигенцией и со студенчеством; но гораздо важнее была работа по основанию военной организации „Народной Воли", задуманной тогда К-том. В обсуждении устава этой организации и привлечении к ней членов из артиллерийских и морских офицеров я принимала живое участие. Душой новообразованной организации являлся лейтенант Суханов, человек увлекательной энергии, чарующей прямоты и правдивости. Суханов, Н. Рогачев и барон Штромберг составили, можно сказать, идеальный центральный комитет военной организации, и в самое короткое время около него образовались народовольческие группы офицеров в Кронштадте и в Петербурге. Той же зимой, по постановлению К-та, я и Исаев основали общественную квартиру у Вознесенского моста. До апреля 81 года она служила местом всех заседаний К-та. Здесь в начале года происходило общее совещание членов К-та по вопросу об инсур-

рекции, для чего были вызваны и члены из провинции. На ней же, в виду угрожающих известий о посещении полицией магазина сыров на Малой Садовой (где делался подкоп для покушения) и об аресте Желябова, были сделаны все решающие постановления о совершении покушения 1-го марта, и всю ночь изготовлялись четыре бомбы, из которых две принесли гибель Александру II. После 1-го марта, вероятно благодаря предательству Окладского, произошел ряд арестов самых выдающихся членов К-та и, когда на улице был взят Исаев, мне пришлось очистить, а потом оставить нашу квартиру. По настоянию товарищей я уехала в Одессу. На юге я принимала участие в делах местной группы „Нар. Воли", возобновила сношения с офицерами в Одессе и Николаеве и, когда из Петербурга приехал член военной организации лейтенант Буцевич, передала ему связь с ними для формального приобщения группы Ашенбреннера и Крайского к общей военной организации.

31-го декабря 81 г. ко мне явился Халтурин, присланный Исп. Комитетом для организации акта против военного прокурора Стрельникова, возбуждавшего общее негодование в Киеве и Одессе. До этого, осенью, я ездила в Москву и передала К-ту, который находился тогда в Москве, о всех издевательствах и застращиваниях, которые позволял себе этот знаменитый деятель, облеченный особыми полномочиями в деле политического розыска, и внесла предложение об устранении его, сообщив, что имею в руках все сведения, необходимые для этого. Я передала их Халтурину. Как известно, Стрельников был убит 18-го марта 1882 г. И. Желваковым, и через день Желваков вместе с Халтуриным был казнен. Меня в Одессе в то время уже не было. Незадолго перед тем в Одессу был прислан предатель, рабочий Меркулов, осужденный в 1882 г., но выпущенный из тюрьмы для поимки всех, кого он знал в лицо. В числе их была и я. Это заставило меня переехать в Харьков. В Харькове я провела почти год, участвуя в делах местной группы, но занималась, главным образом, отыскиванием и собиранием всех, кто уцелел после разгрома народовольческих организаций в Москве, Петербурге и Западном крае. Неудачи продолжали преследовать нас и дальше. В июне в Петербурге были арестованы: Буцевич, Анна Павл. Корба, Грачевский, динамитная мастерская Прибылева, и целая группа лиц, связанных с ними. Это был последний удар центру нашей организации. С этого времени из членов старого Испол. К-та в России оставалась только я. Во что бы то ни стало, надо было собрать и объединить еще оставшихся на свободе наиболее опытных агентов Комитета. Военная организация Народной Воли, если не считать т. н. „близко стоящих", заключала в себе в то время человек 50. Состояние партии было таково, что военные силы, собранные в целях заговора, практического значения иметь не могли, и после ареста Суханова и умного, энергичного Буцевича не было надежды на расширение этой части нашей партии: в течение двух последних лет она оставалась на мертвой точке. Между тем, неотложная необходимость требовала центрального органа, который скреплял и руководил бы революционными силами, накопленными со времени основания партии. Поэтому я предложила выдающимся членам военного центра: Н. Рогачеву, Ашенбреннеру, Похитонову и Крайскому подать в отставку и вместе со мной и некоторыми старыми членами Народной Воли войти в этот центр. В числе приглашенных был и Сергей Дегаев, бывший артиллерист, член военной организации, лично знавший всех офицеров Кронштадта и П-га, входивших в военную организацию. После объезда Петербурга, Кронштадта, Николаева, Одессы и Киева, сделанного Дегаевым для свидания и переговоров с тамошними офицерами, мы решили, что он с женой поселится в Одессе в качестве хозяина партийной типографии, которая должна была устроиться там. Во время объезда Дегаевым военных групп, ко мне в октябре неожиданно приехал Михайловский: „по очень важному делу", сказал он мне. Прошло 19 месяцев после 1-го марта, а царь все еще не короновался: страх, что будет выступление „Исп. К-та", был причиной этого, и правительство хотело обезопасить совершение торжества, завязав переговоры с Народной Волей. Министр двора, граф Воронцов-Дашков—личный друг Александра III-го, предлагал, по словам Михайловского, через литератора, Николадзе, чтоб К-т не совершал террор. актов до коронации, и в таком случае будет дана амнистия и свобода печати и социалистич. пропаганды (!).—Я наотрез отказалась вести переговоры, считая, что это полиц. уловка, чтобы найти нити к организации. Но, после настояний Мих-го, предложила ответить, что „Исп. К-т" находится за границей, пусть обращаются туда; а с Мих-ским условилась, что пошлю за границу предупреждение с изложением положения рев. дел в России. Это я исполнила, отправив Салову. По возвращении Дегаева из объезда типография в Одессе была устроена; но по невыясненным причинам просуществовала только месяц и была арестована со всем своим персоналом. А немного спустя Дегаев, бывший в течение 5 лет в близких отношениях с большинством членов Исполнит. К-та, пользовавшийся полным доверием в революци-

онной среде, вошел в соглашение с главой петербургского сыска — Судейкиным и не только выдал всех, кого знал, но и решился купить свободу ценой деятельности в качестве провокатора. Получив ее под формой побега, он явился ко мне в Харьков и отдал меня в руки жандармов, прикрывшись будто случайной встречей со мной предателя Меркулова, вызванного для этого в Харьков. Эта фикция обеспечила Дегаеву дальнейшую карьеру провокатора. Но он не выдержал роли, поехал осенью за границу к Тихомирову и Ошаниной, покаялся им, и они обещали сохранить ему жизнь, под условием убийства Судейкина. В декабре 83-го года при его участии это было совершено

Дегаев в обширной записке выдал правительству всех, кого знал лично или со слов других. Он погубил всю военную организацию, все народовольческие группы и связи. Мой арест был каплей в массе его предательства. И когда и я и вся организация оказались в руках правительства — моментально по телеграмме его агент прервал переговоры с Тихомировым и Ошаниной о перемирии с Нар. Волей,—и затем был издан манифест о коронации.

Я была арестована 10 февраля 83 г. и до суда меня держали в Петропавловской крепости, где я провела, в совершенно изолированной камере, 20 месяцев. Условия были суровые: прогулка — 15 мин.; свидания раз в 2 недели — 20 мин. через 2 решетки в расстоянии аршина одна от другой. Одиночество и безмолвие действовали губительно; голос исчез; пропадала даже охота выходить на свидание, которое только нарушало равновесие, не давая никакого удовлетворения. Моральное потрясение, когда через год после ареста я узнала о предательстве Дегаева, сразило меня, и величайших усилий воли стоили мне дни суда и то „последнее слово", которое я д о л ж н а была произнести, как представитель партии.

Первое время, как это бывает обыкновенно, я жила лихорадочной внутренней жизнью. Необычайность обстановки и положения, когда все привычное, внешнее обрывается и исчезает,—мышление, со всей силой возбуждения, обращается внутрь,— и мне, как, вероятно, большинству лиц, попадающих в тюрьму после долгой революционной деятельности и, благодаря ей, не имевших досуга для самоуглубления, пришлось впервые восстановить в памяти всю мою жизнь— с момента, когда появилось отчетливое сознание, и до последней минуты свободы; припомнить все влияния, все этапы развития моей личности, а затем обозреть годы участия в революционном движении с 76 по 83-й год. Эта напряженная сосредоточенная умственная работа по своей новизне и содержанию была увлекательна, интересна и плодотворна. Она запечатлена в записке, написанной мной вместо показаний; она сохранилась в архивах и помогла мне создать книгу „Запечатленный Труд".

В сентябре 1884 г. меня судили военно-окружным судом в Петербурге вместе с 13 товарищами народовольцами. Я была приговорена к смертной казни, которая была заменена каторгой без срока, и затем с семью сопроцессниками была заключена в Шлиссельбургскую крепость, куда из Алексеевского равелина были отправлены ранее осужденные народовольцы и некоторые карийцы.

В Шлиссельбурге началась наша долголетняя тюремная страда. Она описана во 2 ч. моей книги с подзаголовком: „Когда часы жизни остановились". Режим заточения был построен по образцу французской Бастилии 17-го — 18-го века. Если б впоследствии он не был смягчен—никто из нас не вышел бы живым в силу одних материальных условий; я не говорю уж о моральных. Изоляция была полная не только от всего живого и всех живущих, но и друг от друга. Сумасшествие и самоубийство стояли перед каждым. 13 лет мы не имели переписки с родными, и во все, более чем 20-летнее, пребывание в к р е п о с т и ни один из нас не имел свиданья.

Мою роль в тюрьме определил М. Ю. Ашенбреннер в своих воспоминаниях в „Былом" (1907 г.). Мои протесты, единичные и коллективные, описаны в „Запечатленном Труде". Решающим моментом для моего поведения по отношению к тюремщикам и крепостному режиму было заключение в карцер, в который я попала на 3-м году заточения, защищая товарища (Попова). Многое мне пришлось передумать тогда, чтобы составить твердое решение о том, как вести себя дальше. Решением было: по незначительным, каждодневным поводам—борьбы не поднимать (т. к. она ведет только к еще большим унижениям), но в серьезных случаях бороться д о с м е р т н о г о к о н ц а.

Целые 15 лет не было обстоятельств, которые заставили бы меня действовать активно. Но в 1902 году, на 18-м году заключения в Шлиссельбурге и 20-м после ареста, случай представился. Вследствие необдуманного поступка Попова, неизвестного никому из товарищей, кроме С. Иванова *), нам, без объяснения причин, начальство объявило, что мы вновь будем подчинены железному режиму первых годов заточения. Тюрьма в 1902-м г. этого не вынесла бы, и, чтоб заставить департамент полиции

*) Попов, имея офиц. разрешение писать родным, сделал попытку переслать матери письмо к ней тайно, через жандарма.

рассмотреть распоряжение местной власти, я сорвала со смотрителя Гудзя погоны. Военный суд и единственное наказание — смертная казнь должны были последовать за этим оскорблением действием. Как ни удивительно, эта участь миновала меня, и мы думаем, что причиною было, что вся Россия в 1902-м году была в предреволюционном брожении и, без нашего ведома, русская Бастилия являлась ненавистной эмблемой деспотизма, против которого разгоралась революционная борьба. Мой протест снял то, что угрожало нам, а вся администрация тюрьмы была смещена.

Через 10 месяцев после этого я испытала жестокий удар: мне было объявлено смягчение каторги бессрочной на каторгу двадцатилетнюю. Неожиданное смягчение принесло мне великое горе и вызвало жестокое чувство по отношению к матери, так как царская милость была вызвана поданным ею, без моего ведома и согласия, прошением. В связи с моим поступком со смотрителем я была лишена переписки и не знала, чем вызвано обращение матери. Только получив известие, что она умирает— я смирилась и не порвала с ней. Ее смерть за несколько месяцев до моего освобождения я перенесла с трудом: горячее чувство, делавшее в первые годы так нестерпимой разлуку, вспыхнуло с прежней силой, когда я потеряла надежду увидаться с ней... (См. гл. „Нарушенное слово", гл. „Мать" и две первые главы 2-й ч. „Запечатл. Труда").

Таким образом, 20-летнее заточение в повседневно тягостных условиях время от времени прерывалось жгучими переживаниями. Расстрелы за протесты Минакова и Мышкина, самосожжение Грачевского, буйные припадки сумасшествия Щедрина, душевная болезнь Конашевича, агония и смерть многих узников в первые 5 лет заключения, ужасное безумие Похитонова, карцер—в обстановке застенка, избиения: Попова, Щедрина, В. Иванова, Лаговского, Манучарова... 9-дневная голодовка, вызвавшая во мне желание уморить себя; дело с погонами, когда целый месяц я ожидала суда и казни или перевода на всегда в старую тюрьму и разлуки с товарищами, оскорбительное, непрошенное помилование... сознание, что вдали—моя мать лежит в агонии и, наконец—ее смерть.... вот те темные глубины, которые дал изведать Шлиссельбург. А потом—подневольная разлука с товарищами-вечниками, которые дали мне познать радость такой трогательной ласки и доброты, о которых, в суровых условиях жизни на свободе, я не имела представления.

29 сентября 1904 г. меня увезли из крепости и через 2 недели отправили в ссылку в Архангельскую губ., поставив в условия, примененные впервые после Чернышевского *). После перевода в Казанскую губ., а потом в Нижний, в ноябре 1906-го года департамент полиции отпустил меня за границу. Этого требовала моя совершенно расстроенная нервная система. Оттуда я возвратилась только в феврале 1915 года. Скомпрометированная Азефом, я не могла сделать этого раньше — меня неминуемо сослали бы в Сибирь: революционное дело от этого не выиграло бы.

Что делала я за границей? Через полгода я уже тяготилась бездействием и своей изолированностью от всех политических группировок. Человек общественный по всему прошлому, всегда жившая жизнью коллектива—я не могла оставаться вдалеке, когда Россия переживала свою первую революцию. После разгона I Думы я переехала в Финляндию и пыталась вмешаться в политическую жизнь, примкнув к партии социалистов-революционеров, как близкой по программе и тактике к „Народной Воле". Но я не могла слиться с ними и чувствовала себя лишней и бесполезной в их среде. Перемена в условиях деятельности в новой для меня России породила такие изменения в масштабе этой деятельности, в социальном составе, численности, взаимных отношениях и нравах — что, как выходцу из потустороннего света, мне не находилось места—и я не нашла его. Уехав в февр. 1908 г. из Финляндии, я жила в Швейцарии и некоторое время в Париже. Но после разоблачения Азефа и невероятных условий безнаказанности его я отстранилась от всех деловых сношений с партией.

Я переехала в Швейцарию и до 15-го года жила в ней вдали от эмигрантов. — Чем жила я? Однажды сестра Лидия переслала мне письмо из Алгачей—сибирской тюрьмы, в которой, в эпоху царской реакции, в ужасающих условиях общих камер томились политические каторжане, большею частью рабочие, без всяких средств, в невыносимой скученности и моральной безнадежности. „Везде в тюрьмах горя много", писала сестра, „но в Алгачах его—сверх меры". Письмо было потрясающее. Оно подвинуло меня на дело помощи каторжным тюрьмам. Я мало надеялась на успех, но субъективно знать и остаться в стороне я не могла. Я основала в янв. 1910 г. в Париже Комитет и нашла отклик сначала в небольшом кругу друзей, а потом дело все более и более расширялось. На 3-й год мы собрали 65.000 франков и через наших сотрудниц в России оказывали помощь 23 каторжным тюрьмам. В Англии, Бельгии и Швейцарии я делала доклады о положении заключенных на английском, французском и русском языках; издала брошюру „Les prisons russes",

*) Первые два года моей новой жизни описаны в книге „После Шлиссельбурга".

переведенную потом на немецкий, итальянский и румынский языки. В Revue des Revues напечатала статью на ту-же тему—о русских тюрьмах. Под впечатлением этих разоблачений друг А. Франса, г-жа Менар-Дориан, прославившаяся вместе с Э. Золя агитацией в защиту Дрейфуса, собрала подписи выдающихся европейских деятелей в области политики, науки и искусства и послала тогдашней императрице, Марье Федоровне, петицию о смягчении тюремного режима для политических заключенных; и, помню, после этого было временное ослабление жестокостей в отношении их *). На мою деятельность обратило внимание и русское правительство: у меня хранится № официоза „Россия", где нагло опровергаются мои сообщения. Были опровержения и в субсидированном французском журнале, издававшемся тогда в Петербурге. Гораздо важнее были репрессивные меры, предпринятые для того, чтоб не пропускать в тюрьмы денег от мнимых кузин и родственниц. Об эти меры разбивались все хитрости и уловки, посредством которых удавалось доставлять заключенным деньги. К 1914-му году наша деятельность мало по малу сокращалась. До тех пор вся работа по переписке, сношениям и отыскиванию связей с тюрьмами лежала на мне—все нити подбирала я. Я была председательницей комитета и его секретарем. Наконец, я увидала, что мне делать нечего. Драконовские правила и полицейские расследования решительно парализовали возможность передач; не закрывая комитета, я передала секретарство докторессе Шейнтис. Пустота жизни оголилась предо мною вновь.

В 1906 г., когда я жила в Нижнем, я написала для жур. „Былое" и для I-го т. „Галлереи Шлисс. узников" нисколько биографий моих товарищей по заточению, а позже за границей—статьи 4 для „Русского Богатства" и заменивших его „Русских Записок". Теперь, в 1913 г., оставшись без общественных задач, в мал. городке над Женевским озером—Кларане, в полном уединении пред лицом темных гор, лазурного неба и синих вод, я решила приступить к тому, что я считала своим революционным долгом — описать деятельность о-ва „Земля и Воля", партии „Народная Воля" и дать очерк нашего заключения в Шлисс. крепости. Закончить эту работу я могла, однако, лишь 8 лет спустя, когда в 1922 г. был издан 1-й, а в 23-м—2-й том моей книги „Запечатленный Труд" **).

В 1914-м г. вспыхнула европейская война с участием России, мне казалось невозможным быть вне ее.

В конце января 15-го г. я выехала через балканские страны; на границе, в Унгени, была арестована, отправлена в ПБ в тюрьму, а затем с ограничением свободы передвижения водворена в Нижнем под надзор полиции. Здесь я принимала энергичное участие в О-ве распространения образования в Нижегородской губ., исполняя работу секретаря т. н. уездной комиссии, заведовавшей 40 библиотеками о-ва в разных уездах губернии.

В декабре 1916 г. мне было разрешено жить в ПБ, что дало мне возможность видеть начало революции 17-го г. Сколько лет мы ждали этой революции, но, как ни странно, я не чувствовала безмятежного ликования; волновало нечто смешанное: радость, печаль (за прошлое) и тревога. Все совершилось слишком легко, слишком быстро. Понятно—почему, но и беспокойно: Петербург — не коренная Русь; царская власть пала без сопротивления, не под активным натиском революционных масс, как это было в Париже во времена Людовика XVI. — Политич. амнистия поставила меня на пост председательницы К-та помощи освобожденным каторжанам и ссыльным. Мы собрали 2 мил. руб; через К-т прошло более 4 тыс. чел. *). Эта работа вместе с частыми публичными выступлениям и (60 раз!) в ущерб моему политич. воспитанию и должному осознанию всего происходящего—отняла у меня 8 месяцев. — Революция с первого же дня свободы ставила громадную задачу приобщения отсталых крестьянских масс к пониманию политич. идей и общественных задач предстоящего нового строя. Соответственно этому быстро народилась богатая содержательная литература по всем злободневным вопросам. Я, с своей стороны, задалась целью снабдить этой литературой 12 уезд. моей родной губ. и выполнила это, благодаря местным связям и деньгам, специально собранным на это **). Для устных разъяснений основ нового строя, прав и обязанностей граждан, летом я предложила пяти лицам отправиться в Тетюшский у., в котором я провела детство ***). — Еще весной, по инициативе энергичного Брамсона, в ПБ было основано просветительное о-во „Культура и Свобода" с широкими всероссийскими задачами. Я работала в нем, как тов. предс., которым был Горький. — Переворот 25-го октября ст. ст., которым началась наша социальная рево-

*) В Кракове б. каторжанин Багоцкий тоже основал Кассу помощи каторжанам и издавал литературу о тюрьмах и репрессиях в России. Мы действовали в контакте и полном согласии.

**) Причины—изложены в предисловии к книге.

*) В Швейцарию мною было послано 105 т. р. для въезда эмигрантов; среди них были: Натансон и Мартов, с одной стороны; Ленин с тов. — с другой.

**) Митинг - концерт дал 10 т. р.; Щепкина-Куперник передала мне 800 р., собранные ею.

***) Дневник одного из приглашенных, обработанный мной, был напечатан в моск. газете „Власть Народа".

люция, и все последовавшее затем я пережила крайне болезненно. К борьбе социалистических партий—этих родных братьев—я была неподготовлена. Революционный романтизм периода студенчества, с его увлечением красивыми картинами из истории революций, крепко держал меня в плену. В чтении это воспринималось иначе; 150-летняя давность гибели жирондистов, потом Дантона, потом Робеспьера во Франции смягчала впечатление; взаимное истребление того времени переживалось иначе, чем явь XX в. у себя дома—в России.—Я была членом „предпарламента"; оценивала его, как говорильню, кот. стоило уничтожить, но тем не менее, когда пришли солдаты с приказом очистить Мариинский дворец, я чувствовала себя глубоко униженной и была в числе меньшинства, голосовавшего за то, чтоб не расходиться и быть удаленными силой. Роспуск Учредит. Собрания был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивного благоговения веривших в него масс. Период парламентарной свободы казался мне необходимым для политич. и гражданского воспитания масс. И наряду с этим я сознавала, что мы, революционеры старшего поколения—отцы наступивших событий, и когда слышались вопли, говорила: „Разве мы не призывали социальную революцию в 73—74 г. Не звали народ к ней при гораздо худших условиях?"—В мае 19 года сильное малокровие заставило меня уехать вместе с сестрой Ольгой из ПБ в Севский у. Орловской губ. к племяннице, служившей врачем на сахарном заводе „Лугань", где с нею жила ее мать— моя сестра Лидия *). Мы ждали „поправки"—нас ждала гибель. В течение полугода умерла Ольга; умерла, заразившись сыпным тифом от больных, молодая, цветущая племянница, умерла сестра Лидия, сраженная апоплексией после похорон дочери. Я осталась одна. Друзья были далеко; братья умерли в 16 и 18-м гг. Происходило нашествие Деникина в Орловскую губ. Севск был взят, и не один раз; кругом был хаос междоусобной войны; передвигались войска; до Лугани доходил гул пушек; о том, что делалось вне ее, никто ничего не знал; почта была эвакуирована; железнодорожное сообщение даже в апреле и марте 20-го г. почти не существовало; редкие, нерегулярно ходившие поезда принимали только лиц официального звания—выбраться без помощи из центра было невозможно. Из ПБ в конце апр. на помощь мне поехала А. Шакол—моя сотрудница по заботе о каторжанах—тиф свалил ее по дороге—в Москве.

У меня был бессловесный друг—небольшая собачка, которую племянница нашла в пустой халупе и привезла с фронта: „Комм-хер"! Когда в отчаянии от сцен агонии и смерти я рыдала, она, положив лапки мне на колени, вторила жалобным воем. Мы оба оплакивали гибель близких. Собака, которую считали бешеной, искусала ее,—я не дала убить моего друга. Ветеринар дал мне склянку с хлороформом и марли для маски: при первых признаках водобоязни — я должна была усыпить ее..., а потом, думала я, я захлороформирую себя...

Меня выручила докторесса, любившая меня: Ал. Ал. Бах. Она приехала из Москвы и увезла к себе в семью. Это было в 20-х числах марта 1920 г. Летом удалось выручить из Грозного Евгению и ее мужа, М. П. Сажина, с которыми я была в безвестной разлуке два года; с осени мы поселились вместе.—С 1916/17 г. я жила своим трудом, помещая в журналах отдельные главы моих воспоминаний. С 20 г. вышли мои книги: „Шлиссельбургские узники"; уже упомянутые 2 тома „Запечатленный Труд"; потом „Студенческие годы"; „После Шлиссельбурга"; в 25-м году— „Александр Михайлов" *),—не считая небольших работ для Энцикл. словаря Гранат, для журн. „Каторга и Ссылка" и т. п.— В 1921 г., после смерти П. Кропоткина, меня выбрали председательницей обществ. к-та по увековечению памяти его. В годы общей нищеты и скудости, с огромными трудностями, в доме, в кот. родился Петр Алексеевич, переданном нам Московским Советом, мы создали открытый теперь для публики, музей его имени и этим увеличили культурные ценности не только г. Москвы, но и всей республики **).—В 23 и 24 гг. меня мучило, что живя в Москве, вращаясь исключительно среди интеллигенции с однообразной психологией, я не вижу реальной жизни: хотелось взглянуть на перемены, внесенные революцией в деревню. Что народилось в ней нового? что умерло или замирает от старого? Я поехала в родные места в Казанскую губ. и повторила поездку в 24 г. Я видела людей, преданных народному делу, работающих в школах, детских домах, библиотеках, среди невероятных условий скудости всех этих учреждений и их собственного существования. С тех пор я поддерживаю их, помогая культурным начинаниям (ручной труд в детских домах; учебные пособия и школьные принадлежности; книги; введение культур на школьных участках). Относительно нравов и быта мои наблюдения слишком поверхностны, чтоб говорить о них.—Помня свою жизнь в тюрьме, я продолжаю то, чем занималась

*) В ПБ я жила на ⅛ черн. хлеба с овсом и смеялась, но вместе с тем и жалела тех, кто тосковал: „Хоть бы маленький, самый мал. кусочек белого хлеба"! или плакал (как я видела однажды), что больше никогда уж не будет „малины со сливками"...

*) В сотрудничестве с А. Корба.
**) Дом № 26 пер. Кропоткина (б. Штатный).

за границей, и принимаю участие в помощи заключенным—жертвам нашей междоусобной войны и распри.—Изредка выступаю, по приглашению, перед разного рода аудиториями.

Основным фактором моей жизни был Шлиссельбург. Он отнял у меня 20 лет жизни и, отлучив на такой непрерывно долгий срок от общего потока ее, выбросил в иные поколения, в среду, перемолотую поступательным ходом экономич. и общественного развития. Перешагнуть через совершившуюся эволюцию, слиться со всем изменившимся, новым — оказывалось уж невозможно. И это составило мое несчастье.

Но в Шлисс. я прошла, кроме глубин страдания, школу солидарности, и мне самой было дано проявить ее в действии при таких условиях, кот. никогда не встретились бы в жизни на свободе. Там же у товарищей я находила такую преданность и ласку, которых, в суровых условиях револ. жизни, я не изведала бы никогда.—И разве Шлиссельбург, несмотря на все испытания, был слишком дорогой ценой за участие в такой организации, какой был „Исполнительный Комитет", и в такой борьбе, какую, при тогдашних условиях, вела против самовластия „Народная Воля"?!

Филиппов, Александр Андреевич *).

Отец мой, Андрей Филиппович, был сын Архангельского кузнеца. Поступив на военную службу, он сначала был писарем при Главном штабе, а затем после экзамена, был произведен в чиновники. Благодаря этому обстоятельству, я, родившийся в начале 1857 г., получил права личного дворянства, чего мои старшие брат и сестра не имели. Мать моя, Дарья Христиановна Кульберг, была дочерью выходца из Германии, до самой смерти не научившегося хорошо говорить по-русски. Мать была лютеранка, но хорошо знала русский язык. Свою чиновничью карьеру отец проводил уже не в Петербурге, а на Охтинском пороховом заводе, к которому и относятся мои первые детские воспоминания. Наиболее ранним и самым сильным моим впечатлением за период проживания на пороховом заводе был взрыв завода в 1861 или 62 г. Ясно помню, как жители, перепуганные катастрофой, бежали в лес и уже оттуда любовались картиной грандиозного взрыва. В 1863 г. отец мой умер от чахотки, и мать осталась вдовой с тремя детьми, почти без всяких средств, если не считать маленькой пенсии в несколько рублей. Перспектива была очень грустная, но, к счастью, на помощь пришла тетка (по матери), к которой мы и переехали в Петербург.

Я начал учиться еще на Охтенском пороховом заводе в частной школе. Грамоте там я научился, но впечатлений от этого периода ученья не осталось никаких, кроме воспоминаний о дурацких колпаках, которые нам надевали за шалости и плохое знание уроков. В Петербурге мое дальнейшее образование продолжалось тоже в частной школе, поставленной значительно лучше. Когда мне исполнилось 12 лет, я, к великому счастью матери, был принят на воспитание в Псковскую военную прогимназию (начало 1869 г.).

Нравы всех учебных заведений того времени отличались большою дикостью, но время реформ уже наложило свою печать, и я был первым новичком, который не подвергался ни товарищескому „крещению", ни „темной", ни другим экспериментам для решения вопроса о том, не окажусь ли я доносчиком. Время, проведенное мною в Псковской прогимназии, не оставило во мне никаких дурных воспоминаний. Учили нас немногому, но учили хорошо, и я шел все время в числе первых учеников. Пожалуй, что в этот период моей жизни у меня впервые вполне сознательно появилось критическое отношение к окружающему и зародились идеи свободомыслия в вопросах религии. Из дому я приехал в прогимназию очень религиозным мальчиком, но такого настроения хватило только на 1 — 2 года. Изучение ветхого завета заставило нас много думать и очень критически относиться ко всей ветхозаветной истории мироздания. Политические идеи зародились значительно позже, но любовь и интерес к истории были мне привиты безусловно в этой же прогимназии нашим учителем, относившимся, повидимому, к своему предмету не как профессионал, а как человек, любящий историю и глубоко понимающий ее значение. В его передаче исторических фактов перед нами проходили живые люди, которых мы любили или ненавидели, и уже в это время, хотя, быть может, еще совершенно бессознательно, в моей душе зародилась любовь к народу и ненависть к поработителям.

В 1873 году я очень благополучно окончил прогимназию, и мне, как первому ученику, предстояло выбирать любую дорогу: поступить либо в учительскую семинарию военного ведомства в Москве, либо в Пиротехническую артиллерийскую школу в Петербурге, или вольноопределяющимся в полк, чтобы затем перейти в какое-нибудь окружное юнкерское училище, известное среди нас под названием „Сморгонской акаде-

ФИЛИППОВ А. А. (1857–1937).

*) Автобиография написана в апреле 1926 года в г. Ставрополе (Кавк.).

мии" *). После недолгих размышлений выбор мой твердо остановился на Пиротехнической школе, так как она сулила в будущем, при некоторой энергии, карьеру артиллерийского офицера, а это было в то время в моих глазах что-то очень высокое,—не то, что какой-то пехотный армейский офицер.

В Пиротехническую школу меня приняли очень охотно без всякого экзамена, так как я имел прекрасный аттестат. В тот же самый год и из той же прогимназии со мной вместе в школу поступил товарищ—Алексей Васильевич Иванов. С этих пор мы жили с ним неразлучно, пока приговор петербургского военно-окружного суда в 1882 г. не разлучил нас окончательно. Только много лет спустя, выбираясь уже из Якутской области, я вновь встретился с ним в Иркутске.

В Пиротехнической школе нас очень скоро привели к присяге, а затем объяснили, что мы теперь уже не воспитанники, а находимся на действительной службе и потому за все проступки должны будем отвечать по всей строгости законов. Пребывание в Пиротехнической школе оставило у меня тяжелое воспоминание. Дисциплина была очень строгая, внутренние распорядки ужасные. Единственным спасителем наших душ явился дух товарищества, который и вынес нас неизломанными из этой светлой тюрьмы. В таких условиях пришлось прожить целых 4 года, с 1873 по 1877 год, и притом самый лучший возраст от 16 до 20 лет. Никаких книг с воли приносить в школу не разрешалось; библиотека существовала, но в таком составе, что для нашего развития ничего дать не могла, да мы ею почти и не пользовались, так как книги выдавались только по праздникам, когда мы обыкновенно уходили в отпуск. Таким образом, для чтения нам оставались только учебники и учебные записки. Каждую неделю производились обыски, больше с той целью, чтобы осмотреть, в порядке ли находятся наши вещи, но это сильно стесняло нас, так как лишало возможности книги, которые мы доставали, держать в столиках или шкафиках и требовало от нас всегда большой осторожности. Для того, чтобы дать ясное представление, как относилось наше начальство к той литературе, которую мы доставали, и что могло ожидать ученика, если бы он попался с какой-нибудь действительно нелегальной вещью, расскажу следующий эпизод. Во время сербско-турецкой войны и добровольческого движения один из учеников вздумал принести с собой иллюстрированный номер „Нивы", чтобы наглядно показать нам подвиги сербов и добровольцев. К несчастью этот номер попал как-то в руки начальства, и дело для товарища окончилось очень скверно: арест в темном карцере на месяц, было сбавлено много баллов за поведение и, кроме того, бедный юнона был разжалован из унтер-офицеров в рядовые. А между тем он перешел уже в последний класс, и чтобы карьера не погибла, нужно было вновь получить за поведение большую отметку.

Естественно возникает вопрос, что же было бы с нами, если бы начальство узнало, что мы увлекаемся Герценом, Писаревым, Лавровым или „Парижской Коммуной", которая ходила в то время у нас по рукам. Но так или иначе, а за время пребывания в пиротехнической школе, хотя и крадучись, мне удалось перечитать Писарева, Добролюбова, Успенского, Шелгунова, Лассаля и по естественным наукам Фохта, Молешота, Люиса и др. Изящная литература для меня в то время не представляла особого интереса, и в этой области мое развитие шло слабо. В этот же период мне предложили прочитать „Капитал" Маркса, но я убоялся трудности его и отказался. Прочитал же я „Капитал" уже гораздо позднее, когда служил на пороховом заводе.

Образование в школе было исключительно специально-техническое. Из общеобразовательных предметов были недурно поставлены только химия и отчасти физика. Состав преподавателей был очень слаб, особенно по химии. Специально военных предметов было очень много, эти предметы делали из нас специалистов, но в смысле общего развития ничего не давали и преподавались они, в большинстве случаев, офицерами-академиками.

В августе 1873 г. я, упомянутый выше Иванов и еще один товарищ из нашей прогимназии, попав в Пиротехническую школу в младший, т.-е. первый, класс, начали присматриваться: что же представляют из себя наши новые товарищи. Они также не оставили нас без своего внимания, задаваясь тем же вопросом. Вскоре выяснилось, что наиболее развитыми и наиболее идейными были ученики старшего (третьего) класса. Из них в моей памяти сохранились: Васильев, Парионанов и Богородский. Первые два скоро совершенно исчезли с моего горизонта, судьба же последнего прочно переплелась с нами до самого нашего провала в 1881 г. Ник. Ник. Богородский был сын смотрителя Трубецкого бастиона, полковника Богородского, на смену которому потом пришли Лесник и знаменитый Соколов.

Упомянутые выше товарищи старшего класса имели уже, повидимому, связи с революционерами на воле, так как в первый год нашего пребывания в школе у нас по-

*) В местн. „Сморгонь" крестьяне когда-то занимались дрессировкой медведей.

явились подпольные издания и прокламации. Центром, откуда шла к нам литература, была квартира отставного офицера Ег. Ег. Емельянова Через некоторое время мы потеряли его из вида, и дальнейшая судьба его мне неизвестна. Пропаганда среди товарищей по классу пошла успешно, и скоро весь класс был вовлечен в чтение нелегальщины. Несмотря на нашу молодость и неопытность, мы с Ивановым не сделали ни одной ошибки в выборе товарищей, которым можно было дать интересующую нас литературу. Помнится, мы избегали только одного тов. Бугаева, и действительно он скоро был взят из нашей школы, потом поступил в Константиновское военное училище, а оттуда в жандармы.

Так наша работа продолжалась 4 года, и не было у нас ни одного провала ни в школе, ни на воле. За это время через наши руки прошла вся нелегальщина, вся агитационная и подпольная литература того времени, и все благополучно. Никаких подозрений на себя мы не навлекли. Крупных связей за это время мы не приобрели. Но в это время завязал с нами знакомство поручик Вильманстранского полка Дубровин, вскоре казненный в Старой Руссе, но за что, не знаю.*) К этому же времени относится и наше первое знакомство со студентом Технологического института Гриневицким.

В 1874 г. весь старший класс после глупой истории с экзаменами был исключен, и благодаря этому связь оставивших школу с нами порвалась за исключением Богородского. Впоследствии большинство учеников были вновь приняты, но Васильев, Париомонов и Богородский вернуться в нашу школу не пожелали.

В 1877 г. я окончил 4-х летний курс и по своему личному желанию избрал себе вакансию на Охтинском пороховом заводе (я был исп. должн. фельдфебеля). Здесь я впервые почувствовал себя гражданином. Жил на вольной квартире, принимал к себе кого хотел и уходил, куда и когда хотел, лишь бы утром быть своевременно на работе.

Завод расположен в парке на большой площади. Технической частью завода заведывал полковник Кайгородов, человек очень гуманный. Первым поручением, данным мне, была задача выработать тип пороха для вводившейся в то время в армии винтовки Бердана и, кроме того, установить заводское производство его. Задачу эту я выполнил успешно, т.-е. выработал тип пороха, удовлетворявший всем баллистическим требованиям, и после этого на все время службы остался заведывать его выделкой. Охтинский завод был оборудован для того времени прекрасно и мог выполнять самые большие требования.

Наши школьные товарищеские отношения не только не охладели, но, напротив, укрепились еще больше. Одно время на квартире со мной жил Ник. Ник. Богородский.

В этот период времени Богородский завязывал сношения между сидящими в Трубецком бастионе и волей. Переписка велась долгое время, хотя и не с особенной быстрой передачей благодаря самому способу сношений. Больше всего в этом помогала Анна Павловна Корба, но вообще переписка велась в разное время и разными лицами. Через Богородского же мы скоро познакомились с Зунделевичем, Степаном Ширяевым и Фердинандом Осиповичем Люстигом. После неудачного покушения на Дрентельна, Зунделевич вскоре привел к нам молодого человека, который прожил у нас несколько дней. Это был Мирский. За те несколько дней, которые он прожил у нас, у меня, да и у всех моих остальных товарищей, составилось о нем вполне определенное мнение, как о человеке легкомысленном, болтливом и хвастливом. Он едва удерживался от рассказов о своем подвиге, что очень хорошо характеризует его с этой стороны. Когда произошел раскол „Земли и Воли" на „чернопередельцев" и „народовольцев", не помню теперь уже кто привел к нам только что приехавшего из-за границы Аксельрода. Прожил он у нас тоже несколько дней, а потом переехал в город. После этого ни с кем из чернопередельцев я не встречался и не сталкивался.

В первой половине 1879 г. наши связи с членами боевой организации были очень широки. Наиболее близкими к нам были: Зунделевич, Ширяев, Исаев, Грачевский, Кибальчич. Особенно тесные сношения были с Грачевским и Кибальчичем. С ними у нас велись не только теоретические разговоры, но и практические занятия. Кибальчич, желая познакомиться с курсами военной пиротехники, получил от меня „Записки по военной лаборатории", которые были в то время приняты в Пиротехнической школе.

Летом 1879 г. нам было предложено выработать 2 типа снарядов. Во-первых, тип пригодный для метания и, во-вторых, такой, который действовал бы автоматически, если бы на него, например, наехал экипаж. Кроме того, к нам обратились с просьбой изготовить гремучей ртути, необходимой для производства взрыва динамита. Химическая лаборатория Охтинского порохового

*) Оказал при аресте вооруженное сопротивление *В. Фигнер.*

завода была в нашем распоряжении,*) а потому выполнить эту просьбу нам было нетрудно, тем более, что изготовление гремучей ртути мы изучали как теоретически в школе, так и практически в капсюльном отделе патронного завода. В этой же лаборатории хранились небольшие запасы Бикфордова шнура и электрических запалов. Отсюда было почерпнуто некоторое количество и того и другого и поступило в распоряжение Кибальчича. Мне кажется, что мины под Александровском и Москвой были снабжены запалами, полученными от нас. Это я заключаю из того, что Кибальчич вскоре рассказывал нам, как надо проверять пригодность запалов для работы. Взрыв 5-го февраля был произведен с помощью нашего же Бикфордова шнура. Теперь прошло уже более 40 лет, но я очень хорошо помню свой разговор с Грачевским при первом же нашем свидании после взрыва в Зимнем дворце. На мое замечание, что заложено было мало динамита, Грачевский ответил, что все запасы не решились использовать потому, что не было полной уверенности в успехе, а между тем, „была полная возможность сразу извести всю крамолу".**)

Задача изготовления автоматически действующего снаряда была выполнена мною самостоятельно. Из химии я знал, что смесь сахара с бертолетовой солью, при соединении с крепкой серной кислотой, дает взрыв. Это свойство кислоты я решил использовать при решении данной задачи. Сначала был приготовлен мною „стопин" (пороховая тесемка), но обыкновенная пороховая мякоть была заменена смесью бертолетовой соли с сахаром, приготовленной надлежащим образом. Тесемка приходила в соприкосновение с системой стеклянных трубок, наполненных крепкой серной кислотой с запаянными концами. Все трубки и пороховая тесемка в свою очередь вкладывались в каучуковую длинную трубку. Для более быстрой передачи пламени по всей длине стопина последний опудривался пороховой мякотью. Первый экземпляр такого снаряда был испытан в лесу, недалеко от селения в присутствии Кибальчича или Грачевского, точно не помню. Испытание дало хорошие результаты и потому был приготовлен точно такой же снаряд, который и поступил в распоряжение организации.

Метательные снаряды (счетом два) или, вернее сказать, оболочки снарядов были изготовлены Грачевским в нашей же квартире. Тип их был самый простой: жестяная паянная оболочка соединялась с частью дистанционной трубки, соединенной с фрикционным аппаратом. Все три прибора не начиненные были взяты у Квятковского при его аресте, в ноябре 1879 г. Затем они были доставлены в лабораторию Михайловского Артиллерийского училища для производства экспертизы. По дошедшим до нас слухам экспертиза дала хороший отзыв. Впоследствии была еще изготовлена обыкновенная артиллерийская граната для защиты квартиры. В дело она пущена не была, ее потом просто потопили.

Динамита у нас не было. Мы могли дать, как образец, только одну шашку 25% Нобелевского динамита. Кибальчич, изучая это дело, выработал способ приготовления 75% динамита (так наз. черного), который и был принят боевой организацией. В своей речи на суде Кибальчич заявил*): „В изготовлении метательных снарядов, т.-е. в выработке типа их, участвовал не я один. Это была скорее коллективная работа". Действительно, серная кислота в стеклянных трубках и стопин, приготовленный из бертолетовой соли и сахара, были применены уже в снаряде, отобранном в конце 1879 г. Что касается расположения трубок и веса грузов, который должен был быть, с одной стороны, настолько тяжел, что при падении снаряда разбивал бы стеклянную трубку и освобождал серную кислоту, а с другой стороны — настолько легок, чтобы перенос снаряда и обращение с ним в обычной обстановке были по возможности безопасны. Всю эту работу выполнил, насколько мне известно, Гр. Исаев.

Минное дело в Пиротехнической школе не проходилось, и мы в нем не могли оказать существенной помощи. Эти сведения Кибальчич почерпнул из иностранной литературы и из брошюры, изданной морским ведомством,—„Правила выделки игольчатых запалов с гремучей-кислой ртутью малого и большого сопротивления". Эту брошюру он мог получить от Суханова.

Время пребывания на заводе было периодом наиболее интенсивного моего развития. Здесь я познакомился со статьями Михайловского, который стал властителем моих дум. Бесконечные дебаты вызывали статьи Воронцова (В. В.), конечно. В эти споры мы вовлекали иногда и очень крупных народовольцев. Так, у меня запечатлелся один разговор с Кибальчичем, поводом к которому послужили, по всей вероятности, статьи В. В.

Служа на заводе и имея непосредственное соприкосновение с рабочими, которые набирались из крестьян, приходящих на летние заработки, я совершенно не вынес впе-

*) Через одного товарища, который и изготовил гремучую ртуть.

**) Ежедневная опасность обыска в подвальном помещении Халтурина не позволяла частого переноса динамита. *В. Фигнер.*

*) „Былое", № 3 за 1906 г.

чатления, чтобы это были „золотые сердца" или „богоносцы". Напротив, масса, в которой почти не было чистокровных пролетариев, представлялась мне тупой, суеверной, не развитой, а о гражданских чувствах и говорить нечего. Мы же, как народники, должны были смотреть на рабочих несколько идеалистически. Вот это-то и заставило меня обратиться со своими сомнениями к Кибальчичу. Вполне разделяя мои сомнения, он заявил, что в своей революционной деятельности он исходит из идеи общего прогресса. Я вполне с ним согласился и думаю, что эта путеводная звезда спасла меня от всех разочарований в дальнейших испытаниях.

Наша тесная связь с боевой организацией *) поддерживалась через квартиру Фердинанда Осиповича Люстига. В этой квартире перебывала едва ли не вся организация „Исполнительного Комитета". У нас на заводе бывали, кроме перечисленных выше лиц, Желябов, Ан. Вас. Якимова и Тихомиров **). В квартире Люстига я познакомился с Дегаевым, вместе с которым Люстиг служил в Кронштадтской крепостной артиллерии. На эту квартиру я и Иванов ходили не особенно часто, но Богородский там бывал по нескольку раз в неделю, что вызывалось той перепиской, о которой я уже говорил. Здесь должно быть и лежит начало нашего провала, т. к. за квартирой стали следить. Сыск успел проследить только тот факт, что к Люстигу ходили двое военных (обер-фейерверкеры), но кто именно—они не знали.

Вскоре после 1-го марта был арестован и Люстиг, судившийся по второму процессу первомартовцев, а за ним и Богородский. Во второй половине марта 1881 г. на пороховом заводе были арестованы Иванов и сослуживец О-ий. Последний был заподозрен совершенно ошибочно, так как никогда не бывал у Люстига и к революции не имел никакого отношения. В конце марта или начале апреля ко мне на квартиру пришел неизвестный мне солдат и очень таинственно вызвал в сени. Первое, что мне пришло в голову—это подозрение, нет ли тут какого-либо провокационного подвоха под Богородского, поэтому я решил быть с посетителем очень осторожным. Солдат, впоследствии оказавшийся Самойловым, передал мне записку за подписью „Степан" и письмо, которое надо было передать „Тигрычу". О переписке с Алексеевским равелином я ничего не знал, но по подписи на записке и по адресату письма я догадался, что письмо из Петропавловской крепости, но тем не менее продолжал свою тактику осторожности. Я сказал Самойлову, что не знаю откуда записка. Он, в свою очередь тоже конспирировал, но, в конце концов, мы договорились, и я, по его просьбе, написал в равелин записку с обещанием исполнить просьбу. Дело это я истолковал, как случайный казус, когда удалось уговорить солдата снести письмо на волю, тем более, что Самойлов при прощании попросил у меня денег. Я дал ему очень небольшую сумму и счел долгом предупредить его, что нужно быть очень осторожным, так как за это можно сильно поплатиться. Условившись с ним о следующем свидании в одном из трактиров на Большом проспекте Петербургской стороны, мы расстались.

Установить связь Алексеевского равелина с волей к этому времени я мог уже только через Дегаева. Когда я с ним свиделся и рассказал о письме и записке, то оказалось, что он уже знал о сношениях с Нечаевым, и от него я узнал, что последний успел распропагандировать всю команду равелина. Познакомив Самойлова с Дегаевым, я ушел и вновь увидел Самойлова только в марте 1882 г. при очной ставке с ним у прокурора Богдановича. О дальнейшей судьбе сношений я ничего не знал до самого возникновения следствия по этому делу.

В апреле месяце 1881 г., наконец, дошла очередь и до меня,—я был арестован и препровожден в Дом предварительного заключения. Кто назвал мою фамилию, я и до сих пор не знаю, так как никогда не интересовался этим вопросом и, встретившись с Люстигом, Богородским и Ивановым, я у них тоже не спросил об этом. При первом же допросе, который вели полковник Никольский и прокурор Добржинский, мне было предъявлено обвинение по 249 статье; конкретные же обвинения заключались в моем знакомстве с Люстигом. На вопрос: был ли я знаком с Люстигом, я ответил утвердительно и, когда меня спросили, кто меня с ним познакомил, я ответил, что познакомился через Богородского. Дальше был предложен вопрос о знакомстве с Дегаевым, на который я ответил отрицательно. Никольский очень удивлялся, почему я это отрицаю, тогда как всеми мое знакомство с Дегаевым было признано, но я не изменил своего показания, и очной ставки мне ни с кем не было дано. Этим и закончился первый и последний допрос после моего ареста. Просидев в Доме предварительного заключения один месяц, я был выпущен и возвратился опять на завод.

После этого я вышел в отставку и вскоре поступил на частный завод „Гераклиновый" близ с. Рыбацкого. Завод был маленький,

*) Отдельной боевой организации не было; автор под этим подразумевает членов и агентов „Исп. К-та." В известном смысле весь „Исп. К-т" был боевой организацией. *В. Фигнер.*

**) В 1879 г. Тихомиров предложил мне вступить в общество „Свобода или смерть". Я изъявил согласие, но практического значения это не имело.

плохо оборудованный, но впервые, кажется, в России примешивал небольшой % пикриновой кислоты к обыкновенному пороху. Связи с революционерами были почти все потеряны, так как партия „Народная Воля" была разгромлена. Пришлось заводить новые, и одним из таких новых знакомств было знакомство со студентом Петербургского университета Альбертом Гаусманом, казненным в г. Якутске в 1889 г. после известной якутской трагедии. Знакомство наше скоро оборвалось по той причине, что в конце 1881 г. мне был объявлен приговор, в силу которого я был отдан под гласный надзор полиции на 2 года, с запрещением проживать в местах усиленной охраны. Пришлось расстаться и с Петербургом и со всеми друзьями. К счастью, я опять нашел себе место на частном пороховом заводе на ст. Аксайской Донской области. Завод только еще отстраивался и должен был приступить к производству пороха летом 1882 г.

В конце февраля или начале марта 1882 г. я был вновь арестован и препровожден в Петербург. На этот раз меня заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В конце марта меня повели на допрос. Допрос производили прокурор Богданович и жандармский штаб-ротмистр, фамилию которого теперь я уже не помню.

„Вы обвиняетесь в том, что, принадлежа к тайному сообществу, вступили в сношения с государственными преступниками, заключенными в Алексеевском равелине. Признаете ли вы себя виновным?" Я ответил отрицательно и тут только понял причину моего ареста. Я решил, что нужно хорошенько обдумать свои ответы, прежде чем излагать их на бумаге. Привели рядового Самойлова для очной ставки и начали ему задавать вопросы: „Это он"?—„Он". „Ты носил ему на пороховый завод письмо от № 5"?—„Так точно, носил". „А он писал туда ответ?" — „Писал". Этим очная ставка и окончилась. Я же остался при своем заявлении, что солдата не знаю, писем от него не получал и сам никому не писал. Этим закончился мой первый допрос, после которого меня опять отвели в ту же камеру. Второй допрос произошел не раньше, чем через месяц. Допрос вели те же лица. „Ну что же г. Филиппов, вы и теперь будете отрицать свою вину?" Тут уже я изложил все дело, так, как я находил нужным. Я рассказал, что в апреле 1881 г. ко мне на завод приходил какой то солдат с черными погонами, но не тот, которого мне предъявили на первом допросе. Он принес мне записку за подписью „Степан" и письмо, которое нужно было передать какому-то „Тигрычу". В записке указывалась фамилия студента университета, которому надо было передать письмо и отрекомендовать солдата. Так как ни „Тигрыча", ни „Степана" я не знал, то и понять не мог, откуда принесено письмо. Солдат долго не хотел признаваться, что это из Петропавловской крепости, но потом сознался. Я просил и предупреждал его быть очень осторожным, чтобы не поплатиться за такой поступок. В заключение он просил написать записку о получении письма и хоть немного денег. Записку я долго писать не соглашался, но потом принужден был уступить его просьбе и, условившись с ним о встрече в ближайшее воскресенье в трактире на Дворянской улице и дав ему немного денег, расстался с ним. В университете я справился об адресе студента, упомянутого в записке, которому в следующее же воскресенье отрекомендовал рядового Самойлова, передав ему письмо на имя „Тигрыча". После этого я никого из них не встречал и ничего о них не слыхал.

Прокурор Богданович отнесся к моим показаниям скептически, но штабс-ротмистр вполне поверил. Выслушав меня, Богданович вслух сделал только следующее замечание: „Ну, да все равно, уж там знали, куда посылали". На что и ротмистр согласился, что конечно, мол, знали. В заключение Богданович поинтересовался узнать, что же побудило меня исполнить просьбу незнакомых мне людей. Я ответил, что чувство сострадания к заключенным. Затем жандарм старался выпытать у меня фамилию студента и описание его внешности, но из этого, конечно, ничего не вышло. В заключение допроса Богданович как бы вскользь кинул мне вопрос: „А вы знали государственного преступника Мирского"? Я ответил отрицательно. Этим и закончился мой второй и последний допрос, и я снова очутился в той же камере.

В то время мне не показалось подозрительным, почему Богданович спросил меня о знакомстве с Мирским, а не о знакомстве с Ширяевым. Только недавно, прочитав в „Красном Архиве" № 5 статью Щеголева о деле Нечаева, во мне закралось подозрение, что покойный Мирский предал и 1881 г. и меня.

После второго допроса началось долгое скучное сидение в Трубецком бастионе. Вскоре после допроса мне дали первое свидание с матерью. К моему счастью, она держала себя с большим достоинством. Прошла весна, прошло и лето, а движения в моей судьбе никакого не видно. На одном из свиданий мать сообщила мне, что в департаменте полиции ей сказали, будто бы дело будет окончено в административном порядке. В то время министром внутренних дел был Игнатьев, а когда его заменил гр. Толстой, то наступил период „твердой власти", и было решено передать дело суду. В конце лета меня перевезли в Дом

предварительного заключения, где я просидел вплоть до вручения мне обвинительного акта. Жизнь в Д. П. З. показалась мне после крепости одним удовольствием. Много света, можно было из окна наблюдать гуляющих, чаще давались свидания, на которых можно было разговаривать о чем угодно.

В октябре 1882 г. мне был выдан обвинительный акт, в котором я предавался с.-петербургскому военно-окружному суду для рассмотрения нашего дела, которое квалифицировалось по 2 части 250 ст. Обвинительный акт впервые раскрыл мне картину, которую впоследствии прекрасно нарисовал Щеголев в названной статье в „Красном Архиве".

Из всех подсудимых я виделся только с подсудимым Прокофием Самойловым. Никого другого я не только не знал, но и не видел. Мой товарищ, сослуживец А. Иванов, был привлечен только потому, что Самойлов показал на следствии, что Нечаев сказал ему так: „Ищи на пороховом заводе Иванова или Филиппова — это все равно".

Вот за это-то „все равно" Иванов и попал на скамью подсудимых, как излагалось в обвинительном акте. Но новейшие исследования проф. Щеголева документально установили, что все дело возникло вследствие предательства Л. Мирского. В обвинительном же акте дело излагалось так, как будто оно возникло вследствие того, что были расшифрованы письма, отобранные при арестах у Желябова и Перовской. Полный текст этих писем приведен в той же статье Щеголева. При первых допросах никто из солдат не признавался и только впоследствии, под давлением и угроз и личных ставок, сознались. Мне известны некоторые совершенно излишние разговоры Мирского с рядовым Юшмановым, о которых последний так и не поведал прокурору. Слабее всех оказался Кир Бызов. Из обвинительного акта я впервые узнал, что Бызовым был оговорен и мой товарищ по службе на заводе, Емельянов, который решительно ничего не знал о сношениях равелина с волей, так как я ему об этом не говорил. Правда, несмотря на оговор, к суду он привлечен не был, и о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю, но арестован был и он.

К следствию, кроме меня и Иванова, привлекались еще Глуховской и Емельянов. Что касается первого из них, то должен сказать, что мне он решительно незнаком, и я даже не знаю, где он жили служил. Отделение по охране порядка и общественной безопасности в Петербурге решительно ошибалось, думая, что Глуховской был близко знаком с отставным прапорщиком Люстигом и сыном подполковника Богородским *). Глуховской никогда не был у Люстига, да и Богородский едва ли знал его, так как тогда бы я, конечно, тоже знал его. Емельянова же Мирский видел только в те дни, которые он прожил у меня на квартире. У Люстига Емельянов не бывал. Попытки Мирского завязать сношения с волей делались дважды через Кира Бызова и Григория Юшманова, но оба раза неудачно, потому что Мирский не мог указать, как следует, моего адреса. О попытке Юшманова найти меня я знаю от него лично, но при следствии он об этом умолчал. Степан Ширяев бывал у нас на заводе много раз, а потому мог более точно указать мой адрес Самойлову, который и доставил письмо на завод, как об этом уже рассказано. Сношения Нечаева с волей обрывались несколько раз, по крайней мере Дубровин **) восстанавливал их 2 или 3 раза, мне же пришлось оказать ему услугу в этом отношении только один раз.

Вскоре после выдачи обвинительного акта я был опять перевезен в Петропавловскую крепость, в которой нас и судили. Заседание суда состоялось в начале декабря 1882 г., если не ошибаюсь, в Екатерининской куртине. Здесь, на суде, я впервые увидел всю команду, охранявшую Алексеевский равелин, а затем превратившуюся в верных и преданных Нечаеву друзей. Первое впечатление, произведенное на меня этими людьми, было очень благоприятное. Особенно мне понравились Юшманов и Штырлов. Дубровина защищал пр. пов. Марголин, Штырлова—Александров, меня и Иванова—офицер по назначению, а всех остальных — один кандидат на судебную должность.

Обязанности прокурора исполнял военный прокурор Маслов. Свидетелями явились, если не считать вызванного мною Кайгородова, исключительно рядовые той же местной команды, к которой принадлежали и подсудимые. Все они были уже раньше осуждены военным судом в дисциплинарный батальон. Никто из бывших жандармских унтер-офицеров в качестве свидетелей вызван не был. Ни в обвинительном акте, ни при допросах свидетелей вопрос об организации побега № 5 не поднимался.

Все подсудимые на вопросы виновности ответили отрицательно. Прежде всего судом была установлена виновность Дубровина и моя; сделать это было очень легко, так как мы были оговорены нашими же товарищами по скамье подсудимых.

О предательстве Мирского судьи тоже, кажется, ничего не знали. Во время до-

*) „Красный Архив", № 5, ст. 181.

**) Студент-медик, знакомый Исаева, через кот. Ширяевым была переслана первая записка Нечаева.

В. Фигнер.

проса Бызова, мой адрес которому мог дать только Мирский, так как Ширяева еще не было в равелине, я слышал, как член суда Извольский шепнул председателю, генералу Лейхту: „Отказался давать какие бы то ни было показания". В то время я этому поверил чистосердечно и долго не мог допустить предательства со стороны Мирского. Когда судьба свела меня с ним на Каре, он тоже подтвердил, что отказался давать какие-либо показания при допросе. Во время пути от Петербурга до Томска я ближе познакомился с Юшмановым и очень удивился, когда он сообщил мне, что Мирский рассказывал ему о том, что он скрывался у меня после того, как стрелял в Дрентельна. Что побудило Мирского к такой откровенности, я не знаю. Вероятно, просто отличавшая его болтливость.

На мое счастье, Юшманов оказался едва ли не единственным рядовым, который не рассказал следователю всего того, что он знал. Главная масса свидетелей должна была дать картину упадка дисциплины и роли Нечаева в равелине, и картина получилась действительно красочная. Мне кажется, что пропаганда Нечаева имела огромный успех, преданность ему солдат была громадна. Еще до связи с волей солдаты носили ему газеты и сообщали все, что знали и слышали. В дальнейшем состав охранной команды стал часто меняться, а потому Нечаев не успевал их перевоспитывать и ему приходилось даже прибегать иногда к угрозам. Целый ряд свидетелей давал приблизительно такие показания:—„Ты передавал записки?" „Так точно, ваше п—во, передавал". „Зачем же ты передавал, разве ты не знал, что этого делать нельзя"?—„№ 5 приказывал передать".—„Да разве он твой начальник, что мог тебе приказывать"?—„Не могу знать, ваше п—во, он всем приказывал". Один из членов суда, наслушавшись подобных ответов, воскликнул: „Да это комендант крепости"!

Суд вынес следующий приговор: Дубровина и Филиппова, как действовавших вполне сознательно, сослать в каторжные работы—Дубровина на 4 года, Филиппова же, как нарушившего сверх того долг службы, на 5 лет; нижних чинов, по лишению всех прав состояния, сослать на поселение. Иванова, как не донесшего о преступлении Филиппова, к тюремному заключению на 6 месяцев. Таков был финал этого таинственного процесса. В газетах о нем не было упомянуто ни слова.

В заключение я позволю себе высказать несколько соображений по вопросу о предполагавшемся якобы побеге Нечаева в конце 1881 г. Проф. Щеголев („Красный Архив", № 5, стр. 210) пишет: „Нечаев был замечательный конспиратор, и для каждого, кого он втягивал в свой круг, была своя конспирация деталей, а целое знал он один, да, должно быть, Мирский, или фактических приготовлений к осуществлению плана не было, и Мирский изобрел их в своем доносе. Трудно ответить на эти вопросы. Лично я склоняюсь к мнению, что фактических приготовлений не было,*) и Мирский изобрел их для придания большей ценности своему предательству. Соображения мои вот какие:

1) Донос Мирского состоялся в половине ноября 1881 года. К этому времени в команде равелина из наиболее надежных и преданных Нечаеву солдат уже не было—Колыбина, Юшманова, Штырлова, Бызова, Терентьева, Орехова, Кузнецова, Самойлова, Петрова, Губкина, Вишнякова и Архипова. Охранную стражу составляли уже те солдаты, которые на нашем суде явились свидетелями, а с такой компанией далеко не уедешь, и этого, конечно, не мог не понимать Нечаев.

2) К ноябрю месяцу партия „Народной Воли" была настолько разгромлена, что не могла оказать существенной помощи Нечаеву, а без посторонней помощи, без средств и адресов побег едва ли был возможен, да и сношения с волей были уже порваны.

3) Ни на суде, ни во время следствия никто из солдат не дал никаких указаний на предполагавшийся побег, а ведь все свидетели, несомненно, сообщили все, что им было известно. Да и из подсудимых кое-кто, например Бызов, не скрыл бы этого, если бы побег действительно подготовлялся.

4) В дороге, перезнакомившись хорошо с солдатами, я многим из них задавал вопрос: „Можно ли было освободить Нечаева?" и всегда получал ответ, что, хотя и трудно было вывести его, но, пожалуй, можно было. Такой взгляд их относился к тому времени, когда партия была еще в полной силе. Отношения со всеми солдатами у меня установились настолько близкие, что они, наверное, не скрыли бы от меня, если бы в действительности существовал реальный план побега. Живя в течение нескольких лет в Якутской области в тесном общении с Юшмановым, Штырловым и Самойловым, я не допускаю мысли, чтобы они не рассказали мне об этом.

Из рассказов солдат об отношении к ним Нечаева я запомнил такой случай: когда комендантом крепости был барон Майдель, солдаты однажды пожаловались Нечаеву, что их очень плохо кормят. И вот при первом же посещении Майделем Нечаева последний просил об улучшении солдатского

*) Совершенно верно, но принципиально еще в янв. 81 г. Исп. К-т постановил, что устройство побега им будет совершено (см. „Зап. Труд", т. I-й). *В. Фигнер.*

питания, в результате чего стол их был значительно улучшен. Такой факт сразу поднял в глазах солдат авторитет Нечаева, чем он не преминул воспользоваться, конечно, в полной мере.

В конце 1882 г. приговор вошел в законную силу, и я был переведен на каторжное положение в том же Трубецком бастионе. В последних числах апреля 1883 г. меня перевезли в Дом предвар. закл., где в тот же день меня обрили и заковали в кандалы. 1-го мая 1883 г. меня отвезли на вокзал и присоединили к большой партии, в состав которой входили все осужденные по нашему процессу. Остальная масса состояла из высылаемых административным порядком.

Особое место занимал Михаил Николаевич Чиковдзе, судившийся по процессу 50 и затем бежавший из Киренска. В Петербурге он погулял немного и теперь вновь высылался в Сибирь. Легко и близко я сошелся с ним, и всю дорогу до Иркутска мы не разлучались. Из административных с нами были Мартынов, Лебедев, Романенко, Лавров, Лапицкий, Орлова, Макаренко и др. В Москве к нам присоединились осужденные в 1883 г. по одесскому процессу — Майер, Дзвонкевич, Матвеевич, Дрей, братья Надеевы, Голиков, Ф. Морейнис и др., а из Киева — Геккер. Получилась очень большая партия, с которой я и двинулся в дальний путь.

От Томска до Иркутска мы шли этапным порядком, на что потребовалось три месяца. Из Иркутска на Кару я был отправлен на почтовых в сопровождении двух жандармов, куда и приехал в декабре 1883 г. Здесь я нашел только одного старого знакомого—Зунделевича, остальную же массу в громадном большинстве составляли южане. Срок моей каторги окончился в марте 1886 г., и я был отправлен в Якутскую обл. Путь от Кары до Иркутска вместе с четой Ястремских прошел уже этапным порядком с обратными партиями. В Иркутск мы добрались только в июне месяце. Дальнейший путь я опять совершил индивидуально в сопровождении двух нижних чинов Иркутск. резервн. батал. Старшой купил на Лене лодку, в которой мы и совершили плавание по Лене почти до самого Якутска. В начале октября месяца я был водворен в 3-й Балагурский наслег Батурского улуса. Здесь я вскоре нашел себе учеников, которые и заполнили мое существование почти на все время моего пребывания среди якутов. Кроме педагогической деятельности, я занимался в последние годы и земледелием, но в очень ограниченном размере. В 1893 г. я с товарищами Надеевым и Самойловым выехали на своих лошадях в Иркутск. Дорога была очень медленная и трудная. Сорокаградусные морозы донимали нас очень сильно. В начале марта мы добрались до Иркутска, где и продали своих коней, а сами начали устраиваться на житье. Я устроился сначала на Сибирском тракту, а затем на постройке Забайкальской жел. дороги. В 1902 г. я выехал в Россию и с большим трудом устроился на житье в г. Ставрополе-Кавказ., где и проживаю до сих пор.

Фроленко, Михаил Федорович. *)

Родился в ноябре 1848 г. в г. Ставрополе Кавказском на Третьей Солдатской Слободке (Ольгинская ул.) в собственном доме. Мой отец, Федор Тимофеевич Фроленко, прослужил 25 лет в солдатах и, дослужившись до фельдфебеля, отказался под конец от первого офицерского чина, дабы не продолжать службы, вышел кандидатом в отставку и женился на моей матушке в пожилых годах. Он умер, когда мне было не более 7—8 лет. Я его мало помню, так как он не вмешивался в мое воспитание. Зато матушке я обязан всем всецело. Дочь также отставного унтера, она с шести лет попадает в чужие люди, но, к счастью, на первых порах ее хозяевами оказываются, видимо, хорошие интеллигентные люди, и они прививают ей и развивают в ней более разумное, более человечное, нравственное отношение к людям, к детям, к мужу. Она, не будучи даже грамотной (грамота ей совершенно не далась), оказывалась потом в моральном и умственном отношении много выше окружающих, стоявших куда выше ее по своему положению и образованию.

Так, в отношении к детям у нее был определенный, глубоко впитанный принцип—не бить, не кричать на детей, а действовать на них лаской, словом, уговором, и у нас никогда нельзя было слышать того, что творилось у наших ближайших соседей—одной подполковницы, где то и дело наказывали детей. За все детство я понес лишь дважды наказание. Однажды это было весной и вышло из-за новых сапог, которые для нас составляли большую ценность, ибо матушка после смерти отца получала лишь 28 руб. в год, т.-е. 2 р. 33 к. в месяц, а на такую сумму не раскутишься, и ей приходилось много работать, дабы иметь возможность существовать. Так вот весной, когда по улицам бежить талая снеговая вода, я в новых сапогах, увлекшись постановкой водяных мельниц на ручьях, сильно загрязнил и измочил свои сапоги. Заметив это, матушка позвала меня в комнату, заставила снять их, положить сушить, а затем велела лишь просидеть несколько часов в комнате. Она

ФРОЛЕНКО М. Ф. (1848–1938).

*) Автобиография написана в октябре 1925 г. в Москве.

при этом не била, не ругала, а только потом, вечером, когда, казалось, все уже было забыто, объяснила нам в виде разговора, как дорого обошлись ей мои сапоги, сколько дней ей пришлось с утра до вечера стоять у корыта и стирать белье у богатых соседей. Мы ее очень любили, поэтому и такого косвенного укора было достаточно, чтобы другой раз не повторять этого. Второй раз так было. Я уже учился в училище. Там мне выдали учебники. Дорожа каждым грошом, матушка этот дар считала очень ценным, и вдруг однажды я прихожу из класса без этих книг.—Где они? спрашивает она. — У товарища, нашего соседа, оставил,—говорю. Я после классов пошел не прямо домой, а отправился к другому товарищу и свои книги поручил соседу с тем, чтобы, идя домой, забрать их, но, когда я на возвратном пути зашел за книгами, соседа не оказалось дома, и я вернулся без книг. Матушка страшно испугалась; она знала, что мой товарищ сосед пользовался у нас на 3-й Слободке очень плохой репутацией. Поэтому она прежде всего приказала немедленно же итти к нему и добыть книги во что бы то ни стало. Иду, на этот раз застаю, беру и радостно приношу, полагая, что дело в шляпе. Но не тут-то было. Матушка взяла, пересчитала все ли, а затем велела стать мне в угол. Вот и все ее наказания за все мое детство.—Она была два раза замужем, и оба мужа пили запоем, но она, смотря на запой, как на болезнь, никогда их не бранила, не ссорилась, а напротив, заметив, что начинается приступ, она спешила лаской, уговором добиться того, чтоб они уже не уходили на сторону, а пили-бы лучше дома. Дома же, давая им пить, она в то же время отпаивала их сывороткой, молоком, ухаживая за ними. Это они ценили и уже сами шли охотно домой и здесь отбывали неделю, больше, свою болезнь. Благодаря такой системе матушка потом не раз мне хвалилась, что ее мужья никогда не позволяли себе даже в пьяном виде не только ругаться, но даже грубого слова ей сказать. С соседями опять-таки у нас были наилучшие отношения. Матушка не любила сплетен и хождения по гостям. Поэтому и соседи относились к ней не как к жене солдата, а как к чему-то более высшему, облагороженному. После смерти отца я, матушка и сестра от перваго брака жили дружно, тихо и даже, можно сказать, весело, особенно по вечерам. Матушка любила присутствовать при наших играх с сестрой, а иногда и сама принимала в них участие. Часто по вечерам матушка возьмет да и расскажет нам что-нибудь из своей жизни: то, как ее еще шестилетней девочкой отдали в люди, то, как она, став уже 18-летней девушкой, начала возмущаться отношением к ней хозяек и их мужей, потребовала, наконец, от родителей, чтобы ее взяли домой, грозя в противном случае утопиться. Ее взяли, но поспешили продать первому навернувшемуся жениху за 50 р. О том, нравится ли ей жених, ее не спрашивали, конечно, уверив, что он хорош во всех отношениях.

Чтобы снова не попасть в люди, она соглашается, но, выйдя замуж, вскоре узнает, что муж сильно пьет, а к этому он через год-другой увозит ее в Ставрополь Кавказский и тут в первый же год по приезде умирает. Была эпидемия. Болела и матушка. Только очнувшись, узнает она о его смерти. Таким образом, она осталось одна с двумя детьми, без родных и знакомых на чужой стороне. Точно туман окутал ее, точно во сне, как автомат, прожила она так год—по ее словам. Видя ее беспомощное положение, соседи начинают ее уговаривать выйти снова замуж. Она соглашается, но как-то пассивно. Появляется мой отец. Он уже в отставке и приходит в штатском платье. Назначают день свадьбы. Входят в церковь. Вдруг матушка видит: стоит во всех регалиях какой-то солдат, вместо того, который приходил к ней.—„Не хочу, не хочу!"—раздается ее отчаянный крик. Все бросаются к ней, начинают уговаривать. В конце ее уговорили—они обвенчались, но эта трагедия ей не обошлась даром, она с того же времени сильно заболела. Дело в том, что хотя она и была сама дочь солдата, но у нее составился под влиянием виденного взгляд на солдат, как на людей грубых, диких, очень низко стоящих в моральном отношении. Вышло очень плохо. Однако, дело было сделано, изменить уже нельзя было, приходилось примириться, и матушка, скрепя сердце, занялась этим, но тут вскоре целый ряд новых открытий заставил пережить матушку еще снова и снова много тяжелых огорчений.

Рассказы о всем этом, пережитом ею, и составляли главную тему наших вечеров, и мы невольно проникались сочувствием к ее страданиям, и это-то потом и заставляло нас внимательно, с уважением относиться к ее наставлениям, и мы удерживались от дурных проказ, боясь ее огорчить. Она и моего отца скоро из пьяницы сделала хорошим мужем и отцем. Но тут наскочила смерть, и его не стало. Случилось это неожиданно. Отец заведывал каменноугольной копью в 150 верстах от Ставрополя, в горах на берегу Кубани. Летом обычно ездила к нему матушка, но на зиму он оставался там один и вот, оставаясь один, он заболевает обычным запоем, товарищи сослуживцы вместо того, чтоб удерживать, еще больше поощряют, он чувствует беду, но удержаться не может и сгорает. Только после смерти из его письма узнает матушка его собственное настроение: „Я,

верно, умру; если б ты была здесь, ты бы не допустила".

Мое более сознательное отношение к окружающему и память виденного проснулись как-то вдруг, при таких обстоятельствах.

Обычно мы жили в Ставрополе, но отец последние годы, получив место на каменноугольной копи, вблизи укрепления „Хмара", на лето решил взять к себе матушку и меня. Я ничего не помню из жизни до этого, ни нашего хозяйства, ни коровы, ни лошадей, ничего,- а все это было, как узнал позже,—но вот, когда меня вывели во двор, где стояла кибитка, и тут собрались соседи и знакомые нас провожать, у меня вдруг запечатлелась вся эта картина: кибитка, сестра, матушка, просящая кого-то присмотреть за ее коровой, ворота, потом улица, заросшая ромашкой, и т д.,— все это запомнилось, и память пошла уже последовательно представлять и лес загородный, и полянку, где мы лакомились солодовым корнем, и потом ночевку в степи среди воловьего обоза. Далее мы останавливались у казаков в одной станице (Баталпашинск, после узнал). Здесь мы с матушкой в развалинах одной турлучной хаты нашли замазанный образ божьей матери, обмыли его и пустили по Кубани. Ночевали затем в доме мирного черкеса; вероятно, тут было село, но села не помню. Дальше вскоре начинались горы, и отцу советовали пораньше выехать, дабы засветло добраться до нашего поселка, но отец, куда-то отлучившись, вернулся малость уже выпивши. Чтобы нагнать утерянное на это время, он пустил лошадь вскачь. Вдруг наша кибитка валится на бок. Сломалась ось, пришлось вернуться и заняться заменой оси. Пока это устроилось, прошло еще немало времени. Все стали уговаривать отца переночевать и ехать лучше на другой день пораньше, напоминая об опасности ночью застрять в горах, наскочить на черкесов (ночью мирных черкесов не было). Но никакие доводы не действовали —мы поехали. Не успели еще доехать до гор, как уже солнце стало заходить; повеяло вечером из горных ущелий, понесся протяжный, наводящий страх крик филина, как бы предостерегая путников не пускаться в путь ночью по горам. Скоро дорога пошла в гору, стал накрапывать дождь и затем полил во всю. Темнота усилилась. Отец вышел из кибитки, чтоб помогать лошади, мы с матушкой забились в угол и прибегли к единственному средству—к слезам. Положение становилось все хуже и хуже. Дорога шла по краю крутого обрыва: с одной стороны высились горы, с другой—угрожал глубокий обрыв. Малейшая ошибка, и мы легко могли полететь с обрыва. Вдруг, смотрим, кибитка стала. Подходит отец и сообщает, что лошадь выбилась из сил, не может уже дальше двигаться, и нам здесь придется провести так всю ночь. Между тем, как после оказалось, это было самое опасное место. Здесь была какая то скала, за которой черкесы обычно делали ночью засаду и нападали на проезжих. Не зная этого, мы все-таки все время ждали такого нападения, но, пока двигались, была еще надежда добраться до укрепления „Хмара", и мы не так трусили; а когда услыхали от отца, что придется заночевать на краю обрыва, нам ясно представилась картина пленения или падения в бездну. Слезы полились еще сильней, и в них я так незаметно и уснул. Но вот, еле открывая глаза, вижу вдруг, какой-то в папахе, в черкеске человек вытаскивает меня из кибитки. На дворе слабый свет. У меня мелькает мысль, что это черкес и, видно, тащит меня в плен, но мне все равно, сон еще не прошел, он дороже всего, и я снова засыпаю. Наконец, просыпаюсь окончательно и вижу—я лежу в комнате, в окно светит яркое солнце. Перед окном стол, на нем самовар, и сидят матушка с отцом, и пьют чай. Что такое? Оказывается, на нас наехал казачий объезд и выручил нас. Объезд же случился потому, что незадолго до нашего путешествия по той же дороге ехало ночью несколько офицеров, и черкесы, засев в засаду у скалы, где стала наша лошадь, напали на офицеров, некоторых убили, других ранили; после этого и был отдан строгий приказ, чтобы каждую ночь казачий разъезд отправлялся к скале и осматривал опасные места.

Поселок, куда я попал, представлял следующее. Обрубили склон горы и выдолбили в ней пещеру. Затем, заделав переднюю сторону стеной из камня с окнами и дверью и перегородив пещеру, получили два отделения—две казармы. В одной поместилась рота солдат, в другой - отряд рабочих для копи. Недалеко, параллельно казарменной горе, протекала речонка; ее соединили с горой двумя плетневыми заборами и сделали двое больших ворот. Тут шла проезжая дорога в черкесские аулы. Между плетнями получился большой двор. его ближе к реке разгородили еще плетнем и на малом дворе построили длиноватое здание с плоской земляной крышей для квартир служащим: отцу, его помощнику и другим здесь же; около понаделали клетушек, амбарчиков, сарайчиков для хранения провизии, инструментов и др.; за этими всеми постройками на берегу речонки помещался огород. Вот и весь поселок. Уголь сначала стали брать прямо от реки, но потом начали устраивать и шахты прямо с поверхности на равнине.

За речонкой располагался аул мирных черкесов. Однажды мы с матушкой ходили

туда к какой-то, видимо, зажиточной черкешенке. У ней вся сакля увешана была коврами. Другой раз был в ауле праздник. На площади устроили джигитовку молодых черкесов перед девушками, стоявшими группами на невысоких искусственных тумбах: делался круглый плетень и туда внутрь набивали земли. Девушки пели, били в ладоши, а молодежь гарцовала, стреляла, поднимала с земли на всем скаку вещи. На этот раз туда водил меня сам отец и спас меня от падения в речку.

В конце лета мы вернулись в Ставрополь. Отец и тут нас сопровождал.

Вернувшись в Ставрополь, я снова как бы потерял память, и как прошла зима, не помню, но летом мы снова очутились на „Хмаре" у отца. К этому времени уголь разрабатывался через шахту, в которую и меня спускали — не понравилось мне там: сыро, грязно, вода всюду журчит.

За нашим поселком падавшие с горы камни образовали целый лабиринт проходов, пещерок, закоулков. Нас, детей, на этот год оказалось несколько душ, и вот мы, выпросив у матерей круп, пшена, соли, хлеба, забирались в эти камни, прятались там, играли, варили себе из пшена или крупы „кандер",—вообще проводили почти весь день там. Никто из наших родных как-то не обращал внимания на это. Но черкесы, видимо, заметили нас, и вот однажды, играя меж камней, мы видим вдруг из лесу выезжает черкес и прямо держит путь на нас помимо дороги. Это нас встревожило, и мы скорей в поселок; там, забравшись в огород, стали наблюдать за верховым. Смотрим, он своротил к реке и по руслу пробирается к нашему огороду. Дело плохо, мы скорей в хаты и с тех пор уже за поселок ни ногой; мало этого, матушка не захотела дольше оставаться, и мы при первой же возможности поехали обратно в Ставрополь.

На этот раз, по приезде вероятно, меня отдали учиться грамоте. Недалеко от нашего домишки на 3-й Слободке помещались жандармский манеж и казармы. Была канцелярия, и писарь брался учить азбуке. Учил по-старому: аз, буки, веди и т. д. Особенно трудно давалось мне слогосложение в слово, к тому же учитель не сам следил за чтением, а поручал старшему, который и сам-то нетвердо знал. Я это подметил и стал ему твердо произносить слова, которые первые попались на память. Он не замечал вранья, и так я несколько раз его провел. Прихожу потом домой и за обедом не утерпел и стал хвалиться своей ловкостью. Матушка выслушала, ничего не сказала, но на другой день, смотрю, ведет меня к жившей вблизи жене доктора и просит ее поучить меня.

У нее мое обучение пошло уже быстро, и я бы далеко ушел, но тут доктора перевели в Тифлис, и меня матушка определила к одному отставному чиновнику — он за пьянство был прогнан со службы, но, как учитель, оказался дельным. Платили ему один рубль в месяц за обучение грамоте, но меня он за эту же плату начал учить и арифметике, и грамматике, и даже хотел географии. В это время умирает мой отец, средства у нас сразу прекращаются, и для матушки рубль являлся капиталом. Ей советовали даже взять меня от учителя и отдать куда-нибудь в лавку или к мастеру, но матушка, высоко ценя образование, ни за что на это не хотела согласиться. Ученье у меня здесь шло быстро и хорошо, и мы в одну зиму дошли уже и до географии, но тут явилось препятствие. Арифметику, грамматику учитель преподавал без руководства, задавая мне письменные задачи и грамматический разбор на бумаге, но дальше требовались книги, а их-то он знал, что матушке трудно добыть, и тогда он решает сам начертить на учебной доске глобус и начать с этого. Начиналась весна. Он занялся у доски вычерчиванием земного шара, я за столом писал разбор, как вдруг появляется к нам школьный ревизор и начинает расспрашивать. Мой учитель обрадовался и ну ему выхвалять мои успехи, прося снабдить нас учебниками; сказал и о том, что вот он принужден чертить на доске за неимением карты. Ревизор выслушал, посмотрел мой письменный разбор, остался доволен и велел приходить к нему в училище за книгами—он был смотрителем Ставропольского уездного училища. Я пошел вскоре к нему, набрал в своем саду тарелку черешни и преподнес ему. Он взял, но дал мне в свою очередь 20 коп; затем стал экзаменовать по арифметике, и когда я ему ответил, он заметил: „Приходи-ка лучше учиться в училище, тогда я тебе и все книги выдам".— „Спрошу матушку", отвечаю ему. „Ладно, спроси". Матушка сразу согласилась, и я очутился в училище. Мне выдали книги, и я стал ходить, к великому огорчению моего учителя, в училище. Тогда нам это казалось благом, а на поверку, как после вышло, очень дурно. Учись я у учителя, я бы в один год прошел то, что требовалось для поступления во 2-й класс гимназии; между тем в училище я провел 5 лет и тоже поступил только во 2-й класс,—значит, 4 года пропали у меня задаром и все потому, что программа гимназии не была согласована с программой училища. В училище я кончил первым с похвальным листом и мог бы на этом покончить, ибо о гимназии у нас на слободке боялись и думать, полагая, что для этого надо быть дворянином. Мой отец отказался от офицерского чина, я, значит, попал в разряд низших сословий. Меня

выручило такое обстоятельство. Как-то губернатору гор. Ставрополя вздумалось посетить наше училище; заходит он в наш старший класс на урок русского языка. Учитель вызывает меня, как шедшего первым, я отвечаю. Губернатор доволен, хвалит, уходит, но снова появляется на уроке географии и тут видит опять меня, вызванного учителем к доске. Губернатор сказал мне начертить карту России, остался очень доволен, стал меня расспрашивать о моих дальнейших намерениях по окончании училища. „Хотел бы в гимназию, да, боюсь, не примут," говорю. „Пустое, как не примут! Пойди к директору и скажи, что я тебя прислал! Примут". Я вскоре кончил курс, получил диплом, иду к директору и по наивности действительно повторяю слова губернатора. Директор улыбается, велит приходить после каникул на добавочно-поверочный экзамен в гимназию. За каникулы надо было приготовиться по французскому языку и естествознанию малость. В гимназию же, оказывается, я мог уже в те годы поступить, и не ссылаясь на губернатора. Однако, за каникулы мне не удалось подготовиться, я провалился и потому меня приняли вместо 3-го или 4-го только во 2-й, хотя по русским предметам я годен был и для 4-го класса.

Благодаря этому в гимназии мне было легко учиться, но это-то и мешало. Полагая, что я все помню, я редко заглядывал в книги и за это попадал иногда впросак, т.-е. не мог отвечать хорошо, а тут учителя в гимназии, оказалось, не все стояли на высоте своего призвания, и вместо того, чтоб тянуть ученика вверх, они пытались его осадить, спустить в яму. Затем введение греческого и латинского сделало то, что я из первых скоро попал в средние и едва кончил 4-м, а мог бы легко кончить если не первым, то вторым. Как сын солдата, я должен был получить в гимназии при окончании курса не меньше $4^1/_2$ или перейти в податное сословие. Я же получил в общем лишь $4^1/_4$, мне нехватило $^1/_4$ бала. Будь же $4^1/_2$, я бы получил право на первый гражданский чин и освободился этим от податного сословия, а вместе с этим и от воинской повинности. Ничего этого тогда не знал я и потому-то, при том еще взгляде, что отметки пустяки, я тогда ничего и не предпринял. Но когда года через три мне пришлось начать хлопоты о приписке меня в мещане—меня хотели отдать под суд за то, что я уклонился от воинской повинности, никуда не приписавшись еще заранее. Едва-едва я выкрутился тогда от суда, говоря, что учусь все время. Это—одно, а другое то, что веди дело учителя латинского—греческого языков лучше, я бы кончил из первых и попал бы в университет на казенный счет. Жизнь, значит, пошла бы другим путем. Было бы это лучше или хуже, трудно сказать, но интересно то, как иногда какой-нибудь пустяк может заставить течь реку жизни то в том, то в другом направлении. Итак, в 1870 г. я кончаю гимназию 4-м только и еду в Питер (Ленинград). У меня сначала была мысль поступить в Константиновское военное училище, и об этом я прошение послал, как только кончились экзамены, и я получил аттестат. Не сомневаясь в приеме (я ведь, как сказано выше, не знал, что, не получив $4^1/_2$, я поступаю в податное сословие, а таковых не принимали в высшие военно-учебные заведения), я и поехал в Питер, едва собрав денег на дорогу. Я больше потому и на Константиновке остановился, что для учения в ней не нужно было своих средств иметь.

Приезжаю и скорей бегу в училище, прошу директора принять меня сей же час, ибо, мол, у меня нет денег на житье. „Прием будет через две недели, только тогда я вас смогу принять", отвечает он. Я ухожу, закладываю часы, еще что-то, нанимаю чердак, жду. Вот и прием начался, иду в училище. Там начинается вызов для физического осмотра; всех вызвали, а меня, смотрю, не вызывают. Тогда я самовольно врываюсь в комнату, где производился осмотр, и прошу меня осмотреть. Меня спрашивают, кто я, как попал сюда; объясняю, что мною посланы были документы давно, что я потому и приехал. Вдруг из темного угла слышу: „Да вам отказано! Мы ваши документы давно отправили в Ставрополь". Как обухом по голове хватили меня эти слова из угла. У меня, верно, на лице отразилось большое отчаяние. Поэтому директор стал меня успокаивать и говорить, чтоб я скорей шел к военному министру и с ним переговорил, даже сам написал какую-то просьбу. Я пошел, и не раз, но из этого ничего не вышло. Швейцар отвечал: не принимают. А я не имел еще догадки дать или пообещать ему денег. Из-за этого пришлось несколько раз бегать от директора к министру и обратно. И вот бегу раз и встречаю неожиданно товарища из нашей гимназии, кончившего вместе со мной курс. Разговорились. Узнав мои дела, товарищ говорит: „Брось ты свою Константиновку! Поступим в инженерное или технологический". „А жить чем?" спрашиваю. „Я получаю от отца 25 р. ежемесячно—проживем," говорит товарищ. За Константиновку я хватался, как за единственное средство попасть в столицу; сама военщина меня не прельщала, и у нас в гимназии к ней относились отрицательно. Поэтому предложение товарища мне пришлось по душе; я, согласившись, сейчас же поселился с ним; у него уже была нанята квартира. Вскоре,

побывав сначала в инженерном и возмутившись какой-то противной военщиной там, пошли в технологический, где было проще, и поступили оба туда. Нас еще прельщало и то, что технолог мог приносить пользу больше обществу, стране, народу, а не царскому режиму.

В гимназии у нас был уже кружок революционно настроенных гимназистов, и вообще бродил вольный дух, проявлявшийся и в том, что тихонько ходили в театр, когда там читался „Парадный подъезд" Некрасова, шел „Иван Грозный" или „Горе от ума". У нас вначале были сюртуки с красным воротником, светлыми пуговицами, но потом ввели черные сюртуки; однако, быстро одумавшись, вместе с классицизмом снова завели форму со светлыми пуговицами. Но мы, старики (шестой, седьмой класс), под влиянием этого вольного духа и не подумали надеть новую форму, крепко уцепясь за черный сюртук. Далее, у нас в большом презрении была погоня за карьерой, и, напротив, честная служба на пользу народа считалась обязательной. Конечно, не у всех был такой взгляд, конечно, и у тех, что говорили так, он не представлял ясно определенного взгляда. Все это были лишь отзвуки того, что проводилось тогда в легальной либеральной литературе, но и это было хорошо, и благодаря этому многие шли потом в революционеры.

Будучи в уездном училище, на каникулах я с охотой пользовался его библиотекой и тут познакомился с Гоголем и полным изданием Робинзона Крузо, но, перейдя в гимназию, помню, только однажды удалось мне добыть о Гарибальди из гимназ. библиотеки, да в 7-м классе стал давать один пансионер-товарищ какой-то журнал. В городе же сначала не было частной библиотеки, и я пробавлялся лишь случайно попадавшими книгами и журналами, но в очень ограниченном количестве. Когда я был еще во 2-м классе, более взрослые,— а в то время у нас бывали такие, что из 2-го класса поступали в юнкера,—задумали как-то по вечерам устраивать при гимназии в пустом классе чтение Тургенева, Гончарова. Но это скоро прекратилось—вероятно, начальство узнало и запретило. Вот и весь умственный багаж, заполученный мной за время ученья в Ставрополе.

В доме у нас был Лермонтова „Кавказский пленник" и „Мцыри," басни Крылова, хрестоматия Филонова и евангелие. Читая и перечитывая их много раз, то увлекался Кавказом, мечтал о разных похождениях, борьбе с барсами, то придумывал басни на манер Крылова, то весь уходил в борьбу Малороссии с Польшей, зачитываясь Тарасом Бульбой в хрестоматии Филонова, и, главное, много дало мне евангелие. Тут и глубоко впитал в себя и то, что надо крепко стоять за други своя и не пожалеть души своей ради них, что правды ради должен претерпеть и битье, и изгнание, даже смерть. Люби други, как сам себя; не пожалей для него и последней рубахи; оставь мать, отца ради правды, т.-е. ради революции. Вот что дало чтение евангелия, а его меня частенько заставляла матушка читать по воскресеньям. И я, если пошел в революцию, то могу с уверенностью сказать, что сделал я это главным образом под влиянием учения евангелия—нагорной проповеди. Она-то помогала „вольным духом" проникаться.

В Технологическом институте ни я, ни товарищ не увлеклись техническими науками. Я был занят уроками, товарищ—чтением книг. Раза два по целому месяцу нам пришлось пережить, можно сказать, полуголодовку, а именно проживать на еду не более 4-х, 5-ти копеек в день. Мы покупали кровяную колбасу в 3 к. и фунт черного хлеба за 2 к., не то за 4 к. имели тарелку супу без мяса с хлебом. Такая вещь случалась потому, что товарищ, получая сразу сто рублей на четыре месяца, ухитрялся их спустить месяца в два, затем месяц мы пробивались, закладывая часы, золотые очки товарища, чей-либо сюртук, и в таком случае одному из нас приходилось сидеть дома.

Летом 1871 года был назначен процесс нечаевцев — товарищей Нечаева, скрывшегося в Швейцарию. Мы с товарищем и еще с тремя ставропольцами пошли на этот процесс. Чуть свет надо было итти, ибо интерес к этому процессу был таков, что некоторые студенты, дабы попасть в очередь, ночевали даже во дворе суда. Для нас это был первый политический процесс, и на нас произвело сильное впечатление, что подсудимые не оправдывались, а, напротив, сами обвиняли правительство и в злоупотреблениях и в том, что оно, давая по виду на бумаге либеральные реформы, на деле превращало их в новые способы угнетения. Тут же мы узнали, что порядки в московской Петровско-Разумовской земледельческой академии—откуда бы ло большинство судившихся — замечательно либеральные, будучи взяты откуда-то из-за границы.

„Едем в Петровку!", заговорили мы все вдруг и, быстро порешив на этом, двинулись в Москву, чтоб поступить осенью в академию. Нас потянуло туда, во-первых, то, что там порядки более хорошие, а во-вторых, то, что, будучи агрономами, мы можем принести большую пользу народу, научив его лучшим приемам. Играло, конечно, и желание посмотреть места, где впервые возникла такая крупная революционная организация, как нечаевщина, где свершилось дело Иванова.

Ну, вот и Петровская платформа. Мы

в восторге от всего—и показное поле с великолепным хлебом, и аллея от платформы, до дворца академии, и самый дворец небольшой, все это нас восхищает. Нанимаем квартиру, начинаем знакомиться, расспрашивать, узнавать, и вдруг очень скоро у нас начинается охлаждение. Порядки в академии после разгрома нечаевцев совершенно изменены. Введены курсы, обязательные переходы, требуется гимназический аттестат для поступления; словом, это обычное высшее учебное заведение--это одно; другое, и главное, на наши вопросы о роли агронома в деревне старые петровцы ответили, что мужик смеется над всеми новшествами, критически относится к ним и не хочет слушаться ученых агрономов, говоря: „Отцы так жили и нам завещали"; плохо, значит; придется очутиться лишь в роли управляющего; а тут, побывав на лекции сельскохозяйственной экономии, слышу вдруг наставление, что в хозяйстве главное—это нанять подешевле рабочего, пользуясь зимней голодовкой или еще какой бедой у мужика. Вот так послужим мы мужику, нечего сказать! Все это повело к тому, что как товарищи, так и я перестали интересоваться академией. Товарищи на следующий год уехали; я же, хотя из-за стипендии и остался, но уже редко посещал лекции, больше отдавая времени чисто студенческим делам. До погрома у студентов была своя библиотека, лавочка, столовая. Все это рухнуло, скрылось в подполье, так сказать. Теперь начали люди понемногу поднимать головы и думать о возобновлении. Книги, разобранные по рукам, решено было собрать в одно место, деньги от лавочки тоже и открыть нелегальную библиотеку. Библиотекарем, а вместе и лавочником, выбрали меня. Тут же у меня в комнате начались и маленькие собрания, а в городе и на других квартирах и большие собрания. Пошла так называемая выработка собственного мировоззрения: читались книги, журналы, спорили, обсуждали, и шло определение, в какой же роли человек при наших условиях больше и лучше всего может принести обществу, народу пользы; перебирались возможные деятельности в роли земца, учителя, юриста, агронома, городского деятеля, инженера. Все это в конце забраковали, ссылаясь на то, что легальной деятельностью нельзя помогать народному горю, и что нужна лишь революционная деятельность. В это время в Петербурге другая группа,—чайковцы—уже раньше нас пришла к тому же и начинает даже приступать к практической деятельности: распространяет известного сорта книги по городам и по деревням. В 1872 г. петровцы, а вместе с ними и я, начинают помогать им. В 1873 г. меня принимают в члены чайковской организации, я бросаю академию, селюсь в Москве, и тут уже начинается моя жизнь революционера. Знакомлюсь с рабочими, хожу в артель учить, но в конце 1873 г. происходит небольшой съезд чайковцев в Москве, и здесь решается, что надо занятия с рабочими пока оставить, а необходимо научиться какому-либо ремеслу. Перейдя в Москву и имея тут конспиративную квартиру, я уже малость научился столярству от рабочих, скрывавшихся у нас от ареста. Поэтому, когда зашла речь об обучении ремеслам многих, то была открыта мастерская на Пресне около Зоологического сада на мое имя, и я с Аносовым принялись обучать петровцев. Обучались ремеслам с тем, чтоб весной итти по деревням в качестве мастеровых и вести там пропаганду.

В 1874 г. весной я, Аносов, Шишко и двое рабочих отправились на Урал, чтобы сорганизовать боевой отряд из беглых из Сибири. Это не удается. Возвращаюсь в Москву и чуть не попадаю в руки жандармов. Избегнув ареста, перехожу на нелегальное положение Еду в Рославль, поступаю здесь рабочим в железнодорожные мастерские, но меня вскоре вызывают в Москву для заведения связи и сношений с Бутырками. Устраиваю это и еду в Смоленск, поступаю тут к кустарю, чтобы научиться у него делать колеса и телеги. Рабочие этого кустаря и других начинают предлагать, чтоб я устроил артельную мастерскую. Мне это улыбается, но нужны деньги. Еду в Москву за ними. Но тут узнаю, что все наши москвичи или арестованы *), или ушли за границу. Предлагают сделать то же и мне. Денег же на артель не дают. За границу мне не хотелось ехать, и я предпочел отправиться в Одессу с одним товарищем, который уверял, что в Одессе еще не было арестов. Но, приехав туда, мы узнали, что и там, кроме одного, арестованы все.

Пришлось заняться сношениями с тюрьмой, даже ездить для этого в Конотоп, Харьков, Киев. Но в 1875 г. я уже пристаю к группе Ковальского, которая в Николаеве на Буге вела дело со штундистами. Лето 75 г. проходит у меня в сношениях с теми штундистами, что жили по Бугу. Мы и здесь хотели устроить артель рыболовов, но помешал помещик, владевший в одном месте берегом и не захотевший нам отдать его внаймы, а затем в конце мы увидали, что штунда нам не с руки. В 76 г. я очутился в кружке киевских бунтарей. Тут пропаганда была уже оставлена, и все сводилось к тому, чтобы, соединившись в вооруженный отряд, выждать, не поднимется ли где сам мужик; тогда, пристав

*) В 1874 г., как известно, аресты шли по всей России в громадных размерах.

к нему, и повести дело бунта. Летом 76 г. нечто в этом роде начало намечаться, и я был послан в Питер, в центр, чтобы добыть там оружие или денег на него. Со мной было только 500 р. В Питере ни денег, ни оружия мне не дали, и я, накупив лишь на свои 500 р., повез все-таки хоть это. Однако, дорогой в Харькове получаю письмо, что вся наша группа принуждена была бежать из киевских поселений от жандармов. Купленное оружие пришлось вести в Одессу и там спрятать. Деятельность в народе становится немыслимой. Урядники, писаря, старшины, старосты, даже крестьяне останавливают, ловят всякого пришлого человека, и нелегальному, а мы все были нелегальными,—поселиться в деревне нельзя. Остаемся в городах. Мы все вооружены. Поэтому возникает мысль о необходимости самоличной борьбы с правительством, самозащиты при арестах; вредят шпионы, предатели,—надо их уничтожать. Начинается террор, но вредят и другие чины— и их долой. Надо к тому же и арестованных товарищей выручать. И вот в 1877 г., предварительно условившись, подготовив квартиру и т. д., я подъезжаю к жандармским казармам, где сидел в заключении мой товарищ, Виктор Кастюрин. Он выскакивает, садится ко мне на пролетку, и мы укатываем благополучно от преследования. Кастюрин месяца через два снова был арестован и посажен в Одесскую тюрьму. Я с товарищами нанимаем квартиру против тюрьмы и ведем подкоп ко двору тюрьмы. Кастюрина, однако, скоро увозят в Питер на суд; тогда мы, заделав подкоп, уходим из квартиры, и никто не догадывается о нашем начинании до сих пор. Далее, в 78 г. арестуют Стефановича, Дейча, Богановского и садят в Киевскую тюрьму. Я сначала, пока другие товар. заводили сношения с тюрьмой, еду в Питер с товарищами, и там я и Попко нанимаем квартиру и начинаем следить за выходами Трепова, которого решено было наказать за порку Боголюбова. Но Вера Засулич нас опередила, и мы тогда поехали в Киев. Тут я поступаю простым сторожем при тюремных амбарах, добиваюсь вскоре должности надзирателя уже в самой тюрьме, а затем, став ключником, вывожу из нее всех трех очень удачно, без всякого шума.

В том же 78 г. отправляли в централку осужденных по процессу 193-х. Решено было попытаться освободить кого-либо из более видных революционеров. Составилась маленькая боевая группка, меня выбрали вроде атамана, и мы, когда повезли жандармы Войнаральского, напали на них. Одного из них убили, но раненые лошади умчали их с Войнаральским, и освобождение не состоялось.

После этого некоторое время я живу в Харькове, с целью попытать счастье вырвать кого-нибудь из централки, но не удалось даже устроить правильных сношений, и в начале 79 г. меня вызывают в Херсон помочь Юрковскому и Россиковой докончить подкоп под казначейство. Исполняю это и еду в Одессу.

К этому времени правительство, напуганное предыдущими событиями, а особенно выступлением Соловьева, объявляет на военном положении Питер, Харьков, Киев, Одессу и дает генерал-губерн. право вешать, ссылать в Сибирь бесконтрольно. Начинается настоящая вакханалия. Вешают по-пустому, ссылают без всякой вины. В ответ на это в Одессе решаем уничтожить генерал-губернатора Тотлебена. Я с рабочими начинаем следить, чтоб составить план нападения, но тут в обществе поднимается крик, что так жить нельзя, что надо найти выход, что недостаточно уничтожать шефов, генералов: „Лес велик, всего не вырубишь, надо покончить с лесничим". Некоторые стали предлагать себя, говоря: „Дайте мне оружие да помогите встретить царя, и я, мол, его уничтожу".

Эти крики заставили тогда оставить в покое Тотлебена, а обратить внимание на Александра II, и меня послали в Питер сговориться там с землевольческим центром. Я поехал и узнал, что и там у многих явилась та же мысль, но так как это в программу „Земли и Воли" не входило, то решено было устроить съезд. Остановились в конце на Воронеже. Однако, боясь, что съезд может не разрешить поставленного вопроса, те, что уже согласились, в свою очередь надумали собрать всех своих сторонников и столковаться заранее. Отсюда явился съезд в Липецке, на который собирать людей с юга меня же и отрядили.

В Липецке мы собрались, сорганизовались, окончательно порешили с вопросом об Александре II и, выбрав распорядительную комиссию из трех: Алекс. Михайлова, Тихомирова и меня, поехали на Воронежский съезд. Здесь удалось добиться того, что большинство согласилось на уничтож. Александра II и предоставило это тем, кто был в Липецке, но с одним условием, чтобы партию „Земля и Воля" не раскалывать, а иметь в ней лишь две фракции. При этом выбраны были от каждого отдела по одному представителю, на обязанности коих и было согласовать возникающие недоразумения. В число этих двух попал и я, но должен признаться, что я ни одного дня не занимался этим делом.

Компромисс, к которому пришли в Воронеже, не устранил расхождения, и о-во „Земля и Воля" разделилось на „Черный Передел" и „Народную Волю". Я примкнул к последней. По распределении ис-

полнителей решенных покушений на Александра II я уехал в Одессу.

В Одессе я поступаю сторожем при камнях, сложенных у полотна железной дороги, на 11-й версте от города, и тут поселяюсь с Лебедевой в железнодор. будке. Из нее мы должны были повести мину под полотно дороги и взорвать царский поезд. Однако, царь через Одессу не поехал, и мы поэтому уезжаем в Питер. В 80 г. мы с Лебедевой едем в Кишинев, нанимаем квартиру вблизи казначейства и начинаем вести подкоп, но чуть тут не попадаемся; полицейский пристав, придя к нам в залу, якобы проверить наши документы, не решился заглянуть за перегородку. Там лежала земля, уже вынутая из-под пола, и мы были бы накрыты с поличным. Он этого не сделал, и мы спаслись. Вскоре нас потребовали в Питер, и нам пришлось подкоп заделать и уехать.

В Питере в то время наметили новую возможность нападения на Александра II, и требовались люди. Выследили, что он каждое воскресенье ездит в Михайловский манеж по Малой Садовой и обязательно на Екатерининский канал, где жила Долгорукая в 81 г. На Малой Садовой был нанят подвал, и там устроена сырная лавка. Из нее повели подкоп под улицу, заложили мину, и 1-го марта 81 г. я должен был ее взорвать, но этого не произошло потому, что Александр II по Малой Садовой не поехал и отправился на Екатерининский канал, где и был убит Гриневицким.—17-го марта я был арестован около квартиры Кибальчича. Дня за три или четыре до 17-го марта я был у Кибальчича, и мы условились 17-го снова повидаться. Еду к нему. Начинаю звонить и вижу: вышла другая горничная. Мне это показалось подозрительным. Называю вместо Кибальчича другую фамилию. „Пожалуйте, пожалуйте!"—зовет она Вхожу и вижу в комнате Кибальчича лежит на диване раздетый полицейский пристав. Костюм лежит на окне. Увидав его, хочу выйти, но горничная будит пристава и указывает на меня.—„Вам кого"?—„Такого то!" Говорю другую, не Кибальчича, фамилию. „А, хорошо, пойдемте в участок, там скажут, где он живет!"—и с этими словами направляется к окну, чтобы одеться. „Нет! Вы идите туда сами, а я дорогу знаю!"—и с этими словами выскакиваю из комнаты, запираю дверь комнаты и спешу к выходной. Пристав, увидав, что его заперли, разлетелся и выщиб дверь. Я уже затворял выходную дверь, когда он снова ее отворил и хотел схватить меня за руки. Но у меня в руках был кистень; увидав его, он бросил меня и скрылся. Я вышел на улицу, пробежал квартал, завернул налево, еще пробежал изрядно, подходил уже к трактиру. Стоило зайти туда, и я был бы спасен, но, оглянувшись, вижу, мой пристав на рысаке уже около меня. Пришлось сесть и отправиться в участок. Так произошел арест. Сначала меня держали в участке, потом в департ. полиции у Цепного моста, а затем вплоть до суда держали уже в Петропавл. крепости, в Трубецком бастионе. Судило нас в 82 г. Особое Присут. сената с сословными представителями, и меня присудили к смерти вместе с другими 9-ю. Смерть была заменена пожизненной каторгой. Для отбывания сначала поместили в Алексеевский равелин, в одиночное заключение. Здесь я очень сильно болел цынгой, но вынес ее и через 2½ года был переведен в Шлиссельбург, где и пробыл до 905 г., т.-е. еще 21 год с чем-то. Всего в крепостях пробыл 24 года 8 мес. Но этого мало еще. После Шлиссельбурга нам определено было провести еще 7 лет на каторжном положении и только благодаря тому, что в Сибири была забастовка на железных дорогах, нам разрешено было отбывать это положение в России. Сначала меня взяли родственники на поруки, и я поселился было в селе Бортники Рязанской губ. у помещика Вл. Лебедева, но летом 906 г., выпросившись полечиться в Ессентуках и Кисловодске, в конце 906 г. получил разрешение поселиться где-нибудь на берегу Черного моря. В 907 г. женюсь и поселяюсь в Гудаутах, но, заболев малярией и глухотой, испрашиваю разрешения лечиться за границей. В 908 г. возвратился, селюсь с женой уже в Геленджике, приобретаю тут клочок земли, строю дом на занятые деньги, развожу сад и опытный огород с маленькой метеорологической станцией и так доживаю до 17 года, находясь все время под надзором полиции.

В 1920 г. заболеваю сыпным тифом, потом бронхитом. В 1921 г. едем с женой в Анапскую санаторию, а оттуда в Сочинскую. В Сочах жену разбивает паралич. Тогда в начале 22 г. сначала я, а потом жена переводимся в Москву и тут находимся и по сие время, живя в доме отдыха имени „Ильича".

ЦВИЛЕНЕВ Н. Ф. (1852–?).

Цвиленев, Николай Федорович *).

Родился я в г. Туле в 1852 г. Отец и мать принадлежали к дворянскому сословию со всеми понятиями того крепостнического времени. Мать умерла в 1858 г., когда мне было шесть лет, но, несмотря на мой детский возраст, я сохранил некоторые воспоминания, которые были не без влияния на мое воспитание. Окружающие условия жизни, которые, казалось бы, должны были

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Симферополе.

привить понятия того времени, вложить коренные правила в характер, оказали, напротив, влияние обратное: все мои поступки в жизни в дни юношества и позднее были не в соответствии со взглядами моих родителей на общественные вопросы.

Отец мой, хотя от природы очень добрый, был вспыльчивый и несдержанный человек, что часто было причиной суровых поступков с его стороны с подчиненными в то время крепостными крестьянами и служащими. В моменты таких вспышек мать не раз сдерживала его вспыльчивость, а он ее слушал и часто благодарил за то, что она во-время смягчала его гнев. После смерти матери отец, рассказывая нам, детям, про нее, говорил, что мать переделала его характер за те двенадцать лет, которые он прожил с ней.

Когда объявлен был манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, я радовался в душе этому и не мог без сожаления смотреть на „дворовых" людей, которые должны были без всякого земельного надела уходить на все четыре стороны из усадьбы, где они родились, выросли и работали для помещика.

С такими впечатлениями и фактами мы, т.-е. я, брат и две сестры, воспитывались дома, пока не приблизилось время готовиться в учебное заведение. Поэтому отец пригласил для обучения нас учительницу, которая взяла на себя и воспитание. Старшую сестру, Александру, дядя, служивший тогда в Петербурге, определил на казенный счет в Смольный институт, а мы трое стали готовиться в Тульскую гимназию. Учительница, Анна Михайловна Агафонова, пробыла у нас несколько лет и за это время много сумела привить нам хороших привычек, которые оставили след в формировании нашего характера. Она была очень добрая, но требовала и находила возможность добиваться серьезного отношения к занятиям. Первое время с ней жил ее сын, но в обращении с нами она держалась всегда ровно, не выделяя сына из того режима, который она создала, всегда взыскивала одинаково, как с нас, так и с своего сына. Эта чувствуемая нами всеми справедливость была причиной того, что мы ее скоро полюбили и впоследствии привязались. У меня была на деревне моя бывшая кормилица, которую я любил и нередко бегал к ней просто посидеть и чувствовать ее ко мне ласки.

Наступило время, и отец объявил нам, что мы поедем с Анной Михайловной в Тулу, где мы будем жить с ней. В Туле я поступил в третий класс, брат во второй, сестра тоже благополучно сдала экзамены. Ученье сводилось, главным образом, к зубристике. Только с четвертого класса начались интересные занятия по естественным наукам. Но естествознание было с начала следующего академического года упразднено; было введено преподавание латинск. и греч. яз. Того и другого предмета было назначено по шести уроков в неделю. Учителями присланы были на первое время чехи, требовавшие отчаянного зубрения. Не лучше было и при учителях русского происхождения. При таких условиях гимназисты стали искать ответа на зарождающиеся вопросы вне гимназии, стали соединяться в кружки. Любимыми авторами были: Тургенев, Гончаров, потом Помяловский, Решетников, Лермонтов и Пушкин, затем стали увлекаться статьями Писарева. Мы устроили свою библиотеку. Естественно-научный отдел состоял из статей Писарева и представителей научного материализма и позитивизма: Бюхнера („Материя и сила"), К. Фохта, Молешота („Круговорот жизни"), по политич. экономии—Дж. Ст. Милль с примечаниями Чернышевского, по философии—О. Конт.

В Тульской женской гимназии кончала курс тогда моя сестра Софья, которая не удовлетворилась домашней жизнью родных, освободилась от их опеки и вместе с Лидией Антоновной Дмоховской, ее одноклассницей, открыла подготовительную школу в Туле. Сестра и Дмоховская держались одних взглядов на жизнь. Идеалом женщины они себе представляли самостоятельную, развитую умственно личность, способную к общественной работе. Учеников в школу набралось достаточно, работы было много, пришлось пригласить к себе в сотрудники постороннего. Выбор пал на семинариста, оканчивавшего курс в тульской семинарии, А. П. Никольского. Я жил тогда у сестры и скоро познакомился с Никольским. В один из вечеров, за самоваром, я поднял разговор о библиотеке, о нашем кружке самообразования; Никольский сочувственно отнесся к этому вопросу, и через несколько дней мы устроили собрание, на которое были приглашены гимназисты и семинаристы. Очень скоро пришли единодушно к организации единой библиотеки, для чего установлены были ежемесячные сборы, назначены еженедельные собеседования, и дело пошло оживленно.

На этих собраниях преимущественно поднимались вопросы общественной жизни; всех занимал вопрос о будущей деятельности, о специальности, какую следовало бы себе избрать. Много способствовало решению этих вопросов то обстоятельство, что в Тулу стали заезжать проездом московские и петербургские студенты. Двоюродный брат Дмоховской, студент Технологического института Лев Адольфович Дмоховский, однажды по пути с юга России заехал в Тулу и был у сестры своей. Состоялось наше знакомство. Л. А. Дмоховский, впо-

следствии судившийся с Долгушиным, был живой, энергичный молодой человек, внешностью произвел на меня хорошее впечатление, а беседы его дышали искренностью и радикальностью взглядов.

К этому времени относятся посещения Тулы бывшим семинаристом ее, Вас. Семен. Ивановским, студ. Медико-Хирургическ. академии, и студентом Петербургского Технологического института Николаем Аполлоновичем Чарушиным, осужденным впоследствии по процессу 193 в каторгу. Благодаря Ивановскому наша библиотека была снабжена довольно многочисленными и хорошо подобранными книгами; Ивановский был большой сторонник саморазвития и много ратовал за это. Впоследствии направление его изменилось в сторону революционного народничества. Будучи арестован во второй половине семидесятых годов, он удачно бежал из московской тюрьмы и затем жил в Румынии, где в качестве врача и демократа приобрел широкую популярность.

Чарушин познакомил нас с бывш. в то время студенческими беспорядками, которые разразились с такой силой, что вся передовая интеллигенция с горячим сочувствием отнеслась к этому движению, постепенно принявшему социалистический оттенок и явившемуся предвестником того грандиозного подъема, который вылился в народническое движение 73—74 гг. Мы, гимназисты и семинаристы, не бывшие еще студентами, уже переживали вместе с ними чувство негодования, вызванное реакционными мерами и суровыми репрессиями правительства.

Весь конец 1872 г. и начало 73-го г. прошли, помимо занятий в учебном заведении, в чтениях и беседах по поводу прочитанного. Особое внимание было обращено на „Исторические письма" Миртова (Лаврова). Неоплатный „долг народу" и развитие „критически мыслящей личности" предъявляли властные требования. Мысли мои были направлены на решение главного вопроса: куда поступить после гимназии. Быть врачем в деревне, оказывать помощь народу в постоянном общении с ним, казалось мне, делало возможным успешно осуществлять мои идеи о деятельности общественной. Сестра моя Софья и Дмоховская тоже решили ликвидировать дела своей школы и ехать в Петербург для поступления в высшее учебное заведение. Библиотека наша была помещена в квартире сочувствующей нам Алевтины Семеновны Гурьевой, сестры члена нашего кружка П. С. Гурьева. У нас же бывали литературные вечера из наиболее солидарных между собой во взглядах членов кружка; так прошло время до весны, а затем в августе 73-го г. мы все, кто решил ехать в Петербург, согласились поселиться на одной квартире и жить сообща на общие средства, получаемые от родных, и заработанные, не принимая в расчет размера этих получек, словом, составить коммуну. Получив все нужные документы из гимназии, я уехал из Тулы к отцу, откуда после двухмесячн. отдыха направился в Петербург. Я скоро розыскал приехавших туда товарищей. Как только вопрос о моем поступлении в Медико-Хирургическую Академию уладился, мы сообща нашли квартиру в пять комнат на Петербургской стороне, на Монетной улице. Сначала поселились там, кроме меня: Никольский А. П., Глаголев Гр., Щеглов В., моя сестра Софья и др. Все жили на общие средства. Каждый день татарин возил конину, и мы варили обед из нее. Вскоре стали к нам ходить знакомые В. С. Ивановского, студент медик А. П. Витютнев, Всеволод Ионов, Иван Жуков и др. Из разговоров их я понял, что многие из них ведут занятия с рабочими. Больше других увлекались этими занятиями Аверкий Прокофьевич Витютнев, Ионов и Ив. Жуков. Я, как новичок, внимательно следил за разговорами по поводу этих занятий, утром ходил на лекции, знакомился со студентами и вскоре в студенческой библиотеке стал своим человеком. Мне сообщали о дне и месте предполагаемых студенческих собраний, о происходивших единичных арестах и всех новостях подпольной литературы. Мало по малу, жизнь студенчества принимала характер все более и более оживленный. Уже к концу 73-го года движение среди студенчества становилось необыкновенно напряженным.

Вышедшие книжки двух направлений — „Вперед" П. Лаврова и „Государственность и анархия" Бакунина—вызывали горячие споры по вопросам деятельности в народе. Приверженцы первого направления отстаивали необходимость научной подготовки, законченного саморазвития. Самые крайние доказывали даже необходимость пройти все предметы по схеме Конта, что заняло бы десятки лет для подготовки. Противники воспользовались явной утрировкой сторонников научной подготовки и стали обличать ораторов в эгоизме, в желании обеспечить себе карьеру. Сторонники Бакунина впадали в другую крайность; они говорили, что никакой научной подготовки не требуется, что приобретенные уже знания нужно позабыть, так как они мешают полному слиянию с народом, что массы народа настроены революционно; достаточно явиться агитаторам, и восстание—готово. Самые крайние последователи анархистов, как М. Рабинович и В. Ваховская, говорили на сходках, что нужно лишь уметь стрелять из револьвера. Крайние сторонники

Бакунина, или, как их называли, „вспышкопускатели", доказывали, что самый факт восстания сам по себе уже желателен, так как это воспитывает народ в революционном духе. Взгляды эти нашли себе сторонников среди молодежи, пылкость темперамента которой требовала немедленного энергичного дела, такого дела, которое искупило бы наш долг народу, сложившийся из всего предыдущего хода государственной жизни страны. Этому могло удовлетворить что-нибудь, требующее геройства, самоотверженности, чем являлась деятельность революционная, конечная цель которой — переустройство общественного строя для блага народа.

Несмотря на успех, который имели анархисты-бакунинцы, необходимость подготовки для пропагандиста была так очевидна, что все-таки значительная часть молодежи сочувствовала последнему направлению. Представителями этого направления были члены кружка „чайковцев". Значительное число их уже было арестовано и томилось по тюрьмам и в Петропавловке. Между ними был знакомый мне Николай Чарушин, взгляды которого мне были известны, и мои симпатии клонились к этому кружку. Как ни соблазнительно было приступить к деятельности непосредственно в народе, но сознание пробелов в саморазвитии взяло верх, и я посещал лекции, читал по социологии, но не упускал и сходок, на которых происходили дебаты по вопросам практической деятельности. Занятия с рабочими велись всю зиму вечерами. Часто мы засиживались за чаем в беседе на текущие вопросы. Студенты из первых источников знакомились и узнавали крестьянский и фабричный быт. Между рабочими выделялся ткач Петр Алексеев. Это был молодой человек с приветливым лицом и резкими, энергичными манерами. Его очень интересовали вопросы общественные и он зачитывался „Историей крестьянина" Эркмана-Шатриана. Его приятель, Иван Тимофеевич Смирнов, производил впечатление тихого, задумчивого и очень интересующегося книжками молодого человека. Начавшиеся вновь аресты заставили прекратить эти собрания. В половине марта 74 г. был арестован Аверкий Витютнев. Говорили, что его запутал при допросах студент Низовкин, получивший потом печальную известность *).

Весной 74 г. некоторым из деятелей удалось побывать „в народе", ознакомиться с его жизнью и настроением. Удалось на практике вывести заключение, как народ реагирует на все слышанное от агитаторов. На сходках обсуждались вопросы практические: в каком виде итти в народ, как устроиться для пропаганды, какую форму пропаганды считать предпочтительнее — оседлую или летучую. Огромный интерес этих вопросов вызывал шумные дебаты. Анархисты-бакунисты проповедывали немедленный поход в деревню. Они говорили, что Поволжье и юг России настроены более революционно, чем север. Летучая пропаганда считалась более желательной, чем другой способ. Она (летучая пропаганда) захватывает более широкий район, большее число лиц, и, таким образом, создается возможность широкой организации революционно настроенных масс. Более сдержанные деятели проповедывали поселение в деревнях, с целью пропаганды социализма в народе, который сохранил в бытовых условиях жизни общинное землепользование, артельный труд, мирской сход — все эти элементы, создающие благоприятные условия для достижения социалистического строя. Продолжительной пропагандой предполагалось воспитать сознательных революционеров, которые при широкой организации представляли бы из себя надежные центры. В конце концов, несмотря на все эти разногласия, создавалась уверенность, что все эти приемы ведут к одной цели, и кружки, являвшиеся представителями того или другого направления, одинаково материально помогали действующим в народе лицам.

Как только весной оказалось возможным двигаться по проселочным дорогам, наиболее подготовленные кружки устремились в путь. Личный свой вопрос о продолжении учения в академии я решил так: я отправляюсь на юг, который мне был менее знаком, путешествую в качестве рабочего, ознакомлюсь с настроением населения края, вернусь в Петербург, выйду из состава студентов академии и отдамся длительной револ. работе в народе, избрав себе определенный пункт. Одно только я считал непрактичным—это поселение группой. Во-первых, это скорее обращает на себя внимание полиции; во вторых, по одиночке можно заселить более обширный район для воздействия на него. Землячка моя, С. А. Афанасьева, познакомила меня с В. Н. Батюшковой, о которой я много слышал, как о человеке, преданном до самоотвержения народному делу. Раньше она жила в Москве и принимала деятельное участие в устройстве высших курсов проф. Герье В то время она искала школу, где можно бы организовать занятия со взрослыми и начать пропагандировать их. Такая школа намечалась в Орловской губ. Елецкого уезда при ст. Измалково, в имении С. А. Субботиной, которая решила там устроить школу, а учительницей туда „чайковцы" рекомендовали В. Н. Батюшкову. Все это так совпадало с моими взглядами на дело,

*) По процессу 193-х. *В. Фигнер.*

что я старался поближе познакомиться с Батюшковой, чтобы в Измалково мог я приехать, как знакомый.

В мае я начал собираться в отъезд. Предварительно заехал на некоторое время в Владимирскую губернию к В. С. Ивановскому, который, по получении диплома, занял там в земстве должность врача. Мне нужно было по делу побыть у него и хотелось присмотреться к практике его на месте. Практика В. С. Ивановского, главным образом, была среди крестьян, которые сразу заметили, что этот врач не похож на предыдущих, не интересуется доходами от практики—и повалили к нему со всех концов. Все это было приятно, вносило некоторое удовлетворение, но это было не то, что требовалось по настроению времени. От Ивановского я поехал в Орловскую губ. к отцу. В 17-ти верстах от нас находилась школа В. Н. Батюшковой. Я побывал в Измалкове. Батюшкова пользовалась большой любовью и детей и взрослых, вела пропаганду горячо и широко, но так доверчиво, что я уехал почти убежденный, что осенью не застану ее на свободе.

Было около половины июня. В средней России работы на сенокосах начинались с Петрова дня, т.-е. в самом конце июня. Поэтому я спешил выехать на юг, имея в виду начало косовицы. Со станции я выехал по Орлово-Гряжской железной дороге. На вокзале уже заметно было движение рабочих на юг России, главным образом в Таврическую губернию и в область войска Донского. Нашлись попутчики до Ростова. Это были крестьяне средней и северной России. Тут были псковичи, рязанцы, орловцы и др. губ. средней России. Я, замешавшись в эту массу, взял билет до Новочеркасска, где мне предстояло получить нужные письма.

Утром сделал остановку в Орле и отправился в город. Еще в Петербурге говорили о появившемся в Орле проповеднике бескровной революции—Маликове. Я направился к нему. Помню хорошо его одухотворенное лицо, простые, приветливые манеры. Тут же находилась Пругавина, сестра литератора, и еще кто-то. Я отрекомендовался и объяснил цель своего посещения. Не дожидаясь его вопросов, я сказал, что не вижу другого способа избавить обездоленный народ от его нестерпимого положения, как путем социальной революции. „Вот это-то и ошибка,—сказал Маликов,—нужно знать человеческую природу, полюбить человека и искать в нем искру божью, заглохнувшую, быть может, воспламенить в нем эту искру". Так, в общих чертах, он начал и скоро, увлекаясь своими мыслями, заговорил быстро проникновенным голосом о „богочеловеческой" природе в каждом. Я помню, с каким восторженным взором Пругавина, оставив книгу, смотрела на говорящего. С пламенным энтузиазмом говорил он о возможности переделать человечество пропагандой социальной справедливости даже среди сильных мира сего, и они добровольно откажутся от тех привилегий, которые в общественной жизни создают столько зла. Таким образом можно осуществить социальный переворот, не прибегая к насилию, которое вызывает тоже насилие с противной стороны. Словом и делом нужно вести пропаганду, жить личным трудом, организовывать трудовые колонии. Проповедь его была так увлекательна своею искренностью и энтузиазмом фанатика идеи, что вскоре он приобрел последователей даже среди испытанных революционеров. Его последователем стал Чайковский и впоследствии уехал с ним в Америку для проповеди его идей. Аитов и Теплов, члены кружка „артиллеристов", тоже не устояли против пламенной проповеди Маликова. Член кружка чайковцев, Клеменц, ездил в Орел, чтобы лично убедиться в силе влияния Маликова на молодежь. На одном из собраний состоялся диспут с Маликовым, после которого сочувствие большинства собрания было на стороне Маликова, несмотря на всю логичность противника. Вера Маликова была необыкновенно заразительна и гипнотизировала слушателя, но я не мог понять все-таки, как мог допускать этот человек возможность победить антагонизм классовых соотношений. Как можно ожидать добровольного отказа представителей капитала и государственной власти от тех условий жизни, которые для них составляют все? Маликов верил, что этого добиться проповедью возможно. Говорили, что будучи арестованным, он в присутствии генерала Слезкина, производившего тогда дознания по политическим делам, стал развивать свои „богочеловеческие" проповеди с такой пылкостью, что Слезкин махнул рукой и приказал его выпустить на волю. Уехал я от Маликова с грустью, что такой талантливый человек, с таким пламенным темпераментом свернул с своего первоначального революционного пути. Но все же силы, толкавшие молодежь на этот последний путь, были так неотразимы, что проповедники маликовских идей остались, в конце концов, в одиночестве.

Вечером я отправился на вокзал к поезду, идущему на Харьков и Ростов. В Новочеркасске я получил письмо, с которым мне предстояло итти в экономию на работу. До отъезда я разыскал членов местного кружка народников. Некоторые из них делали экскурсию в народ и делились своими впечатлениями. Меня оставили ночевать в квартире, где собралось человек семь или восемь, все местная молодежь, настроенная бодро и производившая впе-

чатление искренности и жажды деятельности. Узнав от меня, что петербургские кружки направились на Волгу и на юг для пропаганды, большинство тут же решило на следующий же день итти в район Донской области.

Не буду останавливаться на том, как я научился крестьянской и многой иной простой работе, на своих скитаниях и переживаниях,—это потребовало бы слишком много места, притом „хождение в народ" многократно описывалось и разностороние освещено.—По окончании сельских работ я направился в Петербург. По дороге заехал в Измалково и узнал про арест В. Н. Батюшковой. Два дня пробыл у отца. Оказалось, что сестра Софья уже уехала в Петербург. Отец был доволен, что я заработал себе на жизнь в Петербурге, по крайней мере, на первое время.

По приезде в Петербург я отыскал сестру Софью, которая жила на Лиговке. Она успела уже устроиться на папиросной фабрике и ежедневно уходила работать. От нее я узнал, что В. Н. Батюшкова еще сидит в тюрьме, но ее перевели в Москву, где ее мачеха хлопочет о том, чтобы ее выпустили на поруки. Все арестованные в конце 1873 г. и в начале 74 г. томятся в тюрьме, и нет никакой надежды на скорое окончание начавшегося следствия по делу пропаганды в 37 губерниях России.

Оказывается, что мной в Петербурге интересовались и запрашивали в Новочеркасске, где я. Но никто не мог сказать, так как я странствовал в разных местах и живал не по долгу. Узнав, что есть слесарная мастерская, тоже на Лиговке, я пристроился там по слесарному отделу, так как это ремесло и сапожное находил более соответствовавшим спросу деревенских жителей. В мастерской работало несколько человек мало мне знакомых, но заведующий рабочий был мне известен.

Встречаемые мною знакомые задавали один и тот же вопрос: „Ну, что вы вынесли из своего скитания по белу-свету?". А вынес я то, что народ вовсе не так настроен, чтобы, после удачной агитации или пропаганды, готов был к выступлению. По моему глубокому убеждению необходима была серьезная работа в деревне или на фабрике в течение времени, сколько потребуется, чтобы создать сознательный элемент, сорганизовать его с окружающими деревнями, где должны быть испытанные пропагандисты, работающие в контакте между собой. Что касается пригодности народной среды, как материала для пропаганды, то я видел людей с разных концов России, говорил с ними и вынес то убеждение, что всеобщее недовольство, доходящее местами до озлобления, за те обиды и несправедливости, которые рабочим и крестьянам приходится терпеть от помещиков и капиталистов—фабрикантов, при чем власти оказывают им всяческую поддержку, несмотря на явную несправедливость и часто беззаконие,—порождает и воспитывает в массах настроение, готовое разразиться „беспорядками" или же открытым бунтом.

Зашел знакомиться и узнать мои впечатления и Н. И. Драго и после двух или трех свиданий пригласил меня на собрание, где должны были быть члены кружка „чайковцев". Явившись на это заседание, я застал там А. И. Сердюкова, жену его Любовь Ивановну, А. Я. Ободовскую, А. М. Эпштейн, С. Кравчинского, Н. Драго и, кажется, Левашева. Кравчинский читал свою рукопись: „Мудрица Наумовна", в которой в сказочной форме трактовалось о социализме. Мне объявили, что я принят в члены кружка. Посвятить меня в разные подробности жизни кружка поручено было Н. И. Драго. Это присоединение меня к кружку не было для меня неожиданностью, но, тем не менее, произвело на меня глубокое впечатление, так как многих членов я уже знал, любил их и жаждал близкого единения с ними. Особенно мне был симпатичен Анатолий Иванович Сердюков В нем чувствовалась искренность, безусловная преданность идее и при этом необыкновенная мягкость души. У кружка устава никакого не было; принимались в члены только хорошо известные лица, которым можно было доверять. Полная искренность, отсутствие „генеральства" с чьей бы то ни было стороны были причиной той крепкой связи и взаимной любви членов кружка, которая наблюдалась во все время его существования. Многие были уже арестованы, как, например, Н. А. Чарушин, С. С. Синегуб, Куприянов, Шишко, Стаховский и Лев Тихомиров.

В конце 1874 г. возвратились из-за границы члены „кавказского кружка: И. С. Джабадари, Г. Ф. Зданович и М. Н. Чикоидзе. Мысль организовать группу для ведения пропаганды на московских фабриках все более и более принимала настойчивый характер. К этой группе тяготел знакомый мой Петр Алексеев. Повидавшись со мной, он определенно сказал мне, что едет на днях в Москву, что там будет сорганизованная группа студентов и рабочих, имеющих уже там связи, для пропаганды на фабриках. Больше я его не видел до того момента, когда нас вели в первый раз на заседание суда в Петербурге.

Кружок „кавказцев", кружок вернувшихся студенток из Цюриха—„фрячи," и кружок рабочих во главе с Петром Алексеевым повели так энергично пропаганду с раздачей книг революционного направления, что через четыре месяца, несмотря на частую перемену паспортов и квартир, в марте

были арестованы А. О. Лукашевич, С. Агапов, Николай Васильев *) и др., а 4-го апреля были арестованы девять человек, в числе которых был Петр Алексеев, И. Джабадари, С. Н. Бардина и др. За ними последовали другие аресты в Иваново-Вознесенске, где работали на фабриках женщины и мужчины той же организации. Об этом разгроме стало известно в Петербурге, и среди членов кружка „чайковцев" становился сам собой вопрос о помощи Москве живой силой. Постановили командировать меня. Сборы мои были не сложны: чемоданчик с разными моими рукописями, часть которых предназначалась к печати за границей, блокнот с шифрованными адресами моих приятелей во время „хождения в народ" (когда я был арестован, то этот шифр, хотя и признан писанным моей рукой, почему-то не был разобран, так что связи мои не были открыты, и ни один человек не был арестован по этим адресам).

Из Петербурга я получил ключ, по которому переписывались с Москвой, и это должно было быть вместо пароля. Приехав в Москву, я отправился разыскивать В. Батюшкову. У нее я застал Наталью Армфельд, которая была мне знакома. Было решено, что Батюшкова найдет комнату и переедет туда завтра же. Комната была нанята на Патриарших прудах, куда к ней стали ходить все знакомые, начиная с юнцов и кончая лицами с бородами и с „прошлым". Мне удалось повидаться с кн. А. Цициановым, от которого я узнал, что несколько человек из их кружка уцелело, и что пока свои нужды они выполняют своими силами. Батюшкова, Армфельд, Л. А. Иванов и я решили, что нужно постараться завязать сношения с заключенными и не терять связи с за-границей по транспорту революционной литературы. Мы пользовались контрабандистами на германской границе, а кавказцы — на южной границе, так что в случае провала их пути останется наш, и переправа не остановится. На этом же совещании был поднят вопрос об устройстве побега Н. А. Морозову, которого лично я не знал, но слышал о нем, как о юноше, подающем надежды. Батюшкова взяла на себя устройство сношений.

Решили попытаться найти извозчика, который бы за вознаграждение согласился увезти арестованного. Еще раньше того Лев Иванов вместе с В. Батюшковой уже отправили в Саратовскую губернию через Беляевского, студента Петровской академии, тюк революционных книг для распространения среди молодежи и народа, что послужило поводом к аресту 10 августа Батюшковой, Н. Аносова и меня, о чем будет сказано ниже. Через несколько дней я пришел к Батюшковой с известием, что подходящий извозчик-лихач нашелся, что нужно его испытать и тогда начать уже переписку. Этот извозчик был типа ухаря-удальца, для которого ловко обделать дельце составляло удовольствие. Я взял его и спросил, может ли он завтра исполнить мое предложение — увезти из бани одного молодого человека, при чем я еду с ним. Он без всякого колебания согласился и на другой день явился в условленное место, чтобы ехать со мной к бане. Я сел, и мы поехали к баням в переулок против Тверской площади. Конечно, там никого не было, но я хотел убедиться в его решимости исполнить эту задачу. Мы постояли с четверть часа около бани, потом проехались шагом, я, для вида, посмотрел на часы и заявил ему, что верно отложено до другого раза и что дальше ждать нечего, а когда я узнаю наверно, то его извещу. С этим решением мы с ним расстались, и я вынес впечатление, что он серьезно не прочь выполнить этот план.

Тогда порешили начать переписку с Морозовым уже по поводу самого плана побега. Он предложил свой план бежать с прогулки, о которой он возбудит вопрос в жандармском управлении и надеется на разрешение, так как он мотивировал своей болезнью. Этот способ был сложный, но все-таки решили его испробовать, чтобы не терять времени. Началась переписка. Все было выяснено, но в назначенный день и час извозчик отказался увозить с этого пункта, как очень шумного. Согласился увезти от бани, куда я с ним уже ездил. Бедный Морозов должен будет еще промучиться недели две, пока освобождение осуществится. По нашему предложению, он подал просьбу о разрешении ехать в баню. Через две недели пришло разрешение. Условленными сигналами Морозов дал понять, в какой день и час он поедет в баню. Батюшкова наняла в гостинице, кажется „Дрезден", номер, из которого можно было наблюдать все происходящее во дворе Тверской части. Я отправился к своему лихачу, вызвал его в трактир и там объяснил ему все. Он, повидимому, спокойно отнесся к моим словам и обещал выехать в условленное место, откуда я с ним поеду в переулок, где баня. В назначенный день я отправился встречать лихача. Завидев меня, он подъехал ко мне, но по его фигуре, по выражению лица я видел, что что-то изменилось. „Едем", сказал я. „Увольте меня,— вдруг выпалил он, „меня берет робость". Я, как только мог, стал его уговаривать, но он сидел на козлах, как виновный, и все твердил: „увольте". Ничего не оставалось, как плюнуть и спешить уведомить своих о перемене дела. Батюшкова и Армфельд пришли в необыкновенно мрачное

*) Агапов и Васильев — рабочие. *В. Фигнер.*

состояние, но делать было нечего, надо было идти, как нибудь встретиться с выходящим из бани Морозовым и сделать знак, чтоб он не ждал. Тяжело было разочаровывать, но они мужественно пошли, дождались в переулке выхода Морозова и сделали ему отрицательный кивок головой. Придя домой, мы трое все-таки решили купить лошадь, экипаж, и я взял на себя роль кучера, о чем Морозову сообщили. Это было в конце июля; надо было ждать около двух недель, а Морозов приходил уже в состояние полного отчаяния и составлял планы побега невероятно фантастические; однако, на него наше последнее решение подействовало, и он решил ждать. Лошадь и пролетка были куплены, я делал проезды на ней, и мы ждали момента, когда Морозов пришлет ответ с обозначением дня и часа. Но в период этой переписки неожиданно для всех нас Морозова увозят в Петербург. Н. А. Морозов в своих „Повестях" пишет, что его мучения в ожидании побега продолжались до осени, но это неверно, потому что мы с В. Н. Батюшковой были арестованы 10-го августа, а его увезли много раньше этого события.

Несмотря на такой неудачный конец, который на нас троих и Льва Иванова произвел гнетущее впечатление, мы продолжали сношения с заключенными, а сами готовились уехать в провинцию, где под тем или другим видом поселиться и вести пропаганду среди населения. Из сношений с заключенными выяснилось, что все связи на фабриках погибли, что шпионаж там достиг необыкновенной напряженности, и рабочие притаились. Цицианов, Вера Любатович и Гамкрелидзе жили в Москве и собирали остатки после ареста своих товарищей, но и они ежедневно ожидали обыска. Таковы были условия существования в Москве.

Мы решили собраться 10-го августа, пригласив Н. Аносова, чтобы обсудить план отъезда и передать связи по сношению с заключенными. Батюшкова ради предосторожности переехала на другую квартиру, в д. Быханова в районе Патриарших прудов. Часов в десять вечера мы трое сидели в новой квартире, и Батюшкова читала полученные от заключенных письма, чтобы сделать необходимые распоряжения. Вдруг под окном стал слышен звук шпор, потом раздался резкий звонок в квартиру. Конечно, догадались, что это жандармы с обыском. Наскоро уничтожили, что было можно, и стали ждать. Появились жандармы в дверях, и началась обычная процедура обыска. Я посмотрел на Батюшкову; она сидела с какой-то особенной решительностью в глазах и, как только стали приближаться к ней жандармы, она быстро стала рвать письмо, которое она читала нам, половину передала мне с словами: „жуйте". Я схватил это письмо, разорвал его на части, засунул в рот, стараясь его жевать и привести в негодность, но бумага скоро не поддавалась, и жандармы успели на меня накинуться и помешали докончить с письмом. Я его выплюнул на пол во время возни с жандармами и ногой незаметно старался затереть его. Два жандарма возились около Батюшковой, силясь отнять письмо. Была отвратительная сцена борьбы двух дюжих жандармов с одной женщиной. Комки письма были собраны, нас разъединили, и жандармы стали везде рыться. В двенадцать часов ночи меня увезли в жандармское управление. Мы заранее условились, что первое время мы будем отказываться от указания квартиры и от знакомства с революционерами. На все вопросы, предложенные мне о моем имени и месте моей квартиры, я отказался давать показания. Меня отправили в Сретенскую часть. Книг мне не давали, белья тоже не давали, все это в наказание за мой отказ назвать себя. Прошло около двух недель, а меня все еще не возили на допрос. Я узнал, что Цицианов, Вера Любатович, Гамкрелидзе арестованы; говорили, что при аресте с Верой Любатович обращались жандармы возмутительно. Это меня страшно волновало. В квартире Цицианова взяли мой чемодан с паспортом и прочими документами. Поэтому меня вызвали на допрос в жандармское управление. Больше скрывать свое имя не было смысла, но жандармы потребовали, чтобы я доказал подлинность своего имени Цвиленева. Пришлось вызывать сестру Александру, которая просила свидания со мной, но ей отказали, а обыск у нее сделали (полковник Чуйков, перебирая ее бумаги, отделил одно компрометирующее ее письмо и незаметно отдал ей его со словами: „Вы нужны вашему брату". Потом этот Чуйков вышел в отставку и говорил матери Натальи Армфельд, Анне Васильевне, что не может далее выносить этой службы, где ради карьеры люди готовы утопить каждого арестованного). После очной ставки с сестрой мне разрешили получать книги и дали смену белья. Теперь я был озабочен возможностью завязать переписку с Батюшковой. Скоро я получил книгу и в ней записку от нее, где она писала о своих допросах,—об оговоре Беляевским ее и Л. А. Иванова. Из этого я убедился, что ей каторги не миновать, если Беляевский не возьмет свое показание обратно. Когда Беляевского привезли в Москву, то он уже раскаивался за свою слабость и ломал голову над вопросом, как бы это некрасивое дело исправить. Товарищи по тюрьме посоветовали ему сделать заявление о желании дать показание. Желание его бы-

ло исполнено, но как были жандармы удивлены, когда узнали, что он отказывается от своего первоначального показания, что книги им получены не от Батюшковой и Иванова. После этого его долго держали без книг, перевели в худшую тюрьму, но Беляевский уже сознал свою вину перед Батюшковой и стоял на своем отказе.

Дознание заканчивалось, и нас начали переправлять в Петербург. На свидании сестра мне сказала, что Батюшкову уже увезли в Петербург в Дом предварительного заключения. Скоро отправили туда и меня. Когда я был привезен в Дом предварительного заключения, то первой моей мыслью было испробовать железную трубу для отопления, которая, очевидно, шла с нижнего этажа на пятый. Стучу: „кто". В ответ получаю—„Тихомиров". Лев Тихомиров мне все рассказал, что меня интересовало, в этот же день. Я узнал, что женское отделение совершенно в другом дворе, но о Батюшковой и других Тихомиров уже знал. Передавалось это на свиданиях, а после уже знали все соседи. Дни потекли за днями, время летело. Наконец, сестре моей Софье дали свидание со мной, появились нужные мне книги, а главное явилась возможность переписываться. Через две недели я уже имел записочку, писанную на так называем. конспиративной бумаге. Батюшкова писала мне, с кем она сидит, как проводит дни и, главное, сообщила, что мы уже числимся за прокурором, что скоро появится по нашему делу обвинительный акт.

Наконец, нас стали вызывать читать обвинительный акт. Пускали по очереди и по группам. Многие ходили читать этот документ для того, чтобы кого-либо из товарищей встретить и пожать руку. Когда нас известили о предстоящем суде, все оживились и ожидали того момента, когда можно будет всем явиться в зал суда, с возрастающим нетерпением. Для многих этот период жизни остался самым светлым воспоминанием на всю жизнь. Не даром, после прочтения приговора в окончательной форме, все с теплым чувством разобрали крестики, заказанные на воле с тремя буквами: „С. Р. Б.", что означало: „социально-революционное *) братство" (подозрительной же полицейской администрации были эти слова объяснены в смысле изречения „спаси раба божьего"). Когда нас вызвали в суд, то привели каждого в коридор, непосредственно соединенный с зданием окружного суда. Нас разместили рядом, поставив по жандарму между заключенными. Помнится мне первый момент, когда еще не успели расставить в порядке, и все стояли свободно, каждый думал о том, чтобы поговорить с давно невиденным другом. В этот момент всеобщего оживления, Джабадари неожиданно обратился ко всем со словами: „А знаете, нам предстоит приговор к смертной казни". Многие стали возражать, но у меня, помню, закралось предчувствие, что может быть, и так для некоторых, в том числе для А. Цицианова, стрелявшего в жандарма. Но этого я не высказал.

Для нас было несомненно, что приговор был уже составлен, что судебное разбирательство—одна формальность. Желательно только было, чтобы некоторые товарищи высказались; кроме того, защитники должны были опровергнуть те клеветы прокурора, которые он поместил в обвинительном акте, в целях скомпрометировать подсудимых в глазах общества. А публики было много. Пускали по билетам только родственников и знакомых судебных чинов; на воле же сфабриковали фальшивые билеты, по которым проходили все, кому нужно было быть в зале суда.

Председательствовал сенатор Петерс, пять сенаторов — по правую руку и сословные представители — по левую. Обвинитель—Жуков, над имуществом которого назначены была опека царем, чтобы это имущество спасти от продажи с публичного торга. Защитниками были: Спасович, Герард, Бардовский, Ольхин и другие. Началось чтение обвинительного акта, который гласил о „деле разных лиц, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений". Эти преступные сочинения были: „История одного крестьянина" Эркмана-Шатриана, „Емелька Пугачев", „Парижская коммуна", „Хитрая механика", „Сказка о четырех братьях" и т. п. Я не буду описывать самого судебного процесса, так как об этом в свое время подробно печаталось (см. также „Процесс пятидесяти", изд. Саблина, М., 1906).

Самым сильным по впечатлению моментом всего процесса были речи подсудимых в последнем слове. Рабочий Петр Алексеев произнес речь, где на ярких примерах обрисовал все бесправие, которое имело место в общем строе экономической и политической жизни по отношению к рабочему классу. Он указывал, что капиталисты и правительство заодно угнетают народ, преследуют за малейшие проблески самосознания, что только одна революционная интеллигенция стоит за народные интересы и будет с рабочим классом вместе, пока проснувшийся народ не разрушит „ярмо деспотизма". Все это последнее было сказано с подъемом так энергично, что председатель суда не мог его остановить. Все поднялись с своих мест, публика аплоди-

*) Эти крестики передала я—в процессе участвовала моя сестра Лидия с 10 цюрихскими подругами („фрячи"). *В. Фигнер.*

ровала; председатель велел очистить зал от публики, вывести Петра Алексеева. В общем впечатление было потрясающее. Нравственное торжество было на стороне подсудимых *).

Пятого апреля 1877 г. был объявлен приговор суда в окончательной форме. На этот раз царю не пожелалось женщин отправить на каторгу, **) но мужчины получили каторжные работы.

Последнее свидание всех подсудимых вместе, последнее свидание на долгие годы расстающихся между собой товарищей. Как я упомянул раньше, все получили на память крестики с обозначением даты окончательного приговора и с монограммой социально-революционного братства. Когда мы возвратились в свои одиночные камеры, разрешены были свидания; общих прогулок добились явочным порядком; разговоры велись нескончаемые, и тюрьма приняла небывалый вид. Все это раздражало тюремщиков, но ничего поделать не могли.

13 июля явился во двор тюрьмы петербургский обер-полицеймейстер генерал Трепов в сопровождении полиции и тюремной администрации. В это время гуляла партия заключенных, человек восемь, между ними был уже осужденный в каторгу Боголюбов. Поравнявшись с ним, Трепов крикнул: „шапку долой". Никто не исполнил этого требования. Тогда Трепов рукой сбил с Боголюбова шапку и приказал выпороть его. Полицейские потащили Боголюбова. Из окон тюрьмы увидели арестованные политические и раздались крики: „Вон, мерзавец". Шум поднялся небывалый. Все кричали в окна ругательства по адресу Трепова, стучали, били окна, чем попало. Я схватил большой молоток, которым выколачивали подошвенную кожу, и стал им бить в железную дверь. Дверь отворилась, и надзиратели забрали все инструменты, которые я имел для обучения сапожному ремеслу. Мне объявили, что, когда освободится карцер, то я буду наказан. Но что могла сделать такая угроза, когда вся душа и все существо кипели от негодования. Многие во время сидения в карцере подверглись избиению.

На другой день явился в Дом предварительн. заключения товарищ прокурора для выяснения обстоятельств происшествия, так как мы еще числились за министерством юстиции, и вмешательство Трепова было незаконно. С воли товарищи дали нам знать, что Трепов понесет заслуженную кару от них, и только это успокоило нас.

Вскоре нас, осужденных по „процессу пятидесяти", перевели в Литовский замок, где мы должны были ожидать отправки. Незадолго до перевода мы,—я и Батюшкова,—получили разрешение повенчаться. Это происходило в тюремной церкви, где разрешено было нашим друзьям присутствовать при венчании, но запертыми в клетках с решетками. Неожиданно для нас осенью стали отправлять на каторгу и в Сибирь некоторых товарищей по процессу. Помню, как раз, вечером, когда мы уже, напившись чаю, готовились спать, услыхали звяканье кандалов и потом громкий голос Петра Алексеева, который оповещал нас об отъезде словами: „прощайте, увозят"... Жутко было сознавать, что товарищей от нас отделяют, заковывают и куда-то везут. Слухи ходили, что отправляют не в Сибирь, а в центральную каторжную тюрьму. Наконец, дошла очередь и до меня. Дверь нашей камеры отворилась, и меня повели в приемную. Выдали мне под расписку все принадлежности для ссыльного. У подъезда стояла карета, и в сопровождении жандарма и солдата с ружьем мы выехали со двора Литовского замка, как потом оказалось, на Николаевский вокзал; там меня повели прямо в вагон. В слабо освещенном вагоне я мог рассмотреть уже привезенных туда восемь товарищей—женщин, в числе которых была и моя жена. На каждую отправляемую командировано было по одному жандарму и одному солдату. Здесь были две сестры Любатович, Лидия Фигнер, В. И. Александрова, С. И. Бардина, Хоржевская, Н. Субботина. По приезде в Москву нас перевели на Нижегородскую линию, где мы увидели собравшихся родственников и знакомых, которых предупредили из Петербурга. Ко мне приехала моя сестра Александра. Ей удалось накануне заручиться пропуском от жандармского управления, и мы провели несколько минут вместе перед отходом поезда. К Любатовичам приехал перед самым звонком отец, которого жандармы не хотели пропустить, но он, взволнованный всей этой картиной, нервно растолкав караульных, бросился к дочерям. Тяжелы были последние минуты прощания.

Утром мы приехали в Нижний. Нас всех перевели на баржу, которую тянул буксирный пароход. После двухлетнего сидения в четырех стенах под замком самая поездка была интересна. С. И. Бардина своим остроумием и чуткостью к окружающему оживляла компанию. Из Перми мы должны были ехать на почтовых далее. В Томске нам объявили, что мы должны некоторое время переждать. Мне с женой отвели в больничном отделении комнату с двумя окнами, из которых видно было все расположение тюремного двора. Остальные наши товарищи-женщины разместились

*) Другую замечательную речь произнесла С. Бардина (цюрихская студентка). *В. Фигнер.*

**) Приговор женщинам изменил не царь, а сенат по кассационной жалобе защитников. *В. Фигнер.*

в том же коридоре этой тюремной больницы; при мягком отношении администрации, пребывание наше было сравнительно недурно. По правилам ссылки движение арестантов этапным порядком прекращалось на время сильных морозов, поэтому и задержали нас в Томске. Вскоре осужденных на житье в Томской губернии стали отправлять. Сестры Любатович, Бардина, Хоржевская и Надежда Субботина были увезены в отдаленные уезды губернии. В томской тюрьме встретили товарища по процессу, Чикоидзе. Через некоторое время, когда мороз несколько уменьшился, стали и нас, иркутян, отправлять, но только на этот раз по одиночке; исключение было сделано только для меня с женой. Вновь наступившие морозы задержали нас в Красноярске несколько дней. Смотрителем тюрьмы оказался в Красноярске бывший ссыльный поляк, Островский, который очень хорошо к нам отнесся. Воспользовавшись тем, что тюрьма была переполнена, он поместил нас в свободной комнате своей квартиры. Вскоре догнал нас Чикоидзе, которого тоже поместили с нами. Через несколько дней морозы ослабели, и нас стали отправлять далее до Иркутска. Мы распростились с Чикоидзе, с которым больше не привелось встретиться: он умер от чахотки, развившейся в суровых условиях сибирского климата *). В Иркутске нас поместили в отделении тюремной больницы, так как самая тюрьма по случаю холодов была переполнена. Через некоторое время приехали наши спутницы, Л. Н. Фигнер и В. Н. Александрова, которым тоже судом была назначена для жизни Иркутская губерния.

Вскоре мы разъехались все в разные стороны необъятной Сибири. Нам пришлось безвыездно прожить в Малышовке, под Балаганском, почти двенадцать лет. В Малышевке мы застали супругов Новаковских. Новаковский был сослан за участие в демонстрации на Казанской площади (6 дек. 1876 г.). Новаковского присудили к ссылке, а жена, С. Е. Новаковская, последовала добровольно за мужем.

В наше однообразное существование много оживления вносило прибытие новых лиц, которые административно ссылались в наш округ. После большого процесса 193 административная расправа стала применяться широко и еще более после суда над Засулич. Приехала семья Габель, Н. Лопатин, имевшие некоторое отношение к большому процессу. Затем прислали нескольких лиц по процессу в Одессе—студенты Шлемензон, Барский, Журавский, Саковнин, ветеринарный врач, и учитель Мавраган; все они, как административные, были оставлены в г. Балаганске под надзором полиции.

Колония ссыльных, первое время составлявшая свой замкнутый кружок, со временем естественно стала сближаться с местным обществом, и круг знакомых расширялся. Интерес к событиям общественной жизни увеличивался, потребность в литературных изданиях росла, и само собой создалась мысль об устройстве библиотеки, которой в городе не существовало. Появились книги, составлен был каталог, написан устав, и библиотека стала функционировать. Живое участие приняли в этом деле, кроме нас с женой, Новаковский, Барский и другие. Первое время полиция косилась, но потом свыклась с новизной этого дела, и все шло благополучно. Но внезапно из Иркутска явился жандармский офицер и сделал у некоторых обыск; ничего существенного, с жандармской точки зрения, не обнаружилось, однако мирное течение жизни было нарушено. Местная полиция стала подозрительнее относиться ко всякому шагу; библиотеку, как учреждение, предложили ликвидировать, после чего пришлось книги разобрать по квартирам, и пользование книгами имело уже вид частного одолжения. Наше общение не прерывалось, но большею частью ограничивалось посещением семейных домов, куда одиночки товарищи периодически собирались; таким домом был и наш.

Из писем от товарищей и из газет доходили до нас те выдающиеся факты, которые всколыхнули общественную жизнь. Собираясь вместе, часто обсуждали текущие события в России. Как ни удачны были такие факты, как выстрел В. Засулич в ген. Трепова, убийство шефа жандармов Мезенцева и харьковского губернатора Кропоткина, но эти события имели определенный мотив,—месть за наглое поведение по отношению к политическим заключенным. Стать же на точку зрения такой деятельности, как системы, казалось ошибочным. Только в последующее время, когда борьба между правительством и революционерами разгорелась, даже горячие пропагандисты и сторонники поселений в деревнях и те примкнули к народовольческой программе. Тяжело было сидеть в ссылке, когда товарищи гибли в борьбе с самодержавием.

В киевском процессе Осинского, Брандтнера, Антонова и других судился друг моей жены, Н. А. Армфельд. Она не была террористкой, была в этой компании случайно и приговорена к четырнадцати годам каторги. Это было в мае 1879 г., а в августе, следуя на Кару, она писала с пути Батюшковой с одним уголовным, который вышел на поселение и взялся доставить

*) Бежал в 1881 г., был в 1882 г. пойман в Москве и снова сослан. *В. Фигнер.*

письмо. И действительно, этот уголовный явился к нам с письмом, в котором его рекомендовала Наталья Александровна, как посвященного в их заветные желания. Я приведу слова этого письма: „Ты знаешь,— пишет Н. А. Армфельд,—я совершенно случайно попала в ту компанию, с которой судилась. Я хотела получить в Киеве фельдшерский диплом и уже приглашена была в одно место, к знакомым, когда заручусь им. Но мне нужен был фальшивый вид, и я стала ходить в ту канцелярию, где они фабриковались. По бесшабашности, а также потому, что люди в канцелярии сидели хорошие и ласковые, я ходила туда чаще, чем следует, и сидела дольше, чем было благоразумно, ибо вся эта квартира уже была на вулкане. И действительно, в этот вечер, как произошло событие (в квартире оказано вооруженное сопротивление), там набралось десять человек, из которых больше половины пришли так же случайно, как и я, и друг друга не знали. Узнала же я своих товарищей в тюрьме, где мы по целым вечерам и ночам говорили, но как я к ним привязалась. Боже мой, что может так сблизить, как тюрьма и при таких условиях, как мы сидели. Я еду со вдовой одного из повешенных—В. Осинского. Ее фамилия—Лешерн, ты знаешь ее по „предварительному дому". Ее муж такой был дорогой мне друг, лучше сказать—брат. Он просил меня не оставлять ее, да я бы и сама никогда в жизни этого не сделала. Она столько выстрадала по одному и тому же поводу, столько общих привязанностей, и так ее жаль, ужасно жаль. Вот несчастный человек. Всего несколько месяцев в жизни была счастлива и так ужасно кончить. Она была приговорена к смерти вместе со своими друзьями, а потом ей преподнесли сюрприз—оставили в живых". „Как ни тяжело, как ни страшно на душе, пишет дальше Н. А., — а той апатии, того уныния, которое прежде угнетало, совсем нет. Теперь знаешь, что есть совершенно определенная цель — пожертвовать собой за известное дело. Я сознаю и умом, что наше время, данный момент, есть эпоха терроризма, что теперь борьба между абсолютизмом и народом достигла такой точки, когда нельзя уже действовать словом. Некогда убеждать, когда валятся головы твоих братьев, надо спешить подставлять свою. Да если не будет примеров, как люди гибнут за известное дело, если бы не было мучеников, то не было бы и последователей. Я думаю, что теперь время мучеников, время величайшего гонения и вот почему думаю, что скоро, скоро братья мои будут отмщены. Я живу накануне революции, чувствую ее. Варя, я все думаю, какие в тебе силы пропадают. В ту эпоху, в которую мы живем, ты была бы самой горячей террористкой. Знаешь, про тебя раз сказала Тиночка (Лебедева Т.) по поводу Засулич: „Знаете, говорит, кто был бы еще способен это сделать с полным хладнокровием,—это В. Батюшкова". Да ужасно подумать, что ты там".

Надо сказать, что уголовный, привезший это письмо, сообщил о плане побега из этой партии, где находилась Армфельд, о том, что нужно достать денег и быть готовыми, где укрыть беглецов. Не теряя времени, деньги достали мы при помощи знакомых мне ссыльных поляков 63-го года, дали письмо и деньги этому посланному. Отвез его на Московский тракт знакомый мне крестьянин и, возвратившись, рассказал, как этот уголовный по приезде на одну станцию послал его за папиросами, а сам, захватив доху у этого крестьянина, скрылся. Это обстоятельство дало повод заподозрить этого уголовного и в самом важном, т.-е. в верности указания срока преследования партии через место, где предполагался побег. Потом, уже много времени спустя, выяснилось, что когда этот субъект был у нас, то партия уже миновала этот назначенный пункт для побега. Из только что привезенного письма Армфельд можно было заключить, что кому-то из партии удалось бежать. Месяца через полтора действительно в Малышевку является бежавший Дебогорий-Мокриевич *). Мне удалось в тот же день устроить его у моего знакомого Р. И. Герман, сосланного по польскому восстанию 1863 г., который потом убедил другого поляка, Минкевича, жившего верстах в тридцати в стороне от тракта и имевшего там торговлю, взять Дебогория-Мокриевича к себе в роли помощника. Когда розыски улеглись, я отвел Д.-М. к знакомому крестьянину, возившему того уголовного, который доставил письмо от Армфельд. Этому крестьянину, по фамилии Л. Козулину, я объяснил, кого он повезет, чтобы он соблюдал все необходимые предосторожности. Таким образом, Дебогорий-Мокриевич отправился в Иркутск, а оттуда в Москву и затем за границу.

По моей просьбе мне был отведен полевой участок земли, и весной, когда земля немного оттаяла, я вместе с рабочим отправился на отведенное место, чтобы вырубить на участке деревья и сжечь, подготовив тем землю к посеву. Очищена была одна четверть десятины, потом поднят пласт верхней земли, который за лето должен перегнить и обратиться в плодородную землю, дающую хороший урожай пшеницы, что могло обеспечить продовольствие на целый год. Когда я обеспечил себя таким образом насчет продовольствия, случай — необходимость помочь женщине, которая не-

*) См. выше его автобиографию.

чаянно прострелила себе руку,—положил начало моей медицинской практике. Хотя по инструкции она ссыльным запрещалась, но в виду того, что окружной врач постоянно находился в разъездах, а фельдшер был совершенный невежда, исправник вполне терпимо относился к моей практике, а окружной врач оказывал всякое содействие, снабжая меня лекарствами, инструментами, книгами. Мне же было приятно оказывать помощь крестьянскому населению, которое запросто ко мне начало обращаться, сначала малышовское, а потом и соседних деревень. Это вносило много оживления в нашу жизнь: завязывались знакомства с населением без всякой натянутости в отношениях. Среди этих повседневных хлопот проходили дни за днями. Только изредка получались известия от товарищей с Карийской каторги и из отдаленных мест ссылки. Отовсюду неслись жалобы на ужасные условия жизни, на недостаток казенных пайков на Каре, на бедствия сосланных к якутам. Сборы денег среди ссыльных же не давали чего-нибудь существенного. Приходилось обращаться к сторожилам, и при их участии явилась возможность от времени до времени посылать деньги на Кару. Среди наших знакомых были ссыльные поляки 63 года, которые сочувствовали революционному движению в России; особенно широкую и разностороннюю помощь прибывшим и иногородним политикам оказывали наши знакомые — семьи Маевских и Германа.

Наша мирная жизнь скоро нарушилась появлением в Сибири генер. Русинова. Этот чиновник и жандарм душой, командированный для ознакомления с бытом ссыльных политических в Сибири, свел всю свою роль к тому, что сотни ссыльных под его влиянием были уланы в Якутскую область. Лично я чуть не подвергся этой участи за то, что меня общество крестьян выбрало попечителем школы; спасло меня только то, что я был по суду сослан, а не административно. Этому делу придали значение особое: в этом власти усмотрели пагубное и „вредное влияние" мое на население. Генерал-губернатор, граф Игнатьев, объезжая пределы Иркутской губернии, заехал в Балаганск, собрал в волости сход крестьян и, в присутствии упомянутого Русинова, разъяснял крестьянам об опасности избрания такого человека, как „государственый преступник", попечителем в школу. После его речи бывший мой хозяин, Иван Лукич Соколов, сказал: „Мы этого ничего не понимаем, а знаем, что он хороший человек, поэтому общество и приговор подписало об избрании Цвилинева попечителем". Этим весь инцидент и закончился. Я получил только угрожающее устное предупреждение от Русинова, что впредь за такие поступки я буду выслан в Якутскую область. Приезд Русинова все-таки для нашей колонии обошелся высылкой трех или четырех товарищей в Забайкалье.

Осенью 80-го года осужденные с нами вместе централисты были отправлены партией на Кару. Однажды, 8 февр. 82 г., я получаю из Читы письмо и не верю своим глазам: почерк Петра Алексеева, осужденного на десять лет в каторгу, идущего из центральной харьковской тюрьмы на Кару доживать там последние годы каторги; значит, он выдержал эти долгие годы ужасных, нечеловеческих условий каторжного централа. В письме заметно то чувство одиночества, которое рождается за время заточения и растет до размеров нестерпимой тоски. Он пишет: „Я чувствую себя одиноким среди людей. С тех самых пор, как я встретил впервые все ваше семейство, увидел товарищеское отношение друг к другу, слегка понял их и полюбил всех, полюбил вас помимо вашего желания и полюбил, признаться, всей силой своей души, нисколько при этом не заботясь о взаимном расположении, и с самых тех пор я не встречал таких людей, не сходился с ними и в силу уже моего положения не мог встретить, не могу встретить и, следовательно, привязаться. Я все это время был совершенно изолирован от всего живого, от всего действительного. Приходится жить одним прошлым, сохранять лишь одно старое, давно минувшее и таить в сердце все то, что кануло в вечность, что сдано в архив прошлого". Это чувство одиночества его преследовало и после выхода на поселение в Богаянтайский улус. Его переводили из улуса в улус, что, как он писал, не давало возможности что-либо предпринять для заработка себе пропитания. В 1891 г. он был зарезан с целью грабежа двумя якутами, напавшими на него, когда он ехал верхом в Якутск. Власти вначале полагали, что он бежал. В Симферопольском отделении „Центр-Архива" я видел документ жандармского управления (Архив № 6, за 1891 г., стр. 62), где говорится о розыске бежавшего из Батурусского улуса Якутской области Петра Алексеева, осужденного в марте 1877 года в каторгу на десять лет. В документе автор его прибавляет, что Алексеев произнес на суде речь, которая „считалась излюбленным орудием" для пропаганды и далее, что „Алексеев происходит из простого звания, обладает природным умом и представляет собой вполне законченный тип революционера - рабочего". Эта жандармская характеристика показывает, какого сильного противника продолжало видеть самодержавное правительство в Петре Алексееве до самой гибели его.

Весной 1885 года приехала к нам проездом на Кару к своей дочери Анна Ва-

ЧАРУШИН Н. А. (1851/52–1937).

сильевна Арифельд. Ей было уже лет шестьдесят, но она решила ехать к дочери, чтоб хоть сколько-нибудь смягчить участь дочери своим пребыванием вместе с ней. Еще лет пять назад она писала жене моей из Москвы: „Наташа сегодня, четырнадцатого мая, в 4½ часа утра уехала на четырнадцатилетнюю каторгу. Страшно подумать, что будет с ней". „О себе,—писала она,—я ни мало не горюю: охотно сейчас бы пошла под топор, только бы ей, моей голубушке, не страдать". Побыв у нас два дня, повидав Евгению Николаевну Сажину-Фигнер, она отправилась в дальнейший путь. Около этого времени приехала другая мать-мученица, Екатерина Христофоровна Фигнер, у которой три дочери были осуждены: В. Н. в Шлиссельбургскую крепость на бессрочную каторгу, Е. Н. на поселение в Восточную Сибирь и Л. Н.—на житье в Восточную Сибирь, только О. Н., если не ошибаюсь, была в административной ссылке*). Екатерина Христофоровна прожила в Малышовке около месяца. За это время она присмотрелась к обстановке, в которой вынуждена находиться ее дочь, до некоторой степени успокоилась за ее судьбу и поехала обратно в Россию, как нам казалось, удовлетворенная своей поездкой к дочерям.

В 1889 г. объявлен был манифест Александра III, по которому вся наша группа осужденных получила право возвратиться на родину, под надзор полиции на пять лет, с правом жить везде, исключая Петербург и Москву. Мы быстро ликвидировали свои материальные дела и стали готовиться к отъезду.

В Москву мы приехали благополучно, но в самой Москве сын заболел корью, почему жена должна была остаться с детьми, а я поехал в Орел, куда мне было дано проходное свидетельство; оттуда направился в Елец к отцу и стал устраивать все к приезду жены. Прожили всю зиму с отцом вместе, потом мы стали хлопотать, чтобы нам разрешили жить в Москве для воспитания детей и постоянного врачебного наблюдения за здоровьем сына. В 1891 и 92 г. голод охватил Поволжье и несколько центральных губерний России; появился голодный тиф. Я принял самое живое участие в организации помощи голодным и больным, которые были чуть не в каждой избе. Жена, получившая к тому времени право жить в Москве, производила денежные сборы, благодаря которым я мог устроить временную больницу для тифозных и организовать продовольственное дело в нескольких волостях, где был от земства продовольственным попечителем. Затем начался период усиленной работы земств в области образования и развития медицинской помощи населению. В это время мне удалось устроиться в земстве и работать по этим отраслям.

12 августа 1894 г. скончалась моя жена *) во время летних каникул, когда были все вместе дети, родственники и ее близкая давнишняя знакомая, А. М. Гамбургер. Это семейное несчастье надолго отвлекло меня от общественных дел, так как заботы о детях легли на меня.

В 1906 г. я должен был оставить службу в земстве вследствие доноса, сделанного на меня земским начальником, Н. В. Хрущовым, о том, что я принимал участие в организации собрания членов „Крестьянского союза".

В 1917 г. в период Февральской революции принимал участие в качестве председателя продовольственного комитета по Сумскому уезду Харьковской губ., где я жил с семьей. В 1918 г. я, вследствие болезни дочери, выехал в Крым, где, с приходом советской власти, работал в Наркомздраве и Крымсоюзе (по кооперации).

Почти полстолетия прошло со времени того революционного движения, в котором я принимал участие. Тогда массы людей гибли в борьбе, и современникам скоро стало казаться, что дело революции проиграно. Но пламя революционной идеи сохранилось и, раздуваемое нестерпимым режимом царизма, последовательно усиливалось, охватывая рабочие массы и крестьянство. Этот процесс вызвал революцию 1905 г. и закончился Октябрем.

*) Добровольно последовала в нее за мужем, С. Н. Флоровским. *В. Фигнер.*

Чарушин, Николай Аполлонович.**)

Родился я 23 декабря 1851 г. (по старому стилю) в г. Орлове (ныне Халтуринск) Вятской губернии. Отец мой — добродушный и не без юмора человек — служил письмоводителем Окружного Управления, ведавшего в то время крестьянскими делами, а последние годы своей жизни — помощником окружного начальника. Мать—умная и энергичная женщина—происходила из разорившейся купеческой семьи. Нас, детей, оставшихся в живых, было 8 — 5 мальчиков и 3 девочки, но самые младшие из них—мальчик и девочка — скоро умерли. Из мальчиков я был старший. Свои детские годы, до 10-ти лет, я провел в семье, на просторе захолустного северного уездного городка с населением в 3 — 3½ тыс. жителей, где и начал свое ученье, сначала в приходском училище, а затем в уездном; в первом из них, за предпочтение реки, полей и лесов

*) В воспоминаниях О. С. Любатович в „Былом" фамилия моей жены помещена в группе лиц, кончивших самоубийством. Это прискорбная ошибка автора воспоминаний.

**) Автобиография написана 4 ноября 1925 г. в Вятке.

школе, был двукратно подвергнут телесному наказанию розгами.

Жизнь этого маленького патриархального городка была тиха и однообразна и протекала при совершенном отсутствии каких-либо умственных или общественных интересов; но зато для нас, детей, живших на полной свободе и в постоянном общении с природой, она была полна прелести и поэзии.

В 1862 г., не окончив курса в уездном училище, я был отвезен родителями в Вятку и сдан в 1-й класс Вятской гимназии. С этого времени и началась моя жизнь вне семьи, у квартирных хозяек. Связь же с семьей поддерживалась лишь поездками на каникулы, рождественские и пасхальные праздники, каковые поездки ожидались всегда с великим нетерпением.

Моя учеба в Вятке в первые годы шла не особенно успешно: школа мало привлекала меня, а жить приходилось все с великовозрастными гимназистами, предпочитавшими кутежи и попойки ученью, отвлекавшими и меня, малыша, от школьных занятий. Недели по две я не посещал гимназии, таскаясь за моими старшими товарищами по квартирам их собутыльников или даже трактирам, а потому и нет ничего удивительного, что я в первых классах оставался на второй год в одном и том же классе. Весьма возможно, что, продолжая жить в таком не подходящем для меня обществе, я свою гимназическую карьеру закончил бы самым постыдным образом. Но, к счастью, когда я был еще в третьем классе, родители перевели меня в частное ученическое общежитие с другим укладом жизни и другими настроениями, что, несомненно, отразилось и на мне. Здесь впервые появился у меня интерес к книге, пробудилась и любознательность. Но тут скоро случилась другая беда.

Внезапно умер отец, скончавшийся в декабре 1866 г. при объезде им уезда. Эта смерть, потрясшая меня, т. к. отца своего я любил, поставила семью в критическое положение. Последняя осталась без всяких средств, и только помощь дяди, брата моей матери, спасла ее от голода и дала мне возможность продолжать так неудачно начатое образование.

Здесь следует заметить, что начало моей гимназической жизни совпало почти с началом так называемой „эпохи великих реформ", значительно изменившей к лучшему общие условия русской жизни. Затхлая общественная атмосфера николаевских времен с этого времени и у нас в Вятке понемногу начала рассеиваться, что, конечно, не могло не отразиться и на школе. В гимназии появились новые молодые преподаватели, правда единичные, но все же сумевшие внести живую струю и возбудить умственные интересы у своих воспитанников. С этого времени духовная жизнь среди учащихся гимназии уже не прекращалась до самого окончания курса, ширясь и углубляясь с течением времени. Наиболее захваченные этим новым течением усердно принялись за чтение, образовались кружки самообразования, устраивалась своя библиотека, писались рефераты и горячо обсуждались все общественные вопросы, волновавшие тогда русское общество. Корифеи нашей художественной литературы, а затем Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Флеровский с своим „Положением рабочего класса", Лавров с его „Историческими письмами", Михайловский, Лассаль и многие другие были нашими излюбленными учителями и вдохновителями, освещавшими нашу убогую жизнь и вводившими нас в круг широких идей, возбуждая в то же время пламенное желание отдать свои силы на служение своему обездоленному и угнетенному народу. Мы постепенно впитывали в себя социалистические и народнические идеи и сами становились их адептами.

Таким образом, с годами мы умственно росли, горизонты наши ширились, а требования и к себе лично и к русской жизни непрерывно повышались, а между тем, эта последняя, в особенности к концу 60-х годов, с очевидностью вступила снова в полосу злой реакции. Служение народу, что уже тогда для некоторых из нас было символом нашей веры, казалось почти уже невозможным на легальных путях, а потому будущая наша деятельность все больше и больше рисовалась на путях нелегальных.

Охваченные властно новыми идеями, мы горели нетерпением умножить кадры наших сторонников и прилагали свои усилия к вовлечению в круг наших идей не только учащихся других учебных заведений, но даже и взрослых из демократического ремесленного мира, из которых мы пытались организовать производительные артели. Меня лично влекла к себе еще семинарская среда и женское епархиальное училище, где было так много свежих и нетронутых сил. В этом последнем, благодаря влиянию классной дамы Кувшинской, уже имелся целый выводок молодых девиц, серьезно затронутых новыми идеями и стремящихся вырваться на жизненный простор. Бывая у Кувшинской, жившей в этом закрытом и строго оберегаемом от постороннего глаза учебном заведении, я перезнакомился с ее воспитанницами, собиравшимися у нее почти каждый раз при моем посещении. И действительно, среда эта в ближайшие же годы дала для революции Овчинникова, Якимову (Кобозеву), Чемоданову (Синегуб), Красовскую и других, заявивших себя на иных поприщах общественной деятельности.

В 1871 г. все счеты с гимназией были

покончены, а земская стипендия в 250 р. дает мне возможность ехать в Петербург для поступления в Технологический институт.

В Петербург я приехал уже не совсем желторотым юнцом в общественном смысле (мне было около 20 лет), а уже значительно подготовленным благодаря усердному чтению за последние годы моей гимназической жизни и знакомству с многим из того, что появилось ценного на книжном рынке по общественным вопросам. Личная карьера и личная жизнь мало занимали меня. Все внимание мое было устремлено на то, чтобы лучше и продуктивнее использовать свои скромные силы на служение народу.

Устроившись с квартирой, осмотревшись немного в большом незнакомом городе и покончив со всеми формальностями по институту, я вскоре же по своем приезде по приглашению Н. К. Лопатина, моего сожителя и приятеля по Вятке, а теперь студента 3-го курса Медицинской академии и члена кружка чайковцев, направился в Кушелевку, дачное место вверх по Неве, где жили этим летом чайковцы, от знакомства с которыми меня еще в Вятке предостерегали некоторые мои доброжелатели из студентов. Здесь встретил меня Чайковский, который после длительной беседы совсем очаровал меня. Прощаясь, он приглашал бывать у них и на городской квартире, куда собирались уже перебираться. Посещая их штаб-квартиру на Кабинетской ул., я постепенно перезнакомился почти со всеми входившими в состав кружка а по мере этого знакомства росли и мои симпатии и уважение к членам его. Простые дружеские отношения, полные взаимного доверия и уважения, отсутствие фразы и рисовки и каких-либо признаков генеральства, спокойная деловая атмосфера, покоящаяся на искреннем убеждении и преданности делу, не могли не импонировать и не привлекать меня к себе.

Между тем, началась для меня и обычная студенческая жизнь: лекции, студенческие собрания, новые знакомства и пр. Из студентов-технологов быстро сорганизовался кружок самообразования, собиравшийся у меня на квартире, в котором принял участие и один из чайковцев — Клеменц.

В начале октября через упомянутого выше Лопатина мне было предложено вступить в кружок чайковцев. Согласие было дано без колебаний, хотя я уже имел достаточно ясное представление о том, какая судьба меня может ожидать, м. б. даже в ближайшем будущем.

Кружок чайковцев, уже в то время довольно многолюдный, имевший отделения в Москве и других городах, ставил своей задачей, помимо выработки общего миросозерцания, пропаганду освободительных и социально-революционных идей среди молодежи и интеллигентных кругов вообще путем личного воздействия и распространения известного подбора легальных и нелегальных книг, для чего кружок, м.пр., развивал усиленную легальную издательскую деятельность, а для нелегальных изданий обзавелся небольшой типографией в Женеве. В тех же целях кружок уже начинал подумывать и о заграничном руководящем органе печати, каковой вопрос не сходил с очереди и в последующие годы. С этой целью велись уже и переговоры с видными и популярными литераторами (Михайловский, Берви), но по разным причинам не приводившие к желательным результатам.

Одновременно с этим преследовались и организационные задачи, чтобы потом армию наиболее подготовленных и хорошо подобранных сил направить на революционную работу в народные массы. Народная среда, таким образом, еще не затрагивалась, и непосредственных задач в этом направлении в то время кружок не ставил.

Ни устава, ни писанной программы у кружка не было. Людей объединяла лишь общность настроения и взглядов по основным вопросам при полной свободе мысли, самоотверженная преданность делу, искренность и прежде всего высота нравственного уровня. Базируясь на таком прочном фундаменте, кружок и не нуждался ни в каких формальностях, отсюда же проистекали и те совершенно исключительные взаимоотношения, которые выделяли этот кружок среди других организаций, и то влияние, каким он пользовался среди учащейся молодежи и в радикальных кругах.

Осень и начало зимы 71 г., несмотря на усиливающуюся правительственную реакцию, выражавшуюся в преследовании печати, в арестах и высылках и в ограничительной политике в отношении правительством же созданных учреждений, протекали при большом оживлении. С одной стороны, только что закончившееся нечаевское дело, волновавшее молодежь и вызывавшее разнообразные и нередко страстные суждения о нем, а с другой — Парижская Коммуна с ее трагическим концом, волновавшая едва ли еще не больше. Публика жила и волновалась, накопляя горючий материал.

Нечаевское дело, разбиравшееся летом 71 г., с очевидностью показало, чего не следует делать революционной организации. Кружок чайковцев, как известно, организовался по типу, совершенно противоположному нечаевскому. Но нечаевское дело лично на меня имело и другое воздействие.

При всем моем сочувствии к делу, которое вели чайковцы, и уважении к ним самим мне казалось недостаточным строить революционную интеллигентскую организацию для работы в народных массах и в то

же время откладывать эту основную работу на будущее время, в результате чего получалось, что революционные организации возникают, ширятся, но в подготовительный же период погибают, не сделав ровно ничего для основной задачи. Получалась какая-то Сизифова работа, сопряженная с бесчисленными жертвами, а народные массы по прежнему оставались без всякого идейного воздействия. А между тем освобождение социальное и политическое мыслилось тогда всеми только при условии сознательного участия в этом деле широких народных масс. Приблизительно в этом же смысле высказалось и многолюдное собрание, состоявшееся в декабре 1871 г. в квартире профессора Таганцева и под его председательством из представителей радикальной интеллигенции и большинства тогдашнего состава кружка чайковцев.

Хотя вопрос о непосредственной работе в рабочей и крестьянской среде в кружке еще не обсуждался, я для себя лично решил его по-своему. Уже с декабря 1871 г. я вместе с Синегубом, тогда еще не членом кружка, на свой страх начали работу среди петербургских рабочих, сначала на химическом заводе Жданова. Затем завели связи с фабричными рабочими, посещая их чайные на Выборгской и Петербургской сторонах и рабочие общежития.

Опыт работы среди рабочих удался. В ней постепенно стали принимать участие и другие члены кружка. Успех был настолько значительный, что уже через 5—6 месяцев почти во всех рабочих районах имелись связи, и велась систематическая работа при содействии привлеченной к делу студенческой молодежи.

Летом 72 г., достаточно издергавшись от петербургской волнующей жизни, я выехал в Вятку, а затем в Орлов к родным. В Вятке, кроме старых приятелей, с которыми нужно было переговорить о многом, была и Кувшинская, с которой я вел оживленную переписку весь этот год, и которая ныне тоже собиралась в Петербург для поступления в Медицинскую академию.

В этот приезд окончательно определились и мои отношения к ней: прежняя наша дружба сменилась любовью, мы были одинаковых взглядов и влечений, и наш моральный облик был тождествен, что вместе взятое гарантировало личную свободу каждого, а следовательно, и не представляло никакой опасности для основных наших стремлений. Окрыленный своим новым чувством, я выехал в Орлов к своим. Здесь я все нашел в порядке: младшие братья учились, одна сестра вышла замуж, и другая собиралась сделать то же. Особенной материальной нужды, благодаря помощи дяди, семья не ощущала. Но, несмотря на это, самочувствие мое было неважное. Я знал, что мать моя с нетерпением ждет того времени, когда я встану на собственные ноги и помогу ей выучить моих братьев. Я же ясно сознавал, что ее надежд не оправдаю, что меня ждет совсем другая судьба. Пробыв на этот раз в своем родном Орлове всего 2—3 недели, я с огорченным чувством выехал в Вятку и дальше на Казань.

За время моего отсутствия деятельность кружка продолжалась в том же направлении. Продолжалась она и в рабочей среде. С осени же 72 г. в эту работу постепенно втягиваются и другие силы кружка: Клеменц, Перовская, Кравчинский, Ал. Корнилова, Чайковский, Кропоткин, Кувшинская, а в следующем году — Шишко, Тихомиров и др. С привлечением новых сил деятельность среди рабочих пошла еще интенсивнее и планомернее.

Лично я, ушедши с головой в кружковую работу, совсем забросил институт. Интересуясь и принимая участие в общем ходе дел кружка, я не оставлял и дела рабочего, убежденным сторонником которого продолжал оставаться. Связавшись еще ранее с Выборгским рабочим районом, я переселился на жительство на Выборгскую сторону, поселившись у одной хозяйки с Кувшинской. Здесь, на Выборгской стороне, в особом и довольно поместительном доме Байкова, нанятом нами, была устроена целая школа, в которой обучали грамоте и другим наукам, а для более подготовленной публики читались и лекции. Десятки рабочих ежедневно посещали дом Байкова, куда к работе были привлечены и многие из учащейся молодежи, не входившие в состав нашего кружка. Постепенно из этой массы рабочих выделялись наиболее надежные и подготовленные, из которых и было образовано нечто в роде ядра рабочей организации, долженствующего впитать в себя таковые же элементы из других районов, где велась работа. С этим-то ядром мне, а также и некоторым другим членам кружка и приходилось, главным образом, иметь дело. В 73 г. при этой рабочей группе была организована касса, а самое это ядро должно было превратиться в параллельную с основным кружком чисто рабочую организацию. Но публика, входившая сюда, уже горела нетерпением поскорее приняться за дело в самой народной гуще и потянулась в деревню. Первыми из рабочих ушли туда наш Крылов, Абакумов и некоторые другие. Пошли туда же и Синегуб с женой, Клеменц, Кравчинский, Рогачев и др.

Новое течение, незаметно втянувшее большинство членов кружка, в начале 1873 г. было, наконец, предметом обсуждения кружка в целом, и последний не только его санкционировал, но и признал непосред-

ственную работу в рабочей и крестьянской среде основным и важнейшим своим делом.

Для ознакомления своих филиалов с новым направлением деятельности кружка я был командирован для их объезда, каковой и был предпринят мною в феврале 1873 г. Я посетил Москву, Орел, Киев, Одессу, Херсон, Николаев и Харьков, где имелись отделения кружка. Сочувствие новому направлению деятельности было полное, а в некоторых наиболее организованных отделениях к аналогичной работе было уже и приступлено ранее. Летом того же года, проезжая в Крым, я снова посетил некоторые из отделений и мог убедиться в жизненности нового течения.

Пропагандистская деятельность, развиваясь и углубляясь, тянулась почти беспрепятственно до 1874 г., принимая в некоторых пунктах, как, например, за Невской заставой у Синегуба, чуть не открытый характер. Власти того времени, не подозревавшие нового направления революционной деятельности, продолжали искать крамолу в студенческих и интеллигентских кругах, почему и проморгали работу кружка в рабочей среде, тянувшуюся почти без всяких препон целых два года. И лишь с конца ноября 73 г. началась ликвидация деятельности кружка в рабочей среде, когда были арестованы Синегуб, Тихомиров и другие за Невской заставой.

Увлекавшая нас работа в рабочей среде немало нас и огорчала. Приходилось иметь дело почти с безграмотной средой, каковой в особенности была среда фабричных рабочих, которая особенно ценилась нами, как не потерявшая еще связи с деревней.

Приходилось поэтому вместо прямого своего дела заниматься обучением грамоте и тратить на это силы, устраивая настоящие, но нелегальные школы грамоты.

Кроме того, будучи социалистами, мы шли в рабочую среду с проповедью социализма, которая еще в заводской среде, в большинстве своем уже пролетаризированной и более культурной, воспринималась сравнительно легко, но в фабрично-крестьянской среде этого уже не было Здесь охотно и с большим интересом слушали и воспринимали все, когда речь заходила о переделе земли, о податях, об административном произволе, о роли центрального правительства, с царем во главе, как об основной причине всех наших неустройств, в том числе и в промышленной области, где власть всегда была на стороне угнетателей. В соответствии с этим как-то само собой менялись и наши задания в пропагандистской деятельности, отодвигая социализм, как таковой, и налегая на вопросы, особенно близкие и понятные слушателям.

Иногда, в минуты раздумья, при виде всех трудностей и необъятности дела, за которое так смело взялись, охватывала невольная оторопь. Но безграничная вера в жизненность самой идеи быстро прогоняла сомнения, и охватившая оторопь исчезала без следа. Кружок чайковцев, несмотря на видимые успехи своей деятельности в рабочей среде, никогда не предавался иллюзиям о близкой революции. Тот же опыт, который уже имелся у него, предостерегал его от увлечений и убеждал в том, что начатое им дело потребует длительной подготовительной работы многих поколений революционных деятелей.

Мы не были ни лавристами, ни бакунистами, в буквальном смысле этого слова, и не считали возможным европейский революционный опыт целиком переносить на русскую почву, полагая, что совершенно своеобразные условия русской действительности обязывают и к изысканию, в соответствии с этими последними, самостоятельных путей для разрешения русской проблемы. Занятые, главным образом, разрешением этой основной задачи, мы мало придавали значения программным вопросам, что помогало дружно итти вместе и людям, расходящимся в теоретических вопросах.

Мы отнюдь не были настроены против науки, но предупреждали лишь против увлечения наукой в ущерб развитию общественных инстинктов, при чем многие из нас нередко „удалялись в пустыню", чтобы пополнить недостаток своего образования.

Тот же опыт наглядно научил нас ценить и политическую свободу, отсутствие которой ежедневно ставило нам непреоборимые препоны в нашей практической деятельности.

Вот почему начавшееся со второй половины 73 г. и продолжавшееся уже на деле в 1874 г. массовое стремление, а затем и движение нашей молодежи в народ, окрыляемое под влиянием проповеди Бакунина верой в немедленную общенародную революцию, не могло встретить положительного отношения в среде чайковцев, уже обладавших некоторым знакомством с народной средой и ее настроением.

Это увлечение, охватившее молодежь в зиму 73 г., носившее все признаки религиозного увлечения, оспаривать которое было бесполезно, действовало заразительно даже на более зрелых людей и увлекло за собой некоторых из оставшихся после погрома на свободе чайковцев, которые тоже вместе с другими двинулись в народ. Вероятно, это последнее обстоятельство, а также известная записка Кропоткина, окрашенная в анархический цвет своей вводной частью и принимаемая за программу чайковцев, и дали основание некоторым, писавшим о чайковцах, причислить их в конеч-

ном итоге к лику анархистов и бунтарей. Чайковцы в массе своей не были ни тем, ни другим. Не был таковым и я, хотя меня всего охотнее причисляли к этой категории. Записка же Кропоткина имеет несомненное историческое значение лишь в основной ее практической части, обстоятельно излагающей те выводы, к каким кружок пришел в результате своей двухлетней деятельности в рабочей и отчасти в крестьянской среде. Эта часть изложена с знанием дела, хотя в некоторых деталях и нуждалась в поправках. Что же до анархического идеала вступительной части записки, то это уж от самого Кропоткина, который и ответственен за нее. Правда, записка зачитывалась и обсуждалась на нескольких общих собраниях кружка в самом конце 73 года, но принята она, вопреки утверждению Шишко, не была.

В ночь с 4-го на 5-е января я, будучи уже на нелегальном положении около года, возвращаясь с одного совещания, происходившего на квартире Кувшинской, на ночовку в квартиру студента Богомолова, наскочил на обыск, был арестован и заключен первоначально в Третье Отделение, затем в Спасскую часть, откуда вскоре же был переведен в секретную камеру Литовского замка. За отказом дать показания о найденных при мне запрещенных книгах, о рекомендательной записке к лицу, с которым, по поручению кружка, я должен был переговорить о вступлении его в состав нашей организации (нечаевец Ковалевский), и о письме нашего рабочего из деревни, сообщавшего о своих успехах в ней (все фамилии на записке и в письме были вырезаны), я был лишен книг, свиданий и передач с воли. Так тянулось почти три месяца, в течение которых серьезных обвинений предъявлено мне не было, т. к. ни деятельность моя среди рабочих, ни принадлежность к революционному кружку не были еще установлены. Но вот в марте этого же года, по связи с Невской заставой, был произведен разгром в Выборгского района, где главным образом протекала моя деятельность в рабочей среде. Благодаря предательству трех рабочих, там, кроме их товарищей, были арестованы Кропоткин, Купреянов, Кувшинская и некоторые другие. Эти же рабочие дали и обо мне показания, достаточные для того, чтобы отправить меня на каторгу, с чем и не преминул меня поздравить тов. прокурора Кобыльский, ведший мое дело. Как и Кропоткин, я на этот раз совсем отказался от дачи показаний, чтобы не дать каких-нибудь нитей для дальнейших розысков.

С тех пор началось ничем не тревожимое сидение в строгом одиночном заключении, без переписки, без свиданий, длившееся до суда почти четыре года, сначала в Литовском замке, затем в Петропавловской крепости, откуда лишь на время следствия и суда я переводился в Дом предварительного заключения. В итоге длительного заключения я был привлечен по делу о революционной пропаганде в 37 губерниях, по которому привлекалось 193 человека. Группа чайковцев была представлена на процессе в числе 28 человек *). Особое Присутствие сената приступило к разбору дела в октябре 1877 г. и окончило его лишь 23 января следующего года, при чем с первых же дней допустило ряд процессуальных правонарушений: не было гласности суда, отказано было в стенографических отчетах о заседаниях и в заключение, обвиняя нас всех в едином революционном сообществе, разделило на 17 групп без права участия на суде при разборе дел других групп. Пощады мы не ждали, но суд при таких условиях терял для нас всякую цену и не гарантировал даже от новых извращений в правительственных отчетах о судебных заседаниях, как это и было допущено уже в обвинительном акте. Поэтому вся группа чайковцев, дело которых разбиралось первым, отказалась и от защиты и от участия в судебном следствии и потребовала удаления из залы суда, что в конце концов и было достигнуто. Вскоре я, вместе с некоторыми другими, не дождавшись даже окончания суда, снова был переведен в крепость. Суд приговорил меня к 9-ти годам каторжных работ, возбудив общее ходатайство о смягчении наказаний. В отношении большинства ходатайство было уважено, но для 13 человек, в том числе и в отношении меня, оно было отклонено, зачтено было лишь время предварительного заключения.

Нужно ли говорить, что время предварительного заключения при условии абсолютной изоляции, тянувшееся почти 4 года, было самым тяжелым. Многие товарищи по заключению не выдерживали этой пытки, сходили с ума, накладывали на себя руки или же просто умирали медленною смертью. Погибших таким образом до суда насчитывали до 70—80 человек.

Не обладая особенно крепким здоровьем, я, еще будучи на свободе, полагал, что меня хватит на год, много на полтора тюремной жизни, но я в своих расчетах ошибся. После первых тяжелых переживаний при виде гибели дела, которому отдавался, и товарищей-друзей, обреченных на медленное умирание в тюремных казематах, я постепенно укреплялся в мысли, что с гибелью всего, что было дорого и близко, еще не

*) В этой группе не все были чайковцы: в нее были включены как сам никогда не принадлежавший к чайковцам Низовкин, так и те, которых этому предателю в своих показаниях вздумалось причислить к ним.

все потеряно, что идея, воодушевлявшая нас, будучи жизненной, не погибнет и найдет себе новых продолжателей. Теперь же оставалось лишь с честью нести выпавший на долю крест и не поддаваться унынию. Это тоже своего рода борьба, она поднимала дух и спасала от пагубного в тюремных условиях настроения безнадежности.

На 3-м году моего предварительного заключения, когда я привозился из крепости в Дом предварительного заключения для ознакомления с следственным материалом, я принял участие в 1-й попытке побега, организованного Коваликом и Войнаральским, но от участия в следующей их попытке, по зрелом размышлении, уже отказался из опасения, при моем расстроенном долгим сиденьем здоровье, оказаться в тягость моим товарищам на воле, бежать же за границу я не хотел.

За все время предварительного заключения в крепости я имел лишь одно свидание с братом-студентом, которого тот добился с превеликим трудом в конце 77 г. И только с переводом на время суда в Дом предварительного заключения я получил свидание с своей невестой А. Д. Кувшинской, содержавшейся тут же, да 2—3 свидания с Перовской. Здесь я впервые прибег к речи, от которой совершенно отвык, перезабыв даже самые обыкновенные слова. 12 февраля 1878 г. в церкви Дома предв. закл., вопреки моим уговорам не связывать свою судьбу с моею, состоялась моя свадьба с А. Д. Кувшинской, которая, уже будучи освобожденной после суда, добилась разрешения на нее лишь благодаря своей настойчивости и энергии.

Последние 8 месяцев в крепости были прожиты нами в сравнительно лучших условиях. Мы получили возможность сообщаться на общих прогулках в крепостном дворе. Это позволило нам составить нечто в роде завещания „товарищам по убеждениям", оканчивающегося призывом:

„... Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям итти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха".

Это обращение за нашими 24 подписями было напечатано в нелегальной „Общине".

Незадолго до отправки в дальние края мы пережили 2 голодовки, по 3—4 дня каждая. Первая возникла из-за слухов, будто при отправке централистов в харьковские тюрьмы они были наказаны розгами. Из опасения быть подвергнутыми тому же наказанию, мы решили: „Лучше смерть, но не этот позор". Вторая голодовка была объявлена по сочувствию к голодающим Тютчеву и его товарищам, которые, будучи подследственными, добивались тех же льгот, какими пользовались осужденные.

В июле 1878 г. был совершен обряд заковки в кандалы, после чего я, вместе с другими каторжанами (Брешковская, Синегуб, Тимофей Квятковский и др.), в ночную пору, со всевозможными предосторожностями был отправлен особым поездом, вместе с жителями *), в Сибирь, куда за нами последовали и наши жены, моя и Синегуба, привезенные особо из Литовского замка, куда они предварительно перед отправкой были заключены. Путь от Петербурга до Иркутска совершен был отчасти по железной дороге (от Петербурга до Нижнего-Новгорода) и по воде на барже (от Нижнего до Перми и от Тюмени до Томска), а все остальное многотысячное расстояние—на лошадях под охраной жандармов, во главе с ротмистром Петровым.

Захворав перед Иркутском тифом, я был привезен в Иркутскую тюрьму в бессознательном состоянии, где и вынужден был от партии отстать. Ротмистр Петров, не желая, очевидно, лишаться лишней тысячи рублей, обещанной ему, как говорили, за благополучную доставку каждого из нас на Кару, настойчиво уговаривал мою жену продолжать путь. За решительный отказ он отомстил сообщением по начальству, что Чарушина, оставшись в Иркутске, подготовляет побег мужу. Вероятно, благодаря этому, несмотря на настойчивые требования лечившего меня доктора Рейхмана снять с меня на время тяжелой болезни кандалы, они не снимались и были сняты лишь тогда, когда началось выздоровление.

Тиф меня возродил: та одурь и безразличие, которые у меня были, как следствие одиночного заключения, совершенно прошли, и мое жизнерадостное настроение, несмотря на исключительную обстановку, восстановилось.

Благодаря этой задержке на Кару нас доставили лишь в ноябре 78 г. уже иркутские жандармы, возглавляемые майором Халтуриным.

Не совсем при обычных условиях началась моя каторжная жизнь. Приехав на Кару уже после 9 час. вечера, когда доступ в тюрьму совершенно прекращался, поезд наш остановился у комендантского дома, куда мы и были приглашены комендантом, полковником Кононовичем. За чаем как-то само собой завязался оживленный разговор на общеполитические темы, который показал нам, что в лице карийского коменданта мы будем иметь человека несомненно умного и образованного, не настроенного враждебно к нам, политическим каторжанам. Пригласив затем нас к ужину, Кононович просил меня

*) Осужденые на житье в Сибири, с лишением некоторых прав и преимуществ. *В. Фигнер.*

лишь об осторожном обращении с моими ножными „ожерельями", т. к. звон их мог бы растревожить его больную жену. Переночевав в отведенном нам кабинете, я на другой же день был раскован и отправлен на гауптвахту, где уже сидели ранее прибывшие товарищи, а мою жену взялась устроить А. И. Успенская, жена нечаевца Успенского.

С этого времени начинается 18-летнее сибирское житье, сначала на Каре, затем в пределах Забайкалья. Каторжная жизнь в глухой, но живописной тайге, где по течению небольшой речушки, окаймленной горами, раскинут был ряд казенных золотых приисков и каторжных тюрем, протекала то в тюрьме, то на воле, в вольной команде, но в общем в благоприятных условиях, благодаря коменданту Кары Кононовичу, с которым у некоторых политических каторжан впоследствии установились даже дружеские отношения.

Весной 79 г. мы уже были выпущены в вольную команду, как окончившие испытуемый срок, хотя необходимого распоряжения для нашего освобождения еще и не было получено. В тесных пределах Карийской тайги, не стесняемые начальственным вмешательством в нашу жизнь, мы использовали свободу прежде всего общением с природой, которой мы столь долгое время были лишены.

Наша небольшая семья политических каторжан с их семьями, разместившаяся частью в собственных домиках (Успенский и Т. Квятковский), частью же в отведенных комендатурой казенных помещениях, постепенно обзавелась и заработком. Уроки, служба, домашние занятия плюс казенный паек натурой обеспечивали нам сравнительно безбедное существование и оставляли необходимое время для удовлетворения наших духовных потребностей. В книгах же и журналах в общем недостатка не было. Завязалась и довольно обширная переписка с родными и нашими старыми друзьями, раскиданными по разным сибирским городам и весям.

Бурные российские события 79—80 гг. давали обильный материал для Карийской политической каторги. Непрекращающийся наплыв политических каторжан на Кару, число которых к концу 80-го года достигло почти 100 человек, вынудил карийское начальство отвести для политиков большую тюрьму на Средней Каре, занятую ранее уголовными. Скоро и нам, вольнокомандцам, ожидавшим уже не в далеком будущем выезда с Кары, пришлось присоединиться к ним и снова облечься в ножные кандалы.

В конце 1880 г., в эпоху „диктатуры сердца" графа Лорис-Меликова, совершенно неожиданно было получено из центра распоряжение, чтобы весь каторжанский срок политикам отбывать в тюрьме, закованными в ножные кандалы, вольная команда для них уничтожалась, а те, кто этим правом уже пользовался, снова должны быть посажены в тюрьму и закованы. Кононович протестовал против этого распоряжения, но безрезультатно. Объявив нам об этом недели за две до нового года, он назначил нам 1-е января 81 г., когда мы должны были отправиться в Средне-Карийскую тюрьму и там провести остаток нашего каторжного срока. Нам, кому до конца каторги оставалось уже немного, перспектива попасть в тюрьму в некотором смысле даже улыбалась. Представлялась, таким образом, возможность близко ознакомиться с новыми товарищами, а вместе с тем и с новыми течениями, настроениями и событиями русской революционной жизни. Но не всем вольнокомандцам улыбалось это новое заключение. Семяновскому, общему нашему любимцу, оно стоило жизни. Не приспособленный к тюремной жизни и с больным сердцем он предпочел смерть трехлетнему тюремному заключению и выстрелом из револьвера в ночь на 1 января покончил свои счеты с жизнью. Смерть эта страшно всех нас потрясла, и мы винили себя, что не досмотрели за Семяновским.

Чрез несколько часов после самоубийства Семяновского все мы, вольнокомандцы, отправились за 4 версты отсиживать наш каторжный срок в Средне-Карийскую тюрьму, а наши жены остались хоронить Семяновского. Тюрьма приняла нас радушно. Здесь уже установился определенный режим с общим хозяйством и общей кассой, куда вносились все денежные получения из России, каковые и расходовались на общие потребности. Две большие камеры тюрьмы, снабженные нарами, были переполнены заключенными. Жизнь кипела в тюрьме. Скоро было приступлено даже к изданию журнала „Кара и кукиш", в котором приняли участие и некоторые из каторжанок женской тюрьмы. Вечерами же часто прекрасный хор, образовавшийся из сидельцев, устраивал концерты, слушать которые нередко собирались около тюрьмы карийские обыватели. Наличие такой массы политических каторжан разных наслоений воочию свидетельствовало нам, что дело, которое мы считали делом нашей жизни, не только не погибло, но нашло и находит все новых и новых деятелей, продолжающих изыскивать новые пути к освобождению родины и жертвующих ради этого своей свободой и даже жизнью.

Внутренняя жизнь тюрьмы почти ничем не стеснялась. Кандалы, которые мы обязаны были носить, мы научились снимать и обычно клали под подушку, надевая лишь тогда, когда ожидали посещения начальства, о чем всегда предупреждались

заранее. Некоторые из нас усердно занимались, хотя условия для этого были мало благоприятны по причине нашей скученности и невозможности сосредоточиться. Некоторые же работали в мастерских или ходили на разрезные работы.

Но, как бы то ни было, мы были лишены свободы, с чем примириться было трудно, в особенности тем, кому предстояло долгие годы провести в тюрьме. Естественно, что мысль о побеге занимала многих. Почти ежедневно различные группы, собравшись где-нибудь в укромном месте, горячо обсуждали этот вопрос, строя иногда совершенно фантастические планы побега. От слов скоро перешли к делу, что, впрочем, было уже после нашего выезда с Кары.

Через три месяца мой каторжный срок окончился, и я был освобожден. Вскоре же после этого, т.-е. летом 1881 г., будучи уже причислен к одной из волостей Забайкальской области, я вместе с женой и дочерью, родившейся на Каре в 80 г., покидаю Кару и выезжаю в сопровождении конвоя в Нерчинск и Читу, откуда, отпущенный на заработки—на казенные Давенденские прииски, расположенные в глухой тайге, ниже Кары, куда жена моя была приглашена учительницей к детям управляющего приисками, а я для занятий в конторе. Но благодаря особенностям приисковой жизни выдержать ее удалось лишь год.

С приисков мы снова перебираемся в Нерчинск, где уже около двух лет как обосновался выехавший с Кары печаевец Кузнецов. Он обзавелся даже собственным домиком и фотографией, которой и кормился сам и кормил свою многочисленную семью. Там же мы нашли и бывш. карийского коменданта Кононовича, теперь уже атамана III отдела Забайкальских казачьих войск, к которому жена моя, как опытная учительница, тотчас же и была приглашена для занятий с его детьми.

В Нерчинске мы прожили 4 года, вращаясь в тесном кругу близких и знакомых. Общественной жизни здесь не было никакой. Школ было мало, а библиотеки и совсем не было.

По отъезде Кононовичей в Петербург жена по-прежнему была занята уроками, у меня тоже были небольшие уроки, но, не чувствуя влечения к этого рода работе, я начал изучать фотографическое дело, работая у А. К. Кузнецова. Когда я освоился в достаточной степени с делом и получил не без труда необходимое разрешение на занятие фотографией, мы направились летом 1886 г. в Троицкосавск, находящийся на границе с Монголией.

Город Троицкосавск, куда мы, наконец, прибыли, расположенный в песчаной котловине, окруженной со всех сторон лесистыми горами, был довольно бойким торговым городком с 3—4-мя тысячами жителей. К немалому нашему удивлению, в нем, кроме начальных школ, имелись и женская гимназия и реальное училище. Рядом с Троицкосавском, на той же речонке, в 3—4 верстах от него, соединенная шоссе, находилась известная в России слобода Кяхта, состоящая из 15—20 домов, населенных исключительно крупными чаеторговцами, а дальше рядом с ней, стоило лишь перейти через дорогу, расположен был уже китайский городок Маймачен с своими крупными торговыми чайными фирмами, а еще дальше раскинулась монгольская степь с видневшейся на горизонте цепью гор. Много своеобразного было в жизни в новом нашем местожительстве на границе с Монголией, совершенно открытой для свободного общения подданных России с подданными Китая.

Тон, особенно в экономической жизни, здесь задавала, без сомнения, маленькая Кяхта с ее огромными капиталами и обширной торговлей, снабжавшая „кяхтинскими" чаями не только Сибирь, но и далекую Россию. И само кяхтинское купечество, среди которого были и воспитанники декабристов, выгодно отличалось от массового купечества остальной России своею культурностью и независимостью, перед которой, случалось, даже пасовала всесильная генерал-губернаторская власть.

Троицкосавск не был ссыльным городом. По приезде нашем мы нашли здесь из этой категории обывателей лишь Петрова с женой, бывшего со мной на Каре, одесского рабочего Горяинова, способного и предприимчивого человека, и административно-ссыльного из Петербурга зятя крупного кяхтинского чаеторговца Лушникова, Ив.Ив. Попова, впоследствии хранителя Иркутского музея и редактора „Восточного Обозрения". Позднее маленькая колония ссыльных пополнилась еще высланным из Томской губернии Юферевым, способным, но несчастным человеком, страдавшим алкоголизмом, семьей Стахевич, приехавшей из Иркутска, и Торгашевым, перебравшимся из Верхнеудинска.

Ив. Ив. Попов, приехав раньше меня в Кяхту и будучи живым и общительным человеком, уже успел не только освоиться с новой обстановкой, но и перезнакомиться со всеми кяхтинцами и многими обитателями Троицкосавска. Скоро, близко сойдясь с ним, и мы круг знакомств расширили, а когда моя фотография, после ряда различных затруднений, начала, наконец, функционировать, то знакомства эти сами собой еще значительно выросли. В работе, дававшей мне независимое положение и обеспечивавшей семью материально, мы прожили в Троицкосавске целых 9 лет, пока

я не получил возможности выехать в Россию. Как и в других городках Забайкалья, общественной жизни в Троицкосавске почти не было, хотя культурные силы и имелись в достаточном количестве. Пользуясь этим последним обстоятельством, мы совместными силами предприняли организацию общедоступной общественной библиотеки по типу харьковской, и скоро, благодаря общему сочувствию и пожертвованиям книгами и деньгами, библиотека была готова и открыта для пользования публики. Круг читателей с первых же дней был весьма значительный, не переставая возрастать в последующее время, как росла и сама библиотека. Вслед за тем было приступлено и к организации этнографического и естественно-исторического музея, под который Кяхта отвела особое и довольно поместительное каменное здание. За музеем последовало далее образование отделения Географического Общества. Работники нашлись и для этого последнего.

Кяхта всегда была трактом для путешественников, отправляющихся для научных исследований в Монголию и Китай. В числе таких путешественников, между прочим, приезжал Клеменц, наш бывш. товарищ по кружку чайковцев, теперь уже ученый этнограф и исследователь. Приезжал не раз и Г. Н. Потанин с своей женой, с которым я, с разрешения департамента полиции, совершил даже экскурсию в столицу Монголии — Ургу, откуда вывез богатую коллекцию антропологических снимков монголов. Приезжали к нам повидаться и ссыльные, как, например, Кроль и из Селенгинска Залкинды и Е. К. Брешковская, поселенная в этом, богом забытом, городке после своей вторичной каторги, полученной ею за неудачный побег из Баргузина. Профессия фотографа давала мне возможность поддерживать связь с политическими ссыльными путем поездок с фотографическими целями не только по западному Забайкалью, но и в Иркутск и на далекую Лену, по берегам которой, а также в самом Иркутске были водворены большие колонии ссыльных.

Приблизительно в 1888 г. Троицкосавск посетил генерал Русинов, объезжавший тогда сибирских политических ссыльных по специальному поручению Александра III. Посланник царя долго и убедительно уговаривал нас, каждого в отдельности, подать прошения о помиловании, обещая немедленно же, по телеграфу, получить и полное прощение наших прежних прегрешений. Один из троицкосавских ссыльных, а именно Горянинов, не устоял перед соблазном и подал требуемое прошение, а через несколько дней он действительно и получил все то, что ему было обещано. Но таких податливых, как этот последний, немного нашлось среди сибирских ссыльных, и жатва генерала Русинова была не велика.

Попав под три манифеста, я в 1895 г., т.-е. через 18 лет после приговора, получаю, наконец, возможность вернуться в Россию с мещанским паспортом, без отметок о судимости, с воспрещением въезда в столичные, университетские и некоторые другие города.

В августе 1895 г., совершив многотысячный обратный путь на лошадях, мы снова в Вятке, которую в последний раз я видел в 72 г. Сверх всякого ожидания Вятка, этот по преимуществу чиновничий город, встретила нас приветливо, а местный губернатор (Ф. Ф. Трепов) даже не оказал никакого препятствия моему поступлению на службу губернского земства, председатель управы которого, А. П. Батуев, подбирал тогда себе идейных работников для выполнения широких земских замыслов.

Россию я нашел уже не ту, какую оставил 20 слишком лет тому назад. Она, даже судя по Вятке, много выросла. Выросло вместе с ней и наше земство, успевшее развернуть за это время свою деятельность в разных областях, в особенности же в деле народного образования.

Вступив в среду земского третьего элемента и располагая по характеру своей службы в достаточной степени свободным временем, я быстро связался с идейными представителями его и вошел в земскую жизнь, а также и частнообщественную. С этих пор я делаюсь постоянным обитателем Вятки и остаюсь на земской службе в течение 12 лет, до начала 1907 г., когда я должен был оставить ее по требованию вятского губернатора кн. Горчакова, посланного усмирять вятскую революцию, а с ней и вятское земство.

Вятка и вся Вятская губерния того времени была местом усиленной политической ссылки, по преимуществу нового марксистского направления, и наш семейный дом вскоре превратился как бы в политический клуб, куда одинаково охотно собирались представители народнических и марксистских течений. Нередко на этих собраниях возникали и жаркие споры, не приводившие, разумеется, к соглашению, но не нарушавшие установившихся дружеских отношений. Пунктом нашего разъединения служил, конечно, крестьянский вопрос. Однако, скептическое отношение марксистов, составлявших едва-ли не большинство вятских ссыльных, к крестьянству не мешало им усердно работать в вятских крестьянских земствах на пользу вятского мужика, забывая в практике жизни свои теоретические построения. Многие из этих ссыльных на долгие годы оседали в губернии, занимая ответственные должности в земстве, многие из них впоследствии выдвинулись

на общественном поприще, как, например, Стучка, Громан, Гурвич (Дан), Потресов, Воровский, Вашков и многие другие.

С наплывом ссыльных жизнь оживилась еще больше. Возникли партийные организации, завязывались связи с рабочими и крестьянством. Так тянулось до половины 900-х годов, когда наши неудачи в войне с Японией взбудоражили общественное мнение и подняли настроение. Конституционный вопрос становился лозунгом дня. Вместе со всеми бурлила и Вятка, а вместе с нею и вятское земство. Атмосфера, в особенности после выступления петербургских рабочих 9 января 1905 г., накалялась.

Будучи по основным своим взглядам народником, но относясь отрицательно к современному террору, сделавшемуся уже массовым и в особенности же к экспроприациям, я и многие из близких мне вятичей не могли примкнуть к эсеровской организации. Поэтому мы образовали особую нелегальную организацию „Вятский Демократический Союз", который потом слился с Народно-Социалистической партией, по образовании последней в 1906 г.

Революцию 1905 г. мне пришлось приветствовать в Москве, куда я приехал накануне 17 октября на съезд „Союза освобождения". На другой же день вся Москва была уже на улицах, всюду радостные лица, а на Театральной площади с импровизированных трибун уже раздавались пламенные речи. Мечта молодости, казалось, осуществлялась и даже ранее, чем тогда предполагали. При виде проснувшихся народных масс, воодушевленных освободительной идеей, воодушевлявшей и нас, невольно чувствовались необычайная радость и удовлетворение от сознания, что бесчисленные жертвы, принесенные во имя ее, не пропали даром, а дали, хотя и через несколько десятков лет, ожидаемые плоды.

В течение почти месяца я был свидетелем событий, нередко величественных, как баумановские похороны, или трагических, омрачавших праздничное настроение, когда на сцену стала выступать черная сотня.

Но усердно посещая многочисленные митинги и разного рода большие и малые совещания, я немало огорчался тем, что у революционной публики и их вождей не только не было какого-нибудь объединяющего центра с единой направляющей программой действий, но все они вели ожесточенную междупартийную борьбу, как бы забывая о существовании общего врага, борьба с которым еще далеко не была закончена.

Но, как бы то ни было, факт народного пробуждения был налицо, и какая бы судьба в ближайшее время, думалось мне, не постигла первую русскую революцию, неизгладимые следы ее в народном сознании останутся и рано или поздно приведут к победе.

Вятка, как и вся Россия, по возвращении моем из Москвы, тоже кипела и была сильно возбуждена и нервно настроена, будучи еще полна впечатлениями от черносотенного погрома, имевшего место в мое отсутствие, 22 октября. Публика вооружалась для защиты от черносотенцев, а также и для охраны крестьянского съезда, имевшего собраться в декабре. В этом же месяце, по связи с Москвой, и здесь, в Вятке, имело место вооруженное выступление эсеровской молодежи и участников крестьянского съезда. С арестом повстанцев брожение, охватившее все слои населения, не прекращалось. Живое участие в различных общественных начинаниях пришлось принять и мне.

В конце 1905 г. были изданы „Временные правила о печати". Группа сторонников открытой политической деятельности, в числе которых был и я, пользуясь открывшейся возможностью, предприняла издание в Вятке общественно-политического органа печати левого демократического направления с народническим уклоном, но беспартийного. Еще в бытность мою в Москве, я получил на издание от известного издателя А. П. Чарушникова, вятича по рождению, 2000 р. Кроме того, было собрано до десятка сторублевых взносов от сочувствующих изданию в самой Вятке. В декабре же этого года была выпущена ежедневная газета „Вятская Жизнь". Через семь месяцев, по приговору суда, за напечатание „Выборгского воззвания" она уже была закрыта. Моя жена, как издательница, хотя и серьезно больная, была выслана губернатором, кн. Горчаковым, за пределы губернии. Этой высылкой было положено начало массовым высылкам, опустошившим губернию, совершенно дезорганизовавшим наши земства и многие частнообщественные организации, из которых наиболее живые и подозрительные, как многолюдные учительские объединения, были совсем закрыты. Окрепшая „историческая власть", как и повсеместно в России, мстила за революцию и в Вятке и была беспощадна.

В этих-то тяжелых условиях приходилось продолжать издание, уже под другими названиями, и в течение почти 12 лет претерпевать непрерывные преследования самого разнообразного характера, имевшие целью добить газету, которая не хотела умирать и продолжала борьбу с административным произволом. Облеченная особыми полномочиями власть ничем не стеснялась: преследования судебные, неоднократное закрытие типографии, высылки сотрудников и бесконечные аресты и штрафы, налагаемые на редакторов, в одиночку и пачками, как это

имело место при губернаторе Камышанском, арестовавшем сразу восемь редакторов, из которых только один был ответственный, а остальные запасные. При отсутствии средств у газеты и при постоянных дефицитах по изданию штрафы эти обычно отбывались натурою, благодаря чему некоторые из редакторов почти не выходили из заключения. И только в самые последние годы местная администрация, как бы примирившись с неизбежным злом, стала прибегать к репрессиям реже.

Хотя я с самого начала издания и до конца его (в декабре 1917 г.) нес ответственные обязанности как по общему руководству газетой, так и по материальному ее благополучию, что, разумеется, было не безызвестно местной администрации, последняя почему-то не принимала против меня репрессивных мер, ограничиваясь лишь угрозой высылки, которая так и не приводилась в исполнение. Теперь, оглядываясь на это издательское прошлое, невольно недоумеваешь и сам, как можно было вынести эту сплошную административную вакханалию, длившуюся более десятка лет при хроническом недостатке средств, которые нужно было где-то добывать. И выдержать эту длительную борьбу, без сомнения, было бы невозможно без преданности делу ближайших сотрудников и общественного сочувствия, помогавшего добывать и нужные средства и всегда иметь кадры редакторов, готовых на высидку.

В этот же период, именно с конца 1905 г. и до половины 1908 г., мне пришлось нести и другие ответственные обязанности. В 1905 г. губернию постиг неурожай, а затем и голод. Общеземская организация, членом которой состояло и Вятское губ. земство, предложила мне быть ее уполномоченным по оказанию помощи вятскому населению. Я не счел для себя возможным отказаться от избрания. Почти одновременно такие же обязанности возложены были на меня и Вольно-Экономическим обществом. Длительная продовольственная кампания, для которой я располагал суммой до 235.000 р., требовавшая разъездов по губернии и организации комитетов на местах, была мною благополучно закончена, и ответственные обязанности губ. уполномоченного были, наконец, в половине 1908 г. с меня сняты.

Здесь же, в Вятке, пришлось пережить и новые тяжелые личные утраты.

В августе 1903 г., участвуя в геологической экспедиции Голубятникова, погиб на Кавказе, в Бакинской степи, наш старший сын Леонид, студент Горного института, а в январе 1909 г. умерла возвратившаяся в Вятку из своей последней ссылки моя жена Анна Дмитриевна, неизменный спутник мой на жизненном пути. Вскоре после смерти моей жены скончалась и моя мать.

Когда разразилась февральская революция, то в Вятке, как и всюду, возникли самочинные революционные организации, в которых мне пришлось принимать живое участие, особенно же в исполнительном комитете. В целях организации крестьянства, по моей инициативе был создан губернский организационный беспартийный комитет Крестьянского союза. Вскоре подобные комитеты возникли и на местах. Под моим председательством деятельность комитета продолжалась до июня 17-го года, когда созванный крестьянский губернский съезд преобразовал союз в Совет Крестьянских Депутатов. Выбранный общим собранием в члены исполнительного комитета Совета, я в августе того же года вместе с с.-д. и н.-с вышел из него, принявшего чисто партийную с.-р. окраску и тактику, с которой в некоторых отношениях мы не могли примириться.

В октябре 1917 г. впервые собирается обновленное земское собрание. В это время столица переживала смутное время, а вскоре началась и открытая борьба за власть советов. Деловая связь губернии с центром прервалась, вследствие чего губернское собрание вынуждено было взять на себя верховные функции и временно, до установления твердой власти в столице, объявить Вятскую губернию самостоятельной республикой, выбрав исполнительный орган, Совет верховного управления губернией из 18-ти лиц, в числе которых был и я.

В декабре губернское собрание собирается снова. Упразднив первый большой Совет верховного управления, оно выбрало новый, всего в составе 3-х человек от земства: Трейтера, Басова и меня, к которым должны были затем присоединиться по одному представителю от Вятской городской думы и партийных организаций.

Я сознавал безнадежное положение нового Совета и долго отказывался от чести избрания, но в конце концов уступил настойчивым просьбам собрания. Мои предвидения вскоре оправдались, и новому Совету фактически не пришлось даже и приступить к исполнению своих обязанностей.

С 1918 г., уже в виду моего возраста и сильно подорванного здоровья, расстроенного всей моей предыдущей нервной жизнью, я совершенно устранился от политической деятельности.

Тем не менее в годы гражданской войны я все же несколько раз подвергался арестам, но без предъявлений каких-либо обвинений. В последний раз, в 1919 г., был освобожден лично комендантом Вятского укрепленного района Блюхером, который в пасхальную ночь вместе со своею свитою приехал в Ч. К., где я содержался,

ЧЕРНАВСКИЙ М. М. (1855–1943).

чтобы объявить мне, что я свободен и что больше ничего подобного со мною уже не случится.

Уйдя от политики, я не устранился совсем от культурной работы, в которой в последние годы принимал посильное участие. Так, в 1919 г., выбранный общим собранием членов Вятского Экономического об-ва потребителей, я состоял некоторое время членом правления этого общества. Выбранный затем осенью того же года в члены президиума совета кооперативных съездов, я перешел туда, где вскоре занял место председателя президиума, в каковой должности пробыл до ликвидации совета весной 1920 г. Делегированный этим последним в совет библиотеки имени Герцена, одной из старейших библиотек в России, перестраивавшейся в это время в научную библиотеку, я принял участие в работах этого совета, а с конца 1921 г. вошел в состав постоянных работников библиотеки. Здесь я первоначально заведывал отделом обществоведения, а с 1923 г. принял заведывание местным отделом, которым заведую и по настоящее время. С ноября 1922 г. состою членом „Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев".

Чернавский, Михаил Михайлович.*)

Родился 11 июля 1855 г. в семье сельского дьякона в Смоленской губ. Когда мне минуло 10 лет, отца перевели в Смоленск и сделали протодьяконом. Воспитывали меня в семье и школе в духе православно-самодержавных устоев старого режима. Я был мальчиком весьма религиозным и благонамеренным патриотом. Когда в Петербурге раздался выстрел Каракозова, мне было около 11 лет. Хорошо помню, каким негодованием горело мое маленькое сердце против Каракозова и как восторженно я любил тогда „спасителя" Комисарова. Если бы в то время мне сказали, что я со временем сам буду злоумышлять против венценосного монарха, я был бы глубоко возмущен такой отвратительной клеветой. Начальное и среднее образование получил в смоленском духовном училище и духовной семинарии. Прелести „Бурсы" в стиле Помяловского меня миновали, так как я жил у родителей и посещал школу только для классных занятий. Кроме того, к моменту моего поступления начались в духовных учебных заведениях преобразования: изгонялись розги, слишком заскорузлые учителя заменялись молодыми и т. д. Но тем не менее все же это была духовная школа конца 60-х и начала 70-х годов. В ней еще всецело царила затхлая, почти средневековая схоластика. Вводимые робкие „реформы" только еще начинали ее выветривать. Учеба давалась мне легко, без усилий. Я шел всегда одним из первых учеников. Но странное дело, накопление школьных знаний совсем не возбуждало мысли к самостоятельной работе, оставляло ее в дремотном состоянии. Можно сказать, что почти до 18-летнего возраста мой ум безмятежно спал. Я успешно проходил немудреные семинарские науки, зубрил греческие и латинские вокабулы, немножко увлекался математикой, взасос читал романы Майн-Рида, Густава Эмара, Жюль Верна, исправно говел в великом посту, говел не формально, а с подъемом, трепетно, очень любил некоторые церковные службы. Разбудил меня Д. И. Писарев. Не помню как, но мне попала в руки его статья по поводу романа Тургенева „Отцы и дети". Роман этот я раньше читал, не понял и стал уже забывать. Теперь я вновь его перечитал, вторично прочел статью и вплотную засел за сочинения Писарева. Быстро проглотил все томы. Майн-Рид и компания забыты, вытеснены Писаревым, Добролюбовым, Чернышевским и т. д. Пресвятая троица, занимавшая в моем миросозерцании весьма почетное место, рассеялась, как дым. Рассеялся также схоластический туман духовной семинарии. Разбужена бурная жажда положительных знаний, появилась неудержимая тяга к естествознанию. Весной 1874 г. познакомился я с одним пропагандистом, бывшим студентом. В целях пропаганды он променял университет на место учителя в сельской школе. В моих руках впервые появились революционные издания того времени: журнал „Вперед", „Государственность и анархия" Бакунина, „Хитрая механика", „Сказка о четырех братьях" и т. д. Проснулось и стало тревожить сознание долга по отношению к народу. Передо мной стало вырисовываться неизбежное вступление на революционный путь, неизбежный разрыв с старою жизнью, с старыми связями и интересами.

Осенью 1875 г. я приехал в Петербург и поступил вольнослушателем в Медико-хирургическую академию. Здесь передо мной прежде всего встала дилемма: наука или революция. Во мне чувствовалась сильная тяга к той и другой. Первые два—три месяца брала верх, как будто, первая. После семинарской схоластики лекции академических профессоров производили неотразимое впечатление. Жажда знаний была так велика, что я не довольствовался академическими лекциями, нередко ходил в другие высшие учебные заведения слушать наиболее популярных профессоров. В то время доступ на лекции посторонних студентов был возможен. Но увлечение наукой было непродолжительно. Меня окружала бурливая среда еще неустановившейся, но

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Москве.

глубоко захваченной революционными идеями того времени, молодежи. Я невольно поддавался влиянию этой среды. Тяга к революции усиливалась за счет ослабления тяги к науке. Скоро вышеприведенная дилемма была вытеснена вопросом: нужна ли наука (т.-е. прохождение курса какого-нибудь высшего учебного заведения), как подготовительная стадия к предстоящей революционной деятельности? По этому вопросу шли ожесточенные споры. Казалось, и та и другая сторона приводят одинаково солидные доводы. Теоретически я не знал еще, как решить этот вопрос. Но практически, в своих действиях, я уже склонялся к отрицательному его решению. Мало-по-малу лекции отодвинулись на задний план. Выдвинулся еще не потерявший своего обаяния лозунг „в народ!". Кажется в январе 1876 г., я поселился в квартире сапожника и стал учиться у него сапожному ремеслу.

Необходимо здесь подчеркнуть, что умственный багаж, с которым я прибыл в Питер, был весьма легковесен. Хороших книжек было прочитано очень много, но все это проглочено наскоро, не усвоено, не переварено, не сложилось еще в определенные формы, в устойчивые убеждения. Поэтому, очутившись среди многочисленных революционных течений того времени: пропагандистов, бунтарей, сторонников Бакунина, Лаврова, Ткачева и т. д.,—я совершенно терялся, не умел решить, кто из них стоит на настоящей дороге. Усердное хождение по сходкам, кружковым собраниям и т. д. не приносило мне никакой пользы. Все выслушиваемые дебаты на политические темы как-то скользили и быстро забывались, не оставляя по себе глубокого впечатления. К весне 76-го г. во мне созрело решение провести лето где-нибудь в деревне—в расчете, что непосредственное знакомство с народом выведет меня из затруднений, поможет остановиться на каком-нибудь определенном плане. Около этого времени небольшая группа лиц, связанных с кружками, из которых немного позднее сложилась „Земля и Воля", арендовала на Кубани участок земли, с целью поехать туда на лето, поучиться земледельческим работам и, вместе с тем, попытаться вести пропаганду среди хуторян, недавно переселившихся на Кубань из Малороссии. Мне предложили войти в эту группу, и я согласился.

Перед отправлением на Кубань мне пришлось участвовать в демонстративных похоронах студ. Чернышева. Чернышев, пропагандист, долго просидевший в тюрьме, незадолго до смерти был переведен в больницу при Медицинской академии. В похоронах участвовали почти исключительно студенты высш. учеб. зав. Всего собралось до трех тысяч. Сначала во главе процессии шел священник, но после того, как процессия остановилась на Шпалерной перед „предварилкой", и его заставили отслужить здесь краткую панихиду, он незаметно сбежал, и процессия продолжала свой путь без священника. Шли намеренно по наиболее многолюдным улицам. Полиция, не вмешиваясь, сопровождала. Порядок не нарушался. На кладбище была произнесена речь, в которой указывалось, как и за что погиб покойный. Полиция на кладбище не показывалась. Если не ошибаюсь, ни здесь, ни при расхождении по домам никто арестован не был. В газетах о демонстрации не упоминали, но толков по ее поводу в столице и даже в провинции было много.

На Кубани я прожил все лето до конца августа. Обхожу молчанием успехи и неудачи группы в течение лета. Для меня лично поездка на Кубань окончилась неудачей. Мои надежды, что непосредственное знакомство с народом поможет мне разобраться в рыхлом ворохе новых мыслей и идеалов, нахватанных из прочитанных книг,— совсем не оправдались. Живая жизнь в лице соседей-хуторян окатила мой ворох новых идей холодом снисходительно-скептического равнодушия. Мне было бы, вероятно, легче перенести прямо враждебное к ним отношение.

В Петербург я вернулся в состоянии глубокой растерянности, с горьким сознанием, что в данный момент я еще не гожусь для пропаганды в народе. Должен сказать, что мое разочарование ни в малейшей степени не коснулось ни новых идей, ни моей веры в народ, оно относилось исключительно к моей крайней неподготовленности. Я понимал, что принять новые идеи с чужого голоса недостаточно, нужно их каким-то образом претворить в свои собственные идеи. В эту зиму я забросил сапожное шило и колодку, забил о лекциях и принялся за систематическое чтение по определенному плану. С начала сентября до дня ареста я целые дни проводил в публичной библиотеке и только изредка бывал на собраниях и сходках. Мало-по-малу мне стало казаться, что мой ворох новых идей начинает постепенно терять характер рогозливости, рыхлости, между идеями устанавливалась логическая и конструктивная связь, они укладывались в определенном порядке, ворох уплотнялся и упорядочивался. Я стал входить во вкус этой внутренней работы.

За несколько дней до 6-го декабря я узнал, что затевается политическая демонстрация возле Казанского собора с красным знаменем, с вышитым на нем девизом „Земля и Воля". Решил принять в ней участие, а оттуда пройти в библиотеку (по праздникам была открыта от 12 до 4 часов). Захватил с собой тетрадь, в которую делал выписки из прочитанных книг, рассчитывая, что побываю на демонстрации, не упущу и

библиотеку. Но вместо библиотеки попал в участок, где был жестоко избит, а оттуда в „предварилку". Я не был в числе инициаторов демонстрации и не был с ними организационно связан. М. А. Натансона и Г. В. Плеханова встречал несколько раз на небольших кружковых сходках, они заметно выдвигались среди тогдашней петербургской молодежи. Кто еще принимал участие в организации демонстрации, не знаю. Сказать правду, термин „организация демонстрации" в данном случае слишком громкое выражение. Слишком примитивны были приемы ее устройства. Участников собралось немного. На мой взгляд 150—200 человек. Большинство—студенты, рабочих было очень мало. Незначительное количество демонстрантов объясняется тем, что недели за две до 6-го декабря по городу были распущены слухи, что предполагается демонстрация у Исакиевского собора. В назначенное воскресенье к собору собралось довольно много публики, главным образом учащейся молодежи. Долго толклись на площади и среди колоннад собора в ожидании выступления, никто не выступил, так все и разошлись. Повидимому, 6-го декабря многие не поверили слухам о готовящейся демонстрации, думали, что и на этот раз ничего не будет. По числу участников демонстрация вышла далеко не внушительной даже для того времени. Но правительство своими репрессиями сильно подчеркнуло и, можно сказать, утроило ее значение. Судебный процесс в январе 1877 г. общеизвестен. Он печатался в газетах и в отдельном издании. Меня приговорили в каторжные работы на 15 лет.

Т. обр., мое изъятие из обращения произошло, что называется, на самом интересном месте—в то время, когда во мне происходил и еще далеко не закончился процесс моего самоопределения. Царское правительство вмешалось в этот процесс и определило меня в разряд „тяжких государственных преступников". В июле 1877 г. в „предварилке" произошла так-наз. треповская история. Боголюбов, осужденный за демонстрацию на 15 лет каторги, был подвергнут, по распоряжению Трепова, телесному наказанию. Разумеется, все заключенные по этому поводу „бунтовали". Многие были жестоко избиты. После этой истории все осужденные были разосланы по местам, куда их приговорил суд. В августе 1877 г. я был водворен в правую одиночку Ново-Белгородской центральной каторжной тюрьмы в Харьковской губ. Режим этой тюрьмы известен. Из всех политкаторжан, содержавшихся в харьковских централках с 75-го до 80-го года, погибло до 30% (сошли с ума или умерли). Мои два сопроцессника — Боголюбов и Бочаров—сошли с ума. Появились и у меня признаки начинавшегося помешательства.

В то время, когда представители революционного движения первой половины 70-х г., попавшие в лапы царского правительства, один за другим погибали в тюрьмах, на воле возникла партия „Народной Воли". Под ударами этой партии правительство лишилось своей обычной самоуверенности. Для борьбы с крамолой в 1880 г. была учреждена „верховная комиссия" под председ. Лорис-Меликова. Последний решил испробовать „меры кротости". Наступила так н. „диктатура сердца". Меры кротости коснулись также и заключенных в харьковских централках. Последовало распоряжение о немедленном переводе их в мценскую пересыльную тюрьму и содержании всех на больничном положении. С половины октября 80-го г. до мая 81 г. мы прожили в мценской тюрьме в очень льготных условиях, а потом нас отправили на Кару. В централке процесс самоопределения, происходивший во мне перед арестом, скоро сменился процессом в обратном направлении,—процессом ликвидации, разложения моей личности. В момент отправки в Мценск я был близок к полному, непоправимому помешательству. Мценск меня спас, я оправился. И здес снова начался так несвоевременно прерванный процесс самоопределения. Он протекал в ненормальных, тесных условиях тюремной жизни. Особенно сильно чувствовалось отсутствие под руками большой библиотеки. Зато здесь было общение с товарищами, политически уже вполне определившимися. Среди них было много выдающихся революционеров. Влияние окружающей товарищеской среды было велико, но еще больше было влияние событий на воле. Смею утверждать, что в это время „Народная Воля" участвовала в закладке основных камней моего социально-политического миросозерцания, остающегося до сегодня в главных своих чертах без изменения. Прежние наивные представления о революции рассеялись. Наступление социального мира, идеального общественного строя—отодвинулось в весьма далекое будущее. Было осознано значение нормальных политических условий для переустройства общества на социалистических началах. Самодержавие выдвинулось на первый план, как главное и ближайшее препятствие к развертыванию борьбы за освобождение трудящихся масс от гнета капитала. Было признано, что при известных политических условиях позволительно прибегать к террористическим приемам борьбы. В мценской тюрьме было пережито нами 1-е марта и осмыслено, как в цепи тогдашних событий неизбежный и даже обязательный для партии акт. В сущности все элементы миросозерцания, сложившегося у меня в Мценске и по дороге

на Кару, были налицо уже перед поездкой на Кубань, но в то время они представляли беспорядочную, хаотическую смесь, а теперь дифференцировались и органически между собой связались. Должен еще прибавить, что до Кубани мой рыхлый ворох новых идей был покрыт густым анархическим налетом, а к приезду на Кару этот налет почти совершенно слинял.

На Кару наша партия прибыла во второй половине февраля 1882 г., т.-е. через год и четыре месяца после выхода из централки. Весной произошел побег 8 политических каторжан. Последовали сильнейшие репрессии. Мне пришлось участвовать в 12-дневной голодовке. Этой голодовкой мы добились лишь незначительного смягчения введенного после побега сурового режима. После этого наступил сравнительно спокойный период в жизни на Каре, продолжавшийся до моего ухода на поселение. Ко мне был применен коронационный манифест Александра III. Вопрос о применении манифеста решала особая комиссия при министерстве внутр. дел. В ее глазах демонстрация 6-го декабря после народовольческих выступлений настолько побледнела, что ко мне и моему сопроцессинку—А. Н. Бибергалю, применили манифест и, кроме того, на поселение не послали в Якутку, а оставили в Забайкалье.

В начале сентября 1884 г. я был выпущен из читинской тюрьмы на волю в чине ссыльно-поселенца. Меня приписали к Верх-Читинской волости в 25 верстах от Читы с обязательством жить в городе. Ко времени моего освобождения здесь собралась порядочная колония политических ссыльно-поселенцев. Четверо из них (И. О. Союзов, Л. Э. Шишко, С. П. Богданов и И. В. Турович) устроили столярную мастерскую. Она функционировала уже около 2-х лет и под именем „социалистической" была известна в городе, как лучшая мастерская. Мне и освобожденному вместе со мной П. П. Валуеву было предложено присоединиться к мастерской. Валуев был заправский, очень хороший маляр, а я импровизированный столяр. Мастерству я немножко научился в централке, Мценске и на Каре. К сожалению, я проработал здесь очень недолго, кажется, два—три месяца. Мастерская в это время существовала не на артельных, а на чисто коммунистических началах, хотя слово „коммуна", помнится, мы никогда не употребляли. Общий стол, общее жилище. Заработки поступали в общую кассу, расходовались на личные надобности (платье, табак и т. п.) с общего согласия, соответственно состоянию кассы и потребностям каждого, без мелочных счетов, сколько на кого вышло денег. Довольно скоро после вступления я должен был констатировать, что работник я плохой. Беда моя была не столько в качестве, сколько в скорости работы. Я был слишком медлителен. Не мог не видеть, что вырабатываю заметно меньше, чем все товарищи. Вначале утешал себя мыслью, что продуктивность скоро придет. Старался, налегал. Поту проливал много, а результатов получалось мало. Если бы у нас была артель, заработки делились соответственно выработке каждого, можно было бы долго ждать, когда я дойду до средней продуктивности в работе. Но тут была коммуна, с трудом сводившая концы с концами. Ясно, что моя отсталость ложилась тяжелым бременем на бюджет мастерской. Товарищи делали вид, что не замечают моих слабых успехов, тем ярче они выступали в моих глазах. Убедившись, что продуктивность моей работы заметного роста не обнаруживает, я решил уйти из мастерской, искать себе более подходящего заработка. Это решение было принято с болью в сердце. Вынужденный отказ от ремесленного труда подрезывал одно из моих мечтаний. Дело в том, что на поселение я вышел с миросозерцанием народника-семидесятника плюс внесенные к нему „Народной Волей" поправки. Во мне сохранилось еще былое стремление „слиться с народом". Это слияние входило, как составная часть, в мои думы о будущем побеге. И вот с первых же шагов на воле я оказываюсь несостоятельным по отношению к физическому труду. Думы стали понемногу бледнеть. Впрочем, постепенное ослабление мечтаний обусловливалось не одною вышеуказанною несостоятельностью; были и другие влияния, действовавшие в том же направлении. Наступал глухой, тяжелый период в политической жизни страны. „Народная Воля" разбита. Расцветала реакция не только правительственная, но и общественная: все живые силы, до самых умеренных включительно, притихли. Народ „безмолвствовал". Короткая бурная схватка „Народной Воли" с правительством его не разбудила. Местами ходили толки, что царя убили помещики за освобождение крестьян. Скоро ко всему прибавилось еще известие о ренегатстве Льва Тихомирова. В общем настроение ссыльных нельзя было назвать приподнятым.

Выйдя из мастерской, я стал бегать по урокам. В начале 1886 г. переселился в Нерчинск и там существовал уроками, кажется до 1890 г. В конце концов полиция, долго смотревшая сквозь пальцы, мои уроки ликвидировала, так как по инструкции ссыльным занятие уроками запрещалось. Тогда я стал фотографом-профессионалом и до возвращения в Европейскую Россию существовал фотографией. В Нерчинске я стал понемногу втягиваться в культурную работу. Здесь давно уже жил А. К. Кузнецов, сосланный по нечаевскому делу, человек необычайной энергии, обладавший поразительным талан-

том расшевеливать окружающую инертную, обывательскую среду и заставлять ее помогать ему в культурной работе, в которую сам он ушел всей душой, всеми помыслами. К моему приезду его стараниями было положено начало нерчинскому музею, основана библиотека, учреждены „Кружок любителей музыки и литературы" и „Общество попечения о начальном образовании". Я взял на себя работу в библиотеке, около 14 лет состоял бессменным и бесплатным библиотекарем. Когда Кузнецов переселился в Читу, я, продолжая исполнять обязанности библиотекаря, довольно много работал в „кружке любителей музыки и литературы". Больше всего меня удовлетворяла работа в библиотеке. Но я не посмею сказать, чтобы вся моя культурная работа увлекала меня с головой. Кажется, где-то у Горького есть тип, который говорил о себе: „Меня тянет во все четыре стороны". В нерчинский период моей жизни я немножко напоминал этот тип. Меня тянуло в разные стороны. Занимаясь своей работой в Сибири, я жадно тянулся мыслью на запад,—в Россию, в Европу, ловил все вести оттуда, набрасывался на газеты. Моя жадность к газетам часто вызывала со стороны окружающих шутки и остроты. Я сидел на месте нетвердо.

В последние годы прошлого столетия с запада стали доходить хорошие вести: оттуда повеяло свежим воздухом. Осенью 1900 г. я ликвидировал свою фотографию и уехал в Россию. Меня манил туда не один свежий воздух, но и личные дела. Прошло 24 года с тех пор, как меня изъяли из обращения. Долго я только присматривался к окружающей среде. Как-то не по себе было мне—семидесятнику—среди нового поколения, среди девятисотников; я чувствовал, как мало подходит моя старомодная, медлительная, растяпистая фигура к бурлящей молодежи. Сколько перемен и какие перемены! Какая ширь, какое многолюдие! Я присутствую на демонстрации у того же Казанского собора. Она грандиозна в сравнении с нашей. Две партии борются. Мои симпатии на стороне с.-р'ов. Но я держусь в стороне, оказываю изредка мелкие услуги, какие делают сочувствующие добровольцы. Еще не решил, как мне отвечать, когда спросят, состою ли я в партии. И вот события решили этот вопрос. Длинные щупальцы обер-провокатора Азефа, о существовании которого я в то время совсем не знал, нащупали меня и посадили в тюрьму. Это произошло в конце января 1904 г. Нащупывал-то он собственно не меня. В Питере тогда работала очень энергичная и талантливая эсерка С. Г. Клитчоглу — член Пет. ком Так как в партии в порядке дня стоял вопрос об устранении Плеве, то мысль Клитчоглу работала в этом направлении. Кажется, она собирала сведения, наводила справки и т. д. В то же время Азеф с Савинковым устраивали конспиративную квартиру и организовывали боевую группу. По-видимому, Азеф, считая, что параллельное существование двух предприятий, направленных к одной цели, может повести к плачевным результатам, решил одно из этих предприятий ликвидировать. Т. обр., он сразу убивал двух зайцев: повышал свои фонды в охранке и расчищал путь для другого предприятия. С Клитчоглу я познакомился осенью 1903 г., в ее делах участия не принимал, оказывал лишь мелкие услуги, в роде явки и т. п. Арестовано было человек 20 — 30, в том числе и я. На допросе предъявлялось обвинение в подготовке покушения на Плеве. Пока велось следствие, Сазонов 15 июля убивает Плеве. Вступает новый министр внутр. дел и начинается так наз. „весна". Арестованных одного за другим освобождают. Я вышел на свободу, кажется, в начале октября. Что посадил нас действительно Азеф, засвидетельствовано с трибуны Государственной Думы самим Столыпиным. Отвечая на запрос об участии провокаторов в государственных преступлениях, он в доказательство того, что Азеф был честный осведомитель, прочел список оказанных им услуг, в числе их было „освещение" террористической группы Серафимы Клитчоглу. Через несколько месяцев, 10-го января 1905 г., меня снова арестовали. Сначала я думал, что меня накануне заметили шпики среди рабочих на Невском или на Дворцовой площади. В действительности оказалось, что в данном случае шпионаж и провокация неповинны. У Пешехонова, арестованного несколько раньше меня, нашли мое письмо, поэтому взяли и меня. Но когда выяснилось, что письмо чисто делового характера (о работе для меня), меня освободили. Просидел, кажется, недели две.

В марте или апреле 1905 г. меня вызвали в Женеву. На основании каких-то неверных сведений рассчитывали, что я могу быть полезным, как литературный работник. Когда выяснилось, что это недоразумение, меня оставили для исполнения разных поручений по делам редакции и типографии. Летом здесь я впервые встретился с Азефом. Однажды я зашел к Михаилу Рафаиловичу Гоцу по типографскому делу. У него я застал 2 или 3 эмигрантов-эсеров и какого-то незнакомца, тщательно одетого. Мне сказали, что это и есть „Иван Николаевич" (кличка Азефа). Передо мною был высокий, широкий, толстый, цветущего здоровья человек. На широких, несколько сутуловатых плечах и короткой шее сидит большая круглая голова. В ней прежде всего бросается в глаза массивная нижняя челюсть, очень широкая в задней своей части, вследствие чего лицо внизу шире, чем вверху. Из-под негустых черных бровей спокойно и твердо смотрят

темно-карие, выпуклые, лоснящиеся глаза. Выражение неподвижного лица—деревянное равнодушие. Общее впечатление от всей фигуры такое: обширная утроба, к услугам которой крепкие руки и ноги, могучая челюсть и очень смекалистые глаза. Я видел ясно непривлекательную наружность этого человека, но я не мог, н е с м е л умозаключать от этой наружности к его внутреннему содержанию. Этому мешало то, что я знал о его деятельности: он руководил ударами Сазонова и Каляева. Их тени не могли не вуалировать в моих глазах его внешних дефектов. Между присутствующими шел спор о каких-то делах. Азеф почти не принимал в нем участия: он с ленивым равнодушием слушал и только изредка вставлял свои короткие замечания. И я видел, с каким вниманием относились все к этим замечаниям и,—что особенно было важно в моих глазах—с каким уважением и даже нежностью обращался к нему Гоц. Если бы по выходе от Гоца кто-нибудь спросил, какое впечатление произвел на меня Иван Николаевич, я, по всей вероятности, ответил бы: „Под неприглядною наружностью в этом человеке скрывается, должно быть, спокойная, сдержанная, сосредоточенная в себе силища, которая много уже сделала и еще больше должна сделать в будущем".

К концу года я вернулся в Россию. Работал при одном книжном складе, откуда рассылалась эсеровская литература. Кроме того, весной 1906 г. мне было поручено сноситься с маленькой подпольной типографией, которую Ц. К. держал на случай, если бы понадобилось экстренно и конспиративно напечатать и быстро разослать провинциальным организациям его директивы. Летом, в дни кронштадтского восстания, меня арестовали и забрали пачку директив, только что полученную из подпольной типографии. Вероятно, на этот раз сработала не одна центральная провокация. Впоследствии мне пришлось слышать, что в книжном складе по части провокации было не совсем благополучно. Просидел до половины февраля 1907 г. По освобождении в тот же день уехал в Финляндию и перешел на нелегальное положение. Месяца через два заявил в Ц. К. о желании вступить в боевую организацию Кажется в июне, мне предложили поехать в динамитную мастерскую поучиться. В финляндских шхерах на маленьком скалистом островке живет финская семья. У нее два дома, в одном она сама живет, а другой, находившийся в полуверсте, занят под мастерскую. Здесь я застал руководителя школы—приват-доцента химии и трех его учеников—двух молодых людей и молодую девицу. Мастерская находится в ведении Ивана Николаевича, ему посылаются ежемесячные отчеты. Работаем с утра до вечера летнего дня с перерывами только для еды (столуемся у финнов в другом доме). Чтобы уметь обращаться с взрывчатыми веществами, нам нужно было усвоить те химические реакции, которые происходят как при взрывах, так и при образовании названных веществ. Каждый должен несколько раз проделать все операции по выработке нитроглицерина, гремучего студня, динамита, гремучей ртути и т. д. Точно так же каждый из нас должен был несколько раз проделать все операции по изготовлению снарядов, по заряжению их и т. д. Я пробыл здесь месяца полтора—два. Мастерская благополучно просуществовала с начала весны до осени, пропустила несколько смен учеников и благополучно закрылась. По возвращении из мастерской я был отправлен в качестве инструктора и техника на Урал. В первые месяцы здесь как будто открывались хорошие перспективы для работы. Существовал союз рабочих, разбросанный по всему Уралу, хорошо организованный. Так говорили. Один старый революционер *) носился с мыслью весной поднять восстание, начать партизанскую войну с правительством. Через одного из вожаков союза мне было предложено устроить динамитную мастерскую. Так как здесь все взрывчатые вещества и материалы можно было легко доставать, то лабораторных принадлежностей и работ не нужно было. Требовалось научить рабочих изготовлять снаряды из готового материала. Я высмотрел удобное для указанной цели место, нанял дом. Оставалось закупить материалы. Но пока я возился с приготовлениями, в союзе начались аресты, руководимые видимо опытной и знающей рукой. Они быстро привели к разложению союза. Организация, недавно казавшаяся такой сильной, растаяла. Человек который вел со мной переговоры, тоже был арестован. Мысль о школе пришлось оставить.

В январе 1908 г. мне сообщили, что „Иван Николаевич" вызывает меня в Петербург. На свидании он заявил, что имеется план цареубийства. Для его выполнения нужно в районе царской охоты возле Ропши открыть в деревне чайную союза русского народа. Эта чайная должна служить базой для террористов. На основании имеющихся у него сведений он уверял, что такой путь может привести к успеху. Мне предназначается роль хозяина чайной, при чем, по его мнению, обязательно нужно найти старую женщину, которая согласилась бы играть роль моей жены. Послали приглашение одной моей знакомой на Урал, а пока я должен был съездить в деревню Большой Кипень, присмотреть квартиру для чайной и, если понадобится, обеспечить ее за собой задатком. Приехавшая с Урала женщина отказалась. Конфиденциально она

*) Чайковский. *В. Фигнер.*

мне объяснила, что не доверяет Азефу, что в партии есть люди, которые тоже не доверяют ему. До сих пор я ничего подобного ни от кого не слышал, ничего не знал о тех обвинениях, которые уже несколько раз выдвигались против него. Поэтому не придал большого значения этому недоверию. Получив этот отказ, Азеф посылал Карповича (бежавшего из Сибири и вступившего в организацию) в Забайкалье звать другую старую революционерку. Получился и здесь отказ. Тогда он решил „подождать", а пока что поручил мне озаботиться приобретением динамита и держать достаточный запас его где-нибудь недалеко от Петербурга.

Довольно скоро после того, как это его поручение было исполнено, Азеф уехал за границу, не оставив находившимся в Петербурге членам боевой организации никаких инструкций. К концу лета по городу среди партийных кругов стали ходить смутные слухи о том, что против Азефа возникают серьезные подозрения. Заговорил об этих слухах с Карповичем. Он был взбешен ими, ругал Бурцева, уверял, что последний хочет погубить партию, потому и ведет против Азефа кампанию. Время шло, а слухи ползли все настойчивее.

Кажется (точно не помню), глуб. осенью, у меня было свидание с уезжавшим за границу членом Ц. К., и он мне определенно сказал: больше никаких сомнений, Азеф провокатор. Итак, я около года состоял в распоряжении провокатора. Эта мысль преследовала меня всюду и днем и ночью. Я испытывал чувство глубочайшего унижения. Надо все-таки уезжать. Но как быть с динамитом? Начинаю припоминать, спрашивал ли Азеф, где и у кого лежит динамит. Если спрашивал, то я, конечно, сказал ему все. Не могу припомнить. Надо, значит, ликвидировать. Пока я возился с этим делом, в партийных кругах появилось официальное объявление Азефа провокатором.

Я уехал за границу. Как только я оказался вне опасности, чувство унижения обострилось в сильнейшей степени, и опять днем и ночью преследует неотвязная мысль: „Я состоял в распоряжении провокатора".

В Париже узнаю, что Савинков, по поручению Ц. К., набирает боевую группу с целью совершить крупный террористический акт и тем реабилитировать боевую организацию. Пошел к нему и поставил свою кандидатуру. Меня приняли. Это было уже летом 1909 г. Мне казалось, что, вступив в группу Савинкова, я избавлюсь от кошмарных мыслей. Случилось как раз наоборот, я попал в новые еще более тяжкие кошмары. Буду краток, отмечу только главные этапы событий. К концу года шестеро (в том числе и я) из группы сделались петербургскими извозчиками. Первоначальное задание для них было: не производя никаких систематических наблюдений, втянуться в извозчичью жизнь и акклиматизироваться в Петербурге настолько, чтобы быть уверенными, что ничем не отличаются от массы извозчиков. Прошло около трех месяцев такой жизни, как совершенно неожиданно из-за границы от Савинкова получился приказ немедленно сниматься и уезжать за границу. Товарищ (не извозчик), получивший приказ, ответил, что все идет хорошо. Тогда получается новая телеграмма с тем же приказом с прибавлением условной фразы, обозначавшей: „подозреваю провокацию". Уехали все благополучно. Когда собрались за границей, Савинков объявил, что от безусловно надежного информатора он знает, что полиции известен факт, о котором ей мог сообщить только кто-нибудь из членов группы, отсюда следует, что в группе есть провокатор. Следует совместное житье и взаимное присматривание. Обстоятельства, нелепые мелочи складываются так, что у всех возникают подозрения по отношению к одному товарищу Его исключают. Но месяца через два обнаруживается действительный провокатор. Убедившись в ошибке, приглашают исключенного товарища обратно в группу, но он отвечает на это самоубийством. Итак, результат продолжительной „деятельности": потратили очень много денег и, как выразился Савинков, „переехали человека". Группа распущена. Пробовал браться за предприятия не террористического характера; ничего путного у меня не вышло.

Начало империалистической войны застало меня в Германии на пути в Россию. На короткое время меня арестовали, но потом выбросили в Швейцарию. Месяца полтора спустя мне удалось пробраться в Россию южным путем через Грецию, Салоники, Софию и Румынию. В России я должен был существовать нелегально под чужим именем. Через некоторое время мне удалось получить работу при лазарете для раненых в качестве делопроизводителя. Потом перешел на службу в Земсоюз, работал в комитете юго-западного фронта в Киеве. Кажется в 1916 г., перешел в главный комитет в Москве, где работал в экономическом отделе до Февральской революции. С этого времени стал носить свое настоящее имя. В мае 1917 г. переехал в Петроград и поступил на службу в главный земельный комитет при министерстве земледелия. В это время я примыкал к с.-р—овской группе газеты „Воля Народа".

В августе оставил службу в земельном комитете и уехал в Астрахань, где до переворота работал в городской управе, а после переворота в конторе Главпродукта. В 1919 г. переселился в Саратов. Здесь работал в губернском отделе нар. образ.

сначала в общей канцелярии, а потом в библиотечной секции. В 1922 г. переселился в Москву. Здесь скоро стала надвигаться слепота. Пришлось перейти на положение инвалида.

Чернявская-Бохановская, Галина Федоровна *).

Родители.—Отец мой, Федор Михайлович Чернявский, принадлежал к поместному дворянству Екатеринославской губернии. Родился в 1827 г., умер в 1908 г. Воспитание получил сначала домашнее (гувернеры), потом в дворянском пансионе. Служил в уланах, потом, по выборам, депутатом в Екатеринославском комитете по крестьянской реформе, затем мировым посредником в Подольской губернии и непременным членом присутствия по крестьянским делам в Херсоне. Выйдя в отставку с чином поручика в 1848 г., он женился в Виннице (Подольской губ.) на Софии Семеновне Кондрацкой, единственной дочери смешанной в религиозном отношении семьи (отец униат, мать католичка) католического исповедания. С нею он познакомился в то время, когда полк его стоял в Виннице, и ушел в поход ее женихом. Воспитание моя мать получила домашнее, для того времени очень хорошее, знала языки и музыку. Родилась в 1831 г., умерла в 1863 г. После женитьбы молодые супруги уехали к родителям отца в их имение Анновку, Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губ. С ними вместе уехала тетя матери, очень любившая свою племянницу. Эта тетя была истинным другом нашей матери и после ее смерти всецело посвятила себя ее детям.

Детство и юность.—После рождения в 51 г. их первого ребенка, моей старшей сестры Юлии, мои родители переехали в небольшую деревню „Божий Удел" **), которую бабушка моего отца отдала ему во владение. Здесь я провела первые шесть лет своей жизни. Я родилась 16 апреля 1854 г., затем через полтора года — сестра Соня, а в 59 г.—Маша.

Нас воспитывали заботливо и мягко. Родители мои были люди гуманные, затронутые новыми веяниями, читали „Полярную Звезду" и „Колокол". Поэтому неудивительно, что, несмотря на то, что дом наш был полон крепостной прислуги, в моей памяти не сохранилось ни одного воспоминания о жестоком, грубом обращении с крепостными. Когда мне было 3 года, нам выписали из Швейцарии гувернантку, так что к шести годам я уже читала по французски и наслушалась немало восторженных рассказов о прекрасной родине m-elle Suzanne, и Швейцария рисовалась мне какой-то сказочной страной. По-русски же я выучилась читать в несколько дней, когда мне было уже семь лет, придя в восторг от ярко раскрашенных и смешных картинок „Степки-растрепки". В конце 60 года наша семья переехала в Екатеринослав, где заняла небольшой особняк на Дворянской улице. Наша детская жизнь шла своим чередом: младшие были в ведении нянек и кормилиц, а мы, три старшие: Юлечка, я и Соня, учились, ходили с m-elle Suzanne гулять или в гости к знакомым — детям предводителя дворянства Миклашевского, генерала Кремера, полковника Снарского. С последними вместе брали у танцмейстера уроки танцев, которые происходили поочередно то у них, то у нас Наша милая тетя заведывала всем домом А у отца и матери шла своя особая жизнь, постоянные выезды и приемы.

Время было горячее, приготовлялась крестьянская реформа. „Воля", „земля", „эмансипация крестьян" жужжали в гостиных и в людских; ими был переполнен воздух до того, что они проникали и в мои детские уши. Помню, отец, натягивая белые перчатки, стоит посреди зала, взволнованный, радостный. Он собирается в собор на чтение „манифеста". Оживленные хлопоты во всем доме: все наши „люди" идут туда же.

Вскоре нашу семью постигла материальная катастрофа: вследствие каких-то семейных интриг „Божий Удел" перешел в другие руки. А между тем, семья разрасталась: в 60 г. родился брат Георгий, а в 62 г.—еще одна сестра. Отцу приходилось думать о заработке. Он уехал в Киев хлопотать о службе в Подольской губ., родине нашей матери, которая страстно желала увидеть ее снова. Вернулся он с радостной вестью, что назначен мировым посредником в Подольскую губ. Пошли оживленные сборы к отъезду. Но нашу семью ждал тяжелый удар. Едва оправившись после рождения новой дочери, мать простудилась и 1 декабря 1863 года умерла.

Отец должен был торопиться к месту своей новой службы, и мы через несколько дней после похорон матери выехали из Екатеринослава.

Только в последних числах декабря добрались мы до Немирова, нашего нового местожительства. Мы поселились в небольшом особняке, стоявшем в саду, ограда которого примыкала к стене „палаца", как называли роскошный дворец прежних владельцев Немирова. Немиров был полон отголосками недавнего польского восста-

ЧЕРНЯВСКАЯ-БОХАНОВСКАЯ Г. Ф. (1854–1936).

*) Автобиография написана в марте 1926 г. в Ленинграде.

**) В офиц. докум. местом моего рождения обозначено с. Богодаровка, к приходу которого принадлежала деревня „Божий Удел".

ния. Первый раз, как тетя пошла к исповеди, ксендз, уже осведомленный о приезде нового русского должностного лица и о нашем семейном положении, угрожал лишить ее причастия, если она не покинет эту семью врага веры и родины. У нас стала часто бывать молодая девушка, дальняя родственница тети, Идалия. С тетей и моим отцом она много говорила о недавних событиях. Помню, раз отец читал ей стихи Беранже, в которых говорилось об узниках, и при этом выразительно указал на видневшийся из окон гостиной замок. Я поняла этот жест. Я знала уже, что там в заключении сидят польские мятежники. Летом, когда „бабуня" — мать нашей мамы, вернулась из Екатеринослава с младшими членами нашей семьи, которых не решились везти так далеко зимою, мы перешли в более просторный дом, окруженный тоже садом. Одна сторона сада выходила на нашу прежнюю улицу, другая — на улицу, идущую от ворот „палаца" в город. У этих ворот часто толпились женщины с узелками и корзинами — я знала, что это жены и матери узников, приносящие им пищу.

Раз, в течение дня, я заметила, что старшие о чем-то таинственно переговариваются, уловила, что ночью должно что-то произойти. Не засыпая, ждала и, когда заметила, что старшая сестра и гувернантка осторожно пробираются из нашей комнаты к выходу в сад, пробралась и я за ними. Меня замечают, тщетно уговаривают вернуться. Я остаюсь.

Улица сплошь покрыта народом, оттесняемым к нашей ограде верховыми, фигуры которых маячат над ним в отдалении. Ночь не темная, может быть, лунная. Слышатся приглушенные разговоры, вздохи, тихий плач. Я вся дрожу. Раздается стук распахиваемых ворот, возглас: „Ксендз Седроцкий!" *), затем неясное бормотание... потом отчетливо, твердо: „на вечную каторгу!" Из ворот каземата вылетает тройка, проносится мимо, раздаются крики, проклятия, рыдания... Затем опять напряженная тишина, лязг ворот, чтение приговора, из которого мне слышно только громко выкрикиваемые фамилии заключенных и срок каторги: 20 л., 15 и т. д. И опять вылетает из ворот тройка, опять плач и проклятья.

Что такое каторга, я, которой месяца за три-четыре перед этим исполнилось десять лет, разумеется, не понимала, но все это зрелище потрясло меня глубоко, и впоследствии я долго приставала ко всем, добиваясь его разъяснения.

К последующей затем осени и зиме относится мое первое знакомство с произведениями Некрасова, влияние которых имело большое значение в моем развитии. Когда постоянные разъезды по мировому участку позволяли отцу оставаться дома, он знал к себе нас, трех старших, мы усаживались около него, он брал прекрасно изданную в изящном коричневом переплете книгу и читал нам: „Мороз красный нос", „Размышления у парадного подъезда", „Рыцарь на час". Когда он читал: „От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви...", отец, разумеется, не подозревал, куда заведут меня такие слова. Все это мне очень нравилось, много раз я перечитывала потом эти поэмы и лет в четырнадцать знала почти всего Некрасова наизусть.

Вскоре затем отец зарендовал одно из конфискованных у поляков и сдававшихся казною в аренду русским имение Кардышовку. Весною следующего года мы переехали туда. Это особенно кстати было для меня: уже довольно долгое время я болела тяжелой формой перемежающейся лихорадки, которая истощила меня до того, что я не могла держаться на ногах.

Был май месяц, погода стояла прекрасная. Проводя целые дни на воздухе, я скоро окрепла.

Кардышовка была истинный перл и до сих пор рисуется в моем воображении, как рай земной. Прекрасный комфортабельный дом, выходящий главным фасадом и одной из сторон на обширный двор с громадным круглым „газоном" посреди, в центре которого красовалась клумба красных цветов, а по всей окружности были симметрично рассажены пионы и оранжевые corona imperialis; двумя другими сторонами дом выходил в сад, отчасти фруктовый, отчасти парк, переходивший потом в рощу — лес, как мы ее звали.

Мы зажили прекрасно. В 7 ч. утра вставание, затем обтирание холодной водой с головы до ног. Торопливо одеваемся и выскакиваем в сад, обегаем все аллеи и лужайки. Пьем молоко, затем от 9 до 12 учебные занятия с m-elle Caroline. В 12 ч. завтрак, потом опять час-полтора занятий. После обеда идем с m-elle Caroline гулять. Чаще всего в рощу по просеке, которая вела на большую круглую лужайку, обсаженную яблонями. С правой стороны деревья расступались, образуя широкий пролет, из которого открывался прелестный вид на различных оттенков нивы и синеющий на горизонте лес. Здесь мы проводили много времени, читая принесенные с собою книжки (у нас всегда было очень много хороших детских книг), играли. Часто m-elle Caroline начинала петь, и мы тогда все бросали и слушали. Она пела красиво, с большим чувством запрещенные тогда польские гимны. Шли рассказы о том, что

*) Главный руководитель восстания в Немирове.

в этом яблочном саду долго жил, скрываясь от преследований, кто-то из важных мятежников — Канарский, кажется. А под нашим домом, говорили, в его прекрасных сводчатых погребах с нишами для вин и фруктов долго скрывался, когда его разыскивали власти, бывший владелец Кардышовки.

Училась я охотно. Занятия с m-elle Caroline не были обременительными, она не была взыскательна, довольно равнодушно относилась к нашим успехам в науках. После нее у нас гувернанткой была француженка, m-elle Louise, получившая хорошее образование, тихая, всегда какая-то печальная. Все науки мы изучали по французским руководствам. Когда „бабуня" переехала к нам жить, она привезла для нас полный курс наук на французском языке: 25 томов in 4°, различной толщины. Курс этот, хотя на заглавных листах значилось pour jeunes filles, был очень недурен: французская грамматика и литература (хрестоматия), арифметика и геометрия, физика, химия, зоология и ботаника, всеобщая история и греческая мифология. И все это с картами, чертежами, рисунками. Мне очень нравилась мифология, и я ее усердно изучала. Также очень любила римскую и греческую историю, всегда прочитывала гораздо больше, чем было задано. Священную историю, как древнюю, так и новую, совсем не любила: все эти патриархи, заносящие жертвенный нож над своими Исааками, мошенники, покупающие за чечевичную похлебку право первородства, бросающие в яму и продающие своих младших братьев, бесноватые свиньи и разлагающиеся Лазари, исцеляемые и воскрешаемые волшебником, были мне противны, а заушения, терновые венки, Петры и Иуды приводили в негодование: „Зачем, зачем такая жестокость, такая низость!" Формулировать ясно я не могла, но чувствовала так, и негодовала. Это не мешало моему религиозному чувству, и я помню, как мне до слез было больно видеть, что отец перед тем, как итти в церковь к причастию, преспокойно пьет чай и съедает два яйца в смятку, как он это делал каждое утро.

В то время, как гувернанткой у нас была француженка, у отца было намерение самому заниматься с нами по русской истории, но дошли мы с ним только до Ольги и Святослава; он был слишком занят в постоянных разъездах по участку. Мы, впрочем, и сами с интересом читали и перечитывали „Историю России в рассказах для детей" Ишимовой, написанную так живо и картинно.

На четырнадцатом году моей жизни кончилась светлая жизнь в милой Кардышовке. У отца вышли какие-то неприятности с вновь назначенным губернатором, и ему пришлось оставить службу. Осенью 68-го года он уехал в Анновку к своей матери (дедушки уже не было в живых), взяв с собою старшую сестру и брата. Через несколько месяцев отец вызвал нас в Верхнеднепровск.

Помню, как перед нашим отъездом, приехал прощаться с нами один из соседних помещиков, пан Рожанский, часто бывавший у нас. Говоря с бабуней, он выражал сочувствие к нашему бедственному положению, но в заключение прибавил следующее, резко запечатлевшееся в моей памяти, замечание: „пан Чернявский сам виноват: если бы он не был всегда за хлопов, всегда против нас (панов), мы бы сумели поддержать его, помочь ему".

В Верхнеднепровске прожили мы около года и осенью 69-го г. переехали на пароходе в Херсон, где отец получил место непременного члена Присутствия по крестьянским делам.

В Херсоне была уже недавно открытая женская гимназия. У нас шли разговоры о поступлении в нее. Мне уже шел шестнадцатый год—было поздно. В гимназию отдали к началу учебного года Соню и Машу. В конце 70-го года Юлечка и я стали готовиться к экзамену на диплом домашней учительницы. Главным предметом взяли географию и брали уроки по этому предмету у учителя местной гимназии. В июне 71-го г. мы обе держали экзамен при местной гимназии: сестра выдержала, а я срезалась по русскому, на букве „ять". Через некоторое время я стала опять готовиться к экзамену, взяв главным предметом математику. В июне 72-го г. я снова держала экзамен при той же гимназии и на этот раз получила свидетельство на звание домашней учительницы.

За последние три года я внимательно присматривалась к жизни, много читала и пережила религиозный кризис, закончившийся тем, что в 71-м году, когда мне исполнилось 17 лет, я на Пасху уже отказалась идти к исповеди. В предшествовавшем году мне пришлось на исповеди выслушать наставление священника: заниматься хозяйством и рукоделием, а читать поменьше, так как от чтения вред бывает большой.

У отца книг было немного, но хорошие. Я прочла Дарвина, Дрэпера, Вуидта „Душа человека и животных", Стюарта Милля „Подчиненность женщины", Бокля „Историю цивилизации в Англии", Егера „Микроскопический мир", „Азбуку социальных наук", „Положение рабочего класса в России", Л. Блана „Историю великой французской революции".

Эти чтения докончили то, что было начато обстановкой и впечатлениями раннего детства, отголосками польского восстания, гражданскими мотивами Некрасова. Личность моя сложилась. „Исторические пись-

ма" Лаврова, „Капитал" и передовая русская литература встретили уже готовую почву. Чтобы окончательно определился мой путь, мне надо было лишь встретиться с родственно мне настроенными людьми.

В то время уже было разрешено женщинам учиться в Медико-Хирургической академии. Я мечтала поступить туда: кончу курс, поеду в деревню, понесу помощь тем, „чьи работают грубые руки, предоставив почтительно нам погружаться в искусства, в науки, предаваться мечтам и страстям". Требуемый образовательн. ценз у меня был, но возрастным я еще не обладала (20 лет).

Мы жили хорошо, но исключительно на жалованье отца, которого с трудом хватало на подрастающую многочисленную семью. Нам, двум взрослым, приходилось думать о заработке. Юлечка поступила классной дамой в гимназию, а для меня в течение некоторого времени ничего не находилось. Затем отец выхлопотал мне назначение на место учительницы в одну из городских школ в Одессе, в предместье Новая-Слободка. Мне уж было 20 лет, но о поступлении в Медицинскую академию нечего было и думать: необходимых для этого средств не было. Я была довольна своим назначением в Одессу и бодрая, полная сил уехала туда зимою 74-го года.

Учительницей в предместьи Новая-Слободка я пробыла всего два—три месяца и весною 75-го г. была переведена в Новобазарную школу, которая находилась в самом городе.

Летом в Херсоне был созван учительский съезд, на который из Одессы было командировано несколько человек из учительского персонала, в том числе и я.

Руководителем на съезде был известный педагог Бунаков, а представителем от министерства народного просвещения—Гарусов. За постоянные овации первому и манифестации против второго (в которых я была далеко не последней) съезд был распущен раньше срока. В начале осени, когда был напечатан отчет о съезде, я получила отставку, мотивированную моим поведением на нем.

Революц. деятельность. 1. До „Народной Воли". Первые шаги относятся к 1875 г., когда меня (в начале весны) перевели в городскую школу, и круг моих знакомых расширился. Еще в первые дни моего приезда в Одессу я познакомилась с Е. Н. Южаковой. Явившись по приезде к инспектору народных училищ, я от него услыхала, что вакансию, на которую меня назначил директор народных училищ, предположено закрыть. Для выяснения недоразумения он направил меня к члену училищного совета при городской думе—Ф. В. Бёмеру, который жил у генеральши Южаковой в качестве учителя ее младшего сына. Приняли меня очень приветливо и, прощаясь, просили заходить к ним и обращаться при всяком могущем встретиться затруднении. Когда я дня через два пришла сообщить Бёмеру о том, что недоразумение насчет вакансии уладилось, генеральша Южакова сказала мне: „Постойте, не уходите, я познакомлю вас с моей дочерью. Она только вчера приехала из-за границы". Она позвала дочь. После первых слов приветствия, Елизавета Николаевна увела меня к себе. Мы разговорились; она рассказывала о Цюрихе, Париже. Я жадно слушала.

С переездом моим в город, я стала постоянно видеться с Южаковой и постепенно вошла в ее интересы.

Когда мои занятия в школе прекратились, частные уроки, которыми я зарабатывала средства существования, оставляли мне больше свободного времени, и я получила возможность глубже войти в революционную деятельность. Я познакомилась с несколькими гимназистками старшего класса, и скоро у меня составился из них кружок. К этому же времени относится мое первое знакомство с „башенцами", которые название это получили потому, что жили в одной из башенок громадного дома Новикова. Здесь жили: Г. А. Попко, Ф. А. Щербина (студенты юридического факультета), Л. Добровольский, Ульянов и Евгений Победоносцев (племянник удручающей памяти прокурора Синода)—студенты-естественники и И. Волошенко. Они все были земляки и среднее образование получили в Ставропольской семинарии. Было, кажется, еще два—три студента, имен которых не помню. Мы с Южаковой постоянно бывали у них. Я скоро совсем вошла в их кружок (о Южаковой не помню) и впоследствии ввела в него А. С. Шаповалову (одну из гимназисток моего кружка), дочь богатейшего скупщика-хлебопромышленника Херсонской губернии. Направление кружка было лавристское. У нас шли дискуссии с бунтарями, представитель которых, Ковальский, являлся в башню на эти дискуссии. С ним вели бесконечные диспуты Волошенко и Щербина.

Мы с Е. Н. часто бывали в типографии Заславского. Раз, как-то пришли по окончании работы, когда уже все рабочие ушли, и проработали весь вечер. Южакова набрала какое-то короткое воззвание, и мы оттиснули его в довольно большом количестве. На следующий вечер мы все ходили, будто прогуливаясь (я шла с Попко), и незаметно, в неосвещенных местах, наклеивали свои листочки. По поводу какого события было это воззвание, припомнить не могу.

Когда произошли аресты рабочих по делу Заславского, мы много хлопотали, добывая для них защитников, поручителей, собирая деньги для них и их семей.

Осенью я решила „опроститься": сначала поработаю на каком-нибудь заводе или фабрике, потом пойду на полевые работы в деревню. Короткое время проработала на конфетной фабрике Шапошникова, а затем на канатном заводе. Несмотря на все неблагоприятные условия работы на этом заводе, я на нем проработала всю зиму, и только окончательно убедившись, что никакой тут пропаганды с моей стороны быть не может, весною его покинула.

Все время моего пребывания на фабрике и на заводе я жила в сквернейшей комнате на Молдаванке. Каждую субботу я уходила к Южаковой и оставалась у нее до понедельника. Южакова жила тогда у своей матери, которая занимала одну из квартир в первом этаже дома Новикова. Другую квартиру тут же занимал С. Н. Южаков с женой. Здесь всегда было людно и интересно. А наверху, на самой крыше жили „башенцы", живо интересовавшиеся моими опытами опрощения. Освежившись здесь, расспросив обо всем, что на свете делается (в эту же зиму Попко ездил за границу повидаться с П. Л. Лавровым), я возвращалась к своей неприятной работе.

Перед Пасхой 76-го г. в нашей башне происходили совещания по поводу еврейских беспорядков, которых в Одессе всегда ждали в эти дни. На совещаниях присутствовал делегат от бунтарей—Иван Ковальский. И мы и бунтари были за то, чтобы овладеть беспорядками и дать им другое направление: на тюрьму и на полицейские участки. Но бунтари хотели в ы з в а т ь беспорядки, а башенцы вызывать беспорядки считали опасным, так как уверенности, что удастся овладеть ими и направить с евреев на тюрьму и полицию не было—мог разыграться просто еврейский погром. Наше мнение победило. Постановили: беспорядков не вызывать, а если они самостоятельно возникнут, употребить все усилия, чтобы дать им желательное направление. Решено было собраться всем, кто должен был участвовать в этом деле, и так как участников было немало, назначили местом собрания безлюдный, еще совсем неустроенный Александровский парк; время—вечер. Собрание вышло очень таинственное: темная ночь, только звезды мерцают, осторожное посвистывание, перекликание. Наконец, стянулись все к одному месту, в какой-то заранее намеченной обширной рытвине. Переговоры шли вполголоса. Окончательно условились и распределили посты. Так как беспорядки на Пасху чаще всего начинались при выходе из церквей после заутрени, то к каждой из одесских церквей решили отрядить несколько человек.

Попко, Ульянов и я получили греческую церковь. Задолго до начала заутрени мы были уже на посту, внимательно прислушиваясь и приглядываясь, нет ли каких-нибудь тревожных признаков. Во время заутрени мы то входили в церковь, то прогуливались в церковной ограде, среди толпы принесших святить куличи и пасхи. Все было спокойно. Под конец только мы вдруг встрепенулись, когда, после крестного хода, из распахнувшихся церковных дверей раздалось: „Христос воскресе!", в ограде грянули выстрелы. Мы бросились туда. Оказалось, что это греки выражают свою радость. Походили некоторое время по окрестным улицам и, убедившись, что никаких признаков беспорядков нет, направились к сборному пункту, которым был назначен памятник на Соборной площади, где от всех остальных „патрулей" услыхали, что нигде порядок не нарушался.

Вскоре затем было решено, что я и П. С. Ивановская (незадолго перед тем приехавшая в Одессу, но с которой я уже успела подружиться) отправимся в народ. У меня и было решено: для того, чтобы собственными глазами все увидеть и разобраться в различных толках—пойду сначала на фабрику, потом в деревню.

К 9-му мая (Никола вешний) отправились в Алёшки, пристань на Днепре, где в этот день производился съезжавшимися со всех сторон землевладельцами наем рабочих на полевые работы. Нанялись на „срок", т.-е. с 9-го мая по 1-е октября, за плату в 40 р. с головы, как и все остальные нанятые женщины.

Не буду описывать нашего пребывания „в народе". П. С. Ивановская его уже описывала. Скажу только, что для меня это было сплошное физическое мучение. Нравственно я себя чувствовала очень хорошо: вот добралась до цели—я в народе—так спокойно на душе, чувствуешь, что ни на кого не давишь. Что касается пропаганды, то к молодым девушкам мужчины относились не серьезно, а женщины говорили: „Ишь какая ловкая, чего захотела, так тебе и будет равно для всех; не нами началось, не нами кончится".

Срока я не докончила, отказалась от работы и в конце августа вернулась в Одессу. Была в разгаре сербско-турецкая война. Сербия боролась за свое освобождение. Мы с Южаковой решили отправиться туда с отрядом добровольцев в качестве сестер милосердия. Прослушали подготовительный курс (кажется, 2-хнедельный) проф. Иностранцева и уехали на пароходе в Белград. Пробыли до окончания войны в Сербии, работали в военных бараках около Парачина, ухаживая за ранеными. Затем уехали в Женеву, куда прибыли, кажется, в первых числах ноября.

В Женеве у Южаковой были старинные связи между русскими эмигрантами. Прожили несколько дней у Элпидина, затем

Елиз. Ник. разыскала своих друзей, и мы с нею переехали в пансион, где помещалась редакция „Набата". В другом доме, неподалеку, была и их типография. Елиз. Ник. вскоре приняла участие в наборе очередного номера, а я стала присматриваться к типографскому делу и учиться набору.

Я довольно много читала о великой французской революции, увлекалась ее героями, считала (в чем дальнейший опыт меня вполне разубедил), что декретами можно все сделать. В Россию я вернулась якобинкой.

Об этом моем первом пребывании в Женеве у меня осталось очень неприятное впечатление. Среда, в которой я жила, была мне мало симпатична, местной жизни я совсем не видела. Стояла сырая, холодная и ветреная зима; все время мы проводили в типографии или в мрачных комнатах пансиона. Я буквально заболела „тоской по родине". Написала домой, прося прислать денег на возвращение, и, как только их получила, в начале февраля 77-го г. уехала в Россию.

Я остановилась на несколько дней в Киеве, чтобы разыскать студента-медика последнего курса Карпенко и передать ему какие-то организационные указания из Женевы и несколько номеров „Набата", а также расспросить его, в каком положении находится дело в Киеве. Общее впечатление получилось такое, что никаких сил нет: только несколько человек, а вот в Орле, у Зайчневского, там большой кружок; но об этом я уже знала. Пробыв некоторое время дома (в Ново-Московске, где тогда жил отец), я вернулась в любезную мне Одессу.

Весна и лето 77-го г. прошли для меня в непрерывных революционных хлопотах, слишком мало было организованности, чтобы можно было сказать, деятельности: устраивали собрания, организовывали кружки, хлопотали об устройстве библиотеки-читальни, ходили за город учиться стрелять из револьвера. Память ничего определенно очерченного мне не дает об этом времени.

Осенью 1877-го г. я ездила в Варшаву получать от контрабандистов „Набат", небольшой тюк, который я и привезла в Одессу.

Два-три зимние месяца я провела в лазарете под Жмеринкой, где работала в качестве сестры милосердия—вместе с Еленой Ивановной Россиковой, заменяя уезжавшую на время Южакову. В январе 78-го г. я вернулась в Одессу.

30-го января 1878 г. произошло в Одессе известное вооруженное сопротивление Ковальского и его соратников. Всех участников я более или менее знала; знала, что на этой квартире собирались устроить типографию; была там раз или два у симпатичной мне Мержановой, но вооруженное сопротивление с их стороны явилось для меня полною неожиданностью.

Было напечатано, что я состояла в кружке Ковальского. Это неверно. Была в постоянном соприкосновении с той средой, в которой он вращался, но ни в каких организационных отношениях ни с каким „кружком Ковальского" не состояла. Да и вообще формальных организаций в то время в Одессе я не припомню. Подбирались люди, симпатизирующие друг другу, считавшие настоятельным то или другое революционное дело, и занимались им сообща. Это не значило, что и по окончании его они непременно будут работать вместе.

К тому времени и наш кружок „башенцев" распался. Победоносцев и Ульянов, как уехали на каникулы на родину, так и не вернулись. Ф. А. Щербина и жена его, Шаповалова, жили в Кадникове, куда был сослан Ф. А.; Попко был в постоянных разъездах.

Процесс 193-х, выстрел В. Засулич и оправдание ее, вооруженное сопротивление в Одессе сильно взволновали умы; среди одесских революционеров весною и в начале лета 78-го г. царило большое возбуждение.

За несколько дней до суда над Ковальским мы собрались, чтобы обсудить, что мы можем предпринять в случае вынесения угрожавшего смертного приговора. Собрание происходило в какой-то загородной местности, поросшей развесистыми кустами, среди которых мы расположились. Оно было многолюдно. Кроме всех знакомых мне революционно настроенных лиц (между ними в полном составе кружок молодых девушек, основанный нами в 1877 г.—Лила Терентьева, две сестры Шехтер, Вера Госсох, Рашкевич и др.), присутствовало несколько человек незнакомых мне рабочих. Решено было собрать вокруг здания суда как можно больше народу, для чего каждый должен был заняться вербовкой подходящих элементов между своими знакомыми. Один из рабочих сказал при этом: „Наши все придут". Долго толковали о том, приходить вооруженными или нет. Решили оружия не брать и строго на этом настаивали, так как сил у нас достаточных не было, чтобы отбить приговоренных, это могло вызвать только лишние жертвы.

Билеты на вход в зал суда давали только родственникам, но мне удалось достать билеты для себя и П. С. Ивановской через судебного пристава, который оказался моим хорошим знакомым. Председатель суда, старый генерал Кириллов, вручая мне билеты, заметил, что смотреть тут нечего—преступники и больше ничего.

Судебное следствие шло томительно долго, подсудимые отрицали наличность вооруженного сопротивления. Ковальский говорил,

что выстрел из револьвера, в котором его обвиняли, произошел нечаянно во время его падения на лестнице.

Защищали петербургские присяжные поверенные Бардовский и Стасов, особенно настаивавшие на том, что единственными свидетелями обвинения являются полицейские. С самаго начала было видно, что вся тяжесть обвинения обрушивается на Ковальского, и у его защитника Бардовского почти не было надежды спасти несчастного. Бардовский и Стасов, жившие во время процесса в гостинице, постоянно бывали у Брюхановых, родителей моей квартирной хозяйки, доброй и умной Елизаветы Федоровны Донцовой, муж которой служил в городской управе. Донцовы вполне сочувствовали революционерам. В день произнесения приговора, во время обеденного перерыва, мы с Ивановской были у Брюхановых. Бардовский был до того расстроен, что с ним сделался сердечный припадок. Заключительная его речь произвела сильное впечатление и была потрясающей.

Когда суд удалился для совещания, я и Ивановская, несмотря на мало энергичное сопротивление моего знакомого судебного пристава, быстро подошли к скамье подсудимых, протягивая им букет *); стоявший около скамьи подсудимых молоденький офицер взял из моих рук букет и передал его подсудимым. По окончании суда офицеры полка потребовали исключения этого офицера и предания его суду, так как произошло необычайное: офицер поднес цветы преступникам. С нас снимали показание. Мы заявили, что цветы были просто брошены через голову офицера. Дело кончилось легким дисциплинарным наказанием.

Наступил вечер. В скупо освещенном зале суда время тянулось томительно и тягостно в ожидании приговора. Несколько раз мы выходили на улицу; толпа, к вечеру увеличившаяся и наполнявшая улицу, насколько хватал глаз, напряженно ждала. Всякого выходившего спрашивали: „скоро ли?"

Наконец раздалось: „Суд идет!" Началось чтение приговора: неясное бормотанье таких-то и таких-то статей закона, наконец, отчетливо слышное во всем зале суда до последних скамей: „лишение всех прав и преимуществ и смертная казнь через расстреляние". В зале раздались крики, рыдания, с кем-то стало дурно. Кто-то в открытое окно крикнул на улицу: „Смертная казнь!" В ответ раздалось: „Палачи, убийцы!" Я с тем же криком направилась к выходу. В одно мгновение подсудимые были окружены густою цепью вооруженных солдат; подсудимые кричали: „Шемякин суд!" и т. д.; их силой вытаскивали из суда. Когда я выбежала на улицу, там уже работали казаки и конные жандармы с шашками наголо. Они скакали по тротуару, очищая его. Не успев добежать до угла, сбитая с ног мчавшимся мне навстречу казаком (лошадь не задела меня копытами), я упала, сейчас же вскочила и, повернув за угол, направилась к своей квартире. В то время, как я упала, я слышала один за другим два выстрела, а убегая видела распростертого на земле человека.

Жившие тогда у меня Ивановская и только-что окончившая гимназию сестра Маша были уже дома. Едва держась на ногах от физического и нравственного утомления, мы улеглись. Было уже около 3 ч. утра; светало. Едва успела заснуть, как услышала, что кто-то спускается по внутренней лестнице, ведущей со стеклянной галлереи к парадной двери. Мы с сестрой устроились спать на стеклянной галлерее (так как было очень жарко). Наши хозяева отсутствовали, проводя лето на даче, и на время этого отсутствия в их помещении жил М. Эйтнер со своим младшим братом и какой-то недавно приехавший молоденький дерптский студент (Эйтнер был мне знаком еще со времен Заславского, когда он держал переплетную мастерскую). Его-то шаги я и услыхала: он направлялся к парадной двери вынести и спрятать в нашем пустынном дворе большого размера пистолет и некоторое количество нелегальной литературы. Едва успел он приоткрыть двери, как его схватили, и в дверь ввалился высокий, толстый пристав Воронов с толпой городовых, спрашивая: „Здесь живет Черняевская?"— После моего утвердительного ответа, поднялся по лестнице и входит в квартиру; делают обыск, впрочем, весьма вежливо. Затем приглашают с собой меня и П. С. Ивановскую, усаживают на извозчичью пролетку и везут в участок, окруженных скачущим эскортом казаков *). Здесь мы были помещены в одной из комнат квартиры пристава; у ее двери, выходившей в коридор, поставили часового с ружьем. Просидели мы здесь весь день и вечер. Ночью нас опять увезли в извозчичьей пролетке и под конвоем всадников, с саблями наголо, поблескивавшими в темноте: куда везут и зачем—неизвестно. Едем долго по совершенно безлюдным улицам. Останавливаемся у казармы № 5. Приглашают выйти из экипажа. Охватывает ужас: почему казарма, что нас ожидает?

Дело оказалось просто: после демонстрации так яростно арестовывали по малейшему подозрению, что все места заключения были переполнены и на подмогу взяли казарму.

*) Этот букет и послужил ближайшим поводом моего ареста: судебный пристав знал мою фамилию, а при выдаче мне билетов был записан мой адрес.

*) Эйтнер и его брат были также арестованы.

Нас ввели во второй этаж и любезно пригласили войти в большую квадратную комнату, а оттуда в другую поменьше, всю уставленную по стенам широкими нарами. Когда мы вошли в эту комнату, нам навстречу с нар поднялись три фигуры—две знакомые нам — маленькая, с бархатными глазами, Настя Шехтер и ее сестра Соня, а третья незнакомая — Адель Пумпянская. Впоследствии к нам была присоединена В. Гуковская.

Через несколько дней Ивановскую и меня в отдельной комнате предъявляли городовым. Кое-кто из них Г. Чернявскую признал, как выходившую и кричавшую про смертную казнь. Ивановскую ни один не признал. В казарме № 5 мы пробыли недели две или три, а затем были переведены среди ночи в тюремный замок под эскортом конных жандармов с шашками наголо. Вначале в одной камере со мною сидели Ивановская, Пумпянская и Гуковская, а затем, когда две первые были отправлены по этапу на родину, к нам в камеру вселили М. И. Кутитонскую.

На допросе я была всего один раз. Помощник смотрителя пригласил: „Пожалуйте к прокурору!", и повел меня в наружный корпус, расположенный у ворот, напротив того, где находилась контора. Вхожу в большую, светлую комнату. Из-за стола поднимается Добржинский, бывший тогда товарищем прокурора, раскланивается и приглашает сесть по другую сторону стола. Записав ответы на обычные вопросы: имя, звание и пр., приступает к допросу. С первых же слов я его останавливаю заявлением, что никаких показаний до суда давать не буду (в этом намерении я особенно утвердилась, когда узнала, что один из арестованных, Андрей Баламез, запутался на допросе, и благодаря его показаниям были арестованы Кутитонская и Давиденко). Добржинский долго на все лады меня уговаривал: „Вы, конечно, по неопытности были вовлечены... откровенно расскажите... вас выпустят... своими показаниями можете выяснить непричастность кого-нибудь из арестованных и тем спасти его" и т. д. Ничто не помогло: я только подписала свое заявление об отказе давать показания. Добржинский выразил сожаление о моем упорстве, стал перебирать бумаги и не препятствовал, когда я стала прогуливаться по комнате, заглядывая в окна, выходившие на площадь.

Родные наши и наши друзья деятельно хлопотали о том, чтобы нас выпустили на поруки. Для Кутитонской и для меня эти хлопоты увенчались успехом—в последних числах декабря 78-го г. нас выпустили на поруки — Кутитонскую на несколько дней раньше меня. Гуковскую же не отпустили.

Я была выпущена на поруки с обязательством немедленно выехать в местожительство моего отца, г. Новомосковск, и проживать там под надзором полиции до вызова меня на суд.

Повидавшись с Е. Н. Южаковой и ее братом Сергеем Николаевичем, моим поручителем, я уехала через два дня в Новомосковск со старшей сестрой, которая все время моего тюремного заключения прожила в Одессе, ходила ко мне на свидание и деятельно хлопотала о поруках.

В июне,—кажется, в середине,—Южакова написала мне, что суд назначен на 25-е июля, и если я намерена от него уклониться, медлить нельзя, надо уезжать, и дала мне явку в Одессу. Я немедленно уехала в Одессу, где, в ожидании документов, прожила, скрываясь (видясь только с Е. Н. Южаковой и ее братом), недели две. Получив нужные документы, я уехала в Петербург.

2. В „Народной Воле".—Приехав в Петербург в июле 79 года, я сейчас же отправилась на явку, которую дал мне Фроленко: Кирочная улица, квартира супругов Тищенко (номера дома не помню). Тищенко сейчас же ушел и скоро вернулся с Марией Николаевной Ошаниной. Она мне сразу понравилась: у нее была особая обаятельная манера обращения с людьми. Она так участливо и деликатно входила во все подробности и душевного настроения и материальной обстановки, что сразу вызывала к себе доверие.

Поговорив со мною обстоятельно, она указала меблированные комнаты на Невском, куда мне следовало немедленно перейти из скверной Знаменской гостиницы, где я остановилась, поручила меня заботливости Тищенко и его жены и ушла. Я уже не чувствовала себя одинокой, чужой в чужом городе.

Через несколько дней после моего приезда Мария Николаевна повезла меня в Лесной, где жили В. Н. Фигнер и А. П. Корба, которых я встречала в первый раз. Здесь тоже в первый раз увидела А. Михайлова; затем вскоре познакомилась я с А. Квятковским и Софьей Андреевной Ивановой.

Время было сейчас после Воронежского съезда. Происходили частые собрания то народовольцев одних, то совместно с чернопередельцами. Несколько раз собирались у меня в большой комнате, которую я заняла в указанных мне номерах. Помню одно собрание, на котором присутствовали: Л. Тихомиров, Желябов, А. Михайлов, Ошанина (может быть, и другие, наверное не помню). Из передельцев были Плеханов, О. Аптекман и М. Крылова. Говорили о работе в деревне, о настоятельной необходимости прежде всего свергнуть самодержавие, о политическом терроре. С одной стороны—Плеханов и Аптекман, с другой—Желябов,

Тихомиров, Ошанина. Толковали и о практических вопросах: типографии, деньгах, и пр.: полный раздел еще не произошел. Я слушала с захватывающим интересом и радовалась тому, что мои взгляды—результат всего пережитого мною — вполне совпадают со взглядами моих новых товарищей. В первом же моем разговоре с М. Н. Ошаниной, в день моего приезда, я сказала, что считаю самою настоятельною необходимостью в настоящее время казнь Александра II, как воплощение гнета, не дающего свободно дышать: надо уничтожить самодержавие—без этого жить нельзя. Теперь я видела, что и в „Народной Воле" этот вопрос стоит на первой очереди.

Вскоре я была формально принята в партию: Л. Тихомиров на специально для этого назначенном свидании изложил мне сущность народовольческой программы, принципы ее организации, строго централистической, и спросил, согласна ли я вступить в партию „Народной Воли", и после моего утвердительного ответа объявил, что я принята в члены партии, в качестве агента.

Тогда я уже перешла из Невских номеров на Казанскую, где сняла хорошую комнату в довольно симпатичной чиновничьей семье. В моей комнате происходили частые свидания Л. Тихомирова с Клеточниковым, приносившим из III Отделения свои ценные для революционеров сведения. Здесь же я научилась шифровать и писать химическими чернилами, чего мне до сих пор не приходилось делать.

О моем желании принять участие в первом же покушении на жизнь царя было известно, и мне предложили участвовать в подготовлении взрыва железнодорожного пути под Москвой во время проезда царского поезда.

В конце августа или в начале сентября я и Арончик уехали в Москву. Остановились в гостинице. На другой день немедленно принялись за приискание квартиры, и ко времени, когда наш паспорт (на имя уж не помню какого коллежского секретаря с женою) вернулся после прописки, была уже нанята очень удобная в конспиративном отношении квартира на Собачьей площадке. Она занимала верхний этаж маленького 2-этажного домика, стоявшего во дворе налево, сейчас же у ворот; вход на лестницу, ведущую в квартиру, был у самой калитки, никогда не запиравшейся; нижний этаж был занят какими-то кладовыми. В глубине очень большого двора виднелся из-за ширмы деревьев красивый одноэтажный барский особняк, в котором жил домовладелец. Он ни во что не вмешивался, и всем распоряжалась простоватая, словоохотливая нянюшка. С нею у нас дело живо сладилось: она согласилась доставить незатейливую обстановку для трех небольших комнат и кухни, из которых состояла квартира. С этой квартирой все участники подкопа ознакомились, как с могущим понадобиться убежищем.

Пошла, к удовольствию посещавшей меня нянюшки, тихая, правильная жизнь: с утра „муж" уходит на службу, а молодая „жена" вскоре затем тоже частенько уходит к „тетеньке", где большая семья, а то дома одной скучно. Все эти подробности нянюшка узнавала, убирая наши комнаты за исключением моей, куда я ее не пускала, так как под моею кроватью стояла привезенная из Петербурга жестяная коробка с динамитом. Отделавшись от нянюшки, я отправлялась в „проклятый домик" *). Обыкновенно останавливала извозчика у какой-то церкви с высокой белой колокольней и дальше уже шла пешком.

Условный стук в дверь—Софья Львовна отворяет. Я проводила здесь часто целые дни, помогая Перовской в стряпне и всяких хозяйственных работах. Иногда оставалась ночевать, и тогда мы с Софьей Львовной устраивались вдвоем на широкой, мещанской кровати „супругов" Сухоруковых. Один раз я спустилась в подкоп: тьма, где еле мерцает фонарь, сырость. Как ужасно было проводить там целые дни и ночи!

День 19 ноября прошел для меня в напряженном ожидании. Поздно вечером раздается звонок—бегу отворять. Быстро входит Софья Львовна и с рыданием бросается ко мне на шею... прерывисто объясняет, что ошиблись, взорвали не тот поезд и вероятны напрасные жертвы... Потом затихает, долго молча сидит в углу дивана. Долго сидим молча, подавленные. Приходит А. Д. Михайлов и, кажется, еще кто-то, приносят свеже отпечатанные, специально выпущенные газетные листки. Жертв нет! Какое облегченье!.. Оживаем. Софья Львовна оставалась весь следующий день на нашей квартире.

Из отъезжающих последним я видела А. Д. Михайлова. Мне очень не хотелось оставаться в Москве, хотела вернуться в Петербург, где уж завелись у меня связи, а в Москве—никого. Но Александр Дмитриевич сказал, что надо остаться в Москве: здесь организуется местная группа, войду туда, привыкну к Москве. Он познакомил меня с Захаром Ивановичем Рязановым (московский псевдоним Владимира Владимировича Зеге фон Лауренберга). А. Д. рекомендовал его мне, как прекрасного, всецело преданного революционному делу работника **).

*) Так газеты прозвали дом, из которого был сделан подкоп под полотно ж. дор.

**) Впоследствии, в Париже, я слыхала от Л. Тихомирова те же самые хвалебные отзывы о В. В. Зеге. А однажды, в присутствии Марии Николаевны.

Я и Захар Иванович должны были устроить новую конспиративную квартиру, где впоследствии можно было бы завести типографию. Захар Иванович тотчас же занялся приисканием квартиры, и скоро мы с ним поселились в довольно невзрачном помещении, состоявшем из двух комнат и кухни в третьем этаже какого-то старого дома на Большой Никитской. Обстановку я купила на Сухаревке.

В ноябре 79 г., когда я вступила в московскую группу, она состояла из следующих лиц: кончающие медицинский факультет студенты: С. В. Мартынов, Лебедев и Кондратенко, студент-естественник Гортынский, Н. П. Андреев, Фриденсон и З. И. Рязанов (Зеге фон Лауренберг). Присутствия тогда Теллалова не помню: мне кажется, он появился впоследствии, а в начале представителем центра был Захар Иванович. Впоследствии, уже при мне, были присоединены к группе: сестра Андреева, Надежда Петровна, а затем уже при Марии Николаевне, приехавшей в Москву в феврале 1880 г., Софья Александровна Перелешина. Был еще студент, не помню какого факультета, сын богатого еврея-ростовщика, о котором я не помню, когда именно он вошел в группу.

Группу я застала еще в процессе формирования: обсуждали устав, пункты которого—об отношениях группы к центру, к Исп. К-ту—горячо дебатировались, т.к. часть членов была против централизации, хотела обеспечить местной группе больше свободы, а другие, в том числе З. И. и я, стояли за строгую централизацию, за предоставление в распоряжение И. К. значительной части (какой именно, не помню) средств группы людьми и деньгами. Вскоре на подмогу нам явился Теллалов, и взгляды централистов победили.

Вдруг произошла внезапная тревога: из Петербурга получилось известие, что Гольденберг покаялся и дает подробные показания, следствием чего для нас являлось необходимым, не медля ни минуты, ликвидировать свою квартиру. Мы это исполнили в тот же день.

С вечерним поездом я уже ехала в Петербург. Это было сейчас же после взрыва в Зимнем дворце, и в поезде только и было разговору, что об этом событии. Одобрения, разумеется, никто не решался высказывать, но часто оно так и просвечивало. Впечатление, произведенное на общество и вообще на все население Петербурга, было так сильно, сочувствие революционерам так ясно, что, несмотря на то, что цель не была достигнута, несмотря на сожаление о погибших солдатах, настроение в революционной среде было восторженное.

Проведя с неделю в Петербурге, я и В. В. Зеге, тоже приехавший в Петербург, вернулись в Москву на свой пост. Для прописки нового паспорта остановились в Лоскутной гостинице, а затем устроились на Моховой, недалеко от ее начала, по левой стороне. Квартира опять очень скромная, во дворе.

Пошла ежедневная работа. В. В. Зеге по целым дням бегал по всевозможным организационным делам; в университете, на женских курсах Герье, в Петровской академии, среди рабочих—везде у него были связи. Все практические дела группы лежали на нем. Как бы ни был он утомлен, стоило только ему убедиться, что надо сделать то-то, итти туда-то, он шел; а, несмотря на крепкое сложение и свежий вид, здоровья он был слабого. В конце апреля или начале мая он ездил в Петербург. Через несколько дней после возвращения, он заболел дифтеритом. А в то время на нашем дворе, как раз перед нашими окнами, шла стройка нового корпуса: целые тучи известковой пыли проникали к нам в окна. Решено было переменить квартиру. Едва В. В. благодаря заботливому леченью товарища по группе, С. В. Мартынова, оправился от болезни, мы переселились на Садовую-Каретную, в большой новый дом (тот самый, в котором впоследствии был арестован Ю. Богданович). На этот раз квартира была вполне комфортабельная, воздуху много, окна выходили на широкую площадь с большим фонтаном посреди. Она находилась в 3-м этаже. Но недолго мы здесь прожили.

Часа в три 29 июля я была одна дома. Раздается резкий звонок. Отворяю. В дверях, еле держась на ногах, бледный В. В., прижимает к губам пропитанный кровью платок. Помогаю войти. Успокаивает: „Ничего... уже прежде раз было то же, надо только лечь!" Покуда его укладывала в постель, прерывисто рассказывает, что он вдруг встретился почти лицом к лицу с хорошо известным ему петербургским шпионом и в течение почти двух часов колесил по всему городу то на извозчике, то пешком через разные проходные дворы, а жара стояла страшная. Когда лег, кровотечение прекратилось. Я бросилась на извозчике к Марии Николаевне, сказала в чем дело, и обратно. М. Н. почти следом за мною привезла врача из Екатерининской больницы. К вечеру пришел Н. П. Андреев и оставался всю ночь, помогая мне прикладывать лед. На другой день врач пригласил на консилиум профессора. Ясно было, что надежды нет. 31, среди дня, опять

П. Л. Лаврова и моем, Тихомиров рассказал, что, когда возник вопрос о том, как назвать нарождающийся официальный орган партии, решили, что каждый подаст свое мнение в закрытом конверте. Принято было название „Народная Воля", предложенное В. В. Зеге.

хлынула кровь, и в несколько минут все было кончено.

В. В. умер. Ему было 23 года. Н. П. Андреев ушел предупредить товарищей. Сейчас же приехала Мария Николаевна, затем Теллалов. Потом вся эта ужасная процедура похорон. Не торжественных с красными знаменами, а жалких, мещанских, с попом. Провожали только Теллалов и я бедного В. В., схороненного под чужим именем. Какая жалость разрывала сердце над этой ранней могилой! Адреса его родителей я не знала, известить их не могла, просила Марию Николаевну позаботиться об этом, она сказала, что Л. Тихомиров это сделает.

Когда наша группа вновь собралась, не было уже среди нас высокой, энергичной фигуры самого деятельного ее члена—В. В. Зеге фон-Лауренберга, и это отсутствие долго нами чувствовалось: Андреев, на которого были возложены исполнявшиеся Захаром Ивановичем функции, с трудом с ними справлялся.

В эти последние месяцы моего участия в заседаниях группы, август—декабрь 80 г., разговоры шли, главным образом, о необходимости добыть средства на предприятия партии.

В средних числах января 81 г. была приискана квартира для типографии в 3-м эт. одного из домов Серебренического переулка (с правой стороны Яузского бульвара, идя от Страстного), и мы с Дмитрием Васильевичем Суровцевым и моей маленькой дочкой поселились там в качестве супругов Кологривовых.

Квартира состояла из кухни и двух несветлых, сырых комнат и под типографию, разумеется, годиться не могла. Но взяли мы ее только временно, в ожидании, покуда освободится другая в том же доме, из пяти светлых комнат, куда потом и перешли. Эта последняя и в конспиративном отношении—заглянуть в окна нельзя было, т. к. дом был значительно выше окружавших его зданий, и в техническом: достаточно места, много света—была очень удобна для подпольной типографии. Мария Николаевна доставила нам кухарку Марусю. Это была не особенно интеллигентная девушка из революционной среды. Разумеется, мы все трое исполняли кухонные обязанности, так же, как все трое работали в типографии. Но для дворника, молочницы и пр. она была кухарка, а я барыня.

Вначале наборное дело знала только я, и мне пришлось учить Д. В. и Марусю. Потом работал у нас некоторое время приехавший из Женевы наборщик Фомин. А еще позже, после разгрома народовольческой типографии в Петербурге, стала у нас работать П. С. Ивановская.

Первая отпечатанная у нас вещь была „Программа Исполнительного Комитета", хотя, может быть, отпечатали прежде однудве прокламации. После гибели петербургской типографии „Народная Воля" стала набираться у нас.

Когда именно начала функционировать наша типография, не припомню наверное, но очень вероятно, что с мая 81 г. Ликвидировали ее в мае 82 г. За этот год существования типографии работа в ней редко прерывалась. Из конспиративных соображений мы трое нигде не бывали, и я, разумеется, перестала участвовать в собраниях московской группы. У нас бывали: Мария Николаевна, которая осведомляла нас в общих чертах о положении дел, и Н. П. Андреев, делавший все необходимые технические заказы и покупки. Из приезжих помню только Халтурина, прожившего у нас дня два. А когда после разгрома петербургской типографии П. С Ивановская поселилась в Москве, я изредка стала бывать у нее.

После того, как Мария Николаевна убедилась, что за квартирой, где жили она и Ю. Богданович, установлено шпионское наблюдение, и, сняв с окна знак, ушла из нее, она,—разумеется, приняв все необходимые предосторожности,—поселилась у нас и прожила безвыходно все время до своего отъезда за границу. Тревожное настало время: каждый день приносил известие о новых арестах. У нас в типографии принимались предосторожности: Суровцев каждый день предпринимал обход окрестностей, чтобы убедиться, нет ли признаков слежки за ним или наблюдения за домом. Однажды, ему показалось, что за ним шел шпион, и с того дня он, Маруся и Андреев стали напряженно наблюдать за тем, что делается вокруг нашего дома. То тот, то другой замечали лиц, подозрительно прогуливающихся мимо дома или стоящих на углу.

Решено было типографию ликвидировать.

Уехать первой должна была я. Меня направили в Тифлис; сказали, что там среди военных есть связи, которые завела недавно уехавшая оттуда А. П. Корба, и эти связи передаст мне С. Дегаев.

В Тифлисе, разыскав Дегаева, я устроилась у той же квартирной хозяйки, где жил он с женою. Дегаев познакомил меня с полковником мингрельского полка Антоновым, доктором Худатовым и несколькими грузинами, фамилий которых не помню. За исключением Антонова, который вращался в своей военной сфере, остальные все были издавна сжившиеся между собою люди, но организованной группы не составляли. Самыми деятельными, ближе всего принимавшими к сердцу революционные интересы были А. В. Худатова и Надежда Кузьмина, бывшие цюрихские студентки.

Деятельность их выражалась в денежных сборах на революционные дела.

В июле или начале августа я получила от В. Н. Фигнер письмо, вызывающее меня в Харьков на совещание. Оставив ребенка на попечении няньки и мало знакомых мне Дегаевых, я тотчас же поехала в Харьков. Там я застала П. С. Ивановскую и Суровцева. Вера Николаевна объяснила положение дел в общих чертах и изложила свой взгляд на него, вполне совпадавший с нашим мнением: „Народная Воля" разбита, надо собрать осколки и всеми силами стараться продолжать ее дело.

Мне пришлось начать тяжелой жертвой: расстаться со своим ребенком. Списалась с сестрой Соней, которая с готовностью согласилась взять ребенка на свое попечение, несмотря на то, что уже, после моего отъезда в Одессу, взяла на воспитание дочь Кутитонской. Получив это согласие, я вернулась в Тифлис за своей девочкой. Застала ее совершенно больной, и прошло недели две-три, прежде чем лечивший ее Худатов высказался за возможность пуститься с нею в путь. Тогда я вернулась одновременно с Дегаевыми в Харьков; я прожила там некоторое время с ребенком, покуда удалось устроить комбинацию конспиративной*) передачи его сестре.

Когда это было сделано, я опять уехала в Тифлис, где должна была принять участие в организации следующего предприятия: конфискации денежных сумм, хранящихся в казначействе г. Гори недалеко от Тифлиса).

Когда окончательно выяснилась неудача предприятия, я уехала и в январе вернулась в Харьков. Вскоре после приезда прихожу раз к Руне Кранцфельд, у которой происходили мои встречи с В. Н. Фигнер. Вера Николаевна уже там. Вся радостная, она меня обнимает и сообщает о побеге С. Дегаева.

Решено было устроить в Харькове типографию взамен погибшей в Одессе. Нужна была тоже конспиративная квартира: Вера Николаевна решила, что хозяевами ее будем я и Дегаев. Скрепя сердце, я согласилась на эту комбинацию. За те два месяца, которые я провела в Тифлисе с супругами Дегаевыми у одной и той же квартирной хозяйки, я успела к ним присмотреться, и они оба были мне антипатичны. Этот харьковский период моей жизни оставил во мне самое тяжелое воспоминание. Завершился он ужасным ударом: Вера Николаевна, героическими усилиями которой все держалось, была арестована.

10 февр. 83 г. она не пришла к нам в означенный час. Зная аккуратность Веры Николаевны в делах, я стала волноваться. Вернувшийся откуда-то Дегаев казался тоже очень встревоженным, но говорил, что, может быть, что-нибудь задержало, еще придет. Прождали до вечера. Тогда Дегаев предложил итти к тому дому, где жила Вера Николаевна, и, пройдя мимо, посмотреть, все ли в порядке. В окнах темно: условленного знака не было. Вернувшись домой, Дегаев казался страшно встревоженным; я не казалась, а действительно была в полном отчаянии.

В следующие затем дни Дегаев симулировал кражу из квартиры Веры Николаевны, „еще не открытой полицией", всех ее вещей. Потом то куда-то исчезал, то был занят шифровкой новым ключом разных адресов и паролей, которые будто бы должен был отвести в Петербург. Был очень нервным, часто проглатывал рюмку водки из стоявшего на столе графинчика. Такое состояние казалось мне естественным при данных обстоятельствах. Потом исчез на одну-две недели: будто бы ездил в Петербург, а на самом деле (как потом оказалось) прожил это время где-то под Харьковом, у своей сестры.

Вскоре после этого было решено, что необходимо кому-нибудь из нас поехать в Париж, чтобы, поставив Л. Тихомирова и М. Н. Ошанину в известность о положении дел, совместно с ними обсудить его и решить, как дальше действовать. Наиболее подходящей для этой поездки нашли меня.

В первых числах мая 83 г. я уехала в Париж. Уезжала с радостью, оставляя за собой ненавистный мне Харьков, где прошла короткая, но тяжелая полоса моей жизни—разлука с ребенком, арест В. Н. Фигнер. Оставляла за собой там совершенно чужих мне людей, а ехала к Марии Николаевне и к Л. Тихомирову.

В Париже я разыскала Ошанину. У ее хозяйки нашлась свободная комната, где я и поселилась.

Радостными были для меня эти первые дни пребывания в Париже. Отрада видеть опять Марию Николаевну, с которою меня связывало все пережитое за блестящий народовольческий период. Знакомство с П. Л. Лавровым, завоевавшим сразу мое сердце необычайною отрешенностью от всех жизненных мелочей, возвышенностью и шириной всеобъемлющего ума, величавою простотой жизни.

В первый же вечер я была с Марией Николаевной на собрании по поводу „кровавых майских дней", на котором оратор-француз при единодушных, бурных аплодисментах всех слушателей назвал Александра III: „ce pendeur de socialistes".

Да, радостны были эти первые дни, но непродолжительны. Вскоре надвинулись ту-

*) Конспиративность была необходима, потому что в Москве дворник и молочница, когда полиция предъявила им мою фотографию, опознали в ней скрывшуюся хозяйку типографии.

ман и грязь, которые явились из России в образе С. Дегаева. После его покаяния, когда выяснилось все нравственное уродство этого человека, вся гнусность разыгранной им комедии, я, в буквальном смысле, не могла его видеть, и несмотря на все уговоры Марии Николаевны, что это неполитично, не могла сдерживаться и, увидя его входящим, выходила из комнаты. Когда, после убийства Судейкина, он опять явился в Париж, и его конспиративно отправляли в Лондон, а затем в Америку, т. к. по уговору ему дарована была жизнь, у нас (мы с Марией Николаевной к тому времени поселились на rue Flaters, где занимали самостоятельную квартиру) временно проживала жена С. Дегаева, и мне пришлось с отвращением учить французскому языку эту противную молоденькую архангельскую мещаночку.

Все это время, покуда не был окончательно ликвидирован этот дегаевско-судейкинский кошмар, покрыто для меня каким-то скверным туманом.

Когда в 84 году из России приехало в Париж несколько человек народовольцев, и было решено предпринять восстановление народовольческой организации в России, я тоже собиралась уехать туда вместе с Г. А. Лопатиным, Н. М. Саловой и другими, но в виду моего плохого зрения решено было по конспиративным соображениям, что будет лучше, если я поеду спустя некоторое время. Как известно, в начале октября все, что начало организовываться, рухнуло, и уехать мне не пришлось.

Все наши усилия были сосредоточены на издании „Вестника Народной Воли". Мария Николаевна, секретарь редакции, была главным двигателем всего, и ее замечательный ум и тонкое понимание людей не раз улаживали возникавшие между членами редакции недоразумения. Средств на издание не всегда хватало: одно время их доставлял (кажется, для 4-го №) доктор Шредер, бывший наборщик, автор изданного за границей романа „Василиса", друг Ткачева, знакомый Марии Николаевны еще по Орлу. Дал он, кажется, пять тысяч франков, точно не помню.

В Париже я прожила три года. Эти три года я провела в постоянном общении с Ошаниной, Л. Тихомировым, П. Л. Лавровым, Г. Лопатиным и др., участвуя во всем, что происходило в нашем тесном кругу. За все это время сношения с Россией не прерывались. „В. Н. В." и другие наши издания, хотя и в небольшом количестве, доставлялись контрабандным путем в Россию. Из России получались и корреспонденции и письма.

Летом 86 года я покинула Париж и поехала в Женеву заведывать типографией „В. Н. В." (Вольная Русская Типография). В ней тогда единственным работником был Иван Васильевич Бохановский.

Говоря об издательской деятельности „Народной Воли" за границей, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о человеке, руками которого были набраны почти все народовольческие заграничные издания.

После своего побега из Киевской тюрьмы*) И. В. Бохановский уехал в Женеву, где вращался в кружке „Работника" и между французскими коммунарами изгнанниками. Он скоро специализировался на наборном деле. Сначала он работал в типографиях: „Работник" и „Révolté", а когда за границей стали печататься издания „Народной Воли", программу которой Иван Васильевич вполне разделял, он стал постоянным работником народовольческой типографии. „Календарь Нар. Воли", „На Родине", биографии Желябова, Перовской, Кибальчича, „В. Н. В.", „Материалы по истории русской революции", все это прошло через его руки. Искусный работник, человек чистейшей души, глубоко преданный революционному делу,—он всегда исполнял взятое на себя дело безупречно. С таким работником у нас в типографии дело пошло гладко и дружно. Работа была распределена следующим образом: И. В. Бохановский исполнял всю техническую работу (набирал, верстал, снимал корректуру, заключал в раму), а я вела сношения с редакцией, с печатней, брошюровщиком, правила корректуру, а также помогала в наборе, когда было на то время.

Набирали мы 5 № „В. Н. В" и одновременно „Колокол", избранные статьи А. Герцена.

Вдруг 20 ноября утром прибегает ко мне на квартиру, где я жила, на окраине довольно-таки далеко от типографии, хозяйка квартиры, смежной с нашей типографией, которую она убирала (для чего ей оставлялся ключ от входной двери), и с воплями сообщает, что в типографии взломаны замки, побиты стекла и все внутри разгромлено. Спешу в город, захожу за Иваном Васильевичем, направляемся на rue Montbrillant, в свою типографию. О, ужас! Посредине первой же комнаты громадная куча изорванных изданий: „В. Н. В.", „Календарь Н. В.", „На Родине", „Биографии первомартовцев", до того аккуратно наполнявшие стенной шкаф, дверь которого, со взломанным замком, стояла теперь распахнутой. Кроме того, были изорваны уже отпечатанные листы № 5 „В. Н. В." и „Колокола". А рядом куча шрифта, развороченный набор приготовленных к печати листов 5 № „В. Н. В." и „Колокола". Теперь все это было превращено в то, что

*) Устроенного М. Фроленко и Осинским.

ЧУЙКО В. И. (1857–1941).

в типографиях обозначается словом „сыпь" и годно только в словолитню *).

Извещенная немедленно полиция произвела дознание, составила протокол. Дальнейшим следствием было установлено, что разгром произведен двумя субъектами, проживавшими в Женеве под именами Куи и Грюн, теперь неизвестно куда скрывшимися.

Было также установлено, что соседка-уборщица получила от них 20 франков. Виновники разгрома так и остались неразысканными. Для нас впоследствии стало очевидным, что они были подручные Ландейзена.

Вскоре после разгрома нашей типографии швейцарское правительство издало постановление, запрещающее агентам иностранной полиции работать в пределах Швейцарской республики, так как они своими подкупами развращают швейцарских граждан.

Выпустив 5 № „В. Н. В." и „Колокол", мы перенесли типографию на другую квартиру в непосредственном соседстве с тем домом, где мы жили. Тут она была в большей безопасности, а в 88 г. взяли ее на свою собственную квартиру, где она и оставалась до начала девяностых годов, когда была передана ближайшим наследникам „Нар. Воли" — социалистам-революционерам.

На этом я и закончу.

Чуйко, Владимир Иванович **).

Родился я 9 апреля 1857 г. в губ. городе Житомире, Волынской губ., в семье незначительного чиновника. Дед мой по отцу был родом из м. Золотоноши Полтавской г., дожил до глубокой старости и не умел говорить по-русски, хотя и был русским чиновником. В качестве русского чиновника он и отец фамилию свою писали с „в" на конце, так писался и я вплоть до выхода на поселение, когда Забайкальское областное правление и Кенонское волостное правление, куда я был приписан по отбытии каторги, при выдаче мне паспорта стали писать мою фамилию без „в" на конце, чему я не прекословил. Считаю необходимым сделать эту оговорку.

Мать моя, Розалия Викентьевна Саноцкая, была украинка-полька. Как во всех семьях юго-западного края того времени, в нашей семье сперва господствовал разговорный польский язык. Я помню, как отец и мать, проснувшись утром и лежа еще в постелях, благочестиво распевали утренние гимны на польском языке. На праздники рождества и пасхи к нам собирались бабушки, тетушки и знакомые, пошли, поев, чинно усаживались и принимались распевать хором приличные случаю священные гимны и тоже на польском языке. Как благовоспитанный мальчик, я должен был подходить к ручкам всех присутствующих дам. Занятый службой, отец мало обращал на нас внимания. Все заботы о нас лежали на матери, которая нежно любила нас, заботилась о нас и, не получившая сама особого воспитания, все хлопотала о том, чтобы нас подготовить для дальнейшего образования, когда мы подросли. Не помню, чтобы она когда-нибудь меня наказывала, может быть и потому, что в детстве я был хилым, болезненным. Она же научила меня читать и писать.

Начал я себя помнить очень рано. Первые смутные и отрывочные воспоминания относятся к тому времени, когда мне было не более 4 лет. Совершенно ясно помню некоторые эпизоды из времени польского восстания. В одном с нами дворе жила семья богатого польского помещика, у которого были дети—однолетки мне. Меня поразило, почему бабушка их стала ходить вдруг в черных траурных платьях („жалоба"). Обратил я внимание на печальные лица и какие-то таинственные разговоры у отца с матерью. Раз старушка из костела не вернулась, и жена помещика прибежала к отцу в слезах. Отец ушел хлопотать и вернул старуху, арестованную было за пение в костеле польских патриотических песен. Потом вижу себя уже на другой квартире, в доме бабушки по матери. Со двора нашего дома хорошо была видна дорога из уезда в город, довольно круто спускавшаяся к мосту через р. Каменку. И вот по этой дороге начали появляться вскачь крестьянские телеги, а на телегах лежали связанные повстанцы, некоторые раненые. Их везли в тюрьму. При виде этих телег бабушка и тетка плакали, говоря, что одних казнят, а других повезут в Сибирь. Я жалел связанных, а, может быть, и плакал.

У нас постоянно была наемная прислуга. В особенности подолгу живала одна, уже пожилая хохлушка, прекрасная работница, по временам запивавшая. Напившись, она грубила матери и рассчитывалась. Но както так случалось, что новая прислуга оказывалась негодной, и на кухне вновь появлялась Марья. Эта Марья знала массу сказок и песен, была большой моей приятельницей, и в часы ее досуга я не давал ей покою, пока она не начнет рассказывать сказок или петь песни.

Гостила иногда у матери по нескольку дней ее приятельница Курцевич. Это была еще не старая, веселая, с большим чисто хохлацким юмором женщина. Она тоже

*) Мы, однако, впоследствии принялись за рассортировку этой сыпи при деятельном содействии добровольных помощников—студентов и студенток.

**) Автобиография написана в январе 1926 г. в Иркутске.

знала массу сказок, песен, легенд и рассказывала мастерски. Появление в нашей квартире „Курчевички" было для меня большим праздником, и я с нетерпением ждал вечера, когда обыкновенно начинались рассказы, под которые я часто и засыпал. Так протекало мое детство.

Не помню, как я учился читать и писать. Должно быть, наука эта (бра, вра, гра, жра) далась мне не особенно трудно. Первой книгой для чтения, с которой я постоянно носился, была священная история Базарова с картинками. В детстве я был очень религиозен, ел с Марьей все посты постную пищу и мечтал, когда выросту, быть монахом. Как это ни странно, я не помню, чтобы у меня были книги-сказки; может быть, они были чересчур дороги для моих родных. Впрочем, книги вообще появлялись у нас в доме довольно редко.

Уже с польского восстания польский язык стал отходить на задний план, а когда пришло время учиться, мать стала требовать, чтобы я говорил по-русски.

Семья отца увеличилась, получаемого содержания стало не хватать, и мать придумала взять нахлебников учеников. Было получено разрешение от гимназического начальства, была нанята квартира побольше, и отведенные для нахлебников комнаты скоро наполнились учениками. С учениками в доме появились и книги из гимназической библиотеки. Так как ученики были не ниже 3 класса, то появившиеся книги были Пушкин, Гоголь, Тургенев, Григорович. Помаленьку я пристрастился к чтению. Помню, что первой прочтенной мной книгой были повести Тургенева. Купер, Майн Рид появились тогда, когда я сам стал гимназистом. Поступил я в гимназию поздно, на двенадцатом году.

Между тем, мать моя начала все похварывать, окончательно слегла вскоре после моего поступления в гимназию и не встала. С ее смертью все пошло вверх дном. Нахлебники были брошены, хозяйство оказалось на руках наемной прислуги. Ранее только изредка, по случаю, выпивавший, отец стал сильно пить. Так прошло два-три года, пока, наконец, отцу предложено было выйти в отставку. Пенсия выслужена не была. Пришлось совсем плохо. Был я тогда в 4 классе. Раз вечером отец вернулся, сильно выпивши, и я стал упрекать его, что он губит себя и нас. Отец бросился меня бить, а я в одном мундире, в рваных сапогах убежал к деду. Была зима, было холодно. У деда я прожил несколько месяцев, при чем за неимением сапог просидел месяца полтора дома, много пропустил и остался на второй год. На каникулы я нашел уроки—готовить в приготовительный класс мальчиков, а осенью мне предложили урок за квартиру и полное содержание. С тех пор я и стал жить собственным трудом.

Свои гимназические годы я не могу помянуть добром. Это был расцвет толстовского классицизма. Учителя были обезличены, находились в полном подчинении у директора и за немногими исключениями были чиновники в футлярах. Исключением были учитель словесности Шавров и учитель истории Белогрудов. Шавров не ограничивался одной программой, настаивал на знакомстве учеников с русскими и иностранными писателями, говоря о значении Белинского и Добролюбова. Еженедельно под его руководством ученики старших классов разыгрывали „Ревизора" и „Женитьбу" Гоголя, „Горе от ума" Грибоедова и бытовые пьесы Островского, и из некоторых учеников, как, например, из Владислава Избицкого, осужденного потом в Киеве на каторгу и погибшего в сибирской тайге, вышли недурные исполнители. Влияние Шаврова, по-моему, было очень велико. Белогрудов тоже требовал не ограничиваться Иловайским и Белярминовым.

Вся гимназическая система как раз достигала противоположных результатов. Как на пример укажу на развитие в учениках совершенно индиферентного отношения к религии. Достигалось это простым способом—обязательным посещением гимназической церкви, с постоянным слежением за поведением учеников в церкви, при чем поп подглядывал из алтаря и завел наушников.

Если не ошибаюсь, в 1874 г. в Житомир были высланы под надзор полиции Урсин и Виленц. Последний был местный уроженец и имел брата в старшем классе гимназии. Они свели знакомство с учениками старших классов, и с их-то легкой руки „крамола" свила прочное гнездо в Житомирской гимназии. Среди гимназистов старших классов пошли гулять недозволенные для чтения книги, в первую голову сочинения Писарева. Появилась и нелегальная литература, только в небольшом количестве. Но все-таки организованного кружка не было.

Урсин и Виленц, как таинственно появились, так и скрылись. О появлении их я узнал после. И к нам, ученикам 4 и 5 классов, стали перепадать недозволенные книги: романы Шпильгагена, „Эмма" Швейцера, „Что делать", Флеровский и Писарев. Статьи Писарева, можно сказать, перевернули в наших головах все вверх дном и из самых благонамереннейших учеников делали прежде всего протестантов против гимназического режима. Появилась нелегальщина, прежде всего в виде сказок. Первой нелегальной книжкой для меня была „Сказка о 4-х братьях". Мне она не понравилась: мне показалось неправдо-

подобным, чтобы все 4 брата, отправившись в разные стороны, встретили только одну неправду. Мы, конечно, обменивались мнениями по поводу прочитанного, увидели свое полное невежество и решили, не помню уж по чьей инициативе, образовать кружок самообразования. Составился небольшой кружок, собиравшийся на квартире будущего знаменитого профессора В. В. Подвысоцкого. Обменивались мыслями по поводу прочитанного, писали рефераты. Помню, решили познакомиться с политической экономией и начали знакомиться с ней по Миллю. Одновременно с этим постановили завести библиотечку из недозволенных для гимназистов книг, обложили себя небольшими взносами и стали покупать книги.

Подошли переходные экзамены, и кружок наш приостановил свою деятельность, а летом 1876 г. из этого кружка выделился уже чисто революционный кружок, сформировавшийся к августу месяцу. В него, кроме меня, вошли Аполлон Немоловский, Федор Компанец, Меер Абрамович, Антон Пашинский, Иван Дьяков, Стефания Шимановская и еще два-три человека, принимавшие в делах нашего кружка менее деятельное участие. Кроме меня и Дьякова, гимназистов, остальные уже вышли из гимназии по разным причинам. Я поселился на отдельной квартире, на краю города, чтобы иметь удобное место для собраний. Библиотечка осталась в наших руках. Немоловский, а затем Пашинский ежедневно часа по три работали в кузницах, чтобы приучиться к физической работе и попутно завести сношения с рабочими. Мы завели определенные сношения с Питером, а потом с Киевом, через бывших товарищей по гимназии.

В это время к нам из Киева приезжал Григорий Гольденберг для установления связи с киевским кружком. Нам он не понравился, и мы не посвятили его в курс всех наших дел. Прожил он у меня дня три и уехал обратно. Сношения с Киевом мы вели через брата Немоловского, Филиппа, а с Питером через Осипа Вайнштейна. Я переменил квартиру и поселился у кузнеца вместе с Немоловским—это было выгодно для Немоловского, который мог работать в кузнице, не обращая особого внимания посторонних. У меня остановился еще и прожил несколько месяцев сельский учитель Петр Галушкин. Под влиянием, главным образом, чтения газеты и журнала „Вперед" кружок наш пришел к мысли, что мы, собственно говоря, должны попытаться перейти к практической деятельности среди народа для пропаганды социалистических идей и подготовки народа к восстанию. Был выработан план купить или арендовать несколько десятин земли, стать землеробами, вести, конечно, примерную жизнь, работать, как следует, и, приобретя некоторое доверие у крестьян, заняться пропагандой.

Еще ранее один из окончивших гимназию товарищей перед отъездом сказал мне, что учитель истории, Белогрудов, очень интересуется нелегальной литературой и просил меня снабжать его таковой. Я стал довольно часто бывать у Белогрудова, оказавшегося очень милым, симпатичным человеком. Когда я рассказал ему о наших планах, он горячо восстал против них, доказывая, что ничего из этого не выйдет, что такие попытки были и терпели фиаско даже в Америке. Конечно, это были „фантастические замыслы Миная", тем более, что кроме Немоловского, сына сельского священника, и Петра Галушкина, никто из нас даже не жил никогда в деревне, не говоря уже о том, что мы не имели никакого понятия о сельских работах. Но мы считали, что все это пустяки—научимся, была бы охота. Более важным был вопрос о деньгах—надо ведь было собрать хотя несколько сотен. Вот и решили добывать денег. Я решил выйти из гимназии и уехать на урок к богатому помещику, таким образом скопить посильную лепту. Тут Немоловского взяли в солдаты и услали на Кавказ, Галушкин уехал в Киев. Я подыскал новую квартиру на другой окраине, тоже у кузнеца. Поселился вместе с Пашинским. До сих пор не знаю точно по какой причине, только 5 апреля 1877 года часа в три пополудни я узнал от моего отца, что жандармы ищут мою квартиру, и что брат мой Степан побежал меня предупредить. Оставив об этом по дороге домой записку одному из товарищей, я помчался домой, надеясь предупредить жандармов и убрать нелегальщину. Спешил еще и потому, что этот день был днем нашего очередного собрания. Когда я отворил в сенях дверь в мою комнату, за моей спиной открылась дверь из хозяйской половины, и в сени выскочили два рослых жандарма. В нашей с Пашинским комнате стол был отодвинут на середину, за столом восседали жандармский полковник и прокурор, навалена была литература. Сбоку сидел Пашинский, в углу у окна мой брат и прибежавшая на собрание Шиманская. Мне был предложен, после вопроса, кто я, вопрос—чьи книги. Я ответил, что все мое. Прокурор, ехидно улыбаясь, ответил, что, по словам Пашинского книги в его столе принадлежат ему. „Ему, так ему!" Кроме книг в столе Пашинского, было много книг и в моем столе, и целая их куча была сложена на печке. На печке лежала масса нелегальных брошюр на малороссийском языке, которые незадолго были получены нами из Киева, неизвестно по какой причине в большом изобилии. Часов около 10 ве-

чера мы с Пашинским попали в тюрьму. В ожидании смотрителя и приемки я вспомнил, что у меня в кармане два письма, которые необходимо уничтожить. Я сказал об этом Пашинскому. „Ешь", последовал ответ. Легко сказать, а в горле пересохло, но вытащенное мной небольшое письмо все же было мной съедено. Второе было из Киева на большом листе. Половину я изжевал, проглотить не мог и, бросив незаметно в угол под скамейку, принялся за вторую. Делал я это, ходя по тюремной конторе в то время, когда поворачивался спиной к жандармам. К счастью, смотритель был где-то в гостях, и за ним посылали. Явился смотритель, и нас переодели. Изжеванную, но непроглоченную мною вторую половину письма я захватил с собой в тюрьму и во время обыска в камере быстро сунул в рот. Оставшись наедине я изорвал ее на мелкие части и бросил в парашу. Кружковая наша библиотека была сдана мной Дьякову. Перед моим арестом он заболел тифом и не был у меня, почему остался вне подозрения. Сделали обыск у Компанца и Абрамовича. У Абрамовича нашли квитанцию в посылке в Питер телеграммы на имя Вайнштейна, извещавшей о внезапной тяжкой болезни Щурова. Добрались какими-то путями до подозрения о сношении с Киевом. В Питере и Киеве все обошлось благополучно, но, как я после узнал, могло бы кончиться и серьезными провалами. После ряда допросов я понял, как иногда не следует прибегать к выдумкам. Мне сказали, что нелегальщину я получал из Питера. Я отрицал. На предложение указать, от кого я получал, я сказал: от неизвестного, с которым познакомился во время купанья в р. Тетереве. Получил на хранение. А приметы его: высокий, тонкий, рыжий. Прокурор, смеясь, уверял меня, что он низенький, толстый, черный, т.-е. Вайнштейн. Месяца через 4 полковник с торжеством заявил мне, что моего рыжего поймали, что это Петр Галушкин. Хотя Петр Галушкин был среднего роста, но бородка у него была действительно рыжая. В тюрьме мы просидели до начала 1878 г. В тюрьме я познакомился с одним уголовным, бывшим офицером, много раз бегавшим из тюрем. В Киеве он был распропагандирован Брешковской. Не знаю, под влиянием ли Брешковской, только у него было много книг, в особенности по естествознанию и медицине, которыми он делился со мной. Я с жадностью набросился на книги по естествознанию. Книги были очень ценные, как, например, „Естественная история мироздания". В начале июля 1878 г. меня увезли в Вологду, и только здесь я узнал, что по высочайшему повелению сослан административно под надзор полиции и назначен в Усть-Сысольск. Туда же был назначен и Пашинский. До Устюга нас провезли на пароходе, а из Устюга отправили по этапу. Таким образом, вывезенные первый раз в жизни из родного города, мы на сей раз испытали все способы передвижения, кроме воздушного. Представляли мы, вероятно, собой довольно курьезную парочку птенцов, довольно-таки пощипанных тяжелыми условиями тюремной жизни. По крайней мере, такое впечатление мы произвели, как я после узнал, в Сольвычегодске на известного впоследствии статистика Щербину, его жену и приехавшего тогда к ним в гости будущего моего сопроцессника Аф. Аф. Спандони. Щербина сказал, что в Усть-Сысольск выслан студент петровец Иван Царевский. Подъезжая к Усть-Сысольску, мы узнали, что Царевский бежал. Когда мы, сидя на двуколке, в сопровождении конвоя въезжали в город, из окон двух крайних противоположных домов высунулись головы, назвавшие наши фамилии и приглашавшие нас к себе. В полиции нас встретил большепроцессник, б. офицер Илья Антов. Мы скоро были отпущены и отправились по приглашению. В этих двух квартирах жили слесаря питерского патронного завода, члены Сев.-рус. рабочего союза, Дмитрий Смирнов и Семен Волков. Тут же был и Иван Царевский, уже пойманный и готовящийся повторить попытку побега. Мы поселились вместе. Все поднадзорные имели право на пособие — привилегированные по 6 руб., рабочие по 3 р. в месяц. У Смирнова и Волкова была мастерская, и от пособия они отказались. Почти сейчас же после нашего прибытия привезли Веру Павловну Рогачеву, а потом Степ. Мальского. Рогачеву скоро увезли в Яренск. Квартира стала для нас тесна, и мы сняли пустовавший особняк, ремонтировали его. В сентябре привезли Марию Герасимовну Никольскую-Осинскую жену Валериана Осинского. С нами же поселился рабочий ткач Федор Власов, до этого под запугиванием исправника живший отдельно и работавший у кулака-кожевника. К концу 1879 г. колония наша увеличилась: привезли студентов Заведеева, Дубова, Олимпия Стефановича (брат Якова), земца Чернышева и еще нескольких, фамилии коих сейчас не помню. Я забыл сказать, что Ив. Царевский недели через две после нашего прибытия в ссылку вновь бежал, был пойман, посажен на этот раз в тюрьму, а затем отправлен в Сибирь, в Якутку, где и умер. Наша ссылка была без срока, книг было очень мало. Некоторые помогали слесарям в работе, но работы для всех не хватало. Некоторые газеты и журналы доставали у председателя земской управы и у доктора. За черту города отлучаться без разрешений исправника запрещалось и за недозволен-

ное катанье на лодке по приговору дореформенного суда пришлось мне лично отсидеть два дня в тюрьме. В разговорах за обедом и чаями выяснилось, что старые пути не годятся, что работе мешает полицейский произвол. Надо искать новых путей, и прежде всего необходима политическая свобода. Это чувствовалось всеми нами. Пришел 1879 г. с вооруженными сопротивлениями, с массой виселиц, с покушением Соловьева, с взрывом под Москвой. Все это крайне нас будоражило. В 1880 г., вскоре после взрыва в Зимнем дворце, у меня вышло столкновение при случайной встрече с старичком генералом, воинским начальником из Вологды. Генерал стал мне читать нотации, я не пожелал слушать, отвечая сперва в мягкой форме, а затем в довольно резкой. За это я через Тверь попал в Вышний Волочок, в специальную пересыльную политическую тюрьму. Здесь я застал целую компанию, скоро увеличившуюся привозом из Варшавы около 30 человек. Было несколько человек из ссылки на север России—Иванайн, Князевский, Короленко. „Диктатура сердца" прислала в Волочек кн. Имеретинского и Косаговского для ознакомления с причинами ссылки. Был опрошен и я и указал его снятельству, что всецело был вызван на резкость бестактностью генерала. В июле в партии в 87 человек был отправлен в Сибирь, но доехал только до Томска. В Томске ждала телеграмма Лорис-Меликова, давшая право мне в числе пяти человек на повсеместное проживание, кроме столиц и Крыма. Местная власть предоставила нам только возможность доехать до Тюмени на той же барже, на которой мы приехали в Томск. Достали денег и поехали с проходными свидетельствами. Я приехал в Киев с 60 к. в кармане. В Киеве розыскал студентов, бывших товарищей по гимназии, и прежде всего достал программу Исполнительного Комитета, которую принял целиком.

Не устроившись в Киеве, уехал в Житомир к отцу. В Житомире пробыл несколько месяцев, тщетно ища работы, так как все пути для меня были закрыты. В Житомире я застал большой кружок, разросшийся из организованного мной перед арестом гимназического подкружка. Жандармы взяли меня под наблюдение, и приходилось быть очень осторожным. За это время способствовал только побегу Исаака Ливинского из-под ареста на гауптвахте. В 1881 г., осенью, переехал в Киев, где достал работу. Жил коммуной с бывш. ссыльными Кржеминским и Денисом Козловским. Бывало много народу, в том числе и А. А. Спандони, вернувшийся из ссылки. Для усиления средств кассы Красного Креста одно время усиленно гектографировал изъятые из обращения „Письма к тетеньке" Щедрина, а Кржеминский рисовал виньетки. Письма шли ходко и дали порядочную сумму.

В 1882 г. Исаак Ливинский предложил мне присоединиться к организуемому им кружку народовольцев. В кружок этот входили брат и сестра Яновские, Анг. Богданович и еще три-четыре человека. Предполагалась пропаганда среди студенчества, военных, рабочих, оборудование типографии. В Киеве была народовольческая группа с представителем от центра, среди этой группы у меня были знакомые. Я согласился, но с непременным условием присоединиться к группе или войти с ней в соглашение. Пока что заводили знакомства, достали немного шрифта, заготовляли материалы для паспортного стола. У Ливинского не было своей квартиры, и он ночевал у товарищей, чаще всего у меня, ночевал и накануне ареста. Арестовали его вместе с Ангелом Богдановичем при выходе из ресторана. Следовало мне ожидать обыска. Посоветовавшись с членом местной группы, товарищем моим по гимназии, Степаном Росси, я решил перейти на нелегальное положение. Получив паспорт и явку в Харьков, я уехал; явившись в Харькове по данному мне адресу, я попал на квартиру к Сигизмунду Комарницкому и Аполлону Немоловскому, моим землякам и приятелям. Комарницкий встретил меня словами: „Ты что же сюда приехал заводить крамолу", намекая этим на мои сношения с Ливинским. Здесь я познакомился с членами местной группы—Анненковым, Омировым, Александром Кашинцевым и другими. Скоро мне удалось получить урок, материально меня обеспечивавший.

Приехал я в Харьков летом 1882 г., а был арестован 25 февраля 1883 г. При обыске взяли у меня хорошо оборудованный паспортный стол и литературу. Обвинялся в сношениях с разными молодыми людьми, в очистке квартиры В. Н. Фигнер после ее ареста. От показаний отказался, заявив, что взятые у меня вещи составляют собственность партии „Народная Воля". Одновременно со мной были арестованы Вас. Иванов и раб. Яков Собко.

Высшая администрация в Харькове перед коронацией Александра III ждала манифеста. Только этим можно объяснить, что когда Вас. Иванов пришел в нервное расстройство и стал буйствовать, меня посадили в одной с ним камере. У В. Иванова были галлюцинации, и черных тараканов он принимал за жандармов, старался их уничтожать.

После коронации нас по одиночке отправили в Петропавловку. Осенью 1884 г.— суд, давший мне 20 л. каторги. Мы со Спандони перезимовали в Москве, а весной были отправлены в Сибирь. Перед отправкой нас обрили и заковали. На

Кару прибыл в конце 1885 г. При ликвидации Карийской тюрьмы в 1890 г. переведен в Акатуй. В 1891 г. из Акатуя обратно на Кару в вольную команду. На поселении в Чите сперва занялся уроками, а потом служил на ж. д. Обзавелся семьей и за неимением средств вернуться в Россию окончательно засел в Иркутске. С выхода на поселение начинается собственно „обывательское житие", никакого интереса не представляющее, а посему заканчиваю.

Прибавлю несколько слов о судьбе упомянутых в этом очерке лиц. Немоловский умер в Шлиссельбурге. Компанец, будучи студентом Петербургского университета, был арестован за пропаганду среди рабочих, сослан в Сибирь, где и умер. Галушкин умер в Киевской тюрьме от чахотки. Ливинский был осужден киевским военным судом, кажется на 10 л. каторги, и умер в Киевской крепости. Судьба остальных лиц мне неизвестна.

Шебалин, Михаил Петрович *).

Родился я в 1857 г. в дер. Новоселки Казанск. губ. Лаишевск. уезда в семье небогатого помещика. Отец мой, ярый сторонник освобождения крестьян, служил мировым посредником по первым выборам, заслужил немилость дворянских кругов за свою деятельность, направленную в пользу крестьян, и, после того как его забаллотировали при выборах на 2-е трехлетие, принужден был искать службу в других губерниях. Уже по назначению министерства, а не по выборам, он служил в Гомеле и затем в Подольской губ. мировым посредником.

Т. обр., детство мое прошло в деревенской обстановке, сначала великорусской, а затем украинской деревни, среди ее интересов и разговоров о деревенских, „крестьянских" делах, которые вторгались неизбежно в наш семейный обиход через отца—мирового посредника и его сослуживцев и клиентов, посещавших нас.

Забравшись в кабинете отца в укромный уголок, я незаметно присутствовал иногда при разборе крестьянских дел, при докладах старшин, старост и писарей. Некоторые дела не могли не врезаться в память даже 7—8 летнего мальчика по своей шумности и яркости: когда, например, шумная толпа пеших и конных возбужденных людей поздно вечером вваливала к нам на двор, требуя разбора их спора о „потраве", или когда многолюдный сход шумел, упрямился и не хотел принять какую-то меру, несмотря на все убеждения моего отца, что это законно и необходимо. Все это, а также рассказы отца в моем присутствии о „волнениях" крестьян, в частности о т. наз. „Бездненском деле" (Антона Петрова), хотя мало еще осознавалось, но все-таки оставляло неизгладимый след в душе мальчика, заставляло интересоваться крестьянским делом.

Несмотря на то, что учить меня начали очень рано и языкам, и музыке, и танцам, деревенская обстановка давала мне много простора, да и домашняя наша дисциплина не была очень строга: была возможность лазить по деревьям, бегать босиком, ловить не только рыбу, но и лягушек, играть и драться с деревенскими ребятами. Так прошло мое детство до поступления в гимназию в обстановке деревни, которая, несомненно, укрепила меня физически и дала некоторый материал для будущей идеологии.

В 1869 г. отец окончательно бросил службу, мы поселились в г. Каменец-Подольске, и я поступил в гимназию, в которую только что начали вводить т. наз. классическую систему. При моем поступлении в нашей гимназии еще 1 год сохранялась прежняя система (естествен. история, физическая география и пр.), но уже в следующем году в III классе был введен греческий язык, и я попал как раз на этот перелом, очень тяжело отзывавшийся на всех учащихся. Но несмотря на это, мое ученье шло недурно, а мальчишеские годы прошли весело и беззаботно.

Старая полуразрушенная крепость Каменец-Подольска, расположенная на живописных скалах, представляла много укромных уголков и для игры в мяч и для экскурсий в старые башни и темные коридоры и туннели. Самый город, с многими очень оригинальными зданиями старых монастырей, церквей, панских палаццо, вместе с крепостью возбуждал во всяком мальчике интерес к истории, к происхождению и судьбе этих толстых стен церквей, дворцов. Население города смешанное (украинцы, евреи, великороссы), в большинстве состояло из еврейской бедноты, ютившейся страшно скученно в центральной части города и в предместье Карвасарах, и представляло даже для случайно проходившего мальчика такие поразительные картины нищеты, что они оставляли неизгладимый след в сознании и были первым толчком к размышлению о том, почему не все счастливы в этом прекрасном мире.

Как водится, эти размышления натолкнули на „проклятые вопросы", и вот, будучи еще в пятом классе, я пережил резкий перелом от религии к атеизму, от лойяльности к существующему строю к его отрицанию.

Затем основывается кружок саморазвития И. Л. Шполянским и мною. Этот кружок,

ШЕБАЛИН М. П. (1857–1937).

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Москве.

хотя и тайный, задавался самыми невинными целями: саморазвитием и изучением вопросов, затронутых в легальной литературе; но тогда была эпоха хождения в народ, и, конечно, нелегальная литература проникла и к нам.

За время своего существования кружок наш благополучно жил и не подвергался репрессиям, но некоторые бывшие члены его, правда не за кружок, а за дальнейшую деятельность свою, довольно сильно пострадали. М. Шпиркин был приговорен в Киеве к каторж. раб., И. Шполянский должен был эмигрировать, спасаясь от неизбежного ареста, и затем застрелился в Париже. Урсынович Л., Н. Коновкин и А. Недзельский были высланы из Питера административно: первые двое в Сибирь, последний на родину.

Т. обр., кружок наш, несмотря на свою легальную внешность, недурно подготовлял юношей к борьбе с существующим строем, хотя пользовались мы преимущественно легальными книжками. Были у нас в ходу журнал „Знание", сочинения Флеровского, Михайлова, Чернышевского, Лаврова, Писарева и пр. Добывали мы и „Вперед" и другие заграничные издания.

В 1878 г. я и большинство членов нашего кружка окончили гимназию и разъехались по университетам. Человек 5—6, в том числе и я, поехали в Питер: 2 в Медико-Хирургическую академию, остальные в университет.

Поступив на математический факультет, я, не оставляя научных занятий, принял деятельное участие в студенческой жизни и, конечно, в студенческих волнениях. Время тогда было беспокойное: в связи с волнениями в провинциальных университетах было много сходок и в питерских высших учебных заведениях.

В 1878 году произошла демонстрация у Аничкова дворца; закрытие библиотеки-читальни Мед.-Хирург. ак. сопровождалось атакой конных жандармов на толпу и арестами студентов; вообще, первый год моего студенчества окунул меня с головой в т. наз. „студенческие беспорядки". И в последующие годы своего студенчества вплоть до 1882 г., когда окончил университет, я принимал участие в жизни петербург. студенчества, за что и был судим 1 или 2 раза профессорским судом (по старому уставу), но приговорен был только к замечанию или выговору.

С первого же года пребывания в Питере я получил связи с революционной средой, но в тесные обязательные отношения к нелегальной организации не становился, ограничиваясь личною помощью революционерам и деятельностью в студенческих кружках. Тогда только что осуществлялось разделение на „Нар. Волю" и „Черный Передел". Мы, периферия, узнали об этом, конечно, не только из того, что вместо „Земли и Воли" появилось 2 органа, но из дебатов, происходивших в кружках.

Из лиц, с которыми мне приходилось при этом сталкиваться, припоминаю: Бонч-Осмоловского, Лавренциуса, Дубровина Евг., Блёка, Ченыкаева, Федорчукову, Долгорукову (жену Ширяева), с которой я познакомился через своего гимназич. тов. Коновкина. Через него же я познакомился и с Н. И. Рысаковым, тогда еще легальным студентом Гор. инст. У другого моего тов., Урсыновича, встречал я Желябова. Благодаря этим знакомствам, встречался я и с Тимофеем Михайловым и с Гриневицким, которые пользовались моею квартирой для свиданий. Знал я и Тычинина, трагически погибшего в Доме предв. заключ.

Несмотря на некоторую близость к видным революционерам, несмотря на то, что мои ближайшие товарищи по гимназич. кружку—Коновкин (арестован нелегальным) и Урсынович были сосланы в Сибирь, а Лозинский и Недзельский (двое других) арестовывались после 1 марта 1881 г., я оставался вполне чистым, ни разу не был арестован и поэтому к арестованным тов. ходил на свидание, носил передачу и пр. вплоть до их отправки в Сибирь.

Весной 1882 г. я окончил университет и, получив звание учителя средних учебных заведений, решил не уезжать в провинцию, где мне предлагали занять место учителя гимназии, а остаться в Питере, занимаясь частными уроками. С революционной средой связи у меня не прерывались, несмотря на аресты и высылку многих моих друзей и товарищей.

В то время (осенью 1882 г.) положение дел „Народной Воли" в Питере после летних арестов было довольно печальное, но зимою уже образовалась группа лиц, которая старалась связать все уцелевшее и продолжать революционную работу. В этой организации были братья Николай и Василий Андреевичи Карауловы, Софья Ермолаевна Усова, Петр Филипп. Якубович, Кривенко, Прасков. Федор. Богораз и др. В этой-то организации я и П. Ф. Богораз взяли на себя роль хозяев типографии, которая и работала (как я описывал в своей статье в „Былом" за январь 1907 г.) вплоть до конца 1883 г., когда решено было типографию свернуть, а нам уехать из Питера в виду готовящегося акта над Судейкиным.

Поехал я с женою (П. Ф. Богораз) сначала в Москву, а оттуда в Киев, где я должен был поставить нелегальную типографию, но, к сожалению, благодаря предыдущим арестам, разгромившим прежнюю организацию, дела сложились так, что мне пришлось взять на себя роль лица, руко-

водящего по всем местным линиям деятельности.

После окончания дела Судейкина-Дегаева ко мне в Киев приехал из Парижа, как делегат заграничного центра, В. А. Караулов, а из Питера приезжал П. Ф. Якубович. Связи с харьковской и др. организациями тоже были, и мы, объединив все, что осталось после арестов в Киеве, думали продолжать работу и даже издавать местный орган „Социалист".

В конце февраля мы заметили слежку за собой, стали сниматься, но опоздали. Только немногие успели скрыться. В марте произошли аресты.

В ноябре судили арестованных в марте, и военный суд приговорил: В. Панкратова к 20 г. кат. р., Мартынова (Борисовича) и Шебалина к 12 годам кат. р., В. Караулова к 4 год. кат. раб.; в ссылку на поселение: Шулепникову, Васильева и Дашкевича; в ссылку на житье: П. Ф. Шебалину и Дировского. Оправданы были трое: Степанов, Затворницкий, Завадовский.

В конце ноября 1884 г. нас, всех сопроцессников, привезли в Москву в пересыльную тюрьму, но на следующий день объявили, что Питер требует 4 каторжан, и что мы будем отправлены туда „с е г о д н я ж е". После минутного прощания с женой и сыном, родившимся в тюрьме, и с которыми мне не пришлось больше увидеться, так как оба они умерли в московской перес. тюрьме, о чем я узнал только через 10 лет,— меня препроводили с товарищами по железной дороге с этапом в Петропавловскую крепость и поместили в холодную нижнюю камеру Трубецкого бастиона. Бритый, закованный в кандалы, в скверной арестантской одежде, лишенный подкандальников и ремня, поддерживающего кандалы, я „проголодал" на скверной пище и „прохолодал" около месяца. В ночь на 24 декабря (стар. стиля) мне надели ручные кандалы и на тройке с 2 жандармами отправили в Шлиссельбург, куда я прибыл 24 декабря, до истории с Мышкиным.

Жизнь и порядки Шлиссельбургской крепости так известны интересующимся исторической литературой, что я не буду ничего говорить о том, как я там жил,—жил как все,— скажу только, что прожил там 12 лет без месяца, голодал 30 дней в виде протеста за помещение меня в тюрьму, вместо рудников, назначенных мне по закону, чуть не умер от слабости, страдал психическим расстройством, сидел и на карцерном положении и в строгой изоляции, наконец, в ноябре 1896 г. был вывезен опять в Трубецкой бастион, а оттуда в Сибирь в Якутскую область, в г. Вилюйск.

Везли нас (меня и Суровцева) очень быстро, не по этапу, а по железной дороге с отдельным конвоем до Красноярска, где тогда кончалась колея жел. дороги, а затем на почтовых (три тройки под нас двоих с конвоем) до Иркутска, куда мы прибыли в конце декабря 1896 г. Из Иркутска меня, Яновича, Суровцева и Мартынова привезли в Якутск в половине февраля, а я и Мартынов прибыли в Вилюйск в конце февраля 1897 г.

Несмотря на очень строгие „правила о политических ссыльных", действовавшие тогда, в Вилюйске жилось ссыльным сносно, благодаря хорошему отношению к нам исправника Б. Ф. Качаровского. В то время в Вилюйске отбывал ссылку Махайский, Шедлих, Юделевский с женой, Хинчук с женой, Кассиуш с женой, Конст. Иванов, Н. Белецкий, Ромась Мих. Ив. Интеллигенты могли заниматься уроками, рабочие— мастерством. Скоро я и Мартынов нашли работу: я стал давать уроки, а Мартынов столярничал и слесарничал. Конечно, приходилось самому колоть дрова, топить печи и камельки, готовить себе пищу, словом,— вести довольно суровый образ жизни, значительно отличающийся от обычной жизни городского интеллигента, но все же голода и холода не приходилось терпеть. Жизнь была дешева, заработки, хотя и незначительные, находились, а когда мы устроили коммунальную столовую, то денежные расходы и трата сил значительно сократились.

От молодых моих товарищей я узнал подробно о новых течениях революционной мысли и движения. С прибытием новой партии ссыльных (в 1889 г. Айзенштат с женой, Розенблюм с женой, Мильман и др.) мы узнали о новых арестах, но и о новом расширении движения. И так с каждой новой партией, — а их было все больше и больше. Для меня становилось ясным, что после „Народ. Воли" революционное движение все ширилось и росло, пусть по другим дорогам, с другими идеологиями, но конечная цель всех новых течений та же, что и прежнего движения,—свержение самодержавия и передача власти народу— трудящимся. Это подбадривало, давало надежды на будущее, влекло вырваться из ссылки и окунуться снова в борьбу, но..., с другой стороны, я чувствовал себя не в силах проделать все то, что нужно для успешного побега и нелегальной работы. Вот почему я и прожил „мирно" как в Вилюйске до 1902 г., так и в Якутске до 1906 г.

В Якутске встретил я стариков-карийцев: Ионова, Гориновича, Бойченко - Филимонова, Лозянова, централиста Пекарского и др., с которыми, конечно, сердечно и крепко спаялся, составляя группу стариков-народников и народовольцев. Вокруг нас были представители всех различных позднейших направлений, попадавшие в более или менее продолжительную ссылку, а правительство

ЯКИМОВА А. В. (1856–1942).

продолжало посылать каждый год все больше и больше ссыльных, как бы для того, чтобы в этом пресловутом Якутске происходила оригинальная конференция и личная встреча революционеров разных эпох.

В Якутске я занимался уроками, а 2 последних года служил помощником капитана на пароходе „Лена" (А. И. Громовой), ходившем до устьев р. Лены. Во всех общественных делах нашей политической колонии, конечно, принимал посильное участие. В 1905 г. принимал участие и в деятельности общественных организаций г. Якутска, которые тоже оживились, выносили резолюции и петиции в то короткое время, в которое еще действовала волна революционного подъема, докатившаяся до Якутска, но уже разгромленная в России.

В сентябре 1906 г. мне позволили выехать в Европейскую Россию, в октябре я приехал в Нижний-Новгород, где жили в то время В. Н. Фигнер, Сажины, Борейшо, Ергины. Побывал я и в Питере и в Москве, хотя въезд в столицы мне был воспрещен, повидал старых приятелей и товарищей, идейно примкнул к партии с.-р., но формально в обязательные партийные отношения не вступал, обязуясь только всемерно, но посильно помогать партии.

Устроился я на службу в о-во „Надежда" тверским агентом и прожил в Твери благополучно до начала 1909 г., когда агентство было ликвидировано, и я перебрался на службу в Питер, помощником заведующего „Подвижным Музеем Учебных Пособий". Но в конце августа того же 1909 г. внезапно был арестован при входе в свою собственную квартиру (при чем обыска квартиры не было), препровожден в участок, а оттуда в пересыльную тюрьму для водворения на 2 года в Архангельскую губ. „как изобличаемого", гласила бумажка, врученная мне при аресте, „в социально-революционном сообществе". Думаю я, что этой ссылкой обязан я провокаторше Жученко, которая, хотя лично меня и не знала, но легко могла знать от московских товарищей, что в Твери живет такой-то старик, который и укрыть может и вообще всесторонне помочь; этого, конечно, достаточно было для такой „дамской ссылки", а более веского и важного Жученко сообщить не могла.

В Пинеге и Архангельске я пробыл положенные 2 года и в 1911 г. переехал по собственному желанию в Степной край, опасаясь оставаться в Европейской России. В Степном крае я служил сначала в Павлодаре, а потом в Омске уполномоченным Богословского Горнозаводского О-ва. С моим прошлым при самодержавии было трудно устроиться на какую-либо общественную работу. Только частная коммерческо-промышленная деятельность допускалась для нас, бывших политических каторжан. Поэтому я был очень рад, когда мне удалось занять место уполномоченного „Волжского Судоходного Страхового Товарищества" по страхованию рабочих от несчастных случаев. Занимал я эту должность в г. Астрахани, где и застала меня революция.

Принадлежа к астраханской организации с.-р., я работал в ней до июля 1918 г., когда я вышел из организации и с тех пор ни в какой партии не состою.

Из Астрахани уехал я сначаа в Нижний, а потом в Саратов, где и служил в качестве уполномоченного Волжск. Суд. Стр. Т-ва, а потом пом. делопроизводителя одного из отделов Рупвода.

В конце 1919 г. поселился в дер. Багаевке, где моя жена служила фельдшерицей, и одно время, около года, исправлял должность делопроизводителя Багаевской больницы.

В феврале 1922 г. я переехал в Москву и занял место заведующего музеем имени П. А. Кропоткина.

Якимова, Анна Васильевна *).

Родилась я 12 (25) июня 1856 г. в селе Тумьюмучаш (село с черемисским населением) Уржумского уезда Вятской губ., где отец мой был священником. Отец отлично владел черемисским языком, был популярен среди язычников и старался обращать их в христианство; но крещеные черемисы в минуту жизни трудную обращались и к своим богам и умилостивляли их жертвами животных. Недалеко от села была священная роща—Кереметище, куда няня раз носила меня во время их моления. То, что я увидела там, запечатлелось на всю жизнь. Среди густого высокого леса большая круглая площадка (роща тоже имеет округленную форму), наполненная молящимися, впереди которых горит большой костер, около него стоят громадные котлы с водою, а немного дальше к дереву привязан бык, который должен быть принесен в жертву, и возле него лежат ножи.

Когда мне было 5 лет, отец перевелся на службу в с. Буйско-Архангельское, тоже Уржумского уезда, в 10 верстах от города. С. Буйско-Архангельское очень большое, с русским населением, с 2-мя приходами, т.-е. 2 священника в селе. Здесь отец мой получил место после того, как его престарелый дядя-священник ушел в заштат и продал отцу за 1000 р. свой дом. Дом был большой, в 5 комнат, с одного конца парадный ход и передняя, с другого—черный ход и кухня. Большой двор со службами, колодцем и флигелем рядом с домом вдоль

*) Автобиография написана в декабре 1925 г. в Москве.

улицы. Дом имел мезонин в 2 комнаты с передней. На крыше по бокам мезонина были фигуры 2-х лежащих львов. Дом находился с правой стороны улицы, последний перед мостом через реку Буй, по дороге из Архангельска в Уржум. При доме был сад и огород.

У меня было два брата и сестра. Всех нас, детей, у матери было 9 чел., но четверо из первых умерли маленькими, а 5-й, родившийся после меня, умер 6-ти лет от натуральной оспы во время эпидемии. Старший брат старше меня лет на 10. Младший родился тогда, когда мне было 10 лет, что и отсрочило мое поступление в учебное заведение, так как я должна была помогать матери водиться с маленьким братом. Сестра моложе меня на 7 лет. В доме у нас была одна прислуга, которая помогала матери по хозяйству и в то же время почти неразлучно была с нами, детьми. Няню мы очень любили и, как помню, я всюду сопровождала ее. Летом ходили с нею в ближайший лес за грибами, а зимою длинными вечерами няня прядет, и я тоже подражаю ей, или делает нам из заваренной соломы куклы и рассказывает сказки, запас которых был у нее очень большой, и рассказывала она очень хорошо, с увлечением, с чувством, а иногда пускалась в воспоминания о своем деревенском житье-бытье. Главная воспитательница моя в раннем детстве была, таким образом, эта няня. Она же была и утешительница, если получишь какую взбучку за что-либо от отца или матери. Она прожила у нас 20 лет и умерла у нас в семье, когда я была арестована в первый раз и судилась по процессу 193-х.

Когда я подросла, мать стала обучать меня шитью, вязать чулки, помогать ей готовить на кухне, а отец учил грамоте и приготовлял к поступлению в епархиальное училище. Лет 8—9-ти я уже самостоятельно мыла крашеный пол в комнатах и с маленькой стирочкой ходила одна полоскать белье на речку.

Играть с посторонними детьми одну меня не пускали, и вообще в этом отношении были большие строгости. Можно было поиграть с чужими детьми только тогда, когда вместе с родителями ходили в гости или по делу в дом, где были дети, или когда дети приходили к нам.

По части разных удовольствий и развлечений, особенно зимою, было у нас очень скудно. В том же селе, у другого священника, было 12 чел. детей, один от другого с разницей в возрасте на один год, и я им иногда завидовала: у них своя большая компания, веселье, игры, хороший хор. Большое удовольствие доставляли летом, когда брат приезжал на каникулы из духовного училища г. Нолинска, а позднее мы оба, я и брат, из Вятки, поездки к родственникам в разные места от 7 до 60 верст расстояния. Была у нас своя лошадь и линейка, на которую усаживались всей семьей и ехали. Летом ездили в лес верст за 5—7 за малиною, что повторялось довольно много раз, и набирали ее столько, что мать насушивала малины до пуда. Независимо от времени года отправлялись изредка к родным и на дальнее расстояние по случаю какого-либо семейного торжества; но это счастье выпадало не всем детям, так как приходилось ехать на наемных лошадях в повозке (закрытый экипаж). Мы жили в 10 верстах от Уржума, и родственники из этого уезда, едучи в город, заезжали к нам и вносили некоторое оживление в наш дом, но было это не часто.

Ежедневными нашими посетителями были крестьяне, прихожане отца, приходившие за советом к нему по случаю какого-либо несчастья, болезни, горя или радости или с какими-нибудь „требами". Отец был очень общительный, добродушный человек и любил подолгу и обстоятельно побеседовать со своими посетителями. Мне кажется, что он знал семейное и материальное положение каждого из 1000 своих прихожан и был любим ими. Из этих бесед я знакомилась с жизнью и бытом крестьян. Крестьяне нашего села были удельного ведомства, а в деревнях — государственные крестьяне. Иногда отец, едучи с какой-нибудь „требой", брал меня с собою. Часто мне приходилось слышать о всевозможных болезнях и видеть полную беспомощность в этом отношении, потому я рано стала мечтать о том, чтоб сделаться фельдшерицей - акушеркой.

Одиннадцати лет, в 1867 г., в половине августа, отец отвез меня в Вятку в епархиальное училище, куда я была принята и оставлена в пансионе с платою 50 р. в год. Отец просил начальницу не пускать меня в город, где были родственники и мой брат, учившийся уже в семинарии. Все 5 лет, проведенные в училище, кроме рождественских и летних каникул, я безвыходно оставалась в нем. Брат по праздникам навещал меня, а родственники приходили очень редко. На рождество и лето ездила с братом домой за 180 верст, но за нами обязательно приезжали мать или отец.

Епархиальное училище в Вятке было открыто в начале 60-х годов либеральным архиереем. Программа была очень обширна, гораздо больше программы женских гимназий, и с первого же класса второго года (всего было 3 класса по 2 года) начиналось, например, преподавание древней истории, для чего мы были совсем мало подготовлены. Через два года после моего поступления училище было преобразовано по программе женских гимназий, но с педагогическим курсом в течение 6-го класса, на

что в гимназиях существовал добавочный год, и для прохождения всего гимназического курса требовалось 8 лет, а у нас 6 лет. Оканчивали мы с дипломом „домашней учительницы". При преобразовании училища я была переведена прямо в 4-й класс, и, таким образом, пробыла в нем 5 лет, окончив курс в 1872 г.

Вспоминаю об училище с глубокой благодарностью: воспитывали нас всесторонне, и еще тогда проводился у нас в воспитании трудовой элемент. С первого года мы дежурили по классу, по спальне, по столовой и должны были поддерживать чистоту и следить за порядком, а в старших классах дежурили и по кухне, где должны были помогать поварихе. С 2-х до 4-х часов были заняты по рукоделью. Воспитанницам полагалось все белье и платье шить самим: в маленьких классах вязали чулки для всех воспитанниц, средние классы обшивали всех бельем, а старшие шили платье и занимались разными изящными рукоделиями под руководством „рукодельной дамы". На физическую сторону воспитания обращалось много внимания. Был у нас большой сад, где весной и осенью проводили все свободное время. Продолжением сада был огород, с края которого была сделана высокая деревянная гора, поливавшаяся зимою водой, и мы катались на довольно большое расстояние. Зимою, когда нельзя пользоваться во время перемен и вечером садом, все свободное время, кроме прогулки вне дома, проводили в громадном зале и вечером после приготовления уроков до ужина, с 7 до 8 часов, обязательно все по классам устанавливались рядами и под команду дежурной воспитательницы разом проделывали домашнюю гимнастику. После гимнастики свободно могли заниматься, кто чем хочет: одни танцовали, другие прыгали через веревочку, играли в мяч и пр. Весь день был распределен для обязательных занятий с 7-ми ч. утра до 10 вечера. Чувство товарищества, дисциплины развивалось сильно, и готовили из нас не барышень-белоручек.

Толчком в направлении умственного развития и выработки мировоззрения я обязана нашей классной даме, Анне Дмитриевне Кувшинской, которая поступила к нам одновременно с моим поступлением в училище, только что окончив гимназию, переходила с нами вместе из класса в класс и пробыла с нами в течение 4-х лет, после чего уволили ее по доносу за то, что она „сеет семена нигилизма" (она была потом в Питере членом кружка чайковцев и судилась по процессу 193-х).

Вятка была местом ссылки для политических административно-ссыльных, которые группировали около себя молодежь. В то время был в Вятке Трощанский (позднее член „Земли и Воли" и судился по процессу Веймара); под его влиянием, в числе других, находилась Анна Дмитриевна, а сама она старалась пробуждать наше сознание. С первого же года она приучала нас к чтению и устраивала общие чтения во время занятий рукоделием, заставляя читать по очереди, а иногда читала сама. Доставала и снабжала нас книгами. На первых порах не всегда соответствовал выбор книг нашему развитию, что объяснялось большим рвением с ее стороны, желанием поскорее просветить нас во что бы то ни стало, и неопытностью в этом отношении. Со временем была выработана программа чтения, которой и руководствовались в подборе книг. Читали мы свои книжки и во время уроков неинтересных нам предметов и во время приготовления уроков к следующему дню с 5-ти до 7 часов вечера, когда оставалось на это свободное время. А перед праздниками любимое время для чтения в старших классах было ночью в библиотеке, когда все уснут, и воспитанницы и воспитательницы. Ложились спать воспитанницы в 10 ч. и скоро засыпали. После обхода рядов спящих, уверившись, что все спят, ложилась спать и воспитательница, одна из классных дам, кровать которой стояла в нашей спальне. Тогда мы, человек 5—6, тихонько вставали, обертывались простынями и одеялами, осторожно пробирались по коридору в библиотеку, расстилали на полу часть одеял, в средину ставили свечи и, на животе лежа, принимались за чтение. При малейшем движении в коридоре гасили свет. Эти ночные чтения сходили нам благополучно, и я не помню ни одного раза, чтоб мы когда нибудь попались. При поездке на рождественские и летние каникулы Анна Дмитриевна тоже снабжала нас книгами.

Под влиянием Ан. Дм. кроме нас, воспитанниц ее класса, было несколько человек старшего, выпускного класса. Из них две — Лариса Васильевна Чемоданова и Кочурова, а других не помню. Кочурова тем же летом бежала из родительского дома, чтоб поехать в Питер на курсы, и это произвело большой скандал. Было заподозрено влияние А. Д., и ее уволили из училища. Лариса Васильевна Чемоданова освободилась из родительского дома, благодаря фиктивному браку с Сергеем Сил. Синегуб. (Воспоминания С. С. Синегуб, „Былое" за 1906 г., №№ 8 – 10).

Когда мы были в последнем, 6 классе, А. Д. не было с нами, но она оставила нас под покровительством другой классной дамы, ее подруги, которая согласилась, чтоб мы пользовались в ее отсутствие комнатой для чтения и приема там нелегального посетителя, который являлся к нам по рекомендации А. Д. просвещать нас. Это был Николай Аполлонович Чарушин (потом член кружка чайковцев и судился по процессу

193). Он познакомил нас с Интернационалом, Парижской Коммуной и приносил нам нелегальную литературу. В комнате этой классной дамы был шкаф для платья, и вот, в случае прихода к ней кого-нибудь неожиданно для нас во время посещения Чарушина, мы должны были запереть туда нашего гостя, но этого не случилось ни разу.

На выпускном экзамене по закону божию всегда присутствовал архиерей. Приехал он и к нам, но заранее уже предубежденный против нас. Вызывают отвечать. На первых же порах одна из воспитанниц, подходя к столу, за которым сидел архиерей, кивает ему головой вместо чинного поклона. Архиерей разражается гневным потоком по адресу „нигилисток", хотя подошедшая не была из числа их. Облегчившись извержением гнева, начал вызывать опять. Несколько воспитанниц прошло благополучно, а потом опять такой же кивок головою. Гром, молнии на наши головы и крик архиерея: „На колени все!" Не помню, как отразилось это самодурство деспота на благонамеренных элементах, но у нас оно вызвало непримиримую злобу и ненависть. После крика „на колени!" архиерей схватился с места и побежал, выкрикивая на ходу: „Не давать им дипломов!" Начальница и все присутствовавшие педагоги побежали за ним, стараясь как-нибудь умилостивить его, но он не вернулся. В течение нескольких дней начальница ездила к нему, прося его отменить запрещение о выдаче дипломов и, наконец, получила разрешение. Самодура этого мы больше не видали: не был на акте при выдаче дипломов и у себя не пожелал видеть на прощанье. Обычно при выпуске воспитанницы делали прощальный визит архиерею.

Вышли мы, несколько подруг, из училища с желанием пойти в народные учительницы, но считали себя недостаточно подготовленными для этой цели и решили для самообразования пробыть еще год в Вятке, поступив официально на педагогические курсы при женской гимназии. Родителям не хотелось отпускать меня, но под угрозой побега и доказательства необходимости пробыть еще год на педагогических курсах, скрепя сердце, согласились.

Мы, несколько товарок, только что окончивших епархиальное училище, после каникул вернулись в Вятку. Здесь были кружки молодежи, куда вошли и мы. В это время ни Анны Дмитриевны, ни Чарушина в Вятке не было—они оба были в Питере. Мы были близки к кружку Марьи Егоровны Селенкиной, группировавшей около себя революционную молодежь, и квартира которой часто служила местом собраний. В 1874 г. она была арестована в связи с арестами в то время по всей России, но после года с лишним тюремного заключения была выпущена. В качестве руководителя у нас в кружке был Михаил Павлович Бородин, который в 74 г. тоже был арестован, а затем выслан в Якутскую область.

Весною 73-го года, еще до каникул, я подала прошение в Орловское земство о зачислении меня на место народной учительницы. У нас в Архангельском была земская школа, но отец проектировал, чтоб я осталась дома и открыла частную школу у нас во флигеле, а я ни за что не хотела оставаться дольше под родительским надзором. Раз, в августе месяце, получаю пакет из Орловской земской управы с извещением о назначении на место учительницы в село Камешницкое с приглашением к определенному времени прибыть в Орловскую земскую управу. Для родителей было совсем неожиданно это извещение. Они стали было протестовать, но потом примирились с совершившимся фактом назначения. К назначенному времени собираюсь ехать, и мать заявляет мне, что она будет сопровождать меня до места. Мать моя была с большим характером, решительная, энергичная, и я смирилась с ее желанием самой видеть, куда еду я и с кем буду иметь дело. В с. Камешницком, в 25 верстах от г. Орлова и в таком же почти расстоянии от Вятки, учительствовала я с сентября 1873 г. по 12 мая 75 г., когда была арестована. С крестьянами сошлась я довольно скоро, и почти не было времени в течение дня с утра до вечера, чтоб я могла остаться одна. С раннего утра ребята уже собирались в школу. Квартира моя сначала помещалась в том же доме, где школа, во-второй половине дома крестьянина с большой семьей. У них же я и столовалась. Когда число учеников увеличилось, пришлось взять под школу и мою комнату, а мне переселиться в другой крестьянский дом. Зимою, когда не было усиленных сельско-хозяйственных работ, ученики были довольно великовозрастные, лет до 16 и больше. После уроков толпились у меня: то просто беседовали, рассматривали картинки в книгах, а то и читали вслух. В то же время заходили и взрослые: прочитать или написать письмо или просто потолковать о том, о сем, а молодежь—за книжками. Кроме довольно скудной школьной библиотеки, была у меня библиотечка с подбором тенденциозных и нецензурных книг.—Среди крестьян знакомство было большое, так как раннею весною, по предложению земства, в праздничные и воскресные дни, когда не было школьных занятий, я ходила по деревням прививать оспу. В беседах крестьяне были вполне откровенны, в критике существующего не стеснялись, книжки мои читались грамотными довольно охотно, но и только. Не проя-

влялось никаких намеков на зарождение революционной самодеятельности. Приходилось постоянно упираться в одно и то же: „Не нами это началось, не нами и кончится!" Отсутствие желательных в революционном отношении результатов приписывала я своему неуменью подойти к делу, неопытности и, чувствуя полную неудовлетворенность, подумывала уехать в Питер поучиться и позаимствоваться знанием и опытом других. Но поехать самой в Питер не пришлось, а повезли меня туда жандармы.

В первый год моего учительства был у меня выдающийся по своим умственным способностям мальчик—калека, без ног до колен, лет 15—16, очень серьезный; в течение года он перечитал почти всю мою библиотечку. Я видела, что для крестьянского хозяйства он не годится, как работник, а в то-же время хотелось, чтобы он не выходил из этой среды, был материально независим ни от кого, а был бы полезным членом для деревни; потому я решила отдать его учиться сапожному ремеслу, для чего увезла его в Вятку и поместила за плату к сапожнику для обучения. При отправке снабдила его книгами. Сначала читал он их сапожнику, а мало-по-малу образовался у них маленький кружок человек в 5—6, и они по вечерам долго засиживались за чтением. Потом стали давать книги желающим и на дом, и, таким образом, один из читателей получил на руки для переписки революционный песенник, который и снес в жандармское управление. В результате—обыск у сапожника, арест его и моего ученика, а потом, 12 мая 1875 г., обыск у меня и арест. Арест мой произвел большое впечатление на крестьян; ближайшие из них по месту жительства столпились около экипажа при отправке, и женщины, как более экспансивные, плакали, а одна из них причитала: „И кто это под тебя колеса-то подкатил!" В тот-же день повезли в Вятку. Посадили меня в одиночку Вятской тюрьмы, где сидело уже несколько арестованных в связи с арестами чайковцев в Питере. Сидели там и мои близкие знакомые—Марья Егоровна Селенкина и Михаил Павлович Бородин и др. Сидели мы без прогулок (не было такого укромного места, как думало начальство, где бы нас могли не видеть ни уголовные, ни политики), и только раз в месяц водили в баню. Протеста по этому поводу не устраивали. По собственному настроению думаю, что и другие относились так же потому, что тюрьма заранее представлялась нам как „каменный мешок" со всяческими лишениями и, попав туда, ничто не должно было быть неожиданностью; считали все в порядке вещей, а нужно было, напротив, стараться не показать врагам, что лишения эти чувствительны, „не раскисать". Не выпускали даже в уборную. С внутренней стороны двери камеры был приделан ящик, в который было вырезано отверстие в двери из коридора, и вставлялось туда ведро.

Бородин сидел в том-же корридоре, но между нами были пустые камеры, и мы не перестукивались, а Селенкина сидела в корпусе напротив, во 2-м этаже. Ее окно было видно через внутреннюю стену двора, и мы переговаривались с нею знаками по той-же системе, как и перестукиваются. Вскоре после моего ареста их выпустили на поруки до окончания дела.

Арестовали меня с несколько копейками в кармане, и первое время пришлось сидеть исключительно на арестантском пайке, пока товарищи с воли не устроили мне передачу. На обращение моих приятелей к моему отцу о том, что мне нужна, по их мнению, материальная помощь, отец ответил: „Пусть посидит так, как есть, авось образумится!" В этом он искал влияния на изменение моего направления. Брат мой в то время был в Одессе студентом Новороссийского университета юридического факультета и находился на полном содержании отца. Просидела я в Вятской тюрьме немного более года, и в это время отец несколько раз был в Вятке, приезжая за сестрой на каникулы, которая училась уже в епархиальном училище, и привозя ее обратно, но ни разу ни слова даже не написал мне, а каждый раз приходил в тюремную церковь к обедне, брал просфору и присылал мне ее с тюремным священником: „Батюшка вам шлет свое благословение и просфору!" Вот и все.

Зато мать добилась свиданья со мною, хотя это и было сопряжено для нее с немалыми трудностями, так как нужно было просить разрешения на свидание у прокурора Казанской Судебной Палаты. Мать моя была почти неграмотная, читала еле-еле, а писать совсем не умела, но женщина очень энергичная, умная. На свидании со мною не было ни слова упрека с ее стороны, но она сильно волновалась, плакала и наивно говорила: „Иди на волю, а я здесь останусь вместо тебя!" Увидела я ее сильно изменившейся за время моего сиденья (это было к концу года после ареста); похудела сильно, постарела.

Книги присылали мне товарищи с воли. В конце мая или начале июня 76-го г. меня отправили на почтовых (железной дороги не было) с 2 жандармами в Питер через Нижний-Новгород. Через 3-е суток были в Нижнем, так как останавливались дорогою только, чтоб переменить лошадей и поесть.

В Питере привезли в Дом предварит. заключ. Там сидела А. Д. Кувшинская. Она сейчас же узнала о моем прибытии, прислала через надзирательницу привет, раз-

пую еду и лакомства. Меня посадили этажом выше ее, но наши камеры соединялись углами. Сейчас же я вошла в общение со своими ближайшими соседками, так как способ сношения между заключенными был мне известен. Стукальщицей я была усердной после строгого одиночного заключения больше года с чем-то. При разгрузке Д. П. З. с притоком арестованных из провинции стали переводить в Петропавловскую крепость, перевели и меня в том числе. В крепости тоже существовали сношения между заключенными, и переговаривались между собою даже сидящие в разных коридорах, от чего оглушительный стук разносился по всему Трубецкому бастиону, а особенно в дни свиданий, когда сообщались новости теми, кто имел свидание. В камерах тогда столы и табуреты были деревянные и подвижные. Мы ставили стол к окну, на стол табуретку и деревянной иконой (в каждой камере была икона) через форточку били по железной решетке, и таким образом могла сообщаться чуть-ли не половина сидящих. В Трубецком бастионе, кажется, было 72 камеры, и в то время все камеры были заняты. Смотритель бастиона, Богородский, пробовал бороться со стуком, но ничего не мог поделать.

Незадолго до суда всех нас перевели в Дом пр. зак. В октябре 1877 г. начался суд Особого Присутствия Сената. Арестовано было по делу пропаганды в империи чуть ли не 1.000 чел., но к суду привлечено 193 чел. За отсутствием каких-либо улик после все же продолжительного сидения некоторые были освобождены, другие высланы административ. порядком, третьи заболели психически, покончили самоубийством, поумирали от различных болезней. Следствие тянулось почти 4 года.

Все, что происходило на суде, было уже в печати и более или менее известно.

Когда после чтения обвинительного акта нас поделили на группы и стали водить в суд каждую группу отдельно, мы запротестовали против такого деления и отказались присутствовать на суде. Я, конечно, тоже была из числа протестантов, которых было большинство судившихся. Привлечение меня к этому делу было совсем искуственно, так как при всем старании жандармерии и прокуратуры не удалось им связать меня с „тайным противоправительственным сообществом", а в обвинительном акте относительно меня было сказано: „кроме лиц, принадлежащих к тайному сообществу, занимались противоправительственной пропагандой и отдельные лица. В Вятской губ. учительница А. В. Якимова" и т. д. О моей связи с А. Д. Кувшинской и с Чарушиным осталось неизвестным; да после того, как они уехали в Питер, сношений между нами и не было. Судили и сапожника, у которого учился мой ученик; мальчика тоже везли в Питер, кажется, в качестве свидетеля, но он дорогою заболел тифом и умер.

Лично я благодарна прокурору Желиховскому, что он присоединил меня к этому процессу и, таким образом, дал мне возможность познакомиться еще в 77-м г. с Желябовым, Лангансом, Перовской и др., потом самыми близкими товарищами по „Народной Воле".

После окончания судебного следствия защитники (у меня был Грацианский, назначенный судом) стали брать на поруки своих подзащитных, и я 5-го января 78-го г. очутилась в Питере на воле. Тяжело было оставлять в тюрьме близких друзей, приобретенных за время суда и совместного сиденья, но были уже и на воле раньше выпущенные товарищи. Прямо из тюрьмы направилась я к своей землячке, товарке по училищу и очень мне близкому человеку, Марии Формаковской, студентке тогда медицинского факультета, которая ходила ко мне на свидание во время процесса (в народовольческий период я поддерживала с нею сношения, а через нее с земляками—вятичами. Вскоре она умерла от туберкулеза.) Земляки встретили меня очень приветливо. В первые же дни захотели угостить меня оперой, взяли ложу на Аиду, но желание их доставить мне удовольствие не оправдалось; чувствовала себя очень скверно: тюрьма, оставшиеся там товарищи, суд не выходили из головы, и контраст, представляемый оперой и собравшейся тут публикой, очень сильно и болезненно бил по нервам.

Вскоре после моего выхода из тюрьмы была выпущена ближайшая моя соседка по камере (сидела надо мной) Евгения Завадская, с которой мы очень сдружились в Д. П. З. и теперь решили поселиться вместе, а потом присоединилась к нам Вера Рогачева *). Жили мы на Кирочной, кажется, улице у какой-то прачки в сырой-пресырой комнате, во время стирки постоянно наполнявшейся мыльными парами, так как входная дверь в нашу комнату была через прачечную. При выходе из тюрьмы в финансовом отношении у нас было не богато, так что и питание вполне соответствовало занимаемому жилищу: питались чаем с дешевой колбасой, холодцом из лавочки, кислой капустой и пр. в этом роде, и этим приходилось делиться с посещавшими нас товарищами, которые не имели и того, что имели мы. Посетителей бывало у нас очень много, и мы ходили знакомиться с теми, с кем не были знакомы по тюрьме. В квартире Александры Ивановны Корниловой

*) Судившаяся также по проц. 193-х.

бывали многолюдные собрания, на которых обсуждалась программа „Земли и Воли", к которой мы присоединились, но членами организации не вошли, так как не знали, что с нами будет после приговора суда. На всякий случай для связи снабжены мы были адресами. Тогда были уже выпущены, тоже до приговора суда, Желябов, Ланганс и другие, а Соня Перовская не была арестована во время суда и ходила на суд с воли, но была из числа протестанток. Время, январь месяц, было очень оживленное: планам, проектам, спорам не было конца. В это время дебатировался вопрос о пропаганде действием, вызванный рукописной брошюркой, выпущенной из тюрьмы (помнится, как-будто Е. К. Брешковской) под названием „Пропаганда фактами".

В конце января 1878 г. состоялся приговор, которым в числе многих других была оправдана и я. Вскоре после приговора мы были предупреждены защитниками, что, по всей вероятности, оправданные будут высланы административно, поэтому мы постарались поскорее уехать сами, кто куда хотел, не дожидаясь высылки. Со времени моего перевода в Петербург отец мой под влиянием воздействий на него моего брата, окончившего уже Новороссийский университет, ежемесячно высылал мне деньги; были присланы деньги и специально для дороги. Мне хотелось поехать в Вятку, и я отправилась с одним земляком, Петром Неволиным, тоже привлекавшимся к процессу 193-х. С Завадской мы условились встретиться весною в Тверской губ. в маленьком имении сестер Кутузовых (ее приятельниц, с 2-мя из которых я познакомилась в Питере, одна из них—по мужу Кафиеро), чтоб оттуда отправиться в пешее путешествие по центральному промышленному району.

В Вятку приехала я во время свадьбы моего брата, который был при окружном суде кандидатом на судебные должности. Я знала, что не могло еще быть получено из Питера распоряжение относительно меня, потому явилась пока легально. Родители мои приехали на свадьбу и были в Вятке. Отец, уезжая домой, очень просил меня ехать с ними и говорил, что они теперь любят меня еще больше, но я отказалась наотрез. Через несколько дней после их отъезда, с одной из товарок по училищу, Анфисой Мышкиной (стоявшей потом близко к кружку М. А. Натансона—„троглодиты"—и рано погибшей—заболела психически и умерла), поселилась в верстах 3-х от города в деревне у крестьянина, при чем поддерживали оживленные сношения с друзьями в Вятке. В апреле я отправилась в Тверскую губ. в условленное с Завадской место. Пробыв там некоторое время, мы трое: Ев. Завадская, Кафиеро и я отправились путешествовать сначала по направлению на Рыбинск. Когда очень уставали, то делали передышку и садились на 1—2 перегона в поезд или на пароход. Шли мы, конечно, с фальшивыми паспортами под видом богомолок с котомками за плечами. Кафиеро была самая старшая из нас, я — младшая. Ночевали в деревнях и приходили иногда в сумерках, да еще уставшие, сгорбленные, загорелые, так что молодость наша не бросалась в глаза, нас принимали за действительных богомолок, с нами не стеснялись и говорили откровенно, как с людьми бывалыми по богомолью в разных местах, много видавших.

Цель нашего путешествия была не пропаганда, не агитация, а ознакомление с крестьянами промышленного района—не по книжкам, а в натуре. Ни книг, ни газет с нами не было. Шли мы по Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниям. Добрались мы до Нижнего с 1 рублем в кармане на троих. Была у нас явка в Нижнем у Харлампия Власовича Поддубенского (Поддубенский привлекался потом по процессу 17-ти народовольцев, но не судился, так как был признан психически больным). Мы заняли у него денег, немного отдохнули в нанятой комнате, и товарки мои решили этим и закончить свое путешествие: они были слабее меня и прихварывали. Они уехали по домам, а мне не хотелось сдаваться так скоро и хотелось ознакомиться поближе с заводскими рабочими, потому я решила поступить на Сормовский завод, что в 9-ти верстах от Нижнего.

В первый раз, как я пошла туда, мне сказали, что нет работы, что нужно подождать и справиться через неделю. Чтоб не возвращаться в город, я решила это время проработать на пристани по выгрузке с плотов дров. Работа эта очень тяжелая: на носилках носить дрова с плота на берег.

Работали под наблюдением надсмотрщика, который стоит и понукает трехэтажной бранью замешкавшихся, оступившихся, а те отвечают ему тем-же. Спешат, толкают друг друга и такими же приветствиями обмениваются между собою. С утра до вечера так и висит в воздухе эта брань, и разговаривать тут уж некогда. Поселилась я в семье рабочего, в общем, конечно, с ними помещении, и столовалась у них. В субботу или накануне какого-нибудь праздника, проработав урочное время, шли к подрядчику за расчетом. Работали поденно и не помню, один или два раза в неделю получали расчет. Усталые, голодные шли за деньгами и иногда подолгу приходилось ожидать у дома подрядчика, когда его не было дома к назначенному времени, или когда их степенство изволили обедать или пить чай. А он в это время

несколько раз покажет в окно свою жирную, сытую и вспотевшую от чая рожу с разными шуточками-прибауточками, с сальными любезностями по адресу женщин. Тут, можно сказать, вполне испытала я чувство ненависти голодного трудящегося к сытому, довольному тунеядцу. С неделю проработала на пристани, а потом приняли меня чернорабочей на завод. Работа для чернорабочих женщин была такая же, как и для мужчин, но мужчин было очень мало, а главным образом женщины. Работа большею частью состояла в выгрузке с платформ и переноске строительного материала в распиловочную, а потом в сушилку, в разные мастерские и, наконец, туда, где сбирались уже вагоны. По виду я была такая здоровая, что этим выделялась среди женщин. Помню, раз нужно было перенести с одного места в другое толстый дубовый брус, для чего требовалось четверо мужчин, а налицо их было только трое, и они за четвертого избрали меня: „Ну-ка, Антонина (мое имя по паспорту), берись!". Нельзя сказать, чтоб я была особенно польщена таким вниманием, так как мне было очень тяжело нести, тем более, что я была ниже ростом, и этот брус, накренившись в мою сторону, больно давил и резал мне плечо. Но ничего— оправдала их мнение. Завод этот принадлежал Бернардаки. Директор был англичанин, страшно плохо говоривший по-русски и почти недоступный для рабочих. При входе на завод в первом большом помещении висели на стене „правила", где, между прочим, было сказано, когда, за что и в каком размере берется штраф, когда производятся сверхурочные работы и пр. О сверхурочных работах было сказано: „При усиленных ночных работах чернорабочие, по желанию, остаются и на ночную смену". Раз после гудка по окончании работы является десятник и громогласно объявляет: „Бабы, оставайтесь на ночную смену!" Я оставаться не желаю, заявляю ему и направляюсь уходить. Меня женщины останавливают и говорят, что уходить нельзя— оштрафуют. Я им возражаю, что этого не должно быть, так как по правилам остаются на ночную работу по желанию, а я не желаю.—„Что там правила! будут тебя спрашивать. Оштрафуют и все тут!" — Не может этого быть, говорю. — „Вот увидишь: завтра будешь выписана на штрафной доске! Ты не первая..." Я ухожу, а они посмеиваются над моей наивностью. На другой день встречают меня вопросом: „Видела на штрафной доске? тебе штраф" (эта штрафная доска в той-же передней большой комнате, где и правила).— Видела! говорю: это ничего не значит: запугать хотят, стращают, а не вычтут при расчете, я по правилам.—„Пропишут тебе правила!"—Через сутки тот же окрик десятника оставаться на работу. Я опять ухожу, а мне вдогонку: „Что-же ты днем будешь работать, а за вечернюю работу этим штраф платить?!" Я доказываю невозможность по принуждению работать еще после трудового дня, и что штрафов тут никаких не должно быть. На утро на доске опять пометка о штрафе, а женщины насмешливо-укоризненно посматривают на меня. Несколько дней обходится без сверхурочной работы. Меня страшно интересует: как это можно оставаться еще работать, как следует, в продолжение 4—8 часов после такого длинного рабочего дня (рабочий день был, кажется, 12 часов). Мне казалось физически это невозможным. Продолжительность сверхурочных работ была разная: иногда с 6 до 10 вечера, а иногда с 6 до 2-х ночи за удвоенную плату за каждый час по сравнению с дневной. Потом раз опять после гудка является десятник и заявляет: „Бабы, кто хочет, оставайсь!" Я остаюсь, чтоб познакомиться с этой работой.

После небольшой передышки оставшиеся принимаются за дело, но, видать, с большой натугой. Завод в полном ходу; машины работают неослабно, а люди по мере течения времени все замедляют и замедляют свои движения. Жизнь на заводе мало-помалу затихает. Начальства не видно. Машины только работают без устали, а около машин людей все меньше и меньше, но зато видать по сторонам и углам везде сидят парочки, кучки, беседуют, а кто и прикурнул, дремлет. Некоторые группы работают поочередно: отдохнувшие, вздремнувшие берутся за дело, а те, кто работал, идут отдыхать. При входе и выходе из мастерских ставятся караульщики, и, при приближении кого-либо из начальства, дают знать в мастерскую, и разом все вскакивают и принимаются каждый за свое дело. Начальство удаляется, и мастерская принимает прежний вид. Меня удивляло: неужели была все-таки выгодна для завода по своим результатам такая работа при затрате в полной мере всяческих подсобных материалов, при работе и верчении машин в значительном размере впустую? Больше мне уже не приходилось иметь дело с ночными работами. Не помню, сколько времени пробыла я чернорабочею, а потом перевели меня в „стружечницы"— это чином выше, поденная плата больше на пятак или гривенник, не помню. На обязанности их было подметать в вагонной мастерской от станков стружки и выносить их. Работа была более легкая, более чистая, и приходилось соприкасаться с одними и теми-же людьми у станков.

В это время на заводе работал Степан Халтурин. В Вятке я с ним не была знакома и познакомилась в Нижнем на квар-

тире Х. В. Поддубенского, там и встречались потом по воскресеньям и праздникам, а на заводе были как-бы совсем незнакомыми. Он в то время был занят мыслью об организации „Северного Рабочего Союза" и временно работал с этой целью в Сормове, чтоб завязать связи.

Через Нижний должны были провозить при отправке в Сибирь осужденных по процессу 193-х. В Питере решили устроить в Нижнем побег Екатерине Константиновне Брешковской, и с этой целью приехал в Нижний Н. А. Морозов. Нужно было устроить в городе квартиру, и предложили этим делом заняться мне. Кстати, непривычная, тяжелая физическая работа отразилась уже на моем здоровье, и требовалось обратить на это внимание. Пошла в заводский приемный покой, где мне назначили леченье и выдали бюллетень, освобождающий на несколько дней от работы. Ушла в город, но скоро выяснилось, что осужденных провезли дальше и отправили на пароходе. Никакого побега устраивать не пришлось. Оставаться на заводе я тоже не видела смысла. Пошла за расчетом в контору завода и заявила, что серьезно заболела мать, и меня требуют домой. Без возражений попросили у меня расчетную книжку. Подсчитали и выдали деньги по высшей плате для поденных женщин за все время работы на заводе, по 45 коп., как получачали „стружечницы", без всяких штрафов. Прошу возвратить мне паспорт (паспорта рабочих хранились в конторе). „Паспорт ваш у станового пристава в Кунавине. Вам за ним нужно обратиться туда". Я, конечно, не последовала этому совету, так как паспорт был отправлен, очевидно, для проверки становому, а был фальшивый, потому я и сочла за благо не показываться туда и подарить становому паспорт. Пропаганды на заводе не вела, противозаконного ничего не делала и даже никаких книг у себя на квартире не имела. Но бдительное око обратило внимание (из газет было известно о процессе 50-ти и 193-х); паспорт администрацией завода был отправлен становому приставу, а ко мне обращались на „вы", в то время, как всем рабочим „тыкали", и штрафа не удержали. Из конторы я поспешила пойти к женщинам, чтоб показать им свою расчетную книжку, как был произведен расчет, и что относительно штрафа я была права, так как никакого штрафа с меня удержано не было. „Ну, конечно, Антонина, ты человек грамотный, тебе виднее, а мы люди темные". Тон был уж совсем другой, а не тот, что было вначале, когда они потешались надо мной. Попрощались со мной очень приветливо.

Счастливо убравшись с завода, благодаря тому, что сама не захотела оставаться там дольше, а то опять бы неизвестно за что очутилась, по всей вероятности, в тюрьме, поехала на родину, чтоб окончательно попрощаться с родителями, побывать там, где была учительницей и где была арестована, чтоб уехать оттуда уже навсегда и бесповоротно связать себя с революционной организацией.

Первым делом на короткое время направилась к родителям. Там, очевидно, полиция уже ждала меня, и на другой день утром нагрянул исправник с предписанием министерства внутренних дел взять меня под надзор полиции с воспрещением выезда с места жительства. Исправник приходился каким-то дальним родственником отцу и был с ним знаком. К исправнику я не вышла, а принимал его отец, который и был посредником между мною и им. Отец заявил мне, что исправник приехал, чтоб взять с меня подписку о невыезде. Говорю, что подписки не дам, потому что судом я оправдана. С этим отец и отправляется к исправнику. Исправник настаивает на подписке и обещает к следующему учебному году (я родителям говорила, что в Питере поступлю на высшие курсы) дать мне благоприятный отзыв, и мне разрешат поехать в Питер. Я отказываюсь. Так отец несколько раз пропутешествовал от исправника ко мне и обратно. Наконец, исправник заявляет, что он не может уехать без отметки на этой бумаге, что я ее видела, а иначе скажут, что он не предъявлял ее мне. Тогда я написала, что бумага мне предъявлена. Исправник уехал. Через некоторое время видим, что около нашего дома похаживают мужики. Оказалось, что становой приказал караулить меня, предполагая, очевидно, что я сейчас же намерена удрать. Крестьяне, прокараулив целую ночь, потребовали от станового вознаграждения водкой, в каком размере не помню. Караула больше не было, но сельскому старосте было приказано сейчас же давать знать становому приставу, жившему в Буйском заводе, в 7-ми верстах от нас, если я куда выеду. Подписалась в библиотеке в Уржуме и стала ездить туда довольно часто за книгами. Я еду в город за 10 в., а сотский „мчится" к становому за 7 в. Пока он туда едет и обратно от станового, а я уже дома. Таким образом, проделав несколько раз напрасно поездку к становому и находя в результате меня вернувшейся, привыкли к моим отлучкам и успокоились. Прожила я несколько месяцев и в начале февраля уехала в город и не вернулась больше. Было воскресенье и какой-то царский праздник. Возница из Архангельского оставил меня в Уржуме на почтовой станции, и очень скоро уехала я с обратным ямщиком по направлению г Нолинска. При отправке, проходя мимо сосед-

ней комнаты, увидела пальто военной формы. Оказалось, что там остановился становой из завода, который караулил меня, а в это время был в церкви на царском молебне, о чем я узнала от ямщика, с которым ехала. За время пребывания у родителей списалась с Поддубенским в Нижн. Новг. и получила от него паспорт и деньги, что пришлось получать, конечно, не на свое имя, а воспользоваться услугами местного учителя.

Прежде всего я направилась к Вятке, а затем в с. Каменицкое, где учительствовала, чтоб рассказать, почему и за что была арестована и судима. Несколько дней пробыла там и повидалась с более близкими людьми. Знакомый пожилой крестьянин повез меня до Яранска. Я не скрыла от него, что еду в Питер с целью вступить в революционную организацию. „Святое твое дело! Если бы у меня не семья, я сам бы пошел на это дело", сказал он мне. Этим последним визитом в Каменицкое и закончилось мое непосредственное общение с народом.

Благополучно добралась до Питера. За мною была погоня, но запоздалая, да к тому же я поехала не по тому направлению, не на Казань, как они предполагали, а на Вятку. В Петербурге я имела землевольческий адрес к сестре О. В. Аптекмана и попала сразу в ту группу с Плехановым во главе, из которой потом образовался „Черный Передел". Из этой группы я лично никого не знала, а мне хотелось встретиться со знакомыми по процессу 193-х, с Тихомировым и Н. А. Морозовым; просила устроить мне свидание с ними, но так и не добилась этого, получая в ответ, что они очень заняты. Новые мои знакомые предложили мне поселиться на квартире, где собирались рабочие, и Плеханов и Аптекман читали им лекции (О. В. Аптекман, „О-во Земля и Воля", стр. 317, 362). Не помню, кто был хозяином этой квартиры. Тут прожила я недолго, так как после покушения Соловьева на царя ожидали сильных репрессий, обысков и решили ликвидировать квартиру, а мне настоятельно предложили временно отправиться в Калужскую губ., не помню в какое-то имение, где я должна пробыть до вызова. Сидеть там мне скоро надоело, и я, томясь бездельем, не дождавшись вызова, поехала в Питер, чтоб самостоятельно розыскать тех, кого мне хотелось видеть. С большими трудностями, но все-таки мне удалось найти Н. А. Морозова и др. С этого времени я крепко связалась с той группой, которая образовала партию „Народной Воли".

Перед покушением Соловьева направление многих членов „Земли и Воли" определилось в сторону будущей программы партии „Народной Воли". Я упоминала, что по выходе из тюрьмы в январе уже 78 года дебатировали у нас вопрос о пропаганде фактами, а очень скоро явилась и такая пропаганда, сначала выстрелом Засулич, ее судом, потом убийством Мезенцева, покушением на Дрентельна, покушением Соловьева на царя. А что же может быть лучше ударов в самый центр государства, где неограниченный монарх является вершителем судеб как в области экономической, так и политической, и в представлении народа этот владыка рисуется священною особой, помазанником божиим. Мне при близком соприкосновении с народом приходилось упираться в безнадежность, покорность судьбе: „Не нами началось, не нами кончится!", и этот фатализм и нужно было разрушать не словами, а действием, ударами будить сознание и чувство.

В скором времени, по возвращении из Калужской губ., была нанята мною вместе с Степаном Ширяевым квартира, где мы учились домашним способом приготовлять нитроглицерин и из него динамит. С этого времени и до 1-го марта 1881 г. весь нитроглицерин и динамит приготовлялся при моем участии на квартирах, где была я и хозяйкою квартир. Сначала, как сказала уже, с С. Ширяевым на 2-х квартирах, потом с Исаевым, тоже на 2-х в Петербурге, и, наконец, с Кибальчичем, где приготовления шли для М. Садовой. На этой квартире, в качестве родственницы, жила Фанни Абрамовна Морейнис и заменяла меня в квартире в мое отсутствие, когда я была уже хозяйкою в магазине сыров на М. Садовой.

В мае 79-го года организовалась террористическая группа „Свобода или Смерть", в которую вошла я с самого начала. Членами этой группы были: Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, Ал. Квятковский, Баранников, Ст. Ширяев, Гр. Исаев, Зеге-фон Лаутенберг, Арончик, Богородский, Григорий Гольденберг, студент Якимов, Е. Д. Сергеева, С. А. Иванова, А. В. Якимова и Н. С. Зацепина. Большинство членов этой группы потом вошло в Исполнительный Комитет „Народной Воли". Студент Якимов и Н. Зацепина, поженившись, вскоре отошли от революционной деятельности.

После решения Исполнительного Комитета 26 августа 79 г. устроить ряд покушений на Александра II по пути его возвращения из Крыма в Петербург, вместе с Желябовым под фамилией Черемисовых поселились в Александровске Екатеринославской губ., чтоб устроить покушение по железной дороге вблизи этого города. По возвращении из Александровска на Большой Подъяческой, дом 37, кв. 27, где мы жили с Исаевым, шли приготовления динамита для взрыва в Зимнем дворце. После взрыва во дворце 5-го февраля 1880 г.

Степан Халтурин скрывался у нас на этой же квартире. Тут же приготовлялся динамит для устройства покушения в Одессе весною 80 г. Дворник дома квартиры на Б. Подъяческой был прогоревший торговец из „Суровской лавочки",—„из лавочки выехал на палочке", говорил он, и он же исполнял обязанности швейцара и жил в швейцарской в малюсенькой комнате. Знакомства, оставшиеся от лучших времен, поддерживал и теперь. Нужно было ему „справлять именины", позвать своих знакомых, в числе которых был врач, околоточный надзиратель и пр. „чистая публика", а помещения то не было; вот он и попросил нас с Исаевым уступить свою квартиру на вечер для приема гостей. Отношения у нас с ним были хорошие, а благодаря такой любезности с нашей стороны мы должны были зарекомендовать себя еще лучше во всех отношениях в его мнении. Согласились, квартиру очистили, все упрятали. Квартира была в верхнем этаже, и ей одной принадлежал непосредственно примыкавший к ней большой чердак с холодной комнатой, имевшей окно напротив окна нашей гостиной. В эту комнату мы поместили Халтурина, который в шубе сидел и из окна темной комнаты наблюдал веселящихся гостей. Мы с Исаевым тоже были в числе гостей. Мне с околоточным, как раз у того окна, через которое наблюдал Халтурин, пришлось играть в карты, и я три раза оставила его дураком.

В апреле месяце в Одессе, по Итальянской улице, дом № 47, было нанято торговое помещение, где хозяевами лавочки были Перовская и Саблин, под фамилией Прохоровских, муж и жена, а мы с Исаевым— хозяевами конспиративной квартиры по Троицкой улице, дом № 3, под фамилией Потаповых. На последней квартире хранилось все, что нужно было для снаряжения мины. Раз здесь Исаев стал прочищать металлическую трубочку для запала, будучи уверен, что она пустая, как получались обыкновенно трубочки со стороны, металлическою-же тоненькой палочкой, как вдруг в соседней комнате услышала я сильный взрыв. Вбегаю и вижу Исаева бледного-пребледного, сидящего на диване с приподнятой над столом рукою, оканчивающеюся большою, четверти $1^1/_2$, кровяною кистью. Оказалось что в трубочке была гремучая ртуть, которая и взорвалась от трения. Первые слова Исаева при моем появлении были: „Уходи скорей с квартиры! Я погиб". Сейчас же перевела Исаева в другую комнату, в темную. Руку слегка забинтовала и опустила в таз с холодной водой. Кровь в комнате замыла, куски оторванных пальцев со стен и потолка подобрала и открыла окна во двор, чтоб видели, если кто слышал взрыв, что у нас снаружи все обстоит благополучно и спокойно. Квартира была в нижнем этаже окнами во двор, но в то время, по счастию, во дворе никого не было, и никто не обратил внимание на взрыв, так как улица от движения экипажей была довольна шумная. Затем пошла на Итальянскую улицу известить о случившемся, посоветоваться относительно врача и пр. Оказалось, что есть свой врач, который и был приглашен осмотреть раненого; забинтовал руку и сказал, что необходимо в тот же день для операции поместить Исаева в больницу, для чего он поведет предварительные переговоры с хирургом гор. земской больницы. Вечером, когда стемнело, увезла Исаева в больницу. Скоро собрались доктора для операции. Но вот беда: операцию нужно делать под наркозом, а вдруг под влиянием наркоза Исаев скажет что нибудь, чего не следует. Заявляю докторам, что буду присутствовать при операции, но они не соглашаются, а я энергично настаиваю и, наконец, меня оставляют в операционной комнате. Я сажусь в некотором отдалении от операционного стола, но где могу все слышать. Исаев сильно возбужден, и с трудом его усыпили, для чего потребовалось очень большое количество хлороформа, и что объяснили доктора предположением, что он алкоголик. Все обошлось благополучно. Несчастье мы свалили на то, что оторвало пальцы в складе машин, куда он заходил, от собственной неосторожности при пробе машины. Были у него и на лице небольшие следы ожога, но, повидимому, в больнице не было сыщика, и никто на это не обратил внимания.

Покушения в Одессе не произошло потому, что царь не поехал через Одессу. Возвратившись из Одессы, поселилась вместе с Перовской на конспиративной квартире по 1-й роте Измайловского полка, д. № 18, под фамилией Сипович. Для жандармов так и осталось невыясненной загадкой, кто такая была Сипович.

В это время шли приготовления к покушению под Каменным мостом по Гороховой улице, где я должна была быть сигналыщицей и издали, завидя царский выезд, пройти по Каменному мосту и этим дать знак Желябову быть готовым ко взрыву. Покушение не состоялось.

Затем была устроена динамитная мастерская на Обводном канале (уг. Измайлов. пр.), хозяевами которой были Кибальчич и я. Здесь в последний раз приготовлялся динамит при моем участии.

2-го декабря было нанято Богдановичем помещение на М. Садовой, и мы, под фамилией Кобозевых, поселились там, где из сырной лавки был устроен подкоп и заложена мина под улицу (см. „Каторга и ссылка",

№ 1/8 1924 г., А. Якимова „Из далекого прошлого", стр. 9—17).

3-го марта в разное время дня Богданович и я ушли из магазина и по разным железным дорогам, я через Смоленск, уехали в Москву. Прожила там около $1^1/_2$ месяца и поехала в Киев отдохнуть на юге и устроить свои личные дела, но в тот же день по приезде, 21 апреля, была арестована вместе с Мартыном Рудольфовичем Ланганс в меблированных комнатах у Ф. А. Морейнис. Посадили меня в Киевский тюремный замок. Обстановка там в первое время была такова, что друзья стали думать об устройстве мне побега (наверное не помню под какой фамилией была арестована, а кажется, Емельянова, Ольга Владимировна, имя и отчество помню хорошо). Жандармы тогда еще не подозревали мою причастность к террористическим делам, но через некоторое время был привезен в Киев В. Меркулов*), который признал меня, и сейчас же обстановка изменилась, был усилен караул, так что мечты о побеге сразу рушились.

Возили меня сначала в Александровск для предъявления хозяевам дома, где мы жили с Желябовым, а потом в Питер. После короткого пребывания в департаменте полиции (несколько часов), при чем посадили в какую-то комнату, через которую пробегало много людей, очевидно, шпиков, повезли в Петропавловскую крепость. При перевозке по железной дороге, кроме 3-х жандармов, сопровождал жандармский офицер, который в начале пути заявил мне: „Не вздумайте дорогою шалить... знайте, что у меня приняты все меры!"

Судилась я по процессу 20-ти народовольцев, с 9 по 15 февраля 1882 г. („Былое" за 1906 г. № 1—„Процесс 20-ти народовольцев", стр. 222—301). Приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

До 25-го июля 1883 г. сидела в Екатерининской куртине Петропавловской крепости с короткими промежутками сиденья в Трубецком бастионе. Я была изолирована в Екатерининскую куртину потому, что при мне был маленький ребенок, родившийся 13 окт. 81 г., в Доме предв. закл., крик которого не должны были слышать другие заключенные. Там же в противоположном конце коридора помещался до казни Суханов.

После конфирмации приговора все осужденные были переведены на каторжное положение: одни в Алексеевский равелин, другие в Трубецкой бастион, я в Екатерининскую куртину; но везде режим вводился один и тот же: переодеты были в казенную дерюгу, лишены пользования своими средствами (мыла, чаю, сахару), давался только кипяток утром и вечером (ели черный хлеб с солью и кипятком). Лишены были медицинской помощи (в крайнем случае в первое время призывался только фельдшер), книг, и, кроме библии или евангелия, ничего не давали. Пища должна была быть солдатская, но благодаря сильному воровству ужасно отвратительная. Мой грудной сын энергично запротестовал против такого питания; начались сильные желудочные заболевания, и кричал он благим матом день и ночь. К ребенку являлся доктор Вильмс, и по его предписанию мне стали давать, вместо жидких водянистых кислых щей, бульон два раза в день, а через некоторое время дали бутылку молока и 3-копеечную французскую булку в день. Благодаря ребенку, пускали на прогулку сначала через день на 20 минут, а потом и каждый день; давали мыла для купанья ребенка и стирки в камере его белья. При моем заболевании приходил фельдшер, и в первый раз доктор Вильмс пришел лично ко мне, по вызову фельдшера, который думал, что у меня начинается гангрена (были злокачественные нарывы от худосочия), в результате чего мне дан был рыбий жир и увеличена ежедневная прогулка, кажется, до $^1/_2$ ч. или 40 м. („Историко-Революционный Вестник", № 1 (4) 1922 г. Издание О-ва политкаторжан и ссыльнопос. А. Якимова.—„Из прошлого", стр. 13—17).

В августе 83 года была отправлена в Сибирь. (Наше путешествие описано в брошюре А. В. Прибылева—„От Петербурга до Кары").

Каторгу отбывала на Каре и в Акатуе. На Кару привезли меня в конце мая 1885 г., так как в Красноярске болела тифом, кроме того все время был болен ребенок, которого и в Красноярск привезла с воспалением легких, а потом бронхитом, ветряной оспой и пр., пока не передала его на волю знакомым, в семью административного ссыльного Сергея Васильевича Мартынова, так что в Красноярске пробыла больше полугода. Затем болела в Чите и лежала несколько месяцев в военном полугоспитале.

С конца мая 1885 г. по сентябрь 1890 г. содержалась в общей женской политической тюрьме, после чего условия содержания политических были радикально изменены, и отдельные политические каторжные тюрьмы уничтожены. Из мужской тюрьмы 17 человек тогда было выпущено в вольную команду, а 13 человек отправлено в Акатуй во вновь отстроенную тюрьму для помещения вместе с уголовными и с обязательными работами в рудниках; из женской тюрьмы

*) Рабочий, участвовавший в подкопе на Итальянской, где он впервые встретился с Якимовой. *В. Фигнер.*

ЯСТРЕМСКИЙ С. В. (1857–?).

тоже выпустили четверых в вольную команду, а в числе других четырех—Салова, Ананьина, Тринидатская и я были переведены в уголовную женскую тюрьму на Усть-Каре. Там просидела я 2 года и 10-го сентября 92 г. выпущена в вольную команду на Нижней Каре, которая просуществовала там до мая 1897 г. и была переведена в Акатуй. С этого времени никого из политических на Каре не оставалось.

В вольной команде на Каре я вышла замуж за Моисея Андреевича Диковского. Переведенные в Акатуй вольнокомандцы оставались тоже в вольной команде, и семейные жили в деревне Акатуй, в 2-х верстах от тюрьмы. Окончила каторгу в 1899 г., в августе месяце, ибо каким-то манифестом Николая II (кажется, при коронации) бессрочная каторга была заменена двадцатилетней, да кроме того, женщинам в рудниках (Кара и Акатуй—рудники) 8 месяцев считалось за целый год, и таким образом, вместо 20-ти лет пришлось пробыть на каторге 17 лет и 6 месяцев. На поселение назначена была в Якутскую область, но по болезни 3-летнего сына, родившегося на Каре, сначала временно, а потом и окончательно оставлена в Чите. Муж мой окончил каторгу еще на Каре и на поселение назначен был в Забайкальскую область, но оставался со мною до окончания моего срока, а по приезде нашем в Читу поступил на службу по постройке Забайкальской железной дороги. С июля 1900 г. я занимала место конторщицы по службе пути при постройке той же дороги, а с переходом дороги в эксплоатацию была штатной конторщицей той же службы.

В декабре 1904 г. „самовольно отлучилась", как было сказано потом в обвинительном акте, из Читы в Европейскую Россию, где сразу попала в окружение двух провокаторов: Татарова и Азефа. Из этого периода воспоминания остались самые тяжелые: беспрестанно чувствовала, что за всеми моими передвижениями следят шпики, в борьбе с которыми приходилось тратить почти все время, так что рада была бы аресту, чтоб избавиться от этого кошмара. Арестована была 23-го августа 1905 г. в поезде жел. дороги на станции Орехово-Зуево, едучи из Нижнего в Москву.

Сначала повезли меня во Владимирскую тюрьму, а через два дня отправили оттуда в Питер в Петропавловскую крепость. До 30-го октября 1905 г. продержали в Петропавловке и ни разу не вызывали на допрос, а потом отправили в тюрьму во Владимир, так как сейчас же после октябрьского манифеста нельзя было создать политического процесса, но решили судить меня за побег из Сибири и запрятали в башню Владимирской тюрьмы.

7-го октября 1906 г. судили за самовольную отлучку из Сибири и приговорили на 8 месяцев тюремного заключения по месту ссылки без зачета предварительного заключения до суда. Освободилась из тюрьмы в Чите 7-го июня 1907 г. Манифест 1905 г. не был применен ко мне во время заключения по толкованию начальства, потому что „побег—преступление уголовное, а не политическое", применен он был, т.-е. получила право жительства в Европейской России, кроме столиц и столичных губерний, позднее, но не помню, в каком году.

Со времени освобождения из тюрьмы в 1907 г. до 17 г. несколько раз подвергалась обыскам и даже была арестована на короткое время в связи с местными делами партии с.-р. и Красного Креста.

Окончательно выехала из Сибири, из Читы, 10-го июня 1917 г. Короткое время пробыла в Москве и поехала в Одессу. Там с сентября месяца была земским инструктором по выборам в Учредительное Собрание в Одесском уезде, с какою целью ездила по деревням этого уезда и старалась проводить программу партии с.-р. Этим и окончилась моя политическая деятельность.

С 30-го ноября 1917 г. живу в Москве. В начале 18 г. занималась с малограмотными женщинами при Комитете Общественных Организаций, потом работала в разных кооперативных учреждениях: в О-ве „Кооперация", в Наркомпроде и, наконец, в Центросоюзе с 26 января 1920 г. по 15 июня 1923 г. Здесь больше двух лет работала по выборам в комитете служащих Центросоюза в качестве секретаря комитета. Со времени организации Общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев работаю немного там.

Ястремский, Сергей Васильевич *).

Я родился в 1857 г. в бедной семье в Харькове. Мой отец был мелким чиновником, он служил в государственном банке. Семья была довольно большая: у меня было два брата и три сестры. Крепостного права я не помню. Как всякий устаревший институт, крепостное право, раз уничтоженное, уже сейчас же детям казалось чем-то далеким, отошедшим вглубь истории. Мне, мальчику, было странно читать Гоголя и Тургенева, где изображался крепостной быт: мне казалось все это дикой и далекой старины. У Гоголя и Тургенева все скрашивалось необыкновенной художественностью, а Писемского, которого так превозносил Д. И. Писарев, я уже вовсе не мог читать. Научился я читать и писать самоучкою лет пяти. Десяти лет я определен был в классическую гимназию. До реформы Д. Тол-

*) Автобиография написана в декабре 1925 года в Одессе.

стого у нас в Харькове была одна классическая гимназия, где преподавались оба древние языка, а в двух остальных только латинский. В 1870 г. все эти три гимназии были сделаны одинаково классическими, с обоими древними языками. На моей гимназии реформа Д. Толстого отразилась только тем, что число уроков по древним языкам увеличилось до восьми часов в неделю на каждый. Идейного брожения среди гимназистов еще заметно не было. Я первую свободную книгу прочитал только в 1873 г. Это было „Былое и Думы" Герцена. Книгу привезла из-за границы моя знакомая, ездившая на всемирную выставку в Вену. Я целиком присоединялся к проклятиям Герцена царствованию Николая I.

Я учился в гимназии очень хорошо и жадно и много читал. Сначала это были Добролюбов, Чернышевский и Писарев, книги по классической политической экономии (Адам Смит, Рикардо, Милль), потом Спенсер („Социальная статика"), речи и соч. Лассаля (1-й и 2-й т.) и „Капитал" К. Маркса. Радикальные идеи проводились тогда и в легальной литературе. Страстным призывом к борьбе звучали популярные среди молодежи „Исторические письма" Миртова (П. Л. Лаврова). Всю горькую долю рабочего ярко изображала книга Флеровского (Берви) „Положение рабочего класса в России". Любимыми поэтами были Некрасов и Шевченко. Россия просыпалась. Шли процессы Долгушина, Дьякова, и отчеты о них зарождали стремление итти к обездоленным, нести туда лозунги социальной революции. Ходила по рукам записка Палена, о пропаганде в 37 губ. Харьков не так сильно был захвачен движением. Но все же были небольшие кружки радикалов (так звали тогда революционеров); пополнялись они молодежью, бросавшею учебные заведения, чтобы итти в народ. Была в Харькове и большая тайная библиотека хороших идейных книг, состоявшая в распоряжении студентов-медиков старших курсов, откуда выдавались надежным лицам из молодежи книги для чтения. Там были и первые появившиеся книги журнала „Вперед". Радикалы того времени делились, как известно, на кружки „лавристов" и „бунтарей", тяготевших больше к Бакунину. Идеи якобинства, представителем которых был орган П. Н. Ткачева „Набат", увлекали немногих. Хотелось полной воли, и казалось,—открыть только глаза народу, и буржуазный мир рухнет. А потребовалась долгая, долгая борьба, много жертв, и народу надо было, в конце концов, пережить японское поражение и неслыханную мировую войну, чтобы, наконец, осуществилось предсказание Петра Алексеева, чтобы поднялась мускулистая рука рабочего, и разлетелось в прах ярмо деспотизма, огражденного царскими штыками.

По окончании гимназии я поступил на медицинский факультет и примкнул к небольшому кружку товарищей по университету. К нам примыкали и гимназисты старших классов и бросившие учебные заведения молодые люди. К числу последних принадлежал казненный в 1879 г. в Киеве Людвиг Брандтнер. Предприняв зимою 1875—76 г. поездку в Киев и Одессу за революционными заграничными изданиями, я в Киеве познакомился с кружком В. Дебогория-Мокриевича, так-назыв. „бунтарями", где были Я. Стефанович, Л. Дейч, В. Засулич, М. Коленкина, Чубаров и др. На меня сильное впечатление произвел Владимир Мокриевич. В Одессе чаще других я видел Волошенко (он мне несколько сродни). Видел и А. Желябова. Последний-то и снабдил меня революционными изданиями.

Тем временем приехал в Харьков Иван Осипович Союзов, столяр, рабочий петербургских железнодорожных мастерских. Он познакомил меня с столяром, рабочим харьковск. железнодорожных мастерских, Куплевасским. И так у нас возникают связи с рабочими, и мы завели даже столярную мастерскую, где главными работниками были „Ионыч" Глушков и Людвиг Брандтнер. Не успели хорошо завязаться связи с рабочими, как провокатор Прозоров все выдал, и все начинания наши были разгромлены. Мы были, впрочем, скоро освобождены из-под ареста, но мне и Архангельскому пришлось уехать за границу, где я пробыл года полтора.

Больше я жил в Женеве. Лишь недолго пробыл в Львове, но здесь скоро был арестован и предан суду в 1877 году вместе с известным галицийским деятелем, тогда студентом Львовского университета, Павликом, с Ляхоцким (осужденным под фамилиею явленного им паспорта Куртеева) и Черепахиным (украинофилом). Павлик и Куртеев отделались пустяками, меня же и Черепахина присудили на один месяц тюремного заключения и к вечному изгнанию из Австрии (как, впрочем, и Куртеева).

Будучи за границей, я поместил в лондонской газ. „Вперед" статью о невыносимо тяжелом содержании политических каторжников в харьковских центральных тюрьмах. Мою подпись, равно как и тогдашнего доброго моего приятеля В. П. Обнорского, на ряду с другими, можно найти в прокламациях к обществу учрежденного тогда в Женеве Общества помощи политическим эмигрантам из России. В Женеве, в том кружке, где я был, господствовали идеи анархизма, идеи федералистической ветви расколовшегося Интернационала. Эти же взгляды разделялись и примыкавшими к нам французскими рабочими, изгнанниками по делам Коммуны, и местными женевскими рабочими. В Женеве жил М. П. Драгоманов, предста-

витель украинофильского течения тогдашней революционной мысли, издававший журнал „Громаду". Его правою рукой в этом деле был Ф. К. Волков, очень образованный и начитанный. С ними обоими я проводил много времени в беседах. Были и старые эмигранты 60-х годов: Элпидин, Жуковский, Жеманов, полковник Соколов. Из нечаевцев были там Ралли и Эльсниц (последний, впрочем, вблизи Женевы). Из каракозовцев был приехавший из Лондона В. Черкезов. Мы,— та группа, в которую я входил,— жили „коммуной". Так эта квартира и называлась как русскими, так и французами. Жил здесь и Степюшкин, известный под вымышленной фамилией Михаленко, или просто, благодаря французам, как Мишель. Тут был и бежавший со мною из России Архангельский и судившийся со мною во Львове, под фамилией Куртеева, бежавший из киевского полицейского участка Ляхоцкий, известный под кличкою „Кузьма" или „Кузьмич". Он был наборщиком в „Громаде". Живший с семьей в окрестностях Женевы Ралли проводил у нас целые дни. Тут же была наборная, и он вместе с другими набирал газету „Работник". На якобинцев Ралли поглядывал косо и один раз он выговаривал мне, что я привел в „коммуну" якобинку Лизу Южакову. Она помогала нам брошюровать роман Флеровского „Идеалисты". Нас посещал часто Д. А. Клеменц, потом один из редакторов открывшегося, было, в Женеве журнала „Община". Бывал часто, и видел я его не раз, и С. М. Кравчинский, участник Беневентского восстания, амнистированный вместе с другими после смерти Виктора-Эммануила. Это движение шло под лозунгом „пропаганды фактами". В защиту такой пропаганды фактами горячие речи говорил талантливый оратор Коста, тоже посетивший тогда Женеву. Были и французские коммунары. В числе их был старик, еще участник июньских боев 1848 г.—père Saigne (дядя Сень). Кажется, Lefrançais издавал журнал „Le travailleur", проводивший взгляды федералистической ветви Интернационала *). В этом органе появлялись и статьи Драгоманова об украинском движении.

По возвращении в Россию, я попадаю в тюрьму, и больше двадцати двух лет жизни пропадает в тюрьмах, каторге и ссылке.

Уже в тюрьме, в Харькове, узнаю я об оправдании Веры Засулич и взрыве энтузиазма во всей России, вызванном оправдательным вердиктом.

Как известно, мягкий, сравнительно, приговор по „большому процессу" (193-х) не был царем конфирмирован в части, где суд ходатайствовал о смягчении кары ряду осужденных. Вслед за казнью Ковальского гибнет от удара кинжалом шеф жандармов Мезенцев. Выстрел Веры Засулич находит отголосок не только в России, но и за границей. Там происходит ряд покушений на коронованных лиц—в Германии, Италии, Испании.

Под Харьковом (1 июля 1878 г.) была сделана попытка освободить П. И. Войнаральского на пути в центральную тюрьму. Она была неудачна, и попадает в тюрьму один из участников этой попытки „Фомин" (истинная его фамилия Медведев). Я с ним очень сближаюсь. Он убегает с помощью уголовных из тюрьмы, но вскоре его арестовывают близ Харькова. Делается попытка освободить его. Приходят два человека, переодетых жандармами, за Фоминым, но их сейчас же арестовывают в тюремной конторе, благодаря предательству письмоводителя тюремной конторы. Один из этих переодетых жандармами был Иван Иванович Тищенко, более известный всем под вымышленным именем Гаврилы Березнюка, бывший матрос Черноморского флота, человек очень хороший и убежденный. Он много мне рассказывал и о матросе Логовенко и о Виттенберге. Вскоре в связи с этой попыткой освободить Фомина попадают в тюрьму Яцевич и Ефремов. В это время начинаются наши протесты в тюрьме, вызываемые грубостью и бестактностью смотрителя. Мы ломаем рамы, бьем стекла. Кончается это карцером. Потом нас развозят по разным тюрьмам. Я попадаю сначала в камеру при караульном доме харьковских арестантских рот, потом меня увозят в Вышневолоцкую тюрьму. Эта тюрьма была полна тайн. В ней я застал только одного заключенного — Кларка. Мы сидим в одиночных камерах. Ни он, ни я не знаем, что это за тюрьма. Потом оказалось, что это пересыльная тюрьма для политич. заключенных, отправляемых в Вост. Сибирь. Вскоре тюрьма стала населяться: пришли М. Натансон, П. Чехов, Хазов, Н. Тепляков, Н. Обручников, Н. Кузнецов, Альторф, Л. Зак и Лисин. Всех их ссылали административным порядком в Сибирь. Пришли еще Марголин, Чачковский, Мачтет, Зеников, Молчановы (дядя и племянник) и киевский студент Назаров. Порядки в тюрьме были очень вольные, мы проводили все время вместе, только на ночь меня, Чехова и Кларка запирали в одиночки. Но мы не знали ничего о происходящем за стенами тюрьмы. Нам только сообщили по секрету,— кажется, временный смотритель тюрьмы или, может быть, врач,—что Россия разбита на генерал-губернаторства (6 апр. 79 г.). В очень ярких красках описывал нам

*) Lefrançais был сотрудником, а основателем журнала были Элизе Реклю и Жуковский.
В. Фигнер.

М. Натансон, как разлилось широко по России движение, и можно было, по его словам, думать, что мера эта вызвана взрывом революции, но он легко допускал и покушение на царя, как в действительности и было, о чем мы узнали уже потом. Когда привезли нового заключенного — Сабсовича, он уже, помню, как об известном нам факте говорил, между прочим, и о выстреле Соловьева (2 апр. 79 г.). Узнали мы также и о покушении на шефа жандармов Дрентельна и о казни офицера Дубровина.

Все мои товарищи по заключению, кроме Зеникова, преданного суду за оскорбление караульного офицера, и Лисина, умершего в стенах тюрьмы от чахотки, ушли, закованные в ручные кандалы, в Сибирь. Я остался один. Вскоре прибыла в Волочек моя жена и стала меня посещать. Пришло много административных ссыльных из Одессы, высланных правою рукою Тотлебена—Панютиным. Пришли также из Варшавы молодые симпатичные Серошевский и Лянды. Мне помнится, они были закованы в ножные кандалы. Мне в особенности понравился Серошевский своей экзальтированностью, своим энтузиазмом. И Серошевский, и Лянды, и все административные из Одессы, — в общем весьма веселая компания,—ушли в Сибирь.

Но вот приехали за мною жандармы и препроводили меня на военный суд в Харьков. В Харькове было много политических заключенных. Для них был устроен ряд одиночных камер с заделанными до самого верха окнами, оставлявшими лишь не больше полуаршина просвета. Сделано было так, чтоб взбираться на окна было невозможно. Табурет, кровать, стол — все было привинчено, приколочено накрепко. Перестукиваться нельзя было, но можно было переписываться. Мы обменивались книгами и в книгах переписывались. Свиданья с женою обставлены были тяжелыми условиями надзора. О крушении царского поезда на московской дороге я узнал от одного из привилегированных уголовных арестантов, написавшего мне об этом в книге по-французски. О процессе и пребывании в Сибири я писал уже в другом месте („Кандальный Звон", Одесса, 1925, № 1) и поэтому здесь ограничусь немногими фактами.

Харьковский генерал-губернатор Лорис-Меликов после взрыва в Зимнем дворце был назначен главою Верховной распорядительной комиссии в Петербурге, а на его место в Харьков был назначен Дондуков-Корсаков. Наступила „диктатура сердца".

На суде (24 марта 80 г.) уже чувствовались какие-то веяния, но прокурор все грозил виселицей.

О смерти напоминали не только пресловутая статья в обвинительном акте, рекомендуемая к применению прокурором, но и упоминания о Бранднере *), „ныне повешенном", о губернаторе Крапоткине, „ныне убитом", как скороговоркой прибавлял прокурор. И над публикой, которой набралось человек до 200, и над скамьей подсудимых нависала все же жуть. И вот мне захотелось в своем последнем слове рассеять эту жуть и сказать несколько слов против призыва к виселице.

Я сказал, что даже в Австрии и Германии за распространение книг или не судят, или кары ничтожны. Что же касается слов прокурора, что в книгах, которые я распространял, призывается к резне, что задались целью вырезать треть населения России, то я не знаю, чем вызвано такое утверждение. Движение охватило все классы общества, начиная с высших, кончая низшими. Что же это значит? Значит ли это, что мы, русские, такой кровожадный народ. Нет, не то! Это смутил прокурора призыв к революции. В книгах не о резне говорится, а о революции. Революция же—закончил я при проникавшем меня сочувственном внимании притихшей публики,— это не резня, а проведение в жизнь начал свободы, равенства и братства, а это было и остается моим идеалом и до сих пор.

Я был присужден к 15 годам каторжных работ в рудниках, но, за несовершеннолетием во время совершения „преступления", приговор тут же был смягчен на 10 лет в крепости. А. М. Калюжный, страдавший тогда душевною болезнью **) и все же посаженный на скамью подсудимых, приговорен был к 6 годам каторги, столяр Куплевасский—к ссылке в не столь отдаленные места Сибири. Студенты Чугуевец, Ванчаков и Судейкин приговорены были к пустому наказанию (месяцы тюрьмы), но и то потом было снято.

После суда я, А. М. Калюжный и Куплевасский уже были посажены вместе в одну камеру. Сначала меня заковали в ножные кандалы и обрили мне половину головы, потом сделали то же с Калюжным, а через несколько дней заковали и Куплевасского.

Вскоре нас повезли в Мценскую тюрьму, где сейчас же расковали. Потом началось длинное путешествие, закончившееся уже поздней осенью. Ушло с нами все население Мценской тюрьмы. Дорогой присоединились к нам Андрусский, Белоцветов и Козырев ***), шедшие в каторгу. Кроме

*) Привлекался по моему делу и казнен 14 мая 1879 г. в Киеве за вооруженное сопротивление вместе с В. Осинским и Свириденко.

**) Потом он оправился. В свое пребывание на Кавказе он своими беседами много помог Максиму Горькому в духовном его развитии.

***) Андрусский из гусаров, Белоцветов и Козырев студенты Ярославского лицея. Козырев до поступления в лицей был дьяконом.

того, присоединились к нам два общественных деятеля, отправляемые в административную ссылку—Н. Ф. Анненский и Павленков. Мы шли отдельной политической партией без примеси уголовных.

Между Красноярском и Иркутском на одном из этапов сложились благоприятные условия для побега, и бежали Минаков, Властопуло, Крыжановский и Козырев. Но тайга казалась только безбрежной, а ее знали вдоль и поперек местные жители, и беглецы были скоро арестованы. В Иркутске присоединились к нам заключенные, бежавшие было из тюрьмы, но неудачно, Волошенко, Попко, А. А. Калюжный (минчан), Н. Позен, Яцевич, Березнюк, Фомичев и „Неизвестный, раненый в голову" (один из участников вооруженного сопротивления в Киеве) и помогавший им с воли ссыльный по процессу 50-ти А. О. Лукашевич. Из них я хорошо знал еще на воле Волошенко и Попко, а Яцевич и Березнюк были моими товарищами по тюрьме в Харькове. Их всех терзала мысль, что будет за побег. Но плетей не было, а только надбавка сроков каторги, а Фомичева, Березнюка и Попко приковали к тачке на три года, так как они были бессрочными. В Иркутске к нам присоединили еще и Е. И. Россикову *).

Шли уже громадные льдины по реке („шуга" по-сибирски), когда мы в лодках прибыли в Усть-Кару. Нас встретил комендант Кары полковник Кононович. Тюрьма наша была на Средней Каре. На Нижней Каре Виктор Костюрин бросился в объятья к вышедшему навстречу Синегубу, поразившему меня своим изможденным видом.

Синегуб, как и Чарушин, Шишко, Семяновский, Богданов Степан (очень любимый всеми), Терентьев, Квятковский (брат казненного) и Успенский (нечаевец) жили на воле. На волю же выпустили мою жену и жену Гелиса, как добровольно последовавших за нами. Женская тюрьма находилась на Нижней Каре, и туда была заточена Е. И. Россикова.

На Средней Каре в тюрьме мы застали осужденных в Одессе и Киеве. Были там еще Ефремов и Родин, осужденные в Харькове, и Мозговой, Зубрилов и А. И. Дубровин **) (все трое—донские казаки из интеллигентных) и мятежный ахал-текинец, Абдурахман-хан ***), необыкновенно представительный, стройный мужчина, лет сорока, с красивой длинной бородой.

Здесь мы застали и Бобохова *), осужденного за вооруженное сопротивление при поимке после побега из административной ссылки, и Бибергаля, осужденного по делу Казанской демонстрации. Жена последнего, как и жена Родина, проживали вне стен тюрьмы. Проживала еще на Каре и мать Ростислава Стеблин-Каменского. Из проживавших на воле были женаты, и жены последовали за ними: Квятковский, Чарушин и Синегуб. Особенно сердечно встретил меня всегда так меня любивший, знавший меня еще с воли Ростислав Стеблин-Каменский. Сиял радушием В. Х. Кравцов, так популярный под именем „дядьки", украшенный длинной окладистой бородой. Тут же был сопроцессник (вооруженное сопротивление в Киеве) Р. Стеблин-Каменского С. И. Феохари. В первый раз тут его я увидел. Потом мы жили с ним бок о бок в Мегенском улусе Якутского округа.

Сначала были работы: мы ровняли плац для казацких экзерсиций. Эти выходы на работы скоро стали походить на прогулку, а с переходом в другую тюрьму, на Нижнюю Кару, работы и вовсе прекращены были.

Пришла из Петербурга новая инструкция о содержании нас. Оказалось, что к нам буквально применили инструкцию содержания декабристов. Даже был там и тот пункт, что жены, добровольно последовавшие за государственными преступниками, могут брать с собою в услужение из своих людей только двух человек—одно лицо мужского пола и одно женского. По этой инструкции все должны были быть в тюрьме. Из проживавших на воле был оставлен на воле только Синегуб, как уже отбывший каторгу, все другие должны были быть заключены в тюрьму. Семяновский не вынес этого и застрелился.

Прибыли осужденные в Киеве по делу М. Р. Попова.—М. Р. Попов, Ив. Иванов, Юрковский, Лозянов, Диковские и другие. Прибыли с ними и бежавшие, было, Минаков, Властопуло, Крыжановский и Козырев. Пришел с ними и П. А. Орлов, не так удачно воспользовавшийся „сменкой" с уголовным, как Вл. Дебогорий-Мокриевич. Мы жили в двух камерах, скорее казармах, окнами на волю, конечно за решетками. Кандалы носили номинально: они свободно снимались и иногда заменялись цепочками, всунутыми в голенище сапогов. Об этом

*) Ее подруга Анна Алексеевна Алексеева отделалась дешевле—была присуждена на поселение. Теперь она живет близ Одессы, на Большом Фонтане.

**) Е. И. Дубровин, медик, пришел куда позднее.

***) Как Абдурахман-хан, так и Опришко, упоминаемый ниже, оба скончались в тюремных карийских лазаретах, в 1881 году. Опришко был очень симпатичный человек; когда он сидел в тюрьме в Николаеве, его хотел освободить Мих. Абр Морейнис. Не помню, почему это не было приведено в исполнение.

*) Он стрелял только демонстративно: он добивался гласного суда, чтобы открыть глаза обществу на эти бессудные ссылки. Так сгинула эта прекрасная жизнь. Осужденный на беспросветную 15-ти летнюю каторгу, он умер на заре жизни, отравившись в 1889 году, в виде протеста против применения к Н. Ситиде телесного наказания.

все знали. Когда казака просили выпустить за ворота тюрьмы в пекарню, он прежде всего в окошечко ворот смотрел, есть ли кандалы, и если не было, казак говорил:

— Поди-ка, паря, надень оковы!

Прикованные к тачкам обратили на себя внимание Кононовича, и он спросил нашего смотрителя Тараторина:

— Как же спят они?

Тот, нимало не смущаясь, ответил:

— Цепь, однако, длинная.

Но оба великолепно знали, что это так—для парада. Потом-то, правда, довелось таскать эти тачки.

Мы хорошо помнили день, когда пройдут три года, назначенные для прикованных к тачкам. День настал, мы напомнили об этом. Прикованные тут же освобождены были от тачек. Но Попко нажил себе водянку и преждевременно угас именно потому, что никогда не ходил гулять, не желая таскать перед собою тачку. Кончил с собою бессрочный Родин, разбитый параличом.

Лето мы провели еще на Средней Каре и работали, снимая слои пустых пород, лежащие на золотоносных. На Нижней Каре уже была выстроена строгая тюрьма для нас, обставленная высоким частоколом, и там потекла наша дальнейшая жизнь. Работ уже не было. Население увеличилось прибывшими централистами и новыми осужденными. Выбрасывали за борт цвет технического труда, цвет интеллигенции. Еще счастливцы попадали на Кару, а то ведь была и петля виселицы и казематы крепостей. При тюрьме, за стенами тюрьмы, устроены были для нас мастерские *), где работали наши столяры и слесаря.

Издавались на Каре и рукописный журнал „Кара", и юмористический листок. Из помещенных в журнале „Кара" вещей помню чудное описание сельскохозяйственной артели радикалов на Кавказе—статья Г. А. Попко. Был там и роман В. Костюрина „Гнездо террористов"—первые шаги революционной группы „бунтарей", где помню скромную фигуру В. Засулич под именем Марфуши **). А какие интеллигентные силы были здесь! Стоит вспомнить доктора Вейсмара, талантливого математика С. Ф. Ковалика, импровизировавшего нам лекцию по введению в анализ бесконечно-малых. А энциклопедически-образованный Адриан Михайлов, прозванный большим энциклопедическим словарем! Профессор химии Флориан Богданович, когда у нас отняты были книги, читал лекции товарищам по польской литературе, приводя наизусть длиннейшие цитаты из творений польских поэтов. Делились охотно знаниями, помогая в научных занятиях друг другу. Внутреннюю жизнь нашу того времени, когда пришли к нам централисты и вновь осужденные по террористическим процессам и другие, уже описывал С. Ф. Ковалик („Каторга и Ссылка," № 4/11. Москва. 1924). После открытого и неудачного побега товарищей (Мышкина, Хрущова и др.) мы ждали на нас нападения и караулили за движением войск с крыш тюрьмы, не спали по ночам, хотели отразить нападение и сжечь тюрьму и самим погибнуть; но напряженные нервы устали, мы сдались на успокоительные слова коменданта Потулова и заснули, а проснулись уже, когда на рассвете бесшумно вошедшие казаки заполнили всю тюрьму. Все были обысканы, переодеты в арестантское, все книги были отобраны, все вещи. Нас лишили прогулок, чаю, табаку. Свиданья с женами еще раньше были запрещены. А мать Р. Стеблин-Каменского и невеста Петрова (Парабашова) были высланы с Кары. Нас ввели в опустошенные камеры. В ту камеру, где я был, вторгаются казаки и с ними их командир—Руденко. Он кричит на Бобохова: „Встать!" Когда тот не повинуется, Руденко обращается к казакам: „Поднять его за чуб." Казаки бросаются. Товарищи заступаются за Бобохова. Отдается приказ: „Бить прикладами!" Мы сопротивляемся. Завязывается борьба; я принимаю в ней деятельное участие. Избиение прекращает явившийся комендант Потулов.

Для меня и Старынкевича, бросавших досками в командира казаков, эта история прошла бесследно, благодаря показаниям Потулова, что, войдя в камеру, он застал дикую картину избиения. От нас отняли кровати, и спали мы на полу. Многие были переведены в тюрьмы других промыслов. Потом каждую камеру разбили на три чулана и по чуланам разместили нас под замок. Лишили нас свиданий и прогулок, и вдруг еще нависла новая гроза: телесное наказание. Решили протестовать голодовкой. Не вся тюрьма примкнула к этому протесту. Другие стояли за более активный протест.

На двенадцатый день подходит ко мне Порфирий Войнаральский и говорит: „Голодовку решили прекратить. Это еще вчера вечером решили, да я жалел тебя, не говорил". Голодовка прекращена была из-за слабых. Их потихоньку стали подкармливать, жалеючи. Не всех,—двух-трех. Но это возмутило других, как извращение самого смысла голодного протеста.

Нам уступили во всех требованиях и сказали, что телесных наказаний применять к нам не будут.

О жизни после голодовки, о научных за-

*) Потом, после побега Мышкина, Хрущова и др., упраздненные навсегда.

**) В Шлиссельбурге Юрковский давал нам читать отрывки своего романа под тем же названием „Гнездо террористов". Этот отрывок, но под назван. „Булгаков" помещен в сборн. „Под сводами", изд. под редакц. Н. А. Морозова в 1909 г.

В. Фигнер.

нятиях на Каре писали уже. Помню увлечение математикой. Помню и великолепную лекцию С. Ф. Ковалика, посвященную началам дифференциального исчисления. Изучением „Капитала" К. Маркса и прениями по толкованию книги преимущественно заняты были кавказцы Цицианов, Зданович, Джабадари. В тюрьме была превосходная библиотека, очень богатая книгами по всем отраслям знаний, с редкими и ценными сочинениями не только на русском, но и на французском, немецком, английском и итальянском языках. В инструкции был пункт, что государственные преступники могут пользоваться всеми книгами, выходящими в России. Получались нами поэтому регулярно толстые ежемесячные журналы и даже ежедневные газеты (конечно, с большим запозданием).

Довольно значительную часть заключенных, по неведомым соображениям, по странному, непонятному выбору, признано было необходимым замучить до смерти, и их увезли в казематы крепостей. Летом 1882 г. с Кары были увезены Щедрин, М. Р. Попов, Игн. Иванов, П. Орлов, И. Волошенко, Буцинский, Геллис и Кобылянский, затем в 1883 г. еще шесть человек: Мышкин, Долгушин, Юрковский, Малавский, Минаков и Крыжановский. Все они были посажены в Петропавловскую крепость, в Алексеевский и Трубецкой бастионы, а в августе 1884 г. перевезены в Шлиссельбургскую крепость *).

На Кару в 1884 г. привезли обратно И. Волошенко и П. Орлова. М. Р. Попов был освобожден в 1905 г. Крыжановский отправлен был на Сахалин. Н. Щедрин из Шлиссельбурга в 1896 г. был увезен в казанскую психиатрическую лечебницу, где и умер от тифа зимою 1920 г., просидев в тюрьме и больнице 40 лет. Остальные погибли в Шлиссельбурге. Из них И. Мышкин и Е. Минаков были казнены.

Во дворе тюрьмы за особым частоколом был выстроен корпус одиночных камер, в которые попадали, по неведомым соображениям, некоторые из товарищей. Впрочем, эта мера потом не стала применяться, и корпус одиночных камер служил больницей, а дальнейшей его судьбы не помню. В тюрьме перегородки камер были сняты, и чуланы, таким образом, были уничтожены. Караулили нас теперь уже жандармы. Держали днем довольно льготно, но по ночам запирали в камерах. Мы совершенно отделены стали от уголовного начальства. Для нас назначен был отдельный комендант—жандармский офицер. Вместо казаков караулили тюрьму солдаты, с субалтерн-офицерами и главным начальником.

В 1883 г., когда был освобожден из Вилюйска Н. Г. Чернышевский, к нам послан был флигель-адъютант Норд, и кое-кому сокращены были сроки каторги. Комендантты жандармские сменялись часто. Один из них, Манаев, присужден был в ссылку за растрату наших денег. Смененного Манаева заменил Бурлей. Этот относился к нам очень хорошо, и порядки стали совсем мягкие. При нем вышло распоряжение выпускать кончавших сроки на волю—жить на промысле близ тюрьмы (в „вольную команду"). Первыми выпустили меня, Веймара, Кашинцева, Бердникова, Ковалева, Новицкого, Зайднера, а из женщин: Р. Л. Прибылеву, Н. А. Армфельд, к которой затем приехала мать, Лисовскую, Коленкину (одновременно или немного позднее Ю. Круковскую). Это было в 1885 г. В январе или феврале 1886 г. посетил нас американский журналист Кеннан. Веймар и Лисовская тогда уже скончались от бугорчатки, Кашинцев, Бердников, Ковалев и Зайднер ушли на поселение. На смену им освобождены были из тюрьмы Янковский, Куртеев, Костюрин, Надеев, Троцанский и Матфиевич.

В марте 1886 г. я с женою и с нами Филиппов (из тюрьмы) отправлены были на поселение в Якутскую область. Немного раньше того ушел туда В. Костюрин. Р. Л. Прибылева уехала ускоренным порядком, на свой счет, тоже в Якутскую область. А из тюрьмы еще осенью 1885 г. туда же отправлен был Р. Стеблин-Каменский.

Мы добрались до Иркутска лишь летом. Жена уехала в Россию, а я под конвоем двух солдат отправлен был в Якутскую обл. В Якутской области жил я в разных улусах Якутского округа. Занимался я там и сельским хозяйством, в особенности, когда жил с Ростиславом Стеблин-Каменским, и изучением якутского языка.

Весть о карийской трагедии дошла до нас очень скоро, скоро пришло и живое, яркое описание ее, сделанное Г. Ф. Осмоловским.

И эти картины сменяются картиной другой трагедии—якутского протеста. Заколотая штыком в живот Пик-(Софья Гуревич), убитые солдатскими пулями Сергей Пик, Петр Муханов, Яков Ноткин, Панний Подбельский, Шур, на кровати принесенный к виселице и казненный Коган-Бернштейн, ярый противник протеста Гаусман, так горячо отстаивавший на суде товарищей, защищавший их на суде, как юрист, и тоже казненный, казненный Зотов *).

Топор обознавшегося разбойника, принявшего за поджидаемого богача бедняка П. А. Орлова, губит зимою на дороге от Якутска

*) Кроме Крыжановского—в Шлиссельбурге он не был. *В. Фигнер.*

*) Казни эти произведены были в исполнение резолюции Александра III: „наказать примерно!". А когда умер главный виновник карийской трагедии, так возмутившей весь свет, г.-губ. Корф, Александр III заметил: „тяжело терять таких верных слуг!"

к ближайшему селению этого умного, дорогого товарища. Ножи грабителей разят в глухом лесу обманутого ими Петра Алексеева. Еще раньше погибли в Якутской области Багряновский (застрелился), Л. О. Цукерман (утопился в реке Амге), Доллер (утонул в Лене). Жуткою смертью погибла Е. Южакова. К этому списку надо прибавить и имя Ростислава Стеблин-Каменского, застрелившегося уже по выезде из Якутской области, в Иркутске.

Приезжает к нам Д. А. Клеменц, тогда правитель дел Восточно-Сибирского отдела Географического Общества, организатор якутской экспедиции имени Сибирякова. Я беру на себя исследование языка и фольклора якутов. Как раз тогда перебираюсь я в Дюпсюнский улус к интеллигентному якуту А. П. Афанасьеву учителем его детей. При его помощи я проникаю в тайны языка и народной словесности якутов.

„Манифесты" шли обыкновенно мимо меня, но манифест 1894 г. дает мне право переезда в Иркутск, приписавшись в крестьяне. Это случилось уже в 1896 г. В Иркутске я застал приехавшую ко мне жену. Жить в Иркутске было большой привилегией. Мне, Геккеру и Майнову было это ген.-губернатором Горемыкиным разрешено, по хлопотам Географическ. Общества, как участникам якутской экспедиции, для обработки собранных нами материалов. В Иркутске жили тогда Ляпды *), Любовец, Ковалик, Свитыч, Студзинский, Кленов, Морейнис, Коленкина с мужем (Богородским), Дзбановский, Лури, Джинда и соц.-дем. Красин, служивший техником на железной дороге.

Восточно-Сибирский отдел Географического Общества был интеллигентным центром города. Здесь, например, устраивались дебаты о судьбах капитализма в России, где принимал живейшее участие и Красин.

Мне удалось поступить в Иркутское отделение Сибирского торгового банка, где уже служили Э. И. Студзинский и Н. Л. Геккер. Управляющим отделения был Болеслав Шостакович из политических ссыльных за восстание 1863 г. В „Восточном Обозрении" я напечатал два беллетристических эскиза, третий же был так искромсан цензурою, что и печатать нельзя было, и моя литературная деятельность на этом поприще оборвалась. Но зато я отпечал в Иркутске мои работы по якутскому языку: „Падежные суффиксы в якутском языке" и „Грамматику якутского языка", удостоившиеся самого лестного отзыва акад. Всеволода Миллера. Еще напечатана была моя работа „Остатки старинных верований у якутов". В 1900 г. я уже имел право выехать в Европейскую Россию и тотчас же им воспользовался. С 1902 г. я живу в Одессе, в 1903 г. мне удается поступить в один банк счетоводом. Февральская революция застает меня в Одессе же, на службе в том же банке. В 1920 г. я поступаю на службу в одесское статист. бюро, где работаю и сейчас. Я делаюсь сотрудником Академии Наук СССР по фольклору якутов, и предстоит мне переработка для 2-го издания моей грамматики якутск. яз.

Подводя итоги долгой эпохе исканий и борьбы, приходишь к выводу, что торжество революции в России показывает, как прав был Оуэн в своем утверждении: „Что могло однажды образоваться и осуществиться в логических построениях мысли человека, то не может уже быть признано невозможным в мире и должно, рано или поздно, непременно найти свое осуществление и в фактах действительной жизни" *). И час мирового торжества революции поэтому неотразимо близится.

*) Женатый на Левандовской.

*) Приведено из статьи Добролюбова „Роберт Овэн и его попытки общественных реформ" в собр. его сочин., 2 изд. 1871 г.

Замеченные опечатки в 40-м томе

(просят исправить в тексте):

Приложение: „Автобиографии революц. деятелей 70—80 гг.“			
63	17 св.	полк.	полиции
86	22 св.	в парад	в поход
101	26 сн.	товарищ	сменщик
136	12 св.	С. А. Жебунев	В. А. Жебунев

ДЕЯТЕЛИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ)

Часть I

Автобиографии, авторизованные биографии и биографии свода:

	Стлб.
Аванесов, В. А.	3
Азизбеков, М. Б.	3
Айтаков, Н.	3
Альтфатер, В. М.	4
Амирьян, А.	4
Андреев, А. А.	5
Антипов, Н. К.	6
Антонов-Овсеенко, В. А.	6
Аралов, С. И.	10
Арманд, И. Ф.	15
Аросев, А. Я.	16
Артем	19
Ахун-Бабаев, Ю.	22
Бахутов, А. М.	22
Беленький, Г. Я.	24
Белобородов, А. Г.	26
Бобровский, В. С.	29
Богданов, А. А.	29
Богданов, П. А.	33
Богуславский, М. С.	35
Бош, Е. Б.	42
Брюханов, Н. П.	43
Бубнов, А. С.	47
Бухарин, Н. И.	52
Вайнштейн, А. И.	56
Вахитов, М. Н.	61
Вацетис, И. И.	62
Ведерников, А. С.	73
Везиров, М. Г.	74
Векман, А. К.	74
Виленский-Сибиряков, В. Д.	75
Винокуров, А. Н.	78
Владимиров, М. К.	81
Владимирский, М. Ф.	84
Воеводин, П. И.	85
Волгин, В. П.	86
Володарский, В.	89
Воробьев, Я. З.	90
Воровский, В. В.	90
Ворошилов, К. Е.	93
Восков, С. П.	97
Ганецкий, Я. С.	97
Гастев, А. К.	101
Глебов-Авилов, Н. П.	102
Гордон, А. И.	103
Гуковский, И. Э.	105
Гусев, С. И.	105
Демьян-Бедный	109
Дербышев, Н. И.	119
Джапаридзе, П. А.	121
Дзержинский, Ф. Э.	122
Довгалевский, В. С.	124
Догадов, А. И.	125
Дробнис, Я. Н.	126
Дунаев, Е. А.	127
Дыбенко, П. Е.	128
Елизаров, М. Т.	133
Енукидзе, А. С.	137
Загорский, В. М.	140
Зеленский, И. А.	141
Зиновьев, Г. Е.	143
Зоф, В. И.	149
Зурабов, А. Г.	150
Ильмер, К.	150
Иорданский, Н. И.	151
Иоффе, А. А.	152
Калинин, М. И.	156
Калинин, Ф. И.	159
Каменев, Л. Б.	161
Каменев, С. С.	168
Камо	179
Карахан, Л. М.	182
Квиринг, Э. И.	183
Керженцев, П. М.	185
Кингисеп, В.	186
Киров, С. М.	187
Киселев, А. С.	191
Коллонтай, А. М.	194
Кон, Ф. Я.	201
Копп, В. Л.	211
Косиор, С. В.	213
Котовский, Г. И.	214
Красиков, П. А.	218
Красин, Л. Б.	226
Крестинский, Н. Н.	232
Кржижановский, Г. М.	234
Крупская, Н. К.	236
Крыленко, Н. В.	237
Кузьмин, А. А.	246
Куйбышев, В. В.	246
Кун, Бела	248
Курский, Д. И.	251
Кутузов, И. И.	253
Лазаревич, В. С.	255
Ландер, К. И.	259
Ларин, Ю.	272
Лацис, М. И.	282
Лашевич, М. М.	285
Лебедев, П. И. (Полянский)	285
Лебедь, Д. З.	289
Левицкий, К. О.	295
Лежава, А. М.	296
Ленгник, Ф. В.	303
Ленин, В. И.	304
Лепешинский, П. Н.	326
Леплевский, Г. М.	329
Литвинов, М. М.	331
Лозовский, А.	333
Ломов (Оппоков), Г. И.	337
Лоренц, И. Л.	340
Луначарский, А. В.	341
Лутовинов, Ю. Х.	346
Лядов, М. Н.	346

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

ОТ РЕДАКЦИИ. Октябрь будут изучать века, будут изучать дела и людей. И поскольку в энциклопедическом словаре, по его об'ему, возможно осветить развитие революции, он должен охватить обе темы, потому что история деятелей облекает плотью и кровью выводы массовых наблюдений и отражает изгибы жизни, не поддающиеся статистическому учету. Но для этого такая история деятеля должна быть историей только суб'ективной, должна быть написана самим деятелем; лишь тогда она приобретает об'ективно высокую ценность, отражая жизнь слоев, которые питали революцию, и влияния, которые дали ей ее передовые ряды.

Большим недочетом при изучении английской и французской революции является отсутствие подобных автобиографий их деятелей. Необходимо, чтобы русская революция не была их лишена.

*В виду этого редакция сочла нужным по отношению к деятелям Октября и Союза ССР отступить от принятой в Словаре системы „биобиблиографических указателей“ и дать, по возможности, свод автобиографий, хотя бы и очень сжатых. Только там, где нельзя было получить автобиографию или биографию, написанную лицом, близко знающим жизнь деятеля, приводятся для большей полноты свода краткие сведения по материалам, имеющимся в автентичных печатных источниках, преимущественно из изданий Истпарта *), причем такие биографии, где это было исполнимо, посылались данному лицу на авторизацию. Автобиографии, по предложенной для них программе, наибольшее внимание уделяют среде и условиям развития, только очень кратко и схематически отмечая последующую деятельность (б. ч. до нач. 1925 г.); характеристика и оценка деятельности естественно относятся уже к другой теме—к статьям, которые будут изучать ход революции и развитие социалистической мысли и социалистических партий в России.*

---

*) Сокращения источников, принятые в настоящем Указателе: *Мат.*—В. Невский „Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступ. в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.“ Вып. 1. А—Д, 1923 г; *Пам. бор.*—„Памятник борцам пролетарск. революции, погибшим в 19 7—1921 г.г.“ сост. Л. Лежава и Г.Русаков. 2 изд., т. I, II, III; *Прол. Рев*—„Пролетарская революция“, историческ. журнал Истпарта; *Спр. ж.*—„Справочная книжка журналиста“. Под общ ред. К. П. Новицкого (К. Петровина). Изд. Гос. Инст. Журналистики 1924 г. *Г. и М.*—„Герои и мученики пролетарской революции“, вып. 1, изд. Моск. Рабочего, 1924 г.; *12 б.*—„12 биографий“, изд. Рабочей Москвы, 1924 г.; *Тр. пр.*—Л. Троцкий, Сочинения т. III, ч. I и II, примечания; *Кат. и с.*—„Каторга и ссылка“; *Кал. Ком.*—„Календарь Коммуниста на 1925 г.», изд. „Моск. рабоч.“; *Изв*—„Известия ЦИК СССР и ВЦИК; *Пр.*—газ. „Правда“.

АВАНЕСОВ В. А. (1884–1930).

С 1925 член Президиума ВСНХ СССР.

АЗИЗБЕКОВ М. Б. (1876–1918).

АЙТАКОВ Н. (1894–1938).

Будучи председателем ЦИК Туркменской ССР с 1925 одновременно один из председателей ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Аванесов, Варлаам Александрович, род. в 1884 г., сын крестьянина. Учился в Ставропольск. гимназии, а потом на медицин. факул. в Цюрихском унив. В революционном движении участвует с 1901 г., в 1903 г. вступил в РСДРП., до 1906 г. вел партийную работу на Сев. Кавказе. В 1906 г. должен был эмигрировать за границу, где пробыл до 1914 г. С 1914 г. по возвращении в Россию продолжал работу, примкнув к большевикам. В октябре 1917 г. участвовал на II Всеросс. С'езде Советов, вошел в состав ВЦИК и был избран его секретарем. Был замест. Нар.Ком. РКИ, затем—замест. Нар. Ком. Внешторга, и член он президиума ВЦИК. См. *„Стр. ж."*.

Азизбеков, Мешади-Бек, род. в бедной мусульман. семье. Своими способностями обратил на себя внимание некоторых знакомых своей семьи, которые помогли ему поступить в бакинск. реальное училище (в 1885 г.) и оказывали во время пребывания его там материальную поддержку. По окончании учил. в 1893 г. поступил в Петербургский Технологич. институт и с первых лет принял участие в студенческом и общереволюционном движении 90-х годов В 1896 г. А. побудил студентов - мусульман принять участие в общем студенческом движении по поводу самосожжения курсистки Ветровой в Петропавловск. крепости. участвовал в демонстрации в Исаакиевск. соборе и был посажен за это в „Кресты". В 1905 г. энергично боролся против армяно - турецкой резни в Баку, спас жизнь многим армянам, в 1906 г. основал боевую организацию среди мусульманск. рабочих („Бегиц Пусред", т. - е. „Знамя Свободы"). По окончании в 1908 г. института А. жил в Баку, там занимался учебно - педагогич. деятельностью и служил в городск. управе. После революции 1917 г. был избран в бакин. Сов. раб. деп., вошел в коммунистическую партию, вел социалист. пропаганду и призывал к единению мусульманск. и армянск. пролетариат. В 1918 г., когда власть перешла к Советам, А. был назначен губернск. комиссаром. Расстрелян англичанами в числе 26 бакинск. комиссаров 20 сент. 1918 г. См. *„Пам. бор."*

Айтаков, Надырбай (*автобиография*), род. в 1894 г. в степи Мангишлакского района. Отец его был рыбаком и потонул в море со старшим братом, когда А. было всего 5 лет. Оставшаяся после отца семья, состоявшая из шести человек малолетних детей и матери, была обречена на голодовку, так как отец не оставил после себя никакого хозяйства. Семье пришлось существовать на скудные заработки матери, которой в течение года удавалось выделывать один ковер стоимостью в 35 рублей. В этих условиях протекала жизнь А. до 11—12 летнего возраста, когда представилась возможность бесплатно учиться в городской школе, где был интернат. Учился А. до 14-ти лет. Начиная с 14-ти лет, он, не переставая учиться, во время каникул работал на рыбных промыслах в качестве водовоза и аробщика, за что получал 5 руб. в месяц. В 1910 г., ввиду повального падежа скота во всем Мангишлакском районе, материальное положение населения настолько ухудшилось, что правительству пришлось открыть питательные пункты. Помощи ожидать ни от кого нельзя было, учение пришлось бросить и поступить в рыбный промысел Дубского. А. работал аробщиком, носильщиком, поваром, а в зимнее время - в ледниках, по набивке льда. Затем А. переходит на рыбный промысел Авакова в местности Кендирли.

Но вот Октябрьская революция... В 1920 г., после взятия красными войсками города Красноводска, А. работал председателем аулсовета, а потом членом волревкома. В 1921 г. участвовал на уездном с'езде советов, был избран членом уездного исполкома и был заведующим угорсобеза. В августе мес. третьим с'ездом советов был избран членом исполкома и председателем угорисполкома, где работал до 1923 г. Первым пленумом XI сессии Турцика А. был избран членом президиума и заместителем председателя Турцика, а с 9 января 1924 г.—председателем Турцика. А. участвовал на X Всеросс. С'езде Советов и I-м Союзном С'езде Советов, был избран членом ВЦИК'а и ЦИК'а СССР. После национального размежевания А. назначается председ. Ревкома ТССР. I-м Всетуркменским С'ездом А. избирается в ЦИК ТССР. ЦИК ТССР избирает А. своим председателем.

Альтфатер, Василий Михайлович, первый командир всех морских сил РСФСР. В 1902 г. был мичманом, в 1909 г.—флагм. штурм. офицером штаба команд. дивиз. Балтфлота, затем—контр-адмиралом и помощн. начал. Мор. Ген. Шт. После Октябр. революции был выбран командующим всеми морскими силами республики, Ум. в 1919г. 36 лет См. *„Пам. бор."*

Амирьян, Арсений (Амиров, Арсен), учился в Киев. универ., принимал участие в студенч. движении и рано выступил в армянск. период. печати. А. сначала принадлежал к партии „дашнакцутюн", но с 1906 г. выступил про-

тив нее в ряде обличительных брошюр, в 1910 г. примкнул к партии большевиков. Во время войны А. напечатал ряд статей (под псевд. „Адмирал") против националистической политики армянской буржуазии. После октябр. революции всецело отдался редактированию органа Бакинского комитета, газеты „Бакинский рабочий", которая пользовалась, благодаря его блестящим статьям, большой популярностью. Расстрелян англичанами 20 сент. 1918 г. в числе 26 бакин. комиссаров. См. *„Шах. бор."*.

Андреев. Андрей Андреевич (*автобиография*). Род. в 1895 г. в крестьянской семье Смоленской губ. Отец его сначала работал рабочим на одной из московских текстильных фабрик, а затем дворником. А., проучившись два года в сельской школе, отправляется в Москву на заработки, где и поступает 13 л. работать в качестве мальчика в трактирный промысел на мытье посуды и чистку самоваров. 15—16 лет он впервые знакомится с партийными товарищами в Москве, гл. обр. печатниками, а также с этого периода начинает серьезно знакомиться с подпольной и легальной марксистской литературой и работает над пополнением знаний путем самообразования. В 1911 г. А. из Москвы отправляется для поисков новой работы на Кавказ и юг России, где работает в самых различных отраслях труда, кочуя из города в город. В 1914 г. он попадает в Ленинград, поступает на работу на артиллерийский склад рабочим в патронно-гильзовую мастерскую, а затем ведет работу в страховых кассах Путиловского завода и Скорохода. С приездом в Ленинград фактически начинается нелегальное положение, вступление в партию и подпольная работа вплоть до самой февральской революции. В конце 1915 и 1916 г. А. от Нарвского района входит в Петербургский комитет большевиков и работает в нем вместе с Залежским, Москвиным, Толмачевым и др. т. т. членом „Исполнилки". В разгар февральской революции работает в партийных районах и новом П.К., одновременно начинает работу в профессиональных союзах по организации Питерского союза металлистов, работая в последнем в качестве секретаря районного союза и члена Центрального Правления. После Октябрьского переворота А. временным Бюро Всер. Союза Металлистов командируется для организации союза на Урал. На Урале до 19 г. работает в проф. и парторганизациях. В 19 г. перебрасывается на Украину, где работает в качестве члена ЦК союза Металлистов и члена Президиума ВЦСПС. В 1920 г. перебрасывается в Москву для работы в качестве секретаря ВЦСПС, затем избирается председ. ЦК железнодорожников, находясь на этой работе и в настоящее время. По советской линии—член Президиума ЦИК СССР, по партлинии А. в 1920 г. избирается на 9-м С'езде РКП членом ЦК партии и затем вновь переизбирается на XI, XII и XIII С'ездах. В настоящее время работает секретарем ЦК РКП.

Антипов. Николай Кириллович (*автобиография*), род. в 1894 г. в крестьянской семье Новгородской губ. По окончании 4-классн. технического училища поступил в адмиралтейский судостроительный завод. В 1911 г. начал работать в марксистском кружке. В конце 1913 г. был арестован и высылался из 58 пунктов. После продолжительного скитания по разным городам возвращается обратно в Ленинград и работает на заводе „Новый Айваз", принимая активное участие в партийной работе. В 1914 г. был арестован и получил год крепости. После отсидки в крепости уехал в Москву, а затем опять в Ленинград, где работал на разных заводах в качестве профессионала-партийца и руководил нелегальными типографиями. В одной из этих типографий был снова арестован и сидел в тюрьме до февральской революции. После октябрьской революции был избран членом ВСНХ, потом работал в ЧК по борьбе с контр-революцией, в 1919 г. — секретарь Казанского губкома, председатель губисполкома и кроме того член Реввоенсовета запасной армии республики. Затем работал в Цектране в продолжение года. На IV с'езде профсоюзов избирается членом Президиума ВЦСПС. На XII Партконференции избран секретарем МК РКП. На XIII С'езде Партии избран членом ЦК РКП и с октября 1924 г. работает в качестве зав. Орграспредом ЦК РКП.

Антонов-Овсеенко, Владимир Александрович (*автобиография*). Род. 9 марта 1884 г. в Чернигове, в семье поручика резервного пехотного полка. Отец—захудалый дворянин, умерший в чине капитана в 1902 г. В 1901 г. А. О. окончил Воронежский кадетский корпус и поступил в Николаевское военное инженерное училище. Через месяц за отказ от присяги „на верность царю и отечеству" просидел 11 дней под арестом и был сдан на поруки отцу. Отказ от присяги мотивировал „органическим отвращением к военщине". Зимой 1901 г. вошел в соц.-дем. студенческий кружок в Варшаве (до этого никаких револю-

АЛЬТФАТЕР В. М. (1883–1919).

АМИРЬЯН А. (1881–1918).

АНДРЕЕВ А. А. (1895–1971).

С 1927 секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. С 1930 председатель ЦКК ВКП (б), нарком РКИ и заместитель председателя СНК СССР. С 1931 нарком путей сообщения СССР. С 1935 секретарь ЦК, одновременно в 1939–52 председатель КПК при ЦК ВКП (б). В 1943–46 нарком земледелия СССР. В 1946–53 заместитель председателя Совмина СССР. В 1926–30 кандидат в члены, в 1932–52 член Политбюро ЦК партии. В 1953–62 член Президиума Верховного Совета СССР.

ционных знакомств А.-О. не имел, к протесту против военщины дошел „своим умом", под впечатлением подлой, оскорбительной обстановки корпуса и военного училища). Весной 1902 г., уйдя из родительского дома, работал в Питере в Александровском порту чернорабочим, а затем кучером в „О-ве Покровит. Животн". Осенью 1902 г., стремясь к определенной революционной работе, поступил в Петроградское юнкерское училище, имея связь с организацией социал-революционеров и получая от нее революционную литературу. В училище повел широкую агитацию среди юнкеров. В 1903 г. связался через посредство т. Стомонякова (парт. кличка Кузнецов, ныне член коллегии Внешторга) с большевистской организацией. В августе 1904 г. был захвачен с нелегальной литературой, отсидел 10 дней и выпущен по личному распоряжению б. в. к. Константина Константиновича, кокетничавшего своим либерализмом. Вышел офицером в 40 пехотный Колыванский полк, стоявший в Варшаве. В училище оставил сильный соц.-демокр. кружок. Осенью 1904 г. по поручению Петроградск. организации большевиков об'ездил Москву, Екатеринослав, Одессу, Киев, Вильно, связывая с партией вышедших с ним из училища офицеров—членов его кружка. В Вильне вошел в связь с тамошней военной организацией. В Варшаве установил связь с с.-д., п. п. с., пролетариатцами и „Бундом". Основал Варшавский военный комитет РСДРП (в который входили впоследствии т. Суриц, наш турецкий посол, и т. Богодский—наш представитель в Швейцарии) и повел агитационную работу среди офицеров и солдат. Весной 1905 г. получил назначение вне очереди на Дальний Восток. Перейдя на нелегальное положение, в чем помогали с.-д., в частности т. Николай (Фюрстенберг), отправился в Краков, Львов, сохраняя связь с польскими с.-д. Через две недели вернулся в Польшу для руководства подготовлявшимся в Ново-Александрии восстанием двух пехотных полков и артил. бригады. Восстание не удалось (оно описано А.-О. в № 100 „Искры" за подписью „Штык").

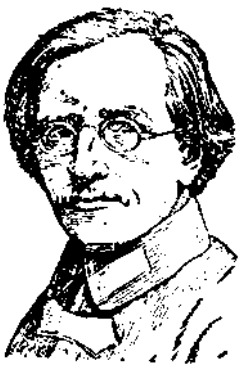
Вернувшись в Австрию, А.-О. с'ездил в Вену, где снесся с т. н. „Советом партии" (меньшевистск.), от котор. получил назначение в Петроград, куда прибыл в конце мая. Работал в меньшев. военке и в агитац. группе. В конце июня был арестован в Кронштадте на собрании группы матросов и солдат (провокация „Николая-золотые очки", он же Добросков). Выпущен под чужой фамилией по октябрьской амнистии. Вошел в об'единенную военку, которой руководил т. Ногин („Макар"). От военки прошел в Петроградский комит (об'единенный). Редактировал пользовавшуюся большим успехом подпольную „Казарму". В начале апреля 1906 г. на с'езде военных организаций в Москве был вместе с Емельяном Ярославским, Землячкой и др. арестован. Через 5 дней А.-О., а также т. Емельян и еще 3 товарища бежали из Сущевского полицейского дома, проломав стену. Через месяц по назначению ЦК А.-О.—в Севастополе для подготовки вооруженного восстания. Оно вспыхнуло внезапно в июне. А.-О. был арестован на улице, когда пробирался из оцепленного полицией и патрулем дома, где происходило собрание представителей от воинских частей. Отстреливался безрезультатно. Просидел год в тюрьме. Остался невыясненным и, как неизвестный, именующий себя Кабановым, был приговорен к смертной казни, через 8 дней замененной 20-летн. каторгой. Еще через месяц, в июне 1907 г., накануне отправки в каторгу из Севастополя, бежал вместе с 20-ю другими с прогулки, посредством взрыва стены и обстрела надзирателей и часового. Побег организовал т. Константин больш., приехавш. из Москвы. Через неделю, отсидевшись в горах, А. выехал в Москву. По дороге, спасаясь от сыщиков, соскочил с поезда и после долгих мытарств добрался до Москвы, где разыскал явку бюро ЦК. Бюро ЦК направило А.-О. в Финляндию, откуда через два месяца с „железным" паспортом прибыл в Петроград, где начал работать среди матросов яхты „Штандарт", но откуда был вынужден усиленной слежкой выехать в Москву. В Москве начал работать в Сущевско-Марьинском районе в рабочих большевистских кружках, но вскоре перешел к работе в открытых организациях, вступив в связь с „ликвидаторами". За зиму 1908 г. организовал рабочие кооперативы: „Жизнь" в Лефортовском районе (Благуши), „Труд" (на Пресне), „Об'единение" (в Сокольническом районе). Работал одновременно в союзе Печатников (редакт. еженед. журнал вместе с т. Любимовым—большевиком). Содействовал захвату рабочими-большевиками Лефортовского „О-ва трезвости", основал „Клуб разумных развлечений", развернувший широкую революционную работу, но вскоре закрытый. В этой работе шел бок-о-бок с большевистскими рабочими. Весной 1909 г. участвовал в нелегальной конференции в Нижнем (представлены были с.-д. не-

легальные организации Нижнего, Сормова, Москвы и Богородска), где было решено издавать под ред. А.-О. нелегальную газету плехановского направления в Москве. Участвуя на с'езде фабричных врачей (туда прошел от рабочих кооперативов) в Москве, А.-О. был (по провокации Малиновского) арестован с другими на с.-д. собрании, но через 3 дня выпущен и выехал в Киев, откуда, вследствие провалов, вернулся в Москву, где был вновь арестован. Просидел шесть мес. в тюрьмах. После „установления личности" в мест. Креславка, Двинского у. (за „опознание" заплачено было 400 руб., собраных б. ч. рабочими организациями), был в феврале 1910 г. выпущен под той же фамилией Антона Гука. Провалы в Москве, невозможность найти надежный паспорт, неотрывная слежка, заставили А.-О. перейти границу (июль 1910 г.). При переходе границы был арестован прусскими жандармами, но не выдан России по вмешательству германской с.-д. В Париже до войны 1914 г., состоя в меньшев. группе, одновременно работал с большевиками (Владимировым, Лозовским, Сокольниковым) в кружке содействия с.-д. думской фракции и в различных изданиях. Был секретарем Парижского бюро труда, состоявшего из представителей от русских ячеек рабочих синдикатов. С сентября 1914 г. совместно с Д. Мануильским (тогда впередовцем) стал издавать, редактировать ежедневную интернациональную газету „Голос". Газета вскоре окрепла и втянула ряд виднейших интернационалистов различных мастей—Мартова, Троцкого, Луначарского, М. Покровского, Волонтера, Лозовского, Владимирова и др. Газета под разными названиями при активном участии А.-О. просуществовала до апреля 1917 г. В конце 1914 г. А.-О. вышел из группы меньшевиков, из-за ее соглашательства с социал-патриотами, работал в группе „нашесловцев", входя совместно с большевиками (Гриша Беленький и др.) в клуб с.-д. интернационалистов и занимая в редакции „Голоса" („Нашего Слова") и т.д. левый фланг, примыкавший во всем основном к большевикам. В мае 1917 г. А.-О. выехал по амнистии в Россию. Тотчас по прибытии явился в ЦК большевиков и вступил формально в партию, публично заявив о разрыве с „межрайонцами". Работал в Гельсингфорсе, редакт. газету „Волна" и, входя в комитет партии и горсовет, работал также в Питере (агитатором). 15 июля в Гельсингфорсе распоряжением Керенского арестован, отсидел один месяц в „Крестах". Был членом областной комиссии Финляндии, прошел в Учредительное Собрание от Севфронта, по партийному списку, был секретарем комитета Сев. Советов и секретарем В. Р. комитета Питера. 25 октября руководил захватом Зимнего Дворца и арестом Временного Правительства. Избран в Совет Наркомов—Наркомвоендел. Назначен главнокомандующим Петроградским военным округом. 6 декабря отбыл на Украину главкомом по борьбе с Калединым и „его пособниками". Руководил борьбой против калединцев, корниловцев, радовцев. С марта по май 1918 г. был главковерхом военсил Южных Советреспублик. Был членом военсовета и Р. В. Совета Республики и членом коллегии Наркомвоен. Сентябрь-октябрь—командовал 2 и 3 армиями, с 11 ноября—ком. Курской группой, и с января по июнь 19 г.—командовал украинским фронтом. В августе, сентябре 19 г.—уполномоченый ВЦИК по продразверстке Витебской губ. С ноября 19 г. по апрель—уполномоченный ВЦИК по Тамбовской губ., предгубкома и предгубисполкома, апрель 1920 г.—зампред. Главкомтруда, член коллегии Наркомтруда. Ноябрь, январь—член коллегии Наркомвнудел и зампред. Малого Совнаркома. С середины января по начало февраля 1921 г.—уполномоченый ВЦИК Пермской губ. (предсовет, посевком, губком, губполитпросвет). С середины февраля по середину июля 1921 г.—предпомком ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губ. С октября 1921 г.—предгубисполкома Самарской губ., где руководил борьбой с голодом. С осени 22 года по февраль 24 г.—начальником Политуправления Республики и член Реввоенсовета. С февраля 1924 г.—в распоряжении Наркоминдела.

Аралов, Семен Иванович (*автобиография*), родился в г. Москве 17 (30) декабря 1880 г., в средней купеческой замоскворецкой семье. Прадед и дед с отцовской стороны вышли из крестьянской среды, Каширского уезда. Вскоре после моего рождения начался коммерческий упадок семьи. Небольшой кожевенный завод закрылся. В моей памяти сохранился эпизод распродажи живого инвентаря, лошадей, запечатлелось в памяти подвальное помещение, в котором жили и работали рабочие этого завода. Помещение полутемное. Мы же помещались в верхнем этаже. Эта разница сильно и резко запечатлелась в моем сознании. Со смертью деда был продан дом, и небольшие остатки средств были разделены между братьями и сестрами отца.

АНТИПОВ Н. К. [1894–1938 (по уточненным данным)].

В 1925 секретарь Уральского областного комитета, в 1926–27 Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК партии. В 1928–31 нарком почт и телеграфов СССР. С 1931 член Президиума ЦКК ВКП (б) и заместитель наркома РКИ СССР. С 1935 заместитель председателя СНК СССР и СТО и председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.



АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В. А. (1883–1938).

Полпред в Чехословакии с 1924, в Литве с 1928, в Польше с 1930. С 1934 прокурор РСФСР. В 1936–37 генеральный консул СССР в Барселоне (Испания). С 1937 нарком юстиции РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

АРАЛОВ С. И. (1880–1969).

С 1927 член Президиума ВСНХ СССР, член коллегии Наркомфина. С 1938 заместитель директора Государственного литературного музея. Участвовал в Великой Отечественной войне. С 1946 на партийной работе. С 1957 на пенсии.

Далее братья отца поступили на работу, отец же стал заниматься комиссионерством. Мать умерла на второй год моего рождения. Отец не занимался младшим сыном. Старший брат был взят на воспитание бабушкой, и я рос один среди взрослых дядей и теток. Отец часто раз'езжал, мало бывал дома и остатки средств тратил на то, чтобы внешне не уступить образу жизни золотой молодежи.

Я помню, что еще с очень раннего возраста мне претила эта жизнь, я тянулся вниз к прислуге, к дворнику, к няне. С ними я чувствовал себя хорошо. Любил с ними разговаривать, слушать их рассказы и сетования на тяжелую жизнь. Как-то смутно помню чей-то рассказ из прислуживающих об убийстве Александра II, и этот рассказ глубоко запал, так что мне впоследствии казалось, что это событие произошло на моей памяти. Из собственн. дома отец с сыновьями перебрался на частную квартиру, сперва большую, потом меньшую, но все продолжал поддерживать „хороший тон", давать большие вечера, созывать гостей, хотя и происходили по этому поводу разговоры о недостатке денег, дороговизне и пр. Отдали меня учиться по традиции в Моск. коммерч. училище. Но школа меня не удовлетворяла, мало с кем из товарищей сошелся. Состав преподавателей был неважен. Учился средне. Помню несколько случаев, оставивших глубокий след. Так, директор приучал нас к шпионству, к выдаванию товарищей. Он вызывал к себе в кабинет, сперва наводил страх, причем стучал ногами, руками, тряс за плечи, а потом ласково уговаривал выдать товарищей, совершивших тот или другой проступок. Создавалась ненависть к учителям, к школьной среде. Дома противна была мещанская обстановка. Создалась ненависть к отцу, его купеческим замашкам, к его презрению к „челяди". И явилось желание противопоставить себя им. Я старался особой ласковостью, предупредительностью и вниманием расположить к себе домашнюю прислугу, теперь уже не многочисленную, состоящую из двух человек. Они это отмечали и часто бывали на моей стороне, я их иногда подговаривал не слушаться и противоречить дядям и теткам. Из шестого класса за неуспешность, выразившуюся в получении за закон божий 0 или 1 (точно не помню), я ушел из коммерч. училища и перешел в частное коммерч. училище К. Мазинга, которое и окончил. Там большое влияние на меня оказал историк В. Н. Сторожев. Его уроки явились для меня откровением после уроков „по Иловайскому".

По окончании училища К. Мазинга вскоре подошло время отбывать воинскую повинность и заботиться о заработке. К этому времени умер отец, и в дальнейшем моем существовании приняли участие дяди и тетка. Последняя заменяла мне мать в смысле внешних материальных обо мне забот. Живя с дядями, служившими в торговых предприятиях, я, естественно, не хотел обременять их материальной заботой о себе, и поэтому вопрос о заработке стал играть для меня не последнюю роль. Это соединялось с периодом воинской повинности, не давая возможности отдать все свое время изучению вопросов общественных и исторических. В 1902 г. я поступил вольноопределяющимся в Перновский гренадерский полк, где впервые познакомился с революционными настроениями. Здесь окончательно оформились во мне революционные стремления, которые бродили с очень раннего возраста.

Так, напр., во время коронации Николая II я с школьным товарищем Цейсом пошли на Ходынку получать подарки. Товарищ был задавлен. Видел раздавленных людей, женщин с выдавленными неродившимися еще младенцами. Придя домой, я написал прокламацию в нескольких экземплярах, в которой обвинял в этой катастрофе царское правительство и Сергия Александровича (в то время моск. ген.-губерн.) и бросил их из окна. Мы жили тогда на Тверской на углу Б. Гнездниковск. пер. Мне было тогда 15 л.. Среди вольноопределяющихся находился студент А. К. Топорков, социал-демократ. Под его влиянием я принялся за изучение Маркса. Припоминается мне теперь, с какими трудностями старались мы раздобыть то или другое сочинение Плеханова, Маркса. В одном из книжных магазинов нам обещали найти запрещенное „Развитие монистического взгляда на историю", за которую пришлось заплатить найденные с большим трудом 25 рубл. „Коммунистический манифест" впервые принес мне Топорков на французском языке. К периоду отбывания воинской повинности относится моя первая техническая работа для партийной организации, как хранение нелегальной литературы, распределение ее по указываемым местам и первоначальные беседы в рабочих кружках. Обстановка казармы и муштра в учебной команде усиливала революционную ненависть к самодержавному строю, и каждое слово, и каж-

дая революционная фраза в „Искре", которую удавалось иногда доставать, укрепляли революционное миросозерцание в молодежи того времени. Завершив военную учебу, я занялся изучением политической экономии и партийной работой, в которой начал с мелких технических поручений, и затем принимал участие в работе над налаживанием организации московского комитета РСДРП, работал ответственным техником в М. К., затем помощн. организатора Бутырского района, в то время, когда там организатором был т. Евгений (Л. Н. Кудрявцев), затем был пропагандистом.

В это же время я познакомился с разногласиями, царившими в партии и приведшими к расколу. Вращаясь в кругу Топоркова, Шнеерсона (партклички Сергей), Землячки и др., я убедился в правильности и жизненности точки зрения большевиков и разделял ее во все последующее время. В эту эпоху начало, как известно, развиваться усиленно общественное движение. Война с Японией оказала огромное влияние на все оппозиционные группы. Немного ранее этого времени стали появляться общественно-литерат. журн.: „Жизнь", журнал „Правда", газета „Курьер", „Мир божий", высказывая, хотя и эзоповским языком, революц. настроение марксистской мысли. Мобилизация, вызванная войной, коснулась и меня, но, в виду болезни, я получил временную отсрочку с осени 1904 г. до весны 1905 г., когда был призван и зачислен в Ростовский полк прапорщиком. Вскоре я получил новое назначение, на фронт, в Манчжурию. Поехал я туда с поручением от московской партийной организации к писателю Гарину (Михайловскому), известному своими очерками „Детство Темы", „Гимназисты" и „Студенты". По приезде в Харбин приступил к революционной работе среди солдат своего полка. С под'емом революционн. движения, стал выступать на солдатских митингах в качестве агитатора. Призывал к восстанию и захвату власти, к недоверию октябрьскому царск. манифесту. Весть об агитации какого-то прапорщика дошла до военного командования и генерал Надаров приговорил меня заочно, не зная моей фамилии, к расстрелу. Пришлось скрываться по манчжурским деревням и в небольших городах. А когда началась самочинная демобилизация, я вместе с волной солдатских масс, хлынувшей в Россию, направился в Москву. В Москву я попал к концу московского восстания, когда Пресня дымилась затухавшим огнем революции. Квартира моя была около Зоологического сада. В ней был склад оружия, литературы, и вместе с тем она служила явочным местом для партийных товарищей. В это же время я вступил в военную организацию московского комитета, которая организовывалась во главе с т. Ярославским, Землячкой и др. на неостывшем еще пепле баррикадных редутов. Всецело посвящаю себя работе в ней, исполняя различные поручения, участвуя в собраниях военной организации. Одновременно с этой работой я поступил в Московский Коммерч. институт, где тогда велись занятия по вечерам, и в один из московских банков, вместе с тем подрабатывая репититорствованием. Немного ранее этого времени я женился. Появились семейные заботы, не дававшие возможности быстро окончить Коммерческий институт; партийная работа отнимала у меня большую часть времени. В 1907 г. произошел провал собрания, с'ехавшихся из разных мест представителей военных организаций. Были арестованы видные руководители, и работа расстроилась. Пришлось оставить временно непосредственную работу партийной организации, но я продолжал учиться в Коммерч. институте и поступил наставником в Рукавишниковский исправительный приют для малолетних преступников и одновременно вел занятия на Пречистенских вечерних курсах для рабочих, где руководил экскурсиями, кружками по изучению политической экономии и занимался партийной пропаганд. работой. Так шло до 1914 г., когда с началом империалистическ. войны был призван на военную службу в качестве прапорщика и зачислен в 7-ой гренадерский Самогитский полк. Вскоре был перечислен в Сухаревский полк 54 дивизии, с которым и отправился на фронт. На западном фронте был переброшен в 28 дивизию в Новоторжский полк в Восточной Пруссии, где сразу же принял участие в сражении. Во время войны пришлось участвовать более, чем в 20 сражениях.

С начала февральской революции 1917 г. принимаю деятельное участие в общественном движении, выступая на митингах и пользуясь среди масс популярностью. С возникновением войсковых организаций, меня выбирают сначала в полковой, затем в дивизионный и, наконец, в армейский комитет 3 армии. Вместе с тем был выбираем на с'езды, конференции, совещания, в которых принимал деятельное участие, обнаруживая симпатии к

АРМАНД И. Ф. [1874 (по уточненным данным) – 1920].

АРОСЕВ А. Я. (1890 – 1938).

В 1924 – 1933 на дипломатической работе во Франции, полпред в Литве, Чехословакии. С 1934 председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

интернационалист. течению в РСДРП, но не долго, всего 2—3 месяца. За период с февраля по октябрь был делегирован на различные совещания, участвовал на заседании Предпарламента, во Всероссийском Комитете и т. д. Вскоре, однако, разочаровался в бесплодной работе демократических совещаний, оставил их и вернулся вновь в полк, к самой солдатской массе. Я оставался в ней до октябрьского переворота, когда с наступившими новыми днями был выбран помощником командира полка. Со своим полком был переброшен в Гельсингфорс, где и произвел его расформирование. Явившись в начале 1918 года в Москву, приступил к работе в штабе Московск. Военного Округа в качестве руководителя оперативным отделом (опородом). Затем из Московского Военного Округа был переведен заведующим опородом Наркомвоена. Здесь работал до осени 1918 г. и, когда был организован Реввоенсовет Республики, был назначен членом его. В 1919 г. был откомандирован на Украину для организации XII армии, членом Реввоенсовета которой состоял вплоть до окончания войны с белопольским правительством. После этого был назначен членом Реввоенсовета юго-западной армии и принимал участие в отражении белогвардейских полчищ Деникина, петлюровцев и Махновских банд. По завершении борьбы участвовал в Комиссии по перемирию в Бердичеве. Далее был назначен в комиссию по сформированию Киевского Военного Округа. По завершении этой работы был переведен для работы в Нар. Комиссариат по иностр. делам полномочным представителем в Ковно (Литва), где пробыл до весны 1921 г., а затем с октября 1921 г. назначен полн. представителем в Ангору (Турция) и пробыл до апреля 1923 г. С 1923 по 1925 г. состоял полн. представителем в Риге (Латвия) и, наконец, в апреле 1925 г. был назначен членом коллегии Нар. Комисс. по иностранным делам.

Арманд, Инесса Федоровна, урожд. Стеффен, род. в 1879 г. в Москве в дворянск. семье, получила домашнее образование, вступила в сношение с московск. группой с.-р. Неоднократно подвергалась обыскам и арестам. В 1907 г. была выслана в Мезень, откуда бежала в конце 1908 г. в Петербург, а затем эмигрировала за границу. Здесь, примкнув к фракции большевиков, работала в школе пропагандистов в Лонжулю, организовывала кружки содействия и, обладая прекрасным знанием языков, вела агитацию среди французск. пролетариата. В 1912 г. А. нелегально возвращается в Россию, выполняет ответственную партийную работу в Петербурге, подвергается аресту и по выходе из тюрьмы в 1913 г. опять уезжает заграницу. Когда началась мировая война, А. агитирует среди франц. рабочих против войны, участвует в качестве делегатки на с'езде в Кинтале, переводит труды В. И. Ленина и издания Ц. К. партии. После февральск. революции А. возвращается в Россию, ведет агитацию среди женщин-работниц, работает в газетах и журналах, принимает участие в I и II конгрессах Коминтерна и является активнейшим организатором II международн. женской конференции. Ум. в 1920 г. от холеры. См. *„Пам. бор."* и *„Мат."*.

Аросев, Александр Яковлевич *(автобиография)*. Род. в Казани 25 мая 1890 г. в семье буржуазной. Образование получил в реальном училище, потом учился в Льеже на faculté du philosophie et lettres, а потом в Петроградском Психо-Неврологич. институте. Не доучился, потому что учился урывками в промежутках между арестами, ссылками и побегами. В 1905 г., 15 лет от роду, примкнул к партии с.-р., участвовал в Казанском восстании в 1905 г. 17 окт. 21 октября того же года при подавлении восстания был избит погромщиками наравне с другими, захваченными в городской думе. В 1906 г. совместно с т.т. Молотовым, Мальцевым, Тихомировым и др. организовал беспартийную революционную организацию высших и средних школ. В 1907 г., оставаясь еще в этой организации, вместе с тов. Молотовым и другими примкнул к организации РСДРП и сразу же к фракции большевиков. В 1909 г. арестован совместно с т. Молотовым, обвинен в принадлежности к трем организациям: 1) РСДРП (большевиков), 2) беспартийно-революционной организации средних и высших школ (которая в то время стала принимать всероссийский масштаб, и в нее входили, кроме Казани, г г. Вятка, Сарапуль, Пенза) и 3) к политическому Красному Кресту помощи арестованным. В том же году сослан совместно с тов. Молотовым и другими в Вологодскую губ. В том же году бежал оттуда при содействии т.т. Молотова, с.-р. Завьялова и др. Бежал сначала в Питер, потом за границу. За границей в Льеже учился и состоял в организации РСДРП. Был также (одно лето) в Париже, где работал как каменщик, состоя в союзе каменщиков. В 1911 г. из-за границы с транспортом литературы еду в Москву.

После 3 мес. жизни в Москве по предательству („Жоржа" Романова) „сажусь" в Бутырки. Высылают снова в Вологодскую губернию. Снова в тот же год побег. Через 3 месяца снова Вологодская губ. и в январе 1912 г., не кончая Волог. ссылки, получаю Архангельскую на 3 года. Отправлен этапным порядком в Мезенский уезд, деревня „Долгая Щель", близ Канина полуострова. В тот же год в мае оттуда ушел пешком до Пинеги (300 верст). Итти пришлось по компасу, так как летом вследствие болотистой местности (тундры) сухопутных дорог нет, и тамошние жители путешествуют по рекам. Из Пинеги, одевшись плотником, ехал пароходом до Вологды, а там, переодевшись татарином, поездом в Петроград. Из Петрограда в Нижний. Здесь наладил организацию РСДРП при заводах Сормово, Молитовки, установил через пароходные команды связи с Казанью, Самарой, Саратовым Осенью снова возвратился в Петроград. Работаю как организатор на Охтенских пороховых заводах, в большевистских фракциях Психо-неврологического Института, Политехникума и Горняков. Кроме того совместно с тов. Молотовым, Тихомировым, Смирновым начал работать в газете „Правда". Но это продолжалось недолго. В 1913 г. пред выбором в Гос. Думу отправляюсь в Москву, где мы с т. Тихомировым организуем Центральную инициативную группу РСДРП (большевиков) в составе т.т. Дугачева, Стриевского, Варенцовой, Галдина, Голубева, Малиновского, Романова (последние два—провокаторы). Пред приездом царя в Москву мы готовили демонстрацию. Связи имелись на всех крупных предприятиях Москвы (Прохор. Мануфактура, Алексеевская ф-ка Богатырь, Гужон и т. д.). Вся инициативная группа была арестована вместе с отдельными созданными ею кружками на заводах.

По этому делу я получил 4 года Пермской губ. Сослан был в с. Морчаны (Чердынский край) и находился там с 1913 по 1916 г. Освобожден был в 1916 г., так как по манифесту, изданному вследствие начала войны, мне как почти всем ссыльным „скостили" один год. В 1916 г. в Петербурге—секрет. редакции „Соврем. Мир", студент Психо-неврологич. Института и член Петрогр. организации (Кирилл Шутко, Молотов, Залуцкий, Толмачев, Евреинов, Пылаев, Шведчиков и др.). Осенью 1916 г. я был мобилизован как студент. В том же году стал юнкером одного из Московских военных училищ. Здесь основал военную организацию, куда входили юнкера: Малиновский, Зенько, Лашин и солдаты Смирнов, Антонов и др. Незадолго до революции 22 февраля 1917 г. начальник в военной школе узнает о моем прошлом. За сокрытие меня отправляют в дисциплинарный батальон в Нижний Новгород, но до этого разрешают 10-дневный отпуск. Я еду в Казань. По дороге крушение поезда у ст. Алатырь. В числе других пассажиров я сижу в Алатыре и тут-то приходит телеграмма Бубликова, данная им по ж.-д. станциям и извещающая о начале революции Я немедленно еду в Петербург, оттуда в Москву. Военное начальство принесло мне извинение и произвело в прапорщики. Я стал прапорщиком и был отправлен в Тверь. Здесь я был выбран членом Исполкома, потом Председателем Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. После июньских дней—в Питере, где пред этим я был на конференции военных организаций и был избран членом Всероссийского Военного Бюро. После конференции в Питере, в Твери меня арестуют, отвозят в Москву на гауптвахту, пред'являют обвинение в „измене родине и революции" (обвинение по 3 статьям 112, 114 и 110, из которых две смертные).

Просидел полтора месяца на гауптвахте. Восстание Корнилова. Московские большевики подняли газетную кампанию, поставили ультиматум о моем освобождении в образовавшейся Верховной „Шестерке", и я был освобожден. Во время октябрьского переворота был членом Военно-Революционного Комитета Москвы и Командующим Войсками Московского Военного Революционного Комитета. После провозглашения Советской Власти—Пом. Ком. Войсками МВО. 1918 г.—Комиссар Глав-брони и Главвоздухфлота. 1919 г.—в Украине Председатель Верх. Трибунала и Зав. Госиздатом. 1919 г. (летом) фронт под Царицыном—Комиссар Штаба 10-й армии. Заболевание на фронте. 1920 г. Украйна Председатель Верховного Рев. Трибунала. 1921 г.—весной—Москва—по вызыву ЦК РКП. В это время появляется мое литературное произведение „Страда". Осенью назначен Советником Русского Посольства в Риге. Там заболел (сердце) и отправился лечиться в Германию. По возвращении из Германии работаю в Институте Ленина. В 1922 г. появляется моя повесть „Недавние дни" и тогда же книга рассказов „Белая лестница". О „Страде" отзывы в белогвард. „Руле", в с.-р. газетах, в газ. „Сегодня" (Петр. Пильский). в „Красной Нови" (Воронского). О „Недавних

АРТЕМ
(1883 - 1921)

днях"—отзывы где-то в Питере (Горболь в „Звезде") и Петр Пильский, где-то у белых. После этого были напечатаны разные мелкие рассказы (напр., „Трамвайчик" в „Звезде"), первая моя литературная вещь, рассказ „Плотники", была помещена в с.-д газете, издав. в Самаре 1916 г. Пишу и сейчас.

Артем (парт. имя Федора Андреевича Сергеева), род. в 1883 г. в семье крестьянина с. Глебова Курск. г., Фатежского у. Первые годы А. прошли в деревне, но затем его отец переселился в Екатеринослав и стал заниматься подрядами строительных работ, причем большую помощь ему оказывала его энергичная жена. Свое раннее детство А провел среди рабочих. Рост горной промышленности Екатериносл. губ. вызвал строительную горячку, и дела отца А. пошли быстро в гору. А. учился сначала в частной подготовительной школе, а затем с 9 лет в реальном училище. Интерес к политической жизни пробудила у А. к 15 годам вся обстановка Екатериносл. губ. с ее изумительно быстрым ростом промышленности, массами стекавшихся сюда со всех концов рабочих, их иногда бурными протестами против беззастенчивой эксплоатации и первыми признаками рабочего движения. В 1901 г., по окончании реального училища, А. поступил в Московское Высшее Техн. училище. Здесь он немедленно принял участие как в студенческом движении, так и в партийной работе, но уже в феврале 1902 г. был арестован, уволен из училища и отправлен в Воронежскую тюрьму. По выходе из тюрьмы А. уезжает в Екатериносл. губ. и здесь ведет революционную агитацию среди рабочих и крестьянской бедноты, организует соц.-дем. группу и устанавливает связь с партией. В это время А. был уже убежденным „искровцем". Затем А. уехал заграницу и поступил в высшую школу М. М. Ковалевского в Париже, но в том же 1903 г. возвратился в Россию, выдержал конкурсный экзамен в Петерб. Политехн. Институт, но не был принят по „неблагонадежности". А. опять уехал на юг, поступил помощником машиниста на Екатериносл. жел. дор. В 1905 г. А. работает, как партийный профессионал, в Харькове, давая общее направление всей организационной и агитационной работе и больше всего внимания отдавая заводам. После III с'езда партии А. ведет пропаганду вооруженного восстания и становится общепризнанным вождем рабочего движения в Донец. бассейне.

В декабре 1905 г. была предпринята А. попытка поднять вооруженное восстание, опираясь на сочувствие некоторых войсковых частей, но вследствие провокации попытка не удалась. А. пришлось скрываться, но тем не менее он работает по подготовке к IV партийному с'езду и на самом с'езде. Скоро затем А. уехал в Петербург, а оттуда был в 1906 г. направлен партией на Урал для борьбы с меньшевиками и соц.-рев. Здесь А. образует целый ряд организаций. Благодаря, гл. обр., работе А. рабочая курия Урала послала во 2-ю Думу только большевиков. В марте 1907 г. полиции, наконец, удалось арестовать А. и после нескольких месяцев тюрьмы он был отправлен в Николаевские арестантские роты, известные своим кошмарным режимом. В конце 1909 г. он был присужден к поселению в Киренский у. Иркутской губ. В августе 1910 г. А. бежал из ссылки и через Японию уехал в Шанхай. Здесь он работает в качестве „кули", затем приказчиком в пекарне и устраивает для русских эмигрантов „коммуну". Глубокое впечатление производило на А., как показывают его письма к Е. Ф. Мечниковой, порабощение китайцев европейцами. А. уезжает в Австралию. Здесь он вначале устроился на железн. дороге чернорабочим, затем на сахарной плантации и опять на земляных работах по устройству жел.-дор. пути. Русских эмигрантов в то время в Австралии было довольно много, но эта масса была слабо организована, хотя в Брисбэне существовал эмигрантский союз. А. задался целью сплотить эмигрантов и стал агитировать за издание русской газеты. В то же время А. участвует в рабочем движении в Австралии, поддерживает стачки, об'единяет русских рабочих и ведет борьбу с штрейкбрехерством. Во время квинслэндской забастовки рабочих (т.-наз „Черная пятница") русские эмигранты держались, благодаря А., чрезвычайно стойко, были авангардом забастовки и этим значительно подняли свой престиж среди австралийских рабочих. Раз'езжая по штату, А. развивал энергичную агитацию среди русских и воспользовался возбуждением местных рабочих, вызванным избиением демонстрантов, чтобы положить начало австралийской социалистической организации, которой ранее в Брисбэне не было.

В конце июня 1912 г. А., наконец, выпускает газету „Австралийское Эхо", в которой он был сначала единственным работником: он пишет, корректирует, рассылает газету и ведет переписку с подписчиками. В то же время он рабо-

тает грузчиком на пристанях, ведет партийную работу в русском эмигрантском союзе и в местной социалистической группе, состоит деятельным членом в юнионе береговых рабочих. Правительство Квинсленда борется с упорством местных рабочих привлечением иностранных рабочих, проводит законы, карающие стачки, и привлекает к суду за стачки рабочих. Газета А. горячо отзывается на эти вопросы жизни Австралии, и правительство ее закрывает, воспользовавшись не отмененным законом 1836 г., никогда ранее не применявшимся. А. продолжает свою пропаганду, выступает на митингах, и власти запрещают социалистам выступать в воскресенье. В половине 1913 г. социалистическая партия во главе с А. начинает борьбу за свободу слова. Каждое воскресенье ораторы-социалисты выступают в одном и том же месте. Их арестовывают, но сочувствие толпы к ним возрастает. Чтобы более влиять на политическую жизнь Австралии, А. принял австралийское подданство. Вместо закрытого „Австр. Эхо" русский союз стал издавать „Жизнь рабочего", носившую благодаря А. резко выраженный революционный характер. Эта газета была прикрыта в 1917 г. С начала мировой войны А. занял резко выраженную антимилитаристическую позицию и вел агитацию против воинской повинности.

После февральской революции А. решил возвратиться в Россию, но, как английскому подданному, выезд ему был запрещен. А. уехал в Сев. Австралию и оттуда бежал на пароходе в Шанхай и затем в Владивосток. А. направился в Харьков, опять занял руководящую роль в партийной организации, вошел в Харьковский Совет, в виду опасности наступления Каледина на Донецк. бассейн занялся организацией первых рабочих отрядов, развил агитацию во всем Донецк. бассейне, достал из Тулы оружие и вооружил им красногвардейские отряды. В момент октябрьского переворота А. был в Петрограде, в декабре возвратился в Харьков, где занимался организацией борьбы против Центр. Рады и Каледина. В то же время он боролся с националист. уклоном в среде партии. Им была организована Криворожско-Донецкая республика, во главе которой он стал. В момент нашествия немцев А. работает над организацией обороны, эвакуацией ценного имущества и вместе с тем ведет энергичную агитационную работу. Перед уходом из Донбасса под натиском германских войск, он удержал своих товарищей от затопления шахт и уничтожения оборудования в них и, таким образом, спас весь угольный район. Во время отступления он ведет ответственную работу и принимает участие в боях. В 1919 г. А. становится членом украин. правительства, организует борьбу против Деникина и в 1920 г., после освобождения Украины и Донбасса, становится во главе Ц.К. Всеросс. союза горнорабочих и принимает самое деятельное участие в возрождении Донец. каменноуг. промышленности. Погиб при крушении аэровагона на Кур. ж. д. в 1921 г. (*Н. Александрова.* „А". Гиз. М. 1922)

Ахун-Бабаев, Юлдашбай, род. в 1885 г. в кишлаке Джуй-Базар, Язиванской волости, Маргеланского уезда, Ферганской области, в семье бедного дехканина, имевшего 6 сыновей и 1 десят. земли. Б. учился в Мактабе (низшая старо-методная школа). После смерти отца Б., как старший в семье, занялся возделыванием хлопка и джугары на своем участке, но доходов от своего хозяйства на прожитие семьи не хватало, и он работал на богатых узбеков. Чрез два года, однако, Б. уехал в город, нанялся в батраки и работал там девять лет, организовал союз „Кошчи" (бедноты) и был избран председателем уездной организации союза. В 1921 г. Б. вступил в коммунистическую партию. В 1925 г. при образовании Узбекской ССР был избран на пост председателя ЦИК'а. См. *„Ир."*, 1925 г. № 42.

Бахутов, Александр Михайлович *(автобиография)*, род. 1885 г., в Тифлисе, в армянской семье. Дедушка (по линии отца) был выходцем из Кахетии (винодельческий район Грузии). По своему социальному положению дедушка был связан всю свою жизнь с деревней и в течение года проводил время в Тифлисе всего 1—2 мес. Благодаря такому кратковременному пребыванию в городе, где жила семья Б., дедушка не мог иметь никакого влияния на Б. в смысле его воспитания. Но от дедушки Б., можно сказать, унаследовал его трудолюбие. Несмотря на то, что дедушка его не обходился в летние месяцы и осенью без наемных крестьянских сил, все же сам на равных с крестьянами условиях работал одинаково. Крестьяне очень любили дедушку, и последний, если применить современную мерку, являлся типичным середняцким крестьянином. Противоположным дедушке человеком был отец Б. Последнему было около 8 лет, когда отец бросил семью и стал жить в стороне. Он был человеком ленивым.

АХУНБАБАЕВ Ю. (1885–1943).

В 1938–1943 председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

БАХУТОВ А. М. (1885–1938).

В 1929–30 работал в Архангельске, затем в Москве ответственным секретарем Всесоюзной ассоциации работников науки и техники социалистического строительства. В 1937 репрессирован.

БЕЛЕНЬКИЙ Г. Я. (1885–1938).

В 1926 и в 1936 исключался, но вскоре восстанавливался в ВКП(б). В 1936–37 директор Института повышения квалификации хозяйственников и ИТР местной промышленности. Репрессирован.

брюзгливым и вел босяцкую жизнь. Постоянные его ссоры с матерью Б. производили сильное удручающее впечатление на ребенка. Б. было 12 лет, когда он стал понимать тяжелое положение женщины, как рабыни, в семье. Б. не любил за это своего отца и относился с благоговением к своей матери, как обиженому и беззащитному существу. Мать Б. была женщина слабая физически, мягкая по характеру и почти неграмотная. После ухода отца из семьи, мать с детьми получила приют у бабушки (со стороны отца). Последняя была женщина сильная по духу, в высшей степени умная и энергичная. Благодоря ее содействию, Б. получил возможность выехать в 1906 г. из Тифлиса в Москву.

С 1905 г. (20 лет от роду) Б. начал знакомиться с марксистской литературой. Первые уроки марксизма начал приобретать в Тифлисе в одном из кружков, организованных в гимназические годы. По приезде в Москву в 1906/7 г., как сочувствующий, примкнул к студенческой социал-демократической организации, после попал в Харьковскую губ. (ст. Краматоровская), где имел намерение ближе познакомиться с рабочей средой. Здесь был арестован в 1907 г. и водворен в Вологодскую губ. Ссылался два раза. По возвращении из ссылки примкнул к большевикам. В смысле выработки большевистского воззрения сильное влияние имели на Б. двое близких его товарищей (в числе их — покойный Корганов, один из 26 бакинских коммунаров). Б. был одним из руководителей последней всероссийской студенческой забастовки в министерство печальной памяти Кассо—1910—11 г.

По окончании университета (кончил в 1914 г. естеств. отдел. Московск. универс.) около года был безработным. Временами занимался черной работой: разгружал вагоны с дровами на Курском вокзале и пр. В 1915 г. поступил на службу в Земгор. На ряду со службой занимался работой в кооперации и в исполнительном комитете служащих. Вокруг себя создал нелегально группу писших служащих (гл. обр. курьеров, уборщиц и пр.) и вел среди них работу. Сейчас же после февральской революции Б. начал работать по организации профсоюзов Москвы. Московский Комитет партии большевиков в течении первой половины 18 г. держал связь с Московским Бюро Профсоюзов через Б. От Моск. Бюро Профсоюзов Б. принимал участие в качестве члена Организац. Бюро по созыву III Всероссийской Конференции Профсоюзов.

В 1918 г. Б. вошел в состав Президиума Московск. Совета Профсоюзов, от имени Совета организовал первую Моск. Биржу Труда, в конце 1918 г. становится членом Коллегии Наркомтруда и с того времени работает все время по труду. В 1919 г. он состоял уполномоч. Наркомтруда в Сибири, в 1920 г. перемещен на Юго-Восток и вошел в состав Революционн. Совета Трудовой Армии Юго-Востока. В 1921—22 году Б. работал в Закавказье в начале по профдвижению, затем по организации Зак. Наркомтруда. С июля 1923 г. состоит членом Коллегии Наркомтруда СССР и Народным Комиссаром Труда РСФСР.

Беленький, Григорий Яковлевич *(автобиография)*. Родился я в 1885 г. в мест. Свержень, Рогачевского у., Могилевской губ. в бедной семье. Лишился я отца, когда мне было 12 лет. После смерти отца осталась семья из 6-ти человек, которая находилась в условиях больших материальных лишений, нищеты. Жили мы все на средства старшего брата, который в то время зарабатывал 10 р. в месяц. Разумеется, что еле еле перебивались с хлеба на квас. Скудость материальных средств мешала членам нашей семьи получить официальное или домашнее образование. Рос и развивался я, как дитя улицы. Первые свои знания я получил в качестве самоучки. Тяжелые условия семейного быта, окружающей обстановки, наложили свой особый отпечаток на мою детскую психику и зажгли в моем сердце пламень ненависти к угнетателям, к богатым, сытым и толкали на путь революционной борьбы. 14-ти летним юношей я примкнул к революционному движению Первое сильное влияние оказала на меня группа минских рабочих-ремесленников, с которой я впервые встретился в Минске на квартире фельдшера Прессмана. На этой квартире я познакомился с „рабоче-дельцами“ и „искровцами“. Здесь я получил литературу того и другого направления. Детально ознакомившись с направлением „Искры“ и „Зари“, я в 1901 г. вступил в Р. С. Д. Р. П., солидаризировавшись с платформой „Искры“. В это время я ревностно занимался, как сейчас выражаются, „политграмотой“ в рабочих кружках, знакомясь усиленно с учением Маркса, с программой и тактикой РСДРП. В то же время я аккуратно посещал вечерние курсы и участвовал на лекциях, устраиваемых обществом русских врачей, во главе которого стоял известный с.-р. Гершуни. В 1902 г. я был арестован по делу минской организации РСДРП и, просидев около года,

я был выслан в административную ссылку в Архангельскую губернию сроком на 3 года.

Должен отметить мимоходом, что тюрьма была для меня настоящим университетом. Здесь мне удалось расширить свой духовный кругозор, расширить круг марксистских знаний и знаний вообще. В ссылке я пробыл всего несколько месяцев и был возвращен, как малолетний, по царскому манифесту 1904 г. Вернувшись из ссылки в Минск, я принимал активное участие в работе Минской большевистской организации в качестве организатора и пропагандиста. После поражения декабрьского восстания я перебрался в Вильну и жил там более 1½ года по фальшивому паспорту, работая здесь в качестве организатора. В середине 1906 г. я пробрался в Петроград, где я работал в качестве члена Технической группы при П. К. а затем при Ц. К. (после Лондонск. с'езда).

В октябре 1907 г. я здесь был арестован по делу П. К. и, просидев 11 месяцев в „Крестах" по паспорту зубного врача Шапиро, я был послан в казарму 100-го Островского полка (Двинская крепость). Прослужив 4 месяца и наладив совместно с группой активных т. т. солдат военную организацию и создав единый центр, направляющий всю орг.-техническую работу этой организации, я покинул казарму и вернулся обратно в Вильно. Здесь, работая в качестве секретаря Виленской организации РСДРП (б), я вместе с парг'активом повел усиленную работу по восстановлению Виленской организации, по воссозданию нефункционирующих районов, налаживанию связей между всеми частями организации. Общими усилиями нам удалось восстановить районные сходки, а затем возобновить практику периодического созыва городских конференций.

Наладив работу Виленской организации, восстановив связи с профсоюзами, мы взялись за подготовку конференции Северо-Западного края. Эта конференция была созвана по инициативе Двинского и Виленского Комитетов На этой конференции я был избран делегатом на Всероссийскую конференцию 1908 г. (Париж). В Париже я пробыл около месяца. Здесь я имел несколько свиданий с Ильичом и Надеждой Константиновной (Крупская). По возвращении из Парижа, я переехал для работы в Ковно. Здесь я работал в качестве ответственного организатора несколько месяцев, а затем пробрался в Двинск, работал здесь в качестве секретаря местной организации.

19/III-1910 г. я был здесь арестован совместно с группой т. т. по обвинению в принадлежности к Двинской Военной организации по паспорту Макса Шнейдмана и, просидев более года, я был судим, как бродяга, и был выслан на вечное поселение на Ангару Енисейской губ. (Сибирь). Пробыв в ссылке 2 года и активно участвуя в организации О-ва ссыльно-поселенцев. я бежал и прибыл в Париж. Здесь я работал около 4-х лет в качестве секретаря Парижск. Секции б-в. Был секретарем Парижского Клуба с.-д. интернационалистов, ведя совместно с другими активными членами организации с первых дней войны 1914 г. беспощадную борьбу против всех видов социал-шовинизма, всецело поддерживая последовательную интернационалистскую линию ЦК РКП и Ц. О („С.-Д.") Будучи секретарем Парижской Секции (б-ов), я вел систематическую переписку с К. З. О., с Вл. Ильичом, с Надеждой Константиновной Крупской, с Инессой Арманд, с тов. Зиновьевым и др. Вернулся в Россию в начале мая 1917 г. Начиная с середины мая по 15/VII-1917 г. я работал в Московской Окружной организации и был членом Областн. Ком. (б-ов), об'езжал целый ряд организаций Московского округа. С 20/VII-1917 г. я был послан в Московский Ком. для работы на Красную Пресню в качестве ответственного организатора. Здесь я принял активное участие в подготовке Октябрьского переворота. От Красно-Пресненского района я был избран членом Моск. Ком., членом которого я состою по сей день. Начиная с 1917 г. я работаю в Красно-Пресненском районе в качестве ответственного секретаря Райкома, являясь в то же время членом ВЦИК'а нескольких созывов.

Белобородов, Александр Григорьевич *(автобиография)*. Род. 26 октября 1891 г. в Александровском заводе Соликамского уезда Пермской губ. в семье рабочего. Окончил начальное училище. В 1905 г. поступил на работу в качестве ученика в мастерскую газоэлектрического цеха Надеждинского завода, где в то время работал отец. Из мастерской был переведен в цеховую контору сначала рассыльным, потом для помощи цеховому конторщику. Предреволюционное брожение 1904—05 г.г., захватившее и такой медвежий угол, как Надеждинский завод, особенное влияние, конечно, оказало на заводскую молодежь. Многие из нас, только что начавшие сознательную жизнь и расширившие свои умственные горизонты на полулегальной и нелегальной литературе, с головой

БЕЛОБОРОДОВ А. Г (1891—1938)

В 1927 исключен из партии.
В 1930 восстановлен в ВКП (б), работал в системе Комитета заготовок СССР
Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

окунулись в ту мелкую практическую революционную работу, которая нам отводилась старшими. Первое революционное „крещение" получил, распространяя революционную литературу и исполняя другие технические поручения работавших в цехе товарищей.

В начале 1907 г. вступил в местную с.-д. организацию. Наиболее близкое и активное участие в партийной работе стал принимать после знакомства с проживавшим в Надеждинске на нелегальном положении Андреем Валек (жившем под фамилией Яков Черняк). Этого самоотверженного большевика, погибшего затем от рук колчаковских палачей в Екатеринбурге в 1919 г., считаю своим первым учителем. Летом 1907 г. избираюсь кандидатом в члены местного с.-д. комитета. Во второй половине лета после убийства „лесными братьями" (лбовцами) директора Надеждинского завода владельцы об'явили локаут, и в сентябре месяце вместе с остальными я был уволен. Из Надеждинска поехал к себе на родину и поступил электромонтером на Луньевские копи. Организовал там местную группу с.-д. После выпуска от имени группы первой прокламации был арестован 8 февраля 1908 г. вместе с другими. Выездной сессией Казанской судебной палаты 29 сентября 1908 г. осужден по 129 ст. Угол. Улож., как несовершеннолетний, к отдаче до совершеннолетия в исправительный приют для малолетних преступников, „с заключением в тюрьму, если в приюте не окажется помещения". Места в приюте конечно „не оказалось", поэтому заключение отбывал в тюрьме. За время сидения снова был отдан под суд за попытку к побегу путем подкопа, вместе с остальными сокамерниками. Судом присяжных по этому делу был оправдан. В тюрьме много читал и занимался самообразованием, пополнив несколько те знания, которые дала начальная школа. Из тюрьмы был освобожден в марте 1912 г., просидев 3 года 2 месяца, плюс 8 месяцев предварительного заключения. Поехал снова в Надеждинский завод и поступил электромонтером; работал в рельсопрокатном цехе. Начавшееся рабочее движение и, особенно, ленский расстрел вызвали некоторое оживление в местной рабочей жизни. В Питере стала выходить „Правда". В Надеждинске организовался правдистский кружок рабочих, конкурировавший довольно успешно с „лучистами" и эс-эрами. Принимал участие в организации рабочего культурно-просветительного общества и работал по выборам в местном рабочем кооперативе. Это было единственное учреждение, которое можно было использовать, как „легальную возможность". Изредка корреспондировал в „Правду" под псевдонимом „Игорь". Жандармами был взят под негласный надзор, а потом 20 мая 1914 г. после отъезда из Надеждинска был арестован по обвинению в принадлежности к большевистскому крылу РСДРП и в распространении конфискованных номеров „Правды". (Такое дело было, т. к. конфискованные номера „Правды" получались почтовыми посылками и эта малоконспиративная хитрость была обнаружена полицией).

Просидевши в тюрьме с мая по сентябрь 1914 г., был выслан (уже во время войны) в порядке пред'явления „57 пунктов" на два года из пределов Пермской губернии. Избрал себе местом жительства город Златоуст (Южный Урал), но уфимский губернатор предложил перебраться в другое место. Переехал в город Белебей. Там работал на телефонной установке. Из Белебея взял перевод в гор. Тюмень. В Тюмени работал монтером сначала на заводе Мошорова, но был уволен по той причине, что имел „волчий паспорт". Поступил на городскую электрическую станцию. В октябре 1916 г. из Тюмени перебрался в Лысьвенский завод Пермской губ. и участвовал в местном кружке с. д. большевиков. После февральской революции наша группа вышла из подполья и послужила ядром для создания наиболее мощной на Урале заводской большевитской организации. На 1-ом с'езде Советов Уральской области, организованном в Перми меньшевиками, в первые же дни Февральской революции, вместе с Новоселовым (теперь член ЦКК) устраиваем меньшевикам первую легальную „неприятность", с уходом со с'езда. На Областной Уральской конференции (в первых числах апреля 1917 г.) избираюсь в Уральский Областной Комитет. Был делегатом на апрельской (1917 г.) конференции нашей партии и делегатом VI партийного с'езда. По списку Обл. Комитета РСДРП (больш.), избран членом Учредительного собрания от Пермской губ.

После разгона Учредительного собрания работал в Екатеринбурге и III Областным С'ездом Советов Уральской Области избран членом Областного Исполнительного Комитета. В Областном Исполнительном Комитете работал сначала заместителем Председателя, затем Председателем Исполкома. После отхода Красной Армии с Урал работал

сначала в Перми, затем в Вятке. VIII с'ездом РКП избран членом ЦК. В апреле 1919 г. Советом Обороны командирован на южный фронт, в район Вешенского восстания, в качестве уполномоченного. По возвращении с фронта в июле 1919 г. назначен зам. начальника политуправления Реввоенсовета Республики. В октябре 1919 г. назначен членом Реввоенсовета IX армии Юго-Восточного (затем Кавказского) фронта. По вступлении IX Армии на Кубань назначен членом Кубанского Революц. Комитета. В августе 1920 г. назначен Заместителем Председателя Революц. Совета Кавказской Трудовой армии, затем председ. Краевого Экономического Совета Юго-Востока. В октябре 1921 г. переведен в Москву и затем назначен Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел. 7-го июля 1923 г. назначен Народным Комиссаром Внутренних Дел.

Бобровский, Владимир Семенович, род. в 1873 г. в г. Белгороде Курск. губ., в семье директора учительской семинарии, окончил реальное училище, а затем Харьковск. ветеринарн. институт. На выработку мировоззрения Б. оказала большое влияние его мать. В 1897 г. он вступает в Москве в с.-д. организацию, арестовывается, высылается в Харьков и там ведет пропаганду в рабочих кружках; в 1900 г. после провала харьковской с.-д. организации переезжает в Киев; вскоре подвергается аресту по делу „Киевского комитета партии „Искра", затем скрывается за границу. После второго с'езда РСДРП Б. примыкает к большевикам, приезжает в Россию и ведет нелегальную работу в Тифлисе, а затем в Баку. Арестовывается, но попадает под октябрьск. амнистию 1905 г. В 1906 г. следует снова арест и высылка в Новгородскую губ; здесь им ведется пропаганда среди крестьян и организуются крестьянские комитеты. В 1910 г. по окончании ссылки он продолжает вести революционную работу. В 1914 г. принял участие в организации журнала „Рабочий Труд". Во время войны его мобилизуют в качестве ветеринарного врача и направляют в Серпухов, где он после февральской революции входит в Совет и организует комитет партии. После октябрьской революции работает в различных советских учреждениях (был начальником Главн. Ветеринарного Управления). Ум. в 1924 г. См. *„Прол. Рев."*, *№ 5, 1924*.

Богданов (Малиновский), Александр Александрович (*автобиография*), род. 10(22) авг. 1873 г. у народного учителя, второй из 6 детей. Отец скоро дослужился до учитель-инспекторства в городском училище, и благодаря этому я лет 6—7 получил доступ в библиотеку училища, а затем и в его маленький физический кабинет. Учился в Тульской гимн., жил в ее пансионе, стипендиатом, в условиях казарменно-тюремных; там злостно-тупое начальство на опыте научило меня бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты. Кончив с золотой медалью, поступил в Московский университет, естественником; в декабре 1894 г. арестован, как член Союзного Совета землячеств, и выслан в Тулу. Там рабочим оружейником Ив. Ив Савельевым был привлечен к работе в кружках, как пропагандист; скоро в ней приняли участие В. Базаров и И. Степанов. На этой работе в 1896 г. пришел от народовольческих идей к социал-демократизму; а из лекций в кружках составился „Краткий курс экономической науки" (вышел изувеченный цензурой в конце 1897 г.; Ленин горячо приветствовал его в рецензии „Мира Божьего", 1898, № 4). С осени 1895 г. часть времени проводил в Харькове, обучаясь на медицинском факультете; бывал в тамошних с.-д. интеллигентских кружках — лидером их был Череванин—но разошелся с ними из-за вопроса о морали, которой они придавали самостоятельное значение. В 1898 г., стремясь дать ответ на широкие запросы наших рабочих в смысле общего мировоззрения, написал свою первую философскую книгу „Основные элементы исторического взгляда на природу". Осенью 1899 г. кончил университет, а затем был арестован за пропаганду. Полгода тюрьмы в Москве, высылка в Калугу, оттуда на 3 года в Вологду. Много учился и писал; в 1902 г. организовал и редактировал сборник против идеалистов — „Очерки реалистического мировоззрения". Служил полтора года врачом в психиатрической лечебнице. С конца 1903 г. редактировал марксистский журнал „Правда", издав. в Москве.

Осенью 1903 г. примкнул к большевикам, и кончив ссылку, вскоре, весной 1904 г. поехал в Швейцарию, там присоединился к Ленину. На собрании 22-х был выбран в Бюро Ком-ов Большинства (Б. К. Б.), первый большевистский центр. Приблизительно тогда же был в первый раз отлучен от марксизма меньшевистской „Искрой" (статья Ортодокса в № 70, обвинявшая меня в философском идеализме). Осенью вернулся в Россию, с декабря 1904 г. работал в Петербурге в Б. К. Б. и П. к-те Мной

БОБРОВСКИЙ В. С. (1873–1924)

БОГДАНОВ А. А. (МАЛИНОВСКИЙ) (1873–1928)

Организатор и директор первого в мире Института переливания крови (1926). Умер в результате эксперимента по переливанию крови, проведенного на самом себе.

были написаны тактические листки Б. К. Б. о вооруженном восстании и о созыве партийного с'езда, как и большинство других листков Б. К. Б. Весной 1905 г. на с'езде в Лондоне (III-й с'езд, большевистский) был докладчиком по вопросу о вооруженном восстании, а также по организационному вопросу и выбран в первый большев. Ц. К. Работал в П-рге, участвовал в редакции большевистской „Новой Жизни", был представителем ЦК в Совете Раб. Деп., где и арестован 2 дек. 1905 г. Освобожденный в мае под залог, попал в ЦК уже меньшевистский от большевиков; высланный заграницу, нелегально вернулся и жил в Куоккале вместе с Лениным, работая в редакции большевистских органов, а также при думских фракциях 1, 2 и 3 Думы. По вопросу о 3-й Думе был бойкотистом, но после решения партийной конференции против бойкота проводил избирательную кампанию в эту Думу в нелегальной рабочей газете „Вперед", которую редактировал.

В конце 1907 г. я был отправлен товарищами за границу в составе тройки (с Лениным и Иннокентием) для редактирования органа большевиков „Пролетария". Летом 1909 г. был вместе с Л. Б. Красиным, в качестве левого б-ка устранен из большевистского центра, а в январе 1910 г., при слиянии фракций большевиков и меньшевиков, и из ЦК партии. Осенью 1909 г. участвовал в организации I партийной рабочей школы —на Капри, осенью 1910 г.—II школы в Болонье. В декабре 1909 г. был докладчиком платформы „группы большевиков", вскоре принявшей название „литературной группы Вперед". Эта платформа „Современ. положение и задачи партии"— впервые формулировала лозунг пролетарской культуры. Весной 1911 г., когда группа „Вперед" стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел от политики; писал потом, до революции, только пропагандистские статьи в „Правде" и др. рабочих органах. Вернувшись в Россию в 1914 г. был послан на фронт в качестве врача. Революция застала меня в Москве; там я сначала писал политически-пропагандистские статьи; в одной из них, в январе 1918 года поставил диагноз военного коммунизма; затем перешел всецело на культурную и научную работу— в Пролеткульте, Пролет. университете и пр. Осенью 1921 г. прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной. До сих пор с 1918 г. состою членом Коммунистической (бывшей Социалистической) Академии.

Мои главные работы:

1. По политической экономии: *„Краткий курс экон. науки"*, ее первый учебник, написанный по исторической схеме (последние издания переработаны в сотрудничестве с Ш. М. Дволайцким), переведен на английский и несколько других языков; *„Начальный курс полит. экономии"* в вопросах и ответах; большой *„Курс полит. экономии"* (в сотрудничестве с И. И. Степановым). Статья *„Обмен и техника"* (1903), в сборнике „Очерки реалистич. мировоззр.", давшая впервые доказательство теории трудов. стоимости, построенное на принципе равновесия.

2. По историческому материализму: *„Наука об обществ. сознании"* — историческое изложение развития идеологий, главным образом, форм мышления, с об'яснением их генезиса из производств. отношений; переведена на немецк. яз.; *„Из психологии общества"* (сборник статей 1902—06), *„Организационные принципы соц. техники и экономики"* („Вест. Соц. Акад.", 1923 № 4)—об'яснение форм сотрудничества через технические отношения.

3. По философии: *„Эмпириомонизм"*, ч. I, II, III (1903—1907 г.), картина мира с организационной точки зрения, т.-е как процесса формирования, борьбы и взаимодействия комплексов и систем разных типов и ступеней организованности, *„Философия живого опыта"* (1911)— обзор развития реалистических систем философии, кончая эмпириомонизмом; *„От монизма религиозного к научному"*, доклад (в прилож. к 3-му изд. „Фил. жив. опыта")—обоснование борьбы за научный монизм, устраняющий философию вообще.

4. По организационной науке: *„Всеобщая организац. наука"* (Тектология), ч. I, II, III (1913—1922)—общее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления (часть I издается на немецком); *„Принципы единого хоз. плана"* („Вестник труда", 1921, № 4—6) и *„Труд и потребности работника"* („Молодая Гвардия", 1922 г., № 3)—приложения организационных законов к решению основных хозяйственных задач; *„Об'ективное понимание принципа относительности"*—приложение организ. т. зрения к истолкованию принципа относительности („Вестник Ком. Акад.", 1924, № 8).

5. По пролетарской культуре: *„Новый мир"* (1904—6)—популярная характери-

стика высшего культурного типа жизни; *„Культурные задачи рабочего класса“* (1911)—обоснование программы пролет. культуры; *„Искусство и раб. класс“* (переведено на немецкий); *„Социализм науки“* —о пролет. науке (частью тоже переведено на немецкий); *„Элементы пролет. культуры в развитии раб. класса“*—исторический анализ; *„О пролетарской культуре“*—сборн. статей 1904—1924 г. Сюда же можно отнести два романа: *„Красная звезда“* (1907), утопия (переведено на франц., немец. и еще неск. языков); *„Инженер Мэнни“* (1912) — картина столкновения пролет. и буржуазной культуры.

Еще несколько книг, несколько десятков журнальных статей, брошюр и докладов, еще больше газетных статей и листков, гл. обр. пропагандистских.

Богданов, Петр Алексеевич, *(автобиография).* Родился я 20 мая 1882 г. в семье московск. 2-й гильдии купца. В 1899 г. окончил Александровское Коммерч. учил. с золотой медалью и в том же году поступил в Московское Высшее Техническое Училище. С 1900 г. стал принимать ближайшее участие в студенческих общественных организациях (студенческая касса, нелегальная библиотека и т. д.). В феврале 1901—02 г. был арестован, приговорен сначала к ссылке в Якутскую область, что затем было заменено шестимесячным тюремным заключением, которое я и отбывал в Вышневолоцкой тюрьме. По отбытии наказания снова поступил в Техническое Училище, продолжая активную общественную работу, при чем сошелся с социал-демократ. студенческими кружками. С нач. 1905 г. приступил к активной работе в Московской организации РСДРП в Сокольническом районе в качестве технического работника по хранению и распространению нелегальной литературы. В августе 1905 г. принимал участие в нелегальном Всероссийском с'езде студенческих организаций, имевшем место в Финляндии (на Иматре), который принял политику открытых дверей высших школ для использования нарастающего революционного движения. В сентябре того же года выехал в г. Воронеж, где вошел в Воронежский большевистский комитет РСДРП и в местную военную организацию после ее образования. В 1906 г., переехав в Москву, вступил в московскую военную организацию, а также, вернувшись к работе в Техническое Училище, стал во главе студенч. фракции РСДРП (об'единенная большевиков и меньшевиков), был введен в Московский комитет, причем одно время заведывал организацией всех студенческих социал-демократич. групп в Москве, оставаясь одновременно в военной организации. В Московском комитете работал в качестве члена до весны 1908 г. В 1909 г. окончил Высшее Техническое Училище со званием инженера и поступил на службу в Московское Городское Самоуправление. С 1908 по 1914 г. продолжал работать в московской организ. РСДРП (техника содействия финансами, явки, переписка и т. д.). В 1914 г. был призван по мобилизации сначала на фронт в ж. д. батальон, а с 1916 г. был назначен в ж. д. парк в г. Гомель. В 1917 г. после февральской революции был избран председ. Военной Секции Гомельского Совета Рабочих, Солд. и Крестьянск. Депутатов. При выборах в местную демократическую Городскую Думу был избран председ. Городской Думы, во время Корниловского восстания состоял председателем местного Революционного Комитета, который руководил операциями против Корнилова с юга. В Октябрьский переворот опять-таки состоял председ. Революционного Комитета и после переворота вошел членом Президиума Исполкома вновь избранного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. При выборах в Учредительное Собрание был выставлен кандидатом гомельскими рабочими в списке об'единенной РСДРП. Во время оккупации Гомеля немцами продолжал оставаться председателем Городской Думы и вел активную работу в местных профсоюзах, за что и был выслан в 24 часа в „Большевизию“. По приезде в Москву в июле 1918 г. приступил к работе в ВСНХ в качестве члена правления Волго Камского химического об'единения, а затем—члена Коллегии Химотдела. В августе месяце 1918 г. восстановил свое членство в партии большевиков со стажем с 1905 г. В 1919 г. был назначен председ. Совета Военной Промышленности, который был создан под моим руководством и об'единял всю военную промышленность, и работал до окончания гражданской войны. В 1920 г., оставаясь председателем СВП, был назначен заведующим Главным Управлением Металлической Промышленности и введен в состав членов Президиума ВСНХ. В мае 1921 г. был назначен на должность председателя ВСНХ, которую занимал до весны 1923 г. В должности предс. ВСНХ провел все начала Нэп'а в промышленности. С созданием Союза Советских Социалист. Республик был назначен на должность председателя ВСНХ РСФСР, в каковой нахожусь и поныне. Одновременно в конце

БОГДАНОВ П. А. (1882–1939)

С 1926 председатель Северо-Кавказского крайисполкома. В 1935–37 1-й заместитель наркома местной промышленности РСФСР. В 1927–30 член ЦРК ВКП(б) Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

БОГУСЛАВСКИЙ М. С. (1886–1937).

В 1927 исключен из партии. С 1928 в Новосибирске заместитель председателя Сибирской краевой плановой комиссии, член Западно-Сибирского крайисполкома. В 1930 восстановлен в ВКП(б). С 1932 начальник строительства завода горного оборудования в Новосибирске. Необоснованно репрессирован. По делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" в 1937 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

1923 г. назначен начальн. Главн. Управл. Военной Промышленности и председ. Комитета Военных Заказов, в каковых должностях нахожусь и теперь. В проф. союзах состоял—с 1920 г. в Союзе химиков, а затем в Союзе металлистов.

Богуславский, Михаил Соломонович *(автобиография)*, род. 1 мая 1886 г. в пос. Крюкове, Полтавской губ., Кременчугск. уезда. Отец—портной, ремесленник. В семье были еще двое детей от первой жены отца (умершей) и трое детей от второй жены (моей матери). В пять лет я был отдан на обучение в домашнюю еврейскую школу („хедер"), в которой учился до 8 лет, до смерти матери. Оставшись с шестью малолетними детьми на руках, отец женился в третий раз на молодой женщине. Ежегодно пошли дети, которых содержать делалось все труднее и труднее. Нередко огромная семья по целым дням сидела без хлеба, в ожидании пока „заказчики" отдадут отцу его грошевый заработок. Голодная жизнь дополнялась „междуусобицей"—почти постоянными спорами, а нередко и драками между детьми от разных матерей, драками, во время которых мачехе приходилось „умиротворять" и тех и других. В доме был постоянный ад, и отчасти этим можно об'яснить, что отец частенько попадал с получкой не домой, а к приятелям, а иногда по просту в кабак. Частые появления отца домой в пьяном виде, без денег вызывали ожесточение мачехи, которая страдала и от „чужих детей" и от постоянных нехваток и от частых выпивок мужа.

Начались поиски выхода из тяжелого положения, и первой „экономией" в бюджете семьи явился перевод меня из платной еврейской школы в бесплатную общественную школу для беднейших еврейских детей („талмуд-тора"), где кроме бесплатного обучения (на еврейском и русском языках), также бесплатно обмундировывали и кормили. Уже одно пребывание в этой школе ставило ребенка в разряд самого низкого сословия и создавало для него положение, при котором дети „более порядочных" (т.-е. более богатых) родителей не хотели с ним „иметь дела", т.-е. по-просту его избегали.

Незадолго до этого произошел в моей жизни случай, впервые напомнивший мне о моем „происхождении" и оставивший неизгладимый след в моей памяти. Событие это следующее. Будучи способным ребенком, я, по совету учителя „хедера", был отдан отцом на обучение к „ученому еврею", у которого за сравнительно большую плату обучались высшим еврейским наукам („геморе") только пять-шесть детей местных богачей. После недолгого совместного обучения „богачи", будучи, очевидно шокированы, что в компанию их благородных детей „втесался" сын „какого-то портнишки", поставили учителю „ультиматум": если у него будет продолжать учиться „портновский сын", они своих детей отдадут другому учителю. Не желавший потерять заработка учитель сделал „выбор" и отослал меня домой. Обиженный отец устроил „богачам" публичный скандал в синагоге, за что был судим местным раввином, и в результате отцу был сделан строгий выговор за „такое отношение к уважаемым гражданам"; мне же (предварительно проэкзаменовав) в виду „хороших способностей" временно разрешили продолжать учиться у этого учителя. Но учиться у него долго не пришлось, так как „по экономическим соображениям" был переведен в „талмудтору". Учоба в этой „талмуд-торе" была сплошным мучением: она находилась в Кременчуге т.-е. на расстоянии 6—7 верст от дома (Крюкова), и приходилось туда ходить, вставая еще до восхода солнца (занятия начинались в 8 час.), при чем за малейшее опоздание немилосердно били, приучая к „аккуратности". Кроме того страшно тяготило смутное детское сознание, что ты хуже остальных детей, которые (даже бывшие близкие товарищи) стали избегать совместных игр, прогулок, затей и т. п. Ежедневные посещения Кременчуга сблизили меня с проживавшей в этом городе сестрой покойной матери, чрезвычай но чуткой девушкой, которая, сама работая в портняжной мастерской, по вечерам занималась, готовясь экстерном сдать экзамен за 4 класса гимназии. Начав заниматься со мной, гл. обр., по русскому языку, которого я раньше совсем не знал, она через 5—6 месяцев добивается моего приема в казенное еврейское училище, куда я поступаю в возрасте 10 лет. Проучившись в этой школе около двух лет, я вынужден был ее оставить, так как ухудшившееся материальное положение семьи властно ставит вопрос о невозможности дальнейшего „дармоедничанья" 12-ти летнего (уже большого) мальчика и необходимости приучать его „к делу". Взяв из школы, отец начинает приучать меня к портновскому производству, но мое двухлетнее пребывание с теткой в Кременчуге не прошло для меня даром, и я отчаянно сопротивлялся приковыванию меня к портновскому

столу со всеми его прелестями: руганью, побоями, тяжелыми семейными сценами, постоянной грызней с мачехой и т. п. Сговорившись с теткой, я в 12 лет, в 1898 г., бросаю отцовский дом и уезжаю к ней в Харьков, куда она переехала. Здесь я поступил в ученье в типографию, где работал муж тетки наборщиком. Условия: три года работать бесплатно, 4-й год 8 руб. в месяц, 5-й год—12 руб. в месяц.

Жизнь моя начинает протекать в совершенно иных условиях: целый день, на работе в типографии, где приходится набирая, все время читать, вечером опять садишься за книгу и за тетрадь (занимались со мной дядя и тетка), по воскресеньям—в воскресную школу, изредка даже в театр (по типографской контрамарке) или на лекцию в народный дом „общества трезвости". К сожалению эта новая жизнь длится не долго – около года. Дядя, попав во время работы ногой в типографскую машину, получил перелом ноги. Это обстоятельство, лишившее его возможности работать и содержать семью, поставило также вопрос о возможности дальнейшего содержания племянника. Нужда в этом доме становилась с каждым днем нестерпимее. Я решил отправиться „за поисками счастья" в Киев. Только очутившись в Киеве на вокзале, без родных и знакомых, я понял всю важность предпринятого путешествия. Не имея, куда зайти и где переночевать, я отправился на Подол (заселенный преимущественно еврейским населением), где и сделался завсегдатаем небольшой синагоги. Здесь я дневал и ночевал, питаясь теми крохами, которые давал мне служка этой синагоги за то, что я помогал ему в уборке.

Здесь же я встретился с бездомным слепым стариком, по предложению которого я согласился быть у него поводырем за плату 15 коп. в день с квартирой за счет „хозяина". Два месяца работы в этой „должности" несомненно являются самыми мрачными во всей моей жизни. С утра до ночи хождение по дворам, где старый слепец играл на скрипке, собирание грошей, а ночь в грязной, сырой ночлежке, куда скоплялось все то, что может быть отнесено к еврейскому „дну" — слепые, хромые, нищие; здесь и трахома, и чесотка и все прочее. Ко всему этому присоединялось издевательство над „образованным" всякий раз, когда замечали меня за книгой, с которой и здесь я не разлучался. Однажды, придя с нищим по обыкновению в один из дворов для игры, я увидел на воротах дома наклейку о том, что в коробочную мастерскую требуются мальчики, которые принимаются на всем готовом. Хозяин мастерской согласился взять меня на службу. Отведя старика вечером в трущобу, я заявил ему о своем уходе, и был здесь же избит соседями за то, что оставляю беспомощного старика „без предупреждения". Все же утром я был уже учеником коробочной мастерской.

В обязанности, лежавшие на мальчиках мастерской, входило, кроме обычной работы (с 6 ч. утра до 8 ч. веч.), также хождение по очереди с хозяйкой на базар с двумя огромными корзинами, уборка помещения, переноска готовых коробок к заказчикам. Этот тяжелый труд облегчался для меня тем, что старик хозяин-коробочник, узнав, что я грамотный и умею читать книги, брал меня по вечерам к себе в комнату, где „по совместительству" просиживал с ним за чтением вслух романов, которые старик очень любил. Эта „культурно-просветительная работа" с хозяином приводила к различным поблажкам по основной работе. Но меня все тянуло к прежней работе в типографии. Через несколько месяцев мне удалось получить место в одной из крупных типографий, куда я был принят учеником-наборщиком опять на 5 лет. Несмотря на очень тяжелые условия существования (так как пришлось платить за стол и квартиру 8 р. в месяц, получая жалованья 5 р., а остальные 3 р. зарабатывая сверхурочно после одиннадцати-час. нормального дня работы, при чем платили по три, а затем по пяти копеек в час), все же годы, проведенные в типографии, являются несомненно переломным моментом во всей моей жизни, ибо здесь я впервые получил широкую возможность пополнять свое образование, занимаясь сначала с более грамотными наборщиками типографии, а затем со студентами, с которыми жил на одной квартире. Заниматься было очень трудно, вследствие необходимости почти ежедневно 15—16 часов в сутки работать в типографии, а также вследствие тяжелых условий ученичества, которые проходят при почти непрерывных побоях; мастер, обучавший меня, поставил себе задачу, которую он часто при избиении формулировал так: „или сделаю из тебя труп или хорошего мастера".

Спустя 5 лет, в начале 1904 г., я окончил срок обучения в типографии, получив звание подмастерья и жалованье 18 рубл. в месяц. За эти пять лет сильно подвинулось и мое общее самообразование, при чем помимо русского языка

удалось также ознакомиться и с немецким и с франц. яз, которые нужно было хоть немного знать (читать и писать), так как это требовалось для работы наборщика Потекла действительно „счастливая" жизнь, которой однако суждено было недолго длиться. Через несколько месяцев опубликовывается „раз'яснение" сената о том, что наборное дело является не ремеслом, а искусством, а потому евреи-наборщики не являются ремесленниками и, следовательно, лишаются права жительства вне черты еврейской оседлости. Это „раз'яснение" заставляет меня вместе с другими еврейскими наборщиками покинуть в серед. 1904 г. Киев и вернуться в Харьков.

Работая наборщиком в типографии Харьк. губерниск. Правления, я вступил в существующую тогда полупрофесс. организацию, наз. „Общество вспомоществ. наборщиков Харькова". Здесь, встречаясь на собраниях с наиболее передовыми наборщиками, я впервые узнаю о том, что у рабочих имеются другие интересы, не вмещающиеся в рамки устава этого общества. Вскоре я примыкаю к образовавшемуся нелегальному кружку, ставившему себе задачей организацию союза печатников. На одном из собраний кружка (нас собиралось до 30—40 чел.) выделяется организац. бюро для выработки устава союза. Члены кружка распределяются в качестве уполномоченных по всем типографиям, где они работают, для вербовки членов будущего союза. Я был назначен уполномоченным по типографии, где я работал. Вербовка членов будущего профсоюза идет довольно успешно, особенно среди молодежи. Но через несколько месяцев организ. бюро проваливается со всеми списками, и меня в числе прочих арестовывают в ноябре 1904 г. Мне пред'является обвинение: а) в распространении „нелегальной литературы" (речь идет о протоколах кружка и проекте устава будущего профсоюза) и б) в организации стачки в казенном учреждении (второе обвинение, очевидно, больше „для комплекта"). Пребывание в тюрьме, встреча там с настоящими революционерами окончательно помогает мне осознать положение рабочего класса и способы борьбы за его освобождение. По выходе из тюрьмы, летом 1905 г., я вступаю в еврейскую социалистическую партию. В ноябре 1905 г. я вновь арестовываюсь во время событий, связанных с манифестом 17 октября, за руководство забастовкой в губернской типографии. Просидев три месяца в той же тюрьме, я был выслан на родину (в Крюков) на три года, под надзор полиции. Ссылка „на родину" была, пожалуй, не многим лучше любой другой ссылки „в отдаленные места", ибо негде было работать: в Крюкове типографии не было, а ходить в Кременчуг не было возможности потому, что по требованию крюковского „начальства" (урядника) два раза в день нужно было являться для отметки в полицию. Вторая прелесть этой „домашней" ссылки выражалась в том, что нужно было жить на иждивении у бедняка отца, обремененного большой семьей, выслушивать постоянные упреки и т. д. После шести месяцев пребывания „на родине", достав чужой паспорт, я уезжаю в Киев, где продолжаю работать в подпольной организации партии, гл. об., в качестве техника (организация подпольной типографии и работа в ней). Через несколько месяцев меня случайно арестовывают во время обычной облавы и, не обнаружив чужого паспорта, высылают из Киева, „как еврея" не имеющего права жительства. После этого, получив разрешение властей, я переехал в Николаев, где работал в типографии, продолжая состоять членом еврейской социалистич. партии. Тяжелая реакция, обрушившаяся тогда на все революционные организации, сделала свое дело. И без того некрепкая и малочисленная николаевская организация этой партии, окончательно распадается. Некоторые арестовываются, многие эмигрируют за границу. В 1910 г. в Николаеве начинается движение за создание рабочей кооперации. Я принимаю деятельное участие в организации 1-го Никол. рабочего кооператива—„Трудовая Копейка". Вокруг этого кооператива, (во главе его стоял рабочий социал-демократ—Васильчиков, оказавшийся впоследствии провокатором), группируются наиболее передовые рабочие, создаются культурно-просветит. кружки. Но после крупных событий на николаевских судостроит. заводах в 1912 г. кооператив был разгромлен властями, и я среди прочих принимавших участие в работе этого кооператива вынужден был выехать из Николаева. В Кременчуге, куда я переехал из Николаева, я работал в типографии, и после издания закона 1912 г. о страховании рабочих приступил к организации обще-городской больничной кассы, председателем которой был избран и состоял им вплоть до февральской революции 1917 г. В феврале я принимал активное участие в организации Кременч. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и был избран

товар. предс. Одновременно ведя работу по организации отдельных профсоюзов и совета профсоюзов, состоял председ. 1-го Кременч. Совета профсоюзов. В февр. 1917 г. я вступил в партию РСДРП (б.) При выборах городской думы прошел по партийному списку гласным этой думы и был избран членом Городской Управы. По партийным спискам также был избран членом Украинского Учредит. Собрания.

После Октябрьского переворота (в котором я принимал участие в Ленинграде, как делегат 2 го Всеросс. С'езда Советов), Кременч. Городская Дума распускается. Все функции по городскому хозяйству переходят в Совет, председателем которого я состоял. Начавшееся в это время наступление немцев на Украину вызывает необходимость в организации воинских отрядов; работа по этой организации всецело меня поглощает. В январе 1918 г. я принимаю участие в работе группы, сражающейся против немцев на участке Кременчуг—Знаменка, Кременчуг — Ромодан, состоя начальником штаба этой группы войска. На состоявшемся в начале февраля 1918 г. 2-м Всеукр. С'езде Советов я был избран членом Украинского ЦИК'а, а также членом коллегии Народного Секретариата (Нар. Комиссариата) Финансов Укр. Советского Правительства. После занятия немцами Украины я уехал в Воронеж, где мне поручается роспуск существовавшей еще там меньшевистско-эсеровской Городской Думы и организация городского совета и Исполкома, председателем которого я и состоял до января 1919 г. Одновременно я состоял председ. Воронежского гор. комит. партии. В Январе 1919 г. я отправился на фронт и вместе с повстанческими войсками участвовал в наступлении на Украину. При занятии советскими войсками Кременчуга я опять стал во главе Совета. В мае 1919 г., во время мятежа Григорьева, я вместе с отрядом сражался против григорьевских войск Во время наступления Деникина я вступил в одну из дивизий Красной армии, защищавшей Кременчуг. По занятии Кременчуга Деникиным, я избираюсь секретарем укр. ЦИК'а и секретарем укр. правительства. В сентябре 1919 г. я был назначен на работу в Политическом Управлении Республики. В декабре 1919 г. вновь возвратился на Украину, где работал в Харькове, вначале в качестве замест. председ. Ревкома, затем в качестве секретаря Харьк. Губкома. В мае 1920 г. я был мобилизован ЦК партией для работы на транспорте. Работал в Главполитпути в качестве начальника его Политотдела. В июле того же года мне была поручена работа по организации в Москве красного Профсоюза печатников. По организации такового был избран его председателем, которым состоял до 1921 г., когда был избран членом московск. комитета и членом през. московского Совета, на каковую работу я всецело перешел. В 1922 г. меня избрали заместителем председателя московского Совета, эту работу исполнял до 16 января 1924 г., состоя одновременно все время членом моск. комитета партии, членом ВЦИК и членом МСНК. В феврале 1924 г. был назначен зам. предс. Главного Управл. Государств. Страхования. 1 сентября 1924 г. назначен председ. Малого Совнаркома.

БОШ Е. Б. (1879–1925).

Бош, Евгения Богдановна (Готлибовна), род. в 1879 г. в мест. Очаково, Херсон. губ. Отец ее, Готлиб Майш, был механиком в больш. имении, мать—молдаванская дворянка. Отец умер, когда она была еще ребенком, и мать вышла замуж за брата отца. Б. с 10 лет жила у дяди в г. Вознесенске в очень тяжелых условиях, училась в гимназии, с 13-ти лет она заболела, уехала к матери. стала много читать, решает „слиться с народом" и уходит из дому, но старший брат—толстовец перехватывает ее, и некоторое время она живет у него. Скоро она возвращается домой. 16 лет она выходит замуж за П. П. Бош, сына мелкого фабриканта. В конце 90-х годов, благодаря одному земскому врачу с.-д., она знакомится с нелегальной литературой, которая произвела полный переворот во взглядах Б., и в 1900 г. она входит в члены с.-д. партии, примыкая к большевистской фракции. Б. собирается сделаться сельск. учительницей, берет уроки, но в 1905 г. учитель сделал донос на нее, заметив у нее на столе соц.-дем. литературу. Вскоре она порывает со старой жизнью и с мужем, оставляя у себя детей, и отдается партийной работе, занимается восстановлением киевской организации, созданием рабочих ячеек, летучих типографий и т. п. Ее избирают в члены киев. комитета; в нем она играет руководящую роль и вступает в переписку с В. И. Лениным. Она налаживает связи с ЦК партии и рядом южн. организаций. В 1912 г. Б. была арестована, в 1913 г. по суду была приговорена к ссылке на поселение и отправлена в Верхолен. уезд Иркутск. губ. В 1914 г. Б. бежала чрез Владивосток в Америку, в 1915 г. участвовала по вы-

БРЮХАНОВ Н. П. (1878–1942).

В 1926–1930 наркомфин СССР. В 1931–33 заместитель наркомснаба СССР. С 1933 заместитель председателя Центральной комиссии по определению урожайности при СНК СССР. В 1927–34 кандидат в члены ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

зову Ленина на Бернской конференции, а затем жила в Норвегии. После февральской революции Б. возвратилась в Россию, сначала в Петроград, а потом в Киев, где вошла в состав Киев. Сов. Раб. Деп., была председат. организ. бюро по созыву областной конференции партии и одним из редакторов органа киевского комитета „Голос социал-демократа". На област. конференции Б. была избрана председателем област. комитета, ведет энергичную работу по подготовке революционного восстания против юнкеров и Центр. Рады, агитирует в Виннице и двигает гвардейский корпус на Киев против юнкеров, но власть оставалась в руках Цен. Рады. В Киеве учреждается большев. рев. воен. комитет, в состав которого входит и Б. Первый всеукраинский с'езд советов в Киеве был открыт Б., но большинство с'езда оказалось на стороне Рады. Большевистская часть уехала в Харьков и об'явила себя первым с'ездом советов Украины, и выбрала ЦИК Украины, в состав которого вошла и Б. в качестве народн. секретаря внутренних дел. После взятия Киева советскими войсками, ЦИК переехал туда, но скоро, при приближении немцев должен был эвакуироваться, и Б. увезли из Киева против воли—она хотела остаться для организации вооруженных отрядов киевских рабочих. Вместе с Чудновским Б. организует в Дарнице заслон против немцев, затем вследствие разногласий с др. членами Нар. Секретариата выходит из его состава, отправляется в Бахмач во главе отрядов Красной гвардии, откуда отступает в Ромны, Ахтырку и Харьков. Здесь отряд ее расформировывается, сама Б. тяжко заболевает и могла возвратиться к работе только чрез несколько месяцев. По выздоровлении она была командирована в Пензу для борьбы с с.-р., избрана здесь в губ. комит., а затем на VI с'езд Советов, и в конце 1918 г. была назначена на Каспийско-Кавказский фронт для руководства политич. работой в армии. В 1919 г. Б. была командирована для расследования гомельского восстания, затем в Литов.-Белор. республику, была членом Совета Обороны ее. Впоследствии она работала в ЦК Всеработземлеса, но болезнь заставила ее долго лечиться на Кавказе, в Германии и Италии. В конце 1924 г. покончила с собой. Написала: „Национ. правительство и Совет. власть на Украине" (1918 г.) и „Год борьбы" (1923 г.). См. *„Прол. Рев."* № 2. 1925 г.

Брюханов, Николай Павлович *(автобиография)*, род. 16-го декабря 1878 г. в г. Ульяновске (Симбирске). Отец был родом из Ленинграда, получил землемерное образование в специальной школе при Департаменте Уделов (главное управление царскими имениями), потому что в этой школе бесплатно принимали детей дворцовых рабочих и служащих, а отец его (мой дед) служил садовником при Царскосельском дворце. „Бесплатное" обучение в этой землемерной школе было связано в дальнейшем обязательной службой по удельному ведомству. Эта служба и забросила моего отца в Ульяновск (Симбирск), где отец и занимал должность землемера в Управлении Удельного Округа. Он был страстным любителем-садоводом (эта страсть была воспитана в нем, должно-быть, дедом, профессионалом-садовником) и рыболовом. Очутившись в Ульяновске, он поселился на окраине города около речки Свияги, обзавелся там маленьким домишкой, развел около дома сад и летом, когда по службе было больше свободного времени (не было вечерних занятий), весь досуг посвящал работе в саду над своими цветами или ловле рыбы на удочку на реке Свияге. В этом доме, в этом саду и на этой речке и протекло мое детство.

Всех своих сыновей (нас было четверо) отец сам обучал грамоте и готовил ко вступительному экзамену в гимназию. После этого его заботы о „духовном преуспевании" детей в значительной степени сводились лишь к наблюдению за безостановочным прохождением ими лестницы гимназических классов. По крайней мере в отношении к себе (я был младшим в семье, и разница в годах с другими братьями была порядочная, 4—6 лет) я не помнил случаев активного и настойчивого вмешательства со стороны отца в свободу выбора мною товарищей, в свободу выбора мною книг для чтения, моих занятий и т. п. Так, будучи и оставаясь до смерти религиозным человеком, отец полностью мирился с тем, что дома, вне гимназии—я с 13—14 лет открыто отошел от религии и об'явил себя „атеистом". Или, когда я был уже студентом, отец с одинаковой радостью и любовью встречал меня независимо от того, возвращался ли я домой после блестяще выдержанных экзаменов или в качестве административно высланного за участие в университетских беспорядках. Моя мать (родом из Алатыря Ульяновской г.) вспоминается мне по детству, как большая семьянинка, отдававшая все свое время заботам по хозяйству, по обшиванию, обуванию и кормежке своих де-

тей. Домашний уют, материнская ласка — вот то, чем окружала мать наше детство. Один из моих старших братьев (Петр), будучи студентом сначала Казанского универс., потом Ленингр. Военно-медиц. Академии, принимал активное участие в революционном движении. Приходившие к нему в наш дом товарищи (в их числе были: Ал. Аладьин — впоследствии лидер трудовиков в 1-й Государств. Думе, В. И. Ишерский — с.-д., член 1-й Гос. Думы и др.), зачастую вели разговоры, а подчас и жаркие споры на общественно-политические темы, по поводу той или иной статьи в „Русском Богатстве" (орган народников), корреспонденции о германских выборах в „Русских Ведомостях", — „Критических заметок" Струве, книги Бельтова и т. п. К этим спорам я очень прислушивался. Если и раньше я был усердным читателем запрещенных для гимназистов книг (Писарев, Добролюбов, Чернышевский), то в этот период (в 1894—97 гг.) я уже читал и перечитывал книгу Бельтова (Плеханова), состоял подписчиком „Самарского Вестника", считал себя „марксистом" и яростно полемизировал со своими товарищами — гимназистами, которые причисляли себя к „народникам". В 1896 г. мой брат был арестован в Ленинграде по делу „Союза Борьбы" и после года тюрьмы был сослан в Вятскую губернию. Поездка в Ленинград на „свидание" с ним, знакомство и связи с его товарищами (в то время в Ульяновске жили некоторые поднадзорные, высланные до приговора), участие в гимназических кружках, чтение запрещенных книг — все это привело к тому, что гимназическим начальством я был причислен к разряду „неблагонадежных" и на этом основании в 1897 г. не был допущен к выпускным экзаменам „на аттестат зрелости". Так я расстался с гимназией. В 1898 г., выдержав весною экстерном экзамен на аттестат зрелости, осенью я поступил на филологич. факультет московского универс. Примкнув к студенческим кружкам, весною 1899 г. за активное участие в студенческих беспорядках я был административно выслан из Москвы на 2 года с запрещением проживания в университ. городах. В конце 1899 г. громадное большинство участников студенческих беспорядков было амнистировано, и с начала 1900 г. я вновь поступил в московский университет. После новых студенческих беспорядков 1901 г., покинув московский университет, я попал в Казань.

Продолженная и в Казани работа в марксистских студенческих кружках вначале вне прямой связи с партийной с.-д. организацией привела и не могла не привести, в конце концов, к установлению этой связи сначала через участие в сборах денег среди интеллигенции на политический Красный Крест, далее через технические услуги с.-д. организации, к установлению и держанию связи с отдельными заводами и мастерскими через отдельных рабочих и, наконец, ранней весной 1903 г., после провала основной группы казанских комитетчиков, к вступлению путем кооптации в состав казанского комитета Р С Д Р П. В конце июня 1903 г. меня арестовывают, в начале февраля 1904 г. об'являют приговор: 4 года Восточной Сибири. Затем, благодаря Японской войне и прекращению этапов на Восток, Сибирь заменяется Вологодской губернией, и, наконец, пройдя кроме Казанской еще Московскую (Бутырскую), Ярославскую и Вологодскую тюрьмы — в мае 1904 г. я выхожу „на волю" и отправляюсь отбывать ссылку в г. Кадников Вологодск. губ. Проходя московскую Бутырскую тюрьму в марте—апреле 1904 года я впервые ознакомился с тем, что было на втором с'езде РСДРП, с расколом на большевиков и меньшевиков. Я примкнул к большевикам и с тех пор до настоящего времени непрерывно работал в рядах большевиков. Участвовал в Лондонском партс'езде 1907 г., куда был делегирован Симбирской (Ульяновской) организацией. В 1912 г. выставлялся кандидатом от с.-д. (большевиков) в IV Государств. Думу по г. Уфе (это стоило ареста и трехмесячного сидения в тюрьме). Был делегатом на апрельской большевистской конференции 1917 г. Участвовал от Уфы в сентябрьском демократическом совещании 1917 г. После приезда в Ленинград в начале 1918 г. на первое продовольственное совещание, созванное Наркоматом Продовольствия по настоянию покойного Я. М. Свердлова, лично знавшего меня по нелегальной работе на Урале, я был привлечен к работе в центре, в начале в качестве члена коллегии, потом замнаркома и наконец с 1921 г. — Наркома Продовольствия. С февраля 1924 г. работаю в Народном Комиссариате Финансов СССР в качестве замнаркома.

До революции 1917 г. мне, как и большинству интеллигентов, не имевших официальной профессии и считавших своей основной работой партийную подпольную работу, приходилось средства к жизни добывать личным трудом, работая где придется и в какой придется

БУБНОВ А. С. (1884–1938 (по уточненным данным)).

С 1929 нарком просвещения РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

области. С 14—15 летнего возраста, помогая семье и прирабатывая на свое содержание, я стал давать уроки. В студенческие годы и позднее в ссылке и после ссылки мне также приходилось заниматься уроками; газетная работа, переводы для печати по заказам издательств с иностранных языков, работа железно-дорожного конторщика, работа десятника на постройке жел. дороги, работа чертежника, по земской и городской статистике, по банковской оценке имений, по страховому делу и т. д.—вот те виды личного труда, какими судьба заставляла меня заниматься. На вопрос анкет о том, какую работу и профессию я считаю для себя основной, я всегда затруднялся и затрудняюсь отвечать и уклончиво писал и пишу: „общественная служба".

Бубнов, Андрей Сергеевич (*автобиография*). Род. 6 апреля (23 марта) 1883 г. в Иваново-Вознесенске. Образование получил в Иваново-Вознес. реальном уч., которое окончил в 1903 г. Затем поступил в Московский Сельскохозяйств. Институт (Тимиряз. Академия), который не окончил. В ряды РСДРП (б.) вступил в 1903 г. До этого с 1900—1901 г. принимал участие в революционных кружках учащихся. С момента своего вступления в партию определяется, как большевик. Б. работал преимущественно в губерниях Центральн. Промышлен. района и в Москве, как организатор и пропагандист. В течение своей работы многократно арестовывался и сидел в тюрьмах и в крепости. Всего был арестован Б. 13 раз. В тюрьмах пробыл свыше 4 лет. В 1906 г. Б. по выходе из тюрьмы делегируется Иваново-Вознес. организацией на Стокгольмский с'езд. В 1907 г. делегируется той же организацией на Лондонский с'езд. С лета 1905 г. Б. состоял членом Иваново-Вознес. Комитета партии, затем членом бюро Иваново-Вознесенск. Союза РСДРП (большевиков), об'единявшем ряд местных организаций, а в 1907 году переводится ЦК партии на партработу в Москву и с конца 1907 г. состоит членом М. К. партии.

В эпоху жестокой царской реакции 1907—10 гг. Б. продолжает свою работу в партии, несмотря на систематические аресты. В 1908 г. Б. избран членом Обл. Бюро Центр. Промышл. района и делегирован на Всеросс. партконференцию. Попасть на конференцию Б. не удалось, ибо он был арестован. По выходе из тюрьмы в 1909 г. Б. был назначен агентом ЦК РКП. В 1910 г. в мае был кооптирован в состав большевистского „Центра" в России. В конце года Москов. Судебной Палатой привлекался по ст. 102 (процесс 34-х). Начиная с 1910 г. в рабочем движении России заметен подъем и оживление. В 1911 г. Б. по выходе из крепости работал в Нижнем и Сормове. Получив извещение о кооптации в Организац. Комитет по созыву Всеросс. партконференции, должен был выехать за границу, но был опять арестован. Будучи избран кандид. в ЦК, Б. вместе с Позерном выпускают большев. газету „Поволжская Быль" (вышло 6 номеров). В 1912—13 г. работал в Петербурге в „Правде" и в думской фракции. Состоял членом Испол. Комиссии Петерб. Комитета партии.

Мировая война застала Б. в Харькове, куда он был выслан после ареста в Петербурге. С самого начала войны Б. занял последовательную интернационалистскую позицию. В начале августа 1914 г., после выпуска Харьковской большев. организ. воззвания против войны, Б. был арестован, после тюрьмы выслан в Полтаву. Переехав из Полтавы в Самару, Б. входит в состав Оргбюро по созыву Конференции большевистск. организаций Нижнего Поволжья. После провала Б. был арестован в октябре 1916 г. и в феврале 1917 г. выслан в Сибирь в Туруханский Край. В этот период Б. работал по статистике, причем им был выпущен ряд научных брошюр по экономич. вопросам.

Февральская революция застала Б. в этапной избе в с. Бобровке (тракт Красноярск—Енисейск). Б. возвращается в Москву, входит в состав Области. Бюро Центр. Промышленной Области. VI-й с'езд партии избирает Б. членом ЦК. В это время Б. состоял членом Исполкома Моссовета. В августе Б. переводится ЦК в Петербург и работает, как член ЦК и член Исполкома Петерб. Совета. Входит в редакцию партийной военной газеты (в качестве представителя ЦК партии). В Октябрьском перевороте Б. принял участие, как член Петерб. Военно-Революц. Комитета. На заседаниях ЦК 10/X он избирается в Политбюро ЦК, а 16/X в военно-революц. центр по руководству восстанием. В ноябре в качестве комиссара жел. дорог республики был командирован на юг и принял участие в борьбе против Каледина (в Ростове на Дону). После VII с'езда партии Б. уезжает на Украину, где состоял народным секретарем — членом Раб. Кр. Правительства — принимает участие в борьбе с немцами. После ликвидации украинского правительства входит в Повстанческий Комитет. Состоя чле-

ном ЦК КПУ и членом Всеукр. Военно-Революц. Комитета, Б. с августа по октябрь работал в „нейтральной зоне" (Черниг.-Курская губ.), формируя части партизанской армии для освобождения Украины. После 2-й Всеукр. партконференции (в октябре 1918 г.) Б. командируется для подпольной работы в Киев. Опытный конспиратор, Б. состоит членом подпольного Киевского Обл. Бюро партии и председ. подпольного Киевского Совета, являясь начальн. подпольного штаба. После свержения Петлюры Б. входит в состав Рабоче-Крест. правительства Украины. Будучи командирован на 8-й парт. с'езд, Б. избирается кандид. в ЦК и членом комиссии по выработке программы партии. Одновременно Б. избирается членом ЦК КПУ. Одновременно он состоит председ. Киевского Совета Раб. и Кр. Депутатов. В 1919 г. Б. назначается членом РВС Украинского фронта, а затем членом РВС XIV армии. В октябре того же года назначен членом РВС Козловской ударной группы. После хозяйств. работы в 1920 г. в Москве был назначен членом РВС Сев. Кавк. Военного Округа. В это время состоял членом МК партии, а в Ростове на Дону членом Обл. Донского комитета и членом Юго-Вост.Кр. Бюро ЦК РКП (б). Во время X партс'езда за участие в ликвидации Кронштадск. мятежа награжден орденом Красного Знамени. В 1922-23 году Б. назначен заведующим Агитпропом ЦК РКП. XII партс'езд избирает Б. кандид. в ЦК РКП. XIII партс'езд избирает Б.членом ЦК. В начале 1924 г. Б. назначен нач. ПУР'а РККА и членом РВС СССР. Одновременно он несет партийную работу, состоя членом ОРГ Бюро ЦК РКП. Б. состоит также членом ЦИК СССР. Б. является старым партийным литератором. Его литерат. псевдонимы — А. Глотов, С. Яглов, А. Б. Б. с давних пор занимается изучением истории революционного движения и истории нашей партии. В этой области ему принадлежит брошюра „Основные моменты развития коммунист. партии в России", неоднократно перезданной многими губкомами партии. Из экономических работ Б. следует отметить брошюру „Речные хлебные фрахты", изд. в 1915 г., а также ряд статей и обзоров по общеагрономич. вопросам в журнале „Земский агроном" (Самара) и в сельск.-хоз. журналах в Харькове и Полтаве.

Буденный, Семен Михайлович (*автобиография*). Отец мой, Михаил Буденный, 2-х летним мальчиком был перевезен из Воронежской губ. в Донскую область, слободу Большая Орловка 1-го Донского округа. Выросши, он женился на донской крестьянке той же слободы. Земли собственной у отца не было, он, арендуя участки земли в Сальском округе, занимался хлебопашеством. В 1883 году 21 апреля родился по счету второй сын. Немного подросший, чтобы не быть лишним ртом в доме, я стал пасти телят и свиней своей слободы. Тяжелая нужда в доме заставила отдать меня в батраки к зажиточному крестьянину, где я вплоть до военной службы и проработал, иногда возвращаясь на зиму домой. Не легка была служба батрака, приходилось заниматься молотобойством, быть смазчиком сельско-хозяйственных машин, стоять иногда за прилавком и работать в поле. С десяти лет я у одного приказчика стал обучаться грамоте. Нелегко давалась грамота, ибо приходилось заниматься урывками, усталым от дневной работы. В 1903 г. был призван на военную службу. В январе 1904 г. уже прибыл в г. Харбин на Дальнем Востоке, в 4-ю пограничную сотню, где прошел обучение новобранца.

Началась русско-японская война. Стали прибывать части из Донской области. 8-го января 1905 г. проходил, двигаясь на японцев, 48 казачий Донской полк, в который из 4 пограничной сотни была влита часть новобранцев в качестве пополнения, в том числе и я. Этот полк в боях против японцев не был, а вел борьбу с хунхузами. После заключения мира полк возвратился в Россию, а влитое в него пополнение из 4-й погран. сотни передал Приморско-Драгунскому полку, стоявшему в селе Раздольное Приморской обл. и также ведшему борьбу с хунхузами. Находясь в этом полку, был командирован в отдельную заставу, в село Шкотово, на берегу океана. Будучи в этой командировке, был зачислен в полковую учебную команду, но к началу занятий опоздал и по прибытии в полк в январе 1907 г. был командирован в школу наездников в Ленинграде, где пробыл до 1-го октября 1908 г. Пробыв около 2-х лет в школе, был откомандирован обратно в полк, где занимал должность полкового наездника. В 1909 г. кончился срок военной службы, но я, имея в перспективе опять батрачество, остался сверхсрочно на службе и был переведен в Приамурск. Военный Округ в г. Хабаровск для выездки лошадей, где проработал два года. В ноябре 1911 г. возвратился снова в свой Приморско-Драгунский полк, где прослужил до 1913 г. В ноябре 1913 г. получил отпуск и вернулся в Донскую область.

БУДЕННЫЙ С. М. (1883 – 1973).

Маршал Советского Союза (1935). С 1938 член Президиума Верховного Совета СССР. В 1939 – 40 заместитель, с 1940 1-й заместитель наркома обороны. С 1943 командующий кавалерией Советской Армии и член Высшего Военного совета Наркомата обороны СССР. В 1947 – 53 заместитель министра сельского хозяйства по коневодству. С 1934 кандидат в члены, с 1939 член ЦК, с 1952 кандидат в члены ПК партии

БУХАРИН Н. И. (1888–1938).

В 1929 исключен из Политбюро ЦК ВКП (б), снят с поста редактора "Правды" и выведен из Исполкома Коминтерна. В 1929–1932 член Президиума ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомтяжпрома СССР. В 1934–37 редактор "Известий". С 1934 кандидат в члены ЦК партии. Академик АН СССР (1929). В 20 – 30-е годы член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Необоснованно репрессирован. По делу "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Грянула империалистическая война. Я не поехал в свой полк, а был назначен в г. Армавир в 18-й драгунский запасн. эскадрон Кавказской кавалер. дивизии. С первым маршевым эскадроном был отправлен в полк, находившийся на Западном фронте. Прибыв в полк, вскоре был назначен на должность взводного унтер-офицера. Эта дивизия, пробыв на Западном фронте семь месяцев, была переброшена на Турецкий фронт, где находилась 11 месяцев. С Турецкого была переброшена на Австрийский фронт, но пробыв здесь всего один месяц, дивизия вошла в состав экспедиционного корпуса ген. Баратова, сформированного для покорения Персии. В январе 1917 г. был назначен временно на должность вахмистера 5-го эскадрона. Пробыв в Персии 14 месяцев, дивизия после февральской революции была возвращена в Россию в марте 1917 г. Прибыв в Россию, дивизия была расположена близь Тифлиса в селе Екатеринсфельд, где я был избран членом эскадронного комитета, а вскоре и полкового. Во время стояния дивизии в этом селе, несмотря на агитацию офицеров, солдаты стали пробуждаться, требуя от офицеров отдачи приказа с отменой титулов. 22-го марта во время кутежа в офицерском собрании солдаты, возмущенные поведением своих господ, окружили собрание и после вызывающего поведения некоторых офицеров обстреляли его, убив одного и ранив двух офицеров. В июне 1917 г. Кавказская кавалер дивизия была переброшена снова на Западный фронт в г. Минск. Я был избран председателем полкового комитета, а вскоре вошел в состав и дивизионного комитета. Простояв в Минске до августа, дивизия из своего состава выделила бригаду, для подавления якобы „взбунтовавшихся, солдат в количестве 15.000 в городе Гомеле. В это время происходило выступление ген. Корнилова. Прибыв в Гомель, бригада узнала, что взбунтовавшиеся" солдаты—просто скопившиеся инвалиды, требующие пропуска их через медицинскую комиссию, но их хотели отправить на рытье окопов. По моему настоянию бригада не выгрузилась полностью и, отказавшись подавить инвалидов, двинулась обратно в г. Минск. На станции Орша бригада задержалась. В это время к Орше подходили войска Корнилова, идущие в Ленинград. По моей инициативе у Орши был разобран путь и подошедшие шесть эшелонов корниловцев были задержаны и обезоружены. За эту инициативу дивизионный командир, ген. Корницкий, хотел отдать меня полевому суду, а бригаду, как неблагонадежную, разоружить, но солдаты не выдали меня и отстояли себя.

Октябрьский переворот застал меня в Минске, работающим совместно с фракцией большевиков фронтов. комитета Западного фронта. После переворота дивизия вскоре была распущена по домам. Я тоже демобилизовался и возвратился в Сальский округ в Платовскую станицу. Здесь организовал станичный совет из крестьян и калмыков. Я был членом этого совета. 14 февраля 1918 г. был избран на окружной с'езд Сальского округа, на котором был избран заведующим земельным отд. Сальского округа. 22 Февраля 1918 г. отряды белых напали и разогнали окружной исполком. Я приступил к формированию красных отрядов. Будучи с начала гражданской войны помощн. Думенко, я вскоре отделился от него и уже в начале 1919 г. командовал самостоятельно кавалер. дивизией. В начале июня принял командование конным корпусом, а в ноябре и конной армией. 18 марта 1919 г. вступил в ряды Российской Коммунистической Партии (большевиков). Имею два ордена Красного Знамени от ВЦИК'а, один орден Красного Знамени от Азербайджанского ЦИК'а. Кроме того, как высшую награду, имею золотое оружие – шашку и маузер— оба с орденом Красного Знамени. В 1920 г. на 8-м С'езде Советов был избран членом ВЦИК'а, в составе которого состою и по настоящее время. После окончания гражданской войны, продолжая командовать 1-й Конной Армией, в октябре 1923 г. был назначен помощником главнокоманд. всеми вооруженными силами СССР по кавалерии и членом РВС СССР, а в апреле 1924 г. назначен инспектором Кавалерии РККА Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Бухарин, Николай Иванович *(автобиография)*. Родился 27 сентября (по ст. стилю) 1888 г. в Москве. Отец был в то время учителем начальной школы, мать— учительницей там же. По специальности отец — математик (кончил физ.-мат. факультет Моск. унив.). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе: 4½ лет я уже умел читать и писать, страшно — под влиянием отца—увлекался книжками по естественной истории: Кайгородов, Тимирязев, Брэм были моими любимцами. С азартом собирались коллекции жуков, бабочек; постоянно держали птиц. Увлекался так же рисованием. Одновременно усваивалось постепенно ироническое отношение к религии. Когда мне было около 5 лет, отец получил место податного инспектора в Бессарабской губер-

нии Жили мы здесь около 4 лет. В „духовном" отношении эта полоса жизни была до известной степени полосой оскудения: не было книг, а общая атмосфера была атмосферой жизни провинциального окраинного городка со всеми ее прелестями. Я с младшим братом были теперь гораздо более „свободны" от рационального воспитания и „вышли на улицу"; росли в садах, на полях, знали буквально каждую дырку тарантулов в саду, выводили „мертвых голов", ловили сусликов и т. д. Главной мечтой тогдашней жизни было получить „Атлас бабочек Европы и средне-азиатских владений" и другие аналогичные издания Девриена. Потом мы снова переехали в Москву, и около 2-х лет отец был без места. Мы терпели большую нужду. Нередко я собирал кости и бутылки, продавая их на 2—3 копейки; в мелочную лавку сносились старые газеты, чтобы выручить грош. За это время я поступил во 2-й класс городского училища. Нужно заметить еще, что отец мой—в жизни очень безалаберный человек- прекрасно знал русскую литературу, а из иностранной у него в большой чести был Гейне. Читал я в этот период положительно все. Гейне знал страницами наизусть. Знал наизусть всего Козьму Пруткова. Перечитал совсем мальчиком классиков. Как курьез могу отметить, что в этом возрасте я прочитал почти всего Мольера, а также „Историю древней литературы" Корша. Это бессистемное чтение („как попало") приводило иногда к большим странностям. Вспоминаю, например, что после чтения каких-то глупейших рыцарских испанских романов я стал величайшим сторонником испанцев во время испано-американской войны. Бредил — под влиянием Корша—древностью и не без некоторого презрения смотрел на современную городскую жизнь. В то же время был в постоянном общении с так-называемыми „уличными мальчишками", о чем отнюдь не сожалею. „Бабки", городки, драки и т. д. были непременной принадлежностью этой жизни. Примерно около этого времени или несколько позднее я пережил первый т. н. „душевный кризис" и окончательно разделался с религией. Внешне это, между прочим, выразилось в довольно озорной форме: я поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви „тело христово", победоносно выложив оное на стол. Не обошлось и здесь без курьезов. Случайно мне в это время подвернулась знаменитая „лекция об Антихристе" Владимира Соловьева, и одно время я колебался не антихрист ли я. Так как я из Апокалипсиса знал (за чтение Апокалипсиса мне был, между прочим, сделан строгий выговор школьным священником), что мать антихриста должна была быть блудницей, то я допрашивал свою мать—женщину очень неглупую, на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную—не блудница ли она, что, конечно, повергало ее в величайшее смущение, так как она никак не могла понять, откуда у меня могли быть такие вопросы.

Окончил я школу „первым учеником", год не мог поступить в гимназию, а потом поступил в 2-й класс, сдав экзамен и предварительно подготовившись по латыни. В гимназии (1-я Моск.) учился все время почти на пятерках, хотя не прилагал никаких к этому усилий, никогда не имел словарей, всегда „списывал" на спех „слова" у товарищей и „готовил" уроки за 5—10 минут до прихода учителей. В 4 или 5 классе гимназии начались организовываться „кружки", „журналы" и т. д., сперва совершенно невинные. Как полагается, мы прошли и через стадию писаревщины. Потом началось чтение нелегальной литературы, затем кружки, „организации учащихся", куда входили и с.-р. и с.-д., а затем окончательное самоопределение в марксистском лагере. Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после „высокого и прекрасного" — „товар — деньги - товар". Но, войдя in medias res марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего. Мне эсэровские теории казались прямо какой-то размазней. Кроме того, либеральные знакомые вселяли в меня дух буйного протеста как раз против либерализма. Тут подходила революция 1905 г., митинги, демонстрации и пр. Конечно, во всем этом мы принимали живейшее участие. В 1906 г. я официально стал числиться членом партии и начал нелегальную работу. Во время выпускных экзаменов вел стачку на обойной фабрике Сладкова, вместе с Ильей Эренбургом. Поступив в университет, использовал его, главным образом, или для явок, или для того, чтобы произвести какой-нибудь теоретический „налет" на семинарии какого-либо почтенного либерального профессора.

В 1908 г. меня кооптировали в Моск. комитет партии. В 1909 г. я по выборам прошел в его следующий состав. Имел в это время известную еретическую склонность к эмпириокритикам, при чем

ВАЙНШТЕЙН А. И. (1877–1938).

С 1923 член коллегии Наркомфина СССР, начальник Главного управления государственного финансового контроля. Необоснованно репрессирован, в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

прочитал все, вышедшее на русском языке по этому предмету. 23 мая 1909 г. был арестован на собрании М К, потом выпущен, потом снова арестован. Затем меня выпустили под залог, но в 1910 г. при разгроме всей Моск. организации партии (я работал в это время в легальных учреждениях) я был тоже арестован, много месяцев просидел в тюрьме, был выслан в Онегу, а затем, чтобы не получать каторги по суду (у меня была 102 ст.), убежал за границу. За время своей партийной работы в России все время был ортодоксальным большевиком (т.-е. не был ни „отзовистом", ни „примиренцем"), За границей начинается новая полоса в моей жизни. Я первое время жил обычно в рабочих семьях, а целые дни проводил в библиотеках. Если в России я приобрел общие познания и довольно специальные познания в аграрном вопросе. то, несомненно, основной капитал дали мне заграничные библиотеки. Во вторых, я познакомился с Лениным, который, конечно, оказал на меня огромное влияние. В третьих, я приобрел знание языков и знание практики европейского рабочего движения. За границей же началась по настоящему и моя литературная деятельность (корреспонденции в „Правде", статьи в „Просвещении", первая печатная работа в „Neue Zeit" — о Туган-Барановском и т. д.). Повсюду старался принимать практическое участие в рабочем движении. Перед войной был арестован в Австрии, где, между прочим, слушал Бем-Баверка и Визера, и был выслан в Швейцарию; с большими трудностями перебрался потом (с промежуточным арестом в Нью-Кестле) в Швецию, где вместе со своим ближайшим другом Пятаковым усиленно работал в библиотеках, пока арест (т. н. процесс Хеглунда) не положил этому конец. Затем жил одно время в Норвегии (принимал ближайшее участие в издании „Klassekampen", органа „Молодых"), а затем вынужден был нелегально ехать в Америку. Там был редактором „Нового Мира", принимал участие в формировании „левого крыла" соц. движения и т. д. После революции приехал через Японию в Россию. будучи в Челябинске арестован меньшевиками за агитацию среди солдат. По приезде в Москву стал членом Исполкома Моск. Совета, членом МК, редактором „Соц. Демократа" и журнала „Спартак". Был все время на левом фланге (еще за границей защищал тезис о неизбежности социалистической революции в России). На VI с'езде партии был выбран в ЦК. в коем состоло и по сие время. Из важнейших этапов моей политической жизни считаю необходимым указать на брестский период, когда я, будучи во главе „левых коммунистов", сделал крупнейшую политическую ошибку. Весь последующий период есть период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан, как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания и с которым я имел счастье не только быть в тех же рядах, но и стоять близко к нему вообще, как товарищу и человеку. В настоящее время работаю, как член ЦК и Политбюро, как член президиума ИК Коминтерна и как редактор „Правды", а равно как литератор, лектор, партийный агитатор, пропагандист и т. д.

Из теоретических работ важнейшими являются: 1) „Мировое хозяйство и империализм"; 2) „Политическая экономия рантье" (критика теории ценности и прибыли т. н. „австрийской школы"); 3) „Экономика переходного периода" (попытка теоретического анализа основных закономерностей распада капитализма и общественной реорганизации в условиях пролетарской диктатуры); 4) „Теория исторического материализма"; 5) Сборник теоретических статей „Атака" (против Бем-Баверка, Струве, Туган-Барановского, Франца Оппенгеймера и др.); 6) „Империализм и накопление капитала" (анализ процесса воспроизводства, теория рынка и кризисов в связи с критикой теории Розы Люксембург и Туган-Барановского). Из популярных книжек особое распространение получили: „Азбука Коммунизма" (написанная вместе с Преображенским), „Программа Коммунистов большевиков" и др. Особняком стоит историческая работа „От диктатуры царизма до диктатуры пролетариата" и „К вопросу о троцкизме" (в последнем сборнике дан теоретический анализ правильной и неправильной линии экономической политики в условиях советского режима и в связи с вопросом о соотношении города и деревни). Кроме этого, есть ряд второстепенных брошюр, журнальных статей и проч. Многие из работ, гл. обр. популярные брошюры—переведены на европейские и азиатские языки.

Вайнштейн, Арон Исакович *(автобиография)* (партийная кличка Рахмиэль, Рахмилевич). Родился 23 ноября 1877 г. в Вильне. Отец был приказчиком высшего ранга на пивоваренном заводе. Семья жила очень бедно. Образование получил сначала в еврейском начальном училище, а потом в еврейском Учительском Институте в Вильне же. С 14 лет уже зарабатывал частными уроками. Начальное учи-

лище состояло при еврейском Учит. Институте. Среди воспитанников Института были социал-демокр. кружки, связанные с местной виленской социал-демокр. рабочей организацией. Еще мальчиком я, повидимому, привлек внимание некоторых членов этих кружков, и они стали осторожно, но внимательно руководить моим чтением. Помню, что еще к 13—14 годам я получил от них книгу Писарева, которая к тому времени уже была из'ята из обращения, при чем со мной вели беседы на темы, связанные с чтением этой книги. Мне осторожно дали понять, чтоб я другим этой книги не показывал. Таким образом, я в этом раннем возрасте уже стал постепенно приучаться к конспирации, хотя не совсем понимал, для чего это нужно. К руководителям моим чтением и развитием я чувствовал особую благодарность (это были: некий Резник, один из первых социал-демократов, умерший сравнительно молодым; Портной—партийная кличка Нойах—очень видный руководитель Бунда, теперь принадлежит к возглавляющим Бунд в Польше и др.).

Летом 1892 г. я уже вошел в состав революц. кружка, на котором хотя читались и разбирались произведения Белинского, Добролюбова, Писарева, но рядом с этим знакомили нас с вопросами революц. движения. В это лето я покончил с верой в бога, с религией. На эту сторону руководители обращали особенное внимание, как в раб. кружках, так и в интеллигентских. Первым признаком члена „кружков" было курение папирос в субботу, непосещение синагоги, полный разрыв с религиозн. обрядами. В семейном быту это обыкновенно означало полную революцию и разрыв „детей" с „отцами". То же произошло и со мной. В это же лето я прочел первую нелегальную книжку (кажется, о Софье Перовской), узнал в общих чертах, что такое социал-демократия, узнал о Марксе. Летом 1893 г. я уже познакомился с еврейскими рабочими, участниками виленских рабочих кружков и имел с ними много бесед по злободневным вопросам, выдвинутым тогдашней стадией рабочего движения, читал первые книжки обществ. содержания на еврейск. языке, уже знал в лицо руководителей рабочей организации в Вильне, твердо знал, что я—социал-демократ, что рабочие организованы в кассы, устраивают стачки и т. п. С 1893 г. по 1897 г. я провел в Виленском Евр. Учительском Институте, который и кончил. Институт этот был интернатом, возглавлялся педагогами-реакционерами, и почти все воспитанники питали к Институту и к его реакционному режиму глубокую ненависть, нередко прорывавшуюся в целом ряде коллективных выступлений против самых ненавистных представителей этого режима. Эта обстановка была чрезвычайно благоприятна для революц. развития учащихся. В Институте было несколько социал-демократ. кружков, мы уже читали более серьезные книги по вопросам революц. движения, (помню „Вестн. Народн. Воли", „Соц.-демократ", издав. Группой Освобождения Труда, отдельные брошюры той же группы, „Коммунист. Манифест" и т. п.). К концу этого периода мы уже интересовались борьбой между марксизмом и народничеством, усердно изучали Николая О-на, Михайловского, Струве, Бельтова и др. Читали журналы, марксистский сборник со статьей Ленина (К. Тулина), сожженный цензурой. За этот период я познакомился с первым томом „Капитала" Маркса. В каникулы уже вел занятия с рабочими кружками. Окончил я институт совершенно оформившимся марксистом-эс-деком, готовым к практической революц. работе, к которой приступил немедленно. В 1898 г. я переехал на учительскую работу в Варшаву, сразу вступил в местную организацию Бунда, сразу сделался членом т. н. „агитаторского собрания", об'единявшего всю работу среди еврейских рабочих в Варшаве, и через несколько месяцев кооптирован в комитет Варшавской организации Бунда. Еврейское рабочее движение в Варшаве крепло и развивалось, и я принимал в нем самое активное участие—вел пропаганд. кружки, руководил политич. и экономич. работой в отдельных „крахах" (профессиях), выступал на собраниях, писал листки, принимал участие в редакции нелегальной газеты, издав. Варшавским комитетом Бунда „Варшавер Арбейтер" („Варшавский рабочий") и т. п. Ярко помню ту раздвоенную жизнь, кот. приходилось вести. Как способный педагог, я был назначен одним из руководителей учительских курсов. День проводил в общении с учителями, отсталыми футлярными людьми, очень далекими от какой-либо политики и общественности. Приходилось „застегиваться на все пуговицы", не выдавать себя ни единым словом. Вечером я отправлялся в рабочие районы, на „биржу" (место встречи членов партии и рабоч. организации) или в нелег. типографию, помогать печатать, корректировать, выносить готовые экземпляры и т. п. д. В начале 1900-го г. я уже принимал участие в 3-м

с'езде Бунда, происходившем нелегально в Ковне, в качестве делегата Варшавской организации. В развернувшихся на этом с'езде, в связи с вопросом о национальной программе Бунда, дебатах по вопросу о Бунде вообще, я, вместе с остальными варшавскими делегатами, был тогда решительным противником слишком широкого и националист. толкования мотивов, по которым должен существовать Бунд, как особая организация, и высказался за то, что Бунд будет нужен только до падения самодержавия. Тогда же я высказался и голосовал против расширения национальной программы Бунда. К концу 1900 г. я был вынужден покинуть Варшаву, вследствие провала на рабочем собрании и начавшейся усиленной слежки, и выехал нелегально за границу в Берлин. Там несколько месяцев слушал курс общественных наук в Берлинском унив. и близко познакомился с борьбой течений, происходившей тогда в российской социал-демократ. („Искра" и „Рабочее дело"). Стал ближе к загран. комитету и загран. организациям Бунда, где националист. течение наиболее процветало. Там же и мои мысли приняли более националист. и более сепаратистское направление.

Весной 1901 г вернулся в Россию, по предложению ЦК Бунда поехал на работу в Вильно, где сразу вошел в комитет и занял руководящее положение. Летом того же 1901 г. был на 4-м с'езде Бунда, как делегат от Вильны, принял активное участие в решениях с'езда, ознаменовавших решительный поворот во всей истории Бунда (принятие национально-культурной автономии, как программы, и федерализма, как принципа организации партии). На этом же с'езде был избран в центр. комитет Бунда и с тех пор уже оставался несменяемым членом ЦК Бунда до самой ликвидации его, в связи с вступлением в РКП(б). Спустя несколько месяцев был арестован и просидел 15 мес. в различных тюрьмах Вильны и Москвы. Был освобожден под залог в конце 1902 г. С начала 1903 г. бежал из-под надзора, перешел на нелегальное положение и с тех пор до самого конца работал в качестве партийного профессионала, нелегально, с очень короткими просветами легальности, в ЦК Бунда в качестве одного из деятельных его членов. По своим способностям я преимущественно организатор и в качестве такового и вел работу. Был постоянно в раз'ездах по многочисленным, очень разветвленным организациям Бунда, выступал на внутренних собраниях, достаточно широких, а в момент некот. легал. возможностей и на больших рабочих собраниях, принимал участие в редакт. нелегальн. органов Бунда—руководящем „Ди арбайтер штиме" („Рабочий голос")и массовом „Дер Бунд", писал воззвания, принимал участие в междупартийных совещаниях и т. п. Из общепартийных с'ездов и конференций Р. С. Д. Р П. был на Лондонском с'езде, на Парижской конференции и на 2-х конференциях в Финляндии (Гельсингфорс и Тамерфорс). Вместе с Бундом в целом разделял все его политические колебания и ошибки и националистич. уклоны, неся за них полную ответственность. В период реакции, после 1905 г., непрерывно оставался на работе в ЦК Бунда и в продолжение всех этих лет, иногда оставаясь почти один, занимался работой по склейке, руководству, укреплению и оживлению нелегальных партийных организаций Бунда.

В период ликвидаторства разделял увлечение легальными формами рабочего движения и „петиционные" иллюзии, но резко расходился с ликвидаторами по вопросу о нелегальной партийной организации, считая необходимым ее сохранение и укрепление в качестве руководительницы всем движением пролетариата. В период империалист. войны был в ссылке, был интернационалистом умеренного толка, вернее центристом. Революция 17 г. освободила меня из ссылки и вернула к активной партийной работе. На X-й конференции Бунда в апреле 17 г. был вновь избран в ЦК Бунда и этим ЦК был избран его председателем, в качестве какового оставался до ликвидации Бунда. В период от февраля до октября помимо партийной работы принимал активное участие в революц. работе в Минске в качестве члена исполкома, потом председ. городской думы, на каковой пост был выдвинут социалистическим блоком (с.-д., с.-р.). Вместе с другими членами ЦК по мере хода и осложнения революции *фактически* свернул на оборончество, исходя из соображений ответственности за исход революции. Во время Октябрьской революции был ее принципиальным противником, но решительно боролся против всяких попыток насильственного выступления против советской власти.

Большую часть первого года существования советской власти провел в Белоруссии, под немецкой оккупацией, и вел энергичную борьбу против оккупантов. Под влиянием событий в Германии, вместе с несколькими др. видными деятелями Бунда в оккупации, пере-

жил поворот в сторону признания социалистического характера за революцией Когда в Белоруссию пришла советская власть, сразу, вместе с другими товарищами из Бунда, стал работать на различных ответственных постах, при чем был членом Коллегии двух Комиссариатов. На 7-м с'езде Советов в приветствии с'езду, произнесенном мною от имени Бунда, наш решительный поворот сказался в полной мере. С конца 18 г. совершается постепенная, хотя и медленная эволюция в сторону коммунизма, которая завершается в начале 20 г. на XII бундовской конференции, кончившейся расколом. Вместе с другими товарищами возглавлял большинство, принявшее коммунистическую программу и тактику. Когда перед Бундом встал совершенно конкретно вопрос о вступлении в РКП, я вместе с некоторыми др. товарищами возглавлял течение в пользу об'единения и вел широкую кампанию среди членов Бунда за это об'единение. После последней конференции Бунда вошел в РКП и приветствовал от имени Бунда X с'езд РКП. В Белоруссии был членом ЦИК'а с тех пор как он существовал, а потом и членом президиума ЦИК'а, там же был еще за год до вступления в партию председ. Совнархоза Белоруссии. Потом был замест. председ. Совнаркома Киргизской республики, председ. КирСТО, членом Киргизского Бюро ЦК и Обкома. С лета 1923 г. состою членом Коллегии НКФина СССР. При царской власти сидел в тюрьме 4 раза, в общей сложности 2 года, был в ссылке в Сибири в Енисейском у. в течение 3-х лет, из которой освобожден революцией 1917 г.

Вахитов, Мулла Нур, род. в 1885 г. в г. Кунгуре, сын торговца, учился в Казан. реальн. уч., с 1907 года был студент. СПБ политехн. и Психо-неврологич., инст., но был исключен, как не благонад. элемент. Во время войны служил в Казан. управл. пут. сообщ. После февральск. революции В. развил обширную агитац. деятельность среди мусульман, выступая против национ. буржуазии и призывая трудящихся к участию в социалист. революции. В. принадлежит организация мусульман. соц. комитета, который принял активное участие в октябрьск. перевороте. В. вступил в члены военно-революц. штаба, занялся организацией советск. власти в Казани и был выбран в Учредит. Собр. После этого В. организовал Центр. Комиссар. мусульм. внутренней России и Сибири при Совнаркоме, положил начало вооружени. мусульм. силам и был председател. Военн. Коллегии. В. же принадлежит инициатива Московск. Конференц. Мусульм. рабочих. Еще большее значение имело основание Центр. Мусульм. Союза—Коммунист. Комитета, в котором В. был председателем. Когда Чехо-Словацкие войска заняли Татаро-Башкирск. область, В. приехал в Казань для организации обороны, но был захвачен в плен и 19 авг. 1918 г. расстрелян. См. *„Ном. бор"*.

Вацетис, Иоаким Иоакимович *(автобиография)*. Первый главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР. Я родился в 1873 г. 11 ноября в Курляндской губ., Гольдингенск. у., Нейгофской вол., мыза Нейгоф, где мой отец служил батраком, работая от солнца до солнца 38 лет. Нас было 8 детей, из которых один умер. Мы все родились и выросли в одной комнате около 80-90 кв. арш. В этой же комнате помещалась моя бабушка и дед. Дед страдал манией преследования, его разорил барон Мирбах, помещик Нейгофской вол., выгнав деда из усадьбы, причем ему было позволено взять с собою столько багажа, сколько могли унести на себе он сам, его жена и его трое детей (в том числе мой отец). Причина изгнания и последствия баронского самоуправства настолько характерны, что этот факт заслуживает быть приведенным здесь. Дело это произошло в 50-х год. прошлого столетия. В имении Нейгоф барон Мирбах имел винокуренный завод, получивший прозвище „Ад" за свое гибельное влияние на жителей волости. Спирт выгонялся в большом количестве и распродавался в волости так дешево, что спивался, в буквальном смысле этого слова, народ. Доставка спирта из им. Нейгоф в Либаву производилась по сервитутным правилам и была обставлена довольно соблазнительно. Обыкновенно в конце января усадьбовладельцы собирались в им. Нейгоф со своими транспортными средствами—пара саней, и взвалив на каждые огромную ведер в 200 бочку, общим караваном отправлялись в дорогу. Караван сопровождал артельщик с расходной бочкой спирта, который раздавался даром. Главная попойка происходила в Либаве, во время которой пропивались и проигрывались лошади, упряжь и сани, а притоны награждали венерическими болезнями, от которых лечились у барона М., оказавшегося большим специалистом по этой части. Против такого порядка, заведенного бароном, восстал мой дед, носивший тогда иную фамилию. Он отказался ехать. За это и навлек на себя гнев барона и раззорение. Для вящей остра-

ВАХИТОВ М. Н. (1885–1918)

ВАЦЕТИС И. И. (1873–1938)

Командарм 2-го ранга (1935). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

стки барон переименовал название его усадьбы, а моему деду дал, в виде издевательства, другую фамилию: ту, которую ныне я ношу (моя фамилия в переводе на русский язык означает—немец). В этой проделке барона остроумного мало, но все-таки она свидетельствует, до какой брутальности доходила власть феодала и насколько велико было социальное бесправие латышей в Латвии, считавшейся освобожденной от крепостного состояния с 1817 и 18 года. Из этого видно, что сам по себе акт освобождения, без экономического обеспечения, носил спекулятивный характер в интересах помещико-капиталистического класса.

Картина социально - экономического положения батраков Нейгофской волости будет еще более ясна, если добавить, что вышеназванный барон ввел во всей волости ius primae noctis „право первой ночи" и что, умирая в 1864 г., он считался отцом многочисленных детей. Его прозвали „волостной жеребец". Дед страшно ругался за всякие беспокойства, называя всех проклятыми. Он при жизни сделал себе гроб, в котором часто отдыхал. Это обстоятельство создало вокруг него атмосферу тайны и страха. Идя навстречу его больной психологии, ему был отведен в избе на автономных началах угол с инвентарем: столик, нары и метла. Мой отец отличался колоссальной физической силой, поэтому он был назначен старшим батраком, т. е. он на косьбе должен был итти в голове, первым; при пахоте—первым, поднимать тяжести—первым, везде первым, где для большей прудукции требовалось тащить за собой более слабых батраков, пожилых, болезненных или не совсем еще физически окрепших. Организация труда, введенная баронами, носила египетский зверский характер, недаром баронов называли организаторами рабства: у них все было расчитано так, чтобы из батрака вытянуть максимум его физической энергии, в расчете меньшим числом батраков обработать свои огромные латифундии. Такой батрак был в каждой мызе, и он считался работником высокой силовой квалификации, за что получал от барона несколько больше платы, против прочих, напр., ржи на 6 пудов больше, селедок на 1/4 бочки больше и полпуда солоду на год. Жалование батракам строго регулировалось для всей Прибалтики на дворянских ландтагах, носивших в своей узко-хозяйственной части совершенно самодержавный характер. Размер жалования определялся не по числу членов семьи, а вообще в расчете на малосемейность, причем за основу выкладок, при определении величины пайка, принималась стоимость прокормления одного прусского солдата.

На основании определения дворянского ландтага, каждый год в феврале назначался день найма батраков на следующий год. Для этого собирались заинтересованные стороны в мызной корчме, где и заключался вербально контракт между „хозяином" и батраком на следующий год. Заработка моего отца не хватало на прокормление многочисленной семьи и поэтому пришлось отдавать нас, детей, с малолетства по чужим людям „к хозяевам", зарабатывать себе средства существования сельско-хозяйственным трудом. Обыкновенно, отдавали нас „к хозяевам" на лето от 23 апреля до 15 октября. Батраков нанимали на год, от 23 апреля до 23 апреля следующего года. Таким образом, в Прибалтике для батрацкого сословия существовал традиционный Егорьев день, сохранившийся до революции. 23 апреля во всей Прибалтике представляло собою день народной скорби: беднота переезжала в этот день от одного „хозяина" к другому, в надежде, что у нового работодателя будет лучше. В этот исторический день все транспортные средства „хозяев", в особенности плохих, были заняты перевозкой скарба вновь нанятых батраков. Чем хуже был хозяин, тем с большой энергией работали его транспортные средства в этот и следующие дни, ибо у такого сорта „благодетелей батраки менялись каждый год, и приходилось ездить за новыми через 2—3 волости. Восемь раз, восемь лет пришлось мне шагать 23 апреля к „хозяину" и 15 октября возвращаться домой с заработанным пайком, которого до следующего 23 апреля обыкновенно не хватало. По расценке 1887 г., я, юноша, 14 лет, заработал, в переводе на деньги от 23 апреля до 15 октября около 13 рублей, на „хозяйских" харчах. Обыкновенно являлись дети от „хозяев" исхудалыми, так как нас кормили хуже, чем взрослых батраков. Отдавать детей к „хозяевам" считалось несчастьем. Этот сорт эксплоатации детского труда существовал только для батрацких детей; дети разночинцев и горожан росли в иных условиях: для них было беззаботное детство, они посещали школу круглый год.

Батрак вынужден был мириться с тяжелой участью своих детей: он был беден и его семья разделяла его участь бедняка. Он вынужден был отдавать

своих детей с самого раннего возраста „хозяевам" для того, во-первых, чтобы они не голодали и, во-вторых, чтобы дать возможность им зимой посещать местную волостную школу; те батраки, которые своих детей не отдавали „хозяевам", должны были платить за право обучения штраф—три рубля. Отдавать своего ребенка на лето вне своей волости батрак тоже не имел права; те, кто это делали, должны были платить штраф—три рубля. Такой порядок был заведен для того, чтобы из разоренных баронами волостей не бежали дешевые рабочие руки. Протестовать против таких рабских порядков было бесполезно, ибо в руках „хозяев" была мызная полиция и волостная тюрьма. Никакой протест не получал законного выхода. Поэтому, напряженность глухого скрытого брожения среди батрачества росла от поколения к поколению, неоднократно давая взрывы, трактуемые при царизме, как нарушение общественного спокойствия, караемое казацкими нагайками и тюрьмой.

В народе установился обычай, что каждый ребенок должен был посещать волостную школу не менее 4—5 зим; я посещал таковую 7 зим. В волостной школе нас делили тоже на две категории: на детей состоятельных и детей батраков. Дети состоятельных родителей учились круглый год, и они нас обгоняли в учебе, мы же, пролетарии, должны были начинать каждый год сначала, ибо за лето многое выветривалось. Волостная школа была создана для батрацкого сословия; состоятельные классы в ней не нуждались. Например, пастор, барон и разные разночинцы отдавали своих детей в учебные заведения в городе. Назначение волостной школы заключалось в том, чтобы из детей батрака подготовлять новое, более, но в меру надобности, просвещенное поколение рабов, для насыщения местного рынка наемным трудом, полезным для сложной мызной агрономики. Забота об этом была возложена на институт пастората. На душу батрацких детей эти господа смотрели, как на предмет широкой спекуляции и, закутанную старательно в пеленки религиозной романтики, выбрасывали ее на рынок публичного торга. Соответственно этому была конструирована программа обучения, в которой центральное место принадлежало т.-наз. „закону божию".

Семь зим я обучался в волостных школах, и каждый год было одно и то же распределение времени: от 8—9 утра изучение библии (ветхого и нового завета и катехизиса), а от 3—4—пение церковных хоралов, остальные 4 учебных часа отдавались арифметике, чистописанию, географии, истории, чтению, письму и изучению русского и немецкого языков. Так как большинство батрацких детей посещали школу не более 4-х зим, то их багаж знаний ограничивался тем, что было получено от изучения библии, арифметики и чистописания. Такого типа волостные школы существовали в Прибалтике несколько сот лет. Прошедшая через них батрацкая масса делалась грамотной, что ставилось в особую заслугу местному дворянству. В такой волостной школе я просидел три зимы.

В 90-х годах начинается руссификация Прибалтики. Местное дворянство, или риттершафт. и институт пастората теряют свое влияние на школу. Временно наступает междуцарствие: немецко-баронское влияние уходит, а руссификация надвигается, забирая в свои руки прежде всего полицию и суд. Вместо феодальной мызной полиции появляется гроза волости—урядник, а в городах—городовой; вместо немецких судебных установлений вводится институт мировых судов. Но пока что, в промежуток времени до прихода общегосударственного режима получается в Прибалтике эпоха от 1885—1905 г., которую можно назвать эпохой возрождения национального самосознания и классовой солидарности батрацкой и рабочей массы. Двигателями этой эпохи являются народные учителя новой формации с идеологией народовольческого уклона.

В 1884 г. нашей волости коснулась первая руссификаторская волна: старый волостной учитель был забракован за незнание русского языка. До того школа помещалась в здании закрытой, вследствие бездоходности, корчмы, и волость платила за нее аренду барону. В течение многих поколений в ней подготовлялись батрацкие дети в духе послушном феодализму. В этой школе учился мой отец, мой дед и мой прадед. Мой отец вспоминал эту школу и свое в ней пребывание с крайним омерзением. Оказывается, баронский гнев обрушился не только на крамольного моего деда, но и на его семью в школе. По словам моего отца, учитель жестоко их порол, а старшего брата, отличавшегося откровенностью и упрямством, запорол на смерть. Нас отец отдавал в школу в соседней волости. Я первые три зимы учился в школе в мызе Шеден. Преподавание велось на латышском языке. За три зимы я изучил там фабулу вет-

хого и нового завета и катехизис, научился читать по-русски и по-немецки, усвоил четыре правила арифметики и особенно большие успехи сделал по чистописанию и устным задачам по арифметике. По географии мы изучали все страны света, кроме России. Из истории изучались подробно история Персидского государства, Египет, Палестина и древняя Греция. Само собою разумеется, что сумма наших высоких познаний носила высоко метафизический характер. Но местный пастор на годовой ревизии пришел в восторг от наших познаний древнего мира и заявил нам, что мы можем считать себя более учеными, чем министры древней Спарты, которые умели лишь читать, писать и плавать. Это был идеал пожеланий феодальной школы для батраков, 95% латышского народа.

В 1885 г. наша волость решила построить новое специальное здание под школу. Был выбран новый учитель—человек нового склада ума и нового мировоззрения. Он прежде всего переименовал волостную школу в народное училище, а себя назвал народным учителем. Этим он хотел сказать, что он сам и руководимое им народное училище должны обслуживать интересы народа, а не бандитов феодализма. Для нашей глухой волости, верившей в бога и в чертей, в пляску ведьм в страстную пятницу, в знахарство — это был удар набата. Этот смелый и отважный человек, фамилия его Густав Ласис,—имел решающее значение в дальнейшей моей судьбе и, кстати сказать, и многих других, бывших в моем положении. Программа народного училища приняла рационалистический характер, не исключая и закона божия, надзор за которым был забронирован за местным пастором. Ласис сумел добиться значительных сокращений в программе. Были заведены новые учебники. Мы стали изучать историю своего края. Социально-экономические отношения классов мы узнали из его вечерних внеклассных бесед с нами. Это был призыв к борьбе. Он основал народную библиотеку при училище. Ласис научил нас разбираться в литературе и в периодической печати.

В народном училище Ласиса я учился четыре зимы. Меня потянуло к этому замечательному человеку, и я нанялся у него работником. Местный барон оказался либералом... он подарил под волостную школу участок болотистого леса и часть спущенного озера. Среди этой первобытной природы на пригорке было построено училищное здание, одноэтажное и тесное.

Нам вдвоем с учителем приходилось корчевать пни, рыть канавы и подготовлять поля для посева. Работа была трудная, но за то я получил возможность круглый год учиться. В благодарность за мою работу Ласис подготовил меня настолько хорошо, что я поступил по конкурсному экзамену в высший класс училища мин. народн. просвещения с четырехлетним курсом. Училищную землю (13 дес.) Ласис предполагал обратить в опытную ферму земледелия, садоводства, пчеловодства, огородничества... Мой учитель был в своем роде оригинал: он совершенно отказался от заборов и оград. Он уверял, что то молодое поколение, которое он воспитывает, у него воровать не будет. Он оказался прав.

Ровно через 20 лет (в 1908 г.), будучи на дополнительном курсе Академии Генерального Штаба, я навестил его и убедился, что на его садах, огородах и пчельниках не было никаких искусственных преград и не было ни одного случая ограбления. Ласис говорил тогда мне, что пройдет еще десяток лет и можно будет бросить в колодец все замки и запоры. В 1889 г. я поступил в вышеупомянутое училище министер. народн. просвещ. в гор. Гольдингене. Учился я превосходно, особенно много работал в библиотеке. Но все-таки было трудно: одолевала плохая материальная обстановка. Для покрытия необходимых расходов нужны были деньги, которые надо было самому зарабатывать. Заработок я нашел в одном начальном училище, преподавая чистописание и, кроме того, на местной спичечной фабрике, склеивая коробки для спичек; эту последнюю работу отпускали на дом. Доходы мои были весьма скудные; они исчислялись 50—60 коп. в неделю. Приходилось жить бедно, нуждаясь, но городская жизнь меня заинтересовывала и поддерживала энергию к борьбе. После деревенской тиши и однообразия город с его многообразием картин и положений давал много пищи для моей наблюдательности. Прежде всего я заметил, что жизнь идет по частному почину богатых классов, так же как там—в провинции. Но там контраст был крутой, очевидный. На одной стороне—богатство, роскошные замки и власть могущественной дворянской организации, риттершафта, проповедывавшего, что человек начинается от барона, с другой стороны —беднота и бесправие трудящейся массы батрацкого сословия

вынужденного работать на тех, кто его глубоко презирал. Там было налицо casus belli для гражданской войны, необходимость которой сознавалась уже в то время, но не было еще открытого призыва к выступлению и не было оружия. Из этой среды вышли те латышские стрелки, которые покрыли себя бессмертной славой во время пролетарской революции в России, сражаясь за укрепление власти трудового народа.

Летом 1890 г. я поступил на спичечную фабрику Гиршмана, там же в Гольдингене, простым рабочим, получая 40 к. в день. Рабочий день от 6 час. утра до 7 час. вечера с перерывами на обед и завтрак. Одиннадцатичасовой рабочий день приходилось мне провести, работая у рычага. От этой египетской работы у меня руки покрылись волдырями, а мускулатура горела от боли напряжения. Очень мучительными были первые часы работы, пока острая боль в членах не притуплялась от нового напряженного труда. Работа происходила в одной, огромного размера, комнате, в которой работало десять машин-трясалок, издававших страшный шум и пыль. Вентиляции никакой. В воздухе серая мгла. Но когда вырабатывались красные спички, то воздух насыщался красной ядовитой пылью настолько, что полосатая рабочая блуза покрывалась красным бархатом, а легкие переполнялись настолько, что трудно было дышать. Работая в такой дьявольской обстановке, люди делались быстро инвалидами. Я выдержал около трех месяцев и уехал домой.

В то время на фабрике никаких рабочих организаций не было. Достаточно было простой ссоры с мастером, и рабочий вылетал из фабрики. За время своей трехмесячной работы я успел сблизиться с многими рабочими. Это были выходцы из батрацкого класса, спасавшиеся в город от тяжелых условий бесправного положения. В большинстве рабочие были недовольны своим положением: заработок был небольшой, а труд тяжелый. Многие покидали свои фабрики и уходили в Южную Америку. Многие гибли в пути, но большинство, судя по полученным письмам, устроилось в Новом Свете хорошо.

То было странное время: трудящаяся масса совершала какое-то маневренное движение. Из провинции батраки устремились в город, а из города выбрасывались в далекий неведомый свет. Везде были слышны протесты и глухое брожение. Осветить тенденцию этого движения и раскрыть его внутреннюю идеологию запрещалось полицейскими постановлениями, охранявшими так-называемую общественную безопасность. В Гольдингене существовало в то время латышское общество, членами которого состояли, гл. обр., народные учителя окружных волостей и затем местная интеллигенция. На заседаниях этого общества мы, учащиеся, могли присутствовать нелегально на свой риск. Политические вопросы были из'яты из программы деятельности общества. Дебаты вращались около психо-бытовой стороны общественных явлений, но благодаря искусству председательствовавшего Фриденберга (известный латышский поэт-народоволец, идеалист—романтик) прения принимали страстный характер искательства и протеста. Для меня это послужило толчком к следующему шагу. В 1890 г. я создал свой кружок из своих товарищей и стал издавать газету, рукописную, под назв. Prata Kule (Сумма разума). В этой газете помещались статьи всевозможнейших направлений. Сама по себе газета велась мною в народовольческом духе. Быть может, эта наша работа была скорее забава, чем серьезное дело, но нас она заставила перечитать такую литературу, до которой без этого мы в наши годы иначе и не дошли бы.

Я лично изучил довольно основательно политическую историю Европы XIX века и ознакомился с социальным движением в Германии. Вместе с этим наш кружок поставил себе целью изучение народного быта и его духовные богатства, вроде народных песен, сказок, преданий и воспоминаний. Народные песни и сказки мы заимствовали преимущественно у старых людей. Вместе с тов. Бергом мы собрали около пяти тысяч народных песен, которые летом 1891 г. отправили редактору латышской газеты Tehrovis'a, издававш. адвокатом Чакстэ. Я пришел в неописуемый восторг, когда пришел номер газеты с об'явлением нам благодарности. Позднее собранные мною песни вошли в общий сборник латышских народных песен, составленный латышским поэтом Бароном.

Весной 1891 г. я сдал выпускной экзамен, и вместе с этим должна была прекратиться для меня всякая поддержка и из дому; она, правда, была небольшая, но она представляла из себя тот максимум, который мог урвать батрак из своего скудного заработка. Поддержка из дому заключалась в присылке мне еженедельно большого каравая хлеба и немного жиров. Мне шел восемнад-

цатый год. Желаний было много. Я страстно хотел продолжать образование. Я мечтал поступить в университет, но все дороги были закрыты (это свое желание я осуществил лишь в 22 году, поступив студентом в 1-й Московский Госуд. университет). Надо было наметить что-либо реальное, осуществимое в моем тогдашнем положении безденежья. Я должен был поступить в какое-нибудь учебное заведение на полное казенное иждивение. Я выбрал военную службу, дававшую возможность работать и учиться на казенный счет.

Осенью 1891 г. я поступил в Рижский учебный унтер-офицерский батальон добровольцем. Через четыре года службы, в 1895 г., я поступил в Виленское военное училище, которое окончил через два года по первому разряду. В 1897 г. был произведен в офицеры. В 1906 г. поступил в Академию Генеральн. Штаба, которую окончил в 1909 г. по первому разряду. В 1909 г. произведен в капитаны. Командовал ротой и учебной командой. В 1912 г. произведен в подполковники с переводом в 102 пех. Вятский полк, назначен командиром батальона, с которым выступил на войну 1914 г. в Восточную Пруссию. В боях за Варшавой под Красновицей 2-го ноября 1914 г. был тяжело ранен ружейной пулей. Осенью 1915 г. был назначен командиром 5 Латышского Земгальского стрелкового полка, во главе которого сражался на фронте 12 армии от осени 1915 г. до осени 1917 г.; в 1918 г. этот полк был со мною в Казани; в 1919 г. был брошен против рейда Мамонтова, а в конце октября переброшен в Петроград, где вошел в состав ударной группы, сыгравшей решающую роль при разгроме армии ген. Юденича под Петроградом. Латышские стрелковые полки состояли, главным образом, из сыновей батраков. Ту среду, из которой они вышли, я обрисовал выше. Роль, сыгранная латышскими стрелками в РСФСР для укрепления советской власти, общеизвестна. Тех, кто хотел бы подробнее ознакомиться с этим вопросом, я отсылаю к моему труду под загл.: „Историческая роль латышских стрелков" (изд. Спартак). 18-го декабря 1917 г. приказом главковерха разрозненные латышские полки были сведены в латышский стрелковой корпус; этим же приказом я был назначен командиром этого корпуса; осенью 1918 г. латышский стрелковой корпус был развернут в армию Латвии в составе двух корпусов (18 стрелк. полков) и кавалерийской дивизии, при всех прочих родах оружия и с авиационным отделением. Командующим армией Латвии был назначен я, с оставлением главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. Латышские стрелки никогда не служили в чьих-либо руках орудием угнетения. Они боролись и умирали за правое дело бедняка против исторического засилья капиталистов и помещиков.

Одной из важнейших задач армии Латвии являлось—очистить долгими веками потом и кровью и слезами политую родную почву от исторического мусора, в виде прогнивших привилегированных верхов старого общественного уклада Прибалтики и расчистить почву для власти трудового народа. 12-го декабря 1917 г. я был вызван в Могилев и назначен начальником оперативн. отделения Революционного полевого Штаба при ставке. Этот штаб находился в непосредственном подчинении тов. Ленину, и наша обязанность была проводить в жизнь его директивы по управлению внутренними фронтами и по разрешению вопросов, связанных с ликвидацией старой армии. С двадцатых чисел декабря 1917 г. и до 10-го января я замещал, совместно с двумя комиссарами, должность главковерха Крыленко, уехавшего в Петроград.

В то же время я работал в Комиссии Максимова, образованной при Центральном Исполнительном Комитете Армии и Флота, для создания новой действующей армии в составе семи корпусов трехдивизионного состава. Но эта работа была прервана срывом Брест-Литовских переговоров. 14-го января 1918 г. я был назначен главнокомандующим войсками, действовавшими против польского корпуса ген. Довбит-Мусницкого. Эта первая русско-польская война кончилась разгромом поляков под гор. Рогачевым. Мирные переговоры, начавшиеся в Рогачеве между представителями польской общественности и советскими делегатами, были прерваны наступлением германской армии в феврале 1918 г. 13-го апреля 1918 г. приказом наркомвоен Троцкого я был назначен начальником Латышской стрелковой дивизии (тот же прежний Латышск. стрелковой корпус). 6-го и 7-го июля 1918 г. руководил войсками при подавлении лево-эсэровского восстания в Москве.

10-го июля 1918 г. я был назначен Советом Народных Комиссаров главнокоманд. Восточным (Чехо-Словацким) фронтом. Во время этого командования мною была основана 5-я Красная армия, команд. которой я состоял, совмещая эту должность с обязанностями главкома.

4-го сентября 1918 г. Всеросс. Центр. Исполн. Ком. я был назначен главноком. всеми вооруженными силами РСФСР. За время моего командования было создано 62 корпуса, сведенные в 16 армий, а эти последние в пять фронтов. 8-го июля 1919 г. я был освобожден от должности главкома и назначен в распоряжение РВСР, преподавателем военной истории в Военной Академии РККА и председателем Комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с переходом к милиционной системе. Для завершения высшего образования в 1922 г. я поступил студентом в 1-й Московский государственный университет, на факультет общественных наук по юридическому отделению.

Литературные труды мои: 1) „О военной доктрине будущего", 2) „Стратегический очерк военных действий в Восточной Пруссии в августе и сентябре 1914 г.", 3) „Историческая роль латышских стрелков" (на латышском языке), 4) „Человек и война". — Мысли и материалы по военно общественной психологии.

Ведерников, Алексей Степанович (парт. имя „Сибиряк"), р. в 1878 г в Сибири, сын мелкого служащего, работал учеником на заводе. Большое влияние на него оказали в 1895—96 гг. политическ. ссыльно-поселенцы, он стал много читать и вступил в члены народовольческого кружка; нередко он устраивал массовые рабочие собрания и агитировал в нелегальных кружках. 19 лет он уехал в Москву и здесь, поступив на завод Бромлея, вошел в РСДРП, начал вести партийную работу, пользуясь большой популярностью среди рабочих, но скоро должен был перейти на нелегальное положение. От мобилизации во время японской войны он эмигрировал за границу, но в 1905 г. вернулся в Томск, вел там агитацию и во время известного октябрьского поджога дома жел.-дор. управления в Томске с револьвером в руках прорвался через ряды черносотенцев. В 1906 г. он уехал в Москву, поступил слесарем на завод Дукс, принимал участие в организации боевых дружин и первых партийных ячеек. Спасаясь от расстрела, он уехал на Урал и в 1907 г. проводил избирательн. кампанию во 2 ю Госуд. Думу, а затем в качестве делегата от большевиков участвовал в Лондонск. партс'езде. После с'езда он опять работал на Урале, в Томске и, наконец, в Москве, где принимал участие в организации московск. военно-технич. бюро, был арестован, просидел 8 месяцев в тюрьме, но был освобожден и уехал в Екатеринослав. При поездке в Финляндию он был опять арестован и приговорен к 6 годам каторги, которую провел в Ярославской тюрьме, известной своим исключительно жестоким режимом. В тюрьме занимался самообразованием и изучил 3 иностр. языка. В 1914 году В. был отправлен в ссылку. После февральск. революции В. работает сначала в Минусинске в „Комитете общественного спасения", а с апреля в Москве, где был членом Исполкома Московск. Сов. Депутатов, принимал деятельное участие в улаживании конфликтов между рабочими и администрацией на заводах и с подобной же целью посылался в армию. В октябрьские дни В. входил в состав „семерки" Военно-революц. Комитета, потом был назначен начальником Красн. гвардии, затем комиссаром на Выксунских и Кулебакских заводах Нижегор губ., где шло антисоветск. движение, летом 1918 г. подавил восстание в Муроме. Ум. в 1919 г. См. *„Мат."*.

ВЕДЕРНИКОВ А. С. (1878–1919).

ВЕЗИРОВ М. Г. (1886–1918).

Везиров, Мир-Гассан, р. в 1886 г., сын бедного учителя у татар-кочевников Закавказья. Уч. в средн. учебн. зав., со II кл. давал уроки, поддерживал семью, еще в школе увлекался рабоч. движением и читал нелегальную литературу. На революционный путь толкали его особенно произвол и насилие ханов и беков Карабаха (Шуша). Агитируя в 1906 г. в пользу сближения татар и армян в Шуше, В. подвергся преследованиям со стороны местных беков и однажды был ими жестоко избит в мечети. Поступив в Новочерк. политехн. инст., В. принял деятельное участие в студен. революционном движении, но заболел туберкулезом, вышел из института и уехал в Крым, продолжая там революционную деятельность. После февральск. революции В. уехал в Шушу, примыкая к левым с.-р., вел агитацию за список большевиков при выборах в Учредит. собрание, но, спасаясь от беков, должен был бежать в Баку, где работал в качестве комиссара земледелия. Был арестован и 20 сент. 1918 г. расстрелян англичанами в числе 26 бакинск. комиссаров. См. *„Пам. бор."*.

Векман, Александр Карлович *(автобиография)*, род. 19 июля 1884 г. в Кронштадте, происходит из дворян. В 1903 г. окончил Морской корпус, в 1906 г.— артиллерийский офицерский класс. Служил в Балтийском флоте и плавал во внутренних и заграничных водах с 1903—1907 г. в должности вахтенного начальника, а с 1907—1912 г—артиллеристом сперва в 1-й минной дивизии, а затем на крейсере „Адмирал Макаров". С

ВЕКМАН А. К. (1884–1955).

В 1926–1927 начальник морских сил Каспийского моря. С 1927 председатель постоянной комиссии по приему строящихся кораблей. С 1940 – на руководящей работе в Гидрографическом управлении Военно-Морского Флота. Вице-адмирал (1940). С 1947 в отставке.

ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ В. Д. (1888–1943).

В 1927 исключен из партии, в 1931 восстановлен, в 1936 вновь исключен. Занимался журналистикой. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

384

1912—1915 г.– командир миноносцев №№ 219, 215 и 222, в составе 2-й минной дивизии и во время войны—дивизии траления. В 1915 г. был старшим офицером заградителя „Волга". С 1915 г. по 1916 г.—командир батареи № 3 (Утэ) Або-Аландской шхерной позиции. С 1916—1917 г.—командир эскадренного миноносца „Инженер-Механик Зверев". С 1917—1918 г.—начальник охраны водного района и начальник прибрежной охраны водного района Николайстад. Участвовал в мировой войне и дослужился до чина капитана 2 ранга. В феврале 1918 г. уволен от службы по демобилизации. В марте 1919 г. принят на службу в артиллер. отдел Главного Управления Кораблестроения, затем командирован в Астраханско-Каспийскую военную флотилию, где был недолго флагманским артиллеристом Речного Отряда, а затем начальником Минного и Верхне-Астраханского Речного Отряда. В последних двух должностях принимал участие в боевых действиях сперва против англичан в Каспийском море, а затем против Деникина на Волге. В 1920 г. сперва—нач. Северного Отряда Волжско-Каспийской военной флотилии, а затем временно исп. должн. команд. Волжско-Каспийской военной флотилией, нач. морских сил Каспийского моря и команд. Азербейджанским флотом. Осенью перевелся в Балтийский флот на должность начальн. бригады крейсеров. В 1921 г. был назначен начальн. Обороны Ладожского озера, а затем старшим морским начальником в Петрограде. С 1921 по 1922 г. был старшим морским начальн. в Кронштадте и начальн. 1 полубригады линейных кораблей. В 1922 г.— начальник отряда траления. С 1922—1924 г. был начальником морских сил Черного моря. С 1923—1924 г.—помощн. по морской части команд. вооруженными силами Украины и Крыма. С 1924 г. состою начальником морских сил Балтийского моря. За боевые заслуги в 1919 г. награжден золотыми часами и в 1920 г. орденом Красного Знамени за оборону Черного Яра во время месячной осады (с конца сентября до начала ноября 1919 г.). В 1922 г. был награжден званием героя труда Красного Балтийского флота. С ноября 1923 г. по май 1924 г. состоял членом Городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов в Севастополе.

Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич (*автобиография*), род. в 1888 г. в Сибири. Раннее детство прошло в большой нужде, ибо рано лишился отца и мать, оставшаяся без средств с двумя детьми, принуждена была перебиваться „с хлеба на воду". Первоначальное образование получил в приходской школе. Затем, после неудачной попытки учебы в Томской гимназии, откуда должен был уйти из первых классов, поступил в Томское ремесленное училище, которое было первой трудовой школой. По окончании училища работал в качестве рабочего (литейщика) на заводах Сибири. Еще в ремесленном училище столкнувшись с революционно настроенными рабочими В. С. принял революционное крещение в одной из многочисленных студенческих демонстраций, имевших место в Томске. Позднее, вступив в томскую с.-д. организацию, В. С. принимает активное участие в революционном движении сначала в Томске, а затем в различных городах Сибири и Урала, главным образом среди железнодорожных рабочих. В 1908 г. арестован на станции Иланская по делу о революционной пропаганде среди железнодорожных рабочих и осужден военно-окружным судом на четыре года каторжных работ. По окончании срока каторги сослан на поселение в Якутскую область, где находился до начала революции 1917 г. вместе с рядом с.-д.– Г. И. Петровским, В. П. Ногиным, Е. Ярославским, С. Орджоникидзе и др.

Тюрьма, каторга и ссылка были той высшей школой, которую В.-С., подобно многим своим современникам, прошел благодаря вниманию не совсем осмотрительного самодержавия. Встречи с видными участниками первой русской революции, масса прочитанных книг способствовали общему развитию и углублению той идеологии, которая сложилась в процессе общественной борьбы до тюрьмы. В Якутской ссылке В.-С. принимает активное участие в изучении местного края и местной общественной работы. В качестве сотрудника якутской областной агрономической организации он принимает участие в ряде экономических обследований Якутской области, результатом которых были печатные труды: „Кустарные промыслы якутов", „Очерки земледелия Якутской области" и т. п. Весть о начале революции в России застает В.-С. в глухом улусе Вилюйского округа, где под его руководством работает экспедиция по обследованию якутского скотоводческого хозяйства. Вслед за первой вестью о начавшейся революции приходит назначение В.-С. Комиссаром Временного Правительства в Вилюйском округе. Позднее В. С. избирается председателем

Якутского совета рабочих и солдатских депутатов и в качестве представителя последнего выезжает в Петроград на Демократическое совещание.

Октябрьская революция В.-С. захватывает в Сибири, куда он посылается на работу. В момент юнкерского выступления в Иркутске В.-С. редактирует „Известия Иркутского Революционного Комитета" и затем с головой уходит в работу по снабжению и продовольствию Сибири. На Всесибирском с'езде советов В.-С. избирается в ЦИК Советов Сибири, в котором работает в качестве члена президиума до момента разгрома советской власти чехо-словаками в Сибири и на Дальнем Востоке. Перейдя на нелегальное положение в момент колчаковщины в Сибири, В.-С некоторое время работает в Красноярске и Томске, а затем совершает путь через всю Сибирь и в апреле 1919 г., перейдя фронт, едет в Москву с докладом о положении дел в Сибири. Этому периоду посвящена книжка В.-С. „Черная година сибирской реакции", изданная в 1919 г. Назначенный в „Комиссию по сибирским делам" при СНК, В.-С. совершает обратный путь в Сибирь вместе с Красной армией, которая при мощной поддержке сибирского партизанского движения уничтожает армии Колчака и утверждает советскую власть в Сибири. С занятием Иркутска и началом революционного движения на Дальнем Востоке В.-С. командируется в качестве первого полномочного представителя РСФСР на Дальний Восток, где он ведет первые переговоры с японским представ. Мацудайра, а равно руководит работой по ликвидации союзнической интервенции Дальнего Востока. Обратный путь из Владивостока в Москву В.-С. совершает через Китай и Монголию. По возвращении с Дальнего Востока В.-С. на 8 с'езде Советов избирается во ВЦИК от Сибири и получает назначение политического комиссара Академии Генерального Штаба, где он подготовляет план преобразования АГШ в нынешнюю Военную Академию и организует Военно-научное общество, явившись первым председателем этого популярнейшего ныне в Красной армии объединения военно-научной мысли. Однако, начавшиеся переговоры с Японией (Дайренская конференция), а затем переговоры с Китаем опять бросили В.-С. на Дальний Восток.

Результатом этих неоднократных путешествий на Дальний Восток и сопредельные с ним зарубежные страны было появление ряда работ, посвященных международной политике и рабочему движению Дальнего Востока. Им написаны: „За великой китайской стеной", „Япония", „Китай", „Сун Ят-Сен—отец китайской революции", „Японский империализм", „Советская Россия у берегов Тихого океана" и целый ряд других брошюр и статей по вопросам дальневосточной политики. Под ред. В.-С. изданы перев. трудов Сун-Ят-Сена, „Капиталистич. развитие Китая" и Кайиро Сато „Япония и Америка".

В последние годы В.-С. работал главным образом в советской журналистике, являясь одним из редакторов крупнейшего советского органа печати—„Известия ЦИК СССР". На ряду с этим В.-С. состоит редактором историко-революционного журнала „Каторга и ссылка", издаваемого Всесоюзным обществом политических каторжан, одним из руководителей (членом старостата) которого является В.-С. Будучи сибиряком по рождению, уделяет много внимания делу изучения Сибири, является одним из инициаторов образования Общества изучения Северной Азии (Урала, Сибири и Дальнего Востока), и его председат. Он также состоит членом Комитета содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК.

Винокуров, Александр Николаевич *(автобиография.)* Свою биографию я считаю необходимым начать с ранних гимназических годов и даже с детства, так-как несомненно в это время заложены были семена моего революционного будущего. Я вырос в семье революционно настроенной. Мой отец был убежденный, с большой эрудицией, семидесятник. Не было, кажется, серьезной книги, вышедшей в 60 и 70-х гг. прошлого столетия, которая не имелась бы в библиотеке моего отца. Там можно было найти соч. Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Сеченова, Карпентера, Бокля, Лассаля, Милля, был также „Капитал" Маркса, на котором впоследствии я изучал марксизм. В нашем доме собирались гимназисты старших классов, семинаристы, студенты, молодые революционно настроенные офицеры, велись революц. беседы, читались рефераты. Все это оказывало на меня влияние и послужило той революционной закваской, которая в будущем сделала из меня убежденного революционера. Окончив в 1888 году Екатериносл. гимназию, я поступил в Московск. универс. на медиц. факультет. С 1889 г. я стал завязывать знакомства с радикальными студенческими кружками. Старая революционная закваска, заложенная в от-

ВИНОКУРОВ А. П. (1869–1944).

С 1938 начальник отдела санитарного просвещения Наркомздрава СССР.

роческие и юношеские годы, начала давать себя чувствовать. 1889—1890 г. были годами брожения всего студенчества, в том числе и московского. Весной 1890 г. вспыхнули студенческие „беспорядки", в которых я принял участие и вместе с другими демонстрантами попал сначала в „Бутырки", а затем, в числе других „избранных", был выслан в Екатеринослав. Эти неудачно закончившиеся студенческие волнения явились переломным моментом в дальнейшей моей деятельности, так-как опыт этих волнений показал, что для политической борьбы нужно выбирать другие пути. В этот период конца 1890 г. я стал завязывать сношения с доживавшими в то время последние дни народовольческими организациями. Благодаря им я имел возможность ознакомиться с нелегальной марксистской литературой группы „Освобождения Труда": „Наши разногласия", „Социализм и полит. борьба" и др., которые оказали на меня огромное впечатление и заронили в меня семена марксизма. Уже в 1891 году я стал переходить на позиции революционного марксизма. Летом 1891 г. я уже штудирую 1-й т. „Капитала" Маркса и твердо становлюсь на марксистскую почву. В первой половине 1892 г. в Москве образуется один из первых маркс. кружков, из которого в 1893 г. родилась первая московская революционная с. д. организация. Я был одним из основателей этой организации. Путем широкой агитации эта организация развила широкую работу среди рабочих масс. В 1895 г произошел провал этой организации; вместе с другими товарищами (Лядовым, Мицкевичем и др.) я был посажен в тюрьму и после 2-х летн. одиночного заключения был выслан в Вост. Сибирь на 5 лет. Необходимо добавить, что с конца 1894 г. до июня 1895 г. я высланный из Москвы, проживал в Екатеринославе и там принимал участие в организации первой Екатериносл. рабочей организации, которая также провалилась в конце 1895 г., и я был привлечен также по этому делу. Тюрьма и ссылка были для меня, как и для многих других, университетом по углублению моих познаний в марксизме. Из ссылки мне пришлось реагировать на критику марксизма со стороны „Нов. Слова", „Жизни", „Русск. Бог.", в котором особенно в то время подвизался Виктор Чернов. Мои статьи о диалектике, на которую был открыт поход в „Нов. Слове", не были приняты редакцией. Я принялся за большую работу по эконом. материализму, которая была послана в журнал „Научн. Обозрение", но которой по цензурным условиям не пришлось увидеть света в полном об'еме. Позже в 1902 г., по возвращении из Сибири, мне удалось издать через Екатериносл. научное О-во извлечение из этой работы, „К вопросу об экономич. материализме", в котором я защищал ортодоксальную позицию марксизма.

Вернувшись в 1902 г. из ссылки, я не мог поселиться ни в Москве, ни в Екатеринославе, вследствие из'ятия до 60 пунктов из моего местожительства. Заехав с семьей в Екатеринослав, я через неделю по требованию полиции должен был выехать в Кременчуг. Здесь я пробыл около ½ года, завязав сношения с местными революц. организациями и работая в местной с.-д организации искровского направления. Попытка моих знакомых, среди которых были местные земские деятели, устроить меня на службу в земстве, потерпели фиаско, так-как администрация меня не утвердила. Мои попытки вернуться в Екатеринослав опять кончились высылкой, и я должен был для изыскания источников существования обратиться к частной врачебной практике, которая второй раз выручила меня из тяжелых материальных условий. Однако, развить практику в чужом городе было очень трудно, и мне пришлось временно, до истечения срока запрещения проживания в больших городах, в том числе и в родном моем городе Екатеринославе, поступить на службу в небольшое еврейское местечко (Корму) Могилевской губ. Рогачевского у., где я пробыл 2 года, почти оторванный от революционной работы. Здесь я столкнулся с братьями П. Н. Лепешинского, революционно-настроенными в духе революц. марксизма.

В этот вынужденно пассивный период своей жизни я написал несколько марксистских вещей: упомянутую выше брошюру „К вопросу об экономическом материализме", „Краткую историю капитализма", начатую еще в тюрьме, „Професс. гигиену" и др., часть которых была издана, часть не прошла через цензуру. В 1905 г. я вернулся в Екатеринослав и принял участие в революционной с. д. работе по большевистской фракции. Здесь я пробыл до средины 1908 г., принимал участие в организации фабрично-заводской медицины, перешедшей в это время в руки рабочих, выставлялся выборщиком во 2-ю Госуд. Думу, а в третью Думу был выставлен кандидатом от большевистской фракции. С конца 1907 г., когда начался отход с.-д. интеллигенции, мне пришлось при-

нять ближайшее участие в большев. с.-д. комитете, издавать прокламации и проч. К концу 1908 года я переехал в Ленинград и в этот тяжелый для нашей партии период принимал участие в професс. движении, в страховом рабочем движении большевистск. направления, работая в „Правде", „Вопросах страхования", „Просвещении". Осенью 1916 г. вместе с ред. „Вопросов страхования" и активными деятелями по рабочему страхованию большев. направления (Подвойский, Осипов и др.), я был по доносу провокатора Черномазова арестован и выпущен 1 января 1917 г. Перед самой февральской революцией 24—25 февраля я опять был арестован во время поголовных арестов в Ленинграде. Всероссийская охранка думала обезглавливанием революционных организаций задушить революцию, но на этот раз ей этого не удалось 28 февраля революция победила, и я вместе с другими товарищами был освобожден вооруженными рабочими из тюрьмы. В течение 1917 г. я продолжал принимать участие в революционном большевистском движении, ведя борьбу с меньшевизмом и откалывая от него рабочие массы на рабочем страховом фронте

После октябрьской победы я был назначен членом коллегии НКТруда по отделу страхования. Кроме того, в это время я был председ. Совета врачебных коллегий, которому пришлось заняться роспуском старых медицинских органов и закладкой основ для будущего НКЗдрава. В это же время я был избран первым председ. Ленинградской большевистской Городской Думы. В апреле 1918 г. я был назначен народн. комиссаром Призрения и провел преобразование этого наркомата в Наркомсобез. В 1921 г. был направлен на работу по борьбе с голодом в ЦКПомгол, и в этой области по борьбе с последствиями голода и неурожая продолжаю работать и теперь. Кроме того, с января 1924 г. назначен председателем Верховного Суда Союза ССР.

Владимиров, Мирон Константинович. Род. в г. Херсоне 15 ноября 1879 г. Отец мой, (пишет о себе) арендатор, занимавшийся сельским хозяйством, серьезно заболел, когда я еще был ребенком (7—8 лет), и семья наша была поставлена в материальную зависимость от отца матери — зажиточного домовладельца. Не испытывая острой нужды в самом необходимом, приходилось, однако, часто переживать серьезные затруднения, главным образом, из-за болезни отца. 13 лет поступил в с.-х. училище, которое не кончил (прошел только 5 классов, а шестой, специальный, оставил) по соображениям отчасти принципиального характера, так как меня хотели оставить на второй год не потому, что у меня не были переводные отметки, а потому, что я мало прилежно относился к школьным занятиям

С 17—18 лет принимаю участие сначала в гимназических кружках, а затем и в рабочих в качестве лектора по ряду вопросов, преимущественно политической экономии и истории. Около года прослужил в губернском статистическом управлении, где более близко знакомлюсь с положением крестьянства, но в горячих спорах между народниками и марксистами становлюсь решительно на сторону последних. Отдельные номера „Искры", попадающие в Херсон, побуждают меня принять меры к поездке за границу, которая и удалась в середине 1902 г. Сначала в Берлине, а в конце года в Берне усиленно знакомлюсь с партийной обстановкой и отношениями, вступаю в бернскую группу „Искры". Однако, сама по себе заграничная обстановка тяготит.

В мае, после разговоров с Владимиром Ильичом Лениным и Надеждой Константиновной, уезжаю в Россию с явкой в Киев, но июньская забастовка и провалы, связанные с нею, не дают мне возможности остаться в Киеве, так как не с кем было связаться по имевшимся двум явкам, и я на свой страх и риск отправляюсь в Гомель. Главный мотив, побудивший меня отправиться в этот город, вытекал из факта полнейшей неорганизованности пролетариата всего района, что так ярко выявилось во время погрома. В Гомеле нашел ячейку из пяти рабочих, которую перенял от доктора Залманова, вскоре уехавшего. Постепенно удалось привлечь новые кадры, и спустя несколько месяцев гомельская организация „Искры" настолько укрепляется что кладется в основание вместе с новозыбковской группой Полесского комитета, который охватил своим влиянием, прокламациями по поводу японской войны и главнейших событий того времени значительную часть Могилевской, Черниговской и часть Полтавской губ (г. Ромны) Будучи послан на с'езд 1905 г, еду в Лондон, где собирается III с'езд, хотя большинство организаций входивших в Полесский комитет, склонялось к меньшевикам. Возвратившись немедленно после с'езда в Россию, прилагаю все усилия, чтобы организационно связать все организации Полесского комитета с большевистским

ВЛАДИМИРОВ М. К. (1879–1925).

ВЛАДИМИРСКИЙ М. Ф. (1874–1951).

В 1926–27 заместитель председателя Госплана СССР. В 1930–34 нарком здравоохранения РСФСР. В 1927–51 председатель ЦРК ВКП (б).

ЦК, но удается лишь не допустить этой связи с меньшевистским центром.

Но масштаб работы становится все более недостаточным, и в сентябре 1905 г. выезжаю в Петроград, где и прожил октябрьские дни. В начале ноября, по распоряжению члена ЦК тов Богданова, командируюсь агентом ЦК на юг и начинаю свой об'езд с Одессы. Там содействую об'единению большевиков с меньшевиками под углом зрения обеспечения за большевиками руководящего влияния на массы. В декабре оставляю Одессу и после некоторого перерыва работы, который провожу в Гомеле за изданием газеты, вновь возвращаюсь в Одессу, где состою секретарем комитета. В мае весь состав комитета арестовывается; сижу в тюрьме до декабря, когда освобождаюсь под залог и уезжаю в Луганск. Работаю там несколько месяцев после чего по вызову екатеринославских товарищей и в связи с провалом руководящих меньшевиков срочно выезжаю в Екатеринослав, где начинаю руководить заводским районом. В связи с ярко обозначившимся ликвидаторством меньшевиков борьба обостряется и ведет к разрыву. Но в августе или сентябре меня арестовывают, опознают и отправляют в одесскую тюрьму. В декабре военный суд приговаривает меня к ссылке на поселение, куда и отправляюсь в январе 1908 г. Пробыв в Иркутске и Александровском до мая, еду в село Преображенское, Киренского уезда, где, однако, пробыл только неделю и благополучно убежав, переехал границу.

Сначала прожил год в Вене, затем переехал в Париж. До 1911 г. работаю в общей большевистской группе, но затем начинаются разногласия с т. т. ленинцами на почве отношения к меньшевикам. Группа „партийцев большевиков" считала, что необходимо держать курс на изоляцию ликвидаторской части меньшевиков путем сближения с левой частью меньшевизма, что требовало, по мнению этой группы, организационного сближения. На этой платформе происходит об'единение большевиков партийцев с группой плехановцев. Но это организационное сближение разлетается с первых же дней войны, когда большинство „большевиков-партийцев и часть меньшевиков" становятся на пораженческую позицию, а Плеханов—открыто на сторону оборонцев. Вскоре после этого создается новая группировка, имевшая своим идейным органом парижскую газету „Наше Слово" и об'единившая Троцкого, Мануильского, Антонова, Лозовского, меня и других товарищей. Весь ход событий значительно сближает вновь с ленинцами, и когда февральская революция позволила возвратиться в Россию, то почти все бывшие „большевики-партийцы" сливаются с большевиками. С этого момента моя дальнейшая работа протекает в порядке специальных назначений ЦК, но, к сожалению, концентрируется почти полностью только по советской линии: сначала в петроградской городской и продовольств. управе и в Наркомпроде, затем во Всеросс. эвакуац. комиссии, далее на фронте по ж. д. и продовольств. делам; с 1921 г.—Наркомпродом Украины, затем—наркомземом и, наконец, с 1922 г. перебрасываюсь в НКФ. „(Автобиография, имеющ. в Истпарте и напеч. в „Эконом. Жизни", 1925 г., № 67).

В 1924 г. В. был назначен замест. председ. ВСНХ СССР. Ум 20 марта 1925 г.

Владимирский, Михаил Федорович (*автобиография*), род. в 1874 г. в г. Арзамасе Нижегородской губ. Первое знакомство с революционным движением и учением Маркса получил в нижегородских марксистских кружках в начале 90-х годов. В рабочем революционном движении начал работать с 1895 г., когда, будучи студентом-медиком Московского универс., как член одного из руководящих социал - демократических кружков, работал в качестве пропагандиста и организатора в рабочих кружках, позднее—в начале 1896 г.—в Московском Рабочем Союзе, образовавшемся из слияния нескольких руководящих социал-демократических кружков и отдельных рабочих кружков. В 1896 г. был арестован и после нескольких месяцев заключения в тюрьме выслан в провинцию. В 1898 г., получив разрешение вернуться в Москву, вступил сноза в работу и был членом Московского комитета социал демократической партии (после первого с'езда партии начали создаваться отдельные местные комитеты партии). Весной 1899 г. во время студенческих движений—снова выслан из Москвы в провинцию. После этого уехал за-границу, где, продолжая свое медицинское образование, работал в заграничной организации „Искры". С 1903 г. по начало 1905 г. работал в Нижегородской организации, осенью того же года переехал в Москву и как член Московского комитета партии (большев. организации) принимал активное участие в работе Московской организации в революции 1905 г. После декабрьского восстания работал в Областном комитете партии (центральной части России), в 1906 г. был арестован и предан суду. До суда эмигрировал за-

границу, где (во Франции) оставался до 1917 г., работая там в организациях партии (парижская группа большевиков, Комитет заграничных организаций и др.).

Возвратившись в Россию в июле 1917 г. работал в Московской партийной организации, был назначен комитетом в состав „партийной пятерки" по руководству октябрьским восстанием. После октябрьской победы был делегирован партией и Советом в качестве председателя совета районных дум (центральный орган по управлению хозяйством гор. Москвы). Позднее работал в президиуме Московского Совета и Московской партийной организации, от которой был послан на VII с'езд партии, где был избран в Центральный комитет партии. Позднее принимал участие в советской работе как член президиума ВЦИК и заместитель народного комиссара Внутренних Дел. С 1922 г. работаю на Украине, как заместитель председателя Совнаркома и председатель Госплана, с 1924 г.—как секретарь Центрального комитета коммунистической партии Украины.

Литературные работы по вопросам строения советской власти: „Организация Сов. власти на местах" (М. 1919 и 21 г.) и отдельные статьи в журнале „Власть Советов".

Воеводин, Петр Иванович *(автобиография)*, род. в 1884 г., сын пролетария и крепостной крестьянки, мальчиком начал работу на русско-бельгийском заводе в Нижне-Днепровске и в 1899 г., 15 л., принял участие в забастовке. С этих пор началась его революционная деятельность и вскоре он проявил выдающийся организаторский и агитационный талант. Участие в с.-д. рабочих кружках способствовало его умственному и политическому развитию. В мае 1901 г., по делу группы „Южн. Раб.", он был арестован в Екатеринославе и выслан в Саратов и здесь в 1902 г. за участие в политической демонстрации был арестован и приговорен судебн. палатой к $2^1/_2$ годам тюремного заключения. Отсидев этот срок в самарской одиночке, он, по выходе на свободу, вошел в состав самарского комитета РСДРП фракции большевиков, а затем для революц. деятельности был командирован в Сибирь и работал в Чите и Омске. В 1905 г. В. опять был арестован и выслан в Уфу под надзор полиции, но бежал в Самару, где в октябрьские дни был одним из руководителей революц. движения и начальником боевой дружины. Отсюда он был переброшен Восточным Бюро фракции большевиков на Урал, руководил всеобщей забастовкой в Златоусте, был арестован и просидел 4 года в тюрьме до 1910 г. По выходе из тюрьмы он в Самаре нашел большев. организацию разгромленной и в числе других энергично принялся за ее восстановление, но скоро опять был арестован, скрылся и бежал в Америку, откуда вернулся в 1913 г. в Баку, здесь был захвачен во время всеобщей забастовки, отправлен в Самару и затем в Нарымский край. По дороге В. с парохода бежал в Баку, опять был пойман и снова сослан. В ссылке В. занимался организацией крестьянских кооперативов, а после февральской революции—организацией рыбаков и промысловых рабочих Нарымского края. В 1919 г. В. был комиссаром поезда „Октябрьская Революция" в поездках по Зап. и Южн. фронту с М. И. Калининым, затем членом ВЦИК 5-го и 6-го созывов. Литературная работа В. началась еще до революции, сотрудничеством в нелегальных изданиях, а после ее продолжалась в „Правде", „Известиях ВЦИК", „Экономич. Жизни", затем в литературном издательстве Самарск. губкома. и Самарском Госиздате. В 1921—22 г. работал в Главполитпросвете зам. завед. Художеств. сектором Наркомпроса, завед. Всеросс. Фото-Кино Отделом. После был одним из организаторов Совета С'ездов трестированной промышленности и транспорта и управл. делами этого Совета. В 192[3] г. откомандирован на работу по пропаганде электрификации СССР, являясь ответственным редактор журн. „Электричество", „Электрификация и изданий Главн. Электротехнич. Управления ВСНХ СССР. В. является одним из организаторов и состоит членом „Общества старых большевиков", а также „Научно-Технич. Общества содействия электрификации СССР" (в последнем – зам. председ. правления).

ВОЕВОДИН П. И. (1884–1964).

До 1940 на литературно-издательской работе. С 1940 на пенсии.

ВОЛГИН В. П. (1879–1962).

В 1930–35 непременный секретарь, в 1942–53 вице-президент АН СССР. Академик АН СССР (1930).

Волгин, Вячеслав Петрович *(автобиография)*, род. в 1879 г. в семье чиновника, в молодости принимавшего участие в революционном движении 70-х г. (привлекался по делу 193). Под влиянием отца с ранних лет начал интересоваться вопросами революционного движения и социализма. В последних классах гимназии познакомился со старой революционно-народнической литературой. При чрезвычайно суровом режиме окраинной гимназии (в Кишиневе) вплоть до поступления в 1897 г. в Московский университет (на естеств. отд. физико-математического факультета) не имел представления о борьбе, разделившей в середине 90-х годов революционную ин-

теллигенцию Лишь в Москве прочел в первые произведения легального марксизма (книгу Струве, журнал „Новое Слово" и т. п.). Летом 1898 г. на каникулах в Кишиневе познакомился с рядом революционеров различных оттенков. Среди них были Н. Быховский (впоследствии с.-р.), Зеленский (Надеждин), рано умерший писатель, пытавшийся примирить марксизм с терроризмом, Д. Б. Рязанов. В результате к концу 1898 г. мое марксистское миросозерцание окончательно оформилось. С этого же 1898 г. принимал участие в студенческих организациях, в которых встречался и сблизился с В. И. Невским, Л. И. Квитой и др. В 1899 г., почувствовав, что моим главным научным интересом является интерес к общественным наукам, в частности—к истории, перешел с физико-математического факультета на историко-филологический. Будучи марксистом с 1898 г., партийные поручения я получил впервые в 1901 г., каковой год и считаю годом моего вступления в РСДРП. С 1899 до 1902 г. принимал активное участие в студенческом революционном движении, в связи с чем был в 1901 г. выслан в Тулу под надзор полиции. В 1902 г. был выслан в Восточную Сибирь. По возвращении из Сибири поселился сначала в Ростове н/Д., где примкнул к меньшевистской организации и ушел целиком в партийную работу в качестве пропагандиста и организатора. Затем работал в Одессе, где меня застала октябрьская забастовка 1905 г., манифест 17 октября и последовавший за ним погром. В конце ноября или начале декабря 1905 г переехал в Москву (почти накануне декабрьского восстания). К этому времени относятся мои первые литературные попытки—статьи о классах и классовой борьбе в какой-то из эфемерных рабочих газет того времени (названия не помню). В 1906 г. под моей редакцией выходило издание избранных отрывков из протоколов германской с.-д. партии (вышло 2 выпуска: „Программа партии" и „Аграрный вопрос") В связи с этой работой почувствовал потребность в расширении своих исторических знаний, пробудился интерес к науке, временно отодвинутый на задний план практич.-револ. деятельностью. Осенью 1906 г поступил вторично в университет, где работал, гл. обр., в семинариях по всеобщей истории: у Виппера, кривая развития которого была тогда особенно близка к марксизму, и у Виноградова. В 1907 г. научные занятия были прерваны новым арестом (в связи с провалом типографии), но кратковременным. В 1908 г. был оставлен по представлению Виппера при университете. В центре научной работы с 1906 г. была история социализма. Социализму в Риме был посвящен реферат в семинарии Виппера, французскому коммунисту Ж. Мелье—кандидатская работа. Первая напечатанная историческая статья—о социальных теориях XVIII в. 1910 г.—связана с тем же кругом интересов. Наряду с этим все время занимался современной историей Зап. Европы и Америки, что дало мне возможность заработка в газетах. С 1911 г. мои статьи и заметки по внутренней жизни Европы и Америки печатались в „Русских Ведомостях". До 1914 г. продолжал оставаться меньшевиком. Война,—пестрота и двусмысленность отношения к ней различных меньшевистских групп,—оттолкнули меня от меньшевизма. В 1915 г. я вступил в число сотрудников интернационалистического журнала „Летопись", где вел хронику иностранной жизни. С 1914 г. преподавал в университете им. Шанявского, где впервые читал, между прочим, курс по истории социализма.

После февральской революции вошел в организацию соц.-дем. интернационалистов, был участником с'ездов и конференций организации, членом МК и ЦК, одним из редакторов и сотрудников газеты „Пролетарий". В апреле 1917 г. был приглашен И. И. Скворцовым вести иностранный отдел в „Известиях Московского Совета Р. Д." В мае стал редактором „Известий", каковым и оставался до октябрьского переворота. Не будучи еще тогда большевиком, вел газету в последовательно - интернационалистическом направлении, что не раз приводило к конфликтам с меньшевистско-эсэровским президиумом Совета, особенно во время пресловутого августовского „Государственного Совещания". Ближайшими моими помощниками по редакции были Ш. М. Дволайцкий, Р. П. Катаньян и К. П. Новицкий. Участвовал в Демократическом совещании в сентябре 1917 г.; стоял в нем на точке зрения необходимости передачи власти Советам. Был членом Исполкома Московского Совета. В 1918—1919 гг. редактировал журнал „Рабочий Мир", орган Московского Центр Рабочего Кооператива. В том же 1918 г. принимал участие в организации Социалистической Академии, вошел в ее первый состав и преподавал в ней в 1918—1919 гг. В 1919 г. был назначен членом Государственного Ученого Совета и профессором I МГУ по кафедре истории социализма. В 1920 г.

вступил в РКП (б) В 1921 г. был деканом Факультета Общественных Наук I МГУ, а с мая 1921 года состою ректором университета. В 1921—1923 годах был членом коллегии и заместителем заведующего Главпрофобром.

Самостоятельные научные работы относятся исключительно к истории социализма – преимущественно к социализму в древности и во Франции XVIII - XIX вв. Часть их собрана в изданной Гос. Изд. книге „Очерки по истории социализма". Отдельным изданием вышли две книги: „Революционный коммунист XVIII в." и „Сен-Симон и сен-симонизм". Число журнальных и газетных статей публицистич. и научно-популярного характера чрезвычайно велико. Перечислять, – хотя бы самые крупные из них—не представляет интереса.

Володарский В. (псевд. Моисея Марковича Гольдштейна), род. в 1890 г. в мест. Острополье Волын. губ. в бедной еврейской семье. Под влиянием аграрного движения 1905 г. он примкнул к революционн. движению, участвуя сначала в „Малом Бунде", затем в „Спілке" (украин. с.-д. партия), составлял и печатал нелегальные воззвания, устраивал летучие митинги и т. п. Поступив в 5 класс гимназии в Дубно, он был уже через год исключен за „политическую неблагонадежность", в 1908 г. попадает в тюрьму, но скоро освобождается. С 1908 по 1911 г. В. работает в Волыни в качестве агитатора. В 1911 г. В. был арестован и отправлен в Архангел. губ. на 3 года. Вынужденное бездействие он использовал для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости, выдержал экзамен и в 1913 г. по амнистии возвратился на родину, а затем вследствие преследований полиции уехал в Соедин. Штаты, в Филадельфию, где поступил на портновскую фабрику закройщиком и вошел в интернацион. професс. союз портных. В работает, как агитатор, пропагандист и журналист, сначала в Филадельфии, затем в Нью-Йорке в рабочей среде и принимает ближайшее участие в газете „Новый Мир" вместе с Н. Бухариным и Г. Чудновским После февральской революции В. возвращается в Россию, скоро примыкает к партии большевиков и постепенно выдвигается в первые ряды партийных деятелей, сначала работая в качестве районного агитатора, затем в Петрогр комитете, как главный агитатор. В. избирается в члены президиума Петрогр совета, после октябрьского переворота — в президиум ВЦИК и принимает деятельное участие в с'ездах советов. По возвращении из Украины, куда В. был командирован партией на с'езд армии Румынского фронта, ему было поручено редактирование петроградской „Красной Газеты". При образовании Петрокоммуны он избирается комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации 20 июля 1918 г. был убит по дороге на митинг В 1920 г. издан сборник его речей. См *„Пам. бор."*.

Воробьев, Яков Зиновьевич, род. в 1885 г., сын фельдшера в Белой Церкви Киевск. г., в 1902 г. участвовал в анархич. кружках, ходил на экспроприации к местн. буржуазии, с 1904—1906 г. три раза был в тюрьме, в 1906 г. был выслан в Арханг. губ., в 1908 г. вернулся из ссылки, перейдя в партию большевиков, в 1908—1910 гг. жил в Одессе, где поступил в зуботехнич. школу, в 1911 г. вернулся в Бел. Церковь, был опять арестован и сослан в Тобольск. губ. на 5 лет. Из тобольской ссылки В. вернулся в 1915 г., работал в Саратове, 3 месяца был в армии, где надеялся развить партийн. работу, но был принужден бежать в Саратов, оттуда перебрался в Нижний Новг., где жил под именем Гр. Марк. Коца. Здесь партийная деятельность его сосредоточивалась преимущественно в Канавине в „О-ве разумн. развлечений". В 1916 г. он был опять арестован и освободился только после февральск. революции. После июльских дней В. организует Красн. гвардию, принимает с ней активное участие в октябрьск перевороте, затем устраивает революционн. штаб, становится во главе политическ. части и до сент. 1919 г. состоит председ. Губчека. В 1919 г., получив назначение в Воронеж, В попадает в плен к Деникину и погибает См. *„Пам. бор"*.

Воровский, Вацлав Вацлавович (литер. и парт. псевд. Ю. Адамович, П. Орловский, Фавк, Шварц. Шахов), род. в Москве 27 октября 1871 г. Отец его, поляк-дворянин, был инженером, служил на железной дороге; умер, когда сыну было $1^1/_2$ года. Воспитанием ребенка занялась мать, сильно любившая его. В. обучался в средней школе при лютеранской церкви Петра и Павла. Уже в школе замечаются у В. революционные наклонности. Дед и его семья принимали участие в польском восстании 1863 г. Восстанием этим весьма интересовался маленький В. Он втайне от матери приобретал разные нелегальные книжки на эту тему и зачитывался ими. У мальчика складывается определенное, резко враждебное отношение к Александру II, к Муравьеву-вешателю и вообще к царизму. Он пользуется большим влиянием среди товарищей по школе, бла-

ВОЛОДАРСКИЙ В. (1891–1918).

ВОРОБЬЕВ Я. З. (1885–1919).

ВОРОВСКИЙ В. В. (1871–1923).

годаря своей начитанности, энергии и смелой критике существующего в школе режима. Тогда уже он часто писал сатирические стихи и на учителей и на полицейский режим школы. Еще будучи школьником, он выступает на студенческих собраниях, и его пламенные речи сильно действуют на изумленных студентов. По окончании училища в 1890 г. поступает в университет на физико-математический факультет, а через год переводится в Московское Техническое училище. Его влияние, как студента, было значительно. Первоначально он работает в польском студенческом революционном кружке „Коло", где является одним из главных организаторов. Но националистический характер кружка заставляет В. искать новых путей. Он начинает организовывать в Техническом училище кружки политического самообразования, где изучается политическая экономия, история революц. движения на Западе и в России. Нелегальную литературу для кружков доставляет при помощи своих связей В. Одновременно он работает в общестуденческом движении, всегда проводя лозунги борьбы против всяких опортунистических выжидательных тенденций. Его авторитет среди студенчества все больше растет и в 1894 г. он избирается от Технического училища представителем в Союз об'единенных землячеств. Однако, работа среди студенчества его не удовлетворяет. Он начинает знакомиться с рабочими и в 1895 г. организует первые рабочие кружки, с которыми серьезно и систематически занимается и через которых распространяет революционную литературу и воззвания.

Жандармы обращают на него внимание. В 1896 г. он высылается из Москвы на время коронации Николая последнего. После возвращения он продолжает работу в рабочих кружках, 4 апреля 1897 г. его арестовывают и держат в Таганской тюрьме до января 1899 г., откуда высылают в Вятскую губ. В ссылке В. углубляет свои познания по теории марксизма и начинает сотрудничать в столичных журналах. В 1902 г., он едет заграницу, в Мюнхен, где в течение семестра слушает лекции в университете. В 1903 г. после второго с'езда РСДРП он переезжает в Женеву, сотрудничает в „Искре" и примыкает к создавшейся большевистской фракции. В 1903 г. он едет на партийную работу в Одессу, откуда вскоре обратно вызывается в Женеву, где принимает участие в брошюрной кампании („Совет против партии", „Комментарии к протоколам II С'езда Загр. Лиги", „О Государственной думе" и др.). Он принимает деятельное участие в редактировании большевистских журналов „Вперед" и заменившего его потом „Пролетарий". Из-под его пера появляются талантливейшие статьи, из которых многие еще недавно приписались Ленину, как напр. „Всероссийский с'езд адвокатов", „Мир и реакция", „Революция и контр-революция". Там же помещена его прекрасная художественная статья—„Корабль-скиталец", по поводу взбунтовавшегося военного корабля „Князь Потемкин". В 1905 г. В. является одним из руководителей III-го партийного с'езда, в 1906 г. принимает участие в IV (об'единительном) партийном с'езде в Стокгольме. В этом же году едет на V с'езд польских социал-демократов в качестве представителя от большевиков. С 1907 по 1912 г. он работает в Одессе. В 1909 г. его арестовывают. В 1912 г. вторично арестовывают и высылают в Вологодскую губ. После ссылки в 1914 г. он работает в Петербурге, откуда через год переезжает в Стокгольм. В 1917 г. после февральской революции входит в заграничное бюро Ц. К. партии. После Октябрьского переворота назначается полпредом в скандинавские государства. В 1918 г. председатель делегации по переговорам с Финляндией. В 1919 г. возвращается в Россию и участвует на I Конгрессе Коминтерна. В течение года занимает пост заведывающего Госиздатом. В 1921 г. едет полпредом в Рим. В 1922 г. участвует в Генуэзской конференции и в 1923 г. в Лозаннской. Несмотря на недопущение русского представителя на продолжение Лозаннской конференции, В. приехал в Лозанну. Приезд его сопровождался сильнейшей агитацией фашистов против СССР. и угрозами по адресу его представителя. Швейцарское правительство не приняло никаких мер охраны, и 9 мая В. был беспрепятственно убит, как советский представитель, фашистом Конради. 20 мая В. похоронен в Москве на Красной площади.

За 30-летний период своей деятельности В. написал много статей в нелегальной и легальной прессе. Он был одним из лучших партийных литераторов и блестяще проводил анализ классовых противоречий.

Особенно выделялся В. своим высоким и четким моральным обликом, большой душевной чуткостью. По единодушному признанию знавших его, он был человек „обаятельно простой, на редкость остро-

умный, с огромной эрудицией, но что больше всего пленяло в этом человеке, так это его удивительная чистота и прямо органическая ненависть ко всякому подхалимству и лакейству, низкопоклонству и сервилизму" (Невский).

Статьи В. печатались в журн. „Правда", „Соврем. Мир", „Просвещение", „Мысль", сборн. „Литерат. Распад", и т. д. Изданы отдельно: В. „Литературные очерки", 1923 (Гиз и „Нов. Москва"); „Русская интелигенция и русская литература", 1923 (изд. „Пролетар." Харьков); „Карл Маркс", 1917 (изд. „Прибой"); „В мире мерзости и запустения", 1919 (Гиз); „К истории марксизма в России" 1919 (Гиз). „Последняя работа его „может считаться лучшей работой по этому вопросу". (В. Невский).

Я. Танецкий.

Ворошилов Климент Ефремович *(автобиография)*. Род. я в 1881 г. в с. Верхнее, Екатериносл. губ. Отец служил сторожем на ж. д., а мать работала поденницей. Отец, солдат Николаевской службы, был человеком вольнодумным и весьма своеобразным. Работая на самых тяжелых работах в помещичьих экономиях, рудниках и на ж. д., он часто менял места службы вследствие скандалов с хозяевами и администрацией. Поэтому с раннего детства пришлось познакомиться с самой горькой нуждой. В один из периодов безработицы отца, ходил с сестрой „по миру", просить хлеба. С 6—7 лет пошел на работу выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 коп. в день. К 10 годам вместе с отцом пас помещичий скот. В тот же период познакомился на практике с кулаком-мироедом. В одну из очередных голодух нашей семьи (отец исчез в поисках работы), меня взял к себе „в гости" дядя, брат отца, живший в деревне очень богато. Вместо гостя меня обратили в батрака и подвергали в течение года дикой эксплоатации. Затем я снова на рудниках, уже мальчиком, в мастерских. В этот период меня зверски избили работавшие поденно крестьяне соседнего села, придравшись к какой-то глупости, а по сути за то, что меня приняли в мастерские, отказав одному из крестьян. Случай избиения меня—ребенка, целой артелью взрослых парней остался больным воспоминанием на всю жизнь. Рос я неграмотным, и это весьма сокрушало мою мать, поставившую целью своей жизни сделать меня настолько „образованным", чтобы я мог также читать псалтырь и часослов, как и ее отец (мой дед). Дальше ее мечты не шли. К несчастью, в местах, где мы жили, не было школ. В 1893 г. в с. Васильевка, Славянск. у., открылась земская школа, куда я был принят. Учился две зимы и успешно окончил весь „курс наук".

За два года сменилось 3 учителя, и последний из них, С. М. Рыжков, оказался прекрасным учителем и воспитателем. Меня С. М. искренно полюбил, и я в семье учителя стал своим, близким. С. М. Рыжков, впоследствии член I Государств. Думы и второй секретарь ее (трудовик), был умным, честным, жизнерадостным и с высоко развитым общественным инстинктом человек. Учась в школе, 14—15 лет я начал под руководством С. М. читать классиков и книжки по естественно-научным вопросам и тогда же начал прозревать на счет религии. В 1896 г. я поступил на завод при ст. Алчевская. Работая на заводе, я не переставал читать, а общение с учителем довольно быстро давало ростки—я умственно и культурно рос. Однажды, кажется в 1897 г. или 1898 г., на завод был назначен полицейский пристав. Отсюда начинается моя политическая работа Сей полиц. пристав Греков приехал к почтмейстеру, мимо которого проходили мы, подростки, человек 10—15. Все поздоровались с приставом кроме, меня. Пристав был ретив и глуп. Соскочив со скамьи, где он сидел в обществе „дам", бросился ко мне с кулаками и требованием об'яснить, почему я не поклонился. Я рассмеялся в лицо „начальству", и оно с гневом вцепилось в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руки за галстук озверевшего сатрапа. Почтмейстер и все мои товарищи исчезли, а я с легкими, правда, тумаками, был водворен в каталажку. На второй день я был освобожден, но преследования начались систематические и настойчивые Сначала за мной следили „тайно", а затем стали ходить по пятам агенты пристава. Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомства и на заводе и среди учительства.

В 1899 г. в чугунно-литейном цехе под моим руководством забастовали крановщики. Через некоторое время у меня обыск и кратковременный арест. Вместе со мною подвергся обыску и мой учитель. С. М. Рыжкова вызвали в Питер, кажется в министерство просвещения, и требовали прекращения сношения с Ворошиловым. В течение трех лет я без работы. Все заводы и рудники Донбасса отказывают в работе, я значусь в черных списках. В 1903 г. поступаю из Луганске на зав. Гартмана, но через 2—3 месяца меня из полицией выдворяют из Луганска. В это же время я официально вступаю в партию и

ВОРОШИЛОВ К. Е. (1881—1969).

С 1925 нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, с 1934 нарком обороны СССР. С 1940 заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны член ГКО. С 1946 заместитель председателя Совмина СССР. В 1953—60 председатель Президиума Верховного Совета СССР. До 1961 и с 1966 член ЦК, в 1926—60 член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В 40-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии.

делаюсь большевиком, вхожу в Луганский комитет. Летом 1909 г. снова удается поступить через Рыжкова на Гартманский завод. В феврале, а затем в июне руковожу на заводе забастовками. Тогда же выбираюсь председателем сов. депутатов на заводе. В июле во время забастовки арестуюсь на заводе и, до полусмерти избитый, сажусь до декабря в тюрьму. В декабре, по требованию тысячи рабочих, подошедших к тюрьме, освобождаюсь под залог. Вскоре я скрылся от нахлынувшей волны реакции. В начале 1906 г. делегатом еду на Стокгольмский с'езд и впервые встречаюсь там с цветом нашей партии—видаюсь с Ильичом.

По возвращении из Стокгольма усиленно готовим организацию к боевым действиям. Я дважды еду в Финляндию и привожу большие партии оружия, закупленного у финских революционеров. С этим оружием пришлось повозиться и нынешнему председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву. Луганская организация имела лучшие боевые отряды и прекрасную лабораторию, изготовлявшую в неограниченном количестве бомбы. Оставаясь все время председателем депутатского собрания, я был избран предом вновь организованного профсоюза рабочих завода Гартмана. Управление заводом фактически перешло в руки рабочих, и директор завода управлял номинально.

В октябре меня и других должны были судить выездной сессией Харьковской судебной палаты, но общая забастовка рабочих Луганска сорвала суд. Весной 1907 г. палатой был оправдан и тогда же поехал на Лондонский партийный с'езд делегатом от Луганской организации Перед этим был делегирован на первую Всероссийскую конференцию профсоюзов металлистов в Москву. В июле 1907 г. был арестован и в октябре того же года выслан в Архангельскую губернию на 3 года.

В декабре 1907 г. бежал из ссылки и был направлен ЦК для работы в Баку. Здесь вместе с т.т. Шаумяном, Джапаридзе, Сталиным, Сосновским и др. проработал до осени 1908 г. и уехал в Питер. В Питере был арестован в сентябре и снова отправлен в Архангельскую губ. В ссылке, в Холмогорах, в январе 1911 г. был арестован и просидел в Архангельской тюрьме до ноября, а затем выслан в Мезенский уезд. Освободившись из ссылки в 1912 г., я поступил служить в кооператив рабочих на заводе „Дюмо", но через 3—4 месяца был арестован и выслан в Чердынский край. Из Чердыни освободился в 1914 году и устроился на Царицынском орудийном заводе. В Царицыне собираю рассеянных по заводам и предприятиям старых большевиков, но вскоре должен был уехать в Питер, спасаясь от царской армии. В Питере снова обыски и слежка.

С первых дней февральской революции я—член питерского С.-Р. Д. и член бюро нашей фракции. В марте я в Донбассе. В апреле участвую на партконференции делегатом, а затем делегатом же на 6 с'езде партии. В Луганске, где я работал в 1917 г., председательствовал в Совете, Гор. Думе и комитете партии. Был делегатом на демократическом совещании, а затем был избран от Екатеринославской губ. членом Учред. Собрания. Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 г., в марте под моим командованием дравшегося с оккупационными немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5 Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну. На ст. Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицканауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца „группа войск Ворошилова" пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10 Кр. армия, которою мне было поручено командовать В 1918 г. вхожу в состав правительства Украины, затем назначаюсь командующим войсками Харьковского в округа. После этого командовал 14 армией и внутренним Украинским фронтом. В конце 1919 г.—член РВС 1 Конной армии, в 1921 г —член ЦК РКП, командующий Сев. Кавк. в. округом и член РВС Союза ССР, а в 1924 г — член его Президиума. С мая 1924 г. назначаюсь командующим войсками Московского в. округа и в настоящее время состою членом бюро МК РКП, членом Президиума Моссовета, председателем Московского Авиохима, зам. председ. Авиохима РСФСР и особоуполномочен-

ным РВС СССР при Совнаркоме РСФСР. За боевые заслуги награжден 2 орденами Красного Знамени и почетным оружием.

Восков, Самуил Петрович (парт. имя Семен Петрович), род. в 1889 г. в Полтавск. губ. в бедной семье. По профессии столяр, мальчиком вошел в с.-д. организацию и оказывал ей различные услуги, работал в нелегальной типографии в Одессе, был арестован в Екатеринославе. Революционное выступление заключенных освободило В. из тюрьмы, и он эмигрировал в Австрию, где занялся организацией еврейских рабочих-столяров. Потерпев неудачу в своей попытке, он в 1907 г. уехал в Америку в Нью-Йорк, где принимал близкое участие в жизни русской с.-д. и в Федерации труда, работал над созданием газеты „Новый Мир", входил в редакционн. коллегию газеты. В 1916 г. руководил стачкой столяров. В 1917 г. он поспешил в Россию, как только пришла весть о революции, поступил на работу в Сестрорецк, вошел в партию большевиков, был избран в члены Учред. Собрания от Петрогр. губ., назначен затем комиссаром продовольствия Северн. области и неоднократно занимал самые ответственные посты. Петроградск. рабочими он был выдвинут в Губер. Сов. Р. и К. Д. и нередко выступал перед крестьянами. В. был одним из инициаторов и ближайших участников крестьянск. с'езда комбедов Северн. области. В сент. 1919 г. В. был назначен военкомом дивизии на Деникинском фронте в момент перелома кампании, занимался организацией советской власти в занятых городах. Ум. в Таганроге от сыпного тифа 19 марта 1920 г. См. *„Пам. бор."* и *„Мат."*.

Ганецкий, Яков Станиславович (Я. Фирстенберг) *(автобиография)*. Родился я 15 мая 1879 г. в Варшаве. Происхожу из буржуазной, довольно зажиточной семьи. Еще в юные мои годы отец мечтал о том, чтобы дать мне „хорошее" воспитание, много знания, чтобы я стал „знаменитым адвокатом", „крупным инженером" или кем-нибудь в этом роде... Однако, с детских лет я как будто намечал себе другой путь. Уже тогда происходил во мне какой-то бунт. Меня раздражало положение прислуги, малое—по моему—вознаграждение учителя и т. п. Гимназия, с ее полицейским режимом, руссификаторскими тенденциями, со скверными педагогическими методами — усиливала лишь во мне этот бунтарский дух... В 4-м классе у меня почти каждый день бывали скандалы с учителями или с пресловутыми „помощниками классных наставников". Редко проходил день без карцера, и если сразу собиралось несколько „проступков", то карцер откладывался на воскресные дни Гонение против меня усилилось после одного „политического" скандала. „Республиканец" директор гимназии предложил ученикам являться в гимназию в табельные дни. Хор пел, оркестр играл „боже, царя храни", вслед за тем ученики должны были кричать „ура". Два-три праздника прошли благополучно, а в следующий—все ученики открыли рты,—но царствовала гробовая тишина.... Директор установил, что я был одним из зачинщиков. За это мне досталась тройка по поведению до конца года со внесением в кондуитный журнал: „во время хорового пения „боже, царя храни" смеялся и уговаривал младших учеников не кричать „ура"...

Я окончательно считал себя тогда „революционером". Я принадлежал к тайному ученическому кружку (они существовали во всех гимназиях в Польше), который, однако, все меньше меня удовлетворял, вследствие царившего там шовинизма. Летом я ездил с семьей за границу на взморье. Там поглощал революционную литературу и на обратном пути, тайком перед своими, забирал ее с собой. Я имел ее кругом тела забинтованную бинтами. Будучи в 5-м классе в 1896 г., я решил покинуть Варшаву—и гимназия стала невмоготу, и семья стесняла. Переехал я в Петроков. Здесь занятия в гимназии отошли на задний план. Бывало, я по целым неделям „по болезни" не ходил в школу. Удалось найти еще троих таких „усердных" учеников. Днем мы в своем кружке серьезно занимались по политической экономии, читали Каутского, прошли за год почти весь первый том „Капитала" Маркса (хотя многое осталось в нем непонятым). По вечерам читали лекции местным рабочим, среди которых мы сорганизовали несколько кружков; через них распространяли нелегальную литературу, воззвания и т. п. Намечалась также связь с рабочими в окрестности, куда мы ездили весьма конспиративно, переодеваясь в штатское платье (тогда в гимназиях была специальная форма, солдатского типа), и выступали на собраниях в 40—50 человек. В 1899 году, когда я уже был в 8-м классе, вследствие арестов некоторых товарищей в Варшаве, и мне угрожал провал; жандармы заходили уже на квартиру и ста-

ВОСКОВ С. П. (1889–1920).

ГАНЕЦКИЙ Я. С. (1879–1937).

В 1930–32 член Президиума ВСНХ РСФСР. В 1932–35 возглавлял Государственное объединение музыки, эстрады и цирка. С 1935 директор Музея Революции СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ли усиленно расспрашивать про мою жизнь. История эта для меня кончилась вдвойне благополучно. Жандармы успокоились. Но заволновался отец и, желая выбить из моей головы все „глупости", снабдил меня большой суммой денег и отправил на рождественские каникулы повеселиться за границу. Метод очень ловкий и почти верный. Но бедняжка был весьма огорчен, когда впоследствии узнал, что я в Берлине, Лейпциге, Париже своеобразно развеселялся, усердно посещая социалистические митинги. Одно время я был под сильным влиянием Толстого, его „Крейцеровой сонаты". Принимал деятельное участие в организации среди учеников толстовских кружков, даже удалось созвать один с'езд. Но это продолжалось не долго—и чистый марксизм потянул меня целиком.

В том же году, окончив гимназию, я поступил вольноопределяющимся на военную службу в Петрокове. Здесь мне угрожало дело в военном суде за то, что выругал командира полка. Но спас врач, удостоверивший, что я был в „возбужденном состоянии", и дело кончилось недельным арестом и 2-х-недельным „лечением" в военном лазарете. Окончив через год военную службу, я поехал за границу, где был два семестра в Берлине и по одному в Гейдельберге и Цюрихе. Занимался естественными и общественными науками, но все более партийной работой, являясь связующим звеном между Польшей и за-границей. В начале 1902 г. я был арестован в Берлине и административно выслан из Пруссии: почта донесла полиции, что я получил транспорт социалистической литературы из Парижа (литература была переотправлена в Польшу).... Пребывание в Цюрихе, слишком отдаленном от Польши, тяготило меня. Тянуло на родину для партийной работы... Летом 1902 г. бежал из ссылки Дзержинский. Мы тут же организовали в Берлине партийную (польской с.-д.) конференцию, положившую окончательно твердые основы для нашей партии. После конференции я нелегально поехал в Польшу на работу. Приходилось скрываться не только перед охранкой, но и от родителей, чтобы избавить их от волнений, а себя от семейных драм... Родители были уверены, что я раз'езжаю по прекрасным швейцарским озерам, откуда они систематически получали от меня письма, наперед мною написанные и оставленные товарищам для отправки.

С того времени я становлюсь окончательно профессионалом-партийцем. Принимаю участие во всех партийных с'ездах польской социал-демократии, на 4-ом в 1903 г., 5-ом в 1906 г., 6-ом в 1908 г. и с 1903 г. состою постоянно членом главного правления партии. От польской партии участвую в 1903 г. на 2-м с'езде РСДРП, где впервые познакомился с Лениным, и в 1906 г. на Стокгольмском (об'единит.), где партия наша вступает в РСДРП. На Лондонском с'езде в 1907 г. меня выбрали в центральный комитет РСДРП. До 1911 г. я принимал участие в заседаниях центрального комитета в России, а также в партийных конференциях. Первый раз был арестован в 1903 г. 20-го декабря. Арестован был случайно на конспиративной квартире в Варшаве с подложным паспортом на имя „Троцкого". После разных мытарств, 8-дневной голодовки, а главное—благодаря „новым веяниям", меня освободили под залог в сентябре 1904 г. Возбужденное против меня дело было однажды слушанием отложено из-за неявки других обвиняемых, а потом на основании общей амнистии совсем прекращено. Вторично был арестован в октябре 1906 г. с подложным паспортом на имя „Борель" при организации побега одному товарищу из Влоцлавской тюрьмы. Ввиду военного положения, в ту же ночь был надо мною устроен полевой суд, благополучно, однако, окончившийся. Из тюрьмы в марте 1907 г. был административно выслан в Вятскую губернию, откуда в апреле бежал. По пути через Питер заезжал к Ленину в Финляндию, где, главным образом, обсуждали вопросы, связанные с предстоящим Лондонским с'ездом. В день приезда в Варшаву я был арестован на партийной квартире и 11 ноября, в виду болезни, административно выслан до суда в Оренбургскую губернию, откуда вскоре бежал. После раскола в польской соц.-демокр. я состою членом краевого правления отколовшейся части партии, которая более приближалась к большевикам и была в тесном контакте с их заграничным центром, во главе с Лениным. В 1912 г. участвую в международном Базельском конгрессе, а в 1914 г., накануне войны, на конференции при Междунар. Бюро (попытка Межд. Бюро об'единить большевиков с меньшевиками).

Война застигла меня в Кракове. В конце 1915 г. я оттуда выбрался, несколько месяцев пробыл в Швейцарии и летом 1916 г. переехал в Скандинавию. На манифесте Циммервальдской конференции имеется моя подпись, на самой конференции из-за паспортных затрудне-

ний я не присутствовал. В 1917 г. после февральской революции при приезде Ленина в Петроград организуется в Стокгольме Заграничное бюро Центр. комитета, куда вхожу я вместе с Воровским и Радеком. После Октябрьской революции переезжаю в Россию, где все время остаюсь на советской работе. В начале работаю в Наркомфине в качестве тов. главн. комиссара Народного банка, а потом назначаюсь главн. комиссаром—управляющим банка и членом коллегии Наркомфина. В 1918 г. принимаю участие в переговорах в Берлине о дополнительном соглашении еще с кайзеровской Германией. В том же году в Берлине вместе с Воровским веду переговоры с Финляндией. В 1920 г. состою членом делегации по переговорам с Латвией, а по их окончании назначаюсь полпредом и торгпредом в Латвии. В 1921 г. участвую в делегации по мирным переговорам с Польшей и в том же году еду в качестве представителя РСФСР на Карскую конференцию (переговоры между Закавказскими республиками и Турцией). На посту представителя в Латвии остаюсь до конца 1921 г., когда переезжаю на работу в Наркоминдел в качестве члена коллегии. В 1923 г. перехожу на работу в Наркомвнешторг, где в качестве члена коллегии работаю по сей день. Сейчас состою председ. делегации по переговорам с Германией о торговом договоре (1 сент. 1925 г.).

Гастев, Алексей Капитонович (*автобиография*), родился 26 сентября 1882 г. в г. Суздале Владимирск. губ. Отец его был учителем и умер, когда Г. исполнилось 2 года. Мать Г. была портниха. По окончании городского училища, а затем технических курсов, Г. поступил в учительский институт, но был исключен оттуда за политическую деятельность. Бросив ученье в 18 лет, отдался политической работе, скитался по тюрьмам, ссылкам и работал слесарем на заводах в Ленинграде, Харькове, Николаеве, а также в трамвайных парках по ремонту трамваев. До 1917 г. находился на нелегальном положении. Скитальческая жизнь бросала Г. то на дикий север (ссылка в Нарымский край), то в Париж, куда он несколько раз эмигрировал, преследуемый за политическую деятельность. За границей работал на заводах.

С 1901 по 1917 г. состоял в РСДРП (б). В профессиональный союз (ВСРМ) вступил в 1907 г. С 1907 по 1918 г. был членом правления ленинградского союза металлистов, а в 1917—18 г.—секретарем ЦКВСРМ. С момента Октябрьской революции работает в качестве профессионалиста, управляющего промышленными предприятиями и журналиста.

Художественные вещи Г. начал писать в 1900-х гг. В первый раз его произведение опубликовано в 1904 г.—рассказ „За стеной", из жизни политич. ссыльных. Сборники художественных произведений издавались несколько раз под заголовками „Поэзия рабочего удара". Последний сборник вышел в Москве в 1923 г. В настоящее время Г. оставил деятельность в области художеств. литературы и всецело посвятил себя работе по организации труда. Своим последним художественным произведением Г. считает ЦИТ (Центральный Институт Труда ВЦСПС), которым он заведует и который воплощает все легендарные замыслы, вложенные в его художественную работу. Основным научным трудом Г. является книга „Трудовые Установки" (издана в 1924 г.), где изложена методика ЦИТ'а по обучению трудовым приемам. Целый ряд книг им написан по вопросам профессионального движения, научной организации труда и строительства новой культуры: „Индустриальный мир", „Профсоюзы и организация труда", „Как надо работать", „Время", „Восстание культуры", „Юность, вди!", „Новая культурная установка" и др. Редакт. журнал „Организация Труда" и сборник „КИУ" („Конструктор—Изобретатель—Установщик").

Глебов-Авилов, Николай Павлович, (лит. псевдон. *Глебов*) (*авторизованная биография*), сын калужского сапожника, род. 1887 г., детство провел в тяжелой нищете, с 12 л. стал для поддержки семьи работать в типографии. С 1904 г. Г. начал посещать кружки, митинги, читать прокламации, издания „Молота" и „Донской Речи" и нелегальн. литературу. Работа в калужск. с.-д. организации сделала его марксистом. В революционном движении 1905 г. Г. принял активное участие. Переехав в 1906 г. в Москву, вошел в связь с партийной организацией, работал в качестве „техника" в подпольной типографии, где печаталась „Борьба", затем в нелегальном Всероссийском союзе железнодорожников, в партийных заводских кружках ряда друг. московских предприятий и был уполномоченным от фабрик. Сделавшись, так. обр., партийным профессионалом, Г. получает ряд ответственных поручений от моск. комитета, в 1907 г. командируется на Урал, где входит в близкое общение с революционно настроенными уральскими рабочими. Здесь подвергается аресту, а затем отдается под надзор полиции, скрывается в Москву и работает в город. партийной

ГАСТЕВ А. К. (1882–1938 или 1941).

В 1931 вступил в ВКП (б). Возглавлял ЦИТ до 1938, одновременно в 1924–26 заместитель председателя, председатель Совета по научной организации труда при наркомате РКИ СССР, в 1932–36 председатель Всесоюзного комитета стандартизации при СТО СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Н. П. (1887–1942).

С 1926 советник полпредства СССР в Италии. С 1928 начальник строительства, затем директор завода "Россельмаш" в Ростове-на-Дону. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ГОРДОН А. И. (1884–?).

С 1927 работал в Азово-Черноморском крае. В 1927 исключен из партии, в 1928 восстановлен, в 1935 исключен вновь.

организации. Скоро Г. опять попадает в тюрьму, затем ссылается в Калугу и здесь организует подпольную газету „Калужский Рабочий", которая кончается на втором номере, а Г. попадает на два слишком года в тюрьму и только в 1910 г. выходит на свободу. В конце 1910 г. Г. отправляется по выбору моск. организации в Италию, в высшую партийную школу в Болонья и пополняет свое марксистское образование. По возвращении в Россию, благодаря провокации, в Петербурге после митинга на Путиловском зав. перед 1 мая 1912 г. подвергается аресту и высылается в г. Ялуторовск Тобольск. губ. Первое время Г. продолжает самообразование, затем бежит из ссылки и работает в г. Николаеве Херсон. губ., но скоро опять попадает в руки полиции и опять высылается в г. Тару Тобольск. губ. Освободившись по манифесту из ссылки, Г. возвращается в Петроград, делается редактором органа союза металлистов, работает в качестве рабочего корреспондента газ. „Правда", принимает участие в подпольной работе, в 1914 г. по делу об устройстве всероссийской конференции и международного конгресса отправляется в Поронино (близ Кракова) к Ленину, а затем для подготовки конференции в Баку. С начала войны Г. работает в Екатеринославе, организует там партийные кружки, скоро опять попадает под арест и высылается в Нарымский край, откуда бежит в Москву, живет под другой фамилией. Его опять арестовывают и отправляют в ссылку. Февральская революция застает Г. в бегах из Нарымского края. Г. ведет агитацию в Томске, затем уезжает в Петроград, работает в П. К. партии, затем в петрогр. бюро профсоюзов, в его президиуме, а затем в президиуме ВЦСПС. После октября Г. назначается наркомом Почт и Телеграфов, затем опять работает членом президиума ВЦСПС, Наркомтр. Украины, а в последнее время – членом президиума и председателем ленинградск. ГСПС и Сев.-Зап. бюро ВЦСПС. Кандидат в члены ЦК. См. *„Мат."*.

Гордон, Абе Исакович (Николай, Дон, Менахем) *(автобиография)*, по профессии наборщик, род. в 1884 г. в гор. Тукуме б. Курляндской губ., сын портного. В 1897 г. поступил учеником в типографию. В 1901 г. он, будучи в Риге, знакомится с рабочими с.-д. и начинает принимать участие в революционном движении, примыкая к латышской с.-д. весною 1905 г., совместно с латышским революционером Берзкальн, организовал в гор. Тальсене подпольную типографию для печатания латышских прокламаций. Вскоре после этого Г. арестовывается в Риге. Сидя в Рижской центральной тюрьме, Г. примкнул к „Бунду". Освобожденный из тюрьмы в ноябре 1905 г., Г. переезжает для работы в Тукум-Тальсенский район, где принимает участие в вооруженном восстании. Был предан военно-полевому суду карательной экспедиции генерала Орлова. Бегством спасся от приговора суда. Вместо него был захвачен во время обыска поезда совершенно невинный человек, но по внешности сходный с Г., сын тукумского фабриканта Куржанский. Последний был по приговору военно-полев. суда повешен на дереве около ст. Стенден (б. Виндаво-Рыбинской ж. д.). В 1906 г. Г. работает в виленской организации „Бунда". Был там же арестован. В 1907 г. переезжает в Либаву, а потом в Ригу, его выбирают в рижский комитет „Бунда". В начале июня 1907 г. Г. вновь арестовывается в Риге, после разгона II государств. думы. По выходе из тюрьмы ведет с.-д. работу в подполье, профессиональных союзах и в культурно-просветит. обществе „Вестник Знания". В 1911 г. арестовывается в Риге на демонстрации, посвященной годовщине 9 января 1905 г. В 1912 г. опять арестовывается на короткий срок и по освобождении из тюрьмы участвует в организации всеобщей забастовки печатников в Риге, в связи с выработкой нового тарифа. Назначается в члены генерального стачечного комитета печатников Прибалт. края. Начались аресты печатников, и Г. удается бежать из типографии во время ее окружения полицией.

По распоряжению ЦК „Бунда" Г. направляется для партийной работы в Лодзь, где вскоре на собрании в союзе текстильщиков арестовывается и высылается из Лодзи. Переезжает летом 1913 г. для партийной работы в Варшаву, откуда его избирают от варшавского рабочего кооператива на II всеросс. с'езд кооперативов в Киеве. По окончании с'езда его в Киеве арестовывают и после двухмесячной отсидки в Остерской тюрьме (Черниговской губ.) он вновь приезжает в Варшаву. Привлекается по лодзинскому делу по 102 ст. Вызывается в Гомель на совещание при ЦК Бунда, где проваливается и уезжает в Берлин. Поступает на работу в типографию. В начале империалист. войны, совместно с другими русскими с.-д., в Берлине его арестовывают и отправляют в концентрационный лагерь в Деберич. По возвращении в Берлин вновь аресто-

зывается за принадлежность к германской с.-д. и по ходатайству К. Либкнехта, после короткой отсидки, был освобожден. Переезжает для работы в Швецию. Через некоторое время порывает с Бундом и входит в заграничную группу большевиков. В апреле 1916 г. арестовывается в Стокгольме и высылается совместно с Н. И. Бухариным и Ю. Пятаковым в Норвегию. Уехал в Данию, где вел революционную работу среди еврейских пролетарских эмигрантов. Выпускает один номер революционной интернационалистской газеты, при участии Г. И Чудновского и М. С. Урицкого, на еврейск. яз.—„Арбейтер Штимме". Работает в типографии. В 1917 г. весной приезжает в Ленинград. В ноябре этого же года избирается секретарем ленинградского союза печатников, потом председ. союза. В 1918 г. избирается членом ленингр. Совета Р. и Кр. Д. и в 1919 г. членом ленинградского комитета РКП(б).

Гуковский, Исидор Эммануилович, род. в 1871 г., сын купца, был аптекарским помощником. Революц. деятельность нач. с 1898 г. участием в кружке „Группа рабочих революционеров", издавав. „Рабочее знамя", и руководством колпинским кружком рабочих. За подстрекательство к забастовке ижорских рабочих и принадлежность к с.-д партии был заключен в крепость и затем попал в ссылку на 5 лет в Енисейск губ. Из ссылки вернулся в 1904 г, уехал в Баку, работал в с.-д. организации под именем Федора Измайловича. В 1906 г. Г. состоял секретарем газ. „Новая Жизнь", затем уехал сначала в Одессу, потом за границу. В 1907 г вернулся в Россию, был задержан, опять привлечен к суду, но оправдан (1908), жил затем в Москве. После Октябр. революции Г. был назначен наркомом финансов, а затем полпредом РСФСР в Эстонии. Осенью 1921 г. ум. от воспаления легких. См *„Мат."*.

Гусев, Сергей Ивзнович (*автобиография*) (перв. Драбкин, Яков Давидович), род. в 1874 г. в г. Сапожке Рязанской губ. Детство (до 5 лет) провел в г Борисоглебске. Четырех лет от роду был на улице избит, как „жид", мальчишками. Это было первым поводом к недовольству существующим строем. До 10 лет проживал в селе Надеждино (Куракино) Сердобского у. Сарат. губ. Убийство Александра II и особенно процесс народовольцев (более же всего помещенная в „Ниве" иллюстрация, изображающая Желябова и Перовскую в тот момент, когда их на повозке везут на казнь) произвели на меня очень сильное впечатление. Не менее сильное впечатление осталось у меня от коронации Александра III, во время которой владелец имения кн. Куракин (владевший спиртоочистительным заводом и несколькими десятками кабаков в уезде) пожертвовал куракинским крестьянам несколько бочек водки, в результате чего они перепились до такой степени, что несколько человек на лугу перед княжеским дворцом, где производилась раздача водки, тут же умерли. Самодержавный царь, устроивший в начале своего царствования несколько еврейских погромов, слился в представлении моем с кровью и водкой. В Куракине я попал под начало старой, бабушки, которая принуждала меня ежедневно читать по несколько часов длиннейшие еврейские молитвы. Позже к этому присоединилось изучение библии на древне-еврейском языке под руководством специально выписанного учителя. Результатом этого было непреодолимое отвращение к древне-еврейскому языку и ненависть к бабушке, к религии и к богу. С 1884 по 1886 г. проживал в Сердобске, где через одноклассницу, дочь писателя-народника Слепцова, познакомился с последним и здесь впервые услышал о любви к народу, к мужику, к бедняку. Начавшееся еще в Куракине увлечение чтением (французские романы, вроде „Рокамболя" и „Монте-Кристо"), в Сердобске превратилось в страсть и на долгие годы стало непреодолимой потребностью.

В 1887 г. я переехал в Ростов н/Д. и там поступил в 3-й класс реального училища. В этом же году „ненависть к богу" превратилась в инстинктивный атеизм, который в последующие два года под влиянием Дарвина стал сознательным убеждением. В 1890 г. впервые познакомился с нелегальной литературой (листки „Фонда вольной русской прессы", наполненные придворными сплетнями, и герценовский „Колокол"). В 1891 г. едва не был исключен из училища „за проповедь атеизма". В том же году впервые услыхал о Марксе и о марксизме. Первой марксистской книжкой были „Очерки из общественной жизни животных" Каутского, произведшие на меня сильное впечатление. В следующем году свел знакомство с несколькими учениками городского училища, где сохранилась революционная традиция от бывшей ранее в Ростове н/Д., но совершенно разгромленной, сильной народовольческой организации. Прочитал несколько книжек по французской революции и начал заниматься просветительной работой с отдельными рабочими (математикой,

ГУКОВСКИЙ И. Э. (1871–1921).

ГУСЕВ С. И. (1874–1933).

В 1925–26 заведующий отделом печати ЦК ВКП (б). С 1928 кандидат в члены Исполкома Коминтерна (ИККИ), с 1929 член Президиума ИККИ.

естественными науками, историей). Участвовал в кружке по изучению истории. В 1892 г. окончил реальное училище. В 1893 г. пытался поступить в Петербургский технологический институт, но из-за высокого конкурса (для евреев) не был принят. Вынужден был поступить в банк в Евпатории, но через 8 месяцев службу бросил, порвал с родными и переехал в Одессу, где сильно бедствовал и голодал, занимаясь грошевыми уроками. Здесь я познакомился с бывшим народовольцем Леоновым, у которого достал первую и третью главу „Капитала", которые, однако, не сумел полностью осилить. Прочитал в тамошней публичной библиотеке не мало книг. В 1895 г.—вновь в Ростове, без определенных занятий. Вновь много читал и работал в кружке. В 1896 г. я поступил в Петербургский технологический институт и тотчас же вступил в „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", работал преимущественно на технической работе (устройство типографии — мимеографа, печатание прокламаций, разноска литературы). Прочитал за зиму 1896—97 гг. первый том „Капитала", Бельтова, Струве, Эрфуртскую программу, несколько нелегальных брошюр. Участвовал в демонстрации (четвертого марта 1897 г.) у Казанского собора в Петербурге по поводу самоубийства в Петропавловской крепости курсистки Ветровой. В ночь на 21 марта арестован, при обыске найдены соц.-дем. брошюры и отпечатанная на мимеографе „Рабочая Газета". После 6-месячного пребывания в „Предварилке", где очень много читал (второй и третий том „Капитала", Зибер, ряд старых журналов), был выслан в конце сентября в Оренбург, а затем с января 1899 г. в Ростов н/Д. под гласный надзор полиции. С 1900 по 1903 г. был сотрудником в „Приазовском Крае" и в „Донской Речи" и одновременно работал в донском комитете РСДРП. В 1900—1901 гг. ездил на 8 месяцев в Брюссель, изучал нелегальную литературу. Благодаря знакомству с Акимовым еще по работе в Петербурге в 1896—97 гг., некоторое время колебался в самоопределении между „Рабочим Делом" и „Искрой", но по приезде в Ростов на опыте практической работы в пару недель убедился в правильности позиции „Искры" и бесповоротно стал ее сторонником. Принимал деятельное участие во всей комитетской работе, участвовал в руководстве знаменитой ростовской забастовкой 1902 г., а затем в организации мартовской демонстрации 1903 г., вслед за которой эмигрировал в Женеву. Летом того же года участвовал во II-м с'езде РСДРП в качестве делегата от донского комитета и решительно стал на сторону Ленина и Плеханова, собравших на с'езде незначительное большинство голосов, почему их группа и получила название „большевиков". После с'езда (осенью 1903 г.) об'ехал с докладом о нем южные города (Киев, Одессу, Николаев, Харьков), но затем, по настоянию ЦК вернулся за границу в виду угрожавшей смертной казни по Таганрогскому процессу (военный суд, судивший ростовских демонстрантов, был в Таганроге). За границей (Женева, Париж) оставался до ноября 1904 г., занимаясь в рабочих кружках (нескольких русских и двух французских) и ведя борьбу с меньшевиками. В начале декабря 1904 г. прибыл в Петербург, где оставался до 7 мая 1905 г. в качестве секретаря петерб. комитета РСДРП (б) и бюро комитетов большинства (большев. ЦК). Принимал деятельное участие во всех работах ПК и БКБ и вел деятельную переписку с Лениным и Крупской, посылал ряд корреспонденций в большевистский орган „Вперед". В мае, удачно избежав ареста, уехал на две недели в Ревель, а затем вследствие серьезного заболевания, вызванного крайним переутомлением, в Одессу, где по болезни не мог до июля принимать участия в работе. По выздоровлении был секретарем одесского комитета РСДРП(б), вел деятельную переписку с Лениным, читал рефераты и воевал против меньшевиков. В январе 1906 года переехал в Москву, где был членом МК РСДРП(б), в начале в качестве ответственного пропагандиста, а затем в качестве организатора ж. д. района. Весной 1906 г. ездил в Стокгольм в качестве делегата московской организации на 4 (об'единительный) с'езд. В сентябре 1906 г. арестован в Москве, при обыске найдено огромное колич. нелегальных брошюр, резолюций, воззваний и проч. Просидел в тюрьме 9 месяцев и затем был выслан на три года под надзор полиции в Березов Тобольской губернии. Через год переведен был в Тобольск, откуда весной 1909 г. бежал. В Москве ознакомился со спорами между „отзовистами" и „ленинцами" и примкнул к последним. В течение лета и осени 1909 года по поручению ЦК об'езжал южные города (Киев, Одесса, Николаев, Елисаветград, Екатеринослав, Харьков), затем работал около 2 мес. в Одессе, ведя борьбу с „отзовистами" и „ликвидаторами" и поддерживая переписку с Лениным. Осенью 1909 г. приехал в Петербург, где познакомился со Свердло-

вым, и вместе с ним около 3 мес. работал в организации, затем бежал от ареста в Териоки, где пробыл до весны. Острое нервное заболевание, начавшееся в Териоках и затем крайне усилившееся вследствие пребывания на нелегальном положении (без паспорта, без квартиры, без заработка), на долгие годы вывело из строя и лишило возможности продолжать партийную работу, которая возобновилась только в 1917 году. В октябрьские дни был секретарем Военно-Революционного Комитета Петрограда, в 1918—22 гг. последовательно был членом РВС 5-й и 2-й армии, членом РВС Востфронта, членом РВСР, членом РВС Юговостфронта, членом РВС Южного фронта и с весны 1921 г. начальником Политуправления Республики и членом РВСР.

С 1923 года—секретарь ЦКК РКП(б) и член коллегии НК РКИ СССР. Написал ряд военных и военно-политических статей (наиболее крупные работы: „Уроки гражданской войны", 1920 год, и „Наши разногласия в военном деле", 1925 г.), а также брошюру „Единый хозяйственный план" (1920 г.), в которой изложен план восстановления хозяйства СССР, принятый IX-м с'ездом РКП(б).

Демьян Бедный *(авторизованная биография).* Вряд ли хоть одному из наших писателей выпала на долю история жизни более страшная и выразительная, чем детство Д. Б. В ранние годы теснейшим образом он был связан с людьми, в душе и на платье своем носившими все запахи уголовщины и каторги. И нужны были огромные внутренние силы, чтобы так легко стряхнуть с себя эту грязную накипь жизни. Ужасающая жестокость и грубость окружали детство Д. Б. Предки его, по фамилии Придворовы, принадлежали к военно-поселенцам Херсонской губ. Военные поселения—детище страшного Аракчеева — представляли собою худший вид крепостного права, худшее рабство, какое только знал мир. С величайшей завистью смотрели военно-поселенцы на обыкновенных крепостных. После падения крепостного права дух аракчеевщины еще долго витал над всей херсонщиной, поддерживая в местном населении жестокость, буйство, бандитско-разбойничьи инстинкты, нашедшие свои отзвуки позже в махновщине и григорьевщине.

Родился Д. Б. 1 (13) апр. 1883 г. в дер. Губовке Александрийск. уезда Херсонской губ. Это большое украинское село прорезанное р. Ингулом, отделяющим левую—украинскую часть села от правой, издавна занятой военно-поселенцами. Дед Д. Б., Софрон Федорович Придворов, хорошо еще помнил времена поселенчества. Мать, Екатерина Кузьминична, была родом украинская казачка из селения Каменки. Женщина исключительно красивая, крутая, жестокая и распутная она глубоко ненавидела своего мужа, жившего в городе, и всю свою тяжелую ненависть вымещала на сыне, которого родила, когда ей было только 17 л. Пинками, побоями и бранью она вселила мальчику ужасающий страх, который постепенно превратился в непреодолимое, навсегда оставшееся в душе, отвращение к матери.

...„Незабвенная пора, золотое детство"...—иронически вспоминает потом эту пору своей жизни поэт.

Ефимке едва минуло 4 года. Был праздник,— ужасная духота. По обыкновению избитый и заплаканный Ефимка, плетясь за матерью, очутился у лавочника Гершки. Забившись в угол, он стал невольным свидетелем бесстыдной сцены, разыгравшейся тут же на мешках, на глазах потрясенного ребенка. Мальчик горько заплакал, а мать всю дорогу остервенело лупила его палкой. Отец, Алексей Сафронович Придворов, служил в городе, в 20 верстах от Губовки. Приходя домой на побывку, он бил жену смертным боем, и та сторицею возвращала побои сыну. Возвращаясь к себе на службу, отец нередко уводил с собою Ефимку, который, как праздника, дожидался этих счастливых передышек. До 7 лет Ефим жил в городе, где и научился грамоте, а потом до 13 лет в деревне с матерью.

Против материнского дома, прямо через дорогу, находились шинок (кабак) и сельская „расправа". По целым дням сидел на завалинке Ефимка и смотрел в лицо деревенской жизни. Безгласная, безмолвная, порабощенная Русь, набравшись смелости в кабаке, дико горланила похабные песни, мерзостно сквернословила, бушевала, буянила и потом смиренно искупала свои кабацкие ереси покаянием в „холодной". Тут же, бок-о-бок с „холодной", где шла борьба с индивидуальными пороками перепившихся губовцев, развертывалась во всю крикливую ширь губовская жизнь на поле общественной борьбы: галдели деревенские сходки, кляня шатались понурые неплательщики, орали и требовали недовольные жалобщики и, гремя всеми струнами деревенской юстиции, „расправа" вселяла губовским мужикам уважение к основам помещичьего строя. А мальчик слушал и поучался.

Не раз среди действующих лиц приходилось встречать ему собственную

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ (1883–1945).

мать. Екатерина Кузьминична редко бывала дома и, с увлечением предаваясь попойкам и дракам, не мало способствовала отступлениям от форменного и узаконенного порядка в Губовке. Изголодавшись, мальчик стучался в первую попавшуюся избу. „Так сызмала - говорил Д. Б улыбаясь—я приучался к общественному питанию: куда придешь, там и дом твой". По вечерам, забравшись на печку, Ефимка делился с дедом запасом житейских наблюдений. А в воскресные дни дед брал с собой внука в кабак, где в пьяном чаду довершалось житейское образование мальчика. Дома навеселе дед любил вспоминать о старине, о поселенческих временах, об уланах и драгунах, стоявших постом по всей херсонщине. И подогретое водкой воображение деда охотно рисовало идиллические картины крепостной старины.

— „Как, бывало за поселение..." начинал дед.

Выходило так, что лучшего порядка, чем патриархальная старина, и желать нельзя. Всякое нововведение тут ненужная вставка. Но в трезвом виде дед говорил другое. С ненавистью рассказывал он внуку об аракчеевщине, о милостях барских: как поселенцев наказывали палками, как мужиков в Сибирь ссылали, а баб, оторванных от грудных детей, превращали в собачьих кормилок. И рассказы эти навеки врезались в памяти Ефимки.

О многом мне поведал дед.
Суровы были и несложны
Его рассказы и ясны,
И были после них тревожны
Мои младенческие сны...

Для живого и впечатлительного мальчика наступило время тяжелых размышлений. Он хватал на - лету рассказы деда и бился в тревожных думах. С одной стороны, дед как-бы требовал оправдания крепостному строю, с другой— он поселял заклятую ненависть к старине бытовою правдою своих рассказов. И незаметно в мозгу Ефимки рождалось смутное представление о двух правдах: одной—елейной и примиряющей, приукрашенной мечтательной ложью деда, и другой—суровой, несговорчивой и беспощадной правде мужицкой жизни. Эту двойственность поддерживало в мальчике и деревенское воспитание. Рано научившись грамоте, он под влиянием деревенского попа начал читать псалтырь, „Четьи-Минеи", „Путь ко спасению", „Жития святых" и это направило воображение мальчика на ложный и органически чуждый ему путь. Постепенно в нем даже сложилось и утвердилось желание уйти в монастырь. Но дед обидно высмеивал религиозные мечтания мальчика и в своих словоохотливых беседах не мало внимания уделял лицемерию и плутням попов, церковному обману и проч.

Ефимку определили в сельскую школу. Учился он хорошо и охотно. Чтение окунуло его в сказочный мир. Он вытвердил на память „Конька - Горбунка" Ершова и почти не расставался с „Разбойником Чуркиным". Каждый пятак, попадавший ему в руки, он мигом превращал в книжку. А пятаки водились у мальчика. Дом Придворовых по своему стратегическому положению (против „расправы" и шинка и недалеко от дорожного тракта) был чем то в роде заезжего двора. Сюда заглядывали и становой, и урядник, и сельские власти, и проезжающие обозы, и конокрады, и дьячек, и вызываемые в „расправу" крестьяне. В гуще этого разношерстного люда восприимчивое воображение мальчика пополняется образами будущих „затейников", „администраторов", „улицы", „батраков", „бунтующих зайцев" и „опекунов". Вместе со знанием жизни приобрел тут Ефимка и делеческие навыки и вскоре он начинает подвизаться в роли сельского писарька. За медный пятак он сочиняет прошения, дает советы, выполняет разные поручения и всячески воюет с „расправой". От этой борьбы с „расправой" и берет начало его литературная карьера. А приток житейского опыта все растет, расширяется, и накапливаются сотни новых сюжетов. На короткое время грамотный Ефимка становится нужным и матери. Вследствие ли постоянных побоев или другого извращения природы, но кроме Ефимки у Екатерины Кузьминичны детей больше не было. Это создало ей прочную репутацию специалистки по страхованию от потомства. От охотниц такого рода страховок отбою не было. Екатерина Кузьминична ловко поддерживала обман. Она давала бабам всякие снадобья, поила настоями из пороха и лука. Губовские девки исправно глотали и к положенному сроку исправно рожали. Тогда привлекался к делу Ефимка. В качестве грамотея он строчил лаконическую записку: „крещеное имя Мария, при сем рубль серебром", и „тайный плод любви несчастной" препровождался вместе с запиской в город. Парни знали, что Ефимка посвящен во все секретные операции матери и, поймав его в темном углу, допытывались: „А ходила Прыська до твоей маты? Кажи". Но Ефимка крепко хранил де-

вичьи тайны. Кроме того, в качестве грамотея, мальчик зарабатывал пятаки чтением псалтыря по покойникам. Эти пятаки обычно тоже пропивались матерью.

Услуги, оказываемые мальчиком матери, не делали последней более ласковой к сыну. Она по прежнему тиранила мальчика, по прежнему оставляла его по целым дням без еды и предавалась бесстыдному разгулу. Однажды мальчик, в конец изголодавшийся, обшарил в избе все уголки, но не нашел ни крошки. В отчаянии лег на пол и заплакал. Но, лежа, увидел неожиданно под кроватью дивное зрелище: в деревянное дно кровати было вбито десятка два гвоздей, а к гвоздям на веревочках подвешены—колбаса, рыба, баранки, сахар, несколько бутылок водки, сметана, молоко,—словом, целая лавочка. Уведомленный об этом дед Софрон крякнул:—„вот почему она, стерва, всегда такая красная!",—но запасы тронуть голодный старик и мальчик побоялись. К этому времени относит Д. Б. одно из самых мрачных воспоминаний своего детства. Ему 12 лет. Он умирает—должно быть от дифтерита: глотку заложило до полной немоты. Его причастили и положили под образами. Тут же мать—простоволосая, пьяная. Она шьет смертную рубашку и орет во весь голос веселые кабацкие песни. Мальчику мучительно тяжело. Он хочет что-то сказать, но только беззвучно шевелит губами. Мать заливается пьяным смехом. Входит кладбищенский сторож Булах—пьяница и веселый циник. Он присоединяется к пению матери. Потом подходит к Ефимке и добродушно резонерствует: „Що же, Ефимаша, поховаем... Лэ-же тэбэ поховаты? Пидля бабуси. Там мята дуже гарно пахне..". Кто-то дал знать отцу, что Ефимка умирает.

Между тем нарыв прорвало. Очнулся мальчик от страшных криков. Было темно. На полу валялась пьяная мать и визжала нечеловеческим голосом под ударами отцовского сапога. Отец отмахал 20 верст из города, застал мать на пьяном гульбище и поволок ее за косы домой. С этой памятной ночи начинается перелом в жизни Ефимки. Мать перестала его бить, мальчик стал решительно отбиваться и начал чаще бегать к отцу. В городе Ефимка подружился с двумя мальчиками—Сенькой Соколовым, сыном эльвортовского рабочего, и сыном жандармского вахмистра—Сашкой Левчуком. Последний готовился в фельдшерскую школу. Готовил его настоящий учитель, получавший по 3 рубля в месяц. Побывав раза два на уроках у Сашки, мальчик целиком был захвачен желанием пойти по стопам своего друга. Отец не противился этому. Он уплатил учителю 3 рубля за право Ефимки присутствовать на уроках. Месяца 3 Ефимка ходил к учителю. Осенью 1896 г. мальчиков повезли в Киев экзаменоваться.

И вот победа одержана. Мальчик принят в военную фельдшерскую школу в качестве „казенно-коштного" воспитанника. В высоких и теплых комнатах с белыми стенами и начищенными полами он сразу почувствовал себя переполненным возвышенной радостью. Далеко позади остались свирепая мать, побои, драки, увечья, похабные разговоры, беременные девки, подкидыши, псалтыри у покойников, желание бежать в монастырь. Он жадно прислушивался к каждому слову преподавателей, проникался их верой и убеждениями. И здесь впервые придал своим чувствам те формы, которые были свойственны его таланту: он написал стихи.

Это были патриотические стихи, посвященные царю Николаю II по поводу его выступления в роли „миротворца" с созывом конференции в Гааге (в 1899 г.):

Звучи моя лира:
Я песни слагаю
Апостолу мира
Царю Николаю!

Могло ли быть иначе? Он отказывается поступить в монастырь, но, конечно, рассматривает свою удачу, как благодать провидения. Острая от природы, но еще нетронутая культурой и знанием мысль мальчика продолжает работать в том же узком церковно-патриотическом кругу. Вся душа его во власти елейно-примиряющей правды.

— „Когда мне предлагают написать об „ужасах" военного воспитания в военно-фельдшерской школе—говорит Д. Б.—то мне становится просто неловко. Какие там ужасы, когда я в школе впервые почувствовал себя на свободе. Высокие белые стены, паркетные полы, ежедневно горячие обеды—да мне такое и во сне не снилось никогда. Я был на десятом небе от блаженства".

Школу Д. Б. окончил в 1900 г. После этого он прослужил на военной службе до 1904 г. в Елисаветграде, где Д. Б. успел подготовиться на аттестат зрелости. Весною 1904 г. он выдержал экзамен и поступил в Петербургский университет. Это был для Д. Б. большой триумф, так-как подготовка на аттестат зрелости стоила ему невероятных усилий. Впрочем этот триумф был, по обыкновению, отравлен. Когда Д. Б. уезжал

в Петербургский университет, увидал он на вокзале растрепанную бабу, не совсем трезвую. Грозя кулаком в его сторону, она дико кричала на весь перрон:

— А, щоб тобі туды ны доіхать и назад не вернуться...

Это Екатерина Кузьминична посылала свое материнское благословение от'езжающему сыну. С тех пор мать не давала о себе знать в течение многих лет. Только в 1912 г. сын, работая в петербургской публичной библиотеке, случайно наткнулся в елисаветградской газете на небольшую заметку:

„Дело Екатерины Придворовой об истязании малолетних". Вскоре после этого мать приехала в Петербург, разыскала сына и, не глядя ему в глаза, угрюмо бросила:

— Его вбылы.

— Кого?

— Батька (отца).

И путаясь рассказала, что на базаре в Елисаветграде в отхожем месте нашли труп отца. Труп совсем разложился, на пальце сохранился серебряный перстень с надписью: Алексей Придворов Из расспросов выяснилось, что у нее была крупная ссора с отцом из-за дома в деревне. Отец собирался куда-то уехать и хотел продать дом. Мать была против. Она в то время торговала на базаре, и рундук ее находился недалеко от отхожего места. Слушая сбивчивые показания матери, сын пришел к твердому убеждению, что она причастна к убийству. Но Екатерина Кузьминична умела держать язык за зубами.

Уже в годы советской власти, когда сын стал известен на всю Россию, она разыскала его в Кремле, не раз приезжала к нему, получала деньги, подарки, но уезжая, неизменно обворовывала, при чем не стеснялась кричать в Елисаветграде на базаре:

— Вот шапка Д. Б., за три карбованца.

Но на вопрос об убитом отце отвечала злобной бранью. И только на смертном одре она покаялась и созналась, что муж был убит ею при содействии двух любовников. В день убийства она всех троих позвала к себе на обед, опоила мужа отравленной водкой, и тогда те двое обмотали его тонкой бичевкой, удавили и бросили в отхожее место.

Любопытен приезд Е. Придворова в столицу ранней осенью 1904 г.: с николаевского вокзала вышел крепкий детина в поры-желом пальто с отцовского плеча, с тощим чемоданчиком, но в новенькой студенческой фуражке и с тросточкой в руке. На Знаменск. площ. у Николаевск. вокзала памятн. Александру III еще не было тогда, а стояла деревянная ограда с выразительной надписью: „останавливаться воспрещается", и возле внушительный городовой на посту. Робко и нерешительно студент подошел к городовому и вежливо обратился к нему:

— Господин полицейский, можно по Петербургу гулять с тросточкой? Городовой был озадачен.—Почему же нельзя?

— Да ведь тут царь живет...

Усы служаки грозно зашевелились. В странной наивности приезжаго студента ему почуялась скрытая крамола, и в округленных глазах его мелькнуло что-то такое, что заставило испуганного студента немедленно навострить лыжи. „Впоследствии,—рассказывал Д. Б., вспоминая этот недоброй памяти эпизод,—я искупил грех свой юности и оправдал догадку городового". Этим искуплением явилась надпись Д. Б., высеченная со всех четырех сторон на гранитном пьедестале памятника Александру III. Ею—этой стегающей надписью „Пугало", встречает ныне революционный Ленинград всякого, выходящего с Октябрьского (николаевского) вокзала на бывшую Знаменскую площадь:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Надолго и крепко в'елась в душу Е. Придворова военно-фельдш. муштра. Кругом закипала упорная борьба с деспотизмом. Россия вздрагивала от подземных ударов. И собственная судьба вчерашнего Ефимки, и воспоминания об уродливой губовской „расправе"—все и вокруг и сзади, казалось бы, толкало Е. Придворова в ряды революционных студентов Но это не могло случиться сразу у юноши, с 13-ти летнего возраста до 21 года выросшего и воспитанного в требованиях военной муштры. Он пытался учиться, ходил на лекции, слушал, записывал, не без тайного ужаса сторонясь от университетских волнений и „беспорядков". Этот период жизни Д. Б.—период юношеского возмужания и роста личности—отмечен был сложным процессом внешней и внутренней ломки, нашедшим себе очень точное и правдивое изображение в автобиографической поэме „Горькая правда": здесь разителен чисто-сказочный внешний переход от „подростка-пастушка", который

... Ржаного хлебушки... брал с собой ковригу
И с хлебом бережно засовывал в мешок
Свою любимую, зачитанную книгу

— к жизни столичной в высшем „свете", среди „господ", средь „блеска почестей", и потом „пробуждение" от „горькой правды", „обманов", возвращение к народным низам уже искушенным и все познавшим бойцом. В сжатых сильных стихах здесь—не вольные поэтические метафоры, а отвечающие действительности точные образы, лишь художественно завуалированные,—вся история страстных падений и под'емов этой образующей поры жизни Д. Б. — его Sturm und Drang—периода.

Судьбы причудливой игрой
Заброшенный потом нежданно в город шумный,
Как я завидовал порой,
Подслушав у господ спор непонятно-умный.
Шли—день за днем, за годом год.

Смешав со светом „блеск", на „блеск" я шел упорно,
С мужицкой робостью взирая на господ,
Низкопоклонствуя покорно.

Здесь, что ни слово—то исповедь жгучая, самобичующая,—„исповедь горячего сердца", и только расшифровав каждое слово и образ этой совершенно правдивой исповеди, можно прочесть биографию этих лет жизни Д. Б.

Но какая-то „червоточина" незримо под'едала внешне-блестящее благополучие юноши, оторванного от той почвы, на которой он родился.

... Но смутная душа рвалась на свет дневной,
Больней давили грудь извечные вериги,
И все заманчивей вскрывали предо мной
Иную жизнь, дорогу в мир иной,
Родных писателей возвышенные книги.

И вот „настало пробужденье" (как у Пушкина):

От блеска почестей, от сонмища князей,
Как от греховного бежал я наважденья,
В иной среде, иных друзей
Нашел я в пору пробужденья.

Повторяем, здесь очень скупо, но очень точно намечен тот сложный путь душевных бурь, внутренних катаклизмов, неимоверных усилий и работы над собой, который превратил студента Придворова в „мужика вредного Демьяна Бедного". Как-то сразу сделалось ясным, что страна ступает по трупам, и отовсюду веет всероссийской губовской „расправой". Рука потянулась к перу.

Мстя за бесплодную растрату юных сил,
За все минувшие обманы,
Я с упоеньем жестоким наносил
Врагам народа злые раны.

Вот начало этой иной — литературно-политической карьеры Д. Б.

Первые стихотворения будущего сатирика носят мрачный характер и пропитаны духом строгой самопроверки. Они относятся к 1907—1908 годам. На протяжении десятилетия с 1907 до 1917 г. басня составляет почти единственную форму его литературного творчества, и, собственно, в этот период Д. Б. и завоевана заслуженно репутация баснописца пролетариата. К этому времени относится также политическое формирование Д. Б. Сперва он вступает в дружбу с народниками, там сближается с известным поэтом Мельшиным (Якубовичем), в журнале „Русское Богатство" печатает свои первые стихи. И потом бесповоротно уходит к большевикам. С 1910 г. он — постоянный сотрудник „Звезды" и „Правды". С этой минуты Д. Б. больше себе не принадлежит. Он весь во власти борьбы. Тысячью нитей он связывается с корпусами заводов, фабрик и мастерских. Нравоучения его басен насквозь насыщены мятежом и начинены динамитом классовой ненависти. С первых дней революции басня Д. Б. естественно перерождается в революционный плакат, в боевой призыв и „коммунистическую марсельезу". Их организующее воздействие на трудовые массы огромно. Все пути революции освещены творчеством Д. Б. Памятник за памятником встают в его сочинениях: февральские дни, большевистский Октябрь, Красная армия, дезертиры, мешочники, кулаки, новая экономическая политика, белогвардейские манифесты, поповские плутни. Его сатиры, песни и басни — превосходная летопись наших дней. Сам Д. Б. в стих. "Мой стих", написан. в ответ М. Горькому и „Нов. Жизни", определил ярко значение свое, как политического писателя эпохи, смысл вдохновляющих его поэзию-подвиг идей:

Пою. Но разве я „пою"?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде...

Не в чистой эстетике—задачи этой поэзии, и по иному звучит этот голос современной „музы мести и гнева":

... Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый четкий стих—мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я—„пес сторожевой"!

И этот подвиг оценен: по постан. ВЦИК 22 апреля 1923 г. Д. Б. удостоен ордена Красного Знамени.

Л. Войтоловский.

ДЕРБЫШЕВ Н. И. (1879–1955).

С 1927 на хозяйственной работе. С 1933 на пенсии.

Дербышев, Николай Иванович *(автобиография)*. Родился я в Сибири на кожевенном заводе в гор. Томске. Отец мой—кожевенник, начал свою работу с 10-ти лет на заводе и к моменту моего рождения жил не нуждаясь, работал в качестве технического руководителя кожевенного завода „Пастухова и Казанлева". Завод этот прилегал к горе, назыв. „Каштак", покрытой лесом, граничащим с тайгой. Дикие утки и гуси садились на озера около завода, и часто даже белки, волки и медведи заходили на территорию завода. Мой старший брат, которому в то время было 14 лет, и сын моего крестного отца—однолетки—однажды, начитавшись „Робинзона в русском лесу", сбежали в лес. Конечно, „робинзоны" были пойманы и самым позорным образом, с побоями, возвращены по домам, но на нас „клопах" это сильно отразилось. Романтическая обстановка, близость леса, волки и т. п. толкали нас на соответствующие игры. Мы убегали по ночам из своих квартир, даже зимой, изображали из себя две партии разбойников, нападающих друг на друга, бегали купаться на реку, где воображали себя индейцами. По мере того, как мы росли, наши иллюзии перешли в действительность, и мы перешли на увлечение охотой и рыбной ловлей. К тому времени я уже окончил городское училище и 14-ти лет поступил учеником в наборное отделение типографии Макушина. Колотушки и битье мастеров сильно озлобляли меня, я старался быть прилежным и уже, благодаря моим успехам, через два года был выпущен из ученья наборщиком. Окружающее пьянство первое время отталкивало меня, и я все свободное время проводил на охоте, часто уезжая на лодке против быстрого течения очень далеко. Тяжести походной охотничьей жизни, борьба с бурей в утлой ладье, по названию „обласок", где еле помещался один человек,—сделало меня сильным закаленным юношей. Но, к сожалению, все же среда стала затягивать, и я, как и все „мастера", втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной компании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворили меня, появилось стремление к чему-то необычному, думы, как-бы куда нибудь вырваться из этой среды..

В этом состоянии меня судьба столкнула с соц.-демокр Волжаниным („Валяна"), и я с неменьшей энергией, как в пьянке и охоте, окунулся с головой в революционную работу. В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократ. союза, но уже скоро в 1900 г., по доносу наборщика Софронова, был арестован за организацию нелегального союза печатников, председателем которого я был, а равно и за произнесение речи на митинге за рекой Участие мое в с.-д. организации тогда не было обнаружено.

После года одиночного заключения был выслан в г. Омск под надзор полиции на 2 года. В Омске организовал большевистский комитет. Но по доносу провокатора Попова был арестован и просидел около трех лет в тюрьме, затем был сослан на крайний север в г. Березов Тобольск. губ. на 4 года. После 2½ лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал вместе с покойным Я. М. Свердловым. После трех месяцев революционной борьбы с реакцией, был арестован в лесу вместе с екатеринбургской конференцией. После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию в дер. Бережную Дуброву на два года, откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до февральской революции под фамилиями: Бурсин, Пакедин, Стряпчев и Войткевич.

За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать, создали из меня—бурного и эксцентричного человека—более или менее уравновешенного революционера борца. После Волжанина, значительное влияние на мое развитие имел с.-дем. Виктор Вановский, участник 1-го с'езда РСДРП. Но больше всего я любил „Андрея", или Якова Михайловича Свердлова. Его умение подойти к душе человека, богатое большевистское чутье меня очень подкупали, и его влияние на мою психику и на окончательное оформление большевистского мышления—было огромно... Я не любил подчиняться ни кому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея я любил, и слова его были для меня законом. Когда под влиянием очень резких нападков Ильича на соц.-демократию, где Ильич предлагал скинуть грязную рубашку—соц. демократии, я ушел в межрайонку", чтоб вовлекать туда наиболее сознательные кадры рабочих, и уже организовал параллельный с большевистским, межрайонный комитет городского района. В это время я вновь, после долгой разлуки встретился со Свердловым на первой конференции фабр. зав. комитетов г. Петрограда, и на его вопрос: „Ну ты, конечно, в нашей партии?"—я ему об'яснил, что со мной произошло.

„Брось ты дурака валять, какой ты межрайонец?—ты ярый большевик," сказал он. И у меня от стыда все лицо налилось кровью, было сильное желание сейчас же вернуться к большевикам. Но жизнь сама сказала за себя—через пару недель „межрайонка", в которой я пробыл 1½ месяца, на с'езде постановила слиться с большевиками.

Работал за это время сначала ручным наборщиком, потом инструктором-механиком наборных машин. Был за границей в Берлине, где работал практикантом на заводе наборных машин „Линотип" Мергенталера. Работал в типографии Сойкина инструктором. За это время мне удалось пройти 5 семестров вечерних высших политехнических курсов по механическому отделению. Февральская революция заставила бросить ученье. Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда, кроме того я активно работал в союзе печатников, где в это время вел борьбу с меньшевиками. После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати, работал секретарем бюро союзов, затем заместителем председателя Сов. Нар. Хоз. Северн. района, одновременно управлял морским и речным транспортом Севера. После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря. В 1920 г. вызван в Москву на пост начальника Главного Управления Полиграфическ. Промышленности. В 1921 г. выбран на с'езде председателем ЦК печатников. В 1922 и 1924 гг. два раза снова был выбран председателем ЦК союза раб. полиграф. пр-ва. Одновременно с этим, три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИК'а РСФСР и ЦИК'а СССР.

Джапаридзе, Прокофий Апресианович (парт. имя „Алеша"), род. в 1880 г., сын крупного кутаисского помещика. Отец его рано умер, семья разорилась, и Д. рос в тяжелых материальных условиях. Учился он в Сукценисском дворян. училище, затем в Тифлисск. учительск. институте. В 1898 г. Д. входит в нелегальн. политич. кружок самообразования, который распадался на народническую группу во главе с Калюжным (известным впоследствии с.-р.) и марксистскую. Д. примкнул к последней и вскоре вступил в с.-д. организацию. В 1900 г., будучи в 3 классе учител. института, Д. принимал деятельное участие в подготовке первомайской демонстрации, был арестован, просидел 11 месяцев в тюрьме и был выслан на родину. В 1901 г. Д. руководит забастовкой табачных рабочих в Кутаисе, в 1903 г. организует побег из-под стражи видного с.-д. Хомерики. В 1904 г. партийная организация направляет его в Баку, и Д. становится руководителем союза нефтепромышленн. рабочих, организатором балахан. района партии, а в 1905 г. подготовляет всеобщ. политическую забастовку бакинск. рабочих. В том же 1905 г. Д. попадает на III-й (Лондонский) с'езд партии в качестве делегата от Кавказск. союза Р. С. Д. Р. П. (большевиков), в 1908 г. был членом партийного комитета в Балаханах, в 1909 г. был арестован и выслан с Кавказа на 5 лет; отправленный этапным порядком в Ростов н/Д., он вступает в ростовскую организацию с.-д. и руководит с.-д. группой в Нахичевани. Здесь Д. опять был арестован и сослан на 3 года в Великий Устюг. В 1913 г. Д. возвращается в Тифлис, работает в нелегальных организациях, читает лекции в Народн. университ., в 1915 г. за подготовку первомайской демонстрации опять ссылается в Вологодск. губ., откуда в 1916 г. бежит сперва в Петроград, а затем в Тифлис. Февральская революция застает его в Трапезунде, где он работает в Красном Кресте и руководит революц. работой. Д. отправляется в Тифлис, затем в Баку и здесь становится во главе бакинск. Совета и исполняет обязанности комиссара внутренних дел и продовольствия Азербайдж. республики. Во время занятия Баку англичанами Д. был арестован и затем расстрелян 20 сент. 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров. См. *„Пам. бор."* и *„Мат"*.

Дзержинский, Феликс Эдмундович, род. в 1877 г., сын мелкого шляхтича. Учился в Виленской гимназии, в 1894 г., будучи в 7-м классе гимназии, вошел в с. д. кружок саморазвития, в 1895 г. вступил в „Литовскую социал-демократию", вел кружки ремесленных и фабричных учеников (получил от них имя „Яцек"), изучая в то же время марксизм. Вышел добровольно из 8 класса гимназии в 1896 г., чтобы быть ближе к массе рабочих. Во время пребывания в гимназии постоянно воевал с начальством. Несмотря на противодействие „рабочих верхушек" стремлению интеллигенции проникнуть в рабочую среду, Д. удалось сделаться агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы — на вечеринки в кабаки, там, где собирались рабочие. В начале 1897 г. партия отпра-

ДЖАПАРИДЗЕ П. А. (1880–1918).

ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф. Э. (1877–1926).

ДОВГАЛЕВСКИЙ В. С. (1885–1934).

В 1927 полпред СССР в Японии, в 1928–34 во Франции.

вила Д. в Ковно, промышленный город, где не было еще с. д. организации, и где провалилась организ. польск. социал. партии (П. П. С.). Здесь Д. вошел в самую гущу фабричных масс, столкнулся с ужасающей нищетой и эксплоатацией, особенно женскаго труда, и здесь на практике научился организовывать стачки. Во второй половине года Д. был арестован по доносу рабочего подростка, при чем назвался Жебровским. В 1898 г. Д. был выслан на 3 года в Вятскую губ., сначала в Нолинск, затем, в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, на 500 верст дальше на север в село Кайгородск. В августе 1899 г. Д. бежал на лодке и возвратился в Вильно, где резко выступил против национализма литовской с.-д. организации. Отсюда Д. направили за границу, но он предпочел поехать в Варшаву, чтобы здесь завязать связь с рабочими, и скоро привлек на сторону с.-д. организации целые группы рабочих разных профессий (работая под прозвищами „Астроном“ и „Франек“). В феврале 1900 г. Д. был арестован на собрании, сидел сначала в варшавской цитадели, а затем в седлецкой тюрьме и в 1902 г. был выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск Д. бежал из Верхоленска и эмигрировал заграницу. Здесь он принял участие в партийной конференции с.-д. Польши и Литвы в Берлине Поселился в Кракове для работы по связи (псевдоним с этого времени „Юзеф“). До января 1905 г. наезжал от времени до времени в русскую Польшу для подпольной работы, а затем переехал туда совсем для работы в качестве члена глав. правления с.-д. Польши и Литвы. В июле 1905 г. Д. был арестован и освобожден только по октябрьской амнистии. В 1906 г. был делегирован на Стокгольмский об'единительный с'езд Р.С.Д.Р.П. и вошел в ЦК партии, как представитель с.-д. Польши и Литвы. В конце 1906 г. Д. был арестован в Варшаве, в июне 1907 г. освобожден под залог. 13 апреля 1908 г. Д. снова арестовывают, судят два раза по старому и новому делу и в конце 1909 г. высылают на поселение в Сибирь, в Тасеевку Енисейск. губ., но Д., пробыв здесь всего 7 дней, вновь бежал и через Варшаву скрылся за границу. Снова поселившись в Кракове, Д. наезжал оттуда в Польшу. В 1912 г. он был арестован в Варшаве и присужден к 3 г. каторги. В 1914 г. был отправлен в Орел, где и отбыл каторгу. Затем его пересылают в Москву, здесь в 1916 г. судят за партийную работу периода 1910—1912 гг. и прибавляют еще 6 лет каторги. Из московского централа Д. освободила февральская революция 1917 г. До августа Д. работает в Москве, в августе делегируется москов. организацией на с'езд Р.С.Д.Р.П. (больш.), который выбирает его в ЦК партии. Д. остается в Петрограде. В Октябрьской революции он принимал участие в качестве члена Воен. Револ. Комитета, затем на него была возложена задача организации для борьбы с контр-революцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, и он был назначен председателем ее, состоя в то же время наркомом внудел; с 14 апр. 1921 г. был также наркомом путей сообщения, затем стал в 1924 г. во главе ВСНХ СССР. В то же время состоит бессменно (с 1917 г.) членом ЦК РКП. (Авториз. изложение автобиографии, напеч. в *„Мат.“*).

Довгалевский, Валериан Савельевич *(автобиография)*, род. в 1885 г. на Украине, в селе. 13 ти лет от роду был отвезен в город, где поступил в гимназию. Страсть к чтению развилась рано. В 1903 г. я уже зачитывался марксистской литературой, а в 1904 г. вступил в члены „Спилки“ при Южно-Русском бюро РСДРП. В конце 1905 г. перешел на нелегальное положение, работая в качестве профессионала. В 1906 г. был арестован в Умани Киевской губ. и предан вместе с другими 11-ю товарищами Киевскому военно-окружному суду. Был оправдан, но тут же привлечен по другому делу, выпущен под залог, через 3 месяца вновь арестован и осенью 1907 г. приговорен Киевской судебной палатой к ссылке на вечное поселение. Весной 1908 г. бежал из Приангорья—сначала в Красноярск, затем за границу. Жил поочередно в Бельгии, Швейцарии и Франции. Осенью 1908 г. в Льеже (Бельгия) вступил в ряды большевиков. Все время пребывания за границей работал активно в партии, состоя секретарем большевистских групп. В 1913 г. получил в Тулузе (Франция) диплом инженера-электрика. Все это время жил газетным заработком и уроками. Профессиональную карьеру начал рабочим. В 1914—1915 г. сотрудничал в „Le midi Socialiste“ до окончательного взятия этой газетой социал-патриотического курса. 1917 г. застает меня в Париже в должности заведующего эксплоатационным и техническим отделами крупной электротехнической фирмы. Июльские дни застали меня в дороге в Россию. В Белоострове был арестован контр-разведкой, вскоре выпущен на свободу в Петрограде и спешно сдан в солдаты

на Украине 1918—1919 гг. провел в армии; в 1920 г. последовательно—член комиссии СТО по восстановлению дорог Сибири и Урала и комиссар управления связи и электротехники НКПС. С весны 1921 г. по осень 1924 г.—сначала наркомпочтель РСФСР, а затем замнаркомпочтель СССР, одновременно ректор Московского Института Гражд. Инженеров. Осенью 1924 г. назначен полпредом и торгпредом СССР в Швеции.

Догадов, Александр Иванович *(автобиография)*. Родился в 1888 г. в Казанской губ. (Татреспублика). Отец, по профессии садовник—из бывших дворовых людей помещика Лебедева (Казанской губ.), помнил еще крепостное право и рассказывал мне как его один раз выпороли на конюшне. Учился в городском училище в Вятской губ., в г. Царевосанчурске. Окончил училище. Отец прочил меня в сельские учителя. Смерть отца и в связи с этим невозможность из-за материального положения пробыть год на практике, как этого требовалось в училище, заставили мою семью перебраться из Царевосанчурска в Казань, где стал работать учеником в литейном цехе завода Либигхта. С 1905 г. стал принимать участие в казанской организации РСДРП в качестве члена заводского и районного комитетов. Одновременно работал в союзе металлистов Казани, организованном в 1906 г. Будучи секретарем союза и членом бюро совета профсоюзов (нелегально), не прерывал профессиональной работы литейщика на заводе. В 1907 г. был арестован и за принадлежность к РСДРП сослан в северные уезды Вологодской губ.—в г. Усть-Сысольск на два года. По окончании ссылки в 1909 г. работал в Баку—в Балахнах, сначала литейщиком, а затем масленщиком на промыс. Бабаева. Принимал также участие в работе балаханской организации в секретариате района. В 1911 г. был командирован бакинским комитетом от большевиков в партийную школу в Париж (Ленжюмо). По окончании школы вернулся в Казань, а затем был командирован на партийную конференцию в Праге — 1912 г. После конференции работал в ленинградской организации, где и был арестован и выслан в Вологодскую г. в 1912—14 г. После ссылки был взят на империалистскую войну, где и пробыл на юго-западном и румынском фронтах до 18 г., участвуя в качестве председателя бригадного, дивизионного и армейского комитетов. Вернувшись с фронта, 18—21 гг. работал в Казани инструктором совета профсоюзов, а затем председателем Г.С.П.С. и одновременно заведующим отделом труда (народный комиссар труда Татреспублики), принимая участие в организации, как член бюро губкома (обкома). В 21 г. на IV-м Всероссийском с'езде профсоюзов был избран в члены президиума ВЦСПС—секретарем ВЦСПС, а также состою членом ЦК РКП (б), членом президиума ВЦИК'а и бюро Профинтерна.

Дробнис, Яков Наумович *(автобиография)*, род. в 1890 г. 6 марта в г. Глухове Черниговской губернии, в семье рабочего — сапожника. По окончании нищей школы я был отдан в сапожную мастерскую для обучения сапожному ремеслу. Семья моего отца была многочисленная. Нужда всегда царила в доме, и это ожесточало моего отца, который создавал суровую обстановку в семье, и было трудно дышать. Среда сапожников, отличавшихся невежеством, пьянством и разгулом, особенно влияла на меня, и все это вместе взятое толкало меня на поиски нового. В 13 лет я уехал из дому. Добрался до Астрахани, но как еврей, не имеющий права жительства, этапным порядком был выслан в родной город. По этапам встретился с некоторыми политическими заключенными, что было для меня первым толчком к революционной деятельности. В г. Глухове я встретился с высланным из Баку за пропаганду Борисом Рогачевским, рабочим—сапожником, который ввел меня в революционную среду. Кроме этого на меня оказали сильное влияние начавшиеся в 1904—1905 годах аграрные беспорядки, которые в Глуховском уезде, где было много помещичьих имений, приняли широкие размеры. В 1905 г. принял участие в революционном движении, выполняя различные технические поручения местной организации РСДРП, как-то: печатание на гектографе, распространение прокламаций и хранение оружия.

В 1906 г. официально вступил в глуховскую организацию РСДРП. В 1907 г. в марте месяце я был арестован за участие в забастовке и заключен в тюрьму, откуда был освобожден через $1^1/_2$ месяца. В январе 1908 г. я был арестован в г. Глухове за принадлежность к РСДРП. Просидев 10 месяцев в предварительном заключении, я был приговорен выездной сессией Киевской судебной палаты в г. Глухове к 5 годам тюремного заключения, как несовершеннолетний. По окончании срока наказания я уехал в г. Вильно, откуда был выслан в г. Полтаву в январе 1915 г. по подозрению в антивоенной агитации. В Полтаве работал в

ДОГАДОВ А. И. (1888–1937).

В 1930 заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1931–34 нарком РКИ ЗСФСР и председатель Закавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б). С 1934 член Комиссии Советского Контроля при СНК СССР. В 1924–30 член Оргбюро ЦК. В 1930–34 кандидат в члены ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ДРОБНИС Я. Н. (1890–1937).

В 1927 исключен из партии; в 1930 восстановлен. С 1931 работал в Наркомате путей сообщения. Необоснованно репрессирован. По делу "Параллельного троцкистского антисоветского центра" в 1937 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

ДУНАЕВ Е. А. (1877–1919).

подпольном кружке РСДРП (большевиков) до начала революции. В период революции работал на различных советских и партийных постах.

В 1918 г. принимал участие в основании коммунистической партии (большевиков) Украины и был членом ЦК названной партии в течение 5 созывов. В том же 1918 г., как член ЦК коммунист. партии (б) Украины, был командирован на Украину для подпольной работы и для организации партизанских отрядов для борьбы с гетманско-петлюровским режимом, где был арестован и подвергнут расстрелу. Бежав из-под расстрела раненый, я должен был скрываться до прихода красных войск.

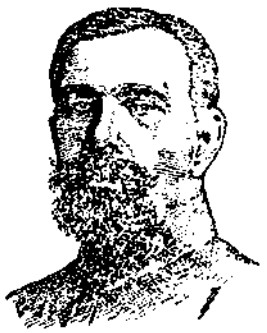
В 1919—1920 г. был мобилизован на фронт на борьбу с деникинцами. За время гражданской войны я был под угрозой расстрела 4 раза. В первый раз это было в декабре 1917 г., когда войска Центральной Рады, именно полк Богдана Хмельницкого, разгромили полтавский совет. Я с группой товарищей был захвачен и подвергнут жестоким издевательствам. Всем угрожала смерть. Я, как гласный демократической Полтавской думы, был по ее настоянию освобожден. Второй случай мною уже был описан выше. Третий случай. Во время наступления деникинцев на Украину я был назначен военкомом 2-й сводной дивизии. Когда я прибыл в часть, положение было в высшей степени тяжелое. Это были последние дни власти Советов на Украине. Штаб стоял на ст. Круты Чер. губ. Задача наша состояла в том, чтобы задержать наступление деникинцев впредь до отступления и эвакуации г. Нежина. Но это было трудно, так как неприятель наседал, и наши части были деморализованы. Я с небольшой группой пытался оказать сопротивление небольшому казачьему отряду, но мы были окружены, и я попал в плен, откуда, раненый в ногу, убежал. В 4-й раз, как председатель полтавского исполкома, я был захвачен бандитами на ст. Ковяга Харьк. губ. Был жестоко избит и брошен в погреб, как заложник. Энергичным наступлением члена Реввоенсовета южного фронта Берзина я был спасен. В 1922 г. был назначен членом Малого Совета Народных Комиссаров РСФСР, а в 1923 г. был назначен членом административно-финансовой комиссии при СНК Союза ССР, в каковых должностях состою и поныне.

Дунаев, Евлампий Александрович, род. в 1877 г., сын крестьянина Шуйск. у Владим. г., с 8 до 15 л. был пастухом, в 15 лет выучился читать, 17 л. поступил рабочим на ткацк. фабрику Горелина в Иваново-Вознесенске. С 1897 г. Д. принял участие в стачке ив.-вознес. рабочих, стал заниматься в нелегальн. кружках Иван.-Возн. рабоч. союза. В 1899 г. был арестован и после пребывания в тюрьме был на свободе под особым надзором полиции, затем—1 год в „Крестах". В 1902 г. Д. вернулся в Иваново-Вознесенск, и в 1905 г. играл руководящую роль в рабочих демонстрациях, был выбран членом Совета раб. депутат. и приобрел громадное влияние на рабочие массы. После осенних погромов 1905 г. Д. переходит на нелегальное положение, живет то на родине, то в Москве, исполняет партийные поручения, в 1906 г. подвергается аресту, но скоро освобождается. Поступив на службу в московск. трамвайный парк, Д. работает в партийн. организациях, участвует в Стокгольмск. с'езде в качестве делегата от московск. группы большевиков, в 1907 г. опять подвергается аресту и высылается в Сольвычегодск, организует здесь кассу взаимопомощи для нуждающихся членов колонии и этапов и ведет агитацию среди местных крестьян. В 1909 г. Д., отбыв ссылку, уезжает в Петербург, поступает здесь монтером на станцию „Общ. электр. освещ. 1886 г.", участвует в рабочем движении, затем переезжает на такое же место в Москву. В 1911 г. Д. опять арестован, высылается в Нижний, здесь продолжает нелегальную партийную работу и служит связью между интеллигенцией и рабочими. В 1914 г. Д. вновь в Петербурге, работает в „бюро" по доставке нелегальной литературы из-за границы и занимается ее распространением. С начала войны Д. выступил ее непримиримым противником, в 1916 г. был арестован, отправлен в полк. стоявший в Шадринске Пермск. губ., но бежал по дороге из Екатеринбурга в Нижний, где и прожил до февраль. революции. В дни революции Д. был одним из руководителей движения в Нижнем и участвовал в „семерке", к которой перешла власть. В Сов. рабоч. деп. Нижнего Д. был тов. председателя, затем был членом городск. думы от большевиков. Последующая его работа протекала сначала в губпродкоме, а затем в Нижегор. СНХ. Ум. 1919 г. См. *„Пам. бор."*.

Дыбенко, Павел Ефимович *(автобиография)*. Родился 16 февраля 1889 г. Уроженец села Людков Новозыбковского у. Черниговской губ. (ныне Гомельской). Происходит из крестьян. Его родные—мать, отец, брат и сестра до сих пор живут в с. Людков и занимаются крестьянством. Крестьяне данного села и уезда являются малоземельными. Зе-

мельные участки для крестьян до революции были нарезаны исключительно на весьма песчаной почве. Вся более удобная и более плодородная земля принадлежала помещикам, коих на территории уезда было—крупных 7 и мелких, как называется столбовых дворян, в одном только с. Людкове около 40 домов. Мелкопоместные дворяне располагали от 100 до 300 десятин пахотной земли. Крестьянство данного уезда и особенно с. Людкова было весьма бедное и постоянно занималось отхожим промыслом, эмиграцией в Америку и поденными работами у мелкопоместных дворян. К числу таких бедных крестьян принадлежала и семья Д., которая при 9 душах семьи имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову. Отец и мать постоянно работали на поденных работах. Из работоспособных в семье было только двое—отец и мать. Остальные члены семьи—6 детей (самой старшей сестре в 1899 г. было 13 лет) и дедушка 102 лет. Нищета, как вечный спутник в семье Д., заставляла малолетних детей итти на поденщину в летнее время зарабатывать гроши. Д. уже семи лет вместе с отцом работает в поле—помогает боронить и возить удобрение, а в свободное время пасти скот мелкопоместных помещиков. Мать, обремененная кучей малолетних детей и изо дня в день работающая, особенно весной и летом, по вечерам и рано утром у себя, а днем поденщицей за гроши, с ненавистью относилась к помещикам, всегда проклиная их, как живущих за счет крестьян и не ценивших их труда. Еще с малых лет, при таких тяжелых условиях жизни, среди всех членов семьи зарождалась ненависть к помещикам-поработителям.

Несмотря на весьма тяжелые условия существования семьи, Д., как старший сын, 6 лет был отдан учиться к поповской дочери, которая занятия с ним и еще четырьмя крестьянскими детьми производила в холодной кухне, где одновременно помещались телята и молодые овцы. Поповна-учительница в методах воспитания чуть ли не ежедневно применяла рукоприкладство и избиение линейкой. Такое отношение, несмотря на желание во что бы то ни стало учиться, заставило бросить заниматься после 4 месяцев, и только на следующий год он поступил в народную школу. Будучи в народной школе хорошим учеником, он пользовался любовью со стороны заведующей школой М. К. Давыдович, которая в то время состояла в партии с.-д. По окончании народной школы мать и отец отказались дальше учить, несмотря на просьбы Д., и только благодаря настоянию Давыдович, которая с ним все время занималась, удалось переломить упорство родителей и осенью 1899 г. поступить в 3-х классное городское училище. Когда он был учеником народного училища, родные не могли ему помогать абсолютно ничем, и поэтому приходилось во время каникул работать у мелкопоместных дворян, дабы иметь средства приобрести учебники и сшить себе обмундирование. В течение 4 лет учения в городском училище Д. не порывал связи со своей прежней учительницей, которая в известной степени влияла и на его воспитание. Будучи учеником городского училища в 1905 г., еще не отдавая точно отчета, что именно происходит, Д. принимает участие в забастовочном движении учеников реального, технического и городского училища, за что в 1906 г., после усмирения крестьянского восстания Новозыбковского уезда Дубасовым, привлекался к ответственности стародубским Окружным судом. На суде был оправдан. 14 лет окончил трех-классное городское народное училище, после чего родители категорически отказались продолжать его учить, ссылаясь на свою нищету и требуя от него поступить на службу и помогать им кормить других детей. К этому времени средний брат, Федор Ефимович (который в 1919 г. был убит во время гражданской войны при взятии ст. Дебальцево, будучи командиром дивизии), поступил также в городское училище и требовал учить и его. Пришлось подчиниться родным и поступить служить в казначейство в г. Новоалександровске, где казначеем был один из родственников. Через полтора года службы в казначействе Д. был уволен со службы по настоянию новоалександровского исправника, как состоящий в нелегальной организации. После исключения из казначейства уехал в г. Ригу, где 17-летним юношей поступил работать простым грузчиком на пароходы, где работал в течение двух лет. Данная работа являлась сезонной, поэтому зимой был безработным. Однако, в течение лета удавалось скопить незначительные средства, и на эти гроши удавалось посещать зимой электротехнические курсы. В 1910 г. поступил работать на рижский холодильник. Во время работы на холодильнике связался с группой большевиков-латышей, где вместе с ними, не будучи членом партии, работал. За забастовку на холодильнике был уволен и в июле 1910 г. рабо-



ДЫБЕНКО П. Е. (1889–1938).

С 1928 командующий войсками Среднеазиатского, Приволжского, Ленинградского военных округов. Командарм 2-го ранга (1935). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

тал на постройках, где также в августе месяце вспыхнула забастовка. Во время этой забастовки, будучи уже под наблюдением полиции и будучи разыскиваем ею, уехал в Либаву, где нелегально прожил до весны 1911 г. В 1911 г. снова вернулся в Ригу и работал опять грузчиком на пароходах. За неявку на призывной участок и уклонение от воинской повинности в ноябре 1911 г. был арестован в Риге и препровожден этапным порядком в г. Новозыбков на призывной участок. По прибытии в Новозыбков был принят на военную службу матросом в Балтийский флот. Будучи матросом в Балтфлоте в 1912 г., официально вступил в партию большевиков и работал совместно с Сладковым, который умер в 1922 г. в Кронштадте. По окончании минной школы в 1913 г. был списан на линейный корабль „Император Павел I-й", который после Февральской революции был переименован в „Республика". На этом корабле, который среди моряков назывался „морской тюрьмой", вел активную подпольную работу и был организатором восстания в 1915 г. во время восстания на дредноуте „Петропавловск". В 16 году ушел вместе с морским батальоном на рижский фронт в район Икскюльских укрепленных позиций. Перед наступлением батальон моряков, будучи достаточно обработан и революционно настроен, отказался наступать и к этому склонил 45-й сибирский стрелковый полк. За поднятие восстания батальон моряков был срочно отозван в Ригу, где его расформировали и под конвоем отправили обратно в Гельсингфорс. По дороге многие моряки были арестованы. Д. при отправке батальона остался в Риге под видом болезни в госпитале, где пробыл два месяца и только после этого вернулся, за что впоследствии был осужден на два месяца. В 1917 г. после Февральской революции был избран председателем центрального комитета Балтийского флота, где, будучи в меньшинстве из состава Центробалта (всех членов Центробалта 33, большевиков—6 и им сочувствующих—5), все же провел устав Центробалта, который недвусмысленно говорил о том, что Центробалт признает Временное Правительство, но все его распоряжения проводятся в жизнь только с санкции Центробалта. В июле месяце за Июльское восстание был арестован, избит юнкерами и просидел в „Крестах" до 4 сентября. По выходе из „Крестов" снова вернулся в Гельсингфорс и вступил в исполнение обязанностей Центробалта, который после июльских дней был разогнан комиссаром Керенского—Онипко. В 1917 г. в начале октября во время большого наступления немецкого флота в Балтморе, будучи председателем Центробалта, участвовал в боях под остр. Даго и Эзелем. В октябре принимал активное участие в восстании и командовал войсками под Царским и Гатчиной. Ликвидировав авантюру Керенского, лично арестовал Краснова и доставил в Смольный. В октябре же был избран народным комиссаром по морским делам, каковым пробыл до апреля 1918 г. В мае 1918 г. был судим за сдачу немцам Нарвы, но был по суду оправдан. После суда уехал на нелегальную работу на Украину и в Крым. В Севастополе в августе 1918 г. был арестован правительством генерала Сулькевича и просидел до конца сентября 1918 г. При попытке бежать из Севастопольской тюрьмы был закован в наручники и кандалы и перевезен в Симферопольскую тюрьму. Из тюрьмы был освобожден согласно переговоров Совнаркома с немцами на замену. В октябре, прибыв в нейтральную зону около гор. Рыльска Курской губ., был сперва военкомом полка, потом вступил в командование батальоном и впоследствии, при взятии Харькова и дальнейшем продвижении в направлении на Екатеринослав, командовал группой екатеринославского направления. В феврале 1919 г. был назначен начальником Заднепровской дивизии, которая, после занятия Крыма, была переформирована в Крымскую армию, коей командовал до июля 1919 г., одновременно был и народным комиссаром по военным и морским делам Крымской республики. В сентябре 1919 г. поступил в Академию РККА, но тут же был откомандирован на юго-восточный фронт, где вступил в командование 37 стр. дивизией, с которой участвовал 28 ноября при разгроме корпуса белых ген. Топоркова в станице Качалинская и при взятии Царицына. В феврале 1920 г. вступил в командование 1-й Кавказской кавалерийской дикой дивизией и при ликвидации деникинщины командовал кавгруппой в майкопском направлении. В июле 1920 г. командовал 2-й кавалерийской дивизией на южном фронте. В сентябре 1920 г. вернулся в Академию. В 1921 г., будучи слушателем младшего курса Военной Академии, был послан для участия в ликвидации кронштадтского мятежа. По прибытии в Ораниенбаум принял командование сводной дивизией и в день боя за обладание Кронштадтом командовал войсками, участвовавшими под Кронштадтом. После ликвидации

кронштадтского восстания был назначен комендантом Кронштадтской крепости. Через несколько дней был отозван для назначения для действий против банд Антонова. По соображениям штаба РККА был назначен начальником западного Черноморского побережья и в июне месяце командиром 51 Перекопской дивизии. Командуя дивизией, одновременно экстерном, в течение полутора лет, т.-е. с 1 июня 1921 г. и по 1 сентября 1922 г., сдал зачеты за старший и дополнительный курс Военной Академии. Так. обр., в 1922 г. окончил Военную Академию РККА. В июле 1921 г. был назначен командиром 6 стрелкового корпуса. По окончании Академии был переведен на должность командира и комиссара 5 стрелк. корпуса. В апреле 1924 г. назначен командиром 10 стр. корпуса. 6 мая 1925 г. назначен начальником Артиллер. Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и 3-м С'ездом Советов Союза Сов. Соц. Респ. избран членом Центр. Исп. Ком. СССР.

За боевые отличия награжден: тремя орденами Красного Знамени, золотыми часами ВЦИК, серебряными часами ленинградского Совета и лошадью.

Елизаров, Марк Тимофеевич, род. 22 марта 1862 г. в дер. Бестужевке Самарской губ. Родители его были крепостными крестьянами, и Е. окружала с детства атмосфера поднимающихся, стряхивающих с себя оковы вчерашних рабов. Рассказы о перенесенном от „бар" отца, подвергавшегося экзекуциям, и других близких, сохранившие еще всю свежесть только что миновавшего вчерашнего дня и всю остроту обиды, и первый мощный из всей груди вздох проснувшегося к жизни самого широкого, самого многочисленного слоя населения—вот что было первым осознанным им впечатлением, тем воздухом, которым он дышал и который глубоко вобрал в себя. Из этих первых переживаний, из этой среды он вынес, с молоком матери впитал глубокую вражду к барству, всякое проявление которого, даже в мелочах, действовало на него болезненно всю жизнь. И из этих бодрых впечатлений детства плюс крепкая физическая организация выросла та энергия, та жизнерадостность, которые отличали его всю жизнь и которые он изливал невольно на всех окружающих, изгоняя свойственную интеллигенции в той или иной мере упадочность и мерихлюндию. Много дал ему, по его словам, отец, о котором он вспоминал всегда с большой благодарностью. Энергичный и способный самородок, отец его был самым видным лицом в деревне, т. н. „мирским человеком", пользовался большим уважением и был бессменно выбираем в сельские старосты. В качестве такового он вел непосредственные сношения с мировыми посредниками, отстаивая интересы своих односельчан. Рассказы об этом, пример отца, к которому крестьяне шли со всеми своими нуждами, имели большое влияние на Е.

Ему, младшему, смог отец дать и образование. Е. окончил начальную школу в ближнем селе Обшаровке, где обратил на себя внимание своими выдающимися способностями к математике, и об учителе которой вспоминал с благодарностью. И тогда кто-то из знакомых отца по общественной деятельности,—кажется, мировой посредник,—настойчиво посоветовал ему отдать мальчика в гимназию. Е. был отвезен в Самару, помещен там „на хлеба" и, подогнав с помощью репетитора из гимназистов в пару недель недостающие знания, поступил во 2-й класс. В гимназии он пошел прекрасно, по математике прямо блестяще, и в старших классах содержал себя сам уроками, при чем ему приходилось, м. пр., заниматься и со своими одноклассниками, разными купеческими и дворянскими баловнями. Тотчас по окончании экзаменов возвращался он в Бестужевку, где принимал деятельное участие во всех полевых работах. В периоды косьбы и жнивья жил неделями в поле под открытым небом, питаясь у костра, как всякий крестьянин или сельскохозяйственный рабочий, в тесном общении с ними. Т. обр., связь его с крестьянством, с родной деревней не порывалась как в гимназическое время, так и позднее, когда он, по окончании гимназии, поступил в 1882 г. на математический факультет Петербургского университета.

Эта непорывавшаяся связь создала чрезвычайно благоприятные условия для бесед и пропаганды в деревне. Е. был самой популярной личностью в округе; его приездов ждали, к нему шли с расспросами, за советами. Он пользовался таким уважением и доверием, что мог безвозбранно вести такие беседы, за которые другие представители его же воззрений попадали очень скоро в тюрьму и в ссылку. Мог читать им такие брошюры, как „Хитрая механика", „Кто чем живет" и т. п. печатные и гектографированные издания того времени. Его рассказы в студенческих кружках о собеседованиях в деревне, о настроениях деревни вызывали огромный интерес и даже некоторую зависть к нему, как к

ЕЛИЗАРОВ М. Т. [1863 (по уточненным данным) –1919].

поставленному в исключительно благоприятные условия. Тогда самое трудное было завязать связь с деревней, завоевать себе доверие в ней, и счастливчиком казался товарищ, пользовавшийся всем этим в полной мере, да еще в поволжской деревне, над которой реяли образы Стеньки Разина и другой вольницы, которая влекла к себе неотразимо большинство революционно настроенного студенчества. В юные годы Е. господствующими были народнические воззрения. Представителей таковых он встречал в Самаре еще гимназистом. Как „плоть от плоти" крестьянства, он с особой чуткостью прислушивался к ним; и они, в свою очередь, по той же причине выделяли его из другой молодежи, останавливали на нем исключительное внимание. Имена тех из народников, которые имели наибольшее влияние на него, не сохранились в моей памяти. Увлекался он и народнической литературой. Любимым поэтом его был Некрасов.

В Петербурге он вошел в самарское землячество, составлявшее часть Поволжского, и был его активным членом. Участвовал в кружке по изучению истории крестьянства, организованном этим землячеством. Большое значение для развития его революционных взглядов имел т. наз. „экономический" кружок, группировавшийся вокруг статистика Гизетти. В кружок этот, м. пр., входили участники 1-го марта 1887 г.—А. И. Ульянов и С. А. Никонов. Особенно сильно было влияние А. И. Ульянова, с которым, как членом того же Поволжского землячества, Е. встречался чаще. Кружок этот, по словам самого Е., много дал ему для выработки его революционных воззрений. Отмечал он и роль самого Гизетти, народника мирного типа, но очень начитанного, очень чуткого к молодежи. Этот кружок, гл. обр., и желание взять от Питера больше в общественном смысле побудили его по окончании курса в 1886 г. приехать еще на год в столицу, где он взял, как базу для существования, место в казенной палате. Рассказывал Е., что тот же Гизетти убеждал его брать работу в родном Поволжьи, ближе к деревне, говоря—„вы будете там золотой человек". Он и намеревался служить по выборам или в земстве, но ни к какой подобной службе его не допускали, вследствие близости его к казненному по делу 1 марта 1887 г. Александру Ильичу Ульянову, а затем и ко всей семье Ульяновых, с которой он породнился женитьбой на старшей сестре, Анне, и в тесной близости с которой провел всю свою жизнь. Пришлось оставить эти мечты и взять канцелярскую работу, сначала в Самаре, а потом в железнодорожном управлении в Москве.

К этому времени,—осень 1893 г.,—Е. распростился окончательно с народническими иллюзиями. Внимательно изучив „Капитал" Карла Маркса, который произвел на него громадное впечатление, он стал социал-демократом. Большое влияние на него в этом смысле имел Владимир Ильич Ленин, с которым он прожил 4 года в Самаре и много беседовал и часто видался потом. Е. был близок и оказывал содействие кружку Мицкевича в Москве, а затем московскому комитету 1896 г., в который хотел вступить, но сами члены его (Финн, Чорба) считали его вследствие семейного положения (это был год, когда сидел в Питере Владимир Ильич) более полезным вне комитета. И позднее почти непрерывающиеся аресты и высылки кого-либо из семьи Ульяновых, а иногда и нескольких сразу, затрудняли революционную работу для Е. Необходимо было хотя кому-либо „быть опорой" семье,—гл. обр., матери, Марии Александровне Ульяновой, которая прожила с Е. почти беспрерывно до самой своей смерти в 1916 г., и для которой он был истинным сыном. Кроме того, в рамках легальности при семейных условиях Е. было мудрено вести революционную работу. Вошел он преподавателем в одну воскресную школу для рабочих, где под видом „бухгалтерии" читал им политическую экономию, но закрытие школы положило предел этой работе.

Задумал было Е. поступить в Московское инженерное училище, чтобы сменить опостылевшую ему бухгалтерскую службу на более живую, но охранка отказала ему в выдаче необходимого для того свидетельства. Распоряжение министра путей сообщения Хилкова принять его, как выдающегося железнодорожного работника, помогло ему обойти это препятствие. Но обойденная охранка злилась, неоднократно доносила на него в училище и при первом же случае, накануне, т. ск., окончания, на 3-м курсе, арестовала его и добилась его исключения. Случаем этим были „студенческие беспорядки" в марте 1901 г. и одновременно с ними крах соц.-дем. комитета (П. В. и С. Н., по второму мужу Смидович, Луначарские, М. И. Ульянова и др.), которому Е. оказывал услуги. После 8 мес. сидения он был выслан на два года в Сызрань. Не найдя там работы, он поехал на инженерную практику в Томск, а затем на Дальний Восток.

По окончании срока гласного надзора Е. вернулся в Россию и, видя, что окончание курса в инженерном училище для него невозможно, поступил бухгалтером службы пути в управление Николаевской (теперь Октябрьской) жел. дор. в Петербурге. Это было в 1904 г., в канун Октябрьской революции. Е. стал разрабатывать пенсионный устав для железнодорожников на широкой демократической основе, чем создал себе огромную популярность в их среде; был выбран представителем на железнодор. с'езд и был одним из руководителей всеобщей жел.-дор. забастовки. После подавления революции был арестован и после 3-х месяцев сидения выслан из Петербурга, с запретом служить по жел.-дор. ведомству, под гласный надзор. Он выбрал Сызрань, где был фактическим редактором газеты „Сызранское утро", популярной, широко распространенной среди крестьянства. После сызранского пожара Е. перебирается в Самару, куда переносит и газету, переименованную в „Самарскую Луку" и обслуживавшую соц.-дем. комитет во время выборной кампании во 2-ю Думу. Е. участвует в этой кампании не только литературно, но и выступлениями против кадетов и эс-эров. Он был выставлен кандидатом от соц.-демократов большевиков в эту Думу. Наступившая после разгона 2-й Думы реакция и отсутствие заработка заставили его поехать на работу в Нерчинск; но и в том далеком краю он мог служить на постройке жел. дороги лишь неофициально, благодаря знакомству с заведующим постройкой. Оттуда проехал через Японию морем в Западную Европу. По возвращении мог служить лишь в частных обществах. Оказывал постоянное содействие революционной работе и подвергался неоднократно обыскам. Принимал участие в выборной кампании в 4-ю Думу и был выставлен кандидатом в нее от большевиков в Саратове.

После Октябрьской революции был назначен первым наркомом путей сообщения. Затем организовал комиссариат по страхованию и борьбе с огнем. После реорганизации этого комиссариата вошел в Коллегию Народного Комиссариата Торговли и Промышленности. Поехал по делам службы в Петроград, заболел сыпным тифом и скончался 10 марта 1919 г.

А. Елизарова.

Енукидзе, Авель Сафронович *(автобиография)* (партийн. клички: „Золотая рыбка", „Абдул", „Авель"), родился 7/20 мая 1877 г. в с. Цкадиси Рачинского у. Кутаисской губ. До 12 лет рос в деревне среди красивейшей природы горной Рачи и учился в сельской школе. С 1889 по 1892 г. учился в уездном училище Мингрелии, а в 1893 г. переехал в Тифлис учиться, где окончил среднее техническое образование в 1897 г. С начала 1894 г. в Тифлисе, под влиянием политической забастовки в Духовной семинарии, которая являлась тогда центром революционной молодежи, и в других учебных заведениях стали организовываться ученические нелегальные кружки. Кружок, в котором я принимал участие с 1894 г., имел сначала программу полу-националистическую, полу-марксистскую. С весны 1896 г. я был членом уже смешанного кружка, состоящего из рабочих и учащихся, и с этого момента начинается мое марксистское воспитание. На всю нелегальную литературу того времени, на статьи „Современника", нового „Мира Божьего", „Самарского Вестника", а затем „Нового Слова", мы набрасывались с величайшей жадностью. Летом 1897 г., не имея средств продолжать дальнейшее образование, я поступил на железную дорогу и работал в сборном цехе главных мастерских Закавказских железных дорог. Там я впервые стал работать в рабочих кружках в качестве пропагандиста и организатора. К тому времени тифлисская организация заметно расширила свою работу и среди других фабрик и заводов Тифлиса. Наша организация тогда уже имела связь с петербургским „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса", а после I с'езда РСДРП—и с другими организациями России. В сентябре 1898 г. я получил перевод в бакинское депо в качестве помощника паровозного машиниста. В Баку я вскоре завязал связи, кроме железнодорожных рабочих, и с рабочими заводов и промыслов нефтяного района. В то время в Баку никаких с.-д. организаций не существовало, кроме маленькой группы рабочих, высланных туда из Москвы известным Зубатовым. Вместе с ними мне удалось организовать в трех районах Баку кружки из рабочих (в гор. Сабунчах и Балаханах). Таким образом, начало 1899 г. можно считать началом основания бакинской с.-д. организации.

С приездом в Баку покойного Вл. Кецховели, высланного из Тифлиса, как организатора трамвайной забастовки, начинается правильная работа и укрепление бакинской организации. За годы 1899, 1900 и 1901 нам удалось в Баку создать бакинский комитет РСДРП, расширить работу в районах, создать малень-

ЕНУКИДЗЕ А. С. (1877–1937).

С 1924 член ЦКК, в 1927–34 член Президиума ЦКК, с 1934 член ЦК ВКП (б). В 1935 освобожден от обязанностей секретаря ЦИК СССР, выведен из ЦК и исключен из парт[ии]. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЗАГОРСКИЙ В. М. (1883–1919).

кую нелегальную типографию и т. д. С весны 1901 года, по предложению партии, вплотную ушел в революционную работу и вместе с Кецховели работал в подполье. С осени 1901 г. была образована в Баку группа „Искры", и с тех пор мы были с „Искрой" в постоянных сношениях. За это время мы в Баку организовали большую нелегальную типографию, в которой, между прочим, были перепечатаны №№ 7 и 11 „Искры", №№ 5—8 „Южного Рабочего" и др., и наладили транспорт заграничной литературы через Батум. В апреле 1902 г. был арестован за майскую демонстрацию. После освобождения в мае того же года продолжал работать в организации до 2-го сентября того же года, когда вместе с Кецховели снова был арестован и переведен в тифлисский Метехский Замок, где просидел до лета 1903 г. Летом принимал участие в посылке делегата на II С'езд РСДРП. Осенью 1903 года снова был арестован и отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, но по дороге бежал и окончательно перешел на нелегальное положение. С ноября 1903 г. по решению ЦК партии я работал в большой подпольной типографии ЦК РСДРП вплоть до ликвидации перевозки этой типографии в Петербург в феврале 1906 г. В 1906 г. работал в петербургской организации. После разгона Г. Думы был командирован для работы на Кавказе.

После общекавказского с'езда осенью 1906 г. работал в бакинской организации, как член БК (большевиков) и союзного комитета РСДРП до 5 мая 1907 г., когда был арестован на бакинской конференции большевиков. Осенью был выслан в Воронеж, но по дороге бежал от конвоя, снова вернулся в Баку работать до общепартийной конференции большевиков в Таммерфорсе. По дороге в Финляндию 9 ноября 1907 г. был арестован в Петербурге и заключен в „Кресты". В мае 1908 г. был сослан в Архангельскую губернию откуда бежал в сентябре обратно в Петербург. От предложения эмигрировать за границу я отказался и после трехмесячного скитания по Питеру и Финляндии вернулся в ссылку в Онежский уезд, которую кончил в июле 1910 г. С осени 1910 г. работал в бакинской организации, как член БК. В разгар организации Всероссийской конференции большевиков был вместе с Шаумян, Каспаровым, Черномазовым и др. арестован в сентябре 1911 г. Просидел в тюрьме до июля 1912 г., получил высылку из пределов Кавказа. С октября по декабрь 1912 г. работал в Ростове н/Д. В декабре уехал в Москву, откуда был выслан „в 24 часа", и направился в Петербург. С начала 1913 г. по июль 1914 г. работал в Петербурге. 4 июля 1914 г. был арестован и в октябре того же года выслан в Енисейскую губ. В конце 1916 г. был из ссылки призван в солдаты. Служил рядовым в Красноярске в 13 роте 14-го Сибирского стрелкового полка, откуда 22 февраля 1917 г. был послан на фронт в действующую армию через Петроград. В Петроград прибыл 27-го февраля, т.-е. в первый день революции. С 28-го февраля по 3-е марта принимал участие в уличных выступлениях войск в Петрограде. До апрельского совещания Советов работал в частях петроградского гарнизона. В апреле был избран членом ВЦИК'а. На I С'езде Советов был избран членом ВЦИК от большевиков, затем был членом петрогр. Совета и Исполкома. В предоктябрьские дни был избран членом „15"—бюро рабочей секции петрогр. совета. Принимал близкое участие в организации II С'езда Советов и в октябрьских событиях. С тех пор непрерывно работаю во ВЦИК'е, состоя членом ВЦИК'а всех созывов. Сначала работал в качестве заведующего военным отделом ВЦИК'а, а с осени 1918 г. по конец 1922 г.—как член президиума и секретарь ВЦИК'а. С 30 декабря 1922 г.—член президиума ВЦИК'а и член президиума и секретарь ЦИК'а Союза ССР.

Загорский (Лубоцкий, парт. псевдоним „Денис"), Владимир Михайлович, р. в 1883 г. в Нижнем-Новгороде, в зажиточной семье. Будучи на школьной скамье, вступил в местную с.-д. организацию. В 1902 г. был деят. участником первомайских демонстраций рабочих и учащейся молодежи, был арестован и сослан в Енисейск. губ., откуда бежал в 1904 г. в Швейцарию и примкнул к большев. организации. В 1905 г. З. возвращается в Россию и отдается революционной борьбе. В качестве партийн. профессионала живет в Москве до 1908 г. и после провала московск. организац. бежит в Англию. В 1910 г. он возвращается в Саратов, но скоро опять должен бежать, теперь уже в Германию. В начале войны его арестовывают в Лейпциге и держат до окончания войны с Россией в качестве гражданского военнопленного. Октябрьская революция и мир освобождают его, и он входит в состав советск. посольства в Берлине в качестве секретаря. В 1918 г. З. возвращается в Москву и становится одним из самых деятельн. работников моск. комит.

РКП и его секретарем. Погиб от взрыва бомбы 25 сент. 1919 г. в Леонтьевском пер. См. *„Пам. бор."*.

Зеленский, Исаак Абрамович *(автобиография)*, род. в 1890 г. в Саратове, сын отставного солдата-портного, учился в высшем начальном училище, вступил в с.-д. организацию в 1906 г. В 1906—1907 гг. работал в партийных и профсоюзных организациях в Саратове. Весной 1908 г. был арестован и осенью того же года был выслан под надзор полиции в Оренбургскую губернию. В Оренбурге некоторое время работал по своей специальности (картузник), усиленно занимался самообразованием, поддерживая связь с отдельными партийными товарищами, но не принимая участия в партработе. Весной 1909 г скрылся из-под надзора полиции. В поисках связей с парторганизациями об'ехал некоторые города Поволжья Работал короткое время в Астрахани и Пензе. Однако, ликвидаторское настроение меньшевиков в Астраханской организации, где они были в подавляющем большинстве, и опасение ареста в Пензе не давали сколько нибудь серьезной возможности восстанавливать организационную работу в этих местах. Отсутствие каких-либо связей с центральными учреждениями партии или даже с другими парт. организациями и тугое положение с заработком побуждают вернуться в Оренбург. В Оренбурге работал опять в мастерской, встретился с группой товарищей работавших в жел.-дор. мастерских и на некоторых предприятиях (Скороходов, Г. Коростелев и др.). Совместно с ними работал по восстановлению организации, был арестован и выслан.

Зимой 1910 г. поселился в Самаре. Некоторое время работал в мастерской, но заработок был низкий, почему поступил в магазин сборщиком денег с должников, а потом конторщиком. С парторгацией связался быстро. Партия в это время уже начала оправляться от разгрома, понесенного после 1907—8 гг. Проходило и безнадежное настроение в рабочем классе. После преодоления ликвидаторства, которое было довольно сильно в Самаре, и формального разрыва с меньшевиками, партработа развернулась интенсивно. Партработа содержала в себе все элементы, сочетающие использование довольно скудных тогда легальных возможностей с крепкой нелегальной организацией. В Самаре продержался довольно долго и только в начале 1912 г. был арестован, а осенью выслан на 3 года в Нарымский край. В Нарыме пробыл несколько месяцев, в начале лета 1913 г. бежал и работал в Царицыне. В Царицыне же провалился, бежал во время ареста, был арестован, как потом выяснилось, благодаря доносу провокатора, и отправлен обратно в Нарым. Путь этапом в Нарым был довольно тяжел—не было денег и в бумагах значилось—„склонен к побегу", что заставляло солдат быть ко мне особо строгими. В Нарыме прожил до августа 1914 г., после чего уехал в Самару. В Самаре в это время была прекрасная большевистская парторганизация, которая вела упорную войну с оборонцами. В Самаре, однако, долго жить не пришлось, так как был очень известен охранке. В декабре приехал в Москву, получил работу, благодаря А. И. Смирнову, на электропередаче. Партработа была очень затруднена тем, что и Смирнов и я были достаточно известны охранке и находились под ее постоянным наблюдением, и ограничивалась поддержкой связи с партийными товарищами и кое-какой работой у себя на станции в Глухове, Орехове.

Осенью 1915 г. преследования охранки сделались слишком наглыми—да и потребность разворачивать работу в другом месте была—переехал в Сормово, где работал секретарем больничной кассы. Работа в Сормове была не продолжительна, я был арестован на квартире у К. И. Ландера, когда мы условливались об организации газеты. Просидев несколько месяцев, был выслан в Иркутскую губ. Киренский уезд. В Иркутской тюрьме заболел тифом, по дороге из Иркутской тюрьмы в Александровскую пересыльно каторжную тюрьму конвойные маленько побили. В ожидании Якутской партии и пока оправился от тифа и проч. просидел несколько месяцев. В тюрьме вместе с группой большевиков решили учинить протест и добиваться отправки нас в ближайший уезд. Почему и попал в Верхоленский уезд. а не Киренский. Пробыл в Верхоленске до конца 1916 г. и бежал в Москву. куда приехал за месяц до Февральской революции. С февраля по октябрь был партийным организатором Басманного района. председ. Райсовета. С 18 по 20 год работал в Московском Продотделе, членом коллегии и завед., был секретарем МК, откуда был опять переброшен на продовольственную работу членом коллегии Наркомпрода. Осенью 20 г. был командирован в Сибирь. Затем работал в президиуме Моссовета и с апреля 21 г. и до осени 24 г. опять работал секретарем МКРКП. В данный момент, с ноября 24 г. работаю председ.

ЗЕЛЕНСКИЙ И. А. (1890–1938).

С 1931 председатель Центросоюза. Необоснованно репрессирован. По делу "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

ЗИНОВЬЕВ Г. Е. (1883–1936).

В 1926 исключен из Политбюро, отстранен от работы в Коминтерне. В 1927 исключен из ЦК, затем – из партии. В 1928 восстановлен в партии, в 1932 вновь исключен, а в 1933 вновь восстановлен. В 1934 исключен из партии. Необоснованно репрессирован. По делу "Московского центра" в 1935 осужден к 10 годам тюрьмы, в 1936 по делу "Троцкистско-зиновьевского объединенного центра" приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Сред. А. Бюро ЦК РКП. Членом МК состоял с небольшими перерывами, начиная с весны 1917 г., членом президиума Моссовета с 1918 г. Кандидатом в члены ЦК избран на X с'езде, а на XI-м с'езде избран членом ЦК РКП.

Зиновьев, Григорий Евсеевич, председатель исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, член политбюро ЦК РКП (б) и председатель ленинградского Совета и Губисполкома, один из ближайших сотрудников и учеников тов. Ленина. Род. в сент. 1883 г. в г. Елисаветграде Херсонской губ., в малоимущей мелкобуржуазной семье (отец был владельцем небольшой молочной фермы). С 14—15 лет стал жить своим трудом и своим небольшим заработком помогать родным—сначала давал уроки, а потом служил конторщиком в двух крупных торговых предприятиях (образование получил домашнее).

В конце 90-х годов участвует в первых кружках самообразования на юге и близко примыкает к той группе, которая организовала первые экономические стачки рабочих и служащих на юге России. В 1901 г. подвергается первым преследованиям и в 1902 г. уезжает за границу. Сначала в Берлин, затем в Париж, затем в Швейцарию (Берн). Повсюду в этих городах принимает близкое участие в тогдашней работе заграничных с.-д. групп, выступает с рефератами в небольших кружках и т. д. В 1903 г. в Швейцарии впервые встречается с Лениным. Первое личное знакомство с Плехановым—тогда же. Когда на II с'езде партии (1903 г.) произошел раскол, сразу примыкает к большевикам. Вскоре после II с'езда отправляется (осенью 1903 г.) назад в Россию—опять на юг. Работает в организациях „искровцев", ведет борьбу против „экономистов", содействует установке нелегальной типографии, входит в сношение с Полтавским бюро „искровцев" и т. д.

В конце 1904 г. заболел и отправился опять за границу. Сдал экзамен и поступил в Бернский университет (химия). 9-е января застает в Швейцарии. Участвует в комитете заграничной организации большевиков, сотрудничает в первом большевистском журнале „Вперед". С началом революции 1905 г. уезжает с группой товарищей в Россию, в Петроград. В Питер приезжает в разгар всеобщей стачки. Входит в местную партийную работу. Скоро сильно заболевает (сердце), врачи вновь отправляют за границу. Пара месяцев лечения (профессор Салли запрещает всякую политическую деятельность). Поправляется. Переходит на юридический факультет. Скоро бросает университет и в марте 1906 года—опять в Петрограде. Начинает работу за Московской заставой—преимущественно у металлистов. Становится популярным агитатором. Через несколько недель выбирается в Петр. комитет партии. Остается членом ПК до весны 1908 г., т.-е. до момента ареста. В ПК в то время работают б-ки вместе с м-ками. Идет резкая борьба, которая особенно разгорается после Стокгольмского (об'единительного) с'езда.

ЦК перешел в Стокгольме в руки м-ков. ПК стал оплотом и главной организацией б-ков. Во время 1-й Думы и после все время идет борьба между меньшевистским ЦК и большевистским ПК. Борьба эта имеет всероссийское значение. Вокруг ЦК и ПК группируются равные половины партии. Во главе московского ЦК стоят Мартов, Джорданния, Дан, Мартынов, Хинчук. Во главе большевистского ПК фактически стоит Ленин. Непосредственное практическое руководство ПК, вся организационная работа и проч. падает на исполнительную комиссию ПК, состоящую из Г. Зиновьева, Н. А. Рожкова и И. А. Теодоровича. Эта тройка являлась тогда влиятельной ячейкой большевистских сил в Петрограде. Во время 1-й Думы З. ведет агитацию против кадетов и меньшевиков. Сотрудничает в тогдашних легальных газетах большевиков. Редактирует вместе с А. А. Богдановым нелегальный популярный орган б-ков „Вперед" (выходил в Финляндии). Участвует в професс. союзах. Переходит из Московского района („Григорий Московский") в Невский. Там работает среди ткачей. Много раз счастливо избегает ареста, хотя полиция рыщет. Выступает лектором на собраниях студентов и курсисток (университет и курсы Лесгафта). Во время разгона 1-й Думы З. едва избегает ареста. Вместе с И. Ф. Дубровинским (Иннокентий), Рамишвилли, Алексинским, З. по поручению Ленина едет в Кронштадт для организации восстания. После неудачи возвращается в Петроград.

Весь 1907 г. З. работает во многих рабочих районах Петрограда. Участвует в проведении большевистской избирательной кампании во 2 ю Гос. Думу по рабочей курии. В такой же мере активную роль З. играет в проведении избирательной кампании большевиков на Лондонский с'езд партии (весна 190 г.). При выборах на этот с'езд в Петрограде окончательно определилось громадное большинство рабочих за большевиков. Когда

м-ки выдвинули лозунг „ответственное (т.-е. кадетское) министерство", З. среди других большевиков выступил в Петрограде энергичным борцом против этого лозунга. На многочисленных собраниях, в спорах с влиятельными ораторами меньшевиков, З. с успехом выступает в защиту большевистской политики. Вместе с тем, З. ведет агитацию среди солдат в Петрограде и его окрестностях, ездит в царскосельские казармы, посещает солдатские собрания за оградой царскосельского дворца, проходя туда переодетым. На Лондонском с'езде партии З.—делегат Петроградской организации. На Лондонском с'езде в числе 6-ти членов ЦК большевиков (Ленин, Богданов, Дубровинский) выбирается также З. С этого времени З. является членом всех составов ЦК партии. Как член ЦК, З. входит в состав так наз. БЦ (большевистского центра), руководящего всей работой большевиков.

Немедленно после Лондонского с'езда З. возвращается в Россию. Он приезжает в Петроград к моменту разгона 2-й Гос. Думы. Б-ки загнаны в подполье. ЦК приступает к нелегальному изданию центрального органа партии („Социал-Демократ") в Петрограде. З. является одним из редакторов его.

В избирательной кампании партии в 3-ю Гос. Думу З. принимает деятельное участие. В то же время принимает участие во всей нелегальной работе партии. Весной 1908 г. З. арестовывают (на Васильевск. Острове на собрании редакции нелегальной газеты). Работа З. оказывается, однако, не вполне известной охранке. З. в тюрьме сильно заболел, и, благодаря заступничеству покойного Д. В. Стасова, З. удалось вырвать из тюрьмы сравнительно скоро. Через несколько месяцев З. выпускают под надзор полиции.

К концу лета 1908 г. ЦК партии вызывает З. за границу. ЦК и Ленин находились в это время в Женеве. З. приезжает в Женеву, участвует там в пленуме ЦК и входит в редакцию большевистского органа „Пролетарий", который редактируется затем впредь до его прекращения Лениным, З. и Каменевым. В декабре 1908 г. З. участвует на Всеросс конференции партии в Париже. Выступает докладчиком по вопросу о ликвидаторстве, которое тогда начало оформляться На этой конференции создается ЦО партии („Социал Демократ"). В редакцию его входят: от м-ков—Мартов и Дан, от б-ков—Ленин, З. и Варский (польский большевик).

В редакции „Пролетарий" и „Социал-Демократ" З. пишет много статей по вопросам теории и практики движения. В то же время З. поддерживает сношения с Россией, главным образом с Питерской организацией. В 1910 г. участвует, как делегат партии, на Копенгагенском международном конгрессе. В 1911 г. начинает выходить „Звезда" в Петрограде, журнал „Мысль" в Москве, затем „Правда" в СПБ. Во всех этих газетах З. принимает деятельное участие, ведет переписку с петроградскими и московскими сотрудниками наших изданий. В 1912 г. в Праге (Богемия) состоялась общероссийская партийная конференция большевиков, имевшая историческое значение. На этой конференции была восстановлена партия после годов контр-революции. Эта конференция, происходившая на фоне оживления рабочего движения (Ленская стачка), положила основу нынешней коммунистической партии. З. был на этой конференции делегатом от Москвы, выступал докладчиком по ряду вопросов и был выбран в новый ЦК.

Вскоре после Пражской конференции Ленин переезжает в Галицию (Краков), дабы быть ближе к России. З.—тоже. В Кракове основывается бюро ЦК (Ленин и З.). Сюда приезжает ряд товарищей из России. Отсюда Ленин и З. самым деятельным образом сотрудничают в питерских изданиях. З. пишет речи для рабочих депутатов 4-й Думы. Здесь (в Кракове) происходил ряд конференций и совещаний с работниками из России. Отсюда Ленин руководил и теоретическим журналом большевиков „Просвещение".

Начало войны застает З. вместе с Лениным в Галиции. Отсюда оба товарища с большим трудом пробираются через Вену в Швейцарию. Здесь возрождается ЦО партии („С.-Д.") под редакцией Ленина и З. Газета повела самую решительную борьбу против социал-шовинизма, победившего во всех партиях. Против течения — таков был лозунг „Социал-Демократа". Первая статья под этим назв. напечатана З. (см. сборник „Против течения"). В то же время Ленин и вместе с ним З. начинают кампанию среди иностранных рабочих, издают нелегальные листки и брошюры на немецком языке и транспортируют их в Германию и Австрию. Вместе с Лениным, З. представляет партию на Циммервальдской конференции, организует Циммервальдскую левую, оба входят в бюро Циммервальдской левой помогают поставить немецкий интернационалистический жур-

нал „Vorbote", организуют кружки швейцарских рабочих и т.п. З. входит также, как представитель большевиков в J. S. K. (Интернациональная Социалистическая Комиссия Циммервальда). Февральская революция 1917 г. застала Ленина и З. в Берне.

Все попытки проехать в Россию через „союзные" страны успехом не увенчались, благодаря препятствиям со стороны временного и „союзных" правительств. И лишь через месяц после революции Ленин и З. вместе с группой большевиков переезжают через Германию и Швецию в Россию. Встреченные бешеным воем всей буржуазной печати, Ленин и З. были горячо приняты питерским пролетариатом. Со дня приезда в Россию З. принимает участие в подготовке партии и широких масс трудящихся к Октябрьской революции.

Еще задолго до Февральской революции Лениным при тесном сотрудничестве с З. была намечена основная линия поведения большевиков в период перехода от буржуазно-демократической диктатуры к диктатуре пролетариата. Два основных документа („Несколько тезисов"—1915 г. и Набросок тезисов 17 марта") были написаны Лениным при ближайшем участии З. Общегородская конференция Петроградской организации, председателем которой был избран З. и Всероссийская конференция (апрельская) проходят под руководством Ленина. З. вместе с Лениным обосновывают важнейшие вопросы порядка дня, являющиеся в то же время важнейшими вопросами подготовки революции. З. входит в состав редакции газ. „Правда", соредактором которой остается до разгрома газеты в июльские дни, помещая почти ежедневно статьи, раз'ясняющие смысл войны, братанья, тайных договоров, о крестьянстве, земле и др. (см. Г. Зиновьев собр. соч., том VII).

На ряду с этим З., по поручению ЦК, является участником беспрерывной цепи враждебных большевикам различных с'ездов и конференций и разоблачает руководивших с'ездами меньшевиков и эс-эров. З. работает в Петроградском Совете, главным образом в его рабочей секции. 3 июня, по докладу З., рабочая секция Совета принимает составленную З. резолюцию о переходе власти к Советам и избирает его в бюро для осуществления этого решения. Упорная борьба З. с буржуазией и социал-патриотами создает ему самую широкую популярность среди петроградского пролетариата и солдат и бешеную ненависть врагов. Буржуазия, меньшевики и эс-эры принимают все меры к тому, чтобы изолировать столь опасного противника, и после июльских дней пускают известную клевету с подделкой документов, уличающих якобы З., на ряду с В. И. Лениным, в шпионаже в пользу Германии.

По постановлению ЦК Ленин и З. уходят в подполье. Сперва З. скрывается у различных товарищей в Петрограде, а 9 июля перебирается вместе с Лениным на ст. Разлив, Приморской ж. д. и живет у рабочего Сестрорецкого завода Емельянова в „таинственном шалаше". В первых числах августа З. перебирается в Петроград на квартиру рабочего-айвазовца Эмиля Кальске, у которого остается до октябрьских дней. Из подполья З. посылает статьи в „Пролетарий" и „Рабочий", выходившие вместо закрытой „Правды". Начиная с конца августа участвует в работе ЦК. 10 октября избирается членом политбюро ЦК, созданного для руководства восстанием. Принимает участие в Октябрьской революции, которая окончательно выводит З. из подполья. В день восстания, впервые после долгого перерыва, выступает на заседании Петрогр. Совета с призывом к продолжению борьбы. В начале ноября 1917 г. между большинством ЦК и рядом товарищей, среди которых был и З., усиливаются возникшие ранее разногласия на почве переоценки меньшинством влияния левого крыла так-называемых советских партий на массы. Разногласия эти ликвидируются в течение нескольких дней.

До середины ноября (ст. стиля) З. работает в Петрограде, как член ЦК партии, выступает на Крестьянском с'езде, на заседании Петроградского Совета и др. В 15-х числах ноября З., по поручению ЦК, едет на Украину для организации борьбы против Украинской Рады. З. об'езжает ряд крупнейших пунктов Украины, участвует на конференции в Киеве, подготовлявшей восстание против Рады, где ему, равно как и в Знаменке едва удается избежать ареста. По возвращении в Петроград, З. (13 дек. 1917 г.) избирается председателем Совета, каковым он остается и поныне. В начале января 1918 г. З. становится во главе Комитета Революционной обороны Петрограда, задачей которого было организовать отпор наступавшей германской армии.

26 февраля 1918 г. он избирается председателем Совнаркома Петрогр. Трудовой Коммуны. К этому времени относятся известные разногласия внутри партии в связи с переговорами в Бресте. З. вместе с Лениным ведет борьбу с так-на-

зываемыми левыми коммунистами и другими партийными группами, позиция которых грозила гибелью революции.

26 апреля он—предсовнаркома Союза Коммун Северной Области. В дальнейший период революции З. является организатором обороны Ленинграда (во время Юденича он—член РВС 7-й армии), руководит борьбой с голодом и принимает участие в руководстве обороной и строительством в стране, как член ЦК и руководитель Северной Коммуны. На ряду с работой внутри страны, З. под руководством Ленина, собирает остатки левой Циммервальда по всей Европе. И когда в 1919 г. удается созвать 1-й конгресс Коммунистического Интернационала, З. избирается председателем исполнительного комитета Коминтерна.

С этого момента работа З. в Коминтерне становится основной его работой. В 1920 г. З. участвует на с'езде партии независимых социал-демократов в Галле, содействует расколу партии и присоединению левого крыла ее к Коминтерну. Руководит с'ездом народов Востока в Баку. Докладчик по основным вопросам на всех конгрессах Коминтерна и почти на всех с'ездах партии. На XII и XIII с'ездах РКП выступает с политическими отчетами ЦК.

Важнейшие произведения: „Война и кризис социализма", „Война и социализм" (написано вместе с В. И. Лениным), статьи в сборнике „Против течения", „История РКП (б)", „К основным вопросам ленинизма", статьи в журнале „Коммунистический Интернационал", сборник „Лицом к деревне" и др. З. написан целый ряд важнейших документов большевизма, как-то:

1) Резолюция „О роли партии в пролетарской революции" и 2) „Условия приема в Коммунистический Интернационал", принятые 2-м конгрессом Коминтерна. 3) Тезисы „О роли профсоюзов", принятые X с'ездом РКП. 4) Тезисы „О большевизации партий Коминтерна", принятые 5-м расширенным пленумом ИККИ в 1925 году и ряд других. Собрание сочинений З. издается Лентизом. Наиболее четко в произведениях З. освещены вопросы тактики классовой борьбы, роли партии и профсоюзов в революции, вопросы международной и внутренней политики, взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, борьбы с меньшевизмом и внутрипартийными уклонами от большевизма и др.

Б. Богдан.

Зоф, Вячеслав Иванович, род. в дек. 1889 г. в г Дубно, Волынск. губ. Рабочий — металлист. Образование получил в народн. школе и на вечерн. общеобразовательных курсах. В царской армии не служил. В 1918 г.—комиссар дивизии и нач. снабжения 3 армии восточн. фронта; в 1919 г. — член Реввоенсовета Военн. Балт. флота и член Комитета Обороны Петрограда, в 1920 г. — член коллегии главн. водн. транспорта Республики, а затем нач. полит. управления того же транспорта; в 1921 г.—пом. ком. морск. силами по хозяйств. части и главноком. всеми вооруженн. силами Республики; в 1922 г.—член Высш. Академ. военно-педагогич. совета, в 1924 г.—комисс. военно-морских сил СССР, с конца 1924 г.—член РВС СССР. За время революции неоднократно избирался в члены ВЦИК'а и члены ЦИК'а СССР; с начала 1925 г.—начальник военно-морских сил СССР.

ЗОФ В. И. (1889-1937).

В 1927–29 председатель Совторгфлота. В 1930–31 заместитель наркома путей сообщения СССР, с 1931 1-й заместитель наркома водного транспорта СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Зурабов, Аршак Герасимович, б член 2 й Гос. Думы (*см. XVII, 35*), был сослан на каторгу; после того находился в эмиграции. С наступлением Февральской революции вернулся в Россию, жил в Грузии и, примыкая к интернационалистам, был выбран в члены Учр дит. собрания от Закавказья. Во время господства меньшевиков в Грузии З. вел с ними энергичную полемику, выступая в пользу диктатуры пролетариата и установления советской власти. За свою агитацию он был выслан в Армению и там умер от тифа в 1919 г. См *„Пам. бор."*.

ЗУРАБОВ А. Г. (1873–1919).

Ильмер, Карл, род. в 1891 г., сын латышского рабочего бумажн фабрики в мест. Лигат, куда поступает и И. по окончании городского училища. 15 лет делается активным членом местн. группы РСДРП (больш.), постепенно втягивается в организац. работу, принимает на себя ответств. поручения, входит в состав „боевой дружины" и в числе „лесных братьев" скрывается от преследований, работает в г. Риге и, наконец, в Баку. За это время с 1908 г. по 1916 г. он подвергается обыскам, арестам тюремному заключению и в 1914 г. ссылке в Нарымский край. После об'явления призыва политических ссыльных на передовые позиции, И. бежит из ссылки в тайгу, а затем в Петроград, работает в военной организации, после революции —в латышск. рабочей газете „Борьба" и потом назначается районным комиссаром продовольствия. С начала 1918 г. И. командируется в Сибирь для извлечения продовольствия, там заведует эконом отделом краевого Совета С.-Зап. Сибири и назначается продовольств. комиссаром Акмолинской области При наступлении чехо-словаков, а затем Колчака И. командируется для подполь-

ИЛЬМЕР К. П. (1891/92–1919).

ИОРДАНСКИЙ Н. И. (1876–1928).

ИОФФЕ А. А. (1883–1927).

Покончил жизнь самоубийством.

ной работы и организации восстания. Когда уже все было готово к выступлению, заговор был раскрыт, И. с рядом др. участников был арестован и в марте 1919 г. расстрелян. См. *„Пам. бор"*.

Иорданский, Николай Иванович *(по автобиографич. матер.)*, род. 4 декабря 1876 г. в Новохоперске Воронежской губ. в семье конторщика. В 1895 г. окончил гимназию в Симферополе и поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Весною 1899 г. за руководство студенческою политическою забастовкою исключается из университета. С этого времени, подвергаясь арестам, высылкам и полицейскому надзору, до 1904 г. работает в с.-д. организациях Петербурга („Группа рабочих для борьбы с капиталом", „СПБ Союз борьбы за освобождение рабочего класса"), Симферополя (Крымский союз борьбы за освобождение рабочего класса, 1901 г.), Севастополя (первые революционные кружки черноморских матросов, 1901 г.), Борисоглебска, Тамбовской губ. (1902 г.), снова — Петербурга (1903 г.). В 1904 г. И. в Женеве работает фактическим членом редакционной коллегии и постоянным сотрудником „Искры". В 1905 г. под кличкою „Тихон" входит в Исполком первого Совета Рабочих Депутатов Петербурга. В 1906 г. в качестве члена ЦК РСДРП (кличка Негорев) участвует на Стокгольмском с'езде РСДРП, где избирается членом редакции Ц. О. и кандидатом в члены ЦК. Вместе с В. В. Воровским и И. А. Теодоровичем редактирует протоколы с'езда.

С появлением ликвидаторства разрывает с меньшевизмом и сближается с большевиками. В 1910 г. активно участвует в организации и редакции газеты „Звезда", положившей начало рабочей печати. Во время империалистской войны примыкает к революционному оборончеству и организует плехановскую группу „Единство". После Февральской революции в качестве комиссара Временного Правительства и ЦИК при армиях юго-западного фронта подавляет восстание Деникина и других сподвижников Корнилова. Октябрьская революция привлекает И., после недолгого перерыва политической деятельности, в ряды РКП (б). В 1921 г. он редактирует советскую газету „Путь" в Гельсингфорсе. Высланный из Финляндии, в 1922 г. работает в Москве в НКИД и в Госиздате. В 1923 г. И. назначается полпредом СССР в Италии, где заключает торговый договор с признанием Италией СССР де юре. В 1924 г. возвращается в Москву к литературно-политической деятельности.

Публицистическая деятельность И. началась с 1899 г.; в 1902—1903 гг. он был членом редакции журнала „Образование", в 1905 г.— членом редакции, а с 1908 по 1917 г — редактором журнала „Мир Божий", переименованного с 1906 г. в „Современный Мир". После 1905 г. был также членом редакции многих партийных газет: „Начало", „Северный Голос", „Невская Газета", „Новый день", „Звезда" и др. Литературные труды: „Сборн. по текущей статистике Таврич. губ.", 1901 г.; „Первый шаг" (об Учредительном собрании) без имени автора. Женева, 1905 г. Статьи в Женевской „Искре" под псевдонимом Н. Негорев перепечатаны в сборнике „Искра", „За два года", СПБ, 1906 г. „Как выбирать рабочих депутатов", СПБ, 1906 г. „Земский либерализм", два издания 1905 и 1906 г. „Конституционное движение шестидесятых годов", СПБ, 1906 г., Газетные статьи, политические обзоры в „Образовании", „Современном Мире" 1904—1917 гг.

Иоффе, Адольф Абрамович *(автобиография)* (литер. псевд. В. Крымский), род. 10 октября 1883 г. в г. Симферополе (Крым) в богатой купеческой семье. Еще гимназистом в конце 90 годов, когда в России усилилось рабочее движение вообще, а забастовочное в особенности, и когда началось известное гонение против студенчества, вошел в революционное движение и вступил в российскую социал-демократическую рабочую партию. В виду этого, в 1903 г., по окончании гимназии, как „политически неблагонадежный", не мог поступить ни в один российский университет, а потому уехал за границу в Берлин, где поступил на медицинский факультет, продолжая в то же самое время свои занятия социально-политическими науками и участвуя как в германском соц.-дем. движении, так и в российском, в качестве члена берлинской группы содействия РСДРП. В 1904 г. по поручению ЦК РСДРП поехал в Баку с транспортом нелегальной партийной литературы и для пропагандистской работы. В Баку работал в большевистской организации, но в том же году, скрываясь от арестов, должен был покинуть Закавказье и был отправлен в Москву для той же пропагандистской работы. В Москве тоже вскоре провалился и скрылся за границу, куда прибыл сейчас же после событий 9-го (22-го) января 1905 г. Немедленно же опять вернулся в Россию и принимал участие в революции в различных городах. Сначала на севере, а затем на юге. Во время По-

темкинского восстания был в Крыму и устраивал впоследствии побег К. Фельдману, одному из участников этого восстания, из Севастопольской военной тюрьмы. После этого должен был опять скрыться за границу. В Берлине, после „Стокгольмского об'единительного с'езда РСДРП", был назначен одним из четырех членов первого „Заграничн. Бюро Центр. Комитета РСДРП". В мае 1906 г., по постановлению тогдашнего германского имперского канцлера фон-Бюлова, был выслан из пределов Германии, как „неудобный иностранец" и уехал опять в Россию (в Москву), но преследуемый там, избегая ареста, опять вынужден был скрыться за границу и отправился в Цюрих, где поступил на юридический факультет, продолжая в то же время свою революционную и партийную деятельность. В 1907 г. из Швейцарии опять вернулся в Россию, а в 1908 г. опять вынужден был скрыться за границу. Обосновался в Вене, где вместе с Троцким начал издавать газету „Правда". От имени редакции этой газеты в 1910 г. совершил об'езд российских партийных организаций. Такой же об'езд сделал в 1911 г., а в 1912 г., когда была организована организационная комиссия по созыву общепартийного с'езда всех фракций партии, вошел в эту комиссию, как представитель группы и редакции „Правда". В качестве члена организационной комиссии, опять-таки нелегально, об'езжал российские организации с агитацией за созыв с'езда. Во время пребывания в г. Одессе в 1912 г. вместе со всей одесской организацией партии был арестован. Т. к. для суда материала не было, то после 10 мес. сидения в одиночке был в административном порядке сослан на крайний север Тобольской губернии на 4 года. В связи с арестом в г. Александрии, в Египте, редактора газеты „Моряк", с которой имел сношения в качестве соредактора „Правды", и при обыске у которого был найден весь архив редакции, в том числе и письма за подписью В. Крымский и, таким образом, идентичность между Иоффе и Крымским для суда могла быть установлена—был в 1913 г. в Сибири опять арестован и привлечен к делу черноморского союза моряков по 102-й статье. На суде признал свою принадлежность к партии, но, в виду начавшейся войны и мягкости приговора вообще, не был осужден на каторгу, а с лишением всех прав состояния—к пожизненной ссылке на поселение в Сибири. Однако, сослан не был, ввиду пред'явления, на основании тех же материалов, обвинения уже в принадлежности к партии; был переведен в каторжный корпус и содержался на каторжном режиме. В 1916 г. вторично судился и, принимая во внимание, что и на первом процессе открыто признавал свою принадлежность к партии, был присужден опять к ссылке на поселение в Сибири. Был водворен в Канском у. Енисейск. г. и в виду недостатка врачей в Сибири из-за мировой войны был принудительно назначен заведующим больницей на слюдяных копях в самой глуши тайги. Из Сибири продолжал сотрудничать в различных нелегальных органах. Как только дошли слухи о революции 1917 г. уехал с копей и после кратковременного пребывания в Канске для организации там революционной работы отправился в Ленинград. Там вместе с Троцким и др. стал издавать газету „Вперед". Затем от большевиков последовательно проводился в петроградскую городскую думу, в петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов и Учредительное Собрание (от г. Пскова); был членом „Демократического совещания" и „Предпарламента". На 6-м с'езде партии (в июле 1917 г.) был избран членом Центрального Комитета РСДРП (б), а затем, после изменения наименования партии, членом ЦК РКП (б). Во время октябрьского восстания был председателем Военно-Революционного Комитета. Когда последний ликвидировался, передав свою власть Совету Народных Комиссаров, был послан в Брест-Литовск председателем российской мирной делегации. Заключил и подписал перемирие с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. После германского ультиматума отказался подписать Брестский мирный договор, заявив, что это не мир соглашения, а мир насилия, против которого должно бороться всеми доступными средствами. После окончания Брестских переговоров был комиссаром иностранных дел и социального обеспечения, а затем был послан в Берлин послом. В Берлине вел с германским правительством переговоры и заключил „добавочный договор" к Брест Литовскому мирному трактату. Тогда же вел переговоры с Турцией. Принимал деятельное участие в подготовке германской революции и за три дня до восстания, 6-го ноября 1918 г., был вместе со всем посольством выслан из Германии. После победы германской революции сносился из Минска и Борисова, где поезд посольства был задержан, с новым германским правительством и берлинским советом рабочих депутатов, но все же

КАЛИНИН М. И. (1875–1946).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР с 1938. С 1919 кандидат в члены, с 1925 член Политбюро ЦК партии.

вернуться в Германию не удалось. Когда был созван Всегерманский с'езд рабочих и солдатских депутатов, был послан председателем делегации ВЦИК на Всегерманский с'езд Советов, но делегация в Берлин не была допущена. Затем в качестве члена ЦК РКП был послан на Литву и Белоруссию для партийной работы и содействия организации Литовско-Белорусской республики. Непосредственно перед занятием Вильны поляками вернулся в Москву. Вскоре после этого был послан на Украину, членом Совета Обороны и народным комиссаром советской социалистической инспекции. При занятии Киева Деникиным, вместе с армией и другими членами Совета Обороны отступил на Чернигов, откуда после занятия всей Украины Деникиным и Петлюрой вернулся в Москву. При возникновении института рабоче-крестьянской инспекции был направлен в Ленинград для организации там последней по своим методам и планам. Вместе с тем был членом петроградского комитета РКП. Во время наступления Юденича и эстонцев на Ленинград был членом „Совета Внутренней Обороны Петрограда". После ликвидации Юденического наступления был послан в Юрьев председателем российской мирной делегации по переговорам с Эстонией. После заключения мира с Эстонией вернулся в Ленинград, но вскоре был отозван к Москву для ведения мирных переговоров с Литвой и Латвией одновременно председателем росссийских делегаций. Заключив мир с Литвой, переехал в Ригу для окончания мирных переговоров с Латвией. После их окончания вернулся в Ленинград для прежней работы, но вскоре в 1921 году был назначен председателем мирной делегации по переговорам с Польшей. После окончания этих переговоров и заключения мира с Польшей был послан в Туркестан председателем туркестанской комиссии ВЦИК и туркестанского бюро ЦК РКП (б).

Оттуда, после об'езда всего Туркестана, Бухары и Хорезма, был вызван в Москву и отправлен в Геную членом президиума советской делегации. После окончания Генуэзских переговоров был послан на Дальний Восток чрезвычайным послом для Китая и Японии и председателем советской делегации по переговорам с Японией в Чан-Чуне (Манчжурия). После переговоров в Чан-Чуне (где тяжело заболел) вернулся в Пекин, где вел переговоры с китайским правительством. Затем членом палаты лордов Японии и лорд-мэром Токио, виконтом Готто, был под предлогом лечения приглашен в Японию для ведения там переговоров. Сначала вел неофициальные переговоры с виконтом Готто, а затем официальные с представителем японского правительства Каваками. Состояние здровья в этот период настолько ухудшилось, что принужден был прервать переговоры и вернуться в Москву. В Москве тяжело болел и весной 1924 года был отвезен для лечения в Вену. Несколько поправившись там, был отправлен в Лондон членом президиума советской делегации по переговорам с Великобританией. После подписания договора с Великобританией был оставлен в Лондоне для подготовки второго договора. Затем был назначен полпредом в Вену. Во все время своей революционной и партийной деятельности сотрудничал в целом ряде партийных газет и журналов и редактировал таковые. Написал несколько брошюр, из коих главнейшие: „Местное Самоуправление", „Крах меньшевизма", „Внешняя политика сов. власти", „Мирное наступление", „Генуэзская конференция", „От Генуи до Гааги", „Последний утопист", „Англия в наши дни" и др.

Калинин, Михаил Иванович (*авторизованная биография*), председатель Центр. Исполнит. Комитета СССР и РСФСР, род. 7 ноября 1875 г. в деревне Верхняя Троица Тверск. губ. Корчев. у. Родители К.— небогатые крестьяне. До 13 лет помогал отцу по хозяйству. Учиться грамоте начал десяти лет у полуграмотного старика солдата; 11 лет он был отдан в начальное земское училище соседней помещицей Мордухай-Болтовских, с детьми которой он играл. Окончив училище одним из первых учеников, К. был отдан в услужение к Мордухай-Болтовских, жившим в это время в Петербурге. Обязанности лакея он исполнял, по его словам, небрежно и плохо. Эта служба, однако, позволила перечитать ему много книг из библиотеки Мордухай-Болтовских. Шестнадцати лет хозяйка определила К. учеником на патронный завод в Петербурге, где он посещал по вечерам заводскую школу. Проработавши там 2 года, К. поступил токарем на Путиловский завод. Здесь завязываются первые политические знакомства К.; он входит в политический кружок, вскоре, однако, распавшийся. Тем не менее, К. продолжает втягиваться в политическую жизнь, сходится с одним пожилым рабочим, Паршуковым, и с группой рабочих-туляков, находившихся в соприкосновении с подпольем. В 1898 г. К. на-

чинает работать в кружке, под руководством студента технолога Фоминых. Через полгода студент был арестован, но на смену ему пришли другие. В 1898 же г. К. вступает в социал-демократическую партию, продолжая работать на Путиловском заводе, где в это время имелся уже ряд политических кружков. В 1898 г. К. начинает выступать в печати (статьи в „Рабочей Мысли"). В следующем году К. подвергается своему первому аресту, по обвинению в принадлежности к „Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса", одним из основателей которого был В. И. Ленин. Через десять месяцев тюремного заключения К. высылается на Кавказ. Заехав по дороге домой в деревню, К. направляется в Тифлис, где устраивается токарем на железной дороге и ведет подпольную работу среди тифлисских рабочих. Будучи уволен после забастовки с железной дороги, К. поступает на частный завод, но вскоре совсем лишается права проживания на Кавказе и переезжает в Ревель. В Ревеле он поступает на завод „Вольт", а через год снова переходит на железную дорогу, все время продолжая вести подпольную работу. В 1903 г. К. опять подвергается аресту и переводится в петербургскую тюрьму, где он и пробыл шесть месяцев. „В 1903 году, вспоминает об этом времени К., уже чувствовались новые веяния. Вся предварилка была набита политическими, шумели, буйствовали. Не помню по каким причинам начался протест. Спокойная тюрьма превратилась в сумасшедший дом". Начальство усилило репрессии, в ответ на что заключенные об'явили голодовку. К. был переведен в „Кресты", где подвергся наряду с 41 заключенным жестокому избиению, повлекшему за собой смерть одного из избитых. Через полтора месяца после избиения К. был выпущен на свободу, снова принужден был уехать в Ревель и поступил на завод „Вольт", где уже работал раньше. В начале 1904 г. вновь подвергается аресту и высылается на 4 года в Сибирь; однако, в виду начавшейся Японской войны, Сибирь заменяется ему Олонецкой губернией, где он и остается до своего освобождения в 1905 г. После непродолжительного пребывания у себя в деревне, К. возвращается в Петербург на Путиловский завод и вступает там в члены районного комитета и боевого штаба. Уволенный вследствие забастовки, К. снова едет на несколько месяцев в деревню и снова возвращается в Петербург на патронный завод. Но ему нигде не удается удержаться подолгу: с патронного завода он переходит на оптический завод Рейхеля; подвергается аресту; возвращается в деревню; уезжает в Москву, где поступает на трамвайную станцию; через два года снова появляется в Петербурге на орудийном заводе; наконец, после ареста, высылается в деревню и остается там целый год, занимаясь сельским хозяйством. Все это время К. не перестает заниматься революционной деятельностью: примыкает в 1906 г. к фракции большевиков; работает в центральном союзе металлистов; входит в члены районных комитетов; принимает участие в издании рабочей газеты; ездит делегатом на Стокгольмский с'езд партии. Во время своего пребывания в деревне К. подвергся тщательному обыску, но был оставлен на свободе, в виду выгодных для него показаний крестьян-соседей, хранивших молчание об его политической деятельности. Первые годы войны К. работает в Петербурге на заводе „Айваз", одном из наиболее передовых в техническом отношении и наиболее революционно-настроенных заводов Петербурга. В ноябре 1916 г. К. вновь арестовывается и предназначается к высылке в Сибирь; вспыхнувшая в феврале 1917 г. революция возвращает ему свободу. Принимает деятельное участие в подготовке Октябрьской революции. При перевыборах Петербургской городской думы К. избирается на пост городского головы. В 1919 г. К. проходит в члены Центрального Комитета РКП, а после смерти Свердлова становится председателем ВЦИК и в 1923 г. также председателем ЦИК СССР. Защищая его кандидатуру в марте 1919 г., Ленин говорил: „Переход к социалистическому земледелию мы мыслим не иначе, как в виде ряда соглашений со средним крестьянством. А мы знаем, что товарищи, больше всего работавшие в период революции, не всегда умели подойти к крестьянству, как это нужно было. Вопрос об отношении к среднему крестьянству у нас стоит более остро, чем у наших товарищей в Европе, и у нас следует сделать так, чтобы во главе советской власти встал товарищ, который мог бы показать, что наше отношение к среднему крестьянству будет действительно проведено в жизнь так, как постановил партийный с'езд. Мы знаем, что, если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства— мы эту задачу разрешить сможем, и я

КАЛИНИН Ф. И. (1882–1920).

думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это—кандидатура Калинина". Видя главную задачу своего назначения на пост председателя Ц. И. Комитета в укреплении связи между рабочей массой и крестьянством, К. совершает частые об'езды провинции. В 1919 г. он требует устранения на местах продовольственных рогаток, мотивируя это отрицательным отношением к ним крестьян, с трудом понимающих „пользу таких постановлений, установленных высшими органами, в целях выполнения отдельных нарядов".

См. *„12 б."* „М. И. Калинин" (изд. „Кр. Новь", 1914 г.), „Изв." от 8 февр. 1924 г.

Калинин, Федор Иванович, род. в 1882 г. в семье ткача Иван.-Возн. района, в дер. Шилкове, Александр. у., жил в фабричных казармах, но его угнетали моральные условия рабочего быта. Под влиянием отца, любителя природы и рыболова, он полюбил лес и реку, но затем пристрастился к чтению, бросил фабрику. Был одно время столяром, потом наборщиком, затем возвращается к ткачеству, жил в Киржаче. Под влиянием воспитанников учител. семинарии начал знакомиться с русск. худож. литературой и критикой. Любимыми его писателями становятся Писарев и Белинский; за чтением их он проводит целые ночи. От художественной литературы он скоро переходит к политической. Как „неблагонадежный элемент", его увольняют с фабрики (под Александровом), и он переезжает в Ярославль. Здесь он вступает в студенческо-рабочий кружок самообразования и вскоре примыкает к группе, подготовлявшей покушение на ярославского губернатора: но заговор был раскрыт в самом начале. К. был арестован, провел в одиночном заключении больше года, но за отсутствием улик в 1902 г. подвергнут лишь административной ссылке в Архангельскую г. В ссылке он много работает над пополнением своего образования и под влиянием Шулятикова становится социал-демокр. с большевистским уклоном. По амнистии он в 1904 г. возвращается на родину, затем переезжает в Александров и поступает на Барановскую ткацкую фабрику. На фабрике он приобретает большое влияние на рабочих, ведет среди них усиленную пропаганду, встречает поддержку и в сыне владельца мануфактуры, молодом Баранове. Революционный под'ем охватывает и гарнизон города. С развитием революционного движения в столицах, К. в октябре 1905 г., стоя во главе лишь небольшой группы рабочих, свергает местную власть Александрова. Но скоро прибыли подкрепления и „Александровская республика" была быстро ликвидирована.

Благодаря большим связям Баранова—отца, делу не было придано большого значения, и К. поплатился всего 3 годами арестантских рот, которые отбыл во Владимире, и в тюрьме отдавая все время дальнейшей работе по самообразованию. В 1908 г., по окончании срока заключения, его отправляют в Муром, оттуда он нелегально переезжает в Москву. В Москве он входит в состав Моск ком. РСДРП (больш.). Как выдающегося партийца его отправляют в организованную тогда на Капри партийную школу. Здесь он сразу приковывает к себе внимание лекторов (Луначарского, Богданова и др.) исключительной вдумчивостью и неослабным стремлением придать во всем работе школы направление, наиболее полезное для партии и рабочего дела. И в первой школе—на Капри, затем продолжая свое образование во второй школе—в Болонье, К. особенно интересовался и много работал над вопросами пролетарской культуры. Он возвращается в Россию в разгар реакции и в 1912 г. должен опять уйти за рубеж. Он поселяется в Париже, работает на фабриках, много читает и пишет под влиянием А. В. Луначарского, участвует в журналах „Борьба", „Вперед". После Февр. революции К. приезжает в Петроград, принимает участие в культпросвет. организациях и становится во главе Пролеткульта и затем заведующим организац. сектором при Наркомпросе. Ум. в 1920 г. К. напис. „Идеология производства" (1922) и (вместе с П. Бессалько) „Проблемы пролетарской культуры" (1920). Интересно отметить взгляды К., по особенно обострившемуся в последнее время его деятельности вопросу, о роли интеллигенции в развитии пролетарской культуры. „Примыкающая к нам интеллигенция,—писал К. в одной статье („Пролетариат и творчество")—мыслит с нами, а если нужно—и за нас может,—чувствовать же нет. Поскольку вопрос идет о логическом мышлении, наблюдении, систематизации опыта,—интеллигент, внимательно изучающий жизнь и окружающие условия рабочего, может вполне мыслить за рабочего, правильно намечать путь развития идеологии пролетариата, как это сделано Марксом и целым рядом пролетарских идеологов. Но лишь дело касается более глубоких переживаний, области чувства рабочего, тут интеллигент бессилен, его проникновение ограниче-

но... Художественное творчество — процесс по преимуществу в своей основе подсознательный, контролируемый сознанием при своем уже выявлении; а подсознание имеет своей основой по преимуществу быт, а потому у интеллигента почти никогда не может оказаться пролетарским». См. *„Пам. Бор.* и „Памяти Ф.И.К." (изд. Петрогр. Пролеткульта, П. 1920).

Каменев, Лев Борисович (*авторизованная биография*), род. 18 июля 1883 года в Москве, где отец его в то время служил машинистом на Московско-Курской ж. д. Отец и мать К. выбились из мелко-мещанской среды и окончили свое образование: отец—в Петербургском Технологическом институте, мать—на Бестужевских высших курсах. Оба они вращались в радикальной студенческой среде конца 70-х годов. Отец был сокурсником участника 1-го марта—Гриневицкого. Службу на Московско-Курской ж. д. отец К. скоро заменил должностью главного инженера на небольшом гвоздильном заводе, расположенном в Виленской губернии около станции Ландворово. На этом заводе в среде фабричного поселка К. провел детство. Товарищами детства была рабочая детвора завода. Связь с заводом не порывалась и тогда, когда К. был определен во 2-ю Виленскую гимназию. Приезжая на каникулы из гимназии, по желанию отца и по собственному влечению, приучался к работе в мастерских завода, сначала столярной, а затем слесарной. В 1896 году отец К. получил назначение на Закавказские жел. дор. в Тифлис, куда и переехал со всей семьей. В Тифлисе в 1901 году К. окончил 2-ю гимназию. В последних классах гимназии К. находился уже в связи с марксистскими кружками Тифлиса и читал нелегальную литературу. Первой нелегальной брошюрой, оформившей общее стремление и интерес к рабочему движению, сложившиеся на основании детских и юношеских впечатлений от общения с атмосферой завода и с рабочими, была брошюра Лассаля „Программа работников". В этом же направлении действовало и изучение тогдашней борьбы между марксистами и народниками, за которыми пристально следил К. по легальным журналам.

Аресты 1900 г., коснувшиеся ряда лиц, в сношении с которыми находился К., не задели его, но из гимназии он был выпущен с плохим баллом по поведению, который закрывал дорогу в университет. Пришлось специально хлопотать, чтобы добиться у тогдашнего министра народного просвещения Боголепова права поступить в университет. Настояния отца о карьере инженера были отвергнуты, и К. выбрал юридический факультет в Москве, уже тогда решив посвятить себя общественной революционной деятельности.

В Моск. университете К. немедленно связывается с радикальными элементами студенчества, через несколько месяцев выбирается представителем своего курса в союзный совет землячеств, отстаивает политическую линию в студенческом движении, принимает участие в знаменитой сходке 8 февраля 1902 г., когда университет был осажден полицией.

После арестов тогдашних руководителей моск. студенческого движения (Церетелли, Алексинский, Будилович и др.) К. вместе с группой товарищей организует второй Совет землячеств, который продолжает движение. По поручению совета ездит в Петербург для установления связи с руководителями петербургского студенчества, пишет ряд прокламаций студенчеству с яркой политической окраской, с призывом об'единить студенческие усилия с рабочим движением и организует вместе с другими контр-демонстрацию рабочих и студентов на Тверском бульваре 13-го марта, когда зубатовская организация звала рабочих к памятнику Александра II. Демонстрация была окружена полицией, К. арестован и посажен сперва в Бутырки, а затем в Таганку.

После нескольких месяцев отсидки К. высылается на родину в Тифлис под надзор полиции без права обратного поступления в университет. Прибыв в Тифлис, он связывается с местной социал-демократической организацией, начинает работать в ней в качестве пропагандиста, получив две школы: одну—среди железнодорожных рабочих в Нахаловке, другую—среди сапожников офицерского экономического общества. Осенью того же 1902 года, с целью ознакомиться с революционной литературой, К. уезжает в Париж, где немедленно примыкает к „искровской" группе. С „Искрой" К. познакомился еще в Москве.

В Париже К. знакомится с непосредственными руководителями парижской группы „Искры" (Линдов-Литайзен и др.), пишет отчеты о студенческом движении для „Искры", а через несколько месяцев, при первом же приезде Владимира Ильича Ленина с рефератом в Париж, К. знакомится с Лениным.

Знакомство с Лениным и впечатление, произведенное на К. рядом лекций и рефератов, прочитанных Лениным в тот

КАМЕНЕВ Л. Б. (1883–1936).

В 1926 исключен из Политбюро. В ноябре 1927 выведен из ЦК, затем исключен из партии. В 1928 восстановлен в партии, в 1932 вновь исключен, в 1933 вновь восстановлен. В 1934 исключен из партии. Необоснованно репрессирован. В январе 1935 по делу "Московского центра" осужден к 5 годам тюрьмы, в июле по делу "Кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля" осужден к 10 годам тюрьмы, в 1936 по делу "Троцкистско-зиновьевского объединенного центра" приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

приезд в Париж, оказали решающее влияние на всю его дальнейшую судьбу и деятельность. Узнав, что редакция „Искры" во главе с Владимиром Ильичом переезжает из Лондона в Женеву, К. покидает Париж и поселяется в Женеве, где проводит несколько месяцев в деятельном изучении революционной социал-демократической литературы и впервые сам выступает в искровском кружке с докладом, направленным против модной тогда критики марксизма со стороны Струве, Бердяева, Булгакова и других. Оппонентом на докладе К. выступал Мартов, который, между прочим, пользовался тогда паспортом К. при своих раз'ездах с рефератами по Европе. В сентябре того же 1903 года, немедленно после 2-го с'езда партии, К. возвращается в Россию. Еще в Париже, на собрании, посвященном пятилетию организации Бунда, К. познакомился со своей будущей женой, Ольгой Давыдовной Каменевой.

Вернувшись в Тифлис, К. вступает в ближайшую связь с тогдашними руководителями с.-д. движения в Тифлисе (Д. С. Постоловский, М. А. Борисова, В. И. Ненешвилли и др.) и в качестве пропагандиста и агитатора принимает участие в подготовке забастовки на Закавказских ж. д.

После обыска в ночь с 5 на 6 января (1904 г.) К. вынужден покинуть Тифлис и перебирается в Москву, где работает под руководством Московского комитета партии (пропагандистские кружки, разброска прокламаций, хранение шрифта и т. д.). К этому времени социал-демократические организации в России переживают внутренний кризис, связанный с борьбой между большевиками и меньшевиками. К. решительно отстаивает большевистскую точку зрения и находится в сношениях с представителем большевистского Ц. К. в Москве—тов. Землячкой.

Для предупреждения подготовлявшейся 19-го февраля демонстрации охранка производит аресты в среде Московского комитета. Среди арестованных находятся вместе с Б. Кнуньянц (Радин), Аня Шнеерсон, а также и К. В тюрьме К. просидел 5 месяцев и 15-го июля был выслан под гласный надзор полиции в Тифлис. В тюрьме же была написана К. брошюра с решительной критикой всей политической линии новой „Искры", которая ходила в тюрьме из рук в руки, но затем затерялась и до за-границы не дошла.

Попытка легализоваться при помощи поступления в Юрьевский университет окончилась неудачей в виду присланной в университет следующей справки Департамента полиции:

„Бывший студент Московского университета Лев Борисов Розенфельд, по имевшимся сведениям, по возвращении своем из-за границы, в ноябре истекшего года поселился в г. Москве, где, после арестов видных деятелей Московской социал-демократической организации, занялся формированием групп опытных пропагандистов социал-демократических идей. Организованная им группа присвоила себе наименование группы социал-демократов и, заведя сношения с рабочей средой, усиленно стала агитировать за устройство 19 февраля с. г. уличной политического характера демонстрации. Изложенные сведения о Розенфельде послужили основанием к привлечению его при Московском губернском жандармском управлении к дознанию о названной выше противоправительственной группе. По обыску у Розенфельда отобрана компрометирующая его в политическом отношении переписка. На допросе, не признавая себя виновным, Розенфельд отказался от дачи каких-либо об'яснений".

Вернувшись в Тифлис, К. вводится в состав союзного Кавказского комитета (Миха-Цхакая, Сталин, Кнуньянц (Радин), Ханоян и др.), который руководит всем рабочим движением на Кавказе, принимает участие в органе комитета („Борьба пролетариата"), ведет пропагандистскую работу и выступает в качестве агитатора на больших митингах железно-дорожных рабочих, связанных с подготовленной социал-демократией забастовкой на кавказских дорогах, об'езжает местные организации—Батум, Кутаис и т. д.

Союзный комитет, в который входил К., стоял на строго большевистской точке зрения и вел ожесточенную борьбу с грузинскими меньшевиками (Жордания, Церетелли, Хомерики и др.). В это же время К. корреспондирует в ленинском органе „Вперед".

После образования на севере, по указанию Ленина, бюро комитетов большинства, союзный комитет целиком примыкает к этой Всероссийской большевистской организации и командирует в ее состав, как своего представителя, К.

К. выезжает в Петербург и там получает поручение об'ехать ряд местных комитетов для агитации за созыв 3-го с'езда. С этим поручением он об'езжает Курск, Орел, Харьков, Екатеринослав, Воронеж, Ростов и Кавказ. Сам К. получает мандат на с'езд от Кавказско-

го Комитета и, перебравшись нелегально через границу, принимает участие на с'езде в Лондоне. (В протоколах с'езда псевдоним Градов).

По окончании с'езда, вновь избранный Центральный Комитет назначает К. своим агентом и поручает ему об'езд ряда организаций с агитацией за большевистскую тактику: бойкот Булыгинской думы, подготовку восстания и т. д. С этим поручением К. в июле—сентябре 1905 г. об'езжает почти все крупные города центральной и западной России, выступая с защитой большевистской тактики на собраниях местных комитетов, в кружках пропагандистов и на народных собраниях и митингах.

Октябрьская всероссийская ж. д. забастовка и манифест 17-го октября застают К. в Минске, где он участвует в демонстрации, расстрелянной губернатором Курловым. На первом же паровозе, двинувшемся из Минска, К. возвращается в Петербург, где вступает в местную работу и становится одним из ближайших сотрудников Владимира Ильича во всех литературных большевистских предприятиях. Весь конец 1905, 1906 и 1907 г. К. проводит в Петербурге в ближайшем общении с Владимиром Ильичом, сотрудничая во всех легальных и нелегальных изданиях, выступая пропагандистом и агитатором, отстаивая большевистскую точку зрения на избирательных собраниях и т. д. Незадолго до 5-го с'езда партии, в апреле 1907 г. К. командируется Центральным Комитетом для проведения предс'ездовской кампании в Москву, откуда избирается делегатом на с'езд. После разгрома 2-й Думы К. остается в Петербурге в качестве члена большевистского центра и продолжает там (вместе с Зиновьевым, Мешковским, Рожковым) работу.

После от'езда Владимира Ильича за границу и после ряда обысков 18-го апреля 1908 года К. арестовывается по обвинению в подготовке издания первомайского листка. После освобождения, в июле месяце, Владимир Ильич, через приехавшего тогда из-за границы Дубровинского, вызывает К. к себе в Женеву. За границей, куда К. прибыл в самом конце 1908 г., он назначается редактором центрального органа большевистской фракции „Пролетарий" (Ленин, Зиновьев, К.) и принимает участие во всех партийных совещаниях и конференциях за границей. Одно время, по поручению Владимира Ильича, К. является представителем партии в международном социалистическом бюро, принимает участие в Копенгагенском международном социалистическом конгрессе (1910 г.) и, как представитель партии, выступает на Базельском конгрессе 1912 г. и на Хемницком конгрессе германской социал-демократии.

Принимая из-за границы участие во всех большевистских легальных или нелегальных изданиях, К. в то же время выпускает под редакцией Ленина книгу „Две партии", знаменующую окончательный разрыв с меньшевизмом, а в свободное от партийных обязанностей время занимается разработкой вопросов русского революционного движения, в частности эпохи Герцена-Чернышевского.

В 1913 году, вслед за Лениным и Зиновьевым, К. переезжает ближе к границе в Краков, а в начале 1914-го года командируется Центральным Комитетом в Петербург для руководства „Правдой" и большевистской фракцией в 4-й Государственной Думе. Эту работу К. выполняет вплоть до 8-го июля, когда разгром „Правды" вынуждает его переехать в Финляндию, где и застает его об'явление войны. К. успешно проводит созванное им в Финляндии первое совещание фракции и местных работников после об'явления войны и подготовляет более широкое совещание. Это совещание полностью арестовывается 4-го ноября в деревушке „Озерки" под Петербургом. (Бадаев, Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов, Яковлев, Линде, Воронин, Антипов и т. д.). В мае 1915 г. происходит процесс, и Петербургская судебная палата с сословными представителями присуждает К. на ряду с депутатами и другими участниками процесса к лишению всех прав и к ссылке на поселение в Сибирь. Осужденных сначала направляют в Туруханск, затем в деревню Ялань под Енисейском и, наконец, в город Ачинск, где застает их февральская революция. Находившиеся в то время в Ялани К., Сталин, Муранов немедленно направляются в Ленинград, куда прибывают за несколько дней до возвращения из эмиграции Ленина.

На апрельской конференции 1917-го г. К. избирается в Центральный Комитет партии. В то же время К. становится одним из редакторов „Правды" и вплоть до октября является одним из представителей партии сначала в Ленинградском Совете и в его Исполнительном Комитете, а затем и в Центральном Исполнительном Комитете Советов.

После июльских дней 1917 г. правительство Керенского арестовывает К. и держит его в тюрьме вплоть до наступления Корнилова. Во время ареста К. подвергается самым грязным обви-

КАМЕНЕВ С. С. (1881–1936).

В 1927–1934 заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета СССР. С 1934 начальник Управления ПВО РККА. Командарм 1-го ранга (1935).

нениям со стороны меньшевиков и эсэров. Пред октябрьским выступлением между К. и Зиновьевым, с одной стороны, Лениным и большинством Ц. К., с другой—намечаются разногласия, которые вызывают со стороны Ленина решительный отпор; однако, пред выступлением эти разногласия ликвидируются, и по предложению Ленина К. избирается председателем 2-го С'езда Советов, который провел и оформил октябрьский переворот, а затем и первым председателем нового, большевистского в своем большинстве, Центрального Исполнительного Комитета. Вскоре затем К. сдает свою должность председателя ЦИК Я. М. Свердлову, а сам входит в состав Брестской делегации, заключившей перемирие на фронте, а затем и в состав Брестской мирной делегации. После временного разрыва переговоров с немцами в январе 1918 г. К. получает поручение от Ленина пробраться в Англию и во Францию для ознакомления их с совершившимся переворотом и с задачами советского правительства. После недельного пребывания в Лондоне английское правительство высылает К. Возвращаясь через Финляндию, в которой в то время кипит гражданская война между красными и белыми, К. попадает в руки белых, арестовывается на Аландских островах, содержится некоторое время в тюрьме в Мариенхабен, а затем переводится в крепость Улеаборг, откуда, после нескольких месяцев одиночного заключения, освобождается в августе 1918 г. в обмен на арестованных в Ленинграде финляндцев.

По возвращении в Москву избирается председателем Московского Совета. В 1919 г., когда республика переживала тяжелые дни, К. едет на фронт гражд. войны, как чрезвыч. уполном. Совета Обороны. В 1922 году, во время болезни Ленина, назначается одним из заместителей председателя Совета Народных Комиссаров и СТО, а после смерти Ленина—председателем Совета Труда и Обороны. В январе 1926-го г. освобожден от этой должности с назначением Народным Комиссаром Торговли. К. в своей полит. деятельности является последовательным большевиком-ленинцем. Он не мало унаследовал от своего учителя В. И. Еще в июле 1917 г. В. И., когда скрывался, писал К.: „Если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку „Марксизм о государстве"*). Еще при жизни В. И. с согласия Ленина К. начал издание собр. соч. В. И. Во время своей болезни В. И. передал К. свой личный архив, из которого впоследствие вырос и развернулся Институт В. И. Ленина, директором которого состоит К.

В течение всей своей общественной деятельности К. отдавал много сил литературе. Его статьи по обществ. и полит. вопросам, напис. в период до революции 1917 г., частично собраны в кн. „Между двумя революциями". В нее не вошли статьи по вопросам литературы, в том числе крупные этюды о Чернышевском, Герцене и Некрасове и статьи, напеч. в сб. „Литер. распад". Ему же принадлежат работы: „Экон. система импер. и задачи социализма", „Две партии", „Борьба за мир" и т. д. В наст. время подготовляется собр. сочин., I т. которого уже издан. *Ф. Музыка.*

Каменев, Сергей Сергеевич (*авторизованная биография*)—не относится к категории тех людей, которые в своем прошлом имели предпосылки стать деятелями революции. „Революции пришлось его завоевать — говорит в одной своей статье*) Смилга—а потом.... он стал воевать за революцию". К. род. 4 апреля 1881 г. Происходя из военной семьи (отец его—военный инженер-механик), среднее образование он получил в Киевском кадетском корпусе. Очень тяготился режимом кадетского корпуса и, повидимому, нисколько не выделялся как по наукам, так и физическому воспитанию, шел средним, переходя из года в год в следующий класс, и благополучно закончил курс кадетского корпуса в 1898 г. По окончании корпуса, по успехам в среднем разряде, он не мог поступить ни в Инженерное, ни в Артиллерийское училище, куда принимали только лучших учеников, почему он автоматически попал в Александровское военное училище. Может быть благодаря режиму, может быть благодаря лучшим, чем в корпусе, отношениям преподавательского персонала, но в Александровском училище К. сразу же выдвигается как по предметам, так и по физической своей подготовке. В порядке учебных и строевых заслуг он производится в младшие портупей-юнкера, затем в старшие портупей-юнкера и кончает Александровское училище в 1900 г. третьим по старшинству, имея возможность выбирать лучшие вакансии, какими по тем временам считались гвардейские полки.

*) Так Ленин думал назвать свою книгу, которая вышла под загл. „Государство и Революция".

*) „Политработник" за 1922 г.

К. отказывается от этих вакансий и берет вакансию в Киев в 165 пехотный Луцкий полк. Главным мотивом такого решения и отказа от возможной карьеры—службы в гвардейских частях—была привязанность к родителям и желание быть с отцом, который в это время стал уже болеть. Почти с первых же дней службы в пехотном полку К. приступает к подготовке в Академию и в 1904 году поступает в нее. Здесь по своим успехам он идет одним из первых. В 1907 году оканчивает Академию по первому разряду и возвращается в 165-й пехотный Луцкий полк для двухгодичной стажировки на роте. В период командования ротой К. попутно делается нештатным преподавателем Киевского военного училища, где преподает тактику и топографию. По окончании двухгодичной стажировки, в 1909 г., получает назначение старшего ад'ютанта во 2-ю кавалерийскую дивизию. Во 2-й кавдивизии, будучи по первоначальной службе пехотным командиром, усиленно изучает кавалерийское дело, участвует на всех кавалерийских маневрах и кавалерийских поездках. В то же время он состоит преподавателем на краткосрочных штабс-капитанских курсах, которые были созданы после Японской войны в округах для подготовки штабс-капитанов при замещении в будущем должностей ротных командиров. Здесь К. особенно много работает над изучением опытов русско-японской войны. Работу на краткосрочных курсах К. вспоминает с особенным удовлетворением, как давшую громадный материал для роста его тактического кругозора, и, вместе с тем, успешную в отношении подготовки слушателей курсов. К. участвует во всех без исключения полевых поездках генерального штаба, а равно Виленского и Варшавского округов на западную границу. В числе этих поездок также были две крепостных поездки: в крепость Ковно и в только что тогда зародившуюся крепость Гродно. Эта практическая работа по службе генерального штаба дает богатый матариал для разностороннего изучения военного дела и практические навыки по работе Генштаба. Своей работой К. привлекает внимание руководителей генерального штаба и вскоре получает перевод ад'ютантом в Оперативно-Мобилиз. Отдел Виленского военного округа. Тут К. знакомится с совершенно новой для него оперативной и мобилизационной работой в более крупном масштабе. Новая работа вновь затягивает К. вплотную, он опять участвует во всех поездках Виленского округа по вопросам мобилизации и операций. Перед войной 14 г. участвует в киевской поездке генерального штаба, где разыгрывается будущий план войны. После этой поездки в июле 1914 г. выступает на войну в чине капитана генерального штаба, в качестве младшего ад'ютанта Оперативного Управления штаба 1-й армии. В период боев под Инстербургом К. получает назначение старшего ад'ютанта того же Оперативного Отдела. На этой должности он остается до 1917 г., когда получает должность командира 30-го Полтавского полка, на каковой должности и застает К. революция.

Полк в это время занимал окопы севернее Постав в районе Мозжейки. 30-й Полтавский полк был одним из крепких и спаянных полков, состоявший, по преимуществу, из украинцев. В громадном своем большинстве полк так же, как его командир, был застигнут фактом революции врасплох, без какой-либо идейной подготовки. Каждый в полку понимал революцию по своему, но условия войны и обстановка тяжелой окопной жизни быстро об'единили понимание революции в массах в смысле: „революция—это конец войне", „революция—замирение". А в общем, никто и ничего не разбирал,—что делается, какова перспектива. Естественно, что при таких условиях во всем полку немедленно пробудилось лихорадочное стремление к ознакомлению с вопросами политики, и начинается революционная „обработка" всего полка, а также и его командира. Свою отсталость в области политических вопросов К. наверстывает усиленной работой над вопросами, выдвинутыми революцией. Знакомится он и из того очень небольшого запаса книг и брошюр, каким располагали в то время окопы, знакомится и в порядке совместной работы с полковым комитетом, а также и путем постоянных бесед с теми немногими политически подготовленными товарищами, которые имелись в то время в полку. В это время К. попадается сборник Зиновьева и Ленина „Против течения". Среди литературы, имевшейся на позиции, это была единственная книга, которая освещала постановку вопросов большевиками. Сборник произвел на К. ошеломляющее впечатление, открыл перед ним совершенно новые горизонты. Лихорадочное революционное самообразование и практическая работа способствуют идейному росту как всего полка в целом, так и лично К. Условия работы вплотную знакомят его с работой в революционных условиях и — что самое главное—

сближают его с массой. В период выборного начала в армии он становится уже выбранным командиром полка. Это обстоятельство еще больше скрепляет его с полком. Однако, на должности выборного командира полка он остается недолго, так как примерно в это же время, как офицер генерального штаба, К. попадает на должность начальника штаба 15-го корпуса. На этой должности его застают октябрьские дни революции. Осложнившаяся к этому времени обстановка на фронте, массовые недоразумения с офицерами, повальное бегство офицеров с фронта и вообще крайне напряженные условия работы не меняют характера работы К. Оставаясь начальником штаба 15 корпуса, он продолжает свою совместную работу с корпусным комитетом. Однако, на должности начальника штаба корпуса он остается очень недолго, так как армейский комитет 3-й армии перемещает его на должность начальника штаба 3-й армии.

На должности нач. штаба 3-й армии работа К. проходит, гл. обр., по линии демобилизации и сбора боевого имущества на фронте 3-й армии, так как к этому времени уже выяснилось, что немцы явно намерены перейти в наступление и занять весь район 3-й армии вплоть до Полоцка. В этой кипучей работе К., гл. обр., посвящает себя работе в комиссии, выделенной армейским комитетом по вопросам демобилизации. Эта работа в первое время развернулась в направлении увоза материальных частей тяжелой артиллерии, затем — легкой и, наконец, — боевого имущества. Позднее началась отправка и войсковых соединений в тыл страны для окончательной демобилизации. По занятии немцами г. Полоцка, К. с армейским комитетом переехал из Полоцка в Нижний-Новгород, где и закончил полную демобилизацию и ликвидацию старой 3-й армии.

Этот период совпал с призывом Советской власти, обращенным к офицерству, об участии в строительстве Красной армии. После всей предыдущей работы в революционных условиях для К. совершенно естественно было немедленно же отозваться на призыв Советской власти и отдать себя, свои знания и свои силы целиком и полностью на строительство новой армии, на создание вооруженных сил революции в самой начальной, в самой тяжелой стадии этого создания. Он получает от Советской власти назначение на должность военного руководителя Невельским районом Западной Завесы. Около 1-го мая он вплотную приступает к этой новой работе. В Невельском районе к этому времени было два отряда: один—Россонский, другой—Полотский. Россонским отрядом командовал В. Т. Тихонов, Полотским—Пожидаев. Помимо этого, в самом Невеле был отряд Уездвоенкома, не подчиненныйК. Россонский отряд был с революционной дисциплиной и представлял уже сколоченную красную часть. Иную картину представлял Полотский отряд—основы формирования были добровольческие. На первых же порах своей работы К. внимательно изучает попавшие в его распоряжение части. Особенно характерным и богатым для изучения был Полотский отряд. Полотский отряд представлял из себя весьма неустойчивую часть с резко выявленными болезненными явлениями: многие добровольцы были из тех, которые, идя добровольно на службу в Полотский отряд, фактически укрывались от военной работы, много было среди них порочного элемента с грабительскими наклонностями. К этому времени начал обозначаться Чехо-Словацкий фронт. Ясно было, что на этот фронт должны были быть отправлены те лучшие части западной завесы, которые могли формироваться в относительно спокойных условиях, и для К. не было сомнения, что именно Полотский отряд в его составе вряд ли может быть той частью, которую можно перебросить на любой военный фронт. Вот почему первой работой К. и двух состоящих при нем комиссаров—Редера и Ахманова-Гиршфельда, было оздоровление Полотского отряда.

Примерно к этому же времени оба эти отряда, и Полотский и Россонский, было приказано рассматривать, как основу для формирования Витебской дивизии. Позднее, в истории Красной армии эта дивизия получила 17-й номер, почему К. и считается основоположником 17-й дивизии. Разворачивание отрядов в дивизию сперва было предположено произвести также на добровольческих началах. Но учтя, что настоящих добровольцев, которые действительно были бы готовы воевать за интересы революции, в районе формирования много не находилось, и что часть добровольцев, несомненно, шла в этот отряд, чтобы укрыться от военной работы, К. предложил формировать дивизию на основе мобилизации населения, где были расположены эти отряды. Произведенная разработка этой мобилизации была представлена выше по линии подчиненности, но разрешения на мобилизацию дано не было, почему мобилизационная работа

К. не была развернута. К тому же, примерно в августе, он был перемещен в Смоленск в качестве помощн. главн. руководителя всей Западной Завесы, Егорьева. В Смоленске К. были подчинены уже три района: Невельский, Витебский и Рославльский. В Смоленске он пробыл также недолго. За этот период им была произведена лишь отправка на образовавшийся к тому времени Восточный фронт дивизий Витебской и Рославльской. Само собой разумеется, что эти дивизии только именовались дивизиями, а по сути дела были лишь отрядами. Витебская дивизия была отправлена в лучшем составе, более сколоченная, она вошла в правую группу 5-й армии, получив позднее наименование 27-й дивизии. Отправка Рославльской дивизии прошла далеко не гладко: прежде всего сбежал начальник дивизии со своим штабом. Это уже внесло большую дезорганизацию и в отправку самих частей, почему Рославльская дивизия, или Рославльский отряд, пришла на Восточный фронт в очень жалком состоянии.

Вслед за этим под руководством К. начинается операция по занятию частями Красной армии очищаемых немцами Лепельского и Оршанского районов. В момент выполнения этой операции К. получает командировку на Восточный фронт и по приезде в сентябре 1918 г. получает назначение командующим Восточным фронтом. Не без опасений и внутренних переживаний принял К. Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать—каким порядком можно управлять войсками фронта. Фронт в этот момент состоял из бесконечного количества мелких отрядов, не было стройной организации, не было стройного управления, почему первой задачей, конечно, было сколотить части фронта в более крупные единицы с регулярным построением, организовать прочную связь управления и подчиненность. Но если была ясна задача, то было трудно осуществление этой задачи, так как бои продолжались, и приходилось всю организационную работу проводить в боевых условиях и при самой неблагоприятной обстановке.

Вступление в командование Вост. фронтом К. относится к тому периоду, когда Казань была уже очищена от белогвардейщины, но зато Ижевский район с Ижевским оружейным заводом был в руках противника и сковывал действия 2-й армии, которая занимала сарапульское и казанское направление. Самара была также захвачена нами, но дальнейшее продвижение к Уфе противник всемерно сдерживал. 3-я армия занимала громадный фронт и находилась на путях отступления от Екатеринбурга, цепляясь за заводы, расположенные на Урале. В лучшем положении находилась центральная часть на путях Симбирск—Уфа, где были 2 группы: правая и левая. Составленные из частей, прибывших с западной завесы, в частности Витебской дивизии, эти две группы были организованы в дивизионные формирования, таким образом представляя все же крупные соединения, управляемые начальником дивизии. Период формирования всех мелких частей в крупные единицы дивизии был одним из труднейших моментов, и при всей сложности эта работа проводилась с чрезвычайной быстротой.

Вслед за этой работой, было проведено уточнение задач и районов действия каждой армии фронта, каковых в то время было пять. Одновременно с этой работой приходилось еще и организовывать штаб, которого, после от'езда бывшего штаба Восточного фронта в ставку главнокомандующего, почти не осталось на месте. Мало по малу, части переформировывались в более крупные единицы; задачи уточнялись, и в октябре уже можно было перейти в наступление Восточным фронтом, с целью занятия Уфы и Оренбурга. Этот период работы характерно отмечен в одной из статей б. начальника Гувуза Д. А. Петровского (в тот период тесно связанного по работе с К.), который говорит, что К. „не только принял всем сердцем революцию, но что он понял и ее особые пути. В роли командующего Восточным фронтом К. понял особое значение и и исключительную роль в нашей борьбе рабочих батальонов. Он знал и сознавал, что рабочие батальоны, являясь гвардией революции, обеспечивают ее победу именно тем, что, вливаясь в красноармейские массы, они скрепляют всю армию и делают ее победной". *)

Операции по овладению Уфой и Оренбургом увенчались успехом. Но в марте нам был нанесен колчаковцами удар под Уфой, и почти все достигнутые в октябре успехи свелись к нулю. А дальше — больше: Колчак начал угрожать захватом красной Волги.

Начинаются тяжелые дни для Восточного фронта, начинается работа Восточного фронта по накоплению сил для нового удара и меры чисто оборонительного порядка. Начинают воздвигаться

*) „Правда" за 1923 г. от 8 июля.

укрепленные районы. По этому поводу тот же Петровский отмечает: „По своему понимал также К. смысл и значение укрепленных районов в гражданской войне. Он знал, что суть не столько в проволочных заграждениях и окопах, сколько в том, чтобы поднять политическое сознание населения, чтобы население в целом превратилось в сплошную колючую проволоку для белой гвардии, и этот метод укрепления тыла стал одним из непреложных правил борьбы на фронте гражданской войны". В апреле начинается решительное наступление Восточного фронта на Колчака, которое в дальнейшем ведет к окончательной победе и уничтожению как Колчака, так и его армии.

Через 7 дней после начала операции К. снимается с должности командующего фронтом. Новое назначение командующего Восточным фронтом, некоторые неувязки, которые начались в связи с уходом К., привели, в конечном счете, к обратному возвращению его на должность командующего Восточным фронтом по постановлению правительства. Вот телеграмма Ленина в Реввоенсовет Восточного фронта: „По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы..... Следите внимательнее за подкреплением. Мобилизуйте поголовно прифронтовое население..... Следите за политработой. Еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги. Не увлекайтесь оперативной стороной".

Прошло всего месяца два по восстановлении К. в должности комфронта, как получилось постановление правительства о назначении его главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. 8-го июля 1919 г. покидает он Симбирск и уезжает в Москву; получив соответствующую директиву, выезжает в г. Серпухов, где тогда помещался штаб. За победы, одержанные на Восточном фронте, ВЦИК награждает К. золотым оружием (сабля) с орденом Красного Знамени. Как характерную черту работы К. по главнокомандыванию, надо отметить систему ликвидации фронтов по очереди их значения.

Когда было покончено с Колчаком, началась борьба на южном, Деникинском, фронте. Для этой борьбы стягиваются все возможные силы и рессурсы. Начинается период, когда успех борьбы зависит, главным образом, от работы железнодорожного транспорта, пожалуй даже больше,—ставится ставка на работу железных дорог. Если дороги справятся с пред'явленной к ним нагрузкой, то замыслы командования приведут к победе, в противном случае,—условия борьбы усложнятся до крайности. Работа железных дорог во всех планах К. была одним из основных моментов для успеха. И вот, несмотря на все трудности этой работы, которая от месяца к месяцу все утяжелялась, железные дороги выполнили свою роль, и победа была обеспечена. Ликвидация Южного фронта была одной из самых труднейших задач, т. к. приходилось перебрасывать части из очень далеких участков Восточного фронта, почему не сразу одерживались победы на Южном фронте. К этому еще присоединялась операция, которую Юденич развернул против Ленинграда. Эта операция началась в самые тяжелые дни, когда на Южном фронте обнаружилась неустойка, доведшая до потери Курска и угрожавшая захватом Деникиным Тулы, т.-е. нашей базы. Этот момент борьбы отличается наибольшим напряжением в главнокомандовании — приходилось Юденича отбивать при условии полной невозможности ослабления Южного фронта. Главнокомандование с этой задачей справилось за счет ослабления (частичного) северного участка Миллеровского фронта и быстрой подачей оттуда требуемых сил, а также путем использования курсантских сил Москвы и Ленинграда.

Вся Юденическая операция была опять таки построена на быстроте подачи тех небольших сил, какие можно было наскрести по тому времени. Опять делается ставка на ту же работу железных дорог. Разгром Юденича уже значительно облегчает всю обстановку. Сосредоточение ударных сил для ликвидации Южного фронта за это время приходит к концу, и начинается решительное наступление Красной армии на Деникинский фронт, которое, в конечном итоге, привело к полному разгрому Деникина.

Теперь остался Северный фронт, который был поставлен на ликвидацию последним. Разгром Северного фронта был предрешен при этих условиях, а внутренний развал Миллеровской армии облегчил и ускорил события. Начинается последняя страница истории гражданской войны — это ликвидация Врангеля и бело-польская кампания. Обе эти операции по времени совпадают. Сперва Южный фронт ведет борьбу на белополяков и на Врангеля, который к этому времени вышел из Крымской пробки в Северную Таврию. Раздвоение внимания

на Южном фронте сильно ослабляет успех работы как на одном, так и на другом фронте. Происходит разделение Южного фронта на Юго-западный и Врангелевский. С разделением фронтов задача значительно упрощается, и Врангель быстро ликвидируется. Уже тогда вопрос бело-польского фронта получил полную ясность, в смысле бесцельности дальнейшей на нем борьбы, и заканчивается Рижским миром. 14-го ноября 1920 г. оканчиваются гражданские фронты. Того же числа Рижским миром оканчивается война с бело-поляками. За одержанные победы К. награждается ВЦИК орденом Красного Знамени.

На этом, как будто бы, должны были закончиться боевые операции Красной армии. Однако, не везде еще заглохли звуки выстрелов: с границы бело-поляки начинают пропускать на нашу территорию ряд банд, которые приходится ликвидировать, выбрасывая их из пределов Союза; в Карелии начинается авантюра, т. наз. Карельское восстание, организуемое белогвардейцами; в Туркестане разыгрывается борьба с басмачеством, и, наконец, в Тамбовской губ. развивается Антоновская авантюра. Для ликвидации Карельской авантюры К. выезжает на место и участвует в проведении военного плана по ликвидации. Антоновская операция в Тамбове ликвидируется образуемым там особым командованием. Приграничные белопольские банды выбрасываются местным командованием. Басмачество в Туркестане, очевидно поддерживаемое и питаемое извне, если не сдерживается, то все же не имеет большой тенденции к росту. К. командируется в Туркестан для руководства борьбой с басмачеством. Борьба увенчивается успехом—ликвидируется достаточно серьезная авантюра Энвера-паши разгромом его формирований и смертью его в бою. За ликвидацию басмачества и авантюры Энвер-паши Бухарское правительство награждает К. Бухарской Звездой 1-й степени. На эти ликвидации уходит почти весь 21 и частью22 год. Красная армия после стольких лет борьбы вышла, в конце концов, победительницей.

По окончании гражданских фронтов К. награжден ВЦИК почетным огнестрельным оружием с орденом „Красного Знамени". Помимо этого, с'ездом революционной бедноты красного Дагестана К. поднесено золотое оружие, исполненное мозолистыми руками освобожденной бедноты Дагестана. Одновременно Хорезмская республика награждает К. знаком военного ордена Хорезмской Народной Республики.

По окончании гражданских фронтов начинается период демобилизации Красной армии и строительства Красной армии на мирное время.

К. в это время ведет работу в области новых форм и приемов борьбы, выдвинувшуюся в подготовку Красной армии к борьбе групповым порядком. Групповая тактика, идея машинизации пехоты явились целым периодом в учебе Красной армии. Поднятие значения пехоты в новых условиях боя, совместная работа пехоты с артиллерией, изучение боя совместно с другими техническими средствами, — явились следующим шагом в области обучения Красной армии. Необходимость поднять теоретическую подготовку боевого комсостава, родившегося на полях сражений, привела к созданию ряда курсов усовершенствования по всем родам войск со специальной программой, приспособленной к уровню знаний тех командиров, которые нуждались в поднятии их теоретической подготовки. Эта система курсов усовершенствования, в конце концов, закончилась созданием Высших Академических курсов для высшего комсостава, ныне переформированных в Курсы усовершенствования высшего нач. состава, находящиеся при Военной Академии. Одновременно с этим ведется беспощадная борьба со стрелковой немощью в Красной армии.

В апреле 1924 г. производится реорганизация центрального военного аппарата и упраздняется должность главнокомандующего. К. назначается инспектором Рабоче-Крестьянской Красной армии, где он еще более вплотную подходит к вопросам обучения Красной армии. Этот период характеризуется работой по составлению ряда уставов учебного и боевого порядка. В марте месяце 1925 г. происходит слияние инспекторского аппарата со штабом, и К. назначается начальником штаба РККА. Этот период совместной работы инспектората со штабом РККА продолжается недолго, и в ноябре 1925 г. происходит снова разделение инспектората и штаба. К. получает назначение главного инспектора Красной армии. Параллельно с делом обучения и строительства Красной армии К. принимает активное участие в работе различных советских и общественных организаций, в обществе Друзей Возд. Флота (ныне Авиохим); в спортивно-стрелковой секции В. С. Ф. К. В 1921 г. он входит в число членов ВЦИК'а и Моск. Совета, депутатом и членом которых состоит и до настоящего времени.

КАМО (1882–1922).

Камо (партийное имя Семена Аршаковича Тер-Петросяна), род. в 1882 г. в г. Гори Тифлисс. губ., в семье состоятельного подрядчика. Отец, самодур и деспот, любил поесть и угостить „именитых" гостей, но семье уделял мало. Мать, молодая и красивая (когда К. родился ей еще не было 16 лет), имела чуть не дюжину детей, из которых осталось пятеро, и души не чаяла в старшем сыне. Семи лет К. попал в армянскую школу, в которой учили на армянском языке, мало доступном мальчику, в семье которого говорили по-грузински. Одиннадцати лет он перешел в городское училище, где насильственно заставляли изучать совершенно чуждый ему русский язык. К. еще в детстве сближался с беднотой, что вызывало недовольство отца. Будучи свидетелем грубого и оскорбительного отношения отца к матери, которую К. обожал, он становился на сторону матери и, подросши, выступил энергично в ее защиту. В 1898 г. К. был исключен из школы за дурное поведение (вольнодумство в законе божьем). Он решил было готовиться на вольноопределяющегося и с этой целью поехал в Тифлис к тетке. Уроки он брал у уроженцев родного Гори—Сталина и Вардаяца, уже тогда принимавших деятельное участие в революционном движении. Они свели К. с новыми товарищами и познакомили его с основами революционного марксизма. Но смертельно заболела мать, и К. вернулся домой. Отец в это время разорился, семья узнала нужду, и не хватало средств на лечение. После смерти матери К. с сестрами опять уехал в Тифлис к тетке. Здесь он с 1901 г. вступил в с.-д. партию, два года исполнял разного рода партийные технические поручения и получил имя „К." (испорченное русское к о м ў). В 1903 г. К. вступил в число членов союзного кавказского комитета Р.С.Д.Р.П., организовал типографию союзн. ком. и принимал энергичное участие в отправке делегатов на 2 с'езд партии. Находчивость его в распространении нелегальной литературы была неистощима. В ноябре 1903 г. К. был арестован, но спустя 9 месяцев бежал из тюрьмы. В 1904 г. он примкнул к партии большевиков. Перейдя на нелегальное положение, К. продолжал работать в кавк. союзн. комитете. В декабре 1905 г. вспыхнуло в Тифлисе восстание и здесь, во время борьбы с казаками, К. был ранен, избит и арестован. В тюрьме К. просидел $2^1/_2$ мес. Поменявшись фамилией с одним грузином, он сумел скрыться. Далее К. занимался транспортированием оружия и дал возможность убежать из Метехского замка 32 товарищам. В 1906 г. К., чувствуя недостаточность знаний, решил было ехать в Петербург, но партия дала ему ответственное поручение—закупить оружие за границей. Попытка окончилась неудачей—пароход с оружием по дороге из Болгарии затонул. В 1907 г. К., под именем князя Дадиани, ездил в Финляндию, был у Ленина и вернулся с оружием и взрывчатыми веществами в Тифлис. Здесь он произвел чрезвычайно смелую экспроприацию и в августе 1907 г. уехал в Берлин. В сентябре был арестован германской полицией, при чем было найдено оружие и чемодан со взрывчатыми веществами. Ему было пред'явлено обвинение, как террористу-анархисту, и угрожала выдача русскому правительству. К. начал симулировать буйное умопомешательство и успешно проделывал это целых 4 года. В 1908 г. его перевели в больницу Бух для душевно-больных близ Берлина и поместили в палату, где было десять буйно помешанных. Из Буха К. в 1909 г., как „поправившийся", был переведен в следственное отдел. тюрьмы Альт-Моабит, но здесь опять симулировал больного, страдающего анестезией. После долгих и мучительных испытаний врачи признали его душевно-больным, а затем власти передали его России. Жандармы препроводили его в Тифлис и заключили в Метехский замок. От виселицы его спасло вмешательство с.-д. германской прессы, обрушившейся на германское правительство за то, что оно выдало заведомо больного человека как политического преступника реакционной России. Адвокат О. Кон переслал в Тифлис свидетельство о хронической душевной болезни К., подписанное известными берлинскими психиатрами. На суде в Тифлисе, среди залы, переполненной публикой, желавшей взглянуть на прославленного героя, К. опять симулировал душевно-больного. Военный суд постановил подвергнуть К. новым испытаниям в психиатрической больнице Метехского замка, где он пробыл год и четыре месяца, и где его подвергали тем же пыткам, как и в Бухе. Врачи, наконец, признали его душевно-больным. К. перевели в Михайловскую больницу для умалишенных, откуда он бежал, сначала скрывался в квартире матери прежнего товарища и затем в течение месяца в уединенном доме одного чиновника. Власти приняли все меры для поимки знаменитого революционера, город был оцеплен и выход из него или посадка из него были

строго контролируемы. К., однако, удалось скрыться на велосипеде, под видом гимназиста, в Мцхет, а оттуда в Батум. Батумские товарищи поместили его в трюме парохода между бочками и ящиками, и К. уезжает в Париж к Ленину, который снабдил его деньгами, а из Парижа уехал в Константинополь, а затем в Болгарию. Из Бургаса он поехал через Константинополь в Трапезунд. В Константинополе он во время попытки перебраться на пароход, идущий в Батум, был арестован турецкими властями. К. назвал себя Иваном Зоидзе, который был известен турецким агентам, как человек, ведший антирусскую пропаганду на Кавказе. Тогда его освободили и предложили ехать в Афины. К. удалось опять уехать на Кавказ. Здесь он снова собрал своих боевиков и предпринял в 1912 г. попытку устроить экспроприацию денежной почты на Кадзорском шоссе. Экспроприация не удалась, четверо было убито, а сам К. ранен и арестован и опять помещен в Метехский замок. Через непродолжительное время его судили по 4 делам и по каждому вынесли смертный приговор. Приговор должен был быть приведен в исполнение через месяц. Но прокурор суда Голицинский, чрезвычайно заинтересовавшийся личностью К., медлил с посылкой приговора на утверждение, ожидая появления манифеста по поводу трехсотлетия дома Романовых. За эту уловку прокурор поплатился выговором и карьерой, но К. по манифесту смертная казнь была заменена 20-летней каторгой. В 1915 г. К. был переведен в Харьковскую тюрьму, где сидел вместе с уголовными. Освободила его из тюрьмы Февральская революция. К. уехал в Москву, а затем в Питер. Ленин отправил его на Кавказ для поправления здоровья. Немного отдохнув в горном курорте, К. направился в Баку, работал в Бакин. совете и Ч. К. и затем поехал в Москву. Здесь ЦК партии поручил ему организовать группу для работы в тылу Деникина. Набрав себе отряд и испытав его стойкость оригинальным образом, К. уехал на юг, но взятие Ростова спутало его расчеты. К. отправился в Тифлис, был арестован меньшевистским правительством и опять очутился в Метехском замке. Освобожденный из тюрьмы, К. уехал в Баку и вел здесь подпольную работу вплоть до вступления Красной армии 27 апреля 1920 г. Боевая работа кончилась. К. решил пополнить свои знания, и Ленин предложил ему готовиться в Акад. Ген. Штаба. От предлагаемых ему не раз ответственных постов К. постоянно отказывался, считая себе недостаточно подготовленным. 14 июля 1922 г. К. случайно был убит в Тифлисе автомобилем, наскочившим на его велосипед. (*См.* С. Ф. Медведева, „Герой революции" („тов. К."). 1925. Истпарт.).

Карахан, Лев Михайлович, род. в 1889 г. в семье мещан Кутаисской губ. Обучался в реальном училище, которое и окончил. Примкнул к работе в РСДРП с 1904 г. Средствами заработка были репетиторство и репортерство. Работал в организациях Дальнего Востока. с 1910—15 г. был студентом юридического факультета в Петербурге. С 1912 г. стал принимать участие в профессиональном движении и, в частности, работал по организации выставки профессиональной гигиены в Петербурге; в 1913 г. примкнул к образовавшейся в Петербурге организации об'единенных с.-д. большевиков и меньшевиков и вплоть до своего ареста состоял бессменным членом „междурайонного комитета". В комитете он выполнял самые разнообразные функции как агитатора, так и пропагандиста-организатора. В это же время им написан ряд листовок. Задачи его работы лежали в плоскости организационной—в деле об'единения районов и установления связи „междурайонного комитета" с провинциальными и заграничными группами. С момента возникновения империалистической войны он занял непримиримо-интернационалистическую позицию, ориентируясь в дальнейшем на полный организационный разрыв с оборонческими элементами и далее—на лозунги гражданской войны и III Интернационала. В этом отношении он занял позицию близкую к левому крылу межрайонцев. Принимал деятельное участие в организации комитетом журналов „Текстильщик", „Рабочие Ведомости" и нелегального органа „Вперед" (1915 г.). К этому же времени относится работа его по постановке комитетом нелегальной типографии на Чубаровом переулке (под видом легальной). Осенью 1915 г., при выходе из помещения последней, был арестован. При аресте бумагу с адресами партийцев, гл. обр. заграничных работников, он успел проглотить. Результатом политического обыска был обнаружен ряд статей, присланных Троцким, Сокольниковым и др. для помещения в „Рабочих Ведомостях". После этого был выслан в административном порядке в г. Томск, где продолжал занятия в университете, ведя одновременно нелегальную работу в иркутской организации и

КАРАХАН Л. М. (1889–1937).

В 1927–1934 заместитель наркома иностранных дел СССР. С 1934 полпред СССР в Турции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

КВИРИНГ Э. И. (1888–1937).

В 1925–27 заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1927–30 заместитель председателя Госплана СССР. В 1931 заместитель наркома путей сообщения СССР. В 1932–34 заместитель председателя Комитета товарных фондов СТО. С 1934 1-й заместитель председателя Госплана СССР. С 1930 возглавлял экономический Институт красной профессуры, в 1932–1936 экономический институт Комакадемии. Член ЦК партии до 1934. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

состоя постоянным сотрудником с.-д. забайкальской прессы. Неоднократно для нелегальной работы приезжал в Петроград. После Февральской революции 1917 г. по возвращении в Петроград продолжал работу в межрайонном комитете, состоял членом районной городской думы (петроградского района), далее,—членом Совета Рабочих Депутатов. В комитете межрайонцев он вел энергичную кампанию за слияние с петербургским комитетом большевиков. После июльских дней целиком перешел на платформу большевиков.

В августе—сентябре его избирают в президиум петроградского совета рабочих и солд. депутатов, где он ведет большевистскую агитацию. В 1918 г. участвует в мирных переговорах в Брест-Литовске, исполняя роль секретаря русской делегации. С 1918 г. он назначается в коллегию нар. комиссар. по иностр. делам, где и работает в качестве заместителя наркома по организации комиссариата и налаживанию в нем работы. Дальнейшая работа К. связана с нар. комисс. по иностр. делам, где он работал до момента своего назначения полномочным представителем в Пекин (Китай)—8 августа 1923 г. На посту советского посла в Китае К. провел ряд договоров с Китаем; в апреле 1925 г. он был выбран старшиной дипломатического корпуса в Пекине. *С. Лопашев.*

Квиринг, Эммануил Ионнович (*автобиография*). Род. в 1888 г. Мое детство прошло в селе. В город учиться меня отправили, когда мне было 11 лет. В 15 лет моя учеба закончилась. 5 классов — дальше отец не мог тянуть, и я в ожидании работы в городе поехал домой в село. Там и захватила меня революция 1905 г. Помещиков в нашем районе нет, и единственным отголоском великой встряски страны были слухи с железной дороги, проходящей в нескольких верстах. С железной же дороги пошли газеты. «Сын Отечества»—первая газета, которая пробудила мою мысль. Но главный толчок к политическому развитию я получил от местного земского врача, молодого неокончившего студента-болгарина. Студент-врач оказался марксистом, и скоро я начал зачитываться брошюрками. Мой первый учитель марксизма был большим поклонником Лассаля, и потому блестящие речи Лассаля были одними из первых серьезных книг, на которых я воспитывался.

К концу 1906 г. я получил работу в Саратове (в аптеке). С этого времени начинается мое организационное сближение с рабочим движением. Я тогда уже считал себя социалистом и был одним из организаторов профессион. союза аптекарских служащих. В саратовской лиге «содействия профдвижению» (позже я узнал, что это была ширма и одна из форм работы с.-д.) я столкнулся с товарищами самых разных толков, но реакция надвигалась быстрыми шагами, и лигу закрыли через несколько месяцев, профсоюзы распустили, организационный центр распался. Нас осталась небольшая группа, некоторое время тянувшая нелегальное существование профсоюза, но это была агония. Реакция крепчала,—и мы, группа неопытной, «сочувствующей» социализму молодежи, не знали, что делать. Ударились в самообразование. Сгруппировались вокруг «Вестника знания». Мне приходилось говорить с рядом крупных работников моего поколения, и все они так или иначе группировались в годы реакции вокруг кружков «Вестника знания». В нашем кружке, или обществе, как оно называлось впоследствии, легализированном или полулегализированном, так как мы зарегистрировались, но о собраниях наших никому не сообщали,—шла оживленная кружковая работа. Здесь я прошел Богданова, «Полит. экономию» Железнова; здесь уже велись диспуты, которые превращались в споры социал-демократов, анархистов, соц.-револ. Еще от первого своего учителя-болгарина я считал себя марксистом, и работа в кружках все укрепляла меня на этой позиции. Тогда же я стоял уже и в непосредственной связи с местными партийными социал-демократами. Я выполнял некоторые поручения. У меня одно время хранился шрифт и др. нелегальщина, — но я был все же только сочувствующим и учеником.

Большевиком я стал с 1912 г., когда переехал в Петроград и поступил на политехнические курсы по коммерч. экономическому отделению. «Правда» — вот кто повернул мои марксистские настроения по большевистскому пути. Так как у меня была известная подготовка, я скоро стал сотрудником «Правды», а с 1913 г.—секретарем думской большев. фракции. Последовали аресты, первый, второй, третий, ссылка. Закреплялась большевистская закалка. Работал в культурно-просветит. рабочем об-ве «Наука и Жизнь». Сколько большевиков вышло из этой своеобразной большевистской партийной школы! Высылка из Питера в 14 г. забросила меня в Екатеринослав, и, так. обр., я стал украинцем, и по возвращении в 17 г. из Иркутской ссылки я работаю снова в Екатеринославе и все время с 17 г. на Украине.

Как большевик, я принадлежу к поколению «правдистов», воспитанных не только на борьбе с царизмом и капитализмом, но и на борьбе с ликвидаторско-меньшевистским буржуазным влиянием на пролетариат. Я считаю, что это помогло и мне и большинству «правдистов» остаться непреклонными большевиками и в тяжелые времена империалистской войны и предательства громадного большинства соц.-демокр., и в годы тяжелого строительства советского государства. Один из организаторов КП(б)У, член ЦККП(б)У с 1-го созыва (исключая 4-й) и секретарь ЦККПУ в течение 2-х лет, член ЦКРКП с XII-го С'езда.

Керженцев, Платон Михайлович (*автобиография*). Мой отец—доктор (М. Д. Лебедев) был депутатом в 1-й Государств. Думе и за Выборгское воззвание сидел в тюрьме. Я родился в 1881 г. в Москве, учился в гимназии, потом на историко-филологич. факультете. Студентом работал по статистике на обследованиях крестьянского хозяйства. Это непосредственное изучение деревни дало первый толчек к марксизму. В феврале 1904 г. был арестован и полгода просидел в Таганке. Здесь познакомился с рядом революционных деятелей (Л. Каменевым, Б. Кнуньянцем и др.). Проштудировал основательно легальную и нелегальную литературу марксизма и народничества. Вышел из тюрьмы — лучшего университета в моей жизни — большевиком. По выходе из тюрьмы был сослан в Нижний под надзор и сейчас же вступил в партию (1904). В Нижнем работал в большев. организации, как пропагандист, агитатор, литератор—до начала 1906 г., когда был арестован, сослан в Вологодск. г. В Нижнем писал в газете и выпустил указатель социал-демокр. литературы (Библиотека С.-Д.), выдержавший несколько изданий и разошедшийся во время первой революции во многих десятках тысяч экз. В Нижнем в партийной работе пришлось близко познакомиться с Яковом Свердловым (и всей его семьей), Седым, Н. Семашко, А. Рыковым, М. Владимирским, А. Лежавой и др.

В Вологде вместо 3-х лет пробыл ровно три недели, бежал и перешел на нелегальное положение. Так прожил шесть лет (гл. обр.—в Питере и Киеве). В Питере работал в партии, принимал участие во всех большевистских период. изданиях. В Киеве принимал участие в местных газетах («Киевская Мысль», «Киевские Вести»). В 1912 г. эмигрировал. Эмигрантом больше всего жил в Лондоне, а также в Америке и Париже. Был участником заграничных организаций большевиков. Корреспондировал из Лондона и Нью-Йорка в разл. газеты и журналы («Правда», «День», «Киевск. Мысль», «Летопись» и др.). После революции вернулся из Америки через Японию в Россию. Начал работать в «Новой Жизни»—гл. обр. писал против оборончества, империализма и т. п. С 1918 г. стал ближайшим сотрудником, а затем замест. ред. «Известий ВЦИК». С весны 1919 г. до конца 1920 г. был ответственным руководителем «Роста», превратил этот аппарат во всереспубликанский, создав до сотни отделений, свыше 200 газет, ежедневную «Агит—Роста», окна сатиры и проч. Летом 1920 г., как член мирной делегации, вел переговоры с Финляндией, закончившиеся подписанием сперва перемирия, потом—мира. В 1921 г. был назначен полномочным представителем РСФСР в Стокгольм, где и пробыл два года. В Швеции вел переговоры со всеми тремя скандинавскими странами о договорах. Подписал договор с Норвегией и Швецией (последний рикстагом не был ратифицирован).

С весны 1923 г. вернулся для работы в Россию. В 1923—24 гг. работал почти исключительно в области НОТ (как председ. секции НОТ на транспорте, член президиума совнота РКИ, основатель «Лиги Время — Лиги НОТ» и председ. президиума лиги, председатель Оргкомиссии по созыву 2-й конференции по НОТ, редактор журнала «Время» и т. д.). С апреля назначен послом СССР в Италии.

Мои литературные работы идут по четырем руслам. По вопросам коммунизма: «Ленинизм» (с предисловием Н. Крупской) (3 изд.), «Чему учит Ленин», „Страницы истории РКП", «Библиотека коммуниста» (4 изд.) и др. На историко-политические темы: «Революционная Ирландия» (3 изд.), «Англия и англичане», «Новая Англия», «Лондон», «Союзники и Россия» (есть два франц. изд.) и др. По вопросам организации: «Принципы организации» (4-е изд.), «НОТ» (2 изд.), «Организуй самого себя» (2 изд.) и др. По вопросам культуры: «Творческий театр» (5 изд.—есть немецк. пер.), «К новой культуре», «Газета» (3 изд.) и др.

Кингисепп, Виктор, род. в 1888 г. на о. Эзеле, в состоятельной семье, примкнул к революционн. ученическому кружку в г. Аренсбурге еще в 1905 г., в 1906 г. уехал в Петербург и поступил в университет. Здесь он посещает пропагандистские курсы, знакомится с революционн. литературой и организационной

КЕРЖЕНЦЕВ П. М. (1881–1940).

В 1927–28 заместитель управляющего ЦСУ СССР. В 1928–30 заместитель заведующего агитпропа ЦК ВКП (б). В 1930 заместитель председателя Президиума Комакадемии и директор Института литературы, искусства и языка Комакадемии. В 1931–33 управляющий делами СНК СССР. В 1933–35 председатель Комитета радиофикации и радиовещания при СНК СССР, в 1936–38 председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. В 1939–40 заместитель Главного редактора Большой и Малой Советских Энциклопедий.

КИНГИСЕПП В. Э. (1888–1922).

КИРОВ С. М. (1886–1934).

С 1926 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК партии. С 1926 кандидат в члены, с 1930 член Политбюро, в 1934 секретарь ЦК ВКП (б). Убит террористом.

практикой. В 1907 г. К. уезжает в Ревель и ведет борьбу с меньшевиками настолько успешно, что скоро перевыборы ревельского комитета РСДРП дали решительный перевес большевикам. Однако, к концу года, благодаря провокации, ревельская организация была разгромлена, до 200 членов партии было арестовано, и все вновь оборудованные типографии захвачены. К. уцелел, но должен был уехать в Москву, затем в Петербург и, наконец, в 1909—1910 г. живет в Аренсбурге у родителей. Осенью 1910 г. К. возвращается в Петербург, продолжает учиться, работает в подполье, становится во главе петроградской организации эстонских рабочих, отвоевывает у „ликвидаторов" рабочую газету „Киир" („Луч"), издав. в г. Нарве. После конференции 1913 г., устроенной в Петербурге и окончившейся провалом, К. уехал в Финляндию, потом в Петербург и отсюда был выслан административным порядком на 2 года в Тверь и затем в Казань. В 1916 г. по окончании срока высылки К. возвращается в Петроград, сдает государств. экзамены и отправляется с санитарным отрядом на Кавказский фронт от Союза Городов. На фронте К. продолжает революционную деятельность. После Февральской революции в середине 1917 г. К. возвращается в Ревель, входит в состав редакции центр. партийн. органа эстонского пролетариата „Телине" и выступает на митингах. В ноябре, когда Эстония была об'явлена советской республикой, К. становится членом краевого исполкома, одним из организаторов Красной Гвардии и руководителем администр. отдела. В 1918 г. Эстония была оккупирована немецк. войсками, К. уехал в Москву и был назначен следователем при верховн. трибунале и президиуме ВЧК. После германской революции и очищения Эстонии К. опять отправляется в Ревель, в самый разгар гражданской войны был принужден уйти в подполье, работал около $3^1/_2$ лет в самых тяжелых условиях, скрываясь от полиции, по месяцам не имея крова, иногда в большой нужде. Благодаря его усилиям в Эстонии вновь образовалась налаженная коммунистическая организация, стала издаваться газета, в которой К. принимал весьма широкое участие. Вместе с тем К. руководит всей деятельностью коммунистической фракции эстонского парламента, хотя членом парламента не состоял. В 1922 г. К. был арестован и немедленно расстрелян. См. *„Г. и М"*.

Киров, Сергей Миронович (*автобиография*), член ЦК РКП и член Центр. Исполнит. Комитета Союза ССР. Родился в 1886 г. в маленьком уездном городе Уржуме Вятской губ. В самом раннем детстве лишился отца и матери и остался вместе с двумя сестрами на попечении своей бабушки, которая жила на ежемесячную трехрублевую пенсию, так как покойный дед был николаевский солдат. Семи лет был помещен в детский приют, ибо кормить трех внучат бабушка была не в состоянии. Через год поступил в начальную школу, по окончании которой—в городское училище. Учился хорошо, поэтому по окончании городского училища, в качестве земского стипендиата, был отправлен в Казанское механико-техническое училище. Здесь начал почти самостоятельную жизнь, прежде всего в виду ограниченности стипендии (96 рублей в год). Еще в Уржуме познакомился с политическими ссыльными, влияние которых почувствовал очень скоро. Позднее, во время приезда в Уржум на каникулы, знакомства эти стали более определенными и с более положительными результатами—достаточно аккуратно читал нелегальную литературу, много беседовал с ссыльными и пр. Эта элементарная политическая подготовка дала возможность добиться некоторых связей с казанскими студентами-революционерами, и по окончании технического училища стал достаточно определенным революционером, с уклоном к социал-демократии. Техническую школу окончил очень успешно. Явилось стремление продолжать образование. Осенью 1904 г. отправился в Сибирь в Томск с намерением подготовиться для поступления в технологический институт. В Томске поступил на общеобразовательные курсы. Вскоре в Томске связался с товарищами, работавшими в местной социал-демократической организации (Смириновым и др.). Занялся элементарной подготовительной работой. Принимал участие в организации вооруженной демонстрации в январе 1905 г. в ответ на январские события в Питере. 2 февраля 1905 г. был арестован на нелегальном партийном собрании вместе с 40 товарищами. Просидел в „административном порядке" два-три месяца, был освобожден. Отсюда и начинается настоящая революционная работа, вскоре ставшая профессиональной. Занимался, гл. обр., распространением нелегальной литературы и пропагандой, вел небольшие кружки, ходил на рабочие собрания и т. д. Примыкал к небольшой тогда группе большевиков, большинство организации было за меньшевиками. Затем был введен в томский комитет РСДРП (под

кличкой Сергей, Серж, Костриков), заведывал нелегальной типографией. В революцию 1905 г. работал в Томске и, гл. обр., на ст. Тайга, где вместе с погибшим в 1905 г. Писаревым проводил забастовку железнодорожных рабочих, прошедшую с большим успехом. В самом начале 1906 г. партией был командирован в Москву и Ленинград для приобретения хорошей типографской машины (обыкновенный ручной станок не удовлетворял нашим заданиям), но в день от'езда был арестован на квартире казначея организации Царевского. Просидел в Томской тюрьме, по обвинению по 126 ст. Уг. Код., около года, был освобожден под денежный залог до суда. По выходе из тюрьмы занялся вместе с М. А. Поповым, Г. Шпилевым и Решетовым устройством прекрасной, в смысле конспирации, типографии в подземелье. Типографию устраивали на краю города в доме д-ра Грацианова,—впоследствии члена Колчаковского правительства. Работали весьма упорно. Помещение было почти закончено. К сожалению, однажды рано утром все четверо были арестованы на месте. Однако, помещение для типографии, где был уже и типографский станок, несмотря на самый тщательный обыск, не было обнаружено (между потолком подземелья и полом, который еще не был настлан, дома был слой земли свыше аршина, а вход в подземелье—из подполья, был тщательно замаскирован). Долго сидели под следствием, но никаких улик обнаружить жандармам не удалось. Всех, кроме К. (Кострикова), освободили; последнему же пришлось остаться в тюрьме по первому делу, по которому он был освобожден раньше под залог. Вскоре по этому делу состоялся суд. Привлечено было шесть товарищей—К. (Костриков), Моисеев, Барон и др. Всех суд приговорил к ссылке на поселение, кроме К., которому „в виду его несовершеннолетия" дали три года крепости. Столь определенно предусмотренный срок неизбежного пребывания в тюрьме дал полную возможность заняться самообразованием. Библиотека в тюрьме была достаточно приличная, кроме того имелась возможность получать всю тогдашнюю легальную литературу. Мешали занятиям только свирепствовавшие тогда зверские суды, в результате которых десятки людей были повешены. Часто по ночам одиночный корпус Томской загородной тюрьмы оглашался душу раздирающими криками прощавшихся с товарищами и с жизнью „смертниками", которых уводили на казнь. Но в общем заниматься было неизмеримо лучше, чем на свободе, на нелегальном положении. Начальство, как-будто, даже поощряло такой образ жизни заключенных—спокойнее, меньше было тюремных „концертов", голодовок и пр.

По отбытии заключения переехал в Иркутск. Организации были разгромлены. Вскоре оказалось, что в Томске, в доме д-ра Грацианова, где была сооружена подпольная типография, и над которой по воле судеб жил какой-то полицейский чиновник, провалилась печь. Жандармы вспомнили прошлое этой квартиры, раскопали подземелье, и все обнаружилось. Пришлось бежать на Кавказ, так как Сибирь оказалась ненадежной. Попов и др. были в разных местах арестованы. К. оказался во Владикавказе. Организации здесь не было. Были только отдельные товарищи. Живя на нелегальном положении, работал в местной легальной газете в качестве сотрудника. В 1915 г. снова был арестован и этапом препровожден в Томск по делу типографии. Просидел в тюрьме год, судился, но был оправдан за „отсутствием улик"; в действительности дело было не в отсутствии улик, а наступала новая эра, в двери стучала революция, чего судьи не могли не слышать.

Постановлением жандармерии предназначался в Нарымский край, но и этому не суждено было сбыться. Снова уехал на Кавказ, где к этому времени стала складываться кое-какая организация. Здесь прожил до революции 1917 г. Принимал непосредственное участие в этой революции в качестве члена Комитета Владикавказской соц.-демокр. организации, где работали большевики и меньшевики вместе. Вскоре после Октября, по возвращении из Ленинграда со с'езда Советов, на Сев. Кавказе застал начало своеобразной гражданской войны. Был командирован организацией в Москву по делам вооружения, снабжения и проч. С большим транспортом оружия и боевых припасов возвращался в 1918 г. на Кавказ, через Царицын, однако, проехать было уже нельзя. Навстречу шла отступавшая после разгрома XI армия. Был послан в Астрахань. Началось собирание остатков XI армии. Здесь работал по обороне Астрахани и низовьев Волги в качестве члена РВС XI армии. С разгромом Деникина, вместе с XI армией шел на С. Кавказ, затем на Баку. На X с'езде партии был избран в кандидаты члена ЦК РКП, на XI—членом ЦК РКП. После советизации Азербайджана был назначен в Грузию полномочным представителем РСФСР, а через

КИСЕЛЕВ А. С. (1879–1937).

С 1934 член ЦРК ВКП (б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

несколько времени—в Рижскую делегацию для переговоров с Польшей. По заключении мира с поляками был назначен на партийную работу на Сев. Кавказ, затем в Азербайджан, где работал в качестве секретаря ЦК АКП и члена закавказского Краевого Комитета.

Киселев, Алексей Семенович *(автобиография)*. Родился я в семье рабочего в 1879 г. в селе Авдотьино, в трех верстах от Иваново-Вознесенска, где отец мой работал на прядильных фабриках с семи лет. Так как отец мой был связан с землей, то мне приходилось с самого раннего возраста заниматься сельским хозяйством. Семейство наше было большое—7 человек детей; отец получал жалованье небольшое; мне и приходилось в силу этого заниматься крестьянским хозяйством. В школу отдали меня после слезного упрашивания отца и матери, ибо я был старшим сыном и, кроме работы по хозяйству, заменял еще и няньку. С большим трудом окончил церковно-приходскую школу и стал просить отца отпустить меня учиться дальше в семинарию, в которую взялись устроить меня дети сельского причта, но отец не соглашался меня отдать; тогда в судьбе моей принял участие местный поп, заменявший одновременно и школьного учителя, продержал меня в школе лишние 2 года и желал сделать из меня сельского учителя. Года полтора я еще пробыл в школе, но новых знаний там не приобрел, так как поп начал усиленно прикладываться к романовскому изделию, и мне приходилось заниматься с детьми в качестве учителя, но не учиться самому. В 14 лет я поступил на ситце-набивную фабрику Куваевской мануфактуры в качестве слесарного ученика. Работать на фабрике приходилось в крайне тяжелых условиях и за гроши с платой по три рубля в месяц (расчетная книжка № 2624 от 1893 г.); однако, мысль о приобретении знаний не давала мне покоя. Я скоро поступил на только что открывшиеся тогда в Иваново-Вознесенске вечерние воскресные технические курсы, где занимался преимущественно математикой, черчением и немного механикой. Для приобретения знаний читал много всяких книг, попадавшихся мне в руки; получал их от товарищей и из библиотек гор. Иваново-Вознесенска. Когда мне было около 18—19 лет, товарищи из партийной организации обратили внимание на мое стремление учиться и читать, стали подходить ко мне ближе, знакомиться, к чему я стремлюсь, и, когда узнали, стали знакомить с социалистической литературой и давать кроме легальных и нелегальные книжки. С 1898 г. я стал бывать на нелегальных собраниях и сам стал подыскивать подходящих рабочих для организации кружков, вносить деньги в партийную кассу. В 1900 г. был в первый раз арестован вместе с другими товарищами за посещение нелегальных собраний, просидел месяц и был отдан под гласный надзор полиции. Затем через год был вновь арестован, просидел во Владимирской губернской тюрьме 4 мес.; по выходе из тюрьмы, где получил связи, поехал в Смоленск за нелегальной литературой, восстановил организацию и вновь был посажен. Сидел сначала в Иваново-Вознесенской тюрьме, затем был переведен в Шуйскую, а потом отправлен в Ковровскую; просидев 3 мес., я был освобожден и отдан под гласный надзор полиции.

Прошло около года после последнего ареста, и 1 января 1904 г. меня снова арестовали, привезли в с. Кохму (10 верст от Иваново-Вознесенска), доставили к становому приставу, который мне и об'явил, что я ссылаюсь, помнится, по постановлению департамента полиции, в Архангельскую губернию на 4 года. В ноябре 1905 г., по манифесту 17 октября, я был освобожден, вернулся в Иваново-Вознесенск, где нелегально работал до 1906 г. в качестве районного организатора и члена горрайкома. В связи с усиленной слежкой ходивших по пятам шпиков, в марте—апреле 1906 г. я бежал из Иваново-Вознесенска в Москву. Работал слесарем в Сокольническом парке, откуда был избран членом сов. раб. деп., вновь избранного летом 1906 г., одновременно состоя членом сокольнического комитета. После приказа градоначальника арестовать весь совет я бежал из Москвы в Харьков, потом в Николаев. Здесь провел кампанию по проведению закона о нормах отдыха и улучшении положения рабочих и служащих промышленных предприятий. После проведения этой кампании я лишился работы в мастерской и в 1907 г. уехал в Одессу. В Одессе поступил членом производственного кооператива, где и получил работу в качестве токаря. Позднее связался с партийной организацией, принимал участие в заседаниях партийного комитета, но систематического участия в работе не принимал. Уйдя из кооператива, поступил на маслобойный завод Филера, где через месяц была устроена забастовка, в организации которой я принимал активное участие (принимал участие в руководстве забастовкой и в составлении требований). Администрация

хотела меня арестовать, но потом решила, в силу шкурных соображений, не связываться и только ограничилась удалением с предприятия.

После этого, в конце 1908 г., я уехал в Батум. В Батум приехал с явкой; не устроившись на работу, поехал в Тифлис, но явочной квартиры там не нашел и через три дня уехал в Баку. С партийной организацией большевиков в Баку связи не было. Позднее встретил в союзе металлистов одного партийного товарища, который в 1902 г. работал в Иваново-Вознесенске, но он оказался меньшевиком, и я ограничился работой в профессиональном союзе металлистов. Позднее встретился с большевиками, лично знавшими меня. Проработав в Баку около года, уехал в Иваново-Вознесенск за несколько часов до назначенного мне ареста. В 1909 г. в Иваново-Вознесенске проводил выборы в Государственную Думу. Через полгода уехал в Москву. Работал на заводе Гоппера, впоследствии перешедшем к Михельсону (где в 1918 г. эсеры стреляли в Ильича). Переехав из Москвы в Петроград, я стал работать в профессиональных организациях. Был выбран председателем союза металлистов, через полгода арестован и в конце 1913 г. освобожден с лишением права проживать в 52 пунктах Российской империи, в том числе и в Петрограде. Поселившись в Шувалове, по Финляндской ж. д., близ Питера, я работал на петербургских заводах, сначала на заводе „Айваз", а потом у „Эриксона". Позднее партия выдвинула меня на страховую работу с тем, чтобы я бросил свою специальность токаря; назначили меня секретарем больничной кассы завода Барановского, так как ранее, еще в союзе металлистов, я руководил нелегально страховой кампанией.

В 1914 г. ездил по партийным делам в Австрию, посетил Владимира Ильича Ленина, получил от него соответствующие инструкции по созыву партийной конференции; тогда же был кооптирован в члены ЦК партии. Из-за границы в 1914 г. приехал в Петроград. Ночью 8 июля 1914 г. в редакции „Правда" было арестовано 30 человек, в том числе и я; просидели мы в тюрьме 3—4 месяца и вместе с другими товарищами были сосланы в Сибирь. Я получил 3 года в Енисейской губернии. Из Сибири в 1914 г. бежал от мобилизации и жил нелегально сначала в Енисейске, в Красноярске, а потом, позднее, остановился в Верхне-Удинске Иркутской губернии для заработка. Работал там в качестве инструктора по кооперации. Потом, в 1917 г., смещал ставленников самодержавия и организовывал в деревнях революционную власть. В 1917 г. возвратился в Иваново-Вознесенск, где был избран председателем горсовета, членом горрайкома и членом управы. Летом 1917 г. был избран на партийном с'езде также кандидатом в члены ЦК. В 1917 г. на 1-м С'езде Советов был избран в члены ВЦИК, а затем от Владимирской губернии—в Учредительное Собрание. После разгона Учредительного Собрания был избран председателем Центротекстиля (в Москве), потом был избран в члены президиума ВСНХ. Немного позже был назначен членом коллегии Центропленбежа и членом комиссии СНК по делам Туркестана.

Когда наступление Колчака и Дутова отрезало Туркестан, с 1918 г., я принял участие в военных действиях, сначала в качестве начальника группы обороны Оренбурга, затем с начала 1919 г. был демобилизован (в ноябре), избран от Красной Армии на Всероссийский С'езд Советов и вошел в состав президиума ВЦИК. С конца 1919 г. по конец 1920 г. работал в Москве, тогда же был избран председателем союза горнорабочих и членом комитета замоскворецкого райкома. В том же году ездил по профессиональным делам за границу, пробыл 3 недели в Норвегии, потом 3 месяца в Германии. В 1921 г. был назначен председателем Малого СНК. На партийном с'езде был избран кандидатом в ЦК РКП, затем был избран членом президиума ЦКК, потом назначен был народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и заместителем народного комиссара РКИ Союза ССР. В 1924 г. избран секретарем ВЦИК и членом президиума ЦКК.

Коллонтай, Александра Михайловна (*автобиография*). Первая женщина, вошедшая в состав правительства, и первая женщина — полномочный представитель страны и чрезвычайный посланник. Родилась я в 1872 г. и выросла в семье помещичье-дворянской. Отец мой был русский генерал, украинец родом. Мать—финляндская уроженка, из крестьянской семьи. Детство и юность провела в Петрограде и Финляндии. Как младшая в семье и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами. В гимназию меня не пустили — боялись, что я там столкнусь с «неподходящим элементом». В 16 лет я сдала экзамен на аттестат зрелости и стала посещать частные курсы и лекции

КОЛЛОНТАЙ А. М. (1872–1952).

В 1926 полпред СССР в Мексике, в 1927–30 в Норвегии, в 1930–1945 посланник, затем посол в Швеции, с 1945 – советник МИД СССР.

профессоров истории, литературы и т. д. На курсы Бестужевские меня тоже не допустили. Занималась я много, главным образом под непосредственным руководством известного историка литературы Виктора Петровича Острогорского. Он считал, что у меня есть литературное дарование, и всячески толкал меня на путь журналистики. Вышла я замуж очень рано, отчасти в виде акта протеста против воли родителей. Но через три года разошлась с мужем — инженером В. Коллонтай, взяв с собой своего маленького сына *).

В это время мои политические убеждения начали уже определяться. Я работала в ряде культурно-просветительных обществ, носивших тогда (это было в середине 90-х годов) характер вывесок для ряда подпольных начинаний. Так, работая в известном тогда «подвижном музее учебных пособий», мы завязывали связь со шлиссельбуржцами; работая в просветительном обществе и давая уроки рабочим, мы, таким образом, получали живую связь с последними; устраивая благотворительные вечера, мы добывали средства для политического «Красного Креста». 1896 г. был решительный год в моей жизни. Весною этого года я побывала на Нарве, на известной Кремгольмской мануфактуре. Закабаленность 12.000 ткачей и ткачих произвела на меня ошеломляющее впечатление. Тогда я еще не была марксисткой и скорее склонялась к народничеству и терроризму. После посещения Нарвы занялась изучением марксизма и экономики. В то время выходили один за другим два первых легальных марксистских журнала «Начало» и «Новое Слово». Чтение их на многое открыло мне глаза. Путь, который я стала с особенной настойчивостью искать после посещения Нарвы, был мною найден.

Выяснению моих политических взглядов также много способствовала знаменитая стачка текстильщиков в 1896 г. в Петрограде, в которой участвовали до 36.000 рабочих и работниц. Вместе с Ел. Дм. Стасовой и многими другими товарищами, работавшими еще только на периферии, мы организовывали сборы и помощь стачечникам. Этот наглядный пример растущей сознательности пролетариата, при полной его закабаленности и бесправии, заставил меня уже решительно перейти в лагерь марксистов. Однако, литературно я на этом поприще еще не работала и в движении активного участия не принимала. Я себя считала слишком мало подготовленной. В 1898 г. я написала первую свою литературную работу из области психологии воспитания—«Основы воспитания по взглядам Добролюбова». Она появилась в сентябре 1898 г. в журнале «Образование», который тогда еще носил педагогический характер, а затем превратился в один из наиболее выдержанных легальных органов марксистской мысли. Редактором был Ал. Як. Острогорский. 13-го августа того же года я уехала за границу изучать социальные и экономические науки.

В Цюрихе я поступила в университет к профессору Геркнеру, чья книга по рабочему вопросу (в ее втором издании) меня заинтересовала. Было характерно, что, по мере того как я углублялась в область изучения законов экономики, становилась все более и более «ортодоксальной»(правоверной) марксисткой, мой профессор и руководитель становился все более и более правым и отходил от революционной теории Маркса, в 5-м издании своей книги став настоящим ренегатом. Это был любопытный период, когда в германской партии, с легкой руки Бернштейна, появилась тенденция к открытому практическому соглашательству, оппортунизму, «ревизионизму», т.-е. пересмотру теории Маркса. Почтенный мой профессор вторил Бернштейну, пел ему дифирамбы. Но я решительно стала на сторону «левых», увлекалась Каутским, зачитывалась издаваемым им журналом «Neue Zeit» и статьями Розы Люксембург, особенно ее брошюрой «Социальная революция или социальные реформы», где она разбивала приспособленческую теорию Бернштейна.

По совету моего профессора и снабженная его рекомендациями, я отправилась в 1899 г. в Англию «изучать» английское рабочее движение, которое будто бы должно было меня убедить, что истина за оппортунистами, а не за «левыми». У меня были рекомендации к «самим» Сидней и Беатриссе Вебб, но после первых же разговоров с ними я поняла, что мы говорим на разных языках, и без их руководства я начала знакомиться с английским рабочим движением. Это знакомство, однако, убедило меня как раз в обратном. Оно показало мне всю остроту социальных противоречий, существующих в Англии, и все бессилие реформистов излечить их тактикой трэд-юнионизма или с помощью знаменитых «сэтлементов» (культурных ячеек в рабочих кварталах), вроде «Тойнби-Хол», «Дворцов народа», кооперацый, клубов и т. д. Из Англии я вернулась еще более утвердившейся в правильности мировоззрения «левых», «правоверных» марксистов, но уже поехала не в Цюрих, а в Россию. У меня завязались связи с

*) Моя девичья фамилия Домонтович.

подпольными работниками и хотелось скорее применить свои силы на живом деле, приложить их к борьбе.

Когда я уезжала из России в 1898 г., вся передовая часть интеллигенции, студенчество были настроены «марксистски». Кумирами были, помимо Бельтова, Струве и Туган-Барановский. Шла ожесточенная борьба между народниками и марксистами. Молодые силы—Ильин (Ленин), Маслов, Богданов и др.—теоретически обосновывали революционную тактику, складывавшуюся в подполье социал-демократической партии. Я ехала в радужной надежде очутиться среди единомышленников, но осенью 1899 г. Россия была уже не та, что год назад. Произошел сдвиг, медовый месяц об'единения легального и подпольного марксизма пришел к концу. Легальный марксизм отходил открыто в сторону защиты крупного промышленного капитала. «Левое» крыло уходило в подполье, все решительнее защищая революционную тактику пролетариата. Место увлечения Марксом заняло среди студенчества и интеллигенции не менее страстное увлечение «бернштейнианством», ревизионизмом. В моду стал входить Ницше с его «аристократизмом духа».

Помню, как сейчас, вечер, устроенный в квартире отца Ел. Дм. Стасовой на Фурштадтской в пользу политического «Красного Креста». Струве делал доклад о Бернштейне. Публика была «избранная», много подпольных работников, и все-таки доклад Струве был встречен сочувственно, с полным одобрением. Против Струве выступил только Авилов, поддерживали же Струве все светила и «имена» того периода. Я взяла слово. Дали мне его неохотно, как лицу мало кому известному. Моя слишком горячая защита «ортодоксов» (левых) встречена была общим неодобрением и даже негодующим пожиманием плеч. Кто-то нашел, что неслыханная дерзость—выступать против таких общепризнанных авторитетов, как Струве и Туган, другой находил, что подобное выступление на руку «реакции», третий—что мы уже переросли «фразы» и должны стать трезвыми политиками... В этот период я писала статьи против Бернштейна, о роли классовой борьбы, в защиту «правоверных» для журнала «Научное Обозрение», но цензура красными и синими карандашами отмечала мои статьи, как непригодные к печати.

Тогда я решила отдаться научной работе в области экономики. Связь с Финляндией у меня была живая. Между тем, финляндский народ переживал черный период бобриковщины, насилия и гнета со стороны русского самодержавия. Основы самостоятельности маленького народа были поколеблены, конституция, законы страны—нагло нарушены. Шла борьба между финляндским народом и русским самодержавием. Все мои симпатии не умом лишь, а нутром были на стороне Финляндии. Я видела в Финляндии растущую, но мало кем осознанную силу промышленного пролетариата. Отмечая признаки обостряющихся классовых противоречий и образование новой, рабочей Финляндии в противовес националистским буржуазным партиям—шведоманов, финоманов, младофинов, войдя в живое соприкосновение с финскими товарищами, я помогла им организовать первый стачечный фонд. Мои статьи о Финляндии появились в 1900 г. в немецком экономическом журнале «Sociale Praxis», в «Научном Обозрении» и в «Образовании». Одну статью—конкретно статистическую—поместило «Русское Богатство». Одновременно, годы 1900—1903, я собирала материал для своей большой экономико-статистической работы о Финляндии под невинным для цензуры названием «Жизнь финляндских рабочих». Разумеется, эти годы не исчерпывались одной литературно-научной работой, приходилось вести и подпольную работу, но больше на периферии: вести кружки за Невской заставой, составлять воззвания, хранить и распространять литературу подпольную и т. д.

В 1901 г. я отправилась за границу. Здесь у меня завязались личные связи с Каутским, Розой Люксембург, Лафаргами в Париже и Плехановым в Женеве. В «Заре» появилась моя статья о Финляндии без подписи, в «Neue Zeit» Каутского также моя статья под псевдонимом Элины Малин. С тех пор я оставалась с иностранными товарищами в регулярных сношениях. В начале 1903 г. появилась моя книга «Жизнь финляндских рабочих»,—экономическое исследование положения финляндских рабочих и развития народного хозяйства Финляндии. Написанная в марксистском духе, она встречена была сочувственно подпольными работниками и неодобрительно со стороны многих легальных марксистов. В 1903 г. я впервые выступала на открытом собрании, организованном студентами в Татьянин день, противопоставляя мировоззрение идеалистическое—мировоззрению социалистическому. Летом 1903 года снова ездила за границу. Это было время крестьянских восстаний в России; рабочие юга подымались. Мысль кипела и бродила. Все острее сталкивались две враждебные силы: подпольная Россия, идущая к революции, и самодержавие, упрямо цеплявшееся за власть. Промежуточное положение

занимала группа «освобожденцев» со Струве во главе. Многие из моих близких друзей шли к «освобожденцам», видя в них «реальную силу», считая чистый социализм для тогдашней России—утопией. Приходилось резко расходиться с недавними соратниками и единомышленниками. В эмиграции социалистической шли споры уже не между народниками и марксистами, как в былые годы, а между «меньшевиками» и «большевиками». У меня были друзья в обоих лагерях. По душе ближе мне был большевизм, с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от осуждения меньшевизма. По возвращении из-за границы в 1903 г. я не примкнула ни к одной из партийных группировок, предоставив обоим партийным фракциям использовать меня в качестве агитатора, по части «прокламаций» и других текущих заданий. Кровавое воскресенье 1905 г. застало меня на улице. Я шла с демонстрантами к Зимнему дворцу, и картина жестокой расправы с безоружным рабочим людом—навсегда запечатлелась в моей памяти. Необычайно яркое январское солнце, доверчивые выжидательные лица... Роковой сигнал выстроенного вокруг дворца войска... Лужи крови на белом снегу... нагайки, улюлюканье жандармерии, убитые, раненые... расстрелянные дети... Партийный комитет тогда отнесся с недоверием и осторожностью к выступлению 9-го января. Многие товарищи на специально организованных рабочих собраниях пытались отговорить рабочих от выступления, видя в нем «провокацию» и ловушку. Мне же казалось, что «итти надо». Это выступление было актом самоопределения рабочего класса, школой революционной активности. А я увлекалась тогда решениями Амстердамского конгресса по вопросу о «массовых действиях».

После январских дней подпольная работа закипела с новой энергией и силой. Большевики в Петрограде начали издавать тогда свою подпольную газету (названия не помню), в которой я участвовала не только как журналистка, но и неся техническую заботу по ее изданию. Из написанных мною в тот период прокламаций особенный успех имела прокламация, направленная против «земского собора», за Учредительное Собрание. Сохраняя все эти годы живую связь с Финляндией, я теперь активно содействовала об'единению действий обоих партий, русской и финской социал-демократии, направленных на нанесение удара царизму.

Из социалисток России я одна из первых заложила фундамент организации работниц, устраивая специальные митинги-клубы для работниц и т.д., при чем с 1906 г. отстаивала мысль, что организация работниц не должна быть оторвана от партии, но в партии должно существовать специальное бюро или комиссия для защиты и выявления интересов работниц. До 1906 г. работала с большевиками, разошлась с ними по вопросу об участии рабочих в 1-й Государств. Думе и по вопросу о роли профсоюзов. С 1906 по 1915 г. состояла во фракции меньшевиков, а с 1915 г. и до сих пор состою в партии большевиков-коммунистов. В 1908 г. бежала из России в виду двух направленных против меня процессов: за организацию работниц-текстильщиц и за призыв к вооруженному восстанию в брошюре «Финляндия и социализм». В политической эмиграции пробыла с конца 1908 г. по 1917 г., т.-е. до 1-й, еще буржуазной революции. За границей немедленно вступила в партию германскую, бельгийскую и т. д. и в качестве агитатора и писателя работала в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Швеции, Дании, Норвегии и Соедин. Штатах (1915—1916 гг.).

Во время войны была арестована в Германии, выслана в Швецию и снова арестована за антимилитаристскую пропаганду, тем не менее в годы войны вела систематическую работу за Циммервальдское об'единение против II Интернационала и за интернационализм в Соед. Штатах по приглашению немецкой группы социалист. партии Америки, в Норвегии и Швеции, обслуживая подпольным путем также и Россию. Вернувшись в Россию в 1917 г., была избрана первым членом-женщиной в исполнительный комитет петрогр. совета, а затем членом исполнит. комитета Всероссийского. Перед большевистской революцией была арестована вместе с другими лидерами большевизма Временным правительством Керенского и была выпущена незадолго до ноябрьской революции большевиков, по настоянию петрогр. совета. В момент большевистской революции состояла членом центр. комитета партии большевиков и стояла за взятие власти рабочими и крестьянами. В первом революционном большевистском правительств. кабинете состояла народным комиссаром госуд. призрения. С момента возвращения в Россию работала по организации работниц. С 1920 г. состояла заведующей женотделом партии по организации работниц. В бытность свою наркомом социального обеспечения издала декреты, положившие начало охране и обеспечению материнства и младенчества.

Полпред и торгпред СССР в Норвегии с мая 1923 г.; с марта 1924 г. состою в дипломатическом корпусе в качестве Chargé d'affaires в Норвегии; с августа 1924 г.—Ministre Plénipotentiaire et Envoyée Extraordinaire de l'U. R. S. S.—полномочный представитель и чрезвычайный посланник СССР в Норвегии.

Крупнейшие теоретически-социалистические и экономические работы мои след.: «Положение рабочего класса в Финляндии» (1903), «Классовая борьба» (1906), «Первый рабочий календарь» (1906), «Социальные основы женского вопроса» (1908), «Финляндия и социализм» (1907), «Общество и материнство» (600 стр.), «Кому нужна война» (разошлась в миллионах экземпл.), «Рабочий класс и новая мораль». Сверх того, большое количество статей, рассказов на сексуальные проблемы и всяческая агитационная литература, направленная, главн. обр., против войны и за освобождение трудящейся женщины.

Кон, Феликс Яковлевич *(автобиография).* Я родился в Варшаве 30 мая 1864 г. Родители, ассимилированные евреи, душой и телом были преданы делу освобождения Польши. Мать принимала участие, хотя только косвенное, в восстании, ее брат, Исидор Гейльперн, был адъютантом Лянгевича и после разгрома повстанцев бежал заграницу... Вспоминая свои детские годы, я до сих пор вижу мать, сидящую за столом и рассказывающую о страданиях Польши и тех, кто восстал на ее защиту, и о зверствах „москалей"... Шестилетним мальчиком я мечтал о том, чтобы стать вождем повстанцев, драться за отчизну и освободить Польшу от „москалей" и от „швабов" и, помню, с особым увлечением распевал:

„И поляк в Москве был
И ему челом бил
Нынешний господин."

Патриотизм в семье заменил религию. Из последней сохранилась только формальная обрядовая сторона—не больше, но и ей придавалось небольшое значение. Помню такой случай. Была Пасха. Вечер мы проводили у деда, который восседал, как полагается по ритуалу, и читал какие-то молитвы. Ритуал требует, чтобы перед ужином приоткрыть выходную дверь, дабы всякий голодный, бездомный или странник мог войти и разделить с хозяевами пасхальную трапезу. Мне, как младшему, приходилось обыкновенно открывать двери. Я открыл и... оторопел. На лестнице послышались шаги, а несколько секунд спустя в квартиру вошел совершенно мне незнакомый человек и направился к столу. Это был бежавший за-границу дядя, нелегально вернувшийся в Варшаву. Он знал, что наступит момент приоткрытия двери, выждал его и проник в квартиру. Дед, бабушка, родители бросились к нему, а мы с недоумением глядели на сцену их встречи. Минуту спустя нам очень таинственно сообщили, кто таинственный незнакомец, предостерегая о том, что это величайшая тайна, потому что, если „москали" узнают, то дядю непременно расстреляют. Я, братья и сестры уставились на этого гостя, а он вскоре начал рассказывать о своих похождениях. Молитвы были забыты. Все—от малышей до старого деда—с замиранием сердца слушали его рассказы. — Чем рассказывать об освобождении евреев из Египта, поговорим о мученичестве Польши,— обратился дядя к деду, и тот охотно на это согласился.

Воспитанный в этом духе, я чувствовал себя в вражеском лагере, когда меня 9-ти лет отдали в гимназию, в приготовительный класс. Преподавание велось на русском языке, которого дети совершенно не понимали. Уже в первом классе, после года пребывания в гимназии, я зубрил стихотворение:

И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой

и был убежден, что дар Валдая надо понимать „дарвалдая"—деепричастие от глагола „дарвалдать".

О гимназических порядках, об отношениях между учениками и учителями говорить не приходится. Нас наказывали за разговор на польском языке, несмотря на то, что во II-ой классической гимназии, в которой я учился, в то время еще сохранились учителя-поляки. Но мы и к ним относились с большой осторожностью, глубоко убежденные, что „поляк на русской службе"—как нам говорили дома—хуже „москаля". Во II-ой гимназии были и такие, но были и другие, весьма порядочные, как Склодовский—отец Кюри-Склодовской, Крынский и другие. Но они с такой же опаской относились к нам, как мы к ним, и мы до окончания гимназии оставались чуждыми друг другу. Но с ними у нас хоть столкновений не было. Не то было с другими, в особенности с учителем немецкого языка фон-Дуйсбургом, который заставлял нас учить стихотворение, рисующее подвиги немецкого героя, разгромившего всю польскую армию. Он этим не ограничивался и часто провоцировал нас на столкновения. Я как-то не вытерпел и спросил его, не

КОН Ф. Я. (1864–1941).

В 1930–31 заведующий сектором искусств Наркомпроса РСФСР. В 1931–33 председатель Всесоюзного комитета радиовещания. С 1933 заведующий музыкальным отделом Наркомпроса РСФСР. В 1937–41 редактор журнала "Наша страна".

было ли это в битве под Грюндвальдом, где немцы были на голову разбиты поляками. За эту дерзость я был оставлен на 2 часа без обеда, но зато дома мой ответ „швабу" был принят восторженно. Я на короткое время стал героем, чуть ли не мучеником. Но уже тогда впервые меня, как обухом по голове, ударило наставление матери:—„все же, мальчик, будь осторожен..."

Я тогда еще не понимал того, что „патриотизм" был не только в моей семье, но и в большинстве польских семей, только, так сказать, „для дома", а вне его рекомендовалось быть „паинькой". — Я таким „паинькой" не был и вскоре чуть не вылетел из-за этого из гимназии. Я был в пятом классе, когда в Варшаву приехала, после продолжительного пребывания за-границей, пользовавшаяся всемирной известностью, артистка Елена Модржеевская. Зная в каком тяжелом положении находятся все учреждения под управлением царских сатрапов-руссификаторов, Модржеевская дала целый ряд спектаклей в пользу студентов, учеников гимназии и т. д., и только уже потом начала свои спектакли по контракту с Большим театром. Все учреждения, желая подчеркнуть свое отношение к артистке-гражданке, во время этих спектаклей устраивали ей овации, подносили венки, забрасывали цветами. Только мы одни, ученики гимназии, не могли принять в этом участия. Нам без разрешения гимназического начальства, даже в одиночку нельзя было посещать театры. Само собою разумеется, что чем внушительнее становились устраиваемые Модржеевской демонстрации, тем нам было досаднее, что мы ничем не выражаем своего отношения к ней. И нас в конце концов „прорвало".

В Варшаве в то время было 6 гимназий: I-ая—по преимуществу для детей русских чиновников, IV-ая, в которой группировались сыновья крупных польских помещиков, VI-ая—аристократическая и три остальные—для детей обыкновенных смертных. Вот представители этих трех гимназий собрались и решили, что и „мы не лыком шиты", что и нам необходимо выявить свое отношение к артистке. Но как? После долгих препирательств постановили ни венков, ни букетов не подносить — Модржеевская поймет почему,—закупить раек и галерку и массой, не считаясь с запрещением, присутствовать на спектакле. Пьесу выбрали самую „невинную", чтобы начальство не могло придраться, и избрали 3-х человек, которым поручили заняться покупкой билетов. Обо всей этой затее узнало начальство и запретило дирекции театра продавать нам билеты. Это лишь подлило масла в огонь. Мы собрались вторично и решили, что коль скоро самым невинным нашим затеям ставятся препятствия, то нужно „им", т. е. начальству, „показать". Дети повстанцев, мы кое-что смыслили в конспирации. Притворились подчинившимися, в гимназии ни слова не говорили о своих планах, а тем временем, соблюдая конспирацию, собирали деньги на билеты, большой венок и букеты, поручили посторонним лицам закупить раек и галерку и, уже не стесняясь ничем, и пьесу выбрали „подходящую": „Даму с камелиями" Дюма. Мало того, к венку были заказаны польские национальные ленты с надписью: „Елене Модржеевской — польская учащаяся молодежь". Гимназическое начальство и полиция хватились лишь тогда, когда все было готово. Несколько полицейских не смогли сдержать натиска нескольких сотюношей, и мы ворвались в театр, поднесли венок и устроили шумную манифестацию. Несколько дней спустя во всех трех гимназиях началась расправа. Нас допрашивали: был ли на спектакле, давал ли деньги на венок, знал ли, что ленты национальные, кто собирал деньги на билеты и венок и кто поднес венок. На первые три вопроса мы отвечали утвердительно, на два последних отказались ответить. Тогда из каждого класса, по выбору инспектора, было исключено из гимназии по 5-ти человек. В числе исключенных был и я.

Во второй и третьей гимназиях этим дело и окончилось; в пятой оно осложнилось. В число исключенных не попал Игнатий Нейфельдт, подносивший венок. Считая, что другие страдают за него, он, когда инквизиторы уже уходили, заявил им:—Я поднес венок.

— И я, откликнулся другой ученик—Домбровский.

— А я собирал деньги — заявил мой однофамилец—Кон.

Они предполагали, что своим признанием спасут других, но добились лишь того, что их всех троих исключили с волчьими билетами. Этим дело не кончилось. На следующий день Нейфельдт явился к директору Хорошевскому с просьбой назначить ему другое наказание, так как исключение ставит его и его семью в отчаянное положение: он уроками содержит старуху-мать, а исключенный, он потеряет уроки. Тут же Нейфельдт прибавил, что если его просьба не будет уважена, ему ничего не остается, как пустить себе пулю в лоб.

„Жид—и пулю в лоб--не поверю"— ответил директор. Несколько минут спустя Нейфельдт с раздробленной головой лежал мертвый на полу в соседней комнате. Он после этого разговора жил только столько времени, сколько нужно было для того, чтобы написать записку с сообщением о разговоре с директором.

При известии об этом вся Варшава от мала до велика вознегодовала, а власти струсили. К исключенным, в том числе и ко мне, был на квартиру прислан курьер с вызовом в гимназию, где нам было об'явлено, что попечитель округа оказал нам снисхождение и решил принять нас обратно в надежде на то, что мы исправимся. Мы не исправились. Несмотря на запрещение участвовать на похоронах Нейфельдта, все высшие классы упомянутых трех гимназий приняли в них участие, каждый класс с венком с соответственной надписью. Но не одни ученики демонстрировали, демонстрировали и родители. Тысяч до 50-ти человек участвовало в этих похоронах, на гроб было возложено более 200 венков. На первых порах власти не принимали никаких мер, даже Хорошевского перевели куда-то вглубь России, но когда все успокоилось, мы, намеченные ранее к исключению, были наказаны многочасовым карцером.

Само собой разумеется, что при таких педагогических приемах тот дух бунта, который не мог не быть в детях в крае порабощенном, только усиливался и все более и более толкал на революционный путь. А так как все зло приписывалось поработителям Польши, то путь этот был путем борьбы за независимость Польши. С этого начинала вся более отзывчивая молодежь, с этого начал и я... но только начал. Противоречие между словами и делами „патриотов" оттолкнуло от них и толкнуло на другой путь, о чем я подробно говорил в своих воспоминаниях „Сорок лет под знаменем революции" и „Из дней ранней юности". Недостаток места заставляет меня лишь упомянуть о том, что я сначала работал в партии „Солидарность", затем в „Пролетариате" (см. указанные воспоминания), был предан военному суду (см. „Суд над пролетариатом"), был приговорен к каторге, шел почти целый год по этапу вместе с партией уголовных (см. „Этапом на каторгу") к месту назначения—на Кару, где пробыл до декабря 1890 г. (см. „В каторге на Каре" и в журн. „Каторга и ссылка" ст. „На Каре"), затем был сослан на поселение в Якутскую область.

Каре я обязан углублением своих знаний под руководством старших товарищей и знакомством с русским революционным движением. Пребыванию на Каре я приписываю и то, что под влиянием таких обаятельных людей, как Сергей Бобохов, я уклонился в сторону народничества, и прошли целые годы прежде чем я, „пролетариатец", с уклоном к марксизму, окончательно стал на путь революционного марксизма. В Якутской области я вновь был арестован и только благодаря серьезной болезни избег путешествия в Верхоянск. Долгое время я недоумевал, чем вызван был этот арест, но затем от лиц, имеющих доступ к делам областного управления, узнал, что за обращение к польским революционерам с призывом сохранить союз, заключенный „Пролетариатом" с русскими революционерами. Долго я недоумевал, откуда сие, так как я в этом „преступлении" не был повинен. Впоследствии оказалось, что вышла небольшая „перепутанница". Я такое воззвание написал, когда был заключен договор „Пролетариата" с „Народной Волей", но рукопись этого воззвания была у кого-то найдена уже после моего осуждения. Об этом департамент сообщил „для сведения" иркутскому генерал-губернатору, а он почему-то предположил, что это воззвание мною было послано из Якутска и, исходя из того, что „дальше едешь — тише будешь", сделал распоряжение об отправке меня в Верхоянск.

В Якутской области, кроме обычного для всех государственных ссыльных воздействия на молодежь, писания всевозможных жалоб якутам на чинимые им местными властями обиды и т. д., я занялся изучением края, напечатал в „Памятной книжке" Якутского края статью о перспективах развития земледелия в Якутской обл., произвел подворную перепись в Хатын-Арынском скопческом селении (монография напечатана в „Записках Восточного Отдела Географич. Общества"), в Никольской поселенческой слободке Намского улуса (вышло в прилож. к „Восточн. Обозр."), описал быт якутов Намского улуса в „Вост. Обозр." („Намские письма") и принял участие в „Сибиряковской экспедиции" („Якуты", издан. впоследствии в Минусинске). В это же время я написал первый беллетристический очерк из жизни ссыльных повстанцев—„В Якутской юрте"—на польском языке, который был напечатан в „Курьере Львовском".

В ноябре 1895 г. я, после прописки в „крестьяне из ссыльных", перебрался в

Иркутск, где по приглашению редактора Ив. Ив. Попова принимал участие в редакц. коллегии „Восточн. Обозр." вместе с Коваликом, Ляпды и др. Пребывание мое в Иркутске продолжалось всего несколько недель. Ген.-губерн. Горемыкин, временно пребывавший в Петербурге, узнав о моем пребывании в Иркутске, телеграфным путем распорядился о выдворении меня оттуда, и мне пришлось перебраться в Балаганск. Это был самый критический момент в моей жизни. В Балаганск, несколько недель после моего прибытия туда, приехал Марк Андреевич Натансон, один из старейших революционеров, о котором я еще на Каре слыхал очень много и очень положительного и как о революционере и как о человеке. Такого умного и обаятельного человека мне редко приходилось встречать. Но... он в то время был „народоправцем" и упорно гнул свою линию, пытаясь и меня вовлечь на этот путь. Я был ошеломлен. Во мне проснулся „пролетариатец", и я начал борьбу с ним, опасаясь его влияния на отбывающих в Балаганске ссылку рабочих (Коханского, Чарковского, Анелевича). Это меня и вернуло на прежний путь. Я уже тогда, поработав очень много, стал твердой ногой на путь марксизма, хотя многое еще оставалось для меня неясным. Как это ни странно, но это не повлияло на личные отношения с Натансоном, и мы до его смерти оставались друзьями. В Балаганске я страшно томился. Во мне не заглохла жажда деятельности, а в этом захолустьи делать было нечего. Это меня побудило перебраться дальше на запад, и я после долгих мытарств переселился в Минусинск. В одном отношении я попал из огня да в полымя. Здесь был первомартовец Аркадий Владимирович Тырков, славный человек, но уже сильно отставший, были „народоправцы" Тютчев и Яковлев, из которых первый был крайне нетерпим по отношению ко всем инако-мыслящим, а из марксистов был вначале только один Райчин, о котором у нас были сведения, что он вел себя неважно на следствии, и который по своему характеру не располагал к себе.

Впоследствии в Минусинский округ прибыли Владимир Ильич Ульянов-Ленин, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, Лепешинский и др. люди, общение с которыми могло бы мне помочь разобраться в целом ряде вопросов, в частности в национальном, но одна из обычных „историй" в ссылке помешала сближению. Из-за побега Райчина произошла „склока", и я остался с „стариками". Сблизился я в это время только с одним Тырковым, но это была личная дружба. Идейно мы расходились. Появившиеся на Минусинском горизонте другие социал-демократы—Михаил и Арон Лурье, носили только эту кличку и были ярыми сторонниками мировоззрения Н. К Михайловского. Идейно я был одинок, но я в это время очень много работал над собой, все более и более укрепляясь на пути марксизма.

Все время пребывания в Минусинске я продолжал свои антропологические и этнографические исследования, печатал работы в „Русском антрополог. журнале", работал в Минусинском местном музее, составил его историю („Двадцатипятилетие Минусинского местного музея"), участвовал в сибирских газетах („Сиб. Жизнь", „Степной Край", „Вост. Обозр."), выпустил и сборник беллетристических очерков „Сказки сибирской действительности", напечатал в Гольцовской „Русской Мысли" очерк „Не по тому пути", а затем по предложению Восточн. Отдела Красноярского под'отдела Географич. Общества отправился в экспедицию в Засаянский край для изучения урянхов-сойотов. Собранные во время этой экспедиции материалы до сих пор полностью не разработаны. Помешала этому и революционная работа (1905—1906 г.), и скитание по эмиграции, и война и то, что все материалы застряли во Львове, и их до сих пор нельзя было оттуда выручить, но часть материалов в обработанном виде уже напечатана („Усинский Пограничный Округ"). Собранные коллекции пересланы в музеи, в том числе Московский Политехнический. За эту экспедицию и за собранные коллекции Антрополог. Отделом Общества Любителей Естествоиспытания мне была присуждена золотая медаль и половина Расцветовской премии.

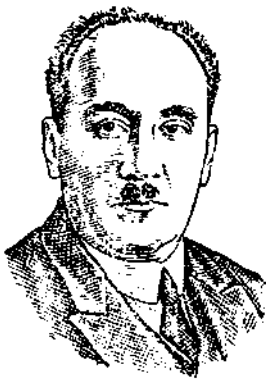
На обратном пути (я шел от верховьев Малого и Большого Енисея вплоть до оз. Коссогол) я вышел к Байкалу. Я остановился на несколько дней, пока меня вновь не выдворили оттуда, в Иркутске. Здесь жил тогда Ф. Ю. Рехневский и еще несколько человек—участников польского революционного движения. Мы устроили небольшое совещание, на котором обсуждали программы и деятельность социалистических партий в Польше. Для нас тогда не подлежало ни малейшему сомнению, что фактическое игнорирование национального вопроса „соц.-дем. царства Польского и Литвы" в стране порабощенной недопустимо и может в результате толкнуть рабочие массы в сторону националистов.

С другой стороны, для нас уже тогда было ясно, что для руководителей польской социалистической партии с Иосифом Пилсудским во главе, как это мною было впоследствии формулировано на с'езде, на котором произошел раскол, „пролетариат был нужен для независимости Польши, а не независимая Польша для пролетариата."

Рехневский, живя в Иркутске, имел больше, чем я, возможности изучать движение, и он обратил мое внимание на идейную разноголосицу, происходившую в П. П. С., указав на то, что национализм насаждается главарями, живущими в Галиции и издающими там „Przedswit" („Заря"), но что местные организации в царстве Польском становятся все более и более на классовую позицию. „В П. П. С. под одной крышей находятся две фактически ничего общего друг с другом не имеющие партии— формулировал свою точку зрения Рехневский.—Рано или поздно произойдет раскол и слияние рабочей части с с.-д., а с.-д. тоже вынуждена будет пересмотреть свою национальную программу." Я не могу не упомянуть здесь о том, с какой радостью и удовлетворением мы с Рехневским констатировали, что, несмотря на годы разлуки, мы оказались единомышленниками, что оба готовы были употребить все силы к идейной очистке рабочего движения и к его об'единению.

Как я уже упоминал, меня выдворили из Иркутска, и я несколько дней спустя вернулся в место своей ссылки—в Минусинск. По инерции я еще продолжал заниматься этнографическими исследованиями, изучал качинцев и сагайцев (статьи в „Русском Антроп. Журн."), принимал участие в местной общественной жизни, работал в прессе, но меня уже все более и более тянуло на родину, на работу среди рабочих и, как только получено было разрешение, я немедленно покинул Сибирь, в которой пробыл 18 лет, и двинулся в Польшу. Это было в июне 1904 г. Я сразу с головой окунулся в движение, примкнул к оппозиции в П. П. С., которая оказалась сильнее, чем мы с Рехневским предполагали, и уже на VII с'езде (в начале 1905 г.) выступил решительно против националистов. О моей деятельности с момента возвращения из Сибири до ареста в ноябре 1906 г. упомяну лишь вкратце. Это была не работа, а, если можно так выразиться, сплошное кипение. Я был редактором ежедневного легального органа „Курьер Цодзенный", принимал участие в редакции нелегального „Работника", был членом ЦК, когда удалось вытеснить из ЦК Пилсудского и его сторонников, возглавлял работу среди солдат и редактировал нелегальный „Солдатский Листок", вел сношения с русскими партиями, был представителем П. П. С. на совещании всех революционных партий в России по вопросу о координации действий—от П. С.-Д. представителем был Дзержинский, от большевиков „Любич" (Самойлов),—участвовал в декабрьские дни 1905 г. в об'единительном комитете всех трех партий в Польше, который руководил забастовкой в Варшаве и противодействовал отправке войск из Польши на усмирение Московского восстания и т. д., исчезая из Польши, когда полиция наступала по пятам, и устраивая себе „передышку" в России (в Одессе, в Николаеве), пользуясь существовавшей тогда „децентрализацией", благодаря чему разыскиваемые в одном генерал-губернаторстве могли свободно проживать в другом. Во время этой передышки я участвовал в редакционной коллегии газеты „Юная Россия" и „Одесских Новостей", где печатал фельетоны и статьи под псевдон. „Панглосс". В 1906 г. участвовал в с'езде, на котором вместе с другими добился исключения Пилсудского и его сторонников из партии. Наступил самый трудный период — размежевания расколовшейся организации. Приходилось ходить с фабрики на фабрику, с одного делегатского собрания на другое, делать доклады о причинах раскола, опровергать докладчика „фраков" (так называли рабочие организацию исключенных, которые приняли название революционной фракции П. П. С.). На одном из этих собраний здание фабрики окружили солдаты и арестовали всех 63 присутствовавших на собрании. Я вновь очутился в тюрьме. На этот раз уже сказался возраст. Я захворал цынгой. Сидевшие одновременно со мной в той же тюрьме Дзержинский, Варский, Ганецкий и др. уже собирались меня хоронить, но меня до суда отпустили на поруки, и я, оправившись, убежал в Галицию. Все арестованные по этому делу были приговорены к каторжным работам.

В Галиции, где партия, возглавляемая Дашинским, стояла на позиции Пилсудского, в начале меня не подпускали к работе, но мало по малу я добился того, что проник в организацию и смог вести работу среди рабочих. Вскоре я сделался директором рабочей больничной кассы в Дрогобыче и Бориславе, был избран в местный комитет, а затем в областной, но все



КОПП В. Л. (1880–1930).

В 1927–1930 полпред СССР в Швеции.

время наталкивался на противодействие лидеров, крайне враждебно относившихся ко мне, как к „левицовцу", „мутившему, по словам Дашинского, воду". Из Дрогобыча я переехал во Львов, где принимал участие в редакции газеты „Глос" (местный социалист. орган), а затем с войной перебрался в Швейцарию в ноябре 1914 г. За время пребывания в Галиции написал на польском языке „Историю революц. движения в России от 1861 г. до разгона II Думы" и „Военные суды в Царстве Польском", напечатав автореферат об этой книге в петербургском „Праве".

В Швейцарии я примкнул к Циммервальду. Находясь в Швейцарии до революции, я принимал участие в местном движении и организовал вместе с Н. К. Крупской эмигрантскую кассу во всешвейцарском масштабе. В мае 1917 г. я в т. наз. „запломбированном вагоне" возвратился в Россию, работал сначала в Ленинграде, затем переехал на Украину.

После об'единения в Польше „Социал-демократии царства Польского и Литвы" с „левицей" П. П. С. и образования коммунистической партии Польши в конце 1918 г. вошел вместе со всей организацией П. П. С. (левицы) в состав РКП. В 1919 г переехал в Киев, где руководил польской организацией и редактировал на польском языке орган „Голос Коммуниста" и был членом коллегии Н. К. И. Д. Украины. После оккупации Деникиным Украины переехал в Москву, где некоторое время был членом коллегии Наркомпроса, затем вновь возвратился на Украину, был членом Киевского Губкома КП (б) и затем членом ЦК и секретарем ЦК, состоял одновременно членом ВУЦИК'а и членом президиума ЦИК СССР. В промежутке 1920 г. был членом Временного Революционного Комитета, возглавляемого покойным Мархлевским. В 1922–23 г. состоял секретарем Коминтерна. В настоящее время состою редакт. газ. „Красная Звезда" и зампредседателя контрольной коммиссии ИККИ.

Копп, Виктор Леонтьевич *(автобиография)*, род. 16/29 сентября 1880 г. в Ялте в мещанской семье среднего достатка. Смерть отца в 1886 г. очень быстро повела к разорению многочисленной семьи, которой пришлось вести полуголодное существование. В 1888 г. был взят на воспитание родственниками, отдан в реальное училище в г. Николаеве, которое окончил, идя все время первым учеником, в 1898 г. Еще в младших классах пристрастился к чтению, поглощая все попадавшееся под руку. Особое впечатление произвела на 14–15-летнего юношу книжка Р. Оуэна „Об образовании человеческого характера". Она заложила фундамент социалистического миросозерцания и пробудила интерес к судьбе рабочего класса. Белинский, Добролюбов, Писарев, а из иностранных писателей—Бокль оказали сильнейшее влияние и пробудили жажду практической деятельности и стремление уйти от мещанской обстановки. В последнем классе училища и немедленно по его окончании завязываются связи с кружками радикальной интеллигенции, и начинается пропагандистская работа в рабочих кружках. К этому же времени относится первое знакомство с теоретическими работами Маркса.

В 1900 г. поступил в Харьковский Технологический институт, но вскоре был уволен и выслан из Харькова за организацию студенческой забастовки и за участие в демонстрации 4 марта 1901 года. С этого времени начинается для К. период подпольной работы, сначала на юге в Екатеринославе, где он был арестован за организацию и за речь на маевке, затем за границей по организации транспорта „Искры", потом в качестве агента орг. комитета по созыву II партийного с'езда и т. д. Подпольная работа неоднократно прерывалась арестами и нелегальными поездками за границу из мест, куда направлялся до „приговора".

После II парт'с'езда, на который К. был избран делегатом от одесской организации, но куда из-за провала связей на границе попасть не успел, работал в транспортной организации Ц. К. При расколе партии об'явил себя „внефракционным" и остался на этой позиции и после 1905 года, когда начал принимать деятельное участие в профессиональном движении в Петербурге. Был одним из организаторов профсоюза рабочих металлистов (псевдоним Томский), редактором их союзного журнала, сотрудником, а затем одним из редакторов органа Центрального Бюро профсоюзов и т. д. В 1909 г. был арестован и выслан за границу, где сотрудничал сначала в „Правде" Троцкого, а затем в германской с.-д. печати.

Вернувшись в Россию незадолго до начала империалистической войны, был мобилизован, отправлен на фронт, попал в начале 1915 г. в плен, где оставался до осени 1918 г., когда был по требованию Сов. посольства в Берлине освобожден и включен в состав миссии в качестве советника. В Советскую

Россию попал впервые в конце 1918 г. вместе с высланным из Берлина составом миссии Иоффе. Дальнейшая работа К. с этого времени посвящена целиком внешней политике: 1919—1921 г.— представитель Р.С.Ф.С.Р. в Германии. 1923—1925 г.—член коллегии НКИД; с апреля 1925 г.—полпред С.С.С.Р. в Японии.

Косиор, Станислав Викентьевич *(автобиография).* Родился в 1889 г. Отец—рабочий, поляк. Окончил начальное заводское училище при Сулинском металлургическом заводе (ст. Сулин, быв. Донобласти). С 13-ти лет поступил на работу в слесарную мастерскую на заводе, проработав год вынужден был переселиться на Юрьевский завод близ Луганска, вследствие закрытия Сулинского завода после стачки рабочих в 1905 г. Стачка оставила во мне определенный след, и через брата Владимира, который уже был в РСДРП, выполняю технические поручения партии и в 1907 г. официально был принят в партию. Вскоре после вступления в партию был арестован и выслан в административном порядке, а с завода уволен без права поступления. После этого поступил в кустарную сапожную мастерскую в качестве ученика, ведя одновременно и партийную работу; проработав год, вынужден был уехать вследствие разгрома полицией партийной организации. В 1909 г. благодаря старым связям поступаю вновь на Сулинский завод конторщиком. Проработав некоторое время на заводе, подвергаюсь аресту и заключению в Новочеркасскую областную тюрьму, где просидел 6 мес. и после этого был выслан под надзор полиции на 2 года в Павловский рудник в Донбасс. Здесь устанавливаю с Юрьевской организацией связь и принимаю участие в предвыборной кампании в 3-ю Госуд. Думу. Пробыв в Павловском руднике 4 мес., высылаюсь из пределов Екатеринославской губернии в гор. Харьков. В Харькове вначале веду работу в профсоюзах, а затем устанавливаю связь с частью партийцев, находившихся тогда в Харькове. Партработу развернули весной 1914 г. в связи с подготовкой забастовки 1-го мая. Благодаря провокатору Рудову были арестованы и высланы из пределов Харькова в Полтаву. В 1914 г. после об'явления войны переехал в Киев, где связался с отдельными партийцами, и совместно организовали временный комитет большевистской партии. В 1915 г. вследствие провала вынужден был уехать в Москву. В Москве поступаю на работу в Центросоюз, группой большевиков московской организации провожусь на продовольственный с'езд и работаю по собиранию разгромленной в Москве партийной организации и созыву городской партийной конференции. Попытка созвать конференцию не удалась вследствие провала, и я арестовываюсь и отправляюсь в ссылку на 3 года в Иркутскую губернию. После Февральской революции 1917 г. возвращаюсь из ссылки в Петроград, где вначале работаю в парторганиз. Нарвско-Петергофск. района, а затем избираюсь в ПК и исполкомиссию, где и работаю до 1918 г. (до переезда в Москву). В 1918 г. уезжаю на Украину на нелегальную работу и работаю как секретарь правобережного обл. ком. В 1919 г. работаю на Уманском участке фронта, затем избираюсь в декабре 1919 г. в ЦК КПУ(б). В 1922 г. переезжаю в Сибирь на парт. работу, где и работал до 14 партс'езда, на котором избираюсь в секретари ЦК ВКП(б).

Котовский. Григорий Иванович, род. в 1887 г. в Бессарабской губ. Отец К., по происхождению дворянин, служил инженером на винокуренном заводе в имении родовитого бессарабского князя Манук-Бея. К. был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, он часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери, бледный и перепуганный, и ложился с ней. Но и бедокурил не мало. Пяти лет он упал с крыши и с тех пор стал заикой. В ранних годах К. потерял мать. Десяти лет К. отдали в реальное училище. Там уже он проявлял черты той бурной, свободолюбивой натуры, которая позднее развернулась во всю ширь. Его поведение не давало покоя школьным наставникам. К. увольняют из реального училища за плохое поведение. Он поступает в Каракозовское агрономическое училище. 16-тилетний К. теряет отца и остается круглым сиротою. Уже во время пребывания в агрон. училище, в начале 1903 г., К. знакомится с кружками социал.-революц. и 17-тилетним юношей впервые попадает в тюрьму, арестованный Кишиневским губ. жандармским управлением. Три месяца К. просидел под следствием, но за отсутствием улик был освобожден.

В 1904 г. К. поступает практикантом по сельскому хозяйству в имение богатого бессарабского помещика Кантакузино. Экономия Кантакузино носила на себе все черты „культурных" помещичьих хозяйств того времени. Батраки работали на помещика по 20 часов в день, жили в темных конурах,—бесправные, под угрожающей все время плетью

КОСИОР С. В. (1889–1939).

В 1928–1938 Генеральный секретарь ЦК КП (б) Украины. С 1938 заместитель председателя СНК СССР, председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР. С 1927 кандидат в члены, с 1930 член Политбюро ЦК ВКП (б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

КОТОВСКИЙ Г. И. [1881 (по уточненным данным) – 1925].

барского произвола. К., всегда искавший наиболее свободных отношений с окружавшей его средой, с трудом выносил режим помещичьей экономии. Он тесными нитями связывается с батрацкой голытьбой. В то же время у К. происходит личное столкновение с Кантакузиным. Жена последнего увлеклась молодым, самоуверенно державшимся практикантом. Князь, узнав о чувствах княгини, замахнулся на К. арапником. И К. решается отомстить той среде, в которой он вырос. Он сжигает имение князя. С этого часа он вступает на дорогу бунтовщичества, которое охватило долгий период его жизни. В бессарабских лесах он собирает вокруг себя группу из 10—12 человек, которая принимает участие в стихийном крестьянском движении, развившемся в то время. 1905 г. связывает дружину К. со своими освободительными стремлениями, — правда, очень неоформленными. В глазах крестьянства и всей Бессарабии К. является отзвуком революционной бури, отзвуком, который услышали маисные поля благодатной Молдавии. Помещики пытаются оклеветать К. Газеты пишут о нем, как об уголовном герое и бандитском батьке. Но они прекрасно сознают, что это ложь.

Вот К., окружив в лесу патруль, препровождавший пеший отряд крестьян, задержанных за аграрные беспорядки, освобождает их. В книге старшего по команде он оставляет расписку: „Освободил арестованных Григорий Котовский". В другой раз он является на званый вечер в дом богатого помещика Крупенского под видом крупного провинциального помещика. Свежий человек привлекает на вечере внимание присутствовавшей здесь знати. Синадино, Семиградов, Крупенский с интересом слушают рассказы нового гостя. Идет разговор о Котовском. „А что бы вы сделали, если бы К. действительно явился к вам?"—спрашивают хозяина. Крупенский отвечает, что у него на стуле у кровати постоянно лежит браунинг. В ту же ночь, после раз'езда гостей, на квартиру Крупенского—налет. Однако, К. не намеревался всерьез потревожить помещика. Он взял у него только подарки эмира Бухарского и шаха Персидского—дорогой ковер и палку с золотой отделкой (которые он после отдал приставу, пытавшемуся арестовать К., но самому арестованному последним и затем отпущенному). А на достопримечательном браунинге оставил записку: „Не хвались идучи на рать, а хвалися идучи с рати".

Полиция тщетно старается поймать К. Пользуясь смутным временем, полиция, под прикрытием имени К., обделывает и свои корыстные дела: она входит в контакт с уголовными, которые производят налеты под видом отряда К. Но в конце-концов зимой 1906 г., проданный власти за 10.000 рублей одним провокатором, К. попадает в Кишиневский тюремный замок. В тюрьме К. пользуется огромным авторитетом среди заключенных, и это дает ему возможность организовать грандиозный побег. И К. блестяще справляется с этой задачей. Вся стража и надзиратели были обезоружены. Арестанты вырвались за последние ворота и широкой лавиной хлынули на Сенную площадь. Побег провалился из-за предательства двух арестантов. Воинские части встретили на Сенной площади арестантов в штыки. К. после этого был посажен в особую железную камеру, но вскоре снова бежал и через короткий промежуток времени опять был арестован.

Его перевели в образцовую Николаевскую каторжную тюрьму, как осужденного на десять лет каторги. Потом Смоленская каторжная тюрьма, Орловская и, наконец, Сибирь—Нерчинская каторга. Работа в шахтах. Зимой 1915 г. К. убивает двух конвоиров, охранявших выход из шахты, и бежит. Тайга, тысяча верст бездорожья. Благовещенск, Чита, Иркутск, Томск. Затем снова Европейская Россия. К. работает на Волге в качестве грузчика, чернорабочего на постройках и в помещичьих имениях, кочегаром на мельнице, помощником машиниста, кучером, разливщиком на пивоваренном заводе, молотобойцем, рабочим кирпичного завода и на постройке железной дороги.

В 1916 г. К. направляется в Бессарабию. О его пребывании там становится известным. За поимку К. берется сам департамент полиции. Из Петрограда, Москвы и Киева присылаются лучшие шпионы. Фотография К. в тысячах экземпляров разослана во все города. В конце-концов один провокатор предает К.

В имение, где находился К., нахлынул однажды отряд жандармерии. С закованными руками и ногами К. доставляют в Кишинев, а затем в Одессу. К. находится под угрозой казни. Но в это время грянула Февральская революция, и К. был освобожден из тюрьмы. В городском оперном театре Одесский совет рабочих, крест. и солд. депутатов продает кандалы К. за 10.000 рублей с аукциона. К. едет на фронт. Это было

в мае 1917 г. Получает „Георгия“ и производится за боевые заслуги в прапорщики. Но революционная волна Октябрьских дней увлекает и его на путь Октября. На с'езде 4-й армии румынского фронта в г. Галаце К. присоединяется к выделенной на с'езде фракции большевиков и избирается в состав армейского комитета. С тех пор начинается работа К. сначала в Красной гвардии, а затем в Красной армии. В конце 1917 г. К. организует в Тирасполе красногвардейские отряды и борется с контр-революцией. Позднее его отряд вливается в регулярные части Красной армии и получает громкую славу, благодаря своей отваге. Отряд К.—впоследствии бригада —участвовал в знаменитом в летописях гражданской войны Южном походе (берет Одессу и Тирасполь), затем—в боях против Юденича, бело-поляков. Большая глава принадлежит ему в борьбе с бандитизмом—с Тютюником, Петлюрой, Махно, и в подавлении тамбовского восстания Антонова. В боях на львовском направлении он был тяжело ранен в голову и живот. За боевые заслуги был награжден Реввоенсоветом Республики тремя орденами Красного Знамени. К. военного образования не имел и действовал личной храбростью, необычайной сноровкой, ориентировочным талантом. Особенно трудные условия для его борьбы создавала необходимость сочетать партизанские настроения конников с задачами трезвой, дисциплинированной борьбы. В среде котовцев и в поздние годы гражданской войны продолжали жить партизанские настроения, которые грозили увлечь боевой отряд на путь авантюризма. К. приходилось приводить своих бойцов к пониманию общих задач, воспитывать в них сознание общих целей, укреплять ростки их революционной идеологии. Но, с другой стороны, К. должен был откликаться на те требования, которые пред'являл к нему стан его бойцов. Волей или неволей К. соприкасался одним краем с партизанской „вольницей“.

Но все же его заслуга в том, что он не держался партизанщины, а выносил ее на себе, выбирая из нее все, в чем был дух будничный, ежечасно утверждая ее в верности трудному, революционно-боевому делу. К. стремился к тому, чтобы не дать красной романтике расцвесть в авантюризм пошлости. И если все же прошлое и среда оставили известный отпечаток на К. (тяжелый суб'ективизм, стремление к внешней помпе, театральность), то эти черты не были в полной мере характерными для К. Дисциплине армии и партии, в которую К. вступил во время гражданской войны, он подчинялся в полной мере. Не раз он говорил о том, что если бы не эта дисциплина, то он не выдержал бы и ринулся со своими конниками на освобождение родной Бессарабии.

В ночь на 6 августа 1925 г. К. был убит на хуторе Чабанка в Одесской губ. одним из своих подчиненных—ад'ютантом. Смерть застала К. в должности командира 2 Конного Корпуса. К. был членом Союзного, Украинского и Молдавского ЦИК'а. *М. Барсуков.*

Красиков, Петр Ананьевич (*просмотренная биография*), род. в 1870 г., 4 октября, в г. Красноярске Енисейск. губ. Предок К., по семейным преданиям, был сослан из Москвы в Сибирь при Иване Грозном, и только в Сибири этот род получил прозвище Красиковых, благодаря преобладанию в нем рыжеволосых. Дед, Петр Иванович К., был приписан к минусинским казакам и в 60-х годах прошлого столетия занимал должность „градоправителя“ в г. Минусинске и сыновьям своим, в том числе Ананию Петровичу, смог дать высшее образование в Петербургском унив. и Гейдельберге. А. П., окончив в 1863 г. курс юридических наук, вернулся в Сибирь с мечтами о культурной работе на своей родине и по воззрениям своим примыкал к кружку Ядринцева, Потанина и др. патриотов Сибири. Женившись на сибирячке, Елиз. Вас. Касьяновой, окончивш. курс иркутского пансиона, А. П. вступил на службу по своей специальности, работая во многих городах Сибири: Омске, Каркаралинске, Красноярске и др. Государственная служба сильно разочаровала его, ибо произвол губернаторов и жандармов в то время в Сибири душил и не давал ходу ничему живому. Реформы 60-х г., как известно, почти не коснулись Сибири, где не был введен даже суд присяжных. Бросив, вследствие обостренных отношений с губернской властью, службу, А. П. посвятил себя педагогической деятельности и умер чрезвычайно рано, на 42 году своей жизни, оставив Елизавету Васильевну с тремя детьми, Евгенией, Елизаветой и Петром, почти без всяких средств. Благодаря поддержке деда, К., кончив Красноярскую классическую гимназию, направился в 1891 г. в Петерб. унив. Уже в гимназические годы наметилось направление К., как будущего революционера. Этому особенно способствовали 2 обстоятельства: во-первых, жажда знаний, выразившаяся в страсти к чтению. и книги, оставшиеся от отца, среди

КРАСИКОВ П. А. (1870-1939).

С 1933 заместитель председателя Верховного суда СССР.

которых были наиболее передовые в то время произведения русской и переводной литературы 60-х г.: „Современник", Чернышевский, Флеровский, Щедрин, Добролюбов, Писарев, Лавров, Д. Милль, Адам Смит, Бокль, Дарвин, Дрепер, Лассаль, и, во-вторых,—влияние политических ссыльных, отчасти тех, что жили в Красноярске, а главное тех, что шли через Красноярск, как этапный пункт, пропускавший всех, кто направлялся в Восточную Сибирь. Группа гимназистов Красноярской гимназии, в том числе и К., умудрялась проникать к останавливающимся проездом в Красноярске ссыльным и с жадным любопытством слушала их рассказы о борьбе с царизмом, революционные песни, разговоры и споры и даже получала кое-какую литературу. Преобладали в то время народовольцы, народники и, наконец, пролетариатцы (Феликс Кон).

Ко времени окончания гимназич. курса К. сильно тяготел к народовольцам; из всех героев революции самые сильные симпатии в нем возбуждали личности Желябова и Перовской. С теорией Маркса и русским ее преемником Плехановым знакомство началось лишь в VIII классе гимназии, и более основательное ее изучение могло осуществиться лишь на I курсе Петербургск. унив. Университетская и общественная жизнь в Петербурге сразу настолько захватила К., что он перешел с математического факультета, куда он первоначально поступил, на юридический. Через сибирское землячество он входит в общестуденческую организацию, каким тогда было „Общество вспомоществования студентам", и здесь сталкивается с наиболее прогрессивными представителями петерб. студенчества—Л. Л. Оболенским, Глебом М. Кржижановским, Гофманом, Метальниковым и др. Общественная работа дает К. связи, но не удовлетворяет его по существу. Маркс, за основательное изучение которого засел К. немедленно по приезде в Питер, толкает его на работу по распространению идей марксизма. Сойдясь с А. Бесчинским, в то время марксистом, он участвует в образовании рабочих кружков на Васильевском острове и ведет с ними занятия (рабочие Садов, Фишер, Нефедов и др.). В то же время вместе с А. Бесчинским и А. Гурьевым кустарно нелегально издает на ремингтоне и гектографе брош. Энгельса „Научный Социализм" и „Коллективизм" Геда, пользуясь квартирой и содействием архитектора Еремеева и его жены Зои Митрофановны.

В 1892 г. едет за границу в Швейцарию и вступает в тесное сношение с Плехановым, Засулич, Аксельродом, имея, между прочим, поручение от товарищей-единомышленников привезти директивы и как можно больше новейшей марксистской литературы. В Женеве, кроме тесного общения с Плехановым, усердно сидит и изучает русскую литературу; привозит на себе полпуда литературы: „Наши разногласия", „Социализм и политич. борьба", „Соц.-Демократ" и др. Через день по приезде в Петроград. после обыска (при чем литература уже была передана, куда следует), арестовывается по приказу фон-Валя и через месяц предварительного заключения переводится в Петропавловскую крепость, где сидит год по обвинению в сношениях с полит. эмиграцией (Плехановым). После смерти Александра III, зимой 1894 г., отправляется в Сибирь, по исключении из университета, в административную ссылку в г. Красноярск, где, спустя год, получает приговор на три года. В Сибири К. продолжает занятия марксизмом и ведет кружок среди местной молодежи по изучению „Капитала". Условия ссыльной жизни в Красноярске в то время для революционного марксиста были чрезвычайно тяжелы: помимо притеснений сибирской полиции и гласного надзора, приходилось выдерживать натиск самой ссыльной братии, исключительно состоящей из народников, народовольцев, народоправцев, среди коей марксист в то время рассматривался скорее как отступник от революционных заветов, чем соратник и товарищ. По адресу марксиста клички: „пластырь", „горчичник", „сторонник капитализма" украшали полемику со стороны „стариков", напр. таких, как В. А. Караулов (впоследствии кадет) и др. Борьба шла, конечно, о влиянии на местную молодежь и была очень успешной для марксизма. Только с приездом т. т., высланных тоже в Красноярск, А. Залкинда и Л. Н. Скорнякова и затем В. П. Арцебушева—марксистского полку прибыло, и от'едаться от „стариков" и вести работу К. стало легче. К трудностям жизни, конечно, присоединялось отсутствие средств к существованию и содержание семейства. К. пришлось заняться уроками, и только в 1896 г., благодаря постройке железной дороги, требующей квалифицированных работников, и категорическому требованию инженера Чернцева, правительство согласилось дать разрешение принимать политиков на железнодорожную службу. К. занял небольшую должность на „Ангарском пароходстве" и производил

кропотливую работу по перевозке и перегрузке Байкальского парохода-ледокола и других ангарских грузов на берегу Енисея. 1896 г. был знаменательным для немногочисленных еще тогда марксистов. По пути в Шушу, село Минусинского уезда, проехал Владимир Ильич Ленин и затем приехал в Красноярск полечиться и купить ружье; здесь произошло личное знакомство К. с Владимиром Ильичом, известным до тех пор ему лишь по его произведениям под псевдонимом Тулина. Приблизительно в этот же период через Красноярск проследовали Ванеев, Старков, Запорожец, Мартов и прожили несколько дней, в течение которых происходило общение немногочисленных красноярцев с вновь прибывшими.

С приездом этой плеяды марксистов, а затем и других, в том числе рабочих, атмосфера сибирской ссылки стала сильно наполняться марксистским духом, и жить стало легче. К., благодаря центральному положению красноярского этапа, встречал и провожал многочисленные партии ссыльных, среди которых все более и более стали появляться пролетарские элементы, сильно нуждавшиеся в материальной помощи. Помощь, оказываемая им из собираемых средств, повидимому, навлекла гнев генерал-губернатора Сибири, и почти в день окончания трехлетнего срока ссылки К. получил прибавку—еще на один год с мотивировкой: „за сношение с сибирской ссылкой".

По окончании этого срока К. выезжает в Питер, где поступает на службу в министерство финансов за ничтожное вознаграждение и на чрезвычайно трудную статистическую работу. Заводит связи среди молодежи, преимущественно имеющей связи с рабочими, но при случайном налете полиции на одну из квартир, где собралась молодежь, был арестован и без каких-либо конкретных обвинений выслан в Псков до об'явления „приговора", в 1900 г. В Пскове этого приговора пришлось ожидать 2 года в чрезвычайно трудных материальных условиях, ибо губернатор Васильчиков категорически запретил принимать К. на какую-либо службу, и К. приходилось жить уроками. Однако, Псков в то время был самым интересным для марксиста городом. Там жил Ильич, там он положил начало русской организации „Искры". К. уже не застал Владимира Ильича в Пскове; он, как того требовал план искровской работы, выехал за границу для издания общерусской газеты, вокруг которой должны были быть об'единены все силы революционной соц.-дем. и затем организованы на с'езде партии. К. вступает в псковскую группу „Искры", кооптируется затем в „Организационный Комитет по созыву II с'езда" вместе с Кржижановским, Ленгником, Лепешинским, Красухой, Радченко, Александровой, Розановым, Левиным и пред. „Бунда", как член комитета от организации „Искры", и в 1902 г. переходит на нелегальное положение. Ближайшей задачей К. была поездка за границу в искровский центр, к Ильичу, Плеханову и Надежде Константиновне (секретарь редакции, фактически ведший сношения с российскими организациями „Искры"), за получением непосредственных директив и инструкций, а затем работа по выявлению и сплочению искровских, т.-е. револ. социал-демократических сил, в противовес рабочедельческой агитации в местных соц.-дем. организациях, и по подготовке с'езда партии. После кратковременного пребывания у Владимира Ильича, снабженный инструкциями, К. вновь нелегально переходит границу и совершает об'езд всех важнейших с.-д. организаций России: Киев, Одесса, Екатеринослав, Харьков, Питер, Москва, Самара, Саратов, Кавказ, Вильно, Минск, Белгород, поддерживая все время связь с остальными искровскими членами О. К. Техническая трудность задачи конспиративного об'езда усугублялась тем, что в каждом почти комитете шла борьба двух главных течений среди соц.-демокр.—революционной и оппортунистической, рабочедельческой. Отношения между этими двумя течениями иногда были чрезвычайно обостренными; полемика и крупные разногласия по основным вопросам марксизма и рабочего движения между сторонниками платформ в обстановке тогдашних полицейских условий грозили часто провалом.

К. удачно выполнил возложенные на него поручения и в начале 1903 г. вновь перешел границу для поездки в Лондон для сообщения о положении дел и получения дальнейших инструкций по непосредственной организации с'езда. Возвратясь затем в Россию и приняв необходимые шаги для устройства переезда четырех десятков делегатов за границу, он едет летом 1903 г. в Лондон на с'езд, как член О. К. и как делегат Киевского парт. комитета.

На с'езде избирается в президиум вместе с Лениным и Плехановым и председательствует после удаления из зала заседания Плеханова и Ленина в том историческом заседании с'езда, где бурно

решался вопрос о составе центров и редакции партийного органа. Перед с'ездом избирается по соглашению членов редакции „Искры" супер'арбитром на случай разногласий в редакции и деления голосов поровну.

После с'езда К. по поручению большев. центра едет с инструкциями и документами в Россию, но, благодаря провалу берлинской квартиры, захвачен берлинской охранкой на кв. Чеколдина, посажен в тюрьму на Alekxander-platz и осужден берлинским полицейским судом к двухнедельному тюремному заключению за проживание по болгарскому паспорту. По поводу этого суда К. вошел в близкие отношения с посещавшим его в тюрьме в качестве поверенного Карлом Либкнехтом, судебное красноречие которого нисколько не повлияло на судью. Благодаря ловкому маневру Либкнехта, внесшего залог после приговора в 1.000 марок и взявшего К. на поруки, при переходе дела по апелляции к новому судье освобожден из берлинской тюрьмы, за которой следовала бы выдача на русскую границу, и направлен Либкнехтом в ожидании кассации в Штуттгардт к Кларе Цеткин. Критическое положение дел в партии благодаря послес'ездовскому расколу требовало напряжения всех сил, и потому, по приказу Ильича, экстренно выехал в Женеву. В виду того, что меньшевики старались выбить почву у большевиков прежде всего в заграничных колониях, К. получает задание об'ехать ряд заграничных центров с отчетом о II-м с'езде, имевшем целью выяснение заграничным товарищам сущности разногласий, правильности партийной линии большевиков. Он об'езжает Цюрих, Гейдельберг, Брюссель и др. города, всюду с успехом защищая позиции партии против меньшевиков. Издает в этом же году для российских товарищей свой краткий отчет о II-м с'езде под назв. „Письмо к товарищам", под псевдонимом, данным ему редакцией Комиссии по редактированию протоколов 2-го с'езда,—„Павлович". С этого момента и в партийных кругах механически его старая кличка „Шпилька" и „Игнат" сменяются кличкой „Павлович", что иногда вводит в заблуждение некот. историков партии, путающих К. с членом ВСНХ Павловичем-Вельтманом, который большевиком в то время не был.

После об'езда заграничных комитетов лиги, К. назначен партийным представителем в Париж, где укрепляет позиции большевиков в глазах французской партии, участвуя в комиссиях и совещаниях по русским делам, входя в сношение по этому поводу с Гедом, Жоресом, Бракке и др. представителями французских партий.

В 1904 г. К. вместе с Лядовым-Мандельштамом, под псевдонимом „Бельский", назначен ЦК делегатом от большевиков на Амстердамский конгресс II Интернационала, где, несмотря на отчаянные сопротивления Дана и изменившего уже тогда большевизму Плеханова, при поддержке Клары Цеткин и Розы Люксембург добивается включения большевиков в число русской делегации. Лично знакомится на этом конгрессе с Бебелем и участвует в комиссиях с'езда на знаменитой дуэли между Бебелем, Плехановым, Каутским и Розой Люксембург—с одной стороны, и Жоресом—с другой. После 9-го января К. командируется в Россию, сначала в Московскую организацию, где работает вместе с Бауманом, и затем в Петербургский комитет партии, где работает нелегально до октябрьских дней. В октябре К. участвует в организации первого Совета Рабочих Депутатов и входит в него в качестве члена исполнительного комитета от партии большевиков. В течение всего октября и ноября участвует во всех заседаниях исполнительного комитета и совета и заведует агитотделом ПК, беспрерывно организуя и выступая на митингах и собраниях под кличкой „Антон".

3 декабря арестован в Вольно-Экономическом обществе на заседании Совета Р. Д. и посажен во второй корпус Выборгской тюрьмы, где содержится до июня 1906 г. По освобождении вновь выступает членом Петерб. комитета партии и арестовывается перед разгоном Думы на партийной конференции на Английском проспекте в помещении инженеров вместе с секретарями комитета Стасовой и Гарфункель, благодаря лишь тому, что все трое последними покинули зал заседания после извещения о предстоящем аресте конференции и столкнулись с ротмистром Пономаревым, узнавшим их при самом выходе. Снова заключен в Выборгскую тюрьму, где содержится до разгрома партии и подавления революции. В 1908 г., высланный из Питера, К. с значительно подорванным здоровьем и в трудных материальных условиях живет под Питером в Озерках, в течение шести месяцев подготовляется к экзамену за юридический факультет, сдает его и в 1908 г. вступает в сословие присяжных поверенных. Находясь под беспрерывным тайным надзором полиции, К. занимается

исключительно политическими и рабочими делами и приобретает известность среди рабочих Петрограда и особенно Васильевского острова, которые идут к нему не только со своими исками к предпринимателям, но и вообще как к своему человеку за всевозможными советами, вплоть до обсуждения политических вопросов. Полиция неуклонно следила за кабинетом К. и не раз подсылала туда своих агентов.

Эта полоса жизни К. была периодом тяжелой работы по сравнительно многочисленным мелким рабочим делам. К. вместе с небольшой группой с.-д. приходилось бороться как с засилием в суде адвокатов-профессионалистов, привыкших не церемониться с рабочими делами, так подчас и с врачами, от экспертизы которых в значительной степени зависит мера вознаграждения получаемого рабочим по суду.

Группа рабочих адвокатов новой после революции формации, в том числе К., поставила рабочие процессы на должную высоту и, что особенно важно, искоренила из практики неправильный расчет с рабочими, до той поры практиковавшийся.

27 февраля 1917 г. в Таврическом дворце К. принимает участие в организации Совета Рабочих Депутатов и избирается в члены Исполнительного Комитета. На выборах в Петроградскую думу в 1917 г. проходит гласным в думу от фракции большевиков, избирается членом исполнительного комитета петербургского совета рабочих и солдатских депутатов по большевистскому списку, при завоевании большинства в петроградском совете, и на первом С'езде Советов состоит кандидатом в ВЦИК от фракции большевиков, затем с переходом власти к Советам—членом ЦИК. В Октябрьские дни назначен председателем след. комиссии по борьбе с контр-революцией и по образовании комиссариата юстиции — членом коллегии Наркомюста. В 1918 г., с переездом правительства, эвакуирован вместе с комиссариатом в Москву. По образовании кассационного трибунала назначен его председателем с одновременной работой члена коллегии Н. К. Ю. Ему поручается, кроме того, ведение ликвидационного отдела Наркомюста, где сосредоточена выработка и проведение декретов и мероприятий по отделению церкви от государства, каковую работу ведет до передачи этих дел из Н. К. Ю. в президиум ВЦИК. Одновременно с работой по комиссариату К. работает в Московском совете членом районного и городского совета и состоит агитатором и пропагандистом при московском комитете партии. В связи с работой по отделению церкви от государства К. выступает, как публицист, на страницах партийной и советской прессы („Правда", „Известия", моск. „Рабочая газ.") по вопросам советского права и антирелиг. пропаганды и агитации (см. сборник его статей „На церковном фронт"), редактирует журнал, изд. при Наркомюсте, „Революция и церковь". С образованием Союза и Верховного Суда при ЦИК'е Союза состоит прокурором Верховного Суда Союза и одновременно кандидатом в члены Всеросс. и Общесоюзного ЦИК-ов и членом бюджетной комиссии, почетным членом Моск. совета по избранию Дунаевской ф-ки и почетным красноармейцем.

КРАСИН Л. Б. (1870–1926).

Красин, Леонид Борисович *(авторизованная биография)*, род. в 1870 г., 15 июля, в небольшом уездном городе Кургане Тобольской губ. Отец, Борис Иванович К., представлял из себя ярко выраженный тип разночинца, среднего интеллигента с подлинно демократической психологией и с тенденциями, если и неоформленными, то достаточно сильными, к политическому и социальному радикализму. Большое значение здесь имело близкое знакомство Б. И. К. с некоторыми из польских повстанцев и затем с деятелями народнических и народовольческих групп, ссылаемых в Сибирь. Помимо того, отец К. был человек с „административной складкой". От отца К. и унаследовал, повидимому, умение работать и любовь к работе. В общем духовном развитии сказалось влияние матери К., Антонины Григорьевны, широко образованной, с большими духовными запросами, типичной русской женщины 60-х годов.

На это развитие влияли и внешние факты: сама обстановка его детства и отрочества. Дело в том, что в 80-х годах XIX стол. Сибирь являлась одним из немногочисленных гнезд социального и политического радикализма (другим таким было Поволжье). Постоянный приток ссыльных из России в значительной степени воздействовал на духовный быт сибирской интеллигенции. В атмосфере влияния ссыльных политиков прошли детские и отроческие годы К. К. вырос в „идеальной" семейной обстановке, имея в полном смысле слова счастливое детство и отрочество. Нужно добавить, что это далеко не была обстановка излишества, напротив, семья его отца, — довольно многочисленная, кстати сказать,—еле сводила концы с

концами, и о том, что такое бюджет и сведение расходов с приходами, К. получил понятие задолго до выхода на деловую и политическую арену.

Среднее образование К. получил в Тюменском реальном училище, которое окончил в возрасте 17 лет. К этому периоду у К. определяется прочное стремление к точным наукам. В 1887 г. К. поступил в Петербургский Технологический институт. В первые же годы своих институтских занятий К. начинает интересоваться марксизмом и серьезно изучать его и в скором времени уже считается среди своих товарищей знатоком марксизма. Боевое политическое крещение К. относится к 1890 г., когда за участие в студенческих беспорядках он подвергается кратковременной высылке из Петербурга. По возвращении К. вступает в октябре 1890 г. в пропагандистский кружок, который был одной из первых социал-демократических организаций России и который вел работу среди рабочих тогдашнего Петербурга. Кружок этот был основан М. И. Брусневым и В. С. Голубевым и вырос в дальнейшем в „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", организатором которого явился В. И. Ленин. Но знакомство К. с Лениным и совместная их работа относится к более позднему времени. К моменту образования „Союза борьбы" К. уже не было в Петербурге, так как он был выслан из столицы в 1891 г., в связи с демонстрацией студенчества при похоронах писателя Шелгунова. Тогда же он был исключен из Технологического института, на этот раз уже без права поступления. С этого момента биография К. становится довольно обычной биографией российского революционера. Он отбывает после высылки воинскую повинность в Н.-Новгороде и, состоя на военной службе, одновременно занимается пропагандой марксизма в разных кружках Н.-Новгорода, ведя в интеллигентских кругах ожесточенную борьбу с разлагавшимся тогда народничеством, имевшим в Нижнем таких видных представителей, как Н. Ф. Анненский, Зверев, Карелин. Одновременно К., не порывая связей с М. И. Брусневым, содействует организации социал-демократической пропаганды на московских текстильных фабриках и после провала Бруснева в 1892 г. арестовывается и переводится в Таганскую тюрьму, где сидит в одиночке около 10 месяцев. Освобожденный, он заканчивает срок отбывания воинской повинности (в 1893 г.) в Туле, находясь все время под гласным надзором.

Сиденье в Таганке К. всегда вспоминает с большим удовольствием. После первых же допросов жандармы оставили его в покое, и он посвятил весь свой невольный досуг самой упорной работе: изучил немецкий язык и прочел в оригинале почти все сочинения Шиллера и Гете, познакомился с Шопенгауером и Кантом, проштудировал логику Милля, психологию Вундта, одолел значительное число томов исторических книг Соловьева и Чернышевского и вообще сильно пополнил довольно тощий теоретический багаж гонимого судьбой из города в город российского студента. Одно знание немецкого языка уже давало большое преимущество в дальнейшей самообразовательной работе. С неблагоприятными влияниями тюремной одиночки помогла справиться молодость, хорошее, унаследованное от родителей, здоровье и бодрый радостный взгляд на жизнь, принесенный из необозримых сибирских равнин и дремучей тайги. В 1894 г. следует новая высылка — из Крыма, где он проводил лето—по случаю приезда в Крым Александра III. К. избирает тогда своим местожительством село Калач Воронежской губ., где он поступает в качестве сперва рабочего, а затем десятника на постройку железной дороги. Отдаваясь со всем пылом энергичного работника своей непосредственной работе, К. в то же время не забывает о своей революционной деятельности и в скором времени увольняется с постройки, как политически неблагонадежный. Затем в январе 1895 г. следует новый арест, уже по приговору, в связи с делом Бруснева: 3-х месячное тюремное заключение и высылка в Ярен ский уезд Вологодской губ., замененная высылкой в Восточную Сибирь на 3 года. Местом высылки К. избирает Иркутск. В Иркутск К. прибывает уже вполне сформировавшимся человеком, революционером-марксистом. Три года проведенные в Иркутске, при невозможности вести там в то время какую-бы то ни было активную политическую работу, К. посвящает, главным образом, полемической борьбе с народовольцами, из которых в это время почти целиком состояла иркутская колония ссыльных. Все время в течение этой ссылки К. работал в качестве чертежника и техника на сибирских железных дорогах, ведя под конец и ответственную работу инженера-строителя.

По окончании срока ссылки, К. удается поступить в Харьковский Технологический институт для окончания высшего технического образования и

получения диплома инженера. Он смог, однако, окончить институт лишь в 1900 г., так как нормальный ход учения то и дело прерывался то временными высылками из Харькова, то практической работой на железнодорожных изысканиях. По окончании института К., как инженер, был приглашен на работу по специальности в Баку, где он провел четыре года, работая на постройке больших электрических станций. Эти 4 года прошли в работе в 2-х направлениях. С одной стороны, К. положил много энергии на свою работу по специальности—эти годы были как раз годами бурного развития бакинской нефтепромышленности и электрификации нефтяных промыслов; с другой стороны, со всей пылкостью революционера, засидевшегося в Сибири без практической работы, К. бросился в подпольную социал-демократическую работу не только в Баку, но и в других важнейших центрах Кавказа. Революционная работа К. сводилась, с одной стороны, к интенсивной пропаганде среди бакинского пролетариата. Баку в то время являлся одним из самых крупных пролетарских центров в России. Возмутительные условия труда на нефтяных промыслах давали, конечно, достаточно материала для наиболее рельефной действенной агитации и пропаганды. И работа в этом направлении, которую К. вел вместе с группой бакинских социал-демократов, привела к возникновению знаменитой бакинской забастовки 1903 г., каковая, в свою очередь, явилась буревестником, первым симптомом надвигавшейся революции 1905 г.

Другое направление революционной работы К. выявилось в создании первых в России социал-демократических подпольных типографий, организованных на широкую ногу. Эти типографии—они находились в самом городе Баку—сыграли очень важную роль в деятельности социал-демократической партии, которая была тогда еще единой. „Искра", составлявшаяся и редактировавшаяся сначала в Цюрихе, а потом в Лондоне, печаталась в бакинских типографиях, созданных усилиями К. и его друзей, с матриц, получавшихся прямо из-за границы и служивших для приготовления стереотипов, с которых уже и шло печатание. Бакинская работа создала К. имя незаурядного инженера, энергичного революционера и первоклассного подпольщика. Он был отмечен центральными органами партии и после II с'езда партии в 1903 г. был кооптирован в члены центрального комитета Р. С. Д. Р. П. В 1904 г. К. в виду состояния здоровья (заболел малярией) должен был переехать в центральную Россию и, найдя себе новую работу, переселился в крупный промышленный центр под Москвой — Орехово-Зуево. Этот переезд находился в связи с расширением революционной работы, и одним из последствий его было установление более близких отношений между партией и крупным московским фабрикантом Саввой Морозовым. Партийная работа К. шла все более усиленным темпом и окончилась тем, что он должен был перейти на нелегальное положение (после провала Ц. К. при аресте в квартире писателя Л. Н. Андреева).

В 1905 г. К. был делегирован на III Лондонский с'езд социал-демократической партии, который был, как известно, созван Бюро Комитетов большинства, вопреки желанию меньшевистской части партии, и на котором большевистская часть партии сорганизовалась и выделилась, как отдельная, самостоятельная партия. К., выступивший на этом с'езде под псевдонимом Зимина-Винтера, был избран товарищем председателя и играл на с'езде большую роль. Он выступал с основными докладами по ряду организационных и политических вопросов и, в частности, вместе с Лениным провел через с'езд основную резолюцию по вопросу об участии с.-д. партии во временном революционном правительстве. С'езд вновь избрал его в члены центрального комитета. Вернувшись нелегально в Россию, К. продолжал энергичную партийную работу, не оставляя в то же время своей профессиональной деятельности (к этому времени, в связи с под'емом революционной волны, он успел легализоваться). Эта профессиональная деятельность в качестве инженера, заведывающего в Петербурге осветительной кабельной сетью, служила прекрасной маскировкой его революционной работы.

В 1908 г. К. был окончательно провален и арестован в Финляндии. Однако, и при этом аресте жандармы и прокуратура не смогли представить каких-либо изобличающих материалов, и по постановлению выборгского губернатора К. был освобожден и, не желая искушать судьбы возвращением в Петербург, эмигрировал из России за границу.

Наступили годы, когда в связи с полной победой реакции практическая работа в России стала невозможной. Находясь за границей, К., не будучи литератором и не находя приложения для своих сил в кружковой эмигрантской

КРЕСТИНСКИЙ Н. Н. (1883–1938).

С 1930 заместитель наркома иностранных дел СССР. Необоснованно репрессирован. По делу "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

работе, использовал вынужденный перерыв в своей деятельности революционера для усиленной работы по инженерной специальности. Поселившись в Берлине, он с головой ушел в практическую инженерную деятельность и упорным трудом добился положения даже в среде высококвалифицированных немецких инженеров.

К. отозвался на первый же призыв большевистской партии в момент революции. По приглашению Ленина и Троцкого К. принимал активное участие в Брест-Литовских переговорах и явился одним из авторов так называемого августовского дополнительного соглашения, заключенного в Берлине в августе 1918 г. По возвращении из Берлина в Москву К. занял пост председателя Чрезвычайной Комиссии по снабжению Красной армии. Наряду с этим постом он берет также на себя обязанности члена президиума Высшего Совета Народн. Хозяйства и народного комиссара Торговли и Промышленности. В марте 1919 г. назначается одновременно еще и народным комиссаром Путей Сообщения. В скором времени, однако, хозяйственная деятельность К. заменяется дипломатической работой. Вместе с Литвиновым он является представителем Советской России при первой ее встрече с буржуазным миром, в лице соседней Эстонии, в сентябре 1919 г. на конференции во Пскове. В декабре того же года он назначается главой мирной делегации, которая несколько времени позже подписала Юрьевский мир с Эстонией, явившийся прорывом блокады. Впрочем, выработку этого договора заканчивает уже Иоффе. В 1920 г. Советское представительство организуется в Лондоне. Во главе этого представительства, по назначению Ленина, становится К. В марте 1921 г. К. подписывает англо-советский договор, являющийся первым из той серии договоров, которые связывают ныне Советский Союз с капиталистическим миром.

После того К. остается в Лондоне в качестве полпреда Советских республик. В качестве такового он вошел в состав советской делегации на Генуэзской и Гаагской конференциях. Затем он назначается народным комиссаром Внешней Торговли и проводит в жизнь монополию внешней торговли.

В конце 1924 г. К. был назначен полномочным представителем СССР в Париже с оставлением народным комиссаром Внешней Торговли. На XIII с'езде Р. К. П К. был избран в члены ЦК.

М. Левидов.

Крестинский, Николай Николаевич *(автобиография)*. Род. 13/26 октября 1883 г. в г. Могилеве на Днепре, в семье учителя гимназии. Отец и мать—украинцы, уроженцы Черниговской губернии. Будучи гимназистом, отец находился под влиянием нигилистических настроений, в ту пору весьма развитых в интеллигентских кругах. Мать в молодости была близка к народникам. Однако, вскоре семейные заботы заставили родителей отойти от общественного движения: отец стал педагогом-чиновником, мать—интеллигентской обывательницей. Т. обр., семья К. не развила в нем революционного чувства, но привила ему потребность руководствоваться в своем поведении не одними личными интересами. Обучался К. в Виленской гимназии, которую окончил в 1901 г. Затем поступил в Петербургский университет на юридический факультет и, кончив его в 1907 г., стал работать вначале в качестве помощника присяжного поверенного, а затем—присяжного поверенного (до 1917 г.). С революционным движением и революционной литературой К. стал знакомиться в последних классах гимназии под влиянием некоторых из гимназических товарищей, имевших личные связи в среде работников польского и русского рабочего движения. Но особенно сильное влияние оказывал на него в этом отношении гимназический учитель гимнастики—офицер И. О. Клопов, социал-демократ.

С конца 1901 г. К. начинает принимать деятельное участие в революционном движении среди студентов и военных. Социал-демократом К. становится в 1903 году и вступает в возникшую тогда Виленскую организацию РСДРП, в которой не обозначилось еще тогда фракционное разделение на большевиков и меньшевиков. В эпоху 1905 г. К. познакомился с заграничной большевистской литературой и определил свои симпатии к большевизму. С 1903 по 1906 г. включительно он работал в Северо-западном крае, в Виленской, Витебской и Ковенской организации, с временными наездами в Петербург. Начиная с 1907 г., он работает в Петербурге, в василеостровском районе, затем переходит на работу по профессиональному движению, работает во фракциях Думы и в большевистской печати. При выборах в 4 Государств. Думу был выставлен кандидатом от большевиков.

Первый раз был арестован в Вильне осенью 1904 г., освобожден до суда. Вторично—в Петербурге в феврале 1905 г. при выборах в комиссию Шидловского.

Освобожден до суда с высылкой из Петербурга; затем два раза был арестован административно в Вильне летом и осенью 1905 г., освобожден в результате октябрьской забастовки 1905 г. с прекращением по амнистии обоих судебных дел. Снова арестован в Витебске в январе 1906 г., освобожден в апреле того же года с высылкой из Витебской губернии; арестован снова в Вильне административно в августе и октябре 1906 г., после чего уехал в Петербург. В Петербурге был арестован на засаде в день роспуска II-й Гос. Думы, освобожден после обыска на квартире. В 1912 г. был привлечен по 102 ст. за принадлежность к партии в связи с организацией „Правды", страхового движения и с предвыборной кампанией. В 1914 г., после об'явления войны, был арестован и выслан в административном порядке на Урал, сначала в Екатеринбург, потом в Кунгур. Первый год революции до декабря 1917 г. провел на Урале, работая в Екатеринбургском и Уральском областном (председатель) комитетах РСДРП (б); на VI с'езде партии в июле 1917 г. был заочно выбран членом ЦК, каковым оставался до X с'езда партии (март 1921 г.). С декабря 1919 г. по март 1921 г. был секретарем ЦК РКП (б).

Работая на Урале, в советской работе непосредственно принимал небольшое участие. Был лишь членом исполкома екатеринб. совета, участвовал на всех областных и окружных с'ездах и на последнем, перед октябрем, окружном екатеринб. с'езде, где большевики получили большинство — председательствовал. Был председателем екатеринбургского революционного комитета, временной организации с участием меньшинства с.-р., предшествовавшей полному переходу власти в Екатеринбурге в руки большевистского совета. Был выбран членом Учредительного Собрания от Пермской губернии.

В Петербурге вошел в коллегию НК финансов в качестве тов. главного комиссара Народного банка. По переезде Советского правительства в Москву остался в Петербурге и был одновременно тов. председ. Нарбанка и комиссаром юстиции Петербургской трудовой коммуны и Союза Коммун Северной Области. В августе 1918 г. был назначен наркомом финансов и оставался таковым фактически до октября 1921 г., а номинально—до конца 1922 г. С октября 1921 г. К. состоит полпредом Советского правительства в Германии. На партийных с'ездах принимал участие, начиная с VII, на советских — с III. Кроме того, был на I Всероссийском совещании Советов в марте 1917 г. и членом демократич. совещания по уполномочию от екатеринбургского совета. Состоит членом ЦИК, начиная со II созыва.

Кржижановский, Глеб Максимилианович *(автобиография)*. Род. 25 января 1872 г. в г. Самаре. Дед-декабрист был сослан в г. Тобольск, где и умер. Отец юношей приехал в Россию, кончил курс в Казанском универс. по физ.-матем. факультету, был оставлен при университете, но скоро бросил научную деятельность, жил случайными заработками, умер молодым. Мать осталась без всяких средств с двумя маленькими детьми (сын—4 л. и дочь—2 л.), терпела большую нужду, жила тем, что держала реалистов-нахлебников. Учился я сначала в приходской школе, оттуда за хорошие успехи был переведен в реальное училище (и освобожден от платы), которое кончил в 1889 г.

Несомненно, что очень многое из того, что руководило и руководит всей моей жизнью, дано было мне моей матерью. Трудная борьба за существование с ранних лет создала между мною и ею крепкую спайку. Вспоминаю, что с 8 лет я уже отдавал себе ясный отчет о заботах и огорчениях матери. С 13 лет пришлось давать уроки. Мать была прямой, глубоко честный и энергичный человек, но не имела никакой специализации и поэтому с большим трудом боролась за наше существование. Мы бывали счастливы, если к летнему времени, когда наши столовники раз'езжались по домам, у нас оказывался годичный приработок в несколько десятков рублей. Вооруженные таким капиталом, мы покидали душную и пыльную Самару и проводили лето в какой-нибудь волжской деревушке, в крестьянской избе, в самой непосредственной близости к крестьянству.

Мать, немка по происхождению, была воспитана на гуманистической немецкой литературе, а через нашего отца к ней привилась явная симпатия к основоположникам русской революции. Шиллер, Гёте, Гейне, Чернышевский и Добролюбов—вот кого еще ребенком я считал солью земли и, главным образом, под влиянием матери. С годами дружба моя с матерью только крепла. Со времени ссылки, куда она добровольно последовала вместе со мной, она была вполне убежденно в наших рядах и не задумываясь делила с нами наши горе и радости. Ее смерть была для меня потрясающе тяжкой потерей.

Реальное училище, в котором я пробыл с 1882—1889 г., носило на себе все следы

КРЖИЖАНОВСКИЙ Г. М. (1872-1959).

В 1929–39 вице-президент АН СССР. В 1930–32 председатель Главэнерго Наркомтяжпрома, с 1930 руководитель Энергетического института АН СССР. В 1924–39 член ЦК партии. Академик АН СССР (1929). В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии.

КРУПСКАЯ Н. К. (1869–1939).

С 1929 заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1924 член ЦКК, с 1927 член ЦК партии.

80-х гг. Но среди учителей были и исключения. Наш «естественник» был верным учеником Писарева и Дарвина и сумел привить нам здоровый рационализм. Однако, мне кажется, что мое «сознание» больше всего определялось тем обстоятельством, что в городе я жил в среде самых низов городского плебса, а в деревне—среди подлинных крестьян, да еще среди волжских крестьян. Вспоминаю, что уже в 5 кл. реального учил. я чуть не попал в лапы к жандармам за антирелигиозную пропаганду среди крестьян села Царевщины. В этом же селе я впервые встретился с революционерами-народниками. Среди них с особой благодарностью отмечаю О. П. Федоровскую, беседы с которой не мало помогли мне разобраться в действительности.

Однако, самое решающее значение для всей моей идеологии, конечно, имела для меня поездка в Питер и поступление по конкурсу в Петербургский Технологич. институт (1889), который и окончил в 1894 г. Два года питерской обстановки закончили мое духовное воспитание. Думаю, что знакомство с учением Маркса и встречи с питерскими рабочими—вот что было главнейшим для меня за это время. Период 90-х годов и возникновение первых с.-д. кружков в Питере уже достаточно описаны в литературе, показывающей, каким образом «разночинцы» конца 80-х гг. эволюционировали в сторону революционного марксизма.

В революцию вошел в 1893 г., ведя сначала пропагандистскую работу в соц.-демократических рабочих кружках, а затем организуя вместе с Ильичом „Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса". Был арестован в декабре 1895 г. и сослан в Вост. Сибирь (Минусинский уезд).

По возвращении из ссылки в 1901 г. поселился в г. Самаре (все университетские города и промышленные центры были для жительства мне воспрещены). Там был организован центр «Искры», и оттуда были завязаны связи со всем Поволжьем, организована переписка, получение паспортов, транспорт «Искры» и пр.

В 1903 г. переехал в Киев, где работал в качестве члена ЦК первого созыва после 2-го с'езда партии. После провала организации (в 1904 г.) ЦК был перенесен из Киева в Москву. В 1905 г. принимал участие в ж.-д. забастовке, был председателем забастовочного комитета юго-запад. ж. д. После разгрома движения был уволен с жел. дороги без права поступления. Уехал в Питер, где принимал участие в большевистских партийных органах и находился все время в связи с большевистским подпольем.

С начала Февральской революции работал в моск. совете Р. и К. Д. во фракции большевиков и заведывал отделом снабжения московск. совета. В дальнейшем работал последовательно в Комгосоре, ВСНХ, Главэлектро. С 21-го года был председателем сорганизованной мною государственной комиссии по электрификации РСФСР (Гоэлро) и делал доклад VIII С'езду Советов о плане электрификации РСФСР. После VIII с'езда мною была организована госуд. плановая комиссия (Госплан), в которую я вошел в качестве председателя.

Крупская, Надежда Константиновна *(автобиография)*, род. в 1869 г. в Петербурге. Родители, хотя дворяне по происхождению, оба рано осиротели и воспитывались на казенный счет—мать в институте, отец в корпусе. Мать по окончании института пошла в гувернантки, отец окончил Военную Академию и отбывал военную службу. Никакой ни движимой, ни недвижимой собственности у родителей не бывало. Оба были рано захвачены революционными идеями, и в доме родителей К. с самых ранних лет видела революционеров различных направлений. Отец проводил свои революционные идеи в жизнь, за что предавался суду, хотя и был потом оправдан. Всю жизнь родителям К. приходилось переезжать из города в город в зависимости от перемены службы отца. Отец умер, когда К. было 14 лет, и с тех пор они с матерью перебивались случайными заработками: перепиской, уроками, сдачей комнат жильцам. К. училась в гимназии Оболенской, которую окончила с золотой медалью. По окончании гимназии была некоторое время толстовкой. С 1891 г. по 1896 г. она занималась в воскресной школе и вечерних смоленских классах для рабочих (за Невской заставой). В то же время она становится марксисткой, ведет пропаганду среди рабочих, участвует в создании „Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса". Во время стачек 1896 г. она арестовывается и сидит в тюрьме 6 месяцев, а потом высылается на 3 года в Минусинский округ в село Шушенское, где выходит замуж за Вл. Ильича Ульянова, с которым раньше работала в Петербурге, в Союзе Борьбы.

Последний год ссылки проводит в Уфе, где также ведет революционную подпольную работу. Ей выдают в 1901 г. заграничный паспорт. Приехав весной 1901 г. в Мюнхен, она становится секретарем „Искры", потом членом „Заграничной Лиги русских соц.-демократов", потом, после 3-го с'езда партии, секре-

тарем заграничной части Ц. К. и Ц. О. В конце 1905 г. возвращается в Россию, где работает все время секретарем Ц. К. В самом начале 1908 г. уезжает вновь за границу. Заглазно привлекается к трем делам по 102 статье. За границей опять работает, как секретарь большевистских организаций, изучая в то же время педагогическую иностранную литературу и заграничную школу. Пишет из-за границы статьи в „Свободное Воспитание", работает над книгой „Народное образование и рабочая демократия". По приезде в Россию сначала работает в секретариате Ц. К., но вскоре выбирается в Выборгскую районную думу, работает там в управе, заведуя делом народного образования и принимает участие в революционном движении. После Октябрьского переворота становится членом коллегии Наркомпроса, где ведет сначала внешкольную работу, потом работает еще как председатель научно-политической секции Гуса. Одновременно с этим помогает в работе женотделу, комсомолу, пионерам, пишет в газетах и журналах. Всю жизнь, начиная с 1894 г., помогала, чем могла и умела, Владимиру Ильичу Ленину в его работе.

Крыленко, Николай Васильевич (*автобиография*). Род. в 1885 г. 2 мая в глухой деревушке Сычевского у. Смоленской губ., куда „за политическую неблагонадежность" был выслан под надзор полиции исключенный из университета мой отец. В 1890 г. вместе с семьей переехал в г. Смоленск, куда отец был приглашен редактировать газ. „Смоленск. Вестник" ярко оппозиционного радикально-демократического направления. В 1902 г. после прекращения работы в редакции газеты „по независящим обстоятельствам" вся семья переехала в Польшу, в г. Кельцы и затем Люблин, где отец был вынужден к этому времени взять должность чиновника по акцизному ведомству, и где я прожил почти безвыездно до 1903 г., т.-е. одиннадцать лет. Определенная политическая атмосфера, окружавшая меня в семье, неблагонадежность отца, преследования, которым он подвергался—все способствовало тому, чтобы не только изолировать меня и других детей нашей довольно большой семьи от растлевающего влияния чиновничьей среды, в которой мы все теперь очутились, но и развить интерес к общественным наукам и общественной деятельности помимо казенной науки. В результате, с момента поступления в казенную классическую гимназию в г. Люблине в 1895 г. и до момента ее окончания весной 1903 г. мне удалось не только с легкостью преодолеть гимназическую учебу, но выйти в жизнь с достаточным запасом сведений по гуманитарным наукам—в особенности по обще-европейской истории. Осенью 1903 г. молодым студентиком 1-го курса историко-филолог. факульт. Петербургского университета я приехал в Петербург.

Выбор истор.-фил. фак. был сделан мной вполне сознательно, как продолжение увлечения историческими и в особенности общественными социологическими науками. Первый год университетской жизни в нелегальных организациях я, однако, участия еще не принимал и более того, несмотря на яркое оппозиционное настроение, которым я был пропитан, к подпольным организациям относился критически и недоверчиво. Мне они казались несерьезными, как несерьезной мне казалась и попадавшая мне в руки нелегальная литература за ее крикливые, как мне казалось, выпады, агитационные призывы, за презрительное трактование имевших вес в моих глазах буржуазных научных авторитетов. Одновременно внутри меня совершалась другая работа: войдя в университет под сильным влиянием отца, с большим эсэровским, вернее народническим уклоном, я в первый же год университета под влиянием потребности к точному мышлению и к научному обобщению явлений общественной жизни, чему меня научили исторические занятия, невольно перешел к марксизму с его выдержанной, стройной и могучей историко-философской теорией.

Активные выступления начались с осени 1904 г. К этому времени относится дата моего первого официального вступления в студенческую революционную подпольную организацию, об'единившую три нелегальных организации под названием „центральной". Эта организация в отношении к студенческим группам с.-демократов и эс-эров занимала нейтральную линию и своей задачей, кроме чисто-политической революционной деятельности, ставила задачу воспитательную — подготовить студенчество к выбору между двумя этими партиями и облегчить им доступ в них. С обеими партиями эта организация поддерживала тесный контакт.

18 октября 1904 г. датируется мое первое выступление от имени этой организации на нелегальной сходке студентов Петерб. университета, не помню уж по какому поводу. Это выступление обратило на меня внимание партийных организаций. Немедленно после него я и от

КРЫЛЕНКО Н. В. (1885–1938).

С 1931 нарком юстиции РСФСР, с 1936 нарком юстиции СССР. В 1927–34 член ЦКК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

организации эсэров и от эсдэков почти одновременно получил предложение формального вступления в партию. Я выбрал большевиков (декабрь 1904 г.). Из публичных выступлений этого времени (до конца 1904 г.) следует отнести участие в студенческих нелегальных собраниях и уличных демонстрациях (28 ноября) и нелегальных смешанных собраниях с участием интеллигенции и вождей тогдашней земской либеральной России—Родичева, Прокоповича и других, где дебатировались вопросы т.-наз. „банкетной кампании" и тезисы земского совещания 7—8 ноября 1904 г. Несмотря на то, что формально я в организацию с.-д. не входил, тем не менее мне приходилось выступать против земцев и либералов в защиту всеобщего избирательного права против правого крыла земской либеральной оппозиции от имени с.-д.

Первое соприкосновение с рабочими массами, а не только со студенчеством, и организованное участие в подпольной работе в рядах с.-д. относятся к февралю 1905 г., когда под свежим впечатлением 9 января масса студенчества бросилась в ряды крайних партий. В качестве агитатора-пропагандиста я вошел в организованную группу содействия при П. К. партии Р. С. Д. Р. П. большевиков, впоследствии переименованную в окружной район и охватывавшую Колпино, Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Охту, Шлиссельбург и др. пригородные пункты под Петербургом. Одновременно при моем участии проходят все сходки в университете, в особенности известная сходка 7 февраля 1905 г., где было решено закрыть университет и объявить всероссийскую забастовку протеста. Это была та сходка, на которой т. Мануильским был изрезан царский портрет. Лозунгом, наиболее популярным в массах, был в то время лозунг вооруженного восстания.

Счастливо избегнув 2 апреля 1905 г. ареста, которому подверглись почти все члены нашей группы, благодаря случайной перемене квартиры, я немедленно выехал из Петербурга домой и вернулся назад только к августу, когда, благодаря т.-наз. „автономии", университет, а за ним и все остальные высшие учебные заведения широко открыли свои двери для рабочих масс, открыв т.-наз. „митинговую эру", продолжавшуюся вплоть до начала октября и фактически послужившую политическим прологом к всеобщей забастовке 1905 г. Из выступлений следует отметить, кроме выступления на заводах, на уличных митингах и массовках, борьбу с эсэрами за открытие университетов (эсэры требовали продолжения забастовки) и непосредственное участие в нелегальной партийной прессе (большевистский „Вперед"), где были помещены первые мои корреспонденции о нелегальной работе. Организационно в эпоху митингов я был связан с организацией большевиков через коллегию агитаторов при П. комитете. Кульминационным пунктом моей работы этой эпохи было председательствование на митинге в Технологическом институте 13 октября, где имело место и первое выступление Хрусталева-Носаря с предложением образования Совета Рабочих Депутатов. Ночь на 17-е октября была проведена мною на Выборгской стороне в квартире Немцева, раб. из Тулы (члена Совета), ныне члена Верх. суда.

После же 17/X партийная работа сосредоточилась уже исключительно в рабочих районах и среди пролетарских масс, в особенности на Выборгской стороне на Металлическом заводе и на всех крупнейших заводах за Невской заставой, где, под кличкой „А б р а м а", я был известен в рабочих кругах, ежедневно проводя митинги и борясь от имени Питерской организации большевиков вместе с Николаем Коноваловым (впоследствии провокатором) и „Сергеем"—Войтинским (впоследствии меньшевик) против влияния эсэров с Черновым, Авксентьевым, Фундаминским, Вороновым и др. лидерами эсэров. Вторая забастовка застала меня на Металлическом заводе, третья, декабрьская—на Александровском вагонном и Семянниковском. Арест и разгон Совета 28 ноября я встретил в г. Череповце, куда ездил для организации профсоюза железнодорожников.

Ликвидация забастовки и московское вооруженное восстание застали меня в больнице, куда я попал после случайного ранения в ногу, полученного за Невской заставой. Выйдя из больницы я опять-таки уехал для сокрытия следов и вернулся только в феврале 1906 г., где принял самое активное участие в избирательной кампании в I Государств. Думу в качестве агитатора от имени с.-д. партии большевиков, проводившей тогда тактику бойкота. Одновременно продолжалась работа в рабочих массах, где от окружного района я был проведен в члены Петербургского комитета. Этот мандат я вскоре уступил Ксандрову, так как угроза ареста снова заставила меня покинуть Петроград, приблизительно 25 мая 1906 г. К этому времени относится моя литературная работа сначала

в „Призыве", а потом в партийной „Волне" и работа в военных организациях нашей партии среди гарнизона, закончившаяся арестом всей организации и известным процессом в Военно-Окружном суде в 1907 г. Ареста я избежал случайно, не заночевав дома, и немедленно на другой же день скрылся из Питера.

С этого числа начинается моя нелегальная работа в качестве революционера-профессионала—первоначально в Москве под фамилией „Войченко" в качестве агитатора Моск. комитета вместе с тем же провокатором Коноваловым. Новые аресты побудили меня бросить Москву, и в июне 1906 г. я впервые эмигрировал за границу—первоначально в Бельгию, а затем во Францию, в Париж, откуда, однако, уже к ноябрю того же 1906 г. вернулся по паспорту брата опять-таки в Петербург и под фамилией сначала „Рено", а затем „Гурняка" опять вошел в работу прежде всего широко агитационную, по проведению выборов в II Государств. Думу, на открытых собраниях под именем „Абрамова" и на заводах и конференциях, в особенности по подготовке с'езда партии. Все это было прекращено внезапным арестом на заводе Крейтона на Охте, через два дня после 3-июньского переворота 1907 г., когда я был арестован уже под фамилией „Постникова", после того, как случайный арест на улице в мае месяце, закончившийся таким же случайным, по глупости охранников, освобождением, провалил меня как „Гурняка".

В этот раз арест не прошел даром; я был раскрыт и установлен и предан Военно-Окружному суду вместе с Гусаровым, Малоземовым и др. по обвинению в „участии в военной организации". Исключительно счастливое стечение обстоятельств ликвидировало, однако, для меня счастливо этот процесс, и в числе трех из 19 человек, серьезно обвинявшихся, вместе с Кирносом и Зеленко (сейчас работает в Ленинграде) я был оправдан 16 сентября 1907 г. Немедленно уехав после освобождения в Финляндию, я опять принял участие в партийной работе и был через полтора месяца арестован вновь на Финляндском вокзале и после месячной отсидки освобожден 6 декабря 1907 г. и выслан из Петрограда в порядке охраны „впредь до распоряжения" на родину в г. Люблин, где и пробыл до осени 1908 г., когда снова нелегально вернулся в Петроград. Все это время было посвящено мной приведению в порядок своих взглядов, чему начало было положено еще в тюрьме. Тогда же мной задумана и написана моя книга „В поисках ортодоксии", где теоретически я рвал с официальной соц.-демократией. То здоровое, что в это время я воспринял от синдикализма, теперь сделалось официальной программой коммунизма: принципиальное признание возможности социальной революции в России, отрицательное отношение к буржуазному парламентаризму, предпочтение перед ним тактики прямого действия, теория разрушения пролетариатом государственной машины, а не ее „использования", и уважение к массовым организациям пролетариата—все это было мною выдвинуто на первый план. Вопросы чисто синдикалистической теории о роли проф. организаций в деле социалистического строительства не стояли для меня в центре внимания. Выход этой книги в свет весной 1909 г. оформил разрыв, начало которому приходится отнести к лету 1907 г., и весь период от весны 1909 г. и по осень 1911 г. проходит для меня в атмосфере изолированности от партийной жизни. По существу, это, конечно, не было совсем так, так как осенью 1908 г. я снова принимал участие в развитии студенческого забастовочного нелегального движения, выезжая из Питера в Москву, как член „Коалиционного Совета" для проведения забастовки, но строгого контакта с партией в это время не было. Весной 1909 г. мне удается получить разрешение на в'езд в Питер на два месяца для держания государственных экзаменов, и к июню с дипломом об окончании университета я снова уехал в Польшу. К этому же моменту относятся мои попытки заняться серьезной научной работой, и по предложению профессоров Эрвина Гримма и Ястребова я начинаю работать по кафедре всеобщей истории и истории славян, без официального, однако, оставления при университете за „политическую неблагонадежность". Одновременно начинается моя педагогическая деятельность в г. Люблине, Сосновицах и затем опять в Люблине, в качестве преподавателя литературы и истории в частных польских школах, продолжавшаяся до осени 1912 г., когда по требованию центральных властей я был изгнан из всех этих школ. В области партийной работы в эти годы связь с партийными организациями поддерживалась лишь временными нелегальными поездками в Петроград и участием в начавшей выходить в 1911 г. „Звезде" и неорганизованной пропагандой социализма на уроках истории и

литературы в старших классах школ, где, благодаря их особому положению, мне фактически была предоставлена полная свобода агитации.

К весне 1911 г. относится новое возобновление мною партийных отношений, когда я был лично вызван в Галицию к Владимиру Ильичу, по вопросу об использовании имевшейся у меня возможности наладить транспорт через границу, каковую возможность я действительно имел и использовал для партии в бытность свою учителем в Сосновицах—на самой границе и невдалеке от Кракова, где находился в то время наш партийный центр. Не считая в данной политической обстановке свои теоретические воззрения препятствием для партийной работы, я принял предложение В. И. о поездке в Питер для агитационной работы по подготовке выборов в IV Гос. Думу, к сожалению не надолго, так как осенью 1912 г. я должен был для отбывания воинской повинности поступить вольноопределяющимся в 69 Рязанский полк. Одновременно я вторично поступил в университет, на этот раз на юридический факультет, и одновременно же в качестве экстерна подготовился и сдал три магистерских экзамена по новой истории на ученую степень. Военная служба, с одной стороны, и изгнание из школы, с другой, и вновь подымавшиеся волны революционного рабочего движения сделали то, что я бросил свои планы об ученой деятельности и немедленно же по окончании военной службы выехал за границу к Владимиру Ильичу с новым предложением своих услуг, после чего, направленный в Петроград, первоначально стал работать в „ Правде", а затем был прикомандирован ЦК нашей партии к думской с.-д. фракции в качестве „сведующего лица", фактически в качестве партийного инструктора по подготовке агитационных выступлений наших товарищей в Госуд. Думе. К этому времени относится моя деятельность по проведению партийной директивы относительно разрыва с меньшевиками — деятельность, на которую я тем более охотно пошел, что воочию убедился в какую трясину оппортунизма заводили меньшевики рабочий класс.

Моя деятельность была прервана арестом 11 декабря 1913 г. по указанию провокатора Малиновского и провокатора Черномазова, в самое тесное соприкосновение с которыми мне постоянно приходилось входить. Освобожденный 18 марта 1914 г. я был выслан в административном порядке на два года из столиц и выбрал своим местожительством Харьков, куда приехал в начале апреля и где одновременно закончил государственные экзамены по юридическому факультету и снова вошел в нелегальную работу по подготовке партийного с'езда и южной конференции нашей партии,вместе с высланной туда же секретарем Розмирович. Эта работа была прервана первоначально обыском и затем через неделю приказом об аресте, которого я спять-таки избег совершенно случайно, так как, подходя ночью к дому, заметил у своих дверей городового и потому вместо того, чтобы подняться к себе, немедленно отправился на вокзал и в ту же ночь выехал из Харькова в Люблин, откуда при помощи контрабандистов перешел границу в начале июля 1914 г. вместе с Розмирович и Максом Савельевым (Ветровым).

Это был самый продолжительный период моей эмиграции с июля 1914 г. по июль 1915 г., проведенный последовательно в Галиции, в Австрии вместе с В. И. и затем в Вене и в Швейцарии под Лозанной. За этот период партийная работа выразилась в участии в партийной конференции в марте 1915 г. в Берне и выступлениях на публичных собраниях и рефератах, пока по решению Центр. комитета я вместе с Розмирович не были направлены опять-таки в Россию в качестве доверенных лиц в Москву на нелегальную работу, куда и выехали в июне 1915 г. я под фамилией „Лохвицкого", она под фамилей „Галер". К сожалению, широкой работы в Москве нам развернуть не удалось, и уже в ноябре я был арестован под фамилией „Сидорова". После трехмесячной отсидки я был в январе препровожден в Харьков в качестве уклонившегося от военной службы офицера, где снова просидел в тюрьме до апреля 1916 г., когда был мобилизован и направлен, как офицер запаса, в действующую армию на юго-западный фронт с „сопроводительной", в которой предлагалось принять меры против пропаганды с моей стороны.

В подобной обстановке думать об организованной работе было, конечно, нельзя, и до марта 1917 г. моя работа замирает до тех пор, когда впервые полученное от немцев известие о Февральской революции переворачивает вверх дном все отношения на фронте. 5 марта было получено первое известие, 7 марта я был уже приказом переведен из окопов в тыл, а 9 марта мною был созван первый открытый митинг солдат команды, куда я был прикомандирован, и началась моя агитационная деятельность

по всем близ расположенным полкам, не считаясь с их принадлежностью по дивизиям и корпусам. Одновременно полученный мною первый транспорт „Правды" произвел целый переворот в полку, и с тех пор вплоть до конца апреля я последовательно избираюсь на пост председ. полкового комитета, дивизионного и, наконец, председателя армейского комитета II-й армии, в качестве какового получаю возможность развить агитационную деятельность в крупных размерах. 3 мая я делегируюсь от комитета в Петроград и здесь выступаю на собраниях Петрогр. Совета и с'езда фронтовиков, где от имени фронта я остро ставил вопрос о прекращении войны.

После возвращения на фронт, по директивам партии, мне приходится выдержать жестокий бой с оппортунистским большинством армкомитета, в результате чего я вышел из комитета, как председатель комитета, и уже просто, как делегат, и одновременно, как официальный представитель Ц. К. Р.С.Д.Р.П. выступил против Керенского, Тома, бывш. большевика Н. Д. Соколова и бывш. меньшевика, теперь большевика, Шапиро и Н. С. Станкевича на общефронтовом с'езде в Кременце и, наконец, как представитель меньшинства трех из восьми, был делегирован от армейского комитета на первый Всеросс. С'езд Советов 1 июня 1917 г. в Петроград. Кроме работы по с'езду, как член президиума от фракции большевиков я принимал ближайшее участие в агитационной работе и как член центр. бюро военных организаций Ц. К. РСДРП—в литературной работе в „Солдатской Правде". Июльские дни 1917 г. застают меня в Киеве, где я выступил на киевском Совете против меньшевиков и на киевских заводах. Из Киева я выехал на фронт, сопровождаемый посланной мне вслед телеграммой Савинкова об аресте. Спасаясь почти бегством с фронта снова через Киев обратно в Питер, я арестовываюсь в Могилеве и препровождаюсь обратно в Киев, где против меня возбуждается дело по обвинению в „государственной измене". По телеграмме Керенского меня доставляют в Петроград и содержат на гауптвахте вплоть до сентября 1917 г., когда, освобожденный по приказу военного министра Верховского, я прямо из гауптвахты попадаю на заседание в Александринском театре на „Демократическое совещание".

Весь сентябрь и октябрь снова проходят в лихорадочной работе по подготовке Октябрьского переворота, в котором я принимал участие, как член военно-революц. комитета, а затем как народный комиссар по Военным Делам, вплоть до назначения меня верховным главнокомандующим и выезда на фронт для заключения перемирия с немцами, а затем для ликвидации духонинского мятежа. Ноябрь, декабрь и январь 1918 г. уходят на организационную работу по сохранению остатков прежней армии и попытки создания новой, на участие в III С'езде Советов и в первом и последнем заседании Учредительного Собрания, куда я был избран от Петроградской губ., от юго-западного фронта и от румынского фронта, и лихорадочную работу по организации самообороны против немецкого наступления в феврале 1918 г.

В конце первой четверти 1918 г., в виду принципиальных разногласий по вопросу формирования Красной армии, перешел в ведомство юстиции по отделу исключительных судов, где при непосредств. моем участии проведены показательные процессы. В декабре 1922 г. назначен заместит. народного комиссара юстиции и ст. помпрокурора Республики.

КУЗЬМИН А. А. (1876–1920 (по уточненным данным)).

Кузьмин, Александр Александрович, сын известного петербург. архитектора, рос в богатой обстановке, учился дома, выдержал экстерном экзамен за реал. уч., поступил в Горный инст., где окончил первым. Богатый домовладелец, выдающийся математик и в то же время виртуоз-музыкант, К. обращается к изучению Маркса и в 1905 г. вступает в партию большевиков. Он делается учителем механики и математики в рабочих школах за Невской заставой, хранит у себя на квартире бомбы боевой дружины района. В 1908 г. он был арестован, 3 года сидел в одиночке и был выпущен в конце 1910 г. К. уехал на Выксу директором завода, организовал профессиональн. союз, ячейку и, наконец, забастовку рабочих. Из Выксы ему пришлось бежать, он перешел инженером на Лысьву, в октябре 1917 г. был выбран рабочими на Всеросс. с'езд. После Октябрьских дней К. работал, как специалист, на Урале, затем переехал в Москву, когда Урал был занят, и опять воротился туда, но уже больной. Умер в 1919 г. в Н. Тагиле. См. *„Пам. бор."*

Куйбышев, Валериан Владимирович, род. в Омске в 1888 г., получил среднее образование, был в высш. учеб. завед. только на 1 курсе, так как был арестован. В 1904 г. начал революционн. деятельность, принимая участие в омск.

КУЙБЫШЕВ В. В. (1888–1935).

С 1926 председатель ВСНХ СССР. В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. С 1930 председатель Госплана СССР, заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1934 председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР, 1-й заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1927 член ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б).

с.-д. кружках и содействуя организации распространением нелегальной литературы. В 1905 г. принимал участие в революц. движении в Петербурге, определенно примыкая к большевистскому крылу партии и исполняя разного рода технические функции (транспортировка и хранение оружия и т. п.). В 1906 г. К. возвращается опять в Омск и избирается в члены омского комитета РСДРП (б.). В том же году на конференции партии К. был арестован, предан суду по обвинению в принадлежности к с.-д. организации, был оправдан, но скоро опять был арестован и выслан в г. Каинск (Томск. губ.), откуда бежал сначала в Томск, а потом в Петропавловск, где уже в качестве профессионального партийного работника руководил местной организацией. Отсюда ему в 1907 г. пришлось уехать в Петербург, спасаясь от ареста. В 1908 г. К. был арестован в Петербурге и отправлен этапным порядком в Каинск, где и отбыл тюремное заключение за побег. В 1910 г. К. ссылается в Нарымский край. По отбытии ссылки уехал в Омск, затем в Петербург, где работал в качестве члена петербург. комитета и одновременно в страховом движении и вместе с др. членами комитета занял при начале мировой войны определенную антимилитаристическую позицию. Летом 1915 г. произошел разгром петроградской организации, К. был сослан в село Тутуры Верхолен. у. Иркутской губ., откуда через 4 месяца бежал в Самару. Поступив на Самарский трубочный завод фрезеровщиком по металлу, К. вместе с Бубновым, Шверником и др. принимает участие в организации созыва поволжской большевистской конференции. В сентябре конференция собирается, но, вследствие провокации, после первого же заседания подвергается разгрому. Почти все делегаты были арестованы, и К. высылается в Туруханский край. Февральская революция застает К. во время следования по этапу к месту ссылки. Он возвращается в Самару, выбирается председ. рабочей секции самар. совета и председателем самар. парт. комитета. После Октябрьского переворота К. становится во главе губревкома, а потом—губисполкома. Во время наступления чехо-словаков К. участвует в военной работе, сначала в качестве комиссара 1-ой революц. армии, затем члена РВС 4-ой армии. После изгнания чехов из Самары К. опять занимает прежнюю должность. При подходе Колчака к Самаре К. назначается членом РВС южн. группы восточного фронта, а после отступления Колчака членом РВС, сначала 11-ой армии, затем Туркестанского фронта. После изгнания эмира из Бухары К. назначается полпредом РСФСР при бухар. революц. правительстве. В конце 1920 г. К. переезжает в Москву, где работает в ВЦСПС, затем входит в состав президиума ВСНХ и одновременно руководит электрич. промышленностью в качестве начальника Главэлектро. На XI с'езде партии К. избирается членом ЦК и затем его секретарем. На XII с'езде партии в 1923 г. К. избирается в состав ЦКК, которая выбирает его своим председателем, а затем К. избирается народ. комиссаром РКИ (составл. по сб. „*12 б.*").

Кун, Бела *(авторизованная биография)*, род. 20 фев. 1886 г. в местечке Силадчех Трансильванской области Венгрии (принадлежащей в настоящее время к Румынии). Будучи гимназистом 15-летнего возраста, он пришел в соприкосновение в гор. Коложвар с социал-демократическим и профсоюзным движением, находившимся в то время еще в зачаточном состоянии. В 1902 г. он вступил в с.-д. партию, участвовал в основании трансильван. организации партии и деятельно работал над созданием трансильванских союзов строительных рабочих и горняков. Поступив на юридический факультет Коложварского университета, Б. К. принял здесь, а потом в Будапеште участие в создании студенческих организаций, имевших задачу радикально отмежевать марксистски-мыслящую интеллигенцию от возникших в то время в Венгрии интеллигентских организаций, находившихся под влиянием мелко-буржуазного франк-масонства, шедших по стопам немецкого профессорского социализма и „сочувствующих" марксизму. В 1905 г. вспыхнули в Трансильвании под руководством Б. К. крупные забастовки, распространившиеся почти на все промышленные предприятия Трансильвании. Забастовочное движение привело к кровавым столкновениям с полицией и жандармерией в Коложваре. Участвуя в этом движении, Б. К. подвергался неоднократно аресту и судебным преследованиям, был осужден на тюремное заключение на два с половиной года; кассационный суд снял половину этого наказания, и Б. К. отбыл, таким образом, один год и три месяца. После освобождения, с 1908 г., он принял участие в руководстве с.-д. партией и профдвижением в Коложваре и руководил в условиях полнейшего террора венгерских властей работой по организации 50 — 60 тысяч рабочих

горняков Жильвельд,— крупнейшей горной области тогдашней Венгрии. В 1909 году он занимал во главе трансильванских организаций крайне-левую позицию против компромиссов, заключенных с.-д. партией с буржуазными партиями по вопросу об избирательном праве.

В момент возникновения империалистической войны он занимал интернационалистскую и пораженческую позицию. В 1914 г. он был мобилизован на фронт и в 1916 г. попал в плен в Россию. Попав в город Томск, он организовал в 1916 г. в лагере военнопленных офицеров, так же как и в лагере нижних чинов, интенсивную революционно-социал-демократическую агитацию и пропаганду. В течение этого же года ему удалось из одного томского лазарета найти связь с некоторыми членами томской организации РСДРП(б). Февральская революция внесла полную дезорганизацию в военную дисциплину среди военнопленных, создав в Томске сильные группы, из которых вышел затем командный и комиссарский состав сибирских красных военных интернациональных формаций. Во время керенщины военная власть Омского округа дала распоряжение о заключении всех военнопленных в лагерь. Это распоряжение осталось в Томске на бумаге, благодаря сопротивлению Совета. Б. К. работал в это время в томском большевистском губкоме, приняв участие в редакции большевистского журнала „Сибирский Рабочий" и в ежедневной газете „Знамя Революции". После Октябрьской революции он попал в Петроград, где редактировал венгерскую окопную газету „Интернациональный Социал-демократ" и писал статьи для „Правды". После неудачи Брестских переговоров Б. К. отправился в Нарву и участвовал в боях против наступавших на Петроград германских войск. В апреле 1918 г. он организовал „Венгерскую группу" при ЦК РКП и редактировал совместно с Тибором Самуэли венгерскую газету „Социальная Революция", под влиянием которой тысячи венгерских военнопленных вступили в российскую, а также и венгерскую Красную армию. Б. К. в это время составил несколько брошюрок на венгерском языке, чтобы сделать для венгерских рабочих и военнопленных идеи большевизма доступными. Совместно с Тибором Самуэли он начал организовывать интернациональные военные формации. Во главе одной из этих формаций он во время эс-эровского восстания в Москве взял обратно телеграф и захватил в плен часть эс-эровского штаба. В то же время он организовал венгерскую партийную школу, из которой многие рабочие отправились в Венгрию организовывать большевистскую пропаганду. В бюро ЦККП(б)У, находившемся тогда в Москве, Б. К. принял участие в организации большевистской пропаганды среди германо-австро-венгерских войск на Украине. Пропаганда, исходившая из России, настолько сильно влияла на австро-венгерскую армию, что венгерский король Карл затребовал всю переписку, относящуюся к военно-судебному делу, которое было возбуждено против Б. К. в его отсутствии по обвинению в государственной измене. Когда Перми угрожали чехо-словацкие войска, К. был откомандирован на Уральский фронт. В конце 1918 г. он отправился через Украину в Венгрию и тотчас же приступил к работе по организации коммунистической партии Венгрии, ведя в то же время широкую агитацию и пропагандистскую кампанию за идеи коммунистического переворота и создания власти Советов. К этому же моменту относится создание им большевистского органа в Будапеште („Красная Газета"). Громадное сочувствие рабочих масс большевистской агитации вызвало резкие нападки со стороны вождей с.-д. и контр-революционно настроенной интеллигенции и офицерства против Б. К. Эти нападки довели до выстрелов в него (во время агитации среди солдат в одной из казарм) и тяжелого избиения. 20 февраля Б. К. был арестован вместе с группой коммунистов за большевистскую агитацию. В тюрьме он продолжал напряженно работать по организации агитации и пропаганды, созданию газет и т. п. Тупик, в который Антанта ставила своей политикой стоявшую фактически у власти социал-демократическую партию, заставил последнюю сделать коммунистам предложение о передаче всей власти Советам на основе платформы, выработанной Б. К. в тюрьме. 21 марта делегация Ц.К. с.-д. партии явилась к Б. К. в тюрьму, и по окончании переговоров он и вся группа коммунистов были освобождены, и создано Советское правительство совместно с с.-д. Б. К. занимал в этом правительстве пост народного комиссара по внешней политике, а позже он стал также членом коллегии Наркомвоена. Кроме того, он руководил всей политикой Советской Венгрии, павшей, как известно, под ударами Антанты и из-за предательства с.-д. После падения Б. К. удалось бежать в Австрию, где он был

КУН Б.
(1886 – 1939).

В 1928 был арестован в Венгрии, но под давлением общественности освобожден. Вернулся в СССР, продолжал политическую деятельность. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

КУРСКИЙ Д. И. (1874–1932).

С 1928 полпред СССР в Италии. В 1924–27 председатель ЦРК, в 1927–30 член ЦКК ВКП (б).

интернирован в Гейдельмюле, а затем в Карлштейне и Штейгофе.

По освобождении он поехал через Германию в Советскую Россию. Белогвардейское венгерское правительство затребовало его выдачи, против чего энергично протестовали германские рабочие. Прибыв в Советскую Россию, Б. К. отправился на южный (Врангелевский) фронт, где он работал членом Реввоенсовета южфронта. По ликвидации фронта он работал в Исполкоме и президиуме Коминтерна. Коминтерном он был откомандирован в 1921 г. в Германию, где руководил мартовским выступлением пролетариата. С мая 1921 г. по апрель 1923 г. Б. К. работал в Екатеринбурге членом Уралбюро РКП и зав. Агитпропотделом Областного Бюро партии. В сентябре 1923 г. ЦК РКП ему было поручено идейное и политическое руководство РКСМ. С июля 1924 г. он заведует Агитпропотделом Исполкома Коминтерна и является членом ЦК К. П. Венгрии.

В течение всей своей политической деятельности Б. К. принимал деятельное участие в печати, работая в венгерских, немецких и русских органах рабочей печати. Кроме того, он написал несколько брошюрок на венгерском языке: „Кому земля принадлежит", „Кто заплатит за войну", „От революции к революции", редактировал серию брошюрок по организационным вопросам венгерской компартии и т. д. *Дорибуш.*

Курский, Дмитрий Иванович *(автобиография)*. Родился в 1874 году в городе Киеве. Отец был инженером и служил на железной дороге, мать—дочь украинского помещика. Раннее детство протекало частью в кочевании по участкам железных дорог, частью в одной из деревень Полтавщины. Последнее обстоятельство развило любовь к природе и в то же время рано дало наглядные предметные уроки разорения и разложения помещичьей усадьбы, впоследствии осознанные, как проявление распада целого класса. Отец умер рано, и воспитание 3-х братьев взяла на себя мать. Учился сначала в гимназии в г. Прилуках Полтавской губ., а с пятого класса выдержал конкурсный экзамен в Коллегию Павла Галагана в Киеве, которую и кончил. Таким образом, с 14 лет оторвался от семьи. Коллегия была обставлена значительными преподавательскими силами (пр. Житецкий, Науменко, Анненский) и выгодно отличалась от обычного типа гимназии лекционной системой, семинариями, а, главное, большой библиотекой, и если не могла дать законченного образования, во всяком случае привила литературные вкусы и интерес к социальным наукам. Кончил с золотою медалью и поступил на юридический факультет Московского университета. С первого же года принял участие в украинском землячестве, а затем в более широком студенческом движении, став впоследствии членом студенч. союзного совета. К 19 годам познакомился с марксизмом, достал и проштудировал запрещенный тогда первый том «Капитала». Много помогало в занятиях знание иностранных языков, вынесенное частью из дома, частью из гимназических уроков в Киеве. В первые годы студенчества близко познакомился с семьей известного в Москве профессора западной литературы Стороженко, у которого встречал Пыпина, Веселовского, Милюкова, Сеченова, Янжула и др. Собиравшиеся у Стороженко еженедельно литераторы представляли, пожалуй, лучшее, что давала тогдашняя интеллигенция, но влияния этот кружок на студенчество оказать не мог, так как уже тогда передовое студенчество жило идеями марксизма и материализма. Пока не отдался революционному движению, занимался экономическими науками и свое студенческое сочинение посвятил такой теме, как мелкий сельско-хозяйственный кредит. В 1895 г. был первый раз арестован в связи с большой студенческой сходкой и просидел около месяца в Бутырской тюрьме вместе с 700 других студентов, чем значительно пополнил свое революционное образование. По окончании университета и отбытии воинской повинности поступил в ряды московской адвокатуры помощником присяжного поверенного и специально занимался изучением рабочего и крестьянского законодательства, работал в консультации при С'езде судей, выступал в рабочих процессах и с докладами по крестьянскому законодательству, один из этих докладов напечатан был в отчете консультации. Написал несколько статей по рабочему жилищному вопросу в статистическом журнале «Изв. Московской Думы». С 1904 г. вошел в партию с.-д. большевиков, с которой с тех пор неразрывно связан. В 1905 г. напечатал в издат. «Колокол» три книжки: «Французский», «Английский» и «Американский рабочий». В декабре 1905 г. принял участие в вооруженном восстании в Москве в районе Садовой. Был выборщиком при выборах в 1-ю Государственную Думу, а при последующих выборах выдвигался так наз. «левыми» (т.-е. с.-д. большевиками) кандидатом в депутаты от Москвы. С 1906 г. входил в областное бюро московской организации большевиков и работал, как организатор

и юрисконсульт, в профессиональных союзах, использовывая, согласно тогдашней партийной тактике, «легальные» возможности. Принимал участие в ряде газет легальных и нелегальных («Борьба», «Истина»», «Красное Знамя» и др.). В 1909 г. был провален одним провокатором, арестован и на некоторое время выбыл из строя. В 1911 г. активно участвовал в избирательной кампании в Государствен. Думу, чем вновь легализовался, продолжая поддерживать связь с партией. Наступившая глухая полоса реакции завершилась империалист. войной, с первых дней которой был мобилизован. Прошел ряд перипетий на фронтах, завершившихся в центре Февральской революцией 1917 г., а на румынском фронте советами солдатских депутатов; председателем одного из них (в Бырладе) я был избран, начав борьбу с керенщиной на фронте. От совета солд. депутатов был делегирован на первый С'езд Советов. В октябре был членом революцион. комитета в Одессе, а с ноября в Москве мог приняться за советское строительство. Был организатором первых народных судов в Москве, а с переездом правительства в Москву—членом Совета Народных Комиссаров, с августа 1918 г. бессменно народным комиссаром юстиции РСФСР. В период усиления гражданской войны с середины 1919 г. был мобилизован коммунистической партией на фронт и работал сначала в качестве комиссара Главного штаба, а затем комиссаром Полевого штаба и членом Реввоенсовета, непосредственно участвуя в главном командовании. Демобилизован в конце 1920 г. С переходом к новой экономической политике непосредственно руководил разработкой нового законодательства (Кодексы гражданский, уголовный, процессуальный), провел положения о судоустройстве и о прокуратуре.

Начиная с V-го Всероссийского С'езда Советов участвовал неизменно во всех С'ездах Советов, как всеросс., так и союзных, а также, начиная с IV созыва, во всех сессиях ВЦИК и ЦИК Союза, состоя с 1921 г. членом президиума ВЦИК, а с 1923 г. членом Президиума ЦИК Союза. Неоднократно выступал с докладами на сессиях. Основная область работы—законодательная и руководящая в области юстиции

Кутуаов, Иван Иванович (*автобиограф.*). Род. в 1885 г. в одной из захолустных деревень Смоленской губернии (дер. Новоселки Гжатского уезда) в семье „недоделанного" крестьянина Ивана Захарова; бедность заставляла его жить на два фронта: летом — деревня, зимой — город Москва, завод и фабрика. И не видать было Ивану Захарову конца, когда пройдет эта трудная пора, чтобы оправдать себя и не ходить с рукой. Из семерых его ребят в живых остался только я — самый младший сын, которого старики жалели, а кой-когда и баловали. Когда мне минуло 10 лет, старики отдали меня грамоте учиться в церковно-приходскую школу. На учениках того времени лежало много обязанностей: и дорожку от снега к дому дьяка отгребать, по его дому прибирать, и по праздникам в церковь ходить, одним—петь, другим—читать, а третьим—подавать в алтарь просфорки с поминаниями за упокой и таскать подсвечники. Проходил я в церковно-приходскую школу две с половиной зимы и, наконец, окончил ее с похвальным листом. Ах, какая радость была для отца—сын мой, мол, теперь знает читать, писать и считать...будет не такой, как я, неуч, а с понятием.

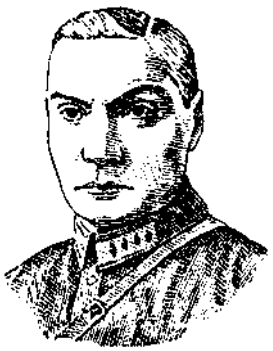
Быстро проходило время в деревне. Летом около дома подбирал, работал, скотину загонял, а также и в поле ее выгонял. Днем старики с собой в поле брали, где заставляли подгребать сено, учили косить; во время пашни скородил, подтаскивал жерди и колья, загородки городил, на полдни бегал, коров доил, гуртом с ребятишками в ночной лошадей водил и там всю ночь костры с ними разводил; у костров картошку пекли и учились курить — завертывали папироски, потаскавши мха от избы. Приходилось изредка и псалтырь читать по покойникам. Пришлось порядочное время поработать и на барщине.

Так проходили детские годы, пока не стукнуло мне 14 лет. Пришло время, когда в студеную зиму, погромыхивая и пыхтя, увозил паровоз из родной деревни пятнадцатилетнего паренька на заработок в Москву. Крепко сжималось мое сердце: жалко было покидать родные поля, дремучие леса, родные деревни.

В Москве, после долгих скитаний по родным и знакомым, удалось, наконец, поступить в книжный и переплетный магазин мальчиком, откуда разносил газеты и журналы. После мне удалось поступить на текстильную фабрику. С этих пор события моей жизни пошли сложней, ибо здесь уже я стал знакомиться с революционным движением, стал знакомиться с литературой, в то время нелегальной. Подробно об этой поре писать долго, а в кратких чертах она такова. В 1905 г. поступил рабочим на красильно-аппретурную фабрику Кириллова, где пришлось проводить несколько эконо-

КУТУЗОВ И. И. (1885–1937).

С 1922 кандидат в члены Президиума ВЦИК (работал в комиссиях по борьбе с детской беспризорностью, наградной, бюджетной и др.). Последнее место работы – председатель Комиссии содействия госкредиту и сберегательному делу. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.



ЛАЗАРЕВИЧ В. С. (1882–1938).

В 1932 вступил в ВКП (б). Комдив (1935). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

мических забастовок, за что и был уволен. В 1907 г. поступил на красильно-аппретурную фабрику Хишина на Земляном Валу, а в 1908 г.—на Переведеновскую красильно-аппретурную ф-ку, где работал до начала революции. Революционная деятельность в нелегальный период началась с 1906 г. В 1907 г. был организатором и учредителем союза мануфактуристов, а впоследствии—председателем его, одновременно работая в организациях союзных ячеек, участвуя в маевках, выступлениях. Подвергался репрессиям со стороны хозяев, администрации фабрик и полиции. В 1908 г. был арестован за выступление на собрании женщин-работниц.

С первых дней революции 1917 г. до сих пор состою членом Моссовета, был председателем комитета и секретарем ячейки Переведеновской красильно-аппретурной ф-ки, организатором и председателем Лефортовского союза мануфактуристов, членом Бауманского райкома, членом правления первых национализированных фабрик, в том числе и Ликинской мануфактуры. С июля 1917 г. был избран председателем московского союза текстильщиков и членом бюро всеросс. совета текстильщиков. На втором всероссийском с'езде союза текстильщиков был введен в ЦК, а с февраля 1918 г. и до сих пор состою председателем ЦК союза текстильщиков. Участвовал на демократическом совещании в Ленинграде и Всероссийских с'ездах Советов РК и КД. На X с'езде РКП был избран в состав ЦК РКП(б). Состоял членом бюро фракции ВЦСПС и до сих пор состою членом пленума ВЦСПС. С 1920 г. и до сих пор состою членом президиума ВЦИК'а и при образовании СССР—членом президиума союзного ЦИК. На пленуме ВЦСПС VI с'езда профсоюзов избран членом президиума ВЦСПС. Постановлением СНК и ЦИК СССР в 1924 г. был назначен и работал в составе советской делегации по переговорам с Англией.

Лазаревич, Владимир Саламанович *(авторизованная биография)*, род. 2/15 сентября 1882 г. Отец Л.—малоземельный крестьянин Гродненской губ. Сокольского уезда. Сначала крестьянствовал в дер. Островке, но земля плохо его кормила, и он ушел на Сестрорецкий Оружейный завод рабочим. Впоследствии он переходит на службу в войсковые части, сначала оружейным слесарем, потом оружейным мастером. После Октябрьского переворота служит непрерывно в частях Красной армии на западном фронте и до сих пор, несмотря на свои 76 лет и потерянный глаз, продолжает служить заведывающим оружейным музеем на Высших Стрелковых Курсах.

Бедная семья рабочего, в которой родился и рос Л., не могла дать ему сколько-нибудь серьезного образования. Окончив народную школу в Августове, он поступил было в Сувалкскую гимназию, но платить за ученье было нечем и пришлось ее оставить. Чтобы дать сыну хоть какое-нибудь образование, отец свез его в Варшаву и отдал в архиерейский хор певчим, за что там его учили даром в духовном училище. Так же бесплатно учился Л. и в Холмской, а потом в Виленской духовной семинарии, и только благодаря этому, да зарабатывая еще уроками, ему удалось кое-как получить среднее образование.

Болезненный, хилый, он учился, однако, отлично, и ему предстояло, идя по проторенной дорожке, попасть также на казенный счет в Духовную Академию. Но уже в семинарии происходит перелом в настроении Л. Наблюдая близко жизнь высшего духовенства, он начинает скептически относиться к религии и ее служителям и, наконец, рвет решительно с нею и с духовной деятельностью, бросает семинарию и уходит народным учителем. Он увлекается своею новою работой, ведет воскресную школу, кружковые занятия, чтения. Вместе с тем сам готовится в университет. Но подозрения и придирки полиции заставляют его уйти и оставить свою работу учителя. В университет он не попадает—большая семья отца нуждается, помочь ничем не может, и Л. поступает в Виленское военное училище. Училище он окончил в 1906 г. первым, с занесением на мраморную доску отличнейших и награждением первым призом за успехи—золотыми часами. В последние годы пребывания в семинарии Л. начал работать в кружках, связанных с местной виленской социал-демократ рабочей организацией. В этих кружках читали и разбирали Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Бокля, Лассаля и др. Вместе с этим там же знакомили с вопросами революционного движения. К этому же времени относится и окончательный разрыв с религией, целый ряд выступлений против семинарского начальства и уход из семинарии. Будучи в Виленском военном училище, Л. продолжает также состоять в кружках, знакомится с более серьезной литературой по вопросам революционного движения. По поручению местной организации Бунда ведет агитационную работу среди своих товарищей юнкеров

училища, в 1905 г. образует в училище кружки революционно-настроенных товарищей для содействия активным выступлениям местных рабочих организаций. Работа была очень трудна, так как требовала большой выдержки и конспирации, особенно в 1905 г.

Окончание училища и выход в 1 гренадерский Екатеринославский полк в Москву прервал и эту работу. Но на второй же год службы Л. поступает вольнослушателем в Московский университет. Здесь он примыкает к социал-демократич. кружкам и ведет агитационную работу среди солдат полка. Но в этот период реакции работа очень трудна и дает мало результатов. Недолго пришлось оставаться и в университете; по приказу Сандецкого, пришлось оставить университет, а на следующий год уйти из полка в Военную Академию Генерального Штаба. Академию окончил Л. в 1912 г. и перевелся в 170 пехотный Молодечненский полк опять в Вильну. Восстановились старые связи с организациями Бунда, но начавшаяся в 1914 г. война оторвала надолго от политической работы и всецело заняла внимание только что переведенного в генеральный штаб молодого работника. Он участвует в боевых операциях 2 арм. корпуса в Восточной Пруссии, у Мазурских озер, под Варшавой, Лодзью, в Августовских лесах. В составе частей этого корпуса под командой Триковского участвует в боях под Гродно и получает высшую боевую награду за боевую разведку и руководство успешным боем за высоту 100,3. В 7 Сибирской стрелковой дивизии, а потом в 5 арм. корпусе участвует в боях под Кальварией, Ковно, Яновым, у озера Нароч, в Галиции. В составе Особой Армии в районе Луцка руководит работой авиации армии в должности штаб офицера по авиации. Начальником штаба 166 пех. дивизии участвует в операциях в Карпатах. В период Февральской революции ведет агитационную работу в частях своей дивизии. После Октябрьской революции избирается начальник. штаба 18 арм. корпуса и участвует в работе корпусного комитета.

В январе 1918 г. прибывает в Петроград и работает в главном управлении Генер. Штаба и одновременно в Военной Академии. С Всеросс. главным штабом эвакуируется в Москву, а с началом гражданской войны уезжает опять на боевую работу на фронт. Сначала ведет оперативную работу в штабе 4 армии Хвесина против чехо-словаков; участвует в занятии красными войсками Самары. С назначением М. В. Фрунзе командующим 4 армией становится его нач. штаба и сначала в этой должности, а затем в должности нач. штаба южной группы участвует в борьбе с Колчаком, организуя тот фланговый удар из района Бузулука, который нанес армии Колчака решительное поражение и заставил ее откатиться из-под самой Самары в направлении на Уфу. В составе южной группы командует сначала Туркестанск. армией под Уфой, а затем 4 армией на Уральском направлении против белоказаков, тесня их на юг от Уральска на Лбищенск и Гурьев.

С ноября 1919 г. Л.—уже на западном фронте, занимает должность нач. штаба фронта, участвует в борьбе с Юденичем у Ямбурга и Гдова и с белополяками на Березине. После небольшого перерыва фронтовой боевой работы, который посвящен был работе в только что открытой молодой красной Военной Академии, Л. в 1920 г. опять на западном фронте командует 3 армией и участвует в походе на Варшаву. За это наступление Р. В. С. Р. впервые наградил Л. орденом Красного Знамени.

Еще до окончания похода под Варшаву Л. спешно был переброшен на южный фронт к Фрунзе, где тогда велась последняя борьба с Врангелем. В начале октября 1920 г. он принимает командование опять 4 армией и с полевым только штабом ведет энергичное наступление на Александровск, Федоровку, Рыково. Под Чонгаром непосредственно организует и руководит атакой сильно укрепленных неприступных позиций с прорывом на Джанкой, чем способствует полному разгрому войск Врангеля. После прорыва у Чонгара были заняты Феодосия и Керчь, и очищен весь южный берег Крыма. За победоносные бои в северной части Таврии и за взятие Чонгарских и Сивашских позиций Л. награждается Р. В. С. Р. вторично орденом Красного Знамени. По ликвидации Врангеля Л., продолжая командовать Крымской армией, ведет трудную и упорную борьбу с Махно как в самом Крыму, так и в районе Мелитополя, Бердянска. Гуляй-Поля.

С февраля 1921 г. Л. командует Туркестанским фронтом, изгоняет окончательно из Восточной Бухары эмира бухарского, ликвидирует его шайки, ведет борьбу с басмачеством в Фергане, изгоняет Джунаид-Хана и другие шайки басмачей из района Хорезмской республики, а также руководит операцией против белых Бакича на территории Китайской республики. Вместе с тем он принимает деятельное участие в проведении

ЛАНДЕР К. И. (1883-1937).

В 1923-25 член коллегии Наркомвнешторга. Занимался научно-литературной деятельностью. С 1928 пенсионер.

политических и экономических мероприятий для упрочения советской власти на далекой окраине. За успешную борьбу с басмачеством Р. В. С. он награжден шашкой бухарского образца, Ц. И. К-том Хорезмской республики—военным Красным орденом, а Туркест. Комиссией Ц. И. К. С.С.С.Р. — золотым портсигаром. Кроме того, общим собранием 15 Туркест. Алмаатинских кав. курсов и отдельного Туркменского кав. полка избирается почетным курсантом и почетным джигитом.

Из Туркестана Л. в феврале 1922 г. перебрасывается для новой боевой работы опять на западный фронт, но в виду разрешившихся благополучно осложнений остается в Москве и назначается замест. главн. начальника всех военно-учебных заведений Союза Республик и одновременно начальн. Военно-Академ. Курсов высшего командного состава РККА. Занимая учебно-административные должности, он не прерывает и педагогической деятельности на Высших Академических Курсах и на Курсах Конференции по усовершенствованию высшего командного состава В. У. З.

В феврале 1925 г. Л. получает назначение на работу по военным воздушным силам Р. К. К. А. и занимает должность начальника Военной Воздушной Академии.

В. Алкалаев.

Ландер, Карл Иванович *(автобиография)*. Род. я в трудовой крестьянской семье, и раннее детство мое протекало в деревне у деда: мать служила где-то в имении, зарабатывая на жизнь себе и мне. Дед с материнской стороны был каменьщиком по профессии, жил в небольшом, но очень опрятном домике и имел крошечный участок земли в $^1/_2$ дес. Все хозяйство состояло из лошади, коровы, 2 свиней и пр. мелочи. Бабушка—славная добрая старушка, очень баловала меня, несмотря на то, что я имел по тогдашним условиям несчастье принадлежать к категории заклейменных презрением незаконнорожденных. Впоследствии я редко даже в т. н. интеллигентных образцовых семьях встречал столь чуткое, хорошее отношение к ребенку, как у этих простых, бедных крестьян. Рос я на свободе, предоставленный сам себе. Это рано развило во мне самостоятельность, любовь к природе, к крестьянской трудовой жизни. Уже 6 лет я пас корову и свиней, и не было для меня большего счастья, как когда на меня возлагалось какое-нибудь серьезное поручение по хозяйству. Я очень рано научился читать (научила бабушка, оба старика были вполне грамотные) и читал в засос все, что ни попадалось мне в деревне. Впоследствии, когда я уже переехал в город, я каждое лето все каникулы проводил в деревне. Мои лучшие детские воспоминания связаны именно с деревней, и я всегда любил ее немного романтическою, восторженною любовью.

Когда мать вышла замуж и взяла меня к себе—это стоило ей большого труда. Я ни за что не хотел расстаться с деревней, со своими старичками. Немедленно по приезде я начал учиться, поступил в одну из лучших в Либаве т. н. элементарных школ. Дома меня заставляли помогать в домашней работе, а лет 12 я уже зарабатывал, помогал семье. Я выгружал в гавани кирпичи, зарабатывая до 50 к. в день. Затем я работал при городских купальнях. А когда лето удавалось проводить у деда в деревне, я буквально запоем набрасывался на сельские работы. Занимался я также столярным делом, и моей мечтой было хорошо изучить какое-нибудь „тонкое" ремесло и стать хорошим мастером. Но у моих родителей были другие виды на мое будущее. Обычно все простые трудовые люди готовят своих детей к более „легкой" жизни, к канцелярской или иной письменной работе, считая почему то ее более почетной и легкой и прибыльной. Так смотрели и мои родители, надеясь, что из меня выйдет бухгалтер, чиновник или, в крайнем случае, учитель городского училища. Я рос в обстановке обычной трудовой семьи, где постоянно царила плохо замаскированная бедность, где вся семья из 5 человек ютилась в квартире из одной комнаты с кухней, и где вся жизнь проходила в постоянных ухищрениях, как прожить на получаемые отцом 20—25 рублей в месяц. Но, несмотря на постоянные лишения и нужду, у нас наблюдалась исключительная чистота и порядок. Дети с самых ранних лет приучались к этому. Домашнее трудовое воспитание было суровым и внимательным. Мы, дети, никогда не чувствовали себя брошенными, предоставленными себе. Внимательный глаз родителей никогда не упускал нас из виду.

Начальная школа дала мне первоначальную грамотность и пробудила впервые зачатки товарищества; состав учащихся был однороден—все больше дети рабочих, ремесленников, мелких служащих, по преимуществу латыши и немцы. Программа этой школы была довольно широкая. По окончании начальной школы я поступил в городское училище, а затем стал готовиться к экзамену по полному курсу реального училища.

Решающим для меня годом еще в ранней юности был 1899 год. Мне было тогда 15 лет. Было это 1 мая, в чудный теплый день. Я шел в училище. На Пивоварной улице против пивоваренного завода я наткнулся на большую толпу людей. Подойдя ближе, я увидел, что то были исключительно рабочие проволочного, пробочного и др. заводов. В толпе я увидел несколько своих знакомых рабочих и работниц, живших в одном доме с нами. Они об'яснили мне, что к ним рано утром на завод пришли рабочие проволочного завода и сняли с работ, что работа прекратилась на всех заводах города, а они идут снимать еще работающих в крупных мастерских и грузчиков. Они пред'явили администрации завода требования, чтобы увеличили расценки и сократили рабочий день, и не приступят к работам, пока их требования не будут удовлетворены. Тем временем мы подошли к гавани. Толпа намеревалась перейти мост, чтобы попасть в Старую Либаву—торговую и административную часть города, но против моста выстроились цепью в два ряда солдаты и не пропускали никого. Толпа спокойно повернула назад и направилась к городскому парку, где рассеялась на небольшие группы. Я весь день проходил с манифестантами, буквально охваченный своего рода лихорадкой, я жадно ловил в разговорах каждое слово, прислушивался напряженно ко всему, что делалось вокруг. Поздно ночью вернулся я домой, весь охваченный новыми впечатлениями. Дома только и было разговоров, что о разыгравшейся забастовке. Мои родители тоже очень заинтересовались ею и в общем относились к ней вполне сочувственно. Все видели в этой забастовке исключительно экономическую борьбу рабочих, борьбу за лучший кусок хлеба. Но в то же время многих смущало вмешательство войск. Ведь рабочие вели себя спокойно и тихо, зачем полиция и войска? А меня это-то заинтересовало больше всего. Я видел и чувствовал в этом выступлении рабочих не одно лишь требование о хлебе. В этом грозном и стройном выступлении нескольких тысяч человек, в этом шествии чувствовалась какая-то новая небывалая сила, которая притягивала к себе, влекла, возбуждала.

С того дня я с фанатизмом подростка, увлеченного новым, небывалым явлением, стал интересоваться только виденным и слышанным мною первого мая. Я стал искать людей и книжек, которые могли бы мне об'яснить все это. Мир рабочих я знал хорошо по их повседневной будничной жизни (родственные связи, близкие знакомые и т. п.). И вдруг он предстал предо мною в совершенно новом свете, с новой неожиданной стороны, как носитель и обладатель какой-то великой тайны и силы. Но возможностей узнать и разобраться во всем этом мне долго не представлялось. Организация тогда еще была слаба и молода, еще не было массовой рабочей организации. Наконец, я познакомился с уволенным за активное участие в забастовке и агитацию рабочим металлургического завода. Мы близко сошлись, и я проводил целые ночи в беседах с ним; он дал мне первые, хотя и очень скудные понятия о рабочем движении. От него я узнал приблизительно, что такое социалисты, чего они добиваются, за что их преследует правительство. Узнал также некоторые подробности только что закончившейся стачки. У него, кроме того, нашлась в рукописи на латышском языке брошюра „Эрфуртская программа" — первая прочтенная мною нелегальная книга.

Но и то, что я узнал, давало новый толчок моей мысли. Это была первая на заре моей жизни переоценка ценностей и, пожалуй, самая радикальная из них. Пришлось пересмотреть и отбросить всю сложившуюся несложную программу жизни. Родилось сознание, что для того, чтобы все это понять, необходимо учиться, учиться много и усердно. Явилось желание поступить в университет во чтобы то ни стало, чтобы стать настоящим знающим революционером. Таково тогда было общее мнение молодежи, и оно находит себе об'яснение в настроении передового студенчества этой классической эпохи студенческих беспорядков. В провинции звание студента было синонимом революционера-бунтаря, такою репутацией пользовалось студенчество даже в рабочих массах и в частности латышское студенчество, на $^{9}/_{10}$ вышедшее из трудовых масс населения. Разумеется, что это представление отнюдь не относилось к немецкому студенчеству Латвии — сыновьям баронов и богатых бюргеров, типичных реакционеров, забулдыг, бреттеров и корнорантов. Но для того, чтобы учиться, нужны были в первую очередь деньги. Необходимо было пожертвовать несколькими годами ученья, чтобы подработать необходимые средства. Много профессий испробовал я за это время, пока, наконец, остановился на выборе—по мнению родителей на самом неудачном — места народного учителя в одной из ближайших волостей.

Проработал я почти два года и ушел разругавшись с инспектором и пастором.

Решившись на отсрочку моих занятий, я постарался наверстать потерянное время усердным и серьезным чтением. Благодаря случайному знакомству с двумятремя радикальными учителями, я сумел подобрать необходимые книги для серьезных чтений. Кроме неизбежных и модных в то время Юнга, Гексли, Дрэпера, Липперта, Мензиса и т. д., я тогда познакомился с нашими общественниками—Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Михайловским. В смысле углубления и расширения знаний эти два года протекли для меня крайне успешно. В это время я познакомился с И. М. Трегубовым, проживавшим в ссылке в уездном городишке Гробине, в 10 верстах от моей школы. Это был человек исключительной кристальной честности и искренности, настоящий аскет по укладу своей жизни, привычкам и т. д. Серьезный, вдумчивый он был фанатически предан своей идее. Его обыкновенно называют толстовцем, но он не был прямым последователем учения Толстого, хотя прекрасно знал его и находился под влиянием некоторых его взглядов. И. М. был социалистом-утопистом, христианским социалистом в лучшем смысле этого слова, единственным в своем роде. Ему бы жить в эпоху крестьянских войн эпохи реформации. Но для России XX века он был своего рода анахронизмом. Правда, свое миросозерцание он почерпал в крестьянской среде, у сектантов (гл. обр. духоборов), не знавших другой книги, кроме евангелия, других учений и истин, кроме христианских. Наблюдая эту отсталую самобытную крестьянскую Русь, он пришел к выводу, что ее можно расшевелить и повести к социализму, опираясь на христианство, толкуя его, как революционное миропонимание. Он отвергал и смертельно ненавидел церковь и попов, извлекал из евангелия нужные и полезные для агитации места и считал избранный им путь самым правильным и кратчайшим для завоевания крестьян. „Рабочих у нас всего сотни тысяч, говорил И. М., а крестьян сотни миллионов; крестьяне и решат судьбу русской революции. А учение Христа для них священно, они верят в него, ищут в нем спасения и истины, и надо помочь им найти ее. У нас до десяти миллионов сектантов с готовым почти коммунистическим миросозерцанием, не признающих властей ни духовных, ни светских, признающих общность имущества. Это наши естественные союзники, и мы должны уделить им серьезное внимание".

Перспективы крестьянского движения и роль христианского социализма в нем сильно заинтересовали меня. Когда Трегубов, получив разрешение, выехал за границу, я решил познакомиться со всем этим поближе. К этому времени я уже оставил место учителя и переехал в город. Здесь я 18-летним юношей стал работать в редакции местной газеты. Поступил я в качестве корректора, а затем стал нечто вроде секретаря редакции и единственным постоянным сотрудником. Это было своеобразное издание, выходившее ежедневно на двух языках: половина газеты печаталась на русском, другая половина, с совершенно иным содержанием—на немецком языке. Редактор—учитель младших классов местной мужской гимназии, по природе добродушный и ленивый человек, которому эта газета осточертела, и который работал больше клеем и ножницами, был рад свалить на меня всю работу, и я ушел в нее совсем пылом юности. Говорить о направлении газеты не приходилось, но, во всяком случае, она была вполне безвредной и приличной. Самое для меня важное было чтение массы периодических изданий и книг, которые массами присылались в редакцию. В том числе были даже „Форвертс" и „ГамбургерЭхо", и я получил более или менее точное представление о работе немецкой с.-д. Затем наступил кризис этой эпохи моей жизни. Наступило время, когда с небывалой силой во мне проснулась жажда активной деятельности. Связей и возможностей, кроме тех, что мне дал Трегубов, у меня еще не было. И вот однажды я бросил все и отправился посмотреть, как протекает жизнь в трудовых колониях, о которых я столько слышал, и среди духоборов, интересовавших меня еще более. Несколько месяцев длились мои скитания. Побывал я в нескольких колониях, повидал я духоборов. Жизнь и быт интеллигентских колоний оттолкнули меня. Осталось впечатление о сборище нескольких десятков разочаровавшихся в суетности и пустоте земной жизни интеллигентов, ушедших, спасения ради, в свой скит, где они отгородили себя от всего мира, надели вериги нелепого, бессмысленного и непосильного для них труда и с надрывом, тоской и чванливым самолюбованием влачили свое никому не нужное нудное существование. Единственным светлым пятном на этом темном фоне был небольшой хутор под Полтавой, где тоже жило несколько таких семей, и где фактической хозяйкой и работницей была И. М. Дудченко, но, казалось, она по

недоразумению попала в эту среду. Правда, в этой среде я встретил несколько весьма интересных лиц—бывших чайковцев, народовольцев и т. д.

Знакомство с русскими сектантами и в частности духоборами разбило христиански-социалистическую теорию Трегубова. Правда, встречались общины, где наблюдалось искание новых форм жизни, где царило нечто вроде коммунизма, но скорее исключительно производственного характера, ибо разница в имущественном положении сохранилась. Положив в основу своей личной и общественной жизни учение Христа, они толковали его со всей присущею сектантам односторонностью и упрямством. Все мирское, светское было беспощадно изгнано из их обихода. Ни светских школ, ни книг не допускалось. Всякое общение с внешним миром было прекращено и считалось греховным. Это движение не могло стать всенародным, всекрестьянским. Оно выродилось в замкнутую группу избранных, живущих своими групповыми интересами и нуждами.

Эта эпопея моей жизни совершенно неожиданно закончилась арестом. Оказалось, что за мною еще в Либаве был учрежден надзор. После моего от'езда жандармерия произвела у меня обыск, затем стала меня разыскивать. Я отнюдь не скрывал своего местопребывания, и нашли меня скоро. Арестовали меня на юге, и в довершение всех злоключений при мне не оказалось при аресте паспорта. Вследствие этого меня препроводили на родину общим этапным порядком. Я пробыл в пути несколько месяцев, перебывал приблизительно в 9 различных тюрьмах и многого насмотрелся во время своего путешествия. По прибытии в Либаву я был немедленно переведен в разряд политических. В тюрьме я познакомился с арестованным за с.-д. пропаганду фермером Спруде, родственником известного латышского революционера Розина. Ночи напролет мы проводили в оживленной беседе, и много нерешенных вопросов мне удалось выяснить тогда. Вскоре после прибытия меня вызвали на допрос. Никаких конкретных обвинений мне пред'явить не могли. Но тем не менее мне дали пять лет гласного надзора и этим разрушили на долгое время все мои мечты об учении, так как в столичных и университетских городах проживание было запрещено.

Так кончился мой первый период исканий. Из тюрьмы я вышел уже с готовым решением пойти по определенному пути. И следующим шагом было уже практическое усвоение тех начал и практических знаний, которые были необходимы партийному работнику с.-д. Это уже краткая повесть о том, как я стал марксистом и с.-д. Большую роль тут сыграла „коммуна" на Березовой ул. Здесь, на окраине города в мансардных 4 комнатах поселилась группа молодежи, человек 6, связанная общими идейными интересами и тесными узами дружбы. Большинство из нас, за единичными исключениями, впоследствии стали активными работниками с.-д., многие из них играли руководящую роль в латвийской с.-д. партии уже в 1905 г. В латышской с.-д. партии не было деления на большевиков и меньшевиков, но по вопросам тактики все склонялись к большевикам; наибольшим авторитетом по партийным вопросам пользовались статьи Плеханова и Ленина. Для меня лично этот период был периодом последнего испытания. Я лишний раз убедился, что для того, чтобы стать сознательным марксистом, надо многому учиться и серьезно учиться. Я сознавал, что здесь речь идет не только о практической революционной работе, а о всем миросозерцании. И я постепенно впитывал в себя это миросозерцание, отбрасывая все остатки революционного и нигилистического романтизма, навеянного моими предыдущими исканиями.

К этому времени состоялось мое знакомство с первыми настоящими партийными профессионалами, под влиянием которых я и втянулся в партийную работу. То был известный в крае под кличкой „Музыкант" тов. Скарре и тов. „Боб"—Лютер. Начало моей революционной работы совпало с общим под'емом и оживлением рабочего движения в 1902—03 г. Вся наша коммуна, все мои товарищи влились в работу. Эта эпоха моей жизни прервалась арестом в начале 1904 г. Кроме обвинения в агитации и пропаганде, поводом к моему аресту послужил большой транспорт литературы из-за границы, без моего ведома направленный по моему адресу. На этот раз я просидел около года и был освобожден под залог и по манифесту, по поводу рождения наследника, уже к концу 1904 г. По освобождении я еще пару месяцев прожил в своем родном городе, пережил здесь памятные январьские дни 1905 г. и начало революционного движения в Латвии (церковные манифестации, стачки, начало террора).

После освобождения меня принудили покинуть Либаву, и я направился в Москву, где с головою ушел в революционную работу, проработав здесь до 1907 г. Не-

медленно по приезде я вошел в организацию с.-д. большевиков и стал работать в тогдашнем городском районе, главным образом среди печатников, в качестве пропагандиста и агитатора. Организатором городского района был тогда Алексей Алексеевич (Алексинский). Одновременно я здесь же начал и литературную работу, сотрудничал в „Русских Ведомостях", затем в „Вечерней почте" (марксистского периода ее существования), а потом в „Борьбе". Стал я также посещать урывками лекции на историко-филологическом факультете, хотя толку из этого было мало: лишь впоследствии в Петербурге я мог кое-как продолжать прерванное учение, но закончить его так и не удалось. Бурный 1905 г. увлек меня в самый водоворот событий. Наступили памятные декабрьские дни, и я вместе с ближайшими товарищами очутился на баррикадах в какой-то смешанной большевистско-эсэровской дружине в районе Живодерки—Зоологического сада—Садовой. Нас было около 20 человек, из них трое вооруженные винтовками, остальные револьверами, в том числе двое даже бульдогами. Чувствовалось отсутствие единого целесообразного боевого плана и задания, умелого руководства и цели. Жил я тогда на Грузинах, и когда начался обстрел Пресни и поголовные обыски, я едва успел утром уйти, почти на глазах семеновцев перепрыгнув через забор.

Московское восстание разгромили, но борьба не прекратилась. Я помню, что мы с особым энтузиазмом взялись опять за работу. Я работал потом в Рогожском районе, в качестве ответственного пропагандиста и организатора Дангауэровского подрайона, был членом районного комитета. Я перешел на положение партийного профессионала, жил нелегально и исключительно отдался партийной работе. Я был горячим приверженцем лозунга о продолжении борьбы, верил, что мы еще можем победить, что необходимо готовиться к новому вооруженному восстанию. Работа в районе протекала успешно. Удалось провести удачно несколько экономических забастовок, в том числе у Дангауэра, что сильно приподняло настроение рабочих. И когда в связи с разгоном Думы была об'явлена всеобщая забастовка, наш район встал дружно, и манифестанты направились в центр, согласно инструкции, принятой на общегородской конференции. Но здесь мы оказались почти в единственном числе; кругом царило самое будничное настроение, везде кипела работа, сновала деловая публика, на нас почти не обращали внимания. Помню, что меня тогда впервые охватило сознание, что в этой борьбе мы потерпели поражение всерьез и надолго, и настроение сразу упало. Нашу толпу скоро окружили конные и пешие полицейские и драгуны. Многих арестовали, меня товарищи буквально вырвали из рук пристава, схватившего уже меня. Я с одним из ближайших товарищей на время уехал из Москвы. И почему-то мы решили направиться в самое пекло—в Латвию, где тогда свирепствовали карательные отряды, расстреливая и вешая всех подозрительных. Мы полагали, что сможем там работать, где нас не знают, но попали действительно в самый ад. Все активные ответственные работники уже разбежались, осталось несколько моих старых друзей (по либавской коммуне), которые буквально ежедневно рисковали своею жизнью. Несмотря на все мои уговоры, мой товарищ остался там и был вскоре арестован, а я, погостив немного, уехал. От этой поездки у меня осталось кошмарное впечатление на всю жизнь.

После этого в моей жизни наступила самая мрачная полоса: период реакции 1907—1911 годов. За это время я несколько раз менял местожительство: сначала жил в Петрограде, затем в Либаве, Москве и Самаре. В Питере я занялся литературным трудом, работал в местных радикальных газетах, журналах и взялся за серьезную научную работу: начал свою „Историю Латвии". Как меня ни влекла наука, учение, но жить в непривычной общественной жизни оказалось для меня невозможным. Но как изменились за это время обстановка и условия. В рабочих массах—полная апатия и какая-то раздраженность. На заводах—открытые ячейки союза русского народа, вещь немыслимая раньше, выступавшие открыто против с.-д. Затем поголовное бегство интеллигенции из рядов партии, в том числе многих видных работников и лидеров 1905 г. Это вызвало страшное раздражение и озлобление в рабочей массе; на этой почве родилась пресловутая махаевщина, с представителями которой мне приходилось сталкиваться довольно часто. Кроме того, начались разногласия в самой партии как на почве общих теоретических, так и на почве чисто тактических вопросов. Народились разные философские течения, направленные против ортодоксального марксизма. Появилось богоискательство и богостроительство. Но всеми этими проблемами увлекалась по преимуществу интеллигенция, стоящая вне активной партийной работы. Партийную—в частности рабочую—массу они не затронули. Немного адептов

навербовали также и представители новых направлений в большевистской партии: отзовисты, впередовцы (троцкисты), и др. Я работал в то время в Питерской латышской инициативной группе, названной так потому, что она взяла на себя инициативу восстановления нелегальной организации, связавшись для этого с русскими группами. Кроме того, я читал лекции в возникших тогда рабочих обществах просвещения, где приходилось вести ожесточенную борьбу с меньшевиками, выдвинувшими лозунг легализации партии и созыва рабочего с'езда. После избирательной кампании в третью Гос. Думу за мною началась усиленная слежка, и во избежание провала я уехал в Либаву, где опять на ряду с литературной и научной работой стал работать в местной большевистской организации. Проработал менее года. На этот раз дело кончилось серьезным провалом; как потом мне передавали, в самом комитете, состоявшем из пяти человек, оказалось чуть ли не два провокатора. Мне удалось избежать ареста благодаря счастливой случайности: во время производимого у меня обыска меня не оказалось дома.

С того времени опять начались мои скитания в Риге, Питере, Москве, на положении нелегального. Кроме всего прочего, над головою дамокловым мечом навис грозный призрак нужды (приходилось думать и о семье из 5 человек). И вот тут по совету некоторых товарищей я решился уехать куда-нибудь подальше, где меня мало знали, авось там на первое время оставят в покое. Я наткнулся в газете на об'явление, что самарская городская управа ищет редактора для ежедневной муниципальной газеты. Я послал заявление и получил извещение, что принят. И я с семьей переехал в Самару. Вопреки моему ожиданию, губернатор, по ходатайству некоторых либеральных гласных, утвердил меня в должности, и я стал работать. Городским головою в Самаре тогда был пресловутый „борец трезвости" Челышев—самодур и оригинал, но несомненно способный и даровитый человек. Работа в городской управе—это в своем роде занимательная повесть, изобилующая чисто щедринскими штрихами, но я здесь ее касаться не буду.

Вскоре после приезда я свел знакомство с местными партийцами, жившими разрозненной жизнью; никакой организации не было. Связавшись с ближайшими товарищами, мы тоже создали инициативную группу, при чем первое время работали рука об руку с меньшевиками-партийцами (не ликвидаторами). Но скоро партийные разногласия сказались с достаточной яркостью, и образовались две партии: большевиков и меньшевиков, со своими руководящими центрами (комитетами). Я вошел в большевистский комитет и энергично взялся за работу. Партийная жизнь заметно оживала. То была памятная эпоха ленских дней, „Звезды" и „Правды". Кроме подпольной партийной работы, приходилось вести также культурную открытую: читать лекции в профессиональных союзах, обществах и т. д. Это, с точки зрения конспирации недопустимое явление, привело к неизбежным последствиям: начались обыски, аресты.

Наконец, грянула война. Наша большевистская организация встретила ее выпуском прокламации и легального номера выходившей в Самаре большевистской газеты „Заря Поволжья"—кажется единственной в России легальной большевистской газеты, которая успела выйти после об'явления войны. Мы поместили в ней протест против войны и оценку происшедшего с нашей точки зрения, с замаскированным призывом направить оружие не туда, куда призывало правительство. Успели распространить до 5 тысяч экземпляров, остальные были конфискованы полицией. Вскоре после этого нас всех арестовали, но кара, постигшая нас, была сравнительно пустяковая: мы были разосланы по разным городам, я всего-на-всего—в Нижний.

В Нижнем я связался с товарищами из Канавина и Сормово и приступил к работе, но проработал недолго: опять был арестован, но почему-то вскоре выпущен. А когда всю публику стали вновь забирать и стали высылать в Якутку и Нарым — я счел за лучшее скрываться. По полученным из полицейского правления сведениям я получил 5 лет Якутки, которые мне, к счастию, отбывать не пришлось. Из Нижнего я уехал в Москву, где жил некоторое время нелегально, а затем при содействии П. П. Маслова, без документов, разыскиваемый полицией, устроился в комитете западного фронта земского союза, куда и уехал и пробыл на фронте (в Минске, в должности секретаря озн. комитета) до оставления Минска нашими войсками. Нелегальная работа на фронте до революции была налажена слабо. Были отдельные лица и небольшие разрозненные группы, которые получали урывками кое-какую нелегальную литературу, собирались иногда, беседовали, но систематической организованной пропаганды среди армии еще не было.

ЛАРИН Ю.
(1882–1932).

В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии.

Нечего говорить о том, что Февральская революция застигла нас в значительной степени врасплох. Группировка партийных сил началась лишь после нее. В начале не было даже правильно организованной партийной организации. Образовался так-называемый „об'единенный комитет", в который входили меньшевики-партийцы (интернационалисты) и большевики. В минском совете и фронтовом комитете преобладали меньшевики и с.-р. Я с группой товарищей начали борьбу за раскол, и он произошел в мае месяце 1917 г. С приездом Ленина и опубликованием его знаменитых тезисов работа у нас пошла успешно. Мало-по-малу мы захватили в свои руки Совет, при чем я был избран его председателем. Энергичную деятельность стал проявлять комитет нашей партии под руководством тов. Мясникова, А. Ф., трагически погибшего при крушении аэроплана близ Тифлиса в 1925 г. Мало-по-малу все местные советы и военные организации были в наших руках. Работа наша на фронте была необыкновенно дружная и интенсивная. И когда настали решающие Октябрьские дни, мы оказались достаточно подготовленными для выполнения вставших перед нами исторических задач. Нам удалось овладеть фронтом, взять в свои руки власть без малейшего кровопролития. Все попытки к сопротивлению были ликвидированы решительно и быстро. На выборах в Учредительное Собрание мы провели всех своих кандидатов по фронту и округу. Нам удалось также успешно задержать движение войск, вызванных Керенским на помощь в Питер и Москву. В то время я был председателем военно-революционного комитета фронта и Совнаркома области. После утверждения первого мирного договора с немцами, они немедленно перешли в наступление, и нам пришлось оставить Минск. Я переехал в Питер, где был избран членом президиума ВЦИК, в нем я работал вместе с покойным Я. М. Свердловым до мая 1918 г., когда был избран нар. комиссаром Государственного Контроля.

В связи с переходом на мирное строительство у меня опять проснулось с небывалою силой влечение к той отрасли работы, которую я было совсем забросил за время революции: научно-литературной, которую все же считаю своей основной профессией. Не хочется бросать все то, что уже намечено и отчасти разработано, ряд специальных тем, по которым собраны груды материалов. И думается, что теперь, в начале последней трети жизни, все же удастся эту мечту осуществить.

Ларин, Ю. (он же *Лурье*, Михаил Александрович) (*автобиография.*) Родился в Симферополе в 1882 г., единственный ребенок интеллигентной матери, разведшейся с мужем еще на первом году жизни Л. Учился грамоте на книжках Успенского, Салтыкова, Пушкина, Гоголя. Первое запомнившееся политическое событие—отставка Бисмарка, вызвавшая в доме (где жило еще много родных и бывало много знакомых) много разговоров (помнится, 1891 г.). С тех пор начал читать газеты. Рано побывал за границей, в городах и в сельских местностях, имел возможность сравнивать с нашими деревнями и городами. С детства рос в оппозиционной атмосфере — в доме постоянно бывали высланные за „беспорядки" студенты, оставшиеся еще от 80-х г. поднадзорные политики и т. п. Еврей—не сталкивался с антисемитизмом, в то время почти не чувствовавшимся в Крыму. Знал теоретически о соответственных угнетениях, но получал воспитание в духе об'яснения их, как частного случая общего угнетения. Перед поступлением в гимназию и первые годы в ней увлекался больше астрономией и другими естественными науками, потом перешел к общественным книжкам. Большой любитель читать—почти не водил знакомства со сверстниками и гимназистами, прочитал за время пребывания в гимназии, м. пр., главнейшие русские журналы конца 50-х, 60-х и 70-х г. („Соврем.", „Отеч. Записки", „Русское Слово" и т. д.), а также почти всю экономическую литературу, выходившую в России в 90-х г. (до Маркса и Ильина включительно). Первое соприкосновение с жандармами — в начале 1900 г. в 8-м классе—за гимназическую кассу взаимопомощи, которой был председателем. Дело было потушено директором, так как в него были вовлечены и гимназисты из некоторых видных семей города.

Первое участие в нелегальной соц.-дем. маевке — в Симферополе 1 мая 1900 г., за городом, с группой ремесленных рабочих, руководившихся Б. Л. Вольфензоном (впоследствии ревизионистом). Первая написанная Л. и изданная прокламация—в январе 1901 г. в Одессе, с призывом к студентам вынести свою забастовку на улицу, устроив демонстрацию и апеллируя к рабочим. Был тогда же руководителем одесской студенческой организации и об'ехал Киев, Харьков, Москву, предлагая студенческим центрам перейти к уличным демонстрациям (которые и были назначены в Харькове и

в Москве на 19 февраля и в Киеве на 4 марта). Тогда же первое удачное уклонение от ареста.

Первые нелегальные переходы границы—весной и летом 1901 г. (переправка соц.-дем. литературы из Швейцарии через западную границу и получение ее с немецкого пар. „Обербургомистер Гаакен", на Гутуевском острове, с К. И. Рабиновичем). Первое руководство подпольной соц.-дем. рабочей организацией—в Симферополе в 1901 — 1902 г., где жил высланный под гласный надзор полиции и организовал симферопольский комитет РСДРП. а затем и крымский союз РСДРП. Арестованный в августе 1902 года, выслан затем по „высочайшему повелению" на 8 лет в Якутскую обл., откуда удачно бежал осенью 1904 г. (перед этим—неудачный побег из Красноярской тюрьмы—на улице у ворот встретил и остановил тюремный надзиратель). В 1904 г. Бундом издана за границей брошюра, описывающая поездку партии ссыльных на паузке до Якутска, старостой которой был Л., и которая сопровождалась избиениями, привязыванием к телегам и убийствами (в том числе убит и начальник конвойной команды). В Якутске при конспиративной переписке получил прозвище „Юрий" и стал с тех пор Ю. Ларинным.

Приехав в Женеву, примкнул к меньшевикам (во время пребывания его в тюрьме РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков), написал брошюру „Почему сдался Порт-Артур" (изд. „Искры") и др. и в январе 1905 г. (по случаю 9-го января) вернулся на нелегальную работу в Петербург (ныне Ленинград). М. пр., участвовал там в основании первых русских профессиональных союзов, в частности написал первый проэкт устава питерского союза металлистов. Арестован в мае и посажен в Петропавловскую крепость. Октябрьская революция 1905 г. освободила из тюремной больницы, вновь вошел в состав пет. комитета меньшевиков и в федеративный совет, который пет. комитеты меньшевиков и большевиков образовали для согласования деятельности обоих организаций в очередных вопросах и в руководстве Пет. Советом Рабочих Депутатов (по два человека от каждой организации. — м. пр. в том числе Шотман). После ареста Хрусталева и Троцкого (первых председателей Совета) — оказались, Л. вместе с большевиком Макаром, единственными уцелевшими членами пет. федеративного совета РСДРП, которые быстро сорганизовали по районам выборы нового Исполкома Совета Рабочих Депутатов (и стали сливать рабочие низы обоих соц.-дем. организаций— в первую очередь слился Выборгский район). На первом заседании этого второго исполкома пет. совета, при воздержании и возражениях некоторых представителей, принято предложение Л. об'явить с 6 декабря всероссийскую забастовку, с целью свержения царского правительства. Забастовка окончилась неудачей (восстание в Москве на Пресне и др.). На очередь стал вопрос о предстоявших весной 1906 г. выборах в 1-ю Госуд. Думу. Среди большевиков преобладало течение за бойкот, среди меньшевиков появилось течение за избирательное соглашение с либерально-буржуазной партией кадетов. Обе стороны сильно подчеркивали невозможность успешной избирательной кампании соц.-дем. при разгуле реакции, покрывшей Россию сетью „военных положений". Л. был и против бойкота и против соглашения с кадетами и уехал в провинцию, где, в находившейся на военном положении Феодосии, провел при помощи прокламаций и нелегальных сборищ избирательную кампанию, окончившуюся избранием единственным выборщиком от города кандидата рабочих. соц.-дем. П. Бианки, сидевшего в то время в феодосийской тюрьме (председателя Феодосийского Совета Раб. Деп. до его разгрома). Это был единственный соц.-дем. выборщик, прошедший как официальный кандидат партии до состоявшегося затем весной 1906 г. Стокгольмского с'езда.

На Стокгольмском с'езде Л. входил в меньшевистскую группировку, разойдясь с нею по двум вопросам. Аграрная программа (муниципализация) казалась ему недостаточно ограждающей интересы социалистического преобразования земледелия. Поправка его в этом смысле была принята Плехановым и внесена в резолюцию (первый намек на будущие совхозы; обосновано затем в вышедшей в 1906 г. брошюре Л. „Крестьянский вопрос и социал-демократия"). Во-вторых, меньшевики были против принятия в партию бывших в то время большевиками бундовцев, поляков и латышей, принятие которых должно было лишить меньшевиков перевеса, достигнутого на Стокгольмском с'езде (что действительно затем и случилось). В этом вопросе голоса Л. и шедшей с ним небольшой группы южных меньшевистских делегатов дали перевес большевикам и окраинные соц.-дем. организации были приняты в партию.

После разгона первой Госуд. Думы большие споры вызвало предложение Аксельрода о „рабочем с'езде". Л. принял в них участие брошюрой: „Широкая рабочая партия и рабочий с'езд", где защищал эту идею, бывшую у него ошибочным выражением стремления к расширению рабочей базы социализма, условия для которого созрели лишь более чем через десятилетие и на других началах (не с'езд „всех зрелых рабочих элементов для сговаривания", а вливание их в большевизм на твердой основе революционного социализма).

С осени 1906 г. до лета 1907 г. Л. руководит в Киеве работой украинской Спилки — нелегальной областной соц.-дем. организации, об'единявшей в этом районе большевиков и меньшевиков и охватывавшей губ.: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Черниг. и Полтавскую. При избирательной кампании во 2-ю Государств. Думу дважды арестуется: в Сквире (был избран под чужой фамилией выборщиком от крестьян в в Государств. Думу—бежал из-под ареста по лестнице через забор) и в Киеве, где из участка прислал крестьянской части выборщиков список пяти кандидатов соц.-дем., которые и были избраны в Госуд. Думу (арестованный под чужой фамилией и не узнанный, был скоро выпущен). Там же, вопреки линии меньшев. ЦК., руководимая им организация отказалась заключить избирательное соглашение с кадетами, благодаря чему от Киева во 2-ю Госуд. Думу был избран черносотенец—архиепископ Платон.

После Лондонского с'езда 1907 г. (на котором был от Спилки) уехал в Баку, где работал также в качестве нелегального до лета 1908 г., в частности был секретарем союза механических рабочих нефтяной промышленности, одним из руководителей кампании за коллективный договор, проводившейся по соглашению между большев. и меньшев. союзами (брошюра Л. „Коллективный договор", изд. в Баку в 1908 г. за подписью Л. А. Рин) и, уполномоченный обоими организациями, выступал от имени бакинского пролетариата на с'езде нефтепромышленников под фамилией Рин, после чего делались попытки арестовать, от которых удалось скрыться. М. пр., расстроил в Баку избирательное соглашение с кадетами, намечавшееся другими меньшевиками, благодаря чему от русских Закавказья в 3-ю Госуд. Думу был избран черносотенец Тимошкин. После краткого пребывания в Киеве, зимой 1908—1909 г. пишет книжку „Рабочие нефтяного дела" (изд. в Москве) и с осени 1909 г., переехав в Харьков, примыкает к моск. журн. „Возрождение" („Жизнь", „Дело жизни"), основ. группой меньшевиков ликвидаторов (Ежов, Миров, В. П. Милютин и др.), являясь одним из наиболее широко известных их представителей. Работая литературно в ликвидаторской группировке, Л. являетсяодновременно одним из идейных инициаторов создания нелегальной меньшев. организации (в отличие от бывшей против „подполья" другой меньшевистской группы, издав. в те же годы журн. „Наша Заря"—Потресов и др.). Такая нелегальная организация образовалась сперва в Петербурге, как „Пет. инициативная группа", включавшая затем несколько сот соц.-дем. рабочих, — многие из которых сейчас занимают видное положение в рядах ВКП (б),—а затем и в нек. др. городах. Ведя все время в России жизнь нелегального, Л. появляется за границей (едва уцелев от пули пограничника при переходе границы) перед организованной Троцким в 1912 г. конференцией соц.-дем. групп, образовавших „Августовский блок", в которой участвовали группы меньшевиков, Луначарского („впередовцы"), Троцкого (возглавлявшего выходившую в Вене газ. „Правда", а затем в России—журн. „Борьба"), бундовцев и др. С этих пор усиливается расхождение Л. с меньшевистски-ликвидаторской группой, превратившееся в открытый разрыв с началом мировой войны, и начинается сотрудничество в „Борьбе". К периоду 1909—1912 г. относится ряд работ Л. по аграрному вопросу, обосновывавших на изучении русской действительности будущие „совхозы" и т. п. (работы эти переизданы в 1926 г. Госиздатом — „Экономика досоветской деревни").

В январе 1913 г. Л. арестовывают в Тифлисе после лекции его в рабочем клубе и вскоре перевозят в Петроград. После почти годичного пребывания в тюрьме, признанный умирающим несколькими повторными медицинскими комиссиями, он высылается за границу. С началом мировой войны (июль 1914 г.) Л. становится на интернационалистскую позицию против войны и широко использует все возможности легальной печати („Вестник Европы", „Русские Ведом.", „Летопись", „Сев. Записки", „Мир Божий" и др.) для того, чтобы в виде многочисленных корреспонденций о военном хозяйстве (подпис. М. Лурье) доставлять обширный материал агитаторам и пропагандистам за неизбежность социалистической революции, проблема которой

с самых первых дней ставится им, как неустранимое следствие войны. Эта корреспондентская кампания, продолжавшаяся с 1914 г. до весны 1917 г., как обилием и научной проработкой материала, так и обоснованностью вытекавшего из него вывода о рабочей революции, как о неизбежном выходе из положения, была своеобразным явлением русской литературы военного времени.

Именно она послужила как идейным мостом для сближения Л. с большевистской группировкой, так и одним из главных оснований, по которым при распределении функций 25 октября 1917 г. Ленин поручил ему заняться экономикой (см. журн. ВСНХ „Народн. Хоз." за 1918 г., № 11, „У колыбели").

После Февральской революции 1917 г. Л. приезжает в Петербург первым вернувшимся эмигрантом (одновременно с Урицким) и привозит известие, что за границей бывший тогда министром иностран. дел Милюков делает от имени Врем. Правит. аннексионистские заявления,—что, согласно его предложениям, послужило конкретным поводом для кампании за отказ от аннексий, за отставку Милюкова и т. п. и для установления связи Совета Рабочих Депутатов с Европой через собственных курьеров и представителей.

Л. выставлял требование „мира по телеграфу", т.-е. немедленного предложения перемирия и борьбы против господствовавшей еще в петрогр. революц. полках идеологии „войны до победного конца". Требования эти были отклонены господствовавшими в Петр. Совете элементами (меньшев. президиум Исполнит. Комитета и меньшев. ЦК, назыв. „Орг. комитет"), опиравшимися на петрогр. меньшев. организацию, развернувшуюся из прежней подпольной „иниц. группы". Следствием этого было, во-первых, создание фактического „левого блока" для борьбы против господствующих меньшев. групп внутри Исполн. Комитета (где предложения Л. поддерживались обычно Залуцким, Федоровым и другими большевиками, и наоборот) и, во-вторых, борьба Л. за отрыв петр. рабочей меньшев. организации.

Крупнейший ее район — Василеостровский—скоро признал себя солидарным с Л., был организован небольшой журнал „Интернационал", посвящ. агитации за требование немедленного перемирия и предложения мира и за неизбежность рабочей революции.

После июльских дней, когда большевитская партия загнана была на время правительств. преследованиями в подполье—Л. и около тысячи рабочих из прежней петрогр. меньшев. организации формально вступили в большев. организацию: „можно бы слепить здесь и в провинции третью организацию в пару десятков тысяч человек,—гласила обосновывавшая это декларация Л.—но... в трудную для пролетариата минуту... последовательность требует, во имя пролетарского интернационализма и собственного революционного прошлого... не дробить силы „ларинскими" или еще какими „третьими" фракциями... искренно и бесповоротно с распущенными знаменами войти в большевистские организации, вложить в них все накопленные знания, опыт и методы, содействуя таким путем построению классовой партии русского пролетариата".

После Октябрьской революции 1917 г. работа Л., гл. обр., протекала в области разработки хозяйственно-политических вопросов и организации хозяйственной жизни.

На его долю выпадала часто инициатива в постановке на практическую очередь ряда крупных вопросов, как аннулирование займов, национализация промышленности, концессионная политика, рабочее законодательство и пр. Первые периоды Советской власти (примерно до лета 1918 г.) было допущено единоличное составление и публикация Л. в официальном отделе правительств. газеты законов и обязательн. постановлений по разнообразным вопросам хозяйственн. жизни, иногда за ставившейся им подписью Ленина, чаще только за своей личной (как, напр., декрет о 8 час. рабочем дне и нормах рабочего законодательства, положение об управлении промышленными предприятиями и порядке их национализации, о создании ряда „главков" и „центров" и мн. др.), иногда с присоединением подписей еще некоторых товарищей, предоставивших право присоединения их подписей и т. д.

В наступивший затем период военного коммунизма (с осени 1918 г. до лета 1921 г.) работа Л. охватывала все основные области хозяйства, начиная от финансов (введение сметного порядка содержания промышленности, правил о составлении государственного бюджета, затем бесплатности государственных и коммунальных услуг с отменой денежных налогов и т. д.) и распределения (осенний закон 1918 г. о национализации торговли и др.) и кончая земледелием (создание совхозов, приписного к фабрикам и городам земледелия и пр.),

транспортом и внешними экономическими сношениями (участие в введении монополии внешней торговли, командировка летом 1918 г. в Берлин для переговоров с Германией и т. д.), не говоря уж о промышленности и рабочем законодательстве (натурализация и нормирование заработной платы, затем введение премиальности, переход к коллективному снабжению и т. д.).

Практически Л. ставился в эти годы партией поочередно во главе ряда рабочих органов советской власти, перед какими ставились особенно острые, сложные и неотложные вопросы хозяйственной жизни,—с тем, что после их организации, охвата работы, выработки известной традиции и подготовки кадра преемников он переходил к руководству следующим вновь создавшимся органом соответственного свойства.

Так, поочередно руководил комитетом хозяйств. политики, проделавшим в 1918 г. крупную часть работы по национализации промышленности, по созданию об'единяющих ее центров, введению производственных программ и пр.; комиссией использования, которой принадлежало в 1919—1920 г. распоряжение всеми материальными рессурсами государства, осуществлявшееся затем Наркомпродом и подлежащими органами Совнархоза; рабочим комитетом содействия земледелию (установление политики и начало совхозно-колхозной практики); высшим советом по перевозкам (учрежд. осенью 1919 г. и имевшим до весны 1921 г., примерно, до окончания войны, диктаторские полномочия до определения пределов подвоза войск к разным фронтам включительно); совещанием по установлению численности армии (в связи с возможностями и перспективами ее снабжения); комиссией по натуроотчислениям (в связи с ломкой в 1921 г. системы заработной платы); комиссией по пересмотру учреждений республики, учрежд. во второй половине 1921 г. для пересмотра организаций и состава центр. и местных органов и действовавшей до лета 1922 г., упразднив ряд организаций, переведя другие на новые организационные основы, сократив на $1^1/_2$ миллиона человек фактический штат госслужащих и т. д.

Следует особо отметить поднятый им осенью 1920 г. вопрос о необходимости создания Госплана и преобразования СТО в экономический штаб республики, нашедший себе скоро практическое осуществление. К этому периоду относится ряд брошюр: „Очерк нар. хозяйства 1917 — 1920 г." (вместе с Кричманом), „Производственная пропаганда" и др.

Переход к новой экономической политике в первой половине 1921 г. был поддержан Л., который еще в1920 г. настаивал в интересах соглашения с крестьянством на отмене монопольной хлебной разверстки и на переходе к торговым и налоговым способам заготовки крестьянских продуктов (проведенные им в этом смысле в начале 1920 г. резолюции на Всеросс. с'езде совнархозов и отдельно на особом совещании центр. комитетов профсоюзов—остались неопубликованными по причине непринятия еще партией в то время этой точки зрения). Потому Л. принимает активное участие в введении новой экономической политики, в частности составлением закона о явочном порядке создания кооперативов и о разных льготах им, поднятием на общепартийной конференции 1921 г. вопроса о раскрепощении от необходимого в свое время главкизма и о переводе на основы хозрасчета также и государств. промышленности, участием в составлении типового устава первых трестов, агитацией за переход от собезно-пайковой заработной платы к системам, основанным на связи с размерами выработки и т. д. Но с конца 1921 г. начало отмечаться расхождение Л. с некоторыми явлениями дальнейшего развертывания нэп'а (увеличение концессионных программ на действующие уже промышленные предприятия, рост участия внутренней буржуазии в хозяйств. жизни, особенно в торговле и т. н. „разбазаривание", т.-е. крайнее ослабление тенденций к плановому хозяйству, некоторые изменения налоговой и пр. практики в отношении к деревенской бедноте).

На собраниях, с'ездах и в печати он выставляет требования „коммунистической реакции", т.-е. прекращения дальнейшего экономического отступления пролетариата; перестройки фронта для вытеснения частного капитала из господства в торговле; сведения к неизбежному минимуму концессий в области уже существующих предприятий, с преимущественным развитием их в области неиспользованных природных богатств; поворота к усилению планового руководства государства всей хозяйственной жизнью; определенной ориентации в деревне на батрака, маломощного и на низового середняка; твердого курса на орабочивание социального состава как хозяйственного аппарата,

так и самой осуществляющей пролетарскую диктатуру партии. Формулировка этих воззрений дана была Л. в 1922—1924 г. в ряде докладов, статей, исследовательских работ и речей, из которых более крупные собраны в книжках: „Итоги нэпа", „Вопросы крестьянского хозяйства", „Уроки кризиса", „Новая торговая политика" и „Советская деревня". Экономические и политические условия в то время не созрели еще для подобного перехода в обратное хозяйств. наступление пролетариата.

В начале 1922 г. не был утвержден в последней инстанции принятый уже Высшим Экономич. Советом (существ. в то время под председ. Л. Б. Каменева) так наз. „ларинский" проэкт положения о трестах, твердо устанавливавш. конец отступления в области промышленности, торговли промизделиями и отчасти заготовок, финансов и кредита и в области общего планового руководства хозяйством. После этого Л. не принимает уже прежнего участия в общеруководящей администрат. хозяйственной деятельности, и работа Л. сводится лишь к участию в разработке отдельных крупных вопросов (введение по его почину классовой системы квартирной платы, организация рабочего кооперат. жилищн. строительства и пр.), к участию в разных комиссиях ЦК, ЦИК, СНК, СТО и в партийной печати.

Впоследствии, в 1924—1925 г., складываются условия, когда хозяйственно-политическая обстановка оказывается уже созревшей не только для остановки отступления, но и для перехода пролетарского государства в экономическое наступление (курс на постепенное вытеснение частного капитала из торговли, курс на активную поддержку в деревне маломощного, его колхозов и т. п., усиление курса на орабочивание по всей линии, подчеркивание особой осторожности в концессионных вопросах, укрепление руководяще-плановой роли СТО, как экономического штаба, и т. д.). Вместе с тем ослабляется острота разногласий, Л. начинает вновь принимать деятельное участие в разработке ЦК новой торговой политики и т. п. Неизлечимая и тяжкая болезнь (прогрессивная атрофия мускулов), особенно развившаяся после первого двухлетнего тюремного заключения (1902—1904 г.) и затем под влиянием особенно перенапряженной работы 1917—1921 г. все в большей степени не дает Л. возможности полностью использовать его силы. Он все реже выступает и на собраниях и в печати, ограничиваясь преимуществ. постановкой являющ. особенно больными или считаемых особенно щекотливыми вопросов („револ. законность", некот., стороны национ. вопр. и пр.).

Лацис, Мартын Иванович (Судрабс, Я. Ф.) *(автобиография)*. Я родился в 1888 г. в бедной семье латышского батрака, проживавшего в Лифляндской губ. Старо-Пебальгской волости в усадьбе Рагайни. Это было время отмирания патриархальных отношений хозяина и батрака. Латышский крестьянин, приобревший путем покупки у немецких баронов значительные земельные участки, начинает себя чувствовать уже белой костью и отгораживаться от батрака и в обществе и в домашнем быту. И в деревне и в городе нарастает своя латышская буржуазия, ведущая борьбу с немецким засильем в крае, и латышский пролетариат, идущий рука об руку с рабочими других национальностей края.

Но все же первые годы моей молодости были пока только отмиранием патриархальности, поэтому на место ясного классового чувства и искания выхода в открытой классовой борьбе мои родители искали выхода из беспросветного существования в школе, в образовании: «Кончишь школу и тебе не придется служить у мужика»—неоднократно наказывала мне мать. Она сама, хотя и была грамотна, но считала себя обреченной на положение сельско-хозяйственного рабочего. Зато ее единственный сын должен был «выйти в люди», и она работала не покладая рук, чтобы провести сына хотя бы через начальное и приходское училище.

Старость и слабость отца все же не давала возможности набрать достаточно средств на школу, и мне с 8 лет пришлось начать жизнь с.-хоз. пролетария. Начиная с этого возраста меня каждое лето отдают в пастухи, чтобы иметь возможность зимой посещать школу. В 1903 г. я кончаю приходское училище и уезжаю в Ригу подыскать работы. Здесь два года я работаю сначала в качестве ученика в столярной мастерской, потом в магазине в качестве «мальчика». Встреча с столярным подмастерьем Тенчом вводит меня в круг городского сознательного пролетариата, и я начал приобщаться к социализму. В эти годы я не бросаю ученья, у меня твердое намерение стать народным учителем, чтобы всерьез заняться обучением молодежи новому евангелию. Летом 1905 г. я бросаю работу в городе и направляюсь в деревню, чтобы подготовиться к экзаменам в учительской семинарии. Но здесь аграрное движение в полном разгаре. Революционная волна

ЛАЦИС М. И. (1888–1938).

С 1928 ответственный инструктор, затем заместитель заведующего отделом по работе в деревне ЦК ВКП (б). С 1932 директор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

нарастает с каждым днем, и я с головой ухожу в революцию. От учения не получается ничего и, естественно, я на экзаменах проваливаюсь. Но разве это может огорчить в эти дни революционного под'ема! В сентябре я официально вступаю в партию и с того времени живу одним лишь революционным движением. Я—член боевой дружины и активный участник разоружения немецких баронов, поджога имений, борьбы с солдатами и т. д.

Карательные экспедиции заставляют меня на время уйти в подполье. Жизнь лесного брата меня не прельщает, и уже в начале 1906 г. я нанимаюсь в батраки и работаю так в деревне до конца 1907 г., когда я снова уезжаю в Ригу. Однако, при моей попорченной репутации я работы отыскать не могу и уезжаю в Энгельгартовское волостное училище к учителю Миллеру учиться и помогать в школьной работе. Здесь я усердно учусь и в марте месяце 1908 г. сдаю в Риге экзамен на народного учителя. Родители за эти годы померли, и я совершенно один. Отсутствие всяких средств заставляет меня на лето снова наняться батраком, пока не подыскиваю место учителя в Велико-Роопском приходском училище. Зимою учительствую, а летом отправляюсь в Ригу по приглашению члена ЦКСД Латышского края, Тейкмана, и работаю в качестве пропагандиста Ц К и Рижского комитета партии. Летом 1910 г. я проваливаюсь и ухожу в подполье, бросив учительство навсегда. С тех пор я живу исключительно партийной работой и сотрудничаю в латышской рабочей прессе. Весной 1911 г. я вынужден покинуть Ригу из-за преследования охранки. До 1913 г. скитаюсь по Северному Кавказу и Дону, работая в качестве помощника землемера, а осенью того же года еду в Москву и поступаю в университет имени Шанявского. Но учиться удается не долго: я втягиваюсь в партийную работу и после первой же листовки, изданной инициативной группой партийцев против войны, я снова проваливаюсь благодаря провокации Поскребухина. Но мне удается скрыться, и я начинаю проживать в Московском уезде в районе Петровско-Разумовского. Весной 1915 г. я вместе с другими латышскими партийцами, гл. обр. из универс. имени Шанявского, организуем Тверскую группу и начинаем связываться с Московской организацией. Я ставлю у себя в Петровско-Разумовском подпольную типографию и заделываюсь и типографским техником и литератором. Работаю в столовой С.-Хоз. института, откуда при помощи некоторых студентов и Грунта получаю материальные средства на типографию. После шестой листовки типография проваливается и опять благодаря провокаторам Поскребухину и Романову. Через две недели арестовывают и меня, но из-за отсутствия вещественных доказательств меня суду не предают, а отправляют в административном порядке на четыре года в Иркутскую губернию.

Там во время этапа я встречаюсь с Молотовым и Залуцким, которые меня приглашают бежать из ссылки и поставить типографию для партийного центрального органа. Я на это предложение соглашаюсь и, даже не доехав до места ссылки—до Киренска, совершаю побег и 20 ноября 1916 г. приезжаю в Петроград и приступаю к организации подпольной типографии. На этом деле меня застает Февральская революция, я бросаю типографию и начинаю работать в Выборгской стороне в качестве организатора и агитатора, одновременно состоя членом Выборгского районного Комитета и Петроградского Комитета партии. В Октябрьские дни состою членом Петрогр. Военно-Революц. Комитета и руковожу работой Бюро Комиссаров, а отсюда назначаюсь членом Коллегии Наркомвнудела, где ведаю отделом местного управления. 20 мая 1918 г. я по совместительству назначаюсь членом Коллегии ВЧК, где работаю до ликвидации этого органа, все время совместительствуя. В середине июля назначаюсь председателем Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контррев. на чехословацком фронте. По взятии нашими войсками Казани одновременно состою председателем военно-полевого трибунала 5-й армии. В марте 1919 г. начинаю работать на Украине в качестве председателя Всеукр. Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контррев.

В начале 1921 г. перехожу на работу в соляную промышленность, продолжая сотрудничать и в ВЧК. Здесь я работаю вначале в качестве члена Коллегии Главсоли, потом пред. Главсоли, а в марте 1922 г. организую Солесиндикат и работаю, гл. образ., в качестве председателя синдиката, хотя и состою заместителем нач. Главн. Управления Горной Промышленности. В 1923 г. я перехожу в Наркомзем, где работаю до сих пор в качестве члена коллегии и председ. Госсельсиндиката, направляя работой землеустройства, мелиорации, колонизации и переселения, рыбного дела, земельного суда и кассационного ком. при НКЗ.

С образованием Совета синдикатов состоял членом бюро его, а теперь состою членом Президиума Совета С'ездов торговли промышл. и транспорта. Состою одновременно председ. Совета Мос-

сельбанка и членом Сов. Всесоюзн. С.-Х. Банка и председателем Литиздата.

Написал несколько популярных брошюр по вопросам сов. строительства; промышленности и с.-хоз. Мною написано несколько агит. пьес на русском и латышском языках и повесть «Наша дорога» из жизни революционера. (Моя настоящая фамилия Судрабс, Ян Фридрихович, а Лацис—моя нелегальная фамилия, которую ношу с 1911 г. с момента моего полного ухода в подполье.)

Лашевич, Михаил Михайлович, первый заместитель наркомвоенмора СССР и председателя РВС СССР. Род. в 1884 г. Революционную работу начал в 1900 г., когда вступил в кружок учащихся, связанный с одесской организацией. В конце 1901 г. Л. состоит в рядах РСДРП (искровского направления) и после раскола на втором с'езде примыкает к большевикам. С тех пор Л. принимает активное участие в революционной работе. Л. многократно арестовывался, был в ссылке в Вологодской губ. и в Нарыме.

Во время германской войны был мобилизован, участвовал на фронте в качестве солдата и был дважды ранен. Во время Февральской революции Л., по поручению ЦК партии, находился в Питере и работал в Совете рабочих и солдатских депутатов. Затем был секретарем, потом председателем фракции большевиков, а также членом военно-революционного комитета в Петрограде. В Октябрьские дни Л. командует частями Кексгольмского полка и матросами, которые в ночь на 25-е октября захватывают телеграф, Государственный банк, казначейство и почту. Под руководством Л. было захвачено Павловское юнкерское училище.

Во время гражданской войны Л. был командармом и членом реввоенсовета 3-й армии, членом реввоенсоветов Восточного фронта, Южного фронта и 7-й армии. После окончания войны он работал в президиуме ленинградского исполкома, затем членом реввоенсовета и командующим войсками Сибирского военного округа. За участие в боях на Восточном фронте Л. имеет орден Красного Знамени (*См. Спр. ж.* и *Изв.*).

Лебедев, Павел Иванович *(автобиография)* (парт. и литерат. псевдоним *Валерьян Полянский*), старый большевик-коммунист, родился в 1881 г. в Меленках, захолустном городишке Владимирской г. Мальчик, болезненный от природы, провел свое детство в тяжелой мещанской обстановке. Отец—мелкий чиновник, без образования, суровый, мать—почти неграмотная. От жестокого обращения мальчик несколько раз убегал из дому, скрываясь в лесу и питаясь подаяньем, домой водворяли с полицией. В минуты отчаяния проклинал бога, в детской надежде, что он поразит его на месте. И тут навсегда утратил религиозность. 9-ти лет его отдали в духовное училище, полагая, что духовенству живется беззаботно. Воспитание шло на религиозно-патриотических книжках, в лучшем случае на Майн-Риде, Жюль-Верне и т. п. Отказывая себе в белом хлебе и сахаре, мальчик покупал «Черного монаха», «Английского Милорда» и «Чуркина». Классиков читать не давали.

В это время в народных массах ходили слухи, что есть социалисты, которые убили царя, не верят в бога, за что их мучают в Петропавловской крепости, где механически раздвигаются полы, заключенные падают в Неву и тонут. Своевольный и непокорный, познавший жестокость жизни, мальчик захотел быть социалистом.

14-ти лет его перевели в семинарию. Он сразу был поражен: один из воспитанников рубил топором голову ректору. На первом же году он столкнулся с подпольной библиотекой, где было немало даже рукописных книг. Биография Добролюбова в издании Павленкова была первой книжкой, которая открыла ему новый мир. Потом пошли сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Герцена, журн. «Современник» и «Отеч. записки», Спенсер, Дарвин и русская художественная литература. «Что делать?» и «Знамения времени» перечитывались по нескольку раз, укрепляя в сознании социалистические настроения. Увлекался Некрасовым, Г. Успенским и Щедриным. Читать уходил в лес, в поле, в уборную, книги прятал в дровах, в матраце, на чердаке, под полом. Под влиянием Писарева и Дарвина—увлечение естествознанием (Бюхнером и Молешоттом) и решение поступить в университет на естественное отделение. В 1900 г., девятнадцати лет, он знакомится с марксизмом—с «Монистическим взглядом» Плеханова, потом с «Коммунист. манифестом», с отдельными работами Маркса, Энгельса, Каутского и Лассаля. Беспокойный, мятущийся, доходивший ранее до отчаяния и потери смысла жизни, он сразу ожил, нашел мировоззрение и приобрел уверенность. Начал вести пропаганду среди учащихся и рабочих своего города. У начальства на счету, как «неисправимый социалист», как человек, который «сжег свои корабли», пишет социалистические стихи и рассказы. У него производят обыски, отбирают нелегальную с.-д. литературу, грозят уволить

ЛАШЕВИЧ М. М. (1884–1928).

В 1925 заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета СССР, член Президиума ВСНХ СССР. С 1926 заместитель председателя правления КВЖД. В 1925–27 кандидат в члены ЦК партии. В 1927 исключен, в 1928 восстановлен в партии.

ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ П. И. (1881/82–1948).

В 30 – 40-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии, главный редактор Литературной энциклопедии и ряда др. изданий. Академик АН СССР (1946).

без права поступления в какое-либо учебное заведение. С затаенной злобой он со всем мирится, надо кончить семинарию. Начальство берет с него обещание итти в Академию. Он кончает семинарию по первому разряду со званием студента, но, несмотря на сильное сопротивление родителей, поступает в Дерпт в университет на медицинский факультет, выдержав вступительные экзамены.

Осенью 1902 г. в Петербурге он встречается со студентами с.-д. и сразу входит в группу, становится «искровцем», зачитываясь в «Заре» «Критикой наших критиков». Большое впечатление произвела брошюра «Что делать?». Помимо медицинских и естественных наук занимается историей, государственным правом, политической экономией, литературой. 19 февраля 1904 г. во время политической демонстрации его арестовывают и привлекают за пропаганду и распространение нелегальной литературы. Сидит в Дерптской тюрьме вместе с Герасимом Махарадзе, впоследствии членом с.-д. фракции в Гос. Думе, и решает сделаться революционером профессионалом. Осенью, по постановлению Рижской судебной палаты, высылается до суда под гласный надзор полиции во Владимир на р. Клязьме.

Здесь опять работает над общественными науками, над аграрным вопросом, ведет пропаганду среди интеллигенции, учащихся и солдат, наезжая в Ковров, Муром, Меленки, соседние фабрики и деревни, восстанавливая вместе с другими разрушенную ранее арестами большевистскую организацию. В октябрьские дни 1905 г. организует первую в городе демонстрацию, и его до полусмерти избивает черная сотня, а затем чуть не убивает в ближайшем селе Ундоле. Дальше работа в Нижнем-Новгороде. Член Нижгор. комитета РСДРП. Сормовское, Канавинское и Молитовское вооруженное восстание. 14-месячное сидение по делу Комитета вместе с Семашко, Лежавой, Керженцевым и др.

В ожидании каторги, весной 1907 г., бежал из тюрьмы и по поручению большевистского центра направился в г. Николаев для подготовительной работы к Лондонскому с'езду. Благодаря обнаружившемуся в организации предательству вернулся на север, поселился в Выборге, ведя работу в военной организации, среди русских рабочих и входя в Финскую С.-Д. партию. В Финляндии он знакомится с Лениным, Крупской, Каменевым, Богдановым и другими руководителями большевистской фракции, увлекается философией. Осенью 1908 г. его арестовывают, но он вырывается из рук финской охранки и с помощью финских с.-д. переправляется за границу, в Женеву, в центр тогдашней эмиграции.

За границей, как и раньше, полуголодная жизнь. Моет в ресторане посуду, позже занимается педагогической деятельностью и иллюстрированием медицинских работ. Упорная систематическая работа в течение нескольких лет над вопросами философии, культуры, истории социализма и партии, по национальному вопросу. Знакомство с вождями других фракций российской с.-д., с Луначарским, Плехановым, Троцким, Аксельродом, Мартовым и друг. Во время разделения большевиков на ленинцев, впередовцев и примиренцев становится активным членом группы «Вперед» и почти бессменным ее секретарем в Женеве. Во время империалистической войны организует и вместе с Луначарским редактирует нелегальный журнал «Вперед», который вел беспощадную борьбу с социал-патриотами. В годы эмиграции сотрудничал в петроградском рабочем журнале «Борьба», в профессиональных органах «Вестник портных», «Рабочий иглы», «Печатное дело», в американской газете «Новый мир», в парижской газете «Наше слово», посылал корресп. в московскую газету «Наш путь».

Когда разразилась Февральская революция, едет через Германию в Россию, принимая активное участие в Межрайонке, являясь членом Комитета, неустанным агитатором, членом редакции журн. «Вперед», состоит членом Петросовета и членом ВЦИК, членом Думы и различных культ-просвет. организаций. В июльские дни выбирается в Комиссию по руководству движением и арестовывается. Сидит в «Крестах», пережив в подвалах генерального штаба приготовления к расстрелу. Обвинялся, как немецкий шпион, как участник вооруженного восстания, как изменник отечеству. Во время заключения избирается в члены Петроградского Комитета Партии большевиков.

После Октябрьского переворота назначается членом коллегии Наркомпроса, проводит декрет о национализации классиков художественной литературы и широко развертывает издательскую деятельность, являясь одновременно главным редактором журнала «Народное просвещение». Затем председатель Всероссийского Пролеткульта, организует Международное Бюро Пролеткульта и работает в нем, как секретарь. Сотрудничает в петроградск. журналах «Юный пролетарий», «Студенческая правда», в газете «Правда», а затем целиком сосредоточивается в созданном им журнале «Проле-

тарская культура», являясь редактором и активным сотрудником, ревностно отстаивая идею пролетарской культуры, пролетарской науки, пролетарского искусства, пролетарской литературы, позже отстаивая ее от натиска «попутчиков». Принимает ближайшее участие в организации пролетарского университета, ныне имени Я. М. Свердлова. На фронте редактирует газету Реввоенсовета Южного Фронта «Красная звезда» и ревизует политическую и культ.-просв. работу фронта. С организацией Коммунистической Академии избирается профессором, читает лекции о пролетарской литературе, а затем становится действительным членом Академии.

После партия посылает его работать в ВСНХ, где он является членом Центральной Производственной Комиссии и начальником Главного Управления Учета и Статистики Промышленности. Литературная работа не прерывается. Он редактирует журнал литер. и искусства «Творчество», литер. газету «Московский понедельник», регулярно сотрудничает в журналах «Под знаменем марксизма», «Печать и революция», «Жизнь», «Современник», „Воинствующий материалист", „Рабочий журнал" и в др.

За годы революции вышли его книжки: «На литературном фронте», критико-биограф. очерки о Некрасове, Островском, брошюра «О пролетарской культуре» и «Ленин и литература». В своих литературных работах он, признавая положение «искусство, как познание жизни» половинчатым, выдвигает организационную роль искусства, держится строго реалистического направления, резко нападая на футуристов, имажинистов, конструктивистов, производственников и т. п. В области критики он работает над вопросом о принципах марксистской научной критики, о роли психоанализа.

В настоящее время он—председатель Главного Управления по делам Литературы и Издательств, профессор Первого Моск. Госуд. университета, читает лекции по методологии литературы (марксистский анализ) и истории русской критики.

Лебедь, Дмитрий Захарович *(автобиография)*. Родился в 1893 г., 11 января. Родители мои—крестьяне Екатеринославской губ. Новомоск. у. д. Николаевки. Через год после моего появления на свет отец уходит из деревни и поступает на завод в качестве чернорабочего. В 12 лет я впервые вступаю в обращение, как об'ект для прибавочной ценности: в компании с такими же малышами поступаю на пристань складывать дрова в сажени, в то время по капризу случая я схожусь с ровесником, два брата которого—анархисты. Постоянное пребывание возле взрослых революционеров прививает нам любопытство, и ради него мы подражаем взрослым. Так, один раз Василий ворует револьвер у брата, и мы собираемся на „экс" у владельца винного магазина, но взрослые узнают, и наше предприятие не удается. В другой раз нам дают прокламации, мы идем на пристань и разбрасываем их, вдруг увидели полицейского и давай бежать; хотя он и не мог заметить нашей крамольной работы, но мы всюду рассказывали, что нас ловили, и этим становились, по крайней мере в своих глазах, героями. Параллельно этому я таскал доски с пристани, очевидно думая, что и листовки и воровство досок одинаково подрывают устои капитализма.

В 1905 г. поступил в Н.-Днепровске в 2-х классное железнодорожное училище при станции Н.-Д. Учился до 1908 г. В этом году умер отец, и мне предложили старшие бросить учиться и пойти работать. Поступаю на завод штампования в Н.-Днепровске. Летом этого же года В. Хлебодаров (б. меньшевик) вводит меня в кружок самообразования организованный под фирмой „Вестника Знания". Во главе кружка был студент Анисимов—эс-эр, известный террорист. Он настаивает, чтобы кружок занимался по политической экономии, большинство его членов не соглашается, и кружок распался. Часть, в том числе и я, создали новый, пригласив Анисимова.

Всю зиму он занимался с кружком, читая лекции по различным вопросам социально-политического значения. В конце года я поступаю в депо Ек. ж. д. в качестве обтирщика паровозов. Здесь знакомлюсь с Гончаренко (как после узнал с.-д.), который меня и Хлебодарова вводит в новый кружок, состоявший из рабочих. В 1909 г. я знакомлюсь с Андроновым, слесарем с.-д. (большевик, ныне работает на Ек. ж. д. в качестве инспектора труда). Он меня рекомендует в Заднепровскую группу. На первом ее заседании я узнаю, что надо платить членский взнос в размере ½%; хотя жалование мое и скудное (45 коп. в день), но я подчиняюсь. В конце 1909 г. и в 1910 г. я перехожу из одного кружка в другой.

Впечатления детства, особенно 905-6 годов, всколыхнули мою душу и вызвали с силой тогда еще не совсем осознанные стремления готовить себя к борьбе. Хотя кружки заднепровской организации и именовались с.-д., но я-то себя считал еще неготовым назваться сознательным

ЛЕБЕДЬ Д. З. (1893–1937).

В 1926–1930 заместитель наркома РКИ СССР. В 1930–36 заместитель председателя СНК РСФСР. С 1924 член ЦКК, в 1926–30 член Президиума ЦКК, с 1930 член ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

последователем этой партии. Я считал себя сознательным рабочим. Но уже к концу 1910 года в лесу близ Днепра было устроено первое организационное собрание нескольких человек рабочих во главе с интеллигентом Григорием (его кличка; фамилии и теперь не знаю) и бывшим членом 3-й Государств. Думы Кузнецовым (после оказавшимся в меньшевистском лагере). На этом собрании Григорий и Кузнецов настояли, чтобы наша группа называлась с.-д-ой, с чем большинство согласилось. 1910 и 1911 годы я непрерывно пребываю в кружках, но уже не только в качестве слушателя, а и практического работника. Мне дают различные поручения, в роде патрульных обязанностей, перевозки шрифта, печатания листовок и т. п. В эти годы я знакомлюсь со своим первым духовным воспитателем Беспаловым. Тогда он был полон энтузиазма, энергии и революционной бодрости; он был любимцем рабочих. Бесчисленное количество кружков он посещал еженедельно; я был всегда исполнителем его поручений. В первом кружке, куда вошел ряд рабочих, среди них и Новиков, рабочий-больш. Екатеринослава, я, под руководством Беспалова, должен был читать первый доклад о классовой борьбе. Помню, как всю ночь он меня муштровал и в конце концов сказал: „Из тебя выйдет плохой пропагандист, а все же выйдет". В 1912 г. я вовлекаюсь в массовую работу. Повсеместное оживление рабочего движения—Ленские события—нашло отклик в толщах рабочего класса; он стал как бы пороховницей. Мы лихорадочно работаем над тем, чтобы искры были наиболее зажигающими. Непрерывная массовая организация забастовок, оживленная работа кружков—все это поглощало нас, молодых, полных веры, хотя и с малым опытом и знанием в работе. В это время я сталкиваюсь с Носенко, державшим связь с ЦК партии (большевиков) в Екатеринославе, с Драчевым и рядом других интеллигентов-партийцев. Осенью 1912 г. наша организация готовится к выборной кампании в Государственную Думу. В Заднепровьи меня избирают в организационное бюро по проведению кампании. Вскоре я знакомлюсь с Г.И. Петровским, намеченным тогда кандидатом от большевистской организации в 4-ю Госуд. Думу. Оживление в наших рядах и в рабочих массах вызвало оживление и в недрах охранки. Стоило огромных усилий уберечь нашего кандидата. Каплю своего участия должен был приложить и я в этом деле. Кампания была окончена благополучно, депутат избран, и мы крепко связываемся с Петровским. До его ареста он не терял связи с заднепровцами. В этом же году я перевожусь в Нижнеднепровские вагонные мастерские. Здесь, совместно с Андроновым, Медведевым (старым большевик., ныне умершим) и Сторублем, украинским с.-д., организуем инициативную группу по работе среди масс; мне поручается работа среди рабочей молодежи и связь с редакцией газеты „Правда". К концу года меня переводят в никкелировочную мастерскую, где в течение 3-х лет я и работал, приобретя специальность никкелировщика. Позже был переведен в слесаря. В 1913 г. заднепровская организация становится центром всей партийной массовой работы Екатеринослава. В городе, вследствие частых провалов, организация работает менее оживленно.

В мастерских совместно с П. Воронцовым (быв. член областкома донецкой организации, погибший на фронте) была организована 1-я группа из молодежи. В нее вошли Воронцов, Булат, Суханов, Живодер и ряд др. На первом заседании мною была прочтена первая лекция. Выразилась она в чтении и комментировании брошюры А. Бебеля „Студенчество и социализм". Через два-три месяца группа молодежи была вовлечена в партийную работу. Как раз к этому времени в нашу организацию входит, по рекомендации Петровского, Скворчевский —один из старой школы марксистов —педагог; он берет на себя воспитание молодежи, и я вовлекаю их в практическую работу. Необходимо указать на огромнейшую пользу, которую принес Скворчевский екатеринославской организации. Имея недюжинные способности педагога и большое марксистское развитие и образование, он в течение 3-х лет пропустил в Заднепровьи через партшколу, т. е. высшие и низшие кружки, до сотни человек. Из первого кружка собныжи вышло несколько сомолоде работников: Булат (был членом екатеринославского Губкома и председатель Дорпрофсожа Ек. ж. д., а теперь член ЦК Украины и зам. пред. СНК), Живодер (был красным офицером, умер на фронте), А. Суханов (управдел ЦК, а теперь секретарь окружн. комитета партии) и нек. др.

Благодаря тесной связи с Петровским, наша организация никогда не чувствовала недостатка в опытных руководителях партработой. Когда в Екатеринославе усилилось среди рабочих забастовочное настроение, большинство из практических работников организации устремило свое внимание на работу в массах. Круж-

ковая работа отходит на второй план, и в это время впервые чувствуется, как наши руководители Носенко, Драчев отходят от организации, не желая участвовать в массовой работе. Но к нам из Питера приезжает ряд так-наз. партийцев-профессионалов. В начале 1914 г. приезжал Н. Н. Глебов (Авилов—первый наркомпочтель), но благодаря преследованию охранки вынужден был уехать. После приехал Шмидт (нынешний наркомтруда), он с головой уходит в работу организации. Для руководства работой и выполнения конспиративных заданий создается „исполнительная комиссия" из Шмидта, Воронцова и меня. Издается ряд листовок, и готовится своя газета. К этой работе привлечены из кружка молодежи Суханов и Булат. 1914 г. (до об'явления войны) проходит в усиленной массовой работе. Исполнительная комиссия связывается с группами Екатеринослава и Каменского, устраивает ряд совместных заседаний, проводит массовки, руководит забастовками на отдельных предприятиях. В это время посланный заднепровской организацией на екатеринославскую конференцию в Каменское, я знакомлюсь с Власенковым (зам. ВСНХ Украины), с Аверины (б. пред. Губисполкома Одессы), Вронским и рядом других видных работников ек-ской организации. За несколько дней до официального об'явления войны наша организация на об'единенном с украинскими с.-д. собрании определяет свое отношение к войне: была вынесена резолюция в духе Циммервальдских постановлений. Эта же резолюция, дополненная и измененная позже, уже в начале войны, выносится на обширном собрании совместно с депутатом Гос. Думы Г. И. Петровским (при аресте его резолюция была найдена и после оглашена с трибуны Гос. Думы, как образец „большевистской измены").

Условия работы на заводах ухудшаются, предприниматели налегают в своей погоне за наживой прибылей от войны. Рабочие Каменского, Брянского заводов и в Заднепровьи—Шодуара, Гантке и др.—усиленно говорят о забастовке, наша организация ставит в порядок дня своей работы всеобщую забастовку, в течение месяца с лишним ведется подготовительная работа. В некоторых предприятиях забастовка об'является, но усилиями полицейских властей она прекращается. В 1915 г. на одном из заседаний исполнительной комиссии заднепровской организации выносится постановление бросить наши силы для работы в больничные кассы, кооперативы и др. общественные организации, для противопоставления засевшим там меньшевикам. По постановлению комиссии меня посылают в Нижнеднепровское Культурное Общество. Члены этого общества, рабочие, меня избирают тов. председателя общества, в это же время я иду работать и в кооператив Мануиловки. Здесь мы об'единяемся для совместной работы среди крестьян с украинскими с.-д. В конце года исполнительная комиссия меняет свой состав, в нее вошел Власенков, перешедший работать в вагонные мастерские, и в то же время к нам приезжает Квиринг, б. секретарь ЦК КП (б.) У, последний идет работать в больничную кассу.

В 1916 г., несмотря на правительственное постановление об освобождении от военной службы и мобилизации ж. д., меня арестовывают и берут на военную службу. Из сарая-карцера в Н.-Московске я бежал и только через два месяца с помощью одного эс-сэра, писаря военного начальника Н.-Московска, я был послан в 228 полк, стоявший в Екатеринославе. Пробыл в нем всего три месяца. По болезни ухожу и поступаю в Н.-Д. вагонные мастерские.

В ноябре месяце 1916 г. в мастерских нашей организацией организована забастовка. Вопреки постановлению комитета я выступаю на первом собрании, где, увлекшись, говорю о войне, о ее вреде и об экономических требованиях рабочих. Забастовка была задавлена, часть ее руководителей выгнали, в том числе и всех членов первого кружка молодежи. Меня всячески стали притеснять административными мерами. В январе 1917 г. меня арестовывают и сажают в екатер. тюрьму. Прокурором пред'явлено обвинение по 102 ст. за принадлежность к с.-д. партии. Арест был произведен по доносу провокатора Стеркина, работавшего в нашей организации и присланного, как узнали после, из Питера специально для ликвидации заднепровской большевистской организации. В это время со мной была арестована группа в 23 человека, в том числе и недавно приехавшая из Франции С. И. Гопнер. 3 марта 1917 г. я был освобожден и на первом же собрании рабочих вагонных мастерских избран в екатер. совет. раб. деп. Отсюда меня избрали в губисполком, последний назначил губерниским комиссаром милиции. Совместно с Носенко мы арестовали охранные отделения, мне первому удалось выяснить провокаторов в нашей организации. Среди них были Стеркин, Веренчов, Моисеев—все рабочие (Вереичов—меньшевик). Позже на Екат. ж. д.

ЛЕВИЦКИЙ К. О. (1868–1919).

ЛЕЖАВА А. М. (1870–1937).

В 1919–1920 председатель Центросоюза. С 1920 заместитель наркома внешней торговли РСФСР. В 1923 нарком внутренней торговли СССР. В 1924–30 заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно председатель Госплана РСФСР. В 1930–37 начальник Главного управления субтропических культур СССР. В 1927–30 член ЦКК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

меня избирают тов. председат. исполнительн. комитета Екат. ж. д. и председателем комитета большевистской организации Екат. ж. д. Во время наступления гайдамаков и немцев, совместно с управлением ж. д., уезжаю вначале в Дебальцево, после в Саратов и затем в Москву. Здесь, по предложению Г. И. Петровского, иду работать в Наркомвнудел редактором изданий „Вестника Наркомвнудела".

Партийную работу веду по заданиям Московского комитета. В 1918 г. по постановлению ЦК откомандировываюсь в Екатеринослав. Вначале работаю в Наркомвнуделе Украины, потом работаю в Губкоме и Губисполкоме в качестве тов. председ. Во время занятия Украины белыми я откомандировываюсь в распоряжение ЦК РКП, последний направляет меня во Владимир, где и работал до февраля 1920 г. Поставлением ЦК КПУ меня вновь направляют в его распоряжение; последний направляет в Екатеринослав. Здесь Губком назначает редактором партийной газеты „Звезда" и заведующим Агитпросвета Дорполит'а Екат. ж. д., где и работал до ноября 1920 г.

На 5-й Всеукраинской конференции в 21 г. был избран в ЦК КП(б)У, а последний избрал вторым секретарем. На 11-м с'езде партии был избран кандид. в ЦК РКП (б), то же и на 12. На 13 с'езде избран в члены ЦК РКП (б). В 1923 г. был избран председателем ЦКК Украины и наркомом РКИ. Кроме этого, принимал участие в военной работе и в борьбе с петлюровцами, белыми и бандитами; был один раз ранен.

Левицкий, Константин Осипович (парт. псевдон. „Осип Иванович"). Род. в 1868 г. в Сумск. у. Харьк. губ., сын польского дворянина. Учился в Нежин. гимназии, известной своим революционн. настроением. Окон. в 1889 г. и сейчас же попал в тюрьму, затем был под надзором полиции. Ему удалось попасть на юрид. фак. Дерптск. унив., где он примкнул к марксистск. течению и начал работать в провинциал. газетах. С 1898 г. по 1901 г. был в Петербурге, а затем переехал в Одессу и вошел в соц.-дем. организацию, где образовалась „Искровская группа" и принимали участие многие выдающиеся деятели революции. В 1903 г. он примыкает к партии большевиков, энергично работает по завоеванию рабочих масс, пишет листки на разные темы и, выдаваясь своими познаниями по теории марксизма, приобретает широкую популярность и влияние в партийных кругах. После потемкинского восстания в 1905 г. он был выслан в Пермскую губ. (г. Оханск), но по октябрьской амнистии вернулся опять в Одессу, где работал до ареста в 1907 г. и последующей ссылки в Астрахан. губ. После ссылки он кочевал по провинции, всюду об'единяя революционно-настроенную публику. С наступлением войны разошелся со многими старыми товарищами, отстаивая необходимость отражать наступление германск. империализма. Это расхождение не помешало, однако, ему после революции вести организационную работу в Сов. Р. и С. Д. и в уисполкоме. Ряд дальнейших расхождений по вопросу о преждевременности захвата власти пролетариатом заставил Л. отойти от широкой общественной работы. Ум. в 1919 г. См. *„Пам. бор."*.

Лежава, Андрей Матвеевич *(автобиография)*. Я родился в 1870 г. в г. Сигнахе Тифлисской губ. Отец мой, из крестьян Кутаисской губ., еще мальчиком 14 лет бежал из родительского дома, скитался довольно долго по разным местам Сигнахского уезда, попал, наконец, в услужение к священнику, у которого он обучился грамоте, а впоследствии, юношей, стал псаломщиком. Однако, вскоре после женитьбы он бросил духовную карьеру и пошел в приказчики в торговое предприятие, сначала в Сигнахе, а затем в Тифлисе, куда он перевез семью: мою мать и меня 3 лет, и с нами переехали моя бабка по матери и ее единственный сын, мой дядя, тогда, вероятно, лет 15. Года через два моя мать умерла от брюшного тифа, и я остался на попечении бабушки. Отцу по службе, видимо, не везло,—он часто менял хозяев и кончил поступлением на железную дорогу, сначала линейным сторожем на Закавказских жел. дор., а под конец, до самой смерти, служил стрелочником на станции Батум. Приблизительно с 10-летнего возраста, когда отец перешел на жел.-дор. службу, я видел его лишь урывками, во время его приездов в Тифлис и во время моих поездок к нему в каникулярное время. Овдовев молодым человеком, он отказался от второго брака, об'яснив моей бабке, что при его заработке он едва может уделять деньги на мое воспитание, и о семье ему думать не приходится.

Мы с бабкой существовали на деньги, зарабатываемые дядей и присылавшиеся моим отцом. Бабка была очень добрая женщина, любила меня и баловала безгранично, ни в чем меня не ограничивая. Мой отец мечтал сделать из меня врача или инженера. Меня рано потянуло к

книжке. 5 или 6 лет, по моему настоянию, бабка определила меня в армянскую школу, где преподавателем был П. И. Катаньян, который меня очень полюбил и, когда я заболел оспой, проявлял большое внимание к моей судьбе, а когда я стал поправляться, несколько раз навещал меня в постели. Светлый образ этого педагога на всю жизнь остался в моей памяти. Потом меня определили в прогимназию, вскоре ставшую 2-й Тифлисской гимназией. Моими товарищами и теперь продолжали оставаться уличные мальчики Авлабара. Впрочем, в этой гимназии тоже было не мало ребятишек из той же среды, к которой принадлежал и я. И на ряду с нами, детьми 7—10 лет, в одном и том же классе сидели бородатые верзилы в 20 и более лет, отпрыски княжеских фамилий или богатых торговцев. Такой состав, вероятно, имел хорошее воспитательное значение для нас, ибо мы все время обретались в противоположных лагерях, между собой враждовавших. Дойдя до 3-го класса, я стал увлекаться литературой—особенно Пушкиным и Гоголем. На почве увлечения чтением лучших писателей у нас образовался маленький кружок гимназистов, где, между прочим, стали у нас дебатироваться разные этические вопросы. Результатом этих дебатов было то, что я однажды неожиданно об'явил своей бабке, что не желаю больше учиться в гимназии, что хочу жить своим трудом и что я решил поступить на телеграф (влияние соседа-телеграфиста). Бедная старушка сделала слабую попытку отговорить меня, но, вероятно, не выдержав моих настояний, а, может быть, и капризов, пошла к моему классному наставнику И. Е. Гамкрелидзе, который всячески отговаривал от этого шага и ее и меня, так как я был одним из лучших учеников. Но ничто не помогло. На государственный телеграф меня не приняли („до ключа ты еще не дорос"). Я тогда поступил на ж.-д. телеграф, но вскоре бросил телеграф и начал учиться столярному ремеслу. На ж.-д. телеграфе, а впоследствии в столярных мастерских моя жизнь потекла совсем по-новому: я покинул бабушку (чтобы совсем стать самостоятельным), поселился с товарищем столяром где-то на чердаке, голодал, холодал. Терял работу, опускался на дно, пьянствовал, отбился от большинства прежних товарищей и, потеряв, так. обр., около трех лет, спохватился, вернулся вновь к бабке и об'явил, что хочу учиться. Об истинном характере этого периода моей жизни мои родные почти ничего не знали. Больше знала бабка, которая терпеливо ждала, когда у меня пройдет эта дурь. Дурь, видимо, прошла, и я признал, что я далеко ушел от мечты о самостоятельной трудовой жизни. Вероятно, пришлось над собой сделать большое усилие, так как поворот у меня вышел очень крутой. Обрел новых товарищей, связался с новыми кружками. Среди моих товарищей теперь были и рабочие и интеллигенты. Это было в середине 80-х г. К этому времени относится мое первое знакомство с подпольной литературой, листками „Народной Воли"—„Письма из Петропавловской крепости". Эти „письма" на меня и на ближайшего моего товарища Сергея Вартанова произвели огромное впечатление, и мы с ним торжественно поклялись отдать жизнь на борьбу с тиранией. В то же время в Тифлисе много было революционной интеллигенции и рабочих из России, или высланных, или заблаговременно удравших на далекую окраину от шпионских преследований. Я быстро втянулся в эту среду, в ней стали складываться мое сознание и мои общественные и политические симпатии.

Очутившись перед лицом нескольких рабочих кружков, среди которых я играл роль руководителя, я скоро понял недостаток своей подготовки для новой своей роли. Я окончательно решил учиться, при чем от гимназии отказался, а решил итти в Учительский институт, где, мне казалось, я мог получить как раз такое образование, какое нужно для пропагандистов, и где были хорошие революционные традиции. А для поступления в Учительский институт мне понадобилось два года, чтобы окончить шестиклассное городское училище. Последующие 6 лет учения полны самой напряженной работы и над собственным развитием и в различных легальных и нелегальных кружках. Одновременно приходилось давать уроки, чтобы зарабатывать на существование, но заработок получался пустяковый, и я жил вновь на средства дяди и отца.

К этому времени относится мое знакомство с находившимися в Тифлисе видными деятелями революции, с которыми я сблизился и к которым проникся величайшим уважением и любовью. Среди них должен назвать народовольцев, впоследствии руководителей армянского национального революционного движения—Семена Заварьяна и Христофора Микаеляна, в девяностых годах убитого на Балканах взрывом бомбы при ее испытании. Позднее приехал в Тифлис из березовской ссылки Н. М. Флеров, с которым я сдружился и с которым

не терял связи почти до конца его жизни. Влияние Флерова на мое развитие в ту пору было весьма велико.

В 1893 г. я поехал в Москву, где рассчитывал приобщиться к революционным центрам. Одновременно в Москве я делал попытки слушать лекции в Московском университете по физико-математическому факультету, устроился преподавателем в воскресной школе при Курских ж. д. мастерских, где быстро сошелся с группой революционно настроенных рабочих. Но все это пришлось прервать, так как ко мне явился Н.М. Флеров, переехавший в это время в Харьков, и предложил мне принять участие в устройстве нелегальной типографии только что организовавшейся партии „Народное Право", которая, борясь за социализм, предполагала на ближайшей ступени об'единить в борьбе против царизма самые разнообразные элементы революционные и даже оппозиционные. „Вот вам и возможность снабжать Тифлис социалистической литературой", — говорил мне Н. М. Флеров.

„Народное право" начало складываться на меже двух эпох нашего революционного движения: распада „Народной Воли" и реакции 80-х годов и начала марксистского и широкого рабочего движения 90-х годов. В Москве я застал в кружках дебаты, посвященные критике народовольчества, пересмотру его программы, и споры между народниками и первыми марксистами. Не успев разобраться в этих теоретических спорах, я дал согласие Флерову на работу в типографии, и в связи с этим вскоре ко мне явился М. А. Натансон, один из организаторов „Народного Права", и сговорился со мной о работе. Я отправился в Смоленск, где была устроена подпольная типография, и приступил к ее обслуживанию. Через 4 месяца народоправцы провалились; по обнаружении близкого провала, типография спешно начала ликвидироваться, я был послан в Харьков, где меня арестовали в апреле 1894 г. Два слишком года провел в Петропавловской крепости, Доме предварительного заключения и на этапах и в ноябре 1896 г. был водворен в Верхоленск, куда был сослан на 5 лет. Пять месяцев этапного пути (тогда еще не было жел. дорог) дали большое знакомство с различными революционными течениями, представители которых были в составе арестантских партий. В этом отношении весьма поучительно было также продолжительное пребывание в Бутырской тюрьме (около 5 месяцев) в ожидании этапа. И в Бутырках и потом в пути мне пришлось близко познакомиться с М. А. Натансоном, Н. С. Тютчевым и из продолжительных бесед с ними почувствовать и осознать основные ошибки народничества, особенно же народоправчества. В Верхоленске продолжалось мое дальнейшее политическое развитие. В Верхоленской колонии были представлены различные революционные течения того времени и из различных местностей. Господствующей темой наших споров и дебатов были вопросы народничества и марксизма. Здесь я стал марксистом, близко сошелся с такими марксистами, как Н. Е. Федосеев, К. К. Бауер, Ляховский и др. По возвращении в Россию я принял участие в рабочем движении уже марксистом. В 1901 г., после ссылки, я был секретарем правления Потреб. общества Закавказской ж. д. в Тифлисе. Однако, через несколько месяцев должен был покинуть Тифлис, в виду начавшейся за мной охоты со стороны охранки. Я поселился в Воронеже, где работал в качестве заведующего складом сельскохоз. орудий и семян Воронежского отд. Московского о-ва сельского хозяйства. Через два года должен был покинуть эту работу, вследствие полицейских преследований, и попытался устроиться оценщиком при город. управе, но и тут полиция мне не дала работать; тогда я перешел на службу в частное предприятие—в банк, где я проработал около полугода. К концу 1903 г. мои знакомые предложили мне место помощн. инспектора в пароходстве К° „Надежда" на Волге, и я переехал в Нижний.

В Воронеже мне в качестве представителя третьего элемента пришлось участвовать в работах Воронежского уездного комитета Особого Совещания о нуждах сельскохозяйств. промышленности, учрежд. в Питере под председ. Витте. Этот воронежский комитет прогремел своими радикальными резолюциями. М. пр., после продолжительных работ, в которых и я принимал с некоторыми товарищами участие, накануне официального заседания комитета, на котором должны были быть сделаны доклады и оглашены резолюции, на совещании группы руководящих либеральных земских деятелей уездный предводитель дворянства И. Т. Алисов, он же председ. комитета, заявил, что он мне завтра в комитете слова не даст, ибо „еще не пришло время для таких революционных заявлений". Произошло замешательство. Сколько земцы его ни уговаривали — он был непреклонен.

Тогда один из земцев, врач и помещик С. В. Мартынов, когда-то народоволец, о котором Плеве говорил, что он, Мартынов, у него в 1881 г. с виселицы сорвался,—обратился ко мне: „Вот что, нигилист, напишите на бумаге сегодня все, что хотите сказать, а я завтра прочту в комитете,—меня Алисов слова не может лишить". Я в ту же ночь вместе с воронежским врачом Гинзбургом составил прокламацию, в которой говорилось, что ни о каком поднятии сельскохоз. промышленности не может итти речь, покуда не будет свергнуто самодержавие, и через временное правительство не будет созвано учредительное собрание. В битком набитой публикой зале, после речи знаменитого педагога Бунакова, призывавшего назад к реформам Александра II, Мартынов огласил нашу прокламацию, прочитав ее до конца без пропуска. Председатель делал попытки остановить его, но Мартынов, отмахиваясь от него рукой, делал свое. В эту же ночь Мартынов и Бунаков были арестованы. В это время в Воронеже была целая колония состоявших там под надзором полиции, в числе которых были: А. И. Любимов, Л. И. Карпов, Ф.И. Кривобоков (Невский), Н.А.Карташев с женой и др. Там же я познакомился и близко сошелся с покойным Жилиным и А. И. Любимовым.

Против моего переезда в Н. Новгород сильно возражал вице-губернатор, барон Фредерикс, исполнявший в то время обязанности нижегородского губернатора; он уступил лишь после того, когда я ему сказал, что я заключил договор с акц. о-вом К° „Надежда", в котором предусмотрена неустойка, в случае моей неявки к установленному сроку на службу, и что, заключая этот договор, я руководствовался отсутствием возражений со стороны департамента полиции.

По прошествии некоторого времени я познакомился с жившими в Н. Новгороде товарищами и постепенно стал втягиваться в работу местной организации. Осенью 1904 г. в Н. Новгороде происходил многолюдный учительский с'езд, который был использован нашим партийным комитетом для агитации среди с'ехавшихся учителей. На различных нелегальных собраниях перед учителями выступали, с одной стороны, эсэры, с другой стороны, наши товарищи. Помню, в это время в Нижнем работал среди эсэров Е. Колосов, не без успеха работавший и среди учителей. Мне пришлось принять деятельное участие в этой борьбе и закончить открытым выступлением в Народном доме перед концертом с большой речью о текущем моменте (происходила война с Японией) и закончить речь призывом к вооруженному восстанию. Полиция ожидала подобного финала, своевременно мобилизовалась и в битком набитый зал во время моей речи ввела многочисленные отряды городовых. Полиция и жандармы минут 20 продолжали слушать мою речь до конца, а затем, по данному ими сигналу, свет в зале был погашен, раздалась команда „сабли на-голо", и городовые принялись в темном зале избивать людей. Я был по этому делу арестован, и было возбуждено дело против меня. Но безобразия полиции были столь вопиющи, что прокурор оказался вынужденным при резких протестах губернатора Унтербергера (организатор первых черносотенных погромов в России) возбудить дело и против полицмейстера Игнатьева—руководителя полицейского погрома в Народном доме. Меня взяли под залог мои хозяева, нижегородские купцы, а следствие по делу тянулось до конца 1905 года.

Продолжая работать в составе нашей организации весь 1905 г., я был арестован в декабре этого года, и в июле 1906 г., вследствие вмешательства с.-д. фракции Государств. Думы, постановлением Моск. Суд. Палаты был освобожден. После этого я был вынужден скрыться из пределов Нижегор. губ., в виду приказа жандармов о моем аресте и привлечении в административном порядке.

По предложению Нижегородского комитета в 1907 г. я вновь вернулся в Нижний и принял участие в избирательной кампании во 2-ую Госуд. Думу. Не попав в Государств. Думу лишь вследствие измены со стороны эсэров, которые, вопреки заключенному с нашим комитетом соглашению, свои голоса передали выдвинутому ими кандидату Долгополову, я избежал каторги, в которую попали все члены с.-дем. фракции 2-й Думы. Я поселился в Саратове и в течение ряда лет работал в страховом деле, находясь в раз'ездах по губерниям Юго-Восточной области. Служба в страховых предприятиях за это время дала мне возможность близко ознакомиться с экономикой всего этого обширного края.

В 1916 г. я переехал на службу в Москву и здесь через Ольминского связался с наладившимся кружком, в котором были Смидович, Ногин, И.И. Скворцов и др. В начале 17 г. по страховым же делам я переехал в Петербург, очень часто бывая и в Москве, где я принимал

ЛЕНГНИК Ф. В. (1873–1936).

В 1928–29 руководил Комитетом по стандартизации. До 1930 член ЦКК ВКП (б). С 1932 заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков.

участие в рабочей группе Продовольств. комитета, а с начала Октябрьской революции я отдал все свои силы на хозяйственное строительство, сначала в области страхового дела, а затем кооперации и торговли.

Ленгник, Фридрих Вильгельмович *(авторизованная биография)*. Родился в 1873 г. в г. Гробине Курляндской губ. По окончании среднего учебного заведения в г. Екатеринославе, поступил в Петроградский (Ленинградский) Технологический институт, каковой и окончил в 1896 г. В Ленинграде же начал с 1893 г. принимать участие в революционном рабочем движении и в 1896 г. был арестован, как член „Союза борьбы за освобождение рабочего класса". По этому делу просидел около двух лет сначала в Ленинграде, в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости, а затем в Бутырской пересыльной тюрьме в Москве. В 1898 году был выслан на 3 года в Восточную Сибирь, в село Казачинское Енисейской губ., откуда через год был переведен в с. Тесинское Минусинск. у., а затем на ст. Иланскую Сибирской ж. д., где и пробыл до 1901 г., после чего уехал в Европейскую Россию, сперва в Екатеринослав, затем Самару и в Киев, состоя членом организации „Искра" и членом Организационного Комитета по созыву II С'езда партии.

В 1903 г. после 2-го С'езда партии, на котором был избран членом первого большевистского ЦК, поехал в Швейцарию, в Женеву, где в качестве члена ЦК пробыл до весны 1904 г., являясь заграничным представителем ЦК и членом совета партии от Ц. комитета. По возвращении из-за границы работал нелегально в Москве и под фамилией Артур Циглер был арестован летом 1904 г. вместе с Бауманом и Стасовой по делу Северного бюро Центр. ком. партии. Весной 1905 г., после годичного тюремного заключения, в виду тяжелой болезни легких, был освобожден либеральствующей судебной властью на поруки до суда и, во избежание грозящего нового ареста, бежал за границу, где должен был продолжительное время лечиться в Давосе (Швейцария) от туберкулеза легких.

По возвращении в Россию, после общей амнистии 1905 года, жил в разных городах России—Ревеле, Екатеринославе, Александровске, Новочеркасске, Москве, Ленинграде под настоящей своей фамилией, преследуемый царской жандармерией и будучи вынужден переезжать из города в город, переходить от одного занятия к другому, чтобы избавляться этим путем от внимания жандармов, контролировавших каждый шаг, каждое движение.

После Октябрьской революции, которая застала его в Ленинграде, работал в Наркомпросе, в ВСНХ, затем опять в Наркомпросе (членом коллегии Наркомпроса), к Наркомвнешторге (членом коллегии Наркомвнешторга). В 1923 г. XII партийным с'ездом был избран членом ЦКК РКП (б) и вскоре назначен был членом коллегии НКРКИ СССР. На XIII и XIV с'ездах партии вновь был избираем членом ЦКК ВКП (б) и с января 1926 г. состоит членом президиума ЦКК ВКП (б), оставаясь членом коллегии НКРКИ СССР и начальником центр. Инспекции Транспорта и Связи.

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич, род. в Симбирске 10/23 апреля 1870 г. Отец его, Илья Николаевич, происходил из мещан г. Астрахани, лишился отца в возрасте 7 лет и был воспитан старшим братом, Василием Николаевичем, которому и самому горячо хотелось учиться, но не удалось: пришлось после смерти отца поступить на службу, чтобы содержать семью. Но все, что ему не удалось достичь самому, он решил дать младшему брату, которого содержал в гимназии и послал потом в университет. Илья Николаевич говорил детям с чувством глубокой благодарности о брате. Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям. Воспитанный в трудных условиях, рано взявшийся за уроки, чтобы содержать себя самому и не висеть на шее брата, Илья Николаевич отличался всю жизнь строгим сознанием долга, большой исполнительностью в работе, которую требовал неуклонно от себя и от других,— в первую очередь, конечно, от своих детей. Он сам направлял старших вначале их учения, требуя от них неукоснительного исполнения их обязанностей; приучал их к труду. Между прочим, он высказывал опасение, что у сына Владимира привычки к труду не создастся, ибо ему все слишком легко дается; поэтому на развитие трудоспособности у Владимира он напирал особенно сильно. Сам чрезвычайно скромный в личной оценке, исполнявший всю свою большую и инициативную работу как должное,—не более того, Илья Николаевич был против „захваливания", как он выражался, и, таким образом, постоянным похвалам Владимиру Ильичу

в школе создавался дома полезный корректив. Личный пример отца имел, как это всегда бывает в воспитании, еще бо́льшее значение. Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его раз'ездов, рано научались понимать, что дело—это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило,—и с верхами: власть имущими, помещиками,—и с низами: темнотой и предрассудками массы,—живо впитывались детьми. Особенно осталась в памяти его радость, проявляемая всякий раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей. Первым сознательным стремлением его старшей дочери было стать сельской учительницей.

По убеждениям И. Н. был тем, что определялось словами: мирный народник. Взяв должность инспектора народных училищ Симбирской губ., он взялся за организацию нового трудного дела. Его любимым поэтом был Некрасов. Он переписывал в юности некоторые неразрешенные его стихотворения и старшему сыну еще в детские годы отмечал те, в которых преобладали гражданские мотивы, как-то: „Песня Еремушке", „Размышления у парадного под'езда". В прогулках по деревенским полям и лесам он напевал детям запрещенные студенческие песни его времени. Как гласят воспоминания его учеников, он был очень чутким педагогом.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового по своему времени человека, большого идеалиста, неумевшего прислуживаться и сколачивать деньгу и потому не сделавшего себе карьеры. Ее молодые годы прошли в деревне, в очень скромной обстановке: физическое воспитание ее было почти спартанским. Она страстно стремилась учиться и всю жизнь жалела, что смогла получить лишь домашнее воспитание. Знала хорошо новые языки и музыку; много читала. Одаренная большим педагогическим тактом, Мария Александровна отдала себя всецело воспитанию детей. Она отличалась отсутствием предрассудков и большой энергией. При скудных средствах и большой семье она была весь день занята. Твердость ее характера проявилась во весь рост во время ее последующих испытаний. Владимир Ильич всегда с большим уважением и любовью относился к матери и удивлялся силе ее воли (см. восп. Н. К. Крупской).

Таким образом, семейные условия воспитания были очень благоприятны для Владимира Ильича. Он рос в дружной, идейной семье, в трудовой обстановке. Кроме влияния отца и матери, большое—и очень благотворное—влияние имел на него его старший брат, Александр Ильич. Это был любимый старший брат, идеал для подражания. В виду отличавшей Александра Ильича с раннего детства большой идейности, твердости воли, выдержанности, справедливости и вообще высоты нравственных качеств,—между прочим огромной трудоспособности,—подражание это было очень полезно для Владимира Ильича. Живя с ним в общей или смежных комнатах вплоть до от'езда его в Петербург и затем во время летних каникул, Владимир Ильич видел, чем он интересуется, какие книги он читает. А на последние два лета Александр Ильич привозил с собой книги по экономике, истории и социологии,—между прочим, „Капитал" Карла Маркса. Гибель любимого брата произвела, конечно, сильнейшее впечатление на Владимира Ильича и уже сама по себе была сильным толчком на революционный путь.

Кроме брата и книг, непосредственного революционного влияния на Владимира Ильича в Симбирске того времени не было. Гимназия, руководимая Ф. И. Керенским (отцом бывшего главы Временного Правительства), была далека от всяких свободолюбивых веяний,—да и годы обучения в ней Владимира Ильича (1879—1887) относились к тому времени, когда школа была взята под строгий надзор, когда все сколько-нибудь свободомыслящие учителя сурово изгонялись из нее и оставлялись, кроме низкопоклонных, лишь те, более бледные, которые более или менее приспособлялись к режиму и налагали строгую печать молчания на уста свои.

Таким образом, интерес к общественным вопросам питался лишь товарищескими беседами в своей среде, где Владимир Ильич, по воспоминаниям некоторых однокурсников, играл, как оно и должно было быть, первую скрипку, а не испытывал на себе чьего-либо влияния. Сторонних революционных влияний, на которые ошибочно указывают некоторые биографы,—вроде кружков

ЛЕНИН В. И. (1870–1924).

высланных под надзор или неблагонадежных,—у него в это время не было.

По летам Владимир Ильич ездил с семьей в деревню Кокушкино Казанской губ. В этой деревне провела юность его мать, у которой сохранились очень сердечные отношения с местными крестьянами, и Владимир Ильич имел случай близко наблюдать быт и психологию захудалой русской деревни. Слышал он там жалобы на малоземелье; слышал высказываемое отцом и матерью сожаление, что кокушкинские крестьяне, несмотря на горячие убеждения его деда, отца его матери, предпочли оброку дарственный надел.

Владимир Ильич окончил гимназию в 1887 г. с золотой медалью. Было колебание, выдавать ли ему таковую в виду того, что гимназия получила нагоняй за выдачу золотой медали и выпуск с лучшей аттестацией столь важного государственного преступника, как его старший брат. Но успехи Владимира Ильича как за все годы учения, так и на выпускных экзаменах, были настолько показательны, что даже школа того времени не могла лишить его заслуженной награды.

По окончании гимназии Владимир Ильич подал прошение о приеме на юридический факультет Казанского университета. Прямого запрещения поступить в один из столичных университетов ему не было, но директор департамента полиции дал понять его матери, что лучше ему проситься в провинциальный университет и лучше, если он будет жить при ней. Директор Керенский, в виду выдающихся успехов Владимира Ильича по латыни и словесности, прочил его в филологический институт или на историко-словесный факультет университета и был очень разочарован его выбором. Но Владимир Ильич тогда определенно уже интересовался юридическими и политико-экономическими науками, а кроме того не был склонен к профессии педагога, да и знал, что таковая для него будет закрыта, и наметил себе более свободную—адвокатскую.

Влияния университетской и студенческой жизни он, можно сказать, не успел испытать на себе, так как был вынужден покинуть университет через три месяца после поступления. В ту осень студенческие „беспорядки" прокатились по всем университетам. То был протест студенчества против нового устава, против введения усиленного, чисто полицейского, надзора за студентами, протест против многочисленных изъятий сколько-нибудь замеченных полицией, сколько-нибудь „неблагонадежных" студентов. Это были репрессии после покушения 1 марта 1887 г., участниками которого были почти исключительно студенты. Владимир Ильич, всегда очень свободомыслящий, очень чутко подмечавший и сильно реагировавший на всякое оскорбление личного достоинства, очень критически настроенный к установленным порядкам, тогда, под впечатлением казни любимого брата, был настроен особенно антиправительственно. С другой стороны, хотя близких знакомств он завести в университете еще не мог, но к нему, как к брату казненного, отношение студенчества, главным образом более революционного, было иным, чем к другим первокурсникам. Всем этим об'ясняются донесения суб-инспекторов, что Владимира Ильича видели в компании студентов, бывших на подозрении, что он, якобы, „шушукался" с ними. С другой стороны, не надо упускать из виду, что полицейский надзор был, по известным причинам, более придирчив к Владимиру Ильичу, чем ко многим другим студентам. Как бы то ни было, инспектор студентов, на которого наступала взволнованная масса молодежи, утверждал, как передавали матери, что видел Владимира Ильича в первых рядах, чуть ли не со сжатыми кулаками. В результате он в числе 40 других студентов оказался следующей же ночью арестованным и отправленным в участок. Адоратский передает рассказ Владимира Ильича о разговоре с приставом, отвозившим его в часть.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена, — сказал пристав.

— „Стена, да гнилая, ткни ее, она и развалится", — ответил Владимир Ильич.

Всех арестованных высылали затем из Казани на „место родины". Но так как у Владимира Ильича на месте родины никого не осталось, его согласились выслать в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, где жила уже под гласным надзором по делу 1 марта 1887 г. его сестра Анна, пишущая эти строки. В этой деревне прожил Владимир Ильич до осени 1888 г. Там он много читал; во флигеле, где он поселился, стоял книжный шкаф покойного дяди,—очень начитанного человека, и Владимир Ильич поглощал книги по общественным вопросам, выискивал ценные статьи в старых журналах. Затем он ходил на охоту, много гулял по окрестностям и, конечно, имел много возможности наблю-

дать жизнь крестьян. Общества, кроме двоюродных братьев и сестер, проводивших в Кокушкине летние каникулы, у Владимира Ильича не было никакого, а родственники эти были все люди не общественного типа и ничем не выделялись, так что дать что-либо для развития Владимира Ильича не могли. Осенью 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переехать в Казань, где он прожил всю зиму 1888—89 г. Здесь он разыскал некоторых из прежних знакомых, завел новых. В числе последних он встречался с одной народоволкой, Четверговой, к которой относился с большой симпатией. В общем он питал всегда большое уважение к старым народовольцам (как о том свидетельствуют воспоминания Крупской, Зиновьева и др.) и от „наследства" их никоим образом не отказывался.

К этой зиме относится начало его выработки социал-демократических убеждений. Он начал изучать „Капитал" Карла Маркса, которым очень увлекался. Вступил он и в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом, молодежи, вырабатывавшей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного. Никакого более авторитетного руководителя в кружке этом не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу. В то время главным организатором марксистских кружков в Казани был Н. Е. Федосеев, о котором Владимир Ильич слышал, но с которым ему не пришлось встречаться. Они познакомились позднее путем переписки и обмена статей. Люди одного возраста, они в те, юные, годы были, так сказать, приблизительно равноценными величинами, и влияния одного на другого устанавливать не приходится.

С весны 1889 года Владимир Ильич переезжает с семьей на хутор Алакаевка Самарской губ., а с осени—в Самару. Этот самарский период его жизни продолжался четыре с лишним года. Он был посвящен изучению марксизма,— Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была все более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом. Вообще социал-демократизм был тогда, особенно по провинциям, только пробивающимся революционным течением и был представлен обычно одной молодежью. За описываемый период Владимир Ильич познакомился (в 1891 или 1982 г.) только с одним сформировавшимся, зрелым марксистом,—с П. И. Скворцовым, проездом через Нижний-Новгород. Это знакомство очень интересовало его, и он рассказывал потом с удовольствием о беседе с этим марксистом, но тут же подчеркнул, что Скворцов стоит лишь теоретически на почве марксизма, и что революционера из него никогда не выработается.

Из революционно-настроенной публики в Самаре жили в те годы поднадзорные, возвращавшиеся из Сибири,—все, конечно, народники или народовольцы. Со всеми ними наша семья была в более или менее тесных отношениях. Чаще других видался Владимир Ильич с Н. Долговым, участником еще долгушинского процесса, и с супругами Ливановыми, представлявшими собой типичных народовольцев, очень цельных и идейных. Владимир Ильич любил беседовать с ними и, не сходясь в путях, заимствовал от них революционный опыт, изучал, так сказать, по их рассказам, историю нашего революционного движения за полным почти отсутствием нелегальной литературы в нашей провинции. А по поводу основных воззрений спорил как с ними, так и с другими представителями народничества разного толка все ожесточеннее и в этих спорах все прочнее выковывал и лучше научался обосновывать свои взгляды. Одним из оппонентов его был проживавший один год под надзором в Самаре В. В. Водовозов. Вся эта более солидная публика была немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала пред ним. Немало беседовал Владимир Ильич также с находившейся в то время под надзором в Самаре М. И. Ясневой (Голубевой),—представительницей русского якобинства, ставшей, под влиянием Владимира Ильича, социал-демократкой.

На ряду с выработкой своего революционного мировоззрения Владимир Ильич двигал в эти годы в Самаре и официальную науку. Обратное поступление в университет ему не разрешалось, получались отказы и на ходатайство поехать учиться за границу и, наконец, только через три года после исключения, в 1890 г.,—матери его удалось добиться для него разрешения сдать экзамен экстерном. Тогда Владимир Ильич засел вплотную за работу и совершенно самостоятельно подготовился в $1^1/_2$ года к этому экзамену,

который и сдал в два срока—весной и осенью 1891 года при Петербургском университете. Сдал прекрасно, не отстав при этом ни на один год от своих однокурсников, не покидавших университета.

При поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами и у одного из них, преподавателя Технологического института, по фамилии как-будто Явейн, получал и привозил с собой в Самару марксистскую литературу, —между прочим, журнал „Neue Zeit", еженедельник „Für sociale Gesetzgebung und Statistik".

По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному поверенному Хардину, видному представителю тогдашнего либерального общества в Самаре, человеку очень умному, которого Владимир Ильич ценил. Несколько раз пришлось ему выступать по процессам. Это были мелкие процессы, не бравшие много времени на подготовку и интересовавшие Владимира Ильича в очень умеренной степени. Запись в адвокаты давала ему профессию, которая могла доставлять в будущем средства к существованию, но главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе. К этому же—самарскому—периоду относятся первые литературные работы Владимира Ильича: реферат о книге Постникова „Южнорусское крестьянское хозяйство", напечатанный только недавно,—через 30 лет, и те тетради с критикой писателей народников, В. В. Южакова, Карышева, которые выросли позднее в его первую крупную работу: „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов",—в ту работу, в которой заложены основы всего его миросозерцания.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переезжает в Петербург, где записывается помощником присяжного поверенного к адвокату Волкенштейну. Это давало ему положение, могло давать заработок. Несколько раз, но, кажется, все в делах по назначению, Владимир Ильич выступает защитником и в Петербурге. Здесь он заводит связи с петербургскими социал-демократами, с кружком Красина, Радченко и студентов-технологов—Старкова, Кржижановского, Запорожца и др. Кроме того, он знакомится с литераторами-марксистами, Струве и Потресовым. Он пишет ответ Михайловскому по поводу выступлений последнего против марксистов в легальной печати, составивший первую главу его сочинения „Что такое друзья народа". Эта работа была напечатана впервые на ремингтоне и размножена на мимеографе кружком московских студентов—социал-демократов. Затем Владимир Ильич выступает с критикой книги Струве.

Критика эта печатается (псевдоним „Тулин") в сборнике „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития", под заглавием „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве", вместе с некоторыми другими статьями тогдашних марксистов. Но сборник этот был сожжен в цензуре, главным образом за статью Владимира Ильича,—уцелели лишь единичные экземпляры. В этой статье Владимир Ильич, соглашаясь с критикой народничества у Струве, высказывается очень определенно против того либерального уклона, который наметился уже тогда в его мировоззрении.

Таким образом, те два с небольшим года, которые Владимир Ильич прожил в Петербурге (с сентября 1893 по декабрь 1895) были употреблены им как на борьбу с народничеством и выработку правильного марксистского мировоззрения,—„Друзья народа", статья „Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве" Тулина,—так, с другой стороны, на революционную социал-демократическую работу. Владимир Ильич завязал связи с рабочими (Шелгуновым, Бабушкиным и др.). Он ходил заниматься в кружок рабочих за Невской заставой; он писал листки, как общеполитические,—на 1-е мая,—так и по поводу тех или иных требований на отдельных фабриках.

К этому периоду относится первая поездка Владимира Ильича заграницу (весной 1895 г.) и знакомство с группой Освобождение Труда (Плеханов, В. Засулич, Аксельрод). Вся эта группа, и особенно Г. В. Плеханов, имела большое влияние на Владимира Ильича. Он ознакомился еще в России с главными литературными произведениями Плеханова, очень уважал его и считал своим учителем. Личное свидание закрепило его связь со всей группой и, как он сам признавал по возвращении из-за границы, много дало ему. Между прочим, он рассказывал, что как Плеханов, так и Аксельрод нашли некоторую узость в постановке вопроса об отношении к другим классам общества в статье за подписью Тулин; оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограни-

читься одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни, к борьбе против самодержавия различных классов и групп.

Владимир Ильич признал правильность этой точки зрения, и, несомненно, беседы с Плехановым и Аксельродом имели большое влияние на него и помогли ему оформить свои взгляды и ускорили его выступление на широкую арену революционной борьбы основанием „Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Члены группы „Освобождение Труда" поощрили его также к выпуску политического органа российской социал-демократии. Первый номер такой подпольной газеты, под заглавием „Рабочая газета", был уже готов и проредактирован Владимиром Ильичем, перу которого принадлежали и все главные статьи в нем, когда при арестах 9-го декабря 1895 г. был забран весь этот материал. Аресты разгромили почти целиком весь кружок; был арестован и Владимир Ильич.

В тюрьме, где Владимир Ильич провел 1 год и 2 месяца, он не переставал работать. Во-1-х, он собирал, пользуясь петербургскими библиотеками и книгохранилищами, материалы для задуманной им книги: „Развитие капитализма в России"; во-2-х, он не оставлял и нелегальной работы. Ведя, путем переписки шифром и химией, регулярные сношения с волей, он посылал таким же способом листки, брошюры, проект программы партии с об'яснениями к ней. По освобождении,—в феврале 1897 г.,— Владимир Ильич, оставленный департаментом полиции вместе с товарищами на 3 дня в Питере „для устройства своих дел", повидался с работавшими там социал-демократами и выступил решительно против того „экономического" уклона, который стал намечаться в движении.

Поехать в ссылку Владимиру Ильичу было разрешено на свой счет, — не по этапу,—таким образом, он, минуя все тюрьмы, приехал по только что построенной тогда сибирской железной дороге в Красноярск, где получил назначение в село Шушенское Минусинского уезда.

В этом селе провел Владимир Ильич три года своей ссылки. Сюда приехала к нему через год его невеста Н. К. Крупская с матерью, получив разрешение по мотиву предполагавшегося замужества заменить назначенную ей Уфимскую губернию селом Шушенским. В одном селе с Владимиром Ильичом жили только два рабочих поляка, но в других селах Минусинского уезда жили товарищи, с которыми разрешались иногда свидания: на праздники, на свадьбу и т. п. Переписка поддерживалась со всеми товарищами по ссылке самая деятельная. Очень аккуратно переписывался Владимир Ильич и с центром, русским и заграничным. Переписка эта велась, главным образом, через меня,— как обычным путем, так и химией. Ему выписывались журналы, посылались по возможности все книжные новинки; привезла я по его заказу не мало книг и из-за границы.

В ссылке Владимир Ильич написал по собранному в тюрьме материалу свою книгу: „Развитие капитализма в России"; писал, кроме того, статьи в существовавших недолго легальных марксистских журналах, которые были собраны им в сборник: „Экономические этюды и статьи". Обе эти книги, которые он поручил мне корректировать, вышли в 1899 году.

Кроме того, он перевел вместе со своей женой, Надеждой Константиновной, книгу Сиднея и Беатрисы Уэбб „Теория и практика тред'юнионизма"с английского, написал, изданную заграницей, книжечку „Задачи русских социал-демократов" и некоторые другие статьи и рефераты, которые читались товарищами по ссылке.

В Шушенском был также составлен им протест против так-называемого „Credo" Кусковой и Прокоповича, напечатанный за границей, как „Протест 17 социал-демократов" и известный под более коротким названием „Anticredo". В нем Владимир Ильич разбирает и подвергает жесточайшей критике это наиболее выпуклое proffession de foi так-называемых „экономистов".

Вернувшись из ссылки в феврале 1900 г., Владимир Ильич после посещения родных в Москве поехал в Псков, избранный им местом жительства (все университетские города и крупные промышленные были исключены для возвращающихся из ссылки). Туда приехали из ссылки А. Потресов, Лепешинский, Цедербаум (Мартов); там жили уже Л. Н. Радченко и другие социал-демократы. Необходимое об'единение кружков, работающих по отдельным городам, в партию затруднялось тогда чрезвычайно постоянными провалами: после I с'езда партии в 1898 г. были арестованы почти все участники. II с'езд намечался в 1900 г. южанами,— главным образом

Екатеринославским комитетом, издававшим газету „Южный Рабочий". Но весной 1900 г. и эта группа была разгромлена. Тогда у Владимира Ильича созрела мысль о том, что партию надо попробовать об'единить не с'ездом работников, слишком дорого обходящимся в тогдашних условиях, а вокруг газеты, издаваемой за пределами досягаемости, за границей. Эта газета должна была послужить, по его сравнению, „лесами", вокруг которых строилась бы партия. Эту свою идею он провел на так-называемом псковском совещании социал-демократов. Было решено, что для выполнения ее он, Потресов и Мартов поедут за границу. Все трое выхлопотали заграничные паспорта,— в то время департамент полиции пускал довольно легко за границу, ибо тогдашний опыт показывал, что люди,—особенно литераторы и научные работники,—всасывались за границей и становились более или менее безвредными с точки зрения революционной работы.

Но план этот чуть не рухнул вследствие ареста Владимира Ильича и Мартова во время их нелегальной поездки из Пскова в Петербург. Дело ограничилось, однако, трехнедельным арестом, после которого оба были выпущены без последствий. Тогда Владимир Ильич решил поспешить с выездом. Он с'ездил только по выхлопотанному ему матерью разрешению с ней и со мной в Уфу, где должна была провести последний год гласного надзора его жена, Надежда Константиновна. Конечно, и в Уфе и заездом в Самаре он видался с тамошней социал-демократической публикой и развивал ей свой план.

По приезде за границу решено было издавать газету „Искра" с эпиграфом из стихотворения, посвященного декабристам: „Из искры возгорится пламя", вместе с группой „Освобождение Труда". Другая заграничная издательская группа, „Рабочее Дело", не была привлечена, как клонящаяся к „экономизму". Для большей независимости и удаленности от кишащей эмиграцией Женевы решено было издавать новую газету в Мюнхене, куда переехали Владимир Ильич, Потресов и В. Засулич. Позднее туда же явился из России Мартов. Кроме газеты „Искра", решено было издавать научно-марксистский журнал „Заря".

Владимир Ильич с жаром взялся за работу, которая вначале, особенно вследствие малого количества работников, была для него в большой мере черновой: приходилось самому вести переписку, шифровку, налаживать транспорт, связи с Россией и с другими заграничными колониями и т. п. За 2½ г., до лета 1903 г., до II с'езда партии, „Искра" приобрела огромное влияние и, несмотря на массу трудностей и провалов, стала распространяться все шире по России. Она сильно способствовала росту политического сознания рабочих масс, превращению забастовок из экономических в политические; она помогала об'единению партийных комитетов, их организации. Как „Искра", так в еще большей степени написанная за это время Владимиром Ильичом брошюра „Что делать", настаивая на необходимости создания организации профессиональных революционеров, нелегалов, помогли делу этой организации. Большинство партийных комитетов встали на точку зрения „Искры", и на II с'езде партии она была провозглашена Ц.О. партии.

Но на этом с'езде произошел раскол. между большинством и меньшинством с'езда,—отсюда названия „большевиков" и „меньшевиков". Большинство с'езда, с Владимиром Ильичом во главе, стояло за более революционное и четкое определение того, кто должен быть членом партии, за более деловую организацию редакции Ц. О. Из членов старой редакции „Искры" за большинство высказался, кроме Владимира Ильича, один Плеханов. Но позднее и Плеханов, под влиянием Мартова, отказавшегося войти в редакцию, и других невыбранных с'ездом членов прежней редакции, вышел из нее. Остался один Ленин. Он счел невозможным для себя работать при таком положении дела и сложил с себя редакторство. Тогда Плеханов ввел всю остальную часть редакции, и „Искра" оказалась в руках меньшевиков. За это время Владимир Ильич написал брошюру: „Шаг вперед, два шага назад".

Владимир Ильич остался в стороне от руководства партией, но так долго продолжаться не могло: большинство организаций, подавляющая часть рабочих в России были на стороне большевиков; они требовали своего органа. Владимир Ильич видел также необходимость его, и через год приблизительно по оставлении „Искры" большевики стали издавать газету „Вперед". Она завязала также связи с русскими организациями, стала посылать профессиональных революционеров по местам, звала к более революционным методам работы, к подготовке революционного восстания.

В это время Владимир Ильич жил уже в Женеве. В 1902 г. редакция вынуждена была переехать из Мюнхена, где

слежка стала черезчур давать себя знать, в Лондон. Оттуда она перекочевала в Женеву. Все эти годы Владимир Ильич жил чрезвычайно скромно, средства партии были скудны, и он брал очень немного из них, подрабатывая и литературным трудом. Обилие работы и нервная обстановка ее отражались очень сильно на его здоровьи; так, пред II с'ездом, при переезде из Лондона в Женеву, он заболел нервной болезнью, называемой „священный огонь". По летам, особенно после с'ездов, конференций или крупных разногласий в редакции, он старался уезжать куда-нибудь на лоно природы, к морю или в горы,— при чем выбирал всегда более уединенное и дикое место, самый простой и дешевый пансион. Владимир Ильич всю жизнь любил природу и умел отдыхать среди нее.

Волны революции за это время нарастали,— особенно с января 1905 года. На эмиграции вообще и на Владимире Ильиче в частности это отразилось, с одной стороны, большей интенсивностью и кипучестью работы, а с другой, тем, что стало более неудержимо тянуть в Россию. Свойственная Владимиру Ильичу всегда прозорливость проявилась в конце лета 1905 г. в том, что он написал мне раз, кажется в ответ на мои жалобы на трудности и затяжки получения литературы из-за границы: „Скоро мы откроем газету в Петербурге, с редакцией на Невском проспекте". Я посмеялась над этим тогда, как над вещью совершенно невероятной, а между тем через каких-нибудь три месяца вывеска редакции „Новая Жизнь" красовалась действительно на Невском проспекте.

Владимир Ильич приехал тотчас после того, как вспыхнула первая наша революция, и был провозглашен манифест, открывший двери тюрем и возможность вернуться из эмиграции целому ряду лиц. Для Владимира Ильича эта возможность оказалась сразу проблематичной: так, он всего одну ночь переночевал по своему паспорту в комнате, снятой для него в знакомой семье и, заметив несомненную слежку, стал менять квартиры и жить по чужим паспортам. Выступал он также под чужими именами; таково было его известное выступление в доме Паниной под фамилией Карпова. Владимир Ильич разбивал иллюзии кадетов, эсеров и меньшевиков, их веру в завоевания октября 1905 г., их надежды на мирный ход движения. Он подверг резкой критике так-называемую булыгинскую (совещательную) Думу и дал лозунг бойкота ее. Он указывал на необходимость сплочения рядов, подготовки к решительному бою, к вооруженному восстанию. Два раза за зиму 1905—06 г. ездил он в Москву,— один раз до декабрьского восстания, другой раз после него. Он внес также поправку в отношение к первому Совету рабочих депутатов, который тогдашние большевики склонны были игнорировать, на который склонны были глядеть свысока, как на стоящий в своем большинстве на мелко-буржуазной точке зрения. Он понял то значение, которое имело такое подлинно избранное массами учреждение, он провидел его роль в будущем.

Пока можно было думать, что волны революции еще поднимаются, Владимир Ильич стоял за поддержку их, за самую революционную тактику. Так, он выпустил лозунг бойкота и первой Государственной Думы; он провозглашал необходимость хотя бы партизанской борьбы, так-называемые тройки и пятки. Когда же движение пошло на убыль, он решительно переменил фронт, высказался за необходимость итти в Государственную Думу, пользоваться ее платформой, когда все другие возможности пропагандировать свои взгляды одна за другой отнимались у народа. Газеты с.-д. большевиков закрывались одна за другой: вместо „Новой Жизни" возникали „Волна", „Вперед", „Эхо". До последней возможности партия с.-д. б-ков старалась использовать легальную печать. Издавались отдельные брошюры; перу Владимира Ильича принадлежат: „Две тактики социал-демократии в демократической революции", „Победа кадетов и задачи рабочей партии", „Роспуск Думы и задачи пролетариата", „Социал-демократия в выборах в Думу" и др.

По размах пропаганды должен был все сокращаться; приходилось все больше уходить в подполье. Владимир Ильич принужден был поселиться в Финляндии, в Куоккала, откуда наезжал в Питер, а больше к нему туда привозили за рукописями, на совещания. Кроме целого ряда мелких совещаний, в 1905 г. состоялась партийная конференция в Таммерфорсе, а в 1906 г.— с'езд в Стокгольме,— так называемый об'единительный, названный так потому, что на нем с'ехались обе части партии, большевики и меньшевики, в то время как на предыдущий III с'езд, в 1905 г., меньшевики не пошли. Но попытка об'единения оказалась безрезультатной.

После разгона 2-й Думы, в 1907 г., реакция все сгущалась, и осенью этого года Владимир Ильич получил предупреждение от финляндских социал-де-

мократов, что есть приказ о его аресте. Тогда он с предосторожностями уехал через Або и Стокгольм опять за границу, в Женеву.

Эта вторая эмиграция после временных свобод 1905–6 г. была тяжелее первой. Настроение уныния и разочарования охватило широкие слои интеллигенции и молодежи, проникало и в среду рабочих. Широкие общественные интересы заменялись личными, вопросами пола, философией, клонящейся к мистике, к религиозным исканиям. На ряду с этим разочарование проявилось и в более мрачной форме: в среде молодежи, наиболее чуткого барометра общественной жизни, появилась эпидемия самоубийств. В партийных кругах (среди меньшевиков) появилось так называемое „ликвидаторство"—проповедь сосредоточения всей работы в легальных рамках, ликвидаторство нелегальной партийной работы. Все эти уклонения в эмиграции проявились, конечно, особенно остро. Настроение было очень подавленное. Но Владимир Ильич не терял бодрости и поддерживал ее в других. Он указывал на причины подавления революции 1905 г. и говорил, что надо готовиться к следующему под'ему ее. Как в прежнее время он использовал ссылку для научной работы, так и теперь наиболее глухое время второй эмиграции он посвятил изучению философии, которой до тех пор не было времени заняться, и своей философской книге: „Материализм и эмпириомонизм", вышедшей в 1909 г. Она была направлена против всех разновидностей идеализма и подвергала с этой точки зрения критическому разбору все философские теории,—как за границей, так и в России,—в частности неокантианство.

На этой почве отчасти, отчасти же на почве политических разногласий произошел у Владимира Ильича раскол с группой „впередовцев", или „отзовистов", как их называли за то, что они предлагали отозвать представителей социал-демократии из Государственной Думы. Владимир Ильич доказывал необходимость пользоваться всеми легальными возможностями, когда нельзя было надеяться на непосредственно революционную борьбу: думской платформой, легальной печатью. Мне пришлось говорить с ним в 1911 г. относительно недоверия, с которым товарищи, работавшие в нелегальных провинциальных кружках, отнеслись к одной скромной легальной газетке, которую удалось одно время издавать в Саратове, и он решительно осудил их за нежелание поддержать ее. Я видела его как раз под конец этого периода реакции, и он сказал мне как-то: „Не знаю, доживешь ли до следующей революции".

Летом 1911 г. Владимиром Ильичом была организована партийная школа в Лонжюмо (под Парижем), и прочитан ряд лекций рабочим из России. В 1912 г. он избирается в Международное Социалистическое Бюро.

Но силы в массах накоплялись, и ленский расстрел рабочих в апреле 1912 г. вызвал их к жизни. Прежде всего, несмотря на всяческие трудности и стеснения, стала развиваться легальная рабочая печать. Ежедневная рабочая газета „Правда" стала выходить в Питере, в самом центре самодержавной власти, которой никак не удавалось заставить ее замолчать. Открылся новый фронт, на который надо было сосредоточить силы, и Владимир Ильич переехал из Парижа, где жил последнее время, поближе к России, в Краков. Скорый поезд шел оттуда до Петербурга только 12 часов, статьи могли поспевать во время, газета получалась на другой день. Легче можно было устраивать свидания с нелегальными работниками, с членами Думы,—тогда 4-й, которым Владимир Ильич писал речи для выступлений. Легче было руководить и нелегальной работой в России. Таким образом, хотя Владимир Ильич писал и в подпольной печати,—тогда выходил центральный орган „Социал-Демократ",—но главная его энергия направилась в эту открывшуюся тогда форточку легальной рабочей печати: кроме „Правды", он писал в еженедельную газету „Звезда", в марксистские журналы „Мысль" и „Просвещение".

Но надвинувшаяся европейская война смешала все карты. Все рабочие органы были закрыты. Члены Гос. Думы с.-д. большевики были арестованы, преданы суду и высланы в Сибирь. Владимир Ильич в самом начале войны был арестован австрийскими властями и просидел около трех недель в тюрьме. Несмотря на полную неизвестность, грозившую всякими осложнениями, он чувствовал себя, как обычно, бодро, чем очень удивлял нескольких интеллигентов, попавших в то же положение. Благодаря хлопотам австрийских социал-демократов он был освобожден и уехал в Швейцарию. Среди охватившего все партии взрыва патриотизма почти единственно его голос призывал не отступать от международной точки зрения, отмечал, что единственным способом борьбы против империалистической войны долж-

но быть превращение ее в войну гражданскую,—в каждой стране против своего правительства.

Надежда Константиновна рассказывает в своих воспоминаниях, как одинок был Владимир Ильич в этой борьбе, как тягостно ощущал он полное непонимание вокруг себя.

Им были составлены тезисы об отношении революционных социал-демократов к войне. Пересланные в Россию, эти тезисы попались у арестованных членов 4-й Государственной Думы большевиков и послужили одним из главных обвинений против них. В тезисах этих заявлялось вполне определенно, что каждый последовательный социалист должен бороться в первую голову со своим правительством, и что лучшим исходом войны было бы поражение царского правительства, как самого реакционного.

Владимир Ильич читал и рефераты на эту тему в Швейцарии, он сплочал на идее последовательного интернационализма всех, кого мог.

На Циммервальдской и Кинтальской конференциях Ленин был представителем левого крыла интернационалистов. Их было в то время за границей незначительное меньшинство,—громадное большинство социалистов было настроено патриотически. Владимиру Ильичу приходилось в то время пробивать брешь в толстой стене почти всеобщего непонимания. Сношения с Россией, пересылка туда литературы были тоже очень затруднены во время войны. Масса работников была взята на фронт. Патриотический угар был силен и в России, идеи „пораженчества" воспринимались исключительно большевиками или клонящимися к ним. Это было тяжелое время эмиграции, оторванность от России была страшная.

В 1916 г. Ленин написал книгу „Империализм, как новейший этап капитализма".

С революцией 1917 г. Владимир Ильич сразу же стал рваться в Россию, но это не так-то легко было осуществить в то время. Троцкий, поехавший через Англию, был задержан там. После нескольких более или менее неисполнимых планов Владимир Ильич решил поехать через Германию, в „запломбированном" вагоне. Этот запломбированный вагон был в то время сильно использован всеми врагами Владимира Ильича и большевиков: их громили, как изменников, пошедших во время войны на соглашение с враждебным нам германским правительством. Между тем, соглашение состоялось лишь в том, что такие-то проедут через Германию, но при полном их отказе с кем бы то ни было в этой стране видаться или говорить. Для того-то и была выбрана форма „запломбированного" вагона.

Едучи в Россию, Владимир Ильич был совершенно неуверен, что не будет там арестован правительством Милюкова,—более того, был почти убежден, что этот арест произойдет. Но оказалось, что он, благополучно проехав через Стокгольм, проехал так же благополучно и через Финляндию вплоть до границы с Россией, до станции Белоостров, где был встречен некоторыми партийными товарищами, вместе с которыми приехал вечером 2-го апреля (стар. стиля) в Петербург. Здесь, на Финляндском вокзале, ему была устроена торжественная встреча центральным и петербургским комитетами партии большевиков, созвавшими и массы рабочих со всех районов.

Владимир Ильич обратился к товарищам с броневика с краткой речью, в которой призывал к борьбе за социалистическую революцию. В таком же смысле высказался он и на собрании представителей организаций в тот же вечер. Со свойственной ему нелюбовью ко всяким фразам, к ликованью и к овациям, он сразу же перевел разговоры на деловую почву, на ближайшие задания следующего дня. Он резко клеймил позорное поведение международной социал-демократии в мировой, войне и убедил партию большевиков, с целью отмежеваться решительно от этого поведения, переименоваться в коммунистическую. Он отмечал, что революция, свергнувшая трон Романова, ничего еще не дала рабочим и крестьянам, и что временное правительство,—как кадетское, так позднее на половину эсэрское,—ничего дать не в состоянии и должно быть свергнуто. В этом смысле писал он решительно и в „Правде" и в брошюрах того времени. Первый опыт восстания,—в июле,—от которого коммунистическая партия удерживала,—был неудачен: многие выдающиеся большевики были Временным Правительством арестованы. Владимир Ильич и Зиновьев, чтобы не подвергнуться этой участи, которая для Владимира Ильича особенно могла оказаться роковой, решили скрыться.

В это время, как Владимир Ильич отмечал впоследствии, укрывать человека его убеждений могли лишь рабочие, и оба они скрывались сначала в квартирах рабочих в Петербурге, потом в Сестрорецке и, наконец, в Финляндии. Пришлось прибегнуть ко всем формам нелегального житья,—к гриммировке,

парикам, чужим паспортам; пришлось часто менять квартиры, ездить за кочегара на паровозе, скрываться в шалаше. Но и оттуда Владимир Ильич следил за жизнью партии, писал статьи и письма в Ц. К. В этот период он начал книгу „Государство и революция", законченную позднее. Видя, что влияние большевиков растет среди рабочих,—в чем убедили особенно городские выборы в Петербурге и в Москве, авторитет же Временного Правительства все больше расшатывается в массах,— Владимир Ильич стал настаивать на необходимости, без дальнейших проволочек, восстания против Временного Правительства. Несогласие с такой решительной линией некоторых ближайших его товарищей не могло поколебать его.

Ко времени созыва II Всероссийского С'езда Советов Владимир Ильич приехал нелегально в Питер и принимал лично участие в заседаниях Ц. К. Восстание было решено и состоялось 25-го октября (старого стиля). В этот день вечером на первом заседании II С'езда Советов было заявлено о захвате власти коммунистической партией и о свержении Временного Правительства. Владимир Ильич выступил с провозглашением Советской Социалистической Республики и ее первых двух декретов: о прекращении войны и о том, что вся помещичья и частно-владельческая земля поступает в безвозмездное пользование трудящихся. На место диктатуры буржуазии была поставлена диктатура пролетариата.

Строительство новой советской власти началось среди чрезвычайных трудностей: почти вся интеллигенция и все советские служащие об'явили ей бойкот. Конституирование правительства без сотрудничества других партий и направлений вызвало разногласие и в Ц. К. коммунистической партии. Но Владимир Ильич был решительно против всякого сотрудничества, он твердо верил в массы, в то, что пролетариат сможет управлять и сам государством, что на деле, за работой, он будет расти и учиться неизмеримо быстрее.

Но такое конституирование правительства из людей одной коммунистической партии, опытных в революции, но совершенно неопытных в строительстве государства, возложило громадную работу и ответственность на Владимира Ильича, стоявшего во главе нового правительства, как председатель Совета Народных Комиссаров. Ему пришлось самому направлять работу во всех отраслях,—начиная с военной и кончая продовольческой или просвещенской. Гражданские войны, субсидируемые и поддерживаемые международной буржуазией, восстания внутри страны, голод и хозяйственная разруха в результате как этих потрясений, так и предшествовавшей им мировой войны,—все это требовало колоссального напряжения энергии и сил от Владимира Ильича, стоявшего во главе правительства, являвшегося его мозгом, его главным рычагом. Сильно подорвало здоровье Вл. И. покушение на него эс-эрки Каплан 30 авг. 1918 г. во дворе завода Михельсон *), где В. И. выступал на митинге. Поранения, причиненные ему Каплан, едва не стоили В. И—чу жизни.

По инициативе Владимира Ильича и опять-таки при сильном сопротивлении части Ц. К. партии был заключен в 1918 г. так называемый Брестский мир с Германией. По этому миру мы согласились на отчуждение целого ряда городов и земель, на уплату огромной контрибуции, мир этот по справедливости назывался позорным,—но Владимир Ильич видел, что на войну крестьянство не пойдет, он считал, кроме того, что революция в Германии надвигается быстрым темпом, и что самые позорные условия мира останутся на бумаге. Так оно и вышло: вспыхнувшая в Германии буржуазная революция аннулировала наиболее тягостные условия Брестского мира.

Была создана крепкая и боеспособная Красная армия, одержавшая победу в гражданских войнах; освобожденные от белогвардейцев области, как Украина, Сибирь, Крым, Грузия, стали присоединяться на правах автономных областей к Советской Социалистической Республике. Был образован РСФСР, выросший позднее в Союз Советских Социалистических Республик. С окончанием гражданских войн стало налаживаться хозяйство страны. Но самая многочисленная часть населения,—крестьянство, наиболее истощенное войнами и суровым военным коммунизмом, нуждалось в отдыхе, нуждалось в более нормальных условиях, в которых оно могло бы выбиться из хронической голодовки, смогло бы приступить к восстановлению хозяйства. Владимир Ильич понял железную необходимость изменения политики в этом смысле и ввел вместо продразверстки продналог, оставляющий излишки в руках крестьян, побуждающий их работать над восстановлением хозяйства Он ввел так-называемую „новую эконо-

*) Переименован теперь в завод имени „Владимира Ильича".

мическую политику", разрешившую частную свободную торговлю, давшую возможность крестьянству и широким слоям населения искать самостоятельно тех средств существования, которых государство не могло еще дать им. Он доказал, что необходимо сделать этот поворот, пока мировая пролетарская революция задерживается, и РСФСР приходится налаживать свое хозяйство с мелко-буржуазной частью населения и в капиталистическом окружении.

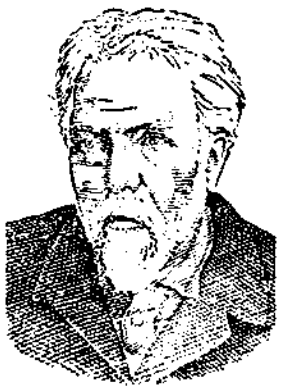
В то же время Владимир Ильич настаивал на развитии предприятий государственного типа, на электрификации, долженствующей поставить нашу отсталую страну на один уровень с наиболее культурными странами, на развитии кооперации. Он указывал, что в ожидании мировой пролетарской революции надо, удерживая всю крупную промышленность в руках государства, таким образом, частично, понемногу осуществлять социализм в одной стране. Таким образом,—говорил он,—делая с одной стороны уступки частному капиталу, мы будем и наступать на него до тех пор, пока взрыв революции в других странах и поднятие крупной производительности в нашей стране не даст нам возможности перейти снова решительнее к коммунизму.

Но колоссальная перегруженность Владимира Ильича работой начала сказываться на его здоровьи: он стал страдать головными болями и бессонницами. Врачи находили сначала лишь общее переутомление и рекомендовали продолжительный отдых. Но воспользоваться таковым не давали Владимиру Ильичу как условия существования СССР, требовавшие напряженной работы от правительства, так и его собственный характер, строгое отношение к себе, ко взятым на себя обязанностям, ежеминутная забота о том, как все обстоит в государстве, неумение отвлечься вполне, отдохнуть: он сам жаловался, что на прогулках думает все о тех же делах. И болезнь стала прогрессировать. 25 мая 1922 г. его постиг первый удар. Полный отдых и внимательное лечение поставили его на ноги к осени, и с октября этого года он вернулся к занятиям; но хотя сравнительно с прежним они были сильно сокращены, Владимир Ильич только около двух месяцев смог выдержать их. В последних днях ноября он слег. В эти месяцы,—до марта,—он получал еще, хотя и в самых общих чертах, осведомление о делах и диктовал секретарю свои последние статьи: о Рабкрине, „Лучше меньше, да лучше", „О кооперации", о работе Наркомпроса.

В марте с ним произошел второй удар, лишивший его употребления речи, которая, несмотря на усилия врачей и на то, что физически Владимир Ильич за лето поправился, не возвращалась уже до самой его кончины,—21 января 1924 г. в 6 час. 50 мин. вечера. Смерть наступила почти внезапно, ничто не предвещало такого близкого конца. Вскрытие обнаружило полную изношенность артерий мозга в то время, как общий артериосклероз отмечался у Владимира Ильича лишь в умеренной степени.

Тело его было набальзамировано и положено в мавзолей на Красной площади.

А. Ульянова-Елизарова.



ЛЕПЕШИНСКИЙ П. Н. (1868–1944).

С 1927 директор Исторического музея. С 1931 на пенсии. В 1935–36 директор Музея Революции СССР.

Лепешинский, Пантелеймон Николаевич (*автобиография**). Родился 29 февраля (ст. ст.) 1868 г. в с. Студенце Климовичского у. Могилевск. губ. Сын деревенского священника. Семья у отца была большая (18 человек детей, из которых, впрочем, очень многие не пережили периода детства и рано сошли в могилу). Большинство из оставшихся в живых воспитывалось в школах духовного ведомства (в бурсах, епарх. училищах и т. д.), и лишь мне посчастливилось поступить в светскую школу (да еще следующему за мной брату). Кончил Могилевскую гимназию в 1886 г. и поступил в Петербургский университет (на физико-математ. факультет). В университете примкнул к радикально настроенной молодежи, входил в конспиративный кружок (народовольческого типа), принимал активное участие в студенческих движениях (в 1887 и в 1890 г.). За участие в студенческой истории в 1890 г. был даже исключен из университета без права поступления в какие либо учебные заведения, но у меня в кармане было уже удостоверение о зачтении мною всех 8 семестров полностью, и впоследствии мне удалось получить диплом об окончании университета (из Киевского у-та). В 1890 г. был выслан из Питера. Скитался по провинции, пробавляясь уроками, служил конторщиком в управлении Лозово-Севаст. ж. д. В 1894 г. снова попадаю в Петербург. После долгих мытарств пристраиваюсь на службу в Госуд. Комиссию Погашения Долгов. Возобновляю свои революционные связи и веду кой-какую конспиративную работу: изготовляю мимеограф и печатаю на нем листовки (по своей инициативе и по заказам со

*) Настоящая автобиография является повторением автобиографии, представленной в Общество старых большевиков.

стороны), руковожу кружком рабочих и т. д. 8 декабря 1895 г. подвергаюсь аресту. В тюрьме окончательно самоопределяюсь, как марксист. В предварилке высиживаю 14 мес., затем путешествие по этапу и водворение в Енисейскую губ (сначала в Енисейский уезд, а потом в Минусинский, по соседству с Ильичом и другими товарищами по аресту 8 декабря 1895 года). Хотя я имел право считать себя соц.-демокр. с конца 1895 г. или начала 1896 г., но членом партии признаю себя со времени 1-го с'езда в 1898 г. В 1900 г. возвращаюсь из ссылки и по предложению Ильича поселяюсь в Пскове, где обслуживаю интересы искровской организации (корреспондирую в „Искру", организую искровскую группу, способствую транспортированию литературы из заграницы в Питер и т. д.). В моей работе мне деятельно помогает жена моя, Ольга Борисовна (девичья фамилия Протопопова), с которой я иду рука об руку, начиная с весны 1897 г. В ноябре 1902 г., сейчас же после образования в Пскове (у меня в квартире) организационного комитета, в состав которого вошел и я, меня снова арестовывают. В течение 8 месяцев делю свое время между предварилкой и Петропавловкой. Летом 1903 г. опять высылаюсь в Енисейскую губ.—до приговора. Не ожидая приговора (как потом оказалось—6 лет в Восточ. Сибирь.—вероятно, в Якутку), эмигрирую в конце 1903 г. в Швейцарию (в Женеву). Там сейчас же привхожу в большевистскую фракцию и делю с ней все перипетии внутрипартийной борьбы в 1904—1905 г. В начале 1905 г. в течение нескольких месяцев уезжаю на конспиративную работу в Екатериносл. комитет, а затем, по вызову Надежды Константиновны, снова пробираюсь через границу и еду в Женеву. В конце 1905 г. возвращаюсь легально в Россию и работаю в 1906 г. в Питере (выступаю на митингах, принимаю участие в газетной работе—в „Волне", и т. д.).

В 1907 г. нахожу себе приют в г. Орше Могил. губ.—в качестве учителя математики в реальном училище. О моем революционном прошлом жандармерия получает сведения слишком поздно, но, осведомившись на этот счет, начинает меня преследовать, правда неумело, по провинциальному, не зная, к чему прицепиться. А все-таки в связи с деятельностью моей по городской библиотеке меня ставят под знак 129-й статьи, затем в 1909 г. арестовывают, но по недостатку улик—скоро выпускают и т. д. Тем не менее, мне и нескольким товарищам, местным большевикам, удается организовать группочку для конспиративной работы. В эту группу входили, кроме меня и жены, два брата Клиндуховы (особенно интересным работником был Николай Лукич Клиндухов,—хороший, преданный большевик), Ф. Ф. Жуковский (тоже в свое время хороший большевик), Г. Н. Куртев (болгарин, фигурировавший в женевской большевистской группе в 1904—1905 г. под кличкой „Максимов", в последние годы он отошел от партии) и некоторые другие. После ареста в 1909 г. мне было уже трудно держаться в Орше, и я в 1910 г. метнулся, в качестве педагога, в с. Щелково Моск. губ. Но вскрытая могилевскими жандармами моя „неблагонадежная" репутация шла уже за мной по пятам, и московский сатрап Джунковский с треском выкинул меня из намеченной мною трудовой колеи.

После этого для меня начинается очень голодный период в жизни моей семьи,—полтора года отчаянной борьбы за существование. Наконец, мне удается в 1912 г. пристроиться, при содействии Г. М. Кржижановского и Э. И. Гуковского, в Статистическое бюро при Моск. гор. управе. В этом положении, не переходя на нелегальное положение, я не смог бы вести систематической революционной работы, а потому ограничивался лишь спорадическим привхождением в те или иные свои, большевистские, кружки (напр. в литературный кружок, куда входили Ольминский, И. И. Скворцов, Обух, Ногин, П. Г. Смидович и т. д., или в те кружки, которые образовывались в наших управских сферах,—напр. в кружок по подготовке к революции в 1916 г., куда входили Сысин, Пискунов, А. А. Додонова и т. д.). Не будучи достаточно актуальным в революционной работе за этот период времени, я тем не менее в идеологическом отношении постоянно сохранял свое большевистское лицо. Так, напр., с первого же дня империалистической войны я совершенно самостоятельно стал на ту точку зрения, какая потом стала официальным выражением взглядов нашей партии на войну, и даже стал готовить в 1915 г. обстоятельную статью с изложением этих своих взглядов. Познакомившись же с тем, что сказал по тому же предмету Ильич, я с удовольствием констатировал приближение моих мыслей к идеям Ильича, но печатное выступление в партийной прессе с выражением своих мнений счел уже излишним. В 1917 г., продолжая еще работу в статистическом бюро, и после Февральской революции

я в своих управских сферах (в городской управе) занял резкую оппозицию к подавляющему большинству остальных служащих—меньшевиков, эс-эров, кадетов (на десяток тысяч служащих нас, большевиков, насчитывалось не более полдюжины) и соответствующим образом выявлял свою большевистскую природу. В мае того же года провел огромную работу по организации выборов в Московскую думу, крайне переутомился и с тяжелым сознанием, что моя работа пошла на пользу эс-эров (они получили большинство мандатов), уехал в Крым подлечиться. Октябрьский переворот застает меня в Орше, где я позволил себе сделать опыт муниципальной работы в так наз. „социалистической" думе, с которой мог ужиться только до тех пор, пока не запахло Октябрем. Здесь, в Орше, на нас, большевиков, в Октябрьские дни выпала благодарная задача задерживать двигавшиеся на красный Питер с зап. фронта эшелоны и обрабатывать их (об этом см. ст. Т. И. Дмитриева: „Октябрь в Орше" в № 10 „Пролет. Рев."). После экстраординарного напряжения сил снова заболел (приключилась какая-то маленькая катастрофа склерозистого характера, после чего я на левое ухо оглох) и в Питер мог попасть только в декабре 1917 г. Здесь оказался среди своих. Начал работу в Наркомпросе. В январе-феврале 1918 г. захотел принять участие в „своей" войне и отправился вместе с группой других добровольцев на ст. „Дно" для выполнения задания по охране военных (интендантских) складов. С марта 1918 г.—в Москве, работаю по организации отдела по реформе школы. Затем, с благословения Ильича, еду в деревню—проделывать „опыт социалистического строительства в деревне". В 1919 г. возвращаюсь в Москву и снова работаю в качестве члена коллегии в Наркомпросе. В 1920 г. работаю в Ташкенте (зам. нар. комисс. по просвещению). Возвращаюсь в Москву и становлюсь работником в Истпарте. Мне, между прочим, принадлежит инициатива основания в 1922 г. МОПР'а. В настоящее время вплотную работаю в МОПР'е (в качестве зам. председателя Исполкома МОПР'а) и пред. ЦК Мопр'а в СССР. От партийной работы старался не отставать.

Леплевский, Григорий Мойсеевич (*автобиография*). Родился я 1 мая 1889 г. в г. Брест-Литовске Гродненской губ. Отец мой—рабочий-табачник. Промышленность эта, как и вся прочая мелкая промышленность, в виду особенностей Брест-Литовского крепостного района, была ликвидирована, и отец мой переехал на работу в Варшаву. Семейные обстоятельства вынудили его к возвращению на родину. Здесь, однако, по свой профессии он работы найти не мог, и содержание семьи, очень многочисленной—9 человек детей—целиком легло на весьма энергичную, предприимчивую мать, добывавшую средства к существованию мелкой лавочной торговлей. В империалистическую войну, при высылке в 1915 г. из Брест-Литовска всего населения, семья наша в течение суток была разорена полностью. Из Брест-Литовска семья перебралась на юг, и отец стал работать на табачной фабрике в Ростове н/Д.

До 9 лет я обучался в „хедерах": таков уж был в то время обычай в еврейских семьях во всей Литве. Затем, по настоянию отца, законченного безбожника, при отчаянном сопротивлении со стороны крайне религиозной матери, я поступил в городское 4-х классное училище, из последнего класса которого был исключен за принадлежность к „Бунду" и за речь, произнесенную мною на митинге в декабре мес. 1905 г. в разгаре Московского восстания. После двухлетнего перерыва,—с трудом перебиваясь уроками, писанием сочинений на разные темы для учащихся средне-учебных заведений, службой на строительных работах, большей частью в обстановке полуголодного существования,—я продолжал образование сначала в частном коммерческом училище, а затем в Киевском Коммерческом институте. Последний окончил в 1915 г. по экономическому отделению.

В 1909 г. вследствие разногласий по вопросам организационному и программному (культурно-национальная автономия), я вышел из рядов „Бунда". С первых же дней Февральской революции я вступил в партию большевиков, будучи принят полесской организацией РСДРП (большевиков).

С мая 1917 г. вплоть до от'езда из Гомеля в Самару (1918 г.) состоял членом полесского комитета этой организации. В период между Февральской и Октябрьской революциями вел активную агитационно-пропагандистскую работу в б. Могилевской губ., гл. обр. среди многочисленного гомельского гарнизона. Был членом Исполкома гомельского совета, а после октябрьского переворота вплоть до эвакуации в связи с наступлением немецких войск на западном фронте,—председателем этого совета и революционного комитета. Был делегирован

ЛЕПЛЕВСКИЙ Г. М. (1889–1939).

В 1934–39 заместитель прокурора СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЛИТВИНОВ М. М. (1876–1951).

В 1930–39 нарком иностранных дел СССР. В 1941–46 заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1941–43 посол СССР в США и в 1942–43 посланник СССР на Кубе. В 1934–41 член ЦК ВКП (б).

Исполнительным Комитетом Советов Западной Области на сентябрьское демократическое совещание. От Могилевской губ. был избран по списку большевиков в Учредительное Собрание. Принимал участие во II-м и III-м Всеросс. С'ездах Советов в качестве члена этих с'ездов. С марта 1918 г. и до половины 1920 г. работал в Самаре в качестве заместителя председателя Губисполкома и Городского Совета.

В эпоху „демократической" контр-революции на Волге, при занятии чехословаками Самары, я в нечеловеческих условиях отсидел четыре месяца в подполье. В мае 1920 г. по постановлению Центр. Комит. РКП(б) переехал в Москву. Работал вначале заведующим организ. инструкт. отделом НКВнудела, затем состоял членом коллегии этого наркомата, исполнял обязанности замест. нар. комиссара. Одновременно работал в Малом Совете Народных Комиссаров РСФСР в качестве его члена, а затем и председателя. С образованием Союза ССР был назначен председателем административно-финансовой комиссии СНК Союза ССР.

Литвинов, Максим Максимович *(автобиография)* (партийные клички: „Папаша", „Лувинье", „Феликс", „Ниц"), род. 1876 г. в буржуазной семье. Образование получил в об'еме реального училища; 17-ти лет поступил вольноопределяющимся на военную службу; будучи на военной службе, стал изучать социально-экономические науки, познакомился с марксизмом и историей социализма и немедленно по окончании военной службы занялся пропагандистской деятельностью в рабочих кружках, вначале в 1898 г.—в рабочем поселке Клинцы Черниг. губ. Организации там не было, работал в одиночку. Организовал несколько кружков, где наряду с распространением общего образования знакомил рабочих и ремесленников с марксизмом и полит. экономией. Вследствие слежки переехал в 1900 г. в Киев, где, проработав короткое время на периферии, был принят в члены киевского комитета РСДРП. В 1901 г. вместе со всем комитетом был арестован и вследствие предательства одного из членов комитета подлежал высылке на 5 лет в Восточн. Сибирь. Сидя в тюрьме, примкнул к организации „Искра". Через полтора года предварительн. заключения, не дождавшись приговора, бежал из тюрьмы в числе 11-ти. Попав после побега в Швейцарию, работал при редакции „Искры" и на конгрессе Лиги заграничных социал-демократов был избран вместе с Крупской-Ульяновой и Л. Дейчем в члены администрации Лиги, считавшейся тогда практическим центром „Искры"; после раскола на втором лондонском с'езде примкнул к большевикам, в рядах которых работал беспрерывно до настоящего времени. В начале 1903 г. вернулся нелегально в Россию, где и работал до революции 1905 года, вначале в качестве агента уполномоченного ЦК для Северо-Западн. края, имея свою штаб-квартиру в Риге и заведуя „границей". Одновременно в 1904 г. состоял также членом Рижского Комитета РСДРП и в качестве делегата этого Комитета участвовал на 3-м партийном с'езде в Лондоне. С оформлением раскола в партии был выбран членом тогдашнего большевистского центра в России, существовавшего под названием „Бюро Комитета Большинства". Участвовал на конференции северных комитетов в Колпине (вместе с Рыковым, Землячкой, Владимирским, Румянцевым и др.). Летом 1905 г., по поручению ЦК, подготовлял на острове Наргене близ Ревеля приемку оружия, заказанного в Англии Гапоном, имевшего прибыть на пароходе „Джон Графтен", впоследствии разбившемся у финских берегов. Осенью 1905 г. был вызван ЦК в Петроград, где вместе с Красиным поставил издание первой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь" (под фамилией Ниц); с наступлением столыпинской реакции вынужден был в 1906 г. бежать за границу, где выполнял ряд ответственных поручений ЦК, между прочим по закупке и отправке на Кавказ парохода с оружием (пароход утонул). В 1907 г. вновь вернулся в Россию и был почти изловлен полицией в книжном складе Бонч-Бруевича в Петрограде. В том же году ездил по поручению ЦК в Поволжье и на Урал для организации областной партийной конференции. Попав под наблюдение полиции, вынужден был в конце года выехать за границу, где и оставался в эмиграции (в Лондоне) почти 10 лет. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международном Конгрессе в Штуттгарте. Состоял секретарем лондонской группы большевиков, участвовал в Бернской конференции заграничных групп в 1912 г. Находясь в эмиграции, состоял делегатом от большевистской секции при Междунар. Социалист. Бюро, принимал участие в 1-й и 2-й Лондонских Конференциях Бюро; на 2-й конференции в начале войны подал заявление протеста против участия социалистов в буржуазных правительствах и поддержки войны и с конференции удалился. Под-

вергался арестам почти во всех европейских странах. После Октябрьской революции был назначен первым полпредом в Англии. Через 10 месяцев был арестован в Англии в качестве заложника за Локкарта, на которого и был обменен. В РСФСР состоял членом Коллегии НКИД, Рабкрина, полпредом, торгпредом и уполномоченным Совнаркома по валютным операциям в Эстонии и затем был назначен замнаркомом НКИД; ездил в Швецию и Данию для переговоров с буржуазными правительствами, заключил ряд соглашений об обмене военнопленных; добился от Англии снятия блокады, заключив первые торговые сделки в Европе, и отправил первые грузы после снятия блокады. Участвовал в делегации РСФСР в Генуе и состоял председателем делегации в Гааге. Председательствовал на московской конференции по разоружению в 1923 г. Подписал торговые договоры с Германией и Норвегией.

Лозовский, А. (псевдоним Дридзо, Соломона Абрамовича) *(автобиография)*. Род. 29 (16) марта 1878 г. в селе Даниловке Александровского у. Екатериносл. губ. Детство провел в Царедаровске и в поселке при жел.-дор. станции «Лозовая», Павлоградского у. той же губернии. С 8 лет начал работать: продавал на базарах и ярмарках спички, табак, лимоны и пр. Отец был бедным еврейским учителем (меламед), мать имела лоток с галантерейным товаром на базаре, где торговала в воскресенье и другие базарные дни. Учился в хедере. 11 лет поступил мальчиком в мясную лавку, где пробыл 1½ года, после этого работал несколько месяцев приказчиком в бакалейной торговле. 14 лет поступил в кузницу, где пробыл 3 года в качестве ученика. Затем работал кузнецом в Лозовой Павлоградского уезда, в Павлограде и Мелитополе в течение 3 лет. В 20-летнем возрасте бросил работу и при материальной помощи брата начал учиться—приготовился за 4 класса гимназии и поступил в конце 1899 г. вольноопределяющимся в 236 Ланшевский резервный батальон в Казани. Нелегальную литературу читал уже в 1898 г., ближе познакомился в 1900 г. в Казани. Будучи вольноопределяющимся, хранил иногда с.-д. литературу. Формально к с.-д. организации не принадлежал. Из-за своего воинского звания на собрания не ходил. Будучи на военной службе, сам и при помощи некоторых студентов готовился на аттестат зрелости, экзамены выдержал в мае 1901 г. в Симбирске. В конце 1901 г. переехал в Лозовую, где стал давать уроки и где немедленно приступил к организации с.-д. кружков. Партийную связь держал тогда с Харьковом и Екатеринославом. Организовал также кружки среди железнодорожников станции Панютино. В августе 1903 г. переехал в Петроград. Здесь под именем Матвея Григорьевича начал вести организационную работу на Васильевском острове, а затем за Невской заставой. Для права жительства записался в аптекарские ученики, но никогда им не был. Был арестован в Петербурге 30 октября 1903 г. и просидел в «предварилке» до 31 октября 1904 г. Обвинения определенного не пред'являли, хотя жандармы показывали некоторые фотографические карточки и подозревали, что занимался организационно-пропагандистской работой. После освобождения из тюрьмы был выслан в Казань, где немедленно вступил в большевистскую организацию и вел организационно-пропагандистскую работу. Начиная с мая 1905 г, был не формально членом Казанского комитета РСДРП большевиков. За речь, произнесенную во время выхода с работ рабочих Алафузовского завода в Казани (июнь 1905 г.), был арестован, в тот же вечер рабочие освободили, угрожая разгромить фабрику. Летом 1905 г. участвовал в Самаре на Волжской конференции с.-д. большевиков. После поездки по России опять вернулся в Казань (июль) и там работал среди рабочих и солдат. В Казани был известен под кличкой—рабочий Алексей. В октябрьские дни 1905 г. во главе демонстрантов разоружал полицейские участки в Казани и потом раздавал около университета отобранное оружие. С.-д. большевики 2½ дня стояли у власти. Затем пехота, юнкера и артиллерия окружили городскую думу, и все находившиеся в городской думе были 21 октября 1905 г. арестованы. Просидел в тюрьме 3 недели, выпустили и взяли подписку о невыезде. В конце ноября 1905 г. был выбран казанской организацией на с.-д. большевистскую конференцию, которая состоялась в первых числах декабря в Таммерфорсе (Финляндия). После конференции работал в Петербурге в организации с.-д. большевиков на Васильевском острове и в Гавани. В январе 1906 г. был арестован на квартире у рабочего Балтийского судостроительного завода Шитикова (попал в засаду). Был посажен в тюрьму при Вас.-островск. полицейской части, где сидел под именем Карла Карловича Витке. После 3-х дней бежал. Был послан Центральным комитетом партии в Харьков, где жил под именем Ивана Александровича Кузнецова и вел работу

ЛОЗОВСКИЙ А. (1878–1952).

До 1937 генеральный секретарь Профинтерна. В 1937–39 директор Гослитиздата. В 1939–46 заместитель наркома, затем министра иностранных дел СССР. В 1941–48 заместитель начальника, затем начальник Совинформбюро. С 1927 кандидат в члены, с 1939 член ЦК партии. В 40-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

организ.-пропагандистскую на заводах. В марте 1906 г. был арестован, в начале июня был, как Кузнецов, освобожден под залог, но затем в конце июня, по доносу из Казани, был вновь арестован и просидел в Харьковской губернской и Холмогорской тюрьмах до мая 1908 г. Был осужден харьковской судебной палатой к ссылке на поселение за принадлежность к боевой организации Харьковского комитета РСДРП (большевиков). В мае был отправлен в ссылку на поселение. Пробыл около 3-х месяцев в Александровской Центральной пересыльной тюрьме (Иркутской губ.), а затем был отправлен в Преображенскую вол. Киренского уезда Иркутской губ. Дошел я только до Чечуйска, а оттуда в августе бежал за границу. В Женеву приехал в конце октября 1908 г., а в начале января 1909 г. переехал в Париж, где состоял в группе РСДРП (большевиков). Давал иногда статьи в «Пролетарий» и «Социал-демократ». В Париже был секретарем Бюро Труда для русских эмигрантов и некоторое время администратором школы электро-монтеров для взрослых. Два года состоял генеральным секретарем профсоюза шапочников Франции. 10 месяцев руководил кооперативом булочников и был несколько месяцев директором автомобильного гаража. Будучи в Париже, прошел школу шоферов, работал на заводе кузнецом и токарем по металлу. Все время состоял членом французской социалистической партии. С 1912 г. был одним из руководителей группы с.-д. большевиков-партийцев. После об'явления войны между Францией и Германией (1914 г.) работал в течение 6 недель чернорабочим на виноградниках около Монпелье, затем вернулся в Париж и там стал соредактором «Голоса». После закрытия «Голоса» начало выходить «Наше Слово», которое в свою очередь было закрыто в сентябре 1916 г. После этого под той же редакцией выходило «Начало» и после закрытия «Начала»—«Новая Эпоха». С 1914 г. принял активное участие в организации интернационалистических групп во французских профессиональных союзах и в партии. Был членом «Комитета по восстановлению международных связей». Писал, хотя и редко, в «Современнике», «Летописи» и горьковской «Новой Жизни». Вел активную агитацию в социалистических секциях и професс. союзах. В Россию приехал в июне 1917 г. (французское правительство около двух месяцев не хотело выпускать интернационалистов), на III Всероссийской конференции профессиональных союзов (20—28 июля) был выбран секретарем Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Секретарем ВЦСПС был до I-го Всероссийского С'езда Професс. союзов (3—9 января 1918 г.). Накануне с'езда был исключен из Российской Коммунистической партии за оппозицию. В феврале 1918 г. стал ответственным секретарем Всеросс. професс. союза текстильщиков, а в июле того же года стал ответственным секретарем Всеросс. Совета професс. союзов железнодорожников (Всепрофжель). Был некоторое время председателем Московск. Губ. Совета Проф. Союзов. С марта 1918 г. по декабрь 1919 г. был председателем Центрального Комитета РСДРП интернационалистов и редактором центрального органа этой партии «Пролетарий». В декабре 1919 г. партия с.-д. интернационалистов слилась с РКП. С 1907 г. — член Президиума Всеросс. Центр. Совета Професс. Союзов и был некоторое время редактором его центрального органа. В августе 1920 г. поехал представителем ВЦСПС за границу. Поездка кончилась арестом и высылкой из Германии. Был в 1920 г. одним из инициаторов создания Профинтерна. С мая 1921 г. генеральный секретарь Красного Интернационала Профсоюзов. Редактор журнала «Красный Интернационал Профсоюзов», редактор многотомной энциклопедии по международному профдвижению. Докладчик по вопросам международного профдвижения на всемирных конгресах Коминтерна и Профинтерна. Сотрудник советских газет и журналов по вопросам международного рабочего движения и международной политики. Член президиума Коммунистической Академии СССР, профессор I-го МГУ, лектор советских и партийных школ. Член ВЦИК СССР.

Автор ряда брошюр и работ по международному и российскому профессиональному движению:

1. „Уголь и железо". К борьбе за Эльзас-Лотарингию. „Книга", 1918 г.; 2. „Рабочий Контроль" (Петрогр. Сов. Союзов, 1918 г.); 3. „Профсоюзы в Советской России" (ВЦСПС, 1920 г.); 4. „Программа действия" (Профинтерн, 1921 г.); 5. „Французский народный учитель" („Работник Просвещ.", 1922 г.); 6. „Рабочая Франция" („Красная Новь", 1922 г.); 7. „Анархо-синдикализм и коммунизм" (ВЦСПС, 1924 г.); 8. „Москва или Амстердам" (ВЦСПС, 1924 г.); 9) „Великий стратег классовой войны" (ВЦСПС, 1924 г.); 10. „Тред-юнионизм и нейтрализм" (Тверской ГСПС, 1920 г.); 11. „Верен ли путь" (ВЦСПС, 1922 г.); 12. „Мировое профдвижение до и после войны" („Вопр. Труда", 1925 г.); 13. „Первый Междунар. конгресс революц. профсоюзов" (Профинтерн, 1921 г.); 14. „Они и мы в борьбе против войны" („Красная Новь", 1923 г.); 15. „Ближайшие задачи Красного Интернац. Профсоюзов" („Кр. Новь", 1922 г.); 16. „Мировое наступление капитала и единый пролетарский фронт" (Профинтерн, 1922 г.); 17. „Основные моменты в развитии международного профдвижения" (ВЦСПС, 1924 г.); 18. „Что должен знать и помнить инструктор по професссион. движению" (ВЦСПС, 1921); 19. „Организ. вопросы" (Профинтерн, 1921 г.)

20. „Мировой кризис, задачи и тактика Профсоюзов", 1921 г. (вместе с проф. Варга); 21. „Задачи революц. професс. движения" (ВЦСПС, 1924 г.); 22. „Наша тактика в профдвижении" (Профинтерн, 1924); 23. „За единство" (Профинтерн, 1925); 24. „Ленин и професс. движение" (1925, Л.) и т. д.

Важнейшие работы переведены на французский, немецкий и английский языки. Отдельные работы переведены на испанский, итальянский, чешский, сербский, болгарский, турецкий, японский, китайский, малайский, греческий, румынский, шведский, норвежский, финский языки и т. д.

Ломов-Оппоков, Георгий Ипполитович *(автобиография)*. Род. я в январе 1888 г. в г. Саратове, выходец из буржуазной интеллигентской среды. В 13 лет примкнул к революционному движению, работая в социал-демократических кружках. С 1903 г. начал работу в технике организации РСДП в Саратове (работая на мимеографе и гектографе). После раскола РСДП немедленно примкнул к большевистскому крылу партии. 1904 г. — средняя техника и кружки. В 1905 г. помимо работы в боевых дружинах и пропагандистом, начал вести организационную работу среди судоходных волжских рабочих в „Волжской судоходной организации". Вскоре Волжская судоходная организация была признана отдельным районом Саратовской организации, представительство которого в Саратовском комитете было возложено на меня. В 1905 г.—первые корреспонденции в „Новой Жизни" о движении среди учащихся (в Саратове). В 1904 г. и 1905 г. на меня большое влияние оказывает И. П. Гольденберг-Мешковский, который в кратковременные с ним встречи в 1906 и 1908 г.г. еще больше закрепляет это влияние на меня. В 1906 г. я работал в Петербургской организации в железнодорожном районе организатором Николаевской жел. дор. Все это время попутно учился. С 1906 по 1910 г.—в Петербургском университете на юридическом факультете, на государственно-экономическом отделении. Только в 1913 г. разрешили держать госуд. экзамен экстерном.

В 1906 г. помещаю статьи в „Сарат. Волне", редактирую и сотрудничаю в газете „Школа и Жизнь". Работаю в нелегальной типографии. В 1907 г. был выставлен от большевиков в гор. Саратове на Лондонский С'езд, но провалился. В 1907 г. работал членом Иваново-Вознес. комитета. Был выбран Моск. областной конференцией на обще-русскую конференцию за границей в Финляндии. В конце 1907 г. работал в Московском окружном комитете и в редакции „Борьбы" (орган Моск. комитета). 1907 г.—летом, обычно писал [8], всех листовок для Иваново-Вознес. комитета.

В 1908 г. работал членом Московского комитета и ответственным организатором Лефортовского района. В 1909 г. работаю членом Петербургск. комитета партии, членом исполнит. комиссии Петерб. комитета партии. Был избран секретарем Петерб. комитета. В силу преследований и арестов перебираюсь в Москву и работаю в Московском комитете партии до своего ареста в 1910 г. В этот период своей работы я примыкал к „впередовскому" крылу партии. 1911—1913 гг.—Архангельская ссылка и работа среди рабочих лесопильных заводов и ссыльных. Листки. Кружки. Во время ссылки я начал с большим увлечением заниматься полярными исследованиями. В 1911 г. я принимаю участие в экспедиции в Крестовскую Губу Новой Земли. В 1912 г.—в качестве заместителя начальника экспедиции в Канинской экспедиции (гл. обр. в Чешскую Губу Северного Ледовитого океана). В это время я из'ездил Сев. Ледовитый океан и все тундры (на оленях, собаках, лошадях и т. д.). До сих пор в результате этой работы на севере у меня сохранилась большая любовь к приполярным областям и океану. В 1913 г. вместе с Рыковым восстанавливаем организацию Лефортовского района в Москве. Сотрудничество в „Правде".

В 1914 г. (в начале) работаю в Лефортовском и Замоскворецком районах и принимаю участие в организации союза металлистов в Москве, избираюсь юрисконсультом профсоюза металлистов в Москве и в ряде других союзов. Перед войной (весна 1914 г.) арестован. Сижу в Таганской тюрьме. Выслан из 59 городов и пунктов России. Попадаю в Саратов. Восстанавливаю первые группы большевиков в Саратове. Веду систематически противовоенную кампанию под большевистскими лозунгами.

В 1915 г.—работа среди рабочих Саратова и в о-ве „Маяк". Редактирование и издание первой легальной противовоенной большевистской газеты „Наша газета". Выпускаю вместе с Антоновым, Ногиным и Ольминским 9 номеров этой газеты. В каждом номере помещаю свои статьи. Фактически был руководителем нашего большевистского центра в Саратове. 1916—1917 г.—ссылка в Восточную Сибирь. На Лене. Веду работу среди ссылки вместе с Станиславом Косиором и Иннокентием Стуковым. В течение 1916 г. и в начале 1917 г. занимаю ленинскую позицию в основных вопросах войны, перспектив революции в России и мировых. Читаю массу докладов.

ЛОМОВ-ОППОКОВ Г. И. [1888–1937 (по уточненным данным)].

В 1926–29 председатель правления "Донуголь", член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 1929 член Президиума ВСНХ СССР. В 1931–33 заместитель председателя Госплана СССР. В 1934–37 член Бюро Комиссии Советского Контроля при СНК СССР. С 1925 кандидат в члены, в 1927–34 член ЦК; в 1927–30 член Оргбюро ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЛОРЕНЦ И. Л. (1890–1942).

В 1927–29 полпред СССР в Латвии. В 1930–31 руководил группой по педагогике сектора науки Наркомпроса РСФСР. В 1931–35 заместитель начальника сектора торговой политики Наркомвнешторга СССР. В 1935–38 полпред СССР в Австрии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

В 1917 г. работаю, главным образом, в Москве. По постановлению ЦК послан в Московскую область для созыва конференции и подготовки общерусской конференции. Об'ехал Москву, Иваново-Вознесенск, Тулу, Н.-Новгород и др. места. Участник конференции в апреле. Член Бюро ЦК Моск. Области, член МК, представитель партии в Президиуме Моск. Совета (товарищ председателя). Являюсь агитатором, пропагандистом, организатором. Пишу все время в „Социал-Демократе" и в Петерб. органе партии. Моему перу принадлежит ряд статей по вопросам экономики в журнале „Просвещение" и в Московском журнале нашей партии. В июле на с'езде партии избираюсь в члены ЦК РКП, продолжая работать в Москве. В это время Бухарин, я и Яковлева (канд. в члены ЦК Партии) из нашей делегации Московской Области ведем линию на восстание. Принимаю участие во всех решающих заседаниях нашего ЦК перед Октябрем.

В дни Октябрьского переворота был в Питере вместе с ЦК Партии. Участник с'езда Советов. Избран в 1-й состав СНК как народный комиссар юстиции. Был срочно ЦК партии направлен в Москву для участия в борьбе за власть. Член Ревкома Москвы. Товарищ председателя Моссовета, зам. Покровского. Веду в это время руководящую работу в Москве. Под моим руководством проходит национализация банков, промышленности и реорганизация всего аппарата власти в Москве и области.

С января 1918 г. я снова переезжаю в Питер, где избираюсь в состав Президиума ВСНХ, а затем зам. пред. ВСНХ. Все время член ВЦИК'а до настоящего времени. В должности зампреда ВСНХ до 1921 г. Все время до 1921 г. ведаю топливоснабжением республики.

В 1921 г. работаю в Новониколаевске — член Сиббюро ЦК РКП и пред. Сибпромбюро ВСНХ и член Сибревкома до осени 1921 г. С осени 1921 г. до осени 1923 г. работаю в Екатеринбурге, состою членом Уралбюро ЦК РКП и пред. Урал. Эконом. Совета. Все это время с решающим или с совещательным голосом участвую на всех с'ездах партии, как член ВЦИК'а и делегат от Урала, Москвы и др. районов. Являюсь участником С'ездов Советов. Все это время пишу в основанной по моей, Крумина, Савельева и Фабрикевича инициативе газете „Экономическая Жизнь", в газетах Сибирских и Уральских, в „Правде", в „Известиях ВЦИК'а", в журнале „Народное Хозяйство". Пишу брошюры по хозяйственным вопросам.

В 1923 г. назначен пред. Нефтесиндиката, в каковой должности нахожусь и сейчас. Состою членом Президиума ВСНХ СССР, членом МК РКП, Моссовета, членом Районного Комитета РКП Бауманского района, начальником Управления Печати ВСНХ СССР. В это время пишу много по вопросам обще-экономическим и в частности по экономике нефти (особенно экспорта нефти). Во время работы в ВСНХ неоднократно командируюсь в Иваново-Вознесенск, Ярославль, Харьков, Одессу, Саратов и др. города по поручению ЦК РКП. Выступаю, как лектор и агитатор по поручению ЦК ВКП по всей России.

Лоренц, Иван Леопольдович (*авторизованная биография*), родился 20 сентября 1890 г. в семье бухгалтера одной из фабрик г. Лодзи. Там же кончил гимназию, а затем юридический факультет Петербургск университета. В 1913 г. после окончания университета поступил в сословие присяжных поверенных в Петербурге. В 1915 г. призван на военную службу по мобилизации. Поступил в Михайловское артиллер. училище, ускоренный курс (военного времени) которого и кончил. С 1915—1917 г. был на фронте, в начале революции – в чине поручика артиллерии. Война произвела переворот в его взглядах, и он становится в ряды революционеров,—работает в солдатских кружках на фронте. Во время Февральской революции работает в солдатских комитетах. В начале Октябрьской революции избирается по выборному началу командиром дивизиона и работает в армейском комитете 5-й армии. Участвует в работах Брестской мирной конференции в качестве переводчика. В 1918 г состоит секретарем Полпредства РСФСР в Берлине. В 1919 г. участвует в работе секретариата 1-го конгресса Коминтерна. В апреле 1919 г. отправляется на западный фронт, где участвует в боевых действиях в качестве красного командира, комиссара батареи, а затем—комиссара артиллерии 16-й армии. В 1920 г. отзывается с фронта для дальнейшей работы в Н.К.И.Д. Участвует в качестве старшего секретаря в мирных переговорах с Латвией, Литвой, Польшей. Состоит секретарем полпредства в Риге (1920 г.), секретарем, а затем советником полпредства (1921—1923) в Варшаве. Им подписан ряд соглашений, в том числе санитарная конвенция с Польшей. На международной санитарной конференции в Варшаве, имевшей место до Генуэзской конференции, состоял председателем советской делегации. С 1923 г. состоит

полпредом СССР в Литве и в1924 г.— членом делегации на Конференции с Румынией в Вене. В 1925 г. назначен полпредом СССР в Финляндию.

Луначарский, Анатолий Васильевич (*автобиография*), род. в 1875 г. в Полтаве в семье чиновника. В виду радикальных настроений, господствовавших в семье, очень рано, в детском возрасте, освободился от религиозных предрассудков и проникся симпатиями к революционному движению. Образование получил в 1-й Киевской гимназии. С 15 лет под влиянием нескольких польских товарищей стал усердно изучать марксизм и считал себя марксистом. Был одним из участников и руководителей обширной организации учеников, охватившей все средние учебные заведения Киева. С 17-ти лет начал вести пропагандистскую работу среди рабочих железнодорожных мастерских и ремесленников. По окончании гимназии уклонился от поступления в русский университет и поехал за границу для более свободного изучения философии и общественных наук. Поступил в Цюрихский университет, где в течение двух лет работал по естествознанию и философии, гл. обр. в кругу творца эмпирио-критической системы Рихарда Авенариуса, в то же время продолжая более глубокое изучение марксизма под руководством Аксельрода, отчасти и Г. В. Плеханова.

Тяжелая болезнь старшего брата, Платона Васильевича, заставила Л. прервать эту работу. Ему пришлось прожить некоторое время в Ницце, затем в Реймсе и, наконец, в Париже. К этому времени относится близкое знакомство его с проф. М. М. Ковалевским, библиотекой и указаниями которого Л. пользовался, и с которым у него установились очень хорошие отношения, сопровождавшиеся, однако, постоянными спорами. Несмотря на тяжелую болезнь брата, Л. удалось распропагандировать его и его жену Софью Николаевну, ныне Смидович, так что они сделались социал-демократами и позднее оба сыграли довольно видную роль в рабочем движении.

В 1899 г. вместе с ними Л. возвращается в Россию в Москву. Здесь вместе с А. И. Елизаровой, сестрой Владимира Ильича Ленина, Владимирским и некот. др. он возобновляет работу Московского комитета, ведет пропаганду в рабочих кружках, пишет листовки, руководит стачками на ряду с другими членами Моск. комит. В результате провокации А. Е. Серебряковой, состоявшей в периферийной организации при Моск. комит., большинство членов организации арестуется, также и Л. Однако, через короткий промежуток времени, в виду отсутствия серьезных улик, Л. отпускается на поруки к отцу в Полтавскую губ., а затем получает разрешение переехать в Киев. Здесь в Киеве Л. вновь начинает работу, но несчастный случай, арест его вместе со всеми присутствующими на благотворительном реферате в пользу студентов об Ибсене, прекращает его работу. Следуют два месяца заключения в Лукьяновской тюрьме, где, между прочим, Л. подружился с М. С. Урицким. Едва выпущенный из этой тюрьмы Л. вновь арестован по московскому делу и препровождается в Москву, где остается в Таганской тюрьме в течении 8-ми месяцев. Это заключение используется им для усиленной работы по философии и истории, в особенности по истории религии, которой он занимался в течении двух лет и в Париже при музее Гимэ. Усиленные занятия и одиночка сильно расстраивают здоровье Л. Но, наконец, его освобождают с перспективой дальнейшего административного приговора и со временной ссылкой в Калугу. В Калуге создается тесный марксистский кружок, в который, кроме Л., входят А. А. Богданов, И. И. Скворцов (Степанов), В. П. Авилов, В. А. Базаров. Здесь кипела интенсивная умственная работа, издавались переводы капитальных немецких сочинений при помощи марксистски настроенного молодого фабриканта Д. Д. Гончарова. Вскоре после от'езда А. А. Богданова, Л. и Скворцов переходят к активной агитации в железнодорожном депо, среди учительства и т. д. В это время дружба Л. с семьей Гончаровых растет. Он переселяется на их фабрику „Полотняный Завод", ведет там работу среди рабочих и приступает к первым литературным трудам, напечат. в газ. «Курьер». Позднее рабочие полотняного завода переименовали эту фабрику в «Писчебумажную фабрику имени Л.»

Наконец, Л. получает приговор на трехлетнюю ссылку в Вологодскую губ. Ему удается остаться в г. Вологде, который к тому времени являл собою очень крупный эмигрантский центр. Здесь уже жил А. А. Богданов, с которым Л. и поселился. Здесь кипели споры с идеалистами, во главе которых стоял Бердяев. В них деятельное участие принимали такие люди, как Савинков, Щеголев, Жданов, А. Ремизов и многие другие. Вологодское пребывание отмечается для Л., гл. обр., борьбою с идеализмом. Здесь к прежней калужской компании, не порвавшей своей связи, присоединяется покойный С. Суворов, и вместе они издают

ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. (1875–1933).

С 1929 председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 полпред СССР в Испании. Академик АН СССР (1930).

против книги «Проблемы идеализма», «Очерки рационалистического мировоззрения». Эта книга выдержала два издания. Л. пишет много статей по вопросам психологии и философии в «Образовании», в «Правде», главная цель которых та же борьба против идеализма. Однако, одновременно вся группа отходит от того трактования марксистского материализма, которое давал Плеханов. Т. обр., далеко не все социал-демократы разделяли взгляды группы, приобретшие все же значительный вес в тогдашнем русском идейном мире.

Ссора с губернатором Ладыженским, сопровождавшаяся множеством курьезных инцидентов, забрасывает Л. в маленький городок Тотьму, где он является единственным ссыльным в то время. Попытки местной интеллигенции связаться с Л. пресекаются грозным окриком местного исправника, и Л. вместе со своей женой, сестрой А. А. Богданова, А. А. Малиновской, живет почти в полной изоляции. Здесь написаны им все те работы, которые позднее вышли в сборнике «Этюды критические и полемические». Здесь же написана им популяризация философии Авенариуса. Все время Л. самым энергичным образом продолжает свое образование, окружив себя книгами.

По окончании ссылки в 1903 г. Л. возвращается в Киев и начинает работу в тогдашней полумарксистской легальной газ. «Киевские отклики». Между тем в партии произошел раскол, и примиренческий ЦК, во главе которого стояли Красин, Карпов и др., обращается к Л. с просьбой поддержать его политику. Однако, вскоре под влиянием Богданова Л. покидает примирительную позицию и целиком присоединяется к большевикам.

Письмом из Женевы В. И. Ленин пригласил Л. немедленно выехать в Швейцарию и принять участие в редактировании центр. органа большевиков. Первые годы заграничной работы прошли в бесчисленных спорах с меньшевиками. Л. работал не столько в журн. «Вперед» и «Пролетарий», сколько широкими об'ездами всех колоний в Европе и докладами о сущности раскола. Вместе с политическими докладами он выступал также на темы философские.

В конце 1904 г. болезнь заставила Л. переехать во Флоренцию. Там застала его и весть о революции и приказ ЦК немедленно выехать в Москву, чему Л повиновался с величайшим удовольствием. По приезде в Москву Л. вошел в ред. «Новой Жизни», а затем последовательно заменявших ее легальных газет, и вел усиленную устную пропаганду среди рабочих, студенчества и т. д. Еще до этого на 3-ем С'езде партии Владимир Ильич поручил Л. доклад о вооруженном восстании. Л. принял участие в Стокгольмском об'единительном с'езде. 1-го января 1906 г. Л. был арестован на рабочем собрании, но через месяц отпущен из Крестов. Однако, немного позднее ему были пред'явлены серьезнейшие обвинения, грозившие весьма тяжкими последствиями. Согласно совету партийной организации Л. решил эмигрировать, что и сделал в марте 1906 г. через Финляндию.

В годы эмиграции Л. присоединился к группе Богданова и вместе с ним организовал группу «Вперед», участвовал в редактировании ее журнала и был одним из деятельнейших руководителей впередовских рабочих школ на Капри и в Болонье. В то же время им выпущен был двухтомный труд «Религия и социализм», вызвавший довольно сильное осуждение со стороны большинства партийных критиков, усматривавших в нем уклон в сторону какой-то утонченной религии. Терминологическая путаница в этой книге давала достаточно оснований для таких обвинений. Ко времени пребывания Л. в Италии относится его сближение с Горьким, которое отразилось, между прочим, в повести Горького «Исповедь», тоже довольно строго осужденной В. Г. Плехановым.

В 1911 г. Л. переезжает в Париж. Здесь группа «Вперед» приобретает несколько другой уклон, благодаря уходу из нее Богданова. Она пытается создать об'единенную партию, хотя усилия ее в этом отношении были тщетными. В то время к ней принадлежали М. Н. Покровский, Ф. Калинин, Мануильский, Алексинский и др.

Л., входивший в большев. делегацию на Штутгардском международном с'езде, представлял там большевиков в секции, выработавшей известную резолюцию о революционном значении профессион. союзов. Здесь происходили довольно резкие столкновения по этому вопросу между Л. и Г. В. Плехановым. Приблизительно то же было и на Копенгагенском с'езде. Л. был делегирован туда группой русских впередовцев, но и здесь сговорился по всем важнейшим пунктам с большевиками и по настоянию Ленина представлял большевиков в комиссии по кооперативам. И опять-таки оказался в резкой оппозиции с Плехановым, представлявшим там меньшевиков.

Как только разразилась война, Л. присоединился к интернационалистам и вместе с Троцким, Мануильским и Антоновым-Овсеенко редактировал в самом

Париже анти-милитаристич.журнал «Наше Слово» и др. Чувствуя невозможность наблюдать об'ективно события великой войны из Парижа, Л. переехал в Швейцарию и поселился в Сен-Льеже близ Вевэ. К этому времени относится довольно близкое знакомство его с Ромэн Ролланом и дружба с Августом Форелем, а также сближение с великим швейцарским поэтом К. Шпиттелером, часть произведений которого Л. перевел на русский язык (еще не опубликованы). После Февральской революции Л. немедленно отправился к Ленину и Зиновьеву и заявил им, что бесповоротно становится на их точку зрения и предлагает работать по указаниям ЦК большевиков. Предложение это было принято.

В Россию Л. вернулся несколькими днями позже Ленина в том же порядке, т. е. через Германию. Немедленно по приезде началась самая кипучая работа по подготовке революции. Никаких разногласий между Л. и большевиками не было, но согласно постановления ЦК последних решено было, что Л., так же как Троцкий, останутся в организации межрайонцев, чтобы позднее влиться в большевистскую организацию с возможно большим количеством сторонников. Маневр этот был успешно проделан. ЦК направил Л. на муниципальную работу. Он был выбран в городскую думу и был руководителем большевистской и межрайонной фракции в думе. В июльские дни Л. принял деятельное участие в происходивших событиях, был обвинен вместе с Лениным и другими в государств. измене и немецком шпионстве и посажен в тюрьму. И до тюрьмы и в тюрьме неоднократно создавалось крайне опасное для его жизни положение. По выходе из тюрьмы, при новых думских выборах фракция большевиков чрезвычайно выросла, и Л. был выбран товар. городск. головы с препоручением ему всей культурной стороны городского дела. Одновременно и неуклонно велась Л. самая горячая агитация, гл. обр. в цирке Модерн, но также и на многочисленных заводах и фабриках.

Тотчас же после Октябрьского переворота ЦК партии большевиков составляет первый совет народных комиссаров и включает в него Л., как народного комиссара по просвещению. При переезде всего правительства в Москву Л. предпочел остаться в Петрограде, чтобы работать вместе с оставленными там на опасном посту товарищами Зиновьевым, Урицким и др. В Петрограде Л. оставался больше года, при чем Наркомпросом по заместительству ведал М. Н. Покровский из Москвы. В эпоху гражданской войны Л. беспрестанно приходилось отрываться от своего наркомата, так как он об'езжал почти все фронты гражданской и польской войны в качестве полномочного Реввоенсовета и вел деятельную агитацию в войсках и среди жителей прифронтовой полосы. Он был назначен также представителем Реввоенсовета в Тульском укрепленном лагере в самые опасные дни деникинщины.

Работая, как партийный агитатор, член Совнаркома и Народный Комиссар по Просвещению, Л. продолжал свою литературную работу, в особенности, как драматург. Им написан целый ряд пьес, часть которых поставлена была на сцене, шла и идет в столицах и во многих провинц. городах.

Лутовинов, Юрий Хрисанфович, род. в 1887 г. в г. Луганске, рабочий-металлист, с ранних лет работал на заводе, в 1904 г. вступил в с-д. партию. С этого времени начинается его революционная деятельность, он работает в Луганске, Александровске, Петербурге и др. городах, состоя членом местных партийных (большевистских) комитетов. Л. был активным работником в области профдвижения, в 1912 г. принимал деятельное участие в петербургской конференции металлистов. За время своей революционной работы неоднократно подвергался арестам, был в ссылке в Архангельской губ. и Якутской обл., оба раза бежал. В 1916 г. был командирован в Донецк. бассейн для проведения партийных конференций, здесь его застала Февральская революция. В годы гражданской войны Л. сражался в войсках против ген. Краснова, а затем в период гетманщины на Украине работал там, входя в состав ЦК КП (б) Украины. После того отдался работе в профсоюзах, входил в ЦК союза металлистов, а в последние годы жизни был председ. союза связи, состоял членом президиума ВЦСПС, кандидатом в члены президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Одно время был заместителем зам. торгпреда в Берлине. На IX парт. с'езде Л. отстаивал идею коллегиального управления в промышленности и в 1920—21 г. находился в рядах „рабочей оппозиции". Л. не мог примириться с медленным развитием социалист. строительства и покончил самоубийством в мае 1924 г. См. *„Лит. и с."* № *4, 1924 г.* и др.

ЛУТОВИНОВ Ю. Х. (1887–1924).

ЛЯДОВ М. Н. (1872–1947).

В 1929 начальник Главнауки, член коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1930 заведующий архивом Октябрьской революции. В 1927–30 член ЦРК ВКП (б). С 1932 на пенсии.

Лядов (Мандельштам), Мартын Николаевич (*автобиография*), род. в Москве в 1872 г., в семье купца. Отец разорился в то время, когда мне было лет 8—9. Последние годы своей жизни он служил

приказчиком. В 1881 г. поступил во II Московскую гимназию, учился хорошо до 3-го класса. Не выносил казарменной дисциплины. Из 3-го кл. был исключен с тройкой по поведению, за то что обругал инспектора. Поступить с „волчьим" паспортом в другую гимназию не мог. Родители послали меня в Митаву, там жил довольно состоятельный дядя. В Митаве я поступил в реальное немецкое училище, которое кончил в 1889 г. Не сдал выпускного экзамена в виде протеста против насильственного обрусения немецких школ. С 14-ти лет, несмотря на жизнь у дяди, оплачивал свое содержание, зарабатывая уроками и случайной работой. И мать и отец умерли в 1885—1886 г. В 1890 г., благодаря встрече со старшим братом Григорием, впервые серьезно задумался над революционной работой. Брат Григорий вернулся тогда нелегально из-за границы и некоторое время прожил у меня в Митаве. Из Парижа он вернулся марксистом и находился под впечатлением только что состоявшегося в Париже международного социалистического конгресса. В том же 1890 г. я поступил вольноопределяющимся в 114-й Новоторжский полк. Здесь я впервые близко сошелся с забитой солдатской массой, которая меня сильно перевоспитала. В полку на ряду со строевой работой я вел ротную школу. В августе 1891 г. я был уволен в запас младшим унтер-офицером и вернулся в Москву. Хотел поступить в Императорское Техническое училище. Стал готовиться к экзамену, поселился со студентом-техником и через него попал в студенческие кружки. Студенческая жизнь не заинтересовала меня. Бесконечные беспочвенные споры разочарованных народников и народовольцев отпугнули меня. Благодаря технику Круковскому и брату Григорию заинтересовался марксизмом, стал очень много читать и поступил на химический завод за Даниловской заставой. Здесь организовал первый кружок рабочих и провел первую стачку. Из завода был выгнан. Окончательно стал социал-демократом весной 1892 г. после ареста брата Григория, благодаря, главным образом, Александру и Пелагее Винокуровым. Под их руководством стал переводить Бебеля „Женщина и социализм" и ряд брошюр из немецкой социал-демократической библиотеки. Через них же вошел в марксистский кружок Аркадия Ив. Рязанова. Вместе с Винокуровым мы начали искать и находить связи с рабочими. Помогла мне в этом моя работа на фабрике искусственной шерсти. В ноябре 1892 г. я был впервые арестован по делу Круковского, Ванновского, Егубова и др. Попутно мне пред'явили обвинение в пропаганде на химическом заводе. После краткого тюремного заключения меня выпустили под надзор полиции. С тех пор я целиком уже отдался социал-демократической работе. В 1893 г. принял участие в организации Московского Рабочего Союза, который окончательно окреп в 1895 г. В 1894 г. помогал организовывать нелегальную типографию в Москве. В 1895 г. организовал празднование „1-го мая" под Москвой в Вишняках. В июле 1895 г. был арестован, просидел до 1897 г. и был выслан в Якутскую область на пять лет. В ссылке в Верхоянске пробыл до февраля 1902 г. После этого получил еще дополнительно два года надзора, которые должен был отбывать в Саратове. В Саратове работая в статистическом бюро губернского земства и одновременно входил в состав саратовского комитета РСДРП. Ездил два раза нелегально в Москву и Ленинград. Принял участие в организации майской демонстрации в 1902 г. В феврале 1903 г., перед арестом, бежал из Саратова за границу. Вошел в берлинский кружок искровцев, выступал с докладами и помогал в работе по транспорту нелегальной литературы. Получил мандат из саратовского комитета на II с'езд партии. В Женеве сблизился с Владимиром Ильичом, сразу встав на его сторону в спорах с остальными членами редакции „Искры". При расколе на II с'езде без колебаний стал на сторону большевиков. После с'езда одно время был представителем ЦК в Берлине. В 1904 г., в связи с протестом против Бюлова и с разоблачением агентов департамента полиции (Гартинга), должен был перед арестом бежать из Берлина. Принял участие в большевистской конференции 22 в Женеве, был избран членом Бюро Комитетов Большинства. В качестве такового поехал нелегально в Россию для об'езда российских организаций. Участвовал 9-го января 1905 г. в Ленинграде. После подготовлял созыв III-го с'езда. Участвовал на III-м с'езде. После с'езда снова об'езжал с докладами о с'езде заграничные и российские организации. В августе 1905 г. был арестован в Баку, бежал из тюрьмы. Попал в Москву во время разгара всеобщей забастовки 13-го октября. Вошел в московский комитет. В ноябре по поручению Ленина об'езжал заграничных лидеров социал-демократических партий с уведомлением о русской революции.

520

В декабрьские дни входил в состав исполнительного комитета МК по руководству вооруженным восстанием. В январе 1906 г., как агент ЦК, об'езжал Урал и Сибирь, проводя выборы на об'единительный с'езд. Пришлось принять участие и в Сибирском восстании. На об'единительном Стокгольмском с'езде участвовал по мандату московской организации. После с'езда работал в петербургском комитете. Несколько раз убегал во время ареста. При начале Свеаборгского восстания послан был ЦК руководить им, приехал к моменту ликвидации его. Некоторое время работал в Финляндской военной организации. Участвовал на Таммерфорсской военно-боевой и на Гельсингфорсской обще-партийной конференции. Проводил избирательную кампанию во 2-ю Думу и на Лондонский с'езд в Уральской областной организации, откуда и получил мандат на Лондонский с'езд. После этого работал в Питере, Москве и Финляндии. Несколько раз арестовывался, судился в Териоках и Выборге. Участвовал на конференциях в Котке и Гельсингфорсе (на Гельсингфорсской конференции стоял на точке зрения бойкотистов 3-ей Думы). В 1908—1909 г. работал в областной организации Центрально-Промышленного района. Представлял этот район на Парижской конференции в январе 1909 г. Весной 1909 г. принял участие в организации партийной школы на Капри. Вел там занятия и вошел в группу „впередовцев". Вместе с группой „впередовцев" участвовал в организации и руководстве школой в Болонье. В 1911 г. вернулся в Россию, легализировался и поступил на работу в Баку, сначала в Совет С'езда Нефтепромышленников, затем в контору бр. Нобель. Был секретарем редакции „Нефтяное Дело". С группой „Вперед" порвал связь при от'езде из-за границы, отказался от организационно-партийной работы и всецело посвятил себя пропагандистской работе среди бакинских промысловых рабочих. Широко использовал фирму Бакинского Народного университета для систематической пропаганды. Одновременно помогал проведению стачек 1913—1914 г., страховой кампании и кампании борьбы с дороговизной и борьбы против военно-промышленных комитетов.

С начала Февральской революции был избран товарищем председателя Бакинского Совета Рабочих Депутатов (председателем заочно был избран Шаумян). Был редактором Известий Бакинского Совета. Во время гражданской войны в Баку (в марте 1918 г.) был избран председателем об'единенных штабов Красной гвардии промысловых районов, а затем—членом президиума бакинского Совнархоза. Участвовал в проведении национализации нефтяной промышленности. Организовывал эвакуацию пред захватом власти в Баку эс-эрами и меньшевиками. После этого был избран секретарем полулегального (большевистского) союза нефтепромышленных рабочих. При захвате Баку турками и мусаватистами был взят в плен. Сидел два месяца в тюрьме, ожидая повешания. Перед сдачей турками Баку англичанам и белым, с последним эшелоном турецких войск был вывезен на границу меньшевистской Грузии. Благодаря обострившемуся после тюрьмы туберкулезу и закрытию всех границ вынужден был полтора года прожить в Грузии, работал там статистиком и читал лекции. После возвращения советской власти в Баку (1920 г.) выехал в Россию. Назначен был в Главтоп, а затем директором правления Нефтяной Промышленности. В мае 1922 г. был командирован для партработы в Нижний Новгород, а в мае 1923 г. назначен ректором Коммунист. университета имени Я. М. Свердлова. Одновременно состою сейчас кандидатом в члены ЦИК СССР, в члены ВЦИК РСФСР, членом моск. комит. и красно-пресненского райкома ВКП, членом Моссовета, членом совета Института Ленина, Истпарта при ЦК, пред. совета Музея Революции, членом научно-политич. секции ГУС'а и т. д.

Первой моей брошюркой была нелегально изданная в Москве в 1895 г „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратился" и й-что о женщине-работнице". Из ,ших работ укажу: „История Росс. Социал-демокр. Рабочей Партии", 1-й и 2-й том (изд. 1906—1907 г.), „Двадцать пять лет РКП" (изд. 1923 г.), „Zur Geschichte der socialdemokratischen Arbeiterpartei Russland" (изд. 1904 г., русский перев. вышел в 1924 г.), „Как складывалась РКП", выходит 4-м изд. В различное время писал разные статьи, прокламации и брошюры. Их было много и в русских и в заграничных журналах и газетах. Было много и переводов.

(Продолжение свода во 2-й части 41-го тома).

Изменения и замеченные опечатки в I ч. XLI тома.

(Просят исправить в тексте).

Приложение: „Деятели СССР и Октябрьской революции":

3	16 св.	член он	членом
19	1 св.	Горболь	Горбов
26	20 сн.	Григорьевич	Георгиевич
90	20 сн.	Фавк	Фавн
95	2 св.	1909 г.	1904 г.
97	17 сн.	мая	марта
99	26 св.	полка	роты

ДЕЯТЕЛИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ)

Часть II

Автобиографии, авторизованные биографии и биографии свода:

	Стлб.
Н. Г. Маркин	1
А. С. Мартынов (Пикер)	1
Ю. Ю Мархлевский	19
Ф. И, Махарадзе	20
Г. Н. Мельничанский	27
И. П. Мешковский	32
Н. Л. Мещеряков	33
Н. А. Милютин	38
В. С. Мицкевич-Капсукас	42
С. И. Мицкевич	44
А. С. Моисеев	53
П А. Моисеенко	54
В М. Молотов	57
Н. И. Муралов	65
А. Ф. Мясников	67
Н. Н. Нариманов	69
С. М. Нахимсон	74
В. И. Невский	74
В. П. Ногин	81
М. С. Ольминский	82
М. Д Орахелашвили	85
Г. К. Орджоникидзе	86
Н. Осинский (В. В Оболенский)	89
М. Л. Павлович (Вельтман)	98
С. С. Пестковский	110
Г. И. Петровский	114
В. Н Подбельский	118
М. Н. Покровский	118
Е. А. Преображенский	120
П. П. Прошьян	132
Г. Л Пятаков	133
Л. Л. Пятаков	136
К. Б Радек	138
Х Г. Раковский	169
Ф. Ф. Раскольников	187
И. Рахья	192
Л. М. Рейснер	193
М. А. Рейснер	197
М. И. Рогов	205
Е. Ф. Розмирович	206
С. Г. Рошаль	212
Я. Э. Рудзутак	213
А. И. Рыков	223
Д. Б. Рязанов	230
Я. П. Ряппо	232

Главлит № 55426. Москва. Тираж 5.100 экз.

5-я типо-литография «Мосполиграф» Мытьинков, 14.

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

Продолжение *).

Маркин, Николай Григорьевич, род в 1892 г., родители—ткачи, работали на фабрике Пензенской губ., затем переехали во Владикавказ. Детство М. протекало в тяжелых материальных условиях. Не получив почти никакого образования, он должен был поступить мальчиком в писчебумажный магазин, и это его сильно тяготило. Он начинает читать нелегальную литературу, а в 1909 г. был арестован за попытку поджечь магазин своего хозяина. В тюрьме М. сблизился с политическими заключенными и по выходе на свободу набросился на книги общественно-политического содержания. Военную службу он отбывал в минной батарее в Балтийском флоте. После революции работал в Петроградском совете с переходом его на сторону большевиков и принимал деятельное участие в организации вечерней газеты „Рабочий и Солдат". М. входил делегатом от Балтийского флота во ВЦИК второго созыва. В дни Октябрьского переворота он сражался в первых рядах, затем работал в следственной комиссии Петроградского совета. После того перешел помощником Л. Троцкого в Наркоминодел и среди царившего там в первые дни хаоса и растерянности принялся налаживать работу. Им было опубликовано много секретной дипломатической переписки. Во время чехо-словацкого восстания М. проявил большую энергию в деле организации волжской речной флотилии, в которой он был главным комиссаром, а затем помощником командующего флотилией. Погиб во время боя парохода „Коммунист" с береговыми батареями осенью 1918 г. (См. „*Нам. бор.*" и „*Тр. пр.*").

Мартынов-Пикер, Александр Самойлович (*автобиография*). Я родился в 1865 г. в г. Пинске в купеческой семье, которая принадлежала к местной еврейской „аристократии", но дела которой сильно пошатнулись во время моего отрочества. Отец—лесоторговец, интересовался политикой, читал усердно газеты и ругал социалистов. Мать же, хотя и получила светское воспитание, смутно сочувствовала передовым идеям, которые в конце 60-х г. стали проникать в наше захолустье. Ее к этому склоняли отчасти ее борьба с подкрадывавшейся нуждой, отчасти ее беседы с племянником, киевским студентом, и с дядей Год-Ошером Левиным, оригинальным стариком, который на 60-м году жизни под влиянием немецкого домашнего учителя своих внуков круто порвал с религией и поехал за границу на поклон к материалисту Бюхнеру. В доме у нас тон задавала мать, более энергичная и более интеллигентная, чем отец. Она не стесняла меня в выборе товарищей, и я, поступив в реальное училище, дружил преимущественно с учениками пролетарского происхождения, зараженными носившимися тогда в воздухе революционными бациллами, что весьма шокировало моих богатых и чванных родственников.

Впервые я стал знакомиться с социализмом в 1879 г. при переходе в 4-й класс. Я случайно нашел у моего школьного товарища Робинзона под подушкой книгу Флеровского „Азбука социальных наук". Она произвела на меня сильное впечатление. Еще более сильное впечатление на меня произвел позже роман Чернышевского „Что делать". Я помню, что, подражая Рахметову, я медленно тушил папиросы на руке, а один мой школьный приятель шел еще дальше: он прокалывал себе руку перочинным ножиком. Убедившись, что я созрел для жатвы, Робинзон и его сподручный, по прозвищу „Капитанчик", приняли меня в кружок.

Не прошло и года, как мне уже довелось столкнуться с жандармами и подвергнуться допросу с пристрастием. Два ученика из нашего кружка изрезали царский портрет, висевший в актовом зале училища, выкололи на портрете у царя глаза и всадили ему в рот нож. Подозрение пало на наш 4-й класс. Всех нас жандармы подвергли допросу, но винов-

МАРКИН Н. Г. [1893 (по уточненным данным) – 1918].

МАРТЫНОВ-ПИКЕР А. С. (1865–1935).

До конца жизни работал членом редакции журнала "Коммунистический Интернационал".

*) I часть автобиографий „Деятелей СССР и Октябрьской Революции" на буквы А—Л была помещена в I ч. 41 тома.

ника не раскрыли. Попав на ложный след, решив что это „польская интрига", жандармы подвергли гонениям ни в чем неповинных учеников-поляков. Через год, будучи в 5-м классе, я сделал первый опыт „хождения в народ", который чуть не кончился печально для меня. Я пошел пропагандировать крестьян, сплавлявших плоты по Припяти. Когда я весьма непочтительно отозвался о царе, крестьяне решили меня утопить и бросили меня с плота в воду.

По окончании 6 классов реального училища первым учеником, я покинул родительский дом и уехал в Екатеринослав, где я поступил в общее отделение дополнительного 7-го класса, но вскоре оставил училище, чтобы готовиться по древним языкам на аттестат зрелости для поступления в университет. Почувствовав себя после многолетней школьной учебы вольным человеком, я поселился под Екатеринославом, в пригородном селе Мандриковке, в колонии политических поднадзорных, освобожденных из тюрьмы после убийства Стрельникова (Энгель, Зацепин, Настасья Шехтер, Софья Оржих и др.). В этой народовольческой колонии меня впервые посвятили в тайны настоящей подпольной работы и тюремной конспирации. Моя жизнь в этой колонии, в которой я имел счастье узнать про революционную работу таких людей, как Валериан Осинский и Желябов, из уст лично с ними знакомых товарищей, омрачилась еврейским погромом. На беду я сам подал к нему повод: какой-то парень из мещанской части Мандриковки обозвал одного из поднадзорных жидом. Я дал ему оплеуху. Мещане потребовали выдачи обидчика. Меня, конечно, не выдали, но в результате начался еврейский погром, который, к счастью, ночью прекратился благодаря смелому выступлению моей соседки и революционной наставницы, Настасьи Шехтер, обратившейся с речью к разъяренной, пьяной толпе.

Из Екатеринослава я переехал в Николаев, где я в впервые завязал связи с рабочими и обучался по запискам Грачевского изготовлению взрывчатых веществ. Сдав в Николаеве экзамен на аттестат зрелости при классической гимназии, я в 1884 г. уехал в Петербург и поступил в университет на юридический факультет. В Питере я поступил в партию „Народной Воли", был членом рабочей и военной организации партии, вел пропаганду среди рабочих и офицеров. По делам военной организации я ездил нелегально в Одессу. Работая по истории под руков. проф. Вас. Ив. Семевского, я связал его с партией „Народной Воли", и он через меня передал одну статью, кажется в 10-й номер „Народной Воли". В Питере меня посетил Борис Оржих, впоследствии шлиссельбуржец, который приехал в столицу по террористическому делу.

Как член рабочей организации „Нар. Воли", я сносился также с первой в Питере социал-демокр. организацией, с группой Благоева, в которую входили тогда Харитонов, Аршаулов, князь Кугушев и др. Отношения между нами, народовольцами, и социал-демократами, были в то время самые дружеские. Грань между нашими организациями часто стиралась. Из народовольцев я и Кольцов, прочитавши „Наши разногласия" Плеханова, „Капитал" и некоторые другие произведения Маркса, в 1885 году стали теоретически эволюционировать от народничества к марксизму (на практике, впрочем, я был так далек от марксизма, что когда на нелегальном рабочем собрании один рабочий, приехавший из Новгорода, с горящими от возбуждения глазами рассказывал про вспыхнувшую там забастовку из-за заработной платы, я его деликатно остановил, заметив, что это не имеет отношения к задачам нашего кружка); с другой стороны, члены благоевского соц.-демокр. кружка, с которым я сносился, на практике еще не освободились от народнических пережитков. Они, напр., признавали аграрный террор, не отказались еще от надежды на военный заговор и вели поэтому пропаганду среди юнкеров; они же собирали весьма оригинальным способом сведения о крестьянских настроениях—в тюрьме у уголовных арестантов из крестьян.

В Питере я был в студенческие годы дважды арестован, оба раза по студенческим делам. Второй раз—за участие в демонстрации по случаю 25-летия со дня смерти Добролюбова. После второго ареста я был исключен из университета и выслан на родину. Через два месяца я был опять арестован и препровожден в Одессу по оговору николаевского рабочего и одесского студента и по подозрению в революционных связях с офицерами. В Одессе я просидел два года в одиночном заключении в очень тяжелых условиях. Дело мое кончилось ссылкой в административном порядке на 10 лет в Средне Колымск. Тогда Сибирской железной дор. еще не было, и я путешествовал в Колымск два года: от Тюмени до Красноярска я шел пешком, от Якутска до Колымска я ехал три месяца верхом. Перед отправкой в Колымск мы в Бутырской тюрьме учинили тюрем-

ный бунт—мы устроили баррикаду в Часовой башне, за это нас солдаты подвергли жестокому избиению, после чего нас посадили на трое суток в темные, покрытые испражнениями ямы, находившиеся под фундаментом главного арестантского корпуса. Дорога в Колымск тоже была не усеяна розами. По дороге мы узнали про „карийскую историю" (коллективное самоотравление), вызванную телесным наказанием Сигиды, а когда мы приехали в Якутск, мы там в тюрьме застали отправляемых на Вилюйскую каторгу участников „якутской истории"—вооруженного сопротивления, окончившегося расстрелами и повешением трех товарищей, в том числе моего товарища по питерской организации „Народной Воли"—Гаусмана.

В Колымске я прожил только первые 4 года ссылки. Мы там были совершенно оторваны от России; почта получалась лишь три раза в год. Я занимался физическим трудом, неводил рыбу, плоты плотил, свечи лил, охотился, печи ставил. Печному искусству меня научил Дионео, занимавшийся изучением истории театра, который в свою очередь научился этому у участника процесса 193, бывш. мирового судьи Ковалика, специалиста по математике. В долгую полярную зимнюю ночь я занимался наукой—изучал иностранную классическую художественную литературу, много читал по истории, философии, психологии: после якутской резни ссыльным разрешили брать с собой в Колымск книги, и там составилась недурная библиотечка на 4 языках.

Жизнь в Колымске с его лютыми морозами, доходящими до 67 град. Цельсия, меня физически очень закалила. Пищу же уму мне давали, кроме книг, наблюдения над чрезвычайно своеобразным бытом местных казаков, обусловленным их своеобразным экономическим положением, и над якутами и дикарями-чукчами, сохранившими много черт родового коммунистического быта. В общем, однако, жизнь была нудная, монотонная, как монотонно было завывание местных собак, которые не лают, а воют по-волчьи. Следующие 4 года ссылки я провел в Якутске и Киренске, где я вначале отбывал воинскую повинность под надзором. Изголодавшись по общественной деятельности, я на военной службе в Якутске сразу вступил в упорную борьбу с начальством по поводу избиения солдат. Конфликт угрожал мне дисциплинарным батальоном, но кончился очень благополучно: ротный командир, капитан Зуев, дал мне „честное слово офицера", что в его роте солдат бить больше не будут, а когда какой-то генерал приехал в Якутск с ревизией, Зуев меня уговорил взять месячный отпуск и „погулять": в то время с нами в Якутске еще церемонились или, вернее, уже церемонились после якутской резни 1889 г. Военную службу я кончил в Киренске.

В Якутске я имел возможность познакомиться с последними могиканами народнического и народовольческого периода: Войнаральским, Коваликом, Софией Ивановой, Конами и др. Особенно светлую память я сохранил о Чекоидзе. Были среди них и самородки из народа, напр. крестьянин Егоров, удивительно умелый агитатор, который даже сказку о рыбаке и рыбке так декламировал, как-будто в ней заключается таинственный смысл, и старик крестьянин Чепурный, участник Чигиринского бунта, который, по его словам, вторично был сослан за то, что „расштундовывал штунду и наводил ее на политическую линию".

В Киренске я впервые познакомился с новым поколением революционеров, которым принадлежало будущее, с ссыльными социал-демократами—живыми представителями массового рабочего движения в России и Польше, о котором мы, народовольцы, и не мечтали. Особенно меня поразили бундисты-ремесленники. Я вначале никак не мог понять, как это еврейские ремесленники из западного края, эти парии из париев, могли в массе усвоивать революционные социалист. идеи, и как можно было вести пропаганду марксизма на еврейском жаргоне. Под впечатлением рассказов ссыльных молодого поколения о начавшемся массовом рабочем движении в России, я в Киренске окончательно порвал с народовольчеством и стал социал-демократом.

В 1899 году я вернулся из ссылки в Россию. Возвратившись из ссылки с запрещением права в'езда в 32 города, я после нелегального посещения Киева, где жила тогда моя семья, поселился в Чернигове. В Чернигове я попытался завести связи с рабочими, точнее с ремесленниками, но они были так отсталы, что даже не знали слова „забастовка". Вместо того, чтобы сказать: „устроить забастовку", они говорили: „поступить по-гомельски" (Гомель был тогда одним из центров бундистского движения). Но интеллигентов-марксистов там было довольно много. В Чернигове я принял участие в разгоревшейся тогда идейной борьбе между марксистами и бернштейнианцами. Совместно с И. Биском и

А. Смирновой я перевел на русский язык и отпечатал на мимеографе ответ Каутского Бернштейну. В Чернигове же я написал первую свою публицистическую статью — против Струве, по поводу его ревизии марксовой теории кризисов. Статья эта, пересланная Туган-Барановскому, вследствие моего ареста не была напечатана.

Из Чернигова я поехал в Екатеринослав. Там я вначале на полулегальных собраниях читал лекции о Чернышевском, потом я прочитал курс лекций в нелегальном рабочем кружке по истории царского самодержавия, которые впоследствии были изданы в Женеве и дважды переизданы в России под заглав. „Очерки русской истории". В Екатеринославе я вступил в Екатериносл. комитет РСДРП, членами которого были тогда Лалоянц с женой, „Андрей" (Гинзбург, писавший впоследствии под псевд. Наумова), Миха Цхакая и Машицкий. Сейчас же по поступлении в комитет я был избран в редакцию „Южного Рабочего", первый номер которого мы редактировали вместе с Лалоянцом.

В апреле 1900 года во время общих повальных арестов я тоже был арестован и препровожден в Харьков, где я просидел в тюрьме полгода. Вскоре после освобождения из тюрьмы я эмигрировал за границу.

За границей я вступил в „Союз русских социал-демократов". В это время там формировалась группа „Искры", которая начала поход против „экономистов". Я вначале поселился в Берлине и вступил в берлинскую группу союза РСД. В этой группе я и Базаров (Руднев) тоже решили бороться против „экономистов", которых брал под свое покровительство орган союза—„Рабочее Дело". Но мы понимали „экономизм" гораздо уже, чем искровцы; в организационных вопросах мы всецело разделяли взгляды „Рабочего Дела", и мы возмущались тем, что искровцы вместо того, чтобы реформировать союз изнутри, стремятся его взорвать, ведя раскольническую политику. По поручению берлинской группы я совершил об'езд западно европейских групп, с целью придать им более яркую политическую окраску. После об'езда групп я послал в „Рабочее Дело" статью—„Очередные вопросы" (она помещена была в № 9 „Рабочего Дела"), в которой я, прямо не называя редакции и не употребляя даже выражения „экономизм" из дипломатических соображений, подверг обстоятельной критике два основных положения экономистов—„теорию стадий" и „теорию частичных прав". Кричевский, редактор „Рабочего Дела", сделав, как французы говорят, „хорошую мину к худой игре", поместил эту статью с одобрительным примечанием от редакции, с несущественной оговоркой, после чего я согласился вступить в редакцию „Рабочего Дела". Вскоре после этого питерский „экономист" Лохов (Ольхин) устроил мне в Женеве свидание с Лениным и Мартовым. Ленин на свидании прощупывал меня по политическим вопросам, и мы как-будто по всем пунктам столковались, пока дело не дошло до организационного вопроса. Тут у нас вскрылись непримиримые расхождения во взглядах. Организационный план Ленина представлялся мне абсолютно не социал-демократическим, каким-то сколком из организации македонских чет. Ленин же считал борьбу с партийным „кустарничеством" и осуществление своего централистского плана началом всех начал. И он сказал мне: „Мы расходимся только в организационных вопросах, но в них теперь вся суть". Это значило, что нам не по пути.

Моя попытка оздоровить союз и гальванизировать его труп потерпела полную неудачу. Она привела лишь к крайнему обострению отношений между мной и искровцами. Когда я, лежа в больнице, узнал, что в Женеве на июльском совещании рабочедельцев и искровцев состоялось соглашение, я поднял бунт и потребовал пересмотра соглашения. По моему настоянию „Рабочее Дело" вступило в полемику с „Искрой". В журнале помещены были две статьи против „Искры"—моя и Кричевского, кстати говоря друг с другом совершенно несогласованные, что возможно было только в такой „демократической" редакции, как ред. „Рабочего Дела". На второй, Цюрихской конференции между рабочедельцами и искровцами, по моему настоянию, рабочедельцы не выставили в своей платформе пресловутой „теории стадий", ограничившись внесением других поправок к женевскому соглашению. Искровцы все поправки отвергли и об'явили нам войну, которая кончилась нашим поражением. Особенно сокрушительный удар нанесла нам брошюра Ленина „Что делать?" Хотя автор меня избрал главной мишенью для своего нападения, брошюра вызвала у меня раздвоение чувства: те места брошюры, где автор для борьбы с „экономистами" сознательно „перегибал лук" (как Ленин это впоследствии признал)—в вопросе об отношении между стихийностью и сознательностью и о тредюнио-

низме рабочего движения, внушили мне убеждение, что брошюра принципиально противоречит марксизму. С другой стороны, автор брошюры пленил меня своим революционным энтузиазмом и своим широким революционным размахом, до такой степени пленил, что я, несмотря на настойчивые требования рабочедельцев, упорно отказывался отвечать на „Что делать? , покуда я не сведу концов с концами в новых вопросах, выдвинутых Лениным. Это двойственное отношение к Ленину у меня сохранилось на долгое время, и впоследствии, несмотря на мою неустанную борьбу против него, Мартов меня не без основания упрекал, что я питаю к нему тайную любовь. Особенно двойственные чувства вызывала у меня неслыханная дерзость мысли Ленина, его смелое плавание против течения, его пренебрежительное отношение ко многим, упрочившимся во всем втором Интернационале, взглядам и обычаям.

Видя, что „Союз социал-демократов" гибнет, я сделал в 1902 г. последнюю попытку его спасти. Отделившись фактически от Кричевского и Акимова, я вместе с Колокольниковым стал издавать популярную газету „Красное Знамя" и одновременно изложил свои взгляды на революцию в брошюре „Рабочие и революция". Эти издания более или менее выдержанного направления уже не дали повода для нападок „Искры", но они моря не зажгли: в ярком свете „Искры", об'единившей все лучшие силы русской революционной социал-демократии, они казались слишком бледными и бесцветными. Не такой язык требовался во время кануна революции!

На Лондонском с'езде РСДРП 1903 г. я участвовал, как делегат от союза, выступал с докладом, участвовал в работах программной комиссии. Но никакого влияния на ход с'езда мы, рабочедельцы, недавно еще хозяева партии, уже не имели. Даже когда наметился раскол на с'езде, меньшевики, у которых со мной лично в то время уже не было никаких разногласий, не искали сближения со мной, боясь штемпеля „экономистов". Только Плеханов, стоявший выше всяких подозрений, уже тогда дружил со мной. После с'езда, когда меньшевики, с легкой руки Плеханова, стали подвергать пересмотру прежнюю огульную критику „экономизма", наши взаимоотношения резко изменились. Я поселился в Берлине, туда приехал Троцкий, который вышел из новой „Искры", не поладивши с Плехановым. Троцкий уговорил меня выйти из состояния изоляции, поехать в Женеву и вступить в редакцию „Искры", что я и сделал. С тех пор началась моя работа в меньшевистской фракции, которой я верой и правдой служил 15 лет.

Мой первый дар меньшевизму была брошюра „Две диктатуры". Под непосредственным впечатлением Лондонского с'езда 1903 г., который в первых своих заседаниях произвел на меня впечатление подражания Конвенту 1793 г., я стал изучать в Париже, затем в Берлине историю Конвента, чтоб выяснить себе, возможно ли повторение его истории. Результатом этого и явилась указанная брошюра. В „Двух диктатурах" я очень верно предсказал и очень неверно оценил пути, по которым пойдут большевики. Эта брошюра, на ряду с послес'ездовскими фельетонами П. Аксельрода в „Искре", стала в известном смысле теоретическим credo меньшевизма.

Наша работа в новой „Искре" и в меньшев. фракции вообще протекала гладко, почти без внутренних трений до начала 1905 г. Только раз в редакции „Искры" возникло разногласие с Плехановым. После убийства Плеве Плеханов хотел поместить статью, более или менее сочувственную террору. Редакция этому воспротивилась. Когда вспыхнули январские события 1905 г., которые мы все восприняли, конечно, как начало революции, я хотел поехать в Россию. Наша организация находила, что это преждевременно, что пока необходимо сохранить за границей идейный центр в лице ред. „Искры".

О революционных событиях 1905—1907 г., об участии в них меньшевиков и об их борьбе с большевиками я писать здесь не буду, как ни заманчива эта тема. Мой круг наблюдений был ограничен: я до октябрьской забастовки жил за границей, а после октября жил только в Питере. Я участвовал только в центральном политическом руководстве меньшев. фракции и в разных с'ездах и конференциях. Организационной партийной работой я не занимался, а с массами соприкасался только, как публицист, митинговый оратор и докладчик. Тем не менее, если бы я стал здесь описывать мои переживания и наблюдения в эти бурные годы, мне нужно было бы написать целый том. Я ограничусь поэтому только беглыми заметками о внутренней жизни нашей меньшевистской партийной верхушки, о возникавших в ней разногласиях и о позиции, которую я занимал в этих разногласиях.

После 9 января возникли первые крупные разногласия между основным ядром

меньшевиков, с одной стороны, Троцким и Парвусом—с другой. Я на это реагировал в марте 1905 г. в „Искре" серией статей под загл. „Революционные перспективы", в которых я, на ряду с обычной для меня полемикой против большевиков, полемизировал также против непосредственного курса на социал. революцию в России, взятого Парвусом и Троцким, в которых, кстати говоря, было не меньше доктринерства (только меньшевистского доктринерства), чем в статьях Троцкого. Если Троцкий преуменьшил возможную революционную роль крестьянства в будущем, то я преувеличивал будущую революционную роль городской буржуазной демократии. В мае 1905 г. я участвовал в меньшевистской „общерусской конференции". Тут наметились новые разногласия внутри меньшевистской фракции—по организационному вопросу. Плеханов покинул конференцию по поводу того, что меньшевики согласились признать „совет партии" распущенным и отказались претендовать на то, чтобы „Искра" называлась центральным органом партии. Он мотивировал свой уход тем, что меньшевики страдают организационным нигилизмом. На этой же меньшевистской и общерусской конференции разгорелись горячие споры по вопросу о демократизации партии и об отношении к беспартийным рабочим организациям. Мартов и рабочий Горбунов из Ростова защищали выборность всех партийных учреждений, я же считал полную демократизацию партии несовместимой с нелегальным существованием партии. Если Мартов в этом вопросе сильно перегибал лук в одну сторону, стеля дорожку для будущего „ликвидаторства", то я склонен был перегибать его в другую сторону, недостаточно учитывая перемены, происшедшие в России с 9 января по май 1905 г. Забегая вперед, отмечу, что аналогичное расхождение выявилось между нами позже по отношению к Петербургскому совету рабочих депутатов. Я в газ. „Начало" формулировал меньшев. взгляд на совет рабочих депутатов в том смысле, что беспартийный совет имеет историческое оправдание лишь, пока и поскольку социал-демокр. партия не стала и не могла стать еще массовой партией (считать совет рабочих депутатов зачаточным органом власти я, как меньшевик, конечно, не мог). Мартов усматривал в этом некоторый уклон в сторону большевиков, которые, как известно, в начале до выступления Ленина относились тоже недоверчиво к совету, как к беспартийной организации, опасаясь, чтобы он не оттеснил на задний план партию. Мартов, поэтому, в своей „Истории русской социал-демократии" назвал мою статью дипломатической и не вполне точно отражавшей взгляды меньшевиков. Еще позже, когда П. Аксельрод выдвинул лозунг „рабочего с'езда" и „диалектически" комментировал этот лозунг на частных меньшевистских совещаниях, как нечто такое, что должно и усиленно пропагандироваться и отнюдь не сразу быть проведенным в жизнь, что должно одновременно и упразднить и спасти нашу старую партию, я к этой кампании тоже отнесся весьма отрицательно. Вообще, в целом ряде вопросов — в отношении подпольной организации, к вооруженному восстанию, к осуществлению гегемонии пролетариата—я теоретически склонялся больше на сторону Плеханова, чем Аксельрода и даже Мартова.

После октябрьской забастовки мы закрыли „Искру" и всем меньшев. штабом (кроме Плеханова) перекочевали из Вены, где редакция жила накануне октября, чтобы быть ближе к России, в Петербург. Это было время, когда на революционной авансцене одиноко стоял Петерб. совет раб. деп. Не буржуазно-демократическая, а пролетарская революция в России, — то что меньшевики на майской конференции 1905 г. считали одной из исторических возможностей, к которой мы должны будем „на худой конец" приспособиться, и то, к чему Троцкий и Парвус стремились сознательно, как к единственной революционной возможности, стало как будто осуществляться. Это привело к примирению между меньшев. штабом и Троцким с Парвусом, и мы вместе стали издавать в Питере газ. „Начало". В газете я в двух редакц. статьях в духе Троцкого защищал „перманентную революцию", что вызвало большое неудовольствие Плеханова, следившего за событиями из женевского далека, а Луначарскому дало повод шутить, что „Начало помчало".

Весной 1906 г. я попал в засаду и был арестован в Питере на конференции городского района. Через два дня я был выпущен: у меня был паспорт на имя австрийского купца Густава Эриха Риделя, и я не был опознан. Через несколько дней в газетах сообщали, что полиция вновь разыскивает Риделя, но я уже был по дороге в Стокгольм, куда я поехал на партийный с'езд. На с'езде я выступил от меньшевиков докладчиком по вопросу о „современном моменте

и задачах пролетариата". По возвращении в Петербург я после разгона Первой Думы был делегирован центр. комит. партии на Выборгское совещание; во время Кронштадтского и Свеаборского восстаний—на совещание революционных партий и организаций. Когда созвана была 2 я Дума, я делегирован был центр. комитетом в комитет думской фракции, руководивший ее выступлением, где я по каждому вопросу регулярно сражался с Алексинским совместно с И. Церетелли. Весной 1907 г. я поехал на Лондонский с'езд партии, где был выбран в центр. комитет.

После Лондонского с'езда я лечился в Женеве. Оттуда переехал в Цюрих. Там я подружился со студенткой Цюрихского университета—Анной Романовной Файнман, которая в 1905 г. работала в Риге в большевистской организации. Ей я, кстати говоря, не в малой степени был обязан тем, что, пережив три полосы контр-революции и вынужденный три раза рвать со своими друзьями—при переходе от „Народной Воли" к соц.-дем., от „экономистов" к меньшевикам и от меньшевиков к большевикам, я все же в полной мере сохранил аппетит к жизни и к работе.

Я познакомился с ней в начале столыпинской эры и окончательной ликвидации первой революции. Я ушел в это время на несколько месяцев в личную жизнь. Анна Романовна меня за это упрекала, и я в ноябре 1907 г. уже опять попытался возобновить партийную работу в России. Я уехал в Финляндию, где участвовал на заседаниях центр. комитета. После двух месяцев пребывания в Финляндии мне и другим товарищам пришлось в виду усиленной слежки полиции опять уехать за границу, и я осел вторично в эмиграции надолго. В 1908 г. мы, бывшая редакция „Искры", стали издавать в Швейцарии периодич. орган „Голос Социал-демократа". Я был секретарем редакции. Это было время сильных идейных шатаний в нашей партии, вызванных поражением революции; появились „богоискатели", расцвел „махизм". Параллельно с этим в большевистской фракции возникло „отзовистское" течение, а в меньшевистской—„ликвидаторское". В области философской меньшев. центр марксистской позиции не покинул: Плеханов в „Голосе Соц.-дем." открыл кампанию против „махизма" Богданова. И я на собраниях вел в это время горячие споры с меньшевистским „махистом" Симковским и в частных беседах с ярым „махистом" Фрицом Адлером. Гораздо меньшую устойчивость проявил меньшев. центр по отношению к „ликвидаторству", которое заразило почти всех меньшевиков в России и на $^3/_4$ меньшевиков из заграничного фракционного центра. В связи с этим произошел наш раскол с Г. В. Плехановым. Конфликт возник у нас из-за ликвидаторской статьи Потресова в пятитомном издании „Общественное движение в России в начале XX века". По требованию Плеханова я поместил в пятитомнике параллельную по теме статью—„Основные моменты в истории русского марксизма". Эта статья, расходившаяся в оценке нашей партийной истории со статьей Потресова, Плеханова удовлетворила. Но он требовал большего—чтобы мы публично осудили Потресова. На это мы не пошли. Тогда Плеханов открыл поход против ликвидаторства „голосовцев". Когда же я в печати отметил, что не Плеханов, а Аксельрод впервые конкретно развил идею гегемонии пролетариата, Плеханов обрушился на меня страстной полемической статьей, несмотря на то, что я из всех „голосовцев" стоял ближе всего по взглядам к Плеханову.

В 1910 г. я принял участие на январьском пленуме центрального комитета. Это был момент наиболее острого кризиса большевистской фракции, вызванный тем, что большевики слишком долго не примирялись с поражением революции и до последней крайности не хотели распустить боевых организаций, покуда они не начали разлагаться, заражая партийную атмосферу. Пропасть между большевиками и меньшевиками, проникавшимися все более ликвидаторскими настроениями, была в то время так велика, что мы на пленуме совершенно не могли понимать друг друга, несмотря на то, что „тов Иннокентий" (Дубровинский) всячески старался найти между нами общий язык.

С 1910 по 1914 гг. я сотрудничал в легальных сборниках, вел иностранные обозрения в журнале „За рубежом", сотрудничал регулярно в журнале „Наша Заря", выходившем в России, где я, не называя „ликвидаторов" из фракционной добродетели, спорил с ними, доказывал, что столыпинская аграрная реформа не закрывает пути к возрождению революционного движения крестьян, а, стало быть, к возрождению революции. В том же журнале я, между прочим, выступал против распространившейся тогда среди марксистов ереси, будто в условиях буржуазного строя можно развить „пролетарскую культуру". В 1912 г. я принял участие в Венском об'едини-

тельном с'езде „августовского блока", организ. Троцким.

Накануне войны я участвовал в Базельском интернац. конгрессе, где я заменял Плеханова в Интернац. Бюро. На заседании бюро я имел случай убедиться, как мало в этот момент вожди II Интернационала рассчитывали на свои силы в деле предупреждения мировой катастрофы. Жорес в бюро рассказывал про свою беседу с министром Рибо. Рибо, боясь разгрома Франции в случае об'явления войны, спросил Жореса, ответят ли социалисты на об'явление войны всеобщей забастовкой, явно желая получить от Жореса утвердительный ответ. Жорес ответил утвердительно, хотя, по его словам, не верил в возможность это выполнить. Бебель по этому поводу заметил меланхолически: „К нам с такими вопросами члены правительства не обращаются". Кстати замечу, что и во французском правительстве тогда далеко не все с такими вопросами обращались к социалистам.

Я с самого начала войны занял ту же позицию, что и Мартов—позицию меньшевика-интернационалиста. Я выступал на собраниях и в печати против социал-патриотов, поместил в парижском „Нашем Слове" в этом духе серию статей под загл. „Благочестивая легенда" (половина их не была пропущена цензурой), издал в России легальную брошюру против социал-патриота Потресова — „Патриотизм и международность", и т. д. По приезде Мартова в Цюрих я вместе с ним, П. Аксельродом, Семковским и Астровым редактировал „Известия загран. секрет. ЦК". В редакции мы с Астровым неизменно, почти на каждом заседании, спорили с П. Аксельродом, который занимал позицию „пацифистскую" и соглашательскую по отношению к социал-патриотам, приблизительно такую, какую занимал в Германии Каутский и вообще правые циммервальдисты, и который чувствовал себя в нашей редакции пленником.

Когда вспыхнула Февральская революция, мы получили телеграмму, подписанную Чхеидзе, Церетелли и Даном, в которой они „умоляли" нас (nous vous supplions) не ехать через Германию. Мы, однако, поехали следующим поездом после Ленина в „пломбированном вагоне" и в первый же день после приезда в Петербург вступили в борьбу с Даном и Церетелли по поводу вступления меньшевиков в коалиционное правительство—в борьбу, которая закончилась примирением после выхода меньшевиков из коалиционного правительства. В Питере я вначале вместе с Ерманским редактировал „Интернационал", был членом городской думы, участвовал в Демократическом совещании и Предпарламенте. После примирения участвовал в работе м-ского ЦК и в редакции питерской м-ской газеты. После Октябрьского переворота я принимал участие в „викжелевских" переговорах с большевиками; затем, будучи выставлен кандидатом в Учредительное Собрание от тульской организации, я совершил агитационную поездку в Тулу. Накануне разгона Учредительного Собрания я выступил на железнодорожном с'езде против большевиков, при чем во мне заронило сильную тревогу за судьбу меньшевизма одно обстоятельство. Зал с'езда был разделен на три сектора. Два сектора заполняли железнодорожные служащие, а один—рабочие. И вот, оказалось, что в двух секторах, где сидели служащие, все голосовали за нас и эсеров, в рабочем же секторе все голосовали за большевиков. Один рабочий после моего выступления сказал мне: „Вы, т. М., нас очень худо понимаете. Мы уже не те рабочие, что были раньше". Такую же отповедь я получил на тульском патронном заводе от одной немолодой работницы. Когда я в своем выступлении доказывал, что экономическая политика большевиков ввергнет рабочих в голод, работница мне ответила: „Ничего, товарищ, мы поголодаем, мы привыкли". Все это были весьма дурные предзнаменования для меньшевиков.

В июне 1918 г. я с семьей—с женой и дочерьми, 4-летней Татьяной и однолетней Еленой, уехал из Москвы на Украину, где моя сестра служила заводским врачом на Ялтушковском заводе. После восстания, происшедшего в Ялтушкове и кроваво подавленного австрийцами, я по приглашению Жигалки поехал в Николаев, чтобы поставить там социал-демократ. газету. Нам удалось выпустить только 9 номеров. После того, как газета была один раз приостановлена немецкой цензурой, а второй раз закрыта, я вернулся во время падения Скоропадского через Киев в Ялтушков.

С конца 1918 до 1922 гг. я жил в Ялтушкове, не имел никаких связей с партией и занимался учительством в заводских труд-и профшколах. В конце этого периода я переоценил свои социал-демократ. взгляды и стал на точку зрения коммунизма. Это был самый трудный перевал в моей жизни.

Переход от народовольчества к социал-демократии был для меня нетруден: я

вступил в „Народную Волю" в 1884 г. после лопатинского провала, когда „Народная Воля" находилась уже в упадке, и я сразу же стал, хотя бы только *теоретически*, эволюционировать к марксизму. Когда же я в 1897 г. в Киренске после возвращения из Колымска стал определенно социал-демократом, народовольчества, как революционного движения, уже в России не было—остались только одиночки народовольцы в ссылке, а их эпигоны - эс-эры только еще начали подымать голову Переход от „рабочедельчества" к меньшевизму в 1903 г. был для меня тоже нетруден. Ведь я уже до вступления в редакцию „Рабочего Дела" не разделял специфических взглядов „экономистов" и по-своему с ними боролся. То, что у меня было общего с „экономистами", кроме некоторой путаницы во взглядах, об'яснявшейся тем, что я в Сибири не мог получить достаточной социал-демокр. подготовки, унаследовали от „экономистов" впоследствии и меньшевики. Когда я в 1902 г. фактически отделился от Кричевского и Акимова и стал издавать „Красное Знамя", я уже был по своим взглядам определенный меньшевик—за год до того, как образовалась меньшев. фракция. Я, как и некоторые другие товарищи (не все), работавшие в „Южном Рабочем", был, можно сказать, еще в 1899 г. в подпольной России зародышевым меньшевиком.

Неизмеримо труднее был для меня переход от меньшевизма к большевизму. Тут мне приходилось рвать с товарищами, с которыми я, уже совершенно сложившийся политический деятель, работал 15 лет, с которыми я пережил революцию 1905 г., с которыми я связан был партийными узами и узами тесной личной дружбы; тут мне приходилось ломать политическую систему взглядов, которые у меня вошли в плоть и кровь, я имею прежде всего в виду взгляды на демократию и диктатуру.

Переход был труден, но я должен был поднять эту тяжесть, поскольку *я не хотел* политически умереть и *не способен* был стать ренегатом. Уже когда разразилась мировая война, в меньшевизме образовалась глубокая трещина, большинство меньшевиков изменили своим интернационалист. взглядам эпохи первой революции и стали явными или скрытыми социал-патриотами. Во время Февральской революции они еще ниже скатились, вступив в коалицию с буржуазией. Мы, меньшевики-интернационалисты, этого падения с ними не проделали, но, поскольку мы цеплялись за старые меньшевистские формулы 1903—1905 гг., мы обречены были на более или менее призрачное существование. Историю делали в то время не мы, а социал-патриоты, с одной стороны, большевики—с другой Когда произошла Октябрьская революция, и когда мы, меньшевики-интернационалисты, в обстановке гражданской войны определенно стали перед дилеммой—стать по ту или сю сторону баррикады, я после нескольких месяцев топтания на месте уехал на Украину и фактически ушел от партийной работы. Там, на Украине, живя в 30 верстах от румынской границы, в самом пекле контр-революционной стихии, где я пережил 18 переворотов, где я и моя семья были не один раз на волосок от смерти, я имел случай наглядно убедиться, как безжизненны наши старые „ортодоксально" - меньшевистские, парламентско-демократ. формулы. Я увидел воочию, что русская революция, в условиях лихорадочных колебаний настроения в крестьянстве, не может победить без диктатуры пролетариата, без диктаторских мер по отношению ко всем тем, которые саботировали революцию и сеяли недоверие к ней. Это было бы уж достаточно для меня, чтобы стать на точку зрения большевиков. Но экономические последствия „военного коммунизма", растущий развал хозяйства, продолжали питать во мне мое прежнее недоверие к большевизму. Когда же большевики, выйдя победителями из гражданской войны, взяли курс на новую экономическую политику, и когда они во время Гаагской конференции остановились в своем экономическом отступлении, сохранивши в руках главные заручки для постепенного продвижения к социализму, у меня всякие сомнения исчезли. Я понял, что долголетний спор между меньшевиками и большевиками историей решен в пользу последних. Подробно я всю эту эволюцию в своих взглядах под влиянием переживаний и наблюдений на Украине описал в статье „Мои украинские впечатления и размышления", помещ. в „Красн. Нови", а потом изд. на русском и нем.языках отд. брошюрой. В 1922 г. я с семьей переехал в Москву. На XII с'езде РКП я был принят в партию. Работал вначале в „Институте Маркса и Энгельса", затем в редакции издат. „Красной Нови". В 1923 г. я провел агитационную кампанию по делу ликвидации меньшевизма в Грузии, посетил Тифлис, Кутаис, Самтреди, Чиатуры, Озургеты, Батум, Поти и Сухум, где я выступал на собраниях, конференциях и на ликвидационном меньшев. с'езде. Мой доклад об этой агитацион-

МАРХЛЕВСКИЙ Ю. Ю. (1866–1925).

МАХАРАДЗЕ Ф. И. (1868–1941).

В 1929–30 председатель СНК Грузинской ССР. С 1931 председатель ЦИК ЗСФСР и ЦИК Грузинской ССР. С 1938 председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1927–30 член ЦКК ВКП(б).

ной поездке был напечатан в „Правде". Последние два года я работаю в Коминтерне, как член редакции журнала „К. И"., и читаю лекции в Свердловском у-те и в Коммакадемии.

Мархлевский (псевд. Карский), Юлиан Юзефович, род. 1866 г. в г. Воцлавске, учился в реальном училище в Варшаве, окончил в 1886 или в 1887 г. Чтобы поддержать семью, находившуюся в большой бедности, М. поступил рабочим на красильную фабрику в Варшаве. Затем уехал в Германию, работал красильщиком на фабриках Саксонии. Здесь он знакомится с рабочим движением и, возвратившись в Польшу, в 1889 г. участвует в организации „Союза польских рабочих", который сначала сильно склонялся в сторону чистого экономизма. Поступив на хлопчатобумажную фабрику Познанского в Лодзи, М. здесь ведет агитацию. В 1891 г. он был арестован, в 1892 г. был, как иностранец (родители его были прусскими подданными), выслан за границу и уехал в Цюрих. Здесь он поступил в университет, кончил его в 1895 г., написав диссертацию „О физиократизме в Польше", затем переехал в Дрезден, где вместе с Парвусом редактировал орган левого крыла герман. с.-демократии „Sächsische Arbeiterzeitung". В бытность еще в университете М. писал статьи в легальной польской прессе, затем участвовал в выходившем в Париже (с 1893 по 1896 г.)— „Рабочем Деле", в польском „Красном Знамени", „Рабочем обозрении", „Социал-демократ. Обозрении", писал воззвания, листовки, брошюры. В конце 1898 г. М. был выслан из Саксонии, переезжает в Мюнхен, сотрудничает в „Vorwärts" и „Neue Zeit", с 1898 г. в Leipziger Volkszeit". В 1903 г. М. написал обширный труд об общественно-экономическом положении Прусской Польши, в 1908 г.—работу о положении еврейских масс в Польше (на польск. языке), кроме того ряд брошюр агитационного характера. В декабре 1905 г. М. переезжает в Варшаву, принимает участие в революционной работе и в конце 1906 г. был арестован. Выйдя из тюрьмы весной 1907 г. он был делегирован польской партией на лондонский с'езд РСДРП, а затем на международный конгресс в Штутгарте. С 1908 г. М. принимает ближайшее участие в „Leipz. Volkszeitung". С началом войны занимает непримиримую позицию против войны, участвует в редакции революционного издания „Die Internationale", в основании „Союза Спартака" в 1916 г. попадает в тюрьму, затем в лагерь военно пленных, где остается до 1918 г., когда по требованию сов. правительства был освобожден и отправлен в Россию. Весной 1919 г. М. возвращается в Германию, в Рурскую область, где пишет для горняков брошюру о социализации рудников. Вскоре, однако, во избежание ареста М. принужден был бежать опять в РСФСР. Здесь М. делается членом ВЦИК, работает во многих государств. учреждениях, участвует в качестве дипломатич. представителя РСФСР в переговорах с Польшей, Литвой, Финляндией, Японией и Китаем. В 1919 г. ему удалось добиться приостановления военных действий на польском фронте в момент наступления Деникина. В 1920 г. во время наступления на Польшу М. был назначен председателем польского ревкома. М. состоял профессором москов. универ. и ректором универ. нац. меньш. Запада. Ум. в 1925 г. (См. *Изв.* № 68, 1925).

Махарадзе, Филипп Иесеевич *(авторизованная биография)*. Род. в 1868 г. в Гурии в с. Карискуре (Озургетск. у.). Отец его был бедный крепостной сельский священник, которому в 60-х г. удалось выкупить себя. Он был без всякого образования, умел только читать по грузински и подписать свое имя и фамилию. Мать была из простых крестьянок и неграмотна. У них было пять душ детей—три сына и две дочери, и так как семья бедствовала, всем взрослым и невзрослым членам семьи, и М. в том числе, приходилось беспрерывно работать. С 8-9-летн. возраста М. отдали в Озургетское духовное училище, где в то время учился его старший брат. Здесь обучение происходило на русском языке, которого почти никто не понимал Окончив училище в 1884 г., М. перевелся в Тифлисскую духовную семинарию. Первое время М. находился на хорошем счету у администрации семинарии: его причисляли к категории скромных, примерных и верующих учеников. Но через год, благодаря существовавшему в семинарии режиму, он сделался протестантом и атеистом. Администрация семинарии в то время энергично преследовала тайно существовавшие тогда самообразовательные кружки учеников. В один из таких кружков попал и М. У кружка не было ясной программы занятий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Шелгунов и пр.—вот духовная пища членов кружка. По временам к ним в руки попадали народовольческие издания, которые изучались членами почти наизусть. Все симпатии М. были тогда на стороне

партии „Народной Воли", хотя в то время, как он сам говорит, он мало понимал учение народников. Учение же Маркса было еще совершенно незнакомо учащимся семинарии. При окончании семинарии (1890 г.) никто из учеников ничего не знал о марксизме.

Отношения между семинарской администрацией и учениками были всегда натянутыми, а в последнее время они до того обострились, что в 1890 г., т. е. за несколько месяцев до окончания М. семинарии, ученики устроили настоящую забастовку, перестав ходить в класс и заниматься. Забастовка эта продолжалась целую неделю. М. был душой забастовки. Для ликвидации ее администрация намеревалась прибегнуть к крутым мерам, арестовать всех главарей, в том числе и М. Но такая репрессия могла еще больше обострить положение, начальство пошло на уступки ученикам, и конфликт был улажен мирно. М. дали возможность окончить семинарию; однако, в наказание дали аттестат с баллом 4 по поведению. Т. обр., хотя М. и вышел из семинарии одним из лучших учеников, но ясно, что с таким „поведением" двери всех высших учебных заведений для него были закрыты. Однако, в 1891 г. он вместе с Н. Жордания (лидер грузинск. меньшевиков) поступил в Варшавский ветеринарный институт. Борьба польского пролетариата в то время носила характер и социалистический и национальный (защита прав польского народа). Кое-где в рабочие массы проникал и марксизм. С осени 1891 г. М. сблизился с той группой студентов, которая была знакома с марксистским учением и соц.-демократ. движением. Этот кружок от теории переходит к практической деятельности. Он ведет пропаганду среди рабочих, распространяет соц.-демократические идеи и нелегальную литературу, издаваемую за границей „Группой освобождения труда".

И вот благодаря этому кружку в Грузию впервые проникли соц.-демократ. идеи, гл. обр. посредством пересылки туда нелегальной литературы, а также и личных связей. В 1893 г. при получении из-за границы одного из таких транспортов соц.-демократ. литературы была арестована вся группа товарищей, в том числе и М., который просидел в Варшавской Александр. крепости около двух лет, откуда в начале 1895 г. был освобожден и до конца 1899 г. оставался под гласным надзором полиции. В это время он не имел права проживать в каком-либо городе Закавказья, но, несмотря на это, он ухитрялся временами нелегально приезжать в Тифлис и работать, что выражалось в сотрудничестве в издаваемой группой „М е с а м и Д а с и" (так называли в начале грузин соц.-демократов) еженед. журн. „Квали". В журнале М. помещал марксистские статьи публицистич. и историко-экономич характера, поддерживая к тому же тесную связь с тифлисскими рабочими. По истечении срока полицейского надзора М. решил поехать за границу, но тут полиция вспомнила, что он должен был отбыть воинскую повинность, и в 1900 г. он призывается на военную службу, пробыв в ней 6 месяцев. После отбывания воинской повинности М. поселился в Тифлисе, где вместе с Н. Жордания сделался активным работником и сотрудником „Квали". В 1901 г. 2 раза подвергался аресту за пропаганду соц.-демократ. учения, но за отсутствием конкретных обвинений был освобожден, а в конце 1901 г. все-таки был выслан в Кутаис под надзор полиции, откуда руководил редактир. „Квали", так как Жордания в это время сидел в тюрьме.

В 1902 г. в Западной Грузии среди крестьян начинает развиваться движение, и вместе с другими товарищами М. принимает участие в создании Гурийско-Мингрельского комитета. В том же 1902 г. по предложению Л. Кецховели, которому было поручено создание нелегальной типографии, М. решил поехать за границу, чтобы организовать там издательство соц.-демократ. литературы на груз. языке. В это время небольшая группа федералистов готовилась к изданию в Париже газеты „Сакартвело". М. нелегально отправился в Европу, но на границе его паспорт оказался почему-то негодным, и он принужден был вернуться обратно в Кутаис. В начале 1903 г. М. принимал участие на I-м с'езде соц.-демокр. организаций Кавказа. Ему было, м. пр., поручено заготовить по аграрному вопросу в Закавказьи доклад, который должен был быть представлен 2-му с'езду партии. Это поручение М. было выполнено. В том же 1903 г. М. перевел на груз. язык брошюру Ленина „К деревенской бедноте", которая тогда же нелегально была издана в Кутаисе. В 1904 г. правительство закрыло журнал „Квали". В конце этого же года М. вновь появляется в Тифлисе, где совместно с С. Цулукидзе (умер в 1905 г) и др. издает еженед. маркс. журнал (большев. направления) — „Могзаури". В начале 1905 г., при появлении № 1 означенного журнала, М. был арестован и просидел 1½ мес. К этому же времени почти окончательно сложились и

оформились фракционные несогласия между меньшевиками и большевиками. М. с самого же начала был ясно определившимся твердокаменным большевиком-ленинцем. Органом, проводящим большев. тактику, был журнал „Могзаури", разумеется поскольку это было возможно в рамках легального органа. После манифеста 17-го октября 1905 г. тенденция об'единения обоих фракций настолько усилилась, что журнал „Могзаури" был закрыт, слившись, как литературная сила, со вновь основанной тогда меньшев. легальной газетой „Схиви". В конце 1905 г., как только реакция усилилась, М. подвергся аресту, но в мае 1906 г. был освобожден. Осенью 1906 г. по совету друзей М. отправляется в Германию, откуда в феврале 1907 г. за неимением средств вновь возвращается в Тифлис. В это время происходили выборы во 2-ю Государств. Думу, а через некоторое время выборы делегатов на Лондонский с'езд; на обоих выборах победу одержали меньшевики. В партии тогда еще формального раскола не было, но обе фракции уже вели работу отдельно, и большевики имели в Тифлисе свою организацию в виде идейного издательского бюро. В работе этого бюро М. принимал самое энергичное и горячее участие. В январе 1908 г. он был арестован, благодаря пролезшему в большев. организацию провокатору. Он обвинялся в том, что состоял членом „бюро" и был делегатом на 7-м Закавк. с'езде соц.-демократ. организаций. В виду отсутствия документальных данных для судебного процесса, дело было решено в административном порядке. После 8-мес. тюремного заключения М. был приговорен к высылке в Туруханский край, который впоследствии был заменен Астрах. губ. М. находился в ссылке до середины 1911 г; срок ссылки кончился, но вернуться в Грузию ему было все-таки невозможно; поэтому местом жительства он избрал г. Ростов на Дону, откуда затем перекочевал на Александро-Грушевские Парамоновские каменно-угольные копи, где супруга М. получила место учительницы; здесь М. остался до 1913 г. В этом промышленном районе при его ближайшем участии за короткое время была создана большев ячейка. Сближение М. с рабочими произошло сначала во время выборов в Государств. Думу, а затем посредством распространения выходившей тогда в Питере большев. газеты „Правда". В начале 1913 г. М. переезжает по болезни в Баку; а в то время большев. организации в Баку не существовало, вследствие имевших место систематических арестов и провалов. Некоторое оживление в жизни бакинской организации наступило при активном участии М. в начале 1914 г., но с об'явлением войны М. был арестован и, просидев 4—5 мес. в Баиловской тюрьме, в феврале 1915 г. был выслан в один из глухих городов Бакинской губ., откуда он самовольно ушел и до революции 1917 г. нелегально жил то в Тифлисе, то в Кутаисе. Из оставшихся еще на свободе большевиков с участием М. в Кутаисе образовалась небольшая, но хорошо организованная ячейка и работа закипела. Благодаря этой группе было составлено кавказское бюро большевиков, от имени которого были выпущены листки против войны, а также первомайский листок 1916 г. В мае 1916 г. ячейка эта была провалена благодаря доносу провокатора Николая Рамишвили, который работал тогда у меньшевиков: некоторые члены ячейки были арестованы, другим удалось бежать из Кутаиса. В числе последних был и М. В начале лета 1916 г. М. удалось пробраться в Тифлис, где большев. организация в то время была совершенно разгромлена. Здесь он, будучи на нелегальном положении, принял участие в сельскохозяйственной переписи, раз'езжая по провинции; осенью 1916 г. вернулся в Тифлис и, живя нелегально, получил в Земском Союзе должность статистика. Февр. революция 1917 г. застала М. в Тифлисе, где он первый взялся за организацию в Тифлисе совета рабочих депутатов. Затем принял горячее участие в создании Тифлисской большев. организации. По его же инициативе была организована первая большевистская газета—„Кавказский Рабочий" в Тифлисе.

Через некоторое время личным содействием и активным участием М. появились большев. газеты на грузинском и армянском языках. В апреле 1917 г. он был послан в Питер на всеросс. партийную конференцию (большевиков). Возвращаясь вместе с М. Цхакая в Тифлис, М. проездом остановился в Баку, где сделал доклад, так как Баку своего делегата на конференцию не имел. М. принял самое активное участие в созыве Кавказского с'езда большев. организаций, который состоялся в Тифлисе во второй половине сентября 1917 года. Последние месяцы этого года, в особенности с декабря месяца, контр революционные партии меньшевиков, дашнаков и мусаватистов уже берут верх и начинают принимать открыто репрессии против большевиков: закрывают газеты,

производят аресты и т. д. С этого момента М. уже окончательно переходит на нелегальное положение. 10-го февраля во время обстрела меньшевиками митинга в Александровском саду в Тифлисе он случайно спасся от смерти. После этого события он едет в Кутаис для участия в губернской парт-конференции (большевиков). В это время во многих местах Кутаисской губ. возмущенное режимом меньшевиков крестьянство устраивало восстания, но за неимением хороших руководителей участие нашей партии в этих восстаниях было невелико. Спустя несколько недель М. вернулся опять в Тифлис, чтобы выяснить ближайшую тактику партии в Краевом комитете. Здесь ему, м. пр., было поручено проведение Тифлисской губернской нелегальной конференции. По решению руководящих органов партии, последняя должна была руководить восстанием. В мае 1918 г. в Кутаисе вновь было назначено специальное совещание по этому вопросу, на котором было решено до поры до времени удержать крестьянство от несвоевременных выступлений. Одновременно было решено снабдить их оружием с Северного Кавказа, где в это время была советская власть. После этого М. вернулся в Тифлис и вскоре пешком через Юго Осетию совместно с Г. Чхеидзе при неимоверно тяжелых условиях, через Жомахский перевал, перешел на Северный Кавказ. По дороге он по поручению Краевого комитета приветствовал с'езд юго-осетинского народа, боровшегося против меньшевиков.

В это время на Северном Кавказе советская власть находилась в крайне критическом положении, и прибывшим товарищам было не до Грузии. Всем прибывшим была предоставлена работа. Во Владикавказе, где никто не был уверен, что, выходя из дома или из учреждения, вернется домой живым и невредимым, М. был выбран народным комиссаром финансов Терской области. Но в начале 1919 г. в виду наступления деникинцев он совместно с другими товарищами отступил в горы, где в течение двух месяцев ему вместе с другими товарищами пришлось пережить много тяжелых моментов, когда жизнь всех висела буквально на волоске. Через некоторое время М. удалось нелегально перейти на грузинскую территорию. Это было в начале апреля 1919 г. После одного месяца нелегальной работы в разных местах Грузии он поехал в Баку на Закавказскую партийную конференцию. После окончания конференции М. пришлось пробыть там еще около 1—1½ месяца. Время это было самое критическое для Баку и для бакинского пролетариата, — в особенности в виду угрозы нападения со стороны Деникина, который уже к тому времени занял весь Дагестан и посылал своих эмиссаров в Баку, где его с распростертыми об'ятиями готовы были принять и мусаватистское правительство Азербейджана и английское командование. Лишь после того, как эта опасность миновала, М. вернулся в Грузию и приступил к руководству по подготовке восстания для свержения меньшевистского правительства. После подавления этого восстания все главари его были арестованы, в числе них также и М.; но в феврале 1920 г. он совместно с тремя товарищами сумел бежать из Тифлисской тюрьмы и сызнова приступить к созданию военных отрядов для подготовки восстания. В это время Северный Кавказ был очищен от деникинских войск, Азербейджан был советизирован, а Армения еще раньше. Грузия тоже готовилась к выступлению, но неожиданно 8-го мая между Москвою и меньшевистским правительством был заключен мирный договор, в силу которого коммунистическая партия Грузии была легализована. В конце 1920 г. М. был выбран делегатом на II Конгресс Коминтерна и поехал в Москву, где сделал подробный доклад в ЦК РКП о положении в Грузии. По получении директив от ЦК РКП он должен был вернуться в Грузию, но по дороге остановился в Баку, где принял участие в работах с'езда народов Востока. Здесь по его инициативе, с участием прибывших товарищей из Грузии, состоялось совещание для выяснения положения в Грузии. М. прочел доклад на тему „Положение в Грузии и наши задачи", в котором проводил ту мысль, что переход целиком на легальную работу партию окончательно может погубить. Он считал необходимым устройство рядом с легальным аппаратом и нелегального аппарата партии. Громаднейшее большинство членов совещания разделяло его точку зрения. В это время неожиданно ему пришлось выехать обратно в Москву, где он и оставался до начала 1921 г. 18-го февраля 1921 г. по совету Ленина и Сталина М. выехал в Грузию, где по приезде в начале марта месяца занял место председателя Революционного Комитета Грузии. После создания Советов и организации ЦИК Грузии на с'езде Советов в феврале 1922 г. он был выбран председателем ЦИК'а.

МЕЛЬНИЧАНСКИЙ Г. Н. (1886–1937).

В 1926–29 председатель ЦК профсоюза текстильщиков. В 1929–31 член Президиума ВСНХ. В 1931–34 член Президиума Госплана СССР, член коллегии Наркомата РКИ. В 1934–36 председатель Комитета по изобретательству при СТО. В 1925–30 кандидат в члены ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Первый марксистский труд, который М. написал в 1892 г., касался теории Шульце-Делича и попытки ее перенесения представителями молодой грузинской буржуазии в грузинск. действительность. К сожалению, работа эта не была напечатана тогда, но она сыграла все-таки известную роль в распространении марксизма в Грузии. С 1895 г. М. принимается за обоснование и защиту марксизма, вначале, гл. обр., в легальной печати. Из легально изданных его книг в царское время заслуживают внимания: 1) „Даниил Чонкадзе и его время" и 2) „О народной поэзии". В 1921 г. в Москве вышла его брошюра — „Диктатура меньшевистской партии в Грузии", на русском языке. М. написано много по самым разнообразным вопросам. В 1926 г. в Тифлисе вышла его книга „1905 год". В 1923 году ЦК КПГ постановил издать собрание сочинений М. в 15 томах (что не удалось издать в царское время). Пока изданы только 4 тома (I, II, III и IV).

С. Тихладзе.

Мельничанский, Григорий Натанович (*автобиография*). Род. 6-го июня 1886 г. в мещанской семье в г. Бобринце Херсонской губ. Елисаветгр. у. (ныне Зиновьевск.). Отец — из мещан, не приспособившийся к торговле, временами жил мелкими доходами от сдачи в аренду части дома и лавки, временами работал мелким служащим. В 1905 г. он эмигрировал с семьей в Америку и стал рабочим обойщиком и маляром. В детские годы я проявлял большую драчливость и бойкость и в наказание за таковую, за дружбу с уличными мальчишками, детьми рабочих ремесленников и за „нежелание учиться" был отдан 11 лет в ученье к часовщику по условию на 3 года. 14 лет кончил ученье, получил свидетельство подмастерья и оставил родной город.

Во время ученья у часовщика слыхал о студенческих волнениях, крестьянских порках, об аресте и ссылке студентов бобринчан, в том числе и Льва Давыдовича Бронштейна (Троцкого); родители его жили недалеко от Бобринца и еженедельно наезжали в наш город. Вокруг всех этих событий создавались легенды, передаваемые шопотком. На меня все эти рассказы произвели большое впечатление. Большое впечатление на меня также производили частые набеги на нашу квартиру полицейских и судейских приставов, описывавших и продававших с молотка время от времени всякий хлам, так как отец не отличался аккуратностью при выплате долговых обязательств и налогов. Очень рано пристрастился к чтению, ночами напролет зачитывался рассказами из французской революции, книги доставал по тому времени содержательные и влияющие на развитие фантазии и создававшие осадок неудовлетворенности окружающими условиями. Чтением моим никто не руководил, читал беспорядочно то, что доставал.

По окончании учебы переехал в поисках работы в Елисаветград (Зиновьевск), проходил несколько месяцев без работы и законтрактовался в Кривой Рог, где подвергался возмутительной эксплоатации. Надо считать, что обстановка Кривого Рога окончательно повлияла на дальнейшее формирование моего революционного настроения. Работал я с 6—7 другими подмастерьями от зари до глубокой ночи, жил на хозяйской квартире и там же харчевался. Квартирой служил пол мастерской, который после 12 ч. ночи превращался в общую спальню. Харчевали нас так, что были всегда голодны. Кроме „харчей и квартиры", я получал 3 рубля в месяц. Так как хозяин-еврей был „религиозен", то суббота служила выходным днем, но и этот день нас держали под опекой. Помимо этих условий моей работы, Кривой Рог — центр горнорабочих, шахт по добыванию руды, где я видел, наблюдал жизнь шахтеров, с одной стороны, и жизнь их хозяев, — с другой. Это также не мало влияло на мое настроение. Там я впервые познакомился с ссыльными, от них впервые получил для прочтения пару прокламаций и книжку Толстого „Неужели так надо". Я очень быстро, после 2—3 месяцев работы, взбунтовался против условий труда, повел агитацию среди остальных товарищей, и мы насели на хозяина с требованием изменения условий. После изменения их к лучшему мне пришлось оставить свой паспорт на память хозяину и уехать из Кривого Рога. Это относится к середине 1901 г. Проходив опять без работы, я потом таковую получил в маленьком мест. Богополь, смежном со ст. Голта (теперь Первомайское). Там связался с приезжающими учащимися, с рабочими железнодорожных мастерских, получал от них прокламации, прочитывал, пытался сам писать их, пытался написать рассказ призывника, направленный против военщины и взяточничества; тогда не было ни рабкоров, ни внимательного отношения к таким попыткам — и я сжег его. Много в это время читал и вел весьма примитивную агитацию среди ремесленников и рабочих самочинно, в одиночку. Часто сражался с сионистами, которые пользова-

лись влиянием среди еврейских ремесленных рабочих. Осенью 1902 г. во время поездки в Николаев Херсонской губернии, где провел несколько недель и куда имел адреса, я формально связался с организацией РСДРП, получил литературу и связи с Елисаветградом и вернулся на работу в Богополь. Поддерживал связь с Елисаветградом, получал оттуда литературу. В 1903 г. руководил целым рядом мелких стачек пекарей, портных, кузнецов. Получаемую время от времени литературу из Елисаветграда распространял, провел несколько массовок портных, кузнецов, а осенью—среди призывников. Во избежание начавшегося преследования со стороны хозяев и полиции уехал в Елисаветград, затем в Николаев. В Николаеве моя квартира была использована, как склад, место для явок и собраний, сам я занимался агитацией и после целого ряда провалов должен был уехать. После работал опять в Елисаветградской организации, затем в Кременчуге. Осенью 1904 г. получил первое тюремное крещение в Кременчуге — был арестован, привлечен к суду Харьковской судебной палаты, после 3 месяцев одиночного заключения был выпущен под надзор полиции до суда. От надзора полиции я сразу ушел—перешел на нелегальное положение и с тех пор ни разу не жил легально в царской России.

Работал в целом ряде городов юга, организовал распространение литературы в эшелонах, едущих на Дальний Восток и обратно во время Японской войны, принимал участие в Потемкинских событиях в Одессе, работал в центрально-промышленном районе Сибири. Второй раз был арестован, нелегальный, в Керчи, был предварительно избит до полусмерти черной сотней, выпущен до окончания следствия под надзор, ушел из-под надзора, переменив паспорт, и уехал опять в Одессу. Принимал активное участие в октябрьских событиях, организовывал профсоюзы, от них же был избран в Одесский совет рабочих депутатов.

Был арестован в декабре 1905 г., судился военно-окружным судом за принадлежность к партии и, как член Одесского совета, был осужден на поселение (открыл свою фамилию только на суде), был сослан в Тобольский уезд Тобольской губернии, откуда на второй день бежал в Сормово. В Сормове работал недолго нелегально на заводе, после одного провала переехал в Кунавино, откуда был избран членом Нижегородского комитета, проводил кампанию выборов во 2-ю Думу и кампанию смешанных комиссий После нескольких месяцев работы и получения сведений, что одесская полиция опубликовала меня убитым (в одном неизвестном убитом анархисте опознали меня), я вернулся на юг в Одессу, затем в Николаев, где был арестован на общегородской конференции по выборам на Лондонский с'езд партии под именем Ивана Гусева. Был приговорен административно к 3 месяцам тюрьмы и к высылке за снятием военного положения. Незадолго до отправки этапа мой паспорт был раскрыт, я отказался назвать себя—меня перевели, как бродягу, на уголовное положение. При помощи друзей с воли мне удалось устроить, чтобы при пред'явлении моей карточки знакомым и родственникам на родине они бы меня по ней не признали, а признали бы по ней моего брата Бориса, жившего уже тогда в Америке. Эта операция удалась, и меня под именем моего брата отправили в Вятскую губернию, откуда я через две недели при попытке арестовать меня за агитацию среди крестьян бежал пешком в Казань и пробрался оттуда в Нижний. В Нижнем в это время организация была разбита, мне пришлось поселиться в харчевне на Бурлаковской пристани у родных моего товарища—Анардович. Работать пришлось в открытую; перевыборы в 3-ю Думу, организовал с'езд уполномоченных по выборам; через 5—6 недель работы нагрянула полиция и арестовала меня, я сразу назвался бежавшим из административной ссылки из Вятки, под именем, под которым был выслан из Николаева. После восьмимесячной сидки меня сослали в Обдорск Тобольской губ. на 3 года. Оттуда я сразу бежал, пробрался по Оби и Иртышу в Тобольск, затем в Тюмень. Здесь задержался работой в местной организации, ездил на Урал, издавали газету „Тюменьский Рабочий", которая обслуживала Урал и Сибирь. После 5 месяцев работы вся организация провалилась (было не то 2, не то 3 провокатора), сидел опять под именем брата, был судим и осужден на поселение. На этот раз ссылали в Преображенскую волость Киренского уезда Иркутской губ. Так как я следовал последней осенней этапной ленской партией, то, чтобы не остаться в ссылке на зиму, бежал с пути из Чечуйска, откуда пешком пробрался в Киренск, а оттуда последним пароходом пробрался дальше. Из Иркутска проехал в Елисаветград, там ушел от погони полиции, которая меня опознала. Издерганный арестами побегами, эмигрировал в конце 1910 г

МЕШКОВСКИЙ Н. П. (1873–1922).

в Америку. В Америке сразу вошел в активную работу, принял участие в организиции и редактировании газеты „Новый Мир", принял участие в организации русской федерации социалистической партии, организовывал русские отделы тред-юнионов, принимал активное участие в руководстве целого ряда стачек, сам организовал и руководил несколькими стачками. В связи с этой работой подвергался 4 раза кратковременным арестам. В марте 1917 года, после получения первой телеграммы о Февральской революции, организовал возвращение на родину первой партии в 40 человек политэмигрантов, в которую входил и сам. В Галифаксе (Канада), при опросе пассажиров был снят с парохода и взят англичанами в плен вместе с Троцким и Чудновским. Вернулся в Россию после освобождения из плена 4 мая 1917 г.

Мои первые связи с партией по фракционной линии были с меньшевиками не потому, чтобы я особенно сильно в первые годы разбирался в разногласиях. Как рабочему активнику, мне теоретически проработать свое мировоззрение не удавалось, как активнику весьма подвижному и энергичному мне для этого и возможности не давали. Более ясно начал разбираться в разногласиях в 1905 г. во время октябрьских событий; так, несмотря на призыв одесского комитета к пассивности во время постройки баррикад, я принимал активное участие в их постройке и в сражениях на них. Принимал активное участие в знаменитой в Одессе борьбе за „примиренчество" обеих фракций. Во время спора о „рабочем с'езде" выступал противником его, во время спора об использовании легальных возможностей, о роли профсоюзов, работая в подполье и в профсоюзах, поддерживал линию большевиков. В полосу ликвидаторства резко выступал против ликвидаторов, работая активно в подпольной организации большевиков (Нижний Новгород, Тюмень). С фракцией меньшевиков, ее лидерами в центре я персонально не был связан, дисциплиной их себя не связывал. В Америке занимал по отношению к России примиренческую линию, в американском движении боролся с оппортунизмом, с адвокатским социализмом, свойственным американским сторонникам II Интернационала.

В 1914 г., при об'явлении империалистической войны, работая в Миниаполисе, будучи оторван от русских социал-демократов, выступил с первых же дней против войны, против немецких соц.-демократов и русских меньшевиков. Разыгравшиеся события не давали сидеть вдали, бросил работу и по пути обратно в Нью-Йорк останавливался в каждом городе, где выступал на митингах и собраниях против войны. По приезде в Ленинград сразу же связался с ЦК РКП и отдал себя в распоряжение партии. Работал в Финляндии, Донбассе, затем в Москве, будучи связан с Советами партийной, но главным образом профсоюзной работой. В Октябрьские дни был членом военно-революционного комитета в Москве, как представитель профсоюзов. До Октября работал с июля в Московском союзе металлистов, секретарем областного комитета металлистов Центрального Промышленного района. После Октября—секретарем, а затем председателем Московского губ. совета проф. союзов, секретарем ВЦСПС, членом президиума Моссовета, членом исполнительного комитета МК РКП, членом ЦИК. С 1918 г. по 1920 г. был членом Совета Обороны от ВЦСПС. Недолгое время был на военной работе, в настоящее время член президиума ВЦСПС и МГСПС, член ЦИК и исполн. бюро Профинтерна.

Мешковский (псевдоним Иосифа Петровича Гольденберга) род. в 1873 г., сын симферопольского купца, уч. в нижегор. реал. уч. и еще здесь участвовал в марксистск. кружке учащихся. В 1893 г. уехал в Бельгию, поступил в Льежск. политехникум, писал оттуда корреспонденции в „Русск. Ведом." о бельгийск. рабоч. движении, завязал связи с рабочими Бельгии и Франции. Переехав в Париж, М. окончил физико-матем. фак. Парижск. универ., вернулся в Россию, жил в Саратове и сделался одним из видных деятелей сарат. большев. организации. В 1905 г. М. был вызван в Петербург, вошел в ЦК партии и принял участие в большевист. изданиях. В 1907 г. участвует на конференциях РСДРП, лондон. с'езде и в 1908 г. был арестован и отдан под надзор полиции. В 1909 г. он был избран в числе 5 членов ЦК для общего руководства всей партийной работой и работой думской фракции. В 1910 г. был арестован и выслан в Якутскую область, а потом по болезни в Арханг. губ. В 1914 г., в начале войны, он был за границей, примкнул к Плеханову и Геду и агитировал за „оборону". В 1917 г., после Февральской революции, он был инициатором об'единительного с'езда в Петрограде представителей различн. течений РСДРП. На с'езде М. выступил с критикой доклада Ленина. С делегацией первого ВЦИК'а М. уехал за границу. По возвращении он опять вступил в партию большевиков. Ум. в 1922 г. (См. *„Мат"*.).

Мещеряков, Николай Леонидович *(автобиография)*. Род. 25 февраля 1865 г. Отец был сыном крестьянина Рязанской губ., но деду удалось каким-то образом устроить его для ученья в Московск. земледельч. школе. Мать происходила из мещанской семьи. Детство провел в деревне, где отец служил агрономом. Отец умер, когда мне было 8 лет. Учился в реальном училище г. Зарайска (Рязанской губ.); окончил курс в 1883 г. Никакому идеологическому воздействию в революционном смысле со стороны товарищей или окружающих не подвергался. На путь революции толкнули меня исключительно книги.

Сильное влияние оказали в этом отношении русские журналы того времени, особенно „Отечеств. Записки", а в частности статьи Михайловского. Но уже находясь в последнем классе училища, я, роясь в книгах одной знакомой семьи, случайно наткнулся на первый том „Капитала". Имя Маркса я встречал раньше в журнальных статьях, и меня неудержимо потянуло к этой книге. Принялся за чтение, которое подвигалось с величайшим трудом. На несколько месяцев Маркс стал книгой, с которой я не расставался. Из народнической литературы я вынес еще раньше несколько враждебное отношение к Марксу, но несокрушимая логика книги, с одной стороны, а с другой—тот твердый, прочный фундамент, который она подводила под революционное движение, притягивали к книге и заставляли продолжать изучение ее. В течение двух лет я прочитал первый том „Капитала" три раза. Результатом этого чтения было то, что, начав позже революционную работу в рядах „Народной Воли", я как-то инстинктивно старался пристроиться к работе среди рабочих.

Окончив курс реального училища, поступил в Петербургский Технологич. институт. Это было время разгрома народовольческого движения, к которому меня тянуло, а потому трудно было найти революционные связи. Только осенью 1885 г. мне удалось найти эти связи и начать работу пропагандиста в петербургских рабочих кружках. Работу эту пришлось вести под руководством А. Гинзбурга, бывшего тогда народовольцем, а впоследствии ставшего социал-демократом и известного под псевдонимом Кольцова. Как курьез, можно отметить, что первая явка, по которой меня послали, была у швейцара одного из домов, находящегося как раз напротив известной Предварилки. В маленькой комнатушке этого швейцара у нас и происходил потом ряд собраний рабочего кружка. Работа эта продолжалась недолго: весной 1886 г. я был арестован, исключен из Технологического института и выслан под надзор полиции в Рязанскую губ.

Эта высылка разорвала революционные связи. Только осенью 1891 г. мне удалось возвратиться в Петербург и завязать связи с рядом товарищей, которые также стремились к восстановлению революционной работы. Это были: М. С. Александров (Ольминский), его жена Е. М. Александрова, Черняк, А. А. Федулов, доктор Фейт и я. Все мы стояли в то время еще более или менее на точке зрения народовольчества. С другой стороны, к кружку примыкали или даже входили в него А. Н. Потресов (Старовер), Н. Д. Соколов, Неведомский и др., которые уже явно шли к марксизму. Такой разнокалиберный кружок существовать, конечно, не мог, и уже вскоре пришлось разрушить его, чтобы создать новую, более однородную организацию из одних народнических элементов. Работая под названием „Группы народовольцев", она выпустила в 1891—1892 г. ряд прокламаций (в том числе прокламацию группы Астырева), набросок программы (пересмотренная программа „Народной Воли") и ряд гектографированных брошюр. Между прочим, группой же были изданы речи четырех рабочих, произнесенные на первом в России праздновании 1 мая (1891 г.), хотя речи эти были вполне соц.-дем. характера.

Во время этой работы приходилось часто сталкиваться с питерскими марксистами и вести с ними борьбу (гл. обр. с Н. К. Крупской, З. П. Кржижановской, Брусневым и др.). Отчасти под влиянием этих споров, больше под влиянием соц.-дем. книг и брошюр, с которыми приходилось основательно знакомиться, чтобы вести споры, а еще больше под влиянием Маркса, которого я продолжал все время перечитывать, а в основе, конечно, под влиянием жизни, безжалостно разбившей народнические иллюзии, я уже весной 1892 г. стал чувствовать, что между мной и другими товарищами нашей группы нет полного согласия во взглядах. Летом эти разногласия стали так заметны, что я вышел из группы и уехал из Питера. В Рязани, где я поселился, этот процесс расхождения с народовольчеством продолжался. Особенно важную роль сыграла при этом бельгийская всеобщая стачка весны 1893 г., которая показала мне, какую громадную силу представляет революционное движение пролетариата.

МЕЩЕРЯКОВ Н. Л. (1865–1942).

До 1927 оргсекретарь Крестьянского Интернационала, в 1929–31 член Президиума кооперативной секции Коминтерна. Одновременно в 20 – 30-х годах заместитель главного редактора 1-го издания Большой Советской Энциклопедии, главный редактор 1-го и 2-го изданий Малой Советской Энциклопедии.

Летом 1893 г. мне представилась возможность добыть средства, чтобы уехать за границу и окончить там неоконченный в России курс высшего образования. Под влиянием упомянутой выше стачки решил ехать в Бельгию, чтобы своими глазами увидеть и изучить бельгийское рабочее движение. Поселился в Льеже и поступил на технический факультет. Жить было трудно, а работы много, так как денег было очень мало, и на ряду с ученьем приходилось зарабатывать средства к жизни уроками русского языка и переводами. Под влиянием бельгийского рабочего движения я в 1894 г. уже окончательно превратился в марксиста, хотя еще в 1892—93 гг., до от'езда, я уже принимал некоторое участие в марксистских московских студенческих кружках, оказывая, впрочем, в то же время помощь и народовольцам. Но с 1894 г. я навсегда прервал всякие сношения со всякими народниками.

Начавшее развиваться с конца девяностых годов бернштейнианство произвело на меня отталкивающее впечатление и удерживало от сближения с некоторыми революционерами, находившимися под его влиянием. Совершенно обратное впечатление произвело появление „Искры", которая сразу покорила меня своим ярким боевым характером, своей ортодоксальностью. Летом 1901 г. я снова уехал за границу, чтобы окончить годичный курс в электротехническом институте и там (по рекомендации Н. К. Крупской) вступил в организацию „Искры" или, точнее говоря, в „Заграничную Лигу русск. соц.-дем.", став ее представителем для Бельгии. Весной 1902 г. познакомился с В. И. Лениным. Встреча с ним произвела на меня неизгладимое впечатление. В. И. сразу покорил меня настолько, что из-под его знамени я после не отходил никогда.

Осенью 1902 г. вернулся в Москву, как представитель „Искры". Вступил членом в моск. соц.-дем. комитет, но уже через месяц был арестован на собрании с тремя другими членами комитета, который был уже предан провокаторами и выслежен еще до моего приезда. После 13-месячного сиденья в тюрьме был выслан до приговора в Иркутскую губ., а вскоре после приезда туда переправлен по административному приговору на 4 года в Якутскую область (весна 1904 г.).

Раскол партии на большевиков и меньшевиков застал меня, когда я сидел в Московской Таганской тюрьме. Тюремный режим был в то время легкий, и мы могли свободно делиться революционными новостями и мыслями по поводу происшедшего раскола. Я склонялся к большевикам. Еще решительнее стал я на эту сторону в якутской ссылке, ибо революционная литература проникала туда в то время довольно свободно, а споры в кружках ссыльных значительно способствовали уяснению разногласий.

Революция 1905 г. освободила меня из ссылки. В Москву я попал только в половине января 1906 г. и немедленно вступил в московский окружной комитет соц.-дем. партии, работая на стороне большевиков. От этого комитета я был делегирован в московскую соц.-дем. литературную группу и для связи представителем в моск. комитет. Летом 1906 г. был избран членом моск. областного бюро. 20 октября 1906 г. был арестован на явке бюро. Пробыл в тюрьме около 3 лет и был сослан по приговору суда в ссылку на поселение в с. Яланское Енис. уезда. Через год был выслан оттуда на Ангару за крайне скромную попытку празднования 1 мая. В 1913 г. поселился в Красноярске, где работал в качестве инженера на городской водопроводно-электрической станции. Вместе с тем начал работу в кооперативном движении г. Красноярска. Весной 1916 г. оставил работу инженера и всецело занялся кооперацией, работая членом правления красноярского потребит. общ-ва „Самодеятельность", имевшего почти исключительно рабочий состав, редактором небольшого журнала, издав. этим обществом, а также и по организации енисейского союза потребит. обществ.

После Февральской революции 1917 г. стал членом красноярского комитета, который на первое время об'единял и большевиков и меньшевиков. В апреле 1917 г. приехал в Москву и вошел в редакцию „Известий Моск. Совета Раб. Деп.", но через месяц ушел оттуда вместе со всеми другими большевиками. Летом 1917 г. ездил читать лекции по Костромской губ., состоял членом редакц. коллегии моск. большев. газеты „Социал-Демократ", в конце июля или в августе был избран председ. моск. губ. совета раб. депутатов, был редактором журнала „Моск. Металлист", а с осени 1917 г., когда большевики получили большинство в моск. совете, снова вошел членом редакции (вместе с Скворцовым, М. Н. Покровским и Волгиным) в редакцию „Известий Моск. Совета". В Октябрьские дни был членом „Известий Моск. Военно-Революц. Комитета". Был избран от Московск. губ. членом Учредительного Собрания. После революции рабо-

тал редактором „Известий Моск. Совета", вплоть до прекращения этой газеты в июне 1918 г., после чего перешел членом редакционной коллегии в газету „Правда", где и оставался до весны 1922 г.

На ряду с этим в разное время работал заведующим редакционно-издат. отделом Моск. центр. раб. кооператива, Всеросс. совета рабочей кооперации, Центросоюза и (недолгое время) членом правления Центросоюза. Состоял членом научно-политич. секции Госуд. ученого совета. С осени 1924 г.—членом квалификац. комиссии ЦКУБУ. При образовании кооперативной секции Коминтерна был избран членом ее президиума и как таковой делал доклады на III и IV конгрессах Коминтерна по вопросу о кооперации. Летом 1920 г. был назначен после ухода В. В. Воровского председат. редакц. коллегии Государств. издательства и оставался на этой работе до осени 1924 г. С зимы 1924 г. работаю в Междунар. крестьянском совете (Крестинтерн).

Микоян, Анастасий Иванович, род. в 1895 г. в Тифлисской губ. в рабочей семье. Образование получил среднее. В партию вступил в 1915 г. С первых дней Февральской революции М. работает в Баку, состоя членом президиума бакинского комитета партии. В том же 1917 г. М. работает в Тифлисе, в качестве секретаря тифлисского комитета большевиков. В 1918 г. М. состоял комиссаром фронта против наступающих турок. После разгрома советской власти в Баку и ареста Шаумяна и др., М., вернувшись с фронта, становится во главе подпольной организации большевиков до 1920 г., когда советская власть победила в Баку. В 1918 г. М. во время захвата города турками, освободив с группой товарищей арестованных большевиков (Шаумяна, Фиолетова, Джапаридзе и др.), вместе с ними был арестован английскими властями в Красноводске и только случайно не был расстрелян вместе с 26 коммунарами. Проведя конец 1918 г. и начало 1919 г. в тюрьмах Красноводска, Кизыл-Арвата и Асхабада, М. в марте 1919 г. по требованию бакинских рабочих возвращается англичанами в Баку и возглавляет там партийное и рабочее движение. Во время оккупации Баку английскими войсками (в мае 1919 г.) М. руководит всеобщей забастовкой бакинских рабочих и, будучи арестован вместе со всем стачечным комитетом, бежит из тюрьмы и продолжает нелегальную работу. Через несколько месяцев М. снова арестовывается под чужой фамилией и высылается в Грузию, откуда нелегально возвращается и продолжает работу в Баку. После победы советской власти в 1920 г. М. работает в Нижнем Новгороде, как секретарь губкома партии, а с 1922 г. состоит секретарем северо-кавказской краевой партийной организации. На XI с'езде партии М. избирается кандидатом в члены ЦК, а на последующих с'ездах—членом ЦК ВКП(б) и является кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1919 г. состоит членом ВЦИК, а после и членом ЦИК СССР. В 1926 г. назначен народным комиссаром внешней и внутренней торговли СССР. (См. „Изв." 15 авг. 1926 г.).

Милютин, Николай Александрович *(автобиография)*. Родился я в Петербурге 8 декабря 1889 г. в семье рыбака. Жили мы на Петербургской стороне в квартире, где в 3-х комнатах ютилось 15 человек. В период моего раннего детства отец торговал рыбой на рынке, где собирались все питерские грибники (босяки), жившие в лесу (на Каменке). Среди них было не мало людей развитых, ушедших в лес из-за протеста, хотя большинство и представляло из себя обычную спившуюся публику. Круг знакомых отца был необычайно обширен и разнохарактерен. Были среди них—пара толстосумов-купцов, рабочие, рыбаки, сапожники, студенты и мн. др. Встречи со всеми этими людьми очень рано выработали во мне резкий протест против всего строя тогдашней жизни, где на моих глазах одни безобразно самодурничали, а другие голодали и жили, как звери.

Довольно часто нужда заставляла отца отправлять нас в деревню к родственникам. Здесь наиболее сильное впечатление у меня осталось от моего прадеда, который до 106 лет сам пахал, решительно отказываясь от какой-бы то ни было помощи от своих детей, из которых некоторые жили, для деревни, довольно зажиточно. Жил он вместе с доброй старушкой прабабкой (пережившей его лет на 5) в хилой избенке, никому не кланяясь, питаясь хлебом да луком, в вечном труде. Какая-то особенная ясность ума и доброта светились в каждой черте его простого лица. Его беседы в долгие деревенские вечера всегда дышали необыкновенной любовью ко всему живущему. От него я научился любить человечество и понимать красоту простоты.

Несколько иное влияние имела на меня моя бабка. Муж ее, мой дед, рабочий крючник, после какого-то недоразумения скрылся неизвестно куда,

МИКОЯН А. И. (1895–1978).

С 1930 нарком снабжения, в 1934–38 нарком пищевой промышленности СССР. В 1937–46 заместитель председателя СНК, одновременно с 1938 нарком внешней торговли СССР, в 1942–45 член ГКО. С 1946 заместитель, в 1955–64 1-й заместитель председателя Совмина, одновременно в 1946–1949 министр внешней торговли, в 1953–55 министр торговли СССР. В 1964–65 председатель, в 1965–1974 член Президиума Верховного Совета СССР. В 1935–66 член Политбюро (Президиума) ЦК, до 1976 член ЦК партии.

МИЛЮТИН Н. А. (1889–1942).

В 1929 председатель Малого СНК РСФСР. В 1930–34 заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1935–37 начальник Главного управления кинофикации РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

оставив ее с тремя ребятами. До поздней старости бабка таила обиду и умерла, не простив. Она научила меня гордости и уменью ненавидеть. Одно время мне пришлось жить у деда по матери. Убежденный старообрядец, он был охвачен идеей построить старообрядческую церковь, что по тем временам не допускалось. Тысячью ухищрений и невероятным упорством он все же строил в течение пары десятков лет здание церкви под видом дома для себя. Было ясно, что ни средств, ни надобности в таком „доме" у старика нет. Однако, он своего добился, и церковь была построена. У него я научился ценить гибкость и настойчивость.

Вот главнейшие влияния детства. Школа (в детстве я окончил лишь начальную школу) оставила у меня немного. Здесь у меня лишь развилась страсть к знанию, но удовлетворить ее там не было никакой возможности. По окончании школы я всячески пытался продолжать учение, однако возможность этого была невероятно затруднена. Отец в это время, работая чернорабочим, надорвался, а потому пытался из меня сделать продавца, чтобы что-нибудь добывать семье, но я всей душой ненавидел это дело и всю среду базара. Вынужденный думать о средствах существования, я все же настоял на своем и учился сначала в воскресной школе Барташевича, а затем, года два спустя, в художественной школе Штиглица, работая одновременно сначала в рыбной лавке, а затем где придется, последовательно побывав столяром, смазчиком, декоратором, статистиком и т. п.

Январь 1905 г. произвел полный переворот в моих взглядах. Подхваченный толпой, я очутился на Троицкой площади. Сначала ничего не понял. Лишь на другой день, после случайно услышанного рассказа одного офицера о том, как они готовились и произвели расстрел, с моих глаз упала пелена. Я дал себе слово активно бороться с существующим строем жизни. Для меня тогда не было ясно, где враги. Враждебным мне казался почти весь мир. Я ненавидел религию и царя. Буржуазная среда вызывала во мне чувство гадливости, роли пролетариата я не понимал, крестьянство (а я много жил в деревне) казалось мне забитым и трусливым. Я с жаром набрасывался на каждый клочок печатной бумаги, многого не понимал, но все же искал и искал ответа на мучившие меня тогда вопросы. Лишь в 1907 г. я впервые столкнулся с организацией. Это была организация молодежи, возглавляемая В. И. Веревкиным, весьма беспочвенная, но охватывавшая до 1000 человек. Здесь я впервые встретил марксистов: меньшевика Н. Земницкого и большевиков Кавона и Гордынского. К этому времени я успел познакомиться почти со всеми философскими теориями до Ницше включительно. После долгих бесед, споров, ссор, сомнений и дум я взялся за изучение марксизма. Товарищи снабжали меня литературой, помогали беседами. В 1908 г. я уже организовал в кружке Веревкина марксистскую группу, связался с заводами Московско-Заставского района, откуда удалось привлечь к кружковой работе свыше 400 рабочих. Удалось привлечь и несколько рабочих с Выборгской стороны. К концу этого года началось бегство интеллигентов из кружка. Ушли: Пекарский (б. член 1-го Петерб. совета), Лавров, Зенгер и др. К началу 1909 г. кружок Веревкина окончательно распался. Однако, связи с Веревкиным и со многими из лучших ребят я не потерял. С Веревкиным мы остались близкими друзьями до самой его смерти. Это был исключительно одаренный, честный, но несколько взбалмошный человек. Идеалист до мозга костей, он почти до конца верил в господство добрых начал. Лишь к концу жизни он, под влиянием ряда разочарований, понял, что мир построен на борьбе, а не на взаимной любви людей. Работая в литографии, он у станка начал сходить с ума, но не осилил и сошел с ума. Это был один из лучших людей, которых я когда-либо встречал.

В этот же период (около 1910—12 г.) я встретился с А. М. Лежавой, Елизаровым и Н. М. Шверником. С оживлением рабочего движения я, по совету М. С. Ольминского, начал активно работать в профессиональных союзах и в начале 1913 г., по списку РСДРП (больш.), был избран в правление союза работников торгово-промышленн предприятий. К этому времени мои взгляды окончательно сложились. К концу 1913 года я начал работать в области социального страхования, а в начале 1914 г. был послан секретарем больничной кассы Путиловского завода. К этому периоду относится мое знакомство с Н. И. Подвойским, А. Н. Винокуровым, Н. Н. Крестинским, А. Ф. Михельсоном, К. К. Комаровским (Данский), И. Ф. Сундуковым, С. С. Даниловым, Н. Скрипником (Асник), Сейферт (Старый приказчик), В. В. Шмидтом, М. И. Калининым и др. Осенью 1914 г. я поступил на вечерние курсы Черняева, где мне и удалось, наконец, получить систематическое общее образование.

В 1915 г., после полицейского разгрома нашей организации в Московско-Заставском районе, меня послали секретарем больничной кассы „Скороход". Здесь, совместно с М. Н. Федоровым и М. Кулешовым, мы воссоздали нашу партийную организацию, просуществовавшую без провалов до конца 1916 г. После арестов 1916 г. я, совместно с Я. Калининым (убит эсерами), А. В. Карповой, Тангой, Яковлевым и др. тов., снова создал партийное ядро. В это время я находился на военной службе в 308 пешей дружине, где мне удалось создать небольшую ячейку.

Накануне Февральской революции я был арестован по предписанию из охранного отделения, однако бежал, собрал группу рабочих и студентов (гл. об. лесников), разоружил 1-ю и 3-ю роты дружины и руководил революционно-настроенной группой ратников и рабочими завода „Светлана" при взятии казарм самокатчиков (в Лесном). После взятия казарм (после 3 дневной осады), ведя агитацию в воинских частях, я одновременно работал за Московской заставой и в Петросовете.

Период от февраля до октября мне пришлось активно работать среди войск, командовать Красной гвардией; около 2-х недель (после 5-го июля) скрываясь в Нарве, установил связи этого района с Петроградом. В августе по поручению военной организации П. К. руководил обороной Красной Рогатки от корниловских банд, при чем мы, совместно с Я. Штейном, взяли часть известной дикой дивизии, игравшей главную роль в авантюре Корнилова. В то же время я работал по организации общегородской больничной кассы и в рабочей группе страхового совета при министерстве труда.

В Октябрьском перевороте руководил, помимо Красной гвардии района, двумя ротами. В декабре 1917 г. был избран председат. общегородской больничной кассы, состоя одновременно в исполкоме Петросовета и Петрогубпрофсовета. В 1918 г. руководил арестом офицеров в Усмани и был назначен членом коллегии НКТруда и членом малого С. Н. К., одновременно работая по Наркомздраву. В 1920—21 г. был уполномоченным ВЦИК и СТО по Орловской, а в дальнейшем и по Воронежской губ., где ликвидировал ряд банд, руководил двумя боями с Махно, отняв у него свыше 10 орудий и 40 пулеметов, а также очистил район Воронежской губ. и часть Тамбовской от банд Антонова. В марте 1921 г. был назначен зам. Наркомсобеза, а в декабре 1924 г.—наркомфином РСФСР.

Мицкевич-Капсукас, Викентий Семенович (*автобиография*). Род. в 1880 г. в Литве, Сувалкской губ. Волковышск. у., в семье многоземельного крестьянина. Учился в Мариампольской гимназии и еще будучи в 3-м классе начал читать запрещенную литовскую литературу. После окончания 5 классов гимназии был насильно отвезен в римско-католическую духовную семинарию, но пробыл там не целый год и в 1898 г. был уволен за неблагонадежность. После частной подготовки меня принимают в 1900 г. в седьмой класс Митавской гимназии, но в виду нового обыска и привлечения к делу по обвинению в принадлежности к противоправительственному литовскому национальному сообществу меня немедленно исключают из гимназии. Оставаясь под гласным надзором полиции, я приготовился к экзамену на аттестат зрелости, но вследствие вмешательства жандармерии должен был прекратить экзамен. В виду этого в 1901 г. для продолжения образования и во избежание ареста отправился за границу, в Швейцарию, и там поступил вольнослушателем в Бернский университет на философский факультет. Однако, его не кончил, т. к. все больше начал втягиваться в революционную работу. Прибыл за границу не вполне оформившимся литовским демократом, с большими симпатиями к социалистам. Работал, гл. обр., в литовских демократических органах, но одновременно распространял и литовские соц.-демократ. издания. Первые меня скоро начали неудовлетворять, и некоторое время я носился с мыслью превратить их в социалистические. Но уже к концу 1902 г. увидел неосуществимость этой мысли и вышел из Литовской демократической партии, членом которой раньше состоял. В 1903 г. вступил в С.-Д. П. Литвы, которая после ухода из нее в конце 90-х гг. действительно интернационалистических элементов (Дзержинского, Томаша, Бальцевича и др.) в первой половине 900 гг. превратилась в мелко-буржуазную социал-патриотическую организацию. В 1904 г. я перешел исключительно на партработу в Литве. На той почве, что у меня тогда еще не были изжиты все демократические иллюзии, с одной стороны, и что у руководителей головки СДЛП была полная оторванность от рабочих масс, с другой,—что она не в состоянии была дать ясный ответ на важнейшие политические вопросы того времени (национальный и аграрный вопросы), у меня вскоре возникли большие

МИЦКЯВИЧЮС-КАПСУКАС В. С. (1880–1935).

С 1928 член Исполкома Коминтерна.

МИЦКЕВИЧ С. И. (1869–1944).

До 1934 директор Музея Революции СССР, затем занимался литературной деятельностью.

трения с редакцией центрального органа СДЛП. Они привели к тому, что при моем самом активном участии была создана отдельная организация, выросшая из т.-н. группы „Драугас" и выступившая в начале 1905 г. под назв. „Литовской С.-Д. Рабочей партии". Главная руководящая роль в ней принадлежала мне. Заслугой этой организации является то, что она, несмотря на свои мелкобуржуазные уклоны по национальному вопросу, вплотную подошла к рабочим массам в деревне (сельско-хоз. рабочим). Летом 1905 г. я провел около 2 мес. в имениях Ковенской губ. и руководил там забастовками с.-х. рабочих. СДПЛ под влиянием революции 1905 г. тоже подошла ближе к рабочим массам. Политическая программа ЛСДРП и СДПЛ оказалась одна и та же (федеративная республика). В сентябре 1905 г. наступило их слияние, и я вошел в об'единенный ЦК СДПЛ. В конце 1905 г. был арестован, но в начале марта 1906 г. было сделано вооруженное нападение (в Сувалках) на больницу, где я находился, и я был освобожден. Больше года работал нелегально в Вильне. В СДПЛ началась тогда борьба между так наз. автономистами и федералистами. Я сначала принадлежал к последним, но уже к началу 1907 г. сдал позиции. Начал выступать за об'единение с РСДРП. В мае 1907 г. был арестован; за принадлежность к СДПЛ и вооруженный побег получил 8 лет каторги. Вышел из каторги в ссылку на поселение в 1913 г. Находясь в тюрьме, я окончательно самоопределился, как марксист - интернационалист, партиец, антиликвидатор. В начале 1914 г. бежал из ссылки. Принимал активное участие в партработе. Работал в литовской с.-д. газете, издавав при ближайшем участии литовских рижских рабочих - большевиков. Без оговорок принимал политические лозунги большевиков, но не терял еще надежды на возможность об'единения с меньшевиками, поскольку они откажутся от ликвидаторства и будут проводить в жизнь решения пленума 1910 г. и конференции 1908 г. Только во время войны, в конце 1915 г., стал на большевистскую точку зрения, но по некоторым вопросам был еще ближе к старой СДКПЛ (нац. вопрос, отношение к крестьянству); кроме того, стоя за создание III Интернационала, возражал против „механического отсечения" от него центра. Работал по партийной линии (ред литовск. газет и пр.) в Великобритании, потом в С.-Амер. С. Штатах. После Февральской революции возвратился в Россию, как большевик. Работал в Ленинграде. Во время Октябрьской революции был назначен первым комиссаром главного казначейства; был в качестве комиссара на гатчинском фронте против Краснова. Потом был назначен комиссаром по литовским делам. В декабре 1918 г. был выдвинут председателем времен. револ.-рабоче-крест. правит. Литвы, потом председателем правительства ССР Литвы и Бел. Тут, не считая целого ряда других недочетов, об'ясняемых, гл. обр., самыми тяжелыми об'ективными условиями виленского периода (в Минске эти недочеты были устранены), была сделана огромная политическая ошибка в отношении к крестьянству. Только в 1922 г. была окончательно осознана эта ошибка. От конца 1918 г. состою членом ЦК КП Литвы. До 1920 г. был в разное время членом и канд. ВЦИК, в 1919 г.—членом ЦИК'а Литбел. От начала 1923 г. работаю в ИККИ в качестве зам. зав. Орготдела, являюсь канд. ИККИ; кроме этого, работаю, как литератор, лектор и пр., занимаюсь истпартом Литвы.

Мицкевич, Сергей Иванович (*автобиография*). Родился я 6 августа 1869 г. в г. Яранске Вятской губ. Отец мой был офицер. Когда мне было 6 лет, мы переехали в Либаву. В 1879 г., когда мне исполнилось 10 лет, меня отдали в военную гимназию (в 1883 г. переименованную в кадетский корпус) в Нижнем-Новгороде. Время моей учебы в гимназии совпало с героической борьбой, которую вела „Народная Воля" с самодержавием. Покушение на Александра II, а потом казнь его (1-го марта 1881 г.) нас—учеников, волновали, но мы не могли понять их смысла и значения. Только в 1883 г., уже будучи в 6-м классе, я прочитал „Новь" Тургенева, и глаза мои открылись: я понял, что революционеры—не злодеи, какими их пытались представить наши руководители, а люди, борющиеся за свободу, за народ. Это открытие произвело полный переворот в моих взглядах. Я стал много читать—читал Белинского, Добролюбова, Писарева, сочинения которых нелегально попадали в стены кадетского корпуса. Особенно сильное впечатление произвела на меня статья Писарева „Мыслящий пролетариат", в которой изложено содержание романа Чернышевского „Что делать?". „Итти в народ", „работать для народа"—вот лозунги, которые стали направляющими для меня.

Понятно, что мне, проникнутому такими настроениями, военная служба в цар-

МИЦК

ской армии—обычная карьера всех оканчивающих кадетские корпуса—стала противна, и я после окончания корпуса (1885 г.) решил порвать с военщиной и готовиться на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет на медицинский факультет. Мечтал пойти врачом в деревню. В то время сдать на аттестат зрелости было не так легко: надо было овладеть огромным курсом классических гимназий по латинскому и греческому языкам. Я стал готовиться, живя в своей семье в Нижнем, (отец в это время у меня уже умер, и семья жила очень бедно) и зарабатывая частными уроками. Так прожил я в Нижнем 3 года.—Вторая половина 80-х годов была очень глухим, мрачным временем. „Народная Воля" была разгромлена, реакция, казалось, торжествовала безраздельно. В это время я много занимался, много читал (Лаврова „Исторические письма", соч. Лассаля, Луи-Блана „Ист. франц. революции", Ч. Дарвина „Происхождение видов", Бокля и т. д.) принимая участие в гимназических кружках саморазвития, вел знакомство со студентами, высланными за студенческие волнения из Московского и Казанского унив-ов [1]). Осенью 1888 г., я поступил в Московский универс. на медицинский фак. Глухая реакция продолжалась. Уже 4-й год действовал новый университ. устав, одевший всех студентов в чиновничью форму, за самое легкое уклонение от которой сажали в карцер. Студенчество увлекалось декадентством, толстовщиной, некоторые даже мистицизмом. Самым распространенным был тип человека „без догмата". Роман Боборыкина „На ущербе" хорошо рисует настроения московской интеллигенции того времени. На фоне этого безвременья у меня были встречи с двумя старыми революционерами—Зайчневским и Сабунаевым.

Зайчневский, автор первой русской революц.-социалист. прокламации, вышедшей в 1862 г. в Москве, отбыл каторжные работы и поселение, потом был еще раз в ссылке, а в это время проживал в Орле и организовывал кружки среди интеллигенции и военных в Москве, Орле, Курске, Смоленске. В Москву он наезжал время от времени. На меня Зайчневский произвел большое впечатление своим революционным под'емом и красноречием. По взглядам он был якобинец-бланкист. Проповедывал необходимость создания крепкой централизованной революционной организации из передовой интеллигенции и военных. Эта организация должна стремиться к захвату политической власти; захватив власть, она должна создать временное революционное правительство, которое и проведет необходимые социалистические реформы: передаст землю крестьянам и фабрики государству. Он говорил, что не надо после переворота скоро созывать Учредительное Собрание, а надо провести сначала социалистические реформы, а потом уж созвать и Учредительное Собрание, но надо его созывать так, чтобы не попали туда реакционеры, с которыми следует беспощадно расправляться.—В его взглядах было много большевистского. Ленин сказал, что якобинец, связавшийся с рабочим классом, и есть революционный социал-демократ—большевик. Но вот в том то и дело, что именно этого базирования на рабочий класс, и не было у Зайчневского, и это отсутствие базы и делало всю его систему утопической. По делу Зайчневского я первый раз познакомился с жандармами. Впрочем, это первое знакомство было для меня благополучным. Я был привлечен к делу только в качестве свидетеля летом 1889 г.

Вторая моя встреча была со старым народовольцем Сабунаевым, бежавшим из Сибири; он задался целью восстановить старую народовольческую организацию и с этой целью ездил по всей России и заводил связи. Он был большой конспиратор, ходил в парике, загримированный. Но почвы для революционеров-заговорщиков старого типа уже не было. Ему удалось, правда, завязать связи со многими городами (Кострома, Нижний, Казань, Саратов, Москва), но вся организация вскоре целиком провалилась, не оставив следа и преемников.

Это были „последние могикане" старой, когда-то грозной рати. Это были последние попытки возродить движение на старой народнической основе, но время для них прошло, они были фатально обречены на неудачу. Наступала новая эпоха; нужны были новые идеи, новые методы работы. Мы инстинктивно чувствовали, что старое уже мертво, но нового, живого, идущего ему на смену, мы еще не видели, не понимали.

С осени 1889 г. в московской жизни стал заметен некоторый перелом в настроении: появилось среди студенчества больше кружков саморазвития, стали изучать Маркса, читался нарасхват только-что переведенный роман Белла-

[1]) Более подробно об этом периоде моей жизни см. мою статью „На грани двух эпох" в журн. „Пролет. революция", № 2(14) за 1923 г.

547

ми „Через сто лет", рисовавший будущий социалист. строй. Усилилось политическо-протестантское настроение среди студенчества, которое к весне вылилось в форму студенческих „беспорядков".

В марте 1890 г. собралась сходка на университ. дворе; выражался протест против университ. устава, были речи и на политические темы. Нас оцепили конные жандармы и погнали сначала в Манеж, а потом в Бутырскую тюрьму. Арестованных оказалось человек 500 слишком. Дней через 10 нас рассортировали и выпустили: кого оставили в Москве, кого выслали на родину, кого в другие города. Я поехал в Нижний [1]).

В Нижнем собралась тогда масса высланных студентов не только из Москвы, но и из других городов. Из Петербурга выслали группу лиц, принимавших участие на демонстративных похоронах публициста Шелгунова, на гроб которого был возложен между другими и венок от петербургских рабочих. Высланная в Нижний публика устраивала часто вечеринки, на которых велись дебаты на общественные и политические темы. На этих дебатах выступали только-что появившиеся тогда на русской почве русские марксисты в лице двух высланных из Петербурга студентов-технологов, братьев Красиных.

Их выступления произвели на меня сильное впечатление. Я бросился искать литературу по вопросам русского марксизма и в библиотечке у нижегородских народников нашел „Наши разногласия" Плеханова. Новый мир открылся передо мной: найден был ключ к пониманию окружающей действительности, найдена была база для работы, выход из тупика, из тисков казавшейся ранее всесильной реакции. Русский рабочий класс—вот куда надо итти, надо нести в него светоч научного социализма. Он произведет ту политическую и социалист. революцию, базу для которой тщетно старались найти Зайчневский и др. революционеры 60-х и 70-х гг. Прочитал я тогда и „Манифест коммунист. партии" Маркса, и громадное впечатление он произвел на меня: я понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и уже на всю жизнь.

Я вступил в новую эпоху своей жизни. Она счастливым образом совпала с новой эпохой русской жизни: кончился тридцатилетний период господства (под конец и разложения) народническо-крестьянского социализма, начиналась новая эпоха—90-е годы,—эпоха быстрого развития русского капитализма—эпоха роста русского рабочего движения—русской революционной социал-демократии.

Приехав в 1890 г. осенью в Москву, я целый год искал в Москве марксистов, но никого найти мне не удалось. Пытался достать 1 том „Капитала" Маркса, но тоже не удалось. Летом 1891 г. в Нижнем я познакомился с земским статистиком Пав. Ник. Скворцовым, одним из самых первых русских марксистов. Около него группировался уже небольшой марксистский кружок, который заводил свои первые связи с рабочими. У него же я нашел 1 том „Капитала", который и начал изучать. Этим же летом я познакомился у Скворцова с В. И. Ульяновым, проезжавшим из Питера в Самару после сдачи университ. экзамена [1]).

В Москве зимой 1891—92 гг. я, наконец, нашел небольшой кружок марксистов, в который входили А. И. Рязанов, А. Н. Винокуров, И. А. Давыдов, Г. Н. Мандельштам, М. Н. Мандельштам-Лядов, Д. П. Калафати и др.—У них было много марксистской литературы на русском и немецком языке. Немецкую литературу они деятельно переводили и распространяли в рукописном виде среди интеллигенции. В 1892 г. у меня завелись первые знакомства и среди московских рабочих в Брестских жел.-дор. мастерских (С. И. Прокофьев, Семенов, Немчинов и др.). Заводили знакомства среди рабочих и другие члены марксистского кружка. В сентябре (28 сентября ст. ст.) 1893 г. из интеллигентского марксистского кружка выделился кружок, с целью организации систематической пропаганды среди рабочих, из шести человек (А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштам-Лядов, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев) [2]).

Этот кружок и положил основание московской соц.-демократической организации. Нашему кружку посчастливилось найти очень дельных, энергичных и сознательных рабочих. Надо сказать, что в это время среди московских рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать стихийное брожение рабочей массы, которое проявлялось в те годы на почве быстрого роста русской промышленности в виде стачек во многих местно-

[1]) Об этих студенч. беспорядках подр. см. в „Красной Нови" за 1925 г.

[1]) Об нижегородской работе см. мои воспоминания в сб. „Материалы по ист. револ. движения" в Нижн. Новг. под. ред. Илларионова, т. II.

[2]) Об этом периоде подр. см. мою статью в сб. „На заре рабочего движения в Москве", 1919 г. М.

стях России. Заводить связи в рабочих кружках было легко. Началась работа в небольших рабочих кружках.

Но кружковая работа очень скоро перестала нас удовлетворять. Мы решили перейти к агитации в рабочей массе. Для этой цели уже с весны 1894 г. мы стали выпускать листки на гектографе, которые имели огромный успех среди рабочих. Распространялась также агитационная литература, которая с весны 1894 г. стала нами получаться через виленскую еврейскую соц.-дем. организацию, с которой мы вошли в тесную связь. Я для этой цели в 1894 г. 2 раза ездил в Вильно. Там вместе с виленцами мы сформулировали методы новой агитационной работы среди рабочих, которые и были изложены в виде брошюры „об агитации", брошюры, которая сыграла в свое время значительную роль в смысле популяризации агитационного метода работы в массах. Чтобы ближе организационно связаться с массой, мы организовали весною 1894 г. центральный рабочий кружок, в который входили представители фабрично-заводских кружков. Более широко пропагандистско-агитационная работа пошла летом 1894 г.: летом легче можно было устраивать собрания за городом, в рощах и лесах. Летом же этого года на даче около Москвы жил В. И. Ульянов-Ленин, который очень интересовался нашей работой. Сам он в это время был очень занят окончанием своей первой большой работы „Что такое „друзья народа" и как они борются с соц.-демократами", которая потом и была издана членами нашего кружка, бр. Масленниковыми, на автокописте. Осенью 1894 г. наш кружок обзавелся мимеографом и ручным типографским станком, на которых и работались листки и брошюры для рабочих.

Но не дремала и полиция. В декабре 1894 г. был первый погром нашего кружка: арестован был я и Винокуровы. У меня нашли мимеограф и много литературы. Винокуровых выслали в Екатеринослав, а меня посадили в Таганскую тюрьму, где я и просидел до марта 1897 г. В июне 1895 г. были новые аресты членов нашего кружка, преимущественно интеллигентов, а в августе арестовали несколько десятков рабочих. Создали большое дело. Дознание длилось до февраля 1897 г. Все это время я провел в одиночке. Хорошей стороной этого 27-месячного одиночного заключения было то, что разрешалось получать „ с воли" книги, чем я и пользовался широко. Много перечитано и передумано было за это время. Хорошую академическую учебу проделал я тогда. В феврале 1897 г. об'явлено было мне, что я приговорен „по высочайшему повелению" (т.-е. без суда, административно) на 5 лет ссылки в Якутскую область. Но еще почти ровно год провел я после этого в тюрьме; и только в конце января 1898 г. я был освобожден в г. Ольминске Якутской области. За этот год я просидел до 3 июня в Москве в Бутырской пересыльной тюрьме; с 3 июня начались этапные скитания в течение почти 8 месяцев: повезли сначала поездом до г. Канска Енисейской губ., потом 2 месяца пешим этапом до Иркутска (жел. дор. тогда доходила только до г. Канска), 1 месяц в Иркутской тюрьме, 4 месяца в Александровской пересыльной тюрьме (в 60 вер. от Иркутска), затем 3 недели ехали на лошадях и, наконец, я в г. Олекминске, „на свободе" после 3 лет и 3 мес. тюремного заключения. В это время побеги из ссылки еще не были налажены, и пришлось жить в ссылке. Мое положение в ссылке было сравнительно благоприятно, так как я был уже врачом, а врачебный труд очень ценился в Якутской области. Мне было предложено место врача на золотых приисках, я там пробыл около полугода, а потом поехал по предложению администрации врачом, на крайний северо-восток Якутской области—в Колымский край. Там я проработал в качестве врача и ссыльного в одно и то же время 4 года.

С удовольствием вспоминаю это время: интересный, совсем не исследованный край, своеобразный быт местного населения, интересная врачебная и исследовательская работа. Много тысяч верст пришлось поездить по этому обширному пустынному краю. Колония ссыльных была человек около 20—интересная публика, много споров, много читали и работали [1]). В апреле 1903 г. я выбрался, наконец, из Колымска, но только в октябре удалось добраться до Москвы.

В Москве в это время было затишье в партийной работе. В рабочем классе почти безраздельно еще господствовали зубатовские организации, но в это время они были все же уже на закате. Партийной работой в Москве в это время руководил Бауман, убитый в 1905 г. Я тоже принял участие в партийной работе, но скоро, летом 1904 г., организация провалилась, Бауман был арестован, я вы-

[1]) Этот период ссылки в Колымске хорошо описан у Циперовича в его книге „10 лет за полярным кругом".

слан из Москвы. Я поехал в Тверь и там поступил врачом на Морозовскую Тверскую мануфактуру, принял участие и в нелегальной работе. В Твери в это время работали А. А. Богданов, А. П. Смирнов и др. Шла в это время японская война, чувствовался предреволюционный под'ем; шли широкие собрания, пока на частных квартирах, обострилась борьба большевиков и меньшевиков, соц.-дем. и эс-эров, но рабочие массы как-то притихли, шла только мало заметная со стороны подпольная работа. Но вот пришло 9 января 1905 г., и массы пришли в движение: началась первая великая русская революция. Меня потянуло в Москву, куда в'езд стал возможен, благодаря, несколько ослабленным полицейским рогаткам. Переехал я в Москву в конце января 1905 г. и здесь опять всецело отдался партийно-общественной работе [1]). Вскоре московск. комитет соц.-дем. партии предложил мне и В. А. Обух организовать лекторскую группу при М. К.

Группа эта организовалась в марте 1905 г. (в нее входили: М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, А. Н. Рожков, В. М. Фриче и др.—всего около 20 человек) и проявила большую работу в течение 1905—07 гг. Ею было организовано за это время множество лекций, докладов, выступлений на митингах и в пропагандистских кружках; она выполняла почти всю литературную работу для М. К., поставила 2 легальных газеты—в 1905 г. „Борьбу" и в 1906 г. „Светоч", принимала участие в издательстве массы брошюр и книг.

Осенью 1906 г. у меня было 2 обыска, после чего пришлось уехать из Москвы, тем более, что я потерял работу. Переехал 6 сентября 1906 г. в Нижний-Новгород врачом в психиатрическую колонию Ляхово. Осенью 1907 г. нижегородским и сормовским комитетом была выдвинута моя кандидатура при выборах в 3 Гос. Думу. Я принял участие в избирательной кампании, но был побит кадетом. В 1908—1909 г. наступило большое затишье в общественной жизни в России вообще и в Нижнем-Новгороде в частности—реакция торжествовала свою победу над революцией. В январе 1910 г. я переехал из колонии в город Нижний. Было первое время очень глухо, партийной работы—никакой. Составилась у нас небольшая группа из 4 лиц и задалась целью работать над оживлением прежде всего культурной работы. Около группки постепенно сплотился ряд культурных работников, и работа закипела; прежде всего в Народном Доме „Общества распространения народного образования", далее были устроены в городе и Сормове детские площадки, клуб подростков; оживилась кооперативная работа, был создан кооперативный союз, открыт ряд библиотек в губернии и т. д. Все эти начинания использовались, по возможности, и для оживления среди рабочих культурной работы вообще и партийной работы в частности („использование культурных возможностей"). В 1912 г. была попытка создать соц.-дем. легальную еженедельную газету; она называлась „Поволжская быль", но она просуществовала только 7 недель и была закрыта. Так проработали мы около 5 лет.

В конце 1914 г. я по личным мотивам уехал из Нижнего, взял работу в качестве школьного врача в Саратове. Шла империалистическая война. В начале 1915 г. в Саратове возобновилась партийная работа, в которой принял участие и я. Наша группа заняла определенную большевистскую позицию по отношению к войне и вела пропаганду и агитацию среди рабочих, студентов и учащихся вообще. Работали и в легальных культурно-просветит. организациях „Маяк" и в обществе „Народных Университетов" [1]).

В 1915 г. наша организация издавала еженедельную газету „Наша газета"—единственную, кажется, легальную большевистскую газету в России во время войны, просуществовавшую 10 недель.

В феврале 1917 г. произошла революция. В Саратове, как и везде, велась нами, большевиками, лихорадочная работа по организации масс, по агитации среди рабочих и солдат. Во главе Саратовской организации стояли в это время М. И. Васильев-Южин и В. П. Антонов-Саратовский. Лично я работал в это время, главным образом, в культурно-просветительной области, используя в частности для большевистской пропаганды „Об-во Саратов. Народных университетов", которое развило в 1917 г. большую работу в Саратове и губернии. Работал я там до тех пор, пока меня не исключили за большевизм из правления об-ва (в ноябре 1917 г.). Работал я также в качестве гласного в новой демократической городской думе до тех пор, пока она не была ликвидирована сара-

[1]) Об этом периоде см. мои воспоминания в № 9 „Пролетарской революции" за 1925 год

[1]) Этот период, а также и 1917 г. в Саратове хорошо описан Антоновым-Саратовским в его книге „Под стягом пролетарской борьбы", 1925 г.

товским советом при моем деятельном участии после Октябрьского переворота. В октябре принял активное участие в захвате власти Советом. После ликвидации думы был назначен Саратовским Советом замести. председ., а потом председателем Совета городских комиссаров, так называлась организация, заменившая городскую управу после ее роспуска. 1 марта 1918 г. переехал в Москву. Здесь стал работать в качестве члена коллегии Моск. Отдела Народного образования (МОНО). Принял активное участие в организации „единой трудовой школы" в Москве и в организации загородных школьных колоний.

Летом 1919 г. поехал на южный фронт, где был пом. начальника санитарной части южного, потом юго-западного фронта. В марте 1920 г. был выбран на IX с'езд партии. В мае 1920 г. был назначен зам. зав. внешкольным отделом Наркомпроса. По моей инициативе внешкольный отдел был преобразован в Главполитпросвет в конце 1920 г. В январе 1921 г. я был избран председ. Московского губ. отдела профсоюза раб. просвещения, одним из организаторов которого я был в начале 1919 г. 2 года я проработал в качестве его председателя; осенью 1921 г. организовалось при губпросе Московское бюро секции научных работников, председателем которого я состою с тех пор в течение 5 лет.

С лета 1922 г. я принял участие в инициативной группе по созданию Музея Революции. Осенью 1922 г. удалось организовать его в виде „Музея Красной Москвы", с осени 1923 г. он получил название „Московского Историко-Революционного Музея". Все это время я работал по его организации в качестве представителя Истпарта, а в марте 1924 г., когда музей перешел в ЦИК Союза ССР и получил название „Музея Революции Союза ССР", я был назначен его директором, каковым состою до сих пор (осень 1926 г.). Работаю еще в качестве лектора по истории русского революционного движения и истории ВКП.

Моисеев, Алексей Сергеевич, еще в 1901 г. 13-летним гимназистом участвовал в революционной работе, в 1904 г. был активным членом соц.-дем. партии (парт. имя „Леня") и выполнял самые ответственные поручения. 15 лет был арестован, приговорен к 15 годам каторги, которая была заменена ссылкой на вечное поселение в Сибири. Пробыв в ссылке 2 года, М. устроил смелый побег в Россию, откуда перебрался во Францию. Там он прожил эмигрантом 10 лет, добывая средства к жизни физическим трудом разного рода, а позже стал сотрудничать в левых социалистических изданиях Запада. Во время пребывания за границей примыкал к группе „Наше Слово". Приехав после Февральской революции в Россию в 1917 г., М. был членом междурайонной организации с.-д. интернационалистов и сотрудником журнала „Вперед". Летом М. приехал в Воронеж, примкнул к партии большевиков, руководил газетой „Воронежский Рабочий", в Октябрьские дни руководил переворотом в Воронеже и затем был председателем воронежского революц. комитета. 12 окт. 1919 г., по занятии белыми города, М. был арестован и расстрелян. (См. *„Пам. бор."*).

МОИСЕЕВ А. С. (1888–1919).

МОИСЕЕНКО П. А. (1852–1923).

Моисеенко, Петр Анисимович организатор знаменитой „Морозовской" стачки, род. в 1852 г. в дер. Обыденной Смоленск. губ. Сычевск. у., провел безотрадное детство, четырех лет оставшись сиротой. Застав еще крепостное право, он ребенком испытал произвол помещика; следы избиения остались у него на всю жизнь. М. самоучкой выучился грамоте, 13 лет поступил на ткацкую фабрику, где опять-таки испытал жестокое обращение, которое обычно постигало рабочих-подростков. „Был всякий, кому не лень было: и смотритель, и прядильщик, и старший мальчик". С фабрики М. перешел в торговое предприятие, 18 лет женился и опять поступил на фабрику Зимина в Зуеве ткачом. В 1873 г. брат товарища привез из Нижнего нелегальные книги: „Сказку о четырех братьях", „Хитрую механику", „Сказку о копейке" и пр. „О, что такое было!" вспоминает М. „Мы с товарищем зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали. Мысль заработала: мы стали доискиваться правды и решили проверить то, что открывали нам книги". „Мы мучались, искали выхода и нам казалось, что выход может быть только один: уехать в Питер, где мы можем все узнать". В 1874 г. М. уезжает в Петербург, поступает на фабрику Шау, вступил в артель молодежи, которая ходила на вечерние курсы, а затем после их закрытия—на квартиры студентов, и жадно набросился на книги. М. познакомился с Пресняковым, Дейчем, Чубаровым, Лизогубом и др., вступил в народнические кружки. Особенно сильное влияние на М. оказали Плеханов и С. Халтурин. „Первый научил меня мыслить, второй действовать", говорит М. В 1875 г. М. вместе с Александровым производит первую экономическую стачку на фабрике Шау, в 1876 г. участвует на Казанской площади в известной демонстрации, ор-

ганизованной при участии рабочих, и в тот же день отбивал от полиции оратора, выступившего в трактире „Карс" за Нарвской заставой с рассказом о демонстрации. Четырехлетняя работа в революционных кружках, усиленное чтение и общение с революционной средой оформили революционное сознание М., создали из него борца и дали ему необходимый для борьбы опыт. М. перешел на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где шире развил пропаганду, а в 1877 г. поступил в артель посыльных и между прочим использовал это положение для выполнения революционных поручений. В 1878 г. М. участвовал вместе с Халтуриным и Обнорским в организации „Сев.-русск. рабочего союза", а затем поступил на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где „зрело недовольство рабочих вычетами за челноки и низкой заработной платой". Забастовка интересна тем, что рабочие решили подать прошение наследнику (будущему импер. Александру III), несмотря на уговоры М. и его друзей. „Это означало, как выразился Плеханов, просить сатану отслужить молебен угоднику". Прошение пришлось писать М. Он же идет во главе толпы подавать прошение наследнику. М. арестовывают, но по распоряжению наследника освобождают. М. возвращается на фабрику. Забастовка продолжалась и окрепла. Результат был тот, что требования рабочих были удовлетворены. Скоро М. арестовывают и отправляют на родину под надзор полиции. В деревне М. оставался недолго. Приехавшая из Петербурга жена сообщила ему о процессе В. И. Засулич, а скоро получилось известие об убийстве Мезенцева. Все это побудило М. бежать в Петербург. М. переходит на нелегальное положение, делается профессиональным революционером, организовывает кружки, тройки и пятерки. В начале 1879 г. на Новой Бумагопрядильне опять вспыхнула забастовка, которая захватила и др фабрики, и опять М. делается одним из руководителей. Его скоро арестовывают, и в тюрьме он организует голодовку политических заключенных, как протест против сурового режима, и добивается ряда уступок. В тюрьме М. много читал. После полуторагодичного тюремного заключения М. ссылают в Вост. Сибирь, откуда он вернулся в 1883 г. и поступил на Орехово-Зуевскую фабрику Саввы Морозова, где был записан под фамилией М. (раньше числился Петром Анисимовым). Произвол на фабрике царил такой, какого нигде не было. Снижения и без того низкой заработной платы, штрафы за все, за громкий разговор в казармах, пение, игру на гармонике и т. п. При выдаче и приемке обсчитывали и обвешивали, работа длилась 16—17 часов, „а ежели чуть заболел—на улицу, как собаку". Вычеты составляли 25—50% заработка, давая Морозову десятки тысяч в год. М. повел агитацию. После пасхи 1884 г. он перешел в Ликино, на соседнюю фабрику Смирнова, но проработав 2 месяца вернулся к Морозову с решением „во чтобы то ни стало устроить забастовку". Забитость рабочих была ужасающая, и тем не менее М. удалось сдвинуть эту массу с мертвой точки. 7 января 1885 г. началась знаменитая Морозовская стачка. Уговоры М. и его ближайшего сотрудника, рабочего Волкова, не делать насилий не вполне удались. Рабочие разгромили несколько квартир администрации, харчевню и пр. Забастовало 8.000 человек. 8-го января приехал губернатор, собрал небольшую группу рабочих, и Волков прочитал ряд требований экономического характера, составленных М. Губернатор велел арестовать и Волкова и еще 51 рабочего. Результатом разговора губернатора с Морозовым было об'явление о расчете всех рабочих, утверждение сбавки заработной платы, об'явленной 1 окт. 1884 г., бывшей одной из причин стачки. Рабочие сорвали об'явление и расклеили свои требования. По уговору М. рабочие собрались толпой и пошли освобождать арестованных. Удалось освободить больше 40 человек. Вслед за этим произошло целое побоище. До 600 человек наиболее активных рабочих было на другой день арестовано и выслано на родину. Забастовка прекратилась. Сам М. был арестован позднее. В день побоища он предложил послать министру внутренних дел телеграмму с требованием назначить специальную комиссию для расследования дела, и рабочие решили отправить самого М. в Москву для посылки телеграммы, так как в самом Орехово-Зуеве этого сделать было нельзя. М. исполнил поручение и вернулся опять в Орехово с решением „взять вину на себя, зная вперед, что ссылки все равно не миновать". Немедленно же по возвращении М. был арестован. Во время следствия и суда М. вел себя с большим достоинством и независимостью. Судили два раза, в судебной палате, которая приговорила М. и Волкова к трем месяцам тюрьмы, как зачинщиков стачки, и в суде присяжных, который их оправдал. По окончании суда М. и Волков были опять арестованы и в административном порядке сосланы в Архангель-

скую губ. Значение для русского рабочего движения Морозовской стачки, которой руководили сами рабочие и которая сопровождалась столкновением с войсками, было огромно. Она отразилась и на той стачечной волне, которая прокатилась почти по всей России в 1885 г. Практическим результатом стачки было издание в 1886 г. закона о штрафах, который являлся уступкой требованиям, пред'явленным морозовскими рабочими. М. водворяется в Мезени, быстро научается столярному ремеслу, что ему весьма пригодилось впоследствии при неоднократных ссылках, устраивает артельную мастерскую, где работают политические ссыльные. В 1889 г., по окончании срока ссылки, М. уехал в Челябинск, откуда опять был выслан на родину и, после долгих странствований, попал в Ростов на Дону. Здесь он вступает в соц.-дем. партию и ведет пропаганду среди местных рабочих. М. опять арестовывают, держат в тюрьме 7 мес. и отправляют в г. Вельск Волог. губ. В 1901 г., по окончании ссылки, М. уезжает в Донецкий бассейн. На донецких рудниках М. опять ведет усиленную пропаганду и работает там до 1908 г., все время преследуемый полицией и не прекращающий своей революционной работы. В 1916 г. М. опять играет руководящую роль в охватившей 30.000 человек Горловской забастовке. М. должен был опять скрываться вплоть до Февральской революции. В 1918 г. М. работает в Красной армии, вступает в РКП, живет затем на Кавказе, в Харькове, Москве и Орехово-Зуеве. Ум. 30 нояб. 1923 г., погребен в Орехово-Зуеве. (См. *Моисеенко, П. А.*, „Воспоминания (1873—1923)". Истпарт; *Давидов*, „Рабочий-революционер П. А. М.").

Молотов, Вячеслав Михайлович *(авторизованная биография)*, род. в феврале 1890 г. в дер. Кукарки Вятск. губ. Нолинского у. Настоящая фамилия Молотова—Скрябин. Он является одним из сыновей, третьим по счету, мещанина г. Нолинска—Михаила Скрябина. Родители отдавали много усилий и времени на то, чтобы предоставить возможность детям получить образование. Дети были отправлены в губернский город для поступления в школу. В Казани и получали образование братья. Вячеслав учился в реальном училище. Надо сказать, что очень характерна для семьи Скрябиных художественная черта. Вячеслав играл на скрипке и весьма недурно, с большой силой чувства и выразительностью.

Все братья Скрябины, живя дружно в одной комнатке, вращались к кругу наиболее левого студенчества и вообще учащихся. Казань, в особенности в то время, была буквально переполнена лево настроенной интеллигенцией. Уезжая на лето домой в Нолинск, Скрябины и там встречали либо ту же революционно-настроенную разночинную интеллигенцию, либо административно-ссыльных политиков. Происходя сами из трудовой семьи, братья естественно мало по малу пропитывались теми идеями и настроениями, какие навевались им средой, где они вращались. Обыкновенно в средней школе революционные идеи прививались двум различным типам учащихся и соответственно этому двумя различными методами усваивались и осознавались. Во-первых, это были элементы, настроенные по озорному в отношении к начальству, по преимуществу „жители Камчатки", т.-е. сидящие на последних партах, стреляющие в преподавателей горохом и пр. Юноши вольные и свободные, большею частью хорошие ребята, но не очень склонные к усвоению наук, они воспринимали революционные идеи, как нечто, что освобождало их от необходимости подчиняться преподавателям и прочей „челяди" школьной, что освящало и оправдывало небрежное отношение к занятиям и пр. Ко второй категории относились ученики прилежные, из лучших по успехам, но не тупоприлежные, не т. наз. „зубрилы", а прилежные по интересу к знанию, которое в скромном количестве все же давалось учащимся. У такой категории юношей революционные идеи вызывали к себе вдумчивое отношение и не только не отвлекали от научных занятий, но еще более развивали интерес к теоретической работе и будили умственную самодеятельность. Благодаря этому, занимаясь предметами лишь урывками, среди занятий такими научными дисциплинами, какие не преподавались в школе, учащийся все же делал и в области „казенного" знания гораздо большие успехи. К такой категории учащихся и принадлежал Вячеслав

Впервые революционные идеи коснулись его в его родных „Нолях", т.-е. Нолинске, в 1905 г. Достаточно назвать эту дату, чтоб стало понятно, что первые революционные прикосновения к душе 15-летнего мальчика произошли в тот момент, когда вся она была размягчена, открыта, приготовлена событиями. Красноречивее всех бесед и речей действовали тогда на учащихся простые сообщения о железнодорожной, а потом и о всеобщей забастовке, о деятельности питерского Совета рабочих депута-

МОЛОТОВ В. М. (1890–1986).

В 1930–41 председатель СНК СССР. В 1941–57 1-й заместитель председателя СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1941–1945 заместитель председателя ГКО, в 1939–49 и 1953–56 нарком, министр иностранных дел СССР. В 1957–60 посол СССР в МНР. В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Кандидат в члены Политбюро ЦК с 1921, с 1926 член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В 1957 выведен из составов Президиума ЦК и ЦК партии. В 1962 исключен из партии, в 1984 восстановлен. С 1962 на пенсии.

тов, о запылавших помещичьих усадьбах в Самарской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губ. и т. д. Как раз в это время в Нолинске в ссылке жил Васнецов, брат известного художника. По словам самого М., именно Васнецов и был тем, от кого впервые он услышал не только комментарии всего совершающегося, но и прямо стал получать некоторые практические революционные поручения. Тот же Васнецов поставил перед молодым М. вопрос, кого считает он для себя более подходящим: меньшевиков или большевиков. Впрочем, этот же вопрос ставился и всей окружающей жизнью. Что касается действовавшей и гремевшей тогда партии соц.-револ., то о принадлежности к ней даже тогда у М. как то и не возникало вопроса,— м. б. потому, что случайно М. вращался в с.-д. среде, а, во-вторых, здесь имело значение и то обстоятельство, что М. был воспитанником реального училища. В то время и после можно было наблюдать такое явление, что гимназисты, люди т. наз. „классического" образования, устремлялись к партии с.-р., а реалисты, б. ч. будущие инженеры, руководящие работники индустрии, примыкали преимущественно к с.-д. Учащиеся той категории, к которой по своему способу восприятия революционных идей принадлежал М., опять-таки распадались на две категории. Так как это были юноши научного интереса, вдумчивые и внимательные к мысли, к теории, то иные из них—и весьма не малый процент их — революционные идеи воспринимали слишком абстрактно, по книжному. Маркс постигался только как ученый, а не как революционер. Его „Капитал" читался только как теоретическая работа, а не как призыв к живому действию. Для таких „революционеров" конспиративные кружки были, гл. обр., организациями для самообразования.

М. был в числе тех, которые, стремясь к научному познанию социального вопроса, не видели в революционных идеях только научно-познавательный интерес. Они чувствовали в этих идеях призыв к деятельности. К тому же конкретная обстановка складывалась так, что на ряду с теоретическими занятиями приходилось уже работать и практически. Тот-же самый Васнецов в Нолинске организовал группу боевиков для изготовления взрывчатых снарядов [1]). В этой группе был и М. Т. обр., для М. кружки самообразования были и революционной школой, и школой конспирации, которая должна пригодиться еще надолго, и боевым отрядом, состоя в котором, надо учиться сражаться и на улице. В то время в революционной кружковой среде и в особенности в провинции было не мало скороспелых твердо-убежденцев, которые у каждого выспрашивали, какой он партии и почему, какой он фракции внутри партии и почему, какого он мнения о последнем выпаде Мартова против Ленина или Плеханова против Мартынова и т. п. Такой вопрос сбивал с толку многих и многих, заставляя их торопиться как можно скорее решить, куда примкнуть. М. не смущали такие скороспелые домогательства. На них в течение всего бурного 1905 г. он отвечал неизменно: „Я еще не разобрался, к какой фракции с.-д. я принадлежу". С таким ответом М. оставался в революционной среде едва-ли не до половины 1906 г. И только в конце этого последнего симпатии М. начинают склоняться в сторону фракции большевиков. Отходили, разочаровывались люди старших поколений, но на смену им шел „свежих работников строй, на подвиг и на смерть готовый". И так как их революционная настроенность складывалась именно во времена дубасовские, треповские, столыпинские и Дурново, то выходцы этого молодого поколения были очень немногочисленны, за то по своим душевным качествам, по своей стойкости в последующей борьбе оказались куда крепче многих, примкнувших к революции в ее романтический период, в период, когда она была не на спаде, а на под'еме, в годы 1904 — 1905.

С осени 1906 г. М. работает в местной революционной организации средних и высших школ, именовавшей себя беспартийной. В этой организации едва-ли не единственным настоящим, т.-е. уже самоопределившимся, большевиком был В. А. Тихомиров [1]). С ним и вступил в тесный и деловой блок М. Следствием этого получилось то, что т. наз. беспартийно-революционная организация являлась в сущности ареной, на которой состязались в идейной борьбе Тихомиров и М., с одной стороны, и многие члены этой организации и, гл. обр., лидеры с.-ров, находящиеся в организации, —с другой. Идейные дискуссии были хорошим методом для выработки мировоззерцания и укрепления в выработанном и для воспитания той идейной дис-

[1]) Так наз. „химическая" группа.

[1]) Был членом коллегии Наркомвнудел с 1917 по 1919 г., когда внезапная смерть сразила этого во многих отношениях замечательного товарища в Казани.

циплины, которая потом остается на долгие годы. Эти дискуссии привели реально к тому, что многие с.-р'ы, находившиеся в организации, и даже их лидеры к концу 1907 г. перешли в лагерь марксистов и вместе с Тихомирновым и М. вошли в состав РСДРП фракции большевиков.

В этой организации М., приобретая знания сам, учился тут же быть пропагандистом. Другой стороной была чистейшая практика. Для организации в тех условиях необходима была конспиративная техника, т.-е. надо было иметь квартиру для собраний, способы сношения между различными кружками, скрытую где-то кассу и присущую ей спутницу — маленькую бухгалтерию. Помимо этого организация имела свою нелегальную библиотеку. Во всей этой конспиративной технике М. участвует самым живейшим образом, и, кроме того, надо было расширять численно организацию. Он устанавливает связь с елабужской организацией в лице Бажанова [1]) и с пензенской организацией. Возникает идея создания Всеросс. революц. союза средних и высших школ, а для осуществления этого естественно необходим был созыв нелегального с'езда. Одновременно организуется „печатание" и выпускается первая первомайская прокламация, написанная М., что следует считать первым литературно-политич. выступлением М. Но особенно много проработал М. над составлением устава „Всеросс. революц. союза средних и высших школ". М. был главным вдохновителем поднятия снова в 1909 г. силами нашей организации всей массы учащихся на борьбу с администрацией за старые лозунги школьной свободы, провозглашенные в 1905 г.

Не обошлось, разумеется, дело и без провокаторов. Как раз с того момента, когда соц.-демокр. часть организации, скрепившаяся вокруг Тихомирнова и М., начала свою настоящую пропаганд. и идейную работу, т.-е. в период с 1907 г. до 1909 г., в число членов организации проникли два провокатора. Весной, в марте, первым был арестован Тихомирнов, за ним последовал через несколько дней М., а еще через несколько дней и многие другие члены этой организации.

Казанская тюрьма, в которой режим был еще такой, какой в столичных тюрьмах господствовал в 1905 г., т.-е. весьма свободный, была настоящим университетом для всей той молодежи, какая была туда посажена. М. в тюрьме отдается научным занятиям, при этом не замыкается только в рамки социальных наук. Естественно-исторические дисциплины, на ряду с продолжением занятий по политической экономии, истории революционного движения и т. п., привлекают его внимание.

Осенью М. был выслан (с другими товарищами) в Вологодск. губ. на два года. Все они являлись воспитанниками средних школ, за исключением Китаина, профессионала-партийца, и Тихомирнова, который в это время был уже окончившим реальное училище. М., как и другие высланные реалисты, был посажен в тюрьму почти накануне выпускных экзаменов, он был в это время в последнем, седьмом, классе. М. направлен был вологодским губернат. Хвостовым в г. Тотьму. Там одной из забот М. было еще добиться через министерство разрешения держать экзамен за курс реального училища. Однако, едва только министерство разрешило М. держать экзамен за курс реального училища при вологодском реальном училище, и он вследствие этого разрешения был переведен из Тотьмы в Вологду, как начал немедленно налаживать связи с местными партийными кругами и прежде всего с рабочими. Этим обстоятельством экзамены как-то сразу оттеснились на задний план. Впрочем он их выдержал и по забывчивости полицейской организации остался жить в Вологде. Тут он развернул энергичную работу среди железнодор. рабочих. Связь к ним он нашел через рабочих ссыльных, которые были связаны с мытищенскими рабочими, высланными из моск. губ. и поселившимися в Вологде, где они работали, гл. обр., на железной дороге.

Под полицейским надзором, среди маленького городка, М. сумел совместно с другими товарищами, как, напр., с Мальцевым, наладить правильно действующую партийную организацию, провести несколько массовок под открытым небом за городом и, наконец, даже выпустить первомайскую прокламацию (1911 г.), автором которой был он совместно с другими. Эту прокламацию М. и ближайшие его два товарищи расклеили сами за одну ночь по городу. Операция сошла совершенно безболезненно. Вскоре после того, 16-го июня ст.ст. 1911 г. М. кончает срок ссылки. К этому же времени окончил свой срок и Тихомирнов, которому разрешено было ссылку заменить заграницей. Там Тихомирнов видался с Лениным и, обладая со-

[1]) Ныне член президиума Госплана РСФСР.

ответственной материальной возможностью, вел с Владимиром Ильичом разговоры об издании в России легальной большев. газеты. Эти разговоры привели к тому, что, по инициативе Владимира Ильича, Тихомиров присоединил свои материальные средства, свою энергию, знания к почину легального органа большевиков. Разумеется, Тихомиров прежде всего обратился к М. и другим его сотоварищам. В 1911 г. устроено было под Саратовым совещание по вопросу об организации газеты. Это было как раз после конца ссылки М. Затем М. поехал в Петроград и поступил в Политехн. институт на экономич. отделение. Став там в ряды активных большевиков, он принял самое ближайшее участие в организующейся тогда газете, сначала „Звезде", а затем и „Правде". Работая в Петрограде, он не оставляет связи со своими прежними товарищами, использует все возможные связи для привлечения большего количества товарищей к моральному или материальному участию в начавшемся большом деле.

Вскоре по организации „Правды" М. становится секретарем ее редакции. В то же время он работает нелегально и как член П. К. и как пропагандист и, наконец, он принимает самое активное участие в работе думской фракции. М. естественно участвует во всех самых злободневных обсуждениях вопросов, и он же сносится с заграничным центром и персонально с Владимиром Ильичом.

Такое положение заставляло его знакомиться ближе, вплотную с вопросами чисто государственными. Энергией, находчивостью, теоретической подготовленностью многих работников „Правды", в том числе и М., можно об'яснить тот теснейший контакт, который существовал между газетой и фракцией, с одной стороны, заграничным центром, с другой, и массой питерского, московского, владимирского, иваново-вознесенского и вообще обще-российского пролетариата, с третьей стороны.

К этому же времени относятся первые литерат. выступления М. Первая статья его была помещена в „Правде" за подписью „Аким П-та", что должно было означать „Аким Простота"—одна из кличек, под которой был известен тогдашний М. След. свои статьи в „Правде" С. подписывает б. ч. „В. Михайлов". В литературе впервые под именем „Молотова" он выступает в своей брошюре, вышедшей в 1919 г. в Питере: „Как рабочие учатся строить свое хозяйство".

В 1913 г. М. приходят арестовать в редакцию. Он выпрыгивает в окно и убегает. Переходит на нелегальное положение, не прекращая революционной работы среди петерб. пролетариата.

Когда в Питере становится трудно жить нелегально, он перебирается на революц. работу в Москву. Москва, как стало это доподлинно только теперь известно, была городом провокаторов (тогда мы об этом могли только лишь догадываться). Немудрено, что здесь, по предательству провокатора, М. кончает свои вольные дни и снова садится в тюрьму. Для внутренней жизни М. это означало переход от практической работы к теоретич. занятиям. Правда, что последовавшее вскоре распоряжение о ссылке в Иркутскую губ. прервало книжные занятия. На этот раз этапом, в самых неблагоприятных условиях, отправляется он в Сибирь. Там его направляют в дер. Манзурку. В этой ссылке М. встречается с новыми товарищами—Лацисом, Пылаевым и др. Вместе с ними он обсуждает вопрос о возможности создания в России уже нелегального органа большевиков. Для осуществления этой идеи и продолжения революционной борьбы он бежит из Манзурки и попадает прежде всего в Казань. Там он находит себе убежище на даче под Казанью, в местечке, известном под именем Чукашовка, у того же В. А. Тихомирнова, вместе с которым, а также и с другими своими прежними товарищами, обсуждает вопрос о восстановлении разгромленных большев. организаций и о создании нелегальной газеты.

Осенью 1915 г. направляется он вместе с Тихомирновым опять в Петербург, и там они организуют группу, которая наименовала себя „большевистской группой 1915 г.". В нее входили: Бокий, Бажанов, Аросев и др. товарищи. Главной заботой этой группы было создание такого постоянно действующего организац. ядра, где бы не было провокаторов. Поэтому в эту группу могли входить только такие товарищи, в отношении вхождения которых в группу должно было быть полное единогласие. Эта же группа приняла меры к тому, чтобы поставить дело нелегальной газеты. Однако, с чрезвычайным усилением правительств. репрессий кружок рассыпался. М. начал восстановлять связь. Почти всех удалось разыскать и от каждого заручиться помощью для организации газеты. Пыляев и т. Эмма,—все бежавшие из ссылки, приготовлялись сесть в нелегальную типографию и начать печатание газеты. В конце 1916 г. из-за границы, как агент Ц. К., приехал Шляпников. В Питере составилось бюро Ц. К., куда вошел

членом и М. Питерская организация, в которой участвовал активнейшим образом М., развертывала свою деятельность все шире и шире.

Революция 1917 года застала М., как и многих других его товарищей, наготове. В Октябрьские дни он становится членом Питерского Военно-Революц. комитета.

После установления советской власти он работает как председатель совета нар. хозяйства петрогр. района. В 1919 г. ЦКРКП направляет его в Нижний Новгород, где он становится председ. губ. исполкома. Из Нижнего-Новгорода он переходит на работу в Донбасс в качестве секретаря губком'а. Затем на Всеукр. парт. конференции в 1920 г. избирается секрет. ЦК Украинской Коммунист. партии. В 1921 г. он едет делегатом на Всеросс. с'езд партии. И тут по предложению Ленина избирается членом и секретарем ЦКРКП. *А. Аросев.*

Муралов, Николай Иванович *(автобиография)*. Род. в 1877 г. близ г. Таганрога (хутора «Роты») на хуторе, сын хуторянина—мещанина. С детских лет и до 17-летнего возраста помогал в работах своему отцу (пахал, бороновал, косил, молотил и пр.). Зимой учился грамоте (отец начал обучать грамоте с 6-летнего возраста). Отец, Иван Анастасьевич, был культурный человек—окончил 6 классов классической гимназии, во время Крымской кампании вступил волонтером в войска, сражался под Балаклавой, за храбрость, проявленную в боях, был награжден орденом Георгия 4 степени, вскоре попал в плен к англичанам, у которых (в г. Плимуте) пробыл 2 года, познакомился с Герценом, сделался его поклонником, по возвращении в Россию получал «Колокол». Отец был очень начитанный человек. Потеряв зрение, заставлял читать вслух всякую литературу, беллетристику, историю, философию, научную, естественно-научную и пр. На 17 году М. поехал учиться, выдержал экзамен во второй класс сельскохозяйственной школы, которую окончил на 20 году, вернулся к отцу, который вскоре умер. Поступил на практику в имение помещика Плохово в Тамбовский уезд в селе Знаменка. Пробыл там сезон, разругался с помещиком (обвиняли в «панибратском» отношении к рабочим), поступил управляющим имением Мейен Московской губ. при с. Назарове. Пытался отбыть воинскую повинность в Москве, в гренадерском полку. Полк принял, как вольноопределяющегося, но всесильный Трепов не дал свидетельства о политической благонадежности. Полк пришлось оставить и ехать на родину в Таганрог отбывать повинность. Во время набора оказались «излишки», поэтому дали льготу, зачислив ратником ополчения I разряда. Уехал после этого (осень 1899 г.) на Кавказ в г. Майкоп, где управлял сначала винокуренным, а потом маслобойным заводом. В Майкопе участвовал в марксистском кружке (читал «Капитал», «Искру» и т. п.), в рабочем кружке, в воскресной школе. В начале 1902 г. приехал в Москву в отпуск, был арестован, просидел три месяца. Осенью того же года участвовал в марксистском кружке в г. Серпухове. Занимался земской статистикой и земским страхованием. В начале 1903 г. поступил помощником земского агронома в г. Подольск (Моск. губ.). Тогда же и там же вступил в партию РСДРП (б). В ноябре 1905 г. во время черносотенного погрома пробил себе путь с оружием в руках, бежал в Москву, где принимал участие в декабрьском восстании, после подавления которого (в январе 1906 г.) бежал на Дон, на хутора. Работал в донской организации, в таганрогском коллективе (смешанная организация, почти противоестественная—большевики и меньшевики), в котором ведал аграрными делами. Претерпел два обыска, затем был арестован, сидел в Таганрогской, а потом в Новониколаевской тюрьмах, после выхода из тюрьмы уехал опять в Москву, затем переехал в Тульскую губ. и в 1907 году поступил управляющим имением. В селе Подмокловое вместе с другими товарищами открыл народную чайную под флагом «Общества трезвости», где печатались прокламации для серпуховской организации, распространялась нелегальная литература, читались лекции по агрономии, рабочему движению и пр. Во время империалистической войны мобилизован в 215 пехотный полк, затем из полка переведен в Автороту, в которой и застала Февральская революция. Организовал вместе с другими товарищами солдатскую секцию Московского Совета. В Октябрьские дни был членом Московского Военно-Революционного комитета и членом Революционного Штаба. После победы над юнкерами был назначен командующим войсками Московского Военного округа. 19 марта 1919 г. приехал в третью армию востфронта на должность члена РВС. В июле 1919 г. был назначен членом РВС востфронта, в августе того же года назначен членом РВС 12 армии, в августе 1920 г. назначен членом коллегии Наркомзема, 1 марта 1921 г. назначен командующим войсками Московского Военного округа, в мае 1924 г. назначен командую-

МУРАЛОВ Н. И. (1877–1937).

С 1925 член ЦКК ВКП(б), в 1925–27 начальник военно-морской инспекции Наркомата РКИ СССР, одновременно ректор сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В 1927 выведен из ЦКК, исключен из партии. С 1928 в Сибири на хозяйственной работе. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

МЯСНИКОВ А. Ф. (1886–1925).

щим войсками Северо-Кавказского Военного округа, в феврале 1925 г. назначен для «особо важных» поручений при РВС СССР. Награды: орден Красного Знамени, золотые часы, два золотых портсигара.

Мясников. Александр Федорович (*авторизованная биография*), (он же Мясникьян, литерат. имя — Ал. Мартуни, партийная кличка — Алеша), партийный организатор, литератор и советский деятель — род. в 1886 г. 9 февраля (н. с.) в гор. Нахичевани н/Д в мещанской армянской семье. Очень рано лишился отца. Семья осталась без всяких средств к существованию. До 8 лет находился он на иждивении матери, женщины патриархальной и отсталой. В семье были еще другие дети — братья и сестры. 8-ми лет был отдан в монастырскую (близ Нахичевани) церковно-приходскую школу, в которой обучался до 12 лет. Преподавание в школе было приноровлено к дисциплинам, во всяком случае, не реальных училищ того времени. До поступления на учебу армянского языка не знал; говорил лишь на нахичеванском диалекте (армяно-русско-турецкий жаргон) и по-русски. По окончании приходской школы поступил в нахичеванскую армянскую семинарию, все шесть классов которой окончил в 1903 г. Преподавание в семинарии было светского характера, с уклоном в сторону классицизма. Большое внимание обращалось, гл. обр., на армянскую и русскую литературу.

Рано стал жить самостоятельной жизнью, с 13-летн. возраста зарабатывая на пропитание уроками и т. п. С 15-летн. возраста вступает в нелегальные и полулегальные ученические кружки культурнического и революционного характера. Издает нелегальный ученический рукописный журнал. В 1905 г. поступает в гимназические классы Лазаревского института в Москве, которые оканчивает в 1906 г. В эти годы принимает участие в школьном революционном движении. Уже во 2-й половине 1904 г., под влиянием российских событий, вступает в русское революционное движение этого периода, на короткое время (несколько месяцев) подвергшись влиянию армянских революционно-националистических веяний.

1905 год его целиком захватывает. Эта знаменательная эпоха полностью и безраздельно налагает на М. свой отпечаток. В конце 1905 г. проникается идеями социал-демократии, а в начале 1906 г. оформляется, как с.-д., и летом того же года вступает в ряды РСДРП через ростовскую на Дону организацию. В течение всего лета 1906 г. работает в ростовских рабочих кружках. Для М. начинаются годы студенчества и революционной работы. Эти годы полны беспрерывных студенческих беспорядков, забастовок, манифестаций и демонстраций, в которых он принимает деятельное участие. Годы эти для него проходят в марксистской учебе. Изучает он революционный марксизм по первоисточникам и по произведениям Плеханова (философия), Ленина (философия, тактика и организация партии) и Каутского (экономика). После провала, обыска и ареста в 1906 г. из Москвы он перебирается в Закавказье. Во второй половине 1906 г. попадает в Баку и начинает там подпольную работу в с.-д. кругах. Работа в Баку М. продолжается два года. Он работу ведет в рядах армянской соц.-демократии и одновременно в большевистской бакинской организации РСДРП, подвергаясь некоторым царским преследованиям.

В 1909—1911 гг. опять проживает в Москве, это время проходит как в академических занятиях, так и в работе в с.-д. студенческих и других кружках. В 1911 г. кончает юридич. фак. московск. универс. по экономическому отделению. В 1911—12 г. М. по призыву отбывает воинскую повинность. В течение 1912—14 гг. ведет легальную жизнь в Москве в качестве голодного помощника присяжн. поверенного, с.-демократического лектора и литератора. Летом 1914 г. выезжает на Кавказ для работы, но в Нахичевани-на-Дону его застают об'явление войны и мобилизация. В качестве военно-обязанного попадает в армию, сперва в далекий тыл, а вскоре на фронт, где остается вплоть до Февральской революции, находясь, гл. обр., в тыловых запасных частях, но участвуя также в некоторых небольших фронтовых операциях. В своей части создает маленький кружок социал-демократов, настроенных пораженчески.

С начала Февральской революции вплоть до весны 1919 г. М. живет в западной России и в Белоруссии, ведя ответственные работы по поручению партии. Был членом фронтового комитета западного фронта и руководителем его большевистской фракции. В Октябрьские дни вторым фронтовым с'ездом зап. фронта единогласно избирается главнокоманд. западным фронтом. Одновременно заменяет верховного главнокома. Далее был военным комиссаром западной области, председателем сев.-зап. обл. комитета РКП, председателем Ц. Б. коммунистической партии Белоруссии, председателем ЦИК'а Белоруссии и т. д. Весной 1918 г. до Муравьева назначается ко-

мандующим Поволжским фронтом и участвует в операциях против чехо-словаков.

В течение 1919—21 гг. он работает в Москве в качестве члена МК РКП (б), секретаря МК. члена президиума Моссовета, начальника Глав. Полит. Управл. по водному транспорту и члена президиума Цектрана. Летом 1920 г. назначается Ц. К. партии на польский фронт начальником Политуправления зап. фронта.

В 1921 г. он переезжает в Армению в качестве председателя Совнаркома Армении. С лета 1922 г. М. работает в Тифлисе, сначала, как председатель Союзного Совета новообразованной Закавказской федерации, а затем, как секретарь Закавказского краевого комитета РКП (б), является кандидатом ЦК РКП (б), состоит редактором газеты «Заря Востока». издав. закрайкомом в Тифлисе, членом Рев. Совета Кавказской армии, членом Рев. Совета Союза ССР и членом президиума ЦИК'а Союза ССР.

Был редактором моск. «Коммунист. Труда», минской «Звезды», армянской «Хордаин Айастан». Сотрудничал в «Правде», «Известиях», «Гудке», «Экономич. Жизни» и т. д. Имеет много литературных трудов на русском и армянском языках, как в виде отд. изданий, так и во многих периодич. издан. московск., кавказ. и западных (Белоруссии и др. мест). Отдельные издания «М. Налбандян», «Соц. значение поэзии Ов. Туманяна» (на армянском яз.), «Армянские полит. партии за рубежом», «О национальном вопросе», «Об эсерах», «Беспартийная конференция», «За партию» и др. (на русском яз.) [1]).

К. Юсуф.

Нариманов, Нариман *(автобиография)*, род. в Тифлисе в 1872 г. в бедной семье, рос в ранние годы под влиянием матери, отличавшейся в высокой степени отзывчивостью к нуждам и страданиям других. Отец занимался мелкой торговлей. 12-ти лет Н. поступает в Горийскую учительскую семинарию; здесь в атмосфере строгого пансионного режима идет его образование. Он выдается своими успехами; любимым предметом его становится психология. Здесь же начинается его литературная деятельность: первые два акта его драмы „Невежество" написаны в стенах семинарии. Мысли о предстоящей педагогической работе в деревне вели от будущих питомцев, крестьянских детей, к самой крестьянской массе и ее темноте, отсюда — зарождение пьесы. По окончании семинарии он получает место учителя в селе Гизиль-Аджалу Тифлисской губ. Он впервые знакомится с крестьянской жизнью, с ее отсталостью во всех отношениях. Под впечатлением этих наблюдений он перерабатывает и дополняет свою пьесу и дает в ней изображение крайнего невежества тюркского крестьянства и его отношения к образованию. Убийство Александра II застало Н. в младших классах семинарии, но тем не менее произвело на него громадное впечатление и оказало большое влияние на его последующее политическое развитие. Он все носился с вопросом: „почему убили царя?" Только уже в старших классах один из близких товарищей, грузин, дает ему какое-то воззвание к народу. Он начинает понимать то, что так долго стояло перед ним загадкой. Под этими впечатлениями является мысль дать массам хоть некоторое изображение существующего режима, и он переводит на тюркский язык „Ревизора" Гоголя, который еще в старших классах семинарии, на ряду с Достоевским, Толстым и Лермонтовым, стал его любимым писателем. Прослужив год в сельской школе, Н. назначается в частную прогимназию в Баку, где развивает широкую литературно-общественно-политическую деятельность. Богатейший капиталистический центр в Закавказье — Баку — с его преобладающим отсталым тюркским населением, отсутствие в достаточном количестве интеллигентных сил потребность разрешения неотложных вопросов, выдвигаемых жизнью, отсутствие всякой периодической печати (в 1890 г. не разрешали издавать газеты на тюркском языке)— все это заставляет Н. больше всего заниматься культурной работой. Он открывает впервые в мусульманском мире— в Баку—народную общедоступную библиотеку-читальню, куда собирает пожертвованные русские и тюркские книги для чтения; чтобы получить даром газеты для мусульман, он пишет в константинопольских и калькутских газетах корреспонденции. Через короткое время библиотека-читальня приобретает симпатии мусульманского населения, которое, не имея своей газеты, с жадностью бросается на константинопольские и индостанские газеты, в особенности на калькутскую „Абдул Матин", более либеральную в то время среди мусульманских газет. Очень скоро библиотека-читальня делается культурным центром не только для Баку, но и всего Закавказья. Сюда приезжают из других го-

НАРИМАНОВ Н. [1870 (по уточненным данным) – 1925].

[1]) М. трагически погиб 22 марта 1925 г. во время полета из Тифлиса (загорелся самолет).

родов Закавказья, знакомятся с постановкой дела. Тут же происходят совещания работников по культурной части среди тюрок, читаются новые произведения на тюркском языке, происходят репетиции благотворительных спектаклей в пользу бедных учеников и студентов. Принимая во всем этом живейшее участие, Н. свободное время—ночи—проводит над составлением необходимых учебников или же пишет драмы, повести или статьи в газеты. К этому времени относятся: 1) его учебники: грамматика тюркского языка, самоучитель тюркского языка для русских и самоучитель тюркского языка для тюрок; 2) литературные произведения: „Надандык" (Невежество), „Длин Беласи" (Беда от языка), „Надир Шах" (историческая драма), „Бегадир и Сона" (роман) и перевод „Ревизора". В то же самое время Н. был активным сотрудником „Переводчика", единственной в то время газеты в России, которая издавалась на русском и тюркском языках в Бахчисарае, а также выступает в главных ролях в спектаклях с благотворительной целью. После 10 лет такой работы Н., считая себя недостаточно подготовленным для широкой общественной работы, решает, 30 лет от роду, готовиться к выпускным экзаменам в гимназии, чтобы продолжать образование. Получив аттестат зрелости, Н. поступает в 1902 г. на медицинский факультет Новороссийского университета. Выбирает этот факультет в духе заветов матери оказывать помощь страдающим. Первые три года все внимание Н. было сосредоточено на научных занятиях, только иногда он пишет корреспонденции в „Переводчик". 1906—1907 г. Н. в водовороте революции; он избирается курсовым старостой и проводит все университетские забастовки. Во время забастовок в Баку (1906 г.) Н. находился там; на ряду с тем он принимал близкое участие в газете „Иршад" (Путь), помещает свои известные в то время фельетоны на политические темы вначале под названием „Пятничные беседы", а потом, в газете „Геят"—„Хафта Феръяды" (Недельные крики). Нельзя тут не отметить один эпизод, характеризующий среду, в которой приходилось Н. работать. В это время происходил с'езд тюркских учителей Закавказья. Н. избирают вторым председателем с'езда (первым был Гасанбек Меликов, известный публицист-националист). По желанию с'езда все политические вопросы разбирались под председ. Н. На одном из заседаний с'езда разбирался вопрос относительно национального самоопределения. С'езд единогласно принял предложение Н. Это постановление с'езда показалось Меликову чересчур революционным и, чтобы оказать давление на с'езд, он на другой день приглашает на с'езд всемогущего тогда миллионера Г. З. Тагиева. Тагиев взял слово и сказал: „Вчерашнее ваше решение указывает на то, что с'ездом руководят недальновидные люди в роде Н. Вы знаете, кто такой этот Н. Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а тут смеет произносить революционные речи и вводить вас в заблуждение. Я прошу отменить вчерашнее решение, так как оно бросает тень на всю нацию перед правительством". При гробовом молчании с'езда Н. отвечает: „Товарищи, в числе других стипендиатов Г. Тагиева нахожусь и я, но я не знал, что Тагиев помогает бедным учащимся для того, чтобы они не имели своего мнения. Если до сих пор Тагиев помогал студентам для того, чтобы жить только мнением Тагиева, то во всяком случае я не могу молчать там, где нужно кричать. Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать в то время, когда другие в это же время не только открыто говорят, но проливают свою кровь за освобождение от царского гнета. Перед всем с'ездом я с радостью отказываюсь от стипендии Тагиева, чтобы быть свободным от тиранов нашего времени". После этих слов Н. весь с'езд встает, как один человек, и устраивает ему овацию. Г. Тагиев, конечно, не ожидавший такого исхода, покидает собрание.—В это же примерно время Н. основал персидскую соц.-дем. партию „Ичтмаюн Амиюн", которая в короткое время настолько окрепла, что считалась тогда руководящим органом в революционном движении Персии. После прекращения забастовок Н. возвращается в университет и опять в качестве старосты продолжает свою научную и политическую работу в стенах университета. Политическая его работа здесь ограничивается борьбой с черносотенными профессорами Новороссийского университета, во главе с Левашевым, ректором университета. Н. кончает медицинский факультет, несмотря на ненависть черносотенной профессуры, и на память от курсовых товарищей за три года борьбы с черносотенными профессорами получает богатейший набор для акушерских операций. Н. приезжает в Баку в 1908 г., но оказывается, что Гази Тагиевым, влиятельнейшим гласным думы, дан при-

каз никуда не принимать Н. Не имея средств открыть кабинет, Н. покидает Баку и переселяется в Тифлис для работы в лечебнице. Спустя месяц Н. арестовывают за пропаганду среди персидских рабочих в Баку и сажают в Метехский замок. Спустя семь месяцев Н высылают в Астрахань на 5 лет. Здесь он продолжает литературную и политическую работу. В тюркской газете „Бурхон Таракки" Н. помещает статьи на научные и политические темы, читает лекции на тюркском языке, печатает брошюры: „О холере", „О чахотке", „О женском вопросе". Вместе с Шаумяном и Хумаряном Н. является идейным руководителем газ. „Астрах. Край", хотя основатель газеты и был либерал. Недовольный идеями, проводимыми в газете, основатель ее прекратил отпуск денег, и газета закрылась. В это время открывается в Астрахани Народный университет, куда Н. избирается сначала тов. председателя, а затем председателем. В секретари Н. приглашает Шаумяна, и в Народном университете начинается новая политическая жизнь. Вопреки желанию губернатора Н. избирают в гласные городской думы. Отбыв ссылку, Н., с разрешения наместника Кавказа, переезжает в 1913 г. в Баку, где с новой энергией начинает работать в местных газетах, но скоро редакции отказываются принимать его статьи в виду революционности их содержания. Н. усиленно начинает заниматься научной и литературной работой, пишет повести: „Пир", „Священный очаг", „Дядя" (где изображается Г. Тагиев, как благотворитель), переводит „Казнь" Ге Подпольная политическая работа шла в организации „Гуммет" до 1917 г., и в этом же году „Гуммет" сливается с партией большевиков. Н. снимается партией с должности врача и получает ряд ответственных постов. В 1918 г. он член Сов Нар. Комисс. — комиссар городского хозяйства и вместе с тем редактор партийной газеты „Гуммет". От трудной работы Н. лишается одной ноги, и по совету врачей его везут на астраханские грязи. Несколько оправившись, он назначается комисс. народ. просвещения. В это же время Н. пишет свое воззвание, распространенное в Азербейджане в тысячах экземпляров: „С каким лозунгом мы идем на Кавказ". В 1919 г. Н. вызывается партией в Москву для доклада об Азербейджане и остается здесь работать в качестве заведующего восточным отделом при Наркоминделе и затем заместителем народ. комисс. по делам национальностей. Н. помещает в газетах свои воззвания к народам Востока и письмо к Неджмеддину в Дагестане. В 1920 г. Н.—председатель Азербейджанского Револ. ком., а затем председатель Совета Нар. Комисс. Азербейджанской республики. В этой должности Н. отправляется делегатом на Генуэзскую конфер., по возвращении откуда избирается председ. Союзного Совета Закавк. республик, а затем председателем Центр. Исп. Ком. Союза ССР. Литературная работа Н ограничивается в это время помещением статей в газетах „Известия" и „Бакинский рабочий". С 1923 г. Н. принимается за литерат. работу. Им написаны за это время на тюркском языке „Ленин и Восток" (перев. и на узбекский язык), „Путь к коммунизму" и „Национ. вопрос" [1]).

Нахимсон, Семен Михайлович, род. в 1885 г. в Либаве, где получил средн. образование. Еще учеником участвовал в „Бунде" и в латыш. с.-д. партии, в 1905 г. играл большую роль в революц. движении и затем, приговоренный заочно к смертн. казни, скрылся за границу. В 1907 г. он возвращается в Ковно, входит в с.-д. военн. организацию (кл. „Павел"), которой он был делегирован в Лондон на партийный с'езд. Из Ковно он переезжает в Брест-Литовск, ведет подпольную работу. Принужденный бежать за границу, Н. продолжает образование в разн. университетах, в г. Берне получает диплом доктора филос.-эконом. наук, затем снова в России, в Петрограде, где входит в партию большевиков, сотрудничая в „Правде". В с'езде торг.-промыш. служащих Н. принимает деятельное участие, подвергается аресту и высылается в Либаву, где опять работает в латыш. с.-д. группе. Затем опять арест, тюрьма, потом работа в Петрограде, лекции в Нар. унив., работа в Кременчуге. В 1916 г. Н. заведует санит. отр. всер. союза городов, в 1917 г. подвергается аресту и предается военно-полев. суду. Февр. революция освобождает его, и Н. опять в Петрограде, работает в город. районе, входя в Петроградск. комит. партии и в секцию совета, затем едет на фронт в качестве агитатора и комиссара. В дальнейшем деятельность Н. переносится в Ярославль в военную организацию. В начале яросл. восстания в 1918 г. он был арестован и расстрелян. (См. *„Пам. бор."*).

Невский, Владимир Иванович *(автобиография)*, род. 2 мая 1876 г. в семье богатого купца в Ростове на Дону, собствен-

[1]) Н. Н. скоропостижно скончался 19/III 1925 г. в Москве.

НАХИМСОН С. М. (1885–1918).

НЕВСКИЙ В. И. (1876–1937).

С 1924 директор Библиотеки им. В. И. Ленина. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ной инициативой и энергией составлявшего три раза большое состояние. Дед (И. М. Кривобок) был николаевским солдатом, а прадед, вольный казак, помнил еще последние дни Запорожья.

Купеческая семья, в которой вырос Н., была своеобразным миром, где на ряду с необыкновенной религиозностью уживался русский купеческий разгул и вместе с чисто-буржуазной жестокостью мирился самый крайний демократизм: отец, ценя просвещение и любя книгу, тем не менее враждебно относился к интеллигенции, «к панам», как он говорил, и не думал давать особенно блестящего образования детям, намереваясь пустить их по коммерческой части. Занятый делами, постоянно раз'езжая по югу России (у отца были парусные морские суда, соляное дело, угольное дело, рыбные промыслы и т. п.), отец как-то отдалился от семьи, и создавшаяся вследствие этого тяжелая обстановка особенно много горя причиняла матери. Мать же была необыкновенной и чудной женщиной. Не получившая никакого образования она своей исключительной добротой, отзывчивостью и лаской, каким-то особым уменьем подходить к людям, какой-то жаждой постоянной жертвы «за други своя» являлась тем нравственным элементом, который и заставил всех детей ее пойти на служение народу. Под ее влиянием Н. решил по окончании 6 классного городского училища (уже после смерти отца) поступить в гимназию. Отец незадолго до смерти какой-то рискованной операцией сильно расстроил свое состояние, и старшему сыну, оставшемуся опекуном двух несовершеннолетних братьев, приходилось покончить с беспорядочной и безалаберной жизнью, какая шла дома при жизни отца.

Чтобы не быть в тягость семье, Н. решил самостоятельно приготовиться в гимназию, что он и сделал, в течение шести месяцев приготовившись к поступлению в гимназию в 1894 году (в 5 кл.).

Ростовская на Дону гимназия была гимназией богатого торгового буржуазного общества. Вместо ожидаемых красот классического мира в гимназии царил сухой формализм учителей да неразвитая компания товарищей, мечтавших о карьере. Быстро охладев к гимназической науке, Н. продолжал свое самообразование, начало которому еще было положено в городском училище, где учителя по своему развитию целой головой были выше гимназических преподавателей. В 1894 г. Н. уже организовал кружок саморазвития, где читались Белинский, Добролюбов, Чернышевский, «Колокол», «Полярная Звезда» и т. п.

Такой уклон кружка об'ясняется знакомством Н. с семьей поляка-интеллигента, высланного из Польши под надзор полиции в Ростов на Дону и вынужденного работой в железнодорожных мастерских зарабатывать кусок хлеба. Этот рабочий-интеллигент — вернее сын его, заставил Н. задуматься над многими вопросами общественной жизни, а наблюдение над жизнью рабочих, служивших у отца и влачивших жалкое существование, толкнуло к знакомству с представителями пролетариата.

В 1895 г. Н. познакомился с двумя рабочими, один из которых, Солдатов, входил еще в кружки Мотовилова, полународника-полумарксиста. Этот Солдатов, а в особенности его товарищ, указали Н. новую, неизвестную ему область жизни—подпольные организации. Начинается знакомство с нелегальной литературой народников и с новым кругом людей. В течение 1895 и 1896 г. Н. перечитал все, что имелось из нелегальной народнической литературы в Ростове на Дону, но эта литература не удовлетворяла его: знакомство с начатками естествознания и занятия математикой приучили его искать и в области общественных наук точности и обоснованности. В 1897 г. в руки Н. попадает «Коммунистический Манифест» Маркса. Это произведение произвело переворот в мировоззерцании, а знакомство с компанией соц.-демократов, кружком Е. В. Торсуевой-Быстрицкой, довершило обращение в соц.-демократы. Это совпало с окончанием гимназии и поступлением в московский университет на естественный факультет. В этом году Н. вместе с Е. В. Быстрицкой и ее товарищами приступает к организации соц.-демократической организации, получившей вскоре название донского комитета РСДРП.

В то же время в Москве Н. вместе с двумя своими товарищами, Петром Ивановичем Квитой и Александром Федоровичем Нефедовым, студентами естественниками, организует кружок саморазвития, в 1898 г. превратившийся в кустарническую социал-демократическую организацию, имевшую хорошие связи с рабочими помимо московского комитета. В этом кружке Квита был пропагандистом, Нефедов — казначеем, а Н. занимался, главным образом, расширением связей и привлечением новых сил со стороны интеллигенции. Кружок был настроен против «экономистов». В течение лета 1898 г. Н. работал в ростовской организации (занимался пропагандой в

рабочем кружке), а Нефедов печатал на гектографе, для усиления средств, Коммунистический Манифест. Тогда же был проштудирован первый том «Капитала» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса.

В 1899 г. связи кружка расширились, но вследствие этого в него вошел и провокатор. В марте этого года перед студенческими беспорядками кружок был «ликвидирован» жандармами (Н., Квита, Нефедов, рабочий Капустин и другие) вместе с остальной соц.-демократической организацией. Однако, жандармам не удалось установить связей кружка с московским комитетом, ибо этих связей и не было, так как кружок Н., Квиты и Нефедова держался особняком. В тюрьме (в Таганке) пришлось просидеть 3 месяца. Квита и Нефедов получили ссылку в Уфимскую губернию под гласный надзор, а Н., отрекавшийся на допросе от всяких знакомств, получил гласный надзор в своем родном городе, где он и окунулся снова в работу донского комитета. В январе 1900 г. Н. снова был принят в университет и снова принялся за создание новой социал-демократической организации, отдельной от комитета. Этот сепаратизм об'яснялся тем, что некоторые из товарищей (например Грацианов) предостерегали Н. от посещений дома известной тогда Серебряковой, впоследствии оказавшейся провокаторшей, а в те времена связанной с московским комитетом. Дело ширилось, завязались связи с московским комитетом (через А. Н. Ляпунова и Е. А. Немчинову), удалось организовать техническую группу, во главе которой стал покойный ныне проф. медик, коммунист М. М. Рязанов (впоследствии муж Быстрицкой), тоже ростовец; через оставшихся рабочих от первого кружка удалось снова завязать связи с рабочими, удалось наладить получение денег (через А. Д. Высоцкого, перешедшего затем к социал-революционерам, М. М Рязанова и его знакомых врачей, М. И. Попова и Н. Я. Кейзерова и др.). Встал вопрос о постановке техники. Н. завязал связи с петербургским Союзом борьбы. Лето 1900 г. было использовано для добывания средств. В конце 1900 и начале 1901 г. Н. ездил в Петербург, связался с Союзом и условился о получении техники, для которой было уже приготовлено место под Москвой в какой-то больнице (через М. М. Рязанова). В это же время велись переговоры об об'единении работы с московским комитетом (с А. И. Елизаровой, а может быть и с кем-либо другим). В феврале арест товарища в Петербурге на вокзале, с письмом в кармане и с адресом для конспирированной переписки с Москвой, а также общие аресты моск. комитета провалили Н., М. М. Рязанова, А. Д. Высоцкого и Л. В. Филиппову, принимавшую близкое участие в работе кружка. Жандармам и на этот раз не удалось установить связи ни с М. К., ни с Петербургом, но они зато привлекли Н. еще по другому делу, за пропаганду в Ростове (Н. был ненадолго арестован по этому делу еще до ареста в феврале 1901 г.): выдал рабочий Пивоваров. В тюрьме был проштудирован второй том «Капитала» и началось изучение аграрного вопроса. После 9-ти месячной отсидки в Таганке, допросов «самим» Зубатовым, был выслан под надзор полиции в Воронеж в декабре 1901 г. Здесь в то время находилась группа В. А. Носкова — „американцы": Л. Я. Карпов, А. И. Любимов, Д. В. Кастеркин, Н. Н. Карташов, Ф. И. Щеколдин, А. Н. Карташова и „экономистка" Ю. П. Махновец.

Через несколько времени Н. было предложено войти в организацию «Северного соц.-демократ. Союза», деятельное участие в котором принимали В. А. Носков и его товарищи. Не отказываясь от этого, Н. приступил к созданию новой организации в Воронеже в противовес существующей «экономистской» организации Ю. П. Махновец Это удалось сделать вместе с высланным в Воронеж поляком И. Э. Россоловским, поднадзорным, высланным за перевозку нелегальной литературы через границу. Организация получила название «Кассы борьбы», примкнула к «Искре» и, утвержденная комитетом в 1904 г. (после раскола она примкнула к большевикам), в 1905 г. имела своим представителем на третьем с'езде П. П. Румянцева.

В 1904 г. Н. удалось получить заграничный паспорт и уехать за границу, получив рекомендации от покойного ныне Любича (Саммера) и здравствующей Земячки.

В октябре 1904 г. в Женеве Н. встретился впервые с Владимиром Ильичом и Н. К. Крупской (а также познакомился с П. Н. Лепешинским, его женой Ольгой Борисовной, В. В. Воровским, В. Д. Бонч-Бруевичем и многими другими большевиками из женевской колонии). Владимир Ильич произвел неизгладимое впечатление. Это была новая полоса жизни: ни Плеханов, ни Мартов, ни Засулич не произвели такого сильного впечатления. Владимир Ильич дал совет не задерживаться за границей и двинуться поскорее обратно в Россию на работу. В Россию Н. попал вскоре после 9 января в Петербург, исполнив предварительно

несколько поручений Н. К. Крупской, окрестившей Н. «Спицей». Из Петербурга Ц. К. большевиков отправил Н. в Орел и Брянск, в Екатеринослав и Ростов с докладом о положении дел в партии и с агитацией за третий с'езд. По выполнении этих поручений Н. отправился на нелегальную работу в Ярославль, где Н. и пробыл до лета (здесь встретился с Менжинским, Н. Н. Плаксиным, Н. И. Подвойским, Н. А. Подвойской и другими товарищами). Летом уехал в Ростов на Дону, а в сентябре уехал вместе с И. Я. Жилиным в Москву, где и пробыл в течение всего времени вплоть до окончания октябрьской забастовки, когда вызванный в Воронеж был избран на Таммерфорскую конференцию делегатом от Воронежа. С конца 1905 г. весь 1906 г., 1907 г. и начало 1908 г., живя нелегально, работал в Петербурге за Московской и Невской Заставой: был членом П. К., членом исполнительной комиссии П. К., делегатом от Воронежа на об'единительном с'езде, за это время сидел в тюрьме в Воронеже, два раза попадал в лапы полиции в Петербурге и благополучно ускользал из ее рук и, наконец, в начале 1908 г. был арестован и просидел до суда в конце 1909 г. Судился военным судом по делу военной организации П. К. и был оправдан в числе пяти человек (Б. В. Авилов, Песковой и др.).

В 1910 г. жил некоторое время в Ростове на Дону и в сентябре переехал в Харьков, где удалось, хотя и без свидетельства о благонадежности, получить диплом об окончании университета, даже остаться при университете и в то же время работать в подполье. В течение 1910 и 1912 гг. был арестован дважды, принимал участие в выборной кампании в Г. Думу (проводил М. К. Муранова), пока, наконец, в 1913 г. не был арестован и выслан в Полтаву. Находясь здесь, узнал, что предстоит высылка в Сибирь; при помощи жены, сорганизовавшей буквально накануне высылки побег, бежал. (Еще раньше во время ареста в Воронеже, высланный в Елец, получил ссылку в Вологодскую губернию, также при помощи жены бежал и уехал в Петербург).

Прожив там некоторое время, в конце 1913 г. попал снова в Воронеж, где снова был арестован по указанию члена Думы Малиновского, донесшего, что в 1912 г. Н. был кооптирован в Ц. К. партии. В 1914 г. с наступлением войны жандармы предложили выехать из Воронежа и указали на Пермскую губ., куда и пришлось отправиться. Из Перми, где вскоре удалось нащупать нелегальную организацию, пришлось переехать в Екатеринбург. Здесь произошел разгром организации, но и здесь удалось завязать связи с работающими товарищами (покойный А. А. Кузьмин в Лысьеве и др.). Революция 1917 г. в феврале застала в Екатеринбурге. После выборов в Советы (Сосновский, Лепа и др.) был вызван П.К.(б) в марте в Петербург, где создал вместе с Подвойским и другими военную организацию, подготовлял июльское выступление, участвовал в Октябрьском перевороте (был членом Военно-Революционного комитета), был народным комиссаром путей сообщения (до марта 1919 г.), членом президиума ВЦИК (с марта 1919 и 1920 г.), ректором Свердловского университета, заведующим Отделом по работе в деревне при Ц. К., членом всевозможных коллегий и комиссий (Нар. комис. земледелия, Госиздата, Центроархива и т. д.). В течение всего пребывания в рядах партии с 1897 г. никогда не был экономистом, с 1903 г. (после второго с'езда) примкнул к большевикам, никогда не уходил из партии, был профессионалом, все время работал в подполье (за исключением времени сиденья в тюрьме), сидел в тюрьме, был судим, высылаем (но бежал и до ссылки не доходил), перенес множество обысков и арестов устроил в 1903 г. нелегальную типографию (она потом перешла к воронежскому комитету), много писал в нелегальной (до 1917 г.) и в легальной прессе (заметки в «Пролет.» и «Вперед» 1905 г., в «Эхо», «Волне», «Правде» 1912 г. и т. п.), в общем же нес всегда работу рядового работника и, как лучшие минуты своей жизни, вспоминает жизнь по фальшивкам, впроголодь, но с верой и энтузиазмом.

Из литературных работ и исследований известны: 1. «Южнорусский рабочий Союз в г. Николаеве в 1897 году» (1922 г.). 2 «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других» («От группы Благоева к «Союзу Борьбы», 1921 г.). 3. «Рабочее движение в Харькове в 1912 г.» (две работы в т. II сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды»). 4. «Очерки по истории ЮКП (б)» т. 1 изд. «Прибой», 1924 г. 5. «Материалы для биографич. словаря с.-д., вступ. в движение за период 1885—1895 г.г.». 6. Исследование о массовом рабочем движении в 1905 г., о «Южно русском Союзе» Заславского и т. д., и т. п.

Организовал и был редактором «Солдатской Правды», «Деревенской Бедноты» и «Солдата» в 1917 г., организовал и был редакт. «Красной Летописи», редакт. «Истор. революц. сборники» и т. д. Написал много популярных брошюр и листовок, статей в журналах и т. п.

Ногин, Виктор Павлович (литературн. псевдоним—М. Новоселов), род. в 1878 г. в Москве, в небогатой семье приказчика крупных мануфактурных фирм. В 1892 г. Н. окончил город. училище в уездн. городе Калязине Тверск. губ. В следующем году отец отдает его в конторские мальчики на Богородско-Глуховскую мануфактуру. Пробыв некоторое время в конторе, Н. переходит в красильню на должность подмастерья. В 1896 г. Н. уезжает в Петербург и поступает в красильню на фабрику Паля, а затем, после столкновения с директором фабрики, требовавшим открытия секрета некоторых красок, переходит на Невский механический завод, бывш. Семянникова. Работая на фабрике, Н. сперва посещает воскресную школу, а через некоторое время входит в кружок, руководимый с.-д., студентом В. Забрежневым. Так Н. втягивается в революционную работу и становится марксистом. Уже в 1897—98 г. Н. принимает участие в организации забастовок на петербургских заводах и подвергается первому аресту. С этого времени начинается непрерывная цепь высылок, побегов, арестов, сидений по тюрьмам, путешествий за границу и возвратов вновь на революционную работу в Россию. „Макар видал виды", пишет про него Муралов („Старый большевик В. П. Ногин", стр. 29): „Как-то, вспоминая прошлое, он подсчитал количество тюрем, известных ему по личному сидению в них. Таких тюрем он насчитал 50". Скитаясь по тюрьмам и местам ссылки, Н. все время занимается своим самообразованием и самоучкой выходит на литературную дорогу. Во время первой эмиграции, в 1900—01 гг., Н. примыкает к „искровскому" течению в партии, а со второго партийного с'езда в 1903 г. становится большевиком. Слежка, аресты и партийная работа заставляют Н. перекочевывать с места на место: он работает в Полтаве, в Лондоне, в Москве, в Петербурге, в Екатеринославе, в Ростове, снова в Москве, в Ростове, в Женеве, снова в Петербурге, в Баку, в Москве, в Лондоне, в Петербурге, в Москве, в Париже, в Туле, в Якутске, в Саратове и, наконец, опять в Москве. То он организует крупные стачки, стараясь связать их с политической агитацией; то собирает рассыпавшиеся партийные ячейки; то едет за границу на партийный с'езд; то принимает участие в создании легальных рабочих организаций; то, наконец, входит в революционный комитет, организующий восстание (1905 и 1917 гг.). „В. П. прошел все ступени партийной и революционной работы", пишет о нем А. И. Рыков,—„он был и пропагандистом, и литератором, и организатором, и неоднократно избирался членом ЦК партии. Начиная с X с'езда партии, он был обязательным членом и главой ревизионной комиссии партии" (Ibid., 13). Для партийной линии Н. характерно стремление стягивать воедино все, что, по его мнению, может быть полезным для дела. В 1906—07 г. он выступает горячим защитником легальных рабочих организаций; в 1911 г. он становится на сторону „примиренческого" направления в партии, считавшего нецелесообразным разрыв с меньшевиками-„партийцами"; в 1917 г. он выходит из Совнаркома и ЦК партии, отстаивая необходимость образования „социалистического правительства из всех советских партий". Однако, несмотря на временные отклонения, Н. неизменно вновь возвращается в основное русло большевизма. Так, уже в ноябре 1917 г. Н. избирается на должность областного комиссара труда Московским советом профсоюзов, а в апреле 1918 г. назначается замест. нар. комиссара труда. В дальнейшем он последовательно занимает посты: члена президиума ВСНХ, члена президиума Центротекстиля, председателя главного правления текстильных предприятий, председателя Всероссийского союза рабочей кооперации, члена делегации для переговоров с Англией в 1920 г., члена Международного бюро Профинтерна, члена Туркомиссии ВЦИК, председателя Главного хлопкового комитета и председателя правления Всероссийского текстильного синдиката. Литературная деятельность Н. началась в 1898 г., когда им была написана брошюра „Фабрика Паля"; в дальнейшем он принимает участие в „Искре" и других газетах и журналах, издаваемых партией в России и за границей; им написано несколько работ о взаимоотношении партии с профессиональными союзами и кооперацией; см. также книгу „На полюсе холода", 1915 г., сборники: „Под старым знаменем" и „Прилив". Ум. Н. в мае 1924 г. (о Н. см. „Старый большевик В. П. Н." изд. Рабоч. Москва, 1924 г.; *И. Иванов* „В. П. Н.", Госиздат, М.).

НОГИН В. П. (1878–1924).

ОЛЬМИНСКИЙ М. С. (1863–1933).

В 1922–31 председатель Общества старых большевиков, с 1928 член дирекции Института В. И. Ленина.

Ольминский (Александров), Михаил Степанович *(проверено М. С. Ольминским)*, род. в Воронеже в 1863 г. в многодетной семье мелкого чиновника из дворян. Отец О. был больным человеком и никогда в жизни не получал больше 40 р. в месяц, хотя имел гимназическое образование. Мать О. — дочь „профессора семинарии", урожденная Чехова. Детство

О. провел частью в Воронеже, частью в Бирюче (ныне Буденный). Учился грамоте сперва у пропившегося дьячка, затем—у отца, у старшего брата. Учиться О. не любил, не любил дружить с барскими детьми и пользовался у взрослых репутацией „скверного и непослушного мальчишки", платя им за это скрытностью. Научившись читать, зачитывался Майн-Ридом, Жюль-Верном и Купером. Любил Пушкина и Гоголя, а позже особенно Некрасова. Рано узнал о существовании подпольной литературы, вытащив случайно из дивана „какие-то маленькие книжечки", засунутые туда, повидимому, студентами, бывавшими в доме Ольминских: мать О. увлекалась одно время переплетной артелью. Девяти лет О. был отдан в гимназию, где держался особняком и старался тратить минимум времени на приготовление уроков. С пятого класса О. начинает увлекаться мыслями о революции; под впечатлением выстрела Соловьева в Александра II, он покупает револьвер,—научиться заранее стрелять, чтобы не промахнуться. В это время его исключают из Воронежской гимназии; пятый и шестой классы он проходит в Петербурге; кончает, однако, снова в Воронеже. В мае 1883 г., накануне окончания гимназии, О. пришлось впервые познакомиться с жандармами (в связи с участием его в двух кружках), однако, он не был арестован за отсутствием улик. И он поступил в петербургский университет. В это время он стал уже сознательным народовольцем и занимался пропагандой среди рабочих. В декабре 1885 г. был арестован по воронежским делам 1883 г. Арест сблизил О. с семьею: отец с гордостью говорил об аресте сына, заявляя, что в России все крупные деятели проходили в молодости через тюрьму. Из Петербурга О. был переведен в Воронеж, где просидел $4\frac{1}{2}$ месяца. В 1887—1889 гг. О. отбывает воинскую повинность. В 1894 г. подвергается второму аресту по делу группы народовольцев в Петербурге. За арестом следует длительное тюремное заключение (до осени 1898 г.) и затем ссылка в г. Олекминск Якутской области. В ссылку О. едет уже социал-демократом. Здесь, в Олекминске, началась литературная деятельность О. О литературе О. мечтал еще с гимназических лет. Пытался дважды поместить написанное в газете, но получал отказы и надолго разочаровался в своих литературных способностях. В тюрьме О. снова берется за перо. В это время он обратил внимание на то, что даже такие таланты, как Пушкин, Лермонтов и Щедрин, долго и упорно работали над своим слогом. Это заставляет его впервые начать работу над внешней стороной своего стиля. Прибыв в ссылку в Олекминск, О. под видом частного письма отправляет корреспонденцию редактору „Восточного Обозрения". Напечатание корреспонденции окрылило литературные мечты О., и с этого времени он выходит на более широкую литературную дорогу.

По окончании ссылки О. пробыл несколько месяцев в России; об'ехав Нижний-Новгород, Феодосию и Симферополь, Воронеж, Харьков и Тверь, в феврале 1904 г. отправился за границу разбираться в партийных разногласиях. За границей О. быстро примкнул к большевикам и был задержан Лениным для литературной работы. Писал под псевдонимом „Галерка". В газете „Вперед" был одним из членов редакции; фактически—и в „Пролетарии". В конце 1905 г. О. возвращается в Петербург и отдается редакторской работе: сначала в „Новой Жизни", затем в „Вестнике Жизни", в „Нашей Мысли", в „Волне", в нелегальной „Казарме" и в партийном издательстве „Вперед". Для заработка сотрудничает в толстых журналах: в „Образовании" и в „Современном Мире". „Образование" вскоре, однако, закрывается, а из „Современного Мира" О. уходит сам после напечатания в нем „Королевского парка" Куприна и „Купли" Винниченки. В результате О. приходится уехать на заработки в Баку, где он поступает на городскую службу, принимая в то же время участие в работе большевистской организации и входя в правление профсоюза конторщиков. В 1909 г. О. вновь возвращается в Петербург и поступает на службу в статистическое отделение петербургской городской управы. В это время им написана книга: „Государство, бюрократизм и абсолютизм в истории России". Со второй половины 1911 г. О. принимает близкое участие в газетах „Звезда" и „Правда" и в журнале „Просвещение", организуя „стариков" (Флерова и др.) для содействия этим изданиям. В 1914 г. О. лишается службы вследствие неутверждения его градоначальником и уезжает в Саратов. Входит там членом в общество „Маяк" и работает в „Нашей Газете" и в сборнике „Под старым знаменем". В августе 1916 г. О. переехал в Москву, где редактировал „Голос печатного труда" (орган профсоюза печатников), был членом московского бюро Ц.К. партии и принимал близкое участие в составлении сборника „Прилив". В дни Февральской революю-

ция О. ведал вместе с Ореховым распределением партийных работников в М.К., затем был вызван в редакцию петербургской „Правды". В марте 1917 г. О. вновь возвращается в Москву. В Москве О. работает в качестве члена М.К. и одного из редакторов „Социал-Демократа" и избирается (от большевиков) в районную думу, в совет районных дум и в Учредительное Собрание. Приняв активное участие в Октябрьской революции, О. в декабре назначается членом коллегии Наркомфина. Болезнь отрывает О. в это время от серьезной работы. Пробыв еще некоторое время в редакции „Правды", О. назначается в 1920 г. председателем комиссии по истории партии при Наркомпросе и затем заведующим Истпартотделом ЦКВКП, где он и работает до конца 1924 г. Более подробный биографический материал — см. статью „Давние связи" в сборн. „От группы Благаева к союзу борьбы"; ст. „Группа народовольцев" в „Былом" 1906 г. № 11; „Москва в октябре", изд. „Моск. Рабочий"; ст. „Как я стал литератором" в книге О. „По вопросам литературы" и книгу „3 года в одиночной тюрьме".

Орахелашвили, Мамия Димитриевич *(авторизов. биография)*, род. в 1883 г. в бедной крестьянской семье (шоропанского у., бывш. Кутаисской губ. в Грузии). Кончил кутаисск. классич. гимназию, поступил на медиц. факультет харьковск. университета, откуда в 1903 г. перевелся в Петерб. Военно-Медиц. Академию. Был предан военному суду за участие в беспорядках в студенческих лагерях под г. Ярославлем. Участник революционных событий 1905 г. в Петербурге. Летом 1906 г. выехал за границу (Париж, Женева), по возвращении был арестован и через год судим в тифлисской Судебной палате по делу „Авлабарской подземной типографии" партии с.-д. большевиков. В партии большевиков состоит с 1903 г., работал, гл. обр., в Петербурге и Закавказьи. В империалистическую войну в качестве военного врача побывал почти на всех фронтах. После Февральской революции вел революционную работу на Сев. Кавказе (председ. владикавказского комитета с.-д. р. партии (б), председ. владикавк. совета раб. и солд. депутатов). В начале 1918 г. перешел на работу в Закавказье (Тифлис, Батум, Кутаис). В „демократической" меньшевистской Грузии просидел в тюрьме 18 месяцев и был освобожден лишь в силу мирного договора Сов. России с меньшевистским правительством Грузии (май 1920 г.). Но вскоре пришлось вновь уйти в подполье для партийно-революционной работы в качестве председателя Ц. К. компартии Грузии и члена кавказского бюро ЦК РКП (б). С переходом власти в руки большевиков (февраль 1921 г.) О. ставится партией на пост председателя Ревкома Советской Грузии.

Стех пор последовательно занимает ряд высших ответственных партийно-советских постов: председателя Совнаркома, ответственного секретаря ЦК компартии Грузии, секретаря Закавказского краевого комитета РКП (б). При образовании Закавказской Социалистической Советской Федеративной Республики (декабрь 1922 г.), О. был избран закавказским с'ездом Советов председателем Совета Нар. Ком. ЗСФСР Переизбирался на последующих с'ездах (1924 и 1925 гг.). В 1923—25 гг.—зам. пред. СНК СССР.

Одновременно состоит членом президиумов ЦККП Грузии и Закавказского краевого комитета ВКП (б). С 12-го с'езда ВКП (б) —кандидат в члены ЦК ВКП (б), с октября 1926 г. переведен в члены ЦК (взамен умершего Ф. Дзержинского). Редактор краевой партийно-советской газеты „Заря Востока". (*Ср.* „Изв.", № 31, 7/II, 1924 г.).

Орджоникидзе, Григорий (Серго) Константинович *(авторизованная биография)*, род. в 1886 г. в западной Грузии в сел. Гореша шоропанского уезда в семье мелкого дворянина. Первоначальное образование получил в харагаульском 2-классном училище, после чего поступил в тифлисскую фельдшерскую школу при Михайловской больнице, которую и окончил в 1905 г. В 1903 г. О. вступил в РСДРП и до переименования состоял все время во фракции большевиков. По окончании школы некоторое время работал в западной Грузии в качестве пропагандиста-агитатора. Осенью 1905 г. в Гудауте (Абхазия) он принимает самое активное участие в партийной и революционной работе.

24 декабря 1905 г. О. был арестован недалеко от Гудауты в сел. Бомбары вместе с другими товарищами во время выгрузки оружия, привезенного им и другими товарищами из Гагр. Просидел в Сухумской тюрьме до конца апреля месяца, где ему было пред'явлено обвинение по 126 ст., часть 2-я. Из тюрьмы был выпущен под залог, после чего на короткое время уехал в Германию, откуда вернувшись в начале 1907 г. в гор. Баку, ведет партийную работу, будучи одновременно фельдшером на промыслах Шамси Асадуллаева в Романах.

В день 1 мая 1907 г. О. был арестован на первомайской демонстрации

ОРАХЕЛАШВИЛИ М. Д. [1881 (по уточненным данным) – 1937].

В 1926–29 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП (б). В 1930 член редколлегии газеты "Правда". В 1931 председатель СНК ЗСФСР, затем 1-й секретарь Закавказского крайкома партии. В 1932–37 заместитель директора ИМЭЛ при ЦК ВКП (б). До 1934 член ЦК, в 1934–37 член ЦРК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ОРДЖОНИКИДЗЕ Г. К. (1886–1937).

С 1930 председатель ВСНХ СССР. С 1932 нарком тяжелой промышленности СССР. В 1926 кандидат, с 1930 член Политбюро ЦК партии. Покончил жизнь самоубийством в обстановке массовых репрессий.

на горе „Стенька Разин“ и просидел в бакинской тюрьме под фамилией Кучхишвили 26 дней. По освобождении продолжает работу там же. В это время здесь работают: Сталин, С. Шаумян, А. Джапаридзе, Спандарян, Мдивани и др. В октябре месяце того же года вновь был арестован и за принадлежность к бакинской организации РСДРП (больш.) по 102 ст. был присужден к ссылке на поселение, после чего был отправлен в Сухум по делу 1905 г., где был приговорен к 1½ годам крепости.

В 1909 г. весною был отправлен в ссылку в Приангарский край в дер. Пататскуя пинчукской волости Енисейской губ. После двухмесячного пребывания в ссылке вернулся в Баку; уехал в Персию, где в это время продолжалась персидская революция, в которой О. принял участие. Из Персии у О. была непрерывная связь с большевистской группой Парижа. Ведя переписку через Надежду Константиновну Крупскую, получая наши заграничные издания и создавая группы содействия в гг. Энзели и Реште, в конце 1910 г. выезжает в Париж.

По приезде он начал работать в парижской группе большевиков-ленинцев. Летом 1911 г. он некоторое время пробыл в партийной школе под Парижем, организованной Лениным. После раскола в заграничном бюро и создания заграничной организационной комиссии по созыву партийной конференции, он был командирован организационной комиссией, вместе с Рыковым, Шварцем, Бреславом, в Россию для работы по организации русской Оргкомиссии.

После об'езда ряда городов на севере, юге и Закавказьи, к концу лета или вначале осени ему, совместно с посланными товарищами, удалось создать Оргкомиссию по созыву Всероссийской партийной конференции. Первое заседание этой комиссии имело место в Баку, куда прибыли представители Урала (С. Шварц), Киева, Екатеринослава. Московские и питерские делегаты были арестованы по дороге в Баку. После первого заседания комиссии в Баку она переехала в Тифлис из-за провала в Баку и здесь закончила свою работу. После проведения выборов на конференцию, он выезжает в Париж, а оттуда в Прагу к месту заседания конференции. На конференции О. был выбран в ЦК партии. По окончании ее он немедленно вернулся в Россию для организации русского бюро ЦК и поехал в Вологду к находившемуся тогда там в ссылке Сталину. Сталин был выбран членом ЦК на парижской конференции и членом русского бюро. Оттуда О. и Сталин уехали на Кавказ.

Вместе со Сталиным О. вернулся в Петербург, где и был арестован в апреле 1912 г. под фамилией Гусейнов. Петроградская охранка скоро выясняет личность О., и он предается суду за побег из ссылки. Просидев 6 месяцев в предварилке, он был присужден к 3-м годам каторги, которую отбыл в Шлиссельбурге.

Осенью 1915 г. был выслан в Сибирь в Александровскую пересылку, и просидев до весны 1916 г., был отправлен в Якутск. До Февральской революции жил в селе Покровском под Якутском, служа фельдшером при лечебнице. Вместе с Губельманом (Ярославский), Кирсановой, Петровским Г. И. и другими товарищами продолжает вести работу. После Февральской революции вместе с упомянутыми и другими товарищами вел работу по организации революционной власти в Якутске и был членом Исполкомитета. В мае месяце с первым же пароходом он вместе с другими товарищами уехал из Якутска и в июне месяце прибыл в Петроград.

Здесь, по предложению Ленина, был введен в петроградский комитет и исполнительную комиссию ПК. Работал в Петрограде до начала осени со Сталиным и др. Осенью на некоторое время уехал на Кавказ, откуда вернулся в Петроград 24-го октября. После Октябрьского переворота петроградским комитетом он вместе с Мануильским был командирован в наши действующие части против Керенского под с. Пулково. Затем был назначен чрезвычайным комиссаром Украины, юга России и Северного Кавказа.

В эпоху гражданской войны он все время был на фронтах — сначала под Царицыным, затем на Северном Кавказе. После разгрома северо-кавказской армии и отхода ее частей на Астрахань, О. вместе с Назаретяном А., Ф. Махарадзе и группой горцев, Калмыковым Б. и Арцхановым во главе удалились в горы Ингушетии, откуда весной 1919 г. через Кавказский хребет О. пробирается нелегально в меньшевистскую Грузию, а оттуда в Баку и на рыбачьей туркменской лодке вместе с Камо, Варо Джапаридзе и др. отправляется в Астрахань, куда и прибыл через 13 суток скитаний по морю. По прибытии в Астрахань он оттуда выехал в Москву.

Из Москвы О. был отправлен на западный фронт к Сталину, тогда члену Ревсовета западного фронта. О. назначается членом РВС XII армии, где он

работает до мамонтовского прорыва южного фронта. В это время он вместе с латышской дивизией перебрасывается на южный фронт и назначается членом РВС XIV армии. После занятия Харькова его перебрасывают на кавказский фронт членом РВС Кавфронта и председателем кавказского Ревкома. Здесь он работает с Кировым, Мдивани, Стопани, Тухачевским и др. Вместе с Кировым и др. товарищами на рассвете 1-го мая вступает в Баку, а затем в 1920—21 г.г. является одним из активных участников в установлении советской власти в Армении и Грузии.

В настоящее время О. состоит предс. ЦКК., Нарком. РКИ, зам. предс. Совнарк. СССР и зам. предс. СТО. С X с'езда партии состоит членом ЦК Всесоюзной коммунист. партии большевиков; ответственный секретарь закавк. краевого комитета ВКП(б); член РВС Союза и ККА; член ЦИК'а СССР; член зак. ЦИК'а; член ЦИК'а Грузии и целого ряда советск. и професс. организаций. *Бомбин.*

Н. Осинский (Оболенский), Валериан Валерианович *(автобиография)*, родился 25 марта (6 апреля) 1887 г. в с. Быках льговского у. Курской губ., где отец мой служил управляющим конного завода Малютина. Отец был сыном мелкого помещикаОрловской губ., по смерти своей оставившего детей без средств к жизни. Княжеского титула, часто и неосновательно мне приписываемого, отец также не имел и жизнь свою должен был начать за свой страх и риск, перебиваясь уроками еще в гимназии и частенько голодая. Так же, как и его братья, отец все же выбился в люди, кончил ветеринарный институт, стал работать по своей специальности и впоследствии стал известным знатоком своего дела (ветеринария и коннозаводство), а также автором нескольких специальных книг. Другие братья его стали—врачом, учителем и т. д., а старший брат (Л. Е. Оболенский)—довольно известным в свое время писателем-народником, основателем журнала „Русское Богатство"; он был второстепенным участником каракозовского процесса.

Моя мать была дочерью военного инженера Петриченко, сына военно-поселенца из Чугуева. Дед мой учился в школе кантонистов и благодаря выдающимся способностям и большой силе характера из „простого звания" выбился в военные инженеры, что при старом режиме сделать было не так-то легко.

Отец мой был человеком радикальных убеждений и высокой культурности. Еще когда он был человеком очень малого достатка, он усиленно заботился о том, чтобы дать детям наилучшее образование, нанимая нам учительниц для обучения иностранным языкам. По-немецки и по-французски я говорю с детства. Поощрял он детей и к чтению. Белинского и Добролюбова, не говоря уже о классиках-беллетристах, я мальчиком читал по его совету. На выборах в Думы отец голосовал за наиболее левый из выставленных списков и, между прочим, подавал голос и за большевистский список (И. И. Скворцов), когда таковой был в Москве выставлен.

Учился я в 7-й московской гимназии, куда поступил в 1897 г. Уже с четвертого класса гимназии я попал в кружок, занимавшийся сперва чтением беллетристики и литературно-критических сочинений, а также издававший гимназический журнал. Этот журнал дал мне и однокласснику моему, В. М. Смирнову (член президиума Госплана), отличную писательскую тренировку. В восьмом классе гимназии он превратился даже в ежедневную гимназическую газету, издаваемую на гектографе. В нашем деле вращались также и радикальные студенты, товарищи моего двоюродного брата, ныне профессора метеорологии, В. Н. Оболенского. Хорошо помню, как двоюродного брата обыскивали и арестовали во время студенческих беспорядков (кажется, 1902 г.), как его затем высылали со всеми его товарищами. С такого же типа студентами (однако, с определенно партийной, с.-д. окраской) сталкивался я и в доме одноклассника моего и члена нашего кружка, Дм. Лебедева; здесь я познакомился с П. М Лебедевым (Керженцевым).

Кружок наш эволюционировал к марксизму довольно медленно, но радикально-политического и материалистического направления был почти с самого начала. Лет четырнадцати, вероятно, написал я первую свою статью о религии и этике, где дал утилитарное обоснование этики, которое — как я с большим удовольствием констатировал через год—совпадало с построением Спенсера в „Основаниях этики". В 1903 или 1904 г. появились на нашем горизонте „Монистический взгляд" Бельтова и „Коммунистический манифест", которые, однако, прямого и непосредственного переворота в наших взглядах еще не произвели.

К зиме 1904—1905 гг. в нашей умственной жизни определенно стали перевешивать интересы политические. В это время мы уже имели связи с другими гимназическими кружками в Москве,

ОСИНСКИЙ Н. (1887–1938).

С 1929 заместитель председателя ВСНХ СССР, заместитель председателя Госплана СССР. С 1925 кандидат в члены ЦК партии. В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Академик АН СССР (1932) и действительный член ВАСХНИЛ (1935). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ходили на дискуссионные собрания гимназистов в особняк Морозовой, читали нелегальную литературу и пр. Зимой 1904—1905 гг. мы и свою работу в гимназии повернули в политическое русло, стали издавать ежедневную газету, устраивали в гимназии (где господствовал либеральный режим) рефераты и дискуссии на смежные с политикой темы и в то же время решили окончательно политически самоопределиться.

Для этого (что весьма характерно в смысле *теоретического* уклона нашего духовного развития) мы решили совместно проработать под руководством П. М. Лебедева историю революционного движения в России. Мне достался на долю реферат о декабристах. Засев на три месяца в Румянцевскую библиотеку, я прочел все, что можно было достать по этому вопросу (до сих пор я еще очень хорошо знаю этот эпизод нашего революционного движения) и представил свой реферат. Мне всегда было свойственно усиленное сопротивление всему „модному", воспринимаемому интеллигенцией в порядке „психической заразы". Тогда мне казался „модным" течением стихийно распространявшийся среди интеллигенции марксизм (для интеллигенции, для части моих же товарищей, он и оказался только модой). Я усиленно старался поэтому дать декабристскому движению *не* марксистское об'яснение. Это об'яснение стало в противоречие мною же разработанным фактам, оно сбивалось в бессодержательно-либеральную колею. Не большого труда стоило Лебедеву-Керженцеву при явном сочувствии моих сотоварищей разбить меня на голову. Добросовестно поразмыслив над причинами своего „поражения", я пришел к убеждению, что шел по неверному пути и что старик Маркс, видимо, совершенно прав. Революция 1905 г. давала тому много и еще более осязательных доказательств.

Осенью 1905 г. (время моего поступления в университет) я уже вступил вместе с большей частью моих одноклассников в студенческий с.-д. клуб и под руководством В. И. Яхонтова работал в кружке высшего типа, бегал в то же время на сходки, демонстрации и пр. В декабре 1905 г., во время восстания, опять вместе с моими однокашниками выступал в качестве летучего репортера „Известий Московского Совета Рабочих Депутатов".

По окончании восстания я выехал за границу и год пробыл в Германии, занимаясь политической экономией в Мюнхене и Берлине, а также усиленно читая работы Плеханова и Ленина. Осенью 1906 г. я вернулся в Россию, где тотчас же вместе со своими приятелями взялся за довершение своего политического образования. Мы прочли совместно первый том „Капитала", „К критике политической экономии", „Нищету философии" и ряд других книг, в том числе и ряд работ критиков марксизма из буржуазного и анархистского лагеря. Осенью 1907 г. мы сочли себя вполне готовыми к тому, чтобы быть сознательными членами партии (мы так ставили себе этот вопрос), решили определенно проблему своей фракционной принадлежности и всей группой в шесть человек вступили в замоскворецкую районную организацию РСДРП (б). Из этих шести человек четыре поныне являются членами ВКП (пишущий эти строки, В. М. Смирнов, Д. П. Боголепов, В. М. Фирсов).

Зима 1907—1908 гг. была последней после 1905 г. зимой, когда в Москве существовала массовая нелегальная организация и велась большая агитационно-пропагандистская работа. В нашем районе одно время велось целых двадцать пять пропагандистских кружков. Мы выпускали листовки даже и на отдельных заводах (заводские организации очень любили выпустить *свою* листовку, и помню, как энергичный Блохин заставлял писать меня таковые для Густава Листа, где было более сотни организованных членов партии), собирали собрания, массовки и пр.

Уже в следующую зиму все это изменилось вследствие наступления реакции. Мне, правда, уже не пришлось работать в эту зиму полным ходом. Летом 1908 г. я тяжело заболел брюшным тифом, года на полтора совсем ослабел физически, с полгода почти перестали работать глаза, и только с весны 1909 г. смог я начать вести кружок высшего типа на Пречистенских курсах (из лучших моих учеников предшествующей зимы — Андреева, Блохина, Анфирова, Поли и др.). Здесь я столкнулся впервые с Бухариным, который явился проконтролировать мое ведение кружка по поручению М. К. С этим кружком продолжал я работать и следующую зиму, когда московская организация все более слабела под ударами охранки. Я поближе познакомился в университете с Бухариным, и мы вместе организовали первую (после годов упадка) большую студенческую сходку — протест против речи Пуришкевича в Думе.

Осенью 1910 г. наш контакт с Бухариным, выпущенным под залог из тюрьмы, окреп. Мы провели сходку протеста

против выступления проф. Евг. Трубецкого (вместе с Овсянниковым и Членовым), а затем стали усиленно раскачивать студенческое движение к моменту смерти Льва Толстого. В это время появилась в Москве группа во главе с Варв Ник. и Ник Ник. Яковлевыми, стремившаяся восстановить московскую нелегальную организацию. Не успели мы с Д. П. Боголеповым установить с ней контакт и предоставить ей квартиру (квартиру Боголепова, где жил и я), как эта группа была арестована, кажется на первом же собрании. Был арестован и Бухарин. Я же уцелел вплоть до наибольшего обострения студенческого движения, начавшейся забастовки и арестов. От последних я пытался укрыться, поехав на время в Киев По возвращении оттуда я, однако, был немедленно арестован и водворен в Сущевский полицейский дом, где в скорости зажил душа в душу в одной камере с Н. Бухариным.

Я забыл отметить в предшествующем: 1) что в разногласиях, возникших вокруг вопроса об участии в Гос. Думе, я был „отзовистом" (отсюда идут корни последующего моего „левого коммунизма"), 2) что тем не менее я никогда не был богдановцем или эмпириокритиком какой-либо разновидности, но всегда был последовательным сторонником диалектического материализма и 3) что зимой 1908—1909 и 1909—1910 гг. я много читал (а частью и мне читали, вследствие болезни глаз). Я не только прочел II и III том „Капитала", но прочел (опять с группой друзей) работы экономистов-классиков и ряд работ буржуазных экономистов. Вместе с Смирновым, Членовым и Бухариным я выступал на университетских семинариях, защищая марксистскую точку зрения в политической экономии против ее критиков.

Отсидка моя закончилась высылкой „с пунктами". Среди последних не числилась Тверь, куда я отбыл с Ек. Мих. Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о других высланных. На второй год вместе с под'емом рабочего движения повсеместно — и в Твери пошли стачки, начались массовки, кружки и пр. В Твери я, между прочим, попал под жандармское расследование (но без последствий) из-за кружка учащихся, только что пытавшегося организоваться. Там же я пробовал превратить в рабочую газету неопределенно-либеральную местную газету „Тверской Вестник" и добился введения в ней рабочей хроники и сильного ее полевения; на этой стадии газета и была закрыта. Из Твери же начал я посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в „Звезду" (пара статей за подписью В. Коларович), затем в „Правду" и „Просвещение" (за подписью Н. Осинский). Разумеется, и в Твери я много читал (перечитывал III том „Капитала") и работал над книгой о русской каменноугольной промышленности, которая издана не была, хотя и была позже закончена. В Твери я получил первое письмо от В. И. Ленина, которое доставило мне большую радость.

Весной 1913 г. срок мой кончался. Одновременно кончился и срок Н. Н. Яковлева, отбывавшего высылку за границей (меделитейщиком в Ганновере). Он вернулся с поручением от Ц. К. поставить в Москве ежедневную газету. Он предлагал мне взяться за литературную сторону дела, оставляя себе секретарско-организационную. У нас был заключен характерный договор: мне не встречаться с Малиновским (участие которого в организационной работе было неизбежно) до самого пуска в ход газеты. Мы еще с 1911 г. подозревали его в провокации и поэтому держали передовика под прикрытием, во избежание провала.

В августе 1913 г. мы выпустили первый номер „Нашего Пути". Об истории этой газеты я писал не раз. В ней работали непосредственно Н. Яковлев, Н. Осинский, В. Максимовский, А. Усагин, В. Лобова, Л. Суница, В. И. Соловьев, М. Булах и др. Нам удалось выпустить шестнадцать номеров, после чего мы все и еще двести человек были арестованы. Часть из нас поехала в места не столь отдаленные, другие (в том числе и я) получили высылку „с пунктами".

На этот раз я (вместе с Максимовским, Булахом, Усагиным) отправился в Харьков, где первоначально мы попали под жесточайший жандармский надзор, мешавший заниматься какой-либо активной работой. Мы не смогли поэтому примкнуть к А. Бубнову, Ю. Шиллерту с женой и М. Розенштейну, ею занимавшимся. Тем не менее, осенью 1914 г. всех нас „замели" вслед за названными товарищами. Разница получилась та, что их выслали, нас же к новому году выпустили на свободу. В результате, немного осмотревшись, я вновь пошел по греховной стезе политики и, установив связи через Базанова и его жену с вновь скопившимися в Харькове большевиками, в следующий сезон (зима 1915—1916 г.г.) уже читал рефераты в пар-

тийном кружке, писал резолюции и листовки для нашей партийной организации. Самому защищать таковые резолюции на собраниях было для меня невозможно.

За это же время я читал по с.-х. статистике и хлебной торговле и выпустил в издании Харьковского общества сельского хозяйства (где имел платную работу) монографии — „Урожаи хлебов на юге России" и „Хлебные фрахты на Черноморско-Азовском побережье". Вместе со старым большевиком (ныне по недоразумению в партии не числящимся) проф. И. А. Трахтенбергом вел кампанию по завоеванию харьковской газеты „Утро" для превращения ее в легальный антиоборонческий орган (в этом нас поддерживали и левые эсэры—Карелин и Алгасов-Трипольский). Кончилось это тем же, что и в Твери: полевевшая газета окончила свое существование за недостатком средств.

Осенью 1916 г. я поехал в Крым лечиться от начавшегося туберкулеза и здесь был мобилизован на военную службу, попав в писаря, а затем в зауряд-военные чиновники. Я странствовал по призывам и разным военным учреждениям до января 1917 г. Февральская революция застала меня в Каменец-Подольске, в интендантстве армий юго-западного фронта. Оттуда, кажется, уже через месяц, я под предлогом командировки уехал в Москву, где начал работать в „Социал-Демократе" и в московской областной организации (был на ее весенней конференции).

Скоро меня хватились в Каменце, и, чтобы не попасть в дезертиры и не дать лишнего повода для травли большевиков, я вернулся в свое интендантство. Я участвовал вместе с Крыленко и Розмирович в фронтовом с'езде, на который непосредственно попал. Затем мне удалось попасть в Киев (откомандировавшись в Земсоюз), и тут опять усиленно занялся работой в „Голосе с.-д.", на митингах, партсобраниях и пр. Тут я впервые познакомился с Ю. Пятаковым и рядом других товарищей. Я пробыл здесь до июльских дней, когда московские товарищи перевели меня в Москву. Я вошел в редакцию „С.-Д.". С Н. Бухариным и В. Смирновым мы провели печатную кампанию в корниловские дни. Мы ездили на партийный с'езд в Питер. Мы вели работу по разработке партпрограммы, агитировали на митингах, выступали на с'ездах, конференциях фабзавкомов, в муниципальных органах и пр., словом, делали не мало работы. В партийной среде мы быстро с'ориентировались на вооруженное восстание и вели за него усиленную агитацию, при значительном сопротивлении большей части старшего поколения московских работников.

Раздосадованный этим, как мне казалось, „саботажем" вооруженного восстания, я в 20-х числах октября выехал в Харьков—город, где совет уже взял фактически власть в свои руки и где, казалось мне, должен был быть создан барьер против Каледина. Не успел я приехать туда, как в Москве фактически началось вооруженное восстание. Несколько дней проработав в Харькове, я отправился обратно, но прибыл в тот самый день, когда пушки перестали уже стрелять.

Ревком посадил меня, как экономиста и бывшего „интенданта", продовольствовать воинские части. На этой работе, однако, я также просидел лишь пару дней: из Питера приехал Бубнов набирать людей в Питер на смену товарищам, ушедшим из Ц. К. и с ответственных постов. Решено было ехать мне и Смирнову. Прибыв в Питер, мы, по указанию Ленина, занялись подготовкой к созданию В. С. Н. Х., вступив в контакт с бюро фабзавкомов (Скрыпник, Чубарь, Амосов и др.), а затем быстро были переброшены в Госбанк, куда я был назначен управляющим, а прибывший из Киева Ю. Пятаков—заместителем (Смирнов скоро уехал в Москву). Мы сломали стачку в банке и пустили его в ход на новых началах. Вслед за разрешением банковского кризиса (он имел тогда очень важное значение—не платит банк, все может остановиться) я перешел в только что сформировавшийся В. С. Н. Х. первым его председателем.

В феврале 1918 г. я выехал в Харьков—проводить национализацию донецких копей и участвовать в учредительном с'езде областного С. Н. Х. Когда в начале марта я вернулся в Питер, в полном разгаре была дискуссия между партийным центром и „левыми коммунистами". Я был в числе последних, был главным автором их платформы, напечатанной в журнале „Коммунист" и занимал наиболее „левую" позицию. Ленин заслуженно высмеял меня тогда за мою идею „полевой революции". Вместе с другими левыми коммунистами, уходившими с ответственных постов, я в марте 1918 г. покинул место председателя В. С. Н. Х.

Затем я работал последовательно: в отделе металла В. С. Н. Х., в редакции „Правды" (летом—осенью 1918 г.), в отделе советской пропаганды ВЦИК (после

от'езда Радека в Германию), выступал с докладом по международному положению на первом с'езде Коминтерна и пр.

Весной 1919 г. я был отправлен уполномоченным ВЦИК сперва в Пензенскую, а затем в Тульскую губернию. Эти поездки принесли мне огромную пользу. Я увидел революцию в ее конкретных проявлениях и в самых глухих местах; я ознакомился с практикой нашего хозяйственного и государственного строительства; я заинтересовался вопросами нашего сельского хозяйства. Политически это привело меня к участию в т. н. „группе демократического централизма", боровшейся на партийных с'ездах за расширение прав местных органов и за развитие внутрипартийной демократии.

Поздней осенью 1919 г. я из Тулы был переброшен в Вятку на продовольственную работу, которой заинтересовался еще в Туле. В начале 1920 г. я вернулся в Тулу, где пробыл председателем Губисполкома до августа месяца. В августе я перешел в Наркомпрод членом коллегии, продолжая по поручению продовольственного ведомства раз'езжать по провинции и организовывать взимание разверстки.

Мне становилось все более ясным, что наше сельское хозяйство под влиянием системы разверстки переживает серьезный кризис и что нужны какие-то кардинальные меры для борьбы с этим кризисом. В ряде статей я выдвинул систему государственного регулирования крестьянского хозяйства, как единственный возможный выход в пределах военного коммунизма. Ленин весьма заинтересовался моими соображениями. Он поддержал и практические выводы из них (попытку поставить земледелие в плановое русло), энергично возражая, однако, против элементов принудительности в этих выводах. В конечном счете это последовательное социально-политическое построение было им использовано в другом смысле: оно дало материал для выявления необходимости *вовсе оставить систему военного коммунизма.*

В январе 1921 г. я был поставлен во главе Наркомзема, но мне пришлось осуществлять отнюдь не „государственное регулирование крестьянского хозяйства", а проводить планомерно организованные кампании за поднятие сельского хозяйства и постепенно подготовлять переход от „ударной" работы к постоянной культурно-органической деятельности.

Я пробыл в НКЗ до 1923 г., когда мне удалось уйти оттуда, чтобы заняться теоретической работой, к которой у меня устанавливалась все более непреодолимая тяга. Я получил сперва отпуск на четыре месяца для научных занятий, затем назначение на дипломатическую работу (полпредом в Стокгольм), оставлявшую много свободного времени, затем отпуск для поездки в Америку. Я написал за это время (1923—25 гг.) целый ряд книжек и брошюр по мировому хозяйству, по заграничному аграрному вопросу и в частности—по американскому сельскому хозяйству. Мне кажется, за это время я вновь расширил свой кругозор и углубил свои воззрения, так же как в 1919—20 гг., только по другим направлениям.

В начале 1926 г., против моего желания и ранее окончания цикла моей работы по иностранному сельскому хозяйству, я был назначен управляющим ЦСУ СССР. Однако, теоретическая экономическая работа попрежнему стоит в центре моего внимания.

Работы (книги и брошюры): „Морские хлебные фрахты (Черноморско-Азовское побережье)", Харьков, 1914; „Урожаи хлебов в Южной России", 1915; „Строительство социализма", 1918; „Государств. регулирование крестьянского хозяйства", Москва, 1920; „Мировое хозяйство в оценке наших экономистов", Петр., 1923; „Мировой сельскохозяйств. кризис", М., 1923; „Мировое хозяйство и кризисы", М., 1924; „Очерки мирового сельскохозяйств. рынка", М., 1925; „Американское сельское хозяйство по новейшим исследованиям", М., 1925; „По сельскохозяйств. штатам Сев. Америки", М., 1926; „Мои лжеучения о Соед. Штатах Сев. Америки", М., 1926.

Павлович (Мих. Павлович)—**Вельтман** (Волонтер), Михаил Лазаревич *(автобиография).* Я родился в 1871 г. в еврейской семье. Отец мой был служащим в хлебной конторе и был человеком „умственным", любившим в свободное время читать книги. Знал хорошо еврейскую литературу и читал произведения русских классиков. Мать в молодые годы училась в пансионе, говорила по-французски и немецки и читала „Что делать" Чернышевского; однако, скудный заработок отца и большая семья (12 душ детей, из которых остались в живых до сих пор семь моих братьев и две сестры) заставили мать отдаться исключительно хозяйственным обязанностям. Мать сама подготовила меня к экзамену в гимназию. Умерла мать в период гражданской войны, когда Одесса находилась в руках белогвардейцев. Отрезанная от своих сыновей, мать психически заболела, воображая, что все сыновья ее убиты белогвардейцами и изрезаны на куски. Все время искала она останки своих детей.

Одесса в период моего детства была оживленным торговым городом; в порту

ПАВЛОВИЧ М. П. (ВЕЛЬТМАН М. Л.) (1871–1927).

стояли десятки английских, итальянских, греческих, турецких судов. Одесситы гордились своим городом и считали свою Одессу европейским городом. Однако, может-быть, не было другого города в России, в котором было бы столько контрастов, сколько их было в Одессе. С одной стороны, кипучая торговая жизнь, большие иностранные пароходы, вечное движение, неумолчный шум и говор на улицах, с другой стороны, в двадцати минутах ходьбы от центральных улиц, в нынешнем парке, на берегу моря расстилалась необозримая первобытная степь, покрытая высокой травой, в которой скрывались табуны лошадей, попадались змеи и т. д. С одной стороны, в порту на пароходах и парусных судах мы видели вежливых иностранных капитанов, которые охотно пускали детей входить на суда и рассматривать последние, с другой стороны, одесский градоначальник, контр-адмирал Зеленой, полусумасшедший человек, разгуливал по улицам Одессы, ругая по-матушке прогневивших его чем-либо обывателей, городовых и т. д.

Кроме Зеленого, другими знаменитыми лицами в Одессе были „отцы города"— Маразли, городской голова, члены думы Анатра, Родоконаки и др. Происхождение богатства всех этих капиталистов было описано в запрещенном авантюрном романе „Одесские катакомбы", который произвел на меня сильнейшее впечатление и был первой книгой, заставившей меня задуматься над вопросом о ненормальностях существующего строя.

Когда мне было девять лет, родители по моему настоянию решили отдать меня в гимназию в отличие от других братьев, которые учились в ремесленной школе. Отец мой был противником гимназии и стоял за ремесленное образование. Так как в это время была введена десятипроцентная норма для евреев и в гимназию легче всего попадали дети богачей, мне не удалось попасть в одесскую гимназию, и родители решили отправить меня в Елисаветград, где проживал мой дядя, бывший учителем в еврейской школе, писавший, что я, благодаря его связям, сумею поступить в елисаветградскую гимназию, если сдам хорошо экзамены. В Елисаветграде я поступил в гимназию.

Занимался я удовлетворительно, но все свободное время дома, а порой украдкой на уроках в гимназии тратил на чтение Майн Рида, Жюль Верна, Густава Эмара, любимых книг юношества той этохи. Я пробыл в елисаветградской гимназии два года и затем по ходатайству владельца хлебной конторы, в которой служил мой отец, меня приняли в 3 й класс одесской гимназии. Таким образом, я снова очутился в родной семье. В одесской гимназии на меня сразу повеяло новым духом. Некоторые гимназистики скоро сообщили мне что в пятом классе имеется один гимназист, который прочел всего Михайловского, а о другом гимназисте шестого класса рассказывали по секрету, что он читает знаменитую книгу „Капитал" Маркса и знает ее наизусть. Я постарался познакомиться с этими великими людьми, и они дали мне список книг для чтения: Омулевского „Шаг за шагом", Герцена „Кто виноват", а из более серьезных книг Писарева, Добролюбова, Бокля, Дрепера и т. д. В 3 м классе мы имели уже тайный кружок для самообразования и собирались для совместного чтения. Я был очень честолюбивым мальчиком и мечтал о том, чтобы стать великим писателем, ибо ученические работы (переложения) мне очень удавались, а одна работа, заданная учителем, описание какого-нибудь путешествия, была даже напечатана в виде рассказа в одном иллюстрированном детском журнале. Но благодаря своеобразному характеру Одессы, обилию здесь силачей биндюжников, кулачным боям, поножовщине и т. д. мои честолюбивые мечты шли в различных направлениях: мне хотелось быть силачем, первоклассным борцом. Я брал уроки гимнастики и борьбы в чешской гимнастической школе, впоследствии закрытой по предписанию градоначальника, посещал цирк и принимал участие во всех кулачных боях между группами гимназистов. Среди одесских революционеров были также некоторые знаменитости, славившиеся большой силой. Так, большой популярностью в этом отношении пользовался Давид Гольдендах (Д. Рязанов), и мне трудно сказать, что тогда больше привлекало меня к нему: его ли большая физическая сила или его феноменальная начитанность и революционность, о которой много рассказывали. Между тем в гимназии развивались события. Получив распоряжение произвести чистку в старших классах гимназии, наш директор уволил человек тридцать за „малоуспешность", „плохое поведение" и т. д., и за эту расправу один из учеников старшего класса, первый ученик, бывший на блестящем счету у начальства, дал пощечину директору. После этого директор был переведен в какую-то провинциальную гимназию. Новым

директором был назначен Стефани, человек добрый по натуре, но, однако, не знавший как совместить свою доброту с соображениями карьеры. В 4-м классе я принял уже участие в первом в моей жизни революционном выступлении. В это время в Одессу приехал знаменитый министр народного просвещения Делянов, друг Победоносцева, игравший громадную роль в качестве одного из вдохновителей реакционной политики Александра III. Некоторые гимназисты старших классов одесских учебных заведений решили подать Делянову заявление с характеристикой порядков, господствующих в гимназиях и с требованием большей свободы и т д. Один из учеников старшего класса предложил мне принять участие в этой сходке. Я был очень польщен, что ко мне, ученику IV класса, проявляется такое доверие На сходке за городом принимало участие около 70 человек. Произносились горячие речи, выработана была программа требований, и решено было в случае отказа на наши требования об'явить гимназическую забастовку, действовать как будущие студенты, а не как „приготовишки", по заявлению одного оратора. С необычайным энтузиазмом разошлись мы по домам. На следующий день во время урока латинского языка открылась дверь, и помощник классного наставника об'явил: „Вельтман, пожалуйте в кабинет к директору". С бьющимся сердцем, при изумленных взглядах всего класса и самого учителя латинского языка пошел я в кабинет. Директор сразу сказал мне: „Вы были вчера на преступной сходке"? Когда я стал отрицать, он перебил меня: „Не отрицайте, вы падаете в пропасть, моя обязанность даже против воли вашей спасти вас. Как вы решились на такой безумный шаг. Знаете ли вы, что английский министр лорд Салисбюри из ненависти к России сеет великие интриги в нашей стране, чтобы подорвать нашу силу и захватить Константинополь. И вы бессознательно становитесь агентом коварных англичан, которые начинают свои козни уже среди гимназистов 4 го класса". Директор еще несколько минут говорил на эту тему. Я ожидал страшного для меня исключения из гимназии или очень строго наказания, но директор неожиданно закончил: „Идите в класс и никому не смейте заикнуться о моем разговоре и зачем я вызвал". До меня директор вызвал еще нескольких участников сходки и всем устроил головомойку. Скоро обнаружилось, как директор раскрыл вероломные английские планы и положил на обе лопатки Салисбюри. Дело в том, что на сходке участвовал сын самого директора и под строгим секретом рассказал в тот же вечер об этом событии своей сестре. Та сообщила отцу. Директор узнал у сына фамилии всех учеников III гимназии, участников сходки, обещав никого не наказывать. Само собой разумеется, что не в интересах директора было раздувать всю эту историю, наоборот, надо было ее замять всеми силами, чтобы грозный министр не узнал о ней. Как бы то ни было, когда инициаторы выступления узнали о том, что имена всех участников сходки из III гимназии известны, решено было отказаться от проекта.

Скоро в стенах гимназии случилось новое событие, которое всполошило всех учеников Один из учеников 6-го класса, видный участник пресловутой сходки, знаменитый знаток Михайловского, на уроке греческого языка послал записку другому ученику, где было написано следующее: „Герой романа Шпильгагена „Один в поле не воин"— Лео—это Лассаль". Учитель греческого языка перехватил записку. Был созван педагогический совет, и любитель романов Шпильгагена, знавший такие запрещенные имена, как Лассаль, был исключен из гимназии без права поступления в учебные заведения. Из гимназии исключали за чтение Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Белинского и т. д. Исключали и за книгу Бокля „История цивилизации", ибо Бокль, этот богобоязненный англичанин, осмеливался тем не менее доказывать, будто история народов обусловливается их географической средой. При чем же здесь было божеское благоволение, попечение монархов и т. д. Ясно, что книга Бокля была вредной, безбожной книгой. Все эти бессмысленные придирки только усиливали наше оппозиционное настроение и решимость бороться с режимом мракобесия и насилия. У нас создался гимназический кружок, в который из старших учеников входили Цыперович, Нахамкис (Стеклов), Илья Шиф, безвременно скончавшийся в позапрошлом году, и другие; был и младший гимназический кружок Из учеников других гимназий был особенно близок к нам Сергей Волошкевич.

В 7-м классе я начал работу вне заведения. Мне был поручен кружок из 8 девиц (в том числе две сестры Рязанова), с которыми я читал Писарева, Чернышевского, Добролюбова и т. д. До окончания гимназии я успел прошту-

дировать „Капитал" Маркса, „Наши разногласия" Плеханова и был убежденным марксистом и социал-демократом. Читал много по истории России, политической экономии, народному хозяйству. Большой подмогой для нас всех служил ходивший по рукам под строгим секретом каталог, составленный Рязановым, где разделывался Туган-Барановский и прочие оппортунисты и катедер-социалисты.

По окончании гимназии я сделал вид, будто хочу поступить на юридический факультет и подал соответствующее заявление. Но будучи принят, я не посещал факультета и затем заявил ректору свою просьбу уволить меня, так как не имею-де средств платить за правоучение и должен зарабатывать себе хлеб на существование. На самом деле я просто не хотел набивать себе голову университетскими глупостями и решил итти по другому пути. Подал же прошение для отвода глаз, чтобы не бросалось в глаза жандармам. Скоро приступил я к пропаганде в рабочей среде. Я уходил за город, шел по линии железной дороги и вступал в разговоры с одиночками рабочими, говорил о правительстве буржуазии и т. д. Помню, что в подавляющем большинстве случаев мои собеседники соглашались со всем, что я говорил о капиталистах, министрах, отсутствии народных школ, о политике и т. д., но как только я начинал намекать на царя, меня переставали понимать. Иногда после долгой беседы собеседник, вздыхая, вдруг говорил: „Эх, если бы можно было дойти до царя и ему все рассказать. Досталось бы всем этим министрам и околоточным". Скоро мне дали одного рабочего Николая, к которому я стал ездить на квартиру. Через его посредство я познакомился еще с четырьмя рабочими, к каждому из них я ездил отдельно. Чтобы попасть к Николаю пришлось менять трех-четырех извозчиков с целью замести следы.

1892 г. я был арестован (дело Цыперовича) и заключен в одесскую тюрьму. Здесь по этому же делу сидели Калашников, штурман дальнего плавания, рабочие Гедрашко, Ошманец, Дериглазов, Сэнжур, Пименов, Сойфер, Яковлев, Артемов, из товарищей по гимназии — Сергей Волошкевич, Иосиф Шиф, Бетя Шиф, Давид Гринцер и т. д. В нелегальной литературе это дело охарактеризовано, как „первый большой социал-демократический процесс в России". После 1½ годичного тюремного заключения я был сослан в Сибирь, в город Верхоянск Якутской области на пять лет. В ту пору сибирская дорога не была еще сооружена, и мы шли пешком, этапным порядком, в течение нескольких месяцев. В Верхоянске я встретился с Мих. Брусневым, осужденным к 4 годам тюрьмы и 10 годам ссылки за социал-демократическую пропаганду (группа Бруснева), с Басовым (Верхоянцевым, автором сказки „Конек-скакунок"), Лядовым (ныне ректором Свердловского университета), Брониславом Веселовским, одним из основателей польской соц.-демократической партии, сосланным в Верхоянск в 1897 г. и расстрелянным в 1919 г. в делегации „Красного Креста" в Польше, Марианом Абрамовичем (п. п. с.), скончавшимся в 1925 г. в Варшаве, вполне примиренным с польской шляхтой, Владимиром Галкиным, в то время еще сторонником Народной Воли, но скоро по возвращении в Россию ставшим деятельным с.-д. большевиком (скон. в 1925 г.), далее Яном Питкевичем (п. п. с.), Самуилом Рабиновичем (из народовольцев) и др. Можно себе представить, ареной каких горячих споров была наша маленькая колония, сколько в ней было групп. Имея много свободного времени, многие из нас чуть ли не каждый день целые часы проводили в горячих спорах о русской общине, судьбах капитализма, о книгах В. Б., Николай — она, Струве, Бельтова и т. д. Мы очень много читали, обдумывали свои мысли и каждый раз начинали спор с новыми аргументами и новыми данными. В Верхоянске этом полюсе холода, где мы питались исключительно мерзлым хлебом и мясом, которые приходилось оттаивать, я, сверх ожидания, замечательно поправил свое здоровье, не мало расстроенное тюрьмой и ужасным этапным путем и по окончании срока ссылки вернулся в Россию уже по железной дороге бодрым и жаждущим деятельности.

Не имея права проживания в университетских городах, я выбрал город Кишинев. Но мне хотелось подольше остаться в Одессе. Я пробыл в Одессе около трех недель, однако был арестован и водворен в Кишинев. Кишинев был в этот момент (1899—1901 г.г.) оживленным революционным пунктом на юге России. Здесь уже находились Давид Гольдендах (Рязанов), Мойсей Ханжи (анархист), Быховский (с.-р.), две сестры Корнблюм (с.-д.), Боград, расстрелянный чехо-словаками в Красноярске, Басовский (с. д.), Роза Гальберштадт (с.-д.) Илья и Бетя Шиф, прибывшие со мной из ссылки, Александр Квятковский (с.-д.), Квита (большевик, погибший неизвестно где), Годлевский и Елена Годлевская и многие

другие. Среди местной интеллигенции было не мало элементов, сочувствовавших ссыльным и оказывавших последним всяческое содействие. Особенно выделялись д-р Дорошевский, его жена Теофилия Дорошевская, дочь предводителя дворянства Екатерина Кристи и другие. Естественно, что при наличности такого числа ссыльных и благодаря наличности благоприятных условий в Кишиневе закипела работа. Но здесь не бездействовали и черносотенцы, сгруппировавшиеся вокруг пресловутого Крушевана.

В это время в области внешней политики самым крупным событием была англо-бурская война. Я очень внимательно следил за этой войной и доказывал, что она явится началом новых событий во внешней международной политике, которые окажут громадное влияние на внутреннее положение во всех государствах. Так как в Кишиневе много лиц из окружающей нас среды интересовалось этой войной, решено было устроить мой доклад, чтобы собрать деньги на наши цели. Доклад пришлось повторить три раза. Конечно, устраивать его приходилось секретно. Надо заметить, что многие товарищи в то время очень мало интересовались внешней политикой, полагая, что все, что лежит вне области непосредственной классовой борьбы и борьбы с царизмом, не представляет особого значения. Однако, по окончании первого доклада ко мне подошел один из товарищей и, пожав поощрительно мне руку, сказал: „Ничего, и это пригодится. Все эти вопросы тоже не мешает изучить". Доклад мой я выпустил в свет в 1901 г.: „Что доказала англо-бурская война. Регулярная армия и милиция в современной обстановке" (Одесса). Конечно, по условиям цензуры пришлось многое опустить. Основная идея брошюры заключалась в доказательстве позиционного характера будущей войны и в подчеркивании превосходства милиции над регулярной армией.

Из Кишинева я отправился в Париж, который в это время являлся одним из важнейших центров нашей революционной эмиграции. Русский Париж представлял в эти годы клокочущий котел. Все русские студенты и студентки считали себя социалистами, посещали все собрания, принимали участие в демонстрациях и манифестациях французских рабочих. Русские революционные организации вели здесь деятельную работу, собирали деньги, организовывали кружки из молодежи и выбирали подходящих лиц для работы в России. На митинги, доклады, лекции в зале ресторана Avenue du Choisy собиралось по 800—1000 человек.

За границей я сотрудничал в „Искре", причем писал исключительно на темы о необходимости вооруженного восстания, тактике уличного боя и т. п. В 1905 г. я приехал в Петербург и здесь работал исключительно в военных организациях, ведя пропаганду в Преображенском и Семеновском полках, среди гарнизона Петропавловской крепости. Практически работал с большевиками, мало вникая в партийные разногласия и интересуясь, главным образом, агитацией и пропагандой в войсках, с целью подготовки вооруженного восстания, вопросами тактики уличного боя и т. п. Когда вспыхнуло восстание в Москве, мы изыскивали пути поднять движение в Петербурге. В марте 1906 г. я вместе с Антоновым (Овсеенко) был командирован в качестве представителя петербургского гарнизона в Москву на военную конференцию, где и был арестован 27 марта 1906 г. вместе с Ем. Ярославским, Саммером, Бруком, капитаном Клоповым и др. Просидев в Таганке 6 месяцев, я был выпущен на поруки. В 1907 г. я вернулся в Петербург и здесь снова стал заниматься работой в военных организациях, сотрудничал в нелегальной газете „Казарма". Будучи арестован в октябре того же года и заключен в Кресты, я впоследствии скрылся в Финляндию, а оттуда бежал за границу и поселился в Париже. Русский Париж был уже не тот, что до 1905 г. Студенты и студентки отошли от революционного движения и зачитывались „Саниным" Арцыбашева. В январе 1910 г. я принимал участие в пленарных заседаниях Ц.К.Р.С.Д.Р.П., происходивших в Париже, там был избран членом комитета общепартийной школы пропагандистов, входя в него, как представитель меньшевиков. В 1911 г. читал лекции по национальному вопросу в партийной школе в Болонье (где читали Богданов, Луначарский и др.). При расколе в партии я остался с меньшевиками. Партийными разногласиями, к сожалению, не интересовался, не читал ничего, кроме имеющего непосредственное отношение к международной политике и к Востоку. Находясь в Париже, посещал всех восточных революционеров, младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров и т. д. У меня на квартире постоянно собирались индусские, персидские, китайские революционеры, с которыми мы обсуждали планы революционной рабо-

ты. Я сопровождал персидских революционеров—д-ра Абдулла-Мирзу и рабочего Раим-Заде во время их поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах. Эта интенсивная работа в восточном национально-революционном движении, которому я придавал огромное значение, захватила меня целиком. Я сотрудничал в „Голосе Социал-Демократа", где писал по вопросам международной и, главным образом, восточной политики и где я опубликовал секретные письма Ляхова, переведенные скоро на все европейские языки и наделавшие много шуму в европейской прессе. Накануне мировой войны по уговору с Чичериным я отправился в Марсель и здесь вместе с Гиком принимал участие в организации Марсельской конференции моряков Центрального Всероссийского Союза судовых команд русского торгового и военного флота. Во время мировой войны сотрудничал с момента основания в парижском „Нашем Слове", где писал и Троцкий, Антонов Овсеенко, Лозовский и другие интернационалисты, начавшие борьбу против Плеханова, Каутского и проч. социал-патриотов. После Февральской революции я был назначен одним из членов „тройки" (Агафонов, Покровский) для ознакомления со всеми документами, захваченными в „черном кабинете" русского посольства в Париже. На основании изучения этих документов нам удалось обнаружить 60 провокаторов, имена которых и были опубликованы в русской прессе. Затем на собрании представителей всех заграничных организаций я был избран генеральным секретарем организации по отправке в Россию всех политических эмигрантов. Закончив отправку почти всех наиболее энергичных и видных работников, я и Покровский с последней партией эмигрантов отправились на судах „Царица" и „Двинск" в Россию. Получить эти суда было очень не легко. Вся политика Керенского-Терещенки была направлена к тому, чтобы не дать возможности политическим эмигрантам, находившимся во Франции, Англии и т. д., вернуться в Россию

По прибытии в Петербург я подал в военное министерство докладную записку, подписанную, кроме того, делегатами из Англии и Швейцарии, Бердниковым и Абрамовичем. В этой записке указывалось, что порядок, установленный циркуляром за № 630 и дополнениями к нему, поставил политическую эмиграцию в крайне тяжелое положение. Докладная записка подчеркивала, что контр разведочный отдел генерального штаба, прикрываясь интересами обороны и защиты России от германского нашествия, фактически сводил политические счеты с несимпатичными ему революционными элементами.

На другой день после Октябрьской революции я был приглашен работать в только что образованном Наркоминделе. Работа в блиндированных комнатах Наркоминдела над документами бывш. министерства иностранных дел продолжалась до начала Брестской конференции, куда я был командирован в качестве эксперта. После работы на Брестской конференции я вернулся в Петроград, и здесь на меня была возложена задача взять руководство строительным делом в РСФСР. Таким образом, был создан главный комитет государственных сооружений, председателем коего я оставался до моей мобилизации на фронт в момент продвижения Деникина. В этом комитете были разработаны и частично начаты осуществлением проекты Свирстроя, Волховстроя, Волго-Донского канала. Это была эпоха Sturm und Drang периода нашего строительства, прерванная гражданской войной. На фронте был назначен на пост особо уполномоченного по строительным работам на южном фронте.

С фронта был командирован в Москву. Прибыв в Москву, я явился на заседание ответственных коммунистов в Леонтьевском переулке (сент. 1919) и здесь был контужен осколками бомбы и помещен в санаторию „Габай". После отражения наступления Деникина я был прикомандирован к штабу Сталина (южфронта) и затем был командирован Серебряковым для вручения знамен от красного Питера" 13 й армии и 14-й армии, отличившимся при защите подступов к Москве Я посетил армию командарма Ан. Геккера, латышскую дивизию Калнина и затем совершил от Харькова путь вместе с отрядом червонных казаков под командой Богинского и комиссара Колесова, пока нагнал у Перекопа в самый разгар боев 8-ую червонную дивизию Примакова, которого в то время заменял Трутовский. По поводу моей деятельности на фронте интересно следующее остроумное замечание Ленина, которое привожу, так как оно приложимо и ко многим другим, подобным мне, товарищам. Когда я однажды вернулся с фронта и неожиданно на съезде попался на глаза Ленину в военной шинели, с ремнями

через плечо и с большим наганом у пояса, Ленин, остановив меня и расспросив о дивизии Примакова, похвалил меня и сказал, прищурив хитро один глаз и улыбаясь: „Скажите, т. Павлович, до чего довела нас Антанта, если даже вас посадила на лошадь".

Выполнив все возложенные на меня поручения, я снова вернулся в штаб Сталина (в Харьков) и скоро был назначен замнаркомпрос'ом Украины (наркомом был Гринько).

Затем я был вызван в Москву для работы по подготовке с'езда народов Востока в Баку; принял участие в этом с'езде и был оставлен в Баку для руководства вместе с Стасовой советом действия и пропаганды народов Востока. В октябре 1920 г., во время восстания, организованного Нажмудином Гоцинским в Дагестане, я отправился в горы вместе с Каркмасовым, председателем Дагревкома, членом Реввоенсовета Орджоникидзе, командиром Геккером и др. Вызванный затем в Москву, я был назначен членом коллегии Наркомнаца (1921—1923) и председателем Научной Ассоциации Востоковедения. В настоящее время, кроме последней обязанности, выполняю также обязанности ректора Института Востоковедения и председателя Союзной восточной торговой палаты. Кроме того, состою профессором Военной академии. Несу партийные обязанности лектора, агитатора, выполняю литературные задания.

Наиболее крупными работами моими являются: „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего", „Борьба за Азию и Африку", „Мировая война 1914—1918 гг и будущие войны", „Империализм" (курс лекций, читанных в академии), „Французский империализм", „Русско-японская война" и др. В настоящее время Гиз печатает собрание моих сочинений Основная идея, которую я проводил в своих работах еще до мировой войны, заключается в подчеркивании роли тяжелой индустрии во внутренней экономике и внешней политике империалистических государств. На вопрос — противоречит ли этот взгляд теории Ленина отвечаю: ни сколько. Раз империализм есть монополистический капитализм, естественно, что металлургическая промышленность, как наиболее монополистическая по своему характеру, как ранее других созревающая к картеллированию, к организации в форме национальных и интернациональных трестов, синдикатов, концернов, является царицей современной капиталистической промышленности, гегемоном в современной индустрии.

Из моих работ, описывающих события, участником которых я был, укажу: „На высотах красного Дагестана" (из истории контр революции на Кавказе, путевые наброски), „Взрыв в Леонтьевском пер. 25 сентября 1919 г.", „К истории возникновения Академии", в сборн. „Военная академия за пять лет" (М 1923 г.).

Пестковский, Станислав Станиславович (*автобиография*). Родился я в средней помещичьей семье в Польше, в имении Келчиглов Калишской губ. 3 декабря 1882 г. До десятилетнего возраста я провел мое детство почти безвыездно в этом имении. Уже с 4-летнего возраста меня обучали грамоте, а затем языкам (французскому и немецкому), географии и истории. Последняя была всегда и осталась до сих пор моим любимым предметом. Это, отчасти, об'ясняется моей заинтересованностью в истории Польши, заинтересованностью, возбужденной во мне моими родителями, горячими польскими патриотами.

В десять лет я поступил в классическую гимназию в Лодзи. Прямо из тихой деревенской обстановки я попал в шумный промышленный город. Здесь я подвергся сразу разным влияниям, имевшим большое значение для моей судьбы. Классическая казенная гимназия в эпоху „деляновского" режима имела много общего с царской казармой. Этот казарменный режим уже с низших классов вызывал „бунтарское" настроение у большинства юношества. Лишь небольшая группа „маменькины сынки" — подчинялась режиму.

Будучи весьма патриотически настроен, я живее, чем многие другие товарищи, чувствовал гнет руссификаторской деятельности гимназии и, будучи весьма крепкого здоровья и горячего темперамента, вскоре стал одним из вожаков бунтарской массы. В лодзинских условиях эта бунтарская школьная масса всегда держала связь с так наз. уличными элементами, т.-е. детьми рабочих. Я очень скоро приобрел много знакомств в этой последней среде. Большую часть свободного времени я проводил на улице с пролетарской молодежью. Наше времяпрепровождение в этом возрасте (от 10 до 15 лет) сводилось, главным образом, к играм и разным хулиганским выходкам. Тем не менее это время имело для меня большое значение: оно разрушило во мне поклонение „аристократическим принципам", вынесенное мною из дому, и дало моему „патриотизму" радикальное демократическое направление.

ПЕСТКОВСКИЙ С. С. (1882–1937).

С 1926 заместитель председателя, секретарь ЦК МОПР, позже в Коминтерне, затем на научной работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Приблизительно с 15-летн. возраста я начинаю принимать участие в тайных патриотических кружках польской молодежи. В то же самое время у меня развивается наклонность к чтению более серьезных книг. Из общеизвестных книг, имевших самое большое влияние на образование моего мировоззрения, выделяю: 1) „Историю цивилизации", Бокля, 2) „Историю отношений между верой и разумом". В. Дрэпера. До тех пор, пока познакомился с этими книгами, я был верующим католиком. После прочтения их ударился в атеизм. Тогда-то я стал тяготиться патриотическими „обществами". В этих обществах господствовал клерикально-консервативный дух, развиваемый партией „национальных демократов" (толка Длювшаго), руководившей националистическим движением польской молодежи. В 1900 г. в 6-й класс нашей гимназии поступил Зигмунд Дроздович, тесно связанный с П. П. С. Это был очень способный юноша, романтическо-социалистического направления. Он начал в нашей среде социал-патриотическую агитацию и вскоре организовал „союз польской социалистической молодежи". Я стал активным членом этого союза, т.-е. стал работать фактически под руководством П. П. С. Но вскоре П. П. С. перестала меня удовлетворять. Дело в том, что с того времени, как я стал „критически-мыслящим" юношей, я больше всего тяготился показной сентиментальностью и мещанством мысли польского общества, польской интеллигенции и примкнул к социализму потому, что он мне обещал разрыв с „обществом", а П. П. С. пыталась установить мост между пролетариатом и „обществом". Поэтому я весьма скоро стал разочаровываться в социал-патриотизме.

Весной 1902 г., будучи еще связан с П. П. С., я основал первый мой рабочий кружок из моих личных знакомых рабочих большой текстильной фабрики Бейниха в Лодзи. Вскоре после этого я вошел в контакт с польскими социал-демократами. Здесь самое большее влияние оказал на меня Иосиф Биренцвейг (умерший впоследствии во время заключения в Варшавской цитадели в 1904 г.). С тех пор я стал социал-демократом.

Для моего марксистского развития сильное влияние имели статьи Розы Люксембург, где блестяще критиковался польский социал патриотизм. В начале 1904 г. я был арестован в первый раз по делу лодзинской организации С. Д. П. и Л. и заключен в Варшавскую цитадель. Во время заключения я прочел несколько научных книг, в том числе политическую экономию А. Богданова и Железнова, которые немного укрепили мое мировоззрение. Но самое сильное влияние на мое развитие имела революция 1905—1906 гг. Эта революция в Польше отличалась особым обострением классовой борьбы. Мне пришлось все время в качестве нелегального работать в самой гуще пролетарских масс. Для моего развития сильное влияние имели несколько экономических забастовок, где я был организатором. До октября 1905 г. я был членом лодзинского комитета С. Д. П. и Л., затем членом комитетов Ченстоховского, Варшавского и Домбровского каменноугольных бассейнов. У нас в Польше, вследствие очень малого количества интеллигентов в партии, не был проведен принцип строгого разделения труда, и поэтому мне приходилось работать агитатором, пропагандистом, техником, литератором и даже организатором боевых дружин.

Осенью 1906 г. я был арестован по делу ченстоховского комитета С. Д. П. и Л. и в августе 1907 г. приговорен Варшавским военным окружным судом к 4 годам каторжных работ. Каторжный режим в послереволюционное время отличался особой жестокостью. В большинстве каторжных тюрем, где я отбывал срок, начальство старалось сжить со свету политических каторжных. Поэтому очень часто обстановка была такова, что немыслимо было работать. Несмотря на то, мне за время моей каторги удалось довольно основательно проштудировать „Капитал" Маркса, многие сочинения по политической экономии, философии и довольно основательно познакомиться с историей международного и русского рабочего движения. Наказание я отбывал в Варшавской, Ломжинской, Смоленской и Александровской (в Сибири) каторжных тюрьмах.

Весной 1911 г. я вышел на поселение в Иркутскую губ. в тутурскую волость. Два месяца спустя я бежал оттуда и был арестован в Иркутске. После 6 месяцев тюрьмы был отправлен обратно в тутурскую волость. Летом 1912 г. я был арестован в той же волости карательной экспедицией жанд. ротмистра Соловьевича и водворен опять в Иркутскую тюрьму по обвинению в участии в „Сибирской боевой дружине", анархистского характера организации, с которой я не имел ничего общего. После года заключения был отправлен опять на

поселение в карапчанскую волость киренского уезда.

Осенью 1913 г. совместно с Владиславом Пляттом я удрал из ссылки и прибыл за границу. Поселился сперва в Кракове. Здесь встречался иногда с Лениным, Зиновьевым и Каменевым, гл. обр. у Ганецкого. Считая Краков захолустьем, я переехал летом 1914 г. в Бельгию, в Льеж. Здесь меня застала война. В Льеже я был арестован по приказу германского командования, но был временно освобожден под надзор полиции. Воспользовавшись этой передышкой, я в компании нескольких русских и бельгийцев пешком тайком переправился в Голландию, а затем в Лондон. В Лондоне я поступил в университет и занимался в знаменитой библиотеке Британского музея. Но уже в 1915 г. был вынужден искать работы в качестве рабочего, так как Польша была занята немцами, и всякий приток денежных средств из дому прекратился.

Я поступил на работу в качестве помощника электромонтера на лондонские трамваи. Одновременно я поступил в Британскую социалистическую партию, где работал активно, стоя близко к Ц. К., и в трэд-юнион торгово-промышленных служащих, где вскоре стал членом районного комитета. Все это дало мне возможность довольно основательно познакомиться с английским рабочим движением, что, в свою очередь, сильно расширило мой горизонт. В Лондоне я состоял все время членом большевистской секции Р. С. Д. Р. П. совместно с Литвиновым, Клышко, Керженцовым, Гольцманом и мн. др.

В начале 1916 г. образовалась в Лондоне социалистическая международная комиссия для борьбы за право политических эмигрантов. Я был в этой комиссии представителем больш. секции. Эта комиссия, под предлогом борьбы за права политических эмигрантов, вела широкую антимилитаристскую работу среди английских тред-юнионов и навлекла гнев английской полиции. От ареста спасла нас Февральская революция. В июне 917 г. я вернулся в Петроград. Стал работать сперва управделом петербургского совета профсоюзов, а затем, с корниловского восстания, членом секретариата центр. ком. партии большевиков под непосредственным руководством покойного Я. М. Свердлова.

24 октября Ф. Дзержинский от имени петербургского военно-революционного комитета отправил меня брать главный телеграф. Я занял телеграф без выстрела и в течение 10 дней оставался комиссаром телеграфа. После этого я был назначен, против моей воли, управляющим Гос. банком, но после трех дней отпросился в отставку. Затем до лета 1919 г. работал сперва членом коллегии, а затем заместителем наркома в Нар. Ком. Нац. Эта работа имела для меня большое воспитательное значение. Моим непосредственным руководителем был Сталин. Кроме того, я принимал участие почти в всех заседаниях Совнаркома под председ. Ленина. Если вообще я заслуживаю название „государственного человека", то этим я обязан, гл. обр., этой совнаркомской школе и руководству Ленина и Сталина.

Летом 1919 г. я был назначен председателем военно-революционного комитета Киргизского края. Летом 1920 г. во время наступления поляков я отпросился на западный фронт, где работал сперва помощником, а затем начальником политического управления фронта. Эту работу на фронте я считаю самой приятной в моей жизни. В 1921 г. я был назначен председателем русско-украинской делегации пограничной комиссии с Польшей. Летом 1922 г. я перешел на партийную работу, в которой пребывал вплоть до моего назначения летом 1924 г. полпред. СССР в Мексике.

Петровский, Григорий Иванович (*автобиография*), родился в 1877 г. в г. Харькове. Дяди и деды мои были крестьяне, занимались сельским хозяйством в селе Печенеги Харьковской губернии. Отец — ремесленник портной, а мать у меня была прачка. От отца остался я трех лет, всех же детей у матери было трое, из коих один только я уцелел. Приблизительно с трех-четырех лет вместо отца у нас был отчим, от которого у матери были трое детей; отчим был человек грубый и зарабатываемые им 50 копеек в день почти всегда пропивал; жили мы чрезвычайно бедно, частенько в это время приходилось питаться одной тюрей. В Харькове два с половиной года я учился в образцовой школе при семинарии и из-за отсутствия средств, необходимых для платы за право учения, я был исключен. Продолжать учебу путем самообразования и работать, гл. обр., чтобы самостоятельно в дальнейшем бороться за существование, да и найти работу было чрезвычайно трудно, а страшно хотелось обязательно быть слесарем или токарем, „чтобы сделать паровоз". Таковы иллюзии детства. Преодолев тяжелые препятствия, мне удалось поступить в слесарно котельную мастерскую, но издевательства и эксплоатация мастера были так гнусны, что только за жалобу на это по начальству я был

ПЕТРОВСКИЙ Г. И. [1878 (по уточненным данным) – 1958].

В 1937–38 заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. До 1939 член ЦК, в 1926–39 кандидат в члены Политбюро ЦК партии. С 1940 заместитель директора Музея революции СССР.

выброшен. Года полтора тянулась тяжелая и временная поденщина. А перед семьей вновь повторялись периоды полуголодного существования, усилившегося голодными 91 и 92 гг. Это обстоятельство заставило меня покинуть Харьков и ехать к брату, с которым я вел переписку, в Екатеринослав, и в 1902 г. опять-таки с большими затруднениями, через всякие рекомендации и просьбы старшего брата моего, я поступил на Брянский завод. Сначала очень не везло. Я проходил, как полагается, все этапы учебы в кузне, слесарке, на станках, пока, наконец, не попал на токарный станок в инструментальной мастерской мостового цеха и отсюда уже фортуна профессиональной удачи пошла у меня в гору.

В 1897-98 гг. я уже владел токарной профессией зарабатывал до двух с половиной рублей в день, что по тогдашним временам считалось порядочным заработком. Приблизительно в 1895—98 гг. среди рабочих мастерской, где я работал, начинает развиваться критическое отношение к тому тяжелому положению, в котором находилась громадная масса рабочих. Низкая заработная плата, вначале 13-часовой, а потом 11½-часовой день не давали рабочему-семьянину возможности хотя бы безбедно существовать Страшный произвол монтеров, мастеров, начальников и еще хуже—полиции, все это вместе взятое не могло не побуждать рабочих к обсуждению тяжелой окружающей обстановки, и то, что было в моей мастерской, было по всему заводу; рабочие группами прячась, а потом и на массовках приводили в систему свои взбудораженные мысли.

В 1896 г. я перехожу на квартиру рабочего Игнатова которого вскоре арестовывают. Мне пришлось помогать не только своей семье, но и семье Игнатова и тут же с непопавшими под арест товарищами Игнатова усваивать первые уроки социалистической учебы в кружках, которые мы на основе только-что полученного опыта лучше конспирировали и очень усердно занимались в них. В эти годы молодежи приходилось от 6 часов утра до 6 часов вечера работать; во время завтрака, обеда и др коротких перерывов мы с жадностью волков поглощали запрещенные брошюрки, а главное, тут же в проходах и около станков разбирались вопросы организации и критического подхода к только-что усвоенному свежему социалистическому материалу А параллельно с этим каждодневно приходилось на опыте вести практически классовую борьбу против слуг капитала и изворачиваться, чтобы не быть пойманным с прокламацией или брошюркой бригадиром, мастером, начальником, сторожем или полицейским шпионом, кругом шныряющих и всегда следивших за нами. Первое социалистическое движение тогда захватило солидных возрастом рабочих, а после первых арестов все больше вовлекалась молодежь, училась организовываться и бороться против капиталистов и фабрикантов В тот же рабочий день, или скорее рабочие сутки, нужно было на вечерних курсах раза 3 в неделю часа по три заниматься по улучшению технического своего образования.

В 1897 г. в Екатеринослав ссылается группа петербургских рабочих. Из них особенно много проработали в области пропаганды и агитации среди екатеринославских рабочих Бабушкин и Морозов от которых я и получил более правильное и четкое понимание учения о социализме и классовой борьбе рабочего класса против капитализма

В 1898 г. летом вспыхнул бунт на Брянском заводе: рабочие разбили проходные ворота, главную контору, потребилку и избили сторожей; это было вызвано непомерным произволом заводской администрации. Бунту этому я очень сочувствовал и немного принимал в нем участие.

В 1899 г. я призываюсь на военную службу, но за слабостью здоровья меня оставляют на поправку. Несколько месяцев после этого я работаю на Харьковском паровозостроительном заводе, но вскоре уезжаю в Николаевск и там с рабочими Сонькиным и теперешним членом коллегии НКИД Коопом, Жмуркиным и др. ведем организацию николаевского комитета РСДРП и рабочих кружков, в которых проходили краткий курс экономической науки Богданова. За участие в забастовках летом в 1900 г. в числе первых трех рабочих меня высылают из Николаева Я приехал в Екатеринослав, связался с местной социал-демократической организацией, и тогда, приблизительно в средине лета, был арестован и потом просидел около года в одиночке. За этот тюремный год я прочел лучшие тогда марксистские книги, занимался арифметикой, геометрией и немецким языком После освобождения работать в Екатеринославе полиция мне не дала, и я, проработав два с половиной года в Донецком бассейне на рудниках, был вновь арестован в 1903 г. еще за первое дело и отсидел 6 месяцев. На этот раз мне удалось найти работу в Екатеринославе, и здесь же я переживал

1905 г. Связавшись вскоре с местной социал-демократической организацией, при начавшемся тогда рабочем движении я был избран сначала цеховым депутатом, а потом в екатеринославский совет рабочих депутатов, будучи его секретарем. Когда организовался во время забастовки стачечный боевой комитет, я также был избран членом его и назначен секретарем.

Торжество реакции после 1905 г. заставило меня сначала скрываться, а потом уехать на три месяца за границу, где я работал в Саарбрюкене (Германия). В 1907 г. я поселяюсь в Мариуполе, сначала работаю на Никопольском заводе, а потом на заводе „Провиданс". Этот период партийной работы проходит мертвым штилем, слабо поддерживается кое где тлеющей искоркой социалистического движения, изредка встречаются разочарованные обломки разбитого корабля крушения 1905 г.

В 1911 г. наступает оживление, а в 1912 г. меня выбирают рабочие депутатом в IV Государственную Думу, где я вместе с моими товарищами работал до 1914 года ноября м-ца, когда всех нас арестовали. Сначала наша фракция была в 13 человек, потом от меньшевиков мы, 6 депутатов-рабочих, откололись и стали называться Российской социал-демократической фракцией 4 й Думы. Московский депутат Малиновский в нашей фракции оказался провокатором, и нам, 5 рабочим депутатам, пришлось обслуживать за это время почти всю рабочую Россию. От имени фракции я участвовал в нескольких социал демократических совещаниях за границей, которые проходили под руководством Ленина, на которых вырабатывалась тактика фракций нашей партии в Государственной Думе и выполнение партийной работы по всей России. Арестовали нас. депутов, на совещании с рабочими в ноябре 1914 г., где обсуждался вопрос об отношении к войне, но не было еще вынесено окончательное решение, и обвинили в принадлежности к партии с.-д. большевиков. Меня с Каменевым, Яковлевым и Ворониным сослали сначала в Туруханск, потом обратно вернули в Енисейск, а через год я был сослан в Якутскую область в Средне Колымск. До Средне-Колымска я не доехал, а пришлось работать в Якутске; и уже только революция меня освободила. Там же, в Якутске, меня избрали областным комиссаром, а потом, по приезде сюда в Россию в ноябре 1917 г. был назначен уже комиссаром по внутренним делам РСФСР.

В 1919 г. на Всеукраинском с'езде советов меня избирают председателем Всеукраинского центрального исполнительного комитета, на каковой работе я нахожусь и до сих пор, совмещая ее с председательством в Союзном ЦИК'е. В тоже время я состою членом ЦК ВКП(б).

Подбельский, Вадим Николаевич, род. в 1887 г., сын известного революционера, давшего пощечину министру народного просвещения Сабурову и сосланного за это в Якутск. обл., где он и был убит во время первой якутской бойни. Мать его за участие в вооруж. сопротивлении полиции также была сослана на каторгу. Молодость П. прошла в Сибири среди бывших политических каторжан и ссыльных, и с первых классов гимназии П. становится революционером. В 1904 г. он принимает участие в нелегальн с'езде учащихся в Москве, в 1905 г — в революционном движении учащихся в Тамбове, затем вступил в ряды соц.-дем. партии, в 1906 г. был арестован и выслан из Тамбовск. губ., а в 1908 г. отправлен в Вологодск. губ. на 3 года. В 1912 г. П. возвращается в Тамбов, редактирует основанную им же газету до 1914 г., когда она была закрыта за антимилитаристич. агитацию. Агитацию он продолжает и в Москве в Зем. Союзе и столичн. прессе, и лишь Февральская революция спасла его от нового ареста. В этой революции ему принадлежит организация первого революционного протеста в Москве (забастовка наборщиков моск. газет). Затем он работает в районных организациях, моск. комитете, в моск. городск. думе, в которую он был избран по списку большевиков. В Октябрьской революции П. принимает участие в партийн. пятерке, руководившей московск. восстанием, занимает моск. почтамт. В мае 1918 г. он назн. наркомом почт и телеграфов и положил много энергии на воссоздание правильной почт.-тел. связи в республике, принимая в то же время оживленное участие в агитационной и организационной работе. Ум. в 1920 г. (См. „*Пам. бор.*").

Покровский, Михаил Николаевич (*см. XXXII, 473/4*) (*авториз. биография*), по сведениям, помещ. в „Кал. Ком." (на 1925 и 26 г.), член партии с 1905 г. В 1905 — 1906 гг. состоял членом литерат. группы при МК, а позже и членом МК. Был делегирован моск организацией на Лондонский с'езд и вскоре после возвращения эмигрировал во Францию, где прожил до революции, ведя литер и научную работу. По возвращении в Россию вскоре после Октябрьской революции сменил Ногина в качестве председателя Московского Совета Р., К. и К. Д. В 1918 г.— предсе-

ПОДБЕЛЬСКИЙ В. Н. (1887–1920).

ПОКРОВСКИЙ М. Н. (1868–1932).

В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Член ЦКК ВКП(б) с 1930. Академик АН СССР (1929).

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Е. А. (1886–1937).

До 1927 член коллегии Наркомфина и член президиума Комакадемии. В 20-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. В 1927 исключен из партии, в 1929 восстановлен, в 1933 исключен вновь, но вскоре восстановлен, в 1936 исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

датель Моск. Областного Совнаркома, затем назначен заместителем народного комиссара по просвещению, каковым состоит и в настоящее время; в НКпросе работал, гл. обр., над созданием пролетарской, высшей школы и марксистского кадра преподавателей; с этой деятельностью П связано возникновение рабфаков и организация Института Красной проф-ры. В послесловии к ст. Н. Рубинштейна („М. Н. П — историк России" — в журн. „Под знам. маркс.", 1924, 10/11), М. Н. делит свое развитие, как историка, на три периода. 1-ый период — до 1905 г.; его он характеризует в своих работах, как период „демократических иллюзий и экономического материализма". „Как типичный «академик» — пишет он, — политически я (да и не один я, а, думаю, мы, тогдашние историки-марксисты) был настолько мало чуток, что отлично уживался с буржуазными демократами.. Классовой борьбы не было *около нас*, а с массами мы, академики, соприкасались мало... Классовая борьба оставалась теорией и, как чистая теория, мало отражалась в истор. построениях". Во 2-й период (1905 — 1917) классовая борьба, благодаря 1905 г., из теории стала жизненным фактом — без нее уже нельзя было понять истор. процесса. Пребывание во Франции, этой „первой демократии Европы", окончательно рассеяло „демократ иллюзии", и в противовес распространенному тогда среди партийной интеллигенции тезису: „буржуазная революция кончена" П. выдвигает лозунг: „Буржуазная революция *невозможна*. Мир вышел из периода буржуазных революций — грядущая революция может быть только социалистической" Революция 1917 г., с которой начинается третий период, „доделала то, что было уже заложено во втором периоде,... но доделала так радикально, что здание получило совершенно новый вид". „Впервые вставшая предо мною во всей своей грандиозности действительно материалистическая картина русского исторического процесса замечает П. — открыла предо мною ряд прорех в моих старых изложениях русской истории, но чинить их, как следует было... некогда И меня, конечно, можно „убить" целой тучей мелких противоречий, которые имеются между тем, что написано, хотя бы, в „Русской истории с древнейших времен", и тем, что я говорю и пишу теперь. Если бы я был только профессором – костюм, от которого я долго отбивался, пока Октябрьская революция не надела его на меня насильно — это, может быть, было бы и действительно для меня убийственно. Но я на своем, хотя и очень скромном месте тоже участник революции: а она разве не переполнена мелкими противоречиями? Она соткана из них, но только педант может к ним придираться. Историки следующего поколения... признают, что уж кому-кому, а нам, работавшим в сверхдьявольской обстановке, нельзя ставить всякое лыко в строку, но признают также, надеюсь я, что, благодаря нам, им есть с чего начать'..

Преображенский, Евгений Алексеевич (*автобиография*) Родился я в 1886 г в гор. Болхове Орловской губ. в семье священника. Очень рано научился читать и уже в 4 года читал рассказы в азбуке Толстого. В детстве был очень религиозен. Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькие колокола. Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отвращение к материальному неравенству. Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на пасху рваные сапоги. Сначала я учился в частной школе моего отца; потом перед поступлением в гимназию прошел два класса болховского городского училища. Первые два—три года в орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам, потому что увлекался чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории. На четырнадцатому году самостоятельно пришел к убеждению, что бога не существует, и с этого момента началась у меня упорная борьба внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов. Это отвращение к религии еще более укреплялось благодаря тому, что я наблюдал всю религиозную кухню с ее закулисной стороны собственными глазами. Мои атеистические воззрения еще более укрепились, когда я прочитал два тома „Истории культуры" Кольба. Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умея, впрочем, понять их исторической закономерности. Последнее, однако, было для моего тогдашнего развития скорей плюсом, а не минусом. Меня интересовало тогда не столько

об'яснение религии, сколько ее абсолютное отрицание.

Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения „Русского Богатства", „Русских Ведомостей", „Отечественных Записок", Салтыкова-Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева. С другой стороны, во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях болховского, мценского и брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства

Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отпечатанный на гектографе фельетон Амфитеатрова „Господа Обмановы", перед этим напечатанный в газете „Россия", прокламацию революционного комитета студентов Екатериносл. Горного института, описание избиения студентов казаками и несколько революционных стихотворений, как „Марсельеза", Дубинушка", „Смело, друзья, не теряйте" и т. д. Как сейчас вспоминаю один очень важный момент из своей биографии. Дело было летом, когда я приехал на каникулы домой в Болхово, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени и начал перечитывать все мое нелегальное достояние как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники В определенный момент передо мной встал во всем об'еме чисто практический вопрос: что-же делать. Согласен ли я стать в ряды революционеров, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т. д. И вот здесь то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, чтобы ни случилось.

В нашем городе этим летом единственная революционная „ячейка" состояла, повидимому, из меня и моего товарища детства, сына местного купца—Ивана Анисимова впоследствии ставшего меньшевиком и, кажется, эмигрировавшего вместе с белыми. Мы отправлялись с ним вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением марсельезы, но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы—жалкого старомодного зданьица, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов, наши мысли уходили к Крестам и Бутыркам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима.

Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже тройки, а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории культуры, по общей истории, особенно по истории революции, а также первым началам политической экономии. Кроме того мы с Иваном Анисимовым начали расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла. В этот период у меня появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы Рукописный журнал „Школьные досуги", журнал, который я основал и вел вместе со свихнувшимся потом поэтом Александром Тиняковым, я к этому времени забросил в виду его политической бесполезности. Печатание на гектографе некоторых небольших вещей точно так же меня не удовлетворяло, хотя с одной и той же массы гектографа мы получали сто экземпляров. Я мечтал о типографии и для осуществления своей мечты к следующим каникулам подготовил „повышение уровня техники". В числе прочей революционной молодежи того времени в нашем кругу в Орле были дети владельца местной типографии Алексина. По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта, который я предполагал употребить для более усовершенствованного печатания „Сборника революционных песен" марсельезы и других. С этим шрифтом я приехал домой на каникулы и „открыл" типографию в бане своего отца в саду. Сделал кассы, разложил по ним шрифт и начал набирать „Отречемся от старого мира". Чтобы мои уединенные занятия в бане не были подозрительны для семейства, я убедил отца в том, что мне физически полезно вставать на рассвете и ходить купаться в местную реку Нугрь. Купаться я, конечно, не ходил, а все время проводил в бане, пытаясь овладеть типографским ремеслом. Из моего набора ничего не выходило: буквы рассыпались, некоторых букв не хватало, а когда с огромными

усилиями я набрал первый куплет и с душевным трепетом попытался получить первый оттиск, то все буквы вышли вверх ногами. Когда, наконец, я добился правильного набора, то букв не хватило на два куплета. Промучившись две недели над своим предприятием, я решил „закрыть" типографию, закопал шрифт в землю, а осенью отвез его обратно в типографию Алексина. Пришлось попрежнему остаться на уровне гектографской техники, с тем, чтобы потом перейти к мимеографу на котором мы по поручению орловского комитета печатали те или другие воззвания.

Когда я перешел в седьмой класс гимназии, я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революционности. Надо было выбирать между социалистами революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: „Коммунистический манифест" и „Развитие научного социализма" Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и ненаучным и что только марксизм может указать мне правильную дорогу. Этот перелом в моем мировоззрении имел также и известные практические последствия. До этого момента я распространял среди учащейся молодежи не только социал-демократическую литературу, которая к нам шла от членов орловского комитета с.-д. партии—Валерьяна Шмидта, Петра Семеновича Бобровского (впоследствии ставших меньшевиками), но и с.-р. литературу, которой нас снабжала поднадзорная с-рка Никкелева. Вспоминаю, как я с мрачной решимостью заявил однажды Никкелевой, что я уже не могу помогать ей в распространении эсеровской литературы, потому что я теперь стал социал-демократом.

Из товарищей, которые в это время участвовали в нашей ученической революционной организации, я вспоминаю особенно отчетливо Александра и Евграфа Литкенсов, которые оба трагически погибли (Евграф был впоследствии заместителем наркомпрос'ом), Д. Кузовкова, Н. Михеева, Ледовского, Е. М. Котину. Из семинаристов Романова, М. Феноменова и др. Вспоминаю один весьма курьезный инцидент, участниками которого были упомянутый Анисимов старший Литкенс и я. Мы составляли с. д. тройку в гимназии и должны были хранить постоянно довольно большое количество нелегальной литературы. Чтобы не пользоваться кустарными методами — закапыванием литературы в землю, затыканием в дупло деревьев и т. д., мы решили на квартире поднадзорного Баринова организовать маленький склад. Для этого в подгрубке русской печки мы решили проложить вторую стену из кирпичей и за этой двойной стеной хранить наши нелегальные сокровища, имея один слегка замазываемый сверху выдвижной кирпич. В одно из воскресений мы осуществили с огромными усилиями и предосторожностями всю эту конструкцию и торжественно поместили в этом новом хранилище все наши нелегальные резервы. Но тут случилось маленькое несчастье. Хозяйка дома, которая приходила время от времени топить печь в квартиру Баринова, занимавшего отдельную половину дома, протопивши печь, захотела всунуть под грубку кочергу, которая вдруг теперь не входила туда целиком. Перепуганная хозяйка пошла сказать об этом хозяину, они вместе с фонарем явились обследовать отверстие, но ничего там не нашли, стена была как стена, но кочерга все-таки не входила. Вокруг этой печки пошли разговоры среди соседей, и в следующее воскресенье мы благоразумно решились ликвидировать наш склад с такими же предосторожностями, с какими он был построен. Кирпичи ночью унесли и потопили в реке Орлике. Но когда в следующий раз хозяйка снова пришла топить печь, кочерга уже теперь опять входила как и прежде нормально в грубку до самого конца. Снова появился хозяин, снова обследовали с фонарем подгрубку и опять ничего не нашли. На этот раз они были испуганы еще более, чем в первый раз, и хозяйка начала говорить о действии какой-то нечистой силы, связывая это с поднадзорностью своего квартиранта Баринова. В общем, этот инцидент кончился для нас без особых последствий. Осенью этого же 1903 г. мы развернули более интенсивную работу среди учебных заведений и действовали в качестве с.-д. ячейки орловского комитета партии.

Собственно с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два-три позже.

В начале 1904 г., когда началась русско-японская война, орловский комитет партии выпустил прокламацию против войны и поручил нам трем распространить ее в большом количестве в гимназии. Мы осуществили это следующим образом. Во время одного урока мы одновременно все трое из разных классов

вышли в раздевальню, где висели пальто всех гимназистов, и, улучив удобный момент, разложили полторы или две сотни прокламаций в карманы пальто всех гимназистов старших классов. Операция прошла благополучно, и когда гимназисты одевались и расходились по домам, они все с удивлением находили в карманах произведение орловского комитета. Получился громадный скандал, администрация металась в поисках виновников, жандармы учинили следствие, но виновников не нашли. После этого первого нашего организационного выступления орловский комитет счел возможным принять нас формально в группу пропагандистов при комитете, что после некоторого легкого коллоквиума было сделано в феврале 1904 г.

Весной этого года я получил маленький кружок из двух человек рабочих с Хрущевского механического завода и довольно длинно, но не очень убедительно раз'яснял им программу партии. Летом того же года, перейдя в восьмой класс гимназии, я, посоветовавшись с комитетом, взял летний урок в центре Мальцевских заводов, на Дядьковской фабрике брянского у. у сына местного станового пристава Золотова. Своего ученика, Николая Михайловича Золотова, ныне живущего во Франции, я обратил в с.-д. веру. Занимаясь с ним официально латынью, мы главные наши усилия употребляли на пропаганду среди рабочих Дядькова, Ивота и др. Мальцевских заводов. Здесь впервые я познакомился с Фокиным, который играл впоследствии большую роль в строительстве наших организаций советской власти в Брянском районе. Становой пристав Золотов, отец моего ученика, прилагал много усилий, чтобы выловить дядьковскую ячейку нашей организации, которая распространяла нелегальную литературу и выпускала прокламации на мимеографе. Хранение этого мимеографа и нелегальной литературы мы осуществили довольно своеобразным способом. Мой ученик жаловался отцу, что ему негде хранить свои книги и тетради и попросил дать ему один ящик в столе отца, который запирался на ключ. Отец охотно дал ему этот ящик с ключом и в этом ящике мы хранили и мимеограф и нелегальную литературу, в то время как отец Золотова устраивал обыски по Дядькову, разыскивая зловредный аппарат распространения. Точно так же, когда нам нужно было устраивать массовки в лесах на отдельных фабриках, мы просили у станового пристава его пару лошадей, чтобы с'ездить на охоту, и ничего не подозревавший становой пристав охотно давал нам своих лошадей с бубенчиками, на которых мы об'езжали организации нашего района. Вся эта история раскрылась только год спустя.

В 1905 г. наша группа провела всеобщую забастовку учебных заведений города Орла в апреле и мае и, несмотря на все это, несмотря на открытые выступления на митингах учащихся, где мы принимали наши академические требования, я не был арестован и даже получил аттестат зрелости. Летом 1905 г. я отправился на партийную работу в Брянск и там руководил вместе с двумя другими товарищами работой брянского комитета партии. Жил я на ст. Брянск, за отсутствием кровати в моей комнате спал на подостланных на полу двух газетах, питался одной колбасой с хлебом, расходуя не свыше 20 к. в день, и каждый вечер ходил пешком туда и обратно в Бежицу, т.-е. проделывал 18 верст, чтобы вести рабочие кружки на Брянском паровозостроительном заводе. В октябре того же 1905 г. по предложению Олимпия Квиткина был кооптирован в орловский комитет. Орловский комитет был тогда организацией примиренческой. Лидер комитета Пономарев, когда Олимпий Квиткин уехал, смеясь говорил другим членам комитета: „У нас имеется два солидных большевика: Михаил Екатеринославский, 20 лет и Евгений Преображенский, 19 лет". Несмотря на эти шутки, я держался твердо своей линии и защищал позицию третьего с'езда нашей партии. С орловским комитетом перед этим произошел один курьез. Он послал своим представителем на 3-й с'езд Олимпия Квиткина, который поехал туда меньшевиком, возвратился же убежденным большевиком и всячески поддерживал меня и Михаила Екатеринославского в наших большевистских настроениях. В октябре я участвовал после опубликования знаменитого манифеста в борьбе с погромщиками в Орле, а затем был послан на работу на Брянский завод. В Брянске я пробыл до половины ноября, а затем по предложению Н. М. Михеева, работавшего тогда в Москве, и с согласия московского комитета я переехал на работу в Москву, где меня назначили ответственным пропагандистом Пресненского района. Здесь я работал все время до восстания и во время восстания, присутствовал на заседаниях районного комитета, руководившего пресненским восстанием, когда нашими силами командовал Седой. Моя функция в это время заключалась, главным образом, в

проведении митингов на бастующих заводах, обстреливавшихся уже в это время артиллерией с Ваганьковского кладбища. Когда Пресня была уже оцеплена семеновцами и горела, я, спрятавши свой браунинг в ватер-клозете своей квартиры, пробрался через цепь солдат ночью в центр города, с'ездил на несколько дней в Орел и потом вернулся в распоряжение бюро нашего центрального комитета в Москве, которым руководил тогда Рыков. А. И. Рыков предложил мне на выбор две организации, где произошли наиболее большие провалы — Костромскую или Пермскую на Урале. Я избрал Урал и через пять дней был уже на месте и был введен в пермский комитет. В Перми в это время постоянно работала Клавдия Тимофеевна Новгородцева; туда наезжал также Яков Михайлович Свердлов, сколачивавший после январского провала уральское об'единение нашей партии. В Перми я проработал около двух с половиной месяцев и по провокации небезызвестного в Мотовилихе Вотинова был арестован вместе с другими товарищами 18 марта. Это было первое мое тюремное сидение. Через пять месяцев, после четырехдневной голодовки, меня вместе с Биной Лобовой, Лизой Кин и другими товарищами освободили из тюрьмы за недостатком улик под надзор полиции. Когда я вышел из тюрьмы и пошел по городу с маленьким узелком вещей под мышкой, меня встретил на улице Александр Минкин, который познакомил меня с состоянием организации и предложил начать работу. На другой день я уже выступал в дискуссии с эсэрами на другом бере у Камы, и колесо обычной подпольной работы снова завертелось. В виду провала областной организаци я отправился в Екатеринбург, Челябинск и Уфу, чтобы восстановить связи, назначил осенью областную конференцию в городе Вятке, но самому мне не пришлось принять на ней участие. Командированный пермским комитетом для закупки браунингов для боевой дружины пермской организации в Петроград, я по провокации Фомы Лебедева (впоследствии мною опознанного случайно в Орле в 1919 году и затем расстрелянного в Перми) был арестован на Казанском вокзале и снова отправлен в Пермь. Второй раз я сидел в пермской тюрьме, а затем в знаменитых Николаевских ротах около восьми месяцев, а потом, когда дело нашей группы перешло в казанскую судебную палату, был снова освобожден за недостатком улик.

Выйдя из тюрьмы, я поехал на Южный Урал, где работал преимущественно на Уфе на Симских заводах и в Златоусте. Нам удалось восстановить снова уральскую областную организацию, одним из самых видных работников которой в это время был Николай Никандрович Накоряков (кличка Назар). В прекрасной уфимской нелегальной типографии мы возобновили издание нашего уральского областного органа „Уральский рабочий", кроме того начали издавать „Крестьянскую газету" и „Солдатскую газету". В 1907 году я присутствовал в качестве делегата от Урала на Всероссийской конференции нашей партии в Финляндии, где впервые познакомился с Лениным. Работа моя на Урале продолжалась до марта 1908 г., во все более ухудшающихся условиях, при растущих провалах и в обстановке все усиливающейся реакции. В марте я был арестован на челябинской городской конференции, проглотил порядок дня и шифрованные адреса и в ту же ночь благополучно бежал из полицейского участка. Будучи окончательно провален на Урале, я, однако, не смог его покинуть и бежал из Челябинска в Уфу переодевшись реалистом. Мне надо было созвать уральскую конференцию, которая была назначена в Златоусте. В Уфе я продержался недолго, и на конференции мне не пришлось быть. Я был арестован на улице шпиками в конце апреля и тут же опознан. Перед моим арестом в Уфе со мной произошел следующий интересный инцидент. У Брюханова, нынешнего наркомфина и бывшего тогда члена уфимского комитета, происходил обыск, при чем жандармы расчитывали поймать меня и имели лист с моими приметами, присланный из Челябинска. Встретившись в дверях с жандармским ротмистром, я, переодетый попрежнему реалистом, сообразил в чем дело и спросил его, где здесь живет студент Вериниковский (это был сын владельца обоих домов, в одном из которых жил Брюханов). Жандармский ротмистр, не подозревая с кем имеет дело, вежливо указал мне дорогу в соседний большой дом, куда я радостно направился. Свою ошибку жандармы узнали уже значительно позже.

Меня продержали некоторое время в Уфимской тюрьме, а потом отправили в Челябинск. В Челябинске я просидел до суда, который состоялся осенью 1909 г. Во время суда, ожидая каторжного приговора, я пытался бежать от конвоя, но неудачно и был жестоко избит конвойными солдатами. Между тем приговор оказался очень мягким: нам дали всем ссылку на поселение. После чего я вторично судился по 102 ст. в Перми

и получил второй раз ссылку на поселение. Пропутешествовав по этапу до Александровской пересылки под Иркутском и просидев там до лета, я летом был водворен в карапчанскую вол. киренского у. В ссылке мы жили дружной семьей в коммуне, в которой вместе с прочими принимали участие покойный Артем Сергеев, Петр Коваленко, Анатолий Галкин и др. товарищи. Занимался я, кроме поденной работы у крестьян, главным образом охотой. Зимой 1911 г. екатеринбургский комитет нашей партии предложил мне бежать из ссылки, приехать в Екатеринбург и поехать от екатеринбургской организации делегатом за границу на конференцию нашей партии, которая несколько позже состоялась в Праге в 1912 г. Я с радостью принял это предложение, тем более, что об этой конференции я имел уже переписку с Надеждой Константиновной Крупской и получил небольшое шифрованное письмо от Владимира Ильича. Незадолго до моего бегства из ссылки по направлению к Екатеринбургу департамент полиции распорядился произвести у меня обыск и послал для этого знаменитого ротмистра Терещенкова, известного расстрелом ленских рабочих. Вследствие зимнего ледохода на Ангаре Терещенков не смог переехать реку и без всяких результатов вернулся обратно в Киренск. Несколько позже в первый день рождества, становой пристав Нижнего-Илимска, в ведении которого мы, ссыльные, тогда находились, получил телеграмму из департамента полиции о моем немедленном аресте, так как екатеринбургская организация была уже арестована и следствием была установлена моя связь с этой организацией. По случаю первого дня рождества становой пристав лежал пьяный, телеграмму вскрыл его секретарь, который проболтался об этом нашим товарищам-ссыльным в Н.-Илимске. Товарищи немедленно послали ко мне гонца, который проскакал почью 80 верст, а минут через 30 я уже сидел на крестьянской подводе и мчался по направлению к железнодорожной станции Тулун. Когда становой пристав проснался, прочитал телеграмму и поехал меня арестовать, я уже проехал навстречу ему Н. Илимск и под'езжал к Тулуну. Из Тулуна я отправился в Новониколаевск, где начал работать в качестве сотрудника в легальной марксистской газете „Обская Жизнь“ В этой газете я поместил несколько статей с защитой нашей большевистской позиции по основным политическим вопросам того времени. Кстати, я тогда списался с Зиновьевым, просил его сотрудничества в газете и получил одну статью, которая пошла за подписью Г. З Обещал сотрудничать и Владимир Ильич, но ничего не успел послать. Осенью 1912 г. вся наша новониколаевская организация была по провокации арестована. Еще раньше был арестован работавший в организации Петр Коваленко. Я был арестован за день до от'езда за границу, куда меня приглашала приехать на какое-то совещание Надежда Константиновна Крупская. Из Новониколаевска я был переправлен в Екатеринбургскую тюрьму, при чем на этапе встретил отправлявшихся в ссылку Л. Серебрякова, Зеленского, Кузменко и других.

В Екатеринбурге я привлекался по процессу с Семеном Шварцем, Евг. Бош, А. Н. Трубиной, А. Парамоновым и др. товарищами. Вследствие глупости прокурора, который смешал меня в своей обвинительной речи с другим Евгением, я, при содействии защиты, в которой участвовали Н Д Соколов, А. Ф. Керенский и Н. М. Михеев, был ко всеобщему удивлению оправдан.

Из Екатеринбургской тюрьмы я был снова отправлен в ссылку, получивши предварительно шесть месяцев тюрьмы за побег. В ссылке этот раз я пробыл недолго, и в 1915 г. мне разрешили переехать в Иркутск. В Иркутске я вступил в местную организацию партии, которая вскоре провалилась. После провала, во избежание новой провокации, мы организовали новую группу из самых „надежных“ товарищей в составе Завадского, Рома, Дзярского, Крута, Самсонова и меня, обзавелись типографией и хотели начать работу изданием написанной мною прокламации против войны Вскоре оказалось, что среди нас, шести „надежных“, оказался провокатор. Мы распустили нашу группу и только после Февральской революции на основе архива Иркутского жандармского управления установили, кто нас выдавал. Это был Давид Крут, привлеченный в 1926 г. к суду в Москве по этому делу. Во время моего пребывания в Иркутске я участвовал в с.-д органе „Забайкальское Обозрение“, где поместил две статьи против войны. После Иркутска я поехал в Читу, где меня застала Февральская революция. Из Читы я уехал в апреле делегатом на состоявшийся несколько позже первый с'езд советов р. и с. депутатов и до с'езда остановился на Урале, где начал работать в Златоусте со своими старыми уральскими друзьями.

После первого с'езда советов я снова вернулся на Урал, был избран членом

ПРОШЬЯН П. П. (1883–1918).

уральского областного комитета, присутствовал делегатом Урала на 6-м с'езде партии где был избран кандидатом в Ц К

В городе Златоусте, куда я вернулся работать, наша партия среди рабочих была в меньшинстве, даже в Октябрьские дни. Большинство рабочих было за с-р'ов. В Октябрьские дни я участвовал в вооруженной демонстрации нашей партии с лозунгами „вся власть советам" и до полной потери голоса убеждал рабочих Златоустовского завода вместе с другими товарищами поддержать переход власти к советам. Это нам удалось только отчасти. Зато, наоборот, в Симском районе, куда я отправился 26-го октября, нашим организациям удалось всюду взять власть и провести национализацию предприятий Симского горного округа. После Октябрьских дней я принял участие вместе с остальными товарищами в строительстве советской власти на Урале и в укреплении наших партийных организаций.

С весны 1918 г. нашим уральским организациям пришлось выдержать натиск чехо-словаков, а затем создать фронт против Колчака. Летом 1918 г. я, будучи делегатом от Урала на 4-м с'езде советов, участвовал в подавлении лево-эсэровского восстания, был легко контужен в левый висок при наступлении на центральный телеграф, занятый эсэрами, а затем был командирован на несколько дней Ревсоветом в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в наших войсках, стоявших на границе с Украиной. Из Москвы я снова отправился на Урал, где Екатеринбург был уже взят колчаковцами и наши отступали на север. В это время я был председателем уральского областного комитета, который взял на себя функции политотдела 3-й армии и выполнял всю соответствующую работу силами своих организаций. При наступлении на Пермь колчаковцев наш Ревком под обстрелом белых эвакуировался из Перми с последними отрядами дивизии Мрачковского, после чего мы стали отступать со всеми силами по направлению к Глазову и Вятке. После того, когда уральское областное об'единение потеряло фактически почти всю свою территорию, уральский областной комитет был распущен постановлением Центрального Комитета, я был отозван в Москву, где начал работать в редакции „Правды". Был делегатом на 8-м с'езде партии и участвовал в комиссии по выработке партийной программы Затем я был послан уполномоченным от ВЦИК'а в Орловскую губернию.

Вернувшись в Москву, присутствовал при взрыве в Леонтьевском переулке. После освобождения Урала снова был откомандирован на партийную и советскую работу в Уфу. От уфимской организации я был избран на 9-й партийный с'езд, на с'езде был избран в Центральный Комитет, а ЦК был избран одним из трех секретарей. После 10-го партийного с'езда я был назначен председателем финансового комитета ЦК и СНК, руководил его работами по приспособлению нашего денежного обращения и финансового хозяйства к условиям новой экономической политики, был затем председателем Главпрофобра, был одним из редакторов „Правды" и выполнял ряд других функций перечислять которые было бы неинтересно.

Из моих литературных работ, кроме мелких брошюр и многих статей в „Правде" и в журналах, упомяну следующие: „Анархизм и коммунизм", написанную с Н. Бухариным „Азбуку коммунизма", „Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры", „Причины падения нашего рубля", „От нэп'а к социализму", „О морали и классовых нормах", „В. И. Ленин", „Экономика и финансы современной Франции", „Об экономических кризисах при нэп'е" и, наконец, первый том еще не законченной работы „Новая экономика".

Прошьян, Проша Перчевич род. в 1883 г. Будучи студентом Новороссийского университета, работал в подпольной организации партии с.-р. и в 1905 г. был присужден к 6 годам каторги за попытку освобождения политических заключенных из одесской тюрьмы. По окончании каторги был сослан на поселение, откуда ему удалось бежать. Вскоре однако, он был арестован и снова приговорен к каторжным работам. В 1913 г. бежал за границу. В годы войны П. стал на интернационалистскую точку зрения, участвуя в издании „пораженческих" журналов. После Февральской революции он вернулся в Россию и стал издавать в Гельсингфорсе газету „Социалист-революционер", ведя резкую кампанию против оборонческой позиции центрального комитета партии с.-р. Порвал с правым крылом, сделался членом ЦК левых с.-р. и был выбран во ВЦИК второго созыва. П. стоял за совместную работу с большевиками, участвовал в Октябрьском перевороте и в 1917 г. входил в первый Совнарком в качестве наркома почт и телеграфов Являясь решительным противником Брестского мира, он участвовал в убийстве Мирбаха и был приговорен к трехгодичному заключе-

нию. По дороге в ссылку заболел и умер в дек. 1918 г. (См *„Кат. и с."*, № 2, 1924 г., *„Пам. бор."*).

Пятаков, Георгий Леонидович (*автобиография*), род. 6/19/VIII/1890 г. на Марьинском сахарном заводе (Киевской губ черкасск. у.) в семье директора этого завода, инженер-технолога Леонида Тимофеевича Пятакова. В 1902 г. поступил в III класс киевского реального училища св. Екатерины В 1904 г. вступил в ученический революционный кружок неопределенно социал-демократ. характера В 1905 г. принимал активное участие в ученическом движении в качестве руководителя „возмущения"; входил в состав общеученического комитета, в то же время участвовал в уличных демонстрациях и митингах. За руководство „училищной революцией" исключен из училища. В это время сблизился с анархистами. За 6 классов сдал экзамен экстерном. Летом 1906 г. вел активную анархистскую работу среди крестьянской и рабочей молодежи; был руководителем кружка в 50 человек. Из этого кружка и соседнего, руководившегося Иустином Жуком, выделилась экспроприаторская группа во главе с Жуком. После экспроприации кружки распались. В 1906—1907 гг. снова поступил в то же реальное училище, но снова был исключен за „дерзкий спор" с училищным попом. В 1907 г. экстерном кончил реальное училище. Летом 1907 г. анархистский кружок распался. В Киеве осенью вошел в совершенно автономную террористическую группу в целях убийства киевского генер.-губерн. Сухомлинова. Однако, в это время начинается тяжелый внутренний кризис. Анархистская практика отталкивала. Анархистская идеология (я принадлежал к анархистам-коммунистам кропоткинского толка) не удовлетворяла. Я начал тщательно и в большом количестве изучать революционную литературу. Огромное впечатление произвели Плеханов—„К развитию монистического взгляда" (еще до этого я был уже материалистом и дарвинистом), и Ленин—„Развитие капитализма" и „Что делать". После этого я отхожу от анархизма совершенно и сажусь за Маркса. В это же время, сдав экстерном экзамен латинского языка, поступаю в питерский университет. Годы 1907–1910 посвящаю исключительно теоретической работе, а именно—изучению Маркса марксистской литературы, классиков полит. экономии (Кенэ, Смит, Рикардо), современной экономической литературы, хозяйства России, статистики (особенно математической статистики), философии (Спиноза, Кант, Фихте, Гегель и новейшие течения) и др. К 1910 г. я оформился вполне и бесповоротно в качестве ортодоксального марксиста. Связываюсь с университетскими с.-д. и становлюсь социал-демократом. В конце 1910 г. происходят университетские беспорядки („толстовские" и „сазоновские" дни), в которых принимаю активное участие. Арестован и просидел в административном порядке 3 месяца, после чего исключен приказом министра просвещения Кассо из университета и выслан из Петербурга в Киев. В Киеве в это время произошел большой провал с.-д. организации. По приезде в Киев нахожу связи, и вместе с Е. Б. Бош, Я. Шильганом и др. образуем инициативную группу для возрождения нелегальной организации. Находим остатки киевского комитета РСДРП и вместе с ними созываем городскую конференцию, которая оформляет организацию, избирает комитет (в который вошли Е. Б Бош, Д. Шварц, В. Аверкин, Пигосянц, я и др.) и посылает Д. Шварца на общероссийскую конференцию (январь 1912 г.), созванную большевиками, на которой был переизбран ЦК РСДРП. Нелегальная работа сопровождалась бешеной борьбой с ликвидаторами. Ленская трагедия дала нам повод выступить открыто (стачка и митинги). После этого произошел провал организации и комитета. Я и несколько членов комитета остались на воле. Нужно было возрождать всю работу, что и было сделано; мне лично пришлось быть сразу и секретарем комитета, и хранить нелегальную литературу, и руководить нелегальной типографией, и писать прокламации и печатать их, и восстанавливать связи и вести кружки; одним словом, для нелегальных условий чересчур „разнообразная" работа. В июне 1912 г. меня и часть комитета арестовали В XI/1913 г — суд: осужден по 102 статье и приговорен с 5-ю товарищами к ссылке на поселение. В IV/1914 г. пришел в ссылку (Иркутская губ.) и в октябре бежал через Японию за границу. За границу бежал потому, что хотел разобраться в крахе II Интернационала и в международных перспективах, ибо с первых дней войны занял резко интернационалистскую и антивоенную позицию.

В Швейцарию приехал прямо на бернскую конференцию большевиков, в которой принял непосредственное участие и целиком стал на позицию бернских решений. Затем с Лениным, Зиновьевым, Бухариным и Бош приступили к выпуску журнала „Ком-

ПЯТАКОВ Г. Л. (1890–1937).

В 1927 торгпред СССР во Франции. В 1927 исключен из партии, вскоре восстановлен. В 1928 заместитель председателя, в 1929 председатель правления Госбанка СССР. В 1930–31 член Президиума ВСНХ, в 1931–32 заместитель председателя ВСНХ. С 1932 заместитель наркома тяжелой промышленности. В 20 – 30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. В 1930–36 член ЦК партии. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" приговорен к расстрелу, реабилитирован посмертно.

ПЯТАКОВ Л. Л. (1888–1918).

мунист". Вышел № 1—2. С Лениным у меня, Бухарина и Б ш произошел в конце 1915 г. конфликт по национальному вопросу, а затем по вопросу о дальнейшем ведении журнала „Коммунист" Мы трое заняли неверные позиции. Журнал прекратил свое существование. Бухарин, Бош и я переехали в Стокгольм, где вели работу. После конгресса шведских левых, в подготовке которого мы принимали некоторое участие, шведов арестовали; арестовали Бухарина, а позже меня, Сурица и Гордона. После ареста нас четверых выслали в Христианию, где меня и застала Февральская революция. Немедля мы (я и Бош) поехали в Россию. На границе меня арестовали (ибо у меня был фальшивый паспорт), продержали в тюрьме г Торнео 3 дня, а затем под конвоем выслали в Питер. Оттуда я поехал в Киев. Вошел не медля в работу большевистской организации. Стал председателем киевского комитета с.-д. большевиков и членом исполкома С.Р.Д. В сентябре избран председателем киевского С Р Д В дни Октября был председателем ревкома. Арестован юнкерами и казаками вместе с рядом других товарищей Освобожден восставшими рабочими и солдатами. Затем вызван Лениным в Питер для овладения Госуд. банком, что и сделал вместе с Осинским. До Бреста был сначала помощником гл. комиссара Госуд. банка, а затем гл. комиссаром. По вопросу о Бресте разошелся с ЦК и отправился воевать на Украину с наступающими немецко-гайдамацкими войсками. Вступил в отряд Примакова, в котором исполнял разнообразные должности: вел политработу, выпускал с Лебедевым газетку „К оружию!", чинил суд и расправу, ездил в разведку и был пулеметчиком. К апрелю 1918 г. нас оттеснили к Таганрогу—Ростову. Здесь собралась инициативная группа товарищей и создала орг. комитет по созыву конференции комм. партии (большевиков) Украины, а центр. исполн. комитет Украины создал нелегальное рабоче-крестьянское правительство Украины. В обе организации я вошел и до конца 1918 г. активно участвую в руководстве нелегальной партийной и повстанческой работой на Украине и в создании комм. партии (большевиков) Украины. Летом 1918 г. участвовал в подавлении лево-эсеровского мятежа. В XII/1918 г., когда восстание на Украине, после германской революции, началось, становлюсь председателем временного рабоче-крестьянского правительства Украины. До июля 1919 г. участвую в партийной и советской работе на Украине. Во время наступления Деникина назначаюсь членом РВС 13 армии, а позже комиссаром 42 дивизии той же армии. После начала разгрома Деникина отзываюсь в Москву, где ненадолго получаю назначение комиссара Академии ген. штаба, а затем вместе с Троцким еду на Урал в I армию труда. Но началась польская война; в мае 1920 г. меня назначают на польский фронт членом РВС 16 армии, где я проработал до осени 1920 г. После заключения мира с Польшей меня перебрасывают на врангелевский фронт членом РВС 6 армии. После разгрома Врангеля получил назначение председателя Центр. правления каменноугольной промышленности Донбасса, с какого времени непрерывно нахожусь на хозяйственной работе (и. о. нач Гут'а, зам. пред. Госплана, предс. Главн. конц комитета и с лета 1923 г. зам. предс. ВСНХ).

Пятаков, Леонид Леонидович, род. в 1888 г. там же, где и Георгий Пятаков. В 1904 г. окончил киевское реальное училище св. Екатерины и поступил в Киевский политехнический институт, каковой окончил в 1908 г. В политической жизни Леонида произошел к 1908 г. крутой перелом. До этого он был активным „академистом" (так назывались черносотенные студенческие организации боровшиеся против внесения „политики" в высшие учебные заведения и за академический „порядок"). Он был отличным химиком и только химией интересовался Годы реакции на него подействовали, однако, отрезвляюще. Он начинает интересоваться общими" вопросами. На первых порах ему в этом отношении помогает его профессор М. М. Тихвинский. Затем начинается сближение со мной. Он с головой уходит в Маркса, Плеханова, Ленина. Читает много и добросовестно по вопросам обществознания, философии и истории рабочего движения. После 1908 г. идет в солдаты вольноопределяющимся. Близко сходится с солдатской массой и ведет там индивидуальную пропагандистскую работу, уже приобретая с.-д. мировоззрения. Из армии он выходит вполне сформировавшимся революционером, социал-демократом большевиком. Для меня не ясно, как он вошел в с.-д. организацию, ибо в это время мы были географически далеко друг от друга. С начала войны 1914 г его призвали в действующую армию рядовым солдатом (т. к. за „неблагонадежность" он не был произведен в прапорщики). Как он мне позже раз'яснял, первое время

непрерывных боев было временем его отступления от большевизма: оторванный ото всех, на передовых позициях, постоянно в окопах и боях (он участвовал в 35 боях), Леонид не сумел противопоставить „войне империалистской" „войну гражданскую" и был заражен „оборончеством". В 1915 или 1916 году его послали в тыл в качестве инженера-химика на завод в Баку для работы на оборону. Тут он сразу нашел себя, отошел от оборонческого угара и вошел в бакинскую большевистскую организацию. Летом 1917 г., когда я был уже в Киеве, он приехал в Киев и стал во главе нашей военной организации. Он был блестящим „солдатским" оратором; будучи высоко образованным марксистом-большевиком, он много времени жил с солдатами одной жизнью, знал их психологию и знал, как надо подходить к солдату; не мало помогало и то, что, выступая на солдатских собраниях он неизменно одевал свои георгиевские кресты, чем не мало импонировал:—не тыловик-де, а боевой солдат. После Октябрьского восстания в Киеве сначала установился компромисс между большевиками и Центр. Радой, ибо часть гарнизона (солдат) стояла за Ц. Раду. Затем перевес сил временно перешел к Ц. Раде. Начались преследования большевиков. Руководящие товарищи уже в XII/1917 г. перебрались в Харьков. Леонид оставался в Киеве и вел активнейшую работу в т. н. „украинских" частях (полк им. Тараса Шевченко и др.). Уже несколько частей ему удалось перетянуть на сторону большевиков. Ц. Рада была в бешенстве. Леониду грозила громадная опасность. Все требовали, чтобы он уехал из Киева, ибо его там хорошо знали. Накануне от'езда группа офицеров Ц. Рады ночью ворвалась к нему в квартиру, избила его и увезла. Леонид исчез, и никто не мог узнать, где он. Мы и до сих пор не знаем, где он был. Только после овладения Киева большевиками в январе 1918 г. труп Леонида был найден около Киева на посту Волынском. Труп был в ужасном состоянии – видно было, что его зверски мучали пред смертью; достаточно сказать, что на месте сердца была глубокая воронка, просверленная, очевидно, шашкой, а руки были совершенно изрезаны; как об'ясняли врачи, ему, живому, высверливали сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей шашки. Похоронен Леонид в братской могиле в Мариинском парке.

Г. Пятаков.

Радек, Карл Бернгардович (*автобиография*), род. в 1885 г. во Львове, в Восточной Галиции. На пятом году жизни потерял отца и воспитывался матерью, которая была народной учительницей в городе Тарнове в Западной Галиции, где и кончил гимназию. Вся семья матери состояла из самоучек, жадно стремящихся к культуре. Так как польская культура—клерикально-католическая, то источником образования семьи матери была, как всех евреев Галиции, классическая германская литература, с ее общечеловеческими, гуманитарными идеями. „Натан Мудрый" Лессинга был любимой книгой старшего брата матери, пивовара, который в свободное от работы время усвоил ряд европейских языков и пожирал философскую литературу. Гейне был любимым писателем другого дяди, офицера австрийской армии, который трогательнейшим образом помогал матери. С малых лет я читал по-немецки, пользуясь книгами, оставшимися от отца, среди которых „Всеобщая история" немецкого демократа Ротека играла главную роль. Но скоро в школе я попал под влияние польской литературы и польской истории. Польский патриотизм пленил меня, несмотря на его католическую оболочку. Я и ее принял. И до тринадцатого года жизни был не только польским патриотом, но и имел склонность к католицизму. Вопрос о причинах раздела Польши, о средствах ее восстановления, чтение старой демократическо-патриотической литературы, которая видела причины упадка Польши в господстве шляхты, которая связывала будущее Польши с международным революционным движением, толкнули меня к социальным вопросам. Само собой понятно, что большую роль играла при этом и нужда, царившая в нашей семье — матери приходилось кормить, воспитывать меня и сестру на нищенские гроши— нужда в нашем окружении, состоявшем из бедных ремесленников. Когда мне было десять лет, я в деревне на каникулах услышал от старого батрака рассказ о крестьянском восстании 46-го года, когда крепостные крестьяне вырезали польских помещиков при нейтралитете австрийского правительства, которое таким образом пыталось покончить с опасностью польской дворянской ирредепты. Центром этого движения был весь район над реками Вислокой и Белой, т.-е именно район, в котором я воспитывался. Этот рассказ, корригирующий мои представления о событиях, почерпнутые из патриотических брошюрок, которые скрывали классовые причины восстания и свали-

РАДЕК К. Б. (1885–1939).

В 20-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. В 1927 исключен из партии, в 1929 восстановлен. Занимался публицистикой. В 1936 вновь исключен из партии. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" приговорен к 10 годам тюрьмы. Реабилитирован посмертно.

вали всю вину на подстрекательство австрийской бюрократии, потряс меня до глубины. От него дунуло на меня первым впечатлением большого революционного движения, и я с жадностью стал прислушиваться к тому, что делается в крестьянстве. А крестьянство в Галиции переживало уже тогда полосу политической мобилизации. Среди него работали крестьянские партии людовцев (народники), католический ксендз Стояловский, одно время проклятый папой, жестоко преследуемый правительством и дворянством ищущий помощи у социал-демократии. Я начал прислушиваться к сведениям о социал-демократии. Первое крупное впечатление о ней я получил, будучи еще ребенком, когда читал в газетах о ее борьбе за всеобщее выборное право, когда читал о сценах парламентской обструкции против графа Бадени и об уличных демонстрациях в Вене. Как сегодня помню, какое впечатление на меня произвела картина из венского парламента, когда полиция выносила на руках рабочих депутатов и когда Хибеш, вождь горнорабочих, вырвавшись верхней частью тела из рук полиции, стучал головою по каменным лестницам парламента, влекомый за ноги полицейскими. С первым рабочим я познакомился, когда мне было лет четырнадцать. Я ходил ежедневно в пять часов утра в городской парк читать. И в одно воскресенье меня задержал при выходе из парка строительный рабочий Стажик, неграмотный, и спросил меня, не могу ли я ему прочесть газету. Он вынул из кармана социал демократическую газету „Напшут" („Вперед"), и я должен был ему ее прочесть от начала до конца. От него я узнал, что в городе имеется профсоюз шапочников, текстилей и несколько человек организованных строителей. Вошедши в связь с ним, я начал получать от него социал-демократические брошюрки и издания зарубежной ППС, которые дали мне смутное представление о героической борьбе польского пролетариата против царизма. Будучи учеником гимназии, я начал поддерживать тайную связь с этой группой рабочих. В маленьком помещении в котором они собирались, состоявшем из одной комнаты квартиры еврейского пекаря, я нашел шкап с немецкой социал-демократической литературой. Шапочники принадлежали к общеавстрийскому союзу, который рассылал своим отделениям библиотечки на немецком языке. Там я нашел Каутского „Эрфуртскую программу", Бебеля „Женщину и социализм", речи Лассаля, Меринга „Историю германской социал-демократии". В продолжение года я запустил школьную учебу, читая днем и ночью эту литературу. Усвоив азбуку социализма, я, понятно, взялся за пропаганду в гимназии. В гимназии существовала традиция нелегальных организаций. Я сам принадлежал к патриотической нелегальной организации, которая ставила себе неизвестные мне ближе цели и которая нас, мальчиков, посылала поздно вечером на кладбище для испробования наших сил и нашего характера. Эта организация в дальнейшем произвела покушение на собственника большого пивоваренного завода Геца, чтобы от него добыть деньги на освобождение Польши. Старший мой товарищ по гимназии, который это покушение производил, был арестован и получил четыре года каторги. Это произвело тогда громадную сенсацию, и для исправления наших мозгов приезжал инспектор всех галицийских школ, консервативный историк Бобжинский. Надва года трагическая развязка запугала нас, но потом, когда в моих руках очутились социалистические брошюры, я взялся за организацию новых кружков на социалистической основе. В состав их входило около 20 человек, между прочим, известный теперь в Польше актер Стефан Ярач и Марьян Кукель, польский военный историк и начальник военной академии освобожденной Польши. Социализм об'единялся в наших глазах со стремлением к независимости Польши. О марксистской социал-демократии Польши и Литвы мы ничего не слышали. Разгромленная арестами 1896 г., она начала в более широком размере выступать публично только в 1902—1903 году. Патриотизм, демократия, социализм—в этих трех словах, являющихся заголовком сборника статей ветерана польского патриотического социализма—Болеслава Лимановского, выражалась совокупность наших политических идей. Но встречаясь с рабочими, я должен был заняться вопросами их ежедневной борьбы, вопросами охраны труда, страхования, заработной платы, и я чувствовал что эта их борьба за их ежедневные требования не увязывается с борьбой за независимость Польши, что она ведет не к сепаратной борьбе польских рабочих трех частей, на которые была разделена Польша, а к совместной борьбе польских рабочих Австрии, Германии и России за вопросы, выдвигаемые развитием этих государств. Я начал читать польскую прессу Австрии, Германии и Царства Польского, начал выписывать центральный орган германской социал-демократии „Форвертс" и лейпцигскую „Народ-

ную Газету", главный орган левого направления германских с.-д. Борьба с ревизионизмом, которая велась в этой газете со страстностью и решительностью Мерингом, Розой Люксембург, ставила предо мною вопросы социал-демократической тактики, и я уже тогда начал чувствовать неувязку в своем мировоззрении. Это чувство усилилось, когда в 1901 г. я прочел „Анти-Дюринга" Энгельса и первый том „Капитала". Наша агитационная работа в гимназии не ушла от внимания наших учителей. Некоторые из них, как Новицкий, один из первых социалистических поэтов Польши, или как известный историк польской литературы, Тадеуш Пини, помогали нам, защищали нас, другие травили. Наконец, терпение властей кончилось. В 1901 г. летом, в годовщину битвы под Грунвальдом, состоялся большой публичный митинг крестьян в городишке Домброво, центре польского крестьянского движения в Западной Галиции. Из этого района происходили некоторые мои товарищи по гимназии, и мы, по приглашению крестьян, поехали на крестьянских телегах на митинг. Я тогда в первый раз в жизни выступал на большом митинге на рынке с речью. Речь эта направлена была не только против помещиков, не только против капиталистов, но и против австрийского, германского и русского правительства и кончалась призывом к совместной борьбе рабочих и крестьян за независимую социалистическую Польшу. После митинга крестьяне нас угощали, и один старый крестьянин, который в своей жизни, наверное, видел не одно предательство хорошо начинающих интеллигентов, гладя меня по спине, говорил мне ласковым голосом: „Смотри, не предавай". Это выступление вызвало корреспонденцию в антисемитской краковской газете „Голос Народа", написанную адвокатом Галецким, теперешним воеводой Западной Галиции. И однажды я, возвращаясь из городского парка утром, узнал от директора гимназии, что я исключен.

Благодаря настоянию учителя польской литературы Тадеуша Пини, приехавший на экзамен гимназии инспектор польских гимназий Герман, переводчик на польский язык песни о Нибелунгах, вызвал меня и спросил, не могу ли я с социальной революцией подождать годик, когда кончу гимназию. Когда я после долгой дискуссии на это согласился, он разрешил мне кончить гимназию в Тарнове, но мне все-таки не хотелось ждать, и в скором времени я провалился с пачкой социалистической литературы, был второй раз исключен из гимназии, но все-таки с предоставлением мне права держать экзамены на аттестат зрелости в другом городе.

Мать очень волновалась, боясь, что меня провалят, а у нее отберут право на учительство; я потерял уроки, на которые жил, но был очень счастлив. Я взялся открыто за организацию рабочих. После двух—трех месяцев организационной работы я поехал в Краков и уговорил редактора краковского „Напшода", Геккера, приехать к нам с публичным докладом. Геккеру я очень многим обязан: несмотря на свой социал-патриотизм, он зачитывался классической социалистической литературой, знал ее хорошо и помог мне начать читать систематически. От него я узнал, понятно в искаженном виде, о позиции Розы Люксембург в польском вопросе и о том, что один из молодых членов галицийской социал-демократии, Зигмунд Жулавский, является ее сторонником. Я поспешил познакомиться с Зигмундом Жулавским, который вскоре занял пост секретаря немного выросших за это время профсоюзов в Тарнове, и от него получил первую литературу социал-демократии Царства Польского, первые номера великолепного марксистского журнала Пшеглонд Социал-демократичны", издававшегося Адольфом Варским, Розой Люксембург и Тышкой. Этот журнал, а особенно статьи Варского произвели на меня ошеломляющее впечатление. Из них я узнал, как польские марксисты ставят программные вопросы польского движения, и порвал внутренне с идеологией польского социал-патриотизма. Весь этот год прошел в чтении марксистской литературы — тогда появились первые тома юношеских работ Маркса, изданные Мерингом, и они ввели меня в лабораторию, в которой родился марксизм— и в практической работе среди пекарей, шапочников, строительных рабочих. Летом 1902 г. я держал экзамен на аттестат зрелости и, получив его, начал делать первые шаги на литературном поприще. Я написал первые свои три статьи детскую работу об историческом материализме, напечатанную в социалистическом журнале молодежи „Промень" („Луч"), статью о положении пекарей в Тарнове в газете „Напшуд", за которую меня хотели побить мастера, и статью о прекрасной книге Макса Шиппеля „История производства сахара". У местного адвоката Симхэ я нашел комплект научного журнала германской социал-демократии, который я читал номер за номером. Осенью я отправился в уни-

595

верситет в Краков, где решил не столько заниматься юридическими науками, как завоевывать галицийскую социал-демократию для последовательной марксистской политики. Этого я должен был добиться совместно с Зигмундом Жулавским, который, между прочим, говоря, теперь в качестве председателя центральной комиссии польских профсоюзов и депутата польского сейма совершенно эту задачу отбросил и является правоверным ППС'овцем и решительным врагом коммунизма. Меня включили, несмотря на мои взгляды, в редакцию „Напшода", ибо, как смеялся Дашинский, вождь галицийской социал-демократии, детская болезнь радикализма не долго продолжается, и всякий начинал свою партийную работу с убеждением, что с него начинается история партии. Этот год, прошедший в большой материальной нужде в энергичной умственной работе, в работе среди краковских рабочих, закончил первый период моей жизни. Я познакомился с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, революционная страсть, товарищеская прямота и сердечность которого ускоряли мое развитие, и мне стало ясным, что завоевания социал-демократии в мелко-буржуазной стране без промышленного пролетариата не так легки, что более продуктивно будет работать в Царстве Польском, но для этой работы надо серьезно подготовиться Поэтому после конфликтов с Геккером, на которого я напал на публичном собрании, я уехал в Швейцарию, без копейки в кармане, но с надеждой прокормиться сотрудничеством в марксистском еженедельнике, издававшемся в Варшаве под названием „Глос", в котором руководящую роль играл главный публицист социал-демократии Адольф Варский. В этом журнале я дебютировал в 1904 г. статьей о развитии крестьянского движения в Галиции и начал еженедельно помещать статьи о рабочем движении Запада, рецензии на книги по вопросам польской экономики и международного рабочего движения. Я начал тогда переписываться с Розой Люксембург и был неслыханно горд, когда Варский доверил мне перевод рукописи Каутского, представлявшей вступление к новому изданию „Коммунистического Манифеста".

Осенью, оставив в Кракове неуплаченные долги, с головою, полной веры в будущее, я отправился в Швейцарию. В Швейцарии я ушел в теоретическую учебу и в участие в рабочем движении. Для учебы условия были значительно лучше, чем в Кракове. Великолепно оборудованная университетская библиотека, содержавшая все необходимое для студента по истории экономики, в государственной библиотеке—громадный материал по истории рабочего движения. Занятия пошли по этим двум основным руслам. В так называемом „Международном обществе"—организации иностранных рабочих Швейцарии, в первую очередь немцев,—прекрасная библиотека старых социалистических изданий, читальня с газетами не только центральными, но провинциальными рабочими газетами, еженедельные собрания, на которых обсуждались все вопросы рабочего движения,—все это давало возможность, несмотря на маленькие размеры Швейцарии, шире охватить международную действительность, глубже продумать вопросы рабочего движения. Заграничная ячейка социал-демократии Польши и Литвы, в которую я вступил, начала связывать меня с русским рабочим движением. Она входила в федерацию социал-демократических организаций России, и через нее я познакомился с рядом русских социал-демократов. В Берне учился тогда Зиновьев, из известных будовцев там жил Медем, выдававшийся блещущим красноречием, там я в первый раз слышал выступавшего на собрании Ленина, но из его речи не понял ни слова, там в первый раз слышал Плеханова, произведшего на меня лично отвратительное впечатление. Гремела русско-японская война, революция бросала свои тени, раскол на меньшевиков и большевиков заставлял занимать позицию по отношению к основным вопросам революции.

Позже я переехал в Цюрих, где встретился среди иностранных рабочих, организованных в общество „Единство"—с сильными влияниями анархо-синдикализма и анархизма. В первый раз пришлось публично выступать против полуанархиста, члена социал демократической партии, а теперешнего коммуниста, доктора Брупбахера, который на собрании анархистов самым резким образом нападал на швейцарскую социал-демократию, как на чисто оппортунистическую организацию. Будучи врагом реформизма, я с симпатией относился к его критике, но был глубоко возмущен тем, что он выносит сор из партии на враждебное собрание. Я на него так обрушился, что анархисты чуть не побили меня.

Грянула русская революция и меня потянуло из Швейцарии в царскую Польшу на непосредственную партийную работу Уже в 1904 г., еще будучи членом галицийской социал-демократии, я переписы-

вался с Розой Люксембург и сотрудничал в „Народной Газете", издававшейся ею в Познани. И теперь я обратился к ней с предложением поездки в Польшу. Люксембург предложила мне сначала поработать за границей, где существовал литературный центр партии, и скоро я получил приглашение переехать в Берлин. Там мне не пришлось долго жить. Но за эти несколько недель, прошедших за литературной работой в библиотеках, я присмотрелся к рабочим собраниям, организациям, с глубочайшим трепетом познакомился с Каутским, упрочил литературные связи с лейпцигской „Народной Газетой", издававшейся Мерингом и Иекком. С последним я завязал сношения еще из Швейцарии, откуда посылал ему материалы о польских участниках Первого Интернационала.

Пришел день, когда я с нелегальным паспортом переезжал русскую границу, не зная ни одного слова по-русски. Первый человек, которого я встретил в Варшаве на нелегальной квартире, был Феликс Дзержинский, второй – Леон Иогихес—Тышка, главный руководитель нашей партии. Я был сразу определен в редакцию центрального органа партии, принимал участие в выпуске первого легального ежедневного издания партии „Трибуны" и ушел с головою в агитационную работу среди варшавских рабочих масс. В первый раз прикоснулся к пролетариату громадных заводов, выступал на многотысячных митингах, видел, как быстро растет в революционной борьбе масса, и стряхивал с себя пыль социал-демократических традиций. В Варшаве проходил прекрасную школу. Если непосредственное участие в широком революционном массовом движении, участие в создании массовой революционной партии и массовых профсоюзов в огне революции само по себе уже было достаточно, чтобы перетряхнуть все, чему я научился в первую очередь в школе германской социал-демократии, то этот процесс перетряхивания был тем более плодотворен, что он совершался в ближайшем сотрудничестве с такими прекрасными революционерами, как Роза Люксембург, приехавшая тогда в Варшаву, Тышка и Варский. Самое сильное влияние имел на меня Тышка, который был лучшим редактором, какого мне приходилось встречать в жизни. Для него революционная газета не была сбором революционных статей, а была боевым орудием, как пушка, в котором всякая статья, всякая малейшая заметка была винтиком, обслуживающим центральные задачи дня. Тышка не редактировал готового материала, составленного литераторами, он, центральный политик партии, сам составлял номер газеты, как боевой снаряд, и распределял задачи между пишущими. Двумя тремя оборотами он умел связать одну статью с другой, и наша легальная и нелегальная пресса концентрировала на себе весь натиск всей буржуазной прессы и вела одна атаку против нее. Близкая связь сотрудников с партийными массами обеспечивала нашей прессе характер газеты, которой масса дышала. Тышка не допускал никаких литературных излишеств, самоволия. Все, что сотрудник писал, должно было отвечать цели, поставленной партией газете в данный момент. Скоро были арестованы Тышка и Роза Люксембург, провалился Варский; в газете остались Мархлевский, Малецкий и я. Одновременно началась выборная кампания в первую Думу. Мне приходилось с группой рабочих захватывать типографии буржуазных газет, дабы обеспечить ежедневное издание нашего нелегального центрального органа. Это вызывало сцены, часто полные юмора, как, например, дискуссия о свободе печати с редактором либеральной газеты Кемпнером, который перестал болтать и покинул свою либеральную позицию, увидев в руках наших боевиков браунинги. Одновременно приходилось выступать на легальных собраниях, созываемых буржуазными партиями, принимавшими участие в выборах в первую Думу. Наша партия выборы не только бойкотировала, но срывала выборные собрания, часто вооруженной силой. В марте или апреле 1906 г. я провалился в Варшаве, но так как я взят был на улице случайно,—„лицо не понравилось", – то партийным товарищам удалось освободить меня из тюрьмы за деньги. Через две недели снова провалился. На этот раз сел уже на полгода, которые провел великолепно на „Павиаке", изучая русский язык, читая Ленина, Плеханова и „Теории прибавочной стоимости" Маркса, тогда только что изданные Каутским. В тюрьме написал первую статью в „Neue Zeit" (теоретический орган германской социал-демократии) о вопросах профдвижения в Польше и был ужасно горд, когда получил номер журнала Каутского со своей статьей. Выйдя из тюрьмы, был делегирован партией в центральную комиссию профсоюзов, редактировал ее орган, принимал участие в руководстве рядом забастовок. Благодаря знакомству с русским языком, приобретенному в тюрьме, начал ориентироваться более точно в русских партийных спорах, от

которых наша партия стояла в значительной мере в стороне. Мы поддерживали вообще большевиков, в первую очередь в их борьбе против меньшевистских тенденций коалиции с либеральной буржуазией—в Польше либерализм был ничтожен - но безусловно недооценивали революционной роли крестьянства, будучи под впечатлением польских отношений, где кулак играл еще центральную роль в крестьянском движении. Участие в профессиональном движении усилило мой интерес к непосредственной борьбе рабочих масс за улучшение своего положения, мое внимание к вопросам быта рабочего класса. Весной 1907 г. я „сел" снова, был перевезен из Лодзи немедленно в „Десятый павильон" варшавской крепости. Там в одиночке провел наиболее плодотворные, в смысле учебы, месяцы своей жизни, переработал сразу Адама Смита и Рикардо (на них учился английскому), три тома „Капитала", занимался много чтением книг по логике, упражнялся в формальной логике на диалогах Платона, к которому имел влечение еще с гимназической скамьи, когда, благодаря прекрасному учителю греческого, читал эти диалоги в оригинале и заучивал многие наизусть.

Зимой был выслан в Австрию и по приказу ЦК немедленно через Берлин отправился в Териоки, где находился и Варский и Тышка, бежавший с каторги, куда приезжал Дзержинский, где находилась значительная часть русского Центрального Комитета. Там в первый раз ближе познакомился с вождями русской партии. В Терисках, откуда мы издавали центральный орган партии, мы жили только несколько месяцев. Полицейские условия заставили польский ЦК перевести нас за границу. Весной 1908 г. я отправился с Тышкой через Швецию в Берлин, где была организована редакция центрального органа партии, теоретического журнала партии „Пшеглонд Социальдемократичны" и ряда других партийных изданий. Я вошел в состав их редакции, но работа в них не заполняла моего времени полностью, и я начал сотрудничать постоянно в левой социал-демократической печати Германии и вошел вплотную в германское социал-демократическое движение.

Это был 1908 г., год балканского кризиса, приближался новый марокканский кризис, столыпинская Россия перешла на почву активной политики на Балканах, в Константинополе и в Персии. В Турции произошла революция, в центре вопросов стала международная политика. Я заинтересовался ею сильно еще во время русско-японской войны. Теперь взялся изо всех сил за изучение литературы, посвященной современному империализму, и следил за его нарастанием по всей международной печати. Я начал писать ежедневно о вопросах международной политики в лейпцигской „Народной Газете", франкфуртском „Голосе Народа", в бременской партийной газете, в „Форвертсе"—центральном органе германской социал-демократии, в „Neue Zeit", теоретическом органе герм. с.-д., и в польском теоретическом органе „Пшеглонд". Познакомившись с движущими силами международной политики, с их освещением в социал демократической печати, я сразу натолкнулся на теоретическую неувязку в позиции социал-демократических партий, на их пацифизм, обрекавший на полную бездеятельность пред лицом приближающихся громадных опасностей, на переоценку контр-революционного значения царской России, переоценку, которая толкала к антирусской ориентации, являвшейся, как оказалось позже, мостом к позиции 4 августа 1914 года. Осенью 1908 г. я выступил с систематическим изложением своих взглядов на международное положение, на задачи и ошибки социал-демократии в бременском партийном органе. Вызванный в Лейпциг, я принял на себя ежедневную разработку в лейпцигском партийном органе вопросов международной политики, не переставая по этим вопросам сотрудничать и в других партийных органах. Одно время я слушал лекции по истории Китая в лейпцигском университете и работал научно в области внешней политики в семинарии Лампрехта. Эта работа, а особенно разработка истории отношений социал-демократии к вопросам международной политики, начиная с позиции, занятой Марксом в 48 году, по первоисточникам привела меня к убеждению, что социал-демократия находится на грани двух эпох, что традиции социал-демократических политиков эпохи освободительных войн в Западной Европе мешают ей в выработке правильных взглядов, что такой же бессмыслицей является делать зависимой точку зрения рабочего класса на надвигающиеся конфликты от того, кто дипломатически начнет войну, как и вести политику сближения с либеральной буржуазией для того, чтобы избежать войны при помощи пацифистских договоров между буржуазными империалистическими державами, которые будут на деле договорами о дележе колоний. Против этой политики выступала и часть реформистов, требовавшая участия партии

в борьбе за колонии, что заставило меня заняться подробно колониальной практикой европейских держав. К концу 1910 года у меня сложилось убеждение, что пред лицом надвигающихся военных опасностей радикальная социал-демократия должна перейти от радикальных протестов против капитализма непосредственно к массовой подготовке революционной борьбы. За все эти годы я принимал непосредственное участие в пропагандистской и агитационной работе среди немецких рабочих, был очень близко связан с наиболее революционно настроенным социал-демократическим молодняком, и поэтому вопрос борьбы с империализмом стал предо мной сразу, как вопрос вообще борьбы за изменение характера германского и международного рабочего движения. Вопрос борьбы с империализмом связался ближайшим образом с вопросом агитации за всеобщую стачку и вообще за внепарламентские методы борьбы рабочего класса. Переехав по личным обстоятельствам обратно в Берлин, а позже на два года в Бремен, я имел возможность ближе по этим вопросам сойтись с Розой Люксембург и голландским революционным марксистом Антоном Паннекуком и проверить свои взгляды в близком соприкосновении с ежедневной практикой социал-демократической партии и ее представителями всех направлений. Германская социал-демократия представилась мне при близком соприкосновении с ее буднями чем-то совершенно другим, несоответствующим той картине, которая существовала в головах польских и русских революционеров, изучающих ее по решениям с'ездов или по литературе. Агитация партии с парламентской трибуны и массовые собрания велись в чисто реформистском духе. В жизни профсоюзов не было даже попытки связать их повседневную работу с революционными задачами рабочего класса. Несмотря на то, что опасность войны, рост вооружений, полное исчезновение возможностей социально-политических завоеваний ставили вопрос о недостаточности парламентской борьбы, о необходимости выхода из рамок реформистской политики, о необходимости перехода на рельсы массовой революционной агитации и перехода к непосредственным массовым действиям,—вопрос о всеобщей забастовке встал пред германской социал-демократией только в связи с русской революцией. Всеобщая забастовка в России в 1905 г вызвала громадный энтузиазм в рабочих массах Германии. Под влиянием этого настроения Бебель предложил на с'езде в Иене в 1905 г. резолюцию, которая допускала всеобщую забастовку, как средство борьбы на случай, если реакция будет покушаться на всеобщее избирательное право в парламенты. Под влиянием поражения русской революции профсоюзная бюрократия начала работать над ликвидацией этого шага вперед. На Мангеймском с'езде Бебель дал в значительной мере ход назад. Но обострение борьбы с прусской реакцией, заседавшей в прусском ландтаге, выбираемом на основе плутократического избирательного права, поставило вопрос о борьбе за всеобщее право в прусский ландтаг. Было ясно, что прусские юнкеры не сдадут позиции без большого массового нажима и что борьба за всеобщее избирательное право в Пруссии может разрастись в общую борьбу с германской капиталистической реакцией. Поэтому крайняя левая партия, во главе с Розой Люксембург и Паннекуком, начала кампанию за всеобщую забастовку для завоевания всеобщего избирательного права в Пруссии. Пропаганда и агитация этой идеи охватывала весь комплекс вопросов германской и международной политики. В ней увязывалась борьба с империализмом и опасностью войны с борьбою против внутригерманской реакции. Свое выражение борьба эта нашла в выдвинутом Розой Люксембург требовании, чтобы партия, спрятавшая в своей программе лозунг республики, этот лозунг бросила в массы.

Сказанное показывает и силу позиций левых радикалов и ее слабость. Всякая революционная борьба в Германии должна была перерасти в борьбу за социализм. При остроте классовых противоречий в Германии иначе и быть не могло. Все мы это знали, но у нас отсутствовала система переходных требований подводящих программно к борьбе за социализм, а главное отсутствовала конкретизация лозунга о диктатуре пролетариата. В живых дискуссиях, которые велись в наших рядах и которые находили выражение в прессе, мы высказывали убеждение, что завоевание власти пролетариатом невозможно без разрушения буржуазного государства (Каутский клеймил эту идею в полемике с Паннекуком, как анархизм); но подошедши вплотную к вопросу о диктатуре пролетариата, как государственном переходе от капитализма к социализму, мы этого вопроса не разработали. Время от 1910 г. по 1913 г., время создавания левого радикального направления в германской социал-демократии, было для

меня заполнено большой работой. Я писал ежедневно в бременской и лейпцигской народных газетах; кроме того, издавал для партийной печати—два раза в неделю—бюллетень, посвященный мировой политике, печатавшийся регулярно в пятнадцати газетах. В 1912 г. издал работу о германском империализме, которая пыталась показать историческую линию его развития и ставила вопрос о социалистической революции. Борьба, которую мы вели в рядах германской социал-демократии, привела к расколу радикального крыла, к его распаду на центр, возглавляемый Каутским и Бебелем, и левую радикальную часть, предшественницу теперешней коммунистической партии. Кроме названных выше уже Розы Люксембург и Паннекука, ближайшее участие в этой работе принимали теперешние члены коммунистической партии Германии: Клара Цеткин, Август Тальгеймер, Брандлер, Вальхер, Фрелих, Пик, с которыми я уже тогда связался узами не только боевого сотрудничества, но и личной дружбы. В то время, когда из нас, левых радикалов, сплачивалось ядро будущей коммунистической партии Германии, росла вражда наша не только по отношению к правым руководителям партии, но и к партийному центру; с каждым днем мы чувствовали больше, что нам с ним не по дороге. Но, находя живой отклик в массах рабочих в промышленных центрах Германии, мы были убеждены, что когда, под влиянием обострения классовой борьбы, рабочие массы войдут в движение, то им удастся с легкостью побороть сопротивление партийного и профессионального бюрократического аппарата. Поэтому нам даже в голову не приходила мысль о необходимости раскола партии, как условия победы будущей германской революции. Но вскоре пришлось нам увидеть более наглядно, что представляет собой бюрократический аппарат германской социал-демократии.

Мой приятель Тальгеймер был редактором партийного органа в Геппингене в Вюртемберге. Геппинген—маленький город с быстро развертывающейся металлургической промышленностью, был, вместе с Штутгартом, центром радикального движения на юге Германии. И штутгартская и геппингская газеты находились полностью в наших руках. Правление вюртембергской социал-демократии опираясь на организацию неиндустриальных районов страны, находилось в беспрерывной борьбе с этими двумя радикальными организациями. Для успешного ведения этой борьбы оно решило свернуть шею геппингской газете, которая принадлежала несмотря на свой маленький об'ем, к наиболее выдержанным органам левых радикалов. Для этой цели правление использовало факт, что геппингские рабочие, руководившие партийной организацией, из-за незнания законов допустили ряд ошибок при постройке типографии, которые могли их посадить на скамью подсудимых. По германским законам кооперативы могут принимать долговые обязательства только в известном процентном отношении к их собственному капиталу. Типография, основанная на кооперативных началах, имела долги выше нормы, допускаемой законом, и находилась в финансовом затруднении, как, между прочим, и много других партийных типографий. Тальгеймер не имел обо всем этом ни малейшего понятия. Когда он уехал в отпуск и я его замещал, вюртембергское правление пред'явило вдруг к руководству организации ультиматум. Оно соглашалось ликвидировать задолженность типографии при условии слияния геппингского органа с реформистскими и снятия Тальгеймера. В случае несогласия на это организации, вюртембергский ЦК отказывался помочь газете, что должно было привести к банкротству и к процессу, который подвел бы руководителей геппингской организации под параграф о злостном банкротстве. Когда я узнал обо всем этом, я вызвал телеграфно Тальгеймера, мы мобилизовали партийную организацию и апеллировали к обще-германскому ЦК, не зная о том, что вся эта игра велась с ведома Эберта, второго председателя партии. Эберт приехал для разбирательства дела вместе с Брауном, теперешним премьер-министром Пруссии.

На совместном заседании руководителей геппингской организации и представителей обще-германского и вюртембергского ЦК мы доказали, что дело здесь идет о шантаже, об использовании финансовых затруднений лево-радикальной газеты для отдачи ее в руки оппортунистов. Тогда Эберт и Браун заявили нам, что они приехали для улажения конфликта, а так как мы на это не идем, то они прерывают заседание. Они отказали нам в протоколировании доказанных нами фактов. Но геппингские металлисты, придвинув столы к дверям, заявили Эберту, что его не выпустят с заседания пока то, что доказано, не будет запротоколировано. Взбешенный Эберт заявил нам: „В партии назрел лево-радикальный нарыв, и мы его вскроем". Тогда мы поняли, во что превратился

аппарат германской социал-демократии. Геппнигская организация, не рискуя итти на полный развал, который последовал бы несомненно, если бы ее руководители были приговорены за злостное банкротство, должна была подчиниться. Борьбу пришлось вести Тальгеймеру и мне, причем против меня были пущены все средства, начиная с того, что, как иностранец в Германии, вдобавок перекочевывающий по политическим соображениям из одного города в другой, я не уплачивал регулярно партийных взносов, и кончая тем, что вследствие раскола в социал-демократии Польши и Литвы теперешний зампредреввоенсовета Уншлихт и я, имея за собой варшавскую партийную организацию, были исключены из партии главным правлением. Борьба между оппозицией партийной в Польше, возглавляемой Ганецким, Уншлихтом, Малецким Домбским и мною, с одной стороны, и главным правлением, возглавляемым Варским, Мархлевским и Дзержинским—с другой, не носила принципиального характера, а касалась организационных вопросов; она была бунтом выросшей во время революции массовой рабочей организации против заграничного центра, не понявшего, что одним из последствий революции является большая самостоятельность рабочих). Прикрываясь моим исключением из польской социал-демократии, правление германской социал демократии заявило, что не считает меня больше членом своей партии. На Хемницком партейтаге оно имело великолепный козырь в руках: какая-то темная личность иностранного происхождения смеет обвинять германский ЦК в коррупции. Геппингское дело было замято, но участники его знали уже, что такое представляет собой бюрократический аппарат германской социал демократии. К чести германских рабочих я должен сказать, что несмотря на весь нажим партийной бюрократии, ей не удалось заставить бременских рабочих отказаться от меня. В продолжение недели шла борьба за то, может ли исключенный из партии быть главным политическим сотрудником бременской партийной газеты. Бременские рабочие, под руководством погибшего в 1919 г. моего друга Иоганна Книфа (в нем коммунистическое движение потеряло человека, соединявшего железную волю, талант организатора с недюжинными знаниями, человека, который, несомненно, был бы одним из лучших вождей германской компартии) и Антона Паннекука, отстояли мое право на руководство их органом, и в продолжение многих лет бременская газета представляла зрелище, невиданное в международном рабочем движении: исключенный из двух партий освещал в одной из лучших партийных газет не только все общие вопросы политики, но и все вопросы партийной тактики. Скоро междуфракционная комиссия российской социал-демократии ликвидировала бесследно личные упреки, поднятые против меня в пылу фракционной борьбы в Польше, и я мог бы на следующем германском партийном с'езде достигнуть чести сделаться снова членом германской социал демократии, если бы... история не повернулась так, что перестало быть честью для революционера быть членом германской социал-демократии. С'езд, на котором должно было заново стать мое дело, уже не состоялся. 1 августа 1914 года началась мировая война; германская социал-демократия перешла на сторону империализма

Начало войны застало меня в Берлине. С момента убийства австрийского эрцгерцога было ясно, что мы стоим пред мировой войной. Недели, предшествовавшие началу войны, были неделями бешеной кампании в бременской газете. Зная, что скоро рот нам будет зажат, мы делали все для того, чтобы вдолбить рабочим массам за что идет борьба и что надо бороться против опасности войны. В Берлине мы создали под руководством Либкнехта малую организацию, которая стремилась обострить демонстрации, созываемые социал-демократией, привести к столкновениям с полицией, чтобы заставить рабочие массы усилить борьбу. Тот факт, что брутальная берлинская полиция избегала всеми силами столкновения, говорил нам ясно, что правительство решилось воевать. Война была провозглашена. Рабочие, призываемые к оружию, были вполне дезориентированы. Партия молчала. По кабакам шла пьянка, пушечное мясо пыталось заглушить свою тревогу. Мы радикалы, метались, как угорелые, проклинали партию, что не дает сигнала, хотя бы к массовым демонстрациям. Наиболее пессимистически настроенные боялись, что социал-демократическая фракция в парламенте воздержится от голосования, но не было такого пессимиста, который бы допустил, что парламентская фракция социал-демократии может голосовать за кредиты. Когда вечером 3-го августа вышедший из заседания парламентской фракции депутат Хенке известил меня, что фракция решила голосовать за военные кредиты, мы немедленно условились, что он будет голосовать против, что я до утра напишу деклара-

цию, мотивирующую голосование, и что он попытается вокруг этой декларации собрать несколько левых депутатов. Я был вполне огорошен и только на пути в предместье, в котором жил, оставшись один в вагоне, понял, что случилось, что провалилась позорно в пропасть целая эпоха рабочего движения. Когда я утром вручал набросок декларации Хенке, по лицу его было уже видно, что он не решится плыть против течения. Либкнехт, которого я встретил еще 4-го, об'яснял, почему и он не решился голосовать против: по его мнению, не подлежит сомнению, что правительство перейдет очень скоро к преследованиям партии, и тогда вся партия повернет фронт против войны. Я уже в это не верил. Социал-демократическая пресса представляла уже теперь смердящую клоаку, отравляющую своим зловонием рабочую массу. Вся она перешла на службу империализма.

В первые дни у меня, как, наверно, у многих других товарищей, было чувство, что незачем писать. Сорок лет продолжалась социалистическая пропаганда, и разве она сумела спасти хотя бы вождей социал демократии от рокового четвертого августа? Но само собой понятно, что такие настроения могли продолжаться только несколько дней. Я взялся за работу и начал, несмотря на цензуру, в бременском партийном органе освещать характер войны. Большую помощь оказывали мне при этом детальное знакомство не только с книжной и брошюрной империалистической печатью, но и военные германские журналы, которые хвастались тем, как хорошо германский империализм подготовил войну. Цензура, видно, считала, что эти длинные вереницы цитат приводятся во славу осмотрительного германского правительства, но рабочие передовики великолепно понимали цель этих упражнений. В маленьком готайском органе начали свою кампанию Роза Люксембург и Меринг. Скоро начал откликаться штутгартский партийный орган Либкнехт начал раз'езжать по стране и прощупывать партийные организации, Роза Люксембург начала выступать в окрестностях Берлина. Раскол, происшедший в польской организации в двенадцатом году, создал понятно, отчуждение между мною и Розой Люксембург. Но я держал ближайшую связь с Либкнехтом и Мерингом и через них был не только в курсе начинаний группы Розы Люксембург, из которой вышел впоследствии Союз Спартака, но и согласовывал свои действия с ними. Так как я был наиболее близок к организации северо-запада, то поставил себе задачей собрание революционных сил в Гамбурге и Бремене и в связанных с ними городах. В Бремене, несмотря на то, что и Пауль Фрелих и Иоганн Киф были мобилизованы на военную службу, старое ядро партийной организации осталось полностью в наших руках. Депутат округа и редактор партийной газеты Хенке держался очень неуверенно под напором профсоюзной бюрократии, но все-таки еще не рвал с нами, и газета была в наших руках. В Гамбурге организация была полностью в руках правых, но в партийных низах действовали доктор Лауфенберг, историк гамбургского рабочего движения, пользующийся в его рядах большим влиянием, и молодой агитатор Вольфгейм, вынесший революционную закваску из американской организации „Индустриальных рабочих мира". С ними я встретился в сентябре в Бремене, и мы решили начать издательство пропагандистских брошюр, направленных против войны. Лауфенберг относился недоверчиво к теоретической позиции Розы Люксембург, не хотел устанавливать непосредственной связи с ее группой, но обязался через меня координировать действия. В Берлине существовала частная школа марксистской пропаганды, руководимая большим чудаком, но очень стойким человеком, Борхардом. Борхард издавал перед войной популярный пропагандистский журнальчик „Лучи Света", имевший значительное распространение в рабочих низах. Он без всякого колебания предоставил и свою пропагандистскую школу и журнал к услугам антивоенной пропаганды. Под видом лекций по истории английского империализма я читал в этой школе перед сотней рабочих лекции, которые должны были дать подготовку нашим пропагандистам для борьбы с предательством Шейдеманов. Автомобильные гудки, которые во время лекций сигнализировали приближение нескольких автомобилей, заставляли собравшихся думать, что с лекции отправимся прямо на Александер-плац в гостеприимное помещение берлинской полиции. Долго работа, проводимая мною, не могла быть скрытой. Социал-демократы знали великолепно все наши связи, и я скоро получил от Хейльмана—редактора хемницкого партийного органа, одного из самых ярких застрельщиков реформистской политики перед войной и одного из самых решительных застрельщиков социал-патриотической политики, письмо, в котором он давал анализ позиции, занимаемой

нами. Он пытался уговорить меня, что если уж мы хотим занимать оппозиционную позицию, то пусть это будет не принципиальная позиция, а оппозиция, направленная на завоевание конкретных уступок со стороны правительства. Одновременно шла большая переписка со старым моим другом Конрадом Геништем, одним из лучших людей радикального направления, который после первых недель войны перешел на сторону социал-патриотического большинства. Я пытался его удержать, и эта наша переписка попала в руки гамбургских реформистов, которые ее напечатали брошюрой и пустили по организации. Атмосфера сгущалась. Либкнехт уговорил меня отправиться в Швейцарию для налаживания связей с итальянской партией и французскими интернационалистами. Это мне удалось, и в Швейцарии я условился с Робертом Гриммом, редактором партийного органа „Бернер Тагвахт", насчет нашей нелегальной переписки и насчет корреспонденций для его газеты. Он отдал полностью в распоряжение немецкой оппозиции свою ежедневную газету, и мы условились, что будем ее распространять в Германии, пока правительство не спохватится. Я виделся с Анжеликой Балабановой, которая жила в Швейцарии для связи с итальянским ЦК. Владимира Ильича, который, освободившись из тюрьмы в Австрии уехал в горы, я не мог найти, но манифест, выпущенный им от имени ЦК, произвел на меня громадное впечатление резкостью постановки вопросов. Я был вполне согласен и с оценкой войны и с оценкой Интернационала, содержавшимися в манифесте, но, находясь под влиянием обстановки германской социал-демократии, первых слабых шагов, которые мы делали в Германии, я считал, что путь к гражданской войне еще очень далек, что нельзя еще поставить вопроса о расколе. Троцкий, который тогда находился в Цюрихе, соглашался со мною насчет последнего, но был очень оптимистичен насчет революционных перспектив и упрекал меня в пессимизме по поводу доклада, который я читал в союзе иностранных рабочих в Цюрихе. Я имел тоже длинные разговоры с Павлом Борисовичем Аксельродом, который, будучи противником точки зрения, проводимой социал-демократическими партиями, находил для нее тысячи об'яснений, сбивавшихся в действительности на защиту социал-патриотизма Захватив все неизвестные в Германии документы, я вернулся обратно в момент, когда второй раз собирался германский рейхстаг. Либкнехт решился на этот раз голосовать открыто против кредитов с соответствующей революционной декларацией. Меринг и Роза Люксембург считали, что он должен это сделать только в том случае, если совместно с ним будет голосовать еще несколько левых. Они боялись, что если только он будет голосовать, то это произведет на массу удручающее впечатление полного его одиночества. Но из людей, на которых можно было полагаться, Ленч перешел на сторону социал-патриотов; Ледебур не решался восстать против партийной дисциплины; надежда была только еще на Рюле и Хенке. Обработка этого последнего была моей задачей. Совместно с Либкнехтом мы встретились с Хенке. Либкнехт прочел проект своей декларации. Хенке начал делать возражения. Либкнехт сразу согласился поверить мне составление декларации, обязываясь принять ее, если Хенке с нею будет согласен. Я вернулся домой и взялся за ее составление. Мы встретились снова втроем за несколько часов до заседания рейхстага второго декабря в кафе Иости, и Либкнехт и Хенке оказались довольными моим наброском. Но, несмотря на это, Хенке заявил, что голосовать против кредитов не будет и мотивировал очень открыто свое решение: профессиональная бюрократия в Бремене усилилась, среди рабочих не видно еще никакого движения, он—человек семейный, не может рисковать. Когда же Либкнехт ответил ему, что количество детей не может определять позиции революционера, Хенке ответил ему злобно, что ему легко говорить, ибо он материально независим, но, между прочим, вряд ли и Либкнехт посмеет один стать против партии. Либкнехт ничего ему не ответил. Мы отправились в рейхстаг. И я с галлереи парламента наблюдал, какое громадное впечатление произвел момент, когда одинокий Либкнехт поднялся, чтобы бросить свой вызов империалистскому миру. Вся пресса загудела. Либкнехта начали изображать сумасшедшим. Даже так называемые левые, не решившиеся поднять совместно с ним протест, начали шипеть по углам. Но все, что было еще в партии живого и революционного, подняло голову. Из конспиративных собраний, из партийных кружков борьба перешла на дневной свет, было поднято знамя, вокруг которого могли собираться рабочие. Корреспонденции, которые я посылал конспиративным путем в бременскую газету и которые там появлялись за подписью Парабеллум, обратили внимание социал-демократической и буржуазной печати,

ибо они сигнализировали вовне консолидацию оппозиции, открыто развертывали ее идеологию. Догадки социал демократической прессы насчет автора, кивки по моему направлению ставили вопрос, стоит ли рисковать арестом, не разумнее ли попытаться в Швейцарии создать конспиративную базу для оппозиции. Товарищи высказались за последнее, и я пробрался в Швейцарию.

На этот раз я сразу нашел Владимира Ильича и Зиновьева. Мы установили единство по основным вопросам. Разногласия существовали по вопросу о лозунге самоопределения наций; что касается открытого провозглашения лозунга раскола, то и Ленин считал его вопросом тактическим, не решимым зависимо от силы оппозиции во всякой стране. Я поселился в Берне, где читал лекции по империализму в партийной школе, писал в бернском и цюрихском партийных органах, писал для бременского органа и для „Лучей Света" Борхарда и организовал нелегальную связь с Германией через жену, которая работала врачом в Моабитском госпитале в Берлине. Ежедневное общение с Лениным, обмен мнениями убедили меня окончательно, что большевики являются единственной революционной партией в России, и уже на апрельской международной конференции женщин в пятнадцатом году я помогал в борьбе против центристских настроений Клары Цеткин. Одновременно мы совместно действовали среди молодежи, издававшей „Интернационал Молодежи", совместно вели пропаганду в швейцарской социал-демократии. Когда по инициативе Троцкого, Балабановой и Роберта Гримма началась подготовка к созыву Циммервальдской конференции, то уже была установлена связь части немецкой левой, так называемых северогерманских левых радикалов, большевиков, шведских левых, части швейцарских левых с большевиками Жена, приехавшая на несколько недель в Швейцарию, возвращаясь в Германию, взяла с собою приглашение на Циммервальдскую конференцию. К Циммервальдской конференции мы подготовлялись очень тщательно. Я написал тезисы, которые подверглись тщательной критике со стороны Ленина; он настаивал на придании им агитационного характера, на большей сжатости. Принципиальных разногласий между нами при составлении тезисов не было. Когда конференция собралась, картина соотношений на ней была следующая. Правое крыло представляли немецкие центристы с Ледебуром во главе, центр представляли французы, итальянцы, Коларов от болгар, Раковский, Мартов, Троцкий, спартаковцы с Маиером во главе, Лапинский от левого крыла ППС, на левом фланге находилась наша группа в составе Ленина, Зиновьева от большевиков, Берзина от латышей, меня от краевой польской с.-д., Борхарда от немецких левых, Нермана и Хеглунда от шведов и Фрица Платена от левых швейцарских с.-д. По поручению нашей группы я выступал докладчиком; отвечал Ледебур, которого позже громили Ленин и Зиновьев. Борьба шла по двум вопросам — об обязательности голосования против военных кредитов и о необходимости стремления выйти из пропагандистских кружков на улицу, о необходимости развертывания массовой классовой борьбы против последствий войны, с целью сделать эту борьбу по мере ее нарастания борьбою против войны. Для защиты нашей точки зрения мы послали в комиссию Ленина. Несмотря на неудовлетворительность резолюции, принятой комиссией, мы решили единогласно подписать воззвание, считая, что момент разрыва с центром придет только тогда, когда массовое рабочее движение примет более широкие размеры После конференции мы имели собственную конференцию циммервальдской левой, на которой решили издать воззвание конференции и доклад о ней с острой критикой ее половинчатости, создать постоянную организацию циммервальдской левой, секретарем которой я был назначен. Боевой фонд этой организации составлен был таким образом, что Владимир Ильич внес от ЦК большевиков 20 франков, Борхард от немецких левых — 20 франков, а я из кармана Ганецкого от имени польских социал демократов — 10 франков. Будущий Коммунистический Интернационал располагал, таким образом, для завоевания мира пятьюдесятью франками, но для издания брошюрки о конференции на немецком языке понадобилось 96 франков Сорок шесть пришлось одолжить у Шкловского, который, эксплоатируя труд Зиновьева и Сафарова, был фабрикантом каких-то минеральных солей. Недостающие 46 франков мы выручили от продажи брошюрки. Циммервальдская левая действовала в дальнейшем дружно, борясь против центристских элементов во всех странах. Ее секретариат рассылал по поводу всех изменений в положении и по поводу тактики, проводимой центристами, циркулярные письма, которые составлялись мною и после критического пересмотра Лениным и Зиновьевым переписывались мною соб-

ственноручно на гектографе. Роскоши пишущей машинки мы не могли себе еще позволить. За это время „Лучи Света" начали появляться еженедельно, и мы имели в них в Германии широко распространенный легальный орган. В шестнадцатом году бременские друзья, собрав рабочими взносами капитал в двести рублей, приступили к изданию журнальчика „Рабочая Политика", половину которого я писал из Швейцарии; из русских большевиков сотрудничали в нем Зиновьев, Колонтай, Бухарин, Евгения Бош. Очень курьезные приемы применялись для нелегальной связи с журналом. Вся переписка шла обыкновенной почтой, но для избежания пограничной цензуры на конвертах я ставил надпись—„подлежит газетной цензуре на месте. Срочный манускрипт Не задерживайте". Не было ни одного случая, чтобы статьи и письма не попадали или задерживались для цензуры в Мюнхене. В Бремене же они отдавались без просмотра редакции, которая со своей стороны в цензуру представляла только то, что было предназначено для печати. Всякую же печатную нелегальщину я посылал точно так же открыто по почте, но всегда наклеивая почтовые марки в недостаточном количестве. Тогда швейцарская почта при отправке вносила посылку в штрафной список и, не вскрывая, срочным порядком вручала ее редакции с единственной целью выколотить от нее лишних двадцать копеек штрафа. Бременцы не сразу догадались, в чем тут дело, и ругали меня за небрежность, причиняющую им такой материальный ущерб. Еще лучше поставлено было дело с посылками журнала „Предвестник", который мы начали издавать в Швейцарии на деньги Роланд Гольст. Этот журнал, который ясно и открыто ставил все вопросы, мы поставляли со скидкой в пятьдесят процентов социал-патриотическому издательству Баумейстера, к которому направляли за заказами своих товарищей. Издательство Баумейстера, находившееся под покровительством правительства, получало посылки регулярно и за пятьдесят процентов прибыли распространяло большевистскую литературу.

На Кинтальской конференции, состоявшейся в 1916 г., мы уже представляли значительную силу. Продолжение войны везде привело уже к сдвигу налево. Большевики оказались на деле единственной революционной организацией России. Меньшевики раскололись на открытых социал-патриотов и на нерешительных интернационалистов, за которыми в России не было реальной силы. В Польше наша организация вела героическую борьбу против немецких оккупантов, в Германии, несмотря на арест Либкнехта и Розы Люксембург, движение спартаковцев разрасталось и самоопределялось. Во Франции Монат и Росмер вытесняли более умеренного Мергейма. Нам удалось завязать сношения с Америкой. В Англии обострялась оппозиция рабочего класса. На Кинтальской конференции благодаря этим сдвигам мы сумели уже навязать циммервальдцам нашу антипацифистскую позицию, отклонить попытки переговоров со Вторым Интернационалом. В целом ряде основных вопросов с нами голосовали спартаковцы и представители итальянского ЦК. После конференции на заседании циммервальдского бюро мы перешли в прямое наступление против Роберта Гримма, который, будучи секретарем циммервальдского об'единения, вел оппортунистическую политику в Швейцарии. Через циммервальдскую левую проводилось влияние большевистской идеологии во всех странах.

После Кентальской конференции я переехал в Давос, откуда поддерживал связь с Ильичом и с Германией. Ильич имел непосредственную связь с Францией, Англией, Америкой и Скандинавскими странами. Мы часто встречались, когда Ильич переехал из Берна в Цюрих. В Цюрихе он заставил меня и Бронского завязать непосредственные сношения с швейцарскими рабочими, считая, что даже самые левые из швейцарских партийных вождей представляют собой колеблющиеся элементы. Он разрабатывал аграрную программу для швейцарских революционных социал-демократов и ходил с нами на малые собрания швейцарских рабочих.

Однажды за обедом в базельской санатории в Давосе, между мясом и компотом, швейцарский врач гнусавым голосом сообщил мне, что в городе расклеены телеграммы агентства о революции в Петербурге. Это было сказано с таким невозмутимым спокойствием, что ни я, ни Павел Леви, который был у меня в гостях, не поверили. Но все-таки нас охватило беспокойство, и, не дождавшись уже кофе, мы побежали в город, где и прочли первые телеграммы агентства. Когда мы вернулись домой, меня вызвал к телефону Бронский и от имени Владимира Ильича попросил немедленно приехать. Поезд шел только на следующий день. Встретил нас Владимир Ильич, с готовым решением сразу двух вещей: надо рвать с Циммерваль-

дом и ехать в Россию. Что касается первого, то, несмотря на его аргументы, что оставаться в Циммервальде — это означает вызвать впечатление блока с меньшевиками, мы с Зиновьевым добились следующих уступок от Ильича: не подписывать никаких совместных воззваний с Мартовым, но не уходить из Циммервальда. Что же касается второго вопроса, то по поручению Ильича я, совместно с Леви, переговорил с корреспондентом „Франкфуртер Цейтунг"—фамилия его, кажется, Датман или Дитман,— который должен был нащупать почву у немецкого посланника, не согласится ли Германия пропустить русских эмигрантов взамен за соответствующее количество военнопленных. Скоро мы получили ответ, что германский посол готов обсудить этот вопрос. Тогда совместно с Мартовым мы дали полномочия для переговоров Роберту Гримму. Но его рассказ о переговорах убедил нас, что этот честолюбивый политикан может запутаться в какие-то общие политические разговоры. Поэтому мы отказались от его услуг и поручили с нашей стороны дальнейшее ведение переговоров Платену, который довел их добросовестно до конца. Все рассказы об участии в этих переговорах Парвуса не соответствуют действительности. Попытки Парвуса вклиниться в переговоры были Лениным отклонены, что не исключает возможности, что германское правительство запрашивало Парвуса об его мнении по этому вопросу. Так же точно не отвечают действительности легенды о пломбированном вагоне. Никаких пломб на вагоне не было; мы только обязались не выходить из вагона. Сношения с немцами вел Платен. Я, будучи австрийским подданным и, кроме того, нелегальным в Германии (моя жена только что была арестована в Германии), переезжал без ведома германских властей, если не ошибаюсь с паспортом Войкова, до Стокгольма. Там остался вместе с Ганецким и Воровским в качестве агента ЦК для связи с за границей. В Стокгольме начался период работы, охватывающий только несколько месяцев, но полный интереснейших эпизодов.

В Стокгольме создалась с самого начала русской революции международная обстановка. Русская революция учитывалась немецкими социал-демократами, как возможность переговоров о мире. И немедленно там сконцентрировались их попытки и завязались сношения с правительством Керенского, меньшевиками и эсэрами. В качестве помощников германской социал-демократии действовали датские социал-демократы с Борбергом во главе. Исполком советов первого созыва со своей стороны послал сюда свое представительство в лице Розанова и Мешковского. Социал-демократы стран Антанты в свою очередь имели агентом вождя шведской социал-демократии Брантинга. Зашевелилось международное бюро Второго Интернационала с Гюисмансом во главе, который переехал в Стокгольм и организовал там свое бюро. Началась подготовка к созыву Стокгольмской конференции Второго Интернационала; приезжали делегации из всех стран. Приехали австрийцы, с тяжело больным Виктором Адлером и Ренером во главе, приехали венгерцы с Кунфи, приехали бельгийцы. Мы пытались завязать связь с левыми элементами во всех этих делегациях для того, чтобы получить информацию о положении, завязать сношения с элементами, способными к развитию налево. Наиболее комичное дело вышло с австрийцами. Вместе с их делегацией приехала старая деятельница австрийской социал-демократии, сестра Густава Экштейна. С ней—другая деятельница партии, симпатизировавшая нам. Почтенный Ренер, совершенно этого не зная, вез в своем чемодане письма от наших австрийских товарищей, которые передали ему на хранение сочувствующие нам в австрийской социал-демократии. В одном из этих писем товарищи передавали нам, что Ренер перед самым выездом на конференцию был принят австрийским императором на тайной аудиенции, сведение, которое мы поспешили напечатать к немалому удивлению Ренера. Из приезжающих социал-демократов наиболее потрясающее впечатление произвел на меня вождь бельгийских социал-демократов Дебрукер, которого я перед войной знал, как одного из лучших левых марксистов и который теперь не был в состоянии говорить и думать ни о чем другом, как о войне до конца. Кунфи передал нам сведения о революционном положении в Венгрии. Он был единственным из социал демократов, который был твердо убежден в предстоящей в Центральной Европе революции. Самое жалкое впечатление производили независимые германские социал-демократы, которые на словах очень были революционны, но которые боялись передать более конкретные сведения о положении в Германии. Мы, понятно, наладили связь и с Союзом Спартака, от которого приезжал к нам Фукс, и с нашими единомышленниками, с кото-

рыми переписывались нелегально. Иоганн Книф, перешедший на нелегальное положение и скитавшийся тогда по Германии, сумел доставлять нам сведения о революционном движении, которые мы передавали по телеграфу в „Правду", к большой радости Владимира Ильича. Для информации западноевропейской социал-демократической печати мы начали издавать сначала гектографированный бюллетень, появлявшийся два раза в неделю под названием „Корреспонденция Правды". Этот бюллетень широко использовывали в рабочей печати. Он издавался одновременно по-французски в Женеве. Скоро он уступил место еженедельнику, носившему название „Вестник Русской Революции". Издание бюллетеня и „Вестника было сопряжено с очень большими затруднениями. Не только наши средства были очень скромные, что принуждало нас издания эти поставить кустарным образом (весь технический персонал состоял из жены Ганецкого и моей), но мы были отрезаны от сведений, ибо петроградская цензура не пропускала за границу большевистской печати. Однако, Ганецкий скоро разузнал, что этот запрет не относится к печати, издаваемой в Финляндии, и мы могли получать не только орган нашей финской партии „Тюмес", имевший много сведений из большевистской печати, но получали и „Волну", наш большевистский гельсингфорский орган. „Волна" состояла в значительной мере из перепечаток из „Правды", и мы, таким образом, были снабжены всеми основными сведениями. Представительство тогдашнего ВЦИК издавало со своей стороны бюллетень, но, несмотря на свой официальный характер, оно получало известия через курьеров с таким опозданием, что не могло с нами конкурировать. Старик Аксельрод, который после июльских дней приехал в Стокгольм, хвалил нас за умелость и был убежден, что мы имеем тайную радио связь с Балтийским флотом. Это убеждение было общее и привело к очень комичным происшествиям. В гельсингфорской „Волне" был напечатан приказ Керенского, данный адмиралу Вердеревскому, в случае попытки гельсингфорского флота продвигаться в Кронштадт потопить гельсингфорские корабли при помощи подводных лодок. Мы, получив номер „Волны с этим известием, решили его пустить в печать под заглавием „Государственная измена Керенского". Узнав об этом, представитель ВЦИК сказал мне, что сие представляет собою государственную измену, ибо нельзя печатать тайных военных документов и что за напечатание не только будем уголовно отвечать мы, но и Центральный Комитет большевиков. Он добавил, что не подлежит сомнению, что мы эти сведения получили тайным путем из Гельсингфорса. Мы не хотели его в этом разуверять и сказали только патетически, что принимаем полную ответственность за наши шаги и что сведения напечатаем. А потом ужасно смеялись, когда под разными предлогами начали на квартиру Ганецкого являться шведские шпики, пытавшиеся вынюхать, где у нас помещается радиоприемник.

В сентябре месяце должна была состояться Циммервальдская конференция. Мы подготовлялись к ней самым тщательным образом, чтобы дать бой меньшевикам и принудить циммервальдские партии занять определенные позиции по отношению к борьбе пролетарских и мелкобуржуазных течений в русской революции. Со стороны меньшевиков выступал Ерманский и Аксельрод. В нашей делегации—Воровский, Ганецкий, Семашко и я. Борьба приняла очень острые формы, главным образом потому, что старик Аксельрод защищал открыто подлые меры, принятые правительством Керенского против нашей партии. Припертый нами к стене Гаазе, вождь германских независимцев, пытался перевести спор на вопрос, отрицаем ли мы насилие по отношению к другим социалистическим партиям. Мы ответили с полной ясностью, что насилие по отношению к якобы социалистическим партиям, предающим революцию, признаем и будем практиковать, если очутимся у власти. Циммервальдцам же ставим вопрос, признают ли они связь с мелкобуржуазными партиями, применяющими насилие против борцов пролетарской революции. В борьбе мы были поддержаны не только спартаковцами, но даже старик Ледебур не выдержал адвокатства Гаазе и открыто выступил в нашу защиту. Конференция кончилась принятием резолюции, призывающей к массовым революционным действиям для защиты русской революции. Надо заметить, что Владимир Ильич в своих письмах из Питера настаивал на подготовке разрыва с циммервальдцами, считая, что пришло время подготовлять организацию Третьего Интернационала. Мы не могли решиться на этот шаг, считали его преждевременным.

Обострение борьбы в Петрограде увеличивалось с каждым днем, и мы проводили бессонные ночи в ожидании решающих сведений. Они пришли поздней ночью,

и венгерский журналист Гутман передал нам под утро из телеграфного агентства речь Владимира Ильича при открытии второго с'езда советов. Мы с Ганецким немедленно собрались в путь, но были задержаны телеграммой, что для свидания с нами едет представитель ЦК германской социал-демократии. Этим представителем оказался никто иной, как Парвус, который от имени германской социал-демократии привез заверения, что она немедленно вступает в бой за мир с нами. Частным образом он заявил нам, что Шейдеман и Эберт готовы об'явить всеобщую забастовку в случае, если бы германское правительство под давлением военных кругов не пошло на почетный мир. Об этих переговорах мы напечатали открыто в шведской партийной газете и отправились с Ганецким в Питер, имея в кармане только удостоверения от Воровского, что являемся членами заграничного представительства большевиков. Не зная, в чьих руках граница, мы послали финского товарища, который передал собранные нами сведения об отзвуке вызванном Октябрьской революцией. Он вернулся скоро со сведениями, что граница в руках наших товарищей, и мы отправились ночью через границу. Нашли мы там молодого матроса Светличного с корабля „Республика", горячего, преданного, который связал нас немедленно с Гельсингфорсом, так как в Финляндии происходила тогда железнодорожная забастовка и без разрешения забастовочного комитета нельзя было отправляться дальше. Получив разрешение на экстренный поезд, мы послали в Гапаранду за русскими рабочими, приехавшими из Америки и ожидавшими возможности дальнейшего следования в Россию. По дороге мы получили петроградскую буржуазную прессу, раздувавшую разногласия в большевистском ЦК. С очень тяжелым чувством под'езжали мы к Петрограду, но когда через окно вагона увидели отряды красной гвардии, обучавшиеся владеть винтовкой, нас охватила дикая радость. Как во сне приехали в Смольный и через минуту были в кабинете Ленина.

Десять лет работы в рядах русской революции черезчур свежи, чтобы о них дать связную картину. Я ограничусь поэтому только перечислением основных фактов своей работы за эти годы. Немедленно после приезда в Петроград был послан обратно в Стокгольм для предварительных переговоров с представителем немецкого правительства Рицлером. После возвращения поехал с Троцким в Брест-Литовск. По возвращении в Петроград после разрыва переговоров был назначен членом Комитета обороны Петрограда. После заключения Брестского мира руководил отделом Центральной Европы в Наркоминделе и отделом внешних сношений ЦИК'а. После начала германской революции был послан совместно с Раковским, Иоффе, Бухариным и Игнатовым в делегацию ВЦИК'а на первый с'езд немецких советов. Когда легально не удалось проехать, отправился нелегально. Принимал участие в организации первого с'езда компартии в Германии. После убийства Розы Люксембург и Либкнехта остаюсь нелегально в Берлине и принимаю участие в руководстве партией. Арестованный 15-го февраля, сижу до декабря в тюрьме, откуда мне удается издать семь брошюрок, посвященных злободневным вопросам германского рабочего движения, и принимать деятельное участие в руководстве германской компартией, поддерживать близкую связь с австрийской и завязывать сношения с английским движением. Одновременно из тюрьмы удается мне наладить сношения с Талат-пашей и Энвер-пашей и с представителями восточной ориентации германского политического мира, с бывшим министром иностранных дел Гинце и т. д. Освобожденный из тюрьмы, возвращаюсь в Россию через Польшу, на основании соглашения, заключенного Пилсудским с советским правительством. В марте 1920 года назначаюсь секретарем Коминтерна. Принимаю деятельное участие в организации второго конгресса Коминтерна, на котором выступаю докладчиком. После конгресса отправляюсь в качестве члена польского Ревкома на польский фронт. Поражение застает меня в Седлеце. Совместно с Зиновьевым принимаю участие в организации первого с'езда народов Востока, на котором выступаю докладчиком. В октябре 1920 года отправляюсь нелегально в Германию для участия в организации с'езда, на котором должно было произойти об'единение левых независимцев с спартаковцами. В январе 1921 г. даю инициативу к тактике единого фронта так называемым открытым письмом. Вернувшись, принимаю участие в третьем конгрессе Коминтерна в качестве докладчика по тактике. На четвертом конгрессе являюсь докладчиком о тактике единого фронта и рабочем правительстве. В 1922 г. руковожу делегацией Коминтерна на с'езде трех Интернационалов. К концу 1922 г. послан председателем русской профсоюзной

делегации на Гаагский с'езд, посвященный борьбе с военной опасностью. В начале 1923 г. отправляюсь в Христианию для предотвращения раскола норвежской коммунистической партии. После возвращения в Германию отправляюсь в Гамбург, как наблюдатель во время конгресса Второго Интернационала. Принимаю участие в организации кампании по поводу захвата Рура и в Лейпцигском с'езде германской компартии. По возвращении в Россию командируюсь Коминтерном в октябре для участия в руководстве предполагаемым восстанием. Приезжаю 22 октября уже после начала отступления. Одобряю это решение ЦК. Возвратившись в Россию, принимаю участие в дискуссии 1924 года на стороне партийной оппозиции. На XIII с'езде партии выступаю против намечающегося изменения коминтерновской тактики. Не вхожу больше в Центральный Комитет, членом которого состоял с 1919 г. На 5 конгрессе Коминтерна выступаю против намеченного тактического курса и не вхожу больше в Исполком Коминтерна. За все годы революции состою сотрудником „Правды" и „Известий". Пишу в первую очередь по вопросам внешней политики и международного рабочего движения. Избранное собрание моих статей и извлечений из брошюр составляют сборники: „Пять лет Коминтерна", 2 тома (изд. „Красн. Нови"), „Германская революция" (изд. Госиздата), 3 тома; статьи по вопросам текущей международной политики образуют том „1924 год" (изд. Госиздата). На немецком языке часть предвоенных работ издана в 1920 г. под заглавием: „In den Reihen d. russischen Revolution". С 1925 г. являюсь ректором Китайского унив. им. Сунятсена и принимаю участие в редакции Большой Советской Энциклопедии.

Раковский, Христиан Георгиевич (*автобиография*). Я родился 1/13 августа 1873 г. в болгарском городке Котеле. Уже в первой половине XIX столетия Котел становится важным хозяйственным и политическим центром. Семья, в которой я родился, принадлежала к зажиточнейшему классу в городе. Мой отец занимался сельским хозяйством и торговлей. В связи с последним обстоятельством он ежегодно проводил несколько месяцев в Константинополе. Он принадлежал к так называемой „демократической партии", отличался любознательностью, получил гимназическое образование и знал греческий язык. Однако, по линии отца я не унаследовал ничего такого, что должно было предопределить мое дальнейшее развитие. Иное дело наследство по линии матери. Она принадлежала к семье, которая играла крупнейшую роль в политической и культурной истории болгарского народа. Из этой семьи вышел капитан Георгий Мамарчев, бывший офицером в русской армии Дибича-Забалканского, который сделал в 1834 г. первую попытку организованного восстания против турецкого владычества. Восстание было подавлено, Мамарчев сам был арестован и сослан сначала в Малую Азию, а потом на остров Самос, где и умер. Он приходился родным братом матери знаменитого революционного деятеля Саввы Раковского, личность которого господствовала над всей политической и культурной историей Болгарии с 1840 по 1867 г. Савва Раковский, будучи в Румынии, организовал там в 1841 г. повстанческий отряд для вторжения в Болгарию. Он был арестован, приговорен к смертной казни, но спасся бегством во Францию. Амнистия дала ему возможность вернуться в свой родной город, но ненадолго. Вскоре отец и сын были отправлены в Константинопольскую тюрьму. Мстительность их политических противников перенеслась и на оставшуюся беззащитную семью, между прочим и на мою мать, тогда еще девочку. Семья была „отлучена" от церкви, и к ней был запрещен всякий доступ соседям, так что она, в то время отсутствия спичек,—когда зажигали камин, беря огня у соседей должна была холодом и голодом платить за политические грехи своих отца и братьев. Хотя я начал свою сознательную жизнь через много лет после смерти Саввы Раковского, но воспоминания матери и бабушки были еще достаточно свежи, чтобы заставить работать мое воображение.

С раннего детства у меня развилась сильная и горячая симпатия к России — не только потому, что революционная деятельность моих дедов и дядей большею частью была связана с Россией, но еще и потому, что я был свидетелем русско-турецкой войны. Мне было тогда не больше 5 лет, но в моей детской памяти сохранился смутный образ русских солдат, которые проходили тогда через Балканы. Наш дом был одним из лучших в городе и стал поэтому квартирой для высшего офицерского состава. Встречал я и генерала Тотлебена, организатора осады Плевны; встречал и провожал князя Вяземского, одного из начальников дивизии Болгарского ополчения, который, будучи ранен, пролежал в нашем доме больше сорока дней. Среди офицеров находились и лица

РАКОВСКИЙ Х. Г. (1873–1941).

В 1927 исключен из партии, в 1935 восстановлен. Работал председателем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Необоснованно репрессирован. В 1938 по делу "Правотроцкистского антисоветского блока" приговорен к 20 годам тюрьмы; в 1941 заочно приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

имевшие отношение к подпольным организациям, о которых в моей семье сохранилось предание, что они говорили: „Мы вас освобождаем, но кто нас освободит?" Война внесла пертурбацию и в жизнь моей семьи: наше имение очутилось в пределах румынского государства, и вся семья должна была эмигрировать в румынскую Добруджу.

Начальное образование я получил еще в г. Котеле, а потом продолжал его в Добрудже под руководством матери. Последний год начальной школы я провел в Варне. Здесь же я поступил в гимназию. Это было в тот период, когда даже самая юная учащаяся молодежь увлекалась политикой. Среди других стал увлекаться общественными интересами и я. В 1887 г. политическое брожение среди гимназистов, к которому примешивались и элементы личного недовольства некоторыми учителями, вылилось в форменный бунт, который пришлось усмирять вызовом роты солдат. Я был среди арестованных, а также среди исключенных из всех болгарских школ. Один год я провел в отцовском доме в Мангалии, без разбора читая все, что было в библиотеке отца или что можно было найти у знакомых. В 1888 г. мне разрешили снова поступить в гимназию, и я отправился в Габрово, где поступил в 5-й класс. Здесь я провел меньше двух лет, так как до окончания 6-го класса меня снова исключили из всех болгарских школ и на этот раз—бесповоротно.

В Габрово я оформил свои политические взгляды и стал марксистом. Моим учителем был один из ветеранов болгарского революционного движения, Дабев. Вместе с моим товарищем Балабановым, трагически умершим впоследствии в Женеве, мы издавали подпольную гектографированную газету „Зеркало", в которой было решительно все: и о педагогических взглядах Руссо, и о борьбе между бедными и богатыми и о плохом поведении учителей и т. д. Мы вели некоторую работу среди крестьян, распространяя переведенные на болгарский язык женевские подпольные издания. Еще в 5 классе, отправившись пешком в мой родной город Котел, я выступил в церкви с проповедью о „первой христианской церкви св. Якова", иными словами—с речью о христианском коммунизме. Но вообще наша деятельность не выходила за стены гимназии. Осенью 1890 г. я отправился в Женеву, чтобы поступить на медицинский факультет. Я выбрал медицину потому, что она в нашем представлении давала возможность войти в непосредственный контакт с народом. Мы знали тогда только индивидуальное воздействие, о массовой работе еще не думали. Нам казалось, что режим болгарского диктатора Стамбулова будет продолжаться вечно.

Очутившись в Женеве, я в ближайшие же месяцы познакомился с русской политической эмиграцией и, в частности, с русскими социал-демократическими кружками. Некоторое время спустя я познакомился с Плехановым, Засулич и Аксельродом, и долгие годы их влияние на меня было решающим.

В Женеве я был три года, с 1890—1893 г. Хотя я числился студентом и даже сдавал экзамены, но к медицине я был совершенно равнодушен. Мои интересы были вне стен университета. Я быстро втянулся в работу среди русского студенчества. Вместе с Розой Люксембург, которая некоторое время жила в Женеве, мы руководили марксистскими кружками для самообразования.

Моя деятельность не исчерпывалась, однако, русскими интересами. Вместе с другими товарищами, иностранцами и русскими, мы организовали социалистические элементы женевского студенчества. Мы связались со студентами-социалистами других стран, в частности Бельгии, где зимой 1891—1892 г.г. имел место первый международный с'езд студентов-социалистов. Участвовать на этом с'езде мне не удалось, хотя я состоял в переписке с организаторами. Но зато вся подготовительная работа по устройству второго с'езда, имевшего место в Женеве, была возложена фактически на меня. Во всех трудных случаях моей работы я советовался с Плехановым. Я связался, кроме того, с женевским рабочим движением и с французской рабочей партией. В Женеве я также был близок к польским и армянским социалистическим революционным кружкам, однако главной моей работой являлась болгарская. Я перевел книгу Девилля „Эволюция капитала", сопроводив ее большим вступлением с анализом экономических отношений в Болгарии. Позже из Женевы мы редактировали в Болгарии журнал, который не только по имени, но и по формату и по внешней обертке, являлся подражанием русскому заграничному журналу „Социал-Демократ". Но это было и понятно, так как Плеханов являлся вдохновителем и нашего журнала. Ряд статей я переводил прямо с его рукописи. Когда в Болгарии был создан первый марксистский журнал „День" и основана первая еженедельная с.-д. газета „Работник" и „Дру-

гар" („Товарищ"), я, конечно, стал их постоянным сотрудником, в особенности — последней. Иногда полномера было заполнено моими статьями под различными псевдонимами. В 1893 г. в качестве делегата от Болгарии я присутствовал на Социалистическом международном с'езде в Цюрихе. Женевский период кончился для меня укреплением моих марксистских взглядов и усилением моей ненависти к русскому царизму.

Еще находясь студентом в Женеве, я ездил в Болгарию, где прочел ряд докладов, направленных против царского правительства. В 1897 г., когда я кончил университет, я выпустил в Болгарии большую книгу „Руссия на Исток", которая годами давала пищу не только болгарской социалистической партии против русского царизма, но и всем так наз. руссофобским течениям в Болгарии и на Балканах. Я следовал директиве Плеханова: „Царскую Россию нужно изолировать в международном отношении". Но болгарская буржуазная печать уже до этого обратила на меня внимание при первых моих поездках в Болгарию. Руссофильская печать вела против меня кампанию уже тогда, когда я был студентом. Осенью 1893 г. я поступил на медицинский факультет в Берлине, с целью ближе ознакомиться с немецким рабочим движением. В Берлине я стал сотрудничать в „Форвертсе" по балканским делам. Я также участвовал в немецких студенческих социалистических организациях, имевших подпольный характер, и вошел в близкую связь с Вильгельмом Либкнехтом. У Либкнехта я познакомился и с другими вождями немецкой с.-д. партии. Либкнехт имел на меня большое влияние. Я поддерживал с ним личную связь и переписку до 1900 г. Он проявлял очень большой интерес к Балканам, очень интересовался русским, польским и румынским революционным движением. В Берлине вся моя студенческая политическая жизнь развертывалась в русской колонии. Это было время расцвета русского легального марксизма. Русская колония в Берлине жила спорами: о народничестве и марксизме, о суб'ективистской школе, о диалектическом материализме. Но мне приходилось принимать участие и в более специальных спорах (напр., против сионистов).

После шестимесячного пребывания в Берлине я был арестован и через несколько дней выслан. Летний семестр 1894 г. я провел на медицинском факультете в Цюрихе, где в то время жил и П. Б. Аксельрод. Зиму 1894—1895 г. я провел в Нанси. Я продолжал связь с болгарским движением, также и личную переписку с Плехановым и В. И. Засулич, жившей тогда в Лондоне.

Последние два года моего студенчества я провел в Монпелье (Франция). Продолжая свою связь с Болгарией и свою работу среди русских и болгарских студентов, я в то же время стал подходить к французскому социалистическому движению и сотрудничать в марксистском журнале „Социалистическая Молодежь", который издавался в Тулузе под редакцией Лагарделя, а также и в ежедневном социалистическом органе „La Petite République", когда он перешел под редакцию Жюля Геда. Спор среди русских студентов в Монпелье велся вокруг тех же вопросов, что и в Берлине. Сионисты, между прочим, здесь имели больше сторонников. Я вел с ними решительную борьбу. Я участвовал, кроме того, во французском студенческом кружке и выступал на закрытых рабочих собраниях. Уже в Нанси я находился под наблюдением французской полиции и расширять свою деятельность при наличии этого факта я, конечно, не мог.

Конец моего студенчества совпал с международными событиями, оживившими политическую атмосферу Европы: восстанием в Армении и на острове Крите. В связи с этими событиями, я в ряде статей постарался обратить внимание французской социалистической партии и французского пролетариата на целесообразность заступничества за армян, критян и македонцев. Я считал вообще, что незнание и непонимание восточных вопросов было одной из слабых сторон международного социалистического движения. Этому вопросу, между прочим, был посвящен доклад, который я представил от имени болгарской с.-д. партии на Лондонском международном социалистическом с'езде в 1896 г. Он был напечатан впоследствии Каутским в „Neue Zeit".

Свое медицинское образование я закончил докторской диссертацией на тему: „Причины преступности и вырождения". Я хотел подойти к этому вопросу с марксистской точки зрения. Эта диссертация вызвала сенсацию среди студентов и профессоров и нашла свое отражение в местной печати и впоследствии в специальной мировой литературе.

В Монпелье я стал также интересоваться ближе румынским рабочим движением. Хотя по своей государственной принадлежности я считался румыном, но лишь поздно вступил в формальную

связь с румынскими товарищами. В Лондоне на международном социалистическом конгрессе я сблизился с поляками из ППС. Я участвовал в их французских изданиях, направленных против русского царизма. Из других революционных партий меня интересовали особенно армяне—хинчакисты, с секретарем которых я был в личной связи еще с Женевы.

В 1893 г. в Цюрихе я имел счастье видеть и слышать Энгельса. С Энгельсом мы были в случайной переписке, когда я находился в Женеве. Он прислал письмо нашему болгарскому „Социал-Демократу". Впоследствии, когда нужно было к нему обращаться, я это делал через В. И. Засулич, к которой он относился с глубокой любовью и уважением.

В 1896 г., когда я окончил университет, передо мной встал вопрос: куда дальше? Моя работа протекала, гл. обр., в болгарской социалистической партии. С другой стороны, по своему подданству, я был румын. Наконец, мое горячее желание,—усилившееся фактом, что я женился на русской из Москвы, близком друге Плеханова и Засулич, революционерке-марксистке Е. П. Рябовой,—было поехать на работу в Россию.

Побывавши в Болгарии, об'ехав все центры, где я читал доклады на разные темы, и выдержав медицинский проверочный экзамен, чтобы иметь, на всякий случай, право медицинской практики в Болгарии, я решился временно остановиться в Румынии, как этапе по пути в Россию. Я должен был, кроме того, отбывать воинскую повинность, выдержав предварительно медицинские экзамены и в Бухаресте. Я отбывал воинскую повинность в качестве военного врача. В 1899 г., в феврале, я получил двухнедельный отпуск и поехал в Петербург, где уже находилась моя жена. В России в это время легальной марксистской литературе уже удалось иметь свой собственный журнал „Наше Слово" и потом „Начало". В первом из этих журналов я поместил статью о политических партиях Болгарии, под псевдонимом Радев. В Петербурге тогда велась горячая полемика между народниками и марксистами. Я использовал свое пребывание там, чтобы выступить на ту же тему в одном из филиалов Вольного Экономического Общества. Так как я не скрывал своей фамилии, русской полиции нетрудно было добраться до меня. Но когда она узнала мой адрес, меня уже не было в Петербурге.

Отбывание воинской повинности не помешало моим литературным работам. Я продолжал усердно сотрудничать в болгарских социалистических журналах. Органом партии вместо „Дня" теперь было „Новое Время", выходившее ежемесячно под редакцией Благоева. Кроме того, я выпустил на болгарском языке книгу „О политическом значении дела Дрейфуса", а также полемическую брошюру против спиритуалистов под заглавием „Наука и Чудо". Я также переработал для популярного издания в России свою докторскую диссертацию, и мне удалось провести ее через царскую цензуру под новым заглавием „Несчастненькие" за подписью женщины-врача Станчовой. Она была выпущена и на болгарском языке, но уже под фамилией ее настоящего автора. В то же время я подготовлял книгу о „Современной Франции", которая была мне заказана петербургским издательством „Знание". Во время моего кратковременного пребывания в Петербурге я рассчитывал встретиться с Лениным, который в это время находился в Пскове. Но мне это не удалось. Срок моей военной службы в Румынии закончился 1 января 1900 г. Сняв с себя офицерский мундир, я мог открыто выступить в румынской социалистической печати и на рабочем митинге в Бухаресте. Но это я сделал только для того, чтобы констатировать полную ликвидацию румынского рабочего движения в результате предательства его вождей, перешедших целиком почти в либеральную партию Братиану. Но так как я стремился в Россию, тогдашняя моя деятельность в румынском рабоч. движении ограничилась этим выступлением. Через мои руки в Румынии проходила большая переписка между Засулич и Плехановым, с одной стороны, и петербургскими марксистами—с другой; я ее пересылал моей жене в Петербург. Пред моим от'ездом в Россию сама Засулич приехала в Румынию, откуда я ее, снабдив румынским паспортом на имя Кировой, отправил в Россию, куда я собирался последовать через несколько месяцев. В этот период уже велась борьба между бернштейнианцами, т.-е. Струве, и революционными марксистами. Плеханов особенно возмущался ренегатством своего близкого товарища. Он написал мне в Румынию о том, что необходимо заключить блок даже с Михайловским—против Струве, и предложил, чтобы я по приезде в Петербург помог его сотрудничеству в „Русском Богатстве" под именем Бельтова.

В Петербурге я застал следующую картину: резкий поворот Струве направо.

Он горько упрекал В. И. Засулич в том, что она вернулась в Россию, так как она может в случае провала скомпрометировать своих „друзей". Это страшно огорчило Засулич, которая сильно была привязана к Струве еще с Лондона, (в 1896 г.), где он оставался после международного с.-д. с'езда несколько недель. Получилось такое положение, что в то время, как Михайловский, Карпов Аннепский, не говоря уже о наших марксистах (Туган-Барановский, Вересаев, Богучарский и др.), встречались на квартире моей жены с В. И. Засулич, Струве ее долго не хотел видеть.

Что касается плана Плеханова—сотрудничать в „Русском Богатстве", то мы, обсудив этот план в русском кругу, нашли его неподходящим. Мы думали, что более целесообразно, чтобы Плеханов сотрудничал в издаваемом Поссе и Горьким журнале „Жизнь".

Лично я был чрезвычайно счастлив своему приезду в Петербург. Полной грудью я дышал зимним воздухом и мечтал о более длительной работе в России. Вместе с женой и товарищами (среди них и А. Н. Калмыкова, Н. А. Струве, бывшая левее своего мужа) мы составляли планы о работе среди молодежи и среди рабочих; я писал свою книгу „Современная Франция". Однако, очень скоро после моего приезда мне было об'явлено, что я в 48 часов должен выехать из пределов России. Эта высылка разрушила все мои планы. Возвращаться на Балканы у меня не было никакой охоты. Интерес к ним у меня уменьшался, чем больше я приближался к революционному движению России. Мне было предложено поехать под наблюдением полиции в Ревель и ждать от'езда парохода. Я и уехал туда вместе с моей женою. Там я закончил „Современную Францию", изданную под псевд. Инсаров (выбранным моими петербургскими друзьями).

Между другими, которые принимали живое участие в хлопотах о моем оставлении в Петербурге, был и Н. И. Гурович, оказавшийся впоследствии провокатором. Перед от'ездом он меня убеждал, что, благодаря своим связям при дворе (не то с братом, не то с зятем барона Фредерикса), он уверен, что через некоторое время ему удастся вернуть меня в Россию. То же самое он повторил и в Париже, куда он приезжал летом 1900 г. Заверения Гуровича о возможности возвращения становились все более частыми. Наконец, дело свелось к тому, чтобы дать деньги „для подкупа родственников барона Фредерикса". Конечно, за этим дело не стало, и я вернулся снова в Россию. Пред своим от'ездом в Россию я записался студентом на юридический факультет в Париже. Я считал, что после того, что мне пришлось испытать в Петербурге, мне не удастся долго удержаться в России и придется снова поехать во Францию.

В Петербурге я застал пустыню. После студенческих беспорядков весной 1901 г. оттуда была выслана масса литераторов, среди них много легальных марксистов. Единственная связь, которая у меня осталась, была с подпольным миром, где скоро на очереди дня стала брошюра Ленина „Что делать".

К этому периоду относится мое усиленное сотрудничество в русских „толстых" журналах, продолжавшееся до 1904 г. включительно, гл. обр. под псевдон. Инсаров и Григорьев. Но все это не могло удовлетворить моей жажды живой деятельности, и после постигшего меня несчастия—потери жены—я вернулся во Францию в конце 1902 г. и стал сдавать экзамены по юридическому факультету с намерением устроиться там и, сделавшись французским гражданином, активно участвовать в революц. движении.

К этому времени относится моя единственная вольная врачебная практика, продолжавшаяся не больше 6 месяцев во французской деревне Болье в департаменте Луары. У меня создались не только профессиональные, но и политические отношения с крестьянами, в особенности после моего выступления на официальном банкете, где я произнес речь, очень не понравившуюся присутствовавшим сенаторам и депутатам. Мне предлагали оставаться в Болье. Смерть моего отца летом 1903 г. заставила меня вернуться домой. С этого момента я опять возвращаюсь к балканским партиям, в частности к румынскому рабочему движению.

Зимой 1903—04 г. я вернулся в Париж. В Париже меня застала Русско-японская война. На громадном митинге, где присутствовали представители всех революционных партий, выступил также и я. Моя речь своим пораженческим духом вызвала упреки моего учителя Плеханова, который был председателем митинга. Он приехал в Париж для прочтения реферата еще до об'явления войны, и, так как он был выслан из Франции, нужно было прибегнуть к содействию Клемансо, чтобы ему был разрешен временный в'езд. Я помню, как на другой день после этого митинга Плеханов, обедая вместе со мною у Жюля Геда,

жаловался последнему на мое пораженческое настроение. Помню, как Жюль Гед на это сентенциозно ответил: „Социальная демократия никогда не может быть анти-национальной". Многократно потом Плеханов мне напоминал эту фразу Геда. После трехмесячного пребывания в Париже я вернулся в Румынию и оттуда направился в Болгарию, где уже раскол между „тесняками" и „широкими" был завершившимся фактом. Я стал активно и решительно на сторону „тесняков".

В том же году я отправился в Амстердам, в качестве болгарского делегата, на Международный социалистический с'езд. Одновременно я получил мандат также и от сербской социал-демократ. партии. В Амстердаме я принял деятельное участие в работах комиссии по тактике. Здесь же в Амстердаме, по поручению уже российской делегации, я выступил на рабочем митинге, темой которого было убийство Плеве.

Я вернулся опять в Румынию. События 9 января 1905 г. были сигналом к пробуждению румынского рабочего класса. Мы основали еженедельную газету „Рабочая Румыния", положив начало рабочей политической организации под этим же именем. В отличие от ликвидированной румынской социал-демократ. партии мы направили свое главное внимание на организацию профсоюзов, для того, чтобы подвести под социал-демократ. партию чисто пролетарскую базу. Существовавшее раньше движение в Румынии отличалось именно отсутствием пролетарского характера. Оно составлялось из интеллигентов, мелкой буржуазии и из сравнительно малого числа рабочих. Период оказался чрезвычайно благоприятным. Румынский рабочий класс отозвался с готовностью на призыв „Рабочей Румынии". Стачечное движение приняло такие размеры, что даже городовые города Бухареста обратились к нам с просьбой организовать их забастовку. Создавались новые и новые профсоюзы. И капиталисты и правительство были застигнуты врасплох, и первые забастовки кончались быстро и с успехом. Но хозяева уступали только для того, чтобы лучше подготовиться к наступлению.

Годы 1905 и 1906 прошли в Румынии под знаком острой классовой борьбы. Румынская печать всех оттенков увидела в моем лице вдохновителя всего этого движения и, сосредоточив свою кампанию против меня, иностранца по происхождению, полагала, что может скомпрометировать таким образом все рабочее движение Румынии. Два события еще больше ожесточили румынское правительство и румынские господствующие классы против меня: прибытие броненосца „Потемкина" в Констанцу и крестьянское восстание весною 1907 г. В появлении „Потемкина в Констанце и в моем участии в устройстве матросов правительство усматривало скрытую цель организовать потемкинцев для того, чтобы с их помощью вызвать революцию в Румынии и этим помочь русской революции. Мы ставили себе, однако, более скромную цель—политическое воспитание потемкинцев. Между прибытием „Потемкина" и румынским крестьянским восстанием 1907 г. имел место другой факт, настороживший еще более румынское правительство. Нагруженный оружием из Варны (как я впоследствии узнал—Литвиновым) пароход, предназначаемый для Батума, был выброшен на румынский берег и захвачен румынскими властями. Я имел встречу с командой, среди которой находился и делегат большевиков Камо. Я понял со слов последнего, что здесь был случай предательства, что капитан парохода сам повернул руль к берегу. Но, так или иначе, этот чрезвычайно ценный груз, не менее 50.000 винтовок,—формально направляющийся по адресу македонской революционной организации в Турции, очутился в руках румынского правительства. Румынская печать стала утверждать, что это оружие предназначалось для организации восстания в Добрудже, и к этому делу было примешано мое имя.

В феврале 1907 г. в Румынии вспыхнуло крестьянское восстание. Оно было направлено сначала против евреев-арендаторов северной Молдавии и было вызвано антисемитской травлей румынских либералов и румынских националистов-антисемитов. Однако, крестьяне, разгромивши усадьбы, занимаемые арендаторами-евреями, перешли к арендаторам-румынам, а потом к помещикам. Положение Румынии стало критическим. Вся страна, т.-е. все деревни были об'яты пламенем крестьянского восстания. Крестьяне жгли поместья и резали помещиков, которые находились в деревне. Румынское правительство расстреливало крестьян и сносило деревни артиллерией. Вторым его делом была быстрая расправа с рабочим движением, которое накануне крестьянских восстаний держало государственную власть в городах в постоянной тревоге. Правительство боялось об'единения рабочих с крестьянами. Чтобы обезвредить рабочее дви-

жение, в городах был принят целый ряд мер: обыски, конфискация социалистических газет, закрытие помещений профсоюзов и профорганизаций, арест вождей рабочего движения. Первым арестован был я. Вскоре затем последовало мое явно противозаконное изгнание из Румынии. В течение пяти лет вопрос о моем возвращении стал практической задачей, вокруг которой развертывалась классовая борьба румынских рабочих. В период моего изгнания я продолжал участвовать в руководстве румынским рабочим движением, продолжал сотрудничать в газетах партии и профессионального движения, издавал брошюры, а также социал.-демократич. журнал „Социальное будущее". Кроме того, я подготовил две книги: одну по-румынски—„Из царства произвола и трусости", другую по-французски—„Боярская Румыния". Первая была предназначена для рабочих в Румынии, вторая—для сведения социалистических партий и общественного мнения за границей; обе они были связаны с гонениями против румынских рабочих и крестьян. В них было освещено и мое дело. Я вернулся нелегально в 1909 г. в Румынию, был арестован, но меня не отдали под суд за нарушение закона, а я был лишь вновь выслан. Здес разыгрался большой скандал, так как я сопротивлялся, и меня должны были силой втолкнуть в вагон. С другой стороны, венгерские власти отказались меня принять, и меня посылали, как пакет, из одной территории на другую, пока, наконец, после дипломатических переговоров между румынским и австро-венгерским правительствами, венгерские власти меня приняли на свою территорию. Мои расчеты и расчеты моих товарищей из нашей организации были все построены на повторяющихся процессах вокруг моего дела, которые служили нам средством для агитации среди рабочих организаций. До этого уже в мое отсутствие из Румынии, в 1908 г. в марте и апреле, румынское правительство устроило против меня два процесса, при чем (чтобы оправдать мою высылку, которая являлась незаконным актом, так как в Румынии не было закона, на основании которого правительство могло бы высылать своих собственных граждан) прибегало к самому невероятному юридическому крючкотворству и не постеснялось даже сфабриковать против меня фальшивые документы. Мы стремились поставить процесс в моем присутствии, но румынское правительство предпочитало пустить меня скорее на свободу за границу, чем держать в тюрьме и создавать против меня процесс, который был бы в руках румынской рабочей партии и в моих руках средством борьбы против правительства и против буржуазии. Я рассказал, как в 1909 г. румынская полиция, арестовав меня, выбросила на венгерскую территорию.

Хотя факт ареста скрывался, тем не менее проник в печать. Румынское правительство стало его категорически отрицать. Румынский рабочий класс, который из опыта знал, что румынское правительство было способно на всякое беззаконие, усмотрел в попытке румынского правительства скрыть мой арест и мое непринятие на венгерскую территорию плохой признак преступных намерений румынского правительства по отношению ко мне. В день 19 октября 1909 г. в Бухаресте рабочие, об'ятые негодованием, в особенности после того, как в вечерних газетах появилось сообщение о намерении Братиану меня „скорее уничтожить, чем пустить, обратно в Румынию",—устроили демонстрацию на улицах, закончившуюся кровавой дракой с полицией. Кроме десятков раненых, около 30 рабочих было арестовано, среди них вожди профессионального и политического рабочего движения, которые в ту же ночь были подвергнуты избиению в полицейских подвалах Бухареста. Все эти возмутительные факты вызвали протест не только в самой Румынии—во всех ее больших и малых рабочих центрах и в буржуазно-демократической печати,—но и вне Румынии. Борьба между рабочими и правительством обострялась. Происходит неудачное покушение на Братиану, в организации которого, как оказалось, принимала участие сама полиция. Покушение на Братиану было сигналом к новым гонениям против рабочих и к исключительным законам против права забастовок и прав союзов. Правительство Братиану не могло больше оставаться у власти; оно ушло, проклинаемое рабочими, уступив место правительству консерваторов во главе с Карпом. В феврале 1911 г. я вновь приезжаю нелегально в Румынию; на этот раз мне удается добраться до самой столицы, и после того, как я связался со своими товарищами, я отправился и отдался в распоряжение судебных властей. И на этот раз, вместо того, чтобы открыть предо мной врата тюрьмы, румынское правительство предпочло опять бросить меня на чужую территорию, и так как уже венгерские пути были скомпрометированы, румынское правительство старалось переправить меня в Болгарию.

Но его попытки перебросить меня через два пограничных пункта на болгарскую территорию также не удались. Еще оставался открытым для высылки меня российский путь, к которому правительство не могло прибегнуть, и, наконец, путь морской. Я был погружен на пароход, снабжен румынскими паспортами и отправлен в Константинополь. Однако и здесь через несколько дней, по требованию румынской полиции, младо-турецкие власти меня арестовали. Вмешательство турецких социалистических депутатов выручило меня из турецкой тюрьмы. Я приехал в Софию и поставил ежедневную социалист. газету „Вперед", главной задачей которой являлась борьба с болгарским воинственным национализмом, готовившим балканскую войну. Конечно, я стал мишенью для нападок всех болгарских националистов.

Между тем в Румынии подготовлялся перелом в мою пользу. Главным врагом нашего рабочего движения была либеральная партия, которая представляла не только помещиков и арендаторский капитал, но еще, гл. обр., и промышленный капитал. После некоторых уступок, сделанных крестьянам, вызвавших в деревне некоторое успокоение, консерваторы решили, что они могут до поры до времени не опасаться новых выступлений со стороны крестьян и что рабочее движение может в этот период сослужить консервативной стратегии полезную роль в борьбе с либералами. Так или иначе, после второго моего возвращения, после второй высылки моей за границу, консерваторы заявили, что они готовы допустить, чтобы мое дело было пересмотрено. Декрет о высылке был снят, и специальный суд восстановил меня в моих политических правах. Это было в апреле 1912 г.

Не долго пришлось нам пользоваться периодом „мирного" партийного строительства. Осенью 1912 г. вспыхнула первая балканская война, и с того момента Румыния и весь Балканский полуостров вошли в эпоху войн. Не прошло и года после окончания балканских войн, как надвинулись предвестники мирового конфликта. Начиная с августа 1914 года по август 1916 г., когда Румыния вступила в войну, румынской социал-демократ. партии пришлось перенести очень тяжелую борьбу. Внутри самой Румынии мы должны были отстаивать нейтралитет страны против двух военных партий — руссофильской и германофильской. Борьба не ограничивалась неслыханной по своей остроте газетной полемикой, митингами и уличными демонстрациями. Она принимала иногда более трагический характер. В июне 1916 г. произошли расстрелы рабочих в Галаце. Было убито 8 человек. Я был арестован, и против меня началось судебное следствие за организацию „бунта" против властей. Это вызвало взрыв негодования среди рабочих. В Бухаресте была об'явлена всеобщая забастовка, которая грозила распространиться по всей Румынии. Правительство, очевидно, побоялось накануне самой войны вызывать в стране беспорядки и освободило как меня, так и других арестованных товарищей.

В период 1914 — 1916 гг. моя деятельность не ограничивалась борьбой против румынской буржуазии и румынских помещиков. Как член ЦК румынской партии, я предпринял все зависящее от меня, чтобы связаться с теми партиями, группировками и отдельными товарищами, которые за границей остались верны заветам рабочего Интернационала.

В апреле 1915 г., по приглашению итальянской социалистической партии, я отправился на международный митинг против войны в Милане. На обратном пути, остановившись в Берне, снесся с Лениным и с швейцарской рабочей партией. До этого еще я сносился с Троцким, который руководил тогда газетой „Наше Слово" в Париже, и где я тоже писал. Эти переговоры и встречи кончились созывом Циммервальдской конференции.

До того в течение лета в Бухаресте собралась конференция всех балканских социалистических партий, стоящих на определенно классовой и интернационалистической платформе. Т. обр., из этой конференции была исключена партия болгарских социал-демократов оппортунистов (широких). Была создана „революционная балканская рабочая социал-демократическая федерация", охватывающая румынскую, болгарскую, сербскую и греческую партии. Было выбрано центральное бюро, секретарем которого был выбран я. Т. обр., уже до Циммервальда балканские партии наметили свою линию непримиримой борьбы с империализмом.

Мне удалось участвовать весной 1916 г. на Бернской конференции циммервальдцев и выступать там вместе с Лениным на международном рабочем митинге. Присутствовать на Кинтальской конференции я уже не имел возможности, т. к. вследствие подготовки Румынии к вступлению в войну границы были для меня закрыты. Война Румынией была об'явлена в августе 1916 г., а месяц спустя после этого я был уже под арестом

Румынское правительство тащило меня за собой во время отступления из Бухареста к Яссам. Первого мая 1917 г. я был освобожден русским гарнизоном в Яссах. Первый город, посещенный мною после освобождения, была Одесса. Здесь я начал свою борьбу против войны и против оборончества. Приехавши в Петроград, я продолжал ту же самую борьбу. Хотя я тогда еще не входил в партию большевиков и в некоторых вопросах не сходился с ними, но мне грозили высылкой, если я буду продолжать свою деятельность.

Во время корниловских дней меня скрывала большевистская организация на Сестрорецком патронном заводе. Отсюда я перебрался в Кронштадт. После ликвидации корниловщины я решил поехать в Стокгольм, где должна была быть созвана конференция циммервальдцев. Здесь меня застала Октябрьская революция. В декабре я был в Петрограде и в начале января уехал в качестве комиссара организатора Совнаркома РСФСР на юг вместе с экспедицией матросов во главе с Железняковым. Пробыв известное время в Севастополе и организовав там экспедицию на Дунай против румынских властей, занявших уже Бессарабию, я отправился с экспедицией в Одессу. Здесь была организована Верховная автономная коллегия по борьбе с контр-революцией в Румынии и на Украине, и в качестве председателя этой коллегии и члена Румчерода я оставался в Одессе до занятия города немцами. Из Одессы я приехал в Николаев, оттуда в Крым, потом в Екатеринослав, где участвовал на втором с'езде Советов Украины, потом в Полтаву и Харьков. После прибытия в Москву, где я оставался в общем не больше месяца, я отправился в Курск с делегацией, которая должна была вести мирные переговоры с Украинской Центральной Радой. В Курске мы получили сообщение о перевороте Скоропадского. Здесь мне пришлось заключить перемирие с немцами, продолжавшими свое наступление. Правительство Скоропадского предложило нам приехать в Киев. В Киеве задача руководимой мною мирной делегации заключалась в том, чтобы пред рабочими и крестьянскими массами Украины выяснить истинную политику советской власти, противопоставляя ее политике Скоропадского, Центральной Рады и других агентов германского империализма и русских помещиков. В сентябре я получил экстренную миссию в Германию продолжать там переговоры с германским правительством о заключении мирного договора с Украиной. Отсюда я должен был отправиться в Вену, где в это время была уже республика. Будучи в Берлине, я получил согласие австрийского правительства, министром иностранных дел которого был тогда вождь австрийской соц.-демократии Виктор Адлер. Но германские власти не разрешили мне поехать в Вену. Наоборот, очень скоро вместе с советским послом в Берлине Иоффе, Бухариным и другими товарищами я был выслан германским правительством. Мы находились еще в дороге, в Борисове, в германском плену, когда получили сведения о германской революции. Через некоторое время Центральный Исполнительный Комитет отправил меня в числе других делегатов (Мархлевского, Бухарина, Иоффе, Радека, Игнатова), которые должны были поехать в Берлин, чтобы присутствовать на 1-м с'езде германских советов рабочих и солдатских депутатов. Но мы были задержаны германскими военными властями в Ковно и после нескольких дней „плена" возвращены обратно в Минск. После краткого пребывания в Минске, а потом в Гомеле, где тогда ликвидировалась германская власть, я приехал в Москву. Оттуда был вызван Центральным Комитетом коммунистической партии (б) Украины, чтобы занять на Украине пост председателя Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Украины. Созванный в марте 1918 г. 3-й Всеукраинский с'езд советов и вышедший из него Центральный Исполнительный Комитет выбрал меня в качестве председателя Совета народных комиссаров Украины. В качестве такового я работал до половины сентября того же года сначала в Харькове, потом в Киеве, а после эвакуации Киева—в Чернигове.

В середине сентября приехал в Москву и, сохраняя пост председателя Совета народных комиссаров Украины, был поставлен во главе Политического управления революционного военного совета республики. Руководителем этого учреждения я был до января, в тяжелые дни деникинского, колчаковского и юденического напора.

Когда Харьков был освобожден из под власти белых, я был назначен через некоторое время снова председателем Совета народных комиссаров Украинской советской республики и членом Реввоенсовета сначала юго-западного фронта, который доканчивал войну с Деникиным и провел войну с поляками, а впоследствии был заменен Реввоенсоветом южного фронта, во главе которого находился покойный М. В. Фрунзе

РАСКОЛЬНИКОВ Ф. Ф. (1892–1939).

В 1930–1938 полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. С 1938 в эмиграции. Заочно исключен из партии, объявлен "врагом народа", лишен советского гражданства. Реабилитирован посмертно.

и в котором я продолжал участвовать в качестве его члена. Пост председателя Совета народных комиссаров Украинской советской республики я занимал одновременно с постом председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом, председателя Чрезвычайной санитарной комиссии, председателя особой комиссии по топливу и продовольствию и председателя Украинского экономического совета. На Украине я оставался без перерыва до июля 1923 г., за исключением периода, когда ездил вместе с Чичериным, Литвиновым и др. товарищами за границу, как член советской делегации на Генуэзской конференции.

В июле 1923 г. я был назначен полпредом в Англию, где провел переговоры о признании Советского Союза английским правительством, а впоследствии во главе советской делегации заключил известные договоры с Макдональдом, которые были потом отвергнуты появившимся на его смену консервативным правительством.

Из Лондона я вел переговоры сначала с Эррио, а потом с Эррио и де-Монзи, которые закончились признанием Советского Союза французским правительством. С конца октября 1925 г. я был переведен полпредом в Париж.

С 1918 г. я состою членом Центрального Исполнительного Комитета, сначала РСФСР, а потом Союза, а также членом его президиума до 1925 г. До 1924 г. состоял также членом Центрального Исполнительного Комитета Украины. С 1919 г. состою членом Центрального комитета РКП, а потом ВКП, а также до 1924 г. состоял членом Центрального Комитета коммунистической партии Украины и его Политбюро.

Раскольников, Федор Федорович *(автобиография)*. Я родился 28 января (ст. стиля) 1892 г. на окраине Петербурга, на большой Охте. До 1900 г. я воспитывался у матери, а осенью этого года был отдан в ученье в приют принца Ольденбургского, обладавший правами реального училища. В этом кошмарном училище, где еще не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а поп Лисицын публично драл за уши, мне пришлось пробыть пансионером в течение восьми лет. В 1908 г. я окончил училище. К этому времени мне было шестнадцать лет. В седьмом классе я сделался атеистом. В том же году я познакомился с новейшей литературой, т. е. с произведениями Максима Горького, Леонида Андреева и других. Эта литература способствовала укреплению моего атеизма. В 1909 г. я поступил на экономич. отделение СПБ Политехнич. института.

Здесь необходимо вкратце остановиться на формировании моих политических взглядов. Еще в 1905—1906 гг. в 5 и 6 классах реального училища я дважды принимал участие в забастовках, причем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом. Сочувствие к угнетенным и эксплоатируемым поддерживалось чтением произведений Шеллера-Михайлова, из которых особенно сильное впечатление на меня произвел роман „Лес рубят—щепки летят". Т. обр., политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжелыми.

В 1907 г. умер отец, и мать моя осталась с двумя сыновьями. Получавшееся ею жалование в размере 60 рубл. в месяц целиком уходило на текущие жизненные расходы, а между тем нужно было давать образование мне и моему младшему брату Александру (работает в партии под фамилией Ильина-Женевского). Последнего за недостатком средств пришлось перевести из реального училища, где он был пансионером, в Введенскую гимназию.

Залезая в долги, матери удалось, однако, дать мне окончить среднюю школу. Точно так же первое время ей приходилось платить за меня в Политехнич. институте. В последующие семестры, в виду тяжелого материального положения, совет профессоров иногда освобождал меня от платы за ученье. В общем наша семья в это время нуждалась.

На первом курсе мне довелось познакомиться с литературными работами Г. В. Плеханова, которые сделали меня марксистом. Летом 1910 г. я проштудировал „Капитал". В декабре того же года я вступил в партию. После выхода первого номера легальной большевистской

газеты „Звезда", я отправился в редакцию и, заявив свою полную солидарность с направлением газеты, отдал себя в распоряжение редакционной коллегии. Восприемником у моей партийно литературной купели был К. С. Еремеев. С этого момента я стал ближайшим сотрудником „Звезды" и „Правды". Начав с хроники, я постепенно перешел к статьям, при чем первая моя статья была напечатана весной 1911 г. В эпоху „Звезды" и „Правды" я, кроме того, вместе с В. М. Молотовым работал в большевистск. фракции Политехнич. института и по ее поручению поддерживал связь с ПК.

Когда 22 апреля 1912 г. возникла рабочая газета „Правда", то я занял место секретаря редакции. Но на этом посту мне пришлось пробыть всего только месяц, так как в ночь с 21-го на 22-е мая я был арестован и отвезен в „предварилку". Мне было пред'явлено обвинение по 102 ст. в принадлежности к РСДРП. После 4½ месяцев одиночного заключения я был присужден к административной высылке на три года в Арханг. губ. Но ссылка была заменена выездом за границу. 9-го октября я выехал в Германию, но недалеко от границы, в Инстербурге, где я решил остановиться для отдыха на одни сутки, меня арестовали немецкие жандармы по обвинению в шпионаже в пользу России. Главной уликой служил схематический план эмигрантского квартала в Париже, нарисованный перед моим от'ездом из Питера К. С. Еремеевым. Через несколько дней я был освобожден и отправился обратно в Россию в целях подпольной работы, но на границе в Вержболове был арестован и по этапу отправлен в Арханг. губ. Но в Мариамполе я заболел и слег. К этому времени дало себя знать нервное потрясение, вызванное тюремным заключением. Вскоре мне было дано разрешение на пользование санаторным лечением в окрестностях Питера.

21 февраля 1913 г. я, как студент, подпал под амнистию и благодаря этому снова приобрел право жительства в Петербурге. Разумеется, я тотчас возобновил свое сотрудничество в „Правде", в силу цензурных преследований выходившей тогда под разными, часто менявшимися именами. Мое участие в газете усилилось весной 1914 г., со времени приезда из-за границы Л. Б. Каменева. К этому времени стали появляться мои большие статьи, написанные по заказу редакции и обычно пускавшиеся фельетонами в подвальном этаже газеты. Почти ежедневно я посещал „Правду" и от времени до времени редакцию „Просвещения", где также помещались мои статьи. С наступлением войны „Правда" была разгромлена. Только случайно я не был арестован, так как в день разгрома, успев закончить свои дела раньше обыкновения, я ушел домой, как впоследствии оказалось, незадолго до прихода полиции.

С первых дней империалистической бойни я занял интернационалистскую, ленинскую позицию. Принимал участие в коллективном составлении ответа Вандервельде. Война превратила меня, подобно другим современникам, в военного человека. Издавна тяготея к морской стихии, в качестве рода оружия я избрал флот и, несмотря на отсутствие свидетельства о политической благонадежности, поступил в отдельные гардемаринские классы. За эти годы мне удалось побывать в двух плаваниях на Дальнем Востоке и посетить Японию, Корею и отдаленную Камчатку. Февральская революция застала меня в гардемаринских классах, где в это время происходили выпускные экзамены.

Я тотчас связался с ПК и со вновь возникшей, как феникс из пепла, газ. „Правда". Здесь я поместил целый ряд статей, пока, наконец, в середине марта не был командирован ред. „Правды" в Кронштадт для руководства местным партийным органом „Голос Правды". В красном Кронштадте мне пришлось, не ограничиваясь редактир. газеты, окунуться в самую гущу партийной и советской работы. В Кронштадте составилась дружная, сплоченная группа руководителей, куда входили: С. Г. Рошаль, Кирилл (Орлов), П. И. Смирнов и я, а несколько позже к нам присоединились: Смилга, Дешевой, Брегман и Флеровский.

Вскоре я был избран тов. председ. кронштадтского совета (председ. состоял беспартийный Ламанов, впоследствии в 1921 г. в кронштадтском мятеже открывший свое белогвардейское лицо). После июльского выступления, в котором вместе с другими кронштадтцами мне пришлось принять активное участие, я был арестован, посажен в „Кресты" и привлечен по „делу большевиков". 13-го октября был освобожден и через несколько дней получил от Центр. Комитета партии командировку в Новгород и Лугу для подготовки пролетарской революции.

В Октябрьской революции принимал непосредственное участие в боях под Пулковым. После разгрома банд Керенского и Краснова был отправлен во главе отряда моряков на помощь крас-

РАХЬЯ И. А. (1887–1920).

ной Москве. Вскоре был вызван из Москвы и назначен комиссаром морского генер. штаба, затем членом коллегии морского комиссариата и в 1918 г. заместит. наркома по морским делам. В июне 1918 г. ездил с секретным поручением Совнаркома в Новороссийск для потопления Черноморского флота, чтобы не допустить его стать добычей империалист. держав. В июле 1918 г. я был направлен на чехо словацкий фронт в качестве члена Реввоенсовета восточного фронта, а 22-го августа состоялось мое назначение командующим Волжской военной флотилии, которая 10-го сентября принимала непосредственное участие во взятии Казани, а затем, с ежедневными боями преследуя белогвард. флотилию, совершила поход по Каме, при чем ей удалось загнать неприятельские суда в реку Белую и заставить их укрыться в Уфе.

Освобождение Камы от белогвардейских банд удалось довести выше Сарапуля до Гальян, где нас застал начавшийся ледоход, в виду чего Красной Волжской флотилии пришлось срочно итти на зимовку в Нижний-Новгород. После окончания кампании я вернулся в Москву, где в качестве члена Реввоенсовета республики принимал участие в его заседаниях и вместе с покойным Василием Михайловичем Альтфатером руководил морским комиссариатом.

В конце декабря 1918 г. на миноносце „Спартак" я отправился в разведку к Ревелю и наткнулся на значительно превосходившую нас английскую эскадру, состоявшую из пяти легких крейсеров, вооруженных шестидюймовой артиллерией. С боем отступая по направлению к Кронштадту, наш миноносец потерпел неожиданную аварию, врезавшись в каменную банку и сломав все лопасти винтов. Так. обр., оказавшись в плену у англичан, я был отвезен ими в Лондон и посажен в Брикстонскую тюрьму. После пятимесячного плена я был освобожден в обмен на 19 английских офицеров, в свое время задержанных в Советской России. Обмен происходил в Белоострове 27-го мая 1919 г. Тотчас после возвращения из Англии я был назначен командующим Каспийской флотилии. Вскоре к ней была присоединена вернувшаяся с Камы Волжская флотилия, и об'единенные речные и морские силы получили наименование Волжско-Каспийской военной флотилии. Нашим судам приходилось действовать отдельными отрядами на огромном пространстве от Саратова на Волге до Лагани и Ганюшкина—на Каспие. Наиболее горячие бои флотилии пришлось вынести под Царицыном и под Черным Яром. В обоих случаях суда флотилии, подвергались почти ежедневным налетам аэропланов. Однако, соединенными действиями Красной армии и Красной флотилии нам удалось отстоять советскую Астрахань, которая, находясь в белогвардейском окружении, висела на одной тонкой нитке железной дороги, соединявшей ее с Саратовым. Наконец, в 1920 г. занятие форта Александровского с захватом в плен остатков белого уральского казачества и изгнание англичанаиз Энзели завершили боевую кампанию флотилии.

Во время гражданской войны я был награжден двумя орденами Красного Знамени. В июне 1920 г. я был назначен командующим Балтийским флотом. В связи с нашим наступлением на Варшаву Красный Кронштадт во всеоружии готовился принять английских гостей. Но к огромному разочарованию моряков-балтийцев Ллойд-Джордж не прислал в кронштадтские воды ни одного английского корабля.

В марте 1921 г., в виду окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству, я демобилизовался и был назначен полпредом в Афганистан. В декабре 1923 г. я вернулся в Москву. Состоял ответств. редактором „Молодой Гвардии", „Красн. Нови" и издат-ва „Моск. рабочий". Весной 1926 г. вторично ездил в Афганистан в качестве председателя нашей делегации в смешанной союзно-афганской комиссии.

Рахья, Иван (Юкка), род. в 1887 г. в Кронштадте, учился в мастерской металлистов, еще учеником распространял подпольную литературу, входил в состав подпольн. комитета партии в Кронштадте, после неудачн. восстания в 1905 г. бежал в Финляндию, учился здесь в промышленн школе, принимал участие в рабоч. движении, как оратор, и в движении среди молодежи. В 1913 г. Р. возвратился в Петербург, где работал в мастерских и принимал участие в подпольн. работе. В 1917 г. входил в состав петрогр. комитета большевиков, участвовал в выступлениях, после Октября уехал в Финляндию в качестве помощн. высш. комисс. по финл. делам и организатора финск. красной гвардии, был один из основателей Финской Коммун. партии в Москве в 1918 г. и энергичн. ее руководителей, член ЦК. В 1919 г. был представит. Финск. К. П. в учредительн. конгрессе III Интернац. Уб. при нападении на клуб имени Куусинена в Петрогр. 31 авг. 1923 г. (см. *„Г. и М."*, *„Кал. Комм."*).

Рейснер, Лариса Михайловна, дочь коммуниста-профессора М. А. Рейснера, род. 1 мая 1895 г. в Люблине, в царстве Польском, где отец был преподавателем в Пулавском агроном. институте. Детство провела и первое образование получила в Германии (Берлине и Гейдельберге), где росла в атмосфере, созданной близкими отношениями отца с русской революционной эмиграцией и руководящими кругами германской соц.-демократии. Эти годы положили основание к ее близкому отношению к германской культуре. Годы, проведенные с родителями в Париже, расширили культурный круг интересов ребенка. В России воспитывается в атмосфере разгрома первой революции, и уже в гимназии проявляются литературные способности и революционный темперамент Р. Очень рано начинает заниматься литературой, при чем с формальной стороны сильно на нее влияет живущий в дружбе с ее родителями Леонид Андреев, который занимается с ней по истории литературы. Что влияние Андреева не распространилось на ее идейную жизнь, доказательством тому служит написанная ею на 17-м году жизни драма „Атлантида", напечатанная в 1913 г. издат. „Шиповник". Содержание этой драмы—попытка человека спасти общество личной жертвой. Источники, из которых Р. почерпнула содержание для своей драмы,—между прочими „История Коммунизма" Пельмана,—указывают ясно на круг идей, в котором Р. уже тогда жила. С самого начала войны Р переживает острейшим образом крушение международной социал-демократии и переход русской интеллигенции на почву шовинизма. Разрыв родителей с Андреевым на этой почве нашел полное сочувствие с ее стороны. Чувство невозможности оставаться вне борьбы против войны толкнуло проф. Рейснера на издание журнала „Рудин", который всей своей внешностью (блестящие карикатуры против перебежчиков в лагерь патриотизма) и всем своим содержанием был ярким протестом изолированной интеллигентской революционной группы против войны. Душой „Рудина" была Р., которая в нем печатала не только блестящие по форме стихи, но и целый ряд острых очерков. Одновременно на ее плечах лежала вся борьба с цензурой, заботы об изыскании средств на издательство. Когда, за отсутствием их, прекращено было издание „Рудина", Р. начинает сотрудничать в „Летописи" Горького. В 17-м г., еще пред революцией, Р. завязывает сношения с рабочими кружками. Февральская революция встречает ее сразу в кругах противников коалиции с буржуазией. Яркий памфлет, направленный против Керенского и напечат. в „Новой Жизни", вызвал не только нападение буржуазной печати, но даже испугал редакцию горьковского органа. Р. завязывает связи с широкими рабочими организациями, с просветительными кружками среди кронштадтск. матросов.

Октябрьская революция находит в ней глубокий отзвук. Первые месяцы после переворота она работает по сохранению памятников искусства, и работает не с чувством спасителя старого пред нашествием варваров, а с чувством работника, сохраняющего лучшее наследство прошлого для созидателей нового. Но начало гражданской войны не позволяет ей оставаться на этом посту. Ее тянет к непосредственной борьбе, и Свияжск под Казанью, где в борьбе с чехо-словаками реально складывалась Красная армия, видит Р. в передовых рядах борцов, с оружием в руках, как об этом свидетельствуют непосредственные участники этих боев (см. А. Кремлев, „Красная Звезда" от 14.II 1926 г.)

Так проделала она позже весь поход и все бои в нашей Волжской флотилии. Свидетель этих боев, старый кадровый русский офицер Ф. Новицкий, рассказывает (в „Изв." от 12/II—26 г.) о том, какое уважение внушала эта молодая революционерка старым солдатам своей неустрашимостью в самой опасной обстановке. После окончания борьбы с чехо-словаками и освобождения Волги, срошаяся с Красным флотом Р. назначается комиссаром штаба флота. Ее энтузиазм и чуткость, соединенные с холодным разумом, дают ей возможность завоевать себе уважение тех руководящих офицеров старого флота, которые, как адмирал Альтфатер и Беренс, перейдя на советскую службу, нуждались в живом человеке, который сумел бы им помочь ближе связаться с революцией.

Когда снова в борьбе с Деникиным была пущена в ход наша флотилия, Р. проделывает с ней путь от Астрахани до Энзели. После окончания гражданской войны Р., живя в Ленинграде, пытается непосредственно на фабрике изучить жизнь рабочей массы, переживает неслыханно тяжело кронштадтский мятеж, начало нэпа и полная тревоги за будущее сов. России отправляется в Афганистан, как жена советского полпреда Ф. Ф. Раскольникова. В Кабуле она не остается зрителем дипломатической борьбы, которую ведет советское представительство с английским империализмом. Она принимает ближайшее

РЕЙСНЕР Л. М. (1895–1926).

участие в дипломатической борьбе, завязывая связи с эмирским гаремом, играющим немаловажную роль в афганской политике, изучает индийскую политику Англии, для которой Афганистан играет роль одного из форпостов, изучает индийское национальное движение. Вернувшись в 23-м г. из Кабулы, она издает свою книжку „Фронт" и „Афганистан". „Фронт" останется одним из блестящих литературных памятников нашей гражданской войны. В то же время он показывает, с какой чуткостью и вниманием автор присматривается не только к героям и руководителям борьбы, но и к массе, непосредственно ее ведущей. В октябре 1923 г. Р. отправляется в Германию с двоякой задачей: она должна дать русскому рабочему картину гражданской войны, назревающей там под влиянием захвата Рура французами и экономической разрухи. Одновременно она должна была, в случае захвата власти в Саксонии, служить офицером связи между той частью ЦК германской коммунистической партии и представительства Коминтерна, которое находилось в Дрездене, и остальной частью. Однако, ход событий в Саксонии не позволил Р. даже приступить к исполнению данных ей поручений. Находясь в Берлине в самые тяжелые моменты после саксонского поражения, она помогает представителям Коминтерна, живущим в полной конспирации, ориентироваться в настроениях масс. Она стоит в хвостах безработных перед биржей труда, перед лавками, бывает на фабричных собраниях, на митингах соц.-дем., в госпиталях, принимает участие в первых демонстрациях, которые удается организовать несмотря на роспуск компартии правительством

При первых известиях о гамбургском восстании Р. спешит туда, но вследствие непродолжительности его попадает только после его разгрома. Она собирает среди семей беглых участников восстания сведения о героической борьбе гамбургского пролетариата, проникает в залы судов, чинящих расправу над побежденными. Проверяет собранный материал у выдающихся участников восстания и, вернувшись из Германии в Россию, дает в своем „Гамбурге на баррикадах", напечат. в № 1 журн. „Жизнь", единственную в своем роде книгу, которую не имеют ни финское восстание, ни советская Венгрия. Германская цензура и германский имперский суд запрещают немецкое издание книги и приговаривают ее к сожжению Эстет из либеральной „Франкф. газеты" протестует против этого приговора во имя высоких художественных достоинств книги, но классовый суд германской контр-революции знает, что делает: он уничтожает книгу, которая сохраняет для германского пролетариата дух гамбургского восстания. Едва оправившись от жизни в тяжелых условиях конспирации, которую приходилось вести в Гамбурге, Р. отправляется на Урал для изучения условий жизни уральского пролетариата. И эта поездка является для нее не только исполнением литературной задачи. Имея сомнения насчет нэпа, она ищет их разрешения в живой жизни и находит в тяжелом труде людей железа и угля, в работе наших хозяйственников, работающих в заброшенных поселках Урала, ответ на вопрос о том, что мы строим—социализм или капитализм. Она возвращается, полная веры в наше будущее, и бросается в изучение нашего хозяйственного строительства. От книг отрывается для поездок в Донбасс, в текстильный район. Книга „Железо, уголь и живые люди" рисует русский пролетариат за работой. Эта книга отличается в художественном отношении тем, что Р., выросшая среди акмеистов и владеющая очень изысканным стилем, начинает писать проще, понятнее для рабочей массы. Это не искусственное упрощение, а результат сближения с рабочими во время поездок, на работе пропагандиста в технических частях московского гарнизона. В 1925 г., больная малярией со времени персидского похода, она отправляется на лечение в Германию, но даже болезнь не удерживает ее от сношений с гамбургским пролетариатом. Из малярийной лечебницы она тайком уходит, чтобы участвовать в демонстрации гамбургских коммунистов, и, оправившись немного от болезни, раз'езжает по Германии для изучения положения рабочего класса и социальных сдвигов, происходящих на основе стабилизации. Она проникает также в техническую лабораторию Юнкерса, как и в контору Круппа, в громадную газетную машину Ульштейна и, наконец, в угольные шахты Вестфалии, в квартиры рабочих, в массовые казармы нужды. Книга „В стране Гинденбурга" это уже не художественные очерки, а большие социально-политические полотна, нарисованные рукой мастера, связанного глубочайшим образом с борьбой рабочего класса. Только что окончив эту работу, она берется за разработку материалов о восстании декабристов Ее очерки о Трубецком, Каховском, Штейнгеле, вызвавшие горячую похвалу лучшего русского марксистского историка, представляют

собой одновременно художественно лучшие из ее сочинений. Она уже не увидела в печати этих своих работ. С головой, полной планов о книге, рисующей жизнь уральских рабочих во время Пугачевщины во время капитализма и при совласти, и одновременных планов о книге, которая должна была дать в больших картинах историю освободительной борьбы пролетариата, она слегла больная тифом. Организм, подорванный малярией, не выдержал, и 9/II 1926 г. Р. скончалась в Кремлевской больнице. В ней погиб на пороге большой творческой жизни борец коммунизма, который, участвуя непосредственно в освободительной борьбе пролетариата, призван был запечатлеть в художественных образах картину этой борьбы. С ней погиб коммунист, глубоко связанный с русским рабочим классом, но одновременно умеющий, благодаря большой культуре, связаться с революционным движением Востока и Запада. В ней, наконец, погибла глубоко революционная женщина,—предчувствие этого нового человеческого типа, который рождается в муках революции. *К. Радек.*

Рейснер, Михаил Андреевич (Reusner) *(автобиография)*, родился в 1868 г. в Виленской губ. в семье чиновника из балтийских дворян-интеллигентов (Literaten). Род этот вышел в свое время из Галиции в Германию и уже в XVI в. дал несколько писателей. Из них приобрел большую известность Николаус фон Реуснер, гуманист, последователь Аристотеля, юрист и поэт, получивший за научные заслуги титул пфальцграфа. Русская ветвь рода произошла благодаря деклассированию некоторых балтийских его потомков. К ним принадлежит и Р. Он получил воспитание в общем духе интеллигентского романтизма и с юных лет искал рецепта спасения человечества. Бросался в мистику и толстовство, был под сильным влиянием Достоевского. Окончил в Петербурге гимназию с ненавистью к классицизму и отрицанием науки. В то же время работал в художественной школе Общества поощрения художеств, где на ученических выставках получал премии. В университет поступил в Варшаву, поблизости к месту службы отца и в виду полного безразличия к научному знанию, так как мечтал посвятить себя религии. Резкий перелом испытал под влиянием покойного профессора А. Л. Блока (отца известного поэта). Проф. Блок совмещал в себе причудливым образом громадную эрудицию, материалистический скепсис и славянофильство: социолог-позитивист по исходной точке и романтик в практических выводах. У Блока Р. защитил свою кандидатскую диссертацию (на степень кандидата прав), был предложен к оставлению при университете и был рекомендован на должность преподавателя правовых наук в Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства, преобраз. в то время В. Докучаевым, куда и получил назначение в 1893 г. В это же время женился на Екатерине Александровне Пахомовой, с которой прожил всю жизнь в исключительном счастьи. Происшедший вскоре разрыв с Блоком, у которого Р. заимствовал его основной социологический метод, побудил последнего обратиться за ученой степенью в киевский университет, где в то время был профессором Евгений Трубецкой. Уже во время подготовки к экзамену на степень магистра государственного права и после его окончания Р., на основании изучения истории политических учений, пришел к убеждению, что современная наука находится в безысходном тупике, т. к. она имеет дело с совершенно равноценными и логически правильными системами идей, стоящими друг к другу в вопиющем противоречии и не имеющими никаких способов к примирению. Политическая наука с этой стороны представлялась нагромождением одинаково истинных „истин" или „правд", из которых каждая радикально отрицала другую. Е. Трубецкой, конечно, выхода указать не мог, так как принимал одну из них на веру и отрицал другие. Тогда же пред Р. стала задача, которой он посвятил и практически и теоретически свою жизнь—это нахождение об'ективного закона, который делал, во-первых, необходимым построение тех или иных систем мировоззрения и, во-вторых, ставил такие системы мировоззрения в резкую противоположность друг другу.

Преподавание в институте закончилось в 1896 г. после студенческих волнений, когда Р., стоявший тогда на точке зрения славянофильства, не обнаружил, однако, достаточной склонности к полицейскому розыску. После сдачи магистерского экзамена и ухода из института Р. был командирован с научной целью за границу со стипендией в 80 руб. в месяц и проработал 2 года в Гейдельберге, пользуясь отчасти руководством Г. Еллинека. Однако, большую часть времени он посвятил вопросу отношений государства и церкви. По окончании командировки и представлении отчета в 1898 г. был назначен и. д. экстраорд. профессора

РЕЙСНЕР М. А. (1868–1928).

на вновь открываемый юридический факультет томского ун-та, где занимал должность секретаря факультета, работал по организации фак. и его библиотеки и издал ряд трудов: „Христианское государство", очерки по „Истории права свободного вероисповедания" и напечатал ряд статей „Мораль, право и религия по русскому закону" в журн. „Вестник права". В этих работах Р. уже становится определенным противником религиозного угнетения, а в последних статьях разоблачает чисто полицейский характер российского церковного и морального законодательства. Эти статьи вызвали борьбу с цензурой и обратили на себя внимание общества. Время преподавания в томском универс. (с 1898 г.) было для Р. периодом последовательного полевения, сближения со студенчеством и отчуждения от профессуры. В 1901 г. Р. была дана годичная командировка с научной целью за границу, отчасти из желания избавиться от беспокойного профессора и ослабить его влияние на студенчество, так как реакционные меры правительства вызывали его резкое осуждение даже с точки зрения благоустроенной монархии. Из командировки Р. возвратился уже законченным либералом и подвергся ряду преследований. Плодом командировки было исследование: „Самодержавие и общее благо", где подвергались критике самые основы абсолютизма на Западе и в России. Учебный 1902 — 1903 г. был временем сплошной борьбы и преследований. Вступительная лекция в университете, выступление на вечере в память Шевченка, избрание председателем вновь основанного томского юридического общества и деятельность в качестве такового, наконец, участие в чествовании памяти умершего проф. Климентова (марксиста)— все это привело к крайнему обострению отношений как с учебным начальством (попечитель Лаврентьев, ректор Судаков), так и с юридическим факультетом. Несмотря на то, что Р. пытался держаться на почве легальной правомерности, студенческие беспорядки 1903 г. привели к приезду в Томск шефа жандармов фон Валя и профессора Тавилдарова, которые потребовали увольнения Р; последнему удалось добиться поездки в Петербург, которая началась в Томске под охраной полиции и войск, а в Петербурге привела к бесплодным об'яснениям с директором департамента полиции Лопухиным и тов. министра народного просвещения Лукьяновым. Р. была подана Лопухину докладная записка о томских событиях, которая пыталась оправдать их с легальной точки зрения. Эта записка оказалась безрезультатной, и Р. пришлось подать в отставку и выехать за границу. С этого момента начинается революционная деятельность Р., так как исход петербургских об'яснений разбил окончательно все либеральные иллюзии. Деятельность Р. в Томске, несмотря на ее умеренный либеральный характер и полное отсутствие у него политического опыта и связи с революционными партиями, оставила, однако, известный след в Сибири, т. к. студенчество Томска сумело использовать оппозицию Р. в целях революционной борьбы. Перед выездом в эмиграцию Р. получил приглашение от Н. К. Михайловского работать для журнала „Русское Богатство" в качестве его германского корреспондента. За границей Р. обратился к изучению марксизма и в нем нашел единственный путь разрешения того основного противоречия, которое отмечено выше. Диалектика и противоречия между политическими системами оказались об'яснимыми не из них самих, но только из социальной среды и классовых противоположностей. Тайна политических мировоззрений раскрывалась лишь из материального базиса, на котором они были идеологическими надстройками. Теория, однако, не была бы достаточно усвоена без революционной практики. Когда поэтому был инсценирован в 1904 г. знаменитый кенигсбергский процесс по обвинению германских социал-демократов в государственном преступлении против русского царя, и Карл Либкнехт обратился к Р. с предложением выступить на процессе в качестве эксперта по русскому праву, последний получил возможность войти непосредственно в революционную борьбу. Данные под руков. Либкнехта и Гаазе заключения Р. в качестве ученого эксперта, освещенные в прессе Куртом Эйснером, послужили материалом для общеевропейской кампании против бесправия и ужасов русского царизма. Заключения Р. стали предметом обсуждения в печати всего мира, в германском рейхстаге и ландтаге и легли в основу решения германского имперского суда, утвердившего оправдание кенигсбергских обвиняемых в преступлении против русского царя. После этого Р. стал своего рода нелегальным представителем революционной России при общественном мнении Европы и получил возможность широкой революционной пропаганды в социалистической и буржуазной прессе за границей. В этой своей работе Р. действовал непосредственно в связи и под руков. германской с.-д. партии и

ее вождей, А. Бебеля, К. Либкнехта, К. Эйснера и др. Кроме многочисленных газетных и журнальных статей, Р. выпустил на немецком языке две книги: „Gemeinwohl und Absolutismus" и „Russische Kämpfe um Recht und Freiheit". Некоторые статьи Р., напечатанные в „Форвертсе", были тогда же переведены на русский язык В. И. Лениным и перепечатаны в „Пролетарии". В 1905 г. Р. организовал кампанию протеста в Европе в связи с событиями 9-го января и арестом Горького и других, а также вел борьбу в связи с германскими товарищами против царского займа, проводимого Витте, и за бойкот булыгинской Думы. В последних двух случаях Р. шел в одном направлении с группой Ленина, с которым вступил в переписку и сношения через В. В. Воровского (Орловского). В конце 1905 г. Р. возвратился в Россию, организовал в городе Нарве при содействии Яна Сибуля (Ивана Народного) группу социал-демократов большевиков, вошел этим путем в партию, читал лекции в Питере по поручению ПК партии и участвовал в качестве делегата на об'единительной конференции в Таммерфорсе вместе с Лениным, Свердловым, Крупской и другими. В Петербурге Р. принял участие в Союзе союзов, в комитете помощи беженцам революционерам из Прибалтийского края, где начались кровавые усмирения. После разгрома революции Р. возвратился за границу, т. к. ему угрожало судебное преследование. Во время пребывания в Петербурге Р. сотрудничал в „Новой Жизни" и выпустил ряд книг: сборник прежних работ под названием „Государство и верующая личность", затем две книги: „Русский абсолютизм и европейская реакция" и перевод с обширным предисловием Треймана Тираноборцы". По возвращении за границу Р. принял предложение Парижской Высшей Школы социальных наук и стал во главе ее. Р. вступил в связь с Интернациональным Социалистическим Бюро и важнейшими социал-демократическими партиями Европы и Америки и пытался создать из упомянутой выше школы центральный социалистический университет, который был бы свободной трибуной и научной школой социализма, при чем сильное преобладание было дано марксистам. Этой школе свободный брюссельский университет дал право на свой докторский диплом, а из Америки были присланы материальные средства. Благодаря приливу молодежи школа окупала себя, а лекции читались на всех европейских языках. Однако, благодаря отчаянному противодействию эс-эров и анархистов, школу в задуманном плане пришлось ликвидировать, а Р. после краткого пребывания в Германии отправился в Россию, где к тому времени был инсценирован процесс против членов нарвской организации с.-д. большевиков. Р. был в числе разыскиваемых полицией и привлеченных к следствию. В числе некоторых товарищей Р. был, однако, от суда освобожден, т. к. было установлено, что жандармы вымогали подписи на чистых листах бумаги, которые затем заполнялись чинами охраны. После этого Р. через Финляндию возвратился в Петербург (в 1907 г.), где был допущен к чтению лекций в петербургском университете в качестве приват-доцента по кафедре истории политических учений и был избран профессором высших женских курсов Раева, а затем юридического факультета психо-неврологического института, где работал вместе с М. М. Ковалевским в качестве секретаря факультета. В своих лекциях в высшей школе Р. излагал и право и государство с точки зрения марксизма и издал следующие книги: „Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология" (1908) и двухтомный труд под названием „Государство" (1911—1912). В этих трудах Р. впервые закончил свою работу по исследованию идеологической природы права, государства и политических учений, как они определяются экономическим процессом и классовой борьбой. Основными положениями Р. в этих трудах были след.: 1) общественная жизнь организуется при помощи идеологических форм, в основу которых положены различные типы идеологий и их диалектика. 2) Идеологические преломления и извращения подчиняются известной закономерности, которая проявляется в особых социальных методах восприятия (способах представления). 3) Методы восприятия и идеологического построения суть результаты социальной психологии. 4) Эта психология (групповая, классовая, социальная) в свою очередь обусловлена экономическим бытом и лежащим в его основе способом производства. 5) Каждый класс поэтому в определенную эпоху и при наличности данных условий вырабатывает свой собственный метод идеологических построений, при помощи коего и создаются идеологические формы религии, морали, права, государства и т. п. 6) Исторически можно наметить три основных типа классового метода идеологических построений: это методы мистические, эстетико-романтические и

рациональные. 7) Идеологические формы классовых образований (государства) представляют собою сложную надстройку, диалектически построенную по типу известного синтеза, где идеология господствующего класса является не только преобладающей по содержанию, но и господствующей по своему методу. 8) Лишь во время революции этот компромисс разрывается, и классовые идеологии перестраиваются сообразно экономической действительности и классовому интересу побеждающей группы. Эти положения ставили в порядок дня вопрос о марксистском подходе и использовании социальной психологии и обусловленной ею идеологической надстройки. В западной науке эти вопросы привлекали тогда внимание лишь немногих исследователей (Леви-Брюль). Лишь после империалистской войны и ряда революций ученые обратились к изучению вопросов правовой и политической идеологии, как марксисты (Макс Адлер), так и буржуазные ученые (Кельсен, Макс Вебер). В частности Р. с этой точки зрения поставил в порядок дня более частный вопрос о революционном значении права и государства. Теория Р. встретила чрезвычайно враждебное отношение со стороны академической среды и просвещенной публики. В партийных же кругах тогда этими вопросами совершенно не интересовались. В университетских аудиториях студенчество переполняло залы, где читал Р., но эти лекции для них проходили совершенно бесплодно. Плодотворной была лишь работа в многочисленных рабочих аудиториях, где Р. вел научно-социалистическую пропаганду. Особенно много он работал на Сестрорецком заводе и на Пороховых заводах. Гонения со стороны академической среды и буржуазного общества против Р. закончились гнусной клеветой, пущенной в виде сплетни, которая имела происхождение в академических кругах и была поддержана В. Л. Бурцевым—это обвинение Р. в том, что он будто бы предлагал себя в качестве агента департамента полиции, но последним не был принят. Эта клевета была широко использована так-называемым общественным мнением; попытки обращения к третейскому суду оказались неудачными, а гнусная травля не закончилась трагическим исходом лишь благодаря поддержке рабочих и студенчества. По этому поводу Р. выпустил брошюру „К общественному мнению", где были приведены все данные, относящиеся к делу, и переписка с Бурцевым. Однако, подозрение в провокаторстве помешало Р. принять более активное участие в политической борьбе и заставило ограничиться лишь марксистской пропагандой в высшей школе и рабочих аудиториях. Книга о социальной идеологии в сочинениях Л. Андреева привела к дружеской связи с этим писателем, закончившейся разрывом в 1914 г. на почве разного отношения к войне. В 1914 г. Р. открыто выступал в аудиториях высшей школы против войны, а в 1915—1916 гг. издавал совместно с дочерью своей Ларисою Рейснер, журнал „Рудин", посвященный пропаганде против войны и социал-патриотизма. В 1916 г. Р. совершил поездку с лекциями по Сибири, при чем вел агитацию против войны и за социальную революцию. В городе Чите эти лекции были запрещены департаментом полиции, который усматривал в них „работу большевистского эмиссара". После Февральской революции Р. выступил против Учредительного собрания и в лекциях и брошюрах доказывал его неправомерность в той форме, в какой оно созывалось в России. Р. требовал или всенародного голосования, или замены его голосованием Советов, т. к. признавал, что вся власть принадлежит именно Советам. В то же время Р. начал вести анти-религиозную пропаганду. После Октябрьского переворота Р. развивал идею пролетарского интуитивного права в виде „революционного правосознания" и по предложению тов. Ленина вошел в качестве заведывающего отделом законодательных предположений в Народный комиссариат юстиции, каковой отдел и был им создан. Необходимо отметить, что декрет об отделении церкви от государства в советской России был составлен Р. Впоследствии Р. принимал участие в составлении первой советской конституции РСФСР, работал в Наркомпросе при проведении первой реформы высшей школы и совместно с М. Н. Покровским основал Социалистическую (впоследствии Коммунистическую) академию, как рассадник марксистского обществоведения и содействовал основанию смоленского университета. 1919—20 г.г. работал, как начальник политотдела, а затем политуправления на фронте, а затем вернулся целиком к прерванной научной работе. Еще в 1919 г. выпустил второе издание своего „Государства", а именно главы, посвященные „идеологии и методу". Работа эта, написанная еще до революции, продолжала основную линию исследования идеологий и в особенности трех методов социального сознания: мистического, эстетического и рацио-

нального. Советскому строю был затем посвящен литографированный курс лекций, читанных в Военной академии Красной армии и являющийся едва ли не первым по времени теоретич. обзором советской конституции. Антирелигиозная пропаганда получила выражение в популярной книжке „Надо ли нам верить в бога". Написанная еще во время гражданской войны и выпущенная лишь в 1923 г., книга „Государство буржуазии и РСФСР" (в 3-х частях) представляет собой опыт разработки учения о государстве Советов с точки зрения социально-психологического подхода, разработанного в духе исторического материализма. В 1924 г. Р. много работал в области социальной психологии, дал по этим вопросам ряд статей в „Вестнике Коммунист. Академии" и других журналах, проредактировал и снабдил предисловием русский перевод английского издания „Плебса", посвященного основам марксистской психологии. В 1925 г. Р. выпустил книгу под назв. „Право, наше право, чужое право, общее право", в которой дал научную теорию права с марксистской точки зрения с подробным анализом советского права, и в том же году „Проблемы социальной психологии", где на основе данных рефлексологии и новейшей психологии построил при помощи марксистского метода теорию „социальных раздражителей". В 1926 году закончил труд по классовому анализу восточных религий под названием: „Идеологии Востока". „Энциклоп. словарю Гранат" Р. в свое время дал ряд руководящих статей по вопросам права и государствоведения. Характеризовать научное направление Р. можно след. образом: он являлся одним из пионеров марксистской разработки вопросов социальной идеологии и психологии, а в частности таких ее образований, как религия, право и государство. Своей научной школы Р. создать не удалось до революции потому, что тогда марксистский подход к социальной психологии вызывал классовую и политическую вражду буржуазных научных кругов, а после революции—благодаря тому обстоятельству, что восторжествовали течения, резко враждебные социально-психологическим методам в марксизме. В общем и целом научной теории Р. было отказано в признании.

Рогов, Михаил Иванович, род. в 1880 г. в Москве, сын железнодорожного служащего. Экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и за университетский курс. С 1905 г. состоит в РСДРП(б). Принимал участие в подпольной работе московской организации в качестве пропагандиста. Подвергался заключению и ссылке на полтора года. С октября 1917 г. состоит членом президиума московск. совета рабоч. и крестьянск. депутатов, член президиума ВЦИК'а. (См. *„Кал. Кожм."* 1925).

Розмирович, Елена Федоровна *(автобиография)* Я родилась в 1886 г. Первые впечатления моей жизни связаны с землей и деревней. Первые годы жизни я провела в деревне Петропавловке, Херсонской губ., где отец мой арендовал часть имения крупных южных помещиков Сухомлиновых. Насколько я помню и знаю по рассказам, отец вместе с двумя братьями начал с того, что работал в качестве механика при паровой молотилке и обрабатывал хлеб у окрестных помещиков, потом перешел к аренде земли, а там и к покупке своего собственного имения.

Отец и его братья были немцами, выходцами не то из Германии, не то из Австрии. Мать моя—дочь помещика из дворян, разорившегося кутилы и самодура. Семья у нас была большая, сложившаяся в результате двух браков моей матери, поочередно вышедшей замуж за двух братьев.

Общий тон нашей жизни был необычайно суров. Мать и отец (пока он был здоров) проводили все время в постоянной заботе о земле и работали сами от зари до поздней ночи, не покладая рук. Дети не знали роскоши, не знали излишеств, часто даже были лишены необходимого. Все усилия семьи были направлены на увеличение состояния, к дальнейшему обогащению, берегли каждую копейку, часами обсуждая даже незначительные затраты на семью.

Атмосфера отягощалась еще тем, что в семье чувствовался всегда какой-то надрыв, надлом — результат какой-то скрытой драмы. И то, что она строилась из двух частей—детей от первого и второго брака, было источником тяжелого и неприкрытого неравенства не смягчавшегося и тем, что дети от первого брака были родными племянниками своего отца.

Все это вместе тяжело отзывалось на психике детей, калечило их и было источником постоянных страданий, но вместе с тем закаляло, воспитывало и укрепляло и без того твердый, видимо переданный всем детям по наследству от отца характер. Не все, однако, из нас равно вынесли эти тяжелые годы.

Первой жертвой царившего режима была моя старшая сестра, 19-летняя девушка, погибшая от скоротечной чахотки.

РОГОВ М. И. (1880–1942).

В 1929 заместитель наркома финансов СССР. В 1930–34 председатель Госплана РСФСР. В 1934–37 председатель Бюджетной комиссии ВЦИК, затем на хозяйственной работе.

РОЗМИРОВИЧ Е. Ф. (1886–1953).

В 1931–1933 член коллегии Наркомсвязи СССР. В 1927–30 кандидат в члены Президиума ЦКК ВКП(б). В 1935–39 директор Библиотеки им.В. И. Ленина.

Тяготясь окружающей обстановкой, горя желанием приобщиться к какой-то другой, более осмысленной жизни, она ушла в соседний уездный город учительницей воскресных школ. Оставшись без гроша, без теплых вещей, без обуви — простудилась и сгорела в полтора месяца.

На детей в этот период времени (мне тогда было не более 8 лет) обращали мало внимания, росли, как хотели. Мать мы видели только тогда, когда надо было кого-нибудь наказать за испорченную или разбитую вещь. Доставалось в такие минуты обычно всем, времени разбирать, кто именно виноват, обыкновенно не тратили. И дети росли, предоставленные самим себе, зараженные вольнодумством, протестом против окружающей обстановки, с независимыми характерами.

Характерна история старшего брата Алексея, который, будучи в николаевской гимназии, попал под гнев гимназического начальства за чтение Добролюбова и Чернышевского. Так как он был один из первых учеников и отличался большими способностями, к нему отнеслись снисходительно, предложили пообещать, что больше запрещенных книжек он читать не будет, на что брат ответил: „обещаю, что больше не попадусь, но читать буду". Брата исключили из гимназии, и так как он вернуться домой не мог, то пошел бродяжить с одним из своих приятелей школьников.

Позже брат „образумился", вернулся в семью и стал ближайшим помощником отца по управлению имением и затем стал и сам землевладельцем. Умер он уже после революции в 1918 г. от разрыва сердца, не выдержав картин глумления над крестьянами его бывшего имения во время немецкой оккупации на Украине.

Второй брат — Федор, единственный оставшийся до сих пор в живых из всей семьи, кроме меня, не получая от родителей возможности учиться, пошел работать мальчиком подмастерьем на завод, уговорил одного из родственников ему помочь, самостоятельно подготовился, продолжая работать, и сдал экзамен экстерном. Добившись диплома, уехал в Германию в политехникум и сразу же после окончания получил должность старшего инженера на известном машино-строительном заводе Эльворти в Елисаветграде, куда он представил изобретенную им новую конструкцию какой-то машины.

Этот брат имел большое влияние на мою судьбу и мое политическое самоопределение, хотя сам в конце концов дальше обыкновенного либерально-буржуазного радикализма не пошел. Именно он, однако, дал толчок моему политическому развитию, когда после смерти отца, я, получив впервые возможность поступить в среднее учебное заведение, столкнулась с иными вопросами, чем те, которыми до сих пор была наполнена моя жизнь дома, где в это время уже не скупились для меня на всякого рода гувернанток, учительниц и т. д.

Поехав после гимназии к брату за границу, я попала там с его помощью в студенческую среду и революционные кружки, в которых он вращался, считая себя тогда (1903 г.) социал-демократом. Здесь я познакомилась впервые с революционной литературой и вернулась в Россию уже с полным сознанием о предстоящей революционной работе.

Прежде чем перейти к описанию своих первых шагов на этом поприще, мне бы хотелось сказать несколько слов об остальных членах семьи, жизнь и судьба которых все же интересна с точки зрения изучения окружавшей меня среды, ее положительных и теневых сторон. Брат Александр поочередно исключался из всех земледельческих училищ, куда он был отдан. Его жизнь в доме была особенно тяжела благодаря его беспечности и склонности к излишествам. Много он прошел разных мытарств и скитаний, пока, наконец, не попал на военную службу в кавалерийский полк. Вскоре он был назначен чиновником особых поручений при иркутском генерал-губернаторе Бантыше, явно покровительствовавшем ему. Пред ним, казалось, открывалась блестящая карьера. Случайно он был командирован Бантышем для расследования на место ленского расстрела 1912 г. Там, увидав на месте подлинную картину дикой расправы с рабочими, он стал на сторону рабочих и принял все меры, чтобы восстановить историю событий так, как она была в действительности. Впоследствии этот материал был использован Керенским в Думе. Брат был вызван в Петроград для доклада, его ждала тяжелая кара. Страдая, что он подвел старика Бантыша, брат покончил с собой.

Наконец, последний член семьи, недавно похороненная здесь, в Москве, моя сестра—Евгения Бош. Ее революционная работа хорошо известна далеко за пределами коммунистической партии. Рано уйдя из семьи, она точно так же перенесла не мало горя в личной жизни и вся ушла в партийную революционную

работу, где занимала видные и ответственные посты, в особенности в первые годы революции на Украине. Ее отличительным качеством были непоколебимое мужество и смелость в самые решительные моменты нашей революции.

Такова была та среда, из которой я вышла.

Свою революционную работу я начала в Киеве немедленно после возвращения из-за границы. Сначала, в первые годы до 1906 г. моя работа ограничивалась техническими обязанностями в организации „Спилки": предоставлением квартир, хранением оружия и т. д., затем я перешла к самостоятельной работе по пропаганде в крестьянских кружках Киевской губ. С 1907 г. я начала работать в киевском железно-дорожном районе, когда окончательно определилась в партийно-политическом отношении, как убежденная большевичка. Одновременно на мне лежали обязанности секретаря южного областного железнодорожного бюро.

Эта работа была прервана первым недолгим моим арестом в 1907 г. Второй арест был более серьезным (1909 г.). В результате процесса в киевской Судебной палате по обвинению в принадлежности к социал-демократ. организации по 102 ст. угол. улож., я была осуждена к годичному заключению в крепость. Одновременно по этому же делу я получила административную ссылку в Нарымский край на 3 года, так как судебный приговор жандармам показался слишком мягким. Крепость я отбыла полностью; ссылка же мне была по ходатайству родных заменена высылкой на тот же срок за границу. Эти 3 года эмиграции были лучшей политической школой, которую мне удалось пройти под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина, Каменева, Зиновьева и др., с которыми я встретилась в Парижской группе. Из Парижа я перекочевала в Вену где исполняла различные поручения заграничного Бюро Центрального комитета, с 1912 г. переехавшего в Краков ближе к русской границе. В это же время я была делегирована ЦК в качестве представителя нашей партии на экстренный международный социалистический конгресс в Базеле, где в первый и последний раз в своей жизни видела старика Бебеля. Вскоре по поручению Центр. комитета я была направлена в Россию на нелегальную работу в качестве доверенного лица ЦК. После осеннего совещания руководящих работников нашей партии в Поронине в Галиции я была направлена еще раз в Россию в качестве назначенного Центр. комитетом секретаря большевистской думской (IV Дума) депутатской „шестерки" и секретаря русской части Центр. комитета (т.-е. тех членов ЦК, которые работали в России в подполье). В это же время я принимала деятельное участие в тогдашней „Правде", журн. „Просвещение", „Работница" и др. легальных большевистских изданиях. Эти годы были годами нового под'ема революционного движения рабочих масс и широкого развития легальных форм рабочего движения. Новый арест в феврале 1914 г. снова прервал мое легальное существование. После трехмесячной отсидки я была выслана из столиц на 2 года под гласный надзор полиции. Поселившись в Харькове и снова войдя в работу, через несколько месяцев я, однако, была вынуждена бежать за границу, скрываясь от очередного ареста. Последнее было тем более необходимо, что Центр. комитет срочно вызывал меня из России в связи с уходом Малиновского из Думы и слухами о его провокаторстве. В августе 1914 г., почти накануне войны, я нелегально перешла границу и участвовала в Поронине у Владимира Ильича в разборе дела Малиновского. На этот раз я пробыла за границей около года. Вспыхнувшая империалистическая война остановила развитие революции, обрушившиеся на рабочий класс жестокие полицейские репрессии и патриотический угар, охвативший либеральные слои, сделали невозможной на первое время широкую революционную работу. Обнаружившийся одновременно крах II Интернационала и поголовное предательство его вождей заставили заграничное Бюро ЦК во главе с Владимиром Ильичом направить все силы на борьбу с разложением, которое империалистическая война внесла в ряды заграничной социал демократии. Бежав из Вены в Швейцарию и поселившись около Лозанны, мне удалось близко наблюдать лихорадочную работу Владимира Ильича по собиранию сил революционеров и социалистов, оставшихся верными старым лозунгам. Я приняла в этот момент непосредственное участие в конференции нашей партии в Берне и созванной там же международной социалист. женской конференции (весна 1915 г.).

В июле же 1915 г. по новому поручению Цент. комитета я выехала вновь в Россию для подпольной работы, чтобы связаться с русскими товарищами и успевшими оправиться от разгрома организациями. Выданная в Москве провокатором Соколовым я была вскоре же после приезда вновь арестована и,

РОШАЛЬ С. Г. (1896–1917).

просидев несколько месяцев в Бутырской тюрьме, выслана по этапу в Харьков, как разыскиваемая по старому делу.

После 6 месяцев заключения постановлением Особого совещания при министре внутр. дел я была выслана на 5 лет в Иркутскую губ., где и пробыла до самой Февральской революции.

Во время последнего тюремного заключения я лишилась матери, бывшей моим лучшим и беззаветным помощником с первых же шагов моей революционной работы. Только благодаря ей моя маленькая дочь Галя, окруженная ее постоянными теплыми заботами, была избавлена от скитания со мной по тюрьмам и ссылкам. Со смертью отца моя мать всю свою неукротимую энергию обратила на нас с сестрой и наших детей, оставшихся на ее руках. Она стала нашим лучшим другом и помощником во всех наших житейских бедах и изредка лишь грустно вздыхала о нашей горемычной, как ей казалось, судьбе.

Февральская революция застала меня в самом Иркутске. Во время революции я была членом иркутского городского партийного комитета и делегатом от большевиков в Комитете общественных организаций вместе с Церетелли и Вайнштейном, которые входили туда же от меньшевиков.

В марте 1917 г. я уже вернулась из ссылки в Петроград. Весь период керенщины прошел для меня в лихорадочной организационной и агитационной работе среди военных частей ленинградского гарнизона, в качестве члена бюро военных организаций при Ц. К. Одновременно я редактировала „Солдатскую Правду".

Знаменитые дни 3—5 июля мне пришлось провести на улице вместе с стихийно выступившими полками. Во время Октябрьской революции, как член той же военной организации, я выполняла ближайшие распоряжения Военно-революц. комитета, работая по его заданиям в частях гарнизона и на фронтах под Ленинградом при наступлении Краснова и Керенского. От военной работы отошла только к январю 1918 г., когда была избрана петроградским советом членом следственной комиссии первого Революционного трибунала.

За этот период была избрана членом Учредительного собрания от большевиков и принимала участие в его первом и последнем историческом заседании 5 января 1918 г. После переезда правительства в Москву, участвовала в IV с'езде советов, ратифицировавшем Брестский мир.

В 1919 г., не оставляя работы по руководству следственной комиссией Верховного трибунала, работала в НКПС в качестве председателя Главполитпути (управление всем командным политическим составом на жел. дорогах) до весны 1922 г., когда по прямому указанию Ленина я была направлена на ответственную работу в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Первоначально заведывала там юридическим отделом, а с 1923 г. после XII с'езда партии, реорганизации Рабкрина и слияния его с ЦКК целиком ушла в работу по изучению научной организации труда и реконструированию нашего государственного аппарата на основах НОТ.

Состоя членом коллегии наркомата, я работаю в настоящее время по вопросам научного управления и руковожу работой наркомата в этой области. По поручению наркомата стою во главе специально работающего в той же области акционерного о-ва „Оргстрой" и „Научно-Экспериментального института техники управления". Как результат своей работы в этой области выпустила недавно книгу „НОТ, РКИ и партия".

Со времени XIII с'езда партии состою членом Центральной контрольной комиссии ВКП (б).

Рошаль, Семен Григорьевич, род. в 1896 г. в Петербурге, в средней буржуазной семье, по своему психологич. складу скорее являвшейся типично-мещанской. Учился в 10-й петерб. гимназии до 1912 г.; в 1910 г., скончалась скоропостижно мать. К этому времени в характере его наметился перелом: он вышел из детского возраста, у него появились новые интересы и запросы; из гимназич. товарищей Р. постепенно образовался небольшой кружок, близкий к революции. В 1912 г. после ареста жандармами собрания учащейся молодежи в женской гимназии Витмера, Р. вместе с другими был исключен из гимназии и с этого времени все больше уходит в революц. работу. Фактически активно начал работать в партии большевиков с середины 1914 г. До этого года он склонялся к меньшевизму, но вспыхнувшая война заставила порвать с ними. Начал он работу в Нарвском районе—в больничной кассе Путиловск. завода. Во время войны работал в доме граф. Паниной на Обводном кан. В это же время ему удалось с большим трудом попасть в Психо-неврологич. институт, где он работал активно среди студентов. Тут начинаются многочисленные обыски, кратковременные аресты. Период до конца 1915 г. был

наиболее активным в его подпольной работе. В сент. 1915 г. он был мобилизован и отправлен на северный фронт. Отпущенный с фронта в отпуск, Р. приезжает в Питер, где арестовывается за работу на фронте (после встречи с предавшим его провокатором Черномазовым). За работу в войсках ему грозили смертной казнью. В Крестах просидел до революции. В июле 1917 г. Р. был арестован правительством Керенского вместе с Троцким, Раскольниковым и др. и заключен в „Кресты", откуда освобожден Октябрьским переворотом. Он тотчас же ушел в кипучую боевую деятельность активного революционера, которая вскоре оборвалась расстрелом Р. на румынском фронте. (См. *„Пам. бор."*).

Рудзутак, Ян Эрнестович *(авторизованная биография)*, вышел из рядов революционного пролетариата Прибалтики. Он родился 3/16 августа 1887 г. в маленьком хуторе курситенской волости гольдингенского уезда, в прежней царской Курляндии, в семье рабочего-батрака.

В истории революционного движения в царской России пролетариат Прибалтийского края занимал одно из передовых мест. В условиях быстро развивающегося капитализма, ускоренной пролетаризации деревни, вековой ненависти латышского крестьянства к феодальному немецкому баронству, национального антагонизма между экономически преобладающей немецкой и зарождающейся латышской буржуазией, революционного массового движения рабочих в городах и батрачества в деревне, высоко развитого классового самосознания и вовлечения в революционную борьбу и подпольные революционные организации подлинных рабочих и батраческих масс—передовой отряд рабочего класса в Прибалтике выдвинул в 1903—1905 г.г. целое поколение закаленных революционеров, среди них также молодого Р., по партийной кличке „Либих".

Рабочий класс Прибалтики образовался и об'единялся под влиянием особых исторических и экономических факторов. Латышское крестьянство, попадавшее поочередно в феодальное рабство завоевателей-крестоносцев, в крепостную зависимость немецкого баронства, под власть шведских и польских королей и русских царей, было „освобождено" еще в 1819 г. от крепостной зависимости, при чем прибалтийские бароны заодно „освободили" крестьян и от земли. Главная масса крестьян была превращена в безземельное батрачество. Образование класса наемных сельских рабочих-батраков способствовало созданию революционного промышленного пролетариата. Быстрый под'ем в 80-х и 90-х г.г. в промышленном и торговом развитии края, обусловленный приморским его положением, наличием пролетарских кадров, притоком иностранных капиталов, развитием железнодорожных путей, превратил Прибалтику в промышленный фабрично-заводской край с целым рядом крупных промышленных городов.

Р. в ранней молодости начал трудовую жизнь. В семье батрака, где трудясь с восхода солнца до поздней ночи, работают и дети и старики. Р. до 14-летнего возраста служил пастухом у деревенского кулака. Будучи еще мальчиком-пастухом, он полностью испытал все лишения и горечь подневольной жизни. Он провел две зимы в приходской школе и выучился первоначальной грамоте. Школа и грамота открыли Р. путь сначала к книгам, а потом и к газетам. Отец отдал его, 15-летнего подростка, в батраки к латышскому кулаку-землевладельцу, так-наз. „серому барону". Хозяин оказался настоящим кулаком-эксплоататором. Р. имел не одно столкновение с хозяином, всячески притеснявшим своих рабочих.

1898 год ознаменовался первым массовым движением латышского рабочего класса. В Либаве и Риге возникли забастовки на некоторых крупнейших заводах. Рабочие выставили экономические требования. Забастовочным движением руководили первые, только что образовавшиеся нелегальные с.-д. кружки. Вызванные войска открыли стрельбу по забастовавшим рабочим „Феникса" в Риге, собравшимся на митинг. Рабочие ответили всеобщей забастовкой, разгромом домов буржуазии и избиением агентов полиции. Под влиянием этих событий рабочие и крестьяне стали подниматься, в городах и сельских местностях, на борьбу, на протесты, на еще малосознательные и неорганизованные выступления: не посещали церквей, отказывались принимать назначенных консисторией пасторов, пели в церквах революционные песни, не снимали перед начальством шапок. По всей Прибалтике прокатилась волна „нового течения" („яуна страва"), политически близкого к социал-демократии.

Грубые выходки кулака-хозяина вызывали молодого Р. на борьбу и сопротивление. После одного более серьезного столкновения со своим хозяином Р., тогда 16-ти лет от роду, бросил работу и уехал без паспорта и денег в

РУДЗУТАК Я. Э. (1887–1938).

Оставаясь заместителем председателя СНК и СТО, в 1931–34 нарком РКИ СССР и председатель ЦКК ВКП (б). С 1934 кандидат в члены Политбюро ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Ригу. Этот его решительный и самостоятельный шаг, совершенный наперекор желанию отца, оказался решающим в его личной жизни. В городе началась для Р. совершенно новая жизнь рабочего-революционера, открылись пред ним новые идейные горизонты.

Но город принял молодого протестанта весьма сурово. Приходилось Р. трудно: нужно было найти работу, но без паспорта, без знакомых и друзей это оказалось почти невозможным. После долгой борьбы с нуждой, удалось, наконец, получить работу по мостке улиц. Этот труд нищенски оплачивался. Потом Р. устроился помощником у садовника. Жизнь в городе дала Р. возможность познакомиться с культурой буржуазной цивилизации. Он набросился на весьма скромную, по цензурным условиям, прогрессивную литературу того времени („Ежемесячник", „Денас Лапа", оппозиционную беллетристику). Он старался посещать общества, собрания, библиотеки. Это был первоначальный, еще идеологически - неопределенный, период вхождения молодого Р. в орбиту революционной борьбы, выражавшейся в 1903—1904 гг. в нарастании массового движения рабочих—забастовках на фабриках и заводах, вывозе из фабрик на тачке нежелательных инженеров и мастеров, конфликтах на почве зарплаты, в оживлении в легальных рабочих обществах (взаимопомощи, похоронных касс, культурно - просветительных, ремесленных), в росте протеста либеральной части латышской буржуазии, в придушенной борьбе печати левого направления. Революционная массовая борьба рабочих стала реальным фактом. Нелегальные с.-д организации в 1904 г. развили в Риге и в провинции широкую агитацию, стали охватывать рабочие массы, создавать по предприятиям, фабрикам и заводам сеть кружков из членов партии.

Отец выслал, наконец, паспорт, и Р. поступил на инструментальный завод акц. о-ва „Отто Эрбе", где сначала подвозил уголь к кочегарке, а потом стал калильщиком. Поступление на завод является вторым решающим моментом в жизни Р. Завод превратил его в настоящего пролетария и связал с подпольной организацией социал-демократов большевиков. Среди рабочих на заводе уже существовали нелегальные с.-д. кружки, настроение рабочей массы было ярко революционное. Рига выросла в крупный промышленный центр: число рабочих в предприятиях превысило 50 тысяч человек. Если прибавить к ним рабочих в ж.-д. мастерских и в мелких заведениях, а также членов их семей, то огромное большинство населения города составит рабочий класс.

В Риге подпольно существовал ряд крупных революционных организаций: латышская с.-д. рабочая партия, большевики (рижский комитет РСДРП), меньшевики (рижская группа РСДРП), латышский с.-д. союз (с-ры), русские соц.-революционеры, еврейский с.-д. Бунд, группы польских и литовских социал-демократов. Более значительными были организации латышской с.-д. партии и большевиков. Подпольные организации к концу 1904 г. имелись почти на всех предприятиях. Существовали студенческие и ученические с.-д. организации. Большевиками были организованы солдатские с.-д. ячейки в гарнизоне и Усть-Двинской крепости. Латышская с.-д. партия широко развила нелегальную работу в деревне среди сельского батрачества и малоземельного крестьянства.

Надвигалась революция 1905 г. Январский расстрел рабочих в Петербурге вызвал бурный протест рабочих масс в Прибалтике и особенно в Риге. 13 января царскими войсками, ротой унтерофицерского батальона, была расстреляна рабочая демонстрация в Риге, причем было убито 250 рабочих и работниц. В городе была об'явлена генеральная забастовка, произошли траурные демонстрации и митинги протеста. Это открытое мужественное выступление рабочих масс и расстрел товарищей глубоко потрясли молодого Р. Вместе с другими рабочими он участвовал в рабочих пикетах, демонстрациях и митингах, распространял подпольную литературу. Большевистский рижский комитет РСДРП постановил готовиться к вооруженной борьбе. Была поставлена техника по изготовлению бомб, но она накануне 1-го мая провалилась от случайного взрыва снаряда в лаборатории.

На заводе Р. познакомился с членами подпольного кружка с.-д. большевиков. В этот кружок весной 1905 г. вступил Р., став членом подпольной организации Александровского района РСДРП (большев.). В этот район входили крупнейшие фабрики и заводы: вагоностроительный „Феникс", машиностроительные Фельзера, Этна, Пирвица, Всеобщей Компании Электричества, Вальцверка, велосипедная фабрика Лейтнера, красильня Данцигера, инструментальный завод „Отто Эрбе", джутовая мануфактура и др. Р. попал в самый передовой и революционный район рабочей Риги.

Революция 1905 г. развязала все революционные и оппозиционные силы. Появилась легальная марксистская литература: сборник „Дарбс", революционные стихи поэта Райниса, в Петербурге начала выходить на латышском языке резко оппозиционная газета „Петербургас Авизес", получили широкое распространение легальные марксистские издания русских издат.: „Буревестник", „Молот" и др. С жадностью Р. стал изучать по этим первым источникам основы марксизма. Не удовлетворясь легальной марксистской литературой, Р. посвятил свободное от работы на заводе и в партии время на пополнение своего общего образования. Он завел целую библиотеку по наиболее важным вопросам.

Вступление Р. в нелегальную организацию с.-д. большевиков обеспечило ему усвоение основных принципов ленинской тактики. Большевики по ряду важнейших принципиальных и тактических вопросов вели упорную идейную борьбу с с.-д. националами. По вопросам федеративного или территориального принципов об'единения, национальной культуры, пролетарской тактики в революции, отношения к буржуазии и буржуазным партиям, тактики в декабрьские дни 1905 г.—по всем этим проблемам Р. приходилось выступать против оппортунистической линии с.-д. националов и отстаивать тактическую позицию большевиков.

Большевистская с.-д. организация в Риге не имела подготовленного кадра латышских агитаторов и пропагандистов. Не имелось также литературы и листовок на латышском языке. Р. был включен в пропагандистскую коллегию Александровского района. В „русской" большевистской организации Р. получил возможность вплотную подойти к основным принципиальным и дискуссионным вопросам с.-д. тактики и теории. Р. стал изучать „Кто чем живет", „Эрфуртскую программу" и др., а из большевистской литературы: „Что делать", „Вперед", „Шаг вперед, два назад". В пропагандистской коллегии Р. познакомился с основами политэкономии, изучал программные и тактические вопросы. Р. читал „Развитие капитализма в России", „Монистический взгляд на историю", „Очерки реалистич. мировоззрения", „Город и деревня" и др.

Большевистская организация в начале 1905 г. сколотила первый кадр агитаторов латышей-большевиков. В числе их находился также Р. Его посылали на фабрики и заводы, на митинги, в клубы, на кружки и на лесные собрания. 1 мая 1905 г. было отпраздновано организацией в лесу, в 10 верстах от Риги по митавскому шоссе. Это было первое присутствие Р. на большом нелегальном общегородском собрании. Весной 1905 г. была поставлена с.-д. большевиками первая нелегальная типография с латышским шрифтом. Р. приходилось разносить отпечатанные листовки и разбрасывать их по заводам. Скоро стал выходить нелегальный печатный орган „Сарканайс Карогс" (Красное Знамя). Большевистская с.-д. организация к лету 1905 г. привлекла в свои ряды значительные массы рабочих, солдат, студентов и ученичества. Если в латышской с.-д. организации и имелось численно больше рабочих, зато большевистская организация проводила последовательную революционную тактику.

В наступившей летом 1905 г. волне экономических забастовок Р. принимал ближайшее участие. Забастовали также рабочие на заводе „Отто Эрбе". Об'явили забастовки рабочие на многих фабриках в районе. Р. по поручению партии выступал уже как организатор забастовок, как руководитель движения. Бурный 1905 год сопровождался громадным количеством лесных собраний, тайных заседаний, конспиративных встреч и поручений. Р. в качестве партийного агитатора появлялся на многих нелегальных собраниях в окрестностях Риги, произносил речи, выступал с докладами, боролся за ленинскую линию. Первое его публичное выступление состоялось осенью 1905 г. за городом в „Вилла Нова", при чем в дискуссии с.-д. националы потерпели определенное поражение. Несмотря на усиленную полицейскую и жандармскую слежку, Р. под кличкой „Либиха" оставался неуязвимым. Молодой рабочий „Либих" стал известен в рабочих кварталах; повсеместно разыскивала „Либиха" охранка, но безуспешно. Арестованных товарищей охранники расспрашивали о „Либихе", но обнаружить его не удавалось.

В рижской организации с.-д. большевиков в 1905 г. вместе с Р. работали: Бородин („Кирилл"), Ульрих („Мефодий"), Степанов („Тимофей"), Франц („Иван"), Рубинштейн („Семен"), Липшиц („Виктор"), Бранденбургский („Валериан"), Кобозев („Фома"), братья Германы („Николай" и „Петр"), брат и сестра Файнманы („Валерий" и „Аннота") Овечкин („Алексей"), Мендер („Степан"), Павловский („Толстой"), Кальнин („Юрий"), Грушецкий („Мартын"), Скрыпник и др. Молодой Р. („Либих"), пройдя суровую школу

партийного активиста, а потом профессионала, остался верен ленинизму. Из перечисленных же некоторые отошли от большевистской партии, а другие прямо перекочевали в стан ее врагов: студент рижского политехникума Александр Рубинштейн (А. Штейн) сделался редактором „Социалист. Вестника", а Ф. Мендер перешел к меньшевикам.

Наступили дни октябрьского манифеста 1905 г. Сдерживаемые полицейскими мерами и расстрелами, рабочие массы хлынули на улицы. Р. по поручению партии самым активным образом участвовал во всех событиях этого исторического этапа революции. Р. стал выступать уже на открытых рабочих митингах на Гризенберге, в обществе „Аусеклис", в партийном клубе, на митингах, устраиваемых на заводах и фабриках. Большевики призывали рабочих к самовооружению, к борьбе против „черной сотни", к неверию в царские посулы, к всеобщей забастовке, к свержению на баррикадах царской власти. При участии Р. была партией проведена первая легальная кампания по организации профессиональных союзов. В Лифляндии общее число бастовавших фабричных рабочих в 1905 году составило 268.567 чел., а в Московской губ.—285.769 чел. Так высоко в Прибалтике поднялась волна революционной борьбы.

Октябрьский манифест сменила самая ужасная реакция. Партия еще глубже ушла в подполье. Р. стал партийным работником-профессионалом. Терпя лишения, постоянно рискуя свободой и жизнью, Р. продолжал трудное дело нелегального сплочения и сохранения расстроенных рабочих рядов. На собрании партактива осенью 1905 г. на Курмановской ул присутствующие, под впечатлением ложного слуха о приближении черной сотни и полиции, выкинулись из окон клуба во двор. Р. и некоторые другие товарищи спокойно остались в зале. Собрание надо было перенести в другое помещение.

Особенно свирепствовала реакция в латышской деревне, куда царским правительством был направлен генерал Орлов с карательными отрядами. Революция 1905 г. подняла не только рабочих, но и батраков и беднейших крестьян, выступавших против баронов. Теперь пылали крестьянские дома и сжигался крестьянский скарб. Ленин в юбилейном № 100 нелегальной „Искры" писал: „Латышский пролетариат более всех помогал поднять движение на высшую ступень, на ступень восстания. Он несомненно больше всех других втянул в грандиозную революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельский пролетариат и латышское крестьянство".

Бесчисленные аресты вырвали из рядов борющихся много партийных работников. Р. не был схвачен и продолжал работу в подполье. В 1906 г. он был кооптирован в рижский комитет РСДРП (б) и в центральную пропагандистскую коллегию. В это трудное для подпольщика время Р. сумел правильно сочетать революционные принципы с революционной тактикой: продолжая подпольную партийную работу, он в то же время мобилизовал массы вокруг куцых легальных возможностей того времени. Он из подполья организовал легальные рабочие просветительные и проч. общества, руководя ими и направляя их деятельность в революционное русло. Он стремился также углубить свою теоретическую подготовку, изучая дарвинизм, философские системы, диалектический материализм. В то же время Р. стал ответственным организатором революционного ученичества и бурсаков в Риге. Покойный Декснис (Латвис), сын священника, много помогал Р. в этой работе. Осенью 1906 г., в виду решений Стокгольмского с'езда РСДРП и июльского 1906 г. с'езда латышской с.-д. партии об об'единении, произошло слияние на началах территориального об'единения организаций РСДРП и латышской с.-д. партии.

По поручению ЦК соц.-дем. Латышского края Р. в январе 1907 г. был командирован в Виндаву для восстановления разгромленной охранкой нелегальной с.-д. организации. Переодевшись в форму ученика Рижского мореходного училища, Р. перебирается в Виндаву и принимает на себя руководство этой организацией. Р. работает здесь до июня 1907 года. Но охранка уже добралась до организации. Арестованный ею член виндавского комитета с.-д. партии Целава становится провокатором; он выдает Р. и всю подпольную с.-д организацию.

Арестовали Р. два известных своими зверствами палача—начальник уездной виндавской полиции, барон Ропп, и его помощник—Адольфи. Расстрел во время „бегства" арестованного—такова была их система. Они оба были агентами добровольной дворянской полиции, помогавшей „законным властям" бороться с бунтовщиками революционерами. Р. угрожала смертельная опасность—быть расстрелянным палачами где нибудь в дороге, в лесу, во время „бегства".

Но предварительно барон Ропп отправил Р. в свой специально приспособленный „дом пыток" в Поппенском лесничестве его имения, в глухом дондангенском у. Здесь Р. подвергли нечеловеческим истязаниям.

Когда Р. после перенесенных мук и истязаний не мог двигаться и пешком итти в Митаву, барон Ропп приказал пристрелить арестованного в дороге. Но это преступление не удалось совершить; слух о приближении дружины революционеров-боевиков испугал барона, и он вызвал на подмогу отряд солдат. Между начальником отряда и кровожадным бароном произошла на почве служебного подчинения размолвка. Конвоировавшие Р. в Митаву солдаты отказались исполнить приказ барона Роппа о расстреле арестованного. Благодаря этой случайности Р. остался в живых. После годичного заключения в Виндаве, Митаве и Риге, Р. предстал пред рижским военным судом по обвинению по 100 и 101 ст. уг. ул. за попытку вооруженного ниспровержения царизма. Провокатор выдал охранке оружие организации, и Р., как главный организатор и представитель ЦК, был привлечен по „смертным" статьям. Смерть опять нависла над головой Р. Военный суд, однако, не мог констатировать факта вооруженных действий, и Р. был осужден на 15 лет каторги, каковой срок был сокращен до 10 лет, в виду несовершеннолетия осужденного.

Р., как „здорового" каторжанина, наметили к отправке в Восточную Сибирь, на постройку Амурской жел. дороги. Но это распоряжение было впоследствии отменено. Каторжная тюрьма, сначала Рижский Централ, где Р. пробыл 1½ года, а потом Бутырки в Москве, куда Р. был переведен, стала местом его дальнейшего самообразования. Долгие томительные тюремные годы Р. посвятил неустанной работе над своим образованием. Он пользовался тюремной библиотекой, книгами, присылаемыми с воли и позаимствованными у товарищей по заключению. Он усердно изучал общеобразовательные предметы, французский, английский и немецкий языки, а главное— закончил свое теоретическое марксистское образование. В тюрьме и на каторге Р. не раз имел столкновения с администрацией. Он участвовал в голодовках, протестах, отдельных выступлениях. Он работал также в тюремных мастерских. Его крепкое телосложение предохранило его от опаснейших тюремных болезней. Товарищи по каторге умирали от чахотки, суставного ревматизма, физического истощения. Р. благополучно выдержал это, длившееся почти 10 лет, бесчеловеческое мученье. Царизм мстил ему за стойкую борьбу на воле. Тюрьма изнурила и ослабила организм Р., и он в последний год заключения заболел туберкулезом. На каторге Р. пробыл почти весь срок своего 10-летнего заключения. За месяц до истечения срока каторги и отправки в Сибирь на поселение Р. был освобожден Февральской революцией.

Освобожденный революцией из каторги, Р. с прежней энергией, во всеоружии марксизма и революционного опыта, окунулся в партийную работу. Он в 1917 г. сделался раз'ездным инструктором московского сов. раб. депутатов, потом избирается членом президиума и секретарем моск. профсоюза текстильщиков и членом президиума моск. совета профсоюзов. В то же время Р. назначается членом президиума МСНХ и членом президиума ВСНХ. Начиная с VIII с'езда РКП(б), Р. участвует делегатом на всех партийных с'ездах партии. В 1920 г. его избирают членом ЦК партии, с какого времени он неизменно избирается в его состав. Почти одновременно Р. избирается членом президиума и генеральным секретарем ВЦСПС. Его избирают председ. ЦК профсоюза железнодорожн. (Центрана) и членом президиума ЦИК СССР. Некоторое время в 1919 г. Р. состоит председ. Главвода. В 1923 г он избирается секретарем ЦК РКП, каковой пост Р. занимает до 1924 г. В 1922 г. Р. участвует в составе советской делегации на Генуэзской конференции В 1921—24 гг. он состоит председ. Средне-Азиатского бюро ВКП(б). Выработанные Р. и принятые в 1920 г. V Всеросс. конференцией профсоюзов тезисы доклада о производственных задачах профсоюзов легли в основу дискуссионной платформы Ленина и решения X с'езда партии.

В 1924 г. Р. назначается народным комиссаром путей сообщения. С назначением в 1926 г. замест. председ. СНК и СТО СССР Р. непосредственно переходит на руководство хозяйственным строительством и индустриализацией страны. Он назначается председ. финансово-валютной комиссии СТО. Под его непосредственным руководством разрешаются ответственнейшие проблемы хозяйственного развития Союза ССР. В 1926 г. Р. избирается из кандидатов в постоянные члены Политбюро ЦК ВКП(б).

И. Герман.

РЫКОВ А. И. (1881-1938).

В 1931–1936 нарком связи СССР. До 1930 член Политбюро ЦК, в 1934–37 кандидат в члены ЦК партии. Необоснованно репрессирован. По делу "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Рыков, Алексей Иванович, род. 13 февраля 1881 г. в г. Саратове. Отец его—крестьянин Вятской губ., яранск у., слободы Кукарки, занимался ранее земледелием, затем торговлей в Саратове, наконец, поехал на заработки в Мерв и там умер от холеры, оставив семью из 6 человек, частью от первого, частью от второго брака. Р. в это время еще не исполнилось 8 лет. Детство прошло в большой нужде. Мачеха могла прокормить только своих родных детей. Старшая сестра, Клавдия Ивановна, служившая в конторе Ряз.-Уральск. ж. д. и занимавшаяся частными уроками, взяла на свое попечение мальчика и помогла ему поступить в гимназию, а затем, когда 13-летний Р. был переведен в старшие классы гимназии, он уже сам зарабатывал частными уроками. Любимыми предметами Р. в гимназические годы были—математика, физика и естественные науки. Уже с 4 класса он выбросил за борт все божественное, перестал ходить в церковь и исповедываться, к большому огорчению благонамеренного школьного начальства, весьма ценившего Р. за блестящие успехи. С годами, однако, отношения юноши-революционера со школьным начальством обострились, в связи с чем он неоднократно стоял пред угрозой исключения из гимназии. Спасали его только успехи в занятиях.

Накануне выпускных экзаменов у Рыковых был обыск, не давший результатов, благодаря находчивости А. И., вовремя спрятавшего нелегальную литературу. Но знаменитая „четверка" „за поведение" лишила Р. возможности поступить в столичные университеты, и в 1900 г. он принужден был поехать заканчивать свое образование в Казань, где и поступил на юридический факультет университета.

Годы юности Р. совпали с периодом массового под'ема рабочего движения в России, которое всколыхнуло и молодежь. Саратов в то время был „ссыльным городом", куда направляли „политических" рабочих и студентов, и где особенно процветали кружки революционного направления. В них не только читали Михайловского, Писарева, Чернышевского, но даже начали изучать и Маркса. В нелегальных кружках Р. ознакомился с историей революционного движения в России и революционной литературой, прочел впервые сочинения Карла Маркса и главнейшие работы по рабочему вопросу и профессиональному движению Зап. Европы. Он участвовал и в нелегальном журнале, издававшемся в Саратове. Кружком, в котором принимал деятельное участие Р., руководил Ракитников, игравший впоследствии видную роль в партии социалистов-революционеров, а на изучение крестьянского движения натолкнуло Р. знакомство со старым народовольцем Вал. Балмашевым (с сыном его Степаном, убившим в 1902 году министра внутр. дел Сипягина, Р. был в приятельских отношениях).

Работа гимназиста Р. в революционных организациях Саратова определила и дальнейшую его судьбу. Поступив в казанский университет, 19-летний студент Р. сразу входит в местный комитет с.-д. партии, руководит рабочими кружками, одновременно работая также и в студенческом комитете. Такой напряженной революционной работе в Казани Р. смог посвятить только короткое время, так как в марте 1901 г. были разгромлены рабочая и студенческая организации, и Р. был отослан на 9-месячный „отдых" в казанскую тюрьму, а затем, в ожидании приговора департамента полиции, был отправлен на родину в Саратов под гласный надзор полиции.

Саратов к 1902 г. сделался своего рода „российским центром", где с.-д. и с.-р. велась широкая политическая агитация в рабочих массах. Р., работавший в с.-д. комитете, сделал попытку создать об'единенную революционную организацию. Но после оформления эсеровской партии эта организация распалась по инициативе Р., который был последовательным искровцем. Как один из организаторов первомайской демонстрации 1902 г., подвергшейся нападению черной сотни, жандармов и полиции, Р. был избит и, весь в крови, едва успел вбежать в чей-то двор, перелезть через забор и спастись от ареста.

Вскоре, в связи с казанским делом, из департамента полиции прибыл приговор о ссылке Р. в Архангельскую губернию. Р. предпочел перейти на нелегальное положение, в котором он находился до 1917 года, перекочевывая из одного города в другой, из одной тюрьмы в другую и весьма часто меняя паспорта. Сам он позднее в одном из писем так описывает этот период своей жизни: „Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет, но из них я около $5\frac{1}{2}$ лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни. В краткие просветы „свободы" предо мной, как в кинематографе, мелькали села, города, люди и события, и я все время куда-то устремляюсь на извозчиках, лошадях,

пароходах. Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев. Дожил я до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру".

Из русского бюро „Искры" в Киеве Р. получил „явку" для нелегального перехода границы и направился в Женеву. Здесь у Р. установилась личная связь с Лениным и другими марксистами литературной и организационной группы искровцев за границей. Через два месяца с нелегальным паспортом, адресами и явками, полученными в Женеве, Р. снова возвращается на нелегальную работу в Россию. Его тянуло в увлекательные и страшные будни подпольной революционной работы. По возвращении из-за границы он начал работать в Северном комитете с.-д. партии, который распространял свою деятельность, главным образом, на Ярославскую и Костромскую губернии. Там он руководит работой местных с.-д. организаций в Ярославле, Костроме, Рыбинске, Кинешме и других. После провала в Ярославле начались аресты, и Р. перешел на работу в с.-д комитет в Нижнем-Новгороде. В 1904 г. ему удалось провести большую стачку на Сормовском заводе с довольно успешными результатами. Вслед за этим он был направлен партией как выдающийся партийный организатор в Москву, так как там к тому времени произошел крупный разгром с.-д. организации. Р. быстро восстановил организацию и вскоре из совершенно разгромленной московская с.-д. организация под руководством Р. превращается в одну из самых крупных организаций с.-д. партии. Р. собрал вокруг с.-д. комитета большую часть разрозненных, не связанных между собою с.-д. кружков и групп, восстановил работу в рабочих районах и сам вел непосредственную работу среди рабочих Сокольнического и Лефортовского районов. Он устанавливает тесную связь московского с.-д. комитета с литераторами-марксистами. Группа литераторов со Скворцовым - Степановым, Покровским, Рожковым, Фриче и др. приступила тогда к изданию марксистского журнала. Оживление рабочего движения по всей России, приведшее к событиям 9 января, выразилось в целом ряде стачек в Москве, а расстрел 9 января привел к первым баррикадам в Замоскворечьи.

В марте 1905 г. Р. был избран как ответственный организатор и руководитель московского с.-д. комитета на 3-й с'езд партии большевиков в Лондоне, где Р. избирается в ЦК партии. С тех пор, с небольшим перерывом, Р. является членом ЦК сначала Р. С.-Д. Р. П. (б), а потом ВКП (б).

Вернувшись в Россию после Лондонского с'езда, Р. стал во главе петербургского к-та, но 14 мая во время заседания весь комитет был арестован. Р. подлежал ссылке на 9 лет, но по манифесту 17 октября 1905 года освобождается из тюрьмы и входит в состав петербургского сов. рабочих депутатов, а после разгрома его вынужден был в конце 1905 года уехать в Москву. В Москве Р. жил под именем фельдшера Мих. Алекс. Сухорученко и руководил подготовкой к IV об'единительному Стокгольмскому с'езду, работая в тесном контакте с Лениным, который однажды приезжал в Москву и виделся там с Р. В середине 1906 г. Р. выезжает в Одессу для борьбы с меньшевиками и организует там большевистские ячейки. Подвергшись обыску, он скрывается в Москве, но весьма скоро его арестовывают и высылают в Пинегу Архангельской губ. на три года. Из ссылки Р. бежал обратно в Москву и здесь снова работает в московской организации и руководит областным комитетом промышленной области. В это время, благодаря своему личному, близкому знакомству с революционером Шмидтом, Р. принял непосредственное участие в передаче для революционной работы партии большого наследства, полученного Шмидтом после смерти его отца - фабриканта. 1 мая 1907 года Р. был предан провокаторшей Путятой, опять арестован и, впредь до выяснения „дела", просидел в Каменщиках (Таганская тюрьма) 17 месяцев. Только 28 июня 1908 г. он был приговорен к высылке, после зачета тюремного заключения, в Самару на 2 года.

Ленин вызвал Р. за границу, в виду назревшего конфликта в с.-д. партии между большевиками и меньшевиками, предлагавшими ликвидировать подпольную организацию. За границей Р. было поручено вести переговоры со всеми партийными течениями и группами о создании единого блока против ликвидаторства. Летом 1909 года Р. возвращается в Россию, сразу попадает под наблюдение охранки и 7 сентября подвергается аресту в Москве, где проживал под именем харьковского мещанина И. Билецкого. Просидев 3 месяца за проживание по фальшивому паспорту, Р. высылается на 3 года в Архангельскую губ., в Усть-Цильму на р. Печоре. Вследствие болезни полиция временно оставила Р. в Пинеге, откуда он опять бежал за границу и направился по спе-

циальному вызову Ленина в Париж, где тогда находился большевистский центр. В августе 1911 г. Р. возвратился в Россию для подготовки новой партийной конференции, но уже по дороге с вокзала в Москве Р. опять был арестован и просидел 9 месяцев в тюрьме, а оттуда опять водворен в третий раз встречающуюся на его жизненном пути Пинегу для отбытия трехлетнего срока ссылки. Вынужденное бездействие Р. заполнял чтением, а затем участием в газетке „Архангельск" в качестве репортера. „Я все время читаю ученые книжки, журналы и массу газет, особенно газет, так как русская жизнь начала улыбаться и приходить в движение", пишет он из Пинеги—издалека, остро ощущая под'ем новой волны рабочего движения в 1912 г. Но, вернувшись в 1913 г. в Петербург, Р. натолкнулся на полное перерождение многих прежних партийных работников, отошедших, под влиянием реакции, от активной революционной работы и отдавшихся устройству „приличного семейного очага". „Новый образ жизни и цель личных и частных интересов", пишет Р., „пробили брешь даже в формально большевистских головах и создали совершенно новые переживания и новую психику. Рабочие остались чужды этой трансформации нашей интеллигенции и стихийно, по инстинкту, оказывают им оппозицию".

Переехав в Москву, Р. опять руководит работой большевистской партийной организации. Но уже в июле 1913 г. он был снова арестован и сослан на 4 года в Нарымский край, куда и был отправлен из Москвы в середине ноября этапным порядком, частью в ручных кандалах. Несмотря на строжайший надзор, Р. в сентябре 1915 г. бежал из ссылки, сначала по Оби, затем по Иртышу, Тоболу и Туре, и пробрался таким путем в Самару. На свободе пришлось ему быть немного, так как в октябре того же года (1915) он был задержан, пробыл в тюрьме 7 месяцев и опять отправлен в Нарымский край, где и остался до революции.

С самого начала войны Р. защищал последовательную интернационалистическую пораженческую позицию. Он ни на минуту не поддался оборонческим настроениям и патриотической горячке, которые в первые годы войны захватили даже и часть ссыльных. Р. руководит противовоенными кружками, в которых проводил циммервальдскую точку зрения, и благодаря огромной энергии привлекает на свою сторону многих сосланных в Нарым рабочих. Тяжесть ссылки все усиливалась, и это повлекло за собой эпидемию самоубийств среди ссыльных. Р., совместно со своей женой Пиной Семеновной и близкими товарищами, энергично повел борьбу с различными упадочными явлениями отчаяния среди ссыльных. Стоя во главе местной большевистской фракции, он развил широкую политическую деятельность и наладил связь ссылки с российским партийным центром и с за границей, откуда Ленин старался держать его в курсе партийной политики. Когда пришла весть о Февральской революции, была получена телеграмма от томского общественного комитета, предлагавшая освободить 700 человек ссыльных по указанию Р. и двух других его товарищей и отправить их на родину.

Р. уехал из Нарыма с последней группой ссыльных и направился в Москву. Партия делегировала его в моск. сов. рабочих депутатов и очень скоро он был избран в президиум совета. Здесь он принял особенно близкое участие в разборе конфликтов фабрикантов с рабочими (арест рабочими одного из крупнейших фабрикантов—Второва, Орехово-Зуевский конфликт и т. д.). По его инициативе моск. сов. за 2—3 месяца до Октября секвестровал и национализировал Ликинскую мануфактуру и передал заведывание ею рабочему правлению. В моск. совете, в большинстве состоявшем из с.-д. меньшевиков и с.-р., Р. проводил большевистскую точку зрения и, например, организовал против воли большинства совета грандиозную стачку трамвайных служащих и однодневную всеобщую забастовку в Москве в знак протеста против августовского „государственного совещания", созванного в Москве правительством Керенского. По его же докладу о политическом положении России пленум моск. совета отверг резолюцию меньшевиков и эсеров и принял направленную против Керенского платформу большевиков. В Октябре Р. был одним из организаторов и руководителей вооруженного восстания (см. *Россия — Октябрьская революция*) и при создании Сов. нар. комиссаров вошел в его состав в качестве наркома Внудел. В виду продовольственной разрухи, на Р. была возложена обязанность наладить дело подвоза провианта к Москве. В феврале 1918 года он отправился в хлебородные местности: в Тулу, Орел, Тамбов, Поволжье, Харьков, организовал продвижение застрявших хлебных эшелонов и несколько улучшил регулярное поступление провианта.

Еще в 1918 г., в период колоссальнейшей разрухи, правительство поручает Р. руководство Высшим советом народного хозяйства. Под его руководством была произведена национализация промышленности и создана государственная монополия в распределении производимых товаров. Наступившая гражданская война потребовала планомерного снабжения борющейся на многочисленных фронтах Красной армии. В виду недостатка продовольствия и обмундирования для армии и рабочих, в июле 1919 года было создано специальное учреждение для координирования действий ВСНХ и хозяйственных органов и организации бесперебойного снабжения Красной армии. Р. был поставлен во главе этого дела, как „чрезвычайный уполномоченный СТО по снабжению Красной армии и флота" (Чусоснабарм). Благодаря энергии Р. из всех складов и хранилищ было извлечено все, что только можно было использовать для вооружения революции и снабжения армии.

Под его личным руководством были восстановлены и снова заработали главные заводы военной промышленности.

Красная армия стала получать оружие и патроны регулярно и в достаточном количестве.

Когда военная промышленность СССР стала на ноги, под руководством Р. было приступлено к восстановлению и оздоровлению мирной промышленности.

Летом 1921 года, вследствие болезни Ленина, Р. был назначен его заместителем, временно прервав работу в ВСНХ.

В 1923 г. Р. вновь руководит ВСНХ, в качестве его председателя, выполняя одновременно и обязанности зам. председателя Совнаркома. На ряду с этим Р. руководит работой многих комиссий по выработке и введению единого с.-х. налога, повышению заработной платы, трестированию промышленности, по разработке мероприятий, направленных к осуществлению монополии внешней торговли и т. д.

В комиссии под председательством Р. (так назыв. комиссия „по ножницам") был разработан одобренный партией проект программы экономических мероприятий по снижению цен на промтовары и по поднятию цен на хлеб и другие сельско-хозяйственные товары. На основе этой программы удалось быстро ликвидировать кризис сбыта осени 1923 года и обеспечить бурный хозяйственный под'ем, начиная уже с 1924—25 года.

Когда умер Ленин, партия выдвинула кандидатуру Р. на пост председателя Совнаркома СССР и РСФСР. Он был избран 2 февраля 1924 г. постановлением ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. С тех пор Р. руководит работой СНК Союза, а с начала 1926 г. непосредственно руководит и Советом Труда и Обороны. На с'ездах и сессиях ЦИК и ВЦИК РСФСР, а также на партийных с'ездах и конференциях Р. выступает с руководящими докладами по общим вопросам внутренней и внешней политики правительства и партии.

Большинство речей его вышли специальными изданиями, из которых особо крупное значение приобрели: доклад на XIV партийной конференции „Деревня, НЭП и кооперация", отчет правительства на III с'езде Советов СССР (вышедший с отдельным предисловием „На переломе"), характеризующие принципиальные особенности наступающего этапа развития СССР, а также доклад на XV партийной конференции „Хозяйственное положение страны и задачи партии". Эта последняя работа Р. практически намечает политику партии и правительства в деле индустриализации СССР. Подготовляется к изданию полное собрание сочинений Р. Первый том, охватывающий период 1918—1921 г.г., уже издан.

По партийной линии Р., будучи одним из старейших членов ЦК, а с 1919 г. и членом Политбюро ЦК, является непоколебимым и стойким защитником основ ленинизма.

В этом отношении особенно характерны его выступления на XIV партийном с'езде (отдельное издание „О новой оппозиции") и на XV конференции, в которых Р. дал подробную оценку экономической программы оппозиции.

Р. посвящены две большие, помимо мелких, биографии: А. Ломова, „А. И. Рыков" (1924 г., „Моск. Раб.") и И. И. Воробьева, В. В. Миллера и А. М. Панкратовой — „А. И. Рыков, его жизнь и деятельность" (1924 г., „Кр. Новь").

Р. С. Д.

Рязанов (Гольдендах), Давид Борисович, род. в 1870 г. в Одессе, учился в одесской гимназии, курса не окончил. 17 лет примкнул к революционному движению, став в ряды господствовавшего в то время народничества. Почти первым стал в Одессе марксистом. Пользовался большой известностью среди революционной молодежи, особенно благодаря составленному им систематическому каталогу для чтения по всеобщей истории, политической экономии, философии, социологии, истории социализма и ре-

РЯЗАНОВ Д. Б. (1870–1938).

До 1931 директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Академик АН СССР (1929). В 1931 исключен из партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

РЯППО Я. П. (1880–1958).

До 1928 заместитель наркома просвещения УССР. С 1928 на руководящей работе в области промышленности, с 1938 в области народного образования, с 1948 на пенсии.

волюционных движений. Каталог охватывал не только книги, но и журнальные статьи почти всех русских журналов. В 1888 и 1890 гг. совершает поездки за границу для более близкого ознакомления с соц.-дем. рабочим движением в разных странах — с одной стороны, а с другой—чтобы разобраться в разногласиях среди представителей различных течений русского революционного движения. Вторая поездка имела и практическую цель—наладить при содействии группы „Освобождение труда" издание популярной марксистской литературы. При возвращении в Россию после второй поездки Р. был арестован на границе и после предварительного 18-ти месячного заключения был без суда, административным порядком, приговорен к четырехлетнему тюремному заключению с принудительными работами. По отбытии наказания в так наз. „Крестах", в Петербурге, был выслан под надзор полиции в Кишинев. Только в 1900 г. получил возможность снова поехать за границу где, рядом с практической партийной работой, отдался научным занятиям по марксизму, еще с дней ранней юности страстно его увлекавшим. В 1901 году Р. участвовал на конференции в Женеве, а затем на частичном с'езде в Цюрихе. В 1901 г. переехал в Берлин, руководил группой „Борьба", отложившейся от „Лиги русских с.-д." и пропагандировавшей идею об'единения всех с.-д. Грянула революция 1905 г.—и Р. очутился в Петербурге, где в продолжение двух лет отдавал все свое время и все свои силы профессиональному рабочему движению. После кратковременного ареста в 1907 году он снова уезжает за границу.

Здесь начинается наиболее плодотворный период исследовательских работ Р. в области марксоведения. Получив от Менгеровского комитета поручение собрать документы и написать историю I Интернационала, Р. приступает к длительной работе в архиве германской соц.-демократической партии, затем у Лафаргов, в Dravcil, и в Британском музее. По мере того, как разворачивается эта работа, пред ним открываются пробелы и ошибки, допущенные Мерингом в его исторических работах. Задачи Р. расширяются. И если медленно подвигалась его работа по истории I Интернационала, зато он в это время выпустил два тома „Nachlass" Маркса и Энгельса, введения, послесловия и примечания к которым обнаружили в нем едва ли не лучшего знатока Маркса и Энгельса. В это же время он опубликовал две обратившие на себя всеобщее внимание исторические работы: „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса", и „К. Маркс и русские люди сороковых годов". В первой из названных работ этот „ортодоксальный" марксист не побоялся подвергнуть весьма обстоятельной критике взгляды Маркса на историческое развитие России и на внешнюю политику русского царизма. Во второй—собран большой материал по ранней истории социалистической мысли в России. В 1909 г. Р. был лектором в пропагандистской школе „впередовцев" на Капри, но вскоре отказался от преподавания в виду того, что школа стала фракционной; читал также лекции по профессиональному движению в школе в Лонжюмо (возле Парижа). Участвовал в Циммервальдской конференции, как представитель ЦК партии. После Октябрьской революции он много работал в проф. движении, читал лекции в Свердловск. унив-тете, а затем отдался, гл. обр., научно-исторической работе, организовал „Институт К. Маркса и Ф. Энгельса", директором которого и состоит в настоящее время, издает сочинения Маркса, Энгельса, Лафарга, Плеханова, „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса" и др.

Из собственных работ Р., следует еще отметить большой том „Очерки по истории марксизма", в котором собран ряд его исследований, освещающих идеологическую эволюцию основоположников научного социализма историю I Интернационала, отдельные моменты из истории развития в России социалистической мысли вообще и марксизма в частности; далее его книгу „Маркс и Энгельс", составившуюся из лекций, читанных им на курсах марксизма в Социалистической академии; „Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала" (в I кн. Архива Инст. Маркса и Энгельса, 1924). Из ранних работ Р. большой интерес представляет его книга „Критика проекта программы Росс. соц.-дем. партии, составленной редакцией „Искры" (1903 г.).

(Составл. по сб. *Невского* „Матер.", „*Кал. Комм.*" на 1926 г. и др.).

Ряппо, Ян Петрович (*автобиография*). Род. я в Лифляндской губ. верроского у. казерицкой вол. в 1880 г. Отец и предки мои были крестьяне-хлебопашцы, эстонцы, из крепостных. Волость наша—одна из беднейших во всем уезде. Скудная почва, вечный недород и недоедание заставляли искать заработка на стороне. Нужду в нашей семье усугубляли еще

пьянство отца, больная мать и братка-калека. Все же отец был грамотен, много читал, ненавидел и ругал немцев-баронов и пасторов, слыл безбожником во всем приходе и был преследуем местными властями. Эти чувства и настроения завещал он и мне. С малых лет я был втянут в сельскую работу: ходил сначала пастухом, помогал в работах — боронил, пахал, косил, молотил и т. д.

Учился я сначала в местной волостной школе, а затем в верроском городском училище. Год проработал при училище в качестве преподавателя-практиканта. 18 лет поехал учиться в петербургский учительский институт. Но за отсутствием средств к существованию, прервав занятия, поступил на службу на завод Вестингауза, где проработал четыре с половиною года. Одновременно занимался над своим самообразованием, сдал „экстерном" экзамен за курс гимназии и в 1904 г. поступил в петербургский университет. Жил уроками и работами в мастерских Пеймана. В университете занимался на факультетах юридическом, историко-филолог. и восточных языков; прослушал курс также в академии востоковедения. Университет окончил в 1909 г. по фак. вост. языков.

Политическое развитие и деятельность моя проходили в Прибалтийском крае, Петербурге, Польше и на юге Украины. Будучи еще в гор. училище в 1896—98 г.г. в Верро, участвовал в организации нелегальных кружков учащейся молодежи. Позже, в 1903—4 г.г., работая у Вестингауза, стал примыкать к группировкам с-ровского характера, а с 1905 г. я входил в комитет эстонской с-ровской организации. Будучи студентом, принимал активное участие в первой русской революции как общественный работник, партийный агитатор и пропагандист и организатор революционного движения в Питере и в Прибалтийском крае.

Был членом комитета эстонской организации с.-р., входил в совет старост университета, был председателем эстонского общества студентов. Участвовал в различных демонстрациях и в выборных кампаниях в Гос. Думы; вел борьбу с эстонскими кадетами и с эстонской прогрессивной партией Тенисона. В 1906—7 г.г. переходил от с-ровства к марксизму и устанавливал связи с с.-д. По окончании университета служил по таможенному ведомству.

Февральская революция 1917 г. застала меня, военно-мобилизованного, на юге в г. Николаеве, где, как член николаевской организации об'единенных с.-д., был избран сперва председ. совета военных депутатов, а затем об'единенного совета раб. и солд. депутатов. На первом Всероссийском С'езде советов избран членом первого ВЦИК'а. Помимо общественно-партийной работы, все 1917—20 г.г. принимал активное участие в гражданской войне на юге, будучи то командующим боевыми отрядами, то военным комиссаром, то членом Совета обороны, то начальником штабов. Руководил борьбой против немецких оккупантов, гетманщины и петлюровщины, против англо-французов, греков, Григорьева, Деникина, Махно, Шкуро и повстанцев Одесской и Херсонской губ. Одновременно руководил работой по народному образованию в Николаеве.

В 1920 г. был назначен губвоенкомом Одессы. В этом же году вступил в коммунистическую партию. Избран членом одесского губисполкома в качестве зав. губнаробраза, где повел деятельную работу по организации народного просвещения, по ломке и реорганизации Всероссийского Учительского Союза и Украинской Учит. Спилки в единый союз работников просвещения и соц. культуры. С начала 1921 г. состою замест. народного комиссара просвещения Украины. Будучи в то же время председат. Главпрофобра, пять лет проводил непосредственно реорганизацию системы народного просвещения и реформу высшей школы.

С 1922 г. избирался в члены Всеукраинского Центрального исполнит. комитета. По партийной линии с 1923 г. избирался неоднократно членом ревизионной комиссии парткомов, а в 1925 г. членом харьк. губпарткома.

Оставаясь замест. наркомпроса, состою в настоящее время председателем Главнауки, государств. Научно-методологич. комитета и Совета национальных меньшинств. Главная деятельность моя проходит ныне в углублении и укреплении новой советской системы народного просвещения Украины.

(Продолжение свода в 3 й части 41 го тома).

ДЕЯТЕЛИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ)

Часть III

Автобиографии, авторизованные биографии и биографии:

	Стлб.
И. А. Саммер	1
К. Н. Самойлова	1
Н. Самурский	3
Т. В. Сапронов	9
Я. М. Свердлов	13
Д. Ф. Сверчков	18
А. И. Свидерский	21
З. Я. Седой (Литвин)	25
П. А. Семашко	32
А. К. Сербиченко	37
А. П. Серебровский	40
Л. П. Серебряков	42
И. И. Скворцов (Степанов)	44
Э. М. Склянский	45
М. И. Скобелев	45
Н. А. Скрыпник	47
П. Г. Смидович	59
И. Т. Смилга	62
А. П. Смирнов	64
И. Н. Смирнов	70
Г. Я. Сокольников	73
А. А. Сольц	88
Л. С. Сосновский	90
И. В. Сталин	107
Е. Д. Стасова	112
Ю. М. Стеклов	119
П. И. Стучка	128
Н. Н. Суханов	129
Ф. Ф. Сыромолотов	133
И. А. Теодорович	139
Н. Г. Толмачев	145
А. Ф. Толоконцев	146
М. П. Томский	147
П. В. Точисский	150
Л. Д. Троцкий	151
М. Н. Тухачевский	160
Ф. Я. Угаров	163
Н. А. Угланов	165
И. С. Уншлихт	176
М. С. Урицкий	179
Г. А. Усиевич	180
А. М. Устинов	180
К. В. Уханов	181
В. Д. Фигельский	182
И. Т. Фиолетов	182
В. М. Фриче	183
М. И. Фрумкин	186
М. В. Фрунзе	191
Д. А. Фурманов	193
А. Г. Халатов	196
Л. М. Финчук	199
А. И. Хмельницкий	205
Ф. Ходжаев	209
Г. А. Цаголов	210
М. Цхакая	211
А. Д. Цюрупа	211
В. И. Чапаев	212
А. Г. Червяков	213
Г. В. Чичерин	215
В. Я. Чубарь	229
Г. И. Чудновский	231
С. Е. Чуцкаев	231
С. Г. Шаумян	235
А. Г. Шлихтер	236
А. Г. Шляпников	241
В. В. Шмидт	251
П. К. Штернберг	253
Б. З. Шумяцкий	254
Е. Н. Щепкин	258
Н. Б. Эйсмонт	264
Ш. З. Элиава	268
К. К. Юренев	272
Н. Н. Яковлев	274
Я. А. Яковлев	276
В. Н. Яковлева	278
М. П. Яныпев	280
Е. Ярославский	281
В. Я. Яроцкий	286

Дополнительные биографии:

	Стлб.
И. А. Адамович	288
В. Х. Ауссем	290
О. Х. Ауссем	291
П. Л. Войков	292
Б. Дадабаев	293
В. П. Затонский	295
Д. З. Мануильский	298
Г. Ф. Мусабеков	301

Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции.

Продолжение *).

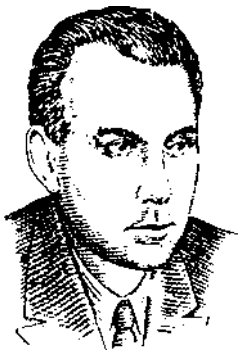
САММЕР И. А. (1870–1921).

САМОЙЛОВА К. Н. (1876–1921).

Саммер, Иван Адамович, род. в 1870 г., киевский студент, в 90-х гг. был одним из группы марксистов, положивших начало революц. работе среди киевского пролетариата. В 1899 г. был выслан в Вологодск. губ., где отбывал ссылку в Великом Устюге. В ссылке он упорно работал, переводил, писал рефераты, обдумывая статьи для „Искры“, принимал самое деятельное участие в волновавших тогда революц. деятелей спорах по вопросам тактики, „бернштейнианства“ и пр. В 1904 г., вернувшись из ссылки, он вошел в состав казанского комитета партии и в качестве делегата от Казани присутствовал на III с'езде. Его избирают кандидатом в члены ЦК. В 1905 г. он работает в качестве секретаря ЦК. Был активнейшим работником в области военной и боевой работы, известным тогда во многих городах под кличкой „Любича“ или „Измаила“. В дни октябрьской революции 1905 г. С.—вождь восстания в Казани, представитель революционной власти в городе, на несколько дней (19—21 окт.) захваченном рабочими и учащимися. В ноябре 1906 г.—участник Всеросс. конференции военных и боевых организаций. В 1907 г., арестованный, судился, получил крепость и в 1909 г. был выслан в Вологду. В 1917 г. поставил советское строительство в Вологде на должную высоту—был председателем совнархоза, заведывал финотделом, работал в Северосоюзе, и ему вологодская кооперация обязана своим расцветом. Показал себя крупным практич. организатором хозяйственной жизни. Весной 1919 г. С. был вызван в Москву для работы в Центросоюзе. В конце 1919 г. переехал в Харьков председателем Укоспилки (Украинск. Союза Потреб. Общ.). Ум. в июне 1921 г. в Харькове. (См. „*Нам. бор.*“).

Самойлова, Конкордия Николаевна (парт. имя „Наташа“, лит. псевд. Н. Симбирский), род. в 1876 г. в Иркутске, дочь священника Н. Громова. Детство ее протекало в безбедной обстановке: 10 лет ее отдали в гимназию, кот. окончила в 1894 г. Развивалась в атмосфере идейных споров возникших тогда в Иркутске маркс. и народнич. кружков. Уехавши в Петербург, поступила на высшие женские курсы, увлекалась лекциями по философии проф. Введенского, занималась в филос. кружке, но вскоре ушла в общественную жизнь. Большое впечатление произвело на С. самоубийство М. Ф. Ветровой в 1897 г. Тогда же на митинге первое ее агитац. выступление. В 1901 г. была арестована на студенч. собрании, при обыске у нее найдены были запрещенные тогда романы „Андрей Кожухов“, Кравчинского, „Что делать“ Чернышевского и револьвер. Курсы пришлось оставить, и С. уехала в Париж, где стала усердно посещать „Вольную русск. школу обществени. наук“, открытую М. Ковалевским, Ю. Гамбаровым и др. Лекторами были и Ленин, Мартов и др. Тогда же она примкнула к „искровскому“ течению с.-д. В 1903 г. она приехала в Тверь, стала членом комитета, работая как пропагандистка. Собиралась со своими кружками в лесах и в оврагах, а осенью в специально снятых квартирах. Переехала в Екатеринослав и здесь была арестована в 1904 г. по подозрению в причастности к убийству провокатора, но после 14 месяцев тюрьмы была освобождена (1905 г.) и уехала на юг. В Одессе она примкнула к большевикам и взялась за пропаганду. Здесь она пережила всеобщую забастовку 13—15 июня 1905 г., восстание „Потемкина“ (16 июня), черносотенн. погромы после 17 октября. Неудовлетворенная постановкой партийного дела в об'единенной организации в Одессе, считая, что слияние больш. и меньшинства является компромиссом и отказом от единственной революц. тактики, она уехала в Ростов-на-Дону и вступила в члены ростовск. комитета. После ареста была выслана в Вологду, нелегально уехала в Москву, работала здесь в окружн. партийной организации (на массовках в лесу, в раз'ездах и пр.),

*) II часть автобиографий „Деятелей СССР и Октябрьской Революции“ на буквы М — Р была помещена в II ч. 41 тома.



САМУРСКИЙ (ЭФЕНДИЕВ) Н. (1891–1938).

В 1934–37 первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

потом переехала в Луганск, где вела работу на заводе Гартмана, здесь же вышла замуж за старого большевика А. А. Самойлова (помощн. прис. повер., сотрудн. „Правды", редакт. московск. нелегальн. „Борьбы", в 1918 г. работавш. в Петерб. Губ. Чрезв. Ком.). Из Луганска С. с Ворошиловым уехали на 5-й Лондонск. с'езд. Вернувшись, работала в Баку, потом в Петербурге, как член ПК. В 1909 г. она была арестована, выданная провокаторшей О. Серовой (женой с.-д. депут. 2-й Госуд. Думы), работавшей как секретарь пет. ком., но через год выпущена. С конца 1912 г. С была ответств. секретарем „Правды", стала организатором пролетарск. движения среди женщин, выпустила № 1 журн. „Работница". Начиная с революции 1917 г. С. возобновила „Работницу" (в редакции были А. Коллонтай, Л. Сталь, Кл. Николаева и др.). Своей работой среди женщин С. вскоре охватила всю Россию, руководила 1-й конференцией работниц в ноябре 1917 г., комиссией при ПК по работе среди женщин. С. организовала работу на Украине, в Екатеринбурге, Иваново-Вознесенске. Смерть мужа, А. А., в Астрахани от холеры (в 1918 г.) надломила душевную жизнь С., но энергия не покидала ее. В 1920 г. она была организатором и завед. политотделом агитац. парохода „Красная Звезда" (по Волге), 2/VI 1921 г. на том же пароходе умерла под Астраханью от холеры же. (См. *И. Куделли*, „К. Н. С.", изд. Ленингр. Истпарта, 1925; „Револ. деятельн. К. Н. С.", сборн. восп. Истпарта).

Самурский. Нажмутдин (Эфендиев) *(автобиография)*. Я родился в 1891 г. в сел. Куруш Самурского округа, происхожу из бедной семьи овцеводов-кочевников. Селение Куруш находится на 11.000 футов—это высшая точка населенных пунктов в Европе. Живущие здесь занимаются исключительно овцеводством, при чем на 8 месяцев в году приходится откочевывать в соседний Азербайджан на зимние пастбища на равнину. Население аула Куруш чрезвычайно отсталое и до сих пор живет первобытно.

Мой отец также вел кочевой образ жизни, имея небольшое скотоводческое хозяйство. Раннее детство, а потом и юность, оставили у меня довольно тяжелые воспоминания. Кочевой образ жизни с большими лишениями, неприветливый, с вечными откочевками в кибитках в соседний Азербайджан (геокчайский уезд), был мне знаком до 8 лет. С этих лет меня оставляли дома—в ауле—на попечении деда, под руководством которого мне вменялось в обязанность изучение корана в первую очередь, а затем и других арабских религиозных книг. Дед мой, проживши 110 лет, был ученым арабистом и пользовался в округе большим уважением и влиянием.

Я был крайне неподатлив к восприятию всех премудростей религиозного учения и, конечно, меня за это крепко наказывали, т.-е., попросту, били. Так продолжалось до 12 лет, до смерти моего деда. К этому времени один из моих дядей был назначен окружным кадием в селение Ахты (центр Самурского округа). По его требованию я перешел на его попечение, которое оказалось для меня еще более тяжелым. В новой обстановке я вскоре увидел всю неприглядность существовавшего порядка и ложь религии. Увидел все ханжество, лесть, угодливость и лицемерие лиц, желавших быть близкими к дяде-кадию, а с его стороны те взятки, те вымогательства, кои стали обыкновением в обиходе этого „уважаемого" арабиста, носителя шариатского религиозного права.

При самодержавии в Дагестане существовало своеобразное „военно-народное управление". В аулах во главе с муллой существовал сельский суд, в округе во главе с кадием—шариатский и в центре Дагестанской области во главе с ученым, вроде муфтия—народный областной суд. Судили горцев по шариату и по адату, и, характерно, председателями судов в округах были помощники начальников округов, а состав суда—три-четыре депутата по одному от каждого участка, выбираемые на три года. В областном центре председателем являлся помощник губернатора, состав суда—один депутат от каждого округа. Разумеется, в состав сельских судов входили кулаки, зажиточные, а окружных—ханы, беки. То же самое в областном суде. Вот какая своеобразная „конституция" была выработана царизмом для облегчения управления страной. Это своеобразное управление опиралось для проведения велений самодержавной власти как бы на местных людей, посредством использования шариатского права и адата и местного имущего класса.

Дальше учение мое пошло как по линии заучивания корана и его „адатов", содержание которых я при всем своем желании не понимал, так и по линии услуживания самому дяде. В мои обязанности входило: колка дров, носка воды, подметание, набивка папирос, чистка сапог и другие домашние обя-

занности. Одновременно меня заставляли посещать мечеть и держать „уразу" (пост).

На почве непослушания в исполнении этих приказаний я и тут продолжал чувствовать „крепкую" руку дяди. Правда, с открытием в Ахтах школы дядя, видя, что все его товарищи по службе туда посылают своих детей, решил и меня приблизить к „европейской" культуре, коя вела (по разумению дяди) через школу в писари к начальнику участка. Меня отдают в 2 классную сельскую школу, которую я должен был посещать после моих домашних обязанностей. Окончил я ее в 1906 году, между прочим, учился успешно.

По окончании школы мне было предложено поступить писарем к начальнику докузпаринского участка Самурского округа, что и хотели сделать насильно, получив первоначально мой решительный отказ. Не видя возможности жить в патриархально-родовой семье, где я должен был повиноваться требованиям старших, я начал изыскивать способ бегства из дома, и вскоре этот счастливый случай мне представился. Я, присоединившись к односельцу, ссыльно переселенцу, сбежал с ним в Сибирь. Прибыв в Иркутск, с помощью этого ссыльного я поступил в „услужение" в железный склад „Рубанович и сыновья" за обед и три рубля жалованья в месяц.

До совершеннолетия я принужден был скрываться от домашних, особенно от своего всесильного дяди. С момента прибытия в Иркутск, где я прожил 9 лет, я работал на том же складе, сначала в качестве мальчика, рабочего, а потом и служащего. Иногда мне удавалось выезжать на заработки и в другие места Сибири (Чита, Сретенск и т. д.). Часть заработка я тратил на свое учение. Здесь я должен сказать, что мне очень много приходилось заниматься в свободное время самообразованием, причем на седьмой год моего пребывания в Иркутске я уже мог сдать экстерном экзамен в Горно Техническое училище.

Ко времени пребывания в Сибири, особенно на летних заработках, нужно отнести мое знакомство с революционерами, революционным мировоззрением и марксистской литературой. В начале 1915 г., получив от матери сведения о том, что отец умер, и ее дядя-кадий выгнал из дому, не дав никаких средств к существованию, я вынужден был вернуться в Дагестан и жил около года в ауле Куруш или в Ахтах Иск, пред'явленный до моего приезда моей матерью на принадлежащее ей по праву наследство, был мною прекращен заявлением в суде о том, что я отказываюсь от этого имущества, так как оно загрязнено взятками дяди

Чтобы поддерживать свою семью, я должен был выехать на заработки в Баку. После 6-месячной безработицы, с помощью Азизбекова (расстрелянного в числе 26 бакинских комиссаров) я поступил на нефтепромысла Эмир Бабаева. В Баку я ближе познакомился с Азизбековым, а после и с Нариманов ым. К этому времени относится начало революционной работы среди бакинских рабочих-нефтяников. В Баку я вошел в близкое соприкосновение с гуммитистами-большевиками. За революционную работу в 1917 г. я был подвергнут тюремному заключению и освобожден при поддержке рабочих за недоказанностью обвинения полицией.

Во время армяно-татарской резни в 1918 г., выступив на митинге с критикой на армяно-татарскую буржуазию, я был схвачен и чуть ли не расстрелян, но благодаря вмешательству Азизбекова попал в подвал. Рабочие, узнав об этом, сообщили Джапаридзе, и через четыре дня я был освобожден

В 1918 г., после мартовских событий, получив соответствующие директивы от бакинских товарищей, я должен был выехать в Петровск, но Петровск в это время был занят бичераховцами и др. контр-революционными силами. Мне пришлось отправиться в Астрахань и оттуда в Москву, откуда, получив указание от Сталина, я должен был отправиться на подпольную работу в Дагестан; но тогда, как известно, отступала XII армия, две треги которой были захвачены тифом, и мне Кировым было предложено остаться в Астрахани до окончательного выяснения событий, которые происходят в Дагестане и вообще на Кавказе, и заняться работой в политотделе XI армии. Я был назначен начальником информации и политинспектуры Поармии XI. В 1919 г. я был выбран председателем бюро гуммитистов-большевиков, принимая все меры, по указанию партии, по увеличению организации гуммитистов-большевиков, в частности проводил работу среди мусульман для облегчения защиты Астрахани.

В 1919 г., после организации Наркоминдела, я был назначен уполномоченным по делам Кавказа. Отдел по делам Ближнего Востока возглавлял Нариманов. Одно время я исполнял также обязанности начальника политотдела XI армии. При отступлении XII армии от-

ступила из Дагестана и сформированная из горцев специальная часть, в которой было до 1.500 человек, из коих добрались до Астрахани 300, остальные погибли в дороге от тифа. Мне было поручено политическое руководство этими горскими частями, охранявшими красноярский боевой участок.

Мне пришлось в качестве члена штаба при астраханском военкомате принимать участие в подавлении восстания внутри Астрахани. Особенно жестока была борьба с внутренним контрреволюционным движением. Что было пережито защитниками Астрахани в 1919 г., об этом знает история революц движения за эти годы Астрахань пережила такую осаду, какой не пережил ни один город в нашем Союзе. Было много дней, когда все сидели без куска хлеба, питались селедкой, и то в лучшем случае.

С улучшением положения на фронтах и продвижением Красной армии на Кавказ у меня возникла мысль о необходимости подготовки работников, и вот в 1920 г., согласно моей просьбе, Р.В.С. XI армии в лице Кирова разрешил открыть в Астрахани школу для подготовки советских работников из горцев, получив необходимый кадр для этой цели из горских частей, защищавших красноярский боевой участок. Из этой школы вышло 40 человек подготовленных советских работников из горцев, которые впоследствии со мной выехали в Дагестан. Многие из этих товарищей во время ликвидации восстания в горах Дагестана в 1920—21 г.г. пали жертвами контр революции.

В 1920 г. я был командирован Наркомом XI в Москву, где Стопани, Мидивани и мне было поручено приступить к организации кавказского ревкома и в частности горского отдела при нем. Я был назначен председателем этого отдела.

В этом же году в марте мес. я прибыл с Красной армией и Кавревкомом в Петровск, а затем в Темир-Хан-Шуру, куда я был назначен членом Дагревсовета обороны (впоследствии Дагревкома). Как более знакомому с советским строительством, мне пришлось начать организовывать в Дагестане советский аппарат, как в центре, так и на местах.

В октябре 1920 г. с помощью и под руководством грузинских меньшевиков в горном Дагестане было поднято восстание известным контрреволюц. имамом Гоцинским и полковн. Алихановым. Согласно приказу Реввоенсовета Кавфронта, я был назначен военным руководителем по освобождению осажденной повстанцами крепости Гуниб, а после и политруководителем всех оперировавших тогда военных частей в горном Дагестане. Подавление этого восстания было делом чрезвычайно тяжелым. Я приступил к организации и оформлению партизанских отрядов и я был назначен начальником всех этих отрядов. Ликвидация восстания продолжалась 10 месяцев. В первые четыре месяца с большими трудами и жертвами нам удалось освободить крепости Гуниб и Хунзах; после того, как был разбит и уничтожен отряд в 700 человек, захвачены орудия и огнеприпасы, направлявшиеся через Араканское ущелье, я с некоторыми своими частями был отрезан от центра и вынужден был в освобожденном нами же Хунзахе выдержать осаду, которая продолжалась два месяца при полном отсутствии продовольствия и при чрезвычайно мизерном количестве снаряжения и огнеприпасов. Применяя необходимую военную тактику, нам удалось получать от горского населения продовольствие. У нас уже истощалась конина, была масса заболеваний, некоторые уже поговаривали о необходимости сдаться, но я, зная психологию горских масс, обратился к самим повстанцам с соответствующим воззванием в том духе, что если они—сыны Шамиля, если они считают себя героями, храбрецами и т. д. и т. д., они должны дать продовольствие осажденным и уже после этого в равной борьбе итти против нас. И вот, как это ни странно, нам начали представлять фрукты, хлеб и пр. Почти полтора месяца мы держались на продовольствии самого населения, и таким образом осада крепости была выдержана. Гарнизон был спасен.

По ликвидации восстания в 1921 г. я был назначен народным комиссаром внутр. дел и замест. председ. Ревкома ДССР. В этот период мною были образованы все отделы Дагревкома (потом Совнаркома) и народные комиссариаты, а также проведена работа по советизации ДССР. В этом же году мною по всему Дагестану были проведены с'езды бедноты, при чем на этих с'ездах мне удалось добиться согласия населения на повсеместную ликвидацию шариатских судов с заменой их народными судами, что и явилось переломным моментом в замене шариатского права народными судами.

В конце 1921 г. вторым с'ездом советов я был назначен председ. Центр. исполнит. комитета ДССР, в каковой должности состою бессменно.

Я состою членом ВКП(б) с 1917 г. и членом президиума дагестанского комитета ВКП(б) с 1921 г. За работу по борьбе с последствиями голода, являясь вначале председ. помгола, а потом и последгола, награжден золотым жетоном ЦК последгола при ВЦИК'е. За боевые же заслуги на фронтах награжден 2 орденами „Красного Знамени" и двукратно награжден золотым оружием на окружных с'ездах Аварского и Гунибского округов. С 1921 г. состою бессменно членом ВЦИК, а также и членом ЦИК СССР.

Сапронов, Тимофей Владимирович (*автобиография*). Как сейчас помню 1891—92 голодные годы (мне тогда было 4—5 лет). Кирпичная с потолком, но без крыши, с побитыми стеклами избенка, кругом „ни кола, ни двора", и лишь к этой избенке прислонился шалашишко.— это ночлег каким-то путем уцелевшей и с'евшей солому крыши клячи; больше не только скотины, но и курицы не было Вдруг ночью раздадутся раскаты грома, польется дождь, мать и отец прячутся в откосах двери избы, детишки (их было семь) в откосах окон. Журчанье воды, шлепанье с потолка „водопадов", раскаты грома сливаются с криком, писком детишек и с грозными окриками „замолчать м..." отца. Сквозь все это изредка слышится всхлипывание матери и робкие просьбы: „Володя, не ругайся, не гневи бога".

Своего хлеба даже из лебеды не было, купить не на что, „выдачка" (помощь голодающим) остается у старосты и его приближенных кулаков. Запрягаем клячу и едем, во главе с матерью, побираться. Выбираемся из дому ночью.—стыдно. Выезжаем в поле и тут прорывается наружу накопившееся материнское горе. Под стук колес разбитого рыдвана раздаются причитанья: „И ми-лы-е детушки, зачем я вас столько народила, на горюшко великое, и что же вас господь батюшка не возьмет от меня горемычной".

А вот большой базар города Мценска. Отпряженная кляча жует солому. Нас окружила тесным кольцом толпа зевак, слышатся голоса: „Смотрите, смотрите! Как хорошо пляшет девочка побирушки". Это плясала моя трехлетняя сестренка и картавеньким язычком „тачала приказки" Одни насмехались, другие умилялись таким зрелищем, третьи набожно крестились и бросали ей „трынки" и „семерки" (1—2 коп.). А где же мать? Она забилась в угол рыдвана и тихо всхлипывает.

Нагрянула „карючка", люди мрут как мухи, их таскают на кладбище и переливают известкой. По деревне ходят „душегубы" (санитарные отряды), „отравляют народ".

Вдруг схватила „карючка" мою мать. Она ломает себе руки и ноги, от боли корчится в клубок и издает дикие вопли. А отец на нее орет: „Замолчи м..., а то услышат, придут и отравят. Наплодила цельную дюжину, а сама издыхать хочешь. Что я с ними буду делать?"—не унимается отец. Отец-таки „не дал" умереть матери. Целую неделю не пускали никого к себе в дом и говорили, что матери нет дома, она ушла в гости. А в это время рвали крапиву, парили ее в чугуне и горячей крапивой обкладывали мать. Она выздоровела. Медицина была посрамлена.

После голодных годов в семье положение мало чем изменилось. Отец находился всегда запроданным за пуд муки, за воз соломы, попу, местному помещику и деревенскому кулаку, поэтому небольшой наш посев убирался с поля после того, как отец отработает у своих заимодавцев, т.-е. тогда, когда хлеб на корню наполовину осыпался или подгнивал от дождей. Таким образом, многодетная семья с новины оставалась без хлеба, и снова шли в продажу отец, старшие братья и сестры, и отдавались в залог последние полосы земли и добришко из материнского сундука. На почве голода и других недостатков у нас в семье происходили частые скандалы, ссоры, побои отцом детей и их истощенной и больной матери.

Семи лет я пошел в школу, где за рваный вид моей одеженки подвергался насмешкам, а иногда и побоям, и имел кличку „побирушка". Вскоре, однако, у меня оказалось много защитников из детей богатых за мои подсказывания им во время уроков. С восьми лет я был отдан пасти скотину, а двенадцатилетним мальчиком был увезен местной помещицей (графиней Левшиной) в Питер, где и пробыл целый год бесплатно, из за куска хлеба, обслуживая барскую семью. Когда же 13-летний мальчик потребовал оплаты своего труда, он, как „неблагодарный", был отправлен разгневанной барыней на родину.

С детства меня пичкали писаниями о „житиях святых", и я ими зачитывался и был до фанатичности набожен, за что мать ожидала и для себя награды в „царствии божием". В Питере меня таскали по церквам, монастырям, „мощам" и „святым могилкам". Но на ряду с этим „еретик" швейцар снабжал меня

САПРОНОВ Т. В. (1887–1939).

В 1920 один из лидеров группы "Демократического централизма", в 1925–27 группы "15". В 1927 исключен из партии. Репрессирован.

такими книжонками, которые переворачивали в моей голове все понятия о боге, а тут еще усиленные слухи и разговоры о „бунтах" на Обуховском, Семенниковском и др заводах. Воочию я наблюдал многочисленные манифестации студентов и их схватки с полицией (зима 1900—1901 г.) и невольно себе задавал вопрос „почему". А швейцар мне раз'яснял, что нет бога, а есть люди, богатые и бедные, которые ведут между собою борьбу. Царь и жандармы на стороне богатых. Этот швейцар (Малинин) впервые пошатнул во мне веру в бога.

Вернувшись из Питера, я еще одно лето пас скотину у местного помещика, а затем с 15 лет поступил к подрядчику малярных работ и выполнял эту работу до Февральской революции. В промежутках перерыва строительного сезона я работал на фабриках, был грузчиком, дворником и пр. В 1905 г приезжаю в Москву и попадаю в водоворот революционного движения. Революция с ее многочисленной революционной литературой, массовыми демонстрациями и митингами произвела во мне сильный идеологический переворот, и я принимаю участие в уличных демонстрациях и массовках, хотя и не осознавая цели и задачи отдельных политических партий и глубокий смысл их взаимной борьбы. Осмысливать политические события я начал после подавления революции. Связался с группой большевиков абрикосовских и динговских рабочих. Вскоре группа распалась, часть ее. — Янин и другие, за „эксы" пошли на каторгу.

В 1907 г. у меня в моем отсутствии был первый обыск, и за найденную литературу и кое что из оружия арестовали и выслали из Москвы моего брата, так как он заявил, что все найденное принадлежит ему. В 1907 г. я вступаю в союз строителей, но он вскоре был закрыт градоначальником, а работники частью разбежались, частью были арестованы. Напрасны были в годы реакции мои поиски какой-либо организации среди строительных рабочих, и мне ни чего не оставалось, как только работать над собой.

Из литературы у меня были: „Эрфуртская программа", „Нищета философии", кое-что Лассаля, всего 5—6 брошюрок. Прочитывал я их по нескольку раз, многого не понимал, и спросить было не у кого. В 1912 г., когда снова началось рабочее движение, получив в помощь газету „Правду", я начал усиленную работу по организации строительных рабочих. Прежде всего были созданы профессиональные, а затем партийные группы. Долго нам не удавалось получить связи, и мне без посторонней помощи приходилось не только организовывать группы, но и выступать на них в качестве пропагандиста.

Накануне войны нам удалось легализовать союз строителей, который занял резкую антивоенную позицию, и вскоре из его членов выделяется несколько десятков человек большевистской организации. По нашей инициативе после об'явления войны восстанавливается нелегальное Центральное бюро профессиональных союзов и инициативная группа большевиков городского района.

Почти все годы войны я живу нелегально, работая в Москве, Ленинграде, Саратове, Нижнем и в Туле. Участвовал в руководящих органах партийных организаций этих городов (кроме Тулы). Февральская революция застает меня в Тушине, где я активно участвую в организации фабрично-заводских комитетов, сельских, волостных и районного советов и партийных ячеек. Одновременно с этим работал в московском городском и губернском советах, губернском комитете большевиков и в других партийных, профессиональных, советских и земских органах. Оттуда же был избран в учредилку.

После Октябрьской революции и до конца 1919 г. я был председателем московского губисполкома. По чисто специфическим условиям работы в соприкосновении с центральными учреждениями мне еще в 1918 г. пришлось столкнуться с отрицательными сторонами главкизма и одному из первых пришлось начать борьбу против главкистского бюрократизма.

На седьмом С'езде Советов моя точка зрения (против главкизма за горизонтальное строительство советов и их отделов) поддерживается всеми местами против центральных учреждений и одерживает верх, выразившись в постановлении 7-го С'езда Советов о советском строительстве, одобренном 9-м с'ездом партии. Мною были выдвинуты проекты постановлений о советском строительстве на 8-м и 9-м С'ездах Советов, и ими были приняты. (Часть моих статей и докладов по этому вопросу составляет сборник „Статьи и доклады по организационным вопросам партийного и советского строительства", изданный при моск. комитете в 1920 г.).

В годы революции я состоял в партийных и советских губернских руководящих органах Московской, Петроградской, Харьковской и Самарской губерний, был секретарем Уралбюро ЦК РКП, чле-

ном ЦК РКП, председателем Малого Совнаркома, членом ВЦИК и его президиума, председателем Главкомгосора и работал в ряде других центральных и местных партийных, советских, хозяйственных и профессиональных органов.

Будучи секретарем ВЦИК, я много работал над упрощением и удешевлением советского аппарата в центре и на местах. По этому вопросу я был докладчиком на сессиях ВЦИК и являюсь автором проектов постановлений этих сессий об упрощении и удешевлении губернских и уездных советских аппаратов.

Свердлов, Яков Михайлович, род. в Н.-Новгороде в мае 1885 г. в семье полоцкого мещанина, ремесленника-гравера. У отца Якова Михайловича была маленькая типографная и печатная мастерская, своим единственным окном выходившая на главную улицу города—Б. Покровку. С самого раннего детства отличительной чертой ребенка была необычайная живость, непоседливость, склонность к самым головоломным шалостям, а на ряду со всем этим сообразительность и пытливость ума. Часто С. своими вопросами и взрослых людей ставил в очень затруднительное положение. Отец, обремененный большой семьей, хотя и находился в тяжелых материальных условиях, старался дать детям образование. С., согласно его прошению, 30 апреля 1896 г. был принят в нижегородскую губернскую гимназию. В гимназии С. пробыл полных 4 года, за это время значительно ухудшилось материальное положение семьи, а в училище окончательно испортились отношения с педагогами. Бурно восставал С. против гимназической казенщины и сухой схоластики. Он стал плохо посещать школу, пропадать с уроков, понизилась успешность, а балл за поведение тихо дошел до тройки. Все это сделало дальнейшее пребывание в гимназии нецелесообразным, и в августе 1900 г. он ее покинул, унося с собою свидетельство об окончании 5-ти классов. Уход из гимназии не мог остановить культурного роста юноши, наоборот, после этого в нем только окрепла жажда знания. Он начинает много читать, и, параллельно с расширением кругозора, в нем все росла неудовлетворенность окружающей жизнью, росло чувство протеста против существовавшей власти. В его руки начинает попадать нелегальная литература. Рано побудилось в нем политическое сознание, развилось и окрепло желание все силы посвятить борьбе за интересы рабочего класса. Первые искры революционного настроения заронили в С., еще когда он был в гимназии, три человека: его старший брат Зиновий, усыновленный Горьким, тогдашний редактор „Нижегородской Газеты" Дробыш-Дробышевский и особенно с.-р. Вен. Ег. Лазарев, впоследствии оказавшийся провокатором. Эти первые идейные влияния претворились в жизнь. После гимназии С. начинает работать учеником в Канавинской аптеке. В это время он впервые пришел в соприкосновение с рабочей массой. Близ Канавина находились лесные предприятия с большим количеством рабочих. У С. завелись с ними связи. Он стал часто бывать вечерами в их среде для систематической пропаганды. Через канавинских рабочих он вступил в соприкосновение и с сормовцами. В мастерской отца им были с'агитированы работавшие мастера, благодаря которым свободно делались все нужные бланки и печати для паспортов нелегальных организаций. Квартира С.-отца уже в то время служила явкой для приезжавших работников партии и складом для нелегальной литературы и даже оружия. Из этой квартиры, в шутку прозванной „Швейцарской республикой", шло снабжение листовками многих подпольных кружков в Нижн.-Новгороде.

В 1901 г. с организацией „нижегородского комитета РСДРП" в городе значительно оживилась подпольная работа. Среди кипучей революционной жизни, в бурном рабочем движении проходила юность С. Он рос и все глубже входил в ставшую „профессией" работу. Семнадцати лет он участвовал в демонстрации, в которую вылились похороны студента Рюрикова 22 апреля 1902 г. Демонстрация была рассеяна полицией, и большинство участников взято на учет в жандармском управлении. С. удалось скрыться. Но когда он через несколько дней появился дома, то был арестован и посажен в тюрьму на 14 суток по пред'явленному обвинению: „за буйное поведение и неподчинение требованиям полиции на похоронах Рюрикова". Так от распространения листовок и прокламаций он перешел к активному участию в движении против существующего строя. По выходе из тюрьмы, из-за невозможности найти работу, ему приходится уехать в Саратов к старшей сестре, но преследования полиции вскоре заставили его вернуться обратно. По приезде в Нижний-Новгород он весь отдается подпольной работе на Сормовском заводе, где в ра строенных после ряда арестов рядах партии необходимо было немедленно наладить организацию.

СВЕРДЛОВ Я. М. (1885–1919).

Весной 1903 г. начались новые аресты. С. усиливает свою деятельность, достает деньги на устройство подпольной типографии и в течение долгого времени снабжает листовками и брошюрами работавших на заводе агитаторов. 14 апреля 1903 г., во время тщательного обыска на квартире С., были обнаружены прокламации, нелегальные брошюры и книги. Дело С. передано в жандармское управление, а вскоре после убийства рабочими провокатора Пятницкого, в октябре—ноябре 1903 г., по подозрению в причастности к этому убийству он берется под гласный надзор полиции.

После раскола на II С'езде РСДРП С. сразу взял твердую линию и один из первых поставил вопрос о большевистской организации в городе. Он соединял в себе лучшие качества революционера-подпольщика и уже тогда пользовался огромным влиянием в рабочих массах и глубокой симпатией со стороны старших партийных товарищей—А. И. Рыкова, Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирского и др., работавших тогда в Нижегородской губ. Все они отдавали должное молодому, но уже достаточно проявившему себя профессионалу-партийцу, его талантливости, энергии и великолепным организаторским способностям.

По организации северного комитета С. переселился в Кострому, где вел усиленную работу. Ему удалось долгое время пробыть необнаруженным полицией. 15 февраля 1905 г. он переехал в Казань, войдя в казанский комитет в качестве ответственного руководителя и организатора. Когда же осенью открылись занятия в университете, он стал одним из самых популярных ораторов среди студентов. За весь этот длинный период его работы в Казани полиции ни разу не удалось выследить неугомонного „Малыша" (кличка С.).

В конце сентября 1905 г. он переезжает в Екатеринбург, где принимается за работу по об'единению вокруг уральского бюро крупнейших партийных организаций Урала. Под кличкой „товарища Андрея" С. вскоре стал любимым вождем уральских рабочих. Поработав там, он попадает в Москву перед декабрьским восстанием и несколько раз выступает на митингах в „Аквариуме". И только после поездки в Таммерфорс на партийную конференцию он появляется вновь на Урале в качестве уполномоченного ЦК партии. Дальнейшую работу он ведет в Перми, партийная организация которой была совершенно разгромлена. Путем внимательного подбора работников и длительной пропагандистской работы ему удается поднять на должную высоту пермскую организацию. В Перми С. работает под кличкой „Михалыча". В расширившуюся организацию постепенно пробрались шпики, заработали провокаторы, начались аресты. 10 июня 1906 г. он был арестован вместе с женой „Ольгой"—Новгородцевой. Из пермской тюрьмы уже осенью он был переведен в Николаевские роты верхотурского уезда, где царил необычайно жестокий режим, и только в сентябре 1907 г. состоялся суд над членами пермской организации. На суде С. был присужден к двум годам крепости без зачета предварительного заключения. В тюрьме С. начинает усиленно заниматься наукой и пополнять свое образование. Выпущенный в 1909 г., он едет в Москву, где заново начинает собирать и организовывать расстроенные после многочисленных провалов ряды партии. В Москве он вскоре был арестован и отправлен в нарымскую ссылку на 3 года. Кипучая натура не могла выдержать такой вынужденной, длительной бездеятельности. Он бежал и уже летом 1910 г. был снова в Москве, в самой гуще работы по выравниванию твердой идеологической линии и по организации комитета партии. Работать приходилось в крайне напряженных условиях, организация была опутана сетью шпиков и провокаторов. 14 ноября 1910 г. С. вновь арестован и, отсидев в предварилке до мая 1911 г., отправлен опять в Нарым уже на 4 года. Несколько неудачных побегов не сломили упорства С., и только осторожность жандармов, отправивших его под более усиленный надзор в Максимкин Яр—самое отдаленное место ссылки, на некоторое время заставила его сидеть на месте. Не имея теплой одежды, он простудился и долго пролежал больным, после чего был переведен обратно в Нарым. Немного подлечившись и отдохнув, он снова бежит, но опять неудачно. Лодка, на которой он ехал по бурной реке, перевернулась, пройдя несколько верст. С. пробыл несколько часов в ледяной воде, был вытащен из реки рыбаками и в непросохшей одежде отправлен с жандармами обратно в место своей ссылки. Приезд жены и ребенка в Нарым успокоил на некоторое время жандармов. Но вскоре после их приезда С. совершает новый смелый побег, окончившийся на этот раз благополучно.

Осенью 1912 г. он прибыл в Петербург и тогда же был кооптирован в ЦК партии, избранный на Парижской конференции. С. развивает свою деятельность среди большевиков — депутатов

Государств. Думы. Тогда же им была проделана работа по выпрямлению линии „Правды", которая под его влиянием превратилась в чисто большевистский орган.

В феврале 1913 г. С. был выдан провокатором Малиновским и по аресте посажен в „Кресты". Через три месяца сиденья он был выслан в Сибирь, в Туруханский край. Вместе со Сталиным он водворен в глухую деревушку Курейку. Из Курейки С. переводится в с. Селивариху, где ведет усиленную работу над пополнением своего образования. Он поддерживает постоянную переписку с оставшимися на воле товарищами, все время держит с ними связь, находясь в курсе всех событий, происходивших в центре. Тянулись годы войны. Приближалась революция. Громадные покрытые снегом пространства отделяли Туруханск от мест, где назревали величайшие в жизни рабочего класса события. Наступил февраль. Весть о первых революционных вспышках привела ссыльных к бурной радости, и одним из первых старается выбраться из ссылки С., стараясь как можно скорее попасть ближе к революции, ближе к работе, для которой уже потрачено столько трудов, столько энергии. Проехав около 2 тыс. верст на лошадях по Енисею, он попадает в Красноярск, где проводит несколько дней, и отправляется дальше—в Питер.

На апрельской конференции 1917 г. он был выбран в ЦК партии. На плечи С. легла громадная работа по сплочению большевистских рядов и подготовке к Октябрьской революции. Октябрь принес победу власти рабочих и крестьян, С. избран на ответственнейший пост председателя ВЦИК. Первые декреты вырабатываются при его непосредственном участии, под его руководством предпринимаются первые шаги молодого правительства, шестью с'ездами он руководит как бессменный председатель. В самые тяжелые годы строительства советской республики, находясь во главе большевистской партии, в момент самой трудной работы, после поездки на Украину и выступления на митинге в Орле, он простудился и по приезде в Москву, прохворав всего несколько дней, умер. Так прошла и кончилась 16-го марта 1919 г. жизнь еще молодого организатора трудящихся—С.

В своей речи в память С. В. И. Ленин сказал, что „если нам удалось в течение более, чем года, вынести те тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров если руководящие группы могли так твердо и единодушно разрешать труднейшие вопросы, то только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительно талантливый организатор, как С. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководителей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы выработать в себе чутье практика и талант организатора, тот непререкаемый авторитет, благодаря которому целую крупнейшую отрасль работы — ВЦИК, которая под силу была бы лишь группам людей, вел единолично С."

„Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности. Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело". *Я. Свердлов.*

Сверчков, Дмитрий Федорович (*автобиография*). Я род. 7 марта 1882 г. в слоб. Талы, Воронежск. губ. богуч. у., где стоял гусарский Ахтырский полк, в котором мой отец служил офицером. Отец мой принадлежал к дворянам Тверской губ. Нежелание отца поступить после окончания гимназии в Морскую академию навлекло на него неудовольствие деда адмирала (все мои предки служили во флоте), а женитьба без разрешения деда послужила причиной лишения моего отца наследства, так что наша семья жила только на получаемое им жалованье. В 1883 г. отец вышел в отставку и поступил на службу в управл. Козл.-Ворон.-Рост. (ныне Юго-Восточной) железной дороги в Воронеже.

До 1894 г. мы жили в Воронеже, потом переехали в Новочеркасск. В 1896 г. почти одновременно умерли мои отец и мать. Я переехал в Москву, а в 1899 г. перевелся в гимназию в Петербург, которую и окончил весной 1901 г. Еще в Москве, в 1898 г., я участвовал в гимназич. тайных кружках, на которых мы читали запрещенного тогда Писарева, устраивали рефераты на темы о социализме. В 1899 г. в Петербурге я вступил в „Петерб. Союз борьбы за освобождение рабочего класса", помогая вначале разносить революционную литературу, а с 1900 г. уже посещал рабочие кружки и участвовал в их занятиях. Будучи еще в 8-м классе гимназии участвовал в студенческой революционной демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора. Осенью 1901 г. поступил на юридический факультет петерб. университета. Там принял участие в создании первой социал-демократической студен-

СВЕРЧКОВ Д. Ф. (1882–1938).

После работы в НКПС был членом Верховного суда СССР, затем заместителем директора Государственного литературного музея. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ческой организации „Касса радикалов" и взял на себя заведывание техникой, т.-е. печатанием прокламаций.

3 марта 1902 г. у Казанского собора состоялась революционная демонстрация, организованная „Союзом борьбы" и „Кассой радикалов" совместно. В этой демонстрации приняли участие впервые рабочие и студенты вместе, и были выброшены классовые революционные лозунги. Во время этой демонстрации (я был одним из знаменосцев, при чем на знамени, которое я держал, была надпись: „8 часовой рабочий день") был арестован и избит полицией. После почти 4-месячного одиночного заключения был выслан в Оренбург, откуда вернулся в Петербург в конце февраля 1903 г., в марте вновь поступил в университет, но через две недели был уволен без права поступления в другие высшие учебные заведения за участие в студенческой сходке-протесте против расстрела рабочих в Златоусте.

Осенью 1903 г. уехал в Швейцарию (в Лозанну), где поступил на медицинский фак. университета. В Швейцарии познакомился с В. И. Лениным и другими вождями социал-демократической партии, изучил типографское дело. После раскола в Росс. Соц.-демокр. раб. партии присоединился к большевикам и весной 1904 г. вернулся для революционной работы в Россию, поселился в Петербурге, где поступил на службу конторщиком в транспортную компанию „Надежда", организовал техническую группу и стал печатать партийные прокламации. После 9 января 1905 г. стал организовывать профессион. союзы. Первым был создан союз конторщиков и бухгалтеров, в котором в течение всего 1905 г. протекала моя деятельность по этой линии. Кроме того, я участвовал в создании союза рабочих печатного дела и союза металлистов.

С весны 1905 г. создалось об'единение буржуазных и некоторых из пролетарских союзов под названием „Союз союзов". В это об'единение входили: союз профессоров, союз инженеров, союз адвокатов, союз врачей, союз писателей и проч. Из числа пролетарских союзов туда вошли: союз железнодорожников, союз конторщиков, союз фармацевтов и крестьянский союз. Интересно отметить, что чисто рабочие союзы войти в „Союз союзов" отказались, ибо с самого своего возникновения взяли правильную пролетарскую линию политического поведения. Я был выбран в „Союз союзов" от союза конторщиков. Деятельность наша в этом об'единении сводилась к противодействию буржуазным союзам оказывать влияние на революционное движение. В этом мы имели некоторый успех, и, например, с'езд союза союзов, собравшийся в июле 1905 г. в Териоках, под нашим влиянием высказался огромным большинством за бойкот проектировавшейся правительством законосовещательной Госуд. Думы.

Осенью 1905 г. я принимал деятельное участие в проведении в Петербурге всеобщей забастовки. 12 октября я был выбран депутатом в СПБ Совет Рабочих Депутатов от союза конторщиков и принимал участие в Совете с первого дня его возникновения (13 октября). 17 октября пленум Совета избрал первый Исполнительный комитет, при чем я был выбран и в Исполнит. комитет и в президиум Совета. В этот период я отошел от большевистской организации, вследствие разногласий с петерб. комитетом партии в оценке роли профессион. союзов и Совета. В Совете — помимо всех других обязанностей - был с конца октября казначеем.

27 ноября пленарное заседание Совета решило вместо арестованного накануне председателя Совета избрать председательское бюро из трех лиц. Были избраны: Л. Д. Троцкий, депутат Обуховского завода П. А. Злыднев и я. В середине ноября 1905 г. создалось первое об'единение профсоюзов—Центральное бюро профессион. союзов. Я был выбран членом этого бюро. 3 декабря 1905 г. Совет был арестован. Осенью 1906 г. состоялся суд. Я был приговорен в числе 14 осужденных к ссылке на поселение с лишением всех прав состояния. Этот приговор снял с меня звание дворянина, значившееся в моих документах. В феврале 1907 г. нас отправили в ссылку в с. Обдорское Тобольской губернии. В августе того же года мне удалось оттуда бежать за границу, где я в 1908—1909 гг. работал в Центр. бюро заграничных групп РСДРП, в которое был выбран вместе с Г. В. Чичериным на с'езде групп. В это время я примыкал к меньшевикам.

В декабре 1909 г. в Париже состоялся пленум Центр комит. РСДРП, на котором было решено пополнить недостающее число членов ЦК путем кооптации. Я был в числе кооптированных и поехал нелегально в Москву для партийной работы. В Москве был назначен на май 1910 г. пленум находившихся в России членов ЦК. Однако, во второй половине мая,— по провокации Романа Малиновского,— были арестованы почти все члены ЦК, приехавшие в Москву: В. П. Ногин („Макар"), Дубровинский („Иннокентий") и др., в том числе и я. Никакого нового дела

против меня жандармы создать не сумели за отсутствием документальных доказательств. Однако, им удалось выяснить, что я—не тот, за кого выдавал себя по паспорту, и я был предан суду за побег из ссылки на поселение и приговорен к 3 годам каторжных работ. Отбывал каторгу в Москве. О моей жизни я писал в моей книге „На заре революции", носящей в значительной мере автобиограф. характер.

Восстановлен в правах был по амнистии Времен. правительства после Февральской революции 1917 г. До 1920 г. состоял в меньшев. организации. В августе 1920 г. постановлением оргбюро ЦК РКП (б) был принят обратно в ряды большевиков. Работаю в Народном комисс. путей сообщения с того же 1920 г.

Свидерский, Алексей Иванович *(автобиография)* Я уроженец Черниговск губ. Своей родиной считаю два уезда—мглинский (ныне почепский у Брянской губ.) и новгородсеверский. В первом проживала вся родня; во втором протекали мои детские и юношеские годы. Родился я в 1878 г. 8 марта (по ст. ст.).

Отец служил в земстве по выборам и по министерству внутр. дел; умер в должности советника виленского губернского правления. Мать, урожденная Козловская, происходила из чиновничье-помещичьей семьи, владевшей небольшим имением в мглинском уезде. Так. обр., в семейной среде, окружавшей меня в детские годы, были, если можно так выразиться, два элемента: помещичий и чиновничий; при чем преобладал последний. Когда отец умер, мне было 10 лет.

Ранняя смерть отца привела к тому, что решающее значение в семье, состоявшей из 6-ти мальчиков, из которых я был старшим, имела мать. Это обстоятельство явилось причиной того, что чиновничьи и помещичьи традиции в нашей семье играли ничтожную роль. Мать обладала недурным по тому времени образованием и отчасти находилась под влиянием народнических идей; с народничеством ей удалось познакомиться в пансионе, в котором она училась и которым руководила в то время Е. К. Брешко-Брешковская перед началом своей революционной деятельности. Мать любила нам читать вслух такие произведения, как „Хижина дяди Тома", рассказы из жизни крепостных крестьян, рассказы о декабристах, религиозных гонениях и т. п. Не мало внимания ею оказывалось и библейским рассказам, при чем из последних делался вывод о необходимости „помогать ближним", „не врать", „бороться за правду", „не гнаться за богатством" и т. п.

В результате я очень рано начал чувствовать противоречия между проповедуемой христианской моралью и разного рода хорошими словами, с одной стороны, и окружающей действительностью—с другой. Рано я почувствовал и ложь; в особенности остро я почувствовал ее, поступивши в гимназию. Все это привело к тому, что в возрасте 10—12 лет я начал по своему, по-детски, реагировать на несправедливое отношение родни к крестьянам и к нуждающимся, а также на бездушный формализм и гниль, царившие в гимназии. Меня считали дерзким и грубым. Гимназическое начальство всячески преследовало; родные и мать выражали недовольство, главным образом, с той точки зрения, что в жизни меня ожидают всяческие неприятности, если я коренным образом не переменю своего поведения.

Будучи в 4-м классе гимназии, я познакомился с „Реалистами" Писарева. Почему-то счел нужным мне прочесть их вслух отец матери. За Писаревым последовало чтение рассказов и кое-каких статей из „Современника". Мне кажется, что, знакомя меня с крамольной для тогдашнего времени литературой, дед, обладавший большим досугом, просто хотел избавиться от скуки и одиночества, нисколько не думая о последствиях, которые наступили очень скоро. Случайно узнав, что среди гимназистов старших классов имеется кружок, читающий книги, которых нет в ученической библиотеке, я начал искать этот кружок и, разумеется, кружок был найден мною.

Через год—полтора, перейдя уже в VI класс гимназии, я прочитал всего Писарева, Добролюбова, кое-что из Чернышевского, Дрепера, Спенсера и многое другое. Гимназическое начальство начало коситься и в один прекрасный вечер произвело у меня обыск, который результатов никаких не дал, но который причислил меня официально к лику неблагонадежных. Этот первый обыск явился толчком, побудившим стать на путь борьбы. Чтение запрещенных книг усилилось, и углубилась кружковая работа.

В 7-м классе гимназии мною были прочитаны: курс политэкономии Чупрова, Ключевский, Бельтов, Струве („Критические заметки"), журнал „Новое Слово", Михайловский, Дарвин („Происхождение видов"), Коммунистический Манифест и кое-какие заграничные революционные издания, преимуществен-

СВИДЕРСКИЙ А. И. (1878–1933).

В 1928 начальник Главискусства, член коллегии Наркомпроса РСФСР. С 1929 полпред СССР в Латвии.

но народовольческого направления. В 8-м классе гимназии, за два месяца до выпускных экзаменов, у меня был произведен повторный обыск, на этот раз давший в руки начальства довольно большое количество запрещенных для гимназистов книг и приведший к тому, что, в наказание, я был допущен к экзаменам в качестве экстерна, а в аттестате зрелости „поведение" было отмечено пониженным баллом.

По окончании гимназии я поступил в питерский университет (1897). Надо ли говорить, что в Питер я приехал с определенным революционным уклоном и что все мои симпатии принадлежали марксизму. Весной 1898 г. мною делаются первые революционные шаги.

Сначала моя работа выражалась в оказании услуг товарищам, работающим в Петербургском Союзе Борьбы за освобождение рабочего класса. С осени 1898 г. я начал руководить двумя рабочими кружками. Одновременно у меня были связи с нелегальными студенческими организациями.

Студенческие беспорядки 1899 г., разумеется, не могли не захватить меня Беспорядками руководила народническая группа студентов. В числе руководителей были Савинков Борис, Волькенштейн (сын Людмилы Волькенштейн), Перовский (двоюродный брат Софьи Перовской) и Каляев (убийца Плеве), а также Н. И. Иорданский (литератор-коммунист), П. Е. Щеголев (историк-литератор) и другие. Я и еще несколько студентов-марксистов были в оппозиции, считая, что руководство беспорядками протекает исключительно в академических рамках, между тем студенческому протесту должен быть придан более широкий характер. Воспользовавшись тем, что после назначения царем следственной комиссии под председат. генерала Ванновского движение сразу ослабело, мы, марксисты, провели обращение к студенчеству, в котором раз'ясняли, что всякий протест в условиях самодержавия является политическим, что, несмотря на все усилия народников и академистов придать движению академический характер, движение представляет собой политическое движение, что студенчество само бессильно справиться с полицейским произволом и что все действительно революционно-настроенные студенты должны итти к рабочим и организовывать их для борьбы с самодержавием и капиталистами. Это обращение, которое было названо „Манифестом", заканчивалось словами: „Долой самодержавие! Да здравствует рабочий класс и та часть студенчества, которая пойдет с ним!" В составлении „Манифеста" принимали участие: я, Постолоаский (впоследствии большевик и член ЦК, теперь беспартийный), М. М. Могилянский (впоследствии кадет) и Кулев (впоследствии болгарский с. д. и председатель болгарского парламента). Так как студенты-марксисты были наперечет, то полиция через несколько дней трех из составителей Манифеста, в том числе и меня, арестовала.

При обыске у меня была найдена нелегальная литература. Состоявшиеся ранее аресты среди рабочих кружков, с которыми у меня была связь, привели к обвинениям в участии в с.-д. организации. В результате я был сослан на три года в Уфимскую губ., где в значительной степени и пополнил свое марксистское образование. В то время в Уфимской губ. находились в ссылке: Крохмаль, В. Н. (впоследствии видный меньшевик), Цюрупа, А. Д. (нынешний зампредсовнаркома), Н. К. Крупская, которую в мою бытность несколько раз посещал В. И. Ленин, и многие другие.

Т. обр., свою революционную деятельность я начал в 1898 г. в социал-демократических организациях. С тех пор она не прерывалась до 1910 г., когда я был выслан в Самару. Однако, не работая некоторое время активно, я оказывал отдельные услуги партийной организации. Считаю себя большевиком со времени 2-го с'езда с.-д. партии, когда впервые образовалась большевистская фракция. В начале империалистической войны стал на оборонческую точку зрения, но в 1915 г. отказался от нее. С 1916 г. мною была возобновлена непосредственная революционная работа Я всегда был с.-д. большевиком и ни в каких других партиях не состоял, равно никогда не выходил из большевистской части с.-д. партии.

Я подвергался арестам в 1899, 1903, 1904, 1906, 1907 (дважды) и 1909 г.г.: в Петербурге (дважды), в Самаре, Туле, Киеве (дважды) и Риге; кроме того, подвергался обыскам, не сопровождавшимся арестами, в 1902, 1907, 1911 и 1914 г.г. Ссылке подвергался два раза: в 1899 г. был сослан на три года в Бирск Уфимской губ. и в 1905 г. на 5 лет в Олонецкую губернию; первую ссылку отбыл; второй не отбывал, скрывшись и перейдя на нелегальное положение. Суду предавался дважды: в 1905 г. по делу тульской с.-д. организации (суд не состоялся, вследствие амнистии 1905 г.) и в 1907 г. в Риге (судился, но был оправдан за недоказан-

ностью обвинения). Наконец, дважды высылался: из Питера в 1906 г. без указания срока и из Киева в 1910 г. на три года с правом выбора места жительства, за исключением определенных городов и местностей. Вследствие постоянных репрессий университета не окончил, прослушав два курса физико-математического факультета и один курс юридического. В эмиграции не был.

До Октябрьской революции моей профессией была журналистика. Работая в качестве революционера-профессионала, за исключением периода 1910–1915 гг., я нигде не служил, сотрудничая в разных период. изданиях: „Самарской Газете", „Орловском Вестнике", Волжском Слове", „Киевской Мысли" и большевистских газетах—„Новой Жизни", „Волне", „Вперед", „Эхо", „Вестнике Жизни" и др.

Февральская революция застала меня в Уфе, где я и работал до Октябрьской революции включительно, в качестве редактора местной большев. газеты „Вперед" и с июня 1917 г.– председателя уфимского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В феврале 1918 г. был вызван в Москву и назначен членом коллегии Наркомпрода. В этой должности состоял до мая 1922 г., когда был назначен членом коллегии—докладчиком РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции). В 1923 г. был назначен замест. народн. комисс. земледелия РСФСР и в этой должности состою до настоящего времени.

Седой (*Литвин*), Зиновий Яковлевич (*автобиография*). Я родился в коломенском уезде Московск. губ. в бедной полумещанской рабочей семье. Отец на заводе б. Липгард или Коломенск. Машиностроительном служил сторожем и истопником, а мать, чтобы прокормить громадную семью, занималась стиркой белья и кухарила по свадьбам, именинам или иным случаям как у богатых, так и у бедноты. Как и почему семья очутилась в Москве, я не знаю, но помню, что мать кухарила как и под Коломной, приносила всякие остатки и огрызки, и тогда мы ели „птицу", а отец, как старый николаевский солдат, получил скоро место на лесном складе сторожа и нищенский оклад. Нищенское проживание, скученность (8 человек в одной комнатушке на Балканах) заставили всех разойтись и работать. Оставался один я и сестренка дома, а когда меня устроили в школу, то весь скудный скарб семьи охраняла она.

Отец, как бывший военный, не то унтер, не то фельдфебель или капенармус, был грамотный, не пил и любил философствовать и читать. Он всегда где-то добывал или „Московский Листок" или другое и, мечтая, всю семью готовил к тому, чтобы меня, малыша, отдать в школу. Но одновременно отец был суров, как солдат, вымуштрованный Николаем I, и за шалости мне часто влетало, но, быть-может, характер шалостей был таков, что он решил меня учить грамоте, говоря, что „из этого сорванца выйдет толк". В школе мне было тяжело. Не знаю почему, но меня не взлюбил учитель географии, но все-таки школу я любил, хотя мой паек состоял чаще всего из куска хлеба с солью, редко—огурец, кусок селедки и тому подобное. Стукнуло 13 лет. Отец умер, брат второй ушел в солдаты и со школой пришлось расстаться. Поступил в ученье к старшему брату, а через год, научившись паять, рубить и пилить, сбежал от побоев, и начался кочевой период по заводам: Нефтяной завод в Анненгофской роще—узнал паровой котел, пар насос и научился ковать. Затем гвоздильный завод Гужона, потом Бари за Симоновской слободкой и, наконец, Долгоруковский парк—работал на паровозах как помощник слесаря и тут уже я помогал семье из своей 13—15 р. получки. К коронации у меня было два противоположных направления: 1) я уже ненавидел религию, 2) я был заражен антисемитизмом. Но 2—3 приятеля из евреев не дали опуститься в этот омут, затягивавший в чайных и трактирах во время ежедневных обедов. Иногда я почитывал за чаем газету — или „Моск. Листок", или „Русск. Листок". Еще одна мысль гнездилась в моей юной башке — это забастовка; я считал полное право делать забастовки и не любил полицию и фабричн. инспектора. Считал, что глупо и мерзко нас за это рассчитывать. Так длилась моя наивность, пока я не попал на завод Вейхельта у Газового завода, где я познакомился с токарем Никитой Голодным, который первый дал мне книгу, где говорилось: „Один ест за сто человек, а другой голодает" и т. д. Меня это так всколыхнуло, что я стал зверем смотреть на каждого толстого и на каждую полицейскую шинель и, несмотря на то, что Н. Голодный пил, я очень часто просил его что-нибудь рассказать и дать „новых книг". Тут я узнал и „Русские Ведомости" с их заграничным отделом, и Шелгунова, и Писарева, и других, но все это было цензурное, за исключением первой книжки. Все это взвинчивало, но не убеждало.

СЕДОЙ (ЛИТВИН) З. Я. (1879–1947).

В 1921–1939 директор хлопчатобумажного техникума. С 1939 на пенсии.

657

На углу Садовой у Курского вокзала в чайной обедал мой другой приятель, человек совершенно не пивший, а с ним группа токарей и других металлистов, и я с ними часто бывал. Там были длинноволосые двое, и вот однажды я на обычном месте не нашел никого. Оказалось, их всех арестовали. Тут я узнал и фамилии. Это была 1-я группа московских рабочих с.-д. марксистов, братья Боэ, Козицкий, Малинин, Корнузи, ткач Поляков и др. Я никак не мог понять, за что этих людей арестовали, но не заметил, как сам очутился в кружке, где была сестра Боэ, Мария, рабочий металлист З. Лавров, который говорил, что „надо делать революцию", а я ему поддакивал: разносил листовки, давал молодым рабочим все, что мог, и тащил в кружок, был распространителем.

Первый арест мой, человека чувств. идеализации, без руля и направления, лишь горевшего, как и мои учителя, произошел в 1896 г., и я был буквально ошеломлен, что нач. охранки Бердяев так все знает, даже П. Колокольникова, Величкина и др. знает лучше меня. В этом же году я был арестован вторично в ноябре и сидел почти до конца осени 1897 г. по делу Рабоч. Союза, по делу врача Орлова, братьев Пантелеевых, опять Колокольникова, Кварцева, Морожкина, Константинова. Но тут я уже сидел в Таганке при мрачном Майснере. Это первое крещение было очень тяжело: 1) я жил на тюремные 6 коп. и ходил как арестант; единственное, что получал иногда с воли – это книги, 2) меня, как рецидивиста, не взлюбил начальник тюрьмы, и за каждые пустяки — карцер, лишение прогулок, книг, 3) за ложь на допросе дважды был избит в кровь. Вышел из тюрьмы злобный, из черного брюнета 10—11-месячная тюрьма сделала полуседого, избит был Зубатовым.

Начался надзор полиции. Коломна, а затем Калуга, затем Тамбов и дальше, а затем полулегально работаю в Москве у Густав Листа с Шестаковым, у которого и узнаю о судьбе 1-й группы, сосланной в Архангельск.

Перебрался в Петербург, и, о ужас, большинство моих приятелей, Пекунов и другие, стали кто экономистами, кто зубатовцами. Ухо пришлось держать востро. Устраиваюсь на работе у Путилова, с трудом разыскиваю союзовцев. Я для многих товарищей был как-то рабочий не рабочий, но и не интеллигент. Приехавший Величко рекомендовал меня, и пошли кружки и... затем тюрьма. Меня посадили в Петропавловку, две недели спустя перевели в Кресты и оттуда в предварилку. Почти год тянулась эта отсидка. Хотя в петербургских тюрьмах было лучше, но все-таки отсюда я вышел совсем изнуренный, только 20—21 год, а почти седой Как больной, благодаря хлопотам „невест": отправлен в Тифлис под надзор полиции. Там были туляки, инженер Рябинин и М. И. Калинин, работавший токарем в ж.-д. мастерских.

Одновременно с моим прибытием в Тифлисе появилась нелегальная литература, и „Рабочая Мысль" и кое-что другое, были арестованы многие поднадзорные и М. И. Калинин и я. Просидел около 5 месяцев в Метехе. Выслали в Тамбов, а оттуда на родину, где оказалось предписание сдать в солдаты и направить в Туркестан в распоряжение генер.-губерн., который отправляет в Термез в крепость в стрелки. Тут меня взяли полубольного в переплет. Два молодых офицера всячески меня поддерживали, но тайно, и я не был уверен, что их поддержка искренна и всегда держал себя как требует дисциплина, а остальные, по предписанию бригадного, смотрели как на „заразу, сволочь" и придирались. Спасибо врачам. Там был бригадный врач, старый полународник, у которого сын сидел, и 2 врача из университетских. Они, несмотря на тайное какое-то предписание, поставили на комиссию, а бригадный подписал полное увольнение. Но пока из Петербурга пришло „настоящее увольнение", меня гоняли по ряду инженерных войск. Как только пришло разрешение, меня отправили в Коломну, где воинск. начальник еще помучил комиссиями. Временно мне разрешено было выехать в Н.-Новгород. Это было в конце 1903 г.

Нижегородцы, особенно Яков Свердлов, да и вся семья, помогали мне подлечиться, окрепнуть. Там я узнал потом и Владимирского, и Семашко, и Невзорову, молодого Керженцева и др., а также мрачной памяти Лазарева.

Оправившись, удираю в Вариху к Тер-Акопову, работаю слесарем, но потом арестовываюсь, просидев около 2 х месяцев. В Нижнем под руководством комитета вел забастовку приказчиков. Арестовываюсь, но по требованию забастовщиков освобождаюсь. Еду с фальшивкой опять в Москву и, как агитатор, культивирую открытые массовки у ворот заводов и фабрик. Это уже 1905 г. В дни свободы и января я выступал всюду, куда посылал МК. Арестовали в июне в Москве, но октябрьская забастовка освобождает нас из Таганки. Забыта тюрьма, забыта голодовка (я

голодал 13 дней). Я выступаю как агитатор на митингах, рефератах, всюду провожу призыв к оружию и лозунг „крепите союз с моряками и солдатами"; выступал и по организации союзов. Однажды один из членов МК сообщил, что в Аквариуме будет митинг охотнорядских мясников: „Нужно выступить, говорить о союзе и осторожно коснуться кое-чего другого", и добавил: „мы пошлем в ваше распоряжение дружину и вы вооружитесь"... Как на бой ринулся я на этот митинг, как на спорт, редко с такой страстью я где-либо выступал потом. Увидав полный зал упитанных, красных, полупьяных мясников, в фартуках и с ножами, я твердо решил, что заставлю себя слушать и о попе, и о религии, и о боге, об уряднике, приставе, дворянине и о свержении царя. Заставлю их слушать об их избиениях студентов и евреев. К чорту осторожность... Был шум, были крики. Я выполнил намеченную программу. Помню лица отдельных товарищей то одобряющие, то ждущие взрыва, а потом... мясники мне на Пресню присылали мясо.

По формальному постановлению МК я отправился на Пресню, на Трехгорку. Много пришлось поработать. Я взял функцию нач. штаба пресненск боевых дружин, что и выполнял при помощи рабочих и кой-кого из товарищей по организации. Но на Пресне пришлось все делать: и устанавливать связи, и собирать оружие, и обыскивать, и помогать судить и т. д., и т. п., все как должно быть в осажденной и все более замыкаемой кольцом крепости. Но оружия—капля, пулеметов нет. Питер работает, Москва живет уже полуобыденно. Дубасов ликует. Товарищи говорят, что моя голова оценена „в 3000 рублей", а Медведя, моего помощника, „в 1000 руб.". Мы спрашивали: „А сколько за наши фугасы Дубасов дает?"

Пресня пала. Поэма о Пресне ждет своего писателя. Жена адвоката Муравьева увезла меня от одного тов., куда я пробрался, распустив дружины и об'явив, что восстание ликвидировано, но не побеждено. Оно в будущем. Тов. разнесли приказ расходиться и прятать оружие. А Мин все еще расстреливал Пресню.

Две пустяковые раны, а вернее царапины, зажили, и я в Финляндии. Под руководством Дубровинского, с ведома В. И. Ленина, при помощи рабочих русского отдела и финской Красной гвардии организуем „Военную организацию РСДРП". От нее выбираюсь на Стокгольмский с'езд. А затем восстание Свеаборгской крепости. В результате провокации и измен расстрелы артиллеристов, минеров, расстрел 2-х прекрасных юных офицеров-большевиков, отказавшихся от спасения: поручиков Емельянова и Кохановского, лучших прообразов офицеров, порвавших со средой, с положением и принявших тяжкую, не по плечу, команду целой крепостью на семи островах.

Пресня с ее расстрелами, Свеаборг с его изменой и казнями превратили меня в какого-то странного больного. Я был немного психически выбит из колеи, медленно я поправлял свои мозги в Лозанне, куда отправлен был по директиве ЦК. В Финляндии меня искали всюду, но вначале я пробыл несколько дней у писателя Л. Андреева, куда меня доставил адвокат Сталь, а затем скрывали финские активисты, а после этого, когда миновала опасность снятия с парохода, я укрылся у Орловского.

Потекли серые эмиграционные будни Швейцарии, Бельгии и Франции. Голод глядел своей разинутой пастью. Надо начать учиться и вновь работать, учиться языку, вообще чему-либо учиться. Работаю, учусь. Но эмиграция оживала все более; реакция гнала в эмиграцию. Прибыли Иннокентий, Ленин, Лядов. Большевики организовали идейные кружки, а среди рабочих - секции. Выделилась секция металлистов. Через секции устанавливали связь с синдикатами и французским рабочим движением. Многие были, кроме того, и членами французской партии.

Работая как автомобилист, живя во Франции как финлянд. гражд Виялонен и имея среди своих кличку Иголкин (но звали все-таки Седой), мне на ряду с другими товарищами пришлось принять участие в тогда нашумевшей забастовке шоферов такси и т. д. Но, очевидно, я за первые 1½ месяца себя проявил так, что товарищи из французов рекомендовали выехать на 1—2 года из Франции. Я выехал в 1912 г. в Канаду и оттуда, испытав все прелести америк. эмиграции, побывав и у духоборов, как раз'езжий агитатор, двинулся из Виннипега в Нью-Йорк. Побывав около 5 месяцев и в лапах Форда (а он и тогда уже перед Дебсом кичился социализмом), направился в Париж, где жила семья. Попал в 1914 г. в волонтерскую болячку. Не разделяя ни на йоту их патриотизма и не подписав их платформы, я в то же время поддерживал тех, которые пошли не по соображениям патриотизма или немцеедства. Мобилизованный как тех-

СЕМАШКО Н. А. (1874–1949).

В 1930–1936 председатель Деткомиссии при Президиуме ВЦИК. В 20–30-е годы главный редактор Большой медицинской энциклопедии. На преподавательской и научной работе. Академик АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945).

ник-шофер под угрозой высылки в Россию, я с октября—ноября работаю шофером в санитарной секции, а по временам в ремонтных мастерских или, как говорили, механиком. При расстреле русских, оказавших неповиновение, у одного нашли мое письмо. Я был в Брей сюр Сомм арестован, просидел в тюрьме около 3 месяцев до прекращения дела. Второй раз я был арестован в Амиене в 1916 г. по подозрению в распространении брошюры о Циммервальде. Хотя на меня, в то время раз'езжавшего с больными, и падало подозрение, но следователь вновь, продержав более 2 месяцев в военной тюрьме, освободил, и я работал под Парижем в воен.-автомобильных мастерских, где и заболел. На комиссии врачей я был уволен из армии и тут только узнаю об отречении Николая II. Все мои помыслы о России, и я, получив от Павловича (Вельтмана) денег на дорогу, использовал свое полуфактическое, полуподневольное пребывание как шофера - санитара в армии и получил разрешение выехать через Англию в Россию. Сняв с себя, хотя и шоферский, но все же военный мундир, я через Раппопорта и деп. Брака ходатайствовал перед воен. министр. Пенлеве об отпуске в Россию особого списка „волонтеров". Это были антипатриоты, среди них был и мой земляк Николай Сапожков, которого Мин не смог расстрелять в 1905 г. в Голутвине. Прибыл в Питер в апреле или мае 1917 г. и после свидания с Вл. Ильичом, тов. Зельмой, получив от нее рекомендательные письма, поехал к фронту и был закреплен младшим механиком 3-го авиационного парка. Вскоре избираюсь в киевский совет, прохожу этап борьбы против юнкеров, Рады, но впоследствии нас разоружают по приказу Петлюры. Пробираюсь в Москву и здесь, проработав несколько месяцев в Красно-Пресненском районе, совместно с Меркуловым и 123 стрелковым полком ухожу на калединский и на красновский фронт и лишь в 19 году опять после болезни попадаю на Украину, где строю военную узколинейную дорогу „овиустройка", под нажимом М. С. Богданова и содейств. Довгалевского. Но Деникин нас выживает. Явившись с громадным военным имуществом в Москву, сдаю таковое и работаю в Центр. Упр. Воени Сообщений (ЦУПВОСО), а затем на усиление транспорта иду в НКПС. Оттуда в ЦКК избираюсь от Красной Пресни. После ухода из ЦУПВОСО ездил специальн. курьером в Киев к Раковскому и Мануильскому.

С 1922 г. работаю на различных постах хозяйственно-организ. жизни нашей страны и выполняю задания партии и соввласти.

Семашко, Николай Александрович (*автобиография*), род. 8 (21) сент. 1874 г. Все свое детство С. провел в деревне, среди крестьян дер. Ливенской елецкого уезда Орловской губернии. Эта деревенская обстановка наложила неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую жизнь и с раннего детства столкнула его со всеми нуждами, радостями и печалями крестьянского населения. Когда впоследствии, в 90-х годах, шел спор между марксистами и народниками о роли крестьянина в нашей революции, для С., по его рассказам, решение вопроса в значительной мере облегчалось его знакомством с крестьянской жизнью, и если он примкнул сразу и безоговорочно к марксистскому течению, то в значительной мере этому способствовали не чисто головные рассуждения, а хорошее знание действительной крестьянской жизни, приобретенное еще с детских лет. Десяти лет С. был определен в елецкую классич. гимназию. Преподавание было в большинстве настолько неумно, формально и неинтересно, что каждый ученик уже сам искал себе настоящей духовной пищи. Гимназическая жизнь приучила С. к полной самостоятельности и в материальном отношении. Во 2-м классе гимназии он потерял отца, который своими уроками поддерживал семью, и с 3-го класса гимназии и всю свою последующую жизнь С. существовал своим собственным заработком, поддерживая уже тогда свою семью.

В 1892 г., в последнем классе гимназии, С. вместе с другими товарищами (в том числе с С. М. Масловым, бывшим мин. землед. правительства Керенского) организует кружок для выписки литературы и для совместного чтения. Были выписаны такие невинные, а в то время страшные книги, как „Что делать" Чернышевского, „Что такое прогресс" Михайловского, „История новейшей литературы" Скабичевского и др. Составилась небольшая библиотечка, участники кружка собирались для совместного чтения, но вдруг собрание кружка было накрыто внезапно появившимся директором с нарядом для обыска. Первоначальное намерение директора и других исключить всех членов кружка с „волчьим паспортом", т.-е. без права поступления в университет, в отношении С. не было приведено в исполнение лишь потому, что он был одним из первых учеников.

Окончив, т. обр., в 1893 г. гимназию, С. поступает на I курс медицинского факультета московск. универс., с головой окунается в тогдашнюю столичную общественно-революционную жизнь студенчества и, наконец, входит в выборный нелегальный орган студенчества, так наз. „совет землячеств". Этот совет был в то время идейным центром московской жизни, где сосредоточивались и переплетались различные политические течения. С. сразу примыкает к молодому марксистскому движению, связывается с марксистскими кружками, ведшими тогда работу среди рабочих города Москвы, и знакомится с имевшейся тогда марксистской литературой, состоявшей из изданных за границей сочинений (главным образом, Плеханова), нелегальных брошюрок Маркса, Гэда и т. д. Никакой хоть сколько-нибудь систематической обработки материала, представляемого российской действительностью, не было. Вот почему целым откровением было для С. и его круга появление довольно анонимной нелегальной брошюры (В. И. Ленина) под заглавием: „Что такое друзья народа и как они борются против с.-д." Следующим подкреплением для марксистов явилась брошюра Бельтова (Плеханова): „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". В 1895 г., в связи с массовыми арестами в Москве, С. подвергается аресту и заключению в московскую тюрьму. Заключение это было необычайно тяжелым. После 3-месячного сидения С. был выслан на три года под гласный надзор полиции в Елец. Здесь он занялся систематическим самообразованием, проштудировал философию, историю, политическую экономию. Здесь же впервые он в подлиннике изучил „Капитал" Маркса, „Логику" Гегеля и другие капитальные научные произведения. Здесь же почти наизусть выучил первое евангелие марксизма: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", Бельтова-Плеханова. В Ельце С. основал марксистские кружки, а также под легальным прикрытием воскресных школ организовал социал-демократическую пропаганду среди железнодорожных рабочих этого города. По окончании высылки он поступает в казанский университет для окончания медицинского образования, ибо в'езд в столичные центры ему был воспрещен.

В 1899 г. и 1900 г. он организует социал-демократические кружки в Казани, ведет сам непосредственно пропагандистскую работу с наиболее развитыми рабочими Казани. Здесь же он знакомится с А. И. Рыковым. Казанская работа шла очень успешно, но в 1900 г. наступает провал организации вследствие доноса провокатора. А. И. Рыков и другие участники попадают в тюрьму, сам С. остается каким-то чудом на свободе. В 1901 г. пошли массовые движения по всей России. Казанская социал-демократическая организация взяла на себя подготовку выступления в Казани рабочих и студентов. В числе руководителей демонстрации был С. Конная полиция врезалась в демонстрантов, рассекла их на части, и центральная группа руководителей была окружена и под усиленным нарядом полиции отведена в участок. С., относительно которого были тайные показания охранки, был на несколько месяцев задержан в заключении, а затем выслан из Казани без права в'езда в университетские и промышленные центры. Лишенный права появляться на улицах Казани, С. поселился за чертой города и по ночам бегал в город, чтобы подготовляться к экзаменам, а потом, соответственно загримировавшись, появлялся в университете и сдавал экзамены. Так полулегально закончил он медицинский факультет и получил звание „лекаря с отличием". А затем началась история с губернаторами. Где бы не поступал на службу С., через роковые 2 месяца приходил ответ, что губернатор его не утверждает.

Работая как участковый врач, С. неустанно продолжал вести и агитацию среди крестьянского населения. Наконец, в 1904 г. С. выехал в Нижний-Новгород, где ему посчастливилось: губернаторского протеста он здесь не получил. В Нижнем-Новгороде он делается одним из руководителей соц.-демократического движения. С. ведет кружки также среди учащейся молодежи: многие из тогдашних учащихся, членов кружка, теперь занимают видные советские должности. На С. лежали также и публичные выступления — полемика на собраниях с кадетами, меньшевиками, эсерами. В 1905 г. его снова арестовывают по обвинению в составлении прокламации к новобранцам, и только категорическим протестом С. удалось получить свободу. Во время знаменитых октябрьских дней 1905 г. С. становится во главе движения и является бессменным председателем всех революционных собраний в городе. Черной сотней делается открытый заговор, чтобы разгромить его квартиру и убить. С. принимает участие в подготовке отпора царским войскам, которые были высланы в Сормово, но

как раз в ночь перед восстанием арестовывается у себя на квартире. С этого момента начинается длительное заключение в течение 9 месяцев в нижегородской тюрьме, откуда его спасает лишь развившийся туберкулез: С. был освобожден до суда под крупный залог.

Предвидя неминуемую каторгу и долгое поселение, что при тогдашнем состоянии здоровья обрекало на смерть, С. эмигрирует за границу, сначала в Женеву, а потом переезжает в Париж. В Женеве, став во главе местной организации большевиков, С. знакомится со своим дядей по матери, Г. В. Плехановым. Однако, как отмечал не раз в воспоминаниях С., отношения между дядей и племянником были прямо пропорциональны отношениям между большевиками и меньшевиками. Когда в 1907 г. С. был арестован в Женеве по обвинению в участии в тифлисской экспроприации банка (в которой он на самом деле никакого участия не принимал) и когда С. угрожала непосредственная опасность быть выданным царскому правительству, по интригам которого было возведено все это дело, жена С. обратилась к Г. В. Плеханову с просьбой своим авторитетом среди швейцарцев прийти на помощь арестованному. „С кем поведется, от того и наберется"— холодно ответил Г. В., намекая этим на то, что большевику помогать он не намерен. И лишь энергичное заступничество В. И. Ленина спасло С. от выдачи. Вслед за выездом из Женевы в Париж В. И. Ленина и других вождей большевиков туда выехал и С. Там он занимает должность секретаря заграничного бюро ЦК большевистской партии и участвует на всех заграничных совещаниях. С В. И. Лениным у него устанавливается не только общественное, но и личное знакомство. В эти трудные годы для революционной партии, когда реакция, усталость, „богоискательство" вносили разложение в партийные ряды социал-демократии, когда меньшевики подняли речь о „легализации" партии, о ликвидации „подполья" и даже некоторые из большевиков обнаружили шатания и уклоны, С. оставался верным соратником Ленина и под его руководством работал над подготовкой революции в России. С. принимает участие в организации большевистской школы для рабочих под Парижем, является секретарем группы содействия работе в социал-демократической думской фракции. Еще будучи в Женеве С. участвует в 1907 г. в международном Штутгартском конгрессе. В конце 1911 г. С. принимает участие в Пражской (в г. Праге) конференции, которая положила основу твердой организации большевиков и революционного крыла меньшевиков в России. В 1913 г., вследствие переезда большевистского центра из Парижа, С. переселяется на Балканы. Однако, лишь пленение С. сначала немцами, затем австрийцами, потом болгарами задерживает его на Балканах. Долго промучавшись и испытав все лишения в плену, С. пользуется Февральским переворотом, чтобы с согласия болгарского правительства Радославова вернуться в Россию.

С большими трудностями в июле месяце 1917 г. получает он это разрешение, но правительство Керенского не позволило впустить в Россию старого большевика. С. был задержан в Стокгольме, и лишь поручительство некоторых видных меньшевиков и новожизненцев (примиренцев), которое один из меньшевиков формулировал так: „Я знаю С., как ярого большевика, но честного революционера" — открыло доступ для С. в Россию в сентябре 1917 г. Здесь он переселяется в Москву и избирается председателем районной управы в Замоскворечьи. В этой должности он начинает подготовку к Октябрьскому перевороту, принимает в этом деятельное участие, восстанавливает вместе с другими товарищами московское городское хозяйство. С. делается одним из руководителей так наз. „Совета районных дум", к которому перешла вся муниципальная власть столицы после переворота. В то же время С. назначается заведующим моск. отдела здравоохранения и понемногу налаживает эту отрасль городского хозяйства. В 1918 г. выдвигается идея об'единения всего дела здравоохранения в одном правомочном органе. С. принимает предложение В. И. Ленина взять на себя организацию этого нового дела и разрабатывает соответствующий законопроект. В начале этот законопроект встретил самую резкую критику. Став первым народн. комиссар. здравоохранения, С. отдается строительству советской медицины, руководит высшим советом физической культуры, междуведомственным совещанием по борьбе с проституцией, ведет дело организации и восстановления курортов, а кроме того занимает кафедру социальн. гигиены московск. университета. (См. *Прилож.* к № 2 журн. „Изв. Наркомздр.", М. 1924 г. „Н. А. С., полвека жизни—30 лет револ. борьбы").

Сербиченко. Александр Каллистратович (*автобиография*), сын рабочего-железнодорожника, большой пролетарской семьи, родился в 1890 г. в м. Люботине валковского уезда Харьк. губ., где прожил до 1900 г. без воспитания из-за отсутствия средств. В 1900 г. отец должен был выехать в Крюков на Днепре, кременчугск. у. (где уже заканчивались строиться новые главные вагонные мастерские Южных жел. дорог), куда им была забрана и семья, состоящая из 9-ти чел. По приезде в Крюков я был определен в одноклассное земское училище, которое окончил в 1903 г. Я желал продолжать учение, что советовали родным и преподаватели школы, в которой я воспитывался, но абсолютное отсутствие средств не позволило сделать этого, и я вынужден был в 13-ти летнем возрасте пойти на тяжелую работу лесопильных заводов в Кременчуге,—за 10 коп. в 14-ти часовой рабочий день. Нося тырсу, доски и всякие строительные материалы, я почувствовал, что слабый организм дальше не выдержит адски тяжелого труда, и перешел в слесарно-механическую мастерскую в качестве ученика, с платой 10 коп. в день на своем продовольствии и одежде. Так продолжал работать до 1905 г. Перед всеобщим рабочим движением я уже начинал понимать задачи рабочего, так как попадавшие к нам листовки, а также посещения агитаторов и присутствия на массовках открывали нам дорогу.

В партии не состоял, так как втянуть, видимо, меня в партию тогда было некому, да и возраст, видимо, этого не позволял.

После 1905 года, когда рабочее движение было подавлено, я перешел в другую мастерскую, слесарно-котельную, где уже получал 20 коп. в день. Через полгода я оставил и эту мастерскую и поступил в каретное заведение, где, кроме слесарного дела, были и другие отрасли производства, и так проработал до 1907 г. В 1907 г. открылся прием рабочих и подмастерьев Крюковских вагонных мастерских. Тогда попасть на железную дорогу было общим желанием; мне это удалось легче чем кому другому, так как отец уже там работал, а железнодорожникам давалось преимущество, но за отсутствием мест в слесарном цехе я был принят в малярный (1-го июля 1907 г.) в качестве ученика. Проработав некоторое время, я обратил на себя внимание передовых рабочих, которые занимались со мной, особенно Котлов, работавший в одном цехе и по одной специальности; он втянул меня в конце 1907 г. в партию РСДРП (больш.), не об'являя об этом официально; он давал мне разные поручения партийного характера по цеху, как-то: сбор пожертвований на газеты и ряд других, не связывая в то же время с работой кружка, а ограничиваясь лишь информацией и отдельными указаниями.

С 1908 г. внедряясь постепенно в гущу партийной работы и выполняя поручения старших товарищей, я в 1910 г. был уже связан с кружком и несколько позже уже работал в кружке казначеем и секретарем, пока, наконец, не стал заметным для администрации мастерских и особенно цеха. После целого ряда предупреждений и нескольких увольнений из мастерских наших товарищей и особенно вожака рабочих, старого революционера Котлова, с 1915 г. мы остались как группа молодых товарищей, одно время боявшаяся за возможность дальнейшей работы кружка, тем не менее письма старых товарищей по партии нас подбадривали, и работа не прекращалась и так протекала до половины 1916 г. В июне этого года, в силу сложившихся условий, мне предложено было убраться из места службы, и я принужден был уехать в Харьков, где 1 июля 1916 г. начал работать в харьковских вагонных мастерских и принимать также участие в уже организованном раньше приехавшим на год Котловым кружке, так проработав до 1917 г. Февральская революция выхватила меня сразу из мастерских, и я был делегирован в 1-й городской совет рабочих депутатов, откуда и начал вести как партийную, так и советскую работу. Будучи членом Горсовета, выполнял обязанности одновременно председ. райпаркома и через некоторое время стал председателем коллектива рабочих и членом горпаркома РСДРП (больш.).

С момента организации на Южных железных дорогах совета депутатов был избран членом его, согласно постановления узлового собрания рабочих был делегирован в комиссию Плеханова по делам о зарплате железнодорожников. Октябрьская революция дала большой простор нашей работе и поставила пред нами необходимость вооружения рабочих. По распоряжению губкома и революц. губерниск. комитета мне и еще некоторым товарищам довелось ехать в Тулу за получением оружия, которым были вооружены тогда харьковские рабочие и железнодорожники.

На 2-м Всеукраинском с'езде я был избран членом ЦИКУК и последним был избран членом правительства в качестве

СЕРБИЧЕНКО А. К. (1890–1938).

С 1934 торгпред СССР в Австрии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

СЕРЕБРОВСКИЙ А. П. (1884–1938).

С 1932 заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

народного секретаря путей сообщения (так назывались тогда наркоматы). Правительство тогда находилось в Таганроге. Во время первой оккупации Украины Петлюрой и немцами эвакуировался в Воронеж и был направлен в распоряжение харьковского губисполкома, который туда же эвакуировался из Харькова. Последним был назначен членом ликвидационной комиссии для ликвидации дел губисполкома, которая должна была производиться в Саратове, куда раньше отправлены были дела.

Ликвидировав дела, я направился в Москву, где поступил в распоряжение ликвидац. комиссии Южных жел. дорог и распоряжением НКПС Невского был послан в числе пяти товарищей в комиссию по поднятию производительности труда на железных дорогах и в первую очередь по Пермской жел. дор. Проехав и выполнив задание по линии Вологда, Вятка, Пермь и Екатеринбург, вынужден был по занятии Екатеринбурга чехо-словаками возвратиться по этой же линии обратно и вести подготовку эвакуации железнодорожных мастерских и депо на случай необходимости. После подавления ярославского восстания и установления связи, распоряжением НКПС возвратился в Москву и получил назначение в Курск для организ. работы на жел. дороге. Прибыв в Курск, работал в райпаркоме, был председ. городского парт. комитета и небольшое время председ. губревтрибунала.

За две недели до наступления советских войск на Украину отправился в Харьков, где по вступлении первых отрядов занялся как партийной, так и советской работой. Организовал и был председ. райпаркома Ивановского района, организовал и был председателем райисполкома, членом губисполкома и членом губкома. В момент второй эвакуации я был назначен комендантом эшелона эвакуировавшегося из Украины имущества и председ. ликвидационной комиссии.

Благоприятствовавшая обстановка фронта позволила харьковскому губисполкому развернуть временно свою работу в Сумах, где мне пришлось исполнять обязанности зам. пред. губисполкома. С осложнением на фронте и отступлением из Украины, эвакуировался в Москву, где производил ликвидацию дел и имущества Харьковской губ.

В конце 1919 г., т.-е. во второе наступление советских войск на Украину, следовал с передовыми частями армии в Харьков. Постановлением губкома я получил задание организовать райисполком, райпарком, где был председ. до февраля 1920 г., после чего был назначен зав. губотуправа харьковского губисполкома и зам. пред. губисполкома, где работал до марта 1921 года, будучи членом бюро губкома.

В 1921 г. в марте назначен был ЦК КП (б) У замнаркомвнуделом Украины и в июле 1921 г. был назначен ЦК КП (б) У предгубисполкома в Кременчугской губ., где проработал до мая 1922 г. После месячного отпуска и просьбы перед ЦК КП (б) У от работы в Кременчуге был освобожден и назначен зам. пред. губисполкома харьковского, где проработал с июля до сентября месяца 1922 г. В сентябре по предложению ЦК КП (б) У был назначен председ. губисполкома Полтавск губ., где проработал с сентября 1922 г. по сентябрь 1924 г.

По личному ходатайству перед ЦК КП (б) У был направлен последним на повторные курсы при ЦК, где пробыл с октября 1924 г. по июнь 1925 г., и с половины июня назначен зам. пред. Совнаркома УССР. Состоял членом ВУЦИК'а 2, 4, 5, 6, 7 и 8 созывов; членом ВЦИК—7, 8, 9 и 10 созывов; членом союзного ЦИК—1, 2 и кандид. 3-го созыва.

Серебровский, Александр Павлович (*авторизованная биография*), сын недавно умершего Павла Петровича Серебровского, одного из старых народовольцев, род. в декабре 1884 г. В 1899 г. поступил учеником слесаря в уфимские главные жел.-дор. мастерские. В 1902 г. был арестован первый раз. После девятимесячного заключения в самарской тюрьме он был выслан в 1903 г. в Вятскую губ., откуда немедленно скрылся. С тех пор все время работал в РСДРП(б). Переходя с завода на завод и меняя паспорта, С. работал в качестве монтера в Баку под фамилией Глазунова. Работал в Питере на Путиловском заводе в качестве слесаря под фамилией Логинова, под которой он судился судом сословных представителей по делу исполнит. комитета совета рабочих депутатов, членом которого он был в 1905 г. от Путиловского завода. Работал также в Иваново-Вознесенске на фабрике Александра Гарелина под фамилией Денисова, в Одессе—под фамилией Ухова, на Кит.-Вост. ж. д. и т. д.

В конце 1908 г. С. выезжает за границу, где работает на заводе Гюисманса в Брюсселе (Бельгия), учится в техническом училище и участвует в заграничн. орган. РСДРП (б). Возвратившись, согласно указаний Ильича, в Россию в 1911 г., работает в Москве на заводе бр. Бромлей, ныне „Красный Пролетарий".

После ареста в 1913 г. едет на Северный Кавказ, где застает его война 1914 г.

Будучи мобилизован как рядовой, С. работает на постройке Карсского холодильника. За вредное влияние на солдат в 1915 г. был переброшен на западный фронт, но в качестве специалиста-механика С. удалось в 1916 г. перейти на завод Франца Круля в Ревеле. Вскоре после мартовского переворота 1917 г. С. возвращается в Питер и поступает главным механиком на завод Людвига Нобель, ныне „Русский Дизель".

В первые дни после Октябрьской революции работает в Народном комиссариате торговли и промышленности в качестве члена коллегии, но уже в январе 1918 г. мобилизуется РСДРП (б.) в Красную гвардию. В августе 1918 г. он назначается заместителем председателя чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, но в начале 1919 г. снова идет на фронт, откуда осенью возвращается в Москву, чтобы работать в качестве председателя Центрального правления артиллерийских заводов. В 1920 г. С. перебрасывается в Баку, где работает в качестве председателя Азнефти, пока в 1926 г. его не назначают председателем правления Всеросс. нефтяного синдиката в Москве.

С.—партийная кличка „Гриша"—член РСДРП (б.) с 1903 г., в подпольное время был членом уфимского, бакинского, николаевского и других комитетов нашей партии, организатором Нарвского района в Петербурге, организатором Дальницкого района в Одессе и т. д. В тюрьме сидел шесть раз.

Членом ЦК АКП (б.) С. с 1920 г., членом ВЦИК—с 1922 г., членом ЦИК—с 1923 г. и кандидатом ЦК ВКП—с 1925 г. Имеет военный орден Красного Знамени за отличия на боевом фронте, а также награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С. много работал на различных заводах как в технических бюро, так и в мастерских, знаком с обработкой металлов и с конструкцией двигателей внутреннего сгорания и холодильных машин.

В 1911 г. С. написал книгу „Промышленный холод", — руководство по расчетам компрессоров и холодильных устройств. В 1913 г. выпустил продолжение этой книги—руководство по постройке холодных складов (рефрижераторы) под наз. „Теория и практика термоизоляции". В 1917 г. выпустил статистич. сборник по заработной плате рабочих металлической промышленности, а в 1918 г.—книгу „Организация промышленных предприятий".

С 1920 г. занимается исключительно нефтью и изучает этот вопрос. Кроме многочисленных журнальных статей, С. принадлежат книги: „Организация нефтяной промышленности" (М. 1923), по возвращении из Америки он выпускает книгу: „Американская нефтяная и газовая промышленность", 2 т. (М. 1925).

В 1926 г., вернувшись из поездки по Западн. Европе, С. выпускает книгу: „Металлическая промышленность Зап. Европы". Эта книга в настоящее время выходит вторым изданием с дополнением по работе металлической промышленности СССР. Кроме того, под его редакцией или с его участием выпущено много сборников и издано переводных изданий по различным вопросам техники.

С 1925 г. занимает в азербайджанском политехническом институте кафедру по нефтяному делу. В настоящее время—замест. председателя ВСНХ СССР.

Серебряков, Леонид Петрович (*автобиография*), род. в 1890 г. в Самаре. Семья С. состояла из отца—рабочего-металлиста, матери и шестерых сыновей. Отец, в поисках заработка, перекочевывал из одного города в другой. Девяти лет от роду С. живет с семьей в Уфе, где тяжелые материальные условия жизни, вследствие от'езда отца в поисках заработка, вынуждают искать мальчика заработка, и С. поступает на пивоваренный завод Веденева и зарабатывает там 1 р. 20 к. в неделю. Вскоре отец получает работу в Луганске на паровозостроительном заводе Гаримана, куда переезжает и семья. Здесь старшие братья С. работают вместе с отцом, и С., имея уже возможность не работать, поступает в начальное городское училище. Но наука в училище продолжается недолго, и С. по выходе из школы занимается самообразованием. В 1904 г., когда С. было 14 лет, отец его переезжает на работу в Баку, а С. со старшими братьями остается в Луганске. И тут уже 14-ти летнему С. приходится думать о самостоятельном заработке. Юный возраст не позволяет быть рабочим на металлическом заводе, и ему в документах ставится 1887 г. рождения, благодаря чему С. имеет возможность стать у токарного станка. Тут же С. начинает знакомиться с нелегальной литературой, которую братья его тщательно прятали на чердаках и в сараях. Заметив, что мальчик интересуется рабочим движением, братья и товарищи стали поручать ему распространение литературы, а через год уже, в 1905 г., С. являлся членом луганского комитета РСДРП (б). Работа в партии в 1905 г. не могла пройти даром. С.

СЕРЕБРЯКОВ Л. П. (1890–1937).

В 1927 исключен из партии, в 1930 восстановлен. С 1931 начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта. В 1936 вновь исключен. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ И. И. (1870–1928).

С 1925 член ЦК партии. В 20-е годы член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии.

арестован, но наступили „свободы", и С. освобожден. В 1906 и 1907 гг. С. подвергается частым обыскам и арестам, а также увольнениям с завода. В 1908 г. после ареста—2-х летняя ссылка в Вологодскую губернию. Проживал в Устьсысольске с рядом партийных товарищей (Догадов, Камерон, Каганович П. К. и др.). С. существует на казенный паек—6р. 20 к. в месяц — и дополняет свое марксистское образование. По окончании срока ссылки, в конце 1910 начале 1911 г. С. по поручению партии совершает об'езд по всей России, где, добывая средства работой на заводах, ведет партийную работу. Не засиживаясь нигде подолгу, С. более длительный срок прожил в Николаеве, подготовляя с группой товарищей (Серго Орджоникидзе, Семен Шварц и др.) Пражскую конференцию. По возвращении с конференции С. получает задание об'ехать Поволжье. В 1912 г. проваливается самарская организация, и С. вместе с Зеленским, Кучменко и др. получает 3 года ссылки в Нарым. В следующем 1913 г. С. совершает побег из Нарыма в Ленинград, и здесь Бюро ЦК дает ему поручение в Баку для проведения забастовки. Проработав в Баку около $1\frac{1}{2}$ месяца, С., вследствие усиленной за ним слежки и попытки ареста, принужден уехать из Баку сначала в Тифлис, затем Сухум, Николаев и, наконец, Одессу, где прямо с парохода был арестован и опять сослан в Нарым. В 1914 г. С. опять бежит из Нарыма. В Москве проводит первомайскую демонстрацию, вскоре арестовывается и опять ссылается в Нарым, откуда опять пытался бежать в середине 1915 г. В 1916 г., по окончании срока ссылки, С. проживает в Томске, где ведет работу в военной организации. В конце 1916 г. С. переезжает в Ленинград, где участвует в организации демонстрации 9 января, а в конце января 1917 г. едет в г. Рыбинск для оформления своих документов. Тут забирают его на военную службу и назначают в Кострому в 88-й запасный пехотный полк. В полку С. продолжает вести партийную работу и 1-го марта выводит его из казарм. Затем совместно с Даниловым, Языковым, Кагановичем и др. организовывает костромской совет рабоч. и солд. депутатов, где работает до половины 1917 г. Затем переезжает в Москву в качестве члена областного комитета партии, участвуя в с'ездах и конференциях и подготовляя Октябрь.

С Октября С. работает в качестве члена президиума московского совета и секретаря областного комитета партии, затем избирается членом и секретарем президиума ВЦИК. В 1919—20 г. является секретарем ЦК РКП(б), затем председателем Южбюро ВЦСПС, членом Реввоенсовета Южфронта, начальником ПУР'а и с конца 1921 г. переходит на транспорт в качестве комиссара главного управления путей сообщения. С мая 1922 г. назначается заместителем наркомпути, исполняет обязанности наркома и в настоящее время состоит в должности члена коллегии Народного комиссариата путей сообщения.

Скворцов (литерат. псевдон. *Степанов*), Иван Иванович, переводчик „Капитала" (совместно с В. Базаровым) и многих других произведений Маркса, а также ряда книг по истории революционных движений и соавтор 4-томного „Курса политич. экономии" (вместе с А. Богдановым; 1-й том вышел в 1910 г., последующие—после Октябрьской революции); в 90-х гг. стал принимать деятельное участие в работах московской с.-д. организации и уже в 1895 г. после ареста был отдан под надзор полиции, а в 1899 г. подвергся ссылке в административном порядке в Сибирь. В ссылке он пробыл до 1902 г. Вернувшись после отбытия срока ссылки в Москву, развил здесь большую литературную и партийно-лекторскую работу, войдя в состав лекторской группы при московск. комитете большевиков. В 1911 г. был выслан на 3 года в Астрахань. После Февральской революции редактировал большевистскую газету „Социал-Демократ" и „Известия Московск. Сов. Р. и С. Д.". После Октябрьской революции был назначен народным комиссаром финансов, но вскоре вернулся к научно-литературной и публицистической деятельности. В период гражданской войны работал на фронте, затем уделял много внимания рабочей кооперации, вопросам электрификации и антирелигиозной пропаганде. С 1925 г. состоит редактором „Известий ЦИК"; короткое время, с конца 1925 г., после XIV с'езда партии и выступления „новой оппозиции", редактировал также „Ленинградскую Правду". Из самостоятельных работ, кроме „Курса политич. экон.", следует особенно отметить: „От рабочего контроля к рабочему управлению в промышл. и земледелии" (1918); „Потребит. общества и рабочий класс" (1920); „Коопер. в земледелии и промышленности" (1920); „Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства" (1922); „С Красной армией на панскую Польшу" (1920); „Парижская Коммуна 1871 г."

(1923); „Ж. П. Марат и его борьба с контр-революцией" (1924); „Историч. материализм и современ. естествознание. Марксизм и ленинизм" (1925). (См. *Спр. кн. эк.* и др.).

Склянский, Эфраим Маркович, род. в 1892 г. в г. Винице. Детство провел в Житомире. Окончил гимназию, идя все время первым учеником. Учился в киевском университете (медицинск. фак-те), принимая участие в революционной жизни студенчества. С 1913 г. определенно примкнул к большевикам. Молодым зауряд-врачом вышел в 1916 г. в 5-ю армию. Во время войны стоял на большевистской позиции, был непримиримым противником оборончества. В 1917 г. на 2-м армейском с'езде солдатских депутатов был избран председателем армейского комитета 5-й армии в Двинске. Был от воинских частей на одном из питерских совещаний 1917 г. и заявил себя деятельным организатором восстания. Во время Октябрьск. дней в Петрограде принимал активное участие. В 1917 г., после свержения Врем. правительства, был назначен членом коллегии Военного комиссариата. После переезда правительства в Москву и открытия фронтов гражданской войны принимал, как член коллегии Наркомвоена, деятельное участие в организации и снабжении Красной армии. При приближении фронта к Волге, когда все члены Наркомвоена выехали на фронт, С. вел всю текущую работу Наркомвоенмора. С сентября 1918 г., когда был учрежден Реввоенсовет, С. был назначен заместит. Наркомвоена и заместит. председателя Реввоенсовета. На этом посту пробыл до 1924 г. В 1924 г. С. был назначен председателем треста „Моссукно". В 1925 г. случайно утонул в озере в Америке во время командировки. (См. „*Пр.*" 23/IX—25 г.; „*Изв.*" 29/VIII—25 г.).

Скобелев, Матвей Иванович (*автобиография*). Род. в 1885 г. в г. Баку. Отец — промышленник, из крестьян сектантов (молокан), в середине прошлого столетия административно высланных за религиозные убеждения из центральных губерний России, — до тридцатилетнего возраста занимался хлебопашеством в селении Маразы Бакинской губернии шемахинского уезда. С. получил образование в начальной городской школе, затем в низшем техническом училище и кончил экстерном реальное училище в Баку. Уже в техническом училище С. принимал участие в нелегальных марксистских кружках и за школьную забастовку был исключен.

В семейной среде, где буржуазные элементы первоначального накопления весьма своеобразно уживались с крестьянско-сектантским пуританизмом и оппозиционностью, питавшимися толстовской нелегальной литературой, — проснулись бунтарские настроения в юноше; общение с пролетарским бытом крупного рабочего центра через школьных товарищей, нелегальная партийная литература ученических кружков определили его марксистскую идеологию.

С 1903 г. С. принимает участие в нелегальной с.-д. партийной работе и в революционном движении 1905 г. в Баку. В 1906 г. нелегально руководит забастовкой на предприятии наследников своего отца, проваливается и эмигрирует за границу. В Вене с 1907 по 1912 г. работает в составе редакции партийного органа „Правда" (руководимого Троцким), используя одновременно период эмиграции для завершения образования в Венском политехникуме. За эти годы несколько раз ездит в Россию на нелегальную партийную работу. В 1910 г. принимает участие в международном Социалистическом конгрессе в Копенгагене в составе делегации РСДРП.

Летом 1912 г. закавказский областной комитет РСДРП выставляет кандидатуру С. в Государств. Думу (по русской курии Закавказья). С. проводит нелегально избирательную кампанию и в ноябре 1912 г. избирается в Государств. Думу. В Госуд. Думе С. выступает от имени с.-д. фракции преимущественно по бюджетным и финансово-экономическим вопросам. При расколе с.-д. фракции на большевистскую и меньшевистскую группы С. остается в группе меньшевиков.

Летом 1914 г., накануне войны, в качестве с.-д. депутата принимает участие в руководстве грандиозной забастовкой на бакинских нефтяных промыслах. В 1915 г. отбывает четыре месяца одиночного заключения в Крестах без лишения депутатских полномочий, по суду, за статью, напечатанную в бакинской рабочей газете. В Февральские дни принимает непосредственное участие в организации питерского совета рабочих депутатов и избирается заместителем его председателя. В первые дни Февральской революции руководит организацией революционного восстания в Свеаборгском и Кронштадтском флоте. В конце мая делегируется питерским советом в Стокгольм на Циммервальдскую конференцию; по постановлению исполкома питерского совета возвращается с дороги и вступает 5-го мая во Временное коалиционное правительство министром труда.

СКЛЯНСКИЙ Э. М. (1892–1925).

СКОБЕЛЕВ М. И. [1885–1938 (по уточненным данным)].

В 1936–37 работал во Всесоюзном радиокомитете. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

СКРЫПНИК Н. А. (1872–1933).

С 1927 нарком просвещения, в 1933 заместитель председателя СНК и председатель Госплана Украинской ССР. С 1928 член Исполкома Коминтерна. С 1927 член ЦК ВКП(б).

На первом с езде Советов в июне 1917 г. избирается заместителем председателя ЦИК с'езда советов. После Корниловского восстания 5 сентября 1917 г. отказывается от дальнейшего участия во Временном правительстве. С. участник Государств. совещания в Москве в августе месяце, Демократического совещания и Предпарламента осенью 1917 г. В Учредительное собрание С. был избран от Закавказья.

В Октябрьские дни С. отходит от активной работы. В 1918 г. работает в „Петросоюзе" (центр питерской рабочей кооперации). В конце 1918 г. С. пробирается через Киев, Одессу, затем морем в Закавказье. По дороге, в Херсоне и Николаеве выступает с публичными докладами об укреплении советской власти и задачах диктатуры пролетариата. Арестовывается в Киеве гетманскими и в Новороссийске деникинскими властями. 1919 и часть 1920 г. проводит в Баку, принимая участие в нелегальном снабжении продовольствием, через Красноводск, Красной армии в Закаспии.

После неудачных попыток склонить грузинских меньшевиков к совместному с Красной армией выступлению против Деникина, в конце 1920 г. С. пробирается за границу. После встречи в Лондоне с Красиным и Каменевым начинает в 1921 г. полулегальную работу во Франции по подготовке торговых сношений с Францией и признания ею советского правительства. До конца 1923 г. руководит в Париже торговыми сношениями с Францией. В 1922 г., как только это стало возможным по условиям работы во Франции, приезжает в Москву и оформляет свою принадлежность к ВКП(б).

В январе 1924 г., после судебного ареста советских товаров во Франции, по распоряжению из Москвы ликвидирует все дела в Париже и переезжает в Лондон, где до ноября 1924 г. работает членом лондонской торговой делегации. После признания Францией советского правительства возвращается в Париж и принимает участие в организации парижского полпредства и торгпредства; в начале 1925 г. сдает им все французские дела и возвращается в Москву. С мая 1925 г. по июнь 1926 г. состоит председат. секции Внешней торговли Госплана Союза. С июня 1926 г. состоит членом Главного концессионн. комитета и председат. Концессионной комиссии РСФСР

Скрыпник, Николай Алексеевич (*автобиография* [1]). Происхожу я из железнодорожной семьи. мой отец был железнодорожный служащий — сначала телеграфист, потом помощник начальника станции. Родители мои, люди простые и без образования, относились к имеющемуся строю политического и экономического угнетения смутно-враждебно. Отец в начале 50-х г.г. был знаком с работниками воскресных школ, где он учился после освобождения крестьян, мать моя — в конце 60-х г.г. и в начале 70-х оказывала некоторые услуги харьковским революционерам, когда она была на акушерских курсах. Оба они вынесли из этого времени чувство почтения к революционерам и недовольство господствовавшими условиями и в известной мере передали его мне. Род. я 13 января 1872 г. в с. Ясиноватом б. Екатериносл. губ. Вырос на железнодорожной линии, на железнодор. станциях, куда отца почти через полгода перебрасывали, все по Украине; учился сначала в 2-х класси. сельском училище с 5-ю отдел. в сл. Барвенково изюмского у. Харьк. г., а затем в изюмском реальном училище, откуда был уволен потом за обнаруженную пропаганду среди крестьян. Пришел к сознательности вне чьего-либо прямого воздействия, потому что в г. Изюме не было ни одного не только революционера, но даже либерально мыслящего человека. Развивался в одиночку. Исходным пунктом моего развития было изучение украинской литературы и истории Украины; влияли и семейные предания—о предках-запорожцах, об одном из прадедов, посаженном польскими шляхтичами на кол за участие в восстании Зализняка и Гонты в XVIII в. Стихи Шевченко побудили меня читать по истории вообще, в частности по истории Украины, в особенности эпохи освободительных восстаний, войны и руины, где я встретился с Черной Радой и восстаниями классового характера угнетенных против казацкой старшины; это укрепляло мое критическое отношение к господству имущих, а вместе с тем подвинуло к чтению по вопросам историческим и экономическим. С другой стороны, возбужденный той же украинской литературой интерес толкнул меня заняться последовательно фольклором, лингвистикой, первобытной историей, антропологией, геологией, теорией развития космоса.

Путь моего развития, т. обр., был совершенно различный от развития российских интеллигентов - революционеров. Выработка мировоззрения была крайне мучительна, внутренних много пришлось изжить противоречий. Книги старался

[1]) Написанная во время партийной чистки 1921 г.

добывать отовсюду—от одного железнодорожного служащего, бывшего польского повстанца, из библиотеки бывшего декабриста Розена и других источников. Книг нелегальных долго совсем не видел и сведения о революционных событиях черпал из реакционных изданий, отбрасывая прочь их об'яснения и толкуя „наоборот". С несколькими развивавшимися вместе со мною четырьмя—пятью товарищами, под видом экскурсии и записи украинских народных песен, вели пропаганду среди крестьян и кустарей изюмского уезда. Припоминая теперь, должен сказать, что передаваемые нами слушателям сведения были столько же спутаны, насколько смутны были и наши собственные взгляды; однако, я спустя долгое время встретил двух крестьян, которые получили революционное крещение в моем первом кружке. Связи первые и нелегальную литературу имел из Галиции от радикалов украинских. Переход к марксизму был очень труден. Пришлось выработать мировоззрение, отказаться от неопределенного революционизма. Прочитав Зибера „Рикардо и Маркс", статьи Каутского в журнале „Северный Вестник" и др. издания, я все-таки еще не стал марксистом, пока ко мне не попал галицийский перевод „Эрфуртской программы", заставившей меня порвать с прошлыми взглядами, приняться за Каутского, „Капитал" Маркса и признать себя марксистом. С 1897 г. я вел работу свою уже как марксист, социал-демократ и с этого времени считаю себя членом партии.

Мое марксистское мировоззрение было, однако, в то время достаточно эклектично. Знакомство с русской марксистской литературой и особенно плехановское „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" помогли мне в 1899 г., когда я жил в Курске, очистить свои взгляды от многих путаниц; можно поэтому мою принадлежность к партии считать и с 1899 и даже с 1900 г., когда я расквитался с некоторыми, правда, незначительными влияниями, на мой взгляд, немецких ревизионистов; но эта внутренняя работа развития, идущая все время, и теперь еще не закончена. Что же касается принадлежности к партии, то она в тот период определялась именно принятием марксистского мировоззрения, социал-демократической программы (которою и для России тогда служила Эрфуртская программа немецких с.-д.) и личною с.-д. нелегальной работой. Поэтому годом моей принадлежности к партии является 1897 г.

В 1900 г. я держал экстерном за реальное училище в Курске (реального училища я не кончил, так как был уволен за организацию кружка и потом служил в Екатериносл. губ., Новгор., Харьк. губ.) и поступил в Технологический институт в СПБ. С петербургским „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса" я не мог сойтись, так как он был в это время заражен экономизмом, и я примкнул к петербургскому комитету с.-д. партии „Рабочее Знамя". Этот комитет действовал об'единенно с рабочей организацией „Социалист". В 1901 г. на демонстрации 4-го марта на Казанской площади я был вместе с другими арестован и выслан в Екатеринослав. Екатеринославский комитет держался тогда непоследовательно-революционных, полуэкономических взглядов газеты „Южный Рабочий". Поэтому я с ним не мог полностью сойтись и вел лишь в связи с ним, но отдельно, рабочие кружки, вместе с одним своим товарищем по курскому кружку, Кокориным, который как раз в это время был выслан в Екатеринослав из Симферополя, и несколькими другими революционными социал-демократами (среди них был и Каляев, тогда еще с.-д.).

Вскоре я был возвращен из ссылки в Петербург. Работники „Рабочего Знамени" за это время были большей частью арестованы, а из „Социалиста" стали принимать взгляды все более близкие к будущим эсеровским (достаточно, впрочем, назвать фамилии некоторых из них: Рутенберг, Савинков). С приездом в Питер представителя органа „Искры" я примкнул к петербургскому отделу „Искры", вел кружки за Невской Заставой, на Петербургской стороне, на Экспедиции и на резиновой мануфактуре. Провал в конце 1901 г. нас оторвал от центра „Искры", но с приездом другого представителя петербургский отдел „Искры" стал более прочен, и мы вступили в переговоры с петербургским Союзом.

Но в начале 1902 г. я был арестован по обвинению в подготовке демонстрации и вскоре же выслан на 5 лет в Якутскую область. По пути в Красноярск Хейсин, посещавший тюрьму врач (теперешний меньшевик, а тогда искровец), передал мне сообщение, что меня привлекают к делу „Искры", и я решил бежать. Удалось это сделать лишь уже за Иркутском, по пути к Лене. В партии тогда шли со мною Урицкий, Дзержинский, Лалаянц, а также московские студенты, будущие видные меньшевики и эсеры: Церетелли, Будилович, Ховрин и др.

Приехал я из ссылки к середине 1902 г. сначала в Царицын, а затем вскоре в Саратов, где связался с комитетом и с тамошним представителем „Искры" Е. В. Бармзиным. Комитет был очень неопределенным по направлению и еще не вполне изжил рабочедельчество. Пришлось по этому поводу вести много споров на широких заседаниях комитета. Работу вел я пропагандистскую среди рабочих и учащихся, имел несколько кружков; одновременно провел работу по окончательному отколу с.-д. из имевшегося еще тогда в Саратове „Об'единенного союза с.-д. и с.-р.". Печатной агитации саратовский комитет почти никакой не вел, и я организовал печатню на резиновых буквах, закупленных в большом числе передвижных наборов для штемпелей. Печатать было очень неудобно, так как буквы очень пружинили и выпрыгивали. Но все-таки получилась возможность перейти от гектографированных листков к печатным прокламациям. Затем удалось через наборщиков получить и шрифт, налаживалась и техника, но я уже сосредоточился на работе пропагандистской. Ездил на некоторое время в Вольск, организовал там кружок рабочих на мельницах.

Звали меня в Саратове „Иван Васильич", жил я уроками и чертежами. Когда в Саратове за мной началась слежка, я уехал в Самару, где искровскими представителями были: Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская, В. П. Арцибушев. Передав Кржижановским тысячу рублей, которые я получил на революционные цели в Саратове от своего бывшего коллеги по Технологическому институту— Апосова (теперь служит в Разведупре Штабвойскукр), я с'ездил за литературой в Киев и, завезя литературу в Харьков, через Самару поехал в Екатеринбург.

В Екатеринбурге тогда с.-д. организации не было. На Урале имелся „Уральский Союз об'единенных с.-д и с.-р."; надо было отколоть с.-д. и организовать там искровскую организацию. Оказалось, однако, что в екатеринбургском комитете восточной группы этого союза социал-демократов тогда вовсе не было, и были в наличии лишь с.-р. или неопределенно-революционная публика. Было в городе несколько лиц, раньше привлекавшихся по с.-д. делам, но крайне инертных и довольно враждебно относившихся к искровству. Пришлось поступить на электрическую станцию. Сорганизовавши кружок рабочих электр. станции, через них завязал связи с другими заводами: ткацкой, Ятеса и др. Интеллигентных сил совсем не было — лишь затем приехали из-за границы двое товарищей, которые и вошли в комитет вместе с несколькими рабочими.

Нам удалось отколоть от екатеринбургского об'единения почти всех рабочих, а когда у эсеров большинство их группы провалилось, к нам перешли почти и все остальные их рабочие кружки. С'ездивши в Пермь, я оформил откол социал-демократов от эсеров — а тем Уральский союз был похоронен и формально. В Н.-Тагиле и других местах удалось организовать группы и связать их. Посылал я тогда в „Искру" ряд статей и корреспонденций, подписываясь фамилией *„Глассон"*.

В этом времени,—конец лета 1903 г.— почва под моими ногами в Екатеринбурге стала настолько горяча, что я однажды сбежал от шпиков, лишь проскользнувши через „веселый дом", настолько неотступна была слежка. Был даже раз арестован полицией, но сбежал. Пришлось экстренно уезжать из Екатеринбурга.

Через Киев, где я виделся с Кржижановским, тогда выбранным II-м с'ездом в ЦК партии, я проехал в одесский комитет, где проработал с осени 1903 г. по февраль 1904 г. В одесском комитете были тогда: К. И. Левицкий (несменный член комитета с 1903 г. по 1907 г.), Лалаянц — „Аристотель", Макс Гохберг (ставший затем меньшевиком), Алексеев (так же будущий меньшевик; имел с.-д. издательство в Одессе в 1905—06 г.), д-р Богомолец (ушел от партии и уехал в Аргентину или Бразилию). При вступлении моем в комитет все члены его при обсуждении вопроса о расколе большевиков и меньшевиков сначала вполне определенно примкнули к большевикам, так что когда к концу 1903 года приехал Дубровинский Иннокентий, который тогда был „примиренцем", мы отказались принять его в комитет, тем более, что к этому времени Алексеев также заявил себя „примиренцем". Макс Гохберг стал склоняться к меньшевизму, а у Богомольца также начали проглядывать „примиренческие" нотки, хотя он от большевизма отошел лишь значительно позже.

Я был организатором района Молдаванка - Каменоломни - Пересыпь, а затем и Порт. Организация вначале имела очень немного связей, но затем связи на заводах расширились, кружки были почти на всех фабриках и заводах. На Пересыпи я сам устанавливал связи, поступив для этого рабочим. Особенно усиленно шла работа в Каменоломнях, где мне зимой удавалось организовы-

СКРЫ

вать значительные массовки рабочих, до несколько сот человек, и в порту. В порту удалось завязать связи с пароходными командами в конце 1903 г.; распространял через них массу литературы среди солдат, отправлявшихся на Дальний Восток, очевидно в предвидении японской войны.

Уехал я из Одессы в январе 1904 года, когда за мною началась усиленная слежка.

В Киеве, куда я приехал из Одессы, только что произошел большой провал. После моего свидания с Г. М. и З. П. Кржижановскими я увидал за собой усиленную слежку и направился в Екатеринослав, куда приехал в день об'явления русско-японской войны. В Екатеринославе также провал совсем разбил комитет пред моим приездом. Работа была стеснена материально. Либеральная буржуазия, оказывавшая до того содействие средствами, в начале войны стала на сторону патриотизма и вместо революционного красного креста давала деньги красному кресту официальному. Но рабочие делали сборы охотно, организация восстанавливалась, издание прокламаций против войны шло успешно. Пришлось усиленно бороться против попыток меньшевиков распространить свое влияние среди рабочих. Устройством дискуссий и обсуждений удалось парализовать эти меньшевистские попытки. В виду того, что Ленину пришлось за границей, оставшись в одиночестве, сдать редакцию „Искра" Плеханову и Мартову, мы решили созвать конференцию южных комитетов большинства, на которую я был выбран, но при от'езде из Екатеринослава был арестован. Наша инициатива была осуществлена лишь позже, когда южная и северная конференции большевиков образовали Б. К. Б. (Бюро Комитетов Большевиков, созвавшее II-й с'езд партии в мае 1906 года).

Из Екатеринослава я был сослан на 5 лет в Кемский округ Архангельской губ., так как в виду войны ссылка в Якутку временно была приостановлена. По пути в Кемь я из Снеги вновь бежал. Но ни в Ярославле, ни в Москве я не мог связаться с организациями, в виду провалов.

Поехавши вновь в Одессу, я там застал комитет в значительной степени в новом составе. Было много новых сил, недостаточно использованных, и в „периферии" было сильное недовольство комитетом. В моем районе мне удалось все эти силы сплотить, и работа пошла дружно. Но вскоре я был от одесского комитета делегирован на III-й с'езд партии (протокольная кличка „Щеинский").

После с'езда я был направлен Центральным комитетом в петербургский комитет, где был сначала организатором Невского района, затем секретарем комитета, а затем мне было поручено установить боевую организацию.

Постановлением III-го с'езда задачей была поставлена „подготовка вооруженного восстания" и „вооружение рабочих". Но фактически подготовка вооруженного восстания велась лишь идейно, пропагандистски, агитационно. Военно-организационной же подготовки восстания не велось никакой. По моему докладу петербургский комитет признал необходимым подготовить эту работу практически. Боевая организация должна состоять из вооруженных боевых рабочих дружин, в которые входят отдельные, а в меру наличности вооружения—и все члены наших заводских кружков, т.-е. ставилась задача перевести всю организацию на боевое положение. Мною были подысканы организаторы боевых дружин для каждого района и в каждом районе организована основная боевая дружина в 8—10 человек, был устроен центральный склад оружия и районные для всех районов; устроен был ряд докладов по тактике и технике баррикадного и уличного боя. Но организационная боевая работа по подготовке восстания натолкнулась на непреодолимую стихию. Прорвавшая все полицейские загородки рабочая масса рвалась к живому революционному слову, требовала ответов на свои запросы. Агитация была насущнейшей задачей дня, притягивавшей к себе все силы. Петербургский комитет отдался на волю агитационной стихии, подчинившей агитации все и вся. Я считал, что этим фактически срывается работа по подготовке вооруженного восстания и после горячих споров заявил о своем выходе из петербургского комитета, передавши работу назначенному на нее Буру (Эссен — старший).

Это произошло пред самым октябрьским манифестом 1905 года. ЦК в это время получил сообщение от рижского комитета, что там в Устьдвинской крепости подготовлено восстание и захват крепости. В виду этого ЦК направил меня в рижский комитет, поручивши мне проверить положение дел. При проверке все это оказалось основанным просто на революционном нетерпении. В конце декабря 1905 года мне пришлось уехать из Риги, в виду начавшегося бе-

лого террора, так как меня начали усиленно разыскивать после устроенного Марком собрания боевых дружинников, где я делал доклад о тактике уличного боя. Квартал, где было собрание, был окружен войсками. Марк со значительною частью дружинников был захвачен, а мне с частью товарищей удалось спастись лишь с большим трудом. Как мне потом передавали, меня в Риге заочно приговорили к смертной казни.

Из Риги я проехал через Питер в Ярославль, где довольно случайно был арестован. У меня нашли мои проекты резолюции к подготовлявшейся конференции комитетов северной области и меня выслали на 5 лет в Туруханский край. За Енисейском я бежал с пути. Работать остался в Красноярске. Здесь, между прочим, провел избирательную кампанию во 2-ю Госуд. Думу и после последнего избирательного собрания был арестован на улице. Судебного дела создать не удалось, и меня вновь отправили на 5 лет в Туруханский край. На этот раз пришлось дойти до Туруханска и уже оттуда бежать, сделавши 1200 верст вверх по течению Енисея на лодке и пешком.

Приехавши в петерб. комитет в октябре 1907 г., я застал комитет на переломном моменте. Раскол с меньшевиками фактически уже имелся, но в ноябре 1907 г. еще состоялась общая с ними партийная конференция в Гельсингфорсе, на которой я был представителем Сибирского Союза. Уже начался отход интеллигенции и т. п. признаки следующего периода. Работал я одновременно организатором II-го городского района (Рождественского) и „по использованию легальных возможностей": был членом правления кооператива „Труженик", редактировал профжурналы, был на легальных всероссийских с'ездах: кооперативов и по вопросам фабрично-заводской медицины (под фамилией Г. Г. Ермолаев). В 1908 г. был организатором Невского района. Чем дальше, тем меньше работников оставалось, тем труднее становилось работать.

Летом 1908 г., в виду усиленной слежки, я уехал за границу, где пробыл 1½ месяца в Женеве. Среди большевиков выдвинулось течение „отзовизма" и „ультиматизма", с которыми необходимо было бороться, как и с ликвидаторством, и я был командирован в Москву. Проработавши некоторое время организатором района, я выбыл из работы на три месяца: было арестовано Центральное Бюро профсоюзов, где я был представителем М. К., и все участники его были административно арестованы на 3 месяца. Странно я чувствовал себя при освобождении, приобретши легальную законность этим арестом моему нелегальному паспорту.

По выходе из-под ареста пришлось провести довольно тяжелую борьбу против „отзовизма" и „ультиматизма". Работал я сначала организатором района, а затем секретарем комитета. Условия работы все ухудшались бегством интеллигенции и ее ренегатством—не проходило недели, чтобы не поступало сообщения, что отходит от работы тот или иной работник, уезжает в другой город, возвращается к учебе на диплом и т. д. и т. д. Рабочие районов держались крепко, но заедала провокация. Квартиру для явок, ночевок и т. п. достать становилось с каждым днем все труднее, „интеллигенция" поголовно отказывала в содействии. Печатание воззваний и т. п. становилось крайне трудным—средства не поступали. Как ветром сдуло всех курсисток и другую молодежь, хранившую, разносившую и т. д. Организация поддерживалась лишь крайним напряжением сохранившихся работников.

Проведя борьбу за большевизм в Москве и выборы на большевистскую конференцию, я об'ехал Урал с докладами. Построить уральскую конференцию не удалось; из местных работников вытянуть кого-нибудь на конференцию также не было возможности. Получил мандат на представительство от Урала на конференции с обязательством вновь приехать на Урал с докладом о ней. На Парижской конференции большевиков (расширенная редакция „Пролетария"), как известно, от нас откололись „отзовисты" и „ультиматисты" (Богданов, Алексинский, Ст. Вольский и др.). Была оформлена выработанная предшествовавшей практикой тактика сочетания работы нелегальной и использования легальных и полулегальных возможностей. Мне эту тактику дальше проводить не пришлось: во время об'езда Урала я едва сбежал от ареста, а по приезде в Питер вскоре же был арестован, будучи выдан провокаторшей Серовой.

Сослан я был опять административно на 5 лет в Якутскую область, в Вилюйский округ, откуда вернулся лишь в конце 1913 г. в Питер, где, по предложению партийного издательства „Прибой" (Крестинский, Стучка, Донской и др.), я принял на себя редакторство партийного страхового журнала „Вопросы Страхования" и руководство „Рабочей Страховой Группой". После декабрьско-

го 1913 г. пленума ЦК и удаления из редакции „Правды" Богомазова, оказавшегося затем провокатором, я вошел в редакцию „Правды", состоявшую из Ольминского, меня и К. Н. Самойловой, а после приезда Каменева—из Каменева, Ольминского и меня. После от'езда Ольминского и поездки Каменева на дачу в Финляндию, со второй половины июня 1914 г. редакторство пришлось вести мне самому, в самые жаркие дни возраставшей всеобщей стачки в Петрограде, в начале июля перешедшей уже к баррикадам. В редакции „Правды" я и был арестован, кажется, 8-го июля 1914 г., когда накануне войны царизм разгромил все рабочие организации и издания. Предполагался суд, но царизму, очевидно, было невыгодно судебным порядком инсценировать отсутствие в России во время войны „социального мира" (это было еще до ареста наших думских депутатов). Поэтому дело „Правды" было разрешено административно, и я получил приговор: 5 лет (или до окончания войны, не помню) Ангарского края, замененного тогда же ссылкой в Моршанск Тамбовской губ.

По отношению к империалистической войне я с самого начала занял вполне определенную революционную позицию. В первые месяцы войны я находился в общей камере Спасской части в Питере вместе со многими десятками петербургских рабочих, передовиков и других товарищей; из них припоминаю сейчас И. И. Киселева и А. С. Енукидзе. На многочисленных наших собраниях была выработана и выражена в партийной думской фракции линия нашей тактики по отношению к войне, вполне совпадающая с полученными затем тезисами Ленина. Враждебное отношение к войне и к обеим воюющим коалициям, положение „третьей стороны", не входящей ни в какие сделки ни с одной, ни с другой империалистической коалицией, задачи—восстание пролетариата и низвержение власти буржуазии, социалистическая революция: таковы были основные пункты резолюции, выработанной мною и принятой около полуторастами рабочими-революционерами, затем разосланными царизмом, очевидно, в качестве пропагандистов этих идей, по всему государству.

В Моршанске я прожил под надзором полиции все время войны, до революции. Через старого—еще по одескому комитету—товарища, К. И. Левицкого, мне удалось поступить на службу в банк—сначала счетоводом, а затем пом. бухгалтера. Связей с рабочими, кроме отдельных лиц, завязать за время войны не удавалось; лишь в последние месяцы перед революцией удалось вести два небольших кружка на ж.-д. и на ткацкой фабрике.

Моя работа после Февральской революции, как и работа каждого члена партии, принимавшего участие во всех событиях революционной борьбы, настолько сплелась с этой революцией, что если бы мне описывать эту мою работу, пришлось бы писать о самой революции. Поэтому, отмечу только кое-что из работы, которая на меня возлагалась.

В июне 1917 года переезжаю в Петроград. ЦК направляет меня на работу в петроградский Центральный Совет фабрично-заводских комитетов, и им был выбран во ВЦИК I и II созывов, также в „Предпарламент". На VI партийный с'езд был делегирован от петрогр. организации и с'ездом был выбран кандидатом в ЦК РКП.

Во время „корниловских дней" состоял в „Комитете Защиты" и там провел передачу значительного количества оружия рабочим. Во время Октябрьского переворота состоял членом военно-революционного комитета и, между прочим, принимал участие в бою под Пулковым.

После Октябрьской революции состоял в комиссии по организации Высшего Совета Народного Хозяйства и по выработке первого положения о нем. I Всеукр. с'ездом Советов был вызван на Украину и выбран народным секретарем труда, а затем и торговли и промышленности. Провел I Всеукр. конференцию крестьянских делегатов в январе 1918 г. в Харькове. После занятия Киева германскими войсками конференцией представителей Советов в Полтаве был выбран председателем рабоче-крестьянск. правительства Украины и нар. секретарем иностранных дел, что было подтверждено и II Всеукраинским с'ездом Советов в Екатеринославе в марте 1918 г. Последним заседанием ЦИК Украины в Таганроге в апреле 1918 г. был выбран в повстанческий Народный секретариат, а партийным совещанием там же членом и секретарем Организационного бюро по созыву I с'езда КПУ, которым был выбран кандидатом ЦКПбУ, а с декабря. 1918 г. вошел в ЦК. В том же 1918 г. ЦК меня направил для работы в ВЧК, где я был членом коллегии и заведующим Отделом по борьбе в контрреволюцией. В январе вновь вошел в состав рабоче-крест. правительства УССР народным комиссаром государственного контроля. Был от КПУ делегатом на I Кон-

СМИДОВИЧ П. Г. (1874–1935).

гресс Коминтерна. Затем я состоял особоуполномоченным Совета Обороны по борьбе с повстанческой заднепровской дивизией атамана Зеленого. После отступления из Киева был сначала начальником политотдела Гомельского укрепрайона, а затем в порядке партийной мобилизации был назначен начальником Особого отдела юго-восточного (кавказского) фронта. Возвратился на Украину в апреле 1920 г. и был выбран нар. секретарем Раб.-кр. инспекции. Состоял затем народным комиссаром внутренних дел УССР, членом президиума ВУЦИК'а и ЦИК'а СССР. С начала 1922 г.—нарком юстиции УССР. В настоящее время кандидат ЦК ВКП и член Политбюро ЦККПУ[1]).

Смидович, Петр Гермогенович (*автобиография*), род. в 1874 г. 20 (7) мая в патриархальной помещичьей дворянской семье (средний из семи детей). Дед—поляк, принял православие, бабка—из татарок. Отец—православный, глубоко религиозный человек. Мать—русская женщина неутомимой энергии и большой, но суровой к детям любви.

Рос в помещичьей усадьбе в тульском у. среди природы, описанной Вересаевым в его первых произведениях (см. Петька в повести „Без дороги" и т. д.). Живой, способный, бесконечно подвижной, все схватывающий на лету, увлекающийся, сливающийся с природою, животными, любующийся травой, цветами ребенок и суровая дисциплина в рамках патриотически православной квасной идеологии. Бесконечная борьба против бессмысленных рамок патриархального семейного порядка и суровые воздействия до порки включительно. Молитвы за столом, моления коленопреклоненные всей семьей на ночь, обедни и всенощные по праздникам—это было почти сверх сил и с раннего детства вызвало озлобленную ненависть против икон, лампад и против бога. Демонстративное избиение иконы детским кулаком и тяжкое возмездие. Тянет туда, в ширь, в прибрежные осоки, где столько запахов, красок и всякой жизни, тянет к деревенским ребятам,—и рвешь все запреты, купаешься на свободе в запретном кругу мужицких детей. А дома ждет возмездие.

Тульская гимназия, которую окончил в 1892 г. Классическая гимназия в годы самой глубокой реакции. Сухие педагоги, добивающиеся чинов, ограниченные областью латинских и греческих учебников, невежественные, без чести и самоуважения,—они ломали походя все живое в детях. Рядом с ними другие, с человеческими лицами, но страха ради прятавшие глубоко в себе все человеческое. Естествознание—это запретная область. Те же обедни и всенощные, под строгими глазами начальства. Унижения и карцер. А в наших душах—в одном классе были все время Малиновский (Богданов) и Руднев (Базаров)—зрела глубокая ненависть ко всему официальному, презрение ко всему насильственному строю. Все запретное было мило. Читали Писарева, Чернышевского, Добролюбова в засос. Естественные науки—здесь искали ответов на запросы. Противная до тошноты водка—ее глотали ученики, потому что—запретная. Беспрерывная борьба и восторги редких свободных часов.

Летом снова на природе. Троюродный брат—писатель, тогда начинавший В. В. Вересаев-Смидович — студент-филолог, а потом медик,—его талантливые, увлекавшие до самозабвения рассказы и совместные чтения из области художественной литературы, публицистики, истории, истории революционного движения, естествознания. Это определило направление, дало толчок к самостоятельным занятиям.

Много сил требовала гимназия, а потом бессонные ночи над большими серьезными книгами: математика, физиология, философия и все, что можно было достать из запретного.

Так кончилась гимназия, и начался московский университет (отделение естественных наук физико-математического факультета). Тимирязев, Сеченов, Мензбир, Столетов и др.—блестящая плеяда учителей, студенческие кружки, Маркс и Энгельс. Работа, захватывающая все силы до конца. Истощенная еще в гимназии нервная система не выдерживала. Начались революционные группировки. Диспуты между марксистами и народниками. Мои первые выступления. Работа в союзе студенческих землячеств. Здесь были Чернов, Шингарев, Тесленко и уже к тому времени ряд марксистов, к которым примыкал и я.

На пятом семестре я специально работал в лаборатории Сеченова (по крови), приготовлял препараты и приборы к его лекциям.

Научная работа была оборвана арестом в первой половине 1895 г. Был лишен навсегда права продолжать работу в русских ВУЗ'ах и отправлен под надзор полиции в Тулу.

В Туле работал в нелегальных кружках до освобождения от воинской повинности навсегда (из-за большой близо-

[1]) Н. А. Скрыпник в 1927 г. назначен Наркомпросом УССР.

рукости). В конце 1895 г. получил заграничный паспорт и уехал в Париж.

К этому времени я считал себя уже оформленным марксистом и составил план своей жизни. В Париже я поступил в „Высшую электротехническую школу", которую окончил с дипломом летом 1897 г. В официальной анкете при окончании школы я написал о моих планах: „Желаю остаться рабочим, чтобы иметь возможность честно бороться за социальную революцию" (rester toujours parmi les ouvriers pour pouvoir franchement lutter pour la revolution sociale). В эту школу я поступил с единственной целью изучить электротехнику, чтобы сознательно работать в этой области в качестве рабочего. Считал возможным декларировать свою цель, потому что сознавал, что под своей фамилией в России я работать рабочим для революции все равно не буду иметь возможности. Полагал, что работать для революции в России можно только живя и работая в рабочей среде. Электротехника давала возможность поступить в России на любой крупный завод или фабрику (тогда рабочих этой специальности в России не хватало, и в Россию уезжало много иностранцев-электротехников). Все эти предположения впоследствии оправдались.

Но я изучил только теорию, надо было усвоить практику ремесла. По окончании школы я поступил на завод „Международной Компании Электричества" (Пипер) в Льеже (Бельгия) в качестве чернорабочего и в течение почти двух лет работы изучил мастерство и сделался одним из лучших ответственных электромонтеров.

Одновременно и во Франции и в Бельгии изучал теоретически и практически рабочее движение, был членом профсоюзов в Париже и Льеже и активным членом Бельгийской рабочей партии. С такою основательною подготовкою, с паспортом бельгийского рабочего, со всеми необходимыми свидетельствами я отправился в Россию, где поступил на Брянский металлургический завод. С 1899 года переходил рабочим-иностранцем из города в город, из одного предприятия в другое. В качестве иностранца я был арестован в конце 1900 г. и просидел год в петербургской одиночной тюрьме, откуда в качестве иностранца же был выслан за границу без права в'езда обратно в Россию. Вернулся в Россию с новым паспортом. Всего работал рабочим около десяти лет. С начала основания РСДРП был членом этой партии. Со времени появления „Искры" работал ее агентом. После 2-го с'езда партии примкнул к большевикам. Участвовал в московском декабрьском восстании. Только в 1906 г. получил паспорт на свое имя и женился на Софье Николаевне Черносвитовой, вдове врача Луначарского, брата наркома просвещения.

Многократные обыски и аресты привели к двухгодичной ссылке в Вологду (1908—1910). После отбытия надзора в Калуге в 1912 г., где работал рабочим при постройке электрической станции, поступил инженером на электрич. станцию в Москве б. 1886 г. Переутомленное сердце не давало уже работать физически. Февральская революция выдвинула в члены московск. исполкома и члены президиума моск. совета, в котором вел активную роль, как член фракции большевиков.

В 1918 г. был председ. московского совета и оставался членом президиума до 1920 г. В 1918 г. был начальником снабжения 5-й армии и председателем фронтового ревтрибунала. Со времени Октябрьской революции был членом ВЦИК всех созывов, членом президиума ВЦИК от третьего до последнего (12) созыва, за исключением седьмого. Состоял членом президиума ЦИК СССР первого созыва и кандидатом второго и третьего. После Октябрьской революции и до средины 1918 г. был членом президиума ВСНХ и заведывал его электроотделом. В 1918—1919 гг. был председ. моск. губ. СНХ, а в 1920 г. заведывал МОНО.

Со средины 1920 г. работа сосредоточивается (если не считать партийной) в президиуме ВЦИК. В 1920—1923 гг. активно участвовал в качестве зам. председателя комиссии Помгол в борьбе с последствиями неурожаев 1920—1921 гг. Состоял председателем или членом многих правительственных и партийных комитетов и комиссий. Был членом ЦКК—РКП первого созыва. Все время член ячейки электрической станции б. 1886 г. (ныне моего имени) и депутатом от этого предприятия в Моссовет. В настоящее время состою председ. Федер. ком. по зем. дел., Комзета (Ком. по земельн. устр. труд. евреев) и Ком. Севера.

Смилга, Ивар Тенисович *(автобиография)*. Я родился в 1892 г. в Лифляндской губ., в семье фермера-земледельца. Отец и мать мои были вполне интеллигентными людьми. Помню бесконечные рассказы отца из греческой мифологии, большим поклонником которой он был. По своим политическим убеждениям отец мог бы быть отнесен к типу демократов-просветителей.

СМИЛГА И. Т. (1892–1938).

В 1927 исключен из партии, в 1930 восстановлен. С 1927 работал председателем Дальбанка. С 1930 заместитель начальника Мобилизационного управления ВСНХ СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

СМИРНОВ А. П. (1877–1938).

В 1928–30 заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно секретарь ЦК ВКП (б). В 1930–31 член Президиума ВСНХ СССР. В 1933 выведен из ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Моя революционная совесть была разбужена в 1901 г. выстрелом Карповича в министра народн. просвещения Боголепова. 1901—1903 гг. являются годами перелома в моем мировоззрении. Как это ни странно, несмотря на вполне либеральную и свободомыслящую обстановку в семье, лет 9—10 я придерживался весьма религиозно-монархических взглядов. Помню, что после убийства Боголепова в нашей семье было нечто в роде праздника, в котором только я один никакого участия не принимал. Мне казалось крайне ненормальным убийство студентами министров. Но будучи от природы крайне рационалистическим суб'ектом, под влиянием тогдашнего социал-демократ. студенчества, я довольно быстро расквитался с навеенным чтением тогдашних книжек мировоззрением. В 1904–1905 гг. я был уже убежденным атеистом и сторонником революции. События в нашем крае и в семье чрезвычайно форсировали мою дальнейшую эволюцию. Мой отец левел одновременно с левением тогдашнего общества и играл чрезвычайно видную роль в революционных событиях. В конце 1905 г., во время революционной ликвидации волостных правлений, отец был избран председателем революционного распорядительного комитета нашей волости. В 1906 г. он был расстрелян карательной экспедицией царского правительства. В январе 1907 г., будучи учеником реального училища, я вступил в социал-демократ. рабочую партию. В студенческие годы (1909–10-й год) окончательно сложилось мое марксистское мировоззрение.

Первое столкновение мое с полицией относится к 1907 г., когда я впервые был обыскан и на несколько часов задержан в связи с празднованием 1-го мая. Второй раз я был арестован в 1910 г. в Москве на Театральной площади на студенческой демонстрации против смертной казни, связанной со смертью Л. Н. Толстого. После месячной отсидки я был выпущен. В 1911 г. весной я вел нелегальную партийную работу в Лефортовском районе. В июле того же года был снова арестован и после трехмесячного сидения сослан в Вологодскую губернию на 3 года. Вернувшись оттуда в 1914 г., уже после начала войны, я немедленно вошел в петербургский комитет РСДРП большевиков, в котором проработал до мая месяца 1915 г., когда был снова арестован и сослан на 3 года в енисейский уезд, откуда вернулся после Февральской революции. Почти 5 лет ссылки и были для меня настоящим университетом. В ссылке на ряду с изучением истории и тактики нашей партии я, гл. обр., занимался политической экономией и философией. В те времена предстоящая партийная работа мне мыслилась преимущественно в пропагандистской области. На деле получилось совершенно иначе. На апрельской конференции 1917 г. я был избран в Центральный комитет партии, в котором пробыл до 1920 г. Во время Октябрьского переворота я был председателем областного комитета русских советов в Финляндии и в качестве такового принимал самое деятельное участие в свержении Временного правительства. В начале 1918 г. я принимал участие в финляндской революции. С началом гражданской войны, по поручению Центр. комитета, я перешел на военную работу. В качестве члена Реввоенсовета и командующего армией и фронтом я участвовал в борьбе против чехо-словаков, Деникина, поляков и Врангеля. После окончания гражданской войны я перешел на хозяйственную работу. С 1921 г. по 1923 г. я был заместителем председ. ВСНХ и начальником Главного управления по топливу. Осенью 1923 г. был назначен заместителем председателя Госплана СССР.

Смирнов, Александр Петрович (*автобиография*). Я родился в 1877 г. в бедной крестьянской семье, в дер. „Никола" васильевской волости, тверского у. и губернии. Отца я не помню: пом. машиниста Никол. ж. д.—он умер при падении с тендера до моего рождения, и мать осталась с многочисленной семьей,—один другого меньше, на руках. Старшему из нас было 15 лет, и все вынуждены были зарабатывать на пропитание.

Я помню себя уже 9 лет, пасущим коров под руководством пастуха. 10 лет я уже самостоятельно пас небольшое стадо в нашей маленькой деревушке. Когда мне пошел одиннадцатый год, у матери от непосильного труда отнялись конечности, а старший брат вернулся с фабрики с оторванной рукой, и вся тяжесть пропитания семьи легла на меня: я был в семье единственный основной работник: пахал, косил для поддержания хозяйства.

На 13-м году я начал учиться от старшего брата грамоте. Выучка заключалась в умении складывать нарезанные на карточки буквы и пошла настолько быстро, что на 14-м году я читал „Жития святых": другого в деревне ничего не нашлось. Под влиянием тяжелой жизни и начитавшись „Жития", я при-

шел к решению пойти в монастырь, чтобы отдаться служению народу. С этой целью в лаптях и с котомкой совместно с другими богомольцами направился я к „Сергию".

Вид монахов, их роскошное одеяние, ликующие физиономии сразу оттолкнули меня, пораженного контрастом их жизни с неприглядной действительностью. Я ушел от „Сергия" к „Мефодию". Там я попытался было остаться, но какой-то инок посоветовал мне уйти от этого мира, так как в действительной жизни я могу принести больше пользы для народа. Я вернулся обратно; хозяйство не прокармливало семью, и на 16-м году я ушел в Тверь, где поступил на фабрику Морозова на прядильное отделение в качестве ставильщика.

С жадностью набросился я на библиотеку Морозова, которая славилась богатым подбором литературы. В это время я посещал школу Морозова.

В течение года был переведен в присущевщики,—это уже чином повыше, прежнее же положение меня не удовлетворяло ни экономически, ни с точки зрения самостоятельности.

Для обеспечения себе большей независимости я ушел в ткацкое отделение в качестве ученика; через 3 месяца получил один самостоятельный станок, и так как в Твери 2 станков получить нельзя—уехал в Питер. Был уже 1895 год. В Питере я поступил к Воронину на ткацкую фабрику в качестве ткача на 2 самостоятельных станках.

В это время я принимал участие в знаменитой стачке текстильщиков 1896 г., продолжавшейся и в 1897 году. Во время этой стачки я познакомился с членом группы „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Перейдя на остров „Голодай", я связался с „Союзом борьбы" и стал принимать активное участие в партийной организации и, как член „Союза борьбы", принимал участие в борьбе за фабричное законодательство.

В конце 1897 г., после целого ряда арестов районных представителей группы „борьбы", заменил одного из районных представителей по Васильевскому острову и в феврале 1898 г. был арестован по обвинению в принадлежности к „Союзу борьбы".

После 4-месячного предварительного заключения был выслан на родину в Тверь в деревню, под надзор полиции. Попытка моя связаться с кем-либо из организации ни к чему не привела. Общее же настроение рабочих и крестьян было отрицательным ко всякой политике. На меня в деревне смотрели подозрительно, называя меня „пашковцем", „скубентом", „в бога не верует, царя не признает" и т. д.

Так как до 16 лет я прожил в деревне, и вся молодежь того времени были мои товарищи детства,—у меня быстро наладились хорошие товарищеские отношения. Все же при попытках завязать беседу на политические темы, парни и девушки расходились от меня, не удовлетворяясь подобными скучными разговорами.

Единственным результатом было восстановление доверия ко мне, несмотря на затрогивание мной политических вопросов. Мужички же, не исключая и стариков, хотя и посматривали на меня подозрительно, видели во мне человека опытного, могущего ответить на злободневные вопросы, и слушали меня внимательно, за исключением тех случаев, когда затрогивались вопросы о царе и боге. Жить в деревне долго, однако, не приходилось, так как хозяйство—на две души земли—не могло прокармливать и семейство самого брата.

Пользуясь неопытностью полиции, я выправил паспорт и уехал в Тверь. Рабочие Твери занимались гуляньем и драками, которые сильно процветали в то время, отвечая мещанскому провинциальному настроению. При помощи работавшей на фабрике сестры я устроился на фабрику Берга, что в те времена было не легко.

На фабрике царили произвол и самодурство как высшей, так и низшей администрации. Пользуясь тем, что 60% рабочих на фабрике были женщины, мастера и подмастерья издевались над ними, прибегая к самым грязным приемам. Благодаря занятому мною независимому положению и вмешательству в защиту от этих обид со стороны мастеров и подмастерьев, я занял в глазах рабочих особое положение, как смелый и решительный защитник. К этому времени относятся мои попытки связаться с организацией. Однако, эти попытки не удавались. Планы так и остались планами. Частным образом я слышал, что в Твери есть какой-то кружок, но связаться с ним не мог. Позднее я узнал, что это была группа Зиновьева, которая была арестована в 1899 г.

Приблизительно осенью 1900 г. пришла резолюция особого совещания, по которой меня высылали под гласный надзор—с правом выбора города, за исключением промышленных центров. Я выбрал Новгород. Вызвавший меня для пред'явления постановления пристав спросил: „За что же? Тут как-будто пахнет по-

литикой". „Не знаю"—ответил я, нисколько не смущаясь—„была забастовка, как-будто больше ничего не было". Пристав удивился и сам посоветовал выбрать Новгород, как близкий к Твери.

В Новгороде нравы были тоже патриархальные. Когда я явился с моим билетом в полицию, меня сразу направили в колонию политических ссыльных, которая в то время была довольно большая и содержала столярную мастерскую, занимая независимое положение при либеральном губернаторе, дочь которого ходила к нам в кружок для кружковых занятий. В Новгороде я завязал связи с питерской организацией. Убедившись, что в этом городе за отсутствием промышленного пролетариата работать не удастся, я по совету товарищей подал заявление о переводе в Тверь, которое и было удовлетворено.

Я вернулся в Тверь в феврале 1901 г. Настроение рабочих к этому времени значительно изменилось. Заметен был под'ем, стремление к организации. Я немедленно приступил к поискам связей с интеллигенцией, нашел их и начал работу.

Найденное в Нижнем мое письмо с жалобой на инертность тверской интеллигенции повлекло обыск у меня, при котором у меня нашли присланную и не розданную еще литературу. В результате этого я был в октябре арестован. Освобожден я был месяца через 3—в декабре и оставлен под надзором полиции в Твери. С выходом работа снова завязалась, расширились связи с рабочими, появились связи с целым кругом лиц из интеллигенции. Работа шла так успешно, что в начале 1902 г. мы об'явили себя группой РСДРП, по направлению примыкающей к „Искре". 1-го мая 1902 г. группа преобразовалась в комитет партии.

В тверской организации я работал как 1902 г., так и следующие годы—1903, 1904 и 1905,—за исключением 13 месяцев, которые я просидел после ареста в августе 1903 г. Я был организатором всех районов, связывая центр со всеми рабочими районами. Намеченный от'езд мой на 2-й с'езд партии, естественно, не мог состояться вследствие невозможности оставить лежавшую на мне огромную работу. Арест мой в 1903 г. был связан с „ликвидацией" тверского комитета партии.

Непрерывный рост организации, регулярный характер ее работы вызвали особенное внимание охранки в Твери. Толстый ленивый жандармский полковник—Иванов, был заменен новым полковником—Урановым, который сразу весь жандармский аппарат перевел на боевое положение. Слежка усилилась, усилились аресты, допросы, обыски. В ночь на 13 августа жандармская „гроза" разразилась и захватила свыше 100 человек. Благодаря крупному пред'явленному мне обвинению я просидел в тверской тюрьме, а затем в московской Таганской тюрьме до „весны" Святополк-Мирского.

Выйдя из тюрьмы в октябре 1904 г., я снова взялся за работу, как член комитета. На этой работе меня застали события 9 января 1905 г. В течение всего времени, последовавшего за этими знаменательными днями, я работал лихорадочно по руководству организацией, стремившейся не отставать от стихийного под'ема масс.

Октябрь 1905 г. действительно застал нашу организацию подготовленной, с хорошо налаженным аппаратом, с безграничным влиянием. Все движение с первых же шагов пошло под руководством тверского комитета партии. Через несколько дней после 17 октября были произведены выборы общегородского совета рабочих депутатов. Состав исполнит. комитета персонально почти совпадал с составом комитета партии. Я, избранный заместит. председателя, в виду от'езда избранного председ. Мостовенко, исполнял обязанности председателя все время вплоть до подавления декабрьского восстания.

Влияние совета, как я уже сказал, было огромное. Не только фабрики, но и город был фактически в его власти. Фабричный же район, в особенности территория самой Морозовской фабрики, образовал в момент декабрьских событий самостоятельную республику, куда не ступала нога жандармов. Организуя ряд попыток прервать железнодорожное сообщение между Питером и Москвой и таким образом не допустить подвоза подкрепления в Москву, советы и комитет деятельно готовились к восстанию. Строили баррикады, ковались пики, кинжалы, настроение рабочих было—оказать сопротивление войскам. Я был назначен начальником всех боевых дружин. Исполнительный комитет, заседавший по этому вопросу двое суток, первоначально отчасти под моим давлением, также решил принять бой. Однако, безнадежность борьбы в данной обстановке и с теми техническими средствами, которыми мы располагали, вернее с полным их отсутствием—заставили меня переменить мнение. Было вынесено постановление—не оказывать сопротивле-

ния, распустить совет, а исполнительному комитету перейти на нелегальное положение. Это постановление было вынесено в 3 часа ночи. В это время в зале Морозовского театра дожидались все боевые дружины и наиболее горячие головы из рабочих—всего 1000 чел. О постановлении исполнительного комитета сообщить им было поручено мне. Минута была тяжелая для меня лично и для рабочих. Несмотря на самое лучшее ко мне отношение, первое мое заявление было встречено протестом и даже бранью. Только после длительного убеждения удалось доказать, что сопротивление безрассудно. Когда часов в 10 утра солдаты, пробивая баррикады, подошли к фабрике и после предварительного осмотра с большой предосторожностью вошли во двор фабрики, там уже никого не было. Так кончил свою работу тверской совет рабочих депутатов в 1905 г.

Сдав дела новым товарищам, организовав помощь безработным, я благополучно уехал из Твери и на этот раз уже с чужим паспортом прибыл в Питер в первые дни января 1906 г. Здесь я вступил в организацию в городской район, от которого я был избран в П. К. От питерской организации я был на Стокгольмском с'езде, затем на Лондонском и в 1907 г., по возвращении из Лондона, после разгона Думы, при свидании от П. К. с эсерами во время подготовки наступления я был арестован в Польской столовой. Просидел в Крестах 12 месяцев и был выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губ., в самый отдаленный усть-сысольский уезд. Оттуда я бежал в начале 1908 г. обратно в Питер. Работая на предприятиях Электрической компании 86-го года, я снова приступил к работе в П. К. и в октябре был снова арестован, но за отсутствием обвинения был отправлен обратно в Усть-Сысольск.

Я прошел этапным порядком питерскую тюрьму, тверскую, московскую, вологодскую, вятскую, заболел тифом и попал в Усть-Сысольск на 7-й мес. После тифа, разбитый, я остался досиживать до срока и в Москву вернулся в 1910 г. За отсутствием вакантных мест, поступил шофером в Компанию 86-го г. и вел работу по восстановлению разбитой московской организации. В это время, по поручению Владимира Ильича, Мария Ильинична мне предложила организацию созыва узкого состава ЦК. Однако, в декабре я был снова арестован и сослан в Нарымский край на 3 года. В силу тяжелых семейных условий я ссылку отбыл. Лишь в начале 1914 г. я вернулся в Москву. Будучи в Нарыме, я поддерживал связь с ЦК, организовывал побеги отдельных товарищей по поручению ЦК и был избран членом ЦК. Преследования охранки не дали мне возможности устроиться в Москве, и я, с целью вовлечь в организацию крупный промышленный район, устроился под Богородском, на болоте—в Электропередаче.

Через провокатора Романова полиция была об этом предупреждена, и к администрации было пред'явлено требование о моем увольнении. К этому времени удалось восстановить связи с предприятиями всего района Богородска, Орехово-Зуева. Во время войны я был призван во 2-ю автомобильную запасную роту, но и здесь меня нашла охранка, и я был отправлен в пехоту в Орел, в 8-й Сибирский батальон. С ним я был в Персии где меня застал 1917 год. Из Персии я приехал в Москву в качестве делегата на с'езд и отсюда вернулся к семье в Богородский район. Я был председателем заводского комитета, городским головой, членом земства уездного и волостного (при Керенском), затем от Московской губ. был избран в Учредилку.

Октябрьская революция застала меня в Богородске, откуда я, как член Учредилки, выехал в Питер, где сразу был Центр. комит. назначен членом коллегии Наркомвнудела, затем зам. наркома Внудела. Весной 1919 г. я был назначен членом коллегии Наркомпрода, затем зам. наркомпрода, в марте 1923 г.—зам. наркомзема, а в июле 1923 г. наркомом земледелия, где работаю и по сие время.

Я состою с 3-го созыва непрерывно членом ВЦИК'а; с VIII с'езда—членом президиума ВЦИК'а, с организацией ЦИК СССР—кандидатом в члены президиума ЦИК'а I созыва и членом президиума II созыва. На XII партийном с'езде избран членом ЦК РКП. На XIII парт. с'езде—членом ЦК и членом орг. бюро ЦК. В 1923 г. на Междунар. крестьянском конгрессе я избран членом Междунар. крестьянского совета, членом его президиума и генеральным секретарем.

Смирнов, Иван Никитович (*автобиография*). Я происхожу из крестьян Рязанской губ. Примерно, когда мне было два года, семья наша разорилась вследствие пожара. Отец ушел работать в Москву, и здесь он через год умер. Тогда в Москву пошла работать мать. Отец был чернорабочий, мать—прислугой. Мне было 8 лет, когда меня взяли в Москву. В Москве я окончил городское училище

СМИРНОВ И. Н. (1881–1936).

В 1927 исключен из партии, восстановлен в 1929, вновь исключен в 1930. Необоснованно репрессирован. В 1936 по делу "Троцкистско-зиновьевского объединенного центра" приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

и поступил сначала на железную дорогу, затем на фабрику. В 1898 г. я впервые познакомился с с.-д. литературой и сошелся с несколькими студентами, занимавшимися пропагандой, а на фабрике столкнулся с двумя-тремя рабочими— остатками от разгромленной организации 1896 г. У нас образовался кружок самообразования из рабочих, в который входило около 15 человек, из них членами партии, насколько мне известно, до сего времени осталось трое.

В 1899 году я был впервые арестован, просидел около 2-х лет в тюрьме и был выслан в Иркутскую губернию на 5 лет. Через 8 мес. я оттуда бежал. Бюро ЦК партии, находившееся в то время в Пскове, послало меня работать в Тверскую губернию. Тверской комитет отправил меня в Вышний Волочек, где находилось около десяти тысяч рабочих, с котор. не было связи у комитета, и там я поступил чернорабочим на кожевенный завод Проскурякова. На этом заводе я работал около полугода. Мне удалось связаться с двумя крупными фабриками Прохорова и Рябушинского, но в тот момент, когда работа стала налаживаться, один из уволенных рабочих ф-ки Рябушинского, Сладков, выдал меня. Я был арестован, а на мое место тверской комитет послал другого работника, Голубева, который тоже был вскоре арестован. Тем не менее первого мая 1904 г. в Вышнем Волочке были распространены воззвания, и произошла небольшая забастовка.

В Вышнем Волочке я сидел 2 года в тюрьме. Затем меня судили за пропаганду (это было уже в 1905 г.), при чем наше дело слушалось на второй день после расстрела 9 января в Ленинграде. Суд присудил меня к году крепости, но засчитал мне предварительное заключение, и я был освобожден. Суд происходил в Москве. Так как у меня была неоконченная административная ссылка, то полиция меня искала. Я в это время начал работать в московском комитете в качестве организатора Лефортовского района. В марте я был арестован и должен был пойти обратно в ссылку в Иркутскую губернию. Но сибирская магистраль была занята перевозкой войск (русско-японская война), и меня послали в Вологодскую губ. По дороге я заболел тифом и в ссылку пришел за 3 мес. до октябрьской забастовки 1905 г. Амнистия, последовавшая за этой забастовкой, освободила меня из ссылки.

Вернувшись в Москву, я продолжал работу. Во время вооруженного восстания был в Лефортовском районе организатором Благушинского подрайона. Но так как я был сильно скомпрометирован в эти дни, то после восстания должен был уйти с Благуши в другой район. Я перешел через некоторое время в железнодорожный район.

До 1909 г. я работал в Москве, при чем за это время меня еще раз привлекали по обвинению в организации распространения конфискованной литературы. Я в это время работал в книжном магазине московского комитета. Обвинение не удалось подтвердить документами, и оно отпало. В 1909 г. я был выслан из Москвы и уехал в Петербург. Работал в петербургском комитете в качестве организатора Петербургской стороны. В 1910 г. в июне вследствие провокации Бряндинского был арестован и после краткого тюремного заключения выслан в Нарымский край. Там я прожил полтора года. К этому времени получились сведения, что для меня возможна высылка из Нарыма в Туруханский край. Тогда группа товарищей, которым угрожало то же самое, убежала (и я вместе с ней). После побега я работал в Ростове и Харькове.

В 1913 г. мне удалось в Харькове об'единить две существовавшие раздельно группы большевиков и меньшевиков. Работал я там до июля 1913 г. В харьковскую организацию в то время вкрались два крупных провокатора (Сигаев и Рудов), и я был там через полгода арестован. Меня послали в Нарымский край, при чем за одно незначительное дело (демонстрация), в котором я участвовал, меня приговорили к 6-ти мес. тюремному заключению. По ошибке, после отбытия этого заключения меня выпустили за тюремные ворота, и я скрылся, уехал в Красноярск. Когда я получил хорошие документы, я вернулся обратно в Москву.

В Москве, в начале европейской войны, вместе с группой товарищей попытался воссоздать организацию, проработал около полугода, был арестован, по указанию провокатора Поскребухина, и выслан обратно в Нарымский край. Судебного дела не могли создать, так как компрометирующих документов при аресте не нашли.

В Нарымском крае я прожил до 1916 г., когда был взят в царскую армию солдатом. Нарымские ссыльные, которых призвали в армию, обсудили итти ли в армию или скрыться, хотя скрыться, конечно, было очень трудно. Постановили итти в армию с тем, чтобы вести в ней агитацию против войны. В Нарыме был намечен комитет нашей будущей военной организации; я вошел в этот коми-

тет. Немедленно по прибытии в Томск мы связались с местной организацией. На полученные из Москвы деньги в помощь мобилизованным ссыльным поставили в Томске подпольную типографию и приступили к работе. Наша военная организация имела очень большой успех и, насколько я знаю, это была единственная военная организация в те годы. Она об'единила в Томске до 200 человек солдат и значительное количество их в Новониколаевске. Воззвания распространялись по всей Сибири. В наш комитет входил провокатор Цветков, который, как потом выяснилось во время Февральской революции, искал удобного момента для предательства. Но события опередили его. Военный союз потерял только одного товарища, работавшего в типографии—Пахановича, впоследствии умершего в тюрьме у Колчака. Союз наш сыграл очень значительную роль во время февральского переворота в Сибири. Во время Февральской революции я входил в исполком солдатских депутатов. В августе уехал в Москву, где по предложению моск. комитета и областного бюро центр. области образовал партийное книгоиздательство „Волна".

К началу гражданской войны был послан ЦК партии под Казань. Там я был назначен членом Реввоенсовета Вост. фронта республики. В декабре 1919 г. я с военной работы перешел на конспиративную работу по организации партийных сил в тылу противника, для чего и вошел в организованное тогда сибирское бюро ЦК партии. Впоследствии, после разгрома 5 армии, приказом Реввоенсовета я был назначен членом Реввоенсовета 5 армии и совмещал эту работу с первой. После разгрома Колчака был назначен председ. Сибревкома. В 1921 г. меня из Сибири перевели на партийную работу в Ленинград, где я был секретарем комитета и областного северо зап. бюро ЦК партии. В то же время вел работу в качестве замест. председ. Северо-Западной области. Полгода работал в Ленинграде, затем около года работал в ВСНХ, где управлял военной промышленностью, после чего был назначен в НКП и Т.

В общей сложности я в тюрьме просидел что-то около 6-ти лет, ни одной ссылки до конца не досидел, а в ссылках пробыл около 4-х лет.

Сокольников (Бриллиант), Григорий Яковлевич *(автобиография)*. Родился 15 авг. 1888 г. в уездном городе Полтавской губ. Ромнах, где отец служил врачом на Либаво-Роменской ж. д. Рано (5 лет) выучился читать. После переезда семьи в Москву поступил в пятую классическую московскую гимназию, сохранившую в своей программе преподавание латинского и греческого языка. В качестве еврея претерпевал травлю со стороны гимназического начальства. „Классическая" учеба толкала в кружки самообразования, плодившиеся как грибы; кружки самообразования стихийно перерастали в кружки политические. В политических кружках молодежи, в обстановке быстро нараставшего (1903—05 гг.) революционного движения, происходило расслоение и отбор становившихся на сторону пролетариата. После ознакомления с народнической и марксистской литературой примкнул к московским марксистским кружкам (особенно близок был с кружком М. Лунца, Наркирьера и др.), где тщательно изучались основные легальные марксистские книги и регулярно читалась нелегальная периодическая и брошюрная литература. Доставленный для хранения на квартиру „транспорт" заграничной литературы ввел в курс теоретических и тактических разногласий, обсуждавшихся в заграничной с.-д. печати. На подпольных вечеринках молодежи спорил с эсерами и толстовцами (С. Дурылин, Гусев). В числе первых знакомых „подпольщиков" был Логинов (Антон), через которого установилась связь с моск. комитетом большевиков. В 1905 г. вступил в московскую организацию большевиков, руководил с.-д. движением учащихся, участвовал в декабрьском восстании. По делам организации учащейся молодежи часто встречался с М. Н. Покровским, Н. Н. Рожковым, Мицкевичем, Цейтлиным. Выбор между присоединением к б-кам или м-кам был сделан в значительной мере на основании оценки позиции обеих фракций в вопросе о роли пролетариата в демократической революции и участии во временном правительстве. Весной 1906 г. вступил в пропагандистскую коллегию Городского района, работая, гл. обр., среди типографов, затем работал в Сокольническом районе, сначала пропагандистом среди ткачей, затем в качестве члена районного комитета—организатором, агитатором, пропагандистом. Тогда же работал в „военно-техническом бюро" при моск. к-те—центре большевистских боевых дружин. К этому периоду относятся знакомства с Виктором (Тарутута), Буром (Гессен), Марком (Любимов). Особенно тесной была связь по работе с Власом (Лихачев). По военно-техн. бюро был связан с „Семен Семеновичем" (Костицын) и „Эротом" (П. К. Штериберг). Уличные митинги, лесные

СОКОЛЬНИКОВ Г. Я. (1888–1939).

С 1926 заместитель председателя Госплана СССР. С 1928 председатель Нефтесиндиката. С 1929 полпред СССР в Великобритании, с 1935 1-й заместитель наркома лесной промышленности СССР. Кандидат в члены ЦК партии в 1930–36. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра" приговорен к 10 годам тюрьмы. Реабилитирован посмертно.

массовки, внезапные появления большевистских ораторов в рабочих казармах, школа рабочих пропагандистов, прокламации и кустарные листовки, писавшиеся и печатавшиеся рабочими—все это вызвало пристальное внимание полиции и утроенную слежку. При массовых провалах в Москве осенью 1907 г. провалился и Сокольнический район. Будучи арестован на собрании, окруженном полицией, просидел несколько дней в Сокольнической части, затем был переведен в Бутырскую тюрьму, откуда в феврале 1909 г. отправлен был на поселение. До перевода в одиночку посылался на работы, вместе с уголовными подметал Долгоруковскую улицу и получал традиционные „копеечки" от добросердечных прохожих. За отказ снять шапку при проходе начальника тюрьмы был незадолго до отправки в Сибирь посажен в подвальный карцер, закован в кандалы и переведен на положение каторжанина. Судебное разбирательство осенью 1908 г. в судебной палате по обвинению в принадлежности к Сокольническому районному комитету с.-д. б-ков (102 ст.) закончилось приговором на вечное поселение. Полтора года сидения в одиночке были временем систематического чтения по экономике, истории, философии. Чтение обычно разнообразилось игрой в шахматы с соседями по методу перестукивания через стенку. Вопреки конфискациям шахмат, которые лепились из хлеба, и карам за перестукивание, игра эта процветала. В указанные годы режим в одиночках Бутырской тюрьмы был сравнительно приличен, ухудшение началось с конца 1908 г. Издавался Б. Плюсниным тюремный рукописный журнал, одним из активнейших сотрудников которого был Н. Л. Мещеряков, ожидавший в то время суда с сопроцессниками—Н. Соколовым, Веселовым и др. В тюремной бане среди густого пара, плеска воды и стука деревянных шаек велись горячие споры об эмпириомонизме и диалектике. Неудачный побег максималиста-экспроприатора, пытавшегося бежать из бани переодевшись в платье надзирателя, привел, впрочем, к пересмотру хартии банных вольностей и к значительному сокращению их.

После четырех месяцев странствий по этапу и сидения в пересыльных тюрьмах был доставлен на место поселения в село Рыбное на Ангаре (Енисейская область). В Красноярской пересыльной тюрьме встретился с Орджоникидзе, Еркомашвили, Шкловским. На Ангаре полемические рефераты против эсеров и организационные собрания ссыльных перемежались с экскурсиями в тайгу и работой по поставке коры местному купцу. Вместе с Шкловским бежал с поселения после шестинедельного пребывания в Рыбном. Через Москву добрался до Мариамполя (вблизи прусской границы) и при содействии Стоклицкого бежал через границу. Поселившись осенью 1909 г. в Париже, заведывал по поручению Ленина рабочим клубом „Пролетарий". В русской библиотеке на Авеню де Гобелэн происходили в это время эмигрантские собрания, на которых Ленин воевал против ликвидаторов и отзовистов. С Надеждой Константиновной Крупской познакомился в редакции Ц. О. „Соц.-Демократ", где она обычно тщательно собирала сведения о происходящем в России от приезжих, являвшихся в редакцию. Ленина впервые видел на собрании парижской большевистской группы: был его доклад о двух возможных путях аграрного развития в России. Была тяжелая полоса разгара реакции, но от Ленина веяло несокрушимой твердостью и бодростью. Жил он в крохотной квартире на улице Мари-Роз, долгие часы проводил за работой в Национальной библиотеке, вечером в маленькой блестящей от чистоты кухне за более, чем несложным ужином В. И. беседовал с товарищами, заглянувшими его проведать. В Париже окончил юридический факультет и курс доктората экономических наук. При расколе после пленума ЦК весной 1910 г. вошел в группу большевиков партийцев (в которой участвовали Марк (Любимов), Лева (Владимиров), Лозовский (Дридзо) и др.). Принимал участие в издававшейся группой газете „За партию". Встречался пару раз с Плехановым, который группировал в то время вокруг себя меньшевиков антиликвидаторов; надменность, с которой держал себя Плеханов, не могла, однако, скрыть того обстоятельства, что он уже тогда терял способность ориентироваться в русских делах. Позднее в Швейцарии организовал „Швейцарское бюро заграничных групп б-ков партийцев". Заняв с первых дней войны интернационалистскую позицию, вел активную работу в швейцарской соц. партии, сотрудничал в издававшейся в Париже интернационалистской газете „Наше Слово", в редакции которого участвовал Л. Троцкий, выступал с рефератами об империализме, перспективах социалистической революции и т. п. в ряде швейцарских городов и, поддерживая после Циммервальда циммервальдскую „левую", сблизился с позицией ЦК б-ков.

Выехал в Россию после Февральской революции с первой группой эмигрантов, в составе которой были Ленин, Зиновьев, Радек, Харитонов, Инесса Арманд, Мирингоф, Лилина, Усневич и др. Путешествие в „запломбированном вагоне" через Германию было заполнено обсуждением тактических платформ на голодный желудок—было принципиально решено отказаться от жидкого супа, которым собирался угостить едущих немецкий красный крест. Два делегата от ЦК германской с. д., пытавшиеся проникнуть в вагон для принесения приветствий Ленину, должны были спешно ретироваться в виду пред'явленного им ультиматума—уйти, если не хотят чтобы вытолкали в шею. Этот сформулированный Лениным ультиматум был без риторических смягчений пред'явлен делегатам и произвел должное действие. Встреча пассажиров „запломбированного вагона" в Швеции была организована Ганецким. Сведения о травле, начатой против Ленина и едущей с ним группы большевиков, заставляли допускать возможность попытки Временного правительства арестовать приезжих после переезда через русскую границу. На всякий случай (по предложению Ленина) условливались, как держать себя на допросах и т. п.

В Петрограде вступил в переговоры о совместной работе с руководителями т. наз. „межрайонки"—организации об'единенцев-интернационалистов, с которой были в связи заграничные группы б-ков-партийцев. Организация эта, впоследствии влившаяся в большевистскую партию, высказывалась тогда против немедленного слияния с б-ками. Это обстоятельство сделало невозможным примкнуть к „межрайонке". Выехав из Петрограда в Москву (в апреле 1917 г.), вернулся в московскую организацию б-ков, которой вскоре же был избран в члены моск. комитета и моск. обл. бюро. Был также членом Исполкома Моссовета. В это время был близок по работе с Бухариным, В. М. Смирновым, Осинским, Яковлевой, Бубновым, Стуковым, Сапроновым. Еще за границей выступал за программу захвата власти советами и приступа к социалистической революции; в соответствии с этим поддерживал апрельские тезисы Ленина против части б-ков, в первый момент высказавшихся против „тезисов". Во время агитационных поездок по Московской области был в Кинешме арестован офицерами, но отбит и освобожден солдатами стоявшей там запасной части. Участвовал в московск. сборн. „К вопросу о пересмотре партийной программы" статьей, предлагавшей вариант переработки принципиальной части старой (с.-д.) программы.

На VI с'езде был избран в состав ЦК и редакции Ц. О. Был вместе с И. Сталиным членом редакции газет, выходивших вместо „Правды" после июльских дней—„Рабочий и Солдат", „Путь Правды", „Голос Правды" (в этих газетах написал ряд передовых и др. статей и вел обзор печати), а затем „Правды" с момента Октябрьской революции. После июльского разгрома Ленин считал вероятной более или менее длительную полосу контр-революционного насилия над массами. Он требовал подготовки нелегальных органов печати, считал одно время иллюзорными надежды на сохранение большевистских легальных газет. Выступление Корнилова изменило обстановку значительно быстрее. Поражение Корнилова показало, что активные пролетарские силы идут на борьбу только под руководством б-ков. Корниловские дни были своего рода предварительной „репетицией" Октябрьских дней. Вернувшись из своего финляндского убежища, Ленин повел революционные силы в стремительное наступление. С. был членом Исполкома Петрогр. Совета, а затем членом Ц. И. К-та Советов. Принадлежал к тому большинству ЦК, которое вместе с Лениным голосовало за восстание и проводило его, был членом Политического Бюро ЦК, избранного в период проведения восстания. После Октябрьской революции был направлен в Брест в составе делегации, уполномоченной для ведения переговоров о перемирии. По возвращении из Бреста разработал проект декрета о национализации частных банков, руководил национализацией их и вместе с группой банковцев (Туманов, Басиас, Коган) провел реорганизацию б. частных банков и их слияние. Принимал участие в „захвате" Госуд. банка и его революционной реорганизации. По большевистским кандидатским спискам был избран в Учредительное собрание. Участие в брестских переговорах о перемирии определило второе путешествие в Брест весной 1918 г. (после разрыва мирных переговоров и возобновления немецкого наступления) в качестве председателя мирной делегации, которой поручено было Ц. к том принять ультимативные предложения немецкого командования и подписать мир (в составе делегации были Чичерин, Иоффе, Карахан). При разногласиях в ЦК по вопросу о возобновлении переговоров и заявлении о го-

товности подписать мир поддерживал позицию, защищавшуюся Лениным. Уверенности в том, что мирное предложение будет принято немецким правительством, само собой разумеется, не было, и появление глубокой ночью на ленте аппарата Юза первых слов немецкого ответа с согласием на возобновление переговоров было для всех в большой мере неожиданным, тем более что задержка ответа, продолжавшееся движение немецких войск и взятие ими Пскова создавали с часу на час впечатление безуспешности мирного маневра. Советская делегация, не доезжая Пскова в виду разрушения ж. д. пути, перегрузилась на дрезины и, наконец, последнюю часть пути к немецким линиям проделала пешком поздно вечером. Командование передовых частей, неосведомленное о возобновлении переговоров, было в большом недоумении и первоначально не знало что делать с делегацией, явившейся таким странным и неожиданным образом. Немецкие солдаты оправдывали наступление необходимостью освобождения от русского гнета окраинных народностей. От'езд делегации из Пскова в Брест сопровождался враждебной демонстрацией городской толпы, среди которой гулял провокационный слух, что под видом поездки мирной делегации происходит бегство членов советского правительства, которое свергнуто в России. Немецкое правительство заявило, что до подписания договора наступление будет продолжаться. Мирная делегация, однако, и не имела поручения вести длительные переговоры: в виду полной обнаженности фронта, массового ухода частей старой армии на сотни верст в тыл и слабости организуемых красных отрядов, сопротивление немецкому ультиматуму было невозможным. Условия его были еще ухудшены включением новых турецких требований, пред'явленных в самый последний момент. При подписании мира в качестве председателя советской делегации (председателем немецкой делегации был фон-Розенберг, впоследствии министр иностранных дел) произнес речь, в которой, к большому негодованию присутствовавших во главе с ген. Гофманом немецких генералов восточного фронта, дана была резкая характеристика немецкого ультиматума и выражена была уверенность, что торжество империализма над советской страной является только временным и преходящим.

По возвращении из Бреста вместе с ЦК (весной 1918 г.) переехал в Москву и вернулся к работе в редакции перенесенного в Москву центрального органа „Правды". В брошюре „К вопросу о национал. банков" дал оценку значения национализации банков и дальнейшей роли кредитных учреждений. На первом всеросс. с'езде совнархозов летом 1918 г. выступил с докладом об основах финансовой политики в переходный период, возражая против курса на аннулирование денег. Те же принципы защищал в статьях, напечатанных тогда в „Народном хозяйстве". Вскоре (в июне) был введен в состав командированной в Берлин комиссии, которой предстояло составить дополнительные к мирному договору—экономические и правовые соглашения. Ко времени этих переговоров относится поездка Красина в ставку Людендорфа и переговоры с ним о прекращении движения немецких войск на Баку. Твердо намеченный Людендорфом план отсечения Кавказа и Туркестана был сорван высадкой американских войск на французском побережьи, создавшей новую военную обстановку и исключившей возможность осуществления в России военных планов крайнего правого крыла германских империалистов. В Берлине прочитал ряд докладов на собраниях независимых социалистов и в спартаковских кружках. Вместе с Бухариным посетил Каутского, разговоры с которым были, однако, немедленно прерваны вследствие явной бесполезности. После убийства Мирбаха наступил перерыв в переговорах, и комиссия выехала обратно. В докладе Ленину по возвращении в Москву информировал его о росте революционного движения в Германии и быстро идущем процессе разложения армии, солдатских бунтах. Между тем поднятое эсеровским комитетом Учредительного собрания и поддержанное чехо-словацкими легионами белогвардейское восстание в Заволжьи начинало вырисовываться, как серьезная угроза—надвигалась эпопея гражданской войны. В качестве члена Реввоенсовета 2-й армии восточного фронта отправился в Вятку (вместе с С. Гусевым). На пост командующего 2-й армией члены Реввоенсовета выдвинули полковника старой армии Шорина, который был одним из первых „военспецов" среди командармов. 2 армия должна была ликвидировать восстание на Ижевском и Воткинском заводах и не допустить соединения восставших с войсками учредиловцев. Вокруг Вятки шли кулацкие восстания, посланные из Москвы продотряды частично присоединялись к восставшим. 2-я армия в первых столкновениях по-

терпела ряд неудач. Это сборище отдельных отрядов вообще не представляло первоначально одного организованного целого. Отряды состояли из партизан — рабочих, матросов, солдат-добровольцев, прошедших школу империалистской войны и переброшенных с немецкого фронта. Реквизиции продовольствия, лошадей, сена, помещений вызывали острые трения с крестьянством. Мобилизация в ряды Красной армии местных крестьян налаживалась с огромными трудностями: мобилизованные дезертировали, получив обмундирование, или в бою при первых же стычках сдавались противнику; бывали и прямые измены больших и малых частей. В то время, как главные силы реорганизуемой второй армии повели наступление на Ижевск, особой дивизии, в формировании которой принял непосредственное участие, поручено было движение на Воткинский завод. Формирование дивизии шло вперемежку с боями, которые в лесистом камском предгорьи сводились к ожесточенной борьбе за татарские деревушки, подвергавшиеся дневным и ночным налетам. Линия фронта только условно могла именоваться линией: отдельные части с трудом поддерживали между собой связь, и нередко в одном районе красные роты были в тылу белых, в то время как в другом районе белые оказывались в тылу красных. Иногда „фронт" передвигался за день на сорок верст вперед, а за ночь на семьдесят верст назад. Регулярной частью дивизии был латышский полк под командой полковника Таумана, предпочитавшего действовать осторожно, медлительно и наверняка; ударные роли выполнял партизанский матросский отряд, который с трудом удерживал в подчинении дисциплине комиссар его Барышников (впоследствии военком глазовского уезда), выдававшийся личной безграничной отвагой; батальонами мобилизованных командовали военком Малыгин, выдвинувшийся из местных крестьян, и „спецы"—молодые офицеры старой армии, в том числе штабс-капитан Гинет, зарубленный белыми, когда при бегстве своих солдат пытался в жиденькой передовой цепи задерживать противника. Белые, опираясь на оружейные заводы, имели больше оружия и патронов, в опасные моменты они производили поголовную мобилизацию всех рабочих и гнали их в бой, располагая во второй линии карательные роты, стрелявшие по отступавшим.

После двух месяцев борьбы, в течение которых руководство восстанием на заводах все больше переходило от эсеров и меньшевиков к монархическому чиновничеству и офицерству, особенно обильно осевшему в Ижевске—белые отступили за Каму (впоследствии белые ижевские части влились в армию Колчака). Перелом в крестьянских настроениях в Заволжьи и поражение армии комитета Учр. собр. под Казанью по существу предрешили неудачу ижевско-воткинского восстания.

Из 2-й армии был переброшен после ликвидации ижевского восстания на южный фронт и в качестве члена ревсовета фронта командирован в 9-ю армию, где командармом был Княгницкий (инженер, старый большевик) и членами ревсовета Дашкевич и Владимир Барышников (моск. парт. работник, впоследствии захваченный в плен ген. Мамонтовым и после долгих истязаний казненный белыми). Основой 9-й армии были партизанские добровольческие дивизии Киквидзе и Сиверса и конная партизанская казачья дивизия Миронова. Киквидзе был одним из лучших партизанских военных организаторов; его части состояли из кадра старых солдат, вместе с Киквидзе прошедших в боях с немцами, петлюровцами и казаками долгий путь с австрийской границы до Волги и во время этого длинного марша обросших надежными пополнениями из революционных рабочих добровольцев. Сам Киквидзе был в дружеских отношениях с левыми эсерами, но, несмотря на увещания приезжавшего к нему Прошьяна (после неудачи левоэсеровского восстания в Москве летом 1918 г.), отказался поддержать движение левых эсеров. Питая недоверие к армейскому командованию, Киквидзе ревниво отстаивал свою „автономию" и дивизионный сепаратизм. Эта же „линия", хотя и несколько менее рьяно, проводилась в дивизии Сиверса. Значительно хуже обстояло дело в казачьих полках Миронова, куда не допускались военные комиссары, ставились препятствия политработе и велась неприкрытая агитация против коммунистов. До изменения партийной линии в крестьянском вопросе (осуждение насильственного насаждения социализма в деревне на VIII с'езде РКП) настроение в мобилизованных крестьянских частях армии нередко бывало анти-коммунистическим. Между тем казачий фронт разлагался борьбой стариков и молодых, выявлением монархистских тенденций высшего донского командования, усталостью и тягой на полевые работы. Снабжение, снаряжение и пополнение красных войск

шли улучшаясь. Механизм революционной регулярной армии складывался и начинал свою правильную работу. Весной 1919 г. армия Краснова потерпела ряд решающих поражений и развалилась с потрясающей быстротой. Казачьи полки бросали и сдавали оружие, Краснов передал командование над остатками своей армии Деникину. Выступление деникинской добровольческой армии, опиравшейся на военную поддержку англо-французов и располагавшей кадровыми офицерскими полками, остановило наступление советских армий неподалеку от Новочеркасска.

Пройдя вместе с наступавшими частями донские степи, выехал в Москву, где принимал участие в работах VIII с'езда в качестве члена комиссии по пересмотру партийной программы и докладчика по вопросам военного строительства, отстаивая необходимость скорейшего перехода от партизанского сепаратизма к централизованной „регулярной" революционной армии. После с'езда был направлен ревсоветом южфронта в 13-ю армию, где командарм Кожевников олицетворял худшие традиции партизанщины. Затем принимал участие в организации борьбы с восстанием казаков на верхнем Дону. Восстание это, поднятое казачьими станицами незадолго до того отложившимися от Краснова, отчасти обусловленное ошибками советских карательных и продовольственных органов, представляло собой своеобразную попытку найти среднюю казачью линию между помещичьей и рабоче-крестьянской политической линией. Социальной основой восстания был антагонизм интересов зажиточного многоземельного и многоскотного казачества, находившегося со времени вовлечения Донской области в хлебный экспорт на пути превращения из мелкопоместной однодворческой шляхты в капиталистическое фермерство, и малоземельного крестьянства соседних губерний; раньше работавшие по найму у казаков и кое-где осевшие на мелких участках, крестьяне после победы советских войск приступили к осуществлению земельного и имущественного поравнения. Восстание верхнедонских станиц было в известном смысле войной железных крыш против соломенных, дом казака от дома крестьянина можно было, как правило, опознать по крыше. С переходом армии Деникина в наступление на Москву Красная армия должна была покинуть линию нижнего Дона, и восставшие верхнедонские станицы влились в деникинский фронт.

Во время мамонтовского рейда по тылам красных армий южного фронта был направлен в ревсовет 8-й армии в Воронеж. Принимал участие в наступлении 8-й и 13-й армий на Харьков, которое, удавшись как демонстрация (раз'езды 8-й армии были в двух десятках верст от Харькова), оттянувшая на себя силы противника, поставило, однако, вынужденную затем отступить 8-ю армию в крайне затруднительное положение. Окруженная с трех сторон, а иногда и отрезанная со всех сторон, армия отходила от Волчанска к Воронежу, изредка с трудом сносясь с соседней 13-й армией и фронтовым командованием по радио и при помощи аэропланов. Налеты мамонтовских частей на тылы армии действовали дезорганизующе и деморализующе. К этому периоду относится захват в плен мамонтовским раз'ездом члена ревсовета 8-й армии Владимира Барышникова. Штаб армии кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным врасплох; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым. В этих условиях был назначен командующим армией, что было предпринято для укрепления доверия к армейскому командованию. Деникинский поход на Москву в это время достиг предельных успехов. Орел был взят. Тула была под ударом. Но это были успехи, купленные ценой напряжения последних истощавшихся сил. Крестьянские резервы вливались широкой волной в Красную армию, между тем как белые были окружены атмосферой крестьянской вражды. Переброшенные с восточного фронта крепкие части вместе с конной армией, снятой с царицынского участка, обеспечивали успех перехода Красной армии в наступление. Начался откат деникинской армии обратно на Кубань. Тяжелый поход от Воронежа до Ростова вызвал необходимость в передышке; необходимость перегруппировки сил после взятия Ростова также сделала военные действия на время менее активными. Попытка белых вновь занять Ростов кончилась неудачей. Кубанское казачество, настроенное против белых после расправы деникинцев с мелкобуржуазным демократическим крылом Кубанской Рады (повешение Быча и др.), не оказало отступающим „кадетам" должной поддержки. Казаки и мобилизованные крестьяне целыми частями переходили к красным. Снаряды, патроны, снабжение—все было из запасов „белых". Наступление велось чем дальше тем больше гл. обр. силами перебежчиков. К концу кампании во многи

полках подавляющее большинство солдат, а в некоторых случаях и комсостава, состояло из вчерашних „белых". Деникину не удалось задержаться и на линии Кубани. Быстрое обходное движение вдоль берега моря к Новороссийску, осуществленное 8 й армией, внесло окончательную панику в отступление белых. офицерские полки были спешно сняты с фронта и под охраной английских пушек и английского десанта в двадцать четыре часа посажены на суда. Казаки тысячами сдавались в плен. Новороссийск с богатейшими запасами снаряжения, оружия и всякого военного имущества достался в качестве трофея красным армиям. Большое количество лошадей было потоплено отступавшими в море. Но еще большее количество лошадей без призору бродило по городу и его окрестностям длинными вереницами. Окрестные крестьяне набирали лошадей вволю, но многие сотни погибли от бескормицы, и эта массовая лошадиная гекатомба явилась как бы завершением того гигантского истребления этих четвероногих орудий войны, которое нескончаемой лентой скелетов обозначило степные дороги, по которым столько раз наступая и отступая двигались конница и обозы. Проделав путь от Воронежа до Новороссийска вместе с частями 8-й армии, вернулся затем в Москву (в апреле 1920 г.) и, считая период гражданской войны в основном законченным, возвратился к работе в редакции „Правды". Вошел в состав моск. к-та, руководил школой пропагандистов; участвовал во II конгрессе Коминтерна. В августе 1920 г. был направлен в Туркестан в качестве председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и командующего туркестанским фронтом (членами Туркомиссии были Сафаров, Коганович и Петерс). Руководил организацией советской власти в Бухаре после низвержения эмира. Принимал близкое участие в военных операциях против басмачей в Фергане, закончившихся полным поражением одного из крупнейших басмаческих главарей Хол-Хаджи. Хол-Хаджа, бывший уголовный каторжанин, необычайного роста и силы бандит, бежал со своим отрядом в горы по направлению китайской границы, но на узкой тропинке погиб под снежным обвалом; хотя пущенная басмачами легенда утверждала, что Хол-Хаджа был спасен от смерти подлетевшими ангелами, но исчезновение его было окончательным. Однако, ослабление басмаческого движения было достигнуто экономическими и иными мероприятиями не в меньшей мере, чем военными: была проведена денежная реформа, устранившая особые туркестанские денежные знаки — „туркбоны" — обесценивавшиеся еще быстрее общегосударственных денег; произведен обмен туркбон на общесоветские деньги, и организован пересчет цен и зарплаты на новые для Туркестана деньги; отменена (до отмены в общем масштабе) продразверстка, замененная налогом; отменена всеобщая натуральная трудповинность, разрешен свободный привоз на базары и торговля на них; выпущены на свободу муллы, заявившие о своей политической лойяльности; советские органы управления перенесены из русских городов в туземные города и кварталы; в Семиречьи приступлено было к возвращению киргизам земель, самовольно захваченных у них русскими поселенцами; приняты меры к восстановлению хлопководства в Фергане, и признана необходимость поддержки со стороны власти кустарям; намечена организация союза деревенской бедноты („кошчи") и т. д. Совокупность этих проведенных Туркомиссией при участии привлеченных к ответственной государственной деятельности узбекских, киргизских и туркменских работников (Рахимбаев, Турякулов, Ходжанов, Атабаев, Бирюшев) создала в Туркестане более спокойную обстановку и установила предпосылки укрепления совласти, развития хозяйства и освобождения местных органов от влияния туземной буржуазии (баев).

В начавшейся в конце 1920 г. дискуссии о профсоюзах поддерживал „буферную фракцию", считая, однако, что основной подлежащей решению проблемой является не вопрос о профсоюзах, а вопрос о взаимоотношениях с крестьянством и о необходимых по отношению к крестьянству уступках. Вследствие тяжелой болезни с начала 1921 г. по осень 1921 г. не мог принимать участия в работе. В ноябре 1921 г. в связи с изменениями, внесенными новой экономической политикой в финансовую политику партии, вернулся к финансовой работе, прерванной в 1918 г., был назначен членом коллегии Наркомфина и вскоре после этого замнаркомфином. Вследствие отсутствия наркомфина Крестинского (назначенного осенью 1921 г. полпредом в Германию) руководил наркоматом, а осенью 1922 г. был назначен наркомом финансов; на этой работе оставался до января 1926 г. Главными задачами этого периода финансовой деятельности были: организация комиссариата финансов, учреждения которого

СОЛЬЦ А. А. (1872–1945).

Работал на ответственных постах в Прокуратуре СССР. В 1923–34 член Президиума ЦКК ВКП(б). Был членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна.

подверглись почти полной ликвидации в эпоху военного коммунизма, создание твердого бездефицитного бюджета и выработка норм советского бюджетного права, ликвидация натурального обложения и организация системы денежных налогов и доходов, введение твердой валюты, создание системы банковых учреждений во главе с Госбанком, организация государственных кредитных операций (краткосрочных и долгосрочных займов), создание Госстраха и государственных трудовых сберкасс, дифференциация государственного и местных бюджетов, широкое развитие последних и, в частности, волостных бюджетов, введение финансовой дисциплины и отчетности. Наибольшие трудности представило проведение отмены натуральных налогов и введение прогрессивно-подоходного обложения в деревне, прекращение бумажно-денежной эмиссии на бюджетные надобности, борьба против нереальных хозяйственных планов, угрожавших новой инфляцией, установление правильных пропорций удовлетворения общегосударственных, республиканских и местных интересов, отстаивание правильной пропорции в удовлетворении чисто-политических, культурных и хозяйственных нужд страны. Наиболее активными работниками Наркомфина за указанный период были Владимиров, Шейнман, Рейнгольд, Туманов, Юровский, Шлейфер, Брюханов, Полюдов, Кузнецов, Р. Левин.

Летом 1922 г. участвовал в советской делегации на Гаагскую конференцию и выступил на одном из заседаний конференции с обстоятельным докладом о финансовом положении советского государства, вызвавшим ожесточенные нападки всей буржуазной прессы. Осенью 1923 г., проводя подготовку денежной реформы, отстаивал политику кредитной рестрикции и понижения промышленных цен, участвовал в политической дискуссии на стороне большинства Ц. к-та. Осенью 1925 г. защищал точку зрения необходимости, на ряду с обеспечением возможности быстрого под'ема сельского хозяйства, как базы мощной промышленности, отчетливой классовой политики в деревне и во внутрипартийных разногласиях 1925—26 г.г. поддерживал меньшинство ЦК. Весной 1926 г. был назначен заместителем председателя Госплана. Летом 1926 г. вместе с женой, Г. О. Серебряковой, выехал в Соед. Штаты Сев. Америки для переговоров о финансовом соглашении. Отмена Келлогом обещанного разрешения на в'езд в Америку прервала эту поездку на пол-пути.

Выступал по вопросам финансовой политики на с'ездах Советов и сессиях ЦИК'а. На XI м с'езде РКП от имени ЦК партии делал доклад о финансовой политике и защищал проект резолюции, наметившей основные линии построения советской финансовой системы.

Литературные работы по финансовым вопросам собраны в книгах: „Финансовая политика революции“ (два тома) и „Денежная реформа“. Хозяйственным трудностям конца 1926 г. посвящены брошюры: „Осенние заминки и проблемы хозяйственного разверстывания“ и „Пройденный путь и новые задачи“.

Принимал участие в работах конгрессов Коминтерна. Был членом ЦК компартии с 1917 г. по 1919 год и с 1922 г. по нынешнее время.

Сольц, Аарон Александрович (*автобиография*). Родился в марте 1872 г. в мест. Соленики, Виленского у. и губ., в либеральной, сравнительно интеллигентной и довольно зажиточной купеческой семье. Отца я лишился 4-х лет. Когда мне было 11 лет, семья из матери, меня и двух сестер перебралась в г. Вильну, где я поступил в 3-й класс I-й мужской гимназии. Мать моя, чрезвычайно энергичный человек, с большой инициативой, постоянно вела какую-то своеобразную борьбу за попранную справедливость по отношению к ней то со стороны родственников, которые хотели оттягать часть наследства, то разных других деловых людей, которые нарушали, по ее мнению, те элементы правды, которые должны быть свойственны купеческому сословию.

Я помню с каким интересом и сочувствием у нас в семье читались отчеты всех процессов народовольцев и все либеральные романы того времени. За время моей гимназической жизни я мало или, вернее, совсем не интересовался социальным вопросом, но был весьма оппозиционно настроен к властям предержащим. Источником этой оппозиционности было, несомненно, мое еврейство. В гимназию я попал с величайшими трудностями, ибо попал тогда, когда прием был чрезвычайно ограниченный, и вот неравенство в гражданских правах меня, конечно, и толкнуло в оппозицию.

С рабочим вопросом, с вопросами социализма я стал знакомиться лишь в последних двух классах гимназии и то лишь в самой поверхностной форме. Революционность мою в то время питал мой двоюродный брат Аарон Павлович Лурье, отличительной чертой которого было правдоискательство. Когда я кончил гимназию, я уже вел рабочие круж-

ки, но там вел лишь культурную работу, читал с ними Писарева, но делал все сие из добрых просветительных чувств, а не во имя каких-либо революционных задач. Между тем тогда в Вильне уже стачки шли во-всю. Там тогда работал Мартов и вышеназванный Лурье. По поручению последнего я кое-какие мелкие услуги оказывал движению, но еще не осмысливал существа вопроса и даже горячо защищал право собственности и извлечения из нее доходов. В 1895 г. я попал в Питер. Там в полном разгаре были споры марксистов и народников. Струве и Туган-Барановский владели умами студентов. Я впервые прочитал в гектографированной тетради, переходившей из рук в руки, учение К. Маркса в изложении Каутского. Ни одна книга никогда впоследствии уже не играла в моей жизни такой роли, как эта гектографированная брошюра. Я решил с ней не расставаться и, не выходя из квартиры, всю целиком переписал собственной рукой. С тех пор участь моя была решена. Я стал изучать рабочий вопрос, я нашел себя, я стал революционером и старался сделаться марксистом. В 1898 г. я стал активным работником подпольщиком, связался, благодаря близости к А. П. Лурье, одному из основателей „Рабочего Знамени", с этой организацией, которая, в отличие от господствовавшего тогда в Питере экономизма, выдвигала на первую очередь политическую борьбу. По ее поручению я ездил в Белосток в подпольную типографию за литературой, которую отвез в Киев, где связался с проживавшим там Урицким. После провала первых органов „Рабочего Знамени" я продолжал работать там во второй смене работников вместе с братьями и сестрами Мартова. В 1900 г. мы связались с организованной тогда „Рабочей Библ.", куда входил Савинков, еще тогда бывший с.-д. В январе 1901 г. я впервые, если не считать студенческих беспорядков 1899 г., в которых я принимал участие и в связи с которыми 2 раза арестовывался и исключался, был арестован в Вильне по политическому делу и направлен в Питер. В июне меня выпустили, я уехал в Вильну, где я примкнул к „Искре". В декабре этого же года я вновь был арестован и опять направлен в Питер. В мае 1902 г., благодаря голодовке, до решения дела под подписку, за свой счет, был отпущен в Сибирь. Там в Нижнеудинске Иркутской губ. пробыл 6 месяцев и в ноябре 1902 г. бежал. Побывал в Самаре у Кржижановского, запасся в Вильне паспортом на имя Кушеля и поселился в Екатеринославе в качестве хозяина подпольной типографии, обслуживавшей орг. ком., готовивший 2-й с'езд партии. В мае 1903 г. я был арестован вместе с типографией под фамилией Кушель, под этой фамилией в мае 1905 г. в Харькове судился, и как Кушель, 1 октября 1905 г. вышел на волю.

После манифеста 17-го октября явился в Вильну, где работал до мая 1906 г. Оттуда скрылся от ареста в Питер и там в июле был арестован, просидел до февраля 1907 г. и направлен на 3 года в Тобольскую губ. в Туринск. Из Туринска в ноябре 1907 г. перебрался в Тюмень, где была создана организация и поставлена типография, обслуживавшая даже Екатеринбург и Вятку. В 1908 г. я в порядке административном в связи с обыском просидел месяц. В марте 1909 г. вся организация провалилась, мы просидели до ноября, судились, но я был оправдан. В феврале 1910 г. я вернулся из ссылки, пробыл полгода в Баку, а затем до февраля 1913 г. нелегально в Питере, где работал последний год, как член ПК. В феврале 1913 г в связи с романовскими праздниками был арестован и в мае отправлен в Нарым. В 1914 г. из Нарыма бежал, поселился в Москве, связался с областным центром и там при самом начале войны написал и выпустил прокламацию „Долой войну". 31-го июля был в связи с этой прокламацией арестован, судился военным судом и получил 2 года крепости. 10 октября 1916 г. вышел, остался в Москве, связался с областным центром, где работал до Февральской революции. С момента Февральской революции был редактором „Соц.-Дем.", затем „Правды". С 1920 г. являюсь членом ЦКК, а с 1921 г. членом Верхсуда.

Сосновский, Лев Семенович (*автобиография*). Род. в 1886 г. в г. Оренбурге. Самые ранние воспоминания рисуют небольшую переплетную мастерскую, где верстаки до потолка загружены книгами, отданными в переплет. Я, маленьким мальчиком лет семи, забрался с ногами на верстак и, усевшись поближе к окну, жадно читаю книги. В переплетной причудливо смешивались книги самого разнообразного содержания. В этом беспорядочном разнообразии я их и читал. Спросить совета было не у кого, да и в голову не приходило, что читать можно по выбору. Впрочем, некоторый выбор я производил сам. Пробегал несколько страниц в начале, затем в конце, потом из середины и, если находил что-нибудь занятное, читал всю как следует. Затем о многих авторах приобретал уже отчет-

СОСНОВСКИЙ Л. С. (1886–1937).

Занимался публицистикой. В 1927 исключен из партии, в 1935 был восстановлен, в 1936 вновь исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ливое представление. Так я перечитал и полюбил крепкой любовью всех русских классиков, затем авторов романов и повестей с приключениями, исторических романов и т. п. Собственно детскую литературу я узнал уже взрослым человеком. В детстве она мне или не попадалась, или не производила впечатления. Братья мои, переплетчики, косо смотрели на мою привязанность к книгам. Они еще с грехом пополам терпели чтение книг не переплетенных. Но отгоняли от книг переплетенных, еще сыроватых. Если свеже переплетенную книгу читать, она начинает топорщиться, крышки расходятся, книга разбухает. А по обстоятельствам дела приходилось нарушать их указания. Помню, что некоторые сочинения Достоевского я начал читать непереплетенными, продолжал дочитывать, когда они были в сшивальном станке (очень неудобная процедура) и доканчивал уже в переплетенном виде. Так как я читал очень много и зрительная память у меня оказалась острая, то едва научившись писать, я писал столь же безошибочно правильно грамматически, столь же правильно ставил знаки препинания, как впоследствии, ставши журналистом. Это мое „достижение" пригодилось, как увидим далее, моему отцу в его профессии.

Теперь немного о семье. Отец, отставной николаевский солдат, прошедший горькую долю кантониста и чуть не 25 лет солдатчины, был еще маленьким мальчиком насильственно отнят у родителей и облачен в шинель. Что такое николаевская солдатская служба и особенно кантонисты, я узнал уже будучи взрослым и не от отца. Отец же в редкие минуты своих рассказов о прошлом особенно отчетливо говорил о том, как жестоко и много его били. Рассказывал, как его побоями, истязаниями и даже пыткой заставляли перейти в православие. Загоняли даже в реку и грозили утопить, если не окрестится. Многие его сверстники стали православными, он же как-то остался евреем. Он показывал мне на базаре стариков-лавочников с истинно-русскими фамилиями, но с истинно-еврейскими носами и бородами, и пояснял, что это были кантонисты, розгами и кулаками приведенные к пониманию истинности православной веры. Биография отца и матери мне почти не известна. Они не рассказывали, а я не спрашивал. После солдатской службы отец, насколько я помню, попал в кабатчики к откупщику. Из казармы—в кабак. О кабацком периоде его жизни мне ничего не известно. Разве только то, что отец здорово пил и мог выпить большое количество водки, не поморщившись. Я могу припомнить уже не кабацкий, а трактирный период жизни отца. В трактире „Саратов" поблизости от базара отец проводил целые дни. Там была его приемная, там он практиковал, как „аблакат". Человек он был малограмотный. Как он там адвокатствовал, не знаю. Но знаю одно. Когда мне стало лет 9, отец заставлял меня переписывать начисто те прошения и жалобы, которые он составлял для своих клиентов. Писал я в 9 лет лучше своего отца. Отец строго следил только за тем, чтобы я правильно расположил титул на бумаге, оставил надлежаще широкие поля и не делал клякс. Во все прочее он вникал мало. Он знал, что пишу грамотно, запятые и точки ставлю, где следует, и только.

Одно из дел в адвокатской практике отца я помню потому, что оно стало рубежом в жизни и быте нашей семьи. В Оренбурге умерла какая-то бездетная богатая купчиха, старообрядка. Отец взялся разыскать и утвердить в правах наследства ее дальних родственников, которых еще только надлежало розыскать. Он рыскал по дальним губерниям, обшаривал церковные записи и в конце концов вернулся с наследниками. Я помню красивые благообразные лица привезенных им владимирских мужиков. Он их действительно сделал наследниками богатств, за что и ему перепала какая-то сумма. По тогдашнему нашему бедному состоянию, эта сумма была, вероятно, большой, но в общем, едва ли превышала пару тысяч рублей.

Из кустарей-ремесленников мы превращались в предпринимателей уездного масштаба. Братья сначала были рабочими в оренбургской типографии, потом самостоятельными кустарями, и теперь мы переехали в г. Троицк, где появилась маленькая типография в компании с другим человеком. Кончился адвокатский и трактирный период в жизни моего отца. В моей жизни тоже кончился босоногий период уличных игр, целодневных утех на берегу тихого обмелевшего Урала. Я стал гимназистом.

Вскоре отец не поладил со старшим братом, и семья разделилась. Я же остался у старшего брата типографа. Сказать о гимназическом периоде что-нибудь отрадное довольно трудно. Мне почему-то кажется, что я тоже был в кантонистах, только более смягченного цивилизованного типа. Бездушие школьного режима, запуганность учеников, бесталанность педагогов, зубрежка, скука.

Светлым пятном мелькнула фигура учителя русского языка Баврина, который за короткий период (какой-нибудь год—два) влюбил меня в русскую литературу, привязал меня горячей любовью к Пушкину и Лермонтову. От бавринского периода протянулись какие-то нити к моей начитанности детского периода. Баврин точно полил живительной влагой посеянные и засохшие семена. Оказалось, что я для своего возраста дьявольски много читал, знаю и понимаю. Уже тогда я стал обнаруживать некоторые, как бы сказать, „сатирические" наклонности. Мы стали издавать рукописный ученический журнальчик, где я в стихах вышучивал кое-каких педагогов. Стихи были, конечно, неважные.

Чем быстрее я рос умственно, тем нестерпимее казалось мне пребывание в гимназии. Главное, угнетала приниженность, бесправность, постоянное ожидание какой-нибудь грубости, издевательства, наказания. В журн. „Прожектор" за 1926 г. я написал статью „Письмо на родину", где бегло нарисовал кусочек школьной моей жизни и переживаний. Я стал рваться из школы на волю. Родные не препятствовали, и я в один прекрасный майский день почувствовал себя свободным от школы.

Около этого времени умерла моя мать. Умерла она в больнице для душевнобольных. Это была тихая, болезненная женщина, забитая отцом и, в сущности, им же сведенная в сумасшедший дом. На ее глазах он путался с кухарками, кухарки издевались над матерью, глумились над ее религиозными чувствами. Самым ярким проявлением болезни матери была боязнь, что ей в комнату хотят насильно повесить иконы. „Снимите иконы!"— вопила она, кидаясь к пустым углам больничной палаты. Некоторую роль в болезни матери сыграло одно семейное событие. Кажется в год моего рождения из дома нашего убежала сестра, приняла православие и постриглась в монашенки. Мать была надолго потрясена этой историей, небывалой в еврейском мире. Иногда маленьким мальчиком я посещал сестру в монастыре. А недавно она почти старухой приезжала ко мне. Монастырь закрыт, и ей надо начинать после 40 лет монашества новую жизнь.

Начались первые годы моей самостоятельной жизни. Вполне самостоятельной ее нельзя было назвать. Правда, я избавился от гимназической казенщины и попал в поток вольной жизни. Но я еще не мог зарабатывать себе самостоятельно кусок хлеба. Поступил в Самаре учеником в аптеку. На первых порах бесплатно, по заведенному тогда порядку. Работа была тяжелая. И рабочий день был длинен, и в праздники приходилось работать наравне с буднями, пользуясь только выходными днями. А кроме длинного рабочего дня, скоро появились ночные дежурства. День и ночь. Хозяин аптеки был суровый немец, грубо к нам, ученикам, относившийся. Он, правда, давал прекрасную школу своего дела. Он учил работать быстро, чисто, аккуратно, четко, внимательно. В позднейшее время я уже не встречал такой аккуратной работы, как у него. Но был он груб, с презрением относился к русскому народу, беспрестанно упоминал в разговоре со своими немецкими приятелями о „русских свиньях", что меня крайне возмущало.

Однажды он ударил одного ученика, и мы из солидарности забастовали. Забастовки нашей он даже не заметил, ибо нашего брата было—хоть пруд пруди. Зато я обогатился здесь новым ощущением—желанием дать отпор эксплоататорам и угнетателям, издевающимся над работниками.

Мы вдохновили одного товарища написать в местную самарскую газету статью под названием „Белые рабы"— о жизни работников аптеки. Статья была напечатана. Около этого же времени я познакомился с людьми, которые ввели меня в социал-демократический кружок. Там нам рассказывали о златоустовском расстреле рабочих, там мы начали читать „Искру". Я стал оказывать посильные услуги (технического характера) партии. С этого времени (1903 г.) я и считаю себя членом партии.

После Самары начался период скитания по аптекам (Обоянь, Челябинск), закончившийся Екатеринбургом (1904 г.). Здесь я скоро познакомился с большевиками. Сначала меня использовали только технически. Аптека, где я служил, была очень удобна и для хранения всякой нелегальщины и для встреч с нелегальными работниками. На мое имя получалась переписка из-за границы и иная. Приезжавшие из разных мест партийные работники являлись в аптеку и от меня получали адреса явок. Вскоре я познакомился и с видными уральскими партийными работниками. Однажды я решил сам пойти по одному из тех адресов, куда направлял других. Там я познакомился с Марией Оскаровной Авейде (весною 1919 г. расстреляна Колчаком за подпольную работу) и высказал ей мое желание более близко связаться с организацией и войти в кружки для изучения программы партии. Авейде направила

691

меня к Клавдии Тимофеевне Новгородцевой (позже Свердловой, жене Я. М. Свердлова). Не помню точно в какой последовательности, но к весне 1905 г. я познакомился с тогдашними руководителями большев. организации на Урале и стал своим человеком. Появился Я. М. Свердлов, который сразу меня очаровал, как тип настоящего революционера. Стал я посещать собрания и массовки. Печатал на гектографе прокламации. Выполнял разные мелкие поручения. Так подошли события осени 1905 г. Организация располагала крупными силами. Свердлов, Чуцкаев, Сыромолотов и многие другие товарищи были опытными твердыми большевиками, и мы могли у них учиться.

Октябрьские дни 1905 г. пахнули на нас дыханием настоящей борьбы. 19 октября на наш митинг напала черносотенная организация. Несколько человек было ранено (в том числе Минкин). Но через пару дней организация подготовилась к отпору и сделала вызов черной сотне. В городском театре под охраной боевой дружины большевиков состоялись многолюднейшие митинги, где с исключительным успехом выступал Свердлов. Помню ночи, когда группа большевиков в ожидании нападения ежечасно готова была дать вооруженный отпор. Это были отличные ночи, поистине спаивавшие людей боевой спайкой.

К этому времени относится небольшой эпизод моей жизни. Как я уже говорил, на мой адрес в аптеке получалась комитетская корреспонденция. Из аптеки я ушел, а с переменой адреса переписки кто-то медлил, и письма продолжали приходить. Иногда адрес на конвертах искажался до крайности. „Вознесенская аптека" и только. А кому—не написано. Хозяин однажды вскрыл такой конверт и обомлел от страха: на тоненькой бумажке—нелегальщина. Аптекарь раскричался и стал угрожать, что передаст жандармам, что он не хочет пострадать из-за негодяев. Узнав от сослуживцев об этих разговорах хозяина, я пошел к нему выручать пакет. Он стал осыпать меня оскорблениями. Тут я не выдержал. Хозяин получил от меня несколько пощечин, конверт я у него насильно вырвал, и на том разговор был покончен. Впоследствии мы шутили, что я еще в 1905 г. начал практиковать террор против буржуазии.

В ноябре мне посоветовали поехать в Златоуст, где господствовали социалисты-революционеры. Я отправился туда, хотя и чувствовал себя очень слабо подготовленным большевиком. В Златоусте я первым долгом постарался поступить на завод. Уже был принят обрубщиком, но администрация хитро сплавила меня: врачебным осмотром я был забракован. Я ходил по заводу, вел маленькую работу, участвовал в стычках с эсерами, где снова и снова убеждался в своей неподготовленности к пропаганде, особенно по аграрному вопросу.

В Златоусте же мне пришлось впервые выступать на громадном рабочем митинге по случаю годовщины расстрела рабочих Златоуста царскими палачами на площади. Был страшный мороз. И без того перехватывало дыхание. От мороза и от волнения я дрожал. В свою краткую речь я вложил столько ненависти к царизму, что даже мои приятели потом удивлялись моему ораторскому таланту и предвещали мне будущее оратора. Скоро, однако, через Урал потянулась карательная экспедиция одного из кровавых генералов. Пришлось убираться. В пустом товарном вагоне в страшный мороз пробирался я из Златоуста в Самару, в надежде найти там кого-нибудь из знакомых партийцев. Еле живой добрался туда. В Самаре никого не нашел. Отправился в Одессу, добыв туда несколько адресов. И там не повезло. Тогда я решил удрать за границу, в надежде там поучиться марксизму, поглядеть заграничное рабочее движение и просто подышать свободным воздухом.

После ряда неудач с попытками уехать, я, наконец, решил ехать так, как ездили герои читанных мною каких-то романов. Забрался в трюм первого попавшегося парохода, не справившись даже, куда он идет. За Константинополем вылез из трюма и был поставлен капитаном на черную работу. В Алжире (Сев. Африка) я с парохода удрал, так как капитан угрожал предать меня в Англии суду за самовольное проникновение на судно. С тремя рублями начал жизнь эмигранта. Работал на табачной фабрике, в аптеке, пока удалось добраться до Парижа.

В Париже я вел около года жизнь эмигранта. Безработный, часто бездомный, голодный, я жадно вбирал в себя впечатления новой для меня обстановки. Посещал лекции, диспуты, занимался в библиотеках, посещал собрания профсоюзов Парижа, попал даже на конгресс профсоюзов Франции в Амьене (1906 г.). Париж мне дал очень много, но я начал томиться тоской по России и жаждой работать. Побывав еще в Женеве и Вене, я твердо решил возвратиться в Россию. И вернулся. Попал в Ташкент, где поступил наборщиком в местную буржуаз-

692

ную газету „Турк. Курьер". Организовал союз печатников. Изредка сотрудничал в местной соц.-дем. газете, которую издавал там старый товарищ М. В. Морозов. Хозяин моей типографии, он же редактор газеты, он же раввин Кирснер, раскусив меня, поспешил уволить. Союз об'явил забастовку. В ту же ночь мы были арестованы. Союз продолжал стачку до нашего освобождения. Пришлось тому же Кирснеру выручать меня из тюрьмы. Вскоре я поступил конторщиком-корреспондентом в ташкентскую фирму Дружкиных. Братья Дружкины, молодые люди, ставшие наследниками большого состояния, разыгрывали из себя очень передовых людей. Глава фирмы учил меня стилистике: как писать поставщику, с которым рвешь отношения, и другому, с которым рвать не собираешься; как писать брату-студенту, который прокучивает сверх полагающихся сумм (по семейному решению сонаследников); как писать управляющим разными отделениями фирмы. Он браковал мой стиль. Но стилистические занятия были прерваны забастовкой, которую мы организовали в ответ на беспричинные увольнения служащих. Полиция снова стала меня искать, и я вынужден был покинуть Среднюю Азию. В Ташкенте я участвовал в выборах в 2-ю Государств. Думу. От Ташкента был избран в Думу депутатом наш кандидат, интереснейший из людей, каких я встречал — генерал В. П. Наливкин. Очень оригинальная личность. Седой благообразный старик, участвовавший в походах по покорению Средней Азии царизму еще со Скобелевым, проделавший большую военную и административную карьеру (военный губернатор), он к старости выработал себе своеобразные оппозиционно-революционные взгляды на существующий строй. Взгляды эти были смесью марксизма с каким-то культурническим анархизмом. Он в особенности внимательно стал относиться к национальному вопросу на Востоке, изучил чуть ли не все туземные языки и наречия, открыл школу для детей туземцев, самолично издавал газету на одном из местных языков, написал большой труд о положении туземного пролетариата и т. д. К моменту выборов он согласился выставить свою кандидатуру от социал-демократов и прошел в Думу. Популярностью он пользовался громадной за свою личную обаятельность и глубокий демократизм. Знакомство с ним ввело меня в неизвестный мне раньше круг людей.

Чтобы покончить с ташкентским периодом—несколько слов о Дружкине. Это имя оказалось неразрывно связанным с кровавым преступлением английского империализма — с убийством 26 бакинских комиссаров. Дружкин был правой рукой англичан во время их кратковременного господства в Закаспии. Вместе с ними он скрылся с горизонта. Мастер коммерческого стиля—он оказался мастером разбоя и белого террора.

По пути из Ташкента я пытался обосноваться в Оренбурге. Там меня застал разгон 2-й Гос. Думы и начавшаяся еще более ожесточенная расправа царизма с революционными работниками и рабочим классом. По некоторым сведениям ярче всего тлелся еще революционный огонь на Кавказе, куда меня и потянуло.

Я очутился в Баку. Жил там нелегально, работал сначала конторщиком в ресторане-гостинице, созерцал разгул бакинских купчиков. Потом перешел на службу в аптекарский магазин. Скоро удалось найти связи с организацией через Семкова, с которым мы подружились еще в Париже. В Баку я прошел большую школу. Крупная промышленность, разноплеменный состав пролетариата, особое положение нефтяной промышленности, позволявшее рабочим и партии дышать куда свободнее, чем в остальной России. Там открыто действовали массовые профессиональные союзы, выходила рабочая печать. То и дело пролетариат прорывался внушительными политическими и экономическими выступлениями. Капиталисты вели с рабочими союзами переговоры о заключении коллективного договора. Словом—классовая борьба в самых разнообразных формах и в широком размахе. Возможности пропаганды и агитации были неизмеримо шире, чем в других местах России. Комбинация легального и подпольного революционного движения здесь позволяла развернуть работу очень широко. За время пребывания в Баку я последовательно был и районным организатором (подпольным) партийной организации, и секретарем профсоюза деревообделочников и строителей, и участником клубной работы и кооперативной. Работа кипела, захватывая всего, но арест помешал. Однако, через несколько дней мне удалось бежать, и я укрылся в нефтяном районе—Балаханах. Там я сблизился с очень интересным, высоко талантливым рабочим-большевиком И. П. Самарцевым (настоящая его фамилия Шитиков), который был организатором профсоюза, проявлял громадную энергию в создании мощной классовой организации. Одно время он вышел из партии, но впоследствии вернулся.

693

Он склонялся к синдикализму французского типа, который тогда был в расцвете и заинтересовал своей борьбой с реформизмом и выродившимся парламентаризмом правых социалистов. В Балаханах жил у рабочих, с ними переживал все события местной жизни. Поступил чернорабочим на промысла Ротшильда, откуда был уволен. Работал с Самарцевым в артели безработных по прокладке труб. Тяжкая, а временами и смертельно-опасная работа (когда линию приходилось вести через нефтяное озеро-болото).

После Баку перебрался в Москву с паспортом Николая Краюшкина (бакинский рабочий-металлист, давший мне свой паспорт). Стал работать секретарем двух профсоюзов: текстильщиков и кожевников. Оба союза имели общее помещение в крохотной комнатке у одной портнихи в Замоскворечьи. В сущности это была не столько организационная, сколько агитаторская работа. Под видом общих собраний членов союза совершенно легально собирались рабочие собрания, где в легальных формах велась соц.-демократ. пропаганда и агитация.

Мы учились обходить царские законы. При всей свирепости своей царская полиция была довольно глуповата. Так, например, в то время правительством подготовлялся законопроект о государственном страховании рабочих. Ясно, что это было за страхование. Деньги с рабочих брать, а к управлению их не допускать—вот краткий смысл всего проекта. Мы проводили десятки многолюднейших собраний и в присутствии полиции самым спокойным тоном, без единого крепкого слова начисто разделывали хитрую механику царизма, его политику в отношении рабочих. Кроме явной полиции, на собраниях бывали и тайные агенты, более грамотные. По их доносам нам скоро перестали разрешать постановку вопроса о государственном страховании. Тогда мы не упоминали в повестке ни слова—государственное, ни слова—страхование. Говорилось об „обеспечении больных рабочих". В дальнейшем—„о помощи больным членам союза". Но суть речей была одна и та же: разве э т о правительство может заботиться о рабочем? Доклады производили громадное впечатление. Рабочие записывались в союз. Мы проникали в фабричные казармы („спальни"), отбирали наиболее активных, живых ребят, втягивали их в союзную, а через союз и в партийную работу. Работа в союзе была, конечно, связана с опасностью вылететь за ворота фабрики, а то и попасть в каталажку. Тем не менее всегда находился такой слой рабочих, который шел на работу, не взирая на риск.

Собрания устраивались большей частью в зданиях чайных-столовых и народных домах «Попечительства о народной трезвости», разбросанных по всем районам. Главой этого попечительства был тогдашний московский губернатор Джунковский. Без его разрешения нельзя было получить помещения под собрание. Приходилось мне, нелегальному революционеру, являться в блестящую приемную губернатора в качестве крестьянина Николая Краюшкина на прием. Выходил лощеный красавец в мундире, такой элегантный и внешне любезный, принимал от меня прошение, задавал несколько незначащих вопросов и давал милостивое разрешение. За ним следовала свита разных секретарей и ад'ютантов. Являлся я в синей или черной блузе, почему сходил за фабричного. Джунковский не подозревал, что за преступная личность стоит перед ним.

В то же время я принимал в Москве некоторое участие в работе литературной. Тогда большевиками в Москве выпускался политически-профессиональный журнал. Его закрывали, и он вновь выходил под новыми названиями („Рабочее Дело", „Вестник Труда" и др.). Там работали М. И. Фрумкин, Скворцов-Степанов и др.

Зимою 1909 г. я бы арестован. Благодаря курьезно-печальному совпадению меня снабдили паспортом на имя Тимофея Куранова (паспорт Краюшкина к тому времени просрочился, и надо было достать другой). А оказалось впоследствии, что этим же паспортом на имя Куранова пользовался в Харькове некто, стрелявший в полицию при попытке ареста и скрывшийся от полиции. Меня по паспорту приняли за него и потащили в Харьков. Допросы, очные ставки, жуткое сидение в строжайшей изоляции и в ожидании плохого конца.

Хотя дело и обошлось благополучно, но пришлось пережить довольно тягостные, неприятные минуты. Однажды поздней ночью меня разбудили и повезли из харьковской тюрьмы в жандармское управление. Помню эту ночь. Могильная тишина в огромных пустых комнатах жандармского управления. Долгое томительное ожидание, тревожная дремота и борьба со сном. Вдруг распахиваются двери и с двух сторон впускают целую толпу людей, которым приказывают внимательно смотреть на

меня. Потом всех уводят и вводят каждого по одиночке. „Узнаете ли в этом человеке того, кто стрелял в околоточного надзирателя?" Долгое томительное молчание. Как-то вспышкой в голове проносится сцена из „Джунглей" Киплинга: „Смотрите внимательней, о, волки"! Это—ночная сцена в джунглях, когда волчье племя производит испытание молодым волкам на предмет установления их зрелости и пригодности для самостоятельной волчьей жизни. „Смотрите внимательней, о, волки"! И тут жандармский офицер возглашает: „Смотрите внимательнее на этого человека".

Один, другой, третий свидетель заявляют: „Нет, не тот". А четвертый, какой-то облезлый шпик, гнусавенько спешит заявить: „Как же-с, он самый. Очень даже узнаю". Но на жандарма это не производит впечатления. Он больше интересуется мнением старичка (как я потом узнал—квартирного хозяина, где происходило накрытое полицией собрание и где некто стрелял в надзирателя). Старичок долго колеблется, но потом как-то со вздохом заявляет: „Нет, не он". На рассвете меня везут безлюдными сонными улицами в тюрьму. Всю дорогу я думал: „а что, если бы старичок признал во мне разыскиваемого суб'екта? Не миновать бы виселицы. Нечего сказать, наградили меня друзья паспортом!"

Отправили меня обратно в московскую тюрьму. А в Москве охранники вдруг вспомнили, что за мной числится должок правительству — не отбытая воинская повинность. Злорадно потирая ручки, какой-то охранник хихикнул: „Это вам будет похуже ссылки, в казарме вам покажут".

Тюрьма, этапное путешествие, лазареты, освидетельствования и я в Екатеринбурге, в солдатской шинели, на правах поднадзорного „защитника царя и отечества". После нескольких месяцев строгого надзора я начал вылезать из казармы и разыскивать старых друзей по 1905 г. Кое-кого к великой радости нашел. Стал получать вышедшую тогда газету „Звезда" и кое-какую нелегальщину. Потянуло на волю. Под меня подстраивали мину наиболее подлые и реакционные офицеры (подбрасывались устарелые прокламации и т. п.) Я собирался было удирать и переходить на нелегальное положение, как добрые люди посоветовали сунуть „барашка в бумажке" врачу и откупиться от солдатчины. На второй год солдатчины это удалось осуществить, и я освободился, заодно и легализовался.

В маленьком уездном степном городке мой старший брат издавал газетку „Степь", в которую я и поехал работать. Обычно газета при всей ее левизне редко выходила за пределы местных тем. Мое пребывание в газете совпало с сильным неурожаем в крае. И тут, наблюдая деятельность царских правительственных органов в борьбе с последствиями неурожая, наблюдая воровство, бездарность, бюрократизм, бездушное отношение властей к голодающему населению, мы стали разоблачать начальство ядовитыми фельетонами. Посыпались штрафы, конфискации газеты. Наконец, мне было дано понять, что и до меня добираются.

Тут появилась на свет газета „Правда". Получив первые 10—20 номеров, я стал подумывать о Петербурге. Связей у меня в столице не было, но я двинулся на авось. Через несколько месяцев мытарств я нашел пути в „Правду" и с упоением стал в ней работать. Одновременно начал вести полулегальную работу в рабочих клубах и профсоюзах. Принимал участие в сокрушении меньшевистского влияния в союзе металлистов и в некоторых клубах (например, „О-во Образования" за Московской заставой, где пришлось „вышибать" матерого меньшевика Абросимова, впоследствии оказавшегося провокатором). Весною 1913 г. я был арестован и после нескольких месяцев пребывания в „предварилке" освобожден без всяких последствий. Разумеется, немедленно вернулся в „Правду". Вскоре вместе с другими товарищами стали организовывать рабочий журнал „Вопросы Страхования", в котором и был секретарем до вторичного ареста, осенью 1913 г. На этот раз, перезимовав в „предварилке", я был выслан в Челябинск.

В Челябинске по возможности проводил влияние „Правды" в рабочую массу, вербовал подписчиков и корреспондентов, проникал в кооперативы, союзы, пользовался всякими возможностями легального и отчасти нелегального порядка. С об'явлением войны я был по распоряжению из Петербурга арестован и просидел несколько месяцев в такой изоляции, что только по выходе узнал, кто и с кем воюет. В 1915 г. был еще раз арестован, но не надолго. За это время удалось связаться с товарищами, жившими в других городах Урала. Состоялось в Екатеринбурге небольшое партийное совещание по вопросу об отношении к войне, на котором участвовали Крестинский, Севрук (тогда большевик), я и др. Еще не имея никаких

документов от ЦК партии об отношении к войне, лишенные информации, мы, однако, чутьем заняли правильную позицию, и резолюция наша, помещенная впоследствии в заграничном „Соц.-Демокр.", получила одобрение ЦК, как один из первых по времени откликов с мест от партийцев.

С окончанием срока ссылки я перебрался на жительство в Екатеринбург. На пропитание зарабатывал себе сотрудн. в местной газете „Уральская Жизнь", которая по тому времени была относительно довольно радикальной. Так, например, во время выборов в военно-промышленные комитеты нам удалось в осторожной форме вести в газете агитацию за бойкот, что соответствовало нашей партийной линии. Это не мешало газете вести в общем оборонческую линию. Понемногу стала сколачиваться крепкая большевистская группа работников, которая вела легальную и нелегальную работу. Незадолго до Февральской революции часть работников была арестована, а у остальных производились обыски, и была установлена тщательная слежка. Я убрался на Саткинский завод (Южный Урал), где нашлось для меня место в конторе. Но едва распаковал чемодан, как вести о падении царизма заставили вернуться в Екатеринбург, где прямо с вокзала попал на большой митинг в городском театре.

С февраля до октября незабываемого 17 г. работал в Екатеринбурге. Больше всего, в сущности, работал как агитатор, журналист и редактор, но приходилось заниматься всем. С самого возникновения совета занимал в нем руководящие места (тов. председателя совета, председатель областного совета Урала, председатель областного совета профсоветов Урала, член областного комитета партии и т. д.).

За несколько месяцев 1917 г. пришлось вынести такую агитационную работу по городу и по району, что не оставалось предприятия или казармы, где бы не приходилось выступать, не говоря уж о заседаниях совета и общегородских митингах. Само самой разумеется, фамилия стала довольно известной на Урале. Степень ее известности можно измерить след. фактом. В мае месяце екатеринбургский совет, не большевистский по партийному составу, но большевистский по духу, был окружен воинскими частями под руководством эсеров и разогнан. В это время все руководители большевистской организации выехали на с'езд в Пермь, чем и воспользовались противники. Начались новые выборы, на которых должны были победить социал-предатели. Рабочих голосов им получить так и не удалось, зато всю энергию они направили на обработку солдатских масс. Поднята была бешеная травля против большевиков. То, что произошло в Питере в июле 1917 г., мы в Екатеринбурге пережили в мае. Офицерство пустило в ход всяческую клевету на нашу партию, чтобы оторвать от нас солдат. Один солдат описывал такую сценку. Офицер, именующий себя социалистом-революционером, убеждает солдатское собрание, что большевики—шпионы немецкого императора Вильгельма, продажные шкуры и т. д. Поэтому—ни одного голоса за большевиков. „Поняли, ребята"? — „Поняли!!"— „Согласны вы, что большевиков выбирать нельзя"?—„Согласны!!!" — „Ну, хорошо, кого же мы теперь выберем в совет"? И вдруг неожиданный ответ хором: „Сосновского"!!!

Степень бешенства противников можно еще иллюстрировать тем фактом, что перед Октябрьским переворотом один офицер, тоже из эсеров, прапорщик Мялицын, член президиума совета, за одну мою речь в совете прислал мне через секундантов вызов на дуэль. Секундантов я выгнал, а дело получило огласку в местной печати.

В декабре 1917 г., выбранные по списку большевиков в члены Учредительного Собрания, мы с Крестинским покинули Урал и отправились в в Петроград. Однодневная учредилка скоро скончалась, и меня оставили для работы в столице. Питерский совет решил выпускать массовую популярную газету для рабочих. Это было поручено Володарскому и мне. Так родилась „Красная Газета". Володарский был больше меня занят партийной (преимущественно агитаторской) работой и появлялся в редакции только к ночи, чтобы написать боевую передовую статью на острую тему дня. Я же проводил целые дни в редакции, подбирая сотрудников для нового типа газеты и просматривая весь материал. Одновременно приходилось выступать на больших рабочих и солдатских собраниях, сражаясь с меньшевиками и эсерами.

С переездом центрального правительства в Москву переехал и я, будучи в то время членом президиума ВЦИК (в этом звании был до 1924 г.). В Москве на меня возложена была задача создания массовой крестьянской газеты. Пришлось слить существовавшие в то время газеты партии „Дерев.

Беднота" (Петроград) и „Дерев. Правда" (Москва). Весною я начал выпускать газету „Беднота", редактором которой был свыше 6 лет. Работа в „Бедноте", чтение массы крестьянских и солдатских писем впервые сблизили меня с крестьянскими делами. В 1918 г. по жалобе одного крестьянина на безобразия местных властей я был командирован в бежецкий у. Тверской губ. для расследования. Поездка в сопровождении замечательно талантливого партийца-крестьянина А. Г. Панкова меня очень многому научила, заставила продумать многое в отношении деревенских дел. Летом 1919 г. я был в числе других работников командирован в провинцию для инструктирования и выправления партийной политики мест и попал с тем же Панковым в ту же Тверскую губ. Проехав несколько уездов, разбирая всевозможные жалобы, выступая на множестве крестьянских собраний, я продолжал учиться этому сложному и ответственному делу, ранее мне неизвестному—политике партии в деревне.

Незадолго до этого мне пришлось принять участие в новом интересном деле: организации агитационно-инструкт. поездов и пароходов ВЦИК. Я был назначен ответственным руководителем этой организации, где фактическое повседневное руководство принадлежало Бурову. С первым организованным поездом я поехал сам вдоль западных границ республики. Это была очень интересная и плодотворная работа.

С освобождением Урала от колчаковщины туда была направлена Центр. комитетом группа работников, по преимуществу старых уральцев, в том числе и я. Я был назначен председателем губернск. революц. комитета в Екатеринбурге. Шла восстановительная советская работа после года белогвардейской диктатуры. К зиме 1919—20 г. я получил назначение в Харьков, только что освободившийся от Деникина. В Харькове пришлось поработать только около 3-х месяцев в качестве председателя губкома партии. По возвращении в Москву я стал работать в Главполитпути (организация, проводившая политическую работу на транспорте). Там я предложил Троцкому, тогда народному комиссару путей сообщения, издавать массовую газету рабочих-железнодорожников. Получив его согласие и одобрение ЦК, я организовал газету „Гудок", редакт. которой и был первые месяцы. В 1921 г. я был назначен заведующим Агитпропа ЦК РКП.

В 1922 г. участвовал в работе советской делегации на Генуэзской международной конференции. Поездка дала мне возможность немножко присмотреться к жизни современной Европы после 1905 г. Из дальнейших этапов остается отметить разве назначение членом коллегии Наркомзема, в котором, впрочем, работы я почти не вел, занимаясь, гл. обр., журналистской работой.

Основной моей работой за годы революции была именно журналистская. С весны 1918 г. и до сего дня я был постоянным работником „Правды", совмещая эту работу с разными другими, но никакой другой не отдавая столько сил, сколько „Правде". Мне пришлось протаптывать дорогу советскому фельетону. Первые месяцы и годы революции, кроме меня и Д. Бедного, фельетонов почти и не писал никто. Потом появился В. Князев, за ним другие. Некоторые фельетоны были изданы в двух томах под назв. „Дела и Люди" (1-й том—„Рассея", 2-й—„Лед прошел"). Кроме того, вышли небольшие книжечки статей в разных издат.: „Советская Новь", „О музыке и о прочем", „Больные вопросы", „Дымовка", „О культуре и мещанстве" и др.

Если подвести некоторый итог литературной деятельности за годы революции, то содержание ее можно свести к след. Первое время — боевые статьи против социал-предателей разных оттенков и против белогвардейщины. Затем появляются фельетоны, отображающие действительность — нечто в роде бытописательства. В то время (1918—1919 гг.) литература, изображающая революцию, еще не появлялась, и фельетон частично заменял ее. Далее открывается фронт внутренний. Борьба с непорядками, разоблачения, критика. Типичным и наиболее острым моментом этой полосы можно считать „Дымовку", т.-е. громкое дело—убийство селькора Григория Малиновского в селе „Дымовке" на Украине. Этот частный случай был широко освещен в печати, поставлен в связь с ненормальностями партийно-советского руководства в деревне. Пришлось помимо статей в газете выступить также на самом процессе в качестве общественного обвинителя от „Правды". После „Дымовки" приходилось освещать ряд аналогичных дел (дело селькоров Лапицкого в Белоруссии, Куприка на Дону и др.). Время от времени писал статьи на литературные темы, напр. о Демьяне Бедном, против футуристов, против упадочных произведений литера-

СТАЛИН И. В. (1879–1953).

Оставаясь секретарем (Генеральным – до 1934) ЦК партии, был также с 1941 председателем СНК (Совмина), в 1941–47 наркомом обороны СССР, в 1941–45 председателем Государственного комитета обороны, Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. В 1925–43 член Исполкома Коминтерна.

туры в роде Есенина, против извращения советской действительности Пильняком и т. п. Особое место в литерат. деятельности моей занимают выступления на темы о сельском хозяйстве. Для нашей печати это было новшеством: боевые фельетоны в партийном органе на темы — о животноводстве, о культуре корнеплодов, о новых сортах пшеницы, о новой культуре—кенафе. В особую рубрику можно поставить статьи, которые можно бы об'единить заглавием одного фельетона из этой серии —„О культуре и мещанстве" — об уродливостях нашего переходного ломающегося быта. И, наконец, наброски портретов наших современников — живых и отошедших. Некоторые фельетоны были переведены на немецкий и, кажется, другие языки, в том числе первый том сборника „Дела и Люди". Один сборничек вышел на языке эсперанто с иллюстр.

Сталин (*Джугашвили*), Иосиф Виссарионович, род. в 1879 г. в гор. Гори Тифлисской губ. По национальности грузин, сын сапожника, рабочего обувной фабрики Адельханова в Тифлисе, по прописке — крестьянина Тифлисской губ. и уезда, села Диди-Лило.

В 1893 г. С. окончил духовное училище в Гори и поступил в том же году, в тифлисскую духовную православную семинарию. Семинария являлась тогда рассадником всякого рода освободительных идей среди молодежи в Тифлисе, как народническо-националистических, так и марксистско-интернационалистических. Семинария кишит всякого рода кружками. В 1897 г. С. становится во главе марксистских кружков семинарии. В этот же период связывается он с нелегальной социал-демократической организацией в Тифлисе, получает от нее нелегальщину, участвует в нелегальных собраниях рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе и т. д.

В 1898 г. С. вступает формально в тифлисскую организацию росс. соц.-дем. раб. партии. С. ведет в этот период пропагандистскую работу в рабочих кружках железнодорожного и фабричного районов. В семинарии, где слежка за „подозрительными" налажена довольно недурно, начинают догадываться о нелегальной работе С. и исключают его оттуда за „неблагонадежность".

1899—1900 г.г. проходят для С. в интенсивной работе по пропаганде в рабочих кружках. В 1900 г. учреждается тифлисский комитет Р. С.-Д. Р. П. С. становится членом тифлисского комитета и одним из его выдающихся руководителей. В этот период рабочее движение в Тифлисе начинает выходить из рамок старой чисто-пропагандистской работы „с выдающимися единицами" из рабочих. Агитация в массах путем листовок на злободневные темы, путем летучек и политических демонстраций против царизма становится злобой дня. Разгорается спор между „стариками", сторонниками старых методов чисто пропагандистской работы, и „молодыми", сторонниками „улицы". С на стороне „молодых". Следует отметить выдающуюся роль в деле победы новых методов работы над старыми, так же как и в деле революционного воспитания С., которую сыграл тогда в Тифлисе Курнатовский, ближайший соратник Ленина и первый насадитель ленинских идей в Закавказьи.

Волна экономических забастовок по всему Тифлису в 1900—1901 г.г. и известная майская политическая демонстрация в центре Тифлиса приводят к разгрому тифлисского комитета. Обыск у С. в 1901 г. и потом ставшее известным распоряжение охранки об его аресте заставляют его перейти на нелегальное положение. С этого времени С. становится профессиональным революционером подполья и остается в подполье вплоть до Февральской революции 1917 г., работая под революционными кличками „Давид", „Коба", „Нижерадзе", „Чижиков", „Иванович", „Сталин".

В конце 1901 г. С. переезжает в Батум, основывает там батумский комитет Р.С.-Д.Р.П., руководит забастовками на заводах Ротшильда и Манташева и организует известную политическую демонстрацию рабочих в феврале 1902 г. В марте 1902 г. С. арестовывают в Батуме и, продержав его в тюрьме до конца 1903 г., высылают на три года в Восточную Сибирь, в балаганский уезд Иркутской губ., в село Новая Уда.

Через месяц по прибытии на место ссылки (январь 1904 г.) С. бежит из ссылки, приезжает в Тифлис и ведет работу в качестве члена областной организации Закавказья, называвшейся тогда закавказским союзным комитетом. Работа С. за период 1904—1905 г.г. проходит под флагом ожесточенной борьбы с меньшевизмом. С. систематически об'езжает районы Закавказья (Батум, Чиатуры, Кутаис, Тифлис, Баку), ведя устную и печатную дискуссию против меньшевиков, а также против эсеров, анархистов, националистов. Еще в 1903 г., сидя в тюрьме и узнав от приехавших со II с'езда партии товарищей о серьезнейших разногласиях между большевиками и меньшевиками, С. решительно примыкает к большевикам. По

возвращении из ссылки, когда борьба между большевиками и меньшевиками приняла острый характер, С. становится во главе закавказских большевиков, руководит большевистским нелегальным органом „Борьба Пролетариата" (1905 г.) и принимает активнейшее участие в деле организации III с'езда большевиков. „Октябрьский манифест" 1905 г. застает С. в Тифлисе в разгаре борьбы за большевистские лозунги революции. К этому периоду относится брошюра С. „Вкратце о партийных разногласиях" (на грузинском языке). В конце 1905 г. С. уезжает в качестве делегата от закавказских большевиков на общерусскую большевистскую конференцию в Таммерфорсе (Финляндия), где он окончательно связывается с Лениным.

1906 год. Период разгрома революции 1905 г., период выборов в „новую" Думу и подготовки к Стокгольмскому с'езду партии. Большевики за бойкот Думы. Борьба между большевиками и меньшевиками разгорается с новой силой. На сцену выплывают анархо-синдикалистские элементы. Они особенно начинают шуметь в Тифлисе. С. — в центре борьбы со всеми этими антипролетарскими течениями в Закавказьи. К этому периоду относится легальная большевистская ежедневная газета „Дро" („Время") в Тифлисе, выходившая под руководством С. К этому же времени относится серия больших статей С. на грузинском языке: „Анархизм и социализм". На Стокгольмском с'езде (1906 г.) С. фигурирует в качестве делегата от большевистской части тифлисской организации под кличкой „Иванович".

С 1907 г. начинается бакинский период революционной деятельности С. Вернувшись с Лондонского с'езда партии, куда он был делегирован большевистской частью тифлисской организации, С. оставляет Тифлис и основывается в Баку, где он ведет лихорадочную работу по сплочению бакинской организации вокруг лозунгов Лондонского с'езда партии. Здесь он руководит нелегальным большевистским органом „Бакинский Рабочий", с успехом организует борьбу по вытеснению меньшевиков из рабочих районов Баку (Балаханы, Биби-Эйбат, Черный город, Белый город), руководит большой кампанией по совещанию и заключению коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками и добивается, в конце-концов, полной победы большевизма в рядах бакинской организации. С этого времени Баку превращается в цитадель большевизма.

В марте 1908 г. С. арестовывают и, после восьми месяцев тюремного заключения, высылают на три года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск. Спустя несколько месяцев С. бежит из ссылки и возвращается в Баку на нелегальную работу.

В 1910 г. вновь арестовывают С. и, спустя нескольких месяцев сидки, отправляют обратно в ссылку в Сольвычегодск.

В 1911 г. С. вновь бежит из ссылки и по поручению ЦК партии основывается на этот раз в Питере. С этого времени начинается питерский период революционной деятельности С. Но не долго пришлось работать С. в Питере. Его вновь арестовывают и водворяют в ссылку в Вологду.

В конце 1911 г. С. вновь бежит из ссылки в Питер, где он ведет руководящую работу в питерском подполье. Теперь (1912 г.) С. уже член ЦК партии, избранный заочно на известной конференции партии в Праге. С. об'езжает по поручению ЦК важнейшие районы России, ведет подготовительную работу к очередной „маевке", руководит „Звездой" в дни ленских забастовок и принимает руководящее участие в деле основания „Правды".

В апреле 1912 г. С. вновь арестовывают и, спустя несколько месяцев сидки, высылают в Нарымский край на четыре года. С. бежит из ссылки летом того же года в Питер, уезжает потом в Краков к Ленину, участвует в известном совещании большевиков в Кракове в конце 1912 г. и возвращается потом в Питер, где он ведет работу по руководству большевистской частью думской фракции и большевистскими органами „Звезда" и „Правда". К этому периоду относится брошюра С. „Марксизм и национальный вопрос".

Весной 1913 г. вновь арестовывают С. и высылают через несколько месяцев в Туруханский край. 1913—14—15—16 г.г. С. проводит в туруханской ссылке, в селе Курейка.

После Февральской революции 1917 г. С. возвращается в Питер и участвует в руководящей работе партии в качестве члена ЦК. На апрельской общерусской конференции большевиков, когда обнаружились в партии два течения, С. решительно отстаивает позицию Ленина. В мае 1917 г., после конференции, учреждается Политбюро ЦК, куда выбирается С. в качестве его члена. С тех пор С. остается членом Политбюро ЦК. Весь период подготовки Октябрьского восстания С. работает в полном единении с Лениным. В период корниловщи-

СТАСОВА Е. Д. (1873–1966).

В 1927–37 заместитель председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и председатель ЦК МОПР СССР. В 1930–34 член ЦКК ВКП (б). В 1935–43 член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1938–43 редактор журнала "Интернациональная литература". С 1946 занималась общественно-литературной деятельностью.

ны, в период Демократического совещания и Предпарламента, в период прямой организации восстания в октябре 1917 г., наконец, в период споров об организации „однородно-социалистического правительства" на другой день после Октября,—во все эти периоды подготовки и упрочения Октября, когда колебания одной части партии (Каменев, Зиновьев) грозили срывом всему делу, С. неизменно оставался ближайшим помощником и единомышленником Ленина. За период после июльской демонстрации вплоть до Октября С. являлся фактическим руководителем центрального органа партии („Рабочий и Солдат", „Пролетарий", „Рабочий", „Рабочий Путь" и т. д.). В Октябрьские дни ЦК выбирает С. членом „пятерки" (коллектив для политического руководства восстанием) и членом „семерки" (коллектив для организационного руководства восстанием).

С 1917 г. С. член ЦИК'а Советов. С 1917 г. по 1923 г. С. состоит народным комиссаром по делам национальностей, а с 1919 г. по 1922 г. — народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции. С 1922 г. С.—один из секретарей ЦК партии, в каковой должности остается он и теперь. С 1925 г.—член президиума Исполкома Коминтерна.

Период гражданской войны С. провел по преимуществу на фронтах. 1918 год (весна и лето) С. работает на Царицынском фронте, организуя совместно с Ворошиловым и Мининым оборону Царицына от войск Краснова. В конце 1918 г. С. инспектирует совместно с Дзержинским фронт 3-ей армии в районе Перми, всеми мерами содействуя приостановке нашего отступления. Весной 1919 г. С. работает на питерском фронте, организуя наше наступление против первого наскока Юденича на Питер. Летом 1919 г. С. работает на западном фронте, в Смоленске, организуя отпор польскому наступлению. Зимой 1919 г. С. ведет работу на южном фронте против войск Деникина, оставаясь там вплоть до разгрома Деникина и занятия нашими войсками Ростова и Одессы. В 1920 г. С. ведет работу на юго-западном (антипольском) фронте, принимая непосредственное руководящее участие в деле прорыва польского фронта в районе Житомира, освобождения Киева и продвижения наших войск к подступам к Львову. В том же 1920 г. С. ведет работу по обороне юга Украины от наступления Врангеля. С 1920 г. по 1923 г. С. состоит членом Революционного Военного совета республики. За военные заслуги имеет орден Красного Знамени.

Важнейшие из брошюр С.: „Марксизм и национальный вопрос", „На путях к Октябрю", „О Ленине и ленинизме", „Вопросы ленинизма". *Пв. Товстуха.*

Стасова, Елена Дмитриевна (*автобиография*). Родилась я в 1873 г. 16 (3) октября. В семье я была пятым ребенком, старше меня были две сестры и два брата. Ближайшими по возрасту ко мне дома были братья, и младшим в семье был тоже мальчик. И со старшим, и с младшим я жила в большой дружбе, что не мешало нам усиленно драться друг с другом. Ростя среди мальчиков, я ни в чем от них не отставала. Помню, что очень дружила с мальчиками Ауэрбахами (сыновьями горного инженера Алекс. Андреевича Ауэрбаха), Сережей и Володей, и что они на вопросы матери, кого пригласить к ним в день рожденья, ответили: „Лучше всего Лелю Стасову, она лучше всех мальчишек играет в казаки-разбойники".

От раннего детства у меня осталось в памяти впечатление о постоянно больной матери, да и позднее уже, в возрасте 9—10 лет, я помню, как у нее частенько бывали нервные припадки и как мне приходилось помогать старшим сестрам приводить ее в себя. Отец мой, Дмитрий Васильевич, юрист по образованию (он окончил 19-летним юношей училище Правоведения в Петербурге в 1847 г.), быстро подвигался вперед по службе в Сенате и, вероятно, достиг бы высоких служебных постов, судя по началу, так как во время коронации Александра II был герольдом. Однако, его взгляды и интересы шли не в желательном для правительства направлении, и в 1861 г., через месяц после женитьбы, за собирание подписей против матрикуляции студентов во время студенческого движения отец был арестован и, конечно, полетел со службы. С тех пор он больше никогда не служил на государственной службе, а работал сначала как присяжный стряпчий, а потом как присяжный поверенный. Он вместе с Влад. Вас. Самарским-Быховцем, Киримом, Гаевским, Принцем и другими молодыми юристами работали над новыми юридическими нормами „эпохи великих реформ", и отец был первым председателем первого совета присяжных поверенных в России (в Петербурге). С небольшими перерывами он оставался на этом посту до самой своей смерти в 1918 г., так как присяжные поверенные считали его „совестью" сословия. Огромная гражданская практика не мешала отцу постоянно выступать по политическим делам как в ста-

рых судах, так и в реформированных (процесс 50, процесс 193, процесс Каракозова и др.). За свою деятельность в этом направлении, за бесконечное количество подзащитных, которых он брал на поруки, отец не раз подвергался арестам и обыскам, а в 1880 г. высылке из Петербурга в Тулу, так как Александр II как-то заявил, что, „плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова, везде он замешан". На ряду со своей деятельностью, как присяжный поверенный, он очень много сил и времени посвящал музыке, так как прекрасно играл на рояле и был высокообразованным музыкантом. Он вместе с Антоном Рубинштейном и Кологривовым основал петербургскую консерваторию и Русское Музыкальное Общество, устраивавшее вплоть до революции симфонические концерты в Петербурге и в крупнейших городах и способствовавшее насаждению музыки в России.

Я пишу так много об отце потому, что он имел на меня огромное влияние, и ему я обязана очень и очень многим. К детям отец подходил удивительно умело, мягко, я бы сказала женственно, но при всем том он был очень требователен и строг; однако, отличительной чертой его отношения к нам было равное и всегда одинаковое обращение. Всех нас он готовил в гимназию по географии, и я вспоминаю, как усердно я готовила ему уроки, так как само собой разумелось, что нельзя притти на урок к нему, не зная безошибочно заданного. Отец массу читал и имел огромную библиотеку, которой мы широко пользовались. Читая газеты и журналы, отец всегда отмечал интересные статьи и заметки и указывал их нам. В молодые годы он очень много занимался политической экономией, и в его библиотеке имелись все классики буржуазной политической экономии, которые были и моими первыми учителями. В 900-х годах, когда движение с.-д. стало играть крупную роль в общественной жизни, отец стал ощущать пробел в своих знаниях. Помню, как он как-то обратился ко мне с просьбой изложить ему разницу программы с.-д. и с.-р. и после этого сделал вывод: „Надо мне прочитать Маркса, а то бродишь как-то ощупью".

Кроме него, большое влияние оказал на меня дядя, Владимир Васильевич Стасов, родной брат моего отца, музыкальный и художественный критик.— У меня сохранились его письма ко мне, начиная с моих детских лет, и надо удивляться тому, как этот редко образованный человек, занятый крупной научной и художественной работой, умел подойти к ребенку, не подделываясь под детский язык, а соединяя милую болтовню с серьезными художественными и широко-гуманитарными вопросами. Несомненно, он много способствовал выработке во мне самокритики и выдержки.

До 13 лет я училась дома, владела к тому времени уже двумя языками (французским и немецким) и поступила весною 1897 г. в V класс частной женской гимназии Таганцевой. Училась я очень хорошо и кончила гимназию с правом на первую золотую медаль и со званием домаш. наставницы. Уже в 8 классе обнаружились мои педагогические способности, и одна из наших классных наставниц убеждала меня поступить в воскресную школу для работниц, но я мечтала в то время о медицинских курсах, с одной стороны, и о продолжении своего образования в области истории—с другой, и отказалась. 1892—1893 год оказался весьма знаменательным для меня, в смысле моего умственного развития. В этом году я слушала в той же гимназии специальный курс по истории первобытной культуры человека — читал профессор А. С. Лаппо-Данилевский. Как теперь помню, какое огромное впечатление произвело на меня его изложение возникновения у первобытного человека понятия о собственности. Тут же я решила, что для понимания жизни необходимо познакомиться с политической экономией, а так как никто из окружавших меня людей не мог помочь мне в том, каким путем приступить к этому вопросу, то я просто принялась за изучение политической экономии Джона Стюарта Милля. Конечно, работа была очень трудная, но так как у меня было много настойчивости и терпения, то я одолела оба тома. С тех пор я усвоила себе привычку конспектировать прочитанное, что очень облегчало мне работу.

Жизнь в высоко-гуманитарной семье, которая сохранила в себе все лучшее, что было в русской интеллигенции 60-х годов, постоянное соприкосновение с избранными в культурном и художественном смысле людьми (у нас бывали все русские музыканты и художники—передвижники) несомненно оказали на меня большое влияние. Помню, что у меня стало все сильнее и сильнее говорить чувство долга по отношению к „народу", к рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили. Ду-

маю, что мысли эти, мысли о неоплатном нашем долге, сложились отчасти и под влиянием чтения. Оглядываясь назад, я вспоминаю, какое впечатление произвела на меня книга Иванюкова „Падение крепостного права в России". Она указала мне на пробел в моем образовании, и я принялась за изучение „Истории крестьянства" Семевского. Очевидно, что результат всей внутренней над собой работы плюс события внешней жизни, в которых немалую роль в то время играли студенческие истории, заставляли меня искать приложения моих сил к практической работе, и таковой явилась, с одной стороны, работа в „Лиговских воскресно-вечерних классах для взрослых работниц и подростков", а с другой—работа в „Подвижном музее учебных пособий". Работа среди табачных и текстильных работниц столкнула меня близко и непосредственно с рабочими, а знакомство с Крупской, Якубовой и Невзоровой, с одной стороны, и с Устругоной и Сибилевой—с другой, столкнуло меня с товарищами, работавшими уже и на политическом поприще.

Постепенно я начала работать в политическом Красном Кресте, и у нас дома не раз устраивались лекции (платные) с этой целью, что было в большом ходу в то время и чему наша гуманитарная интеллигенция, в том числе и мои родные, охотно содействовала и помогала. Одновременно с этим активные товарищи стали пользовать меня и мои знакомства для хранения как литературы, так и архива и печати партии. Эта работа привела к тому, что после одного из провалов товарища, заведывавшего складами литературы, мне поручили ведать всеми складами петербургского комитета. Было это в 1898 г., и поэтому я и считаю временем вступления в партию 1898 г., хотя уже весной 1896 г. я имела у себя на хранении: „Рабочий День", „Кто чем живет", „Ничего с нами не поделаешь" и др. Мало-помалу работа увеличивалась, и в моем ведении были не только склады литературы, но вообще все, что касалось технической стороны ПК, т.-е. доставка всевозможных квартир для собраний, явок, ночевок, получение и распределение литературы, установка техники (гектографов, типографий и т. д.), а затем и переписка с за границей.

С момента возникновения „Искры" и начала кампании по собиранию партии, я много работала вместе с И. И. Радченко в этой области.

И. И. Радченко (Аркадий), который из Женевы приехал по явке от Н. К. Крупской прямо ко мне, просил меня дать ему связи с „Союзом Борьбы". Ив. Ив. был представителем организации „Искры". Я связала его тогда с Ник. Алексеевичем Аносовым, но и лично все время поддерживала с ним связь, и вся переписка „Искры" с Петербургом велась нами с Ив. Ив. совместно. Много помогала при этом и Варвара Федоровна Кожевникова-Штремер и Ник. Ник. Штремер. Это была наша тесная „искровская" компания, которая вела усиленную борьбу с „экономистами"—Токаревым, Аносовым и др. „Союз Борьбы" и „Искра" не слились в Петербурге, а были представлены на II с'езде двумя отдельными представителями.

Работу в ПК я вела вплоть до января 1904 г., когда вследствие провала и выдачи меня, по неопытности, одной технической помощницей, только что вступившей в работу, я вынуждена была уехать из Петербурга. Этот от'езд совпал с вызовом меня Г. М. Кржижановским, членом ЦК, в Киев. Однако, там мне не пришлось оставаться, так как за день до моего приезда в Киеве произошел провал, и я вместе с М. М. Эссен (Зверь) уехала в Минск, где нас приютил товарищ, инженер М. Н. Кузнецов. М. М. Эссен скоро уехала за границу, а я получила задание работать вместе с Марком (Любимовым) по технике ЦК. С этой целью мне пришлось переехать в Орел, а оттуда ездить по делу паспортов, связи с военной организацией и переходом через границу в Смоленск к Ф. В. Гусареву и в Вильно к Клопову. А ранней весной я перебралась в Москву, где Красикову, Ленгнику, Гальперину, Бауману и мне поручено было организовать и вести работу в сев. бюро ЦК. В июне были арестованы Бауман, его жена Медведева, Ленгник, и я должна была перенести северное бюро в Нижний-Новгород. Но одновременно с московским провалом провалилось и южное бюро в Одессе, и Мышь (Кулябко) переехала в Москву. Было решено, что Кулябко возьмет на себя секретарство в Северном Бюро, а я в Южном. В Нижнем-Новгороде, куда я поехала, чтобы передать Мыши (Кулябко) связи, я была арестована, а через сутки была перевезена в Москву в Таганку, где просидела до декабря 1904 г., когда была выпущена под залог. Из Москвы уехала в Петербург и сейчас же опять вошла в работу. Землячка передала мне все связи, и я опять стала секретарствовать в петербургском

комитете, а весной, когда сразу по приезде со с'езда Алексей (член ЦК А. И. Рыков) был арестован, то вела в течение всего лета и работу секретаря ЦК. Осенью секретарство в петербургском комитете я передала В. Ксандрову, заведывание техникой В. С. Лаврову (инженеру), но секретарствовать продолжала до августа месяца 1905 г. Затем я была отправлена в Женеву представителем по делам техники ЦК.

В январе 1906 г. я вернулась в Петербург, проработала до конца февраля как секретарь ПК. В феврале 1906 г. мне было поручено поехать в Финляндию и принять от Германа Федоровича (Н. Е. Буренина) работу по связи с заграницей (переправка в Швецию, получение оружия, граница как сухопутная—Торнео-Хапаранда, так и морская—Або, Ганге, Васа-Стокгольм). Одновременно я должна была наладить дела об'единительного с'езда в Швеции и переправу товарищей на с'езд и обратно. По окончании этой работы я вернулась в Питер и вплоть до ареста 7 июля 1906 г. была секретарем ПК, вместе с Раисой Аркадьевной Карфункель, меньшевичкой, ибо после об'единительного с'езда и ПК был об'единенным. Вместе с нею мы проводили общегородскую конференцию, которая сначала заседала в Обществе инженеров на Загородном проспекте 21, один раз в Териоках в зале Народного Дома, а затем в Обществе технологов на Английском проспекте Это заседание не состоялось, ибо прибыло слишком мало участников, а по выходе из здания Карфункель, Красиков и я были арестованы на улице и препровождены: Карфункель и я в Литовский замок, а Красиков в Кресты. Так как у меня, кроме статьи об организации, которая предполагалась для легальной нашей газеты „Эхо", ничего не нашли, то меня только выслали из Питера, но уже в январе 1907 г. мне было разрешено вернуться, по хлопотам моего отца, и я вновь работала в ПК до марта месяца, когда болезнь заставила меня перебраться на Кавказ. С осени 1907 г. работала в Тифлисе в качестве пропагандиста в различных кружках, вплоть до осени 1910 г., когда Спандарьян и Серго-Орджоникидзе вовлекли меня в работу ЦК, сначала по подготовке Пражской конференции, а потом по части издательства и вообще техники ЦК.

В ноябре 1913 г. я из Тифлиса пошла в ссылку и 9 января 1914 г. прибыла на место назначения—в село Рыбинское, канского уезда Енисейской губ. Ссылку я получила по приговору тифлисской судебной палаты, а привлекалась совместно с Верой Швейцер, Марией Вохминой, Арменуи Оввян, Васо Хачатурьянц, Суреном Спандарьяном и Нерсесом Нерсесян по 102 ст. Уг. Улож. 1-й части.

Арестованы мы все были в течение мая—июня 1912 года, при чем относительно меня улики были установлены только после ареста Оввян и Вохминой. В результате этого обыска и был приказ о моем аресте в Питере, куда я приехала, ничего не предполагая, прямо на квартиру моих родителей. Оказалось, что там уже побывала полиция, и все комнаты, кроме проходной столовой и комнат, занятых стариком лакеем Романом Смирновым, были запечатаны. Приехала я больная с температурой около 40°. Роман предупредил меня об обыске. Я отдала ему спрятать несколько экземпляров тезисов, так как он всегда был посвящен в мою нелегальную работу и не раз прятал мои вещи, умылась и хотела ехать к брату врачу, как явилась полиция, осмотрела мои вещи, не нашла ничего, но все же арестовала меня и отвела в участок (Фурштадская, 26), впрочем, дав мне возможность позвонить по телефону моему брату мировому судье о моем приезде и аресте. Брат тотчас приехал в участок, и я успела передать ему как деньги (часть была партийных денег), так и различные адреса и дела, так что о моем аресте товарищи были тотчас уведомлены, и Сталин (Коба) имел возможность получить у брата деньги. После двух недель сидения в Предварилке и Пересыльной тюрьме, меня отправили в Тифлис, благодаря хлопотам отца и брата на свой счет. Обстановка этой поездки была такова, что я смело могла удрать, и брат предлагал мне это, хотя он и ручался за меня, но я отклонила побег, так как была уверена в полной своей чистоте, и только в охранном отделении в Тифлисе, увидав свой портфель с письмами, метрическим свидетельством, гимназическим дипломом—с одной стороны, и с архивом ЦК, переписанным моей рукой, с другой, я поняла, что села крепко. Наш суд состоялся 2 мая 1913 г., и по нему мы все получили ссылку на поселение.

В сентябре состоялась конфирмация моего приговора, а 25-го ноября мы с Оввян двинулись в путь через Баку, Козлов, Ряжск, Самару и Челябинск в Красноярск, так как местом ссылки была назначена Енисейская губ. В Са-

СТЕКЛОВ Ю. М. (1873–1941).

С 1925 на журналистской и научной работе. С 1929 заместитель председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

маре мы повстречали целый ряд товарищей мужчин (Серебрякова, В. М. Свердлова и др.), а в Челябинске к нам присоединились Семен Шварц, Анна Трубина и Маруся Черепанова; вместе с последней я очутилась в ссылке в селе Рыбинском, канского уезда.

Осенью 1916 г. мне было разрешено поехать в отпуск в Петербург „для свидания с престарелыми родителями", ибо так гласил пункт, по которому вообще по букве закона ссыльные и поселенцы имели право покидать пределы Сибири.

В Питере я немедленно связалась с Шляпниковым, Молотовым, Залуцким, М. И. Ульяновой и др., так что смогла войти в партийную жизнь. Обратно в Сибирь я не вернулась, так как серьезно заболела, и срок пребывания в Петербурге был мне продлен, а там наступила революция. Однако, царская полиция не оставила меня в покое и в ночь с 25 на 26 февраля 1917 г. явилась ко мне, произвела безрезультатный обыск и направила меня в Литейный участок, где я застала сначала только одну политическую арестантку, которую привели за час до меня, а потом в течение дня доставили еще 16 человек.

Я была освобождена восставшим народом 12 марта (27 февраля) вечером. 13/III (28 февраля) 1917 г. отправилась в Таврический дворец и по поручению Шляпникова организовала секретариат бюро ЦК. С этого времени до IX с'езда партии работала как секретарь ЦК сначала в Петрограде, а потом в Москве. С мая месяца 1920 г. переехала в Петроград и работала как организатор в губернском комитете партии, вплоть до слияния его с петроградским комитетом. По поручению ЦК поехала в Баку для организации первого с'езда народов Востока и для работы в кавказском бюро ЦК. После с'езда народов Востока была выбрана членом Совета пропаганды и действия народов Востока и его секретарем, работая одновременно и в Кавбюро ЦК. С апреля 1921 г. до февраля 1926 г. находилась в распоряжении Коминтерна; в настоящее время работаю в секретариате ЦК ВКП (б).

Стеклов, Юрий Михайлович (*автобиография*), род. 15 августа 1873 г. в г. Одессе в средне-буржуазной семье. Сначала учился во 2-й одесской прогимназии, по окончании которой перешел в 3-ю гимн. Уволен из 7 кл. гимн. за политическую неблагонадежность, вернее сказать—за непочтительный отзыв о поэме Богдановича „Душенька", который преподав. словесности Копотиловым, чеховским человеком в футляре, раздут был в политическое преступление. Через год сдал при той же гимназии экзамен в качестве экстерна и в 1891 г. поступил в киевский унив., откуда через полгода также был уволен за непосещение лекций. Только в 1908 г., после ссылки и эмиграции, получил возможность снова поступить в университет (в Петербурге), но через два года уволен был и оттуда вследствие нового ареста и новой высылки. По возвращении из второй эмиграции снова поступил в петерб. унив. в 1914 г. и окончательно сдал университетские экзамены в 1916 г., т.-е. через 25 лет после поступления в университет. После этого записался в сословие помощников присяжн. повер. в Петрограде, но юридической практикой заниматься не пришлось в виду разразившейся вскоре революции.

Революционными идеями проникся еще на школьной скамье в 5-м кл. гимназии. Само собою разумеется, что идеи эти были неопределенные, неоформленные. Это был смутный протест против тогдашней политической системы, которая давала себя особенно усиленно чувствовать учащейся молодежи, да еще имевшей несчастие принадлежать к гонимым „инородцам". 15 лет от роду руководил первым рабочим кружком (в 1888 г.), состоявшим преимущественно из учеников ремесл. учил. „Труд", которые все были гораздо старше и в житейском отношении опытнее своего руководителя. В то время стоял скорее на народовольч. позиции. Значительное влияние в смысле революционного самоопределения оказали на него соч. Чернышевского, в особенности его роман „Что делать", и примеч. к Миллю.

В 1890 г. в руки товарищ. кружка, к которому принадлежал С., случайно попал транспорт народовольч. литературы, в котором имелись и издания группы „Освобождение Труда". С одной стороны, „Календарь Народной Воли" усилил народовольч. симпатии, но с другой стороны—изд. гр. „Освобождение Труда" и особенно две брошюры Плеханова, „Социализм и полит. борьба" и „Наши разногласия", а также брошюра и статьи П. Б. Аксельрода дали сильнейший толчок в сторону марксизма. Изучение „Капитала" Маркса окончательно определило марксистские устремления. В 1891 г. познакомился с приехавшим тогда из-за границы Д. Б. Рязановым, знакомство с которым усилило наклон к марксизму. Рязановым был составлен каталог для систематического чтения, который впоследствии был пополнен С.

и одно время был очень популярен среди революционных кружков на юге. В этот каталог, кроме имевшихся тогда на русском языке книг по рабочему вопросу, включены были все журнальные статьи, начиная с 70-х гг., имевшие отношение к рабочему и аграрному вопросу. Ознакомление с положением крестьянства и с результатами статистич. обследований русской деревни окончательно утвердили марксистские убеждения С. В 1893—1894 гг. вместе с группою товарищей, из которых следует особенно назвать Г. В. Циперовича, машиниста Л. П. Яковлева и матроса И. М. Калашникова, создал первую крупную рабочую организацию в Одессе. Пропаганда велась в определенно социал-демократ. духе, сильно окрашенном тонами будущего большевизма. В организацию входили моряки (матросы, кочегары и т. д.), составлявшие главную ее часть, строительные рабочие, сапожники, машинисты, и были завязаны некоторые связи с воинскими частями (подробно об этой организации рассказано в воспоминаниях С., напечат. в журн. „Минувшие Годы", а также в книге „Борцы за социализм", т. II). 28/I 1894 г. организацию постиг разгром. С. в момент обыска не оказалось дома, и он мог бы уйти от ареста и уехать за границу. Но, с одной стороны, уверенный в том, что обыск был вызван случайными причинами, а с другой — не желая бросить так хорошо развернувшуюся работу, он вернулся домой и добровольно дал себя арестовать 29/I 1894 г. Просидев 1½ года в одиночном заключении, сначала в старой одесской тюрьме, а затем в одесских „Крестах", был в администр. порядке приговорен к ссылке на 10 лет в Якутскую область, куда и выслан вместе с товарищами в июле 1895 г.

В Якутск партия прибыла в марте 1896 г. Здесь С. был призван на военную службу, которую не успел отбыть своевременно, так как был арестован в возрасте 20 лет. Отбыв здесь воинскую повинность в 1897—1899 гг., С., вопреки установившейся традиции, по решению вр. исп. должн. якутского губернатора получил распоряжение о выезде в Средний Колымск для дальнейшего отбывания срока ссылки. Это решение возмутило не только всех ссыльных, но и тех обывателей, которые узнали о нем. Пользуясь дружественными связями с младшим офицером якутской местной команды и ее солдатами, С. решил бежать из ссылки, что и выполнил в конце 1899 г. (подробно этот побег описан в „Мин. Годах" и в той же книге „Борцы за социализм", т. II). За границу С. прибыл как раз к началу 1900 г.

Уже в ссылке пришлось вести борьбу с народившимся оппортунистич. движением в социал-демократ. партии, получившим впоследствии название „экономического" направления. Неудивительно, что по прибытии за границу С., ознакомившись с тогдашними разногласиями среди социал-демократов, решительно примкнул к плехановской группе в ее борьбе с так наз. „рабочедельцами". В заграничном „Союзе русских с.-д." С. работал под фамилией Невзоров. С появлением за границей Ленина с товарищами С. примкнул к „Искре" и „Заре", представителем которой одно время был в Париже. В первое время после основания „Искры" была еще надежда на об'единение всех социал-демократов. Считая, что это об'единение необходимо в виду возрождения народнич. движения под флагом партии „социалистов-революционеров", С. вместе с Рязановым и Е. Смирновым составил группу, взявшую на себя посредничество между „искровцами" и „рабочедельцами". После неудачи об'единительных попыток эта группа превратилась в группу „Борьба", чисто издательского характера, просуществовавшую около 2 лет и об'явившую о своем распущении накануне 2-го парт. с'езда в 1903 г. За короткое время своего существования группа успела выпустить несколько пропаганд. изданий, в том числе „Социал-демократ. календарь на 1902 г.", имевший большой успех и часто служивший с тех пор образцом для подражания.

После партийного раскола в 1903 г. С. в общем и целом примыкал к большевикам, хотя формально не вступил тогда в их организацию. С Лениным его разделяли организационные разногласия, в частности различное понимание принципов организационного централизма. С. стоял тогда приблизительно на той позиции, которая потом получила название „демократического централизма", но для которой в тот момент, повидимому, не было еще почвы. Равным образом С. расходился с „искровцами" в понимании аграрной программы и в отрицательном отношении к так наз. „отрезкам". Он стоял на почве партийной программы группы „Борьба", требовавшей экспроприации частного землевладения и национализации земли с поддержкой сельско-хозяйств. товарищества, приблизительно той программы, которая впоследствии была принята и осуществлена большевистской партией.

В эмиграции прожил до революции 1905 г. При первых известиях об октябрьских событиях двинулся обратно в Россию. В Москву прибыл 15/XI 1905 г. и немедленно принял активное участие в агитации, при чем после первых двух-трех выступлений получил предложение впредь выступать от имени моск. комит. большевиков, что и выполнял до своего ареста. В виду возникших недоразумений с некоторыми видными представителями московского большевизма, в частности с покойным Шанцером (Маратом), по поводу выступлений по аграрному вопросу, решил выехать в Петербург, чтобы, переговорив с Лениным, выяснить его отношение к этому вопросу, так как было уже известно, что Ленин стоит за конфискацию помещичьей земли. В Петербург прибыл 1/XII, а 2/XII 1905 г. был арестован на последнем заседании петерб. сов. рабочих депутатов, куда был приглашен Троцким. При аресте назвался Карсевым в виду постановления исполнительного бюро совета о том, чтобы не называться и не давать показаний. В течение нескольких месяцев точно выполнял это постановление, пока не убедился, что оно не выполняется другими арестованными. После этого назвался, но от показаний отказался. В начале июля 1906 г. был переведен из Крестов в пересыльную тюрьму, откуда, повидимому, подлежал возвращению в Якутскую обл. Но вследствие посещения пересыльной тюрьмы мировым судьей, возбудившим вопрос о незаконности содержания под стражей без всяких законных оснований, был после некоторых колебаний политической полиции освобожден из-под стражи. Переехав в Финляндию, проживал год в Териоках, наезжая в Петербург для революционных дел. Принимал деятельное участие в агитации на выборах во 2-ю Госуд. Думу, при чем выступал с большев. платформой, вызывая этим крайнее неудовольствие меньшев. центр. комитета. Энергично работал особенно в Выборгском районе по проведению избирательной кампании за „левый блок" (единственный район, где „левый блок" и одержал победу). В это время еще больше сблизился с большевиками и принимал участие в их литературной работе.

В 1907 г. переехал в Петербург. Здесь продолжал заниматься пропаганд.-агитац. работой среди петерб. рабочих и вел борьбу с начинавшимся тогда „ликвидаторством". Одновременно принимал активное участие в издательских предприятиях большевиков, как, напр., в сборнике „Текущий момент", в сб. „Памяти Карла Маркса", где поместил три статьи, и т. д. После выборов в 3-ю Государ. Думу принял самое деятельное участие в работах социал-демократ. фракции, проводя там большев. линию, и состоял петерб. корреспонд. центр. орг. большевиков „Социал-Демократ", где писал за подписью „К". Департамент полиции, которому стала известна не только деятельность С. в соц.-дем. фракции, но и сотрудн. в „Соц.-Дем.", сначала произвел у С. один безрезультатный обыск, а с затем в марте 1910 г., в связи с агитацией по делу Азефа, произвел второй обыск, который закончился арестом. По приказу Столыпина С. в мае 1910 г. было предложено на выбор или отправиться на 3 года в Сибирь, или на тот же срок за границу. С. выбрал последнее и выехал в Париж, где и прожил до лета 1914 г. Здесь он продолжал работать с большевиками, сотрудничать в большев. изданиях как за границей, так и в России („Соц.-Демокр.", „Раб. Газета", „Мысль", „Просвещ." и т. д.) и был членом парижской группы большевиков. Одновременно работал в центр. органах германской соц.-демокр. партии „Форвертс" и „Нейе Цайт" Каутского, где отстаивал большев. линию и полемизировал с меньшевиками и бундовцами.

Летом 1914 г., в виду оживления рабочего движения в России, решил вернуться на родину. На обратном пути в Россию остановился по дороге на пару недель в Берлине, был застигнут здесь мировой войной и арестован в Германии как гражданский военнопленный. При аресте был избит на улицах Берлина толпой, а затем заключен в крепость Дёберич, вскоре оттуда освобожден, но оставлен в Берлине в качестве военнопленного, с обязательством являться в полицию дважды в неделю. Освобожденный через два месяца, с одной из первых партий гражданских военнопленных вернулся в Россию. Здесь застал среди эсеров и меньшевиков атмосферу социал-патр. угара, против которой начал решительную борьбу, ведя т. н. „пораженческую" агитацию и выступая против „оборонцев". На этой почве порвал с журн. „Соврем. Мир", единственным тогда марксистским журналом, сотрудником которого состоял до того в течение многих лет. По возвращении в Петербург осенью 1914 г. немедленно сблизился с работавшими там большевиками—Л. Каменевым, депутатами рабочей фракции 4-й Госуд. Думы—Г. Петровским и А. Бадаевым. На квартире Каменева в дер. Неувола (близ ст. Му-

стамяки Ф. ж.-д.) совместно с этими двумя депутатами состоялся ряд совещаний, на которых определялась большев. позиция перед лицом мировой войны. По поручению этого совещания С. были составлены некоторые большев. документы того времени, как „Ответ на письмо Вандервельде" и „Обращение к рабочим и солдатам". По предварительному сговору с Петровским, С. должен был принять участие в предполагавшейся тогда конференции партии большевиков, где должен был выступить с докладом, но случайно на нее не попал, так как в последний момент конференция вместо Финляндии открылась в Озерках, где и была целиком захвачена полицией в первый же день.

Незадолго до Февральской революции, чувствуя, что назревают крупные события, взял на себя инициативу об'единения старых большевиков для того, чтобы подготовиться к возможным политическим осложнениям. С первого момента Февральской революции 1917 г. принял в ней активное участие. Явившись в понедельник 27/II (ст. ст.) в Таврический дворец, в совет рабочих депутатов, был избран членом его исполнит. комитета, членом бюро, а также редакт. „Известий Петрогр. Совета Рабочих и Солд. Депутатов". Впоследствии, с образованием Всеросс. Центр. Исполнит. Комитета (после первой Всеросс. конференции рабочих и солд. депутатов), был избран также и в его состав. Ему принадлежит участие в составлении воззвания „К народам всего мира", в защиту которого он произнес в заседании петр. сов. 14 марта 1917 г. большую речь, вызвавшую против него взрыв негодования в буржуазной прессе за выраженные в ней интернационалистические идеи.

В петроградском совете в общем и целом стоял на тогдашней позиции большевиков. При выборах в исполнит. комитет поддерживал все большевистские кандидатуры и способствовал проведению в него Красикова, Шляпникова, Залуцкого и Молотова. Точно так же в состав редакции „Известий" ввел исключительно большевиков или лиц, считавшихся большевиками. Попытка организационно об'единиться с немногими большевиками, входившими в исполнит. комитет, как Шляпников и Залуцкий, окончилась неудачей не по вине С., который сам предложил такое об'единение.

Не решаясь с первого же момента выставить лозунг передачи всей власти советам, вследствие слабой организованности в тот момент трудящихся масс и вследствие неуверенности в победе даже буржуазной революции, но вместе с тем считая невозможным допустить образование чисто буржуазной власти, отстаивал в совете точку зрения т. н. „двоевластия", которая, оставляя формальную власть в руках Временного правительства, действительную власть сохраняла в руках советов раб. и солд. депутатов. Вел самую решительную борьбу с участием социалистов во Временном правит., которые могли только укрепить его и ввести в заблуждение массы, и тем вызвал к себе смертельную ненависть со стороны Керенского, поведение которого осуждал и с влиянием которого в совете боролся. Отстаивание в совете решительной революционной линии, разоблачение промахов Временного правительства и в особенности агитация против образования контр-революц. гнезда в ставке возбудили против С. ненависть буржуазии, которая с первых же недель революции начала осыпать его самыми гнусными клеветами, от которых меньшевистско-эсеровское большинство совета не считало нужным защищать своего политического противника. С. выступал против начинавшей организовываться контр-революции не только на рабочих и солдатских митингах, но и на первой Всеросс. конференции раб. и солд. депутатов в начале апреля 1917 г., где он в качестве докладчика по вопросу о внутренней политике совета произнес 2-часовую речь, разоблачавшую все промахи Временн. правительства и тем самым всех членов совета, которые склонны были безоговорочно поддерживать эту политику (напечат. в № 32 „Изв." от 5 апр. 1917 г. и тогда же отдельно). Негодование большинства Исполн. комитета против выступления С. было настолько велико, что, вопреки всем парламентским приличиям, это большинство, по подстрекательству Церетелли, уже тогда ставшего главою соглашательского течения в совете, постановило выпустить второго докладчика, который должен был сделать доклад в противоположном, т.-е. соглашательском с буржуазией, духе. Но вследствие отказа намеченного второго докладчика, Суханова, Церетелли в своем очередном слове сам сделал этот контр-доклад. Впрочем, резолюция по докладу С., выработанная в согласительной комиссии, где С. голосовал вместе с большевиками, была составлена в таком духе, что за нее голосовали и все присутствовавшие на совещании большевики, так что она была принята единогласно.

СТУЧКА П. И. (1865–1932).

С 1924 председатель Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 20-е годы Главный редактор первой советской Энциклопедии государства и права.

Конфликт С. с меньшев.-эсеровским большинством Исполнит. комитета обострился до того, что на тайном частном совещании меньшевиков и эсеров, заправил Исполнит. комитета, был составлен список новой редакции „Известий", в котором имя С., создавшего эту газету и ведшего ее со дня основания, даже не упоминалось. Исполнит. комитет провалил эту интригу Дана, Гоца и Церетелли и оставил С. редактором „Известий". Но вскоре, по настоянию Станкевича и Церетелли, большинством Исполнит. комитета был пересмотрен список сотрудников „Известий", при чем все большевистские элементы были оттуда исключены, а взамен введены чисто меньшевистские и эсеровские. После этого С. не счел возможным для себя оставаться редактором „Известий" и сам подал в отставку (12 мая 1917 г.). Только Октябрьская революция вернула его на этот пост, который он занимал до конца июня 1925 г., т.-е. в течение почти 8 лет беспрерывно. С. состоял членом ВЦИК и ЦИК первых 12-ти созывов, а также членом президиума ВЦИК 2-го и 3-го созыва. М. пр., С. участвовал в комиссии по выработке советской конституции, текст которой был составлен им (вместе с Шейнкманом) накануне 5-го с'езда Советов, на котором он и выступил с докладом в защиту этого проекта, после того принятого с'ездом. По поручению ВЦИК и ЦК партии совершил две агитационные поездки: одну на колчаковский фронт, в Вятскую г., в мае и июне 1919 г., а вторую на деникинский фронт в июле 1919 г.

Перу его принадлежит много переводных и оригинальных работ (не считая множества журнальных и газетных статей). Из последних можно назвать след.: 1) „Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность", С.-Пб. 1909 г. (готов. 2-е изд.); 2) „М. А. Бакунин, его жизнь, учение и деятельность" в 4-х т. (I т. вышел в М. в 1922 г. и 2 изд. в 1926 г., остальные в 1927 г.); 3) „Карл Маркс" (краткая биография, 3-е изд. М. 1922 г.; 4) „Борцы за социализм" (из истории обществ. течений, 2-е изд. в 2-х т. М. 1923—1924 г.); 5) „Первый Интернационал", 3-е изд. М. 1924 г. (готов. 4-е); 6) „История рабочего движения", ч. 1-я, М. 1921 г.; 7) „Рассыпанная храмина" (сб. стат. М. 1919 г.); 8) „Прудон, отец анархии", 2-е изд. Л. 1924 г.; 9) „Лафарг, борец революц. коммунизма", 3-е изд. Л. 1924 г.; 10) „Политическая полиция и провокация во Франции", 3-е изд. Л. 1924 г; 11) „Год борьбы за социальную революцию", в 2 т. (собр. статей из „Известий" и „Правды" за 1917—1918 г.), С.-Пб. 1919 г.; 12) „Поэзия революц. социализма", 3-е изд. Л. 1924 г.; 13) „Литературн. распад", С.-Пб. 1908 г. и много других. В настоящее время подготовляется полное собрание сочинений и переписки Бакунина. По-немецки вышли книжки С. о Герцене, Бакунине, Чернышевском; брош. „Маркс и анархисты" и „Анархич. Интернационал после Гаагского конгресса". По-французски брош. „Соц.-дем. фракция 3-й Гос. Думы". По-английски печат. перевод. книги С. „Первый Интернац.".

Стучка, Петр Иванович *(авторизованная биография)*, род. 14 июля (ст. ст.) 1865 г. в Лифляндской губ. в крестьянской латышской семье. После окончания юридического факультета в петербургск. унив. возвращается в Ригу; практически работал в качестве присяжного поверенного. С 1888г. по 1897 г. с некоторым перерывом состоит главным редактором газеты „Диенас Лапа", являвшейся идейным центром т. наз. „нового течения", об'единяющего все наиболее радикальные и марксистски настроенные элементы латышской крестьянской интеллигенции и также некоторую часть городского пролетариата. — После закрытия газ. „Диенас Лапа" и ареста в 1897 г. С. высылается на 5 лет в Вятскую губ. Из ссылки появляются в латышском марксистск. журн. „Социалдемократс" (издававш. в Берне под ред. Розыня-Азиса) работы об аграрных отношениях в Прибалтийском крае, о политич. свободе и др. После ссылки работает в витебской организации, принимая непосредственное участие во всех с'ездах латышск. соц.-дем. В партии большевиков с 1903 г. В 1906 г. работает в г. Риге, принимая самое активное участие в партийной работе, ведя определенную борьбу как с появившимися в латышск. партии меньшевиками, так и с анархистами. В 1906—07 г. был избран председат. Центр. комит. латышской с.-д. рабочей партии Латышскими батраками и крестьянами была выставлена его кандидатура во II Госуд. Думу, но правительство позаботилось о ее снятии. В 1907 г. уезжает в Петербург, выступая и в следующие годы в лат. партийной и рабочей печати, то в полемике против лат. меньшевиков, то со статьями по аграрному, национ. и др. вопросам. В то же время появляются его статьи (под псевдон. „Ветеран") в большев. журн. „Просвещение". После Февральской революции—член большев. фракции петрогр. совета рабочих депутатов. После Октябрьской революции—

в 1917—18 г. народный комиссар юстиции; затем член коллегии Нар. ком. иностр. дел; в 1918—19 г., когда в Латвии была власть Советов,—председатель советского правительства Латвии и в то же время член ЦК ВКП(б). В 1921 г. замест. нар. комисс. юстиции. С 1923 г.—председ. Верховного Суда Р.С.Ф.С.Р. и представитель комм. партии Латвии в Коминтерне. Со времени Октябрьской революции С. выпущен ряд брошюр на латышск. языке, в связи с событиями в Латвии, исследование об аграрной революции, перев. I т. „Капитала" К. Маркса; на русском языке—„Революц. роль права и госуд." (1921), „Учение о госуд. и конституции РСФСР", „Конституция СССР в вопросах и ответах" и др. (См. „*Кал. Комм.*" и „*Паст. Энц. Сл.—Справ.*" 1926 г.).

Суханов, Николай Николаевич (псевд.; настоящая фамилия *Гиммер*) (*автобиограф.*), род. в Москве 10 декабря 1882 г. Отец был мелким жел.-дор. чиновником, страдал алкоголизмом, умер в 1903 г.; но его я никогда не видал и того, что называют семьей, никогда не знал. Детство провел отчасти при матери, но больше при бабушке. Мать — умная и способная женщина, без интеллигентской культуры, из дворянской семьи, по профессии—акушерка; близок к ней никогда не был. Физически был слаб; в деятельности, свойственной детству и отрочеству, отставал от сверстников и обнаруживал склонность к созерцательности. Первые впечатления от жизни: недостаток средств и разговоры о разводе, тянувшемся безрезультатно много лет. Разговоры велись так, чтобы я не понял (отчасти по-французски); я понимал половину и всегда чувствовал себя перед посторонними людьми носителем каких-то постыдных тайн. Семи лет поступил в школу при фабрике, где служила мать. Учился хорошо, но с тех пор и до конца был очень слаб в математике. 10-ти лет поступил в гимназию в Москве. До 4-го класса жил на средства матери в дворянских, совершенно некультурных семьях. Много читал, страстно любил театр и музыку. 14-ти лет имел сильные впечатления от громкого процесса моей матери, содержание которого послужило материалом для драмы Л. Толстого „Живой труп". Мать была присуждена к тюрьме, я же начал давать уроки и жить самостоятельно: Работал очень много, но и не знал материальной нужды: обыкновенно один урок имел за стол и квартиру, на другом получал деньги, которые мог сберегать для летних путешествий. Гимназистом ездил по Волге, посетил Урал Кавказ, Крым, Киев и др. 16-ти, 17-ти лет развил большую педагогическую деятельность и в качестве первого ученика был поощряем учителями к тому, чтобы стать педагогом. Политикой и общественным движением совершенно не интересовался, естествознанием, техникой—также; но интенсивно читал и размышлял по вопросам истории, классической древности, религии, литературы, искусства. Почти никаких литературных опытов, особенно в области художественного творчества, которых не было до 1926 г. 17-ти, 18-ти, 19-ти лет был захвачен идеями Л. Толстого. От него воспринял критику политического режима и хозяйственного строя; это сделало меня „крайним левым" и побудило войти в нелегальные гимназические кружки для общего и политического самообразования. Но никаких признаков научно-общественного самосознания в то время констатировать у себя не могу. Другая сторона учения Толстого, отвлекая меня от выработки о б щ е с т в е н н о г о мировоззрения, направила меня в сторону индивидуалистической философии, абстрактного самоусовершенствования, отрицания культуры и даже „неделания". К этому времени относятся первые литературные опыты в гимназическом гектографированном журнале, который я и редактировал. На многолюдном общем собрании московских гимназических нелегальных кружков мною был с успехом прочитан первый реферат (в начале дек. 1901 г.) на тему о пьесе Чехова „Три сестры". Реферат был пропитан идеями Толстого. К окончанию гимназии я не только был вегетарианцем, но и решил не итти в университет. Не зная, что с собой делать, я на деньги, скопленные обычным порядком, поехал в Париж,—без определенных целей. В это время (1902—03 гг.) там функционировала т. н. „Высшая школа Общ. Наук". Там, с одной стороны, были заложены основы моего общественного образования. С другой—там открылся неизбежный выход из моего толстовского неделания. Я вошел в круг общественных революционных идей, а вместе с тем в революционную среду. В это время в Париже выступали с лекциями и рефератами Ленин, Мартов, Троцкий, Чернов и др. По окончании учебного года, без каких-либо устойчивых воззрений, я поехал в Москву, чтобы заниматься революционной деятельностью. Я поступил в университет только для того, чтобы не быть в глазах полиции без определенных занятий. Состоял

СУХАНОВ Н. Н. (1882–1940).

Был членом Коммунистической академии, в 1930 выведен из ее состава. В 1931 осужден как руководитель подпольной организации меньшевиков; в 1939 осужден вторично.

членом центральных организаций, руководивших студенческим движением. Кроме того, больше в силу личных связей, чем в силу научных убеждений, выполнял поручения эсеровской организации. Ездил с рефератами в провинцию и т. д. Весной 1904 г. был арестован с большим количеством нелегальщины. В качестве члена П.С.Р. просидел в тюрьме до суда и по суду до революции 1905 г. и вместе с другими был освобожден толпой из московской Таганской тюрьмы. Тюрьма была главным местом и периодом моего образования. В тюрьме же была написана первая моя печатная работа, представляющая критику эсеровской аграрной программы или, вернее, ее обычного толкования (напеч. в прилож. к „Револ. Росс." № 75, от 15 сент. 1905 г.). Выйдя из тюрьмы в дни свобод, снова стал работать в организациях П.С.Р., участвовал в восстании 1905 года, после которого должен был скрыться, и занялся вне Москвы научно-аграрными работами в издательстве Качоровского. С ним на короткое время снова ездил за границу, в Швейцарию, где продолжал научные занятия и чтение рефератов в кружках. По возвращении в Москву, в годы реакции, приступил вплотную к научно-литературной деятельности. В 1907 г. вышла моя первая легальная брошюра „Что даст земля городскому рабочему". В 1908 г.—книга „Земельная рента и основы земельного обложения". В 1909 г.—к вопросу „Об эволюции сельского хозяйства". После этого начал сотрудничать в толстых журналах, главным образом в „Русском Богатстве". И именно с этого времени считаю себя вполне законченным марксистом. Писал только на экономические, преимущественно аграрные темы. Все мои писания имели для меня не самостоятельный научный интерес, а исходили из интересов социалистического движения, как я понимал их. Тем не менее, в те же годы я поступил снова в университет и готовился к профессуре. Но в конце 1910 г. без видимых причин был выслан в Архангельскую губ. на 3 года; оттуда продолжал сотрудничать в толстых журналах, гл. обр. народнического направления, постепенно расширяя круг трактуемых вопросов. В частности там были написаны статьи, вызвавшие большой шум, посвященные фактической ликвидации народничества и доказательству того, что старые социалистические группировки устарели, изжиты движением. Там же, в Архангельской губ., удалось, совместно с группой ссыльных, разработать и напечатать высокоценный архивный материал „Арханг. губ. — по статистическому описанию 1784 г. (итоги подворной переписи)".

В начале 1913 г., после амнистии, поселился в Петербурге и впервые вошел в литературную среду. В начале 1914 г., благодаря более или менее случайным обстоятельствам, получил предложение редактировать ежемес. журн. „Современник". Журнал был посвящен мною по преимуществу развитию идей о новых группировках в нашем социал. движении. В журнале приняли близкое участие видные представители различных течений российского социализма. Кроме того, писал в лево-эсеровской газете и вообще, чем дальше, тем больше занимался публицистикой. В мае 1914 г. был выслан из Петербурга, но продолжал нелегально жить там и редактировать журнал до самой революции 1917 г. Во время войны без колебания занял интернационалистические позиции. Сначала пытался защищать их в журнале, в результате из него ушли сотрудники-оборонцы как народнического, так и марксистского лагеря; потом выступил с рядом брошюр („Наши левые группы и война", „К кризису социализма", „Почему мы воюем"). Война и международное социалистическое движение во время войны подтверждали мои идеи о необходимости новых группировок и в российском движении. В 1915 г. я, вместе с сотрудн. и подписч. „Современника", перешел в новый журнал „Летопись", основанный Горьким, того же типа и направления, но с гораздо большими средствами. После революции 1917 г. группа „Летописи" основала и вела газету „Новая Жизнь" левого с.-д. направления.

Участвовал в событиях революции, был членом центральных советских учреждений (ЦИК) с первого дня революции до июня 1918 г. Сначала работал как беспартийный, затем вступил в автономную группу Мартова, к которой впоследствии примкнула вся разбитая РСДРП. В 20-м г., после выступлений Мартова на конгрессе в Галле, вышел из меньшевистской партии. В годы советской власти работал в ряде советских учреждений в Москве, на Урале, в Берлине, Париже,—большею частью в качестве экономиста и редактора периодических изданий. В те же годы написал „Записки о революции" (7 томов), охватывающие период революции до захвата советской власти. В 1923 г. издал книжку „О мировом хозяйстве". В вопросах международного рабочего движения с начала войны стоял на точке

зрения III Интернационала и впоследствии—коммунизма; в вопросах внутренней экономической политики и социалист. строительства разделяю взгляды правящей партии со времени новой экономической политики. В соответствии с этим считаю ошибочным все писанное мною до 1921 г. к оценке коммунистич. партии и ее роли в нашей революции.— Всего мною написано около 400 печ. листов—по вопросам экономики, публицистики, истории и пр. (в т. числе 18 отдельных книг и брошюр). 20.I—27 г.

Сыромолотов, Федор Федорович (*автобиография*). Я родился в 1877 г. 1 мая в г. Златоусте Уфимской губ. Отец мой был мелким заводским служащим (вернее старшим рабочим) на Златоустовском заводе в большом прокатном цехе. Мы жили в бедности. Отец выпивал. Мне пришлось с 11 лет отчасти кормиться на свой счет. Я быстро постиг благодаря отцу грамоту и одновременно с учением в народной школе уже писал прошения, письма и зарабатывал в семью малую толику, летом же торговал вразнос чужими булками, а иногда учил грамоте. Учился в народной (заводской) школе и перешел в городское училище. Учился очень хорошо, получал похвальные листы и награды. Городское училище кончил в 1892 г. и поступил на завод. Окунувшись в заводскую жизнь и задумываясь над тяжелой горемычной жизнью своей семьи, решил учиться дальше и поступил на казенный счет в уральское горное училище в Екатеринбурге. Зимой учился, а летами работал на заводе в Златоусте (токарем по металлу, слесарем, инструментальщиком) и на золотых приисках около г. Челябинска—бурильщиком, с'емщиком.

В годы 1894—1898 принимал активное участие в рабочем движении в Златоусте и в Екатеринбурге. Тогда основным практическим лозунгом была борьба на Златоустовском заводе за 8-часовой рабочий день, который и был завоеван, если не ошибаюсь, впервые в Златоусте в 1896 г.

В Екатеринбурге по моей инициативе группа учащихся уральского горного училища, частью с гимназистами и реалистами, в это время уже вплотную отдавалась революционной работе (рабочие завода Ятеса: М. Кусков и др., рабоч. В.-Исетского завода). В конспиративных кружках вырабатывались проекты прокламаций, меры по проведению забастовок на ближайших к Екатеринбургу заводах.

На практической работе мало отражался спор между марксистами и народниками. Наша группа была в большей своей части марксистской. Особенно она стала твердо марксистской с участием в нашей группе приехавших в Екатеринбург Берцинской-Розенберг (Зверь), Иды Каменер (застрелившейся вскоре после приезда на Урал) и А. А. Санина.

В 1896—1897 гг. наш кружок: я, Сем. Новомейский, М. Кусков, Кремлев Дм. явились инициаторами „Уральской организации союза борьбы за освобождение рабочего класса", от имени которой и действовали.

В 1898 году я окончил уральское горное училище и уехал из Екатеринбурга в Нижне-Сергинский завод доменным (выплавка чугуна) техником, откуда в ноябре уехал. Примерно к октябрю 1898 г. у нас была организована нелегальная типография на прииске Мариинском (около ст. Бишкиль С.-З. ж. д.). Вся техника дела была поставлена Н. Н. Кудриным (впоследствии полит. каторжанином), бывш управляющим приисками. Тут работали Берцинская (Зверь), В. Доменнов, Плечев И. Д., златоустовский рабочий, двое (муж с женой) типографщиков из Екатеринбурга (фамилии забыл), временно работал я. Был выпущен сборник „Пролетарская борьба" со статьями о голоде, о задачах социал-демократов и др. Типография вскоре была разгромлена. Часть товарищей была арестована (Кудрин, Доменнов, Берцинская и др.). Я в начале 1899 г. (март—апрель) сумел замести свои следы и поступил штейгером на железный Журавлинский рудник Пашийского завода Камского акц. об-ва, а когда я узнал, что я накануне ареста, уехал по приглашению Новомейских в Сибирь в Баргузинскую тайгу, где все же был настигнут и допрошен читинскими властями уже на месте службы на медном руднике по р. Ламбе (Намама)—верст 300 от Баргузина. Дело о других уже было окончено в порядке административном. В виду моей „самоссылки" дело обо мне было прекращено.

В 1900 г. (февраль) я вернулся на Урал. Поступил помощником управляющего Юговского завода (в 40 верстах от Перми) и техником по рудникам и медеплавильному заводу. В январе 1901 г. был приглашен для постройки медеплавильного завода и управляющим этого завода (Пышминско-Ключевской завод Верх.-Исетского акц. о-ва) около Екатеринбурга.

Слабая связь в партийной работе вновь окрепла, и до 1905 г. шла работа по связи уральских рабочих и работников, борьба с эсерами, особенно в виду того,

СЫРОМОЛОТОВ Ф. Ф. (1877–1949).

На руководящей хозяйственной работе.

что часть уральских социал-демократов в 1903 г. заключила с эсерами некий союз, знаменующий собой болото, где загнивала организация и революционная работа. В 1901 г. я стал секретарем общества уральских горных техников, что дало возможность иметь удобный пункт связи по революционной работе нашей партии на Урале. На своей квартире в 12 верстах от Екатеринбурга я в это время подготовлял и оборудование типографии, которая в 1904 г. была перевезена в Екатеринбург. Частое приглашением жандармами для допросов, угроза выслать и предложение моему начальству уволить меня со службы, слишком частые обыски и события 9 января в Петербурге заставили меня бросить службу на заводе и уехать в Москву в январе 1905 г. Пробыв там до апреля, я вернулся в Екатеринбург, где поступил секретарем о-ва уральских техников, и с этого момента моя квартира (я жил в помещении о-ва уральск. техников) была в Екатеринбурге нашим штабом.

Во время революции 1905 г., т.-е. 1905 г. и часть 1906 г., я состоял в Екатеринбурге начальником сводной боевой дружины: нашей, эсеровской и анархистской. С января 1905 г. пришлось перейти на нелегальное положение. По март 1906 г. участвовал в некоторых революционных предприятиях Екатеринбурга. На массовке в марте 1906 г. за Екатеринбургом был арестован с товарищами: Бушеном, Вилоновым, Дербышевым и многими другими. Вскоре был переслан в Николаевские арестантские роты, где разыгралась известная история (нападение на нас солдат и вооруженных сторожей тюрьмы) и попытки самосжигания Вилонова и длительная наша голодовка, как протест против тюремного режима. История эта дошла до Государственной Думы, а нас—Вилонова, меня и Бушена, из'яли из Николаевских арестантских рот, при чем Вилонова отправили в Камышловскую тюрьму, откуда он вскоре бежал.

В 1906 г. в начале ноября меня и других товарищей, привлекавшихся по нашему делу, по делу екатеринбургского комитета Р. С.-Д. Р. партии (большевиков), освободили на поруки, меня с правом жить на родине в г. Златоусте. Однако, я, Бушен и Авейде сразу уехали в Самару.

Привлечены были по делу екатеринбургского комитета следующие товарищи: Чуцкаев, я, Бушен, А. Пинкевич, М. Авейде и др. В Самаре вел работу среди профессиональных союзов: металлистов, сапожников, булочников, прачек, и работал в газете „Самарская Лука", где шли мои фельетоны в стихах: „Деловой Кабинет", политическая сатира на кабинет Столыпина и политическая сатира по общей политике и т. п. Газета издавалась, главным образом, на средства профсоюзов и была партийным органом. Избирательная кампания во вторую Думу была ожесточенная. Наша публика была усиленно переарестована. Осталась небольшая кучка рабочих. Но мы с честью выступали и давали основательный бой. Масса избирателей была за нас. Однако, жить в Самаре из-за преследований уже было невозможно. И пришлось просто бежать из Самары.

Перебравшись в Москву, я поступил товарищем директора по технической части на аффинажный (по обработке меди и драгоценных металлов) завод фирмы б. Крейнес и К°. Однако, в марте или апреле 1907 г., получив известия с Урала, что против меня и других товарищей создается дело в связи с эксами, я выехал под именем швейцарского гражданина Шваба в Берлин, но немцы предложили немедленно покинуть пределы Германии. Я уехал в Париж. Эмигрантская жизнь мне не понравилась. Поработав на литейном заводе, перепробовав другие профессии, присмотревшись к заграничной жизни, я решил ехать обратно на работу в Россию. Мне предложили вести нашу большевистскую партийную военную газету в Варшаве. Увидавшись с Тышкою в Сосновицах, условившись, я выехал в Варшаву. Однако, положение было таково, что варшавские товарищи, в виду усиленных разгромов, репрессий и военного положения (вся Варшава кишела войсками), заявили, что нельзя и думать об издании газеты. Тогда я выехал в Питер и в Териоках увидался с Теодоровичем, членом ЦК. Получил работу за Нарвской заставой. Это было в июле—августе 1907 г. Осенью я был командирован п. ком. для обследования положения дела и состояния наших парторганизаций на юге: Екатеринослав, Харьков, Одесса, Луганск. Об'ехав эти места, дав сведения и установив, сколько возможно, связи, выехал на Кавказ по горным делам, так как за это время я сумел получить в Питере предложение быть экспертом кавказских месторождений медных руд и других ископаемых около Казбека и за Тифлисом. В начале 1908 г. вернулся в Питер. По возвращении из-за границы я жил под фамилией Владислава Казимировича Орловского.

В 1909 г. осенью был охранкой арестован в Питере и после охранки сидел в Коломенской, Спасской части и пересыльной тюрьме вместе с Томским, Еремеевым, Беленьким и другими. Из Питера переведен в Екатеринбург в 1910 г., где и судился за принадлежность к екатеринбургскому комитету партии. Получил год крепости. По выходе из тюрьмы возобновил партийные связи. Вместе с тем получил место инспектора по страхованию жизни от страх. о-ва „Саламандра" на Урале и в Сибири, которое через 4 месяца бросил. Живя в Томске, помогал бежать Я. М. Свердлову, но дело не выгорело. Поселившись вновь в Екатеринбурге (1912 г.), стал заниматься разными работами: химические анализы, чертежные работы, комиссионные работы, проекты, т. к. на службу по моей специальности уральские заводчики меня уже не принимали и откровенно это и заявляли.

В 1912 г. осенью (начало зимы) был арестован по делу уральского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.) вместе с Черепановым, Шварцем, Капустиным и др. Однако, был выпущен с предложением покинуть Урал и в частности Екатеринбург. Не проявляя к этому никакой охоты, я не стремился уехать с Урала. Но моя жена Х. А. Троцкая—еврейка—была выселена с ребенком в Питер (по месту жительства ее родителей). В июле и я выехал в Питер. Принял участие в наших партийных газетах—в „Звезде" и „Правде", где писал фельетоны под псевдонимом „Зигзага", „Тит Подкузьмихин" и др. Участвовал и в профессиональной прессе: текстильщиков, приказчиков („Нил Артельный" и др.). В ноябре 1912 г. моя жена была раздавлена автомобилем насмерть, и после этой катастрофы в личной жизни товарищи уговорили меня бросить Питер и взяться за газету „Степь" в г. Троицке Оренбургской губ. В „Степи" была возможность проводить в газетном отношении частично нашу политику. Здесь была ведена по связи с челябинскими товарищами основательно рабочая страховая кампания, в результате чего проводили везде наш устав. Это помогло плотнее сорганизоваться небольшой группе большевиков: Петров, Гогия (ж.-д. рабочий), Шамшурин (типографщик). Однако, жандармы и казачье начальство, разжевав направление „Степи", стали давить. Я бросил работу в „Степи". Стал директором прикамского горнопромышленного бюро, задачей которого была разведка полезных ископаемых и организация горнопромышленных предприятий. В течение 1915—16 гг. были мною подготовлены к разведке и эксплоатации месторождения каменного угля, свинцово-цинково-медных руд. В 1917 г. Февральскую революцию пережил в Питере. В 1917 г. был секретарем троицкого комитета нашей партии. К Октябрьскому перевороту в Троицке и уезде нами была распропагандирована значительная группа казаков, главным образом фронтовиков. В организации большевиков было, однако, не много—4 человека, и социал-демократ. комитет был смешанный с меньшевиками. Но мне с товарищами удалось изнутри повести так работу, что вся организация вскоре оказалась нашей. Это было как раз во-время, т. к. оренбургское казачество, руководимое кадетами, уже повело атаку вооруженной силой против Советов и специально против нас — большевиков. Накануне дутовского восстания (зимой 1917 г.) я был отозван уральским областным комитетом нашей партии для работы в Екатеринбург. Уже в это время при новой поездке в Троицк воевал с казаками, пережив первые дни активных действий вместе с Блюхером, Елькиным и др. В Екатеринбурге был членом уральского областного комитета нашей партии и исполкома, комиссаром финансов Урала, областным контролером и пред отступлением из Перми председателем СНХ Урала. В 1918 г. в сентябре отозван в Москву, введен в коллегию НКФ и назначен заместителем НКФ на Урале, а после занятия Урала Колчаком работал в Москве членом коллегии НКФ, в апреле 1919 г. был вместе с тем назначен членом президиума ВСНХ, где и был до четвертого с'езда Совнархозов, т.-е. до 20 мая 1921 г. Нес обязанности заведующего финансами ВСНХ, был председателем Горного Совета, наблюдающего за научно-техническим отделом, Главным Геодезическим Управлением, членом ЦК горнорабочих, членом Малого Совета Народных Комиссаров, членом президиума Госплана. Имел ответственные поручения СТО по командировкам на Урал и Волгу. Был членом коллегии Наркомпрода в последние три года его существования. Был в первом составе коллегии Наркомвнуторга СССР в период его организации, был председателем правления Центроспирта в первый год его организации. В данное время состою председателем правления Лесного синдиката, организуя синдикат. Вместе с тем состою директором-распорядителем паевого т-ва „Нарпит", редактором газеты „Рабочая Столовая". Состою членом совета в Промбанке.

ТЕОДОРОВИЧ И. А. (1875–1937).

В 1928–30 генеральный секретарь Крестьянского Интернационала. В 1929–35 редактор журнала "Каторга и ссылка". Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Внешторгбанке и проч. Был редактором „Продовольственной газеты", газеты „За продналог", журнала „Продовольствие и Революция".

Теодорович, Иван Адольфович (*автобиография*). Я родился в 1875 г. в г. Смоленске в польской семье, в которой жили очень богатые повстанческие традиции. Дед мой, Степан Иванович Теодорович, играл активную роль в восстании 1831 г.: о нем много и охотно рассказывал нам, своим внукам. В восстании 1863 г. участвовали как мой отец, так и два брата моей матери, Антоний и Лев Шпигановичи. Антоний был сослан в Сибирь, а Лев—на Кавказ. Мать моя была горячей националисткой, обожала Мицкевича, и с ее слов я еще в раннем детстве знал наизусть почти всего „Пана Тадеуша", это евангелие польской националистической скорби. Я научился ненавидеть русский царизм, его чиновников и военщину, но все же из меня не вышло польского патриота. Причиной тому были след. обстоятельства. Когда мне было лет 5 отроду, отец мой, крупный железнодорожный служащий, сошелся с другой женщиной и покинул семью в шесть человек детей (я был предпоследним). Мать моя, гордая полька, отказалась принимать какую бы то ни было помощь от отца, и наша семья очутилась в сетях крайней нищеты. Многие годы мы жили на бюджет в 15—20 рублей в месяц, которые зарабатывала мать шитьем и стиркой белья. Мы поселились в одной комнате на отдаленнейшей окраине г. Смоленска. Грязные переулки, обомшелые, покосившиеся лачуги, заселенные самой подлинной городской беднотой—вот где протекло мое детство вплоть до окончания гимназии. Я был очень живым, подвижным и впечатлительным ребенком и очень скоро сблизился и сдружился с обитателями Рыбацкой улицы и Тыртова пер. Уличные ребята стали моими лучшими друзьями, а их отцы, ремесленники и рабочие кожевенных заводов и махорочных фабрик—непререкаемыми для меня авторитетами. Полусознательно я сравнивал этих бедняков с другим обществом, именно польско-шляхетским, отдельные члены которого продолжали знакомство с моей матерью. Сравнение выходило не в пользу последних. Разумеется, все это предопределило мой позднейший жизненный путь. Когда я поступил в гимназию, я остался верен своей улице и не сближался с детьми губернских верхов, учившимися вместе со мною. Вскоре под свои непосредственные житейские впечатления и переживания я подвел некоторый теоретический фундамент. Моими товарищами по гимназии были братья Клестовы, тоже члены нашей уличной компании (один из них известный партийный работник Н. С. Ангарский-Клестов). Их отец имел книжный магазин и библиотеку для чтения, а в квартире у себя, в особой комнате, он хранил огромное количество каких-то книг, которых, как мы слышали от него, нельзя было держать в библиотеке. Я был в четвертом или пятом классе, когда мы отдали себе отчет в том, какое сокровище представляли собой таинственные книги. Это были полные комплекты „Отеч. Записок", „Соврем.", „Русск. Слова", „Дела", „Слова" и т. д. С юношеской яростью набросился я на эти книги. К окончанию гимназии я уже достаточно хорошо знал Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, Зайцева, Русанова, Валентинова, И. Кольцова и др. Из их литературного наследства я сделал один очень определенный вывод: надо жить и работать только для тех, кого я узнал и полюбил на своей „улице". Правда их жизни в моих глазах была теперь подтверждена авторитетами науки и публицистики. Стенографический отчет о деле первого марта ознакомил меня впервые с тем, как работали и боролись. Словом, уже в последних классах гимназии я почувствовал ясно, что мой грядущий путь—это путь „профессионального революционера". Так синтезировались в душе подростка влияние повстанческой традиции, сближение с городской беднотой и воздействие революционной литературы 60-х—70-х гг. На этой почве разразился мой первый жизненный удар: увольнение из смоленской гимназии. Во время экзаменов на аттестат зрелости в выпускном сочинении по русскому языку я обнаружил знакомство с дарвинизмом и социализмом. Это всполошило педагогический совет, и последний решил: аттестата зрелости не давать и из гимназии исключить. Но так как я учился очень хорошо, то добавили, что не будут ставить препятствий к переводу в другую гимназию. Мне удалось это сделать и, потеряв год, я поступил в московский университет в 1894 г. на естественный факультет. К этому времени относится мое первое знакомство с нелегальной марксистской литературой. Я уже раньше знал Лассаля и Маркса по Зиберу по его полемике с Чичериным, но решающее значение для моего мировоззрения сыграли „Наши разногласия" Плеханова, которые были случайно добыты гимназическим кружком от одного бывшего народовольца.

проживавшего в Смоленске (Шамовского). Эта книга ответила на вопрос, который так мучительно вставал передо мною: чем об'яснить крах и разложение народничества? Дело в том, что у меня завязались связи с некоторыми бывшими участниками народовольческих кружков в Смоленске. Они производили удручающее впечатление: стали форменными „обывателями", грызшимися между собою и избегавшими какого-либо живого дела, к которому так рвется молодость. Чувствовалось, говоря словами Герцена, что они исповедуют „религию, из которой бог выехал, а церковная утварь осталась". Под влиянием блестящей работы Плеханова я „самоопределился", еще точнее: я увидел выход в том, чтоб остаться „профессиональным революционером", но на почве истинно-революционного и в то же время глубоко-реалистического марксистского учения. Так я отмежевался от народничества, но те же „Наши разногласия" дали мне возможность отмежеваться и от так называемого „легального марксизма". Как раз в это время последнее течение стало очень заметным. Вскоре вышла известная книга П. Струве. Мода на марксизм стала почти повальной. Но чувствовалось, что для одних это дело всей их жизни, для других — скоропроходящая игра. Отличить тех и других было не трудно. Стоило только предложить от слов перейти к делу. А дело было одно— это перенесение марксистской проповеди в низы.

В университет я приехал уже сложившимся марксистом, поскольку это было доступно моему юному возрасту (18 л.). Год был бурный. В октябре умер Александр III. Радикальное студенчество не стало носить по нем траура, подумывало об отказе от присяги Николаю II. Профессор Ключевский, сказавший в Историческом обществе надгробный панегирик в „бозе почившему", был освистан на первой же лекции.

Разумеется, я угодил в „число драки" и был выслан на родину. Впрочем меня вскоре вернули, но я попал на заметку в Охранном отделении, и впоследствии меня часто арестовывали при тех или иных студенческих историях, хотя бы я в них и не участвовал. В первый же свой студенческий год я познакомился с рядом марксистов и уже с весны 1895 г. был привлекаем к работе в периферии по технической части (первое выполненное мною задание состояло в покупке по аптекам глицерину для гектографа). С тех пор, в течение тридцати лет, я никогда не покидал рядов нашей партии, все время принадлежа к тому крылу ее, которое получило в истории название „большевистского". Оформление такой моей позиции началось как-раз с 1895 года. Летом этого года мне попал в руки сборник „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития". Из ряда авторов этого сборника я выделил одного—К. Тулина (впоследствии я узнал, что это был В. И. Ульянов). Его статья—„Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве",—как раз оказалась тем произведением, в котором я нуждался для ясного и глубокого теоретического ответа на все сомнения, какие еще у меня оставались. Тонкое развенчание „легального марксизма", чеканное отмежевание от эпигонов народничества и вместе с тем признание „лучших сторон старого русского народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает марксизм" (стр. 2 сборника, II т.)—это было как-раз то, к чему ощупью и не совсем отчетливо склонялся я сам. С этой поры „Тулин" стал моим светочем, учителем, авторитетом. Я зорко следил за его работами, познакомился с его биографией и с участью его брата А. И. Ульянова и в общем и целом разделял все его взгляды. Моя партийная работа протекала, в перерыв с неизбежными арестами и высылками на родину, в Москве иСмоленске, где я с'организовал небольшой кружок рабочих на катушечной фабрике. Если не ошибаюсь, это был первый рабочий кружок в Смоленске. В Москве я работал в подпольных кружках с целым рядом лиц; в числе моих товарищей по работе были В. В. Воровский, В. В. Дмитриев (известный статистик), Н. Н. и Вл. Н. Розановы (последний впоследствии очень видный меньшевик), Н. М. Петровский (умер членом коллегии НКЗ в 1918 г.), В. С. Бобровский, Шомет, Кириллов, Блинов, ветеринарный врач Никитин и многие другие. Эти кружки были, в сущности, пред-историей партийной работы в Москве. В эти годы я перевел на русский язык Туна и „Коммунист. Манифест" Маркса. Н. С. Ангарский и его брат В. С. Клестов издали их на гектографе и мимеографе. По окончании университета в 1900 г. я целиком перешел на положение профессионального революционера. В 1901 г. я был избран в члены моск. комит. РСДРП, работая в нем с покойным Бауманом, Хинчуком, Н. Л. Мещеряковым, с очень ярым впоследствии меньшевиком-ликвидатором С. Л. Вайнштейном-Звездиным, с В. В. Гурвич-Кожевниковой, Г. И. Окуловой и др. Нечего добавлять,

что в это время я был сторонником „Искры", поддерживая живейшие отношения путем переписки с редакцией этой газеты. В начале 1902 г. моск. комитет официально признал „Искру" своим центр. органом. Я руководил рабочими кружками: в моем ведении была коллегия пропагандистов и агитаторов. В ноябре 1902 г. произошел наш провал, причиненный провокаторами Гузеевым и Глебовым. Для меня последовали длительное предварительное заключение в Таганке и высылка в Якутскую область на 6 лет. Подробности раскола РСДРП на с'езде 1903 г. стали мне известны уже в Якутске. Не колеблясь, я стал на сторону большевиков. В Якутской обл. в это время шли очень значительные волнения среди политических ссыльных на почве их нежелания подчиниться знаменитым циркулярам гр. Кутайсова. Колония города Олекминска, где я жил, избрала меня „диктатором", т.-е. главой вооруженного чем попало отряда, созданного на случай сопротивления властям при их попытке заставить нас подчиниться приказам генерал-губернатора. Обе стороны явно чувствовали близость революции: это нас окрыляло, а у властей парализовало энергию. Победа оказалась на нашей стороне, и циркуляры Кутайсова были фактически отменены. Летом 1905 г. я бежал из Якутской обл. и, прибыв в Женеву, имел возможность лично познакомиться и сблизиться с В. И. Лениным. К тому, что я знал о Ленине, как теоретике и вожде большев. течения в РСДРП, прибавилось для меня обаяние его, как человека—живого, остроумного, сердечного и чуткого. Я написал несколько статей в центр. орган нашей фракции „Пролетарий", Ленину они понравились, и он предложил мне войти в состав редакционной коллегии. Тогда в ней работали, кроме него, еще В. В. Воровский („Шварц") и М. С. Ольминский-Александров. Владимир Ильич частенько (также и впоследствии) корил меня за то, что я мало пишу, но меня тянуло к практической, к организаторской работе в партии. Поэтому, когда мы вернулись в октябре 1905 г. в Петербург, я с головой окунулся именно в практическую деятельность. Я был избран ответственным организатором василеостровского районного комитета партии и вскоре затем членом петербург. комитета и состоял в нем до мая 1907 г., принимая самое близкое участие во всех революционных событиях того времени. Мои воспоминания о некоторых из этих событий напечатаны в 27 и 30 №№ „Пролет. революции". На выборах во 2-ю Госуд. Думу партия проводила меня в нее по городской курии, но мы не имели успеха. Петерб. партийной работой практически руководила в то время так называемая исполнит. комиссия петерб. комитета, состоявшая из 5 человек; в нее входили: проф. Н. А. Рожков („Вячеслав"), И. П. Гольденберг („Мешковский"), И. Ф. Дубровинский („Иннокентий"), Зиновьев („Григорий") и я („Платон"). Мы были счастливы в работе. Еще в 1905 г. петербургская организация на половину состояла из меньшевиков, а уже при выборах (в апреле 1907 г.) на Лондонский с'езд мы получили $^2/_3$ мандатов, а меньшевики только $^1/_3$. С'езд поставил нам это в плюс, и вся наша пятерка была избрана в центр. комитет (от большевистской фракции). Я тоже был делегатом на Лондонском с'езде, как годом раньше на Стокгольмском. На выборах в 3-ю Госуд. Думу партия опять выдвинула мою кандидатуру (вместе с кандидатурой Н. Д. Соколова, впоследствии отошедшего от большевиков, автора „Приказа № 1" в 1917 г.). И на этот раз выборы были для партии неуспешны. В феврале 1908 года я был командирован ЦК для об'езда и инструктирования наших организаций на Урале. Вскоре же я был провален каким-то провокатором и ровно на 9 лет вышел из строя (предварительное заключение, ссылка на каторжные работы, поселение в Нижнеудинском у.). В середине марта 1917 г. я прибыл в Петербург в качестве делегата от красноярского совдепа на Всероссийское совещание советов. Я остался в Петербурге и вошел снова в ЦК партии, состоя в нем до конца апреля 1917 г. Затем я был переброшен на муниципальную работу и до Октябрьской революции занимал должность сперва товарища председателя петербургской городской думы, а затем члена управы и члена особого по продовольствию присутствия. После 25 октября я занял в первом кабинете Ленина пост народного комиссара продовольствия, но оставался на нем до конца декабря 1917 г. Здоровье мое, в конец расшатанное каторгой, ссылкой и адски-трудной работой в течение 1917 г. в петербургских условиях, заставило меня по требованию врачей уехать в Сибирь для отдыха и лечения на несколько месяцев. Но чехословацкий бунт отрезал меня от России. В 1919 г. я бежал в партизанские отряды северо-канского фронта, боровшиеся против Колчака, и работал в них в качестве литератора, лектора, агитатора. В 1920 г., по вызову Ленина, вернулся

в Москву и был назначен сперва членом коллегии Наркомзема, а в 1922 г. заместителем наркома в том же ведомстве. В этой должности состою и по сию пору. За это время написал ряд брошюр, журнальных и газетных статей по вопросам с.-х. и аграрной политики, выступал по поручению партии по тем же вопросам с докладами на с'ездах советов, Коминтерна и Крестинтерна.

За почти 30-летнюю совместную работу с Лениным я помню только три случая, когда я не соглашался с ним. Разумеется, я упоминаю об этом не в целях своей личной характеристики, а исключительно для того, чтобы напомнить, как, преодолевая возникавшие разногласия, Ленин вел нашу партию к ее всем известной монолитности. Первое разногласие возникло в 1906 г. по вопросу, выбирать ли в 2-ю Госуд. Думу по чистому с.-д. списку или в блоке с эсерами и трудовиками (левый блок). Ленин стоял за последнее решение, я был в числе тех, кто признавал правильность первого. О втором разногласии — по проблеме о роли крестьянства в эпоху после разгрома первой революции — я подробно рассказываю в № 28 „Пролет. Революции". И, наконец, последнее разногласие касалось вопроса, должна ли была наша партия начать с „военного коммунизма" или можно было отправляться от того, что в 1921 г. получило название „новой экономической политики". Я держался в 1917 г. последнего мнения, но очень скоро убедился в том, что прав был Ленин, который отнюдь не идеализируя методов военного коммунизма, ясно видел его неизбежность в условиях ужасающей разрухи, вызванной империалист. войной в условиях отчаянного сопротивления эксплоататорских классов.

Такова моя жизнь, жизнь профессион. революционера, жизнь рядового ленинской когорты. И в практической работе и в литературной деятельности я служил одной цели — пропаганде идей великого революционера, моего учителя. И если чем я горжусь, так только тем, что одним из первых я почувствовал гений Ленина и стал под развернутое им знамя.

Толмачев, Николай Гурьевич, род. в Ростове-на-Дону в 1896 г. 16 лет окончил реальное училище и поступил в петерб. политехнич. институт. В 1913 г. вошел в партию большевиков в коллектив студентов-политехников. В 1916 г. вошел в исполнительную комиссию петерб. комитета агитатором, организатором и редактором нелегального „Пролет. Голоса". После Февральск. революции 1917 г. Т. вел агитационную работу в Петербурге, затем на Урале. Благодаря ему весь пермский гарнизон перед Октябрем перешел к большевикам. Работает вместе с А. Г. Белобородовым в газ. „Пролет. Знамя". После октября 1917 г. работает в Выборгском районе в качестве секретаря Совета. Избирается в Учредительное Собрание от Пермск. губ. Назначенный комиссаром отряда против Дутова, он проводит сначала победоносное наступление, а потом и отступление. Во время чехословакского выступления был в Екатеринбурге назначен пом. команд. сибирско-уральск. фронта. Затем он работает в политическом отделе (главн. политическим комиссаром). После VIII парт. с'езда он назначается ЦК в Петроград заведывающим культурно-просветительным отделом в окружном военном комиссариате, как прекрасный агитатор и опытный политический руководитель. После ямбургского прорыва Т. опять на фронте, где организовал оборону лужского участка. Чтобы воодушевить красноармейцев личным примером, Т. отправился с батальоном отстоять важный стратегич. пункт дер. Красные Горы. Когда не было никакой надежды отразить зашедших в тыл белогвардейцев, Т. покончил с собой (в мае 1919 г.). (См. *„Пам. бор."*).

ТОЛМАЧЕВ Н. Г. [1895 (по уточненным данным) – 1919].

ТОМСКИЙ М. П. (1880–1936).

В 1929 освобожден от обязанностей председателя ВЦСПС. В 1929–30 заместитель председателя Президиума ВСНХ СССР. В 1932–36 заведующий Объединением государственных книжно-журнальных издательств. До 1930 член Политбюро ЦК, с 1934 кандидат в члены ЦК партии. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

Томский (Ефремов), Михаил Павлович *(автобиография)*, родился 31 октября 1880 г. в Петербурге. Мать Т. умная, крепкая женщина, не желая «привыкать» к побоям мужа, работавшего слесарем на петербургских заводах, почти всегда пьяным приходившего домой, ушла от него. Отца Т. не знал, так как родился после развода; как непризнанный отцом, записан «незаконнорожденным». Это явилось «крестом» детства, доставив Т. в очень раннем возрасте много тяжелого.

До 6 лет Т. с братом 25 лет и сестрой 11 лет жили у дедушки, работавшего у Шереметьевых. Со смертью дедушки вся семья осталась на руках матери, перебиваясь «с хлеба на квас», живя на мизерном заработке матери от пошивки белья. Брат не имел специальности, хотя был очень начитан. Больной туберкулезом, часто без работы, он зверски дрессировал маленького Мишу, превратив его к 10—11 годам в робкого, забитого ребенка.

Первая школа Т. — частный пансион, куда 5-летнего Мишу и его сестру берут из милости, так как тетка служила там прислугой. Пробыл Т. в пансионе только год, но уже умел хорошо читать.

9 лет Т. определяется в 3-классное низшее начальное училище, где учится на казенный счет. По окончании училища работает по склейке коробок на коробочной фабрике «Теодор Киббель» на заработок 5 к. в день. Получив повреждение пальца в коробочном отделении фабрики, был уволен. Поступает работать на табачную фабрику «Лаферм», потом снова к «Теодору Киббель» уже на жалованье в 5 руб. в месяц, откуда переходит работать на металлургический завод «Бруно Гофмарк». 14 лет, работая на небольшой фабрике металлических изделий «Русь» Смирнова, принимает участие в организации и проведении стачки, после неудачного конца которой увольняется. После нескольких месяцев безработицы Т. на 15 году поступает учеником к кустарю хромо-литографу В. Несслеру. На 21 г. Т. кончает учение на хромо-литографа и работает в различных хромо-литографиях Петербурга.

В 1903 г. впервые знакомится с попавшей ему социалистической литературой, а в 1904 г. Т. уже вступает в социал-демократический кружок. Работая на жестяной фабрике Хаймовича, слывет за социалиста, за что в начале 1905 г. был уволен с фабрики. Пробыв в Петербурге несколько месяцев без работы, переезжает в Ревель. В Ревеле поступает работать литографом по камню на фабрику «Звезда», изготовлявшую консервные коробки. Здесь, в Ревеле, в революционные дни 1905 г. начинается усиленная революционная работа Т.

В начале Т. избирается старостой от рабочих фабрики и входит в состав ревельского совета старост, задача которого вести переговоры с администрацией предприятий по различного рода экономическим и политическим требованиям рабочих. При его энергичном участии организовывается ревельский совет рабочих депутатов по типу петербургского, в состав президиума которого впоследствии входит Т. Организовывает и проводит забастовку протеста против расстрела ревельских демонстрантов 16 декабря 1905 г.

К этому периоду времени относится первая попытка работы Т. и в области профессионального движения — организация ревельского профессионального союза металлистов. В январе 1906 г. Т. арестовывают, как члена ревельского совета рабочих депутатов, и заключают в камеру смертников. После 4-месячного тюремного заключения его ссылают в Сибирь, в Нарымский край, в с. Парабель. В ссылке в спорах выявляет себя сторонником вооруженного восстания в противовес сторонникам амнистии. Пробыл 2 месяца в ссылке, с небольшой группой товарищей бежит в г. Томск, получает первую партийную явку — оттуда и берет свое начало псевдоним Томского.

Нелегально пробираясь, в августе 1906 г. прибывает в Петербург, где поступает работать под фамилией Артамонова на жестяную фабрику Хаймовича. Первое время под кличкой «Михаил Василеостровский», потом — «Михаил Томский», ведет партийную работу в Василеостровском районе. Организовывает союз граверов и хромо-литографов, где избирается председателем. С об'единением литографов с типографами в единый союз входит членом правления союза. В начале января 1907 г. на конференции петербургской организации РСДРП избирается в состав петербургского комитета партии и начинает вести работу в различных районах города. Петербургским комитетом избирается в члены расширенной редакции органа ЦК большевиков «Пролетарий» и в редакционную комиссию газеты «Вперед».

Весной 1907 г. Т. избирается делегатом от петербургской организации на V с'езд партии и едет в Лондон. На с'езде выступает в качестве ответственного оратора фракции большевиков против идеи всероссийского «рабочего с'езда», выдвинутой Аксельродом и поддержанной Плехановым. Участвует в работах Всероссийской конференции партии в Гельсингфорсе. По возвращении с конференции Т. арестовывают на заседании петербургского комитета. После 4-мес. предварит. заключения в «Крестах» приговаривается судом в мае 1908 г. за принадлежность к РСДРП к году крепости. За несколько месяцев до конца срока заключения при содействии Полетаева, тогда члена Государственной Думы, Т. выпускают на поруки под залог. С неугасаемой энергией он вновь погружается в партийную работу, но не надолго.

В ноябре 1908 г. по доносу провокатора Коновалова арестовывается и сидит в одиночном заключении до апреля 1909 г. В мае 1909 г. едет в Париж на расширенное заседание редакции «Пролетарий». Из Парижа ЦК партии направляется в Москву в качестве представителя ЦК в московской Центральной промышленной области. По приезде в Москву восстанавливает разгромленную московскую организацию большевиков, одновременно работая в качестве члена областного бюро, члена москов-

ского комитета и члена окружного комитета. Организует тайную типографию, принимает активное участие в возобновлении выхода областного органа партии — газеты «Рабочее Знамя», состоя ответственным редактором газеты. После ареста московского комитета, а вслед за тем и провала типографии, Т., успевший скрыться от последствий, усиленно разыскивается шпиками.

Арестовывается Т. в декабре 1909 г. в Петербурге на вокзале, куда он прибыл из одесского южного областного бюро. Из Петербурга Т. перевозится в Москву, где и сидит под следствием по делу 33 до ноября 1911 г. В ноябре московской судебной палатой, после 11-дневного разбирательства, выносится приговор по делу 33-х. Приговором Т. за принадлежность к партии присуждается к 5 годам каторжных работ. Каторгу отбывает в московской Бутырской тюрьме.

Во время пребывания своего в тюрьмах усиленно занимается самообразованием и, главным образом, марксистским. По окончании каторги в апреле 1916 г. ссылается на вечное поселение в Сибирь, в киренский уезд Иркутской губернии. В ссылке вначале работает в качестве статистика по сельско-хозяйственной переписи. Февральская революция, а вместе с ней и амнистия, застают его в ссылке, где он принимает участие в организации комитета общественной безопасности, в аресте и разоружении полиции, жандармов и исправника.

В конце марта, не дожидаясь вскрытия Лены, на лошадях пробирается в Иркутск, а оттуда в Москву. Оторванность от партийной жизни за время долгого пребывания в тюрьме и ссылке не дает возможности сразу приступить к партийной работе. С приездом В. И. Ленина из-за границы едет в Петроград, где после беседы с Лениным начинает работать в петербургском комитете, состоя членом Исполнительной Комиссии П. К. От пет. к-та делегируется на III Всерос. конференцию профсоюзов (июнь 1917 г.).

После июльских дней Т. из Петербурга переезжает в Москву, где работает в Комиссии по выборам в районные думы по г. Москве. Далее переходит работать в союз металлистов в качестве редактора журнала «Металлист». От союза металлистов делегируется в Московский Совет профессиональных союзов, где в декабре 1917 г. избирается председателем. Одновременно работает в качестве редактора журнала ВЦСПС «Профессион. Вестник».

На I с'езде профсоюзов (январь 1918 г.) Т. от фракции большевиков выступает с заключительным словом по докладу Зиновьева о задачах союзов.

В 1918 г. IV конференцией профсоюзов избирается в президиум ВЦСПС. II и III с'ездом профсоюзов избирается председателем ВЦСПС. В 1920 г. принимает участие в организации Межсовпрофа (Профинтерна), после организации которого работает в нем в качестве генерального секретаря. В мае 1921 г. с назначением председателем Комиссии ВЦИК по делам Туркестана на время уходит от профессиональной работы.

В январе 1922 г. возвращается на профработу, вначале в качестве секретаря ВЦСПС, а с V с'езда профсоюзов — председателем ВЦСПС. С VIII с'езда партии Т. состоит членом ЦК ВКП С XI с'езда партии состоит членом Политбюро ЦК. С 1920 г. и по настоящее время является членом президиума ВЦИК, с I с'езда Союзов ССР—членом президиума ЦИК СССР.

В 1924 г. входит в состав советской делегации для переговоров с английским правительством. Будучи в Лондоне, вступает в связь с представителями тред-юнионистского движения, которые впоследствии приглашают представителей ВЦСПС на очередной конгресс английских тред-юнионов в Гулле. В сентябре 1924 г., как представитель ВЦСПС, выступает на Гулльском конгрессе с изложением революционно-классовой позиции профсоюзов СССР..

Почти все литературные произведения Т. посвящены вопросам рабочего и профессионального движения. Основные из них—«Принципы организационного строительства профсоюзов», «Профсоюзы на новых путях», «Очерки профдвижения в России» и «Задачи коммунистов в профдвижении»—излагают роль, принципы построения, тактику и методы работы профсоюзов. Первые три переведены на азиатские языки, четвертое—на европейские.

П. Кашин.

ТОЧИССКИЙ П. В. (1864–1918).

Точисский, Павел Варфоломеевич, род. в 1864 г. в г. Екатеринбурге. Отец его был поляк, полковник, мать—француженка, воспитавшая Т. в традициях Великой франц. революции. Урал с его лесами и горами развил в мальчике любовь к природе и сделал его поэтом, а высланные из Петербурга революционеры оказали большое влияние на развитие революционных его взглядов. Еще в гимназии он организует народнический кружок, а в 1883 г. бросает гимназию и поступает рабочим в железнодорожные

ТРОЦКИЙ Л. Д. (1879–1940).

В 1929 по обвинению в антисоветской деятельности выслан из СССР. Убит в Мексике.

мастерские. В 1885 г. он завязывает знакомство с петербургскими рабочими кружками, переезжает в Петербург и поступает на Александровский завод за Невской заставой. Т. работает на Выборгской стороне, организует рабочие собрания на Охте, знакомится с соц.-демокр. литературой группы «Освобождение труда», и здесь окончательно складывается его политическое мировоззрение. Привлеченный по делу организованного им же «Товарищества петербургских мастеровых», имевшего резковыраженный соц.-дем. характер, он был арестован и затем выслан в Екатеринослав. Здесь он поступает на должность чертежника, работает вместе с группой соц.-демократов, скоро опять подвергается высылке, тюремному заключению и т. д. В 1898 г. Т. поселился в Москве, но уже в 1899 г. был арестован „за принадлежность к кружку интеллигентов, занимавшихся социальной пропагандой среди рабочих", был выслан в Вологодскую губ. на 3 года. В 1905 г. работает опять в Москве, служит техником в городской управе, занимается организацией профессионального союза техников и соц.-демокр. фракции городской думы, председательствует в стачечном комитете и принимает активное участие в декабрьском восстании. В то же время он редактирует журнал „Техник"—орган профессионального союза техников, работавших в городском предприят., и газету „Борьба". Союз техников, принявший программу партии большевиков, под руководством Т., расширил свои рамки и охватил весь Центральный промышленный район. В 1906 г. Т. был привлечен к ответственности, а журнал „Техник" был закрыт. С этих пор до Февральской революции он скитается с семьей по России, преследуемый полицией, постоянно меняя места службы. 1917 год застает его на Урале на Белорецком заводе. Т. выдвигается на пост партийного руководителя в уральск. областном комитете и военного комиссара и ведет беспощадную борьбу с контрреволюцией. В июне 1918 г. Т. был убит во время гражданской войны (См. *„Пам. бор"*, т. III и *„Кал. Ком."* 1925 г.).

Троцкий, Лев Давидович, род. 26 октября 1879 г. в дер. Яновке Елизаветградск. уезда, Херсонск. г. и до 9 лет жил в небольшом имении своего отца, херсонск. колониста. 9-ти лет Т. был отдан в одесское реальное училище, проучился там до 7 класса, а затем был переведен в Николаев, где и закончил свое среднее образование. Вспоминая свое детство и школьные годы, Т. рассказывает, что он очень интересовался художеством, рисовал цветными карандашами и считался будущим художником. Но никакого дарования в этом направлении в дальнейшем у себя совершенно не обнаружил. В реальном училище к рисованию относился даже скорее как к обузе, хотя вообще был прилежен; более всего увлекался писанием сочинений, весьма мечтал о будущности писателя. Писал, конечно, и стихи. Переводил на украинский язык басни Крылова. Издавал с второклассниками и третьеклассниками журнал. Все, как полагается. Из второго класса был исключен (временно) за протест против швейцарца Бернарда, учителя французского языка (Г. Устинов. „Л. Д. Троцкий", стр. 31). Из пятого класса Т. опять едва не был исключен за новый протест против преподавателя русской словесности, однако дело ограничилось лишь карцером и тройкой за поведение. По окончании училища Т. пытается поступить вольнослушателем на математ. факультет. К этому периоду относится начало его общественно-политической деятельности. Переведясь в Николаев, Т. попадает в среду революционно-настроенной молодежи, но в первое время считает себя скорее противником марксизма, чем марксистом.

Эта молодежь вскоре заводит связи с николаевскими рабочими „Я удивляюсь,—вспоминает по этому поводу Т.,—с какой легкостью нам, небольшому кружку юношей, удалось войти в доверие николаевских рабочих—среды довольно культурной, идейной, затронутой разными видами сектантства в старшем поколении и атеизмом—в младшем. Об организации „Южно-русского рабочего союза" я рассказал в небольшой брошюре, которая была издана за границей издат. „Рабочее дело". Николаевская организация заключала в себе в 1897 г. 250 рабочих, что по тому времени было весьма много. Николаевским рабочим я был известен под именем Львова. Мы вели кружковые занятия, устраивали небольшие массовки в лесах, издавали прокламации, газеты. Политическое невежество масс было весьма глубокое. В сущности я ни одной революционной книги тогда не читал. Даже с „Коммунистическим манифестом" познакомился впервые, читая и разъясняя его в кружках". (Ibid. 32). Организация, о которой рассказывает Т., перебросилась и в Одессу, и ему пришлось служить связующим звеном между одесской и николаевской группами. О деятельности кружка вскоре проведали власти, в организации нашлись провокаторы и предатели. „Аре-

ста ждали мы со дня на день,—рассказывает Т.;— так как в Николаеве всех нас называли по именам, то мы считали „неудобным“ уклоняться от ареста, ежели он обрушится на организацию. 28 января 1898 г. я был арестован в имении какого-то помещика Соковнина, где по пути из деревни отца остановился у Франца Францевича Швиговского, который служил у помещика садовником“. (Ibid. 33). Этот Швиговский был центром николаевской революционной молодежи. За арестом последовали переселения из одной тюрьмы в другую: просидев некоторое время в николаевской тюрьме, Т. был переведен сперва в херсонскую, затем в одесскую тюрьму, где и пробыл около двух лет. Здесь последовал приговор о высылке Т. на поселение в Восточную Сибирь на 4 года и вслед за приговором—длившееся месяцами пребывание в московской, иркутской и александровской пересыльных тюрьмах. В тюрьме Т. становится марксистом. „Решающее влияние,—рассказывает он по этому поводу,—на меня оказали два этюда Антонио Лабриола о материалист. понимании истории. Только после этой книги я перешел к Бельтову и к „Капиталу“. Ib. 34). На время ссылки падает начало литературной деятельности Т. „Во время первой ссылки,—говорит он,—я вышел, так сказать, на литературную дорогу. Начал с корреспонденций, затем перешел к статьям в иркутской газ. „Восточное Обозрение“. Тогда стал подписываться Антид Ото—псевдоним, которым я долго пользовался и позже в легальной русской печати“ (Ib. 34). Пробыв около двух лет в ссылке в селе Усть-Кут Иркутской губ., Т. в августе 1902 г. бежит через Иркутск в Самару с поддельным паспортом на имя Т., впоследствии ставшего его общеизвестным псевдонимом (его семейная фамилия — Бронштейн) „Я сам вписал это имя в имеющийся у меня паспортный бланк,—рассказывает Т.,—я назвал себя по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы“. (Ib. 34). По пути из ссылки Т. заводит связи с сибирским социал-демократич. союзом в Иркутске и с центральной группой организации „Искра“ в Самаре. Выполнив некоторые поручения этой группы в Харькове, Полтаве и Киеве, Т. переходит австрийскую границу и направляется в Вену, где знакомится с Виктором и Фридрихом Адлерами. Отсюда он едет в Лондон, где в то время находилась редакция „Искры“, руководимой жившими в Лондоне Лениным, Мартовым и Засулич, при сотрудничестве живших на континенте Плеханова, Аксельрода, Потресова. „В Лондон я приехал осенью 1902 г.,—вспоминает Т.,— должно быть, в октябре ранним утром. Нанятый мною мимическим путем кэб доставил меня по адресу, написанному на бумажке, к месту назначения. Этим местом была квартира Владимира Ильича (Ленина)“. (Л. Тр., „О Ленине“, 1924, стр. 10.)

Ленин устроил новичку подробный „экзамен по всему курсу“, в особенности интересуясь отношением русских социал-демократов к теоретическому спору между Каутским и Бернштейном. „Я рассказал,— говорит Т.,—как мы читали книгу Бернштейна и ответ Каутского в московской тюрьме и затем в ссылке. Никто из марксистов в нашей среде не поднимал голоса за Бернштейна. Считалось как бы само собою разумеющимся, что Каутский прав. Но связи между теоретической борьбой, развертывавшейся тогда в международном масштабе, и нашими организационно-политическими спорами мы не проводили никакой и даже над ней не задумывались“. (Ib. 12). „Насчет моей дальнейшей работы разговор был в этот раз, разумеется, лишь самым общим“, вспоминает Т. „Я хотел прежде всего ознакомиться с вышедшей литературой, а затем предполагал нелегально вернуться в Россию. Решено было, что я должен сперва „осмотреться“. (Ib. 12). „Так начался короткий лондонский период моей жизни. Я принялся с жадностью поглощать вышедшие номера „Искры“ и книжки „Зари“. К этому же времени относится начало моего сотрудничества в „Искре“. (Ib. 13). „В лондонский период, как и позже в женевский, я гораздо чаще встречался с Засулич и с Мартовым, чем с Лениным. Живя в Лондоне на одной квартире, а в Женеве обедая и ужиная обычно в одних и тех же ресторанчиках, мы с Мартовым и Засулич встречались несколько раз в день, тогда как с Лениным, который жил семейным порядком, каждая встреча вне официальных заседаний была уже как бы маленьким событием“. (Ib. 16). „Сложные отношения, существовавшие между членами редакции, становились мне доступны лишь постепенно и не без труда. Я брал „Искру“ как целое, и мне в те месяцы была чужда и даже как бы внутренне враждебна мысль искать в ней или в ее редакции различные тенденции, оттенки, влияния и пр.“ (Ib. 18). Ко времени сотрудничества в „Искре“ относятся и первые выступления Т. с докладами в русских колониях в Брюсселе, Льеже и Париже. В связи с переездом редакции

в Женеву туда же переезжает и Т. Здесь он встречается с остальными видными деятелями „Искры": с Плехановым и Аксельродом и др. Однако, отношения с Плехановым, холодные и официальные с самого начала, не налаживаются и в дальнейшем. О семье Аксельрода Т., наоборот, вспоминает с теплым чувством, отмечая господствовавшую у них атмосферу простоты и искреннего товарищеского участия. После своего приёзда за границу Т. выступает в роли представителя сибирского соц.-дем. союза на II с'езде РСДРП. В полемике по вопросу о партийном уставе, расколовшей партию на фракции „большинства" и „меньшинства" (или оппозиции) II с'езда, Т. примыкает к последним, отстаивая положение Аксельрода о допущении в партию всех, работающих под руководством партийной организации, в противоположность предложению Ленина, стремившегося, в целях более „жесткой" организации, ограничить состав членов партии только кругом лиц, принимающих активное участие в самой организации. После с'езда Т. продолжает сотрудничать в „Искре", перешедшей в руки меньшевиков, и вступает в тот меньшев. центр, который был образован тотчас же для борьбы с большев.; мало того, Т. принимает участие в выработке тех мер, которые сводились к тому, чтобы всюду, начиная сверху и кончая низовыми организациями, были образованы в противовес большевикам, меньшев. группы, была создана в случае надобности своя меньшев. пресса и т. д. Однако, в 1904 г. Т. отходит и от меньшевиков, расходясь с ними по вопросу о возможности соглашений с либеральными партиями. В эти годы его политические взгляды складываются в „теорию перманентной революции", которую он, вместе с Парвусом, отстаивает в ряде брошюр и статей. „В отношении оценки внутренних сил революции и ее перспектив",—характеризует свои взгляды Т.,—„автор не примыкал в тот период ни к тому, ни к другому из главных течений в русском рабочем движении. Защищавшаяся автором точка зрения может быть схематически формулирована так: начавшись как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернет могущественные классовые противоречия и придет к победе, лишь передав власть единственному классу, способному стать во главе угнетенных масс, т.-е пролетариату. Встав у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он может довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно-демократ. программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками, и временное политич. господство русского рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру" („Итоги и перспективы", М., 1919 г., стр. 4).

После 9 января Т. возвращается в Россию и работает сперва в Киеве, затем в Петербурге, поставляя литературный материал для нелегальной типографии центрального комитета РСДРП. В 1905 г. он входит в петербургский совет рабочих депутатов и после ареста Хрусталева-Носаря избирается (в составе президиума из трех лиц: Т., Злыдиев, Сверчков) его председателем. В это время он издает вместе с Парвусом „Русскую Газету" и принимает ближайшее участие в газете „Начало". В декабре 1905 г. Т. подвергается аресту вместе с другими членами петербургского совета. В октябре 1906 г. петербургская судебная палата приговаривает главных обвиняемых к лишению всех прав и к ссылке. на поселение. Т. высылается в Обдорск, Тобольской губ., но бежит из Березова, не доехав до места назначения. На Лондонском с'езде в 1907 г. Т. возглавляет группу „центра", не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам. Однако, по одному из самых острых вопросов на с'езде, а именно по вопросу об отношении к буржуазным партиям, Т. приближается к взглядам Ленина. После с'езда Т. поселяется в Вене, поддерживая тесную связь с русскими товарищами и с левым крылом германской социал-демократии. Во время Балканской войны Т. едет корреспондентом сперва в Сербию и Болгарию, а затем в Румынию, завязывая связи с балканскими социалистами. В 1908 г. Т. вместе с А. Иоффе издает газ. „Правда". „Пр." была газетой меньшев. организации украинск. с.-д. „Спилка" и издав. в Львове. Став во главе „Пр." в 1908 г., Т. в Вене, куда было перенесено изд. „Пр.", организовал группу меньшевиков-литераторов, которые и проводили взгляды, характеризуемые Т. и его сторонниками, как взгляды группы, ведущей „не фракционную линию", а на самом деле группы, поддерживавшей меньшевиков. Попытки Л. Б. Каменева склонить Т. к решительному переходу на сторону большевиков не увенчались успехом, несмотря даже на то, что Каменев добился согласия большевистского тогда ЦК РСДРП. быть представителем большевиков в ред.

венской „Пр."; из этой затеи и ничего не вышло, и Каменев был отозван из ред. венской „Пр.". В 1909 г. Т. уже определенно и решительно переходит на сторону меньшевиков. Центральным вопросом партийной жизни этого периода является вопрос об отношении к вызванному реакцией стремлению выйти из подполья и ликвидировать нелегальную организацию партии. Этой позиции придерживается правое крыло меньшевиков. Обратную крайность по отношению к „ликвидаторам" представляет собой группа „левых большевиков", „отзовистов-ультиматистов". Против ликвидаторов борется и основное ядро большевиков. Т. высказывается за необходимость примирения враждующих групп. В сентябре 1912 г. большевики собрали совещание в Кракове. Здесь были представители действовавших в России нелегальных организаций, здесь был учтен революционный опыт и практика этих революц. организаций и намечена марксистская классовая революционная тактика. В противовес большев. тактике и большевикам, подготовлявшим Краковское совещание еще в январе 1912 г., Т. и меньшевики-ликвидаторы составили так наз. организационный комитет (ОК) по созыву Всеросс. конференции. В этот ОК вошли троцкисты, меньшевики-ликвидаторы, грузинские меньш., меньш. латыши, впередовцы (большевики-ликвидаторы) и бундовцы. В августе открылась конференция, но, несмотря на все усилия руководителей блока (Т., Мартова и Дана) собрать всю партию, это не удалось: отказались участвовать в этой конференции прежде всего Плеханов, боровшийся тогда с ликвидаторами, затем ушли и впередовцы (большев.-ликвидаторы). Представителей нелегальных большев. организаций на конференции не было, присутствовавший представитель нелегальной организации Поляков оказался провокатором. Конференция была явно ликвидаторской, антибольшевистской, что видно хотя бы из того, что, вместо требования созвать Учредительное собрание конференция выдвинула лозунг полновластной Государств. Думы, вместо конфискации всей земли— пересмотр земельных законов третьей Госуд. Думы и т. д. Созданная августовским об'единением газ. „Луч" была настолько ликвидаторской и безпринципной, что из газеты и блока ушел даже грузинский меньшевик Н. Жордания, ушли и латыши, как только в 1914 г. в ЦК латышск. партии были избраны большевики, ушел и сам Т. В 1914 г. Т. основывает новый журнал „Борьба", в котором проводит все ту же линию венской „Правды", „не фракционную линию", поддерживавшую меньшевиков. После об'явления войны Т. вынужден был покинуть Вену 3 августа (н. ст.). Он переехал в Цюрих, где издал брошюру „Der Krieg und die Internationale", направленную против политики немецкой социалдемократии. В ноябре 1914 г. он переехал во Францию в качестве корреспондента „Киевской Мысли". Одновременно с этой работой Т. участвовал в редакции ежедневной с.-д. газеты „Наше Слово". „Наше Слово" вышло в конце января 1915 г. После ухода из „Наш. Слова" Мартова Т. остался главным руководителем журнала и тем более характерно, что именно в это время, по словам самого Т., было три пункта, по которым „Наше Слово" и, стало быть, Т. расходились с большевиками. „Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции". Большевики были пораженцы, Т. пораженчеству противопоставлял борьбу за мир, вместо больш. лозунга „гражданской войны", вместо диктатуры пролетариата и крестьянства, Т. выдвигал лозунг социалистич. диктатуры. В сентябре 1915 г. Т. принимал участие в Циммервальдской конференции. В конце сентября 1916 г. Т. был выслан из Франции. Так как он отказался добровольно покинуть пределы Франции, требуя пред'явления определенных обвинений, то два полицейских инспектора вывезли его на границу Испании. В Мадриде он был арестован и через три дня ему предложено было выехать в Америку. В середине января (нов. ст.) 1917 г. он высадился с семьей в Нью-Йорке. Как только разразилась русская революция, Т. отправился в Европу (в конце марта нов. ст.). В Галифаксе (Канада) английские военно-полицейские власти задержали его и еще пять пассажиров, русских эмигрантов, на основании „черных" списков, составлявшихся русскими охранно-дипломатическими агентами. После месячного заключения в Канаде, он был освобожден по требованию Временного Правительства и прибыл в Петроград в первых числах мая по ст. стилю. В Петрограде Т. примкнул к организации об'единенных социал-демократов интернационалистов („междурайонный комитет"). Позицию этой организации Т. характеризует так: „Отношения этой организации, имевшей совершенно самостоятельный характер, к партии с.-д. большевиков были вполне дружественными. Я считал, что принципиальные разногласия, отделявшие нас

ТУХАЧЕВСКИЙ М. Н. (1893–1937).

С 1931 заместитель наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. С 1934 заместитель, с 1936 1-й заместитель наркома обороны СССР. С 1934 кандидат в члены ЦК партии. Маршал Советского Союза (1935). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

раньше от большевиков, изжиты, и потому настаивал на необходимости скорейшего об'единения...“ „Политическая линия нашего поведения была в общем и целом та же, что и у большевиков. Я лично выступал в своих статьях в журнале „Вперед“ и в своих речах за переход всей власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“. (Л. Троцкий. Сочин., т. III, ч. I, стр. 193). В июле 1917 г. Т. формально переходит к большевикам. Переход Т. к большевикам происходил, однако, с известными колебаниями. Мотивом к переходу, по признанию самого Т., было то обстоятельство, что будто бы большевики разбольшевичились. Т. прямо заявлял, что он назвать себя большевиком не может.

Т. принимает деятельное участие в подготовке Октябрьского переворота; после июльского выступления подвергается аресту и около двух месяцев проводит в тюремном заключении. 23 сентября 1917 г. он избирается председателем петроградского совета, а в октябре играет руководящую роль в петроградском революционном комитете, организующем вооруженное восстание. После Октябрьского переворота Т. становится народным комиссаром по иностранным делам и едет в Брест для мирных переговоров с Германией, отказываясь, однако, подписать мир. В дальнейшем Т. занимает посты наркома путей сообщения, наркома по военным и морским делам и, наконец, назначается председателем Революционного военного совета. На VI с'езде коммунистической партии Т. избирается членом Центр. комитета. За время своего пребывания в партии Т. принимает участие в ряде всероссийских дискуссий: о Брестском мире, о профсоюзах, о „партаппарате“, о „плане“ и т. д.

Разногласия Т. по вопросу о Брестском мире были в сущности ухудшением позиции „левых“ и кратко формулировались: „войны не вести, мира не подписывать“.

Разногласия по вопросу о професс. союзах сводились к тому, что Т. приемы военного коммунизма переносил в сферу хозяйственных отношений, отстаивал идею огосударствления професс. организаций, сращивания их с государств. органами и, т. обр., бюрократизации их путем перетряхивания методами военного коммунизма. Ленин в своей брошюре по поводу этой дискуссии очень ясно и определенно охарактеризовал линию Т. как линию фракционную, со своей платформой, со своим центром и т. п. В 1923 г. Т. принял участие в дискуссии о партийном строительстве, обвиняя ЦК партии в зажиме, в перерождении руководящих органов партии в партийную бюрократию, требуя свободы дискуссии и фракций. В противовес вырождавшейся якобы старой гвардии, Т. выдвигал курс на молодежь, на молодые кадры партии. На ряду с этой критикой „зажима“ и перерождения партийного аппарата оппозиция выдвигала и экономич. платформу так. наз. социалист. накопления за счет крестьянства.

Вместо ленинской линии — смычки пролетариата с крестьянством — оппозиция выдвигала идею о пожирании и уничтожении мелкого крестьянского хозяйства.

В 1924 г. вышел сборник статей Т. с его предисловием „Уроки Октября“. В этом предисловии подвергалась пересмотру вся большевистская концепция революции и в основу оппозиционной платформы клалась гипотеза перманентной революции, т.-е. основное заблуждение Т., его недооценка роли крестьянства в революции.

Из этого основного неправильного положения вытекали и дальнейшие неверные положения — о роли професс. организаций и задачах Коминтерна на Западе и Востоке, о роли и значении партии, об аппарате партии и ее руководящих органов, о демократии и т. п. Это и привело в конце-концов к образованию второй троцкистской партии, к борьбе этой партии против ЦК ВКП (б), к открытым выступлениям и демонстрация против пролетарской диктатуры и против ЦК. Партия не могла ответить на это иначе, чем исключением Т. и всей опозиции из ее рядов.

В. Невский.

Тухачевский, Михаил Николаевич, род. в 1893 г. в семье разорившегося до революции 1905 г. землевладельца. Первоначальное образование получил в 1-й пензенской, а потом в 10-й московской гимназии.

Природная склонность к военному делу приводит Т. к решению поступить в кадетский корпус. Осенью 1911 г. он выдержал экзамен за 6 классов при первом московском кадетском корпусе и, поступив в 7-й класс, успешно окончил корпус. в 1912 г. Т. поступил в Александровское военное училище и в 1914 г. успешно окончив таковое, был выпущен во время об'явления империалистической войны подпоручиком в лейб-гвард. Семеновский полк, с которым и выступил на войну.

В 1914 г. участвовал в боях под Люблином, в Галиции, у Иван-Города, Кракова. В 1915 г. участвовал в боях под Ломжей. 19 февраля 1915 г. во время немецкой атаки был взят в плен, из которого 5 раз пытался бежать, проделав при этом в общей сложности до 1500 км. пешком. В октябре 1917 г. ему, наконец, удалось выбраться из Германии через швейцарско-германскую границу, после чего он возвратился в Россию. По возвращении был избран в полку ротным командиром.

5 апреля 1918 г. Т. вступил в РКП(б). Его работа по строительству рабоче-крестьянской Красной армии начинается с первых дней ее формирования. Вместе с работой по созданию вооруженной силы Т. выступает и как стратег. Его оперативному руководству принадлежат крупные операции Красной армии, и его революционная биография самым тесным образом слита с героической борьбой на красных фронтах.

В течение весны 1918 г. Т. работал в военном отделе ВЦИК и выполнял задания по инспектированию формирований Красной армии. В мае 1918 г. был назначен военным комиссаром московского района (тыловой район Западной завесы). Потом, по выраженному желанию, Т. был командирован на восточный фронт, получив назначение командующим 1-й армией.

Это было самое тяжелое время в работе по созданию регулярной Красной армии. В июле, во время восстания Муравьева, Т. был последним арестован и лишь случайно избежал расстрела, освобожденный разобравшимися в обстановке красноармейцами.

В период организационной работы подготовлялась операция по прорыву стратегического фронта чехо-словаков у Симбирска. 12-го сентября эта операция была выполнена войсками 1-й армии под командованием Т. После этой операции им была проведена сызранская операция с ударом в тыл чехо-словакам со стороны Симбирска. Далее так же стремительно была произведена самарская операция, в которой приняла участие IV армия Хвесина, действовавшая со стороны Саратова. Еще далее следовали бугурусланская и белебейская операции.

В декабре 1918 г. Т. начата подготовка оренбургской операции, но в это время он был переведен на южный фронт, где был назначен помощником командующего южным фронтом, а вскоре командармом VIII. С 8-й армией Т. проводил наступление до р. Северный Донец, после чего, в марте месяце, был опять переведен на восточный фронт и назначен командармом V в период нашего отступления к Волге. Перейдя с V армией в составе южн. группы Фрунзе в наступление, Т. провел бугурусланскую и бугульминскую операции и далее мензелинскую и бирскую.

В период кризиса обстановки на вост. фронте, при организации прорыва через Уральский хребет, Т. применил смелый маневр, избрав не уфимско-златоустинское направление, а направив глубоким обходом главные силы армии по долине р. Юрезань на Златоуст, проведя до того, для обеспечения своего левого фланга, вспомогательную операцию на Красноуфимск. Операция закончилась полной победой, открыв Красной армии прямую дорогу в Сибирь.

Далее следовали челябинская и курганская операции и оборонительная операция с отходом к реке Тобол. Полным напряжением сил V армии, с производством мобилизации сибиряков в Челябинском и Курганском районах, Т. была подготовлена новая—омская операция, отличавшаяся особой быстротой действий. В срок от 14-го октября до 14-го ноября войска прошли до 600 верст, т.-е. по 20 верст в сутки в среднем. Эта операция закончилась полным разгромом колчаковских войск. Здесь были взяты десятки тысяч пленных, и армия Колчака, как организованная сила, фактически перестала существовать. Для полной ликвидации противника немедленно было сорганизовано неотступное преследование, а также была организована тесная связь с сибирскими красными партизанами.

В конце ноября Т. был переведен на южный фронт командармом XIII, но в должность эту не вступил, будучи назначен командующим юго-восточным (кавказским) фронтом в период начавшейся неустойки на Дону и Маныче. 3 февраля 1920 г., вступив в командование фронтом, Т. уже 14 февраля, после произведенной реорганизации войск и перегруппировки, начал решительное наступление. 26 марта был взят Новороссийск, после чего армия Деникина закончила свое существование.

В апреле Т. подготовлял операцию по поддержке образовавшейся в Баку советской власти, когда был вызван из Петровска в Москву и назначен командующим западным фронтом. 14 мая началась первая наступательная операция, передавшая в наши руки Полоцкий плацдарм, явившийся базой для дальнейшего наступления. Вторая операция зап. фронта с 4 июля перенесла наши

УГАРОВ Ф. Я. (1885–1932).

С 1930 на хозяйственной работе в Москве. С 1925 кандидат в члены, в 1927–30 член ЦК партии.

войска в месячный срок от Березины к Висле, где, в виду расхождения западного и юго-западного фронтов, первому было нанесено белополяками серьезное поражение. Новая наступательная операция, в виду затруднений в деле снабжения, не могла состояться, и армии зап. фронта медленно с упорными боями отошли до нынешней советско-польской границы.

Результатом кампании 1920 г. явилось освобождение советской Белоруссии. Осенью 1920 г. Т. было ликвидировано вторжение Булак-Булаковича. В марте 1921 г. Т. был назначен командующим 7-й армией для ликвидации кронштадского восстания, каковое было закончено 17 марта. В мае 1921 г. назначен команд. войск. Тамбовской губ. для ликвидации закоренелого антоновского восстания На антоновском фронте Т. были применены новые методы по увязке боевой работы войск с закреплением на местах советской власти, и восстание было ликвидировано методически, по расписанию, в сорокадневный срок.

Осенью 1921 г. Т. был назначен начальником Военной академии РККА. В январе 1922 г. вступил в командование войсками зап. фронта. Весной 1924 г. Т. был назначен замест. начальника штаба РККА, в каковой должности работал над реорганизацией Красной армии. В 1925 г. назначен командующим войсками Западн. военн. округа, а также членом РВС СССР. В ноябре назначен начальником штаба РККА. По совместительству Т. состоит главным руководителем по стратегии в Военной академии, возглавляя работу по подготовке высшего комсостава Красной армии. В 1920 г. был включен в состав генерального штаба. Имеет орден Красного Знамени и почетное оружие.

Избирался членом ВЦИК в 1921 и 1922 г г., членом ЦИК СССР всех созывов и членом ЦИК БССР 1924 и 1925 г.г. Был председателем комиссии по составлению Полевого устава РККА. Имеет военно-научные работы.

Г. Новиков.

Угаров, Федор Яковлевич *(автобиография)*, род. в 1885 г. в крестьянской семье, в верховьях Волги в Тверской губ. Отец его до 40 лет занимался крестьянством, ходил на отхожие промысла, владел одним наделом земли, был безлошадный. Семья состояла из 7-ми человек. С 8-ми лет У. учился зимой в церковно-приходской школе. С 11-ти лет был отвезен в Петербург, где в то время находился его отец. В Петербурге отдан был в ученье на один из мануфактурных складов, откуда через некоторое время сбежал в виду неимоверно тяжелых условий и издевательств. Вскоре У. поступает на завод за Невской заставой. Затем поступает на завод в Гавани, на котором работает до 1903 г. На заводах У. работает вначале в качестве ученика, потом подручного слесаря, наконец слесарем.

Когда начался период стачек, У. был уволен, как активно выражавший недовольство рабочих мастерами. С 1905 г., с момента нарастания революционного движения, У. принимает активное участие в забастовочном движении. В 1905-м же г. У. попадает в один из партийных кружков, после чего сразу примыкает к большев. группе и становится членом партии балтийского п/района. Посещая в университетах митинги, на которых он был постоянным посетителем, читая тогда много по партийным вопросам, У. вырабатывает в себе марксистские воззрения. После ареста первого совета рабочих депутатов, после стачки на фабрике, из которой увольняется за участие в ней, У. принимается за партийную работу.

После провала организованной нелегальной типографии его арестовывают. Сидя в тюрьме, он и здесь продолжает свою революционную активность, устраивая побеги ряду товарищей. Из тюрьмы У. попадает в ссылку. В ссылке долго не остается, бежит в Баку, работает по ремонту судов, потом вновь возвращается на Волгу. В начале 1909 г. У. вновь в Петербурге на одной из текстильных фабрик, где работает до 1912 г., участвуя одновременно в работах о-ва „Знание“. В 1912 г., во время Ленских событий, У. за участие в забастовках и демонстрациях вновь арестовывается и подвергается ссылке. В Петербурге У. работает текстильщиком и каменщиком. В период под'ема революционного движения в 1914 г. он работает в союзе текстилей. Война застает его уже работающим на аэропланном заводе, откуда переходит на завод „Вулкан“. На заводе „Вулкан“ он избирается в больничную кассу. На заводах, фабриках, в больничной кассе на собраниях У. приходилось все время вести бой с меньшевиками (особенно обострившийся по вопросу о выборах в Военно-промышленный комитет), добиваясь повсюду принятия рабочими собраниями большевистских резолюций.

Во время революции У. был избран в петербургский совет, которым и был назначен в комиссариат Петербургской стороны. Еще во время Временного пра-

вительства он получает назначение партии отправиться в кавказскую армию, откуда возвращается незадолго до „июльских дней" снова в Петроград, где принимается за организацию Красной гвардии. В Октябрьские дни У. принимает активное участие в боях, а впоследствии назначается в Народный комиссариат труда, где избирается членом правления общегородской больничной кассы в Ленинграде.

В связи с возникновением гражданской войны У. вновь направляется на военные фронты против Деникина и Польши. С освобождением Киева избирается председателем киевского губпрофсовета, членом ЦК КП (б) У и членом президиума ВУЦИК'а. Впоследствии У. уже на посту председателя Южбюро ВЦСПС, а затем председателем Всеукраинского совета профсоюзов, состоя все время членом президиума ВЦСПС. На XIV с'езде ВКП (б) У. избирается в кандидаты ЦК ВКП (б), одновременно являясь кандидатом в члены президиума ЦИК СССР. В настоящее время У., кроме перечисленных органов, является председателем ленинградского губпрофсовета и членом бюро ленинградского губкома ВКП (б).

Угланов, Николай Александрович (*автобиография*), род. в 1886 г. в крестьянской семье Ярославской губ. рыбинск. у. Окончил сельскую школу. Отец мой 30 лет работал в Ленинграде до 1902 г. на холодильниках и в торговых предприятиях, торгующих птицей и дичью. Мать безвыездно жила в деревне и занималась сельским хозяйством.

В 1898 г. меня отправили в Петербург, где отец и меня поставил в ученье на 4 года в железно-инструментальную и москательную торговлю. Проучившись 4 года, я начал получать 8 рублей в месяц жалованья при готовом столе и квартире хозяина. Не проработав и года, был уволен за драку с хозяином. (Во время ученичества нас били как бы по закону, и приходилось молчать. Но вот, по выходе из ученья — бить не полагалось, такова была традиция, а хозяин вздумал ее нарушить и получил от меня сдачи, а я от него расчет и увольнение). На работу поступить было трудно, так как куда я приходил проситься на работу, все справлялись, что я собой представляю, и, конечно, везде отказывали. Прожив все свои заработки, я на средства родного брата (тоже работал в Петербурге) отправился в деревню. Там мое положение тоже оказалось не из важных. Отец мой в это время уже перебрался из-за болезни в деревню и занялся с. хоз. Узнав о причинах моего несвоевременного приезда (по моей специальности летом был сезон в Петербурге, а я в июле 1903 г. приехал в деревню), отец основательно избил меня, но деваться было некуда, пришлось временно терпеть. Вот тут-то, в деревне, в 1903 г. летом я впервые и приобщился к политической жизни. Мой сверстник и друг по школе, сын священника нашего села Борис Васильевич Лавров, тогда учился в ярославской духовной семинарии и был уже социал-демократом. Снабдил он меня листовками, а потом различными брошюрами: „Пауки и мухи", „Кто чем живет", „Хлеб, свет и свобода" и т. д. С этого момента, живя в течение 7 мес. в деревне, я перечитал большое количество литературы, присылаемой мне из Ярославля. Вспоминаю характерные моменты. Б. В. Лавров приехал на рождественские каникулы, привез много литературы и резолюции II-го с'езда РСДРП и подробно мне об'яснил причины раскола, происшедшего на с'езде. Он об'явил себя большевиком, сторонником Ленина. Слабо я разбирался тогда еще в вопросах политики, но все же сказал, что я за большевиков. После этого мне Борис Лавров поручил разбросать на базаре в г. Мологе листовки и наклеить часть их на дверях лабазов и ломбарда, где обыкновенно бывает много народа, что я выполнил в точности.

Началась русско-японская война. Борис Лавров приехал на масленицу на каникулы и, беседуя в нашей избе, раз'яснял мне, почему партия стоит за то, чтобы царское правительство потерпело поражение, и доказывал мне, что царизм будет неизбежно разбит в этой войне. Долго я сомневался, колебался, все думал: как же так? нас 150 мил. русских, а японцев 50 мил., и мы их не побьем? Но потом понял и согласился. Эту нашу беседу подслушал мой отец, который, как говорят, так нас „тряхнул", что вылетели мы, как бомбы, из избы.

В феврале 1904 г. я вновь уехал в Петербург, и опять пришлось испытать тяжести. 49 дней я проходил без работы, затем поступил на работу по своей специальности в Лесном под Петербургом. Летом 1904 г. был убит Плеве. В это время я уже знал: кто и почему это делает. Но в то время заняться политической работой мне не представлялось возможным. Связи не было ни с кем. Только к концу 1904 г. и к началу 1905 г. я близко познакомился с несколькими рабочими и техниками из политехнич. института, с газового завода и завода „Эриксон". Тут я почувствовал, что дело

УГЛАНОВ Н. А. (1886–1940).

В 1928–30 нарком труда СССР. До 1930 член ЦК партии. В 1926–29 кандидат в члены Политбюро ЦК и секретарь ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

наше растет. В день 9-го января мы группой, человек 15, только поздно вечером добрались до Невского, когда уже все было покончено, т.-е. самодержавие расстреляло рабочих. С этого момента мне стали попадать отдельные листовки, но зацепиться за организацию не удавалось, а сам я еще сколотить организации из своих товарищей по работе не умел.

Осенью 1905 г. мы были постоянными посетителями митингов политехнического института. В начале января 1906 г., разругавшись со своим хозяином, я потребовал расчет. Вот тут-то я лишний раз почувствовал законодательство о труде торгово-промышленных служащих. Расчетных книжек у нас не было. Хозяин предложил мне расчет по 8 рубл. Я двинулся к мировому судье. Тот не принял прошения, заявив, что спор приказчика с хозяином может только разбирать Коммерческий суд. Я пошел на хитрость. Слово „приказчик" я выбросил из прошения и заменил словом „служащий". Мировой принял прошение, но разбор назначил через месяц. Попробуй-ка без денег, да с квартиры тебя гонят, прожить месяц. Доняли меня не мытьем, так катаньем, пришлось рассчитаться по 9 рубл. и уехать в деревню на несколько месяцев.

Здесь политическая жизнь развивалась. Встретился я вновь с Борисом Лавровым, которого в то время за революционную работу выгнали из семинарии. Несмотря на обилие эс-эровской литературы, которую я читал в это время, все же взгляды мои складывались твердо в сторону социал-демократии.

Вернувшись весной 1906 г. в Петербург, я „сменил" себе хозяина и поступил на работу. Вот здесь за меня взялись знакомые мне эс-эры. Основы спора, обычно, сводились к трем главным вопросам: 1) идеалистическое или материалистическое понимание истории; 2) аграрный вопрос; 3) тактика за террор, против террора. Сколько меня не обрабатывали, все же кое-как я отбивался от моих знакомых эс-эров реалистов и гимназистов. Летом 1907 г. после роспуска II-й Государств. Думы, приехав в деревню на 2 месяца, мы с Б. В. Лавровым усиленно распространяли большое количество листовок, получаемых через волжскую судоходную с.-д. организацию. Полиция рыскала по деревням, добираясь до распространителей листовок. Делать больше нечего было, поэтому я и уехал в Петербург, а Б. В. Лавров в Казань, где он в то время уже учился студентом университета и вел крупную партийную работу.

В августе 1907 г. по установленному шифру он мне прислал партийную рекомендацию и явку. Явка была к Софье Михайловне Левидовой. Разыскав последнюю, я зашел к ней. Расспросив кто я и что могу я делать, она меня направила в коломенский район в культурно-просветит. общество „Просвещение". Придя туда, я увидел сидящего помощника пристава. Покоробило меня от такой встречи. Зашел еще раз к С. М. Левидовой. Из слов ее понял, что она меньшевичка и тянет не туда, куда мне нужно. Махнул рукой на это хождение. Пошел к знакомому мне эс-эру И. Ив. Цыцину (умер в 1912 г. в Швейцарии, бежав из ссылки) и попросил его связать меня со знакомыми ему социал-демократами по союзу торгово-промышл. служащих. Он и представил меня (как „ортодоксального", как принято тогда было выражаться) Д. В. Антошкину (теперь редактор „Рабочей Москвы"), Б. А. Семенову (сейчас секретарь луганского окружного комитета КП (б) Украины), Семенову Ивану Семеновичу (т. Якум, сейчас член правления московского Городск. банка). По прошествии нескольких месяцев товарищи, проверив меня, вовлекли в активную работу членом правления професс. союза и одновременно Антошкин, Б. Семенов и я взялись за восстановление распавшейся нелегальной с.-д. организации торгово-промышл. служащих, в которой все трое мы были членами бюро партийной группы.

Весной 1908 г., после провала ряда наших т.т. с центральным органом „Социал-Демократ" № 1, из организации ушли всякого рода попутчики, а мы, молодежь, взялись за усиленную работу по сколачиванию организации. И к лету 1908 г. с.-д. организация торг. служащих была очень крепкая и довольно значительная, насчитывая 50—60 человек. Что она была крепко большевистская, показывало следующее: наша партийная группа входила в коломенский район, в котором крепко сидели ликвидаторы. Петербургский комитет нашей партии поставил задачу выбить ликвидаторов и заложить заводские ячейки. Для этой цели было созвано несколько массовок с участием членов ПК „Кирилла" и „Шуры" (Бойко, Александр Михайлович — теперь член коллегии Наркомторга). После жестоких боев с ликвидаторами мы одержали верх, наша группа твердо стояла против ликвидаторов. К осени 1908 г. наша группа окрепла, к нам был прислан петербургским комитетом пропагандист Быстрянский (сей-

час работает в Ленинграде). А я отправился в солдаты по призыву. Уже находясь в солдатах, я получил сведения от моего брата и группы товарищей (брат тогда работал тоже в партии), что меня разыскивает охранное отделение.

С ноября 1908 г. и до июля 1910 г. служил я в г. Либаве в 178 пехотном Венденском полку. Там встретил в одной роте Ивана Авксентьевича Войнова (убит в июльские дни 1917 г. юнкерами при распространении „Правды"). Войнов тогда еще не был соц.-демократом, он много меня расспрашивал про революцию. Он на два года раньше меня пришел на военную службу, в 1906 г., поэтому мало был осведомлен о всем ходе революции и о партиях. Отличался он большой вдумчивостью, скромностью и честностью и за это пользовался большим уважением в роте. Мы с ним не мало провели времени в дюнах на берегу Балтийского моря в разговорах о партиях, тактике и революции. Уезжая в запас, Войнов на прощанье сказал мне, что не пойдет работать портным (он был портной), а пойдет на завод.

Весной 1912 г., когда я вернулся со службы и приехал в Петербург, я уже встретил Войнова на партийной работе. Вторую половину военной службы, до осени 1911 г., я прослужил в Пензенской губернии в гор. Нижнем-Ломове, куда перебросили наш полк и всю нашу дивизию, расквартировав по уездным городам. Находясь на военной службе, все время я поддерживал переписку с Б. В. Лавровым, в эти годы он уже находился в ссылке в гор. Онеге Архангельской губернии. Какой либо организованной работы в армии в то время не велось. Был у меня узкий круг друзей: Иван Авксентьевич Войнов, Николай Петрович Волков (рабочий лакировщик, тогда был революционно-настроенный, во время революции я его встретил членом ВКП (б)) и еще ряд товарищей.

В ноябре 1911 г. я уволился в запас и в апреле 1912 г. приехал в Петербург. Поступив вскоре на работу, я быстро разыскал старых товарищей (Алексея Иван. Балагурова – сейчас председ. череповецкого губпрофсовета). Встретил Вас. Володина (сейчас работает на сев. Кавказе) и Антошкина.

С под'емом рабочего движения, с выходом газеты „Правды" зашевелились передовые элементы торговых служащих. Началась подготовка к выборам в 4-ю Государств. Думу, началась усиленная организация профессиональных союзов. Как на беду, я жестоко заболел малярией, подхваченной мною на военной службе. Все лето провалялся. Попытки организации единого профессионального союза торгово-промышл. служащих оказались безуспешными. Принялись за организацию по специальностям. Сначала организовались мануфактуристы. Весной 1913 г. организовались хозяйственники (железники, москательщики, посудники и т. д.). Я был избран председателем ревиз. комиссии. В это время среди торговых служащих крупнейшую роль играли Дм. Вас. Антошкин, Мих. Алекс. Сейфер, Як. Буров и Ник. Ив. Кузнецов (недавно умер в Архангельске). В это время усилиями вышеуказанных товарищей был поставлен журнал „Вестник приказчика". Летом 1913 г. на Всероссийском с'езде торгово-промышл. служащих в Москве наша питерская делегация сыграла руководящую роль, об'единив вокруг себя все революционные элементы. С'езд полиция закрыла, а лидер нашего движения Д. В. Антошкин был арестован и получил 54 пункта, в коих он не имел права жительства.

Осенью 1913 г. меня избрали председателем профессион. союза. Вошел я в состав редакции „Вестник приказчика", в котором писал под псевдон. „Николай Угрюмый". Одновременно вошел я в состав и в руководящую работу „руководящего коллектива с.-д. (больш.) торгово-промышл. служащих", в который входили М. Сейфер, Я. Буров, Дм. Антошкин, Н. Кузнецов, Н. Романов, Никита Москвич, Сейфер, Анастасия, и я. По очереди у нас в редакции и коллективе работали присланные от петербургского комитета Мих. Чичнаков, Ольга Григ. Лившиц, Мгеладзе (Ив. Висаков), Макс. Савельев. Осенью же 1913 г. я начал писать в „Правду". Здесь я познакомился с К. С. Еремеевым, Мироном Черномазовым (оказавшимся провокатором), Серг. Вас. Малышевым, Вяч. Мих. Молотовым (Скрябиным), Л. Б. Каменевым, В. В. Шмитом и целым рядом др. товарищей. Мой старый товарищ Б. В. Лавров в это время работал в „Правде" на верстке газеты. В „Правде" я писал под псевдон. „Николай Угрюмый" и освещал рабочую жизнь торгово-промышл. служащих. Осенью 1913 г. мы вели усиленную кампанию за нормальный рабочий день торгово-промышл. служащих и за социальное страхование, которое на нас не распространялось.

Наша активность начала беспокоить охранку. 23 ноября 1913 г. я выступал на собрании торговых служащих с'естников (в зале эстонского общества на Офицерской ул.) с речью о поддержке рабочей печати, где и был аре-

стован полицией. Но по дороге в участок группой товарищей под руководством В. Зофа был отбит и бежал. Движение росло, и мы его закрепляли крепкой нелегальной организацией. Многочисленные нелегальные кружки были фундаментом для легальных профессиональных союзов. В это же время я был делегирован в рабочую комиссию при с.-д. большев. фракции 4-й Госуд. Думы. Там впервые лично познакомился с Малиновским (оказался провокатором). Недолго поработав там вследствие болезни, я был заменен другим товарищем.

Весной 1914 г. мы развернули большую кампанию за сокращение рабочего дня торговым служащим на 1 час. Лозунг оказался очень популярным и встретил большую поддержку среди масс служащих. Довели мы дело до уличных демонстраций и силой закрывали магазины. В этом движении было боевое настроение. Били булыжниками стекла. Наш коллектив поручил мне на нелегальной массовке провести решение против битья стекол. На трех собраниях я выступал, и на двух из них меня провалили. Наше движение совпало с общим движением питерского пролетариата на помощь бакинским рабочим в конце июня и начале июля 1914 г., когда дело дошло до забастовки всего фабрично-заводского пролетариата, вылившейся в зачатии восстания на улицах Петербурга, и затем закончилось разгромом „Правды" и арестом многих работников нашей партии. За несколько дней до войны, накануне мобилизации, я и М. А. Сейфер были избраны нашим коллективом на международный социалистический конгресс, который должен был состояться в августе в Австрии, в Вене. Но грянула мобилизация. Пришел я за документами для поездки за границу к А. Е. Бадаеву, члену 4-й Государств. Думы. Обсудив положение, он предложил мне итти на мобилизацию. В результате, вместо социалистического конгресса я очутился в 200 пехотном Кронштадском полку 50-й дивизии под Варшавой и участвовал в многочисленных боях. 20 ноября 1914 г. был тяжело ранен. В Варшаве в госпитале встретил питерского рабочего, который служил санитаром и меня узнал, который мне и сказал об арестах наших рабочих депутатов. Из Варшавы был доставлен в Москву в начале декабря 1914 г., где и встретил В. М. Молотова, жившего нелегально, который и рассказал о положении дел в партии и о линии партии. Пролежав 3 недели в лазарете, меня выписали и направили в команду выздоравливающих в гор. Белгород. Доехав до Тулы, меня отвели к коменданту, как не могущего следовать дальше. Пробыв в Туле 6 дней, меня назначили в запасный батальон (а у меня была одна пуля в груди и одна в плече, рука висела). Врачи во многих местах, а в Туле тоже, отличались живодерством. Я решил удрать. Взяв отпуск на 10 дней, уехал в Москву, оттуда в Рыбинск, из Рыбинска в Мологу и там завалился в лазарет. Это были мучительные скитания (у меня было пробито пулей легкое). Выйдя через $1^1/_2$ месяца из лазарета, дезертировал в Петроград, прожив нелегально некоторый период, затем при помощи Б. В. Лаврова и др. товарищей меня с подправленными и подделанными документами протащили в лазарет, где меня взяли на попечение наши партийные товарищи: Любовь Михайловна Куракина, Евгений Порфирьевич Первухин и Е. И. Широких (тогда весной 1915 г. работавшие врачами в Елизаветинской общине в Петербурге).

Находясь в лазарете, я имел все время связь и получал литературу нашей партии от А. И. Балагурова и Ив. Ал. Дмитриева (убит в 1918 г. в Ленинграде). Затяжка войны, разорение сказывались на настроении среди раненых. Революционное настроение было у большинства, что и показало себя наружу при след. обстоятельствах. Собралось нас в саду раненых человек сто. Во время беседы около вопросов, обсуждавшихся тогда на происходивших заседаниях 4-й Госуд. Думы, загорелся спор. Один вольноопределяющийся заявил, что все речи в Думе произносят „жиды". Я за это уцепился и произнес речь, начав с национального вопроса, и кончил войной, указав на ее губительные результаты для народных масс. Настроение подавляющего большинства бурно выявилось на мою сторону. Присутствовавшая тут же настоятельница общины „г-жа" Родзянко (жена председателя Государств. Думы) со злости (как говорили служащие лазарета) чуть не откусила себе губу от моей речи.

Выйдя осенью 1915 г. из лазарета, отправился в отпуск в деревню, где прожил до весны 1916 г. За старое дезертирство из Тулы меня арестовали и доставили в Рыбинск, но освободили. Весной 1916 г. за неявку после окончания отпуска вновь арестовали и этапом направили на военную службу. Летом 1916 г. был направлен в запасный полк в Петроград, где сразу, как говорят, „затер волынку", заявив начальству, что бегать бегом я

не могу, так как у меня сидит пуля в груди, винтовки поднять не могу — рука атрофирована. Положение было такое, что все разлагалось. Как-то во время занятия, сидя на Гаванском поле, мы беседовали, человек 15 солдат, в том числе и ротный командир - прапорщик. Говорили о войне. Спросил меня ротный: „А что дальше будет, как думаешь, Угланов?" Я прямо ответил: „Кроме революции, из войны ничего не выйдет". И все согласились, как-будто дело шло о самом обыденном событии. Через месяц „службы" я благополучно уволился по „чистой" в бессрочный отпуск. Это было в июле 1916 г. К этому времени от наших нелегальных организаций торгово-промышленных служащих не осталось ничего, были только одиночки. Поступив на работу по инструментальному делу, я стал работать в Ленинграде. Несколько попыток сколотить организацию не удались. Через несколько месяцев грянула Февральская революция.

В демонстрациях, предшествовавших восстанию, и в самом восстании вместе со мной приняли самое активное участие мои товарищи по работе, в большинстве подростки 15—16—17 лет. Покончив с вооруженной борьбой, принялись за организацию. С вышедшими из тюрем и из подполья товарищами я принялся за организацию торгово-промышл. служащих. Образовав инициативную группу из А. Колесова, И. Дмитриева, С. Пинус, А. Булина, Б. Зуля и других, мы организовали выборы в петроградский совет, куда я был выбран депутатом. Принявшись за организацию союза, я поставил задачей расколоться с меньшевиками, которые лезли к руководству организацией союза. Отколовшись, вернее вытолкнув меньшевиков, мы организовали союз. К этому времени из ссылки под'ехали Антошкин, Войнов, Б. Семенов, Я. Буров, Вербицкий, и наша работа закипела. Шел непрерывный бой с социал-патриотами. Наша союз выступал как подлинно большевистская организация.

4-го апреля я впервые увидел В. И. Ленина. Сначала на нашем фракционном большев. собрании, а потом на собрании всех социал-демократов в Таврическом дворце, где В. И. изложил свои тезисы о задачах революции.

Не все вопросы, поднятые Владимиром Ильичом, были мне вначале ясны. Но основное понял я и горячо принялся за агитацию за советы, против войны и за братанье; до приезда В. И. Ленина мы агитировали против войны, но не умели поставить вопрос так, как его нас научил поставить Ленин. Во время выборов в районные думы нашей партией я был выставлен кандидатом по 1-му и 2-му городскому районам (прошел по 2-му району в Спасскую районную думу), где мы вместе с Лилиной, 6 человек большевиков, и дрались против кадетов — с одной стороны, и эс-эров и меньшевиков — с другой. В июне от необычайной работы заболел; т. т. меня отправили в отпуск в провинцию, где я и прожил месяц. Вернувшись после июльских дней в конце июля в Петроград, принялся за профессиональную работу — секретарем-организатором союза, и состоял в петроградском совете во фракции большевиков.

Во время Октябрского переворота с группой работников союза налаживал аппарат Совнаркома и ревкома, затем сламывал саботаж в банках, телефонной станции (сотни продавщиц из магазинов послали мы работать на телефонную станцию). После II С'езда советов был делегирован петрогр. советом профсоюзов во Всерос. цен. исполн. комитет. Во время Брест-Литовских переговоров и наступления немцев на Псков и Петроград я отправился с отрядом Красной гвардии на фронт под город Гдов. Вернувшись с фронта, вновь принялся за работу в союзе и спасском районном совете. В августе 1918 г. по решению партии и совета союзов принялся за организацию вооруженных продовольственных отрядов из питерских рабочих и служащих, будучи председателем Центральной комиссии. Осень и зиму 1918 и 1919 г.г. руководил через союз национализацией торговли.

В марте 1919 г. участвовал на 8-м С'езде нашей партии. Одновременно до мая месяца 1919 г. работал в течение 4-х месяцев в петроград. Комиссариате продовольствия членом коллегии. С мая 1919 г. на 2-м чрезвыч. с'езде торгово-промышл. и советских служащих мы, большевики, одержали верх, и я был избран председателем центр. комитета, но в Москву не попал, так как был в Петрограде с продовольственной работы переведен секретарем совета профсоюзов и одновременно был назначен председателем комиссии по борьбе с дезертирством петроградского военного округа. Летом на партийной конференции был избран членом петрогр. комитета нашей партии.

В августе 1919 г. ушел на фронт, был комиссаром Корельского боевого участка и 55-й стрелк. дивизии. В октябре 1919 г. был переброшен на фронт против Юденича. Был комиссаром Колпин-

УНШЛИХТ И. С. (1879–1938).

В 1933–35 начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. С 1935 секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ской группы 7-й армии (командующим был Харламов — генштабист), в боях у Ям-Ижоры, Федоровского, Павловска и Царского села мы разбили части генерала Родзянко, и этим была решена участь юденической армии. После этого меня вновь вернули на Корельский участок против нагрянувших на нашу территорию финских белогвардейцев, которые и были ликвидированы в течение недели.

В январе 1920 г. я заключал перемирие с финнами на Карельском участке и принимал приехавших из Америки русских анархо-синдикалистов и коммунистов. В марте 1920 г. был демобилизован; на партийной конференции был избран членом петрогр. комитета и делегатом на 9-й С'езд партии. После демобилизации работал секретарем совета профсоюзов в Петрограде. На 7-м С'езде советов в декабре 1919 г. был избран кандидатом во Всеросс. центр. исполн. комитет советов.

В мае 1920 г. временно вновь был командирован на Корельский участок комиссаром для подкрепления. Работал секретарем совета союзов и одновременно заведующим отделом труда до начала 1921 г. На 8-м Всероссийском с'езде советов был избран членом ВЦИК'а. Во время профсоюзной дискуссии принимал активное в ней участие, отстаивая платформу „10-ти", т.-е. платформу В. И. Ленина, в выработке практической части платформы принимал участие.

В конце января 1921 г. на губпартконференции петроградской организации был избран членом петрогр. комитета, а комитетом был избран в бюро петрогр. комитета. Был избран делегатом на 10-й С'езд партии (на с'езде не был по случаю кронштадтского мятежа), на котором был избран кандидатом в Центр. комитет. В конце февраля, за неделю до кронштадтского мятежа, был избран секретарем петрогр. комитета партии. Во время мятежа в Кронштадте был комиссаром Сестрорецкого боевого участка и руководил лично первым штурмом фортов 8 марта, но вследствие малочисленности войск, всего около 900 штыков пехоты, заняв один из фортов, вынуждены были отступить.

За участие в ликвидации мятежа получил орден Красного Знамени. До января 1922 г. работал секретарем петрогр. комитета партии и членом сев.-зап. бюро ЦК. На 9-м С'езде советов был избран во ВЦИК. В феврале 1922 г. был командирован на работу в Нижний Новгород, где работал до сентября 1924 г.— секретарем губкома ВКП(б). В сентябре 1924 г. командирован на работу в московскую организацию, где работаю секретарем моск. комитета ВКП(б). С XII С'езда нашей партии избираюсь членом Центр. комитета ВКП(б). С августа 1924 г. избираюсь членом организац. бюро ЦК ВКП(б) и одним из секретарей ЦК ВКП(б). После XIV-го С'езда партии избран кандидатом в Политическое бюро ЦК ВКП(б). Состою членом совета национальностей ЦИК'а СССР и членом президиума, куда вновь избран на XIII Всеросс. и 4-м союзном С'езде советов, в апреле 1927 г.

Уншлихт, Иосиф Станиславович, род. в 1879 г. в Польше в г. Млаве Плоцкой губ. Среднее и специальное техническое образование получил в Варшаве. С юношеских лет принимает активное участие в революционном движении. В 1900 г. он вступает в ряды революционной социал-демократии — в члены С.-Д. П. и Л. (социал-демократии Польши и Литвы). С этих пор находится непрерывно на партийной большевистской работе, принимает деятельное участие в строительстве партии, являясь убежденным и последовательным ленинцем.

В период с 1900 г. по 1913 г. У. участвует в качестве делегата на двух партийных с'ездах и в ряде общекраевых партийных конференций социал-демократии Польши и Литвы. В качестве представителя Польши и Литвы он принимает участие в работах лондонского с'езда РСДРП. Имя У. (партийный псевдоним — Юровский) делается широко известным среди революционных рабочих таких крупных промышленных центров, как Варшава, Лодзь, Домбровский угольный бассейн. Одновременно он делается известным и царским жандармам. Преследуемый охранкой и польской черной сотней, У., всячески избегая эмиграции, живет нелегально, переезжая из города в город. Даже в период самой черной реакции 1907 — 1911 гг. У. не прекращает большевистской работы среди польского пролетариата. Он состоял членом варшавск. областн. комитета партии, лодзинского окружного комитета и общекраевого комитета соц.-демократии Польши и Литвы.

В 1911 г., когда некоторые вожди соц.-демократии Польши и Литвы пытаются подвергнуть критике ленинские принципы, ленинские методы организации партии и партийной тактики, У. вступает с ними в открытую борьбу. На его стороне варшавская и лодзинская организации, его поддерживают рабочие крупнейших партийных организаций. К этому моменту относится начало непо-

средственной близости У. с Ильичем, которая не порывалась до самой смерти Ленина.

За свою революционную деятельность У. подвергается многочисленным репрессиям со стороны царского правительства. Первый раз его арестовывают в 1902 г., затем следуют аресты в 1903, 1906, 1907, 1909 и 1913 гг. За это время он проводит много месяцев в тюрьме и подвергается трем административным высылкам, однако каждый раз ему удается нелегально возвращаться в Польшу и продолжать работу. В 1916 г. У. приговаривается мос. судеб. палатой к ссылке на поселение в с. Тунгуру Ирк. губ. Несмотря на тяжелые испытания, У. сохраняет бодрость духа и революционную энергию и здесь.

За несколько недель до Февральской революции 1917 г. У. бежит из поселения в Иркутск, где уже после Февральской революции работает в местном исполкоме и комитете партии большевиков. При первой возможности, в апреле 1917 г. он перебирается в центр революции — Петроград, где продолжает революционную большевистскую работу, состоя членом петрогр. совета, членом Ц. И. К. С.-Д. П. и Л. в России и членом редакции польской газеты „Трибуна", принимая одновременно участие в общепартийной работе петроградской организации большевиков. От Петрограда же У. по списку большевиков избирается членом Учредительного собрания. В знаменитые июльские дни, когда Керенский произвел попытку разгрома питерской большевистской организации, У., как и другие активные большевики, попадает в „Кресты". После выхода из тюрьмы он опять на передовых большевистских позициях, ведя неустанную борьбу с меньшевиками и керенщиной, активно участвует в подготовке захвата власти рабочим классом. В дни Октябрьского переворота он состоит членом Петрогр. революц. комитета.

После Октябрьской революции У. занимает ряд ответственных постов. В начале 1918 г. он получает боевое задание организовать оборону Псковского участка. У. работает здесь в исключительно трудных условиях. Старая армия под натиском немцев расползлась окончательно. На смену ей были выдвинуты Питером отдельные рабочие партизанские отряды, полные революционного энтузиазма, но совершенно не умеющие владеть оружием. Однако, эти отряды выполняют возложенную на них историческую роль.

В дальнейшем, У. как член коллегии Наркомвнудела назначается председателем центральной коллегии по делам пленных и беженцев. В конце 1918 г. У. командируется на западный фронт. Антанта пытается создать здесь новый антисоветский фронт, опираясь на „самостоятельную и независимую" буржуазную Польшу. У. избирается членом ЦК коммунист. партии Литвы и Белоруссии и назначается народным комиссаром по военным делам Литвы и Белоруссии. После падения Вильны и Минска У. назначается членом Реввоенсовета 16 армии, а затем в декабре 1919 г., когда определенно выяснилось, что Польша готовится к решительной вооруженной борьбе с нами — членом Реввоенсовета западного фронта. С началом военных действий У. выезжает на передовые позиции, чтобы вместе с командующим фронтом осуществлять руководство на месте. Во время одного из переездов из части в часть У. получает тяжелое повреждение (перелом ноги и тяжелая рана в голову), но и это не надолго выбивает его из строя.

После заключения мира с Польшей и ликвидации Кронштадта, в апреле 1921 г. У. назначается на должность заместителя председателя ВЧК (после—ГПУ).

На организацию контр-революционного движения внутри нашей страны государствами Антанты в этот момент отпускаются большие деньги. Интенсивно начинает работать Савинков, возникает знаменитая антоновщина в Тамбове, из-за кордона проникают к нам многочисленные вооруженные банды. Перед ВЧК (ГПУ) встают сложнейшие задачи. На этом ответственном посту У. остается до осени 1923 г.

Осложнившаяся международная обстановка осенью 1923 г. выдвигает на первый план интересы Красной армии. Встает задача коренной реорганизации Красной армии, улучшения ее быта, сокращения непроизводительных расходов (текучесть, раздутые штаты тыловых учреждений и проч.). У. назначается членом Реввоенсовета СССР и затем одновременно начальником снабжения РККА.

Постановлением президиума ЦИК СССР от 6 февраля 1925 г. У. назначен заместит. народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. Работая совместно с Фрунзе, У. принимает руководящее участие в проведении всех важнейших мероприятий, направленных к укреплению вооруженных сил Союза в условиях мирной обстановки. Неуклонно проводя во всей своей работе курс на вовлечение широких масс в строительство обороны Союза, У. является одним из организато-

УРИЦКИЙ М. С. (1873–1918).

УСИЕВИЧ Г. А. (1890 (по уточненным данным) – 1918).

УСТИНОВ А. М. (1879–1937).

В 1929–32 уполномоченный Наркоминдела СССР при Правительстве ЗСФСР. В 1932–34 член Президиума ВАСХНИЛ. В 1934–37 полпред СССР в Эстонии. Умер в Таллине.

ров и активных руководителей массовых добровольческих организаций обороны (Доброхим, Авиахим, Осоавиахим). На первом об'единенном с'езде ОСО и Авиахим'а в январе 1927 г. У. избран заместителем председателя Осоавиахим'а СССР. У. является членом Центр. исполнит. комитета всех созывов и делегатом многих партийных с'ездов. На XIII с'езде У. избран членом ревизионной комиссии ВКП (б), а на XIV — кандидатом в члены ЦК ВКП (б).

Находясь на ответственных постах, У. никогда не прекращал низовой партийной работы. Он не только часто выступал на рабочих и красноармейских собраниях, но работал в местных парткомах, советах и бюро ячеек. У. никогда не порывал связи с рабочим классом Польши, из недр которого он вышел и среди которого он получил первое революционное крещение и большевистский закал.

М.

Урицкий, Михаил Соломонович, род. в 1873 г. в г. Черкассах, в семье еврейского купца. Сначала воспитывался матерью (отец рано умер) в строго религиозном духе, изучал талмуд, но потом, под влиянием сестры, увлекся русской литературой и поступил в черкасскую прогимназию, по окончании которой учился в гимназии в Бел. Церкви, в большой нужде, добывая средства к существованию уроками, а затем в киевском университете на юридич. факультете. У. рано вступил на путь революционного рабочего движения и еще на гимназической скамье организовал с.-д. кружок. В 1897 г. по окончании университета поступил вольноопределяющимся на военную службу, но уже на 8 й день своего пребывания там был арестован по обвинению в принадлежности к с.-д. организации. С этого времени начинается ряд лет в тюрьмах и ссылках. Сосланный сначала в Якутскую область, он возвращается в 1905 г. в Петербург и под именем д-ра Ратнера ведет революц. работу. Вскоре его опять арестовывают, ссылают в Вологод., а затем Архангельск. губ. Через некоторое время он снова на свободе, потом снова арест, тюрьма и ссылка и, наконец, эмиграция. Примыкавший со времени раскола партии к меньшевикам, У. с началом войны занимает интернационалистическую позицию и сотрудничает вместе с Л. Троцким в газ. „Наше Слово", выступая решительным противником войны. Возвратившись после революции в Петроград, У. примкнул к большевикам; ему сразу даются ответственные поручения, и он избирается в ЦК партии. В октябре 1917 г. он без колебаний высказывается за восстание против Времен. правительства и в дни переворота принимает в нем активнейшее участие, входя в военно-революционный комитет. Вслед за тем его назначают комиссаром Учредительного Собрания. Противник Брестского мира, он, однако, в силу партийной дисциплины, подчинился постановлению о заключении мира. Назначенный председателем петроградск. ЧК, У. повел беспощадную борьбу с контр-революцией. Убит 30 авг. 1918 г. студ. А. Канегиссером (см. *„Пам. бор."*).

Усиевич, Григорий Александрович, род. в 1891 г. в Тамбове, сын купца, с самых молодых лет интересовался газетами и политич. событиями, учился в гимназии, откуда вышел вследствие эпилептич. припадков, работал затем в тамб. орг. РСДРП как пропагандист среди молодежи и рабочих. В 1907 г. выдержал экстерном за 8 классов гимназии, поступил на юридич. факультет петерб. унив. и сразу, примкнув к большевикам, целиком отдался партийн. работе. В 1909—11 гг. он очутился в предварилке, а затем был сослан в Енисейск. губ. Время предварилки он использовал для основательн. изучения иностранн. языков, а ссылку—для научн. занятий по промышленности и аграрному вопросу. В „Просвещении" У. напечатал „Аграрный вопрос в России" (1913 г.) под именем „Тинский". В 1914 г. он бежал за границу, но был задержан австр. властями в качестве военнопленного и освобожден был только через год, с высылкой в Швейцарию. Здесь У. познакомился с В. И. Лениным и вместе с ним после Феврал. революции возвратился в Россию. Приехав в Москву, У. сделался одним из главн. организаторов партийн. работы, был членом исполкома моск. совета и принимал руководящее участие в Октябр. борьбе с юнкерами. В 1918 г. У. отправляется для налаживания продовольственного дела в Сибирь, избирается здесь в Экон. сов. Зап. Сибири, а затем в военно-революционн. штаб. После поражения от чехо-славаков в Тюмени У. стал отступать к Камышлову и был убит в стычке с казаками под Камышловым 9 авг. 1918 г. (см. *„Пам. бор."*).

Устинов, Алексей Михайлович (*автобиография*). Родился в 1879 г. в с. Бекове сердобского у. Саратовской губ., в крупно-помещичьей семье, впервые арестован был еще студентом в Москве в 1902 г., с какового времени беспрерывно так или иначе участвую в движении, преимущественно крестьянском. В 1907–8 г. сижу в „Крестах" (по делу петербургского

комитета П.С.-Р.), куда попадаю повторно в 1917 году после июльских событий. С 1908 по 1917 г. нахожусь в эмиграции, то в Швейцарии, то во Франции. За время эмиграции исключаюсь из дворянства, а имущество мое берется в опеку (разыскиваюсь по делу „лесных братьев").

Окончил историко-филологический факультет в Москве в 1904 г. и агрономическое отделение цюрихского политехникума в 1917 г. В П.С.-Р. состоял с 1906 по 1917 г., в П.Л.С.-Р. с 1917 по 1918 г., в П.Р.К. с 1918 по 1920 г. и с 1920 г. в Р.К.П. До 1920 г. был исключительно на партийной работе, с 1920 г.—на советской. С 1917 по 1920 г. состоял также во ВЦИК'е и с перерывом в его президиуме. Принимал близкое участие в выработке закона о социализации земли и закона о лесах. В НКИД за границей работаю с 1921 г., сначала в Берлине, затем в Афинах полпредом.

Уханов, Константин Васильевич, род. в 1891 г. в г. Казани. Происходит из пролетарской семьи: отец его был рабочим рыбных промыслов, мать—прислуга. Первое образование получает в начальном училище в Нижнем-Новгороде. 10-ти летним мальчиком У. остается круглым сиротой. В 1904 г. поступает на обучение в Майдаковскую ремесленную мастерскую Костромской губернии. С 15 лет работает на производстве. Работая слесарем на разных фабриках и заводах, У. еще юношей принимает участие в революционном движении. В 1907 г. он вступает в ряды большевистской партии, выполняет ее различные задания, занимается в рабочих кружках, ведет работу по созданию профессиональных и культурных организаций.

Воспитывается и работает У. в родниковской парторганизации (Иваново-Вознесенской губ.). В 1912—13 гг. при активном участии У. созывается областная партконференция текстильного района (Иваново-Вознесенского и Костромского), на которой У. участвует секретарем. После проведения этой конференции подвергается аресту и заключению в тюрьму. Потом уезжает в Петербург, где продолжает подпольную революционную работу. В 1915 г. переезжает в Москву и, работая слесарем на заводе „Динамо", ведет партийную, профессиональную и кооперативную работу.

С начала Февральской революции рабочими завода „Динамо" У. избирается членом московского совета. Далее избирается председ. симоновского совета, симоновской управы и рогожско-симоновского совета. Состоял членом губисполкома нескольких созывов и членом президиума губисполкома. В марте 1921 г. участвует в числе других делегатов X парт. с'езда в подавлении кронштадтского восстания.

В момент введения нэп'а У. партией направляется на завод к станку. Проработав некоторое время рабочим, становится красным директором завода „Динамо" и на конкурсе красных директоров „Правды" получает первую премию. В 1922 г. назначается председателем электротехнического треста (ЭТЦР). При об'единении в 1925 г. двух электротехнических трестов назначается председателем об'единенного треста ГЭТ. В мае 1926 г. избирается председателем московского совета. Переизбран в этой должности в марте 1927 г. Член МК и бюро МК партии нескольких созывов. С XII парт. с'езда член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК'а и ЦИК'а СССР нескольких созывов. В 1927 г.—член президиума ВЦИК'а.

И. Борисов.

УХАНОВ К. В. (1891–1937).

С 1929 председатель Московского облисполкома. С 1934 нарком местной промышленности, с 1936 нарком легкой промышленности РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Фигельский, Владислав Дамианович, родом поляк, окончил математический факультет в Сорбонне (Париж). В 1915 г. по возвращении в Польшу попал в войска, но скоро был освобожден вследствие слабости зрения. После того был преподавателем математики в самаркандской гимназии. В 1917 г. участвовал в инициативной группе учителей интернационалистов, затем был избран комиссаром народн. просв. самарканд. уезда. Работая в партии большевиков, он в то же время, как член учительского союза, принимал участие в его работах и в краевом с'езде работников просвещения. В 1918 г. Ф. избирается председателем совета раб., крестьянских и солд. депутатов Самарканд. области. В этой должности он повел энергичную борьбу с бандитизмом и скоро выдвинулся в первые ряды революционных деятелей края. В окт. 1918 г. его избирают на краевой с'езд советов, и турк. ЦИК выдвигает его в председатели Совнаркома Туркест. республики. В янв. 1919 г. Ф. был расстрелян в Ташкенте во время восстания, руководимого бывшим комиссаром по военным делам К. Осиповым (см. *„Шал. бор."*).

ФИГЕЛЬСКИЙ В. Д. (1889–1919).

Фиолетов, Иван Тимофеевич (парт. имя „Ванечка"), крестьянин борисоглебского уезда Тамб. губ. села Тугулокова, р. в 1884 г., уч. в начальн. училище, с 12 лет помогал семье (жил у отчима). Юношей приехал в Баку и поступил в механич. мастерскую бр. Нобель.

ФИОЛЕТОВ И. Т. (1884–1918).

ФРИЧЕ В. М. (1870–1929).

Академик АН СССР (1929).

В 1900 г. вступил в РСДРП и после раскола в партии примкнул к большевикам. В 1903 г. за участие в июльской забастовке на Балахан. нефтяных промыслах Ф. был арестован, но скоро выпущен. Однако, в конце года он должен был уехать на сев. Кавказ и жить по чужому паспорту. В Грозном он организует партийную работу в рабочей среде, в 1904 г. опять попадает в тюрьму, при чем при обыске у него было захвачено много нелегальной литературы. В тюрьме Ф. агитирует среди уголовных, которые пред'являют администрации требования об улучшении тюремного режима, а когда администрация ответила отказом, начинают голодовку. Из тюрьмы Ф. попадает в больницу, затем опять в владикавказскую тюрьму. Революция 1905 г. освобождает Ф., он едет в Грозный, оттуда в Баку и организует профессиональный союз нефтепромышленных рабочих. В 1908 г. Ф. опять был арестован. Его ссылают в Вологодскую губ. в г. Яренск. Здесь Ф. подготовляется к аттестату зрелости, но не держит экзамена из-за нежелания учить катехизис. В ссылке он делается председателем колонии ссыльных. В 1911 г., по освобождении, Ф. уезжает в Баку, оттуда в Туркестан и поступает в Ташкенте на электрич. станцию. Здесь он опять организует забастовку и лишается заработка на долгое время. Наконец, Ф. получает место машиниста на о. Челекене, а отсюда в 1914 г. возвращается в Баку, работает в Народном доме, продолжает вместе с Джапаридзе подпольную работу, добивается коллективного договора, делается председателем союза нефтепромышленных рабочих и широко развертывает организац. и агитационн. деятельность после Февральской революции. В 1918 г. Ф. назначается комисс. Народн. хозяйства в Баку. После переворота Ф. попал в тюрьму, а затем в числе 26 бакинских комиссаров был расстрелян в сентябре 1918 г. англичанами (см. *„Пам. бор."*).

Фриче, Владимир Максимович *(автобиография)*, род. в 1870 г. в Москве в немецкой семье (отец служил бухгалтером в коммерческих предприятиях), учился в (немецкой) гимназии Петра и Павла, которую окончил в 1889 г. с медалью. Родители уехали в Германию, содержал себя уроками, поступил на историко-филологический факультет московского университета, где занимался сначала классической филологией, потом западной литературой, получил медаль за сочинение о немецком романтизме и его влиянии на русский и по окончании курса в 1894 г. был оставлен при кафедре всеобщей литературы проф. Н. И. Стороженко. Вынесенное из стен московского университета царившее в особенности на историко-филологическом факультете, характерное для 80-х гг. аполитичное настроение изживалось лишь постепенно, однако к концу 90-х гг. шел определенно на путях к марксизму, чему был обязан в значительной степени учившемуся вместе со мной и состоявшему членом нашего студенческого литературного кружка В. М. Шулятикову, уже причастному в то время к социалдемократическому движению. В конце девяностых годов началась моя преподавательская деятельность в средней школе, где работал до 1906 г. (2-я женская гимназия. Александровское коммерческое училище, училище Фидлер) — из всех этих учебных заведений пришлось уйти по обвинению в политической неблагонадежности. В то же время читал лекции на Пречистенских рабочих курсах. С 1897 г. начал печататься в журналах: в „Русской Мысли", в „Мире Божьем", а также в газете „Курьер", где вел фельетон о текущей западноевропейской литературе. В 1904 г. сдал при университете магистерский экзамен и приступил к чтению курсов — в бурные годы первой революции — собирая на свои лекции все социалдемократическое студенчество всех факультетов и много посторонней университету революционной молодежи; бывали и рабочие. Преподавательская моя в университете деятельность вызвала дважды донос на меня известного черносотенца Пуришкевича, второй раз в 1910 г. в Государств. Думе в его речи, посвященной университетам. Примкнув к большевистскому крылу с.-д. партии, состоял (с 1905 г.) членом лекторской литературной группы при московском комитете большевиков, выступал как пропагандист в Москве и в области. Для той же цели пропаганды марксизма мною были использованы поездки с лекциями по провинции (начиная с 1900 г.), в целый ряд городов вторичный в'езд мне был запрещен. В 1903 г. принял участие в сборнике „Очерки реалистического мировоззрения", а затем в легальных социалдемократических журналах („Образование", „Правда", „Современный Мир"). Так как около 1910 г. реакция прочно укрепилась и в университете, вышел из состава преподавателей и в период до 1917 г. занимался отчасти чтением лекций в провинции, отчасти литературным трудом. После Февральской революции писал пропагандистские брошюры читал лекции о рабочем движении в России и на

Западе (потом изданные и выдержавшие несколько изданий под заглавием „Очерки мирового рабочего движения"), примкнул к группе „об'единенцев", считая насущной задачей дня единый фронт социал-демократов против эсеров, сотрудничал в органе об'единенцев „Пролетарий", отстаивая лозунги большевиков („вся власть советам", „III Интернационал", „братанье на фронте"); убедившись, что за группой об'единенцев не стоят массы, ликвидировал свои отношения к группе и снова стал в ряды большевиков. После Октябрьской революции был назначен комиссаром иностранных дел при М. С. (до переезда в Москву Совнаркома и Наркоминдела), ликвидировал бывший учебный округ, был членом коллегии Моно и в качестве последнего заведующим художественным п/отделом Моно, затем прикомандирован к агитотделу М. совета при МК партии, имел поручение сорганизовать районные совпартшколы и потому присутствовал на известном заседании МК в Леонтьевском переулке; уцелел от взрыва только потому, что за две минуты до него вышел в коридор курить. Когда возникло Лито Наркомпроса, был назначен членом его коллегии (до его ликвидации), был одним из создателей после Октября издательства М. совета и до 1925 г. стоял во главе его редакционной коллегии, а с 1922 г. вернулся к научной и научно-педагогической работе, приняв деятельное участие в реформе университетского преподавания и в построении научно-исследовательских институтов (Ранион). В настоящее время состою профессором 1-го МГУ на отделениях Лито и Изо, членом президиума Ранион, директором Научно-Исслед. института языка и литературы, зам. директора Научно-Исслед. института археологии и искусствознания, членом научно-политической и научно-художественной секций ГУС'а и заведующим секцией литературы и искусства при Коммунистической академии общественных наук, членом которой являюсь с момента ее возникновения. Связанный значительную часть своей жизни с м. университетом, испытываю величайшее чувство удовлетворения от сознания, что попытка завоевания университета для пролетариата и для марксизма, которая была сделана еще в 1905 г. и была затем задушена восторжествовавшей реакцией, ныне, благодаря победе Октября, полностью проведена в жизнь. Из моих работ можно указать на след.: 1) „Очерк развития зап.-европ. литературы от средних веков" (3-е перераб. изд.); 2) „Поэзия кошмаров и ужаса"; 3) „Итальянская литер. эпохи национально-освободительной борьбы"; 4) „В. Шекспир"; 5) „Зап.-европ. литература XX в."; 6) „Очерки социальной истории искусства"; 7) „Социология искусства". Некоторые из моих работ переведены на иностранные языки („Художественная литература и капитализм" — на болгарский; „Очерк развития зап. литературы" — на литовский и польский; „Пролетарская поэзия" — на армянский и литовский). Подробный перечень моих книг до 1924 г. см. библиограф. справочник, составленный Мандельштам: „Худож. литература в русской марксистской критике".

Фрумкин, Мойсей Ильич *(автобиография)*. Я родился в 1878 г. Мои родители вели торговые операции средней руки по торговле хлебными продуктами в Западной Европе, аренде винокуренных заводов и поставке спирта для заграничных рынков и для государственной винной монополии. Все свои детские и юношеские годы до 18 лет я провел в гор. Гомеле Могилевской губ. С самого начала 90-х гг. я сталкивался с группой ссыльных, бывших народовольцев, живших в нашем городе. До начала 1894 г. общественное движение в Гомеле ограничивалось только радикальными кругами — интеллигенцией. В 1894 г. в Гомеле появился вернувшийся из Америки некий Захарин. Затем появилось еще несколько человек (Рабкин, Ноткин и др.), которые положили основание рабочему движению в Гомеле. Они организовали ряд кружков и полулегальных клубов, к которым примкнула наша молодежь, впервые знакомившаяся с учением Маркса. В круг этого движения был вовлечен и я. Примерно с этого периода начинается моя сознательная жизнь. В 1895—1896 г. я принимал участие в организации клубов для служащих и для рабочих одного района.

Мое официальное вступление в партию я считаю с 1898 г., т.-е. с момента оформления отдельной организации РСДРП. Отмечаю этот момент, ибо в то время до марта 1898 г. у нас существовала единая организация Бунда и с.-д. Какого-либо ясного разграничения между отдельными партиями и течениями не было. Мы все посильно принимали участие в революционном движении, которое в Гомеле фактически было рабочим движением. Помню, что в наших кружках принимал участие и будущий с.-р. Карпович, стрелявший в Боголепова в 1901 г. Во время моего учения в Киеве я принимал участие в местном движении. 1900 г. я провел в Тамбове. В этом городе революционное движение носило

ФРУМКИН М. И. (1878–1938).

До 1929 заместитель наркома финансов СССР. В 1932–35 заместитель наркома внешней торговли, затем на хозяйственной работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

характер народнический, примыкавший ближе к с.-р. Незадолго до моего приезда оттуда уехал Чернов, проживший в Тамбове несколько лет. Печать пребывания Чернова в Тамбове сказалась на умонастроении, глав. обр., молодежи и ремесленных учеников. Мы начали постепенно укреплять связь с вагоностроительными заводами и вообще на ж. д. Не лишнее отметить, что слабое развитие пролетарского движения в то время в этом районе сближало с.-р. и с.-д. Так, напр., я заключил договор с с.-р. Надежиным и Авдеевым, ныне большевиком, об организации в Козлове на паях типографии, которая бы обслуживала и с.-д. и с.-р. Типография была организована в начале 1901 г.

В начале же 1901 г. я выехал в Москву в целях лучшего использования типографии для большой московской организации и для революционной работы в Москве. Но и в Москве царствовало такое настроение, созданное знаменитым начальником охранного отделения Зубатовым, что приступить к работе было почти невозможно. Несмотря на то, что у меня имелись рекомендации достаточно солидные к отдельным революционерам в Москве, я не мог ни использовать типографии, ни работать в московской организации. Зубатовщиной была создана атмосфера всеобщего недоверия, я относился с недоверием к тем, с которыми меня знакомили, последние платили мне тем же. В апреле месяце я выехал в Петербург. Туда я попал как раз после провалов, обычных перед празднованием 1-го мая.

В Петербурге в то время существовали две организации: „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" и „Рабочее Знамя". Первая из них, наиболее мощная, страдала в то время тем, что называется в нашей революционной истории — экономизмом. Она меньше уделяла внимания политической борьбе, отдавая больше сил экономической борьбе рабочего класса. Работа „Рабочего Знамени" была более окрашена в политический цвет. По своим настроениям я примкнул к последней. Как я уже указывал выше, аресты, которые были в апреле месяце, привели к значительному опустошению в рядах революционных организаций, но особенно пострадало „Рабочее Знамя". Я сразу вошел в организацию и стал в ней работать самым усиленным образом. В Петербурге я проработал до первых чисел сентября, т.-е. 4 месяца с лишним, а затем был арестован благодаря знакомству с известным провокатором Гуровичем.

Просидев в тюрьме до июня 1902 г., я был отправлен в Восточную Сибирь по приговору на 5 лет. Прожив в Енисейске до первых чисел мая, я оттуда бежал и вновь вернулся на революционную работу в Петербург. Немедленно по приезде я вошел в состав петербургского комитета РСДРП. В комитет в то время входили Нина Львовна Розенберг (теперь Эссен), (Бур Эссен), Елена Дмитриевна Стасова, рабочий Миллер (Незлобин) и приват-доцент политехн. института Леман. Проработав до начала октября, я вновь был арестован и просидел в тюрьме около 15 месяцев. Освободившись из тюрьмы в январе, уже после знаменитых событий 9 января 1905 г., я в течение 3 месяцев раз'езжал по стране в качестве агента центр. комитета, а затем был направлен на работу в сев.-зап. обл. комитет (Витебск, Минск, Вильно, отчасти Смоленск). Я работал в качестве члена местных комитетов и сев.-зап. обл. комитета до мая 1906 г. В мае я вновь переехал в Петербург, где вступил в члены военного комитета петерб. организации. Во время Кронштадтского и Свеаборгского восстаний комитет был арестован почти в полном составе. Одновременно со мной были арестованы Гусаров, Малоземов, Менжинский, Харик, Брауде и Зеленский. Просидев в тюрьме 9 месяцев, я был освобожден в мае 1907 г. под залог. В виду серьезности моего дела я перешел на нелегальное положение и переехал в Баку, где я проживал по паспорту Льва Борисовича Рубина. В Баку я вначале работал в статистическом отд. совета с'ездов бакинских нефтепромышленников. Одновременно работал в местной организации и в профсоюзных. Вскоре я перешел целиком на работу в профсоюз рабочих нефтяной промышленности, исполняя должность второго секретаря и редактора газеты «Гудок».

В то время, как во всех других местах рабочее движение шло на убыль, в Баку борьба рабочих не только не падала, но, наоборот, ширилась и росла. В отличие от других мест большевики завоевывали в этом важнейшем рабочем центре Кавказа все больше и больше влияния и места. В партийной организации в то время работали: Коба-Сталин, Тимофей Спандарян, Буду Мдивани, Якубов, Нико, Петербуржец, Смирнов (Саратовец) и ряд др. видных работников. В Баку в это время жили старые члены партии, которые оказывали значительное содействие партийной организации, но которые не принимали активного участия в низовой работе. К последним

можно отнести Гуковского, Флерова, Кучковскую и др.

Среди бакинских профсоюзов первое место занимал союз нефтепромышленных рабочих, который возглавлялся Джапаридзе (Алешей). Близкое участие в профдвижении принимал Ванечка Емельянов. Этот союз был большевистским. В противовес ему существовал союз механических рабочих, в котором принимали участие все меньшевики, во главе с Лариным, в то время меньшевиком.

Я переселился в промысловый район и жил на квартире в больнице, у Акиншевичей, принимавших деятельное участие в рабочем движении. Среди рабочих выделялся Саша Самарцев, не примыкавший ни к большевикам, ни к меньшевикам, но проявлявший значительную энергию. Он добился от градоначальника разрешения на издание легальной газеты. Вместе с А. М. Стопани мы стали выпускать эту газету, как орган профсоюза нефтепромышленных рабочих.

В Баку я прожил до конца января 1908 г., затем переехал в Москву. В Москве я был заведующим статистикой центрального района по статистике нефтепромышленности. В части своей революционной работы я спустя месяц связался с профсоюзами, организовал центральное бюро профсоюзов и в течение почти трех лет все время принимал в нем активное участие. Мы начали издавать в Москве журнальчики типа „Гудок", т.-е. полупрофессиональные, полуполитические (при ближайшем моем участии и редактировании выходили „Рабочее Дело", „Вестник Труда" и „Рабочий Путь"). Близкое участие я вместе с Иван. Иван. Скворцовым принимал в издании журнала „Мысль", который был организован по инициативе и прямому распоряжению В. И. Ленина. Весной 1910 г. я был арестован, как Рубин, на засаде в квартире М. И. Ульяновой. Но мой паспорт был настолько хорош, что я был вскоре освобожден. Я продолжал жить вблизи Москвы без прописки до начала осени, а затем переехал в Нижний-Новгород, считая это место более безопасным.

С начала 1910 г. я до своего отъезда в Нижний вместе с приехавшим членом ЦК Ногиным принимал ближайшее участие в организации русской части ЦК и его работе. К концу 1910 г я был вызван опять в Москву для организации выборов в Государственную Думу вместо ушедшего из Думы Головина. Мы выдвинули кандидатуру И. И. Скворцова. Спустя два месяца после организации этих выборов многие из нас провалились. Я был арестован 28 февраля 1911 г. в Москве на Большой Лубянке. Моя настоящая фамилия была раскрыта. В июне месяце меня судили в военно-окружном суде в Петербурге, дали 4 года каторги, затем заменили ссылкой на поселение.

Я попал в канский уезд, шелаевскую волость, в 189 верстах от города. Прожив там около 4 месяцев, я переехал в село Абан, а через несколько месяцев мне удалось перебраться в уездный город Канск. В этом городишке, при полном отсутствии рабочих, мы могли лишь связываться с так называемой интеллигенцией, принимая живое участие в городских делах. Во время пребывания в ссылке я принимал участие статьями и отдельными брошюрами в „Правде", „Просвещении" и в изданиях „Прибоя".

К концу 1915 г. мне удалось переехать в Красноярск. С самого моего приезда я начал работать в рабочем кооперативе „Самодеятельность", который был организован железнодорожными рабочими. Наше партийное влияние в этом кооперативе было достаточно сильно. Параллельно с работой в кооперативе, в качестве председателя его, я начал работать также и в продовольственной комиссии. Организация красноярская была слаба, насчитывала около 50—60 человек.

С начала Февральской революции, оставаясь председателем рабочего кооператива, я работал в президиуме губисполкома, который в Красноярске играл исключительную роль, и в губкоме. Сверх наших ожиданий, большевики прошли в городскую думу во время выборов в июне в большинстве, и нам пришлось взять городскую управу в свои руки. Городским головой был избран расстрелянный колчаковцами Дубовинский, Яков Федорович, а я в качестве его заместителя (о Февральско-Октябрьских днях в Красноярске я писал в „Пролет. Революции").

Я прожил в Красноярске до марта месяца 1918 г., затем переехал в Омск, будучи делегирован красноярским советом в качестве его представителя в краевой совет Зап. Сибири. Там я работал в качестве ведующего экономической работой совета. В Омске я прожил до начала июня, т.-е. до момента, когда нам нужно было оставить Омск из-за наступления чехо-словаков. Оттуда мы эвакуировались по Иртышу. Пробыв несколько дней в Екатеринбурге, я направился в Москву. ЦК направил меня на работу в Наркомпрод, в котором я работал в качестве члена коллегии, а за-

ФРУНЗЕ М. В. (1885–1925).

тем в качестве замнаркомпрода до марта месяца 1922 г. В 1920 г. я был назначен замест. председателя Сибревкома. В Сибири я работал по продовольствию в Сибревкоме и в качестве члена областного бюро ЦК до июня месяца. В июле я был послан на юго-восток в качестве уполномоченного Наркомпрода, НКВТ, замест. председ. Крайэкосо и члена бюро ЦК на юго-востоке. В Ростове я прожил до конца мая 1921 г.

В течение всех этих лет я часто посещал Ленина по его вызову и по своей инициативе С начала апреля 1922 г. я начал работать в НКВТ в качестве зам. наркома, проработав в этом наркомате около 2-х лет. В марте 1924 г. я был назначен членом коллегии Наркомфина, в котором я проработал до начала ноября того же 1924 г., затем вновь вернулся в НКВТ на то же место, которое занимал раньше. В настоящее время состою замест. наркомфина СССР.

Фрунзе, Михаил Васильевич, род. в 1885 г. в городе Пишпеке Джетысуйской (прежде Семиреченской) обл.(Туркестан). Отец его, обрусевший румын-молдаванин, крестьянин тираспольского уезда Херсон. губ., отбывал военную службу в Туркестане и по окончании ее остался здесь служить в качестве городского фельдшера; мать — из крестьянок Воронежской губ., переселившаяся в 70-х годах в Семиречье. Учился Ф. в городской школе, а затем в гимназии в г. Верном (теперь Алма-Ата). Детство его протекало в тяжелых материальных условиях, т. к. он рано лишился отца, и средства к существованию приходилось добывать самостоятельным трудом. Первое знакомство с революц. идеями получил еще во время пребывания в гимназии, где участвовал в кружках саморазвития. По окончании гимназии в 1904 г. Ф. поступает в политехнический институт в Петербурге, здесь принимает участие в студенческих и рабочих революционных кружках и вступает в с.-д. партию, после раскола которой примыкает к большевикам. За участие в демонстрации в ноябре 1904 г. его арестовывают и высылают из Петербурга. Он работает сначала в Москве, потом в Иваново-Вознесенске, где был одним из организаторов и руководителей знаменитой стачки текстильщиков в 1905 г., охватившей на $1^1/_2$ месяца весь промышленный иванововознес. район. Затем принимает участие в московском декабрьском восстании в 1905 г. на баррикадах Красной Пресни. Ф. является организатором ивановознесенской окруж. организации, а затем и иван.-возн. союза РСДРП, охватывающего как городскую ив.-возн. организацию, так и весь ив.-возн. район (Шуя, Кинешмы и др.). Иваново-вознесенской организацией Ф. в 1905 г. делегируется на с'езды партии — 3-й в Лондоне и на 4-й с'езд в Стокгольме в 1906 г. Последовавший в 1907 г. арест в г. Шуе надолго прерывает революционную деятельность Ф. По обвинению в принадлежности к социал.-демократ. партии большевиков его приговаривают к 4 годам каторжных работ, а затем за оказание вооруженного сопротивления полиции еще к 6 годам (дело это рассматривалось в суде 5 раз и 2 раза заканчивалось вынесением смертного приговора). Каторгу Ф. отбывал во Владимирской ($5^1/_2$ лет), Николаевской (2 г.) и в Александровской (в Сибири) центральной каторжн. тюрьмах. В конце 1914 г. он вышел на поселение в верхоленский уезд Иркутской губ. Летом 1915 г. подвергается аресту за создание организации среди ссыльных. Ему удается бежать в Читу, где он живет под фамилией „Василенко" и принимает участие в редактировании больш. еженедельника „Восточное Обозрение". После того, как его местопребывание сделалось известным полиции, он перебирается в Россию, под фамилией „Михайлова" поступает на службу во Всеросс. земский союз и работает на западном фронте. К моменту Февр. революции Ф. стоял уже во главе обширной подпольной революционной организации с центром в Минске и отделен. в 10-й и 3-й армиях зап. фрон. С начала Февр. революции Ф. становится одним из руководителей революционн. движения в Минске, Белоруссии и на зап. фронте и сам становится начальником минской гражданской милиции. Затем Ф. избирается в минский совет раб. и солдатских депутатов, в фронтовый комитет армии западного фронта и председателем организованного им совета крестьянск. депут. Белоруссии. После восстания Корнилова, во время которого Ф. был выборным начальником штаба войск минского района, он переезжает на место своей прежней революционной деятельности в иван.-вознесенский район и в г. Шуе избирается председателем уездной земской управы и городской думы и председат. совета раб., кр. и солд. депутатов. От г. Шуи он был представителем на демократ. совещании в Петрограде. Во время Октябр. борьбы в Москве Ф. во главе отряда в 2.000 чел. рабочих и солдат из Ив.-Вознес. района прибывает в Москву и принимает непосредственное участие в боях. После

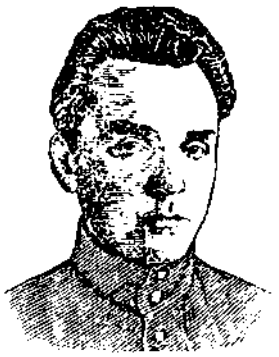
Октябр. революции Ф. становится председателем вознесенского губисполкома и губ. комитета РКП и губ. военным комиссаром Владимирская губерн. посылает Ф. в Учредительное Собрание от большевиков. После ярославского восстания он назначается окружным военным комиссаром ярослав. военн. окр. Отсюда его переводят на уральский фронт, и под его командованием южная группа армий восточного фронта нанесла решительное поражение войскам Колчака. После того Ф. находится во главе всего восточного фронта, а затем руководит операциями по очищению Туркестана от белых. В августе во время революции в Бухаре, свергшей эмира, Ф. с частями Красной армии помогает закреплению революционной власти и очищает Бухар. республику от войск эмира. В сент. 1920 г. Ф командует южным фронтом, действуя против Врангеля. После занятия Крыма и ликвидации врангельского фронта в ноябре Ф. становится команд. войсками Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета при Укр. ССР. Под его руководством ликвидируется петлюровщина и махновщина. Его избирают членом ЦК большев. Украины и членом ЦИК Укр. ССР. В 1924 г. Ф. назначается замест. председателя Реввоенсовета, одновременно состоит членом президиума ЦИК СССР (с 3-го С'езда советов) и ЦК РКП. 26 янв. 1925 г. Ф. назначается председ. РВС республики и наркомом по военн. и морск. делам СССР. 31 октября 1925 г. Ф. скончался после продолжительной болезни и произведенной операции. (См. *„12 б."* и *„Пр."*, *№ 251, 1925 г.*).

Фурманов, Дмитрий Андреевич, род. 26 декабря (7 января) 1891 г. в с. Середа середской вол. нерехтского у. Костромской губ., ныне Иваново-Вознесенской. Детство его до пяти лет прошло в деревне, где родители его крестьянствовали. Раннее свое детство Ф. описывает сам в своих записках: „Из ранней своей жизни я абсолютно ничего не помню, лишь по рассказам старших могу заключить, что был большим буяном и ужасным драчуном, за что неоднократно получал „потасовки".

В 1896 г. родители Ф. переезжают в Иваново-Вознесенск, и до 17 лет жизнь его течет в городе среди разлагающей ребенка обстановки. Отец, бросив крестьянство, занялся торговлей и устроил „кабак", как говорит он сам. „У нас был кабак. Как противно это слово! Отвратительный запах прокопченности, пропитанности всего водкой, кажется, до сих пор еще живет в моей памяти и заставляет содрогаться при одной мысли о возможности того обстоятельства, что и я мог бы попасть по счастливой случайности, в компанию этих вечных сотоварищей собутыльников моего отца, что и я мог бы пропасть, как пропадают многие „за компанию". Как видите, жизнь самая тяжелая".

Однако, отец понимает все же, что жизнь идет вперед, и Ф. 8-ми лет попадает в городское училище. С этого времени для него начинается другая жизнь, он зачитывается Майн-Ридом, Вальтер Скоттом и воплощает в жизнь прочитанное, перенося чтение на улицу, руководя всеми мальчишескими затеями. Отличается в школе по русскому языку, пишет свои сочинения на нескольких листах. Двенадцати лет (1903 г.) Ф. кончает городское училище, и отец отдает его в торговую школу. С этого времени у Ф. появляются книги-дневники со стихами и становится ясно, что торговая школа не может его удовлетворить. Читает он все, что попадается под руку, и мы видим в его дневниках того времени выдержки из Л. Толстого, Достоевского, Григоровича, Пушкина и Лермонтова. Часто, не имея денег на папиросы и на книги, Ф. пишет сочинения своим товарищам. По окончании торговой школы Ф. в 1908 г. решает ехать в Кинешму, держать экзамен в пятый класс реального училища. Любовь к поэзии проглядывает у него с ранних лет; тетрадь за тетрадью наполняет он стихами, а с 14 лет уже появляются регулярные записи всех волнующих его вопросов, и по ним можно проследить рост Ф. Среди этих записей все же разбросаны стихи, обнаруживающие, кроме лирическ. чувства, искание ответов на волнующие большие вопросы. Этим можно об'яснить влечение Ф. в тот период к Достоевскому. В реальном училище Ф.—друг и товарищ всех учеников, заступник за всех обиженных, зачинщик всех коллективных выступлений; все это создает ему необычайную любовь среди товарищей. Но Ф. не удовлетворен; внешняя обстановка волнует его, но никто не усмотрел, не уловил эту богатую натуру, не вывел его на правильный путь. Он мечется из края в край и не находит приложения своей энергии. Реальное училище все же помогает его общему развитию, судя по аккуратным записям его.

Не имея материальной поддержки семьи, Ф. все же в 1912 г. весной едет в Москву и поступает на юридический факультет.



ФУРМАНОВ Д. А. (1891–1926).

ХАЛАТОВ А. Б. (1896–1938).

В 1927–29 ректор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Был председателем Всесоюзного общества изобретателей. В 20–30-е годы член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Посещение первых лекций его разочаровывает, он пишет в своих записках: „Куда итти мне? Чувствую, что влечет другое, не сюда попал я. Нет удовлетворения, не могу заниматься сухими науками закона, когда все нутро тянется к поэзии, когда рифмы прут из нутра". И Ф. переводится на словесное отделение историко-филологич. факультета моск. универс., который и кончает без государств. экзаменов в 1915 г.

Первые годы студенчества. Голодная жизнь, холодная комната, бегание по грошевым урокам и чтение, бесконечное чтение в каждую свободную минуту. Не имея подчас денег на обед, он гроши откладывает для покупки книг, и та библиотека, которая осталась после его смерти, начало свое положила еще в голодные студенческие годы 12—15 годов.

1914 год. Поездка на фронт в качестве брата милосердия и все то же искание, все та же жажда найти правильный путь.

Заметки того времени, которые посылал он в столичные газеты, всегда говорили о страдании солдат в окопах, о боях и о психологических переживаниях солдат.

В 1916 г., разочаровавшись, Ф. возвращается в красный город ткачей — Иваново-Вознесенск, участвует в организации рабочих курсов и вместе с Михаил. Алекс. Черновым, другом студенческих лет, переносит все трудности легального положения курсов. Февральская революция сразу захватывает его и бросает на гребень вырастающей волны. Здесь и начинаются для Ф. тяжелые переживания своей политич. неопределенности. Сначала мы видим его в рядах левых эсеров, потом он организует группу максималистов, потом является лидером анархистов. Весь этот сложный путь опять-таки с необыкновенной искренностью запечатлен в его книге „Путь к большевизму".

В письмах он жаловался на идейный тупик, но тогда уже во всех его выступлениях и лекциях, а также и работе, чувствуется намечающаяся единая линия работы с большевиками: „Я не найду себе пути, не удовлетворяет меня ни одна партия, и вот только большевики прельщают меня своей цельностью, своей настойчивостью"... Так писал он в марте 1918 г. В это время он уже товарищ председ. местного совета рабочих депутатов; большую часть работы по организации советской власти, по агитации и пропаганде Ф. несет на своих плечах. Тут он сталкивается вплотную с М. В. Фрунзе, который, как он сам пишет, сыграл огромную роль в его жизни: беседы с ним расколотили последние остатки анархических иллюзий. В июне Ф. уже большевик, и через неделю его назначают руководителем всей партийной жизни губернии и членом губисполкома. 1919 г. Отправление с отрядом Фрунзе на фронт, назначение комиссаром 25-ой Чапаевской дивизии. Много и подробно этот период Ф. отразил в своей книге „Чапаев"; не сказал он только того, что был первым комиссаром этой партизанской дивизии и своей чуткостью, дисциплинированностью и твердой волей превратил дивизию и ее командиров в стойких красных бойцов. Осенью 1919 г., за две недели до гибели Чапаева, Фрунзе отзывает Ф. в политуправление туркфронта начальником. Весна 1920 г. застает Ф. уполномоченным Реввоенсовета в Семиречьи, откуда после ликвидации разыгравшегося кулацкого мятежа осенью Ф. переезжает на Кубань и попадает в тыл к белым, куда он был назначен комиссаром красного десанта при командире Кавтюхе. В бою сильно контужен в ногу и награжден орденом Красного Знамени. По возвращении был назначен начальником политуправления кубанской армии.

1921 г. застает его уже в Москве, и с этого времени начинается его литературная деятельность. Начиная с 1917 г. Ф. много писал статей в „Рабочем Крае" Иваново-Вознесенска и военно-политич. журналах, сотрудничал в „Извест." и „Правде", выпускает две брошюры: „Красная армия и трудовой фронт" и „Форма агитации и пропаганды".

В 1921 г. он выпускает первую свою книгу „Красный десант", в 1922 г.—„Чапаева", выдержавшего 6 изданий в сотнях тысяч экземпляров; выпускает повесть „В восемнадцатом году", сотрудничает в московских журналах, в начале 1925 г. выпускает книгу „Мятеж".

1923 г. Ф. вступает в члены МАПП, выбирается секретарем, принимая активное участие в борьбе на фронте пролетарской литературы. Во время болезни, почти накануне смерти, он пишет в постели товарищеский привет собравшейся II чрезвычайной конференции, которую поздравляет с ликвидацией „левого", т.-н. родовского уклона. 15 марта 1926 г. Ф. умер от менингита. *А. Фурманова.*

Халатов, Артемий Багратович (*автобиография*), род. в Баку в 1896 г; происходит из трудовой семьи; в 1912 г. окончил реальное училище в Баку. Будучи учеником старших классов, заинтересовывается марксистской литературой

Окружающая среда тогда не способствовала его революционному развитию в подлинном смысле этого слова, и лишь в 1912 г., по окончании среднего образования, когда он переехал в Москву и поступил в коммерческий институт (ныне Институт народн. хозяйства им. Плеханова, ректором которого сейчас и состоит), он, очутившись в среде студенчества, примыкает к революционно-настроенной его части. В существовавших среди студенчества марксистских кружках Х. ближе знакомился с Марксом, Лениным, а также и с нелегальной марксистской литературой. В 1915 г. у него сложилось определенное марксистское мировоззрение, в вопросах тактики в связи с происходившей тогда империалистической войной он тяготел к группе интернационалистов.

В период империалистической войны Х. принимал деятельное участие в общественных организациях. Известно, что „студенческая столовка" в те годы являлась центром легального существования нелегальных кружков; Х. был одним из инициаторов и организаторов этой столовки, которая впоследствии выдвинула целую группу молодых товарищей, принимавших и принимающих сейчас активное участие в советском строительстве и на парт-работе (Тер В., Бумажный, Козелев, Мышкин, Островитянов, Хлоплянкины, М. и И., Рябовол, Арутюнянц П. и др.).

В Февральскую революцию Х. ведет активную работу в замоскворецкой районной думе в качестве члена продовольственной управы. Вплоть до 1923 г., т.-е. в течение 6 лет, он бессменно работал по продовольственному делу. Еще летом 17 г. он избирается представителем замоскворец. района в рабочую группу продовольств. управы Москвы. Проработав недолго в управе, он с лета 1917 г. переходит по постановлению рабочей группы тов. председателя вновь организованного московского городского продольств. комитета. Несколько позже, в августе 1917 г., при перевыборах районных дум Х. избирается (по списку № 5 большевиков) членом президиума замрайсовета; в это время он вступает в компартию.

В дни Октябрьской революции Х. участвует в военных дружинах и революционно-военном комитете замрайона. Необходимость организации дела продснабжения и транспорта на второй день после Октябрьской революции выдвигает Х. на должность заместителя чрезвычайного комиссара по продовольствию, каковым в то время был Шлихтер.

В начале 1918 г. МГПК преобразуется в продовольственный отдел Моссовета; на Х., избранного членом президиума его, возлагается работа по организации карточной системы в Москве. В августе месяце этого же года Х. сменяет А. И. Рыкова в качестве комиссара московск. областного продкомитета. Проработав недолго в этом комитете, он с делегацией уезжает в гетманскую Украину, где в Киеве имелся представительный продорган РСФСР — „Роспродбюро" — для налаживания связей по снабжению украинским хлебом Москвы. Здесь он подвергается аресту и после 2 месяч. пребывания в тюрьме отправляется этапом в Москву, но по дороге на границе Украины освобождается путем обмена.

В деле укреплений завоеваний Октябрьской революции — продовольственный фронт имел решающее значение. Х., как продовольственник, назначается на продработу в масштабе всего РСФСР — членом коллегии вновь организованного тогда Наркомата по продовольствию, где он и работает в течение 4 лет, руководя распределением продовольствия с небольшим перерывом осенью 1919 г., когда Х. был назначен начальником главного управления по снабжению Красной армии (Главснабпродарм). В связи с обострившимся продовольственным положением столиц, Х. назначается уполномоченным Совета труда и обороны по концентрации хлеба для столиц.

Дело рабочего снабжения к осени 1919 г. приобретает сугубо важное значение, и по предложению Ленина создается при НКпроде междуведомственная „комиссия по рабочему снабжению", куда входят представители НКпрода, ВЦСПС, ВСНХ и др. Постановлением Совнаркома Х. назначается председателем этой комиссии, которой он руководит в течение 2 лет до ее ликвидации. Впоследствии, осенью 1921 г., также по инициативе Ленина, организуется „Комиссия по улучшению быта ученых" (Цекубу) при Совнаркоме, председ. которой назначается Х.

Осенью 1922 г., когда острота продовольственного кризиса была ослаблена и страна вступила во второй период своего существования — в период мирного строительства, Х. по предложению Дзержинского был назначен членом коллегии Наркомата путей сообщения, продолжая работать в нем до последнего времени. Кроме обязанностей члена коллегии, Х. состоял председ. междуведомственного органа—Центрального комитета по перевозкам (ЦКП); а с 1924 г. избирается председ. органа транспортной общественности—бюро правлений железных дорог, впоследствии реорганизован-

ХИНЧУК Л. М. (1868–1944).

В 1930–34 полпред СССР в Германии. В 1934–37 нарком внутренней торговли РСФСР. В 1938 главный арбитр при СНК РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ного в Совет правлений транспорта СССР.

В 1923 г., по инициативе Дзержинского, было создано акционерное о во „Транспорт", и Х. был избран его председат. В 1924 г., с организацией СССР и с реорганизацией всех наркоматов, Х. был назначен от союзного Наркомата путей сообщения уполномоченным в СНК и Экосо РСФСР. По инициативе Х., в 1923 г. организовано паевое т-во „Народное питание" (Нарпит), председ. коего он состоит и в настоящее время. С июля 1927 г. постановлением Совнаркома Х. перешел на работу в качестве члена коллегии Наркомата просвещения и председателя правления Госиздата.

Х. с 1917 г. ежегодно избирается членом московского совета, с 1923 г. членом ВЦИК, а с 1924 г. членом ЦИК'а. Х. кроме того, является агитатором МК ВКП (б). Х. принимает активное участие в общей и партийной периодической печати. Кроме того, у него имеется несколько отдельно изданных литерат. трудов и популярн. брошюр: „К вопросу о заработной плате", „К вопросу о производит. труда", „Ленин и производительность труда", „О специалистах", „Наше хозяйство и режим экономии", „О социалист. накоплении", „О положении транспорта", „Турк.-Сиб. ж д.", „Профсоюзы в борьбе за улучшение быта рабочих", „Организуем хозяйств. самооборону" и др.

Б. Иванов.

Хинчук, Лев Михайлович *(автобиография)* род. в Полтаве в 1868 г., в семье мелкобуржуазной. У отца была портняжная мастерская, и меня всегда тянуло к рабочим: с ними я ел, спал и почти все время проводил. Система воспитания была однообразная: старшие дети обучались в хедере, а затем дома проходили талмуд, а младшие после хедера попадали в гимназию, но никому не удалось окончить средне-учебного заведения. Также и меня с трех лет отдали в хедер, а затем в гимназию.

Еще в детстве меня тянуло к разрешению общественных проблем. Помню, живой интерес проявлял я к русско-турецкой войне в период 1878—79 гг., правда, мало разбирался в настроениях общества, а находился под влиянием патриотического угара, но уже в 1881 г. я не только живо интересовался смертью Александра II, но уже тогда впервые стал сознательно относиться к политическим событиям, увлекаясь Желябовым и Софьей Перовской. Это событие решило мою участь. С этого времени я стал интересоваться политическими фактами революционного характера. Помню, как я возмущался описанием „убийства Александра II" в официальных изданиях.

Свое революционное направление, свои общественные симпатии мне пришлось скрывать, т. к. домашняя обстановка, как я выше сказал, была чисто мелкобуржуазная, с присущей ей осторожностью, боязнью и проч., так что мне пришлось оставить родительский дом уже в 13—14 лет и начать жить самостоятельно.

С этого времени началось мое знакомство с подпольной литературой, участие в кружках: в результате—исключение из гимназии. Поступил в аптеку в качестве ученика, но вскоре обстановка эта оказалась для меня невыносимой, и я бросил аптеку, держал экстерном в гимназии и решил поступить в университет. Для меня как еврея и экстерна российский университет был закрыт, и я готовился поехать учиться за границу. Для этой цели надо было отбыть воинскую повинность. С большим трудом удалось получить свидетельство о благонадежности, требующееся для поступления вольноопределяющимся, в одном из уездных татарских городов, и я очутился на военной службе.

В период военной службы я поставил себе задачу — жить в казарме и сблизиться с солдатской массой. Здесь мне удалось сорганизовать кружок для изучения социалистической литературы. Но окончательно самоопределиться мне удалось лишь за границей, где я был студентом философского факультета. В Берне составился кружок студентов, в число которых входили: Шлихтер, его жена (Лувищук), Полубояринова, Полонский, Берман, Житловский, Рапопорт и др. Мы стали изучать вопрос об общине, какие причины разрушения общины. В результате изучения экономических вопросов я уже в 1889 г. примкнул к социал-демократическому направлению. Сильное влияние производили на меня доклады Г. В. Плеханова с его железной неотразимой логикой и глубокой эрудицией. Знакомство с литературой Группы Освобождения Труда, как то: „Наши разногласия" Плеханова и журнал „Социал-демократ", выявление ставки на рабочий класс и его классовую борьбу сделали свое дело. Как только я определил свое миросозерцание, я немедленно выехал в Россию считая, что работа социал-демократическая в рабочей среде требует немедленной усиленной работы. Я поехал в рабочий центр, в Тулу, где

связался с двумя заводами: оружейным и трубочным. Работа носила тогда характер чисто пропагандистский, но надо отметить, что рабочие интересовались тогда более вопросами культуры, мироздания и требовали сведений по естествознанию, истории, культуре в большей мере, чем по рабочему движению, классовой борьбе. Пришлось строить свою работу в двух направлениях. В этот период 1890—91 г. мною было организовано в Туле 2—3 кружка рабочих, в общем не свыше 25 человек, где мне одному пришлось вести пропагандистскую работу. На ряду с этим велись в Туле мною дискуссии с народниками, которые имели корни, благодаря существовавшей там фельдшерской школе. Мне пришлось проработать с полгода и я был арестован, благодаря прибытию из-за границы транспорта нелегальных книг. В то время все крупные политические дела передавались в Киев в распоряжение жандармского генерала Новицкого. Дело мое тянулось 2 года. Во все это время я сидел в одиночном заключении и получил по приговору шестилетнюю ссылку в Якутскую область. Большой революционный закал я получил в этот период. Борьба с тюремной администрацией, борьба с жандармским и прокурорским надзором, усиливающимися репрессиями над „политиками" была непрестанная, и мне пришлось очень активно принимать участие в этой борьбе. От Томска до Иркутска „политики" в числе 15 человек шли пешком в общеуголовном этапе, состоящем из 300 уголовных арестантов. В пути неизбежны были большие конфликты с конвойными начальниками, и я, как староста партии, все удары конфликтов принимал на себя.

В ссылку я попал в Вилюйский округ Якутской области. Колония политиков была небольшая и состояла из одних народников — Юделевского, Ромася, а позже прибыли Шебалин и Мартынов (шлиссельбуржцы) и Махайский. Я был тогда единственным социал-демократом во всей якутской ссылке. Теоретические споры у меня были увлекательны не столько с народниками, сколько с Махайским и его сторонниками, ибо он помимо анархо-синдикалистской теории, увлекал рабочих своей борьбой с интеллигенцией. Позже прибыла в Якутскую обл. партия соц.-демократов из Одессы: Стеклов, Вельтман, Циперович. Уже в ссылке мы получили сведения о I соц-демокр. с'езде в России.

По возвращении из ссылка я, посетив Ленинград, чтобы осведомиться о политическом настроении, поселился в Крыму в Симферополе, где занялся организацией рабочего движения, связавшись с Петербургом и с Харьковом для получения литературы. В работе, кроме меня, принимали участие—Н. И. Иорданский, Б. Л. Вольфензон, В. Г. Громан, Е. Г. Громан и несколько высланных рабочих из Петербурга по „шелгуновской истории", как участников демонстрации во время похорон Шелгунова. В Крыму мы охватили организациями Симферополь, Севастополь и Феодосию. Дальнейшее расширение работы было прервано в 1901 г., в виду организации в Симферополе первомайской демонстрации. Почти все интеллигенты, участвовавшие в демонстрации, были арестованы и высланы (Громан, Вольфензон), а мне пришлось удирать и тем спастись от ареста. Уже в период работы в Крыму наша организация была сторонницей искровского направления. Мы вели борьбу уже в Крыму с рабочедельческим направлением.

В 1901 г. я переехал в Тулу, где работал как в Крыму, в статистике, одновременно связываясь с рабочей организацией. Здесь в это время работали П. В. Луначарский, С. Н. Смидович, А. Д. Цюрупа, А. Г. Шлихтер. В этот период приезжал в Тулу из-за границы представитель „Рабочего Дела" Коган-Гриневич для доклада в тульской организации. Нам удалось удержать тульскую организацию от выявления своих симпатий „Рабочему Делу".

Из Тулы я переехал в Москву, перейдя на нелегальное положение, чтобы превратить московскую организацию из рабочедельческой в искровскую. В Москве тогда был Бауман, но он не входил в работу организации, оставаясь представителем „Искры". Московский комитет состоял тогда из одних рабочедельцев, которые ко времени моего приезда были арестованы. Оставался лишь один С. И. Аленченко, который передал мне рабочие связи и в ту же ночь также был арестован. С этого времени московская организация стала искровской. В московский комитет мною были кооптированы Вайнштейн-Звездич и Теодорович.

В это время в Москве действовали зубатовские общества, которые я временами посещал, принимая участие в дискуссиях. Когда я был арестован, меня вызвал на допрос Зубатов и старался доказать мне, что он проводит полицейский социализм, имея в виду интересы рабочего класса, жаловался на отсутствие у правительства твердой линии.

К концу 1901 г. я был арестован по выходе из нашей типографии, просидел

1½ года, послан был временно до приговора в Енисейскую губернию, откуда бежал летом 1903 г., решив поехать за границу, чтобы выяснить основы разногласий на 2 м партийном с'езде, но задержался на юге, в виду забастовок, широко развернувшихся в это время, проработал пару месяцев в Екатеринославе и Харькове и затем уехал в Женеву, где пробыл около месяца Уехал в Россию в качестве меньшевика на конференцию ответственных работников в Ростове. Отсюда я был назначен для работы в Киев, так как вся киевская организация была провалена. И действительно, когда я приехал в Киев, все были арестованы, и я остался там почти один. Быстро собрали мы все связи и приступили к работе. В это время уже агитационная массовая работа входила в нашу практику. Так называемые массовки проводились в большом количестве в праздничные и предпраздничные дни. Проработав в Киеве до конца 1904 года, я уехал в Петербург для организации меньшевистской группы и для подготовительной работы к 9 января.

В Петербурге мне пришлось выступать совместно с Иннокентием (Дубровинский) на митингах, организованных Гапоном в различных районах. Мы предупреждали о готовящихся расстрелах рабочих, но заявляли что партии будут участвовать в процессии рабочих, если последние не образумятся. Мы говорили, что не с хоругвями, как призывал Гапон, а с оружием надо выступать. После 9 января распалась гапоновская организация, и мы старались лучших рабочих привлечь в партийную организацию, что удалось нам сделать. Поэтому ко времени комиссии Шидловского наша рабочая организация окрепла, и мы провели кампанию очень удачно, разбив иллюзию Шидловского завербовать рабочих в свою комиссию.

В это время пришлось уехать за границу для участия на конференции. В Лондоне была большевистская, а в Женеве меньшевистская. Переговоры о слиянии окончились неудачей. Меньшевики имели свой центральный комитет, названный организационным комитетом. По приезде в Петербург я не успел развернуть работу, так как был арестован и просидел до 20 октября 1905 г., когда был освобожден революционным народом. По выходе из тюрьмы немедленно вошел в исполнительный комитет совета раб. деп. На ряду с участием в совете раб. деп. мы развернули широкую партийную работу. На Васильевском острове мы сорганизовали первый социал - демократический клуб. 4 декабря 1905 года я был арестован в исполнительном комитете совета раб. деп. Выйдя из тюрьмы через 8—9 месяцев, я на суд не явился, но осенью был арестован в Харькове (1906 г.) на южно-русской конференции; бежал из тюрьмы во время прогулки. Снова был арестован на квартире Озоля вместе с соц. демократической фракцией 2-й Гос. Думы. Просидел 4 месяца, не был опознан и освобожден, как грузин Алхазашвили.

После этого я направился на работу в Донбасс, поселился в Таганроге, откуда еле спасся от ареста. Отсюда я переехал в Москву, где поселился нелегально и провел все время реакции. Главная моя работа была вначале профессиональная среди торгов. служащих и кооперативная. Несколько раз восстанавливал меньшевистскую организацию, создавая так наз. инициативные группы, но снова проваливался и должен был на некоторое время скрываться. При выборах в Гос. Думу происходило об'единение меньшевиков и большевиков. Т. обр. мы провели в Думу от Москвы Малиновского, оказавшегося впоследствии провокатором, проводили, хотя и неудачно, И. И. Скворцова и А. М. Никитина.

В период империалистической войны образовалась группа меньшевиков, высказавшихся за активную агитацию против войны. В связи с этим, а также и с проведением первого коллективного договора, инициатором которого я был, меня арестовали в конце 1914 года, был опознан и препровожден этапным порядком в Питер где после 10-месячного сидения судебная палата вынесла мне оправдательный вердикт по делу питерского совета раб. деп.

Т. обр., в период Февральской революции я оказался на свободе, принял активное участие в организации совета раб. деп. в Москве и был избран председателем его. Первый день московского совета раб. деп. был очень напряженный, так как перед нами стояла задача привлечь на свою сторону солдат, что делалось с большим трудом. Первая большая часть солдат прибыла в распоряжение совета под начальством прапорщика Ушакова. Тогда то было отдано распоряжение арестовать Шебеко и Мрозовского. И потом события развертывались с головокружительной быстротой. В московском совете межпартийные взаимоотношения были лучше, чем в Питере. Москвичи были против

участия социалистов в коалиционном министерстве, москвичи стояли за организацию власти из социалистов по формуле: „от н-с-ов до большевиков включительно".

В период Октябрьской революции я был в Питере на С'езде советов. Мне было поручено фракцией меньшевиков выступление. По прочтении декларации меньшевиков я предложил всем оставить заседание. Я тогда говорил, что переворот накануне и в момент С'езда советов недопустим. Но если бы пришлось нам бороться за власть, то ни один меньшевик не оказался бы по ту сторону баррикад рабочего класса.

Когда же я приехал в Москву, я убедился, что здесь был настоящий бой за власть, а между тем меньшевики очутились в положении „нейтральных", т.-е. между баррикадами. И этим меньшевики подписали себе смертный политический приговор.

Разделяя политическую и экономическую платформу коммунистической партии, я все же оставался членом Ц. к-та меньшевиков до наступления Деникина к Орлу. Здесь я окончательно разошелся с меньшевиками, психологически явилась возможность для меня выйти из партии меньшевиков (в конце 1919 г.) и вступить в партию коммунистическую.

В этот период я вступил в члены коллегии Наркомпрода, проводя усиленно продразверстку. Затем, оставаясь членом коллегии Наркомпрода, я был избран председателем Центросоюза. В кооперации я не прерывал работу все время. Работал в московском центральном рабочем кооперативе, Московской коммуне, был председателем совета рабочей кооперации, членом правления Центросекции (рабочего центра). С 1921 г. состоял председателем Центросоюза.

В 1926 г. был избран председ. Совета Центросоюза и председ. Всерос. центр кооперат. совета. Одновременно был избран в президиум ЦИК'а СССР. В ноябре назначен торгпредом в Великобританию. В мае 1927 г. участвовал в делегации СССР на международной экономической конференции, во время которой английское правительство совершило налет на торгпредство и Аркос. По возвращении из Женевы в Лондон присутствовал при разрыве дипломатического и торгового соглашения и вскоре выехал в Москву. В июле 1927 г. назначен замест. наркомторга СССР.

Хмельницкий, Александр Исаакович, первый наркомюст Украинской СС республики (1918—1919), член ЦИК УССР, ЦК КПбУ, род. в Одессе 18 октября 1889 г. Ребенком пристрастился к чтению и почти не интересовался играми. Еще в раннем детстве, переживая процесс Дрейфуса, изучил дело наизусть, цитировал целые страницы из речей Лабори, статей Зола и т. д. Обладая феноменальной памятью, которая впоследствии дала ему имя и репутацию „ходячей энциклопедии", он легко воспроизводил содержание целых столбцов прочитанного. В 1904 г. Х. поступил в 5 класс Ришельевской гимназии: до того все попытки определить его в учебное заведение разбивались о пресловутую процентную норму, да о нежелание отца его (одесского присяжного поверенного) прибегнуть к „общепринятому" в то время способу „склонять" в свою пользу директоров гимназии. В гимназии Х. шел первым по знаниям и развитию. Сверстники Х. передают, что он решал геометрические задачи какими-то особенными, ему одному ведомыми способами, не мало смущавшими преподавателей. В 1905 г. Х. образовал ученический кружок для изучения политической экономии и социальных наук. Х. едва не пал жертвой известных октябрьских выступлений на одесских улицах и баррикадах. Благодаря большим дарованиям и необычайной, поражавшей впоследствии всех, трудоспособности (при слабом здоровьи и хилой комплекции), Х. уже в то время представлял в смысле эрудиции и марксистской подготовки такую величину, с которой считались даже в местных партийных кругах.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ А. И. (1889–1919).

В 1905 г. Х. стал во главе политического движения среди гимназистов, на происходивших сходках он был одним из самых популярных ораторов. К этому же времени относится издание, под редакцией и при почти единоличном сотрудничестве Х., подпольного соц.-демокр. журнала. Последнее политическое выступление Х. в гимназии связано было с казнью лейтенанта Шмидта: чтобы прекратить занятия, Х. прибег к химической обструкции.

В 1907 г. Х. становится студентом Новоросс. унив. (по юридич. факульт.), но университетские курсы дают ему очень мало. Арест в 1907 г. и ссылка его отца за пределы России выбили Х. из колеи (3 годами раньше Х. лишился матери, известной в одесских общественных кругах и происход. из революционного гнезда Гуковских) и заставили его пережить немало невзгод, сказавшихся на здоровье и на душевном складе его. В 1911 г., блестяще сдав государств. экзамены, Х. вступает в сословие помощ. присяжных поверенных. Он входит

в состав комитета помощников становится деятельным участником и руководителем всех почти юридич. консультаций. Все это не мешало ему оставаться долгое время бесправным помощн. прис. повер., лишенным возможности выступать в суде, так как и тут все еще свирепствовала проклятая система отметания всех элементов не „господствующей" национальности; долгое время министерство юстиции не соглашалось предоставить Х. право ведения судебных дел. Х. дождался „равноправия" только после Февральской революции. Но революция всецело захватила Х. и унесла его далеко от узких, сравнительно, заданий адвокатской профессии. Он скоро делается видным членом местной организации РСДРП. Отныне для него не существует в мире ничего другого: отдавшись без остатка заветному делу, он посвящает ему все свои силы и всю жизнь, работая день и ночь. В конце 1917 г. Х. определенно примкнул к большев. организации.

Х. в первом парткомитете неизменно председательствовал, как наиболее яркая и авторитетная фигура. Благодаря его усилиям и энергии удалось вскорости создать в Одессе свой печатный орган „Голос Пролетария". Х., являясь редактором этого органа, фактически выносил на себе всю тяжесть работы по изданию газеты.

Начало 1918 г. ознаменовалось в Одессе установлением советской власти. В течение 2-х мес. здесь происходила организационная работа в духе декретов РСФСР. Х. был назначен первым тогда на юге России народным комиссаром юстиции. В местной печати появился целый ряд выработанных им декретов, определявших новый уклад жизни (по вопросам жилищного дела суда, социального обеспечения и т. д.). В этих первых попытках совет ко правового творчества сказались все отличительные свойства Х.

В начале марта 1918 г., когда на Украину пришли австро-германские оккупанты, Х. вынужден был оставить Одессу и на судне „Афон" (вместе со Старостиным, Юдовским и др.) перебрался в Крым, перекочевал в Ростов и Ейск, где едва ускользнул от грозившего ему расстрела белогвардейцами, летом 1918 г. очутился в Москве, где и оставался до конца года. Здесь именно он и развернул в самом широком масштабе свои творческие силы по созданию основ красного права и красного суда. Огромный кодификационный труд, который нес Х., и сейчас еще не поддается оценке. В Москве Х. продолжает вести и партийную работу, печатает статьи в „Водном Транспорте" и принимает участие в созидательной работе Совнаркома.

Победа советской власти на Украине поставила Х. на ответственный пост члена правительства УССР и первого нар. комисс. юстиции. В это время—19 9 г., когда Украина была очищена от остатков „армии" Петлюры, все центральные учреждения УССР переехали из Харькова в Киев. Последний год жизни Х. есть время и наивысшего расцвета его сил и деятельности.

Украина быстро покрылась юротделами, народными судами, трибуналами, консультациями, выработано было много законодательных новелл, регулирующих правовую жизнь республики и, наконец, приступлено к делу, которое должно было быть венцом деятельности Х.— к составлению „Кодекса социального и карательного красного права". В апреле 1919 г. Х. прочитал в Одессе свой доклад о „Красном праве и Красном суде". Нашествие добровольческой армии вынудило советскую власть эвакуировать Киев, и в августе 1919 г. Х. назначается особоуполномоченным совобороны и ЦК и отправляется на Волынь — в Житомир. Здесь царил в то время хаос: украинская Красная армия была ликвидирована и влилась в общероссийскую, и на фронте в самое напряженное и трудное время, создалось многовластие. Х. об'единил все комиссии снабжения, действовавшие самостоятельно и независимо, а спустя всего 2 недели дивизия не только была сыта, но могла уже отсылать на север часть излишков Станции, прилегающие к Житомиру, занятому петлюровцами, были забиты составами, а в это время Киев эвакуировал один эшелон за другим; в несколько дней Х. все это было устранено. „Х. был коммунаром до мозга костей" — воспоминает его товарищ. — „Он не только не требовал чего-нибудь лично для себя, но приходилось воевать с ним, чтобы навязать ему самое необходимое. Несмотря на свою крайне изорванную обувь и зимний костюм, облачавший его в августовские жары, он упорно отказывался взять себе обмундирование, и когда мы добывали вещи без его ведома, то он категорически отказывался надеть их, боясь оставить какого-нибудь красноармейца голым и лишь после того, как я с тов. поставили вопрос о совместном пребывании и работе и ночью припрятали его одежду, категорически отказавшись выдать ему, зампредсовнаркома Украины, скрепя сердце, согласился одеть новый костюм. И так во всем" (воспомин. Ванченко).

Вместе со всем Совнаркомом Х. переезжает в Москву. О том, как Х. жил в Москве, рассказывают его товарищи: „В холодную осеннюю погоду он был одет в простую ситцевую рубашонку и полетнему подпоясан шнурочком. Он жил в I Доме Советов. Комната его в этом доме была менее убога, нежели его внешность; он ужасно голодал. Группа железнодорожников-одесситов, жившая в Москве коммуной, раздобыла немного ржаной муки, и Ачканов, засучив рукава, состряпал хлеб, и тут же сейчас товарищи поторопили его отвезти ковригу хлеба Х. в Метрополь, дабы хоть этим немного поддержать столь драгоценные силы товарища". Х. тогда официально занимал должность юрисконсульта Совнаркома.

„В жизни я встречал аскетов и самоотверженных героев, но подобных фактов я не припомню" (Кристалловский).

В конце ноября Х — тогда зам. начальника Политуправления войск внутренней охраны республики,—заболел воспалением легких. С температурой 38,5° он отправился читать лекцию в школе политграмоты. Никакие уговоры не могли помочь.

Перевезенный в больницу, он умер 7/XII 1919 г. и похоронен в ограде Донского монастыря

Из печатных трудов Х. следует отметить: большую работу „И полнительное производство" Красное право и красный суд" (Госизд. Укр. 1921 г.) Множество статей рассыпано в различн. периодич. изданиях: в „Голосе Пролет" (1918), „Водном транспорте" (Москва) и др. Его законодательные труды наполняют собою содержание почти всего Собрания Узаконений правительства УССР" за 1918—1919 гг. *И. Хмельницкий.*

Ходжаев, Файзулла *(автобиография)*, родился в 1896 г. в богатой бухарской купеческой семье. Узбекскую грамоту изучил в мактабе (старая туземная школа). 11 лет выехал с отцом в Россию, где получил среднее образование. В 1913 г. официально примкнул к джадидскому движению, а в начале 1917 г. был принят членом нелегального центрального комитета младо бухарцев. С меньшинством центрального комит. организовал демонстрацию с требованием конституции и реформы. После разгона и арестов бежал из Старой Бухары и работал в Новой Бухаре и Ташкенте.

В начале Октябрьской революции в качестве председателя Революционного комитета участвовал в движении против эмира (так наз. Колесовские события). В виду слабости революционных сил вторично бежал в Туркестан; эмирским правительством был заочно приговорен к смертной казни.

По дороге из Ташкента в Москву был арестован правительством Дутова и заключен в Оренбургскую тюрьму. По освобождении из тюрьмы работал в Москве. В конце 1919 г. приехал в Ташкент, где организовал бюро младо-бухарцев революционеров, работал по установлению связи с Бухарой, снабжению литературой, нелегальной, революционной, и т. д. В то же время редактировал газету „Учкун".

В Ташкенте со своей группой младо бухарцев революционеров об'единился с коммунистической партией, участвовал в организации Чарджуйского восстания и после сентябрьской революции в Бухаре в 1920 г. был избран председателем Совета народных назиров (комиссаров) Бухарской народной советской республики, в каковой должности пребывал вплоть до национального размежевания Среднеазиатских республик (1924—25 гг.).

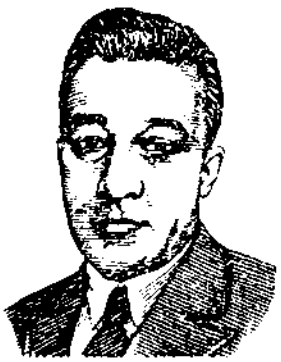
С образованием Узбекской ССР был назначен председателем Ревкома УзССР, а по постановлению I Учредительного С'езда советов УзССР был избран председателем Совета народных комиссаров и членом президиума ЦИК'а УзССР.

III С'ездом советов Союза был избран председателем ЦИК Союза ССР.

С 1922 г. по сие время состою членом Средне-азиатского бюро ЦК ВКП б).

Во время наибольшего развития басмачества и борьбы с Энвером-Пашой был назначен членом Революционного военного совета Бухгруппы войск РККА и постановлением ВЦИК и РВСР РСФСР награжден орденом Красного Знамени и ЦИК Бухреспублики — орденом Красной Звезды I степени.

Цаголов, Георгий Александрович, род. в 1897 г., родом осетин-дигорец Терской обл., сын революционера-священника, бывшего затем присяжн. поверенным. Учился в пятиг., а затем во владикавк. гимн., где устраивал кружки и издавал ученич. журнал. В 1916 г. поступил на юрид. фак. моск. унив., сошелся с революционными организациями и принял в февр. 1917 г. активное участие в перевороте. В апреле 1917 г. Ц. уехал в Терскую область, вступил в партию большевиков и во время избират. борьбы в Учред. собр. об ехал всю Осетию, агитируя за список большевиков. В 1918 г. Ц. был командирован в Сарыкамыш для ликвидации турецкого фронта, а затем



ХОДЖАЕВ Ф. (1896–1938).

Необоснованно репрессирован. По делу "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

ЦАГОЛОВ Г. А. (ЦАГОЛЕВ) (1897–1919)

ЦХАКАЯ М. Г. (1865–1950).

С 1931 член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна.

ЦЮРУПА А. Д. (1870–1928).

ЧАПАЕВ В. И. (1887–1919).

был избран председателем Реввоенсовета. Скоро затем Ц. переехал в Баку, где работал вместе с Шаумяном. Перебравшись затем в Владикавказ, Ц. работал в Терск. обл. нар. сов. и был также полит. комиссаром 1-го Горск. сов. отряда. При приближении Деникина Ц. должен был скрыться в Нагорн. Осетию, к горцам осетинам, которые его ограбили и пытали. Освободившись от них, Ц. уехал на родину, где был захвачен казаками и убит в 1919 г. *(См. „Пам. бор.“).*

Цхакая, Миха, род. в 1865 г. Вопросами марксизма занялся впервые в 1883—84 гг. и, еще будучи в средней школе, организовал кружок среди батраков и бедных крестьян Осенью 1888 г. Ц. переносит свою пропагандистскую деятельность в г. Тифлис, Батум, Кутаис. В 1897 г. Ц. был выслан из пределов Кавказа на 5 лет. В период 1 и 2 го с'езда РСДРП (в 1898 г.) Ц. работал в Харькове, а затем в Екатеринославе, где в 1900 г. был арестован по обвинению в участии в екатерин комитете и сотрудничестве в „Южном Рабочем“. В тюрьмах Ц. просидел до 1 марта 1902 г., когда был выслан на родину. Он переходит на нелегальное положение и отдается работе по созданию партийн. организаций в главнейш. пунктах Кавказа. Принимал активное участие в создании краевой партийной организации, которая на первом с'езде в Тифлисе получила назв. „Союз соц-дем. рабочих организаций Кавказа“. В 1905 г. был делегатом на 3-м партийном с'езде. Был на 5-м Лондонск. с'езде в 1907 г. До 1917 г. находился в эмиграции, когда вместе с В. И. Лениным вернулся в Россию и принял участие в апрельской партийной конференции 1917 г. Вел партийную работу на Кавказе, участвовал в демократич. совещании в сентябре 1917 г. и был сторонником немедленной подготовки к перевороту. В июле 1919 г. был посажен меньшевиками в тюрьму и освобожден 15 мая 1920 г. Состоит членом президиума ЦИК СССР и председателем Зак. ЦИК а. *(„Лен. сборн.“ V).*

Цюрупа, Александр Дмитриевич, род. в 1870 г. в г. Алешках Таврической губ., в семье служащего алешковской городской управы. В Алешках Ц. окончил начальную школу и городское училище. К этому времени семья переезжает в Херсон. В Херсоне Ц. поступает в сел.-хоз. училище и здесь же впервые принимает участие в революционном кружке (Козыренко, Абрамский, Свирский, Гудзь, Парамонов). Провал кружка в 1893 г. влечет за собой для Ц. 6 месяцев тюрьмы, 2 года особого и 2 года гласного полицейского надзора В 1895 г. Ц. вторично попадает в тюрьму. В 1896 г. Ц. переезжает в Симбирск, где работает статистиком в губернском земстве, и в 1897 г.— в Уфу, где входит в тесное общение с политическими ссыльными (Свидерский, Попов, Крохмаль. Бойков, Бойкова, Н. К. Крупская, Газенбуш, Совинов. Котов и др.) и впервые встречается с В. И. Ульяновым-Лениным; принимает участие в местной революционной работе. В 1898 г. Ц. вступает в члены РСДРП. В 1901 г. Ц. переезжает в Харьков и входит в состав харьковского комитета партии. Полицейская слежка вынуждает Ц. в том же 1901 г. переехать в Тулу. В 1902 г. Ц. подвергается аресту и попадает в ссылку в Олонецкую губ. на 3 года (дело Газенбуш). После ссылки Ц. вновь поселяется в Уфе; занимаясь сельским хозяйством на частной службе и впоследствии состоя агрономом местного сел.-хоз. общества, принимает участие в работе местной партийной организации. В Уфе застает его революция 1917 г. В 1917 г. Ц. состоит членом об'единенного комитета РСДРП, а по выделении большевиков — членом большевистского комитета; от партии большевиков состоит членом уфимского совета рабочих и солдатских депутатов; состоит председателем губернского продовольственного комитета, гласным уфимского губернского и уездного земств (по новому положению), председателем уфимской городской думы (по новому положению) и, наконец, в дни Октябрьской революции назначается членом военно-революционного комитета. В ноябре 1917 г. переходит на работу в центр и назначается товарищем наркома продовольствия, в начале 1918 г — наркомом продовольствия, в конце 1921 г.— зам. пред. СНК и СТО, далее, оставаясь зам. пред. СНК и СТО, Ц получает назначение в 1 22 г.— народным комиссаром РКИ, в 1923 г.— председателем Госплана СССР, в 1925 г.—народным комиссаром внутренней и внешней торговли; с 1922 г. по 1927 г. — член президиума ВЦИК и с 1923 г.— член ЦК ВКП (б) и член президиума ЦИК СССР.

П. Гудзь.

Чапаев, Василий Иванович. Плотник по профессии (из г. Балакова), был призван в войска во время мировой войны. Октябр. революция застала его в армии, в 138-м запасн. полку, и Ч. был выбран

командиром полка; по демобилизации сформировал отряды Красн. гвардии и с ними подавил восстание в Балакове и с. Березове. В 1918 г. Ч. во главе отряда отправляется на отражение казаков, вторгшихся в николаевск. (теперь пугачевский) уезд, успешно выполняет поручение и гонит казаков почти до Уральска. Деятельность партизанского отряда Ч. создала ему легендарную известность. При наступлении чехословаков на Самару и Пугачевск Ч. успешно борется с их отрядами, после чего назначается командиром 22-й Николаевской дивизии. Отсюда он перебрасывается на уральский фронт и ведет энергичную борьбу с казаками. Пробыв некоторое время в Генер. академии, Ч. опять вернулся в Пугачевск и принял командование особой группой, затем перебрасывается против Колчака и берет Уфу. Весной 1919 г. Ч. направлен опять на урал. фронт, освобождает Уральск и заставляет казаков отступить к Гурьеву В г. Лбищенске Ч. был врасплох захачен казацк отрядом и во время боя утонул в Урале (см. *„Пал. бор."*). О Ч. написан роман „Чапаев" Д. Фурмановым. бывшим одно время полит. комиссаром в отряде Ч.

Червяков, Александр Григорьевич (*автобиография*), род. в 1892 г., белорусс, происходит из крестьян Минской губ. игуменского у. дукорской вол. (теперь смиловичского района Минского окр.). Дед был крепостным-ткачом у помещика; дед при освобождении от крепостной зависимости получил 3 десятины земли. Так как у деда было три сына, то отец Ч., вследствие недостатка земли, в молодости тоже работал в имении у помещика, а затем, научившись грамоте, ушел в город. Ч. с малых лет жил в городе, учился сначала в церковно-приходской школе, а затем в городском училище. Все время Ч. считался первым учеником. С 14 лет Ч. добывал средства на жизнь и учение уроками, перепиской и проч. Будучи еще в городском училище, Ч. твердо решил отдать свои силы на служение угнетенному народу, о жизни которого он много слышал от отца, а также и сам знал, живя среди бедноты. Работа в деревне в народной школе казалась наилучшим способом для осуществления этой мечты. Поэтому Ч. по окончании городского училища выдержал экзамен на звание народного учителя и стал хлопотать о назначении в деревенскую школу Народным учителем Ч. был назначен, когда ему исполнилось 17 лет. Пробыл учителем в трокском у. Виленской губ. 3 года. Чтобы еще больше вооружиться знаниями для учительской работы, Ч. поступил в виленский учительский институт, который и окончил в 1915 г. Находясь в институте, Ч. не прерывал своей учительской работы, ведя работу в школах для взрослых, в воскресных школах и пр.

В 1915 г. Ч. был мобилизован, прослужил до революции в различных частях армии, при чем был направлен, как имеющий образовательный ценз, в военную школу, откуда был выпущен прапорщиком. Еще до революции, живя в Вильне, Ч. интересовался общественной жизнью, принимал участие в работе общества „Знание", которое ставило своей целью внедрение и популяризацию социалистических идей. Находясь в армии, Ч. принимал участие в революционных кружках, которые собирали и организовывали силы для революционного выступления, неизбежность которого в связи с ходом империалистической войны была очевидна.

28 февраля 1917 г., т.-е. в первый день революции, Ч. приехал в Ленинград (тогда Петроград), будучи направлен. перед отправлением на фронт, в пулеметную школу. С первых дней Февральской революции Ч. стал принимать активное участие в революционной работе. В мае 1917 г. вступил в партию большевиков и работал раньше в армейских организациях, а затем, главным образом, в белорусских национальных революционных организациях При его активном участии в Петрограде, гл. обр. в Путиловском районе, образовалась белорусская с.-д. партия большевиков. Осенью 1917 г. Ч. был членом белорусского беженского комитета, который вел революционную работу среди беженцев. В феврале 1918 г. Ч. был назначен на должность комиссара по белорусским делам при СНК РСФСР, какую занимал до июня месяца. В августе по партийной мобилизации был назначен комиссаром дивизии, от которой был освобожден после получения ушибов во время крушения поезда. Осенью 1918 г. занял должность заведующего культурно-просвет. отделом во всероссийском бюро военных комиссаров, продолжая в то же время вести работу как член белорусского бюро ЦК РКП б).

В 1919 г. при провозглашении советской Белоруссии Ч. в качестве члена временного правительства подписал манифест об образовании Белорусской советской социалист. республики и был назначен народным комиссаром просвещения Белоруссии. После занятия г.

ЧЕРВЯКОВ А. Г. (1892–1937).

В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

ЧИЧЕРИН Г. В. (1872–1936).

С 1918 нарком иностранных дел РСФСР, в 1923–30 нарком иностранных дел СССР. В 1925–30 член ЦК партии. С 1930 на пенсии.

Минска поляками в 1919 г. уехал в Смоленск, где и работал сначала в 16 армии, а затем в штабе западного фронта, в качестве заведующего культурно-просвет. отделом политическ. управления армии и фронта.

При наступлении Красной армии на Минск в 1921 г. Ч. организовал по заданию командования фронта отдел ревкомов при штабе западного фронта, на каковой отдел было возложено налаживание советского аппарата во фронтовой полосе, а также во вновь освобождаемых от оккупантов местах. При занятии Минска Красной армией Ч. был назначен членом партийно-советской тройки, на которую командованием фронта и ЦК КП Литвы и Белоруссии была возложена задача организации власти. Ч. как член партийно советской тройки вел работу в качестве председателя минского, а затем белорусского революционного комитета.

18 декабря 1920 г на 2 м с'езде советов Белоруссии был избран председателем ЦИК и СНК Белоруссии, како й пост занимал вплоть до 1924 г. В 1924 г. на 6-м чрезвычайном всебелорусском с'езде советов, созванном по поводу об'единения всех белорусских территорий, в связи с принятием решения об отделении должности председател СНК от должности председателя ЦИК, Ч. был избран председателем ЦИК Белоруссии, каковой пост занимает до последнего времени. Все это время Ч. состоит членом ЦК коммунист. партии (б) Белоруссии.

С 1923 г. Ч состоит председателем ЦИК Союза ССР.

Чичерин, Георгий Васильевич *(автобиография)*, родился по метрике 20 ноября, а фактически 12 ноября 1872 г. в Карауле имении его дяди Бориса Николаевича. Он происходил из среднедворянской семьи, проникнутой умеренно либеральными традициями. Его дед Николай Васильевич Чичерин, считался весьма образованным человеком, знатоком Гегеля и либералом. Он жил почти постоянно в своем имении Карауле которое он превратил в выдающийся центр провинциальной умственной жизни. Борис Николаевич, известный юрист, философ и публицист, был его старшим сыном. Второй сын его Василий Николаевич отец Ч., тонкий светский человек, прекрасно говоривший и писавший по французски, посвятил себя дипломатической деятельности. Он был секретарем миссии в Пиемонте в 1859 году, в момент итальянской войны, и в этом именно году женился на баронессе Жоржине Егоровне Мейендорф при чем брачная церемония происходила на русском военном корабле в генуэзской гавани. Отец Жоржины Егоровны сам не был дипломатом, но семья Мейендорф дала царскому правительству целый ряд выдающихся дипломатов. Мать Жоржины Егоровны, дочь участника венского конгресса графа Штакельберга, бывшего в 1815 г. послом в Вене, оставалась носительницей старых традиций меттерниховского времени. Вскоре после своей женитьбы Василий Николаевич был назначен советником посольства в Париже. Неудовлетворенность разлагающейся средой и бессодержательностью жизни выразилась у него в форме религиозного увлечения сектантского типа, без удержного пиэтизма. Руководящую роль в пиэтических кругах Парижа играла г-жа Андрэ мать видного банкира-миллионера. В это же время в Париже выступал лорд Рэдсток, инициатор сектантского течения, распространившегося потом в России под названием пашковского. Василий Николаевич подвергся и его влиянию, не порывая официально с православием. В 1867 году душевнобольной двоюродный брат Жоржины Егоровны, барон Рудольф Казимирович Мейендорф, оскорбил действием Василия Николаевича, после чего по понятиям того круга должна была последовать дуэль. После долгой внутренней борьбы под влиянием г-жи Андрэ, Василий Николаевич признал дуэль несовместимой со своими религиозными убеждениями, отверг ее, порвал со всей окружающей средой, оставил службу и переехал в Тамбовскую губернию, попав из роскошного светского быта в серое существование провинциального помещика с ограниченными доходами. Он глубоко страдал от мысли о том, что его поступок могли ложно об'яснить трусостью и, чтобы доказать, что он не трус, он во время турецкой войны, записавшись в Красный Крест, ходил подбирать раненых в самые опасные места под огнем неприятеля. Он не погиб, но вернулся с больными легкими и, проболев четыре года, умер в 1882 г. Его долгая болезнь и смерть наложили мрачный отпечаток на семейную обстановку Ч., который рос одиноким ребенком, без сверстников, в атмосфере, проникнутой пиэтизмом. Главными впечатлениями детства Ч. были постоянные молитвословия, совместное пение религиозных гимнов, чтение библии вслух, вообще крайне экзальтированная атмосфера с взвинченными настроениями,

Основным настроением его детства было ожидание другой действительности, царства божия, вместо существующей,— так сказать, мессианизм Его семья жила на свои ограниченные доходы в Тамбове, но поддерживала традиции аристократической культуры, резко отличавшие ее от провинциального общества. Одинокий ребенок был отделен как бы стеной от окружающей жизни Его тонко-художественно развитая мать воспитывала его в традициях утонченной культуры, научая его любить памятники искусства С раннего детства Ч. страстно полюбил исторические книги, увлекаясь пестрой, яркой сменой исторических событий, текучестью исторической обстановки, законченной стильностью сменяющих одна другую эпох Яркие рассказы матери, оставшиеся от ее прежней жизни сувениры воскрешали перед ним дипломатическую среду. Навеянная пиэтизмом фанатическая экзальтированность сосуществовала у него рядом со склонностью любоваться изящным, насмешливым скептицизмом XVIII века, не умершим еще в светской жизни Запада. Он любил читать и перечитывать хранившиеся у матери дипломатические документы как, напр. мирные трактаты. Он играл с гувернанткой в игру, которую сам придумал: оба брали одинаковое число мячиков, бросали их на пол и стремились подобрать их: кто подберет больше, считался выигравшим Большое или малое сражение. на столе лежал открытый атлас,при чем игроки изображали собой два определенных государства; после каждого сражения на карте отмечалось, куда передвинулись армии всю ющих сторон, пока одна не доходила до столицы другой стороны; тогда Ч. садился писать по всем правилам мирный трактат с уступкой победителю нескольких провинций. Лишенный естественной среды, мучительно оторванный от жизни, семи- и восьмилетний Ч. проводил часы за часами у своего столика, читая исторические книги или оставшиеся у матери документы прошлого, составляя по энциклопедическим словарям списки византийских императоров, римских пап и т п. Первой связью с живой жизнью стали для него рассказы его на пять лет старшего брата, поступившего в тамбовскую гимназию. Одинокий мальчик, пропитанный традициями утонченной культуры в обстановке захудалости, просиживал часами у окна, разглядывал гимназистов, шедших в гимназию, возвращающихся домой или гуляющих по Большой улице, как действующих лиц чудесной настоящей жизни. Лето проводилось в деревне, частью у себя в козловском уезде частью у дядюшек, и впечатления деревенской природы остались у Ч. неизгладимыми навсегда. Его мать на религиозной основе усиленно занималась в деревне филантропией, опрощиваясь и стараясь сближаться с крестьянством, и ужасные картины деревенской нищеты глубоко врезывались в память Ч., развивая в нем романтическое обоготворение несчастных. Десятилетний Ч. смотрел с тоской из тенистой рощи на опаленные солнцем поля и на деревенские соломенные крыши, соединяя преклонение перед страдающими с идеализацией крестьянской жизни, развивавшей в нем экзальтированное романтическое народничество

Поступив в первый класс тамбовской гимназии, Ч. с острой болезненностью ощущал контраст между домашней обстановкой и провинциальной гимназической средой. Он отделял эти обстановки одну от другой и научился тщательно разделять официальную и неофициальную действительность. Близко сходясь с очень немногими из гимназических товарищей, Ч, с одной стороны, приобретая навыки официальных форм, а с другой стороны — втягиваясь в борьбу с доносчиками („ябедами") в идеализацию шалостей и удали, привыкал относиться к учителям, как к врагам. В провинциальной гимназии того времени находились вместе разнообразнейшие элементы, при чем перед глазами Ч. проходили постоянные несправедливости, преследования беднейших учеников со стороны начальства, трагические сцены их отчаяния Дальнейшее развитие этих настроений было однако, прервано переездом в Петербург и поступлением в четвертый класс 8-й гимназии где господствовала, в общем, почти однородная среда петербургского чиновничества и в то же время были больше развиты музыкальные и другие культурные интересы. Ч. не сразу сошелся с новой средой и первые два года петербургской жизни провел в оторванности от нее и одиночестве. В Петербурге имелась бывшая среда его матери, но последняя вернулась в Петербург обедневшей и оторвавшейся от прежней среды. Семья Ч. сошлась лишь с родственниками и с очень немногими знакомыми, например, с обедневшей Альбединской, прежней княжной Долгоруковой, бывшей в молодости любовницей Александра II. Воображение Ч. пленялось блеском светской жизни, но в то же время умственная пустота этой сре-

ды вызывала в нем отвращение, а также вследствие захудалости семьи развивалось в нем чувство обиженности, он втягивался в психологию „униженных и оскорбленных", в нем росла склонность к самобичеванию и самоуничижению. Застенчивость и замкнутость достигли у него крайнего развития, переплетаясь причудливо с противоположной склонностью к жизнерадостности, подавляемой неудачно складывающейся жизнью, так же, как экзальтированность и стремление к всепоглощающей идейности переплетались с восхищением перед изящным скептицизмом XVIII века или французского стендализма Безграничным восторгом наполняло его изучение греческой старины, и свои досуги он посвящал чтению греческих лириков. Оставаясь страстным поклонником истории, он в гимназические годы особенно любил Костомарова, найдя в нем впервые критический метод и восторгаясь в нем изображением психологии народных масс. Русская деревня в тяжелые, длинные одинокие зимние вечера, когда на Васильевском Острове едва мелькали тусклые фонари, представлялась его воображению окруженной самой необыкновенной красотой, и обвеянное гармонией трудового быта крестьянство казалось ему носителем высшего человеческого типа. Регулярно посещая бабушку Мейендорф, урожденную Штакельберг, живую и остроумную, он с наслаждением слушал ее воспоминания о старой дипломатической жизни метерниховского времени Свою тетушку Александру Николаевну Нарышкину и ее мужа, известного царедворца Эмм. Дм., он посещал по фамильному долгу, попадая у них в обстановку роскоши и чувствуя со всей остротой унизительное положение бедного презираемого родственника Ужасы жизни городской бедноты производили на него подавляющее впечатление. Лишенный идейного руководства, без товарищеской среды, он все больше раздирался внутренними противоречиями.

В VI классе гимназии настоящий перелом вызвало в нем первое знакомство с музыкой Вагнера последнего периода, когда впервые Нибелунги были исполнены в Петербурге. Открывшиеся ему пантеистические настроения привели его к изучению восточных культур и впервые породили в нем страстную любовь к Востоку. В музыке Вагнера ему слышалась также мощь героической личности и бурная революционная энергия. В своей любимой опере, „Валькирия", он видел ослепительно-яркое изображение трагедии бунтовщиков, погибающих в результате своего бунта, но оставляющих наследие для будущих поколений. В то время он начал близко сходиться с гимназическими товарищами; после того, как он одно время идеализировал петербургскую бюрократическую среду, он нашел в ней лишь пошлые влюбления, вечную игру в винт и постоянное состязание в отвратительных скабрезных анекдотах и остротах. С некоторыми гимназическими товарищами его тесно и крепко свели музыкальные и другие культурные интересы, но в общем он все больше охватывался неудовлетворенностью, пустотой жизни и психологией неудачника.

Поступив на историко-филологический факультет, он писал своей бабушке Мейендорф, что история для него слита с жизнью и что на улице он будет встречаться лицом к лицу с той же своей наукой. В университете на него нахлынули умственные впечатления безграничного разнообразия. Он слушал сколько мог разных курсов. Лишенный руководства, он жадно бросался на всевозможные науки. Наиболее глубокое и длительное впечатление произвели на него литографированные лекции Ключевского с их экономическим анализом исторического процесса и острым критическим методом. Лекции Исаева и разговоры в коридорах дали ему первое знакомство с рабочим движением, заслоненное еще, однако, безграничной массой непереваренных умственных впечатлений. Студенческие беспорядки 1895 г. увлекли его и воспламенили в нем его обычную страстность, но продолжались недолго. К концу университетского курса неудовлетворенность пустотой бесцельностью, бессмысленностью жизни, самобичевание, отсутствие положительных идеалов дошли у него до степени самой острой внутренней трагедии Как говорит Цезарь в усердно читавшихся им „Диалогах мертвых" Юлиана: „не быть ничьим вторым". Быть в каком либо отношении ниже кого-либо другого казалось ему основанием для безграничной ненависти к самому себе. В дальнейшем абстрактном развитии этих настроений он дошел до невозможности мириться с тем, что он есть лишь частное явление, ограниченное и преходящее. Он нашел у Шопенгауера формулу внутреннего противоречия человеческой личности: она есть мировое око и в то же время частность мира явлений. Он не мог мириться с тем, что личность есть частность, ограниченная и преходящая. Самоубийство

не казалось ему решением вопроса. Он решил наказывать те неизвестные силы, которые против его воли произвели в его лице частное явление, постепенно губя себя и делая все, что было вредно для него. Переживая самые острые внутренние мучения, он вдруг бросался в светскую жизнь, но она была ему противна и отвратительна. Его вдруг охватывали настроения социальной скорби, но ни к чему не вели, расплываясь в воздухе. Он нашел отзвуки своим философски-пессимистическим настроениям в творчестве реакционера — Б. В. Никольского. Надо заметить, что лишь наименее интересные произведения последнего были опубликованы. В творчестве Никольского Ч. нашел возведенное в абсолют презрение к жизни, к себе и ко всему сущему. Но в окончательном развитии этих настроений самое презрение ко всему расплывалось в пустоте: „На высоте, где спит презренье, где спит восторг, нельзя и петь; грачам — полет, орлам — паренье; кто видит все — куда лететь". Ход развития основной мысли в творчестве Никольского в конце концов оказался доведением до абсурда его исходной точки и тем самым помог Ч. нащупать противоположный путь.

Первым этапом в этом процессе был индивидуальный анархизм, казавшийся Ч. на первый взгляд верхом революционности. В первой большой поэме Никольского „О боярском сыне Туче" Иоанн Грозный узнает, что сын боярина Тучи отрицает его власть; он призывает его к себе, и перед всеми боярами Туча заявляет, что ни богу на небе, ни царю на земле никогда он не поклонится; его отец от него отрекается, и когда царь посылает его на самую лютую казнь, народ осыпает его проклятиями; но чем больше его проклинают, тем больше его лицо разгорается восторгом: „И с чего народ догадается, с чего лицо белое разгорается?". Во время самой лютой казни он не издал ни звука, его зарыли в землю без креста, и плевали люди московские, проходившие мимо его могилы. Глубоко реакционное и мертвящее содержание этого пленившего Ч. возведения собственной личности в верховное начало без общего идеала сказалось в следующей же большой поэме Никольского „Четыре брата". В поисках за правдой вышли четыре брата; старший освободил целый народ рабов от жестокого ига, но захватившие власть рабы не сумели использовать ее, довели страну до величайших бедствий и, наконец, убили своего вождя, старшего из четырех братьев; второй брат пошел в страну голодающих кустарей, эксплоатируемых капиталом, сорганизовал их и освободил, но и они в результате этого попали в еще худшее состояние и убили его; третий брат отправился в далекую страну, где царило благоустройство, но все подавлял узкий шаблон, человеческая личность была на прокрустовом ложе и он погиб в результате тщетных попыток дать развернуться личности; наконец, четвертый брат, наученный судьбою трех первых, решил уйти в горы и поднялся на высоту где никогда не ступала нога человеческая и где царило „благодатное усыпление". Этот квиетизм не мог в дальнейшем удержаться, и одним из дальнейших этапов презрения к жизни масс оказалось у Никольского прославление Победоносцева. Индивидуальный анархизм привел к великому инквизитору. Доведение до абсурда принятия собственной личности за верховное начало привело, наконец, Ч. к противоположному пути, к пониманию себя не как завершающего начала, а как части коллектива.

Между тем момент выхода из университета был для Ч. началом самого тяжелого периода его жизни. Он был в состоянии полного душевного упадка, ухудшенного физическим болезненным состоянием. Он зачитывался Достоевским и Ницше. Одновременно с мучительными настроениями ненависти к жизни и культивированием сверхчеловечества он отдавался музыке и мистическим пантеистическим настроениям, особенно изучал гностиков. Его первая после далекого детства поездка за границу вызвала у него упоение средневековыми городами стремление потонуть в цельном быте прошлых эпох. Он пережил в 1895—97 гг. период увлечения „стилизацией" и „бытом", сыгравшими позднее такую роль в предвоенной литературе. В 1896 г. он, несмотря на негодующие протесты своих высокопоставленных родственников поступил в архив министерства иностранных дел желая быть подальше от практической деятельности государственного аппарата царизма.

После двух лет почти полного внутреннего упадка, резкий перелом наступил для Ч. в 1897 г., когда в связи с голодом и официальными мерами по его насильственному замалчиванию он вдруг услышал голос живой жизни, зов к реальной практической работе и к борьбе за общественные цели. Его охватила жажда борьбы совместно со всем страдающим человечеством. Но потребовалось еще семь лет внутрен-

него брожения и зигзагов, пока он нашел свою революционную дорогу. На него начинало влиять рабочее движение вылившее я в известных грандиозных стачках, но вначале его отталкивало примитивное мышление „Рабочей Мысли". Студенческие волнения 1899 г. и борьба Финляндии за конституцию до крайности обострили эти настроения У своего близкого друга, молодого ученого невропатолога, он встречается с известными последнему лицами, с которыми его знакомят как с членами революционных партий и которым он начинает оказывать услуги технического характера Эстет борется в нем с революционером еще не слившись как впоследствии, в об'единяющем синтезе. Кант борется в нем, с начинающим вырисовываться перед ним Марксом, но он уже нащупывает положительные идеалы, для него намечается выход из затянувшегося внутреннего кризиса, доведшего его до полного расстройства В архиве министерства иностранных дел он сближается со своим непосредственным начальником Н П. Павловым-Сильванским, вместе с которым он к годовщине министерства подготовлял историю российского ведомства иностранных дел. Детально изучив при этом историю внешней политики России за весь XIX век Ч. взял на себя специальную разработку ее за время царствования Александра II, знакомясь и с архивными материалами и с исторической и мемуарной литературой. В то же время ужасы российской действительности оказывали на Ч. все более и более мучительное действие, приводя его к сознанию невозможности дальнейшей пассивности. В нем достигает невыносимой остроты ненависть к старому миру, принесшему ему столько мучений. К началу 1904 г в нем созревает решимость эмигрировать, изучить за границей революционную литературу, деятельность революционных партий и западное рабочее движение, сделать из этого практические выводы и вернуться потом в Россию для революционной работы. Техническая помощь, оказанная им революционным работникам, создает для него опасность ареста, которую удается устранить, и он уезжает за границу весной 1904 г. легально. Он сохраняет вначале тесную связь с Н. П. Павловым Сильванским, который сам был связан с левыми кадетами и эсерами, и снабжает его материалами из-за границы через аппарат мин. ин. дел От своих родственников и прежних знакомых он вначале скрывает свои действительные цели.

1904 г. был для него началом новой жизни Он с безграничным упоением поглощал революционную литературу, вращался в революционных кругах, сближался с германской рабочей массой. Глубочайшее впечатление произвела на него личность Карла Либкнехта, с которым он быстро сблизился Путь был найден. Он ощущал восторг перерождения, нащупывание реальной содержательной жизни с ясной целью и смыслом и с господством коллективных задач над личными. Он нашел синтез экзальтированной восторженности и холодного реализма, жизнерадостности и аскетизма, завершающего идеала и ежедневной будничной работы Его прежние мучительные внутренние судороги нашли себе разрешение в том, что он стал сознавать себя частью коллектива. Привыкнув с молодости мыслить исторически, он спрашивал себя с точки зрения смены исторических эпох, какова очередная задача истории какова восходящая историческая сила и ответ был дан ему в марксизме. В первый момент по приезде за границу он стал, было, сближаться с эсерами, но их эклектизм невыдержанность, субъективизм, неисторичность, ставка на чувства и настроения его немедленно оттолкнули. Марксистский анализ дал ему ключ ко всем общественным явлениям. Как идейная спайка авангарда революционного класса, марксизм связал его с неисчислимыми страдающими массами В пролетарской революции он нашел героического человека вместо мещанства, в котором он задыхался раньше. Стремясь войти в живую конкретную пролетарскую среду, поскольку позволяли полицейские условия он подпал под чрезвычайно сильное идейное влияние германской социал-демократии, очень долго потом на нем тяготевшее Но уже тогда его отталкивало и до боли коробило распространенное в руководящих социал-демократических кругах мещанство. Полную солидарность он чувствовал с Карлом Либкнехтом, с которым он лично сблизился самым тесным образом.

В 1905 г. он вступил в местную большевистскую организацию, так наз. берлинскую секцию К. З О. В тот момент его привела к большевикам постановка вопроса о взятии власти: меньшевистский тезис об отказе от власти в случае, если бы ход революции привел к ее захвату, казался ему противоречившим основным требованиям революционной борьбы. Он готовится к нелегальному возвращению в Россию принимает с этой целью предварительные меры, но

заболевает, и затянувшиеся последствия его болезни задерживают его в Берлине. Между тем, организации двух фракций слились, К. З. О. перестал существовать, создались за границей единые группы Р. С. Д. Р. П. и назначен их центр З. Ц. Б. В 1907 г. Ч. был избран секретарем З. Ц. Б. и в этой должности был на лондонском с'езде. Громадное влияние, оказываемое на Ч. германской социал-демократией, толкало его в сторону меньшевиков, в тактике которых Ч. усматривал большее сходство с германской тактикой. Живя в гостинице рядом с Тышко, Ч. имел каждый вечер с последним продолжительные беседы. Из меньшевистских делегатов особенно сильное влияние имел на него своими разговорами известный Крохмаль. Ч. пытался доказывать Тышко, что большевистская тактика постоянного левого блока с народниками, т. е. мелкой буржуазией, есть ничто иное, как жоресизм, т.-е. тактика постоянного союза с мелкой буржуазией, только в революционной обстановке; в тактике единовременных соглашений вплоть до кадетов при сохранении социал-демократией постоянной свободы действий Ч. усматривал больше близости к германской тактике Будучи подготовлен всем своим прошлым развитием к культу массы, Ч. увлекается идеей рабочего с'езда и особенно болезненно воспринимает большевистскую резолюцию с запретом агитации в массах на эту тему. В результате Ч. сближается с группой, назвавшейся вскоре группой „Голоса С. Д.".

Будучи арестован в конце 1907 г., Ч. судится в шарлоттенбургском суде за пользование чужим паспортом, присуждается к штрафу и высылается из Пруссии. Н. П. Павлов-Сильванский сообщает ему о полученных по его делу полицейских материалах, из которых видно, что на его личность обращено особое внимание и приезд в Россию для него невозможен. Ч. живет некоторое время в Лейбене близ Дрездена, скрываясь и изредка секретно выезжая в Берлин, а после переезда редакции „Голоса С. Д." в Париж живет в последнем городе почти безвыездно. В это время все у него заслоняется мыслью об единстве партии. Мысля себе пролетариат как единую историческую силу, противостоящую всему старому миру, Ч. воспринимает в то время всякие партийные расколы с особенно острой болезненностью. Ему кажется, что рушится самое основание его идеалов. Но кампания венской „Правды" за единство кажется ему поверхностной, бьющей на чувства, не выполняющей исторического требования реального изживания разногласий по существу. Резко отвергая ликвидаторство, Ч. ищет противовеса против него в группе „Голоса С. Д." и негодует на ее уступчивость ликвидаторству и на ее склонность к неоформленности. Ч. принимает особо деятельное участие в созыве базельского с'езда заграничных групп в 1908 г., усматривая в автономии групп, особенно бюджетной, единственный путь к предохранению заграничных групп от раскола по линии финансирования тех или иных партийных органов. Всеми силами стремясь к сохранению характера групп как партийных, не фракционных, Ч. настаивает на отчислении ими Центральному комитету требуемых уставом 10%, всячески пытается отстаивать единство групп со включением всех фракций, старается организовать рефераты членов всех фракций. Отдавая все время мелкой работе по обслуживанию групп, Ч. говорит: „Когда сведены концы с концами, самая миниатюрная работа дает удовлетворение". Он одновременно погружается во французскую жизнь, принимает деятельное участие в работе XIV секции французской соц. партии, создает личные связи в парижской рабочей среде. Его коробит интеллигентский характер франц. соц. партии, его возмущает психика неорганизованности у французских рабочих, он старается влиять на рабочую молодежь и отдает ей массу времени. В 1912 г. он с восторгом приветствует августовский блок, усматривая в нем шаг в направлении партийного единства, в особенности в виду вхождения в него впередовцев, и подчиняется О. К. Уход Троцкого из блока после этого явился для Ч. крайне тяжелым и болезненным ударом. Его надежды рушились. Между тем, растущее обуржуазивание руководящих сфер II Интернационала его глубоко волновало и возмущало. Выступления Паннекука его не удовлетворяли по своей расплывчатости, но он приветствовал в них попытку революционного возрождения рабочего движения. И оппортунизм „Луча", разрушавший его иллюзии, и заскорузлость германского форштанда его отталкивали. Наиболее видным, светлым носителем нового периода рабочего движения, с которым связывались все его надежды, представлялся ему К. Либкнехт. Сблизившись с 1907 г. с социалистическим юношеским движением, он находил в нем зачатки лучшего будущего всего революцион-

ного движения и всячески старался ему содействовать. В 1914 г., непосредственно изучая состояние партии в Лилле, он находит там отвратительное мещанство, господство карьеризма и личных интересов за легкой вуалью мнимой социалистической фразы. Вместе с местным лидером социалистической молодежи, революционно настроенным Брюно, он хлопочет об устройстве в Лилле демонстраций против войны.

После возникновения войны он из Лилля уезжает в Брюссель, где вступает в так наз. „принципиальную" эмигрантскую комиссию, борется против волонтерства, а потом едет в Лондон. Война вызвала у него острый идейный кризис. Недопустимость голосования за военные кредиты и недопустимость волонтерства были ему ясны. Но что же дальше? Он не мог принять прежней анархистской программы дезертирства. Штуттгартская и копенгагенская резолюции, вследствие своей недоговоренности и внутренней противоречивости, не давали ему ясного ответа на волновавшие его вопросы. В большевистской литературе он нашел формулировку задач, связанных с войной: в России—уничтожение дворянско-самодержавного строя, в Германии и Австрии—ликвидация феодально-монархических пережитков, в других же странах следующей очередной задачей уже представлялась социальная революция. Итак, в Германии, Австрии и России есть еще задачи, ставимые революционному движению в пределах буржуазного строя. Нет знака равенства между ними и буржуазно демократическими странами. Путаясь в этих трудностях, Ч. пытался найти из них выход в различении понятия деятельности и понятия оценки: в своей политической деятельности с. д. партия должна одинаково вести борьбу против всех своих правительств, но в теоретической оценке роли военных событий для различных государств можно проводить между последними различие. Однако, этот умственный карточный домик просуществовал у Ч. недолго. Секретарь парижского союза молодежи, которого Ч. знал раньше как ярко революционного деятеля, приехав в Лондон и посетив Ч. сказал ему, что война открыла ему глаза на общность интересов капитала и труда у каждого народа. Эти слова ослепительно ярко осветили Ч. тот факт, что оборончество есть формула капитуляции труда перед капиталом. Чем дальше, тем больше этот факт был перед ним иллюстрирован оборонческой печатью и литературой всех стран. Ч. ясно увидал, что путем оборончества английский капитал использует рабочие организации для удержания в своей власти рабочего класса. Английская политическая действительность с ослепительной яркостью обнаружила перед ним роль демократии, как утонченнейшей формы господства капитала, и ознакомила его с неисчислимыми разнообразными видами массового действия капитала. Ему стала окончательно ясной и несомненной необходимость беспощаднейшей борьбы против всякого буржуазного правительства, участвующего в ведении войны. Оборончество для данного времени—главный враг: к этому выводу пришел Ч. Он сделался постоянным сотрудником парижского „Нашего Голоса", который был для него переходным мостом. О. К. он считал безнадежно погрузившейся в оборонческое болото и изменившей делу революции. Гвоздевскую эпопею он считал чудовищной и поведение меньшевиков в этом деле позорным. Его с ними ничего больше не связывало.

Сблизившись с самого начала с левым крылом британской с.-д. партии, он вместе с Петровым принял страстное участие в борьбе против гайндмановщины и радостно приветствовал создание Б. С. П. Денежные сборы в пользу российских политкаторжан, производимые с необходимым агитационным сопровождением в разгар патриотической английской кампании по обелению царизма, создали Ч. связи с левыми меньшинствами трэд-юнионов. Он начинает участвовать в английской профсоюзной печати.

Февральская революция поразила Ч. своими пошлыми оборонческими припевами. Приехавший в Лондон представитель так наз. социалистического блока был насквозь проникнут самой низменной оборонческой идеологией. Комиссия из Русанова, Эрлиха, Гольденберга и Смирнова поехала по Европе разыскивать демократию, которая по убеждению Ч. была уже лишь утонченнейшей формой господства капитала. Главным практическим делом в Лондоне в это время была организация возвращения эмигрантов. Секретарем делегатской организации по этому вопросу был Ч., оказавшийся в это время секретарем большинства эмигрантских организаций Лондона. Представитель эсеров в делегатской комиссии, ограниченный и способный на всякую подлость доктор Гавронский, по соглашению с пов. в делах Набоковым, пытается задержать возвращение в Россию большевиков. В разгар начавшейся борьбы Ч. в ад-

министративном порядке был арестован и заключен в тюрьме Брикстон, где оставался до обмена на английского посла Бьюкенена в начале 1918 г. Он возвращается в Петербург в январе 1918 г., после чего начинается новая страница его жизни.

Чубарь, Влас Яковлевич *(автобиография)*, род. в феврале 1891 г. в с. Федоровке александр. у. Екатериносл. губ. Родители имели маломощное хозяйство—занимались хлебопашеством. Отец и мать неграмотны. В школу пошел в 1897 г. В период до 1905 г., когда в селе развернулась работа революционных кружков (один из них был основан „Артемом"), принимал в них участие, читая брошюры неграмотным и раз'ясняя прочитанное. В 1904 г. во время разгрома кружков был впервые задержан и допрошен (с побоями и издевательством) жандармами, приехавшими в село расследовать „крамолу" и арестовать „крамольников". В кружке и под влиянием учителей 2-классной школы прочитал Дарвина — „Происхождение человека", перестал верить в бога и начал самостоятельно искать жизненные пути.

Живя у родителей, работал и в своем хозяйстве и нанимался на поденщину к более зажиточным; видя, что хозяйствовать не над чем, а семья растет (8 душ детей), я в 1904 г., окончив 2-х классную школу, поехал учиться в Александровск в механико-техническое училище. В 1905 г., после погрома, в котором была разгромлена квартира, уехал в село, где приходилось участвовать в крестьянском движении. В период ученья, принимая участие в революционных кружках, доставлял в село нелегальную литературу.

В 1907 г., по возвращении части товарищей из ссылки, вступил в партию, примкнув к большевикам, связался с рабочими. В летние каникулы работал в железнодорожных мастерских; учась, зарабатывал средства уроками в дополнение к земской стипендии и поддержке одного земца. Летом 1909 г. был задержан в поезде с нелегальной литературой, но бежал.

Окончив училище в 1911 г., пошел работать на заводы, где, с некоторыми перерывами (аресты, около 6 месяцев, безработица), проработал до весны 1915 г. Служил на складе, работал разметчиком, слесарем, сборщиком, подмастерьем в котельном отделе и т. п. на заводах Краматорском, Никополь-Мариупольском, котельном заводе б. Бари в Москве. Работая на заводах, участвовал в забастовках, в страховой кампании, работал в кооперации, в кружках, вел агитационную и пропагандистскую работу, занимался пополнением знаний.

В 1915 г. после „маевки" был мобилизован и после нескольких месяцев пребывания в воинской части, к началу 1916 года, был откомандирован на орудийный завод в Ленинград. На этом заводе проработал токарем до Февральской революции. С первых дней Февральской революции пришлось оторваться от производства, работая по организации заводской рабочей милиции, по фабрично-заводскому комитету, по партийной линии и т. п. На первой конференции фабзавкомов был избран в совет фабзавкомов Ленинграда.

Весь период до Октября работал в этой организации, принимал участие в разных экономических органах (заводском совещании и т. п.). На с'езде рабочих артиллерийских заводов был избран во всеросс. комитет рабочих этих заводов (орган рабочего контроля). На всеросс. с'езде фабзавкомов был избран во всеросс. совет фабзавкомов. После Октября был избран в совет рабочего контроля и затем в ВСНХ. В Октябрьские дни был комиссаром главного артиллер. управления. С 3-го с'езда советов член ВЦИК'а при создании СССР—член ЦИК Союза и член президиума (по настоящее время).

В ВСНХ, работая с момента его организации до 1922 г., выполняя разные работы в качестве члена президиума ВСНХ, работал в отделах транспорта, металла, финансово-экономическом и друг. В 1918—19 г. был председателем правления государств. заводов (Сормово-Коломна), ГОМЗ'ы. В 1919 г. был командирован во главе комиссии ВСНХ по восстановлению промышленности на Урал. В начале 1920 г. был командирован на Украину, где работал председателем промышленного бюро ВСНХ, а затем председателем ВСНХ. Работая в Ленинграде, Москве, Харькове, состоял членом союза рабочих металлистов, был членом ЦК. Был членом всеукраинского ревкома, затем, с 1920 г., членом ВУЦИК'а (состою и в настоящее время) и членом СНК. Будучи членом СНК Украины, замещал председателя.

В 1922 г. был назначен управляющим каменноугольной промышленностью Донбасса, откуда был переведен в июле 1923 г. в Харьков, будучи избран председателем СНК Украины.

С четвертой партийной конференции КП(б) У (1920 г.) состою членом ЦК КП(б)У, в 1921 г. был избран кандида-

ЧУБАРЬ В. Я. (1891–1939).

С 1934 заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1937 нарком финансов СССР. С 1926 кандидат в члены, с 1935 член Политбюро ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЧУДНОВСКИЙ Г. И. (1890-1918).

ЧУЦКАЕВ С. Е. (1876–1946).

В 1929 председатель Бюджетной комиссии ЦИК СССР. Последнее место работы – Комитет по землеустройству трудящихся евреев. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

том в члены ЦК РКП и введен в члены. Затем избирался в члены ЦК РКП 11-м, 12-м и 13-м с'ездами.

Печатных трудов не имею. Изредка пишу статьи по политическим и хозяйственным вопросам.

Чудновский, Григорий Исакович, до Февральск. революции был эмигрантом, недолгое время примыкал к меньшевикам, потом участвовал в „Нашем Слове", руководимом Л. Д. Троцким, в 1916 г. жил в Америке, работая в газете „Новый Мир", в Россию возвращается вместе с Троцким, предварительно испытав вместе с ним сидение в концентрационном лагере. В России Ч. принимает большое участие в спорах с с.-р. и меньшевиками, входя в группу междурайонцев (с.-д. интернационалистов) и работая затем по об'единению большевиков и междурайонцев; потом едет на фронт с первой маршевой ротой, возвращается в качестве делегата юго-зап. фронта накануне Октябрьского переворота. Во время Октябрьских боев в Петрограде Ч. вместе с Антоновым Овсеенко играет крупную роль; при штурме Зимнего дворца, где были министры, он идет во главе частей, взявших его. В бою с войсками Керенского под Царским Селом Ч. был ранен. По выздоровлении он отправляется на юго-зап. фронт. В конце 1917 г. был арестован в Киеве Центр. Радой; после занятия Киева армией Муравьева освобожден из тюрьмы и назначен военным комиссаром г. Киева. Когда Центр. Украин. Рада призвала на помощь немецкие войска для подавления большевизма, Ч., шаг за шагом отступая с партизанами, руководил эвакуацией складов и войск и погиб в апреле 1918 г. в бою с немцами, по одной версии, а по другой — застрелившись сам, когда был окружен петлюровцами. (См. *„Пам. бор."*).

Чуцкаев, Сергей Егорович *(автобиография)*, род. 6 марта (н. с.) 1876 г. в дер. Сугат камышловского у. быв. Перм. губ., в семье станционного смотрителя. Жизнь на старом Сибирском тракте (знаменитая Владимирка) оставила след с детства. 1881—1883 гг. были полны разговоров о политических ссыльных. Ярко помню одну большую партию политиков, беззаботную и веселую, которую мы издали, из-за цепи солдат, наблюдали на сугатском этапе. Сочувствие к этим людям было, понимания—никакого. В 1884 г. переехали в г. Камышлов. Там учился в приходском училище и уездном. Среда была мещанская. Интересов к общественной жизни не существовало. В 1887 г. поступил в Екатеринбургскую гимназию. Камышловское воспитание и толстовско-деляновская дисциплина делали из меня смирного и аккуратного гимназиста, усердно занимавшегося классическими языками и математикой. В пятом классе прочитал Писарева. Он перевернул все мировоззрение. Из религиозного мальчика, любившего помечтать над Пушкиным, Тургеневым, графом Монте-Кристо (Дюма), превратился в ярого нигилиста. Купленный ранее на заработанные деньги Пушкин пошел на толкучку. Выписал „Научное Обозрение" Филиппова, когда оно выходило еженедельными тетрадками, и усердно изучал их. Потом появились К. Фохт, Бюхнер, Молешотт, Сеченов. Возникло желание заниматься естествознанием. Последние годы гимназии были годами моральной каторги, так хотелось бросить Т. Ливия, оды Горация, Антигону, Илиаду, чтобы скорее заняться вопросами синтеза белковых веществ. Переход от писаревского индивидуализма, замыкавшегося на впитывании естествознания, возне с астрономической трубой, резании трупов птиц и кошек. — к общественным настроениям происходил в седьмом классе гимназии (1893—94 г.). Принял участие в кружке учащихся. Читали „Исторические письма" Миртова, писали рефераты, спорили, поправляли друг друга. Дома в одиночку читали нелегальную литературу „Народной Воли". Здесь впервые сложились общественные симпатии и желание работать „на благо народа" и „оплатить ему свой долг критически мыслящей личности". Тогда же делались первые попытки поработать для революции. Занимался с кружком учениц акушерской школы, печатал на гектографе систематический указатель для чтения легальной прогрессивной литературы и пр. Чтение Добролюбова, Чернышевского, романов „Кто виноват", „Что делать", „Знамения времени", — еще более содействовало закреплению радикального настроения. В 8-м классе (в 1894 году) получил первое жандармское крещение. Кружок наш был разогнан полицией, при чем мы не пострадали лишь потому, что были предупреждены одним осведомленным обывателем. Гимназию окончил в 1895 году с сильнейшим желанием двигать науку, занимаясь химией и физиологией. В этом же году поступил в казанский университет. В первые месяцы с величайшим благоговением слушал профессоров естественников, работал в анатомическом, ботаническом, зоологическом кабинетах. Однако, сплетни и вообще полная осве-

домленность о грызне и склоках между профессорами скоро так оттолкнули от желания ученой карьеры, что университет был заброшен, и все время отдавалось чтению „Коммунистического манифеста", исторических статей К. Маркса, „Критических заметок" Струве, Бельтова, Волгина, „Эрфуртской программы" Каутского и происходившей тогда полемики между марксистами и народниками. Когда в 1896 г. переводился в петербургский университет, то мечтал уже не о том, чтобы быть ученым, а об активной революционной работе.

В Петербурге энергично продолжал свое революционно-марксистское воспитание. Изучал „Капитал" Маркса, экономическую литературу, В. В., Ник-она, статьи В. И. Ленина. В то же время вел и практическую революционную работу: печатал на гектографе для „Союза борьбы" прокламации, брошюру Клары Цеткин о французском социализме, разносил прокламации, занимался с кружком рабочих, участвовал в Ветровской демонстрации. За последнюю впервые отбыл наказание в Крестах. В университете работал лишь в химической лаборатории по качественному анализу и слушал Исаева, политическую экономию. В мае 1897 г., накануне от'езда домой, был арестован с большим количеством революционной литературы, пишущей машинкой и др. В доме предварительного заключения просидел год. Выслан на родину, где потом и отбыл административную ссылку (два года). В ссылке, по специальному приглашению председ. земск. управы, поступил на земск службу. В ней приобрел известный стаж и подготовку (секретарь земской управы). С этого времени вся последующая жизнь до 1917 г. протекала между земством и революцией, за исключением 1902—904 гг., когда ездил в Германию, в Гейдельберг, пытаясь в университете закончить химическое образование. Бросил. Не хватило денег.

В 1903 г., в августе официально вступил в РСДРП и после Второго с'езда примкнул к фракции большевиков, с которой не порывал с того времени. По возвращении из Германии и после продолжительной болезни в 1905 г. начал постоянно и нелегально работать на Урале, в Екатеринбурге. Там же в 1907 г. судился в казанской судебной палате за принадлежность к екатеринбургскому комитету РСДРП. Получил год крепости, какую отбыл в Екатеринбургской тюрьме. Организационное безвременье 1909—1911 гг. провел на газетной работе и частной службе, удерживая рабочие связи в легальных и нелегальных рабочих организациях и с ссыльными товарищами (Я. М. Свердлов, и др.) Это время было хуже всякой тюрьмы. 1912—1917 гг. протекали в Екатеринбурге, Челябинске, Оренбурге в земской работе, участии в страховой кампании, в работе с рабочими кооперативами и союзами и в попытках восстановления нелегальной партийной организации. На земской службе администрация терпела лишь потому, что считался хорошим работником, — однако, всегда отдавала в своего рода крепостную зависимость, под специальный надзор и ответственность председателей земских управ.

В 1913—1915 гг. принимал, в качестве секретаря земской управы, деятельнейшее участие в строительстве челябинского уездного и оренбургского губернского земств, по общим отзывам усвоивших среди новых либеральных земств наиболее правильную организацию и направление работы.

За весь период с 1909 г. подвергался многочисленным обыскам, вызовам, допросам жандармами.

1917 г. застал в Оренбурге, где большая группа товарищей—братья Коростелевы, Булкин, я и др.— с первого дня революции, уже легально, создавала местный комитет РСДРП и совет рабочих депутатов. Соц. демократия была в Оренбурге об'единенной—интернационалистской, и разделилась лишь в сентябре, когда большевистская группа вышла из об'единенной организации. В ноябре 1917 года переехал в Екатеринбург, по вызову тамошнего большевистского комитета. За время революции, кроме партийной работы и состояния в партийных комитетах Оренбурга, Екатеринбурга и др., нес следующие обязанности: помощника оренбургского губернского комиссара, члена оренбургского совета рабочих депутатов, екатеринбургского городского головы, председателя екатеринбургского городского совета, члена уральского совета рабочих депутатов; после сдачи Екатеринбурга чехам был переведен в Москву, на работу в НКФине (с августа 1918 г.) и вместе с наркомфином Н. Н. Крестинским, сначала в должности члена коллегии, а потом зам. наркомфина, занимался до января 1921 г. ликвидацией всех финансовых институтов (департаментов бывшего министерства финансов, банков, государственных займов, сберегательных касс, имущественного страхования, страхования жизни, налоговой системы) и руководил подготовкой аннулирования денежной системы и пре-

ШАУМЯН С. Г. (1878–1918).

ШЛИХТЕР А. Г. (1868–1940).

В 1931–38 вице-президент АН Украинской ССР. Академик АН УССР (1928) и АН БССР (1933).

вращением государственного бюджета в бюджет народного хозяйства. В это же время работал членом Малого совета народных комиссаров, под непосредственным руководством В. И. Ленина. С конца 1919 г., по специальному поручению В. И. Ленина, „архи-секретно", выдавал через МСПО продовольственный паек 200 наиболее ответственным специалистам всех ведомств — „чуцкаевский" паек, превратившийся потом, в конце 1920 г., в пайки совнаркомский, академический и др. В начале 1921 г. ЦК РКП (б) был командирован в Сибирь. Работал там членом Сибирского бюро ЦК РКП (б) и сначала заместителем, а потом и председателем сибирского революционного комитета до мая 1922 г. Затем ЦК РКП (б) был откомандирован в Москву, где до мая 1923 г. под руководством Г. Я. Сокольникова, в качестве члена коллегии НКФ, участвовал в восстановлении денежной системы, государственных займов, государственного страхования, налогов и государственного бюджета. XII с'ездом РКП (б) был избран членом ЦКК РКП (б). Поэтому перешел на работу в НК РКИ, на какой работе в должности члена коллегии и затем зам. НК РКИ пробыл до марта 1927 года, когда был командирован ЦК ВКП (б) на Дальний Восток. Там, на II с'езде советов рабочих и крестьянских депутатов Дальне-Восточного Края, в марте 1927 г., избран председателем ДВ Краевого исполнительного комитета советов. На семи с'ездах советов был избираем кандидатом или членом ВЦИК и ЦИК СССР. Два раза переизбирался в члены ЦКК ВКП (б).

Шаумян, Степан Георгиевич, род. в 1878 г. в Тифлисе, сын купца-армянина. Учился в тифлисс. реал. уч., где принимал участие в армян. национал. революцион.-демокр. кружках. В 1900 г. Ш. поступает в рижск. политехникум, примыкает к с.-д. студенч. организации и участвует на первом всеросс. с'езде революцион. студенчества. Скоро его исключают из политехникума за активное участие в студенч. беспорядках и высылают на Кавказ. Ш. уезжает за границу, учится на философ. факул. берлин. унив., занимается изучением марксизма, знакомится с Каутским, Мартовым, а затем в Швейцарии с Лениным и Плехановым и принимает близкое участие в с.-д. организациях, примыкая к большевистск. крылу. Вернувшись на Кавказ, Ш. поступает учителем в авлабарскую гимназию, становится руководит. тифлисс. большев. фракции, широко развертывает агитационн. деятельность среди рабочих Закавказья и принимает участие в прессе. В 1906 г. и 1907 г. Ш. едет на заграничн. с'езды, затем переезжает в Баку и поступает на службу к своему быв. школ. товар. Шибаеву заведующим нефтепроводом в Балаханах. И здесь, организуя рабочее движение, Ш. играет руководящую роль. В 1909 г. Ш. был арестован, но скоро, благодаря Шибаеву, освобожден, в 1911 г. вторично арестован и выслан в Астрахань до 1914 г. Затем Ш. опять в Баку, руководит забастовкой бакин. рабочих, опять попадает в тюрьму и ссылается в Саратов; там пробыл до Феврал. революции, после которой возвращается в Баку, где рабочие избирают его председател. сов. раб. деп. На первом Всероссийском с'езде советов Ш. играет руководящую роль в немногочисленной большевистской фракции с'езда. Вошедший в ЦК партии, он назначается после Октябрьской революции чрезвыч. комиссаром Кавказа, ведет напряженную борьбу за установление в Баку советской власти и в марте 1918 г. избирается председат. бакинск Совнаркома и комисс. иностр. дел. Чрез 5 месяцев сов. власть была свергнута при помощи англичан право-социалист. блоком, и Ш. вместе с другими бакин. комиссарами (26) был расстрелян англичанами 20 сент. 1918 г. (См. *„Пам. бор."*).

Шлихтер, Александр Григорьевич *(авторизованная биография)*, родился в 1868 г. в г. Лубнах Полтавской губ., в семье мелкого ремесленника-столяра, бывшего в то время вюртембергским подданным (дед его эмигрировал в Россию в 1818 г.). Прадед и дед Ш. были крестьянами-плотниками. Дед его занялся специальной профессией плотника—строителя ветряных мельниц в имениях помещиков, переехал в Полтавскую губернию и женился здесь на бабке Ш., казачке Мелахненко. Отсюда его украинское происхождение. Со стороны матери Ш. происходит из среды средне-поместных, разорившихся еще до его рождения, украинских помещиков Полтавской губернии, дворян. В 1882 г. дед и отец приняли русское подданство, а сам он принял русское подданство по достижении совершеннолетия, уже в бытность свою в университете. Общие условия жизни Ш. в семье представляли типичный образчик интересов мелко-буржуазного накопления (со стороны отца) и стремления к созданию „хорошего тона" для себя и детей (со стороны матери). От своего деда-немца Ш. усвоил с детства пренебрежительное отношение к дво-

рянству и ненависть к былому „крепостному" укладу русской жизни. От отца же незаметно усваивал любовь к систематическому труду и уважение к трудовому заработку.

В то время отец был хозяином небольшой столярной мастерской, в коей сам не работал. Но в молодости он сам прошел тяжелый искус ремесленного ученичества, а потом и подмастерья, и эта-то черта — личная его прикосновенность к труду — отражалась в его семейной и хозяйственной жизни и тогда, когда он уже сам не работал в мастерской.

Дед был грамотен только по-немецки, отец уже не говорил по-немецки и научился грамоте исключительно самоучкой, не совсем бегло читал и весьма неграмотно писал. С матерью связаны первые зачатки духовной жизни Ш. Получив сама так.-назыв. домашнее образование, обычное и типичное в то время для девушек помещичьей среды, мать сама лично обучала его грамоте и подготовила к экзамену в приготовительный класс гимназии. Матери обязан он и тем, что получил образование. Его отец понимал уже хорошо все материальные преимущества и выгоды официального образования в окружающем его обществе, но стяжательная тенденция, свойственная всякому ремесленнику, помешала бы ему, без давления со стороны матери, пойти на весьма скромные, правда, но все же жертвы, связанные с пребыванием сына в гимназии. От матери же Ш. узнал впервые о Пушкине и Лермонтове. Узнал постольку, поскольку она сама знала наизусть некоторые стихотворения. Стремясь в своей „общественной", а на самом деле обывательской, жизни к дворянскому укладу, мать ни в малейшей степени не вносила тем не менее диссонанса в ту здоровую атмосферу уважения к труду, которым были проникнуты, уже в силу своей профессии, дед и отец и которое, несомненно, глубокой бороздой отложилось и на самом Ш. Детство Ш. в этом отношении является весьма характерной иллюстрацией этого своеобразного смешения: с одной стороны, тенденция дворянского тона, с другой стороны, самое настоящее черноземное крестьянское уважение к труду.

На воспитании Ш это смешение проявилось, между прочим, в том, что его, готовя к чиновничьей, барской карьере, в то же время охотно и беспрепятственно допускали в среду рабочих-столяров, служивших у его отца, и весьма одобрительно относились к добровольному обучению Ш. столярному делу.

Ш. являлся тайным сторонником рабочих во всех их проделках, направленных к тому или иному нанесению материального ущерба их хозяину — его отцу. Об этой заговорщической солидарности с рабочими Ш. вспоминает сейчас с глубоким удовлетворением и благодарностью своей семье: от этой неосознанной солидарности с близкими ему рабочими в детстве весь уклад домашней жизни помог ему, скорее, б.-м., чем многим другим, находившимся в окружении мелко-буржуазной среды, выйти на широкий путь настоящей кровной связи с трудящимися массами.

Учился Ш. в классической гимназии. Сначала, до 7-го кл., в городе Лубнах, а в 7 и 8 был в прилукской гимназии (Полтавской губ.). За две недели до начала выпускного экзамена вместе с тремя товарищами по гимназии был уволен за организацию забастовки гимназистов прилукской гимназии в знак солидарности и сочувствия общестуденческому забастовочному движению в конце 1887 г., вспыхнувшему после пощечины, данной в театре студентом московского университета Синявским инспектору студентов Брызгалову. Спустя год закончил среднее образование уже в качестве экстерна при лубенской гимназии.

Читать книги начал рано. Систематически же начал чтение по т. наз. систематическому каталогу самообразования с 4—5 клас. Кружков, в полном смысле этого слова, в первую половину гимназического курса в гимназии, где учился Ш., не было, а кружковая жизнь и кружковое чтение со специальной задачей подготовки к грядущей общественной деятельности, которую Ш понимал в смысле революционной работы, начались для него со старших классов гимназии и особенно были продуктивны в период пребывания в прилукской гимназии в 7—8 классах. По получении аттестата зрелости в лубенской гимназии он поступил в харьковский унив. на физико-математ. факультет по отделу естеств. наук. Здесь на первом курсе Ш. впервые столкнулся с жандармерией, которой был допрошен в качестве свидетеля по делу арестованного студента киевского унив. Горба, своего товарища по прилукской гимназии. Ш. не подвергался на этот раз ни аресту, ни даже обыску. Все дело ограничилось лишь допросом в качестве свидетеля, и он, действительно, был в то время решительно непричастен ни к делу своего

товарища, ни вообще к какому-нибудь революционному делу. Но в жандармской канцелярии побывать безнаказанно нельзя было, даже в качестве свидетеля, и, спустя полгода, на 2-м курсе получилось распоряжение об исключении его из университета. Хлопоты о разрешении вновь поступить не увенчались успехом, и он уехал продолжать свое высшее образование в Швейцарию, где поступил в бернский унив., на медицинский факультет. Спустя 2 года, а именно в 1892 г.— вошел, в качестве студента-медика, в один из отрядов по борьбе с холерой и проработал в разных местах Полтавской губ. 3–4 месяца. В этот период впервые прикоснулся к революционной пропаганде среди гимназистов классической гимназии в мест. Златополье Киевской губ., где временно, в ожидании нового выезда за границу, в то время проживал. Благодаря слежке за гимназистом, встречавшимся с ним и предавшим его при первом же допросе у жандармов, он вскоре был арестован и отправлен в киевскую тюрьму по делу о пропаганде среди гимназистов, к которому потом пристегнуто было дело о пропаганде среди рабочих Тулы, в каковой обвинялся также арестованный к тому времени Хинчук. Его арест закончился, в конце-концов, ссылкой на пять лет в северо вост. уезды Вологодск. губ. (г. Сольвычегодск), и в университет ему больше попасть не пришлось [1]).

Свою революционную работу Ш. считает со времени образования и участия его в марксистском, впоследствии социал-демокр., кружке за границей, в период его студенчества [2]). С этого времени его революционная деятельность не прекращалась до нынешних дней, но форма и обстановка этой деятельности, конечно, были совсем не похожи на нынешнюю обстановку работников пролетарской революции. Отличительной чертой революционной жизни Ш. является то, что за все время, за исключением двух с половиной лет жизни на нелегальном положении после 1905 г., он не был революционером профессионалом. Как-то так сложилось, по разным причинам, что он совмещал свою подпольную революционную работу со своим официальным положением в т. наз. общественной жизни.

Общественная жизнь Ш., в специальном значении этого слова, началась с момента поступления его на службу в статистич. бюро полтавского губерниск. земства в 1894 г., в момент состояния его под особым надзором полиции в ожидании приговора министра внутр. дел по поводу его первого революц. дела. Административная ссылка в северовост. часть Вологодской губ. на 5 лет (таков был приговор по его первому делу) оторвала его на один год от работы в земской статистике, где в то время сосредоточивалась наиболее бодрая, с уклоном в сторону революц. радикализма, мысль земских служащих, так наз. третьего элемента. На один год потому, что, будучи сослан на 5 лет в г. Сольвычегодск Волог. губ., он уже через один год захворал туберкулезом легких. Департамент полиции разрешил ему выехать в Самарскую губ. для лечения кумысом на 3 месяца, каковой срок затем, вследствие тяжелого состояния здоровья, был продлен впредь до выздоровления.

Здесь в Самаре, спустя шесть месяцев, Ш. снова, с разрешения департамента полиции, удалось получить место в земской статистике, в каковой он оставался затем вплоть до окончания 4-х лет его политического надзора, недожитого в Волог. губ. Здесь же, в Самаре, он провел и эпоху расцвета т. наз. легального марксизма.

В 1896 г. в Самаре организовалась имеющая вполне заслуженную историческую известность социал-демокр. газ. „Самарский Вестник". Само-собою разумеется, что официально она представлялась органом, разрешенным правительством и цензурой, по содержанию же своих статей являлась первым боевым органом революционного марксизма на Поволжьи и, возможно, вообще в России. Организаторами и ближайшими участниками этой газеты были: П. П. Маслов, Роман Эмильевич Циммерман (Гвоздев), безвременно умерший (в 1897 г.) социал-демократ, автор кн. „Ростовщичество — кулачество", Алексей Алексеевич Санин, талантливый и, к сожалению, как-то случайно ушедший от практической работы социал-демократ теоретик, автор известного предисловия к нашумевшей в свое время книге „Экономич. очерки деревни" И. А Гурвича, и В. В. Португалов, быстро впоследствии скатившийся до кадетизма, а в настоящее время подвизающийся в Варшаве в роли редактора белогвард,

[1]) По этому же делу наравне с Ш. была привлечена и его невеста Е. С. Лувищук „за пропаганду среди гимназистов" и была также сослана на 5 лет в Волог. губ. Это дело было первым в Киеве после почти 10-летнего перерыва со времени поражения народовольчества.

[2]) Это был один из первых кружков соц.-дем. партии. Организован он был Ш., Л. М. Хинчуком и Е. С. Лувищук.

листка „За свободу". Газета издавалась на средства известного писателя-инженера Николая Григорьевича Гарина.

На ряду с газетой, в Самаре в течение нескольких месяцев весьма деятельно работала организация дискуссионного кружка, в которой принимал деятельное участие и Ш. Здесь же, в Самаре, он и жена его Е. С. Шлихтер (Лувищук) принимали участие в качестве членов самарской социал-демокр. организации не только в текущей революционной работе, гл. обр. по распространению нелегальной литературы, но и в организации распространения социал-демокр.-органа „Искры", созданного в Швейцарии Лениным.

Окончив срок надзора в 1902 г., Ш. переехал в Киев, где получил место в управлении юго-зап. жел. дорог, сначала в качестве секретаря жел.-дор. органа „Вестник юго-зап. дорог", а затем занял большое, по тому времени, место помощника нач. пассаж. отд. службы сборов в управлении юго-западных дорог. В Киеве он сразу же вступил в члены киевского комитета РСДРП, где работал в качестве литератора по составлению революц. прокламаций и лектора пропагандистских кружков среди рабочих. В 1903 г. в качестве члена киевского комитета участвовал в коллективе, руководившем знаменитой забастовкой на юге России. В 1904 г., с началом „весны" Святополк-Мирского, принимал открытое участие в легальных банкетных выступлениях в Киеве, выдвигая идею о рабочем классе, как единственной силе, могущей освободить Россию от пережитков крепостничества. В 1905 г., с началом эпохи забастовок конторских железнодорожных служащих, Ш. принимал участие в организации забастовочного комитета на юго-западных железн. дорогах, в качестве его председателя. Движение завершается всероссийскими с'ездами железнодорожных служащих и рабочих в Москве, из которых первый и второй с'езды в апреле и июле избирают Ш. своим председателем. Октябрьскую всеобщую забастовку он проводит в Киеве, руководя всеми открытыми выступлениями киевлян в университете в качестве председателя. Для руководства всей киевской забастовкой им был организован так назыв. революционный исполнительный комитет в составе представителей от меньшевистского киевского комитета, Бунда, с.-р., Укрспилки и большевиков, единственным, впрочем, представителем от которых был Ш., так как фактически никакой большевистской организации в Киеве в то время не было. Комитет по существу своему был враждебен лозунгам большевизма, но неограниченное доверие со стороны киевских масс давало возможность диктовать комитету фактически линию большевизма. Октябрьское движение закончилось разгромом после известного революционного митинга 18 октября на площади у думы, по случаю манифеста 17 октября. Ш. председательствовал на этом митинге и потому, после разгрома его, сделался предметом охоты местной охранки, рекламировавшей выдачу награды, не то в одну, не то в две тысячи,— за доставление его живым или мертвым. Спустя неделю после прятания его на разных квартирах, ему удалось пробраться нелегальным путем за границу, откуда, спустя месяц после завоевания конституционной свободы Финляндией, он через Финляндию проехал в Петербург к своей семье. Однако, вследствие усиленных розысков полицией, должен был немедленно уехать в Финляндию, где прожил около 2 с половиной лет, работая при петроградской организации большевиков, гл. обр. выполняя разные революционные поручения в качестве агента ЦК. Важнейшими из этих поручений были представительство от ЦК на всеросс. учительском с'езде вблизи Выборга, руководство восстанием матросов в Свеаборге после разгона первой Думы (приезд его в Свеаборг совпал уже с ясно обозначившимся поражением восстания, и потому фактически этой работой он не успел руководить) и предвыборная кампания по созыву 5-го партийного с'езда в Лондоне в 1907 г., на который он получил мандат от организации козловских железнод. мастерских Тамбовской губ. На с'езде Ш. был под псевдонимом Евгеньев, а на векселе о получении от англичанина денег, необходимых на выезд делегатов с'езда в Россию, подписан Никодим.

В сентябре 1907 г. был командирован большевистским ЦК в Москву на избирательную кампанию в 3-ю Госуд. Думу, был избран членом моск. комитета и работал в Москве до февраля 1908 г., когда снова возвратился в Петербург.

В июне 1908 г. Ш. временно поехал в Ярославль за получением материалов для составления большой текстовой работы по изучению кустарных промыслов в Яросл. губ. Спустя месяц был случайно арестован под фамилией Сергей Андреевич Нестеров, а через полтора месяца после этого, когда его фамилия была открыта, он был переправлен в Киев для предания суду по революционной

ШЛЯПНИКОВ А. Г. (1885–1937).

В 1919–22 председатель ЦК профсоюза металлистов. В 1924–25 советник полпредства СССР во Франции. В 1926–29 председатель правления акционерного общества "Металлоимпорт". Кандидат в члены ЦК в 1918–19, член ЦК партии в 1921–22. Исключен из ВКП(б) в 1933. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

деятельности в 1905 году. В Киеве он просидел в крепости Косой Капонир около 9 месяцев, был предан военно-окружному суду за призыв к вооруженному восстанию 18 окт. 1905 г. (стр 129 Угол. Улож.), за призыв к организации народной милиции и за оскорбление „величества" во время произнесения речей с балкона городской думы во время народного митинга 18 октября 1905 г. в Киеве (ст. 103 Уг. Ул.). По 103 ст. (каторга до 8 лет) был оправдан за недостаточностью улик, а по 129 получил максимум, предусмотренный этой статьей, а именно—ссылку на поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния. В Сибири Ш. пробыл вплоть до Февральской революции 1917 г. В течение этого времени состоял членом группы ссыльных и не ссыльных (местных) большевиков в г. Енисейске, а затем в Красноярске. Февральскую революцию провел в Красноярске как член фракции большевиков. Был членом красноярского исполкома и партийного губкома. Выехал из Красноярска в Петроград лишь в конце мая 1917 г. и прожил в Петрограде до сентября, участвуя в разных митинговых выступлениях и докладах большевиков в период подготовления к Октябрьской революции. Выступление 4 июля провел на улицах Петрограда. На избирательную кампанию в районные думы переехал в Москву, где провел все время Октябрьских боев в бауманов-ском районе, от какового был избран председ. бауманов-ской думы, а в Октябрьские дни был назначен московским револ. комитетом комиссаром по продовольствию г. Москвы и Московской губ. В начале ноября был вызван Лениным в Петроград на пост народного комиссара земледелия. После вступления левых с.-р. в состав правительства пост наркомзема был предоставлен по соглашению с левыми с.-р. Колегаеву. После этого его советская работа протекала по след. отраслям: 1) народный комиссар продовольствия РСФСР; 2) чрезвыч комиссар продовольствия Сибири, а затем Пермской, Вятской, Уфимской и Тульской губ.; 3) в 1919 г.—наркомпрод Украины; 4) в 1920 г.—председ тамбовского губисполкома и член коллегии Нар. ком. внешней торговли; 5) с 1921 г. начинается его дипломатическая работа сначала в Финляндии, в качестве председателя смешанной комиссии, а затем полпреда в Австрии и, наконец, уполнаркоминдела на Украине. В марте 1927 г. Ш. назначается на пост народн. комиссара земледелия Украины. На IV Всесоюзн. с'езде советов избирается кандидатом в члены президиума ЦИК СССР. По партийной линии за последнее время: член ЦК КП (б) У с 1924 г. и кандидат в члены оргбюро. С 1926 г. кандидат в члены политбюро ЦК КП(б) У. Ш. имеет след. экономические труды: „Исследование рыбопромысл. хозяйства крестьян Туруханского края" (2 тома); „Кустарные промыслы Енис. губ."; „К вопросу о ренте городских земель". До ссылки им был выпущен труд „Современная община и аграрный вопрос". Кроме того, брошюры, а также статьи экономич. характера в журн. и газетах.

Шляпников, Александр Гаврилович *(автобиография)*. Родился я в г. Муроме Владимирск. губ. Родители мои: отец мещанин г. Мурома, занимался различными ремеслами: был мельником, был чернорабочим, был плотником, был приказчиком. Мать — дочь горнозаводского рабочего завода „Досчатое". Отец умер в раннем возрасте; мне не было еще трех лет, когда он утонул и оставил мою мать с четырьмя маленькими детьми, младшему из коих было всего лишь несколько месяцев.

Жизнь вдовы, оставшейся без средств и без работника, была чрезвычайно тяжела. С самых малых лет все члены семьи приучались к какой-нибудь работе чтобы быть полезными и помогать матери в ее трудной борьбе за жизнь. Несмотря на тяжелую жизнь, мать стремилась по-своему воспитать детей в духе старых обычаев и старой веры. Семьи моего отца и матери были старообрядческими, принадлежавшими к поморской секте, преследовавшейся полицейскими и поповскими властями. С самых детских лет я уже познакомился с религиозными преследованиями. В воспитании значительную роль играла просторная улица нашего захолустного города с ее ссорами и драками, уличными побоищами взрослых.

При всей доброте матери значительную часть своего детского времени мы были предоставлены самим себе. Тяжелая борьба за жизнь, за хлеб своим четырем малышам заставляла мать искать всюду заработка, не было такой работы, которую бы не выполняла она, чтобы добыть нам кусок хлеба. Бывали дни, когда с раннего утра и до очень позднего вечера мы не видали дома нашей матери. Были вечера, когда мы, малыши, оставшись дома без всякого надзора, особенно беспокоились о судьбе своей матери: то были зимние вечера, когда наша матушка отправлялась на реку Оку полоскать в качестве прачки чужое

белье. Свою свободу от надзора мы часто использывали во вред себе и возвращались домой с приморожеными к сапогам ногами и сваливались в постель на долгие месяцы, причиняя нашей матери новые хлопоты, заботы и расходы.

Благодаря принадлежности к старообрядчеству, в метрических записях не сохранилось точных данных о годе рождения. В материалах бывшей мещанской управы есть три даты моего рождения: 1-ая—1883 г., затем 1884 г. и, наконец, 3-я—1885 г. Происхождение их весьма простое. Когда я окончил низшую школу, мне нужно было сразу же искать работу и в поисках работы необходимо было увеличить возраст, чтобы быть принятым на службу. Полтинник на чай, данный секретарю или писцу управы, делал свое дело, и возраст повышался на год или на два, смотря по желанию просителя.

Восьмилетним мальцом я поступил в народную школу Через три года я закончил ее, выучившись читать и писать. Школа не была для меня матерью, а учителя ее не были моими воспитателями. Законоучитель, знавший мое старообрядческое происхождение, всячески преследовал меня и в течение 3-х лет наказывал меня каждый после-праздничный день стоянием в течение 2 часов на коленях за нехождение в церковь и оставлял без обеда до 5 часов вечера. Учителя были очень грубые молодые люди, прибегавшие частенько к кулачной расправе со своими малышами-учениками. Уже в эти годы жизнь научила меня думать о том, что на свете нет правды. Под влиянием всякого рода религиозной литературы я готовился к борьбе за божью старообрядческую правду. Как только я научился читать, моя мать начала заставлять меня читать вслух „Житие святых мучеников", Псалмы Давида, многие из которых я выучивал наизусть. Религиозные преследования, преследования улицы, преследования в школе, бедность и лишения в семье—все это располагало мои детские мечты и настроения на борьбу и мученичество.

Как только закончил школу, так немедленно начал искать работы. В этом возрасте никакой работой не брезгал и поступал то в сад для сборки фруктов, то на завод для просевки в литейной мастерской песка и других черных, не по возрасту, работ, добывая от пятнадцати до двадцаги копеек за 12-часовой рабочий день. Знакомство с заводской жизнью, с мастеровыми старого закала возбуждало во мне желание стать свободным и вольным мастеровым. Я мечтал стать токарем по металлу и к этой мечте стремился всеми силами.

Попасть в механическую мастерскую на работу мне удалось в селе Вече на известную в то время фабрику стальных изделий наследников Д. Д. Кондратовых. Там я начал мастеровую практику на строгательном станке, а в 1900 г. перебрался в Сормово, где удалось поступить на токарный станок. Проработав несколько месяцев на сормовских заводах, я направился в дальнее плавание в северную столицу, в Питер. После весьма долгого мытарства по питерским заводам в поисках работы я, наконец, устроился в качестве подручного слесаря на Невский судостроительный завод. Мне тогда еще не было 18 лет и, несмотря на мои попытки своей собственной рукой поправить в паспорте и из 15 лет сделать 17, я все же не достиг по паспорту того возраста, который полагался для работы на станках и машинах-орудиях.

Весною 1901 г. в Питере вспыхнуло стачечное движение с известными кровавыми расправами на Обуховском заводе. Работая на Семянниковском заводе, я принял активное, по своему возрасту, участие в стачке, группируя мальчиков всех мастерских, корабельных, столярных, для выгона тех рабочих, которые не хотели участвовать в стачке. Мы набирали в карманы гайки, обрезки и всякого рода куски железа и направлялись в доки и мастерские; неподчинившихся общему решению о стачке осыпали градом железных осколков, гаек, болтов и этим заставляли их примкнуть к общему движению. Стаями носились мы по двору Семянниковского завода, группами появлялись в районе Обуховского завода. Конные и пешие полицейские награждали нас нагайками за такую работу, но это только подбадривало нашу молодую боевую готовность. За такое активное участие в стачке меня уволили с Семянниковского завода, и я попал в черные списки.

Все мои попытки поступить на какой либо другой завод кончались неудачей: поступив при помощи рабочих на Обуховский завод, через пару недель я был уволен, как участник стачки; тоже было и с другими попытками. Невозможность поступить на большой завод заставила меня работать в мелких мастерских. Заработок в мелких мастерских был настолько ничтожен, что он не мог покрыть даже расходов по найму комнаты,

и я вынужден был ночевать в городских банях, ремонт которых от этих мастерских производил. Через год, после всякого рода мытарств в столице, заработав на дорогу денег, я вернулся в Сормово, а оттуда пробрался на свою родину.

Во время стачечного движения в Питере я познакомился с революционной пропагандой. В мои руки неоднократно попадали брошюрки, заглавий которых я теперь уже не помню, но которые не удивляли меня своим содержанием, так как они лишь описывали то, что я переживал и понимал сам в эти молодые годы. На обратном пути из Питера, в Сормове, я получил от местной социал-демократической организации целый ряд брошюр, листков и несколько номеров выходившего в то время с.-демократического журнала в Нижнем-Новгороде. С этой литературой я вернулся на родину в г. Муром. В родном городе я вскоре нашел работу в качестве запасного токаря с исполнением слесарных работ. Работа на заводе дала мне возможность вести пропаганду как среди рабочих данного завода, так и на стороне, среди фабричных рабочих местного района.

В 1903 г. нашей работой заинтересовался нижегородский комитет с.-демокр. рабочей партии и начал присылать своих людей и литературу. В Муроме был создан партийный комитет, в круг ведения которого входили Выксунские и Кулебакские горные заводы, а также текстильные и прочие предприятия муромского района. В составе муромской организации Р.С.-Д.Р.П. оказались два провокатора: почтовый чиновник Мошенцев и рабочий Моисеев. Оба эти лица своим поведением вскоре вызвали подозрение и были изолированы от организации. Однако, эта изоляция спасла лишь часть организации, но провокаторы провалили ее основное ядро В начале 1904 г. в районе были произведены аресты. Всего было арестовано около 10 человек в том числе и пишущий эти строки. Жандармерия создала целое дело о муромской организации социал-демократ. рабочей партии. Однако, до судебного разбирательства довести дело не удалось благодаря тому, что в ходе следственного процесса провокаторы были разоблачены. Просидев в тюрьме больше всех других, а именно 9 месяцев в одиночке, я был освобожден под надзор полиции. Освобождение под надзор полиции дало мне возможность снова поступить на завод.

Январские события 1905 г. вызвали в нашем районе целый ряд стачек, протестов, в которых организация принимала активное участие. В июле 1905 г. наша организация устроила массовку в память расстрела рабочих 9 января. Благодаря нападению полиции на эту массовку, она превратилась в вооруженную демонстрацию с избиением полиции и хождением по городу в течение целого вечера. Через неделю после демонстрации я был арестован и посажен во Владимирскую центральную каторжную тюрьму. Муромская тюрьма считалась уже недостаточно крепкой, и меня с рядом других товарищей перевезли во Владимир.

Октябрьская стачка (1905 г.), давшая амнистию политическим заключенным, освободила и меня. По освобождении из тюрьмы снова вступил в ряды революционных социал-демократических работников. В день освобождения владимирские черносотенцы избили меня на улице, и с вещественными доказательствами на лице я явился на родину. По образцу питерских рабочих вел организационную работу по созданию местного совета рабочих депутатов, местных профсоюзов. Партийные организации приняли легальный характер.

Октябрь месяц являлся для меня призывным. Год рождения был рассмотрен особой комиссией, которая определила мой возраст по наружному виду, назначив 1905 г. моим призывным сроком. Призывная кампания 1905 г. происходила в условиях революционного под'ема молодежи. Манифестации молодежи прорывались то тут, то там. Значительная доля молодых призывников являлась, как говорили тогда, зараженной революционной пропагандой. Лично я отказался от принятия присяги на верность службы царю и отечеству, но власти не посмели арестовать меня за такого рода поведение, т. к. боялись, что подобный арест вызовет разгром воинского присутствия и тюрьмы со стороны призывников.

Однако, попасть в ряды царских войск мне не пришлось. Через два месяца после освобождения из Владимирской тюрьмы пришло новое распоряжение губернатора о немедленном моем аресте. Полиция пыталась несколько раз арестовать меня, но угроза вооруженным отпором меня спасала. Все же арест состоялся врасплох в ночь под Рождество на 25 декабря в парикмахерской, куда я зашел побриться ради праздничного дня. В тюрьме просидел до начала 1907 г., в январе которого был осужден еще на два года крепости и после суда освобожден до приведения приговора в исполнение под залог в 300 руб. После

этого освобождения был арестован еще один раз в Москве, но просидел всего лишь один месяц, еще до приведения приговора в исполнение, попав в облаву на эсеров в техническом училище.

В 1907 г. работал в партийной организации Лефортовского района, а затем перебрался в Питер. В Питере принимал участие в работах петерб. комитета в качестве организатора Песковского (ныне Рождественского) района, был членом петербургск. комитета, участвовал в различных конференциях петербургской организации вплоть до начала 1908 г. В начале 1908 г. выехал за границу, где пробыл до начала 14 года, скитаясь по заводам во Франции, Англии и Германии.

В апреле месяце 1914 г. с паспортом французского гражданина Ноэ вернулся в Россию. Работал на заводе Леснера, затем у Эриксона в качестве токаря. Выполнял различные партийные работы по заданиям думской фракции и петерб. комитета. Принимал участие в стачках и массовках того времени. В конце сентября по требованию петербургск. комитета выехал за границу в качестве уполномоченного им для связи с Центральным комитетом и со всякого рода поручениями международного характера. 1915 г. пробыл в Швеции, Дании, Норвегии, работал в Англии и в ноябре мес. вернулся нелегально в Питер. В Питере по поручению ЦК создал руководящее российской социалдемократ. работой бюро ЦК. В начале 1916 г. снова выехал за границу. Все эти годы работал в теснейшем контакте с заграничной частью ЦК, в состав которого входили В. И. Ленин и Г. Зиновьев. С 1915 г. состоял членом ЦК по кооптации. В 1916 году, в целях изыскания средств на партийную работу, был в Америке. В конце 1916 года вернулся снова в Россию. Организованное в 1915 г. бюро ЦК к этому времени было частью арестовано, частью дезорганизовано, и мне снова пришлось работать по созданию нового бюро ЦК.

Работа наших партийных организаций зимою 1916/17 гг. приближала массы к революционной развязке в борьбе с царизмом. В период перед Февральской революцией наша российская социал-демократическая рабочая партия была единственной революционной партией, призывавшей рабочие массы к вооруженному восстанию, к вооруженной борьбе против царизма и против войны. В революционных событиях конца февраля — начала марта принимал активное участие. Был членом инициативной группы по созданию петрогр. совета рабочих депутатов и выбран 27 февраля в Исполнит. комитет совета рабоч. депутатов.

Исполнит. комитет возложил на меня заботу по вооружению рабочих, и первые кадры рабочих-красногвардейцев были мною снабжены оружием. По поручению петербургского и выборгского комитетов нашей партии, а также совета рабочих и солд. депутатов выборгского района, выработал устав Красной гвардии, план ее организации и порядок снабжения вооружением. Принимал участие в организации возвращения наших эмигрантов из-за границы и организации встречи Ленина и других 3 апреля 1917 г.

Во время одной агитационной поездки в начале апреля мес. был контужен при столкновении автомобиля с трамваем и пару недель пролежал в госпитале. Выйдя из госпиталя, принимал участие в партийной работе и работах Исполнительного комитета, а также в организации профессион. союзов в Питере. Петербургские металлисты в том же апреле мес. избрали меня председ. правления петрогр. союза металлистов, а через три месяца был создан всеросс. союз рабочих-металлистов, и я был избран председат. временного Ц. К. В. С. Р. М. Участвовал на 1 С'езде советов рабоч. и солд. деп. и во всех событиях, связанных с этими днями. Был избран членом Всеросс. центр. исполн. комитета.

Участвовал в событиях 3—5 июля. Как член исполнит. комитета ходил по казармам и выручал избиваемых и арестованных товарищей-большевиков. В качестве деятеля профессион. союзов был делегатом в различные общественные учреждения того времени, а также участвовал в московском совещании и демократич. совещании в Петербурге. Был избран вице-председ. заводского совещания петерб. промышленного района.

В качестве партийного работника и председателя крупнейшего профессион. союза рабочих-металлистов участвовал во многих совещаниях, организованных ЦК по вопросам подготовки Октябрьского переворота. В процессе Октябрьской революции принимал участие путем организации отрядов и привлечения профессион. союзов к активной поддержке и обеспечению успеха Октябрьского переворота. Участвовал в работе 2 С'езда советов р. и с. деп. На этом же с'езде был избран членом Совета народных комиссаров — народным комиссаром труда. Силами профессион. организаций и через Нар. ком. труда вел борьбу с орга-

ШМИДТ В. В. (1886–1940).

В 1928–30 заместитель председателя СНК СССР и СТО. В 1930–31 заместитель наркома земледелия СССР. С 1931 главный арбитр при СНК СССР. С 1933 работал на Д. Востоке. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

низованным саботажем и забастовкой чиновников. Организовал работу Народн. комиссар. торговли и промышленности вплоть до его ликвидации. Принимал участие в организации совета рабочего контроля и превращении его в Высший совет народного хозяйства. Участвовал в работах 1 с'езда профсоюзов — январь 1918 г. По постановлению Совета народных комиссаров и петрогр. совета р. и с. д. был назначен председат. комиссии по эвакуации Петрограда в связи с немецкой опасностью.

Лето 1918 г. провел в качестве особо уполномоченного по заготовке хлеба для промышленных районов России. Принимал участие в развертывавшейся гражданской войне на северном Кавказе. Был в течение многих недель отрезан белогвардейцами от центральной России и вышел из окружения скрытыми, нелегальными путями. В том же 1918 г. постановлением ЦК партии был направлен на военную работу в качестве члена революционного совета южного фронта, а затем в качестве председ. военно-революц. совета каспийско-кавказского фронта. В 1919 г. вплоть до начала 20-го года был на западном фронте.

Вот суммарные сведения о моей работе до 20-го года Детализировать их – это означало бы перечислить значительную долю революционных событий того времени, участником которых я был. Сообщать о себе подробнее после 20-го года, это значит изложить частичку истории партийной и общественной борьбы в нашей советской стране, на что у меня, в настоящее время, нет ни времени, ни возможности.

Шмидт, Василий Владимирович *(автобиография)*, род. в 1886 г. в Петербурге в семье домашней работницы, детство провел частью в деревне, в чужих людях и приюте. В 1904 г. окончил 4-классное городское училище и в конце 1905 г. поступил работать на жел. дорогу, сначала агентом, а затем перешел в мастерские слесарем и на токарный станок. В начале 1905 г. принял участие в революционном движении в ученических кружках. В конце 1905 г. примкнул к большевистскому крылу в кружке портных. В 1907 г. в июле месяце, желая избежать возможного ареста, поехал в Финляндию (Гельсингфорс). В поисках работы я поступил на один немецкий пароход юнгой, плавание на этом пароходе мне не понравилось, и я в одном из германских портов близ Бремена сбежал с парохода. После долгой безработицы, работая то чернорабочим, то поденщиком, я в конце 1907 г. получил постоянную работу у маляра; присматриваясь к работе, я в 1908 г. избрал своей профессией малярное дело и до конца 1911 г. работал маляром в Германии. В 1911 г. в ноябре м-це я возвратился в Россию по этапу в Петербург и вскоре по возвращении начал работать опять в партии. В начале 1912 г. поступил работать в арсенал, в механическую мастерскую. В 1912 г., когда был вновь разрешен союз металлистов, я принял активное участие в работе союза и вскоре был избран в районные секретари союза (выборгский район), продолжая работать на заводе (Нов. Леснер). В конце 1913 г. был арестован, но вскоре выпущен. В 1914 г. я был избран секретарем всего петроград. союза металлистов и вскоре после этого вошел в состав исполнит. комитета петроградск. комитета партии.

Перед самым началом войны был арестован и, просидев около 2-х месяцев, был освобожден с воспрещением жить в 27 пунктах России; после освобождения я поехал в Екатеринослав, где перешел на положение партийного профессионала, одновременно работая то на заводе, то в больничной кассе.

Летом 1915 г. произошел провал екатеринославской организации, и я вынужден был бежать в Петроград, где я окончательно перешел на нелегальное положение, работая исключительно на партию (секретарем петербургского комитета). В конце 1915 г., в декабре м-це, был арестован, и мне было пред'явлено обвинение по 102 ст. В августе 1916 г. я, по предложению провокатора Шурканова, был неожиданно освобожден. Посоветовавшись с товарищами, я вновь приступил к работе секретарем ПК, одновременно работая на заводе. В конце 1916 г. был вновь арестован, и меня освободила революция. По освобождении из тюрьмы я был избран секретарем петерб. комитета партии. В апреле м-це 1917 г. перешел на профессиональную работу и был первым секретарем ленинградского совета профессион. союзов. В 1918 г. был избран секретарем ВЦСПС на I с'езде союзов. В 1918 г., в ноябре м-це, назначен народным комиссаром труда, в должности которого состою и теперь. Начиная со второго созыва советов был членом ВЦИК всех созывов до последнего, состою членом ЦИК Союза ССР всех созывов. На VII с'езде РКП (б) был избран членом ЦК РКП (б); на VIII, X, XI и XIII — кандидатом в члены ЦК РКП (б) и на XIV с'езде ВКП (б) избран

членом ЦК ВКП (б). С I го с'езда профсоюзов и по сие время состою членом президиума ВЦСПС.

Штернберг, Павел Карлович, род. в 1866 г. в Орле, в семье довольно зажиточного подрядчика по железнодор. постройкам. Еще в гимназии у него пробудился интерес к научным работам в области астрономии, и, будучи гимназистом, он много ночей проводил за изучением звездного неба. По окончании гимназии он поступает в московский унив-тет на физико-математ. факультет и избирает своей специальностью астрономию. Вынужденный жить исключительно на свой заработок уроками (он зарабатывал до 20 рублей в месяц), он тем не менее быстро выделяется среди студентов и становится выдающимся учеником Бредихина. Еще студентом он работает при московск. астрономич. обсерватории. Пишет дипломную работу на золотую медаль и, оставленный при универс-те, целиком отдается научной работе, чуждый политики и вообще всякой общественной деятельности, только для заработка часть времени отдавая на педагогич. работу в гимназиях. Первые его работы — с маятником, позже по применению фотографии, в частности к измерениям и исследованиям двойных звезд. Первая его диссертация (в 1903 г.) — „Широта моск. обсерватории в связи с движением полюсов", вторая (1913) — „Некоторые применения фотографии к точным измерениям в астрономии". Ш. приобретает значительную научную известность и в Зап Европе. Он читал астроном. курсы в моск. университете и на моск. высших женских курсах.

В 1904 г., с японской войной в Ш. стал пробуждаться интерес к политической жизни. В 1905 г., получив научную командировку в Германию, он познакомился с нелегальной политич. литературой и с немецкой соц.-демокр. прессой. Он вернулся в декабре 1905 г., в дни, следовавшие за моск. восстанием, определенным социал-демократом и, немедленно вступив в организацию большевиков, сначала работал в ее финансовых аппаратах, был представителем моск. комитета в Красном Кресте и т. д. Вскоре становится работником военно-технич. бюро моск. ком-та, не покидая этой работы даже в 1907—1908 г. — в эпоху расцвета реакции, и, рискуя виселицей, организует работы по изучению Москвы на случай восстания и гражданской войны (под видом руководителя работ студенческ. группы по измерению аномалии силы тяжести—с разрешения градонач. и губернатора—он делает в течение неск. месяцев с группой товарищей с'емку улиц, отметку проходных дворов, удобных пунктов и пр.). С 1909 г. Ш. от активной работы в подполье отходит и оказывает лишь материальное содействие организации, участвует в работе легальных организаций, выступая с лекциями и пр., продолжая быть связанным с партией. У Ш. происходит несколько обысков, его не утверждают профессором (до 1917 г.); но в общем его не особенно преследуют: в этом его биограф (В. Я) видит тонкий расчет одного из крупнейших провокаторов большевистской организации А. С. Романова, щадившего Ш., чтобы не разоблачить себя самого. В 1917 г. Ш. вовлекается снова в активную работу по организации боевых дружин. Он входит в городскую думу как кандидат большевиков. Он принимает участие в организации боевых дружин, проходит в гор. думу от партии большевиков, в октябре налаживает охрану моск. совета, затем делается начальн. штаба замоскв. ревкома, после переворота предс. замоскв. ревкома и, наконец, моск. губерн. комиссаром. По переезде Совнаркома в Москву Ш. принимает на себя, как член коллегии Наркомпроса, заведывание высшей школой и в 1918 г. участвует в ее реорганизации. С осени 1918 г. Ш. входит в состав реввоенсовета 2-й армии, затем востфронта. Ш. окончательно разрывает с наукой, с обсерваторией, директором которой он состоял до ухода на фронт. Он проделывает наступления и отступления, схватывает на фронте воспаление легких и умирает 31 января 1920 г. (*См. „Пам. бор."*).

ШТЕРНБЕРГ П. К. [1865 (по уточненным данным) – 1920].

ШУМЯЦКИЙ Б. З. (1886–1938).

С 1930 председатель Союзкино, с 1933 начальник Главного управления кинопромышленности и заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Шумяцкий, Борис Захарович *(автобиография)*, род. в 1886 г. 16 ноября в г. Верхнеудинске Забайкальской обл. Отец вначале занимался сельским хозяйством и ямщиной, а затем, перебравшись в город, занялся переплетным ремеслом, которое в молодости он изучал, работая на переплетной и картонажной фабрике Ф. А. Маркса в Петербурге. Мать была совершенно неграмотная женщина. До 10 лет Ш. рос в деревне, затем вместе с семьей переселился в г. Красноярск. Большая семья и постоянная бедность заставили родных отдать мальченку на службу. С этой целью его, 12 лет от роду, отправляют в г. Читу (за 2 тысячи верст от дома), где он поступает на работу, вначале в частной обойной мастерской, затем учеником в вагонный цех главных читин-

ских ж.-д. мастерских. В 1903 г. по требованию жандармов (охранки в Чите тогда еще не было) увольняется из гл. мастерских, а затем через некоторое время устраивается рассыльным мальчиком в контору т-го д-ма бр. Колеш, откуда за участие в забастовке служащих вскоре также увольняется. Побродив несколько месяцев безработным, устраивается на службу,— вначале в качестве укупорщика, а затем и подручного—в один из местных магазинов.

В конце 1904 г. Ш. переезжает в Красноярск, имея в виду подучиться немного грамоте, так как до того он самоучкой выучился только читать и писать. Переезжая в Красноярск, он рассчитывал на помощь в самообразовании своего брата Марка (эсер-максималист), хорошего репетитора, жел.-дорожного техника, выдержавшего перед тем экстерном экзамен на аттестат зрелости. Во время поездки в Красноярск, по подозрению в провозе и распространении нелегальной литературы, арестовывается, но из-за отсутствия улик, просидев в В.-Удинске две недели, освобождается. Весной 1905 г. Ш. поступает на работу в токарный цех депо ст. Красноярск и работает нелегально в местной с. д. организации: вначале как член подкомитета и руководитель так назыв. „технической группы", а затем летом того же года принимает участие в организации „великой сибирской железнодорожной забастовки" и в качестве „раз'ездного" (организатора, пропагандиста и агитатора) выезжает проводить эту забастовку по линии сибирской железной дороги.

В „дни свободы" (октябрь, ноябрь и декабрь 1905 г.), будучи членом красноярск. совета рабочих и солдат. деп., участвует вначале в $2^1/_2$ месячной органической работе совета как органа власти, затем в конце декабря того же года принимает участие в красноярском восстании. После подавления этого восстания, в январе 1906 г. попадает в тюрьму, а через некоторое время бежит оттуда. С этого момента и вплоть до империалистической войны Ш. ведет по всей Сибири, Дальнему Востоку и в прочих местах жизнь нелегального подпольщика и професс. революционера, в то же время работая и профессионально, как рабочий, последовательно в жел.-дор. депо ст. Курган, Слюдянка, Верхнеудинск, в главных мастерск. китайско-восточн. жел. дор., в Харбине, в гл. мастер. владивостокского порта, на штамповальной фабрике в Южной Америке во время эмиграции. Во время работы в 1907 г. во Владивостоке Ш. участвует и руководит владивостокским восстанием, откуда после его неудачи бежит в Харбин, а оттуда в Западную Сибирь. Там он работает как кооператор, статистик и журналист в ряде пунктов.

В августе 1913 г., вскоре после возвращения из эмиграции, Ш., под фамилией Михалев, участвует и вместе с Петровским (ныне предцик Союза от УССР) руководит „рабочей делегацией" I всероссийск. кооперативн. с'езда в Киеве. Там проваливается и, преследуемый шпиками, по дороге в Сибирь арестовывается и садится в тюрьму, предварительно пройдя ряд этапных отсидок и пересылок. По выходе из тюрьмы и после процесса, уже в середине 1915 г., Ш. сдается в солдаты. На военной службе застают его Февральская и Октябрьская революции.

Литературную и газетную работу Ш. начал впервые вести с 1906 г., когда с июня этого года постановлен. сибирского союза РСДРП был командирован в качестве редактора от большевиков (вместе с редактором от меньшевиков А. Ф. Сухоруковым) в редакции легальных газет, которые по заданию союза ставились тогда в Восточной Сибири. Эти газеты: „Прибайкалье", „Байкальская Струя" и „Забайкалец". Затем в конце 1906 г. Ш. руководит в Харбине большев. газетой „Голос Маньчжурии", взятой харбинской парт. организацией у одного из местных радикалов (инженера Боровского), и сотрудничает в др. связанных с местной партийной организацией изданиях, особенно по вопросам профдвижения, так как работает в это время секретарем центр. бюро профсоюзов полос отчуждения вост.-китайской жел. дор.

В 1912—1913 гг. Ш. сотрудничает в „Правде", а с начала Февральской революции принимает ближайшее участие в издании газ. „Известия красноярск. совета". С марта того же года он вместе с И. Белопольским и Джоровым подготовляет выпуск первой в Сибири большев. газеты „Сибирская Правда", которая и появляется в свет 2 апреля, и затем вместе с прибывшими в Красноярск В. Яковлевым, А. Роговым, А. Померанцевой, Ф. Врублевским и А. Архиповой ведет эту газету до конца лета, до момента слияния с большевиками местных интернационалистов, когда органом парторганизации становится газета „Красноярский Рабочий". В апреле того же 1917 г. Ш. вместе с А. Померанцевой и Ф. Врублевским организует в Красноярске первое в Сибири большевист. книгоиздат.

„Приступ" и пишет для него брошюру „Чего хотят большевики", изданную в нескольких тысячах экземпляров и распространенную затем не только в Сибири, но и через издательство „Прибой" и в Питере. Прибыв после июльского разгрома в Питер, Ш. в качестве члена „Военки" при ЦК партии работает вместе с Н. Подвойским в газете „Солдат и Рабочий" и „Солдат", а затем по заданию ЦК восстанавливает разгромленную типографию „Правды" и выпускает центр. орган партии „Пролетарий", переименованный после закрытия в „Рабочий", а затем в „Рабочий Путь". Убедившись в том, что издательство центр. органа стало уже на ноги, ЦК партии в середине сентября конструирует для него коллегиальную редакцию, в состав которой назначает также и Ш. После Октябрьской революции Ш. принимает участие в издании и редакт. ряда советско-парт. газет Иркутска, Перми, Тюмени, Ново-Николаевска, Томска, Красноярска, В.-Удинска; редактирует первый в Сибири журнал по вопросам революц. востоковедения—„Народы Дальнего Востока" и сотрудничает в разных органах партийной прессы. В года нелегальщины Ш. по заказу професс. Зубашева и Мелеева обрабатывает статист. материалы томского отделения русского технич. общ. о кустарных промыслах Томской губ. и на основании статист. карточек и ведомостей составляет сборник „Кустарные промыслы Томской губ." и исполняет ряд других статист. работ (по вопросу о порто-франко во Владивостоке, об Омск-Тюменьской жел. дор. и проч.).

После Февральской и Октябрьской революций Ш. вел работу: зампредсовета г. Красноярска и члена красноярского большев. комитета; члена средне-сибирск. бюро ЦК РСДРП (больш.), затем председ. центр. исполнит. комитета советов Сибири (Центросибирь); члена губбюро РКП ряд губ. парткомов (Тюмень, Ново-Николаевск, Томск, Ленинград); члена Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП; пред. губревкомов, губисполкомов гг. Тюмени, Ново-Николаевска, Томска, Красноярска; предсовмина ДВР; уполномоченного НКИД по Сибири и Монголии, полпреда и торгпреда СССР в Персии; избирался делегатом советских и партийных с'ездов и членом ВЦИК двух созывов и пр. По военной линии Ш., перейдя белый фронт Колчака на ст. Чайковская, принимает участие во взятии Перми, а затем в составе 2 бригады 51 дивизии участвует во взятии гор. Тобольска, откуда как политработник вызывается Сибревкомом в Тюмень и назначается предгубревкома. Затем в 1920 г. назначается предсовмином ДВР, далее зампредсибревкома, а затем членом реввоенсовета 5 армии, в каковой должности и работает до февраля 1922 г., политически руководит монгольской кампанией против Унгерна и помощью монголам в деле создания народного правительства этой страны; за эту работу монголы избирают его почетным гражд. Монголии.

По дипломатической и экономической линии Ш. ведет работу в Персии, где за три года своего пребывания укрепляет связи СССР с Персией, подписывает торговый договор и ряд практических соглашений; организует советско-персидский банк (Русперс) и ряд смешанных торговых производственных акционерных компаний (т-во Персхлопок, о-во Шарк, т-во Персазнефть, т-во Русперссахар, т-во Автокран, т-во Месуджат и проч.), берет первый заказ на постройку нами за границей, т.-е в Персии, шести радиостанций и пр. В последнее время (1926—27 гг.) Ш. возглавляет в качестве ректора Коммунистич. университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина, руководит его кафедрой зарубежного Востока, редактирует журнал „Революц. Восток" и является членом ученого комитета ЦИК СССР.

ЩЕПКИН Е. Н. (1860–1920).

Щепкин, Евгений Николаевич, профессор. Согласно автобиографии-анкете, Щ. род. 13 мая 1860 г. в Москве, где получил среднее образование (в немецкой школе). В 1879 г., сдав экстерном испытания на аттестат зрелости, поступил в московский универс. на историко-филологич. факульт. О студенческих годах Щ. известно очень мало: по свидетельству самого Щ., он примыкал к „конституционному течению" в тогдашней профессуре, яркими выразителями которого были професс. Муромцев, Максим Ковалевский и др. За участие в студенческой сходке, собранной студентом П. Н. Милюковым—впоследствии лидером партии к.-д.—Щ. арестован был „вместе со всей сходкой" (1880 г.). Оставленный при университете для подготовки к професс. званию, Щ. по выдержании экзамена на степень магистра всеобщей истории зачисляется (в 1892 г.) приват-доц. университета, проводит четыре года в научных командировках, работая в архивах и библиотеках Вены, Берлина, Копенгагена, а с конца 1897 г. занимает кафедру всеобщей истории в нежинском историко-филолог. институте. С осени 1898 г. Щ. переходит на ту же кафедру в Одессу в новоросс. университет и с этого времени уже не покидает Одессы:

здесь протекает вся его научная работа вплоть до 1905 г., когда революционная волна выбрасывает Щ. на поверхность политической деятельности, которой он до того времени был почти совершенно чужд Поглощенный специально-научной работой (в 1902 г. Щ. защищает свою магистерскую диссертацию в московском унив. на тему „Русско-Австрийский союз во время семилетней войны 1746—58 гг.", а в 1904 г. он отправляется в командировку для выполнения работы „О походе Наполеона I в Россию"). Щ. стоял почти в стороне от политической жизни, и только с конца 1904 г. начинается постепенное втягивание Щ. „в общественно-политические интересы": сначала он входит в одесский кружок „Союза освобождения" (основанного П. Струве), а с осени 1905 г в состав „профессорской комиссии", управлявшей автономным университетом. В конце 1904 г., в пору кадетской „весны" и конституционных мечтаний в Одессе образовался своего рода политический „клуб", где собирались представители всех слоев местной интеллигенции, земские и городские деятели, иногда и члены местных партийных организаций (с.-р. и с.-д.) „Клуб" этот приютился под гостеприимным кровом известного в свое время политич. деятеля и мецената К. М. Панкеева, человека весьма состоятельного. Здесь формировались будущие лидеры кадетской партии (О. Я. Пергамент и др.), подготовлялись публичные выступления (в городской думе, на обществ. собраниях и пр.), здесь же в словесных турнирах по временам участвовал и Щ. В речах его звучали порой резко-патриотические ноты; тогда тянулась еще несчастная война с Японией, и странно было слышать из уст Щ. по адресу русской интеллигенции укоры в том, что она не оказывает поддержки правительству. Революционное движение 1905 г. произвело на Щ. неотразимое действие: он становится центральной фигурой в „академическом союзе" профессуры, который повел систематическую борьбу за автономию высшей школы. Щ. произносил в заседаниях союза и на общих собраниях профессуры зажигательные речи, направленные против существующего режима, а с осени 1905 г., когда об'явлена была автономия университетов и в одесском университете образовалась комиссия 12 профессоров для управления делами и для „сближения со студенчеством", первое место в этой комиссии занял Щ. С этого момента в жизни Щ. обозначается резкий перелом. Сначала его захватывает борьба с реакцией в стенах университета, но постепенно он втягивается в водоворот обще-политической борьбы: выступает на студенч. собраниях, на общественных митингах и приобретает огромную популярность среди местного населения. С особенной силой проявляется его революционный темперамент и боевой пыл в октябрьские дни 1905 г., когда на улицах Одессы воздвигались баррикады и были пущены в ход черносотенные банды, поддерживаемые солдатскими штыками при разгроме еврейских жилищ и расправе с „жидами" и „революционерами". Одним из первых вошел Щ. в состав т.-наз. „Революционного конвента", как окрестила впоследствии черная реакция образовавшийся в те дни комитет общественных организаций, самочинно заседавший в городской думе и фактически превратившийся тогда в „народное" собрание и ставший у кормила власти. В этот период Щ. вырастает как политический боец, как революционный вождь, и популярность, быстро им приобретенная в общественных кругах, доставляет ему победу на выборах в первую Государств. Думу. Вместе с покойным О. Я. Пергаментом, не менее талантливым представителем лево-кадетского крыла, он оставляет профессуру и отдается политической деятельности. В Госуд. Думе он сразу же занимает видное место в рядах крайне-левых кадетской партии и выдвигается в целом ряде сенсационных выступлений против правительства. Нельзя не вспомнить речи, произнесенной Щ. в Госуд. Думе 10 июля 1906 г., в которой он требовал предания суду всесильного тогда временщика Столыпина за то, что он противозаконно удерживал в Одессе военное положение и потворствовал погромным деяниям градонач. Нейдгардта и команд. войсками Каульбарса. В заключительной части своей речи Щ. заявил, что от имени полумиллионного населения Одессы он шлет Столыпину пожелание „неудач, поражения и гибели, он шлет ему свое народное проклятие"... Известно, далее, не менее сильное выступление Щ. по делу о еврейском погроме в Белостоке.

Осужденный за подписание „Выборгского воззвания", Щ. отбыл несколько месяцев заключения в одесской тюрьме; вернулся он в Одессу с явными признаками душевного перелома, видимо разочарованный, и почти сразу порвал связь со своими политич. единомышленниками. Он не только оставляет ряды кадетской партии, но становится к последней в явно враждебное отношение.

Оставив политическую деятельность, он отдается научной работе, принимает активное участие в разных просветительных учреждениях и много времени уделяет известному в то время и за пределами Одессы литературно-артистич. о-ву, (сыгравшему видную роль в формировании революц. движения) и организации т.-н. Пушкинского дома (убежища для тружеников печати).

Февральская революция 1917 г. всколыхнула эту вечно неугомонную натуру и вновь пробудила в Щ. усиленное стремление к политич. деятельности. Он входит в состав обществ.-революц. комитета, образовавшегося из представителей различных партийных течений, но, желая оставаться „независимым", занимает обособленное положение и даже обзаводится собственным печатным органом „Власть народа". Газета эта носила заголовок „орган прогрессивных профессоров" и не отличалась определенностью направления; на ней лежал отпечаток того полу-социалистического, полу-либерального мировоззрения, от которого долгое время не мог отделяться Щ. Революционная волна снова увлекает Щ. и бросает в самый водоворот политической жизни. Примкнув сначала к лево-эсеровскому направлению, Щ. ведет усиленную агитацию за признание советской власти, когда же приход австро-германских войск вынудил „большевиков" временно покинуть Одессу, он вместе с ними уходит на известном судне „Афон" в Севастополь, затем на Кавказ и т. д. Одев солдатскую шинель и взяв в руки винтовку, Щ., оставив свою научную работу, следует по пути „большевиков", об'езжает все города и всюду, выступая на митингах, на собраниях солдат и рабочих, горячо пропагандирует идею советской власти. Постепенно из левого с.-р. „борьбиста" Щ. становится коммунистом и вступает в ряды коммунистич. партии, как ни было трудно, казалось, на 60-м году жизни порвать все нити, связывавшие его с прошлым, с установившимися взглядами и психологией иного уклада общественных отношений. Короткое время пребывания советской власти в Одессе (апрель—август 1919 г.) Щ. посвятил реорганизации высшей школы. В качестве комиссара народн. просвещения Щ. энергично занялся очисткой „авгиевых конюшен" тогдашнего новоросс. университета, уволив целую группу черносотенных профессоров (числом 21), возглавлявшуюся знаменитым проф. Левашевым. К этому времени относится организация революционного советского студенч. органа по управлению университетом (ревстудсов.), который создан был по мысли Щ. и провел вместе с последним большую работу. Впоследствии этот орган был заменен „сквузом" (совет комиссаров высш. учебных завед.), который наметил широкий план преобразования высшей школы. В основу этого плана положена была идея пролетаризации вузов, уже тогда носившаяся в уме Щ. В ст. „Отбор умов и подбор среды", напечатанной в № 1 журн. „Высш. школа", Щ. писал: „В эпоху, когда социальное творчество перешло к народным массам, высшая наука должна исходить от окружающей жизни, теория подчиняется практике. Созерцательность отвлеченного знания надо заменить деятельным американским прагматизмом, академичность — воздействием на волю, толкающим к активности. Целью преподавания в высшей школе намечается не просто научное знание, а деятельная жизнь согласно науке". И дальше Щ. намечает путь, по которому должна итти высшая школа и который несколько позже был им более рельефно начерчен в программе рабфаков: „Университеты обязаны дать почувствовать пролетариату и трудовому крестьянству, что наука доступна и важна для них, необходима для их благоденствия, для их диктатуры... Пролетаризация университета и науки неизбежна, хотя бы ради их спасения".

Приход белогвардейцев прервал работу Щ. Он не пожелал скрыться из Одессы и был захвачен контр-разведкой и в сентябре 1919 г. заточен в одесскую тюрьму, где пробыл до февраля 1920 г. (т.-е. до вторичного прихода советской власти). Чрезвычайно характерно для обрисовки личности Щ. его сидение в тюрьме в продолжение почти полугода. Он держался с необычайным мужеством и достоинством, приводившим в смущение даже тюремщиков. Его собирались предать военному суду за „чрезвычайные услуги советской власти", но он не делал ни малейшей попытки облегчить свое положение и выйти из тюрьмы, от него не поступало ни одного ходатайства, ни одного заявления на имя властей. Рассказывают об одном характерном эпизоде, рисующем Щ. Известно, что брат его (Н. Н.) был расстрелян в Москве за принадлежность к анти-советской организации. Когда тюремщики стали издеваться над Щ., говоря: „Вот как с вашим братом поступает большевистское правительство", то Щ. ответил стоически: „Ну, что же, он шел

ЭЙСМОНТ Н. Б. (1891–1935).

С 1926 нарком торговли РСФСР и заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР. В 1933 исключен из партии, арестован. В 1935 освобожден, погиб в автомобильной катастрофе.

против советской власти"... Красные войска выручили Щ.: он вышел из тюрьмы и вернулся к своей работе. В качестве заведующего отделом вузов, Щ. особенно много энергии посвятил осуществлению своей заветной мечты—созданию рабочего факультета. Уже почти перед самой смертью в журн. „Советское Строит." (№ 6) Щ. писал: „Рабочие факультеты, всем своим укладом чуждые ветхой высшей школе, представляются главным и, пожалуй, единственным орудием реформирования ее; в этом смысле раб. фак. становятся фундаментом новой социалист. высшей школы с рациональными педагогическими методами преподавания, новой пролетарской аудиторией и новыми организованными навыками". Это писалось в октябре 1920 г.

Торжественное открытие одесского рабфака (7/XI-20 г.) было последней радостью Щ. Немного радостного вообще представляла жизнь Щ. в эти тяжелые дни. Особенно грустное впечатление производил Щ. в последнее время, незадолго перед кончиной. Истощенный работой и недоеданием, Щ. сильно страдал от тесной обуви, ходил с вспухшей ногой и мучительно реагировал на все окружающее: „Да, зима будет тяжелая,—говорил он,—выживут немногие"... Слова эти оказались вещими; в ночь на 12/XI-1920 г. Щ. скончался в своей одинокой холодной квартирке в первом доме советов.

Из работы проф. К. П. Добролюбского („Щ. как историк") заимствуем список важнейших научных трудов Щ.: 1) «Вопросы методологии истории», 1905 г., Од.; 2) „Zur Nestorfrage" („Archiv f. slavische Philologie", B. XIX, 1697); 3) „Социологич. оценка прогресса" (сб., посвящ. Н. И. Карееву, СПБ. 1914 г.); 4) „Русско-австр. союз во время Семилетней войны 1746 — 1758", Спб. 1902 г.; 5) „Russia under Alexander I and the invasion of 1812" („The Cambridge modern history", IX, Cambridge, 1906); 6) „Дмитрий I" („Русская история в очерк. и ст." 1910 г., т. II); 7) „Wer war Pseudodemetrius I?" („Beitrage zur Quellen Kunde u. Quellenkritik der Jahre 1591—1606. Archiv slavische Philologie"); 8) „Варяжская вира" („Зап. од. об-ва истории и древн.", т. XXXII, 1/1915 г.); 9) „Скандин. обряд погребения с кораблем" („Журн. мин. нар. просв.", 1894, сент.); 10) „Порядок престолонаследия у древне-норвежских конунгов" (сб. в честь В. О. Ключевского, М. 1909 г.); 11) „Древне-исландская сага „Гюнлейг Змеиный язык" (Од., 1905 г.); 12) „Аскетизм христианск. Востока" („Историч. изв.", 1916 г., № 2). Сверх того, целый ряд статей и литографир. курсы по истории Востока, средних веков, нового времени и по социологии.

Проф. Добролюбский отмечает, что в своих научных трудах Щ. далек от идей историч. материализма, которые он воспринял только после Октябрьской революции, „его историч. взгляды более гармонировали с его народнической идеологией"... „Для него (т.-е. Щ.) сущность исторического процесса проявляется в воле человечества и отдельных лиц"... „Он прагматик и сторонник взаимодействия исторических факторов". Основные черты Щ. как историка — мастерство методов исследования, тонкая критика источников, переоценка значения человеческой воли и увлечение крайностями психологической школы.

В 1919 и 1920 гг. Щ. поместил ряд статей в органах советской прессы: „Отбор умов и подбор среды", в журн. „Советское строительство" „Борьба с господствовавшими классами в высшей школе" (№ 4—5), „Рабочие факультеты" (№ 6), „Эконом. строительство" и др.

И. Хмельницкий.

Эймонт, Николай Болеславович (*автобиография*). Родился я 4/XII 1891 г. на Гурьинских рудниках Пермской г. Отец—сын сосланного за польское восстание литовского помещика, умершего вскоре после ссылки в Сибирь, с раннего детства зарабатывал деньги самостоятельно, прошел среднюю школу и незадолго до моего рождения окончил Лесной институт, после чего устроился лесничим на Урале, где работал отец моей матери (горный инженер).

Мое раннее детство прошло в частых переездах по разным местам Урала и Сибири, т. к. отец часто менял работу. Из-за этих частых переездов я не мог довольно долго устроиться в средней школе и, сдав 9-ти лет экзамен в Оренбурге, поступил в реальное училище только через 2 года (уже во 2-й класс, сдав новый экзамен) в г. Барнауле, где отец, наконец, обосновался на продолжительное время.

Первые годы учения рос я довольно замкнуто, не сходясь близко ни с кем из товарищей по училищу, и чаще находился в среде взрослых—знакомых отца и матери. Этот круг представлял из себя провинциальную чиновничью среду, но довольно культурную и высоко квалифицированную (лесничие, инженеры и пр.), с либеральным уклоном. Барнаул был крупным культурным и хозяйственным центром.

А летом обыкновенно ездил с отцом, и все время приходилось проводить среди сибирских крестьян, гл. обр. старожилов. Учение давалось мне весьма легко и почти не тратя дома времени на уроки (кроме математики, которой я увлекался и для себя в III кл. проходил то, что надо было учить в IV и V кл.). Я переходил из класса в класс с наградой, пока не был лишен таковой (V кл.) „за поведение". Свободного времени было много, тратил его, гл. обр., на чтение, довольно бессистемное, из большой библиотеки отца. Читал все, начиная от романов и до „Энциклопед. Словаря" Брокгауза, из которого проглотил огромное количество страниц. Зимой 1904-1905 г. попал в марксистский кружок и близко сошелся с рядом старших товарищей. Большое влияние на дальнейшее развитие оказал учитель

истории Шумиловский — соц.-демократ (впоследствии сильно поправевший и бывший министром у Колчака). Революция 1905 г. застала меня, 14-летн. мальчика, уже достаточно революционно настроенным, хотя путаница в голове была конечно, большая. Настольными книгами, евангелием, для меня были — Бюхнер „Сила и материя" (эта книга, прочитанная в 13 лет, произвела потрясающее впечатление), пол. экономия Богданова, „К вопросу о развитии монистич. взгляда на ист." Бельтова (Плеханова) и „Единственный и его достояние" Штирнера.

1906 год. Участие в ученическом движении, кружках. Читал ряд рефератов о совмещении марксизма и анархо-индивидуализма и имел большой кружок сторонников. Заработок денег уроками. Одновременно исполнение технич. поручений с.-д. организации (расклейка прокламаций, распространение литературы и т. п.).

1907 г. То же самое. Затем издание ученического нелегального журнала, создание ученического союза, проведение общеученической забастовки, исключение из реального, первый обыск, допрос. Усиленное чтение, саморазвитие, вырабатывается определенная, твердая точка зрения. Вступление в РСДРП в конце года.

1908 и I-я пол. 1909 г. Активная партийная работа, сначала рядовым, потом членом барн. комит.; создал организацию на Сузунском заводе, по Раз'езды разным местам Алтайского округа и Том. губ. Первый коорткий арест. Газетная работа корректором, потом сотрудником. Летом выехал в качестве топографа на заработки в глушь.

Конец 1909 и 1910 гг. Возвращение в Барнаул. Организация, державшаяся долго по сравнению с некоторыми другими сибирскими, вторично и окончательно разгромлен. То, что я не был в это время в Барнауле, избавило от тюрьмы и ссылки. Переезд в Томск. Время глухой реакции. Много товарищей по училищу на работе (гл. обр., студенты) ударились в богоискательство, философию, сексуальные вопросы и пр. Это прошло мимо меня, не задело. Реакция, среда, окружающие настроения, отсутствие общей работы сказались в 1909-1910 гг. только тем, что уединился. Или совсем один, или в очень узком кругу. Готовлюсь к экзаменам, увлечение высшей математикой, теорией относительности, развлечение—бильярд. Заработки самые случайные—редкая газетная работа, уроки, цирк (контролер), театр (статист). Сдал экстерном экзамены за реальное. Аттестат блестящий —поступить можно куда угодно без экзамена. Колебание в выборе. Влечение к чистой математике, поддержанное всеми окружающими. Но математика— это значит отрыв от жизни, это значит уйти в сферу чистой науки, отдаться навсегда этому своему узкому увлечению. Общественная, партийная и революционная закваска оказались сильнее. Поступил на экономическое отделение петерб. политехнич. института, откуда впоследствии перешел на юридич. факультет петерб. университета. Сначала студенческие экономические организации: томское землячество—вскоре стал его председателем, совет сибирских землячеств, об-во изучения Сибири и пр.

Начинается общее оживление, организуем с.-дем. фракцию петерб. универс. Фракция совместно с другими воссоздает нелегальный совет старост унив-та. Осенью 1911 года я избран товар. предс. совета, а после ареста председ. Дернова (с.-р.) стал председателем. Наша фракция приобретает доминирующее влияние в студенческих делах. В это время женился. Жена—курсистка. В студенческих организациях работали совместно. Параллельно с работой среди студенчества работаю в недавно созданной соц.-демокр. организации „Об'единение", которая явилась прообразом будущего „междурайонного комитета об'единенных соц.-дем. большевиков и меньшевиков (интернационал)" и ставила целью об'единить всех противников ликвидаторов. Организация быстро разрасталась и развивалась. Помню, вместе со мной там активно работали Карахан, Старк и др. Весной 1912 г. унив. с.-д. фракция провела политическую студенческую забастовку. В связи с этим я сел. Сели и другие члены бюро фракции А вскоре, как я узнал уже в тюрьме, провалилась и „головка" „Об'единения". Мне было пред'явлено обвинение в принадлежности к партии, но дело после 3 мес. тюрьмы кончилось высылкой. Я—в Сибири. Случайная газетная работа, работа по статистике, гл. обр. городского хозяйства.

1913-1915 гг. Снова в Петербурге. Работа по статистике. Организовал нелегальное сибирское корреспондентское бюро, снабжавшее все важнейшие сибирские газеты. Встретился со старыми товарищами по работе, завязал связи, но не надолго. Обыск, арест и высылка. Туркестан. Работа статистиком. Война. Сибирь. Разная случайная работа.

Только в 1916 г. удалось вернуться в Петербург. Поиски заработка. Тяжелое

ЭЛИАВА Ш. З. (1883 (по уточненным данным) – 1937).

С 1931 заместитель наркома внешней торговли СССР, с 1936 заместитель наркома легкой промышленности СССР. С 1927 кандидат в члены ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

материальное положение. Живем тем, что жена заработает на машинке. Наконец, устроился в одном из правлений английских обществ Уркарта. Быстро получил там „повышение" и хорошо оплачиваемую должность. Пытался писать в газеты, гл. обр. сибирские, но писать, что нужно, во время войны было невозможно. Связался с междурайонным комитетом (межрайонка).

1917-1926 гг. Февральская революция. Член райкома межрайонки. Прохожу по спискам большевиков и межрайонцев гласным петрогр. районной думы, избираюсь членом управы. После VI с'езда, когда межрайонка формально влилась в РСДРП (б), параллельно с муниципальной работой работаю в совете и продолжаю быть членом райкома. После Октябрьской революции – комиссар районной думы Петрогр. стороны, гласный, а потом член пгр. гор. управы.

В 1918 г.—товар. петроградского городского головы (Калинина), а после переименования—замест. комиссара городских хозяйств Союза коммун Сев. области и член президиума СНХ Северной области.

Весной 1919 г., после известного письма В. И. Ленина, вместе с другими питерцами прошу ЦК меня мобилизовать. Меня забирают на военную работу из Ленинграда, но оставляют в Москве сначала помощником, а потом главным начальником снабжений Красной армии. В 1920 г. назначен замест. чусоснабарма республики (Рыкова), где и работаю до конца существования Чусо (до демобилизации). В 1920-м же году назначен членом президиума ВСНХ, где числюсь до 1926 г., несмотря на переезды. Работа в ВСНХ. Руководство снабжением промышленности, а после начала НЭП'а организация торговли промышленности и руководство ею.

Параллельно работа в газетах и журналах. Осенью 1922 г. назначен председ. Крайэкономсовета юго-востока России. Член бюро ЦК ВКП (б). Веду работу по подготовке районирования юго-востока и созданию новой краевой системы управления.

С осени 1923 г. снова в Москве заместит. председ. ВСНХ РСФСР и членом президиума ВСНХ СССР. В июле 1924 г. районирование юго-востока было закончено, и организуется краевой исполком. По просьбе с юго востока меня отпускают туда обратно, и я был избран первым председателем юго-восточного (теперь северо-кавказского) краевого исполкома и членом бюро крайкома ВКП (б).

В конце 1925 г. в связи со слиянием наркоматов внешней и внутренней торговли организуется новая коллегия об единенного наркомата, и я включен в ее состав. Приходится опять перебраться в Москву. С весны 1926 г. назначен народным комиссаром торговли РСФСР и с осени этого же года, по совместительству, заместителем наркома торговли СССР.

Элиава, Шалва Зурабович (*автобиография*), родился в 1885 г. в сел. Ганири кутаисск. у. В раннем детстве лишился отца. 8-ми лет был отдан в кутаисск. классическую гимназию и окончил ее в1903 г. По окончании гимназии поступил в петербургский университет на юридическ. факультет. В университете пробыл с 1903 по 1910 г. с перерывами и был исключен, не получив диплома.

В старших классах гимназии стал интересоваться общественными вопросами.

Кутаисская гимназия отличалась обилием всякого рода кружков, в том числе и марксистского. Непосредственное влияние на меня оказывали мой старший брат — тогда студент московского унив-та — и те революционеры, с которыми мне довелось познакомиться через посредство брата. К числу этих революционеров относились нынешний председатель Зак. ЦИК'а Миха Цхакая и ныне покойный Александр Цулукидзе, который уже тогда был серьезным теоретиком-марксистом. В университет поступил уже зараженный революционными идеями, правда еще не совсем оформившимися. Первый год пребывания в петербургском унив-те был богат всякими встречами и знакомствами с профессиональными революционерами—членами соц.-демокр. партии.

В 1903/4 учебном году, благодаря встречам с революционерами-марксистами, я втянулся в обслуживание интересов партии в виде хранения нелегальной литературы, квартирной явки и проч. В феврале 1904 г. принял участие в студенческой демонстрации. Летом 1904 г. вернулся на каникулы домой В Тифлисе и Кутаисе общественная жизнь в то время развивалась усиленным темпом; с нею рядом быстро росли и укреплялись нелегальные организации рабочих, об'единенные в соц. демокр. партию. События нарастали. Царская Россия терпела поражения в русско-японской войне. Революционные организации мобилизовали свои силы для решительной борьбы

Вернуться в университет осенью 1904 г. мне не удалось. Я втянулся в непосредственную революционную работу и всту-

пил в с.-д. партию. Мы уже хорошо были осведомлены о работах 2-го С'езда с.-д. партии, и я примкнул к большевистскому ее крылу. В Тифлисе я пробыл 1904 и 1905 гг. Январские события в Петербурге получили свой отклик в виде забастовки в Тифлисе, накануне которой вместе с другими товарищами был арестован и я. Однако, вскоре меня выпустили, и я поехал на работу в Кутаисскую губернию, где пробыл в качестве агитатора и пропагандиста партии по август месяц 1905 г. В августе я вернулся в Тифлис, также на работу, и принял активное участие в октябрьской забастовке 1905 г., состоя членом стачечного комитета от фракции большевиков. После поражения декабрьского восстания в Москве и ликвидации второй забастовки на Кавказе я был арестован. В конце февраля был освобожден, а в апреле 1906 г., в связи с провалом большевистской типографии, принадлежащей кавказскому союзному комитету росс. соц.-д. рабочей партии, я вновь был арестован. После освобождения из заключения осенью 1906 г. и вследствие невозможности продолжать работу в Закавказьи, направился в Петербург для работы и продолжения учения в университете.

В годы наступления реакции на рабочий класс студенчество еще продолжало борьбу против царизма и насаждающегося академического порядка. Я был активным участником всех студенческих партийных организаций, а также организации, об'единяющей все студенчество высших учебных заведений Петербурга. Я участвовал во всех забастовках, за что подвергся репрессиям в виде высылки из столицы. Последняя студенческая забастовка 1908 г. была ликвидирована, студенческие организации разгромлены. Мы ушли в глубокое подполье.

В 1909 г., в связи с 1 мая, я был арестован в Петербурге вместе с рядом других товарищей, работавших в петербургском комитете партии. В Петербурге в то время работала группа грузин-рабочих большевиков. Многие из них сейчас занимают ответственные посты в Грузии. Прокламации петерб. комитета к 1 мая 1909 г. в одной из типографий Петербурга печатал Ладо Думбадзе. Мне пришлось эти прокламации корректировать. Накануне 1-го мая организация провалилась, и я вместе с Ладо Думбадзе был арестован. Месяца через полтора я был выпущен на свободу и вновь арестован в июне 1909 г. В результате этих арестов меня выслали из столицы. Осенью 1909 г. я вернулся в Петербург для сдачи государственных экзаменов. Но в 1910 г. вновь был арестован в связи с студенческими волнениями, которые особенно обострились в эпоху хозяйничания министра просвещения Кассо.

В начале 1911 г. я был выслан на 3 года в Олонецкую губ. Два года ссылки я пробыл в Олонецкой губ., последний же год провел в Астраханской губ. По окончании ссылки, весной 1913 г., я вернулся в Петербург, а оттуда поехал на побывку в Тифлис. Через неделю после приезда в Тифлис подвергся нападению жандармерии, почему и был вынужден немедленно покинуть Тифлис и переехать в Кутаисскую губ. Пробыв в Кутаисе несколько месяцев, я вернулся обратно в Петербург, где принял участие в первом всеросс. с'езде по народному образованию, работу которого освещал на страницах выходившей тогда петерб. большевистской «Правды».

В начале 1914 г. был направлен партийной организацией для работы в больничную кассу при фабрике «Треугольник», секретарем которой пробыл до апреля 1915 г. За это время был сотрудником газ. «Правда».

В 1914 г., накануне об'явления империалистической войны, рабочее движение вышло из полосы тяжелой реакции и, бурно развиваясь, дошло до непрерывных стачек и баррикадных боев в июле 1914 г.

Большевистские организации и страховые в том числе, как и газ. „Правда", были разгромлены. Почти весь актив нашей партии по Петербургу был ликвидирован. Мне удалось на время избежать ареста, благодаря поездке на Кавказ Осенью 1914 г. я вновь вернулся в Петербург и продолжал работать в больничной кассе „Треугольник". Накануне годовщины ленского расстрела актив страховых работников-большевиков был почти без остатка ликвидирован. После 4-мес. пребывания в тюрьме я был приговорен к высылке в Енисейскую губ., но вследствие болезни моей Енисейская губ. была заменена Астраханской. Вскоре я переехал под надзор полиции в Вологду, в которой меня застала Февральская революция. До Февральской революции в Вологде я работал в кооперативном об'единении «Северо-Союз» в качестве секретаря, а впоследствии — заведующего экономич. отделом. В вологодской ссылке тогда численно преобладали народники и эсеры. Из большевиков социал-демокр. там жил покойный И. А. Саммер. В первые же дни Февральской революции я был избран председателем совета рабочих и солдатских депутатов.

ЮРЕНЕВ К. К. (1888–1938).

В 1933–37 полпред СССР в Японии, в 1937 – в Германии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

В первую полосу Февральской революции я находил необходимой оборону революционной России, предполагая достаточными пропаганду и обычное оппозиционное давление рабочих масс на правительства воюющих государств для ликвидации империалистической войны. Этой пацифистской идее я отдал соответствующую дань. Июльская изоляция пролетариата и погром рабочих кварталов, учиненный Временн. правительством под руководством социал-революционера Керенского, а затем августовский заговор Корнилова, участником которого был тот же Керенский, освободили меня от никчемных и вредных иллюзий.

Октябрь месяц положил конец системе Временного правительства и коалиции социалистов Второго Интернационала с буржуазией. Во время Октябрьского переворота я был делегатом 2-го С'езда советов. По возвращении со с'езда обратно в Вологду я был избран председат. вологодск. губ. исполнит. комитета советов. Был членом волог. губ. комит. партии и сотрудником вологодской партийной печати. Пробыл в Вологде до ноября 1918 г., когда на С'езде советов был избран членом ВЦИК'а и оставлен на работе в Москве в качестве члена коллегии Нар. комисс. торговли и промышленности, возглавляемого тогда покойным Леонидом Красиным. К тому времени советскую республику со всех сторон окружили интервенты, опирающиеся на белогвардейские организации.

В 1919 г. я был направлен ЦК РКП (б) в качестве председателя комиссии ЦК и ВЦИК'а для работы в Туркестан, но пробраться в Туркестан мне не удалось, так как ряд районов, ведущих в Туркестан, был занят войсками ген. Колчака. Проехать из Оренбурга в Ташкент комиссия не смогла. Вместе с другими я застрял в г. Оренбурге, был мобилизован партией для военной работы и назначен членом реввоенсовета 1-й армии, затем членом реввоенсовета южной группы войск восточного фронта, которым командовал покойный Фрунзе. Вместе со мной членом реввоенсовета южной группы был и Куйбышев, нынешний председатель ВСНХ Союза.

С тех пор по начало 1921 г. я провел на фронтах южной группы, затем на восточном фронте против Колчака и, наконец, на туркестанском фронте. Летом 20 г. я вернулся из Туркестана и был назначен полпредом в Анатолийскую Турцию. Одновременно я был назначен полпредом в северную Персию. Я успел побывать только в Персии, по возвращении из которой принял участие в работах С'езда народов Востока в Баку. В Турцию проехать не удалось вследствие тяжелой и продолжительной болезни тифом.

Все это время я состоял членом реввоенсовета IX армии. В 21 г., когда рабочие и крестьяне Грузии при помощи нашей российской Красной армии изгнали меньшевиков из Грузии, я принимал активное участие в этой борьбе.

С тех пор работаю в Грузии и в Закавказьи на разных советских должностях: наркомвоенмором Грузии, наркомвоенмором Закавказья после об'единения закавказских республик, одним из инициаторов какового (об'единения) я был, председателем Совета нар. комисс. Грузии с 23 г., уполномоченным Народн. комисс. путей сообщения по Закавказью, а сейчас на посту председателя Совета народных комиссаров ЗСФСР. С 1918 г. по настоящее время состоял и состою членом ЦИК'а СССР, ЗакЦИК'а и ЦИК'а Грузии, непрерывно состоял и состою членом руководящих партийных комитетов (Турккомиссия, ЦК Грузии, Закрайком).

Юренев, Константин Константинович *(автобиография)*, род. в 1888 г. в г. Двинске Витебской губ. Отец служил сторожем на ст. Двинск Петербурго-Варшавская. Образование я получил в двинском реальном училище. В 1904 г. впервые вошел в нелегальные кружки учащихся и посещал отдельные собрания местной социал-демократич. организации. С 1905 г. был активным членом двинской организации учащихся при местном комитете РСДРП. С середины лета 1905 г. вел активную пропагандистско-агитационную работу среди учащихся и с осени 1905 г.— среди рабочих. В октябрьско-ноябрьские дни был членом двинской организации РСДРП.

С начала 1906 г. начал активную работу в местной партийной организации. Весною этого года был членом коллектива организации. С осени вошел в двинский комитет РСДРП, был организатором железнодор. района и военно-рев. организ. при комитете. С самого начала партийной деятельности определился как большевик. В марте 1908 г. был в качестве делегата на северо-западной областной партийной конференции, был избран членом областного бюро.

В апреле 1908 г. был арестован; осенью отправлен на три года в Архангельск. губ. В 1911 г., отбыв ссылку в Пинежск. у., вернулся в Петербург, где связался с газ. „Звезда" (через К. С. Еремеева), а к началу 1912 г.—с группой активных работни-

ков РСДРП. Весной 1912 г. ушел на нелегальн. работу в Нарвский район, где разыскал значит. связи и вместе с группой старых партийцев рабочих создал районную организацию. Летом 1912 г. был арестован; просидел несколько мес. в доме предвариг. заключ. и был выслан из Петербурга без права жительства в 54 пунктах. В течение трех месяцев жил под Петербургом в Лигово и активно работал в „Правде". В самом начале 1913 г. был изгнан из Лигово и уехал в Бобруйск, откуда, не обращая внимания на свое поднадзорное положение, вернулся осенью в Петербург и вошел в нелегальную работу. Вместе с А. М. Новоселовым, А. Г. Егоровым и друг. организовал так назыв. петербургскую междурайонную комиссию, переименованную позже в петербургский междурайонный комитет (об этой полосе моей работы я подробно написал в „Пролет. Рев."). Работал активнов плоть до февраля 1915 г., когда был арестован и привлечен по ст. 102 к суду. В начале 1916 г. судился в военно-окружном суде по 102 статье и „за отсутствием улик" был оправдан. В виду того, что прокурор опротестовал приговор суда, я месяца два скрывался в Петербурге, а потом поехал на парт. работу в Симферополь. Там был арестован в тот же день по приезде; как „дезертир" отправлен в 36-й запасный пехотный батальон, откуда через недели полторы бежал. После месячного беста у крымских товарищей вернулся снова в Петербург и вошел в партийную работу. Жил нелегально. Так я проработал до Февральской революции 1917 г.

После революции был избран членом исполкома питерского совета рабочих и солдатских депутатов. Позже — членом ЦИК. С сентября месяца по поручению исполнительного комитета работал над организацией Красной гвардии. Был председателем главного штаба ее. В начале 1918 г. был назначен членом всеросс. коллегии по организации Красной армии и членом коллегии Наркомвоена.

Весною 1918 г. переехал вместе с Наркомвоеном в Москву. Был назначен председателем всеросс. бюро военных комиссаров. Весною 1919 г. был назначен членом революционного совета восточного фронта. Был членом симбирского горкома. Осенью того же года был послан от ЦИК'а и ЦК в качестве уполномоченного по руководству продовольственной кампанией в Костромской губ. По окончании этой работы был назначен членом революц. военного совета западного фронта; будучи в Смоленске, входил в горком. Как во время пребывания в Москве, Симбирске, так и в Смоленске вел партийную работу, участвуя на заседаниях руководящих инстанций и выступая с докладами.

В начале 1920 г. перешел на партийную работу. Был членом московского комитета РКП. Работал в замоскворецком и баумановском районах. Летом того же года был избран председателем курского губисполкома. Уехал в Курск, где пробыл в качестве председателя губисполкома и члена президиума губкома до начала мая 1921 г. В июне перешел на работу в Наркоминдел. Был послан полпредом в Бухару, где пробыл до конца 1921 г. В начале 1922 г. был назначен полпредом в Латвию; в начале 1923 г.— полпредом в Чехословакию, в начале 1924 г.— полпредом в Италию, 1925 г.—в Персию и в 1927 г.—полпредом в Австрию.

Работая по советской линии, разновременно писал в „Известиях ЦИК" и „Пролетарской Революции" (ряд статей по вопросам истории РСДРП). Написал также две брошюры: „Борьба за единство партии" и „Наши настроения".

ЯКОВЛЕВ Н. Н. (1886–1918).

Яковлев, Николай Николаевич, род. в 1886 г. Его сестра, В. Н., пишет: «Когда теперь оглядываешься назад, на наше общее с ним детство и юность, то немного не понимаешь, как это вышло, что мы оба стали революционерами. Ни семья, ни школа не давали никакого материала для этого. Мы происходили из мещан. Наша семья была обычной обывательской семьей с несколько патриархальным укладом жизни, делавшим атмосферу нашего детства довольно застойной. Мы могли выходить из дому только с разрешения родителей, не могли иметь товарищей из неизвестных родителям семей, к 6, позднее к 8 час. в. вся семья должна была быть дома и т.д. Еще весной и осенью 1905 г. я могла попадать в рабочие кружки, только вылезши через окно братниной комнаты. Школа-гимназия также не могла пробудить революц. стремлений: в те времена, в 90-х гг., она была еще более мертвенна. Вдобавок казенное преподавание не будило интереса и к самым занятиям. В гимназии брат учился плохо, а к тихим успехам прибавилось громкое поведение. Его гимназич. жизнь полна самых бурных историй и различных приключений и закончилась в 1902 г. исключением из IV кл. гимназии. После долгих колебаний и неоднократных семейных об'яснений брат дал слово готовиться к экзаменам зрелости на условиях полной изоляции от гимназических товарищей. Для него началась совершенно отшельническая жизнь, длившаяся три года и выковавшая в нем черты

ЯКОВЛЕВ Я. А. (1896–1938).

В 1929–34 нарком земледелия СССР, затем в аппарате ЦК партии. С 1930 член ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

упорства и настойчивости... Можно думать, что те революционн. влияния, которым он подвергался за последние 1½ года и которые исходили от меня, в то время уже работавшей в партии, и занимавшегося с ним студента-меньшевика, оказались в обстановке его отшельнической жизни определяющими».

Весной 1905 г. Я сдал экзамен на аттестат зрелости, а осенью поступил на естеств. отдел. московск. унив-та, но перестал заниматься, т. к. вскоре его втянули в партийную работу, именно сделали ответственным техником того же рогожского района, где была пропагандисткой его сестра, Варвара Ник. Скоро он был сделан секретарем районн. комитета и, после восстания, организатором подрайона. Выступает на митингах, пишет летучки и т. д. Становится пропагандистом в лефорт. районе; в 1907 г. на маевке он был арестован. По выходе из тюрьмы, через 3 месяца, он пытался соединить парт. работу с занятиями в университете, ему давалось это только кое как, затем он резко отошел от науки.

В 1908 г. его арестовывают по делу партийных работников пресненского района и после суда приговаривают к двум годам крепости. Во время заключения Я. решает посвятить себя всецело организаторской партийной работе и по выходе на свободу в 1910 г. становится профессионалом-партийцем-подпольщиком, для которого краткие недели или месяцы работы на воле перемежаются длинными периодами тюрьмы, ссылки, эмиграции. В конце этого же года Я. благодаря провокации А. С. Романова был арестован по делу «активной группы» по восстановлению московской организации и выслан сначала в Тулу, а затем за границу. В эмиграции прожил около года и, с целью практического ознакомления с немецким профессиональным движением, поступил рабочим на медно-литейный завод в Ганновере. В 1913 г. возвратился по амнистии в Россию и руководил изданием газеты «Наш путь». Газета была вскоре закрыта, а Я. в админ. порядке выслан на 4 года в Нарымский край. Бежал из ссылки, работал в Харькове, был арестован и снова сослан в Нарымский край; через некоторое время опять бежал, но был снова возвращен в ссылку. В 1916 г. был мобилизован в армию в г. Томске, где явился одним из организаторов военно-социалистического союза. После революции работал в президиуме совета солдатских депутатов г. Томска, а затем, перед Октябрьскими днями, был избран председателем западно-сибирского областного совета, а после того председателем ЦИК советов Сибири После восстания чехо-словаков и окончательного поражения Центро Сибири он с группой товарищей уходит тайгой, чтоб добраться до Иртыша. Пройдя около 1½ тысячи верст тайгой, близ Олекминска, вынужденные недостатком продуктов зайти в село, они скоро становятся предметом облавы карательного отряда и соблазненных золотом якутов. В перестрелке Я. был убит (в 1918 г.) (см. *„Пам. бор."*).

Яковлев, Яков Аркадьевич, род. в 1896 г., 21 июня, в гор. Гродно. Родители занимались учительской работой. Работать начал с 13 лет—с 3-го класса реального училища начал давать уроки (сначала 1, а к окончанию реального училища — 3 урока в день). Зарабатывал сначала 10, потом 15 и далее до 30 руб. в месяц. Учился по окончании реальн. училища в петроградском политехническом институте, на электро-механическом отдел. (в 1916 г. был на 4-м курсе). Института не окончил. Родители денежно не имели возможности помогать, поэтому жил уроками. Вступил в большевистскую организацию в 1913 г. Больше всего к этому вступлению подтолкнула тогдашняя „Правда". „Правдистом" стал еще до вступления в большевистскую организацию после попавшего номера „Правды" и „Луча".

В связи с распространением „правдистской" литературы, у родителей Я. был произведен в начале лета 1914 года обыск. Настоящей партийной работой начал заниматься, начиная с осени 1914 г., за Невской заставой, где вел кружковую работу техническую (в частности осенью 1914 года написал и печатал совместно с одним товарищем одну из первых большевистских листовок против войны для невского района). В студенческой большевистской партработе более активное участие стал принимать с 1916 г.

Я. в феврале 1917 г. был арестован в связи с демонстрацией 14 февраля, которую большевики тогда организовали у Казанского собора, вопреки меньшевистскому предложению устроить демонстрацию у Таврического дворца в поддержку Государственной Думе.

Первые дни Февр. революции провел в организации полковых комитетов и в организации рабочей милиции. Затем около месяца проработал в качестве агитатора петроградского совета, преимущественно в войсковых частях и по заводам. Затем был послан в Екатеринослав. В Екатеринославе был избран секретарем комитета, редактором газет, затем членом президиума городского

совета от большевистск. фракции; эту работу вел до взятия Екатеринослава немцами, т.-е. до весны 1918 г.

В 1917 г. участвовал на 6 с'езде партии, а затем на октябрьском с'езде советов, как делегат от Екатеринослава. После октябрьского с'езда весь ноябрь и декабрь шла подготовка к захвату власти, так как власть в Екатеринославе большевики взяли только в самом конце декабря, после 4-дневных боев с силами Центральной рады. После отступления от Екатеринослава в 1918 г. работал в качестве секретаря московского областного бюро металлистов. Одновременно принимал участие в партийной жизни украинской организации нашей партии. Здесь боролся против так наз. „левых" — Пятакова и др. При чем на первой конференции, несмотря на полную поддержку Ильича, оказываемую группе Квиринга, Шварца и Яковлева, она потерпела поражение. После первой конференции был послан в Киев для партийной работы на Украине.

На второй конференции сторонники ленинской линии получили большинство. В качестве члена бюро ЦК, избранного на этой конференции, Я. был направлен в Харьков для руководства подпольной работой на Украине. В Харькове работал одновременно как председатель харьковского революционного комитета, подготовлявшего захват власти. В конце 1918 г. ревкому удалось захватить власть еще до прихода наших войск в Харьков.

После того, как на 3-й конференции так наз. „левые" снова победили и вошли в большинстве в ЦК, Я. был направлен для партийной работы в Екатеринослав, где был председателем екатеринославского губкома. На этой работе проработал до взятия Екатеринослава Деникиным. После этого перешел на работу непосредственно в 14-ю армию в качестве начальника политотдела. Оттуда был направлен для партийной советской работы во Владимир, где был избран в члены бюро губкома, а затем председателем владимирского губисполкома. На этой работе пробыл до конца 1919 г., после чего был направлен в качестве члена бюро ЦК КП(б). У для работы в Киев. В Киеве проработал до украинской партийной конференции начала 1920 г. На этой конференции шла борьба, с одной стороны, с остатками бывших левых, с другой — с группой демократического централизма, т.-е. с Сапроновым, Дробнисом, Рафаилом и др. На этой конференции группа сторонников ЦК оказалась в меньшинстве, примерно на 3—4 голоса; ЦК РКП были представлены два списка кандидатов в ЦК от большинства и от меньшинства. После ряда переговоров с Ильичем ЦК утвердил список меньшинства.

1920 г. проработал в Харькове в качестве члена политбюро и оргбюро ЦК КПУ и председателя харьковского губкома. В конце 1920 г. был назначен ЦК в Москву для работы в Главполитпросвет в качестве его члена. На этой работе проработал 21-ый год. В 1922 г. был назначен заместителем заведующего агит. проп. ЦК; на этой работе пробыл 22-ой и часть 23-го года. После этого был назначен ЦК заведующим отделом печати ЦК; на этой работе проработал до половины 24 г. Одновременно состоял редактором „Крестьянской Газеты". После был назначен редактором газеты „Беднота".

Я. за последние пять лет написал книжки: „Анархизм в русской революции", „Деревня, как она есть", „Наша деревня", „Жизнь Ленина и ленинизм" (вместе с Поповым), „Об ошибках хлебофуражного баланса", „Практич. вопросы работы Советов", „Об историч. смысле „Октября", „Индустриализация и сельское хозяйство" и др. Последние три года работает над историей Октябрьской революции.

Все это время, начиная с 1921 г., работает преимущественно над деревенскими вопросами, в комиссии по работе в деревне Центр. комитета партии (начиная с 1922 г.), в ЦКК и РКИ (начиная с конца 1924 г.). Разрабатывал проекты решений XII и XIII с'ездов партии по вопросам работы в деревне и печати. В 1924—25 г. работал над некоторыми хозяйственными деревенскими вопросами, подготовляя по ним решения ЦК (по совхозам, по местному бюджету, по лесам и т. п.).

В течение 1924—25 г. несколько месяцев основной работой была работа комиссии по советскому строительству при ЦК и в совещании по советскому строительству при ЦИК, в которых разрабатывал мероприятия по оживлению Советов. Начиная с 1921 г. ведет партийную работу в ячейке электрической станции, к которой был прикреплен в 1921 г. по предложению Ленина. С середины 1926 г. состоит заместителем народного комиссара НК РКИ СССР и руководит работой в области улучшения, удешевления, упрощения советского аппарата и борьбы с бюрократизмом, одновременно оставаясь редактором „Крестьянской Газеты" и „Бедноты". *С. Кржижский.*

Яковлева, Варвара Николаевна *(автобиографил)*. Род. в 1884 г. Окончив гим-

ЯКОВЛЕВА В. Н. (1884–1941).

С 1929 нарком финансов РСФСР. Необоснованно репрессирована, реабилитирована посмертно.

ЯНЫШЕВ М. П. (1884–1920).

назию 16 лет, поступила на Высшие женские курсы в Москве (так назыв. курсы Герье) на физико-математический факультет; специальностью избрала себе астрономию. Несмотря на чрезвычайно строгие условия семейной жизни (подробнее см. биографию Н. Н. Яковлева), уже с первого курса начала втягиваться в общественную жизнь курсов, а также стала входить в различные кружки на курсах, занимавшиеся политическим самообразованием. Ожесточенные споры между различными революционными партиями, ведшиеся в то время и в студенческой среде, и рассудочный склад характера, не допускавший непроверенных головою увлечений, не позволили быстро примкнуть к той или иной организации. Потребовались годы чтения и самостоятельной работы над собою, пока мировоззрение окончательно не определилось как марксистское. Тогда, пройдя через соц.-дем. студенческий кружок, Я. в январе 1904 г. попросила дать ей какую-либо работу в организации. В то время московская организация еще не окончательно разделилась на меньшевистскую и большевистскую. Этот процесс только заканчивался. Этим об'ясняется, что в то время как ближайшими ее друзьями были меньшевики, связи с организацией шли через большевиков. Сама она еще не определилась. Работала она сперва по технике (разносила, хранила литературу, шифровала и проч.), в апреле 1904 г. стала уже пропагандисткой в рабочих кружках. К осени она была уже убежденной большевичкой, несмотря на то, что дружила и в это время больше с меньшевиками. До декабрьского восстания 1905 г. она продолжала работать в качестве пропагандистки, а после него перешла на работу в качестве подрайонного организатора, работая в различных районах Москвы и совмещая эту работу по-прежнему с пропагандой. Первый арест, закончившийся тюрьмой, произошел в апреле 1906 г., второй—в ноябре 1907 г. В промежутках между этими 2 арестами Я., проживая в Москве нелегально, сдала последние экзамены и окончила математический факультет и даже поступила учительницей в одну из городских школ Москвы. В 1908 г. Я. также жила в Москве нелегально и, благодаря счастливой случайности, поступила на естественный факультет московских высших женских курсов, где и слушала лекции в течение 2 лет, а в 1909 г. даже снова учительствовала в той же школе, но весной 1910 г. была из нее изгнана вследствие неблагонадежности. В декабре 1910 г. Я. снова была арестована в составе активной группы по восстановлению московской организации и получила 4 года Нарымского края. В феврале 1912 г. Я. бежала из ссылки за границу, откуда вернулась в Россию нелегально в октябре 1912 г. и работала в центральной промышленной области в качестве агента ЦК и члена областного бюро. Арестованная весной 1913 г., она снова была возвращена в Нарым, откуда бежала в декабре того же года, предполагая работать в Ленинграде, где она, однако, почти немедленно провалилась, даже не успев завязать связи. Последние 3 ареста произошли благодаря провокатору А. С. Романову. На этот раз вследствие болезни Я. направили не в Нарым, а в Астраханскую губ., где ей была устроена „ссылка в ссылке": чтобы затруднить побеги, она была направлена в г. Енотаевск, где в то время почти не было политических ссыльных. Война и последовавший разгром организаций партии в России, а также целый ряд других обстоятельств заставил ее отказаться от побегов и отбыть ссылку до конца. Вернувшись из ссылки весной 1916 г., осенью Я. вошла в состав моск. обл. бюро ЦК, возложившего на нее в феврале месяце обязанности секретаря. Однако, болезнь и операция (аппендицит) заставили ее почти немедленно выбыть из рядов и лишили возможности участвовать в Февральской революции, только в середине марта Я. вновь приступила к работе и опять в качестве секретаря обл. бюро. В октябре 1917 г. Я. состояла членом партийной пятерки; руководившей восстанием в Москве. Позднее несла различную советскую и партийную работу в Москве, Ленинграде и Сибири. В настоящее время работает в Наркомпросе.

Янышев, Михаил Петрович, ткач иваново-вознесенского района, с 1905 г принимал участие в рабочем движении, в 1906 г. переходит на нелегальное положение, уезжает за границу, делается, матросом, странствует из одной страны в другую и, наконец, поселяется в С.-Амер. Соед. Штатах. Работая здесь на металлических заводах, Я. сделался одним из главных организаторов социальн. движения в среде русских рабочих и участвовал в основании I. W. W. („Промышл. рабочие мира"), американ. лево-социалист. партии, из которой потом выделилось ядро коммунистич. партии в Америке. Когда разразилась русская революция, Я. вернулся в Россию, сделался об'ездным агентом областного бюро партии большевиков и в Октябрьские дни при-

нимал участие в боях. После победы партии Я. сделался членом исполнител. комитета москов. сов., участвовал в с'езде советов, был членом ВЦИК'а, председателем моск. рев. трибунала, членом коллегии МЧК. При наступлении Юденича на Петроград Я. командовал москов. отрядом коммунистов, затем был политич. комиссаром на деникин. фронте, организатором сов. власти в местностях, очищаемых от белогвардейцев, и был убит во время штыковой атаки на войска Врангеля в 1920 г. (см. *„Пам. бор."*).

Ярославский, Емельян, родился 19 февраля 1878 г. в Чите Забайкальской области. Родители: отец—крестьянин из ссыльнопоселенцев, в молодости скорняк, потом учитель, мать — дочь баргузинского рыбака, впоследствии поденщица. Получил низшее образование. На 14 году окончил городское трехклассное училище (6 отделений), 9-и лет поступил в переплетную мастерскую, проработал в ней три года. По окончании школы вынужден был поступить сначала мальчиком в аптекарский магазин, потом мальчиком-приказчиком в магазин купца Игнатьева. В это время Чита была мещанским по составу, чиновничьим административным центром Забайкалья, местом политической ссылки для землевольцев и для народовольцев и других политических партий, местом, где жило несколько десятков бывших каторжан Карийской и Нерчинской каторги, революционеров 60-х, 70-х и 80-х гг. Познакомился с ними еще в детстве, и нет никакого сомнения в том, что они оказали большое влияние уже в детстве. Мать обучалась грамоте в семье одного из декабристов — Смольянинова. Упорным трудом удалось преодолеть латинскую премудрость за 4 класса с помощью одного сверстника-гимназиста, выдержать экзамен за 4 класса гимназии и сделаться аптекарским учеником. В 1898 г. выдержал экзамен на аптекарского помощника, но очень недолго пробыл на этой работе и должен был уйти с нее вследствие ряда столкновений с администрацией. Будучи безработным, вынужден был испробовать все, начиная с переписки у адвоката и случайной чертежной работы на строившейся железной дороге, до поденной работы на ремонте этой дороги. В 1899 г. был принят на военную службу и прослужил до 1901 г. в царской армии в качестве рядового 18 Сибирского стрелкового полка. Но так как начальство очень скоро убедилось, что пребывание в казарме опасно для настроения солдат, то перевели на охрану здания музея.

С 1898 г. познакомился с марксистской литературой и стал социал-демократом. Боролся за марксистские взгляды с выдающимися народниками, жившими в то время в Забайкалье. С 1898 г. с осени начинается близкое знакомство с некоторыми рабочими строившейся тогда Забайкальской железной дороги и ремесленниками, с которыми организовали первый рабочий кружок Забайкалья. В то же самое время организовал кружок учащихся, из которых впоследствии вышло немало революционеров.

В 1901 г. был за границей, познакомился там, в Берлине и Париже, с различными группами и течениями нашей партии и представителями других революционных организаций. С транспортом подпольной литературы благополучно перебрался обратно и доставил этот транспорт частью в Иркутск, частью в Забайкалье. Пользовался советами и указаниями в своей работе некоторых б. народовольцев, разделявших учение Маркса: С. М. Мартыновского, Ц. С. Гуревич, А. И. Зунделевича. Первый рабочий кружок разрастается в 1903 г. в „Союз рабочих Забайкалья". В 1902 г. создается читинский комитет РСДРП, который выпускает ряд листовок к рабочим Забайкалья, с призывом праздновать первое мая, и к казакам, солдатам и офицерам. Во время печатания и распространения этих листовок был арестован, но через несколько дней освобожден, с одной стороны, благодаря голодовке, с другой — благодаря тому, что прямых улик у полиции не было. Отдают под надзор полиции, но разрешили выехать в Петербург.

С 1903 г., с осени, работал в Петербурге, под именем Владимира Семеновича Лапина, в качестве члена петербургского комитета, пропагандиста и организатора, главным образом за Невской заставой. Во время подготовки к первому маю был арестован и посажен в одиночную камеру „Крестов", где просидел с 4 апреля 1904 г. по 13 декабря того же года. Был освобожден под залог и тотчас же принял самое горячее участие в работе, которая значительно расширилась к этому времени, особенно в известные январские дни пятого года. Выступая на гапоновских собраниях как большевик, призывал рабочих не верить поповским и царским обещаниям, а готовиться свергнуть царскую власть с оружием в руках. Это было в то время очень трудно, потому что рабочие еще верили и попам и царю. После 9 января (был вместе с рабочими на улицах и вместе с ними переживал расстрел их

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. М. (1878–1943).

С 1934 член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б). В 40-е годы член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии.

около Зимнего дворца), преследуемый сыщиками, должен был уехать из Петербурга и, об'ехав ряд городов: Тверь, Н.-Новгород, Киев, Одессу, в некоторых из них выступал с докладами (в Твери и в Одессе).

Остался работать в Одессе. Там, однако, недолго пришлось работать и, кажется 19 февраля 1905 г., был арестован на собрании в квартире железнодорожника Райха и просидел в тюрьме до потемкинского восстания. Когда выяснил, что у жандармов нет никаких улик, об'явил голодовку, требуя освобождения. После десятидневной мучительной голодовки был освобожден из тюрьмы под надзор полиции и почти на другой же день скрылся, продолжая работать в Одессе, в особенности в потемкинские дни. В Одессе работал в качестве нелегального, под именем Степана Красильникова. Переехал затем в Тулу. В Туле работал недолго и затем по поручению Центрального комитета вместе с другими товарищами отправился агитатором на Волгу. В качестве такового несколько раз осенью 1905 г. бывал в Костроме, в Нижнем-Новгороде и в Ярославле.

18 или 19 октября приехал в Ярославль. Октябрь и ноябрь и часть декабря работал, главным образом, в Ярославле, только выезжал в Нижний-Новгород и в Москву. В это время в Ярославле была проведена огромная работа по организации профессиональных союзов. Организация наша руководила большой стачкой на большой ярославской мануфактуре бывш. братьев Корзинкиных, теперь „Красный Перекоп". Эта стачка имела огромное воспитательное значение не только для бывших корзинкинских рабочих и работниц, но для всего рабочего класса и в том числе для массы крестьян, с которыми эти рабочие были связаны. В декабре стачка была подавлена, рабочие—кто расстрелян, кто уволен, кто арестован, а кто подчинился. Уехал по поручению ярославской организации на с'езд партии, но с'езд не состоялся, а состоялась в городе Таммерфорсе в Финляндии конференция большевиков с участием Ленина и Сталина. Эта конференция происходила уже накануне декабрьского восстания, и мы торопились ее закончить, потому что до нас дошло известие о начинающемся восстании. Уехал в Москву, но приехал к концу восстания.

По поручению московского комитета, членом которого сделался через несколько дней после декабрьского восстания, стал строить военную организацию, и для успешности работы стали издавать журнал „Жизнь Солдата". На этой работе проработал до весны. Весной на первой военной конференции был арестован и посажен в Сущевский полицейский дом. Из этого Сущевского полицейского дома несколько человек (из них были ожидавшие смертной казни) бежало путем пролома каменной стены здания через прилегающий к полицейскому дому двор. С мандатом от ярославской организации на IV об'единительный с'езд поехал в Стокгольм, где этот с'езд состоялся в апреле—мае 1906 г.

После IV с'езда направлен был ЦК работать на юг России. Сделавши доклады на с'езде в Николаеве, Екатеринославе, Одессе, остался работать в Екатеринославе и проработал там до осени 1906 г., ведя, главным образом, агитационную и пропагандистскую работу как среди рабочих многочисленных крупных металлургических заводов Екатеринослава, так и среди солдат местного гарнизона, гл. обр. Ингульского полка, организуя боевые дружины. Из Екатеринослава уехал сначала в Крым, но не надолго, побывал в Сибири, а затем вернулся в Москву и из Москвы временами уезжал в Питер. В Петербурге и в Москве продолжал работать в войсках.

Через некоторое время после ареста редактора большевистской военной газеты „Казарма" сделался ее редактором. В то же самое время подготовляли первую конференцию военных и боевых организаций. Военным и боевым делом в то время занят был больше, чем каким бы то ни было другим. Опыт неудавшегося московского декабрьского восстания заставил партию внимательно остановиться на наших недостатках в этой работе. В конце 1906 г. участвовал в Таммерфорсе на первой военной боевой конференции, принявшей ряд очень важных серьезных решений. Участвовал в работе „Временного бюро военных и боевых организаций" по усилению военной и боевой работы партии. В мае мес. 1907 г. участвовал в пятом Лондонском с'езде партии в качестве делегата от военных организаций Петербурга и Кронштадта. При возвращении из Лондона был арестован около финляндского вокзала в Питере на улице, выданный провокатором, работавшим в финляндской военной организации, неким Цирюльниковым, был заключен снова в петербургскую одиночную тюрьму «Кресты», просидел там полтора года, дожидаясь суда. За это время судился по делу типографии и газеты „Рабочий" выборгского района и был оправдан. Осенью 1908 года состоялся военный

окружной суд над членами военно-боевой организации. Всего привлекалось более 20 чел. Многие из них были приговорены к каторге. Получил 7 лет каторжных работ, которые после кассации приговора защитником были заменены пятью годами каторги. Продержали в петербургской пересыльной каторжной тюрьме на каторжном отделении почти два года. В 1910 г. отправился в московскую Бутырскую тюрьму, где режим был особенно тяжелым, настоящим каторжным. В 1912 г. отправили в Нерчинскую каторгу, в Горный Зерентуй, где и пробыл до конца срока. В московской Бутырской тюрьме работал в стульной мебельной мастерской в качестве так называемого «старшего рабочего», в Горном Зерентуе—в художественной мебельной мастерской. По окончании каторги отправлен на поселение в Якутск. В якутской ссылке пробыл до лета 1917 г. Весть о Февральско-мартовской революции застала ссыльным в Якутске, но ссыльные не могли оттуда выехать вследствие дальности расстояния и начавшейся в то время распутицы и должны были ждать вскрытия рек.

В ссылке организовал два подпольных кружка, главным образом из местной учащейся молодежи. В эти кружки входила лучшая якутская молодежь: Амосов, М. А. Попов, П. Слепцов, С. Васильев, И. Барахов и другие, которые сейчас ведут огромную работу как коммунисты, как организаторы советской власти и коммунистической партии в Якутии.

С первым пароходом бывшие ссыльные двинулись по Лене, добрались до железной дороги и только к июльским дням Я. добрался до Москвы, где сразу же принялся за работу в военной организации, одновременно выступая на рабочих собраниях и принимая участие в «маленькой» тогда большевистской газете, которая называлась «Социал-Демократ». Осенью организовал газету «Деревенская Правда». Это была первая газета большевиков для деревни.

В Октябрьские дни принимал участие в восстании в Москве, сначала в Кремле, потом в московском совете, а к концу в хамовнических казармах 193 полка. Принимал участие в создании Красной гвардии. А в 1918 г. вместе с Н. И. Мураловым, будучи сначала его помощником, а потом, когда Муралова отправили на восточный фронт, военным комиссаром московского военного округа, принимал посильное участие в деле создания Красной армии.

В 1918 г. принадлежал к группе левых коммунистов до V С'езда советов.

Во время выборов в Учредительное собрание был выдвинут московским комитетом партии кандидатом по Москве и был выбран в Учредительное собрание.

В 1920 г. работал на Урале в Перми, а оттуда уехал в Сибирь. Работал в Омске в сибирском областном бюро и в омском комитете партии. В 1921 г. был выбран членом Центрального комитета нашей партии и секретарем ЦК. Осенью вновь был направлен ЦК в Сибирь, где проработал до конца 1922 г. в качестве члена сибирского областного комитета нашей партии. В 1922 г. по поручению ЦК во главе комиссии Совнаркома об'ехал загран. наши представительства для обследования их состояния. С 1923 г. работает в реорганизованной по плану В. И. Ленина ЦКК в качестве ее секретаря, главным образом, по партколлегии. Член ЦИК СССР, член коллегии НК РКИ СССР. Председатель союза безбожников СССР, староста Всесоюзн. общества б. политкаторжан и ссыльных, член ред. коллегии журн. «Большевик», член дирекции Института Ленина. *А. Лихачев.*

Яроцкий, Василий Яковлевич (*автобиография*), родился в гор. Черкассах Киевской губ. 14 марта 1887 г. Отец его был в то время преподавателем истории черкасской прогимназии. С переводом отца в г. Житомир двухлетним ребенком переехал туда. Детство прошло в обстановке чрезвычайно интенсивной интеллектуальной работы. Отец не только преподавал в гимназии, но и являлся одним из лучших археологов на Волыни, поддерживающим связь с рядом наиболее передовых людей того времени (как местных, так и иногородних). Это создавало в семье атмосферу, содействовавшую пробуждению интереса к науке. Уже на гимназической скамье (2-ая житомирская гимназия — с 1898 по 1905 г.) является организатором кружков по изучению дарвинизма и издает гектографированный журнал (1903 г.). В течение 1903—1904 г. состоит наблюдателем метеорологической станции. Нарастающее революционное движение вводит его в подпольные кружки. К 1905 г. принимает активное участие в движении среди учащихся и начинает работу среди рабочих. Октябрь 1905 г. заставляет бросить житомирскую гимназию, не кончив ее. С октября 1905 г. уезжает в Кременец, куда переехала и семья вслед за назначением отца директором коммерч. училища. Здесь создает (1905—1906 г.) первую организацию партии социал-революц., подготовляет выборы в 1 Государств. Думу, дающую, несмотря на влия-

ЯРОЦКИЙ В. Я. (1887–1938).

С 1930 профессор Среднеазиатского государственного и Коммунистического университетов в Ташкенте. В 1933–36 ректор Среднеазиатского государственного университета. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

АДАМОВИЧ И. А. (1896–1937).

С 1936 возглавлял Камчатское акционерное товарищество. Покончил жизнь самоубийством в обстановке массовых репрессий.

ние Почаевской лавры с Гермогеном и Иллиодором во главе, большинство депутатов - трудовиков (от крестьян). К середине мая 1906 г. внимание жандармов и полиции заставляет уехать в Полтаву, где сразу же он становится членом губериской организации, ведет работу среди рабочих (стачка на чугунно-литейном заводе, организация железнодорожников, попытка создать первый профессиональный союз среди этих последних, ведение кружков среди сапожников, приказчиков и др. групп рабочих), участвует в организации восстания артиллеристов. На ряду с этим проводит работу среди учащихся. В ноябре 1906 г. после двух арестов, закончившихся освобождением, арестовывается полицией в момент, когда он выполняет поручение полтавской организации по закупке оружия. После ареста привлекается к ответственности за участие в убийстве ген.-майора Полковникова. Предается военно-окружному суду. Первый суд состоялся в мае 1907 г. в Полтаве; закончился перерывом и перенесением суда в Киев, где на втором суде оправдан, на третьем приговорен к году крепости и после кассации бежал за границу. После полуторагодичного пребывания в Париже, где работал в кружках и в Сорбонне, переехал в мае 1909 г. по предложению ЦК ПСР в Лондон заместителем Ф. В. Волховского по изданию ежемесячн. органа „За Народ". Работал здесь до средины 1911 г. Начал литературную работу в „Саратовском Вестнике" в 1908 г. статьями за подписью «Г. Бычков». С 1910 г. начал систематически работать в Британском музее, посещая высшую школу экономических наук в Лондоне. С декабря 1910 г. стал писать в легальной печати России (первая статья в «Вестнике Европы», декабрь 1910 г.). С этого времени сотрудничал под псевд. „А. Чекин" в „Вестнике Европы", „Русск. Богатстве", „Вестн. Кооперации", „Обществ. Враче" и др. органах. В 1917 г. написал диссертацию «История англо-русских торговых сношений» (первые главы опубликованы в журнале „Russia") и читал лекции по экономике России (публичный курс в Какстон Голле). За три дня до Октябрьской революции вернулся в Россию и сразу же вышел из ПСР, сблизившись с группой «Русск. Богатства», где и продолжал сотрудничать вплоть до сентября 1918 г., принимая одновременно участие в «Народном Слове». Отрицательное и враждебное отношение к Октябрьской революции нашло свое об'яснение в ряде статей того времени. Германский переворот в 1919 г. явился переломным для взглядов на пути и характер общественного развития Европы и европейского рабочего класса. С этого времени вновь принимает участие в профессиональном движении в качестве активного работника (с декабря 1919 г.— в качестве сотрудника органа ВЦСПС „Профессион. Движение"), войдя в РКП с июля 1920 г. С этого периода преподает в высших учебных заведениях (Коммунист. университет им. Я. М. Свердлова, I МГУ и т. д.), редактирует ряд органов, издаваемых ВЦСПС и др., принимает участие в организации Междунар. совета професс. союзов (в качестве заведующего секретариатом и редактора) и занимает ряд выборных должностей в профессион. движении. Кроме газети. и журн. статей, им написано несколько книг, монографий и брошюр. Принимал участие в качестве одного из секретарей со стороны советской делегации в англо-советских переговорах 1924 г., был участником делегации профессион. союзов СССР на конгрессах английских тред-юнионов в Гулле и Скарборо и на заседаниях Англо-русского совещательного комитета.

Дополнительные биографии *).

Адамович, Иосиф Александрович (*автобиография*), род. в 1896 г. в г. Борисове (Белоруссия). Отец его в молодости работал литейщиком на литейном заводе, затем посудным мастером на посудных фабриках. Семья тоже работала частью на посудной, частью на спичечной фабрике в Борисове. Уже с 10 лет А. идет на фабрику, где работал его отец. Там он рано испытал всю тяжесть эксплоатации детского труда. А. в детстве летом работал, а зимою учился и таким порядком окончил 2-классную школу. По национальности А. — белорусс.

В начале империалистической войны А. был мобилизован и направлен на передовые позиции. Там он быстро втягивается в революционные кружки, которые подпольно работали среди солдат принимает в работе кружков активное участие и в 1916 г. состоит членом РСДРП интернационалистов.

В конце 1916 г. А. был ранен и отправлен на лечение в Харьков, где его и застала Февральская революция. Команда, в которой был А., была настроена революционно, она одна из первых свергнула свое старое начальство и избрала новое. Среди этих солдат А. ведет

*) Полученные уже после отпечатания биографий на соответствующие буквы алфавита.

активную работу и в скором времени выбирается в полковой комитет и харьковский городской совет. Едва выздоровевшего А. посылают на румынский фронт как „неблагонадежного" революционера, подстрекающего солдат, где он также выбирается в солдатский комитет и в разные солдатские организации.

После пресловутого июльского наступления А. возвращается на родину, в Борисов, где поступает в 121 пехотный полк. В этом полку он знакомится и быстро сближается с Мясниковым (трагически погибшим в Закавказьи) и с другими революционерами, выбирается в городской совет и работает там уже вместе с большевистской партией. Состоит членом партии большевиков с января 1918 г.

В связи с наступлением немцев А., вооружив группу рабочих, одновременно с ней на подводах отступает из Борисова и после многих мытарств попадает в Смоленск. С этой группой вливается в Красную армию. Тут он с самого начала принимает активное участие в штабе войск Красной гвардии и организует разные отряды Красной гвардии.

Летом 1918 г. областной революционный комитет в Смоленске выдвигает его на должность помощн. начальника гарнизона и коменданта города, а через короткое время—на должность начальника гарнизона и губернск. военного комиссара. В этой работе у него были перерывы, гл. обр. в связи с тем, что ему приходилось выезжать для подавления разных контр-революционных восстаний, которых, как известно, в то время было много.

Важнейшими из восстаний в Западной области, ликвидированных под непосредственным руководством А., в то время были: кулацкое восстание, руководимое Жигаловым (савинковская организация), восстание в демидовском у., врянское восстание (в конце 1919 г.), восстание в Гомельской губ. (так наз. стракопытовское восстание — по имени руководителя восстания) и мн. др.

После освобождения Минска от белополяков А. входит в „тройку" (Кнорин, Адамович, Червяков), которая организует в освобожденной Белоруссии советскую власть. После отступления красных войск от Варшавы А. назначается командующим участком минского района. Когда был подписан прелиминарный Рижский договор, А. назначается н. к. военных дел и н. к. внутренних дел Белоруссии.

Одновременно он в качестве председателя чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом и члена реввоенсовета минского района ведет энергичную борьбу с бандитскими отрядами, которые в большом количестве перебрасывала на территорию Белоруссии Польша.

С 1924 г. по май 1927 г. состоял председателем Совета народных комиссаров БССР и с 1920 г. по сей день членом ЦК КПБ (б). В 1927 г. назначен членом президиума ВСНХ СССР и председателем Сахаротреста СССР.

А. был одно время, будучи предсовнаркомом БССР, членом РВС СССР. Член ЦИК СССР с 1924 г. *П. Угаров.*

Ауссем, Владимир Христианович *(автобиография)*, род. в 1879 в г. Орле в семье учителя. Воспитывался там-же в кадетском корпусе, по окончании которого не продолжал военной службы, так как под влиянием старшего брата уже познакомился с социалистическим учением и состоял в гимназическом марксистском кружке. Поступил в 1899 г. в харьковский технологический институт. Здесь вошел в студенческую с.-д. группу, работал в рабочих кружках, участвовал в первомайской демонстрации 1900 г. (первой в России), студенческом движении и в марте 1901 г. был арестован и выслан под надзор полиции на родину. К этому времени уже состоял членом РСДРП, комитет которой под руководством Мартова, жившего в то время под надзором в Полтаве, создан был в Харькове в 1900 г. Высылка была заменена разрешением выезда за границу, где пробыл до начала 1904 г., окончив политехникум в Брауншвейге. По возвращении жил в Подольской губернии, где организовал с.-д. ячейки на сахарных заводах, руководил стачечным движением, а также аграрным крестьянским, тоже носившим в Подольской губ. стачечный характер. Был кандидатом при выборах во II Думу от рабочей курии.

С 1906 г., благополучно избежав ареста, уехавши за несколько часов до приезда жандармов, жил в Черниговской губерн. на сахарном заводе без прописки, платя взятки местной полиции. В течение этого времени, в связи с тяжелым состоянием здоровья (туберкулез), активной работы в партии почти не вел, поддерживая связи с киевской и конотопской организациями.

Во время войны был мобилизован как ополченец; после Февральской революции попал в Киев, где состоял членом совета солдатских депутатов, работал в ополченских дружинах.

После июльских дней был „за большевицкую агитацию", как было сказано

АУССЕМ В. Х. (1879–1937).

В 1927 исключен из партии. Репрессирован.

АУССЕМ О. Х. (1875–1929).

С 1928 Генеральный консул СССР в Милане (Италия).

ВОЙКОВ П. Л. (1888–1927).

в безграмотном рапорте фельдфебеля, переведен в Полтаву, где оставался до декабря в качестве тов. предс. совдепа, затем, после Октября — ревкома. В декабре, будучи делегирован на 1-й Всеукраинский с'езд большевиков, избран в Г.К.(б)У,ЦИКУ и народн. секретарем финансов.

В феврале 1918 г., в момент наступления немцев на Украину вышел вместе с Пятаковым, Бош, Багинским и Чудновским из состава правительства и пошел на фронт, где командовал отрядами Красной гвардии вплоть до очищения Украины сов. войсками. Летом и осенью 1918 г. в качестве члена ц. воревкома Украины находился в нейтральной зоне, откуда руководил повстанческим движением на Украине и формировал обе повстанческие дивизии.

После германской революции ноября 1918 г. командовал группой войск харьковского направления, впоследствии II укр. армией, очистившей восточн. часть Украины от петлюровцев, деникинцев и десанта Антанты в Одессе и Севастополе. С июля 1919 г. член реввоенсовета 8 армии, бои против Мамонтова и Шкуро. В 1920 г. работал по ВСНХ в химич. промышленности. С 1921 по 1925 г.—за границей в качестве полпреда УССР в Берлине, где подписал договор о взаимном признании с Германией, договор с Грецией от имени СССР, затем полпредом СССР в Вене. В 1925—26 гг. председателем ВСНХ УССР.

Ауссем, Отто Христианович (парт. кличка Мартын — Громов) (*автобиография*), род. в 1875 г. в г. Москве в семье учителя. Учился в гимназии в г. Орле, где состоял в гимназическом народническом, а позднее марксистском кружках. В 1893 г. поступил в московский универс., откуда вскоре был исключен и выслан на родину за студенческие беспорядки, связанные с похоронами Александра III. Через год принят в киевский университет, но вскоре исключен и выслан под надзор в Белую Церковь после студенческой сходки, на которой председательствовал.

В Киеве принимал активное участие в соц.-дем. кружках, руководил рабочими кружками. В 1898 г. вновь принят в юрьевский университет. В 1899 г. арестован по делу с.-д. организации, выпущен на поруки. В 1900 г. сослан в г. Яренск (Вологод. губ.) на 3 года. Через год переведен в Вологду, бывшую тогда крупной ссыльной колонией (Богданов, Луначарский и др.), где работал в земской статистике. По окончании срока ссылки работал на юге, в частности в Юзовке, откуда бежал за границу после убийства провокатора. В 1905 г. в Полтаве—редактором газеты «Колокол». 1906 г. работал по доставке литературы через границу в разных пунктах (Краков, Торн, Тильзит). Участвовал в с'езде военных организаций в Териоках. После Стокгольмского с'езда — в качестве агента ЦК в Варшаве. В 1907 г. арестован по делу военной организации С.-Д. П. и Л. вместе с Дзержинским, Мархлевским и др., приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал в Ярославле. По окончании срока сослан в Иркутскую губ. на Лену, оттуда бежал в Забайкальскую область на угольные рудники. После Февральской революции предс. совдепа в Чите, дальше — чл. ревкома Сахалинской области.

После восстания чехо-словаков и переворота Колчака уход в тайгу, формирование партизан. борьба с японским десантом в г. Николаевске-на-Амуре, отступление при возвращении японцев весною на Благовещенск, работа там, а позднее в Чите в советских и парторганизациях (председатель партконференции Дальн.-Вост. республ. весной 1921 г.).

Обострение легочного процесса, порока сердца, поездки в Крым на лечение. Работал там в качестве секретаря ялтинского окружкома и завед. комхозом. С января 1922 г.—представителем Наркомпроса УССР, сперва в Берлине, а потом в Праге. С осени 1924 г.—генеральный консул СССР в Париже.

Труды: «Обследование крестьянского сельск.-хозяйства и кустарных промыслов Вологодской губ. 1903 г.», изд. Вологод. земской управы; «История социализма». Берл., 1922 г., изд. Космос; статьи в журн. «Заря» 1899 г. и др.

Войков, Петр Лазаревич, род. в 1888 г. в гор. Керчи. Еще в ученические годы он стал увлекаться политикой, входя в социал-демократические кружки, получая отдельные партийные задания. За подпольную работу его исключают из 6 класса керченской гимназии.

В 1903 г. вступил в Крыму в об'единенную РСДРП. Уже в первые годы вступления в партию В. прошел все стадии партийной работы, от печатания нелегальной литературы до члена комитета партии. В 1905 г. участвует в с'езде южных организаций в Мелитополе. Провалившись в Ялте, вынужден перейти на нелегальное положение. В это время царская полиция разыскивает В. как одного из участников покушения на Думбадзе. Предание дела военному суду с неминуемым смертным приговором заставляет В. бежать в конце 1907 г.

за границу, в Швейцарию. Не имея возможности пробраться обратно в Россию, он остается в Швейцарии вплоть до Февральской революции. За границей много работает в области точных наук. Здесь он получил физико-математическое образование: физика, анатомия, естественные науки, математика. В области научных исканий работает в эмиграции с большим увлечением.

В мае 1917 г. В. в „пломбированном вагоне" вместе с другими товарищами уезжает через Германию в Россию. В октябре 1917 г. работает секретарем областного бюро профсоюзов. Затем городская дума в Екатеринбурге, в которой большинство принадлежало большевикам, выбирает В. на пост председателя думы.

После Октября В. работает председателем заводского совещания заводов Урала, а затем избирается с'ездом советов областным комиссаром продовольствия Урала и занимает эту должность до колчаковского нашествия.

В 1919 г. назначается представителем Совета народных комиссаров в правление Центросоюза, занимая после с'езда Центросоюза должность заместителя председателя правления Центросоюза. В Центросоюзе проделал большую работу по организации и укреплению кооперативного центра.

С 1920 г.—член коллегии Наркомвнешторга. В 1921 г. назначается председателем советской делегации в смешанной советско-польской комиссии по реализации Рижского договора. Одновременно состоит членом правления треста „Северолес". Затем является председателем делегации по заключению торгового договора с Польшей. В октябре 1924 г. В. уезжает в Польшу в качестве полпреда СССР. Убит в Польше монархистом 7/VI—27. (*„Пр." 27 г.*).

Дадабаев, Бутабай *(автобиография)*. Уроженец заштатного города Чуста Ферганской обл., Узбекской ССР. Из городской рабочей семьи, член ВКП (б) с июня 1918 г. Отец умер в 1901 г., т. е. когда мне было 12 лет. Мать-работница оставалась вдовой от мужа с 3-мя малолетними детьми (старший сын—я). При жизни отца в 1900 г. учился в чустской русско-туземной школе всего 9 месяцев. Никаких учебных заведений не окончил.

После смерти отца в виду обремененности нашей семьи учебу продолжать не мог, жить было не на что. Пошел работать на заводы. Летом работал на кожевенном заводе, а зимою — на хлопкоочистит. заводах. Так. обр., на заводах г. Чуста работал до мая 1904 г., а затем уехал в г. Наманган, что в 36 верстах от г. Чуста, где поступил на службу в магазин купца Альперовича в качестве мальчика; там работал до декабря 1904 г., затем уехал обратно домой.

Тяжесть зимы и бедствия семьи вынудили покинуть родной город, и я уехал в Ташкент в поисках заработка; в этих поисках скитался целых сорок дней (январь и февраль 1905 г.). Наконец, поступил в амбулаторию городского врача в качестве сторожа и рассыльного. Так. обр., работал в Ташкенте до осени 1907 г., а Ташкент оставил осенью 1907 г., когда получил известие, что моя мать умерла, оставив на произвол судьбы, кроме меня, еще двух сыновей (моих братьев), сестру и слепую бабушку. Приехал в Чуст, застал нашу семью совсем осиротевшей. Вот откуда и начинается наша борьба за жизнь. До Февральской революции 1917 г. работал то поденно, то сдельно, то по вольному найму по конторской службе, по письмоводству. В 1905 г. в Ташкенте участвовал в демонстрациях. Письмоводству и русскому языку научился в Ташкенте, вращаясь в европейской среде и работая в амбулатории врача.

После Февральской революции был старшим милиционером до сентября 1917 г. Затем был избран членом ферганской обл. земельной управы, где работал до апреля 1918 г. Во время коканлских событий в феврале 1918 г. из г. Фергана поехал в Коканд во главе мирной делегации от совета (т. к. я состоял членом ферг. обл. совета с июня 1917 г.); был тов. председателя мирной конференции. С мая по июль 1918 г. состоял товар. председателя скобелевского (ныне ферганского) совдепа и исполкома и ведал во время контрибуции администр. отделом; затем был организатором мусульманской (узбекской) газеты и редактировал ее („Известия Фероблсовдепа") до февраля 1919 г. С февраля по август 1919 г. был членом ферганского окружного суда; с 1 сентября 1919 г. по апрель 1920 г. состоял председ. ферганского уездного городского ревкома и исполкома. С мая по август 1920 г. состоял председ. андижанского уездн. город. ревкома. С октября 1920 г. по январь 1921 г. состоял зам. председ. ферганского обл. ревкома, ведал отделом управления и состоял членом коллегии ферг. обл. ЧК. С февраля по сентябрь 1921 г. состоял председ. наманганского у. г. исполкома и членом исполбюро угоркома КПТ. В середине

ДАДАБАЕВ Б. (1889–1938).

С 1929 член президиума Среднеазиатского экономсовета и на другой руководящей работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЗАТОНСКИЙ В. П. (1888–1938).

С 1933 нарком просвещения Украинской ССР. С 1934 кандидат в члены ЦК партии. В 20–30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

сентября 1921 г. постановлением с'езда был избран зам. предфероблисполкома и зав. отд. управления, на каковой должности состоял до апреля 1922 г. С апреля 1922 г. по апрель 1923 г. состоял председателем ферганского обл. револ. комитета, председателем обл. совещания по борьбе с басмачеством (бандитизмом), членом исполбюро фероблкома КПТ и в мае-июне 1922 г. совмещал начальника обл. отдела ГПУ. За время своей работы в Фербласти активно участвовал в борьбе с басмачеством, командованием войск Фербласти. В 1922 г. награжден винтовкой и в 1923 г. ВЦИК'ом награжден орденом Красного Знамени. Постановлением ЦИК Турк. республики назначен наркомом юстиции и прокурором Туркреспублики, в каковой должности состоял с мая 1923 г. по январь 1924 г. Состоял членом турк. ЦИК два созыва 1922—1924 г. и кандидатом в члены ЦИК СССР и ВЦИК с 1923 по 1924 г.; с февраля 1924 г. по декабрь 1924 г.—зам. наркома земледелия Туркреспублики. В 1923 г. (август-сентябрь) временно исполнял обязанности председ. туркест. ЦИК'а. В 1924 г. был особоуполномоченным ЦИК и СНК Туркреспублики по восстановлению хозяйства Фербласти. После размежевания Средней Азии, с 1 декабря 1924 г. поныне состою членом таджикского оргбюро КП (б) Уз., зам. пред. ревкома Таджикской АССР, с марта 1925 г.—членом ЦИК Уз. ССР и с мая 1925 г. членом ЦИК СССР. В марте 1925 г. первым учред. с'ездом КП (б) Уз. был избран кандидатом в члены ЦК КП (б) Уз. до второго с'езда партии; с августа 1926 г. состою членом президиума средне-азиатского экономсовета.

Затонский, Владимир Петрович (*автобиография*), род. 9 августа 1888 г. в с. Лысец ушицкого уезда Подольской губернии (теперь Каменецкого округа). Отец был волостным писарем и одним из пионеров кооперативного движения в Каменце. В 1897 г., после окончания народного училища, поступил в каменец-подольскую гимназию. Прошел ее, начиная с приготовительного класса, без труда, и все время был в числе первых учеников. Во время пребывания в старших классах был захвачен волной революционного движения 1905 г. Осенью 1905 г. (тогда был уже в 8 классе) вступил в образовавшуюся в это время ученическую с.-д. организацию, по поручению которой вел партийную и профессиональную работу среди портняжных подмастерьев, а также ведал пограничным делом (переправлял за границу бежавших из России революционеров).

В 1906 г., после окончания гимназии, поступил в киевский университет. В Киеве состоял членом студенческой с.-д. организации и принимал участие во всех студенческих движениях того времени, за что два раза увольнялся из университета, один раз высылался на год из Киева и несколько раз сидел под арестом. Еще с гимназической скамьи серьезно занимался физикой и химией. Ко времени окончания университета в 1912 г. был фактически на положении лаборанта-химика, а к январю 1913 г. приглашен преподавателем физики в киевском политехническом институте. В 1914 г., сохраняя за собой преподавание в политехникуме, принял заведывание химической лабораторией сети опытных полей.

Войдя с головой в научную работу, активно в парторганизации работал мало, но связи не порывал. Ко времени войны разошелся с друзьями из с.-д. как оборонцами, так и пацифистами, и с первых дней февраля вступил в киевскую организацию большевиков.

В мае 1917 г. был избран членом киевского комитета большевиков и с того времени стал одним из тех, на которых выпала основная тяжесть борьбы с Центральной радой и образовавшими ее украинскими националистическими группировками.

Во время октябрьских боев в Киеве был захвачен юнкерами и спасся только благодаря ошибке белых. В ноябре 1917 г., после отозвания Пятакова в Ленинград, был избран председателем киевского комитета большевиков. Был одним из инициаторов созыва всеукраинской партийной конференции для создания партоб'единения в украинском масштабе, а также проводил идею создания советской Украины и созыва советского с'езда для перевыборов или же свержения Центральной рады. Открывал первый советский с'езд Украины (за что тут же был избит националистами).

На партконференции, происходившей в декабре 1917 г. в Киеве, внес предложение о создании организации с.-д. большевиков Украины (предложение это конференцией было принято). На декабрьской конференции 1917 г. был избран в главный комитет с.-д. большевиков Украины. Первым Всеукраинским с'ездом советов, закончившимся в Харькове (после неудачного открытия в Киеве), был избран в состав советского правительства Украины в качестве народного секретаря (так звались тогда на Украине наркомы) просвещения.

Во время переговоров с немцами (в Брест-Литовске) был назначен представителем Украины в Совнаркоме РСФСР. Из общесоюзных декретов подписал декрет об организации Красной армии. В начале 1918 г. был отправлен на Украину, где участвовал во взятии Киева отрядами Красной гвардии и червонного казачества. На IV с'езде советов был представителем от Украины и выступал от ее имени за принятие мира с немцами.

В марте 1918 г. на II Всеукраинском с'езде советов, собравшемся в Екатеринославе, был избран председателем ВЦИК Украины. Оттуда, под давлением немцев, ЦИК переехал в Таганрог, где на совещании большевистской фракции был выделен организационный комитет по созыву I с'езда КП(б) У. Был избран членом этого комитета и членом правительственной „девятки", к которой перешли полномочия распустившего себя ЦИК'а.

До конца почти 1918 г. работал в „девятке" и в заграничн. бюро ЦК КП(б) У, находившемся вначале (до I с'езда) в Москве, а затем в Орле (был секретарем последнего). В ноябре 1918 г. вошел в состав образовавшегося советского правительства Украины и был назначен одновременно в состав революционного военного совета „группы курского направления", как тогда зашифровался украинский фронт.

После ликвидации гетманщины и петлюровщины в начале 1919 г. был назначен наркомпросом Украины, но в мае того же года, когда началось восстание атамана Григорьева и одновременно деникинское наступление, был назначен членом реввоенсовета XII армии, стоявшей в Киеве. Проделал поход из Киева в Одессу через район, занятый всевозможными бандами, в том числе и „батькой" Махно, затем участвовал в известном походе в южной группе, отрезанной в Одессе Петлюрой и белыми и пробившейся от Черного моря к Житомиру. Был инициатором и руководителем налета на Киев (занятый тогда белыми) в октябре 1919 г.

В конце 1919 г. вошел в украинский ревком (вновь образованное под председательством Петровского совправительство на Украине). В начале 1920 г. занимался организацией галицких бригад (остатки галичан, приведенных Петлюрой на Украину). После измены 2 и 3 бригад поехал лично в первую и с нею выдержал под Бердичевом напор поляков, открывших в апреле боевые действия против советов. В мае месяце 1920 г. был назначен в XIII армию специально для борьбы с бандитизмом. В это время принимал также активное участие в борьбе с вылезшим из Крыма Врангелем.

Во время наступления на поляков был назначен в XIV армию, наступавшую на галицком участке, а во время организации временного советского правительства в Восточной Галиции (Галревкома) был выдвинут председателем этого правительства.

В конце 1920 г. был назначен членом реввоенсовета Южзапфронта, превратившегося затем в киевский военный округ. Кроме обычной революционно-советской и партийной работы, специально руководил борьбой с бандитизмом на Правобережьи.

Как член X партийного с'езда, в марте 1921 г. участвовал непосредственно во взятии мятежного Кронштадта (в качестве комиссара сводной дивизии), за что награжден орденом Красного Знамени.

После ликвидации киевского военного округа в начале 1922 г. был выдвинут председателем Вукоспилки. В 1923 г. был назначен наркомом просвещения. Весной 1924 г., после ухода Фрунзе из Украины, был снова возвращен на военную работу в качестве начальника политуправления и члена реввоенсовета украинского военного округа и реввоенсовета Союза.

В данное время является членом президиума ЦИК Союза и всеукраинского ЦИК (всех созывов), по партлинии состоит членом ЦК КП(б) У с момента организации ЦК в 1918 г. После IX Всеукраинского с'езда был избран секретарем ЦК и входил в политбюро ЦК КП(б) У. В настоящее время председатель ЦКК КП(б) У и нарком РКИ Украины. *И. Тур.*

МАНУИЛЬСКИЙ Д. З. (1883–1959).

В 1942–44 работал в аппарате ЦК партии. В 1944–53 заместитель председателя СНК (Совмина) и нарком (министр) иностранных дел Украинской ССР.

Мануильский, Дмитрий Захарьевич (*авторизованная биография*), род. 21 сентября 1883 г. в селе Святец кременецкого у. Волынской губ., в семье волостного писаря из крестьян. Посещал сельскую школу, по окончании которой по настоянию учителя, как очень способный мальчик, был отдан в острожскую гимназию. Начиная с 4-го класса жил уроками, зарабатывая на жизнь собственным трудом. В гимназии организовал кружки самообразования, за что подвергался репрессиям со стороны педагогического персонала. В 1903 г., по окончании гимназии поступил в петербургский университет, где связался с революционными кружками и с петербургской соц.-де-

мокр. организацией. Принимал участие в студенческих сходках и работал нелегально по печатанию прокламаций организации на мимеографе. В 1904 г., 28 ноября, принял участие в демонстрации на Невском проспекте против русско-японской войны. Здесь был жестоко избит во время ареста. Революционный 1905 г. застал агитатором-большевиком, входившим в коллегию агитаторов при петербургском комитете партии. В ноябре 1905 г. по постановлению ЦК был направлен в Двинск, где работал под кличкой „Мефодий". Весной 1906 г. вернулся в распоряжение ПК и работал в окружной организации, осевши прочно в Кронштадте.

От кронштадтской организации под кличкой „Фома" входил в ПК. Принимал участие в подготовке и в самом восстании, происшедшем в ночь с 19 на 20-е июля, три дня спустя после восстания в Свеаборге. После подавления восстания был вывезен верными товарищами на шлюпке из Кронштадта в Ораниенбаум.

Но 24 июля по указанию провокатора Ольдермана был арестован в Петербурге и после двух недель заключения в предварилке переведен в Кронштадт в военно-морскую тюрьму. Зимой 1906 г. был направлен в Архангельскую губ., но в Вологде был задержан и особым постановлением совещания при министре внутренних дел Макарове назначен к высылке на пять лет в Якутскую обл.

Сверх того товарищам, наблюдавшим за ходом следствия о кронштадтском восстании стало известно, что комендант Кронштадта ген. Адельберг поднял вопрос о передаче дела М. в военный суд. Но в декабре м-це из тюрьмы удалось бежать. Самая форма побега заслуживает, чтобы рассказать о ней. Различные планы побега строились товарищами еще во время сидения М. в кронштадтской военной тюрьме, когда ему угрожала смертная казнь.

Предполагалось, между прочим, передать пилки с тем, чтобы, выпилив решетку окна, он спустился в проходивший под окнами канал, а затем сел в приготовленную лодку. Передать пилки не удалось. Теперь было решено, с ведома вологодского комитета РСДРП, воспользоваться для побега пребыванием в провинциальной вологодской тюрьме.

Из различных планов побега решились, наконец, остановиться на плане, выдвинутом самим М., а именно: вынести его из тюрьмы в корзине под видом книг. План строился на след. комбинациях: так как из вологодской тюрьмы отправлялись часто этапы административно ссыльных в порядке пешего хождения, то кто-нибудь из отправляющихся таким образом должен был взять у начальства разрешение на передачу своих книг в корзине на волю под предлогом, что вести их с собою трудно. Содержание этой корзины после опечатания ее тюремной печатью предлагалось заменить живым грузом — М. Затруднительность данного плана заключалась в том, чтобы вполне точно высчитать время и подогнать каждую минуту так, чтобы время сидения М. в корзине сократить до минимума. Самая большая опасность, заключалась в том, чтобы корзина с М. после того, как она будет запечатана, не попала в цейхгауз или еще куда нибудь, откуда выдача ее на волю могла бы задержаться, хотя бы до следующего дня.

Благодаря тщательнейшему изучению организаторами побега всего внутреннего распорядка тюрьмы операция удалась. М. пришлось только пережить жуткие минуты, когда одному из двоих товарищей, несших корзину, вероятно от сильного волнения, изменили силы, и он, опустив ее среди тюремного двора, не мог вновь поднять... И затем, когда стоящий у ворот дежурный, уже при выходе начал любопытствовать, что это за корзина, М. почувствовал даже махорочный запах нагнувшегося над ним для осмотра печати надзирателя. Просидеть в корзине пришлось свыше двух часов.

Главным организатором побега, между прочим, был один из участников тернопольского процесса бомбистов (лаборатория военной технической организации) А. Нейман. После побега М. переехал в Киев, где под кличкой „Ионыч" работал в киевской военной организации, входя в киевский комитет партии. Во время выборов в III Гос. Думу был бойкотистом, отстаивал эту позицию как докладчик группы бойкотистов на собраниях.

После разгрома киевской военной организации осенью 1907 г. перебрался за границу. Проживая в Париже в эмиграции, определился как отзовист и входил в группу „Вперед", сотрудничая в ее периодической печати под кличкой «Иван безработный». С первых дней войны занял позицию борьбы с ней, отстаивая ее на страницах организованного вместе с Антоновым-Овсеенко органа „Голос", закрытого на 101 номере французским правительством. Принимал участие и редактировал вместе с Троцким, Антоновым-Овсеенко и друг. газету

„Наше Слово", тоже закрытую французскими властями за ее борьбу против войны. В мае 1917 г. прибыл в Россию, проехав через Германию в „запломбированном вагоне". В Петербурге вошел в „межрайонку" и работал на Васильевском Острове и прошел в городскую думу от фракции большевиков после слияния межрайонки в августе 1917 г. с большевиками. В дни боев за власть и отражения наступления Керенского-Краснова, был комиссаром Красного Села. После победы был назначен членом коллегии Наркомпрода, на каковой работе оставался до весны 1918 г. В апреле 1918 г. был направлен вместе с Раковским на Украину для переговоров с гетманским правительством в «мирной делегации».

В январе 1919 г. был направлен с покойной Арман и Дафтяном в качестве миссии «Красного Креста» во Францию, где был интернирован в Данкерке. После обмена был направлен на Украину, где выполнял работу: член всеукраинского ревкома—в начале 1920 г.; нарком земледелия—в 1920—21 гг.; секретарь ЦК КП (б) У—в 1921 г.; редактор газеты «Коммунист»; член ЦК КП (б) У—с 1920 г.; член ЦК ВКП с XII партс'езда. В настоящее время основная работа—член президиума и секретарь ИККИ. Одновременно М. является членом ЦК ВКП (б) и ЦК КП (б) У, ЦИК Союза и зам. редактора ЦО газеты «Правда».

С. Сиротинский.

Мусабеков, Газан-Фар (*автобиография*). род. в 1888 г. в семье крестьянина в сел. Перебидиль кубинского у. Бакинской губ. После маленькой школьной подготовки в гор. Кубе поступил в 1-ю бакинскую гимназию, где и окончил полный курс в 1911 г. Смерть отца и забота о малолетних сестрах на год перервали мое дальнейшее образование. Через год, т. е. в 1912 г., поступил в киевский университет на медицинский факультет. Еще будучи учеником последних классов, я интересовался политическими вопросами так, что с первых дней студенческой жизни я вступил на арену политической жизни; принимал в эти годы самое живое участие в подпольной работе землячества и был одним из инициаторов нашумевшего в свое время нелегального с'езда всех студентов Азербайджана в 1912 г., в порядке дня которого стояли политические вопросы. С'езд этот был раскрыт охранкой николаевского режима, и все активные товарищи были арестованы. В 1917 г. окончил медицинский факультет, выдержал государственный экзамен на диплом врача и выехал в год Февральской революции в Азербайджан. Желая отдаться работе среди своего отсталого народа, не пожелал остаться в Баку—выехал в Кубу, где был на с'езде избран председателем исполкома в совет рабочих, крестьянских и матросских депутатов. Спустя некоторое время, оставаясь председ. исполкома, был избран председ. уездного продовольств. комитета на с'езде продовольственников г. Кубы. Таким обр., работал в течение шести месяцев, выполняя одновременно две должности, и вместе с тем оказывал медицинскую помощь бедноте. В декабре 1918 г. в Баку на общем губернском продовольств. с'езде был избран заместит. председат. бакинского губернского продовольств. комитета и за от'ездом бывшего тогда председ. Бекзадяна исполнял все время обязанности председателя. Перед вступлением турок в г. Баку 8-го августа 1918 г., после падения совласти не желая оставаться в Баку, вместе с Султановым, Буният-Заде и др. товарищами выехал в Астрахань, где вместе с Н. Нариманов организовал мусульманский военный лазарет и почти в течение двух лет был главным врачом этого лазарета, одновременно исполняя различные ответственные партийные работы, будучи то председателем мусульманской секции организации коммунистов-большевиков, то председателем партии „Гуммет" астраханского отделения (партия коммунистов-большевиков). Официально в коммунистич. партии числюсь с 1918 г. В одно время в Астрахани исполнял обязанности комиссара по делам мусульман в Закавказьи. В ноябре 1919 г. был командирован партией в ЦК в Москву с докладом. Согласно постановления Политбюро РКП, в феврале 1920 г. должен был выехать в Азербайджан для подпольной работы. В начале апреля 1920 г. выехал в Петровск и во время наступления Красной армии на Азербайджан я совместно с Джабиевым, Микояном и др. на броневике „Интернационал" вступил в Баку после маленького боя в Яламе. На первом партийном заседании ответственных работников был организован революционный комитет Азербайджана, в состав которого вошел и я наравне с другими товарищами, всего 7 человек. Мне была поручена организация трех комиссариатов: Наркомпрода, Наркомзема и Совнарх.; после организации указанных комиссариатов был назначен народным комиссаром по продовольствию. Летом 21-го г. был назначен азревкомом и Аз. ЦКП чрезвы-

МУСАБЕКОВ Г. Ф. (1888–1938).

В 1929–31 председатель ЦИК Азербайджанской ССР. С 1931 председатель СНК ЗСФСР. До 1937 один из председателей ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

чайным комиссаром кубинского уезда и после упразднения чрезвычайных уполномоченных всех уездов вернулся и вступил в исполнение своих прямых обязанностей наркомпрода. Одновременно работал, кроме ЦКАКП, в качестве члена президиума в нескольких комиссариатах (Наркомпрод, Наркоминдел и ВЭС). Во время поездки Нариманова в Геную работал в качестве зампредсовнаркома Азербайджана. В апреле месяце 1922 г. на II Всеазербайджанском с'езде советов был избран председателем Совнаркома, каковую обязанность исполняю до сего времени. Ныне, кроме предсовнаркома АССР, являюсь председателем ЦИК'а СССР (после избрания на III С'езде советов СССР), а по партийной линии — членом президиума ЦК АКП (б), членом президиума заккрайкома и кандидатом в члены ЦК ВКП (б) (с XIV С'езда ВКП (б).

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО СВОДА

„Деятели СССР и Октябрьской революции"

(Римской цифрой обозначена часть XLI тома, в которой помещена данная биография, арабской — столбец биографического свода данной части).

Аванесов, В. А. . . . I, 3
Авамсевич, И. А. . . . . III, 288
Азизбеков, М. Б. . . . I, 3
Айтаков, Н. . . . . I, 3
Альтфатер, В. М. . . . I, 4
Амирьян, А. . . . . I, 4
Андреев, А. А. . . . . I, 5
Антипов, Н. К. . . . . I, 6
Антонов-Овсеенко, В. А. I, 6
Аралов, С. И. . . . . I, 10
Арманд, И. Ф . . . . . I, 15
Аросев, А. Я. . . . . I, 16
Артем . . . . . I, 16
Ауссем, В. Х. . . . . III, 290
Ауссем, О. Х. . . . . III, 291
Ахун-Бабаев, Ю. . . . . I, 22
Бахутов, А. М. . . . . I, 22
Беленький, Г. Я. . . . I, 24
Белобородов, А. Г. . . I, 26
Бобровский, В. С. . . I, 29
Богданов, А. А. . . . . I, 29
Богданов, П. А. . . . . I, 33
Богуславский, М. С. . . I, 35
Бош, Е. Б. . . . . I, 42
Брюхачов, Н. П. . . . . I, 43
Бубнов, А. С. . . . . I, 47
Бухарин, Н. И. . . . . I, 52
Вайнштейн, А. И. . . . I, 56
Вахитов, М. Н. . . . . I, 61
Вацетис, И. И. . . . . I 62
Ведерников, А. С. . . . I, 73
Вейнров, М. Г. . . . . I, 74
Векман, А. К. . . . . I, 74
В. Д. Виленский-Сибиряков . . . . . I, 75
Винокуров, А. Н. . . . I, 78
Владимиров, М. К. . . I, 81
Владимирский, М. К. . I, 84
Воеводин, П. И. . . . . I, 85
Войков, П. Л. . . . . III, 292
Волгин, В. П. . . . . I, 86
Володарский, В. . . . . I 89
Вольфьев, Я. З. . . . . I, 90
Воровский, В. В. . . . I, 90
Ворошилов К. Е. . . . I, 93
Восков, С. П. . . . . I, 97
Ганецкий, Я. С. . . . . I, 97
Гастев, А. К. . . . . I, 101
Глебов-Авилов, Н. П. . I, 102
Гордон, А. И. . . . . I, 103
Гуковский, И. Э. . . . I, 105
Гусев, С. И. . . . . I, 105
Дадабаев, Б. . . . . III, 293
Демьян-Бедный . . . . I, 109
Лербышев, Н. И. . . . I, 119
Джапаридзе, П. А. . . I, 121
Дзержинский, Ф. Э. . . I, 122
Довголевский, Д. С. . . I, 124
Догадов, А. И. . . . . I, 125
Дробинс, Я. Н. . . . . I, 126
Дунаев, Е. А. . . . . I, 127
Дыбенко, П. Е . . . . I, 128
Елизаров, М. Т. . . . I, 133
Енукидзе, А. С. . . . . I, 137
Загорский, В. М. . . . I, 140
Затонский, В. П. . . III, 295
Зеленский, И. А. . . . I, 141
Зиновьев, Г. Е. . . . . I, 143
Зоф, В. И. . . . . I, 149
Зурабов, А. Г. . . . . I, 150
Ильмер, К. . . . . I, 150
Иорданский, Н. И. . . I, 151
Иоффе, А. А. . . . . I, 152
Калинин, М. И. . . . I, 156
Калинин, Ф. И. . . . I, 159
Каменев, Л. Б. . . . I, 161
Каменев, С. С. . . . . I, 168
Камо . . . . . I, 179
Карахан, Л. М. . . . . I, 182
Квиринг, Э. И. . . . . I, 183
Керженцев, П. М. . . . I, 185
Кингисеп, В. . . . . I, 186
Киров, С. М. . . . . I, 187
Киселев, А. С. . . . . I, 191
Колонтай, А. М. . . . . I, 194
Кон, Ф. Я. . . . . I, 201
Копп, В. П. . . . . I, 211
Косиор, С. В. . . . . I, 213
Котовский, Г. И. . . . I, 214
Красиков, П. А. . . . . I, 218
Красин, Л. Б. . . . . I, 226
Крестинский, Н. Н. . . I, 232
Кржижановский, Г. М. I, 234
Крупская, Н. К. . . . I, 236
Крыленко, Н. В. . . . I, 237
Кузьмин, А. А. . . . I, 246
Куйбышев, В. В. . . . I, 246
Кун, Бела . . . . . I, 248
Курский, Д. И. . . . . I, 251
Кутузов, И. И. . . . I, 253
Лазаревич, В. С. . . . I, 255
Ландер, К. И. . . . . I, 259
Ларин, Ю. . . . . I, 272
Лацис, М. И. . . . . I, 282
Лашевич, М. М. . . . I, 285
Лебедев, П. И. (Полянский) . . . . . I, 285
Лебедь, Д. З. . . . . I, 289
Левицкий, К. О. . . . I, 295
Лежава, А. М. . . . . I, 296
Ленгник, Ф. В. . . . . I, 303
Ленин, В. И. . . . . I, 304
Лепешинский, П. Н. . . I, 326
Леплевский, Г. М. . . . I, 329
Литвинов, М. М. . . . . I, 331
Лозовский, А. . . . . I, 333
Ломов (Оппоков), Г. И. I, 337
Лоренц, И. Л. . . . . I, 340
Луначарский, А. В. . . I, 341
Лутовинов, Ю. Х. . . . I, 346
Лядов, М. Н. . . . . I, 346
Манульский, Г. З. . . III, 298
Маркин, Н. Г. . . . . II, 1
Мартынов (Пикер), А. С. II, 1
Мархлевский, Ю. Ю. . . II, 19
Махарадзе, Ф. И. . . . II, 20
Мельничанский Г. Н. . II, 27
Мешковский, И. П. . . II, 32
Мещеряков, Н. Л. . . . II, 33
Милютин, Н. А. . . . II, 38
В. С. Мицкевич-Капсукас . . . . . II, 42
Мицкевич, С. И. . . . II, 44
Моисеев, А. С. . . . . II, 53
Моисеенко, П. А. . . . II, 54
Молотов, В. М. . . . . II, 57
Муралов, Н. И. . . . . II, 65
Мусабеков, Г. Ф. . . . . III, 301
Мясников, А. Ф. . . . . II, 67
Нариманов. Н. Н. . . . II, 69
Нахимсон, С. М. . . . . II, 74
Невский, В. И. . . . . II, 74
Ногин, В. П. . . . . II, 81
Ольминский, М. С. . . II, 82
Орахелашвили, М. Д. . II, 85
Орджоникидзе, Г. К. . . II, 86
Осинский (Оболенский В. В)., Н. . . . . II, 89
Павлович, М. Л. (Бельтман) . . . . . II, 89
Пестковский, С. С. . . II, 100
Петровский, Г. И. . . . II, 114
Подбельский, В. Н. . . II, 118
Покровский, М. Н. . . . II, 118
Преображенский, Е. А. II, 120
Прошьян, П. П. . . . . II, 132
Пятаков, Г. Л. . . . . II, 133
Пятаков, Л. Л. . . . . II, 136
Радек, К. Б. . . . . II, 138
Раковский, Х. Г. . . . II, 169
Раскольников, Ф. Ф. . II, 187
Рахья, И. . . . . II, 192

Рейснер, Л. М. . . . . II, 193
Рейснер, М. А. . . . . II, 197
Рогов, М. И. . . . . II, 205
Розмирович Е. Ф. . . II. 206
Рошаль, С. Г. . . . . II, 212
Рудзутак, Я. Э. . . . II, 213
Рыков, А. И. . . . . II, 223
Рязанов, Д. Б. . . . . II, 230
Ряппо, Я. П. . . . . II, 232
Самиер, И. А . . . . . III. 1
Самойлова, К. Н. . . . III, 1
Самурский, Н. . . . . III. 3
Сапронов, Т. В. . . . . III, 9
Свердлов, Я. М. . . . . III, 13
Сверчков, Д Ф. . . . III, 18
Свидерский, А. И. . . III, 21
Седой Литвин, З. Я. . III. 25
Семашко, Н. А. . . . . III, 32
Сербиченко, А. К. . . III, 37
Серебровский, А. П. . III, 40
Серебряков, Л. П. . . III, 42
Сиворцов (Степанов), И. И. III, 44
Склянский, Э. М. . . . III. 45
Скобелев. М. И. . . . . III, 45
Скрыпник, Н. А. . . . . III, 47
Смидович, П. Г. . . . . III, 59
Смилга, И. Т. . . . . III, 62
Смирнов, А. П. . . . . III, 64
Смирнов, И. Н. . . . . III, 70
Сокольников, Г. Я. . . III, 73
Сольц, А. А. . . . . III. 88
Сосновский, Л. С. . . . III, 90
Сталин, И. В. . . . . III, 107
Стасова, Е. Д. . . . . III, 112
Стеклов, Ю. М. . . . . III, 119
Стучка, П. И. . . . . III, 128
Суханов, Н. Н. . . . . III, 129
Сыромолотов, Ф. Ф. . III, 133
Теодорович, И. А. . . III, 139
Толмачев, Н. Г. . . . . III. 145
Томский, М. П. . . . . III, 146
Точисский, П. В . . . III, 150
Троцкий, Л. Д. . . . . III, 151
Тухачевский М. Н. . . III, 160
Угаров, Ф. Я. . . . III, 163
Угланов, Н А. . . . . III, 165
Уншлихт, И. С. . . . . III, 176
Урицкий, М. С. . . . . III, 179
Усиевич, Г. А. . . . . III, 180
Устинов, А. М. . . . . III, 180
Уханов, К. В. . . . . III, 181
Фигельский, В. Д. . . III, 192
Фиолетов, И. Т. . . . III, 182
Фриче, В. М. . . . . III, 183
Фрумкин, М. И. . . . . III, 186
Фрунзе, М. В. . . . . III, 191
Фурманов, Д. А. . . . . III, 193
Халатов, А. Г. . . . . III, 196
Хинчук, Л. М. . . . . III, 196
Хмельницкий, А. И. . III, 209
Ходжаев, Ф. . . . . III, 203
Цаголев, Г. А. . . . . III, 210
Цхакая, М. . . . . III, 211
Цюрупа, А. Д. . . . . III, 211
Чапаев, В И. . . . . III, 212
Червяков, А. Г. . . . . III, 213
Чичерин, Г. В . . . . III, 215
Чубарь, В. Я. . . . . III, 229
Чудновский, Г. И. . . . III, 231
Чуцкаев, С. Е. . . . . III, 231
Шаумян, С. Г. . . . . III, 235
Шлихтер, А. Г. . . . . III, 236
Шляпников, А. Г. . . III, 244
Шмидт, В. В. . . . . III, 253
Штернберг, П. К. . . . III, 254
Шумяцкий, Б. З. . . . III, 254
Щепкин, Е Н. . . . . III, 258
Эйсмонт, Н. Б. . . . . III, 264
Элиава, Ш. З. . . . . III, 268
Юренев, К. К. . . . . III, 272
Яковлев, Н. Н. . . . . III, 274
Яковлев, Я. А . . . . III, 276
Яковлева, В. Н. . . . . III, 278
Якышев, М. П. . . . . III, 280
Ярославский, Е. . . . . III, 281
Яроцкий, В. Я. . . . . III, 289

ПРИМЕЧАНИЕ Автентичные биографии, входящие в состав свода, писались в разное время, иные задолго до напечатания. Как было указано в предисловии к своду, задача его—социологическая, выяснение личных и общественных условий, которые подготовили Октябрьской революции ее передовые кадры. Исключительная историческая ценность биографий—в их автентичности. Редакция поэтому считала недопустимым что-либо в них менять или доводить от себя фактическое изложение до текущего момента; всего менее в таком своде имеет значение полнота внешних справочных сведений.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ к XLI т. (прилож.)

Столб.	стр.	напечатано	следует
		I часть	
252	7 сн.	1-ю	2-ю
		II часть.	

На 57 ст. биография В. М. Молотова, написанная А. Аросевым, не должна считаться авторизованной.

155	17 сн.	готайском	готском
		III часть.	
5	3 сн.	или	и

О БРАТЬЯХ ГРАНАТ И ИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В 1892 группа научных работников во главе с братьями Александром Наумовичем [1(13).6.1861, Одесса – 7.9.1933, Москва] и Игнатием Наумовичем [31.7(12.8).1863, Могилев – 29.12.1941, Москва] Гранат основала в Москве частное издательство. А. Н. Гранат в студенч. годы участвовал в революционном движении; работал инженером-механиком. И. Н. Гранат в 1908 защитил диссертацию и выпустил книгу "К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии". В предисловии к книге отметил, что возникла она под впечатлением 24-й главы 1-го т. "Капитала" К. Маркса. Стал профессором политической экономии Московского университета. Демократические убеждения братьев в значительной степени определили направление деятельности издательства.

В 1892 братья Гранат приобрели издательские права на "Настольный энциклопедический словарь", выпускавшийся с 1891 "Товариществом А. Гарбель и К°", которое выпустило три тома до буквы К и потерпело неудачу, т. к. статьи, плохо переведенные с немецкого, были взяты из словарей – Малого Брокгауза (Konversations-Lexikon) и К. И. Мейера (Das grosse Konversations-Lexikon für die gebildeten Stände) – без учета современного уровня знаний, а главное – без учета того, что словарь предназначался для русского читателя.

Закончив в 1895 1-е издание "Настольного энциклопедического словаря" (1–8 тт.), братья Гранат выпускают в 1896 2-е, а в 1897 – 3-е стереотипные издания; первые три тома воспроизводились так, как они были выпущены "Товариществом А. Гарбель и К°". В 1899 при подготовке 4-го издания серьезно перерабатываются первые три тома. К 4-му изданию был выпущен 9-й, дополнительный, том, учитывающий все последние достижения. В 1901 вышло 5-е издание с дополнениями до 1901, а в 1903 – 6-е, с дополнениями до 1903.

Братья Гранат мечтали о многотомной энциклопедии, которая была бы полным сводом сведений о новейших достижениях науки, техники, культуры и общественной мысли. В 1910 в каталоге изд-ва сообщалось, что предпринимается новое, совершенно переработанное, 7-е издание: "Перелом, переживаемый Россией, великие события, ознаменовавшие последние годы в жизни некоторых других государств, новые проблемы кардинальной важности, разрабатываемые в настоящее время точными науками, – все это делало неотложной коренную переработку Словаря и вместе с тем заставляло значительно расширить его объем, чтобы он мог достойно выполнить предстоящую ему задачу – быть первым по времени русским образовательным словарем XX века, первой, в хронологическом отношении, образовательной энциклопедией обновляющейся России" (Издания товарищества "Бр. А. и И. Гранат и К°": Каталог. – М., 1910, с. 3–4).

Задача смелая и трудная. Братья Гранат решили выпускать первую в России энциклопедию, рассчитанную на нового демократического читателя. Достаточно сказать, что "Энциклопедический словарь Гранат", первый из русских словарей, поместил в 1915 обстоятельную статью о В. И. Ленине – "представителе большевистского течения в русской социал-демократии" (т. 27). Братья были первыми издателями русских энциклопедий, кто привлек к участию в своей работе В. И. Ленина и др. большевиков.

В 28-м т. Словаря (1915) под псевдонимом В. Ильин была опубликована (не полностью) статья В. И. Ленина "Карл Маркс". По требованию цензуры из статьи были изъяты главы "Социализм" и "Тактика классовой борьбы пролетариата" (в советское время они были напечатаны под названием "Социализм научный" в 40-м т.).

Большинство русских энциклопедий, в т. ч. Словарь Брокгауза–Ефрона, в качестве эталона брали популярную немецкую энциклопедию Брокгауза "Konversations Lexikon", причем часто переводили без изменений многие статьи из нее.

В "Энциклопедическом словаре Гранат" большинство статей были написаны русскими авторами.

Взяв за образец "Британскую энциклопедию" ("The Encyclopaedia Britannica"), братья сгруппировали материал в большие комплексные статьи научно-образовательного характера. Не случайно 11-е переработанное издание "Британской энциклопедии" (1910) выпустил Кембриджский университет (до этого ее выпускали частные издательства), а в редакционную коллегию 7-го издания "Энциклопедического словаря Гранат" вошли профессора Московского университета: К. А. Тимирязев, В. Я. Железнов, Ю. С. Гамбаров, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев. Большая часть авторов также была профессорами Московского университета. И Кембриджский, и Московский университеты видели в энциклопедиях могучее средство для распространения научных знаний в широких слоях населения.

Словарь братьев Гранат "превратился из словотолкователя в систематическую образовательную Энциклопедию, отражающую идеи, господ-

ствовавшие в 90-х и 900-х годах среди передовых кругов русской интеллигенции и молодой профессуры" (Симон К. Р. Энциклопедия в дореволюционной России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1948. Т. 54. С. 332). Общеобразовательные сведения, рассчитанные на массового читателя, сосредоточиваются в систематических руководящих статьях большого размера. Сведения, представляющие интерес для немногих специалистов, выделяются в особые текстовые приложения или для экономии места набираются очень убористым шрифтом. Строгая и планомерная система в разработке тем позволяла авторам излагать все важное и ценное в научном отношении с полнотой, часто превосходящей все, что давалось в этой области в энциклопедиях не только в России, но и на Западе. Большой объем статей, с др. стороны, благоприятствовал участию в Словаре Гранат крупных научных сил России. Многие ученые в энциклопедических статьях публиковали результаты своих новейших исследований.

В русской дореволюционной и советской печати неоднократно отмечался отлично составленный справочно-библиографический аппарат Словаря Гранат. Как правило, здесь в отличие от словаря Брокгауза–Ефрона библиографические сведения выделяются в специальный раздел, во многих статьях по общественно-политическим вопросам носят ярко выраженный социальный характер. Так, в 9-м т. в библиографическом списке к статье М. М. Ковалевского "Великобритания" выделяется раздел "Экономическая и социальная история", где приводятся работы К. Маркса и Ф. Энгельса.

Своеобразной особенностью словаря Гранат явились многочисленные текстовые приложения к основным статьям. Среди них – монографии (например, "Основные идеи геометрии", 13-й т.), "Указатель библиографических пособий", составленный Б. С. Боднарским, К. А. Тимирязевым, А. Ф. Фортунатовым, Л. С. Бергом, А. Е. Крымским и др. (6-й т.), указатель "Члены Государственного Совета с 1801 года" (23-й т.) и т. д. До сих пор сохраняет справочную ценность "Биобиблиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861–1911)", составленный И. В. Владиславлевым (11-й т.). В нем приводятся краткие биобиблиографические данные примерно о 600 русских прозаиках, поэтах, драматургах.

Братья Гранат уделили большое внимание оформлению своего Словаря.

Выполненная по рисунку постоянного художника изд-ва академика живописи Л. О. Пастернака обложка выгодно отличала Словарь от всех предшествующих энциклопедий. К. А. Тимирязев, отмечая в "Вестнике Европы" (1911, №6) выход 11-го издания "Британской энциклопедии" и сравнивая ее с аналогичными отечественными изданиями, писал: "Для наших русских энциклопедий, имеющих более значительное воспитательное значение, существенно дать соответственное развитие и эстетической стороне дела. В этом отношении заслуга издательства А. и И. Гранат несомненна" (Тимирязев К. А. Соч.: В 10 т. М., 1939. Т. 8. С. 449). Прекрасно исполнены иллюстрированные приложения к Словарю; выделяются великолепно выполненные портреты деятелей науки, техники, культуры – иногда фотографии, чаще – снимки с работ известных художников, напечатанные на отдельных листах.

В 1917 по инициативе А. Н. и И. Н. Гранат, А. К. Дживелегова и Я. А. Галяшкина на базе издательства братьев было учреждено акционерное общество "Русский библиографический институт братьев А. и И. Гранат и К°". Под этой маркой выходили все послереволюционные тома "Энциклопедического словаря Гранат" (до 1917 вышло 33 тт., а в советское время 25 тт.). 36-й, 54-й и 58-й были изданы Государственным институтом "Советская энциклопедия", а 56-й не вышел.

В 20-е гг. отделы Словаря Гранат, посвященные России, редактировали В. В. Воровский, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский. В правление издательства входили нарком здравоохранения Н. А. Семашко, директор Библиотеки им. В. И. Ленина профессор В. И. Невский и профессор В. Я. Яроцкий. Научным редактором словаря в 1922–39 был известный литературный и театральный критик Д. Л. Тальников (Шпитальников).

В советское время в Словаре активно сотрудничали профессора С. И. Солнцев, Б. И. Горев, М. А. Рейснер, А. А. Свечин, А. И. Верховский, Е. К. Смысловский, К. И. Величко, Б. И. Доливо-Добровольский, Е. И. Мартынов, А. А. Мануйлов, С. А. Котляревский, Л. Н. Литошенко, дипломат и историк И. М. Майский, основатель японской Компартии Сэн Катаяма и один из руководителей Венгерской советской республики Е. Ландлер.

Для скорейшего завершения издания Словарь одновременно набирался в нескольких типографиях и выходил не в алфавитном порядке, как это обычно принято при издании энциклопедий. Чтобы вместить огромный материал, впервые в истории русских энциклопедий редакция Словаря поделила ряд томов на части, а некоторые тематические циклы – на несколько томов. Поэтому, например, 36-й т.,–"Россия" и 41-й т. – "Союз Советских Социалистических Республик" состояли из нескольких частей, а "Четырехлетняя война 1914–1918 гг. и ее эпоха" вышла в трех томах.

Как и до революции, к очередным томам печатались многочисленные текстовые прибавления. Это были и статьи по специальным вопросам науки и техники, статистические обзоры, детально разработанные хронологии (например, "Хронология по истории рабочего класса в индустриальных странах", "Хронология по истории России") и большие циклы (например, "Современное состояние важнейших государств", приложение к т. 40), биографические указатели (например, "Деятели мировой войны" – при "Четырехлетней войне", "Современные иностранные политические деятели") и т. д.

Большая насыщенность Словаря Гранат подобным материалом делает его и в наше время ценным справочным пособием, к которому приходится обращаться при всякого рода разысканиях.

В наше время, когда советская общественность проявляет повышенный интерес к историческим

личностям, особое значение имеют десятки лет лежавшие в спецхране 40-й и 41-й тома Словаря. Подготовка этих томов велась накануне юбилея первого 10-летия Великого Октября. В 40-м т., вышедшем в 1926, с примечаниями В. Н. Фигнер, были напечатаны автобиографии 44 деятелей революционной организации "Народная воля".

Выпуску этого тома предшествовала большая подготовительная работа – переписка редакции Словаря с В. Н. Фигнер, А. Ф. Михайловым, Л. Г. Дейчем и др. деятелями "Народной воли". В этих письмах были предложения, размышления, советы, иногда споры, но все оставшиеся в живых участники русского революционного движения 70–80-х гг. благодарили редакцию за прекрасную идею.

В 41-м т. Словаря (ч. 1–3) в 1927–29 под заглавием "Свод автобиографий и авторизованных биографий деятелей СССР и Октябрьской революции" даны 245 биографий участников Великого Октября и социалистического строительства.

Оба тома являются незаменимым подспорьем для всех, кто интересуется историей революционного движения в России.

В 1939 "Русский библиографический институт братьев А. и И. Гранат и К°" влился в Государственный институт "Советская энциклопедия", который продолжал выпуск "Энциклопедического словаря Гранат", названного В. И. Лениным полезным изданием (см. ПСС, т. 48, с. 325). Это фундаментальное издание продолжалось 38 лет и закончилось в 1948, уже после смерти его создателей. 7-е издание Словаря выдержало несколько стереотипных перепечаток. *С. В. Белов.*

УКАЗАТЕЛЬ ТЮРЕМ, МЕСТ КАТОРГИ И ССЫЛКИ

А

Абан (Енисейская губ.) 3-я 190
Акатуй (Забайкальская обл.) 413, 613, 642, 643
Акатуйская каторга (Забайкальская обл.) 162, 234, 235, 279, 412, 642
Акшинский округ (Забайкальская обл.) 360
Алгачинская каторга (Забайкальская обл.) 476
Александровская каторжная тюрьма (Иркутская губ.) 304; 2-я 112; 3-я 192
Александровская пересыльная тюрьма (Иркутская губ.) 1-я 142, 335; 2-я 50, 88, 129; 3-я 153
Александровское (Иркутская губ.) 1-я 83
Алексеевский равелин Петропавловской крепости (Петербург) 37, 230, 314, 474, 489, 490, 491, 494, 495, 496, 514, 641, 655
Амга (Якутская обл.) 10
Амурская область 360, 393
Архангельск (Архангельская губ.) 619; 1-я 338; 3-я 27
Архангельская губерния 63, 65, 120, 148, 215, 223, 239, 475, 619; 1-я 15, 17, 25, 55, 89, 90, 95, 139, 159, 192, 335, 346; 2-я 32, 56–57, 189, 226, 227; 3-я 53, 131, 169, 179, 272, 299
Архангельская тюрьма (Архангельская губ.) 1-я 95
Астраханская губерния 1-я 296; 2-я 23; 3-я 270, 280
Астрахань (Астраханская губ.) 2-я 73; 3-я 44, 236
Ачинск (Енисейская губ.) 1-я 166

Б

Баиловская тюрьма (пригород Баку) 2-я 24
Бакинская тюрьма (Бакинская губ.) 1-я 348, 350; 2-я 24, 37, 87
Балаганск (Иркутская губ.) 183, 392, 533; 1-я 207
Балаганский уезд (Иркутская губ.) 3-я 108
3-й Балагурский наслег (Якутская обл.) 497
Баргузин (Забайкальская обл.) 278, 290
Баргузинский округ (Забайкальская обл.) 162
Басманная полицейская часть (Москва) 157
Батумская тюрьма (Батумская обл.) 3-я 108
Батурусский улус (Якутская обл.) 246, 497, 538
Бережная Дуброва (Олонецкая губ.) 1-я 120
Березов (Тобольская губ.) 1-я 108, 120
Бирск (Уфимская губ.) 3-я 24
Благовещенск (Амурская обл.) 360
Бобровка (Енисейская губ.) 1-я 48
Богаянтайский улус (Якутская обл.) 538
Бутырская тюрьма (Москва) 37, 82, 150, 265, 510; 1-я 17, 46, 79, 162, 299, 303; 2-я 4–5, 47, 50, 211, 221; 3-я 75, 149, 285

В

Варшавские тюрьмы (Варшавская губ.) 313; 1-я 123; 2-я 111, 112, 146, 147
Васильеостровская полицейская часть (Петербург) 1-я 334
Великий Устюг (Вологодская губ.) 1-я 122; 3-я 1
Вельск (Вологодская губ.) 2-я 57
Верхнеудинск (Забайкальская обл.) 196; 3-я 255
Верхоленск (Иркутская губ.) 39, 65, 244; 1-я 142, 299, 300
Верхоленский уезд (Иркутская губ.) 1-я 42, 192, 247; 3-я 192
Верхотурский уезд (Пермская губ.) 3-я 16
Верхотурье (Пермская губ.) 222
Верхоянск (Якутская обл.) 182–183; 1-я 348; 2-я 103–104
Виленские тюрьмы (Виленская губ.) 230; 1-я 59
Вилюйск (Якутская обл.) 245, 246, 617, 618, 655–656; 2-я 5
Вилюйский округ (Якутская обл.) 1-я 76; 3-я 56, 201
Виндавская тюрьма (Курляндская губ.) 2-я 221
Витебская тюрьма (Витебская губ.) 161
Витимские приски – см. Лено-Витимские золотые приски
Владикавказская тюрьма (Терская обл.) 3-я 183
Владимирская тюрьма (Владимирская губ.) 643; 1-я 160, 192; 3-я 192, 248
Влоцлавская тюрьма (Варшавская губ.) 1-я 100
Вологда (Вологодская губ.) 1-я 30, 46, 185, 342; 2-я 62; 3-я 1, 2, 62, 110, 270, 291, 299–300
Вологодская губерния 63, 65, 391, 609–610; 1-я 16, 17, 23, 46, 92, 122, 125, 128, 285, 343; 2-я 57, 62, 118; 3-я 43, 63, 69, 71, 110, 151, 179, 183, 239, 240, 291
Воронежская тюрьма (Воронежская губ.) 1-я 19; 2-я 79, 83
Восточная Сибирь 65, 287; 1-я 79, 87, 123, 303, 338; 2-я 55; 3-я 153, 188
Восточно-Кангаласский улус (Якутская обл.) 244
Выборгская тюрьма (Выборгская губ.) 1-я 224
Вышневолоцкая тюрьма (Тверская губ.) 611, 648, 649; 1-я 33; 3-я 71
Вятка (Вятская губ.) 623, 627–628
Вятская губерния 1-я 45, 91, 100, 123; 2-я 30; 3-я 40, 128

Г

Глуховская тюрьма (Черниговская губ.) 1-я 126

Д

Двинская крепость (Витебская губ.) 316
Дерптская тюрьма (Лифляндская губ.) 1-я 287
Долгая щель (Архангельская губ.) 1-я 17
Дюпсенский улус (Якутская обл.) 657

Е

Екатеринбургская тюрьма (Пермская губ.) 1-я 120; 2-я 130; 3-я 233
Екатерининская куртина Петропавловской крепости (Петербург) 641
Екатеринослав (Екатеринославская губ.) 2-я 49, 116; 3-я 2, 50, 55, 151
Екатеринославская губерния 1-я 213
Елецкая тюрьма (Орловская губ.) 63
Енисейск (Енисейская губ.) 2-я 117; 3-я 188, 243
Енисейская губерния 37, 38, 40, 119, 277, 361, 421, 533, 642; 1-я 26, 48, 76, 105, 123, 140, 154, 166, 193, 207, 208, 220, 221, 235, 236, 247, 273, 303, 313–314, 327; 2-я 23, 38, 87; 3-я 17, 55, 75–76, 110, 117–118, 119, 180, 190, 203, 255
Енисейский уезд (Енисейская губ.) 1-я 61, 327; 3-я 63
Енотаевск (Астраханская губ.) 3-я 280

З

Забайкальская область 28, 52, 53, 125, 142, 150, 162, 178, 180–181, 196–198, 231, 232, 234, 235, 278, 279, 290, 303, 304, 342, 360, 362, 379, 384, 387, 393, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 423, 433, 434, 441, 456, 457, 476, 495, 497, 534, 537, 538, 552–553, 555, 556, 557, 569, 603, 613, 642, 643, 644, 651–656; 1-я 205, 206, 216; 3-я 255, 281, 285
Западная Сибирь 55, 63
Зерентуйская каторга 196–197, 414; 3-я 285

И

Иваново-Вознесенская тюрьма (Владимирская губ.) 1-я 192
Иланская (Енисейская губ.) 1-я 303
Иркутск (Иркутская губ.) 142, 180, 183, 185, 290, 304, 343, 497–498, 657; 1-я 83, 184, 208, 209, 228; 2-я 211; 3-я 153
Иркутская губерния 39, 65, 101, 102, 150, 183, 243, 392, 393, 414, 497, 533, 536, 537, 539; 1-я 20, 42,

83, 142, 207, 214, 247, 284, 299, 300, 335; 2-я 5, 6, 30, 35, 50, 64, 88, 112, 113, 129, 134, 211; 3-я 71, 108, 144, 149, 153, 177, 192, 292
Иркутская тюрьма (Иркутская губ.) 39, 195, 243, 244, 303, 425, 456, 457, 533, 552; 1-я 142; 2-я 50, 112
Ишим (Тобольская губ.) 223

К

Каданская каторга (Забайкальская обл.) 197
Калинков (Вологодская губ.) 1-я 46
Казанская губ. 1-я 308–309
Казанская тюрьма (Казанская губ.) 1-я 46; 2-я 61–62, 224
Казачинское (Енисейская губ.) 1-я 303
Каинская тюрьма (Томская губ.) 1-я 247
Кайгородск (Вятская губ.) 1-я 123
Камышловская тюрьма (Пермская губ.) 3-я 135
Канск (Енисейская губ.) 3-я 190
Канский уезд (Енисейская губ.) 40; 1-я 154; 3-я 117–118, 119
Кара, р. (Забайкальская обл.) 413, 553, 613, 643, 651–656 – см. также Карийская каторга
Каралчанская волость (Иркутская губ.) 2-я 113, 129
Карийская каторга (Забайкальская обл.) 27–28, 52, 53, 125, 142, 148, 150, 162, 178, 180–181, 195, 196, 231, 232, 266, 270, 278, 279, 303, 304, 360, 362, 379, 384, 387, 408, 409, 410, 411, 412, 423, 433, 434, 441, 456, 457, 495, 497, 534, 537, 538, 552–553, 554, 555, 569, 613, 642, 643, 651–656; 1-я 205, 206; 3-я 281
Кемь (Архангельская губ.) 148; 3-я 53
Киевские тюрьмы (Киевская губ.) 97, 100, 101, 114, 511, 602, 613, 641; 1-я 331, 342; 3-я 201, 239, 243
Киренск (Иркутская губ.) 150, 392, 414, 497; 2-я 5, 6
Киренский уезд (Иркутская губ.) 392; 1-я 20, 83, 142, 335; 2-я 30, 113, 129; 3-я 149
Кишиневский тюремный замок (Бессарабская губ.) 1-я 216
Ковровская тюрьма (Владимирская губ.) 1-я 192
Кокушкино (Казанская губ.) 1-я 308–309
Кола (Архангельская губ.) 148
Колымский округ (Якутская обл.) 444, 445, 448; 2-я 50 – см. также Среднеколымск
Косой Капонир Киево-Печерской крепости (Киев) 3-я 243
Красноуфимск (Пермская губ.) 222
Красноярск (Енисейская губ.) 1-я 220, 221; 3-я 243
Красноярская тюрьма (Енисейская губ.) 277, 533, 642; 1-я 273; 3-я 255
Кременчуг (Полтавская губ.) 2-я 29
"Кресты" (Одесса) 3-я 121
"Кресты" (Петербург) 1-я 3, 9, 25, 128, 131, 139, 157, 288, 344; 2-я 106, 190, 213, 231; 3-я 17, 27–28, 46, 69, 117, 123, 148, 177, 180–181, 233, 282, 284
Кронштадт 3-я 299
Култук (Иркутская губ.) 392
Кунгур (Пермская губ.) 223, 1-я 233
Курейка (Енисейская губ.) 3-я 17, 110
Курская тюрьма (Курская губ.) 441
Кяхта (Забайкальская обл.) 342

Л

Лена, р. 1-я 338; 3-я 285, 292
Лено-Витимские золотые прииски (Забайкальская обл.) 125, 393
Либавская тюрьма (Курляндская губ.) 1-я 265, 266
Листвиничное (Иркутская губ.) 393
Литовский замок (Петербург) 8, 27, 148, 222, 532, 549, 550, 552; 3-я 117
Ломжинская тюрьма (Ломжинская губ.) 2-я 112
Лукьяновская тюрьма (Киев) 1-я 342

М

Максимкин Яр (Нарымский край) 3-я 16
Малышевка (Иркутская губ.) 533, 536–537, 539
Мангут (Забайкальская обл.) 360
Манзурка (Иркутская губ.) 2-я 64
Мегенский улус (Якутская обл.) 244, 457, 652
Мезенский уезд (Архангельская губ.) 1-я 17, 95
Мезень (Архангельская губ.) 1-я 15; 2-я 57
Метехский замок (Тифлис) 1-я 139, 180, 181; 2-я 73; 3-я 28
Минусинск (Енисейская губ.) 37, 38, 361, 421; 1-я 207, 208, 209
Минусинский уезд (Енисейская губ.) 1-я 207, 235, 236, 303, 313–314, 327
Митавская тюрьма (Курляндская губ.) 2-я 221
Морчаны (Пермская губ.) 1-я 17
Моршанск (Тамбовская губ.) 3-я 57
Московские тюрьмы 37, 63, 82, 146, 147, 150, 157, 173–174, 263–265, 308, 510, 523, 612, 617; 1-я 8, 17, 30, 46, 55, 59, 73, 79, 91, 108, 124, 162, 163, 185, 227, 228, 299, 303, 342, 348; 2-я 4–5, 35, 36, 47, 49, 50, 77, 78, 106, 211, 221, 226, 227; 3-я 21, 27, 33, 68, 75, 90, 100–101, 116, 131, 143, 149, 153, 284, 285
Муромская тюрьма (Владимирская губ.) 3-я 247, 248
Мценская тюрьма (Орловская губ.) 101, 180, 181, 455, 568, 650

Н

Намский улус (Якутская обл.) 235
Нарым (Томская губ.) 69; 1-я 141, 142, 285; 2-я 227, 228; 3-я 16, 43, 72, 90, 280
Нарымский край (Томская губ.) 69; 1-я 86, 101, 103, 141, 142, 150, 247; 2-я 227; 3-я 16, 69, 72, 110, 147, 275, 280
Нерчинск (Забайкальская обл.) 231, 232, 555, 570
Нерчинская каторга (Забайкальская обл.) 125, 196–197, 232; 1-я 216; 3-я 281, 285 – см. также Акатуйская каторга; Алгачинская каторга; Зерентуйская каторга; Каданская каторга; Карийская каторга
Нерчинский завод (Забайкальская обл.) 197–198
Нижегородская тюрьма (Нижегородская губ.) 2-я 30; 3-я 35
Нижнекарийская каторжная тюрьма – см. Карийская каторга
Нижнеудинский уезд (Иркутская губ.) 3-я 144
Нижний Новгород (Нижегородская губ.) 1-я 128, 185
Николаевские тюрьмы 281, 284, 301, 651; 1-я 216; 3-я 153, 192
Николаевские арестантские роты (Пермская губ.) 1-я 20; 2-я 127; 3-я 16, 135
Нижанские прииски (Амурская обл.) 393
Новая Уда (Иркутская губ.) 3-я 108
Новгородская губерния 1-я 29
Новобелгородский централ (Харьковская губ.) 178, 271, 567
Новоборисоглебский централ (Харьковская губ.) 179, 271, 392
Новониколаевская тюрьма (Томская губ.) 2-я 66
Новочеркасская тюрьма (Область войска Донского) 1-я 213
Нолинск (Вятская губ.) 1-я 123

О

Обдорск (Тобольская губ.) 2-я 30; 3-я 20, 156
Одесские тюрьмы 139–141, 283, 285, 296, 301, 302, 303, 511, 591; 1-я 83, 153; 2-я 4, 103; 3-я 121, 153, 260, 262, 283
Олекминск (Якутская обл.) 184, 185; 2-я 50, 83–84; 3-я 143
Олонецкая губерния 321, 325; 1-я 120, 157; 3-я 24, 212, 270
Омск (Акмолинская обл.) 1-я 120
Онега (Архангельская губ.) 1-я 55; 3-я 169
Онежский уезд (Архангельская губ.) 1-я 139
Оренбург (Оренбургская губ.) 1-я 107, 141; 3-я 19
Оренбургская губерния 1-я 100
Орловская тюрьма (Орловская губ.) 63, 70; 1-я 123, 216
Остерская тюрьма (Черниговская губ.) 1-я 104
Оханск (Пермская губ.) 1-я 296

П

"Павиак" (Варшава) 2-я 146
Павловский рудник (Екатеринославская губ.) 1-я 213
Парабель (Томская губ.) 3-я 147
Патаскуя (Енисейская губ.) 2-я 87
Пермская губерния 222–223; 1-я 17, 95, 233, 296; 2-я 79
Пермь (Пермская губ.) 222; 2-я 79
Пермская тюрьма (Пермская губ.) 101; 2-я 127
Петербургские тюрьмы 8, 17, 27, 36, 52, 54, 63, 65, 77, 79, 120, 125, 147, 148, 150, 162, 163, 174–178, 218, 219, 221, 222, 228, 230, 231, 263, 268, 269, 277, 278, 283, 308, 309, 313, 314, 320, 323, 328–331, 370, 392, 406, 407, 408, 421, 433, 439, 444, 473, 486, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 514, 519, 529, 531, 532, 549, 550, 551, 552, 567, 612, 617, 628, 641, 643, 655; 1-я 3, 6, 9, 25, 45, 107, 128, 131, 139, 157, 220, 236, 243, 246, 273, 276, 288, 299, 303, 313, 327, 334, 344; 2-я 79, 106, 189, 190, 213, 231; 3-я 3, 17, 27–28, 46, 61, 69, 117, 123, 148, 177, 180–181, 233, 273, 282, 284, 285
Петроград – см. Петербург

Петропавловская крепость (Петербург) 17, 36, 52, 54, 65, 77, 79, 120, 125, 150, 162, 174, 176, 178, 218, 219, 221, 222, 228, 231, 263, 269, 278, 283, 313, 314, 320, 323, 328–330, 370, 392, 406, 407, 421, 433, 439, 444, 473, 492, 494, 514, 519, 550, 551, 612, 613, 617, 629, 641, 643, 655; 1-я 3, 6, 107, 220, 273, 299, 303, 327; 3-я 27, 148 – см. также Алексеевский равелин; Екатерининская куртина; Трубецкой бастион
Пинега (Архангельская губ.) 619; 2-я 226, 227
Пинежский уезд (Архангельская губ.) 3-я 272
Повенец (Олонецкая губ.) 321, 325
Преображенская волость (Иркутская губ.) 1-я 83; 2-я 30
Пречистенская полицейская часть (Москва) 82
Приангарье 1-я 26, 124; 2-я 36

Р

Рижская тюрьма (Лифляндская губ.) 1-я 104; 2-я 221
Ростовская тюрьма (Область войска Донского) 435; 2-я 57
Рыбинское (Енисейская губ.) 3-я 117–118, 119
Рыбное (Енисейская губ.) 3-я 75–76

С

Самарская тюрьма (Самарская губ.) 76, 173; 3-я 40
Саратовская тюрьма (Саратовская губ.) 37
Севастопольская тюрьма 1-я 8, 153
Седлецкая тюрьма (Седлецкая губ.) 1-я 123
Селиваниха (Енисейская губ.) 3-я 17
Симферопольская тюрьма (Таврическая губ.) 1-я 132
Смоленская тюрьма (Смоленская губ.) 216; 2-я 112
Сольвычегодск (Вологодская губ.) 1-я 128; 3-я 110, 239, 240
Среднеколымск (Якутская обл.) 63, 444; 2-я 4–5; 3-я 121 – см. также Колымский край
Срстенская полицейская часть (Москва) 528
Сургут (Тобольская губ.) 148
Сухумская тюрьма (Сухумский округ) 2-я 86
Сущевский полицейский дом (Москва) 1-я 8; 2-я 93; 3-я 484

Т

Таганрогская тюрьма (Область войска Донского) 435, 442; 2-я 66
Таганская тюрьма (Москва) 1-я 91, 162, 185, 227, 228, 338, 342; 2-я 35, 49, 50, 77, 78, 106, 226; 3-я 27, 68, 116, 131, 143
Тара (Тобольская губ.) 1-я 103
Тасеевка (Енисейская губ.) 1-я 123
Тасеевская волость (Енисейская губ.) 40
Татауровская волость (Забайкальская обл.) 413
Тверская тюрьма (Тверская губ.) 3-я 68
Тесинское (Енисейская губ.) 1-я 303
Тифлисская тюрьма (Тифлисская губ.) 2-я 26
Тобольск (Тобольская губ.) 1-я 108
Тобольская губерния 148, 223, 393; 1-я 90, 103, 108, 120, 153; 2-я 29, 30; 3-я 20, 90, 156
Томск (Томская губ.) 1-я 182
Томская губерния 69, 408; 1-я 86, 101, 103, 141, 142, 150, 247, 285; 2-я 66, 130, 227; 3-я 16, 43, 69, 72, 90, 110, 147, 275, 280
Томская тюрьма 532–533; 1-я 189, 190
Тотьма (Вологодская губ.) 1-я 343; 2-я 62
Троицкосавск (Забайкальская обл.) 555, 556, 557
Трубецкой бастион Петропавловской крепости (Петербург) 277, 421, 486, 491, 492, 497, 514, 617, 629, 641, 655
Тульская тюрьма (Тульская губ.) 155
Тунгура (Иркутская губ.) 3-я 177
Тунка (Иркутская губ.) 39, 243
Туринск (Тобольская губ.) 3-я 90
Туруханск (Енисейская губ.) 1-я 166; 2-я 117; 3-я 17
Туруханский уезд (Енисейская губ.) 119; 1-я 48, 247; 2-я 23; 3-я 17, 55, 110
Тутурская волость (Иркутская губ.) 2-я 112
Тутуры (Иркутская губ.) 1-я 247

У

Усть-Каменогорск (Семипалатинская обл.) 63
Усть-Карийская каторжная тюрьма – см. Карийская каторга
Усть-Кут (Иркутская губ.) 3-я 153
Усть-Майское (Якутская обл.) 10
Усть-Сысольск (Вологодская губ.) 609–610; 1-я 125; 3-я 43, 69
Уфа (Уфимская губ.) 1-я 85, 236
Уфимская губерния 2-я 77; 3-я 24

Ф

Феодосийская тюрьма (Таврическая губ.) 1-я 274

Х

Харьковские тюрьмы (Харьковская губ.) 68, 647, 648; 1-я 39, 181, 244, 335; 2-я 7; 3-я 100–101
Херсонская тюрьма (Херсонская губ.) 3-я 153
Холмогоры (Архангельская губ.) 1-я 95
Холмогорская тюрьма (Архангельская губ.) 1-я 335

Ч

Челябинская тюрьма (Оренбургская губ.) 2-я 128; 3-я 102
Чердынский уезд (Пермская губ.) 1-я 17, 95
Чечуйск (Иркутская губ.) 1-я 335
Чита (Забайкальская обл.) 28, 125–126, 142, 162, 290, 304, 360, 387, 413, 613, 642, 643, 644
Читинская тюрьма (Забайкальская обл.) 126, 569, 644
Читинский уезд (Забайкальская обл.) 125, 413
Чурапча (Якутская обл.) 246

Ш

Шелаевская волость (Енисейская губ.) 3-я 190
Шлиссельбургская крепость (Петербургская губ.) 19, 61, 62, 81, 180, 314–315, 439, 443, 459, 462, 474–475, 476, 477, 480, 481, 514, 539, 613, 617, 653, 655; 2-я 88
Шушенское (Енисейская губ.) 421; 1-я 221, 236, 313–314
Шуйская тюрьма (Владимирская губ.) 1-я 192

Я

Якутск (Якутская область) 182, 236, 244, 245, 246, 440, 443, 444, 618–619; 1-я 273; 2-я 5–6, 88, 117; 3-я 121, 143, 285
Якутская область 10, 40, 63, 182–183, 184–185, 235, 244, 245, 246, 408, 425, 444, 445, 448, 457, 496, 497, 537, 538, 610, 617, 618, 626, 652, 655–657; 1-я 76, 205, 206, 273, 346, 348; 2-я 4–5, 32, 35, 50, 83–84, 88, 103–104, 117, 118; 3-я 50, 56, 121, 143, 179, 201, 299
Якутская тюрьма (Якутская обл.) 246
Якутский округ (Якутская обл.) 652, 656
Яланское (Енисейская губ.) 2-я 36
Ялань (Енисейская губ.) 1-я 166
Ялуторовск (Тобольская губ.) 1-я 101
Яренск (Вологодская губ.) 610; 3-я 183, 291
Ярославская тюрьма (Ярославская губ.) 1-я 46, 74, 159; 3-я 292

Составитель Э. Л. Призмент.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указатель имен дает ключ к поиску в данном томе как самостоятельных статей о реальных исторических лицах, так и упоминаний о них во всем факсимильно воспроизведенном тексте (имена библейских, мифологических, литературных персонажей, а также те имена, которые упомянуты лишь в качестве стилистического приема изложения, не приводятся). Исходными для поиска взяты лишь настоящие фамилии, исключение сделано для лиц, получивших широкую и устойчивую известность в истории по партийным псевдонимам (Ленин, Артем).

Полное написание имени и отчества при фамилии означает, что это лицо имеет в томе персоналию.

В томе собраны по существу четыре книги, составленные из Приложений к Словарю Гранат. Поскольку каждая из этих книг (Приложения к 40-му тому и трем частям 41-го тома) имеет свою нумерацию столбцов, в указателе столбцам 41-го тома предшествует обозначение частей – 1-я, 2-я, 3-я; к 40-му тому даны только столбцы.

А

Абакумов 546
Абдулла-Мирза 2-я 107
Абдурахман-хан 651
Абрамов Я. В. 121
Абрамович М. 607, 609; 2-я 104, 107
Абрамский 3-я 211
Абросимов 3-я 102
Аванесов Варлаам Александрович 1-я 3
Авдеев 3-я 187
Авейде М. О. 3-я 94, 135
Авенариус Р. 1-я 341, 343
Аверин В. К. 1-я 293
Аверкин В. 2-я 134
Авилов Б. В. 1-я 197; 2-я 79
Авилов В. П. 1-я 342
Авксентьев Н. Д. 70; 1-я 240
Агапов С. И. 525
Агафонов В. К. 2-я 107
Агафонова А. М. 515
Агаческулов 160
Агаческуловы 159
Адамович Иосиф Александрович 3-я 288–290
Адельберг 3-я 299
Адлер В. 2-я 164, 186; 3-я 153
Адлер М. 2-я 203
Адлер Ф. 2-я 13; 3-я 153
Адлерберг 266
Адольфи 2-я 220
Адоратский В. В. 1-я 308
Адриановский 354, 355
Азеф Е. Ф. 24, 66, 70, 248, 434, 476, 571–575, 643; 3-я 124
Азизбеков Мешади-Бек 1-я 3; 3-я 6
Антов Д. А. 522
Антов И. 610
Айзенштат 618
Айтакон Надырбай 1-я 3–4
Акимов 279; 1-я 107; 2-я 9, 17
Аксаков Г. С. 42–44
Аксаков С. Т. 12
Аксельрод П. Б. 6, 10, 11, 31, 92, 107, 115–118, 194, 195, 429, 486; 1-я 220, 288, 312, 313, 341; 2-я 10, 12, 14, 15, 157, 165, 166, 172, 173; 3-я 120, 148, 154, 155
Аладьин Ал. 1-я 45
Алгасов-Трипольский 2-я 95
Александр Александрович 418
Александр II 43, 149, 199, 200, 218, 223, 256, 269, 282, 283, 297, 298, 311 313, 326, 390, 417, 418, 438, 440, 459, 466, 469, 471, 512, 513, 593, 638; 1-я 90, 105, 301; 2-я 44, 70, 83; 3-я 112, 113
Александр III 28, 160, 301, 407, 408, 458, 472, 539, 557, 569, 600, 612, 656; 1-я 106, 220, 228; 2-я 55, 101; 3-я 141, 291
Александров 494; 2-я 54
Александров Вас. 209–211, 213, 215
Александров Влад. 223
Александрова 1-я 222
Александрова В. И. 11, 290, 463, 532
Александрова Е. М. 2-я 34
Александрова Л. С. 65
Александрович С. 1-я 12
Александровский А. К. 66
Алексеев 80; 3-я 52
Алексеев П. А. 217, 519, 524, 525, 530–532, 538, 645, 657
Алексеева 39, 429, 651
Алексей 265
Алексин А. 2-я 122, 123
Алексинский 12; 1-я 144, 162, 344; 2-я 13; 3-я 56
Алексинский А. А. 1-я 267
Алисов Н. Т. 1-я 300, 301
Алиханов 3-я 7
Альбединская 3-я 218
Альторф 648
Альтфатер Василий Михайлович 1-я 4; 2-я 191, 194
Амирьян Арсений 1-я 4–5
Амосов 2-я 96; 3-я 285
Амфитеатров А. В. 2-я 121
Ананьина М. А. 409, 412, 643
Анардович 2-я 30
Анатра 2-я 99
Ангарский Н. С. – см. Клестов Н. С.
Андреев 2-я 92
Андреев Андрей Андреевич 1-я 5–6
Андреев Л. Н. 1-я 230; 2-я 187, 193, 204; 3-я 30
Андреев Н. П. 595–598
Андреева Е. К. см. Дическуло Е. К.
Андреева Н. П. 595
Андржейкович 38
Андронов 1-я 290, 292
Андрусский 650
Андрэ 3-я 216
Анелевич 1-я 207
Анжикович С. А. 338
Анисимов 1-я 290
Анисимов Н. 2-я 121–124
Аниенков П. С. 430, 431, 612
Аниенские 208
Аниенский П. Ф. 651; 1-я 227, 251; 2-я 177
Аносов П. А. 3-я 116
Аносов Н. М. 510, 525, 527
Антипов Николай Кириллович 1-я 6, 166
Антокольский О. С. 65
Антонов 22, 407, 598; 1-я 18
Антонов – см. Антонов-Овсеенко В. А.
Антонов А. С. 1-я 133, 217; 2-я 41
Антонов П. – см. Свириденко В. 416
Антонов С. 338
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 1-я 6–10, 83, 338, 344; 2-я 106, 107; 3-я 231, 300
Антонов-Саратовский В. П. 2-я 52
Антоновский 340
Антошкин Д. В. 3-я 168–170, 173
Анучин 39, 58, 303
Анфиров 2-я 92
Апенченко С. И. 3-я 202
Апосов 3-я 51
Аппельберг О. 242
Аптекман А. 193
Аптекман Д. И. 463
Аптекман Осип Васильевич 1–12, 31, 39, 51, 64, 194, 262, 265, 268, 275, 592, 637
Аракчеев А. А. 1-я 109
Аралов Семен Иванович 1-я 10–15
Аргунов 249
Аргутинский-Долгоруков А. М. 66
Арефьева Т. 157
Аристотель 2-я 197
Аркос 285
Арманд Инеса Федоровна 1-я 15–16, 26; 3-я 77
Армфельд А. В. 528, 539
Армфельд Н. А. 6, 151, 525, 526, 528, 534–536, 656
Арнольди (Шредер) Н. А. 601
Аросев Александр Яковлевич 1-я 16–19; 2-я 64
Арончик А. Б. 314, 593; 638
Артем (Сергеев Ф. А.) 1-я 19–22; 2-я 129
Артемов 2-я 103
Арутюнянц П. 3-я 197
Архангельский А. П. 647
Архангельский П. Ф. 336
Архипов 496
Архипова А. 3-я 256
Арцебушев 182
Арцеханов 2-я 88
Арцыбашев М. П. 2-я 106
Арцыбушев 320

Арцыбушев В. П. 1-я 220; 3-я 51
Аршаулов 2-я 4
Асенкова 72
Аскоченский 57
Астров 2-я 15
Астырев 2-я 34
Атабаев 3-я 86
Ауссем Владимир Христианович 3-я 290–291
Ауссем Отто Христианович 3-я 291–293
Ауэрбах А. А. 3-я 112
Афанасьев А. П. 657
Афанасьева 295
Афанасьева С. А. 520
Афонская Л. А. 333
Ахманов-Гиршфельд 1-я 172
Ахун-Бабаев Юлдашбай 1-я 22
Ачканов 3-я 209
Ашенбреннер М. Х. 12
Ашенбреннер Михаил Юльевич 12–19, 58, 471, 472, 474
Ашенбреннер Ю. Ю. 12

Б

Бабушкин И. В. 1-я 312; 2-я 116
Баврин 3-я 93
Багинский 3-я 291
Багратион 190
Багряновский 657
Бадаев А. Е. 1-я 166; 3-я 124, 171
Бадаев В. А. 336–338, 340
Бадени 2-я 139
Бажанов 2-я 61, 64
Бажина С. Н. 336
Базанов 2-я 94
Базаров В. А. 1-я 30, 342; 2-я 7; 3-я 44
Байдаковский 168
Байков 546
Бакиг 1-я 258
Бакунин М. А. 47, 73, 90, 91, 96, 108, 109, 111, 112, 170–172, 229, 230, 391, 392, 429, 464, 518, 519, 548, 564, 565, 645; 2-я 127, 128
Балабанов 2-я 171
Балабанова А. 2-я 157, 159
Балабуха С. П. 408
Балагуров А. Н. 3-я 169, 172
Баламез А. 283, 457, 591
Баламез Г. 290
Балмашев В. 2-я 224
Балмашев С. В. 2-я 224
Бальцевич 2-я 42
Бантыш 2-я 208
Баранников А. И. 18, 220, 264–266, 270–274, 298, 300, 323–326, 386, 468, 638
Баранникова М. Н. – см. Ошанина М. Н.
Барашов 39, 154; 1-я 159, 160
Барахов И. 3-я 285
Бардина С. Н. 81, 218, 321, 401, 463, 525, 531–533
Бардовский Г. В. 79, 221, 530, 589
Баринов 2-я 124
Бар-Кохба 2, 3
Бармзин Е. В. 3-я 51
Барон 1-я 189
Барон К. Ю. 1-я 70
Барский Я. 430, 533, 534
Барышева 423
Барышников В. А. 3-я 81, 82, 84
Басов 213, 215, 562
Басиас 3-я 78
Басов-Верхоянцев С. А. 2-я 104
Басовский О. (И.) Б. 2-я 104
Батогов Г. 37, 136, 138
Батуев А. П. 558
Батюшкова В. Н. 520, 521, 523, 525–527, 529, 532, 534, 536, 539, 540
Бауер К. К. 1-я 300
Бауман Н. Э. 82, 1-я 224, 303; 2-я 50; 3-я 116, 142, 202
Баумейстер 2-я 161
Бах А. А. 480
Бах Алексей Николаевич 19–25, 61, 69, 124, 340, 405, 433
Бахметьев 229
Бахутов Александр Михайлович 1-я 22–24
Бебель А. 1-я 224, 292, 347; 2-я 15, 139, 149–151, 201, 209
Бебутов В. О. 388
Бедный Демьян 1-я 109–118; 3-я 106
Бек 197
Бек Ф. И. 63
Бекетов 30, 121, 440
Бекетов А. Н. 29
Бекетов Н. Н. 193
Бекзадян 3-я 302
Беленький Григорий Яковлевич 1-я 24–26, 9; 3-я 137
Белецкий Н. 618
Белинский В. Г. 13, 72, 253, 255, 461, 606; 1-я 57, 159, 212, 263, 286; 2-я 20, 44, 76, 90, 102
Беллами Э. 2-я 46, 47
Белобородов Александр Григорьевич 1-я 26–29; 3-я 146
Белов И. Д. 203
Белов С. 35, 36
Белогрудов 606, 608
Белозерская Н. А. 29
Белоконская В. Н. – см. Левандовская В. Н.
Белоконский И. П. 38
Белопольский И. 3-я 256
Белоцветов 650
Бельтов Н. – см. Плеханов Г. В.
Беляев И. Д. 7
Беляевский 525, 528, 529
Белярминов 606
Бем-Баверк Е. 1-я 55, 56
Бемер Ф. В. 583, 584
Беневольский И. В. 62
Бенигсен 338
Беранже П. Ж. 579
Берви-Флеровский В. В. 6, 74, 107, 193, 208, 215, 297, 353, 374, 376, 391, 542, 544, 606, 615, 645, 647; 1-я 219; 2-я 2
Берг 1-я 70
Бердичевская 328
Бердичевский Я. 430, 431
Бердников Л. Ф. 273, 275, 276, 414, 656; 2-я 107
Бердяев 1-я 163; 3-я 27
Березнюк Г. – см. Тишенко И. И.
Беренс 2-я 194
Берзин 2-я 160
Берзкалын 1-я 103
Берман 3-я 200
Бернадаки 633
Бернадская Е. П. 384
Бернард 3-я 152
Бернацкий Н. В. 376
Берне 120
Бернштейн Э. 1-я 196, 197; 2-я 7; 3-я 154
Берцинская-Розенберг 3-я 134
Беспалов 1-я 291
Бессалько П. 1-я 160
Бессонов 61
Бестужев А. А. 26
Бесчинский А. 1-я 219
Бехтерев В. М. 332
Бианки П. 1-я 274
Бибергаль А. Н. 28, 569, 652
Биренцвейг Н. 2-я 111
Бирюшев 3-я 86
Биск И. 2-я 6
Бисмарк О. Э. Л. фон Шенхаузен 5; 1-я 272
Битмит 430
Бланздевич К. 74, 77
Благовещенский 239
Благоев Д. Б. 337; 2-я 4, 176
Блан Л. 193, 463, 582; 2-я 45
Блек А. 39, 122, 616
Блинов 74; 3-я 142
Блок А. Л. 32, 39; 2-я 197, 198
Блохин 2-я 92
Блюменталь 25
Блюменфельд 117, 118
Блюхер В. К. 562; 3-я 138
Бобжинский 2-я 140
Боборыкин П. Д. 438; 2-я 45
Бобохов С. Н. 53, 196, 239, 279, 652, 654; 1-я 206
Бобыхов С. 53
Бобровский 196, 197
Бобровский Владимир Семенович 1-я 29; 3-я 142
Бобровский П. С. 2-я 123
Богданов 1-я 83, 145, 160, 184, 197, 287; 2-я 13, 106; 3-я 56, 265, 291
Богданов Александр Александрович 1-я 29–33, 144, 342–344; 2-я 51, 112, 116; 3-я 44
Богданов З. 28
Богданов М. С. 3-я 31
Богданов Петр Алексеевич 1-я 33–35
Богданов Степан Петрович 25–28, 569, 651
Богданович А. И. 64, 612
Богданович И. Ф. 3-я 119
Богданович Н. Н. 260, 261
Богданович Ф. 653
Богданович Ю. Н. 31, 36, 81, 157, 161, 220, 259, 260, 300, 310, 465, 466, 490–492, 596, 598, 640, 641
Богинский 2-я 108
Богодский 1-я 7
Боголепов Д. П. 2-я 92, 93
Боголепов Н. П. 81, 355; 1-я 162; 3-я 63, 186
Боголюбов – см. Емельянов А. А.
Богомазов 3-я 57
Богомолец 3-я 52
Богомолец С. 195
Богомолов 549
Богораз В. Г. – см. Тан-Богораз В. Г.
Богораз Н. Ф. 616
Богородский Н. Н. 39, 80, 328, 484–486, 489, 490, 493, 494, 629, 638, 657
Богословский 60, 61
Боград 2-я 104
Богуславский Михаил Соломонович 1-я 35–42
Богучарский 2-я 177
Бодиско М. А. 152
Бодяжин 75
Бойкова 3-я 212
Бокий 2-я 64
Бокль Г. Т. 208, 582; 1-я 78, 212, 219, 256; 2-я 45, 100, 102
Бохов 369, 370
Бокова 205
Бойко А. М. 3-я 168
Бойков 3-я 212
Бойченко-Филимонов 618
Бонч-Бруевич В. Д. 1-я 332; 2-я 78
Бонч-Осмоловская В. И. 185, 518
Бонч-Осмоловский А. 32, 185, 616
Борберг 2-я 164
Бордовский 159
Борейшо А. 419, 420, 619
Борисевич 217
Борисовская К. см. Морозова К.
Борисова М. А. 1-я 163
Борисович 124
Боровский 3-я 256
Бородзич 408
Бородин М. П. 626 628; 2-я 218
Борхард 2-я 156, 159, 160
Боткин С. П. 332
Бохановская Г. Ф. – см. Чернявская-Бохановская Галина Федоровна
Бохановский И. В. 100, 111, 114, 511, 602
Бочаров 567
Бош 3-я 291
Бош Евгения Богдановна (Готлибовна) 1-я 42–43; 2-я 130, 134, 135, 161, 208
Бош П. П. 1-я 42
Боэ, братья 3 я 27
Боэ М. 3-я 27
Бражников 441
Браиловский 234, 235
Бракке В. 1-я 224; 3-я 31
Брамсон 478
Бранденбургский 2-я 218
Брандтнер Л. К. 100, 454, 455, 534, 646, 650; 2-я 151
Брантинг 2-я 164
Братиану И. Младший – см. Брэтиану И. Младший
Брауде 3-я 188
Браун 2-я 152
Брегман 2-я 190
Брешихин Ф. А. 3-я 253
Брем А. Э. 239; 1-я 52
Бреслав 2-я 87

Брешко-Брешковская Е. К. 24, 66, 77, 79, 92, 93, 147, 148, 150, 178, 185, 222, 249, 310, 343, 414, 552, 557, 609, 631, 635; 3-я 21
Брешковская Е. К. см. Брешко-Брешковская Е. К.
Бриллиант Д. 66
Бронский 2-я 162
Бронштейн Л. Д. – см. Троцкий Лев Давыдович
Брук 2-я 106
Брунбахер 2-я 144
Брусилов М. И. 1-я 227, 228; 2-я 34, 104
Брызгалов 3-я 238
Брэм А. Э. – см. Брем А. Э.
Брэтиану И. Младший 2-я 182
Брюсов В. Я. 343
Брюханов Николай Павлович 1-я 43–47; 2-я 128; 3-я 87
Брюхановы 589
Бряндинский 3-я 72
Бубликов 1-я 18
Бубнов 15, 38
Бубнов Андрей Сергеевич 1-я 47–49, 247; 2-я 94, 96; 3-я 77
Бугаев 485
Буденный М. И. 1-я 49
Буденный Семен Михайлович 1-я 49–52
Будилович 1-я 162; 3-я 50
Булак-Булакович 3-я 163
Буланже 205
Буланов А. П. 31–36, 38–40, 161, 358
Буланов Л. П. 33, 39, 40, 249, 275, 276
Буланова-Трубникова Ольга Константиновна 28–41
Булат 1-я 292, 293
Булах М. 2-я 94
Булгаков И. Е. 61, 63
Булгаков С. Н. 1-я 163
Булин А. 3-я 173
Булкин 3-я 234
Булыгин А. Г. 162
Бумажный 3-я 197
Бунаков 583; 1-я 301
Бунят-заде 3-я 302
Буренин Н. Е. 3-я 117
Бурлей 656
Буров Я. 3-я 105, 170, 173
Бурриот 38
Бурцев 342, 575
Бурцев В. Л. 2-я 203
Бутин 232
Бух 74, 150
Бух А. К. 50
Бух Л. К. 41, 46, 49, 54
Бух Николай Константинович 41–57, 95
Бухарин Николай Иванович 1-я 52 56, 89, 105, 339; 2-я 92, 93, 95, 132, 134, 135, 161, 168, 186; 2-я 77, 80
Бухаринына Н. 8, 9
Буцевич А. Ц. 14 18, 471, 472
Бушинский 655
Бучневская 321, 330
Бушен 3-я 135
Бызов К. 493 496
Быкова 311
Быстрицкая Е. В. см. Торсуева-Быстрицкая Е. В.
Быстрянский 3-я 168
Быховский И. Я. 68; 1-я 87; 2-я 104
Быховцев 270
Быч 3-я 84
Бычкова 32, 33
Бьюкенен Дж. 3-я 229
Бюлов 1-я 348
Бюлов Б. 1-я 153
Бюхнер Л. 207, 390, 516; 1-я 286; 2-я 2; 3-я 232, 265

В

Вагнер В. Рихард 3-я 219
Вагнер О. 127
Вадсон 372
Вайнштейн – см. Вайнштейн-Звездин С. Л.
Вайнштейн Арон Исакович 1-я 56–61
Вайнштейн О. 607, 609
Вайнштейн-Звездин С. Л. 2-я 211; 3-я 142, 202
Валек А. 1-я 27
Валентин – см. Коковский
Валентинов Н. 3-я 140
Валуев П. П. 15, 37, 136, 138, 428, 569
Валь фон В. В. 1-я 220; 2-я 199
Вальхер 2-я 151
Вальяно 437
Вандервельд 3-я 125
Ванеев 1-я 221
Ванновский В. А. 166; 1-я 120, 348; 3-я 23
Ванчаков 650
Ванченко 3-я 208
Вардаяц 1-я 179
Варенцова 1-я 17
Варский А. Е. 1-я 145, 210; 2-я 142, 143, 145–147, 153
Вартанов С. 1-я 298
Варынский Л. 123
Васильев 124, 447, 484, 485, 617
Васильев З. 22, 61
Васильев Н. 525
Васильев С. 3-я 285
Васильева О. 182
Васильев-Южин М. И. 2-я 52
Васильчиков 1-я 221
Васнецов 2-я 59
Вахитов Мулла Нур 1-я 61–62
Ваховская В. И. – см. Бонч-Осмоловская В. И.
Вацетис Иоаким Иоакимович 1-я 62–73
Вашков 559
Вебб Б. 1-я 196, 314
Вебб С. 1-я 196, 314
Вебер М. 2-я 203
Ведерников Алексей Степанович 1-я 73–74
Везиров Мир-Гассан 1-я 74
Веймар О. Э. 30, 33, 211, 219, 220, 263, 277, 278, 465, 624, 653, 656
Векман Александр Карлович 1-я 74–75
Велединцкий 285
Велембовская В. 379, 380
Величко 3-я 27
Вельтман М. Л. – см. Павлович М. Н.
Венгеров С. А. 339
Вербицкий 3-я 173
Вердеревский 2-я 165
Веревкин В. И. 2-я 40
Вересчов 1-я 294
Вересаев 2-я 177
Вересаев В. В. 446; 3-я 59, 60
Верцго 328
Вершиковский 2-я 128
Верморель О. 193
Верн Ж. 564; 1-я 286; 2-я 83, 99
Вернер И. 213, 215
Верховский 1-я 245
Веселов 3-я 75
Веселовский А. Н. 1-я 252
Веселовский Б. 2-я 104
Ветрова М. Ф. 3-я 2
Вечеслов 118
Визер 1-я 55
Виктор-Эммануил 647
Викторова-Вальтер 264
Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич 1-я 75–78
Виленц 606
Виллонен 3-я 30
Вилонов 3-я 135
Вильберг А. К. 193, 206, 207, 209, 214, 216, 371
Вильгельм, император 3-я 104
Вильде 145
Вильмс 642
Винников 231
Винниченко В. К. 2-я 84
Виноградов 242; 1-я 87
Винокуров Александр Николаевич 1-я 78–81, 347; 2-я 40, 48
Винокуров П. И. 2-я 48, 49
Винокурова П. 1-я 347
Виппер 1-я 88
Виргилий 239
Вирхов Р. 7
Виташевский 181, 295
Виткович 68
Витте 2-я 201
Виттенберг С. Я. 157, 280–289, 293, 294, 296, 298, 301, 425, 648
Витютнев А. П. 518, 519
Вишняков П. П. 496
Владимир, дядя царя 162
Владимиров 193
Владимиров Мирон Константинович 1-я 81–84, 9; 3-я 76, 87
Владимирский Михаил Федорович 1-я 84–85, 185, 332; 3-я 15, 28
Власенков 1-я 293, 294
Власов Ф. 610
Властопуло 651, 652
Вовчок Марко 72
Водовозов В. В. 1-я 310
Водовозов В. И. 208
Воеводин Петр Иванович 1-я 85–86
Вознесенский 66
Вознесенский В. А. 247
Войков Петр Лазаревич 3-я 292–293
Войнаральская 77
Войнаральский П. И. 48, 74, 75, 79, 80, 146, 173, 175–177, 179, 180, 182, 271, 272, 310, 343, 467, 511, 551, 648, 654; 2-я 6
Войнич Э. Л. 337
Войнов И. А. 3-я 169, 173
Войтинский 1-я 240
Волгин Вячеслав Петрович 1-я 86–89; 2-я 36; 3-я 233
Волжанин 1-я 119, 120
Волкенштейн 3-я 23
Волкенштейн А. А. 381
Волкенштейн Л. А. 19; 3-я 23
Волков В. С. 2-я 56
Волков Н. П. 3-я 169
Волков С. 610
Волков Ф. Г. 59
Волкова 209
Волконский 190
Волнов Ф. К. 647
Володарский В. (Моисей Маркович Гольдштейн) 1-я 89–90; 3-я 104
Володин В. 3-я 169
Волонтер 1-я 9
Волошенко И. Ф. 156, 266, 455, 456, 584, 646, 651
Волошенко П. С. – см. Ивановская П. С.
Волошкевич С. 2-я 102, 103
Волховский Ф. В. 6, 171, 223, 308; 3-я 287
Вольский С. – см. Соколов А. В.
Вольф М. О. 49, 253
Вольфгейм 2-я 156
Вольфензон Б. Л. 1-я 272; 3-я 202
Воробьев Яков Зиновьевич 1-я 90
Воровский Вацлав Вацлавович 1-я 90–93; 559; 1-я 101, 151; 2-я 37, 78, 163, 166, 167, 201; 3-я 142, 143
Воронин 1-я 166; 2-я 117
Воронов 590; 1-я 240
Воронский А. К. 1-я 18
Воронцов 488; 1-я 293
Воронцов В. П. 423
Воронцов П. 1-я 292
Воронцов-Дашков И. И. 472
Ворошилов Климент Ефремович 1-я 93 97; 3-я 3, 111
Восков Самуил Петрович 1-я 97
Вогинов 2-я 127
Вохмина М. 3-я 118
Врангель П. Н. 1-я 176, 177, 258; 2-я 136; 3-я 111, 193, 281, 298
Вреден Э. Р. 439
Вронский 1-я 293
Врублевский Ф. 3-я 256
Второв 2-я 228
Вульферт 261
Вукдт 582; 1-я 228
Вырубов С. 31
Высоцкий А. Л. 248; 2-я 77, 78
Вышнеградский Н. А. 205
Вяземский 2-я 170

Г

Гаазе Г. 2-я 200
Габель 102, 392, 533
Гаврилев 226

Гавронский 3-я 228
Гаевский 3-я 112
Газенбуш 3-я 212
Гайм Р. 13
Галдин 1-я 17
Галецкий 2-я 141
Галкин А. 2-я 129
Галкин В. 2-я 104
Галушкин П. 607–609, 613
Гальберштадт Р. 2-я 104
Гальперин А. 430, 434
Гальперин Л. Е. 3-я 116
Гамбаров Ю. 3-я 2
Гамбетт 209
Гамбургер А. М. 540
Гамкрелидзе 527, 528
Гамкрелидзе И. Е. 1-я 297
Ганецкий 165
Ганецкий Яков Станиславович 1-я 97–101, 210; 2-я 113, 153, 160, 163, 165–167; 3-я 77
Гапон Г. А. 447; 1-я 332; 3-я 203
Гарибальди Дж. 30
Гарин И. 1-я 13; 3-я 241
Гарин-Михайловский Н. Г. – см. Гарин Н.
Гартинг 1-я 348
Гартман Л. Н. 313, 385, 470
Гарусов 583
Гарфункель 1-я 224
Гаршин В. М. 335
Гастев Алексей Капитонович 1-я 101 102
Гауеман А. Л. 491, 656; 2-я 5
Гегель Г. В. Ф. 13; 2-я 134; 3-я 33, 215
Гед Ж. 1-я 219, 224; 2-я 32, 174, 178, 179; 3-я 33
Гедеоновский А. В. 21, 340, 434
Геер 124, 125
Гейер И. И. 407
Гейкинг 100, 467
Гейльпери И. 1-я 201
Гейне Г. 120, 329; 1-я 53, 234; 2-я 138
Гейниц 286, 287
Геккер 2-я 142, 143
Геккер А. И. 2-я 108, 109
Геккер Н. Л. 66, 134, 138, 196, 434, 497, 657, 658
Гекели Т. Г. 1-я 263
Гелер А. Ф. 234
Геллис М. Я. 651, 655
Гельфман Г. М. 31, 151, 300, 302, 321, 324, 328, 384, 385
Гениш К. 2-я 157
Гераклитов Ф. Е. 239
Герард В. Н. 221, 530
Герасимов А. П. 232
Герд А. Я. 206, 208
Герман 2-я 141
Герман Р. И. 536, 537
Германы, братья 2-я 218
Гермоген 3-я 287
Герцен А. И. 13, 30, 229, 254, 398, 463, 484, 602, 645; 1-я 166, 168, 286; 2-я 65, 100; 3-я 128, 141
Гершуни 1-я 24
Герье В. И. 520
Гессен 3-я 74
Гете И. В. 120, 367; 1-я 228, 234
Гецов М. 33
Гизетти 1-я 135
Гик 2-я 107
Гинет 3-я 81
Гинзбург 1-я 301
Гинзбург А. 2-я 4
Гинзбург А. М. см. Наумов Г.
Гинзбург Б. А. – см. Кольцов Д.
Гинтовт 63
Гинце 2-я 168
Главацкий 15
Глаголев Гр. 518
Глебов 3-я 143
Глебов-Авилов Николай Павлович 1-я 102–103, 293
Глотов А. – см. Бубнов А. С.
Глуховский 493, 494
Глушков 646
Гогия 3-я 137
Гоголь Н. В. 253, 352, 507, 605, 606, 644; 1-я 272, 297; 2-я 70, 83
Годлевская Е. 2-я 104
Годлевский 2-я 104
Голиков 37, 497
Голиков В. Т. 415
Голицинский 1-я 181
Головин 79; 3-я 189
Головин А. 78
Головин И. 47
Головина Надежда Александровна 71–85, 222
Головины 80
Голодный Н. 3-я 26
Голоушев С. 253, 254, 269
Голубев 1-я 17; 3-я 71
Голубев В. С. 1-я 227
Голубятников 561
Гольденбах Д. Б. – см. Рязанов Д. Б.
Гольденберг 80, 308, 329, 595; 3-я 228
Гольденберг Г. 607, 638
Гольденберг Иосиф Петрович 2-я 32; 1-я 165, 337; 2-я 164; 3-я 144
Гольст Р. 2-я 161
Гольцман 2-я 113
Гомер 239
Гонкур Э. и Ж. де (братья) 376
Гонта 96
Гончаренко 1-я 290
Гончаров 192, 214
Гончаров Д. Д. 1-я 342
Гончаров И. А. 507, 516
Гопнер С. И. 1-я 294
Гораций 3-я 232
Горб 3-я 238
Горбачевская 65
Горболь 1-я 19
Горбунов 2-я 11
Горвиц 216
Гордон Абе Исакович 1-я 103–105; 2-я 135
Гордынский 2-я 40
Горемыкин И. Л. 657; 1-я 207
Горинович 99, 113, 114, 618
Городецкий 47, 74
Гортынский Л. В. 595
Горчаков 558, 560
Горький Максим 478, 571, 650; 1-я 118, 344; 2-я 177, 187, 193, 201; 3-я 14, 132
Горяинов И. 289, 290, 426–428, 452, 556, 557
Госсох В. 588
Готлиб М. 1-я 42
Готто 1-я 156
Гофман 1-я 219; 3-я 79
Гохберг М. 3-я 52
Гоц 3-я 127
Гоц М. Р. 343, 443, 572, 573
Гоцинский Н. 2-я 109; 3-я 7
Грацианов 1-я 189, 190; 2-я 77
Грацианский 630
Грачевский М. Ф. 37, 51, 160, 219, 300, 337, 385, 387, 400, 471, 475, 486, 487; 2-я 3
Гребенч 32
Греков 342; 1-я 94
Гренквист 164
Грибоедов А. С. 606
Грибоедов Н. А. 211, 220
Грибоедова В. 215, 217
Григорий 1-я 291
Григорович Д. В. 605; 3-я 194
Григорьев 1-я 41; 2-я 234
Григорьев А. 15
Григорьев П. А. 3-я 297
Гримм Р. 2-я 157, 159, 162, 163
Гримм Э. 1-я 242
Гринберг Х. Г. 293, 295, 417
Гриневицкий И. И. 327, 417, 418, 485, 513, 616; 1-я 161
Гринцер Д. 2-я 103
Гринько 2-я 109
Громан 559
Громан В. Г. 3-я 202
Громан Е. Н. 3-я 202
Громов Н. 3-я 1
Громовой А. И. 619
Гросман Р. Л. 359
Грот 43
Грубер 357
Грунт 1-я 283
Грушецкий 2-я 218
Грюн 603
Грязнов В. 466
Губельман М. И. – см. Ярославский Емельян
Губкин 496
Гудзь 475; 3-я 211
Гузеев 3-я 143
Гуковская В. 453, 591
Гуковские 3-я 206
Гуковский 3-я 189
Гуковский А. 249
Гуковский Исидор Эммануилович 1-я 105
Гуковский Э. И. 1-я 328
Гурвич И. А. 3-я 240
Гурвич Ф. И. – см. Дан Ф. И.
Гурвич-Кожевникова В. В. 3-я 142
Гуревич С. см. Пик Софья
Гуревич Ц. С. 3-я 282
Гуревич Я. Г. 336
Гурович И. И. 2-я 177; 3-я 187
Гурьев А. 1-я 219
Гурьев П. С. 517
Гурьева А. С. 517
Гусаров Ф. В. 1-я 241; 3-я 116, 188
Гусев 76
Гусев Н. Н. 3-я 74
Гусев Сергей Иванович 1-я 105–109; 3-я 80
Гусева 76
Гутерман 438
Гутман 2-я 167
Гюго В. М. 119
Гюисманс К. 2-я 164

Д

Дабев 2-я 171
Давиденко Н. Я. 159, 287, 289, 296, 297, 591
Давыдов И. А. 2-я 48
Давыдович М. К. 1-я 129, 130
Дадабаев Бутабай 3-я 293 295
Дадиани – см. Камо
Даманский 38
Дан Ф. И. 118, 559; 1-я 144, 145, 224; 2-я 15; 3-я 127, 157
Данауэр 1-я 267
Даниельсон Н. Ф. 1-я 58
Данилов 3-я 43
Данилов С. С. 2-я 40
Дантон Ж. Ж. 89, 479
Дарвин Ч. Р. 7, 220, 582; 1-я 106, 219, 235, 286; 2-я 45; 3-я 22, 229
Датман (Дитман) 2-я 163
Дашинский 1-я 210, 211; 2-я 143
Дашкевич 3-я 82
Дашкевич П. В. 617
Дашкевич П. Г. 20
Дволайцкий Ш. М. 1-я 32, 88
Дебогорий-Мокриевич Владимир Карпович 86–105, 49, 111, 113, 156, 168–171, 453–455, 536, 646, 652
Дебогорий-Мокриевич И. К. 86, 88–90, 168, 392, 646
Дебрукер 2-я 164
Дебс Ю. (Е.) 3-я 30
Девель С. В. 197
Девиль 2-я 172
Девриен А. Ф. 1-я 53
Дегаев С. П. 15, 18, 21, 122, 124, 338, 339–341, 400, 402, 403, 431, 432, 472, 473, 489, 490, 598–601, 617
Дегаевы, супруги 401, 431, 599
Дейч Лев Григорьевич 105–119, 10, 31, 32, 49, 95, 99, 100, 194, 511, 646; 1-я 331; 2-я 54
Декенис (Латвис) 2-я 220
Дел М. В. 64
Деларю Е. М. 192
Делянов И. Д. 422; 2-я 101
Дембский А. И. 122, 337, 342
Демерт 227
Де-Монзи 2-я 187
Демулен Камилл 89
Демьян Бедный – см. Бедный Демьян
Деникин А. И. 479; 1-я 15, 41, 75, 90, 151, 155, 176, 181, 190, 211; 2-я 20, 26, 108, 136, 186, 234; 2-я 31, 47, 64, 83 85, 105, 111, 162, 165, 211, 277
Денисов 1-я 96
Дербышев Николай Иванович 1-я 119–121; 3-я 135
Дерниз фон 309
Дериглазов 2-я 103
Дешевой 2-я 190

Джабадари В. 40
Джабадари Н. С. 524, 525, 530, 655
Джабиев 3-я 302
Джапаридзе А. 2-я 87
Джапаридзе В. 2-я 88
Джапаридзе Прокофий Апресианович 1-я 121 122, 95; 2-я 37; 3-я 183, 189
Джинда 657
Джорданния 1-я 144
Джоров С. И. 3-я 256
Джунаид-Хан 1-я 258
Джунковский 1-я 328; 3-я 100
Дзбановский 657
Дзвониевич Н. Н. 37, 415, 416, 497
Дзержинский Феликс Эдмундович 1-я 122–124, 99, 210; 2-я 42, 86, 113, 143, 145, 147, 153; 3-я 50, 111, 198, 199, 292
Дзивинский 192
Дзярский 2-я 130
Дибич-Забалканский И. И. 2-я 170
Диккенс Ч. 144
Диковские 652
Диковский 414
Диковский М. А. 416, 643
Диковский С. А. 416
Диксон 462
Дионео 2-я 5
Дировский 617
Дитман – см. Датман
Дическуло Е. К. 416, 422
Длюшпаго 2-я 111
Дмитриев В. В. 3-я 142
Дмитриев И. А. 3-я 172, 173
Дмитриев Т. И. 1-я 329
Дмитриева В. 240
Дмоховская Л. А. 516, 517
Дмоховский Л. А. 6, 180, 516
Добржинский 329, 421, 490, 591
Добровольский Л. 79, 267, 584
Добролюбов Н. А. 13, 59, 134, 152, 204, 207, 254, 255, 335, 366, 422, 425, 461, 484, 542, 564, 606, 645, 658; 1-я 45, 57, 78, 196, 212, 219, 234, 256, 263, 286; 2-я 4, 20, 44, 76, 90, 100, 102, 121, 207; 3-я 22, 60, 140, 232
Добролюбский К. Н. 3-я 263
Доброскок 1-я 7
Добросмыслов 63
Добротворский 332
Добрускина Генриста Николаевна 119 126, 279, 340, 407–412
Довбит-Мусицкий 1-я 72
Довгалевский Валериан Савельевич 1-я 124 125; 3-я 31
Догадов Александр Иванович 1-я 125–126; 3-я 43
Додонова А. А. 1-я 328
Доде А. 376
Докучаев В. В. 2-я 198
Долгов Н. 224, 227; 1-я 310
Долгополов С. 399
Долгопятов 1-я 302
Долгорукая 513
Долгоруков, кн. 242
Долгорукова 616
Долгорукова – см. Альбединская
Долгушин А. В. 6, 169, 180, 181, 517, 645, 655
Доллер 657
Доллер А. 195
Доллер С. Н. – см. Шехтер С. Н.
Домбровский 1-я 204
Домбский 2-я 153
Доменнов В. 3-я 134
Дондукова-Корсакова М. М. 8
Дондуков-Корсаков А. М. 649
Донецкий 90, 91
Донской 3-я 56
Донцова Е. Ф. 589
Дорошевская Т. 2-я 105
Дорошевский 2-я 105
Достоевский Ф. М. 72, 121, 293, 397; 2-я 70, 197; 3-я 91, 194, 222
Драго Н. И. 220, 257, 465, 524
Драгоманов М. П. 646, 647
Драчев 1-я 291, 293
Дрей Михаил Иванович 126–142, 401, 497
Дрейфус 376, 477; 2-я 176; 3-я 206
Дрентельн А. Р. 148, 277, 310, 467, 486, 495, 638, 649
Дрентельн Н. С. 335
Дрепер 353, 582; 1-я 219, 263; 2-я 100, 111; 3-я 22
Дридзо Соломон Абрамович – см. Лозовский А.
Дробнис Яков Наумович 1-я 126–127; 3-я 277
Дробыш-Дробышевский 3-я 14
Дробязгин И. В. 95, 98
Дроздович З. 2-я 111
Дружинин В. 31
Дружкины, братья 3-я 97, 98
Дрэпер – см. Дрепер
Дубасов 1-я 130; 3-я 29
Дубенская Е. Д. 30
Дубенский С. И. 152
Дубов 610
Дубовицкий Я. Ф. 3-я 190
Дубровин А. И. 651
Дубровин Е. А. 32, 399, 485, 494, 495, 616, 649
Дубровинский И. Ф. 1-я 31, 144, 145, 165; 2-я 14; 3-я 20, 29, 30, 52, 144, 203
Дугачев 1-я 17
Дудченко И. М. 1-я 264
Дулемба 123
Дулинский А. Н. 240
Думбадзе Л. 3-я 269, 292
Думенко Б. М. 1-я 52
Дунаев Евлампий Александрович 1-я 127–128
Дурново Е. 32
Дурново И. Н. 2-я 60
Дурново П. Н. 63, 162, 198, 342
Дурылин С. 3-я 74
Дутов А. И. 1-я 194; 3-я 146, 210
Дыбенко Павел Ефимович 1-я 128–133
Дыбенко Ф. Е. 1-я 130
Дылева О. 203
Дьяков В. М. 645
Дьяков И. 607, 609
Дьяконов Н. Ф. 438
Дю-Буше Ч. А. 23, 24
Дюма А. (Дюма-отец) 1-я 204; 3-я 232
Дядьков 2-я 125

Е

Евреинов 1-я 17
Евтушевский 208
Егер 582
Егоров 2-я 6
Егоров А. Г. 3-я 273
Егубов 1-я 348
Ежов 1-я 276
Езерский 120
Екатерина II 41
Екатеринославский М. 2-я 126
Енукидзе А. С. 3-я 57
Елена Павловна, вел. княгиня 73
Елизаров Марк Тимофеевич 1-я 133–137; 2-я 40
Елизарова А. И. – см. Ульянова-Елизарова А. И.
Елисеев Г. З. 424
Еллинек Г. 2-я 198
Елпатьевская 262
Елпатьевский С. Я. 36, 262, 265
Елькин 3-я 138
Елько П. А. 22, 124, 125, 407
Емельянов А. А. 221, 263, 267, 268, 356, 467, 511, 567
Емельянов Е. Е. 485, 493, 494; 3-я 30
Емельянов И. 3-я 189
Емельянов Н. А. 1-я 148
Емельянова М. Н. – см. Костюрина М. Н.
Емельянова О. В. – см. Морейнис Ф. А.
Емельянцев 64
Енкулатов 157
Енкуватов 392
Енпыс Я. 123
Енукидзе Авель Сафронович 1-я 137 – 140
Ергины 619
Еремеев 1-я 219
Еремеев К. С. 2-я 189; 3-я 137, 170, 272
Еремеева З. М. 1-я 219
Еркомашвили 3-я 75
Ермакский О. А. 2-я 16, 166
Ермолаева 77, 146
Ерофеев 125
Ершов П. П. 1-я 112
Есенин С. А. 3-я 107
Есипов 17
Ефремов 648, 651
Ефрон 32
Ешин Л. 408

Ж

Жарков 10, 34
Жданов 1-я 342
Жебунев Л. 38
Жебунев В. А. 240
Жебунев С. А. 136
Желваков И. 471
Желваков П. А. 302, 419
Железнов В. Я. 1-я 184; 2-я 112
Железнов Н. Н. 223
Железняк М. 96
Железняков А. Г. 2-я 185
Желиховский 36, 50, 77, 78, 267
Желтоновский 49
Желябов А. И. 6, 13, 18, 34, 221, 300, 312, 323, 328, 358, 417, 439, 440, 468, 470, 471, 489, 493, 592, 602, 616, 630, 631, 638, 640, 641, 646, 1-я 105, 219; 2-я 3; 3-я 199
Жеманов 647
Живолер 1-я 292
Жигалов 3-я 289
Жилин 1-я 301
Жилин И. Я. 2-я 79
Жилинские 74
Жирякова 65
Житецкий 1-я 251
Житловский 3-я 200
Жихарев 76, 174
Жмуркин 2-я 116
Жолкевский 344
Жордания Н. Н. 1-я 164; 2-я 21, 22; 3-я 157
Жорес Ж. 1-я 224; 2-я 15
Жохов Н. Ф. 218
Жохова Н. И. 208, 218, 372
Жук И. 2-я 133
Жуков 530
Жуков И. 518
Жуковский В. А. 26
Жуковский В. И. 50
Жуковский Н. И. 647
Жуковский Ф. Ф. 1-я 328
Жулавский З. 2-я 142, 143
Журавский 533
Жученко 619

З

Забрамский Л. 415
Забрежнев В. 2-я 81
Завадовский 617
Завадская Г. Ф. 400, 630, 631
Заваденский 2-я 130
Завалишин Ф. И. 15, 17
Заварьян С. 1-я 298
Заведеев 610
Завьялов 1-я 16
Загорский Владимир Михайлович 1-я 140 -141
Загорский К. Я. 32
Зайчневский П. Г. 58, 74, 319 - 321, 325, 342, 587; 2-я 45 – 47
Зайцер 281 - 283, 425, 656
Зайцев В. А. 3-я 140
Зак Л. М. 648
Залежский В. Н. 1-я 5
Залкинд А. 1-я 220
Залманов 1-я 82
Залуцкий П. А. 1-я 17, 277, 284; 3-я 119, 125
Запорожец И. К. 1-я 221, 311
Заркевич И. 336
Зарудиева Л. 81
Заславский Е. О. 155, 584, 590; 2-я 80
Засулич В. И. 10, 11, 32, 49, 50, 79, 95, 100, 111, 115–118, 163, 178, 194, 222, 225, 267, 268, 353, 356, 381, 399, 401, 424,

467, 511, 533, 534, 536, 588, 638, 646-648, 653; 1-я 220, 312, 315; 2-я 55, 172, 174–177; 3-я 153, 154
Затворницкий 617
Затонский Владимир Петрович 3-я 295 – 298
Захарин 3-я 186
Захарин (Захарьин) Н. Л. 20
Захаров – см Васильев З.
Захаров И. 1-я 253, 254
Зацепин 2-я 3
Зацепина Н. С. – см. Якимова Н. С.
Збарский Б. И. 25
Зверев 1-я 227
Зданович Г. Ф. 524, 655
Зеге фон Лауренберг В. В. 594 –597, 638
Зейдлиц 38
Зеленко 1-я 241
Зеленой 2-я 99
Зеленский 3-я 188
Зеленский Исаак Абрамович 1-я 141–143; 2-я 130; 3-я 43
Зеленский Е. О. см. Надеждин Л.
Зельма 3-я 31
Землячка Р. С. 1-я 8, 13, 14, 163, 332; 2-я 78
Земницкий Н. 2-я 40
Зенгер 2-я 40
Зензинов 68
Зеньков 648, 649
Зенько 1-я 18
Зибер Н. И. 14; 1-я 107; 3-я 49, 140
Зимин-Винтер – см. Красин Леонид Борисович
Зиновьев Григорий Евсеевич 1-я 143 -149, 26, 95, 165, 167, 170, 309, 322, 345; 2-я 113, 129, 130, 134, 144, 159 -161, 163, 168, 209; 3-я 66, 77, 111, 144, 150, 249
Златоврацкий Н. Н. 207
Златопольский Л. С. 280, 281
Златопольский С. С. 280, 281, 283, 293–295, 359, 385–387, 419, 429
Злыднев 3-я 156
Злыднев П. А. 3-я 20
Зоидзе Иван – см. Камо
Золотарева 32
Золотов М. 2-я 125
Золотов Н. М. 2-я 125
Золотовин 355
Золя Э. 376, 439, 477; 3-я 206
Зотов 656
Зотов Н. Л. 408
Зоф Вячеслав Иванович 1-я 149 – 150
Зубатов С. В. 62; 1-я 138; 2-я 78; 3-я 27, 187, 202
Зубачевский 302
Зубашев 3-я 257
Зубов 122
Зубрилов 651
Зуев 2-я 5, 6
Зуль Б. 3-я 173
Зунделевич А. И. 49, 182, 268, 273, 278, 486, 497; 3-я 282
Зурабов Аршак Герасимович 1-я 150

И

Иван Николаевич см. Аэеф Е. Ф.
Иванайнен К. А. 37, 136, 138, 611
Иванов 89, 106, 224, 226, 227, 230, 489, 490, 494, 495, 508; 3-я 67
Иванов Алексей В. 483 – 485, 493
Иванов Афанасий 420
Иванов В. 475
Иванов Вас. 612
Иванов Иван 420
Иванов Иги. 652, 655
Иванов К. 618
Иванов Л. А. 147, 525, 527–529
Иванов П. 195
Иванов С. А. 22, 61, 62, 124, 337, 338, 358, 405, 407, 433, 474
Иванова (Борейшо) Софья Андреевна 142 –151, 321, 384, 592, 638
Иванова-Раевская 193
Ивановская Д. – см. Короленко Д.
Ивановская Прасковья Семеновна 151-163, 300, 386, 409–412, 586, 588–591, 597–599
Ивановский В. С. 152, 155, 157, 210, 211, 517, 518, 521
Иванченко 454, 455
Иванчин-Писарев А. И. 6, 30, 31, 38, 157, 220, 307, 308, 310, 392, 465, 466
Иванюков И. И. 353; 3-я 115
Ивашев В. П. 29
Ивашевские, семья 29
Ивичевич Иван Н. 453, 454
Ивичевич Игнатий Н. 453, 454
Игельстром 38
Игнатов 2-я 115
Игнатов В. Н. 10, 116, 117, 264, 265
Игнатов Е. И. 2-я 168, 186
Игнатьев Н. П. 278, 492, 537; 1-я 302
Иекк 2-я 145
Ижевский А. 60
Ижевский В. 60
Избицкие, братья 467
Избицкий В. О. 102, 455, 456, 467, 606
Извольский 495
Илиодор 3-я 287
Иловайский Д. И. 143, 606
Ильин Н. И. 83, 84
Ильин-Женевский А. Ф. 2-я 188
Ильмер Карл 1-я 150–151
Имеретинский А. К. 611
Иннокентий см. Дубровинский И. Ф.
Иностранцев К. А. 586
Иогансон 438
Иогихес Л. – см. Тышка Я.
Ионов В. М. 518, 618
Иорданский Николай Иванович 1-я 151–152; 3-я 23, 202
Иосиф Флавий 2, ?
Иоффе Адольф Абрамович 1-я 152-156, 213, 231; 2-я 168, 186; 3-я 78, 156
Исаев А. А. 52; 3-я 220, 233
Исаев Г. П. 385, 399, 419, 469–471, 486, 488, 494, 638–640
Ишерский В. И. 1-я 45
Ишимова 581

К

Кабанов – см. Антонов-Овсеенко Владимир Александрович
Каблиц И. И. 80, 170
Кабэ Э. 463
Каваками 1-я 156
Кавон 2-я 40
Кавтюх 3-я 196
Каганович П. К. 3-я 43
Казина 261
Кайгородов 485, 494
Кайгородов Д. Н. 1-я 52
Кайиро Сато 1-я 78
Кайранская 120
Калафати Д. П. 2-я 48
Калашников И. М. 2-я 103; 3-я 121
Калегаев 187
Каледин А. М. 1-я 10, 21, 48; 2-я 96
Калинин Михаил Иванович 1-я 156 -159, 86; 2-я 40; 3-я 28, 267
Калинин Федор Иванович 1-я 159–161, 344
Калинин Я. А. 2-я 41
Калмыков Б. 2-я 88
Калмыкова А. Н. 2-я 177
Калнин О. Ю. 2-я 108
Кальнин 2-я 218
Кальске Э. 1-я 148
Калюжная М. В. 196, 409 411
Калюжный А. А. 282, 284, 651
Калюжный А. М. 66, 650; 1-я 121
Калюжный Н. В. 53, 161, 196, 279
Каляев 573; 3-я 23, 50
Каменев Лев Борисович 1-я 161 168, 145, 185, 281, 287; 2-я 113, 117, 189, 209; 3-я 47, 57, 111, 124, 156, 157, 170
Каменев Сергей Сергеевич 1-я 168 -178
Каменева О. Д. 1-я 163
Каменер И. 3-я 134
Каменецкие, супруги 20
Камерон 3-я 43
Камингер (Камингер-Тищенко) А. И. 261
Каминская Б. А. 463
Камышанский 561
Камо (Тер-Петросян Семен Аршакович) 1-я 179 -182; 2-я 88, 180
Канаев 75
Канарский 581
Канегиссер А. 3-я 180
Кант И. 1-я 228; 2-я 134; 3-я 223
Кантакузино 1-я 214, 215
Каппер 408
Каплан Ф. Е. 1-я 324
Капустин 2-я 77; 3 я 137
Капустин М. Н. 13
Караваев 438
Караваев А. Л. 378, 379
Каракозов Д. В. 44, 88, 105, 206, 390, 563; 3-я 113
Каралли Н. С. 211
Караман 438
Карамзин Н. М. 305
Карангозов 68
Караулов В. А. 337–339, 402–404, 431, 432, 439, 616, 617; 1-я 220
Караулов Н. А. 337, 439, 616
Карахан Лев Михайлович 1-я 182 183; 3-я 78, 266
Карелин 1-я 227
Карелин В. А. 2-я 95
Карзин 444
Каркмасов 2-я 109
Карл 1-й (имп. Австрии и король Венгрии) 1-я 250
Каронин С. 49, 79
Кари П. П. 2-я 182
Карпенко А. Г. 587
Карпентер 1-я 78
Карпинский 355
Карпов 2-я 177
Карпов Е. П. 152, 261
Карпов Л. В. 1 я 301
Карпов Л. Я. 25; 1-я 343; 2-я 78
Карпова А. В. 2-я 41
Карпович П. В. 126, 575; 3-я 63, 186
Карташев Н. А. 1-я 301
Карташов Н. Н. 2-я 78
Карташова А. Н. 2-я 78
Карфункель Р. А. 3-я 117
Карышев 1-я 311
Каспаров В. М. 1-я 139
Кассиун 618
Кассо Л. А. 2-я 134
Кастеркин Д. В. 2-я 78
Кастюрин В. 511
Касьянова Е. В. 1 я 218
Катанский 431
Катаньян П. И. 1-я 297
Катаньян Р. П. 1-я 88
Катков М. Н. 255
Каульбарс 3-я 260
Каутский К. 1-я 98, 106, 196, 198, 224, 286; 2-я 7, 15, 68, 107, 139, 143, 145, 146, 150, 151, 174; 3-я 49, 80, 89, 124, 154, 233, 235
Кауфман И. И. 255
Кауфман Н. Н. 223
Кафиеро 631, 632
Каховский П. Г. 2-я 196
Качоровский 3-я 131
Качаровский Б. Ф. 618
Кашеварова 397
Кашинцев 656
Кашинцев А. Н. 402, 403, 431, 433, 612
Кашинцев Н. Н. 194, 195, 244, 245
Каялов М. 124
Кварцев 3-я 27
Квиринг Эммануил Иоппович 1-я 183 - 184; 2-я 277
Квита П. Н. 1-я 87; 2-я 76, 77, 104
Квиткин О. 2-я 126
Квятковская Ю. 322, 334

Квятковский А. А. 149, 269, 322, 384, 399, 468, 469, 488, 592, 638; 2-я 104
Квятковский Т. А. 28, 79, 270, 271, 278, 310, 311, 552, 553, 651, 652
Кейзеров Н. Я. 2-я 77
Келлог Ф. Б. 3-я 87
Кельсен 2-я 203
Кемпнер 2-я 146
Кене 2-я 133
Кенман Дж. 656
Керенский А. Ф. 1-я 9, 132, 245, 271; 2-я 107, 130, 163, 165, 190, 194, 208, 211, 213, 228; 3-я 32, 36, 70, 126, 177, 231, 271, 301
Керенский Ф. И. 1-я 306, 307
Керженцев Платон Михайлович 1-я 185–186, 287; 2-я 90, 91, 113; 3-я 28
Кессель 242
Кестельман Г. А. 63
Кецховели В. З. (Ладо) 1-я 139; 2-я 22
Южинский 20
Кибальчич Н. И. 79, 159, 219, 298–300, 312, 429, 469, 486–489, 513, 602, 638
Кизер В. Э. 195
Кикнадзе В. И. 3-я 82
Кин Л. 2-я 127
Кинигисепп Виктор 1-я 186–187
Киплинг Р. Дж. 3-я 101
Киреевский 58
Кирилин 141
Кирилл – см. Орлов
Кириллов 588; 3-я 142
Кириллов Н. В. 233
Кирнос 1-я 241
Киров Сергей Миронович 1-я 187–191; 2-я 89; 3-я 6, 7
Кирпичев В. Л. 55
Кирсанова 2-я 88
Кирснер – см. Морозов М. В.
Кирхнер А. В. 241 243, 246
Киселев Алексей Семенович 1-я 191–194
Киселев И. И. 3-я 57
Китаин 2-я 62
Кланг 32
Кларк 648
Клемансо Ж. 2-я 178
Клеменц Д. А. 6, 30, 31, 38, 110, 215, 217, 219, 220, 235, 246, 260, 267, 275, 307, 310, 342, 392, 522, 543, 546, 557, 647, 657
Клеменцы, семья 342
Клепов 295, 657
Клестов В. С. 3-я 140, 142
Клестов Н. С. 3-я 140, 142
Клеточников Н. В. 36, 50–52, 56, 325, 385, 593
Клименко 62, 245
Клименко П. 136, 138, 140
Климентов 2-я 199
Климин 226, 227
Клинг Г. П. 60
Клиндухов Н. Л. 1-я 328
Клиндуховы, братья 1-я 328
Клитчоглу С. Г. 571, 572
Клопов И. О. 1-я 232; 2-я 106
Клыпшко 2-я 113
Ключевский В. О. 3-я 22, 141, 220
Кнаф Н. 2-я 153, 156, 165
Книрим 3-я 112
Кнорин В. Г. 3-я 289
Кнуньянц Б. М. 1-я 163, 164, 185
Княгницкий 3-я 82
Князев 236
Князев В. В. 3-я 106
Князевский 611
Кобозев П. А. 2-я 218
Кобозева см. Якимова А. В.
Кобылянский 549
Кобылянский Л. А. 655
Ковалев 656
Ковалев П. 284, 285
Ковалевская М. П. 95, 111, 195, 196, 409 – 411, 423
Ковалевский 549
Ковалевский М. М. 4, 192; 1-я 19, 341; 2-я 202; 3-я 2, 258
Коваленко П. 2-я 129, 130
Коваль М. Ф. 186
Коваль Сергей Филиппович 163–188, 48, 77, 79, 80, 92, 342, 551, 653–655, 657; 1-я 207; 2-я 5, 6
Ковальская Елизавета Николаевна 189–199, 4, 10, 125, 409
Ковальский И. М. 158, 159, 273, 281, 295, 310, 427, 452, 453, 467, 510, 584, 585, 587, 588, 648
Ковальский Я. И. 4, 5, 192
Коган 3-я 78
Коган-Бернштейн Л. М. 121, 385, 416, 439, 440, 444, 656
Коган-Гриневич 3-я 202
Коганович 3-я 85
Кожевников И. С. 3-я 83
Кожевникова-Штремер В. Ф. 3-я 116
Козелев 3-я 197
Козицкий 3-я 27
Козлов 194
Козлов А. П. 64
Козлов Г. 32
Козлова 194
Козлова Г. 32
Козловский 39, 425
Козловский Л. 611
Козулин Л. 536
Козырев 650 – 652
Козыренко 3-я 211
Козьма Прутков 1 я 53
Коками С. Н. 2-я 6
Коковский 399
Кокорин 3-я 50
Кокосов В. Я. 231
Кокоулин 183
Кокушкин 213, 215
Коларов 2-я 160
Колбасин Е. Я. 422 – 424
Колегаев А. Л. 3-я 244
Колегаев Л. 124
Коленкин 49
Колесникова М. А. 49, 50, 80, 92, 93, 95, 111, 113, 150, 275, 276, 646, 656, 657
Колесов Н. П. 2-я 108
Колесов А. 3-я 173
Коллонтай Александра Михайловна 1-я 194–201; 2-я 161; 3-я 3
Коллонтай В. 1-я 195
Кологривов В. А. 3-я 113
Кологривовы, супруги – см. Суровцев Д. В., Черняевская-Бохановская Г. Ф.
Колодкевич Н. Н. 6, 31, 107, 298, 324, 359, 416, 417, 468
Колокольников 2-я 9
Колокольников П. 3-я 27
Колосов Е. Е. 1-я 301
Колосов М. А. 243
Колчак А. В. 362; 1-я 150, 174, 175, 194, 247, 248, 258; 2-я 131; 3-я 73, 82, 94, 138, 144, 162, 193, 213, 265, 271
Колыбин 496
Кольб Г. Ф. 91; 2-я 120
Кольцов – см. Гинзбург А.
Кольцов Л. 2-я 33
Кольцов И. 3-я 140
Комарницкий 64
Комарницкий С. 612
Комаров 268
Комаровский К. К. 2-я 40
Комиссаров О. И. 563
Комов 49, 74
Компанец Ф. П. 38, 607, 609, 613
Кон 1-я 204
Кон О. 1-я 180
Кон Феликс Яковлевич 1-я 201 – 211; 343; 1-я 219
Конашевич В. П. 407, 475
Кондратенко 595
Кондрацкая С. С. 577
Конева Р. В. 409, 410, 412
Кони А. Ф. 192, 268
Коновалов 4
Коновалов Н. 1-я 240; 3-я 148
Коновкин Н. 615, 616
Кононов 214, 218
Кононович 231, 552–555, 651
Конради М. 1-я 92
Константин 1-я 8
Константин Константинович, вел. князь 1-я 7
Константинов 3-я 27
Константинова 123
Конт О. 373, 516
Концевич И. 408
Коон 2-я 116
Копотилов 3-я 119
Конп Виктор Леонтьевич 1-я 211–213
Корба А. П. – см. Прибылева-Корба Анна Павловна
Корба В. Ф. 368–371, 374–380, 384
Корганов Г. Н. 1-я 23
Корицкая Е. О. 363
Корицкий О. И. 363
Корнблюм, сестры 2-я 104
Корнилов В. С. 199
Корнилов Л. Г. 1-я 18, 34, 51, 151, 166; 2-я 41; 3-я 78, 192, 271
Корнилова (Мороз) Александра Ивановна 199–223, 6, 30, 193, 370–372, 465, 546, 630
Корнилова В. И. 6, 208, 211
Корнилова Л. И. – см. Сердюкова Л. И.
Корнилова Н. И. – см. Жохова Н. И.
Корницкий 1-я 51
Корнуэн 3-я 27
Короленко В. Г. 10, 11, 66, 80, 163, 222, 257, 356, 393, 611
Короленко Д. 264
Коростелев Г. 1-я 141
Коростелевы, братья 3-я 234
Корф 196, 409, 656
Корш Ф. Е. 1-я 53
Коршуны, братья 68
Корякин 68
Косаговский 611
Косиор В. В. 1-я 213
Косиор Станислав Викентьевич 1-я 213 –214, 338
Коста 95, 647
Костанда 408
Костицын 3-я 74
Костомаров Н. И. 7; 3-я 219
Костриков Серж – см. Киров Сергей Миронович
Костюрин В. Ф. 63, 95, 99, 111, 341, 651, 653, 656
Костюрин О. 136, 138
Костюрина М. Н. 341, 342, 406
Костюшко-Волюжанич 234
Котин Е. М. 2-я 123
Котлов 3-я 38
Котляревский М. М. 100, 467
Котов 3-я 212
Котовский Григорий Иванович 1-я 214 –218
Коханский 1-я 207
Коханский Е. Л. 3-я 30
Коц Г. М. – см. Воробьев Яков Зиновьевич
Кочурова 624
Кошкин П. М. 46
Кравцов В. Х. 652
Кравчинский С. М. 6, 30, 74, 80, 92, 110, 211, 215 217, 219, 220, 222, 260, 269, 272–275, 307, 308, 310, 311, 313, 353 392, 429, 524, 546, 647; 2-я 2
Краевич Д. В. 206
Крайский Б. А. 16, 471, 472
Краицфельд Р. 22, 61, 124, 599
Крапухин 60
Красиков А. П. 1-я 218
Красиков П. И. 1-я 218
Красиков Петр Ананьевич 1-я 218–226; 3-я 116, 117, 125
Красин Б. Н. 1-я 226
Красин Г. Б. 2-я 47
Красин Леонид Борисович 1-я 226–231; 343, 657, 658; 1-я 31, 311, 343; 2-я 47, 80, 271
Красина А. Г. 1-я 226
Краснов П. Н. 1-я 132, 346; 2-я 44, 190, 211; 3-я 83, 111, 301
Красновский М. А. 389
Краснуха 1-я 222
Красовская 542
Красовский А. А. 58
Крафт 266
Краюшкин Н. 3-я 99
Кремер 578

Кремлев А. 2-я 194
Кремлев Д. 3-я 134
Крестинский Николай Николаевич 1-я 232–234; 2-я 40; 3-я 56, 86, 102, 104, 234
Кривенко С. Н. 439, 616
Кривобок И. М. 2-я 75
Кривобоков Ф. И. – см. Невский Владимир Иванович
Криль А. А. 247, 248
Кристалловский 3-я 209
Кристи Е. 2-я 105
Крицкая Е. Л. 138, 139
Кричевский 2-я 8, 9, 17
Кржеминский Н. Н. 611, 612
Кржижановская З. П. 2-я 34; 3-я 51, 53, 115
Кржижановский Глеб Максимилианович 1-я 234 236, 207, 219, 222, 311, 328; 3-я 51–53, 89, 116
Кроль М. А. 441
Кропоткин А. А. 223
Кропоткин Д. Н. 467, 534, 650
Кропоткин П. А. 6, 175, 208, 211, 215–219, 263, 264, 311, 313, 480, 546, 548, 549
Крохмаль В. Н. 3-я 24, 212, 225
Круковская Ю. 656
Круковский Г. М. 1-я 347, 348
Крумин Г. Н. 1-я 339
Крупп 2-я 196
Крупская Надежда Константиновна 1-я 236 - 237; 117, 118; 1-я 25, 26, 82, 108, 186, 211, 215, 222, 287, 306, 309, 313 315, 321, 327, 331; 2-я 34, 35, 78, 79, 87, 129, 130, 201; 3-я 24, 76, 115, 116, 212
Крут Д. 2-я 130
Крушеван 2-я 105
Крыжановский Н. Ф. 651, 652, 655
Крыленко Николай Васильевич 1-я 237 246, 72; 2-я 95
Крылов 217, 546
Крылов Н. А. 388, 507; 3-я 152
Крылов Ф. В. 61
Крылова М. К. 31, 194, 592
Крынский 1-я 202
Ксандров В. 3-я 117
Кубалов Б. Г. 402, 404, 405
Кувшинская А. Д. 215, 218, 542, 545, 546, 549, 551, 623 625, 628, 629
Кугушев В. А. 2-я 4
Кудрин Н. Н. 3-я 134
Кудрицкий 15
Кудрявцев Л. Н. 1-я 13
Кузин 447
Кузменко 2-я 130
Кузнецов 1-я 291; 3-я 87
Кузнецов Алексей Кириллович 223–238, 342, 496, 555, 570, 571
Кузнецов М. Н. 3-я 116
Кузнецов Н. 648
Кузнецов Н. И. 3-я 170
Кузнецов С. К. 226
Кузнецова С. 195
Кузовков Л. 2-я 123
Кузьмин Александр Александрович 1-я 246; 2-я 80
Кузьмин П. А. 58
Кузьмина Н. 598
Куйбышев Валериан Владимирович 1-я 246–248; 3-я 271
Кукель М. 2-я 140
Кулаков А. А. 441
Кулев 3-я 24
Кулешов М. 2-я 41
Куликовский 82
Кульберг Л. Х. 481
Кулябко 3-я 116
Кулябко М. Н. 339
Кун 603
Кун Бела 1-я 248 - 251
Куницкий 122
Куницкий С. 431, 432
Куницкий С. Ч. 337, 339
Купфи 2-я 164
Купер Дж. Фенимор 305; 2-я 83
Куплеваеский 646, 650
Куприянов М. В. 213, 215, 217, 218, 222, 269, 524, 549
Куприянов М. В. 213
Куприянов П. Х. 459 461
Куприянов Х. П. 458
Куракин 1-я 106
Куракина Л. М. 3-я 172
Куранов Т. 3-я 100
Курбатов 355
Курдюмов Н. В. 74
Куржанский 1-я 104
Курлов 1-я 165
Курнатовский 3-я 108
Курский Дмитрий Иванович 1-я 251 – 253
Куртев Г. Н. 1-я 328
Куртеев см. Ляхоцкий
Курцевич 604
Кусков М. 3-я 133, 134
Кускова Е. Д. 1-я 314
Кутайсов Н. Н. 3-я 143
Кутитонская М. Н. 303, 304, 591
Кутузов Иван Иванович 1-я 253– 255
Кутузова – см. Кафиеро
Кучковская 3-я 189
Кучменко 3-я 43
Кушель – см. Сольц Аарон Александрович
Кушелев-Безбородко 87
Кюри М. – см. Склодовская-Кюри М.

Л

Лабори 3-я 206
Лабриола А. 3-я 153
Лаврениус А. Н. 616
Лаврентьев 2-я 199
Лаврентьев Н. 32
Лавров 242, 497, 2-я 40
Лавров Б. В. 3-я 166, 167, 169, 170, 172
Лавров В. С. 3-я 117
Лавров З. 3-я 27
Лавров Н. Н. 31, 39
Лавров П. Л. 5, 27, 45, 73, 108, 109, 152, 170, 172, 222, 239, 308, 320, 342, 353, 374, 391, 392, 398, 426, 431, 464, 484, 517, 518, 542, 565, 583, 585, 595, 600, 601, 615, 645; 1-я 219; 2-я 45; 3-я 232
Лаврова 219
Лагардель 2-я 174
Лаговский М. Ф. 475
Лагунов С. 240
Ладыженский 1-я 343
Лазарев В. Г. 3-я 14, 28
Лазарев Е. 49, 75
Лазаревич Владимир Саламанович 1-я 255 259
Лазаркевич 67
Лалаянц И. Х. 2-я 7; 3-я 50, 52
Ламанов 2-я 190
Ламирехт К. 2-я 148
Лангаке М.-В. (М. Р.) 300, 301, 386, 630, 631, 641
Лангевич 13
Ландейзен 603
Ландер Карл Иванович 1-я 259 – 271, 142
Ланин В. С. 3-я 282
Ланинский 2-я 160
Ланицкий 497; 3-я 106
Лаплас П. С. 259
Лапшо-Данилевский А. С. 3-я 114
Ларин Ю. (Лурье Михаил Александрович) 1-я 272-282, 208; 3-я 189
Ласис Г. 1-я 67, 68
Ласхишвили 64
Лассаль Ф. 27, 74, 107, 152, 193, 210, 216, 255, 297, 320, 374, 424, 463, 484, 542, 645; 1-я 78, 161, 183, 219, 256, 286; 2-я 45, 102, 139; 3-я 11, 140
Латышев В. А. 336
Латышев И. А. 337
Лауфенберг 2-я 156
Лафарг П. 1-я 198; 2-я 231, 232; 3-я 127
Лацис 2-я 64
Лацис Мартын Иванович 1-я 282–285
Лашевич Михаил Михайлович 1-я 285
Лашин 1-я 18
Лебедев 36–38, 497, 595; 2-я 135
Лебедев В. 514
Лебедев В. И. 249, 435
Лебедев Дм. 2-я 90
Лебедев М. Д. 1-я 185
Лебедев П. М. – см. Керженцев (Лебедев) П. М.
Лебедев Павел Иванович – см. Лебедев-Полянский Павел Иванович
Лебедев Ф. 2-я 127
Лебедева Т. И. 151, 297, 385, 386, 469, 513, 536
Лебедев-Полянский Павел Иванович 1-я 285–289
Лебедь Дмитрий Захарович 1-я 289–295
Левадин 408
Левандовская В. Н. 157, 281, 293, 294
Левандовская Ф. Н. – см. Лянда Ф. Н.
Левашев 2-я 72; 3-я 261
Левашов А. К. 213, 215
Левашева 524
Левенгал 390
Леви Н. 2-я 162, 163
Леви-Брюль Л. 2-я 203
Левидова С. М. 3-я 168
Левин 1-я 222
Левин Г.-О. 2-я 2
Левин Р. 3-я 87
Левицкий К. Н. 3-я 52, 57
Левицкий Константин Осипович 1-я 295 – 296
Левчук С. 1-я 113
Левшина 3-я 10
Ле-Лантю Г. К. 37
Ле-Лантю К. Н. 29
Ледебур Г. 2-я 158–160, 166
Ледовский 2-я 123
Лежава Андрей Матвеевич 1-я 296 – 303; 65; 1-я 185, 287; 2-я 40
Лейтейзен 118
Лейтейзен Г. Л. 1-я 162
Лейхта 495
Леман 3-я 188
Ленгник Фридрих Вильгельмович 1-я 303 304, 222; 3-я 116
Ленин Владимир Ильич 1-я 304 326; 75, 117 119, 334, 443, 478; 1-я 16, 25, 26, 30, 31, 42, 43, 55, 56, 58, 72, 82, 92, 95, 100, 101, 103, 108, 120, 136, 143 149, 157, 158, 162–168, 170, 175, 180, 181, 193, 197, 207, 221–223, 227, 230, 231, 236, 237, 243, 244, 266, 271, 272, 278, 287, 289, 327, 328, 343 -345, 348; 2-я 8, 9, 11, 15, 22, 26, 32, 35, 46, 48, 49, 60, 62, 63, 65, 68, 69, 74, 78, 84, 87, 92, 94, 96, 97, 108, 109, 113, 114, 117, 128- 130, 132–136, 144, 146, 157, 159, 160, 162, 163, 165, 167, 176, 178, 184, 201, 209, 210, 212, 219, 222, 225 230; 3-я 2, 17, 19, 24, 29 -31, 33, 35, 36, 53, 57, 76 80, 108- 111, 122, 123, 130, 142 145, 149, 153- 156, 159, 166, 173, 175, 177, 180, 189, 191, 197 199, 211, 212, 233, 235, 241, 243, 249, 250, 267, 278, 283, 286
Ленч 2-я 158
Леонов 1-я 107
Леонович 68
Леонтьев К. Н. 255
Леонтьева Т. 198, 199
Лепа 2-я 80
Лепешинская О. Б. 2-я 78
Лепешинская О. Н. 1-я 327
Лепешинский В. П. 56
Лепешинский Пантелеймон Николаевич 1-я 326 – 329, 80, 207, 222, 314; 2-я 78
Леплевский Григорий Моисеевич 1-я 329 – 331
Лермонтов М. Ю. 26, 190, 304, 305, 367, 507, 516; 2-я 70, 83, 84; 3-я 93, 194, 237

Лермонтов Ф. И. 170, 215
Лестафт П. Ф. 154, 357
Лесевичи 208
Лесник 218, 484
Лессинг Г. Э. 2-я 138
Лещерн А. А. 368, 369, 384
Лещери М. П. 157, 372, 375, 466, 469
Лещери С. А. 80, 147, 150, 151, 207, 369–374, 381, 409, 412, 535
Лещерны 371
Либкнехт В. 2-я 173
Либкнехт К. 1-я 105, 223; 2-я 154, 155, 157, 158, 162, 168, 200, 201, 224, 226
Ливанов А. И. 45
Ливановы 1-я 310
Ливий Тит 3-я 232
Ливинский И. Я. 611–613
Ливниц О. Г. 3-я 170
Лизогуб Д. А. 109, 157, 158, 220, 264, 286, 287, 289, 296, 297, 300; 2-я 54
Лилина З. И. 3-я 77, 174
Лимановский Б. 2-я 140
Линде 1-я 166
Линдов Г. Д. – см. Лейтейзен Г. Д.
Лион С. Е. 428
Лина Алексеевна 307
Липперт Ю. 1-я 263
Липшиц 2-я 218
Лисин 648, 649
Лисицын 2-я 187
Лисовская А. И. 656
Лист Г. 3-я 27, 92
Литвин-Седой Зиновий Яковлевич 3-я 25 – 32; 82; 1-я 185; 2-я 126
Литвинов 165
Литвинов Максим Максимович 1-я 331–333, 231; 2-я 113, 180, 187
Литкенс А. 2-я 123
Литкенс Е. А. 2-я 123, 124
Лихачев 3-я 74
Лихтенштадт М. Л. 41
Лихутин И. 226, 227
Личкус И. В. 337
Личкус Р. 74
Личкус Ф. 74
Ллойд-Джордж Д. 2-я 192
Лобова Б. 2-я 127
Лобова В. И. 2-я 94
Логинов 3-я 74
Логовенко И. И. 157, 281-283, 285, 287, 296, 298, 648
Лозинский 616
Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович) 1-я 333-337, 9, 83; 2-я 107; 3-я 76
Лозянов П. 416, 618, 652
Лойко Л. П. 408
Локкарт Р. Г. Б. 1-я 333
Ломов-Ошоков Георгий Ипполитович 1-я 337-340
Ломоносов М. В. 255
Лопатин В. А. 255, 308
Лопатин Г. А. 22, 124, 125, 211, 223, 254, 255, 321, 337, 339-341, 392, 402–407, 431–433, 601
Лопатин П. К. 6, 39, 213, 215, 533, 543
Лопатина З. 211
Лопухин 2-я 199
Лорени Иван Леопольдович 1-я 340–341
Лорис-Меликов М. Т. 28, 120, 223, 277, 553, 568, 611, 649
Лохов-Ольхин Н. Н. 2-я 8
Лувищук Е. С. – см. Шлихтер Е. С.
Лукашевич А. О. 525, 651
Лукашевич И. Д. 250
Лукьянов 2-я 199
Луначарская С. Н. – см. Смидович С. Н.
Луначарский Анатолий Васильевич 1-я 341–346, 9, 160, 276, 288; 2-я 12, 106; 3-я 291
Луначарский П. В. 1-я 136, 341; 3-я 62, 202
Лунц М. 3-я 74
Лури 281 – 283, 657
Лурье А. П. 1-я 208; 3-я 88, 89
Лурье М. З. (А.) – см. Ларин Ю.
Лурье С. 92, 93, 107
Лутовинов Юрий Харисанфович 1-я 346
Луцкие 80
Лушников А. М. 342, 556
Лушникова В. А. 341
Львов В. А. 247
Льюис Дж. Г. 72, 484
Любатович В. С. 38, 463, 527, 528, 532, 533
Любатович О. С. 31, 157, 313, 463, 532, 533, 540
Любимов А. И. 1-я 8, 301; 2-я 78; 3-я 74, 76, 116
Любкин 150
Любовец 290, 657
Людендорф Э. 3-я 80
Люксембург Р. 1-я 56, 196, 198, 224; 2-я 141–143, 145, 146, 149–151, 155, 156, 158, 162, 168, 172
Люстинг Ф. О. 407, 486, 489, 490, 494
Лютер 1-я 266
Люцернов 355
Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич 1-я 346–350, 79, 224; 2-я 48, 104; 3-я 30
Лялин 13
Ляшевич М. 1-я 201
Ляшко С. А. 290, 649
Ляшко (Левандовская) Ф. Н. 157, 281, 284, 289, 290, 293, 294, 649, 657; 1-я 207
Лянунов А. Н. 2-я 77
Ляхов 2-я 107
Ляховский Я. М. 65; 1-я 300
Ляхоцкий (Куртеев) 646, 647, 656

М

Мавраган 534
Маевские, семья 537
Мажаров 409
Мазурин В. 84
Майдель 496
Майер 2-я 160
Майер С. Д. 37, 497
Майнов И. В. 238
Майнов Иван Иванович 238–251, 39, 343, 657
Майнова М. М. 242, 243
Майснер 3-я 27
Макар 1-я 273
Макаренко 36, 497
Макаров 273, 274; 3-я 299
Макарова Е. 205
Макаревич-Розенштейн А. М. 95, 108, 111, 113
Макдональд Дж. Р. 2-я 187
Маккавей Иуда 2
Маков 286
Максимовский В. 2-я 94
Макушин П. И. 1-я 119
Малавский В. Е. 655
Малаксианова Н. 63, 441
Малеван 156
Малецкий 2-я 146, 153
Маликов А. К. 58, 80, 218, 222, 521, 522
Маликова В. 522
Малин Э. – см. Коллонтай Александра Михайловна
Малинин 3-я 11, 27
Малинка В. А. 95, 99, 158
Малиновская А. А. 1-я 343
Малиновская А. П. 275, 276, 332, 399
Малиновский Г. 3-я 106
Малиновский Р. В. 1-я 9, 17, 18, 243; 2-я 79, 94, 210; 3-я 17, 20, 171, 204
Малицкий 20
Малоземов 1-я 241; 3-я 188
Малыгин 3-я 81
Малышев М. П. 237, 355
Малышев С. В. 3-я 170
Малышевские, братья 264
Мальский С. 610
Мальцев 1-я 16; 2-я 62
Мальцева 218
Мамарчев Г. 2-я 170
Мамонтов К. К. 1-я 71, 96; 3-я 82, 291
Манаев 656
Манассеин В. А. 7
Мандельштам Г. П. 1-я 347; 2-я 48
Мандельштам М. П. – см. Лядов Мартын Николаевич
Мандельштам Р. С. 3-я 186
Мануилов 61
Мануильский Дмитрий Захарьевич 3-я 298–301; 1-я 9, 83, 239, 344
Мануйлов П. 336, 340
Манук-Бей 1-я 214
Манучаров И. Л. 475
Манцевич 65
Маньковская Е. Н. см. Ковальская Елизавета Николаевна
Маньковский М. 198
Маразли 2-я 99
Марат Ж. П. 3-я 45
Марголин 494, 648
Мария Федоровна 477
Марк 2-я 143; 3-я 55
Маркин Николай Григорьевич 2-я 1
Марков 162
Марков Е. 255
Маркс К. 7, 14, 20, 52, 76, 109, 116, 124, 209, 210, 255, 257, 262, 266, 313, 320, 335, 353, 375, 376, 391, 419, 425, 429, 439, 444, 484, 583, 645, 655; 1-я 12, 24, 57, 58, 78, 79, 84, 98, 106, 107, 136, 160, 196, 197, 212, 219, 220, 235, 246, 252, 272, 286, 306, 309; 2-я 4, 21, 33, 34, 47, 48, 59, 66, 76 78, 91–94, 100, 104, 112, 123, 133, 136, 141, 142, 146–148, 188, 223, 231, 233; 3-я 33, 44, 49, 60, 89, 113, 120, 124, 127 –129, 140, 142, 153, 186, 197, 223, 233, 282
Марлинский А. – см. Бестужев А. А.
Мармонтель Ж. Ф. 305
Мартино П. А. 136, 141
Мартов Л. 65, 117, 118, 478; 1-я 9, 144, 145, 163, 221, 288, 314–316; 2-я 8, 9, 11, 12, 15, 60, 78, 160, 163; 3-я 2, 53, 89, 130, 132, 153, 154, 157, 158, 235, 290
Мартынов К. (Н.) Ф. 617, 618; 3-я 201
Мартынов С. В. 36, 38, 261, 262, 265, 336, 497, 595, 596, 642; 1-я 301
Мартынов-Пикер Александр Самойлович 2-я 1 – 19, 144; 2-я 60
Мартыновский С. Н. 264, 278
Мартыновский С. М. 3-я 282
Мартьянов Н. М. 38
Мархлевский Юлиан Юзефович 2-я 19–20; 1-я 211; 2-я 146, 153, 186; 3-я 292
Масленников А. Н. 240; 2-я 49
Масленников В. Н. 2-я 49
Масленников Н. Н. 2-я 49
Масникова М. 126
Маслов 407, 408, 494; 1-я 197
Маслов П. П. 1-я 270; 3-я 240
Маслов С. М. 3-я 32
Масюков 53, 196, 409
Матвеевич 37, 497
Матфиевич 656
Махаев 320, 327
Махайский 618; 3-я 201
Махарадзе Г. 1-я 287
Махарадзе Филипп Невсеевич 2-я 20 – 27, 88
Махновец Ю. П. 2-я 78
Махно Н. И. 1-я 217, 258; 2-я 41, 234
Мачтет Г. А. 168, 223, 648
Маницкий 2-я 7
Мгеладзе (Ив. Висаков) 3-я 170
Мдивани Б. (П. Г.) 2-я 87, 89; 3-я 7, 188
Медведев 1-я 292
Медведев – см. Майнов Иван Иванович
Медведев А. Ф. 271, 272, 648
Медведева 3-я 116
Медведь 3-я 29
Медем В. Д. 2-я 144
Медецкая М. К. 422

Мезенцов Н. В. 33, 79, 222, 269, 270, 272–274, 276, 277, 310, 311, 332, 383, 467, 534, 638, 648; 2-я 55
Мейендорф, семья 3-я 216
Мейендорф Ж. Е. – см. Чичерина Ж. Е.
Мейендорф Р. К. 3-я 216
Мейендорф (Штакельберг) 3-я 219, 220
Мейгард А. 362, 363
Мейгард П. А. 363
Мелахненко 3-я 236
Мелеев 3-я 257
Меликов Г. 2-я 71, 72
Меллер-Закомельский 235, 343, 413
Мельс Ж. 1-я 88
Мельников 261
Мельничанский Григорий Натанович 2-я 27 – 32
Мельшин (Якубович) 1-я 118
Менар Дориан 477
Менделеев Д. И. 439
Мендельсон 339
Мендер Ф. 2-я 218, 219
Менжинская М. А. 29
Менжинский В. Р. 2-я 79; 3-я 188
Мензбир 3-я 60
Мензис 1-я 263
Меншуткины 218
Меньщиков 248
Мергейм 2-я 162
Мержанова 587
Меринг Ф. 2-я 139, 141, 142, 145, 155, 158, 231
Меркулов 3-я 31
Меркулов В. А. 138, 302, 338, 471, 473, 641
Мертваго С. А. 462
Металыников 1-я 219
Метус 126
Мечникова Е. Ф. 1-я 20
Мешковский – см. Гольденберг Иосиф Петрович
Мещеряков Николай Леонидович 2-я 33–37; 3-я 75, 142
Микаелян Х. 1-я 298
Миклашевский 578
Микоян Анастасий Иванович 2-я 37 – 38; 3-я 302
Милашевский А. В. 40
Миллер (Неэлобин) 3-я 188
Миллер В. Ф. 658
Милль Джон С. 27, 72, 73, 121, 208, 210, 213, 219, 257, 320, 353, 375, 461, 463, 516, 582, 645; 1-я 78, 228; 3-я 114, 120
Миловидов 61
Мильман 618
Милюков П. Н. 1-я 252, 277, 322; 3-я 258
Милютин В. П. 1-я 276
Милютин Д. А. 13
Милютин Николай Александрович 2-я 38–41
Мин 3-я 29, 31
Минаков Е. Н. 278, 429, 475, 651, 652, 655
Минин С. К. 3-я 111
Минкевич 536
Минкин 3-я 95
Минкин А. 2-я 127
Минор 63
Мирбах В. 1-я 62; 2-я 132; 3-я 80
Миринтоф 3-я 77
Миров 1-я 276
Миролюбов Н. П. – см. Ювачев И. П.
Миронов 3-я 82
Мирский Л. Ф. 310, 486, 492 – 496
Миртов П. Л. – см. Лавров П. Л.
Михаил Николаевич, вел. князь 256
Михайлов Адриан Федорович 251–279, 33, 125, 126, 220, 653
Михайлов Александр Д. 10, 18, 31, 51, 160, 220, 270, 271, 297, 310–313, 386, 440, 468, 480, 512, 592, 594
Михайлов М. Л. 30, 208, 615
Михайлов Н. В. 370
Михайлов Т. М. 616
Михайлов Ф. 264
Михайлова Н. Ф. 277, 278
Михайловский 205, 472
Михайловский Н. К. 227, 275, 311, 335, 341, 386, 405, 424, 488, 542, 544; 1-я 58, 208, 263, 311; 2-я 33, 100, 102, 176, 177, 200, 223; 3-я 22, 32
Михалевич С. Ф. 36, 242, 244, 245
Михаленко – см. Стекюшкин
Миха-Цхакая 1-я 164
Михеев Н. М. 2-я 123, 126, 130
Михельсон А. Ф. 2-я 40
Мицкевич А. 16, 38
Мицкевич Сергей Иванович 2-я 44 – 53; 1-я 79, 136; 3-я 74
Мицкявичюс-Капсукас Винцас Симанович (Мицкевич-Капсукас Викентий Семенович) 2-я 42–44
Млодецкий И. И. 120
Могилянский М. М. 3-я 24
Модржевская Е. 1-я 203, 204
Мозговой П. И. 651
Моисеев Алексей Сергеевич 2-я 53–54; 1-я 189, 294; 3-я 247
Моисеенко Петр Анисимович 2-я 54 – 57
Мойсеев 122
Мокриевич В. К. – см. Дебогорий-Мокриевич В. К.
Мокриевич И. К. – см. Дебогорий-Мокриевич И. К.
Мокиевский-Зубок С. В. 223
Молешотт Я. 484, 516; 1-я 286; 3-я 232
Молотов Вячеслав Михайлович 2-я 57–65; 1-я 16, 17, 284; 2-я 189; 3-я 119, 125, 170, 171
Молчановы 648
Мольер Ж. Б. 1-я 53
Монат 2-я 162
Мопассан А. Р. А. Ги де 439
Мордвинова 209
Мордовцев Д. Л. 352
Морейнис Михаил Абрамович 279 – 290, 293, 294, 651
Морейнис-Муратова Фанни Абрамовна 290 – 305, 37, 288, 401, 497, 638, 641, 657
Моригеровский А. Н. 389
Морожкин 3-я 27
Мороз М. 223
Морозов 2-я 116
Морозов М. В. 3-я 97
Морозов Николай Александрович 305–317, 6, 31, 51, 148, 149, 270, 384, 468, 525–527, 635, 637, 638, 653
Морозов С. Т. 1-я 230; 2-я 56
Морозова К. 316
Москвин 1-я 5
Москвич Н. 3-я 170
Мостовенко П. Н. 3-я 68
Мотовилов 2-я 76
Мошенцев 3-я 247
Мощенко Н. П. 270
Мрачковский 2-я 131
Мрозовский 3-я 204
Муравский М. Л. 77, 79, 179, 180
Муравьев 31; 3-я 231
Муравьев М. Н. 1-я 90
Муравьев Н. В. 421
Муравьев С. С. 13
Муравьева 3-я 29
Муралов И. А. 2-я 65
Муралов Николай Иванович 2-я 65 – 67, 81; 3-я 285
Муранов М. К. 1-я 166; 2-я 79
Муратов В. М. 304
Муромцев С. А. 3-я 258
Мусабеков Газан-Фар 3-я 301 – 304
Муханов П. 61, 63, 656
Мышкин 3-я 197
Мышкин И. Н. 77, 79, 81, 95, 145–147, 177–180, 182, 266, 270, 271, 278, 457, 475, 617, 653 655
Мышкина А. 631
Мюллер 198
Мялицын 3-я 104
Мясников Александр Федорович 2-я 67–69; 1-я 271; 3-я 289

Н

Набоков В. Д. 3-я 228
Надаров 234; 1-я 13
Надеев 497, 656
Надеевы, братья 497
Надеждин Л. 1-я 87
Надежин 3-я 187
Назаретян А. М. 2-я 88
Назаров 648
Накоряков Н. Н. 2-я 128
Налбандян М. 2-я 69
Наливкин В. П. 3-я 97
Налимов 31
Наполеон I 259; 3-я 259
Нариманов Нариман 2-я 69–74; 3-я 6, 302, 303
Наркирьер 3-я 74
Нарышкин Э. Д. 3-я 219
Нарышкина А. Н. 3-я 219
Натансон В. Н. см. Александрова В. Н.
Натансон М. А. 6, 9, 11, 64–66, 70, 157, 210, 213, 215, 220, 257, 260–263, 290, 342, 392, 464, 465, 478, 567, 631, 648, 649; 1-я 207, 299, 300
Натансон О. А. – см. Шлейснер О. А.
Науменко 1-я 251
Наумов 12
Наумов Г. (Гинзбург А. М.) 2-я 7
Наумов Н. И. 155
Нахамкис Ю. М. – см. Стеклов Ю. М. 2-я 102
Наханович 3-я 73
Нахимов П. С. 388
Нахимсон Семен Михайлович 2-я 74
Невельмомский 2-я 34
Неверов Я. М. 256
Невзоров 441
Невзорова А. П. 3-я 28
Невзорова З. П. – см. Кржижановская-Невзорова З. П.
Неволин П. 631
Невский Владимир Иванович 2-я 74–80; 1-я 87, 301; 3-я 39
Негорев Н. – см. Норданский Николай Иванович
Негрескул 227
Неджмеддин 2-я 74
Недзельский А. 615, 616
Нежданова М. Г. 162
Нейдгардт 3-я 260
Нейман А. 3-я 300
Нейфельдт И. 1-я 204
Некрасов 430
Некрасов Н. А. 72, 106, 191, 207, 227, 251, 335, 352, 366, 397, 422, 424, 461, 507, 579, 580, 582, 645; 1-я 135, 168, 286, 289, 305; 2-я 83
Нелидов 458
Немоловский А. И. 607, 608, 612, 613
Немоловский Ф. И. 607
Немцев 1-я 240
Немчинов Г. И. 2-я 48
Немчинова Е. А. 2 я 77
Ненешвилли В. И. 1-я 163
Нерман 2-я 160
Нерсесов 60
Нерсесян Н. 3-я 118
Несслер В. 3-я 147
Нессельроде 466
Неустроев 39, 157, 303
Нефедов 1-я 219
Нефедов А. Ф. 2-я 76, 77
Нечаев С. Г. 6, 37, 73, 89, 106, 152, 172, 174, 214, 224–231, 370, 386, 391, 490, 492–497, 508
Низовкин А. В. 519, 550
Никвист 338
Никитин 283; 3-я 142
Никитин А. М. 3-я 204
Никитин Н. Д. 49, 74
Никитина С. В. 20
Никкелева 2-я 123

Нико 3-я 188
Николадзе Н. Я. 472
Николаев Н. Н. 224, 225, 227, 228, 230, 231
Николаев О. 194
Николаев П. Ф 10
Николаева К. И. 3-я 3
Николаевская Л. 223
Николаевский Б. 118
Николай 2-я 103
Николай – см. Фюрстенберг
Николай I 30, 291, 645; 3-я 26
Николай II 433, 458, 643; 1-я 12, 114, 3-я 31, 141
Николай-он – см. Даниельсон Н. Ф.
Николаус фон Реусснер 2-я 197
Никольская-Осинская М. Г. 610
Никольский 327, 490
Никольский А. П. 516, 518
Никольский Б. В. 3-я 221
Никольский Д. Г. 358, 359
Никонов С. А. 1-я 135
Ницше Ф. 1-я 197; 2-я 40; 3-я 222
Новаковская С. Е. 103, 533
Новаковский 103, 533, 534
Новгородцева К. Т. 2-я 127; 3-я 95
Новиков 1-я 291
Новиков-Прибой А. С. 435
Новицкий 656; 2-я 141; 3-я 201
Новицкий Д. Э. 36
Новицкий К. П. 1-я 88
Новицкий М. Э. 37, 270, 271, 415
Новицкий Ф. 2-я 141
Новицкий Ф. Ф. 2-я 194
Новомейский С. 3-я 134
Новоселов 1-я 28
Новоселов А. М. 3-я 273
Ногин Виктор Павлович 2-я 81–82; 1-я 8, 76, 302, 328, 338; 2-я 118; 3-я 20
Нойах 1 я 57
Норд 656
Носарь Г. С. – см. Хрусталев П. А.
Носенко 1-я 291, 293, 294
Носков В. А. 2-я 78
Носкова М. Д. 60
Носович 196
Ноткин 3-я 186
Ноткин Я. Ш. 656

О

Оболовская А. Я. 6, 213, 218, 524
Оболенский В. Н. 2-я 90
Оболенский Л. Е. 2-я 89
Оболенский Л. Л. 219
Оболешев А. Д. 220, 261, 262, 268, 275–278
Обнорский В. П. 646, 2-я 55
Обручников Н. 648
Обух В. А. 1-я 328; 2 я 51
Овнян А. 3-я 118
Овечкин 82; 2-я 218
Овсянкин М. Е. 248
Овсянников 2-я 93
Овчинников М. П. 26, 27, 61, 123, 340, 402, 404, 405, 542
Огарев Н. П. 225, 229, 230, 463
Озол 3-я 204
Оккель 212, 213
Окладский И. Ф. 116, 470, 471
Окулова Г. И. 3-я 142
Олесенев Ф. 336, 338
Оловенникова М. Н. – см. Ошанина М. Н.
Оловенникова Елизавета Николаевна 58, 317–335, 399, 417
Оловенникова С. Л. 31
Ольдерман 3-я 299
Ольминский (Александров) Михаил Степанович 2-я 82–85; 65; 1-я 302, 328, 338; 2-я 34, 40; 3-я 57, 143
Ольхин 530
Омиров Н. Ф. 612
Омулевский И. В. 352; 2-я 100
Онипко 1-я 132
Онуфрович С. 123
Опенгеймер Ф. 1 я 56
Оприпко 281, 283, 651
Орахелашвили Мамия Дмитриевич 2-я 85 -86
Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович 2-я 86–89; 1-я 76; 3-я 43, 75, 117
Орел 522
Орехов 496
Оржих Б. Д. 62, 342; 2-я 4
Оржих С. 2-я 3
Орлов 1-я 104; 2-я 190; 3-я 27
Орлов И. Г. 102
Орлов П. 655
Орлов П. А. 652, 656
Орлов Павел 80
Орлова 497
Орлова Л. В. 23
Орловский – см. Воровский В. В.
Осинин Н. Т. 205
Осинский В. А. 49, 100, 207, 220, 399, 454, 455, 468, 534, 535, 602, 610, 650; 2-я 3
Осинский Н. (Оболенский) Валериан Валерианович 2-я 89–98, 94, 135; 3-я 77
Осипов 1-я 81
Осипов В. А. 49
Осипов К. П. 3-я 182
Осмоловский Г. Ф. 656
Осташкин В. А. 45, 49
Островитянов 3-я 197
Островский 80, 533
Островский А. Н. 202; 1-я 289
Острогорский А. Я. 1-я 196
Острогорский В. П. 1-я 195
Остроумов 60
Оуэн Р. 13, 137, 192, 658; 1-я 212
Ошанин 320
Ошанина М. Н. 58, 149, 161, 270, 271, 319–323, 399, 401 - 403, 431, 432, 468, 473, 592–598, 600, 601
Ошманец 2-я 103

П

Павел I 338
Павленков 651
Павленков Ф. Ф. 1-я 286
Павлик 646
Павлов 101
Павлов М. Г. 238
Павлов М. М. 238
Павлович Михаил Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман) 2-я 98–110; 1-я 223; 3-я 31, 201
Павлов-Сильванский Н. П. 3-я 223, 225
Павловский 2-я 218
Пален К. И. 79, 267, 645
Палладин В. И. 60
Панаев И. И. 424
Панкеев И. К. 415, 416
Панкеев К. М. 3-я 259
Панков А. Г. 3-я 105
Панкратов В. С. 35, 124, 249, 617
Паннекук А. 2-я 149 -151, 153; 3-я 226
Панов А. А. 38
Пантелеевы, братья 3-я 27
Панютин 95, 180, 285, 649
Панютина Ю. 81
Папин В. И. 15, 17
Папин И. И. 6, 10
Парамонов 3-я 212
Парамонов А. 2-я 130
Парвус (Гельфанд) А. Л. 2-я 11, 12, 19, 163, 167; 3-я 156
Парионанов 484, 485
Паршуков 1-я 156
Паули 244, 245, 338
Паульсон 206
Пахомова Е. А. – см. Рейснер Е. А.
Пашинский А. 607 -610
Педашенко И. И. 37
Пекарский 618; 2-я 40
Пекунов 3-я 27
Пеленкин 60, 61
Пельман Р. 2-я 193
Первухин Е. П. 3-я 172
Пергамент О. Я. 3-я 259, 260
Перелешин 286
Перелешина С. А. 595
Переляев 32, 35
Перетц, сестры 206, 207
Перов В. И. 38, 420
Перовская В. С. 207, 212
Перовская С. Л. 6, 31, 151, 193, 206- 214, 217, 218, 270, 271, 300, 310, 313, 323, 326–328, 370-372, 374, 386, 400, 415–419, 468, 470, 493, 546, 551, 594, 602, 630, 631, 639, 640; 1-я 57, 105, 219; 3-я 199
Перовский 3-я 23
Перовский В. Л. 47, 207, 209, 211 -213
Перовский Л. Н. 212, 213
Перовский Н. Л. 213
Пескова 2-я 79
Пестель П. И. 105
Пестковский Станислав Станиславович 2-я 110–114
Петерс 77, 78, 221
Петерс Я. Х. 3-я 85
Петлюра С. В. 1-я 49, 155, 217; 3-я 31, 39, 297
Петриченко 2-я 90
Петро 264, 265
Петров 412, 496, 552, 556, 654; 3-я 137, 228
Петров А. 614
Петров И. 31, 33
Петровский Григорий Иванович 2-я 114 118; 1-я 76, 166, 291–293, 295; 2-я 88; 3-я 124, 125
Петровский Л. А. 1-я 174, 175
Петровский М. И. 61, 63
Петровский Н. М. 3-я 142
Петропавловский Н. Е. – см. Каронин С.
Пешекеров П. 124
Пешекеров С. 21
Пешехонов А. В. 64, 572
Пешкова Е. П. 67
Пивоваров 2-я 78
Пигосянц 2-я 134
Пик В. 2-я 151
Пик Сергей 656
Пик Софья 656
Пилсудский Ю. 1 я 210; 2-я 168
Пильняк Б. А. 3-я 107
Пильский П. 1-я 18, 19
Пименов 2-я 103
Пини Т. 2-я 141
Пинкевич А. 3-я 135
Пинус С. 3-я 173
Писарев см. Иванчин-Писарев А. И.
Писарев 1-я 189
Писарев Д. И. 7, 59, 72, 106, 130, 131, 133, 134, 152, 204, 207, 352, 366, 438, 461, 484, 516, 542, 564, 606, 615, 644, 645; 1-я 45, 57, 78, 159, 212, 219, 235, 256, 263, 286; 2-я 20, 44, 100, 102, 121, 223; 3-я 18, 22, 26, 60, 89, 140, 232
Писемский А. Ф. 644
Пискунов 1-я 328
Питкевич Я. 2-я 104
Пихтин А. В. 336, 340
Плаксин Н. Н. 2-я 79
Платен Ф. 2-я 160, 163
Платон, архиепископ 1-я 275
Платон, др.-греч. философ 2-я 147
Плеве В. К. 162, 248, 304, 322, 421, 434, 571, 572; 2-я 10, 179; 3-я 23, 166
Плеханов Г. В. 10, 11, 32, 51, 115–118, 194, 220, 263, 266–268, 275, 311, 312, 468, 567, 592, 637; 1-я 12, 45, 58, 83, 107, 108, 143, 197–199, 219, 220, 222, 224, 266, 286, 288, 312, 313, 316, 341, 343, 344; 2-я 4, 9–15, 32, 47, 54, 55, 60, 68, 78, 90, 92, 103, 104, 107, 133, 136, 144, 146, 172–179, 188, 232; 3-я 22, 33, 35, 38, 53, 76, 120, 141, 148, 153–155, 157, 200, 233, 235
Плечев И. Д. 3-я 134
Плоский Э. 122, 123
Плотников Н. А. 6

Плотто 244
Плохово 2-я 65
Плюснин Б. 3-я 75
Пиятт В. 2-я 113
Победоносцев Е. 584, 588
Победоносцев К. П. 2-я 101; 3-я 222
Подбельский Вадим Николаевич 2-я 118
Подбельский П. П. 340, 341, 385, 417, 440, 656
Подвойская Н. А. 2-я 79
Подвойский Н. И. 1-я 81; 2-я 40, 79, 80; 3-я 257
Подвысоцкий В. В. 607
Подлубенский Х. В. 161, 632, 635, 637
Подлевский А. А. 335
Подсосова 341, 342
Пожидаев 258; 1-я 172
Позен Н. 429, 651
Познер Д. 120
Покотилов А. Д. 66, 434
Покровский Михаил Николаевич 2-я 118–120; 1-я 9, 339, 344–346; 2-я 36, 51, 107, 204, 225; 3-я 74
Полежаев А. И. 190
Полетаев Н. Г. 3-я 148
Поли 2-я 92
Поливанов П. С. 239, 240, 399, 415, 434
Поликарпов К. В. 415
Полковников 3-я 287
Полонский 3-я 200
Полтев 41
Полубояринова 3-я 200
Полюдов 3-я 87
Поляков 3-я 27, 157
Поляков Н. П. 215
Помер 241
Помещикова А. 3-я 256
Поморцев 240
Помяловский Н. Г. 57, 516, 563
Пономарев 1-я 224
Пономарев Я. П. 2-я 126
Попко Г. А. 100, 156, 158, 266, 511, 584, 585, 588, 651, 653
Поплавский 266
Попов 425; 1-я 120; 3-я 212
Попов А. И. 343
Попов Н. И. 63
Попов Иван Иванович 335–343, 247, 290, 556; 1-я 207
Попов Иван Иванович, учитель 122
Попов Л. В. 215, 217
Попов М. 138
Попов М. А. 1-я 189, 190; 3-я 285
Попов М. И. 2-я 77
Попов Мих. Р. 10, 115, 149, 194, 311, 312, 399, 468, 652, 655
Попов Моисей 37, 136
Попов Н. Д. 474, 475
Попов Н. М. 49
Попов Н. Ф. 67
Попова В. П. 248
Португалов В. В. 3-я 240
Порфирьев 461
Поскребухин 1-я 283, 284; 3-я 72
Поссе К. А. 169
Постников В. Е. 1-я 311
Постоловский Д. С. 66; 1-я 163; 3-я 24
Потанин Г. Н. 342, 557; 1-я 218
Потапенко 289
Потапов А. Н. 66, 248
Потапов Я. С. 466
Потресов А. Н. 117, 559; 1-я 276, 311, 314, 315; 2-я 14, 15, 34; 3-я 154
Потулов 654
Похитонов Н. Д. 16, 472, 475
Прейм С. 34
Преображенский А. С. 194, 195
Преображенский Г. Н. 10, 194
Преображенский Евгений Алексеевич 2-я 120–132; 1-я 56; 2-я 126
Пресняков 278, 335
Пресняков А. К. 116, 269; 2-я 54
Прибылев Александр Васильевич 343–362, 37, 66, 68, 248, 337, 471, 642
Прибылев Н. П. 378
Прибылева В. П. 383
Прибылева Р. Л. 656
Прибылева-Корба Анна Павловна 362–387, 30, 37, 209, 311, 337, 400, 409, 412, 471, 480, 486, 592, 598
Придворов А. С. 1-я 110, 115
Придворов С. Ф. 1-я 110
Придворова Е. К. 1-я 110–113, 115
Примаков В. М. 2-я 108, 109, 135
Принц 3-я 112
Присецкая М. 195
Присецкий И. Н. 38, 39
Приходько 194
Прибибины 160
Прозоров 646
Прозоровский 68
Прокопович С. Н. 1-я 239, 314
Прокофьев 40
Прокофьев С. И. 2-я 48
Протопопова О. Б. – см. Лепешинская О. Б.
Прохоров 142
Прохоров А. 83
Прошьян Проша Перчевич 2-я 132–133
Прошьян 3-я 82
Пругавина К. С. 80, 521, 522
Прудон П. Ж. 463
Прушакевич, сестры 145
Прушакевич Е. 148
Прыжев 224, 227, 228, 230, 231
Прядко Ф. Д. 97
Пугачев Е. И. 48, 96
Пулевич 281
Пумпянская А. 591
Пурин О. С. 136
Пуришкевич В. М. 2-я 92; 3-я 184
Пустовойтова 68
Путилов А. И. 3-я 27
Путята 2-я 226
Пушкин А. С. 26, 190, 239, 254, 352, 367, 446, 516, 605; 1-я 272, 297; 2-я 83; 3-я 93, 194, 232, 237
Пушков 373
Пылаев 1-я 17; 2-я 64
Пыпин А. Н. 1-я 252
Пьянков И. П. 10
Пятаков Георгий Леонидович 2-я 133 136; 1-я 55; 3-я 277, 291, 296
Пятаков Леонид Леонидович 2-я 136–137
Пятаков Леонид Т. 2-я 133
Пятаков Ю. 1-я 105; 2-я 95, 96
Пятницкий 3-я 15

Р

Рабинович 76
Рабинович К. И. 1-я 273
Рабинович М. 518
Рабинович С. 2-я 104
Рабкин 3-я 186
Радек Карл Бернгардович 2-я 138 169; 1-я 101; 2-я 97, 186; 3-я 77
Радославов В. 3-я 36
Радченко И. И. 3-я 115, 116
Радченко Л. Н. 1-я 314
Радченко С. И. 1-я 222, 311
Раевский 152
Разин С. Т. 48, 96
Раим-заде 2-я 107
Райко М. Д. 415
Райнис Я. 2-я 217
Райх А. 124
Райчин 1-я 207
Ракитников Н. И. 70, 248; 2-я 224
Раковский С. 2-я 170
Раковский Христиан Георгиевич 2-я 169–187, 160, 168; 3-я 31, 301
Ралли 308, 647
Рамишвилли 1-я 144
Рамишвили Н. В. 2-я 24
Рапопорт 3-я 200
Рапопорт 3-я 31
Раскольников Федор Федорович 2-я 187–192, 194
Рафаил 3-я 277
Рафалович 291
Рахимбаев 3-я 86
Рахья Иван (Юкка) 2-я 192
Рашевский 206
Рашкевич 588
Рашков А. Л. 282 284, 289, 290
Редер 1-я 172
Резник 1-я 57
Рейнгольд 3-я 87
Рейснер Е. А. 2-я 198
Рейснер Лариса Михайловна 2-я 193–197, 204
Рейснер Михаил Андреевич 2-я 197–205, 193
Рейтлингер Э. А. 438
Рейхман 552
Ремизов А. 1-я 342
Ренер 2-я 164
Ренненкампф П. К. 235, 279, 305, 413
Рехневский Ф. Ю. 122, 337, 339; 1-я 208, 209
Речицкий И. Ф. 168, 173
Решетников Ф. М. 516
Решетов 1-я 189
Решко К. К. 32, 35
Решко М. К. 30, 32, 33, 35, 358
Рибо 2-я 15
Рид Т. Майн 564, 605; 1-я 286; 2-я 83, 99; 3-я 194
Рикардо Д. 121, 645; 2-я 133, 147; 3-я 49
Рин Л. А. – см. Ларин Ю.
Риман 224
Рклицкий М. В. 408
Робеспьер М. М. И. де 479
Рогачев Д. М. 74, 79, 177, 179, 180, 546
Рогачев Н. М. 16, 19, 470, 472
Рогачева В. П. 610, 630
Рогачевский Б. 1-я 126
Рогов А. А. 3-я 256
Рогов Михаил Иванович 2-я 205–206
Рогозин 332
Родзянко 3-я 172
Родзянко М. В. 3-я 175
Родин 651–653
Родион М. 399
Родичев 1-я 239
Родоконаки 2-я 99
Рожанский 582
Рождественский 210
Рожков А. Н. 2-я 51, 225
Рожков Н. А. 1-я 144, 165; 3-я 144
Рожков Н. Н. 3-я 74
Розанов В. Н. 1-я 222; 2-я 164; 3-я 142
Розанов Н. Н. 3-я 142
Розанова – см. Прибылева-Корба Анна Павловна
Розенберг И. Л. см. Эссен Н. Л.
Розенблюм 67, 618
Розенфельд Л. Б. – см. Каменев Лев Борисович
Розенштейн М. 2-я 94
Розинь Ф. 1-я 265
Розмирович Елена Федоровна 2-я 206–212; 1-я 244; 2-я 95
Розын-Азис 3-я 128
Роллан Р. 1-я 345
Ром 2-я 130
Романенко 497
Романов 2-я 123
Романов А. С. 1-я 17, 284; 3-я 70, 254, 275, 280
Романов Н. 3-я 170
Романовский 168
Ромась М. А. 11, 65
Ромась М. И. 618; 3-я 201
Ромм 32
Ронп 2-я 220, 221
Росмер 2-я 162
Россель 74
Росси С. А. 20, 339, 612
Россикова Е. И. 195, 283, 512, 587, 651
Россоловский И. Э. 2-я 78
Роттек К. В. фон 2-я 138
Рошаль Семен Григорьевич 2-я 212 213, 190
Рубанович И. А. 69
Рубанчик О. 38
Рубинштейн А. 2-я 218, 219
Рубинштейн А. Г. 15; 3-я 113
Рубинштейн Н. 2-я 119
Рубинштейн С. Г. 15
Руденко 654

Рудзутак Ян Эрнестович 2-я 213–222
Рудиев М. М. 7
Рудиев С. 60
Рудов 1-я 213; 3-я 72
Румянцев 1-я 332
Румянцев П. П. 64; 2-я 78
Рунге 192
Русанов 3-я 228
Русанов Н. С. 58, 431; 3-я 140
Русецкий 434
Русинов 537, 538, 557, 558
Руссо 2-я 171
Рутенберг 3-я 50
Рыжков С. М. 1-я 94, 95
Рыков Алексей Иванович 2-я 223–230; 1-я 185, 332, 338; 2-я 82, 87, 127; 3-я 15, 34, 117, 198, 267
Рыкова Н. С. 2-я 228
Рысаков Н. И. 326–328, 417, 418, 616
Рэдсток 3-я 216
Рюле 2-я 158
Рюриков 3-я 14
Рябинин 3-я 28
Рябова Е. П. 2-я 175
Рябовол 3-я 197
Рязанов А. И. 1-я 347; 2-я 48
Рязанов (Гольденбах) Давид Борисович 2-я 230 232; 1-я 87; 2-я 100, 103, 104; 3-я 120, 122
Рязанов З. И. – см. Зеге фон Лауренберг В. В.
Рязанов М. М. 2-я 77, 78
Рязанцев В. 226
Рязанцев И. 226, 228
Рянно Ян Петрович 2-я 232–234

С

Сабина 382
Сабинина В. С. 379
Саблин Н. А. 6, 81, 298, 300, 307, 470, 639
Сабсович 649
Сабунаев М. В. 2-я 45, 46
Сабуров – см. Оболешев А. Д.
Сабуров А. А. 29, 121, 385, 417, 440; 2-я 118
Саввина А. П. 405, 406
Савельев И. И. 1-я 30
Савельев М. А. 1-я 244, 339; 3-я 170
Савин В. В. 200
Савин Я. В. 200
Савинков Б. В. 162, 572, 575, 576; 1-я 245, 342; 3-я 23, 50, 89, 178
Савинский 198
Савченко 27
Садов 1-я 219
Сажин Михаил Петрович 387–393, 79, 90, 95, 110, 170, 179, 180, 480, 619
Сажина-Фигнер Е. Н. 31, 392, 459, 466, 480, 539, 619
Сазонов Е. 40
Сазонов Е. С. 304, 573
Сакисер 249
Саковнин 533
Салисбюри 2-я 101, 102
Салли 1-я 143
Салов 472
Салова Неонила Михайловна 393–414, 125, 340, 341, 430–433, 601, 643
Салтыков-Щедрин М. Е. 279, 335, 424, 612; 1-я 219, 272, 286; 2-я 84, 121
Самарский-Быховцев В. В. 3-я 112
Самарцев А. 3-я 189
Самарцев Н. П. 3-я 98
Саммер Иван Адамович 3-я 1; 1-я 210; 2-я 78, 106; 3-я 270
Самойлов А. А. 3-я 3
Самойлов П. 489–494, 496, 497
Самойлов Ф. Н. 1-я 166
Самойлова Конкордия Николаевна 3-я 1–3, 57
Самсонов 2-я 130
Самсонова Т. В. 200
Самурский Нажмутдин (Эфендиев) 3-я 3–9
Самуэли Т. 1-я 249
Сандецкий 1-я 257
Санин А. А. 3-я 134, 240
Саноцкая Р. В. 603
Саножков Н. 3-я 31
Сапронов Тимофей Владимирович 3-я 9–13, 77, 277
Сафаров 2-я 160; 3-я 85
Сахарова О. 75
Свеженец И. И. 14, 15, 136, 139, 141, 223
Свердлов В. М. 3-я 119
Свердлов З. М. 3-я 14
Свердлов Яков Михайлович 3-я 13–18; 1-я 46, 108, 120, 121, 158, 167, 185, 271; 2-я 113, 127, 201; 3-я 28, 95, 137, 234
Свердлова К. Т. – см. Новгородцева К. Т.
Сверчков Дмитрий Федорович 3-я 18–21, 156
Свидерский Алексей Иванович 3-я 21–25, 212
Свириденко В. А. 100, 124, 194, 283, 416, 454, 455, 534, 650
Свирский 3-я 211
Свитыч Э. С. 295, 303, 657
Свитыч-Ильич В. С. 342
Святополк-Мирский П. Д. 3-я 68
Севрук 3-я 102
Седой (Литвин) Зиновий Яковлевич – см. Литвин-Седой Зиновий Яковлевич
Седроцкий 579
Сейфер А. 3-я 170
Сейфер М. А. 3-я 170, 171
Сейферт 2-я 40
Селенкина М. Е. 625, 627, 628
Селиванов 235, 236
Семашко Николай Александрович 3-я 32–36; 1-я 185, 287; 2-я 166; 3-я 15, 28
Семевский В. И. 2-я 3; 3-я 115
Семеко 194
Семенов 2-я 48
Семенов Б. А. 3-я 168, 173
Семенов И. С. 3-я 168
Семенов П. 32
Семиградов 1-я 215
Семков 3-я 98
Семковский 2-я 15
Семяновский Е. С. 27, 28, 221, 554, 651, 652
Сен-Жюст Л. А. 89
Сен-Симон К. А. де Рувруа 192, 229; 1-я 89
Сент-Илер К. К. 336
Сербиченко Александр Каллистратович 3-я 37–40
Сергеев Ф. А. – см. Артем
Сергеева Е. Д. 638
Сергей Александрович Романов, рус. вел. князь 248
Сердюков А. И. 6, 45, 210, 211, 213, 217, 218, 222, 524
Сердюкова Л. И. 30, 193, 213, 214, 217–220, 223, 370, 372, 465, 524
Серебровский Александр Павлович 3-я 40–42
Серебряков Леонид Петрович 3-я 42 44; 2-я 130; 3-я 119
Серебряков Э. А. 15–17, 249, 402
Серебрякова А. Е. 1-я 341; 2-я 77
Серебрякова Г. О. 3-я 87
Серно-Соловьевич А. А. 29
Серно-Соловьевич Н. А. 29
Серова В. С. 372
Серова О. 3-я 3, 56
Серошевский 649
Серошевский В. 342
Серпинский 39
Серчевская 334
Сеченов И. М. 207, 208, 424; 1-я 78, 252; 3-я 60, 232
Сибилева 3-я 115
Сибиряков И. М. 246
Сибирякова И. 38
Сибуль Я. 2-я 201
Сиверс Р. Ф. 3-я 82
Сигаев 3-я 72
Сигида А. 63, 441
Сигида Н. К. 53, 196, 279, 410, 411, 423, 652; 2-я 5
Сигов А. С. 249
Сидорацкий 77, 268
Сидоренко Евгений Матвеевич 414 -422, 326
Симзен М. 32
Симковский 2-я 13
Симон С. 463
Симхэ 2-я 142
Синадино 1-я 215
Синегуб Л. В. 218, 220, 542, 546, 552, 624, 652
Синегуб С. С. 6, 28, 79, 215, 217, 290, 524, 546, 547, 624, 651, 652
Синявский 3-я 238
Синягин 38
Синович – см. Якимова Анна Васильевна
Синягин Д. С. 81; 2-я 224
Скабичевский А. М. 3-я 32
Скарре 1-я 266
Скворцов П. И. 1-я 310
Скворцов П. К. 63
Скворцов П. Н. 2-я 48
Скворцова Н. К. 205, 213, 215
Скворцов-Степанов Иван Иванович 3-я 44–45; 1-я 30, 32, 88, 302, 328, 342; 2-я 36, 51, 90, 225; 3-я 100, 189, 204
Скворчевский 1-я 292
Склодовская-Кюри М. 1-я 202
Склодовский В. 1-я 202
Склянский Эфраим Маркович 3-я 45
Скобелев Матвей Иванович 3-я 45–47
Скорняков 283
Скорняков Л. Н. 1-я 220
Скоробогач 231
Скоропадский П. П. 2-я 185
Скороходов 1-я 141
Скотт В. 3-я 194
Скрыпник Н. А. 2-я 218
Скрыпник Николай Алексеевич 3-я 47–59; 2-я 40, 96
Скрябин М. 2-я 57
Скулов Н. 415
Сладков 3-я 71
Сладков И. Д. 1-я 131
Сладкова 340
Сладкова С. 122
Слезкин И. Л. 76, 522
Слепцов В. А. 1-я 106
Слепцов П. 3-я 285
Слетов С. Н. 40, 68
Смидович Петр Гермогенович 3-я 59–62; 1-я 136, 302, 328
Смидович С. Н. 1-я 136, 341; 3-я 62, 202
Смилга Ивар Теннсович 3-я 62–64; 1-я 168; 2-я 190
Смирницкая Н. С. 161, 196, 409–411
Смирнов 42; 1-я 17, 18, 188; 2-я 93; 3-я 228
Смирнов (Саратовец) 3-я 188
Смирнов А. И. 1-я 142
Смирнов Александр Петрович 3-я 64–70; 2-я 51
Смирнов В. 2-я 95, 96
Смирнов В. М. 2-я 90, 92; 3-я 77
Смирнов Д. 610
Смирнов Е. 3-я 122
Смирнов И. Т. 519
Смирнов Иван Никитович 3-я 70–73
Смирнов П. И. 2-я 190
Смирнов Р. 3-я 118
Смирнов С. М. 63
Смирнова А. 2-я 7
Смирнова Е. М. 2-я 93
Смит А. 121, 219, 645; 2-я 133, 147
Смоленский Л. А. 156
Смольянинов С. И. 3-я 281
Снарский 578
Собко Я. 612
Совинов 3-я 212
Созонов Е. 414
Сойфер 2-я 103
Соковнин 3-я 153
Соколов 61, 314, 484, 647; 2-я 210
Соколов А. В. 3-я 56
Соколов Д. 81
Соколов И. Л. 537
Соколов М. 83, 84
Соколов Н. 3-я 75
Соколов Н. Д. 1-я 245; 2-я 34, 130
Соколов С. 1-я 113
Соколовский 45, 46
Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич 3-я 73–88; 1-я 9, 182; 3-я 235
Сокольский 38
Солдатенков К. Т. 215
Солдатов 2-я 76
Солнцев 189

Солнцева Е. Н. – см. Ковальская Е. Н.
Сологуб Ф. К. 335
Соловьев 60, 61
Соловьев А. К. 10, 100, 115, 149, 260, 261, 310–312, 353, 466, 468, 512, 611, 637, 638, 649; 2-я 83
Соловьев В. И. 2-я 94
Соловьев В. С. 1-я 53
Соловьев С. М. 13; 1-я 228
Соломонов 183
Сольц Аарон Александрович 3-я 88–90
Сонькин 2-я 116
Сорокин П. 249
Сосновский Лев Семенович 3-я 90 107; 1-я 95; 2-я 80
Союзов И. О. 28, 79, 569, 646
Спандарян С. С. 2-я 87; 3-я 117, 118
Спандарян Т. 3-я 188
Спандони А. А. 20, 67, 401, 610–612
Спасович В. Д. 177, 530
Спенсер Г. 320, 353, 375, 645; 1-я 286; 3-я 22
Спешнева М. П. 30
Спиноза Б. 2-я 134
Спонти Е. И. 2-я 48
Спруде 1-я 265
Стажик 2-я 139
Сталин Иосиф Виссарионович 3-я 107–112; 1-я 95, 164, 166, 179; 2-я 26, 87, 88, 108, 109, 114; 3-я 6, 118, 188, 283
Сталинский 249
Сталь Л. Н. 3-я 3, 30
Стамбулов С. 2-я 172
Станкевич 165
Станкевич Н. В. 122, 256
Станкевич Н. С. 1-я 245
Старков В. В. 1-я 207, 221, 311
Старк 3-я 266
Стародворский Н. П. 61, 407
Старостин 3-я 207
Старцев 227
Старынкевич 654
Старынкевич Н. Ю. 248
Стасов В. В. 29, 32; 3-я 113
Стасов Д. В. 29, 159, 589; 1-я 145; 3-я 112, 113
Стасова Елена Дмитриевна 3-я 112-119; 1-я 195, 197, 224, 303; 3-я 188
Стасова П. В. 29, 154, 209, 370
Стахевич С. Г. 556
Стаховский В. А. 217, 524
Стеблин-Каменский Р. А. 652, 654, 656, 657
Стебут 223
Стеклов Юрий Михайлович 3-я 119–128; 2-я 102; 3-я 201
Стенюшкин (Михаленко) 647
Степанов 617
Степанов Е. 27
Степанов И. И. – см. Скворцов-Степанов Иван Иванович
Степанов Н. М. 2-я 218
Степанова 303
Степанова М. 379
Степняк С. – см. Кравчинский С. М.
Степурин К. А. 16, 61, 123, 339, 340, 432
Стеркин 1-я 294
Стефани 2-я 101
Стефанович О. В. 610
Стефанович Я. В. 10, 31, 32, 34, 36, 37, 49, 92, 93, 95, 98–100, 110, 111, 113–116, 161, 194, 342, 511, 610, 646
Сторожев В. Н. 1-я 12
Стоклицкий 3-я 76
Столетов А. Г. 3-я 60
Столыпин П. А. 572; 3-я 124, 136, 260
Стомоняков (Кузнецов) 1-я 7
Стопани А. М. 2-я 89; 3-я 7, 189
Стороженко Н. И. 1-я 252; 3-я 184
Сторубль 1-я 292
Стояловский 2-я 139
Стоянов 193
Страннолюбский А. Н. 154, 206, 208, 209, 372, 373, 375
Стратонович В. В. 16
Стрельников В. С. 138, 140-142, 241, 301, 302, 386, 419, 454, 471; 2-я 3
Стриевский 1-я 17
Строев 191
Струве П. Б. 1-я 45, 56, 58, 87, 107, 163, 197, 199, 311, 312; 2-я 7, 104, 176, 177; 3-я 22, 89, 141, 233, 259
Студзинский Э. И. 158, 657, 658
Стуков И. Н. 1-я 338; 3-я 77
Стучка Петр Иванович 3-я 128–129; 559; 3-я 56
Субботина М. Д. 155, 321, 463
Субботина Н. Д. 321, 463, 532, 533
Субботина С. А. 321, 463, 520
Суворин А. С. 29
Суворов С. А. 1-я 342
Судаков 2-я 199
Судаков Н. В. 420
Судейкин Г. П. 21, 32, 35, 37, 76, 123, 162, 301, 339, 340, 359, 402, 403, 431, 432, 454, 473, 601, 616, 617, 650
Судзиловская Е. К. 74, 75
Судзиловский Н. К. 92, 173
Судрабс Ян Фридрихович – см. Лацис Мартын Иванович
Султанов 3-я 302
Сулькевич 1-я 132
Сумернов 12
Сундуков И. Ф. 2-я 40
Суница Л. 2-я 94
Сун Ят-Сен 1-я 78
Супинская Е. В. 77, 145, 146, 148
Суриц 1-я 7; 2-я 135
Суровцев Д. В. 597–599
Суровцев Д. Я. 617, 618
Суслова Н. П. 205, 216, 397, 462
Суханов А. 1-я 292, 293
Суханов Н. Е. 16, 302, 386, 387, 470, 472, 488, 641
Суханов Николай Николаевич 3-я 129–139, 126
Суханова 328
Сухомлин Василий Иванович 422–436, 66, 67, 124, 125, 247, 340, 403–405, 407, 408
Сухомлинов 2-я 133
Сухоруков А. Ф. 3-я 256
Сухоруковы 594
Сыромолотов Федор Федорович 3-я 133–139, 95
Сысин А. Н. 1-я 328
Сэнжур 2-я 103

Т

Тавилларов 2-я 199
Таганцев 545
Тагиев Г. З. 2-я 72
Таига 2-я 41
Таксис А. Ф. 257
Талаппидев 15
Талат-паша 2-я 168
Тальгеймер А. 2-я 151-153
Тан-Богораз Владимир Германович 436–449, 62, 342, 343
Тараторин 653
Таратута В. К. 3-я 74
Татаров Н. Ю. 67, 162, 248, 249, 643
Гауман 3-я 81
Тейкман 1-я 283
Телялов П. А. 240–242, 336, 416, 419, 420, 595, 597
Тенч 1-я 282
Теодорович Иван Адольфович 3-я 139–145; 1-я 144, 151; 3-я 136, 202
Теодорович С. И. 3-я 139
Теплов Н. Н. 522
Тепляков Н. 648
Тер В. 3-я 197
Тер-Акопов 3-я 28
Терентьев 496
Терентьев М. Д. 28, 651
Терентьева Л. А. 159, 160
Терентьева Л. Д. 300, 417, 429, 588
Терещенков 244
Терещенко М. И. 2-я 107
Терещенков 2-я 129
Теселкин 63
Тесленко 3-я 60
Тетерка М. В. 283, 284, 451, 452
Тетерников 335
Тефтуя И. И. 28
Тимирязев К. А. 1-я 52; 3-я 60
Тимофеев М. А. 248
Тимошкин 1-я 275
Тиняков А. И. 2-я 122
Тит Флавий Веспасиан 2
Тиханович А. П. 15
Тихвинский М. М. 2-я 136
Тихомиров В. А. 2-я 60-64
Тихомиров Л. А. 6, 35, 51, 60, 148, 161, 175, 215, 217, 300, 310, 312, 339, 384, 386, 401–403, 405, 417, 431, 432, 473, 489, 512, 524, 529, 546, 547, 570, 592–595, 597, 600, 601, 637, 638; 1-я 16, 17
Тихомирова Е. Д. 58, 326, 327
Тихонов В. Т. 1-я 172
Тихонов Я. Т. 116
Тихоправов Н. С. 13
Тищенко И. И. 282, 592, 648, 651
Ткачев П. Н. 170, 222, 565, 601, 645
Ткачева А. Д. 209
Токарев 3-я 116
Толмачев 458
Толмачев Николай Гурьевич 3-я 145–146; 1-я 5, 17
Толмачева 325
Толстой Д. А. 59, 193, 306, 341, 354, 415, 425, 432, 433, 492, 644, 645
Толстой Л. Н. 80, 293, 352, 376; 1-я 99, 263; 2-я 28, 70, 93, 120; 3-я 63, 129, 130, 194
Том 1-я 245
Томаш 2-я 42
Томилин 197
Томилова Е. Х. 240
Томский Михаил Павлович 3-я 146 - 150, 137
Топорков А. К. 1-я 12, 13
Топорков С. М. 1-я 132
Топоров 434
Торсуева-Быстрицкая Е. В. 2-я 76, 77
Тотлебен Э. И. 180, 469, 512, 649; 2-я 170
Точисский Павел Варфоломеевич 3-я 150 – 151
Трахтенберг И. А. 2-я 95
Трегубов И. М. 1-я 263–265
Трейман 2-я 201
Трейтер 562
Трепов Ф. Ф. 50, 79, 100, 115, 162, 178, 221, 263, 266, 267, 467, 511, 531, 534, 558, 567; 2-я 65
Тригони М. Н. 136, 140, 298, 314, 416
Тринидатская Е. М. 125, 410 – 412, 643
Тринольская К. И. 408
Трифонова Л. А. – см. Терентьева Л. А.
Троицкий М. П. 240
Троцкая Х. А. 3-я 137
Троцкий Лев Давидович 3-я 151–160; 343; 1-я 9, 72, 83, 154, 182, 212, 231, 273, 276, 288, 321, 344, 345; 2-я 1, 9, 11, 12, 15, 27, 31, 107, 136, 157, 159, 160, 168, 184, 213; 3-я 20, 46, 76, 105, 123, 130, 179, 226, 231, 300
Троцанский В. Ф. 276, 277, 623, 656
Трояновский 15
Трубецкой Е. Н. 2-я 93, 196, 198
Трубина А. Н. 2-я 130; 3-я 119
Трубников К. В. 29
Трубникова М. В. 29, 30
Трутовский 2-я 108
Туган-Барановский М. И. 446; 1-я 55, 56, 197; 2-я 7, 103, 177; 3-я 89
Тулисов 149
Туманов 3-я 78, 87

Туманян О. Т. 2-я 69
Тун 341
Тун А. 3-я 142
Тур 124
Тургенев И. С. 72, 106, 207, 293, 339, 352, 376, 397, 422 – 424, 507, 516, 564, 605, 644; 2-я 44; 3-я 232
Турович И. В. 28, 569
Турякулов 3-я 86
Тухачевский Михаил Николаевич 3-я 160 – 163; 2-я 89
Тырков А. В. 38, 326 – 328, 331, 332, 334, 417, 439; 1-я 207, 208
Тычинин 326, 417, 616
Тышка Я. 2-я 142, 145 – 147; 3-я 136, 225
Тэн И. А. 220
Тюриков 266, 276
Тютчев Н. С. 11, 64 – 67, 247, 248, 250, 290, 551; 1-я 207, 300
Тютюник 1-я 217

У

Уваров М. 32, 33
Удинцев С. 355, 359
Угаров Федор Яковлевич 3-я 163 165
Угланов Николай Александрович 3-я 165 - 176
Ульрих В. 2-я 218
Ульштейн 2-я 196
Ульянов 584, 585, 588
Ульянов А. 32
Ульянов А. Н. 408, 443; 1-я 135, 306; 3-я 142
Ульянов В. Н. 1-я 304
Ульянов Н. Н. 1-я 304, 305
Ульянова М. А. 1-я 136, 305
Ульянова М. И. 1-я 136; 2-я 69; 3-я 119, 189
Ульянова Н. Н. 32
Ульянова-Елизарова А. Н. 1-я 135, 308, 341; 2-я 77
Ульяновы 223
Унгерн фон Штернберг 469, 470; 3-я 258
Унтербергер 1-я 302
Уншлихт Иосиф Станиславович 3-я 176 179; 2-я 153
Уранов 3-я 68
Урбан 438
Урицкий Михаил Соломонович 3-я 179 - 180; 1-я 105, 342, 345; 3-я 50, 89
Урсин 606
Урсынович Л. В. 615, 616
Урусов А. И. 38
Ус 408
Усагин А. 2-я 94
Усиевич Григорий Александрович 3-я 180, 77
Усова С. Е. 337, 340, 439, 616
Успенская А. И. 225, 553
Успенский Г. И. 11, 207, 335, 430, 484; 1-я 272, 286
Успенский М. 2-я 120
Успенский П. Г. 28, 89, 181, 182, 224, 228, 553, 651
Устинов Алексей Михайлович 3-я 180 – 181
Устинов Г. 3-я 152
Устругова 3-я 115
Утин 371, 375
Утин Е. 178, 407
Уханов Константин Васильевич 181 –182
Ушаков 3-я 204

Ф

Фабрикевич 1-я 339
Файнман А. Р. 2-я 13, 218
Файнман В. Р. 2-я 218
Фалецкий А. Н. 261
Фандерфлит И. И. 206
Федоров 63, 244, 245, 268; 1-я 277
Федоров А. 354
Федоров А. В. 36
Федоров А. М. 434
Федоров М. Н. 2-я 41
Федоровская О. П. 1-я 235
Федорченко 425–427
Федорчукова 616
Фелосеев И. Е. 65; 1-я 300, 309
Федулов А. А. 2-я 34
Фейербах Л. А. 13
Фейт А. Ю. 68, 248; 2-я 34
Фельдман К. 1-я 153
Феноменов М. 2-я 123
Феохари Степан Ильич 449-458, 652
Ферри Г. 305
Фесенко П. Ф. 109, 110, 192
Фигельский Владислав Дамианович 3-я 182
Фигнер А. А. 458
Фигнер А. С. 458
Фигнер Вера Николаевна 458-481, 9, 14–15, 18, 21, 31, 70, 136, 219–221, 223, 310, 321, 337, 338, 399–402, 539, 592, 599, 600, 612, 619
Фигнер Е. Н. – см. Сажина-Фигнер Е. Н.
Фигнер Е. Х. 459, 539
Фигнер Л. Н. 459, 460, 462, 463, 476, 479, 532, 533, 539
Фигнер Н. А. 458
Фигнер Н. Н. 459
Фигнер О. Н. 459, 479, 539
Фигнер П. Н. 459
Филадельфов В. В. 75
Филипп Михайлович – см. Михайлов Ф.
Филиппов А. В. 462
Филиппов А. Ф. 481
Филиппов Александр Андреевич 481 498, 656
Филиппов М. М. 3-я 232
Филиппова Л. В. 2-я 78
Филонов А. Г. 507
Философов В. 31
Философов Д. 31
Философова А. П. 29, 209
Финн 1-я 136
Фиолетов Иван Тимофеевич 3-я 182 - 183; 2-я 37
Фирсов В. М. 2-я 92
Фихте И. Г. 2-я 134
Фицкакауров 1-я 96
Фишер 1-я 219
Фишер В. Ф. 79, 80, 92, 93
Фишер К. 7о
Флеров Н. М. 61, 65, 336 340, 342; 1-я 298, 299; 2-я 84; 3-я 189
Флеровский И. П. 2-я 190
Флеровский Н. – см. Берви-Флеровский В. В.
Флит фон 154
Флобер Г. 376
Флоровский С. Н. 539
Фокин И. И. 2-я 125
Фоменко Н. Т. 298, 303
Фомин – см. Медведев
Фомин 597
Фоминых 1-я 157
Фомичев Г. И. 428, 651
Фонякова 65
Форд Г. 3-я 30
Форель А. 1-я 345
Формакова М. 630
Фохт К. 484, 516; 3-я 232
Франжоли А. А. 400
Франжоли Н. А. 28
Франк Р. 123
Франс А. 477
Франциc Р. 2-я 218
Фредерикс 379
Фредерикс В. Б. 1-я 301; 2-я 177
Фрейфельд 66, 248
Фрелих П. 2-я 151, 156
Френкель Я. 430
Фриденберг 1-я 70
Фриденсон Г. М. 160, 247, 595
Фриче Владимир Максимович 3-я 183–186; 2-я 51, 225
Фроленко Михаил Федорович 498–514, 6, 13, 18, 95, 99, 100, 111, 114, 266, 270-272, 297, 310, 312, 314, 386, 468–470, 592, 602
Фроленко Ф. Т. 498
Фролов 65, 408
Фрумкин Моисей Ильич 3-я 186– 191, 100
Фрунзе Михаил Васильевич 3-я 191–193; 186, 187; 1-я 257, 258; 2-я 186; 3-я 162, 178, 195, 196, 271, 298
Фрэзе 332
Фукс 2-я 164
Фундаминский 1-я 240
Фундаминский И. 443
Фундаминский М. 343
Фурманов Дмитрий Андреевич 3-я 193–196, 213
Фурье Ф. М. Ш. 13, 192, 229, 463
Фюрстенберг 1-я 7

Х

Хазов Н. Н. 648
Халатов Артемий Багратоович 3-я 196– 199
Халтурин 552
Халтурин С. Н. 116, 160, 241, 242, 302, 310, 312, 322, 385, 471, 487, 598, 634, 639; 2-я 54, 55
Ханжи М. 2-я 104
Ханоян С. М. 1-я 164
Хардин 1-я 311
Харизоменов С. А. 258, 262
Харик 3-я 188
Харитонов В. Г. 2-я 4; 3-я 77
Харламов П. Г. 3-я 175
Хачатурьянц В. 3-я 118
Хвесин Т. С. 3-я 161
Хеглунд Ц. 1-я 55; 2-я 160
Хейльман 2-я 156
Хенке 2-я 154, 156, 158
Хибеш 2-я 139
Хилков 1-я 136
Хинчук Лев Михайлович 3-я 199–205; 618; 1-я 144; 2-я 142, 239
Хлебников А. 408
Хлебников П. И. 7
Хлебодаров В. 1-я 290
Хлобощина С. Н. 245
Хлоплянкин И. 3-я 197
Хлоплянкин М. 3-я 197
Хмельницкий Александр Исаакович 3-я 205 - 209
Ховрин А. А. 248; 3-я 50
Ходжаев Файзулла 3-я 209–210
Ходжанов 3-я 86
Хол-Хаджа 3-я 85
Холщевников 413
Хомерики 1-я 164
Хоржевская 532, 533
Хоржевские, сестры 155
Хорошевский 1-я 204, 205
Хотемкина В. К. 40
Хотинский А. А. 8
Хохлов 79
Хрусталев П. А. 163; 1-я 240, 273, 3-я 156
Хрущов П. 182, 457, 653, 654
Хрущов П. В. 540
Худатов 598, 599
Худатова А. В. 598
Худяков И. А. 390
Хумарян А. Х. 2-я 73

Ц

Цаголов Григорий Александрович 3-я 210 – 211
Царевский И. 610
Цветков 3-я 73
Цвиленев Николай Федорович 514 – 540, 103
Цвиленева А. Ф. 515, 528, 532
Цвиленева С. Ф. 516 – 518, 523, 529
Цебрикова М. К. 209
Цедербаум Ю. О. – см. Мартов Л.
Цезарь Гай Юлий 3-я 220
Цейс 1-я 12
Цейтлин 3-я 74
Церетели И. Г. 1-я 162, 164; 2-я 13, 15, 211; 3-я 50, 126, 127
Цеткин К. 1-я 223, 224; 2-я 151, 159; 3-я 233
Цибишева 74
Цимиров 407
Циммерман В. Ф. А. 72
Циммерман Р. Э. 3-я 240
Цион И. Ф. 8
Циперович Г. В. 3-я 121, 201
Цирюльников 3-я 284
Циценко И. Т. 61, 63
Цицианов 527
Цицианов 528
Цицианов А. 530
Цицианов А. К. 525, 527, 528, 530, 655
Цукерман Л. О. 657

Цулукидзе А. Г. 3-я 268
Цулукидзе С. 2-я 22
Цхакая Миха 3-я 211; 2-я 7, 24; 3-я 268
Цыперович 2-я 102, 103
Цыплов 81
Цыцин И. И. 3-я 168
Цюрупа Александр Дмитриевич 3-я 211-212, 24, 202

Ч

Чайковский Н. В. 6, 80, 170, 171, 213–215, 218, 373, 374, 522, 543, 546, 574
Чакст Э. 1-я 70
Чапаев Василий Иванович 3-я 212–213, 196
Чарковский 1-я 207
Чарушин А. Д. 342
Чарушин Л. Н. 561
Чарушин Николай Аполлонович 540–563, 6, 28, 79, 215, 342, 517, 519, 524, 624, 625, 629, 651, 652
Чарушина А. Д. 552, 553, 555, 561
Чарушников А. П. 560
Чачковский 648
Чегодаев 466
Чекондзе М. Н. 161; 2-я 6
Чеколдин 1-я 223
Чекулаев С. И. 336, 340
Челышев 1-я 269
Чемоданова Л. В. – см. Синегуб Л. В.
Чемоданова Л. И. 417
Ченыкаев В. 32, 616
Чепурнова 466
Чепурный 2-я 6
Червен-Водали А. А. 23
Червяков Александр Григорьевич 3-я 213 – 215, 289
Череванин Н. 1-я 30
Черепанов 186
Черепанов С. А. 3-я 137
Черепанова М. 3-я 119
Черепахин 646
Черкезов В. Н. 647
Черкесов А. А. 30, 215, 224, 228, 309
Чернавский Михаил Михайлович 563 – 577, 290, 409
Чернов В. М. 70; 1-я 79, 240; 3-я 60, 130, 187
Чернов М. А. 3-я 195
Черномазов М. 1-я 81, 139, 243; 2-я 213; 3-я 170
Черносвитова С. Н. – см. Смидович С. Н.
Черноусова П. А. 461
Чернышев 610
Чернышев П. Ф. 45, 47, 75, 565
Чернышевский Н. Г. 7, 13, 27, 29, 30, 57, 106, 134, 152, 172, 191, 207, 210, 211, 213, 254, 257, 320, 321, 352, 366, 368, 369, 390, 398, 422, 438, 461, 463, 475, 516, 542, 564, 615, 645, 656; 1-я 45, 78, 166, 168, 219, 228, 234, 256, 263, 286; 2-я 2, 7, 20, 44, 76, 98, 102, 207, 223; 3-я 2, 22, 32, 60, 120, 127, 140, 232
Чернявская М. Ф. 582, 590
Чернявская С. Ф. 578, 582, 599
Чернявская Ю. Ф. 578, 582
Чернявская-Бохановская Галина Федоровна 577 – 603, 402, 431, 591
Чернявский Ф. М. 577 – 582
Черняк 2-я 34
Черняк Я. – см. Валек А.
Чехов А. П. 3-я 130
Чехов П. 648
Чечотт 330, 331
Чечулин 176
Чикондзе М. Н. 245, 497, 524, 533
Чичерин Б. Н. 3-я 140, 215
Чичерин В. Н. 3-я 215, 216
Чичерин Георгий Васильевич 3-я 215 – 229; 2-я 107, 187; 3-я 20, 78
Чичерин Н. В. 3-я 215
Чичерина Ж. Е. 3-я 216
Чичнаков М. 3-я 170
Членов 2-я 93
Чонкадзе Д. Г. 2-я 27
Чорба 1-я 136
Чубаров С. Ф. 50, 95, 111, 114, 266, 287, 289, 296, 297, 646; 2-я 54
Чубарь Влас Яковлевич 3-я 229 – 231; 2-я 96
Чугуевец 650
Чудновские, семья 290
Чудновский Григорий Исакович 3-я 231; 1-я 43, 89, 105; 2-я 31; 3-я 291
Чудновский С. Л. 223, 290, 293
Чуйко Владимир Иванович 603 – 613
Чуйко С. И. 608
Чуйков 528
Чумаевский А. С. 60 – 63
Чупров А. И. 52, 121; 3-я 22
Чуцкаев Сергей Егорович 3-я 231 – 235, 95, 135
Чхеидзе Г. 2-я 15, 25

Ш

Шабельский 4
Шавров 606
Шагов Н. Р. 1-я 166
Шакол А. 479
Шамовский 3-я 141
Шамшин И. И. 29
Шамшурин 3-я 137
Шанцер В. Л. 3-я 123
Шапиро 1-я 245
Шаповалова А. С. 584, 588
Шатилова Л. А. – см. Афонская Л. А.
Шаумян Степан Георгиевич 3-я 235 – 236; 1-я 95, 139, 350; 2-я 37, 73, 87; 3-я 211
Шашкова О. Э. 319
Шварц И. И. 2-я 87, 130; 3-я 43, 119, 137, 277
Шведчиков 1-я 17
Швейцер В. 3-я 118
Швейцер Ж. Б. 352, 606
Швейцер Л. 162
Шверник Н. М. 1-я 247; 2-я 40
Швецов С. П. 248
Швиговский Ф. Ф. 3-я 153
Шебалин Михаил Петрович 613 – 620, 338, 339; 3-я 201
Шебалина П. Ф. 338, 339, 617
Шебеко 3-я 204
Шевченко Т. Г. 414, 645; 2-я 199; 3-я 48
Шевырев 261
Шевырев П. Я. 443
Шедлих 618
Шейдеман Ф. 2-я 167
Шейнкман 3-я 127
Шейнман А. Л. 3-я 87
Шейнтис 477
Шекспир У. 202
Шелгунов Н. В. 341, 366, 391, 484; 1-я 227, 312; 2-я 20, 47; 3-я 26, 140, 202
Шеллер А. К. 2-я 188
Шерр И. 353
Шестаков 3-я 27
Шефтель М. И. 32
Шеффле А. Э. Ф. 353
Шехтер А. Н. 407
Шехтер Н. Н. 588, 591; 2-я 3
Шехтер С. Н. 416, 429, 588, 591
Шибаев С. М. 3-я 236
Шидловский Н. В. 3-я 203
Шиллер И. К. Ф. 13, 202, 367; 1-я 228, 234
Шиллерт Ю. 2-я 94
Шильган 2-я 134
Шимановская С. 607
Шиманская 608
Шиманский 343
Шимков 4
Шингарев 3-я 60
Шингарев А. И. 68
Шипицын А. Н. 248
Шиппель М. 2-я 142
Широких Е. И. 3-я 172
Ширяев С. Г. 239, 312, 469, 486, 492, 494, 495, 638
Шиф Б. 2-я 103, 104
Шиф И. 2-я 102 – 104
Шишкин 355
Шишко Л. Э. 6, 24, 28, 70, 79, 215, 216, 290, 307, 510, 524, 546, 549, 569, 651
Шкловский 2-я 160; 3-я 75, 76
Шкуро А. Г. 2-я 234; 3-я 291
Шлейснер А. А. 261
Шлейснер В. А. 261
Шлейснер О. А. 6, 80, 193, 205, 210 – 215, 220, 261 – 263, 276, 370
Шлейфер 3-я 87
Шлемензон 533
Шлихтер Александр Григорьевич 3-я 236 – 244, 197, 200, 202
Шлихтер Е.С. 3-я 200, 239, 241
Шлоссер Ф. К. 76, 353
Шляпников Александр Гаврилович 3-я 244 – 251; 2-я 64; 3-я 119, 125
Шмидт 82; 2-я 226
Шмидт Василий Владимирович 3-я 251 – 253; 1-я 293; 2-я 40, 123; 3-я 170
Шмидт П. П. 3-я 206
Шнеерсон 1-я 13
Шнеерсон А. 1-я 163
Шомет 3-я 142
Шопенгауэр А. 1-я 228; 3-я 220
Шорин В. И. 3-я 80
Шостакович Б. П. 342, 658
Шотман А. В. 1-я 273
Шпейер С. 92, 93
Шпет 216
Шпиганович А. 3-я 139
Шпиганович Л. 3-я 139
Шпилев Г. 1-я 189
Шпильгаген Ф. 27, 352, 460, 461, 606; 2-я 102
Шпиркин М. 615
Шпиттелер К. 1-я 345
Шполянский И. Л. 614, 615
Шредер 152
Шредер – см. Арнольди Н. А.
Шрейбер 223
Штакельберг О. 3-я 216
Штейн Я. 2-я 41
Штейнгель В. И. 2-я 196
Штернберг 441
Штернберг Павел Карлович 3-я 253 – 254, 74
Штирнер М. 3-я 265
Штремер Н. Н. 3-я 116
Штромберг А. П. 19, 470
Штырлов 494, 496
Шувалов 82
Шулепникова 617
Шульце-Делич Г. 2-я 27
Шулятиков 1-я, 159
Шулятиков В. М. 3-я 184
Шумиловский 3-я 265
Шумяцкий Борис Захарович 3-я 254 – 258
Шумяцкий М. З. 3-я 255
Шур 656
Шурканов 3-я 252
Шутко К. 1-я 17

Щ

Щеглов В. 518
Щеголев 247
Щеголев П. Е. 492, 493, 495; 1-я 342; 3-я 23
Щедрин Н. Е. – см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щедрин Н. П. 10, 194, 195, 475, 655
Щеколдин Ф. И. 2-я 78
Щепанский И. 107, 109, 110, 282
Щепкин Евгений Николаевич 3-я 258 – 264
Щепкин Н. П. 3-я 262
Щепкина-Куперник Т. Л. 478
Щербачева 191
Щербина Ф. А. 156, 584, 588, 610
Щуров 609

Э

Эберт Ф. 2-я 167
Эйсмонт Николай Болеславович 3-я 264 - 268
Эйснер К. 2-я 200, 201
Эйтнер М. Б. 155, 159, 590
Экштейн Г. 2-я 164
Элиава Шалва Зурабович 3-я 268 –272
Элпидин М. К. 586 , 647
Эльсниц А. Л. 308, 647
Эмар Г. 564; 2-я 99
Эмма 2-я 64
Эмме В. -Г.-К. Г 107 – 109

Энвер-паша 2-я 168; 3-я 210
Энгель 308, 424, 425; 2-я 3
Энгельгардт А. Н. 29, 206, 208, 209
Энгельс Ф. 116, 117; 1-я 219, 286, 309; 2-я 77, 123, 141, 143, 175, 231, 232; 3-я 60
Эндауров А. М. 48
Энов 247
Эпштейн А. М. 524
Эренбург И. Г. 1-я 54
Эркман-Шатриан (псевд. фр. писателей Эркмана Э. и Шатриана Ш. Л. Г. А.) 72, 451, 519, 530
Эрлих 3-я 228
Эррио Э. 2-я 187
Эссен А. М. 3-я 54
Эссен М. М. 3-я 116
Эссен Н. Л. 3 я 188
Эфрон 23

Ю

Ювачев И. П. 16, 38, 249
Ювенальев А. П. 240
Юделевский 618; 3-я 201
Юденич Н. Н. 1-я 71, 121, 149, 155, 176, 217, 258; 3-я 111, 174, 281
Юдовский В. Г. 3-я 207
Южаков В. В. 1-я 311
Южаков Л. 647
Южаков С. Н. 585, 592
Южакова Е. Н. 583 – 587, 592, 657
Юзачев 16
Юлиан Отступник Флавий Клавдий 3-я 220
Юнг К. Г. 1-я 263
Юнкерс 2-я 196
Юргенсон А. П. 72, 80
Юргенсон П. А. – см. Головина (Юргенсон) Н. А.
Юренев Константин Константинович 3-я 272 274
Юрковский Ф. Н. 283, 429, 512, 652, 653, 655
Юровский 3-я 87
Юферев 556
Юшманов Г. 493 - 496

Я

Явейн 1-я 311
Яглов С. см. Бубнов Андрей Сергеевич
Ядринцев Н. М. 290, 342; 1-я 218
Языков 3-я 43
Якимов В. М. 638
Якимова Анна Васильевна 620 – 644, 77, 160, 248, 298 – 301, 310, 324, 385, 409, 411, 412, 414, 469, 470, 489, 542, 629, 638, 642
Якимова Н. С. 638
Якоби П. И. 30
Яковлев 65, 410; 1-я 166, 207; 2-я 41, 103, 117
Яковлев В. 3-я 256
Яковлев Л. П. 3-я 121
Яковлев Николай Николаевич 3-я 274 - 276; 2-я 93, 94; 3-я 279
Яковлев Яков Аркадьевич 3-я 276 – 278
Яковлева Варвара Николаевна 3-я 278 280; 1-я 339; 2-я 93; 3-я 77, 274, 275
Якубов С. Д. 3-я 188
Якубова А. А. 3-я 115
Якубович П. Ф. 61, 122 – 125, 336 – 341, 343, 402, 404, 405, 407, 408, 432, 433, 616, 617
Якушкин П. И. 319
Янжул И. И. 1-я 252
Янин 3-я 11
Яновская 367
Яновский 367, 656
Янович Л. Ф. 618
Яновские, брат и сестра 612
Янсон Ю. Э. 121, 353
Янышев Михаил Петрович 3-я 280 – 281
Ярач С. 2-я 140
Ярославский Емельян 3-я 281 – 286; 1-я 8, 14, 76, 88, 106
Яроцкий Василий Яковлевич 3-я 286 – 288
Ярошевич 170
Яснева (Голубева) М. П. 1-я 310
Ястребов 1-я 242
Ястремские, семья 497
Ястремский Сергей Васильевич 644 658
Яхонтов В. И. 2-я 91
Яцевич Н. В. 413, 648, 651
Schen Andreas 216
Schutzenberger 23

Составитель Л. И. Фурсенко

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве Приложения к факсимильному воспроизведению текста из Словаря Гранат издательство сочло полезным дать дополнительную информацию – списки персонального состава руководящих органов страны в 1917–27 гг.: ЦК, ЦКК и ЦРК Компартии, СНК РСФСР и Президиума ВЦИК до образования СССР, а с 1923 г. – СНК СССР и Президиума ЦИК СССР, Совета Труда и Обороны, Президиума ВСНХ, Реввоенсовета, Президиума ВЦСПС. В публикации данных списков использованы материалы Аксенова Ю. С., Дроздовского И. И., Иванова А. М., Коржихиной Т. П., Москаленко И. М., Шапиро Л. А. Изучение архивных источников продолжается, и издательство будет благодарно за документально подтвержденные уточнения.

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА в 1917–1927 гг.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б)

ЦК РСДРП (б), избранный 6-м съездом [26 июля – 3 авг. (8–16 авг.) 1917]. Члены ЦК: Артем (Сергеев) Ф. А. (1901), Берзин Я. А. (1902), Бубнов А. С. (1903), Бухарин Н. И. (1906), Дзержинский Ф. Э. (1895), Зиновьев Г. Е. (1901), Каменев Л. Б. (1901), Коллонтай А. М. (1915), Крестинский Н. Н. (1903), Ленин В. И. (1893), Милютин В. П. (1910), Муранов М. К. (1904), Ногин В. П. (1898), Рыков А. И. (1899), Свердлов Я. М. (1901), Смилга И. Т. (1907), Сокольников Г. Я. (1905), Сталин И. В. (1898), Троцкий Л. Д. (в с.-д. движении с 1897; 1917–27), Урицкий М. С. (в с.-д. движении с нач. 90-х гг., 1917), Шаумян С. Г. (1900). Кандидаты в члены ЦК: Джапаридзе П. А. (1898), Иоффе А. А. (в с.-д. движении с кон. 90-х гг.; 1917), Киселев А. С. (1898), Ломов-Оппоков Г. И. (1903), Преображенский Е. А. (1903), Скрыпник Н. А. (1897), Стасова Е. Д. (1898), Яковлева В. Н. (1904).

ЦК РКП (б), избранный 7-м съездом (6–8 марта 1918). Члены ЦК: Артем (Сергеев) Ф. А., Бухарин Н. И., Владимирский М. Ф. (1895), Дзержинский Ф. Э., Зиновьев Г. Е., Крестинский Н. Н., Лашевич М. М. (1901), Ленин В. И., Свердлов Я. М., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Сталин И. В., Стасова Е. Д., Троцкий Л. Д., Шмидт В. В. (1905); кандидаты в члены ЦК: Берзин Я. А., Иоффе А. А., Киселев А. С., Ломов-Оппоков Г. И., Петровский Г. И. (1897), Стучка П. И. (1903), Урицкий М. С., Шляпников А. Г. (1901).

ЦК РКП (б), избранный 8-м съездом (18–23 марта 1919). Члены ЦК: Белобородов А. Г. (1907), Бухарин Н. И., Дзержинский Ф. Э., Евдокимов Г. Е. (1903), Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Крестинский Н. Н., Ленин В. И., Муранов М. К., Радек К. Б. (в с.-д. движении с 1903; 1917), Раковский Х. Г. (в с.-д. движении с 1890; 1917), Серебряков Л. П. (1905), Смилга И. Т., Сталин И. В., Стасова Е. Д., Стучка П. И., Томский М. П. (1904), Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ЦК: Бубнов А. С., Владимирский М. Ф., Данишевский К. Х., Мицкявичюс-Капсукас В. С. (1903), Артем (Сергеев) Ф. А., Смирнов И. Н. (1899), Шмидт В. В., Ярославский Е. М. (1898).

Политбюро (ПБ) ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 25 марта 1919. Члены ПБ ЦК: Каменев Л. Б., Крестинский Н. Н., Ленин В. И., Сталин И. В., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК Бухарин Н. И., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И.

Оргбюро (ОБ) ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 25 марта 1919. Члены ОБ ЦК: Белобородов А. Г., Крестинский Н. Н., Серебряков Л. П., Сталин И. В., Стасова Е. Д.; кандидат в члены ОБ ЦК Муранов М. К. Пленум ЦК 29 дек. 1919 избрал в ОБ Калинина М. И. Ответственным секретарем ЦК РКП (б) пленум ЦК 25 марта 1919 избрал Стасову Е. Д.

Секретариат ЦК РКП (б), избранный пленумом ЦК 29 дек. 1919. Секретари ЦК: Крестинский Н. Н., Стасова Е. Д.

ЦК РКП (б), избранный 9-м съездом (20 марта – 5 апр. 1920). Члены ЦК: Андреев А. А. (1914), Артем (Сергеев) Ф. А., Бухарин Н. И., Дзержинский Ф. Э., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Крестинский Н. Н., Ленин В. И., Преображенский Е. А., Радек К. Б., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э. (1905), Рыков А. И., Серебряков Л. П., Смирнов И. Н., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ЦК: Белобородов А. Г., Гусев С. И. (1896), Залуцкий П. А. (1907), Милютин В. П., Молотов В. М. (1906), Муранов М. К., Ногин В. П., Петровский Г. И., Пятницкий И. А. (1898), Смилга И. Т., Стучка П. И., Ярославский Е. М.

Политбюро ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 5 апр. 1920. Члены ПБ ЦК: Каменев Л. Б., Крестинский Н. Н., Ленин В. И., Сталин И. В., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК: Бухарин Н. И., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И.

Оргбюро ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 5 апр. 1920. Члены ОБ ЦК: Крестинский Н. Н., Преображенский Е. А., Рыков А. И., Серебряков Л. П., Сталин И. В.

Секретариат ЦК РКП (б), избранный пленумом ЦК 5 апр. 1920. Секретари ЦК: Крестинский Н. Н., Преображенский Е. А., Серебряков Л. П.

Контрольная комиссия (КК) РКП (б), избранная 9-й конференцией (22–25 сент. 1920). Члены КК Дзержинский Ф. Э., Кучменко Н. О. (1898), Муранов М. К., Преображенский Е. А., Сольц А. А. (1898), Челышев М. И. (1914), Шорохов Д. И. (1905).

ЦК РКП (б), избранный 10-м съездом (8–16 марта 1921). Члены ЦК: Артем (Сергеев) Ф. А., Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е. (1903), Дзержинский Ф. Э., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Комаров Н. П. (1909), Кутузов И. И. (1917), Ленин В. И., Михайлов В. М. (1915), Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К., Петровский Г. И., Радек К. Б., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д., Тунтул И. Я. (1907), Фрунзе М. В. (1904), Шляпников А. Г., Ярославский Е. М.; кандидаты в члены ЦК: Гусев С. И., Залуцкий П. А., Зеленский И. А. (1906), Киров С. М. (1904), Киселев А. С., Куйбышев В. В. (1904), Милютин В. П., Осинский В. В. (1907), Пятаков Г. (Ю.) Л. (1910), Сафаров Г. И. (1908), Смирнов И. Н., Сулимов Д. Г. (1905), Угланов Н. А. (1907), Чубарь В. Я. (1907), Шмидт В. В.

Политбюро ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 16 марта 1921. Члены ПБ ЦК Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Ленин В. И., Сталин И. В., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК Бухарин Н. И., Калинин М. И., Молотов В. М.

Оргбюро ЦК РКП (б), избранное пленумом ЦК 16 марта 1921. Члены ОБ ЦК Комаров Н. П., Михайлов В. М., Молотов В. М., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Ярославский Е. М.; кандидаты в члены ОБ ЦК: Дзержинский Ф. Э., Калинин М. И., Рудзутак Я. Э. Пленум ЦК 28 мая 1921 избрал кандидатами в члены ОБ ЦК: Залуцкого П. А., Кутузова И. И., Шмидта В. В.

Секретариат ЦК РКП(б), избранный пленумом ЦК 16 марта 1921. Секретари ЦК: Михайлов В. М., Молотов В. М., Ярославский Е. М.

Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) РКП(б), избранная 10-м съездом. Члены ЦКК: Кривов Т. С. (1905), Кучменко Н. О., Лигвин (Седой) З. Я. (1897), Смидович П. Г. (1898), Сольц А. А., Челышев М. И., Шварц И. И. (1899); кандидаты в члены ЦКК: Балышев И. Г. (1909), Догадов А. И. (1905), Озол Ф. И. (1908).

ЦК РКП(б), избранный 11-м съездом (27 марта – 2 апр. 1922). Члены ЦК: Андреев А. А., Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е., Дзержинский Ф. Э., Зеленский И. А., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Коротков И. И. (1905), Куйбышев В. В., Ленин В. И., Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К., Петровский Г. И., Радек К. Б., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сапронов Т. В. (1912), Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д., Фрунзе М. В., Чубарь В. Я., Ярославский Е. М.; кандидаты в члены ЦК: Бадаев А. Е. (1904), Бубнов А. С., Гусев С. И., Киров С. М., Киселев А. С., Комаров Н. П., Кривов Т. С., Лебедь Д. З. (1909), Ленсе И. И. (1904), Лобов С. С. (1913), Мануильский Д. З. (1903), Микоян А. И. (1915), Михайлов В. М., Пятаков Г. (Ю.) Л., Рахимбаев А. Р. (1919), Сафаров Г. И., Смилга И. Т., Сулимов Д. Г., Шмидт В. В.

Политбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 3 апр. 1922. Члены ПБ ЦК: Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Ленин В. И., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК Бухарин Н. И., Калинин М. И., Молотов В. М.

Оргбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 3 апр. 1922. Члены ОБ ЦК: Андреев А. А., Дзержинский Ф. Э., Куйбышев В. В., Молотов В. М., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П.; кандидаты в члены ОБ ЦК: Зеленский И. А., Калинин М. И., Рудзутак Я. Э.

Секретариат ЦК РКП(б), избранный пленумом ЦК 3 апр. 1922. Секретари ЦК: Куйбышев В. В., Молотов В. М.; генеральный секретарь ЦК Сталин И. В.

ЦКК РКП(б), избранная 11-м съездом. Члены ЦКК: Варенцова О. А. (1893), Коростелев А. А. (1905), Сольц А. А., Ченцов И. Д. (1904), Шкирятов М. Ф. (1906); кандидаты в члены ЦКК: Муранов М. К., Самойлов Ф. Н. (1903).

ЦК РКП(б), избранный 12-м съездом (17–25 апр. 1923). Члены ЦК: Андреев А. А., Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е., Дзержинский Ф. Э., Евдокимов Г. Е., Залуцкий П. А., Зеленский И. А., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Квиринг Э. И. (1912), Киров С. М., Комаров Н. П., Коротков И. И., Кубяк Н. А. (1898), Лашевич М. М., Ленин В. И., Мануильский Д. З., Микоян А. И., Михайлов В. М., Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К., Петровский Г. И., Пятаков Г. (Ю.) Л., Радек К. Б., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Сталин И. В., Сулимов Д. Г., Томский М. П., Троцкий Л. Д., Угланов Н. А., Уханов К. В. (1907), Фрунзе М. В., Харитонов М. М. (1905), Цюрупа А. Д. (1898), Чубарь В. Я.; кандидаты в члены ЦК: Бадаев А. Е., Бубнов А. С., Каганович Л. М. (1911), Колотилов Н. Н. (1903), Косиор С. В. (1907), Лебедь Д. З., Ленсе И. И., Морозов И. Т. (1905), Москвин И. М. (1911), Мясников А. Ф. (1906), Нариманов Н. Н. (1905), Орахелашвили М. Д. (1903), Румянцев И. П. (1905), Рыскулов Г. Р. (1917), Скрыпник Н. А., Урываев М. Е. (1917), Чудов М. С. (1913).

Политбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 26 апр. 1923. Члены ПБ ЦК: Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Ленин В. И., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК: Бухарин Н. И., Калинин М. И., Молотов В. М., Рудзутак Я. Э.

Оргбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 26 апр. 1923. Члены ОБ ЦК: Андреев А. А., Дзержинский Ф. Э., Молотов В. М., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П.; кандидаты в члены ОБ ЦК: Зеленский И. А., Калинин М. И., Михайлов В. М. Пленум ЦК 25 сент. 1923 избрал членами ОБ ЦК Зиновьева Г. Е. и Троцкого Л. Д.; кандидатами в члены ОБ ЦК – Бухарина Н. И. и Коротков И. И.

Секретариат ЦК РКП(б), избранный пленумом ЦК 26 апр. 1923. Секретари ЦК: Молотов В. М., Рудзутак Я. Э.; генеральный секретарь ЦК Сталин И. В.

ЦКК РКП(б), избранная 12-м съездом. Члены ЦКК: Акулов И. А. (1907), Амосов П. Н. (1910), Брыков А. П. (1917), Бумажный Е. И. (1917), Бунеш Я. К. (1900), Васильев А. Е. (1904), Волков А. С. (1905), Гончаров Н. К. (1904), Гусев С. И., Ильин Н. И. (1910), Кактынь А. М. (1916), Капранов В. П. (1908), Киселев А. С., Коковихин М. Н. (1903), Комиссаров С. И. (1914), Коростелев А. А., Косарев В. М. (1898), Кривов Т. С., Крумин Н. П. (1906), Куйбышев В. В., Кучменко Н. О., Ленгник Ф. В., Лисицын Н. В. (1910), Малахов М. К. (1907), Манцев В. Н. (1906), Мелие Э. М. (1903), Муранов М. К., Новоселов С. А. (1905), Орехов А. М. (1917), Панов Н. Ф. (1911), Пастухов М. Д. (1908), Петерс Я. Х. (1904), Позерн Б. П. (1902), Правдин А. Г. (1899), Пылаев Г. Н. (1912), Радус-Зенькович В. А. (1898), Рахимбаев А. Р., Сахарова П. Ф. (1912), Седов М. Н. (1907), Сольц А. А., Сосновский Л. С. (1904), Фомин В. К. (1917), Цихон А. М. (1906), Ченцов И. Д., Чуцкаев С. Е. (1903), Шварц И. И., Шверник Н. М. (1905), Шкирятов М. Ф., Янсон Н. М. (1905), Ярославский Е. М.; кандидаты в члены ЦКК: Асаткин-Владимирский А. Н. (1904), Варейкис И. М. (1913), Герасимов А. Г. (1906), Кляве-Клявин А. Я. (1904), Минков И. И. (1911), Носов П. М. (1913), Радченко А. Ф. (1912), Растопчин Н. П. (1903), Ройзенман Б. А. (1902), Фирстов И. П. (1905).

Президиум ЦКК РКП(б), избранный на пленуме ЦКК 26 апр. 1923. Члены Президиума ЦКК: Куйбышев В. В. (пред. ЦКК), Гусев С. И. (чл. Секретариата ЦКК), Ильин Н. И., Киселев А. С., Сольц А. А., Шварц И. И., Шкирятов М. Ф. (чл. Секретариата ЦКК, секретарь Партколлегии ЦКК), Янсон Н. М. (чл. Секретариата ЦКК), Ярославский Е. М. (чл. Секретариата ЦКК); кандидаты в члены Президиума ЦКК: Коростелев А. А., Кривов Т. С. (секретарь Партколлегии ЦКК), Позерн Б. П., Чуцкаев С. Е., Шверник Н. М.

Ревизионная комиссия (РК) РКП(б), избранная 12-м съездом. Члены РК: Ногин В. П. (пред.), Курский Д. И. (1904), Скворцов-Степанов И. И. (1904).

ЦК РКП(б), избранный 13-м съездом (23–31 мая 1924). Члены ЦК: Андреев А. А., Антипов Н. К. (1912), Бубнов А. С., Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е., Дзержинский Ф. Э., Догадов А. И., Евдокимов Г. Е., Залуцкий П. А., Зеленский И. А., Зиновьев Г. Е., Каганович Л. М., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Квиринг Э. И., Киров С. М., Колотилов Н. Н., Комаров Н. П., Косиор С. В., Красин Л. Б., Кржижановский Г. М., Кубяк Н. А., Куклин А. С. (1903), Лашевич М. М., Ленсе И. И., Лобов С. С., Мануильский Д. З., Медведев А. В. (1904), Микоян А. И., Михайлов В. М., Молотов В. М., Николаева К. И. (1909), Орджоникидзе Г. К., Петровский Г. И., Пятаков Г. (Ю.) Л., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Румянцев И. П., Рухимович М. Л. (1913), Рыков А. И., Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Сталин И. В., Сулимов Д. Г., Томский М. П., Троцкий Л. Д., Угланов Н. А., Уханов К. В., Фрунзе М. В., Харитонов М. М., Цюрупа А. Д., Чубарь В. Я., Шварц И. И.; кандидаты в члены ЦК: Артюхина А. В. (1910), Бадаев А. Е., Варейкис И. М., Владимиров М. К. (1902), Гей К. В. (1916), Глебов-Авилов Н. П., Голощекин Ф. И., Зорин С. С. (1917), Иванов А. В. (1906), Иванов В. И. (1915), Кабаков И. Д. (1924), Киркиж К. О. (1910), Коростелев Г. А. (1905), Криницкий А. И. (1915), Марков А. Т. (1898), Морозов И. Т., Москвин И. М., Мясников А. Ф., Нариманов Н. Н., Орахелашвили М. Д., Рахимбаев А. Р., Румянцев К. А. (1916), Рындин К. В. (1915), Сафаров Г. И., Скрыпник Н. А., Смилга И. Т., Стриевский К. К. (1902), Сырцов С. И. (1913), Толоконцев А. Ф. (1914), Урываев М. Е., Цейтлин В. Н. (1917), Чаплин Н. П. (1919), Чудов М. С., Шмидт В. В.

Политбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 2 июня 1924. Члены ПБ ЦК: Бухарин Н. И., Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК: Дзержинский Ф. Э., Калинин М. И., Молотов В. М., Рудзутак Я. Э., Соколышков Г. Я., Фрунзе М. В.

Оргбюро ЦК РКП(б), избранное пленумом ЦК 2 июня 1924. Члены ОБ ЦК: Андреев А. А., Бубнов А. С., Ворошилов К. Е., Догадов А. И., Зеленский И. А., Каганович Л. М., Калинин М. И., Молотов В. М., Николаева К. И., Смирнов А. П., Сталин И. В.; кандидаты в члены ОБ ЦК: Антипов Н. К., Дзержинский Ф. Э.,

Ленсе И. И., Томский М. П., Фрунзе М. В., Чаплин Н. П.
Секретариат ЦК РКП(б), избранный пленумом ЦК 2 июня 1924. Секретари ЦК: Андреев А. А., Зеленский И. А., Каганович Л. М., Молотов В. М.; генеральный секретарь ЦК Сталин И. В.

ЦКК РКП(б), избранная 13-м съездом. Члены ЦКК: Абель Я. К. (1905), Авдеев А. Д. (1912), Акулов И. А., Амосов П. Н., Анушенко И. А. (1905), Бабушкин А. В. (1917), Базанов Я. Н. (1910), Баранов П. И. (1912), Бияков А. Т. (1917), Бумажный Е. О. (1916), Бунгш Я. К., Бусее К. Ю. (1908), Бушуев П. И. (1911), Варзин Ф. С. (1909), Васильев А. Е. (1904), Васильева А. П. (1915), Васютин В. Ф. (1918), Виксне С. О. (1912), Вишнякова П. И. (1903), Внуков И. П. (1914), Волков А. С., Гайгашкин В. А. (1917), Грузель В. П. (1906), Гусев С. И., Гуськов И. Н. (1912), Гуськов П. Г. (1917), Джинджа И. М. (1916), Долидзе А. Г. (1905), Дудник А. М. (1917), Емельянов Л. Е. (1917), Енукидзе А. С. (1898), Еремеев К. С. (1896), Завицкий Г. М. (1905), Загребельный М. Н. (1917), Зайцев А. И. (1902), Золотогнев Ф. П. (1917), Засовина И. К. (1918), Зеликсон Л. С. (1904), Землячка Р. С. (1896), Зотиков С. Л. (1917), Ибрагимов М. М. (1913), Иванов В. И., Ильин Н. И., Ионов И. И. (1904), Кактынь А. М., Караваев П. Н. (1903), Карпухин Ф. Ф. (1917), Кашченко Е. С. (1904), Киселев А. С., Кириллова Е. Е. (1917), Клинов Я. И. (1905), Коковихин М. Н., Комиссаров С. И., Коростелев А. А., Коротков И. И., Косарев В. М., Котов С. С. (1917), Кривов Т. С., Крумин П. П., Крупская Н. К. (1898), Куйбышев В. В., Кульков М. М. (1915), Кучменко Н. О., Ларин В. Ф. (1915), Лебедь Д. З., Ленгник Ф. В., Лиздинь Г. Я. (1903), Лисицын Н. В. (1910), Лубяж И. Ф. (1917), Магидов Б. О. (1892), Макаров В. Г. (1905), Малько У. О. (1917), Манжара Д. И. (1917), Маринин В. А. (1917), Мартикян С. Н. (1904), Милютин В. П. (1910), Митрофанов А. Х. (1903), Михайлов И. К. (1897), Москалев А. М. (1917), Мохов М. А. (1903), Муранов М. К., Муругов И. В. (1917), Назаретян А. М. (1905), Новиков Н. Ф. (1912), Новоселов С. А., Носов И. П. (1905), Носов П. М., Осьмов М. М. (1907), Палкин П. Д. (1917), Панов Н. Ф., Пастухов М. Д., Петерс Я. Х., Плешаков М. Г. (1904), Подвойский Н. И. (1901), Позерн Б. П., Правдин А. Г., Прибытковский А. М. (1917), Пунич Е. Ф. (1921), Пылаев Г. И., Пятницкий И. А. (1898), Равич С. Н. (1903), Радченко А. Ф. (1912), Радус-Зенькович В. А., Растопчин Н. П., Рахманов И. В. (1918), Рейнвальд Г. О. (1908), Розит Д. П. (1917), Розмирович Е. Ф. (1904), Ройзенман Б. А., Румянцев Ф. Г. (1917), Саид-Галиев С. Г. (1917), Сахарова П. Ф., Сергеев И. В. (1918), Сергеев-Комаров А. Н. (1914), Сергушев М. С. (1904), Смидович С. П. (1898), Смирнов И. Л. (1917), Смородин И. Т. (1917), Советов Н. П. (1912), Сольц А. А., Степанов С. И. (1897), Стенкий А. И. (1915), Стуруа И. Ф. (1896), Тальберг П. Я. (1904), Тан-Мухамедов А. (1921), Темников Д. М. (1917), Терехов Р. Я. (1912), Толыпга И. А. (1917), Феткевич И. Э. (1915), Фектер А. Я. (1913), Филлер С. И. (1910), Фомин Ф. В. (1917), Хабибулла И. (1914), Чевдаев Ф. Н. (1920), Ченцов И. Д., Чодришвили Г. М. (1903), Чутунов Т. К. (1903), Чухалкин А. Д. (1917), Чуцкаев С. Е., Шаповалов А. С. (1895), Шверник Н. М., Ширинкин И. В. (1904), Шкирятов М. Ф., Шотман А. В. (1899), Шпагин А. А. (1902), Щетинин Д. Ф. (1915), Эфенлиев С. М. (1904), Яковенко В. Г. (1917), Яковлев Я. А. (1913), Янсон Н. М., Ярославский Е. М.

Президиум ЦКК РКП(б), избранный на пленуме ЦКК 2 июня 1924. Члены Президиума ЦКК: Куйбышев В. В. (пред. ЦКК и чл. секретариата ЦКК), Гусев С. И. (чл. секретариата ЦКК, основной секретарь), Ильин Н. И., Киселев А. С., Коростелев А. А., Коротков И. И., Крупская Н. К., Лисицын Н. В., Ройзенман Б. А., Сольц А. А., Чуцкаев С. Е. (канд. в чл. секретариата ЦКК), Шверник Н. М. (канд. в чл. секретариата ЦКК), Шкирятов М. Ф. (чл. секретариата ЦКК), Янсон Н. М. (чл. секретариата ЦКК), Ярославский Е. М. (чл. секретариата и секретарь Партколлегии ЦКК); кандидаты в чл. Президиума ЦКК: Иванов В. И., Косарев В. М., Лебедь Д. З., Назаретян А. М., Пастухов М. Д., Шотман А. В.

Центральная Ревизионная Комиссия (ЦРК) РКП(б), избранная 13-м съездом. Члены ЦРК: Курский Д. И. (пред.), Скворцов-Степанов И. И., Уншлихт И. С. (1900).

ЦК ВКП(б), избранный 14-м съездом (18–31 дек. 1925). Члены ЦК: Андреев А. А., Антипов Н. К., Артюхина А. В., Бадаев А. Е., Бауман К. Я. (1907), Бубнов А. С., Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е., Дзержинский Ф. Э., Догадов А. И., Евдокимов Г. Е., Жуков И. П. (1909), Зеленский И. А., Зиновьев Г. Е., Кабаков И. Д., Каганович Л. М., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Квиринг Э. И., Киркиж К. О., Киров С. М., Колотилов Н. Н., Комаров Н. Н., Коснор С. В., Котов В. А. (1915), Красин Л. Б., Кржижановский Г. М., Кубяк Н. А., Куликов Ф. Ф. (1910), Ленсе И. И., Любов С. С., Мануильский Д. З., Медведев А. В., Микоян А. И., Михайлов В. М., Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К., Петровский Г. И., Пятаков Г. (Ю.) Л., Радченко А. Ф., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Румянцев И. П., Рухимович М. Л., Рыков А. И., Смилга И. Т., Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Сталин И. В., Скворцов-Степанов И. И., Сулимов Д. Е., Толоконцев А. Ф., Томский М. П., Троцкий Л. Д., Угланов Н. А., Цюрупа А. Д., Чичерин Г. В. (в с.-д. движении с 1905, чл. партии с 1918), Чубарь В. Я., Чудов М. С., Шварц И. И., Шверник Н. М., Шмидт В. В.; кандидаты в члены ЦК: Авдеев А. Д., Варейкис И. М., Гамарник Я. Б. (1916), Гей К. В., Голощекин Ф. И., Жданов А. А. (1915), Иванов В. И., Икрамов А. (1918), Каданкий И. Ф. (1914), Калыгина А. С. (1915), Каминский Г. Н. (1913), Киселев А. С., Клименко И. Е. (1912), Кондратьев С. С. (1918), Коснор И. В. (1908), Кривицкий А. И., Лашевич М. М., Ломинадзе В. В. (1917), Ломов-Оппоков Г. И., Лукашин С. Л. (1905), Любимов Н. Г. (1902), Марков А. Т. (1898), Матвеев Д. И. (1918), Мельничанский Г. Н. (1902), Москвин И. М., Мусабеков Г. К. (1918), Николаева К. И., Носов И. П., Орахелашвили М. Д., Осинский Н. (Оболенский В. В.), Постышев П. П. (1904), Румянцев К. А., Рындин К. В. (1915), Семенов Б. А. (1907), Серебровский А. П. (1903), Скрыпник Н. А., Стриевский К. К., Сырцов С. И., Угаров Ф. Я. (1905), Уншлихт И. С., Урываев М. Е., Чаплин Н. П., Эйхе Р. И. (1905).

Политбюро ЦК ВКП(б), избранное пленумом ЦК 1 янв. 1926. Члены ПБ ЦК: Бухарин Н. И., Ворошилов К. Е., Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Молотов В. М., Рыков А. И., Сталин И. В., Томский М. П., Троцкий Л. Д.; кандидаты в члены ПБ ЦК: Дзержинский Ф. Э., Каменев Л. Б., Петровский Г. И., Рудзутак Я. Э., Угланов Н. А. Пленум ЦК 14–23 июля 1926 освободил от обязанностей чл. ПБ ЦК Зиновьева Г. Е., избрал чл. ПБ ЦК Рудзутака Я. Э.; утвердил кандидатов в члены ПБ ЦК: Андреева А. А., Кагановича Л. М., Каменева Л. Б., Кирова С. М., Микояна А. И., Орджоникидзе Г. К., Петровского Г. И., Угланова Н. А. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 окт. 1926 освободил от обязанностей чл. ПБ ЦК Троцкого Л. Д. и от обязанностей канд. в чл. ПБ ЦК Каменева Л. Б. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 3 нояб. 1926 освободил от обязанностей канд. в чл. ПБ ЦК Орджоникидзе Г. К. в связи с избранием его пред. ЦКК ВКП(б); избрал канд. в чл. ПБ ЦК Чубаря В. Я.

Оргбюро ЦК ВКП(б), избранное пленумом ЦК 1 янв. 1926. Члены ОБ ЦК: Андреев А. А., Артюхина А. В., Бубнов А. С., Догадов А. И., Евдокимов Г. Е., Квиринг Э. И., Коснор С. В., Молотов В. М., Смирнов А. П., Сталин И. В., Угланов Н. А.; кандидаты в члены ОБ ЦК: Ленсе И. И., Михайлов В. М., Уханов К. В., Чаплин Н. П., Шмидт В. В. Пленум ЦК ВКП(б) 23 апр. 1926 освободил от обязанностей чл. ОБ ЦК Евдокимова Г. Е., избрал чл. ОБ ЦК Шверника Н. М. Пленум ЦК ВКП(б) 17 нояб. 1927 освободил от обязанностей чл. ОБ ЦК Шверника Н. М. и Квиринга Э. М., избрал чл. ОБ ЦК Кубяка Н. А., Рухимовича М. Л., Сулимова Д. Е.

Секретариат ЦК ВКП(б), избранный пленумом ЦК 1 янв. 1926. Секретари ЦК: Евдокимов Г. Е., Коснор С. В., Молотов В. М., Угланов Н. А., генеральный секретарь Сталин И. В.; кандидаты в секретари ЦК: Артюхина А. В., Бубнов А. С. Пленум ЦК ВКП(б) 6–9 апр. 1926 освободил Евдокимова Г. Е. от обязанностей секретаря ЦК, избрал секретарем ЦК Шверника Н. М.

ЦКК ВКП(б), избранная 14-м съездом. Члены ЦКК: Абель Я. К., Авдеев П. Н. (1915), Амосов П. Н., Антонов П. Г. (1917), Бабушкин А. В., Бакаев И. П. (1906), Батанцев П. В. (1912), Бауэр Я. Я. (1905), Белова О. А. (1903), Березный С. К. (1917), Бибиков С. И. (1920), Бияков А. Т., Борьян Б. А. (1903), Бочкарев Ф. Р. (1918), Булин

А. С. (1914), Бунтш Я. К., Буссе К. Ю., Бушуев П. И., Васильев Н. Т. (1917), Васильева А. П., Вайнберг Г. Д. (1906), Викснин С. О., Вишнякова П. И., Владимирский М. Ф., Герасимов А. С. (1906), Голиков И. Д. (1917), Гольцман А. З. (1917), Гончарова М. П. (1917), Горчаев М. Д. (1914), Горьков Д. А. (1920), Горюнов В. Е. (1918), Григоренко Г. В. (1903), Григорьев В. И. (1912), Грузель В. П., Гусев С. И., Гуськов И. Н., Давыдов Н. М. (1906), Демкин В. С. (1920), Дзягуис М. М. (1920), Дирик К. Я. (1904), Долидзе А. Г., Евдокимов Д. В. (1917), Елагин Т. И. (1920), Енукидзе А. С., Загребельный М. Н., Ершов П. Н. (1921), Земячка Р. С., Ильин Н. И., Калашников В. С. (1906), Караваев П. П. (1903), Кинешемцев И. А. (1919), Клинов Я. И., Клуцис К. И. (1917), Коковихин М. Н., Комиссаров С. И., Конотопов Е. М. (1919), Коненков А. Ф. (1912), Коротков И. И., Коростелев Г. А., Корявченков Н. И. (1898), Косарев В. М., Коссов А. А. (1917), Кринов Т. С., Крумин Н. П., Крупская Н. К., Кубицкий И. И. (1917), Кудрявцев К. М. (1913), Куйбышев В. В., Кулиев-Кара (1918), Курпебаев Д. К. (1920), Кучменко Н. О., Ладошин Г. И. (1917), Ларин В. Ф., Лебедев М. А. (1905), Лебедев П. Н. (1917), Лебедь Д. З., Ленгник Ф. В., Лиздинь Т. Я., Лисицын Н. В., Локацков М. П. (1905), Мавлейбеков А. М. (1918), Мальцев П. И. (1905), Манжара Д. И., Маргикян С. Н. (1904), Маслюк В. Л. (1919), Медведев Г. И. (1919), Медова М. С. (1918), Мещеряков В. Н. (1905), Мильчаков А. И. (1919), Милютин В. П., Минин Я. П. (1918), Минков И. И., Митрофанов А. Х., Мокеев М. П. (1918), Морозов Д. Г., Морозов И. Т. (1918), Москалев А. М., Муралов Н. И. (1903), Муранов М. К., Мчедлишвили И. Г. (1918), Назаретян А. М., Никаноров А. Ф. (1917), Никитин И. М. (1917), Николаев К. Н. (1919), Новиков Н. Ф., Новоселов С. А., Осьмов Н. М., Отурин И. П. (1917), Панов Н. Ф., Пастухов М. Д., Петере Я. Х., Петерсон А. А. (1917), Плешаков М. Г., Подвойский Н. И., Позерн Б. П., Покко С. И. (1905), Правдин А. Г., Прохоров Р. У. (1904), Пятницкий И. А., Радус-Зенькович В. А., Разумов М. О. (1913), Рассолов Е. И. (1917), Растопчин П. П., Рейнвальд Г. О., Розит Д. П., Розмирович Е. Ф., Ройзенман Б. А., Сафронов Г. П. (1917), Сахарова П. Ф., Семков С. М. (1902), Сергушев М. С., Скобелников А. И. (1905), Смидович С. П., Смородин И. Т., Соболев С. М. (1918), Сойфер Я. Г. (1907), Соловьев К. С. (1915), Сольц А. А., Старостин П. И. (1917), Стецкий А. И., Студитов П. И. (1914), Стуруа И. Ф., Стэн Я. Э. (1917), Тальберг П. Я., Терехов Р. Я., Троицкий А. Я. (1917), Трутнев И. А. (1917), Ульянова М. И. (1897), Фетькевич И. Э., Фигатнер Ю. П. (1903), Филлер С. И., Хабибулла И., Чуцкаев С. Е., Шелухин И. А. (1908), Шкирич П. Р. (1918), Шкирятов М. Ф., Шкловский Г. Л. (1898), Шотман А. В., Эфендиев С. М., Юркен М. И. (1903), Яковлев Я. А., Янсон Н. М., Ярославский Е. М.

Президиум ЦКК ВКП(б), избранный на пленуме ЦКК 1 янв. 1926. Члены Президиума ЦКК: Куйбышев В. В. (пред. и чл. секретариата ЦКК), Владимирский М. Ф., Гусев С. И. (чл. секретариата), Ильин Н. И. (канд. в чл. секретариата), Коковихин М. Н., Комиссаров С. И., Коростелев Г. А., Коротков И. И., Косарев В. М., Кривов Т. С., Лебедь Д. З. (канд. в чл. секретариата), Ленгник Ф. В., Лисицын Н. В., Назаретян А. М., Пастухов М. Д., Ройзенман Б. А., Сольц А. А., Чуцкаев С. Е. (канд. в чл. секретариата), Шкирятов М. Ф. (чл. секретариата), Янсон Н. М. (чл. секретариата, основной секретарь), Ярославский Е. М. (чл. секретариата, секретарь Партколлегии ЦКК); кандидаты в члены Президиума ЦКК: Авдеев Н. Н., Енукидзе А. С., Калашников В. С., Манжара Д. И., Осьмов Н. М., Радус-Зенькович В. А., Сахарова П. Ф., Шотман А. В., Яковлев Я. А.

ЦРК ВКП(б), избранная 14-м съездом. Члены ЦРК: Курский Д. И. (пред.), Асаткин-Владимирский А. Н. (1904), Кнорин В. Г. (1910), Магидов Б. И., Степанов С. И., Хатаевич М. М. (1913), Цихон А. М.

ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ (ВЦИК) (до образования ЦИК СССР)

Председатели ВЦИК: Каменев Л. Б. [27.10(9.11).1917–8(21).11.1917], Свердлов Я. М. [8(21).11.1917–16.3.1919], Калинин М. И. (30.3.1919–19.7.1938)

Секретари ВЦИК: Аванесов В. А. [6(19).11.1917–31.12.1920], Смолянский Г. Б. [левый эсер, 6(19).11.1917–6.7.1918], Енукидзе А. С. (28.9.1918–28.12.1922), Серебряков Л. П. (30.3.1919–31.12.1920), Лутовинов Ю. Х. (10.12.1919–29.12.1921), Томский М. П. (29.12.1921–28.12.1922); кандидат в секретари ВЦИК Теодорович Г. И. (20.3–15.7.1918)

2-й съезд Советов [25–26.10(7–8.11).1917].

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 6(19).11.1917. Члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Володарский В., Дзержинский Ф. Э., Каменев Л. Б., Свердлов Я. М., Стеклов Ю. М., Стучка П. И.; от левых эсеров – Камков Б. Д., Прошьян П. П., Спиридонова М. А., Спиро В. Б.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК большевики Аванесов В. А. и Олич Ф. В.

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 12(25).12.1917. Члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Аванесов В. А., Бадаев А. Е., Бруно Г. И., Зиновьев Г. Е., Литвин И. В., Медведев С. П., Олич Ф. В., Петерсон К. А., Свердлов Я. М., Стеклов Ю. М., Фомин В. В., Шукин С. Г.; от левых эсеров – Камков Б. Д., Левин М. А., Малкин Б. Ф., Мстиславский С. Д., Натансон М. А., Спиридонова М. А., Устинов А. М.; от объединенных с.-д.–интернационалистов – Моисеев Б. И.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Володарский В., Гжельщак Ф. Я., Плаксин В. А., Преображенский Е. А., Чудновский Г. И.; от левых эсеров – Сапожников П. Ф.; от объединенных с.-д.–интернационалистов – Жилинский С. Н. Дополнительно избраны в кон. дек. 1917 – нач. янв. 1918 членами Президиума ВЦИК: от большевиков – Архангельский С. П., Баранов А. В., Березин Т. Я., Володарский В., Врачев И. Я., Грачев А. С., Евдокимов Г. Е., Иванов Л. Н., Ландер К. И., Лашевич М. М., Муранов М. К., Нейбут А. Я., Окулов А. И., Тимофеев, Фабрициус Я. Ф.; от левых эсеров – Баккал И. Ю., Брагинский Л. М., Измайлович А. А., Смолянский Г. Б., Фишман Я. М.

3-й съезд Советов [10–18 (23–31).1.1918].

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 22.1(4.2).1918. Члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Володарский В., Зиновьев Г. Е., Ландер К. И., Муранов М. К., Окулов А. И., Петерсон К. А., Свердлов Я. М.; от левых эсеров – Камков Б. Д., Натансон М. А., Смолянский Г. Б., Спиридонова М. А., Устинов А. М.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Баранов А. В.; от левых эсеров – Измайлович А. А., Малкин Б. Ф., Попов.

4-й съезд Советов (14–16.3.1918).

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 20.3.1918. Члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Аванесов В. А., Владимирский М. Ф., Зиновьев Г. Е., Окулов А. И. (до 20.5.1918), Покровский М. Н., Сосновский Л. С.; от левых эсеров – Натансон М. А., Спиридонова М. А.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: от большевиков – Иванов Л. Н., Максимов К. Г., Нейбут А. Я.; от левых эсеров – Камков Б. Д., Прошьян П. П., Трутовский В. Е., Черепанов.

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 15.5.1918. Члены Президиума ВЦИК: все большевики – Аванесов В. А., Владимирский М. Ф., Митрофанов А. Х., Розинь (Азис) Ф. А., Смидович П. Г., Сосновский Л. С., Теодорович Г. И.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК, все большевики – Максимов К. Г., Розенгольц А. П.

5-й съезд Советов (4–10 июля 1918).

Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 15.7.1918. Члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Владимирский М. Ф., Митрофанов А. Х., Розинь (Азис) Ф. А., Смидович П. Г., Сосновский Л. С., Теодорович Г. И.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК:

Максимов К. Г., Розенгольц А. П. Сессия ВЦИК 28.9.1918 избрала членом Президиума ВЦИК Енукидзе А. С.

6-й съезд Советов (6–9.11.1918).
Президиум ВЦИК, избранный пленумом ВЦИК 10.11.1918. Члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Владимирский М. Ф., Енукидзе А. С., Каменев Л. Б., Смидович П. Г., Сосновский Л. С., Сталин И. В., Теодорович Г. И.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: Максимов К. Г., Митрофанов А. Х., Розинь (Азис) Ф. А. Сессия ВЦИК 30.3.1919 в связи со смертью Свердлова Я. М. переизбрала Президиум ВЦИК. Члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Белобородов А. Г., Енукидзе А. С., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Максимов К. Г., Невский В. И., Рыков А. И., Серебряков Л. П., Смидович П. Г., Сосновский Л. С., Сталин И. В.

7-й съезд Советов (5–9.12.1919).
Президиум ВЦИК, избранный сессией ВЦИК 10.12.1919. Члены Президиума ВЦИК: Бадаев А. Е., Бухарин Н. И., Енукидзе А. С., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Киселев А. С., Лутовинов Ю. Х., Муранов М. К., Невский В. И., Раковский Х. Г., Рыков А. И., Сапронов Т. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Владимирский М. Ф., Кутузов И. И., Сосновский Л. С., Томский М. П. Сессия ВЦИК 2.2.1920 избрала членом Президиума ВЦИК Полуяна Д. В.

8-й съезд Советов (22–29.12.1920).
Президиум ВЦИК, избранный сессией ВЦИК 31.12.1920. Члены Президиума ВЦИК: Владимирский М. Ф., Енукидзе А. С., Залуцкий П. А., Каменев Л. Б., Кутузов И. И., Калинин М. И., Лутовинов Ю. Х., Петровский Г. И., Рыков А. И., Сапронов Т. В., Смидович П. Г., Сталин И. В., Томский М. П.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Кон Ф. Я., Курский Д. И., Осинский Н. (Оболенский В. В.), Рудзутак Я. Э., Сосновский Л. С.

9-й съезд Советов (23–28.12.1921).
Президиум ВЦИК, избранный сессией ВЦИК 29.12.1921. Члены Президиума ВЦИК: Енукидзе А. С., Залуцкий П. А., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Курский Д. И., Кутузов И. И., Петровский Г. И., Рогов М. И., Рудзутак Я. Э., Раковский Х. Г., Смидович П. Г., Сталин И. В., Томский М. П., Цюрупа А. Д., Яковенко В. Г.; кандидаты в члены Президиума ВЦИК: Аванесов В. А., Андреев А. А., Владимирский М. Ф., Кон Ф. Я., Лутовинов Ю. Х., Осинский Н. (Оболенский В. В.), Рыков А. И., Сапронов Т. В., Серебряков Л. П., Смирнов А. П., Смилга И. Т., Сосновский Л. С.

ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР (ЦИК СССР)

Председатели ЦИК СССР:
Калинин М. И. (30.12.1922–17.1.1938)
Петровский Г. И. (30.12.1922–17.1.1938)
Червяков А. Г. (30.12.1922–16.6.1937)
Нариманов Н. Н. (30.12.1922–19.3.1925)
Мусабеков Г. К. (21.5.1925–1937)
Ходжаев Ф. (21.5.1925–1937)
Айтаков Н. (21.5.1925–1937)
Секретарь ЦИК СССР:
Енукидзе А. С. (30.12.1922–3.3.1935)

1-й съезд Советов СССР (30.12.1922)
Президиум ЦИК, избранный сессией ЦИК 30.12.1922. Члены Президиума ЦИК: Енукидзе А. С., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Кон Ф. Я., Курский Д. И., Мануильский Д. З., Мдивани Г. П., Мясников А. Ф., Нариманов Н. Н., Петровский Г. И., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сапронов Т. В., Смидович П. Г., Сталин И. В., Томский М. П., Цюрупа А. Д., Червяков А. Г.; кандидаты в члены Президиума ЦИК: Аванесов В. А., Андреев А. А., Затонский В. П., Клименко И. Е., Ногин В. П., Позерн Б. П., Пятаков Г. (Ю.) Л., Рогов М. И., Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Тер-Габриэлян С. М., Хыдыр-Алиев И., Яковенко В. Г.

2-й съезд Советов СССР (26.1–2.2.1924)
Президиум ЦИК, избранный сессией ЦИК 2.2.1924. Члены Президиума ЦИК: Андреев А. А., Енукидзе А. С., Игнатовский В. М., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Кульбишеров Б., Курский Д. И., Мясников А. Ф., Нариманов Н. Н. (ум. 19.3.1925), Петровский Г. И., Раковский Х. Г., Рудзутак Я. Э., Скрыпник Н. А., Смирнов А. П., Сталин И. В., Томский М. П., Фрунзе М. В. (ум. 31.10.1925), Цхакая М. Г., Цюрупа А. Д., Червяков А. Г., Чубарь В. Я.; кандидаты в члены Президиума ЦИК: Богуцкий В. А., Гринько Ф. Г., Гюллинг Э. А., Догадов А. И., Исламов Р., Квиринг Э. И., Киселев А. С., Клименко И. Е., Кутузов И. И., Лутовинов Ю. Х. (ум. 7.5.1924), Молотов В. М., Мусабеков Г. К., Нурмаков Н. Н., Смидович П. Г., Тер-Габриэлян С. М., Толокопцев А. Ф., Угаров Ф. Я., Шумский А. Я., Элиава Ш. З.

3-й съезд Советов СССР (13–20.5.1925)
Президиум ЦИК, избранный сессией ЦИК 21.5.1925. Члены Президиума ЦИК: Айтаков Н., Андреев А. А., Атабаев К. С., Ахунбабаев Ю., Евдокимов Г. Е., Енукидзе А. С., Жилтунович Д. Ф., Иванов А. В., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Кульбишеров Б., Кушаев Х. К., Лукашин С. Л., Мусабеков Г. К., Петровский Г. И., Рудзутак Я. Э., Скрыпник Н. А., Смирнов А. П., Сталин И. В., Старый Г. И., Томский М. П., Угланов Н. А., Ходжаев Ф., Цхакая М. Г., Цюрупа А. Д., Червяков А. Г., Чубарь В. Я.; кандидаты в члены Президиума ЦИК: Агамали-Оглы С., Аглямов Х., Адамович И. А., Амбарцумян С. С., Гринько Ф. Г., Догадов А. И., Дудник А. М., Ербанов Н. М., Икрамов А. И., Каганович Л. М., Киселев А. С., Комаров М. Т., Курский Д. И., Кутузов И. И., Молотов В. М., Нурмаков Н. Н., Смидович П. Г., Толокопцев А. Ф., Угаров Ф. Я., Шепехес И. С., Шумский А. Я., Элиава Ш. З.
Сессия ЦИК 25.4.1926 дополнительно избрала кандидатами в члены Президиума ЦИК: Пахомова Н. И., Попову А. К., Тер-Габриэляна С. М., Хинчука Л. М., Чалова М. Ф.

4-й съезд Советов СССР (18–26.4.1927)
Президиум ЦИК, избранный сессией ЦИК 27.4.1927. Члены Президиума ЦИК: Агамали-Оглы С., Айтаков Н., Андреев А. А., Атабаев К. С., Ахунбабаев Ю., Енукидзе А. С., Затонский В. П., Иванов А. В., Калинин М. И., Киселев А. С., Кульбишеров Б., Кушаев Х. К., Мусабеков Г. К., Орахелашвили И. Д., Орджоникидзе Г. К., Пахомов Н. И., Петровский Г. И., Рудзутак Я. Э., Скрыпник Н. А., Смирнов А. П., Томский М. П., Угланов Н. А., Хацкевич А. И., Ходжаев Ф., Цюрупа А. Д. (ум. 8.5.1928), Червяков А. Г., Чубарь В. Я.; кандидаты в члены Президиума ЦИК: Абдрахманов Ю. А., Амбарцумян С. С., Голодед Н. М., Догадов А. И., Ербанов М. Н., Икрамов А. И., Исламов А., Каганович Л. М., Кубик Н. А., Курский Д. И., Мельничанский Г. П., Нурмаков Н. Н., Полоз М. Н., Радченко А. Ф., Смидович П. Г., Смирнова А. Т., Тер-Габриэлян С. М., Толокопцев А. Ф., Угаров Ф. Я., Цхакая М. Г., Шлихтер А. Г., Элиава Ш. З.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ (СНК, Совнарком) РСФСР (до образования СНК СССР)

Председатель:
Ленин В. И. [26.10(8.11).1917–21.1.1924]
Заместители председателя:
Рыков А. И. (с кон. мая 1921–?)
Цюрупа А. Д. (5.12.1921–?)
Каменев Л. Б. (янв. 1922–?)
Народные комиссары:
Иностранных дел (НКИД, Наркоминдел)
Троцкий Л. Д. [26.10(8.11).1917–8.4.1918]
Чичерин Г. В. (30.5.1918–6.7.1923)
По военным и морским делам (Наркомвоенмор)
Антонов-Овсеенко В. А. [26.10(8.11).1917–?]

Крыленко Н. В. [26.10 (8.11).1917–?]
Дыбенко П. Е. [26.10 (8.11).1917–18.3.1918]
Троцкий Л. Д. (8.4.1918–6.7.1923)

Внутренних дел (НКВД, Наркомвнудел)
Рыков А. И. [26.10 (8.11) – 4 (17).11.1917]
Петровский Г. И. [17 (30).11.1917 – 25.3.1919]
Алгасов В. А., левый эсер, "нарком без портфеля, но с решающим голосом" [12 (25).12.1917 – 18.3.1918]
Дзержинский Ф. Э. (30.3.1919–6.7.1923)

Юстиции (НКЮ, Наркомюст)
Ломов (Оппоков) Г. И. [26.10 (8.11) – 12 (25).12.1917]
Штейнберг И. З., левый эсер [12 (25).12.1917 – 18.3.1918]
Стучка П. И. (18.3–22.8.1918)
Курский Д. И. (22.8.1918–1928)

Труда (НКТ, Наркомтруд) (4.11.1919 объединен с НКсобес, 26.4.1920 разделен)
Шляпников А. Г. [26.10 (8.11).1917–8.10.1918]
Шмидт В. В. (8.10.1918–4.11.1919 и 26.4.1920–6.7.1923)

Государственного призрения (с 26.4.1918 Социального обеспечения; НКСО, Наркомсобес; НКСО 4.11.1919 объединен с НК Труда, 26.4.1920 разделен)
Коллонтай А. М. [30.10 (12.11).1917 – март 1918]
Виноградов А. Н. (март 1918 – 4.11.1919; 26.4.1919 – 16.4.1921)
Милютин Н. А. (и.д. наркома, июнь–6.7.1921)

Просвещения (Наркомпрос)
Луначарский А. В. [26.10 (8.11).1917–12.9.1929]

Почт и телеграфов (НКПиТ, Наркомпочтель)
Глебов-Авилов Н. П. [26.10 (8.11) – 9 (22).12.1917]
Прошьян П. П., левый эсер [22.12.1917 (4.1.1918) – 18.3.1918]
Подбельский В. Н. (11.4.1918–25.2.1920)
Любович А. М. (24.3–26.5.1921)
Довгалевский В. С. (26.5.1921–6.7.1923)

По делам национальностей (Наркомнац)
Сталин И. В. [26.10 (8.11).1917–6.7.1923]

Финансов (НКФ, Наркомфин)
Скворцов-Степанов И. И. [26.10 (8.11).1917–20.1 (2.2).1918]
Бриллиантов М. А., левый эсер, член коллегии с решающим голосом [19.1 (1.2) – 18.3.1918]
Гуковский И. Э. (апр. – 16.8.1918)
Крестинский Н. Н. (16.8.1918 – окт. 1922)
Сокольников Г. Я. (23.11.1922–6.7.1923)

Путей сообщения (НКПС, Наркомпуть)
Елизаров М. Т. [8 (21).11.1917–7 (20).1.1918]
Рогов А. Г. (24.2–9.5.1918)
Кобозев П. А. (9.5 – июнь 1918)
Невский В. И. (25.7.1918–15.3.1919)
Красин Л. Б. (30.3.1919–20.3.1920)
Троцкий Л. Д. (20.3–10.12.1920)
Емшанов А. И. (20.12.1920–14.4.1921)
Дзержинский Ф. Э. (14.4.1921–6.7.1923)

Земледелия (НКЗем, Наркомзем)
Милютин В. П. [26.10 (8.11) – 4 (17).11.1917]
Колегаев А. Л., левый эсер [24.11 (7.12).1917 – 18.3.1918]
Середа С. П. (март 1918–10.2.1921)
Осинский Н. (Оболенский В. В.) (зам. наркома, 24.3.1921–18.1.1922)
Яковенко В. Г. (18.1.1922–7.7.1923)

Торговли и промышленности (НКТП, Наркомторг; с 8.7.1920 НК Внешней торговли, НКВТ, Наркомвнешторг)
Ногин В. П. [26.10 (8.11) – 4 (17).11.1917]
Шляпников А. Г. [19.11 (2.12).1917 – янв. 1918]
Смирнов В. М. [25.1 (7.2).1918–18.3.1918]
Бронский М. Г. (зам. наркома, 18.3–12.11.1918)
Красин Л. Б. (12.11.1918–6.7.1923)

Продовольствия (НКП, Наркомпрод)
Теодорович И. А. [26.10 (8.11) – 18 (31).12.1917]
Шлихтер А. Г. [18 (31).12.1917–25.2.1918]
Цюрупа А. Д. (25.2.1918–12.12.1921)
Брюханов Н. П. (12.12.1921–6.7.1923)

Государственного контроля (НКГК, Наркомгосконтроль; 7.2.1920 преобразован в НК Рабоче-Крестьянской инспекции)
Ландер К. И. (9.5.1918–25.3.1919)
Сталин И. В. (30.3.1919–7.2.1920)

Здравоохранения (Наркомздрав)
Семашко Н. А. (11.7.1918–25.1.1930)

Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ)
Сталин И. В. (24.2.1920–25.4.1922)
Цюрупа А. Д. (25.4.1922–6.7.1923)

Государственных имуществ (НКГИ, 11.7.1918 упразднен)
Карелин В. А., левый эсер [12 (25).12.1917–18.3.1918]
Малиновский П. П. (18.3–11.7.1918)

По местному самоуправлению (НКМС, в июне 1918 упразднен)
Трутовский В. Е., левый эсер [12 (25).12.1917 – 18.3.1918]

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ; председатели):
Осинский Н. (Оболенский В. В.) [2 (15).12.1917 – 22.3.1918]
Милютин В. П. (врид) (23.3 – 3.4.1918)
Рыков А. И. (3.4.1918–28.5.1921)
Богданов П. А. (28.5.1921–9.5.1923)
Рыков А. И. (9.5.1923–?)

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ (СНК, Совнарком) СССР

Председатели:
Ленин В. И. (6.7.1923–21.1.1924)
Рыков А. И. (2.2.1924–19.12.1930)

Заместители председателя:
Каменев Л. Б. (6.7.1923–16.1.1926)
Рыков А. И. (6.7.1923–2.2.1924)
Цюрупа А. Д. (6.7.1923–8.5.1928)
Чубарь В. Я. (6.7.1923 – 21.5.1925)
Орахелашвили М. Д. (6.7.1923 – ? 1925)
Куйбышев В. В. (16.1.–5.11.1926)
Рудзутак Я. Э. (16.1.1926 – май 1937)
Орджоникидзе Г. К. (5.11.1926–10.11.1930)

Народные комиссары:

Иностранных дел (НКИД, Наркоминдел)
Чичерин Г. В. (6.7.1923–21.7.1930)

По военным и морским делам (Наркомвоенмор)
Троцкий Л. Д. (6.7.1923–26.1.1925)
Фрунзе М. В. (26.1–31.10.1925)
Ворошилов К. Е. (6.11.1925–20.6.1934)

Внешней торговли (НКВТ, Наркомвнешторг)
Красин Л. Б. (6.7.1923–18.11.1925)

Путей сообщения (НКПС, Наркомпуть)
Дзержинский Ф. Э. (6.7.1923–2.2.1924)
Рудзутак Я. Э. (2.2.1924–11.6.1930)

Почт и телеграфов (НКПиТ, Наркомпочтель)
Смирнов И. Н. (6.7.1923–12.11.1927)
Любович А. М. (12.11.1927–16.1.1928)

Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ)
Куйбышев В. В. (6.7.1923–13.8.1926)
Орджоникидзе Г. К. (5.11.1926–10.11.1930)

Труда (НКТ, Наркомтруд)
Шмидт В. В. (6.7.1923–29.11.1928)

Продовольствия (НКП, Наркомпрод)
Брюханов Н. П. (6.7.1923–9.5.1924)

Финансов (НКФ, Наркомфин)
Сокольников Г. Я. (6.7.1923–16.1.1926)
Брюханов Н. П. (29.1.1926 – 18.10.1930)

Внутренней торговли (Наркомвнуторг)
Лежава А. М. (27.10.–17.12.1924)
Шейнман А. Л. (17.12.1924–18.11.1925)

Внешней и внутренней торговли (Наркомторг)
Цюрупа А. Д. (18.11.1925–16.1.1926)
Каменев Л. Б. (16.1.–14.8.1926)
Микоян А. И. (14.8.1926–22.11.1930)

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ; председатели):
Рыков А. И. (6.7.1923–2.2.1924)
Дзержинский Ф. Э. (2.2.1924–20.7.1926)
Куйбышев В. В. (5.8.1926–10.11.1930)

СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ (СТО)
(в 1918 – 20 СОВЕТ РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ РСФСР, ЗАТЕМ СТО РСФСР, с 1923 СТО СССР) *

Председатели СТО:

Ленин В. И. (30.11.1918–21.1.1924)
Каменев Л. Б. (2.2.1924–19.1.1926)
Рыков А. И. (19.1.1926–19.12.1930)

В отсутствие председателя заседания СТО вели:

1920 г.
Аванесов В. А.
Рыков А. И.
Цюрупа А. Д.

1921 г.
Аванесов В. А.
Цюрупа А. Д.

1922 г.
Аванесов В. А. (январь – март)
Цюрупа А. Д. (март – май)
Рыков А. И. (июнь – сентябрь)
Каменев Л. Б. (октябрь – декабрь)

1923 г.
Каменев Л. Б. (январь – август)
Рыков А. И. (август – декабрь)

1924 г.
Рыков А. И. (январь)
Цюрупа А. Д. (март)

1925 г.
Цюрупа А. Д. (июнь – июль)

1926 г.
Рудзутак Я. Э. (март – декабрь)

1927 г.
Рудзутак Я. Э. (июль – декабрь)
Андреев А. А. (август – декабрь)

Члены СТО:

1918 г.
Брюханов Н. П.
Данилов С. С.
Красин Л. Б.
Мельничанский Г. Н.
Милютин В. П.
Невский В. И.
Сталин И. В.
Троцкий Л. Д.

1919 г.
Аванесов В. А.
Аникст А. М.
Данилов С. С.
Ломов (Оппоков) Г. И.
Мельничанский Г. Н.
Милютин В. П.
Рудзутак Я. Э.
Склянский Э. М.
Сталин И. В.
Эйсмонт Н. Б.

1920 г.
Алферов К. А.
Аникст А. М.
Брюханов Н. П.
Владимирский М. Ф.
Данилов С. С.
Дзержинский Ф. Э.
Ломов (Оппоков) Г. И.
Милютин В. П.
Саакянц Н. Х.
Свидерский А. И.
Середа С. П.
Склянский Э. М.
Свердлов В. М.
Томский М. П.
Рудзутак Я. Э.
Эйдук А. В.
Эйсмонт Н. Б.

1921 г.
Андреев А. А.
Аникст А. М.
Богданов П. А.
Владимирский М. Ф.
Каменев Л. Б.
Кржижановский Г. М.
Крицман Л. Н.
Крумин Г. И.
Лежава А. М.
Леплевский Г. М.
Ломов (Оппоков) Г. И.
Милютин В. П.
Ногин В. П.
Осинский Н. (Оболенский В. В.)
Попов П. И.
Рыков А. И.
Склянский Э. М.
Смилга И. Т.
Грифонов В. А.
Фомин В. В.
Фрумкин М. И.
Халатов А. Б.
Шмидт В. В.
Эйсмонт Н. Б.

1922 г.
Андреев А. А.
Богданов П. А.
Брюханов Н. П.
Владимиров
Данилов С. С.
Дзержинский Ф. Э.
Красин Л. Б.
Кржижановский Г. М.
Крумин Г. И.
Лежава А. М.
Ленгник Ф. В.
Леплевский Г. М.
Ломов (Оппоков) Г. И.
Осинский Н. (Оболенский В. В.)
Попов П. И.
Пригарин А. В.
Приходько А. Т.
Пятаков Г. (Ю.) Л.
Свидерский А. И.
Склянский Э. М.
Смилга И. Т.
Смирнов А. П.
Смирнов И. Н.
Сокольников Г. Я.
Трифонов В. А.
Фомин В. В.
Фрумкин М. И.
Халатов А. Б.
Чуцкаев С. Е.
Шейнман А. Л.
Шмидт В. В.
Эйсмонт Н. Б.
Яковенко В. Г.

1923 г.
Аванесов В. А. (октябрь – декабрь)
Андреев А. А. (август – декабрь)
Богданов П. А. (октябрь – декабрь)
Дзержинский Ф. Э. (июль – декабрь)
Кржижановский Г. М. (январь – декабрь)
Орахелашвили М. Д. (ноябрь)
Пятаков Г. (Ю.) Л. (январь декабрь)
Склянский Э. М. (январь – декабрь)
Сокольников Г. Я. (январь – декабрь)
Чубарь В. Я. (сентябрь)

1924 г.
Андреев А. А. (январь – апрель)
Богданов П. А. (январь – декабрь)
Брюханов Н. П. (сентябрь – декабрь)
Дзержинский Ф. Э. (январь – декабрь)
Красин Л. Б. (февраль – декабрь)
Кржижановский Г. М. (январь – декабрь)
Пятаков Г. (Ю.) Л. (январь – декабрь)
Рудзутак Я. Э. (февраль – декабрь)
Склянский Э. М. (январь – март)
Смилга И. Т. (август – декабрь)
Смирнов А. П. (май – декабрь)
Сокольников Г. Я. (январь – декабрь)
Томский М. П. (март – декабрь)
Троцкий Л. Д. (март – ноябрь)
Фрумкин М. И. (декабрь)
Фрунзе М. В. (апрель – декабрь)
Цюрупа А. Д. (январь – декабрь)

1925 г.
Брюханов Н. П. (январь – декабрь)
Владимиров (январь – декабрь)
Дзержинский Ф. Э. (январь – июль)
Квиринг Э. И. (январь – декабрь)
Красин Л. Б. (сентябрь – декабрь)
Кржижановский Г. М. (январь – декабрь)
Петровский Г. И. (март – декабрь)
Постников А. М. (август – сентябрь)
Пятаков Г. (Ю.) Л. (январь – декабрь)
Рудзутак Я. Э. (январь – декабрь)
Смилга И. Т. (январь – декабрь)
Смирнов А. П. (январь – декабрь)
Сокольников Г. Я. (июль – декабрь)
Уншлихт И. С. (январь – декабрь)
Фрумкин М. И. (январь – декабрь)
Фрунзе М. В. (январь – август)
Цюрупа А. Д. (январь – май, август – декабрь)
Шейнман А. Л. (январь – декабрь)

1926 г.
Брюханов Н. П. (январь – декабрь)
Владимиров (январь – декабрь)
Дзержинский Ф. Э. (январь – март)
Квиринг Э. И. (январь – декабрь)
Красин Л. Б. (январь)
Кржижановский Г. М. (январь – апрель)
Куйбышев В. В. (январь – декабрь)
Лашевич М. М. (февраль – апрель)
Орджоникидзе Г. К. (ноябрь – декабрь)
Постников А. М. (март – апрель)

---

* Сведения о персональном составе даются по протоколам заседаний СТО за 1918–27 (ЦГАОР СССР, фонды 130, 5674), документы о назначении и освобождении членов СТО не обнаружены. Материалы подготовили Райхцаум А. Л. и Аронов Л. Г.

Пятаков Г. (Ю.) Л. (март – апрель)
Рудзутак Я. Э. (январь – декабрь)
Томский М. П. (январь – август)
Смилга И. Т. (январь – декабрь)
Смирнов А. П. (январь – декабрь)
Сокольников Г. Я. (март – декабрь)
Уншлихт И. С. (январь – декабрь)
Фрумкин М. И. (январь – декабрь)
Шейнман А. Л. (январь – декабрь)
Цурупа А. Д. (январь – декабрь)

1927 г.

Брюханов Н. П. (январь –декабрь)
Владимиров (январь – декабрь)
Ворошилов К. Е. (август – декабрь)
Кржижановский Г. М. (январь – октябрь)
Куйбышев В. В. (январь – декабрь)
Микоян А. И. (август –декабрь)
Орджоникидзе Г. К. (июнь – декабрь)
Рухимович М. Л. (июль – декабрь)
Смирнов А. П. (январь –декабрь)
Томский М. П. (август – декабрь)
Шейнман А. Л. (январь – декабрь)
Шмидт В. В. (август – декабрь)
Цурупа А. Д. (январь – декабрь)

ПРЕЗИДИУМ ВЫСШЕГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР (с сент. 1923 – СССР) (ВСНХ)

Председатели:
Осинский Н. (Оболенский В. В.) [2(15).12.1917–22.3.1918]
Милютин В. П. (врид) (23.3.–3.4.1918)
Рыков А. И. (3.4.1918–28.5.1921)
Богданов П. А. (28.5.1921 9.5.1923)
Рыков А. И. (9.5.1923–2.2.1924)
Дзержинский Ф. Э. (2.2.1924–20.7.1926)
Куйбышев В. В. (5.8.1926–10.11.1930)

Заместители председателя:
Милютин В. П. (30.11.1918–28.5.1921)
Ломов (Оппоков) Г. И. (3.12.1918–28.5.1921)
Смилга И. Т. (28.5.1921–15.5.1923)
Сапронов Т. В. (28.5.–6.9.1921)
Эйсмонт Н. Б. (22.4.–16.8.1922)
Смирнов И. Н. (6.9.1922–15.5.1923)
Богданов П. А. (9.5.1922–2.2.1924)
Пятаков Г. (Ю.) Л. (10.5.1923–21.9.1926)
Квиринг Э. И. (9.5.1925–17.12.1926)
Лобов С. С. (17.8.1926–12.12.1930)
Рухимович М. Л. (21.9.1926–11.6.1930)
Серебровский А. П. (17.12.1926–21.10.1927)
Косиор И. В. (21.10.1927–5.1.1932)

Члены Президиума ВСНХ:
Антипов Н. К. [2(15).12.1917–22.3.1918]
Ларин Ю. [2(15).12.1917–26.1.1918]
Смирнов В. М. [2(15).12.1917–22.3.1918]
Ломов (Оппоков) Г. И. (20.1.–14.4.1918)
Вейнберг Г. Д. (22.3.1918–11.12.1919)
Милютин В. П. (22.3.–14.4.1918)
Чубарь В. Я. (22.3.1918–22.4.1922)
Масленников А. А. (14.4.–7.5.1918)
Киселев А. С. (14.4.–7.5.1918)
Шмидт В. В. (14.4.–1.6.1918)
Милютин В. П. (7.5.–30.11.1918)
Рудзутак Я. Э. (7.5.1918–24.10.1921)
Сокольников Г. Я. (7.5.–1.6.1918)
Карпов Л. Я. (8.8.1918–5.1.1921)
Ломов (Оппоков) Г. И. (8.8.–3.12.1918)
Красин Л. Б. (19.8.1918–23.3.1920)
Ногин В. П. (10.10.1918–28.5.1921)
Сыромолотов Ф. Ф. (3.4.1919–28.5.1921)
Шотман А. В. (2.7.–24.11.1919)
Ларин Ю. (7.10.1919–26.2.1920)
Ломоносов Ю. В. (28.10.1919–16.1.1920)
Середа С. П. (12.1.1920–24.8.1926)
Богданов П. А. (21.4.1920–28.5.1921)
Эйсмонт Н. Б. (21.4.1920–22.4.1922)
Свердлов В. М. (1.5.1920–28.5.1921)
Смилга И. Т. (1.1.–28.5.1921)
Долгов А. Н. (28.5.1921–5.1.1932)
Ипатьев В. Н. (28.5.1921–15.5.1923)
Куйбышев В. В. (28.5.1921–22.4.1922)
Мартенс Л. К. (28.5.1921–22.4.1922)
Шляпников А. Г. (28.5.–16.6.1921)
Бумажный Е. О. (И.) (12.11.1921–22.4.1922)
Судаков П. И. (28.11.1921–24.8.1926)
Пятаков Г. (Ю.) Л. (5.1.–6.4.1922)
Краснощеков А. М. (22.4.1922–12.9.1923)
Смирнов И. Н. (22.4.–6.9.1922)
Эйсмонт Н. Б. (16.8.1922–19.3.1926)
Смилга И. Т. (15.5.–21.8.1923)
Смирнов И. Н. (15.5.–25.7.1923)
Чубаров А. П. (15.5.1923–24.8.1926)
Чубарь В. Я. (15.5.–21.8.1923)
Юлик А. И. (21.8.1923–24.8.1926)
Ксандров В. Н. (8.11.1923–24.8.1926)
Богданов П. А. (2.2.1924–18.1.1926)
Максимов К. Г. (12.2.1924–3.2.1926)
Гольцман А. З. (22.3.1924–12.1.1926)
Ломов (Оппоков) Г. И. (22.3.1924–24.8.1926)
Ногин В. П. (22.3.–22.5.1924)
Манцев В. Н. (3.6.1924–31.10.1930)
Любимов Н. Е. (24.6.1924–24.8.1926)
Лобов С. С. (13.8.1924–17.8.1926)
Сулимов Д. Е. (13.8.1924–14.1.1925)
Межлаук В. И. (18.11.1924–14.7.1928)
Троцкий Л. Д. (26.5.1925–24.8.1926)
Аванесов В. А. (17.11.1925–16.3.1930)
Лепсе И. И. (24.8.1926–6.10.1929)
Толоконцев А. Ф. (24.8.1926–5.1.1932)
Штерн А. Б. (24.8.1926–22.4.1930)
Постников А. М. (3.5.1927–16.7.1930)
Адамович И. А. (17.5.1927–10.7.1930)
Серебровский А. П. (21.10.1927–24.7.1928)
Аралов С. И. (1.11.1927–31.12.1930)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ (РВСР, Реввоенсовет Республики) (с 28.8.1923 РВС СССР)

Председатели РВС:
Троцкий Л. Д. (6.9.1918–26.1.1925)
Фрунзе М. В. (26.1–31.10.1925)
Ворошилов К. Е. (с 6.11.1925)

Заместители председателя:
Склянский Э. М. (22.10.1918–11.3.1924)
Фрунзе М. В. (11.3.1924–26.1.1925)
Уншлихт И. С. (6.2.1925–2.6.1930)
Лашевич М. М. (6.11.1925–20.5.1927)
Каменев С. С. (20.6.1927–20.6.1934)

Члены РВС:
Вацетис И. И. (6.9.1918–8.7.1919)
Кобозев П. А. (6.9.1918–27.4.1919)
Мехоношин К. А. (6.9.1918–8.7.1919)
Раскольников Ф. Ф. (6.9.1918–27.12.1918)
Данишевский К. Х. (6.9.1918–27.4.1919)
Смирнов И. Н. (6.9.1918–8.7.1919)
Каменев С. С. (8.7.1919–20.5.1927)
Розенгольц А. П. (30.9.1918–8.7.1919 и 28.8.1923–10.12.1924)
Аралов С. И. (30.9.1918–8.7.1919)
Юркевич К. К. (30.9.1918–8.7.1919)
Подвойский Н. И. (30.9.1918–8.7.1919)
Невский В. И. (30.9.1918–10.5.1919)
Антонов-Овсеенко В. А. (30.9.1918–10.5.1919 и 4.8.1922–5.2.1924)
Сталин И. В. (8.10.1918–8.7.1919 и 18.5.1921–28.8.1923)
Альтфатер В. М. (15.10.1918–24.4.1919)
Окулов А. И. (3.1–8.7.1919)
Смилга И. Т. (8.5.1919–24.3.1923)
Гусев С. И. (21.6–4.12.1919 и 18.5.1921–28.8.1923)
Данилов С. С. (28.8.1923–2.2.1924)
Рыков А. И. (8.7–сент. 1919)
Курский Д. И. (2.12.1919–5.1.1921)

Брюханов Н. П. (7.2–28.8.1923)
Лебедев П. П. (20.3.1923–2.2.1924)
Фрунзе М. В. (24.3.1923–11.3.1924)
Буденный С. М. (28.8.1923–20.6.1934)
Богуцкий В. А. (?- 2.2.1924)
Элиава Ш. З. (?–21.11.1925)
Мясников А. Ф. (?–23.3.1925)
Хыдыр-Алиев Инагаджан (?- 21.11.1925)
Везиров Г.-С. (28.8.1923–2.2.1924)
Ушлихт Н. С. (28.8.1923–6.11.1925)
Орджоникидзе Г. К. (2.2.1924 - 26.2.1927)
Ворошилов К. Е. (2.2.1924 -6.11.1925)
Бубнов А. С. (2.2.1924 1.10.1929)
Лашевич М. М. (2.2.1924–6.11.1925)
Караев А.-Г. (2.2.1924–21.11.1925)
Егоров А. И. (10.5.1924–20.6.1934)
Затонский В. П. (10.5.1924–21.11.1925)
Асаткин А. Н. (10.5 - 3.12.1924)
Зоф В. И. (2.12.1924 - 20.8.1926)
Еремеев К. С. (2.12.1924–21.11.1925)
Адамович И. А. (3.12.1924–21.11.1925)
Тухачевский М. Н. (7.2.1925 11.6.1931)
Баранов П. И. (21.3.1925–28.6.1931)
Лукашин С. Л. (26.5–21.11.1925)
Мукулевич Р. А. (20.8.1926 31.12.1933)
Постников А. М. (3.5.1927–1.8.1930)

ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО (с 1924 – ВСЕСОЮЗНОГО) ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ (ВЦСПС)

1-й съезд профсоюзов [7–14 (20–27).1.1918].
Президиум ВЦСПС (данный состав именовался Исполкомом ВЦСПС), избранный пленумом ВЦСПС 11 (24).1.1918. Члены Президиума ВЦСПС: от большевиков – Зиновьев Г. Е. (председатель ВЦСПС), Шмидт В. В. (секретарь ВЦСПС), Вейнберг Г. Д., Владимиров М. П., Матрозов И. И., Озол Ф. И., Рязанов Д. Б.; от меньшевиков – Волков И. Л., Левин, Майский В., Чиркин В. Г.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: от большевиков – Дербышев Н. И., Иванов Н. И., Мякин А. Е., Томский М. П.; от меньшевиков – Спектатор (Нахимсон М. И.).

4-я конференция профсоюзов (12 -17.3.1918).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 27.3.1918. Члены Президиума ВЦСПС: от большевиков – Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Шмидт В. В. (секретарь ВЦСПС), Козелев Б. Г., Матрозов И. И., Мельничанский Г. Н., Рудзутак Я. Э.; от меньшевиков – Волков И. Л., Майский В., Чиркин В. Г.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: от большевиков – Бахутов А. М., Кроль С. Я.; от меньшевиков – Спектатор (Нахимсон М. И.).

2-й съезд профсоюзов (16–25.1.1919).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 25.1.1919. Члены Президиума ВЦСПС: от большевиков – Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Шмидт В. В. (секретарь ВЦСПС), Глебов-Авилов Н. П., Козелев Б. Г., Косиор В. В., Лутовинов Ю. Х., Озол Ф. И., Рудзутак Я. Э.; от с.-д. интернационалистов – Лозовский С. А.; от профсоюзов Украины – Андреев А. А., Стороженко, Шахновский Э. В.; кандидат в члены Президиума ВЦСПС Шварцман.

3-й съезд профсоюзов (6–13.4.1920).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 13.4.1920. Члены Президиума ВЦСПС (все большевики): Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Андреев А. А. (секретарь ВЦСПС), Лутовинов Ю. Х. (секретарь ВЦСПС), Рудзутак Я. Э. (секретарь ВЦСПС), Бухарин Н. И., Гольцман А. З., Иванов Н. И., Косиор В. В., Лозовский С. А., Цыперович Г. В., Шмидт В. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: Амосов А. М., Гинзбург А. М., Киселев А. С., Милонов Ю. К., Угаров Ф. Я., Фин Я.

4-й съезд профсоюзов (17-25.5.1921).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 25.5.1921. Члены Президиума ВЦСПС: Андреев А. А. (секретарь ВЦСПС), Догадов А. И. (секретарь ВЦСПС), Рудзутак Я. Э. (секретарь ВЦСПС), Гольцман А. З., Косиор В. В., Куйбышев В. В., Лозовский С. А., Николаев (беспартийный), Артем (Сергеев) Ф. А., Удов (беспартийный), Шмидт В. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: Антошкин Д. В., Ачканов Г. П., Владимиров М. П., Каганович Л. М., Козелев Б. Г., Мамаев, Микоян А. И., Павлов А. П., Пестун Е. Г., Петров, Плаксин К. И., Робинсон, Тихонов, Фигатнер Ю. П., Юзефович И. С. Пленум ВЦСПС в июне 1922 избрал членом Президиума и секретарем ВЦСПС Томского М. П.

5-й съезд профсоюзов (17- 22.9.1922).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 22.9.1922. Члены Президиума ВЦСПС: Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Догадов А. И. (секретарь ВЦСПС), Андреев А. А., Антипов Н. К., Евдокимов Г. Е., Лепсе И. И., Лозовский С. А., Лутовинов Ю. Х., Мельничанский Г. Н., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сенюшкин Ф. М., Угаров Ф. Я., Шмидт В. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: Косиор В. В., Куйбышев В. В., Моисеев, Радченко А. Ф., Фигатнер Ю. П., Яглом Я. К.

6-й съезд профсоюзов (11- 18.11.1924).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 19.11.1924. Члены Президиума ВЦСПС: Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Догадов А. И. (секретарь ВЦСПС), Андреев А. А., Владимиров М. П., Глебов-Авилов Н. П., Кутузов И. И., Лепсе И. И., Лозовский С. А., Мельничанский Г. Н., Михайлов В. М., Сенюшкин Ф. М., Угаров Ф. Я., Чернышева О. Ф., Шварц И. И., Шмидт В. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: Анцелович Н. М., Евреинов Н. Н., Коростелев А. А., Моисеев, Павлов, Фигатнер Ю. П., Яглом Я. К.

7-й съезд профсоюзов (6 -18.12.1926).
Президиум ВЦСПС, избранный пленумом ВЦСПС 18.12.1926. Члены Президиума ВЦСПС: Томский М. П. (председатель ВЦСПС), Догадов А. И. (секретарь ВЦСПС), Андреев А. А., Беленький З. М., Владимиров М. П., Евреинов Н. Н., Лепсе И. И., Лозовский С. А., Мельничанский Г. Н., Михайлов В. М., Радченко А. Ф., Тихомирова А. А., Угаров Ф. Я., Шварц И. И., Шмидт В. В.; кандидаты в члены Президиума ВЦСПС: Акулов И. А., Коростелев А. А., Сенюшкин Ф. М., Фигатнер Ю. П., Чернышева О. Ф., Яглом Я. К.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ*

Аванесов В. А. – 348
Адамович И. А. – 788
Азизбеков М. Б. – 348
Айтаков П. – 348
Альтфатер В. М. – 348
Амирьян А. – 348
Андреев А. А. – 349
Антипов Н. К. – 349
Антонов-Овсеенко В. А. – 349
Антекман О. В. – 15
Аралов С. И. – 351
Арманд И. Ф. – 354
Аросев А. Я. – 354
Артем – 356
Ауссем В. Х. – 789
Ауссем О. Х. – 790
Ахун-Бабаев Ю. – 357
Ашенбреннер М. Ю. – 20
Бах А. Н. – 24
Бахутов А. М. – 357
Беленький Г. Я. – 358
Белобородов А. Г. –359
Бобровский В. С. – 361
Богданов А. А. – 361
Богданов П. А. – 363
Богданов С. П. – 27
Богуславский М. С. – 364
Бош Е. Б. – 367
Брюханов Н. П. – 368
Бубнов А. С. – 370
Буденный С. М. – 371
Буланова-Трубникова О. К. – 28
Бух Н. К. – 35
Бухарин Н. И. – 372
Вайнштейн А. И. – 374
Вахитов М. Н. – 377
Вацетис И. И. – 377
Ведерников А. С. – 383
Везиров М. Г. – 383
Векман А. К. – 383
Виленский-Сибиряков В. Д. – 384
Винокуров А. Н. – 385
Владимиров М. К. – 387
Владимирский М. Ф. – 388
Воеводин П. И. – 389
Войков П. Л. – 790
Волгин В. П. – 389
Володарский В. – 391
Воробьев Я. З. – 391
Воровский В. В. – 391
Ворошилов К. Е. – 393
Восков С. П. – 395
Ганецкий Я. С. – 395
Гастев А. К. 397
Гедеоновский А. В. – 43
Глебов-Авилов Н. П. – 397
Головина Н. А. – 50
Гордон А. И. – 398
Гуковский И. Э. – 399
Гусев С. И. – 399
Дадабаев Б. – 791
Дебогорий-Мокриевич В. К. – 57
Дейч Л. Г. – 67
Демьян Бедный – 401
Дербышев Н. И. – 406
Джапаридзе П. А. – 407
Дзержинский Ф. Э. – 407
Добрускина Г. Н. – 74
Довгалевский В. С. – 408
Догалов А. И. – 409
Дрей М. И. – 77
Дробнис Я. Н. – 409
Дунаев Е. А. – 410
Дыбенко П. Е. – 410
Елизаров М. Т. – 413
Енукидзе А. С. – 415
Загорский В. М. – 416
Затонский В. П. – 792
Зеленский И. А. – 417
Зиновьев Г. Е. – 418
Зоф В. И. – 421
Зурабов А. Г. – 421
Иванова-Борейшо С. А. – 85
Ивановская П. С. - 90
Ильмер К. – 421
Иорданский Н. И. – 422
Иоффе А. А. – 422
Калинин М. И. – 424
Калинин Ф. И. – 426
Каменев Л. Б. – 427
Каменев С. С. – 430
Камо – 436
Карахан Л. М. – 437
Квиринг Э. И. – 438
Керженцев П. М. – 439
Кингисепп В. – 439
Киров С. М. – 440
Киселев А. С. – 442
Ковалик С. Ф. – 96
Ковальская Е. Н. – 109
Коллонтай А. М. – 443
Кон Ф. Я. – 447
Копп В. Л. – 452
Корнилова-Мороз А. И. – 114
Косиор С. В. – 453
Котовский Г. И. – 453
Красиков П. А. – 455
Красин Л. Б. – 459
Крестинский Н. Н. – 462
Кржижановский Г. М. – 463
Крупская Н. К. – 464
Крыленко Н. В. – 465
Кузнецов А. К. – 126
Кузьмин А. А. – 469
Куйбышев В. В. – 469
Кун Б. – 470
Курский Д. И. – 472
Кутузов И. И. – 473
Лазаревич В. С. – 474
Ландер К. И. – 476
Ларин Ю. – 482
Лацис М. И. – 487
Лашевич М. М. – 489
Лебедев П. И. (Полянский) – 489
Лебедь Д. З. – 491
Левицкий К. О. – 494
Лежава А. М. – 494
Ленгник Ф. В. – 498
Ленин В. И. – 499
Лепешинский П. Н. – 509
Леплевский Г. М. – 511
Литвинов М. М. – 512
Лозовский А. – 513
Ломов (Оппоков) Г. И. – 515
Лоренц И. Л. – 516
Луначарский А. В. – 517
Лутовинов Ю. Х. – 519
Лядов М. Н. – 519
Майнов И. И. – 133
Мануильский Д. З. – 793
Маркин Н. Г. – 525
Мартынов (Пикер) А. С. – 525
Мархлевский Ю. Ю. – 534
Махарадзе Ф. И. – 534
Мелыничанский Г. Н. – 538
Мешковский И. П. (Гольденберг) – 540
Мещеряков Н. Л. – 541
Микоян А. И. – 543
Милютин Н. А. – 543
Мицкевич-Капсукас В. С. – 545
Мицкевич С. И. – 546
Михайлов А. Ф. – 140
Моисеев А. С. – 551
Моисеенко П. А. – 551
Молотов В. М. – 553
Морейнис М. А. – 154
Морейнис-Муратова Ф. А. – 159
Морозов Н. А. – 167
Муралов Н. И. – 557
Мусабеков Г. Ф. – 795
Мясников А. Ф. – 558
Нариманов Н. – 559
Нахимсон С. М. – 561
Невский В. И. – 561
Ногин В. П. – 565
Оловенникова Е. Н. – 173
Ольминский М. С. – 565
Орахелашвили М. Д. – 567
Орджоникидзе Г. К. – 567
Осинский Н. (В. В. Оболенский) – 569
Павлович (Вельтман) М. Л. – 573
Пестковский С. С. – 579
Петровский Г. И. – 581
Подбельский В. Н. – 583
Покровский М. Н. – 583
Попов И. И. – 182
Преображенский Е. А. – 584
Прибылев А. В. – 186
Прибылева-Корба А. П. – 195
Прошьян П. П. – 590
Пятаков Г. Л. – 591
Пятаков Л. Л. – 592
Радек К. Б. – 593
Раковский Х. Г. – 609
Раскольников Ф. Ф. – 618
Рахья И. – 620
Рейснер Л. М. – 621
Рейснер М. А. – 623
Рогов М. И. – 627
Розмирович Е. Ф. – 627
Рошаль С. Г. – 630
Рудзутак Я. Э. – 631
Рыков А. И. – 636
Рязанов Д. Б. – 639
Ряппо Я. П. – 640
Сажин М. П. – 208
Салова Н. М. – 211
Саммер И. А. – 645
Самойлова К. Н. – 645
Самурский Н. – 646
Сапронов Т. В. – 649
Свердлов Я. М. – 651
Сверчков Д. Ф. – 653
Свидерский А. И. – 655
Седой (Литвин) З. Я. – 657
Семашко Н. А. – 660
Сербиченко А. К. – 663
Серебровский А. П. – 664
Серебряков Л. П. – 665
Сидоренко Е. М. – 221
Скворцов (Степанов) И. И. – 666
Склянский Э. М. – 667
Скобелев М. И. – 667
Скрыпник Н. А. – 668
Смидович П. Г. – 674
Смилга И. Т. – 675
Смирнов А. П. – 676
Смирнов И. Н. – 679
Сокольников Г. Я. – 681
Сольц А. А. – 688
Сосновский Л. С. – 689
Сталин И. В. – 698
Стасова Е. Д. – 700
Стеклов Ю. М. – 704
Стучка П. И. – 708
Суханов Н. Н. – 709
Сухомлин В. И. – 225
Сыромолотов Ф. Ф. – 711
Тан-Богораз В. Г. – 232
Теодорович И. А. – 714
Толмачев Н. Г. – 717
Томский М. П. – 717
Точисский П. В. – 719
Троцкий Л. Д. – 720
Тухачевский М. Н. – 724
Угаров Ф. Я. – 726
Угланов Н. А. – 727
Уншлихт И. С. – 732
Урицкий М. С. – 734
Усиевич Г. А. – 734
Устинов А. М. – 734
Уханов К. В. – 735
Феохари С. И. – 239
Фигельский В. Д. – 735
Фигнер В. Н. – 243
Филиппов А. А. – 255
Фиолетов И. Т. – 735
Фриче В. М. – 736
Фроленко М. Ф. – 263
Фрумкин М. И. – 737
Фрунзе М. В. – 740
Фурманов Д. А. – 741
Халатов А. Б. – 742
Хинчук Л. М. – 744
Хмельницкий А. И. – 747
Ходжаев Ф. – 749
Цаголов Г. А. – 749
Цвиленев Н. Ф. – 271
Цхакая М. – 750
Цюрупа А. Д. – 750
Чапаев В. И. – 750
Чарушин Н. А. – 284
Червяков А. Г. – 751
Чернавский М. М. – 296
Чернявская-Боховская Г. Ф. – 303
Чичерин Г. В. – 752
Чубарь В. Я. – 759
Чудновский Г. И. – 760
Чуйко В. И. – 316
Чуцкаев С. Е. – 760
Шаумян С. Г. – 762
Шебалин М. П. – 321
Шлихтер А. Г. – 762
Шляпников А. Г. – 766
Шмидт В. В. – 770
Штернберг П. К. – 771
Шумяцкий Б. З. – 771
Щепкин Е. Н. – 773
Эйсмонт Н. Б. – 776
Элиава Ш. З. – 778
Юренев К. К. – 780
Якимова А. В. – 324
Яковлев Н. Н. – 781
Яковлев Я. А. – 782
Яковлева В. Н. – 783
Янышев М. П. – 784
Ярославский Е. – 785
Яроцкий В. Я. – 787
Ястремский С. В. – 336

---

* Дается в едином алфавите по сплошной нумерации страниц.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие 5

2. Энциклопедический словарь Гранат, т. 40
Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов 19 века 13

3. Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, вып. 1–3
Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции 345

4. О братьях Гранат и их энциклопедическом словаре 799

5. Указатель тюрем, мест каторги и ссылки 802

6. Именной указатель 805

7. Приложение. Руководящие органы Коммунистической партии и Советского государства в 1917 – 1927 гг. 822

8. Перечень статей 831

Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопеди-
Д 39 ческий словарь Гранат. – Репринтное изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 832 с., ил. – (Издательство "Сов. энциклопедия", Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). ISBN 5-85270-028-2.

Энциклопедический справочник "Деятели СССР и революционного движения России" факсимильно воспроизводит биографии, подготовленные в 1925–1926 годах и опубликованные в виде приложений к 40 и 41 томам Энциклопедического словаря Гранат. Статьи Словаря Гранат дополнены (на полях книги) биографическими сведениями за период после 1929 года и портретами. Предисловие и статья "О братьях Гранат и их энциклопедическом словаре" дают современный комментарий к пролежавшим десятки лет в специальных хранилищах книгам. Справочник оснащен указателями.

Д $\frac{0503020000-012}{007(01)-89}$ КБ – 13 – 7 – 1989 9(092)

№ 173

Репринтное издание

Подписано в печать 14.08.89. Формат 84x108 1/16. Бумага типографская № 1 бум. ф-ки "Лигатне". Печать высокая. Объем издания 87,36 усл.-печ. л.; 89,25 усл. кр.-отт.; 104,66 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1961. Цена 10 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Советская энциклопедия". 109817, Москва, Покровский бульвар, д. 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 при Государственном комитете СССР по печати. 129301, Москва, Проспект Мира, д. 105.